

ИЛЮСТРАЦІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1845.

2005347405

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЗДАНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

n 4253-59

І. ЛИТЕРАТУРА.

а) Проза.

Ошибки. *А. П. Башуцкого*. 5 и 21.
 Царградскія бани. *Вг. Ковалевского*. 7.
 Записки Петербургскаго жителя. *Гр. Соллогуба*. 9, 71 и 99.
 Сцены современной жизни. 34.
 Наши статуетки. 56.
 Инструментъ. Повесть изъ времянь Петра Великаго. *Н. Кукольника*. 59 и 65.
 Прадо. Гульбнише въ Мадридѣ. 69.
 Нераспечатанное письмо. (Изъ путевыхъ записокъ. *М. О. К.*) 71.
 Тергошъ, или Золова арфа. (Разсказъ. *М. О. К.*) 75.
 Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и пр. *Н. Полеваго*. 86 и 102.
 Мысль Бальбевъ. Булаочникъ. (Разсказъ *М. О. К.*) 89.
 Киссингентъ. 190.
 Вольный Гетманъ, папъ Савва. *Н. Кукольника*. 105.
 Чужая голова — темный лѣсъ. *Гребенки*. 115.
 Два девиза. Повесть *П. Ф.* 122.
 Лѣтній садъ. Разсказъ. *Н. Кукольника*. 129.
 Балканы. 153.
 Хороша-ли собой Елена. Эскизъ. *Струговичкова*. 158.
 Анекдотъ о Клязѣ Ваграціонѣ. *А. П. Михайловскаго-Дамилевскаго*. 140.
 Шестъ лѣтъ. *В. А.-ой*. 145.
 Каприціозо. Повесть. 149, 165 и 186.
 Лихорадка. Открытъ изъ дѣтскихъ воспоминаній одного молодого чеховъка. *Пальма*. 161.
 Разговоръ Чешменскихъ инвалидовъ. *Русскаго инвалида*. 177 и 521.
 Три встрѣчи. Очеркъ венгерскихъ правовъ. 181 и 201.
 Св. Софія въ Константинополѣ. *Ковалевскаго*. 194.
 Двѣ палки. (Изъ путевыхъ записокъ. *М. О. К.*) 196.
 Закладъ. Романъ въ немногихъ письмахъ. *Койцева*. 202, 222, 225, 255, 270, 299, 529, 537, 566, 582 и 594.
 Случай и клевета. Разсказъ Вильгельмины Вильмаръ. *П. Ф.* 209.
 Междана. Сибирскій очеркъ. *В. А.-ой*. 218.
 Привѣты. Разсказъ. *А. Б.-ова*. 218 и 225.
 Кошело. (*М. О. К.*) 229.

Кіесть. Разсказъ Боатара. *П. Ф.-на*. 250, 246, 266, 285, 294, 515 и 522.
 Безумная. *П. Фурманна*. 241, 257 и 274.
 Встрѣчи. *Ал-ы Кос-ой*. 289.
 Гробъ и карета. *П. З.* 505.
 Волшебное зеркало. 510.
 Нудель ничего. —
 Нароголовскія тайны. *П. Фурманна*. 526, 555, 571, 590, 4 9 и 426.
 Еще одинъ. 342, 562.
 Страшная игра. Съ Изъменцаго. 546.
 Простой случай. 569.
 Наменька. *Не. Метелина*. 586.
 Баронъ. 491 и 417.
 Страшенъ сонъ, да мноленькъ Богъ. 422.
 Луція-Блондина. 433.
 Костакки. Разсказъ. *П. К.* 458.
 Два моряка. Разсказъ Мерп. 449.
 Вивакъ и балъ. Разсказъ *Ничитора Кулеша*. 454.
 Динжушійея кусть. Разсказъ Русскаго офицера. 470.
 Двѣ питриги. Современность. *П. Ф.* 481.
 Это также люди. 491.
 Охтянка. *П. Фурманна*. 499.
 Медальонъ. Случай. 515.
 Безумье и любовь. *П. Маллюевскаго*. 521.
 Последній парикмахеръ. 529.
 Беверинъ. Латышская легенда. 536.
 Два Дитриха. Легенда. 545.
 Разбойникъ-свадь. 561.

Элегія. *Виктора Б-кина*. 538.
 Пѣсня художниковъ. (Изъ Гете.) *А. Г.* 414
 * * * — — — *С. Дурова*. —
 Шекспиръ — — его же. 451.
 Кручины. —
 Могила. *Картамышева*. 465.
 Призраки. *С. Дурова*. —
 Дорога. *М. Михайлова*. 478.
 Двѣ пѣсни. *А. Плещева*. —
 Отвѣтъ. *А. д. л. Г...* 510.
 — — — — — *О-на*. 526
 Облако. *П. Наумина*. 526.
 Элегія. *В. Г.-на*. 542.
 Доля. *А. Урбановскаго*. —
 Къ влдвѣно. *А. де ла Гарди*. —
 Въ Альбомѣ. *К. Картамышева*. 559.
 Елка. *Савчина*. 574.

II. УЧЕНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Древности. 72.
 Кобокля, или католическіе Индѣйцы въ Бразиліи. 75.
 Славянскія литературы. 109.
 О вулканическихъ явленіяхъ. 117.
 Жители Британской Гвианы. 134.
 Путешествіе г. Чихачева на Алтай. — Космосъ съч. Гумбольдта. 142.
 Женщины-писательницы. 146.
 О Калмыцкомъ вѣрученіи. 170.
 Была ли сожжена Юанна д'Аркъ. 179 и 198.
 Дмитрій Максимовичъ Княженичъ. 227.
 Миссіонеръ Іосифъ Фолькъ и плѣнные Англичане въ Бухаріи. 278.
 О гальваническихъ батареехъ. 286.
 О перемиѣ климата въ Франціи. 559.
 Военная игра. 515.

III. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Статья 1. 278.
 Статья 2. 291.
 Походъ на Астрахань / Турокъ въ 1569. —
 Петръ Великій въ Казани. 425.
 Чума 1740 года. (Изъ записокъ *З. Ф. К...*)

б) Стихи.

Таріэль, Барсова кожа. *Бардтискаго*. 82 и 97.
 Русскія картины. *Пальма*. 127.
 Въ Альбомѣ *Е. П. Ковалевскаго*. *Н. К.* 159.
 Сосна и пальма. (Изъ *Гейне*.) 175.
 — — — — —
 Русская пѣсня. *А. Пальма*. 518
 Страницы. *Плещева*. —
 Разлука. *З.* 519.
 Бабочка. (Изъ *Ламартина*.) *З.* —
 Художнику. —
 Тоска. } *И. Антимица*. 550.
 Весна. }
 Домикъ въ Сардамі. *И. С. щ.* с. 585.
 Его миѣ жалъ. *А. Плещева*. —
 — — — — — *И. С.-ова*. 598.

ГРАВЮРЫ

ПЕРВАГО ТОМА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЗДАНІЯ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

I. ПОРТРЕТЫ.

Адмирала А. С. Грейга. 1.
Е. Н. Колосовой и А. М. Каратыгиной. 17.
Фридриха Великаго. 27.
Соломона Дауда. 34.
А. Е. Варламова. 42.
Джени Линдъ. 45.
Графа Н. С. Мордвинова. 49.
Навда Ювй. 89.
Винскаго трагика Кунста и капельмейстера Германа. 92.
Графа Дунина и профессора Кригера. 109.
Женщины-писательницы. 140.
Александръ Мейеръ. 155.
Гизо и Тьера. 157.
Гаццелана и Матью. 189.
Аггера Мочалова. 220.
Дмитріи Максимовича Книжевича. 228.
Фелициана Давида и Вертола. 257.
Гайдн и Габенекъ. 252.
Вольфа и Доста Магомега. 280.
Буффэ. 313.
Сальвади и Викторя Сюго. 540.
Гр. Василева, Гр. Гурьена и Гр. Канкринъ. 570.
Н. Н. Хмѣльницкаго. 377.
Ю. Либиха. 392.
Композитора Верди и капельмейстера I. Гулгя. 596.
Віардо-Гарсин, Тамбурины, Кастелланъ и Сальви. 409.
Д. М. Татищева. 420.
Вебера. (Съ парохомъ Джонъ-Буль, на которомъ перевезенъ прахъ Вебера изъ Англій въ Гамбургъ.) 425.
Арну-Шлессн. 445.
О. А. Петрова. 457.
Ибрагимъ-Паша и Мегмета-Али. 462.
Д. Н. Языкова. 520.
О. Г. Волкова, Н. А. Дмитревскаго, А. Г. Яковлева и Я. Г. Брянского. 540.
В. А. Каратыгина. 541.
Людвиги Сивалачинской, Елены Кремговъ, Леопольдины Лезенской, Луизы Метаръ и Маріезты Ореанго. 558.
Художника Шгериберга. 568.

II. ВИДЫ ГОРОДОВЪ, СЕЛЪ, ДЕРЕВЕНЬ, и проч.

Мостъ на Фонтанкѣ: при Петрѣ I, Екатеринѣ II и нынѣшній (Аничковскій.) 35 и 56.
Видъ двухъ крѣпостей въ Парижѣ. 37.
Входъ въ Зундъ. 55.
Видъ города Клебека. 72.
Видъ Гуахауано, въ Мексикѣ. 85.
Портъ Соопе Саве. 89.
Видъ Сянбирса. 196.
Видъ моста, во Флоренціи, послѣ наводненія. 259.
Видъ миланской арены, цирка въ ней и фейерверка. 296 и 298.

Видъ площади Согласія, въ Парижѣ. 512.
Видъ Флессберга. 525.
Видъ Люцерна. 544.
Казачья станица на Дону и городъ Азовъ. 556.
Видъ Гельсингфорса. 588.
Видъ Або. 589.
Гапсааль, замокъ Везенбергъ и развалины монастыря св. Бригитты. 4 4.
Видъ города Яесь съ балкона Петербургской гостиницы. 440.
Мостъ черезъ Волховъ, въ Новѣгородѣ. 452.
Входъ въ крѣпость, въ Казанѣ. 488.
Канръ. 489.
Видъ Прутска. 552.
Виды Витебска и Камчатки. 553.
Деревня Монокъ. 556.

III. ЦЕРКВИ, ПУБЛИЧНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗДАНІЯ.

Вацалла. 54.
Катедральный соборъ въ Миланѣ. 72.
Лютеранская церковь Св. Петра въ Петербургѣ. 84.
Капиталий въ Вашингтонѣ. 155.
Соборъ въ Орлеанѣ. 180.
Крытый переходъ въ Цангѣ. 197.
Биржа въ Лондонѣ. 200.
Парижская опера. Предпологаемое зданіе. 221.
Библиотека въ Мюнхенѣ. 284 и 285.
Большой хлебный рынокъ и ратуша, Шпалероуп и соборная церковь, въ Базелѣ. 308 и 509.
Парижская королевская академія музыки. 552 и 553.
Гостиницы: Петербургская и Streit, въ Гамбургѣ. 545.
Пристань на Невѣ у дома почтоваго пароходства. 548 и 549.
Почтамтъ въ Лейпцигѣ. 560.
Соборная церковь въ Гельсингфорсѣ. 588.
Внутренность церкви Св. Николая въ Ревелѣ. 405.
Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ, въ С. Петербургѣ, съ внутреннимъ видомъ рабочей въ Александринской школѣ. 421.
Мурельская капелла. 425.
Фельдмаршальская галлерея въ Минхенѣ. 456.
Греческая церковь въ Букарестѣ. 437.
Церковь Трехъ Святителей въ Яссахъ. 444.
Подвизная пекарня, въ Александринскомъ скверѣ. 447.
Лечебное заведеніе въ Старой Руссѣ. 452.
Соборъ св. Софій, Благовѣщенскій монастырь, въ Новѣгородѣ. 455.
Императорская Академія Художествъ. 456.
Древняя монастырская церковь въ Берлинѣ. 472.
Турниръ въ Греціи. —
Томбля въ Венеціи и древняя церковь въ Дропштейнѣ. 475.
Банья Сумбей въ Казанѣ. 488.
Соборный храмъ въ Новочеркасскѣ. 549.
Соборные храмы въ Кунгурѣ и въ Казанѣ. 555.

Оливійскій циркъ Гверры, на площади Большаго Театра, въ Петербургѣ. 539.

IV. ВИДЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ МѢСТОПОЛОЖЕНІЙ И ЯВЛЕНІЙ ВЪ ПРИРОДѢ.

Видъ въ Сприн. 24.
Нарвскій волондъ. 52.
Видъ въ Киссингенѣ. 100 и 101.
Изверженіе Этны. Кратеръ огнедышащей горы Кампелейра на островѣ Корпо. 117.
Волканическое изверженіе Мауна Роа, на Саваичевыхъ островахъ, и вулканъ Эребусъ на Викторіи Ландѣ. 120.
Видъ на Балканцахъ. 155.
Видъ обрушивающагося скалы близъ Флессберга. 524.
Водопадъ въ Башкаусѣ и Чулышманѣ. 541.
Водопадъ на станціи Гекфорсъ. 389.
Видъ Жигулевскихъ горъ. Петръ Великій на одной изъ нихъ высѣкаетъ надпись. 469.
Видъ Святогорскаго монастыря. 504.
Видъ Ахтырскаго монастыря. 505.
Пмагра. 517.
Видъ на Большой Улегомѣ. 553.
Перевозъ на рѣкѣ Чуѣ. Видъ горъ надъ р. Чуей и горы Камаи на Чульчѣ. 554.
Видъ несочныхъ бурговъ въ Улуудукѣ и Абаканскій форпостъ. 555.
Гора на р. Арбатѣ, близъ Абакана, потокъ Биркюль и фармація горы на Еписепѣ. 556.
Кольванское озеро. 557.

V. ПАМЯТНИКИ, СТАТУИ, КАРТИНЫ И ДРУГІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Ефюкъ, подаренный Тамбуринамъ. 11.
Ваза, подаренная Рубини. 12.
Подбукетинна, подаренная Віардо-Гарсинъ. 55.
Фонтанъ Мольера, въ Парижѣ. 89.
Картина Кригера. 108.
Гербы и разные атрибуты Россійскихъ фельдмаршаловъ. 172 и 175.
Памятникъ Іоаннѣ д'Аркъ, въ Орлеанѣ. 180.
----- Н. М. Карамзину, въ Сибирскѣ. 196.
Открытие памятника Геге. 281.
Статуя Карла Великаго, на мосту въ Франкфуртѣ. 295.
Фансъ, статуя Рамазанова, Рыбакъ, статуя Стагассера. 516.
Цвѣточный столъ, серебряная ваза и бронзовый канделибръ. 517.
Серебряное украшеніе для стола. 552.
Памятникъ Державину. 377.
Памятникъ на могилѣ Вебера, на кладбищѣ въ Дрезденѣ, и гербъ его. 425.
Колоны у новаго бульвара, въ Петербургѣ. 489.
Памятникъ Петру Великому, у Красныхъ сосенъ. 598.
Памятникъ Демидову, въ Ярославлѣ. 582.

Картина: мода Бевекина въ 1207 году. 556.
Гробница гражданина Козыма Мишина. 564.
Обелиск Минину, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и памятникъ Минину и Пожарскому, въ Москвѣ. 565

VI. ИЗОБРЕТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Гелиостатъ Зильберманна. 15
Крылатый экипажъ. 55
Машина для закупорки кувшиновъ съ имперальнымъ водою. 124.
Приборъ для рисованія съ натуры. 157.
Вертелъ. 160.
Скульптурная машина. 181.
Фонарь для освѣщенія газомъ. 184.
Указатели быстроты движенія звука. 215.
Изображеніе микроскопическаго животнаго въ Черномомъ морѣ. 205.
Электромагнитный молотъ. 220.
Узлы. 249.
Пневматическія печи. 264, 265 и 266.
Отправленіе лошадей моремъ. 268.
Артиллерія, по системѣ гелер. Поллера. 557.
Атмосферическія желѣзныя дороги. 412 и 413.
Татарскій чпгиръ, полянная машина. 428 и 429.
Воздухонепроницаемый приборъ и дыхательная трубка. 552.

VII. СЦЕНЫ И КАРТИНКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ И ПР.

Сцена изъ разсказа: Царьградскія бани. 8.
Полька. 12.
Сцены изъ исторіи Фридриха Великаго. 27, 28 и 29.
Сцена въ книжномъ магазинѣ. 47.
Фигуры и сцены изъ разсказа: Золота арфа. 75 и 76
Сцена изъ статьи Домовой. 77.
— изъ сказки объ Иванѣ Царевичѣ и пр. 88.
— изъ Краснорусской легенды: Великій Готмагъ панъ Савва. 104 и 105.
Сцена изъ анекдота о Клязѣ Багратионѣ. 141.
Сцены изъ повѣсти: Капризозо. 149 и 165.
— изъ жизни шахматныхъ игроковъ. 155.
— изъ повѣсти: Лихорадка. 164.
— изъ очерка венгерскихъ нравовъ: Три вѣтрѣчки. 181.
— изъ разсказа: Случай и клевета. 212.
— изъ романа: Закладъ. 256, 255, 300 и 301.
— изъ повѣсти: Безумная. 241, 244, 245, 260, 261, 276 и 277.
Картеръ и заѣри. 269.
Сцены изъ статьи: Волной. 299.

— изъ Парголоветскихъ Тайнъ. 572 и 575.
— изъ статьи: Вильма. 415.
— изъ разсказа: Бывакъ и балъ. 455.
— изъ повѣсти: Охотка. 500 и 511.
— изъ легенды: Два Ангриха. 548.
Картинки, представляющія бой быковъ. 459, 461 и 461.
Картинка изъ Новоселья. 569, 570, 571, 572 и 573.

VIII. НАРОДНЫЯ СЦЕНЫ.

Индѣичъ въ Бразиліи, стрѣляющій изъ лука. 75.
Индѣичи. 156 и 157.
Знахарь. 184.
Начальникъ Бухарскаго народа. 280.
Привалъ мадагаскаго каравана. 441.
Пирушка робознхъ на дворѣ новаго дома В. Г. Жукова. 476.
Отдыхъ хозяинаго и его медвѣда. 479.
Китайскіе Зайсань. 534.
Сойоны, идущіе на охоту. 535.
Киргизскій купецъ въ юртѣ, близъ Семипалатинска. 537.
Малороссійская сцена, съ рисунка Штерриберга. 568.

IX. ФАБРИКИ, МАНУФАКТУРЫ И ПРОМЫСЛЫ.

Алкометръ, для вѣсъ и крѣпкихъ напитковъ. 125.
Довля китовъ. 215.
Приготовленіе сахара. 216 и 217.
Колеса. 255.
Литейная въ Минхенѣ. 529.
Чеканная палата въ Минхенской литейной. 561.
Табачная фабрика В. Г. Жукова. 580.
Лабораторія Либиха. 595.
Лампы Рюккерта. 396 и 397.
Заводъ Ридерскъ. 557.

X. ДВОРЦЫ, ЗАМКИ, ЧАСТНЫЕ ДОМА, ДАЧИ ПОКОИ и ПРЧ.

Дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Школовны, фасадъ и площадь. 3, 4, 16, 18 и 19.
Бывшій домъ гр. Чернышева. 5.
Домъ въ Колыматахъ. 21.
Праздникъ въ колыматахъ, въ 1845 году. 21.
Домъ Петра Великаго, въ Парижѣ. 58.
Домашній спектакль въ домѣ гр. Н. П. Воронцова-Дашкова, 18 апрѣля 1845 года. 58.
Домашній театръ. 116.

Дворецъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ. 152.
Дворецъ въ Минхенѣ. 168.
Виндзорскій замокъ. 204.
Королевскій дворецъ въ Стокгольмѣ. 248.
Домъ, гдѣ родился Гете. 281.
Домъ, гдѣ жилъ Гете въ Веймарѣ, рабочая его комната, и комната, гдѣ онъ умеръ. 292.
Залъ, гдѣ, бывъ ужиня, по случаю открытія памятника Гете. 296.
Замокъ Шарлоттенгофъ. 528.
Дача В. Г. Жукова. 581.
Парушиный видъ химической лабораторіи Либиха. 392.
Домъ князя Потемина въ Екатеринославѣ. 471.
Феррейскій замокъ и комната Волтера. 484 и 485.
Комната въ квартирѣ у гг. Гамбсовъ и внутренній видъ мебельнаго магазина ихъ. 509.
Малая танцевальная зала въ домѣ гр. Воронцова-Дашкова. 520.
Гостиныя въ его же домѣ. 521.
Конференцъ-залъ въ Императорской Академіи Художествъ. 557.

XI. КАРРИКАТУРЫ И ТИПЫ.

Типы: изъ комедіи Ревизоръ. 62.
Типы: сочинитель Иванъ Ивановичъ. 121.
Каррикатуры Шама. 141, 157, 185 и 552.
Курильщики. (Рисунки Гагаринъ.) 152, 169 и 252.
Типы Голицына и Мороза — изъ Бѣчнаго Жиды. 291.
Каррикатуры изъ народнхъ: Вѣчный Жидъ. 364, 365, 374 и 525.
Типы безсмысленныхъ изъ статьи: Это также люди. 492 и 495.

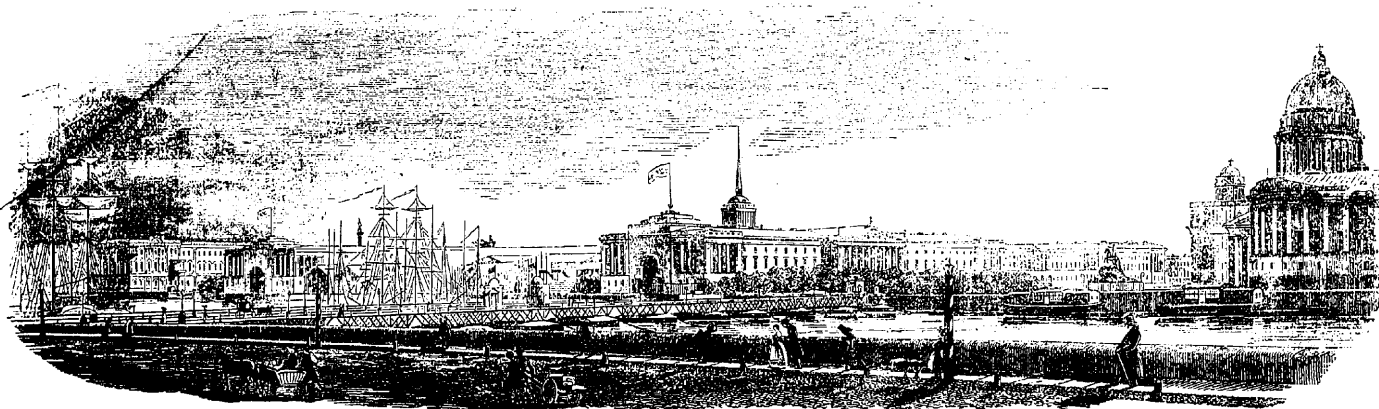
XII. СМѢСЬ.

а) Экипажи. 124.
Анжикансы. 183.
Вѣнская карета. 464.
б) Мебель. 528.
в) Музыкальные инструменты.
Компактный флигель Лихтенгаля. 65.
Классъ-оркестръ. 468.
Квадратный флигель Лихтенгаля. 576.
г.) Разные предметы:
Древности и антики. 73.
Пароходъ. 95.
Наполеонъ у дикарей. 240.
Картузъ и трость Петра Великаго. Яхта Петра Великаго. 469.
Часы Турецкаго султана. 489.
д.) Загадки. 16, 52, 48, 64, 86, 96, 112, 128, 144, 169, 176, 192, 208, 224, 240, 256, 272, 288, 304, 356, 368, 384, 400, 452, 448, 464, 480, 496, 512, 528, 544 и 576.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 1. — Суббота 31 Марта 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При всѣхъ затрудненіяхъ, которыхъ не могла и предвидѣть Редакція, Иллюстрація является въ срокъ по обѣщанію. О внутреннемъ и наружномъ ея достоинствѣ пусть судить зритель и читатель; но нѣкоторые объясненія необходимы.

Общій голосъ требовалъ оригинальныхъ гравюръ, оригинальныхъ статей. Иллюстрація сама соизвѣстна справедливости подобнаго требованія. Но мѣръ силъ и возможности Редакція о томъ старалась.

Французская Иллюстрація имѣетъ 160,000 подписчиковъ, Англійская не многимъ больше, Нѣмецкая 50 тысячъ, — и всѣ безъ исключенія заимствуютъ одни у другихъ, статьи и гравюры, цѣнятъ гравюры изъ новыхъ иллюстрированныхъ изданій; тѣмъ знакомятъ съ письмомъ читателей; читатели не жалуются. Русская Иллюстрація, какъ сказано въ объявленіи, будетъ дѣлать тоже въ соразмерномъ числѣ и съ строгимъ выборомъ относительно достоинства, литературнаго или художественнаго, статей и гравюръ. Во Франціи, Англии и даже Германіи гравюры и счеты идутъ. У насъ число ихъ не составляетъ и сложной цифры. До десяти мы еще не досчитались.

Русская Иллюстрація выходитъ съ апрѣля: это для подписчиковъ не совсѣмъ удобно. Мы приложимъ старанія догнать время, почему нѣкоторые номера будутъ выходить въ кратчайшіе сроки.

Первый номеръ — есть программа изданія на дѣлѣ. Она не измѣнилась. — Нѣкоторые подробности и въ этомъ отношеніи требуютъ объясненія. Нынѣ отдѣленія постоянны, другія переходящія. Русская литература не богата. Но русскіе писатели, о чемъ безъ извѣщенія живѣйшей признательности говорить не можемъ, людямъ увѣряютъ насъ, что не оставляютъ своимъ содѣйствіемъ изданія. Не смотря на то оригинальная русская повѣсть не есть всегдашняя принадлежность каждаго номера. Есть — помѣстимъ; и нѣтъ — будемъ довольствоваться хорошею переводною; есть та и другая — напечатанъ обѣ. Въ статьяхъ ученыхъ и художественныхъ будемъ руководствоваться тѣмъ же правиломъ. Но глав-

ное отдѣленіе нашего изданія всегда будетъ и останется: описаніе Россіи въ ея общественныхъ и частныхъ зданіяхъ, въ подвигахъ и трудахъ замѣчательныхъ соотечественниковъ, въ нравахъ и обычаяхъ народа, въ художествахъ, искусствахъ и наукахъ. До сихъ поръ Редакція имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи слѣдующія литературныя статьи: Описки, разсказъ А. П. Бануцкаго, Записки петербургскаго жителя, Графа В. А. Соллогуба, Бани Е. П. Ковалевскаго, Переходъ черезъ Балканы его же, русская сказка П. А. Полеваго, Русскіе подьячіе въ трехъ вѣкахъ, его же, О вѣрностяхъ и предразсудкахъ русскаго народа, Казака-Луганскаго, Нарвская Легенда П. Р. Фурманна, Новѣсть Е. П. Гребенки, Вольный Гетманъ Панъ Савва Редактора и другія. О новыхъ книгахъ, ноткахъ, гравюрахъ и проч. говорить будемъ; но съ строгимъ разборомъ; иллюстрированныя изданія будутъ разсматриваться преимущественно предъ другими; изъ лучшихъ будутъ помѣщаемы политическія отписки; читатель будетъ знакомиться въ одно время и съ литературнымъ и съ художественнымъ достоинствомъ книги. — Дальѣйшее направленіе этого отдѣленія читателю усмотрѣть въ продолженіи изданія. — Содержаніе Слѣдъ разсказать трудно. Программа этого отдѣленія — Слѣдъ перваго номера.

Не безъ смущенія начинаемъ изданіе. Отъ вниманія публики и отъ усердія Редакціи зависитъ успѣхъ и достоинство Иллюстраціи. За послѣднее можемъ ручаться; на снисходительное вниманіе публики возлагаемъ всѣ наши надежды.

ЯНВАРЬ.

Печальныя первые шаги новаго 1845 года; тяжела утрата, которою Провидѣнію угодно было възвѣстать Августѣйшій Домъ и всю Россію... Что можно прибавить къ трогательнымъ словамъ Высочайшаго Манифеста, возвѣстившаго о кончинѣ Великой Книгини Елисаветы Михайловны, Суруги Владѣтельнаго Герцога Адольфа Нассавскаго? Эта вѣсть еще болѣе разстраивала и глубокую горечь о недавней утратѣ, память о коей не умретъ никогда, а сердечныя раны не заживутъ скоро...

Въ этомъ же январѣ Россія лишилась удивительнаго лаврами побѣды, мужа 18-го Января здѣсь въ С. Петербургѣ, скончался

(Адмиралъ А. С. Грейгъ).

Адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ. По фамилии онъ былъ Англичанинъ, порожденію принадлежалъ Россіи; отецъ Алексѣя Самойловича приплылъ въ 1764 году въ русскую службу капитаномъ 1 ранга, и вскорѣ новому отечеству оказалъ немаловажныя услуги. Въ 1765 году онъ вооружилъ по новому способу фрегатъ: «Св. Сергій», въ 1768 корабль «Трехъ Іерарховъ»; этою способъ коллегія распространяла на всѣ корабли. Въ послѣдствіи Самуилъ Карловичъ участвовалъ въ чешскомъ и другихъ дѣлахъ; выходъ на берегъ и нападеніе на Чесму оставили Грейгу Георгію 2 ст. — Шведская война открыла Самуилу Карловичу обширнѣйшій кругъ дѣйствія, потому что здѣсь онъ могъ дѣйствовать съ болѣею самостоятельностью; побѣда, одержанная имъ надъ непріятельскимъ флотомъ, подъ начальствомъ Герцога Эюлерманнзандскаго, была весьма значительна; семидесятипушечный корабль «Принцъ Густавъ», вице-адмиралъ съ экипажемъ, достался въ плѣнъ побѣдительно; шведскій флотъ принужденъ былъ укрыться за твердыни Свеаборга.

Послѣ сраженія уже, за сильною ночью темнотой, одинъ изъ нашихъ кораблей попалъ между четырьмя неприятельскими и былъ уведенъ.... Грейгъ посѣдѣлъ къ Свеаборгу; четыре шведскіе корабли, стоявшіе на рейдѣ близъ порта, отрубилъ якоря и пошли на уходъ; преслѣдованіе было весьма сильно; въ послѣдності одинъ изъ этихъ кораблей «Густавъ-Адольфъ» ударилъ на подводный камень; въ виду неприятельскаго флота и крѣпости корабль былъ сожженъ; капитанъ съ экипажемъ взялъ въ плѣнъ. Долго ожидалъ адмиралъ, не выйдеть ли неприятель въ море, не дождался и, принявъ всѣ мѣры предосторожности, пришелъ въ Ревель, но узнавъ, что изъ Карльскроны плывутъ къ неприятельскому флоту пять кораблей, Грейгъ снова вышелъ въ море, заперъ выходы изъ Свеаборга, ожидалъ со всею вѣрностью весьма важныхъ послѣдствій; но тутъ же у свеаборгскихъ скалъ, на кораблѣ «Ростиславъ» постигнуть былъ тяжкомъ болѣзнію, отъ которой и умеръ 15 Октября 1793 года. Въ воспоминаніе его заслугъ выдана медаль въ 1790 году, а въ ревельской церкви сооруженъ мраморный памятникъ.

Есть преданіе, что сынъ Самуила Карловича, Алексѣй Самойловичъ, еще дорожкой, пожалованъ былъ Императрицею мичманомъ, условно, что если родителю дочь, то будетъ фрейлиною. Это сходило съ Исторіей, потому что Грейгъ и родился и означенъ мичманомъ въ 1775 году. 10 лѣтъ уже, по Высочайшему повелѣнію, посланъ былъ въ Англію, гдѣ находился на судахъ въ кампаніи. По возвращеніи отсюда, въ 1788 году, поступилъ на корабль «Метцлавъ» подъ командою капитана Моловскаго и пожалованъ въ капитанъ-лейтенантъ. Но въ слѣдующемъ году Грейгъ снова былъ отправленъ въ Англію, для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, совершилъ путешествіе въ Ост-Индію, и воротился въ Россію уже въ 1791 году. Въ 1792-мъ году снова похаживалъ въ Англію и слѣдовалъ въ качествѣ валонтера, кампанію въ Средиземномъ Морѣ. По возвращеніи (1796) поступилъ на корабль «Гарвиантъ», подъ командою бригадира Чичагова, а въ 1798, назначенный командиромъ того же корабля, совершилъ кампанію къ берегамъ Англіи. Въ эту кампанію Грейгъ участвовалъ въ десантѣ, слѣланіюмъ на голландскій берегъ, и былъ при взятіи Гельдерикской крѣпости и голландскаго флота. По возвращеніи въ Кронштадтъ, въ чинѣ капитана 1-го ранга, назначенъ председателемъ комиссіи для исправленія кронштадтскаго порта и членомъ комитета для исправленія флота вообще. Украшенный знаками Монаршаго Благоволенія, Ал. Сам. вступилъ на военное поприще съ ѣкоторою самостоятельностью уже въ 1804 году. Въ званіи капитанъ-командора онъ отправился съ эскадрою изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ въ Корфу; усиленный тамъ находившіеся судами и англійскимъ десантнымъ войскомъ, Грейгъ пришелъ въ началѣ 1805 года къ Неаполю, высадивъ войска, но по причинѣ слишкомъ превышающихъ французскихъ силъ, десантъ возвратился на корабль, эскадра отплыла къ Корфу и поступила подъ начальство знаменитаго Сенявина. Подвигъ русскаго флота, подъ рукостовомъ Сенявина, слишкомъ извѣстенъ; Грейгъ принималъ въ этихъ событіяхъ дѣятельное участіе; командовалъ десантомъ при взятіи Теллоса, преслѣдовалъ и заставилъ стечь на мѣль неприятельскіе корабли. Послѣ сраженія, 10 Мая 1805, овладѣвъ ост. Демосомъ; въ генеральномъ сраженіи 17 Іюня участвовалъ при взятіи турецкаго адмиральскаго корабля и сжегъ въ заливѣ Монте-Санто одинъ корабль и два неприятельскіе фрегата. — Чинъ контръ-адмирала и орденъ Св. Анны перваго класса были наградами за подвигъ противу Турокъ; но съ этого времени наступилъ довольно продолжительный періодъ бездѣятельности. А. С. проживалъ въ Москвѣ до 1812 года. Въ этомъ уже достопамятномъ году Грейгъ опять явился на военномъ поприщѣ; въ Молдавіи командовалъ адмиралъ Чичаговъ и возлагалъ на Грейга важныя дипломатическія порученія, съ коими А. С. ѣздилъ въ Одессу, Константинополь, Мальту и Сицилію, и въ началѣ уже 1813 года черезъ Англію воротился въ Россію, и явился къ Императору Александру прямо въ Каліши. Здѣсь поручено бы-

ло А. С. наблюдать за всѣми неприятельскими судами, по мѣрѣ занятія портовъ, определять которыя изъ нихъ должно считать призами, а которыя свободными. Въ слѣдствіе тѣмъ А. С. назначенъ главнымъ начальникомъ всей гребной флотиліи и парусныхъ судовъ, которыя должны были вести блокаду Данцига. Въ это время пожалованъ въ вице-адмирала.

Въ 1816-мъ году назначенъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ и Николаевскихъ и Севастопольскихъ военныхъ губернаторомъ. На этомъ мѣстѣ Грейгъ награжденъ орденами Александра Невскаго, бриллиантовымъ на сей орденъ знаменъ и Владиміра 1 ст. — Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ послѣднюю турецкую кампанію, А. С. принималъ дѣятельное участіе при покореніи Анавы и Варны; кромѣ другихъ наградъ пожалованъ за отличіе въ адмирала, а за осаду и покореніе Варны орденомъ Св. Георгія 2 ст. По окончаніи войны съ Персіею А. С. Всемилостивѣе пожалованъ Императоромъ Ею Императорскаго Величества.

Въ 1850 году ад. Грейгъ былъ наврема вызванъ въ Петербургъ, для преемственствованія въ комитетѣ улучшенія по флоту; лѣтомъ 1851 года возвратился въ Николаевъ, но не на долго; преклонныя лѣта, въ званіи члена государственнаго совѣта, А. С. провѣлъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 18 Января 1845 года, 70-ти лѣтъ отъ роду. Безъ сомнѣнія жизнь и подвиги его будутъ описаны съ подробностью, какой заслуживаютъ. Мы помѣстимъ краткою только некрологію, какую намъ удалось собрать изъ разныхъ источниковъ. — Съ величайшимъ удовольствіемъ мы помѣстимъ всякія прибавленія къ этому легкому очерку, если знавшие А. С. ближе, удостоятъ Редакцію сообщеніемъ этихъ интересныхъ дополненій. Возвратился къ нашей и печальной и бѣдной хроникѣ.

Въ этомъ же январѣ 7-го числа, въ плѣннѣ споемъ, въ мѣстечкѣ Яготинѣ, въ Полтавской Губерніи, скончался генералъ отъ кавалеріи Князь Николай Григорьевичъ Рининъ-Волконскій, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, на 67 году отъ рожденія. Онъ служилъ отечеству на полѣ бранномъ и на поприщѣхъ дипломатическомъ и гражданскомъ; былъ посланникомъ при дворахъ братьевъ Наполеоновыхъ, Героинжа и Юсефа; носилъ знаменитой Лейпцигской битвы управленія Саксонскимъ Корольствомъ, и потомъ осмнадцать лѣтъ Малороссію. Онъ былъ со стороны матери, родной внукъ знаменитаго генералъ-фельдмаршала Князя Николая Васильевича Ренина, и его воспитанникъ.

Важнѣйшій вопросъ настоящаго времени въ Россіи — безъ сомнѣнія сеть устройство желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга. Намъ обобщаютъ черезъ два года окончаніе этого гигантскаго труда; странно и подумать, что желѣзный путь ляжетъ на пространствѣ 390 верстъ; Москва приблизится къ Петербургу, къ Европѣ на сто верстъ, и сверхъ того еще на два дѣля. И не одна Москва, почти вся Россія, передвинется поближе къ Европѣ, сократится на тѣ же сто верстъ и на тѣ же два дѣля. Уничтожить это верстѣ разстоянія географическаго значитъ уничтожить столько же и разстояніи нравственнаго. Это петровскій шагъ; съ этой сотней верстъ и сто лѣтъ со счетовъ долой. Многіе и прельсто толковали, что полезнѣе было бы прежде сократить Россію хорошими сообщеніями въ отдаленнѣйшихъ и маловодныхъ провинціяхъ. Кто спорить? Пользы было бы много; но всѣ эти пути возникнутъ и образуются сами собой; набѣгутъ на московскую желѣзную дорогу толпой; въ огромномъ образцѣ огромны и опыты; они разрѣшатъ тысячъ задачъ, облегчатъ тысячъ затрудненій; отбѣкутъ тѣмъ препятствій. Развѣ мы не видимъ, что попытки ѣкоторыхъ провинціальныхъ сообщеній, отъ которыхъ ожидали богатыхъ послѣдствій, на опытѣ распались какъ снѣгъ отъ лица огня; Петербургъ голова; Москва же-

лудокъ; отъ нихъ и черезъ нихъ позволитъ здравствовать вся Россія; тутъ источникъ и связь всей Имперіи, тутъ и быть поскорѣе желѣзной дорогѣ. И какъ можно поскорѣе. Въ этомъ не только общая польза, но и личный интересъ Иллюстраціи. Великолѣпныя зданія на выездахъ, красивые станціи, хитрые мосты, остроумныя выдумки механики... все это такъ и просится подъ рѣзецъ граверовъ. А край, по которому пролегла дорога? Есть провинціи, которыя становятся жалъ, когда подумаешь, что ихъ окуютъ желѣзными дорогами; вообразишь, что ѣдешь уже въ душномъ вагонѣ; на каждомъ шагу только и думаешь, какъ бы останоить могучій нарѣ и полюбоваться живописной окрестностью. Тутъ совсѣмъ другое; овраги, лѣса, болота, еще болота, потомъ опять болота, изъ состраданія ко-дѣмъ рѣчки, который названы рѣчками также изъ состраданія... О везитѣ поскорѣе! Нельзя ли въ часъ, въ полчаса промчатся по этимъ 500-мъ верстамъ; не видѣть окрестностей, не замѣтить рѣчекъ и очутиться въ Москвѣ истинно живописной; срисовать не только весь городъ, но и всѣ его окрестности; награвировать руками русскихъ художниковъ (и это обещаетъ московская желѣзная дорога) и помѣстить въ русскихъ иллюстраціяхъ. Два года! Лѣтъ время скорбѣ, пока у насъ и такъ довольно матеріаловъ; на глазахъ возникаютъ вѣковыя зданія, творятся чудеса зодчества. Тутъ исполинскій мостъ, тамъ гигантскій соборъ... По матеріалу, Псаакія можно назвать драгоцѣннымъ; малахитъ, бронза, мраморъ, гранитъ, съ низу до верху. И весь этотъ матеріалъ свой; въ далекой Сибири трудятся для того же собора, для котораго работаютъ въ глухомъ углу Ладожскаго Озера. Странно, что богатства цѣдръ земли такъ бланко поколѣсь возлѣ насъ, почти полтора стѣтъ, въ совершенной несправности. Мраморы разныхъ цвѣтовъ и порфиръ слитно лежатъ по ладожскому побережью и по близости; ждутъ призыва встать и иерейти на удивленіе и украшеніе Русской Столицы. Сама природа облегчаетъ трудъ человѣку. У ногъ мраморныхъ скалъ лежитъ глубокое озеро, котораго волны несутъ Нева по Петербургу; въ средѣ горъ падаютъ водопады, пока праздные, которыхъ можно заставить работать за шесть сотъ и болѣе лошадей. И все это мы знаемъ только по рассказамъ хотя и достойнаго вѣры очевидца. Извѣстіе это мы получили теперь и считаемъ принадлежностью Января; Иллюстрація тотчасъ же исполнитъ свою обязанность п, можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени перомъ и карандашемъ ознакомитъ читателей съ ладожскими богатствами. Сѣверъ нашъ, не смотря на суровость климата, обилитъ прекрасными предметами для Иллюстраціи; не лишитъ жизни и даже торговой дѣятельности. Предпріятіе — соединитъ воды живописной Саймы съ Балтійскими, посредствомъ канала, для Финляндіи стоить московской желѣзной дороги; тутъ только одна, и то поэтическая, опасность; черезъ отводъ Саймы, не пострадаетъ ли великолѣпный дооскатъ Иматры?... Право, стоить принять противу этого несчастія мѣры. Одна бѣда. Мы умѣемъ мастерски замаскировать; изобрѣтаемъ трудно. Гдѣ наши изобрѣтенія за январь мѣсяцъ? Въ Англіи вѣроятно въ это время найдено сто секретовъ, открыто сто новыхъ механическихъ и химическихъ способонъ, — а у насъ полевые инженеръ штабъ-капитанъ Павелъ Роше и Николай Болдыревъ, да с. петербургскій купецъ Михайло Огородниковъ изобрѣли печь для обжиганія известки, а фридрихгамскій нервостатейный купецъ Иванъ Вавиловъ — снарядъ для очищенія лапшаго масла! И то благо. Не худо бы при этомъ случаѣ изобрѣсти и лучшій способъ дѣланія кирпича. Случилось намъ видѣть англійскій кирпичикъ. Прессъ-панъ — хоть на дамскій столъ; чисто, гладко, безъ позорника; оттого и кладка плотнѣе и салится нечему; тутъ и секрета никакого нѣтъ. Возможно бы перенять эту полезную хитрость безъ великихъ расходовъ, безъ великаго труда для головы... Мы же любимъ замаскированія до нельзя; у насъ и литература, и театры только и живутъ замаскированіями. Когда-то распатился съ ученымъ и литературнымъ миромъ

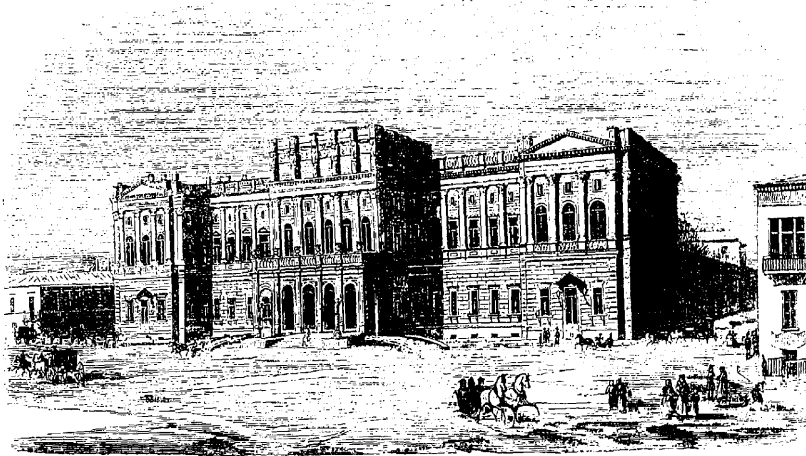
важными и достойными всеобщаго вниманія произведеніями. Много причинъ упадка нашей литературы. Объ нихъ и вспоминать грустно; объ нихъ каждому известно и вѣдомо. Попытайтесь спросить на Цескомъ первомъ встрѣчному — отъ чего наша литература хромаетъ? Каждый вамъ скажетъ гдѣ она ушиблась; сколько приставлено нявокъ, кто ее лечитъ и такъ далѣе. Такъ нечего и повторять всемя известнаго; притомъ эти причины довольно отдалены, къ январю 1845 не принадлежатъ. Напротивъ въ январѣ книжная торговля увидѣла на Невскомъ-Проспектѣ старыл свои знамена, подъ которыми еще такъ недавно подвигалась съ честью. Скромная вывѣска возвѣстила, что А. Ф. Смирдинъ возвратился изъ добровольнаго уединенія, возвратился къ дѣятельности по-

лезной, основательной. — Привычка къ имени начинается возобновляться; посѣтители умножаются, и нѣтъ сомнѣній, что весьма скоро самостоятельность этого магазина упрочится. Для того нужны изданія, да изданія. Предпринятое въ пользу А. Ф. Смирдина изданіе изъ трудовъ русскихъ литераторовъ и художниковъ подвигается впередъ довольно быстро. Многія статьи уже доставлены; въ томъ числѣ произведенія Графини Рагозиной, Бенедиктова, Губера, Луганскаго и другихъ. Многія лишутся и уже извѣсны по содержанию и заглавию; книга будетъ имѣть большую занимательность и отразитъ настоящее состояние нашей литературы. Другое изданіе — Альманахъ Графа Сологуба, составленный изъ прекрасныхъ статей, украшенный трудами любя-

щихъ писателей — также подвигается съ успѣхомъ; первые выпуски готовы. Наконецъ, главное предпріятіе А. Ф. Смирдина, необходимое и полезное изданіе для каждаго Русскаго — приготовляется къ печати. — Это Русскіе Классики въ уютномъ форматѣ, по самой дешевой цѣнѣ. Вотъ безъ сомнѣній пріятнѣйшая повесть въ Январѣ.

Русская журналистика съ новымъ годомъ не повѣсила своихъ началъ. Первые книжки 1845, точно такія же, какъ и послѣднія прошедшаго года. — Слѣдетвенно и тутъ мало новаго. Что дѣлать? Посмотримъ не были ли мы счастливы въ театрахъ, въ увеселеніяхъ въ музыкѣ?

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

(Графъ Баронъ К. Кюльб.)

Дворецъ Ея И. В. В. К. Маріи Николаевны).

ДВОРЕЦЪ

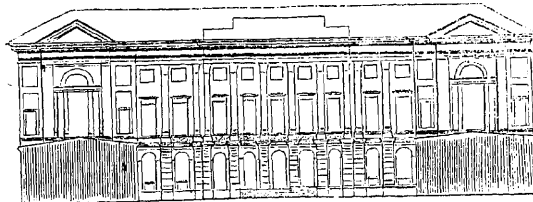
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ

въ
С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Между Вознесенскимъ проспектомъ и Невскимъ переулкомъ, на лѣвомъ берегу Мойки, фасомъ на Свѣтѣ мостъ, на глубокомъ дво-

рѣ, съ высокою оградой, вызвышалось съ величественно вельможескою зданіе временъ Екатерины. То былъ старыи Чернышевскій Дворецъ построенный архитекторомъ Ламонрономъ, Гваренги. Подобной архитектуры былъ и старыи Чернышевской Дворецъ, который обращенъ, послѣ покупки въ казну, на помѣщеніе Юнкерской Гвардейской Школы. Въ 1838 или 1839 году для Дворца Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны избрано мѣсто, ко-

рыхъ разубрачь, и потому не произвелъ ничего такого, чтобы сохранило его имя подобно трудамъ Растрелли, Кокорниова, Камерона, Гваренги. Подобной архитектуры былъ и старыи Чернышевской Дворецъ, который обращенъ, послѣ покупки въ казну, на помѣщеніе Юнкерской Гвардейской Школы. Въ 1838 или 1839 году для Дворца Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны избрано мѣсто, ко-

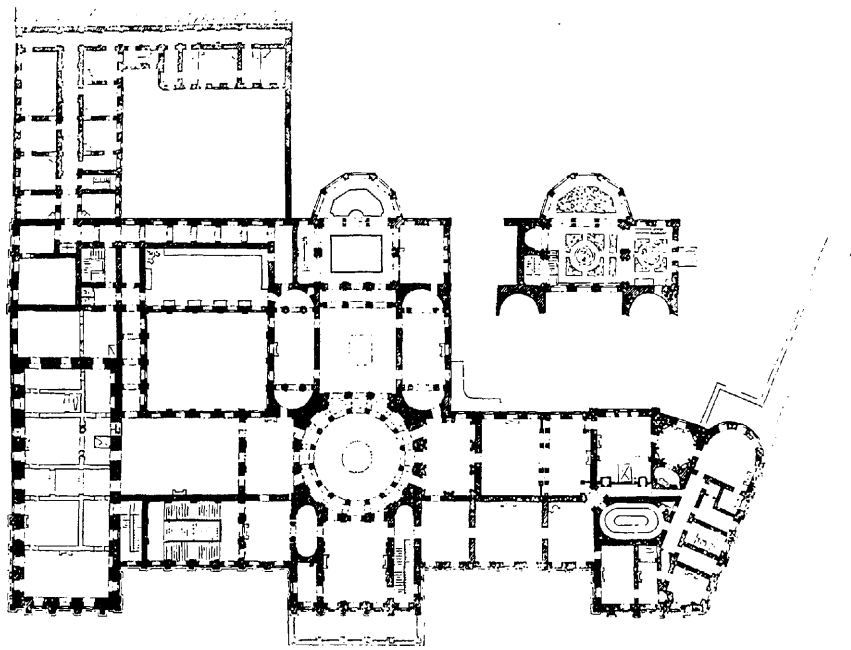

(Бывшій домъ Графа Чернышева).

торое занимали Чернышевскій Дворецъ и еще три соприкосновенные къ нему дома Гг. Вульверта, Демута-Малыновскаго и Савенка. Въ короткое время составленъ былъ архитекторомъ А. И. Штакенштейн-деронъ проектъ новаго Дворца, удостоен-

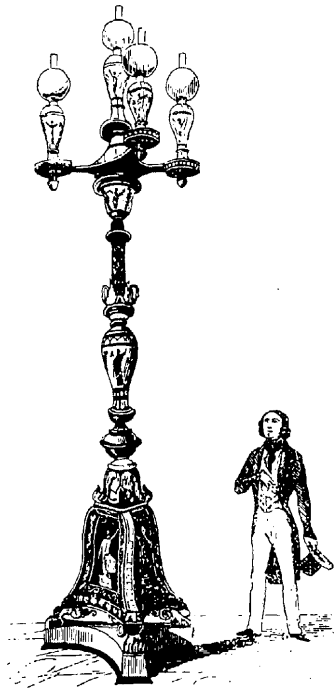
ный Высочайшаго Утвержденія въ 1839 году, а въ 1840 — Дворецъ уже былъ готовъ въ чертѣ; отдѣлка его продолжалась до исхода 1844 года; въ началѣ 1845 Маріинскій Дворецъ открыли для любопытной публики. Толпы посѣтителей тѣсни-

лись въ покояхъ; и мы воспользовались этою милостію; съ нетерпѣніемъ наслажденіемъ повторили пріятную прогулку и съ восторгомъ подѣлялись нашими воспоминаніями съ тѣми, которымъ не удалось побывать внутри этого превосходнаго зданія.

(Планъ Дворца.)

Наружный видъ самъ за себя говоритъ ; довольно взглянуть на гравюру, чтобы поставить Дворецъ Ея Высочества въ число лучшихъ зданій, можетъ быть, не одного Петербурга, а всѣхъ европейскихъ столицъ. Общій видъ лучшаго чистаго стила ; великолѣпный балконъ, по размѣрамъ, можно сравнить съ обширной залой ; подъездъ широкъ и въ архитектурѣ сохраняетъ важность, зданію соотвѣтственную ; масса, вѣщающая, зданіе едва ли не сообщаетъ всему дворцу царственное величіе. Какъ въ лицѣ челоуѣка, какъ въ произведеніяхъ природы, такъ и въ архитектурѣ, незначительная по объему часть, нерѣдко одна черта, даетъ всѣмъ остальнымъ частямъ опредѣленную связь съ яснымъ значеніемъ. Не все то величественно, что огромно. Можно бы указать, на многіе тому примѣры. Есть зданія и длиннѣе и выше Дворца Ея Императорскаго Высочества, а сравнительно, они кажутся гораздо меньше. Такъ иногда размѣры увеличиваются для глаза отъ однихъ только остроумноугаданныхъ между ними же отношений. Не должно забыть, что зодчій былъ въ этомъ трудѣ стѣсненъ старымъ Чернышевскимъ домомъ, который не былъ срытъ, а вошелъ костью своимъ въ тѣло новаго Дворца ; художникъ не могъ творить изъ ничего, — это условіе художественнаго творчества, а долженъ былъ подчинить фантазію остаткамъ Ламотовыхъ мыслей ; скрыть, поглотить ихъ, не разрушая. И въ этомъ отношеніи Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ изъ затруднительнаго своего положенія вышелъ весьма счастливо побѣдителемъ. Въ величественной наружности дворца не видно и тѣни стѣсненія. Какъ будто мысль дворца взымалась во всей

(Канделябръ во Дворцѣ)

цѣлости, полнотѣ и свѣжести изъ подъ руки зодчаго ; какъ будто Чернышевскій домъ былъ сломанъ вмѣстѣ съ сосѣднимъ и Дворецъ воздвигся на чистомъ полѣ. Мы знали, мы видѣли это затрудненіе еще прежде, когда леса обхватывали старыя ребра Ламотовскаго зданія ; мы болѣе за зодчаго и на счетъ наружнаго вида и на счетъ внутренняго расположенія покоевъ. Въ послѣднемъ отношеніи представлялось для архитектора еще болѣе трудностей. Цѣлая внутренняя стѣна, капитальная, постоянно и нерушимо поставила каменную преграду всѣмъ соображеніямъ художника ; но если

вы не знали бы объ этомъ обстоятельстве прежде, то при обзорѣ Дворца вы бы и не замѣтили какихъ трудовъ стоило архитектору удовлетворительно исполнить свою обязанность. Для полноты прибавимъ, что весь покоевъ дворца гранитный, а подъездъ полая, пьедесталы, наличники, базы и проч., все изъ гавсальскаго камня. Теперь пойдемъ во Дворецъ. Въ стѣняхъ васъ пріятно займутъ не только удачныя размѣры, но и колонны изъ прекраснаго финляндскаго розоваго мрамора. На лѣво лѣстница ; по полу, выложенному изъ ревельской плиты въ елку, вы подымаетесь на лѣстницу и войдете въ пріемную, изъ которой на право — ходъ на балконъ, на лѣво — въ залы. не знаешь, какъ должно сказать *зала* или *одна зала*, потому что пріемная есть начало цѣлаго ряда четырехъ залъ, разделенныхъ между собою колоннами и аркадами. Трое дверей въ слѣдующую залу, сливаются съ нею и пріемную, украшенную великолѣпною агатовою вазою въ 1½ аршина вышиною. Она покоится на норвежскомъ пьедесталѣ, изящно исполненномъ на колычанскихъ заводахъ. Трое дверей, превосходной вѣрной работы, сдѣланы въ Мюнхенѣ. Наконецъ любопытство одолѣетъ и вы пойдете во второе отдѣленіе залы или въ такъ называемую круглую, греческаго вкуса ; она вся бѣлая ; только поля во фризахъ и потолка вызолочены по орнаментамъ. Третье отдѣленіе или квадратная зала также въ греческомъ вкусѣ, съ живописью ; стѣны и потолокъ расписаны съ позолотою художникомъ Дроллинггеромъ. Въ этойто квадратной залѣ величественно по угламъ стоятъ замѣчательныя по формѣ и матеріалу стойки для лампъ, или какъ ихъ назы-

вали посѣтители, канделябры. Они исполнены на Александровскомъ фарфоровомъ заводѣ по рисункамъ архитектора А. П. Штакеншнейдера; и рисунокъ п самое исполнение превосходно. Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи помѣстять ихъ портретъ въ гравюрѣ.

Четвертое отдѣленіе или четвертый залъ можно назвать верхней галлереей зимняго сада; горшечныя растенія и теперь уже наполняютъ этотъ залъ и производятъ свой эффектъ, но это еще весьма далеко отъ того, что будетъ, что должно быть, когда изъ нижняго сада, между этихъ галлерей, пропущутъ вершины пальмъ и другихъ рѣдкихъ растеній; это четвертое отдѣленіе выходитъ на солнце. Согласитесь, какой видъ готовится съ приближеніемъ весны во всѣхъ эти четырехъ залахъ, отъ балкона или агатовой вазы изъ пріемной...? Возлѣ этой цвѣточной галлерей находится большая, но свѣтлая, веселая комната, неся на солнцѣ, а внутренній видъ на зелень сада; изъ нее можно пройти и въ садъ и въ овальную гостинную, въ которой бѣглый даже взглядъ не можетъ не замѣтить камни изъ карарскаго мрамора, весьма замѣчательнаго по мелкой и тщательной работѣ; изъ овальной гостинной ходъ во внутренніе покои и въ квадратную залу, гдѣ уже мы были; но пройдемъ еще разъ, чтобы еще посмотреть на живопись, на канделябры; перейдемъ еще разъ по сосѣдству и черезъ круглую залу и повернемъ черезъ трое дверей въ танцевальную залу. Здѣсь большой фризъ расписанъ покойнымъ художникомъ Виги. У всякаго своя слава. Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ. Такъ говоритъ пословица и говорить правду. Бѣда, когда всѣ живописцы захотятъ быть Рафаэлями, всѣ музыканты Моцартами; тогда, при обиліи художниковъ, некому расписать комнаты, некому сочинить французскаго кадрили. Тогда только и видишь многія историческія картины, дурныя оперы. У насъ и теперь не много художниковъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ писать вывѣски поручали заграничнымъ живописцамъ. Архитекторъ Бренна, строитель Михайловскаго Замка, выписалъ покойнаго Виги болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Виги тогда уже славился въ этомъ родѣ, и утверждаютъ будто бы въ Михайловскомъ Замкѣ есть или были его работы. Мы этого ни отвергнуть, ни подтвердить пока не можемъ, но достоверно только то, что съ тѣхъ поръ Виги расписывалъ покои во всѣхъ дворцахъ въ Петербургѣ и въ загородныхъ при здѣшней Столицѣ; въ глубокой старости онъ не оставялъ кисти; родъ его обратился уже въ привычку, въ навѣтъ, такъ что хотя уже рисунокъ перѣдко сталъ измѣнять старцу, но при всемъ томъ въ его работахъ сохранилось много граціи и вкуса. Въ танцевальной залѣ новаго Дворца—послѣдняя работа Виги. Онъ умеръ весьма недавно, на 81 го-

ду отъ рожденія. Право, Виги достоинъ признательнаго воспоминанія; достоинъ большей извѣстности. Мы бы помѣстили его портретъ и біографію въ Иллюстраціи, еслибы намъ удалось достать ихъ. Но возвратимся въ Дворецъ. Къ танцевальной, по проекту зодчаго, приплыкала большая столовая зала, но эта зала обращена въ запасную половину, мимо которой проходитъ галлерей въ помпейскомъ вкусѣ и ведетъ въ бібліотеку, которая можетъ вмѣстить гораздо болѣе пятидесяти тысячъ томовъ. Это сокровищница наукъ и художествъ; это не кабинетная бібліотека, въ которой должны помѣщаться книги справочныя и для текущаго чтенія. Такая бібліотека есть нѣкотораго рода ученое заведеніе съ своимъ внутреннимъ управленіемъ и порядкомъ, почему она и не должна призываться къ жилымъ комнатамъ. Вотъ почему, кажется, бібліотека отдалена отъ жилыхъ комнатъ. Изъ нея ходъ въ малую столовую, а изъ этой мы опять возвращаемся въ квадратную залу. Черезъ овальную, изъ круглой, и наконецъ изъ пріемной, можно войти во внутренніе жилые покои, раздѣленные на двѣ половины. Обращенная по главному фасаду на Спій Мостъ принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому и отличается особенно простотой внутренняго убранства; въ покои Ея Императорскаго Высочества главный ходъ изъ круглой залы. Изъ пріемной ходъ въ овальную гостинную, о которой мы говорили и въ парадный кабинетъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Богатая драпировка раздѣляетъ кабинетъ на двѣ части. Колонны четырехугольныя; по нимъ въ золотомъ полѣ лѣпные арабески; потолокъ расписанъ Дролшигеромъ; богатая мебель, въ томъ числѣ старинные изысканные секретари; на стѣнахъ картины Гайвазовскаго; Тиронова, Нева, Риделя и другихъ... За ними спальня, уборная и малый кабинетъ съ картинами Карла Дольче, Гвидо Рени и другихъ древнихъ мастеровъ; изъ кабинета ходъ въ небольшой, но въ полномъ смыслѣ пзлыщный будуаръ, во вкусѣ обновленія искусствъ, какъ весьма ошибочно называли времена Людовиковъ XIV и XV. Объ этихъ вкусахъ когда нибудь кстаті поговоримъ особо. Въ этомъ будуарѣ à la Pompadour не хочется заводитъ спора; тутъ такъ хорошо, такъ весело, такъ роскошно. Что тутъ составляетъ ткань или главное рѣшить трудно; кругомъ и сверху—зеркала; по тамъ же изысканная рѣзная работа, ярко вызолоченная; тамъ же штофъ блистаетъ своею шелковитою роскошью; тамъ же расбросаны картины въ родѣ Вато. Это ослѣпительная смѣсь изысканной мелочи, которая сама себя умножаетъ до безконечности. Но возвратимся въ малый кабинетъ, по дорогѣ замѣтимъ, что отсюда проведена въ отдѣленіе Его Высочества слуховая труба, такъ что изъ этого покоя можно по-

койно вести разговоръ черезъ нѣсколько комнатъ, и перейдемъ въ остальные отдѣленія Дворца... Отдохните!

Н. Кукольникъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ОПШЕНКИ.

Въ безчисленности безподобнаго, созданнаго людьми (*crée*), есть... Позвольте, — нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, еще не вошли въ состояніе рѣшительнаго прогресса, а потому, для нихъ, я долженъ объяснить.

Извѣстно, (тѣмъ, которые то знаютъ), что люди нѣтъ въ полномъ успѣхѣ (*progrès*), и справедливо почитаютъ совершенно непристойнымъ заниматься чѣмъ либо, кромѣ творчества, или, если угодно, создавательства. Конечно, это утѣшительно-возвышенное; но, увы! еще не всѣми понимаемое стремленіе, породило, какъ и все прекрасное, тѣ ничтожныя, хотя громогласныя жалобы *непрогрессовавшихъ*, которые печально повторяются со всѣхъ сторонъ: о всеобщей будто бы падкости къ деньгамъ, — о владычествѣ интереса надъ всѣмъ въ мірѣ, — о поклоненіи и принесеніи жертвъ лишь золотому тельцу, — о продажности и подкупности всего! — Но, что же дѣлать? Бѣдныя, отсталыя въ спасительномъ успѣхѣ крикуны, не уразумѣли еще необъятнаго различія понятій о прежнихъ и нынешнихъ путяхъ и началахъ, коими человечество могло или должно стремиться (*прогрессовать*) отъ успѣха къ успѣху, и коими, какъ утверждаютъ, оно достигаетъ совершенства. Для нихъ, нищихъ духомъ, дико и трудно сообразить: что извлечь и прибавить къ грудѣ своего золота, еще груды, хотя бы изъ вѣнцовой атмосферы кабака, простыми дѣйствіями подышванія, подталкиванія, оббиранія и выталкиванія выработанныя, — что постронить прочный домъ изъ цемента непрочныхъ связей интереса, — что купить нѣжныя въ десятки тысячъ чистаго дохода, изъ дѣлъ мрачныхъ и пестрыхъ, — что обратить въ брилліанты и жемчугъ соленую воду, скопляющуюся у каждаго человѣка подъ глазами, вѣроятно, для того лишь, чтобъ ее можно было оттуда вылить, — что все это, и многое другое, есть не что иное какъ *создавать, творить* (*сrée*). Создавать значеніе, успѣхъ, будущность, судьбу, т. е. въ переводѣ на современные языки: состояніе, деньги, золото! Быть творителемъ; стать на степень могущества, обнаруживающагося чудесами, вполне положительными; и все это—изъ ничего, или изъ гораздо худшаго нежели ничего!.. Будемъ падѣяться, что и печальныя крикуны наши тоже дойдутъ въ свою очередь, по законамъ улучшенияемости, до мудрости сей, и что тогда прогрессъ, ставъ всеобщимъ, наведетъ наконецъ вѣкъ въ полномъ смыслѣ золотой.

гличанинъ; спутникъ его принадлежалъ къ сословію писшей драгоманіи, сословію обширному, невѣжественному и дерзкому, къ перотамъ, по преимуществу.

— Чтожъ мнѣ теперь дѣлать? спросилъ

Англичанинъ, обращаясь къ своему чичероне.

«Раздѣвайтесь!»

— Я хочу, чтобы меня раздѣвали по здѣшнему.

Чичероне подозвалъ пагаго теллака, парильщика, и сказалъ что-то по турецки, сердито указывая на Англичанина. Теллакъ взялъ его подъ руки и, притащивъ къ дивану, опустилъ его на подушку между двумя бородастыми и чамопосыыми Турками, потомъ, видя, что Англичанинъ все такъ не начинаеть раздѣваться, поднялъ вверхъ его руки и началъ тащить съ него сюртукъ; то же сдѣлавъ съ ногамъ, скидая сапоги, опрокинулъ на бокъ, чтобы стащить нижнее платье, приподнялъ опять и сбросилъ рубаху; теллакъ, наученный злымъ проводникомъ, поступалъ безъ всякихъ церемоній, словно масникъ съ тушею говяжьей. Англичанинъ терпѣлъ, полагая, конечно, что все это въ обычай страны. Ему повали голову, подвизали фартухъ, который закрывалъ его до коленъ, и пододвинули высокія деревянные башмаки. Англичанинъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на своего проводника.

— Обувайтесь, сказалъ тотъ холодно.

«Какъ, чтобы я привѣсилъ къ своимъ ногамъ эти колодки?»

— Безъ того сожжете подошвы ногъ на горячемъ полу.

«А въ колодкахъ я двадцать разъ упаду и непремѣнно разшибусь объ мраморный полъ.»

— Васъ поведутъ.

«Не хочу, чтобы меня водили какъ двѣнадцати-мѣсячнаго ребенка.»

— А сами поступаете хуже ребенка: вѣдь вы хотѣли знать здѣшнее обхожденіе вполнѣ, а тутъ упрямитесь.

Это были магическія слова для Англичанина: онъ смирился и сталъ вдѣвать ногу въ петлю, которая прикрѣпляла ее къ деревянной колодкѣ, сдѣланной въ видѣ высокаго башмака; дѣло кое-какъ уладилось при пособіи теллака, и наконецъ Англичанина повели подъ руки торжественно въ баню, словно передъ свѣтлое лице средне-азіискаго хана.

А ты что? спросилъ онъ своего проводника, замѣтивъ, что тотъ не слѣдуетъ за нимъ.

— Ничего.—

«Ступай за мною!»

— А что я тамъ буду дѣлать: васъ будутъ парить и мыть—дѣло обыкновенное и тутъ нечего разсуждать: теллакъ знаетъ лучше меня кто ему дѣлать.

«Теллакъ стотина. А мнѣ надобно не только все испытать, но и знать, что я испытываю: ты будешь объяснять мнѣ дѣйствія теллака.»

Чичероне, ворча и косясь, побрѣлъ за нимъ. Вторая зала или передняя часть собственно бани была также обширна какъ и передъ бане: полъ бѣлаго мрамора, кругомъ мраморные скамьи, и у каждаго двухъ прекраснѣйшій мраморный же бассейнъ съ холодною и горячею водою; на одну изъ этихъ скамей посадили закутаннаго съ ногъ до головы въ простыни Англичанина: эта первая часть операціи, совершаемой въ Константинополѣ съ удивительною точностію, посвящена предварительному потѣнію. Англичанину сунули чюбукъ въ зубы и чашку кофе въ руки, и не смотря на то, что дымъ табака въ жару бани чрезвычайно неприятенъ, а турецкій кофе—чорная гуща, которую съ трудомъ станеть пить Европеецъ, Англичанинъ, послушный волѣ своего тирана, курилъ и пилъ, и потѣлъ невыносимо; онъ очень страдалъ, но терпѣлъ. Въ такомъ положеніи оставался онъ болѣе четверти часа; только по временамъ подходилъ къ нему парильщикъ, шупалъ его и сомнительно качалъ головою, указывая на жилистыя руки его и дѣлая какія-то замѣчанія проводнику. Сердитый проводникъ двигалъ плечами, какъ бы желая сказать: что будешь дѣлать? Таковы ужъ эти Англичане.

«Что онъ говоритъ, что вы нашли невыносимаго въ моемъ тѣлѣ?»

— Ничего.

Англичанина повели въ третью комнату, — комнатою нельзя назвать эту величественную залу: здѣсь была температура выше температуры нашихъ русскихъ бань, а по угламъ находились маленькія комнаты, гдѣ жаръ былъ еще сильнѣе и уже рѣшительно невыносимъ: мнѣ стало странно за несчастнаго Англичанина, я боялся, чтобы его не повели въ эту пынущія раскаленными паромъ жерлы; но, кажется, вожатые сами опасались, что онъ не вынесеть такого испытанія, не смотря на свое крѣпкое сложеніе; впрочемъ и то сказать, что съ нимъ ничего не дѣлали такого, чего бы не сдѣлали съ другими обычными посѣтителями бани, если бы они не требовали для себя исключенія. Англичанинъ вымѣщалъ свои страданія на бѣдняковъ своего чичероне: онъ потащилъ его за собою и сюда.

Посреди высокой куболообразной залы возвышалось обширное мраморное ложе, которое, какъ и вся баня, нагрѣвалось снизу; по тутъ было еще жарче, чѣмъ на полу, такъ что я ипкакъ не могъ улежать долго здѣсь и парился на боковыхъ скамьяхъ; но моего Англичанина положили на этой жаровнѣ, распеленавъ го прежде, какъ во-

дятся; онъ все терпѣлъ; только по временамъ обращался къ своему вожатому, ругая его. Начался «испытаніе»: парильщикъ ударялъ его ладонью по мягкимъ частямъ тѣла, прислушивался къ звуку удара, который рѣзко отдавался подъ обширными сводами, и сомнительно качая головою, стоялъ надъ нимъ въ бездѣйствіи.

«Чего онъ ждетъ?»

— Еще не готовъ.

«Кто не готовъ?»

— Ваша милость!

«Какъ не готовъ: развѣ онъ хочетъ меня зажарить на этой сковородѣ?»

Проводникъ, ничего не отвѣчая, далъ знакъ банщику, чтобъ тотъ не дождался болѣе пока Англичанинъ «созрѣетъ» и началъ свою операцію.

Парильщикъ мѣлъ свою бѣдную жертву кулаками словно тѣсто, и расправлялъ его составы, вытягивая и стряхивая руки и ноги; только хрустѣніе членовъ и пыхтѣніе Англичанина доходило до меня; оставался «прошальный ударъ», которому рѣдкій рѣшается подвергнуться: онъ состоитъ въ томъ, что простертому на банномъ жертвенникѣ пациенту складываютъ на груди руки, словно покойнику, и упершись на нихъ колѣнкомъ, стескиваютъ ихъ такъ сильно къ груди, что на минуту дыханіе захватываетъ, кажется грудь провалится: мой Англичанинъ геройски перенесъ и эту операцію, послѣ которой парильщикъ прижалъ пальцемъ жилу и, увидѣвъ, что она наливается кровью удовлетворительно, произнесъ значительно: хорошо, — и торжественно указавъ это обстоятельство Англичанину, перевелъ его во второе отдѣленіе бани. Тутъ обыкновенно моютъ густою душистой пѣной кандійскаго мыла и, перебравъ свой субъектъ, такъ сказать, по составамъ, ошупавъ съ ногъ до головы, и убѣдившись, что онъ ошпещъ отъ гадкихъ соковъ и омытъ отъ всей грязи, внутри и наружи находящейся, пеленаютъ его опять и переводятъ въ первую залу, гдѣ укладываютъ на коротенькой постелѣ такимъ образомъ, чтобы голова никакъ не опускатель, боясь прилива къ ней крови.

Бѣднаго Англичанина, полуживаго, перенесли въ эту комнату; ему опять сунули «чюбукъ» и маленькую чашку кофе, но пзиеможенный, онъ уже не курилъ и не пилъ: онъ вполне испыталъ «сильныя ощущенія» и вѣрно въ другой разъ не захочетъ ихъ отвѣдывать въ турецкой банѣ. Красивъ онъ былъ въ своихъ пеленкахъ, съ громадною повязкою на головахъ; два Турка, лежавшіе по сторонамъ его, не смотря на свою неподвижную серьезность, не могли не улыбнуться, глядя на него. Впрочемъ, старшій изъ нихъ вскорѣ опомнился отъ такого соблазна и плюнувъ, чуть не въ лице собакъ — глауру, отворотился отъ него, бормоча: ля плагге и проч.; другой, какъ видно, болѣе вольнодумный и полагавшій, конечно, что передъ нимъ находится самъ бѣдный — банъ, глава

всѣхъ европейскихъ докторовъ, мудрецъ въ мудрецовъ, — высунулъ ему языкъ и протянулъ руку, давая пошупать свой пульсъ: отъ этого отвернулся Англичанинъ. — Невѣжливо, замѣтилъ ему проводникъ. — Убирайся къ чорту! отвѣчалъ ему Англичанинъ, истощившій весь запасъ своего терпѣнія.

Турки проводятъ по нѣсколько часовъ въ банѣ, болѣею частію утромъ, на тошій желудокъ, боясь, чтобы сильный жаръ не причинилъ удара. — Въ мужскихъ баняхъ молчатъ и курятъ; въ женскихъ баняхъ болтаютъ, сплетничаютъ, ѣдятъ и пьютъ: это ихъ клубъ, ихъ казино, ихъ единственная отрада, въ которой не смѣетъ имъ отказывать самый ревнивый мужъ. Даже ишие могутъ насладиться пѣгю бань, потому, что строители ихъ, иногда посторонніе благотворительные люди, назначаютъ нѣкоторыя суммы на этотъ предметъ, и всякая баня имѣетъ свою долю такихъ ишшихъ, которые моются и парятся безденежно. Для Русскихъ, привыкшихъ къ баннымъ наслажденіямъ, — турецкая баня — блаженство. Иные сѣтуютъ, что нѣтъ пару; но эта равнолѣтностъ жару, доведенная въ маленькихъ комнатахъ, о которыхъ я говорилъ, до степени температуры вышей, чѣмъ на нашихъ верхнихъ полкахъ, гораздо пріятнѣе, не представляетъ опасности простудиться, переходя съ этажа на этажъ и переѣзжая безпрестанно температуру, и наконецъ очень легка для дыханія. Правда, безъ пару нѣтъ и бичеванія вѣвками, столь любезнаго намъ, по мытье тѣла, правленіе составовъ, и вообще всѣ приемы, представляющіе нѣкоторую степень магнетизма, доставляютъ своего рода нѣгу и упоеніе чувствъ. А эта обширность залы, въ которой разметанные по лавкамъ люди кажутся затерянными точками, это величіе, эта таинственность огромныхъ сводовъ, эта торжественная манипуляція телмаковъ, — все заставляетъ васъ думать, что вы присутствуете при совершеніи какого нибудь таинства древнихъ. Конечно, одно мое мнѣніе не можетъ имѣть вѣса въ столь важномъ дѣлѣ, но по мнѣ турецкія бани далеко лучше нашихъ русскихъ, хорошихъ бань; только чрезмѣрная простота въ аракахъ, покрытыхъ однимъ цыновками, кидается въ глаза Европеюцу, и непріятно поражаетъ его, особенно среди роскоши мраморовъ и бассейновъ, которой Турки вовсе и не замѣчаютъ, полагая, что лучше и быть не можетъ.

Ег. Ковалевскій.

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je t'ôte mes idées sur le papier.
Elles deviennent ce qu'elles peuvent.
Diderot.

Есть добрые люди, которые имѣютъ трогательную привычку вести каждый день свои записки.

Примѣръ I. Всталъ въ 9 часовъ. Поутру ходилъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ гостяхъ. Говорили объ италіанской оперѣ. Погода была дурная. Шелъ снѣгъ. Легъ въ 11 часовъ.

Примѣръ II. Всталъ рано. Пилъ кофе. Брился. Курилъ съ удовольствіемъ. Былъ у меня Иванъ Ивановичъ. Говорили объ италіанской оперѣ. Погода была дурная. Шелъ снѣгъ.

Примѣръ III. Ничего не было замѣчательнаго. Былъ у сосѣдей. Говорили объ италіанской оперѣ. Погода была очень дурная и шелъ снѣгъ.

Этого рода записки самыя невпшыя.

Одинъ аккуратный Нѣмецъ началъ однажды 1-го января свой дневникъ слѣдующимъ образомъ:

Heute war ich etwas besoffen.

На другой день отмѣтилъ онъ только «idem», и потомъ каждый день записывалъ тоже самое.

Объ этихъ запискахъ не лзя сказать, чтобъ онѣ были невпшыя.

Есть еще люди взволнованные книжно-поэтическимъ вдохновеніемъ, которые пренебрегаютъ скрозными фактами вседневной дѣйствительности и выражаютъ въ своемъ дневникѣ только одніе сильныя ощущенія.

Примѣръ I. О жизнь... (много точекъ). Какъ ты обманчива!.. Ты улыбаешься какъ милая дѣва, а въ улыбка твоей обмань... (еще болѣе точекъ).

Примѣръ II. Что такое счастье? Звукъ пустой, который долетаетъ до нашего уха, когда струны сердца уже порваны.

Примѣръ III. Я люблю мечтать. Мечты, какъ фіалки, украшаютъ и пестрятъ путь нашей жизни.

Этого рода записки самыя безсмысленныя и самыя неспособныя.

Наконецъ есть еще родъ скучныхъ записокъ: Дневникъ во время путешествія, въ особенности за границей.

Онъ пишется обыкновенно по чужимъ впечатлѣніямъ. На примѣръ: видѣлъ музей. — (Тутъ выписка изъ каталога). Осмотрѣвалъ соборъ. — (Тутъ историческая ученость, заимствованная за нѣсколько грошей у церковнаго пономаря. А тамъ разныя наблюденія, разныя описанія, выпсанные изъ путеводителей).

Этого рода записки самая опасная, потому что они угрожают печатаньем.

Человек — странное создание. Он все приводит к своей личности, все занимается только самим собой. — Воображает, что целый свет глядит на него одного и любит его одним.

К одному губернатору пришла однажды явиться некоторая лица. — В числе их был толстый помщик в мундире. После первых поклонов, губернатор учтиво спросил у помщика: сь кьмъ являю я честь, говорить?.. Со мной-сь, отвчалъ, кланаясь, помщикъ. Я спрашиваю про фамилию вашу, продолжалъ немного раздрадованный губернаторъ. — Слава Богу, здорова-сь... Вь уездъ осталась.

Мнѣ кажется, что все люди похожи на этого помщика.

Впрочемъ, люди бываютъ различнаго рода на свѣтъ. — Одинъ капельдинеръ раздѣлялъ ихъ весьма премудро на лица, персоны и особы. Вотъ по какому случаю. — Одинъ молодой человекъ требовалъ себѣ настоятельно билетъ для какого-то театрального представленія. — Капельдинеръ отказывалъ съ свойственной ему жестокостью. — Помилуйте, сказалъ молодой человекъ... Я думаю здѣсь всякое лице имѣетъ одинакое право за свои деньги. — Позвольте, прервалъ его капельдинеръ, во первыхъ вы вовсе не лице, а просто только одно лицо... А нынче много даже лицъ не нашихъ себѣ имѣютъ, столько собралось особъ.

Этотъ анекдотъ приводитъ меня къ первому отдѣлу моихъ записокъ, т. е. къ разсужденію о цѣломъ сборищѣ персонъ, лицъ и особъ, то есть къ полному объему петербургскаго быта, къ нашей общественной жизни.

Если читатель соскучится, читая эти строки, я не виноватъ. Я предвараю его, что нѣтъ въ мірѣ ничего скучнѣе дневника.

Графъ В. Соллогубъ.

(Продолженіе впереди).

ДЖЕННИ ЛИНДЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Вотъ наконецъ опять пѣвица перваго разряда, первообразная, поэтическая сила, возбуждающая восторгъ въ знающихъ и не знающихъ, болѣе нежelij призывная, избранная, дѣйствительная жрица лирико-драматическаго искусства!

Скромно, почти безвзвѣсная большей части публики, безъ журнальнаго шума, безъ великолуднаго хлопотанія, ушла даже в посредственныхъ пѣвицъ, дебютировала *Дженни Линдъ* (въ роли Нормы) и являла успѣхъ рѣшительный, каковаго умѣла достигнуть въ повѣщія времена только гениальная *Виадо-Гарсиа*.

Прежде нежели приступимъ къ описанію ее дѣйствій въ Берлинѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о біографіи этой артистки, коей пріобрѣтеніемъ обязанъ Берлинъ знаменитому *Мейерберу*.

Дженни Линдъ родилась в Стокгольмѣ 6 октября 1821 года; она съдѣлавно нѣсколькими мѣсяцами ноложе *Полны Виадо-Гарсиа*, ро-

дившейся въ Парижѣ 13 іюля 1821. Никто не могъ узнать отъ нее званія ея родителей; она сказала только, что они были бѣдняки, и что отецъ ея обладалъ большимъ музыкальнымъ, поэтическимъ талантомъ, не зная ни одной ноты. Дѣтство маленькой *Дженни* было довольно скучное и безвѣстное; она весьма тиха была, слишкомъ скрытна для ребенка (она и теперь такова же и вѣрно никто не слышалъ громкаго ея смѣха) нѣсколько человека, и не очень хороша; она никогда не была хорошему ребенку; но уже на третьемъ году оказалась у нее маленькій дѣтскій голосокъ, удивительная память, сохранявшая нѣсколько разъ слышанные напѣвы, и въ признаки того, что музыка произвела на душу ребенка рѣшительное впечатлѣніе. Маленькая *Дженни* вскорѣ выучила наизусть множество шведскихъ народныхъ пѣсенъ, и пѣла безпрестанно при всѣхъ своихъ занятіяхъ. Ей было около 9 лѣтъ, когда шведская придворная актриса *Г-жа Лундбергъ* узнала этого ребенка, который по музыкальнымъ привычкамъ своимъ уже слышался нѣсколько извѣстнымъ. Прошительная артистка узнала въ этомъ ребенкѣ, наружно мало развитомъ и весьма обыкновенномъ, кромѣ прелестнаго голоса и большой музыкальной памяти, раннее дѣйствіе серьезной поэтической душевной силы, и усиленно увѣщевала родителей *Дженни* посвятить дочь ихъ театру; сначала это предложеніе чрезвычайно поразило этихъ добрыхъ, но простыхъ людей. Но узнала и добрая *Г-жа Лундбергъ* достигла того, чтобъ сдѣлала это предложеніе самой *Дженни*, которая во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ оказывала уже часто рѣшительно развитое сужденіе, и представляла выборъ ея произволу. Ребенокъ принялъ предложеніе съ живѣншою радостью; оно представляло ей явственно то, о чемъ внутренній голосъ напѣвалъ ей такъ часто безознательно. Тогда *Г-жа Лундбергъ* тотчасъ повезла *Дженни* къ старому *Крейдусу*, весьма уважаемому в Стокгольмѣ учителю музыки. Добраго старика почти испугали удивительныя способности ребенка, который все такъ легко понималъ и понималъ, какъ будто бы зналъ отъ самаго рожденія, и только долженъ былъ нѣсколько вспомнить, чтобъ опять узнать совершенно. Онъ повелъ *Дженни* къ тогдашнему директору стокгольмскаго придворнаго театра, *Графу Лейко*. Графу восторженный старикъ, представлявшій ему близкаго невзрачнаго ребенка какъ величайшую надежду для театра и оперы, показался почти самъ ребенкомъ. Но старый *Крейдусъ* не смѣшался, и сказалъ благородному графу, что какъ директоръ шведской оперы онъ обязанъ покровительствовать отечественной талантѣ, и что онъ долженъ по крайней мѣрѣ выслушать ребенка, коему Богъ даровалъ столь чудесныя способности; если же графъ не пойдетъ въ немъ ни голоса ниталанта, то онъ, *Крейдусъ*, долженъ конечно у него попросить извѣщенія за безпокойство; но все останется при своей мысли, и тогда будетъ продолжать образованіе ребенка на собственный счетъ. Графъ согласился выслушать *Дженни*. Нѣсколько тактовъ измеченъ графа отъ предубѣжденія; онъ былъ человекъ благородный, и согласился взять *Дженни* подъ свое покровительство; такимъ образомъ принята она была въ королевскую шведскую театральную школу, и вскорѣ получила въ дѣтскихъ роляхъ съ величайшимъ успѣхомъ, вскорѣ усилившимся до восторга, такъ что собственно для нее стали писать оперетки. Ребенокъ-диво, вполнѣ заслуживавшій это названіе, порученъ былъ руководству молодого, искуснаго учителя пѣнія, *Г. Берга*, который главнѣйше занялся музыкальнымъ ея образованіемъ. Онъ разсуждалъ совершенно справедливо, что пѣвица, безъ основательныхъ познаній въ гармоніи, останется всегда только миллетанткою. До двѣнадцати лѣтъ *Дженни Линдъ* была любимцею всего Стокгольма. Всѣ старались наперерывъ доставлять гениальному, и видѣть съ тѣмъ страшною, ребенку всевозможныя удовольствія; его приглашали въ знатнѣйшія общества, или лучше сказать она сама обществу сообщала присутствіемъ своимъ блескъ и прелесть, всадъ сопровождающей истинный гений. Но на 12-мъ году печальное событіе темнымъ покрыва-

домъ заволокло свѣтлый горизонтъ артистическаго ея жизни. *Дженни* потеряла голосъ; стала линять голосъ, совсѣмъ какъ у мальчонки; высокія сребристыя ноты, восхитившія дотолъ всѣхъ, исчезли, и немногія низкія, у нее оставшіяся, не имѣли ни значности, ни пріятности. Это измѣненіе жескаго голоса, явленіе чрезвычайно рѣдкое; но гений часто и въ физическомъ отношеніи необыкновененъ и оригиналенъ. Можно представить себѣ горестъ бѣднаго, задумчиваго ребенка и его родителей, учителей и испанскихъ друзей, видѣвшихъ какъ однимъ ударомъ уничтожились самыя дѣтскія ихъ надежды. Но свѣтскому обыкновенію знатные покровители ребенка вскорѣ его забыли: онъ не пѣлъ уже голоса, и болѣе не показывался.

Прошло четыре года печали и безголосности; *Дженни* продолжала усердно учиться музыкѣ. Наконецъ концертъ былъ поводомъ ввести ее вновь въ міръ ея, въ міръ искусства. Надлежало исполнить въ день концерта четвертый актъ «*Роберта Мейербера*»; никто не хотѣлъ взять на себя партію *Агаты*, у которой здѣсь только нѣсколько тактовъ соло; *Бергъ* вспомнилъ о своей ученицѣ, онъ прошепталъ съ нею маленькое соло, и довольно удачно; но въ вечеръ представленія голосъ *Дженни*, вѣроятно въ сдѣдствіе душевнаго волненія и раздраженія первымъ, получилъ звучность и блескъ; публика вновь услышала волшебные звуки своей любимицы, и послѣ немногихъ тактовъ, исполненіе которыхъ она приняла по необходимости и съ скромностію, голосъ пѣвицы покрывалъ громъ рукоплесканій. Звѣзда счастія, скрытая для ребенка, вновь засіяла надъ головою 16 лѣтней дѣвчцы; вскорѣ послѣ того пѣла она партію *Агаты* въ *Фрейшюцѣ* на сценѣ съ успѣхомъ, до того безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ шведскаго театра. Уже въ дѣтствѣ роль эта составляла нѣтъ пламенныхъ ея желаній, и *Дженни* принялась за нее съ необыкновеннымъ вдохновеніемъ; она еще никогда не играла серьезной роли, и такъ какъ она даже въ послѣдній пробѣ стояла неподвижно, и партію свою сдѣла, какъ въ концертѣ, безъ жестовъ, и точно также вела разговоръ, то опасались за успѣхъ, вечеромъ; но она не только устранила всѣ опасенія, но превзошла всѣ ожиданія; и въ этотъ вечеръ, въ *Фрейшюцѣ*, впервые проявился лирико-драматическій талантъ *Дженни Линдъ* въ полномъ увлекательномъ могуществѣ своемъ. Ее тотчасъ аважировали на ампиау первой пѣвицы стокгольмскаго оперы, и съ каждою ролею успивался восторгъ публики. Тогда артистка, со всею энергіею строгаго характера своего, преступила къ болѣе тонкой обработкѣ прекраснаго, но весьма негибкаго ея голоса. Она являла рѣшительное отвращеніе отъ трелей и продолжительныхъ *scensendo et smorzando*. Но люди, подобные *Демосену*, умѣютъ помочь себѣ, и твердая воля побѣждаетъ всякое вещественное препятствіе. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, *Дженни Линдъ* являла въ большій партіи: *Агату*, *Эвріанту*, *Алсу*, *Редію*, *Весталку* и т. и. и голосъ молодой дѣвчкы, слава успѣхъ надлежащимъ образомъ упрочился, и уже усталъ отъ этихъ безпримѣрныхъ успѣхъ, что она при этомъ непрерывно содѣлывала. Артистка, не смотря на безпрестанно возрастающій восторгъ своихъ соотечественниковъ, почувствовала, что для первоклассной пѣвицы нужно болѣе того, чему она дотолъ училась, и что идея, посягнувшая предъ ея воображеніемъ, не могла достигнуть безъ образованія, и рѣшилась, чтобъ довершить свое образованіе какъ пѣвица, отправиться на некоторое время въ Парижъ, и брать уроки у *Гарсиа* (брата *Малибранъ* и *Виадо-Гарсиа*).

Любимницею двора и всего Стокгольма легко было бы получить для этой цѣли вспомошествованіе; но художническая гордость не дозволила *Дженни Линдъ* сообщить кому либо о своемъ намѣреніи. Чтобы добыть средство къ этому путешествію она воспользовалась временемъ вакацій театра, и давала концерты во всей Швеціи и Норвегіи принося на себя труды путешествія и устройства концертовъ. Къ счастью, успія ея увѣнчались успѣхомъ и въ денежномъ отношеніи; она возвратилась въ Стокгольмъ, и потребовала отпу-

ека на годъ для путешествія; она получила его, и не взрала на все возраженія родителей, отпра- вилась она въ Парижъ. Все знавшее серьезной строго-правдивый характеръ этой дѣвчѣ, наши поступокъ ея совершенно натуральнымъ.

Прибывъ въ Парижъ, Джени тѣмъчасъ отпра- вилась къ Гарси, къ которому имѣла лучшія ре- комендаціи. Стоя передъ нимъ, она тремтѣла, полагая, что отъ его сужденія о ея голосѣ и та- лантѣ зависитъ вся судьба ея. Гарси заставлялъ ее пѣть, выслушалъ ее покойно до конца, и ска- залъ столь же покойно: «Дѣтя мое, у васъ пѣть то- лоса». Увидѣвъ ужасное смущеніе молодой дѣвуш- ки, которая едва стояла на ногахъ, онъ приспо- коивалъ: «Я хочу сказать, что голосъ вашъ все- ма усталъ, и что вы три мѣсяца вовсе не должны пѣть». Въ слезахъ и безъ надежды возвратилась бѣдная артистка въ уединенное свое жилище; къ грусти о невѣрной будущности присоединилась еще величайшая тоска по отчизнѣ, коеи народ- ные пѣньи звучали въ душѣ ея, когда она тише- но искала сна, чтобы хотя на минуту забыть свое горе. Вотъ тернистый путь, по которому большею частью долженъ шествовать гений.

Нигдѣ человекъ не болѣе уединенъ и безпомощенъ какъ въ большомъ чужомъ городѣ; тоска по отчизнѣ Джени возрасла до физическаго страданія, до болѣзни; она плакала день и ночь. По пестреніи трехъ мѣсяцевъ, пришла она опять къ Гарси; отъ рыданія едва могла произнести слово, и тогда началось ученіе, но весьма необы- човеннымъ образомъ. Гарси вскорѣ узналъ, что несчастная ученица его обладаетъ первокласснымъ музыкальнымъ талантомъ; онъ въ присутствіи ея училъ другихъ, именно соотечественницу Джени, Гейрметту Писсенъ изъ Готенбурга, одаренную хо- рошимъ голосомъ и не страдавшую тоскою по отчизнѣ. Джени молча сидѣла и вышала урокамъ учителя. После такого урока, за который она должна была платить, какъ будто бы онъ былъ ей одной, она иногда могла дома учиться нѣсколько времени, но вскорѣ болѣзненная тоска снова овладѣла ею. Такимъ образомъ про- шло девять мѣсяцевъ, въ которые Гарси ни разу не услышалъ ея голоса. Единственнымъ призна- комъ музыкальнаго таланта ея служили нѣсколько исполненныхъ вкуса форматныхъ гаммъ и пасса- жей, которые она писала дома, и часто нравилась Гарси, такъ что онъ ихъ считывалъ съ себя. Онъ часто говорилъ: Жаль, что у васъ нѣтъ голоса Писсенъ, вы сдѣлались бы первую пѣвицею міра.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

ДРАМАТУРГІЯ.

Итальянская опера.

(Венокъ, подаренный Рубини.)

Нѣмцы говорятъ будто бы Драмаургія—наука о сценическомъ искусствѣ, не смотря на то, что Тессингъ этимъ громкимъ именемъ называлъ своимъ имѣнн на гамбургскій театр. Лессингъ былъ завѣд. Сужденія его были здравы; сильны въ човныхъ истинахъ; рѣзки—въ мысляхъ; вѣжли- въ отношеніи къ авторамъ и артистамъ, хотя

и тѣмъ и другимъ приходилось весьма часто слу- шать горькую правду; намъ понравилась Драча- тургія Лессинга, и мы рѣшились усвоить Иллю- страціямъ это названіе, хотя бы изъ одной толь- ко новости. И такъ, не ждите сужаго изложенія науки, хотя по временамъ мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи поговорить о ея началѣ и раз- витіи. Въ нашей, какъ и во всякой Драмаургіи, соединяются сценическія зрѣлища всякаго рода, за исключеніемъ, разумеется, тѣхъ, которые свое- волюно, безъ разрѣшенія музъ, тѣшатъ народъ святочными увеселеніями въ храмѣ Талии. Мель- номыни и сестрицы. Петербургская Драмаургія —чрезвычайно сложная, даже можно сказать за- путанная... Какъ тутъ уредить какую либо клас- сификацію, когда у насъ: итальянская опера, рус- ская опера, балетъ, немецкая трагедія, комедія и фарсъ, французская трагедія, комедія и фарсъ, наконецъ тѣ же отдѣленія и на русскомъ театрѣ. Слѣдовательно классификаціи и думать нечего. Большой театръ, большая опера, боль- шая публика—все пресуществено на сторонѣ ита- лійцевъ; пацнемъ и мы съ залетныхъ соловьевъ, которые для отличія отъ соловьевъ пичьяго ро- да прилетаютъ зимовать на Сѣверъ. Впрочемъ, въ этой статьѣ мы не принимаемъ на себя право произносить судъ о томъ, что дѣлается или дѣла- лось на Императорскихъ театрахъ, объ ирѣ арти- стовъ, о постановкѣ ихъ на сцену и проч.; о подоб- ныхъ предметахъ слѣдовало бы говорить тотчасъ послѣ представленія пьесы — и это составило бы роль театральнаго вѣстника. Мы только излагаемъ общій идею о томъ, что дѣлается въ современномъ русскомъ мѣрѣ по части изящныхъ искусствъ, а какъ музыка изящнѣйшее изъ изящныхъ искусствъ, то есть итальянская опера составляетъ въ настоящее время главный предметъ въ этомъ разрядѣ собы- тій, то мы погрѣшили бы противъ нашей обя- занности, если бы умолчали о ней и о перво- классныхъ ея дѣятеляхъ, когда о нихъ говорить все, что знаетъ око и сердце! Эти соловьи пропѣли, если не ошибаеся, семнадцать оперъ: одну Моцарта, — четыре Россини, — четыре Белини, — одну А. О. Львова — и семь оперъ Доницетта (?). Изъ снѣска, въ выноскѣ помѣщеннаго видно, что Драмаургіи тутъ совершенно не было, что дѣлать. Оперу Моцарта Драмаургіи знаетъ уже около вѣ- ка, а до многихъ изъ прочихъ ей рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Прислушалась Драмаургія Донъ Жуана, покачала головой и приуныла. Она нѣсколько подумала, что и для этой оперы уже настаетъ потопство, тогда какъ до представле- ній 1844 года, она всегда полагала, что свѣ- жость и вѣрность мелодіи, драматическія дви- женія, разнообразіе характеровъ, инструментов- ка, даже сюжетъ, не вынустятъ этой оперы съ репертуара на вѣки и вѣки. Съ ирискорбіемъ из- вѣщая о своемъ затруднительномъ положеніи, она оставляетъ въ покоѣ Донъ Жуана. Въ операхъ ита- лійскихъ певальютъ ad libitumъ выжера изъ другихъ оперъ, даже и не изъ оперъ, а изъ скри- ничнаго репертуара. Впрочемъ въ томъ и не мало искусства, чтобы спѣть то, что надо играть на инструментѣ. Такъ арія Бальфа, прилетѣнная къ Донъ-Паскавалю, намъ показывается собраніемъ скри- пичныхъ пассажей; но за то исполненіе этихъ сяртельныхъ скачковъ въ устахъ Г-жи Виардо пошлоцо театръ такимъ рукоприкладіемъ, что пхъ вѣроятно слышалъ самъ авторъ пьесы. Обшир- ность не таланта, а талантовъ Г-жи Виардо, дѣ- лала празничкомъ каждое представленіе, въ кото- ромъ она участвовала. Скажите, отъ чего это въ каждой роли—Г-жа Виардо была на мѣстѣ, дома, въ характерѣ... Драмаургія отъ нея въ восхище- ній. Отъ чего это во всѣхъ операхъ партіи Г-жи Виардо такъ рельефно отдѣляются отъ общаго

плана? Отъ чего каждая нотка, въ какомъ бы сло- жномъ составѣ голосовъ на отъивалась, сохра- няетъ колоритъ характера, единожды даннаго ар- тисткою всен партіи? Отъ чего и въ тѣхъ движе- ніяхъ та же правда, та же вѣрность Драмаургіи удивляется! Даже въ Норчѣ—для Драмаургіи Г-жа Виардо, вопреки мнѣнію многихъ, исполнила свою роль съ отчетомъ, какъкъ владелъ только высокіи талантъ. Мы въ Норчѣ видѣли Сабину Гейневетеръ и Пасту! Первая была хороша, вто- рая неподражаема. Но эти представленія погеди- ли поныгѣ о хородествѣ Нормы. Еслибы исторію театральнаи Нормы внести въ дѣйствиельную исторію, то слѣдовало бы написать такъ: Лѣта 250 по Родд. Христ. проконсулъ Галліи Маркъ Антоніи Воллоніонъ, проникнувъ въ священныя рощи Друидовъ, встрѣтился съ дочерью перво- священника, по имени Нормой, и полюбилъ ее; отъ чего Норма принеся проконсулу потоп- ство, изъ двухъ дѣтей составившее. Прошло нѣ- сколько лѣтъ; — проконсулъ полюбилъ другую дѣву, Ахальгизу; Норма воскашля ревностью; ослѣвленного страстію проконсула Друиды поим- чали въ лѣсу и привели къ Норчѣ на закланіе, но великодушная дщерь Первовѣщанника при- зналась въ своемъ преступленіи и сгорѣла на ох- номъ кострѣ съ любимцемъ сердца. Норма была роста высокаго, полна и дородна, погибла въ лѣ- тахъ зрѣлыхъ, досчитывая четвертый десятокъ отъ рожденія....—Въ послѣднемъ преданіи этой исторіи заключаются загадка, отъ чего игра и пѣніе Г-жи Виардо въ Норчѣ показались неудовле- творительными для многихъ. Но если забыть, что Норма нодъ сорокъ лѣтъ, что Норма отличалась полнотою, и допустить, что душевныя страда- нія ичѣли на ярцу естественное дѣйствіе, тогда и въ этой роли, въ подробностяхъ, можно сравни- вать Г-жу Виардо даже съ Пастюю. Паста играла Норму, воображаясь съ истинно и физическими сво- ими средствами; точно также исполнила эту роль Г-жа Виардо, придавъ характеру Нормы болѣе ли- чности, болѣе разражательности, часто самои ки- павшей ярости. Мы освѣщались сдѣлать сравненіе, хотя Драмаургія рѣшительно воспрещаетъ эту пошлую критическую фигуру. Но ужъ если позво- лить себѣ сравнивать Г-жу Виардо съ другими пѣ- вичами, то ужъ безъ сомнѣній съ Пастюю, Мали- брашъ, Персеанъ—и basta! Если репертуаръ ны- нѣшняго музыкальнаго года и не былъ богатъ до- стоинствомъ оперъ, то за то въ девяти новопоста- вленныхъ—было многопростора для драматиче- ского таланта Тамбуруни. Въ Семирамидѣ—сред- неазійскій царь древняго вавилонскаго міра и солдатъ въ Любовномъ Эликсирѣ; Пуританинъ старецъ—и Фигаро; Генрихъ VIII и простолюди- ній швейцарскій долинчикъ... Теперь, когда ита- лійскіе спектакли—уже воспомнанія, кажется, что эти роли исполнились разными и всегда отлич- ными артистами. Драмаургія отъ Тамбуруни въ полночь удовольствіи; отъ чего это, скажите, онъ позволяетъ себѣ даже фарсы, по и тѣ фарсы не кажутся. Когда въ Севильскомъ Цирюльни- къ, Бартоло голялся за Фигаро, Тамбуруни бѣ- жить на бѣгу садится за фортепіану, ударяя но клавишамъ, вскопчась и дальше въ путь—шут- ка школьника, но она умѣтша, простодушна; это игра, не фарсъ. И зготъ шалунъ является обштыи вломъ въ Семирамидѣ, и въ вѣждомъ движеніи, въ каждомъ прѣмѣ, обнаруживается цар- ственная важность; или выходитъ Генрихъ VIII, рыжій Генрихъ, историческій; въ этомъ Генри- хѣ не видно Тамбуруни; умѣтъ одѣваться для те- атра важное достоинство въ актерѣ, талантъ прѣ- дѣлочный и весьма рѣдкій. Тамбуруни всадъ прѣ- восходно одѣтъ, всадъ превосходно играетъ, но у каждаго артиста есть лучшія мѣста, свѣтлая, высшія точки искусства. Сцена проклятій, въ Лил- дѣ, безспорно одна изъ этихъ точекъ въ реперту- арѣ Тамбуруни....

* 1.) Донъ Жуанъ, 2.) Отецло, 3.) Семирамидо, 4.) Чесереполо, 5.) Севильскій Цирюльникъ, 6.) Сонмабулка, 7.) Норма, 8.) Пиратъ, 9.) Пуритане, 10.) Бьянка и Гвалтерро, 11.) Луція, 12.) Любов- ный Эликсиръ, 13.) Лукреція Борджія, 14.) Ро- бертъ Дебре, 15.) Анна Болея, 16.) Лица ли Шамуни, и 17.) Донъ Паскавалю.

У несравненнаго Рубини вся Драмаургія въ голосѣ. Рубини величайшій актеръ когда поетъ; а о пѣнн его даже и говорить совѣстно. Будъ онъ во времена языческа —прежвѣнно попалъ бѣтъ боги, а ужъ за недостаткомъ только вакансіи въ полюбогъ; истинный Орфей—и теперь онъ содер-

шасть орфесевские подвиги... Объ немъ даже научъ говорить страшно, потому что онъ выше науки; онъ пѣвецъ, который не можетъ, не долженъ имѣть ни послѣдователей, ни преслѣдователей... Метода верхъ искусства, которой однакоже искусство ни одному пѣвцу совѣтовать не будетъ. Къ сожалѣнію онъ участвовалъ въ семнадцати только въ одиннадцати операхъ. Изъ то признательны. Наслѣдженіе слушать пѣніе Рубини — сдѣлалось бы назначать въ награду за добрыя дѣла.

Варло-Гарсел, Рубини и Тамбурини — основатели и столбы нашей итальянской оперы. Въ прошедшемъ году насъ были Ассандри и Назини. Первая въ Москвѣ была счастливейше, чѣмъ у насъ. Мы слышали отъ людей, знающихъ искусство и служившихъ ему съ честію и усердіемъ, что Г-жа Ассандри весьма удовлетворительно исполняетъ свои партіи, и порадовались, потому что намъ казалось, что петербургская публика не совсѣмъ была права въ отношеніи къ этой пѣвицѣ, точно также какъ и въ отношеніи Назини. Въ настоящемъ оперномъ году мѣсто Ассандри заняла Г-жа Кастеллави, пѣвица съ прекрасною наружностью, чистымъ свѣжимъ голосомъ, обладающая своимъ искусствомъ въ весьма высокой степени. Мѣсто Назини заняла Г. Уинану. Сверхъ того оперная труппа была усилена замѣчательными талантами Г-жъ Альбини, Инсенн и Г. Верре. Дѣвица Давидъ вѣдь, кажется, всего разъ или два; г. Тамбурини сынъ, только разъ; прочие итальянскіе артисты дополнили труппу вѣсть съ нашими. Изъ послѣднихъ должно отдѣлить Гг. Петрова и Артемовекаго. Но какъ они были между Италианцами — гости, самостоятельность же ихъ утверждена на другомъ основаніи, то мы и будемъ объ нихъ говорить особо въ статьѣ о русской оперѣ. — И такъ эта отличная итальянская труппа кончила свои театральные подвиги! Надеждъ любителей на будущее повторять не станемъ. Кто можетъ поручиться за

будущее? Лучше поблагодарить за прошедшее, что русская публика и исполнила самымъ бластательнымъ, самымъ трогательнымъ образомъ. Рубини увѣщали, а Г-жъ Варло-Гарсел и г. Тамбурини поднесли подбукетникъ и вазу, для того, что бы въ нихъ они могли хранить цвѣты, которыми зимою ихъ осыпала петербургская Флора. Если этотъ обычай укоренится и распространится на другіе театры, цвѣточная промышленность должна будетъ прибѣгнуть къ устройству новыхъ и весьма обширныхъ теплицъ. Все имѣеть свою пользу... Но въ то время, когда на большомъ театрѣ совершались торжества Италианцевъ, что дѣлала русская, національная опера?...

(Ваза, подаренная Тамбурини).

МУЗЫКА.

Польки Кажинскаго. Музыка и живопись. Глинка и концертъ Г. Берлиоза въ Парижѣ. Русскія оперы. Польша-Загадка Ллдова.

Польша? И спрашивать не надо, что такое Польша? Дети пляшутъ Польшку, взрослые танцуютъ Польшку до упада; старыя напѣваютъ Польшку; спектакли обратились въ Польшку; и музыка рѣшительно стала Польшкой; того и ждуть, что Глинка,

Мейерберъ, Донциетти напишутъ оперу Польшку. Самовластіе моды обратитъ скоро матеріи, экипажи, мебель, покроя, шляпы, наряды, сапоги въ Польшку. Танцы выиграли отъ этого дѣйствительно граціознаго пріобрѣтенія. Богемская народная пляска подала возможность сдѣлать изъ нее красивый зальный танецъ, и прекрасно... Кадриль, вальсы, галопы надобно. Бальный міръ освѣжился. Но музыка... Музыка!! Даровитый Кажинскій пишетъ Польшку да Польшку; скоро, кажется, ихъ будетъ цѣлая дюжина. Можетъ быть въ

эту минуту, когда вы читаете статью, В. М. Кажинскій переступилъ уже и это заветное число... Но вотъ что страшно. Кажинскій — врагъ моднаго вкуса въ музыкѣ. Онъ можетъ быть даже съ некоторымъ пристрастиемъ увлеченіемъ, внушаемымъ гибельнымъ для современныхъ произведеній сравненіемъ съ образцовыми твореніями, изустно и письменно преслѣдуетъ новую италіанскую оперную школу, — онъ, благоговѣнно изучая древнихъ композиторовъ, подобно имъ чествуетъ искусство и его основныя законы — и — и шесть Польшки! Странное это противурѣчіе легко объяснить, посмотрѣвъ, прочитавъ Польшки Кажинскаго. Оказывается, что это вовсе не Польшки, а вѣчто въ родѣ трагедій Расина и Сатиръ Боало. Это учено-музыкальныя уселія: вмѣстѣ въ опредѣленныхъ формахъ Польшки — полныя цѣлныя мысли. — Польшка здѣсь форма и заглавіе; душа — музыка, а не пляска. То же сдѣлала Шопенъ во множествѣ своихъ мазурокъ, изъ которыхъ многіе не сохраняются даже и Тенро пляски. Только и сходства что въ дѣленіи такта. Мазурки Шопена мы когда-то сравнили съ элегіями; Польшки Кажинскаго можно сравнить съ сонетами, по строгости формы, такъ что хотя мы и не жалуемъ этой условности во многихъ случаяхъ, въ этомъ подосадовали на автора, что онъ въ послѣднихъ полькахъ начинаетъ себѣ позволять вставочныя фразы, съ замедленіями (Ritardando), отъ чего строгость формы нарушается. Или отвергните условность формы вовсе и пишите фантазію, или соблюдайте свято эти вымышленныя условія, которыми вы себя подчинили добродѣлю. — Музыка такое же искусство какъ и живопись, какъ и поэзія; у нея тѣже эстетическія основанія и раздѣленія. Эстетика не выдумка, если она утверждается на естественныхъ началахъ. А эти начала въ началѣ началъ всего земнаго — въ логикѣ. Эстетика предлагаетъ для всѣхъ искусствъ одиѣ и тѣ же категоріи. Изобрѣтеніе, сочиненіе, рисунокъ, выраженіе и освѣщеніе. Въ живописи эти начала виднѣе, потому что живопись надо видѣть; но если присмотритесь, или правильно прислушаетесь, къ музыкальной логикѣ, найдете совершенно тѣ же категоріи. — Для того, чтобы создать, надо изобрѣсти и сочинить, то есть сдѣлать выборъ предмета въ цѣлости и сочинить его, то есть расположить его части согласно съ мыслию цѣлаго. Для того, чтобы исполнить — надо начертать всѣ части въ вѣрномъ рисункѣ фразъ, мотивовъ и темъ; дать имъ выраженіе общей мысли и сообщить имъ характеръ вышній, то есть, какъ говорится въ искусствѣ, дать колоритъ. Объ изобрѣтеніи говорить не станемъ. Эта категорія совершенно подчинена волю таланта. Моцартъ изобрѣлъ свою симфонію, свою драму, свой квартетъ, Гайднъ — также, Гейденъ, Бетговенъ, Веберъ, — также. Тутъ можно судить только о степени впечатлѣній, какія производитъ тотъ или другой родъ поэтическихъ замысловъ. Но категорія сочиненія уже можетъ быть подчинена отчету. И не посвященный въ таинства музыки замѣтитъ, что напирѣвъ увертюра Волшебной Флейты, какъ будто мысль цѣлная, полная, влита въ одинъ звукъ; въ увертюрѣ Фрейшюца есть части менѣе удивительныя нежели другія; увертюра Вильгельма Теля какъ будто сложена изъ многихъ пѣсней. Изобрѣтено можетъ быть прекрасно, но швы сочиненія замѣтны. Рисунокъ обнаруживаетъ силу, обширность

таланта; это мысли, которая в совокупности должны переселить в воображение слушателя общую мысль композиции; каждая из них имеет свое подлежащее и сказуемое, и прелестно, и виолончель, в наше время случается нередко слушать музыкальные подложки без сказуемых. Чтобы не обвинили нас в голословности, укажем на басовую арию в Лукреции Борджини; в главном, в первом рисунке — пять сказуемых; и начало не имеет конца, а естественным оборотом оканчивается самим собой, то есть тем же началом, в роде фразы словесной, например: итальянская опера — есть... итальянская опера. Другой роль неприятных музыкальных рисунков можно назвать натянутыми, например в Жидовке: рисунок большой арии, которая, кажется, по фемени начиналась так: *Meine Klage...* Звук естественно перепалывают с одного конца гаммы в другую без всякой видимой причины. О категории музыкального рисунка можно написать томы, а как в нашем падении всего два листа, то мы и переходим к выражению. Оно заключается в украшениях и расстановке звуков, в распределении силы каждой ноты, в ходе или движении целой мысли. Часто весьма порядочный рисунок не делает эффекта в *Largo* или в *Adagio*, и тот же самый рисунок, укоренный до *allegro* и даже *presto*, производит самое сильное впечатление; значит, что звуки даны мыслями несвойственно... Наконец, колорит, как в живописи в красках, здесь заключается в аккомпанементе. Мелодия, как рисунок сама себя выражает; в гармонии вся музыкальная *свѣто-тѣнь*, все краски предмета. Чем больше красок, тем лучше; чем больше инструментов тем лучше; если бы это сравнение простереть до схематизма, то мелодию можно назвать контуром, ее аккомпанементом клавишна — рисунок с тембром, с квартетом — сенья или гваш, — с полным оркестром — со всеми красками палитры. — Согласитесь, что в ряду мажурок, полек, квартетов и тому подобных художественных форм, сочинение почти не играет никакой роли. Сочинение готово, как матрица, в которую отливает гипсовые экземпляры медальона. Но за то исполнительная часть может быть хороша и дурна; рисунки Казинского большею частью оригинальны и, главное, в складе своей заключают много народного. Если хотите парировать Калмыка, вы непременно должны сохранить в лицекартении его национальные формы... Музыка также имеет свои национальные черты, и славянской тем весьма хорошо усвоены Полькам; выражение совершенно соответствует мелодии, а колорит так хорош, что можно бы пожелать *снять* мажурки Казинского, распечатывая всеми красками большого оркестра. — Оркестр, впрочем, также дело условное. Он может состоять из полного числа инструментов, и может быть чудовищно умножен инструментами и голосами. Нам кажется, что это совершенно механическое условие акустики. Малый оркестр с малым хором в небольшой зале совершенно то же, что огромное число исполнителей в огромном помещении. Если акустические отношения нарушены, — то от множества людей эффект не умножится; напротив оглушит, потерзает слух, измучит. Поэтому там все равно сто или пять сот человек исполняют пьесу. Многооп-

слепность сама по себе не умножает в нас желания слышать концерт, на который приглашает афишка в полтора квадратных аршина, на которой... Да вот чего лучше? Перед нами лежит парижская афишка, которая любима и для всех Русских. — Во первых объявлено, что 16-го марта, по нашему 4-го, в Олимпийском Цирке на Елсейских Полях в два часа (?) дано будет третье большое или великое, *ad libitum*, музыкальное празднество, под direction Гектора Берлиоза. При сем случае сказано: что зала будет отгорожена и освещена (в два часа?). За тем перечисляются пьесы: 1.) Увертюра (Symph.) сочинения Шнейкхофера. 2.) Рондо, т. е. арию Степаниды из оперы Жизнь за Царя — Г. Глинка, будет петь по Русски Г-жа Соловьева, певичка Императорского С. Петербургского Театра. 3.) Молитва из Моисея Россини. 4.) *Dies Irae et tibia nigrum*, из Requiem Г. Берлиоза. По особому востребованию, *Generalement redemandés (sic)*. Мы слышали этот истинно печальный Requiem, про который можно бы сказать без неприязни: Requiescat in pace! Но в Париже видно еще правит и воскресит в третье музыкальное празднество, дабы напомнить бессмертной музыке: *Memento mori*. — За тем: 5.) Большая танцевальная ария (*Grand air de Danse...* как же это перестать иначе?) на вавилонской и крымской (?) темы из русской оперы Руслан и Людмила (Loudmila) Г. Глинки. 6.) Пьеса или пьесы, наполняющая всю вторую часть музыкального торжества из Ромео и Юлии, треххорной симфонии Г. Берлиоза на слова Эмили Ленкав; партию Лоренца исполнит Г. Даже. Торжество окончилось приглашением к танцам Вебера, инструментальным для большого оркестра Г. Берлиоза. Оркестром дирижировал сам Г. Берлиоз, а хором Ламь, Дитш и Тарю. *Tuba nigrum* и клятву Канулетти исполнили 500 артистов; а слушатели платили за все это по десяти в нумерованных мѣстах, а в прочих по пяти франков!

И так, Париж слышал сочинения композитора, которому сбыло может гордиться Россия. Но частным несемкам из Парижа — были известия будто Михаилу Павловичу начал писать для парижской комической оперы; весьма сблизился с Обером и другими знаменитостями... Но до сих пор слухи о новой опере не подтверждаются. Да и едва ли на чудибге пройдет паж Глинка пѣзую оперу. Как то не вѣрится. Не сколько летучих романсовъ, два три пылкие страстные вальсы, мимолетныя, так сказать, дорожные вдохновения может быть раньше нас услышать чужеземцы; но оперу — едва ли! Да и прилегал ли эта опера по вкусу Парижу, где одинаково уважаются творения Керубини и Галеви, Обера и Адама, Бетховена — и Берлиоза... Мы ждем Глинку с оперой в Петербург, где Руслана и Людмилу начинают называть оперою избитой и громко повторююг, что Роберт Девре и свѣжѣе и новѣе, не два ли не лучше наших доморощенныхъ продуктовъ; такъ нынѣ выражается музыкальная критика. Тогда какъ именно нынѣ русскія оперы, какъ нынѣ бы онѣ ни были, умножаются, если не на театрѣ, то въ портфельныхъ композиторовъ. Бьянка и Гвалтиери, опера А. О. Львова, дана Италианцами на Большомъ Театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Мы не можемъ повести о ней слова, потому что удалось слышать только разъ, безъ необходимыхъ приготовлений; а въ сужденіяхъ о трудѣ со-

отечественника, труд добросовѣстномъ, многолѣтнемъ, возбуждающемъ вниманіе музыкальной публики въ Германіи, всякая опрометчивость уже не ошибка, а преступленіе. Великая немѣбрная похваля въ этихъ случаяхъ обидѣе приваивающихъ обидѣн; мы не подвергнемъ себя справедливой ответственности и позволимъ себѣ говорить объ этой оперѣ, когда изучимъ ее съ тою же подробностью, съ какою изучали сочиненія другихъ отечественныхъ композиторовъ. Въ такомъ же неприятномъ положеніи находимся мы и въ отношеніи къ произведеніямъ московскихъ композиторовъ. Намъ даже неизвестно, что пишутъ Алябьевъ, Варламовъ, Верстовскій; даже небольшихъ ихъ пьесъ вы не найдете въ петербургскихъ музыкальныхъ магазинахъ, точно также какъ въ нашихъ книжныхъ лавкахъ, какъ будто бы между двумя египтянами лежало три океана. Чтобы сказать что либо положительное о движеніи литературы и музыки въ Москвѣ, надо дожидаться желанной дороги. И такъ до свиданія! Въ слѣдующихъ годахъ мы будемъ говорить о московской музыкѣ. Теперь только скажемъ, что изъ печатныхъ и письменныхъ документовъ известны, что Г. Верстовскій написалъ новую оперу, а Г. Алябьевъ пишетъ. Г. Даргомыжскій давно окончилъ *Деметриадъ*; Г. Струйскій занимался оперою: Траля въ Коллесе, а Г. Арнольдъ оперою: *Нослѣдній день Номен*. Тутъ уже рѣшительно ни какому обвиненію не подлежатъ композиторы... Учатся, стараются, трудятся, производятъ много хорошаго... Но уны! у насъ мало участія къ отечественному. — Французы — поставили своихъ Галеви, Алямовъ и Берлиозовъ на высокую степень значимости, можетъ быть и въ половину незаслуженной, — а мы — скучаемъ, слушаемъ мотивы Глинки и восхищаемся Робертомъ Девре... Но неволь русскіе композиторы станутъ писать Польки, которые теперь уже до того размножились, что петербургскій Страусъ, Г. Лядовъ, долженъ быть, вмѣсто заглавія, поставить во весь листъ французскій *гѣмъ*. — Остроумная насмѣлка. Въ наше время существо и достоинство музыки стали загадкой!

ГЕЛИОСТАТЪ ЗИЛЬБЕРМАНА.

При оптическихъ операціяхъ и опытахъ часто бываетъ необходимо устанавливать солнечный лучъ на одной и той же точкѣ и на продолжительное время, не смотря на видимое движеніе солнца; эта необходимость послужила поводомъ къ изобрѣтенію *гелиостата*, инструмента, съ помощью котораго солнечный лучъ, посредствомъ зеркала, постоянно падаетъ на пѣзветную точку, между тѣмъ какъ самое зеркало пѣзблаетъ свое направленіе такимъ образомъ, что лучъ — въ то время, когда солнце приближаетъ другое направленіе къ зеркалу, — неизмѣнно падаетъ на пѣзветную точку, между темъ же угломъ, что весьма способствуетъ направленію отраженія его въ отверстіе камеры-обскуры.

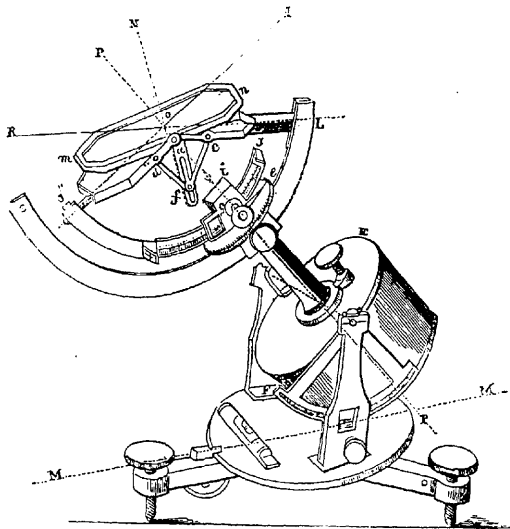
Фаренгейтъ, сГревсендъ и Гамбей — особенно сГревсендъ — устроивая гелиостатъ по разнымъ сметамъ и, не смотря на всѣ преимущества Гамбеева; въ общемъ употребленіи находится по ея пору сГревсендовъ; хотя употребленіе его сопряжено съ некоторыми предварительными опытама и требуетъ большого навыка.

В последнее время Зильберманнъ устроилъ новаго рода гелиостатъ, изображеніемъ и описаніемъ котораго мы надѣемся оказать услугу нашимъ читателямъ. Инструментъ этотъ имѣетъ все достоинства Гамбеева, но гораздо проще и дешевле; всякое въ немъ поврежденіе легко можетъ быть исправлено каждымъ часовщикомъ.

Самый инструментъ состоитъ изъ подложки, которая съ помощью винта и ватерпаса приводится въ горизонтальное положеніе. Къ подложкѣ придѣланы двѣ стойки, между которыми коробка Е, содержащая главный механизмъ, и на которой вмѣстѣ съ тѣмъ находится кругъ, — привѣшена такимъ образомъ, что столбикъ, надъ коробкой утвержденный, можно поставить въ какое угодно положеніе къ горизонту. Последнее совершается съ помощью винта съ зубчатымъ ко-

лесомъ, цѣпляющимся за другіе зубцы, находящіеся на особой дугѣ F, прикрѣпленной къ коробкѣ Е. Этимъ способомъ удобно придать оси инструмента PP направленіе оси, опредѣляемой по извѣстной широтѣ каждаго мѣста. Также должно привести эту ось на вертикальную плоскость меридіана того мѣста, что весьма легко исполнить, проведи направленіе MM этого меридіана на основаніи инструмента. Отъ механизма идетъ внутри столбика винтъ, приводящій въ движеніе дугу JJ и придающій такимъ образомъ зеркалу или подлежащее направленіе. Это металлическое зеркало или должно постоянно отражать солнечный лучъ NO, измѣняющій свое направленіе вмѣстѣ съ видимымъ движеніемъ солнца, — по одному и тому же направленію ON и, слѣдовательно, соответствен-но солнцу измѣнять свое положеніе.

По чертежу видно, что средняя линія этого зеркала поддерживается переломленной рамкой, образованной изъ двухъ вилъ, точка соединенія и обращенія которыхъ находится въ а; на этой же точкѣ находится еще небольшая стойка af съ прорѣзомъ, прямоотвѣстно утвержденная на плоскости зеркала и отъ которой идутъ полосы df и cf къ обѣимъ виламъ, къ которымъ онъ прикрѣпленъ такимъ образомъ, что могутъ свободно обращаться. Черезъ прорѣзъ идетъ винтъ f, связывающій въ этомъ мѣстѣ обѣ полосы.

При взглядѣ на общее устройство можно видѣть, что если, на примѣръ, поднять точку F, то повысится и сообщаемая съ нею вила, а за нею и точки d и f, слѣдовательно зеркало постоянно измѣняетъ свое положеніе вмѣстѣ съ движеніемъ дуги JJ.

Положимъ, что инструментъ поставленъ такимъ образомъ, что ось его PP и направленіе LR лежатъ на вертикальной плоскости меридіана, и что съ помощью дуги F, ось PP поставлена по направленію земной оси, то въ прорѣзъ ставятъ дугу JJ на степенъ настоящаго направленія солнца и обра-

зуютъ всю верхнюю часть инструмента до тѣхъ поръ около оси PP, пока, наконецъ, стрѣлка е не означитъ на принадлежащемъ къ ней кругѣ настоящее время того мѣста, на которомъ инструментъ находится. Если завести механизмъ, то онъ будетъ передвигать дугу JJ соответственно движенію солнца; точка J' будетъ измѣнять свое положеніе, соответственно движенію дуги; въ слѣдствіе этого будутъ измѣнять положеніе точки d и f, а съ ними и стойка af, которая будучи утверждена прямоотвѣсно на плоскости зеркала, будетъ измѣнять и его положеніе такимъ образомъ, что солнечный лучъ NO будетъ падать подъ такимъ угломъ, что онъ постоянно долженъ отражаться по направленію LOR.

Кромѣ того, при этомъ инструментѣ находится еще аппаратъ для повѣрокъ, котораго мы не показали на чертежѣ, во избѣжаніе сбивчивости и запутанности.

СМѢСЬ.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

Позвольте намъ, многоуважаемые читатели, примкнуться въ уголокъ этого листка со *словцолю*. Слово бываетъ *красное*, называемое по русски анекдотомъ; бываетъ *острое*, *отрывное* — если кстати сказано; оно бываетъ и *выцѣ* у того, кто далеко впередъ видить; во все это не то. Наше слово будетъ просто слово русское, какъ говорить, сирота, которой нельзя же не дать гдѣ нибудь ириота. Поставимъ кружку на бѣловости и на счастье сироты — и будемъ класть туда мимоходомъ по погатѣ, приглашая и другихъ къ тому же. Авось найдутся и вкладчики и добрые соучастники, которые станутъ пускаться добро это въ оборотъ.

Съ одной стороны, въ подобномъ дѣлѣ нельзя не понасть иногда въ крайности, — хотя понятіе объ этой крайности зависитъ отъ личнаго взгляда, почему и могутъ ошибаться оба, и вкладчикъ и браковщикъ; съ другой, ничего нѣтъ легче, какъ поднять любое слово на лубокъ. Направленіе письменности нашей очень склонно теперь къ такимъ пересмѣткамъ, не заботясь о дѣлѣ, а только о потѣхѣ, которой должно стать на одинъ мѣсяць, до слѣдующей книжки журнала. Станемъ ли мы вѣрить съ докторомъ Папглюсомъ, что все на свѣтѣ къ лучшему — или будемъ полагать, что всякій, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, долженъ заботиться о томъ, что по убѣжденію его добро и благо; — во всякомъ случаѣ должны мы итти каждый своимъ путемъ: поспоривъ на миръ слово покидать, не гнѣваться на *строе* слово, если оно у кого съ языка сорвется; не вѣрить слѣпо всякому *выцѣму* слову, потому-что не всякъ правъ, кто божится; а затѣмъ — держаться своего, *русскаго слова*, какъ каждый народъ держится своего.

В. Луганскій.

1. Вмѣсто принятаго, но неудобнаго для русскаго произношенія слова *алюре* (allure), у насъ есть свое: *лобызка*. Слово *походка* выражаетъ иное, тутъ, кромѣ мѣры скорости, подразумѣвается и осанка или приемы; *поступь* выражаетъ также не то, подразумѣвая медленное движеніе, и ирптомъ стать, осанку или также приемы. Но *лобызка*, относительно лошади, выражаетъ именно то, что слово *алюре*, то есть, скорость и способъ или образъ шага, который бываетъ различнаго вида:

2. Ступа, лошадь идетъ ступою — шагкомъ; едва переставляя ноги.

3. Шагъ — лошадь идетъ мѣрными шагомъ, частымъ шагомъ, бойкимъ шагомъ.

4. Хода — средняя побѣжка между иноходи и шага, шагъ съ иноходью. Лошадь съ ходой.

7. Перевой, или въ три ноги — испорченная побѣжка, порокъ: средняя между иноходи и рыска.

6. Иноходь — лошадь съ иноходью, иноходецъ.

7. Груня или рысца; въ притруску. Пошли на груняхъ, потхалъ грунцой, т. е. самой малой рысью.

8. Рысь — итти полной рысью, пустить во всю рысь; крупная, мелкая, тряская, плавная рысь; рысцатая лошадь — рысакъ.

9. Меть — лошадь пошла метью, то есть побѣжкой, которую у насъ принято называть галопомъ, курцъ-галопомъ. У коля казистая, красная меть.

10. Скачь, скачю или вскачь. Лошадь пошла кака во весь духъ, во весь опоръ; на Украйнѣ гсворять *назаводы*. Скакуня, скаковая лошадь отисцелъ собственно до этой побѣжки, тогда какъ *блугу* говорится какъ о рысакѣ, такъ и объ иноходцѣ.

11. Письма — адресы. Пишите мне по адресу в Новгород, такому-то, на таком-то улице. Приказные и теперь пишут: по насланному предписанию или указу и проч.

12. Поступить на своих — поступник на своих есть извѣстны.

13. Заломъ — шить или шина. Кровать стоять въ заломѣ, убраннымъ бархатнымъ занавѣскамъ. Вдоль стѣны шесть полукруглыхъ заломовъ, а въ нихъ по мраморному сосуду на столѣхъ изъ дикаго камня. Столѣ или подножье — по русски шестелѣ.

14. Полице въ Великобританіи, а подобныя на Украинѣ называются портреты. Физиономію можно черевести обликъ.

15. Путь — почти то же, что дорога; слова: путникъ, попутчикъ, и проч. также извѣстны. Менѣе употребительны: *путевникъ* — то есть дорожный дневникъ, записки; *путникъ*, что у моряковъ рейсъ, поѣздка, особенно рѣкой или моремъ, въ одинъ конецъ; напр. плаваніе изъ Нижняго до Астрахани и обратно составляетъ двѣ путныя. *Спутность* — что удобно, по пути, сподручно — благоприятныя обстоятельства. *Путничать* — быть въ дорогѣ, на пути, путешествовать.

16. Украду двѣ зачатки — эту и слѣдующую — у добрыхъ пріятелей, у Вельмана и у Надеждина. Слова берышия и проманы означаютъ одно и то же орудіе — первое употреблялось у насъ прежде, рабѣ, а последнее позже. Но чему приписать такое преобразование одного и того же слова, гдѣ слова можно узнать общій корень? Откуда произошло берышия — не знаю; но оно древнее, и отъ насъ перешло къ народамъ Готскимъ, которые, по своему языку своего, придали ему окончаніе ая или эя; изъ чего и вышло берышия. Изъ слова берышия, Пѣтчи сдѣлалъ *petitsie*, а Французы *petuisane*, что обошло кругомъ и возвратилось опять къ намъ подъ именемъ *промана*.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Петербургѣ прибылъ недавно Г. Петровскій съ новонаобрѣтеннымъ имъ инструментомъ: аккордеонъ. — Открытіе это такъ важно для всей музыки, что мы непременно опишемъ его со всею подробностію. Теперь только удовлетворилъ читателей нашихъ въ важности сего изобрѣтенія тѣмъ, что знаменитый Эльнеръ, Корней высокой музыки, со всею торжественностію печатно увѣщывалъ аккордеонъ своею похвалою.

Къ обещану огорченію всѣхъ знавшихъ Эльнера, мы должны сообщить полученныя изъ Варшавы извѣстія. — Увѣдомляютъ, что знаменитый старецъ подвергся сильному апоплексическому удару. — Всѣ почитатели Эльнера, т. е. всѣ Варшава обитатели, необходимыя участіе къ болыному. — Конечно, Эльнеръ достигъ глубокой старости, но дальнѣйшихъ извѣстій о холѣ его болѣзни мы ожидаемъ съ вѣщеннымъ сердцемъ и грустью.

Когда-то мы дождемся желѣзныхъ дорогъ по всему пространству нашей безгнѣрной Имперіи; а между тѣмъ сообщенія наши чрезвычайно затруднительны даже съ важнѣйшими городами. Кто задумаетъ поѣхать на югъ Россіи, долженъ покупать или собственный экипажъ, или страдать на перекладныхъ возозакахъ. Но этому съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили мы въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленіи о дилжансахъ по вѣкторнымъ направленіямъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ еще всѣхъ губернскихъ вѣдомостей и потому не можемъ сообщить подробныхъ свѣдѣній обо всѣхъ облегченіяхъ въ сообщеніяхъ по Россіи. Положительно же можемъ сказать только, что съ 1-го января 1845 года дилжансы обиваютъ ходить изъ Москвы въ Тулу, Орель, Нижній Новгородъ, Сазань, Кіевъ, Курскъ и Харьковъ; цѣна мѣстъ весьма умеренная, — отправление два раза въ недѣлю. — Исчисленные пункты занимаютъ значительное пространство Россіи. Желательно было бы чѣтъ послѣдователей хорошему предпріятію и другихъ пунктахъ Имперіи.

На мюнхенскомъ придворномъ театрѣ была дана во второй разъ, 15 января и. ст. большаго Орте-Севи, написанная собственно для сцены этого театра. Въ первый разъ она была играна — 64 года тому назадъ. Эта старинная опера — *Иоланта*, Моцарта. Итътъ совѣтъ, что ни одинъ изъ настоящихъ почитателей театра не помнитъ перваго представленія, слѣдовательно второе было дано предъ новымъ поколѣніемъ. Моцарту было 24 года, когда онъ написалъ эту оперу; сердце его было еще полно пламенною любовію къ искусству и вдохновеніемъ; онъ мечталъ о славѣ и безсмертіи; онъ былъ въ тѣхъ золотыхъ дѣлахъ, когда и самый прозаическій юноша дѣлается на мгновеніе поэтомъ!... Публика собралась въ театръ не въ надеждѣ услышать дивную музыку, которую новѣйшія прозаическія геометрически-музыкальныя образованія сдѣлали для нея непонятно, но болѣе изъ уваженія къ памяти безсмертнаго композитора. Мало по малу, однакожъ, всѣ слушатели были увлечены вдохновенными звуками великаго композитора. Второе представленіе *Иоланты* увѣчалось самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

— Въ Англии *Собокъ* также вошелъ въ моду. Въ началѣ нынѣшняго года играли въ Лондонѣ *Антиону*. Не пора ли и намъ?

— Профессоръ *Речеръ*, теперешній драматургъ берлинскаго придворнаго театра, ведетъ съ литераторомъ *Рубъ* критическій споръ о необходимости смерти Кордеана въ «Король Лиръ». — Есть ли чей спорить!!

— Многія газеты выступили въ весьма важный споръ о томъ, имѣетъ ли право режиссеръ кобенскаго театра, какъ членъ театра, надѣть на окончаніи одной оперы на пѣвицу *Сабану Гейсфельдеръ* лапурвы вѣнокъ?... Какъ вы думаете? Намъ кажется, что слѣдовало бы теперь унизить театральныя штаты и уредить особенное должностное лице, для вѣчанія артистовъ и поднесенія букетовъ и другихъ извѣстней театральнаго восторга.

— Извѣстный вѣнецкій драматическій писатель *Гудковъ* написалъ новую комедію: *Оригиналь Турюфа*. Пьеса эта играна уже на всѣхъ германскихъ театрахъ, и пѣла и имѣетъ вслѣдъ самымъ блистательный успѣхъ. Сюжетъ основанъ на патріархѣ президента Ламоньона (служившаго Мольеру образцомъ для *Тартюфа*). Ламоньонъ, какъ извѣстно, дельчески старался, чтобы Людовикъ XIV не позволилъ играть *Тартюфа*. Гудковъ воспользовался хитрыми просками президента, расположилъ ихъ съ искусствомъ, придавъ каждому лицу особую характеристику, однимъ словомъ, создалъ классическую комедію, которая одна, по мнѣнію германскихъ журналистовъ, могла бы упрочить славу его. — Гудковъ пишетъ теперь, или уже написалъ, новую драму: *Нунассет*.

ПРЕФЕРАНСЪ.

Показаніе.

Не право о вещахъ тѣ думаютъ Шуваловъ, Которые стекло чуютъ ниже минераловъ.

Итътъ, стекло, и хрустко, и рашить, но приносить величайшую пользу, какъ Преферансъ, игра съ поззіей, съ сильными ощущеніями, съ тактикой и стратегіей, словомъ *Orbis rista*, маленкій міръ, на 32 страницахъ. Если степенно кадрить можно сравнивать съ важнымъ вѣстомъ; голову кружащій валетъ съ головоломнымъ бостономъ, то ужъ Преферансъ рѣшительно можно сравнить съ граціозной полькой. Тамъ надо непременно уметь играть, тутъ уметь танцовать. — Полька и Преферансъ даются самоучкамъ только съ геніальными способностями, а иначе глядѣтъ приторно, когда неграціозно играютъ въ Преферансъ или владъ пляшутъ польку. Но умѣнье предплагаетъ науку? Истина не опровержимая. И потому то столько интересно поспорить о правилахъ Преферанса, о важнѣйшихъ случаяхъ этой разнообразной игры

какъ о томъ, какъ должно играть всякія русскія слова, которыя теперь пишутъ въ еще долго будуть писать разное. Тутъ языкъ — гдѣ очиняется игра; изданныя о Преферансѣ книги, кажется, не соответствуютъ важности предмета. Въ издѣлѣннй господахъ есть сухость, какъ будто пишутъ о какомънибудь вѣстѣ, или ужъ отпущаютъ такія шуточки, что подумается дѣло и дѣло о дурачкѣхъ. Итътъ, М. Гг., и на балетные танцы прежде смотрѣли какъ на акробатическія представленія наидонъ; явилась Талиони и танцы въ балетѣ — получили художественное значеніе. Вѣсму вѣною Граціи. Ревизія объ отпущеніи правилъ Преферанса, я убѣдился, что сей великой цѣли можно достигнуть не иначе, какъ аналитическимъ путемъ, разсматривая сначала частные случаи, и расчлѣняя ихъ по соответственнымъ категориямъ. Извѣстныхъ уже мнѣ случаевъ не мало; но что они могутъ значить, когда въ одной здѣвншей столицѣ, изъ 400,000 жителей ежедневно играютъ въ Преферансъ 500,000? Если допустить, что съ каждымъ изъ нихъ въ продолженіи десяти лѣтней практики случится только одинъ странный примѣръ — согласитесь, что изъ нихъ наука Преферанса должна сложиться нѣсколько сотенъ разъ, — а мы до сихъ поръ не только и не имѣемъ, но къ стыду нашему громко поговоримъ, что эта наука и существовать не можетъ. — Чтобы спасти игру игоръ, картонную польку, отъ столь пессимидныхъ обвиненій, мы устроили Редакцію отвѣсти на листахъ. Иллюстраціи уголокъ для построчки великоблѣннаго злѣна, гдѣ современныя должны возрасти и процвѣсти теорія игры, повсемѣстно господствующей. Почему и приглашаемъ всѣхъ любителей и знатоковъ картоннаго міра сообщить замѣчательнѣйшіе случаи, которые на нихъ или на противниковъ, наводили недоумѣніе, страхъ, ужасъ, или поражали совершенствомъ искусства въ розыгрышѣ трудныхъ игоръ. Любнѣйшіе случаи съ дозволеніемъ Редакціи, будутъ помѣщаться въ Иллюстраціяхъ, а смотря по ихъ важности, прилагаются и гравюры... Обожаемые, и вы, простые любители игры игоръ! Да не осудятъ усердіе ваше къ общему дѣлу. — На первый случай вамъ предлагается юридическій вопросъ: какъимъ образомъ, не участвуя въ игрѣ, можно постановить рѣзультъ? Предупреждаемъ, тутъ нѣтъ никакой коварной хитрости. И вопросъ и разрѣшеніе его — возникли изъ фактовъ и подлежатъ разсмотрѣнію картонной юриспруденціи.

В. П. И. П. и Д. П.

ПЕРЕПИСКА.

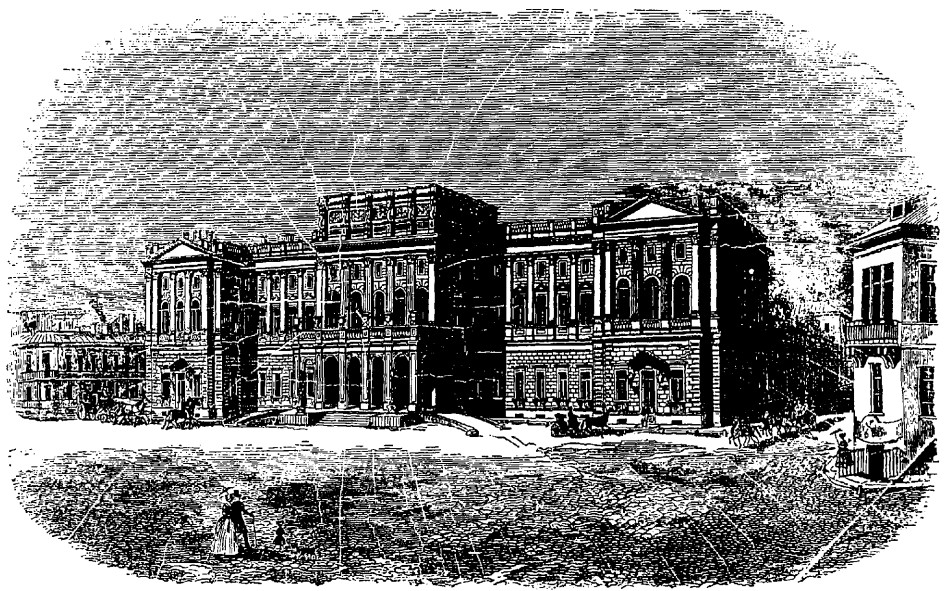
Въ М. — И. П. Б-ну. Мы получили нѣсколько писемъ, одинаковаго съ Вашимъ содержаниемъ. — Въ Пель и Кубокъ — вы уже выдѣли. Подбукетника и бракета мы еще не могли достать рисунковъ, не успѣли къ первому номеру изготовить гравюры.

Въ К. — Г. А. С. — Вы ошибаетесь. Что полезно, то не можетъ быть скучно. Не спрашивайте позволенія, а признайте какъ можно болѣе такихъ статей. Все, что касается до промышленности, торговли, мануфактуръ-фабрикъ и прочее, мы будемъ помѣщать съ преимуществомъ даже предъ литературою. Если вы обремените насъ болынымъ числомъ техническихъ гравюръ, то предупреждаемъ, или вы должны принять художественные расходы на вашъ счетъ, или мы уменьшимъ число это и ограничимся только необходимыми. Такъ дѣлаютъ всѣ заграничныя Иллюстраціи при многыхъ тысячахъ подписчиковъ, а мы еще начинаемъ. Прибавьте къ тому, что техническія статьи заключаютъ интересъ частный, хотя и пользу общую.

Примѣчаніе. Редакція не можетъ еще дать отвѣта на множество полученныхъ ею писемъ; особенно па тѣхъ, въ которыхъ сообщаются ей городскіе на-счетъ Иллюстраціи слухи. Теперь эти письма сортируются, и если окажется нужнымъ, распечатать отвѣты на каждый родъ писемъ особѣ.

СЮРПРИЗЪ.

Читатели, которымъ конечно извѣстны разныя сомнѣнія, предсказанія, гаданія и привязки насчетъ изданія Иллюстрацій, вѣроятно ни отъ кого пзъ этихъ распространителей неблагоприятныхъ слуховъ не слышали съ какою затрудненіями соединяется, въ особенности у насъ, исполненіе подобнаго предпріятія. Вотъ образецъ. Первый номеръ уже набранъ; достоинство главной гравюры, съ рисунка, сдѣланнаго чуть-ли не въ микроскопъ, и исполненной барономъ К. К. Клотомъ съ поразительною отчетливостію — требовало, чтобы для безопасности и для сохраненія ея въ отливкахъ, была сдѣлана форма.... Гравюра довѣрена опытнымъ рукамъ; но ночь книжничья составомъ она разтреснула и Редакція принуждена была распорядиться, чтобы дворецъ былъ нарисованъ во второй разъ, и во второй разъ вырѣзанъ. Объ издержкахъ не говоримъ, но потрудитесь сосчитать сколько лишнихъ леей потеряно, а такіе сюрпризы въ меньшемъ видѣ случаются на каждомъ шагѣ. Они извѣстны только Редакціи, и Редакція сочла нужнымъ подѣлиться съ читателями своимъ печальнымъ опытомъ, который нѣкоторымъ образомъ можетъ служить залогомъ ея усердія къ советливому и старательному исполненію всего изданія.

АНЕКДОТЫ.

Всѣ націи имѣютъ свои собственные анекдоты, историческіе, общіе, частные, провинціальныя, театральныя, музыкальныя, какіе угодно. Есть цѣлыя многотомныя коллекціи анекдотовъ. Эти собранія полезны, необходимы, рѣшуютъ вѣка, моды, обичаи, нравы, понятія, свойства и качества не только цѣлой націи, но отдѣльных провинцій, кастъ и т. д. До сихъ поръ были уже и у насъ попытки изданій въ этомъ родѣ, но въ маломъ объемѣ, не всегда съ удачнымъ выборомъ. Иллюстрація открываетъ и для этой части ежедневныхъ разговоровъ особое мѣстечко. Безъ сомнѣнія въ анекдотахъ многіе будутъ встрѣчаться съ знакомцами, но анекдотовъ нельзя выдумывать, сочинять. Анекдоты — были бывалыя. Ихъ знаютъ только очевидцы и тѣ, которымъ отъ нихъ удалось слышать; для прочихъ и самыя старыя анекдоты будутъ имѣть и достоинство и существо новыхъ. У насъ анекдоты можно раздѣлить преимущественно на историческіе, малороссійскіе, въ копѣхъ наиболѣе юморю, солдатскіе и гостинныя.

Для начала, помѣщаемъ найденный нами въ кіевскихъ губервскихъ вѣдомостяхъ историческій анекдотъ, о которомъ мы давно знали, но безъ любопытныхъ подробностей, утверждающихъ его подлинность. Вотъ онъ:

Покійный Государь Императоръ Александръ Павловичъ, проѣзжая разъ Екатеринославскую Губернію, остановился на одной станціи пить чай. Пока его готовили, Императоръ разговорился съ станціоннымъ смотрителемъ и, увидѣвъ у него на столѣ Новый Заветъ въ довольно подержанномъ видѣ, спросилъ: «а часто ли ты заглядываешь въ эту книгу?»

- «Постоянно читаю, Ваше Величество!»
- Хорошо, отвѣчалъ Императоръ, читай, читай, это дѣло доброе. Будемъ искать блага души, найдемъ и земное счастье. А гдѣ ты останавливаешь въ послѣднее чтеніе?»
- «На Евангеліи Св. Матвея».

Императоръ выслалъ за чѣмъ-то смотрителя, и въ его отсутствіе проворно развернулъ книгу,

бѣгло отыскавъ одну странную Евангелія отъ Матвея, и положивъ пять сотенныхъ ассигнацій, закрылъ книгу.

Прошло около полугода, Императоръ на возвратномъ пути въ Петербургъ, проѣзжая той же станціею, приказалъ остановиться.

— «Здравствуй старій знакомый, сказалъ Онъ, входя къ смотрителю. А читалъ ли ты безъ меня свое Евангеліе?»

— «Какъ же Ваше Величество, ежедневно читалъ».

- «И далеко дошелъ?»
- «До Св. Лукки».
- «Посмотримъ!»

Государь раскрылъ книгу и на томъ же мѣстѣ нашелъ положенныя имъ деньги.

— «Ложь великій грѣхъ!» сказалъ милосердый Монархъ, и, вынувъ ассигнаціи, указалъ смотрителю на прикрытую ими страницу, сказавъ: «читай!»

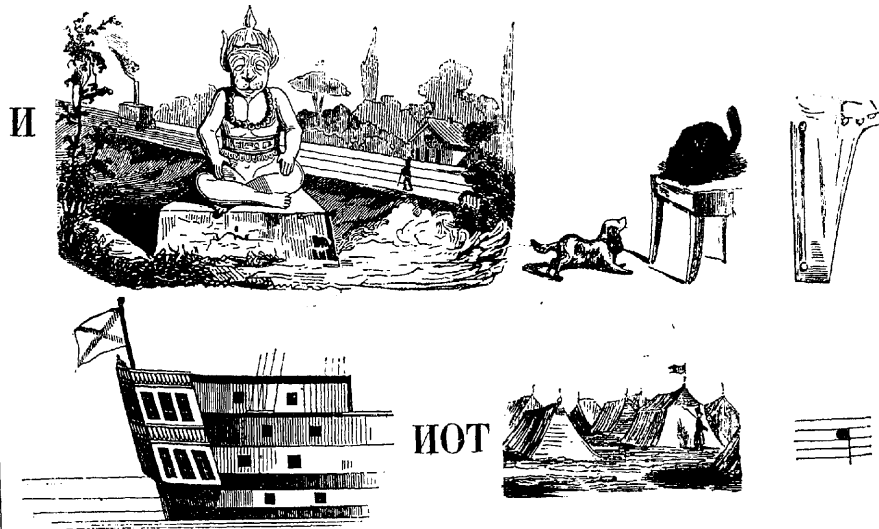
Смотритель съ трепетомъ прочелъ: «иште прежде царствія Божія, а прочая приложатся вамъ.»

— «Ты не искалъ царствія Божія и недостойнъ царскаго приложенія,» сказалъ Александръ Благословенный, и съ этими словами вышелъ изъ дому, роздалъ деньги бѣднымъ, съѣлъ въ свой экипажъ, и уѣхалъ.

НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ и Пескова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавцевъ Сивинникова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ: въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Стратномъ бульварѣ (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ №№ 4—5.

ЗАГАДКА.

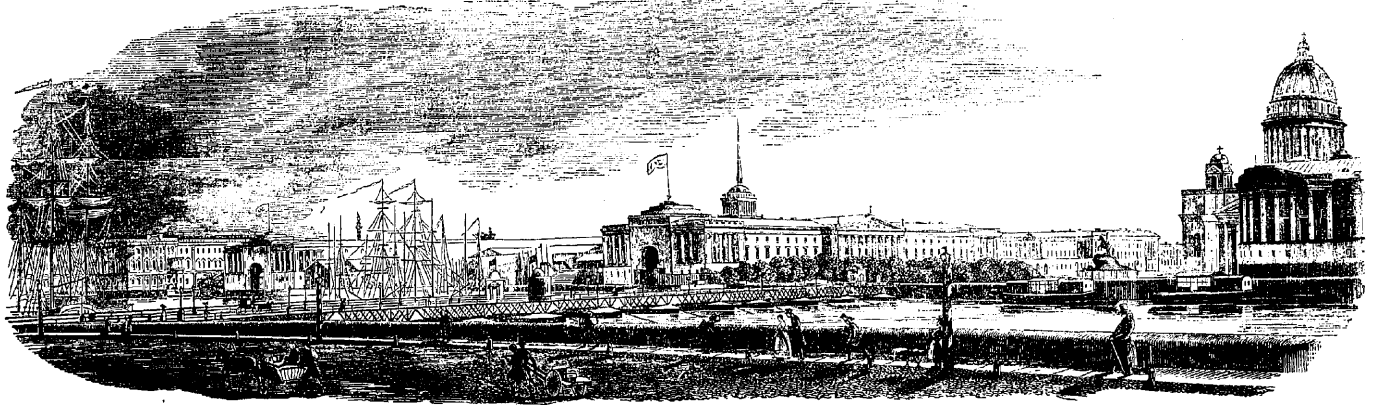
Разгадка будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ Редакціи. — Январь. — Дворецъ Ея И. В. В. К. Маріи Николаевны. Нестора Кукольника. Ошибки, разказъ А. П. Бануцкаго. Царьградскія Баня, разказъ Е. П. Ковалевскаго. Забитки Петербургскаго Жителя. Графа В. А. Солоуба. Джемъ Лидъ въ Берлиѣ, съ иллюстраціею. Драматургія. Итальянская Опера. Музыка. Польки Кажинскаго. Живопись и Музыка. Концертъ Вердіоза. Полька Лядова. Геліостатъ Эльберьянина. Смѣсь. Русскій Словарь. Газета В. Луанскаго. Разныя Извѣстія. Превращеніе. Перыиска. Сюпризъ. Анекдоты. Загадка.

ГРАВЮРЫ: Въ видѣ Петербурга. Портретъ Адм. Грейга. Дворецъ Ея И. В. В. К. Маріи Николаевны. Бывшій домъ Гр. Чернышева. Планъ Дворца. Канделябръ. Сцена въ Царьградской Банѣ. Видецъ Рубяня. Кубокъ Тамбурина. Полька. Геліостатъ. Разбитая Гравюра. Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПІЯЩАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 2. — Суббота 7 Апрѣля 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки На 5 мѣсяца 5 р. сер.

И ПВАРЬ.

(Окончаніе).

Увеселенія? Театры? Концерты? — Были. Какъ не быть? На то карнавалъ. Итальянская Опера въ полнѣйшемъ составѣ, съ новыми плохими операми, съ новою русскою піесой А. О. Дьвова... Александринскій театръ съ убилью, слишкомъ чувствительною... Французскій въ превосходномъ комплектѣ съ малымъ числомъ посѣтителей... Нѣмецкій — съ Ладдеемъ... Концерты здѣшнихъ артистовъ, въ которыхъ они принимали нѣкоторое участіе, а пѣли Италіянки. — Маскерады, горы, пикики — все было. Какъ не быть; на то карнавалъ. Въ Итальянской Оперѣ даны въ январѣ Донъ-Насквала и Бланка и Гвалтиро. Съ первою мы знакомы нѣсколько по партитурѣ и журнальнымъ разборахъ.

(Е. И. Колосова)

Со второю не успѣлъ познакомиться потому, что слышалъ только одинъ разъ. По нашему мнѣнію величайшая дерзость — произносить приговоръ труду долговременному, добросовѣстному, основываясь на впечатлѣніяхъ одного и то перваго представленія. Навѣсто каждому, сколько нибудь знакомому съ закулиснымъ міромъ, что значитъ первое представленіе. Арти еще исполняются и отдѣляются довольно хорошо; но совмѣстное пѣніе комедіи, не имѣетъ надлежащей отчетливости, не

твердо въ движеніяхъ; хоры въ первое представленіе, особенно если пѣютъ входы въ пѣніе перваго плана, идутъ еще хуже. Репетіиіи также нельзя дѣлать много, потому что у всякаго итальянскаго артиста есть свой бенефисъ; каждый хочетъ блеснуть новостію, а все это съдѣлать время. — Александринскій Театръ лишился — Александры Михайловны Каратыгинной. Въ послѣдній разъ она являлась въ бенефисѣ В. А. Каратыгина, въ небольшой комической роли. Отходъ Александры Михайловны отъ театра, событіе весьма важное. Въ газетахъ достойно оплакали эту потерю; а въ небольшой брошюрѣ съ литографированнымъ ея портретомъ, довольно удовлетворительно начертана ея біографія. В. В. В., сочинитель брошюры, имѣетъ собственный взглядъ на искусство, съ которымъ не можемъ согласиться; почему въ этой брошюрѣ для насъ дороги только факты. Хотя брошюра и носитъ названіе біографіи, однакоже годъ рожденія — пропущенъ. — Начинаясь прямо съ художческаго воспитанія артистки. Отецъ Александры Михайловны былъ музыкантомъ при театрѣ и хотѣлъ, чтобы дочь посвятила себя музыкѣ; мать — Евгенія Ивановна Колосова, какъ говоритъ сочинитель біографіи, славилась въ балетахъ. При выѣздѣ изъ театра балета, эта фраза не подаетъ о прекрасномъ талантѣ Евгеніи Ивановны никакого понятія. Тогда въ балетахъ выплывала она точно также, какъ теперь выплываютъ ихъ въ операхъ, — весьма не много, малымъ приемами, прѣдѣла.... а балетъ во всемъ блескѣ богатой постановки двигался на сценѣ какъ драма и увлекалъ зрителей содержаніемъ. Тогда не считали сколько секундъ выстоять дѣвушка на носкѣ, или сколько разъ на воздухѣ искрестить ногами антрша. Тогда смотрѣли на пѣмую игру артистовъ, угадывая тайный смыслъ ихъ безсловеснаго разговора. Тогда заботились о выраженіяхъ лица, теперь хлопочутъ о выраженіяхъ ногъ. И конечно, Евгенія Ивановна славилась въ балетахъ, но игрой, силой выраженія страстей, правдой тѣлодвиженій и мимикки. Теперь въ балетѣ эти достоинства и исполнены. Талантъ Талиони сдѣлалъ съ нимъ то же, что новые виртуозы съ фортепіанной игрой. — Евгенія Ивановна имѣла болѣе расположенія къ трагическимъ балетамъ, хотя всездѣ обладала высокой граціей. Поимѣемъ портретъ Е. И. Колосовой, съ оригинальнаго портрета, давнымъ давно написаннаго покойнымъ профессоромъ Варнекомъ. Костюмъ припадаетъ лицу мужественности, но при всемъ томъ въ портретѣ мало сходства. А. М. воспитывалась въ пансіонахъ Неймстеръ и Мюссаръ; училась русскому языку у Н. И. Греча, музыкѣ у Фильда; Семенова уговаривала ее обратиться къ комедіи, Шаховской къ трагедіи, Катенинъ и къ той и къ другой. Все такъ, но кажется, что къ трагическому поприщу всенякъ

по увлекала А. М. игра Семеновы, балеты Дидло и успѣхи въ нихъ Евгеніи Ивановны. Можно утверждать положительно, что сама А. М. въ началѣ не имѣла особеннаго расположенія къ комедіи; что дарованія Семеновы и Е. И. возбуждали то художническое волненіе, которое низшесть высокой талантѣ подлѣ непремѣннымъ вліяніемъ того, что въ спальной степени нравится публикѣ. — Три дебюта, одинъ за другимъ, поставилъ А. М. весьма высоко въ мнѣніи публики и дирекціи. Антигона въ трагедіи Эдипъ въ Аэнахахъ (16 дек. 1848 г.), Моппа и наконецъ Эсмеръ очаровали всѣхъ и каждого. Въ то же время А. М. сыграла Молодыхъ Супруговъ, піесу, въ которой молодость, красота и общественные таланты микроскопически должны были увеличить высокой дарованія артистки. Тогда только А. М. заключила

(А. М. Каратыгина)

съ дирекціей контрактъ, за 1750 руб. жалованья, 250 руб. на квартиру, 500 на гардеробъ и 8 сажени драгъ сукна. Въ этомъ первомъ періодѣ службы А. М. играла роли Нюргеніи, Запры, Креузы вмѣстѣ съ Семеновою, Лизы въ Притворной Невѣрности, Эльдемоны въ старомъ Отелло и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ перемѣною контракта получила 4-т руб. жалованья; но вскорѣ, какъ всездѣ и всегда, начались неудовольствія... Евгенія Ивановна продала бриллы и увезла на эти деньги А. М. въ Парижъ. Тамъ въ теченіи года она успѣла изу-

чить знаменитых актрис Дошману, Жорж и Марсь, воспользоваться софитами Таалмы и, возвратясь, выступила на любимое поприще в роли Герционы. Рядъ успехов въ Петербургѣ и Москвѣ послужили поводомъ къ новымъ неудовольствіямъ; 5 января 1825 года, Колосова была оставлена отъ театра; но въ апрѣлѣ того же года участіе, съ въ концертѣ А. Каталинн, напомнило объ ней публикѣ, помирило съ дирекціей. — Съ этихъ поръ, подъ именемъ Колосовой, она играла до 1827 года; а замужемъ за В. А. Каратыгинимъ продолжала службу до 1845 года непрерывно, играла въ классическихъ и романтическихъ трагедіяхъ и комедіяхъ, всегда съ успѣхомъ, часто возбуждала восторгъ и заслуженное удивленіе. Репертуаръ А. М. былъ столь огроменъ, что биографъ не могъ исчислить всехъ пьесъ, въ которыхъ А. М. участвовала. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ биографіи пропущена одна пьеска въ Москву, если не ошибаемся, въ 1854 или 1855 году.

По не въ этомъ дѣло. Брошюры В. В. В. нельзя назвать биографіей; это легкій очеркъ ксатати, потому, что потеря А. М. весьма чувствительна для всехъ любителей сцены, а для русскаго театра незаменима. Главнѣйшая и огромная заслуга А. М. — это та, что она безъ предшественницъ создала высокую русскую комедію и оставила нѣчто свое даже безъ кандидатокъ; обогородила ягру тогда, когда у насъ не было иностранныхъ

образцевъ. Мельомена долго будетъ грустить и тосковать по ней; Таинъ всегда оплакивать.

Французскій театръ — игрушка и жертва моды, былъ убитъ Италійскою Оперою. Не смотря на превосходные таланты артистовъ, столь счастливо соединенные въ одну труппу, — Михайловскій Театръ во время французскихъ спектаклей пусть... тогда какъ прежде одинъ талантъ привлекалъ въ ту же залу всю столицу. Въ гостинныхъ, гдѣ прежде только и слышны были словопрениі о Бурбѣ и Алланъ, теперь идетъ странный разговоръ о сри-внительномъ достоинствѣ... — кого бы вы думали, — Кастаньянъ и... Вярдо-Гарсін... А между тѣмъ французская труппа не была у насъ въ такомъ великолѣпномъ составѣ. Можетъ быть, въ частности въ Парижѣ найдутъ артисты лучше нашихъ, но все вѣстѣ... Нѣтъ, положительно, такой труппы нѣтъ и въ Парижѣ... Естественно, что при такомъ несправедливомъ равнодушіи къ французскому театру, не было и нужды освѣжать его новыми сюжетами, даже новыми пьесами. Притомъ же въ январѣ кто рѣшится ѣхать въ Петербургъ, гдѣ въ время парижской весны двадцать градусовъ мороза.

Итвецкій театръ — у насъ въ Петербургѣ нѣчто царюнос. Такъ какъ и русскій, онъ держится собственными ередствами, поощляется случайно гостями; пзъ нихъ Ладлей — весьма замѣчательнъ;

но въ сіяніи Италійской Оперы и онъ едва при-мѣтень...

Концерты — принадлежность марта. Въ январѣ они неумѣтны, взишши, какъ желѣзная печка въ комнатѣ, въ которой и безъ того жарко. На большомъ театрѣ вѣчный концертъ и едвали италійскую оперу не должно называть концертомъ огромнаго размѣра. Еслибы еще концерты давались съ начала оперной поры, пока слушатели не привыкли къ артистамъ, дѣло иное, могли бы быть и хорошіи сборы и занимательность, а то въ январѣ, когда уже и фаватикн утомлены, когда тѣхъ, которыхъ ставили выше Пасты и Малибранъ, уже считаютъ обыкновенными итвнцами, когда вызываютъ любящихъ, вѣсто двадцати, только по десяти разъ — какія тутъ могутъ быть концерты? Въ залахъ было холодно, въ кассахъ — голодно... Остальные увеселенія января не были лучше. Въ маскерадахъ было проторно; къ концу илзали польку... Вообще и тутъ никакого одушешенія... Словомъ, январій январь не походилъ ни на одинъ изъ всехъ бывшихъ на нашей памяти январей. Петербургъ злѣбъ отъ скуки и морозовъ... кашлялъ-ленился — и только въ антекахъ можно было слышать похвальное словечко новому году. Но иногда дурное начало ведетъ къ хорошему концу... Иллюстрація, какъ себѣ, такъ весьхъ и каждому, желаетъ, чтобы одиннадцатъ мѣсяцевъ 1845 года не походили на этотъ несносный январь.

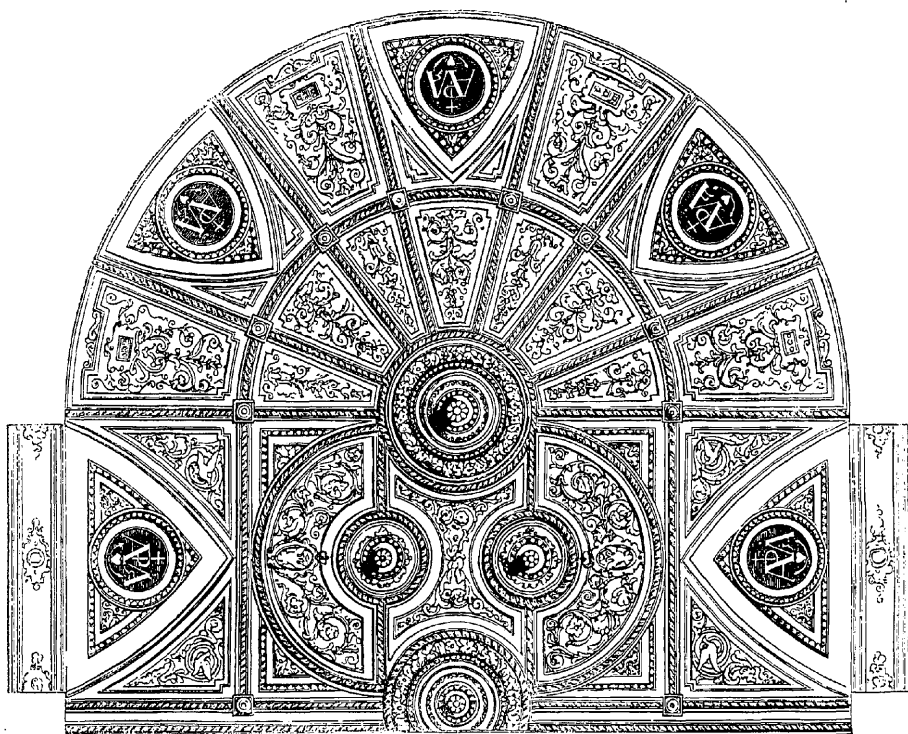
(Зимній садъ во Дворцѣ).

ДВОРЕЦЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
 ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ
 въ
 С.-Петербургѣ.
 (Описание).

Въ прошедшемъ номерѣ мы осмотрѣли почти весь бель-этажъ; почти, говоримъ потому, что цѣлая часть этого жилья въ переулокъ занята запасною половиной, и служебными покоями, а на Вознесенскій Проспектѣ

почти на все протяженіе Дворца идутъ также служебные покои; только будуаръ à la Pompadour и часть малаго кабинета выходятъ на эту улицу. Нельзя забывать въ этомъ особеннаго расчета — удасть жильныя комнаты отъ городского шума, отъ грохота экипажей, отъ пронзительнаго пѣнія разнощиковъ, соединяя съ тѣмъ и важное хозяйственное удобство, которое состоитъ въ томъ, что вся важнѣйшая, необходимѣйшая прслуга для обонхъ отдѣленій, такъ сказать, подъ рукою. Сверхъ того эти комнаты, по необходимости, были бы мрачны,

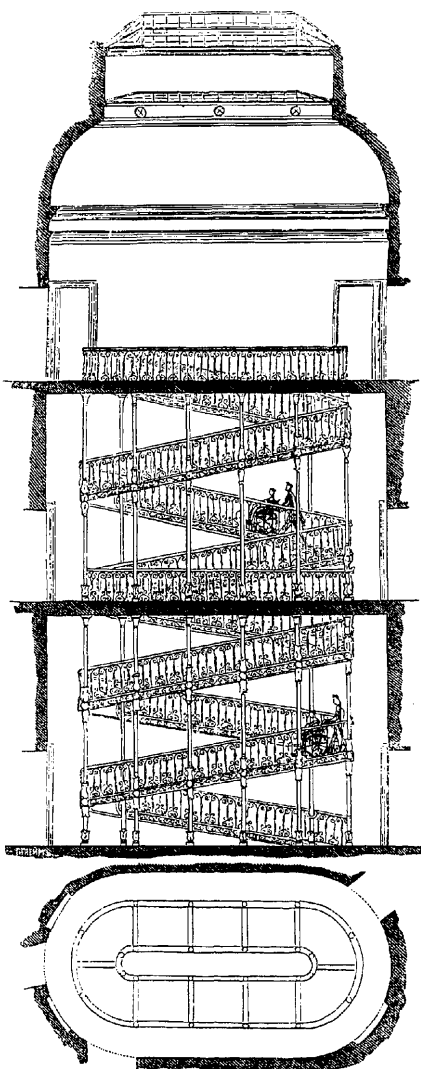
потому что Вознесенскій Проспектъ не похожъ на петербургскую улицу по размѣрамъ. Тѣсно. За то половина Ея Высочества такъ счастливо расположена, что все комнаты отъ малаго кабинета до зимняго сада включительно — кажутся япкующими. Солнце какъ встаетъ, какъ только разгонитъ утренніе туманы и обильный дымъ безчисленныхъ трубъ столицы, — первый визитъ — въ эти комнаты, и ужъ весь день гоститъ здѣсь безъ устаня, позлашая тропическую зелень зимняго сада, или играя въ красныхъ орнаментахъ, или

(Потолокъ во Дворцѣ).

освѣщая произведенія пекушеной кисти. Вотъ ужъ истинно *in loco artis*, какъ говорили Римляне, на припекѣ, на солнцѣ, подѣ солнцемъ, и вѣроятно подѣ солнцемъ итъ на одного дворца, который бы передъ новымъ илъ преимущество въ этомъ отношеніи. Правда, въ иныхъ мѣстахъ бѣгутъ отъ солнца; строятъ портики въ нѣсколько рядовъ колоннъ, чтобы заставить лѣтний воздухъ двигаться, вліяніе солнечныхъ лучей ослабить; обращаютъ окна на сѣверъ... такъ ли еще ухщряются; напримеръ Мавры дѣлали для солнечныхъ лучей заборы, чтобы они путались и приходили внутрь зданія измученные, усталые, слабые; словомъ, отворачиваются отъ солнца; но у насъ въ Петербургѣ въ зимніе мѣсяцы солнце—роскошь. Гелиолатрически свѣтитъ оно нѣсколько часовъ, подѣ такимъ угломъ, что видѣть видимъ солнце, но не ощущаемъ его благодѣтельныхъ свойствъ. Зиму оно похоже у насъ на безстрастную луну. Если можно, было бы весьма не душно вмѣсто зеркальныхъ ставней въ окна зажигательныя. тогда можетъ быть нѣсколько минутъ позволительно было-бы зимнее солнце называть солнцемъ. Но ужъ если у дневнаго свѣтла нельзя добыть тепла, берегите по крайней мѣрѣ свѣтъ—и эта экономія въ новомъ дворцѣ соблюдена въ полномъ смыслѣ.

Внутренняя лѣстница ведетъ вверхъ въ уютную и весьма эффектно освѣщенную церковь, внизъ въ дѣтскую половину и обширныя внутреннія сѣни съ подъездомъ на дворѣ. Эта лѣстница если и не отличается безпужнымъ просторомъ, то за то составляетъ особенныя удобства. Заприте всѣ парадныя комнаты, всѣ двери въ приемную, кру-

(Лѣстница во Дворцѣ).

тую, квадратную и садовую залу; закройте три четверти Дворца, между тремя жилыми половинами и службами, сообщеніе не прервется. Кромѣ этого пути домашняго сообщенія, еще двѣ дороги сплзу вверхъ и обратно: подъемное кресло и скатъ, или эллиптическая наклонность, по которой можно ѣздить на колесахъ и ходить пѣшкомъ безъ одышки. Устройство этого пути весьма замѣчательно, и такъ какъ подобныя вещи надо не чпать, а видѣть, то мы и прилагаемъ рисунокъ. Какимъ угодно путемъ перейдемъ въ отдѣленіе дѣтское. Размѣры комнатъ огромны, особенно въ высоту, что весьма важно и, какъ замѣчено, имѣетъ доброе вліяніе на здоровье; къ этимъ комнатамъ примыкаетъ прелестная рекреационная зала съ выходомъ въ нижній или собственно въ зимній садъ, очаровательный и весьма живописный. Онъ раздѣляется на двѣ неравныя половины, большая подѣ галереями, меньшая подѣ свѣтлой угловой комнатой. Пальмы и тропическія растенія должны найти гостеприимный пріютъ подѣ особеннымъ покровительствомъ сѣвернаго солнца, которому вмѣнено въ обязанность свѣтить изовсѣхъ силъ на этотъ уголь. Въ большомъ саду бьетъ фонтанъ въ четыре сажени вышиною и, освѣжая, питаетъ растенія. Бояться сырости нечего; мозаичный полъ ее не приметъ. Въ меньшемъ саду также вода, но она какъ будто обливаетъ родъ камня, перебѣгая изъ раковинки въ раковинку тонкими струями; онѣ встрѣчаются и расходятся, чтобы опять сойтись и разбѣжаться. Изъ этого садика видѣтъ и большой, и верхняя галерея, и лѣстница на нее, какъ мож-

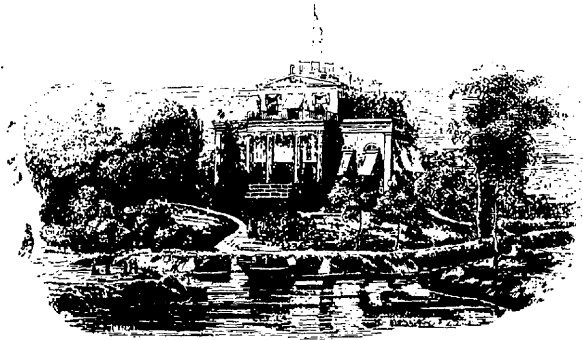
но замѣтитъ въ гравюрѣ; а по милости этой лѣстницы можно пройти прямо въ парадныя залы. Здѣсь мы остановимся и обратимъ вниманіе на эту непрерывную связь большихъ залъ. Она заключается то удобство, что хотя, повидимому, нѣтъ ни одной колоссальной залы, но совокупное пространство парадныхъ комнатъ, которыя, между прочимъ, всѣ въ два свѣта, столь велико, что по нашему мнѣнію онѣ могутъ безъ тѣсноты вмѣстить самое огромное число посѣтителей. Для большаго собранія не будетъ тѣсно, а при среднемъ числѣ гостей, не будетъ въ покояхъ грустной пустоты. Въ нижнемъ этажѣ Дворца надо еще побывать въ небольшой молельнѣ, въ которой, одно окно, или лучше сказать одна картина, освѣщаетъ покой. Она писана весьма хорошо на стеклѣ въ Мюнхенѣ.

Нельзя безъ особеннаго удовольствія не замѣтить, что достойный художникъ-зодчій и внутри Дворца одержалъ надъ всѣми затрудненіями, которыя ему поставили три старыя стѣны, ту же побѣду, какая увѣнчала его и въ созданіи наружнаго вида. Слѣдовало бы и въ техническомъ отношеніи указать на многія и весьма немаловажныя достоинства построеній. Техника — скучна, особенно въ статьѣ, которая называется для всеобщаго чтенія. Но нельзя не сказать, что во всемъ Дворцѣ, кроме паркетовъ, все камень и металлъ; всѣ своды выведены изъ кирпича; есть и горшечныя; но всѣ поразительной плоскости, такъ что и не подумать будто это своды. — При старомъ Чернышевскомъ домѣ, также были и садъ, и коюшныя, и манежъ, и особый служебный домъ; но всѣ эти принадлежності подчинились общей идее, и преобразились въ полное согласіе съ главнымъ зданіемъ. Но оставимъ технику. Объ ней, или много (а было бы что) говорить, или не упоминать вовсе. Лучше обратимся къ изящной сторонѣ зданія. Прочность постройки, удобство расположенія, все это прекрасно, все это чувствительно для живущихъ въ домѣ; но отдѣлка художественная, принадлежитъ всѣмъ. Это достоинство народнаго искусства. И въ этомъ отношеніи новый Дворецъ удивляетъ утонченностію и благородствомъ вкуса въ украшеніяхъ богатымъ разнообразіемъ въ подробностяхъ. Возьмемъ для примѣра одинъ только потолокъ. Двухъ, одинъ на другаго, пологихъ не найдете, а между тѣмъ ни одинъ, въ художественномъ смыслѣ, не хуже представляемаго въ нашей гравюрѣ. Такое же разнообразіе, съ одинаковымъ изяществомъ формъ, господствуетъ и въ комнатахъ; то же замѣтите въ полахъ, то же въ мебели. Всякую дальнѣйшую похвалу считаемъ излишнею. Дѣло говоритъ само за себя. Заключимъ статью нашу тѣмъ, что сопоставивши русскія художества въ этомъ Дворцѣ сдѣлали огромное приобрѣтеніе; зодчій, уже давно вѣстный своимъ талантомъ, оправдалъ, если не превзошелъ ожиданія, а мы

счастливы тѣмъ, что зданіе, посвященное всему полезному и изящному могли начать новымъ изящнымъ, и великодушнымъ пло-

домъ русскихъ художествъ, доказывающимъ осязаемо, до какой степени онъ достигъ уже въ наше время.

Н. Кукольницъ.

(Домъ въ Коллемахъ.)

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

Люди ко всему привяжутся, лишь бы погулять, повеселиться, другихъ посмотреть, а душе себя показать. Вы можете замѣтить это въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ. Положимъ, въ Седмицу Ваиі кетати продавать вербы; допустимъ даже, что по близости свѣтлаго праздника, можно бы сбывать фарфоровыя и другія писанки; но побѣжайте въ концѣ этой недѣли на Невскій Проспектъ и вы найдете огромный колоссальный магазинъ, раскинутый на открытомъ воздухѣ во всю длину гостиннаго двора и въ двухъ главнѣйшихъ галлерейхъ этого зданія. Покупатели волнами валять въ галлерейхъ, толпами медленно двигаются по гладкимъ плитамъ широкаго тротуара; во всю ширину Невскаго Проспекта кареты и коляски едва примѣтно передвигаются цѣпью; въ нихъ множество маленькихъ гостей... И все это покупателя? Нѣтъ! Они купятъ что нибудь, но случайно, нечаянно; а пришли сюда всѣ, кромѣ дѣтей, другихъ посмотреть, себя показать. У торговцевъ такая же смѣсь товаровъ... Не только игрушки, съѣстное продаютъ на вербномъ базарѣ, и едва ли не съ большою выгодною. Разъ въ годъ вы можете насладиться гальвой и другими греческими конфетами. Отшли вербы и греческія конфеты прячутся, такъ что ихъ съ огнемъ не отыщешь. Но вербное гулянье имѣетъ свой особенный характеръ. Тутъ гости не такъ много беспокоятся о своемъ костюмѣ, потому что петербургская весна едва начнлась отапливать землю; грязь, лавка, толкотня и гулянье отличается простотою одеждъ; гуляющіе большою частію принадлежатъ къ среднему кругу;

большой свѣтъ въ миниатюрныхъ свѣтильникахъ представителей покойно и сухо пребываетъ въ экипажахъ. Таково наше вербное гулянье. Бываетъ ли оно въ другихъ городахъ, мы не знаемъ; вѣроятно бываетъ. Тѣмъ болѣе, что въ исходѣ марта и въ началѣ апрѣля въ другихъ мѣстахъ уже тепло даже сухо. Если получимъ объ вногородныхъ вербахъ статьи по рисунку, помѣстятъ ихъ въ будущемъ году, а теперь позволюте любоваться общимъ видомъ петербургскаго вербнаго гулянья. Давно ли этотъ обычай вошелъ въ моду, опредѣлить трудно. Безъ сомнѣнія въ первыхъ вѣкахъ христіанства. У насъ въ Москвѣ была на этой недѣлѣ патриаршая церемонія. Въ Европѣ, въ странахъ Римско-Католическаго исповѣданія, празднуютъ только одно вербное воскресенье, которое и называютъ пальмовымъ, цвѣточнымъ, голубымъ; на деревянномъ ослѣ съ колесами везутъ въ процессіи статуэту Спасителя по главнымъ улицамъ города. Но цвѣточной, подобно нашей, выставки, кажется, нигдѣ не бываетъ. Къ статьѣ о цвѣтахъ. Не смотря на то, что у насъ солнце еще только о веснѣ намекаетъ, въ лавкахъ пропасть цвѣтовъ; но эти цвѣты непопулярны дороги; нѣтъ пристоупу; горшечекъ съ розой, цвѣтушей не болѣе одного дня — два рубля серебромъ; шѣпный глянцъ или парисъ — не меньше четвертака. Такъ весна не можетъ правиться, а все напоминаетъ между тѣмъ о ея приближеніи; нечего дѣлать; недостаточные люди бѣгутъ къ гостинному двору; иакупаютъ себѣ тафтяной зелени, восковыхъ плодовъ и цвѣтовъ и встрѣчаютъ съ пими весеннее солнце, которое презираетъ ихъ привзательность, даже сердится, и гдѣ ему попадетъ цвѣтокъ

или плоть, топить пешадно. — Петербургскому жителю и въ веснѣ мало утѣшенія... Она придетъ волшебница въ концѣ мая; и по Петербургу встанутъ столбы пыли. Куда от нея дѣваться? На дачи? Охъ, ужъ эти дачи. И тутъ хорошо одному богатому, а недостаточный долженъ переселиться въ родъ какого-то деревяннаго шатра, удовольствоваться березками и рябиной своего помпидушка; купаться въ болотномъ прудѣ, или гиплой рѣчкѣ; ѣздить въ городъ съ утра на тележкѣ и тѣмъ же поѣздомъ возвращаться къ обѣду, чтобы покушать и ввечеру усонкопть измученныя кости своимъ сладкимъ; подышать вечернимъ туманомъ и опять лечь спать, чтобы запастись силами для завтрашняго путешествія. Физиономія нашихъ дачъ, какъ и физиономія петербургскихъ окрестностей, чрезвычайно разнообразна. Вокругъ всего Петербурга по всѣмъ направленіямъ тянутся цѣлые загородные города; какъ же иначе назвать Царское Село, Петергофъ, Ораниенбаумъ, Павловскъ, Стрѣльну, Гатчину? Въ каждомъ тысячѣ дачъ; между этими загородными городами много большихъ и малыхъ деревень: Колпино, Нжора, Славянка, Оедоровка, Антропица, Кузьмино, Пулково, Рыбацкая, Усть Нжоры, Гражданка, Кольмаги, Парголово, Осиповая Роща, Лопухинка, Муршио... И вездѣ всѣ дома заняты столичными гостями, шущими чистаго воздуха, природы и уединенія... Каждое мѣсто имѣетъ своихъ приверженцевъ, которые предпочитаютъ его всѣмъ прочимъ окрестностямъ Петербурга. Такъ напримѣръ гости Парголова спорятъ съ своими соседями въ Кольмагахъ о преимуществахъ избранаго каждымъ мѣста. Споръ этотъ начался недавно, когда

Кольмаги оживились по множеству радушныхъ хозяевъ. Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаемъ мы праздникъ въ Кольмагахъ, бывшій въ 1843 году лѣтомъ, и отдѣленіе живописныхъ окрестностей Петербурга начинаемъ съ этого дома, съ этихъ прудовъ, надъ которыми толпилось множество гостей, гремѣла музыка, веселіе оживляло этотъ новосозданный садъ; ввечеру праздникъ заключился блестящимъ фейерверкомъ. Положеніе Кольмагъ истинно живописное. Зимнее время не позволило снять вида, который намъ очень понравился... Но мы предупредили нашихъ читателей; у насъ никогда не будетъ вѣдимаго порядка, навдошаго на читателя уныніе своимъ однообразіемъ. Правда, въ Кольмагахъ все еще было ново; деревья недороски; работы не докончаны; дорожки вчера утопаны. Итъ сомнѣнія, что теперь уже все это устроилось, развернулось, подобрѣло и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ лѣта, чтобы завернуть въ Кольмаги въ обществѣ съ художникомъ и снять съ нихъ вѣрный портретъ для Иллюстраціи. Много, много впереди. Море интереснаго, живописнаго волнуется передъ нами; какъ птица, у которой отрастаютъ крылья, Иллюстрація рвется собратъ и заключить въ своихъ столбцахъ всѣ эти загородные города, всѣ эти городскія деревни, а между тѣмъ средства наши еще незначительны; препятствій на каждомъ шагу пропасть; борьба тяжела, хотя мы убѣждены совершенно, что выйдемъ изъ борьбы этой съ честію. Пока мы обойдемъ этотъ удивительный кругъ любопытныхъ окрестностей Петербурга, итъ сомнѣнія, что возникнутъ многія новыя деревни, великолѣпныя дачи. Съ шлиссельбургскаго

парохода во многихъ мѣстахъ вы замѣтите, что наша Нева по обоимъ берегамъ украшается, заселяется, застроивается. Скоро у Невы не будетъ ни одного клочка вольнаго берега; поля, примыкающія къ ея волнамъ, уйдутъ и спрячутся за строения, за вѣтвистыя сады. Шлиссельбургскій пароходъ будетъ плыть по самой роскошной и живописной улицѣ сѣверной столицы; это время недалеко. У насъ въ годъ проходитъ десять лѣтъ, и въ будущемъ году, привѣтствуя весну, мы, можетъ быть, укажемъ на нѣсколько новыхъ загородныхъ мѣстъ, которыя теперь еще покрыты зеленью хлѣба, болотами или лѣсомъ.

ОШИБКИ.

(Объясненіе).

Во время оно рѣдки были мудрецы на свѣтѣ, а когда и случались, то какіе же то были какіе мудрецы! Одни, едва-ли не мудрѣйшіи изъ нихъ, изъ всей своей жизни вынесъ и завѣщалъ человечеству безъ обвиняемыхъ слѣдующее великое, по его мнѣнію, открытіе:—«Друзья мои, я знаю лишь то, увы! что ничего не знаю!» — Вотъ, явились мудрецы повые, которые, смекнувъ дѣло, не говоря прямо ни знаю, ни не знаю, а съ двусмысленною улыбкой хитренько повторяли только: «какъ-де намъ знать?»—Нѣсколько позже стало ихъ появляться побольше, и (по закону улучшаемости) становились они получше съ часу на часъ, такъ что одни начали говорить, что знаютъ кое-что, — другіе объявили, что знаютъ много, и наконецъ пришли наилучшіе, которые громко возгласили, что уже

знают *все!* Вот, что значитъ прогресс! — По видимому, хлопотали они всѣ о той же пагой красавицѣ, объ истинѣ, которая, какъ известно, въ мірѣ одна, такъ что, узнавъ ее единожды, обзататься вриль-ли возможно, къ тому же и ходить она безъ нарядовъ и безъ маски; — и такъ, узнавъ ее въ точности, эти благодѣтели, для блаженства человечества, вздумали не медля познакомиться съ нею, и стали писать съ нее портреты предпробные и научать людей: кто она, — что она, — отъ куда идетъ, — какъ себя ведетъ и какъ съ нею столкнуться, и какъ, безошибочно, пменно съ нею свести компанство? — Побѣждало людство толпами покупать и слушать; создались стаи мудрецовъ—учениковъ, которые около себя собрали толпы другихъ, и пошло было рѣвою, и разошлось портретовъ истины и ученій о ней всемірно. Что-жъ вышло? — оказалось, что пѣть и двухъ схожихъ между собою. — Думали, гадали, всякій защищалъ свое, дрались, кричали, были сбиты носы, опрокинутые дома, кое гдѣ пожалуй и теперь еще перебраниваются, пзводить много ума и бумаги, но это единственно для препровожденія времени и поддержанія собственной чести, — въ существѣ же: — *Условились!* Вскорѣ каждый, — по правамъ человека, свободного духомъ и несильнаго разумомъ, уже прогрессовавшимъ, улучшеннымъ, движущимся къ совершенству, махнувъ рукою на все, началъ *создавать* себя свою домашнюю истину, паввыгоднѣйшую для обихода и привычекъ создателя. — Дѣтей же, до известнаго возраста, учили старинной истинѣ, съ которою они явились въ свѣтъ горяченькіе, преисполненные высокихъ надеждъ, готовые на одрхлѣнья благородныя жертвопаванія, и Богъ вѣдаетъ на какія прекрасныя дѣянія; — но съ перваго ихъ шага свѣтъ объявлялъ неопытнымъ, съ родительскою полудобродушною улыбкою, что школьное необходимо лишь для школы, а что тутъ — уже *условились* и потому порядки во всемъ шине. — И прекрасно! Вся хитрость жизни въ условіи, это очевидно. Нравъ это, дѣти тотчасъ сами дѣлались людьми. — Да, все въ условіи.

Было же однажды, — это всѣмъ известно въ богоспасаемомъ градѣ О., что жившій тамъ мудрецъ живописнаго искусства, строго выискивая въ природу всякаго вещества и существа, рѣшился, для усовершенствованія соотчичей своихъ, изображать, по образу понятій собственныхъ, все, что бывало покажется, по глубокимъ домысламъ его, пнполезнѣйшимъ. Вотъ исписалъ онъ *ничто*, въ родѣ лоханки, на четырехъ подставкахъ, изъ которой свѣшивались, съ одной стороны—будто бы разстрепанное помело, съ другой—разучечпан на концы веревка. Долго недоумѣвали любознательные жители доблестнаго городка, — что бы могло то быть? — Нѣсколько дней мудрецъ нашъ утѣшался простодушіемъ соотчичей:

но какъ онъ былъ мудрецъ истинный, то не хотѣлъ ввергать невинность въ страшную бездну обмана, и вмѣсто открытія публичнаго курса, печатанья огромнаго учебнаго трактата, прибаванія афишъ къ домамъ пп т. п., просто написалъ подъ изображеніемъ: *«се левъ, а не собака»*. — Лѣтъ 17 спустя, въ достопамятнѣй проѣздѣ Геръ-Шушермахера, съ разными другими животными чрезъ О, его русскіе зайцы, сурки, ящерики, и волчаты, были съ великимъ одобреніемъ приняты за индійскихъ дивныхъ зверей; — но за настоящаго, хотя конечно весьма швалиднаго африканскаго льва, отняли отъ Шушермахера собранныя пмъ деньги, и самъ онъ едва спасся за упорство, съ которымъ требовалъ, чтобъ это животное было названо львомъ; согласались признать его пожалуй стророкампомъ, левифаномъ, чѣмъ угодно неизвѣстнымъ городу, — по львомъ?... *Пзвипшите!* Людей, наученныхъ мудрецомъ, глубокимъ знаткомъ дѣла, и послѣ того размышлявшихъ тоже кое о чемъ лѣтъ 17-ть, не такъ то легко надуть даже и въ градѣ О., (а повьше уже и говорить нечего) — какъ кажется то съ перваго взгляда какому нибудь Геръ-Шушермахеру. Дѣло въ томъ, что истина была уже *условлена*, и конечно до новаго условія, а въ немъ еще не настояло ни особенной надобности, ни, что важнѣе, выгоды...

«Помшуи — любезный, ты, кажется, заиснулъ!» — Крикнулъ мнѣ на ухо мой пріятель. — «Какъ можно, въ прекрасномъ обществѣ, просидѣть отъ обѣда до ужина влиномъ?» — Мы провели вечеръ премило; — развѣ ты не играешь!

Не учю; — я смотрю...

«Великая радость смотрѣть не понимаю! Ошибка, ошибка, повѣрь мнѣ, играть необходимо...»

Но если не играть есть ошибка, то вмѣстѣ и наслажденіе, — это согласно, кажется, съ твоею теоріей, которая занимала меня все время вашей игры...

«И которая есть истина, въ чемъ ты вѣроятно убѣдился теперь, пообдумавъ?»

Почти...

«Къ стати, пока не войдутъ ужинать, я подтвержу это примѣромъ рѣшительно побѣдоноснымъ. — Видишь—пшамъ, у кампна, красавца, съ лоснящимся каскадами волосъ? Матушкинъ сынокъ, страстный ко всему, а потому и къ игрѣ, малый малѣйшій изъ малыхъ, бойкій, горячій, умница, благородный въ полномъ смыслѣ слова, въ долгу по уши и къ доверенію... бываютъ же такіе баловни случая!.. племянникъ старрой княгини Фифи, — этого довольно, чтобъ вполне оцѣнить все его будущее. Онъ влюбился, братецъ, — и въ кого же? въ маленькую актрису танцовщицу. Не бѣда, можетъ быть, скажешь ты? Для меня было бы вѣроятно не бѣда, но для него — дѣло другое. Онъ влюбился пменно такъ, какъ слѣдовало, или, пожалуй, какъ бы не слѣдовало влюбиться такому человеку.

Онъ привязалъ къ предмету своей страсти сердце, душу, умъ — все; онъ весь, безраздѣльно, отдалъ себя любви, и виѣ ея въ мірѣ все для него погибло! — Дѣвочка была столько же обворожительна, сколько образована, ума, чиста и благородна чувствами; скромно жила въ семьѣ своей, она не принимала ни кого, — съ его же стороны въ этомъ отношеніи не могло быть и попытокъ; онъ любилъ ее, какъ ты видишь, не такъ; онъ ею жила, дышалъ; онъ былъ поистинѣ превосходенъ, высокъ въ этой прекрасной, хотя смѣшной, любви! Вообрази кутерму въ семействѣ, въ огромномъ пышномъ родствѣ, въ двадцати семьяхъ, гдѣ навѣрно считали на будущую возможность разныхъ *комбинацій*?... Вообразъ ужасъ тѣтокъ, маменьекъ, дялюшекъ; красоту стыда на всѣхъ этихъ пергаминныхъ лпцахъ, вгру крови, привыкшей и въ привязанностяхъ лишь воспалиться подъ шфуенціями расчета?... Драмы, *снег ами*, — мистеріи внутреннихъ покоевъ, достойныя пера любого описывателя современныхъ тайнъ! — Въ первое время страсти, онъ, казалось, сдѣлался еще прекраснѣе, счастливѣе, здоровѣе, блестячѣе; но домашнія ли патпки, о которыхъ я упоминалъ, — борьба-ли собственныхъ убѣжденій съ законами чужихъ требованій, или глубокой огой столь рѣдкаго, какъ говорятъ *настоющаго* чувства, сперва согревающей и окончательно пожигающей человека, — что бы то ни было, тоска налегла на эту цвѣтущую жизнь, и роскошь ея стала видимо и страшно блекнуть и гаснуть; онъ измѣнился духомъ и тѣломъ; онъ таялъ, и героически перемогалъ себя единственно для того лишь, чтобъ оживиться иногда взглядомъ изъ ложи на милую сердцу. Наконецъ болѣзнь сломала остатокъ энергій, приковала бѣднаго къ постели и никто уже не смѣлъ лсгитъ себя надеждою, чтобы этотъ странный мученикъ несовременной страсти — могъ остаться въ живыхъ. Представь, снова, положеніе родни?»

Прискорбно, — досадно... но, признаюсь, я уважаю невольно этого молодого человека.

«А я, и—повсе не невольно, — уважаю его вдвое, какъ за эту, такъ и болѣе еще за остальную часть исторіи; не говорю уже о томъ, что и сегодня онъ проигралъ мнѣ около четырехъ тысячъ, что весьма благородно; но въ этомъ отношеніи я просто обвороженъ имъ какъ истинно превосходнымъ, какъ совершеннымъ, что говорится: *beau joueur!* — Вотъ еще и вчера, вообрази, онъ съѣлъ по три рубля серебромъ въ...»

Продолженіе первой исторіи, признаюсь, для меня любопытнѣе...

«На чемъ мы остановились?... Да; — слу уже было крайне худо, — знала-ли о томъ артистка, — игла-ли она даже какое нибудь понятіе о чувствахъ его, — не было-ли на нихъ и въ ея душѣ тайнаго отвѣта, — объ этомъ предоставлено лишь догадываться; — вдругъ она тоже занемогла.

Съ нею дѣло шло несравненно скорѣе; — ся дѣла, вѣжностъ сложенія, а можетъ быть и разстройство сердечное, кто знаетъ чувства этихъ бѣдненькихъ?... Какъ бы то ни было, лихою кавалерійскою атакою болѣзнь опрокинулась на это милое созданіе — и въ нѣсколько недѣль упитожила его! — Перенесись самъ мысленно къ тѣтенькамъ, кузинамъ, маменькамъ, пнѣвшимъ дочерей невѣстѣ, ко всѣмъ родственникамъ, свойственникамъ большаго, и возсоздай себѣ картину ихъ радости; смерть этой милой дѣвочки была для нихъ какъ будто убіеніемъ какого нибудь чудовищаго пфона, или мнотавра, не насытимо пожравшаго избранныя жертвы. — Само собою разумеется, что стѣ большаго отдавали съ величайшимъ усиліемъ, всякій намекъ, всякое напоминаніе о предметѣ его страсти, а потому онъ, казалось, не могъ знать ни о болѣзни, ни о смерти. — Гордое родство, бывшее въ совершенномъ отчужденіи, ожило торжественными надеждами! — По сочувствію-ли, по случаю-ли, но именно на кануни похоронъ, большой выпыталъ, узналъ все. — Никто не думалъ, не гадалъ, когда онъ, давно не встававшій съ постѣли, бодро вскочилъ, одѣлся и выѣхалъ съ видомъ такой рѣшимости, что испуганный человекъ его посмотрѣлъ: не взялъ-ли баринъ съ собою пистолетовъ.

«Не доѣзжая дома, въ которомъ жила покойница, онъ встрѣтилъ погребальныи кортежъ, и, прошивъ густую толпу, пошелъ влочь за гробомъ, не глядя ни на кого, ни на что, съ видомъ человека, который, съ горяча, самъ выскочилъ на минуту изъ своего гроба. Чрезмѣрность печали придавала ему и силы неестественныя; онъ шелъ бодро, но внутренно рыдалъ безъ слезъ, и на каждомъ шагѣ, такъ сказать, отдиравъ часть собственнаго сердца, чтобы бросить последнюю съ драгоценнымъ прахомъ въ могилу. Онъ шелъ — какъ самъ говорилъ послѣ, — съ твердою увѣренностью, что его похоронять, что его должно похоронить вмѣстѣ; по скорби, которая его грызла, ему ничего не оставалось въ жизни, ему не было ничего нужно отъ міра. — Такъ дошли до кладбища; онъ сталъ въ сторонѣ, неподвиженъ, полумертвъ, и лишь тогда, какъ совершались были всѣ обряды, и толпа проводившихъ мертвеца къ покою нерушимоу рѣдѣла, постепенно наконецъ вся утекла къ привычнымъ заботамъ своимъ, онъ подошелъ къ могилѣ. Каменьщики собрались закладывать сводъ; — стойте, сказалъ онъ имъ, бросая крупную ассигнацію, — и съѣзъ на окраину лмы.

Тутъ, опустивъ голову на руки, онъ любовно погрузился въ горечесвоей утраты, и капля по каплѣ страдалъ тѣмъ чистѣйшимъ, возвышеннѣйшимъ страданіемъ, которое когда либо можетъ быть дано человеку; открылись источникъ слезъ — и онъ плакалъ, сколько можно плакать, до тѣхъ поръ,

пока не уразумѣлъ, что все кончено, что все сказано, что жизнь надломлена, что въ ней нѣтъ, быть не можетъ для него, ни въ самомъ себѣ, ни въѣ — ничего болѣе, что остается положить первый и послѣдній поцѣлуй надъ необходимую голову усопшей, — и вѣхать къ себѣ, чтобы умереть. — Смерть была тутъ столь же обыкновеннымъ послѣдствіемъ, необходимою, столь же простою и вѣрною, какъ сонъ послѣ послѣдней потяготы дремлющаго.

Онъ спустился въ яму, припалъ къ гробовой крышкѣ, и лежалъ на ней, какъ бы глядя сквозь нее въ незабвенныя очи, какъ бы вдыхая сквозь доску свою душу въ гробъ, шептывая въ него свою любовь, переводя себя въ него; — все совершилось! Онъ всталъ, приклонился къ бронзовой доскѣ изголовья, чтобы прочесть въ послѣдній разъ безпредѣльно любимое имя, — прочиталъ... Оживъ отъ везаннаго изумленія, выскоцилъ, и опрометью пустился домой!

Представъ, cher ami, онъ *ошибся*; — покойницу повезли на Волково, а онъ поиналъ въ кортежъ какого-то смотрителя госпиталя, и надъ гробомъ этого пужана выплакалъ всѣ слезы, — выстрадалъ всю возможность страдать, — вынулъ изъ души всю страсть, — изъ сердца все чувство, все обаяніе!... то была *ошибка*; но онъ постигалъ, что не менѣе того въ немъ ничего этого не оставалось уже и на волосъ, было отдано, кончено. Онъ по ошибкѣ не оставилъ въ себѣ ни любви, ни страданія, ни горя, ни страсти; не оставилъ даже и слѣда ихъ. — Онъ негодовалъ, бѣшенствовалъ, возбуждалъ себя. — напрасно, — опять *ошибка*! Все было кончено!...

— «Помилуйте, господа, мы почти отужинали! — кричалъ намъ появившійся въ дверяхъ хозяинъ дома, съ саметкою въ петлѣ сюртука и съ рюмкою брильянтоваго с. пере, на тонкій аромат котораго приятель мой вскочилъ и вылетѣлъ изъ комнаты какъ птица.

Я обезумѣлъ почти такъ же, какъ герои разказа, я разтерлся и, едва-ли не безъ шляпы, добралъ домой, въ глубокомъ раздумьи.

А. Башуцкий.

ХУДОЖЕСТВА.

Палестина. Видъ, рисованный съ натуры Академиками Г. и П. Чернецовыми въ 1842 и 1843 годахъ. тетради 1, 2, и 3. Цѣна тетради два рубля серебромъ.

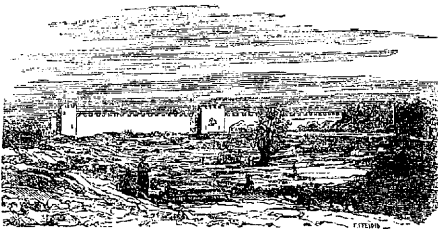
Въ подвигахъ искусства насъ не рѣдко поражалъ не геній, не талантъ, а жизнь даровитыхъ людей и пути, коими они достигали почетной извѣстности. Приятно видѣть, какъ мечты художника пзъ одной только любви къ искусству взобрѣтаютъ сами себѣ цѣлые хребты препятствій и опасностей; съ художественнымъ героизмомъ восходятъ на высочайшую точку или созданнаго под-

вига и торжествуютъ побѣду, понятную только для нихъ и для немногихъ соглядатаевъ внутренней жизни художниковъ. — Насъ удивляютъ путешествія многихъ съѣзъчаковъ, пропикающихъ въ страны дикихъ или враждебныхъ народовъ; мы любимъ ихъ самопожертвованіемъ, тогда какъ предметы ихъ поѣздки на край свѣта — иногда — рыба, моржъ, птица, травка, даже букашка. Иногда политическая цѣль, иногда религіозная мысль заводитъ путешественника въ адъ тропическаго зноя, въ смертельные холода странъ полярныхъ; но всѣ путешественники должны въ опасностяхъ уступить преимущество художникамъ. Вся страна волнуется, если забыть ноземный карапдашъ, передающій бумагѣ ихъ натуру. Имъ кажется, что хотять похитить рѣки и холмы, или очаровать ихъ, или ужъ по малой мѣрѣ высмотрѣть мѣстность съ враждебными намѣреніями. Самые спокойныя мѣшаютъ художникамъ своимъ лобонитствомъ. Прибавьте къ тому, что художникъ для вида взбирается туда, гдѣ орлы выть гнѣзда; для другаго путешественника дозволено было бы бросить взглядъ бѣглый и сбѣжать съ подоблачныхъ мѣстъ. Художникъ горитъ подъ перпендикулярными лучами солнца, или мерзнетъ въ стужѣ заоблачныхъ слоевъ воздуха, но не оставляетъ своей добычи, пока послѣдняя черта его завоеванія не ляжетъ на бумагу. Много еще и другихъ спеціальныхъ препятствій, по подобнымъ не мало и у каждаго путешественника. Академики Чернецовы могутъ назваться, по преимуществу, художниками-путешественниками. Они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ мечтали о путешествіи въ Палестину, по до того времени успѣли посѣтить почти всю живописную Россію. Крѣмъ доставивъ много картинъ, много этюдовъ; съ протока Волги отъ Рыбинска до устья они собрали богатую дань; около пяти сотъ рисунковъ осталось въ ихъ альбомахъ отъ Волги; наконецъ, въ 1840 году, взявъ съ собою меньшаго брата, ученика Академіи Художествъ, отправились въ Италію.

Разно думаютъ о пользѣ путешествія художниковъ въ Италію. Некоторые допускаютъ даже странную мысль, что пейзажистамъ теперь нечего дѣлать въ Италіи, что тамъ все нарисовано, перерисовано, писано и переписано тысячу разъ; но въ этомъ, кажется, и заключается польза Италіи для пейзажистовъ. Критики, многоглаголивые резонеры, можетъ быть невзначай и скажутъ дѣльное слово; но эта критика мертва, часто оскорбительна для художческаго самолюбія, потому что живое слово громко; его можетъ подслушать третій; да и всегда ли правдиво это слово? тогда какъ произведенія великихъ предшественниковъ, составленія современниковъ заключаютъ нѣмую, но страшную всегда поучительную и всегда безошибочную практическую критику. Предметъ этотъ гораздо важнѣе, нежели съ

перваго взгляда кажется... Въ статьѣ настоящей онъ вполнѣ только намекомъ, а потому обращаемся къ Чернецовымъ. Они понимали важность Италіи и провели два года во Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Старшій братъ, Григорій, успѣлъ побывать и въ Венеціи. Пастыря природою Европейской Академіи Художествъ, увлекаемые мечтами юношескихъ лѣтъ, моремъ отправились они изъ Неаполя на Востокъ, прямо въ Александрію. Упрекать ли ихъ за невниманіе къ живописной классической Моревъ съ Греческимъ Островамъ? Не всегда впрочемъ и можно согласить желанія съ дѣйствительною необходимостью, и Чернецовы являлись въ Александрію. Россійскій генеральный консулъ представилъ ихъ намѣстнику Египта. Мегметъ-Али принялъ Чернецовыхъ весьма благосклонно, далъ имъ бунуряды, открытые шесты, предписавъ капрскому пашѣ оказывать имъ содѣйствіе и защиту. — Посѣтивъ Абукиръ, Чернецовы отправились въ Розетту; отсюда началось ихъ плаваніе по Нилу до Капра. Думаемъ, многіе еще помнятъ балетъ Кесарь въ Египтѣ, въ которомъ и было только хорошаго, что подвижная декорация береговъ Нила, которые проходили мимо Кесаря, а Кесарь и публика должны были думать, что не берега плывутъ, а лодка. Многіе такъ и думали. Мы вспомнили этотъ балетъ, разсматривая альбомъ Чернецовыхъ. Видъ за видомъ, зданіе за зданіемъ, весь Нилъ, хоть не ѣздить по немъ; онъ весь тутъ въ самыхъ вѣрныхъ рисункахъ... Наконецъ, вотъ и Капръ. Едва ли въ мірѣ есть другой городъ, въ которомъ бы общій видъ имѣлъ такое сходство съ общимъ видомъ Москвы; купола, минареты, разноцѣтность... толь-точно Москва... Но въ Капрѣ рамазанъ; въ мечетяхъ толпится народъ; путешественникамъ туда итти доступа, даромъ что наша, внявъ гласу намѣстника, познакомила съ гостями и благоволила имъ какъ углѣ и мотъ; далъ имъ куласу-агасу, т. е. пристава. Въ ожиданіи, пока копчится этотъ рамазанъ, который для однихъ Чернецовыхъ заперъ на семь ключей все мечети, они рисовали съ натуры что могли. Остатки арабской архитектуры, колоссальный свѣникъ, пирамиды съ разныхъ сторонъ, все было тщательно срисовано, вымѣрено, записано. Чернецовы не подражали художникамъ туристамъ, которые, окинувъ быстрымъ взглядомъ окрестность, уносили съ собою не всегда точныя воспоминанія, и въ спокойной комнатѣ доканчивали рисунки съ помощью собственнаго воображенія; итти, они вымѣривали каждый камень, оканчивали все съ натуры, взиравшись на темя пирамиды, гдѣ положительно не было ни однихъ путешественникъ-художникъ, и разгоряченные отъ восхожденія, они дрогли отъ стужи высшей атмосферы, по съ точностію собирали великолѣпную падораму, окружающую пирамиды. Они по-

ли топтали гигантовъ, которыхъ однимъ присутствіемъ Наполеонъ обращалъ солдатъ въ героевъ. — Но за эту дерзость разгнѣвалось на нихъ солнце. Рисуя подъ палящимъ, почти отвѣсными, лучами, они скоро почувствовали губительныя послѣдствія климата. Глаза воспалились; египетская болѣзнь — господствующая здѣсь въ большой силѣ, угрожала имъ слѣпотою... Потерять художникамъ глаза!!... Чернецовы не дождалась окончанія рамазана... Бѣжали... И кудаже? Изъ огня да въ полымя; изъ ослабляющаго Капра, въ сыпучіе пески Суэскаго Перешейка... Скоро неостало воды; зной пылалъ; жажда томилъ; протекли двѣ ужасныя недѣли — и тамъ, на западномъ углу священнаго Сіона, противу такъ называемаго Дома Давыдова, жители Иерусалима увидѣли свѣжую могилу и не знали кто легъ тутъ, потому что надписи на камнѣ по Гречески и по Русски... А тамъ написано «Поликаръ Чернецовъ скончался 1842 года, на 19-мъ году отъ рожденія...»

Потеря ижно любимаго брата въ священной столицѣ, куда съ юныхъ лѣтъ стремились мечты Чернецовыхъ... Ударъ губительный, оглушительный; отъ него не легко опомниться... И тутъ любовь къ искусству поддержала усердныхъ путешественниковъ. Девять недѣль посвятили они тщательному собранію видовъ Иерусалима; срисовывали — рѣшительно все, что только имѣетъ на себѣ тѣни историческую; съ тою же подробностію обошли они и окрестности Иерусалима: Иорданъ, Мертвое Море, Внолсемъ, Горнию и т. д. Источивъ все достопримѣчательныя предметы, простясь съ дорогимъ покойникомъ, можетъ быть на всегдашнюю земную разлуку.. тяжело объ этомъ думать и въ чужѣ... неутомимые странствователи отправились въ Яффу съ намѣреніемъ сухимъ путемъ проѣхать Финикію. Но достигнувъ горы Кармилъ, повернули къ Назарету и посѣтили Оаворъ, Галилею и Тиверіадское Озеро. Изъ Капернаума они опять вернулись къ Кармилю; проѣхали берегомъ черезъ Акру въ Бейрутъ; тутъ не много отдохнули и снова пустились въ путь, черезъ Смиру въ Константинополь. И говорить не надо, что все эти посѣщенія разныхъ мѣстъ доставили имъ богатую живописную жатву, такъ, что альбомъ Чернецовыхъ, по одному только Востоку, заключаетъ до 600 рисунковъ разнаго рода, и все сняты съ натуры, съ Чернецово-

скою точностію, а она право стоитъ того, чтобы обратить ее въ терминъ, въ народный эпитетъ.

Первые плоды этихъ тяжелыхъ трудовъ, запечатлѣнныхъ драгоцѣнною утратою — передъ нами, съ новымъ доказательствомъ доброй совѣсти и уваженія къ искусству. Литографіи исполнены самими художниками безъ посторонней помощи. Они не рѣшились доверить чужимъ рукамъ даже труда механическаго, опасаясь, чтобы литографы по званію, не исказили точности и вѣрности рисунковъ, стараясь придать литографіямъ случайный эффектъ. Можетъ быть пайдутся люди, которые и за это обвинятъ Чернецовыхъ; мы, напротивъ, не можемъ скрыть нашей признательности и за этотъ родъ самоотверженія. — Въ скромной программѣ къ изданію Видовъ Палестины сказано: изданіе Палестины будетъ выходить въ свѣтъ тетрадами, состоящими каждая изъ шести видовъ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, сверхъ того, будутъ прилагаемы планы. Не смотря на то, что подобное изданіе требуетъ большихъ средствъ, художники не рѣшились прибѣгать къ подпискѣ, дабы неумышленно не быть виновными въ глазахъ публики; они надѣются, что публика будетъ благосклонна къ труду ихъ, требующему терпѣнія п... Но довольно! Публика будетъ благосклонна! Итъ публика поступила жестоко. Не смотря на интересъ предмета, не смотря на едва вѣроятную дешевизну изданія, публика весьма лѣново раскупаетъ эту коллекцію, которой въ Парижѣ, въ Германіи, вездѣ, давно бы уже не стало въ продажѣ. Эта жестокая невнимательность публики намъ рѣшительно не понятна. И достоинство труда, и занимательность предмета, и жертвы художниковъ не могутъ остаться безъ вниманія, у насъ, гдѣ уже могутъ существовать безъ постороннихъ пособій магазины, въ которыхъ продаются исключительно гравюры и литографіи. Должно полагать, что коллекція Чернецовыхъ еще мало извѣстна въ публикѣ, мало объ ней говорили наши журналы и газеты, мало познакомили съ нею любителей и всякаго, потому что эти изображенія священны для каждаго. Въ первой тетради: 1) Общій видъ Иерусалима, 2) Видъ въ Рамлѣ или Древней Армаоетъ, 3) Замокъ Давыдовъ и купальня Вирсавицъ, 4) Мечеть Эльакса, на мѣстѣ, гдѣ была Святая Святыхъ, 5) Видъ Яффы и 6) Самсонова гора въ Газѣ. Во второй тетради: 1) Вертепъ Рождества Иисуса Христа въ Внолсемѣ, 2) Долина шастырей, близъ Внолсема, 3) Входъ въ погребальную пещеру Пресвятой Богородицы, 4) Входъ къ Ея источнику, 5) Башня Ирода, 6) Иорданская Долина и 7) Планы. Въ третьей: 1) Назаретъ, 2) Мѣсто Благовѣщенія, 3) Гротъ, гдѣ жила Св. Дѣва, 4) Камень трапезы, 5) Пруды Соломона и 6) Домъ Давида. Довольно было

бы, кажется, одного этого исключеніи, чтобы обратитъ на это паданіе вниманіе всего христіанскаго міра. Но, повторимъ, холодность публики къ этому достойному во всеѣхъ отношеніяхъ труду случайна. Публика тутъ безъ вины виновата, и мы съ совѣреннымъ спокойствіемъ увѣрены и увѣряемъ, что первая тетрадь Палестины Чернецовыхъ скоро придется перепечатывать. Четвертая тетрадь уже почти готова; о выходѣ каждой, Иллюстрація не замедлитъ своевременно увѣдомлять своихъ читателей.

МУЗЫКА.

И такъ, концертное время кончилось. Завтра кончится. Мы уже не называемъ этого времени музыкальною порою, какъ бывало. Съ грустію мы выходимъ изъ этого круга, утомленные, измученные, едва переводимъ дыханіе. Больше нинѣшное, едва переводимъ дыханіе. Больше нинѣшное, однако же намъ понравилась пластическіе концерты Раппо и эластическіе Ризлера. Одинъ насъ заставилъ лукаво улыбнуться, пожать плечами и уйти; другіе ужаснулись, пожать плечами и уйти. По крайней мѣрѣ и Раппо и Ризлеръ отпускаютъ своихъ почитателей не безъ впечатлѣній; за то отъ музыки остался только шумъ въ ушахъ, какъ будто утопающему удалось выпрыгнуть изъ волнъ морскихъ, но въ ушахъ вода; безъ медицинскихъ мѣръ — надо оглохнуть. Важнѣйшій виртуозъ этого времени почитается Делера, не только по игрѣ, но и по числу данныхъ имъ концертовъ. Не помнимъ сколько именно, но много, очень много. Но это число еще ничтожно въ сравненіи съ подвигами знаменитаго пианиста въ Лондонѣ, гдѣ онъ въ прошедшемъ году въ двадцати двухъ дневное пребываніе, съ 7 октября по 1 ноября, далъ 54 концерта; десять дней по одному, и двѣнадцать по два концерта! Объ игрѣ его говорить не смѣемъ. Знаменитость, признанная Европою — и конечно. При всемъ томъ концерты Делера были весьма интересны участіемъ итальянцевъ и виолончелиста Пиати. Виардо-Гарсиа, Рубини и Петровъ пропѣли въ одномъ концертѣ Делера — трио изъ оперы Жизнь за Царя; трио — трижды прослушала публика и конца бы не было этой пѣснѣ, еслибы восторгъ могъ продолжаться какъ ескака. Дивные звуки пролетѣли по тому самому театру, въ которомъ публика такъ не давно еще скупалась, слушая тоже трио и удивлялась, какъ можно писать оперы русскія изъ русскихъ пѣсней! Подобные отзывы встрѣчались и въ печати. Для того, что бы русскія пѣсни правились русскимъ, надо, чтобы ихъ въ Италіи. Грустная игра сочинял! Виолончелистъ Пиати насъ истинно порадовалъ. Мы забыли уже, что есть на свѣтѣ инструментъ, который къ человѣческому голосу еще ближе скрипки. — Виолончель былъ лишень своего прекраснаго права. На немъ показывали штуки, которыя, подобно Ризлеру, вселяли ужасъ, недоумѣніе. Г. Пиати игралъ на старой виолончели времени Ромберга, то есть пѣлъ; твердый смычекъ, чистота и вѣрность интонаціи, чувство въ игрѣ... на этомъ морѣ концертвъ, смычекъ Пиати заставлялъ забывать объ опасностяхъ пятидесятилетнего плаванія и приятно обманывалъ ухо: слушая его одушевленное, чистое, выразительное пѣніе, вѣра въ существованіе музыки воскресала. Но не надолго... Опять концерты, опять... Да! 25-го марта былъ весьма интересный концертъ, къ которому мы готовили нашъ слухъ около двухъ недѣль — и уши! Въ самый день концерта насъ постигла петербургская музыкальная болѣзнь: насморкъ — и мы не слышали музыки г. Арнольда; два номера изъ любовной оперы: Последній день Помпеи, пропѣли Италіянцы безъ насъ... Насморкъ перешелъ въ катаральную горячку отъ огорченія; и слухамъ нельзя вѣрить; и риторикѣ же они были такъ сбивчивы и несогласны, что не было возможности вывести даже либо положительное заключеніе. Всяма жаль, Труды г. Арнольда по музыкальной части

не жаловажны. Онъ первый у насъ зашелъ родъ публичной школы, употреблялъ на нее много своихъ денегъ; терпѣлъ лишенія, чтобы дать заведенію ходъ; боролся и борется съ различными препятствіями; съ уваженіемъ глядя на насъ безкорыстныхъ ораторовъ этой у насъ неблагодарной почвы. Не только школа, академія музыки могла бы процвѣтать у насъ, еслибы привилась только истинно музыкальная начала, и вкусомъ нашимъ не уравнивало мгновенное расположеніе. Намъ извѣстны мысли объ этомъ предметѣ знаменитаго Эльснера, М. И. Глинки, Липинскаго и другихъ опытныхъ и знающихъ людей; есть у насъ и еще одинъ, можетъ быть мечтательный, проектъ усерднаго поклонника музы; во всемъ этимъ соображеніямъ мы подѣлились съ читателями... Теперь, какъ нарочно, стало по легче; надо идти въ концертъ, слушать... охъ, страшно... Но на этотъ разъ опасенія наши не обились. Мы слышали удивительный струнный инструментъ; на немъ шестнадцать струнъ, играютъ на немъ однимъ смычкомъ четыре виртуоза, братья Миллеры, и слава Богу, играютъ старую музыку... по эту гармонию разнесутъ завтра же новые концерты. Такъ и случилось. Извините! Нѣтъ никакихъ силъ. Нѣтъ возможности слушать, и ужъ если возложено рокомъ на обязанность человѣка въ эти пять недѣль заниматься музыкой... позволяю, запираемся; станемъ лучше читать музыку; пусть глаза помучатся, да отдохнетъ изтерзанный слухъ. Читаемъ:

— Кадрльс Rebus, Ядова...

— Контрадансъ, Ядова...

— Пять мазурокъ, Ивана Абрамовича.

— Тарантега Г. Булгакова, переписанная Карломъ Волъейлеромъ для фортепiana...

Съ чего это она переписана? Не написано, а мы не отгадывали. Но это миленькая пѣска... Дальше — Польша... Контрадансъ... Мазурка... — Баль! У нотъ баль! У музыки баль! Она только и думаетъ, что о танцахъ. Можно ругаться, что изъ италіанскаго репертуара много перепяло въ танцы. Такъ и есть... Лидади Шамуни занялась своимъ дѣломъ и пляшетъ контрадансъ... Арія Бальфа — вся изъ скачковъ, годится въ мазурку и вышла премилая мазурка... Исправили мы говорили въ предыдущей статьѣ, что переживите или угадайте tempo и дѣленіе такта, изъ посредственной — случайно выйдетъ хорошая, иногда и прекрасная мелодія... Но музыка устала плясать; утѣрила свою веселость, пошла скорымъ шагомъ подъ военный маршъ Барона Раля. Этотъ скорый шагъ очень хороши, воинственъ, веселъ; но и тутъ италіанская музыка оказала свое дѣйствіе. Впрочемъ музыка Дондидети весьма хороша для маршей. Вотъ еще мелодія: Das ferne Land, переписанная Гензельтомъ... Вотъ это дѣло другое... Эту мелодію можно и прочесть и прослушать и проиграть, если у кого три руки, поуже на три руки и писано. Но какъ теперь у многихъ пианистовъ и пианистокъ числится по три руки, то мелодія можетъ быть пропѣта, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, съ удобствомъ и удовольствіемъ. Вотъ еще романсъ Р. Таля, переписанный также А. Гензельтомъ. Прочтемъ:

— Да это, кажется, Романсъ Молли М. И. Глинки на слова: Не требуй пѣсней отъ пѣвца? — Первый и главный рисунокъ точъ въ точъ, нота въ ноту. Столкновение... Случайность... Въ дальнѣйшемъ развитіи и обработкѣ гармонической нѣтъ сходства, и эта пѣска проиграется съ большимъ удовольствіемъ понимающими на фортепiana дилетантами. Deux nocturnes, pour le Piano-forté, dédiés à Mademoiselle J. W. Stirling, par F. Chopin op. 55. Съ какъ-то душевнымъ веселіемъ мы всегда встрѣчаемся съ этимъ знаменитымъ ученикомъ знаменитаго Эльснера. Печать гениальности лежитъ на каждой бездѣлицѣ, выходящей изъ подъ пера его, и этими двумя Ноктурнами мы наиграемся, не налюбуеться... Остается еще нѣсколько новыхъ изданій. Досидимъ, дочитаемъ... Польша, мазурка, ка-

дриль, мазурка, полька. Уши болятъ отъ концертовъ, голова закружилась отъ танцевъ... Но вотъ пристань... Утихнетъ все. На долгод! Скажемъ и слово утѣшенія. Въ Брюсселѣ, какъ пишутъ, приимаютъ на театр оперу нашего даровитаго композитора А. С. Даргомыжскаго: Эсмеральда. Оттуда по желѣзной дорогѣ она вѣроятно переѣдетъ въ Парижъ, а тогда можетъ быть пожалуетъ и къ намъ. Милости просимъ! Еще приятная новость. Концертъ г. Варламова... Нѣтъ объ немъ надо поговорить на покой, не подъ враждебнымъ вліяніемъ всей массы прошедшихъ концертовъ.

ДЖЕННИ ЛИНДЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

(Окончаніе).

Отсутствіе Джени Линдъ изъ Стокгольма продолжалось годъ; талантливый композиторъ оттуда прибылъ въ Парижъ и звалъ ее назадъ, потому что въ Стокгольмѣ опять хотѣли слышать оперу и многіе дилетанты этого города тосковали такъ по пей, какъ она по отчизнѣ. Радость при свиданіи съ землякомъ-артистомъ, надежда скоро возвратиться въ отечество оживили душу и голосъ Джени, развившійся блестятельно въ нѣсколько дней, такъ что Мейерберъ, котораго шведскій артистъ ввелъ къ Джени, настоятельно требовалъ пробы съ полнымъ оркестромъ въ залѣ королевской академіи. Услышавъ артистку въ главныхъ сценахъ изъ Роберта, Нормы и Фрейшюца, Мейерберъ тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе для берлинской оперы; по она дала слово черезъ годъ возвратиться въ Стокгольмъ и слово для нея столь же свято, какъ клятва.

Она возвратилась въ Стокгольмъ, появилась на сценѣ и можно вообразить себѣ восторгъ тамошней публики.

Прошедшею весною Мейерберъ пригласилъ ее прѣхать въ Берлинъ, чтобы сыграть нѣсколько ролей по случаю открытія новой оперы. Какъ не лестно было приглашеніе знаменитаго maestro, но она съ горестію помышляла, что должна вновь оставить отечество; лучше друзья и поклонники ее уговаривали сеюдаже принять приглашеніе и такимъ образомъ сдѣлать для свое болѣе извѣстнымъ въ музыкальномъ мѣрѣ; Джени вѣла отпустить и въ августѣ истекшаго года прибыла въ Дрезденъ, куда и Мейерберъ прѣхалъ изъ Берлина, чтобы безпрепятственно заняться новою своею оперою. Мѣсяцъ спустя уѣхала она опять, по приглашенію, въ Стокгольмъ, чтобы нѣтъ тамъ при празднествахъ, данныхъ по случаю коронаціи. Тогда, замѣчая, что Джени Линдъ притомляется къ продолжительнѣйшей отлучкѣ, началъ опасаться въ Стокгольмѣ потерять навсегда несравненную артистку. Нѣсколько важнѣйшихъ капиталистовъ, сдѣлали ей предложеніе, что они въ продолженіи десяти лѣтъ будутъ вносить въ банкъ ежегодно значительную сумму, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени составили для нея достаточный капиталъ, если она останется въ Стокгольмѣ; скромную артистку глубоко тронуло это вниманіе; но она дала Мейерберу слово — и уѣхала. Точно также, по истеченіи отпуски, она, безъ письменнаго обязательства, по данному слову, возвратилась въ Стокгольмъ.

Въ ноябрѣ 1844 Джени Линдъ прибыла въ Берлинъ, и съ желѣзнымъ трудолюбіемъ принялась за изученіе пѣмецкаго языка. Когда она въ началѣ января впервые появилась въ новомъ оперномъ театрѣ, въ роли Нормы, то сама ли два мѣсяца занималась еще пѣмецкимъ языкомъ, а въ этомъ представленіи никто не произносилъ текста латинскія и чище; въ разговорѣ, конечно, замѣтитъ еще недостатокъ словъ и фразъ и чужестранное произношеніе, но рѣдко прерывается теченіе рѣчи. Она для драматическаго пѣнія предпочитаетъ пѣмецкій языкъ шведскому, именно для рецитатива, потому что первый, говорить она, требуетъ болѣе энергіи. Въ этомъ отношеніи Глюкъ предпочиталъ французскій языкъ италіанскому.

До появленія Джени Линдъ на берлинской сценѣ, артисткою овладѣла та же тоска по отчизнѣ,

какъ и въ Парижѣ; къ этому присоединился удобноязвисямый страхъ пѣть и играть предъ большою чужою публикою и на чужомъ языкѣ. Но Мейербертъ съ женою умѣли устранить все опасеніе артистки, и когда въпробѣ Нормы, при первомъ выхождѣ, весь оркестръ заремъвъ огушительными рукоплесканіями, исчезло послѣднее сомнѣніе скромной артистки, и на другой день она безъ страха явилась предъ чуждою публикой.

Театръ былъ полонъ, отъ оркестра до рѣища, и оживленіе столь велико, что интродукція, прекрасно исполненная *Беттисеромъ* съ хоромъ, прошла безъ значительнаго участія и одобренія, равно какъ и выходъ *Виера*, и она явилась — стройная, нѣсколько болѣе обыкновеннаго женскаго роста, блѣокурая. Въ чудныхъ голубыхъ глазахъ выражалось глубокое музыкальное чувство и тонка но отчуждѣнн; ее нельзя назвать театральною красотою.

Первые такты речитатива сѣбла артистка безъ смущенія, но вскорѣ, прерванный громомъ одобренія, возвысился серебристый, стройный голосъ ея, который, подобно звуку *Паданни*, отличается не столько сплюю, сколько необыкновенною сладостію.

Въ самой аріи (*Casta Diva*) артистка явилась пѣвицею первоклассною. Пѣтонанція чистота жемчужной, и именно такой, которая основана на точномъ знаніи гармоніи, и обозначаетъ каждый интервалъ модуляціи съ неукосною и вѣрностію, столь приятными для слуха, отличная твердость голоса и развитіе онаго; точность въ діагностическихъ и хроматическихъ гаммахъ безъукоризинная трель, и меззауоде, подобное тихому дмланію золотой арфы, но притомъ густоты наполняющей звукомъ отдаленнѣйшіе точки амфитеатра... вѣсть качества, составляющія первоклассную пѣвицу и *Дженини Линдъ* обладаетъ или вполнѣ. Въ равной степени обладаетъ она вѣсьми качествами драматической пѣвицы, отличной драматической актрисы, и изъ вѣсьхъ великихъ артистокъ, которыя видѣны и слышаны въ роляхъ Нормы, *Дженини Линдъ* первая и единственная, которая съ точностію поняла катастрофу характера, и передала ее съ прекрасною истинною; сочинитель либретто, болѣе сама *Беллини*, съдѣлалъ ошибку въ томъ, что рѣшительный переломъ характера Нормы (около 20 тактовъ передъ послѣднимъ маленькимъ дуэтомъ въ *sol majeur* (à cu cor tradito) основанъ на моментодного такта. Тактомъ ранѣе Норма еще въ твердой рѣшимости пожертвовать местн своей Северомъ и *Адельгидою*. Нормы (къ хорю): «Si preparate il zagol!» Северъ: «Oh! ancor ti prego... Norma, pietà!» Хоръ: «La svelta!» Нормы: «Udite!» (и теперь еще одинъ тактъ) («Do real l'innocente accusar del fallo mio?») — Хоръ: «Pietà, chi è desia!» — Северъ: «Ah! non lo dir!» Нормы: «Sopio!» *Дженини Линдъ*, послѣ рѣшительнаго «udite» даетъ оркестру, впадающему въ это время въ аккордъ септими (fa dieze, la, do mibemol) продолжать этотъ аккордъ *temolando* нѣсколько врсенн, медленно переходитъ къ оркестру и поетъ вставочную фразу, будто въ себѣ, совершенно sotto voce, и завернувшись въ покрывало, до словъ Севера «Ah! non lo dir!» и за тѣмъ слѣдуетъ «son io!» съ тѣлодвиженіемъ, предельно исподраженною. Всю роль она выдерживаетъ съ необыкновеннымъ благородствомъ и женскою вѣрностію, что и весьма правильно; многія знаменитыя артистки, дѣлающія изъ этой роли какую-то Медею, забываютъ, что Норма совершенная противоположность Медеи, и дѣлаетъ все для спасенія дѣтей своихъ, которыхъ наконецъ поручаетъ покровительству отца.

Норму *Дженини Линдъ* пѣла три раза, и четыре раза явилась въ роли Фанни, въ новой оперѣ Мейерберта, которую дѣвица *Тучекъ* до того пѣла пять разъ съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Само собою понимается, что дѣвица *Линдъ*, какъ трагическая актриса, лучше исполняетъ фантастическую и сарказную сторону этой роли. За тѣмъ она вѣрнотн будетъ пѣть *Ориантау*, которую дадутъ въ нолзу наместника *Вибера*, по желанію *Мейерберта*, который будетъ самъ дирижировать эту оперу.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ЛУГАХЪ И ОБРАБОТКѢ ИХЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ РОССИИ.

(Статья I).

Весьма замѣчательное разсужденіе иностраннаго инженера Г. Бетге, проживающаго теперь въ Петербургѣ и посвящающаго себя тѣмъ предметамъ, о конхъ онъ излагаетъ здѣсь свое мнѣніе, — почти окончано. Небольшими пріемами мы надѣемся передать весь этотъ трактатъ нашимъ читателямъ, прилагая гдѣ нужно и рисунки; чего, а болотъ въ СѢВЕРНОЙ РОССИИ достаточно, а сѣбла мало, и то дорого; по этому совѣты Г. Бетге, можетъ быть принесутъ нолзу, найдутъ признательныхъ последователей.

Природа, мудрѣйшая изъ вѣсьхъ хозяйскъ, въ каждой странѣ заставляеть землю производить именно то, что болѣе всего прилчествуетъ мѣстности. Она особенно одарила сѣверныя страны разнаго рода травами; — на высотахъ, въ долинахъ, на равнинахъ и въ мѣсахъ преобладаетъ травная растительность; слѣдовательно въ каждомъ мыслитель нельно долженъ родиться вопросъ: не для того ли сѣвернымъ странамъ назначено преимущественно производить травы, чтобы вознаграждать ихъ за недостатокъ плодородія почвы въ отношеніи къ хлѣбнымъ растеніямъ? Въ СѢВЕРНОЙ РОССИИ, гдѣ хлѣбншество и разведеніе картофеля доставляютъ весьма незначительные доходы, хороше луга могутъ быть опорой скотоводства и хлѣбншества; они могутъ составлять главныя источники благосостоянія помѣщиковъ. Тамъ, гдѣ зна такъ продолжительна и гдѣ запасы корма для скота на зиму должны быть такъ велики, необходимо, чтобы каждый хозяйствъ агрономъ имѣлъ для луговъ такое же странство земли, какъ и для пашни; даже болѣе, если возможно.

Въ Германіи обработка луговъ относится къ хлѣбншеству какъ 1 къ 5; по тамошніе луга обрабатываются иначе; тамъ хозяйствъ разводитъ множество кормовыхъ травъ, необходимыхъ для прокормленія своего скота; эти травы у насъ, въ Россіи, также трудно разводить, какъ и еушить.

Русскіе сѣверные помѣщики имѣютъ обыкновенно такія обширныя равнины, что еслибъ захотѣли обратитъ въ хороше луга только нѣкоторыя, годныя къ тому части, то никогда бы не нуждались въ трудномъ разведеніи растеній, которыя въ томъ климатѣ никогда и не могутъ быть доходны.

Люди, но обыкновенно, обращаютъ мало вниманія на то, чѣмъ природа наградила ихъ въ изобиліи; они безпрестанно гонятся за тѣмъ, что не даю имъ, и такимъ образомъ пренебрегаютъ выгодами, находящимися у нихъ подъ руками.

Смотря на огромныя массы сѣбла, доставляемаго ежегодно въ Петербургъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній, и на немовѣрныя цѣны, которыя платятъ за нихъ, должно невольн удивляться тому, что помѣщики не заботятся объ улучшеніи равнинъ, предназначенныхъ самой природой къ разведенію прекраснѣйшихъ луговъ. Всѣ природные луга, къ которымъ не прикасались еще человѣческія руки, доставляютъ весьма малое количество сѣбла, такъ, что часто доходъ не покрывается издержекъ.

Съ природныхъ луговъ на высотахъ, равнинахъ, болотахъ и въ мѣсахъ добываютъ сѣбла въ СѢВЕРНОЙ РОССИИ обыкновенно отъ 30 до 50 пудовъ съ десятины, между тѣмъ какъ съ удобренныхъ и хорошо содержимыхъ

луговъ можно получать покрайнѣй мѣрѣ 500 пудовъ съ десятины; какъ же послѣ этого не стараться обрабатывать обширныя, дикія равнины? Тѣмъ болѣе, что это, болѣею частью, можетъ быть произведено безъ значительныхъ издержекъ, которыя вознаграждаются въ семь, восемь разъ.

Естественные луга можно раздѣлитъ на четыре рода:

Во-первыхъ на такіе, которые лежатъ при рѣвахъ и ручьяхъ и во время разливовъ покрыты водою.

Во-вторыхъ, на полевые луга, образуемые изъ низменныхъ мѣстъ, или также сто камп воды при полевыхъ межахъ. При сильныхъ дождяхъ вода, непроницающая въ землю, стекаетъ съ полей въ низменныя мѣста, унося съ собою черноземъ и другія плодотворныя частицы. Очевидно, что подобные луга чрезвычайно плодородны, если грунтъ не слишкомъ плотенъ и легко всасываетъ воду; въ противномъ же случаѣ, а именно если грунтъ состоитъ изъ глинны, то образуются лужи а на большемъ протяженіи и цѣлыя болота.

Къ третьему роду естественныхъ луговъ относятся луга, орошаемые ручьями; они лежатъ на скатахъ или у подножія горъ и возвышенностей: дождевая вода, стекающая туда, образуя ручьи, оплодотворяеть почву; эти луга бывають обыкновенно очень плодородны. Если же стекающая вода содержитъ въ себѣ желѣзныя частицы или кислоты, или же пронестаетъ изъ болотъ, лежащихъ выше, то почва способна производить только такія растенія, на которыя эти частицы не имѣють вреднаго вліянія.

Четвертый и обширнѣйшій родъ сѣверныхъ луговъ составляетъ тундры, которыя можно раздѣлитъ на возвышенныя и низменныя. Первые лежатъ на просторныхъ плоскихъ возвышенностяхъ; грунтъ ихъ состоитъ, обыкновенно, изъ кварцовыхъ частицъ и вязкой глины, и на нихъ произрастають, болѣею частью, только верескъ, да дикія ягодныя растенія. Другія возвышенныя тундры и болота находятся въ гористыхъ мѣстахъ, на скатахъ горъ или въ котловинахъ; тогда грунтъ состоитъ изъ гранита, гнейса, асита и песчаника; изрѣдка торфъ находится на извѣстнякѣ или на известковомъ мергелѣ. Эти тундры имѣють отъ двухъ до трехъ слоевъ, проникнутыхъ наскою жидкою, бурю массою; первый слой состоитъ изъ остатковъ растеній, не подвергшихся еще гниенію, такъ что въ нихъ еще яено можно различитъ мохъ, лишай и травы. Въ нихъ жидкая, бурая масса имѣеть болѣе желтый цвѣтъ. Второй и третій слой содержитъ болѣе согнившія растительныя частицы и въ нихъ преобладаетъ бурая слизнего-жидкая масса. Эта бурая масса, будучи высушена, даеть хорошій, твердый, смолистый торфъ.

Низменныя тундры находятся на мѣстахъ разливовъ рѣкъ, также на берегахъ моря и озера, или же на обширныхъ равнинахъ, состоявшихъ нѣкогда дно моря или озера. Составныя части ихъ тѣ же, какъ и возвышенныхъ тундръ, съ тою только разницею, что онѣ содержатъ мѣше смолистыхъ частей. Молодыя болота покрыты зеленою водяныхъ растеній, которыя ежегодно разрастаются и усиливается; когда, наконецъ, они достигаютъ такой силы или высоты, что сырость не можетъ уже проникать къ верхнимъ растеніямъ, то на нихъ начинаютъ образовываться верескъ и роды ягодныхъ растеній, которыя мало по малу покрываютъ всю поверхность.

Всѣ эти, природою созданныя луга, болота и тундры могутъ быть болѣе или менѣе, смотря по мѣстности, грунту землѣ и составнымъ частямъ, обращены въ плодородныя и доходныя луга;—съ помощью искусства и постоянности можно превратить эти дикія, необработанныя равнины въ плодородныя, изобильныя поляны.

Чтобъ осушать болота употребляютъ различныя средства, но общепотребительнѣйшія изъ нихъ слѣдующія :

1. Уравненіе мѣстности, истребленіе впадкаго, тернистаго кустарника и кочекъ, уничтоженіе стараго и разведеніе новаго рода травы.

2. Правильное осушеніе грунта проведеніемъ каналовъ, сверленіемъ колодезевъ и образованіемъ ручьевъ.

3. Орошеніе грунта, если по близости имѣются рѣчки, ручьи или источники. Искусственное жъ орошеніе зависитъ отъ поло-

женія мѣста, отъ количества и качества воды, и отъ грунта землѣ. По этому и придуманы различныя методы орошенія, которыхъ можно раздѣлить на три главные разряда.

а) Орошеніе грунта изъ запасовъ воды въ каналахъ и колодезяхъ.

б) Орошеніе грунта изъ прудовъ, образуемыхъ помощью земляныхъ плотинъ.

в) Орошеніе грунта посредствомъ искусственныхъ разливовъ рѣчной воды.

Этотъ способъ орошенія луговъ состоитъ въ ежегодномъ разлитіи рѣкъ и ручьевъ по прибрежнымъ низменнымъ мѣстамъ. Вода, какъ естественное такъ и искусственное, средство, весьма способствуетъ растительности; это признано всеми агрономами и потому все стараются извлечь изъ нея всевозможную пользу въ отношеніи къ луговодству. Въ Германіи, Англіи, Швейцаріи и другихъ странахъ, введеніемъ методы орошенія, въ

последнее время получены немовѣрныя выгоды; Мекленбургъ, Голштинія и Лонебургъ особенно отличаются своими искусственно орошаемыми лугами, съ которыхъ получается отъ 500 до 700 пудовъ сѣна съ десятины.

д) Старое, весьма хорошее, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующее большаго издержекъ средство есть, удобреніе луговъ навозомъ. Для уваженія агрономы употребляютъ, смотря по требованіямъ почвы и преобладающихъ на ней растеній, болѣе или менѣе хорошія животныя, растительныя или даже минеральныя навозныя частицы.

Теперь разсмотримъ естественныя луга порознь, и какія средства могутъ быть съ особенною пользою употребляемы для каждаго рода луговъ отдѣльно.

К. Ветге.

Продолженіе впрод.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія Фридриха Великаго. Текстъ Оедора Конн, рисунки А. Менцеля. Изданіе М. К. Динса. С. Петербургъ 1844. Цѣна 10 рублѣй серебромъ.

Унасъ уже не мало было попытокъ подобныя иллюстрированныя исторіи. Наполеонъ, Суворовъ, Петръ Великій, для взрослыхъ и для дѣтей, — подвергались иллюстраціямъ, менѣе болѣе неполными добронорядочно.—Исторія Фридриха Великаго относительно рисунковъ вся заимствована у Нѣмцевъ. О текстѣ сказано на заглавіи, что онъ — есть собственное и принадлежность Оедора Конн. Слѣдственно Исторію Фридриха сочинилъ Оедоръ Конн. Намъ до этого и дѣла нѣтъ. По тексту эта книга и не подходитъ подъ условія, поставленныя для Библиографіи нашей: но иллюстраціи она неотъемлемо принадлежитъ нашему разбору. Дѣло истинно удивительное; гравированіе на деревѣ едвали у Нѣмцевъ не у первыхъ возникло и развилось до весьма хорошей степени; въ настоящее время все иллюстрированныя изданія Германіи далеко уступаютъ французскимъ и английскимъ. Если угодно, есть у нихъ и рисунокъ и отчетливость, но недостатка въ вкуса, изящной окончатности, художественной недокончатности; сверхъ того много вредитъ нѣмецкимъ гравюрамъ недостатокъ въ хорошихъ печатникахъ. Многія гравюры показались бы востро развѣ лучше, еслибы были отгнаны опытною искусною рукою. Этотъ недостатокъ еще болѣе чувствителенъ у насъ. Не смотря на то, изданіе М. К. Динса можно рекомендовать безъ стыда и зазрѣнія совѣсти. Жизнь великаго короля-философа каждому извѣстна. Приятно напоминать ее по рисункамъ Менцеля. — Этотъ старшій Фрицъ, громила австрійскихъ и французскихъ силъ, намъ врагъ и союзникъ, зиндатель Прусской Монархіи, въ молодости любезничалъ какъ и всѣ; писалъ французскіе стихи, плясалъ до упаду; въ замкѣ Рейнсфельдъ жизнь его проходитъ истинно на какую то царственную пидлію. Молодость Фридриха не обещала такой блестящей будущности; Баронъ Бильфельдъ, и самъ участвовавшій въ Рейнсбергской битвѣ, описалъ эту аркадскую жизнь довольно подробно. «Замокъ Рейнсфельдъ, говоритъ онъ... (за немѣнѣетъ подъ рукою подлинника, удерживаемъ переводъ г. Конн).

Замокъ Рейнсфельдъ пиваетъ прекрасное мѣстоположеніе. Огромное озеро обмываетъ его стѣны. Противуположный берегъ озера окаймленъ дубовымъ и оспеннымъ лѣсомъ. За нимъ въ полунапорамъ видны окрестныя села и города. Прехъ

Забавы въ замкѣ Рейнсфельдѣ.

пій замокъ состоялъ изъ главнаго корпуса и флигеля съ башнею. Архитекторъ Кнобельсдорфъ, по приказанію и плану Фридриха, пристраилъ въ симетрію, еще флигель также съ башнею. Обѣ башни соединены галлереею, состоящую изъ двойной колонады такъ, что весь замокъ получилъ видъ четверугольника. Входъ украшенъ четырьмя статуями, держащими фонтаны. На дворъ ведетъ великолѣпный порталъ.

Внутренность замка роскошна, и отдавала съ большимъ вкусомъ.

Вездѣ блистали золоченыя ризы и скульптура. Принцъ любилъ скромныя платья; но этому все обон, гардины, мебели — свѣтло-лилоныя, свѣтло-зеленыя, небеснаго и тѣлеснаго цвѣта. Зала, которая должна была быть украшеніемъ всего замка, еще недоставши окончательно. Ее отдавали въ мраморъ и украшали зеркалами и бронзою. Знаменитый Пень расписывалъ плафонъ. Сады Рейнсберга еще не разрослись, но расположеніе ихъ гравіозно.

«Всѣ, живущіе въ замкѣ, пользуются совершенною свободою. Они видятъ Принца и супругу его только за столомъ, за игрою, на балахъ, концертахъ, увеселеніяхъ, въ которыхъ имъ дозволено принимать участіе. До обѣда каждый занимается чѣмъ хочетъ, въ своей комнатѣ. Потомъ, все собирается въ столовую залу, къ общему столу; все занятія Принца обличаютъ человека съ душою. За столомъ онъ много говоритъ, и говоритъ умно и остро. На каждый предметъ находитъ онъ множество новыхъ и оригинальныхъ замечаній.

«Остроуміе его походитъ на вѣщій огонь восты. Онъ любитъ протворенія и радъ, когда съ нимъ спорять. Онъ часто шутитъ и даже дразнитъ, но безъ всякаго обиднаго намека, и самъ первый смеется остроумному возраженію на шутку.»

«Библиотека принца прелестна. Она помещается въ одной изъ башенъ и окнами обращена въ садъ и на озеро. Въ шкафахъ съ стеклами, собрано небольшое количество лучшихъ французскихъ книгъ. Портретъ Вольтера во весь ростъ есть единственное украшеніе библиотеки. Онъ любимый писатель Принца. Вообще Фридрихъ очень приверженъ ко всемъ пылкимъ прозаикамъ и поэтамъ Франціи.»

«Послѣ обѣда все собирается въ боковой залѣ, около кофейнаго стола. Одна изъ дамъ, по очереди, разливаетъ кофе. Тутъ шуткамъ и любезностямъ нѣтъ конца.»

«Вечеръ посвященъ музыкѣ. Обыкновенно Принцъ составляетъ концертъ и самъ въ немъ играетъ на флейтѣ. Онъ мастерски владѣетъ этимъ инструментомъ: въ игрѣ его много чувства и вкуса. Онъ самъ сочинилъ нѣсколько сонатъ. На концерты эти приглашаются жители замка по выбору.»

Фридрихъ отличается и въ танцахъ. Онъ лопокъ и граціозенъ. Онъ любитъ все удовольствія, промъ охоты. Вотъ какъ онъ объ ней выражается:

«Это не удовольствіе, а убійство души, потеря времени и столь же полезное занятіе, какъ смѣтаніе иллы въ камнѣ.»

«Принцеса есть идеал красоты, доброты и любезности. Ея кроткій и радужный нрав привлекаетъ къ ней все сердца.»

«Не давно у принца былъ прелестный балъ, который скорее можно назвать маскарадомъ. Принцъ вышелъ не въ мундирѣ, а въ богатомъ шелковомъ кафтанѣ, и такомъ же камзолѣ, вышитымъ золотомъ. Весь его дворъ послѣдовалъ его примѣру. Многие одѣлись пастухами золотого вѣка, а дамы поступили такъ. Эта пидляка въ лицахъ была въ саду тотчасъ послѣ обѣда. Нельзя пересказать всѣхъ наслажденій этого вечера, гдѣ роскошь затмѣвалась простотой, а простота возвышалась свободой и вкусомъ. — Замокъ здѣшній настоящій храмъ чудесъ. Превосходный столъ, чудесное вино, прелестныя женщины, отличная музыка, утонченныя праздники, и все волшебство искусства и науки соединено здѣсь, чтобъ обворожить человека и дать новую прелесть жизни.»

Но эта Идиллія была непродолжительна. Отецъ призвалъ Фридриха къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, замѣтивъ способности, и убѣдился въ характеръ насѣдника, умеръ спокойно; и надежды не обманули никого. Не одно оружіе, заняты мирныя стонли генеральскихъ побѣдъ; возникла академія, приписки и разныя искусства, построены великолепный театръ архитекторомъ Кюблендсдорфомъ. Все удавалось Великому Королю. Одно не лѣзло ожидаемаго успѣха: «Всего труднѣе писалъ Фридрихъ Вольтеру — занести во всѣхъ

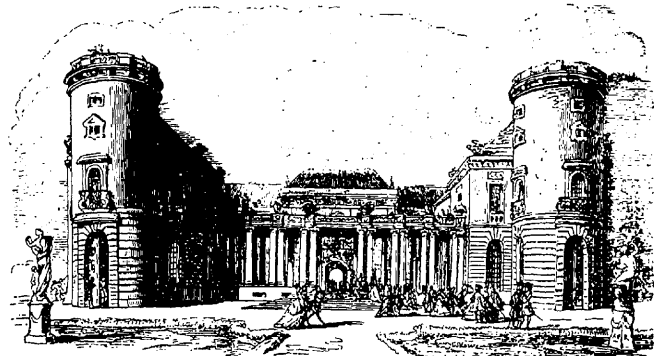
(Фридрихъ въ Лиссѣ).

Провѣстіе въ Лиссѣ походить на сказку. Король почти одинъ взялъ крѣпость; Австрійскіе генералы вмѣсто того, что бы захватили короля, и схватили оружіе, схватили свѣчи и оубѣщали путь побѣдителю безъ выстрѣла, за что и поплатились пятномъ. Вообще исторія Фридриха какъ будто сложена изъ самыхъ занимательныхъ анекдотовъ, и вотъ почему такъ и просится подл карандашъ. Вечеръ жизни Фридриха походилъ на утро его въ Рейнсбергской Аркадіи. Въ прекрасномъ дворцѣ своемъ Санъ Суеи онъ продолжалъ играть на флейтѣ, участвовалъ въ домашнихъ концертахъ пока не вывали зубки... Великая жизнь Великаго догорѣла. Лучшія сочиненія о Фридрихѣ — это его собственныя напечатанныя во многихъ томахъ; но для изданія иллюстрированнаго они показались бы сухи, лишены бы читателей множества анекдотовъ, которыхъ не помнилъ, покрайней мѣрѣ не записывалъ. Король исторія Ментцели въ рисункахъ очень хороша за изданіе пхъ на русскомъ, съ какою бы то ни было текстоломъ, нельзя не поблагодарить Г. Липса. Съ сочиненіемъ иллюстрированнымъ полагаемъ лучше всего знакомить читателей посредствомъ самихъ иллюстрацій, почему мы помѣщаемъ нѣсколько гравюръ, соответствующихъ нашей статьѣ. Нельзя при этомъ случайно сказать, что исторія Фридриха, усер-

діемъ издателя, окончилась печатаніемъ весьма быстро; это заставляеть насъ желать, чтобы Г. Липсъ не остановился на этомъ переломѣ и удачною опытъ. Предметовъ много; нужно только денегъ и усердія; иногда и одного усердія довольно. Къ тому же наша публика признательна и за малое добро, лишь бы оно было исполнено совѣтливо, исправно и проворно.

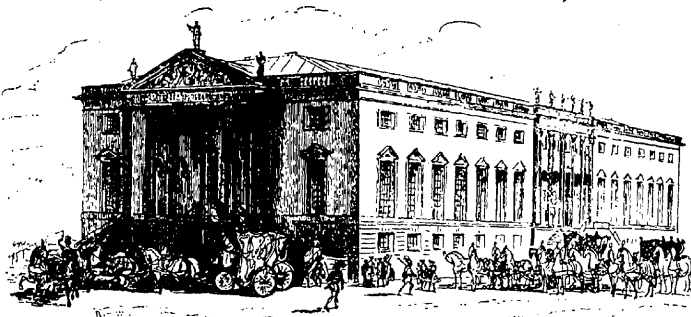
(Кессельдорское сраженіе).

(Замокъ Рейнсфельдъ).

У насъ пока библиографія иллюстрированныхъ изданій слишкомъ коротка. Почему? Это очень понятно, особенно для редакціи; всѣхъ гравюръ на деревѣ и десяти мѣтъ; изъ нихъ не всѣ еще возьмется рѣзать по рисунку сколько нибудь замысловатому; следовательно изданіе съ оригинальныхъ рисунковъ дѣло у насъ не только трудное, но удивительное; каждое

областяхъ хлѣбныя магазны, которые бы могли обезпечить государство на полтора года.» Грэнла Семилѣтняя Война, въ которой и мы Русскіе, принимали такое важное, но перебитное участіе. Пруссія была наша, тамъ управлялъ русскій генералъ-губернаторъ. Семь лѣтъ великихъ пенитанцій усѣяны безчисленныя подвигами Короля Героя... Онъ выигрывалъ и проигрывалъ, всегда однакоже съ барышомъ, большія сраженія; являлся къ неприятелямъ иногда чуть не одинъ, и величье охраняло его посредственною опасностей..

(Театръ).

поглащаетъ времени чуть не многія лѣта, а денегъ — цѣлый капиталъ; оттого изданія становятся дороги не для читателей, а для издателей; прекрасные труды гложутъ въ ожиданіи лучшихъ временъ, или же задохнутся въ Парижѣ, теряя такимъ образомъ въ большой мѣрѣ національное достоинство. Красиваго изданія Тарантаса, красиваго разсказа Графа В. А. Сологуба едва дождался, мы прежде съ удовольствіемъ видѣли многіе оттиски съ гравюръ этой книги; болѣе поудобна знаемъ и видѣемъ о новомъ изданіи со-

чинений Державина, где гравюра на дереве также принимает участие; книга: Русские Полководцы, также что-то не выходит, а для нас усердием К. И. Жерякова изготовлены прекрасные гравюры... Кажется и все. Вот наша иллюстрированная литература. Она должна, принуждена жить перепечатками. Мелкие физиологи, картинные нравов, Листок для Свѣтских Людей не могли развить этого искусства, хотя отдельно и заключают весьма милая гравюры. Мы собираем Иллюстрированную Историю Русской Иллюстрации; не только для того, чтобы сохранить ее для общей Истории Искусств в России, но и для того, чтобы доставить читателям в известность — какими средствами до нынѣ может пользоваться и наше изданіе. Может быть тогда и нашу цѣль и наши успѣхи удостоитъ благосклонный читатель улыбкой одобрения и патристической признательности.

Изъ книгъ иллюстрированных, принадлежащихъ къ нашей Библио-

(Композиторъ).

СМѢСЬ

Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, послѣ десяти часовъ вечера, на Английской Набережнѣ, воздѣ Сената, заходилъ огонь; цѣль каретъ тянулась безконечно. Весь высшій кругъ здѣшняго общества не безъ труда помѣстился въ великолѣпной и блистательно освѣщенной залѣ графа П. Н. Лаваль. — Г-жа Виардо-Гарсия и Г. Рубини и Тамбурини проѣхали избранными и любимѣйшими пѣснями изъ современнаго итальянскаго репертуара. Какъ назвать подобный вечеръ: музыкальнымъ базаромъ, раутомъ, или простовечеромъ, но сдѣланнымъ либо блистательнымъ эпитетомъ? Не злыя было довольно налюбоваться истинно великолѣпнымъ видомъ залы, которую должно признать одною изъ самыхъ обширныхъ залъ Петербурга и вмѣстѣ образцовымъ произведеніемъ зодчества. Конечно, теперь уже много въ Петербургѣ частныхъ нарядныхъ залъ, очаровательныхъ пріемныхъ гостинныхъ, прелестныхъ будуаровъ. Но при всѣхъ томъ эта величественная зала ничего не терпѣетъ и сохраняетъ свое художественное достоинство. Петербургъ хорошеетъ не только снаружъ; съ гордостію мы можемъ указать на быстрое распространение вкуса утонченнаго, изяшнаго. Радуетъ, что въ короткое время мы представимъ не сухія описанія внутренности нашихъ бодрскихъ хоромъ въ столицѣ и за городомъ; но портреты съ возможной вѣрностію и отчетливостію. Художники, принимающіе постоянное и дѣятельное участіе въ Иллюстраціи, уже приступили къ собранію рисунковъ въ нѣкоторыхъ домахъ. Мы надѣемся, что, если только гравированіе не замедлитъ, читатели скоро увидятъ въ подробныхъ рисункахъ нѣкоторые покои домовъ княгини А. Г. Бѣловельской-Бѣлозерской, графа И. И. Воронцова-Дашкова и графа Д. Н. Шереметева. Частная архитектура въ Россіи дѣлаетъ ежедневные успѣхи. Иллюстрація свѣтлитъ исполнить свое назначеніе. Не только зданія общественныхныя, не только дома бодрскіе, но каждаго рода частныя строения, внутренней видъ комнатъ, съ ихъ художественно отдѣлкою, а также фасады, и внутреннее расположеніе разныхъ частныхъ заведеній и фабрикъ, словомъ, частную архитектуру во всѣхъ ея видахъ Иллюстрація будетъ помѣщать съ удовольствіемъ, прилагая пояснительный текстъ. Но расходовъ, по части художественной, она, подобно другимъ Иллюстраціямъ, не можетъ принять на себя. Составимъ ли описательной статьи, всѣми художническими хлопотами, Редакція скучать не будетъ, пользуется случаемъ доставить каждо-

му удовольствіе и вмѣстѣ сохранить на столбцахъ своихъ живые памятники современнаго вкуса, изобрѣтательности и тщательнаго художественнаго исполненія. Порядокъ помѣщенія статей съ гравюрами, по отдѣленію частной архитектуры — принята Редакціою — хронологическій...

ОДЕССА.

(Статья 1.)

Въ Русской Имперіи не одинъ только Петербургъ, какъ говорится, свѣчи и воскъ; есть, право есть еще много городовъ, въ которыхъ проявляется дѣятельная жизнь, даже со всѣми условіями роскоши, съ театромъ, литературою и т. д. Но непонятно и непонятно, что мы объ этихъ городахъ столь же мало знаемъ свидѣній, сколько о внутреннихъ пустыняхъ Африки. Хотя въ Москвѣ, Рязани, Кіевѣ и Одессѣ выходятъ русскія книги, издаются журналы; однакоже книгъ этихъ не найдете въ Петербургѣ, свидѣній объ нихъ прочесть негдѣ. Развѣ случайно, пріятельское словцо проберется на столбцы легкой газеты и удержитъ вмѣстѣ съ листкомъ, назначеннымъ для сегодня. Между тѣмъ не многія эти книги иногда любопытныя пѣтербургскія новѣстей и романовъ; извѣстія о жизни этихъ городовъ исполнены самаго живаго интереса для каждаго Русскаго. Вотъ, хотя бы и въ этомъ году, намъ въ Петербургѣ не чѣмъ похвастать; почти ни одной важной книги въ три мѣсяца. Въ Одессѣ вышло уже весьма замѣчательное сочиненіе А. Скальковскаго подъ заглавіемъ: Паѣзды Гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи. Многие смѣшивали Гайдамакъ съ Запорожцами, тогда какъ это были дѣйствіе враги. Мы надѣемся въ скоромъ времени собрать ближайшія и полнѣйшія свѣдѣнія о литературѣ Новороссійскаго края; теперь же не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить нашимъ читателямъ статью того же автора, помѣщенную въ Одесскомъ Вѣстникѣ, которая можетъ послужить лучшимъ вступленіемъ въ описаніе Одессы и всего Новороссійскаго края:

Одесса окончила, въ мнувшемъ году, свое полувѣковое существованіе и въ это время сдѣлала столь гигантскіе успѣхи, что не только возбуждаетъ любопытство всякаго наблюдателя, Русскаго и иностранца, но даже родила зависть къ своему развитію и благосостоянію. Одна, основываясь на математическихъ вычисленіяхъ, считаютъ быть ея очень непрочнымъ; другіе же, глубокіе поли-

графин и вышедшихъ въ яварѣ мѣсяцѣ, мы можемъ смѣло обратиться вниманіе публики на небольшую книгу: Странствованіе по Морьямъ и Сушѣ; на новый романъ Г-жи Ишимовой, на Юридико-популярную книгу: Указатель Законовъ — и пока довольно. Хорошаго понемножку. По возможности дадимъ и обшій отчетъ хотя краткій; мѣста нѣтъ. Матеріаловъ много; гравюры еще мало. Съ каждаго днемъ ожидаемъ присылки изъ Парижа лучшихъ популярнейшихъ; они уже въ дорогѣ, но дорога теперь вездѣ, даже и за границей, приводитъ въ отчаяніе путешественниковъ. Для насъ продолжительность павшей зимы гораздо чувствительнѣе чѣмъ даже для сельскихъ хозяевъ.

тики, полагаютъ ея цвѣтущее состояніе временнымъ, блестящимъ феноменомъ, который скоро исчезнетъ, какъ блескъ потѣшнаго огня. Третьи, наконецъ, и это уже, можно сказать, недоброе предвѣщеніе къ сей писателю, принявъ за непреложную истину ложное правило — что торговля не есть прочное основаніе народнаго богатства, бросаютъ на всѣ цвѣтущіе или возникающіе порты наши: Одессу, Ростовъ, Мариуполь, Бердянскъ, родившіеся и окрѣвшіе отъ торговли, — самые полновѣсные свои громы. Трудно спорить съ скептиками, особенно несвѣдущими, или чуждыми хозяйству государственному; но долгъ нашъ, долгъ статистиковъ мѣстныхъ, вести намъ ризѣвать хотя малую часть заблужденій и поражать ихъ не словами, не полемикою, къ которой прекрасней русскій языкъ такъ мало созданъ, но силою фактовъ, цифръ и документовъ. Мы представимъ здѣсь, какъ бы для поздравленія города съ новымъ годомъ его жизни, одинъ изъ важныхъ статистическихъ выводовъ, — это успѣшеніе и постоянное процвѣтаніе коммерческаго народонаселенія въ Одессѣ, и въ общемъ или этнографическомъ, числительномъ смыслѣ, и въ отношеніи чистоты торговому, т. е. гильдейскому. Просимъ благосклоннаго вниманія у читателей нашихъ къ этимъ простымъ и, быть можетъ, сухимъ фактамъ и таблицамъ.

Если читателямъ нашимъ знакомы: «Первоисторическія исторіи г. Одессы», изданное въ 1857-мъ году и «Взглядъ на Одесскую Область» (*), то уже, вѣроятно, намъ извѣстно, что названное Одессу было великолѣпное, русскому сердцу свойственное, гостепримство; что этотъ городъ спасенъ, при самомъ своемъ рожденіи, торгующимъ въ немъ солоніемъ; а поддѣржанъ, обогащенъ и обращенъ въ казначеище всего юго-западнаго Россійскаго края — торговлею. Но такъ какъ многіе, вѣроятно, и не слышали объ упомянутыхъ нами книгахъ, то мы повторимъ здѣсь, что послѣ занятія, въ 1789-мъ году, замка *Евдудул* или *Нового Сента*, въ Хаджибейской бухтѣ, Императрица Екатерина II-я сама назначила этотъ портъ для убѣжища и поселенія Грековъ архипелагскихъ, которые, въ достопамятную войну 1770-хъ годовъ, сражались подъ знаменами русскихъ полководцевъ, что въ 1801 году, когда именными указами (1796 и 1797), былъ рождившагося города, оклеветаннаго предъ Императоромъ Павломъ I-мъ, былъ уже почти уничтоженъ, — нѣсколько одесскихъ

(* Помѣщенный въ 1-мъ томѣ *Записокъ Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей*.

кунцовъ, а именно: *Иларіонъ Портновъ, Евграфъ Кленовъ, Панаіотъ Варваци, Иванъ Замлятинъ, Иванъ Андреевичъ, Корнелій Бодлякскій, Иванъ Константиновичъ, Мануилъ Лашкаревъ, Юзефъ Саломеичковъ, Пестръ Родичи и Федоръ Заиченко*, (теперь уже все умершіе), узнавъ о вступленіи на престолъ блаженной памяти Государя Императора Александра I-го, отправили въ столицу депутатами: любимаго своего согражданина и чиновника, коллежскаго советника *Михаила Кирькова* и двухъ купцовъ *Кленова* и *Варваци*. Ихъ стараніями возстановленъ бытъ города, спрощеніемъ новыхъ милостей царскихъ, особенно дарованныхъ указами 24-го января и 18-го марта 1802-го года, и возобновленіемъ милостивыхъ жалованій грамотъ и правъ, дарованныхъ Императрицею Екатериною II-ю. Съ того времени подъ мощнымъ и мудрымъ покровительствомъ монарховъ, приславшихъ городу сперва герцога Рихельса, а послѣ и другихъ достойныхъ своихъ наместниковъ, городъ болѣе и болѣе устроился и обогащался, и теперь — въ 42-мъ году послѣ упомянутаго указа 1802-го года, стоитъ уже на 5-мъ мѣстѣ въ іерархіи городовъ.

И такъ, отдавая должную дань благодарности купечеству г. Одессы, основавшему его благосостоянію, — скажемъ нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи этого сословія, главнаго двигателя общественнаго богатства, о числѣ его капиталовъ и услугахъ, сдѣланныхъ для города и края.

Одесское купечество, какъ и вездѣ, въ актахъ и оффиціально именуется коммерческимъ или торговымъ сословіемъ, обществомъ (*corps de commerce*), — хотя игда, быть можетъ, оно менѣе не связано въ однообразную и однородную общину, какъ въ Одессѣ (*). Это явное разединеніе происходитъ не отъ зависти и соперничества, а просто отъ различія націй, а съ тѣмъ вмѣстѣ, обычаевъ и нравовъ, — различія, слишкомъ еще рѣзкаго, чтобы можно было ожидать въ скорости ихъ общественнаго или домашняго сближенія. Настоящіи два поколѣнія одесскаго народонаселенія (считая съ основаніемъ города) едва только заглазды первобытныя черты всякаго племени, здѣсь поселившагося; тѣмъ болѣе, что значительная часть онаго водворяется въ городѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ, съ привычками уже принятыми и усвоенными; но позвѣка еще проидеть, и большая часть его сдѣлается русскимъ, или близкимъ къ русскому, народомъ. И не только въ Одессѣ, но и во всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы, это разединеніе существуетъ во всей силѣ, и никто объ этомъ нимало не тоскуетъ. Спросите людей наблюдательныхъ: можно ли, напримеръ, мыслить и понятія караима, или армянскаго сефера (банкира) согласить съ мыслями и обычаями дебеаго и бородагата торговца сѣверной Россіи, или шегольскихъ пришельцевъ западной Европы, сблизить съ богатыми *первобытными* Греками, сидящими цѣлые дни въ казино, или четкамъ въ рукахъ и съ поджатыми подъ себя ногами? Мы не говоримъ здѣсь объ исключеніяхъ и должно сказать къ чести Одессы, о довольно частыхъ исключеніяхъ изъ этого правила. Много людей достойныхъ уваженія и высоко образованныхъ, пайлетеровъ во всѣхъ одесскихъ націяхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ; люди просвѣщенные вездѣ одни и вездѣ между собою схожи, не смотря на различіе вѣры, языка и костюма. Но массы торгующихъ въ Одессѣ составляютъ, и въ торговыхъ своихъ операціяхъ, столько же отдѣльныхъ областей, сколько ихъ находится на географическихъ картахъ Европы. Иностранцы, торгующіе въ Одессѣ, суть: Греки (Турецко и Греческо-подданные), Славяне, т. е. Болгары, Иллирійцы, Сербы и др.; Итальянцы, особенно Генуезцы, древніе гости южной Россіи; Нѣмцы, Англичане и австрійскіе евреи, преимущественно банкиры. Испанцевъ, Армянъ и Румыновъ Одесса имѣетъ немного; а Шведовъ, Датчанъ, Голландцевъ и Турокъ всегда мало,

а теперь и вовсе нѣтъ. Русское купечество, самое многочисленное, состоитъ однако-жъ не изъ однихъ природныхъ Русскихъ; большая половина его считается въ своемъ обществѣ Грековъ, Нѣмцевъ, Евреевъ и Караимовъ. Въ послѣдніе годы занялись торговлею Малороссіею и Полкии, но еще не въ большомъ числѣ; за то все почти шипера каботажныхъ лодокъ суть чистыя дѣти Гетманщины или Запорожья, рожденныя въ Малой или Новой Россіи.

Вотъ общая цифра торговаго народонаселенія за послѣдніе годы:

Всего народонасел.	купцовъ.	
1) Въ 1840-мъ году.	68,765	5,199
2) » 1841-мъ »	75,838	5,465
3) » 1842-мъ »	76,862	5,154
4) » 1845-мъ »	77,778	5,041

Слѣдственно $\frac{1}{25}$ всего народонаселенія принадлежитъ къ торговому сословію; но здѣсь показаны только тѣ, которые записаны въ гильдіи и ихъ семейства; все же другіе, участвующіе въ торговлѣ безъ платежа гильдіи, какъ-то завочники и разносчики и ихъ семейства, увеличатъ цифру купечества, но-крайней-мѣрѣ, 2,000-ми душъ обоого пола. Такимъ образомъ сѣмло можно сказать, что все чисто-торговое народонаселеніе г. Одессы, во всѣхъ его классахъ, простирается до 5,000 душъ обоого пола.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Облегченіе въ сообщеніяхъ оживляетъ торговлю и промышленность; у насъ много рѣкъ, по которымъ возможенъ паровой ходъ; но иботорымъ пароходы уже ходятъ, для другихъ уже строится.

Пароходъ Соколы, принадлежащій П. О. Соколовскому, съ 1842 года уже ходитъ между Астраханью, Саратовомъ и Нижнимъ Новгородомъ...

Превосходное устройство этого парохода даетъ ему возможность проходить безъ затрудненія въ всякихъ мѣляхъ, составляющихъ преграды остановкамъ для тамошняго судоходства, а замѣчательная быстрота хода подали мысль употребить его для пассажирскаго плаванія; и послѣднее назначеніе исполнено имъ съ блестящимъ успѣхомъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1845 году: имъ доставлено 96 пассажировъ изъ Нижняго Новгорода (съ ярмарки) въ Астрахань, менѣе чѣмъ въ 10 дней. — Въ прошломъ году, отплывши изъ Нижняго Новгорода 31 августа по утру уже съ 120 пассажирами, пѣли на буксирѣ судно съ дровами, пароходъ Соколы прибылъ въ Астрахань въ 8 часовъ утра, 8 сентября, т. е. менѣе чѣмъ въ 9 сутокъ, совершивъ болѣе 2000 верстъ, со включеніемъ пріготовленія пара, дѣйствительнаго хода машины и времени простоя у разныхъ привоканскихъ городовъ, для высадки и пріема пассажировъ и для погрузки дровъ, необходимыхъ въ пути для топлива парохода.

Трудность сообщеній въ Закавказскомъ краѣ и неопредѣленность плаванія на Каспійскомъ Морѣ парусными судами были постоянными непреодолимыми преградами для выгоднѣйшаго направленія тамошней торговли на Астрахань; что же касалось до сухопутной перевозкы, то она и дороже и медленнѣе и опаснѣе. Устранить же эти препятствія въ состояніи только два предпріятія: устройство пароходства за Кавказомъ, по рѣкѣ Курѣ, и на Каспійскомъ Морѣ. И вотъ эти благодѣтельные мысли осуществляются: отеческіе почтенное Правительство наше въ предстоящую навигацію откроетъ пароходное плаваніе по Каспійскому морю желѣзными стосланными пароходами, съ таковыми же желѣзными баржами, которые, сверхъ крейсерства, перевозить будутъ и пассажировъ и купеческіе товары; — а частная компанія (какъ пишутъ съ Кавказа) предпринимать устройство пароходства и по Курѣ.

Въ одесской гавани складывается выплывающій изъ Англіи пароходъ и въ наступающую навигацію будетъ ходить по Днѣстру. Это извѣстное благодѣліе для Одессы и для приднѣстровскихъ житей, которыхъ, такъ сказать, держали до сихъ поръ въ рукахъ своихъ нѣсколько чужбъ про-

мышленниковъ; они впередъ нанимали все подводныя, и какъ шпенциу падо было выгружать около Бендеръ, въ разстояніи отъ Одессы въ 150 верстахъ и отправлять къ порту сухимъ путемъ, то можно себѣ представить какіе убытки и останковкамъ подвергались донынѣ владѣльцы шпенциу. Пароходство устранитъ большую часть неудобствъ, а современемъ и всей днѣстровской торговлѣ дастъ правильное и выгодное направленіе.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ТЕАТРОВЪ.

Благо время, и такъ еще не давно, во всей Россіи, кромѣ двухъ столицъ, въ губернскихъ городахъ театровъ почти не было. Въ Ригѣ, Вильнѣ и Одессѣ бывали всегда спектакли, да не русскіе. Въ другихъ городахъ самыя плохія труппы кочевали и бѣдствовали. Теперь многіе губернскіе города уже имѣютъ постоянные театры. Въ Симферополѣ труппа Г. Зеллинскаго произвела восторгъ, въ особенности самъ начальникъ труппы, который отличается равно въ комическихкихъ и трагическихкихъ роляхъ — и во многихъ достигаетъ, какъ пишутъ, совершенства. Г. Зеллинскій не остановился на комедіи и трагедіи. Въ продолженіе носта онъ обѣщавъ дать совсемъ труппою и оркестромъ нѣсколько концертовъ — въ *костюмахъ*, и вѣроятно исполнилъ обѣщаніе. Но музыка, кажется, не такъ нравится въ Симферополѣ. Нѣкто Г. Фельгъ давалъ тамъ на фортопьянѣ концертъ, какъ сказано, *безинтересно*, но публка и даромъ не хотѣла слушать. Это уже явственная антипатія къ музыкѣ. А жалъ. И пѣвцы, и актеры, и музыканты, по живншіи многихъ драматурговъ, должны всегда предварительно ценить свои силы на провинціальныхъ театрахъ. Это разсадникъ, натуральная академія сценическаго искусства. Получившій первую золотую медаль, удостоенный общей, единогласной похвалы пусть ѣдетъ за границу — въ Петербургъ. — Ни столица, ни провинція не потеряютъ. Первая будетъ пополнять свой персоналъ опытными актерами не безъ дарованія; для провинціальныхъ артистовъ будетъ лестная цѣль, которая одна только можетъ возбудить соревнованіе.

ДЛЯ ХОЗЯИВЪ.

Весною, передъ тѣмъ какъ начнутъ распускаться листки, надобно расколоть дерево вдоль, отъ самой верхины до начала происхожденія вѣтвей; деревянную лопаткою очистить весь древесный мозгъ (сердцевину), и сложивъ расколотыя половинки, завязать ихъ крѣпко веревкою, заливши все скважины воскомъ (или глицыню). Сила растительности соединитъ опять расколотое дерево, и черезъ два года выростутъ вишни безъ косточекъ.

ДЛЯ ДАМЪ.

— Отрѣзанные цвѣты обыкновенно сохраняются въ стаканѣ съ водою. Если въ эту воду подбавить нѣсколько распушенной камфоры, то цвѣты не только будутъ долѣе сохраняться, но еще будутъ цвѣсти ярче и красивѣе.

ПОХОРОНЫ ШИЛЛЕРА.

Шиллера хоронили три раза. Первое погребеніе Шиллера было самое простое и дешево. Цѣль похоронъ — самый дешовый — былъ нанятъ для того, чтобы проводить тѣло усопшаго поэта. Съ большаго трудомъ удалось одному молодому ученому, принявшему на себя все издержки, похоронить Шиллера болѣе достойнымъ его образомъ. Въ то же время молодой скульпторъ исполнилъ у родныхъ Шиллера позволеніе снять съ него маску для себя; только этому обстоятельству обязаны мы сохраненіемъ смертныхъ останковъ поэта; ибо когда, 21 годъ спустя, Людвигъ, король баварскій, проѣзжая черезъ Веймаръ, пожелалъ видѣть могилу Шиллера, то веймарцы не мало перепугались: — шкто не зналъ, гдѣ она находилась.

Бургомістеръ Швабе, который былъ въ числѣ провожавшихъ гробъ Шиллера, приступилъ къ

(*) На счетъ этой разнородности замѣтитъ только, что на общественныхъ выборахъ, при приведеніи къ присягѣ, должны присутствовать: православный, армянскій и католическій священники, лютеранскій пасторъ, реформатскій министръ, еврейскій раввинъ и караимскій учитель или гахамъ.

розсканіямъ. Склепъ, въ который поставили гробъ поэта, былъ мраченъ и сыръ; каждый имѣлъ право покупать себѣ мѣсто въ этомъ склепѣ; гробы стояли одинъ на другомъ; верхніе давали своєю тяжестью старыя, полусгнившіе, — а сосновый гробъ Шиллера стоялъ въ этомъ склепѣ уже 24 годъ!... Онъ давно уже сгнилъ, мѣдныя дощечки съ именемъ Шиллера съѣла ржавчина....

Однакожъ, Швабе употребилъ все успія для того, чтобы отыскать хотя кости поэта. Ночью, въ одиннадцать часовъ, спустился онъ въ склепъ вмѣстѣ съ гробовщикомъ, который дѣлалъ гробъ и съ 87-ми лѣтнимъ могильщикомъ. Девять гробовъ полусохранившихся были сняты; потомъ сложили двадцать три черепа въ мѣшокъ и несли ихъ въ домъ бургомистра.

Туда были призваны ученые хирурги; соображался съ маской Шиллера, стали приравливать къ ней всѣ черепы, и наконецъ нашли одинъ, который вполне соответствовалъ маскѣ. Рѣшили, что это и есть черепъ Шиллера. Въ слѣдующую ночь черепъ былъ опять снесенъ въ склепъ и гробы поставлены на мѣсто. А черепъ Шиллера съ церемоніей и погребальной музыкой былъ внесенъ въ библиотеку; тамъ говорили рѣчи о заслугахъ и славіи великаго поэта, словомъ, тутъ было все, что обыкновенно бываетъ при погребеніи.

Долгое время спустя, Гете пришла мысль собрать весь скелетъ Шиллера, къ чему могъ служить во-первыхъ самый черепъ, а во-вторыхъ и то, что всѣмъ было извѣстно, что у Шиллера былъ весьма длинный руки.

Склепъ открыли во второй разъ и съ большимъ трудомъ составили скелетъ, который, по общему рѣшенію носилъ тѣло Шиллера.

Король приказалъ взять черепъ изъ библиотеки, сложить его вмѣстѣ съ другими костями въ нѣсколько крѣпкихъ, дорогихъ гробовъ, которые и были поставлены въ древнемъ княжескомъ склепѣ.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

17. Откуда взялись слова: *подлинный*, и *подноготный*? Что такое правда подлинная? Узнать всю подноготную? — Въ языкѣ русской, въ оны времена, было извѣстное *длинники* — прутья, налки, коими былъ; и была пята *подноготная*. Отъ этого исеалось и произошло: такой-то *подъ длинниками* показалъ то и то, а *въ подноготной* вотъ-что. Ясно, кажется, что *подлинная* и *подноготная* взяты именно отъ этихъ двухъ словъ.

18. Поднять на лопъ — оставить тую или бочку торчмя.

19. Изножье — понятие по слову *изоложье*: изножье кровати.

20. Истора — проволочка, задержка, убытокъ, растрата.

21. Ухожи — надворное хозяйственное строеніе.

22. Слово *ферма* замѣняется, смотря по значенію его, словами: дача, усадьба, хуторъ (украинское), замка (сибирское). Иногда ферма означаетъ просто птичникъ или скотный дворъ, базъ, какъ говорятъ въ Малороссіи, или базки у казаковъ.

23. Солонекъ — мѣсто, откуда солнце весь день не сходитъ, также первая проталинка весною.

24. Земляная вода — первая вешняя вода, когда овражки въ полѣ заиграютъ, называется сѣвовой или береговой; тогда бываетъ первый разливъ рѣкъ, который обыкновенно опять вскорѣ вступаютъ въ русла свои; затѣмъ пойдетъ уже вода съ горъ, бываетъ второй разливъ и говорится земляная вода пошла.

25. Стрежень — самая быстрна на руслѣ.

26. Перекачь или сарма — мелкое мѣсто, поперечная гряда въ рѣкѣ, черезъ которую вода прорывается съ силою.

27. Лыящ — мѣсъ, особенно если онъ выдается круто, скакою. *Мысомъ* называютъ болѣе измящую землю, выдавшуюся во воду.

28. Старца — покинутое рѣкою русло — сухое, сухая старца; или мокрое, собственно *ерикъ*. Много рѣчекъ имѣлиютъ русло свое почти каж-

дую весну, послѣ разлива, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или пзгнбахъ: на каждомъ поворотѣ быстрой рѣчки бываетъ, прямо по направленію теченія, *пробой* и *отбой* въ противный берегъ; отъ этого отъ прибои подмываетъ берегъ, а отбоемъ наноситъ песокъ, пока наконецъ лерешекъ отбитаго полуострова не поточится весь; тогда рѣка прокладываетъ новое русло свое прямо, заноситъ устье поворота, гдѣ и остается старца. Все отдѣлившіяся старцы иногда обращаются изъ ериковъ въ озера. Новое русло рѣчки, прорвавшейся черезъ перешеекъ, получаетъ названіе *прорывъ*, какъ называютъ нерѣдко и вновь оторванную къ тому или другому берегу часть земли. *Опокъ* называется островъ или полуостровъ: Соловецкій монастырь на отокѣ; Каменскъ-Подольскъ стоитъ также на отокѣ рѣки Смотричи.

29. Отопочь, отъ глагола отпочать, обносокъ башмака или сапога: барышню прогумиваютъ въ отпочкахъ.

30. Босовпки, туфли, утренніе сапоги.

31. Поползень — пролазъ, низкопоклонный лѣстекъ.

32. Мареве по-русски маражъ; — довольно странно, что у насъ для явленія, свойственнаго въ особенності нашимъ степлямъ, принято французское слово. Недавно въ одномъ изъ журналовъ нашихъ была цѣлая статья объ этомъ замѣчательномъ явленіи, но о маревѣ намемъ не сказано было ни слова. Киргизы называютъ мареве *маредоо саймъ*, увѣряя, что стада сайги гоняются по степи за этимъ признакомъ воды. Слово мареве происходитъ не отъ глагола морить, какъ можно бы предположить по сходству понатія, а отъ слова *мара* (мороза, морозить); мара означаетъ наводненіе, обманъ чувствъ, явленіе признака, и потому мареве очень вѣрно выражаетъ свой предметъ.

33. Безотвѣтный человекъ, на котораго можно взыскать все, который исполняетъ все безъ отговорки, у котораго нѣтъ привычки или нѣтъ средствъ оправдываться и отговариваться.

34. Въ память Суворова осталось у насъ слово *немогушка* — нерасторопный человекъ, который живетъ спутя рукава, но послѣдствіе: день да ночь — и сутки прочъ; такъ и отваливаетъ.

35. Зорница, на Украинѣ *блыващица*, называется отдаленная молнія; а *зорница* — утренняя звѣзда, какъ предвѣщательница зарю. Одною корню съ этимъ глаголомъ *зорить*, означать, прояснять; напримеръ, зорить масло, то есть дать ему отстояться и очиститься. Глаголомъ *зорить* означаетъ совсемъ иное и притомъ неиріазительное дѣйствіе; отъ него происходятъ: разорять, озорникъ, или зорникъ, озоричать и прочъ.

36. Назвяды называются у простолюдновъ *утиными гнздойми*, *волососары*, *высоксары*, или *стозсары*. Слова эти сложены изъ: *волоса* и *жаръ*, *высота* и *жаръ*, сто (множество) и *жаръ*.

37. Подзвонки: зима безъ трехъ подзвонковъ не стоитъ. Ранніе морозы или снѣгъ, послѣ которыхъ опять бываетъ оттепель.

38. Прнмѣръ или примѣръ — выраженіе торговля: примѣръ, — излпшекъ въ аршинномъ товарѣ противъ показанной мѣры; примѣръ — недостатокъ. Въ спиртовѣхъ напитокѣхъ, относительно крѣпости ихъ, употребляютъ въ томъ же смыслѣ выраженія *першаръ* и *недошаръ* и еще третье *пршаръ*, означющее не пригорѣлость, а случайный излпшекъ выгонки изъ затора.

39. Новыкка — солдатъ пришелъ домой въ отпускъ на побывку.

В. Луганскій.

ПЕРЕПИСКА.

Л. А. Г. Мы совершенно согласны и убѣждены, что ваша статья и умна, и дѣльна, и даже справедлива, но иллюстрація не только личныхъ предіи, антикритики, полемки и тому подобнаго знать не хочется, но и отъ критики, отъ разбора того, что происходитъ чрезъ сферу я наблюдательности, говорить не охотно, если должна сказать что и кому лицу несприятно. Иллюстрація — созданіе миролюбивое, пѣжное, чувствительное; у нее цѣльмй мръ на глазахъ; она больше расположена любоваться хоро-

шми, отъ плохого отворачивается; даже о тѣхъ, которые стараются сдѣлать ея огорченіе, она сожалѣетъ изъзяка, потому изъзяка, чтобы безполезнымъ состраданіемъ не раздражитъ своей чувствительности, не отвлечетъ своего вниманія отъ полезнаго и изыщнаго; она знаетъ поводы, заставляющіе кпѣть чужую желчь, потому бережетъ свою. Здоровье — верховное земное благо, а человекъ злой — всегда болѣнъ; страждетъ печенью, головою или водоболзною. Не ужели вы хотите попасть въ эту ужасную больницу... — Другіе... скажете вы... Оставьте другихъ въ покоѣ. Вамъ только такъ кажется; а мы васъ смѣло можемъ увѣрить, что русская литература очень близка къ выдворенію. Припадки недуга, который угрожалъ ей могилной, повторяются рѣже... Право такъ. Бросьте личности, шуточки, колкости, антикритику, полемки и всю эту желтуху. Увидите, только вы на это рѣшитесь, точно почувствуете хорошей апетитъ; сладкій крѣпительный сонъ васъ освѣжитъ и вы пришлете въ Иллюстрацію дѣльную, полезную статью... Не правда-ли?

АНЕКДОТЫ.

— Девчннсь желѣзными водами въ Олонцѣ, Петръ Великій сказалъ однажды своему лейбъ-мѣдику: «Врачу тѣло свое водами, а подданныхъ примѣрай; въ томъ и другомъ исцѣленіе вижу медленное: все рѣшить время; на Бога полагаю надежду».

— Петра Великаго проспан дозволить сдѣлать съ него, по его кончинѣ, статуя, «дабы помятство, взиралъ на нее, и по смерти ему удивлялось». Тутъ же предложилъ: «чтобы статуя имѣла движеніе и могла подниматься». — «Подниматься!» возгласилъ удивленный Петръ: «для кого?... За смѣ сказалъ онъ съ видомъ проткнулъ: «*Не лучше ли, дурья мои, оставить ее въ покоѣ, понеже подлинникъ во всю жизнь блжкоколся*».

— Когда Петру Великому доложили, что въ Петербургъ пріѣхали плясуны, балансеры и другіе фокусники, представляющіе разныя удивительныя штуки, то Государь отфчалъ генералъ-полицеймейстеру Девіеру: «Здѣсь надобны художники, а не филары. Я видѣлъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ. Петербургъ не Парижъ; рускаі чиновные смотрятъ дурчества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не болше гривенъ, а для простаго народа выставить снхъ бродягъ безденежно предъ моимъ садомъ на лугу; поэтому выслатъ изъ города возъ. Къ такимъ праздноствямъ пріучать не должно. У меня и своихъ филаровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ пляшутъ, и головами внизъ станоятся на матчовомъ верхнемъ мѣстѣ. Пршслцамъ шатунамъ сорить деньги безъ пользы, грѣхъ.»

Историческіи анекдотами мы богаче многихъ царствъ и народовъ. И не удивительно; у насъ былъ Петръ, была Екатерина, были великіе люди по всѣмъ частямъ. Вотъ, напримеръ, анекдотъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ, случившійся весьма незадолго до его кончины. Былъ гдѣ то обѣдъ — весьма богатый и гостымъ обильный. На посекосъ отъ И. А. сдѣлъ незнакомый ему вовсе человекъ и много разсказывалъ. Подаютъ рыбу, огромную, одну изъ тѣхъ колоссальныхъ гостей Волги или Урала, которыми обыкновенно гордятся и славится русскіе ныри.

— Ай да рыба!.. сказалъ кто-то.

— Что это за рыба?.. перебилъ говорливый незнакомецъ. Такія ли я рыбы видывалъ на москѣ въку, а ужъ одной никогда не забуду. Повѣрите-ли, что эта стерлядь... писно стерлядь, — такъ вотъ какъ: — ростомъ она была какъ отъ меня до Ивана Андреевича...

Знаменитый Баснописецъ сталъ легонько отодвигаться отъ стола и, обративъ къ незнакомцу, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ:

— Да не мѣшаю ли я вамъ?...

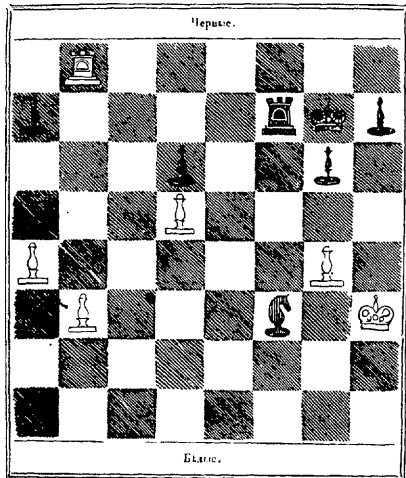
МОДЫ.

Балы в Парижѣ кончились на минуточку. Дамы теперь видятъ слышатъ крикучаго доминиканца Лакортера и аббата Раивинана, пожаловавшихся на силъ днахъ въ Восточны и Бурлагу. Теперь не до парадовъ, или лучше сказать, теперь приготавлиются наряды весенніе. Законодательницы моды, по доверенности, открываютъ приближеннымъ свои туалетныя тайны; эти тайны по секрету печатаются, потому, что теперь разныя тайны въ модѣ; мы читаемъ и никакой тайны не видимъ. Все по старому. Плотноя шелковая матерія отравляется въ шестнадцатый отъсекъ; на нѣхъ мѣсто бѣгутъ легкія ткани. Свѣтлые цвѣта будутъ въ большой модѣ. Шелковая матерія болѣею частью съ бѣлымъ фономъ и по немъ шпоровыя, розовыя, свѣтлозеленыя, или свѣтло-голубые разводы. Если фонъ цвѣтной, то разводы бѣлые, серебряныя. Мужчины на вечерахъ носятъ черныя или темносѣрые фракы, жилеты изъ бѣлаго иликнѣ, панталоны изъ глянцевитаго трико. Шеголи по утрамъ ходятъ въ панталонахъ темносѣрыхъ, горчичныхъ и подосѣтыхъ; сертуки односторонныя, жилеты безъ шали, съ пуговками также въ одинъ рядъ. Сертуки чуть чуть не доходятъ до коленъ.

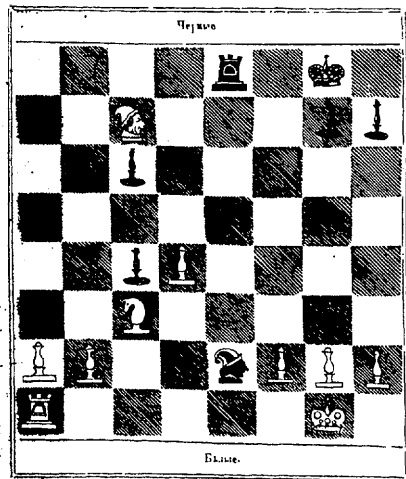
Дѣти также ходятъ въ модѣ, но сами еще не видуютъ права изобрѣтать, почему дѣтскимъ шегольствомъ занимаются портные Марде и Ребуръ, которые въ этомъ дѣлѣ приобрѣли авторитетъ.

ШАХМАТНАЯ ИГРА ПО ШЕРПИСКЪ МЕЖДУ ЦАРЯНСКИМЪ И ШУТКИМЪ ШАХМАТНЫМИ КЛУБАМИ.

Первая партія.

Вторая партія.

Съ ноября 1842 года, играется дѣл, это не конченныя партіи по перепискѣ между Парижскимъ и Петербургскимъ шахматнымъ клубами. Обѣ партіи играются въ одно время: въ одной первую выиграла парижская, въ другой Петербургская. Пары въ 1200 франковъ. На разишленіе о веселомъ ходѣ таллою створитъ предостаточно времени ероловъ шесть дней, за время лишній день разишленій платится 25 франковъ штрафа. Въ толькъ Парижскаго клуба г. Сейтъ-Анри, въ толькъ Петербургскаго г. Шенъ (Сенъ); оба играли имѣютъ Европейскую знаменитость. Противъ всакого ожиданія, Парижъ игралъ въ хороша, и судя по вышесказанному положенію партіи, нѣтъ сомнѣній, что она обѣ проиграетъ. Вотъ вса слѣдующія до сихъ портъ удары:

Table with 4 columns: ПЕРВАЯ ПАРТІЯ, БѢЛЫЕ (Парижск.), ЧЕРНЫЕ (Петерб.), and ВТОРАЯ ПАРТІЯ, БѢЛЫЕ (Петерб.), ЧЕРНЫЕ (Парижск.). It contains 35 rows of chess move notations in Russian, such as '1. П. Кр. на 3 м.', '2. К. Кр. на 3 м.', etc.

* Веселымъ ходомъ слѣдовало ступить С. Ф. на 6 м. Кр. и игра первыхъ была бы хороша. ** Парижъ слѣдовало сделать игру нѣсколько иначе. К. Кр. на 2 м. и слѣдовало сделать игру въ нѣсколькѣ иначе.

Настоящее положеніе обѣихъ партій изображено въ двухъ чертѣнкахъ, изъ которыхъ видно, что въ первой партіи Венерина уже выиграла значительную часть, а въ другой дѣло еще нѣтъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ М. Д. ОЛЬХИНА ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ: Вновь отпечатанный, посвященный Государынѣ Императрицѣ историческій романъ: ПРОКОПИЙ ЛЯЗУНОВЪ, или МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ, продолженіе кнзля Скопина-Шуйскаго. Сочиненіе того же автора (О. П. Шинкловой). 4 тома. въ 8 а. л. на веленой бумагѣ. Спб. 1845 г. Цѣна за 4 части 5 р. сер. въспомыхъ за 4 ф. *

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Константина Масальскаго, въ 5 частяхъ, на лучшей бумагѣ, Спб. 1845 г. изданіе М. Д. Ольхина, ц. 5 руб. сер. въспом. за 5 ф.

ВЪПЫНЪЙ ЖИДЪ, романъ Евгенія Стю. 5 томовъ. Спб. 1845-45 изд. М. Д. Ольхина, ц. за 5 томовъ 3 р. 55 коп. сер. въсп. за 2 ф.

СТРАНСТВОВАТЕЛЪ ПО СУШѢ И МОРЕЯМЪ, книжка третья. Спб. 1845 г. изд. М. Д. Ольхина, на лучш. бум. ц. 75 коп. сер. въсп. за 2 ф.

СТО НОВЫХЪ ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ, съ нравоченіями въ стихахъ, книжка для подарка дѣтлмъ; пер. изъ сочиненій Шмидта Б. Федорова; 2 ч. Спб. 1845 г. ц. 1 р. 20 коп. сер. въсп. за 1 ф.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ:

ОДНОМЪ,

На углу Большой Морской и Гороховой, въ Домѣ Штрауха:

- 1) Deux Nocturnes pour le Pf. par F. Chopin Op. 55. *
2) Romance de R. Thal. transcritte pour le Pf. par A. Senselt 75 c. arg. *
3) Das ferne Land. p. le Pf. par A. Senselt 43 c. arg. *
4) Военные марши для полковъ Лейбъ-Гвардіи Бар. Рала, Фл. въ 4 руки 1. Скоровый шагъ 50 к. сер.
5) Tarantella de C. Bulhakow, transcritte par C. Vollweiler. *
6) 5. Mazurques p. le Pf. par I. Ahromowicz 60 c. arg
7) Quadrille-Rébus. par Liadoff. 86 c. arg.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Да не осудятъ читатели что до сихъ поръ нѣтъ иностранныхъ гравюръ какъ обычно. Доски давно въ дорогѣ и ожидаютъ въ Петербургъ со дня на день. Конечно дурная дорога причиною замедленія; пророческъ обещаніе наше исполняется съ точностію; и въ первомъ и во второмъ нумерѣхъ гравюръ не менѣе десяти.

РАЗГАДКА.

И днѣ передъ прямой дорогой; Враги полагать не стануть, т. е.

Или впередъ прямой дорогой; Враги полагать и отстануть.

ЗАГАДКА.

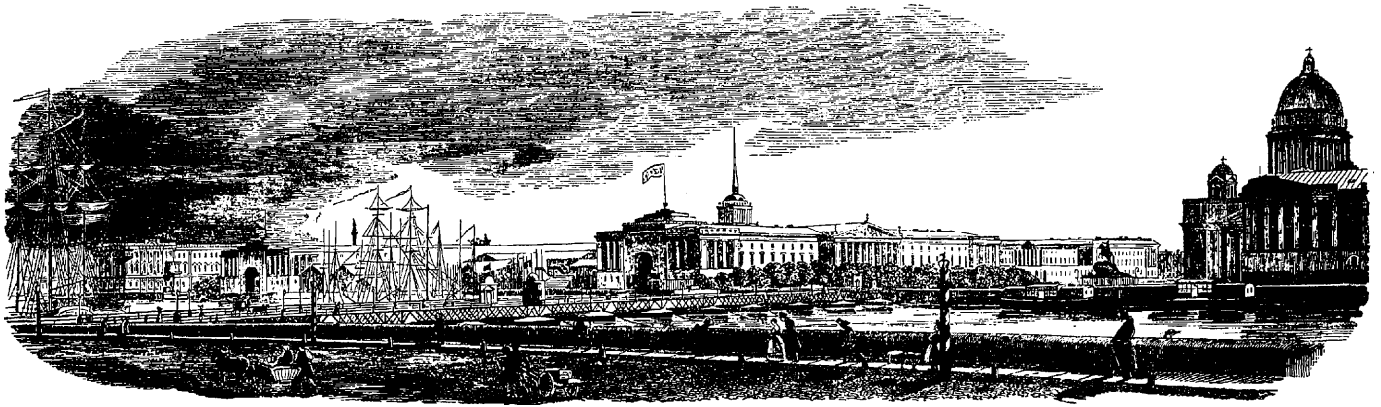
ТОГО НЕЯ (Тюто) Illustration of a person carrying a large wheel with the word 'Тюто' written on it.

СОДЕРЖАНІЕ: Ишаръ, (окончаніе). — Дюрець Ел И. В. В. К. Матр Николаевны, (окончаніе), Нестора Кукольника. — Прогулки по Петербургу и его окрестностямъ. — Ошбинъ, рассказъ А. П. Башуркаго. Живопись: Палестина Чернецовыхъ. — Музыка. Концерты. Ноты. — Дженн Лидъ въ Берлинѣ, съ иллюстраціей. — Сельское Хазинство. О дугахъ и обработкѣ ихъ въ Свѣрской Россіи. Статья І. К. Бетте. — Новыя книги. — Свѣтъ: Вечеръ у Гр. И. Н. Лаваль. — Одеса статья І. — Разныя Извѣстія. Дѣл Дамъ, Похороны Шиллера, Русскій Словарь, Казака В. Луанскаго. Переписка — Анекдоты — Моды — Шахматы — Новости Литературныя и Музыкальныя — Отъ Редакціи — Загадка.

ГРАВЮРЫ: Портреты Е. И. Колосовой. Портреты А. М. Каратыгиной. Зимній Свѣтъ. Иллюстрація. Лестница. Домъ въ Колымгахъ. Первый Могила Чернецова. Гравюры изъ Исторіи Фридриха Великаго. Шахматы. Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 5.—Суббота, 14 Апрѣля 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 5 р. сер.

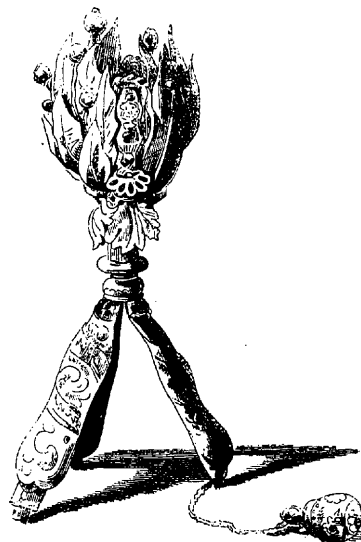
ФЕВРАЛЬ.

Жаль, что нельзя сочинить содержанія для нашего еженедѣльника, который теперь, доходя время, вмѣщается по двѣ, а иногда и по четыре недѣли. Чтобы не отстать и отъ современнаго, въ отдѣльныхъ статьяхъ, мы сообщаемъ любопытнѣйшее собственно въ мѣрѣ нашихъ художествъ; здѣсь только общій взглядъ, грустный взглядъ, такъ и хочется зажмуриться. Двадцать восемь дней прошло, а объ нихъ съ трудомъ можно написать двадцать восемь строчекъ. 16-го февраля скончался В. Г. Анастасевичъ, который когда-то издавалъ у насъ журналъ Улей, перевелъ Федру Расина и похвальное слово прекрасному полу Лесгусу, издалъ Коричную Книгу и любилъ книги вообще ad nec plus ultra!... Въ томъ же февралѣ, на Александринскомъ Театрѣ, скончалось нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ; заключился рядъ итальянскихъ спектаклей... Ахъ, кстатѣ! Вѣнокъ Рубини и кубокъ Тамбурини въ подарокъ. Не безъ хлопотъ намъ удалось достать рюмку съ подбукетницей, подаренной петербургскими меломанами Г-жѣ Виардо-Гарси; но браслетъ до сихъ поръ переходить изъ рукъ въ руки; мы гонялись за нимъ какъ за рѣдкимъ мотылькомъ, выблись изъ силъ, и на прощанье сказали ему: ты самъ вповоать, что тебѣ не увидать провинціи. Ты слишкомъ хороши и любопытство не можетъ тобою налюбоваться.

На ножкѣ написано: *Pompage d'admiration et de reconnaissance, offert à Mme Viardot-Garcia le 25 Fev. 1845*, а на листкахъ, по случаю парижскихъ журналовъ, всѣ роли, игранныя Г-жею Виардо въ Петербургѣ. Парижскимъ журналамъ очень не понравилась и наше удивленіе и наша признательность. Но что дѣлать? На всѣхъ не угодишь. Дамы бы остались довольны тѣ, для которыхъ подарки сдѣланы.

Исключительность врагъ успѣха, или какъ изъясняется А. П. Башуцкій, врагъ прогресса. Итальянская музыка сама по себѣ; а у насъ есть заповѣданный и неизменяющійся канонъ высокаго музыкальнаго наслажденія — Императорскій придворный хоръ пѣвчихъ, который въ своей прекрасной за дѣ исполнилъ нѣсколько концертовъ съ благотворительною цѣлю. Какою высокою, торжественною бурей потрясаетъ и смущаетъ человѣческую душу пѣніе духовное. Какая страшная разница между впечатлѣніями, производимыми разными родами музыки, хотя и тамъ и тутъ — тѣ же звуки. Не звуки по этому дѣйствуютъ на душу, а ихъ тайная, словами необъяснимая мысль. Въ порядкѣ звуковъ есть по этому нравственное значеніе. Слѣдственно и тутъ должны быть соблюденны съ точностію не только знаки препинанія, но

и условія вѣрнаго выраженія, хотя исполняютъ не одинъ человѣкъ, а цѣлая огромная масса, и какіхъ голосовъ!! Точность выраженія высокихъ мыслей церковнаго пѣнія доведена до такой степени въ Императорской капеллѣ, что мы не рѣдко этотъ дивный хоръ представляемъ себѣ въ образѣ единого колоссальнаго пѣвца. При этомъ случаѣ не можемъ не вспомнить о весьма хорошемъ, частномъ хорѣ, пѣвчихъ графа Д. Н. Шереметева. Не знаемъ какъ теперь, но года четыре тому назадъ этотъ хоръ поразилъ насъ согласіемъ, стройностію и точностію выраженій... Едва ли у кого изъ вельможъ въ Русскомъ Царствѣ есть подобный. — Не лишамъ себя надежды поговорить о немъ

поподробнѣе... На этихъ массахъ голосовъ великіе композиторы создавали великія зданія; но, кажется, многое еще можетъ быть воздвигнуто. Мы не входимъ въ разборъ значенія разныхъ частей духовнаго пѣнія; но осмѣлимся замѣтить, что и свѣтскія пѣсы, приличныя случаю и мѣсту, могли бы производить дивные эффекты, еслибы ихъ исполнили подобныя хоры. Пѣсни торжественныя — ихъ достоинствѣ. Гдѣ замѣшаются женскіе голоса, эффектъ не тотъ. Иногда въ ораторіяхъ вы ощущаете это свойство женскаго голоса, хотя

принимаютъ участіе только двѣ пѣвицы. Происходитъ ли это отъ неуравновѣнной звучности женскаго голоса съ мужскимъ, отъ рѣзкаго отдѣленія женскихъ нотъ отъ густой массы мужскаго хора, или отъ другихъ причинъ, — не знаемъ; посто неприятное свойство всегда производило на насъ впечатлѣніе, всегда заставляло себя замѣтить. Повторимъ, однакоже, то, что мы уже сказали въ 1 номерѣ Иллюстраціи, что массу мы не определяемъ многозначностію. Тысяча, миллионъ пѣвцовъ не сильнѣе четырехъ, если голоса имѣютъ между собою естественное гармоническое отношеніе; а это отношеніе заключается не въ аккордѣ, а въ свойствѣ голосовъ. Правда, мы стовали, что теперь мы не въ Парижѣ; но не потому, что 500 человѣкъ исполнили Requiem Берлиоза, а потому, что неудалось собственными глазами видѣть: какое впечатлѣніе произвела оригинальная музыка М. И. Глинки на Парижанъ, у которыхъ слухъ по неволѣ сталъ космополитомъ. *C'est sauvage, mais c'est beau!* восклицали они. Николай Ивановичъ Гречъ свидѣтельствуетъ о несостояніи ихъ восторгѣ; и очень естественно... После Беллини, что слушали Парижане столько лѣтъ?... Давно ли они вкусили Фрейшница? Давно ли поняли Доль-Жуана, если еще ихъ восторги искренни. За Доль-Жуана нельзя ругаться. Онъ давно имъ извѣстенъ въ произведеніяхъ другихъ композиторовъ, черпавшихъ изъ этого неиссякаемаго источника и нерѣдко и мѣтко. Но Веберъ и Глинка... ихъ богатства еще не успѣли расхитить смѣтливые списатели нотъ. Произведеніе обоихъ народныхъ композиторовъ, безъ предтечъ, явилось въ Парижѣ въ неискаженномъ, первоначальномъ своемъ видѣ — и восторгъ былъ искренній, неподдѣльный... За это можно ругаться. Извѣстіе объ успѣхѣ музыки М. И. Глинки весьма утѣшительно и потому еще, что можетъ быть и у насъ въ Россіи вмѣсто посредственныхъ итальянскихъ арій, еще посредственнѣе исполняемыхъ, станутъ пѣть музыку Глинки; сначала по рекомендаціи Парижа, потомъ по сознанію музыкальнаго ея превосходства. А то, читая губернская вѣдомости, и даже петербургскія авишки, видишь съ грустью, что итальянскія пѣсы распѣваются не одними итальянцами... Прискорбно и за Русь и за Италію. Только и утѣшилъ, что всѣ эти провинціальныя концерты болѣею частью учреждаются съ благотворительною цѣлю...

Русская благотворительность! Это особаго рода колосецъ, ему же нѣтъ мѣры. Конечно, главные ея подвиги въ Петербургѣ. Недавно мы видѣли умоплетельный образецъ готовности на доброе дѣло, и не хотимъ въ ней подозревать другой побудительной причины. Въ пользу Общества Сестеръ Милосердія, объявлена 20 февраля лоттерей, въ которой разыгрывались три неастрономія года

ста. Съ первыхъ дней толпы требователей осалили мѣста раздачи билетовъ... Черезъ нѣсколько дней, на стеклянныхъ дверяхъ магазина, показались домашнія объявленія : билетовъ нѣтъ, нѣтъ билетовъ. Публика не вѣрила, и 25,600 билетовъ разнеслись какъ пухъ по воздуху... Теперь перечесть все концерты, данные въ пользу разныхъ бѣдныхъ сословій и благотворительныхъ заведеній... Непознана сочувственность русскаго сердца. На другомъ концѣ Россіи, въ другой части свѣта, въ Иркутскѣ, 6 января данъ былъ балъ съ маскерадомъ и съ подлинною кассою бѣдныхъ; въ другихъ городахъ, чтобы не сказать во всѣхъ губернскихъ городахъ, давались подобные балы; въ некоторыхъ устраивались качели, театральная зрѣлища и все для бѣдныхъ. Право, русская благотворительность имѣетъ свою оригинальную сторону, которая достойна самаго строгаго вниманія мыслителя. Память едва ли можетъ вѣстить все учрежденія, основанныя въ помощь просвѣщенію, болѣзни, старости и нищетѣ. Какъ-то пришлось намъ на мысль собрать только одинъ фасадъ высшихъ и специальныхъ учебныхъ заведеній, больницы, богадѣльни, воспитательныхъ учреждений для бѣдныхъ и т. д. съ цѣлю вѣстить ихъ въ нѣсколько номеровъ Иллюстраціи. Множество ихъ насъ изумило; мы пожалѣли о нашихъ средствахъ; принуждены были отказаться отъ намѣренія, которое могло бы иностранцамъ доказать, что просвѣщеніе у насъ сдѣлало невозможные успѣхи, чему даже самые краткіе пускъ ихъ еще не вѣрять. — Самый характеръ русской благотворительности имѣетъ источникъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и смиреніи; ею не руководствуютъ суетные поводы самолюбія, хвастовства, чванства; оттого издавече чужеземцы прибѣгаютъ къ помощи Русскихъ.

(Соломонъ Даудъ).

Вотъ и теперь у насъ есть замѣчательный гость, прибывшій въ Петербургъ изъ Палестины. Соломонъ Даудъ, арабъ-христіанинъ греческаго исповѣданія, родился въ Иерусалимѣ. Туда на поклоненіе пришла между прочимъ русская модельщица; Соломонъ Даудъ съ нею познакомился; они другъ другу понравились, и русская вышла за Соломона замужъ; чтобы не отличаться отъ тузе-

мокъ и она переѣхала костюмъ, и теперь путешественникъ, встрѣчаясь съ нею, никакъ не будетъ подозрѣвать, что возлѣ, подлѣ бѣлоюнадрою, ходитъ Русская. А Соломонъ Даудъ продолжалъ свою мелочную торговлю на одномъ изъ иерусалимскихъ базаровъ. Покупатели рѣдки, промежутки между ихъ посѣщеніями рѣдки. Соломонъ, поджавъ ноги, сидитъ у своей лавочки, и золотомъ, или разноцветными шелками, вышиваетъ узоры на платкахъ. Отъ жены онъ перенялъ кое-что по-русски и о Русскихъ; сидя за своей работой, онъ поглядываетъ на проходящихъ, и какъ только завидитъ Русскаго, глаза останавливаются, и Соломонъ приветливо говоритъ путешественнику «здравствуй!» Теперь Соломону лѣтъ 50; но онъ постоянно жилъ въ Иерусалимѣ, знаетъ панзуръ все достопримѣчательности Святаго Града и окрестностей; знакомъ съ мѣстными обычаями и правами жителей, на которыхъ опасно полагаться. Для Русскаго онъ охотно убираетъ свою лавочку, бросаетъ шитье и служитъ надежнымъ путешественнику. По сладкій покой жизни Соломона въ послѣднее время былъ нарушенъ. Феллаги ограбили его, разорили. Соломонъ вспомнилъ, что есть Москва, тамъ живутъ родственники его жены, его иерусалимскіе знакомцы, и добрые люди; простился съ женою на время и, къ удивленію своихъ трошеческихъ знакомцевъ, явился въ Петербургъ; не знаешь, какъ ему понравилась наша столица, слушалъ ли онъ итальянскую оперу, былъ ли въ концертахъ, взялъ ли билетъ на лоттерію незастроенныхъ мѣстъ и на лоттерію художественную?

Было время, когда, при открытіи первой художественной лоттерей, въ нѣсколько дней не стало билетовъ. Иногородные беззаконили своихъ знакомыхъ утомительно перепискою: нельзя ли билетовъ. Точь въ точь на итальянскій абониментъ. — Но ототъ жаръ простылъ скоро. Прислѣдующихъ лоттерейхъ пошло тише. Каково-то сойдеть шестая. По крайней мѣртъ при первой лоттерей, въ обществахъ только и разговаривали что о французскомъ театрѣ, возвращеніи Брюллова и Бруни, оперѣ Живльза Царя и о художественной лоттерей. Теперь не удалось намъ о ней слышать и словечка, тогда какъ во многихъ домахъ замѣтили даже александровскій ливанжъ и удостоили пожертвовать этому полезному заведенію нѣсколько словъ. Всему есть свое время. Видно теперь о художествахъ говорить не современно. Молчимъ.

СЦЕНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вечеръ у А. Б. В.

1. Иванъ Романовичъ! Что вы тамъ зачитались?..
 И. Р. Такъ себѣ... разсматриваю Русскую Иллюстрацію...
 2. Бросьте! Что за охота! Мы поднесли по приглашенію...
 И. Р. Да не по призыву. Никто насъ не поволилъ; вѣроятно ужъ и это поставитъ Редакціи въ вину. У насъ ничего не читаютъ, а жалуются на бѣдность литературы; не стараются поддержать дорогихъ изданій, и упрекаютъ за неисправность.
 3. Да вы кажется за Иллюстрацію! Помилуйте! Что это такое. Картинокъ будто на лекарство. Вѣдь это Иллюстрація...
 И. Р. Да вы читали объявленіе.
 3. Не читалъ, и читать не стану. Иллюстрація такъ Иллюстрація. Конечно. Картинокъ, какихъ угодно, только картинокъ...
 И. Р. Въ объявленіи сказано — не мѣше десяти...
 3. Да что вы пристали съ вашимъ объявленіемъ! Посмотрите Французскую Иллюстрацію... Двадцать, двадцать пять картинокъ...
 И. Р. Заимствованныхъ изъ иллюстрированныхъ изданій...
 3. Откуда хотите берите, только подавайте намъ...

И. Р. Да откуда же ихъ взять? Тамъ выходитъ каждый день нѣсколько иллюстрированныхъ изданій; тамъ издатели люди умные, образованные, они понимаютъ, что помѣщеніе гравюръ изъ ихъ изданій въ Иллюстраціи не только не повредитъ, а пособитъ предпріятію; тамъ объ этомъ стараются, добиваются, платятъ. Только для мелочныхъ торгашей это непонятно — и я вамъ могу указать на нумера Иллюстраціи, въ которыхъ помѣщено по двадцати гравюръ изъ одного изданія, а у насъ объ иллюстрированомъ изданіи объявляютъ какъ объ историческомъ событіи... Гдѣ же взять?..

1. Какъ гдѣ взять? Да отчего же не выбрать лучшихъ французскихъ, англійскихъ нѣмецкихъ...
 И. Р. Теперь вы такъ говорите, а вотъ Редакція скоро получитъ иностранные клеше, помѣститъ въ нумерѣ два три — вы же закричите: перепечатка! похищеніе!

1. Да вы ужъ не участвуете-ли въ изданіи Русской Иллюстраціи.
 И. Р. Вы угадали!

хоръ.

Такъ бы и сказали! Современность, картинокъ, животрепещущаго, интереснаго, занимательнаго изъ нашего быта!..

И. Р. (взглянувъ съ грустію на современниковъ) У васъ?

Почтенная персона. Послушай, любезный! Въ этомъ много правды! Иллюстрація должна быть зеркаломъ современности, того, что называется: Actualité! Это такъ!

И. Р. Кто вамъ сказалъ?

Почтенная персона. Да ужъ такъ, любезный! Не спорь! Все говорятъ; ужъ такъ условились...

И. Р. О чемъ же прикажете писать?..

Почт. персона. Какъ о чемъ? Вотъ Итальянцы въ модѣ, пиши объ Итальянцахъ; умерь кто-нибудь, — слово о покойникѣ; строить что пи есть, — о постройкѣ... Польша — о полькѣ, тутъ повѣстуху, тамъ очеркъ, знаешь, тутъ острое слово, тамъ дѣльное... вотъ этакъ знаешь...

Ив. Р. (улыбается)

хоръ.

А что же не правда? Истина! Противу этого и сказать нечего.

Почт. персона (осклабясь). Вѣдь то-то и есть! Умищаютъ! Вали бы въ руки Французскую Иллюстрацію, да и держались бы того же плава.

хоръ.

Истина не опровержимал!
 И. Р. Да какой же тамъ плавъ?
 Почт. персона. Плавъ! И копчешо! Долженъ же быть плавъ! Не станутъ же Французы издавать безъ плава! А то первый нумеръ — то и дѣло — продолженіе впрелъ да впрелъ...
 Ив. Р. А во Французскихъ? Безпрерывная продолженія, на двадцать нумеровъ...
 Человекъ оригинальный: Вотъ то-то и бѣда, что у насъ все подражаніе... Во Французской Иллюстраціи — общій видъ Паржа въ заглавіи, и у насъ тоже; у Французовъ два листа; и у насъ тоже; тамъ моды — и у насъ; тамъ Rebus — и у насъ;.. то есть про-сто fac — simile...

Почтенная особа. Да, да!
 хоръ.
 Это истина не опровержимал!
 И. Р. Которая изъ двухъ?
 Дама. Скажите, а моды у насъ въ самомъ дѣлѣ не будутъ. Въ первомъ нумерѣ нѣтъ. Вы насъ будете подчивать словарями? Чѣмъ еще?

И. Р. Не знаю, чѣмъ случится. Во второмъ номерѣ будетъ весьма интересная статья объ осушеніи болотъ.

Левъ. Обь осушеніи болотъ! Очень нужно; и съ картинами? Предметовъ интересныхъ бездна, а пишутъ о болотахъ. По больше бы пустяковъ, дурачества, знаете, такихъ ежедневныхъ глупостей, салонныхъ слуховъ.

И. Р. О чемъ?

Левъ. У насъ ли за этимъ дѣло стаетъ? Вотъ напримеръ теперь во всѣхъ салонахъ только и рѣчи, что графиня SS не побѣдетъ на это лѣто за границу, а будетъ жить въ какомъ-то далекомъ городкѣ, безъ мужа, но не одна. Мужъ тоже будетъ жить не близко, тоже безъ жены, тоже не одинъ...

И. Р. И знаете, приложить бы портреты...

Левъ. О! Тысяча лишнихъ подписчиковъ! Или знаменитый репортъ... Или напримеръ происшествіе на горахъ, вы слышали? А вотъ тоже о пріѣздѣ Виконта; какъ его приняли въ салонахъ. Какія опъ пишутъ про насъ мемуары; или чего вамъ лучше! Это романъ! просто романъ! Вы вѣрно слышали исторію, что была на послѣднемъ раутѣ. Прислѣпавый баронъ Z, вмѣсто дочери, объявился въ любви матери. Вы знаете матушку-то? Дюпотопная жрица Киприды; она очень обрадовалась, но за то баронъ послѣ опечалился...

И. Р. И дочь не утѣшила его?..

Левъ. (самодовольно) Ей было кого утѣшать и безъ барона... (значительно улыбаясь, опускаетъ глаза и постукиваетъ тросточкой).

И. Р. Душевно васъ благодарю! Славная исторія! Въ слѣдующій номеръ!

Почт. persona. Не совѣтую. Баронъ мнѣ родня; и не одному мнѣ. Что за шутки? Мало ли и безъ того интересныхъ сюжетовъ. Алжирія, Марокко, королева Помаре. Своихъ не трогайте; можете нажить себѣ неприятности.

И. Р. Душевно васъ благодарю! Исторія изъ слѣдующаго номера неключается... Но ваши нападки приводятъ меня въ отчаяніе. До открытія навигаціи не могу придумать никакой интересной современности...

х о р ъ.

А съ открытіемъ навигаціи?..

И. Р. Устрицы...

х о р ъ (изъявляеть удовольствіе)

И съ картинками?

И. Р. Непременно. Полагается сдѣлать много картинокъ: общій видъ Фленсбургской устрицы, разрѣзъ; общій видъ непанитанской устрицы, разрѣзъ; потомъ картины правовъ: потребление устрицъ на биржѣ, у Смурова, Елисѣева; разнощикъ тухлыхъ устрицъ, потребление въ отдаленныхъ частяхъ столицы.

х о р ъ.

Мы подписываемся! Но съ того номера, гдѣ будутъ устрицы...

И. Р. А пока?

Левъ. Пока будемъ скучать...

И. Р. О! не будьте такъ строги къ изданію въ пеленкахъ. Вы можете спасти Иллюстрацію до открытія навигаціи!

— *Левъ.* Я?

И. Р. Вы... Что вамъ стоить. Совершите какую нибудь интересную современность! Что вамъ значитъ возбудить всеобщее вниманіе; но не забывайте, что эта интересная современность, которую вы совершите—должна подойти подъ всѣ условія періодическаго изданія и быть живописною. Не забудьте, вашъ подвигъ надо представить въ гравюрѣ...

Левъ. (отступая) Что я вамъ за карикатура такая?..

И. Р. Вы не хотите, такъ не угодно ли кому нибудь изъ гостей дать позволеніе...

х о р ъ.

Личностей допускать не должно!.. Не отшучивайтесь! Это не спасетъ вашей Иллюстраціи... Нечего тутъ говорить и толковать. Мы все люди понимаемъ дѣло и можемъ, кажется, судить обо всемъ. —

Почт. persona. Что правда, то правда любезный! Ужъ чего, кажется, и отпечатать не умѣли; на послѣдней страницѣ что это за оттискъ. Погляди самъ! Вѣдь это будто разбитая гравюра...

И. Р. Да она и есть разбитая... Прежде прочтите!

х о р ъ.

Зачѣмъ читать! Мы судимъ.

И. Р. (взявъ шляпу). Отъ того и приговоры такъ основательны...

х о р ъ.

Куда вы?

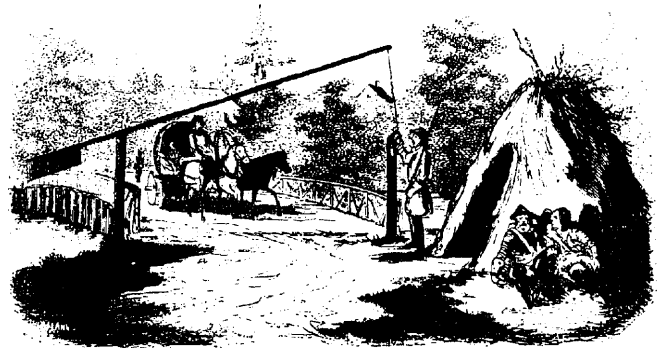
И. Р. Поѣду въ саняхъ прокатиться по морю...

х о р ъ.

Ночью?

И. Р. Ночью, безбрежная сибирская пустыня можетъ быть внушить мнѣ какую нибудь интересную статью объ нашей современности.

Сотрудникъ.

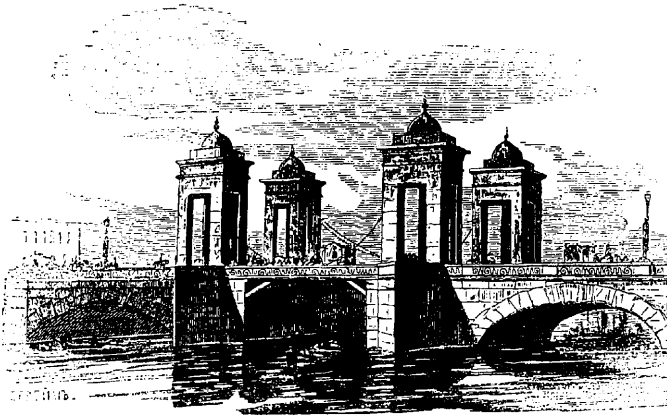

Мостъ на Фонтанкѣ при Петрѣ I.

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

На Английской Набережѣ для меня еще холодно. Отъ Невы такъ морозомъ и дышетъ. Я боюсь ся почерпнутаго савана. Обь Лѣтнемъ Саду и думать печего. Стою себѣ въ раздумьи на Аничковомъ Мосту; не беспокоюсь о грязной Фонтанкѣ. Пошпая се погами черезъ великолѣпный мостъ, воздвигнутый такъ недавно, на нашихъ глазахъ... Мостъ! Легко сказать мостъ! прежде мосты чуть-чуть не принадлежали къ чудесамъ свѣта. — Порядочный мостъ былъ рѣдкость; сиотрѣть на него приходили изъ далекихъ странъ. Маркъ Фабрицій управлялъ какою-то далекою провинціей нѣсколько лѣтъ; когда сенатъ отозвалъ его, Маркъ повиновался; пріѣхавъ въ Римъ, но на мостъ не хотѣлъ вѣхать. Поворачивай назадъ. Это не Римъ. Тутъ видишь мостъ, а что бы выстроить такое чудо надо покрайней мѣрѣ десять мостуровъ... На силу увѣрили почтеннаго мужа, что опъ точно въ Римѣ. Это былъ тотъ самый мостъ, который записалъ баснословный Гораций Коклестъ; называли его pons Sublicius, построенъ былъ изъ дерева, безъ желѣза. Эмилией Лепидъ перестроилъ его изъ камня и мостъ сталъ называться pons Aemilianus. Тиверій возстановилъ его; но видно плохо; мостъ разрушился. Аппоцианъ опять построилъ его изъ мрамора и вышелъ pons Marmoratus; теперь и слѣда нѣтъ отъ этой постройки! Другой мостъ въ Ри-

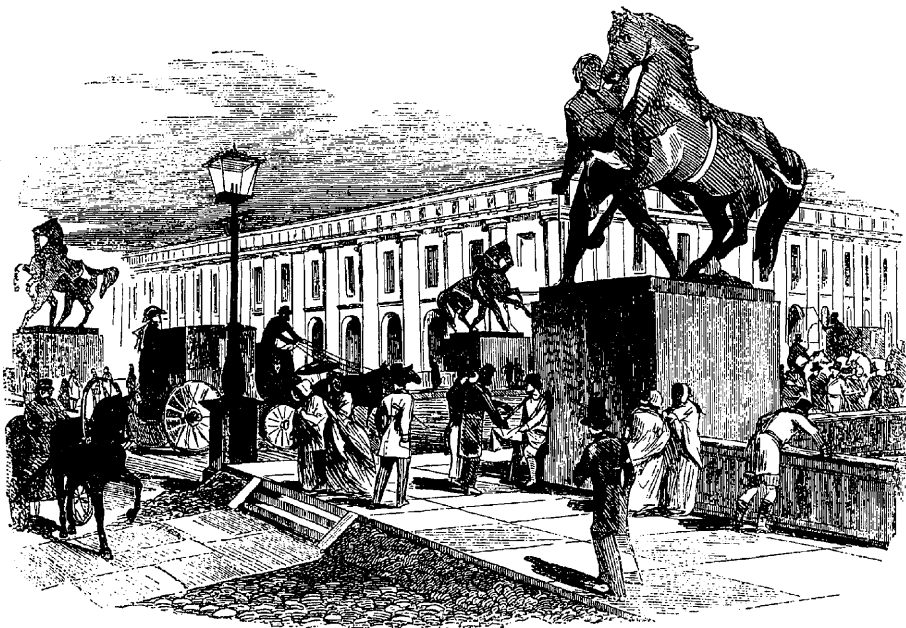
мѣ — былъ триумфальный, pons Vaticanus. третій сенаторскій. Фабрицій, этотъ самый, который не хотѣлъ вѣхать въ Римъ по новому мосту. былъ назначенъ попечителемъ дорогъ, curator viarum, и въ одинъ пострѣностроилъ самъ мостъ, который уцѣлѣлъ доннѣ. Мостъ Адриана или Сентъ-Анжело, мостъ Salarius, возстановленный Наресомъ, и т. д. Видите, что мосты — тѣ же памятники, каждый съ своей исторіей. Римляне нѣсходоы; они не любили морскихъ путей какъ Греки; эти строили корабли, а Римляне мосты и дороги, — множество памятниковъ останали они въ исторіи путей сообщенія не только въ Европѣ, но и въ Азін, гдѣ встрѣчаются еще и понынѣ остатки ихъ мостовъ и дорогъ. Теперь мосты, размножась до безчисленности, потеряли свое монументальное достоинство. Теперь мосты — просто мосты; принадлежность не роскоши, а городского комфорта. Наша столица, со всѣхъ сторонъ облитая водою, разрѣзанная вдоль и поперегъ каналами, при Петрѣ Великомъ не изгнала мостовъ на главныхъ пунктахъ. Но рукавамъ Невы рѣшительно мостовъ не пахоломъ. Первый историческій мостъ въ Петербургѣ былъ Петровский, на рѣчкѣ Ждановкѣ, и соединялъ Петербургскій Островъ съ крѣпостью. А на этой рѣчкѣ Фонтанкѣ, въ Петрово время было три моста: потому лѣстѣ, гдѣ я теперь стою, — у дома Генерала Дюпре на московской дорогѣ и въ Калинкиной деревнѣ, на вѣздѣ въ Лиоляино. Мо-

(Аничковъ мостъ при Екатеринѣ II).

сты? Какъ угодно называйте: плотиной или мостомъ, мнѣ рѣшительно все равно; я знаю только то, что на Аничкиномъ Мосту, или можетъ быть, тогда онъ иначе назывался, была городская застава, хотя города ни по сю, ни по ту сторону Фонтанки не было; съ этой стороны былъ лѣсъ, а за нимъ царскія конюшни; по ту сторону лѣсъ, а въ лѣсу бѣли дачи. У заставы изъ вѣтвей и соломъ сѣблпнная будка, въ которой пребывала стража и мытари. Тутъ разсматривались паспорта или виды; а въ 9 часовъ вечера прекращался въѣздъ и выѣздъ; да и съ

этой стороны почти некому было ѣздить такъ поздно; съ барскихъ дачъ были перевозки, которыми могла пользоваться барская дворня. Для стражи—это былъ самый покойный постъ, для мытарей самое бездоходное мѣсто. Неизвѣстно, взимали ли мостовыя пошлины съ этой плотины? Кажется нѣтъ. И правду сказать, было бы не за что. Прошло послѣ смерти Великаго съ небольшою десятилетіемъ. Невскій флотъ его уже не существовалъ; черезъ широкую Неву протянулся пловучій мостъ; по Мойкѣ вездѣ переброшены мосты, по Фонтанкѣ очутились они также;

(Новый Аничковъ Мостъ).

тамъ, гдѣ былъ Семіоновскій, Прачешный и другіе, не было мостовъ почти вовсе; а въ 1738 стало ихъ вдругъ 40, и всѣ безыменныя. Титуловали ихъ какъ кому было угодно. Надо было прекратить такой безпорядокъ, и мосты получили официальные названія: Пѣмецкій, Конюшенный, Бѣлый, Цвѣтной, Желтый, Синій, Красный и т. д. Аничкова еще и въ этой росписи я не помню. Мостъ былъ, но подъ какою названіемъ неизвѣстно. Вѣроятно мостъ получилъ прозваніе выѣтъ съ домою, построенымъ для графа Разумовскаго; а домою получивъ прозваніе будто бы отъ Аничковой слободы; а сло-

бода отъ подполковника Аничкова, который командовалъ квартировавшими здѣсь баталіонами... Все это можетъ быть и такъ и не такъ; но мостъ былъ, назывался Аничковымъ и Аничковскимъ ad libitum, и дожилъ въ своемъ невзрачномъ видѣ до времени Екатерины II. Правда, его перестроивали два раза въ 1742 и 1749 годахъ, но при этихъ работахъ о наружности его не думали, и онъ достоялъ на свѣзяхъ до 1783 года. Императрица повелѣла одѣть берега Невы и нѣкоторыхъ каналовъ гранитомъ. Семь мостовъ предположено было перестроить одинаково на каменныхъ устояхъ съ арками и съ четырьмя баенками. Ра-

боты открылись въ 1782 году съ Семіоновскаго Моста; а въ 1787,—въ семь, въ томъ числѣ и Аничковъ — были окопаны. Величественно, прекрасно, но однообразно. Аничковъ же мостъ, переходя Фонтанку на Невскомъ Проспектѣ, гдѣ самый ужасный разѣздъ экипажей, вѣчная давка пѣшеходовъ, въ дурную пору года,—оказался весьма неудобнымъ. Одна ломовая телега съ немужренными грузомъ прерапала сообщеніе, экипажи останавливались, или должны были дѣлать далекіе объѣзды черезъ сосѣдственныя мосты. — Ударилъ часъ и этому гранитному мосту; запрудили Фонтанку; между рыбой оказался моръ; но это необходимое зло въ многоводномъ Петербургѣ не страшно. Вольно же рыбѣ не переселиться заблаговременно въ безопасныя мѣста; работы пошли быстро и цѣлый Невскій Проспектъ, во всю ширину свою, прошелъ черезъ Фонтанку; по угламъ великолѣпнаго моста поставлены группы коней съ водничими, работы Барона Кюта, возбуждшія справедливыя похвалы всѣхъ знатоковъ художества и лошадей. Такія же колоссальныя группы художникъ, по повелѣнію Государа Императора, исполнилъ и самъ отвезъ въ Берлинъ, для Его Величества Короля Прусскаго; за что удостоился получить прусскій орденъ.

Я смотрю на эти мастерскія произведенія и сравниваю коней Барона Кюта съ конями Растрелли, Фальконета и даже древними. Тѣ правила, ими восхищались, поставили въ образецъ — и чтожъ,—кони Б.К. доказываютъ осязаемо, что тѣ знаменитыя животныя были не копи; анатомія лошади ни какъ бы ихъ не приняла для руководства при лекціяхъ. И тѣ имѣютъ достоинстване малыя, но на мѣстѣ, въ общемъ эффектѣ; снимите ихъ съ пьедесталовъ, подвергните анатомическому разбору,—животный родъ животныхъ въ зоологін, по лошадей не найдете. Въ коняхъ Б. Кюта столько же натуры, какъ и въ живыхъ прекрасныхъ лошадяхъ. И эти группы обратили Аничковъ Мостъ въ Римскій; сдѣлали его произведеніемъ монументальнымъ...

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ВСЕЙ РОССІИ.

Всегда было нашею пріятнѣйшею мечтою сдѣлать путешествіе по безмѣрному Царству, занимающему положительно седьмую часть земли нашей Планеты. Но для того надо достать сапоги самходоы, и перазмѣнный червонецъ. Должно удовольствоваться чужими опытами; какъ въ калейдоскопѣ, будутъ являться у насъ живописнѣйшія и любопытнѣйшія страны безмѣрной Державы, въ случайномъ порядкѣ, какъ Богъ пошлетъ, статьи и картинки. На первый случай мы предлагаемъ нашу сосѣдку Нарву, малозвѣстную не только отдаленнымъ провинціямъ, но и Петербургу. Впрочемъ—это столичная мода. Живемъ на одной лѣстинкѣ, дверь противъ двери, а знаемъ про сосѣда только по мѣдиной доскѣ, на которой вырѣзаны его имя, отчество и фамилія. Очеркъ Нарвы, набросанный очевидцемъ ꙗ.

Фурманномъ, и украшенный рисунками его же руки, по мнѣнію нашему, достаточно полно. Исторія города, романтическія описанія сказанія занимательны для всѣхъ; но въ особенности для лѣтнихъ посѣтителей—купальщиковъ, въ немаломъ числѣ проводя-

щихъ жаркіе мѣсяцы года въ Нарвѣ и окрестностяхъ. Наше балтійское поморье усупано теперь купальнями. Ближайшія на берегу нарвскомъ; а какъ время года приближаетъ насъ къ этимъ лѣтнимъ морскимъ наслажденіямъ, то мы и стараемся

обойти сосѣдей безъ всякаго пристрастія; расскажемъ, что видѣли сами; пусть расскажутъ другіе что они видѣли. На первый случай пусть рассказываетъ г. Фурманнъ. И такъ — въ Нарву!

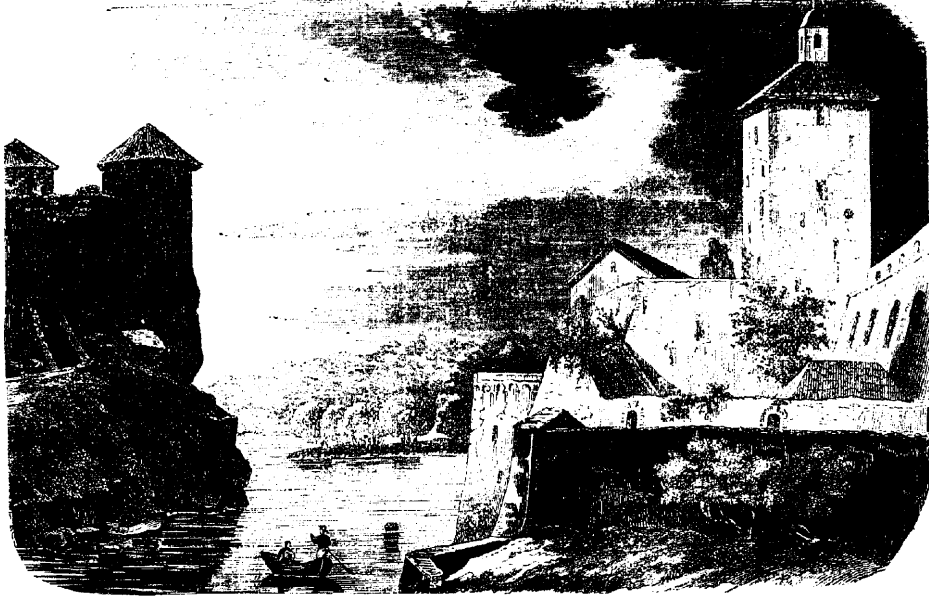

Рис. Фурманнъ.

Грав. К. Кавтисъ.

(Видъ двухъ крѣпостей въ Нарвѣ).

НАРВА.

Прѣздъ въ Нарву. Дворецъ Петра Великаго. Крѣпости. Начало Исторіи. Начало Легенды.

.....Въ два часа утра выѣхалъ я изъ Петербурга съ цѣлію прогуляться по роднѣй своей, Лифляндіи, съ портфелемъ подъ мышкой. Быстро мчатъ лошади бричку мою по гладкому шоссе, и тѣмъ болѣе удаляюсь отъ столицы, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе—такъ бы и хотѣлось воротиться. Странныя мы существа! Съ какимъ восторгомъ думалъ я о предстоящемъ путешествіи, а теперь, когда желаніе мое приводится въ исполненіе — грустно! Бросилъ бы все, да воротился бъ въ Петербургъ. Что за причина?

Часу въ седьмомъ прѣхалъ я въ Ямбургъ. Въ этомъ чистенькомъ, гладенькомъ, вытянутомъ въ лѣнію городкѣ, не осталось рѣшительно никакихъ слѣдовъ исторической древности. Это нѣчто въ родѣ Царскаго Села, въ меньшемъ и менѣе красивомъ видѣ. Кто-то сравнивалъ Ямбургъ съ Гельсингфорсомъ. Это, какъ бы сказать, Колтовская и Большая Милліонная. У всякаго свой взглядъ, —но у пыхихъ взгляды очень странныя.

Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Ямбурга, мы подѣхали къ Нарвѣ. Вечеръ былъ пасмурный, туманный, и я, давнѣе чаю, тотчасъ же легъ спать, чтобы на другое утро встать по раньше и идти любоваться Нарвой. Я говорю *любоваться*, потому что

сквозь туманъ и наступавшія сумерки я замѣтилъ—таки живописныя башни и развалины, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ станицы.

Утро было прекрасное. Только вдаль, на горизонтѣ, черная, тяжелая масса тучъ не предвѣщала ничего добраго. Я вышелъ на крыльцо. Рыжій стационный комиссаръ, въ форменномъ сюртукѣ, вѣжливо подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ :

— Ужъ извините, надо будетъ подождать; вотъ только-только что почтовый брикъ отѣхалъ; останись только *кульверскія*...

— Ничего, мнѣ не къ спѣху! отвѣчалъ я, къ немалому изумленію и, можетъ быть, неудовольствію комиссара.

— А! вы изволите здѣсь остаться?

— Дня на три, на четыре. Что у васъ особенно примѣчательнаго въ городѣ?

— Какъ вы изволите сказать?

— Что у васъ примѣчательнаго въ городѣ?

— То есть, по какой частіи-съ? Есть у насъ, таво-съ, трахтиръ Поля-съ, отличный! Есть также-съ кандитерская съ разными товарами таво... какъ били его... пѣмца... я, изволите видѣть, русскій, такъ всѣхъ нѣмецкихъ фамилій—то не упомяну; ахъ, ты Боже мой, какъ били его зовуть-то...

Пока онъ придумывалъ фамилію кандитера, я поблагодарилъ его и поскорѣе пошелъ къ городу. По сю сторону быстрой Наровы, на лѣво, стоятъ развалины древняго *Иванъ-Города*. Перейдя красивыя мосты, вошелъ

я въ городъ... Нельзя выразить впечатлѣнія, какое производитъ на петербургскаго жителя этотъ городъ своею нѣмецкою оригинальностью. Нарва вся разбросана по горамъ, и изъ улицы въ улицу надо, то подыматься, то опускаться. Я понималъ, что въ этомъ городѣ есть домикъ, называемый *Дворцомъ Петра Великаго*, потому что въ немъ останавливался Великій Монархъ всякій разъ, когда бывалъ въ Нарвѣ. Мнѣ указали дорогу къ этому дворцу.

У самаго вала, близъ *теминыхъ воротъ* (узкаго, сыраго и грязнаго прохода къ валу), стоитъ простенькій двухъ-этажный, каменный домъ, съ мезонинномъ. Начальство города бережетъ этотъ домикъ какъ святыню; — онъ чистъ, выкрашенъ свѣтлой желтой краской; передъ нимъ, на мостовой, гдѣ рѣдко, рѣдко проѣдетъ экипажъ, вы не увидите ни одной травки, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда мостовая похожа на лужокъ. Только въ послѣднее время, и то съ одной стороны, въ нижнемъ этажѣ, сдѣланы окна; прежде только во второмъ этажѣ были окна; даже, *говорятъ*, будто не было дверей; — впрочемъ, это довольно вѣроятно, потому что въ комнаткѣ, находящейся предъ кабинетомъ Петра, есть дверь на балконъ, откуда подъемный мостикъ на цѣпяхъ спускался прямо на валъ. Мостъ этотъ цѣль и пощипъ.

О внутренности этого дворца я не имѣю хорошей идеи, потому что въ то время перекладывали полы, чинили печи, подвир-

(Домъ Петра Великаго въ Нарвѣ).

швали стѣны и проч.; слѣдовательно все было въ безпорядкѣ, и мебель убрала. Плавонъ комнаты, служившей кабинетомъ Великому Императору, расписанъ разными аллегорическими фигурами, изъ которыхъ на главной представлена Ливонія, въ видѣ женщины, которую фигура Побѣды освобождаетъ отъ оковъ, съ надписями:

Erepta restituit.

По угламъ и сторонамъ еще висятъ такихъ картинъ, какъ напр. лодка, пристающая къ гавани, не смотря на огромныя волны, съ надписями:

Sabitur sic videre partum.

Нептунъ съ трезубцомъ.

Imperat mari. и др.

Досаду на маляровъ, которые воплѣтъ разрушали очарованіе этой минуты заувѣнными чухонскими пѣснями своими, я вышелъ изъ дворца, и по узенькой, крутой, деревянной лѣстницѣ взобрался на валъ...

Тамъ я былъ воплѣтъ вознагражденъ за мнущую досаду. Прекрасная, рѣдкая картина представилась глазамъ моимъ. Широкой полосой лежала предо мною Нарова. По обѣимъ сторонамъ ея, на высокыхъ берегахъ, высилась крѣпость; по правую Ливонская, прекрасно уцѣлѣвшая, не смотря на то, что построена въ XIII столѣтіи; а на лѣво Русская пограничная крѣпость, Иванъ-Городъ. Хотя послѣдняя построена двумя столѣтіями позже первой, однакожъ стѣны ея безпрестанно обваливаются. Нѣкоторые мѣста даже отгорожены и къ нимъ никого не пускаютъ. Стѣны, полуразвалившіяся стѣны окружаютъ два

живые остатка: церковь Успѣнія Божіей Матери и арсеналъ Карла XII, обращенный въ пороховой магазинъ. По угламъ стѣнъ стоятъ круглыя башни, съ остроконечными, безпрестанно обваливающимися крышами.

Какъ хищныя птицы гнѣздились ливонскіе рыцари на высокыхъ неприступныхъ мѣстахъ; окружали себя двойными, тройными стѣнами; на нѣсколько верстъ въ окружности вырубали лѣса, чтобы издали завидѣть непріятеля. Желая оживить убѣжища свои, рыцари приглашали къ себѣ купцовъ, общали имъ защиту и покровительство, а между тѣмъ безпощадно ихъ грабили и всячески унижали. Укрѣпясь, такимъ образомъ, во многихъ мѣстахъ Ливондіи, они буйными толпами неожиданно напали на Псковитянъ и Новгородцевъ. Грабили, жгли и били чего не могли унести съ собою. Защититься отъ нихъ было трудно, а потому Псковитяне и Новгородцы часто обращались къ Великимъ Князьямъ Россійскимъ съ просьбой о помощи противу опасныхъ сосѣдей-разбойниковъ.

Наконецъ, около 1492 года, Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ, видя немощно возрастающую дерзость Ливонцевъ, рѣшился укрѣпить *противу ихъ безпокойнаго права* грашны свои, построениемъ крѣпости. Выборъ мѣста для построения этой крѣпости заключаетъ мысль изумительно смѣлую. Вскорѣ, на другомъ берегу Наровы, противу самой ливонской крѣпости, возвысились стѣны и башни крѣпости, которую Великій Князь во имя свое назвалъ

Иванъ-Городомъ. Невесело смотрѣли съ высокой башни своей рыцари на построеніе крѣпости, стѣны которой возвышались съ удивительною быстротою.

И въ самомъ дѣлѣ, крѣпость эта довольно долго держала Ливонцевъ въ нѣкоторомъ спокойствіи. Четыре года спустя по основаніи Иванъ-Города, къ нему подошли семидесять шведскихъ судовъ, въ располкъ напали на крѣпость, разбили гарнизонъ, и съ богатой добычей и множествомъ плѣнныхъ воротились во свояси. Это обстоятельство открыло ливонскимъ рыцарямъ слабость пограничной русской крѣпости, и они стали безпрестанно нападать на нее. Въ то же время Юрьевскіе и Рижскіе Ливонцы опять напали на Псковитянъ, опустошили и грабили ихъ область, о чемъ слухи дошли до Москвы.

Въ концѣ 1501 года, Великій Князь послалъ трехъ знатныхъ воеводъ своихъ на Ливонцевъ съ приказаніемъ не шадить ихъ. Упорно, храбро защищались рыцари, но сила русскихъ войскъ одолѣла. Не встрѣчая болѣе сильнаго сопротивленія, русскіе добрались до Кольвани (Ревеля); на обратномъ пути опустошили всю страну и съ *знатною корыстію* воротились въ Иванъ-Городъ.

У всякаго древняго замка, у всѣхъ развалинъ въ Ливондіи, есть своя легенда. Въ Нарвѣ почти каждый изъ жителей расскажетъ вамъ что нибудь про славную крѣпость свою. Вотъ одна изъ легендъ о царской крѣпости.

=

Съ криками мщенія разсѣялись русскіе воины по улицамъ нарвскимъ въ половинѣ ноября 1501 года. Никому не было пощады. Рыцари въ безпорядкѣ выступили изъ города, оставивъ на жертву побѣдителямъ имущество, женъ и дочерей!..

Только одинъ свирѣпый Индрикъ-фонъ-Бяренгауптъ, жесточайшій врагъ Русскихъ, не отступилъ. Мужественно защищалъ онъ домъ свой, съ толпою преданныхъ ему воиновъ. Онъ рѣшился погибнуть на порогѣ этого дома, въ которомъ было драгоценнѣйшее сокровище его, единственное существо, которое имѣло благотворное вліяніе на рыцаря-разбойника и смягчало огрубѣлое его сердце. То была молодая жена. Воины Индрика ослабѣвали, между тѣмъ какъ число наступавшихъ ежeminутно увеличивалось...

Отчаяніе начинало овладѣвать рыцаремъ, и онъ готовъ уже былъ войти въ домъ свой, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ пламенною любимую женою, какъ вдругъ сверху послышался пропзвительный крикъ... Индрикъ вздрогнулъ, онъ узналъ этотъ голосъ... забылъ собственную опасность, бросился стремглавъ по лѣстницѣ въ верхнюю часть дома... тамъ все было въ пламени.., непри-

тель по лѣстницамъ влѣзалъ въ окна; въ одномъ углу сидѣла на скамьѣ жена рыцаря, прижавъ къ груди ребенка; молодой русскій боляринъ, какъ бы пораженный ея красотой, недвижный стоялъ передъ нею...

Толпа воповъ, ворвавшись въ окна, бросилась къ женѣ рыцаря; но молодой боляринъ поднялъ мечъ, сталъ предъ красавицей и объявлялъ себя ея защитникомъ.

— Все ваше! закричалъ онъ буйной толпѣ, но красотка мол!...

Не успѣлъ онъ выговорить послѣднихъ словъ, какъ рыцарь Индрикъ-фонъ-Биренгауптъ бросился на него. Завязался страшный бой. Одинъ противу цѣлой толпы драгся Индрикъ, защищая свое сокровище. Пламя обхватило уже деревянныя стропила крыши, и черепицы съ шумомъ валились на улицу. Крѣпкіе стальные латы защищали рыцаря отъ страшныхъ ударовъ непріятелей, но отъ пламени, стали раскаляться... Рыцарь ослабѣвалъ... тогда ужасная мысль, достойная тѣхъ варварскп-героическпхъ временъ, сверкнула въ головѣ его... Одинъ взмахъ тяжелаго меча, и жена, пораженная смертельно, упала къ ногамъ его... ребенокъ остался живъ, но онъ уже былъ въ непріятельскихъ рукахъ; всѣ старанія рыцаря освободить его остались тщетными; съ яростію наносилъ онъ страшные удары врагамъ и, пробившись сквозь толпу ихъ, вышелъ на улицу. Въ тоже самое мгновеніе послышался ужасный трескъ... Крыша и верхняя часть дома Индрика обрушилась... Всѣ, пораженные ужасомъ, на минуту умолкли; только и слышно было какъ грозный рыцарь, уходя, кричалъ:

— Мщеніе! мщеніе! мщеніе!

Жестоко отомстятъ Русскіе за непрерывныя оскорбленія. Они опустошили всѣ замки, лежавшіе на пути отъ Нарвы къ Ревелю, и съ богатою добычею воротились домой, оставивъ по себѣ грозную память, которая, какъ думали, на долго удержитъ Лифляндецвъ отъ нападеній на русскія границы.

Индрикъ-фонъ-Биренгауптъ сталъ еще угрюмѣе. Онъ удалялся отъ общества другихъ рыцарей, не принималъ никакого участія въ беспорядочныхъ, дикихъ увеселеніяхъ. Иногда всходилъ онъ на башню и оставался тамъ по цѣлымъ часамъ, не спуская глазъ съ ненавистнаго для него Ивана-Города. Онъ замышлялъ мщеніе врагамъ, за жепу и сына, о которомъ не имѣлъ никакого извѣстія.

Чрезвычайно удивлялись рыцари, когда на одномъ изъ совѣщаній въ ратушѣ, увидѣли они Индрика. Въ этотъ день онъ пришелъ ранѣе другихъ и, молча, съ мрачнымъ видомъ, занялъ мѣсто свое. Когда собрался всѣ рыцари, то Индрикъ-фонъ-Биренгауптъ медленно поднялся съ кресла и просилъ, чтобы ему позволили говорить.

Молча и съ неволью боязливымъ чувствомъ ожидали всѣ его рѣчи.

— Благородные рыцари и братья! — началъ онъ, — вы всѣ знаете, что я былъ счастливъ... болѣе, нежели человѣку позволено быть счастливымъ. Русскіе лишили меня всего. Я съ радостію пошелъ бы на встрѣчу смерти, еслибъ одна мысль не услаждала жизни моеей — мысль о мщеніи! Она изгнала изъ сердца моего тоску, горе и страданія, она дала мнѣ силы переносить жизнь. Мысль эта созрѣла, я нашелъ средство привести ее въ исполненіе... ненавистная крѣпость! продолжалъ онъ съ большимъ жаромъ, со взоромъ, сверкавшимъ ненавистію, и протянувъ руку къ окну, изъ котораго былъ видны сѣрыя стѣны Ивана-Города. Я встрѣчусь лицомъ къ лицу съ тѣмъ, черты котораго навѣки вѣзались въ памяти моеей, и увидимъ... дрогнетъ ли рука моя!.. Но часъ мщенія не наступилъ еще. Слишкомъ много грѣховъ лежитъ на душѣ моеей — они ослабляютъ силу воли. Я долженъ покаяться, долженъ искупить ихъ, и тогда, тогда!.. Свирѣпымъ взглядомъ, брошеннымъ на русскую крѣпость, дополнилъ Индрикъ слова свои. — Благородные рыцари! Не позже какъ завтра сойду я съ двумя вѣрными слугами своими въ *Могилу* (*)...

— Въ могилу! повторили рыцари съ изумленіемъ и ужасомъ.

—Одной милости прошу я у васъ, друзья и братья — не забудьте, что въ пропасти, откуда еще не выходилъ никто живой, будучъ находиться три человѣка, жизнь которыхъ дорога для васъ и всей Лифляндіи, потому что они посвятили ее на отищеніе опаснѣйшимъ врагамъ нашимъ... Когда раздастся звукъ колокола, который надо будетъ устроить надъ пропастью, то дайте намъ опять взглянуть на свѣтъ Божій...

Рѣшимость Индрика была слишкомъ тверда. Ничто не могло поколебать ее. Въ тотъ же день устроенъ былъ колоколъ; и къ пропасти, къ могилѣ, въ которую добровольно заключался мрачный рыцарь съ двумя, приверженными къ нему, слугами, приставленъ былъ сторожъ, который долженъ былъ опускать къ нимъ ежедневную пищу.

На другой день мрачная процессія тянулась по улицамъ города. Впередъ шелъ епископъ, въ черномъ облаченіи; за нимъ Индрикъ-фонъ-Биренгауптъ въ черныхъ латахъ, а поверхъ ихъ монашеское одѣяніе; за рыцаремъ, въ монашескомъ же одѣянн, съ опущенными капюшонами, вѣрныя слуги; шествіе оканчивалось толпой рыцарей съ факелами въ рукахъ. Купцы и граждане, въ религиозномъ страхѣ, толпились около стѣнъ... Издала, завидѣвъ процессію, спинали они шляпы и преклоняли колѣна...

(* Das Grab. Такъ называлась пропасть, въ которую опускали преступниковъ, осужденныхъ на голодную смерть. Пропасть эта, которую по справедливости можно назвать *бездонною*, и теперь существуетъ при Нарвской крѣпости.

Могилу была устроена выступомъ, внѣ стѣны, окружавшей замокъ; ходъ въ нее былъ изъ одного изъ верхнихъ корридоровъ, устроенныхъ внутри стѣнъ.

У маленькой дубовой двери, съ желѣзными запорами и замкомъ, стояла машина; она походила на орудіе пытки; огромное колесо, около котораго была обвита желѣзная цѣпь; тутъ остановился епископъ и прочелъ краткую молитву. Потомъ, обратившись къ Индрику, спрашивалъ, пѣтъ ли кромѣ объявленныхъ уже, и другихъ причинъ, которыя заставляютъ Индрика наложить на себя столь тяжкое испытаніе?

— Пѣтъ! отвѣчалъ твердымъ голосомъ Индрикъ.

Трижды повторилъ епископъ вопросъ свой и трижды Индрикъ отвѣчалъ: пѣтъ!

— Добровольно ли вы слѣдуете за нимъ? продолжалъ епископъ, обращаясь къ слугамъ рыцаря.

— Добровольно! отвѣчали оба единогласно.

Тогда, по знаку, данному епископомъ, была отворена маленькая дубовая дверь... она закричала на петляхъ и изъ *могилы* пахнуло душлимымъ, сырýmъ воздухомъ. При свѣтѣ факеловъ можно было рассмотреть за дверью висячій на цѣпяхъ мостикъ, сколоченный изъ досокъ.

— Да даруетъ тебѣ Господь силы перенести испытаніе! Богъ съ тобою, сынъ мой! произнесъ епископъ надъ рыцаремъ и слугами его, когда они цѣловали крестъ, которыми благославлялъ ихъ священнослужитель.

Рыцари заплѣли requiem и глухо разнеслись погребальныя звуки подъ тяжелыми сводами... Индрику и слугамъ его вручили факелы; медленно переступили они черезъ порогъ и были уже на мостикѣ... пронзительно закричало огромное колесо, стуча, стала разматываться цѣпь, и мостикъ опустился;.. тогда Индрикъ громкимъ голосомъ заплѣлъ хвалебный гимнъ, который, сливаясь съ звуками погребальнаго пѣнія рыцарей, производилъ глубокое дѣйствіе на присутствовавшихъ. Колесо вертѣлось все скорѣе и скорѣе, чаще и чаще разматывалась цѣпь, тише и тише слышалась хвалебная пѣснь Индрика... Вдругъ колесо съ сильнымъ ударомъ остановилось... цѣпь затряслась и выпрямилась... все утихло... только сторожъ медленно запералъ дубовую дверь...

— Аминь! произнесъ епископъ.

— Аминь! повторили рыцари, и всѣ молча разошлись по домамъ.

==

Прошло четыре года, а колоколъ молчалъ. Каждый день, въ особомъ ящикѣ, опускалась въ пропасть пища, и всегда ящикъ возвращался пустой.

Однажды вбѣжалъ въ ратушу, запыхавшись, сторожъ. Онъ услышалъ звонъ коло-

кола и поспѣшилъ доложить о томъ рыцарямъ. Мелѣе, нежели черезъ часъ, всѣ, можетъ быть, болѣе съ любопытствомъ, нежели съ участіемъ, стояли у дубовой двери... съ нетерпѣніемъ смотрѣли рыцари на цѣпь, медленно наматывавшуюся на колесо;.. но вотъ что-то стукнуло... Это былъ мостикъ, однакожъ на немъ нѣкого не было... только, когда факелы освѣтили мракъ пропасти, тогда присутствующіе увидѣли, что доски, пзъ которыхъ былъ сколоченъ мостикъ, были разобраны — оставалась только рама в крестообразная перекладина — на ней лежало что-то черное...

Это былъ трупъ одного пзъ слугъ, послѣдовавшихъ за Индрикомъ!

Съ движеніемъ обманутаго ожиданія отступили рыцари отъ холоднаго трупа, который лежалъ предъ ними недвижимо и безмолвно! Руки, сложенные на груди, были жестки и грубы, на желтомъ лицѣ видны были слѣды побѣжденныхъ страданій, — по какимъ?.. Тайну эту душа унесла съ собою!..

И опять были забыты Индрикъ; опять другія, личныя заботы заняли паревшихъ рыцарей; только сторожъ по привычкѣ, не думая о томъ, зачѣмъ и для кого онъ это дѣлаетъ, опускалъ хлѣбъ и сушеную рыбу въ пропасть...

Такимъ образомъ прошло еще шесть лѣтъ.

Вторично собрались рыцари у дубовой двери, по призыву колокола, зовомъ котораго разнесился по корридорамъ крѣпостной стѣны. Мостикъ поднялся... рыцарь Индрикъ-фонъ-Баренгаунтъ и вѣрный слуга его вышли изъ страшной пропасти, въ которой они провели десять лѣтъ жизни своей, вдаль отъ свѣта и людей.

Индрика нельзя было узнать. Черные, густые волосы его посѣдѣли; нѣтъ лица былъ блѣдно-желтый; глаза сверкали лихорадочнымъ огнемъ, подъ нависшими сѣдыми бровями; щеки его впали; длинная, вклочоченная борода лежала на груди; ржавчина покрывала латы...

Однимъ взглядомъ окинулъ онъ всѣхъ присутствовавшихъ, которые съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, не сводили глазъ съ живаго скелета, и хранили глубокое молчаніе; потомъ подошелъ онъ къ епископу, преклонилъ коленно, всталъ и поцѣловалъ крестъ.

— Привѣтствую васъ, братья!.. Провзнесъ Индрикъ глухимъ голосомъ, какъ бы выходящимъ изъ могилы, такъ что суетвѣрные рыцари невольно вздрогнули. Благослови меня еще разъ святой отецъ... и онъ преклонилъ голову предъ священнослужителемъ, потомъ продолжалъ съ дикою радостью:

— Я исполнилъ долгъ свой! Мечты мои осуществились. За мной, благородные рыцари, за мной, въ ратушу! Тамъ вы все узнаете!

— Въ ратушу! въ ратушу! раздалась

восклицанія, и вслѣдъ за епископомъ, Индрикомъ и слугою его, рыцари пошли къ ратушѣ, между двумя рядами гражданъ, съ нѣмыми благоговѣніемъ смотрѣвшихъ на Баренгаунта.

Крѣпко были затворены всѣ двери ратуши, когда рыцари вошли туда. На высокохъ крыльцѣхъ и на каждомъ углу поставлены были часовые. Долго продолжалось совѣщаніе. Поздно вышли рыцари изъ ратуши и прощивали до глубокой ночи, по случаю возвращенія Индрика и по случаю возведенія слуги его въ рыцарское достоинство...

И. Р. Фурманна.

(Описание въ сѣздуномѣ № 9).

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 1).

Шиллеръ сказалъ: «и въ дѣтской игрѣ кроется иногда глубокой смыслъ», — а Шекспиръ: «и на небѣ и на землѣ есть еще много такого, что мудрецы ваши не видывали и во снѣ». Это можно причѣнить къ загадочному предмету, о коемъ мы хотимъ поговорить. Духъ сомнѣній составляетъ свойство добросовѣстнаго изыскателя; но само по себѣ и безусловно, качество сіе безплодно и даже губительно. Если къ этому еще присоединится высокоумное предвѣніе къ предмету, перѣдко служащее личиною невѣжества особеннаго рода, — то сомнѣніе, или невѣріе, очень часто бываетъ лицемерное. Большая часть тѣхъ, кои считаютъ долгомъ приличію гласно и презрительно насмѣхаться надо всѣми народными предразсудками, безъ разбора, — сами вѣрять или втихомолку, или по крайней мѣрѣ изъ предосторожности, на всякій случай, не выѣзжаютъ со двора въ поцѣлшникъ и не здороваются черезъ порогъ.

Съ другой стороны, если и смотрѣть на повѣрья народа, вообще, какъ на суетвѣріе, то они не менѣе того заслуживаютъ нашего вниманія, какъ значительная частіца народнаго жизни: это пути, кои человекъ надѣлъ на себя — по своей ли винѣ, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, — по въ концѣ онъ долженъ жить и умереть, если не можетъ страхнуть ихъ и быть свободнымъ. Но гдѣ и когда можно или должно сдѣлать то или другое, — этого нельзя опредѣлять, не разобравъ во всей подробности смысла, источника, значенія и силы каждаго повѣрья. И самому глупому и вредному суетвѣрію нельзя противувѣствовать, если не знаешь его и не знакомъ съ духомъ и съ бытомъ народа.

Повѣрьемъ называемъ мы вообще всякое укоренившееся въ народѣ мнѣніе или понятіе, безъ разумаго отчета въ основательности его. Изъ этого слѣдуетъ, что повѣрье можетъ быть истинное и ложное; въ послѣднемъ случаѣ оно называется собственно *суетвѣріемъ*, или по повѣршему выраженію, *предразсудкомъ*. Между этими двумя словами различіе мало; предразсудокъ есть понятіе болѣе тѣсное и относится преимущественно къ предостерегательнымъ, суетвѣрнымъ правиламъ, что, какъ и когда дѣлать или не дѣлать. Изъ этого усматривается еще въ тре-

тьемъ значенія, важность предмета, о коемъ мы говоримъ: онъ даетъ намъ полную картину жизни и быта известнаго народа.

Не только у всѣхъ народовъ земнаго шара есть повѣрья и суетвѣрія, но у многихъ они довольно схожи между собою, указывая на одну общій источникъ и начало, которое можетъ быть трехъ родовъ: или повѣрье, возникшее въ древности, до раздѣленія двухъ народовъ, сохранились по преданію въ обѣихъ; или, родившись у одного народа, распространились и на другіе; или же наконецъ повѣрье, по свойству и отношеніямъ своимъ къ человеку, возникло тутъ и такъ независимо одно отъ другаго. Въ этомъ отношеніи есть много ученыхъ указаній у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился однимъ только повѣрьемъ русскаго народа, или даже почти исключительно тѣмъ, что ему случилось собрать среди народа; поему статья эта вовсе не есть полное изслѣдованіе этого предмета, а только не большой сборникъ или собраніе подручныхъ въ настоящее время запасовъ (*).

Сѣверъ нашъ искони славится преимущественно большимъ числомъ и разнообразіемъ повѣрій и суетвѣрій о чудесничествѣ разнаго рода. Едва ли большая часть этого не перешла къ намъ отъ чудесныхъ племенъ. Чудесники и заговоры сѣверной полосы отличаются также злобою своею, и всѣ рассказы о нихъ носятъ на себѣ отпечатокъ. На югѣ видимъ болѣе поэзіи, болѣе связанныхъ, сказочныхъ и забавныхъ преданій и суетвѣрій, въ концѣ злобные чернокнижники являются только, какъ необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигдѣ не услышите вы столько о порчѣ, изуроченіи, какъ на Сѣверѣ нашемъ; нигдѣ нѣтъ столько затѣйливыхъ и забавныхъ разсказовъ, какъ на Югѣ.

Повѣрья мѣстныхъ, связанныхъ съ известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч. — не могли войти въ эту статью главнѣйше потому, что такое собраніе вышло бы нынѣ еще слишкомъ неоплоно и отрывочно. Если бы у насъ много лѣтъ сряду занимались повсемѣстно сборомъ этихъ преданій, тогда только можно бы попытаться составить изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но преданія эти гибнутъ невозвратно; ихъ вытѣсняетъ суровая вѣщественность, — которая новыхъ замысловатыхъ преданій не рождаетъ.

Все на свѣтѣ легче осмѣять, тѣмъ основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему вѣру. Подробное, добросовѣстное разбирательство, сколько въ какомъ повѣрьѣ есть или могло быть нѣкогда смысла, на чемъ основано и какую ему теперь должно дать цѣну и гдѣ указать мѣсто — это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы повѣрье, пережившее тысячелѣтія и принятое милліонами людей за истину, было изобрѣтено и пушено на вѣтеръ, безъ всякаго смысла и толка. Коли есть повѣрья,

(* Я съ намѣреніемъ не перечитывалъ теперь сочиненій гг. Снегирева, гг. Сахарова. Я даю только сборникъ, запись, какой случился. Праздничныя обрадованія я мало касался, потому что предметъ этотъ обрадованія г. Снегирева; а повторенія того, что уже помѣщено въ *Сказаніяхъ* г. Сахарова, произойшли случайно, изъ одного изъ того же источника. Я дополнилъ статью свою пзъ одной только пятой книги: *Русскіе суетвѣрїи*, Чулкова, въ которой впрочемъ весьма не много русскаго.

рожденным одним только праздным вымыслом, то их очень не много; — и даже у этих повѣрьев есть, по крайней мѣрѣ, какойнибудь источник, напримеръ: молодецанье умников или бойкихъ надъ смирными; стараніе поработитъ умы самымъ сильнымъ средствомъ: общественнымъ мнѣніемъ, противъ котораго слишкомъ трудно спорить.

У насъ есть повѣрья — остатки или памятники язычества; они держатся потому только, что привычка обращается въ природу; а отъѣзда стараго обычая всегда и вездѣ встрѣчала сопротивленіе. Сюда же можно причислить всѣ повѣрья русскаго баснословія, которое, по всей вѣроятности, въ связи съ отдаленными временами язычества. Другія повѣрья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малаго и глупаго, окольнымъ путемъ, дѣлать или не дѣлать того, чего отъ него прямымъ путемъ добиться было бы гораздо труднѣе. Запугивать и поработить умы, можно заставить ихъ повиноваться, тогда какъ пространныя разсужденія и доказательства, ни малаго, ни глупаго, не убѣдятъ, и, во всякомъ случаѣ, допускаютъ докучливыя опроверженія.

Повѣрья третьяго разряда, въ сущности своей, основаны на дѣлѣ, на опытахъ и замѣчаніяхъ; по этому ихъ неправильно называютъ суевѣрїями; они вѣрны и справедливы, составляютъ опытную мудрость народа, а потому знать ихъ и сообразоваться съ ними полезно. Эти повѣрья безспорно должны быть всѣ объяснимы изъ общихъ законовъ природы: но нѣкоторые представляются до времени страшными и темными.

За симъ непосредственно слѣдуютъ повѣрья, основанныя также въ сущности своей на явленіяхъ естественныхъ, но обратившіяся въ нелѣпность по безмысленному ихъ приминенію къ частнымъ случаямъ.

Пятаго разряда повѣрья изображаютъ духъ времени, игру воображенія, инсказанія — словомъ, это народная поэзія, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣрїе.

Къ шестому разряду, наконецъ, должно причесть — можетъ быть только до поры, до времени — небольшое число такихъ повѣрїей, въ коихъ мы не можемъ добиться никакого смысла. Или онъ былъ утраченъ по измѣнившимся житейскимъ обычаямъ, или въ слѣдствіе искаженій самого повѣрья, или же мы не довольно изслѣдовали дѣло; или, наконецъ, можетъ быть, въ немъ смысла нѣтъ и не бывало. Но какъ всякая вещь требуетъ объясненія, то и должно замѣтить, что такіа вздорныя, уродливыя повѣрья произвели на свѣтъ, какъ замѣчено выше, или умничанье, желаніе знать болѣе другихъ и указывать имъ, какъ и что дѣлать, — или пытливый, любознательный умъ простолюдина, доискувающійся причинъ непонятнаго ему явленія; эти же повѣрья не рѣдко служатъ извещеніемъ, оправданіемъ и утѣшеніемъ въ случаяхъ, гдѣ болѣе не къ чему прибѣгнуть. Съ другой стороны, можетъ быть, нѣкоторые безмысленныя повѣрья изобрѣтены были также и, съ тою только цѣлю, чтобы, пользуясь легковѣрїемъ другихъ, жить на чужой счетъ. Этого разряда повѣрья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумѣется, что разряды эти на дѣлѣ не всегда можно такъ положительно разграничить; есть переходы, а многія повѣрья безъ сомнѣнія можно причислить и къ тому и къ другому разряду; опыты нѣвы упомянуты у насъ, по связи своей съ другими повѣрїемъ, въ одномъ разрядѣ, тогда какъ они въ сущности принадлежатъ къ другому. Такъ напримеръ, всѣ лицедѣи нашего баснословія принадлежатъ, и остаткамъ язычества, и къ разряду вымысловъ пѣтлическихъ, и къ крайнему убѣжищу невѣжества, которое не менѣе, какъ и самое просвѣщеніе, хотя и другимъ путемъ, ищетъ объясненія непостижимому и причинамъ непонятныхъ дѣйствій. Лица эти живутъ и держатся въ воображеніи народномъ частью потому, что въ быту простолюдина, основанномъ на трудахъ и усиліяхъ тѣлесныхъ, на жизни суровой, — мало пищи для духа; а какъ духъ этотъ не можетъ жить въ бездѣйствіи, хотя онъ и усыпится невѣжествомъ, то онъ и уносится, посредствомъ мечты и воображенія, за предѣлы здѣшняго міра. Не менѣе того пытливый разумъ, изыскивалъ и находитъ причины различныхъ явленій, въ особенностяхъ бѣдствій и несчастій, также прибѣгаетъ къ помощи досужаго воображенія, олицетворяетъ силы природы въ каждомъ ихъ явленіи, сваливаетъ все на эти мнимыя лица, на коихъ нѣтъ ни суда ни расправы, — и на душѣ какъ будто легче.

Вопросъ, откуда взялись баснословныя лица, о коихъ мы хотимъ теперь говорить — возникать и въ самомъ народѣ: это доказываются сказками объ этомъ предметѣ, придуманными тамъ же, гдѣ въ ходу эти повѣрья. Домовой, водяной, лѣшій, вѣдьма и проч. не представляютъ собственно нечистую силу; но, по мнѣнію народа, созданы ею, или обращены изъ людей, за грѣхи или провинности. По мнѣнію иныхъ, падшіе ангелы, спрятавшіеся подъ траву *прострѣль*, поражены были громовою стрѣлою, которая пронзала стволъ этой травы, употребленной по этому поводу для зазеленія ранъ — и низвергла падшихъ духовъ на землю; дѣльи они распались по лѣсамъ, полямъ и водамъ и населили ихъ. Всѣ подобныя сказки явнымъ образомъ изобрѣтены были уже въ позднѣйшія времена; можетъ быть древнѣе ихъ мнѣніе, будто помянутыя лица созданы были нечистымъ для услужъ ему и для искушенія человека; по что домовой, напримеръ, который вообще добродѣтелиге прочихъ, отложился отъ сатаны — или, какъ народъ выражается, отъ чорта отсталъ, а къ людямъ не присталъ.

В. Луганскій.

ДРАМАТУРГІЯ.

РУССКАЯ ОПЕРА.

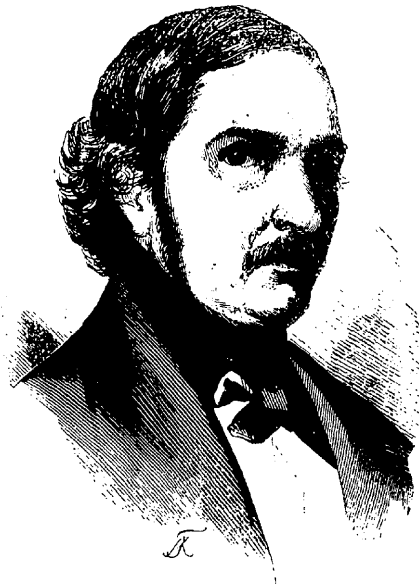
Что дѣлала русская опера во время пребыванія Италіянцевъ въ нашей столицѣ? Восхищалась вѣдетъ съ старыми своими поклонниками тѣми же Италіянцами. Многие сѣтуютъ на то, что русская опера, которая стала было подыматься, теперь упала. Едва ли это справедливо. Намъ кажется на оборотъ. Пребываніе въ Петербургѣ Италіянцевъ создало русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. До нихъ, мы вѣли себя и воображали, что достигли до зна-

чительной степені совершенства; прѣхали соловья, мы замолкли въ смущеніи, но до времени; увидитъ, услышите, и наше предсказаніе несомнѣнно сбудется: на Большомъ Театрѣ раздается сильный, звучный и образованный голосъ русскаго пѣвца или пѣвицы. Это не балетъ; пѣніе задѣлаетъ за живое; слушая Рубини или Вьардо самому хочется пѣть; врожденная способность откликнется на ихъ родные звуки; и въ тишинѣ, въ лепзвѣтности, голоса сотворятся, созвѣютъ и главное, имъ будетъ гдѣ образоваться. Вотъ почему на италіянскую оперную труппу мы смотримъ съ признательностію. Вспомнимъ старину. Часто намъ удается слышать про какуюто русскую оперную труппу, которая рѣшила въ Крестную Шапочку, Калача Багдадскаго и проч. Такая опера и теперь есть. Предусмотрительная Дирекція Императорскій Театровъ не разпустила труппы. Завтра, еслибы понадобилось, русская труппа могла бы исполнить не только Калача, но одну изъ труднѣйшихъ оперъ. И въ оныя блаженныя времена представленія какъто исполнялись, иравильно, восхищали, да слухъ у насъ былъ не тотъ; бритва рѣжетъ волосъ, чуть прищипнуты для глаза, едва прищипнуты остріемъ, ила шипитъ брѣвна, а остріе у нея чуть не парадная лѣстинца въ барскихъ хоромахъ. Нищии мы дрова; остріе якуса стало равняется; многіе ухомъ слышатъ недостатки на волосъ, какъ говорится; ощущаютъ такіа же достоинства, о которыхъ прежде и не мечтали. И про то блаженное время еще живутъ воспоминанія. Бывало ивѣдетъ сносить, самъ думаетъ, что кончили, уйдеть за кулисы, а оркестръ догряваетъ его партію (Зловѣ). Публика ничего и не замѣчаетъ, напротивъ весьма довольна и вызывается артиста. Пышныя русская труппа для тѣхъ временъ показала бы тѣмъ, чѣмъ для настоящаго времени кажутся Италіянцы. Тѣмъ, которые восхваляютъ оную труппу, восхищаются Италіянцами и позволяютъ себѣ дѣлать разныя замѣчанія современнымъ русскимъ артистамъ, пожалуйте не вѣрьте. Они сами себѣ обличаютъ. Напротивъ, едва ли когда мы виѣли Петрова и Артемовскаго, едва ли когда слышали, и прежде и послѣ, такой контр-альто, какимъ обладала А. Я. Петрова. О г-жѣ Стенаповой старшей также грѣхъ вспомнить безъ признательности. Труппа наша не разрушилась, опера не погибла; напротивъ, она остается въ прежнемъ составѣ; совершенствуется незамѣтно, и если прибавится одно, два лица къ настоящему персоналу — труппа выдержитъ съ честію сравненіе съ лучшими нѣмецкими и французскими оперными труппами. Первое мѣсто по впечатлительности, какія въ памяти нашей сохранились, по справедливости, принадлежатъ А. Я. Петровой. Голосъ ея проникалъ въ тотъ уголокъ сердца, которому, по хозяйственному распоряженію человѣческой природы, назначено чувствовать музыку и наслаждаться. Даже Италіянцы не могли истребить въ насъ, и во многихъ искреннихъ любителей музыки, этихъ сладостныхъ впечатлѣній. Одушевленная игра А. Я. проникла была всегда неподдѣльною теплотою. Критикъ тутъ ивѣтъ мѣста; можетъ быть и были недостатки; да и какъ имъ не быть; но мы забыли ихъ; мы помнили то, что никогда не забывается. — О. А. Петровъ... — онъ стиралъ двоякое уваженіе. Вспомните, что онъ прѣшель издали, съ провинціального театра; вступивъ на Императорскій, похвалялъ себѣ русскія пѣніи въ русскихъ мелодрамахъ. Безъ образцевъ и наставниковъ шель вперелъ да вперелъ; останавливался, отдышалъ, но не возвращался и не за хотѣлъ на всегда уѣхать на одномъ мѣстѣ. Теперь онъ въ италіянскую оперу вѣдетъ съ Тамбурини, и согласитесь пѣніе заальпійскихъ гостей не лишаетъ васъ удовольствія слушать Петрова; а слушая его, вы радуетесь — и мы съ вами, отъ всей души, отъ всего сердца. Каждое представленіе мы слышимъ, мы видимъ, какой шагъ онъ сдѣлалъ въ недѣлю, въ мѣсяцъ... Г. Артемовскій раздѣляетъ лавры Петрова; — но Артемовскій былъ въ Италіи, ивѣтъ случая образованъ свой талантъ... Охъ! жизнь артистовъ похожа на пилу; по этой лѣпидѣ не протопь, не разъявивъ погъ; колочій, крутой путь. И г. Артемовскій испыталъ всѣ удовольствія этой испрѣитной дороги. Было ему легче

итти несли Петрову, но это еще не значить ле-
ко. Артемовский вместе съ Италианцами пѣлъ мно-
гя партій, вездѣ удовлетворительно, иногда съ
большимъ успѣхомъ, какъ, напримеръ, роль Мазетто
въ Дошъ Жуанъ и въ Пуританахъ; и на его долю
приходилось заслуженные вызовы; музыкальныя
способности свои онъ показалъ въ особенности при
одномъ представленіи оперы: Лукреція Борджиа.
Артемовскій проходилъ басовую партію когда-то
въ Итали, но такъ, между прочимъ, для себя, на
театрѣ не пѣлъ. Въ день представленія болѣзнь
Тамбурини поставила въ опасность вечерній спек-
такль, ни замѣтить, ни отъѣхать оперы нельзя.
Остается несколько часовъ. Ударно наконецъ
семь. Подымается занавѣсъ. Артемовскій уча-
ствуетъ въ представленіи, поетъ, опера идетъ
гладко, публика довольна и даже вызываетъ на-
шего артиста. Повторимъ, для подобнаго усилія
надо имѣть не малыя музыкальныя способности. И
у насъ пѣтъ русской труппы? Я не печально все-
ма многихъ сюжетовъ, которые весьма удовлетво-
рительно пѣли до пріѣзда Италианцевъ; даже
восхищались тѣхъ, которые теперь, слушая ихъ,
дѣлаютъ извольную гримасу.

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи...

Эти цѣнители и судьи не найдутъ теперь слу-
шать тѣ оперы, которыми прежде восхищались.
Такъ что же дѣлать теперь и русской труппѣ?
Передразнивать Италианцевъ, или ждать времени,
когда вліяніе гостей выйдетъ изъ своихъ зеренъ,
возрастетъ и начнетъ приносить цвѣты и плоды...
Мы согласны лучше ждать, нежели слушать не-
только старинныя комическія оперы, но еще и
произведенія Адама съ комп. — Что касается до
того, что русскіе композиторы сами мало заботят-
ся о созданіи и поддержаніи русской оперы, въ
этомъ спорить и прекословить не будемъ. Конеч-
но, Жизнь за Царя и Руслана и Людмила, при всей
колоссальности своей, не могли утвердить самостоя-
тельности русской оперы; самые размѣры, свой-
ство достоинствъ этихъ оперъ принадлежать къ
разряду, которымъ начинается и оканчивается
каждая самостоятельная опера. Но что дѣлали
другіе композиторы? Какіе сюжеты избрали они
для русскихъ оперъ, въ какомъ стилѣ пошла у
нихъ обработка?.. Подождемъ выхода этихъ оперъ
въ свѣтъ, на какомъ бы то ни было театрѣ, пото-
му что не хотимъ объявлять наши убѣжденія безъ
ослабимыхъ доказательствъ.

(А. Е. Варламовъ).

МУЗЫКА.

4-го апрѣля, въ воскресенье, въ залѣ здѣш-
няго университета, была русскій народный кон-
цертъ; пѣла русская пѣвица Александра Яковле-
ва Вавилина, въ пользу Г-на Варламова, сочиненія
егоже исключительно, а вы знаете, что сочи-
ненія Г. Варламова, въ самомъ обширномъ смыслѣ,
русскія. На дняхъ, въ одномъ парижскомъ журналѣ
увидѣли, мы статейку: Русская Музыка, и обра-
довались. Думали, что прочтемъ о музыкѣ Глинки
и Даргомыжскаго... Но читаясь и что же?...
Около половины послѣдняго столѣтія капельмей-
стеръ Императрицы Елисаветы, ибѣто І. А. Ма-
речъ (?), родомъ Чехъ, изобрѣлъ музыку на охот-
ничьихъ рогахъ, которая до сихъ поръ сохраняется
при Дворѣ, и доведена до значительной сте-
пени совершенства. За симъ слѣдуетъ описаніе, что
такое эта Русская Музыка; затѣмъ написано: князь
Ютевскій, любившій все величественное и чрезъ-
вычайное, находилъ особенное наслажденіе слу-
шать роговую музыку. У него былъ роговой ор-

кестрь, который съ нимъ неразлучна была въ
Послѣ его смерти оркестръ растѣлся. Сохраня-
лись до сихъ поръ подробности страннаго праздни-
ства, бывшаго въ Москвѣ въ 1765 году; при этомъ
случаѣ роговая музыка была употреблена съ не-
обыкновеннымъ успѣхомъ. Это было во время кар-
навала. На безмыслие сангелъ установили холмы въ в
т. оловъ вышины и въ сорокъ въ окружности; холмы
обсадили деревьями и кустарниками; и въ этомъ ис-
кусственномъ лесу открыли охоту на оленей, зайцевъ
и лисичъ. Охотничковъ не было видно; можно было
только замѣтить ихъ жившійся изанки. Идуиъ
раздѣляя концертъ истинно магическою обфркта. Двѣд-
чать два разныхъ красивыхъ украинскіхъ биковъ
тачили эту громаду по городу (вторично для
свободнаго ея путешествія на время грыви иъ-
сколькю у лицъ; а когда сами проблали, иить от-
страняли). Сани, запряженныя искусственною скотиною, оста-
новились передъ домомъ генерала Вейцеля, у котораго
обитада Императрица, и во время стола оркестръ
исполнилъ нѣсколько пѣснъ и возбудилъ особнне уди-
вленіе. Вотъ въ чемъ заключается Русская музыка!

Не скоро еще произведеніямъ русской музыки да-
дутъ, въ музыкальномъ мірѣ, право гражданства;
точно также какъ Послѣдняго дня Поинен не-
хотѣли признавать въ Парижѣ главою современной
живописи. Ни за что не хотѣли; сердились, записки,
даже лично на выставкѣ попадали на художника
съ ожесточеніемъ фанатическимъ. Въ мірѣ ис-
куствъ и художествъ мы должны утверждать наши
права побѣдами блестящими, сильными; иначе
мы будемъ только пѣтъ русскія пѣсни и писать на
нихъ вариации для скрипки, фортепіано и проч.....
У насъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не
мало талантливыхъ композиторовъ; повторимъ
имена ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, которые
сами знаемъ или помнимъ: Г. Алябьевъ, Г. Ар-
нольдъ, Г. Бахметевъ, Г. Варламовъ, Г. Верстов-
скій, Графъ М. Ю. Вильгорскій, М. Н. Глинка,
А. С. Даргомыжскій, Г. Кажинскій, Г. Ломакинъ,
А. О. Львовъ, Н. Н. Поровъ, Г. Струйскій, Г.
Титовъ, О. М. Толстой, Г. Яковлевъ.... Не мѣ-
шало бы напомнить о достойныхъ соотечествен-
никахъ. Если не все изъ нихъ произвели много,
то можетъ быть причиною тому то равнодушіе,
которое оттолкнуло и отталкиваетъ еще до сихъ
поръ многихъ отъ благороднаго, высокаго по-
прица искусствъ и художествъ. Концертъ Г. Вар-
ламова утѣшилъ насъ многочисленностію посѣти-
телей; значить мы уже начинаемъ почувствовать
родному, уже чужеземное не заглушаетъ совершен-
но призыва къ самостоятельности. Явленіе тѣмъ
болѣе пріятное, что Италианцы еще здѣсь и, со
своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, каждый день
напоминаютъ о своемъ присутствіи. Александра
Яковлевна Вавилина, не будучи артисткою по
званію, не подлежащая ни журнальной похвалѣ, ни
журнальнымъ пересудамъ. Но не можемъ не сказать,
что одушевленное, проникнутое глубокимъ чув-
ствомъ пѣніе, доставило истинное наслажденіе
всѣмъ слушателямъ. Университетская зала вели-
кокопья, и потому пѣніе самого композитора не
могло быть слышно внозвѣ и для всѣхъ, и отъ
того другіе много потеряли. Надо слушать его
вблизи, не въ большой залѣ, чтобы вѣрнѣе съ
нимъ предаться тому же чувству, которое одушев-
ляетъ композитора, наслаждаться его же насла-
женіями. Несмотря на то, авторъ Краснаго Сара-
фана былъ принятъ блестяще; проводили его
громкія рукоплесканія... Но онъ дѣйствительно за-
служилъ это вниманіе своимъ прелестью и много-
численными русскими элегіями. Складъ его музы-
кальныхъ фразъ совершенно русскій; общій ко-
лоритъ заключаетъ довольно народности; къ ха-
рактеру, болѣе общему, онъ прибѣгаетъ иногда въ
ритуреляхъ; отъ чего текстъ не терпѣтъ и даже
выпрыгиваетъ, съ болѣею силою отъѣхавъ отъ
введенія и финала. Г. Варламовъ поднесъ свои
красивыя нарядныя марши Его Императорскому
Высочеству Государю Наслѣднику и удостоился
получить драгоценный брилліантовый перстень.
Поговариваютъ, что Г. Варламовъ остается на-
всегда въ Петербургѣ. Это было бы весьма хорошо
и для него и для Петербурга. Мы сочли обяза-
нностію помѣстить въ нашемъ изданіи его пор-
третъ, и ожидаемъ спасибо отъ всѣхъ пѣнителей
и любителей отечественныхъ талантовъ.

Въ то же воскресенье была еще русская музыка:
Stabat mater Черголези... Истинно русская музыка,
помогу что навѣрно въ целомъ мірѣ нѣтъ подоб-
ныхъ хоровъ. Дивно! Превосходно! Восхитительно!
Всякія дальнѣйшія учения и изученія разсужде-
нія были бы совершенно зѣтъ не у места...

За тѣмъ, на вербной еще были концерты, и пѣли
много; играли на инструментахъ еще больше; но
мы, какъ сказали, уже читали... да не музыку... Вы
знаете уже, что мы прочитали всю петербург-
скую музыку меньше чѣмъ въ часъ; итѣмъ, мы ча-
тали музыкальныя газеты.

Странно, а правда: есть такіе люди, никогда ихъ
ни видѣлъ, ни слышалъ, а полюбилъ какъ родныхъ;
ищешь объ нихъ извѣстій вездѣ, хочешь по-
смотреть каковы они собою; въ этомъ любопыт-
ствѣ право есть изрядное участіе; оно доставляетъ
такое же наслажденіе, какъ и поэтическая мысль,
когда ее зародить и носить вездѣ, и въ шумѣ
свѣта, и въ тишинѣ уединенія, и даже во свѣ.
Дженинъ Личъ, съ поэтической жизнью, ея худож-

нических страданий, ея тоска породивъ, неумѣренная и самыми лестными побѣдами, — все это возбуждало какое-то сладкое участіе, желаніе ее видѣть, слышать. Будь желѣзная дорога... многие бы отравились въ Берлинъ; за себя не ручаемся... Нельзя ли хотя увидѣть ея ибудь ее, поэтическую Дженни? — Мы не нашли нигдѣ ея портрета...

трета... но продолжали пѣвать, и вдругъ встрѣчаясь отлично литографированный портретъ, прибившій въ Петербургъ по особенному случаю; велика была наша радость; но мы не зрители и сѣвшия подѣлится дорогую находкою съ нашими читателями. Вотъ Дженни Индъ...

Дженни Индъ.

СЕМЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ЛУГАХЪ И ОБРАБОТКѢ ИХЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ РОССИИ.

(Статья И. Окочманіе)

Луга, подъ разливами рѣкъ и ручьевъ, причисляются обыкновенно къ первому разряду. Они бываютъ наводняемы ежегодно, большею частью весной; вода наноситъ на нихъ цѣлительныя вещества и способствуетъ разлитію густой и сочной травы. Если же послѣ разлива вода долго на лугахъ застоится, то они производятъ одніи негодныя, кислыя, болотныя травы.

Если берега высоки и имѣютъ крутой скатъ, если грунтъ довольно сухъ, то съ особенною пользою можно употребить *поливніе*. Если же берега отлоги, луга болотисты, течение рѣки не быстрое, берега низки и извилисты, то должно стараться придать берегамъ большую покатость, рѣкъ болѣе прямое теченіе и выкопать каналы для осушенія луга; потомъ уже доставлять ему свѣжую ишшу, или устроить каналы и шлюзы, или останова воды въ каналахъ, или же, если возможно, употребить поливаніе. — Если же рѣка или ручей такъ малы, что не имѣютъ достаточнаго количества воды для поливки, и если притомъ берега довольно сухи, то обыкновенно удерживаютъ воду въ каналахъ. Оттуда она проникаетъ въ соседственные слои земли, освѣжаетъ растенія и

такимъ образомъ способствуетъ ихъ растительности. Если же, напротивъ, берега не слишкомъ сухи, если весной рѣка или ручей широко разливается и минеральныхъ удобряющихъ частицъ, тогда удерживаютъ воду шлюзами и плотинами, чтобы удобряющія землю частицы имѣли время осѣсть на луга, и съ появленіемъ живительныхъ лучей весенняго солнца воду спускаютъ; тогда пачинаетъ быстро и въ изобиліи расти прекрасная трава.

Для устройства искусственныхъ орошеній необходимо, во *первыхъ*: узнать опредѣлительно кубическую массу воды, разливающуюся изъ рѣки или ручья въ одинъ часъ или день въ теченіи лѣта или всего года; во *вторыхъ*: узнать величину наводняемой плоскости, чтобы сообразно съ этимъ опредѣлить раздѣленіе воды; въ *третьихъ*: должно предварительно инвентаризовать и измѣрить, какъ рѣку, такъ и все наводняемое мѣсто, чтобы по этому уже составить планъ и смѣту предполагаемаго орошенія.

Чтобы улучшить луга, имѣющие плотный грунтъ, и на которыхъ вода застаивается до середины лѣта, или даже въ продолженіи цѣлаго года, употребляютъ буреніе. — На глубочайшемъ пунктѣ такихъ луговъ просверливаютъ плотные слои глинъ до слоя песчаника и ставятъ металлическую или деревянную трубу въ просверленную дыру; если же слои не слишкомъ глубоки, то сверлятъ нѣсколь-

ко дыръ, не вставляя въ нихъ трубъ — вода скоро уходитъ на песчаные слои и земля осушается. Если же посредствомъ инвентаризации можно узнать, что вода можетъ быть спущена каналами въ болѣе низкое мѣсто, и если издержки, въ отношеніи къ доходамъ, не слишкомъ велики, то осушеніе каналами должно предпочесть буренію.

Проведя отводный каналъ до глубочайшаго пункта дуга, выкапываютъ, обыкновенно, еще нѣсколько маленькихъ каналовъ на самомъ дугу, по которымъ вода стекаетъ въ главный каналъ. При осушеніи луговъ должно, однако же, наблюдать, чтобы не сдѣлать ихъ слишкомъ сухими, ибо въ такомъ случаѣ главная цѣль не будетъ достигнута.

Чтобы помочь растительности на осушенныхъ лугахъ, должно по временамъ унавоживать ихъ, употребляя такой навозъ, который соответствовалъ бы почвѣ, произрастающимъ на ней травамъ, и улучшалъ бы ихъ. Луга, лежащіе по близости имѣній или хозяйственнаго заведенія, гдѣ въ изобиліи имѣется навозъ, исоцѣпены для помѣщика, особенно въ такомъ случаѣ, когда вѣтъ подъ рукою воды для искусственнаго орошенія.

Если луга, орошаемые ручьями и составляющие у насъ третій разрядъ, даютъ дурныя травы; если грунтъ земли проникнутъ желѣзистыми частицами, кислотами и болотною водою, — то для улучшенія ихъ необходимо отыскать начало источниковъ, содержащихъ въ себѣ эти вредныя частицы, и посредствомъ каналовъ дать имъ другое направление. — Такимъ образомъ улучшенныя луга также должны унавоживать. Луга же, имѣющие чистые, освѣжительные источники, можно сдѣлать еще болѣе доходными, если провести правильные жолобы или стоки. Жолоба проводится такимъ образомъ, чтобы всѣ части дуга одинаково были орошаемы источниками; сверхъ того, прокопать еще маленькіе каналы, привлекающие изъ земли излишнюю воду, которую она вбираетъ въ себя; такимъ образомъ какъ будто бы устраивается подземная искусственная поливка. Луга эти обыкновенно очень покаты и грунтъ земли ихъ рыхлый, почему вода легко проникаетъ въ верхніе слои и потомъ стекаетъ къ низу.

Улучшеніе этихъ луговъ, вышеописаннымъ способомъ, сопряжено съ весьма значительными издержками, и хозяева могутъ всегда имѣть прекрасные и доходные сенокосы, потому что неурожай на нихъ чрезвычайно рѣдкіи.

Обращеніе болотъ и тундръ въ луга и пахатную землю, однаково удачно можетъ быть произведено проведеніемъ каналовъ для осушки грунта, истребленіемъ низкаго, терпящаго кустарника, уравниваніемъ мѣстности съ помощью особенныхъ орудій, пониженіемъ слишкомъ возвышенныхъ и повышеніемъ слишкомъ низкихъ мѣстъ луга, и наконецъ выжиганіемъ прежней, дурной основы травной растительности.

Почти всѣ тундры, безъ исключенія, могутъ быть обращены въ хорошие луга; но для этого необходимо вѣрно инвентаризовать тундру, измѣрить глубину ея и избрать какой нибудь ниже лежащій пунктъ, къ которому, съ помощію главнаго канала, могла бы быть проведена болотная вода. Когда этотъ пунктъ найденъ, то сообразно съ мѣстностію, опредѣляютъ глубину и покатость главнаго канала, а по немъ и побочныхъ каналовъ; а потомъ уже приступаютъ къ практическимъ работамъ. Осушивъ болото, удаляютъ ура-

впяивать и чистить землю; въ хорошее лѣто и при толстомъ слоѣ тундры не худо употребить вылигачіе; послѣ того внахиваютъ два или три раза осушенное мѣсто и засѣиваютъ осеню или весною.

Такимъ образомъ улучшенные дуга, часто, въ первые уже годы, вознаграждаютъ вдвое или вътрое всѣ издержки. Если же черезъ болото протекаетъ еще рѣка или ручей, довольно богатый водою, то дуга можетъ доставить хозяину еще болѣе значительныя выгоды.

До сихъ поръ почти всѣ болотистыя мѣста служатъ пастбищами; они даютъ скоту скудную и даже вредную пищу; древесная растительность на нихъ болѣе нежеланъ въ жалкомъ состояніи; торфа, въ Сѣверной Россіи, доставляютъ они весьма немного; притомъ они весьма способствуютъ сырости сѣвернаго климата, въ жаркое лѣто производятъ туманы, служащіе причиною многихъ болѣзней и, наконецъ, имѣютъ даже вредное вліяніе на самое хлѣбопашество.

Неужели этихъ причинъ недостаточно, чтобы побудить каждаго помѣщика, имѣющаго подобныя болота и тундры, искать предлагаемыя средства къ обработкѣ луговъ?.. Въ естественномъ состояніи они не только не доставляютъ выгоды, но даже вредны, между тѣмъ какъ въ улучшенномъ—онѣ увеличиваютъ цѣнность имѣнія, умножая доходы его и улучшая скотоводство.

На осушеніе такихъ болотъ, гдѣ не имѣется по близости чистой воды для дальнѣйшаго орошенія, должно обратить особенное вниманіе. Проведеніемъ слишкомъ глубокихъ каналовъ можно отнять у болота слишкомъ много воды, такъ что они сдѣлаются слишкомъ сухи и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ превращаются въ настоящія степи, производящія одніе дурныя травы и верескъ.

Вотъ общій взглядъ на весьма важный предметъ сельскаго хозяйства. Если вамъ не скучно, мы сообщимъ и подробности съ рисунками.

К. Бетге.

СМѢСЬ.

ЕГИПЕТСКАЯ ХИТРОСТЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТУШКА.

Фараонъ Рампсизитъ, жившій около 1250 года до Р. Х., собралъ цѣлѣбныя сокровища; желая скрыть ихъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ выстроить особенное каменное зданіе. Архитекторъ, которому поручено было строеніе, расположилъ камни такъ искусно, что одинъ человѣкъ могъ отодвинуть довольно большой камень, и такимъ образомъ войти въ зданіе. Нѣсколько времени спустя, когда Фараонъ велѣлъ отнести въ него свои сокровища, архитекторъ опасно заболѣлъ, и, почувствовавъ приближеніе смерти, открылъ тайну двумъ сыновьямъ своимъ; онъ описалъ имъ камень весьма ясно, и открылъ способъ какъ отодвинуть его.

Архитекторъ умеръ; сыновья не преминули воспользоваться наслѣдствомъ; отправились ночью къ сокровищницѣ, нашли камень, отодвинули его безъ большаго труда и унесли значительныя суммы; операніе повторилось нѣсколько разъ, такъ что, однажды, Рампсизитъ, давѣтъ свою казну, удивился, увидѣвъ, что сосуды, гдѣ хранились деньги, до половины опустѣли; онъ не зналъ кого обвинить,

потому что все было на-крѣпко заперто и печатъ на дверяхъ не была тронута. Не имѣя никакого подозрѣнія, онъ велѣлъ однако же поставить около сосудовъ капканы. На другую ночь воры опять явились, одинъ изъ нихъ подошелъ къ сосуду, попалъ въ западню; не видя возможности освободиться, онъ позвалъ своего брата, который въ то время стоялъ на стражѣ, и просилъ, чтобы онъ отрубилъ ему тотчасъ голову. Онъ не хотѣлъ, чтобы завтра узнала его, тогда бы обонимъ братьямъ угрожала казнь и стыдъ. Тотъ, сколько могъ, отговаривался, но скоро убедился въ ужасной необходимости; поставилъ камень на мѣсто и воротился домой съ головою брата.

На другой день, на разсвѣтѣ, Фараонъ давѣтъ свои сокровища; онъ крайне удивился, когда нашелъ въ капканѣ вора, но безъ головы; удивленіе его еще болѣе возрасло, когда не смотря на всѣ розысканія, не могли найти какимъ путемъ приходили воры. Фараонъ приказалъ повѣсить трупъ на варужной стѣнѣ, и поставить вокругъ тайную стражу; ей приказано хватать всѣхъ тѣхъ, которыхъ это ужасное зрѣлище сколько нибудь тронетъ.

Между тѣмъ оставшіеся въ живыхъ воры, возвратясь домой, были очень душно приняты матерью. Узнавъ, что трупъ ея сына выставленъ публично, она приказала живому сыну достать убитаго во что бы то ни стало, грозя въ противномъ случаѣ объявить обо всемъ Фараону. Сынъ принужденъ былъ повиноваться.

Онъ нагрузилъ на нѣсколько ословъ мѣха съ виномъ, и погналъ животныхъ до того мѣста, гдѣ былъ выставленъ трупъ брата; тамъ развязалъ онъ нѣсколькихъ мѣховъ; потому вино полилось; онъ началъ кричать съ отчаяніемъ; стражи прибѣжали, чтобы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; молодой человѣкъ въ величайшемъ глѣзѣ бранилъ виновницъ; но тѣ старались его утѣшить; онъ на это соизволилъ, утѣшился, и какъ будто изъ благодарности за то, что они помогли ему останоить ословъ и завязать мѣха, далъ имъ еще вина.—Вино сдружаетъ; но убѣдительно просилъ стражей, онъ самъ съѣлъ съ ними, и напоилъ ихъ такъ, что къ вечеру они заснули мертвымъ сномъ. Настала ночь, минимъ погонщикъ ословъ отвязалъ трупъ, положилъ его на одного изъ ословъ своихъ, и, чтобы помянуться падъ стражамъ, у каждаго изъ нихъ обрилъ правую щеку, и возвратился къ матери.

Фараонъ пришелъ въ сильный гнѣвъ. Желая всѣмъ мѣрамъ открыть вора, онъ велѣлъ объявить, что отдастъ руку своей дочери тому, кто удовлетворительно отвѣтитъ на ея вопросы. А дочери приказалъ спрашивать у каждаго: какія онъ совершилъ въ жизни самыя дурныя и самыя хитрыя дѣла; и если кто нибудь похваляется, что увезъ тѣло вора, то схватить его и никакъ не выпускать изъ рукъ.

Архитекторъ, угадалъ мысль Фараона, и вздумалъ еще разъ пошутить надъ его прозорливостью. Онъ отрубилъ у человѣка, только что умершаго, руку по локоть, спряталъ ее подъ плащъ, и явился къ царевнѣ; на вопросы ея онъ отвѣчалъ, что самое дурное дѣло было то, что онъ отрубилъ брату своему голову; а самое хитрое, что увезъ его тѣло, оберегаемое тайной стражей; царевна тотчасъ бросилась на него и хотѣла удержать; но было темно, онъ подѣлъ ей руку мертвеца, которую она схватила, а ме-

жду тѣмъ опъ, отворилъ проворно дверь, и скрылся.

Эта хитрость возбудила въ Рампсизитѣ уже не гнѣвъ, а удивленіе; онъ велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ своего царства, что не только не накажетъ виновнаго, но осыплетъ его богатствами. Воръ повѣрилъ Фараону и не раскаялся; тотъ отдалъ за него дочь, почтя его самымъ искуснымъ и мудрымъ человекомъ между Египтянами, которые считались хитрѣйшими между всѣми другими народами древности. Повѣрите ли вы этому сказанію; но Греки вѣрили, пока вѣрили Иродоту и его египетскимъ источникамъ.

О АДЕССА.

(Окончаніе).

Но самыя любопытныя выводы представляетъ слѣдующая таблица, составленная нами изъ подлинныхъ гильдейскихъ списковъ, за 8 прошедшихъ лѣтъ, о числѣ и національности капиталовъ, объявленныхъ по всѣмъ тремъ гильдиямъ г. Адессы. Мы вполнѣ надеемся, что она обратитъ на себя вниманіе читателей нашихъ.

Всѣхъ капиталовъ въ г. Ад. 1857 1858 1859 1840 1841 1842 1845 1844 объявл.

было числ. 765 765 758 695 719 702 705 700

Въ томъ числѣ было:

1) Русскихъ подданныхъ 598 602 589 578 582 584 589 588

2) Иностранцевъ. 167 165 159 115 127 118 115 112

Изъ нихъ:

1) Христіанъ 586 584 550 499 518 480 432 468

2) Евреевъ 160 168 177 185 190 215 214 221

3) Караймовъ 49 15 11 9 11 7 8 11

Теперь сдѣлаемъ тѣ же замѣчанія о гильдіи порознь.

1-я гильдія. 1857 1858 1859 1840 1841 1842 1845 1844

Всѣхъ кап. 67 66 65 57 48 45 45 45

въ 1-й гил.

было 67 66 65 57 48 45 45 45

Въ томъ числѣ было:

1) Русскихъ подд. 45 45 55 52 29 29 55 50

2) Иностранцевъ. 22 25 28 25 19 14 10 15

Изъ нихъ:

1) Христіанъ 56 56 54 50 41 56 55 57

2) Евреевъ 11 10 9 7 7 7 8 6

2-я гильдія состоятъ вел изъ Русскихъ под. 1857 1858 1859 1840 1841 1842 1845 1844

Всѣхъ кап. 54 58 68 62 65 61 61 57

во 2-й гил.

было 54 58 68 62 65 61 61 57

Въ томъ числѣ:

1) Христіанъ 46 47 55 48 54 50 48 42

2) Евреевъ 4 8 9 11 8 8 9 11

3) Караймовъ 4 5 4 5 5 5 4 4

3-я гильдія.

Всѣхъ капиталовъ по 1837 1838 1859 1840 1841 1842 1845 1844

3-й гил. 644 641 607 574 606 598 600 600

объявл. 644 641 607 574 606 598 600 600

Въ томъ числѣ было:

1) Русскихъ под. 499 501 494 491 495 501 495 501

2) Иностранцевъ. 145 140 113 85 111 97 105 99

Изъ нихъ было:

1) Христіанъ 494 482 441 401 423 594 598 589

2) Евреевъ 135 149 159 167 175 200 198 204

3) Караймовъ 15 10 7 6 8 4 4 7

Разсмотримъ теперь, какіе результаты для статистики вывести можно изъ приведенной нами таблицы.

1) Первое и самое утѣшительное замѣчаніе, которое можеть сдѣлать, состоитъ въ томъ, что главное число капиталовъ, слѣдственно главную часть торгующаго сословія г. Адессы, составляютъ природные Русскіе, или тѣ изъ иностранцевъ, которые, приобрѣвъ, на основаніи льготъ 1795-го и 1805-го года, недвижимыя имущества въ городѣ, и послѣ принявъ русское подданство, если не

сами, то хотя дѣти ихъ, воспитанныя въ русскихъ училищахъ, сдѣлаются уже совершенно Русскими. На слишкомъ 700 капиталовъ, составляющихъ одесское купечество, только 1/3 часть объявлена гостями или иностранцами. Не съѣдемъ рывать вопроса: полезны-ли это для дѣйствительной, или нѣтъ? но замѣтимъ, что и это число чужеземныхъ капиталовъ безпрестанно уменьшается, особенно по 1-й гильдіи, какъ это видно изъ нашей таблицы. Въ 1857-мъ году было ихъ еще вообще 167 контровъ, — въ 1844-мъ — только 112; — въ томъ числѣ по 1-й гильдіи въ 1857-мъ г. — 22; въ 1859 — 1840-мъ — 25; — а теперь едва 11 капиталовъ. Но изъ этого числа (112 кап.) должно еще отдѣлать 50 капиталовъ, т. е. лицъ, которые занесены въ гильдіи, но сами торговли не производятъ, да и капиталовъ существовавшихъ не объявляютъ, а служатъ только по торговлѣ, таковы суть: директоры страховыхъ контровъ, первые прикащики (commiss), маклера, нотариусы, содержатели рабочихъ при портѣ артеделей, содержатели стивалдоровъ и значительныхъ барказовъ и пр. Мы не можемъ здѣсь не удалиться на минуту отъ нашего предмета, чтобы не спросить: во что-жъ обратятся громкія и великодушныя фразы нашихъ патриотовъ, гордясь замѣтны иностранными туристами-небѣды, даже траги-комическія жалобы отечественныхъ писателей, — что Одесса-городъ совсѣмъ иностранній, чуждый русской великой цѣлости, какъ будто бы черта порто-франко положила таинственную грань между этимъ городомъ и остальною Имперіею? Русскій-ли городъ Одесса, когда онъ на 78,000 душъ обоего пола своего народонаселенія не имѣетъ и 7,000 об. п. иностранцевъ, включая въ эту цифру слишкомъ 1,900 нѣмецкихъ колонистовъ, вѣрно-подаваемыхъ Россіи, Болгаръ, Словаковъ, Сербовъ, добрыхъ сыновъ русскаго языка и русской церкви, наконецъ Грековъ, которыхъ Великая Екатерина II, какъ *единоверныхъ*, милостиво и привилегіями призвала на жительство въ Россію. Правда, что въ числѣ русскаго народонаселенія мы помѣщаемъ до 5,000 Евреевъ. Но когда Евреи наши не были самыми покорными, послушными, а иногда и полезными слугами русскаго народа? Слѣдъ ли въ нихъ не русское народонаселеніе Одессы, все еще не составивъ и шестой доли всей массы ея жителей. Даже самая торговля этого города преимущественно русская, ибо, говоря языкомъ Коляберта и Тюрго, *балансъ* русскихъ производствъ, отпущаемыхъ за границу, всегда превышаетъ и будетъ несравненно превышать заграничные товары, къ намъ привозимые, хотя бы порто-франко было учреждено на цѣлыя столѣтія.

2). Другое замѣчательное явленіе, которое легко видѣть въ таблицѣ нашей, есть уменьшеніе 1-й и увеличеніе 2-й, а еще болѣе 3-й гильдіи (разумѣется въ сравненіи съ общою цифрою ежегодно объявляемыхъ капиталовъ). Иной, глубокой политикъ, сочтетъ этотъ фактъ явнымъ доказательствомъ упадка нашей заграничной торговли; по, къ его сожалѣнію, онъ убѣдится въ противномъ, если только возьметъ трудъ сравнить цифры, ежегодно печатаемыя въ Одесскомъ Вѣстникѣ. По нашему крайнему разумію, три главныя этому причины: а) первая и самая важная есть прекращеніе льготы, Высочайше дарованной городу, которая гражданамъ, здѣсь поселявшимся и выстроившимъ дома, фабрики или магазины, давала право записываться въ гильдіи, внося только половину гильдейской повинности. Такъ какъ большая часть одесскаго купечества начинала, да и теперь дѣйствуетъ съ малыми капиталами, то поддержка 660 руб. сер. ежегодной платы за право торговли по первой гильдіи, падающая естественно на чистый доходъ контровъ или торговаго дома, казалась, особенно иностранцамъ, къ тому непривыкшимъ за границею, весьма тяжелою (*). Такимъ образомъ, люди побогаче, сдѣлались куп-

цами 2-й гильдіи, имѣющимъ въ Одессѣ право заграничной торговли съ нѣкоторыми ограниченіями; бѣднѣе же рѣшились войти въ 3-ю гильдію, или производить торговлю *при помощи* платящихъ 1-ю гильдію. б.) Вторую причиною было пожалованіе нѣкоторыхъ купцовъ въ почетное гражданство, (въ Одессѣ теперь считается до 150-и душъ об. п.), дозволившее лицамъ этого сословія, не желавшимъ торговать, отдохнуть отъ заботъ и оставить все, или большую часть, своей торговлѣ. Нѣкоторые же вошли въ 5-ю гильдію, не смотря на свое званіе, — *во избѣжаніе раскладокъ*. в.) Съ концомъ льготнаго времени, продолжавшагося съ 1802-мъ по 1840-й годъ, иностранцы лишались права записываться въ гильдіи иначе, какъ платя взносы, опредѣленный купцамъ 1-й гильдіи. Но особой Высочайшей милости, нѣкоторые только купцы 3-й гильдіи, основанные отличные магазины, или другія торговля заведенія, получили *лично* право платить повинность по этому разряду. Остальныя, или сдѣлались русскими подданными (и такихъ было не мало), или оставили все торговлю. Но нѣкоторые, особенно главныя иностранныя наши торговцы, охотно платятъ полную гильдію, хотя число ихъ, какъ мы видимъ изъ таблицы, очень невелико, и, въ 1845-мъ году, уменьшившись до 10-и, опять увеличилось 5-мил. только капиталамъ въ нынѣшнемъ году.

5). Весьма замѣчательный фактъ статистическій есть приращеніе въ гильдіяхъ еврейскихъ капиталовъ. Не должно думать, чтобы это обстоятельство было мало важно, или произошло отъ причинъ случайныхъ. Замѣтимъ, что ихъ было всего:

въ 1857.	160
въ 1858.	163
въ 1859.	177
въ 1840.	135
въ 1841.	190
въ 1842.	215
въ 1845.	214
въ 1844.	221

капиталовъ.

Слѣдственно, въ 8 лѣтъ прибавилось 61 капиталъ, преимущественно во 2-й (отъ 4-хъ до 11-и) и 3-й гильдіи (отъ 135-и до 204-хъ). Нѣкоторые вліяніе на это явленіе произвело устройство новаго зданія для одесской биржи, которая открыта была въ май 1857-го года, на правлахъ, нарочно для того начертанныхъ, и которая угрожаетъ здѣсь по образцу нѣтербургской, триестской и другихъ важнѣйшихъ биржъ въ Европѣ. Одесское отдѣленіе коммерческаго совѣта, исполняющее здѣсь должность биржеваго комитета, внимательно наблюдаетъ за правильностію биржевыхъ операцій, и зная сколь выгодны для маклеровъ дѣла по учету векселей и тратъ (affaires de change), строго воспрещаетъ участіе въ нихъ незаконныхъ, т. е. неприемлимыхъ биржевыхъ маклеровъ (courtiers maçons), извѣстныхъ здѣсь подъ общимъ именемъ *факторовъ*. Это заставило многихъ изъ послѣднихъ (да нѣкоторыхъ и христіанъ) ходатайствовать о правахъ присяжнаго маклера, или законнаго производителя банковыхъ дѣлъ; а какъ полученіе оного сопряжено съ запискою въ 3-ю гильдію, то число купцовъ этого класса естественно умножилось.

Мы должны еще замѣтить, что въ числѣ 700, показанныхъ нами капиталовъ, должно считать круглымъ числомъ 80 иногородныхъ: великороссійскихъ, рижскихъ, варшавскихъ, даже Евреевъ изъ Бродъ, допущенныхъ къ постолному, или временному производству торговли въ Одессѣ, согласно съ званіемъ всякаго. Но за то не показаны купцы изъ торгующихъ крестьянъ, которые платятъ повинности 1-й, 2-й или 3-й гильдіи и имѣютъ право производить обширную торговлю, не получая личнымъ къ нимъ присвоеннымъ правами. Мы не упоминаемъ вовсе о лавочникахъ, т. е. торгующихъ въ разницу товарами, безъ платже гильдіи, и только по особымъ свидѣтельствамъ, получаемымъ изъ казначейства, ибо они общины коммерческой не составляютъ и повинности личныя и гильдейскія не несутъ.

Теперь, въ заключеніе очерка нашего, скажемъ еще нѣсколько словъ объ услугахъ, которыя купечество приноситъ, какъ городу, въ которомъ оно живетъ, такъ и всему краю. Первая и самая важ-

ная услуга есть *торговля*, въ которой они круглымъ числомъ двигаютъ капиталомъ въ 20 милліонныхъ рублей серебромъ ежегодно, давая хлѣбъ цѣлымъ тысячамъ народа трудящагося. единственно служащаго этой вѣтви государственной промышленности. Есть конторы, которыя на однихъ своихъ шерстоюйкахъ содержатъ до 200 душъ об. п. рабочихъ, а въ городѣ употребляютъ, каждая, 5 или 6 артеделей производивъ, бидляжниковъ, подсвѣдливщиковъ и мѣришковъ. Если положить, что 1,000,000 четв. пшеницы и 200,000 четв. льна, ежели производится ежегодно судами путемъ въ Одессу, то надобно, по крайней мѣрѣ, 200,000 повозокъ, чтобы транспортировать этотъ товаръ со всѣмъ коновъ южнаго края Россіи. Если положить въкѣсть съ тѣмъ, что всякая повозка сдѣлается три вѣзла въ дѣти (что очень трудно), то вѣтъ болѣе 66,000 человекъ и 152,000 воловъ, употребленныхъ на одну хлѣбную торговлю. Считаля теперь круглымъ числомъ по 5 1/2 рубля серебромъ за четверть пшеницы и 6 рублей за четверть сѣмени маслосѣяныхъ, выйдетъ, что земледѣльство Новой и Западной Россіи приобретаетъ отъ одной одесской торговли 4,000,000 руб. сер. ежегодно, и то изъ капиталовъ, взятыхъ за границу. Вторая услуга состоитъ въ *капиталѣ догодовъ*. Сумма, вносимая ежегодно купцами, и то впередъ, за гильдію, т. е. за право торговли, равняется почти 90,000 руб. сер. Это прямой, личный налогъ, падающій на чистый доходъ купечества, ибо онъ не изымается истинно съ состояніемъ торговли и приобретаемыхъ отъ оной выгодъ и барышей или терпящихъ потерю. Третья услуга состоитъ въ исполненіи разныхъ гражданскихъ обязанностей. Болѣе 100 лицъ несутъ, безъ жалованья, государственную и общественную службу, не только въ душѣ и магистратѣ, но и въ коммерческомъ совѣтѣ, коммерческомъ судѣ, коммерческомъ банкѣ, таможѣ, приказѣ общественного призрѣнія и его богоугодныхъ заведеніяхъ, акцизній пароходныхъ сообщеній съ Константинолемъ и пр. Наконецъ, скажемъ, что, и въ минуту злополучій, или трудныхъ дней для Имперіи, одесское купечество съ энтузіазмомъ и усердіемъ участвовало въ жертвахъ на алтарѣ отечества. Свидѣтельствуютъ: чума, бывшая въ 1812-мъ, 1829-мъ и 1837-мъ годахъ, холера, война съ Турціею, а еще болѣе отечественная война 1812-го года, когда герцогу Рншлеу призвали Одессу къ денежнымъ пожертвованіямъ на пользу общую; тогда въ городѣ, имѣвшемъ едва 25,000 л. об. п. жителей, греческое купечество внесло 100,000, русское 94,900, а иностранцы, тогда еще очень немногочисленные, 18,250 руб. Нѣкоторые купцы, уже умершие, достойны всегашней памяти своихъ согражданъ, таковы: графъ Протъ Потоцкій, Липковскій, Варвартъ, Дестунскій, Гатерно, Славячъ, Андричъ, Мариновичъ, Рено, Карлъ Скарль, Понсіо, Лучичъ, Новиковъ, Ростовцевъ, и др., не говоря уже объ оставшихся въ городѣ, но еще живыхъ, какъ Гари и Вальтеръ. — Всѣ они, или основали, или оживили въ Одессѣ торговлю, слѣдственно способствовали обогащенію Одессы, Новороссійскаго края и всей Имперіи.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

У насъ очень много кпжныхъ магазиновъ, лавочъ, лавочекъ, лотковъ, мѣшковъ, и другихъ разныхъ провозниковъ литературы. Всѣ хороши, прекрасны, безнадобны, лучше и желать нельзя. Всѣ!.. Незвыщите, что мы хвалимъ наубой; если бы мы стали находить дурное — вѣдь не поможетъ; такъ ужъ лучше хвалить и мы хвалимъ на пряжки, безъ оговорокъ, безъ намсковъ; яо въ этихъ превосходныхъ магазинахъ вы найдете всѣ журналы, превосходныя, всѣ произведенія современной литературы, тоже превосходныя или превосходныя, превосходнѣе журналовъ, словомъ, все превосходное; но драгншихъ книжекъ, такъ называемыхъ классическихъ, годныхъ только для дѣтскаго по-

(*) Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Парижѣ свѣдѣтельство (la patente) на право банкира, платное напр. *Ротшильдомъ*, *Лафитомъ*, или *Ливадо*, не превышаетъ 500 фр. въ годъ. Въ Лондонѣ же и Генуѣ, важнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы, купцы не платятъ рѣшительно ничего: ибо ихъ гильдейская повинность раскинута въ консумиціонной подати или таможенной пошлинѣ съ самыхъ товаровъ.

требленія, всѣхъ, въ одномъ магазинѣ, даже въ самомъ превосходномъ, не найдете; а если станете ихъ собирать по разнымъ мѣстамъ, то пробѣдите на извозчикахъ гораздо больше денегъ, чѣмъ стоятъ дрянныя книжки. Нельзя не поблагодарить Г. Эйлеринга за учрежденіе Библиотеки классическихъ книгъ на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ классовъ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Лютеранской Церкви, надъ канцлерскою Доминика. Не ошибитесь, не подумайте, что въ этой Библиотекѣ можно получить Виргилія, Цидерона, Эсхила, Расина, Боалло, Каченовскаго и другихъ классиковъ; нѣтъ, по смыслу и содержанію каталоговъ — безошибочно видѣть можно, что это заведеніе есть Библиотека учебныхъ книгъ и пособій.

ПЕРЕПИСКА.

Изъ Ан. Б. А. С. И. Лью Р. Вы спрашиваете, М. м. Гг., отъ чего это уже въ двухъ номерахъ вы не находите иностранныхъ гравюръ, и неужли Редакція полагаетъ цѣлый годъ помѣщать только русскія?

На сіе имѣю честь отвѣтствовать, что Редакція до сихъ поръ гравюръ иностранныхъ не получила; онѣ въ дорогѣ; будутъ помѣщаемы какъ общино, что же касается до русскихъ, то если бы и могла, не рѣшилась бы на эту исключительность.

Къ К. К. Въ статьѣ вашей о сельскомъ хозяйствѣ — весьма много хозяйства нѣмецкаго; а намъ нужно русское.

Бъ Г. Г. Спиховъ у насъ очень много. Чтобы не обидѣть ни кого, послѣдовало постановленіе помѣщать стихи по очереди поступленія ихъ въ Редакцію. Спасительное правило и приучаетъ поэтовъ къ терпѣнью. Мѣра исправительная.

Онъ Як. Б... Вѣрнѣе, потому только, что не имѣемъ чести быть съ вами знакомы. Другимъ не вѣрнѣе, по обратному правилу, т. е. потому, что слишкомъ коротко ихъ знаемъ.

ИГРЫ.

1.

лото.

— Дневникъ современника — или исторія немногихъ дней.

31 Января. 18... Получилъ мѣсячное жалованье 33 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. серебромъ.

1 Февраля. Програлъ въ лото 6 р. с. Ничего. Не шло.

2 Февраля. Проигралъ въ лото 9 руб. с. Несчастье... Не всегда же проигрывать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

3 Февраля. Тѣю пропасть, еще проигралъ 12 р. сер. Ужасное несчастіе. На моемъ же столѣ, возлѣ меня, зтоѣ съдой съ крестомъ, три раза прошелъ. Терпѣніе! Видно счастье ко мнѣ приближается...

4 Февраля. 6 р. сер... почти каждый разъ по двѣ иваторы... Видно fortuna приближалась ко мнѣ, и не хватало денегъ!.. Это еще хуже несчастія.

5 Февраля. Жидоморъ! лотъ впередъ 6 цѣлковыхъ... проигралъ... хоть бы разъ пройтись!..

7 Февраля. Я потерялъ день; не былъ въ должности; искалъ денегъ; досталъ 6 цѣлковыхъ, прибѣгаю; поздно; ни одного мѣста; съ утра раскватали. Это ужъ ясно видно, что fortuna меня дурачатъ... А — сегодня... ни одного амба!..

8 Февраля. Я не игралъ. Не на что. Дома сидѣть холодно. Бѣтъ нечего. Я смотрѣлъ какъ играютъ. Согрѣлся. Меня поподчивала ужинномъ Борисъ Ивановичъ... Я попросилъ у Назарія 3 цѣлковые... Скряга!.. Притворился будто нѣтъ... Что будетъ завтра? Гдѣ бы достать?

9. Боже мой! Боже мой! Семень Ивановичъ поручилъ мнѣ подписаться на журналъ. Соблазнилъ нечестивый! Десять цѣлковыхъ... пропали... Меня зовутъ къ Семёну Ивановичу... Боже мой, Боже.

— Дневникъ Доктора.

9 Февраля. Поступилъ новый больной... Отъ сильнейшей жизни — сильный приливъ крови къ головному. Опасенъ.

10 Февраля. Воспаленіе въ мозгу.

11 Февраля. Умеръ.

II.

И П РЕ Ф Е Р А Н С Ъ .

— Дневникъ другаго современника. 31 Января. Получилъ мѣсячное жалованье 33 р. 33 $\frac{1}{3}$ к. сер.

1 Февраля. Програлъ въ преферансъ 2 р. 12 к. сер. Играли въ старыя карты. Анна Акимовна хотѣла было подать новылъ, да ба! Не удалось. А курьозный случай проскользнулъ вчера. Иванъ Андреевичъ... а у Ивана Андреевича тузъ дама козырей, да еще три туза, повпствовалъ, и безъ одной! Я весь вечеръ смѣялся.

2 Февраля. Выигралъ 2 р. 15 к. сер. Вотъ вчерашнее и вернулось. Заплатилъ за квартпру 25 р. ас., за столъ 50 р. ас. Потану споина 10 р. ас. За дрова 9 р. ас. Саножнику въ счетъ 7, и портному 6, итого 13, а всего 77 р. ас. — 11 р. сер. осталось на преферансъ...

3 Февраля. Програлъ 5 р. с., а все это Анна Акимовна; непременно возьми новылъ карты! Играйте по 2 кофѣйки! Карты засучились... Ну, новылъ такъ новылъ, по 2 такъ по 2, вотъ тебѣ и по двѣ...

4 Февраля. Очень огорчился. Вчерашній проигрышъ съ ума не шелъ. Принесли объѣдъ; не ѣлъ... Былъ знакомый докторъ... Советовалъ прогуляться, да не было охоты... Просидѣлъ весь день дома.

5 Февраля. Дурно. Болитъ. Весь день тоска. Изъ канцелярїи наслу дамой добрелъ.

6 Февраля. Хуже. Слжу дома. Очень дурно. 7 часовъ, а мнѣ ужъ спать хочется. Вотъ, что называется хандра, гипохондрія... надо бы послать за докторомъ... Звонять. Уже не онъ ли?

Р. С. Чудесно! Спасибо товарищамъ! Навѣстили! Пульку затѣяли! Я съ королемъ самъ другъ во время въ червиль сыгралъ — и выздоровѣлъ, безъ доктора. Провоучился — лъствуешь.

БЫВАЛО и ТЕПЕРЬ.

д ф о р и з м ы .

Съ нѣмецкаго.

Бывало, молодой человекъ, вступая на сцену, питалъ невольное уваженіе ко всякому старшему актеру, хотя бы онъ былъ и не изъ лучшихъ. Завидѣвъ его издали, новичекъ снималъ предъ нимъ шляпу и былъ чрезвычайнѣе счастливъ и доволенъ, когда тотъ удостоивалъ его ласковаго слова; онъ былъ въ восторгѣ, когда старому актеру было угодно обратитъ вниманіе на его игру и подать ему добрый совѣтъ.

Теперь, старый актеръ снимаетъ предъ новичкомъ шляпу, кланяется ему чуть ни въ поясъ и проситъ у него совѣта; чѣмъ бездарнѣе начинающій, тѣмъ онъ безстыднѣе, наглѣе, грубѣе, и тѣмъ болѣе воображаетъ о себѣ. Приличія, вѣжливости, уваженія онъ не знаетъ; палиное и драматургія для него пустыя слова; онъ заклидываетъ назадъ голову, безопасно бранитъ все я всѣхъ, кричуется, насмѣхается, и служитъ оракуломъ въ некоторыхъ трактировъ и рестораций.

Бывало старшій актеръ умѣлъ держать младшаго въ почтительномъ разстояніи; теперь же они вмѣстѣ кушаютъ и бранчатся.

Бывало, когда молодой человекъ съ дарованіемъ вступалъ на сцену, то объ немъ рецензенты упоминали изрѣдка съ похвалою, — весьма умѣренно, достаточно для того, чтобы поощрить молодого человека, котораго, только 3 или 4 года спусти; называли даровитымъ начинающимъ. Теперь, стоитъ только посредственно сыграть одну или двѣ роли съ передѣваніемъ, чтобы прослыть великимъ артистомъ и заслужить похвалы всѣхъ журналовъ.

Это ведетъ къ гибели искусства и убиваетъ всякое дарованіе.

Бывало, рецензенты уважали достойныхъ и заслуженныхъ артистовъ; непроизносили надъ ними ни прихоти или, что еще хуже, ни какихъ либо личныи отношеній, несправедливаго, дерзкаго суда; теперь же, великій мальчишъ, только что сорвавшійся со школьной скамьи, имѣетъ право печатать нелѣпыя сужденія объ искусствѣ и достойныхъ представителяхъ его.

Бывало, артистъ, изъ уваженія къ самому себѣ, презиралъ подобныя сужденія; теперь же, онъ унижаетъ себя, отвѣчалъ на нихъ.

Бывало, публика любила актера и восхищалась имъ; но восхищеніе это было скромное, почтительное; зрители рѣдко аплодировали, еще рѣже вызывали. Когда артистъ появлялся въ публикѣ, то всѣ обращали на него вниманіе; одинъ говорилъ другому: « Это такой-то; знаете ли вы его? » — Всѣ охотно разговаривали съ нимъ, и радовались его скромности и образованности.

Теперь, каждому, мало-мальски сносному, актеру (особенно актрисамъ) аплодируютъ отчаянно; ихъ вызываютъ съ бѣшенствомъ разъ по десяти въ вечеръ. Цѣты и вѣнки, величайшая награда артиста, превратилась въ насмѣшку. Тотъ артистъ, который теперь скромнѣе и вѣжливѣе, ничего не знаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго дарованія; кто же важничаетъ и остритъ въ трактирахъ, со всякимъ братцемъ, насмѣхается надъ товарищамъ, всадъ говоритъ только о себѣ, — тотъ настоящій артистъ, тому вѣрнѣе каждое слово того — законъ! Отчего бы это было?...

Бывалый.

АНЕКДОТЫ.

I.

— Одинъ честный мусульманинъ, въ трудномъ случаѣ, рѣшился обратиться къ ростовщику, не честному жидку, и занять, натурально подъ надежный залогъ, centum quantum...

Жидъ согласился, но потребовалъ 9 процентовъ въ мѣсяцъ.

— Не боись ты пророка!.. воскликнулъ мусульманинъ...

— Э! Пророкъ на небесахъ, смотришь сверху; онъ не, 9, а только 6 вѣднть...

II.

— Въ маленькомъ нѣмецкомъ театрѣ, бывшемъ еще на дворцовой площади, собралось очень много народа; такъ много, что, къ общему удивленію, пустыхъ ложекъ было только десять, а въ партерѣ пустаго мѣста оставалось не больше, какъ человекъ на сто. Публика сидѣла, натурально, уже до семи часовъ въ потьмахъ; въ семь часовъ фонари освѣтили любопытныхъ зрителей; въ половинѣ осьмага проигралъ небольшую снѣговію, сочиненію Орфея, или кого либо изъ ближайшихъ его наслѣдниковъ... Наконецъ, около осьми часовъ, появилась на сценѣ дѣвица Б. Тогда были другіе обычаи, другіе нравы. Публика приняла артистку отличнѣе, то есть смолкла, и въ залѣ стало такъ тихо, что слышно было какъ за кулисами спали нѣкоторые дѣйствующія лица, которые перемѣняли декораций. — Режиссеръ принялъ противу этого безпорядка мѣры, и публика въ безмолвіи наслаждалась и лицезрѣніемъ и одушевленною игрою герман-

своей гостью. Но скоро тишина нарушилась сама собою; актриса возбуждала общую веселость болѣе и болѣе; стали хохотать не стѣсняясь; въ особенности одинъ нѣмецъ въ очкахъ смѣялся дослезъ, въ восторгѣ размахивая руками и крикивалъ: Allerliebст Allerliebст! Возлѣ него сидѣлъ русскій левъ, хотя левовъ тогда не было, франтъ, волокита. Онъ не зналъ по-нѣмецки ни одного слова; но слышалъ, что прїѣзжая гостья большая красавица, и полагалъ, что этого уже довольно для сценическаго наслажденія. Созерцая счастье сосѣда въ очкахъ, онъ сталъ завидовать и жалѣть, что не понимаетъ языка. Одно мѣсто произвело такой восторгъ, что сосѣдъ запрыгалъ на скамьѣ, неистово махнулъ рукой и возбудилъ любопытство франта въ высшей степени.

— Должно быть очень смѣшно... сказалъ онъ сосѣду...

— Очень смѣшно! весьма смѣшно! совсѣмъ смѣшно.

— Не можете ли мнѣ передать, что она такое сказала смѣшное...

— Послѣ, послѣ...

— Какъ послѣ?

— Вы ужъ только смѣйтесь; а я вамъ послѣ все расскажу...

III.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ раненъ смертельно зять Кутузова, графъ Тизенгаузенъ, прекрасный молодой человекъ. Движимый духомъ мужества, онъ стремился въ самыя опасныя мѣста; пуля пробилъ ему грудь, онъ упалъ съ лошади.

Кутузовъ, узнавъ объ этомъ печальномъ извѣстїи, не извѣдывалъ ни малѣйшаго знака наружной скорби: казалось, онъ былъ совершенно покоенъ, и отдавалъ приказанія въ продолженіи нѣлаго сраженія съ необыкновеннымъ хладно-

кроемъ. Но, на другой день, приближенные застали его въ невыразимой горести; слезы текли ручьями; онъ рыдалъ неутѣшно надъ трупомъ любимаго сына, погибшаго въ первыхъ лѣтахъ юности... Желая его успокоить, нѣкоторые изъ приближенныхъ рѣшились сказать, что они не ожидали видѣть его въ такомъ отчаяніи, послѣ того великодушія, съ которымъ перенесъ онъ вчера этотъ ударъ. —, Вчера" — отвѣчалъ Кутузовъ — «я былъ начальникъ, а сегодня — отецъ!».

НОВЫЯ ИЗДАВІЯ.

Ихъ не много, но замѣчательны:

* Тарантасъ — иллюстрированный разсказъ графа П. А. Соллогуба. И мы скажемъ пока, какъ намъ нѣмецъ въ анекдотѣ. Вы только покупайте, а мы послѣ вамъ все расскажемъ.

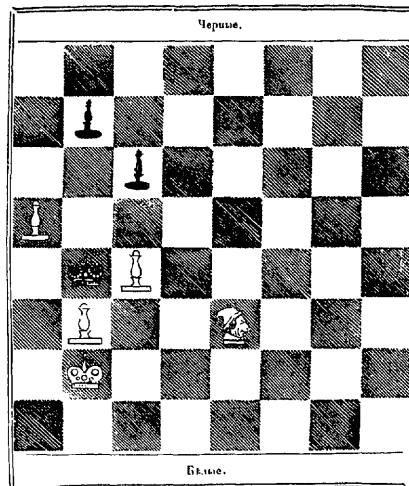
* Физиологія Петербурга, также иллюстрирована, также послѣ все скажемъ, потому что все это надо прочесть, а мы теперь читаемъ превосходныя

* Записки Одесскаго Общества Исторіи и Дрестностей. Прочтесть эту книгу — надо времени и вниманія. Такъ извѣстите. Мы не занимаемся Библиографіей въ нынѣшнемъ ея значеніи и неспрѣмьно хотимъ прочесть все то, о чемъ хотимъ поговорить съ нашими читателями. Вотъ еще новое и весьма любопытное изданіе:

* Вчера и Сегодня. Альманахъ въ тетрадахъ, собранный графомъ В. А. Соллогубомъ, изданіе А. Смирдина. Сколько подарковъ на свѣтлый праздникъ! Прогуливаясь по Невскому, подойдите къ этому окну, къ этому новому книжному магазину. Радущный хозяинъ въ окнѣ. А. Ф. Смирдинъ найдетъ чѣмъ занять ваше любопытство; впередъ у него много затѣй на пользу словесности новой, во славу словесности старой.

ЗАДАЧА № 1.

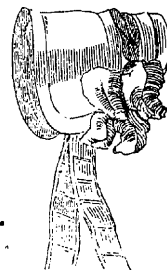
Бѣлые ходятъ, и въ пять ходовъ даютъ матъ.

МОДЫ.

Парижъ въ уныніи — и вся Европа скушаетъ. Моды рѣшительно истощились. Нѣтъ модъ; рѣшительно нѣтъ. Теперь все старо. Перехода, отъ

зимнихъ костюмовъ къ весеннимъ, почти не замѣтили. Вотъ два платья, сколько нибудь замѣча-

тельный по уборкѣ. Въ первомъ она изъ той же матеріи какъ и платье, но перехваты изъ ленты; во второмъ изъ узенькой шелковой бахрмы, и это

совершенная новостъ, небывалая, хитрая и весьма красивая. Корсажъ застегивается сладко и съ перели, смотряно желанію, но въ послѣднемъ случаѣ

бываетъ мода. Теперь въ модѣ точно такія. Печально вѣрить должно. Впрочемъ, если эти лица вамъ не понравятся, надѣньте на нихъ двѣ шляпки, которыя мы нарочно приложили для этой цѣли, и любуйтесь, потому что эти соломенные шляпки точно хороши, особенно та, что съ перьями... Пока все. Но, вѣроятно, этотъ бѣдный и скучный антрактъ будетъ непродолжителенъ. Это тишь перель бурей.

ВА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Певскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ — Въ *Москвѣ* : у книгопродавцевъ Сившинова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ : въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Ширшей), и на Никольской улицѣ подле Казанскаго Собора подъ №№ 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ПОДЪ ФИРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМЕРДИНЪ.

На Певскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта, поступили въ продажу :

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ, литературный сборникъ, составленный графомъ *В. А. Соллогубомъ*, изданный Александромъ Смирдинымъ. Книжка первая. Спб. 1845 бол. 8 л. съ заглавную вышетою. Ц. 1 р. 50 к. с.

КРАТКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ, для постройки сельскихъ жилыхъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ, съ рисунками, составленное *А. Саможниковымъ* и *Тамьянскимъ*. Спб. 1845 г. ц. 3 р. сер. вѣс. за 3 ф.

Ново отпечатанный, посвященный Государинѣ Императрицѣ, историческій романъ :

ПРОКОШІЙ ЛЯПУНОВЪ. ИЛИ МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ, продолженіе романа Князь Скопинъ-Шуйскій, сочиненіе того же автора (О П. Шипшиной). 4 тома . въ 8 л. на желтоватой бумагѣ. 1845 г. Цѣна 5 р. сер. вѣсовыхъ за 4 ф.

КАРТИНЫ или Исторія Дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ. Переводъ съ француз. подъ редакціею *Михайла Устлякова*. Съ 6-ю картинками. Спб. 1845 г. въ 16 л. л. ц. 1 р. 50 коп. сер. вѣс. за 1 ф.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ, съ 12 ю превосходно-литографированными картинками, и прекрасно напечатанные на лучшей желеной бумагѣ. Спб. 1845 г. ц. 80 коп. сер.

ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ, Азбука, съ примѣрами для постепеннаго чтенія, украшенная картинками. К. Т. Спб., 1845 г. ц. 30 к. с. съ раскрашенными картинками 50 к. с.

ПОВѢСТИ И СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, подарокъ къ празднику, съ 12 ю картинками. Спб. 1845 г. въ 12 л. л. ц. 1 р. 50 к.

надо строго наблюдать, чтобы концы уборки прихотились ровно одинъ противъ другаго; иначе все погибло. Произойдетъ непріятный безпорядокъ. Лица на гравюркахъ не хороши; но на лица также

ЧТЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ перваго возраста. Сочиненіе *Александры Ишимовой*, съ картинками. Спб. 1845 г. ц. 1 р. с. вѣс. за 1 ф.

Гг. Иногородные благоволять адресоваться въ вышеозначенный магазинъ, на имя *Ивана Федоровича Бевена*.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ :

ОДНОМЪ,

На углу Большой Морской и Гороховой, въ домѣ *Штрауса* :

- 1) *Masurque sur l'air favori de Balfe, pour le Pf. par de Liadoff, 30 c. arg.*
- 2) *Galop (à M. Laskowsky) par Liadoff, 43 c. arg.*
- 3) *Contredanse française (Linda di Chamounix), pour le Pf. par Liadoff, 50 c. arg.*
- 3) *Galop (à M. de Bulhakow) pour le Pf. 50 c. arg.*
- 4) *Camelien Galop. p. le Pf. par Liadoff. 50 c. arg.*
- 6) *Faunny-Polka, pour le Pf. par Liadoff, 40 c. arg.*

РАЗГАДКА.

Клевѣтъ-этажъ-съ-токъ-огонь-ить того кто отъ нея убѣгаетъ.

Клевѣта жестоко гонитъ того, кто отъ нея убѣгаетъ.

ЗАГАДКА.

2

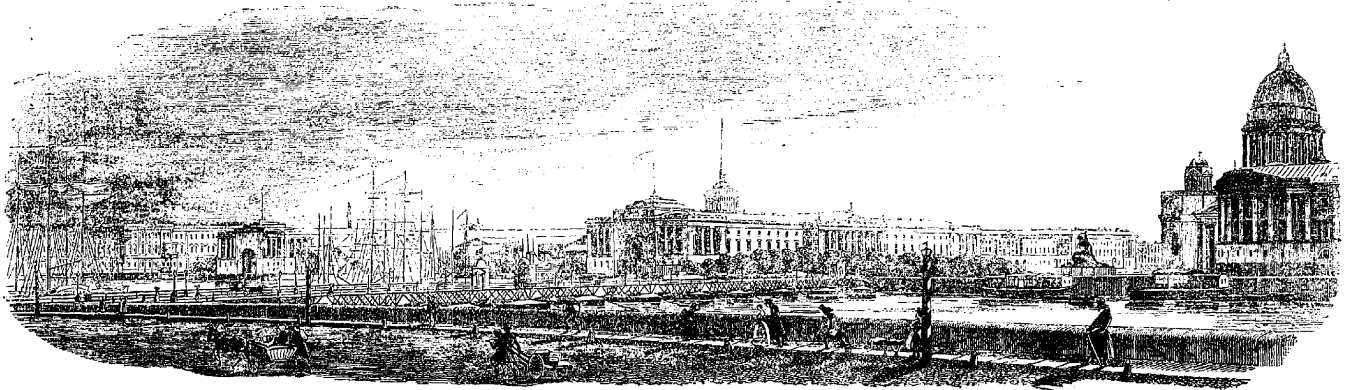
СЪ

СОДЕРЖАНІЕ : Февраль — Слепа изъ Современной Жизни. — Прогрѣлки по Петербургу и его окрестностямъ. — Путешествіе по всей Россіи. 1. Нарва. П. Р. Фурманка. — О повѣряхъ, суевѣрїяхъ и предразсудкахъ русскаго народа, (Статья 1.) *В. И. Лудайскаго*. — Музыка. — Сельское Хозяйство: О лугахъ и обработкѣ ихъ въ Сѣверной Россіи. (Статья 1. окон.) — Смѣсь: Египетская Хитрость. историческая повѣстуха. — Одесса (главы 1. описаніе). — Разныя Извѣстія: Переписка — Игры. — Бывало и Теперь. — Анекдоты — Новыя книги — Шахматы — Моды — Объявленія. — Загадка. **ГРАВЮРЫ :** Подбукетница. Соломонъ Даудъ. Мостъ на Фонтанѣ при Петрѣ 1. Анничковъ мостъ при Елизаветѣ II. Тотъ же мостъ вышедшій. Общій видъ Варвы. Домикъ Петра 1, въ Нарвѣ. А. Е. Варламовъ. Джени Лядъ. Книжный магазинъ. Моды. Загадка.

Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. Четыре остальные недѣли назначены для праздниковъ. Посему 4 номеръ выйдетъ въ Субботу, 28 апрѣля.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 44 р. 45 к. сер. Т. I. № 4. — СУББОТА, 28 АПРѢЛЯ 1843.

Безъ доставкы На годъ 40 р. сер. и пересылкы : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

МАРТЪ.

Жизнь каждаго человека — поэма; но въ ней больше смысла, въ другой вовсе смысла нѣтъ; въ той легкой, красивой стихъ, въ этой грубоваты, но исполнены высокыхъ мыслей; а въ этой ни мысли, ни стиха; есть поэмы въ прозѣ, а лучше нежели всѣ прочія въ стихахъ; есть, наконецъ, поэмы совершенно прозаическія. Жизнь человека потеряла тысящ сравненій, и всѣ удачны, потому, что все въ мірѣ живетъ жизнью особенною и сходною съ жизнью человека. Въ исходѣ марта сталъ новый гробъ между нами; гробъ, вмѣстившій остатки липстаго старца, стлжавшаго общее уваженіе и любовь. Скопчался Графъ Н. С. Мордвиновъ. Мы стали собирать матеріалы для его біографіи; но она не можетъ вмѣститься въ легкой, журнальный очеркъ, и требуетъ продолжительной и тщательной обработки. Нечего дѣлать. Мы должны на этотъ разъ удовольствоваться только однимъ портретомъ и, миновавъ съ благоговѣніемъ могилу добродѣтельнаго мужа, обратиться къ предметамъ ежедневнымъ....

(Графъ Н. С. Мордвиновъ).

Въ концѣ того же марта родилась Иллюстрація. Она возбудила много толковъ про и contra. Поговорили, пошумѣли и успокоились. Иллюстрація прошла черезъ эту заставу, показала свой паспортъ; выдержала всю скуку вопросовъ и совѣтовъ, и пошла впередъ своей дорогой, соблюдая строгое равнодушіе ко-всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли обеспокоить ее по дорогѣ. Вотъ и весь мартъ.

АПРѢЛЬ.

Было вербное гулянье. Много игрушекъ, салоповъ, извозчиковъ и красивыхъ песенокъ.

Погода прекрасная.

Италіяны пропѣли трио изъ оперы Жизнь за Царя нѣсколько разъ. Г-жа Вярдо-Гарсія — каваліеру изъ оперы Русланъ и Людмила....

За тѣмъ наступила Страстная Псалля.

Погода прекрасная.

За Страстною послѣдовала Святая.

На первый день погода прекрасная. — Но на второй, о ужасъ!

Съ бѣлыми Борей вѣсами
И съ сѣною бородой,
Потряса небесами,
Облака сжимая рукою...
Сыпала вѣнъ пушкеты...

Хуже... Бросалъ кучи снѣга, который сначала обращался въ грязь; но скоро Борей получилъ самостоятельность и легъ на улицахъ столицы бѣлою пеленою. Упалъ всегда въ апрѣль маленькая нѣсколько свѣтлыхъ дней; люди обрадуются и вынимаютъ окна; — гуляютъ въ лѣтнихъ садахъ и пальто; это наша весна; сегодншній опытъ намъ не въ пауку, и чтожь? — Эта весна быстро

умчалась. Борей въ окнахъ производитъ ужасную музыку, къ которой пристають хоромъ чуть не всѣ жители Петербурга, — кто кашляетъ, кто завываетъ отъ боли зубовъ. Это настоящая петербургская весна; мы бы совѣтовали не снимать теплой одежды и не вынимать оконъ до тѣхъ поръ, пока Нева не разойдется и не пройдетъ холодный ледъ и воздухъ не обогрѣется хорошенько. Говорятъ, что въ медицинскія правила хотятъ включить этотъ весьма справедливый афоризмъ: ходи какъ можно долѣе весной въ теплой, — осенью въ холодной одеждѣ! На Свѣтой въ Петербургѣ былъ зимній праздникъ или увеселеніе, но о немъ смотри ниже. Это особѣ статьи. Въ балаганахъ мы не были, потому что не хотѣли отбивать у другихъ любимого сюжета. Во все это время мы перебирали по косточкамъ подопину апрѣля, чтобы найти для читателей что либо интересное... Но, увы... Кроме ужасной погоды, не нашли ничего. Развѣ къ концу апрѣля разинграется, хотя бы паз состраданія, къ еженедельнику Иллюстраціи.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССІИ.

НАРВА.

(Окончаніе).

Окончаніе легенды; окончаніе Исторіи; Водопадъ.

Ночь была темная, несчастная. Тишина ея прерывалась завываніемъ вѣтра и отдаленнымъ шумомъ нарвскаго водопада. Какъ двѣ враждующія, недовѣряющія другъ другу силы, отдѣлялись отъ темно-синяго неба черныя массы двухъ крѣпостей.

Въ Иванъ-Городѣ всё спали крепкимъ сномъ; только часовые, вздрагивая отъ холода, перекликались, или почивая птицы, оставляя гнѣзда свои, съ рѣзкимъ крикомъ, подобнымъ воплю, пересѣкали воздухъ. Вдругъ послышался тихій, но продолжительный свѣтъ, а за тѣмъ какъ будто звукъ оружія... Часовые приподняли головы и обратили все вниманіе на люфандскую крѣпость; тамъ все было тихо, незамѣтно было ни малѣйшаго движенія, и гдѣ не видно было огонька; ни одна ладья не пересѣкала волнованной поверхности Наровы... Но вотъ опять свѣтъ съ другаго уже конца крѣпости и опять звукъ оружія. Часовые стали чаще и громче перекликаться, какъ вдругъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, занимавшихъ главнѣйшіе посты, падали вооруженные воины, и въ то же время съ шумомъ плеснула вода, какъ будто бы отъ паденія въ нее тяжелаго тѣла...

И опять все утихло на нѣсколько минутъ. Вдругъ со всѣхъ концовъ Иванъ-Города послышался рѣзкій, дикій крикъ и вскорѣ яркое пламя освѣтило страшную картину. Безоружные защитники крѣпости были поощадио убиваемы люфандскими воинами, вооруженными съ ногъ до головы. Кровавое пролитіе было ужасное! Рыцари-разбойники предавали все огню и мечу, со всѣхъ сторонъ слышались клики мести, смѣшанные съ проклятіями, воплями женъ и дѣтей, звукомъ оружія!...

Враги не успѣли еще добраться до дома воеводы, которому вѣрено было начальство надъ крѣпостію, какъ онъ успѣлъ одѣться; по въ то самое время, когда онъ опасывалъ мечъ, послышались сильные удары въ дверь, которая вскорѣ уступила успиваямъ наступающихъ, или, лучше сказать, наступаваго, потому что на порогѣ воевода увидѣлъ рыцаря въ черныхъ латахъ, съ опущеннымъ забраломъ...

— Га! наконецъ! вскрикнулъ рыцарь съ звѣрскою радостію, окинувъ быстрымъ взглядомъ всю комнату; потомъ, поднявъ забрало, обратилъ къ воеводѣ лицо, на которое упалъ свѣтъ отъ лампы, теплѣвшея предъ иконами. — Бодринъ! Знаешь ли ты меня? Небо справедливо! Ты могъ попасться другому въ руки, могъ погибнуть отъ чужаго меча — однакожь итъ! Само Небо направило шагъ мой! Помнишь ли ты красотку, которую хотѣлъ ты сдѣлать жертвой звѣрской страсти своей, и которая погибла отъ руки мужа, отъ моей руки! Я поклялся метить тебѣ, и ты самъ видишь теперь, сдержалъ ли я слово свое...

— Я дорого продамъ жизнь свою! вскричалъ воевода и, поднявъ мечъ, бросился на Индрика, который ловко отклонилъ отъ себя ударъ и свиснулъ... Въ то же мгновеніе нѣсколько люфандскихъ воиновъ вбѣжали въ комнату.

— Связать его! вскричалъ Индрикъ, указывая на воеводу; горе тому, кто лишитъ его хоть одного волоса — онъ мой, онъ весь мой! прибавилъ онъ съ злобною радостію.

Воевода защищался съ отчаяннымъ мужествомъ. Нѣсколько человѣкъ уже пало подъ ударами его, но ему самому были нанесены опасныя раны; сильное напряженіе, потеря крови, лишило его силъ — онъ сталъ отступать; какъ вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, вбѣжала молодая дѣвушка и бросилась на грудь воеводы, восклицая:

— Попадите, ради Бога, попадите! Это отецъ мой!

Нѣсколько человѣкъ бросились къ молодой дѣвушкѣ, которой по виду было не больше пятнадцати лѣтъ, но Индрикъ остановилъ ихъ, грозно вскрикнувъ:

— Справляйтесь-ка лучше съ нимъ — красотка моя!

Дѣвушка еще разъ вскрикнула и безъ чувствъ упала на полъ. Отецъ ея былъ обезоруженъ и въ рукахъ неприятелей. Индрикъ огдавалъ приказанія воинамъ, когда юноша, красивой паружности, послѣшно вбѣжалъ въ комнату.

— Прочь мальчишка, вскричалъ Бренгауптъ, съ силой оттолкнувъ юношу; ты не созрѣлъ еще для меча моего!

— Господь дастъ мнѣ силу смирить гордость твою! Произнесъ смѣло молодой человѣкъ, вступая на рыцаря.

— Такъ помолись же Богу, часъ твой пробилъ, глухо вскричалъ Индрикъ, и какъ бы неохотно занесъ мечъ надъ юношей...

— Остановись, рыцарь! не убивай роднаго сына своего!...

Едва воевода произнесъ эти слова, Бренгауптъ остановился, какъ бы громомъ пораженный, — тяжелый мечъ выпалъ изъ руки его; настало глубокое молчаніе...

Между тѣмъ зарево надъ Иванъ-Городомъ обратило на себя вниманіе воеводъ, стоявшихъ съ войсками въ полѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпости; ударили тревогу и, полчася спустя, къ Иванъ-Городу подошла помощь и защита. Всѣ мѣры были приняты, чтобы ни одинъ неприятель не ушелъ изъ крѣпости. Вѣсть о внезапномъ появленіи защитниковъ дошла и до Индрика; не говоря ни слова, бросился онъ къ сыну, забросилъ его на плечо и, забывъ о воеводѣ, пустился бѣжать...

Кто опишетъ изумленіе и ужасъ Русскихъ, когда, обойдя и обыскавъ Иванъ-Городъ, они не нашли ни одного Нѣмца! Исчезли, какъ сквозь землю провалились. Суевѣрно крестясь и оглядываясь со страхомъ, стояли Русские въ глубокомъ молчаніи.

Въ одной изъ комнатъ дома своего сидѣлъ Индрикъ. Передъ нимъ стоялъ сынъ его, съ опущенною на грудь головою и съ выраженіемъ глубокой грусти на лицѣ.

— Отто, сынъ мой! говорилъ рыцарь, неужели они употребили чародѣйство, чтобы совершенно изгнать изъ сердца твоего любовь къ отцу?

— Не чародѣйствомъ, отецъ мой, а добрымъ обхожденіемъ и благодарностями! Не думай, чтобы въ умъ моемъ не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о смерти матери моей; послѣдній взглядъ ея вѣзался въ сердца моемъ такъ точно, какъ черты защитника ея...

— Несчастный! неужели ты и теперь еще не понимаешь, съ какою цѣлію бодринъ защищалъ ее?

— Прости мнѣ, отецъ мой, но я не могу душно думать о томъ, кто былъ благодѣтелемъ моимъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ ибуть дурныхъ намрѣній на мать мою, потому что тогда онъ уже былъ жеманъ.

— Это еще не все! вскричалъ молодой человѣкъ, упавъ на колѣни предъ отцомъ; я воспитанъ Русскими въ вѣрѣ ихъ...

— Несчастный! и Индрикъ закрылъ руками лицо. — Завтра же ты долженъ будешь опять принять вѣру предковъ своихъ!

— Никогда! Меня никто не приневольвалъ принять русскую вѣру — я поступилъ по убѣжденію. Послушай, отецъ мой, послушай сокровеннѣйшую тайну моего сердца и скажешь мнѣ несчастіемъ сына! Я люблю дочь воеводы, начальствующаго надъ Иванъ-Городомъ, и люблю ея! Если когда либо любовь проникла въ воинственную душу твою, то ты поймешь мученія мои. Отецъ! отпусти меня къ Русскимъ, тамъ цвѣтеть для меня счастье, тамъ родина моя — здѣсь я чужой!

Индрикъ всталъ. Въ мрачномъ взорѣ его сверкнулъ лучъ надежды...

— Отто! произнесъ онъ торжественно; ты спрашиваешь, понимаю ли я что такое любовь? Ребенокъ, можетъ ли слабое чувство твое, мягкое какъ воскъ, сравниться съ тѣмъ, которое ощущалъ отецъ твой! Я любилъ мать твою — и рыцарь задрожалъ — и любовь эта, пресѣченная въ самой силѣ, рѣшила всю будущность мою! Ты спрашиваешь любилъ ли я?... Поймешь ли ты, какъ дорожилъ я этимъ чувствомъ, когда, лишившись его, я согласился зарыться живою въ могилу на десять лѣтъ, чтобы вырвать сердце у того, который изъ сердца моего вырвалъ любовь! Тамъ, въ страшной пропасти, съ двумя преданными мнѣ слугами, мы мечами съѣдали себя лопаты изъ досокъ, сорванныхъ съ мостика, опустившаго насъ въ душную могилу! Тамъ, съ неутомимымъ трудомъ и терпѣніемъ, пробили мы въ толстой стѣнѣ окно, оно приходилось надъ самой поверхностью Наровы, чтобы хоть издрѣдка дохнуть чистымъ воздухомъ, посмотреть на свѣтъ Божій и находить новыя силы къ продолженію труда немовѣрнаго! Въ десять лѣтъ, питаясь хлѣбомъ и сушеною рыбою, прорыли мы ходъ подъ Наровой до самой русской крѣпости!..

И величественно-гордо посмотрѣлъ Индрикъ на сына...

— Мы прорыли этотъ ходъ, и вчера уже воспользовались имъ съ успѣхомъ... Неужели ты опять спросишь, понимаю ли я что такое любовь?... Ты любишь дочь воеводы — что же! Завтра же она будетъ въ стѣнахъ нашихъ, завтра же она будетъ рабой, невольницей твоей...

— Ради Бога! съ ужасомъ вскричалъ молодой человѣкъ, схвативъ руку отца — ради Бога! не принимайте ни какихъ насильственныхъ мѣръ... Отецъ ея благодѣтель мой, и скорѣе я самъ соглашусь быть рабомъ ея, нежели...

— Замолчи! произнесъ съ невольнымъ презрѣніемъ Индрикъ; ты, потомокъ одной изъ славнѣйшихъ люфандскихъ фамилій, хочешь быть рабомъ смалывенькой дѣвочки... онъ замолчалъ и, мгновеніе спустя, судорожно сжавъ руки, произнесъ тихимъ голосомъ: Боже Всесильный! за что ты меня такъ жестоко наказуешь!.. Послушай, Отто, продолжалъ онъ спокойнымъ, почти умоляющимъ голосомъ, неужели просьбы отца тво-

его не вліють на тебя никакого вліянія? Скажи одно слово, и та, которую ты любишь, будетъ здѣсь; ей будутъ отдаваемы всевозможныя почести какъ будущей супругѣ рыцаря Отто фонъ Баренгаупта... Соглашень ли ты?

Отто молчалъ, опутивъ голову на грудь. Отецъ въ болезненномъ ожиданіи смотрѣлъ на него. Минуту спустя, юноша покачалъ головою и отвѣчалъ твердымъ голосомъ :

— Отпусти меня къ Русскимъ! Здѣсь я чужой!

Смертная блѣдность разлилась по лицу Идрикка; руки его судорожно сжались; какъ бы въ панике опустился онъ въ кресла... Наступила минута глубокаго, торжественнаго молчанія. Идрикъ прншелъ въ себя. Онъ всталъ, подошелъ къ юношѣ и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ глухимъ голосомъ :

— И тебѣ болѣе не отецъ... Какъ шведскій рыцарь, какъ судья стою я предъ взмѣнникомъ. — Идрикъ поднялъ руку, и тяжело опустилась она на щеку молодого человѣка. — Иди теперь, ты обезчещенъ!

Съ обнаженнымъ мечемъ бросился Отто на отца, — но остановился, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и выбѣжалъ изъ комнаты...

Прошло нѣсколько дней. Отто исчезъ. Ненависть Идрикка къ Русскимъ еще болѣе увеличилась. Но просьбамъ его, рыцари согласились вторично воспользоваться проходомъ, вырытымъ подъ Нарвою, и напасть на Иванъ-Городъ.

Выбравъ самую темную ночь, они по одному спускались въ отверстие, пробитое въ одномъ изъ подземелій замка, у самаго прохода, вырытаго Идриккомъ. Проходъ этотъ былъ такъ узокъ, что только два человѣка могли идти рядомъ.

Едва прошли они въ молчаніи до половныя дорога, какъ Идрикъ задрожалъ. Вдали, на противуположномъ концѣ прохода, увидѣлъ онъ огонекъ и услышалъ приближавшіеся шаги...

— Ахъ и проклятіе! произнесъ онъ шопотомъ — измѣна!..

При этомъ восклицаніи рыцари скоро и въ безпорядкѣ стали отступать, чтобы принять пужныя мѣры и приготовиться къ защитѣ, но проходъ былъ слишкомъ узокъ, они отступали чрезвычайно медленно. Идрикъ былъ еще довольно далеко отъ выхода, какъ услышалъ за собою шаги Русскихъ и восклицанія ихъ :

— Смѣлѣе, смѣлѣе, Богъ помогъ намъ предупредить враговъ, нападемте на нихъ!

Видя неизбежную гибель, Идрикъ рѣшился дорого продать жизнь свою... онъ обернулся и встрѣтился лицомъ къ лицу съ сыномъ...

— Измѣнникъ! ты урешь отъ руки моеи! закричалъ рыцарь и бросился къ молодому человѣку, прикрывая такимъ образомъ отступление товарищей своихъ...

Завязался страшный бой, при свѣтѣ факеловъ, тускло горѣвшихъ въ удрученной атмосферѣ подземнаго хода. Одиная ярость выражалась на лицахъ двухъ противниковъ; съ одинакимъ бѣшенствомъ нападали они другъ на друга, — не какъ отецъ

и сынъ встрѣтились они, но какъ злѣйшіе враги... Глубокій стонъ вырвался изъ груди Идрикка, онъ покачнулся... мечъ выпалъ изъ руки его... Сынъ убилъ отца!

— Проклятіе! было послѣднее слово Идрикка.

Но откуда происходитъ этотъ шумъ, подобный реву водопада? Какая причина этой суматохи, вопля, крикамъ?...

Часть прохода обвалилась, вода съ шумомъ прорывалась въ отверстіе и поглотила отцеубійцу!...

Мечъ показывалъ входъ въ этотъ древній туннель и выходъ изъ него. Изъ низкаго свода, въ одномъ изъ подземелій, разливается вода; въ черномъ пространствѣ, остающемся между поверхностію воды и потолка подземнаго хода, сквозной вѣтеръ уныло завываетъ... это, говорятъ, стонетъ душа отцеубійцы, не находящая покоя...

Возвратился къ Исторіи.

Въ 1559 году, послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ русскими войсками въ Лифляндіи, магистръ Вильгельмъ Фюрстенбергъ, видя несчастное положеніе отчины своей, уговорилъ мененосцевъ просить у Царя Юліана IV Васильевича мира, и между тѣмъ, въ ожиданіи рѣшенія Царя, заключилъ перемиріе на сорокъ дней.

Всѣ непріятельскія дѣйствія прекратились и рыцарскіе послы шли уже къ Москвѣ, когда печальный случай подвергъ Лифляндію большому гнѣву Царя. Одинъ изъ свирѣпѣйшихъ начальниковъ Нарвы, непріятнѣйшій врагъ Русскихъ, прохаживался однажды по высокимъ стѣнамъ замка. Оттуда увидѣлъ онъ на площадкѣ Иванъ-Города толпу Русскихъ; по одѣянію онъ узналъ, что то были бояре и воеводы. Пробудилась звѣрская злоба въ душѣ рыцаря, не могъ онъ унять ее... Надѣясь, что поступокъ его не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій, онъ собственноручно направилъ пушку къ толпѣ Русскихъ, выстрѣлилъ и многихъ убилъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ мененосецъ далѣе; но выстрѣлъ этотъ былъ принятъ другими начальниками нарвской крѣпости за знакъ прекращенія перемирія, и всѣ направили пушки на Иванъ-Городъ. Воевода *Иванъ Шарановъ* сынъ *Замыцкій*, хотя видѣлъ явное нарушение заключеннаго перемирія, но въ слѣдствіе строгаго приказанія Царя свято и ненарушимо хранить святое договора, старался только защищаться отъ нападений непріятели, и въ тоже время послалъ къ Ювану гонца съ вѣстію.

Уже назначенъ былъ день, въ который послы рыцарскіе должны были представиться Царю, когда вдругъ пришло извѣстіе о вѣроломномъ нарушеніи перемирія. Раздраженный Юаншъ принялъ пословъ и сказалъ имъ :

— Вѣроломство ваше будетъ наказано; возвратитесь, отнесите къ вашему магистру посланное отъ него ко мнѣ золото; а я вскорѣ съ огнемъ и мечемъ буду къ вамъ!

Русская сила обложила и принудила Нарву къ сдачѣ. Но подошли ревельскіе рыцари; Русскіе вышли на битву; изъ Нарвы ударили въ тылъ Русскимъ, и хотя рыцари

и не одержали побѣды, но Русскіе потеряли Нарву.

Въ 1559 году, 11-го мая, въ Нарвѣ случился страшный пожаръ. Едва сильный огонь, быстро распространившійся по городу, былъ затѣченъ русскими войсками, то они немедленно стали перенравляться черезъ Нарову, на плоткахъ и на лодкахъ. Нарвскіе жители, пораженные ужасомъ и приведенные въ смятеніе, не думали о защитѣ...

Узнавъ о взятіи Нарвы, Юаншъ позволилъ жителямъ этого города по прежнему жить въ немъ, заниматься дѣлами своимъ и производить торговлю. Въ то же время Царь показалъ усердіе свое къ вѣрѣ; архі-епископъ новгородскій, прибывшій по повелѣнію его въ Нарву, съ большимъ числомъ духовенства, обошелъ весь городъ съ крестами и окропилъ святою водою...

Въ продолженіи ста сорока лѣтъ, Лифляндія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Переходила она изъ рукъ въ руки; торговля начинала упадать; рыцари предавались самой излѣженной, развратной жизни, и не имѣя собственныхъ силъ, по неволѣ должны были прибѣгать къ помощи соседнихъ государствъ.

Между тѣмъ на престолъ русскій вступилъ Великій Царь. Дѣянія его должны были возвысить и прославить на вѣки Россію!..

Нарва находилась въ власти шведскаго короля Карла XII, когда въ 1700 году, 9-го сентября, русское войско подошло къ стѣнамъ ея. Начальникомъ этого войска былъ молодой герцогъ де Кроа, который недавно оставилъ австрійскую службу и поступилъ къ Петру. Порученіе, данное ему Царемъ, состояло въ томъ, чтобы овладѣть Иванъ-Городомъ и Нарвою. Но 19-го ноября выступилъ смѣлый Карлъ изъ Нарвы и, пользуясь смѣлымъ вихремъ, подошелъ къ Русскимъ на 10 шаговъ. Русскіе приведенны были въ смятеніе, и Карлу легко было одержать побѣду. Есть преданіе объ измѣнѣ; о хитромъ содѣйствіи Карлу какого-то простолюдина. Какъ бы то ни было, Русскіе были разбиты; де Кроа, Аллартъ взяты въ плѣнъ, другіе подверглись той же участи измѣнны Карла своему слову. Плѣнники отосланы подъ строгимъ присмотромъ въ Стокгольмъ. Только герцогъ де Кроа, по особой милости короля, получилъ позволеніе остаться въ Ревелѣ, гдѣ черезъ годъ и скончался въ такой бѣдности, что, по настоянію кредиторовъ, въ слѣдствіе закона, воспрещавшаго хоронитъ дѣлниковъ, тѣло его было лишено погребенія.

Велика была потеря Русскихъ, но мало было чести Шведцамъ. Вотъ что написано въ журналѣ Петра Великаго, (стр 25 и 26).

«И такъ надъ нашимъ войскомъ Шведы «викторію получили, что есть безспорно; но «надлежитъ разумѣти, надъ какъкъ войс- «скомъ оному получили? Ибо одинъ только «старшій мейортовскій полкъ былъ, да два «полка гвардіи были только у Азова, а по- «левыхъ боевъ, паче же съ регулярными «войсками, никогда не видали; прочіе же «полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, «какъ офицеры, такъ и рядовые самыя, «были рекруты. Къ тому же за позднимъ «временемъ и за великимъ гнѣвомъ и провіан- «та доставать не могли; и единымъ сло- «вомъ сказать, казалось, все то дѣло яко «младенческое играніе было, а искусства ни- «же вида: то какое удивленіе, такому ста-»

«рочу, обученному и практикованному войску, надъ такими неискусными сыскать «викторію?»»

Между тѣмъ быстро распространились побѣды Петра надъ Шведами, и въ 1704 году онъ опять обратился къ Нарву. Изъ перехваченнаго письма узналъ Великій Государь о томъ, что нарвскіе жители ждутъ къ себѣ на помощь шведское войско, подъ предводительствомъ генерала Шиппенбаха. Тогда Петръ употребилъ слѣдующую воинскую хитрость: на той дорогѣ, по которой изъ Нарвы ожидали прибытіе всиломательныхъ войскъ, онъ скрылъ два пѣхотныхъ и два конныхъ полка въ сплнхъ мундирахъ, какіе были у Шведовъ, и съ ихъ знаменами; потомъ приказалъ князю Рѣпинну и Меншикову атаковать эти полки, которыхъ нарвскіе жители приняли за своихъ и вышли къ нимъ на помощь. Нарвскій гарнизонъ былъ разбитъ, однакожь часть его успѣла спастись бѣгствомъ, и Нарва осталась еще во владѣніи Шведовъ. Видя упорство осажденныхъ, Петръ, 30-го іюля, приказалъ бомбардировать Нарву. Разрушительное дѣйствіе русской артиллеріи было ужасно. Сжалившись надъ раззореніемъ, которому подвергалась такая сильная крѣпость, и шая непріятелей, Государь послалъ къ нарвскому коменданту Горну письмо, съ увѣщаніемъ сдаться на честный аккордъ. Мужественный, но неблагоприятный Горнъ, не хотѣлъ ничего слушать, и отвѣчалъ, что не смотря на все опасности, онъ намѣренъ защищаться до послѣдней капли крови.

Мужество Горна достойно было лучшей участи; но Петръ, огорченный тѣмъ, что кровопролитіе и разрушеніе должно еще продолжаться, приказалъ объявить отвѣтъ коменданта предъ всеѣмъ войскомъ, дабы оно знало, что онъ вынужденъ упорствомъ осажденныхъ приступить ко взятію Нарвы штурмомъ. Нѣсколько дней спустя, а именно 9-го августа, Русскіе взобрались на стѣны и вломались въ ворота. Нарва пала.

Долгое сопротивленіе Шведовъ до того ожесточило солдатъ русскихъ, что, не повиная начальникамъ и забывъ строгій наказъ Монарха не убивать и не грабить побѣжденныхъ, они напали даже на женщинъ и дѣтей. Тщетно старались начальники возстановить порядокъ... Тогда Петръ, съ обнаженною шпагой въ рукахъ, бросился на грабителей, вырывать изъ рукъ ихъ несчастныя жертвы, кричалъ, чтобы они унялись отъ грабежа и кровопролитія, и нѣкоторыхъ, непослушныхъ, заколотъ на мѣстѣ!... Потомъ объѣхалъ верхомъ все улицы, утѣшалъ побѣжденныхъ, и, для большей безопасности ихъ, разставилъ вездѣ караулы, особенно жъ къ церквамъ и лучшимъ домамъ богатыхъ гражданъ.

Въ ратушу, которая наполнена была гражданами, Петръ, покрытый пылью и кровію, вошелъ и, бросивъ шпагу свою, обгренную кровію, на столъ, воскликнулъ: — «Смотрите, шпага сія не шведскою, ано російскою обгрена кровію: Я умертвлялъ ея собратвенныхъ моихъ воиновъ, ачтобъ удержатъ ихъ отъ страшнаго грабительства и убійства въ городѣ, и спасти бѣдныхъ жителей отъ конечнаго не-«требленія!»

Первымъ дѣйствіемъ великаго монарха было попеченіе объ утвержденіи безопасно-

сти новыхъ подданныхъ своихъ, объ устройствіи порядка въ городѣ и о постановленіи правилъ къ спокойной жизни гражданъ. Видя такое милостивое обращеніе Монарха, Иванъ - городской комендантъ сдалъ крѣпость на договоръ. Тогда принесено было Господу торжественное благодареніе..

Съ тѣхъ поръ утвердилось спокойствіе и благоденствіе Нарвы. Страшныя, неприступныя крѣпости красуются, какъ живописныя развалины, на голыхъ равнинахъ; гдѣ такъ часто встрѣчались русскіе и ливонскіе мѣш, разбросаны красивенькіе домики, образующіе форштаты; на крутыхъ берегахъ Нарвы воздвиглись фабрики и заводы. Все кипитъ жизнью и промышленною дѣятельностію...

Въ трехъ верстахъ отъ города лежатъ прекрасныя нарвскія водопады.

Въ тихую погоду у самаго города слышится однообразный шумъ водопада. По мѣрѣ приближенія къ нему, шумъ усили-

вается и, наконецъ, обращается въ оглушительный ревъ.

Разсказываютъ, что Державинъ, не находя силъ окончить въ городскомъ шумѣ безсмертную свою оду: *Богъ*, поѣхалъ въ Нарву; уединился по близости водопада, и тамъ, въ тѣсной хижинѣ, написалъ послѣднюю строфу этой оды...

Нарвскій водопадъ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ выступающею изъ воды частию скалы, на которой выстроены огромный лѣсопильный заводъ. Первая изъ этихъ частей обширнѣе: широкое, черное озеро, усаженное маленькими островками, покрытыми густыми группами деревьевъ, съ высоты восьми или болѣе сажень, стремится внизъ водопадомъ, образующимъ почти полукругіе и подобныи бѣлому цилиндру, какъ бы вертящемуся около своей оси, и приводитъ въ дѣйствіе множество фабрикъ и мельницъ, выстроенныхъ на берегу.

(Нарвскій водопадъ).

Другая часть водопада гораздо живописнѣе; тамъ стремленіе его встрѣчается на каждомъ шагу каменныя препятствія и, въ борьбѣ съ ними, образуетъ множество живописнѣйшихъ видовъ. Деревянный мостъ, проведенный близъ самаго водопада и ведущій къ лѣсопильному заводу, дрожить

подъ ногами проходящаго, котораго въ жаркій лѣтній день освѣжаетъ влажная нить, наполняющая воздухъ...

И все это, въ 140 верстахъ отъ Невскаго Проспекта.

И. Фурманъ.

МУЗЫКА.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ОРАТОРІЯ.

Въ 1839 году, во время пребыванія здѣсь, въ Петербургѣ знаменитаго Корифея музыки, Юсефа Эльснера, намъ перѣдко удавалось бесѣдовать съ этимъ, осѣлвшимся такъ въ насъ, музыкальнымъ мудрецомъ пожаловать на недостатокъ сюжетовъ, какъ для Русскихъ оперъ,

такъ и вообще сочиненіи русскаго оригинальнаго характера. Въ тѣхъ же бесѣдахъ мы осмѣливались предлагать г. Эльснеру, нѣкоторые вопросы, непосредственно относящіеся до русскои оперной труппы. Эльснеръ Космополитъ въ высшей степени. Онъ былъ готовъ учить все націи, возбуждая между учениками только художественное соревнованіе. Онъ опровергалъ наши сомнѣнія съ живостію и краснорѣчіемъ; указывалъ на сюжеты и на средства къ возвышенію музыкальной части въ Россіи; но такъ какъ во время разго-

вора вспомнил, что ему куда-то надо было ехать, съ свойственной ему живостью встал и сказал : «нѣтъ! нѣтъ и нѣтъ! Я напишу», и уѣхал... 24-го іюня 1839-го же года, мы получили двѣ неопиенныя тетрадки. Вотъ одна : она названа въ подлинникѣ : Планъ исторической ораторіи — Петръ Великій.

Вообразите себѣ, пшеть Эльснеръ, какой либо торжественный случай. Ораторъ предметомъ для рѣчи своей избралъ жизнь и дѣлнія Петра Великаго.

Эта рѣчь произвела на слушателей впечатлѣніе столь глубокое, что они какъ будто перенеслись въ тѣ времена, и передъ глазами ихъ раскинулась великолѣпная картина, изображающая тогдашнія событія; они сочувствуютъ благодѣтельнымъ предположеніямъ Преобразователя. Когда ораторъ сталъ говорить уже объ успѣхъ Его усилій, они радуются, восторгъ возрастаетъ, такъ что наконецъ слушатели оставляютъ залу при общихъ торжественныхъ восклицаніяхъ, выражающихъ ихъ радость о настоящемъ огромномъ величіи Россіи въ ея простратствѣ, могуществѣ и просвѣщеніи, чему Петръ Великій положилъ основаніе.

Эта самая рѣчь могла бы быть предметомъ исторической ораторіи; впечатлѣніе, тою же рѣчью произведенное на слушателей, — цѣлая ораторіи. Поэтъ, въ формѣ стихотворенія, избралъ бы изъ жизни Петра Великаго такія событія, которые могутъ произвести глубокое впечатлѣніе на умы слушателей. Въсто оратора прошедшее пусть бы рассказывала гении и хоры. Можно допустить и самого Петра и нѣсколько окружавшихъ его лицъ.

Такимъ образомъ поэма исторической ораторіи раздѣлилась бы на три части : въ первой — исторія, происшедшее; во второй — подвиги и впечатлѣнія отъ нихъ на слушателей; въ третьей — триумфъ въ настоящемъ.

Вступленіе (Introduzione, Exordium) поэтъ составить изъ немногихъ стиховъ, выражающихъ похвалу собранія, оживленія, чувства слушателей, въ формѣ воззванія къ Генію хранителю Россіи, или въ видѣ молитвы къ Творцу міровъ. Слѣдуетъ историческая часть : поэтъ можетъ описать затрудненія при вступленіи Петра Великаго на престолъ; надежды при началѣ его царствованія, бунтъ стрельцовъ, устройство Царства, основаніе Петербурга, учрежденія, и тому подобныя занимательныя событія его жизни; поводы событій и сопровождавшія ихъ обстоятельства должны быть разсказаны гениемъ; а самыя событія — современникомъ Петра Великаго.

Само собою разумѣется, что и лицу Петра Великаго дать можно нѣсколько словъ, но эти слова должны облачать величіе Его какъ Царя, не только возбудить удивленіе современниковъ, но и въ потомствѣ породить чувства глубочайшаго благоговѣнія и неизгладимой признательности. Слова эти, по возможности, должны имѣть историческую подлинность. Вообще историческая часть должна быть весьма коротка, потому что она представляется только матеріалы для тѣхъ впечатлѣній, которыя должна произвести вел ораторія.

Въ отвѣтъ на историческую часть поэтъ изображаетъ сочувствіе слушателей, какое они должны обнаружить къ каждому историческому событію, къ каждому великому подвигу. Увлеченные живыми представленіемъ исторіи, они какъ будто мыслію переносятся въ то время, и выражаютъ свои чувства аріями, дуэтами и т. п., или хорами; но такъ, чтобы эти впечатлѣнія (или хоръ I) такъ сказать объясняли историческую часть (или хоръ II). Тутъ причина, тамъ дѣйствіе. Слѣдственно, каждый хоръ, или арія, или вообще пучеръ, долженъ заключать одну достопамятную эпоху.

Въ концѣ исторической части Геній хранителю Россіи, предвидя главную будущность, предвозвѣститъ настоящее огромное величіе Имперіи въ простратствѣ, могществѣ и просвѣщеніи; за тѣмъ уже непосредственно и какъ бы самъ собою послѣдуетъ триумфъ настоящаго, какъ отвѣтъ потомства Генію, выраженный немногими стихами; ихъ поетъ III-й хоръ воиновъ. Съ этимъ хоромъ сливается сочувствіе хора I, это сочувствіе также возбуждено предвѣщаніемъ Генія (хора II). Въ три хора, такимъ образомъ, сходятся, и вмѣстѣ возглашаютъ народный гимнъ, — чѣмъ историческая ораторія и заканчивается. Въ композиціи этой исторической ораторіи также должны проявиться и господствовать три рода или три стіи музыки.

Историческая часть должна сопровождаться такими инструментами, которые дѣйствуютъ болѣе на воображеніе, нежели на чувство; къ первому роду принадлежатъ арфы, фортепіано, гитары и, отчасти, военные инструментами; ко второму — струнные и духовые; что касается до мелодіи и ритма, то вообще музыкальная обработка всего этого отдѣла должна быть въ духѣ народномъ.

Вторая часть, или впечатлѣнія, раздѣляется на арія, дуэты и хоры; музыка этой части должна быть облечена въ форму новѣйшую, современную, но въ стилѣ возвышенномъ; это необходимо и для художественнаго контраста съ обработкою исторической части; того же стіи должна быть и интродукція.

Предвѣщаніе Генія — хранителя Россіи должно сопровождаться только мелодраматически, не только для того, чтобы нѣсколько дать отдохнуть отъ кадансовъ мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, и тѣмъ усилить контрастъ и эффектъ, но и для того, чтобы не заглушить стиховъ поэта, которые должны быть въ этомъ мѣстѣ согрѣты лирическимъ жаромъ и мужественною силою, и не отпять у дѣлающаго свободаго паденія.

Триумфъ (хоръ III), долженъ быть написанъ совершенно въ маршальномъ стилѣ и сопровождаться военнымъ оркестромъ; хоръ I сливается съ нимъ, но сохраняетъ русскій національный характеръ; всѣ инструмента оркестра пристають постепенно во всемъ финалѣ : какъ лучи свѣта пробиваются мелодіи маршальской музыки, какъ будто освѣщая картину могущества Россіи, воздвигнутаго на основаніяхъ народныхъ — просвѣщеніемъ.

Вообще композиція должна идти въ нѣкоторой постепенности; пусть интересъ возрастаетъ по мѣрѣ развитія поэмаго всей картины, такъ что бы финалъ, который композиторъ можетъ обработать различнымъ образомъ, былъ достойнымъ вѣдомъ всей композиціи.

У меня такое правило, что, для обсужденія музыкальнаго творенія, или лучше композитора, который, кромѣ вдохновенія, въ своемъ искусствѣ, такъ сказать, и архитекторъ звуковъ, — мало слышать композицію, надо и видѣть ее. Почему, я полагаю, что на обстановку и размѣщеніе оркестра должно смотрѣть какъ на музыкальную картину, въ коей группы хоровъ, пѣвцовъ-солистовъ, инструменталь, представляютъ дѣйствующія лица, — это содѣйствуетъ успѣху творенія и облегчаетъ исполненіе. Въ поэмѣ и композиціи три отдѣла, въ оркестрѣ должно быть не меньше пяти, потому что музыкальная система состоитъ изъ 5 линий. Каждое отдѣленіе должно быть выше другаго покрайней мѣрѣ на 4 ступени; сверхъ того, въ каждомъ изъ нихъ, для оркестровъ, должно устроить еще соразмѣрное возвышеніе; то же соблюсти надо и для отдѣльных голосовъ, солистовъ и въ особенности для дирижера. Мы бы расположили всю массу исполнителей такъ :

Оркестръ артиллер.	Ихтовый оркестръ Хоръ III. Дирижеръ.	Хоръ III.	Оркестръ кавалер.
	Арфа. Soli.	Арфа. Soli.	
Бас. воіл.			Бас. воіл.
	Хоръ III. Дирижеръ.	Хоръ III.	
Бас. воіл.			Бас. воіл.
Оркестръ. Солнст. вторые	Трип. Бас. Воіл. Трип. Дух. Инст. вторые. Бас. Воіл. Скрипки вторые. Скрип. вт. Дирижеръ. Скрип. перв. Солнсты.		
Бас. воіл.			Бас. воіл.
	Солнсты. Дух. инст. Воіл. Воіл. Хоръ I. Дирижеръ. Хоръ I. Солнсты.		
	Слушатели.		

Само собою разумѣется, что такое расположеніе я нахожу удобнымъ собственно только для исполненія ораторіи : Петръ Великій.

I. Эльснеръ.

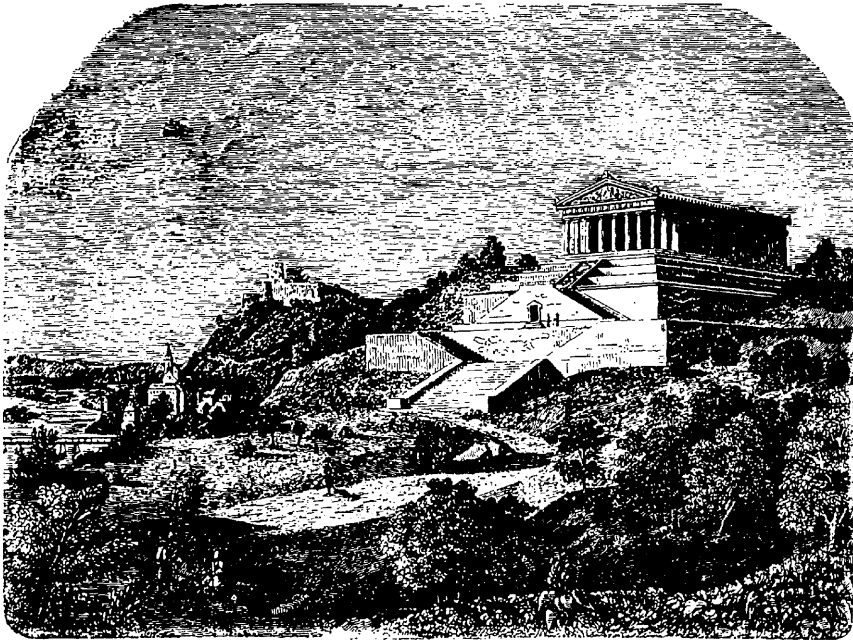
С. П. бургъ 25 Іюня 5 Іюля 1859.

ВАЛГАЛЛА.

Едва ли во всей Европѣ, за исключеніемъ Россіи, зодчество обнаруживаетъ такую дѣятельность, и съ такимъ успѣхомъ какъ въ Баваріи. Не одинъ Мюнхенъ, съ которымъ, какъ съ европейскими современными Аннами, мы постараемся познакомиться читателей, заключаетъ плоды художественной дѣятельности въ Баваріи. Довольно указать на великолѣпную Валгаллу; она заложена 18 октября 1840 года и открыта 18 октября 1842. Король Людвигъ Баварскій задумалъ еще въ 1807г. воздвигнуть храмъ для всѣхъ знаменитостей германскаго происхожденія. Валгалла построена на довольно крутой высотѣ, близъ мѣстечка Донау-штауфа, въ редоточин Баваріи, близъ древней границы Германіи съ Римскою Имперіею, недалеко отъ Регенсбурга, и противъ почтенныхъ развалинъ замка Стауфа, бывшаго некогда свидѣтелемъ многочисленныхъ битвъ, въ особенности во время Тридцати-лѣтней Войны. Валгалла или Валгалла значить собственно рай Одиновъ, Скандинавскія Елисейскія Поля. Туда могли входить только герои, окончившіе земное поприще съ мечемъ въ рукахъ. Въ этомъ воинственномъ раю, блаженные пѣлый день изволятъ сражаться; но на ранирахъ съзамишовой пуговицей, потому что тутъ никого не убиваютъ, потому что тутъ должны быть все безсмертны. Они себѣ только такъ, для забавы и движенія, подерутся передъ обѣдомъ, и безъ раны отправляются въ чертогъ Одина, гдѣ Валькирии, очень хорошенкя прислужницы, потчуютъ ихъ медомъ и пивомъ. Изъ этого видно, что названіе — Валгалла не соответствуетъ назначенію зданія, точно также какъ нелѣпо названіе Данеона для парижскаго музея, въ память знаменитостей Франціи. Но что за дѣло до кинчки; лишь бы зданіе было хорошо. И дѣйствительно, нѣкоторыя изъ знаменитыхъ покойниковъ великолѣпныя

Стѣны Валгаллы—огромныя мраморныя глыбы; во внутренность ведутъ великолѣпныя двери, снаружи обитыя чугуномъ, а внутри обдѣланы кленомъ. Полъ храма, изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, составляетъ торжествомозаичнаго искусства; потолокъ изъ металлическихъ отнопрованныхъ и позолоченныхъ листовъ. Фонъ въ клеткахъ лазореваго цвѣта, въ нихъ бѣлыя платиновыя звѣздочки, розетки, головки винтовъ и шипки; выступы клетокъ вызолочены и украшены цвѣтными листьями. На верху, между оконъ, помѣщены фигуры изъ мифологій и героической исторіи Сѣвера. Эти металлические фигуры отчасти бѣлыя и отчасти вызолочены; въ крышѣ окна съ зеркальными стеклами. Во всю длину храма идутъ попарно пиластры изъ краснаго мрамора, похожаго на древній африканскій. Они поддерживаютъ *архитравъ*. Надъ ними по двѣ каріатиды; въ углубленіяхъ, между пиластрами, поставлены бюсты; въ недавнемъ одна отъ другой разстояніи, шесть крылатыхъ *Валькирій*; по стилю это *Побѣды* Греческаго Олимпа, но одѣты согласно съ обычаями Древней Германіи, какъ должны были по преданіямъ одѣваться воинственные дѣвы германской мифологій. Эти крылатыя Валькирій смотрѣли за героями, и чутъ который умиралъ на полѣ битвы, они уносили его въ Валгаллу; статуи Валькирій съ вѣщами; они подчиваютъ покойниковъ не медомъ и пивомъ, а честно и безсмертіемъ; всѣ онѣ изъ каррарскаго мрамора, работы Рауха.

Въ глубинѣ храма оставлено особое мѣсто съ оградой, украшенное в іоническими колоннами; въверху большой балкопъ, поддерживаемый также каріатидами Валькирій. Балкопъ назначается для помѣщенія оркестра въ торжественныхъ случаяхъ. Съ балкона идетъ узкая

Общій видъ Валгаллы).

(Зала).

галерея внутри храма и образуетъ надъ пиластрами рядъ нижняго яруса. Еще 14 каріатид Валькирій, изваянныхъ изъ дунайскаго мрамора, расположены надъ пиластрами между ложъ; всѣ онѣ работы мюнхенскаго скульптора, А. Шванталера. Смѣсь цвѣтовъ въ ихъ костюмахъ производитъ весьма оригинальный эффектъ; нагое тѣло цвѣта слоновой кости, волосы свѣтло-русые, длинные, распущенные; медвѣжья шкура вся золотая, верхняя тоника свѣтло-фиолетовая, нижняя бѣлая; все это съ расписанными и вызолоченными украшениями.

Шесть съдвѣдницъ и восемь канделябровъ изъ мрамора, дополняютъ украшеніе Валгаллы. Стѣны, на которыхъ расположены бюсты изъ бѣлаго мрамора, одѣты всѣ цвѣтными мраморами, подобранными съ большимъ вкусомъ; только эти бюсты и верхніе фризы изъ бѣлаго мрамора; все прочее испещрено золотомъ и разноцвѣтными красками.

Фронтоны двухъ фасадовъ храма работы Шванталера, каждый изъ 15 полукруглыхъ статуй изъ тирольскаго мрамора. Южная группа, обращенная къ Дунаю, представляетъ, въ срединѣ, Германію; по правую руку Австрію съ Майнгомъ, Баварію съ Ландау, Виртембергъ съ Юношею, представляющимъ малыя владѣнія Союза; по лѣвой: Пруссія съ Кельмомъ, Ганноверъ съ Люксембургомъ, Гессенъ и Саксонія. По угламъ фронтона опираются на урны пограничныя рѣки Рейнъ и Мозель. Группа съвѣрнаго фронтона представляетъ сраженіе, въ которомъ Германъ (Арминій) разбилъ Римлянъ и спасъ независимость германскихъ племенъ отъ ига всемирной столицы. Во внутренности Валгаллы, верхній фронтъ исполненъ *Мартиномъ Вагнеромъ*; онъ разделенъ на 8 отдѣловъ, соответствующихъ осми періо-

дамъ древней германской исторіи.

Число грудныхъ бюстовъ великихъ мужей, удостоенныхъ чести занять мѣсто въ этомъ германскомъ раю, дошло до 95, всѣ равной величины, разставлены въ два ряда вдоль четырехъ стѣнъ, одни на кронштейнахъ, другіе на столикахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пошелъ уже третій рядъ бюстовъ, такъ много въ Германіи великихъ людей; впрочемъ, и въ Германіи многіе великіе люди

сохранились только въ памяти народной, или даже въ памяти книжной. Для многихъ лицъ не отыскали моделей, и бюсты замѣнены надписями. Въ верхней части храма помѣщены щиты; на нихъ начертаны великія имена германской исторіи золотыми буквами на бѣломъ мраморномъ полѣ.

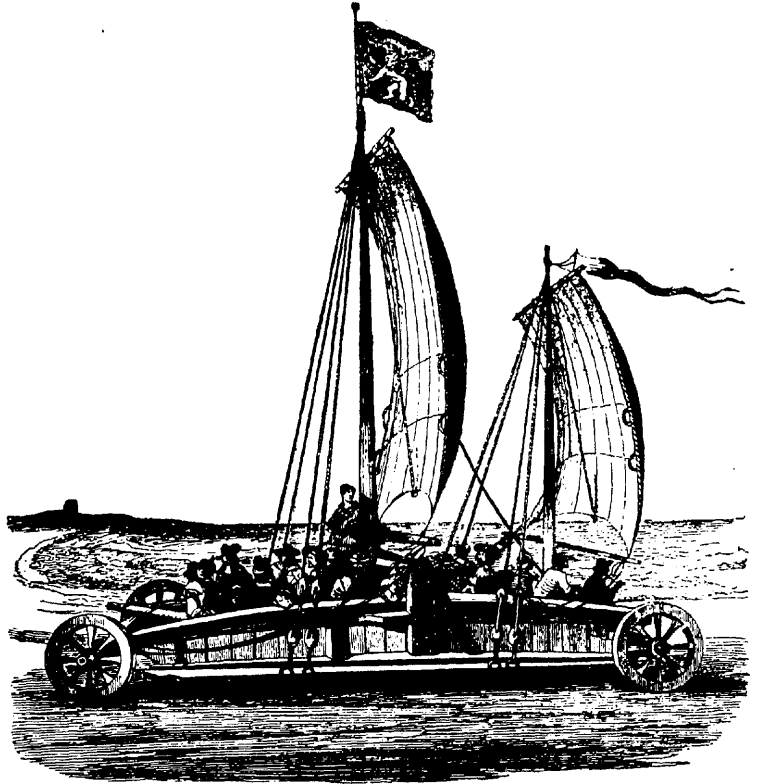
Мы не хотимъ обременить статьи нашей именами великихъ германскихъ людей; для многихъ

этотъ инвентарь не можетъ быть любопытенъ. Между бюстами помѣщены изображенія Императрицы Екатерины II, Барклая де Толли и графа Дибича-Забалканскаго, наконецъ и Коцебу; послѣдній ужъ рѣшительно неизвѣстно почему попалъ въ Валгаллу. Всѣ эти бюсты исполнены лучшими ваятелями Германіи, коихъ списокъ чуть ли не равняется списку блаженныхъ Валгаллы.

КРЫЛАТЫЙ ЭКИПАЖЪ.

Люди все испытали и перепробовали для того, чтобы приобрести какъ можно болѣе удобствъ въ жизни. Пуще всего они хлопотали и хлопочутъ о дорогахъ. Огонь, воду, воздухъ — въ очередь запрягали люди въ свои экипажи; и дошли такъ до того, что первыя двѣ стѣны склонили покорно въло подъ ярмо человѣка; и пошли чинно, смиренно, какъ хорошо уѣзженные лошади. Теперь принялись вплотную за воздухъ... И опыты уже обратились въ доказанную истину, что по желѣзнымъ дорогамъ можно ѣздить посредствомъ давленія нашей атмосферы. Но въ XVI вѣкѣ не было еще желѣзныхъ дорогъ; а въ Голландіи устроили повозку, которая имѣла почти всѣ свойства нынѣшнихъ паровозовъ. Въ этой плоской странѣ, на ровномъ берегу, вздумали примѣнить къ повозкѣ паруса, которые могли ускорять ея движеніе, такъ что повозка быстро пробѣгала значительное разстояніе. Этотъ крылатый вагонъ возбудилъ общее любопытство. Пейрескъ, ученый, котораго Байль называлъ генералъ-прокуроромъ литературы, слѣдившій за всѣми открытіями въ области наукъ и искусства, осматривалъ въ 1606 году эту повозку. Вотъ, что пишетъ Гассенди о впечатлѣніи, какое эта повозка произвела на его друга.

Онъ поѣхалъ въ Швеллингъ. Желая убѣдиться собственными глазами въ быстротѣ хода повозки, устронной за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ такимъ искусствомъ, что на парусахъ, она летѣла по берегу какъ корабль по морю. Ему сказывали, что Моріцъ Пассаускій, въ 1600 году, послѣ Цюпортской побѣды, сѣлъ въ эту повозку съ плѣнникомъ своимъ Францискомъ Мендозою, и въ два часа прибылъ въ мѣстечко Пултене, въ 14 миляхъ отъ Швелинга. Пейрескъ повторилъ этотъ опытъ, и потомъ часто рассказывалъ, что не могъ довольно надивиться, когда, влекомый

(Крылатый Экипажъ).

сильнымъ вѣтромъ, онъ не могъ его замѣтить, потому что быстрота ѣзды была равна быстротѣ вѣтра; довольно глубокіе рвы повозка перелетала едва касаясь поверхности волъ. Казалось, что скороходы, отправленные впередъ, падутъ назадъ; предметы, самыя отдаленныя, мгновенно

оставались позади путешественниковъ. Пейрескъ рассказывалъ еще не мало подобныхъ чудесъ.

Но, къ сожалѣнію, Гассенди не повторилъ его рассказовъ; и вотъ все, что намъ осталось отъ любопытнаго экипажа, крылатаго соучастника, а можетъ быть и отца паровозовъ.

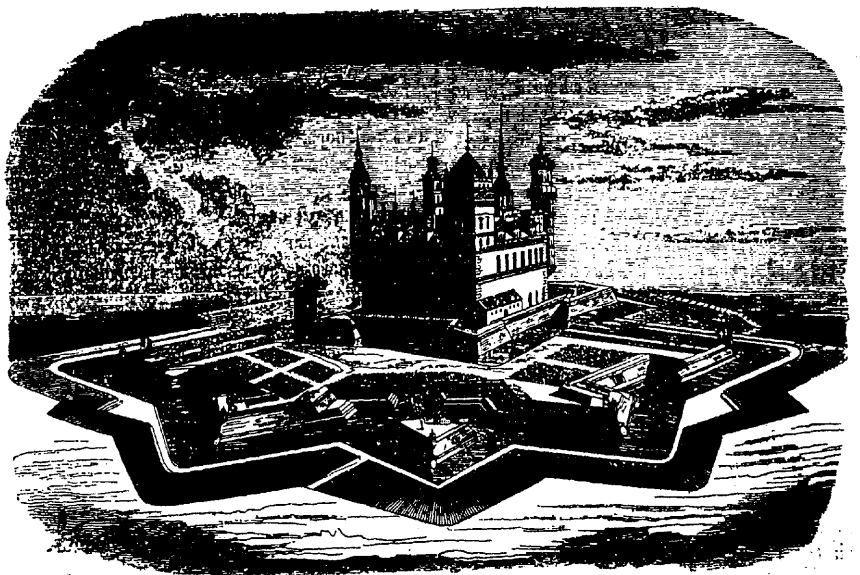
ВХОДЪ ВЪ ЗУНДЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Не беспокойтесь, я вамъ не наскучу. Мои путевыя записки — короче дамской расходной книжки, куда она, мужа ради, записываетъ нѣсколько статей вдругъ, чтобы не подвергнуться докучливому вопросу. Мнѣ случилось войти въ Зундъ на купеческомъ кораблѣ. «Этo что?» спросилъ я, испуганный мрачною громадой, которая торча на острокопечномъ мысѣ острова Зеланда, однимъ видомъ своимъ увѣряла, что дальше пройти трудно, нельзя, безъ позволенія которой дѣбудъ изъ этихъ башенъ, посаженныхъ на огромную квадратную массу камней.

— Это Кронсборгъ... отвѣчалъ мнѣ шкиперъ съ прѣвѣннымъ неудовольствіемъ. — Это ключъ Балтики, или лучше сказать застава. Видите тамъ туманныя горы, — то Швеція; вотъ синѣютъ Куленскія Скалы. Когда-то ихъ называли Геркулесовыми Столбами, Гибралтаромъ.

Я на моемъ вѣку видѣлъ такъ много Гибралтаровъ, такъ много непреступныхъ крѣпостей,

что не обратилъ бы никакого вниманія на это сравненіе, еслибы Кронсборгская твердыня, своимъ страннѣмъ, воинственнымъ видомъ, не возбуждала моего любопытства...

— Когда-то!.. сказалъ я... Отъ чего же когда-то?..

— Отъ того, что это было очень давно, и Балтика и Нѣмецкое Море когда-то были покрыты корсарами, съ которыми нашему брату торговому, трудно управляться. За всѣхъ и для всѣхъ — вызвалась войти въ это дѣло Данія... Въ Гельсингеръ...

— Гельсингеръ, а гдѣ же онъ?..

— А вотъ тутъ же! Сейчасъ увидишь! Вошла въ это дѣло Данія, а съ насъ за то по одному проценту. Разбойниковъ давно нѣтъ, а мы все платимъ; нѣсколько вѣковъ насъ беспокоятъ здѣсь, осматриваютъ, оцѣниваютъ наши товары, берутъ съ насъ милліоны и милліоны; говорятъ — Данія имѣетъ право, утвержденное всею Европой; — спорить нечего, и вся Европа платитъ. Во времена оныя, Данія, защищая это морское уиелье, держала не малый флотъ, а теперь — одинъ фрегатъ правитъ пошлину съ цѣлаго міра. Вотъ видишь, таможенные насъ замѣтили... Вотъ бродятъ въ лодкахъ за добычей...

— И долго эта исторія протянется?

— О! день, если не два...

— Такъ я успѣю съѣздить на берегъ.

— Въ Копенгагенъ если угодно...

Я съѣхалъ съ корабля, но совсѣмъ не для того, чтобы съѣздить въ Копенгагенъ, а чтобы посмотреть на могилу Гамлета. Я вспомнилъ декорацию въ трагедіи Шекспира. Эльзиноръ, площадка передъ замкомъ; — спросилъ, гдѣ могила Гамлета?.. Всѣ мальчишки бросились показывать дорогу... Я нашелъ дѣйствительно полуразвалившійся камень, постоялъ надъ нимъ, подумалъ, въ качествѣ путешественника помечталъ, сталъ складывать даже стихи, но видъ Кронсборга меня увлекъ. Я посмотрѣлся. И тула взялись проводить меня. Я не отказался; осмотрѣлъ этотъ любопытный замокъ, построенный въ XIV вѣкѣ Фридерикомъ Вторымъ. Меня поразила ужасно-огромная рыцарская зала; меня испугала мрачная и скрытая келья, гдѣ томилась королева Матильда, ожидая англійскаго фрегата, который долженъ былъ увезти ее въ Германию изъ нѣдръ собственного королевства. Красота и юность не помогли... Мнѣ стало грустно... Я почтительно поклонился Кронсборгу, еще почтительнѣе молилъ Гамлета, не посмотрѣлъ на Гельсингеръ, и вздохнулъ свободно уже въ каютѣ, гдѣ таможенные завтракали и хвалили вкусъ шкипера; я догадался, что они оцѣнили товаръ нашего корабля милостиво и заслужили благодарность хозяина... Не смотря на магическое вліяніе хорошихъ яствъ и напитковъ, церемонія продолжалась до темнаго вечера, и мы ушли изъ Гельсингера на другой день утромъ. Съ палубы я еще разъ засвидѣтельствовалъ мое глубочайшее почтеніе могилѣ Гамлета и Кронсборгской твердынѣ, которую при семъ и прилагаю.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Есть сѣно, такъ есть и лѣнь.

Во 2-мъ и 3-мъ Иллюстраціи была весьма дѣлая, по нашему мнѣнію, статья, объ осушеніи болотъ въ Сѣверной Россіи. Важность это-

го предмета доказывается уже тѣмъ вниманіемъ, которое въ послѣднее время обратили на него всѣ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе хозяева и агрономы, не смотря на то, что у нихъ луговодство и безъ того уже въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи господинъ *Деземерисъ* прочелъ донесеніе о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, которыя необходимы настоящему земледѣлю. Представляемъ извлеченіе изъ этого донесенія:

«Гиппократъ заслужилъ названіе отца медицины за то, что первый отдѣлилъ эту науку отъ философіи. Онъ вполне поималъ, что медицина, испѣляющая физическіе недуги, не имѣетъ ничего общаго съ медицинскою философью.

«Земледѣліе ждетъ своего Гиппократа, который утвердилъ бы независимость его отъ наукъ. Онъ полъ видомъ вспомогательныхъ, владычествуютъ надъ нимъ. Агрономическія теоріи, заимствованныя у этихъ наукъ, доселѣ не имѣютъ прочаго основанія; теорія находится еще въ дѣтствѣ, между тѣмъ какъ наука земледѣлія богата практическими свѣдѣніями, вѣрными, неизмѣнными.

«Слѣдовательно самое вѣрное сужденіе, самый вѣрный способъ обработыванія земли есть тотъ, который основанъ не на теоретическихъ выводахъ, а на опытности. Обратимся жь, для опредѣленія основныхъ началъ агрономіи, къ опытности.

«Разсматривая и сравнивая сочиненія агрономовъ, топографіи, статистику, подробности о произведеніяхъ земли разныхъ странъ, или даже разныхъ частей одной страны, невольно поражаетъ насъ разнообразіе способовъ земледѣлія, и чрезвычайное однообразіе результатовъ, опредѣляющихся слѣдующими словами:

«Вездѣ и всегда произведенія и доходы земледѣлія соответствуютъ количеству удобренія, а слѣдовательно и объему полей, назначенныхъ для корма скота».

Исчисливъ множество примѣровъ улучшенія хозяйствъ посредствомъ распространенія луговъ, авторъ донесенія представляетъ болѣе поразительные примѣры:

«Не прошло еще трехъ четвертей столѣтія, говоритъ онъ, какъ Германия имѣла не болѣе луговъ, какъ сколько нужно было для корма домашняго скота, и производила едва достаточное количество ржи и полбы, для пропитанія малочисленнаго населенія. Шубартъ первый ввелъ сѣяніе клевера; знаменитый Тэрр перенесъ въ Германию правила англійскаго земледѣлія, и съ той поры богатство германскихъ хозяйствъ стало развиваться съ изумительною быстротою. Оттого, что сѣяли болѣе травы и менѣе ржи, постепенно улучшались и скотъ и лѣбныя растенія; такъ какъ со дня на день возрастало количество навоза, то вскорѣ на холодныхъ и песчаныхъ поляхъ, дотолѣ съ большимъ трудомъ производившихъ рожь, стали уже сѣять пшеницу; и наконецъ, такъ какъ искусственныя луга будучи однажды разведены, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не требовали ни какого воздѣлыванія, то вмѣстѣ съ возрастаніемъ количества произведеній, уменьшались расходы на обработку земли.

«Въ другомъ вѣкѣ и другой странѣ мы видимъ ту же перемену и въ такомъ же огромномъ размѣрѣ, только въ обратномъ смыслѣ. Мы говоримъ

о древней Итали. Изъ вѣрныхъ и положительныхъ источниковъ, мы извлекли слѣдующія подробности:

«До II-го столѣтія, до христіанской эры, у всѣхъ породовъ, обитавшихъ на Италійскомъ Полуостровѣ, произведенія земледѣлія были въ невѣроятномъ изобиліи. На землѣ Римлянъ, одной изъ менѣе плодосныхъ, урожанъ были въ самъ-пятнадцать и даже самъ-двадцать.

«Сто лѣтъ спустя урожанъ уже были въ самъ-семь и рѣдко въ самъ-десять.

«Еще сто лѣтъ спустя, и въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, урожанъ были самыя ничтожныя, и урожай въ самъ-четверть считался значительнымъ.

«Какая причина этой изумительной перемены? Весьма простая. Въ первыя столѣтія получались такіе изобильные урожанъ потому, что въ Италиі было тогда значительное количество скота. Извѣстно, что въ тѣ времена на 500 jugera (около 125 десятинъ) считалось около ста пятидесяти головъ крупнаго рогатаго скота!.. Вотъ точка, до которой въ настоящее время достигли богатѣйшей провинціи Англии и Германіи, гдѣ съ десятины собираютъ до 40 гектолитровъ ржи. Въ послѣдствіи же скотъ въ Италиі принесть въ самое жалкое состояніе, такъ что у хозяевъ, кромѣ тяглаго скота, другаго не было. Очень естественно, что и количество навоза, доставляемаго имъ, было крайне недостаточное для удобренія земли.

«И такъ, мы видимъ на Сѣверѣ и на Югѣ, на Востокѣ и Западѣ тѣ же результаты отъ тѣхъ же причинъ. Просмотримъ весь земный шаръ, всю исторію его отъ сотворенія міра до нашихъ временъ, — и нигдѣ не найдемъ ни одной страны, которая когда либо уклонилась отъ власти этого закона, неизмѣннаго какъ сама природа.

«Такимъ образомъ оправдывается великая истина, издавна открытая здравымъ смысломъ простаго народа, и высказанная въ пословицѣ:

«Есть сѣно, такъ есть и лѣнь».

«Всѣ факты, мною приведенные, такъ просты, такъ осязательны, что можно бы подумать, что они всякому хозяину должны быть хорошо извѣстны. Между тѣмъ ихъ знаютъ весьма немногіе, иначе земледѣліе было бы вездѣ въ одинаково цвѣтущемъ состояніи.

«Мы не смѣемъ предполагать, чтобы люди, которымъ хотя отчасти извѣстны вѣрнѣйшіе источники хозяйственнаго благосостоянія, стали бы колебаться принять методу, доходную и весьма простую, состоящую въ томъ, чтобы обрѣчь свою пахатную землю въ луга и сѣнокосы. Нашъ долгъ всячески стараться о распространеніи свѣдѣній, дѣйствительности которыхъ бросятся въ глаза. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ еще одинъ примѣръ:

«Въ Англии, гдѣ земледѣліе доведено до высочайшей степени совершенства, четыре пятыхъ частей всей пахатной земли производятъ кормовыя травы, между тѣмъ какъ только одна пятая часть обращена подъ лѣбныя растенія».

НАША СТАТУЭТКА.

Каждый изъ насъ, въ самомъ себѣ, имѣетъ свою статуэтку. Долгъ cadaго ее обработывать.

Окончательно исполненная наша статуэтка — наша биографія.

Душамъ наивнымъ и прямымъ, точно такъ какъ и гнію, искусство легко дается: статуэтка ихъ доканчивается сама собой.

Добрый, милый ребенок, душа которого улетает из колыбели, остается в сердцах родителей свою статутку, которая вечно будет жить в них.

Молодая девушка, вблизи вблизи которой сомкнется ранняя смерть, вечно живет в памяти знавших ее; в сердцах их она имеет свою pedestal свою статутку, столь же преступную и вблизи, как преступнейшая и вблизи статутки Фидия или Кановы.

Но в те лета, когда слишком часто терлется непорочность души, когда страсти помрачают чистоту совести и возмущают глубину души, как тяжкая и неблагоприятная тогда трудя. Как трудно тогда искать, пайти свою статутку! Сколько людей исчезают, не покаяв себя, не будучи понятыми, не разгадав цели жизни! Они подобны тьмяным, проскользящим по бледному горизонту, не оставив по себе даже отражения своего образа!

Весьма, однакож, был дан кусок чистого мрамора и вечная мысль!

Принимайся за труд, душа, соберем все наши силы, призовем на помощь все наше мужество, последуем наставлениям и примеру учителей.

Прежде всего, найдем общее и определяем очерк. Все части статутки имеют одинаковую важность в отношении к совершенству общего. Заинтересуй человека, глазами, ртом, но не забудем и других частей. Вообще не будем обращать большее, нежели слухает, внимание, на одну какую нибудь отдельную часть. Подобно художнику будем постепенно разсматривать труд наш вблизи и издали: красота заключается в отношениях и пропорциях.

Будем также изучать статутки покрывающих нас, будем любить достойнейшие и восхищаться ими; те, которые скромны и не так бросаются в глаза, часто самые лучшие. Не будем ни одной подражать рабски. Потратим всю жизнь на то, чтобы пронавестить копию — напрасный и жалкий труд!

Великий гений, дивная душа, я оставлю по себе статутку; но она будет скромна и мала! Позволь мне оканчить ее воздвиги, и пусть она навсегда примет под стною вьика, готовичаго тебѣ. Пусть несколько дружеских взоров остановятся на ней с выражением доброжелательства, сожаления, и я буду щедро вознагражден. Небольшому числу тех, которые любил меня, я хочу оставить малоценный, но вѣрный образ моего внутренняго, несовершеннаго существа, которое вѣрнѣе, быть может, под другою оболочкой, по воле Господа, переселится в иной мир.

АНЕКДОТЫ.

I.

Въ благословенной Малороссіи, у молодого паннича, слуга попросился на базаръ, т. е. на рынокъ, за какими-то дѣлами. Панничъ отпустилъ его; но, зная привычку слуги заспиваться, напомнил ему, чтобы онъ не забылъ исправить свое дѣло поскорѣе... Лаксій обѣщалъ возвратиться въ четверть часа. Проходитъ часъ, — Степана нѣтъ; проходитъ два, — нѣтъ; наступило по обѣданному дремлю, не возвращающагося; наконецъ стало смеркаться, — Степанъ приходитъ съ базара въ глубокомъ размышленіи. Баринъ естественно встрѣтилъ его, какъ слѣдуетъ, упрямки.

— Вотъ видишь, я говорилъ, что ты пойдешь и пропадешь. Гдѣ ты это былъ до сихъ поръ?

— Гдѣ же я былъ? Известно, гдѣ я былъ. На базарѣ...

— Да что же ты дѣлалъ на базарѣ?

— Ничего не дѣлалъ.

— Такъ чего же ты смѣялся на базарѣ.

— Я не смѣялся, а стоялъ и слушалъ какъ про Француза разговаривали.

— Ну, в что же ты слышалъ про Француза?

— Ничего, потому что далеко стоялъ.

II.

— О скупцахъ два анекдоты; но эта изобрѣтательная страсть каждый день умножаетъ свою

исторію. У одной скупой женщины проживала небогатая постолица. Поподобилось послѣдней угостить кое-кого, и она рѣшилась пестить пирога. Надо было испечь русскую печку, но по условію, въ общемъ пользованіи было только плита, а русскую печку постолица должна была топить на свой счетъ; хозяйка отпустила дрова в заимчива; но когда замѣтила, что для пирога купленъ славный сыръ, и другія свѣжія принадлежности, ощутила сильный аппетитъ къ подобной диковинкѣ...

— Послушайте, сказала она постолицѣ, вы уже и мѣт и мужу мою и дѣткамъ по ломтику пирога не пожалѣте...

— Матушка! Да не знаю, станеть ли на своихъ.

— Э, полно, полно, я уже за то съ васъ за дрова считать не буду. Вѣдь оно на одно и тоже выйдетъ...

— Позвольте, если вамъ этого такъ хочется...

Прощай, вѣщая. Стали расчитываться. На счетъ поставлено за дрова в день такого-то праздника — столько-то.

— Подумайте, вскричала постолица, а пирога?

— Да, пирога за русскую печку, а подъ плитой чей огонь былъ? Вѣдь не мой же. Мы ничего для себя не варили. Пироговъ сыты были.

СВѢТСКІЯ ПОРОСТИ.

Не все же намъ говорить о грустныхъ преклогахъ, о постройкахъ и дѣланіяхъ, о вѣчномъ торжествѣ Рубини. — Поговоримъ о другомъ. Но сперва возьмемъ по молѣ, надѣнемъ новый фракъ, напьемъ желтыя перчатки и облечемъ вь бѣлый галетухъ. Мы отправляемся въ большой свѣтъ, мы вѣдемъ на Дворцовую набережную... Мы приглашены на вечеръ въ артистическія палаты Графа В. Д. — Что же тамъ такое? — Баль вѣрно? — Лучше. — Раутъ, что ли? — Вечеръ. — Не концертъ ли? — Лучше, веселѣе и интереснѣе. Что же такое? — Домашній театр, благородный спектакль... что говорю я? Свѣтскій спектакль, въ которомъ участвуетъ сама хозяйка дома.

Петербургскія свѣтскія удовольствія приняла съ нѣкотораго времени какое-то художественное, изящное направленіе. Весь Петербургъ говоритъ о прекрасныхъ живыхъ картинахъ, выставленныхъ каждый поведѣльщикъ въ роскошномъ домѣ С. С. Б-ой. — Въ этихъ картинахъ сіяютъ поочередно все наши северныя красавицы, и глядя на нихъ, душа смѣшивается со взорами: и, все глядя бы на нихъ и иногда бы не выскелъ изъ этого чарующаго, живаго зрѣлища. — Мы слымали тоже, что въ домахъ Г. Т. и Графини Б., исполнено было любителями нѣсколько пьесъ, съ большимъ успѣхомъ. — Во многихъ другихъ домахъ готовится также играть комедія. Въ добрый часъ! — Это удовольствіе вѣстимо отборное. Для него нужны и умъ и чувство и образованность, все отличія, которые должны знаменоватъ избранныхъ высшего круга.

Но читатель! напоминаеть намъ объ вечерѣ 18-го апрѣля; — прожить не много терпѣнія! — Во-первыхъ, мы должны дожидаться, пока длинная лента каретъ, вытнугая у холщана, дотянетъ насъ до крыльца. — Наконецъ подѣхали. Пойдемъ на мягкому копру дѣтщины... Вотъ хвѣрь на-дѣво... Сюда, что ли? — Итъ, здѣсь вседневные покон, здѣсь живетъ хозяйка вѣрнѣе, здѣсь причаетъ онъ своихъ короткихъ друзей съ радуніемъ и пышнымъ хлѣбосоествомъ, такъ какъ жвали въ старину русскіе вельможи. — И эти вседневные покон, до того роскоши, убранны съ такимъ вкусомъ, что могли бы прославить любой дворецъ (*). — Но теперь хозяйка нѣтъ дома...

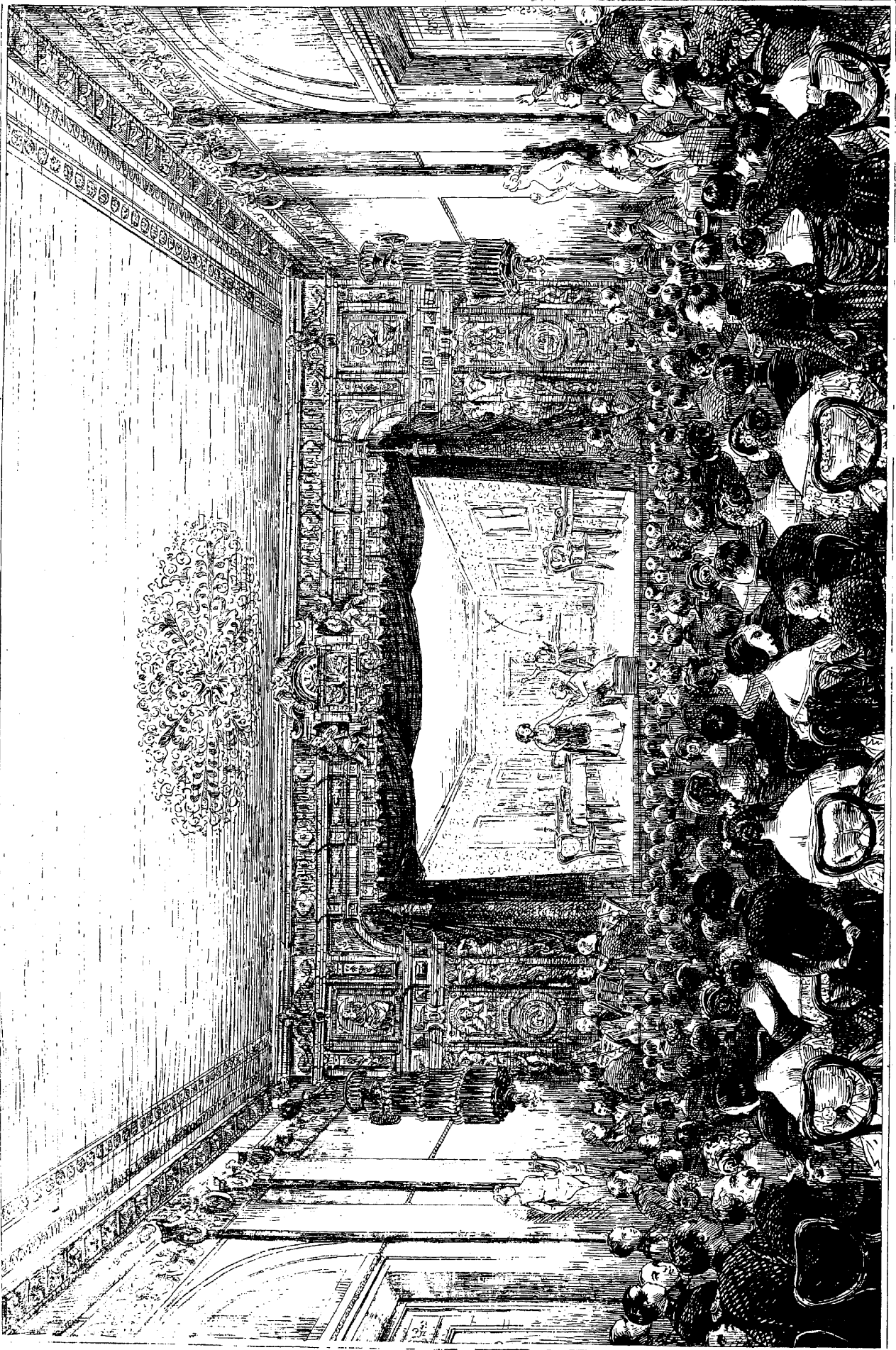
(* Почтенный Сотрудникъ нашъ, котораго мы должны поблагодарить за обязательное сообщеніе любопытныхъ подробностей о изящномъ праздникѣ, гласитъ совершенно истину. Покон средняго этажа, въ домѣ Графа И. И. В. Д., представляли образцы изящества и великолѣпія. Просимъ пока не богатыхъ домашнихъ спектаклемъ, въ пержемъ или парадномъ эта-

Они въ парадномъ этажѣ, гдѣ собрался вѣтъ петербургскаго общества, — все наши дамы въ легкихъ нарядахъ, увѣнчанныя цвѣтами, осыпанныя бриллиантами, въ наши шеголи, въ наши сапожники. — Проидѣмъ черезъ рядъ пышныхъ гостиныхъ, и вышочисныхъ, и штофовыхъ; пробережемъ, при освѣпительномъ блескѣ свѣчей, сквозя густую толпу, до двери главной залы, гдѣ устроены г-мъ Журделемъ прекрасный театр. — Все снѣтъ уже на мѣстахъ. — Оркестръ играетъ увертюру. — Заиграетъ подлѣла. — У играющихъ сердце бьется. — Зрители готовятъ рукоплесканія. — И надо отдать справедливость и зрителямъ и актерамъ. — Зрители расточили знаки одобренія, а актеры ихъ заслужили вполне. — Первой пѣсней была, не переложимъ до заглавію на русскій языкъ, но вѣроятно читателю навѣтный, предельный водевиль Скриба le Charpent. — Все отпѣлки, все остроумныя тонкости французскаго илюминатго водевилета, были переданы съ разумной вѣрностью. — Дамскія роли исполняли Графиня К. и Б. Одно ихъ появленіе было ужъ подаркомъ для щегольской публики. — Иллюстрація сокращается сердцемъ, что не можетъ и не смѣетъ передать хоть въ слабѣмъ очеркѣ ихъ стройныя, прекрасныя черты. Но тутъ онѣ доказали, что нѣтъ недостаточна быть петербургскія красавицы; онѣ желали новой славы, новыхъ успѣховъ. Графиня К. выиграла роль свѣтской вдовы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, и притомъ съ такой свѣтской величавостью; Графиня Б. изобразила молодую девушку съ такимъ напыннымъ полу-дѣтскимъ кокетствомъ, — что между зрителями никакъ не пожалѣли вѣрно, что они уже больше не молоды, а другіе, что они еще не стары. — Одушевленіе Графа В. и прекрасная отчетливая игра Г. Ж. содѣйствовали вѣрнѣе совершенному успѣху первой пѣсней. — После нея играть было не выгодно. — Однакъ и вторая пѣсня, старая любовь, — les vieilles amours, была сыграна превосходно. — Не думайте, что тутъ дѣло шло о той старой любви, брѣзгливой и сердитой, которая считаетъ года своего существованія десятиками и кутается въ фланелевый халатъ. Сохрани Богъ! — Эта старая любовь, любовь живая, необузданная любовь парижскаго гретника и добраго хотя безраздушнаго студента. Это любовь, — та, что устаетъ отъ счастья и разгараетъ снова, кипучая и страстная, отъ пераго пріятелиствія. — Графиня В. Д., хозяйка дома, исполнила роль гретника. Греть С. роль студента. — Онъ игралъ и, въ особенности, нѣтъ замѣчательно хорошо. — Но, что скажутъ Графини? — Графини тутъ не было. — Тутъ была та милая гретника, которая дѣлаетъ назъ Париза первый городъ въ мѣрѣ; всеглад, беззаботная, вѣчно поющія, закладывающая все для того, кого любить, не думая даже о томъ; довольная всѣмъ, только не было бы дождя, да работы было бы вдоволь, да можно бы было потанцевать въ Тиволи на воскресномъ балѣ. Графъ В., въ комической роли пѣсней, заслужилъ новыя справедливыя рукоплесканія. — И кончалось представленіе. Студентъ ушелъ унылымъ. Гретика исчезла; но на мѣстѣ ея появилась Графиня, такъ какъ мы ее знаемъ, владычицей петербургской моды, принцессой хозяйкой пышнаго дворца. — Вечеръ немало длился еще и на этомъ вечерѣ, среди поздравленій и похвалъ, среди общихъ толковъ и разговоровъ, раздавался вѣтъ о благотворительныхъ аукціонахъ, о благотворительнѣе базарѣ въ пользу бѣдныхъ сиротъ, гдѣ наши красавицы, и въ томъ числѣ Графиня В. Д., должны были сами продавать разныя бездѣлки. Большой свѣтъ не забываетъ страждущихъ братьевъ, даже въ самомъ разгарѣ пріхотливыхъ своихъ удовольствій. Въ на прекрасномъ вечерѣ единодушно вызвали на прекрасное дѣло. — Кончался вечеръ, и базаръ, бывшій 20 апрѣля въ залѣ П. И. Млгасовъ, тоже прошель. — Но чувство добраго дѣла не прошло, но доброе дѣло живеть и приноситъ каждый день новыя благословенія.

Ж. Замы и эти покон въ спорномъ времени украситъ цѣлѣ Иллюстрація.

Редукція.

КОМЕРЦІОНЕРЪ СЪ ДВОМЪ ПРАВА И М. БОЖИЦОВА-ДАШКОВА 18 АПРЕЛЯ 1866.

ИНСТРУМЕНТЪ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНИ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

На платья и шляпки мода,—на людей — мода; какъ же не быть модѣ и на мѣста? Еще на нашей памяти Екатерининское гулянье волновало каретниковъ и модистокъ за мѣсяцъ впередъ; а ужъ про тѣхъ, которые бѣдять въ каретахъ къ модисткамъ,—и говорить нечего... Теперь все глуше, глуше это приятное мѣсто: экипажей меньше, людей все такъ не мало, но — эта публика неизмѣняется ни себѣ, ни Екатеринингофу — этому дорогому старику, который помнитъ Петра Великаго. Въ этой роцѣ много пролетѣло тайныхъ рѣчей политическаго, высокаго, страстнаго и забавнаго содержания; изъ нихъ бы можно написать чудныя мемуары; но гдѣ эти рѣчи?—Ихъ носитъ сѣверный вѣтеръ надъ мутной хлябью Фленикаго-Залива.

— Въ походъ марта 17...-го года, Пела разошлась. Государь на буерѣ отправился въ Шлиссельбургъ, куда ожидали Царицу Параскею Осодоровну съ дочерью и съ Царевнами Наталіей, Маріей и Феодосіей Алексѣевнами. Не могу доложить какимъ, сухимъ или мокрымъ путемъ онѣ пожаловали въ Шлиссельбургъ; кажется, сухимъ, потому, что Пелагей Андреевичъ Кутяевой, комнатной боярыни Марш Алексѣевны, на царскомъ буерѣ стало душно... Не будь этого происшествія никто бы и не замѣтилъ, да и не могъ бы замѣтить Пелагей Андреевичъ, потому что она сидѣла между двумя сундуками съ золотною одеждою Царевны, и закутала лице какимъ-то платкомъ и теплымъ и душистымъ. Безъ сомнѣнія отъ этой предосторожности ей и сдѣлалось душно; она свалилась какъ спонъ; перепугала нареченныхъ путешественницъ и самого Государя обезпокоила.

— Что такое? спросилъ Государь...

— Ничего! — отвѣчалъ молодой рослый денщикъ, раскутывая боярыню,—придушило маленько; видишь какую рогожу намотала... Ахъ!... И денщикъ отскочилъ, будто его въ ногу змѣя ужалила...

— Что тамъ еще?...

— Ничего! отвѣчалъ денщикъ, покрасѣвъ до ушей и нагинаясь, чтобы поднять платокъ, которымъ была обмотана Пелагей Андреевна, и который выпалъ изъ рукъ его, когда его что-то ужалило...

— Какъ ничего?...

— Оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь такъ ничего,—отвѣчалъ онъ, собираясь съ душою,—да видно тутъ гвоздь какой, больно перепужался...

— Да что же ты поднимаешь платокъ, когда боярышня лежитъ. Подними боярыню!...

— Я? Ни за что!... Руки обожжетъ; погляди какая разкрасавица...

— Вотъ что!... Ну такъ помоги мнѣ...

— Не могу! Стѣпно...

— Я вею тебѣ...

— Ужъ развѣ велишь!

И денщикъ, дрожащими руками, сталъ подымать боярыню; но какъ человекъ предугадавший, зажмурился. Боярышня безъ

чувствъ не могла удержаться на ногахъ и упала на грудь своего спасителя; денщикъ раздвинулъ руки въ ужасѣ, будто вилы; колѣнки у него пригнулись; уста какъ-то мимоходомъ коснулись безъ поцѣлуя холодной щеки Пелагеи Андреевны; онъ вздрогнулъ и закричалъ во все горло: Караулъ! Рѣзуть! Караулъ!..

Потрясены ли были первыя боярышни отъ этого несметоваго крика, или отъ вѣянія воздуха, только она почувалась въ влообразныхъ объятіяхъ денщика, не могла его видѣть въ лице, потому что онъ отвернулся, какъ отворачивается сонная собачка, когда ее поднимають табакомъ... Пелагей Андреевна, замѣтивъ свое положеніе, вскрикнула, вспрыгнула, вскрикнула: Ахъ, Господи, срамъ какой!... и закрыла лице руками.

«Ахъ, Господи, срамъ какой!» повторилъ денщикъ и тоже закрылся.

Трудно описать какое впечатлѣніе произвело на присутствующихъ все это зрѣлище... Буеръ, миновавъ развалины Нѣншанца, сталъ подъ крылья свои подбирать свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ; матросы забѣгали; закричали матчи; холсты передвинулись, и не тише пархода, подобно широкой гальюнѣ, буеръ плавно и шибко спустился къ новой крѣпости, и свернулъ крылья у Троицкой пристани. Зрѣлище новой столицы заставило забыть о денщикѣ и боярыняхъ. Съ извѣмымъ вопросомъ поглядывали Царица и Царевны на Пелагей Андреевичъ и на Петра. Удивленіе и грусть выразились въ этомъ взорѣ; вѣдъ были печальны; только лице Петра сіяло многозначашей улыбкой. Онъ смотрѣлъ на бѣдныя лачуги города, какъ страстно любящая мать на ребенка, когда онъ не по лѣтамъ говоритъ остроумныя рѣчи. Буеръ давно стоялъ на мѣстѣ, давно узкая лѣстница была перекинута на деревянную пристань, но, и хозяйникъ, и гости утонули въ глубокой, хотя и совершенно разнородной думѣ. Трезвои съ колокольни Троицкаго Собора, радостные кланки съ деревянныхъ мостковъ, которые вели съ пристани во дворецъ, или домикъ Петра Великаго,—ихъ пробудили. Окутанная въ тендую душегрюбу, на несовомъ мѣху, придерживая бѣлосѣбную рукою голландскій платочекъ на головѣ, статная, стройная, румяная, легко и торопливо бѣжала на встрѣчу мужу и гостямъ, очаровательная хозяйка; приближала, смугилась, поинклала чудной головкой, но взоръ и рѣчь Петра — одушевили Государыню...

— Катя! Вотъ я тебѣ привезъ всю родню... Теперь мы все вмѣстѣ...

Было и гризно, и на дворѣ не слишкомъ свѣтло, и вѣтеръ; не до церемоніала. И Царица и Царевны вышли вѣдѣть за Государемъ запросто. Буеръ опустилъ; остались на немъ только денщикъ, да боярышня, да матросы. Придворные лакеи сняли сундуки съ золотнымъ приборомъ и уехали; пошла за нимъ и Пелагей Андреевна, и дошла было до самой лѣсенки; но денщикъ убралъ царскіи полушубокъ, кожаный передникъ, морскія рукавицы и сапоги, все это навьючилъ на лѣвую руку и подошелъ въ одно время съ боярышней къ лѣсенкѣ. Сошлись, взглянулись, и въ ужасѣ присѣли.

— Омуть! Просто омуть!» ворчалъ денщикъ: «Дьявольское паожденіе. И за чѣмъ это Государь приказалъ этимъ бабамъ носить

лица паружу. Вотъ теперь и пошло колдовство. Въ бѣлый день туманы наводять...

— Онъ меня съѣсть, разбойникъ!» ворчала боярышня: «батюшки свѣты, такъ и глядѣть волнакъ... Второгляхъ фату обронила... и прикрыться не чѣмъ... Ну, сторонка безстыдная; экой позоръ, прости Господи! На женское лице глядѣть будто на торговку... Охъ, сгорю отъ стыда!..

— Ой, не-смогу... Чуръ меня! Наше мѣсто свято. .

— Помель прочь! Отвяжись, безстыдникъ! Непозорь мелячернымъ глазомъ... Снѣпь, пропадай...

— Да воскреснетъ Богъ и расточается...

Неизвѣстно, до чего бы они договорились... На бѣду — у самого буера пробѣгать въ эту минуту одинъ изъ штурговъ царскихъ. Сдена его остановила; видно уже ему не въ первый разъ. Дуракъ смѣкнулъ въ чемъ дѣло и съ хохотомъ закричалъ:

— Полно чиниться! Поцѣлуйтеся! Суженнаго конемъ необѣдешъ...

Эти слова, что некра въ порохъ; съ крикомъ отчаянія и денщикъ и боярышня рванулись на узкую лѣсенку; на несчастіе перевка для опоры была со стороны денщика. Столкнувшись, его удержала перевка; но Пелагей Андреевна перекувырнулась и бухъ въ воду... Тутъ все было забыто... Проворно царскія лещи были сложены на лѣсенку; денщикъ перекрестился, прыгнулъ въ воду, досталъ оглушенную надеіемъ боярыню, вынесъ, поставилъ лицомъ прямо въ огорождъ царскій и безъ оглядки пустился бѣжать, самъ не зная куда, и отъ кого... Царицыны боярышни посѣщили на помощь Пелагей Андреевичъ, и провели ее въ мазанку, назначенную временно для пребыванія Марш Алексѣевны. Царевна уже была тамъ. Досада разливалась по выразительному лицу ея; она сидѣла въ задумчивости и думала Богъ знаетъ о чемъ.

— Гдѣ ты это пропала Палашка?

— Матушка, Государыня Царевна! Отомсти! Не дай срамить вѣрныхъ слугъ твоихъ...

— Что съ тобою? спросила Царевна съ участіемъ.

— Драгуль проклятый, шѣмекій этотъ подорвалъ долговязый, хотѣлъ съѣсть меля...

— Глулости...

— Какія, матушка Царевна, глулости! Какъ только ты ушла, мое солнышко, онъ прискокачилъ и загородилъ дорогу.

— Ну...

— Загородилъ, вижу что не чистый, у него полымя изъ глазъ такъ и пышетъ.

— Ну...

— Вдругъ какъ бросился на меля..... и столкнулъ въ воду.

— Въ воду?! Середь бѣла дня, чуть не на глазахъ нашихъ? Хорошъ пріемъ! Кто же тебя изъ воды вынесъ?

— Ужъ не знаю, чай водяной выкинулъ... Государыня Царевна, заступись и помилуй!..

— Чего же ты хочешь?..

— Чтобы его окаяннаго самого въ воду столкнули, чтобы глаза ему выкололи, грѣховоднику; пусть на женскую паготу не глядѣть, когда случай фату сдернешь; матушка...

— Перестань!... Нѣмецъ... Насъ съ тобою не послушаютъ. Гляди еще скажутъ, что ты его обидѣла; выдать ему головой...

— Помилуй, Государыня Марья Алексѣевна!...

— Нѣтъ! Палаша! Я тебя люблю и вотъ что сдѣлаю. Спрячу! Скажу, что тебя чернилъ глазъ испортилъ, такъ я тебя къ матери съ обозомъ отослала...

— Вѣкъ не забуду милостей твоихъ...

— Кто-то плетъ! Вѣрно за тобою... Спрячься...

Палаша спрягалась за высокую спинку огромнаго кресла, и присѣла. Вошла комнатная дѣвушка и доложила, что какой-то Нѣмецъ пришелъ.

— Такъ и есть!

— Господи, спаси и помилуй.

— Зови! Нельзя отказать...

— Не пускай... сплюхаешь...

Но было поздно. Вошелъ точно Нѣмецъ. На вышивкѣ полахъ, какъ на двухъ шестахъ, болтались кафтанъ, камзолъ и манжеты; лице подъ огромнымъ парикомъ казалось съ кулакъ; руки висѣли, будто маятники; дугой вошелъ онъ; въ комнатѣ оглушилъ въ полукругъ и тихо спросилъ:

«Гдѣ больная?»

— Здорова, батюшка, давно здорова. Испужалась маленько; прошло... Теперь спитъ... Прощай....

— Мога ли бонаяшая аттеция... И Нѣмецъ ушелъ. И Шарена и Палаша отъ радости запрыгали, и вдругъ испугались.

Раздалась музыка на дворѣ; играли на трубахъ и флейтахъ, и такъ громко, какъ будто надъ головою. Пропорали... и вѣрно, тап-ственно, протяжно глухимъ звукомъ раздался удары колокола. Девять разъ пробилъ часы и въ крѣпости ударили въ барабаны. Этотъ бой подходилъ къ мазанкамъ ближе, и ближе. Дѣвушка одна къ другой прижалась и съ трепетомъ ожидала, чѣмъ все это кончится. Но бой ушелъ, какъ пришелъ, и все затихло.

— Ну, городокъ,» сказала Палаша: «колдуньи разные страхи на полѣсебѣ такъ и ходятъ. А хоромы-то, хоромы. Потолокъ рукой доетанешь; поглядѣть изволю, дождь тутъ па сквозь проходитъ; окна будто па той лодкѣ.... чтобъ она.... Чуръ меня.... и вспомнить страшно. Хороши терема, нечего сказать. Па Москвѣ въ ковоховѣ житье лучше....

Шарена печально улыбулась и вздохнула...

— О чемъ, Государыня Шарена?...

— Охъ!.. На Москвѣ, не приведи Богъ, что мнѣ разсказывали...

— Что, матушка Шарена?...

Марья Алексѣевна пригнулась и сказала шепотомъ: «Баили, что всѣхъ насъ въ повый городъ выпесали, чтобы замужъ за Нѣмца поотдавать».

Палаша перекрестилась:

— Для Аннушки Ивановны присекали уже какого-то Нитаевского короля...

— Господи прости!..

— А для племянницы Катиньки, хоть и подоростокъ, а все таки присекали кого-то въ записъ....

Слушай! раздалось почти у самыхъ окопъ мазанки. Это слово было сказано не от-

рынисто, не разговорнымъ манеромъ, а нарѣчь. На бѣду у часового голосъ былъ такой пронзительный, что собеседники поблѣднѣли, и обмерли, когда часовой вытищуть свою беззачетную лоту и смолкъ. Царевна указала на окно, шепнула: Насъ подслушиваютъ... На цыпочкахъ, переступая легонько, добралась до постели; перездвѣваясь, улеглась, и зашавѣвъ опустилась... Палаша не знала, гдѣ се постель, выдти спросить-боялась. Измученная, она недолго боролась съ благодатнымъ сномъ; но увы! и тамъ ей не было покоя. Нѣмецъ съ буера то и дѣло являлся, пламя изъ глазъ, вотъ такъ и жжетъ.... Палаша проснетъся, плачунетъ, отчурается, и опять задремлетъ; да ба,—Нѣмецъ съ другой стороны подходитъ. Едва къ утру ей удалось совершенно отчураться и успеть какъ съдѣлать...

II.

— Это вамъ, господинъ денщикъ, очень можно говорить; но извѣте милость присмотритъ, что въ Катарингофѣ—не много домѣ. Придворца только кухня и людская домъ. Этотъ можно сдѣлать чиста. Большой флюгель; тамъ можна жить шесть персонъ; надзорной маякъ—Царь ужно; оражерей-мой ужно; накаликишка скотна дворъ—тамъ только холодная альтана; въ рожахъ четыре альтана, тожъ холодной; теперь за рѣчкой, гдѣ парникъ....

— Да не умничай, Гаврило Карлычъ! Скажи—и кончено. Изволь таскать цветы въ садъ.

— Вѣь умирать будутъ....

— Не твое дѣло. Государыня съ Шареной и Царевнами помѣстятся во дворцѣ...

— Десять апартаментовъ паверху; внизу девять; внизу жить не можеть....

— Послушай, ты Гаврило! Не болтай много. Выноси цветы, а не то въдъ у меня каюцъ прискал команда; сеницу, такъ мы сами все перетаскаемъ и тебя въ цвѣтникъ па самой серединѣ вмѣсто подсолнечника посадимъ; близоручкой твоей пашивой головы никто и не различитъ отъ....

— Господинъ денщикъ!..

— Ну, поворачивайся....

— Извольте, я поворачиваюсь....

Гаврило Карлычъ Шуретъ, придворный садовникъ, дѣйствительно поворотилъ къ оражереймъ, которые были тамъ, гдѣ теперь три-умфальныя парскія ворота; насвистывая, пошелъ скорымъ шагомъ; а денщикъ отправился къ лодкамъ, цѣлью стоявшимъ между Гутуевскимъ Островомъ и частью берега, цѣль застроеннаго улицами между Обводнымъ Каналомъ, Таракаповкой, Фонтанкой и Невой. Все это пространство входило въ составъ Екатерингофской дачи. Недалеко отъ устья Фонтанки стоялъ тотъ флюгель, гдѣ, по словамъ Гаврилы Карловича, можно было жить шести персонамъ. Лодки стояли противу самаго флюгеля; каноперы выгужали изъ дѣлъ па Гутуевскій Островъ разныя большіе и малые шести, колеса, шты, и тому подобное; фейерверкеры все это устанавливали противу большой зыбавы или бесѣдки, мимо фундамента коей теперь проходитъ Обводный Каналъ. Денщикъ подошелъ къ берегу, посмотрѣлъ на работы и сказалъ: «Ладно! У васъ дѣло идетъ скоро. Да что же кухня и прислуга не ѣдетъ?..

— Залѣсомъ, Константинъ Ивановичъ, ничего не видно; чай теперь уже противу боарекныхъ дачъ (гдѣ теперь заводъ Берда и другіе).

Константинъ Ивановичъ вынулъ изъ-за пазухи большой листъ и сталъ читать Инструкцію, какъ всему чину праздника быть, гдѣ кому изъ придворныхъ жить, какія мѣста отпечистить отъ листьевъ подъ царекіе экипажи... И въ это самое время, какъ опъ перечитывалъ Инструкцію, вѣроятно въ десятый разъ, въ Большой Невы, въ узкій рукавъ, обмылающій западный берегъ Екатерингофскаго Острова, вошелъ па всѣхъ вслахъ и даже съ парусами катеръ; па немъ тма перить, подушекъ, женщинъ; но лицъ не лзя было видѣть; густыя покрывала заслонили ихъ непроницаемо... Только камеръ-медхены и камеръ-фрейлины Царицы Екатерины Алексѣевны одѣты были по Европейскіи, и лицъ не скрывали; напротивъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ па берегу Константина Ивановича, который, замѣтивъ, съ своей стороны, что па катерѣ женскіи поль, покраснѣлъ какъ ракъ и варочно погрузился въ чтение Инструкцій. Напрасная предосторожность; катеръ причалилъ; раздались тотешкіе голосники:

— Константинъ Ивановичъ, полно умнищу корчить; что ты тамъ читаешь?

— Штрументъ Его Царскаго Величества.

— Полно пыль въ глаза пускать, сказала пожилая, но весьма еще пригожая дама. Подай-ка руку; помоги памъ изъ катера па сушу перебраться....

— Хороша суша! Грязь по косточки; не успѣли вамъ дороги намостить. Посидите лучше въ катерѣ, пока мои люди съ огненной потѣхою управятся.

— А когда же мы съ нашимъ дѣломъ управимся? Подай руку! До флюгеля кое-какъ доберемся, а тамъ до самого дворца бѣгъ путь.

— Ну, не лзя совѣтъ. Въ молодой дубовой рошѣ, что Государь у флюгеля прошлой осенью васадыл и запретъ па нее положилъ... тамъ битый путь, что кисель. Какое теперь время для гулянья....

— Ты, Константинъ Ивановичъ, Государю про это скажи!..

— А Государь отвѣтитъ: не твое дѣло, а еще записъ, такъ и дубинкой....

— И па дѣломъ. Не умничай, а подавай руку; вѣдъ ты же сухо стоишь; трава подътобой; вся поляна обсохла. Ну, поворачивайся Константинъ Ивановичъ!

Нечего дѣлать, Константинъ Ивановичъ протянулъ руку выветъ съ штрументомъ. Женщины, сначала личныя, а потомъ и безличныя, опираясь па руку денщика, перепрыгивали па вязкую, влажную сушу; осталась одна и никакъ не хотѣла птти съ катера.

— Пелагея Андреевна, сказала та же дама, что же ты! Пора тебѣ съ здѣшнимъ обычаемъ оевониться. Вѣдъ Константинъ Ивановичъ не укуситъ. Вѣдъ у него лице такое грозное, а сердце доброе. Вѣдъ тутъ не па царскомъ буерѣ; онъ тебя не столкнетъ въ воду.... Ступай, Пелагея Андреевна!

Константинъ Ивановичъ, па дрожавшихъ погахъ, сталъ осѣдате, будто каменная башня па шаткомъ фундаментѣ; но стыдъ держалъ его въ прежней позитурѣ; правая рука съ штрументомъ торчала впередъ и будто указывала дорогу въ Кронштадтъ. Пелагея Андреевна также стало стыдно, что она сѣредь бѣла дня бонтея драгуна; откуда взялась

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Вчера и Сегодня. Литературный Сборник, составленный Гр. В. А. Сологубом, изданный А. Смирдиным. Книжка первая. Санктпетерб. 1845. стр. 164, цена 1 р. 50 к. е.

2. Двѣ Судьбы, былъ Апполона Майкова. Спб. 1845. стр. 80, цена 1 р. е.

3. Назвѣды Гайдамаковъ на Западную Украину, въ XVIII столѣтіи, 1755—1768 годы. А. Скальковскаго, Одесса. 1845. Стр. 250.

4. Типы современныхъ правотъ, представленные въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемыхъ подъ редакціей Николая Кириллова. Сибирь. 1845. Выпускъ I. Третьи калачи, съ 58 рисунками Е. Ковригина, гравированными по дереву барономъ Петелегоретомъ.

Вчера и Сегодня! Грустное заглавіе! — Горькій намекъ на прошедшее и настоящее состояніе Русской Литературы. Вчера — въ этой литературѣ было много достойныхъ дѣятелей; ихъ уважала публика, любовалась и наслаждалась ихъ трудами. Сегодня въ этомъ кругу многихъ нѣтъ; остальные производятъ мало, дѣшно, не охотно и если бы ихъ уважало не приваженіе, безъ сомнѣнія бросили бы перо и занялись другими дѣлами. Потому что литературное поприще стало не свободно отъ совѣтниковъ, съ которыми не всякому приятно состязаться. Въ нѣдрахъ съ талантами, покрѣпней мѣръ съ умомъ или чувствомъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства; но на публичномъ поприщѣ литературы оно безразказанно можетъ подвергнуться несправедливому нападенію людей, которые это высокое поприще считаютъ своимъ бааромъ; эту благородную арену — оброчную своему старею. Мы ни кого не называемъ. Но не могли не обратить вниманія на поводы, уменьшившіе число литераторовъ въ Россіи, которыхъ замѣнили другія лица съ барышней для себя, съ убыткомъ для публики, съ ущербомъ для націй. Вотъ почему нельзя безъ грусти съмотрѣть на колесе и справедливое заглавіе Альманаха, выходящаго подъ редакціей графа Сологуба въ новой, попреченной формѣ. Печально вышелъ Тарантасъ, и въ немъ наивысшимъ, неполноценнымъ свѣтскаго ума, и гнривости и въѣтъ принципіальной наблюдательности. О картинкахъ не будемъ говорить. Мы знаемъ по опыту, какъ трудно у насъ украсить изданіе картинками, которая бы вносила удовлетвореніе извѣстному вкусу. Но въ Тарантасѣ онѣ еще очень хороши, и если бы были тщательнѣе отпечатаны, ихъ можно бы объявить удовольствительными. Еще намъ не нравятся форматъ... И такъ, все то, что намъ не нравится, принадлежитъ не къ Тарантасу, забавному, веселому, изрѣдка колкому; но въ этихъ насѣдкахъ нѣтъ нашей литературной соли. Авторъ обнаружилъ въ этомъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, что и по русски можно шутить мило и забавно, не забывая за острою въларчевни и другія невзрачныя заведенія. Онъ пишетъ, будто вчера, и потому *сегодняшнимъ* онъ не правится, хотя *сегодняшніе* безпрестанно увѣряютъ, что они ученики Карамзина. На покойниковъ грѣхъ взводить напраслину и, полагаясь на невозможность очной ставки, записываться въ друзья Нушкину, Грибодову, Дмитріеву, Крылову. Вѣдь есть живые люди, которые помнятъ, какъ эти ижеитые покойники безпокоили своихъ незваныхъ друзей энграммами, и вообще весьма неважно отзывались о своихъ посмертныхъ благопріятеляхъ. — Вчера учились и доучивались; сегодня недоученые учатъ... Мы вспоминали по этому случаю анекдотъ. Гдѣ-то на водахъ, въ Германіи, Русскій путешественникъ заговорилъ на родномъ языкѣ съ дамою. Старый какой-то любезникъ вмѣшался въ разговоръ на дурачьи русскою діалектѣ, который обнаруживалъ въ немъ не русскаго и сталъ даже поправлять путешественника. Тотъ съ удивленіемъ посматрѣлъ на старика и спросилъ: «Да съ чего вы ваяли поправлять меня? Слава Богу, я учился въ университетѣ, кончилъ курсъ, получалъ ученую степень, — а вы?... — А — отвѣ-

съблость. Бойко пошла она къ Константину Ивановичу, схватила его за руку поцаловала, такъ сильно, что Константинъ Ивановичъ вскрикнулъ, уронилъ Инструментъ, и когда боярышня оторвала свою руку, будто отъ куста крыжовника, Константинъ Ивановичъ стоялъ въ грязи на одномъ коленѣ... Придворный женскій штатъ весьма забавляется зрѣлищемъ; тѣ, которые были съ лицами, такъ и залвлились звонкимъ смѣхомъ; безличныя—однѣ улыбаются и завидовали тѣмъ, что съ лицами; другія—дулись и досадовали на соблазны несквкихъ нравовъ. Къ которому разряду принадлежала Пелагея Андреевна? Развѣ вы думаете?

— Ну, господишъ Фатермистръ,—сказала дама,—пошутили, теперь разводио фатерамъ; чай для Пелагеи Андреевны новый домъ успѣлъ построятъ... Отвѣчай же, куда кому итти?...

— Боже мой!
— Что тамъ такое?
— Царскій штрументъ!..
— Какой штрументъ?
— Тотъ, гдѣ все происано, чему быть и чему не быть. Пропала моя головушка!
— Батюшки свѣты! Царскій наказъ! повскакнули всѣ личныя и безличныя... Да гдѣ же опъ!

— Утопуать, въ Крошлотъ унесло; покажуи еще къ свейскому королю допшыеть! Ахъ Пелагея Андреевна!... шепотомъ досказалъ Константинъ Ивановичъ. Погубила ты меня ии за алтынъ, ии за два... Богъ тебѣ судья! Что я теперь стану дѣлать?...

Дѣвушки бываютъ злы и добры такъ, отъ нечего дѣлать, какъ случится, какъ вздумается. Чуть не всѣ бросились къ берегу, толпились въ грязи, высматривали... наказа итти не было видно... Пелагея Андреевна также было сдѣлала шага три на помощь другуу... Но провъ бросилась къ головѣ, она схватилась за дерево и едва удержалась на погахъ....

Поиски и утѣшенія были напрасны. Какъ впопаяній стоялъ Константинъ Ивановичъ надъ мутными волнами рукава Невы, и думалъ, думалъ....

— Ничего! закричалъ онъ торжественно. Всѣ помню, семпладать пунктовъ; всѣ по пальцамъ перечелъ; всѣ есть; благо, что память у меня не штопаная; ии одинъ не ускользнулъ... Пунктъ первый; ступайте за мной. Я покажу, гдѣ кому мѣститься...

По дѣвушки не шли; окружали Константина Ивановича со всѣхъ сторонъ, и давай расправивать, какъ указано быть празднику....

— Не ваше дѣло. Секретность, которую я законсервовалъ обязаю. Пусть его утопѣтъ, лишь бы кому въ руки прежде времени не попался...

— Да вѣдь мы не разболтаемъ стюрпризловъ.
— Не могу....
— Пелагея Андреевна, попроси ты.
— Ну, такъ теперь нарочно не скажу. Вотъ вамъ!..
— Не скажешь?
— Не скажу ни за что....
— Ну, коли такъ, постой же... Оставьте, не просите его... Мы ему отплатимъ...
(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Н. Кукольникъ.

часть старикъ, шмаля не смущался. — а въ этотъ съ Французами гостилъ въ XII году въ Москвѣ, съдѣственно имѣлъ случаи познакомиться коротко съ нашимъ языкомъ въ сердцѣ Россіи... Забавное право!.. не жене того старикъ считалъ его за-статочнымъ. Таковъ вѣкъ. Всѣ любить учить, а не учиться; оно и легче. Сегодня такъ. Вчера было иначе. И въ этомъ отношеніи мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ на первой книгѣ Альманаха поставлено: Вчера и Сегодня. Тутъ всѣ будто вчерашніе. Сегодняшнихъ нѣтъ и духу, и не будетъ; за это можемъ поручиться. Но кто будетъ читать Вчера и Сегодня? И читателей вчерашнихъ мало нинче, теперь любятъ журнальную перебранку или коверканіе того Паиса, что въ Тарантасѣ. Теперь читатель усесть надъ каштаномъ Вошюма; статей: о Каченевѣ, Шиллерѣ и Гете не разрѣзаетъ; надъ каждымъ стихотвореніемъ дѣлаетъ; прочтетъ только Артемія Семеновича Беренковскаго, статью гр. Толстаго, и Собачку графа Сологуба... Прочтетъ и скажетъ: хорошо! да ужъ слишкомъ чинно; благородно что-то; недостаетъ френку; никому не достаетъ; никто не радуется; по карманамъ ничего не придрался; не современно; видно, что новички; что это, собачка, а ничего не уяснилъ, никому не было; будто дама въ разсказано. То ии дѣло, когда читатель самъ смахиваетъ на зѣвря; такъ и залвлиется, подобо дорого читать; будто видишь какъ его подмигиваетъ. — Вотъ литература, а это что... Въ старину было бы хорошо, а мы люди образованные, у насъ другіе потребности; сегодня не вчера! — И тотъ же. Читатель не виноватъ, какъ ребенокъ, который всю жизнь только и шѣлъ какъ его гувернеръ бранился и сердился; онъ и въ свѣтъ будетъ нескать тѣхъ же зрѣлищъ, къ которымъ привыкли его гувернери. — Билъ Г. Манкова принадлежитъ къ двумъ періодамъ; герой поэмы — человекъ сегодняшній; хотя вчера въ немъ было несколько добра; но за то стихъ вчерашній, хотя и написаны его стихъ... Много чувства, много хорошихъ мыслей и стиховъ; патежа прекрасная, и — уши — безнадѣжалъ. — Сегодняшніе не дадутъ ей сбыться. Вотъ еще книга, изданная для вчерашнихъ и сегодняшнихъ. Назвѣды Гайдамаковъ на Украину. Вчерашніе найдутъ любопытную картинку этого страшнаго сброда дикихъ разбойниковъ, напавшихъ ужасное южнѣе области старой Польши, въ XVIII вѣкѣ. Гайдамаковъ наирочно смѣшивали съ Запорожцами. Конѣ пресѣловалъ ихъ сколько могъ и содѣйствовалъ къ истребленію этихъ опасныхъ ватагъ. Великая напсана для одной исторической повѣсти о ужасной свѣтъ, произведенной Гайдамаками въ г. Уманѣ. Исторія стоить романа, ужасныя свои въ отсутствующаго всей повѣстѣй школь французской, съ Вѣчными Жидомъ, включительно. Новѣтъ эта обяелена предпріятельными старьями и обогащена весьма любопытными приложениями. Для *сегодняшнихъ* — также будетъ занятъ; въ этой книгѣ тмъ опечатокъ... До сихъ поръ о Назвахъ почти ничего не писано; вѣроятно не читаны. Мы открываемъ для аргонавтовъ Кохладу... Г. Скальковскій не приложилъ къ своей книгѣ — критики, не испечисить опечатокъ.

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о новомъ издѣствованномъ изданіи Г. Кириллова. Издатель и сочинитель пераго Тина увлекся, кажется, школою Гоголя; и обратилъ ратное копѣе свое противъ мелкихъ уездныхъ чиновниковъ, которымъ теперь, можетъ быть, и не по заслугамъ достается. При всѣмъ томъ мы прочли весь разсказъ, просмотрѣли всѣ картинки. Записалъ теперь во многихъ иллюстраціяхъ такой общій, что не находи картинности въ текстѣ; рисовальщики првлзываютъ къ случайному сравненію, къ риторическимъ фигурамъ пзложенія, и разрисовываютъ, такъ сказать, постороннія мысли автора. Для знакомства читателей нашихъ съ художественною стороною изданія Г. Кириллова, прилагаемъ нѣсколько подлиннѣйшъ изъ этой книги; считаемъ обязанностию прибавить, что прочія гравюры не хуже приложенныхъ.

(Городничій въ азартъ).

(Шарманщикъ).

(Вѣсть о Ревизорѣ).

(Почмейстеръ).

(Потѣхи на Крестовомъ).

(Уздная барышня).

(Заслѣдатель).

(Встрѣча Ревизора).

(Расплатѣть опскупивъ).

(Писцеловъ).

(Занятіе Ревизора въ столицѣ).

(Открытие узданаго бульвара).

СМЪСЬ

РАЗНЫЯ ИЗВЪСТІЯ.

— Если на землѣ нѣтъ ничего любовнаго, то за то на небесахъ на этой недѣлѣ происходила такая явленія, которая полтора года тому назадъ перенукали всю Россію. Кольцеобразное солнечное затмѣніе, по маршруту астрономамъ, началось въ Петербургѣ во вторникъ въ 11 ч. 22 м. утра. Но, противъ ожиданія, особенной темноты не было. И знаемъ законы, и понимаемъ естественность явленія, а все таки на сердцахъ какъ-то не ловко, на душѣ холодно вѣетъ. Къ солнцу, къ душѣ, и къ вѣчнымъ звѣздамъ мы привыкли, и порядкомъ ласливѣ такъ приучили наши понятія къ ихъ необходимости, что ни одно ежедневное свѣтло не заставляетъ насъ мыслить о механизмахъ природы; но затмѣніе солнца, потрясла нашъ организмъ благоговѣннымъ трепетомъ, въ то же время возбуждаетъ вопросы и диктуетъ отвѣты, которые не слишкомъ нравятся человѣческому самолюбию. Въ Петербургѣ нельзя было замѣтить произвелоли затмѣніе какою вліаніемъ на животныхъ; хотя достоверно извѣстно, что и бесловесные въ этихъ случаяхъ разделяютъ тоску человека.

— Кометы не подлежатъ маршрутамъ астрономическаго обсерваторіи; приходить и уходить безъ позвѣнія. Мы ихъ не видимъ, и потому о нихъ не беспокоимся; а кометы почти всегда гуляютъ по нашей системѣ; вотъ и теперь сколько ихъ у насъ въ гостяхъ. Г. Араго доноситъ парижской академіи наукъ, что новая комета открыта въ Пармѣ, 5-го февраля, господиномъ Коцца; зато же комета замѣчена въ Севалпѣ, 7-го февраля, господиномъ Куперомъ; и что Г. Петерсъ сдѣлалъ объ ней приблизительныя исчисленія. Состояніе неба до сихъ поръ прелестнѣвало парижскія астрономы видѣть эту комету. Въ журналѣ Англійскій Гвіанъ помѣщено извѣстіе объ открытіи кометы, 16-го декабря 1844 года. Кроме того, г. Араго сообщилъ академіи письмомъ г. Вико, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ объ открытіи телескопической кометы съ обсерваторіи римскаго университета, 25-го февраля. Комета находилась въ созвѣздіи Большой Медвѣдницы; 6-го марта, то есть прежде, нежели извѣстіе это дошло до Парижа, комета была уже замѣчена тамъ г. Фейель.

— На этой недѣлѣ мы получили парижскія письма отъ М. П. Глинки и о М. П. Глинкѣ. Берліозъ написалъ статью о нашемъ композиторѣ, и помѣстилъ ее въ *Journal des Debats*. Молчать пока. Но, кажется, придется представить на судъ читателей нѣкоторыя объясненія по поводу этой статьи. Ожидая еще нѣкоторыхъ извѣстій и справокъ. М. П. Глинка отправляется теперь въ Испанію, проведетъ лѣто въ Мадридѣ, зиму въ Андалузій. Думаемъ, что въ музыкальномъ отношеніи Испанія для М. П. принесетъ больше пользы, чѣмъ Парижъ. Тамъ онъ намѣренъ заняться оперой, а ужъ если не оперой, то во всякомъ случаѣ — композиціей...

— Если мы бѣдны новостями, то по крайней мѣрѣ увѣшительно то, что и иностранцы не богаче насъ. Журналы наполнены слухами и мелочными толками о томъ, какое платье было на графинѣ или княгинѣ такой-то, во время какого-то весенняго гулянья; какаго актриса намѣревается ѣхать изъ Парижа въ Лондонъ, или обратно; какою актрисой отойдетъ отъ одного театра къ другому; какіе престестные чай дастъ Рашель; кто у нея бываеетъ; какъ авторы ссорятся съ издателями; какой процессъ г-жа Берто, актриса, затѣяла съ директоромъ за то, что изъ уборной ея убрали одну лампу; какую неслабую драду написалъ мосье д'Арденкуръ; какъ Люсилъ Гранъ, по словамъ французскихъ же журналовъ, передвѣсившая въ Петербургѣ ногу, въ Лондонѣ танцуетъ фантастическую, утонченную мазурку и проч. и проч.

— Въ французскіе журналы толкуютъ о сержантѣ князя Тюфякина, и рассказываютъ о немъ тысячу анекдотовъ. Князь Тюфякинъ, въ послѣднее время постоянно проживавшій въ Парижѣ, началъ поприще свое тѣмъ, что поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Вышелъ въ отставку, объявилъ сдѣлать камергеромъ, женился, и въ корот-

кое время лишился жены. Въ 1801 году, онъ оставилъ Петербургъ и приѣхалъ въ Парижъ, во время консульства. Около 1811 года, князь Тюфякинъ воротился въ Россію, вмѣстѣ съ посланникомъ Курякинымъ. Послѣ кончины Нарышкина, онъ былъ пожалованъ директоромъ петербургскихъ и московскихъ театровъ и находился въ этой должности до 1820 года. Князь Тюфякинъ, какъ страстный приверженецъ всего французскаго, пригласилъ въ Петербургъ Боселье, въ сочиненія котораго были играны въ то время на столичныхъ театрахъ. Кроме того, въ его же время были играны въ Петербургѣ и Москвѣ всѣ балеты парижскаго репертуара: *Тельмакъ, Пина, Павелъ и Варинья* и др.

Въ 1820 году, князь Тюфякинъ опять уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и оставался до июльскія революціи. Тогда онъ поѣхалъ въ Виену, и посѣтъ двухлѣтняго путешествія опять вернулся въ Парижъ, гдѣ и скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

— Молодому Французскому композитору пришла мысль, достойная нашей эпохи: онъ хочетъ положить романы Вальтера-Скотта на музыку. Первый выпустить: *Замокъ Кенильвортъ*, уже вышелъ.

— Съ нѣкотораго времени стали тревожить прахъ древнихъ писателей. Берліозъ первый подалъ примѣръ всей Европѣ, и онъ же превзошелъ всю драматическую Европу: столица Пруссіи влечетъ за собою прочія столицы къ прогрессу. Въ послѣднее время была играна въ Берлинѣ комедія Ивана Менкхми — по какъ играна? На *ташкентскомъ языкѣ* студентами!.. Въ то же представленіе были пропѣты четыре оды Горация, положенныя на музыку г. Тауберомъ.

— На предстоящей парижской художественной выставкѣ особенно замѣчательна картина изъ *современной исторіи*, какъ говорятъ Французы, картина Гораса Верне: *Валтисъ Салмы*. Она имѣетъ 25 метровъ длины и 5 метровъ вышины. Кроме того публика толпится у картинъ: *Кань Марино Фалеро*, г. Роберта Флери; *Извѣстіе дубовой*, г. Гошена; *Мастерская Алжлика*, г. Шабе; и *Неизямы*, г. Гоштейна и Леона Флери.

ПЕРЕПИСКА.

С. Приносимъ живѣйшую признательность за доставленіе губернскихъ вашихъ вѣдомостей, — и должно сказать откровенно, что сдѣлали вы лучше. Впрочемъ, всѣхъ мы не получаемъ; говоримъ о тѣхъ, съ которыми удалось познакомиться. — Намъ советъ, продолжайте, какъ начали... Время обогатило вашу неофициальную часть мѣстными любопытными свѣдѣніями, потому что вы объ этомъ заботитесь, и совершенно постигаете назначеніе этого отдѣла. Тогда только онъ сдѣлается интереснымъ для всей Россіи, когда будетъ заключать историческія, статистическія, географическія и топографическія спеціальныя статьи, собственно до вашей губерніи относящіяся. Желанія ваше, кажется, исполнено, а за приемыя газеты еще разъ благодаримъ.

Р. И. С. — Подумаемъ.

А. А. въ К. Не бойтесь! Кто дѣйствуетъ по доброй совѣсти, съ усердіемъ и желаніемъ добра всѣмъ и каждому, тому нечего бояться.

SS. Простите; мы попустили не думая, что шутка наша найдетъ виноватаго; сердиться не за что; сердитесь — на себя.

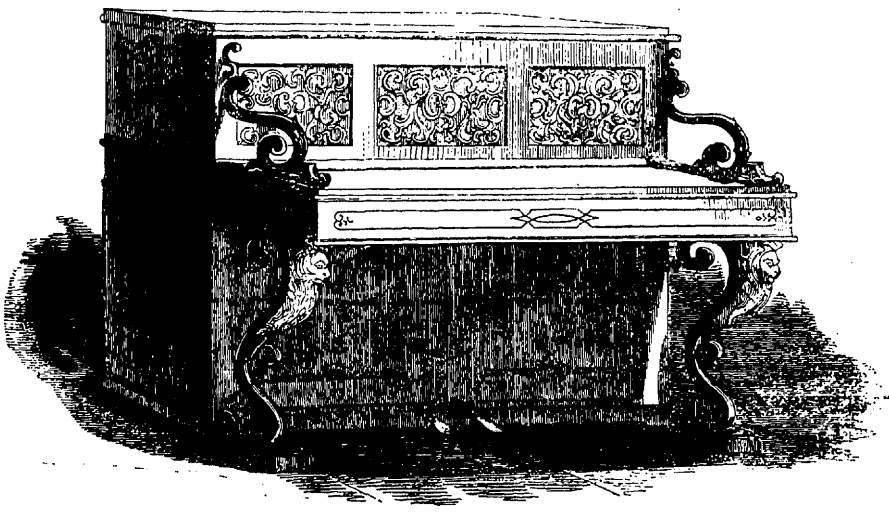
А. Т. Трактатъ вашъ о преферансской задачѣ весьма основателенъ, но — не то; вы не угадали. Мы отложили загадку, чтобы дать вамъ время глубже выискать въ этотъ странный случай.

Въ *Варшаву* З. Л. Норто — стоитъ дорого. Пластираціи получаютъ у насъ и потому можемъ писать печатно. Съ петербургскимъ ожидаемъ извѣстій объ Эльснерѣ; не имѣе того свѣдѣній о молодомъ лѣтѣхъ Шюена и о другихъ композиторахъ, вышедшихъ изъ школы Эльснера и Вюрфеля. Книжъ мы еще не получали. Рисунки также; впрочемъ послѣдними не сбились. Мы послали въ Парижъ болѣе ста рисунковъ; у нашихъ граверовъ полны руки работъ; въ редакціи много рисунковъ, которыхъ и дать некому рѣзать. Недостатка не предвидимъ. Варшавскіе подписываютъ къ своему вреду. Лучше позже, но поаккуратнѣе.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Въ Библіотекѣ для Чтенія и въ другихъ журналахъ, что-то очень дружно заговорили о инструментахъ г. Лихтеншталя. У всякаго свое воззрѣніе, свой вкусъ и свое ухо. Слѣдственно и сужденія бываютъ различны; но именно для того, чтобы судить о музыкальныхъ инструментахъ, надо имѣть

и вкусъ и ухо и свѣденія въ механикѣ. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Библіотеки и, не смысливъ ни на мифій Листа, ни на другихъ свѣдѣльства, считаемъ обязанностію обратить вниманіе нашихъ читателей на произведенія, выходящія изъ мастерской г. Лихтеншталя. Кто споритъ, у насъ и до Лихтеншталя дѣлались инструмента, и дѣлаются, и покупаются, и покупаются. Въ этомъ

выгода спекуляторамъ; но мы переслушали лучшихъ изъ нихъ и при бойкой игрѣ, напр. Деллера, ощущали въ ухѣ какой-то хаосъ звуковъ, путаницу нотъ, и не обвинили артиста, потому что знали, гдѣ причина. Лихтеншталя нельзя сравнивать съ другими мастерами. Не унижая никого, должно сознаться, что онъ не фабрикантъ, а художникъ.

Его четырехъголные рояли, его компактные флигели, его смѣльные клавишныя, и вообще полноты фортепианныхъ механизмовъ Лихтеншталя, заслуживаютъ особенное вниманіе и увѣчаютъ возможность всякаго сравненія. На первый случай представляемъ компанію флигеля, который нынѣ г. Лихтеншталя окачиваетъ для Ел Мундга-

торскаго Высочества Великой Княгини Марии Николаевны. Если бы вы не заскучали, мы бы вам показали и внутренности, например квадратнаго, ройля, который имѣетъ совершенно ту же силу, что и обыкновенный ройль. Ожидаемъ вашего приказанія.

МОДЫ.

Такъ и есть! Мы не ошиблись! Буря модъ началась! Появились вышитые шарфы, въ алжирскомъ родѣ. Это названіе конечно ничего не объясняетъ; но мы не нашли рисунка и успокоились; довольно, что эти шарфы вышиты; любительницамъ шитья — пріятное занятіе, но вышивайте поскорѣе, потому, что вѣдь это мода. Какъ поручиться, что куда вы получите наши листы, пока поставите пяльцы, подберете шелки, въ Пари-

жѣ не будетъ уже ни одного, не только вышитаго, никакого шарфа. Вотъ мантильи — дѣло иное. Парижъ имъ обѣщаетъ не долговѣчность, а вѣчность, но и тутъ есть важныя реформы. Во-первыхъ черныя тафяныя уже не носятъ; черный цвѣтъ сподозъ съ мантильи; извольте нѣтъ дѣлать изъ матеріи цвѣта такъ называемаго de Fanisise, алаовые съ бѣлыми, зеленые съ лиловыми отпивою; сюда не угодно ли вашимъ мантильямъ дать круглый покровъ, а спереди убрать не большіимъ рюшемъ изъ атласныхъ лентъ — и у васъ будетъ модная парижская мантилья. Съ шляпками — бѣда. Пола възду разошлись на ужасную дистанцію; хорошо если вы носите локоны, а нѣтъ, такъ мы ужъ и не знаемъ, какъ помочь горю. Впрочемъ, за тайну, мы вамъ скажемъ, что и въ Парижѣ эта мода плохо принимается; дамы бунтуютъ; такіа шляпки замѣчены только на самыхъ отчаянныхъ шего-

лизахъ; въ Петербургѣ она еще и не показывалась.

Платья очень скромны, какъ видите; съ передникомъ изъ ленты и кружевъ и съ такими же наручниками; корсажъ застегнутъ будто мундиръ и довольно высокій; само собою разумется, что это утренній костюмъ.

Между мужчинами и мужскими модами все еще миръ и тишина; фракъ съ длинной и широкой та-

ліей; носить и тѣ и другіе; но первыхъ больше. Вотъ жилеты, тѣ больно длинны, шалю, больше всего желтые или свѣтлобѣрые.

Сюртуки — въ талъдъ вѣрнко узки.

Шляпы не высоки, а поля узенькія и подняты вверхъ... Наконецъ... Это самая важная новость: шейные шарфы завязываются гораздо короче, п уже не закрываютъ, какъ прежде, рубашки.

РАЗВѢЩЕНІЕ ЗАДАЧИ № 1.

БѢЛЫЕ.

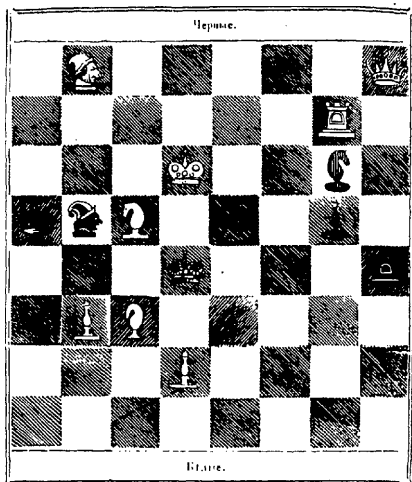
- 1. Сл. на 6 м. К. корою.
- 2. П. Л. 1 слово.
- 3. Сл. на 7 м. съ.
- 4. Сл. на 4 м. Сл. Кор.
- 5. Сл. на 2 м. Ф. — и мать.

ЧЕРНЫЕ.

- П. Сл. 1 м.
- П. береть П.
- П. Л. 1 м.
- П. Л. 1 м.

ЗАДАЧА № 2.

БѢЛЫЕ ХОДЯТЪ, И ВЪ ПЯТЬ ХОДОВЪ ДАЮТЪ МАТЬ.

РАЗГАДКА.

Шутъ-каша-луна не разъ сняла маску съ лица дѣтра.

Шутка шалюна не разъ сняла маску съ лица мѣтра.

ЗАГАДКА № 4.

Б А І Е Н О И

Гелваръ Июль
Февраль Августъ
Мартъ Сентябрь
Апрель Октябрь
Май Ноябрь
Іюнь

НЕ

ТЪ

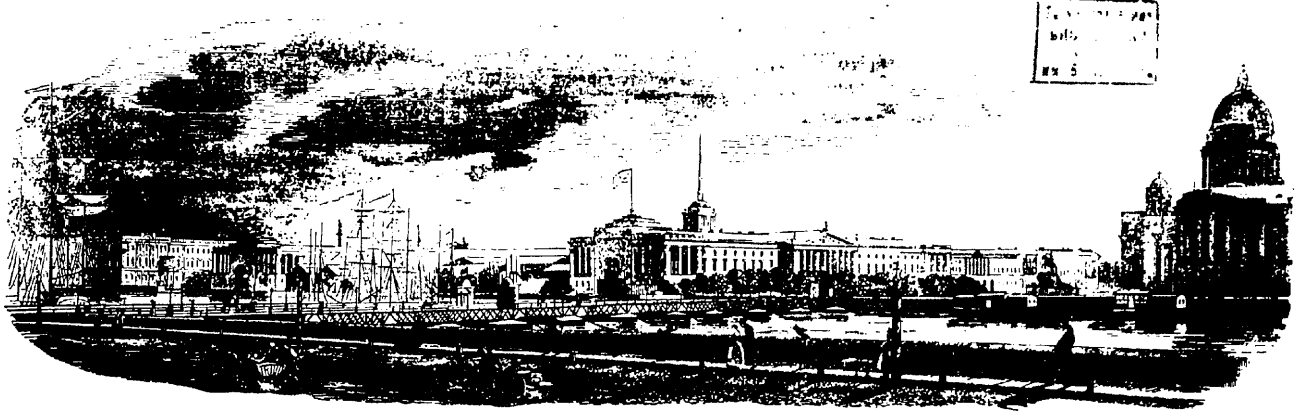
СОДЕРЖАНІЕ : Мартъ и Апрель. — Путешествіе по всей Россіи : Нарва (Окончаніе. П. Р. Фурманна. — Музыка : Петръ Великій, ораторія, статья Г. Зальсера. — Валгалла — Парусный экипажъ. — Входъ въ Зуваль (изъ путевыхъ записокъ) М. О. К. — Сельское Хозяйство : Есть еяво есть и хлѣбъ. — Наша Статуэтка (съ Франц.). — Анекдоты. — Святскія Новости... — Инструментъ, погнѣтъ изъ арсену Петра Великаго. Н. Кукольника. — Повея (книжн.). — Сивъ : Разныя Извѣстія. — Музыкальные Инструменты. — Моды. — Шахматы. — Загадка.

ГРАВІЮРЫ : Портретъ Графа Н. С. Мордвинова — Нарвскій водопадъ. — Общій видъ Валгаллы. — Зала Валгаллы. — Парусный экипажъ. — Замокъ Кронсборгъ. — Домашній Спектакль въ домѣ Графа И. И. В.-Д. — Тертый камень. — Пяльцо или компактный флятель Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Николаевны. — Моды. — Шахматы. — Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер. в пересылку : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. **Т. I. № 5.—Суббота, 5 Мая 1845.** Безъ доставки На годъ 10 р. сер. в пересылку : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ИНСТРУМЕНТЬ.

повѣсть пѣзъ времяѣ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Окончаніе).

— Не боюсь я васъ чечотокъ...

— Поглядимъ, посмотримъ!

И дѣвушки вошли во флигель и стали заниматься своимъ дѣломъ; а девищикъ, повторяя въ полголоса: пунктъ второй, пунктъ третій... и, заучивая, такимъ образомъ, наизусть инструкцію, пошелъ къ Гаврилу Карловичу...

— Ну, — Палаша, сказала дѣвушка съ лицомъ, — поддѣла ты парня знатнаго; только онъ, слышно, большой прыга; говорятъ, на многоихъ сватался.

Пелагея Андреевна въ это время разкутывала свое покрывало; вдругъ вскрикнула и присѣла.

— Что такое, Палаша?

— Ничего, ничего, — отвѣчала она, дрожа, и спрятала руки назадъ.

— Какъ ничего?

— Таракашка по стѣнѣ такой большой пробѣжала, чернѣй такой, ухъ... страшно...

— Еще бы! Тутъ зимою кто жить? Холонья, сторожа, — такъ и не диво... Ну, однако, поидемъ во дворецъ, надо покои поубрать, постели переслатъ; дѣвушки однѣ и не смогутъ, и все такъ присмотръ нуженъ; поидемъ, Палаша...

— Сей часъ! Бостроги поправлю... Ступайте! Я догоню! Ушли. — Ахъ ты Господи! А инструментъ-то у меня въ фатѣ заплутался. Отдай имъ! Какъ бы не такъ! Вѣдь чего добраго, есть и грамотный, — прочтуть; всю тайноспъ Царевнамъ перескажутъ; Государь разсердится.... Вѣднѣй Константинъ Ивановичъ! Что съ нимъ будетъ! — А какъ Государь спроситъ про этотъ инструментъ. Государю лгать нельзя. Потерялъ, обронилъ... Опять достанется. Вѣднѣй Константинъ Ивановичъ!

Пропалъ, — а мнѣ какъ ему помочь? Самой отдать? на смѣхъ подымуть; и такъ только въ дѣвичьихъ и рѣчи, что про него. Унаси Господи, какъ узнать. Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

— Палаша!

— Вотъ тебѣ разъ... Зовуть... Видно смѣкаютъ, за мною присматриваютъ.

— Палаша! Бѣги скорѣе, шути прѣехали.

— А мнѣ что за дѣло. Не шути, а шутихи. Вамъ бы только чтобъ надъ Констанциномъ Ивановичемъ смѣяться. Что онъ вамъ сдѣлалъ? Не васъ онъ въ воду обронилъ? Меня... Такъ мнѣ съ нимъ и расчитываться... А ужъ инструментъ вамъ не выдать какъ ушей своихъ.

— Государь ѣдетъ! раздался голосъ въ саду.

— Боже мой! Сгубила я Константина Ивановича! И съ этими словами, спрятавъ за пазуху роковой инструментъ, боярышня выбѣжала изъ флигеля, и сама не-свола, остановилась у прѣтани, въ то самое время, когда Государь, стоя на рулѣ красиваго катера, пробѣжалъ мимо. Между гребцами можно было узнать Мешникова, Апраксина, Зотова, другихъ вельможъ и многоихъ иностранныхъ резидентовъ. Константинъ Ивановичъ былъ уже на своемъ мѣстѣ и салютовалъ Царскій катеръ семью пушечными выстрѣлами. Царственная семья вышла на берегъ въ большихъ дѣвчичкахъ. Гаврило Карловичъ успѣлъ выставить въ главный или собственный садъ чуть не всѣ цвѣты изъ теплицъ. Хотя деревья чуть чуть опушались мелкой зеленью и какъ будто на весну собирались; но за то въ цвѣтникахъ было полное лѣто, июль мѣсяць. Гости, одни за правду, другіе притворно, дивились. Только Государь не обращалъ вниманія на цвѣты; простился съ своими, и въ сопровожденіи одного только Константина Ивановича, отправился на легкой лодкѣ на взморь. Посѣтилъ свой маякъ, объѣхалъ Трухтановъ Островъ, и, по Таракановѣ, обошелъ большую часть Екатерингофской дачи, до того мѣста, гдѣ за теплицами подымалась красивая семья молодыхъ дубовъ, насажденныхъ собственною рукою Великаго Хозяина.

— Стой! закричалъ Государь, это уже не буря, а рука злаго чловѣка. Гдѣ сторожъ?

Но сторожа не было. Гаврило Карловичъ, откуда ни возьмись, и доложи Государю, что третій сторожъ сбѣжалъ уже съ этого поста; что тайный воръ приходитъ правильно каждую недѣлю разъ, вывернетъ три дуба съ корнемъ и пропадетъ, будто съвозъ землю провалится; что всѣ предосторожности оказались безуспѣшными. Государь слушалъ Гаврилу Карловича съ неудовольствіемъ; но не сказалъ ни слова; махнулъ рукою и пошелъ къ дворцу по аллеѣ, которая существуетъ и нынѣ, но уже не аллея, а улица, довольно пустынная, многозаборная.

— Слушай, Костя! Я этимъ Нѣмцемъ доволенъ. Шлугуетъ. Это его штука. Пай сторожей остается у него въ кармаѣ. Много рабочихъ дней на дубовую рошу даромъ написано; будто онъ шалости воровскія каждый день исправляетъ. Понимаешь?

— Понимаю.

— Такъ мнѣ кажется. Надо изловить вора. Не можешь ли ты?

— Могу, Государь, коли для того только усердіе нужно...

— Ну, такъ займись этимъ.

Государь вошелъ во дворецъ, а Константинъ Ивановича неволи подмыла и пошелъ прямо къ флигелю, гдѣ у открытыхъ оконъ сидѣли компантъныя боярышни. Смеркалось. Но въ глубинѣ нижней комнаты Константинъ Ивановичъ замѣтилъ Пелагею Андреевну, и не зпалъ, идти ли впередъ, или обратно. Но у молодости орлиное зрѣніе; дѣвушки завидѣли девищника и хоромъ звали его подойти къ окну.

— Что, Константинъ Ивановичъ! Не пашли инструмента?

— А гдѣ его найдешь? Да и не нужно. Я все помню, у меня все въ порядкѣ. Государь доволенъ...

— А какъ узнаеть, что инструментъ пропалъ, плохо будетъ.

— Повишю, помилуетъ, вѣдь пенаромъ... Ну, прошайте чечоточки. Пора па

покой. До свѣта надо за дѣло принимать ся...

— А ты во дворцѣ вышлясывать сегодня заморской пляски не будешь?

— Что я, медвѣдь ученый, что ли? У насъ, по деревнямъ, дворянъ этой потѣхъ не учили, такъ ужъ не подь стать въ мои лѣта погн себѣ выламывать. Моё дѣло солдатское. Вотъ пойду вора сегодня стеречь въ дубовой рошѣ, что за теплицами. Чай думаетъ: теперь тамъ веселіе, имъ не до меня. А я его изловлю, да въ кѣтку и закуפורю. Прощайте! Желая веселиться...

— Мы-то будемъ веселиться, сказала одна боярышня, оправляя на себѣ венгерское платье, какъ тогда называли; а ужъ ты поцѣлешься за то, что не сказалъ, какъ завтра насъ тѣшить будутъ... Чай дуракъ ужъ проговорился. Камеръ идетъ; видно за нами...

Боярышня угадала, камеръ-лакей объявилъ, что во дворцѣ ждутъ дамъ. Всѣ поднялись. Къ общему удивленію, Палаша стала одѣваться, а пока другія охорашивались передъ зеркаломъ, она уже была готова и пошла вслѣдъ за подругами, смѣло, бойко, какъ будто вся старина разомъ съ плечъ ея свалилась. На дорогѣ она маленько поотстала и завела рѣчь съ камеромъ; но скоро присоединилась къ переницѣ боярышень и вмѣстѣ съ ними вошла во дворецъ.

Во дворцѣ... Мы ужъ привыкли всѣ домики Петра Великаго называть дворцами, хотя они даже меньше чѣмъ домики. Вспомните Нарвскій, Ревельскій, Петербургскій и другіе, — и, не правдали, они не многимъ отличаются отъ сардамской квартиры Великаго Мастера? Почему и не удивительно, что Екатерининскій, даже сами царственные особы, называли дворцемъ, потому что тутъ была и есть довольно большая зала, въ которой удобно могъ поплясывать менюэтъ въ 8 паръ. Верхнія комнаты были убраны великолѣпно, — по тогдашнему; китайскія ширмы и мебели возбуждали удивленіе не только Царицы Параскеи и Царевенъ, но даже и резидентовъ. Последнимъ, только не извѣстно почему, не советамъ правились мѣдныя обронныя картины съ латинскими надписями, *Stusselberg iactu, Petropolis fundat, Narva expugnata, Proelium Kalisz...* Петръ Великій поглядывалъ задумчиво на эти изображенія. Ему были уже извѣстны планы короля шведскаго на Россію; но онъ еще не зналъ навѣрно, куда: на Сѣверъ, Югъ или Востокъ направить стопы свои Карлъ XII. — Въ другихъ комнатахъ верхняго этажа мебель была еще самая простая; во уже въ одной изъ нихъ стояли англійскіе часы съ курантами, и разыгрывали какую-то штуку къ неопишуемому удивленію боярышень, которыя собрались сюда и ждали пока укажутъ плясать. Между боярышнями вырлялы шуты; другой прислуги не было.

«Графъ!» сказала пожилая дама, съ которою мы уже не много знакомы: «Что же ты, про штрументъ разсказалъ?»

— Не могу къ Нему подойти! отвѣчалъ Дакоста, — Нѣмцы кругомъ да около стоять заборомъ; все знаешь тузы; ихъ задирать не приказано. Балакиревъ разъ прощраля что-то о Нитавскомъ королѣ, такъ

потомъ и самъ не радъ былъ... А тутъ теперь, поглядь все какіе: царской, аглицкой, Богъ знаетъ кого нѣтъ. Говорятъ самъ водяной изъ моря окаяна прислалъ посла; такъ гдѣ уже тутъ нашему сѣятельству, между такихъ персонъ, путаться... Еще успѣемъ... А будетъ потѣха; напоютъ Константину Ивасовичу голову; и по дѣломъ; важничать. Когда я, или Балакашка, или другая букашка пзъ нашихъ, мимо проходитъ, — онъ непремѣнно плюнетъ... Пстой, пстой, теперь ты отъ меня не отплюешься. Ну, на силу! Видно-то Константинъ Ивасовичъ самыя плохія лодки подь флейты поставилъ. Видишь, чуть не о полуночи пожаловали...

Графъ Дакоста, главный шутъ царскій, сказавъ это, побѣжалъ по всѣмъ верхнимъ комнатамъ и кричалъ: Кто въ плясъ, кто въ присядку? Милости просимъ, пожалуйте, а я на бубнахъ буду играть съ музыкой... а вы подтягивайте!...

Всѣ вляли приглашенію и сошли въ нижнюю комнату, которая называлась большое зало. Музыканты играли на крыльцѣ; мужчины подходили къ дамамъ благочинно, чуть не на цыпочкахъ, составлялись пары. Государь окинулъ взоромъ собраніе и спросилъ: а гдѣ же Костя? Опъ у меня на завтра комендантомъ.

— Костя? лукаво спросилъ Графъ: «Изволитъ штрументъ отыскивать, что Ты ему дашь...»

— Какъ? Опъ потерялъ мою записку? Быть не можетъ. Позовите его сюда!

Пелагея Андреевна задрожала, поблѣднѣла. Забывшись, выступила было впередъ, но, замѣтивъ, что всѣ мужьяны глядятъ на нее съ жадностію, бросилась въ другую комнату; оттуда на широкое деревянное крыльцо, гдѣ стояла музыка; оттуда въ аллею, и тутъ ужъ безъ оглядки пустилась бѣжать все прямо, да прямо, къ дубовой рошѣ... На бѣгу она не замѣтила, да и на тихомъ ходу не могла бы увидѣть, что по дорожкѣ, вершка на три отъ земли, протянута веревка. Само собою разумѣется, что она зацѣпилась, упала, и, только благодаря времени года, не ушиблась, потому что земля походила на кисель. Но лучше бы ушибиться, чѣмъ встать, какъ встала Пелагея Андреевна...

«Попадется!» съ громкимъ смѣхомъ раздавалось со всѣхъ сторонъ:

«Сюда! Сюда! Огня, огня!»

Первый прибѣжалъ Константинъ Ивасовичъ, и со всѣхъ ногъ, всѣмъ корпусомъ своимъ, повалился на Пелагею Андреевну, продолжая кричать: Огня, огня!..

Канопры, отвернувъ потаенные фонари, освѣтили клочекъ земли, гдѣ происходила сцена... Константинъ Ивасовичъ хотѣлъ повернуть къ свѣту лице пойманнаго вора; но воръ упрямо защищался.

— Пстой, пстой, не удастся! Видишь какой хитрый. Въ женскій полъ нарядился; вотъ я тебя лицомъ прямо къ Государю поставлю... Ну, показывай свою воровскую рожу!

— Да, вы Константинъ Ивасовичъ, пощекочите; можетъ воръ шекотки бонется, сказалъ канопиръ, подставляя фонарь какъ можно ближе къ Палашѣ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ.

— Константинъ Ивасовичъ, Константинъ Ивасовичъ, помилуй! Закричавъ истерически, Пелагел Андреевна схватила за руки деньщика... Константинъ Ивасовичъ забормоталъ на какомъ-то дикомъ языкѣ, хотѣлъ вырвать руки, но Палаша, боясь шекотки, не пускала.

— За правду женскій полъ! сказали канопры и отступили.

— Господи Боже мой, спаси и помилуй! бормоталъ невнятно Константинъ Ивасовичъ. Наше мѣсто свято, чуръ мена. Да воскреснетъ Богъ и расточаетъ врази... Выручайте, ребята... Оборотень... Оборотень... Пелагея Андреевна перекинулась... Эй ребята, ухватите меня за мундѣръ... тащить... право тащить... не выдайте, ребята!

— Константинъ Ивасовичъ! жалобно прошептала боярышня. Да это я...

— Не ты, не ты! Лжешь! Не обманешь... Голубчикъ товарищи, что же вы? Не я буду, нечистая сила, рукъ не могу высвободить, помогите!

Геніальная мысль посѣтила простодушную дѣвушку...

— А пускай посмѣютъ подступиться. Я—вѣдьма! За чѣмъ въ мою рошу ходите. Всѣхъ васъ изжарю. Вонъ отсюда!..

Канопры, и такъ уже приготовленные къ чему-то сверхъестественному, какъ будто только и ждали этого приказанія; побросали фонари и брызнули въ разные стороны. Канопры были счастливы боярышней: они знали, гдѣ Константинъ Ивасовичъ разстегивалъ свои сѣти, и, благополучно миновавъ капканы, бросились въ лодку; раздавался шумъ весель по Таракановкѣ. Константинъ Ивасовичъ во все это время кричалъ? Помогите! — а Пелагея Андреевна: Замолчи, послушай... Я Пелагея Кутеларова, я не вѣдьма... Ты погубишь меня, осрамишь, я хотѣла тебя выручить, — принесла штрументъ...

— Штрументъ? — Это слово привело въ чувство Константина Ивасовича. Наказъ? Гдѣ онъ, пропалъ или попалъ...

— Ко мнѣ въ руки! Вотъ онъ, неблагодарный! На! возьми, негодай, только выручи и меня! Посадишь ты меня въ западню; одежду испачкала; гдѣ хочь достань мнѣ другую; не могу же я такой замарашкой и во флюгелъ показаться.

— Пелагея Андреевна! О, не дурачь меня! Право умру я отъ стыда и отъ радости, и отъ досады; такъ душу на клочки и рветъ... Наказъ царскій — цѣлехонекъ... И кто мнѣ принесетъ его?!.. Господи! Не поиму моего счастья. Растолкуй!

— Что тутъ за распросы. Въ фатѣ моей запутался, а въ воду не падалъ. Не хотѣла я тебя погубить; никому его не показала; а какъ услышала въ царской бесѣдкѣ, что Государю на тебя доносятъ, что ты наказъ потерялъ... Уже не знаю какъ, бѣгомъ къ тебѣ бѣжать пустилась, а ты...

— Матушка Пелагея Андреевна! Помилуй, не буду! заволылъ Константинъ Ивасовичъ, и съ этими словами бухъ ей въ ноги...

— Что ты! Что ты это, Константинъ Ивасовичъ! Мундѣръ испачкаешь...

— Матушка, прости и помилуй!

— Да полно кричать, и так чай уже услышали...

— Не встану, хоть убей не встану, пока не простишь...

— Богь простишь, только выручи меня...

— Тебя!

Константинъ Ивановичъ схватилъ боярышню на руки: понесъ къ оранжереямъ; только и успѣлъ онъ сдѣлать и ста шаговъ, какъ показались факелы. На крыльцѣ стоялъ Государь и всѣ гости; не куда, да и нельзя было спрятаться. Въ отчаяньи онъ не зналъ, что дѣлать. Изъ верхняго этажа дворца замѣтилъ въ дубовой рошѣ огни; слышалъ отдаваемый крикъ, сбѣжали лгги на мѣсто дѣйствія; поджидали только факеловъ; но дѣйствующія лица сами явились на площадкѣ передъ крыльцемъ дворца. Не оставалось другого исхода этой траги-комедии, какъ привести повинную... Что и девишкѣ и боярышнѣ, какъ будто условясь, исполнили съ надлежащимъ церемоналомъ...

— Ага, сказалъ Графъ Дакоста: видишь какую любовь затѣялъ. Не давай ему, Государь, въ жены Пелагею Андреевну. Пусть прежде подастъ Твою записку.

Константинъ Ивановичъ вынулъ записку и подалъ Государю. Графъ отбѣлъ; не одна заговорщица до крови прикусила себѣ губы. Государь гнѣвно посмотрѣлъ на Дакосту и сказалъ Константину Ивановичу...

— Тутъ что-то не такъ, но ты мнѣ послѣ самъ расскажешь...

— Зачѣмъ послѣ? Могу и теперь.

Пелагея Андреевна вскочила и грязной ручкой заслонила ротъ девишкѣ.

— Говори! сказалъ Государь.

И тѣ же грязныя руки закрыли испачканное лице Пелагеи Андреевны, а Константинъ Ивановичъ рассказалъ все отъ слова до слова докладно, и, кончивъ, отступилъ почти тельно.

Государь улыбулся и сказалъ: Ступайте. Умойтесь!

Всѣ разошлись по домамъ. Боярышни объявили Палашу между собою безстыдницей, и не хотѣли быть съ ней въ одной комнатѣ. Въ слезахъ она накинула на себя теплую душегрѣбу и пошла куда глаза глядятъ.... Дошла она до пристани задумавшись, ничего не видѣла, даже и того, что Государь съ Константиномъ Ивановичемъ идетъ самою пристанью стоять и потѣшнымъ огнемъ на завтра распорядяются.

— Куда ты? спросилъ Государь, по Палаша не узнала его голоса.

— Богъ мнѣ судья! отвѣчала она...

— И я не мпожко. Куда же ты идешь?

— Иду топиться.

— Иди лучше за-мужъ за Костей, такъ и концы въ воду...

— За-мужъ?...

Пелагея Андреевнѣ показалося, что земля ее поглащаетъ; но на этотъ разъ она проснулась въ объятіяхъ Константина Ивановича, не испугалась, и даже поцѣловала жениха тѣмъ спокойнѣе, что на всемъ берегу только онъ одинъ и былъ. Вотъ какъ измѣняются нравы людскіе! Пелагея Андреев-

на блаженствовала, но не долго: ифетоная пушка возбѣсила, что наступило 1-е мая.... Все утро у дворца играла музыка. Флотъ ликовалъ и шлюнокъ прибылъ изъ Петербурга; обѣдали въ саду на поюстѣ, папаланномъ усердіемъ Константина Ивановича. Послѣ обѣда на лодкахъ шествіемъ позорный дворецъ, побывали въ Петербургѣ, воротились къ вечеру въ Екатеринбургъ, и вышли у большой алташи, гдѣ усердіемъ того же Константина Ивановича приготовленъ былъ подникъ. Смерклося, и на Гутуевскомъ заходили огни и зашолзали какія-то черныя тѣни. По сигналу, всынула великолѣпная иллюминація. Праздникъ заключился блестящимъ фейерверкомъ: послѣдняя картина представляла весну, рассыпающую розы разныхъ цвѣтовъ. Зрѣлище привело въ восторгъ всѣхъ, но больше другихъ восхищалась Палаша, и, когда разлилась огнемъ послѣдняя картина, она не выдержала, и сказала такъ громко и свободно, какъ будто бы тутъ никого не было:

«Господи, Боже мой! Какая я счастливая! Вѣдь это все мой Константинъ Ивановичъ выдумалъ!..»

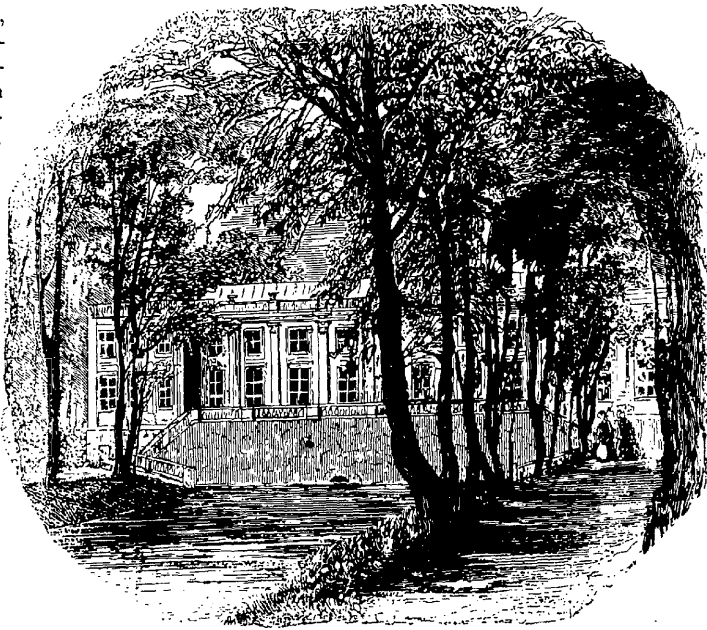
IV.

Непрочны радости на этомъ свѣтѣ. Не успѣли молодые люди поближе познакомиться, какъ Государь получилъ въ Екатеринбургѣ извѣстіе отъ Шаутбенахта своего, Боциса, что городъ Борго очищенъ отъ шведскихъ войскъ, и что дѣлать дальше? Посланецъ захворалъ, а надо было послать человека вѣрнаго, распорядкаго и въ морѣ бывалаго. Жребій палъ на Константина Ивановича. Не говоря ни слова невѣстѣ, онъ ночью пустился въ путь. Въ отлучкѣ былъ не долго, но воротился хромой.... Шведъ подстрѣлилъ Константина Ивановича въ ногу... Слава Богу, не изуродовалъ, но хромою ногу не находка. Ксатти, Гаврило Карлычъ какъ-то провинился и Константинъ Ивановичъ, съ молодою женою, поселился въ Екатеринбургѣ на вѣчное житье, — главнымъ смотрителемъ всей дачи. На вѣчное житье потому, что не только эта чета, но дѣти, внуки, правнуки не хотѣли разстаться съ Екатеринбургомъ, и я слышалъ все, мною выше рассказанное, отъ одного изъ отдаленныхъ потомковъ Константина Ивановича и Пелагеи Андреевны. При жизни Петра Великаго, Екатеринбургъ цвѣлъ какъ роскошная оранжерея; но ударилъ часъ, и его забыли совершенно, такъ, что ифесколько лѣтъ живая душа сюда не заходила; только охотники, протѣдомъ на Трухановъ Островъ и далѣе на взморье, посѣщали Константина Ивановича, чтобы обогрѣться. Отъ нихъ узнавалъ онъ, что дѣлается въ Петербургѣ; отъ нихъ узналъ онъ, что умеръ Петръ II, вступила на престолъ Анна Иоанновна. Дальше овъ ничего не узналъ на этомъ свѣтѣ: переселился въ вѣчность. Пелагея Андреевна не осталась отъ вѣчно любимаго суиружника, и умерла нарочно въ тотъ же день, оставивъ взрослыхъ сына и двухъ дочерей. Сынъ женился на дочери прядильнаго фабриканта, ближайшаго своего сосѣда. Онъ, подобно родителямъ, любилъ Екатеринбургъ, можетъ быть, ифесколько

болѣе, потому что это была его родина. Тутъ было все, что можетъ быть дорого сердцу. Онъ съ грустью смотрѣлъ, какъ съ каждою весною болѣе и болѣе разрушался старій дворецъ. Онъ даже два раза ѣздилъ въ Петербургъ, рапортовалъ о необходимыхъ починкахъ, но канцелярія отъ строеній на рапорты его не обращала никакого вниманія. Роши заглохли, дорожки разошлись, стала повсею дачѣ грязь непроходимая, такъ что и смотрительно не было возможности оставаться на этой тошнѣ. Изъ остатковъ развалившихся бесѣдокъ, онъ построилъ себѣ, съ помощію двухъ сыновей, небольшой домъ, на другомъ берегу Таракаповки, и завелъ отъ нечего дѣлать авестерію для охотниковъ, конхъ число съ каждымъ годомъ умножалось, и очень естественно: дичь въ этихъ мѣстахъ плодилась какъ грибы. Въ 1745 году, неожиданный ударъ постигъ Ивана Константиновича: на двадцать верстъ кругомъ Петербурга запретили охоту. Но прокту Миника, послѣдовавъ указъ 27 мая: старій лѣтній дворецъ раздѣлить на двѣ части и поставить по обѣимъ сторонамъ Екатеринбургскаго дворца... Указъ этотъ, до 1749 года, не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ этомъ же году лѣтній дворецъ разобрали, къ Екатеринбургскому пристроили флигелъ; а всю дачу съ прилежащими къ ней землями до Лиговскаго Канала, Московскои дороги и Емельяновки обнесли частоколомъ и окопали ровомъ для звѣрища. Такимъ образомъ Иванъ Константиновичъ со всею семьею попалъ въ звѣри, но не надолго. Онъ умеръ, а дѣти его, приговорные оберъ-егеря, пославшіе себя молодымъ тогдашнимъ замѣтцамъ — охотѣ, проносили время довольно весело до 1765 года; въ этомъ году звѣрище уничтожено; сдѣлавъ новый просктъ, Екатеринбургская гача сократилась и вошла въ прежнія границы. Предполагалось, около дворца полукругомъ, раскинуть садъ и разрыть девятую аллею, который всѣ сходились бы ко дворцу и пересѣкались полукруглыми и поперечными дорогами. Узнавъ объ этомъ, оберъ-егеря весьма опечалились, и напрасно. Планъ остался планомъ. Екатеринбургъ заглохъ; сыновья Ивана Константиновича умерли; послѣ старшаго остался сынъ Лаурентій Константиновичъ. Онъ замѣтилъ, что горожане болѣе и болѣе начинаютъ посѣщать Екатеринбургъ. Самъ онъ не служилъ, жена его была знатной хозяйкой. Вотъ онъ и разставилъ въ рошѣ двѣ палатки: въ одной торговалъ всякимъ лѣтвомъ и панткомъ самъ, въ другой суиружника. Тогда Екатеринбургъ самъ собою ожилъ до того, что комитетъ для уравненія повинностей, вошелъ съ докладомъ, чтобы мѣсто въ Екатеринбургѣ оставилъ незастроеннымъ, и, сльдѣя народному влеченію, обратилъ его въ публичное гулянище. Но для того надо было въ глуши этой сдѣлать протѣки, поставить мосты, устроить лавочки. Всѣ эти работы поручены артиллеріи капитану Шванебаху, а денегъ на расходы ассигновано 4000 рублей. Указъ, утвердившій докладъ комитета, послѣдовавъ 19 июля 1804 года. Тѣмъ и кончилась средняя исторія Екатерингофа.... Новая начинается съ 1823 года.

Графъ М. А. Милорадовичъ, бывшій с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губерна-

торомъ, полюбилъ это мѣсто, и по представленію его, съ іюня того же 1823 года, подъ надзоромъ инженеръ-полковника Сакера и градскаго главы Жербица, открылись весьма сложныя и немалотрудныя работы. На Екатерингофскую лачу избрано мѣсто при впаденіи Таракановки въ Неву, соответствующее четвертой части всего прежняго пространства. Эти болота, можно сказать, осушены каналами, отъ чего появилась въ паркѣ и садѣ порядочная вода, а земля выросла значительно. Битый путь для экипажей и для пѣшеходовъ легъ по всѣмъ направленіямъ. Дворецъ Петра Великаго перенесли съ основанія и возстаповили въ первоначальномъ видѣ. Построены вновь: красивый вокзалъ, ферма, русская изба, такъ называемый Па-

виллонъ Львовъ, устроены шры, посажено болѣе 1000 разнаго рода деревъ, клямы, цвѣтники, партеры. Весною 1824 года, все это уже было готово; все удивило городскихъ гостей. Гулянье 1 мая, которое тутъ правильно каждый годъ имѣло мѣсто съ неизвѣстнаго времени, стало блестящею. Каретниковъ и мандистокъ оно истинно обогатило; другъ передъ дружкой старались блеснуть новостью экипажа ширококрылаго ланго, или лодочки-каляски, или лодкаго фаэтона. — Прошло нѣсколько лѣтъ, и страсть къ Екатерингофу умирлась. 1-мая привлекало туда многочисленную публику, но между извозничими изрѣдка уже блеснули великолѣпныя новыя. Еще нѣсколько лѣтъ в Екатерингофское гулянье об-

ратилось въ народное. Посѣтители отправляются туда на лодкахъ, или на извозникахъ въ одиночку. Садъ и паркъ вабиты простыми и средними народомъ, который, *сидитъ влеченію своему*, крѣпится и неизмѣляетъ старику, драгоцѣнному для народпой гордости. Случалось мнѣ входить въ разговоры съ боролатыми посѣтителями Екатерингофа. Каждый звалъ,

то построилъ его Петръ Великій въ воспоминаніе победы, одержанной по близости отъ этого мѣста надъ Шведами, и въ честь матушки Государы и Екатерины Алексѣевны. Судебъ Екатерингофа, его исторію никто не зналъ; даже во всѣхъ книгахъ, изданныхъ о Петербургѣ, я не нашелъ полнаго описанія всѣхъ обстоятельствъ, которыя, впрочемъ, могли

быть собраны. Конечно, мнѣ много помогъ Константинъ Лаврентьевичъ, но что касается до фактовъ, составляющихъ собственно исторію Екатерингофа, я все нашелъ въ актахъ и печатныхъ книгахъ, безъ малѣйшаго затрудненія.

Вы вѣрно спросите, кто этотъ Константинъ Лаврентьевичъ? Неужели вы такъ недогадали-

вы? Это потомок Константина Ивановича и Пелагии Андреевны,—попрямой линии. Бури и всякие житейские перевороты лишили его наследства, недвижимого и движимого. Но правственное осталось при нем. Онъ сохранилъ къ Екатерингофу прадѣловскую приверженность; и 30 апрѣля, не смотря ни на погоду, ни на другія пренятствія, онъ переѣзжаетъ на дачу въ Екатерингофъ, т. е. въ какуюнибудь лачужку въ близъ лежащихъ деревняхъ, и тамъ проводитъ вечера въ созерцаніи величія

своихъ предковъ. Вечера, сказали мы, потому, что онъ служить, и каждый день поутру, для моціона, прогуливается въ канцелярію и обратно, къ особенной досадѣ извозчиковъ, и ѣшкомъ, и къ особенному удовольствію доброй жены, потому что, возвратясь, онъ всегда налить объѣдничистоту воды, которую заливаетъ вкупное кушанье... Во вторникъ я видѣлъ его у палатки, поминующаго предковъ на чужой счетъ и потомъ встрѣтилъ на обратномъ пути. Онъ несъ своего наследника на рукахъ, по-

тому что маленькій Иванъ Константиновичъ крѣпко усталъ. Но не одинъ Константинъ Лаврентьевичъ возвращается домой съ Екатерингофскаго гулянья въ такомъ экипажѣ. Оно и дешево и удобно. Не похвалятъ этихъ подвиговъ родительской ѣбжности только каретишки, да извозики.

И. Кукольникъ.

ПРАДО.

ГУЛЬБИЩЕ ВЪ Мадридѣ.

Прадо, прославленный испанскими романами и комедіями, и одно имя котораго напоминаетъ столько любовныхъ приключеній, интригъ и политическихъ заговоровъ, служить любимѣйшимъ мѣстомъ гулянья Испанцамъ, тѣмъ болѣе, что внутри Мадрида другаго и нѣтъ. Оно начинается у Атохскаго Монастыря, и простирается до Францисканскихъ Воротъ, образуя такимъ образомъ, на протяженіи болѣе двухъ верстъ, полосу около одной части города.

Долгое время Прадо не заслуживалъ своей известности. Дорожки въ немъ были запущены, не ровны, извилисты; нигдѣ даже не было деревьевъ; онъ казался безлюдною пустыней. Визуозъ двора, находившагося обыкновенно въ Буэнь-Ретиро, привлекало въ Прадо толпу; неровность же мѣстоположенія была очень удобна для поединковъ, для которыхъ преимущественно выбирался худшій мѣста гульбища, которое, наконецъ сдѣлалось мѣстомъ весьма опаснымъ.

Карлъ III приказалъ выровнять его, посадить деревья, поставить мраморные фонтаны, статуи, и съ тѣхъ только поръ Прадо въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось очаровательнымъ гульбищемъ, какихъ мало въ цѣломъ свѣтѣ, не столько по прелесть мѣстоположенія, какъ по огромному стеченію народа, собирающагося туда ежедневно, отъ семи до десяти часовъ вечера. Прадо представлялъ въ это время такую оживленную, разнообразную картину, о которой никакія гульбища въ свѣтѣ не могутъ подать идея.

Широкая, нѣсколько возвышенная аллея и двѣ маленькія, находящіяся по сторонамъ, простираются отъ одного конца Прадо до другаго: средняя назначена для экипажей, боковыя для пѣшеходовъ. Верхушки деревьевъ обрѣзаны, отчего самыя деревья имѣютъ почти уродливую форму.

(Фонтанъ въ Прадо)

Вокругъ основанія каждого дерева сдѣланы маленькіе бассейны, выложенные кирпичемъ, и куда, въ извѣстныя часы, проводятъ воду, черезъ подземныя трубы: безъ этой мѣры предосторожности, пыль и солнечный зной давно истребили бы деревья.

Изъ Прадо представляется прекрасный видъ на Буэнь-Ретиро и на ботаническій садъ, возлѣ котораго онъ идетъ до Альколаскихъ Воротъ.

Остается желать, чтобы и по лѣвую сторону его были воздвигнуты дома или расположены сады.

Аристократическая публика обыкновенно гуляетъ между фонтанамъ Шибелы и Пептуана. Тамъ находится fashionable мѣсто, называемое Сильонсъ и уставленное стульями. Отъ Салона идетъ поперечная аллея, называемая Парижскою. Это самая пыльная, солнечная и неудобная часть гульбища, не смотря на то, тамъ всегда такъ толчется народъ, что даже негда повернуться.

Не смотря на изумительное стеченіе народа, Прадо довольно скученъ и однообразенъ. Дамы, прогуливающіяся въ экипажахъ, никогда не выходятъ изъ нихъ, и все держатся главной аллеи. Иѣшкомъ, въ мантіяхъ, прогуливаются только женщины средняго сословія. Мантіями называются черныя плаъ больше кружевные вуали, прикрывающіеся къ косямъ.

Во всемъ Прадо нѣтъ ни кофейныхъ, ни трактировъ; за то по обѣимъ сторонамъ его стоятъ торговцы, продающіе воду, которая въ самомъ дѣлѣ необходима, по причинѣ пыли и сильныхъ жаровъ. Стаканъ воды стоитъ одинъ quarto, около денжки.

Прадо простирается вь загородъ, подъ именемъ Усажденія. Это гульбище расположено недавно, по образцу Прадо, и простирается отъ Атохскихъ Воротъ до Мансанаресскаго Капала.

АПРѢЛЬ.

Ледъ прошелъ. Наступила весна, сухіе скелеты деревьевъ становятся гуще и гуще и скоро опущаются свѣжею, иѣжною зеленью, прелестный запахъ которой заброситъ намъ въ сердце грустное чувство, которое можно назвать тоской по родникъ. И точно, не обманъ ли нашародина природа, каковая бы она ни была, но все-таки природа, безъ душ-

ных кирпичных громад, безъ монетныхъ уличъ, безъ волы, оканованной въ гранитные, вытнутые въ линию берега!.. Мы уже говорили, и еще разъ скажемъ, что страсть петербургскихъ жителей къ дачамъ есть прекрасная, утѣшительная черта ихъ характера. Конечно, не безъ маленькихъ неприятностей и дачная жизнь, но... гдѣ ихъ нѣтъ? Впрочемъ, настоящие дачники никогда не жалуются на эти неприятности. О нихъ кричатъ только тѣ люди, для которыхъ Россія холодна, Италия жарка, Швейцарія гориста, Германія скучна, Англія туманна. Настоящая же дачный житель торжествуетъ съ той самой минутой, когда прочтаетъ въ Поліцейской Вѣдомости, что гдѣ по Невѣ возгиреваются. Онъ устанавливаетъ свои окна цветами, когда прочтеть, что въ столькихъ-то верстахъ отъ Петербурга тронулся ледъ. Наконецъ, когда раздадутся первые звуки пастушьего рожка, — ему уже не спится на нѣтъ. — Завѣтѣ, что онъ, какъ человекъ опытный и предусмотрительный, нанялъ дачу уже съ прошлаго года, или, по крайней мѣрѣ, съ февраля мѣсяца. Заселяютъ деревья — и по вѣсьмъ направленіямъ отъ Петербурга тянутся тяжелые возы, нагруженные мебелью... Дачникъ счастливъ! Первую земляничку онъ вѣтъ на дачѣ, трубочку покуриваетъ на чистомъ, иногда очень холодномъ воздухѣ, чай пьетъ на балконѣ или на крыльцѣ, вѣсто супу вѣтъ творогъ, катается въ лодочкѣ, удитъ рыбу, стрѣляетъ воробьевъ, вѣдитъ верхомъ или въ тележкахъ!.. Даже изъ маленькихъ неприятностей дачникъ извлекаетъ пользу: зимой, собравшись въ кружокъ или четырехугольничку (т. е. за преферансомъ) съ добрыми пріятелями, онъ вспоминаетъ объ этихъ неприятностяхъ, отъ души смеется надъ ними и, окончивъ разговоръ, обыкновенно восклицаетъ:

— Чудо, какъ весело было!

Это доказываетъ, что неприятности такого рода не оставляютъ ни въ умѣ, ни въ душѣ грустныхъ, а тѣмъ, какъ вспоминаютъ! И такъ, да здравствуетъ дачная жизнь! да здравствуютъ дачники! въ тѣлу которыхъ принадлежатъ имъ, грѣшныя.

Прощивъ прощенья, что заговорились о томъ, о чемъ по настоящему рѣчь еще впереди, но — что на сердцѣ, то и на языкѣ.

Кстати упомянемъ о двухъ вновь завезенныхъ дивансахъ, которые будутъ ходить отъ Петербурга къ монастырю Св. Сергія и въ Нарголово. Первый будетъ принимать пассажировъ на Никольской Площади, а второй по правую сторону Казанскаго Собора. Нельзя безъ удовольствія видеть размѣненія дивансавъ и оминбусовъ, которые только въ такомъ случаѣ могутъ служить удобнымъ средствомъ сообщенія, когда ихъ много. Но и тутъ, какъ почти во всякомъ дѣлѣ, нужна постепенность и благоразумная обуванность. Мы слышали, что какой-то прожектеръ (что на Руси значитъ — человекъ безъ дѣтвѣ) задумалъ было развозъ завезти 200 оминбусовъ по образцу парижскихъ, которые бы ходили во всѣ концы Петербурга. Намъ кажется, что пришлось бы съ голоду умереть — конечно лошадама, а не прожектеру, потому что подобные люди всегда выходятъ сухи изъ воды.

Страстная неслѣя прошла спокойно, мирно и тихо. Последніе дни ознаменовались, какъ по обыкновенію, драгоцѣнными фельетонами о кондитерскихъ, и, въ особенности, о кондитерахъ Иванѣ Ивановичѣ такомъ-то и Карлѣ Федоровичѣ такомъ-то, выхваляемыхъ за безкорыстіе, конфетныя, честность, пирожки и т. п.

Наступила Святая. Посыпала народъ съ иррациональными лицами на Адмиралтейскую площадь, огласился воздухъ разгульными пѣснями веселящагося народа, замутила музыка, заходили паровозы, приводимые въ движеніе памучными клячками, прыгали пляшцы, заговорили хозяева райковъ... Были толки о томъ, что въ нынѣшнемъ году форма балагановъ будетъ измята. Ничего не бывало! Они были еще уродливѣе. Отчего бы, кажется, не строить балагановъ по-красивѣе? Не ушли ли это стоитъ дороже? Не надо ни вычуръ, ни орнаментовъ. Пусть употребятъ тотъ же матеріалъ, но пусть, по крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ фасады по-красивѣе, а то, право, эти уродливые, четырехъгольные сундуки, такъ сами и

напрививаются на вывѣтки, подобныя той, которая украшала (?) одну изъ обширнѣйшихъ балагановъ: *Новая пріятельская кампанія конныхъ воитаческихъ и другіе панталоны*. Хороша была вывѣтка и на томъ балаганѣ, гдѣ показывали маніо-Публика особенно тѣснилась у трехъ балагановъ: Легата, Родольфа и Раппо, — особенно у послѣдняго. У Легата Арлекинъ надувалъ Кассандра, волочился за Коломбиной, билъ Шеро; у двухъ Шеро билъ всѣхъ другихъ, не-дураковъ, какъ то часто бываеъ и въ свѣтѣ, гдѣ дураки бьютъ умнѣе. — У Легата, какъ это водится, спектакль оканчивался однодѣвственнымъ овѣщеніемъ разнодѣвственнымъ декораций и не граціозными группами небритыхъ геніевъ. Родольфъ показывалъ то же самое, что мы уже тысячу разъ видели, съ тою только разницею, что въ балаганѣ это было хуже, нежели въ Дѣтскомъ Театрѣ и домѣ Косицковскаго. Раппо — о немъ открыто говорить нельзя, надо прибѣгнуть къ дипломатіи. Многие удивлялись и удивляются, гдѣ Раппо могъ набрать столько стройныхъ, прекрасно сложенныхъ — статуй. Мы не находимъ въ этомъ ничего удивительнаго. Это дѣло закрытое, а потому кто знаетъ, сколько въ немъ тантасы латы!.. Что же касается до кривляній компаніи Раппо, то онъ отвратителенъ. Скажемъ, что въ томъ хорошаго, что человекъ искривится до пельзы, превратится въ лягушку? По нашему мнѣнію, это физическое кривляніе похоже на то, что если бы кому вздумалось показывать за дѣлныя, какъ онъ кривитъ душою, какіе изгибы умѣетъ онъ придавать ей, чтобы обмануть ближняго. Довольно.

Въ первый праздникъ многие отослали шубы къ скорлупамъ; на улицахъ видны были только пальто, да пестрые мантлы, которые, mimoходомъ сказать, очень красивы. Но на второй день поуду съверный вѣтеръ, повалилъ снѣгъ, опять наступила зима и опять стали ходить на саняхъ. Бѣдные палцы не смѣли высунуть носа на балконъ, и балаганы были пусты. На третій день еще снѣгъ, на четвертый оттепель, на пятый грязь, на шестой стало засыхать, на седьмой сухо, на восьмой можно уже было идти гулять къ качелямъ, но увы! разрушительный тороръ илотниковъ уже глаухъ стучалъ въ стѣны балагановъ... Въ утѣшеніе остались діорама и театр. Діорама, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно устроена, и свѣтопѣченія весьма эффектно; немнѣе эффектно и объявленіе объ этой діорамѣ: «Пять этякъ картинъ частью въ пейзажѣ, частью архитектурноски величавы красавы, смотрится бѣтъ величавы увеличивающае стеклахъ.» Въ русскомъ театрѣ нѣтъ ничего новаго. Польша да Преферансъ, Преферансъ да Польша. На Михайловскомъ театрѣ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ г. Варле. Онъ вступилъ на ампула Дюфура. Г. Варле еще довольно молодъ, имѣетъ пріятную наружность, играетъ съ чувствомъ, съ жаромъ, съ благородствомъ. Нѣкоторая неумѣренная живость въ жесткахъ, которая, быть можетъ, являлась въ Парижѣ, у насъ въ Петербургѣ кажется странною. Впрочемъ, это пройдетъ, когда г. Варле свыкнется со вкусомъ и пойметъ требованія нашей публики. Въ слѣдующемъ номерѣ мы надѣемся поподробнѣе поговорить о г. Варле, точно такъ какъ и о германскомъ трагикѣ, г. Кунстѣ, который вторично пріѣхалъ въ Петербургъ съ играть нѣсколько ролей въ качествѣ гостя.

На прошлой недѣлѣ былъ шестой балъ Дворна-скаго Собранія, продолжавшійся до полуночи. Въ 12 же часовъ открылся общій для Купечества и Дворянства маскарадъ съ продолженіемъ танцевъ. Было весело, интриговало, плясали, купали мороженое, ужинали и разошлись по домамъ.

Въ прошлое воскресенье въ залѣ г. Энгельгарда было презабавное представление. Цѣль была хороша, но исполненіе... Что бы дать о немъ понятіе, достаточно сказать, что любители вадумали сыграть Сидя, Корнея. Не довольно быть хорошимъ педагогомъ или хорошо знать исторію литературы, чтобы быть и хорошимъ актеромъ. Гораздо было бы лучше, если бы сыграла какой нибудь волсвилъ или комедію, а то — Сидя!.. Впро-

чемъ, между господами актерами, однако же, были нѣкоторые, которые очень удовлетворительно выполнили свое дѣло.

Въ тотъ же день былъ концертъ, г. Давида, также изъ любителей; но про эти частныя консерваторіи говорить весьма затруднительно. Нельзя не хвалить исполнителей и за настрѣеніе и за пѣніе. Это еще не было бы трудно, но сдѣлавать бы поговорить о разныхъ методахъ пѣнія. Этотъ вопросъ слишкомъ важенъ. Подумайте, сколько во всей Европѣ учителей пѣнія и какъ мало превосходныхъ учениковъ и ученицъ. Въль у всѣхъ у нихъ, если и не было горячекъ Влардо Гарсін, но былъ же голосъ, было же ухо; иначе бы онъ и не стаидъ учиться... Отчего же онъ и поеть трудно, и слышать не совѣтъ вѣрно? Отъ чего это? Безсожалѣнія говорить не можемъ. Намъ случалось слушать натуральное пѣніе дѣвушекъ, восхвалявшее насъ полною и чистую звуку, и теплою чувствомъ... Поучились у профессоровъ — годъ, два и все погнбло! Ужъ вѣрно сама наука въ этомъ не виновата. Это доказываютъ знаменитые учителя пѣнія, у которыхъ и слабые голоса развиваются легко, свободно и достигаютъ своего относительнаго совершенства. Въ этихъ немногихъ случаяхъ наука вполне оправдана. Лучше обойтись вовсе безъ науки, нежели подчинить голосъ, это чудное сокровище, наукѣ ложной... Повторяемъ, что этотъ вопросъ такъ важенъ, что мы отказываемся, по крайней мѣрѣ на сей разъ, говорить объ немъ. Пожелаемъ болѣе благопріятнаго случая...

Впрочемъ мы стали не разговорчивы о музыкѣ, кажется, въ сдѣлствіе пресыщенія... Довольно... Довольно!..

Вотъ наконецъ кончился и Апрель мѣсяца. Кстати мы вспомнилъ о шестой художественной лотерей Общества Поощренія Художниковъ. На билетахъ было объявлено, что розыгрышъ предполагается въ Апрельѣ, но взявшие билеты не могутъ сердиться на то, что вотъ начнется и май, а розыгрыша нѣтъ, — потому что на билетъ же сказано, немедленно по роздахъ всѣхъ билетовъ... но къ крайнему сожалѣнію розобрана только половина билетовъ, — грустно и жалко! Тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ году въ лотерей находилась такая картина, какихъ въ прежнихъ не бывало. Всякъ можетъ удостовериться въ справедливости написаннаго слова. Выставка художественныхъ произведеній отъ Общества Поощренія Художниковъ не далеко; сколько корнейтъ петербургскихъ жителей прохладятными выставками и — быть можетъ, не знаютъ даже существованія ея! Она находилась въ домѣ Голландской Церкви, у Поліцейскаго Моста. Пріятно было бы услышать въ самомъ скоромъ времени о розыгрышѣ лотереи, на которую несколько заманиваютъ произведенія Айвазовскаго, Тьранова, Делависа, Чернецова, Канкова, Дорогова, Иванова, Антонова и Попова-рва.

Конецъ баламъ, уаскарадамъ, концертамъ, полькамъ и мазукамъ; пора за горѣть. Петербургскіе жители, подобно инымъ пташкамъ, расправляютъ крылышки, чтобы летѣть на Екатеринбургское гуляніе и развѣдать скоро ли можно переселиться на дачу...

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je jette mes idées sur le papier.
Elles deviennent ce qu'elles peuvent.
Diderot.

I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

У насъ жалуются, что въ Петербургѣ нѣтъ общественной жизни. — Это, можетъ быть, отъ того, что у насъ нѣтъ общества.

Какъ, спросите вы, почтенная особа, краса и слава подпавшихся лицъ, добрый, благосклонный читатель, припимающій участіе въ подвигамъ литературныхъ персонъ... Какъ? спросите вы?.. Какъ нѣтъ

общества?.. а Мария Андреевна, а Иванъ Лукичъ, а домъ Крючкиныхъ, а вечера Трехолкиныхъ, а знакомые шляпочные и сердечные!.. Развѣ это не общество, не приятное, не утѣшительное общество?..

Я питаю уваженіе къ дому Крючкиныхъ... Я не отвергаю удовольствія, вкушаемаго у Трехолкиныхъ. Но соберите пять сотъ домовъ, со всеми ихъ родственниками, и все таки изъ этого не выйдетъ общества.

Для общества нужно что-то въ родѣ мысла, что-то одушевляющее совокупными работами и пожеланіями. — У насъ много Марій Андреевнъ и много Ивановъ Лукичей, много персонъ, много лицъ, много особъ отдѣльных. — Но, спросите у любого съ кѣмъ имѣю я честь говорить?.. Онъ вамъ скажетъ: со мной-съ, потому что никого кроме себя не признаетъ.

Гдѣ же, о читающая особа, пошекать у насъ общественной жизни?.. Право, не знаю... Подумаемъ, пошедемъ вмѣстѣ.

Въ литературномъ стремленіи, о читатель, читающій сіи строки, вѣроятно, гдѣ нибудь въ канцлерской... какъ вамъ покажется эта грустная шутка!..

Виновать... можетъ быть въ любви къ искусству, въ правдивой оцѣнкѣ художниковъ. Нѣтъ, читатель! Вы важная особа... да знатокъ, то вы плохой. — Вы ищете шума въ искусствѣ, а не наслажденія, а не духовной общественной жизни... Я это отъ того пишу, что включаю васъ въ число особъ, составляющихъ нашу почтенную публику.

Ужъ не въ любви ли къ наукѣ?.. О, читатель мой, не обижайтесь... Я ничего не хочу напоминать вамъ несприятнаго.

Помышлите, не въ сплетняхъ ли, не въ служебныхъ ли домогательствахъ, не въ пустой ли болтовнѣ, не въ скучныхъ ли гуляньяхъ, не въ безконечной ли полѣтѣ?.. О, нѣтъ, нѣтъ читатель!.. Не вѣтрится, не хочется вѣтрить!.. Вы добрая особа. Я не хочу лишить себя отраднаго объ васъ мнѣнія. Вы не рождены для мелочнаго бездѣлья. Въ васъ, я знаю, высшія потребности, лучшія потребности... Помогите же мнѣ, гдѣ пошекать мнѣ общественной жизни?

Новая мысль блеснула молніей въ моей головѣ. — Скажите изъ милости: не въ преферансѣ ли?.. Читатель, вы улыбаетесь!.. Вы улыбаетесь, читатель!..

Поговоримъ объ обществѣ безъ общественного значенія.

Петербургское общество раздѣляется на вѣскольکو отдѣловъ. — Въ каждомъ есть, впрочемъ, лица, персоны и особы, только не въ равномъ числѣ. Самый главный отдѣлъ называется большимъ свѣтомъ, и вмѣщаетъ самое значительное количество особъ.

II.

большой свѣтъ.

Что такое большой свѣтъ? Почему онъ свѣтъ? Почему онъ большой?..

Въ этомъ свѣтѣ мало свѣтлаго, въ этой величинѣ много мелочи.

Свѣтъ онъ карсельный, свѣтъ онъ темныхъ чувствъ очраченной жизни.

Большой свѣтъ увѣренъ, что онъ составляетъ какую-то особую стихію, въ которой не призванному участвовать невозможно. Однако же онъ ошибается. Чтобъ попасть въ большой свѣтъ, у насъ не нужно ни богатства, ни аристократическаго имени, ни славнаго таланта, ни замѣчательнаго ума, ни даже чиновнаго отличія. Нужно имѣть добрую волю, приличную наружность, порядочный фракъ и способность дѣлать визиты.

Основаніемъ большаго свѣта служить притворство. Молодые притворяются влюбленными, старые притворяются молодыми или дѣловыми, все притворяется учтивыми.

Молодые женщины господствуютъ въ большомъ свѣтѣ. Старые терятся только изрѣдка и то по особымъ причинамъ, когда напримѣръ, онѣ держатъ открытый домъ или возить съ собой дочерей, упорно выписывающихъ себѣ супружество.

Свѣтская женщина довольно жалкое созданіе. Въ дѣтствѣ она кукла, въ молодости вывѣска, въ старости чучело. — Вся жизнь ея обманъ: сперва обманываетъ она отца и мать, потомъ мужа, потомъ любовника, потомъ самую себя. Свѣта только не можетъ она обмануть. Свѣтъ похожъ на совѣтъ. Отъ него ничего не скроешь.

Графъ Солмогувъ.

Продолженіе впродъ.

ВЪ РАСПЕЧАТАННОЕ ПИСЬМО.

(Изъ писемъ къ писемъ М. О. К.)

Мы влили покойно, какъ обыкновенно плаваютъ опытные путешественники, которые умѣютъ разсчитывать не только деньги, сколько ихъ нужно на все путевые расходы, но и самую погоду... Разсчетъ оказался вѣрнымъ, погода стояла ясная, теплая, мы плыли весьма покойно. Въ Европѣ все въ дѣло другое. Въ гаваняхъ ожидаютъ только пароходовъ, проходящихъ въ урочный часъ; о другихъ судахъ небезпокоятся. Эти суда не приносятъ ничего политическаго; новости княтъ на пароходахъ; это лучшая кладь, лучшій грузъ морскаго экипажа на колесахъ. Онъ какъ будто самъ знаетъ про достоинство своихъ товаровъ и свѣнитъ на мѣсто, для того, чтобы новости не устарѣли, не заглохли. Въ новомъ свѣтѣ каждое парусное судно имѣетъ свойства пароходовъ: едва увидѣли вѣтрила, цѣлыя города приходятъ въ волненіе. Какъ хотите, а все эти царства и города Новаго Свѣта до сихъ поръ еще Финикійскія Колоніи, и потому неудивительно, что какъ только мы замаяли крыльями въ виду Квебека, городъ взволновался. Все тридцать тысячъ жителей мысленно на улицы и составился амфитеатръ въ три яруса. Въ верхнемъ городѣ или крѣпости, помыслалась, какъ я послѣ узналъ, вся чиновность и духовенство съ двумя спускоками, каоапческими и англійскими; но эту часть публики мало ин-

тересовало прибытіе нашего корабля. О насъ болѣе заботился Подоль или шибанъ городъ, который, впрочемъ, гораздо болѣе похожъ на городъ, чѣмъ верхній; тамъ узкія тѣсныя улицы, грязь — и все это закрыто ужасными стѣнами, покрыто крышами и башнями церквей; снаружи кажется чудно не городъ, а Подоль — плохимъ предбѣтцемъ; между тѣмъ въ существѣ выходитъ на оборотъ. На Подоль широкія улицы, красивые удобные дома, словомъ весьма порядочный евр-пейскій городъ. Третій ярусъ море. Этотъ ярусъ не заботится, а вообще хлопочетъ о своихъ гостяхъ; толпы любознательныхъ на лодкахъ встрѣтили и обѣднили корабль со всехъ сторонъ; какъ ни удивлялъ меня видъ Квебека, но я не могъ не замѣтить небольшой лодки съ однимъ гребцомъ; изъ всей силы онъ свѣшилъ къ намъ, но когда узналъ откуда мы, повернулъ, какъ говорится, оглобли; свиль весла; бросилъ на скамью лодки и волны понесли его къ берегу...

— Что за чудакъ... подумалъ я, и глядѣлъ, то на Квебекъ, то на него. Пока насъ вышесталъ, лодка его качалась уже у берега. Онъ спалъ или мечталъ, не знаю; но когда пассажиры, въ томъ числѣ и я, потащились и потащили свои чемоданы въ гостеприимную, онъ выскочилъ изъ лодки и догналъ насъ уже въ общей залѣ, гдѣ, по случаю обѣденнаго времени, было не мало гостей...

— Нѣтъ никого изъ Испаніи? спросилъ онъ по англійски и потомъ по французски... И на томъ и на другомъ языкѣ онъ говорилъ дурно; но произношенію я узналъ въ немъ Испанца...

— Нѣтъ... отвѣчалъ я ему по испански. Мы въ Нордмане... Звукъ роднаго языка, его поразилъ, онъ притаялъ ко мнѣ, познакомился, оговѣдалъ вмѣстѣ и послѣ стола предложилъ мнѣ показать городъ. И дѣйствительно, онъ мнѣ показалъ два собора, Урелинскую и Шотландскую церкви, казармы, арсеналъ, лучшіе дома; разсказалъ, что Квебекъ основанъ въ 1608 г. Французами, взяты Англичанами въ 1629, возвращены, опять отняты, и такъ далѣе, такъ что въ часъ съ небольшимъ я прослушалъ полную исторію Канады вообще, и въ частности ея столицы. Въ заключеніе онъ хотѣлъ повести меня въ Адаму Долину, гдѣ налъ генераль Вольфъ. Предлагалъ посмотреть на значительные водопады Монморанси и la Chaudiere, которые не очень далеко отъ Квебека, но я напомнилъ ему, что я только что окончилъ трудное путешествіе, что мнѣ надо побережь силы и для дальнѣйшаго путешествія...

— Куда же вы поѣдете? спросилъ онъ съ живостію.

— Въ Испанію! отвѣчалъ я, улыбаясь. Съ моей стороны это была неуспѣшная шутка. Испанецъ вѣрнулся въ лицѣ, нахмурилъ брови и взглянулъ на меня такъ злобно, что я подумалъ: ну, наша дружба кончилась...

— Въ Испанію... повторилъ я безъ улыбки... Надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ и уже буду на пути въ Малагу...

Испанецъ поблагодарилъ...

— Чтожъ съ вами? Я не шучу... продолжалъ я, не потому, чтобы я въ самомъ дѣлѣ не шутилъ, а потому, чтобы успокоить собесѣдника. Вышелъ на американскій берегъ, мнѣ и въ умъ не приходило Испанію... Я расплагалъ осмѣрты объ Америкѣ, и тогда уже подумать, куда мнѣ ѣхать... Но увѣреніе мое не помогло. Молча довелъ онъ меня до трактира; молча простился и ушелъ. Богъ знаетъ куда...

Дня, два еще я помнилъ о странномъ собесѣдникѣ; онъ мнѣ даже снился. Но потомъ дѣла меня разсыпали, рассердили. Я видѣлъ необходимость возвратиться въ Европу, плыть въ мое Черное море, въ мой родной городъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ опять побывать въ Америкѣ ж, можетъ быть, опять на мѣсяцъ. — Сто кораблей могутъ

лечь покойно в Квебекской гавани, а всего тут было шесть или семь судов, и все собирались пасть в Англию, или Голландию... Ни одного попутчика... Отискался один вольный шкипер, но судышко у него было плохое. По океану еще туда-сюда; но по Средиземному, а потом по Черному и думать было нечего.. Пусть, подумал я, доведет до Малаги, а там уж впрямую найду попутчиков: виноград, пшеница и фрукты... Условились. Назначили день отъезда; но не дождался. Вторь позвал нас раньше в море. Когда зачаканный матрос нес на лодку мой чемодан, когда я, следуя за ним, безмолвно рассуждал, что может быть, навсегда оставляю Новый Свет, на пристани кто-то остановил меня.

— Куда? спросил Испанец.

— В Малагу... отвечал я сухо.

Признаюсь, я и забыл с кем говорил...

— Неужели? закричал он радостно и с поспешностью стал шарить в карманах: о ради Бога! У самого собора! Вот тут подробный адрес.... Вы спешите, вам нельзя меня слушать. Скажите ей, что я умру с нею в мыслях, с нею в сердцах, с нею на устах.... Вы отложите это письмо?..

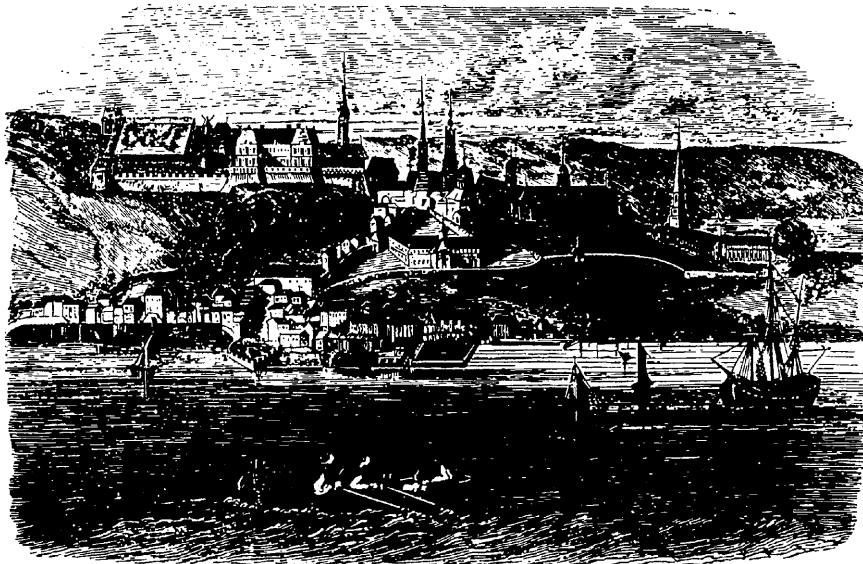
— Непременно.

— Простите! Меня зовут Мигуэль Гамба!

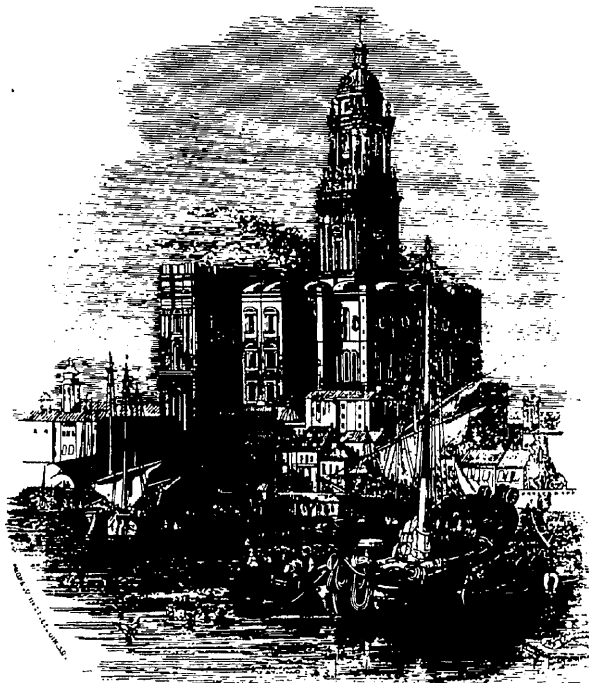
— А меня М. О. К. Простите! До свидания!

Человек умел утешать себя. На корабль я уверил себя, что оборот дела моих доставил мне только удовольствие побывать в Испании и побольше издержать денег... Приезжаю в Малагу. Само собою разумеется, что я просмотрел еще раз на надпись любовного письма. Я знал ее наизусть; и не менее того я повторил громко: «Донья Ирма Лась Кадось»... затем с точностью следовал адресу...

— Вот, где живет она, сказала я и протянула руки к великолепному собору, которому не мог вдоволь надивиться. Вообще Малага произвела на меня сильное впечатление. Епископ-

(Глядь города Квебека.)

(Католический Собор в Малаге.)

ский дворец, волопроходы, дома, все это представляло чудную смесь архитектуры, истории и действительности. Порт кипел народом; корабли целый день... Все это вам, может быть, также известно как и мне... Но Ирма... но Мигуэль... я почти поблажал к собору, но на пороге уже опомнился. Я могу все испортить, подумав; надо прежде разузнать; справился я, устроив домашние дела на скорую руку, я пошел на Аламеда, народное гулябище, от которого цела часть города также называлась. Народа много, но особенной жизни я не заметил, мужчины ходили и курили табак; дам было мало; скучно; время было вечернее. Меня опять потянуло к собору; но

там была толпа: орден монахов с факелами и крестами стояли на улице, и готовились проводить кого-то на кладбище.

— Кого хоронят?

— Донью Ирма Лась Кадось... отвечал толстый монах. Я так был перепуган, смущен этим неожиданным ответом, что почти не слышал перед монахом шлану, поклонился и сказал: «с чем тем же вас и поздравляю...»

— И есть с чем! Таких богатых похорон у нас давно не бывало...

Мне стало и грустно и стыдно... Я бросился в церковь; я видел Ирма, я помог положить на прелестный гроб богатую крышу с тяжелыми кистями, и воспользовался этим случаем: я исполнил обещание и отдал письмо Мигуэлю по адресу... Ирма унесла его с собою в могилу...

В Малаге я прожил два года. Богатые похороны дали мне право спрашивать про покойницу. Бедный Мигуэль... Он убил брата любимой девушки, заставив за друга; он бжал от отца, который преследовал его со всеми гренадскими ожесточением. Корабль унес его в Америку...

Счастливей Мигуэль! — Он утонул во время бури, застигнутой его далече в море, утонул, но не знал, что тотчас после смерти встретится с Ирмой на полях Елисейских.

ДРЕВНОСТИ.

Древности! — Очень рад. Прохожу мимо, потому что в этой древности кроется древности, нет ничего любопытного... Я знаю, что если вы найдете гвоздик, которому двести лет, будь он сто раз хуже того гвоздя, на котором вы вшаеете вашу шубу, все таки вы его поставите под стекло в вашем кабинете, и будете с наслаждением поглаживать на покрытое ржавчиною железо... Таким образом составлялись огромные музеи древностей с огромными каталогами. Делали в

них огромные суммы; огромные дома наполнились или лучше опустели, потому что в них расположились эти пустые бесполезные коллекции, необъясняющие ничего, ни к чему непригодные. Мы советуем не противу древностей. Напротив того мы любим, обожаем старину, но если она что либо объясняет из истертых листов истории или же остается изжитством отбываки мыслию. Правда, таких древностей всегда много; еще меньше в России; но если бы собрать все эти древности, древности, которыми обладают наши

вельможи, может быть составилась бы коллекция, достойная европейского внимания... Мы знаем про некоторых. Постарайтесь познакомиться с ними и наших читателей. Начнем с древности, принадлежащей Его Высочайшему Императорскому Высочайшему Уварову. В издании Цветети и Гора она названа мраморной лючерной или святильником. Может быть оно и так, может быть и не так. В это мы не входим, мы не антиквари, да иллюстрация, читателей ради, положила за правило не погружаться в эту пыль,

не возмущать праха, отъ котораго болятъ глаза дѣлается насморкъ. Но, въ общихъ словахъ, не мѣшаетъ сказать кое-что для объясненія гравюра. Вотъ, позвольте взглянуть: Панетти—хорошая венецианская фамилия, прославилась тѣмъ, что трое изъ нихъ были хорошими антикваріями. Графъ Антонъ Марія Панетти (1766) былъ настоящимъ антикваріемъ, потому что онъ собиралъ древности какъ и какія могъ, такъ что кабинетъ его почитался однимъ изъ богатѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ. Онъ палъ въ 1745 году (сочин series expresse suo. Графъ Панетти для иллюстраціи специально важенъ. Онъ изобрѣлъ способъ

гравирования на деревѣ разными красками. Этотъ способъ затерялся и теперь замѣненъ другимъ. Александръ Панетти (1778), консерваторъ библіотекъ Св. Марка, написалъ пять книгъ о венецианскихъ живописцахъ и умеръ. Гвидо Панетти, консерваторъ ферарскаго музея древностей, издалъ новое собраніе итальянскихъ монетъ также

умеръ.—Всѣ умерли,—но эта лючерна осталась. Она была подарена первому Панетти, настоящему антикварію, Графомъ Кауницомъ, въ 1756 году; а по смерти уже втораго хозяина, много лѣтъ спустя, приобретена Его Высочествомъ Сергіемъ Семеновичемъ Уваровымъ. Она

сдѣлана изъ пароскаго мрамора. Трудно рассказать словами сочиненіе этого страннаго сосуда: это

козлище; у него одна голова впереди, другая чело-вѣчко-чудовищная съ разверзтою пастью наверху;

ноздъ этой головой крылья ночной птицы; а подъ локоть двѣ ноги. Все это странно; но въ древности могло имѣть смыслъ, котораго мы ищемъ и будто бы находимъ. Въ описаніи говорится, что эта лючерна могла быть употребляема во время ночныхъ оргій, въ честь Вахла. Можетъ быть она и сама была посвящена богу вина и веселія; можетъ быть, принадлежала къ храмовой его утвари, все это можетъ быть;—но то положительно, что чистота отдѣлки въ ней превосходна; рѣзцомъ, чья чистота лючерну, владела твердая и опытная рука знаме-

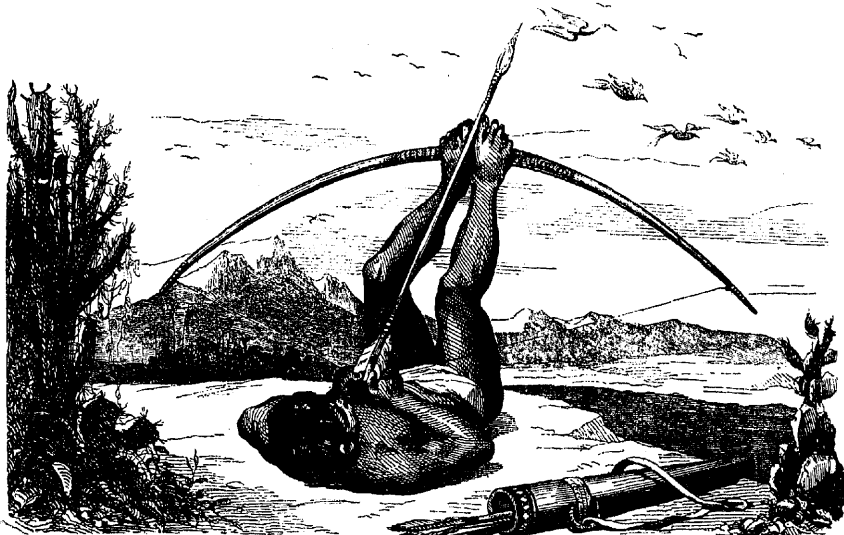
нитаго художника. Въ гравюрахъ не только на деревѣ, но и на мѣди далеко имѣть и не могло быть той отчетливости, и вмѣстѣ художнической бойкости рѣзца, чѣмъ эта изысканная лючерна отличается въ натурѣ. Такимъ свѣтлымъ можно освѣщать только группу Лаокоона и подобныя произведенія.

КАБОКЛЫ,

или

КАТОЛИЧЕСКІЕ ИНДІЙЦЫ
ВЪ БРАЗИЛІИ.

Въ областяхъ Рио-Жанейро называютъ Кабоклами всѣхъ Индѣйцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, и тѣмъ сдѣлавшихъ первый шагъ къ просвѣщенію. Вышедъ такимъ образомъ изъ дикаго состоянія, и сблизившись съ городскими жителями, Кабоклы, въ Рио-Жанейро, продаютъ плетенныя изъ тростника рожи и глиняную посуду; или же исправляютъ должность носильщиковъ и лодочниковъ. Индѣ служатъ гребцами на императорскихъ ялкахъ, и съ семействами своими живутъ въ арсеналѣ. Въ окрестностяхъ городовъ они занимаютъ земледѣліемъ и охотою. Сила и искусство ихъ изумительны. Путешественники, жившіе въ Бразиліи, часто бывали свидѣтелями необычайнаго искусства Кабокловъ въ метаніи стрѣлъ изъ лука. Одинъ, изъ весьма достовѣрныхъ путешественниковъ, рассказываетъ, что для Кабокла ничего не значить лечь на спину, и въ этомъ положеніи пустить стрѣлу такъ далеко, что она изъ виду пропадаетъ. Для этой штуки Кабоклъ всегда выбираетъ самый маленький лукъ; потомъ, для контраста, встаетъ и, выпрямившись, пускаетъ стрѣлу вверхъ,

ТЕРГОШЪ
или
ЭОЛОВА АРФА.

(Разсказъ М. Ѡ. К.)

—
I.

Вы знаете поэтическую исторію бога Финновъ, Вейнемейнена. Вамъ извѣстна его неисходная страсть пить и запѣваться до слезъ, до изнеможенія. Читайте въ этомъ мифѣ тайный смыслъ, и вы услышите въ пѣсняхъ Вейнемейнена завываніе

бурнаго вѣтра, ужасныя, потрясающія душу, аккорды звуковъ, дробящихся на тысячу ладовъ о голыя скалы гранитныхъ береговъ Финляндіи. Можетъ быть, этимъ звукамъ безъ ужаса и боли не будетъ внимать музыкально образованное ухо; но прибрежныя Финны слушаютъ эту музыку съ такимъ наслажденіемъ, какъ Наполеонъ слушалъ звонъ колоколовъ. Финны любятъ эти звуки, Финны любятъ бурю; съ дѣтства онъ уже свывается и съ морскою волной, и съ морскими вѣтрами. Пить еще силенки управлять весломъ, онъ заберется

на острый камень риднаговзморя, съ двумя суковатыми дубниками, размахивает ими будто веслами: волны и вѣтеръ такъ и льнутъ къ любящему своему; а онъ имъ поетъ морскую пѣсню, немнѣющую кадещицъ, подобно многимъ русскимъ, и въ безконечномъ ея паденіи доносится до слезъ...

Таковъ былъ Суомъ или Финиъ Тергошъ, сынъ гусляра или бродячаго музыканта, который на струнномъ инструментѣ, въ родѣ лиры, игралъ, а голосомъ, похожимъ на финскій вѣтеръ, воспѣвалъ славу Винмейнса. Рѣдко проживалъ онъ дома, собиралъ свой лекарь съ далекихъ деревень. Городовъ тогда во всей финской землѣ не было; у береговъ и деревень не было, потому что, норманскіе гости разбивали по всей Балтикѣ, и, не брезгая бѣдностью Финновъ, забирала и пожитки и людей, разсуждала, что и эти дикари къ чему либудь пригодятся...

Кипѣло море, буря злилась, Тергошъ блаженствовалъ, сидя на камнѣ. Цѣлуясь съ родными валлами, или разскаля ихъ суковатыми дубниками, принималъ имъ разные морскія привѣтствія... Ему тогда было не болѣе девяти, десяти лѣтъ. Онъ уже вѣдалъ одинъ и на лодкѣ, но въ тихую погоду; поѣхалъ бы онъ и въ бурную, до отецъ не позволялъ, а когда не было отца дома, такъ не было и лодки. Да за чѣмъ Тергошу лодка? У него есть камень, дубники; впечатлѣнія тѣ же и — онъ пѣлъ, наслаждался. Вдругъ откуда ни возьмись, будто подстрѣленная гальціона, когда она распевымъ крыломъ бьетъ по чернымъ волнамъ, — прямо на камень Тергоша, неслося бокомъ норманское суденышко, касаясь вѣтриломъ бѣшеныхъ валовъ... Не замѣтилъ гостей Тергошъ, и вскрикнулъ тогда уже, когда эта полулодка, или полуко раба, мѣдною грудью ударилась объ его камень. Тергошъ не столько испугался, сколько взумился неожиданному появленію Норманнв. Драконъ, такъ назывался корабликъ, отъ удара выпрямился. Шлоцы уже выглянули изъ-за бортовъ, и длинными баграми уперлись въ камень...

— Не такъ!.. сказалъ Тергошъ... Обойдите камень, бросьте на него якорь, и пусть море сердится. Ваша ладья будетъ подъ вѣтромъ...

Норманнны не понимали маленькаго Финна. Онъ сталъ размахивать руками; этотъ языкъ былъ понятнѣе. Обойдя камень, закинули якорь, и Драконъ безъ вѣтрилъ покойно качался въ глубокомъ бассейнѣ, междумошествомъ подлѣ-и-валовыхъ камней. Но таковъ уже былъ нравъ у Норманновъ. Не успѣлъ стать на безопасное мѣсто, какъ лодчанъ и спаситель ихъ былъ схваченъ, связанъ и брошенъ на дно Дракона, по которому прогуливались страшные люди; наводившіе ужасъ не на однихъ дикарей финскихъ, но на Францію и весь европейскій берегъ, отъ янтарныхъ отмелей кругомъ до Византии.

На этотъ разъ, Тергошъ испугался. При каждомъ взглядѣ Норманна, ему казалось, что это вооруженное чудовище собирается скушать его, какъ сырую рыбу, которую, по расказамъ отца и другихъ Финновъ, питались эти люди. Но, къ удивленію удовольствію, Тергошъ замѣтилъ на томъ же лицѣ Дракона связанную женщину, чудной красоты. Она спала, или была въ безпамятствѣ; на нее страшные люди не поглядывали, только одинъ смотрѣлъ, Робертъ Керонъ, и не только смотрѣлъ, но держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, вѣроятно, стараясь отогрѣть застывшую красавицу... Балтійское Море и товарищъ его балтійскій вѣтеръ — своеяравны оба; перешептались и буря утихла, вѣтеръ перекувыркнулся въ небесахъ и потянулъ къ западу. Забѣгали страшные люди, раскинулись вѣтрила, и Драконъ быстро пошелъ въ обрат-

ный путь... Было тепло; тепло; золотой вечеръ выглянулъ изъ-за-тучь, красавица проснулась. Тергошъ смотрѣлъ ей въ голубые глаза и забывалъ обо всемъ, даже объ отцѣ и домѣ; даже о камнѣ своемъ, котораго за высокими бортами Дракона онъ бы не могъ и видѣть... Красавица проснулась и стала плакать. И Тергошъ заплакалъ. Красавица стала проклинать похитителей; и Тергошъ понималъ ее, и проклиналъ воровъ, не за себя, за красавицу... Долго шелъ Драконъ; солнце нѣсколько разъ смѣнилось съ часомъ; на его мѣстѣ холмы рога-тый мѣсяць; красавица не пла, не пла, и Тергошъ тоже... Но слезъ не стало; горе зачерствѣло; на шутки и путешествія спутниковъ красавица улыбулась — и Тергошъ улыбулся; и обоимъ развязали руки; и обоимъ накормили и подарили Тергоша красавицѣ, и оба обрадовались; на Драконѣ еще его расчесали, умыли, одѣли въ красивую курточку шажа и велѣли служить красавицѣ. Тергошъ и не вспомнилъ про отца, домъ и камень, служилъ красавицѣ, и на Драконѣ уже болталъ на языкъ хшшиниковъ...

Конецъ благополучну бѣгу.

Въ устьѣ Лоары Драконъ бросилъ якорь. На красавицу и на Тергоша накинули мѣшки, и сняли ихъ въ богатой ирядной залѣ. Красавицу усадили въ возглавіе длиннаго стола. Тергошъ полавалъ ей кушанья, которыя приносили огромные слуги въ красивыхъ одеждахъ... Начался пиръ; пили много. Тергошъ уже зналъ, что Робертъ Керонъ начальникъ шайки, но не вѣдалъ, что онъ хозяинъ замка п...

Ковчигъ пиръ... Тергоша разлучили съ красавицей; она сама не хотѣла съ нимъ разставаться, кричала, плакала; но слезы и крикъ не помогли... Красавицу унесли, а Тергоша съ побоями вытолкали въ кухню... Прошла ужасная ночь... Хозяинъ и всѣ его гости уехали верхомъ неизвестно куда... И красавица и Тергошъ бросились искать, вѣроятно, выхода; не нашли, но встрѣтились. И красавица, обнявъ своего шажа, стала рыдать такъ громко, такъ страшно, что бѣлывы Тергошъ дрожалъ какъ листъ, лепеталъ по-фински, пробормоталъ всѣ датскія слова, какія зналъ; но, въ отчаяніи, видя, что ничто не помогаетъ, сталъ пѣть свою морскую пѣсню. Новость ли напѣва, странность ли выходки ребенка, не знаю, но только красавица перестала рыдать, отерла слезы, съ выраженіемъ горя и состраданія глядела на Тергоша, а онъ, примѣтивъ впечатлѣніе своей пѣсни, кричалъ пуше и пуше... Красавица будто что-то вспомнила...

— Не уиѣтъ ли онъ играть! прошептала она: тамъ я видѣла инструментъ, похожій на финскую арфу...

Красавица ушла, и воротилась дѣйствительно съ лирой, довольно большою для ребенка, такъ, что онъ, стоя, сталъ пробовать строй... Красавица угодала. Хотя и плохо, началъ онъ играть, хотя и плохо игралъ онъ, но красавица слушала не безъ удовольствія... Замѣтивъ это, Тергошъ, въ отсутствіе хозяйна, усердно упражнялся на великолѣпной лирѣ. Дни, недѣли, мѣсяцы уходили, онъ игралъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Красавица слушала его покойнѣе, потому что и сама, повинувшись необходимости, стала привыкать къ своему положенію. Хозяйна всѣ называли барономъ, красавицу баронессой... Ее уже не заперли въ замкѣ. Она могла гулять въ саду и съ высокой стѣны любоваться Лоарой и окрестными видами... Тергошъ былъ неразлучно съ нею; лира также ходила прогуливаться... Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; хозяйка занемогла... Тергоша къ ней не пускали; а приставили какую-то старуху... Но Тер-

гошъ зналъ гдѣ ся окно; и сидя подлѣ дупловатыхъ дубомъ, тѣшилъ красавицу нѣскою игрой... Однажды, подлѣ вечеръ, онъ заграбасъ; и не замѣтилъ какъ вернулся хозяйнъ. Было поздно; хозяйнъ провожалъ со свѣчами. Блуждающій свѣтъ по окнамъ заставилъ Тергоша смолкнуть; онъ догадался кто прѣхалъ. Въ большой залѣ вѣпыхнули огни; но саду раздался крикъ; звали шажа. Въ испугѣ онъ повѣсилъ лиру на вѣтку дуба, и блѣдный, дрожащій, явился предъ страшными очми Барона...

— Гдѣ ты былъ?..

— Гдѣ я былъ?..

— Да! Гдѣ ты пропадалъ весь вечеръ... Тебя никто не замѣтилъ; не слышалъ... Вѣрно ты нашелъ дорожку къ черному лѣсу, и тамъ записался въ колдуны.

— Въ колдуны! съ ужасомъ спросилъ Тергошъ...

— Не даромъ говорятъ, что по мосу саду ходятъ звуки; неизвестныя пѣсни играютъ невидимка... Это вздоръ...

— Вздоръ, Баронъ!

— Тебя не спрашиваютъ! Кстати о пѣсняхъ; вчера на охотѣ я услышалъ хитрую пѣсню, слыть не спую... Но, кажется, сыгранъ. Тергошъ, подан мою лиру...

— Лиру?

— Ну, да! что же ты етоишь!

— Я не знаю какую лиру; я не видѣлъ вашей лиры...

— Что ты врешь! Бастіанъ принеси!

Бастіанъ пошелъ и воротился въ ужасѣ.

— Нѣтъ лиры... сказалъ онъ дрожащимъ голо-сомъ...

— Гдѣ же она?..

Въ это мгновеніе толпа слугъ вбѣжала въ залу; на лицахъ была написана панической страхъ.

— Что такое! спросилъ Баронъ.

— Будетъ бѣда! дубъ поетъ!

— Какой дубъ?..

— Отворите окно, сами услышите!

Баронъ отворилъ окно въ садъ и отступилъ въ ужасѣ. Стройнымъ аккордомъ лился пѣзъ подлѣ заветнаго дуба дивные звуки: то, усиливался, то слабѣя, ихъ заглушала сильный порывъ вѣтра; то разносилъ рѣзкіе несвязные отголоски... Холодный потъ проступилъ на лицѣ Барона; но и Тергошу было не легче...

— Злой духъ, ты хочешь обличить меня!.. Ты заграбасъ на моихъ струнахъ... Такъ нѣтъ же, я уйду отъ Барона....

Такъ полулакъ Тергошъ, и будто стрѣла изъ лука бросился въ двери, на дворъ, въ ворота. Суматоха, произведенная въ замкѣ золотой арфой, не дала никому замѣтить бѣгства Тергоша. Онъ подлѣ шумокъ проскользнулъ и черезъ ворота, и безъ оглядки пустился по пустой дорогѣ. И свои такимъ позднимъ вечеромъ не вѣдали по-болѣшимъ дорогамъ. Норманне не боялись никого, но опасались другъ друга... Скоро добѣжалъ Тергошъ до чернаго лѣса, и тутъ только вспоминалъ про колдуны. Впередъ — страшно; назадъ — ни за что... Долго стоялъ Тергошъ у опушки чернаго лѣса въ раздумья, пока...

Но дальнѣйшія похождения его долго разсказывать, а въ существѣ въ нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Онъ нашелъ себѣ другаго хозяйна въ черномъ лѣсу, старика отшельника, у котораго Норманне отняли жену и замочъ. Отчаянне мѣсть загна-ля его въ лѣсъ. Прошли годы. Отчаянне утихло, мѣсть умолкла, издыхая въ видимой невозмож-

сти, потому что Норманн не только не ослабил, но опустошил кругом все, и стали полновластными владыками и устья Лоары, и Поморья, и отдаленных городов на этой рѣкѣ. Первое чувство Тергоша, когда онъ попал в лапы отшельнику, былъ паншескій страхъ; но когда онъ съ нимъ освоился, въ ребенкѣ поселилась невольная доверчивость. Онъ рассказалъ старику всю свою историю. Онъ слушалъ все съ участіемъ, но конецъ разсмѣшилъ его. Онъ объяснилъ Тергошу въ чемъ дѣло.

— У меня есть подобная лира, сказалъ онъ. Я покажу тебѣ. По ночамъ, когда я знаю, что во всемъ окологдѣ нѣтъ ни одного Норманна, я вѣшаю ее надъ взоромъ, и она мнѣ поетъ дивныя пѣсни. Эти варвары — большія невѣжки; они ничего не знаютъ, кромѣ грѣшныхъ вождельній. Нѣтъ, сынъ мой, не знаю земли твоей, по виду, что ты не рожденъ злодѣемъ. Возьми мою лиру и ступай въ глубину Франціи, куда нога Норманновъ еще не заходила. Они грабятъ только по большимъ рѣкамъ, далеко отъ проклятыхъ лодокъ своихъ не отходятъ. Тамъ ты найдешь добрыхъ слушателей, благочестивыхъ помощниковъ несчастію. Ступай сей часъ, мой сынъ; я увѣренъ, что они тебя станутъ искать даже въ очарованномъ этомъ лѣсу. Въ бѣшенствѣ они готовы перейти между, которую очертили вокругъ нашей дубравы ихъ собственное невѣжество...

Прошло семь, восемь лѣтъ. У того же замка, на пристани, остановилась лодка. Вышелъ красивый юноша съ золотыми кудрями, съ голубыми глазами, съ коротенькой карманной лютой подъ мышкой. То былъ Тергошъ; но его уже называли Раймондомъ Соловьемъ, и даже въ Нормандіи, куда неполитическія новости не проникали, случайно знали по слухамъ про соловья Раймонда. Было лѣто. Хозяинъ былъ далече, у береговъ Калабрій; но хозяйка была дома. Франція была въ то время такъ безсилна, что не смотря на отсутствіе главныхъ разбойниковъ, не рѣшалась потребить ихъ гнѣзда, которыя охранялись самыми незначительными гарнизономъ. Впрочемъ, благодаря этой хозяйкѣ, замокъ Росбергъ считался самымъ добрымъ разбойничьимъ приютомъ по всей Лоарѣ. На предметъ даже завелась ярмарка, куда окрестные жители доверчиво приносили свои продукты. Баронесса бодрствовала, и гости были безопасны. Стола подъ Росбергомъ ярмарка, когда Тергошъ или Раймондъ туда прѣхалъ. На ярмаркѣ онъ возбуждалъ общій восторгъ, получалъ полную шляпу денегъ, и удостоился приглашенія въ замокъ. Сильно забилось сердце юноши, когда онъ проходилъ черезъ знакомыя ворота. На лѣстницѣ у него духъ занялся, въ залѣ онъ едва держался на ногахъ отъ душевнаго волненія. Пусть ему тогда было и десять лѣтъ, но красота семнадцатилѣтней лѣвшушки, также несчастной, какъ и онъ, его госпожи, его подружки, ой... и въ десять лѣтъ уже натура учить любить, и еще какъ ужасно, какъ постоляно. И вотъ юноша восемнадцати лѣтъ, видѣвшій всѣхъ баронессъ и графинь Франціи, за чѣмъ пришелъ въ замокъ? Чтобы еще разъ взглянуть на царицу души своей, кому служилъ, для кого пѣлъ онъ такъ долго... Но баронесса была въ саду; ему указали дорогу. Подъ тѣмъ самымъ дубомъ, который рѣшилъ участь Тергоша, на красивой рѣзной скамьѣ сидѣла Баронесса. Шерсть ней на большой полянкѣ играло двое дѣтей: старшей дочери уже было лѣтъ семь, вѣтеръ игралъ ихъ золотыми кудрями, разрѣзавилъ, и ударилъ въ струны лиры, висѣвшей на дубовой вѣткѣ.

— Боже мой! прошепталъ Раймондъ: Та самая лира!

Баронесса не слушала и не слышала его. Взглянувъ на лиру, она вздохнула грустно улыбулась.

Бѣднѣй Раймондъ едва удержался. Баронесса была такъ хороша, куда лучше, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тогда она походила по высокому ноту лиры, сладостную, но тонкую. Теперь красота ея звучала роскошно полного упительнаго аккорда... Замятивъ чужаго, она не удостоила его и взглядомъ, и сказала весьма равнодушно:

— Ты Раймондъ Соловей! Очень рада! Спой что нибудь!

— Лора! — отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, который походилъ на звуки золотой арфы, и Баронесса вздрогнула: «Я не Раймондъ, Лора, я твои рабъ, Тергошъ, финскій плѣнникъ...»

— Боже мой, Боже мой!.. Кристина, Кристина! Убери дѣтей! Уходи Тергошъ, уходи! Его жауты! Онъ узнаетъ тебя. Нашъ...

— Вы велите, Баронесса... Я иду...

— О нѣтъ, оставь... Спой одну пѣсню...

— Не могу... Блаженство васъ видѣть... Длѣзтого нѣтъ звуковъ, развѣ небесные...

Золота арфа заиграла, или лучше сказать завдыхала такъ нѣжно, такъ упительно, что и у Баронессы и у Раймонда на глазахъ навернулись слезы...

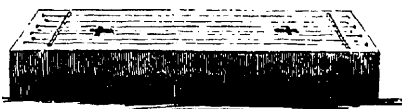
— И она здѣсь? спросилъ тихо Раймондъ, стараясь воспоминаніями придать себѣ бодрости...

— На зиму я прячу ее; на лѣто вѣшаю. Вѣтеръ за тебя гнѣшилъ меня своими заунывными пѣнями.

— О, этотъ случай, сказалъ Тергошъ, впустилъ мнѣ много мыслей. Вотъ, Баронесса, для васъ я трудился болѣе года и, кажется, мнѣ удалось достигнуть дѣла.

Тергошъ преклонилъ колѣно и подалъ Баронессѣ небольшой сосновый ящикъ: въ серединѣ онъ былъ пустъ, на верхней доскѣ съ двумя душшинами, какъ въ скрипкѣ, протянута были семь струнъ.

— Что это? спросила Баронесса.

— Золота арфа! Такъ ее прозвали во Франціи. Она играетъ такъ чисто, какъ никогда не удастся рукъ человѣческой. Уть вѣтеръ, поставьте ее на окно вашей комнаты...

Долго еще бесѣдовали они. Пользуясь вѣтромъ, заставляли арфу играть. Вечеръ уналъ, а они и не думали разстаться. Ночью люди становятся или трусы, или очень чуръ смѣлы... Раймондъ, слово за словомъ, объяснилъ въ любви. Баронесса, не думая о томъ, что говорить, также высказалась. Безконечный поцѣлуй кончилъ рѣчь. Незавѣстно, чѣмъ бы кончилась бесѣда, но золота арфа надъ головами любовниковъ заиграла, и Баронесса вскояла, вырвалась изъ жаркихъ объятій и убѣжала... Раймондъ забылъ, что обстоятельство перемѣнилось. Всю ночь онъ игралъ и пѣлъ; но на другой день ему сказалъ, чѣмъ онъ себѣ убирался съ Богомъ. Онъ хотѣлъ видѣть Баронессу; ему объявили, что она больна и принять его не можетъ. Онъ видѣлъ, что упрямиться бесполезно. На другой день его невдвупили даже въ замокъ; на третій сказали, что если они не уберется изъ Росберга по добру по

здорову, то его выживутъ другими средствами. — Нечего дѣлать, Раймондъ пересталъ ходить въ ворота, нашелъ путь по развалившейся стѣнѣ въ садъ... Но и съ этой стороны не только двери, но и окна были плотно заперты. Лиры снята. Какъ видно, Баронесса не хотѣла и возможности: она стыдилась дѣтей; казалась предъ своимъ долгомъ, поцѣлуй день и ночь жечь ее упрекомъ...

— Постой же! въ бѣшенствѣ сказалъ Тергошъ. И черезъ три дня явился въ садъ съ разнымъ снарядамъ. Одно огромное бревно онъ укрѣпилъ въ корняхъ дуба, другое въ его вѣтвяхъ; послѣднее выдавалось болѣе къ сѣверу; на эти бревна Раймондъ натянулъ струны необыкновенной толщины и длины.

— Ты меня услышишь! сказалъ онъ, и отправился къ своей лодкѣ, по тамъ ждалъ его люди Баронессы, схватили и привели прямо во внутреннія ея комнаты. Она не спала, лампа бѣднымъ свѣтомъ освѣщала этотъ странный буваръ средняго вѣка, гдѣ всѣ украшенія составляли оружіе, кресты, и стеклянные картины.

— Оставьте насъ однихъ! сказала она твердымъ голосомъ. Слуги удалились...

— Тергошъ! Ты безумецъ! Чего ты хочешь отъ меня.

— Любовь, Лора...

— Безумецъ, я мать...

— Будь моею богиней... Бѣги со мной!..

— О, ты помѣшался. Ты былъ мнѣ мѣл, я заскала тебя, жаловала, но любить... Никогда...

— Лора, Лора! А поцѣлуй?..

— Я забылась, и думала, что цѣловала прежняго ребенка... Но, довольно, я не хочу твоего несчастія... Бѣги, Тергошъ!

— Куда? — Куда я убѣгу отъ тебя, Лора! Богъ съ тобой! Будь счастлива, не люби меня, но не выгоняй меня изъ твоего дома. Я буду слѣшкомъ счастливъ уже тѣмъ, если увижу сквозь щель дверей локонъ твой, или въ окно, небесную — тѣнь твоей головки... Лора, Лора!..

— Я мать, я сурруга! сказала Баронесса отчальничьимъ голосомъ...

— Будь матерью, будь супругою, а мнѣ сестрою, Лора!

— Сестрою! Нѣтъ, мѣсяцъ мой серебристый, нѣтъ, тѣнь моей мечты, нѣтъ, нѣтъ... И страстная она схватила обѣими руками головку Флипа и осыпала жаркое лице юноши поцѣлуями. Но, вдругъ опомилась, оттолкнула его съ ужасомъ:

— Прочь, змѣя лживая! Спаси меня, Раймондъ, на колѣняхъ умоляю тебѣ, бѣги! Я мать, я жепла... Я желшпа...

И Лора точно была у ногъ Раймонда. Несчастнѣй, онъ видѣлъ борьбу страстной, но высокой души, не захотѣвъ вынуть изъ рукъ своей добычи. Страсти переживши роли. — Онъ пылалъ грѣшнымъ огнемъ; она только покорствовалась... Но, шумъ въ замкѣ, прекратилъ эту сцену; шаги приближались... Лора схватила юношу, заперла въ своей молельнѣ, потушила свѣтильникъ и убѣжала въ спальню. Видно, въ замкѣ всѣ любили Баронессу, не жаловали Барона. Никто не сказалъ ему про тайнаго гостя; но при всемъ томъ Баронъ свѣдалъ, что дома есть что-то не доброе... Испытующимъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на Лору, на дѣтей, на обон... Баронесса съ трудомъ переносила пытку; но когда Баронъ взялъ на руки старшую дочь и нѣжно сталъ ласкать малютку, Баронесса не выдержала, упала на колѣни, и молча подала жужу ключъ отъ молельни...

— Что это значитъ? спросилъ Баронъ; но Лора не могла досказать, и упала безъ чувствъ къ ногамъ мужа...

— Ключь отъ молеельни! шентаь онъ, задыхался отъ ревности и страшныхъ догадокъ. Посмотримъ!

Въ молеельѣ спокойно сидѣлъ Раймондъ и любовался Доарой. Башня, въ которой помещалась эта комната, стояла надъ самой рѣчкой, и плтѣй упирались въ волны. На открытомъ окнѣ стояла золова арфа, подарокъ Раймонда. Вѣтеръ игралъ, но слабо. Арфа молчала, но едва Баронъ отперъ двери, сквозной вѣтеръ коснулся струнъ и онъ зашумѣлъ... Баронъ отступилъ въ страхѣ. Мысль, что жена предавалась колдовству и тайно занимается этимъ богопротивнымъ ремесломъ тамъ, гдѣ должна молиться за него, грѣшника и за дѣтей, — возбудила въ Баронѣ ужасъ. Онъ прихлопнулъ дверь часовни, поспѣшилъ къ женѣ, около которой хлопотали дѣти...

— Не прикасайтесь къ грѣшницѣ!.. сказалъ Баронъ, едва выговаривая слова: она оравитъ, погубитъ васъ! Прочизъ этого вертепа. Это она перепелла мою лпру надъ дубъ, въ потѣху эдичъ духамъ — своимъ сообщникамъ; это она съ ялицъ бесѣдуетъ въ молеельнѣ!.. Поздно она проснулась!..

— Да! Я проснулась! Я исполнила страшный долгъ супруги... Хотя я была твоей женой, поневолѣ; хотя... ты убилъ моихъ родителей! Тергошъ! Тергошъ!..

Тергошъ воспользовался испугомъ Барона, п тихо вышелъ изъ молеельни. Вспомнивъ, что въ этой комнатѣ, гдѣ такъ странно встрѣтилъ его Баронесса, висѣло оружiе, онъ ошущю напелъ мечъ, собирався въ случаѣ выйти изъ замка сплп. Въ это самое время онъ услышалъ ния свое и сталъ прислушиваться...

— Тергошъ! заревѣлъ Баронъ: «Твой братъ, но чорту... Ты колдовала съ нимъ вмѣстѣ!.. И теперь ты призываешь его на помощь. Поздно!

— Боже! ты убилъ его! Ахъ, я несчастная! Ненавистный извергъ... Я любила одного Тергоша! Тебя всю жизнь ненавидѣла; возьми же и эту жизнь.

— О, за этия дѣла не станеть...

Раздались звуки, какъкъ нп вы, нп я не слыхали. Казалось, будто самъ сатана съ цѣлымъ адомъ заигралъ на ужасныхъ контрабасахъ. Стекла въ окнахъ задрожали; кричали вѣтеръ, и не Золова, а скорѣе Плугонова арфа ревѣла такъ оглушительно, что дѣти подлѣзли подъ постелю, а Баронъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, ожидая только того, что весь замокъ развалится отъ чертовской музыки... Блѣдная Лора испугалась бы не жене

барона, еслибы близость смерти не придава ей высшихъ силъ. Геронзья жены показала Барону только доказательствомъ ея преступной связи съ нечестнымъ... Смерть Лоры теперь представлялась ему необходимостью... Въ неответствѣ онъ бросился на Лору; но Тергошъ былъ уже въ спальнѣ.

— Прежде раздѣлаелъ со мной, разбойникъ! кричалъ онъ, схвативъ за руку Барона.

— Тергошъ!..

— Ты узналъ меня, мореккой вориска! Духи тьмы, возьмите вашего сообщника...

И, подъ звуки ужасной арфы, онъ напалъ на своего лщника; онъ отомстилъ за себя, за баронессу, за ея родителей. Баронъ шаль — и вы сами докончите легенду о Золовой Арфѣ, въ которой пронасть историческаго. — Скажу вамъ только, что новыи баронъ Раймондъ, по просьбѣ своен супруги, баронессы Лоры, уничтожилъ чудовищную арфу; но за то чуть дохнетъ вѣтерокъ и баронъ и баронесса бѣгутъ въ молеельню и слушаютъ невидимую игру соснового лщника, съ любовью и благодарною, молитвой...

Золова арфа, какъ увѣряютъ, колдовскаго происхожденiя; но изъ этой легенды должно заключать, что она родилась и возрасла во Францiи, на норманскомъ поморьи. Игру этой арфы присвоивалопди добрыхъ, другисъ злыхъ духамъ. Подарокъ Тергоша потерялся, хотя все обыкновенныя Золовы арфы совершенно того же устройства. Сказанiе и о чудовищной арфѣ также осталось не безъ послѣдствiй. Въ 1787 году, Вентаь, бургомистръ въ Буркли, близъ Базеля, устроилъ колоссальную арфу: пятнадцать металлическихъ струнъ, огромной длины, укрѣпленныхъ на двухъ цилиндрахъ, стояли у него въ саду. Интervalы между струнами были отъ двухъ до трехъ дюймовъ; самая тонкая струна была толщиной въ дюцию, самая толстая въ шесть линий. Замѣчательно, что эта арфа ставилась съ горизонтпюмъ подъ угломъ отъ 20 — 50°, и всегда наклонялась въ направлении отъ Сѣвера къ Югу. Если ее ставили въ направлении отъ Востока къ Западу, арфа не хотѣла играть; за то уже еслп играла, то сплпю равнилась органу и наводила ужасъ на все мѣстечко. — Не дѣлайте такихъ арфъ! Что за охота пугать людей; а такую, сосновую, карманную, совѣтую сѣлаать и подарить вашей Лорѣ.

М. О. К.

ДОМОВОЙ.

о повѣрьяхъ, суеврiяхъ и предрасудкахъ русскаго народа.
(Статья 2)

Домовой, домовикъ, дѣдушка, старикъ, постель или постыль, также лизунъ, когда ждветъ въ подполѣ съ мышами, — а въ Сибири

сусудко, — принимаетъ разные виды; по обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичекъ, который ходитъ въ короткомъ смуромъ запунѣ, а по праздникамъ и въ синемъ кафтанѣ, съ алымъ поясомъ. Лѣтомъ также въ одной рубахѣ; но всегда босикомъ и безъ шапки, вѣ-

роятно потому, что мороза не боится и притомъ всюю дома. У него порядочная сѣдая борода, волосы острижены въ скобку, но довольно косматы и частiю застлаютъ лице. Домовой весь обросъ мягкимъ пушкомъ, даже подошвы и ладони; но лице около глазъ и носа гладко.

Косматыя подошвы выказываются иногда зимой, по сляду, подлѣ конюшни; а что задни у домоваго также въ шерсти, то это знаетъ всякій, кого дѣдушка гладилъ ночью по лицу: рука его шерститъ, а ногги длинныя, холодныя. Домовой, по ночамъ, иногда шипается, отчего остаются силки, которые однако обыкновенно не болятъ; онъ дѣлаетъ это тогда только, когда человѣкъ спитъ глубокимъ сномъ. Это повѣрье весьма естественно объясняется тѣмъ, что люди иногда, въ работѣ или хозяйствѣ, незамѣтно зашпибаются, забываютъ потомъ объ этомъ, и, увидѣвъ черезъ день или болѣе спивъ, удивляются ему и приписываютъ его домовому. Иные, впрочемъ, если могутъ опамитоваться, спрашиваютъ домового, когда онъ шипается: любя или не любя? Къ добру или къ худу? и удостоиваются отвѣта, а именно: домовый плачетъ или смѣется; гладитъ мохнатой рукой, или продолжаетъ зло шипаться; выбранитъ, или скажетъ ласковое слово. Но, домового говорятъ очень рѣдко; онъ гладитъ мохнатой рукой къ богатству, теплой къ добру вообще, холодной или шершавой, какъ щетка, къ худу. Иногда домоной просто толкаетъ ночью, будитъ, если хочетъ увѣдомить о чемъ хозяина, и на вопросъ: что добраго? предвѣщаетъ тѣмъ же знаками, добро или худо. Случается слышать, какъ люди хвалятся, что домового погладилъ ихъ такой мягкой ручкой, какъ собольимъ мѣхомъ. Онъ вообще не злой человѣкъ, а больше причудливый проказникъ: кого полюбитъ, или чей домъ полюбитъ, тому служить, ровно въ кабалу къ нему пошелъ; а ужъ кого невзлюбитъ, такъ выжить и, чего добраго, со свѣту склеветъ. Услуга его бываетъ такая, что онъ чиститъ, мететъ, скребетъ и прибираетъ по ночамъ въ домѣ, гдѣ что случится; особенно онъ охочъ до лошадей: чиститъ ихъ скребенницей, гладитъ, холитъ, заплетаетъ гривы и хвосты, подстригаетъ уши и щетки; иногда онъ садетъ ночью на коня и задеетъ конецъ, другой по селу. Случается, что кучеръ или стреляный сердякъ на домового, когда баринъ бранитъ ихъ за то, что лошади ѣдой или побѣжкой испорчена; они увѣряютъ тогда, что домовый наѣздилъ такъ лошадей, и не хуже цыгана сблизъ рысь на иноходь или въ три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то онъ обижаетъ ее: не даетъ ѣсть, ухватитъ за уши, да и мотаетъ голову; лошадь бьется всю ночь, топчетъ и хрипитъ; онъ спиваетъ гриву въ колуны и, хоть день за день расчесывай, онъ ночью опять собьетъ хуже прежнего: лучше не трошь. Это повѣрье основано на томъ, что у лошади, особенно коли она на плохомъ корму и не въ холѣ, дѣйствительно иногда образуется колуны, который отстригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый садетъ на лошадей, которую не любить, то привадетъ ее къ утру всю въ мылѣ и вскорѣ лошадь спадетъ съ тѣла. Такая лошадь пришлась не по двору, и се непременно должно сбить. Если же очень осерчаетъ, такъ переспиветъ у нея задъ, либо проташитъ ее бѣдную въ полвотину, вертитъ и мотаетъ ее въ стойлѣ,

забьетъ подъ ясли, даже иногда закинетъ ее въ ясли къ верху ногами. Нередко онъ ставитъ ее и въ стойло занузданную, и ниному барину самому удавалось это выгнать, если рано пойдешь на конюшню, когда еще кучеръ, послѣ ночной прогулки, не успѣлъ проснуться и оныхмѣлится. Ясно, что всѣ повѣрья эти принадлежатъ именно къ числу мошенническихъ, и служатъ въ пользу кучеровъ. Такъ напр. кучеръ требовалъ ошажды отъ барина, чтобы непременно обвѣнчать лошадей на другую, у знакомаго барина; на, увѣрилъ, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбитъ и изведетъ. Когда же баринъ, не смотря на всѣ явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотѣлось потерять обвѣщанныя мотырки, то лошадь точно, наконецъ, избѣсилась вовсе, не вынесши мукъ домового и околѣла. Кучеръ насыпалъ ей нѣсколько дробей въ ухо; а какъ у лошади, ушной проходъ устроенъ такимъ изворотомъ, что дробь эта не можетъ высыпаться обратно, то бѣдное животное и должно было

ва завываетъ глухо: къ ху—у—у! Вообще, онъ болѣе знаетъ съ мушкетерами, но иногда проказитъ и съ бабами, особенно если онѣ крикливы и безтолковы. Раслаживая по дому, онъ шаркаетъ, топаетъ, стучитъ, гремитъ, хлопаетъ дверями, бросаетъ чѣмъ попаало, со страшнымъ стукомъ; но никогда не попадаетъ въ человѣка; онъ иногда подыметъ гдѣ нибудь такую возню, что хоть бѣги безъ оглядки. Это бываетъ только ночью, въ подпольѣ, въ кѣлѣги, сѣнахъ, чуланѣхъ, въ порожней половникѣ, или на чердакѣ; иногда онъ стаскиваетъ и сваливаетъ ворохомъ все, что попадетъ. Передъ смертью хозяина, онъ садился иногда на его мѣсто, работаетъ его работу, пашиваетъ его шанку; по этому, вообще, увидать домового въ шажкѣ—самый дурной знакъ. Передвѣряясь въ новый домъ, должно, перекрестившись въ красномъ углу, оборотиться къ дверямъ и сказать: «хозяинъ домовый, пойдешь со мной въ домъ». Если ему полюбится житье, то станетъ жить мирно и холить около лошадей; а ибѣтъ, такъ станетъ проказитъ. Голосъ его почти никогда не услышишь.

его почти никогда не услышишь. развѣ выбранитъ кого нибудь, или заузаетъ на дворѣ, либо станетъ дразнить лошадей, заржавъ по-конюшному. Слѣды проказъ его нередки видны и днемъ: напримеръ посуда вся очутится за-ночь въ поганомъ ушатѣ, сквородники спятъ съ дрова и набыты на рога ухватга, а утварь сидѣлая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены всѣ въ одну кучу. Замѣтательно, что домового не любятъ зеркала; иныя даже полагаютъ, что его можно выкурить этимъ средствомъ изъ такой комнаты, гдѣ онъ много проказитъ. Но онъ положительно не терпитъ сорокъ, даже мертвыхъ, почему и полезно подвѣшивать на конюшнѣ убитую сороку. Въ какихъ онъ сношеніяхъ съ козломъ, неизвестно; но козель на конюшнѣ также удаляетъ или задабриваетъ домового. Въ этомъ

насть жертвою злобы мнимаго домового. Домовой любитъ особенно воронныхъ и сѣрыхъ лошадей, а чаще всего обижаетъ соловыхъ и буланыхъ.

Домовой вообще хозяйничаетъ исключительно по ночамъ; а гдѣ бываетъ онъ днемъ, это неизвестно. Иногда онъ забавляется, какъ всякій знаетъ, вскорчивъ сонному колънами на грудь и, принявшись, ни съ того, ни съ сего, душить человѣка: у другихъ народовъ есть для этого приладка названіе, альпъ, кошмаръ, а у насъ ибѣтъ другаго, какъ домовый душилъ. Онъ, впрочемъ, всегда отпускаетъ душу на покой и никогда не душитъ на смерть. При этомъ домовый иногда бранится чисто по-русски, безъ зазрѣнія совѣсти; голосъ его грубый, суровый и глухой, какъ будто раздается вверху съ разныхъ ступеней. Когда онъ душитъ, то отогнать его можно только такою же русскою бранью;—кто можетъ въ это время произнести ее, того онъ сей же часъ покидаетъ, и это вѣрно: если въ семь припадкѣ удучишь сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и въ это время также спрашиваютъ: къ добру или къ худу? и дѣдуш-

повѣрья ибѣтъ однако же связи съ тѣмъ, что козель служить вѣдмѣ; покрайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы домовый ѣздилъ на козлѣ. Иныя объясняютъ повѣрье это такъ: лошади по-тѣютъ и болѣютъ, если въ конюшнѣ водится ласочка, которая въ свою очередь будто не любитъ козла и отъ него уходитъ.

Въ иныхъ мѣстахъ никто не произнесетъ имени домового, и отъ этого обычай не мочинать или не называть того, чего боишься, какъ напр. лихорадку—домовой получалъ столько искозазельныхъ кличекъ, а въ томъ числѣ почетное званіе дѣдушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ ему свойство оборотни и говорятъ, что онъ катится иногда комомъ снѣга, клочкомъ сѣна, или бѣжитъ собакой.

Для робкихъ, домового биваетъ всюду, гдѣ только ночью что нибудь скрипитъ или стучится; потому что и домового, какъ всѣ духи, видѣнія и привидѣнія, холитъ только въ ночи, и особенно передъ свѣтомъ; но, кажется, что домового не стѣсняется первымъ крикомъ вѣтуха, какъ большая часть прочихъ духовъ и видѣній. Для негодяиныхъ и невѣждъ, домового служитъ объясненіемъ разныхъ непонятныхъ явленій, окон-

чивая докучливые спросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домоваго! Кучера, подъ именем его, катаются всю ночь на пролетъ и загонивают лошадей, или воруютъ и продаютъ овесъ, увѣряя, что домоваго замыслил лошадь или не дастъ ей ѣсть; а чтобы выжить постылаго постояльца или сосѣда, плутоватый хозяинъ не разъ уже ночи три или четыре на пролетъ возился на чердакѣ, въ сѣняхъ и конюшнѣ и достигае иногда цѣли своей. Нерѣдко впрочемъ и случайныя обстоятельства поддерживаютъ суевѣріе о домовомъ. Во время послѣдней польской войны, нашъ эскадронъ стоялъ въ извѣстномъ замкѣ, въ Пулавѣ, и домоваго сталъ выживать незваныхъ постояльцевъ: впродолженіе всей ночи въ замкѣ, особенно въ комнатѣ, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стукъ, что нельзя было уснуть; а между тѣмъ самыя тщательныя розысканія ничего не могли открыть, нельзя было даже опредѣлить съ точностію, гдѣ, въ какомъ углу или мѣстѣ домоваго возится, — хотя стукъ былъ слышенъ каждому. Плутватый кастелянъ пожималъ плечами и увѣрялъ, что это всегда бываетъ въ отсутствіе хозяина, котораго домоваго любить и уважать, и при немъ ведетъ себя благочинно. Случайно открылось, однакоже, что домоваго иногда и безъ хозяина успокоивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшнѣ. Сдѣлали нѣсколько опытовъ и дѣло объяснилось: конюшня была черезъ дворъ; не менѣе того, однакоже, въ одной изъ комнатъ замка пришла какъ-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топотъ лошадей раздавался въ ней такъ звучно, что казалось будто стукъ этотъ выходитъ изъ подполья или изъ стѣны. Открытие это кастеляну было очень не по вкусу.

Въ народѣ есть повѣрье о томъ, какъ и гдѣ домоваго можно увидѣть глазами, если непременно захотѣть: должно выскакать (скатать) такую свѣчу, которой бы стало, чтобы съ нею простоять въ страстную пятницу у страстей, а въ субботу и въ воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обѣди, въ свѣтлое воскресенье, зажечь свѣчу эту и идти съ нею домой, прямо въ хлѣвъ или коровникъ: тамъ увидишь дѣдушку, который силится, пригнаться въ углу, и не смѣетъ тронуть съ мѣста. Тутъ можно съ нимъ и поговорить (*).

В. Луганскій.

(* Отъ редакціи: Вотъ, что мы нашли объ этомъ же предметѣ въ Киевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:

Малороссіе не только вѣрять въ существованіе домовыхъ, т. е. полудуховъ и полудобрыхъ духовъ, живущихъ въ домахъ: но даже приписываютъ имъ большое вліяніе на домашнее хозяйство. Если хозяинъ, или хозяйка дома, дурно спитъ; если во снѣ грезятся имъ, какія либо страшныя; если, наконецъ, случится съ ними приливъ крови или удущье, — тогда обыкновенно говорятъ, что «домовой не одобряетъ ихъ, и потому душилъ». Въ Малороссіи часто можно слышать рассказы о томъ, какъ душилъ кого-либо домоваго: всѣ они, болѣе или менѣе, схожи одинъ на другого. Вотъ, что рассказывала объ этомъ одна почтенная старушка: «Се было торжокъ, якъ разъ на самый Чистый Четвертъ. Я снала на лежанкѣ. Отъ такъ, якъ оплоупч прокинула, слушаю, хтось ходитъ по хатѣ, та все такъ иначе стрѣбъ, стрѣбъ... Я только что хотѣла крикнуть, якъ тутъ, не при васъ кажущи, воля якъ скочитъ на мене... Я такъ и обьяла. Шо хочу перекреститься — такъ я руки не пидыму. Та до самыхъ пиваній вечный мучивъ мене.»

Простодюшны не только болѣе бранятъ домоваго; но даже что-либо говорить объ немъ, особенно противъ ночи, чтобъ не подвергнуться чрезъ то его немочи-

МУЗЫКА.

Теперь уже и птицы поютъ, следовательно люди мало занимаютъ музыкой. До Павловска никакаго музыки ни гдѣ быть не имѣетъ, а до Павловска, кажется, еще осталось три дни. Унасъ 15 мая день торжественнаго открытія весны. Странно, простите, а право странно, что около Петербурга болѣе двадцати мѣстъ, гдѣ нублика собирается на прогулку, а постоянная музыка только въ одномъ Павловскѣ, и то для поощреній охотниковъ ѣздить по желѣзной дорогѣ. Въ другихъ мѣстахъ музыка бываетъ только въ урочные дни и то съ специально поощрительною цѣлю. Въ нѣкоторыхъ только по воскресеньямъ, въ остальныхъ черезъ годъ, черезъ два, разумеется въ праздничные дни, или никогда. Въ Германіи, чуть гдѣ два дерева и лавочка съ пивомъ, вместо Швейцара — музыкантъ, два и т. д. Это наводитъ большое сомнѣніе на счетъ нашей музыкальности, которою Петербургъ, въ послѣднее время по праву можетъ похвалиться. Композиторы наши тоже мало заботятся о нашей музыкальности. М. И. Глинка уѣхалъ въ Мадридъ. Когда-то мы его увидимъ и услышимъ. А. С. Даргомыжскій вернулся изъ путешествія и отдыхаетъ. В. М. Кажинскій кончилъ очарованный кругъ полскъ, и кончилъ блистательно; послѣдній Украинскій, Губини и Станислава-Польки едва ли не лучшіе. Въ особенноти намъ понравилась названная имъ Украинскою, какъ по мелодіи, такъ и по тщательной, хотя и незатѣйливой отдѣлкѣ. Польки Кажинскаго напечатаны разными издателями; почему каждой изъ нихъ объявляется только о тѣхъ, которыя самъ издалъ; между тѣмъ какъ у каждаго вы найдете всѣ. И потому, чтобы не оставить нашихъ читателей въ неизвѣстности о подвигахъ г. Кажинскаго, ва попрощѣ Польки, считаемъ обязанностию своєю перечестъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) Petersburger Polka — 2) Amata — 3) Leonogen — 4) Marien — 5) Chopin — 6) Sophien — 7) Elisabeth — 8) Zephyren — 9) Loisa — 10) Украинская — 11) Rubini — 12) Stanislas Polka. — Замѣчательно, что всѣмъ полкамъ приданы нѣмецкія названія, за что Чехи пожурили композитора; впрочемъ въ журналѣ *Кельны*, отъ 11 Мая, т. е. Января, говорить съ большою похвалою, что знаменитый *Гудебникъ* (виртуозъ), а именно *Кохлатъ* (сочинитель) Кажинскій нависалъ нѣсколько отличныхъ полскъ *въ духу словенскихъ а чешскихъ слогу*. При семъ случаѣ Чехи отыаваются, что и Grand List *исоставилъ умиле* (совершенно) *разъ* (характера) *мазурку* Шопена, подобныя элегіямъ Овидія. Мейербергеръ услышавъ въ Берлинѣ, у Графини Россенъ какъ ихъ играетъ Кажинскій, сказалъ: *Mais c'est un véritable poème*. Польки Кажинскаго, какъ и мазурки Шопена писаны болѣе *про гру*, для игры, и когда опъ самъ ихъ *грае*, опъ кажется отрывками Чешской народной поэзіи. Кромѣ полскъ, Кажинскій написалъ также: «Поздравленіе» привѣтъ Германіи, галопъ и мазурка и «Велике Дуэто» (Two Concertino pour le Pf et Violon), которое Кажинскій исполнилъ въ Дрезданѣхъ (Дрезденѣ) съ знаменитымъ Липинскимъ и заслужилъ одобреніе всѣхъ знатоковъ.

Галопъ и мазурку, о коихъ упоминають Чехи, вы можете также получить и въ здѣшнихъ музыкальныхъ магазинахъ равно, какъ и еще два его же вальса Валеріи и Mélodieuse, которые вамъ непременно понравятся.

Мы очень рады, что польки дошли до Чеховъ; ихъ суть въ этомъ случаѣ важнѣе всѣхъ нашихъ

тому гтеву. Если домоваго не полюбятъ хозяина, или кого-либо изъ членовъ семейства, то опъ дѣлаетъ всѣ возможные пакости, бѣгаетъ и стучитъ по крышѣ дома; тревожитъ младенцевъ въ колыбели, пугаетъ взрослыхъ, особенно если случится кому прохитить теплую комнату или коридоръ; переутынаетъ гривы лошадей и задаетъ на нихъ по ночамъ; отъ чего лошади всегда бывають худы и измучены. Утверждаютъ даже, какъ безпренословную истину, что если рано утромъ войти на конюшню, то лошади, на которой вѣднѣ домоваго будетъ вся въ поту. Чтобы избавить лошадей отъ вѣды домоваго въ конюшняхъ, обыкновенно держатъ или бѣлаго козла (цапа), или же вшаають вадъ станкомъ лошади убитую сороку или лѣтца.

Иногда домоваго до дѣго надобаетъ хозяину своимъ

рецензій; если они въ полькахъ нашихъ и словенскій духъ и чешскій слогу, такъ ужъ кажется никто спорить не станетъ въ ихъ національномъ достоинствѣ; о ученое — наше мнѣніе извѣстно.

Въ этой же статейкѣ Чехи и намъ сдѣлали несправедливый упрекъ; *Руссове*, говорятъ они: *по судо* (по сію пору) насъ, Чеховъ, называють Богемцами, научасъ насъ знать *трубу нѣмецку*, черезъ нѣмцевъ. — Кто вамъ это сказалъ, добрые Чехи? Писали, правда, можетъ быть и теперь пишутъ, но *Руссіе* писатели всегда говорятъ и пишутъ Чехи, въ Чехахъ, а Богемія и Богемцы остались только въ старыхъ географіяхъ.

По злѣе не мѣсто филологическимъ спорамъ; эти странички посвящены музыкѣ. Мы пересказали вамъ почти всѣ новости. Не знаю должно ли почитать новостью новаго пзавіа тріо изъ Язизи за Царя, хотя оно дѣйствительно обновилося въ превосходномъ пѣвн италіянскихъ гостей. Теперь даже и Русскіе покупають и поютъ это тріо. Вышли еще Мариень-Галопъ и *Ралла*... Von-Meserhen, — это вальсъ г. Гунгяла... Наконецъ польскій г. Абрамовича, на мотивы оперы Люція ди Ламермуръ. Это польскій не на *мотивы*, а *мотивы члнкомъ* переписанные для фортепіанъ и украшенные заглавіемъ: Польской, такъ что въ этотъ самый Польскій можете играть и съ клавишной партитурой, безъ затрудненій. Этотъ родъ сочиненій заслуживаетъ признательность издателей, но не исполнителей. Ожидаемъ новаго, а читаемъ старану.

Ecrire qui vaudra. Chacun à ce métier
Peut perdre impunément de l'encre et du papier!

СМѢСЬ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Вѣдомостяхъ С. Петербургской Полиціи напечатано объявленіе о большой трехгодичной выставкѣ художественныхъ произведеній, которая имѣетъ быть въ сентябрѣ сего 1845 года.

Выставка откроется для публики на другой день послѣ публичнаго собранія Академіи.

Такъ какъ размѣненіе въ залахъ художественныхъ произведеній требуетъ довольно времени, то пріемъ произведеній будетъ продолжаться съ 15-го августа по 1-е сентября, и за тѣмъ олднѣ разъ установленныя произведенія перестанутъ не будутъ.

По сему художники должны представлять свои работы испрежнѣно въ означенный двухъ-недѣльный срокъ. Тѣ, которые сего не исполнятъ, должны будутъ приписать собственной винѣ невыгодную освѣщенія, въ которомъ поставлены могутъ быть ихъ произведенія, поступившія въ Академію поздно.

Произведенія, представляемыя для выставки, должны быть доставляемы къ хранителю музеев, Академику А. Ухтомскому, и по окончаніи выставки отъ него же принимаемы обратно тѣмъ, кому принадлежать.

Послѣ публичнаго собранія Академіи и открытія выставки, художественныя произведенія на оную отъ художниковъ принимаемы не будутъ.

На драматической обсерваторіи усматривается также немаловажное явленіе. В. А. Каратыгинъ уѣзжаетъ за границу, и русская драма — дожитъ ся спать на все дѣто; за то вѣроятно писатели наша для Александринской сцены встрѣтятъ воз-

дѣностями и проказами, что заставляеть его переходить на другое мѣсто-жительства. Но за то ежеля, какъ говорятъ, домоваго полюбятъ хозяина, въ домъ всѣ идеть какъ нельзя лучше; особенно лошади всегда бывають сыты и чисты.

Въ каждомъ домѣ непременно есть свой домоваго; кромѣ того пустыя новоселенные дома, развалины, а особенно мѣстные и старые вилочуверные заводы, служатъ по мнѣнію Малороссіянъ, постояннымъ сборищемъ домовыхъ. Тутъ-то оныя предаются всѣмъ своимъ увеселеніямъ: бѣгаютъ, стучатъ, кричатъ, бросають камнями во внутренности зданія и за окошка.

Думаютъ, что домоваго чаще всего принимаютъ видъ челоука, — особенно трубочиста; другіе представляютъ его въ видѣ какого-то мохнатого существа, на котораго шерсть бываетъ вѣлжная, какъ бы послѣ волн-

вращение В. А. новых писем. Оно бы так и сдѣлавалось. Может быть высокій талант нашего артиста возбудитъ большее участіе въ публикѣ, когда на него поглядятъ иностранцы, хоть не на сценѣ, а так на улицѣ, на гуляньи. Въдѣл намъ все равно, лишь бы совершилъ путешествіе въ Западную Европу. Побывайте въ Тильзитѣ, въ Мемелѣ — въ васъ уже гораздо больше вѣса; вы видѣли Европу, свѣтъ... Не споримъ, велика польза въ путешествіяхъ, особенно для артиста, но иногда у насъ и эту пользу преувеличиваютъ безъ всякаго повода, точно такъ, какъ умаляютъ безпричинно и достоинства. — Мы увѣрены, однако же, что это путешествіе принесетъ много существенной пользы для отечественной сцены. Она нуждается въ какомъ либо сильномъ перевооротѣ; своей дремотой она наводила умные; пусть теперь выснится; можетъ быть проснется къ лучшему.

Нѣтъ худа безъ добра. Все на свѣтѣ къ лучшему. Въ справедливости этого я удостоверился еще на дняхъ.

Погода была чудесная. Голубое небо, свѣтлые и теплые лучи весеннего солнца такъ и манили кеня на чистый воздухъ. А вѣзья было идти гулять. Кучи иностранныхъ журналовъ и газетъ лежали предо мною и бросали длинную тѣнь на моемъ письменномъ столѣ. Надо было прочесть эти журналы, почерпнуть изъ нихъ любопытнѣйшія повѣстия для нашихъ читателей. Скрѣпя сердце и опустивъ штору, я принялся читать. Прочиталъ одну газету — ничего интереснаго; другую — ничего; въ третьей, наконецъ, нашелъ маленькую замѣтку.

Только что я хотѣлъ приняться писать, какъ взоръ мой невольно остановился на узенькой, блестящей какъ золото, полосѣ свѣта, пробивавшейся изъ подъ шторы. По этой полосѣ прележно прогуливались двѣ мухи, расправляя крылѣшки, обнюхивали незаметныя крошки. Я засмотрѣлся или лучше сказать, заѣвался на муху. Я любовался черно-синей, досящей ихъ синкой, тонкой тканью крылышекъ, быстрыми движеніями тоненькихъ ногъ... а тѣнь отъ газетъ ложилась все длиннѣе и длиннѣе на моемъ столѣ...

Я съ досадою прогналъ мухъ и принялся писать, т. е. переподать повѣстия. Не нахожу словъ. Перья не пишутъ. Чернила густы. Попадается мнѣ собственное имя и я въ разъянности русское значеніе его въ лексиконѣ... А на небѣ ни одного облачка, солнышко грѣетъ, тротуары сухи, и злодѣйки мухи опять прогуливаются по свѣтлой полосѣ...

Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, читатель? Вы бросили бы журналы и газеты, надѣли бы пальто и пошли бы гулять. Я такъ и сдѣлалъ, и повторяю:

Нѣтъ худа безъ добра. На свѣтѣ все къ лучшему.

Выхожу на Невскій. Чудо, какъ хорошо! Какъ-то дышу свободнѣе... По Фонтанкѣ плывутъ еще кое-гдѣ лодки, отправление въ заливъ, точно отсталые французы, бѣгущіе изъ Москвы, съ тою только разницею, что первыхъ гонятъ солнышко, между тѣмъ какъ вторые бѣжали отъ мороза.

Гуляющихъ на Невскомъ было столько, что прямо идти было невозможно, надо было лавировать между густою массой одетыхъ и лицъ, племени, нарядовъ, состояній... Есть люди, которые могутъ гулять такъ, ничего не думая; есть также люди, которые гуляя, думаютъ — только о себѣ. И тѣ, и другіе достойны наблюденія. Изучивъ ихъ прилежибѣ, мы когда нибудь поговоримъ о нихъ съ читателями. Наконецъ, есть еще люди, которые ничего не дѣлаютъ; даже не гуляютъ безъ цѣли. Первые поэты, люди живущіе изо дня въ день или погруженные въ созерцаніе своего Я. Последние — прозаики, люди положительныя. Первые гуляютъ потому, что сшили себѣ платье по послѣдней модѣ; послѣдніе стараются не сдѣлать отставать отъ моды, потому что иначе и гулять нельзя — пальцами будутъ указывать. А чудная вещь мода! Бранитъ моду, порицаетъ ее, а между тѣмъ она себѣ на умѣ. Вздумаешь ей погнущая, взяла нож-

ницы — разъ, два, скроила какой нибудь уродливый балахонъ и пустила въ свѣтъ. Умные люди сначала покочиваются головами, пожимаютъ плечами, потомъ перестаютъ обращать вниманіе. Проходитъ день, другой, они привыкаютъ къ новому, уродливому покрою, и уже находятъ страннымъ покроемъ собственнаго платья, а тамъ — смотришь, и сами одѣты по модѣ... Но вы! прихотница не терпите умишковъ. Лишь только замѣтите она, что и они прістали къ ней, какъ опять заповниці, — и опять новой покроемъ. Мода за что-то разсердилась на цырюльниковъ, и всѣ фасшоны блещутъ отращивать — усы! Мало; бакенбарты? Мало; распальки? Мало; козлиныя бородки? Мало, мало, Настоящая русская борода, которая куда-какъ пойдетъ къ фракъ!..

— Здравствуйте! Куда вы идете? произнесъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

— Гуляю, отвѣчалъ я, узнавъ односторонне знакомыхъ мнѣ молодыхъ людей.

— Что же вы подѣываете?

Я пожалъ плечами, не зналъ какъ отвѣчать на этотъ нескронный вопросъ; не объяснять же каждому своихъ занятій.

— Ну, что иллюстрація? спросилъ опять молодой человекъ.

— Слава богу, здорова.

— А горько ей досталось; я ужъ думалъ, что она слажетъ въ постель отъ этого лекарства.

— Э, помолчите! Развѣ вы не знаете, что шарлатаны только пыла въ глаза пускаютъ, и что лекарства ихъ — мутная, грязневская водичка.

— Ужъ не хотите ли въ этихъ сказать, что мы ловимъ рыбу въ этой мутной водичкѣ?

— Нѣтъ; я этого не хотѣлъ сказать; это ваша собственная идея.

Молодой человекъ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что у него открылась, случайно, собственная идея, гордо поднялъ голову и продолжалъ:

— А пропо, скажите пожалуйста, зачѣмъ вы въ иллюстраціи такъ мало говорите о томъ, что дѣлается за границей? Въ этихъ недобромы.

— Да что же тамъ особенно интереснаго?

— Какъ что?.. Помолчите, да вы не читаете, вѣрно, иностранныхъ журналовъ?

Я вспомнилъ о книгѣ журналовъ, которые лежали у меня на столѣ, и вздохнулъ.

— Вотъ хоть бы, напримеръ, весьма любопытная исторія съ Гарсіей (не Влардо), съ мадамъ Кастелланъ, Марію и лордомъ ***, въ Лондонѣ. Вообразите себѣ, что Кастелланъ произвела фигуру въ Лондонѣ, гдѣ уже до нея была Гарсія. Последняя стала завидовать первой; къ зависти примѣшалась и ревность, потому что она замѣтила, что Кастелланъ была неравнодушна къ Марію, а вы знаете, что Гарсія была ума отъ пѣвца-красавца. Замѣтите, что Кастелланъ, тотчасъ по прибытіи въ Лондонъ, нашла уже себѣ покровителя, въ Лордѣ ***. Во время одного представленія, гдѣ Марію пѣлъ съ Кастелланъ нѣжный дуэтъ, по окончаніи дѣйствія, послѣдній выходитъ за кулисы. Тамъ ее встрѣчаетъ, подобно разъяренной львицѣ, Гарсія — и встрѣчаетъ чѣмъ же? Какъ бы вы думали? Парой пощечинъ. Лордъ ***, который случился тутъ, разгнѣвался на Гарсію и отплатилъ ей то же монетомъ. Марію, заступалась за Гарсію, употребилъ тотъ же способъ, чтобы наказать лорда. И такъ изъ четырехъ дѣствующихъ лицъ этой трагикомедіи, безъ пощечинъ остался только одинъ — обожатель Гарсіи (повторяемъ, не Влардо-Гарсіи). Но вы! его ождала болѣе плачевная участь. На другой день онъ стрѣлялся съ лордомъ и — былъ убитъ.

— Можетъ ли это быть!

— Да; впрочемъ, повѣстия газеты говорятъ, что это неправда; очень хладнокровно отвѣчалъ молодой человекъ.

Я невольно захохоталъ.

— Помолчите, зачѣмъ же вы это мнѣ рассказывали?

— Какъ примѣръ ловкости французскихъ журналистовъ: пѣтъ никакихъ извѣстій, такъ они выдумываютъ, а потомъ говорятъ, что слухи, дошедшіе до нихъ, несправедливы.

— Справедливо, отвѣчалъ я улыбуясь.

— А вотъ еще новость...

— Ужъ не опять ли о какомъ нибудь английскомъ лордѣ?

— Именно; впрочемъ эта новость для васъ кста-ти. Въдѣ вы уже писали о Джеппи Линдъ. Знаете ли вы, что третій сынъ лорда Вестморленда, англійскаго посланника въ Берлинѣ, страстно влюбился въ очаровательную пѣвицу? По такъ какъ она была равнодушна къ любви молодого дворянина, то самъ старикъ, посланникъ, явился къ ней съ предложеніемъ сдѣлаться женою его сына. По пѣвица объявила, что сердце ея уже не свободно. Счастливымъ смертнымъ, которому оно принадлежить, никто иной, какъ молодой шведскій профессоръ. Молодой Англичанинъ былъ очень огорченъ отказомъ.

Я молчалъ.

— Что же вы молчите? продолжалъ молодой человекъ, неужели и эта новость не интересна?

— Очень; но я жму, что вы скажете, что и это выдумка.

— Нѣтъ; объ этомъ говорятъ всѣ журналы. А вы не знаете, что знаменитаго карлика, Тома Пуса, чуть не загрызла большая собака, и что у него украли часы, подаренные ему англійской королевой?

— Неужели?

— Да, съ важностью отвѣчалъ любитель иностранныхъ извѣстій. Томъ Пусъ игралъ главную роль въ одной пьесѣ, которую нарочно для него написалъ Мерс. Говорятъ, что онъ хочетъ прѣхать на будущую зиму къ намъ. Осени бы хорошо сдѣлалъ. Впрочемъ, онъ встрѣтилъ соперниковъ, дѣлюю семью карликовъ, которые уже бѣгутъ въ Парижъ. Отецъ ихъ вѣкто Джонъ Финлей, Англичанинъ. Старшему сыну уже за двадцать лѣтъ, а онъ ростомъ только два фута четыре дюйма. За нимъ идетъ сестра, которая еще меньше, в концецъ, трѣть дитя, на которое, какъ говорятъ, надо смотреть въ увеличительное стекло. По это еще не все: вторымъ соперникомъ Томъ Пуса — великанъ Колодосъ...

— Нѣтъ ли чего нибудь поинтереснѣе?

— Мало; замѣчательнѣйшіе французскіе писатели на лѣто разбѣзжаются въ разныя стороны. Мейербергъ жутъ въ Парижѣ, для постановки на сцену оперы его *Африканка*, итмецкія знаменитости лѣтомъ сажаютъ картофель... Ахъ да! Паста, знаменитая Паста, возымѣла чудную мысль. Она хочетъ пострѣть въ Италию новую Ваггалу, новый Пантеонъ, для помѣщенія бюстовъ прославившихся пѣвицъ.

— Мысль хорошая, но будетъ ли она приведена въ исполненіе?

— Объ этомъ журналы ничего не говорятъ. Что бы вамъ еще разсказать?... Да, нѣтъ ничего болѣе.

— Тѣмъ лучше, потому что мнѣ пора домой. До свиданія.

— Прощайте; пожалуйста, помѣщайте иностранныхъ извѣстия.

— Постараюсь.

Мы разстались; но молодой человекъ тотчасъ же опять догналъ меня.

— Постойте! сказалъ онъ, — въ заключеніе разскажу вамъ одинъ забавный случай: въ Дублинѣ недавно давали *Антиону*. По окончаніи спектакля публика шумно стала вызывать автора. Такъ какъ авторъ не явился, то нетерпѣные зрители возрастало и чуть не дошло до неистовства. Режиссеръ долженъ былъ выйти и объявить, что почтенный авторъ Антионы, Софоклъ, скончался за 2000 лѣтъ тому назадъ. Прощайте.

Я пришелъ домой и отъ души сѣлся надъ искусствомъ молодого знакома моего въ выборѣ интересныхъ извѣстій. Но вы! Я сѣлся не долго; перебралъ, пересмотрѣлъ, перечиталъ всѣ журналы и нашелъ, — что все то, что мнѣ разсказалъ любитель иностранныхъ извѣстій, было въ самомъ дѣлѣ самое интересное...

И такъ не прогнѣвайтесь, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

АНЕКДОТЫ

I.

Где нашли, откуда взяли вы тот или другой анекдот? Об этом ответить тому, кто ищет действительное право просить, а не всякому встречному, попеременно, который, как поугай, ищет только право болтать великий вздор без пошлости. Ставить врать человек, присутствующим неприятно, отворачиваются, уходят; стает врать поугай, или кривляясь обезьяна, смеются. И право, смехом! Мы каждый день развлекаем себя подобной безмыслицей, даже причём в запас на случай, если иной день наш поугай или обезьяна захворают... лучше всего мы любим когда наш поугай болтает о честности. Честен! сёмь... лепестки и тут же крадет сахар. — Ох, поугай, уж не съ тобой ли случился этот анекдот в кондитерской...

— Какой? Все анекдоты ложь, выдумка!
 — Ах ты поугай, поугай! Для тебя ить свхдстелей, а можно бы их представить цылым полком.

Человек отъявленный свою безсовестность гулял съ дѣтьми по улицѣ, и зашел въ кондитерскую; хозяйка перепугалась; онъ боялся безсовестныхъ; чтобы улюлить отца, сталъ по известной политикѣ ухаживать за дѣтьми; отворилъ имъ ящики съ конфетами, приглашалъ откусывать. Дѣти взяли по конфеткѣ и отступили.

— Что же вы? спросилъ кондитеръ: кушайте на здоровье! Чтожъ это ваши дѣти?... не берутъ... Отецъ поглядѣлъ съ презрѣніемъ на собственныхъ дѣтей и сказалъ громко съ улыбкой:
 — Еще глупы! Совѣщется...

II.

А. былъ въ Парижѣ. А. любитъ потолковать о литературѣ французской — по Русски, хотя и былъ въ Парижѣ. А. сталъ толковать о литературѣ французской и началъ натурально съ Русской, чести се по своему.

— Ужасъ, что у насъ печатають, говорилъ онъ въдъ книгъ много, да все такаа дрянь, что изъ рукъ вонъ. Вотъ я былъ въ Парижѣ. Тамъ, напротивъ, сколько домовъ на улицахъ, столько книгъ выходитъ въ день; тамъ пишутъ обо всемъ; о Россіи гораздо больше дѣльныхъ сочиненій, чѣмъ у насъ... Не успеешь прочитать всего хорошаго...

— Кстати, спросилъ Б.: читалъ ты *Симес Сѣлвеса*...

— Какъ же братецъ не читалъ! Чудо! Вотъ, неправду ли и говорилъ? Видишь, у насъ ни брошюрки, а въ Парижѣ уже вышла славная книга, а кажется *Крыль* у насъ подъ носомъ.

А. собирается ѣхать въ Лондонъ, чтобы также на мѣстѣ изучитъ и англійскій языкъ.

ПЕРЕПИСКА.

А. А. А. въ С. Что дѣлается хорошаго въ нашей литературѣ? Воляно же вамъ не читать русскихъ журналовъ; въ нихъ сосредоточивается вся наша литература; въ огромныхъ бібліографіяхъ, помещаемыхъ въ некоторыхъ огромныхъ журналахъ, вы найдете ту — какъ выражаются книгопродавцы — *звѣздъ*, но что въ нихъ? Рѣзкая книга, издаваемая отъаьно, заслуживаетъ вниманіе. Все и вса — въ журналахъ, хотя правду сказать и тамъ не много — литературнаго. Тамъ большею частью даютъ совѣты грамматическіе, погрѣшал на каждомъ шагу противу грамматика, логики, а часе противу важнѣйшихъ достоинствъ образованнаго человека. Вы не читаете русскихъ журналовъ и любите русскую литературу. Странное противурѣчіе. Мы читаемъ только отъаьскіа, такъ называ-

ваемъ: изящная словесность. Въ этомъ году изъ этого отъаьскія поправились намъ въ особенности два небалшиа стихотворенія — одно въ Москвитинѣхъ, подписанное авторомъ, другое: Хавронья, — въ Отечественныхъ Занекахъ, хотя и не подписанное, но обличающее и опытное перо Сатирика и Хавронью. Вы не читаете журналовъ, такъ мы посылаемъ къ вамъ эти были въ Иллюстраціи. Подобныа классическіа произведенія слѣдовало бы перепечатывать во всеахъ журналахъ и газетахъ, въ науку всеахъ и каждому. Вотъ онъ:

ИЗЪ МОСКВИТИНИНЪ :

Къ усложнимъ лнеть, какъ червь, Филларинъ, неотнлзанный.
 Въ живыхъ ни одного онъ друга не наидеть.
 За то, когда изъ лицъ почетныхъ кто умереть,
 Клейнить онъ прахъ его своимъ дружбой грязной.

Такъ что же? Тутъ расчесть: онъ съ приблизительно двойной:
 Презрѣние отъ живыхъ на мертвыхъ вымъщастъ,
 И, чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой.
 Онъ души мертвыхъ скузастъ.

Кн. П. Вяземскій.

ХАВРОНЬЯ.

Спншь въ театръ когда ты затесалась, —
 И хрюкаешь себя, кому хвалу,
 Кому хулу.
 Не за свое залазъ, Хавронья; ты залазла.
 Театръ не по тебѣ; ты знай свой зааній дворъ,
 Гдѣ, не жалъ рыла,
 Ты съ наслажденіемъ перерыла
 Павозъ и соръ.

Какой ты знаешь толкъ въ некустатъ, въ пснопенляхъ,
 Ушамъ твоимъ понять ихъ не дано;
 Въ твоихъ замѣткахъ и сужденіяхъ
 И брань и похвала — все хрюкнне одно.
 Въ роскошный тотъ шетиникъ, гдѣ въ изобиліи миломъ,
 По мусамъ и глазамъ, разбросаны цвѣты,
 Незаманл, съ своимъ поганымъ рылкомъ,
 Не суйся ты.

И въ 100хъ прелесть есть, и прелесть есть въ аллехъ.
 Та яркостью беретъ, и эта чистотой. —
 Солнцнны ль онъ? Одна ль другой мнлне?
 Нить нужды! Радуйтесъ и тою и другою.
 По мой совѣтъ цѣлтай, гнать отъ себя Хавронью.
 И хрюкаемъ ея себя не обомлцать.

Послѣдніе два стиха сншкомъ сильныа для Иллюстраціи, но вы можете угадать ихъ содержаніе. Оно лнстуетъ какъ заключеніе въ силлогизмѣ.

НОВАЯ КНИГА.

Опытъ Исторіи Русской Литературы, сочиненіе Э. Профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Университета Доктора Философіи А. Никитенко. Книга первая. Введеніе. С. Петербургъ 1845. Стр. 152. Цѣна 1 руб. серебромъ.

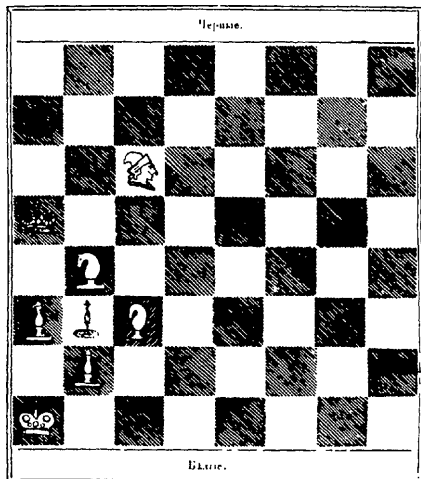
Есть и другія новыа книги, но ямъ нарочно отъаьла эту, потому что всеахъ вышедшихъ въѣтъ нелзя называть книгами. Первая книга труда обширнаго, добросовѣстнаго отъаьланнаго съ любовью и большимъ искусствомъ освѣтила нише вниманіе, утомленное ничтожностью другихъ явленій и ежедневною пустотой ежедневной литературы. Мы прочли книгу такъ быстро, какъ будто бы въ этой скромной чистенкой оберткѣ была самая живая интересная повѣсть, а между тѣмъ это не больше какъ введеніе въ Исторію Литературы; четыре простенькіе вопроса: идея и значеніе Исторіи Русской Литературы, метода ея изученія, источники и раздѣленіе. Тутъ право кажется и матеріа ить для полнороста страннъ. Но въ томъ и достоинство этого труда; тутъ много возрѣтнй новыхъ; хорошіа старыа прекраснао развитыа по новому; тутъ есть и знаніе и уелая скромность опытнаго педагога; изложеніе ясное, языкъ чистый, слогу теп-

лый, словомъ не только для занимающихся литературою ех *officio*, но для всякаго, даже для иностранцевъ это начало обьащаетъ пользу и удовольствие, а труду почетную известность и Литературный авторитетъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ выусковъ.

Виноваты! Простите! Дважды виноваты! Пышка бѣлая нарочно, на зло намъ, въ предшествовавшемъ зачатѣ отпечаталась на черной клѣткѣ, но это не бѣда; каждый ногъ догадается, что она на бѣлой; но вотъ ужъ то не простительно, что задано лать мать въ нить шаговъ, когда слѣдуетъ кончить игру въ три хода. Это заставляетъ насъ обьявить о нашей винѣ, отложить разгадку до слѣдующаго номера, и принести повинную. За то въ вознагражденіе предлагаемъ случай или мать, данный известнымъ Голдлеромъ. Бѣлые ходятъ и даютъ мать въ три хода. Но нашему остроумно, хотя для болшихъ игроковъ этотъ мать, можетъ быть и не предстаитъ особенной хитрости.

ЗАДАЧА № 4.

Бѣлые ходятъ, и въ нить ходовъ даютъ мать.

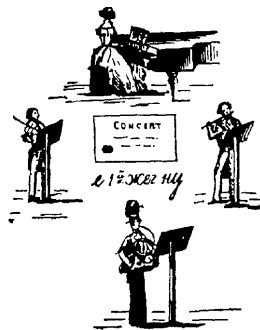
РАЗГАДКА.

Усъ-ерь-діе, безъ де-не голь-но-и — лачуги-пестъ-ро-итъ.

Усердіе безъ денегъ одно — и лачуги не построятъ.

ЗАГАДКА № 5.

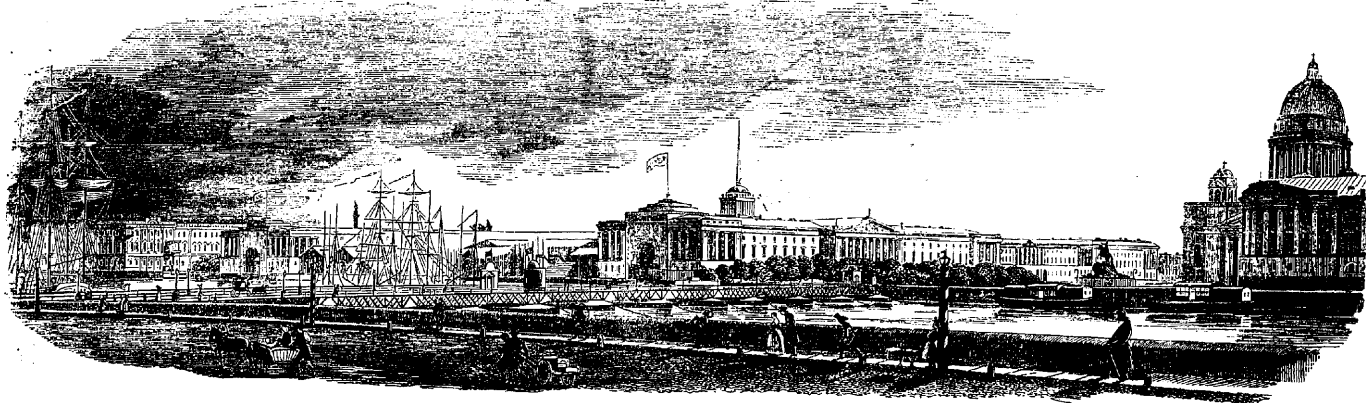
ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

СОДЕРЖАНІЕ: Инструкція, повѣсть наъ времени Петра Великаго. (Окончаніе Н. Кукольника. — Прано гудьбнше въ Мларилѣ. — Знметки Петербургскаго жителя. (Продолженіе). Графа Салдоуба. — Предсказанное виденіе. (Изъ путевыхъ записокъ) М. Ф. К. — Древности. — Кабокал или Вилдѣны въ Бразиліи. — Эолова арфа. М. Ф. К. — О поврѣль, съшверляхъ и предразсудкахъ русскаго народа. Домовой. (Статья 2). В. И. Луанскаго. — Смѣсь. Разныа повѣсти. — Анекдоты. — Череписка. — Иодаъ книга. — Шахматы. — Загадка.
 ГРАВЮРЫ: Екатеринаговѣдъ Даршн. — Гулянье 1 го Мая въ Екатерингофѣ. — Сцена у Конантерской палатки. — Семейная картина. — Видъ фонтана въ Прано. — Видъ Кесбегоа. — Соборъ въ Малагѣ. — Люперн. — Кабокал, пускающій стрѣлу. — Эолова арфа. — Тергошъ. — Лира на дубѣ. — Большая Эолова арфа. — Домовой. — Шахматы. — Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЩАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер. Т. I. № 6.—Суббота, 12 Мая 1845. Безъ доставкы На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Nomina sunt odiosa.

Очевидное — кажется очевидно. Но на опытѣ выходитъ совсѣмъ другое. Люди любятъ и писать и говорить противу очевидности: одни изъ желанія поспорить, другіе изъ зависти; послѣдніе низшли на степень, которой ужъ конечно никто не позабудетъ — что же? И у завистниковъ есть своя публика, составленная изъ такихъ же завистниковъ... Пороку нечего удивляться; объ немъ должно сожалѣть. Нѣтъ совершенства нигдѣ... Для картины пороковъ нѣтъ рама; станемъ ли послѣ этого удивляться пошлымъ, избитымъ, обыкновеннымъ завистникамъ?

Но есть люди, которые далече отъ горнища, въ которомъ зависть стрипааетъ свои стѣблы и могутъ быть невольно вовлечены въ заблужденіе, особенно, когда въ нападкѣ, украшенная именами собственной честности, любви къ правдѣ, чисто-сердечнаго желанія добра, въшивается ложь съ компаніей. Могутъ повѣрить: чѣмъ добрѣе люди, тѣмъ легковѣрнѣе.

Эта практическая философія, нѣкоторымъ образомъ, прилагается и къ иллюстраціи.

Nomina sunt odiosa! Личность — ненавистна, и мы никого не называемъ, но съ выходомъ шестаго номера, составляющаго осьмую долю годоваго изданія, позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ, именно для тѣхъ, которые не будучи завистниками, могутъ невольно попасть въ эту недостойную категорію.

Въ чѣмъ можно обвинить иллюстрацію?

Въ томъ ли, что она въ шести номерахъ помѣстила шестьдесятъ русскихъ гравюръ?

Подумайте, что за эти шестьдесятъ русскихъ гравюръ вы заплатили рубль серебромъ; остальные гравюры и весь текстъ вы получили даромъ...

На пользу русскихъ художествъ вы принесли рубль серебромъ и недовольны, что за эту цѣну цѣлая отрасль искусства у насъ оживилась; не вѣрите, спросите у самыхъ художниковъ. Не имѣютъ работы только тѣ, которые на первыхъ порахъ хотѣли воспользоваться необходимыми потребностями иллюстраціи и неопотрѣбно возвышали цѣну на свой трудъ. Но, потрудитесь пересмотрѣть всѣ шесть номеровъ. Баронъ К. К. Клотъ, для всякаго номера, сдѣлалъ одну или двѣ гравюры. Г. Дерикеръ участвовалъ также почти во всѣхъ номерахъ. Гг. Лянкъ, Греймъ, Бернадскій, Баронъ Нетельгорстъ, — не знаете ли вы еще русскихъ гравюровъ? Мы знаемъ еще двухъ любителей Гг. М'як' и К' и тѣхъ

работы въ иллюстраціи... Со времени изданія первыхъ номеровъ, у всѣхъ поименованныхъ гравюровъ, появились ученики потому — что для художниковъ, по этой части, представилась возможность существованія.

Вы не обратили вниманія на эту пользу отъ изданія иллюстраціи.

Теперь обратимся къ исполненію. Въ числѣ этихъ шестидесяти гравюръ неужели вы не замѣтили какими достоинствами рѣзца отличаются Марійинскій дворецъ, садъ и плафонъ тамъ же, Екатерининскій дворецъ, портреты Графа Мордвинова, Дженни-Линдъ, Германа, виды Петербурга, Нарвы и пр. и пр. Этими гравюрами можно бы украсить самое прихотливое иностранное изданіе. Вы ихъ и увидите за границей; но согласитесь, не больно ли Редакціи слушать несправедливые толки. Иллюстрація рада бы лучше вѣрить, что порицатели ея руководствуются только завистію; тогда, по крайней мѣрѣ, не было бы повода подозрѣвать въ недостатокъ художественныхъ свидѣній.

Во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ хвастовства. Очевидное — очевидно. И что можетъ быть очевиднѣе достоинства поименованныхъ гравюръ?

Въ чѣмъ еще можно обвинить иллюстрацію?

Въ недостатокъ литературныхъ статей? Не такъ ли? Кто въ Петербургѣ пишетъ прозой и стихами? чья проза и чьи стихи читаются съ удовольствіемъ?

В. А. Бенедиктовъ, В. А. Владиславлевъ, Князь П. А. Вяземскій, Е. П. Гребенка, А. И. Данилевскій-Михайловскій, Е. П. Ковалевскій, Ф. Ф. Корфъ, В. И. Луганскій, П. И. Надеждинъ, Князь В. И. Охоевскій, Ив. Ив. Панаевъ, Н. А. Полевой, А. П. Башуцкій, Графъ В. А. Соллогубъ, П. Р. Фурманнъ и весьма не многіе другіе.

Вотъ наша петербургская литература, съ весьма незначительными исключениями. Теперь удостоите обратить ваши страшные взоры на шесть номеровъ, составляющихъ всего двѣнадцать печатныхъ листовъ. Въ нихъ помѣщено оныхъ повѣстей семь; — въ нихъ вы встрѣтите имена Е. П. Ковалевскаго, В. И. Луганскаго, П. А. Подсаваго, А. П. Башуцкаго, Графа В. А. Соллогуба, П. Р. Фурманна. Само собою разумеется, что о статьяхъ Кукольника здѣсь упомянуть не мѣсто; а о статьяхъ М. О. К. не говоримъ. Неизвѣстный, зато что скрывается, не имѣетъ права на вниманіе публики. Многіе рассказы его Золоту Арфу, приняли въ иностранную также какъ и рисунки. Считаемъ обязанностію объявить что и тѣ и другіе — оригинальны. Изъ другихъ нечисленныхъ писателей В. А. Владиславлевъ, Е. П. Гребенка, А. И. Данилевскій-Михайловскій, П. И. Надеждинъ, и другіе, доставили уже статьи свои въ Редакцію.

Такой недостатокъ литературныхъ статей едва ли можетъ обратиться въ обвиненіе.

Въ чѣмъ еще обвиняютъ иллюстрацію?

За тѣмъ нѣтъ ноть!

За тѣмъ, что наборныхъ ноть еще нѣтъ въ типографіи, а текстъ уже имѣется, а именно сочиненія Глинки, Даргомыжскаго, Кажинскаго, Липинскаго и еще одного композитора — дамы, который, или котъ рая, талантомъ своимъ извѣстенъ, или извѣстна, въ высшемъ кругу нашего общества, а сочиненіями своими станеть въ первомъ ряду композиторовъ. Иллюстраціи пріятно, что ей дано милостивое позволеніе доказать это музыкальное свѣту...

Въ чѣмъ еще обвиняется иллюстрація?

Въ недостатокъ современныхъ извѣстій! На это и отвѣчать не слѣдуетъ. Доказательство — во многихъ отдѣленіяхъ иллюстраціи: въ Еженедельникѣ, въ Смѣсѣ, въ Свѣтскихъ новостяхъ; можетъ быть иллюстрація въ особенности виновата тѣмъ, что наши вельможи удостоиваютъ ее лестнаго доверія помѣщать домашніи свои забавы, которыя занимаютъ столицу; тѣмъ, что наши сановники снисходятъ къ ней, и на листахъ иллюстраціи позволяютъ печатать очерки полезныхъ трудовъ своихъ. Домашній спектакль въ домѣ Графа Н. И. Воронцова-Дашкова былъ уже описанъ и нарисованъ въ иллюстраціи; въ продолжительномъ времени она же представитъ сравнительную картину успѣховъ межеванія. За все за это, кажется, нечего серчать. При этомъ случаѣ мы вспомнили острое слово извѣстнаго нашего сатирика про одного господина, который добиваясь попасть въ кругъ порядочныхъ людей, отъ чего онъ такъ злился, бѣнуется, сирсиль кто-то... Сатирикъ отвѣчалъ: онъ сердителъ на повора, что готовитъ кушанье на столъ, за которымъ ему нѣтъ прибора...

Нѣтъ ли еще обвиненій?

Есть...

Но всѣхъ не перечеть. Прямо и косвенно, изустно и печатно, продолжаются эти нападенія. При этомъ случаѣ самые усердные порицатели пишутъ сами къ себѣ письма изъ Вѣны, изъ Парижа; въ азартѣ бросаются на иностранныя иллюстраціи; обвиняютъ ихъ въ помѣщеніи рисунковъ съ фабрикъ, магазиновъ и проч. Такъ какъ эти господа вовсе незнакомы съ западомъ, то и въ этихъ письмахъ обнаруживаютъ тоже незнаніе, какъ и во всемъ, чего ни коснутся. Не только немецкія, но англійскія и французскія иллюстраціи помѣщаютъ гравюры и статьи о разныхъ фабрикахъ и магазинахъ; не только помѣщаютъ, но и получаютъ деньги на художественные расходы, превосходящія обыкновенные расходы редакціи. — И безъ сомнѣнія ни одинъ благославленный знающій

дѣло чататель не обвиняетъ иностранныхъ иллюстрацій. Вотъ, если бы иллюстраціи брали за помѣщеніе статей вѣтки, — вотъ это достойно было бы и порціаніи и преслѣдованію; но этого не дѣлаютъ ни одна иллюстрація, разумѣется и Русская, которая будетъ помѣщать и частные дома, и фабрики и магазины, но не будетъ принимать на свой счетъ художественныхъ расходовъ. Въ иллюстраціи на 1845 годъ будутъ помѣщены гравюры съ покровъ Графа П. П. Воронцова-Дашкова, Графа Д. П. Шереметева, Князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго; обо всѣхъ объ этомъ она уже объявила. Будутъ помѣщены и фабрики и магазины, какъ напр. фабрики В. Г. Жукова, и пивская бумажная; гальванопластическое заведеніе К. П. Тохима,

мебельный магазинъ Г. Тамбса. Условіе иллюстраціи явно, объявлено во 2 номерѣ; причины объявлены.

Нѣтъ ли еще чего?

Какъ не быть! А опечатки?

Гдѣ ихъ нѣтъ! Это репейникъ, необходимый на литературной пахитѣ... Но это не пища для людей образованныхъ и благонамѣренныхъ. Пусть этихъ забавляются тѣ, которые любятъ опечатки. Сами свіюте. Мы не оправдываемся, но объясняемъ; и, боясь наскучить благомыслящимъ, съ патристическимъ усердіемъ содѣйствующимъ каждому доброму начинанію, свѣщимъ обратилъ ихъ просвѣщенное вниманіе на предметы, болѣе достойныя... Не хотѣли изъ этой мутной стихіи опе-

чатокъ природы, перебраться въ міръ поэзіи и подышать ея цѣлебнымъ воздухомъ.

Право, мы сами говоримъ только объ состраданіи къ ихъ слабости; изъ опасенія, что бы и благонамѣренные, но нетерпѣвые въ своихъ мнѣніяхъ, не пали въ обманъ, хотя и очевидный...

Таріель, Барсова кожа — грузинская поэма XI вѣка. Эта чудная закавказская Маіа переводится на русскій языкъ вся; такіе переводы обогащаютъ бы каждую литературу. Помѣщаемъ первую пѣснь; она можетъ дать понятіе о достоинствѣ и подлинникъ и перевода.

ТАРИЕЛЬ, БАРСОВА-КОЖА.

ПОЭМА.

1. Въ Аравіи былъ Ростеванъ, государь воздѣланный Богомъ, Великій, и щедрый, и кроткій, и мощный народомъ и войскомъ, Прозорливый, умный судья, любившій и правду и милость, Умѣвшій владѣть п мечѣ и рѣчи властительной силой.
2. Шѣлъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока, Которое въ соннѣ планетъ поражаемо могуществомъ блеска; Она отнимала у всѣхъ, и разумъ, и сердце, и душу; Хвалить ее могъ лишь мудрецъ языкомъ, многозвучно-высокимъ.
3. Царевна звалась Тинатина (1). И вотъ, когда перси прекрасной Вполнѣ развились, и она стала соперницей солнца, Возсѣвъ величаво на тронъ, посреди визирей своихъ вѣрныхъ, Повелъ съ ними ласковій царь благосклонныя царекіи рѣчи.
4. Онъ началъ къ нимъ такъ: «Я желалъ узнать ваше общее мнѣніе. «Когда въ ароматномъ саду засохнетъ увядшая роза, «На мѣсто исчезнувшей тамъ появится роза пная. «Свѣтло уже гаснетъ... и вотъ вы видите сумракъ беззвучный. (2)
5. «Я старъ, я съ недугомъ борюсь, который лютеѣ болѣзней; «Не нынче, такъ завтра умру, — таково нашъ удѣлъ въ этомъ мірѣ. «И что за свѣтло, когда его поглащаютъ ужъ сумраки! «Не лучше ль возвестъ намъ на тронъ младую соперницу солнца?»
6. Вельможи сказали царю: «Государь, что смущаетъ васъ старость? «Когда бы царица садовъ и увяла — довольны мы ею: «Ея ароматъ и краса лѣтнѣли насъ долго и пышно.... «И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающей полною луною?»
7. «Не думайте такъ государь, — онъ живъ еще, цвѣтъ вашей розы; «И дряхлый совѣтъ вашъ намъ лучше чужаго. Желалъ «Вы только излить полноту угнетеннаго сердца — и лучше «Избрать вамъ въ наследники дочь, владычицу яркаго свѣта.»
8. «Она хоть и дѣва (3), но даръ, народу ниспосланный Богомъ, «И царствомъ съумѣетъ владѣть, — о томъ ужъ судили мы прежде. «Ея красота и дѣла ея чисты, какъ свѣтло небо; «А полъ лъвиной крови, пусть тотъ иль другой, что за нужда!»
9. Рожденъ отъ вождя, Автандилъ былъ первымъ вождемъ Ростевана. Онъ станомъ стройнѣй кипариса, а ликомъ, и свѣтелъ, и ляснъ; Еще безбородъ — а душой подобенъ кристалу алмаза. Густыя рѣсницы царевны терзали въ немъ пылающую душу.
10. Такъ онъ на сердцѣ любовь, — и въ долгой разлуцѣ съ прекрасной, Ланить его розы гасилъ свой пурпуръ, а встрѣтлся, — Румянцемъ онъ вспыхивалъ вновь — и рана суровѣй болѣла... Печальна лѣтая любовь, жертвѣт она юное сердце!
11. Когда аравійскій престолъ назначенъ былъ юной царевнѣ, Сокровищемъ вѣсти такой въ немъ сердце исполнилось; думать Онъ: часто теперь я могу любоваться кристаломъ базальта; (4) Быть можетъ, грядущее вновь оживитъ потухающіи цвѣтъ мой!
12. Владыка Аравіи, такъ обнаруживалъ царскую волю: «Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой. «Да свѣтитъ народамъ она, какъ ликъ дучезарнаго солнца! «Теките — и врите ее, достойные славить царицу!»
13. Текуть, и стеклись племена, умножилось множество храбрыхъ; Тогда Автандилъ соляцельникъ, какъ вождь многочисленной рати,

(1) Тинатина, собственное имя у Грузинъ. Оно означаетъ отраженный блескъ солнца.

(2) Царь объясняетъ, что онъ угаснетъ безъ наследника престола.

(3) На Востокъ женщины не наследуютъ престола. Потому царевне Тинатинѣ случай необыкновенный. У Грузинъ жена царя называется «Дедопани», а царствующая женщина «Мене»; следовательно для Тинатины, избираемой на престолъ, нѣтъ пристойнаго имени царицы.

(4) На Востокъ женщины скрываютъ свои лица. Но царь не можетъ править народомъ, скрывая свое лице. Вотъ надежды Автандила.

И визирь Согратъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ сановниковъ трона, Поставилъ пышный престолъ неисчислимой цѣнности золота.

14. Ведетъ Тинатину отецъ, — ликъ его блещетъ всеельемъ; Возвелъ на престолъ, возложилъ корону на голову дѣвы, И юныя плеча одѣлъ въ багряныя ткани порфиры.... Свѣтла Тинатина, какъ солнце, — и взоръ ея мудрости полною.
15. Тогда отдаляются всѣ, и, воздавъ поклоненье, царицей Ее нарѣкаютъ. Пришлекомъ, странъ чуждыхъ, хвалы ей приносятъ. Кимвалы и трубы звучатъ торжественнымъ, сладостнымъ гласомъ. Окраины врановыхъ крылъ (1) колеблются — плачуть царица!....
16. Она почитала себя недостойною отчаго трона, — И полною слезою росы садъ мышино-рѣдущей розы. (2) Отецъ говоритъ Тинатинѣ: — а сладки отцовскіи рѣчи! «Пока не сбылось это, жегъ непрерывный огонь мою душу!»
19. «Не плачь моя дочь, продолжалъ онъ, и что говорить буду, — слушай: «Отинѣй царицею ты къ могуществу призвана мною; «Отинѣй Аравію всю тебѣ, моя дочь, поручаю. «Будь мудрой и кроткой въ дѣлахъ, и славу синицы себѣ въ мірѣ.»
18. «На прахъ и на розу равно сияетъ роскошное солнце, — «И ты полною свою милость равно на могущихъ и слабыхъ. «Щедротой привлечешь ты всѣхъ; а какъ тотъ, кто привязанъ, ужъ связанъ, «То щедро даруй; есть приливъ, есть и отливъ въ океанѣ.
19. «Щедроты царей даютъ плодъ, какъ чинары цвѣтущаго рая; «Онѣ налагаютъ узду даже на нравъ вѣроломный. «Напитки и яства полезны, но тщетно хранишь ихъ безъ нужды: «Подашъ ихъ — себѣ жъ въ добро; чего не подашъ, то пропадетъ!»
20. Такіе совѣты отца Тинатина внимала разумно, Склонивъ къ нимъ весь слухъ, — и они не казались ей долги и скучны. Царь дѣлаетъ пиръ и на немъ веселится радушно. Царица Въ тотъ день краше солнца, а солнце въ тотъ день соревнуетъ царицѣ.
21. Призвавъ перелъ тронъ свой слугу, надежнаго вѣрной заслугой. Она повелѣла ему: «Назъ сокровищницъ прежнихъ царевны, «Поди, принеси всѣ богатства.» — Посланникъ пошелъ, и принесъ плъ. Взяла и разсыпала всѣ рукою безмѣрной и полною....
22. Въ тотъ день раздарила она хранимое съ раняго дѣтства, Такъ, что изчерпалась вся кошница сокровищъ обильныхъ. Потомъ повелѣла, сказавъ: «Послушна я отческой волѣ, «И нынѣ, изъ прежнихъ богатствъ, да не будетъ ничто мною скрыто.»
23. «Подите, раскройте, гдѣ есть, мои всѣ сокровища золота, «Коишій! иди и верни дикихъ коней съ табунами!» Исполнено. Все раздала безмѣрно.... Щедрота слюбилась! Сокровища хитилъ народъ, какъ ненасытный грабитель....
24. Расхитили все, что дано, будто добычу отъ боя: И тучины арабскихъ коней, и груды камней многоцѣнныхъ.... Такъ вихри и мычуть и рвутъ даянье обильное свѣга.... Ни кто не забытъ на пиру, нѣтъ гостя съ пустыми руками!
25. Минуль пиршества первый день, — пили и ѣли роскошно! Воиновъ много съ царемъ толпами сидѣли на пирѣ. Вдругъ голову царь опустилъ и чело его пасмурно стало.... Взглянулъсь гости, и каждый спросилъ тревожно: что случилось?
26. Сидѣлъ впереди Автандилъ, онъ цѣль и желаніе взоровъ, Вождь арміи, быстрый, какъ тигръ, и сильный, какъ левъ многомошный, А рядомъ съ нимъ, старецъ ужъ дряхлый, визирь Согратъ. Разсуждали Они межъ собой: отчаго государь такъ задумчивъ и мраченъ?
27. И, зная, что тутъ на пиру онъ не былъ ничѣмъ опечаленъ, Рѣшили, что царь увлеченъ какой нибудь грустною думой. Сограту сказалъ Автандилъ: «Пойдемъ къ государю, да спросимъ? «Или попробуемъ шутку, — быть можетъ и то намъ удастся!»

(1) Брови.

(2) Лице.

28. Поднялся согбенный Согратъ, всталъ Автандилъ солнцеликій;
Налили кубки виномъ, тихо пошли къ государю,
И стали предъ нимъ на колѣна. Съ улыбкой веселой,
Краснорѣчивый Согратъ началъ шутить съ Ростеваномъ :
29. «Владыка Арабовъ! О чѣмъ бы такъ много печали глубокой?
« Не тщетноль растрчены здѣсь богатства казны твоей царской?
« Царица ихъ мечеть въ народъ рукою роскошной... ну что же:
« Вольно было тронъ отдавать, вольно увлзывать себѣ сердце!... »
30. Услыша все то, Ростеванъ посмотрѣлъ смѣлочисъ на Сограта;
Казался дивомъ ему такая отвага и дерзость...
« Хитро поступаешь ты; спасибо. — Слова ободрили придворныхъ...
« Но кто говорилъ, что я скупъ, тотъ вѣрно желалъ сказать шутку.
31. « Не то огорчаетъ насъ, визирь, — иная забота на сердцѣ:
« Нашъ кравиій съдой, наша старость, изчерпала дни молодые!...
« А вѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
« Ктотъ могъ замѣнить вамъ меня навычкую ратнаго дѣла. »
32. « Одна у меня только дочь, царица возросшая въ нѣгѣ,
« А сына Богъ не далъ, — и то печально мой вѣкъ коротаетъ...
« Хитро тѣбѣ бы метаться стрѣлы, пилъ въ мячъ игрока удалаго!
« Кой-какъ Автандилъ... да и то отъ того, что воспитанъ онъ мною. »
33. Молча и гордо внизалъ юноша царскія рѣчи, —
И тихо склонился, улыбнулся... Прекраснѣе былъ смѣхъ Автандила:
Блеснула зубовъ бѣлизна — и рассыпался лучъ ея въ полѣ!..
« Чему засмѣялся ты вдругъ, и что ты скрываешь въ улыбкѣ? » —
34. Потомъ повторилъ : « Но, мой глаза! что тебя такъ забавляетъ? »
— « Скажу, государь, если вы повелите; но только боюсь
« Тѣмъ огорчитъ ваше сердце, навестъ на досаду, прогнѣвать.
« Не сбѣгайте смѣлымъ меня, и если скажу, не взыщите. »
35. — « Но развѣ случалось, чтобъ ты меня своєю смѣлостію гнѣвалъ?
« Клянуся лучезъ Тинатны, соперницей солнца клянуся! » —
И сталъ говорить Автандилъ : « Не хвастался меткой стрѣлбою,
« Я скромно свое, государь, осмѣлюсь сказать вамъ условье :
36. « Великій стрѣлецъ съ тетивы! Я прахъ передъ вами... однакожъ,
« Позвольте закладъ предложить. Свидѣтелемъ будетъ намъ войско.
« Слова : кто сравнится со мной! — одинъ только звукъ, безъ побѣды,
« Пусть споръ объ искусствѣ рѣшать: мячъ, да открытое поле! »
37. — « Смотри Автандилъ, не спущу я даромъ подобной отваги! »
— « Такъ будемъ стрѣлать, государь; — но слова назадъ не возьметъ!
« Надежныхъ людей изберемъ въ свидѣтели нашего спора, —
« И послѣ увидимъ, кому достанется слава побѣды? »
38. Царь принялъ условье вождя — и договоръ былъ окончанъ.
Шутили, смѣялись, и всѣхъ равно увеселяло веселье.
Когда назначали закладъ, то условились такъ межъ собою:
Чтобы побѣжденный ходилъ три дня безъ чапмы въ наказанье. (1).
39. Дѣвѣнадцать наѣздниковъ царь назначилъ себѣ для прислуги:
Они помогаютъ ему подачею стрѣлъ на охотѣ.
Одинъ Шермандинъ Автандилу; но онъ стоитъ дюжинны цѣлою!.. —
И всѣмъ имъ вѣрнѣе считать подстрѣленныхъ или убитыхъ.
40. Охотникамъ царь повелѣлъ объѣхать обширное поле
И высмотрѣть больше звѣрей; за тѣмъ и послалъ ихъ немедля.
Глядѣть на теченіе игръ приглашенъ все войско толпами;
Окончили ширъ торжества; — и все ликовало весельемъ.
41. Съ зарею явился ужъ онъ, стройная ланія сада,
Отбланный въ пурпуръ, съ лицомъ, подобнымъ кристалу рубина;
Украшенъ оруженъ, чело увито чалмой золотой,
На блонѣ конѣ, подъ окномъ стоялъ онъ — и звалъ государя...
42. Скоро явился и царь и, сѣвъ на коня, съ нимъ побѣхалъ.
Поприше вокругъ обошли; толпы любопытныхъ стѣснились;
Рассыпался воины въ полѣ; все звучно, торжественно было...
Чтобъ выпрѣгать смѣлымъ закладъ, много стрѣляли и били!
43. Прислугѣ велѣлъ государь сѣдовать ближе, и быстро
Давать имъ тугіе луки и пернатые стрѣлы, да вѣрныи
Счетъ вести выстрѣламъ вѣсть и сравнивать раны въ охотѣ.
Вотъ ужъ стекается дичь, гонимая шумной облавой!..
44. Пестро и огромно все стадо! Тутъ прыгаютъ легкія серны,
Вѣтвисто-рогатый олень и канджаръ и пугливыя козы;
Соперники прынули къ нимъ... Смотрите, картина прекрасна!
Вотъ луки и стрѣлы въ рукахъ, враждаемыхъ съ ловкою силой.
45. Копытами взрытая пыль клубится и дѣнь омрачаетъ;
Свѣтѣщія стрѣлы летятъ, бьютъ, — и кроваветъ поле;
Пустые колчаны царя и вождя наполняютъ стрѣлами,
Подстрѣленный звѣрь недвижимъ, — онъ падаетъ тутъ же на мѣстѣ.
46. Помчались по дугу, согнали звѣрей въ необятную кучу, —
И били ихъ грудями тутъ, такъ, что прогнѣвали Бога.

Багровѣло поле отъ крови; соперники облиты ею;
Младой Автандилъ, какъ чинаръ, багряно-цвѣтущій въ Эдемѣ!

47. По вотъ Ростеванъ съ Автандиломъ ужъ минули поле до края;
За полемъ струится рѣка и скалы нависли надъ нею;
Пугливые звѣри бѣгутъ и кроются въ лѣсъ недоступный;
Остали отъ нихъ Автандилъ и царь, утомленные битвой!..
48. Они говорили другъ другу съ улыбкой: побѣда за мною!
И шутки мѣнялись у нихъ, какъ у равныхъ товарищей поля.
Подѣхали слуги; они обратились къ нимъ съ общимъ вопросомъ, —
Сказавъ : говорите намъ сухую правду, безъ лестн.
49. И слуги осмѣялись имъ отвѣчать : « Не дерзнемъ ошпобиться;
« Но даръ, мы не можемъ сказать, что сравнится вы съ Автандиломъ.
« Во гнѣвѣ властны вы казнить насъ, но это не дастъ вамъ побѣды!
« Мы видѣли мѣткость вождя : отъ стрѣлъ его падали звѣри.
50. « Убитыхъ въ облавѣ звѣрей началъ мы двѣ тысячи ровно;
« И противу васъ, государь, Автандилъ двадцатью убилъ больше.
« Стрѣлы съ его тетивы безъ промаху сыпались въ стадо;
« А вашихъ, поднятыхъ съ земли, довольно пустили мы въ дѣло! »
51. Царь, слушая эти слова, цѣнилъ ихъ какъ выигрышъ въ нарди (1) :
Отрады для сердца хвалы интому его молодому.
Любуется имъ государь, какъ соловей своей розой,
И шутить съ улыбкой : нашьелъ онъ радость печальному сердцу.
52. У дерева сѣли они оба подъ тѣнью прохладной,
Войско стекалось вокругъ — и стало, какъ тучная жатва.
Дѣвѣнадцать храбрѣйшихъ изъ слугъ, столпились отъ нихъ не далеко,
И живо шутя межъ собой, глядѣли на волны потока...
- АРАВИЙСКІЙ ЦАРЬ ВИДИТЪ ЮНОШУ, ПОСЯЩАГО БАРСОВУ КОЖУ.
53. Смотрять, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ;
Покоясь какъ левъ, въ поводу онъ держитъ коня вороного.
Оружье, сѣдло и приборъ разубраны жемчужомъ пышно...
Плачь сердца слезами тоски обливалъ свѣжую розу (3).
54. Могучіе члены красавца окнунты кожей барса,
И барсовой кожей покрыто чело молодого героя,
Съ нимъ, крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиава...
Урѣдъ — и взоромъ отвѣтъ не могли, удивляясь виднѣно.
55. И посланъ слуга пригласитъ юношу, полнога скорби,
Поникшаго блѣднымъ челою, съ очами безъ жизни и взора.
Слезы хрустальнымъ дождемъ каплютъ съ губеновыхъ шерловъ (3)...
Слуга подошелъ, и молчать : не до рѣчей ему стало!
56. Тутъ море тоски — онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселья отъ войскъ, рассыпанныхъ вдоль по зарѣчью;
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачь съ кровью прохлывивалъ въ очи, какъ волны сквозь щели
преграды.
57. Проникнутый ужасомъ рабъ, не смѣетъ начать къ нему рѣчи,
И долго глядитъ съ пугленьемъ, хоть сердце въ немъ тверже алмаза;
Но вотъ, подошелъ со смиреніемъ, донесъ ему царскую волю;
А юноша, плача, не внемлетъ : онъ чуждъ впечатлѣнія жизни!
58. Далеко леталъ онъ душой надъ врачьями влѣяніемъ думы.
Осмѣялся посланный вновь донести ему зовъ государя...
Но онъ его вновь не услышалъ, онъ слезъ и тоски не покинулъ,
Онъ устъ не раскрылъ — этихъ устъ, подобныхъ младенчеству розы.
59. Когда онъ оставилъ слугу безъ отвѣта, слуга воротился,
И такъ Ростевану донесъ : « Приглашенъ онъ слышать не можетъ;
« Померкли глаза мои, будто отъ солнца, — а сердце печально :
« Не могъ я дозваться его, хотя и промѣшкалъ такъ долго. »
60. Прогнѣвался царь удивленный, вспикѣло въ немъ сердце обидой.
Дѣвѣнадцать онъ стражей позвалъ, стоявшихъ при немъ безотлучно.
И отдалъ такой имъ приказъ : « Возьмите оружие для боя,
« Идите привести мнѣ сюда того, кто сидитъ у потока. »
61. И воины быстро пошли, послышался звукъ оружія!..
Очнулся тогда только онъ, полный и слезъ и печали!
Окинувъ глазами вездѣ, увидѣлъ идущихъ онъ стражей —
И тяжело, и тяжело вздохнулъ... Но встрѣчу имъ слова не молвилъ.
62. Руку лишь подпалъ къ очамъ; слезы горячія выжалъ;
Поправилъ оружие, потомъ ободрилъ мускулистыя руки;
Сѣлъ на коня — и побѣхалъ стороной... не бросилъ на стражу
Ни взора вниманья, царю не вымечивъ сердца въ недугѣ!
63. Но воины руки простерли, чтобъ взять молодого упримца...
Горе! что съ ними обьелось, то видѣть врагу былобы жалко!
Онъ билъ другъ обѣ друга ихъ войскъ — для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самымъ груди...
(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

(1) Величайшій позоръ на Востоку.

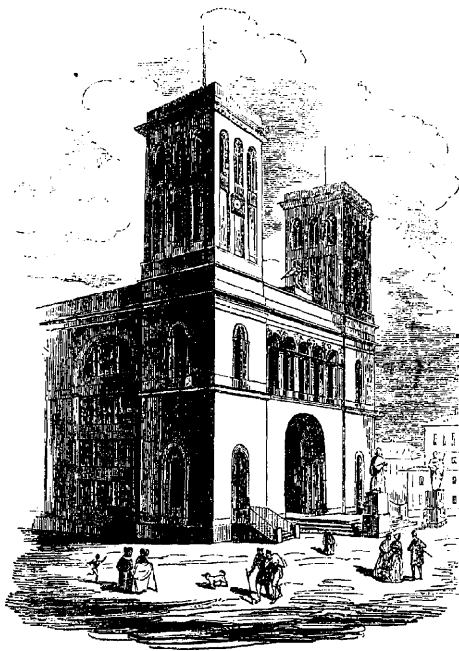
(1) Особая игра въ шапкъ.

(2) Сдѣлалъ се блѣднымъ. Отъ ижея.

(3) Черные камни, которыми авторъ уподобляетъ глаза.

ПРОГУЛКА ПО ПЕТЕРБУРГУ И ЕГО
ОКРЕСТНОСТЯМЪ.

По окрестностям? — Дѣло невозможное! Исключите это изъ заглавія статьи, покрайней мѣрѣ на этотъ нумеръ. Ни шага за заставу; развѣ по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ; но тамъ что дѣлать? Мерзнуть и вязнуть? Не только за городомъ, въ Петербургѣ, кромѣ Невскаго Проспекта, ходить еще не гдѣ; тутъ только еще грѣетъ весеннее солнышко, не такъ сильно продуваетъ весенній вѣтеръ. Сегодня воскресенье. Но я не замѣчаю никакой разницы между воскреснымъ и обыкновеннымъ днемъ. Правда, гостинный дворъ запертъ, серебряныя лавки подъ Думою также; нѣсколько магазиновъ также заперты; но въ движеніи народа и экипажей эти пустоты и незамѣтны. И вчера, и третійго дня, все было тоже и также. Помню и, случилось мнѣ прѣхать въ воскресенье въ русской городокъ О. Было время обѣдень. Я подумалъ, что въ городкѣ нѣтъ жителей. Говорю буквально, я не встрѣтилъ ни одной живой души; въ трактирѣ некому было меня принять. Я самъ себя принялъ, самъ себя усадилъ у красиваго окна на дворъ, самъ себя убавокалъ — и съ дороги заснулъ сномъ крѣпкимъ. Колокола разбудили меня... Скоро пришла трактирная челядь... Я сдалъ себя ей на руки... Меня заплели кой-какой бесѣдой, накормили кой-какимъ обѣдомъ и стали снаряжать въ дорогу... Я расчиталъ, что куда заложать лошадей и уложить вещи, я обойду весь городъ съ переулками. Выхожу на улицу... Гулянье! У воротъ сидятъ старики и старушки, богато одѣты. Жемчугъ въ повязкахъ, жемчугъ на шеѣ, гадуны по сарафанамъ, рубашки бѣлые сѣнга. Молодые парни группами тамъ и сямъ разговариваютъ, орѣхи щелкаютъ, иногда смѣхомъ разольются; а дѣвушки, обнявшись, взвояданы, вдоль улицы гуляютъ и поютъ пѣсни. Ручаюсь, это все я видѣлъ и слышалъ не въ деревнѣ, а въ уѣздномъ, весьма добпорядочномъ торговомъ городкѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, я замѣтилъ и чиновниковъ: они шли съ жепами и дѣтьми, чинно, медлительно, какъ слѣдуетъ лицамъ официальнымъ; старики подымались и кланялись мнѣ, тоже какъ слѣдуетъ лицамъ зажиточнымъ; а пѣсни гремѣли; ничто не нарушало живописнаго однообразія картины. Я увлекся. Самъ сталъ гулять по чиновничьи; удостоился такихъ же привѣтствъ; но меня это не занимало; я тогда былъ очень молодъ; я все паровилъ какъ бы поближе подойти къ пѣвицамъ, уваровилъ таки, подошелъ и, признаюсь, ахнулъ. Кровь съ молокомъ одна другою краше; мнѣ показалося будто я въ Малороссіи... Но это было совсѣмъ не въ Малороссіи, напротивъ въ одной изъ болотныхъ губерній, на границахъ Литвы, — и я вспоминалъ, что недаромъ сюда дѣлали экспедиціи и Рыцари, и Поляки, и Литва за красноюю... Недѣлю пробылъ я въ дорогѣ; прѣхалъ въ Петербургъ также въ воскресенье и, виноватъ, искалъ красоты. Простительно покойному 1833 году, когда мнѣ было... Но какое дѣло до лѣтъ? Такъ вы пожалуй узнаете сколько мнѣ теперь. А мужчины не хуже женщинъ. Есть возрасты, когда мужчины, при нескромномъ вопросѣ о лѣтахъ, ошибаются... Я помню одного маститаго воина; четыре года я ходилъ къ исповѣди въ одну съ нимъ церковь; когда приходилось росписываться, я уступалъ ему шагъ и слово, и онъ диктовалъ: 78; на другой годъ — 87, на третій — 78; на четвертій — 87; на пятыйонъ умеръ. Ошибался,

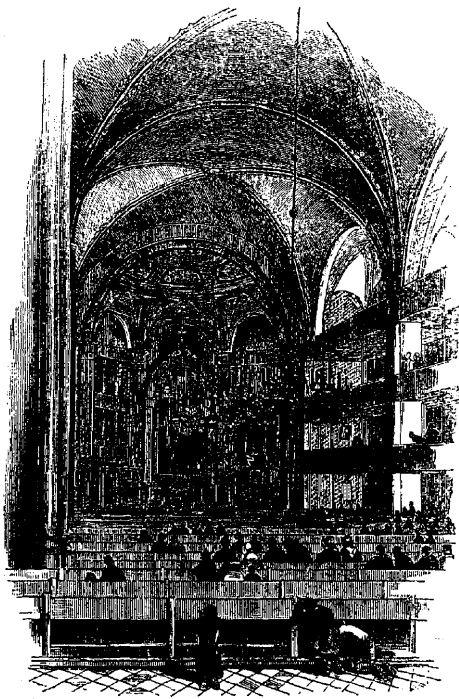
(Лютеранская церковь Св. Петра въ Петербургѣ.)

думалъ я; но изъ биографіи я узналъ, что онъ просто потерялъ счетъ, потому что въ годъ смерти ему было 92 года. Однимъ словомъ, я былъ молодъ и обрадовался

во всей Россіи подъ именемъ Peterschule. Пора, пора было старушкѣ переодѣться... Да ты меня не слушаешь?.. Я былъ молодъ, и не Бишицкѣ, а пальма занимала меня; но увы! Напрасно я пробѣжалъ весь Невскій Проспектъ туда и назадъ трижды... Прошло пять лѣтъ. Я видѣлъ много разныхъ шляпокъ, капотовъ, талій и ножекъ, но пальмы моей не встрѣтилъ. Въ 1839 году, на весеннемъ гуляньи по Невскому Проспекту, издали я замѣтилъ пальму; давай догонять; но вотъ она повернула въ Peterkirche, вотъ она на паперти, я постѣшилъ за нею, и могъ взглянуть на лице пальмы уже внутри церкви; взглянулъ... и покажѣлъ, что я могъ пять лѣтъ думать о такой пальмѣ, которая едвали не ровесница карскимъ пальмамъ... Но я былъ благодаренъ этому случаю. Съ особеннымъ удовольствіемъ я занялся разсмотрѣніемъ внутренности церкви; просторъ, помѣстительность, щегольская отѣлка... я перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ — вездѣ было слышно... Я вспомнилъ моего пріятеля и согласился съ нимъ въ душѣ, что Петербургъ приобрѣлъ изящное зданіе... Утоливъ зрѣніе видомъ общаго, я подошелъ поближе къ главному образу, изображающему Распятіе Спасителя, письма Карла Павловича Брюлова, и погруился въ сладкія, высокія размышленія... Выходя, я покраснѣлъ... я вспомнилъ, что завело меня сюда; но тутъ же и утѣшился. Не я первый, не я послѣдній! Сколько въ Петербургѣ изящнаго, рѣдкаго, достойнаго самого тщательнаго разсмотрѣнія — и можно поручиться, что если кто и видѣлъ кое-что изъ этой сокровищницы, то вѣрно по случаю, который ни чѣмъ не лучше моего.

Однимъ словомъ, я былъ молодъ и обрадовался

Однимъ словомъ, я былъ молодъ и обрадовался

(Внутренность Лютеранской церкви Св. Петра.)

воскресенью. Тутъ то, въ столицѣ, увижу я красавицу. На Невскомъ толпа. Удивительныя шляпки, великолѣпныя капоты; ноги всѣ въ шнуровкахъ, будто мухи выбѣгаютъ изъ подъ широкихъ полъ... У меня голова закружилась отъ великолѣбія; глаза заболѣли; толпа сбивала меня съ ногъ; тутъ что-то строилось; я отошелъ въ сторону... хотѣлъ протереть глаза, и вдругъ мимо меня мелькнула такая талія, что упали Господи... Тополь, паль-

ма, именно пальма, потому что на головѣ, подобно пальмовымъ листьямъ, колыхалась пушистая перья... Лица я не видѣлъ, и, натурально, хотѣлъ броситься за пальмой, обогнать, взглянуть, не знакомый голосъ остановилъ меня, знакомая рука держала меня за пуговицу: Давно ли, откуда?

«Сегодня, оттуда...»

«Ты вѣрно любовицѣствуешь видѣть новую постройку Александра Павловича...»

«Какого Александра Павловича?»

«Брюлова!»

«А гдѣ же она?»

«А вотъ за тобою...»

«Этотъ заборъ? Да что же тутъ интереснаго?»

«Э, братецъ! Мы ужъ такъ привыкли къ однообразію нашихъ зданій, что малѣйшая вариція производитъ пріятную сенсацию. Еще зданіе не поднялось отъ земли, а въ магазинахъ продаютъ уже видъ Лютеранской церкви Св. Петра, и, признаюсь, я порадовался, что нашъ великолѣпный Невскій Проспектъ, это общество красивыхъ зданій, приобрѣтеть еще одного изящнаго члена... Знаешь ли, что покойной церкви ровно теперь сто лѣтъ, если не больше. Она у насъ историческая. Именно она построена въ 1728 году, была каменная съ башней. Ты слышалъ про извѣстнаго доктора Бишинга. Въ 1760 году онъ распространилъ церковь и основалъ при ней училище, въ которомъ и янзлѣтъ удовольствіе воспитываться, извѣстномъ во всей Россіи подъ именемъ Peterschule. Пора, пора было старушкѣ переодѣться... Да ты меня не слушаешь?..»

Я былъ молодъ, и не Бишицкѣ, а пальма занимала меня; но увы! Напрасно я пробѣжалъ весь Невскій Проспектъ туда и назадъ трижды... Прошло пять лѣтъ. Я видѣлъ много разныхъ шляпокъ, капотовъ, талій и ножекъ, но пальмы моей не встрѣтилъ. Въ 1839 году, на весеннемъ гуляньи по Невскому Проспекту, издали я замѣтилъ пальму; давай догонять; но вотъ она повернула въ Peterkirche, вотъ она на паперти, я постѣшилъ за нею, и могъ взглянуть на лице пальмы уже внутри церкви; взглянулъ... и покажѣлъ, что я могъ пять лѣтъ думать о такой пальмѣ, которая едвали не ровесница карскимъ пальмамъ... Но я былъ благодаренъ этому случаю. Съ особеннымъ удовольствіемъ я занялся разсмотрѣніемъ внутренности церкви; просторъ, помѣстительность, щегольская отѣлка... я перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ — вездѣ было слышно... Я вспомнилъ моего пріятеля и согласился съ нимъ въ душѣ, что Петербургъ приобрѣлъ изящное зданіе... Утоливъ зрѣніе видомъ общаго, я подошелъ поближе къ главному образу, изображающему Распятіе Спасителя, письма Карла Павловича Брюлова, и погруился въ сладкія, высокія размышленія... Выходя, я покраснѣлъ... я вспомнилъ, что завело меня сюда; но тутъ же и утѣшился. Не я первый, не я послѣдній! Сколько въ Петербургѣ изящнаго, рѣдкаго, достойнаго самого тщательнаго разсмотрѣнія — и можно поручиться, что если кто и видѣлъ кое-что изъ этой сокровищницы, то вѣрно по случаю, который ни чѣмъ не лучше моего.

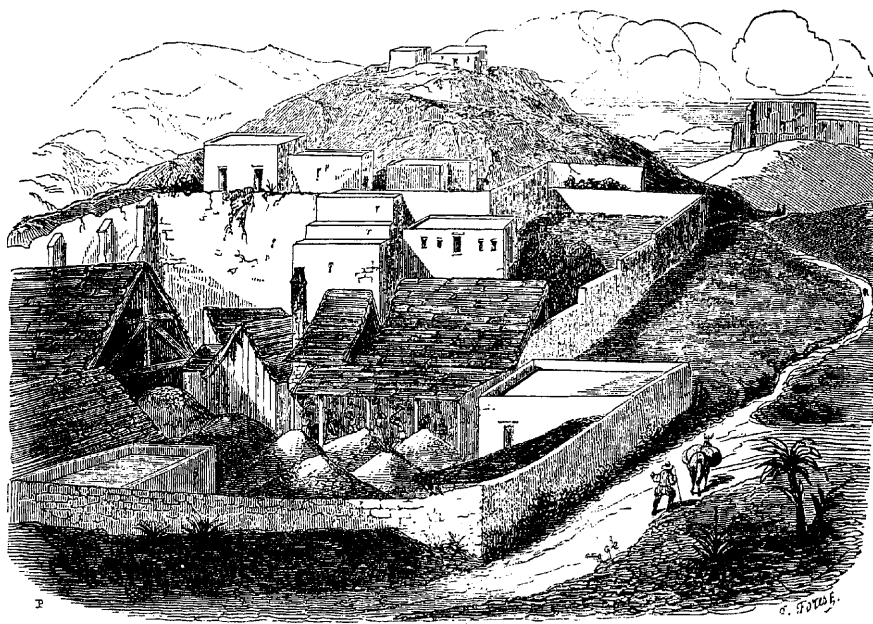

СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ ГУАНАХУАТО, ВЪ МЕКСИКѢ.

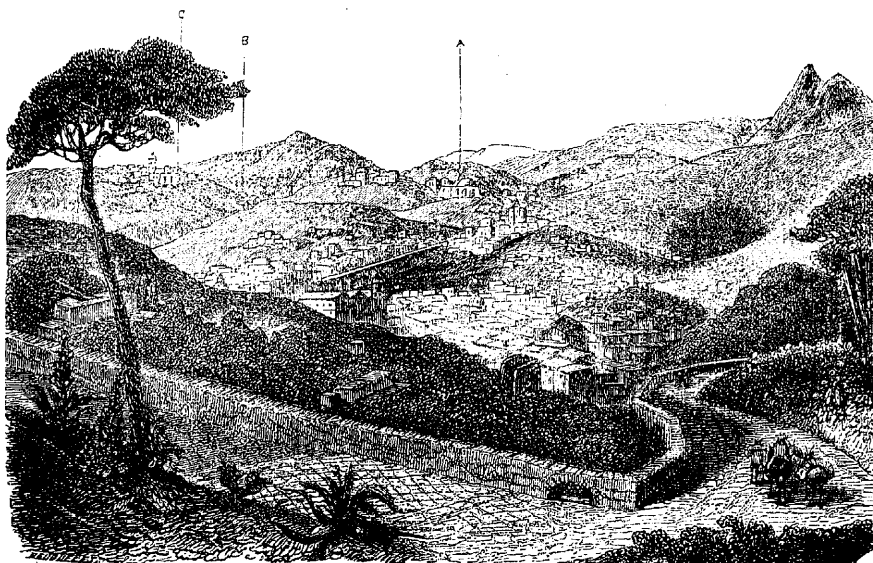
Гуанахуато, основанный въ 1554 году, возведенный на стѣньгорода въ 1741 году, въ настоящее время считается столицей Гуанахуатской Области, одной изъ тѣхъ, которыя составляютъ Мексиканскую Конфедерацию. Подъ правленіемъ испанскимъ, онъ былъ главнымъ городомъ интендантства того же имени.

Въ разстояніи около четырехъ верстъ отъ Гуанахуато, находится обширная лощина, именуемая *Канада де Марфиля*. Это единственная дорога, ведущая въ городъ. Въ Канаду стекаютъ всѣ воды окрестныхъ высотъ, покрытыхъ заводскими строениями, зелеными дубами, соснами, или увѣчаныхъ громадными массами порфира, издали кажущимися разрушенными стѣнами, башнями и валами; во время дождей, эта лощина вся превращается въ обширный потокъ наполненный пловатой водой. Надъ городомъ, неправильно расположенномъ, на скатѣ другихъ лощинъ, возвышается цѣль горъ, заключающихъ въ нѣдрахъ своихъ металлоносныя жилы, изъ коихъ главная *Veta-Madre (Мать жила)*. Наклоненіе этой жилы, столь правильно названной, находится въ 45° къ ю. з.; ширина ея, имѣющая въ рѣдкихъ мѣстахъ менѣе 4 сажень, достигаетъ часто до 20 и 25, обширныя разработки, въ средоточіи коихъ она находится, занимаютъ пространство болѣе 12 верстъ; главнѣйшія изъ нихъ: *Валенсиана, Мельядо и Ралесъ*.

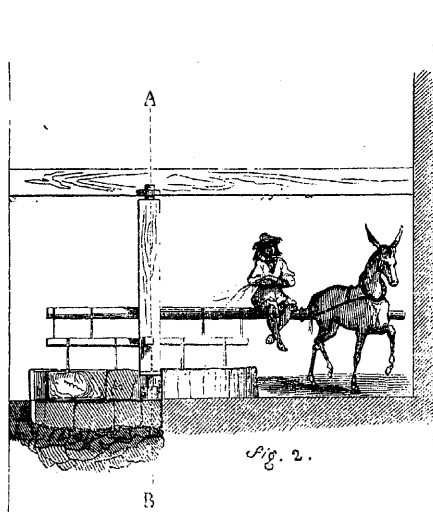
Гуанахуато, въ коемъ разработки составляютъ, такъ сказать, предмѣстіе, городъ богатый и цвѣтущій, хотя онъ еще не поправился послѣ несчастій, постигшихъ его въ 1810 году. Въ окрестностяхъ его вспыхну-

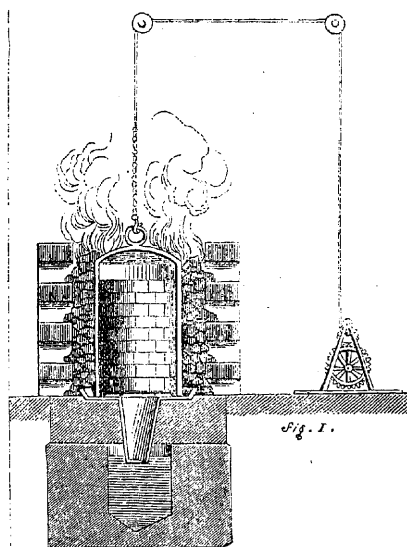
(Видъ Гуанахуато).

(Другой видъ Гуанахуато).

(Машина толкущая руду).

(Спираль для очищенія серебра).

ла война за независимость; онъ почти немедленно былъ взятъ инсургентами, и опустошенъ съ тѣмъ безчеловѣчїемъ, которое и въ наше время характеризуетъ войну Испанской Америки. Рудники были на долго оставлены, и они вскорѣ были залиты водою.

Рудникъ Ралесъ былъ скорѣе другихъ осуществленъ англійскими компаниями, начавшими въ 1822 году работы свои. Доходы были незначительны, и въ концѣ 1841 года, по истеченіи срока контракта, компания требовала такихъ выгодныхъ условий, что владѣльцы рудниковъ предпочли разрабатывать ихъ на свой счетъ. Работы, производимыя соединившимися для общихъ выгодъ рудокопами, требуютъ весьма умѣренныхъ издержекъ, между тѣмъ какъ затѣйливая и роскошная администрація Англійца истратила огромныя капиталы.

Подземные работы въ Ралесѣ, самыя замѣчательныя во всей Мексикѣ. Три шахты, соответствующія тремъ ярусамъ штольи, назначены для транспорта руды и выкачивания воды, подвѣшенной до первой штольни, посредствомъ зубчатыхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе мулами.

Видъ этихъ огромныхъ колій производить глубокое впечатлѣніе. Безчисленные столбы въ скалѣ образуютъ арки, и вокругъ нихъ блестятъ, при свѣтѣ факеловъ, металлическія жилы. Со звуками голосовъ тысячи работниковъ, перекликающихся съ разныхъ сторонъ, слышится грохотъ падающей руды и шумъ воды, по каплѣ стекающей въ сдѣланныя для того отверстія. По временамъ, при свѣтѣ зажженной пакли, видны ряды работниковъ, несущихъ руду, и какъ бы выходящихъ изъ нѣдръ земли, или же

на невидимых питахъ, висящихъ вдоль отвѣсныхъ стѣпъ скалы.

Руда скалывается киркою; еслижъ она слишкомъ твердато еезвываютъ порохомъ. Чиновникъ взвѣшиваетъ руду, по мѣрѣ того, какъ работники приносятъ ее къ нему; потомъ ее завязываютъ въ кожаный мѣшокъ, который быстро подымаютъ вверхъ чрезъ тѣло или главную шахту.

Шахта эта, имѣющая глубины около 200 сажень, вырыта осьмиугольнымъ, для облегченія дѣйствій восьми *малакатовъ*. Диаметръ ея содержитъ восемь *вуръ* или аршинъ. Малакатомъ называютъ огромный блокъ, приводимый въ движеніе двумя лошадьми. Два каната непрерывно накручиваются на него и развертываются, и попеременно подымаютъ мѣшокъ изъ воловьей кожи, содержащей воду и мѣшки, заключающіе въ себѣ руду. Къ машинамъ эти попеременно идутъ вскачь, и работаютъ по четыре часа въ сутки. Въ каждомъ мѣшкѣ находится около 20 пудовъ руды; кожаный же мѣшокъ, самъ собою наполняется внизу водою, пока сверху разгружаютъ руду.

На каждой недѣлѣ одинъ день назначенъ для продажи. Утромъ рано, *buscones* (продавцы) кладутъ руду на полоны; они, по возможности, стараются украшать свой товаръ, и въ назначенный часъ управляющій приступаетъ къ продажѣ, производимой безъ пробы и взвѣшивания; руда достается тому, кто предложитъ большую цѣну. Половина выручки принадлежитъ *бусконамъ*, что составляетъ изъ весьма значительный доходъ, особенно, если принять въ соображеніе, что, въ 1839 году, половина цѣнности руды, представляющая плату за работу рудокоповъ, простиралась до 84,485 піастровъ, около 130,000 руб. серебромъ; а въ 1840 году до 97,260 піастровъ или около 140,000 рублей серебромъ. Такъ какъ всѣ издержки на выломку руды, относятся на счетъ разрабатывающихъ, то изъ ихъ барыша надлежитъ исключить эти издержки.

Предлагаемъ нѣкоторыя подробности о различныхъ операціяхъ обработки руды, отъ выхода ея изъ рудника до превращенія въ слитки.

Руда сначала разбивается ручнымъ молоткомъ, на маленькіе куски, чтобы можно было отдѣлывать тѣ, которые не содержатъ достаточнаго количества металлическихъ частицъ, для вознагражденія издержекъ обработки. Послѣ разбора, руду относятъ въ *пожкастенъ* (*molino*). Эта машина, состоящая изъ 8 деревянныхъ толчей, снабженныхъ у нижней оконечности кубами изъ кованнаго желѣза, приводится въ движеніе валомъ, иногда обращается гидравлическимъ колесомъ, а чаще лошадьми или мулами. Руда, превращенная, такимъ образомъ, въ крупный травій (*granza*), проходитъ сквозь сито, изъ кожи, въ которой пробиты круглыя дыры. Эта операція производится весьма скоро: хорошей *пожкастенъ*, можетъ въ сутки размельчить тридцать четыре грузаруды, по 14 *аррибовъ* каждый, или около 370 пудовъ. *Granza* потомъ порфиризуется посредствомъ другихъ машинъ, называемыхъ *аггострасъ* или *таһонасъ*: это большія круглыя творила, имѣющія въ диаметрѣ отъ 1½ до 1¾ сажени; край ихъ возвышается на ½ аршина надъ дномъ, составленнымъ изъ продолговатыхъ кубовъ порфира, длиною въ 1 аршинъ, а шириною и толщиною въ ½ аршина. Край круга обложенъ глиною и досками, для удержанія руды. Въ средоточіи этого творила или бассейна нахо-

дится стулъ, на которомъ, посредствомъ желѣзнаго шпилья, упирается и вертится отвѣсно поставленная ось; на этой оси находятся два крестообразно расположенные бруска. Къ каждому изъ этихъ брусковъ, длиною около ½ сажени, привѣшенъ камень, называемый *voladoga*. Только одинъ изъ брусковъ, или частей креста, имѣетъ достаточную длину, чтобы можно было привязать къ нему одного или двухъ муловъ рядомъ, которые въ 25 или 30 секундъ дѣлаютъ оборотъ. Машина эта, чрезвычайно простая въ дѣйствіи, скоро растираетъ руду, какъ бы она тверда ни была, въ мельчайшій порошокъ, потому что для выравнианія дна и камней, и для плотнѣйшаго соприкосновенія ихъ, заставляютъ машину дѣйствовать нѣсколько дней безъ руды, и каждый камень *voladoga* вѣсомъ не менѣе 8 пудовъ.

Для избѣжанія неприятной для надсмотрщика, находящагося въ средоточіи 4 или 6 *аррострали*, пыли, его отъ времени до времени обливаютъ водою; отъ чего образуется густая грязь, которая будучи порфирирована до надлежащей степени, раскладывается на двѣ, плотно и ровно выстланномъ плитой, для на солнцѣ изъ этой грязи и испаряется вся жидкость. Количество, собираемое для составленія круглыхъ кучъ порфирированной грязи, простирается до 4,300 пудовъ руды; каждая куча составляетъ такъ называемую *torta*.

Потомъ производится амальгамированіе слѣдующимъ образомъ: въ *torta* насыпаютъ сначала количество морской соли, въ пропорціи около 2¼%; руду мѣшаютъ деревянными лопатами, и послѣ минутъ нѣсколько часовъ подъ ногами 12 или 15 лошадей; потомъ кладутъ известную пропорцію обожженной мѣди. Когда соль и мѣдь достаточно перемѣшаются, начинаютъ подливать ртути, сначала наливаютъ только ½ всего количества, назначеннаго для употребленія въ дѣло, а это количество равняется 6 разъ вѣсу серебра, которое можно надѣяться получить. За тѣмъ опять мѣшаютъ вышеописаннымъ способомъ. По истеченіи 22, 30 или 40 дней, послѣ продолжительнаго растиранія, человекъ, коему поручена эта работа взвѣщаетъ, что изъ *торты* вышло все серебро, которое ртуть могла отъ нея отдѣлать. Тогда приступаютъ къ размыкѣ. *Размыкою* называютъ очищеніе ртути отъ каменистой части руды. Наконецъ, оставшуюся амальгаму помѣщаютъ на столахъ, крытыхъ мѣдью, и сжимаютъ въ треугольныхъ деревянныхъ формахъ. Это необходимо для того, чтобы легче было составить изъ этихъ кусковъ столбъ, покрываемый бронзовымъ колпакомъ (*capellina*), который, посредствомъ жара, содѣйствуетъ отдѣленію отъ ртути серебра.

Эта операція, называемая *reforhar*, состоитъ въ покрытіи колпакомъ столба амальгамы, помѣщенномъ на желѣзной подпоркѣ, которая сама стоитъ на каменномъ резервуарѣ, всегда наполненномъ равнымъ количествомъ воды. Бронзовый колпакъ спускается сверху съ помощью блока. Его обкладываютъ круглыми кирпичами, оставляя между ними и колпакомъ промежутки, наполняемые зажженнымъ углемъ, жаръ котораго достаточенъ для улетучиванія ртути, которая послѣ сгущается въ токѣ холодной воды, находящемся въ нижней части снаряда. Послѣ 8—10 часовъ нагрѣванія, операція кончена; ртуть собралась въ массу всѣхъ частицъ серебра; она же сама отъ него отдѣлилась, и остается только сплавить въ слитки дорогой металлъ, извлеченный изъ камен-

ной оболочки. И все это исполнено просто, легко, безъ большихъ издержекъ, съ помощью снаряда, существующаго уже около трехъ сотъ лѣтъ и даже не нуждающагося въ усовершенствованіи.

Чтобы осмотрѣть райскіе рудники, я спустился чрезъ штольны; вышелъ же я изъ нихъ другимъ путемъ. Къ одному изъ канатовъ, опускающихся и восходящихъ постепенно въ большую шахтѣ привязали записку, чтобы увѣдомить, что кто-то собирается подняться. Получивъ сверху отвѣтъ на меня надѣли широкую куртку, и панталоны, изъ грубой шерстяной саржи и дали въ руки палку изъ скрученной кожи; потомъ, продѣли мнѣ подъ мышки и въ паху широкій кожаный ремень, который и привязали къ канату. Проводника моего, вооруженнаго факеломъ, привязали надъ моею головою, и насть подняли.

По влажному туману, насть окружавшему, я понималъ пользу шерстяной одежды. Мы поднимались кружась; палкой я упирался въ скалу, чтобы не удариться о нее. Факель проводника освѣщалъ слабо; внизу все было черно; въверху туманно видѣлся день—какъ сумерки. Я со страхомъ удивлялся теплымъ бѣлымъ парамъ, спирально подымавшимся изъ бездны къ небу, вдоль стѣпъ, мѣстами покрытыхъ мхомъ, или почерпѣвшихъ отъ пороку, или изрытыхъ буравомъ. Иногда машина останавливалась; канатъ какъ будто вытягивался, и опускалъ насть въ бездну; потомъ мы опять начинали подвигаться. Наконецъ, четверть часа спусти, мы достигли входа въ шахту.

Вечеромъ, возвратившись въ городъ, я невольно остановился, увидѣвъ на стѣпѣ противъ церкви, подъ навѣсомъ, на сажень отъ земли, двѣ восковыя свѣчки, освѣщавшія руку, отрубленную надъ составомъ кисти. Знакомый мнѣ голосъ произнесъ за мною:

— Кавалеръ, такъ ли у васъ наказываютъ святотатцевъ?

Я оглянулся и увидѣлъ за собою человека въ шляпѣ, съ широкими полями и украшенной золотымъ галуномъ, — фіолетовый плащъ, накинутый на лѣвое плечо, также обшитъ былъ золотомъ. Это былъ праздничный костюмъ первокласснаго *Махо*.

— Неужели вы не узнаете, сказалъ онъ мнѣ, товарища, подымавшагося съ вами изъ райскихъ рудниковъ?

— Я не забылъ ни рудниковъ, ни проводника; но этотъ костюмъ...

— Понимаю; неужели жъ вы хотите, чтобы не было разницы между рудокопомъ, который былъ почти нагой, чтобы ловчѣе работать, и рудокопомъ кончившимъ работу? Не забудьте, что ремесло наше выгодно!... И въпредъ, если увидите въ городѣ на комъ либо красивый, богато вышитый плащъ, то можете быть увѣрены, что это нашъ братъ, рудокопъ!

СКАЗКА

ОБЪ

Иванъ, — царевичъ и царь-дѣвиль, гусяляхъ-самогудлахъ, скатерткѣ-хлѣбосолкѣ, сапогахъ-самоходлахъ и шапкѣ-невидимкѣ.

Не бѣлые лебеди по небу перенящей летать, а русскіе люди сказки говорятъ. Сказка — быть не быть, да и не вранье, а бывальщина старыхъ годовъ; — вѣрьте ей не вѣрьте, а слушать — слушайте до конца, — конецъ всему дѣлу вѣнецъ, авось послышется. А въдъ русская пословица не мимо мол-

впител: не люблю не слушаю, а глать не мѣшай. Да, то еще не сказка, а присказка, а сказка-то впереди будетъ! Начинается наша сказка отъ правды, растетъ на выдумкѣ, жуть ее вымысломъ, молатъ шутками, провѣваютъ прибаутками, продаютъ за ласковое слово сказочнику. Проспятъ теперь, честные господа, пожалуйте сюда, нашей сказки послушать. Нашли мы ее въ свиткахъ старинныхъ, на столбахъ длинныхъ, разбирали по складамъ три дня съ приданкомъ; чего не разобрали — не осудите: свитки были ветхія, а скорписи на нихъ нечеткая.

Въ некоторомъ царствѣ, въ некоторомъ государствѣ, за бѣлымъ моремъ за окіанскою пучиною, на мѣстахъ раздольныхъ, среди луговъ привольныхъ, стоялъ городъ великій, а въ томъ городѣ царствовалъ царь — Умная голова съ царцею, а какъ ее звали, не знаю, — зналъ, да забылъ. Жили они жыли, и родилась у нихъ на утѣшене дочь, царевна прекрасная, которую назвали Неоцѣной, а на другой годъ родилась царю-Умной головѣ и другая дочь, такая-же прекрасная, и назвали ее царевной Безцѣной. Радовался, потѣшался, гулялъ, пилъ, ѣлъ и веселился царь-Умная голова на радостяхъ; между триста три вари воеводъ вышло, на пиво съ народа особую подать велѣлъ собирать, угощать пивомъ все свое царство по три дня, кто сколько хочетъ пей — душа мѣра: тогда перестань какъ душа принимать не станешь. Даже придворному карлику велѣлъ царь новыл чоботы купить, такъ ужъ судите каковы были награды большимъ воеводамъ: вѣдь кораблю большому и плаванье большое. Когда окончилися все пиры и потѣхи, началъ царь-Умная голова о томъ думу думать, какъ ему своихъ любезныхъ дочерей впоить; вскорнилъ, вырастить, да подѣлать вбѣнче поставитъ. Ну, да до свадьбы еще далеко, а о томъ думать было надобно, какъ дочерей царскихъ и отъ лихаго глаза уберечь, и здоровье ихъ сохранить, и чтобы имъ никакого зла и вреда не причинилось. Велики были царскія о дочеряхъ заботы: корчили ихъ только киселемъ, да кашей, съ серебрянаго блюда, золотыми ложками, спать клали на пуховыхъ ложахъ, покрывали собольими одеялами, и по три вилки было поставлено мужъ отгонять, когда царевны спать лягутъ; вѣдь муха, что подляничъ прильнетъ, такъ не отстанетъ. И велѣлъ царь-Умная голова такъ дочерей своихъ беречь, чтобы и самое солнышко лучами своимъ въ ихъ теремъ не забиралось, роса холодная не пала на нихъ, и вѣтеръ перелетный пахнуть не смѣлъ. И для обороны и сохранности приставилъ царь къ дочерямъ своимъ семидесять семь нянекъ и семидесять семь дядекъ. Такъ ему одинъ мудрый человекъ присоветовалъ. И какъ было царю-Умной головѣ не послушать мудраго человека, когда у того мудраго человека борода была сѣдая, въ два локтя длиною, ѣлъ онъ за трехъ, пилъ за четвертыхъ, а на головѣ была у него шапка съ египетскими фигурками, которыхъ никто прочесть не умѣлъ, а мудрый человекъ читалъ ихъ словно русскую грамоту, потому что онъ все книги на всехъ языкахъ прочелъ, да и самъ напечалъ книгу толстую, съ серебряными застежками, которую три арала за нимъ носили.

Вотъ такъ-то жили, да поживали царь-Умная голова съ царцею и съ двумя дочерьми. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло не знаю сколько лѣтъ, и начали царевны подрастать, полизать, хорошеѣть, и сдѣлались такія красавицы и хорошицы, что ихъ персоны за рѣдкость на ярмаркахъ продавали. Начали уже и женихи къ царю прѣзжать, но царь-Умная голова замужествомъ дочерей не торопился. Думалъ онъ, что если суженой, такъ его и на ковѣ не объѣдешь, а несуженой, такъ хоть тремя цѣлыми жемчужными прикуй, оторвется. Пока онъ думалъ такъ и разсуждалъ, слышать онъ однажды, что что-то такое сдѣлалось: вполношились, вбѣгались у него во дворѣ, няньки плачутъ, слезно воютъ, дядьки голосомъ режутъ, царца жалобно кричитъ, а у всехъ боляръ и воеводъ рожи стали такіа кпесныя, какъ будто они хреву навохались. Выбѣжалъ царь-Умная голова, спрашивать, что такое сдѣлалось? Повалились къ нему въ ноги семидесять семь ня-

некъ и семидесять семь дядекъ — «виповаты,» говорятъ: «вѣтъ царевны-то Неоцѣны и Безцѣны, вихремъ унесло!» Чудное дѣло случилось: вышли царевны въ царскій садъ погулять, нестрыхъ бабочекъ половили, зеленого маку пощипали, и наливными яблочками полакомились. Откуда имъ возмись, взвилось надъ ними черное облако, завѣло пылью глаза нянькамъ и дядькамъ, а какъ они опомнились, глаза протерли, обмѣхъ царевенъ сѣдѣлъ простылъ, видомъ не-видать, слыхомъ не-слыхать. Взѣлся, всходился царь-Умная голова — «всѣхъ васъ,» говоритъ, «злой смерти предамъ, въ тюрьмѣ уморю, на воротахъ вѣлю горохомъ разстрѣлять! Какъ семидесять семь васъ нянекъ, да семидесять семь васъ дядекъ, а двухъ царевенъ устеречь не могли!» Видно забылъ царь, что и у семи нянекъ дитя безъ глазу бивается, а у семидесяти семи и вовсе отечей не досчитаетсѣ, да и шутка ли дѣвушкае устеречь? Этакія науки едали и сѣдобородаый мудрый человекъ зналъ.

Но время переходчиво. Вѣтъ человѣческой слово ткань нестраил, что цѣтками черными и красными переткала. Покружилась царь-Умная голова, попечалился, и началъ Бога молить, чтобы послалъ ему Богъ на утѣшене сына, либо дочь. Прошло сколько времени, не знаю, и родилась у царя чадо, только ужъ не царевна, а царевичъ. Возрадовался царь-Умная голова, назвалъ онъ сына Иваномъ, приставилъ къ нему дядекъ, пѣтуновъ, мудрыхъ учителей, храбрыхъ воеводъ. И началъ Иванъ царевичъ расти да подрастать, будто шпинное тѣсто на доброй опарѣ всходить; растетъ, не по днямъ, а по часамъ, что за красота ликовниная, что за-стать молодецкая — бровью поведетъ, такъ сердце дѣвчичье, какъ птичка въ клѣткѣ, бьется, а взглянетъ на кого, такъ отъ любви къ нему пресильной красная дѣвица три ночи не спитъ. Одно только сокрушало царя-Умную голову: хорошеѣ, пригошеѣ былъ Иванъ царевичъ, да не было въ немъ молодецкой удаи, богатырской хватки: у товарищей головъ онъ не отрывалъ, рукъ и ногъ не ломалъ, не любилъ онъ играть ни копьемъ булатнымъ, ни мечемъ закаленнымъ, крѣностей не строилъ, и съ воеводами не бесѣдовалъ. Хорошеѣ, пригошеѣ былъ Иванъ царевичъ, удивлялъ умомъ, разумомъ, а главная была у него потѣха играть на звончатыхъ гуслихъ-самогудахъ. И игралъ же Иванъ царевичъ такъ, что все его заслушивались. Какъ положишь пальцы на гусли, онъ запоютъ-загудятъ, словно райская птица, такимъ чуднымъ голосомъ, что отъ заунывной пѣсни и глухой заплачетъ, а отъ веселой беззапечной плясать пойдеть. Хороша пѣсня, да вѣдь казны царской ею не наполнишь, царства не защитишь, и злаго неприятеля не побьешь. Велѣлъ позвать къ себѣ царь-Умная голова Ивана царевича и говорить ему: «Сынъ мой возлюбленный! хорошеѣ ты и пригошеѣ, и велики и тобою доводецъ. Одно сокрушаетъ меня: не вижу я въ тебѣ молодецкой удаи, богатырской хватки. Не любилъ ты коня булатнаго, не мнилъ тебѣ мечъ клещей. Вотъ я старъ становлюсь, а есть у насъ вороги лихіе — придутъ они къ намъ, царство наше завоюютъ, восводъ и боляръ смерти предадутъ, а меня съ царцею въ полонъ возьмутъ, а ты защищать насъ не учишься.» Выслушала Иванъ царевичъ рѣчи царь-Умной головы; очи лсные его затуманились, а изъ очей слезы, какъ жемчугъ перекатный, покатались. «Государь-царь батюшка! говоритъ онъ царю-Умной головѣ, — не силой города беруть, а хитростью, не дубиной бьютъ врага, а рѣчью умною. Испытай ты силу богатырскую, испытай удалъ молодецкую. Вотъ, слышалъ я, былъ у меня двѣ сестры царевны, и унесъ ихъ вихоръ перелетный, и вѣсть объ нихъ запала, словно мятелю сѣдѣлъ занесло. Созови всехъ своихъ князей, богатырей, сильныхъ воеводъ и велю имъ сослужить тебѣ службу, отыскать царевичъ-сестеръ моихъ. Пусть беруть мечи булатныя, копья желѣзныя, стрѣлы каменныя, воинства безчисленныя, и если кто тебѣ такую службу сослужитъ, отдай тому царство мое, а мнѣ вѣли у него поварникомъ и быть кюстриа мить. Если же никто не возьмется сослужить такую службу, я сослужу ее тебѣ, а тогда увидишь ты, что

умное слово острѣе меча булатнаго, и умная дума крѣпче копыа закаленаго. Поправились царю-Умной головѣ рѣчи Ивана-царевича; созвалъ онъ боляръ, восводъ сильныхъ, могучихъ богатырей, говоритъ имъ: есть ли кто изъ васъ, болре, воеводы сильные, могучіе богатыри, такой молодецъ, чтобы взялся отыскать мнѣ дочерей моихъ? Такому я любую изъ нихъ на выборъ дамъ, и полъ-царства за нею въ приданое.» Оглянулись другъ на друга болре воеводы, богатыри, другъ за друга прятуются, никто рѣчи не начинаеть; въ тѣ поры Иванъ царевичъ поклонился родителю, и говоритъ: «Государь батюшка! если никто не беретъя тебѣ сослужить такую некорыстную службушку, благослови меня въ путь дорогу! Пойду я, отыщу сестеръ моихъ, и за то никакого царскаго твоего жалованья мнѣ не надобно. «Хорошо, отвѣчалъ царь-Умная голова — вотъ тебѣ мое благословенье; бери казны, злата, серебра, камень самоцѣтнаго; воинства ли надобно — сто тысячъ бери конниковъ, да сто тысячъ пѣшого.» — «Не надобны мнѣ, говоритъ Иванъ царевичъ, ни серебро, ни золото, ни копѣе, ни пѣши, ни конь богатырскій, ни мечъ, ни копье. Возму я съ собою только гусли-самогуды звончатыя. А ты, государь-царь, дождишься меня три года, — не приѣду на четвертый годъ, набирай себѣ наследника.»

Вотъ, по сказанному, какъ по писанному, принявъ Иванъ-царевичъ отцовское благословенье, Богу помолился, взялъ подъ мышку свои гусли-самогуды, и пошелъ путемъ дорогой, куда глаза глядятъ. Гдѣ шати, гдѣ сестеръ найти? Языкъ до Киева доводитъ. Чего самъ не знаешь, спроси — не скажетъ старый, такъ скажетъ бывалый. Вотъ и шелъ онъ, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Солнышко его печеть, дожжичекъ его мочитъ, да который его Богъ вымочилъ, тотъ и высушитъ. День идетъ за днемъ, а Иванъ-царевичъ идетъ впередъ подвигается, пѣсни на гуслихъ поигрываетъ, настанеть утро — онъ встанеть, да плетется своей дорогой; настанеть ночь — онъ ляжетъ на муравѣ шелковой, подъ теплыми одеяломъ — темною ночью, полъ широкимъ покрываломъ — небеснымъ сводомъ съ частыми звѣздами. И зашелъ онъ наконецъ въ лѣсъ дремучій. Стоять такіе дубы, да сосны, что сквозь нихъ и свѣта божьяго невидно, и въ чащѣ пѣхъ и птичка летать и шибетать не смѣетъ, а воютъ сѣрые волки, да репутъ мохнатые медвѣди. Слышитъ Иванъ царевичъ недобро: волка боится, въ лѣсъ не ходитъ, а тутъ ужъ не волкъ воетъ, не медвѣдь реветъ и не грозъ гремитъ. Трещитъ дремучій лѣсъ, будто кто его ломаетъ — стукотня, грохотня по лѣсу; то захохочетъ что-то, такъ, что каждый волосъ на головѣ вытягивается, будто солдаты исправный; то завостъ кто-то такимъ неблагоимъ матомъ, что цыганскій потъ прошибеть того, кто заслышитъ; потомъ опять заступитъ загремитъ, захохочетъ по лѣсу. Чтожъ? думалъ Иванъ-царевичъ — семи смертей не будетъ, а одной не миновать! Пошелъ страху въ глаза, и виднеть-стоитъ два лѣшие и дерутся. Одинъ колотилъ другаго дубомъ коренястымъ, а другой по ребрамъ товарища возпалъ еженой сажень въ пятдесять — боится цзосей бѣсовской силы. Подошелъ къ нимъ Иванъ-царевичъ, снялъ гусли и заигралъ плясовую. Лѣшие опѣшала, затупилъ какою-то чертовскую пѣсню, да какъ пустились трепака, такъ до неба копытъ подила. Палсали они, илсали, уморились, на землю свалились, а Иванъ царевичъ съ ними бесѣду повелъ: «Ну что вы, говоритъ, деретесь, — вы оба ребята добрыя, лѣшие исправные, а деретесь словно люди! — Говоритъ ему одинъ изъ лѣшихъ: какъ же намъ не драться, разоудъ ты самъ: шли мы путемъ дорогой и пашли находку; я говорю — мол, а онъ говоритъ — мол; — дѣлится цѣпчемъ, раздѣлать не можешь! — А какая ваша находка? спросилъ Иванъ-царевичъ. А вотъ какал: скатертка-хлѣбосолка, сапоги-самоходы, да шапочка-перидлижка. Захочешь попить, поесть — разстели скатертку, и двѣнадцать молодцовъ и двѣнадцать дѣвѣйцъ принесутъ тебѣ вина и медвяныя, и ѣства сахарныя — ѣшь не хочу! А пошелъ куда либудъ,

надънъ сапоги-самоходы, и начнешь шагаты по семи версты, а чуть пошагисте, такъ четырнадцать, такъ что за тобой птицъ не улетѣть, и вѣтру не угнаться. А коли грозить тебѣ бѣда неминучая, надѣнь шапочку-певидимку, и егивнешь такъ, что собака чутѣмъ не отищется. — Да о чемъ же вамъ драться? Хотите, я подѣлю находку, если дадите на погарычъ? — Лѣшіе согласились, а Иванъ-царевичъ сказалъ пль: «Вотъ бѣгите вы по той дорожкѣ, кто изъ васъ кого перегонитъ, тому скатертка, сапоги и шапочка. «Ахти! говорятъ лѣшіе, да вѣдь ты насъ на умъ навелъ! Побереги находку, а мы побѣжимъ! — И ударился онъ бѣжать, только пятки видны, скоро скрылся за лѣсомъ; а Иванъ-царевичъ не сталъ ихъ дожидаться, надѣлъ сапоги на ноги, шапку на голову, скатертку взялъ подъ мышку и былъ таковъ — поминай, какъ звали. Лѣшіе приближили назадъ — только мѣсто знать, а Иванъ-царевичъ шагаль поагисте, изъ лѣсу вышель, выдѣлъ какъ лѣшіе его обгоняли, перегоняли, сѣдѣ похали, ничего не напиди и рукой махнулъ.

И шель, пошелъ Иванъ-царевичъ путемъ дорожной, устанеть — приляжетъ, а вѣсть захочеть — скатертку развернетъ; на постольные двори не заходить, овса и сѣна не покунаеть, съ мужиками не торгуется. Отдохнетъ, опять шагаты начнетъ. Шель онъ,

шель, шагаль, шагаль, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, иришель онъ на чистое поле; три дороги лежать, а на перекресткѣ стоятъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывається. Молвилъ Иванъ-царевичъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, акоминь передомъ,» вошелъ въ избушку Иванъ-царевичъ, и видать — сидитъ Баба-Яга костяная-нога, что на Лысую Кіевскую гору въ ступѣ ѣздитъ, нестомъ погоняеть, поведомъ сѣдѣ зачестаетъ. «Фу,

фу, фу!» говоритъ Баба-Яга — русскаго духа дослева видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а вынѣ русскій духъ въ очью являеться! За чѣмъ ты ко мнѣ пожаловалъ добрый молодецъ? — Охъ, ты, говоритъ сѣ Иванъ-царевичъ, старая баба, неразумная, волосъ дологъ, а умъ коротокъ! Ты бы печку поставила, опару поставила, блиновъ напекла, да меня, добраго молодца, накормила, а то на голодное брюхо спрашиваешь! Вскочила Яга-Баба, откуда ноги валиться — печку поставила, опару поставила, блиновъ напекла, накормила Ивана-царевича, и стала его спрашивать: «Куда ты, добрый молодецъ, идешь, куда путь держишь?» «Иду я, говоритъ сѣ Иванъ-царевичъ, иду сестеръ своихъ, царевну Неоцѣну и царевну Бесцѣну. А ты бабушка, если знаешь, скажи, по которой дорогѣ мнѣ идти? гдѣ ихъ найдти?» — «Гдѣ живеть царевна Неоцѣна, знаю, говоритъ Баба-Яга, идти къ ней по средней дорогѣ, а живеть она въ палатахъ бѣлокаменныхъ у стараго мужа, Лѣснаго Чуда. Да, только дорога трудна, пати далеко, и придешь, такъ толку мало: Лѣсное Чудо съѣсть тебя!» — «Ну, бабушка, авось подавится — вѣдь Русскій костлявъ, а Богъ не выдасть, такъ свинья не съѣсть! Прощай, спасибо за хлѣбъ, за соль!» И вотъ шагнулъ отъ нея Иванъ царевичъ, смотритъ: забѣлалъсь во чистомъ полѣ каменные палаты, только палаты не «дружка любезнаго,» а Чуда Лѣснаго. Подошелъ къ нимъ Иванъ царевичъ и видать ворота, а у воротъ сидитъ какой-то бѣсенокъ, говоритъ: «Пускать не вѣдно!» — «Пусти, пріятель, отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ, пусти пожалуста — на водку дамъ!» Бѣсенокъ на водку взялъ, а въ ворота все таки не пускалъ, точь-точь какъ дѣлають подья-

чѣс. Тутъ Иванъ царевичъ обошелъ кругомъ палаты, и задумалъ перелѣзть черезъ стѣну, полѣзъ, да бѣды не замѣтилъ: на верху стѣны протянуты были и струны, какъ только Иванъ царевичъ за одну струну ногой задалъ, пошли звоны и трезвоны, въ колокола зазвонили, изъ пушекъ палили начали. Глядитъ Иванъ царевичъ — высокочила на крыльцо сестра его, царевна Неоцѣна, говоритъ: «Ужъ не ты ли пришелъ, братъ возлюбленный, Иванъ царевичъ?» — «Я, отвѣчалъ Иванъ-царевичъ. И объялся и распѣловался братъ съ сестрой — «куда, говоритъ царевна Неоцѣна, спрятать мнѣ тебя отъ Лѣснаго Чуда, — я знаю, что онъ сей-часъ

придесть!» Не бойся, сказала сѣ Иванъ-царевичъ, — куда ты меня спрячешь? Вѣдь я не иголочка — въ игольникъ не положить, не бабля сплетня — мпоушей не пропустить! Вотъ говорять еще они — загадывъ вихоръ, погода, зарожали палаты, явилось Чудо Лѣсное, а Иванъ царевичъ шапочку певидимку надѣлъ и певидимъ сталъ. Чудо Лѣсное ободрился и говорить: «а гдѣ у тебя гость, что черезъ стѣны лѣзъ?» — Никакого гостя у меня нѣтъ, отвѣчала царевна Неоцѣна. — Какъ, пѣтъ никакого гостя? А отъ чего же струны звенѣли? — А я почему знаю? Можетъ воробей легль, крыломъ зацѣпилъ! — Какой воробей! Я слышу будто здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ? — Съ чего тебѣ мерещится! Бѣгашь, рынешь по бѣлому свѣту, напихаешь всякаго духу, да на другихъ и сваиваешь! — Не сердись царевна Неоцѣна, я вѣдь твоему гостю никакого лиха не причино, а только мнѣ теперь позавтракать хочеться, такъ я его съѣмъ! «сказалъ Чудо Лѣсное. Иванъ-царевичъ снялъ свою шапочку-певидимку, Лѣсному Чуду поклонился, «на что же, говоритъ, тебѣ мѣля бѣть — видишь какой я сухонарий. А лучше я угощу тебя такимъ завтракомъ, какого ты отродья не вѣдалъ, — смотри только, берегись: лзыка не проглоти!» Развернулъ Иванъ-царевичъ скатертку-хлѣ-

босолку, и явилось двѣнадцать дѣвицъ, начали Чудо Лѣсное угощать — «Вшь, не хочу!» Вѣлъ, вѣлъ, Чудо Лѣсное, напился, съ мѣста встать не можеть, гдѣ сидѣлъ, тутъ и заснулъ. «Теперь прощай, моя сестра любезная, сказалъ Иванъ-царевичъ, и скажи ты мнѣ: не знаешь ли ты, гдѣ живеть младшая сестра наша, царевна Бесцѣна? Знаю, отвѣчала ему царевна Неоцѣна: «хвать къ ней по морю Окіяну, за Будапекій островъ, живеть она въ Окіянской пучинѣ, у стараго мужа,

Чуда Морскаго, да только дорога трудна, пилить далеко, а толку мало — приплывешь ты къ Чуду Морскому, такъ онъ съѣсть тебя!» — Ну, говоритъ Иванъ царевичъ, авось покуеть, да не проглотишь. Прощай, сестра!» Началъ шагаты Иванъ-царевичъ: какъ шагнеть — семь версты, а пошагисте — четырнадцать. И шель онъ близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, пришелъ къ морю Окіяну. Стоптъ у берега ладья морская, такая, что русскіе люди на Грумантѣ ходять, снасти лыковыя, паруса рогоженныя, гвоздями не сбита, а только берестой сшита. И на той ладѣ корабельщики собираются за море Окіяны, за Будапекій островъ плыть. «Не возьмете ли, говоритъ пль Иванъ-царевичъ, меня съ собой? За провозъ я вамъ ничего не заплачу, а буду дорогой вамъ сказки сказывать, такъ вамъ и дороги замѣтнѣе будетъ некогда.» Согласились корабельщики, поплыли по морю Окіяну, проплыли Будапекій островъ, Иванъ-царевичъ имъ сказки сказываетъ, а ладья плыветь, да плыветь, словно русскій человекъ съ похмѣльемъ. Вдругъ, откуда ни возьмься, налетѣла буря, затрещала ладья. — «Охти! закричали корабельщики, — мы присказокъ заслушались, а не въ домыкъ намъ, что приплыли мы на Окіянскую пучину! Дѣлать нечего — надобно Морскому Чуду дать платить — вкдайте жеребий — онъ виновнаго същеть!» Кинули жеребий и уналъ опъ на Ивана царевича. «Тюколатъ, братцы, нечего, сказала Иванъ царевичъ, за хлѣбъ, за соль спасибо — прщайте, да не поминайте лшхомъ! И вотъ, взяла добраго молодца корабельщики, раскатали, п — бухнулъ въ море Окіяны...

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

МУСЬЕ БАЛЬБЕНЬ.

булавочникъ.

(Разсказъ).

Я старъ, и потому не удивляйтесь моей болтливости. Когда я пересматриваю *Univers Pittoresque*, или *Conversations Lexicon*, или другое какое энциклопедическое издание, мнѣ ста-

ню, только знаю что люди жили тогда на свѣтѣ превеликіе какихъ и прежде и потому не бывало. Рафаэль недавно скончался, Микель Анджело еще жилъ, такъ и расчитывайте когда это было.

Вѣкъ былъ хуже нашего испорченъ. Госнода литераторы плутовали, брали взятки не только со вѣсхъ ремесленниковъ и фабри-

таки увѣряетъ; а тогда и этой маски не носили; прямо писали: дай денегъ, похвалю; не дашь, разругаю. И люди темные платили; писатель утопалъ въ роскоши; хвалился своею дерзостью; смѣялся надъ потомствомъ; но зато потомство мстило его потомкамъ. Таковы были Павелъ Ювіи, Петръ Аретини и гругіе, которые нашли послѣдователей и въ позд-

(Павель Ювіи).

(Портъ Coon Cave).

новится смѣшно. Все старые знакомцы, и ихъ видѣлъ всѣхъ, слышалъ, говорилъ съ ними и объ нихъ читалъ. — Обо многихъ предметахъ могу рассказать кое-что новое, т: е: такое, чтѣ еще нигдѣ не напечатано; и рассказываю потому, что я старъ, рассказывать хочется; къ тому же я люблю иллюстрацію; она отъ меня не сторонитъ; помѣшаетъ мои статейки (*). Чего же мнѣ, старику, еще надобно?.. возможность еще пошататься по свѣту, но гдѣ? — Я вездѣ былъ, все видѣлъ. Жду, не откроютъ ли еще одной Америки... Чего добраго... Въ наше время и за этимъ дѣло не станетъ... И такъ, давайте рассказывать...

Не помню, когда это было, потому что я на хронологию не мастеръ. Упамяти много гравей; у меня арифметическая попстерлась. Такъ, въ какомъ это году было, не пом-

(* Сь удовольствіемъ и признательностію; и рали случаю, когда къ вашимъ разсказамъ можемъ прилагать соответственные гравюры. На этотъ разъ помещаемъ портретъ Павла Ювіи, портъ о которомъ вы упоминаете, и фонтанъ Мольера.

(Фонтанъ Мольера въ Парижѣ).

кавтовъ, но съ городовъ и владѣтельныхъ особъ. Хвалили только тѣхъ, кто имъ платилъ или кланялся. Это и теперь въ обычаѣ; но теперь все это дѣлается благовидно, теперь себѣ печатно творитъ всякую неправду, и тутъ же клянется и божится, что самъ то-онъ честенъ. Знаетъ, что не повѣрятъ, а все

цель. Сынь не зналъ его лично, по терялъ отца ребенкомъ, но къ печатно зналъ, — что онъ сынь Павла Ювіи. Мать этия хвастала, гордилась; сынь также; онъ уже былъ порядочнымъ живописцемъ, но мать не хотѣла отпустить его въ Римъ, или Флоренцію, гдѣ художества процвѣтали и сосредоточивались.

пѣшіе вѣка.

Павель Ювіи изъ мѣдика (тогда званіе это было владыкъ учености) задумалъ сдѣлаться Титомъ Ливіемъ, и сдѣлался. Папа Левъ X, котораго онъ презвизисъ паче Константина, Юстиніана и Августа, приказалъ гнублично сопричислнть Павла Ювіи къ Титу Ливію въ счастливые соперники, и Павелъ Ювіи, *jure et titulo*, наложилъ навсѣхъ князьковъ Италіи поголовную подать. Папа Левъ сдѣлалъ изъ Павла Ювіи не только Тита Ливіи, но и епископа Ночеры; а князькъ на свой счетъ построилъ ему на берегу Ромо великолѣпную виллу, гдѣ онъ ихъ бранилъ и хвалилъ съ аукціона. Всего больше пороковъ утѣхъ, которые щутъ пороковъ въ другіхъ. Когда именно, не помню, но только Павелъ Ювіи — сталъ от-

Какъ придетъ фортуна, такъ и уйдетъ, говоритъ пословица; такъ и случилось. Раззорился матушка, и сынъ Павла Іовія Бальбо, по неволѣ, пошелъ отыскивать бѣглянку, фортуу во Флоренцію. Тогда у многихъ вельможъ были огромныя галереи какихъ теперь и у многихъ королей не найдете. Но тѣ, которые не могли собрать тысячи картинъ, не хотѣли имѣть сотни: собирали камни, портреты и т. д. Во Флоренціи особенно славилась портретная коллекція купца-гражданина Никавори, гдѣ ежедневно собирались почитатели итальянскихъ знаменитостей и — производили диспуты. Въ этотъ клубъ допускали каждый — и Бальбо въ первые дни нашелъ пужнымъ явиться въ этотъ кругъ ученыхъ и художниковъ, объявить свое имя, которое онъ считалъ дипломомъ на всеобщее уваженіе и содѣйствіе.

Въ портретной залѣ онъ точно нашелъ *свѣтъ*. Споръ былъ громокъ, шуменъ; но примѣтно господствовалъ человекъ небольшого роста, въ шапочкѣ или ярмоукѣ, съ орлинымъ носомъ, съ живыми глазами. Какъ нарочно — онъ стоялъ у великолѣпнаго портрета Павла Іовія; какъ нарочно — кто-то изъ присутствующихъ, какъ доказательство, привелъ слова Павла Іовія. Человекъ въ шапочкѣ расхохотался.

— Какіе люди, сказалъ онъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на портретъ, пока живутъ — огромныя души, они гнѣтутъ единицы своимъ ничтожествомъ; но потомъ сокращаются и не оставляютъ на этомъ свѣтѣ даже точки.

Бальбо поблѣднѣлъ.

— Творенія ихъ — памятники позора той земли, которую тиготили и оскорбляли они своею жизнью и смертію. — Жизнь ихъ оскорбляетъ, смерть утѣшаетъ человечество. Жаль людей, которые ихъ боялись; жаль не презирать тѣхъ, которые выкупали свой страхъ постыдною податкою.

Бальбо — уже судья; ноги не могли держать его.

— Теперь они еще нѣсколько интересны. По крайней мѣрѣ, есть надъ чѣмъ смѣяться; но эти насмѣшки нравственные черви: они источаютъ память о нихъ даже до воспоминанія. За что? закричалъ Бальбо... За что такая ненависть къ Титу Ливію?

Человѣчекъ въ шапочкѣ одушевился, и не замѣчая, кто его спрашиваетъ, рассказалъ ужасную біографію, эту цѣпь низостей и гнусной торговли перомъ и совѣстію. Бальбо не дослушалъ; онъ былъ уже далече. Оставивъ Тоскану, онъ хотѣлъ узнать, что объ отцѣ его думаютъ въ Римѣ... Но Римъ былъ еще неумолимо къ Титу Ливію; и Бальбо казалось, что все знаютъ кто онъ, что все его презираютъ, ненавидятъ, какъ порожденіе отвратительнаго чудовища.

На берегу Калабрія есть страшная пещера. Я видѣлъ ее: она очень похожа на извѣстный портъ Сооп Саве, до того, что, видя послѣдній, мнѣ показалось, будто я въ Калабрію, будто я въ той пещерѣ, гдѣ прожизналъ Бальбо, гдѣ укрывался отъ славы своего отца, итальянскаго Тита Ливія. Нужда, голодъ, холодъ заставили его выйти изъ своего подземнаго убѣжища, присоединиться къ прибрежнымъ бѣднякамъ, ходить въ близъ лежащіе города на промыслѣ. Незнаю, гдѣ удалось ему

пристать къ какому-то богатому путешественнику и убраться изъ Италіи...

— Тамъ, за горами, можетъ быть, не знаютъ про Тита Ливію, но крайней мѣрѣ, тамъ я могу скрыть, что онъ мнѣ отецъ...

И въ качествѣ лакея, Бальбо явился въ Парижъ. Онъ не ошибся. Тутъ никто не зналъ Тита Ливія которые знали — тѣ забыли; но ужъ то навѣрно, что никто не подозрѣвалъ, что задумчивый Бальбо — сынъ Павла Іовія.

Пришла пора. Бальбо полюбилъ хорошенькую Аннету и весьма ей понравился; женился; умеръ, оставивъ сына, отъ котораго пошелъ нѣблизкій рядъ Бальбеновъ. Одинъ изъ нихъ былъ современникомъ Молиера. Бальбо стыдился своего отца; Бальбенъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ Павла Іовія; по, несмотря на знаменитость предка, онъ не былъ даже лакеемъ; а только игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ и фарсахъ. Казалось Немезида платила по заслугамъ Павлу Іовію въ десятомъ поколѣніи. Но тутъ она умилилась. — Бальбена сдѣлали привратникомъ въ театрѣ Ришелье. Съ тѣхъ поръ и потомъ въ Парижѣ, открывали памятники Молиера. Можно себѣ представить, какъ было тѣсно въ этихъ узкихъ улицахъ; окошки близъ лежащихъ домовъ отдавались въ наймы за ужасную плату; и рѣшится достать себѣ мѣстечко — и досталъ въ десятомъ этажѣ, хуже чѣмъ на чердакѣ, у булавочнаго мастера М-сье Бальбена. За нѣсколько часовъ до открытія памятника, я пошелъ на эту альпійскую гору. М-сье Бальбенъ встрѣтилъ меня въ праздничномъ платьѣ; все рабочіе инструменты были убраны; комната, или лучше сказать антресоля, была вычищена, вымыта выпылена. И сѣлъ у окна на низенькой скамейкѣ, чуть не на полу, хозяинъ помѣстился возлѣ. Надо было вступить въ разговоръ и естественно и спросилъ:

— Давно ли вы тутъ живете?..
— Тридцать лѣтъ, и постараюсь прожить до смерти...
— Вы такъ любите это мѣсто?..
— Да какъ-же мнѣ и не любить его: въ этомъ домѣ родился и умеръ все Бальбены; когда въ этихъ же улицахъ родился, жилъ и умеръ Молиеръ...
— Что же общаго у васъ съ Молиеромъ?..
— Мой предокъ былъ товарищемъ знаменитаго комика.
Къ особенному моему удивленію, М-сье Бальбенъ сталъ мнѣ рассказывать біографію Молиера такъ подробно, какъ я не читалъ въ одной книгѣ... Вообще въ писемныхъ классахъ Парижа господствуетъ ужасное невѣжество; и вдругъ булавочникъ прочелъ мнѣ лекцію исторіи французской литературы съ такими замѣчательными подробностями, что я и забылъ зачѣмъ воздвигся на эту каланчу.

— Наконецъ, заключилъ онъ: его похоронили на кладбищѣ С. Жозефъ, въ улицѣ Монмартръ, 21 февраля... Великая нація! Италія чествовала Тита Ливія своего, а моего предка Павла Іовія, а Французы — забыли славу всемирную, знаменитость несравненную. Сто лѣтъ спустя, въ 1773 году, Лекенъ предлагалъ поставить памятникъ Молиеру; и слышать не хотѣли. Въ 1778 году, поста-

вили его бюсты между бюстами академиковъ; въ 1792 году выкопали кости, неизвѣстно чьи, неизвѣстно за чѣмъ; семь лѣтъ они валялись; уже въ 1799 году перенесли ихъ въ музей Августиніанъ меньшихъ; оттуда опять перенесли ихъ на кладбище. Три раза составляли проектъ памятника Молиеру въ 1818, 1829 и въ 1836 годахъ; все похваляли мысль, кричали, писали, а памятника и начинать не думали. Наконецъ, вѣтъ Ревье, членъ французской комедіи (компаньонъ въ основномъ капиталѣ этого театра), въ 1838 году предлагалъ префекту украсить фонтанъ, который предполагали построить на углу этихъ двухъ улицъ (Traversière и Richelieu), статуей Молиера. Согласились; это неудивительно; но потъ что удивительно... исполнили. 111,000 франковъ легловъ эти камни педаромъ. Я счастливъ, что дождалъ до этого дня. Планъ памятника, архитектора Висконти, — очень хорошъ. Сидячая бронзовая статуя Молиера утверждена на полукругломъ пьедесталѣ; его поддерживаютъ Фарезъ и Комедія, двѣ статуи Пралье; статуя Молиера — работы Серра старшаго (Scurre): Молиеръ пьетъ Французовъ чистой водою; пусть заливаютъ его соль; она для нихъ и для всего свѣта никогда не потеряетъ своей остроты. Это не Скрибъ, хотя и очень люблю и Скриба. Одно жаль — дорого, — а буланки ремесло не приходное...

— Но вы бы могли посвятить себя другимъ занятіямъ...

— Какимъ?

— Вы такъ хорошо рассказываете; теперь рассказы въ ходу; пишите!

— О! Молиеромъ не будешь...

Шумъ на улицѣ прекратилъ нашу бесѣду. И для васъ, благосклонные читатели, я болтливости моей поставлю здѣсь точку. До свиданія!

М. О. К.

ТАБАКЪ.

(Торговля, фабрики, мануфактуры, промыслы, ремесла и пр. Статья 1).

При одномъ словѣ: табакъ, тотъ хватается за трубку, тотъ ищетъ сигарочницу, другой тащитъ изъ кармана табакерку. Все курятъ, почти все нюхаютъ. Италіяны не вѣдятъ кислой кашусты, — но курятъ табакъ; Русскіе не употребляютъ лягушекъ — а курятъ табакъ; Турки — не вѣдятъ свинины, не пьютъ вина — курятъ табакъ. Табакъ вознаграждаетъ за все лишнее, вольныя и невольныя, табакъ другъ молчаливой думѣ и шумной бесѣдѣ. Съ табакомъ люди пріятно и встрѣчаютъ и провожаютъ день. Весь свѣтъ въ дымѣ, — но табачномъ, и никто не жалуется на бѣдную свойства заморскаго зелья; напротивъ каждый старается сдѣлать себѣ табачную атмосферу, въ ней жить и умереть. Безпредѣльное потребленіе табака не есть мода, потому что эта мода продолжается триста пятьдесятъ лѣтъ и ежедневно болѣе и болѣе распространяется. Въ будущемъ, 1846 году, Европа можетъ отраздновать, истинно на нашъ курсъ серебряный, триста пятидесятилѣтній табачный юбилей, теперь же юбилей въ модѣ. Монахъ Романъ Пане, въ 1496 году, проходилъ часть острова С. Доминго, спросилъ: какъ зовутъ область... Ему показали на поле, усѣянное страшнымъ растеніемъ... Монахъ не понялъ. Проволикъ сорвалъ листь и поднесъ къ его длинному носу; тотъ чихнулъ и отскочилъ.

— Это Табаго, ядовитое растеніе.

— Это наша провинція; этотъ ядъ мы жжемъ, упиваемся его дымомъ и блаженствуемъ. Теперь

намъ, кромѣ этого сладкаго дыма, ничего не осталось. Наши дома, свободу, счастье жгутъ Европѣйцы и упиваются золотымъ дымомъ нашего пепелища... О одного боимся, что бы вы не позабыли и этому бѣдному счастью и не увезли бы съ острова послѣдняго нашего утѣшителя...

Монахъ лукаво улыбнулся — и въ золотомъ ящикѣ табакъ явился при испанскомъ дворѣ... Попробовали покурить этимъ зеленымъ въ комнатахъ дворца; но отъ смрада всё уѣхали въ загородный дворецъ, выкуривали ядъ цѣлую недѣлю и молуху не сказали за табакъ спасибо. Возвратившіеся изъ военной экспедиціи Испанціи не раздѣляя удовольствія курить табакъ съ своими невольниками, даже наказывали ихъ за куренье отвратительной травы. Химики, или паче алхимики, добывали: не въ немъ ли таится золото Новаго Свѣта, которое, стараясь скрыться отъ Европѣйцевъ, одѣвается въ желтоорастеніе и поткуриваетъ отъ себя искатели смраднымъ дымомъ... Въ остальной Европѣ о табакѣ и не слышали... Неудивительно. Въ многочислѣннѣйшихъ городахъ Германіи Новый Свѣтъ считали сказкой, выдуманной однимъ изъ шутцовъ испанскаго короля. Но въ 1560 году изъ Португаліи въ Парижъ возвратился посланникъ Жанъ Нико (Nicot) и въ числѣ подарковъ французской королевы — поднесъ табачку. Королева съладомъ душно, придворнымъ также, но Жанъ Нико — передалъ табакъ въ принадлежности ученымъ. Тѣ тотчасъ распорядились по своему: внесли зѣбе въ метрическую книгу растений и дали имена. Одни въ честь королевы, — прозвали его королевскимъ растеніемъ другіе — викоціаной... Возникъ споръ, во время его рѣшило и приказало называть табакъ табакъ.

Великій герой былъ тотъ, кто первый рѣшился съѣсть рака. Великъ и тотъ, кто выкуривъ первую трубку табаку. Для этого непременно надо быть Англичаниномъ. Такъ и случилось. Нѣкто Раееленги, возвративъ изъ Виргиніи, куривъ себѣ табакъ и другихъ научилъ курить, и пошелъ истреблять табакъ всё, кто только имѣлъ много лишнихъ денегъ, потому что табакъ былъ ужасно дорогъ... Но эта дороговизна была причиною, что въ табачныхъ мѣстахъ Америки возникли огромныя плантаціи, — и въ короткое время употребленіе табака сдѣлалось повсемѣстнымъ... Заглянулъ онъ и въ старую Россію, но тутъ онъ встрѣтилъ ужасныхъ и сильныхъ противниковъ. Еще при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ состоялся указъ, въ 1654 году, воспрещавшій держать и нить табакъ, *подъ смертною казнью*. Этотъ законъ пошелъ въ уложеніе и сохранился дѣйствіемъ до Петровой Реформы. Сначала на ввозъ и продажу табака дана была привилегія Маркизу Кармартену, английскому министру; вскорѣ она замѣнилась откупомъ, потому разведеніе и продажа этого зѣля предоставляла всѣмъ и каждому.

И за что было такое гоненіе на табакъ; оно зѣбе доброе, покорное; растетъ на всякой землѣ; но чѣмъ оно корнится, отъ того принимаетъ и свойства. Напекъ у него, и стебель малъ, и остроты и силены меньше; на тучной землѣ беретъ такую силу, что бѣда, и потому лучшая почва для табака средняя, не слишкомъ жирная, безъ селитряныхъ частей. Посѣютъ семена, выидетъ расада; се и переведутъ на другое поле и окоплютъ словно картофелъ; пройдетъ мѣсяць — табакъ обрѣжутъ и оберутъ нижшія листья; каждую недѣлю разъ ополотъ и очистятъ отъ насѣкомыхъ; пройдетъ шесть недѣль, — зѣбе подрастетъ и потемнѣетъ, тогда табакъ срѣзываютъ и сваливаютъ въ кучу; цѣлую ночь онъ прѣтеть, а по утру выносятъ на чердаки, или вообще на вольный воздухъ. Послѣ четырехъ или пяти недѣль снимаютъ зѣбе съ чердаковъ въ сырую погоду и вѣшаютъ на веревки или палки, чтобы оно еще попарило; отъ 8 до 14 дней продрожавъ табакъ на шести, приступаютъ къ разборкѣ листьевъ и корешковъ; каждый родъ вяжутъ въ пучки и тогда уже сушатъ; а какъ высушатъ, — укладываютъ въ бочки, особо листья, особо корешки, и отправляютъ на всѣ четыре концы свѣта.

Видите ли, что во всемъ этомъ большой хитрости нѣтъ. Отъ чего же иной табакъ лучше, другой

хуже... И это очень просто. Лучшій табакъ въ Америкѣ мариландскій и виргинскій. 100,000 бочекъ этого табаку приходить въ Европу. Другіе табаки и не держатъ входить въ составленіе съ Мариландомъ. Истинно золотой табакъ, самаго прекраснаго золотого цвѣта. Есть табакъ и подороже Мариландъ, напримеръ гаванскій листъ, изъ котораго дѣлаются канастеры и мелкіи нюхательный испанскій табакъ. Лучшіе сорта называются: варинасканастеръ и означаютъ буквами С. В. А. и Y. Названіе канастеръ происходитъ отъ коробокъ изъ тростника (cannasta), въ которыхъ его привозятъ въ Европу. Хороши еще табаки: бразильскій (Legitimo и Curassao), марангао, порторико, и другіе. Въ Европѣ табакъ также растетъ, и въ большомъ количествѣ. Венгерскій и украинскій, оба перешли изъ Альбаніи. Турецкій табакъ составляетъ особую статью. Сверхъ того въ Европѣ завелась плантаціи и американскіхъ табаковъ, но объ нихъ мы не имѣемъ еще достаточныхъ и достовѣрныхъ свѣденій. Знаемъ только, что и у насъ въ Россіи занимаются табаководствомъ, но съ какии успѣхомъ?.. Знаемъ, что у насъ курятъ мнелогическое количество никоціаны, которая выдѣлывается на русскихъ фабрикахъ — но изъ какого табака?.. Увѣряютъ, что достоинство табака не мало зависитъ и отъ приготовленія, говорятъ, что у каждаго фабриканта есть свои секреты; пово такъ ли? Поговоримъ и о фабричномъ приготовленіи любезнаго зѣля; но тутъ возникаетъ весь на важный вопросъ: что вы позволите курить? трубку или сигару? Турецкій табакъ, или американскій? Можетъ быть папирсы?.. Наконецъ, съ позволенія спросить, пахитосы?.. Мы сами куримъ турецкіе папирсы; но въ качествѣ редакторовъ иллюстраціи должны прежде всего думать о большинствѣ, и потому первое место — трубкѣ!.. Для трубки — лучшій табакъ у насъ — такъ называемый жуковскій. Онъ готовится въ Петербургѣ, на фабрикѣ В. Г. Жукова, между Чернышевыми и Семеновскими мостами, на Фонтанкѣ, и мы отправляемся обозрѣть это любопытное завѣданіе, чтобы передать все то, что увидимъ, всѣмъ и каждому, кто только держитъ въ рукахъ трубку.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Всѣ бѣгутъ изъ Петербурга, изъ топкихъ квартиръ, изъ удобныхъ домовъ въ сквозныя бесѣдки, ихъ же именуютъ дачами. Всѣ здоровы, сухи, веселы, бѣгутъ для того, чтобы хворать, мокнуть, скачуть. Отъ скуки — спасетъ преферансъ; отъ дождя — денга, которая и крышу поправитъ, и постелетъ деревянные мостки, и купитъ галочки и зонтикъ; но объ болѣзни — что спасетъ васъ? — Докторъ и аптека! Докторъ на дачѣ совѣтъмъ Другою человѣкъ: онъ тоже хлопочетъ о своемъ здоровьѣ, гуляетъ, а погулявши смѣнитъ въ Петербургѣ, чтобы не отстать отъ практики. — Положимъ, что вы отыщете доктора, онъ завизитъ вамъ рецептъ, вы заплатите за рецептъ, за визитъ и за экппажъ, и этотъ дорогой рецептъ пошлете куда нибудь въ аптеку... Куда нибудь! верстъ за шесть или въ десять... Во всѣхъ мѣстахъ, назначаемыхъ для дѣтней жизни, около Петербурга сдѣлывало бы имѣть аптеки. Въ прошедшемъ году болно заплакалися нарголовскіе дачники, потому что не было аптеки, которая отъ нарголовскаго здороваго воздуха получала чухотку и переѣхала въ другое, болѣе теплое мѣстечко.

Вы улыбаетесь, благосклонный читатель, видя эту черточку. Вы улыбаетесь, потому что въ числѣ необходимыхъ нападеній на каждое новое и общеполозное предпріятіе, по принятіи у насъ съ нѣкотораго времени модѣ, было и такое: тѣсно печатаютъ; негдѣ отдохнуть глазу; текстъ лется, какъ вода. Иллюстраціи, по мнелогическому характеру, готова на всякую уступку, лишь бы доставить вамъ удовольствіе. Извольте, и мы опять ставимъ черточку.

Вы уѣзжаете изъ Петербурга, само собою разумеется, за границу? Кудаже больше и вѣхатъ? Вы болны, благосклонный читатель, очень страждете, спшите найти облегченіе въ цѣлебныхъ водахъ Германіи. Весенній недугъ всей Россіи. Въ онъ тамъ или для излеченія, или для усовершенствованія себя въ наукахъ и искусствахъ. Другихъ нѣтъ; а что говорятъ, будто многіе для того только таскаются за границу, чтобы посѣтить всѣ трактиры, отвѣдать всѣхъ винъ, поволочиться за всѣми гризетками, актрисами и танцовщицами, опустошить свой карманъ до-тла, разстронть состояніе дѣтей, — да это явственная клевета. Чтобы Русскій могъ путешествовать не для того, что бы образоватъ свой умъ съ пользою для отечества, чтобы онъ каждую минуту не думалъ о своей родинѣ, чтобы не тосковалъ о ней и не мечталъ какъ бы, окончивъ ученый курсъ путешествія, поскорѣ поротпиться домой на службу отчизнѣ, — да мы этому рѣшительно не вѣримъ, не хотимъ вѣрить, а если и есть тамъ вышеописанные, то ужъ вѣрно не Русскіе. — Богъ съ ними. Къ чему и говорить объ нихъ. При мысли одной о такихъ путешественникахъ лучше поскорѣ поставить черточку.

Вы уѣзжаете изъ Петербурга, вѣроятно, на Балтійское поморье: въ Гельсингфорсъ, Ревель, Либаву, Гапсаль, или наконецъ Нарву... О послѣдней вы знаете почти все, о Гельсингфорсѣ скоро узнаете... Уѣзжайте! Уѣзжайте въ Россію, куда угодно; въ дома; не жалѣйте денегъ; вы увидите покрайней мѣрѣ хотя одну точкуку своего Отечества.

Вы уѣзжаете на дачу? Куда? въ Павловскъ? Очень жалѣемъ, что васъ тамъ ждетъ большое огорченіе. Вы не найдете тамъ нашего любимаго Германя! Теперь, когда его тамъ нѣтъ, для васъ остается только одно удовольствіе — благодарное воспоминаніе. Конечно, мы и не въ Павловскѣ еще, а уже тоскуемъ по Германѣ. Онъ стоитъ грусти, онъ стоитъ ближайшаго знакомства. Онъ не случайный какой нибудь кочующій музыкусъ, а музыкантъ съ большими свѣденіями, съ добрымъ сердцемъ, съ благороднымъ характеромъ.

Германъ родился въ Бреславлѣ, гдѣ музыка тоже, что у насъ теплая одежда. Безъ нея выйти на улицу нельзя. Шести лѣтъ, лишася родителей, онъ былъ принятъ въ монастырь, гдѣ уже открылись его музыкальныя способности; онъ пѣлъ дискантомъ и обращалъ на себя вниманіе знатоковъ и любителей. Поступивъ въ гимназію, онъ тамъ удивлялъ наставниковъ успѣхами въ наукахъ. Въ весьма молодыхъ лѣтахъ былъ уже школьнымъ ректоромъ, по музыка, его стихіи, — совлекла его съ педагогическаго пути и поглотила въ волнахъ своихъ. И на этомъ морѣ онъ скоро выбился изъ посредственности. Познания своими въ музыкѣ, пріобрѣтенными подъ руководствомъ Шнабеля и Бернера, извѣстныхъ композиторовъ и капельмейстеровъ, Германъ скоро сталъ достойнымъ ихъ соперникомъ и былъ назначенъ директоромъ нарполой музыки. Знаете ли, что значитъ въ германскихъ городахъ народная музыка?.. Это хоръ и оркестръ, составленный изъ всѣхъ горожанъ, которые умѣютъ пѣть или играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Нужно, — они окружаютъ соборные органы; — въ спектаклѣ — одни сидятъ и работаютъ въ оркестрѣ, другіе на сценѣ поютъ; праздники городской, — онъ въ залѣ ратуши играютъ и поютъ, а ввечеру на открытомъ воздухѣ — гдѣ нибудь въ саду развигриваютъ Бетховена, Моцарта, Гайдна и т. д. Директоръ долженъ знать всѣ роды музыки, имѣть самыя разнородныя способности.

Въ вѣтъ возникъ вальсъ Штрауса и особенные для него оркестры. Германъ составилъ такой же въ Бреславлѣ и достигъ знаменитости до того, что оркестръ Германа не уступалъ ни одному изъ извѣстныхъ, превосходилъ многіе оркестры согласіемъ и одушевленіемъ обшей игры. Отъ времени Роде до послѣднихъ годовъ пребыванія въ Бреславлѣ, Германъ аккомпанировалъ съ своимъ ор-

кестромъ вѣкъ извѣстѣйшимъ солистамъ; довольно назвать самого Роде, Бернарда Ромберга, Каталина, Паганини, Липинскаго и др. Близость Варшавы соблазнила Германа: какъ не съѣздить въ эту столицу, какъ не посмотреть другихъ и себя не показать. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Но три поездки поселили желаніе побывать и дальше, и Германия явилась на площадкѣ Павловскаго Воксала.

Германъ создалъ оркестръ своей какъ будто нарочно для петербургской публики. Выборъ піесъ всегда у него былъ отличный, исполнение всегда равно превосходное. Ни разу намъ не случилось замѣтить небрежности. Онъ былъ вѣкъ любимъ, но за то какъ и онъ любилъ и уважалъ публику. Только для разнообразія, парѣдка, позволялъ онъ себѣ пошутить и употребить такъ называемый музыкальный скандалъ, что не совсѣмъ вѣрно выражается соблазномъ: это два галона съ бродящей трубой и паровозъ или желѣзная дорога съ стукомъ, шумомъ и свистомъ; но за то эти піесы (впрочемъ красиваго музыкальнаго рисунка) искушали богатѣйшій изысканный и всегда новыя репертуаромъ. — Библиотека Германа по этой части сдвинула не самая богатая между библиотеками вѣкъ этого рода оркестровъ. Обязательность Германа умѣла соглашать вѣкъ желанія, обыкновенно самыя разнообразныя, удовлетворить вѣкъ требованія, иногда своеобразныя и назойливыя. Вѣкъ и всегда были довольны. Онъ любилъ, обожалъ свою публику. Публика умѣла цѣнить своего усерднаго слугу и оказывала ему свою признательность словомъ и дѣломъ. Германъ былъ достоинъ вниманія даже Августѣйшихъ Особъ. Любя отъ души Русскихъ, онъ любилъ и русскую музыку. Вспомните, какъ онъ исполнялъ вальсъ Глинки, эту удивительную элегію, исполненную любви, неги и тоски, или болеро; вспомните піесы Даргомыжскаго, Кажинскаго, Струйскаго, попури изъ русскихъ оперъ. Какую разницу можно было найти въ исполненіи этихъ піесъ съ другими, заморскими? Никакой! потому что совѣтливый Германъ — былъ всегда художникомъ — космополитомъ. — Благословляла и прославляла Россію, называла ее вторымъ отечествомъ и служила этой второй отчизнѣ какъ добрый и честный сынъ... И неужели онъ разстанется съ нами! Неужели мы лишимся этого образцоваго оркестра! Германъ и самъ не въ состояніи рѣшиться на такую разлуку.

Вы знаете Безбородкинскую Дачу на Невѣ! Вы помните, что этотъ край дачной провинціи чрезвычайно живописенъ. Вѣкъ дома и домики кру-

(Вискій трагикъ Кунстъ).

(Капельмейстеръ Германъ).

гомъ заняты жильцами; каждый день тамъ много гостей; и близко, и сообщеніе теперь такое удобное: въ дилижансѣ вы покойно и дешево съѣздите и туда и обратно, чуть не за грошъ. Приятности этого мѣста еще въ прошедшихъ годахъ привлекали туда болѣе и болѣе поѣздителей. Теперь оно войдетъ въ соперничество съ лучшими загородными гульбищами. Угощеніемъ, за умѣренную плату, будетъ управлять лучшій нашъ кондитеръ И. И. И. Вы найдете въ палаткѣ его все, чего только вы потребуете ваше прихотливое гастрономическое воображеніе, — вѣ то же время, на той же дачѣ, на особенномъ острову — ежедневный изысканный концертъ. Оркестръ будетъ управлять все новѣйшее, все любящее. Оркестромъ будетъ дирижировать Германъ! Мы воображаемъ какъ оживятся вѣкъ дачныя области по правому берегу Невы, эти безъ сомнѣнія лучшія мѣста для эта блажь Петербурга... Скоро ли? Когда же? Не правда ли, вы вѣкъ спрашиваете съ нетерпѣніемъ. — Объ этомъ возвѣстятъ ежедневныя газеты.

Павловскій воксаль не остается безъ оркестра. Это само собою разумѣется. Изъ объявленія о желѣзной дорогѣ, каждый уже знаетъ, что въ Павловскѣ будетъ играть оркестръ Гунгля изъ Берлина. Это братъ берлинскаго Юсифа Гунгля. Другихъ никакихъ объ немъ свѣдѣній еще неимѣемъ... Недолго ждате: оркестръ Гунгля ирѣдетъ съ первыми парходами.

У васъ остается еще четыре дня съ сегодняшнимъ включительно. Сегодня, если вы еще не видѣли, и если будетъ французскій спектакль, постарайтесь побывать въ Михайловскомъ Театрѣ и посмотреть игру Варле. — Онъ занялъ амбула — Дюфура.

Завтра, и объ этомъ просимъ любителей драмы, не забудьте посмотреть игру вѣнскаго перваго трагика Кунста. Онъ соперникъ Девриена, — и обладаетъ прекрасными сценическими качествами.

Послѣ завтра зайдите еще въ діориму Гропиуса. Пять картинъ, которыя тамъ увидите, не вѣкъ равнаго достоинства; но альпійскій видъ и въ особенности рыцарская зала въ Маріенбургѣ — прелесть. Въ послѣдней обламъ перспективы и свѣта доведенъ до совершенства.

За тѣмъ садитесь въ дилижансѣ, пароходъ, или паровозъ и отправляйтесь на дачу. Но въ слѣдующую субботу не забудьте прислать за 7 номеромъ иллюстраціи.

СМѢСЬ

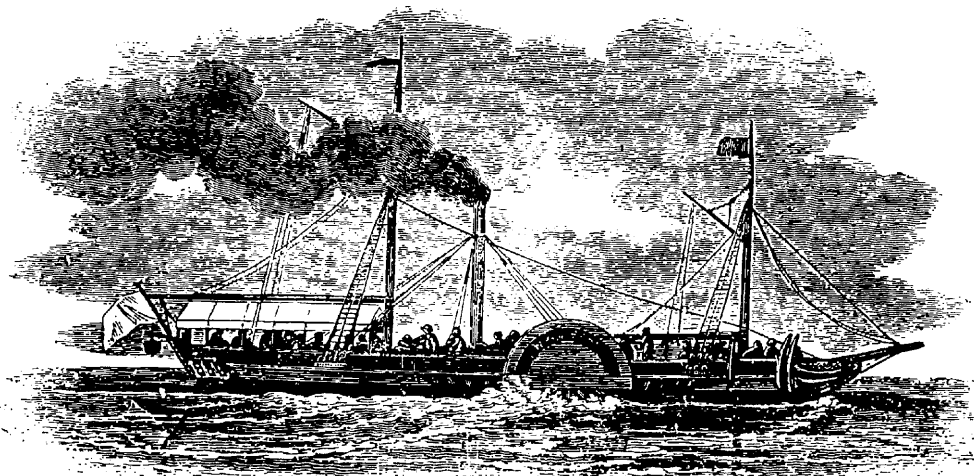
РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вы уѣзжаете на лѣто изъ Петербурга. Это намъ извѣстно. Но куда? Вы еще не рѣшились, потому что у васъ нѣтъ опредѣленной цѣли; лишьбы уѣхать изъ Петербурга, вотъ ваше опредѣленное намѣреніе. Иллюстрація спѣшитъ вамъ представить всѣ возможности уѣхать изъ Петербурга — моремъ. Извольте выбирать. Чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Такъ садитесь на пароходъ Matmedi уѣзжайте

либо не нравится, можете ѣхать въ Штетинъ, но въ такомъ случаѣ обождите до Іюня, потому что пароходъ еще неготовъ; если же вы хотите непременно ѣхать въ Любекъ и въ жару вашихъ капризовъ располагаете отправиться не изъ Петербурга, а изъ Риги — можете: изъ Риги въ Любекъ будетъ ходить пароходъ Дюппа, принадлежащій рижскому купечеству; не забудьте, что за семейную каюту, на четыре персоны до Любека, вы заплатите только 115 р. с. — Еще можете, если угодно отправиться въ Ивалл. Пароходъ туда будетъ ходить только разъ въ мѣсяцъ.

Но нѣтъ, вы раздумали. Вамъ некогда ѣхать за

каждую субботу уѣхать въ Ревель, на Эзель, въ Ригу, на берловыхъ пароходахъ Нева и Дарія. Боптеть моря, а поплавать на пароходѣ хочется, можете каждый день въ 9 часовъ утра и въ 6 пополудни уѣхать въ Кронштатъ, на трехъ пароходахъ, и на трехъ же въ Петергофъ, также два раза въ день въ 9 часовъ ут. и въ 4 п. н. И такъ прощайте! Желаемъ веселаго пути и здоровья. Но если послѣднее можетъ пострадать отъ морскаго воздуха, доктора запрещаютъ ѣхать водою, садитесь въ экипажъ; мы и объ этомъ собираемъ справки и о послѣдующемъ донесемъ съ первой субботой.

въ Лондонъ. Въ дорогѣ вы пробудете только 7 дней, потому что пароходъ въ 600 силъ, но, предупредивъ, онъ ходитъ только разъ въ мѣсяцъ. Не хотите въ Лондонъ, поѣжайте въ Гаверъ, за 100 р. с. Также или Амстердамъ отвезутъ васъ туда когда угодно, потому что они сѣвняются каждыя два недѣли. Вамъ угодно видѣть прежде Германію. Извольте. Можете ѣхать каждую среду на пароходахъ Николай I, Александра и Наслѣдникъ. Васъ отвезутъ въ Любекъ, откуда куда заблагоразсудите; если же вамъ Любекъ почему

границу; вамъ можно пропутешествовать съ мѣсяцъ не больше; и въ это время побывать будто бы за границей — въ такомъ случаѣ каждую среду можете уѣхать черезъ Ревель и Гельсингфорсъ въ Стокгольмъ: между Гельсингфорсомъ, Або и Петербургомъ попрежнему будетъ ходить Муртаіа со скотомъ и людьми. Неудобства отъ компаніи съ животными вознаграждаются прекрасными видами, которыми вы налюбуетесь до-сыта, потому что Муртаіа не слишкомъ храбрый пароходъ и имѣетъ шкерачи. Не хотите и Финляндіи, можете

Предсказаніе наше сбылось. Итальянцы развели около Петербурга такое множество цвѣточныхъ теплицъ, что букеты въ началѣ мая, за которые платили такъ недавно 1 и 2 рубля серебромъ, вдругъ стали продавать по двугривенному. Хорошо, что теперь нѣтъ Итальянцевъ; совѣстно было бы бросать такіе дешевые цвѣты.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПАРНИКОВЪ И ХОЖДЕНІИ ЗА НИМИ.

Парники всего лучше устроить въ такомъ мѣстѣ, которое во весь день освѣщается солнцемъ, а ночью защищено стѣнами, строениями, или какою нибудь другимъ образомъ. Продолжительное освѣщеніе солнцемъ нужно для парниковъ потому, что растенія возвращаются въ нихъ дѣйствіемъ солнечной теплоты. Глубина и ширина ямы подл парникъ зависятъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отъ цѣли, съ какою онъ устроивается. Тоже самое должно сказать и о числѣ рамъ въ парникѣ. Но самыя главныя предметы суть: навозъ и земля. Лошадинъ навозъ для парниковъ самый удобнѣйшій отъ того, что онъ имѣетъ наиболѣе горячительныхъ свойствъ, и, слѣдовательно, всего лучше можетъ производить въ парникѣ нужную теплоту. Для парниковъ требуется свѣжій навозъ, а

отнюдь не старый, или превратившійся уже въ черноземъ, потому что такой навозъ лишился горячительнаго свойства. Смотря по времени года, въ парникъ кладется свѣжій навозъ, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ. Рано весной нуженъ слой навоза въ три фута вышиною; въ послѣдствіи же достаточно, ежели онъ будетъ имѣть отъ 1½ до 2 футовъ вышины. Навозъ долженъ быть не мокрый и не комковатый, чтобы его можно было навалить ровно и такъ плотно, чтобы ни гдѣ не осталось промежутка или пустоты, а особливо въ самомъ концѣмъ слоевъ. Навалившій навозъ изъ парникъ, слѣдуетъ его крѣпко утоптать, и если гдѣ окажется углубленія, то наполнять ихъ свѣжимъ навозомъ, покуда вся поверхность сдѣлается ровною и гладкою; потомъ наложить ящикъ или раму, которая должна окружить парникъ и плотно приходить къ нему со всѣхъ 4 сторонъ, а вслѣдъ за тѣмъ называть на свой навозъ

за самую хорошую и тучную, но не слишкомъ жирную землю. Для такого употребленія весьма пригодны: или земля изъ прудовъ, долго пролежавшая въ кучѣ и сдѣлавшаяся совершенно мелкою и рассыпистою, также перегнившій хорошій дернъ, перегной листовенный, или сорныхъ травъ, пенья и т. д. Но всегда лучше земля, состоящая изъ всѣхъ этихъ веществъ, въ смѣсѣ съ рѣчными пескомъ. Вообще, земля для парника требуется очень мелкая и класть ее подобно толстымъ слоямъ, чтобы корни растеній могли свободно въ ней распространяться.

Кому еще не случалось ухаживать за парниками и кто находитъ сказанное намъ не довольно легкимъ, тотъ вѣрно не поскунаетъ прочесть дальнѣйшія о нихъ подробности. Съ парниками вообще должно поступать слѣдующимъ образомъ: на южной или полуденной сторонѣ огорода, либо сада, выкопать яму отъ 5 до 6 футовъ шириною и

отъ 1 до 4 1/2 фута въ глубину, длины же произвольной. На мѣстѣ, гдѣ будетъ задняя стѣна парника, вколотить въ землю колья по болѣе 5 футовъ (2 арш.) длиною, такъ чтобы они торчали изъ земли только на 9 или 10 дюймовъ, и притомъ въ косвенномъ направленіи и въ разстояніи слѣдующемъ 4 футовъ одинъ отъ другаго. Къ кольямъ прикрѣпить доски, одну надъ другою, помѣщая ихъ на ребро и стараясь, чтобы верхняя доска вылавалась изъ-за кольевъ вверхъ дюйма на 4. Когда задняя стѣна готова, то построить переднюю, которой колья должны, однакожъ, высовываться изъ земли только на 4 дюйма. Для задней стѣны требуются 2 1/2 доски, укрѣпленные одна надъ другою, а для передней достаточно двухъ досокъ. Окончивъ и переднюю стѣну, остается заделать парникъ съ боковъ. При такомъ устройствѣ, парникъ имѣетъ наклонное положеніе къ югу или полудню, и надолго и сильнѣе нагревается солнечными лучами. По заделкѣ парника съ боковъ, надобно набить въ него хорошаго, теплаго, не очень сухаго, лошаднаго навоза, накладывая его, посредствомъ вилъ, слоями и выравнивая поверхность. Навозъ, въ которомъ не слишкомъ много соломъ, самый удобный для парника. Наполнивъ парникъ этимъ матеріаломъ на 8 дюймовъ въ высоту и плотно умявъ его вилами, нужно положить еще слой разсыпчатаго навоза въ 2 дюйма толщиною, выровнять всю поверхность и сгладить ее лопатомъ. Тогда останется пустога пространства только на 6 дюймовъ въ высоту; изъ нихъ 4 или 5 дюймовъ, считая вверхъ отъ навоза, должна занять хорошая тучная земля, такъ что при нижней стѣнѣ парника свободнаго пространства будетъ уже не болѣе на 1 или на 2 дюйма въ высоту, и при задней стѣнѣ останется еще на 6 дюймовъ пустога мѣста, котораго и достаточно для возрастныхъ молодыхъ растений. Длинны же, гурцы и т. п., требуютъ нѣсколько большаго простора. Землю можно употреблять одну и ту же каждый годъ, но въ такомъ случаѣ, при сніманіи земли съ парника осенью, помощью лопаты, конечно, нужно захватывать, вмѣстѣ съ нею, и нѣкоторое количество сгниваемаго навоза.

Однако жъ тотчасъ сдѣлать въ парникѣ нельзя, а должно обждать нѣсколько дней, именно пока онъ столько остынетъ, что не станетъ уже дымиться, и когда можно будетъ просунуть руку въ землю до навоза, не чувствуя жара; иначе же всходы совершенно сохнутъ и иная же земля для парника требуется постоянно одинаковая, и въ немъ не должно быть ни слишкомъ холодно, ни очень жарко, потому, что то и другое весьма вредитъ растеніямъ. Когда парникъ захитно оставяется, то по бокамъ накладываютъ болѣе или менѣе значительное количество свѣжаго лошаднаго навоза, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ. Для раннихъ парниковъ свѣжій навозъ можетъ понадобиться даже по пршествіи двухъ недель. При весьма холодной погодѣ парникъ должно содержать въ теплѣ, именно закрыть и укуорить всѣ отверстия, на стальныхъ рамы наложить соломенныя шпиконки и накрыть ихъ еще рогожами, а особливо на ночь. По днѣмъ парниковыя рамы надобно открывать то съ той, то съ другой стороны, соображаясь съ направленіемъ вѣтра, потому, что скопавшимся въ парникѣ парамъ необходимо нужно доставлять выходъ, чтобы они не препятствовали росту растений. При яркомъ сіяніи солнца, рамы можно открывать нѣсколько болѣе обыкновеннаго, но, безъ сомнѣнія, не въ то время, когда дуетъ холодный вѣтеръ.

Рано весной, парниковыя растенія должно поливать небольшимъ количествомъ воды и отнюдь не часто, а только тогда, какъ листочки начнутъ желтѣть. Длинны почти вовсе не нуждаются въ поливкѣ. При первомъ тихомъ и тепломъ дождѣ, нужно снять съ парника всѣ рамы; но если приближается гроза, и когда можно ожидать, что пойдетъ градъ, то опять закрыть рамами весь парникъ. Чѣмъ сильнѣе вачаетъ печь солнце, тѣмъ болѣе надобно приучать парниковыя растенія къ свободному воздуху. Когда отъ морозовъ не предстоитъ уже опасности и почва довольно

тепла, то днѣмъ можно раскрывать весь парникъ, а на ночь, смотря по свойству растеній, прикрывать его только слегка.

АНЕКДОТЫ.

I.

Скупой шелъ однажды вечеромъ по весьма каменистой, неровной дорогѣ. Такъ какъ было уже темно и никто не могъ его видѣть, то онъ слялъ сапоги. Дорогой онъ расчистывалъ, сколько бы онъ могъ сберечь въ годъ денегъ, еслибы была мода ходить безъ сапоговъ; вдругъ наткнулся на острый камень и повредилъ себѣ большую палецъ.

Хромая, добрался онъ домой и, рассказавъ жѣнѣ свое несчастіе, прибавилъ:

— Слава Богу, что я еще догадался снять сапоги, а то я несрѣдливо прорвалъ бы ихъ!

II.

Плохой актеръ поссорился однажды съ однимъ рецензентомъ. Актеръ сталъ говорить грубо; рецензентъ разсердился и отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ ему такую штуку, какой онъ еще отродясь не зналъ.

— Что можете вы мнѣ сдѣлать? вскричалъ насмѣшливо актеръ.

— А вотъ увидимъ! отвѣчалъ критикъ, и вышелъ.

Черезъ четверть часа слуга вошелъ въ комнату и сказалъ актеру, что его кто-то спрашиваетъ. Актеръ вышелъ и въ передней нашелъ рецензента, который закричалъ ему:

— Я сдержалъ свое слово; я сдѣлалъ вамъ то, чего съ вами еще не бывало: я вызвалъ васъ.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ.

У насъ и въ зимніе мѣсяцы нельзя собрать порядочной библіографіи изъ порядочныхъ книгъ; а ужъ лѣтомъ—о книгахъ кто думаетъ? Только одни издатели, которые, подобно пчеламъ, трудятся, чтобы зимою медъ ихъ разошелся по сѣбѣ и принесли пользу и пчеламъ и потребителямъ. Только на этотъ медъ частенько при самомъ выходѣ его изъ улья нападаютъ трутни и другіе насекомые, и безпосредно уничтожаютъ народное достояніе часто несправедливымъ, всегда пристрастнымъ норваніемъ.

Каждое доброе начинаніе вы думаете принимается у насъ радужно, любовно? Намагаете, что литераторы, съ честностію и правдою на устахъ, сившатъ пригрѣть ногамающуюся изъ землетряску, изъ которой можетъ возрасти дерево. О нѣтъ! для многихъ, кромѣ своихъ статей, все чертополохъ; безъ разбора они стараются вырвать изъ этой почвы все, что только намѣревается расти, и вотъ почему наша литература теперь пуста. Поляны, да другія вредныя травы на волю, бѣдятъ сокъ Русскаго Слова.

Мало печатныхъ нападеній,—это не удовлетворяетъ ихъ желчія; напишутъ и по улицамъ объясняютъ, что написать хотѣли; подбравъ подъ свою статью слушателей, толкуютъ терпѣливому поколѣнію, что критикой своей срашилъ такого, подожили во гробъ, опустили въ могилу и теперь даже воспомнаніе объ немъ исчезло лица земли. Приписываютъ критикѣ своей такія ужасныя свойства, который тотчасъ, по выходѣ ея въ свѣтъ, не только заставляютъ не подписываться, но приводятъ читателей въ неистовство; тѣ идутъ въ книжныя лавки и требуютъ назадъ свои деньги.

Забавно смотрѣть на это безполезное кнѣніе вредныхъ страстей въ половинѣ XIX вѣка, въ столицѣ, которая считается образованной. Если

предметомъ этой злобы молодой, пачинающіи писатель, то ядъ дѣйствуетъ; есть и слушатели той же стати; и сколько, можетъ быть, весьма хорошихъ надеждъ погнбло, даже незамѣченныя публикою.

Можно порицать (и легче порицать), но не издавая, изъ которыхъ можетъ выйти прокъ. Такъ напримѣръ Финскій Вѣстникъ подвергся, можно назвать, обиднымъ нападеніямъ, обиднымъ для самой литературы. Говорили и утверждали, будто есть такія литературы, въ которыхъ не только ни одно изданіе, но ни одна фабрика не можетъ пойти успешно, если не займать журнальной пошлны. Фарфоровая фабрика—пожалуйте джину чашекъ; кондитерская—покорите пирогами и конфетами; погребъ—примайте коробками вина... Литераторъ натурально подноситъ экзекпляръ книги... Э, нѣтъ, извините. Что намъ въ этой макулатурѣ; мы любимъ бумагу, да не ту; въ эту заверните другую бумагу, хоть сотенную, тогда ваша книга будетъ расхвалена, пиаче разругана въ пухъ.

Говорили и утверждали, будто это дѣлается гласно, явно, даже при свѣдѣтеляхъ. При этомъ случаѣ рассказывали анекдотъ, что редакція одного иностраннаго продажнаго журнала пришла товаръ отъ одного фабриканта, а отъ другаго гололоуноу просибу; разсердилась, и въ серапахъ ошиблась. Разругала щедродателя и похвалила протителя. Вотъ должно послѣдовать любознательное объясненіе. Жаль, что при немъ не было нашего П. А. Каратыгина...

Мы забываемъ, что все это говорили и утверждали... Но кто этому повѣрить? Можно ли допустить, чтобы человекъ, владѣющій шеромъ литератора дошелъ до такой низости. Нѣтъ, это клевета на иностранныхъ журналистовъ.

Не вѣрилъ, не вѣрима—и возвращаеся къ Финскому Вѣстнику, который должно считать болѣе книгой, нежели журналомъ. Можетъ быть Редакторъ и молодой человекъ, но это право еще не такъ худо; можетъ быть онъ сколотилъ свои книжки изъ разныхъ статей, переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, или занятыхъ изъ губернскихъ вѣдомостей; но въ трехъ книгахъ этого журнала, какъ явствуетъ изъ оглавленія, напечатаннаго на оберткѣ 5-го тома, помещены произведенія А. Майкова, В. Солоницына, В. Бенедиктова, Е. Гребенки, Е. Ковалевскаго, А. Старчевскаго, А. Башуцкаго, В. Луганскаго, В. Майкова, Д. Успенскаго и другихъ.

Можетъ быть статьи остальныя и не такъ хороши, можетъ быть даже дурны, но за многія изъ нечисленныхъ ручаются имена авторовъ.

Слушатели означенной стати, если послушаютъ также означенныхъ критиковъ ишшатъ себя добровольно удовольствіи прочесть нѣсколько хорошихъ статей писателей, съ которыми они не встрѣтятся никогда въ ихъ любимыхъ журналахъ и газетахъ. Не здѣсь ли и причина, возбуждающая грозу на Финскій Вѣстникъ, которому, какъ и всякому изданію всѣхъ родовъ и видовъ, желаемъ полагно успѣха, но если только онъ будетъ подвизаться съ доброу цѣлію, итими добрыми. Уваженіе публики къ изданію зяжлетъ его существованіе, хотя и медленно, но за то прочно. Принудить къ этому можно только дѣломъ, а не словомъ... Не только Финскій Вѣстникъ, и другія изданія окрѣпи и подобрѣли отъ тѣхъ же причинъ... Вотъ напримѣръ Листокъ для свѣтскихъ людей.

Все это листки, журналы, газеты, а гдѣ же новыя книги?

— Гдѣ? Новыя книги всѣ въ листкахъ, журналахъ и газетахъ. Отдѣльно теперь клягъ совѣтъ нѣтъ... Говорятъ, что къ осени выйдетъ ихъ нѣсколько. А. Ф. Смирдинъ собираетъ матеріалы для составленія книгъ; также собираютъ сочиненія покойнаго Косичкина, напечатанныя и не напечатанныя. Поговариваютъ, будто бы даже съ иллюстраціями. Всѣ благочыслишіе читатели, вѣроятно, одобрятъ подобное предпріятіе.

ПЕРЕПИСКА.

Н. А. С. — Некогда.

10—12. — idem.

П. П. * — idem.

З.—В. в Калугу. Поворотище благодарил. Дай Бог вашими устами медь пить.

О. Е. Л. в Киев. Трудно нарисовать, еще труднее вырезать. Умозрительны въ загадках—дважды загадки. И такъ есть у насъ такіе отгадчики, которые негодуютъ зачѣмъ наши загадки такъ трудны. Мы когда-то игравали въ шарady на словахъ. Пришелъ одинъ приятель, усѣлся на софѣ, слушалъ наши задачи и сказалъ: ну теперь я загадаю... Первое а—второе—*фишка*—а цѣлое на стѣнѣ виситъ... «Не противъ тебя ли?» спросили мы, со смѣхомъ, потому что дѣйствительно на особой доскѣ противъ гостя, висѣла *афишка*... Впрочемъ будутъ и легкія. Вспомнивъ про нашего гостя, мы вспомнили и о шарadaхъ. На первый случай загадали слово легкое. Не знаешь, понравится ли?

Господ. Г-ву въ С. Пбургъ.—Рыцарь Иллюстрацій! Кто вамъ за охота спорить? Развѣ не замѣчаете, кто ваши противники? Поберегите себя, пожалуйста ихъ, а за доброе расположение—русское спасибо.

ПРЕФЕРАНСЪ.

Щора исполнить обѣщаніе. Возвратясь изъ двадцати осьми мѣсячнаго отпуска, данного мнѣ Иллюстраціей, я нашелъ много преферансовыхъ, вистовыхъ, шикетныхъ и другихъ важныхъ дѣлъ запущенными, и между прочимъ процессъ, о коемъ объявлено въ первомъ номерѣ Иллюстраціи. Поспѣшно составляя я докладную записку, бѣгу въ шестой номеръ, становлюсь на свое мѣсто, излагаю дѣло:

1844 года, мѣсяца Января, въ двадцать пятый день, въ восемь часовъ пополудни, положивъ шашки на окна и, снявъ перчатки, принялъ гости изъ рукъ хозяйна карты и усѣлся за ломберные столы; на одномъ изъ оныхъ играло четверо въ преферансъ. Игрокъ на первой рукѣ—снасоваль; у него никакой игры не было, отъ того толкъ олъ и спасовалъ; второй купилъ, потому что имѣлъ некоторые печальныя надежды въ пикахѣ, или по нуждѣ и въ трефахъ, по все таки черныя; третій сыгралъ, потому что у него была игра араратская (новый терминъ, замѣняющій шикѣ игру съ гору; нововведеніе это одобрено, потому что прежній терминъ веточень, гора можетъ быть и небольшая и заоблачная, а ужъ Араратъ—весь извѣстная и слово благозвучное); третій объявилъ въ червахъ; первый уныло произнесъ пасъ, положилъ карты, и съ горя посмотрѣлъ прикупку...

«Позвольте, позвольте», воскликнулъ второй съ черными надеждами: «я васъ приглашаю!»

—Я видѣлъ прикупку,.. отвѣчалъ первый, еще печальнѣе...

—За чѣмъ же вы смотрѣли? Пусть теперь съ вашими картами вступитъ славущій...

Первый отдалъ свои карты четвертому, а самъ удалился, пошелъ прогуляться по козпату, или сказать знакомому пару словъ...

Славущій, оный же и четвертый—сдѣлалъ репонтъ... Славущій, или четвертый, объявилъ, что олъ ставитъ ремизъ—не желаетъ, поже не за себя игралъ... Споръ... Все ломберные столы и заштитные ассистенты слушали и приговорили, что ремизъ—долженъ поставить первый, за то, что олъ прогуливался, а прогуливался потому, что посмотрѣлъ талонъ, а какъ второе преступленіе было послѣдствіемъ перваго, то ответственность надетъ на посмотрѣвшего противузаконно прикупку. О чемъ и объявляется для всеобщаго свѣдѣнія и въ подобныхъ случаяхъ для надлежащаго исполненія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Анничкова Дворца, въ домѣ Завитнаго и въ Гостинномъ дворѣ по Суковной линіи подлѣ № 13мъ.

ВОСПОМИНАНИЕ СЛѢПЦА О. ПУТЕШЕСТВІЕ ВО КРУГЪ СВѢТА А. Жака Араго, переводъ П. А. Корсакова и др. Изданіе, украшенное 50 картинками, рисованными и литографированными въ Парижѣ. Два тома, (томъ первый 345 стр., томъ второй 320 стр. компактной печати, въ два столбца; въ большую 8-ю л. л. на лучшей веленовой бумагѣ, Спб. 1844—1845 года. Цѣна за оба тома 6 руб. сер. вѣс. за 5 ф.

УЧЕБНАЯ ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ, составленная Н. И. Греченъ, издавалъ М. Д. Ольхина. Изданіе второе, исправленное и украшенное 165-ю рисунками, изображающими виды значительнѣйшихъ мѣстъ земной поверхности въ разныхъ частяхъ свѣта. Изъ естественной исторіи представлены: животныя, птицы и растенія. Три части въ 8-ю л. л., на лучшей веленовой бумагѣ, заключающія въ себѣ: Часть I. Всеобщія Географіи; часть II. Географія Россійскаго Государства; часть III. Исполненіе словъ и предметовъ Всеобщей Географіи. Спб. 1844 года, цѣна 2 руб. сер. вѣс. за 2 ф.

СОБРАШЕ ВИДОВЪ ГОРОДА КАЗАНИ, рисованныхъ съ натуры и посвященныхъ, съ Высочайшаго дозволенія, Государю Императору, Эдуардомъ Турнеромъ. 1845; въ большой полулистѣ, на лучшей веленовой бумагѣ; вышедшая тетрадь содержитъ въ себѣ слѣдующіе виды: 1 Фронтисписъ, съ памятникомъ убиеннымъ при взятіи Казани; 2 видъ всей Казани, во время наводненія, 3 кафедральный соборъ въ кривоствѣ, 4 банша Сунъ-Бекъ, 5 входъ въ кривоствѣ, 6. видная стѣна кривоствѣ, 7. видъ всей кривоствѣ, 8. Петропавловскій Соборъ, 9. Казанскій монастырь, 10. Спирская Застава, 11. банша въ гостинномъ дворѣ, 12. Ивановскій Монастырь, 13. Татарская соборная мечеть, 14. Воскресенская улица, 15. Зплантонъ Монастыря. Сія тетрадь, за исключеніемъ двухъ или трехъ, издаются въ первый разъ; они рисованы на гравиръ въ Лондонѣ лучшимъ художникомъ, по вновь изобретенному способу. Цѣна за цѣлое изданіе 16 руб. вѣс. за 4 ф.

Вышли и раздаются Гг. подписавшимся пятая часть:

НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ, примененной къ русскому быту и разномыслию Россіи, издавалъ Докторомъ медицины и хирургіи А. Чаруковскимъ. Наружныя болѣзни. Отдѣлъ третій, Спб. 1845 года, въ 8-ю л. л. на лучшей бумагѣ. Въ этой же части заключаются отдѣлы второй, часть третья, содержащія въ себѣ Сохраненія здоровья.—Подлинная цѣна за все четыре части 4 руб., вѣс. за 5 ф.; дѣль вышедшій при подпискѣ выданы.

ТАРАТАСЪ ПУТЕВЫЯ, ВПЕЧАТЛЕНІЯ, сочиненіе Графа В. А. Соллогуба. Спб. 1845 года (въ in 4^ю), съ политипажными рисунками, цѣна на слонополой бумагѣ съ раскрашеннымъ фронтисписомъ 5 руб. на веленовой бумагѣ съ раскрашеннымъ фронтисписомъ 4 руб., вѣс. за 4 фун.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

подъ фирмою

АЛЕКСАНДРЪ СМІРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта, поступили въ продажу:

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ, или жизнь и подвиги русскіихъ полководцевъ. Отъ прынца Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I-го. Живоеписанія *Полсваго*, съ портретами. Спб., 1845 г. (б. 8 л. л.) Цѣна 5 руб. сер. вѣс. за 6 ф.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ литературы. Соч. Э. профессора Императорскаго Спбурскаго Университета, доктора философіи, *А. Никитенко*. Книга первая. Введеніе. Спб. 1843 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣс. за 2 фун.

СТІХОТВОРЕНІЯ Эдуарда Губера. Спб., 1845 г. 8. Цѣна 1 руб. 50 к. вѣс. за 2 ф.

КУРСЪ высшей и низшей Геодезіи. *А. Болотова* Генеральнаго Штаба Полковника, Императорской Императорской Академіи Профессора. 2 части, съ чертежами, Спб., 1845 г. (8) Цѣна 7 руб. 15 к. вѣс. за 5 ф. 1 часть. выдѣляется на 2 ю билета.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ отборныхъ стпаній русской поэзіи. Съ портретомъ *Лермонтова* и всемаздатяго оригинальными рисунками *Е. Коורי*. Цѣна. Спб., 1844 г. Цѣна 1 руб. 25 к. вѣс. за 2 фун.

НОВѢЙШІЙ Французскій самоучитель или легчайшій способъ выучиться этому языку безъ помощи учителя, съ указаніемъ правильнаго выговора словъ, составленный по новѣйшимъ методамъ Аббата Сенара, Ломонада, Лателье, Ноаяля, Тлпсаля и другихъ. *Ев. Се...* иль. Изданіе второе. 3 части. Спб., 1845 г. Цѣна 40 к. вѣс. за 1 фун.

НЕПОСѢТНИКАЯ. *Владимира Филимонова*, 5 част. Спб., 1841 г. Цѣна 6 руб. сер.

ДѢДУШКА КРЫЛОВА. Съ протретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Картинки рисованы Г. Аншимъ; литографированы въ два тла во французской литографіи Поля Петти. С. Петербурѣ. Въ типографіи К. Крайя. 1845. Цѣна 1 руб. сер. съ пересылкою 1 руб. 25 коп. серебромъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе.—Осада Оренбурга Пугачевымъ.—Опасность, угрожавшая маленькому Крылову въ пятнадцатомъ году возраста.—Смерть Андрея Прохоровича.—Какое послѣдствіе оставилъ Крылову отецъ.—Какіе подарки дѣлалъ Крылову мать, и какъ оны пхъ употреблялъ.—Французскій Словарь.—Борьба съ французскимъ языкомъ, и какую хитрость употребила мать Крылова, чтобъ заставить его учиться по французски.—Поступленіе на службу.—Переселеніе въ Тверь.—Переселеніе въ Петербургъ.

Глава II. Занятія Крылова въ Петербургѣ.—Первая опера.—Какую услугу предложилъ Брейтманю Крылову за оперу и какой оны попросилъ.—Первая трагедія.—Совѣтъ Дмитревскаго.—Вторая трагедія.—Смерть матери.—Оперы и комедіи Крылова.—Каннин журнѣлами и сочиненіями занимался Крыловъ и какъ цѣль была его трудовъ.—Отъездъ въ деревню съ княземъ Голицынымъ.

Глава III. Возвращеніе въ Петербургъ.—Знакомство съ Александромъ Николаевичемъ Оленинымъ.—Первая басня.—Басни, за него посѣдовавшія.—Служба въ Публичной Библиотекѣ.—Высочайшая милость.—Какъ жилъ Крыловъ, занимая квартиру въ Публичной Библиотекѣ и какіе леталъ къ нему гости.

Глава IV. Маскарадъ у Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны.—Какъ была одѣтъ Крыловъ въ этомъ маскарадѣ и какіе произнесъ оны стихи.—Пушкинъ.—Еще придворный маскарадъ.—Необдуманности способностями Крылова.—Какимъ образомъ на шестидесятомъ году выучился оны греческому языку.—Разговоръ съ С. П. Глинкою.—Непредвиденный казусъ съ греческими классиками.

Глава V. Какую любилъ вести жизнь Иванъ Андреевичъ.—Слѣхи къ А. П. Оленину.—Любимые привычки.—Крыловъ въ обществѣ.—Что въ особенностъ любилъ Крыловъ.—О привычкѣ ужинать.—Безпечностъ и пренебреженіе духа.

Глава VI. Какіе отзывы далъ Иванъ Андреевичъ на два очень неясные вопроса.—Отношенія его къ Жуковскому и Пушкину.—Комплиментъ.—Какъ маленькіи дѣти смотрѣли черезъ заборъ на дѣдушку Крылова, и какое удовольствіе они тѣмъ ему доставили.—Александръ о картинѣ.—Какъ Иванъ Андреевичъ унатовъ получалъ одну дорогую книгу и по какому случаю.—Гидальчъ.

Глава VII. Дѣдушка Крылову минуло семьдесятъ лѣтъ.—Какой праздникъ вздумалъ дать въ честь русскіе литераторы.—Медали.—Юбилей.—Высочайшая милость.—Какіе стихи написалъ князь Вяземскій въ честь дѣдушки Крылова.—Что сказанъ В. А. Жуковскій и князь Одоевскій.—Что еще происходило на праздникѣ дѣдушки.

Глава VIII. Переселеніе на Васильевскій Островъ.—Смерть А. Н. Оленина.—Какъ и съ чѣмъ произоиалъ дѣдушка Крыловъ послѣдніе годы своей жизни.—Болезнь.—Смерть.—

Глава IX. Какъ совершалось погребеніе дѣдушки Крылова и гдѣ оны погребенъ.—Какію похвалою предположено увековѣчить память дѣдушки Крылова.—Подробности о памятникѣ.—Заключеніе.

НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамтъ, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардт, и Исакова, въ Гостинномъ дворѣ.—Въ *Москвѣ* : у книгопродавцевъ Свѣшниковъ и Базупова, въ книжныхъ лавкахъ : въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Шпрлева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ №№ 4—5.

МОДЫ.

Теперь самое модное время. Мантий тма разных родовъ, фасонъ и матерій; но самы модны такъ называемыя Бедуинки, ихъ дѣлаютъ изъ кашемира, свѣтлыхъ цвѣтовъ, и болше все-

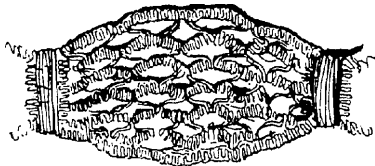
ки еще лучше, когда вышиты такъ называемыя сутаишми. Въ этомъ послѣднемъ родѣ чудесныя Бедуинки можно найти въ Англійскомъ Магазиш; также они и шолны и парляны, а эти условія неведъ соблюдаются съ надлежащею строгостію. Изъ шелковыхъ мантий лучшія Albertines; онѣ

го изъ бѣлаго; обшиваютъ аграмантомъ двухцвѣтныиъ, непремѣно двухцвѣтныиъ. Тѣже Бедуин-

легки, весьма хороши для комнатъ, и потому замѣняютъ какасейки, которыя господствовали столько лѣтъ. Альбертинки убрываются бахрамою и кружевами.

Соломенныя шляпки выступаютъ уже на сцену; теперь въ модѣ сквозныя изъ шитой пталіииской соломы; больше всего убрываются цвѣтами, которыя, по подобію кауусты, окружаютъ головку шляпки. Ленты по прежнему — клѣтчатыя, также и марабу цвѣтныя раздѣляютъ право раздѣваться на дамскихъ головкахъ вмѣстѣ съ цвѣтами и страусовыми перьями.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 3.

БѢЛЫЕ.

ЧЕРНЫЕ.

- 1. А. на 7 сл. —
- 2. К. что на 3 сл. Са. — на 2 Кл. Кор.
- 3. Кор. на 6 сл. Са. Ф. и мать.

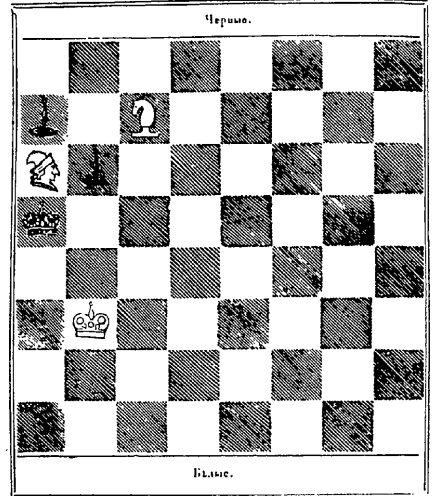
- К. беретъ Ф.
- Са. б. К.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 4.

- 1. К. что на 3 сл. Са. Ф. — на 5 сл. Ф.
  - 2. К. что на 4 сл. словъ на 2 м. А.
  - 3. П. К. два мѣста и мать.
- П. А. 1. мѣсто.
  - П. беретъ Копа.

ЗАДАЧА № 5.

БѢЛЫЕ ХОЛДѢТЬ, И ВЪ СМѢНѢ ХОЛДѢТЬ ДВУЮ МАТЬ.

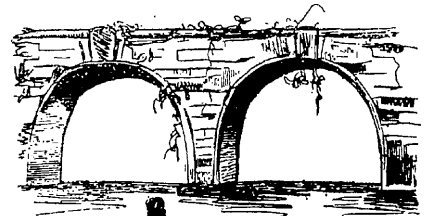

РАЗГАДКА.

Изъ Петербурга Билетъ е пер-вой-пу-зажегъ между музыкантами.

Изъ Петербурга Биле теперь войну зажегъ между музыкантами.

ЗАГАДКА № 6.

Т

ШШ

Дворянинъ
Купецъ
Мѣщанинъ

Крестьянинъ
Казакъ
Богатый

Бѣдный
Достаточный
Нищій.

ШАРАДА № 1.

Первое мѣс.....

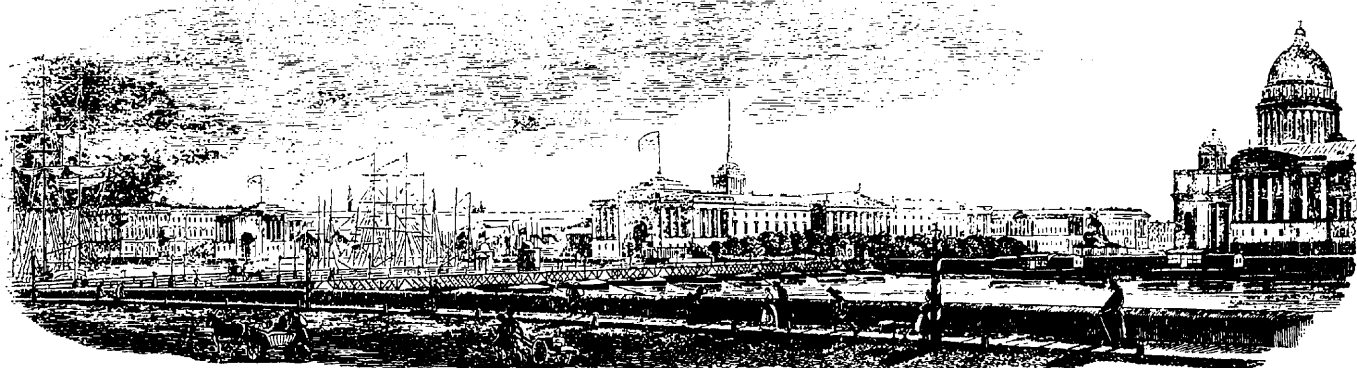
Второе..... ъ

а цѣлое — въ этомъ номерѣ СНАИТЬ.

СОДЕРЖАНІЕ : Отъ редакціи. — Таріель, Барсова-кожа. Поэма. — Прогулка по Петербургу и его окрестностямъ. — Серебряныя рудники Гуанахуато въ Мексикѣ. — Сказка объ Плавѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ, гусалѣхъ самогудахъ, скатерткѣ-хлѣбосолѣхъ, и шапкѣ невидимкѣ. Н. А. Пожевало. — Мусье Вальбергъ, буланочникъ. (разсказъ) М. Ф. К. — Табакъ. — Ежедневникъ. — Сѣть. Разныя извѣстія. — Обь устройствѣ парниковъ и хожденіи за ними. — Анекдоты. — Новыя изданія. — Перелетца. — Пресерансъ. — Моды. — Объявленія : Ольхина и Свиридина. — Шахматы. — Загадка. — Шарда. ГРАВЮРЫ : Лютеранская церковь Св. Петра. — Вуртгенность Лютеранской церкви Св. Петра. — Видъ Гуанахуато. — Другой видъ Гуанахуато. — Машина толкущая руду. — Свирида для очищенія серебра. — Вѣтскій трагикъ Кунецъ. — Капельмейстеръ Германъ. — Павелъ Юлій. — Портъ Сооп Сале. — Фонтанъ Коппера въ Парижѣ. — Пароходъ. — Моды. — Шахматы. — Загадка и Шарда.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЬЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 41 р. 45 к. сер. Т. I. № 7. — СУББОТА, 19 МАЯ 1845. Безъ доставки На годъ 40 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ТАРИЕЛЬ, БАРСОВА-КОЖА.

ПОЭМА.

(окончаніе)

64. Гдѣ мѣры прогнѣвался царь : « За нимъ ! » онъ скомадовалъ войску.
А юноша также безпеченъ, покаместъ его не нагналъ.
Но тѣхъ, кто его настигалъ, онъ въ прахъ превращалъ — и могучій,
Людьми въ людей онъ металъ, и тѣмъ унижалъ Ростевана...
65. Возвѣлъ государь съ Автандиломъ на быстрыхъ коней, — и погнался.
А юноша, гордъ и безпеченъ, бѣдетъ, да зыблется станомъ...
Конь его движется тише, чѣмъ лужъ, разостлавшіяся въ поляхъ,
Но чувствуетъ всадникъ : за нимъ звучно несутся ноги !..
66. Увидѣвъ ужъ близко царя, стегнулъ онъ кнутомъ свою лошадь,
И мигомъ отъ взоровъ изчезъ, какъ молнія. Похоже то было,
Что онъ, или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился сквозь землю.
Искали слѣдовъ, — не нашли и слѣда, забытаго въ поляхъ !..
67. Ходили по лугу они и смутно дивилися чуду :
Какъ человѣку иронастъ, подобно крылатому духу !
Войско плакало по мертвымъ, а раненымъ помощь давали...
И молвилъ задумчивый царь : « конецъ моихъ радостей близокъ ! »
68. « Вижу, паскучили Богу веселіе дней моихъ долгихъ ;
Время смѣнить ихъ душъ расканивъ скорбными днями.
« Отыиѣ я въ гробъ понесу нещезающую рану...
« Но воли да будетъ Творца — то воли Его благодати ! »
69. Сказавъ это, царь омраченный тихо поѣхалъ въ палаты.
Изъ звука на мѣстѣ забавъ : горе лишь множилося горей,
Охота разстроилась, слышенъ шонотъ въ народѣ ; иные
Думаютъ : правъ государь... другой уповасть на промыслъ !
70. Врачевъ задумчивый царь, вошелъ въ почивальный чертогъ свой.
Любимый какъ сынъ, Автандилъ одинъ при монархѣ печальномъ.
Изчезли веселья столицы, притихли семейства въ народѣ,
Уныліе царствуетъ вкругъ, — сладостнѣй арфа и лютия !
71. Едва Тинатина узнала о томъ, что родитель печаленъ,
Пришла ко дверямъ почивальни и, тихо позвавъ казнодара,
Спросила его : « Государь не спитъ ? » — Отвѣчалъ царедворецъ :
« Извольте сидѣть у себя задумчивый, ликъ его бѣдленъ ».
72. « Сегодня съ нимъ юноша дивный встрѣтился послѣ охоты ;
« И это его огорчило. Теперь онъ одинъ съ Автандиломъ ». —
Царица сказала : « Не время ; уйду. Но когда государю
« Будеть угодно сидѣть обо мнѣ, то скажи, что была за вѣсь ».
73. Время прошло и спросилъ : « А желанная дочь моя гдѣ же ?
« Вода моя миршалъ, радость, веселіе дней моихъ долгихъ ! »
Приворный сказалъ : « Приходила. Но, свѣдавъ о вашей печали,
« Встревожилась тѣмъ, и пошла слезами умытъ свою розу ». —
74. « Шанъ же ; какъ могъ я безъ ней несть мое бремя печали !
« Скажи ей — души моей жизнь, зачѣмъ не вошла она прежде ?
« Пусть горе развѣтетъ мнѣ лаской, пусть лзаву мнѣ сердца излечить ;
« Прядъ ней я раскрою мой духъ, утратившій свѣтлую радость ! » —
75. Послушна родительской волѣ, вошла въ почивальни царица,
Подобная ллву луны, когда она въ полночь сіяла.

Отецъ посадилъ ее подлѣ п, любизая въ ланиты,
Сказалъ ей : « зачѣмъ не при мнѣ ; зачѣмъ ожидала ты зова ? » —

76. И дочь отвѣчала ему : « Государь, кто увидитъ васъ грустивымъ,
« Отваженъ какъ ни былъ бы онъ, и хотѣ бы вознесся гординой
« Къ планетамъ небесъ — и тогда повергнетъ его ваше горе.
« Но мудрому лучше печатъ средствъ, чѣмъ предаться печали. » —
77. « Дитя мое, — царь говорилъ, — я болѣвъ глубокою скорбью ;
« А взоръ твой и жизнь молодая дышатъ весельемъ и счастьемъ,
« Они уврачуютъ мнѣ скорбь, какъ яхонтъъ пѣлительной пылью ; (*)
« Послушай : быть можетъ сама, узнавъ, ты поймешь мое горе.
78. « Сегодня, охотясь, я встрѣтилъ юношу чуднаго вѣла ;
« Лицомъ своимъ онъ озарилъ небо и землю до края.
« Незнаю, о чемъ онъ рыдалъ, и что его такъ угнетало ;
« Но онъ не пришелъ на мой зовъ — я распалился отъ гнѣва !
79. « Завидѣвъ меня, онъ отеръ слезу и вкочилъ ужъ на лошадь. —
« Какъ я повелѣлъ его взять... А онъ, истребивъ мое конско,
« Изчезъ предъ глазами, какъ духъ... О, такъ не встрѣчаютъ люди !
« Понять не могу : на яву то было, или греза и видѣль ? »
80. « И сладость даровъ всемогущаго стала мнѣ горечью потой ;
« Забылъ я тѣ дни, когда жизнь улыбалась мнѣ кроткимъ весельемъ.
« Всѣ лица, всѣ люди мнѣ въ тягость, — ни что не порадусть старца ;
« Вячнть мнѣ подъ бременемъ скорбн дней оскудѣвшій остатокъ ! »
81. И дочь говоритъ : « Доложу мое неразумное слово.
« Къ чему, Государь, безъ нужды роптать на судьбу и на Бога ?
« Къ чему искать горечи тамъ, гдѣ сладость находить другіе ?
« Спершите ли бѣдствіе съ тѣмъ, кто былъ лишь виновникомъ блага ? »
82. « Отецъ мой ! Вы царь надъ царями, обширна Аравія ваша,
« И звукъ царской рѣчи достижъ не можетъ до граней далекихъ.
« Пошлите повсюду гонцовъ развѣдать о томъ незнакомцѣ, —
« И скоро вы будете знать, чловѣкъ онъ, или духъ безтѣлесный. »
83. Призвали рабовъ и вельжи : « Идите отъ края до края,
« Ищите по всѣмъ сторонамъ, всѣ мыслы на то устремите,
« Несите труды, не шали головъ, — и найдите мнѣ радости.
« Гдѣ сами не можете быть, туда посылайте указы ». —
84. Гонцы полетѣли, — и годъ минулъ со дня ихъ отъѣзда.
Искали, обширили всюду, не знали конца пересироганъ,
И видѣли весь Божій міръ, — а о юношѣ ни слуху ни духу !
Съ стыдомъ и печалію въ сердцахъ вернулись гонцы къ Ростевану.
85. Они доложили царю : « Всю сушь обшари мы до края,
« А юноши дивнаго вѣтъ, даже пѣтъ и людей такихъ въ царствѣ,
« Кому бы онъ встрѣчался когда нибудь. — Этой службой не можемъ
« Порадовать васъ, государь ; придумайте средства нныя ».
86. Царь выслушалъ все и сказалъ : « Мудро судила царица.
« Скватичій духъ то предстаетъ, отверженный высими неба ;
« И онъ то меня обоялъ наводженіемъ силы нечестой.
« Покинемъ же грусть и печаль, — и будемъ счастливы, какъ прежде ! »

(*) Яхонтовый порошокъ почтенъа цѣлительнымъ. Изъ него составляли родъ кашн и такимъ образомъ употребляли.

87. Сказал — и воскресло веселіе, умножились игры и радость ;
Фиглярствъ, свирѣльшиковъ всѣхъ нашла и собралась отъсюду ;
Дворецъ былъ отворенъ гостямъ, царь сыпалъ дарами по-царски ;
Кто въ пышности ровенъ ему, океану богатства и силы ?
88. Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно спадъ въ своей спальнѣ
Безпечно онъ пѣлъ ; подъ рукой звучала стогласная арфа...
Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатини:
« Чинаровый станъ, — онъ сказалъ, — встань и иди къ лунолицой ! »
89. Судьба привела, наконецъ, Автандилу быть позвану къ милой.
Онъ всталъ и одѣлся въ кабу драгоценнѣйшей ткани Востока.
Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданіе къ розѣ...
О, сладко любовною видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной !
90. Съ достоинствомъ чистой души ищетъ Автандилъ величавый
Къ тѣмъ взорамъ, чей лучъ непорочный такъ много далъ слезъ ему
тайныхъ.
Она, несравненная, краше луны перловидной, сидѣла, —
И будто сурова, красуясь, какъ молія блистала очами.
91. На перси нагія нескромно упалъ горпостай пуховидный ;
Безцѣнной чалмою небрежно увито чело молодое ;
Такъ шипъ къ ней движенъ рѣшницъ, длинныхъ, пронзающихъ сердце ;
И черныя пряди волосъ вкругъ шеи змѣями вилися.
92. Потупясь, сидѣла она въ роскошныхъ волнахъ багряницы...
И волна съѣсть пригласила движеніемъ кроткимъ и тихимъ.
Рабъ съвѣи поставилъ ему, — благоговѣйно съѣвъ волнъ, —
И полнъ благодати восторгу, возводитъ свой взоръ на царицу...
93. Онъ молвилъ : « что смѣю сказать ? Ужасаюсь коснуться до рѣчи !
« Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно горящаго солнца !
« Страхусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
« Повѣдайте вы мнѣ, царица, о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ ! »
94. И дѣва съ нимъ рѣчь повела увлекательно, тихо, пристойно :
« Отъ луждъ моихъ ты удаленъ былъ всегда. Удивляюсь, какъ пыпѣ,
« Вдругъ довелось тебѣ знать то, что таилось такъ долго.
« Но прежде открою тебѣ то, чѣмъ больна я на сердцѣ. »
95. « Помнишь охоту; когда съ царемъ въ вѣрней негребляхъ?
« Тамъ юноша встрѣтился вамъ ; онъ утратилъ себѣ слезы...
« Думы объ этомъ видѣнны растроган такъ мою душу,
« Что нынѣ рѣшаюсь просить: ищи его съ края до края ! »
96. « Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
« Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ тобою:
« Знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на ланиты;
« Ты розой уколотъ, ты любишь, страдаешь въ плѣву твое сердце. »
97. « Исполни же просьбу мою, вложи въ власть твою тобою:
« Ты подданный мой — и тебѣ итъ соперника въ царствѣ;
« Тотомъ... Говорятъ ты влюбленъ... Но надежыли слухи объ этомъ? —
« Ищи же, далеко ли, близкомъ, гдѣ бы ни былъ пачезиувшій вопиъ. »
98. « Заслуга и преданность мощны, они укрѣпляютъ твое чувство.
« Чтось дать облегчене мнѣ въ груди, низвергни нечистаго духа.
« Будь сердцу надеждой; сажалъ фѣалку, осыпъ ее розой, —
« И послѣ иди, мой левъ, къ солнцу : мы встрѣтимъ друга друга при-
вѣтно. »
99. « Три года даю тебѣ сроку: ищи, выполни порученіе.
« Отыщешь, лети побѣдитель, съ веселою вѣстью къ царицѣ;
« Не слышешь-повѣрю, то правда, онъ духъ безцѣлесный, незримый.
« И розу тебѣ сохраню, какъ даръ непорочный и чистый. »
100. « Даю тебѣ клятву : иной не будетъ супругомъ мнѣ въ жизни.
« Хотя солнце явилъ во плоти, необрачу ему сердца.
« Или пусть рая лишуся я, пусть адъ поглотитъ меня въ бездну,
« И страсть твоя сердце мнѣ мучитъ, какъ ножъ обоюду лезвѣйшій. »
101. Юноша молвилъ ей : « Солнце, чьи черные камни (1) мигали мнѣ !
« Что я осмѣюсь сказать? Что могу говорить предъ тобою?
« Съ трепетомъ смерти я ждалъ, а ты призвала меня къ жизни...
« Какъ рабъ предаюсь я тебѣ, вавоинѣ. Я слуга твой отнынѣ ! »
102. « Солнце! — примовляю онъ, — вижу, Богъ избралъ тебѣ быть свѣтлымъ,
« Которому бѣ солнца земля работѣшно служила во прахѣ.
« Что слышала изъ устъ я твоихъ — неизрѣченная милость !
« Увиаетъ ли роза моя; когда лучъ твой такъ щедръ благодатью ! »
103. Условались. Клятвы слѣтали взаимно отъ устъ на уста ихъ ;
Рѣзвыя шутки вскипѣли, — и рѣчь побѣжала потокомъ.
Забыта печаль Автандила : онъ веселъ, онъ блещетъ улыбкой;
Зубовъ близна отражаетъ сіянье прозрачнаго свѣта.
104. Умножа веселье и ласки, они сѣли вмѣстѣ, и скоро
Спигнались четою кристаллы рубина и черного шера (2).....
И юноша молвилъ ей : « Солнце! Ты взоромъ врачши мнѣ разсудокъ.
« Чудно облялъ меня огнь твой, онъ жжетъ, онъ палитъ мое сердце!.. »
105. И тихо пошелъ... Только мысль не могла оторваться отъ милой
Часто назадъ озирался онъ; взоры блуждали безумно...
Кристаллы росили о розѣ (*), а статное тѣло дрожало...
О, сердце онъ съ сердцемъ сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна.
106. « Солнце! — мечталъ онъ, — для рози разликуи вотъ будешь прижѣга :
« Рубина румяный кристалъ превращу я въ лянтаръ желтоцвѣтннй!
« Что будетъ со мной, если я не увижусь съ тобою такъ долго ?
« Но смерть за роднаго сладка, — то радость, то долгъ челоуѣка!.. »
107. Рыдалъ, на ложе онъ палъ — и можноль унять эти слезы?
Какъ тополь отъ вѣтра : то сложить, то взмететь тоскавые члены ;
Едва позабудеться сонмъ, и образъ любезной предстанеть...
Вздригнетъ онъ и воскреснетъ... Любовью волнисемъ множить стра-
данье.
108. Разлука съ подругою сердца томила въ немъ ревностью душу.
Пусть катится жемчугъ очей и нѣжить тоскливую розу!
На утро съ зарею онъ всталъ, и богато убравшись въ доспѣхи,
Похвѣлъ въ палаты царя, предстать передъ свѣтлыми очн.
109. Эджиби былъ посланъ донести такія слова Автандила:
« Аравія вся, государь, полна вашей царственной славы;
« Народы Аравіи всеи покорны мечу Ростевана,
« Пусть вѣдаютъ славу его — и вострепещутъ сосѣди ! »
110. « Да будетъ позволено мнѣ противустать и сразиться:
« Я сердце враговъ поражу могущимъ мечемъ Тинатини.
« Кто станетъ покорнымъ, тѣмъ благо, но горе врагамъ непокорнымъ!
« Дары за дарами пришлю вамъ, и съ ними поклонъ за поклономъ. »
111. Царь слушалъ его благосклонно, и такъ отвѣчалъ Автандилу :
« Я знаю, мой левъ молодой, не тебѣ уклоняться отъ битвы ;
« И вижу, порывъ твой вполне соответствуетъ доблести юной.
« Ступай! Но прискорбно душѣ не видать тебя долгое время. »
112. Вошелъ Автандилъ къ Ростевану съ поклономъ за царскую милость.
Онъ молвилъ : « Я радъ, государь, удостоенъ похвалъ вашихъ мудрыхъ.
« Быть можетъ, Господь озаритъ мнѣ невѣдомой дальности сумракъ.
« И, возвратясь, я найду свѣтлый вашъ ликъ также свѣтлымъ. »
113. Царь далъ ему руку и самъ цѣловалъ его въ очи, какъ сына.
Елиственны были и царь и воспитаникъ, вождь его юный.
Ушелъ Автандилъ. Этотъ день вполне походилъ на разлуку :
Разумный и добрый монархъ самъ прослезился съ печали.
114. Отправился юноша въ путь; и путешественникъ бодрый,
Онъ двадцать, и дней, и ночей, ѣхалъ дорогою дальною.
И былъ онъ веселѣемъ всѣхъ, безцѣннымъ предметомъ усердья.
И всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ!
115. Когда онъ на родину прибылъ, восторгъ разлился повсемѣстно.
Вельможи встрѣчали его съ дарами богатыми. Каждый
Изъ нихъ ощущалъ передъ нимъ въ очахъ своихъ радости перлы.
Но Автандилъ солнцеликій здѣсь путь не замечалъ свой дальный.
116. Онъ городъ имѣлъ на границѣ, крѣпкій и страшный сосѣлямъ; —
Вокругъ него скалы вздымались перукотворной оградой.
Въ этомъ привольѣ охоты онъ пробылъ три дня, и туда же,
Сбираясь въ безвѣстный свой путь, призвалъ на советъ Шермандина.
117. Юный слуга Шермандинъ выросъ подъ сѣнью чинара.
Онъ преданъ и служить вождю, не шадя головы своей вѣрной.
Скрывалъ отъ него Автандилъ любовь къ незабвенной... Но нынѣ
Упалъ благовонный покровъ съ этой сладостной тайны свѣтила...
118. Юноша молвилъ ему : « Шермандинъ, я стыжусь тебѣ. Прежде
« Ты зналъ всѣ дѣла мои, зналъ — и всегда выполнялъ ихъ усердно.
« Но ты не видалъ еще слезъ, кипѣвшихъ на сердцѣ папмомъ.
« Та, чѣмъ терзалось оно, теперь его пѣжитъ надеждой. »
119. « Она мнѣ сказала : иди, отыскивай скрывшійся призракъ ;
« Когда возвратишься ко мнѣ, уголю я любви твоей жажду.
« Всѣ чуждыми будутъ мнѣ, ты лишь будешь супругомъ желаннымъ.
« О, какъ цѣлебна была та рѣчь изывавшему сердцу ! »
120. « Усердье обязанность слугъ; безъ службы нельзя быть слугою.
« Я молодъ, я жажду служить лучезарной царицѣ Арабовъ.
« Она угодила мой огнь сладкимъ елеемъ надежды. —
« И я-ль уклонюсь отъ бѣды, я-ль не пойду къ ней отважно ! »
121. « Мы ближе съ тобою, чѣмъ всѣ рабы и владыки вселенной.
« Внеми же въ сей часъ, Шермандинъ, быть можетъ, послѣдній мой
голосъ.
« Остаешься намѣстникомъ здѣсь и вмѣстѣ начальникомъ войска.
« Другому подобную власть, ты знаешь, вручить не могу я. »
122. « Вождями и войскомъ мнѣ предводи ты къ добычѣ и славѣ :
« Надежныхъ гонцевъ отъ себя къ царю посылай за вѣстами ;
« Пиши къ нему вѣсто мое, шлю роскошно дары за дарами,
« И всякую мысль устрани, что итъ меня здѣсь, на границѣ. »

(1) Глаза.

(2) Восточные писатели ничего не скажутъ безъ уподобленія. Тутъ надо пони-
мать пощѣлу Тинатини и Автандила.

(*) Опять употребленіе : глаза плакали.

123. «Въ охотѣ и въ битвахъ своихъ старайся быть сходнымъ со мною ;
«Свято храни мою тайну, и жди меня ровно три года :
«Если Чинаръ не падеть, — онъ вновь осыплетъ тебя тѣпью ;
«Если же въ срокъ не вернусь, — плачь по мнѣ воплемъ по смертнымъ ».
124. «Тогда отнеси ты къ царю вѣсть, нежеланную мною ;
«Повѣдай кончину, и будь, какъ фалка, колсбема бурей.
«Скажи, что постигла меня неотразимая участь,
«И бѣднѣмъ раздай по душѣ богатую милость казною.
125. «По смерти старайся мнѣ быть еще больше полезнымъ и добрымъ,
«Не забудь меня, милый! и вспоминай о мнѣ чаще.
«Распорядивъ все, какъ должно, некъсн о душѣ моей скорбной,
«И сердце свое уподобь ты любящему сердцу родимой!...
126. Когда Шермандинъ то услышалъ, обьялъ его ужасъ и трепетъ.
Горячій, обильный жемчугъ покотился на блѣдныя щеки.
Онъ возрыдалъ : «Безъ тебя какое-жъ мнѣ, широму, счастье?
«А воля твоя непреклонна, я знаю, и стражду тѣмъ болѣ!»
127. «Останься намѣстникомъ мнѣ! Какъ вымолишь ты это слово?
«Могулъ быть вождемъ твоихъ войскъ? Ничѣмъ же я сходимъ съ тобою?
«Я стапу жить памятью сердца, земля здѣсь одромъ моимъ будетъ!..
«Нелуше ли скрыться намъ вѣстѣ? Пустя меня въ слѣдъ за тобою!..
128. Юноша молвилъ ему : «Я правду скажу тебѣ, слушай :
«Одинъ я царицею посланъ, одинъ и свершу мое дѣло.
«Несмыслется даромъ жемчугъ памъ, когда онъ не купается трудами.
«Да будетъ изтерзанъ копьемъ жлеззычнмъ измѣнникъ любимой!»
129. «И тайну свою, Шермандинъ, кому же другому я вѣрю?
«Кто будетъ намѣстникомъ здѣсь, когда ты поѣдешь со мною?
«Останься, и будь на границѣ грозой безпокойныхъ сосѣдей!
«Если угодно то Богу, я возвращусь невредимымъ.»
130. «Бѣдствіе губить равно одного человѣка и многихъ.
«Падутъ и одинъ, если Богъ сохранитъ меня силами неба?
«Я выдаю указъ, чтобъ народъ узналъ въ немъ волю мою волю,
«Если же въ срокъ не вернусь... облекни себя, въ ризу печали!..»

УКАЗЪ АВТАНДИЛА КЪ ПОДДАННЫМЪ.

131. «Добрые слуги мои ; народъ, возделанный мною!
«Вы, чьи усердіе и вѣрность тысящелнственной сѣбно
«Пріосѣнили мой умъ, полный заботами блага, —
«Стекитесь на голосъ мой всѣ : да повѣдаю вамъ волю!»
132. «Узнайте вы, что Автандилъ, земля ваша, (*) пишеть къ вамъ нынѣ.
«Собственной мыслью своею, своею рукою и сердцемъ :
«На время рѣшился я бросить радости нѣги и чаши,
«А пишу свою возложить на Промыслъ, да лукъ съ тетивою.»
133. «Лежитъ на мнѣ бремя и долгъ покинуть родимыя горы,
«И, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ одинокимъ быть странникомъ въ мѣрѣ,
«Добрые слуги мои, народъ возделанный мною! —
«Храните мнѣ царство мое отъ крушенія вражды и крамолы.

130. «Да будетъ вамъ вмѣсто меня Шермандинъ мой намѣстникомъ царства,
«Пока отъ меня не получить оны вѣсть о судьбѣ моей темной.
«Да свѣтитъ на васъ онъ, какъ солнце, и розу снѣжитъ безувядно, (*)
«И топнеть крамолу, какъ воскъ, опалил огнемъ правосуднымъ.»
135. «Вѣдомо вамъ, Шермандинъ возростъ при мнѣ брагорнъ любимымъ ;
«Будьте жъ покорны ему, какъ были бы мнѣ вы покорны.
«Когда захочетъ набать, онъ поведетъ васъ къ побѣдѣ...
«А если я въ срокъ не вернусь — плачьте о мнѣ, мои слуги!..»
136. Кончивъ указъ этотъ, онъ подозвучный и сладкорѣчивый,
Собрался въ безвѣстный свой путь, всталъ, опоясавъ златомъ (**),
Велеть себѣ вывести коня въ поле, гдѣ собрано войско, —
И въ ту же минуту пошелъ, старался не мѣшкать напрасно.
137. Придворныхъ своихъ отпустилъ онъ, желая остаться безъ свиты.
Выйдя на лугъ, онъ вскопчилъ на коня, повернулъ его локво,
И быстро почался въ свой путь одинокій... Нѣвъ мысляхъ печальныхъ,
Всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ!..
138. Прочтавшись по полю одинъ, онъ удалился отъ войска.
И ктобы изъ смертныхъ возмогъ слѣдить за нимъ взоромъ пль мыслью,
Когда его въ путь повела десница невидимой силы,
А бремя тоски наложили тяжкія трудъ и заботы?..
139. Воины, кончивъ охоту, искали звѣзду своей славы...
Но онъ, солнцелкнкій, пелидимъ ; ихъ взоръ не нашель его въ полѣ.
Тогда, вмѣсто криковъ веселья, воили послышались всюду :
Воины бросились въ поискъ, нудя коней быстроногихъ...
140. Рыскали долго они и вѣстниковъ брали повсюду.
Тщетно! Ужъ вожь на границѣ... Въ недоумѣннѣ великомъ,
Войско, убитое сердцемъ, утратило мужество духа.
О левъ! Провидѣнье кого пошлетъ имъ взаимну утраты?
141. Придворныхъ собравъ и вельможъ, Шермандинъ съ отуманеннымъ
взоромъ,
Передалъ имъ и указъ и рѣчи пропавшаго друга.
Эта внезапная вѣсть всѣхъ поразила глубоко:
Не было ока безъ слезъ, не было сердца безъ раны.
142. Подумавъ, рѣшили они : «Хоть намъ безъ царя и прискорбно,
«Но кромѣ тебя, Шермандинъ, тронъ свой кому бы онъ вѣрнѣль?
«Будемъ покорны тебѣ, свято почтнмъ твою волю!..
И тутъ же призналъ весь народъ Шермандина намѣстникомъ царства.

И. Бардинскій.

(*) Обременять себя заботами правленія и трудится неостощимо.

(**) Еще и теперь естъ на Руси у насъ въ употребленнѣ остатокъ бычаевъ татарскихъ—длинные кожаные мышки, служащія вмѣстѣ и кушакомъ и кисою. Народная поговорка : нука, распольсайся! — употребляемая простолюдинами къ поужденно кого-нибудь сълать расколь, подтверждаетъ это.

(*) Это выраженіе соответствуетъ русскому : кормилецъ, батюшко.

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Je jette mes idées sur le papier,
Elles deviennent ce qu'elles peuvent
Diderot.

Мнѣ кажется, что женщинъ уже сравнивали съ цвѣтами.

Свѣтская женщина похожа на камелію. Всѣмъ бы хороша, да запаха нѣтъ. Сердитая женщина похожа на репейникъ, скромная на ландышъ, чувствительная на незабудку, надменная на піонъ, а любимая похожа вѣчно на розу.

Есть женщины, которыя похожи на рѣпу, на капусту; но объ нихъ думать не хочется.

Главное занятіе свѣтскихъ женщинъ, такъ называемыхъ львицъ, заключается въ кокетствѣ.

Кокетство не что иное, какъ особаго рода онѣмнѣ, которое становится со временемъ совершеннымъ пьянствомъ. Иногда оно временное,

запойное, иногда оно случайное, иногда, и это бываетъ часто, — совершенно сливается съ жизнью женщины и становится для нея необходимымъ условіемъ существованія, какъ пища и воздухъ.

Кокетство карикатура любви.

Однакоже бываютъ случаи, когда кокетство доходитъ до нѣкоторой теплоты. Это добродѣтель порока. Свѣтскія женщины увѣряютъ себя тогда, что онѣ любятъ, уважаютъ въ себѣ несуществующія мученія, принуждаютъ себя къ какой то мнимой борьбѣ и выдумываютъ себѣ искусственную любовь, потому что къ настоящей онѣ неспособны.

Добродѣтель женщинъ похожа на англійскія горы. — Стоитъ только поскользнуться... а тамъ уже и пошло безъ оглядки. — Вотъ отъ чего, можетъ быть, англійскія горы у насъ въ такой модѣ.

Никакое чувство не было такъ оклеветано какъ любовь. — Подъ предлогомъ любви скрываются не рѣдко самыя грубыя чувства, самыя гадкія дѣла.

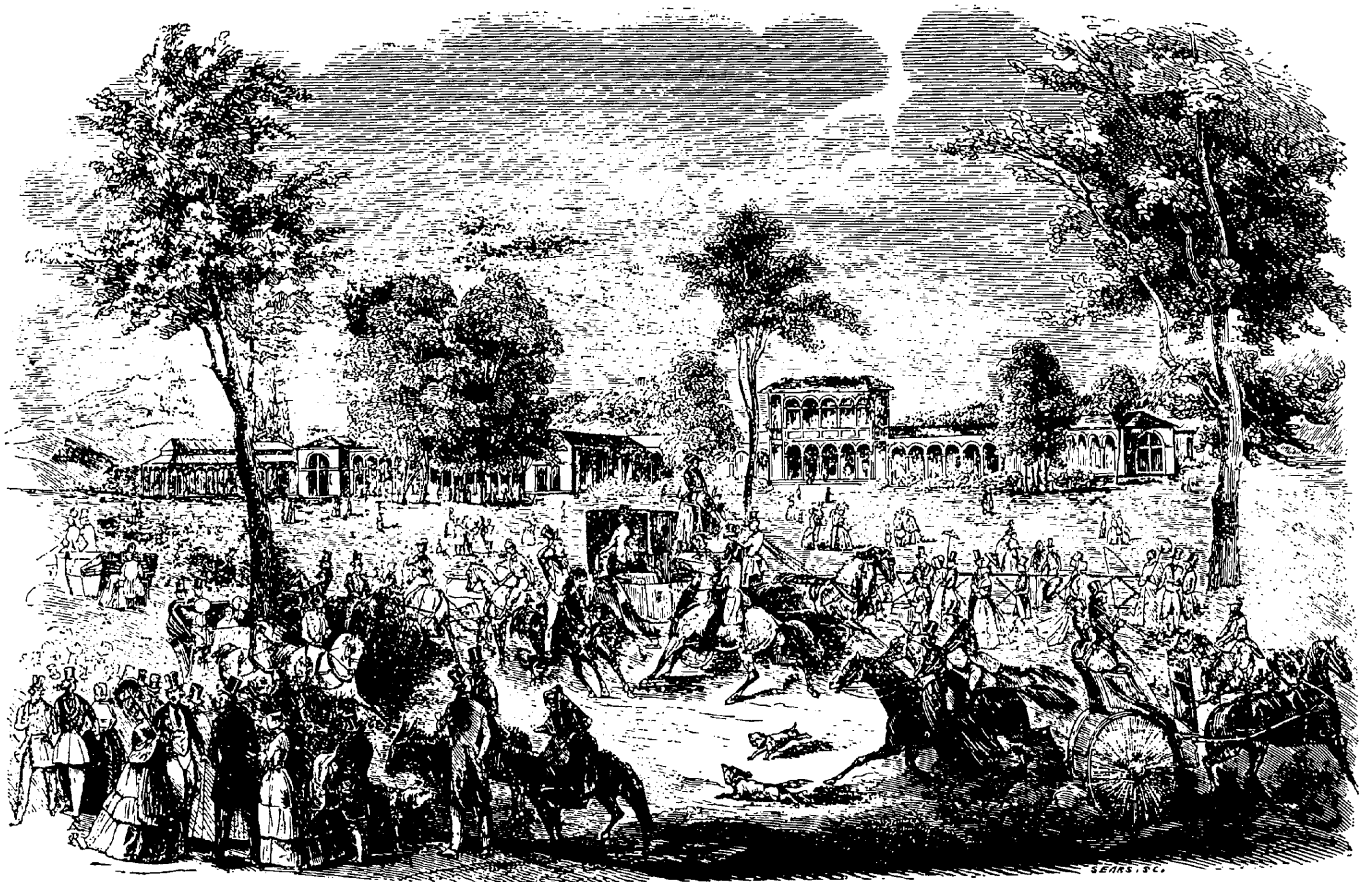
Въ нынѣшнее время ловеласы болѣе не существуютъ, женщины не увлекаютъ краснорѣчіемъ, а просто выбираютъ. Для приличія только говорятъ онѣ своимъ избраннымъ, что онѣ не могли имъ противустоять. Это лстытъ мужскому самолюбию и извиняетъ женскую слабость.

Женщина никогда не прощаетъ человѣку, не съумѣвшему воспользоваться ея расположеніемъ.

Между страстью и порокомъ то различіе, что первое происходитъ отъ нашей силы, а второй отъ нашей слабости.

Графъ Соллогубъ.

(Продолженіе въпредъ.)

(Источник Равенца въ Киссингенѣ).

КИССИНГЕНЪ.

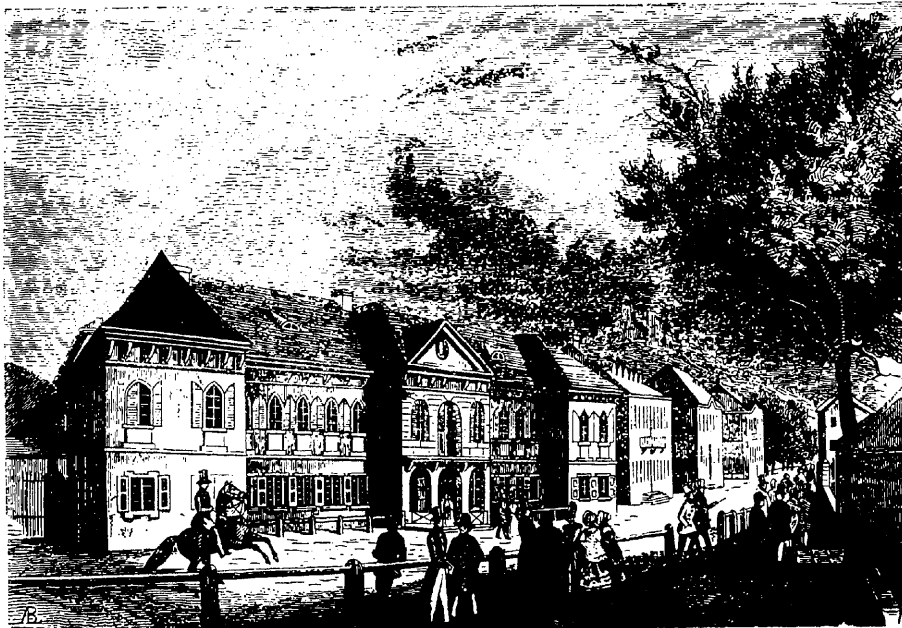
Какой пріятный эфиръ вѣетъ? Не только свѣжа, какъ будто сама природа таитъ, и въ воздухъ разливается та цѣлительная теплота, которой одной довольно, чтобы больному, если не выздоровѣть, такъ покрайней мѣрѣ возстановить силы на столько, чтобы допознать до цѣлебныхъ источниковъ. Мы бы вагъ посоветовали, страдальцы, отправиться къ олопецкимъ марциалльнымъ водамъ, въ Старую Руссу, въ Питигорскъ и въ другія цѣлительныя мѣста Россіи; но вы насъ не послушаете, потому что у васъ два педуга, и богъ знаетъ, который сплывѣтъ? Нечего дѣлать, наша обязанность — угрожать вашимъ желаніямъ, даже причудамъ. Поднимаемъ заставу. Позвольте вѣхать... Но куда? Въ Карлсбадъ? Въ Баденъ-Баденъ, въ Киссингенъ? Всѣхъ цѣлительныхъ мѣстъ въ Европѣ не перечесть, не опишешь. Мы знаемъ, что больные, въ самомъ

дѣлѣ, скорѣ поѣдутъ въ Киссингенъ, и потому на этотъ разъ поговоримъ объ этомъ истинно очаровательномъ мѣстечкѣ.

Оно лежитъ въ Нижне-Франковской Области Королевства Баварскаго. Нѣкоторые изъ минеральныхъ источниковъ Киссингена извѣстны уже нѣсколько вѣковъ; но ими пользовались только ближайшіе сосѣди. И на минеральныя воды—мода. Киссингенъ преобразился въ лю-

дый городъ только въ послѣдніи десять лѣтъ. Теперь туда собирается тысячи гостей. Древній городъ — извѣстный уже въ девятомъ вѣкѣ подъ именемъ Кицинке или Хицинггей, лежитъ въ веселой долинѣ, на берегахъ такъ называемой Франконской Салы или Залы. Эта небольшая рѣка извѣстна по плодоноснымъ полямъ и роскошнымъ лугамъ, и впадаетъ при Гминдѣ въ Майнъ. Вся долина Залы чудесный пейзажъ; и сверхъ того весьма плодородна; луга, неспешенныя прекраснѣйшими цвѣтами, поля покрытыя моремъ колосьевъ, виноградники, одѣтые самою сочною зеленью, въ рамкѣ темныхъ лѣсовъ, на каждомъ шагу.

Чѣмъ ближе въ городу, тѣмъ все роскошнѣе. По долинѣ, на которой лежитъ Киссингенъ, пролегаютъ двѣ большія дороги, въ Вирбургъ и Бамбергъ. Близлежащія горы защищаютъ Киссингенъ отъ вреднаго вліянія западныхъ и, столь опасныхъ здѣсь, южныхъ вѣтровъ; температура почти всегда однаковая средняя; са-

(Домъ для общихъ собраній въ Киссингенѣ).

мый климатъ уже вселить въ посѣтителя радостную надежду на близкое исцѣленіе. Между жителями прекрасной этой долины вѣдко встрѣтите продолжительную болѣзнь; въ лазаретѣ, основанномъ вынѣ царствующею королевою, весьма немного больныхъ. Жители Киссингена и окрестные просты, веселы, предупредительны, кроткаго нрава; радушно встрѣчаютъ гостей.

Вы улыбаетесь. Вы полагаете, что корыстный расчетъ творитъ въ людяхъ кротость... Можетъ быть, но Киссингенцы и въ домашнемъ образѣ жизни весьма просты и умѣренны: вѣдко встрѣтите между ними пьянаго; вмѣсто крѣпкихъ напитковъ пьютъ свою цѣлебную воду. И дешево и здорово.

Городокъ былъ прежде весьма малъ; въ самыя древнія времена его защищали стѣны и глубокіе рвы. Двое воротъ и калитка вели въ городъ. Жители считались въ то время около тысячи. Теперь все измѣнилось; явились новые улицы; стѣны и ворота исчезли;

осталась только калитка, воспоминаіи ради того что и Киссингенъ когда то былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Число жителей возрасло значительно; вездѣ возвышаются новыя зданія, улицы правильны; правда, дома обходятся строителямъ дешево, но не лишены вкуса, растутъ какъ грибы, помѣстительны, убраны хорошо и удобно. Лучшіе, красиво отбѣлашенные дома на улицѣ Людвига; только новая

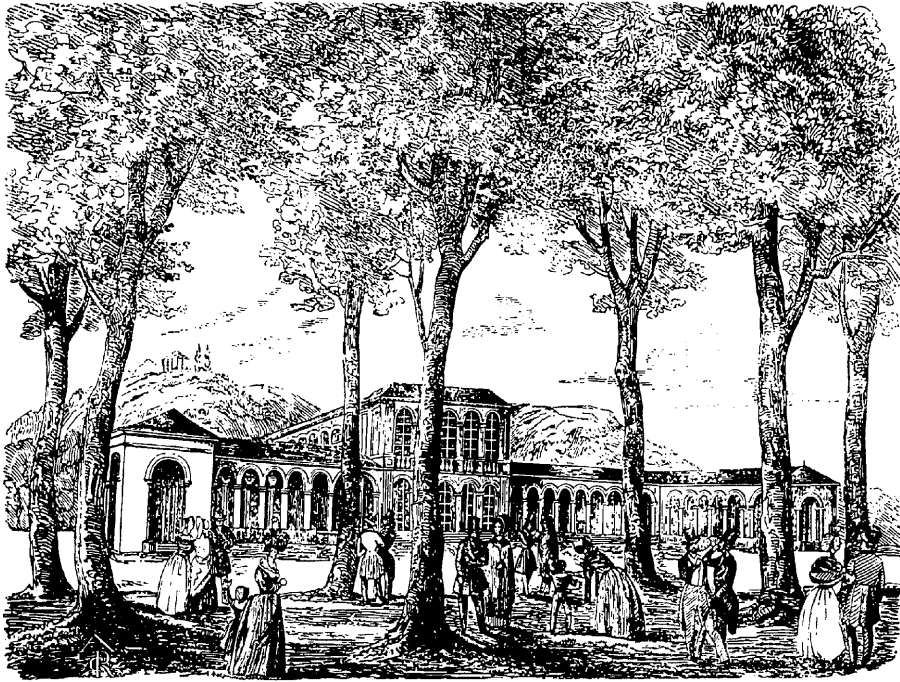
аптека, почта, и нѣсколько также новыхъ зданій могутъ сравниться съ этими домами. Лучшее же зданіе, домъ братьевъ Бальцано, въ которомъ обыкновенно живутъ знатные посѣтители во все время водопійства. Онъ отстроенъ въ хорошемъ стилѣ, снабженъ всѣмъ необходимымъ; владѣльцы имѣютъ усердіе и всѣ средства что бы исполнять самымъ предупредительнымъ образомъ всѣ желанія гостей. Жильцы этого дома имѣютъ важное удобство: имъ не надо совершать дальнихъ путешествій къ водамъ; они могутъ прямо проходить въ купальни, которыя въ связи съ столовыми и игральными залами. Столъ и услуга въ этомъ домѣ весьма хороши, можетъ быть и потому, что это заведе-

ніе подъ надзоромъ дирекціи водъ. Впрочемъ, въ Киссингенѣ вездѣ прекрасный столъ; кушанье и вина хороши и дешевы. За общимъ столомъ въ разныхъ мѣстахъ можно всегда пайти избранное общество, а угодно—можно обѣдать въ своей комнатѣ; между общими столами все таки лучшіи братьевъ Бальцано. Заслуги ихъ по устройству всего заведенія водъ

сотни гостей; тутъ же всегда и минеральный прокуроръ—врачъ; онъ наблюдаетъ за діетой. Изъ врачей въ Киссингенѣ особенно славится докторъ Масъ (Dr. Maas), докторъ Баллангеръ и весьма искусный докторъ Вельшъ который поселился здѣсь послѣ смерти веселаго и любезнаго Бухлера. Теперь объ удовольствіяхъ. Эта статьи иногда интересуютъ большихъ болѣе не-

жели доктора, аптеки и устройство купальни. Въ дурную погоду гости собираются въ великолѣпной залѣ; въ хорошую въ прекрасномъ тѣнистомъ саду. Расположеніе сада и постройки необыкновенно хороши. Тутъ вы увидите такъ называемыя аркады, залу, чугунный павильонъ надъ колодеземъ, съ полосатой крышей. Будто вы въ палаткѣ, новый магазинъ Кружекъ и т. д. Для прогулки вездѣ прекрасныя аллеи, вездѣ красивыя бесѣдки въ итальянскомъ вкусѣ. Хотите за городъ? Ступайте по берегу Залы до Линдсевой мельницы и дальше, если угодно.

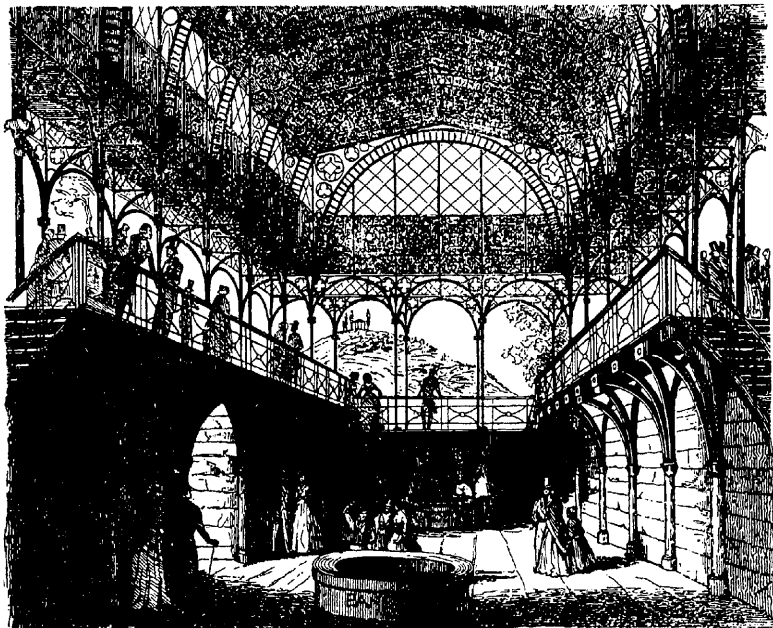
Руина Баденлаубе, на горѣ, около четверти часа пути отъ Киссингена, весьма интересна; сюда послѣ обѣда собирается веселое общество наслаждаться прелестями природы; напротивъ гора Альтенбергъ съ храмомъ. Прискучило? Прогуляйтесь въ долину Каскады, Клаусгофъ, посѣтите купальню Боклетъ, развалины Зальцбурга, времепъ Карлицгофъ, Кунальню Бригнау; всѣ отличаются живописнымъ и приятнымъ мѣстоположеніемъ; а если уже поздно, или погода дурна, въ прекрасныхъ залахъ устроены хорошіи кабинеты для чтенія; тутъ лучшіе нѣмецкіе, англійскіе и французскіе журналы; сверхъ того есть особенная бібліотека для чтенія и книжная лавка Югеля, изъ Франкфурта на Майнѣ. Жить въ Киссингенѣ весьма сходно, и даже дешевле чѣмъ на другихъ водахъ. Тутъ и девы расходовать приятно, потому что вы ихъ выдаете по необходимости, а между тѣмъ онѣ идутъ не на обогащеніе какого-либо спекулянта, а на поддержаніе заведенія и вспомоствованіе бѣдныхъ. Впрочемъ, почти для всѣхъ главнѣйшихъ расходовъ опредѣлены цѣны

(Зна гдѣ пьютъ воды).

столь значительны, что они на продолжительное время назначены исключительными королевскими откупщиками. Теперь только одинъ Бальцано, потому что братъ его умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но отъ этого ничто не измѣнилось. Петръ Бальцано создалъ для своего мѣста. Въ огромной столовой его собираются ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ

на горѣ, около четверти часа пути отъ Киссингена, весьма интересна; сюда послѣ обѣда собирается веселое общество наслаждаться прелестями природы; напротивъ гора Альтенбергъ съ храмомъ. Прискучило? Прогуляйтесь въ долину Каскады, Клаусгофъ, посѣтите купальню Боклетъ, развалины Зальцбурга, времепъ Карлицгофъ, Кунальню Бригнау; всѣ отличаются

(Павильонъ).

директорамъ воду. На музыку вы также должны сдѣлать небольшое пожертваніе; но ужъ зато можете слушать ее во все время водопійства безъ всякой платы.

Киссингенъ, не смотря на прекрасное мѣстоположеніе и окрестности, мѣнѣе былъ бы извѣстенъ и пошашаемъ, еслибъ въ цѣдрахъ земли не лежали тутъ магнитъ привлекающій ежегодно тысячи посѣтителей. Это цѣлебныя ключи. Источниковъ, донынѣ употребляемыхъ, пять; извѣстнѣйшіи изъ нихъ Рагоги или цѣлебный колодезь, открытый въ 1737 году въ старомъ руслѣ Залы; вода бьетъ изъ земли съ шумомъ; множество газовыхъ пузырьковъ, особенно при теплой погодѣ, дѣлаютъ воду мутною; она цѣбта желатаго, солено-кислаго вкуса, и покрываетъ стѣнки сосуда красноватымъ осадкомъ; при некипяченіи воды замѣчается

особенный запахъ брома. Этотъ колодезь назначается преимущественно для внутренняго употребленія; воду пьютъ либо у самаго источника, или же она идетъ въ разсылку. Второй колодезь Нандуръ или Купальный, нѣсколько столѣтій употреблялся только для ваннъ, а теперь изъ него и пьютъ. Третій Золеншпрудель, замѣчательный, какъ по обилію воды, такъ и по любопытному явленію, которое повторяется неправильно; вода бьетъ высоко отъ 2 до 5 часовъ; вдругъ, при глухомъ подземномъ шумѣ, она опадаетъ въ свою шахту, и остается тамъ около $\frac{3}{4}$ часа совершенно покойной. Мало по малу она подымается опять съ сильными шумомъ и кипѣніемъ. Источникъ этотъ доставляетъ ежедневно достаточно воды для тысячивашъ, и еще гораздо значительнѣе количество

разсола для близъ лежащихъ солонаренъ 4, колодезь Манса или кислый. 5 Источникъ Терезинъ, близъ Мансана обдѣлавъ только въ 1828 году и съ тѣхъ поръ употребляется для леченія. Кромѣ минеральныхъ водъ въ Киссингенѣ еще есть цѣлебныя средства, употребляемыя съ особенною пользою для больныхъ; между прочимъ, серосодержащій паръ, поднимающійся съ котловъ солонаренныхъ, употребляется для ванны, и выдыханія въ томъ же заведеніи гдѣ пьютъ воды. Вотъ очеркъ Киссингена и главнѣйшіе виды этого благословеннаго мѣста. Прочее, кому нужно доскажутъ услужливые медики; эта часть разсказа намъ не правится; потому что она интересна только для больныхъ, а мы всемъ и каждому желаемъ добраго и здороваго.

СКАЗКА

онъ.

Иванъ, — царевичъ и царь-дѣвица, гусли-самогуды, скатертка-хлѣбосолка, самохатъ-самоходъ и шапка-невидимка.

(Окончаніе).

Вотъ... Да, чуть было не забыли мы сказать, когда кинули въ море Иванъ царевича, взявъ онъ съ собою сапоги самохоты, скатертку хлѣбосолку, шапочку невидимку, да гусли самогуды, и ужъ потомъ раскачали его добраго молодца и бросили въ Окіянскую пучину.

Стягло море, поплыла ладья, а Иванъ царевичъ пошелъ, какъ ключъ ко дну, и — прямо сталъ на шогъ въ чертогахъ Морскаго Чуда, предковинныхъ, прюзорчатыхъ. Сидитъ Морское Чудо, а подлѣ него царевна Безцѣна, и говоритъ Чудо Морское: «Давно, давно, не въ я свѣжаго мяса — здорово, пріятель, да подика сюда, я посмотрю, съ котораго конца начать тебя!» — Тутъ Иванъ царевичъ началъ говорить, что онъ братъ царевичъ Безцѣна, и что такъ добрыхъ людей не водится, людьми не обдѣлать. «Вотъ еще, зарычалъ Морское Чудо, въ чужую обитель съ свиницъ уставомъ пришелъ!» Видитъ Иванъ царевичъ, что быть худу, взялъ гусли самогуды, и какъ заигралъ заунывную, такъ Чудо Морское загорнилося, вздыхаетъ, словно кузнечными мѣхами дуетъ, плачетъ, что вдова но мужъ, охаетъ, словно иглоку съль. Какъ приударитъ Иванъ царевичъ «по стоицку похаживаютъ, такъ не только что другое, и чертоги-то его подбочивались, да палаты пустылись, а Чудо Морское, какъ пошелъ въ присялку, такъ и не уіймутъ; ногами топаетъ, пальцами щокаетъ, глазами хлопаетъ, а рожей такія штуки корчатъ, что рыбы сбѣжались — хохочутъ поныраютъ! Понатѣшился Чудо Морское «Ну, говоритъ, такого молодца грѣшнѣесть! Оставайся, живи у насъ, садись, гость будешь! Эй! вы, сѣдлы, шуги, леши, окули! Подавайте на столъ, кормите, нойте, дорогога гостя! — Вотъ сѣлъ Иванъ царевичъ, царевна Безцѣна и Чудо Морское, ница, Ын, прохладжались; китъ передъ ними Нѣмецкую пляску плясалъ, сѣдлы хоромъ пѣсни пѣли, а карасы на разныхъ инструментахъ играли. Послѣ обѣда Чудо Морское заремалъ, а царевна Безцѣна говоритъ: «Братъ мой возлюбленный! рала я тебя, дорогому гостю, да убражайся поскорѣе. Присядетъ Чудо Морское, съѣсть онъ тебя, если пріядетъ подлѣ анхойчасъ! — Скажи мнѣ, сестра любезная, отвѣчалъ Иванъ царевичъ, надо мнѣ сестру нашу Неоцѣну отъ Чуда Лѣснаго, а тебѣ отъ Чуда Морскаго освободить. Если хочешь, такъ можешь счастья отвѣдать, сказала царевна, да только плохо вѣрится. Есть тутъ за моремъ Окіянское царство великое, а царитъ въ немъ не царь, а царица, по названію царь-дѣвица. Если ты къ ней въ царство проберешься, въ ея заповѣдныя сады войдешь, то царь-дѣвица тебѣ супругой будетъ, и будешь ты царемъ подлѣ царства и ея супружничкомъ, и она можетъ васъ освободить, и къ отцу, къ матери доставить. Да, только та бѣда — стража у нея строгая, никому на берегъ выйти не дастъ — пушками устале-

но, копылами утыкано, и на каждомъ копѣ по голдовѣ поткнуто — все тѣ голдовки молодцовъ, что къ царь-дѣвицѣ пріѣзжали. Бывали царь царевичи, короли королевичи, сильные могучіе богатыри, съ войскомъ приходили, съ кораблями приплывали, да ничего сдѣлать не смогли: — изъ пушекъ аспидовъ застрѣляютъ, булавными мечальми стрѣлами засыпаютъ, голову отрѣжутъ и на копье! — Вотъ, говоритъ Иванъ царевичъ, есть чего болясь! Страшна гроза небесная, да велика и милость Божья — гдѣ корабль тонетъ, тамъ лодка проплыветъ, а не мытьемъ возьмемъ, такъ катаньемъ. Ты скажи только, какъ мнѣ до царства царь-дѣвицы добратся. — Добратся туда мудреное лп дѣло — дамъ я тебѣ моего любимаго осетра; садись на него, да и поѣзжай, а дорогу показывать поплыветъ среди васи мой скорострой, съѣлъ Иванъ царевичъ на осетра, поголеть, а стерлядь спереди плыветъ, путь показываешь. Раки встрѣчаются, Ивану царевичу усади честь отдають, въ барабаны кашнями бьютъ, а мелкую рыбу стерлядь съ дороги говить — убирайся, дрынь этакая! Развѣ не видишь, что Галицкой воевода ѣдетъ! — По морю не то, что по суху — нѣтъ ни пенька, ни о задринки, дорога гладкая, катись, что по маслу. Катитъ Иванъ царевичъ, надлѣ шапочку невидимку, смотритъ, что стражи царь-дѣвицы глаза тарашатъ, въ даль глядятъ а подлѣ ногами ничего не видятъ, пушки чыстятъ, ружья продувають, мечи точатъ, стрѣлы остритъ. А Иванъ царевичъ къ берегу подѣхалъ, осетръ его къ пристави причалилъ, поклонился, на водку попросилъ, и вышелъ на берегъ Иванъ царевичъ, мимо сторожей прошелъ, не поклонился, въ заповѣдныя сады вошелъ, словно хозинъ ходитъ, разаживаетъ, любитъся, бѣтъ лблоки налячачты. А велики и узорчаты были сады царь-дѣвицы — деревья золотыя, листья на нихъ серебряныя; дорожки жемчужомъ усыпаны; на деревьяхъ сидятъ птицы райскія, поютъ пѣсни царскія, сорокъ шибечутъ, сказки сказываютъ, а величною были сады таковы, что съ одного конца до другаго въ три перестрѣла стрѣлу не докинешь изъ тугаго лука. Рѣчки текутъ, серебромъ звенятъ, а въ прудахъ ясный мѣсяць, небесный княжить, всякій вечеръ умывается.

Вотъ, и ждешь подождетъ Иванъ царевичъ, видятъ, что пріядетъ къ пруду двѣнадцать бѣлыхъ колицъ, ударилися о землю, и стали двѣнадцать дѣвицъ, такихъ црскрасныхъ, какъ звѣзды небесныя, и такихъ дородныхъ, что кровъ съ молокомъ! Между ними царь-дѣвица павой ходитъ, и говоритъ: «Подруги мои любезныя! Жарко стало — видите солнышко горячо, словно пирога изъ печи! Станемъ мы купаться, а насъ здѣсь лихой глазъ не сглазитъ. Стоить у меня на берегу крѣпкая отража — суха не проскочитъ! — Муха не проскочитъ, такъ коза проскочила! сказалъ Иванъ царевичъ, сядя шапочку невидимку, и низко царь-дѣвицѣ поклонился. Царь-дѣвица и подруги ея, по дѣвичьему обычаю, разохались, раскричались, думаютъ бѣжать, да не бѣгутъ, хотя въ гла-

дѣть, да поглядываютъ, прищурясь. — Царь-дѣвица, и вы красныя дѣвицы, пирожныя мастерицы, сердечныя полюбивы! молвалъ Иванъ царевичъ, чего въ меня боитесь? Въдъ я не медвѣдь, не кусясь; сердца неволей не возьму, а коли есть изъ васъ моя суженая, такъ я сѣи ряженый. Тогда царь-дѣвица покраснѣлась, какъ макъ въ цвѣтъ, подала Ивану царевичу руку бѣлую, говоритъ: «Добро пожаловать, добрый молодець! Царь ли ты царевъ чь, король ли королевичъ, не знаю, а если ты пришелъ засковымъ гостемъ, такъ пріемъ тебѣ будетъ привѣтливый. Приходили ко мнѣ не вѣжды, охренны, хотѣли дѣвицы сердце силой взять, чего отъ начала свѣта не слыхано. Пойдешь въ мои чертоги бѣлокаменные, въ мои терема хрустальные, угошу я тебя, и дѣтъ Богъ носалъ, а тамъ и сердечную аду въ двоякъ раздумасъ. Пошли Иванъ царевичъ и царь-дѣвица въ чертоги бѣлокаменные, въ терема хрустальные. Услышалъ народъ, что прішелъ къ пхъ царичъ, царь-дѣвицѣ, женихъ по сердцу, толпой привалили, старшій и малый, шумятъ, гамятъ, веселятся на распашку; велѣла царь-дѣвица отдать имъ на разбой свои царскія погреба, изъ пушекъ на радости палитъ, въ бубны и ланавры бить, па дудкахъ играть, а на другой дѣсь веселыми пиркомъ и свадьбу сыграли, потому что у нея было не пиво варить, не вино курить, а свадебное плагье давно готово, и два воза горшковъ было еще дѣлущкою царемъ куплено, на свадьбѣ внучки бить. Были пиръ по три дня, было веселье три недѣли. И говоритъ потомъ Иванъ царевичъ супругъ своей о томъ, какъ бы его сестеръ, одну отъ Лѣснаго Чуда, а другую отъ Морскаго Чуда освободить. «Супругъ мой возлюбленный, Иванъ царевичъ!» отвѣчала она ему, «чего я для тебя не сдѣлаю? Пошлите мнѣ ерша подлѣчаго, да воробья писаря; пусть напишутъ указы Лѣсному Чуду и Морскому Чуду, отпустить сестеръ Ивана царевича, а не то я велю ихъ въ приказъ привести и злой смерти предать! И написали ершъ подлѣчій, да воробей писарь указы, и послали ихъ. И нечего было дѣлать Лѣсному Чуду и Морскому Чуду, отпустили они царевну Неоцѣну и царевну Безцѣну. Написалъ Иванъ царевичъ грамотку отцу своему, царю Умною Головъ — «Видишь, царь-государь, не все берутъ силой, да храбростью, а также умомъ и хитростью, и гусли самогуды иногда лучше меча каденца, хотъ и есть присловье, будто плеть обуха не перестегаетъ; пріѣзжай ко мнѣ въ гости, а я къ тебѣ и самъ буду, готовъ пиръ богатый, а я тебѣ многолѣтнаго здравія желаю.» И началъ Иванъ царевичъ жить поживать, добро наживать, а худу велѣлъ со двора метлами гнать, и жилъ онъ долго царствовалъ славно, а сказкъ

Н. Полевой.

ВОЛЬНЫЙ ГЕТМАНЪ

ПАНЪ САВВА.

КРАСНОРУССКАЯ ЛЕГЕНДА.

И у цѣлыхъ народовъ, какъ у простыхъ людей, есть отцы, матери, братья, сестры, словомъ всѣ виды родства. А ужъ едва ли кого изъ народовъ такъ много родныхъ, какъ у матушки Руси. Сестрица наша Красная Русь или Галиція сначала вышла замужъ за Поляка, а потомъ за Нѣмца. Въ какой степени она приняла привычки, нравы и языкъ послѣдняго мужа, намъ неизвѣстно; но отъ первого много потеряла, многому научилась и языкъ свой крѣпко на его ладъ измѣнила. У ней, сказать лучше, стало два языка. Вѣрнѣе своему происхожденію, она сохранила старинный, а въ угодность мужу научилась и поному, его языку. И стала пѣснями пѣть и свои и польскія; и тѣ и другія обилуютъ первообразными красотами, которыхъ не изобрѣтеть остроумное художество. Венцеславъ Олесскій (Wacław z Oleska) и знаменитый виртуозъ Липинскій, тшательню собрали эти драгоценныя памятники народной поэзіи, и сохранили для потомства не только слова, но и напѣвы. Недавно случилось мнѣ въ разномъ хлѣбѣ отыскать повѣсть малороссійскую о Панѣ Саввѣ. Я вспомнилъ, что и въ галицкихъ пѣсняхъ что-то поютъ про Пана Савву. Объ легендахъ не помню, но повѣсть становится совершенно понятна и удовлетворительна; въ одной началъ, въ другой конецъ. Хотите познаться съ Паномъ Саввою, слушайте. Расскажу, какъ умѣю.

Въ какое время происходило все то, что буду рассказывать, определить трудно. Было себѣ когда то. Были тогда и Татары и Турки, и было Казачество. Украина простиралась отъ Кавказа до Карпата, а на югъ до Балкановъ. Была себѣ Украиной, вольной землей, которую считали своимъ наследіемъ всѣ сосѣди, а въ существѣ то была край безъ господина, земля безъ управы, вѣчная данница и кормилица гостей; только войны продолжительныя между сосѣдями давали ей минимй отдыхъ; минимй, говорю, потому что тогда на просторѣ, свободно и безнаказно разыгрывалось казацкое молодечество. Свои, не хуже Татары, грабили богатыхъ, вводили въ плѣнъ красавицъ; казакъ съ верховій Буга съ товарищами гостилъ на берегахъ чистаго Псла, а у него въ тоже время въ гостяхъ широкія степи наѣзники по своему; и теперь въ Малороссіи тѣжба въ водѣ, по только на бумагѣ, а тогда таже вѣчная тѣжба, только на *шаблякахъ*.

Пріѣхалъ такимъ гостемъ и Панъ Савва, казакъ высокій, статный, краснолицый, но и въ благообразіи его что-то было такое, что какъ посмотришь на него, такъ и въ широкой одеждѣ тѣсно сдѣлается; пріѣхалъ онъ въ село Усманьку, куда со многихъ окрестныхъ и далекихъ мѣстъ съѣзжались гости къ Рождеству Христову; потому что въ той Усманькѣ была церковь во имя Рождества Христова; уцѣлѣла эта церковь отъ воевскихъ гостей, потому только, что черезъ Усманьку не шла ни одна дорога на какой либо важный городъ; стояла себѣ Усманька въ сторонкѣ; казаки прилежно ходили въ церковь и благодарили Бога за свою безвѣстность. Въ послѣдній пробѣздъ Татаръ, опасность была слыхомъ близка; въ Усманькѣ слышали крикъ и шумъ сраженія. Небольшой лѣсъ скрывалъ и скрывал село отъ страшнаго непріятеля. Тамошніе казаки пошли въ обходъ Татарамъ и ночью отбили обозъ, отставшій отъ войска. Много грабленнаго серебра наши въ обозѣ. Большую часть церковное серебро, оклады, подствѣчники, лампады, чаши... Отнесли казаки серебро къ отцу Прокопу, а отецъ

Прокопъ поѣхалъ въ Кіевъ и сдѣлалъ на образъ Рождество Христово серебряными ризы; мастерамъ за работу казаки три года платили, и вотъ только что расплатились, какъ пришелъ и праздникъ храмовый; казаки слушали службу съ умилеиномъ и нечего грѣха таить, съ гордостью. Гости любовались на богатство иконы, хвалили казацкое безкорыстіе и благочестіе, а душе всѣхъ Панъ Савва.

— «Не я буду» говорилъ Панъ Савва, «коли въ Львовѣ-городѣ, или во Владимірѣ, или гдѣ ни есть на бѣломъ свѣтѣ, найдется такое чудо. Жидъ бы умеръ съ горы, еслибы посмотрилъ на такое богатство».

— «Умеръ бы, можетъ быть и не умеръ» отвѣчалъ казакъ Терешко, раскручивая свои сѣдые усы, «а ужъ бы лихорадка затрясла его до смерти; вотъ тогда бы и умеръ...»

— «Я протю и говорю, Пана Терешкѣ.»

— А! протю; такъ оно на ваше и выйдетъ. Нуте, Панове казаки вольные и гости честные, уже вы мнѣ будете помогать отца Прокопа угощать. И отецъ мой Терешко, и дѣдъ мой Терешко, такъ уже пускай и я буду Терешко. Въ нашемъ дому зтогъ праздникъ Усманька всегда *обходила*; такъ пускай уже и сей годъ по старинѣ будетъ...»

— Пускай будетъ по вашему, Пана Терешкѣ! Клавиемъ! отвѣчали и казаки и гости. Терешко не спрашивалъ кто и откуда. Домъ у него былъ обширенъ. Меду, пива, горѣлки и даже винограднаго вина много. Жена была мастерица на кухнѣ; дочка красавица... Понятно теперь, что всѣ возрасты охотно приняла приглашеніе. Отецъ Прокопъ благословилъ пишу и питье — и пошелъ пирь, котораго нечего описывать. Такихъ пирей много бывало и на дѣдѣ и на бумагѣ; а кому знать нужно, прочти о томъ у Ословьяненка. Тамъ все прописано. Извѣстное дѣло, что тогда пира безъ пивастья не бывало. Терешко на томъ стоялъ, чтобы другіе стоять не могли. Смалил отъ Прокопа, одолялъ и другихъ казаконъ; одинъ Савва съ нимъ тягался...

— Вотъ здоровый бѣсъ! сказалъ Терешко: Пстой-же! Недолго и ты у меня потягнешься. Оленочка, а подай-ка пугаръ, что на именныхъ ходить...

Оленочка принесла не пугаръ, то есть не чару, а пѣчто въ родѣ кострюли. Эта чаша отличалась отъ кухонной посуды металломъ и работою украшенной, а впрочемъ добрая кострюля, такъ что на малую семью можно бы и борщъ сварить...

«Хлопче!» — сказала Терешко: а пука, поди до пиныцы, нацѣди того меду, па которомъ кленовая вѣтка лежитъ; пѣтъ братику, отъ именнаго пугара и отъ именнаго меду спасуешь...

— Да не спасуею же...

— А вотъ же спасуешъ.

— А вотъ же пѣтъ. Что дашь!

— А ужъ если неспасуешъ, бери все, что хочешъ...

— А потомъ скажешъ: не можно.

— Какъ же я это скажу, коли уже иначе сказалъ... Не скажу.

— Ну, такъ гдѣ пугаръ! Гляди!!!

— Пстой братику. Одивъ не выпьешъ, поподамъ со мною; и то много...

— Не мѣшай — п Савва осушила кострюлю и пацѣла ее себѣ на голову... Терешко выпуча глаза глядѣлъ на гостя; не вѣршилъ тому, что видѣлъ...

— «Съ нами крестная сила», сказалъ онъ наконецъ, «это уже не человекъ; это уже хуже... Уходитъ отъ него...»

Да ба! панъ Терешко ноги пропилялъ; стоялъ подъ столомъ не Терешковы ноги, а колоды. Ни съ мѣста. Страхъ отъ того еще болѣе выросъ.

— «Ого» подумалъ Терешко: «это уже онъ такъ зачаровалъ ноги, что будто и цѣ-

лую пиныцу выпилъ.» И сталъ креститься. — «Молись Оленочка!» продолжалъ онъ: «не хорошо тутъ же что то!»

— Это вамъ не стыдно пана Терешкѣ, сказалъ Савва: «Вы простой хамъ, что-ли, что такую дурь Оленочкѣ въ голову вбиваете. Гдѣ же такіе теперь колдуны?..»

— Въ Нѣжинѣ есть, въ Кіевѣ есть, въ разныхъ мѣстахъ есть. Вы пана Савва откуда?..

— Изъ далече. Изъ Немирова.

— Это уже подѣ Ляхомъ?

— Такъ какъ вы подѣ Татарами.

— Такъ и у насъ доброе казачество еще не пропадетъ.

— А зачѣмъ ему пропадать?

— Подите же, сиросите, что кіевскій воевода разсказываетъ...

— Да чѣдъ онъ разсказываетъ. Языка ему не привижешъ. Пускай болтаетъ, вѣтеръ поносить.

— Вотъ это по казацки. Давайте руку, пана Савва. Разумныхъ людей люблю слушать. Тотъ Восвода, чтобъ ему добра не было, и въ Усманьку хотѣлъ быть, людей обдирать, своихъ приставниковъ заводитъ, то, другое, да мы ему шляхи (дороги) попортили; мосты подрубили; недообхалъ; пернулъ; и недобро на насъ замышляеть. Хорошо, что не близко. А вы Пана Савва до Кіена поѣдете...

— Нѣтъ, пана Терешкѣ! Хорошо, что Оленочка ушла. Я за другимъ дѣломъ въ Усманькѣ...

— А нуте! За какимъ же тамъ дѣломъ?

— Охъ пана Терешкѣ!

— Охъ пана Савва...

— Да вамъ чего вздыхать.

— Такъ себѣ вздыхаете. А вамъ чего...

— Дошла до насъ вѣсточка, что тамъ за лѣсомъ въ сторонкѣ, не то что красавица, а ужъ и не знаю какая дичина есть; и правду говорили люди. Пріѣхалъ я такъ; отъ чего же мнѣ на Украинѣ дива не посмотришь. А побуду дурень, дурнемъ. Голову, знаете, совсѣмъ ошеломило...

— А я говорилъ, пана Савва, что и медь и пугаръ...

— Да не медь, пана Терешкѣ, что вашъ медъ! А то, что слаще меду.

— А что по вашему слаще меду; по-вашему...

— Да и по вашему, думаю, тоже...

— А что по вашему? А? Ужъ и смѣкаю, пана Савва! Тѣ?

— Да ужъ чему же быть, какъ не тому.

— Да это и дитя знаетъ. Такъ котораю вамъ пригласуешь? У насъ, что ни взглянешъ, такъ цѣтотъ...

— Можетъ оно и такъ. Только ужъ та подсолнечникъ протиу другихъ...

— Вотъ что! Поналъ я и въ сваты...

— Коли захочешъ, такъ и въ отцы...

— Ты, можетъ, про Оленочку думаешъ...

— Да не можетъ, а просто таки про Оленочку...

— Охъ пана Савва! За чѣмъ ты у насъ прошлой зимы на сваткахъ не былъ... А ужъ теперь она отсюда изъ Усманьки, черезъ рѣчку за мужъ не пойдетъ. Тутъ при честной Иконѣ пашей, что мы казацкимъ обычаемъ снарядили, тутъ ей и жить и умирать... На томъ мы старшіе казаки стали и положимъ и на сходѣ приговорили, что еянкамъ нашимъ добывать вольныхъ женъ, а дочкамъ вольныхъ парней, что бы у всякаго была добрая воля въ Усманькѣ оставаться...

— И я вольный казакъ...

— Да ужъ другой есть. Вонъ храпитъ молодикъ Дона Трофимъ; тотъ Оленочку полюбилъ и Оленочкѣ полюбился. Далече съ Десны въ Усманьку на житье перешелъ. Послѣ Трехъ Волховъ вѣнчаться будутъ.

Панъ Савва лукаво улыбающъ и сталъ головой кивать, будто хмѣль разбирать его

началъ. Панъ Терентій очень обрадовался дѣйствию своего ужаснаго меду; высушилъ что было подъ рукою и заснулъ своимъ крѣпкимъ. Проснулся. Пана Саввы уже не было; гости хлопотали около Трофима и шепотомъ говорили: «Чытьте, чытьте! Что бы Оленочка не почувала...»

— Что тамъ такое? Спросилъ Терешко...

— Чытьте, пане Терентій, не то Оленочка услышитъ Трофима вѣтъ.

— Какъ вѣтъ? А этожъ кто у васъ въ рукавъ.

— Трофимъ, да мертвый. Вотъ это у васъ всегда на праздникъ до смерти допотчуютъ. А еще хвалитесь пивничей...

— Такъ Трофимъ.

— Умеръ...

Терешко ударилъ объ полъ руками и воскликнулъ:

— Отъ также!..

Подняли Трофима, освидѣтельствовали и нашли, что онъ былъ задушенъ, но кѣмъ и чѣмъ, это оставалось загадкой не долго. Терешко разсказалъ про подвиги сватовства пана Саввы; тайное удаленіе его оправдывало подозрѣніе.

— Уже и съ виду — я говорилъ что разбойникъ...

— Да я и по лицу это видѣлъ...

— И что на немъ, и что на конѣ его было. Съ молодецкой добычи не возьмешь...

— Давайте его искать...

— А гдѣ же мы его найдемъ! Развѣ погнались въ ту сторону, куда онъ поѣхалъ...

— А въ какую жъ сторону поѣхалъ...

— Глядите, панове, можетъ онъ на все четыре стороны поѣхалъ.

— А можетъ во что ищетое перекинулся. И пришелъ безъ дороги, и ушелъ безъ пути; можетъ гдѣ шибудь сѣсть подъ землею, да свѣжкимъ дерномъ прикрывся, или нескомъ себя засыпалъ. Найдѣмъ, не найдемъ ли.

И точно, казаки и слуги, все разбрелись по саду, огороду, двору, и улицамъ, вездѣ искали слѣдовъ, куда панъ Савва провалился... При этомъ обыскѣ сапожники жиды, что шинковали въ Усманьской корчмѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что онъ за одно съ паномъ Саввой; но все поиски оказались напрасными. Воротились. Трофимъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшились сказать Оленочкѣ о постигшемъ ее несчастіи, но и ее не нашли. Усманька взволновалась. Поиски возобновились. Молодежь стала поворотливѣе; старыя шумливіе... Перенесли до послѣдней щелки. Многіе отворили такіе судучки, въ которые не только Оленочка, но и рука ее не помѣстилась бы, а никому и въ голову не пришло заглянуть въ церковь. Одинъ отецъ Прокопъ, и то по должности, пошелъ служить вечеромъ, отворилъ дверь, да и крикнулъ на все село. —

Вотъ гдѣ она! Ловите!..

Незавѣстно, зачѣмъ онъ хотѣлъ ловить Оленочку, потому что она смиренненько стояла передъ богатой иконой и молилась...

— Оленочко, сердце мое... такъ началъ было Терешко... Но она встала весьма покойно и также покойно сказала толпѣ, указывая на Икону...

— Не журитесь, добрые люди! Такъ Имъ угодно. Сами грѣхъ попустили, сами и грѣшника отъ-

ишуть. Похоронимъ Трофима, а тамъ и Божью волю увидимъ...

И впервые Усманьскія Святки прошли въ общей печали и сокрушеніи. Тутъ ужъ не до веселья. Съ горя, казаки стали поминать Трофима въ очередь. Тутъ ужъ не до шутокъ. На поминальныхъ пиряхъ проливали горячія слезы и улаждали ихъ горечь сладкимъ медомъ; не дотянули до Трехъ Волховъ и трехъ дней. Раю по утру, передъ обѣдой, по всей Усманькѣ, слухъ пронесся, ужъ точно самъ собою, потому что никто не зналъ кто припѣсть. Да и въ село никто ни вчера, ни въ тотъ день не приходилъ; да если бы и захотѣлъ притти, такъ нельзя было за сугробами и мatelyю. Усманька, что островъ, кругомъ бѣлымъ полемъ обилдась; ни стежки не стало видно. Не смотря на то старіе собирались къ Терешкѣ и открыли совѣтъ.

— Этого еще не бывало, гонорили казаки: «Татарва зимою не рыскаеть, можетъ то и не Татарва, а такъ себѣ, проѣздомъ кто шибудь...

— А чего же они на Усманьку тишуть? Или Воевода Кіевскій или Татарва. Другихъ гостей быть не можетъ. И не воевода; идетъ безъ шляху.

— Вотъ Момя пускай вернется. Узнаемъ. А вотъ и Момя... Ну, что?

— Татарва проклятая! Видно съ плѣну какого ворочаются. Ободранные, на коникахъ разнаго росту; и збруа разношерстая, и одежда будто краденая; на Усманьку тишуть, видно что бы большимъ шляхомъ не итти, чтобы не переловили.

— А много ихъ?

— Да гдѣ тамъ много.

— Переловимъ ихъ пане Терентій, да повсюдъ въ Кіевъ пошлемъ въ гостиниць...

— Переловимъ! Кони готовы! Садитесь на коней и съ Богомъ! Это уже не война, а подвѣчанье...

И въ полчаса, безъ малаго, вся Усманька, то есть мужской полъ, выслыпала на добрыхъ коняхъ въ поле; Момя ѣхалъ впереди, путь указывалъ. Не проѣхали и полъ версты, какъ дѣйствительно увидали не большую шайку невѣстныхъ людей; поскакали казаки шибче, но и шайка не зѣвала, мигомъ снялась съ поля и въ порядкѣ пошла на уходъ; казаки за ними; Усманьскія женщины проводили своихъ до конца села, тутъ на пригоркѣ оставились и провожали ихъ глазами; пещели казаки въ дали, а женщины, разсуждая по своему, разошлись по домамъ. Оленочка вошла въ свою комнатку и сѣла на скамьѣ у окна задумавшись... Ей показалося, что то шевелится въ избѣ; оглянулась; то былъ панъ Савва. Потемнѣло у Оленочки въ глазахъ; страхомъ ротъ заперло; дрожитъ бѣдная, что черешня отъ вѣтру...

— Оленочко, сердце мое! Не бойся! Это я! Не смогъ я съ моею любовью; выманилъ я мужской полъ изъ Усманьки; и до вечера не догнать и вернуться съ пустыми руками; и ужъ тамъ, какъ себѣ хочешь, а будешь ты Оленочка мою люблю женою. Со всей Украйны соберу я для тебя Оленочка китайки, атласы, дорогіе дамашки; будешь ѣздить по Украйнѣ воеводхой на вороньихъ коняхъ; будешь въ милостыню раздавать битые талеры, будешь...

— Пане Савва, пане Савва, а что скажеть на то Терешко, что скажеть Трофимъ въ могилѣ?..

— Тотъ, что въ могилѣ ничево не скажеть, а панъ Терешко прѣдетъ къ памъ въ гости, погуляеть, паме счастье посмотритъ и дастъ благословелье...

— А что скажеть отецъ Прокопъ? Опъ слышалъ какъ я клялась, что не отойду отъ Усманьской Иконы даже въ гости въ чужое село. Съ пею жить, съ пею умирать покаялася...

— Грѣхъ на мнѣ Оленочка! Я увезъ тебя певолоей.

— И то правда. Постой же, пане Савва, на дворѣ холодно, пускай издѣпу теплую свиту, да и подемъ. Видно мнѣ уже такъ на роду написано...

— Не мудрой, Оленочка! Ступай, одѣвайся а если ты зло какое задумала, такъ хуже будетъ. Я въ Усманькѣ не одинъ...

Оленочка видно не разслушала этой угрозы. Не за шубой, ибѣтъ, на улицу бросилась она съ крикомъ. Панъ Савва за ней. Село огласилось воплемъ женщины и рѣзкимъ свистомъ Саввы; изъ за плетней поднялись въ разныхъ мѣстахъ дюжіе страшные сподвижники Саввы. Въ ужасѣ женщины попрыгали и заперлись въ домахъ; а Оленочка въ церковь, и упала на лѣсенькѣ перестъ Иконы, только и успѣла ухватиться за толстую мѣдную проволоку, которою пизъ образа былъ обвѣдѣнъ трижды. Вошелъ Савва, вошли и его сподвижники; пакинули на Оленочку теплую одежку; стали тащить ее отъ образа; но рука ея какъ будто приросла къ проволоцѣ; еще усиліе и образъ оторвался; казаки подхватили его; первый панъ Савва...

— Уходите съ паперти! сказали товарищъ Саввы: «казани уже назадъ ѣдутъ съ погоиш...» И Оленочку вмѣстѣ съ Иконой вынесли изъ церкви, изъ села, въ лѣсъ; тамъ ожидали ихъ добрые кони и еще товарищи, и когда казаки въѣхали въ свое село, оглушаемые воплемъ женщины, Савва со своими былъ уже далече. Само собою разумѣется, что казаки ударились за нимъ въ погоню, но Савва не промахъ; безъ устан мчались добрые кони; десять разъ перемѣнялъ онъ путь свой и обманывалъ погоню, и только на третій день, миновавъ Владиміръ, сталъ помышлять о покоѣ...

— Вотъ же Оленочка, сказалъ Савва, оставшись съ нею на единѣ въ теплой хатѣ и разматывая разные платки, которые дѣлала ее пѣмою: «Видно такъ уже Богу угодно, чтобы ты была мнѣ женою. И клятва твоя съ тобою. Не разсала съ твоею Иконою; будетъ она столтъ въ твоей спальнѣ; дѣти и внуки наши будутъ ей молиться. Ну, моя Оленочка; тутъ у меня много въ селѣ знакомыхъ. До дому далече. Тутъ и поженяхеся, тутъ и оженится. Я уже и къ попу послалъ.»

Безмысленно глядѣла Оленочка на пана Савву, какъ будто не понимала, что съ нею дѣлается. Откуда ни возьмись пришли дѣвочки, чишо и не безъ страха кланялись Саввѣ, и потомъ уже невѣстѣ; посадили Оленочку на скамейку, стали расплетать ей косу и запѣли:

Ой вѣту, вѣту батюшки дома,
Ой поѣхадъ батюшка до Львова,

Съ бѣлой рыбы бѣлый гребень покупать,
Оленочкѣ косу чесать...

Савва все время стоялъ передъ красавицей и пожиралъ ее пламенными взорами.

— Мамочка! Оленочка! сказалъ опъ съ чувствомъ; усмѣхнись, а не можешь, то заплачь! Все будетъ сердцу легче!..

— Будеть плакать! Еще наплачется! сказала шепотомъ одна изъ дѣвицъ. Но Оленочка въ томъ же оцѣпененіи чувствъ молчала и сидѣла на скамѣхъ будто каменная. Дѣвочки расплели косу; накрыли Оленочку тонкимъ полотномъ и тотчасъ же начали пѣть пѣсню:

Въ воскреснѣ рапо
Синее море играло.
Ой не море играло,
А Оленочка утопала,
Все отца поджидала.
Спасай меня, батюшка, спасай,
Не дай мнѣ утопуть,

Въ этомъ морѣ погнубуть...
Отецъ бросился на берегъ:
Ни челна, ни весла
Все волна унесла...

Вы видите; что я не перевозжу этихъ драгоценныхъ пѣсень, а переписываю только на русскій языкъ слово въ слово. Съ послѣднимъ стихомъ дѣвочки подхватили Оленочку и, можно сказать, унесли въ церковь. Священникъ съ причтомъ ожидалъ молодую чету. Увидавъ Савву, опъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и возвелъ глаза къ небу...

— Нуте, отецъ Яковъ! сказалъ ему Савва грубо: «поворачивайтесь живо. Дома ждуть!..»

Обрядъ совершился въ какомъ-то страшномъ молчаніи; никто не плакалъ, никто не радовался; всѣ сохранили суровую важность, а душе всѣхъ Савва... Оленочка, словно кукла, исполнила все, что ей приказывали. Савва вывелъ ее изъ церкви за руку, сѣлъ въ санн и воротился въ свою хату, гдѣ тѣ же дѣвочки встрѣтили молодую опять пѣсню:

Спрашивалъ соколъ кумушку:
Гдѣ ты кумушка была?
Гдѣ ты ножки загрязнила,
Гдѣ ты перья заросила? —

Въ тихомъ я бродѣ была,
Студену воду пила,
Тамъ я ноги загрязнила,
Тамъ я перья заросила.

Спрашивалъ ее отецъ:
Гдѣ Оленочка была,
Гдѣ заплакала глаза,
Слезами личико облила?

Въ домѣ Божиємъ была,
Три раза прилагала,
Тамъ заплакала глаза,
Тамъ лице слезами залила.

Докликала эта пѣсня до сердца Оленочки. Она оглянулась, будто опомнилась, засмѣялась и съ привѣтомъ подошла къ дѣвучкамъ...

— Спасибо, сестрицы, спасибо! Дай Богъ и на вашихъ свадьбахъ гулять! А на моеи погуляйте! А что же это пане Савва, свадьба безъ подарковъ?

— А какихъ же тебѣ подарковъ надо?..

— По три битые талеры каждой дѣвучкѣ!..

— На, роздай!..

— Не хотимъ! Не хотимъ! закричали дѣвочки.

— Ну такъ хоть медомъ угости!
— Сей часъ, мамочка моя, сердце мое; вотъ такъ бы давно. Я сбѣгаю только до здѣшняго пана...

И Савва на радости бросился изъ хаты бѣгомъ. Оленочка усѣлась съ подобающею важностію и спросила:

— А отъ чего же сестрицы нашего серебра не захотѣли.

— Бѣдлан Оленочка! За коршуна ты вышла! Серебро то все грабленое; про твоего Савву вся Украина знаетъ, а пуще наше село. Видно дорога въ домъ его черезъ наше село проходитъ. Раза два три въ годъ забѣгаетъ съ своимъ казачествомъ. Всякій разъ беретъ денегъ, пива, меду; живности всякой, да еще въ придачу красную дѣвучку... То еще у него доброе есть, что отъ отца, отъ матери дѣтяти не возьметъ, а сироту полай ему, хоть недоростка, лишь бы лицемъ хороша была... Можетъ быть, какъ теперь женился, такъ уходится.

Оленочка улыбнулась. Нельзя было про-

должать любопытнаго разговора, потому что панъ Савва вернулся, пригласилъ съ собой и другаго пана, владѣльца того села, и паню, и дѣтей, и еще пришли какіе-то гости. Нанесли между тѣмъ со двора и вина, и пива, и меду, и вслкой всячины. Оленочка хозяйничала на чудо. Панъ Савва былъ въ восторгѣ и клаяся и заклинался, что даетъ этому селу льготу, что если гостемъ проѣзжать будетъ—такъ не возьметъ ни деньги, ни добра, ничего, а что возьметъ, платитъ будетъ... На радости панъ Савва охмѣлялъ, гости развѣхались, но къ удивленію Оленочки въ хатѣ остались два казака, которыхъ она прежде и не замѣчала.

Однѣ уже старый, страшной паружности, покрѣлъ пана Савву святой и сказалъ со-смѣхомъ.

— Спи, пане Савва! Стерегъ ты насъ на гулянкахъ; никогда пьянъ не былъ. Отъ радости охмѣлялъ. Ложись пани Савиха и ты спать. Я, Описимъ Чубъ, пасторожѣ. Такъ же не страшно.

Оленочка не отвѣчала. Прилегла и притворилась спящею; но изрѣдка поглядывала на свою стражу и, посмотрѣвъ на другаго казака, чуть не вскочила. То былъ молодецъ Доя Трофимъ, только послѣ смерти сталъ моложе и краше прежняго; на томъ свѣтѣ у него видно л усы и бороду отняли; ни дать, ни взять дѣвушка. Разговоръ его съ Описимомъ объяснилъ ей многое...

— Такъ это и есть самъ панъ Савва? спросилъ опъ. Описимъ кивнулъ головой.

— Не чудо, что опъ на Украинѣ такъхъ дѣлъ надѣлалъ.

— Какъхъ дѣлъ?

— Про него за Дѣйпромъ рассказываютъ, что Савва до самой Туречины доходилъ; во всѣхъ селахъ гостилъ; что у него красавица, больше чѣмъ у самаго Султана.

— А на что ему тѣ красавицы. За нихъ не только прекрещена Татарва, да и Ляхи дорого платятъ. Вотъ себѣ взялъ красавицу, такъ эта и его; а не женись опъ на ней и Оленочка была бы наша. Продали бы. Ему три талера съ десяти, а семь наши...

— А ужъ, Описимъ, надо правду сказать, что Оленочка красавица.

— Диво, что у пана жена хороша. Да и выжирали мы братику лѣтъ шесть; всю Украинцу переискали. Боюсь только, братику, что теперь дома станетъ засиживаться; на заработки не такъ часто ходитъ будетъ... Казачество занусегитъ. Ты вотъ къ намъ присталъ подь самой Уманькой; тебѣ наше житье полюбилось; такъихъ много, а коли такъ Савва не захочетъ быть Гетманомъ, тогда, братику, другіе нашихъ передусажатъ. И такъ да него зубы острятъ. Въ нашей землѣ, подь Немировымъ, панъ Савва—точно паномъ живетъ, нѣкого не трогаетъ. Большіе паны у него въ гостяхъ бывають, и за походы его на Украинцу хвалить и подарки засылають. Подь Немировымъ насъ ни кто не тронетъ...

— А далеко еще до Немирова...

— Да это послѣднее вражье село. А тамъ ужъ пойдутъ все приятели; тамъ мы панами пождемъ. И остановились мы тутъ, чтобы веселье на чужой счетъ справить...

— Ты уже пана Описимъ меня своею лаской не оставь. Научи меня и ремеслу, и службѣ, и всему...

— Да ужъ научимъ мы тебя всему доброду... Постой! Кажется панъ Савва вздохнулъ; сей часъ встанетъ; поди скажи казакамъ пускай коней готовятъ; мы тутъ долго не останемся; досвѣту уждемъ...

Трофимъ ушелъ, а Савва дѣйствительно потянулся раза два, всталъ, поглядѣлъ на Описима, да и сказалъ спасибо! Поглядѣлъ на Оленочку, да и молвилъ: ой мѣ, дурно. Обрадовался не во время...

Но будить жены не рѣшился. Та старалась спать съ такимъ усердіемъ, что уже и

солнце поднялось, и казаки на дворъ собрались, и бѣгать торопились, а она все спала, да спала. И когда уже старшіе рѣшились войти въ хату къ своему Гетману, тогда Оленочка вскочила, будто встрепанная; всѣ признаки бессонницы и сильной душевной бури явственно отразились на прекрасномъ ея лицѣ; при всемъ томъ она старалась казаться веселюю, довольною; хлопотала только о завѣтной Иконѣ, уложенной въ ящикъ и тщательно закрытой; панъ Савва, какъ одурѣлый, глазъ не сводилъ съ своей жены и невольно исполнялъ всѣ ея прихоти. Она господствовала полновластно въ этой удалой арміи, къ общему неудовольствію Гайдамаковъ; пуше другіихъ дуся Описимъ.

— Вотъ себѣ и важили въ Гетманъ бѣлую голову. Увидите, что она всѣхъ насъ заведетъ на висѣльцу. Съ бою взяла; цевольница; а она носъ задираетъ, будто уже и родилась паней.

Такъ говорилъ Описимъ; то же повторяли Гайдамаки во всю дорогу, до самого Немирова, гдѣ пана Савву встрѣтилъ у воротъ города панъ Якубъ, воевода Немировскій, съ полной чашей, съ хоромъ пѣсень; встрѣтилъ, поздравилъ, да на Саввику и заглядѣлся.

— Ну, сосѣдъ, сказалъ панъ Якубъ: я и не думалъ, чтобы на Украинѣ такіа водились. То краше воеводица Львовской; а можетъ и въ самомъ Краковѣ не встрѣтишь такой жѣнщины. Не показывай сосѣдъ своей жены панамъ раднымъ. Поссориться. Перестанутъ съ тобою хлѣбъ—соль и дружбу водить. Будутъ до твоей жены добираться...

Послушался панъ Савва пана Якуба. Отгулявъ день въ Немровѣ, потянулъ со своими до своей усадьбы, красиво расположенной на берегу небольшого озера. Столѣтніа сосны купами обступили се со всѣхъ другіихъ сторонъ и закрывали отъ взоровъ любопытнаго путешественника. Съ трепетомъ вступила Оленочка въ новый домъ свой; передъ нею несли завѣтный ящикъ; вскрыли; уставили Икону на мѣсто и разошлись; остались въ комнатѣ только панъ Савва да Оленочка. Оленочка поблагодѣла, но за то панъ Савва раскраснѣлся. Ушелъ отъ нея панъ Савва счастливый, довольный; оставилъ Оленочку въ слезахъ, на колѣняхъ, передъ святымъ образомъ. Такого пиру въ Саввиной усадьбѣ нѣкогда не бывало. Гуляли казаки до другой ночи; прогулялись и недѣлю, еслибы до пана Саввы не прѣехали два жиды съ турецкой границы. Принесли пану Саввѣ вѣсть, что бѣгутъ купцы изъ Туречины съ атласами и китайками; везутъ товары до Кіева; вспомнилъ панъ Савва, что общалъ Оленочкѣ цѣлую комору набить дамашками, да атласами, а другую пушнымъ товаромъ... Далъ жидамъ по три талера, сѣли на коней и полупьяные пустились въ далекій путь. Панъ Савва и забылъ проститься съ Оленочкой; хотя для нея и походъ предпринялъ. Гайдамаки не дали ему опомниться, боясь, что красота дѣвушки удержитъ его дома и товары уйдутъ изъ рукъ. Далече уже вспомнилъ панъ Савва, что не простился, и сказалъ: вотъ тебѣ разъ... Да возвращаться было и поздно и смѣшно. Надежда поскорѣ ограбить купцовъ и воротиться къ Оленочкѣ съ дорогими подарками утѣшала вольнаго Гетмана, в кони неслись безъ дороги по путямъ, извѣстнымъ только звѣздамъ Божиимъ, да казакскому коню... И Описимъ далече уже вспоминалъ про Трофима, но Трофима съ ними не было. А гдѣ же Трофимъ? Остался на усадьбѣ и рано по утру, когда Оленочка вышла на крыльцо, чтобы спросить воротились ли панъ Савва съ ночной гулянки, однѣмъ Трофимъ, стоялъ на крыльцѣ съ голою саблей...

— Боже! воскликнула она: Трофимъ!

— Не Трофимъ, а Прохоръ, Оленочка,

стоитъ у дверей твоихъ за брата Трофима. Тотъ уже не встанетъ; сладко ему подь землею. Передалъ мнѣ Трофимъ и свою биду и свое горе...

— Ты братъ Трофимовъ?

— А то кто же! Посылали мы подь Черниговомъ, что сталося на Уманькѣ. Отецъ и позвалъ меня. Сѣдай коня хлопче. Скачи до Уманьки. Городамъ не кланяйся. Бѣги шибче, а то слѣды нашего Трофима захоронять. У того вора, что убилъ Трофима, отъми жизнь, да привези мнѣ его голову, чтобы я самъ зналъ, что ты убилъ того вора. Съ Богомъ!—Поѣхалъ я и доѣхалъ, да не до Уманьки, а на большомъ шляху нашъ свадѣбный поѣздъ встрѣтилъ. Прикинулся Гайдамакой, что службы ищетъ; присталъ до пана Саввы... Охъ, сердечко мое бѣдное! Лучше было не приставать?..

— Отъ чего же Прохоръ?

— Про то ты одна знаешь...

Зарумянилась Оленочка, да скорѣй въ свою спальню. Сердце у ней такъ забилось, что она поспѣшала крѣпче запереть двери, чтобы Прохоръ не услышалъ. Сладко и странно ей было новое чувство. Прохоръ былъ краше и моложе покойника; тотъ ей нравился. Прохора она полюбила. Со страху, что полюбила, не смѣла она къ дверямъ подойти. Приходили прислужницы; приносили кушанья.

— Не хочу. Не нужно. Я уже сплю... Такіе отвѣты давала Оленочка, и дрожала отъ ужаса, что такъ сильно полюбила... Наступила и ночь. Оленочка тихо встала, полуотворила дверь на крыльце. Луна на саблѣ Прохора играла своимъ серебромъ. Онъ ходилъ передъ крыльцемъ, чтобы не замерзнуть...

— Прохоръ! Уходи Прохоръ!» шептала она.

— А за чѣмъ я пойду. Тутъ мое мѣсто...

— Замерзнешь! Ей Богу, замерзнешь, стужа...

— Тепло у меня на сердцѣ... Тамъ что горитъ такъ хорошо. Есть у чего погрѣться...

— Прошу тебя Прохоръ, уходи!

— Да куда я пойду? Не стану я къ твоей челлди стучаться; мнѣ и тутъ хорошо.

Оленочка была въ отчаяніи. Она сама чувствовала суровость служби; она видѣла какъ Прохоръ перемищается и руками и ногами...

— Прохоръ, Прохоръ, право, ей Богу замерзнешь!

— Пускай замерзну! Что же мнѣ на этомъ свѣтѣ! Брата лѣтъ; кровь Саввы его не воротитъ, а моего сердца не залечитъ. Замерзну себѣ и не уשלшу, какъ умру...

— Такъ знаешь что, Прохоръ! Ты за чѣмъ тутъ ходишь...

— Берегу покою твой!

— Такъ ступай въ теплыя сѣни; сиди тутъ съ своей саблей; а чуть свѣтъ, уходи, чтобы злые люди чего не выдумали... Поди сюда, Прохоръ!

Прохоръ былъ не промахъ; повиновался; вошелъ въ теплыя сѣни; а Оленочка выпесла ему каганецъ и скамѣйку...

— Садись, бѣдный Прохоръ; тутъ и заспутъ можешь...

— Гдѣ уже мнѣ тамъ спать; на дворѣ было холодно; тутъ будетъ душно...

— Молись Богу, Прохоръ! Только овъ намъ и поможетъ.

— А тебѣ какая кручина! Стама пани богатая, хорошая, мужъ молодой, словно тополь стройный; будто дубъ плечастый; счастья у тебя цѣлая миса съ верхомъ.

— Нѣтъ, Прохоръ... Да, Прохоръ, твоя правда... А все Богу молиться не мѣшаетъ... Я пойду молиться...

— Ужъ и за меня Оленочка...

— И за тебя, мой бѣдный Прохоръ... Разошлись. Но черезъ двери обоевъ было

слышно, что подь этой крышей пѣтъ спа. То Оленочка, то Прохоръ, на выпереди вздыхають.

— Что ты не спишь Прохоръ?

— Не спится, Оленочка!

— Ты бы пѣсно заплѣлъ...

— Тебѣ мѣшать буду...

— Пѣтъ, Прохоръ! Я подь пѣсни всегда засыпала.

— Люди услышатъ...

— Ты такъ заутя, не заслышатъ. Челыди въ хоромѣхъ пѣтъ. И Прохоръ занутилъ, то есть въ полъ-голоса заплѣлъ:

Ой ты дывчино зарученая,

Чего ты ходишь замученая?

Ой якъ я маю весела буты;

Кого я люблю, тяжко забыты.

Ой ты дывчино, чорныи очи,

И въ дѣп ея журишь и несъпшишь въ очи,

Чорныи очи прыпаду дали,

Душу и тило вразъ зъжытѣмъ взяли...

Ой ты дывчино, мыслыма лудышъ,

Сама не знаешь, кого ты любишь...

Ой знаю, знаю, кого кохю

Гнѣ не знаю съ кимъ жыты маю!

Этой пѣсни я не осмѣялась переписатьъ на русскій языкъ! Слова ея всякому понятны; въ перепискѣ она лишилась бы той прелести, которая сдѣлала ее любимою пѣсною западныхъ Украинцевъ. Конечно, эта пѣсня отличается отъ малороссійскихъ языкомъ, но тогда мѣнялись казаки по всей Украинѣ и посѣщеніями и пѣснями; и новая думка, привезенная съ дальней стороны, перенималась скорѣе и радушиѣ чѣмъ вывѣшніе Шубертовскіе романы... И впечатлѣнія отъ нихъ были и проче и сильнѣе. Вотъ и доказательство. Оленочка не выдержала. Зарыдала и завопила:

— Ой знаю, знаю, кого кохю (люблю), знаю... Но не велитъ Богъ и его Святая Вѣра...

— Кого же ты любишь?.. спросилъ Прохоръ и, забывшись, вбѣжалъ въ спальню. Оленочка стояла на колѣнахъ передъ своею Иконою и съ твердостью, глядя на образъ, сказала:

— Тебя Прохоръ! Но вотъ тебѣ крестъ передъ Богомъ, пока я жена Саввы, я вижу тебя въ послѣдній разъ. Прохоръ, прощай! Уходи до дому! Не то я скажу Саввѣ... Я отдалась волѣ Божіей — и это уже грѣхъ, что сказала, что допустила...

И безъ дальнихъ разговоровъ Оленочка встала, схватила за руки Прохора, повернула и вытолкала не только изъ спальни, но изъ сѣней, на тотъ же морозъ, который за минуту заставилъ ее неумѣстно разучиваться. Рязумѣется, остатокъ ночи провела Оленочка не то что въ безсонницѣ, а въ горячкѣ, въ бреду; къ утру приснула, но не надолго... Пришли слуги, достучались, и объявили, что молодой казакъ видно соскучился службой; взялъ съ ковшня гайдамакаго коня воролага и уѣхалъ.

— Слава Богу! сказала Оленочка и съ кроткимъ, благодарнымъ умиленіемъ взглянула на Икону...

Куда же это опять дѣвался Прохоръ? Онъ былъ на послѣдней гулянкѣ, онъ слышалъ, что рассказывали жиды, и пустился за Гайдамаками въ погону... Но не зная дороги, сбился, и попалъ въ Усманьку; тамъ все было тихо, какъ на монастырѣ; весна поврашалась; зелень пробивалась, между прочимъ и на могилѣ Трофима. Мужекой полъ весь былъ въ походѣ, а женщины даже не умѣли объяснить, куда уѣхали казаки. Прохоръ помянулъ брата, поѣхалъ искать казакъ, но не находя слѣдовъ, вернулся; поѣхалъ въ другую сторону; и тамъ ничего не узналъ; опять воротился.

— Лучше же я ихъ подожду здѣсь; когда нибудь да воротятся, такъ говорилъ Прохоръ; но весна прошла; поля засѣяли,

стали бабы и косарей пашинать изъ чужихъ селъ; дошло дѣло и до жатвы; Прохоръ, въ петербургскій сдѣлалъ еще пѣсколко безполезныхъ поисковъ; пожелѣлъ и яровой хлѣбъ; малъ и старъ, все было въ полъ; по пустому селу въ глубокой думѣ прогуливался Прохоръ одинъ однихонекъ. Казаку стыдно было бабскимъ дѣломъ заниматься; на то есть черныя руки; а казакъ на поле гарцуеть, а ве работаетъ; ходилъ Прохоръ, ходилъ, да соскуки до шинка зашелъ, выпилъ *лампочку* доброй перцовки, закусилъ свѣже-просольныи огурцомъ, хотѣлъ опять птти на свою однообразную прогулку, да послышалъ стукъ копытъ; черезъ околце корчмы увидѣлъ на конѣ папа Савву; бросился въ стодолу (корчменный сарай) и зачался за сѣно...

— Чортъ бы ихъ побралъ. Было первое слово Саввы: «Убилъ моего Описима. Не будь Усманька, родина моеи Оленочки, за Описима пожегъ бы я ихъ дома съ землею... А знатно бился Описимъ. Досталось моему тестю. Хотѣлъ зля сгубить, вотъ тебѣ па память. Ну, тутъ намъ понасывать нечего. Перекусимъ, да и дальше. Что то моя Оленочка дѣлаетъ?»

И точно перекусили у жиды, пошумѣли и отправились въ путь... Прохоръ выползъ изъ своей засады и могъ еще видѣть, какъ папъ Савва тянулъ со своими на закатъ солнца; за войскомъ его тянулись возы, покрытые кожами подь охраненіемъ самыхъ отчаянныхъ Гайдамаковъ.

Не успѣлъ Прохоръ проводить глазами папа Савву, какъ съ другой стороны въ Усманьку вступили казаки; перездъ пими на послѣднихъ веси Терешку, взуродованнаго, полуживаго. Но бодрость духа не оставила старика.

— Чтобъ его огонь испекъ, бурчалъ онъ, «чтобъ ему добра не было ни на этомъ, ни па томъ свѣтѣ. Чародѣй погашии... Несите меня до церкви! Тамъ я на него еще Богу пожалуюсь. Вѣрую и поваю, что правому моему дѣлу поможетъ...»

Громко молился Терешко, по молитву его заглушила вопли женшицъ, возвратившихся съ поля...

— Гдѣ мой Андрей? Гдѣ мой Антовъ? Гдѣ мой женихъ, гдѣ братья... Раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Побилихъ Савва, будь онъ проклятъ, отвѣчалъ Терешко: Не журитесь! Отыщемъ мы его берлогу; Богъ научитъ, гдѣ его воронской притонъ.

— Подь Немировымъ! сказалъ Прохоръ: «Тамъ и Оленочка, тамъ и Святая Икона паша; гудя потянулъ и папъ Савва. Я былъ тамъ. Видѣлъ Оленочку, видѣлъ Икону...»

— Ага! воскликнулъ Терешко: «А не говорилъ же я вамъ, что Богъ научитъ. Служи, отче, по битымъ панихиду, а папъ папутственный молебень...»

Но Терешко не дослушалъ службы; взнемогъ; отнесли его въ пустой домъ; Прохоръ сталъ ходить за нимъ, что за отцемъ роднымъ; сообщилъ ему все, не скрылъ даже и любви своей и объясненія... Терешко рвался въ походъ; но самое нетерпѣніе его замедляло выздоровленіе. Тоже не терпѣніе одушевляло и Прохора.

— Папе Терентій! Ты лучше осталься! Мы сами поидемъ!...

— Эге! набѣжалъ онъ на купцовъ кievскихъ; ограбилъ; казаки совѣхъ сторонъ пошла на выручку. Что сдѣлали? Полъ-года гонялся. Чародѣй все насъ обманывалъ, да съ досады, что его па грѣхъ до Оленочки не пушають, въ какое село не придетъ, всѣ пожитки и животы заберетъ, да на первомъ торгу продастъ, да снова въ сторону; мы за нимъ, а онъ у насъ подь носомъ село ограбить, да и уидетъ, сатана его знаетъ, куда. Наскучило казакамъ за чародѣемъ гоняться, да и своего достатка жаль стало.

Мы оди Усманьцы остались; подь самой Усманькой мы дорогу ему загородили; прорвался; теперь уже далеко. Пѣтъ. Не такъ надо. Позову я все казачество; коли уже берлога открыта, пойдутъ всѣ. Да безъ меня не пойдутъ...

Старый Терешко былъ правъ. Когда онъ уже видѣлъ близкую возможность выступить въ походъ, послалъ гошцевъ во всѣ стороны; въ концѣ сентября собралось много казакъ въ Усманькѣ. На канунъ дня, назначеннаго для выступленія въ походъ, Терешко задалъ гулянку въ саду подь черешнями. Отслужили по утру обѣдню и молебствие и поѣхали. Папъ Савва не ожидалъ гостей у себя дома; правду сказать, онъ и не спѣшилъ домой; въ томъ же селѣ, гдѣ вѣнчался, увидѣлъ онъ молодицу, жену богатаго казака.

— Не Оленочка, правда, сказалъ онъ: а все таки больно хороша. Да и присталь къ ней, а того не разузналъ, что папъ Якубъ изъ Немирова къ той же молодицѣ въ гости ѣздитъ и казачье богатство множитъ... Въ Немировѣ папъ Якубъ не встрѣтилъ друга у воротъ. Принялъ холодно и примѣтно обрадовался, когда папъ Савва объявилъ ему, что онъ распустилъ своихъ Гайдамакъ съ добычей по домамъ па зиму; свою долю отправилъ съ хлопцами на усадьбу, а самъ только съ однимъ мальчикомъ къ другу заѣхалъ. Не выдержалъ папъ Якубъ и объявилъ папу Саввѣ свое неудовольствіе. Папъ Савва не промахъ. Сдѣлалъ хлопце коня! Не успѣлъ папъ Якубъ распорядиться, какъ папъ Савва уже былъ въ чптомъ полѣ... Страшная тоска разлилась по сердцу Вольнаго Гетмана. Съ грустью взглянулъ онъ на веселую свою усадьбу. Трепетно ступилъ на крыльцо. На встрѣчу ему высыпала вся челядь и стала поздравлять его... Что такое случилось?.. Родина папи сына... Другой бы обрадовался, а папу стало такъ тяжело, такъ душно, тѣсно, что онъ сѣлъ за столъ и головою поникъ, будто присужденный къ казни... Предчувствіе его не обмануло.

— Гости! Гости! кричала челядь...
— Какіе то гости... дико сказалъ Савва, и въ этотъ разъ не обманулся. Точно страшный гость сталъ па порогѣ. Терешко съ топоромъ, а за нимъ толпа казакъ...

Поздно же вечеромъ, казаки торжественно возвращались уже съ своего дальняго похода. Впереди почетные казаки несли Икону; за нею Оленочка ѣхала въ саняхъ, обѣбокъ съ Прохоромъ, тамъ Терешко и казаки па пикахъ несли трупъ папа Саввы; за нимъ тянулся обозъ, нагруженный богатствами Вольнаго Гетмана; темнѣло, по пути казакамъ освѣщало заревъ Саввиной усадьбы... Папъ Якубъ у воротъ встрѣтилъ своихъ мстителей. И въ другихъ селѣхъ съ такимъ же торжествомъ встрѣчали казачество; а въ Усманькѣ отецъ Прохоръ со крестомъ и слезами привѣтствовалъ шестіе... Терешко опять задалъ гулянку и на гулянкѣ объявилъ Оленочку невѣстой Прохора. Голову Саввы отослали съ почетными гонцами къ отцу Трофима и просили благословенія Прохору... Воротились послы съ самимъ отцомъ. Опять заглушило казачество на свадьбѣ въ домѣ Терешки... Разялялись, разялялись казаки, но больше всего утѣшала ихъ пѣсня, сложеная кочующимъ слѣбцомъ, которую заставляли повторять безпрестанно. Пѣсня дошла до потомства. Мы нашли ее въ собраніи Липиискаго и въ любопытномъ сочиненіи Г. Скальковскаго о Гайдамакахъ. Есть разности и въ текстахъ и въ самыхъ преданіяхъ. Но въ главномъ обѣ согласны, и между собою, и съ отыскавшимъ мною началомъ Легенды.

Пѣсня казакамъ до того нравилась, что они хоромъ повторяли многіе стихи и смѣялись.

Г-жа Пашова. Г-жа Карп.

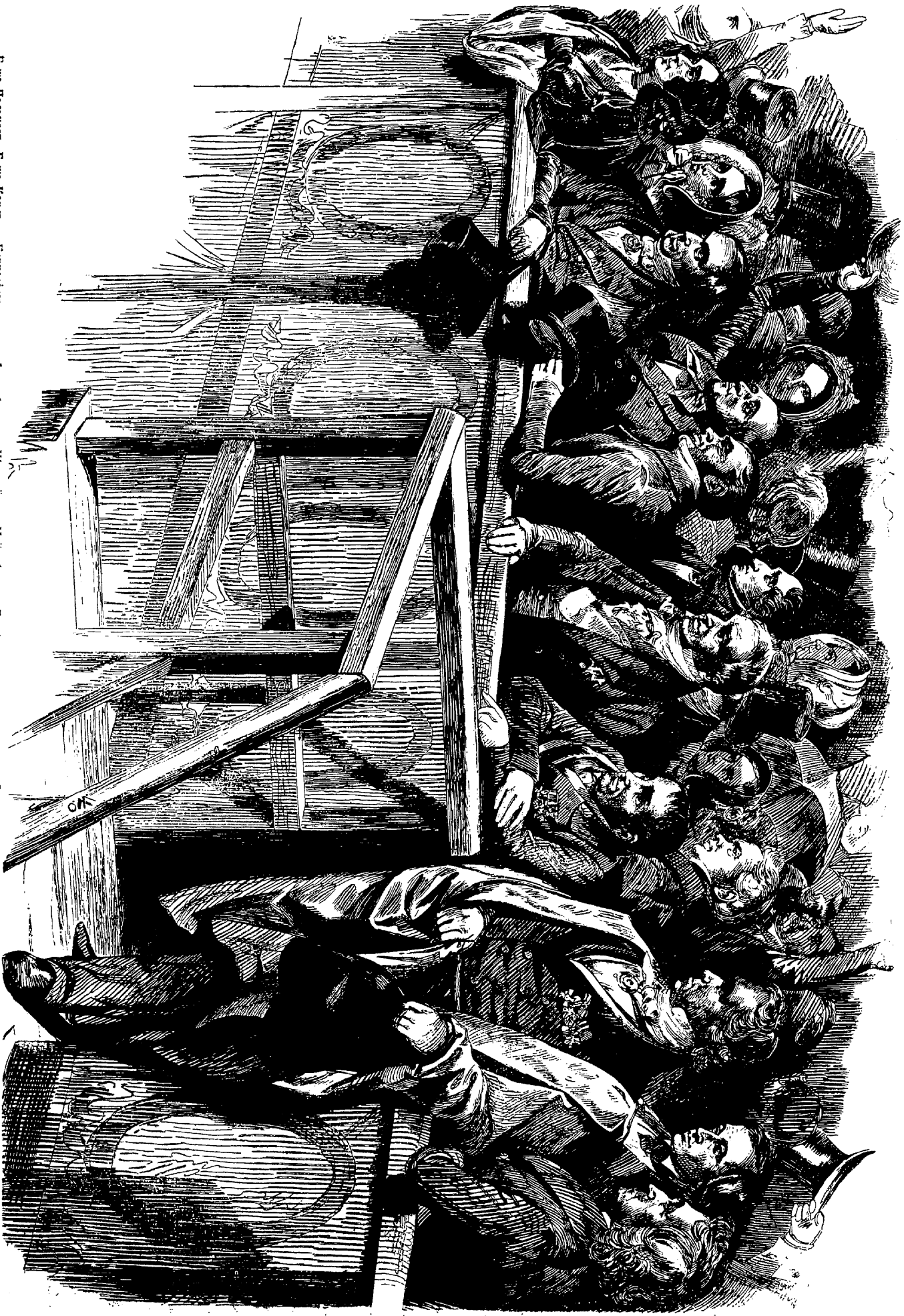
Зубенкова

Шеншина. Мещеряев. Губошаров.

А. Тевс. Шеллинг.

Лухт.

Борис Гринько.

СЛАВЯНСКІЯ ЛІТЕРАТУРЫ.

Огромна семья Славянских народов; — каждый имеет свой язык, изучение коего необходимо для познания всех других славянских наречий. Мы очень мало знакомы с трудами западных наших соотечественников. Чехи сделали много для словенского языка-знания; немало и в других местах, занятых народами славянского происхождения, вышли сочинения, весьма важные для Истории и Литературы Славян; и некоторые труды достойны ближайшего знакомства. В Галиции, в прошлом году, скончался отличный литератор Граф Дунина-Барковскій, весьма в молодых годах. Краткая жизнь его была — достойное учение. Книги — занимали для него все; мертвые образцы поэзии — уничтожили для гр. Дунина всякую живую действительность; он жил как будто за гробом в семье именитых покойников. Стихотворения его весьма уважаются, но для нас более любопытны его переводы древних классиков. Не смотря на молодые лета, он перевел уже большую часть Одиссеи Гомера, Теогонию Гесіода, всего Аполлодора и две книги Геродота. Мы не знаем еще подробных сведений, какие, сверх того, остались в его бумагах переводы древних классиков. Для сравнительного изучения славянских языков, что теперь делается необходимою для каждого русского литератора, желающего изучать язык свой в источниках и в историческом развитии — подобные переводы весьма важны. Помещаем портрет почтенного филолога, снятый с него уже в то время, когда ученыя усилия, разрушивъ здоровье, немаломо влекли его къ могилѣ.

ХУДОЖЕСТВА.

ПРОФЕССОРЪ КРИГЕРЪ.

Когда профессор Кригеръ былъ первый разъ в Петербургѣ, все только и говорили о знаменитомъ живописцѣ; газеты, кажется, также писали о немъ. По крайней мѣрѣ Художественная помѣстала довольно подробную статью о трудахъ этого, во всехъ отношеніяхъ знаменитаго, художника.

Кригеръ опять в Петербургѣ — и о немъ не слышно. Газеты молчатъ; публика — тоже. Чтобы это значило? Неужели Кригеръ съ тѣхъ поръ взялся за искусство, упавъ в художествѣ? О штъ! Тогда онъ съ большою робостію только еще обращался къ портретной живописи; портретъ покойнаго Короля Прусскаго былъ однимъ изъ первыхъ опытовъ Кригера въ этомъ родѣ и опытъ превзошелъ все ожиданія. Въ первое пребываніе Кригера въ Петербургѣ, онъ былъ ослѣпленъ дозволеніемъ испытать силы свои в изображеніи особы Августѣйшей Императорской Фамиліи; портреты эти всѣмъ и всякому извѣстны въ антографіяхъ, которыя свали до нынѣ не лучшія. Въ первое же пребываніе свое въ Петербургѣ, онъ произвелъ около двадцати портретныхъ картинъ, въ натуральную величину, до 50 оконченныхъ портретовъ корпусными красками, около 60 карандашныхъ (мѣловыхъ) совершенно оконченныхъ, множество эскизовъ и, можетъ быть, болѣе ста профильныхъ портретовъ. Онъ создалъ особенный кригеревскій родъ портретовъ. На свѣтло-серой бумагѣ, растущкой, и черными, бѣлыми, желтоватыми и сѣрыватыми мѣловыми карандашами, въ одинъ присѣвъ, онъ окончивалъ портретъ съ невзрачною вѣрностію. — Кригеръ оставилъ послѣ себя въ Петербургѣ между художниками и любителями самое пріятное воспоминаніе. Съ тѣхъ поръ онъ произвелъ много, но лучшими его, колоссальнымъ произведеніемъ почитается большой картанъ, изображающій выходъ Его Величества

(Графъ Дунина).

(Профессоръ Кригеръ).

Короля Прусскаго къ народу во вѣстивніи на престолѣ. Вся картина въ гравюрѣ для иллюстраціи была бы слишкомъ мѣлка; мы помещаемъ только одну группу, потому что она интересна въ высшей степени, представляя весьма схожіе портреты современныхъ берлинскихъ знаменитостей. Первая фигура въ этой группѣ на первомъ планѣ — г-жа Пальцовъ, съ которою уже знакомы читатели Библиотеки для чтенія, какъ съ писательницею романовъ. За нею въ платьѣ — г-жа Карль, возлѣ Корнелиусъ, юнхенскій живописецъ; за нимъ, подливая шляпу, стоитъ Дифенбахъ, знаменитый операторъ, бывший и у насъ въ Россіи; возлѣ Шеллингъ, а за нимъ Мейерберъ въ профиль, которая весьма характерна. Далѣе Гумбольтъ со звѣздою; возлѣ Тикъ; а за Тикомъ Шеллингъ въ профиль, скульпторъ Раухъ въ платьѣ посылаетъ во всю фигуру, за нимъ братья Гриммы.

Поприще такого таланта, какъ Кригеръ, конечно; мы увѣрены, что много, много мастерскихъ произведеній сие выведетъ. Не упустимъ случая ближе познакомить читателей съ его произведеніями. Кригера, по значительности его работъ для Августѣйшаго нашего Монарха, мы считаемъ почти своимъ, и помещаемъ для перваго знакомства, его портретъ, гравированный Барономъ Кютомъ.

И. К.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Теплый дождь окропилъ поля и лѣса, солнышко пригрѣло ихъ и все опушилось свѣжею зеленью...

Кому какая надобность теперь до городскихъ повостей, извѣстій, сплетней? Да и гдѣ взять новостей? Ихъ нѣтъ, рѣшительно нѣтъ, потому что вниманіе всѣхъ обращено уже за городъ. Театры пусты, не смотря на бенефисы любимыхъ публикою артистовъ. Въ бенефисахъ ничего замѣчательнаго, о чемъ бы стоило поговорить. Есть одна грустная новость... Преждевременная смерть вырвала прелестнѣйшій цвѣтокъ, не вопіетъ еще распустившійся, изъ красиваго нашего театральнаго букета! Шлефохтъ умерла, — умерла въ цвѣтѣ лѣтъ, когда ей предстоило такое блестящее поприще... и что отъ нея осталось? Бѣдные драматическіе артисты! Не жалѣйте цвѣтовъ, господа театралы, не жалѣйте рукоукасацій, поощряйте, награждайте тѣхъ, отъ которыхъ къ нѣмотству перейдете — одно имя, и то не всегда!.. Грустно.

Оставимъ театръ, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго; оставимъ даже столпиду, потому что въ ней теперь нѣтъ ничего новаго, и поговоримъ лучше о дачахъ. Нынѣшній годъ дачникамъ раздолье. Куда угодно доvezутъ ихъ omnibusъ и за самую утѣренную плату — одно только нехорошо: вѣстѣ съ размноженіемъ omnibusовъ, т. е. съ облегченіемъ сообщенія, вздорожали дачи, но увьи! въ этомъ случаѣ мы невольно должны повторить съ Емелей Вельмана: нѣтъ добра безъ худа. Вырочезъ это худо выкупается многими выгодами и удобствами.

Бывало въ воскресный или праздничный день бѣдный отецъ семейства, которому дѣла не позволяютъ нанять дачу, цѣлую недѣлю, глотая нѣтъ мечтавъ о воскресеніи и предостояемъ удовольствіи. Паступить воскресенье. Не смотря на то, что провизія, самоваръ и прочія нужны вещи собраны и уложены уже съ вечера, сборы продолжаютъ, однакожъ, довольно долго. Уже утомленные этими сборами бѣдняки отправляются за-городъ, и приходить туда усталые, измученные. Надо отдохнуть. Потомъ надо закупить. Наконецъ, когда представляется возможность погулять — надо идти домой, потому что поздно, дѣти спать хотятъ и ревуть благимъ матомъ; сыро, дѣти простудятся. На другой день у всѣхъ болятъ ноги, все жалуются на мозоли...

Теперь же — угодно вамъ погулять въ прелестномъ саду, поблужать на водахъ, послушать оркестръ Германа, поблужайте въ Полюстрово. Неболѣе какъ въ полчаса доvezетъ васъ туда удобный, споконный omnibusъ, съ которымъ вы можете и возвратиться, потому что онъ ходитъ восемь разъ въ день, а именно: Изъ города въ Полюстрово: утромъ въ 8 и 9 часовъ; а по полудни въ 2¹/₂, 3¹/₂, 4¹/₂, 5¹/₂, 10¹/₂ и 11¹/₂ часовъ. Обратио: утромъ въ 7, 8, 9 и 10 часовъ; а по полудни въ 5¹/₂, 4¹/₂, 9¹/₂ и 10¹/₂ часовъ.

Въ городѣ omnibusъ будетъ стоять на Невскомъ Проспектѣ, у Императорской Публичной Библиотеки.

Такимъ образомъ за 50 коп. серебромъ вы можете съѣздить въ Полюстрово и обратно, даромъ послушать прекраснаго оркестръ Германа и погулять въ саду, гдѣ и простору и великихъ затѣй довольно.

Отъ этого же мѣста будутъ отправляться еще два omnibusъ, за ту же плату, т. е. по 15 коп. серебромъ въ одинъ конецъ, а именно одинъ на Крестовскій, а другой въ Тентелеву Деревню. На Крестовскій, по нашему мнѣнію, одного omnibusъ мало, потому что тамъ слишкомъ многочисленное народонаселеніе. Обитатели Петровскаго, безъ всякаго сомнѣнія, также будутъ пользоваться

этим омнибусом. А сколько домовъ на Крестовскомъ? Это цѣлый губернской городъ. Одна цухонская деревня поглощаетъ цѣлую треть петербургскихъ ремесленниковъ. Впрочемъ, сирасвлинно и то, что эти добрые люди того мнѣннй, что Господь дасть людямъ ноги не только для того, чтобы было на чемъ носить сапоги.

На Крестовскій, а именно въ Чулковскую деревню, омнибусъ отправляется утромъ въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ, а по полудни въ 5 часа, 5 и 11 часовъ. Обратнo: въ 7 $\frac{1}{2}$ и 9 $\frac{1}{2}$ часовъ утра; а по полудни въ 4 часа и 10 часовъ.

Тентелево — другой рай любителей природы. Оно близко отъ города, окружено прекрасными садами и дачами, и защищено отъ пыли, тѣмъ, что лежитъ въ сторонѣ отъ дороги. За Тентелевой деревней находятся поля и болота, гдѣ можно охотиться; тамъ же протекаетъ маленькая рѣчка, Таракановка, по которой между красивыми дачами и маленькими огородами, можно доѣхать до Екатерингофа и до взморья.

Въ Тентелево омнибусъ отходитъ: утромъ въ 9 часовъ, а по полудни въ 3 $\frac{1}{2}$, 5 $\frac{1}{2}$ и 11 $\frac{1}{2}$ часовъ; обратнo: утромъ въ 8 и 10 часовъ; а по полудни въ 4 $\frac{1}{2}$ часа и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Предпочитаете вы Екатерингофъ, со множествомъ близлежащихъ острововъ, на которыхъ цѣлою лѣто слышатся безпрерывные выстрѣлы, или гдѣ затѣяныя лодки на парусахъ и безъ нихъ, въ тихую, а преимущественно въ бурную погоду безпокоятъ морскія волны; любите ли вы морскія сцены, то есть лодки садящіяся на мель или опрокидывающія любителей мореплаванія въ грязь, такъ и въ этомъ случаѣ можно угодить вамъ.

Екатерингофскій омнибусъ, будетъ отъѣзжать отъ Думы: утромъ въ 8 часовъ, а по полудни въ 2 $\frac{1}{2}$, 4 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ; обратнo: утромъ въ 7 и 9 часовъ, а по полудни въ 5 $\frac{1}{2}$ и 9 $\frac{1}{2}$ часовъ. Цѣна также, т. е. 15 коп. серебромъ въ одинъ конецъ.

Неужели этого мало? А между тѣмъ это еще не все. На Невскомъ же проспектѣ, противъ Думы, будутъ стоять еще два омнибуса, одинъ въ Новую Деревню, другой на Черную Рѣчку. Эти омнибусы ходили и въ прошломъ году, и вѣроятно, по этой причинѣ, въ Новой Деревнѣ и на Черной Рѣчкѣ все рѣшительно было занято. Но въ этихъ мѣстахъ ошутительна нѣкоторымъ образомъ близость города. Тутъ проявляется уже мода, со всѣми своими видоизмѣненіями, имсующимися бурнусами, мантильями, кардиналками, матеріями à la и проч., а потому необходимо все влініе чистаго воздуха, живонныхъ береговъ красивой Невы и близости Строгановскаго Сада, чтобы скупа, неразлучная спутница этикета, не воцарилась тамъ полноластной владычицей.

Въ Новую деревню омнибусъ отправляется: утромъ въ 8 часовъ, а по полудни въ 2 $\frac{1}{2}$, 4 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ; обратнo: утромъ въ 7 и 9 часовъ, а по полудни въ 5 $\frac{1}{2}$ и 9 $\frac{1}{2}$ часовъ.

На Черную рѣчку: утромъ въ 9 часовъ; по полудни въ 5 $\frac{1}{2}$, 5 $\frac{1}{2}$ и 11 $\frac{1}{2}$ часовъ; обратнo: утромъ въ 8 и 10 часовъ; по полудни въ 4 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Кромѣ того въ Новую же и Старую Деревню будутъ отъѣзжать омнибусы отъ Большаго Проспекта, по 1-й линіи, на Васильевскомъ Острову.

Въ Новую деревню: утромъ въ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 4, 6 и 12 часовъ; обратнo: утромъ въ 8 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ; а по полудни въ 5 и 11 часовъ.

Въ Старую деревню, чрезъ Петровский, Крестовскій и Еланскіе: утромъ въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 5, 5 и 11 часовъ; обратнo: утромъ въ 7 $\frac{1}{2}$ и 9 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 4 и 10 часовъ.

Во всѣхъ этихъ омнибусахъ мѣста стоятъ — 15 копѣекъ серебромъ. Кажется, нельзя дешевле, а между тѣмъ никто въ убытокъ не будетъ, и публикѣ удобно и выгодно и содержатели съ пользою употребляютъ свой досугъ и свое достояніе. Ненормально воскликнуть:

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ.»

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ дороже и платитъ

надо. Перейдемте же къ двадцатипяти копѣечному дилижансу, пренебрегающему названіемъ омнибуса, которое хорошо для възду, но не для кушелевскаго 18-ти мѣстнаго, который будетъ ходить въ столицу и обратно пять разъ въ день, а именно:

Изъ Кушелевки: утромъ въ 8 часовъ; по полудни въ 2, 6 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ; изъ столицы: утромъ въ 9 $\frac{1}{2}$ и 12 $\frac{1}{2}$ часовъ; а по полудни въ 4, 8 и 12 часовъ.

Мѣста, неизвѣстно какимъ образомъ, раздѣлены на общія и особенныя; за первыя 25, а за вторыя 55 коп. серебромъ. Дороговию, въ сравненіи съ другими, по утѣшителъ, читатель и читательница, за то вы будете снѣтъ только съ персонами, какъ весьма остроумно выражается графъ Соллогубъ; съ одними персонами, въ чистѣйшихъ мантильяхъ и новомоднѣйшихъ пальто, потому что кушелевскій дилижансъ не принимаетъ внутрь, ни простоложниковъ, ни лакезевъ; для нихъ имѣются мѣста противъ кондуктора и на козлахъ, возлѣ кучера. Чинно, благопріятно.

До сихъ поръ мы не слишкомъ удалялись отъ города. Отправимтеся дальше. Одинъ изъ лучшихъ и, безъ всякаго сомнѣнія, выгоднѣйшихъ для содержателя дилижансовъ, есть Александровскій. Онъ идетъ отъ Гостиного Двора во весь конецъ Невского Проспекта, мимо Невского Монастыря, Стрѣлянаго, Чулковнаго и Фарфороваго заводовъ, до села Александровскаго (что противъ Мануфактуры), и за все это пространство платятъ не болѣе какъ 25 коп. серебромъ, на общихъ мѣстахъ, а 55 коп. серебромъ на особенныхъ, устроившихъ для лицъ. (См. Записки Петербургскаго Жителя).

Кромѣ того съ 1-го іюля заведеніе Александровскихъ дилижансовъ доставитъ живущимъ въ Мурзинкѣ, Рыбацкомъ, на Буяковскѣхъ и въ Саратовской Колоднѣ, удобное и дешовое средство сообщенія со столицей. Изъ села Александровскаго въ извѣстные часы будетъ ходить крытый омнибусъ два раза въ день, въ тѣ самые часы, когда приходить и отходитъ Александровскій дилижансъ, такъ что пассажирамъ безостановочно можно будетъ продолжать путь. Цѣна мѣстамъ въ омнибусѣ изъ Александровскаго до Рыбацкаго 20 коп. серебромъ.

Изъ Александровскаго въ Рыбацкую будетъ отправляться омнибусъ: въ 10 $\frac{1}{4}$ часовъ утра и 8 $\frac{1}{4}$ часовъ вечера; обратнo: въ 11 часовъ утра и 9 часовъ вечера.

Прекрасно придумано! Многие ли изъ петербургскихъ жителей знаютъ деревни, селенія и колонию, о которыхъ мы упоминали? А между тѣмъ какъ онѣ живописны и какъ пріятно глазу отдохнуть на безъискусственной природѣ, послѣ вычуры и затѣй садовниковъ безъ вкуса и малѣйшаго эстетическаго чувства, стригущихъ, обрѣзающихъ деревья и брѣвншкъ, такъ сказать, траву! Съ помощью омнибусовъ и дилижансовъ мы можемъ бѣжать отъ этихъ садовъ въ лѣса.

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ.»

Всѣ живущіе на дачахъ, по Петергофской дорогѣ до самаго Сергѣевскаго Монастыря, будутъ имѣть удобное сообщеніе съ городомъ. Большая непріятность, которой подвергаются тамошніе дачники, есть та, что въ хорошую погоду по этой дорогѣ ужасная пыль, а въ дурную грязь по колѣна; но за то окрестности прекрасны. Сергѣевскій дилижансъ отправляется ежедневно отъ Казанскаго Моста въ 8 часовъ утра, а отъ Серія въ 2 $\frac{1}{2}$ часа; накануне же воскресныхъ и табельныхъ дней онъ отправляется еще отъ Казанскаго Моста въ 5 часовъ, а отъ Серія въ 9 часовъ вечера; цѣна 50 коп. серебромъ въ одинъ конецъ.

Мы объѣздили всѣ окрестности Петербурга и нарочно въ заключеніе оставили — Парголово. Туда выскутъ дачниковъ ни музыка, ни каютные пласуны, ни подстриженные деревья, ни гулянья съ фешерверками, — а сама природа! Чистый, здоровый воздухъ, прелестное мѣстоположеніе, озера, лѣса, горы и множество деревень, живописно разбросанныхъ по холмамъ. Въ Парголовѣ и въ той мѣрости, которую отличаютъ почти всѣ наши

дачи, и вообще самые домики выстроены какъ-то прочнѣе, не ситомъ. Наконецъ и послѣднее неудобство Парголово, отдаленность отъ города, устранена заведеніемъ двухъ 12-ти-мѣстныхъ дилижансовъ, которые будутъ ежедневно ходить изъ Парголово на Спасскую мызу, и двухъ 18-ти мѣстныхъ, которые будутъ ходить изъ Спасской мызы въ столицу и обратно, въ слѣдующіе часы:

Изъ Петербурга въ Спасскую мызу: утромъ, въ 9 и 10 часовъ; по полудни въ 2, 4, 6, 7, 11 и 12 часовъ; изъ Спасской мызы въ Парголово: утромъ въ 8 и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 3, 5, 7, 8 и 12 часовъ.

Обратнo: изъ Парголово въ Спасскую мызу: утромъ въ 6 $\frac{1}{2}$, 10 $\frac{1}{2}$ и 11 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 5 $\frac{1}{2}$, 4 $\frac{1}{2}$, 8 $\frac{1}{2}$ и 9 $\frac{1}{2}$ часовъ; изъ Спасской мызы въ столицу: утромъ въ 7 $\frac{1}{2}$, 8 $\frac{1}{2}$, 11 $\frac{1}{2}$ часовъ; по полудни въ 12 $\frac{1}{2}$, 4 $\frac{1}{2}$, 5 $\frac{1}{2}$, 9 $\frac{1}{2}$ и 10 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Цѣна изъ Столицы въ Спасскую мызу 25 коп. серебромъ; и изъ Спасской мызы въ Парголово 25 коп. серебромъ.

Не дорого; но тутъ представляется вопросъ: если, напримѣръ, вы имѣете въ столицѣ дѣло, пертерпяете отлагательства, садитесь въ Парголово въ дилижансъ, положите, хоть въ половинѣ одиннадцатаго, прѣѣзжаете въ Спасскую мызу, а тамъ въ немедленнo отъѣзжаете дилижансъ въ мѣста заняты — что тогда? *Allez vous promener!* Предлагаемъ этотъ вопросъ господамъ вдовѣдителямъ; пусть они разовѣютъ его на потѣху публики Александровскаго Театра.

Кажется, теперь въ дилижансы? Нѣтъ, впрочемъ, если хотите еще дальше бѣжать отъ петербургской пыли, сплывите на пароходѣ *Елизавета*, отъѣзжающей отъ Англійской Набережной два раза въ день, а именно въ 9 часовъ утра и въ 4 часа по полудни. За 80 или 40 коп. серебромъ, смотря по вашему желанію, вы прѣѣдете въ Петергофъ. Едва вступите вы на пристань, какъ увидите два дилижанса, проталкивающіе къ вамъ руки. Выберите любой, первый за 50 коп. серебромъ доставитъ васъ въ цѣлости въ *Ораніенбаумъ*; онъ отходитъ ежедневно, послѣ каждаго прибытія парохода. Другой отвезетъ васъ въ лечебное заведеніе *Лонгунки*; онъ отходитъ изъ Петергофа только по средамъ и субботамъ; возвращается же изъ Лонгунки по понедельникамъ и четвергамъ. На пути дилижансъ будетъ останавливаться на полчаса, въ *Гостиницѣхъ*. Цѣна по 2 рубля серебромъ съ персоны, лица или особы безъ различія.

«Хвала и благодарность тѣмъ, которые употребляютъ свой досугъ и достояніе на доставленіе недостаточнымъ людямъ средства также подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ.»

Странно подумать! Чего добраго, какъ прѣвсѣхъ этихъ неудобствъ сообщенія въ какой нибудь воскресный или табельный день опустѣтъ Петербургъ... тѣмъ болѣе что наконецъ, даже свѣршнѣйшимъ противникамъ омнибусовъ и дилижансовъ будетъ средство погулять, повеселиться и даже побывать на водахъ, не выходя изъ города, а именно въ заселеннѣ, находящемся на границѣ Петропавловской Крѣпости; тамъ, каждый день отъ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера можно пользоваться императорскими ваннами...

Петербургъ такъ совершенствуется, что скорѣе не-зачѣмъ будетъ бѣжать за границу; но — увы! Какъ волка не корми, а ояъ все смотритъ въ лѣсъ...

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Ужасъ, что я вижу? Во французскихъ иллюстраціяхъ являющіяся каше! Взрять ли глазамъ моимъ? Нѣтъ, вѣрно послѣдній пушерь французскихъ иллюстрацій поддѣлывалъ Ивцы и подослаивъ сюда. Постойте, постойте, а эта что? Телескопъ Лорда Росса. Это изъ англійскихъ иллюстрацій; но какъ въ томъ нужда. Унасъ и въ губерскихъ вѣдомостяхъ можно найти такъ много хорошаго. Вотъ, напримѣръ у насъ знаменитыя газеты проявляютъ только перепечатками изъ губерскихъ вѣдомо-

стей. — Да что грѣха таить; Иллюстрація и сама странствує по губерніяхъ, и занимательнѣйшее занимаетъ. Нѣтъ тутъ худа, какъ говорилъ одинъ изъ пресловутыхъ учениковъ Карамзина и друзей Грибоѣдова и Пушкина, которыхъ, между прочимъ, онъ видѣлъ случайно одинъ разъ на петергофскомъ гуляньи. Нѣтъ тутъ худа, и чудовищный телескопъ Росса достоинъ всякаго вниманія. Диаметръ большаго зеркала имѣетъ 6 англ. ф. Ночью, 5 марта, Лордъ Россъ, докторъ Робинсонъ и Джемсъ Сутъ забавлялись созерцаніемъ неба въ этотъ телескопъ — и послѣдній раскричался отъ восторга; онъ увѣрился, что его ахроматическая труба, въ сравненіи съ этимъ телескопомъ, тоже что вооруженный глазъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ зрѣніемъ, безо всякаго орудія. Все это удивительно, но не такъ еще какъ новое изобрѣтеніе, о которомъ *Mechanic's Magazine* говоритъ съ увѣренностію, и велитъ насильно вѣрить, а вѣрить не хочется. Представьте (*Tu viscum!*) труба, посредствомъ разставленныхъ на извѣстныхъ разстояніяхъ паровыхъ машинъ, переноситъ письма на сто миль въ часъ, съ дѣственно въ день на 2 400 миль. Корреспонденты приходятъ въ отчаяніе. Они не будутъ успѣвать отписываться. Ихъ горе умножается еще и тѣмъ, что устройство этой почтовой трубы стоитъ 150,000 франковъ на мѣсяцъ. Изобрѣтатель Г. Джемсъ пусть прежде выдумаетъ машину, какъ поскорѣ думать и писать, а тогда уже пересылать произведенія мысли и пера. — Что, еслибы такую трубочку провести изъ Петербурга въ Одессу. Можно бы мѣнялись извѣстиями, по крайней мѣрѣ, развъ день. Правда писать нечего; но еслибы завелась такая трубочка, завелся бы и извѣстія.

Въ Редакцію поступили на сихъ дняхъ слѣдующія статьи: Анекдотъ о князѣ Багратионѣ, рассказанный А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. О пневматическихъ почтахъ, Н. А. Амосова. Соціальная церковь въ Константинополѣ и Балканы, Е. П. Ковалевскаго. Елена, рассказъ А. П. Струговицкова. Чужая голова — темный лѣсъ, повѣсть Е. П. Гребенки. Очерки Ораніенбаума — Л. А. Кавелина. Стихотворенія и Лихорадка, повѣсть А. И. Пальма, Лѣтній Садъ — повѣсть Н. Кукольника.

Извѣстный композиторъ нашъ А. С. Даргомыжскій возвратился изъ путешествія. Письма его съ дороги заключаютъ чрезвычайно много интереснаго; Редакція получила обязательное дозволеніе помѣщать въ Иллюстраціи извлеченіе изъ этихъ занимательныхъ писемъ, чѣмъ и не замедлитъ воспользоваться.

Критикусы, которымъ изо всей мочи хочется, бранить Иллюстрацію, рѣшились судить теперь о художествахъ. Ихъ храбрость изволитъ называть передъ лицомъ всей Русской публики, что гравюры въ Иллюстраціи дубочныя. Это безъ сомнѣній относится къ работамъ Барона К. К. Клода и Дерикера, исполняющихъ гравюры со всею совѣстливостію и тщательностію. Мы помѣщаемъ теперь такіе же *любочныя* картинки Киссегена и группы изъ картины Кригера. Не выдаемъ себя за знатоковъ и всезнаекъ, но ужъ утвердительно можемъ сказать, что оныя *Русскіе* критикусы, по представленнымъ образцамъ своего вкуса, съ такою же вѣрностію могутъ судить о художествахъ, какъ судили до нынѣ о *кляни* и *музыкѣ*. Извѣстіе, что картинки въ Иллюстраціи *любочныя*, не должно удивлять людей знающихъ. Тѣ же *Русскіе* критикусы недавно печатно объявили, что Давидъ поэтъ теноромъ. Не правдали, это уже храбрость! Возвышая достоинства пѣвца, отъ чего же не возвысить и его голоса на цѣлый диапазонъ? Аось повѣрятъ!

Лѣтомъ не только у насъ, но и за границей большой недостатокъ въ извѣстіяхъ и новостяхъ; но

иностранные, а особенно французскіе журналы хитрѣе и смысленнѣе насъ. Вы потребуете отъ насъ новостей, и мы, въ простотѣ душевной, отвѣтимъ вамъ:

— Гдѣ же ихъ взять?

Похожую ошибку, *bévue*, Французъ никогда не сдѣлаетъ. Для Французовъ въ мірѣ нѣтъ ничего новаго, говоритъ Альфонсъ Каррѣ въ своихъ «Осахъ», а потому у нихъ всегда есть новости, даже тогда, когда ихъ нѣтъ. Загадочно, но очень просто. Кстати мы упомянули объ Каррѣ, неустрашимомъ обличителѣ тайнъ не одного Парижа, но цѣлой Франціи; вотъ какъ онъ объясняетъ способъ французскихъ журналовъ добывать новости:

«Во первыхъ, когда у нашихъ журналовъ нѣтъ рѣшительно никакихъ новостей, то они обращаются къ запасному шкафу, въ которомъ валяются книги, прсланные въ редакцію за полгода, и которыхъ она не удостоила никакого вниманія. Послѣ ловкаго введенія, книги эти разругаютъ плу расхвалитъ, смотря по обстоятельствамъ.»

«Такъ какъ недостатокъ въ извѣстіяхъ бываєтъ каждый годъ всегда почти въ одно и то же время, то всегда можно встрѣтить слѣдующія двѣ новости:

«Тридцатилѣтняя женщина родила 14 мая, въ Казнѣ, двадцатаго ребенка. Она три года тому назадъ вступила во вторичный бракъ. Старшая дочь ея вышла за брата втораго ея мужа; слѣдовательно она приходится извѣткою своей дочери, бабушкой и вѣтвѣ теткой своей внучкѣ; дочь же ея приходится теткой своимъ роднымъ братьямъ и сестрамъ; а новорожденный приходится дядей своей теткѣ.»

«Недавно трехлѣтній ребенокъ упалъ въ Марлу; по близости не было ни одного человѣка. По счастью тутъ случился пудель, который тотчасъ же бросился въ воду, успѣвъ схватить ребенка и счастливо вынесъ его на берегъ. Умная собака такъ осторожно схватила малыютку, что на всесмѣтлѣе его не оказалось признака зубовъ.»

«Р. S. Третьяго года ребенокъ упалъ въ Лоару, а прошлаго въ Сену; но за то прошлаго году пудель слегка укусылъ его въ руку.»

«Въ это глухое время нустьшіе стишки, *первая помысли, майскіе цветы, мой мечтъ, первые порывы* и проч. и проч., заслуживаютъ вниманія. Журналы говорятъ объ нихъ — хорошо или дурно, смотря по обстоятельствамъ.»

«Это самое удобное время для выполненія подвиговъ. — Въ обыкновенное время, сытное, спасите кому угодно жизнь, журналы промолчатъ. Въ голодное время, скажите прохожему, что онъ потеряетъ носовой платокъ, захѣтѣте дамѣ, что

у нея развязался башмакъ, — и ваше имя появится во всѣхъ газетахъ, съ подробнымъ описаніемъ челолюбиваго подвига, и приличными похвалами оной.»

Скажемъ еще, что это *глухое* и *голодное* время теперь пменно наступило для иностранныхъ журналовъ, и читатели простятъ намъ, что мы разсказываемъ такъ мало новостей.

Бюетъ покойнаго поэта и драматическаго писателя, Казимира Делавина конченъ. Онъ будетъ поставленъ въ королевскомъ французскомъ театрѣ, въ Парижѣ. Делавинъ окончивалъ курсъ въ университетѣ, по юридическому факультету. Но ему было не до изученія свода законовъ: съ молодѣтства онъ полюбилъ поэзію и писалъ стихи, сначала довольно плохія. Одинъ изъ друзей Казимира былъ друженъ съ Андриѣ, однажды, далъ ему прочесть стихи молодого человѣка.

— Что ему за охота заниматься этимъ вздоромъ! отвѣчалъ Андриѣ; пусть онъ лучше прилежитъ займется своимъ дѣломъ и сдѣлаетъ хорошимя адвокатомъ!»

Нѣсколько времени спустя, ему опять принесли одинъ изъ первыхъ, уже не дѣтскихъ опытовъ Казимира, стихи на *рожденіе римскаго короля*. Андриѣ прочиталъ ихъ внимательно, пожалъ плечами и сказалъ:

— Нѣтъ, теперь я самъ вижу, что ему хоть запрепай, хоть не запрешай, а онъ таки-себѣ будетъ писать стихи, потому что онъ, негодній, самъ чувствуетъ, что они хороши! Приведите его ко мнѣ.

Съ тѣхъ норъ Андриѣ заботился о молодомъ поэтѣ какъ отецъ.

Фредерикъ Деметръ, знаменитый парижскій трагикъ, провѣлъ весь апрѣль въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ огромнѣйшій успѣхъ. Завистники ли, или *голодные* журналы, распустили слухъ, что Деметръ, игралъ роль плута, негодья, Робертъ-Макера, привѣсилъ на локотья свои крестъ Почетнаго Легіона. Возвратившись въ Парижъ, Деметръ немедленно послалъ въ *Journal des Débats* письмо слѣдующаго содержания:

«Господишь редакторъ,
«Фельетонъ журнала *Débats*, который я не хочу и не имѣю права обвинять въ злому протраву меня умыслъ, получивъ ложное извѣстіе о томъ, что въ роли Робертъ-Макера было у меня на груди. Яслышкомъ уважаю знакъ отпачи, которымъ удостоиваютъ достойнѣйшіе изъ моихъ соотечественниковъ: на груди у меня былъ не крестъ Почетнаго Легіона, а простая жестяная медаль, на желтой, черной и розовой ленточкѣ. Надѣясь, что никто не усомнителъ въ справедливости моихъ словъ, я, для большаго удовольствія, могу представить свидѣтельства моихъ товарищей, игравшихъ въ этой пьесѣ вѣтѣ со мною.»

Пишутъ, что въ началѣ іюня Джени-Линдъ собирается въ Парижъ. Тамосніе судьи готовятъ строго судить милую и даровитую артистку, очаровавшую всю Германію.

Въ Гаврѣ былъ актеръ, которому директоръ давалъ довольно значительныя роли по какият-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ. Публика терпѣть не могла этого актера, но не смотря на свистки, пи на вареный картофель, которымъ бросали въ него, онъ все-таки появлялся въ значительныхъ роляхъ. Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго вѣсна, публика подняла страшный шумъ и настоятельно требовала, чтобы актеръ немедленно сошелъ со сцены и не смѣлъ болѣе на ней являться. Възбѣшенный актеръ выбѣжалъ на авансцену, показавъ зрителямъ кулакъ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Вы всѣ скоты! — и исчезъ.

По счастию оный въ тотъ же вечеръ успѣлъ скрыться и уѣхать изъ Гавра, а не то ему пришлось бы плохо.

Скрибъ и Оберъ написали новую комическую оперу, *Баркаротта*, которая имѣеть блистательный успѣхъ въ Парижѣ.

Понсаръ, авторъ расхваленной *Лукреціи* написалъ еще трагедію *Анжеса де Мерони*, которая, вѣроятно, будетъ играна не ранѣе какъ осенью.

Рашель, въ началѣ іюня, уѣзжаетъ на все лѣто изъ Парижа. Она намѣрена дать представленія въ Марселли, Ліонѣ и Нанси. Кромѣ того она ангажирована на шесть представленій въ Балеви, театр котораго, по этому случаю, перестропаютъ; новыя декорации заказаны знаменитому Чичери.

Въ Парижѣ выбита медаль въ честь драматической писательницы госпожи Анелю, жены академика и директора вадсвилляго театра. Съ одной стороны медали сдѣланъ портретъ писательницы, съ надписью: *Virginie Ancelot*; съ другой стороны изображены кисть и перо, свѣзанныя ленточкой п надписью: *Mores enihit et vultus*. Госпожа Анелю занимается также живописью.

Носятся слухи, что госпожа Жоржъ-Зандъ написала либретто для оперы, взявъ сюжетъ изъ своего романа *Consuelo*, и что Шопель пишеть къ нему музыку.

По приказанію правительства въ Нассаускомъ Герцогствѣ, на водахъ, закрыты все игорные дома.

Знаменитый дрезденскій мостъ, съ изумительно смѣлостію перекинутый чрезъ Эльбу, разрушается. Сильный ледъ, шедшій вывѣшено весною по Эльбѣ, поколебалъ основаніе моста. Ишутъ, что на дняхъ двѣ арки значительно покривились.

Гг. Бальзакъ, Альфредъ Мюссе и Фредерикъ Суаль получили орденъ Почетнаго Легиона. Вотъ объемъ кричать газеты: что эти литераторы орденовъ не просили, а имъ дали таки безъ просьбы. Это въ самомъ дѣлѣ и удивительно и назидательно. Подобные примѣры рѣдки, и сдѣловало бы къ этимъ непростительнымъ орденамъ прибавить еще знаки для отлнчія.

Во французской академіи споръ: кому дать награду, назначенную за трагедію, лучшую изъ написанныхъ въ 10 лѣтъ. Какъ бывы дураки за кѣтъ остался споръ? За Лукреціей Понсара и Калпугулой Дема. Видно великая нація истощилась по трагической части.

АНЕКДОТЫ.

1.

Одному провинціалу, въ первый разъ прѣхавшему прошлаго зимою въ Петербургъ, пріятель одолжилъ билетъ въ кресла на одно изъ представній италіанскихъ оперъ. На другой день провинціалъ пршелъ благодарить пріятеля.

— Ну что, спросилъ послѣдній, понравилась ли вамъ опера.

— Я въ музыкѣ не большой знатокъ, скромно отвѣчалъ провинціалъ, только должно полагать, что на мою бѣду, вчера пѣвцы и пѣвницы очень дурно исполнили свое дѣло. Ни одной пѣсни не

могли спѣть сразу; все почти заставляли ихъ повторять.

II.

Какой-то плохой писакъ сказалъ однажды г. ***: — Повѣрите ли, мой книги, въ теченіи года, разошлось два изданія, между тѣмъ какъ вашего романа и поволну не раскупили!

— Неудивительно! отвѣчалъ г. ***: нѣтъ никакого сомнѣнія, что ежегодно въ десять тысячъ разъ болѣе сѣдаютъ жолудей, нежели ананасовъ; но дѣло въ томъ — кто ѣсть жолудя?

III.

Малороссіянинъ шелъ однажды съ жидомъ изъ деревни въ городъ. День былъ жаркій, нати было далеко. Дорогой они зашли въ корчму, выпили водки и отдохнули. Собираясь нати дальше, малороссъ сталъ рыться въ карманахъ.

— Жидъ бисъ! вскричалъ онъ; я забуду взять денегъ съ собой; а будь же такъ добръ, Шмуль, заплати за меня, я тебѣ въ городѣ отдамъ.

— Ази гдѣ же ты тамъ возьмешь?.. спросилъ жидъ.

— Сѣдуетъ получить.

— Ази дай закладъ.

— На, возьми корзину съ личиной, которую я несу въ городъ.

— Хорошо, только я презде корзины не отдамъ, пока ты не отдашь денегъ.

— Ладно, ладно.

Жидъ заплатилъ, взялъ корзину и вмѣстѣ съ малороссомъ пошелъ дальше.

Прибывъ въ городъ, малороссъ остановился.

— Постой, Шмуль, сказалъ онъ жиду, вынимай изъ кармана деньги, которые онъ ему задолжалъ: вотъ тебѣ твои деньги; спасибо за то, что ты пронесъ корзину. Она мнѣ плечи отдавила.

ПЕРЕПИСКА.

Л. С. И. — Новѣсть ваша принята быть не можетъ по объему. До сей поры Редакція только въ одной необходимости раздѣляетъ новѣсти, но не болѣе какъ на два номера. Отъ субботы до субботы легко можно забыть связи происшествій. Если иллюстрація по какому либо случаю будетъ выходить въ кратчайшіе сроки, то съ удовольствіемъ помѣстимъ эту новѣсть, но для того требуется ваше разрѣшеніе.

Г-ну В-ву. Эпиграмма ваша несравненно лучше печатной, на которую служить отвѣтомъ. Но Редакція никакихъ личностей не допускаеть, а это была бы уже почти личность. И за чѣмъ обращать вниманіе на стишонки безъ смысла, обнаруживающіе только безсилную злобу на всѣхъ. Есть люди которые до того нерасчетливы, что не умиютъ скрыть своихъ недостатковъ. Кто нибудь напишетъ два три слова о какой либо слабости, или пороку, они тотчасъ принимаютъ ихъ на свой счетъ. Э жъ лучше бы молчать; мы невидимъ, не встречаемъ во всей нашей литературѣ ни какихъ эпиграммъ, а ужъ и того менѣе памфлетовъ ит. п. А люди обижаются. Право странно. Отъ чего бы это?

Л. А. К-ну. Въ Ораниенбаумѣ. Отвѣтъ пайдете въ началѣ Сѣмси, а здѣсь примите признательность Редакціи. Другой отвѣтъ получите по необходимости черезъ почту.

Ам. С. И. Извините! Редакція не возвращаетъ присылаемыхъ для иллюстраціи статей! Дѣло невозможно! Досихъ поръ получено до трехъ сотъ, изъ коихъ пришлось бы отослать до двухъ

сотъ осьмидесяти. Но если вамъ угодно, статья ваша будетъ сохранена и отдана тому, кому лично взять ее изъ Редакціи вы поручите.

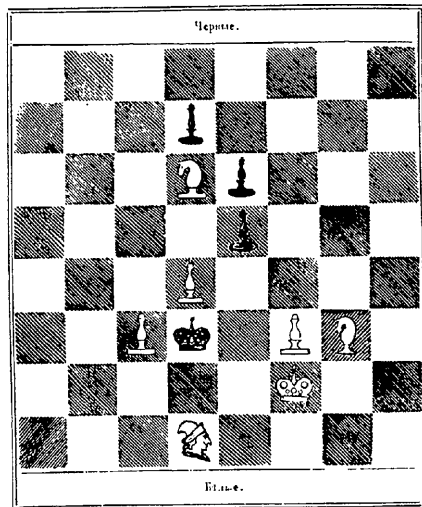
ШАХМАТЫ № 6.

БѢЛЫЕ. ЧЕРНЫЕ.

- 1) Сл. на 3 вл. К.
2) Сл. на 6 вл. евно.
3) К. на 8 вл. Л.
4) Кор. на 4 вл. Сл.
5) Кор. на 5 вл. Сл.
6) Н. на 6 вл. евно.
7) К. на 4 вл. Сл. — и матъ.

ЗАДАЧА № 7.

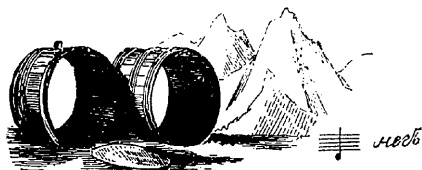
БѢЛЫЕ ходять, и даютъ матъ въ девять шаховъ.

ЗАГАДКИ.

Мы нашли псевдоблнныя помѣщать двойныя загадки съ разгадкою каждой части особю; а потому разгадка № 6 будетъ помѣщена съ разгадкою № 8, а здѣсь помѣщаемъ вторую половину разгадки № 5.

ЗАГАДКА № 7.

ШАРАДА № 1.

1) Моль 2) сръ 3) Мольеръ.

ШАРАДА № 2.

Первое мое заключаетъ въ себѣ ни болше ни меньше 40. Впрочемъ, если угодно, то ни болше ни меньше 1280, если и этого мало — то ни б. ни м. 3840.

Второе мое въ иностранномъ счисленіи безъ числа — равно 41.

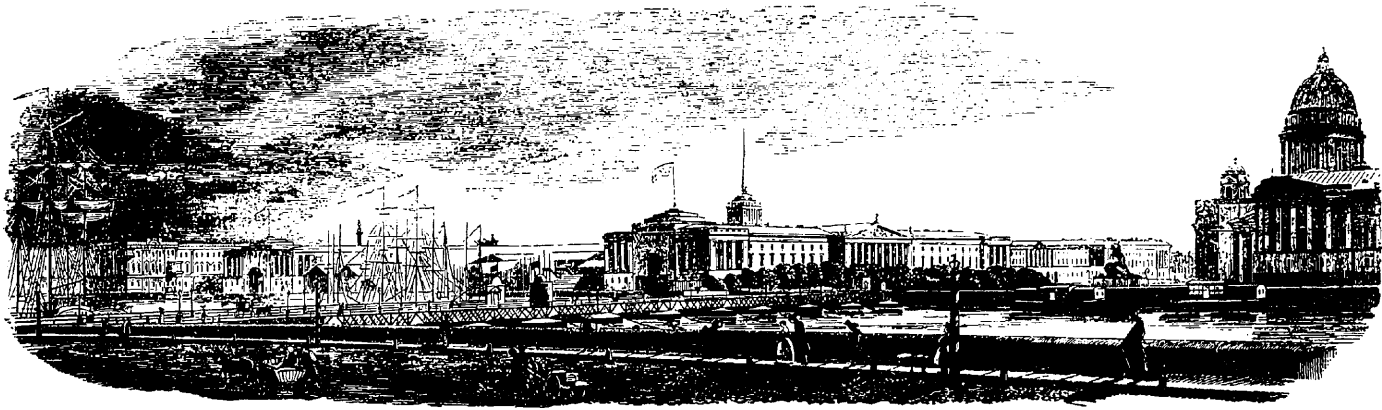
Цѣло — стригутъ и мочтъ, но оно само заливается.

СОДЕРЖАНІЕ: Таріель, Барсона-кожа. Поэма. (Окончаніе). — Записки Петербургскаго жителя. Графа Солоуба. — Киссингенъ. — Сказка объ Иванѣ парничѣ и царь-дѣвкѣ, гусяльзъ самогулазъ, скатерть-хлѣбосользъ, самогалъ-самоходазъ, и вѣнокъ невидимъ. (Окончаніе) И. Полегаю — Вольный Гетманъ Панъ Савва. Красноурская Легенда Н. Жуковльнича. — Славянскія Литературныя, — Художества. Анекдоты. — Перениска. — Шахматы. — Загадка. — Шарда. — ГРАВИОРЫ: Пейзажи Раюнди въ Киссингенѣ. — Домъ для общаго собранія въ Киссингенѣ. — Зала, гдѣ пьютъ воды. — Памфиловъ. — Панъ Савва — плащъ црвюръ. — Картина Крнгеря. — Портретъ грава Дунина Барковскаго. — Портретъ Крнгеря. — Шахматы. — Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯШНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 8. — Суббота, 26 Мая 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЧУЖАЯ ГОЛОВА — ТЕМНЫЙ ЛѢСЬ.

Если вы разъ проѣзжали городъ Б., то вѣрно его помните; онъ хотя и стоитъ на большой дорогѣ, однако мало измѣнилъ свои первобытныя формы; въ немъ еще много домовъ, напоминающихъ терема, вышки и переходы, рѣзные, настекленные, много еще ходитъ женщинъ подъ азіатскими покрывалами, много разныхъ обычаевъ, напоминающихъ времена, по крайней мѣрѣ, Царя Алексѣя Михайловича; но если вамъ эти отличія города Б. не бросились въ глаза, то вѣрно вы никогда не забудете ведущей въ него дороги, особливо если ѣхали лѣтомъ. Отъ послѣдней станціи до города 20¼ версты, зато количество, по крайней мѣрѣ, берутъ съ васъ прогоны, хотя на верстахъ написано только 18, а ямщики считаютъ 25, на какомъ основаніи? сами не знаютъ. — Отъ станціи ¼ версты идетъ прекрасная дорога по твердому глинистому грунту, который только весной и осенью, да еще лѣтомъ, во время дождей, растворяется въ непроходимую липкую грязь. Далѣе, верста около десяти, идетъ дорога листовымъ лѣсомъ, вашъ экипажъ безпрестанно прыгаетъ по корнямъ, ползущимъ поперегъ дороги, и вдругъ, верстахъ въ десяти отъ города, только что вы проѣдете красивый постоялый дворъ съ зеленымъ рѣзнымъ пѣтухомъ на кровлѣ, вашъ экипажъ перестаетъ прыгать и мягко покатится, словно по подушкѣ: васъ обдастъ бальзамической смолистый воздухъ; вамъ любо, но не радуйтесь; вы вѣхали въ сосновый боръ; ямщики кричатъ, суетятся, хлопаютъ арапниками, ничто не помогаетъ, усталые лошади въ силу бредутъ, какъ по водѣ, по сыпучему песку, и такъ дорога тянется до самой городской заставы Б. Если день жаркій и вы, притомъ, нетерпѣливы, то ѣзда становится своего рода пыткой; лошади останавливаются, мелкая песчаная пыль ѣстъ ваши глаза, душливый смолистый воздухъ давитъ вашу грудь, впереди тянется длинная безконечная просѣлка, на право сосны, вадѣво сосны, подъ ногами песокъ, надъ головой длинная полоса голубаго неба. Утомительно!.. Скучно!.. Спать бы хорошо, но если вы и способны вздремнуть подъ хлопанье и вопли ямщиковъ, то лягутъ рои кровожадныхъ насѣко-

мыхъ и непремѣнно разбудятъ васъ, будто говорятъ: не спи, наслаждайся природой! И точно, вамъ по неволѣ придется, или ботанизировать, т. е., на сторопой дороги, срывать тощія цвѣточки, сравнивать ихъ, подбирать подл цвѣтъ и бросать, или щипать ягоды, если онѣ найдутся, или собирать грибы и, наконецъ, *прѣханы* въ Б. усталымъ, измученнымъ. Падѣюсъ, кто разъ проѣзжалъ Б. тотъ его непремѣнно помнитъ. И такъ, если вы помните Б., помните его дремучій сосновый боръ и сыпучую дорогу, которая началась отъ зеленого пѣтуха на кровлѣ, то я вамъ разскажу одно приключеніе, которое случилось въ этомъ бору не теперь, не въ сороковыхъ годахъ, но и летакъ давно.

Постоялый дворъ, съ зеленымъ пѣтухомъ на кровлѣ, принадлежалъ мѣщанину у города Б., Ивану Оедоровичу. Иванъ Оедоровичъ былъ человѣкъ пожилой, съ длиной бородой по поясъ, съ лысиной отъ праваго уха до лѣваго, немного грамотенъ, немного плутовать, какъ всякій содержатель постоялаго двора на большой дорогѣ, впрочемъ, онъ отъ природы имѣлъ доброе сердце и былъ человѣкъ набожный. Съ проѣзжаго барина онъ бывало возьметъ и за квартиру и за дрова, что сгоритъ у него въ печкѣ, и еще прикинетъ грошь другой за огонь, т. е: за искру, которою подождать дрова, и всегда говаривалъ: «Это Богъ послалъ за грѣхи наши! Съ кого же взять нашему брату какъ не съ барина?...»

Бывало, знакомые извозчики останавливаются у Ивана Оедоровича ночевать; Иванъ Оедоровичъ привѣтливо встрѣтитъ ихъ, накормитъ, напоитъ и уложитъ въ теплой избѣ спать, приговаривая: спите ребята, а кони съѣдятъ сѣно, я уже самъ задамъ овса.

— Ладно, ладно, говорили извозчики, мы знаемъ тебя, Иванъ Оедоровичъ, лучше пастъ накормишь.

Извозчики спали, а Иванъ Оедоровичъ засыпалъ конямъ гнилаго овса, — думая, люди знакомые, повѣрять не станутъ.

Если-бъ вы вздумали замѣтить ему, что это дѣло нечистое, онъ бы очень хладнокровно отвѣтилъ: нельзя батюшка, наше дѣло торговое, нелегко хлѣбъ достается, а имъ ничего, починаютъ гнѣдки версту другую, еще лучше корму возьмутся, — а намъ куда дѣвать гнилой овесъ.

— Зачѣмъ покупать гнилой овесъ?

— Богъ избавилъ отъ такого грѣха, запла- тилъ за него цѣну какъ за свѣжій, самого надулъ Онуфрій Евдокимовичъ. Богъ ему судья, показалъ пробу такую, а взялъ деньги да овесъ доставилъ этакой... сбывай какъ хочешь, а съ него взятки гладки: шуринъ не правника, въ коляскѣ ѣздитъ, съ форейторомъ!..

Зато ни одинъ нищій не отходилъ отъ порога Ивана Оедоровича безъ подаянія; послѣдній коровой бывало передѣлывать съ немущимъ. Такова была натура старика Ивана Оедоровича.

У Ивана Оедоровича была жена почти ему ровесница, Аксинья Марковна; жилъ онъ съ нею лѣтъ сорокъ, дѣтей у нихъ было многое множество, да всѣ перемерли, то отъ оспы, то отъ обжогн, то отъ угару на маслинницѣ; осталася только на утѣшеніе старости Ивана Оедоровича одинъ одинъ сыночекъ Ваня, дѣтина лѣтъ двадцати, свѣжій, здоровый, его не брала ни оспа, ни угаръ, ни другія немочи.

Старикъ Иванъ Оедоровичъ и его жена, какъ говорится, души не слышали въ своемъ Ванѣ; онъ былъ для нихъ все, утѣшеніе и подпора старости, для него они жили, для него собирали добро, имъ радовались и просили Бога, чтобы помогъ ожегитъ Ваню, да поимичитъ вилковъ, тогда-бы дескать и умереть не страшно.

И вотъ на радость имъ Ваня полюбилъ Аленушку, лѣвушку румяную, пригожую, не бѣдную, и хорошихъ родителей, дочку содержателя постоялаго двора на той-же дорогѣ, верстахъ въ пяти отъ Ивана Оедоровича, туда по дальше къ станціи. — Ваню сговорили съ Аленушкой и назначили быть свадбѣ недѣлю спустя послѣ ярмарки въ Б.

Наканунѣ ярмарки день былъ жаркій, лѣтній. Солнце стало клониться къ закату, шумъ поутихъ; изъ воротъ постоялаго дома, у котораго она на кровлѣ сидѣла зеленый пѣтухъ, выѣхалъ самый неудобный въ мірѣ экипажъ, именуемый русская телѣга — переднія колеса въ сажень, заднія въ полсажина; благодари этому художественному устройству, погиржертвы, ѣдущей въ подобномъ экипажѣ, всегда находятса выше головы. Выѣхавшая изъ воротъ телѣга была запряжена одной лошадей; спереди, на облучкѣ, торчала борода, шлпа и кнутъ, въ телѣгѣ было навалено множество чего-

то красного, голубого и ярко-желтого. — Иванъ Оедоровичъ съ женой и сыномъ вышли за ворота.

— Просишь прощенья! сказалъ Иванъ Оедоровичъ, кланяясь телѣгѣ.

И вдругъ все, красное, синее и желтое зашевелилось и запищало; прощайте Иванъ Оедоровичъ! прощайте Аксиныя Марковна, прощайте Иванъ Ивановичъ! — Телега была биткомъ набита бабами.

— Прощай свать Иванъ Оедоровичъ, сказала борода, взмахнувъ кнутомъ. И телѣга двинулась въ путь.

— Съ Богомъ, свать Акимычъ, отвѣчала Иванъ Оедоровичъ, кланяясь.

Борода былъ отецъ Аленушки, а въ телѣгѣ сидѣла сама Аленушка, ея мать, сестра, да двѣ или три теткы.

— Не забудь Иванъ Ивановичъ купить красного кумачу на сарафанъ, проситъ Аленушка, кричала съ повозки мать.

— Ладно, ладно, кричалъ Ваня, мотая кудрями.

— Каленыхъ орѣховъ для Аленушки, кричали издали тетушки.

— Еще... ..скую ковришку... ..шка! чуть слышно отдавался голосъ другой тетушки.

Ваня безъ словъ, кивая, головой, и махнувъ руками, изъ телѣги ему тожъ махали бѣлыми платкомъ; но вотъ телѣга скрылась изъ виду, дорога опустѣла, только вдали словно точка видѣлась какой-то проходной; онъ шелъ къ постоялому двору.

— Ну, Ваня, сказала Иванъ Оедоровичъ, входя въ избу, теперь хоть и съ Богомъ, жаръ прошелъ, къ ночи будешь въ городѣ.

— Ты бы далъ ему Савраску, замѣтила Аксиныя Марковна.

— Вона! сама матушка знаетъ что дѣлаемъ, Савраскъ вчера кровь кидали, натужить сего дни по песку не приходится... А ему, что Ванѣ? парень молодой, затянуть пѣсно дома, не успѣть кончить, а ужъ и горло передъ носомъ... далеко ли тутъ. Въ старину, говорятъ, мальчишки бѣгали къ бабушкѣ за семь верстъ киселя хлѣбать, а онъ у насъ не мальчишка, вишь какой!...

Старуха, улыбаясь, посмотрѣла на сына.

— Слушай, Ваня, вотъ тебѣ сотенная ассигнація, ступай въ городъ, переночуешь хоть у станціоннаго, кланяйся ему отъ насъ и на свадьбу проси, да можеть статься будутъ у него обратныя, такъ завтра на нихъ и самъ подѣдешь и покупки привезешь, а не то пайди знакомаго и съ нимъ прѣдешь, тебѣ не учить стать. Одѣвайся-ка, да съ Богомъ.

— Не потеряй Ваня денегъ, сто рублей не шутка, замѣтила Аксиныя Марковна, положи ихъ въ мшну, да надѣнь на шею...

Ваня сталъ одѣваться въ дорогу, а въ избу вошелъ человѣкъ небольшого роста, широкоплечій, рыжая борода кнпомъ, на головѣ узкая высокая шляпа, почти безъ полей, въ рукахъ длинная палка, за спиной коробка.

— Хозяйка! можно водицы испить? сказалъ незнакомецъ.

— Для чего! да вотъ въ кувшинѣ квась есть, милости просимъ.

Незнакомецъ спустилъ съ плечъ коробку, поставилъ къ стѣнѣ палку, снялъ шляпу, перекрестясь напился и, отдавая кувшинъ, сказалъ: спасибо матушка!... Жаркій денекъ выдался!...

— На здоровье батюшко!...

— А изъ-далека? спросилъ Иванъ Оедоровичъ.

— Московскіе, по селамъ ходилъ съ товаромъ, а сего дня вереть двадцать прошель.

— Товаръ-то по краспорядной части, али бакалейной?

— Всякій былъ, и ситцы, и платочки, и перепецъ, и сержки, и перестепки, а теперь все распродавъ, вотъ иду въ городъ на ярмарку свѣжаго закупить, что ни наестъ помодяще, по фасонистѣ; не прикажите ли вамъ занести чего?...

— Спасибо, мы вотъ сами сыпишку отправляемъ въ городъ.

— Доброе дѣло, такъ мнѣ и понутчикъ будетъ...

— Ладно, ладно, и мнѣ будетъ веселѣе, сказалъ Ваня, а я уже и готовъ. Ну, прощайте батюшка и матушка, я завтра вернусь къ обѣду...

— Прощай Ваня! сказалъ Иванъ Оедоровичъ, да не покупай красного товару у Корочкина, онъ человѣкъ добрый, и пріятель хороший, да товаръ держитъ лежалый, ломить въ три-дорога, а торговаться съ нимъ по дружбѣ не годится... Лучше бери у Захлябузина, онъ насъ не знаетъ, такъ надуть побоятся.

— Прощай Ваня! сказала Аксиныя Марковна, попроси тетку Михайловну, чтобы сама выбрала кумачъ для Аленушки, мы наше бабѣ дѣло лучше знаемъ... да вернись къ обѣду!

Ваня ушелъ съ кочующимъ торговцемъ-коробничкомъ, когда уже длиннѣе и длиннѣе вытягивались по песчаной дорогѣ тѣни отъ сосенъ; и вотъ скоро солнце спустилось за деревья, верхи высокихъ деревь горѣли словно золоченыя, а въ бору разстилался легкій сумракъ... Жаркой дневной воздухъ, наштаный запахомъ смолы, смѣшился прохладою, благоухающей какими-то вечерними цвѣтами, ночныя насѣкомыя зажужали въ воздухѣ, надъ дорогой пестрый дятель долбилъ высокую сосну и звонкое эхо далеко разносило по лѣсу его стукъ, который смѣшивался вдали съ крикомъ какой-то птицы, очень похожимъ и на свистъ и на хохотъ и на миуканье. Ваня и самъ загѣлъ пѣсною, товарищъ, идя рядомъ, ему подтигивалъ въ полголоса рѣзкимъ теплоромъ, а ночь все подходила ближе и ближе, пакидывая на окрестности свои мрачныя тѣни. Вотъ уже на постояломъ дворѣ Ивана Оедоровича засверкала въ окнахъ привѣтливый огонекъ. Не много спусти прѣхалъ къ Ивану Оедоровичу почевать какой-то помѣщикъ, ѣдущій на ярмарку, долго онъ пилъ чай, колотилъ своего слугу, потомъ ѣлъ жареную курину, наконецъ и онъ усталъ, заснулъ, и все кругомъ спало; полная луна высоко шла по небу. Настала пора чудная, обаятельная, пора покоя и сладострастной мечты, пора прегупленій и суевѣрнаго страха, пора свиданій тайныхъ, гдѣ человѣкъ передъ человѣкомъ, лицемъ къ лицу, дрожить и замираетъ, или отъ восторга не смѣя вѣрнуть своему блаженству, своему счастью, или дрожить отъ страха и замираетъ отъ ужаса, не смѣя вѣрнуть страшному неотвратимому злу, которое выросло передъ нимъ какъ привидѣніе, и грозно, неумолимо глядитъ на свою жертву, — словомъ, настала глубокая ночь.

На завтра ждали старики Ваню къ обѣду, ждали къ ужину, — Ваня не приходилъ. Ужъ не заболѣлъ ли? подумали они, и грустно легли спать. На утро иѣтъ Вани. — Вотъ ѣдетъ изъ города знакомый человѣкъ, прѣхалъ, поставилъ лошадей у забора, вошелъ въ комнату. Старики

съ вопросомъ: не видать ли въ городѣ ихъ сына? — Знакомый отвѣчаетъ: не видать! Отдохнулъ, выпилъ кружку пива и уѣхалъ. Странно, Б. городъ небольшой, знакомый, говорить, покупать красные товары у купца Захлябузина, тамъ и Ваня должень покупать, у Захлябузина только и есть хорошіе товары по сходной цѣнѣ. Отчего же Ваня не встрѣтился съ знакомымъ? Къ обѣду проѣхало еще человѣкъ пять знакомыхъ, и никто, говорятъ, не видѣлъ Вани.

— Эка притча, подумалъ Иванъ Оедоровичъ, куда бы дѣваться парню?... Въ разныя художества онъ у меня, кажись, не ударится, не то чтобы чарка... или прочее... Солдатчины передъ намъ иѣтъ, одиночка, не попадетъ въ очередь... Благо бы нагрубилъ какому проѣзжающему большому барину, да ушелъ въ лѣсъ, пока тотъ по-простынетъ. Кажись, и этого не бывало?... Притча да и только!

Старуха плакала...

— Нолно плакать, сказалъ Иванъ Оедоровичъ, слезами не поможешь; Савраскій оправился, ѣхать можно, семь-ка я самъ смахаю въ городъ, да пораспрошу хорошенко, не угодилъ ли малый въ полицію...

— За что ему, сердечному, сидѣть въ полицію, опъ и водой не помугить.

— Рассказывай! бабій умъ! За что въ полицію попалъ?... Просто, такъ, шель да и попать. Бѣда не по дереву ходить, а по людямъ; попасть-то легко, а подить его выручи!...

Иванъ Оедоровичъ запрегъ саврасаго въ телѣгу, взявъ въ карманъ рублей десять мелочи, про всякій случай, и поѣхалъ въ Б.

Поздно вечеромъ вернулся Иванъ Оедоровичъ изъ города; жена ждала его.

— А что? робко спросила она.

— Ничего! печально отвѣчалъ Иванъ Оедоровичъ.

Старуха зарыдала; Иванъ Оедоровичъ отеръ кулакомъ глаза.

Такъ прошло дни три; кто бы ни ѣхалъ изъ города, всѣмъ одинъ вопросъ: не видали ли? не слыхали ли? И у всѣхъ одинъ отвѣтъ: не видали, не слыхали.

На четвертый день прибѣжалъ изъ полиціи жохалый или дневальный, Богъ его знаетъ кто, оборванный мужичекъ, весь въ поту, въ пыли, усталый, запыхался, и спрашиваетъ: кто хозяинъ?

— Мы-съ, отвѣчалъ Иванъ Оедоровичъ.

— Меня прислалъ писарь, Оедотъ...

— Оедотъ Михайловичъ? что ли?

— Да, Михайловичъ... сказалъ: бѣги, моль, скорѣе, вотъ туда, да туда, къ самому хозяину Ивану Оедоровичу, да скажи моль радостную вѣсточку, что ихъ сынь отыскался.

— Отыскался?! вскрикнулъ Иванъ Оедоровичъ!

— Отыскался!!! — закричала Аксиныя Марковна.

— Отыскался, отыскался, отыскался, повторялъ жохалый скороговоркою.

— Гдѣ же онъ?

— Отыскался, здѣсь, здѣсь находится, тутъ!

— Гдѣ тутъ?

— Гдѣ онъ мой соколикъ, кричала старуха.

— Писарь сказалъ: здѣсь находится, тутъ, отыскался, стало быть въ полицію.

— Въ полицію?

— Да, въ полицію, говоритъ, здѣсь въ полицію, ступай, говоритъ, скорѣе, скажи, что

сынъ моль отыскался, Иванъ Ивановичъ, говорятъ, здѣсь, въ полиціи.

— Слава Богу! сказалъ Иванъ Федоровичъ, наконецъ перекрестясь.

— Ахъ! по бѣдненькой, таки угодили въ полицію!... подь карауломъ никакъ?...

— Молчи жена, слава Богу нашелся, а то Богъ вѣдаетъ какія мысли налегали... Что же, онъ тамъ давно сидитъ?...

— Этого ужъ не вѣдаю.

— И не знаешь за какое дѣло? и за что? и какъ?

— Не вѣдаю, миѣ сказали писарь: ступай моль поскорѣе, да скажи, что отыскался, моль, сынъ, Иванъ Ивановичъ, есть, тутъ, въ полиціи.

— Ну, братъ, спасибо, удружил! вотъ тебѣ гривенникъ на водку, отдохни маленько, да мы тебя подвеземъ въ городъ.

— Ждать не приходится, назадъ побѣгу, писарь велѣлъ не мѣшкать, неравно старшой спроситъ... Вы пескомъ шагомъ поѣдете, а я сторонкою да бочкомъ, да черезъ канавки мигомъ добѣгу.

— Дѣлай какъ знаешь... прощай.

— Да еще писарь наказывалъ, нельзя ли продать табаку съ фунта, въ городѣ, говорить, не такой.

— Возьми фунтъ, скажи: фунтомъ кланяюсь за добрыя вѣсти, поступилъ дескать по приятельски.

Хожалый умель. Иванъ Федоровичъ проворно началъ запрягать саврасаго въ телѣгу, а Аксинья Марковна стала бѣгать по избѣ, суетиться изъ угла въ уголь; то коравый ситникъ возьметъ, завяжетъ въ платокъ, то вынетъ ситникъ, а положить булку, да рыбы валеной, да вязанку баранковъ, и все свяжетъ въ узелъ, то опять развяжетъ и прибавитъ туда деслотокъ яблоковъ, кусокъ мыла... приговаривая: ахъ, онъ мой соколикъ, проголодался чай, что его зачесло туда, моего ненагляднаго?... О — охъ!...

Иванъ Федоровичъ выгѣхалъ изъ воротъ на телѣгѣ; изъ дому вышла Аксинья Марковна; платокъ на головѣ по дороженьку, подь мышками связки, въ рукахъ узелки...

— А ты куда? спросилъ Иванъ Федоровичъ.

— Извѣстно съ тобой, въ городъ къ Ванѣ.

— Что ты, жена? бабѣ ли дѣло ходить по полиціи?...

— Нѣтъ, уже не отстану, вотъ какъ соскучила, душа болитъ по Ванѣ; я ему повезу и покушать чего, и бѣлье переменить, вѣдь онъ у меня одинъ, что синь порохъ въ глазѣ... Что мы безъ него на старости? сироты несчастныя!

— Ну, ну, бытъ по твоему, садись проворнѣй.

Съ легкостію молодой дѣвушки, вспрыгнула старуха на телѣжку, перекрестилась, Иванъ Федоровичъ взмахнулъ кнутомъ и Саврасый потянулъ телѣгу посыпучему песку мѣрнымъ шагомъ.

Въ городѣ Б. полиціи и земскій судъ и острогъ—все это заключается въ одномъ длинномъ низенькомъ деревянномъ домѣ, почернѣвшемъ отъ времени; къ этому дому прямо подѣхала телѣга Ивана Федоровича. Иванъ Федоровичъ слѣзъ съ телѣги съ своею супругой, нанялъ за пятакъ мѣди какого-то отставнаго солдата постеречь лошадей и подошелъ къ крыльцу. На крыльцѣ стоялъ человекъ въ засаленомъ панковомъ сертукѣ съ продранными локтями, и привѣтствовалъ Ивана Федоровича восклицаніемъ: а!

— Наше вамъ почтеніе, Федотъ Михайловичъ, сказалъ Иванъ Федоровичъ засаленому человѣку, много благодарны за вѣсточку.

— Какъ же, какъ же, вѣдь надо услужить благопріятелю, тутъ вашъ сыннишка попалъ сюда, я сейчасъ дневальнаго... бѣги моль... на свою шею послалъ.

— Много благодарны! — Можно видѣть Ваню?

— Можно. Идите за мной.

— Что его намъ можно будетъ взять? спросила Аксинья Марковна.

— Вотъ этого не знаю, говорилъ писарь, веди ихъ по темному коридору; впрочемъ, если попроситъ, я полагаю, отдать вамъ согласятся.

— Я поручительство хоть какое поставлю чиновное... началъ было Иванъ Федоровичъ.

— Какое поручительство! перебилъ писарь, зачѣмъ тутъ поручительство, просто можно отдать.

— Будьте благодѣтелемъ... ужъ мы не стоимъ... да какъ же это онъ попалъ сюда? скажите на милость.

— Сего-дня, на развѣтѣ, привезли изъ лѣсу, вотъ тутъ не далеко, подь городомъ лежалъ.

— Большой, али хвѣльной?..

— Какое! говорилъ писарь, отворяя дверь въ небольшую мрачную комнатку.

— Ай!.. и старики остановились на порогѣ, словно каменные.

Передъ ними лежалъ трупъ ихъ Вани... по я не стану описывать этой страшно-отвратительной картины.

Трупъ Вани нашли въ лѣсу бабы, собиравшія бруснику, почти подь городомъ, недалеко отъ большой дороги; горло перерѣзано, голова избита, поясъ снятъ, а синій чекмень и другое платье оставлено, только изорвано. Мертвое тѣло привезли въ городъ, завели дѣло, нарядили слѣдствие, взяли допросы съ кого только можно было, — но убицу не отыскали. Остался въ сильномъ подозрѣніи рыжій *коробочникъ*. Гдѣ онъ? Кто онъ? Откуда онъ? — Никто не зналъ. Во время ярмарки многіе купцы видѣли его: онъ покупалъ у нихъ товаръ, не сильно торговался, въ одно утро нагрузилъ свою коробку всякими галантерейностями и исчезъ.

Иванъ Федоровичъ съ супругой похоронили сына, и въ нѣсколько дней погостилъ нѣсколькими годами. Горю не молодитъ—говоритъ послышавъ, а горе стариковъ было сильное. Аксинья Марковна мало ѣла, мало спала, все плакала, стонала, вопила; сердце надрывалось, со стороны ее слушалъ. Иванъ Федоровичъ не плакалъ, онъ молчалъ угрюмо, часто задумывался, иногда, глядя на небо, крестился и читалъ въ полголоса молитвы.

Несчастіе всѣхъ была Аленушка, она разомъ потеряла и жениха, за котораго такъ ей хотѣлось выйти замужъ, и лишилась краснаго сарафана, который ей давно уже даже снился, а скупой отецъ не хотѣлъ покупать; она плакала неутѣшно три дня и три ночи, похвалялась броситься въ колодезь, да отецъ сказалъ ей: «Я изъ тебя дури-то повыгоно!.. Только ты миѣ подойди къ колодезю... будешь помнить?» — и въ силу всилу при началъ осени, позволила уговорить себя выйти замужъ за отставнаго унтеръ-офицера, выскога молодца, съ двумя медалями и крестикомъ.

— Ахъ, она прогневная! закричала Аксинья Марковна, узнавъ о свадьбѣ Аленушки, вишь какъ любила! Умеръ женихъ, извели моего Ваню, моего соколика ненагляднаго, — а она, черезъ пять

недѣль, и замужъ вышла, вѣдь за другаго вышла!

Хоть годокъ бы поплакала да поскучала... хрюнь дѣвчонка, змѣя этакая грѣховодная!.. Божья благодать, что покойникъ на ней не женился!

Уже зимой попался на глаза Ивану Федоровичу кушакъ Вани; кушакъ былъ на проѣзжающемъ. Иванъ Федоровичъ присталъ къ проѣзжающему: кто онъ? откуда? гдѣ вѣлъ кушакъ?

— Я человекъ извѣстный, отвѣчалъ проѣзжающій, крѣпостной *такого-то* помѣщика, меня въ городѣ всѣ знаютъ и землемѣръ и застѣлатели и откупщикъ; живу я верстахъ въ тридцати отъ города, въ деревнѣ N управляющимъ, а поясъ я купилъ лѣтомъ на Спасовъ день, у разнощика-коробочника.

— А каковъ онъ былъ собой? не помнишь?

— Какъ не помнить, больно не казистъ, приземистый, рябая рожа, словно пряничная форма, рыжая борода клинушкомъ сошлась.

— Клинушкомъ сошлась?!

— Клинушкомъ.

— Такъ и есть!.. Это онъ... сказалъ Иванъ Федоровичъ.

— Онъ окаянный, завопила Аксинья Марковна, онъ извелъ моего Ваню!.. Какъ теперь гляжу, какъ онъ уводилъ моего голубчика, вопъ по той дорогѣ, прямо въ лѣсъ, какъ овцу велъ подь ножъ, а я, старая дура, еще имъ путь-дорогу перекрестила! — Поѣзжай Иванъ Федоровичъ въ городъ, кланяйся, да проси, пусть его изловятъ!..

Поѣхалъ Иванъ Федоровичъ въ городъ, волей неволей поѣхалъ съ нимъ и проѣзжающій — рассказавъ, что зналъ, записали рассказанное куда слѣдуетъ, и опять все утихло.

Прошелъ годъ. Было лѣто; была въ Б. ярмарка; много народу ѣхало въ городъ и изъ города, много телѣгъ остановивалось на постояломъ дворѣ; весело глядѣлъ на нихъ зеленый лѣтухъ съ кровли, весело, бывало, глядѣлъ на нихъ и самъ хозяинъ Иванъ Федоровичъ, а теперь онъ былъ скученъ, мраченъ, словно даромъ, по приказу, кормилъ и поилъ всѣхъ изъ своего кармана. Выпроводивъ послѣднихъ гостей изъ двора, онъ сѣлъ у воротъ на лавочку, Аксинья Марковна сѣла подь него — и оба задумались. Чужая голова—темный лѣсъ, говорятъ люди, Богъ вѣдаетъ о чемъ думали старики, можетъ быть они вспомнили, что въ это время потеряли сына, что на эту самую ярмарку пошелъ онъ и пошелъ навѣки изъ отцовскаго дома, — а можетъ быть ихъ расстрога послѣдняя телѣга, отѣхавшая отъ ихъ двора. Телѣга сама по себѣ предметъ вовсе нетрогательный, а дѣло вотъ въ чемъ: въ этой телѣгѣ ѣхала Аленушка съ мужемъ, они остановились на нѣсколько минутъ у воротъ и попросили топора починить колесо. Пока унтеръ-офицеръ возился около колеса, Аксинья Марковна не вытерпѣла, подошла къ телѣгѣ посмотреть на Аленушку; Аленушка сидѣла полная, здоровая, румяная, такая же какъ была и въ прошлое лѣто, только потолстѣла немного; спустивъ сорочку, она кормила грудью ребенка.

— Твой? Аленушка, спросила Аксинья Марковна.

— Мой, бабушка.

— Бабушка... прошептала старуха печально, кивая головой. Какъ зовутъ?

— Ваня, робко отвѣчала Аленушка.

— Божья милость!.. сказала Аксинья Марковна

дрожашимъ голосомъ тихо перекрестила ребенка и — зарыдала.

Алепушка тоже заплакала.

Смѣхъ и слезы, говорятъ, приличивы.

Скоро колесо было исправлено, телега уѣхала, старуха сѣла подлѣ Ивана Федоровича на лавочкѣ и задумалась.

Вдругъ Иванъ Федоровичъ вздрогнулъ. Жена! сказалъ онъ, есть у насъ что перекусить?..

— На что тебѣ? развѣ голоденъ?

— Не слышишь? несчастные идутъ!

Точно, въ лѣсу отдавалось бряцанье, вдали показалась пыль, изъ нея вырѣзывались и сверкали на солнцѣ штыки, впереди ѣхалъ казакъ съ пикой.

— Ахти! вскрикнула Аксинья Марковна, да сколько ихъ, а у меня кромѣ двухъ пироговъ да молока ничего нѣтъ.

— Давай ихъ сюда, пироги и молоко... Богъ велитъ накормить несчастныхъ.

— Извѣстное дѣло... сей часъ вынесу, и старуха ушла за молокомъ и пирогами.

Между тѣмъ толпа въ стройномъ порядкѣ при-

ближалась къ постоялому двору. Это была партия ссыльныхъ, которыхъ русскій народъ такъ добродушно называетъ *несчастными*, они шли скованными попарно, на спицѣ ихъ одежды была нашта роковая заплата.

Иванъ Федоровичъ попросилъ у конвойнаго ефрейтора позволенія угостить несчастныхъ молокомъ и пирогами. Сдѣлали привалъ, ружья въ козлахъ, преступники бросились плаземю. Аксинья Марковна вынесла на деревянной тарелкѣ нѣсколько пироговъ, за ней баба несла два большіе кувшина молока.

— Милости просимъ, сказалъ Иванъ Федоровичъ, покушайте на здоровье во имя Спасителя. Жена угощай.

Аксинья Марковна подошла къ первому преступнику, который ничкомъ лежалъ на землѣ, и сказала ему: «перекуси пирожка, да прихлѣбни молочка, коли усталъ сердечный». Вскрикнула и уронила пироги:

Преступникъ поднялъ голову: это была та самая скулистая знакомая голова съ рыжей бородой и клиномъ, это былъ кунецъ знакомый — коробочникъ.

Съ ужасомъ Иванъ Федоровичъ самъ отступилъ немного отъ преступника.

— Будь проклятъ... завопила Аксинья Марковна, отворачиваясь отъ преступника.

— Молчи жена, строго сказалъ Иванъ Федоровичъ, зажимая ей ротъ рукою; не намъ судить его, Богъ накажетъ его, онъ уже *несчастный!*.. помолись лучше за его душу...

— Что бы я молилась?! за него?!.

— Да, помолимся вмѣстѣ, а теперь накорми его... Любите враговъ вашихъ, сказалъ Христосъ, грѣхъ жена не слушать Его.

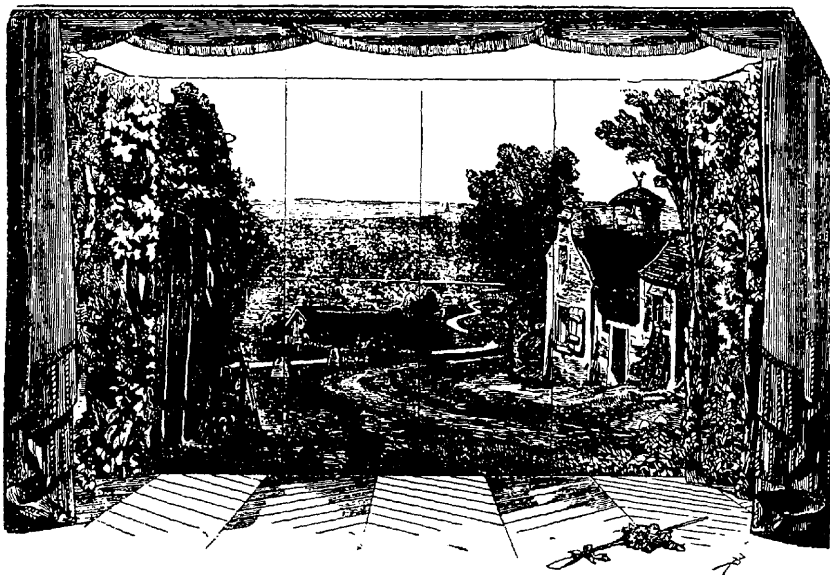
И дрожа отъ страха, Аксинья Марковна подала рыжему пирогу и крынку молока.

Когда ушли ссыльные, Иванъ Федоровичъ крѣпко обнялъ старуху. Они опять сѣли у воротъ, но были спокойнѣе, даже, можно безъ преувеличенія сказать, стали веселѣе.

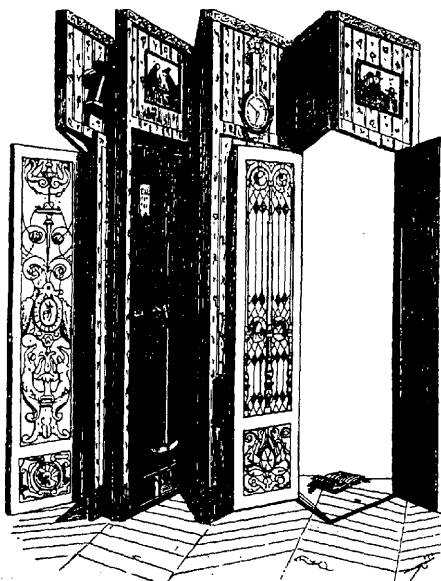
Отъ чего бы это?

Чужая голова — темный лѣсъ, скажете вы. Можетъ быть и такъ.

Е. Гребенка.

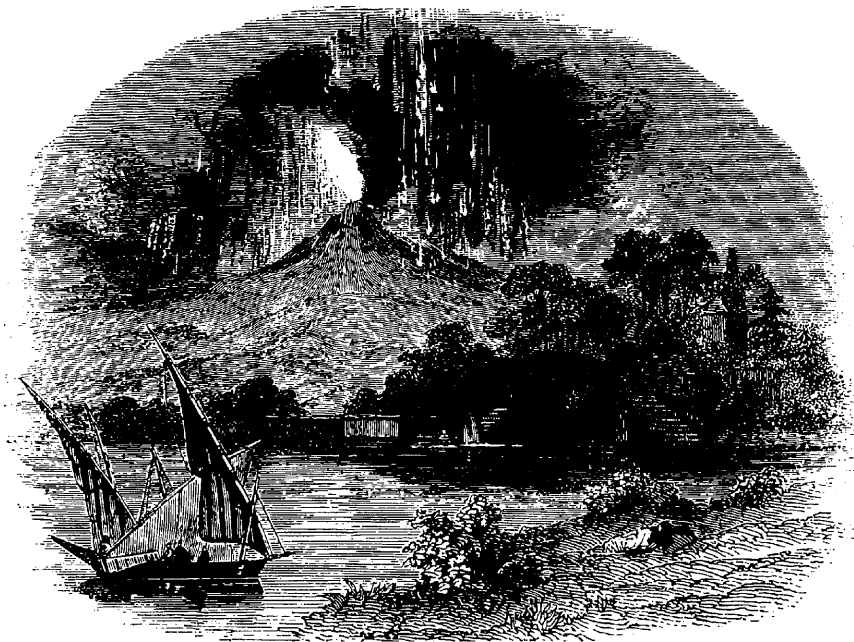
(Домашній театр.)

(Складывая кулисы.)

Одна изъ лучшихъ, изъ красивѣйшихъ модъ нашей столицы — это, безъ сомнѣнія, моды на домашніе спектакли. На дняхъ опять былъ у насъ спектакль, великолѣпные, изящные; нѣтъ сомнѣнія, и помощи Аполловъ со всѣми девятью музами, что домашніе спектакли распространятся и въ нашихъ провинціяхъ. Перевосные театры тѣмъ хороши, что для нихъ не надо устраивать особой залы; тамъ же, гдѣ вы будете танцовать, поставьте ширмы, на которыхъ написать сельскій видъ; сзади крючки сдѣлать рамку и вытянуть всю заднюю декорацию въ лѣво; хотите сдѣлать перемѣну, разстегните крючки, соберите ширмы, переверните, вытяните въ лѣво, застегните тѣ же крючки, ваша вторая декорация, представляющая залу, готова; съ этими двумя декорациями можете играть тысячу пьесъ. Въ саду и въ

комнатѣ совершается дѣйствіе всенірнаго репертуара. О боковыхъ декорацияхъ и говорить нечего, тутъ ровно не нужно ничего кромѣ ширмъ. Конечно, у насъ еще нѣтъ переносныхъ театровъ въ лавкахъ, тогда какъ въ Парижѣ продаются готовые; фабриканты обоимъ изготовляютъ ихъ во множествѣ. Для образца представляемъ одинъ; пока этимъ займутся въ Петербургѣ, совѣтуемъ не терять времени; домашнему столяру заказать рамки, купить въ ближайшемъ городѣ обоевъ, и театръ готовъ. Эта забава — и зимняя и лѣтняя; для нея всегда время. Если бы и мода прошла, можно позабавиться и безъ моды. Теперь въ Петербургѣ изготовляется такой театръ съ большимъ тщаніемъ; если замѣтимъ какія улучшения, облегченія, особенныя удобства и проч. тотчасъ сообщимъ читателямъ.

Изверженіе Этны въ Декабрѣ 1842 года.

О ВОЛКАНИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ.

Между разпородѣннѣйшими, болѣе или менѣе величественными, явленіями природы, особенно подвѣргаются изслѣдованіямъ ученыхъ мужей, какъ Гумбольдтъ, Леопольдъ фонъ Бухъ и другіе, замѣчательныя изверженія подземныхъ огней и

лавы, бьющія гейзерскіе источники, и вообще всѣ волканическія явленія, такъ какъ они представляютъ простому зрителю — величественную картину, наблюдателю — тайную и чудную игру природы, всѣмъ — примѣръ могущества и премудрости Всевышняго!. Въ этихъ явленіяхъ представляются наблюдателю тысячи задѣтъ и онъ стремит-

ся массы и тучи пепла омрачали дневной свѣтъ; даже изъ пучины морской вылетало пламя, и тамъ, гдѣ прежде жили однѣ рыбы, образовались новые острова, которые, или населялись людьми и животными, или же опять погружались въ бездонную пучину!..

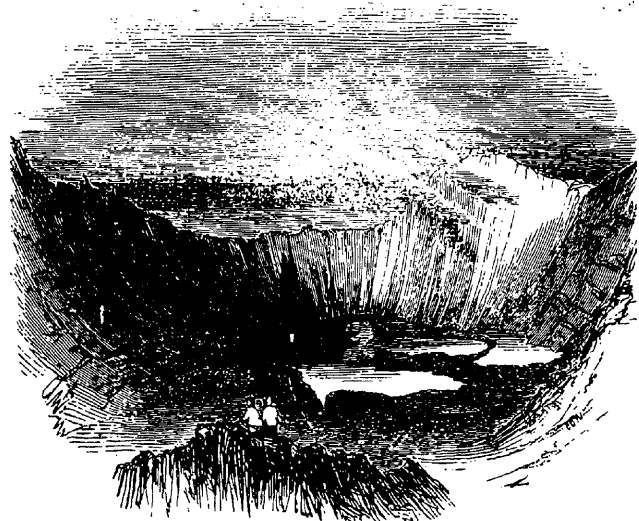
Между всѣми этими явленіями, однакожъ, особенно замѣчательны *волканы* или *огнедышащія горы*.

Горы эти имѣютъ почти всѣ конусообразную форму; на самой вершинѣ ихъ находится углубленіе, въ видѣ опрокинутого конуса, изъ котораго, какъ изъ трубы, исходятъ въ глубинѣ образующіеся газы, истекаетъ лава и извергаются отдѣльныя твердыя массы. Углубленіе это называютъ *кратеромъ*, жерломъ. Отъ большой массы жидкой лавы, прорывающей иногда накопившіяся по краямъ жерла массы, также и отъ другихъ причинъ, кратеръ и даже вся вершина огнедышащей горы часто измѣняетъ свою форму. Иногда изверженіе бываеъ не изъ глубины имѣющагося жерла, а изъ боковыхъ стѣнъ конуса, отчего происходятъ новыя побочныя конусы, какъ на пр. на Этнѣ. Иногда въ глубинѣ жерла образуется другой, меньшій конусъ, имѣющій свое собственное жерло. На многихъ волканахъ, какъ на пр. на Везувіѣ, можно въ спокойное время спускаться въ внутрь кратера.

По мнѣнію Леопольда фонъ Буха всѣ волканы на земномъ шарѣ могутъ быть раздѣлены на два совершенно-различныхъ рода, на *центральные* и *рядовые*. Первые образуютъ центръ многихъ, во всѣ стороны дѣйствующихъ, изверженій. Вторые же лежатъ рядами, часто въ незначительныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго.

Центральные волканы суть: на Липарскихъ островахъ — *Стромболи*; въ Сициліи — *Этна*; на Итлїѣ — *Эгзолааръ*; близъ Неаполя — *Везувій*; въ Исландіи — *Текла*; на Азорскихъ-Островахъ — *Пико*; С-тъ-Георгъ; на Канарскихъ Островахъ — *Пико де Тейде*, на Тенерифѣ; на островахъ Зеленаго Мыса — *Фуяо*, *Асценсіонъ*; и многіе другіе на Сандвичевыхъ, Маркизскихъ и на островахъ Дружбы и Товарищества.

Рядовые же волканы суть: на греческихъ рес-

Кратеръ огнедышащей горы Кальдейры, на Корно, одномъ изъ Азорскихъ Острововъ.

ся подпять завѣсу, прикрывающую тайны внутренности земли, и невыразимая радость наполняетъ его сердце, если ему удастся приподнять хоть уголокъ этой завѣсы. Съ изумленіемъ смотритъ человекъ на громадныя мастерскія природы, и тысячи воспоминаній объ огромныхъ перевороткахъ, произведенныхъ нечисленными силами природы, толпятся въ умѣ его...

Тутъ изъ вѣдра земли поднялись новыя горы, тамъ вѣковыя горы погружались въ безконечную пучину и обширныя разсыяныя перерѣзали землю. Цѣлыя города были погребены подъ волканическимъ пепломъ и горячей лавой, широкіе огненные потоки стремились по цветущимъ лугамъ и превратили ихъ въ мертвыя пустыни. Съ необъяснимою силою вылетали изъ вѣдра земли кипя-

травях — Санторини, Мило и другие; въ Западной Австрали — Таино, Амбриге, Санта-Круцъ, огненные горы Новой Британи и Гвианы; на Сондскихъ Островахъ — Ваваи; на Молуккскихъ, Филиппинскихъ, Японскихъ, Алеутскихъ, Марианскихъ и Антильскихъ островахъ, въ Камчаткѣ, Хиаи, Кивто, Гватемалѣ и Мексикѣ. Кроме того къ нимъ же можно отнести постоянно дымящійся Геббель-Тгаръ, на берегахъ Арави, в Черро-ле-Ла-Гигант, въ Калифорни.

Это соединеніе вулкановъ, то въ отдѣльныхъ круглыхъ группы, то въ длинныя ряды, служить яснымъ доказательствомъ, что вулканическія дѣйствія не зависятъ отъ малыхъ, близкихъ къ поверхности земной, причинъ, но суть великія явленія, слѣдствія глубокихъ и огромныхъ внутреннихъ переворотовъ.

Перейдемъ теперь къ самымъ вулканическимъ изверженіямъ. Они, безспорно, принадлежатъ къ самымъ дивнымъ явленіямъ природы, величественной прелести ихъ и словами описать нельзя. Подобно сигнаду предшествуетъ столь же величественному, какъ и пугасому зрѣнію изверженія, легкое колебаніе земли, которое предъ сильными изверженіями переходитъ въ разрушительное землетрясеніе. Иногда этимъ явленіемъ предшествуетъ теплая температура, поточники высыхаютъ, трава вянетъ. Послѣ землетрясенія изъ жерла начинаютъ клубиться густыя, черныя массы дыма, собирается гроза, начинается сверкать молніи по разнымъ направленіямъ; громъ подобный шумъ, во внутренности земли, становится все сильнѣе и сильнѣе; вдругъ вспыхиваетъ пламя и вмѣстѣ съ нимъ летятъ въ воздухъ раскаленные массы лавы и пѣзы, то медленно, то съ ужасною быстротою. За тѣмъ начинается изверженіе лавы... огненные потоки стремятся она во все стороны и надъ нею возвышаются огненные полосы, освѣщающія черныя, массивныя тучи дыма и пепла, которые иногда отлетаютъ нацѣлыя или, безпрестанно освѣщаемыя молніями, сверкающими въ воздухѣ. Сначала прекращается изверженіе золы и горючихъ веществъ, а тамъ и лавы. Иногда съ вулкановъ стремятся потоки горячей воды, когда вершины ихъ покрыты снѣгомъ. По совершенномъ прекращеніи изверженія, изъ разсѣлинъ и отверстій вулкана выходятъ ядовитыя пары, убійственные для людей и животныхъ.

Изверженія вулкана продолжаютъ нѣсколько часовъ, иногда цѣлыя дни, постоянно или съ промежутками. Что же касается до теченія лавы, то оно быстро только близъ кратера, но по мѣрѣ соприспособленія ея съ вѣтвящимъ воздухомъ, она начинаетъ остывать, густѣть и течь все медленнѣе и медленнѣе. Обыкновенно верхніе слои твердѣютъ, между тѣмъ какъ нижніе продолжаютъ течь; часто даже, только нѣкоторыя части лавы крѣпнутъ и плаваютъ по кипящей, стремящейся массѣ, подобно льдинамъ. Внутренность массы медленно остываетъ и даже, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, когда лавы давно уже остановилась, изъ ней проявляются еще слѣды внутреннего жара.

Послѣ общаго описанія вулкановъ, мы сообщимъ нѣкоторыя изъ любопытнѣйшихъ наблюденій надъ отдѣльными огнедышащими горами. Начнемъ съ Этны, такъ какъ изверженія ея въ 1843 году, вѣроятно, памятны еще многимъ изъ нашихъ читателей.

Этна лежитъ на восточномъ берегу Сициліи и возвышается болѣе нежели на 10,900 футовъ (болѣе трехъ верстъ) надъ поверхностью моря; теперь она состоитъ уже не изъ одного колоссаальнаго конуса, но составляетъ, такъ сказать, цѣлый хребетъ конусовъ, образовавшихся въ слѣдствіе частыхъ изверженій. У подножія она имѣетъ около 20 нѣмецкихъ миль въ окружности въ мѣста,

лежащій у этого подножія, настоящій рай для тамошнихъ жителей. Земля тамъ чрезвычайно плодородна, климатъ умеренный, здоровый; по вѣтвямъ направленіямъ простираются роскошныя поля, луга, виноградники и сады. Только мѣстами, какъ бы для увеличенія живопиности этого мѣста, торчатъ голыя массы лавы. Еще большую прелесть придаютъ этой странѣ многочисленныя, разбросанныя въ окрестности, селенія и города. Зеленый лѣснотый полюсъ покрываетъ среднюю часть склона горы; высокіе дубы и пѣлыя лѣса каштановъ, в растущія между ними ароматныя травы, распространяютъ въ воздухѣ благоуханія. Тутъ же находится Castaño di cento cavalli, т. е. каштановое дерево ста лошадей. Стволъ этого дерева, какъ гласитъ преданіе, имѣлъ такой объемъ, что въ дуплѣ его помѣщалась сотня лошадей. Но разрушительное дѣйствіе времени почти не оставило слѣдовъ этого дерева; только нѣсколько зеленыхъ стучей выходятъ еще изъ сохранившагося корня и образуютъ кругъ, имѣющій 152 фута (около 22 сажень) въ окружности. Тамъ, гдѣ прежде въ дуплѣ дерева была хижина, для отдыха путниковъ, теперь растетъ мягкая, густая трава. Впрочемъ, этанъ не ограничивается чудеса этого лѣса; въ немъ сохранилось еще множество деревьевъ, изумительныхъ по своему объему. Далѣе, за этимъ зеленымъ полюсомъ, начинается унылая пустыня, зимой и лѣтомъ покрытая снѣгомъ и льдомъ.

Какъ по трудностямъ, которыя должно преодолѣть, такъ и по отдаленности (отъ Катаніи до вершины Этны считается восемь миль), путешествіе на Этну считается важнымъ предпріятіемъ. Однакожъ, его громадность, вышина и разнообразныя виды, представляющіяся съ его вершины, часто завлекали туда путешественниковъ, изъ которыхъ многіе описали и издали свои наблюденія. Къ нимъ принадлежитъ Люби, поднявшійся на вулканъ въ 1787 году. Онъ рассказываетъ, что путешествіе по верхней полосѣ чрезвычайно затруднительно и утомительно, по причинѣ множества острыхъ осколковъ лавы, которыми усыпана дорога. Посреди лѣта — 7-го июля — холодъ былъ тамъ такъ пронизывающій, что путешественники часто должны были сходить съ лошаковъ и согрѣваться скорой ходьбой. Жидкость воздуха въ тѣхъ странахъ затрудняла дыханіе. Кратеръ Этны, изъ котораго постоянно выходитъ дымъ, имѣетъ въ объемѣ около 500 шаговъ; глубина его, по наблюденіямъ Спаланцани, содержитъ около полу-миль — итальянской; внутренніи стѣны почти отвѣсны. На днѣ жерла замѣтилъ онъ круглую дыру, сажени трехъ въ диаметръ, откуда выходила густая сѣрная облака дыму и въ глубинѣ которой по временамъ показывалась жидкая, огненная масса. Внутренніи стѣны кратера и дно были перерѣзаны полосами напатыря и стѣры, оранжеваго цвѣта. Само по себѣ разумѣется, что послѣ каждаго изверженія измѣняется какъ внутренняя, такъ и вѣтшая форма кратера.

Объ изверженіяхъ Этны, до христіанскаго лѣтосчисленія, мы не имѣемъ опредѣленныхъ извѣстій. Начиная съ 40 года по Р. Х. было болѣе 60 изверженій, а отъ 1160 до 1659 было самое сильное, почти непрерывно продолжавшееся и сопровождаемое ужасными землетрясеніями. Въ городѣ Катаніи были тогда разрушены многія зданія и погубло до 46,000 людей. Въ 1529 году было ужасное изверженіе пепла, который покрылъ всю страну и достигъ даже до соседняго острова Мальта. Въ 1755 году изъ жерла вытекло такое количество воды, что въ окрестности и дороги были залиты; вода эта была горяча, имѣла соленый вкусъ и причинила много вреда окрестнымъ поселянамъ. За водой послѣдовали изверженія огня и лавы, которая, пробивъ себѣ проходъ на самомъ днѣ кратера, ринулась внизъ потокомъ въ 600 фу-

товъ ширины. Во время изверженія 1785 года поднялись надъ жерломъ огненные столбы, и въ вершинахъ казались раскаленные. Въ 1819 году Катанія была въ великой опасности; однакожъ, счастливое направленіе вѣтра избавило ее отъ густаго пепельнаго дождя, и потокъ лавы, имѣвшій въ ширину двѣ мили, а въ толщину 45 футовъ, въ недалекомъ разстояніи отъ города, принявъ другое направленіе. Объ изверженіи 27-го ноября 1842 года, описаніе пишеть слѣдующее:

«Весь кратеръ былъ облитъ пламенемъ, и надъ нимъ выслалась колонна изъ раскаленныхъ камней, разлетавшихся въ разные стороны. Милліоны раскаленныхъ массъ летѣли вверхъ и внизъ, нѣкоторыя изъ нихъ какъ бы терлись въ темной снѣгѣ неба. Край кратера раскололся и изъ него лился огненный потокъ. Огромнѣйшія массы, въсомъ въ нѣсколько центнеровъ, были вскидываемы на 2 и 3,000 футовъ въ воздухѣ. Часть этихъ массъ, перпендикулярно влетающихъ, ниспадала обратно въ огненное жерло, другая съ грохотомъ и трескомъ упала на наружныя стѣны конуса и капляла внизъ. Лавы разбѣгались на нѣсколько потоковъ; величайшій имѣлъ до 600 футовъ ширины. По счастью это раскаленное море текло по неразработанной землѣ и не причинило никакого вреда».

Объ изверженіи, бывшемъ 17-го ноября 1845 года, профессоръ Дженомелларо, въ Катаніи, пишеть къ извѣстному геологу Леонарду слѣдующее:

«Не прошло еще году послѣ изверженія, начавшагося 27-го ноября 1842 и кончившагося 28-го декабря того же года, какъ 17-го ноября нынѣшняго года, по полудни въ два часа, на западномъ склонѣ, и а пустынной части горы, открылся постепенно 15 жерлъ, извергавшій дымъ, раскаленные камни и вулканическій песокъ; въ то же время затряслась земля и послышался подземный грохотъ. Десять этихъ жерлъ были въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что вытекавшая изъ нихъ лавы скоро образовала одну разсѣлину, длиною около 400, а шириною около 50 шаговъ. Изъ этой разсѣлины вылилась лавы съ такою необыкновенною силою и быстротою, что въ самое короткое время достигла до Александрскаго и Маллетоскаго лѣса, по близости Монти-Чигитто и Сеперо. На слѣдующій день лавы прошла чрезъ обработанныя земли Монте-Паріа, опустошала все на своемъ пути. По прямой линіи шла она къ городу Бронте и привела въ неописанный ужасъ тамошнихъ жителей, но по счастью, попала на возвышеніе Ла Витторіа и оттуда направилась къ дорогѣ, ведущей изъ Палермо въ Мессину. Тамъ она потекла медленнѣе и около 26-го числа совсѣмъ остановилась. Въ это же время изъ большаго кратера выходили столбы густаго дыма; растенія, на которыя онъ опускался, а именно апельсинныя и лимонныя деревья, немедленно сгорали; особенно пострадала восточная и южная сторона, куда вѣтеръ гналъ дымъ. Въ полдень, 24-го ноября, мы замѣтили, что на сѣверной части большаго кратера, на мѣстѣ, называемомъ Коріаццо, открылось еще жерло, изъ котораго вскорѣ полилась лавы въ незначительномъ количествѣ и направилась къ лѣсу Малетто. Въ тотъ же день, въ половинѣ втораго часа, по полудни, совершился чрезвычайно изумительный и разрушительный феноменъ въ долиніи Симето. Широкій потокъ лавы, о которомъ мы выше упоминали, достигъ этого чрезвычайно плодороднаго мѣста. Множество народу сбѣжало рѣбить лѣсъ, чтобы не оставить его на жертву огненной рѣки. Они приняли всевозможныя предосторожности, но въ то самое время, когда лавы коснулась долины, и когда, по настоящему, и ботаникамъ нечего было еще опасаться, раздался страшный взрывъ, и большая часть работниковъ

осталась на мѣстѣ; немногіе, спасшіся, были опасно ранены. Это ужасное обстоятельство и то, что лава опустошила плодородную страну, доставлявшую пропитаніе всѣмъ окрестнымъ жителямъ, суть плачевнѣйшія событія послѣдняго изверженія».

Везувій состоитъ изъ двойной горы, вышиною въ 5600 футовъ; основаніе его имѣетъ отъ 50 до 40 англійскихъ миль въ окружности. На томъ же основаніи лежатъ длинный рядъ скалъ Сомма, нѣмощныхъ видѣ полукружія, обращеннаго выпуклою частию къ юго-востоку, а концами на востокъ и западъ. Западная дуга отдѣляется глубокой долиной отъ горы, называемой Канторони. Между Сомма и Везувіемъ находится также глубокая долина, прозываемая *Atrio del Cavallo, конюшней*, а въ центрѣ высится конусъ Везувія, мрачный и безплодный, между тѣмъ какъ самая гора не имѣетъ ничего устрашающаго, такъ какъ болѣе двухъ третей его обработаны и только першина безплодна; на послѣдней прекращается всякая растительность, и когда онъ покрытъ тучами, то весь Везувій представляетъ дивную картину. На лавѣ, залитой нѣсколькими столбтми тому назадъ изъ Везувія и полосами простирающейся черезъ долины до моря, расположены дома, селенія, города, окруженные садами, виноградниками и обработанными полями; однакожъ, невольное чувство страха стѣсняетъ сердце при мысли, что подъ этия плодородныя грунтыя погребены дома, сады, цѣлые города!..

Портичи выстроены на засыпанномъ Геркуланѣ, а въ недалекомъ разстояніи находится Помпеи, засыпанная въ 79 году по Р. Х., при сильномъ изверженіи горы. Весь восточный берегъ неаполитанскаго залива былъ опустошенъ въ то же время, и отъ Геркулана до Стабіи представляетъ рядъ голыхъ скалъ и изверженныхъ массъ. Съ тѣхъ поръ и до нашихъ временъ, было еще 411 изверженій; изъ послѣднихъ были особенно сильны и опустошительны изверженія 1776, 1777 и 1779 годовъ, преимущественно послѣднее. Во весь июль мѣсяць того года гора находилась въ сильномъ броженіи; слышались подземные удары и грохотъ, густая облака дыму по временамъ вырывалась изъ жерла, выбрасывая съ силою камни и золу. Наконецъ, 5-го августа, вышло сѣрное облако изъ кратера и вѣстѣ съ нимъ множество камней поднялось на 2000 футовъ въ воздухъ. Жидкая лава перелилась черезъ края кратера, и съ девяти сторонъ поднялась внизъ по горѣ. Ту чи красноватой сажи омрачили воздухъ; въ полночь 7-го августа надъ кратеромъ поднялся огненный столбъ, немощной вышины, и распространилъ такой яркій свѣтъ, что на разстояніи цѣлой мили можно было рассмотреть мельчайшіе предметы; на слѣдующій вечеръ, послѣ сильнаго удара, поднялся другой огненный столбъ, вышиною около 10,000 футовъ, и въ то же время лава полилась съ большою быстротою. Городъ Отталио чуть не подвергся участи Помпеи.

Одно изъ послѣднихъ изверженій Везувія было 22 октября 1822 г. Обстоятельства, предшествовавшія этому трагическому событію, были такъ поразительны и сильны, что всѣ окрестные жители въ страхъ и боязнь ожидали какого-то чуда. Молнія сверкала по всѣмъ направленіямъ, и такой сильный взрывъ, какъ будто бѣ весь земной шаръ допнулъ на двѣ части, потрясъ воздухъ и землю, и низвергнулъ въ пропасть цѣлыя скалы. Самая природа была поражена яростію огненной стихіи, потому что въ воздухъ появилась огненная масса, какъ бы готовая освѣтить послѣдній день міра!.. Жители были въ ужасѣ и со страхомъ ожидали участи, постигшей Геркуланъ и Помпею, двухъ

славныхъ городовъ, исчезнувшихъ съ лица земли. Свѣтъ утренняго солнца не проникъ сквозь черное покрывало, которое облегло все небо... Около вечера, разбитый колодезь сталъ успокоиваться... но вдругъ воспламенился огненный токъ атмосферы и снова захотѣлъ кратеръ. Адакій потокъ лавы съ трескомъ прорвался изъ стѣны кратера, и весь Везувій былъ облитъ пламенемъ, пересѣкаемымъ мѣстами непроницаемыми массами дыма. Тридцать шесть часовъ сряду жители были въ смертельномъ страхѣ... Большая часть, покинувъ имущество, обратилась въ бѣгство...

Минута была ужасная... подобная той, которую такъ дивно постигнулъ великій художникъ нашъ, Карлъ Брюлловъ...

Послѣ нѣсколькихъ ужасныхъ взрывовъ, въ то время, когда лава опустошала въ яростномъ теченіи своимъ окрестныя поля и села, изъ тучъ, обложившихъ Везувій, вышалъ обильный дождь... Тучи разсѣлились и окрестные жители не узнавали своего стараго, сердитаго сосѣда, — такъ измѣнилась его форма. Онъ походилъ на переломленный въ серединѣ конусъ. Дождь, смѣшиваясь съ летавшею въ воздухъ золою, падалъ на землю грязными брызгами.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію другихъ вулкановъ, мы должны сообщить еще нѣкоторыя замѣчанія о Везувіи, собранныя докторами Мажанди и Джемсомъ. Одинъ изъ ихъ рассказы вѣстѣ:

«Былъ первый разъ, когда я достигъ до обители пустытника — эрмитажа. Я ожидалъ встрѣтить тамъ почтеннаго монаха, но ошибся. Пустынникъ этотъ ни что иное, какъ обыкновенный трактирщикъ, очень дорого продающій очень дурное вино. На немъ пустынническаго только шерстяное платье, капюшонъ и огромная связка ключей, которыми недостаетъ только замковъ. За эрмитажемъ дорога сдѣлалась непроходима; мы вступили въ безплодную, мертвую пустыню, усыпанную сѣрымъ вулканическими массами, острые концы которыхъ торчали вверхъ и затрудняли путь. На лѣво отъ насъ находился полуразвалившійся кратеръ прежняго конуса, называемаго Монте дн Сомма, засыпаннаго Геркуланѣ, Помпею и Стабію; направо лежала широкая полоса лавы, протекшей во время изверженія 1829 года; передъ нами конусъ, на который мы взбирались. По моему термометру было 49 градусовъ; тамъ слышь подымалась столбы дыма и слышался подземный ревъ вулкана. Дорога становилась все непроходимѣе и непроходимѣе; мы мѣстами по колѣни погружались въ пепель. Чѣмъ ближе мы подходили къ вершинѣ конуса, тѣмъ теплѣе становился пепель. Я опустилъ въ него термометръ: онъ поднялся до 55 градусовъ. Наконецъ, въ три часа мы достигли вершины. Какъ описать то, что мы ощущали, когда достигли своей цѣли... Начиная свѣтать. Земля была такъ горяча, что нельзя было долго стоять на одномъ мѣстѣ. Кратеръ имѣетъ форму огромной воронки; на днѣ его, въ самой серединѣ, возвышается тупой конусъ, на верхушкѣ котораго находится настоящее жерло огневидящей горы. Выкидываемые камни падаютъ или обратно въ жерло, или вокругъ маленькаго конуса.

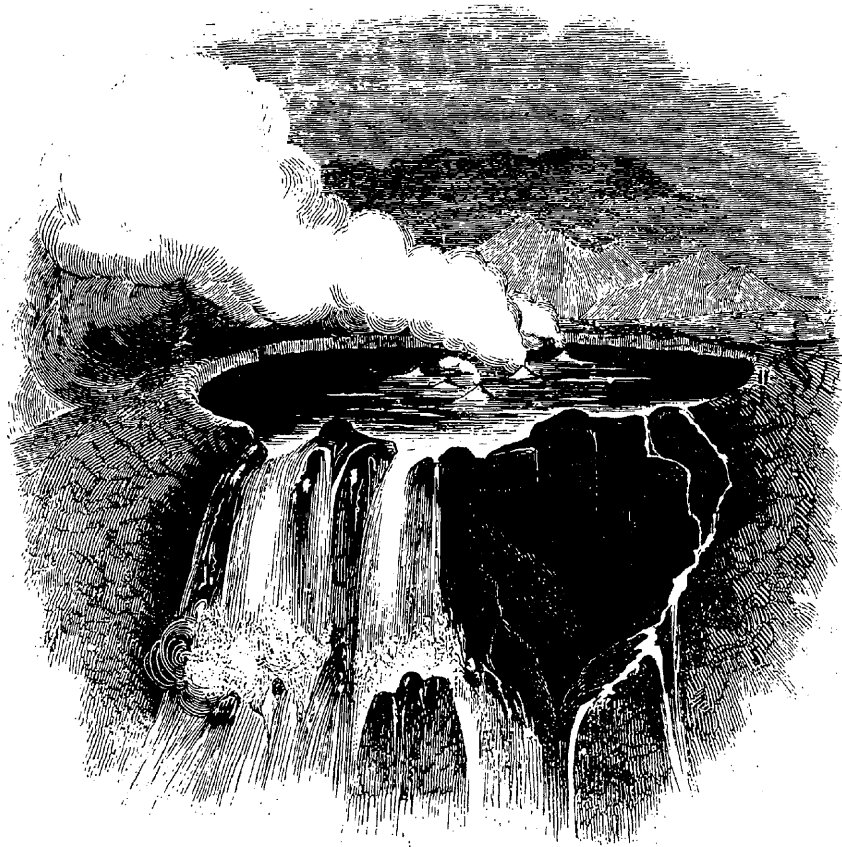
Изверженія повторяются каждыя 10 секундъ; имъ предшествуетъ глухой ролотъ и устье вулкана раскаляется; затѣмъ слышится взрывъ, подобный пушечному выстрѣлу и вмѣстѣ съ нимъ вытекаетъ лава. Камни и другія выбрасываемыя изъ горы массы въ высоту поднимаются выше 40 футовъ. Внутрен-

ній стѣны кратера образуютъ косую волнистую поверхность; скатъ, однакожъ, такъ крутъ, что по немъ прямо спускаться невозможно; проводникъ нашъ шелъ впередъ, ощущывая накаломъ сомнительныя мѣста. Земля такъ горяча, что невозможно было спускаться ползкомъ. Мы нашли много сѣры всевозможнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ оттѣнковъ, и на каждомъ шагу встрѣчались съ сѣрнымъ дымомъ, заставлявшимъ насъ кашлять. Температура была въ 60 градусовъ; опустивъ въ мѣста, откуда выходилъ дымъ, термометръ, мы увидѣли, что онъ поднялся до 95 градусовъ и чуть не лопнулъ. Въ 6 часовъ мы накопѣли сошли на дно кратера; оно было зернисто, подобно асфальтовому тротуару и состояло изъ охладившей лавы, твердой какъ камень. Только по одной трети его можно было свободно прогуливаться, потому что на остальную часть текла лава. Я опустилъ нѣсколько монетъ въ жидкую лаву; онѣ немедленно расплавились. При каждомъ изверженіи вулкана дрожала земля слышался подземный ревъ. Я покрылъ платкомъ одно мѣсто, на которомъ лава остыла, и приложилъ ухо... Сначала подземный трескъ оглушилъ меня, но послѣ я слышалъ въ глубинѣ вулкана шумъ, подобный морскому, и журчанье, происшедшее отъ отлѣненія газа отъ жидкости.»

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на нѣкоторые вулканы въ Океаніи, которые въ послѣднее время сдѣлались замѣчательными по многимъ сильнымъ изверженіямъ. Мы говоримъ о вулканахъ, на Гавайи-Овахи, — юговосточнаго и величайшаго изъ острововъ Сандвическаго Архипелага. Хотя горы этого острова высоки и вулканическаго свойства, однакожъ скаты ихъ рѣшительно не имѣютъ никакого характера европейскихъ вулкановъ. Самыя высочайшія изъ этихъ вулкановъ, образующія какъ-бы вершину горнаго хребта острова, *Мауна-Кеа*, имѣетъ 15,000 футовъ вышины; за нимъ слѣдуетъ *Мауна-Роа*, лежащій болѣе въ серединѣ и имѣющій 13,176 футовъ вышины; на востокъ отъ *Мауна-Роа*, лежитъ величайшій кратеръ на земномъ шарѣ, *Кираву-Еа*, имѣющій только 4000 футовъ вышины. Меньшій вулканъ острова называется *Менхуа-рапарари*. Ужасно было изверженіе горы *Кираву-Еа*, въ мѣ 1840 года. В. Эдлинъ описываетъ этотъ кратеръ слѣдующимъ образомъ:

«Стѣны жерла, образованныя пью потоковъ лавы, совершенно отвѣсны, и имѣютъ 400 футовъ вышины. Эти сѣрыя стѣны, разсѣпны, перерѣзавшія ихъ, сѣрные слои, живые и постоянные дѣйствіе безчисленнаго множества маленькихъ кратеровъ, густые столбы дыма и, наконецъ, окружившія голыя скалы, возвышавшіяся въ нѣкихъ мѣстахъ отвѣсно на 300—400 футовъ, составляли картину, ужасное, грозное впечатлѣніе которой усиливалось постояннымъ ревомъ, слышавшимся въ внутренности земли.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1845 года началъ бушевать *Мауна-Роа* и вскоре послѣдовало одно изъ ужаснѣйшихъ изверженій, описанныхъ очевидцемъ, миссіонеромъ Титусомъ Кономъ; 10-го января 1845 года, на зарѣ, показался сильный потокъ огненной, жидкой массы близъ вершины *Мауна-Роа*. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, теченіе лавы со дня на день усиливалось, такъ что небо и земля покрывались огненнымъ заревомъ, которое изчезло не прежде, какъ когда лава разлилась по окрестностямъ и достигла до горы *Мауна-Кеа*. Нѣсколько недѣль спустя, миссіонеръ, съ нѣкоторыми пріятелями, слѣдовалъ по дорогѣ, по которой лилась лава, достигъ до вершины огневидящей горы, гдѣ открылъ источникъ лавы, огром-

Волканическое изверженіе Мауна-Роа, на Сандвичевыхъ островахъ, 10 Января 1844 года.

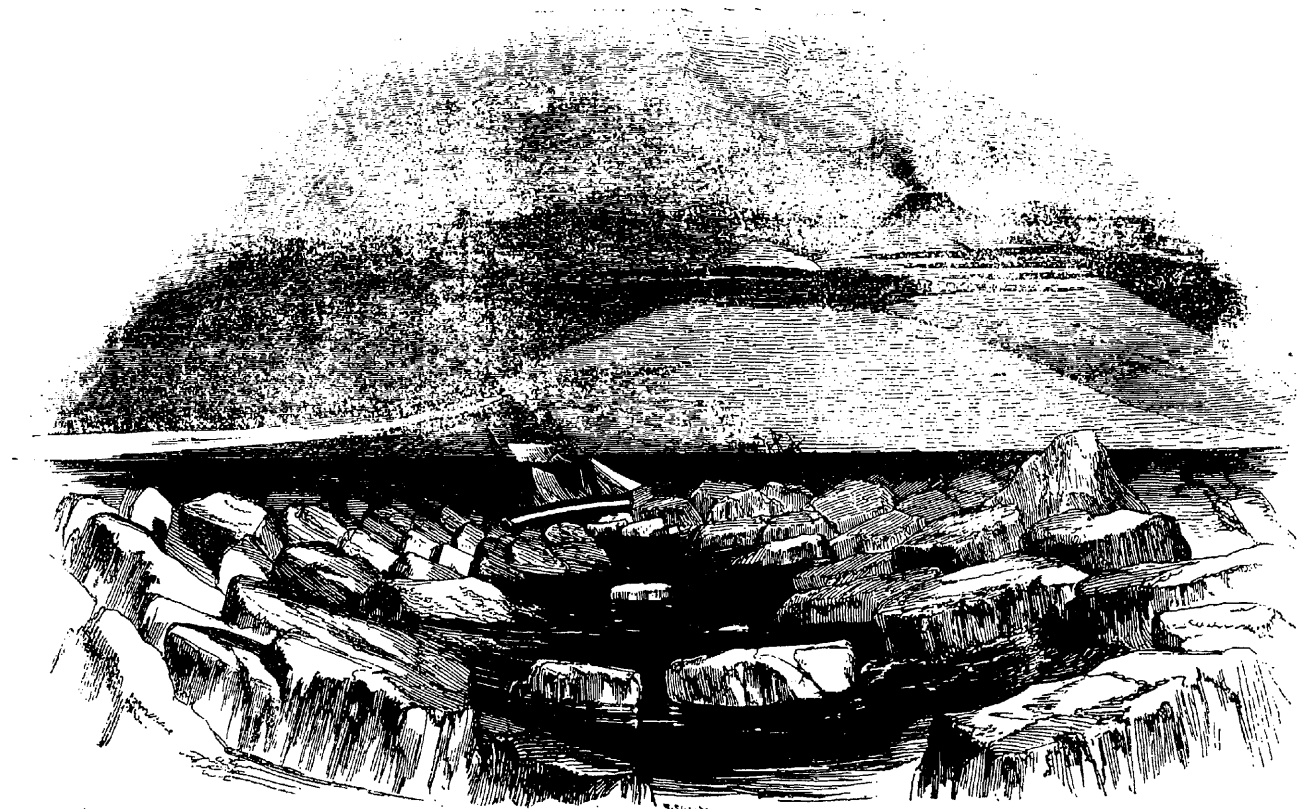
ный кратеръ, находившійся по среди вѣчныхъ снѣговъ. По поверхности горы не струилась болѣе лава, потому что на 50, а мѣстами и на 100 футовъ отъ поверхности земли, она прорыла себѣ подземный каналъ, по которому съ невыразимою быстротою стремился огненный потокъ, что

можно было рассмотреть сквозь расщелины, образовавшіяся на поверхности горы.

Въ заключеніе Миссіонеръ говоритъ :

«Путешествіе наше было сопряжено со многими опасностями и невыразимыми трудностями, однакожъ мы ни разу не раскаивались въ томъ,

что предприняли сего, и осматрѣвъ все, что можно было осматрѣть, вступили въ обратный путь, удивляясь величію и всемогуществу Творца Вселенной.»

Волканъ Эребусъ, на Вандорфъ-Ланде, открытый 17 Января 1820 года.

Иванъ Ивановичъ написалъ цѣлый Романъ; неподумавъ о развязкѣ; гдѣ ее взять? Въ отчаяніи онъ рѣшетъ се по своей комнатѣ саженными шагами.

Ловить счастливую мысль въ табачномъ дымѣ.

Роется въ домашнихъ архивахъ.

Гризеть перо.

Предается математическимъ соображеніямъ.

А ларчикъ просто открылся. Развязка отыскалась въ книгѣ,—не его сочленія.

ДВА ДЕВИЗА.

повесть.

Въ Серне, въ конторѣ дилижансовъ, ждали двое молодыхъ людей, вѣвшихъ мѣста въ Кейзерсбергъ. Обоявъ, казалось, не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ; но въ физіономіи нѣ была замѣчательная разница.

Одинъ изъ нихъ былъ ниже ростомъ; волосы его были почти черны, лицо блѣдно, движенія быстры и живы; въ немъ съ перваго взгляда можно было угадать урожденца Юга; другой — высокій, блондинъ и румяный, представлялъ совершенный типъ жителя Альпій, гдѣ французская живость умѣрится нѣмкими лобродушіемъ. Перехъ обмыли лежали халатныя чеполаны съ адресами, прикрѣпленными сургучемъ. На одномъ изъ нихъ было написано: Генрихъ Форстенъ, изъ Марсельи; а на другомъ адреса, на сургучѣ, были отпечатаны слѣдующіи девизы: мое право. На другомъ было написано: Жозефъ де Мюльценъ, изъ Страсбурга; а на печаткахъ девизъ: казнь.

Конторщикъ только что записалъ имена путешественниковъ въ книгу, съ обычной замѣткой: съ двумя чеполками, когда Генрихъ потребовалъ, чтобы ихъ ввели. Конторщикъ объявилъ, что это будетъ сдѣлано въ Кейзерсбергѣ; но молодого человѣка, желая избѣгнуться хлопотъ, въ минуту прибытія, возразилъ, что онъ имѣетъ право требовать, чтобы это было исполнено немедленно. Конторщикъ заурячился; тѣмъ же Жозефъ старался уговорить Генриха, замѣтивъ, что имъ надо еще обѣдѣть и что дилижансъ скоро отправится. Марсельскій уроженецъ никогда не уступалъ, когда полагалъ, что требованія его справедливы, а вѣрны своему девизу, онъ всегда считалъ ихъ справедливыми. Споръ продолжался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, конторщикъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился уйти. Генрихъ хотѣлъ было заспорить съ нимъ; но, по счастью, тотъ говорилъ только по-нѣмецки, такъ что молодой человѣкъ по неволѣ долженъ былъ послѣдовать за своимъ товарищемъ, на котораго онъ обратилъ весь свой гнѣвъ.

— Чортъ возьми! ты хотѣшь кого взбѣсить! вскричалъ онъ, оставшись съ нимъ на единѣ. Ты даже не заступился за меня, когда я спорилъ съ этимъ упрямымъ конторщикомъ!

— Мнѣ кажется, возразилъ Жозефъ, улыбаясь, что ты не нуждался въ заступничествѣ: ты спорилъ съ такимъ жаромъ, какъ будто бѣ дѣло шло о всемъ твоёмъ состояніи, или о твоёмъ чести.

— Но твоему лучше было бѣ отступить отъ своихъ правъ?

— Когда это право не стоитъ того, чтобы объ немъ хлопотать...

— Ну, такъ! прервалъ Генрихъ съ жаромъ; ты всегда готовъ уступить; чтобы тебѣ пришла охота защищаться, надобно наступить тебѣ на горло. Въместо того, чтобы смотрѣть на свѣтъ, какъ на поле битвы, ты смотришь на него, какъ на гостиницу, гдѣ надо говорить вѣдлы комплименты.

— Чѣтъ, сказалъ Жозефъ; но какъ на большой корабль, на которомъ всѣ пассажиры должны быть дружны и снисходительны одинъ къ другому. Великому человѣку нѣтъ другъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не объявитъ себя моимъ врагомъ.

— А я считаю всякаго человѣка моимъ врагомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не докажетъ, что онъ нѣтъ другъ, возразилъ смѣль Юга; я никогда не раскаялся въ этой предосторожности, и совѣтую тебѣ взять съ меня примѣръ, когда мы будемъ въ Кейзерсбергѣ. Мы встрѣтились тамъ съ другими на слѣдникахъ нашего алма, которые, вѣроятно, постараются прибрать къ рукамъ насильство; но я рѣшился никому и ничего не уступать.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья дошли до гостиницы *Бьяло-Коя*. Столовая, въ которую они вошли, была пуста; но на одномъ концѣ ея стоялъ большой столъ, на который хозяйка только что поставила три прибора. Генрихъ приказалъ поставить еще два.

— Извините, отвѣчала хозяйка, здѣсь нельзя.

— Почему? спросилъ молодой человѣкъ.

— Потому, что господа, для которыхъ поставлены эти три прибора, желаютъ кушать одинъ.

— Такъ пускай они обѣдаютъ въ своихъ комнатахъ, всвѣдливо вскричалъ Генрихъ; здѣсь обща яла и общій столъ; всякій путешественникъ имѣетъ право войти сюда и требовать, чтобы ему подавали обѣдѣть.

— Буато не все равно, замѣтила Жозефъ, обѣдѣть здѣсь, или въ другой комнатѣ?

— А отчего же этимъ не все равно? вскричалъ Генрихъ, указавъ на приборы.

— Они пришли прежде васъ, замѣтила хозяйка. — Слѣдовательно, у васъ въ гостиницѣ кто прежде придетъ, тотъ имѣетъ право распоряжаться? вскричалъ Генрихъ.

— Итъ; а это знакомыя господа.

— Слѣдовательно, вы или болѣе дорожите, нежели нами?

— Позвольте вамъ замѣтить, что обычнымъ посетителямъ...

— Обычнымъ посетителямъ должны подчиняться всѣ другіе?

— Мы подадимъ вамъ обѣдѣть въ другой комнатѣ.

— Вы подадите намъ остатки вашихъ знакомыхъ... Не такъ ли?

— Хозяйка обѣдала.

— Если вы, сударь, думаете, что въ *Бьяло-Коя* дуренъ обѣдѣть, то можете идти въ другую гостиницу... Затемъ ихъ несколько, сказала она.

— Конечно я здѣсь не останусь, возразилъ съ живостью Генрихъ, взявшись за шляпу.

И не слушая Жозефа, удерживавшаго его, онъ скоро вышелъ.

Мюльценъ зналъ по опыту, что надо было оставить въ покоѣ его кухню, и что въ подобныхъ случаяхъ всѣ старанія уговорить его, только болѣе воспламеняли заносчивость его. А потому онъ рѣшился остаться въ гостиницѣ *Бьяло-Коя* и обѣдѣть въ другой комнатѣ. Но, въ то самое время, когда онъ хотѣлъ исполнить свое намѣреніе, въ столовую вошли тѣ, для которыхъ были приготовлены приборы, а именно дама и молодой лѣтъ съ дѣвичествомъ, ея племянницей, и мужичино лѣтъ пятидесяти, который, по видимому, служилъ дамамъ проводникомъ. Хозяйка стала рассказывать, что случилось. Жозефъ поклонился, и хотѣлъ поскорѣе удалиться, но мужичина удержалъ его.

— Я крайне огорченъ тѣмъ, что случилось, сказалъ онъ съ добродушіемъ. Желая обѣдѣть одинъ, мы хотѣли только избѣгнуть встрѣчи съ некоторыми людьми, разговоры и поступки которыхъ неприятны дамамъ; вашъ пріятель напрасно принялъ это за капризъ; за притомъ; въ доказательство справедливости моихъ словъ, я прошу васъ покоришите съестъ рядомъ съ нами.

Жозефъ тѣмъ же отговаривался, увѣряя, что онъ нисколько не обиженъ чѣромъ, казавшемся ему очень естественнымъ; но г. Росманъ (такъ называли дамы своего кавалера) настаивалъ съ такимъ добродушіемъ, что молодой человѣкъ долженъ былъ согласиться.

Пожилая дама, непривыкшая, но видимо, путешествовать, съѣла противъ него съ племянницей, и глубоко вздохнула.

— Вы устали, Шарлотта? спросилъ Росманъ.

— Еще бы! вскричала старушка; просидѣть цѣлый день въ каретѣ, которая трясетъ такъ, что ужасъ! Бѣтъ не во-время; подспертыя разными опасностями; я, право, не знаю, какъ дилижансъ до сихъ поръ не опрокинулся, его такъ и кидало со стороны на сторону!.. Ахъ, Боже мой! я бы даа годъ жизни своей, лишь бы поскорѣе кончилось это путешествіе!

— Но счастью эта сдѣлка невозможна! замѣтила молодая дѣвушка, съ улыбкой поцѣловавъ тетюшку.

— Да, да, смѣйся, продолжала старушка; теперь молодая дѣвучка ничего не боится!.. Ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ — онѣ пѣхали бы въ воздушныхъ шарахъ, еслибъ подобное сообщеніе было устроено!.. А всему революція виновата; она-то и придала имъ смѣлости; но революція молодая дѣвучка вѣдала только въ тѣлѣхъ или на ослѣхъ... и то только въ крайнихъ случаяхъ. Покройница, мать моя, часто рассказывала, что она во всю жизнь свою иначе не путешествовала какъ пѣшкомъ.

— Да она и гдѣ и не была, замѣтила Росманъ.

— Что за бѣда? Не смотря на то, она была добрая и почтенная женщина, и кромѣ того, она была счастлива; когда птичка совѣтъ себѣ гнѣдышко, такъ и остается въ немъ. Теперь привычка жить на большихъ дорогахъ виной тому, что люди менѣе любятъ свой домъ, свою семью; они отыкаютъ отъ того и отъ другой, потому что они вездѣ дома. Это, быть можетъ, выгодно для обществности, но по этому самому люди менѣе добры и менѣе счастливы.

— Поинте, Шарлотта, вы сердиты на путешествіе... за толчки и тряску, весело сказала Росманъ; но я надѣюсь, что ваше неудовольствіе разсѣется, когда вы попробуете этого супу; лучшаго нельзя достать и въ Фонтенѣ.

Разговоръ продолжался въ такомъ же дружескомъ тонѣ. Жозефъ сначала скромно молчалъ, но

г. Росманъ нѣсколько разъ обращался къ нему и вскорѣ разговоръ сдѣлался общимъ, когда пришли доложить, что лошади готовы. Всѣ посѣпшыя расплатились съ хозяйкой и отправились въ контору.

Жозефъ прибылъ туда въ одно время со своимъ кузеномъ. Пока Мюльценъ обѣдалъ, Форстенъ обѣдалъ въ гостиницѣ, и гдѣ ничего не вѣдалъ, и наконецъ, не имѣя болѣе времени жать, принужденъ былъ купить себѣ нѣсколько плодовъ и булку, которую онъ дождавъ въ конторѣ!

Этотъ слишкомъ умѣренный обѣдъ, какъ великій легко пойметъ, не развѣдалъ дурного расположенія духа молодого человѣка. Напротивъ, онъ сталъ еще угрюмѣе. Жозефъ это замѣтилъ и ян о чемъ не расширявалъ его, тѣмъ болѣе, что уже началась пересылка пассажировъ.

Молодые люди готовились уже занять свои мѣста, когда конторщикъ вдругъ замѣтилъ, что онъ ошибся, записавъ ихъ, потому что всѣ мѣста были уже заняты.

— Заняты! вскричалъ Генрихъ; но вѣдъ вы взяли съ насъ задатокъ.

— Я вамъ сейчасъ возвращу его, сказалъ конторщикъ.

— Ничего не бывало! вскричала молодой человекъ; съ той минуты, какъ вы припалъ отъ меня задатокъ, между нами заключено словесіе, въ силу котораго я имѣю право требовать, чтобы вы дали мнѣ мѣсто.

Съ этими словами онъ схватился за ремень и вскочилъ на верхъ дилижанса, гдѣ было еще одно незанятое мѣсто; путешественникъ, которому оно принадлежало, сталъ спорить, но Генрихъ настаивалъ на своемъ, утверждая, что ничто не можетъ заставить его сойтъ, и если съ нимъ захотятъ употребить насиліе, такъ онъ съумѣетъ защититься. Тѣмъ же Жозефъ старался уговорить его; марсельскій уроженецъ, еще болѣе огорченный тѣмъ, что остался безъ обѣда, не хотѣлъ ничего слушать.

— «Мое право!» кричалъ онъ; вотъ мой девизъ; твой девизъ: «милосердіе». Будь же милосердъ, если хочешь; а я хочу быть справедливымъ, и заплатилъ за это мѣсто, оно мое, и я никому его не уступлю!

Путешественникъ, котораго мѣсто занялъ Генрихъ, представлялъ ему, что онъ взялъ это прежде него; но молодой человѣкъ, какъ адвокатъ, отвѣчалъ ему цитатами изъ свода законовъ. Время проходило въ спорахъ, объясненіяхъ, взаимныхъ угрозахъ. Пожилая дама, слышавшая притѣвленія дилижанса, опять стала жаловаться на путешествіе вообще, и на дилижансы въ особенности. Наконецъ, Жозефъ, видя что ссора добромъ не кончится, предложилъ конторщику нанять бричку, въ которой онъ поѣдетъ съ путешественникомъ, лишившимъ мѣста. Предложеніе это было принято съ удовольствіемъ и дилижансъ уѣхалъ.

Это было въ полнѣ; воздухъ былъ сухой, холодный. Напрасно Генрихъ, привыкшій къ провансальскому солнцу, застѣгивалъ свой дорожный напѣтъ, вечерній холодъ проникалъ его на сквозъ, сырость виталась въ напѣте его, и онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Лице его поспѣло, зубы стучали!.. На бѣгу его вскорѣ поднялся холодный, прощательный вѣтеръ, и пошелъ дождь. Състѣлъ его, закутанный въ клеичатый напѣтъ, могъ бы удержать ему одну полу широкаго плаща, но то были толстые кулецы, чрезвычайно заботившіеся о собственной своей особѣ и нелюбившіе беспокоиться о другихъ. Когда Генрихъ не уступалъ мѣста, състѣлъ одобрялъ его рѣшимость и говорилъ: «что въ путешествіи каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ; тогда молодой человѣкъ находясь это правило чрезвычайно благоразумнымъ, за то теперь онъ терпѣтъ отъ примѣненія его къ дѣлу. Однакожъ, на половинѣ дороги, кулецы высули голову изъ поля своей шпалы, посмотрѣвъ на състѣла и сказали:

— Вы, кажется, озлябл.

— Я промокъ до костей, съ трудомъ проговорилъ Генрихъ.

Толстый путешественникъ плотно закутался въ клеенку, какъ бы для того, чтобы еще лучше наслаждаться своимъ благосостояніемъ.

— Это очень нездорово, замѣтилъ онъ философски; совѣтую вамъ впередъ запастись такимъ плащомъ; или улобетъ и недорогъ.

Послѣ этого совѣта, толстѣкъ опять спряталъ голову подъ плащъ и сталъ засыпать, укачивавшій ровными движеніями экипажа.

Было уже очень поздно, когда дилижансъ прибылъ въ Кейзерсбергъ. Едва владѣя окончившимъ членами, Генрихъ соскочилъ съ дилижанса и по-

бѣжалъ въ кухню гостиницы, гдѣ былъ разведенъ большой огонь; но воидя туда, онъ увидѣлъ, что каминъ былъ уже окруженъ путешественниками, между которыми находились Жозефъ Мюльценъ и незнакомецъ, мѣстомъ котораго онъ овладѣлъ. Извозникъ, котораго они наняли, провезъ ихъ проселочной дорогой и они уже болѣе часу были тутъ.

Увидѣвъ въ какомъ жалкомъ положеніи былъ кузнецъ его, Мюльценъ поспѣшно уступилъ ему свое мѣсто; что же касалось до обиженаго путешественника, то онъ не могъ воздержаться отъ громкаго смѣха.

— Я очень обязанъ вамъ, сказалъ онъ Генриху, что вы ищили меня мѣста; въ противномъ случаѣ я былъ бы точно въ томъ же состояніи, въ какомъ вы теперь находитесь.

Генрихъ не отвѣчалъ; онъ сѣлъ къ огню и старался согрѣться.

Лишь только онъ пришелъ въ себя, то потребовалъ, чтобы ему отвели комнату; но въ Кейзерсбергѣ была ярмарка, и гостиница была набита биткомъ. Хотя Жозефъ и товарищъ его прибыли цѣлымъ часомъ ранѣе, но и тѣ напихали только одну незанятую кровать, которую первый великодушно уступилъ второму. Однакожъ, послѣ долгихъ поисковъ и разспросовъ, нашлась еще незанятая кровать въ гостиницѣ; но она стояла въ комнатѣ, занятой четырьмя разнощниками, несогласившимися принять кого-нибудь къ себѣ.

— Развѣ они напихали всю комнату? спросилъ Генрихъ.

— Итъ, отвѣчала хозяйка гостиницы.

— Слѣдовательно вы имѣете право располагать незанятою кроватью.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Но какому же праву не хотѣть они никого впускать къ себѣ?

— Ни по какому; но всѣ четверо нарядъ дюжисъ и грубые; такъ что никто не захотѣлъ заводить съ ними ссоры.

Генрихъ съ живостію всталъ.

— Это мааодушіе, вскричалъ онъ. Что касается до меня, то я не соглашусь провести ночь безъ сна, потому что этихъ господамъ вдумалось овладѣть цѣлою комнатою; ведите меня къ нимъ; они не осмѣлятся...

— Берегитесь, Генрихъ, прервалъ его Мюльценъ; эти люди дерзки и грубы.

— Неужели эти недостатки даютъ вамъ право своевольничать? заносчиво вскричалъ провансалецъ; какъ бы не такъ! я урезони ихъ.

Онъ схватился уже за фуражку, чтобы идти за хозяиномъ, когда г. Росманъ, искавшій своего слугу, въ слышавшій послѣдніе слова кузнецовъ, подошелъ къ нимъ и сказалъ весело и добродушно:

— Я вижу, господа, что вы не знаете, гдѣ провести ночь?

— Я найду себѣ мѣсто, не беспокоитесь обо мнѣ, угрюмо отвѣчалъ Генрихъ, и хотѣлъ идти далѣе.

— Подождите же одну минуту, возразилъ Росманъ; разнощники, вѣроятно, отвѣтятъ на всѣ ваши разсужденія грубыми, и вамъ трудно будетъ доказать имъ ваше право; согласитесь лучше провести ночь у меня; и живу въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда п съ удовольствіемъ приму васъ у себя.

Генрихъ и Жозефъ поклонились п благодарили, но совершенно различнымъ образомъ: въ словахъ Мюльцена выражалась радостная признательность; Генрихъ былъ хотя и вѣжливъ, но не совсемъ признателенъ. Онъ не забылъ еще, что Росманъ былъ виной тому, что онъ остался безъ обѣда въ Серне.

— Вы слишкомъ добры, сказалъ онъ, смягчивъ голосъ; но я бы не желалъ беспокоить васъ. Притомъ же слѣдуетъ проучить этихъ людей и доказать имъ, что должно уважать права великаго.

Съ этими словами онъ поклонился п пошелъ къ комнатѣ, которую заняли разнощники. Жозефъ, страшась, чтобы дѣло не дошло до драки, послѣдовалъ за нимъ; но, можетъ быть, смѣлый, рѣшительный видъ провансальца подѣйствовалъ на разнощниковъ, или имъ уже хотѣлось спать, а потому они только поворчали, п Генрихъ безпрятственно легъ на кровать.

Тогда Жозефъ рѣшился удалиться п послѣдовалъ за г. Росманомъ, который обождалъ его внизу.

У Росмана Жозефъ нашелъ пожилоу даму п племянницу ея Луизу, готовившую чай. Хозяйка сказала нѣсколько словъ дамамъ на ухо и онѣ привѣтливо приняли молодого человѣка. Его усадили за столъ, между тѣмъ какъ Луиза разпала чай. Пожилая дама увѣрила, что до сихъ поръ не при-

шла еще въ себя отъ путевыхъ неприятностей и безпокойствъ; ей все казалось, что самое кресло, на которомъ она сидитъ, качается; шумъ самовара напоминалъ ей стукъ колесъ. Она, однакожъ, осмѣлилась о молодыхъ человѣкѣхъ, который, въ Серне, взявъ приступомъ мѣсто на дилжансѣхъ, п Росманъ разсказалъ свою встрѣчу съ Генрихомъ въ гостиницѣ.

— Ахъ, Боже мой! Да онъ, должно быть, страшный заблѣка! Я такихъ людей боюсь какъ огня.

— Онъ благороднѣйшій и честнѣйшій малый, замѣтилъ Мюльценъ; онъ только вездѣ п всегда слѣдуетъ своему девизу: *моё право*.

— А вашъ девизъ: *Милосердіе*, возразила улыбаясь старушка. О! я все слышала въ Серне.

— Вы вмѣстѣ путешествуете? спросилъ Росманъ.

— Мы двоюродные братья, отвѣчалъ Жозефъ, и прѣехали въ Кейзерсбергъ по случаю духовной, которая должна быть открыта и прочтена завтра.

— Духовной! съ изумленіемъ повторила пожилая дама.

— Нашего дяди, доктора Гарвера.

— А! въ родственники доктора, вскричалъ Росманъ, смотря на молодого человѣка; какъ я радъ случаю, познакомившему насъ... я былъ старшій товарищъ и лучшій другъ доктора.

Это случайное открытіе послужило поводомъ къ разговорамъ о покойникѣ. Мюльценъ никогда не видалъ его, но ощущалъ къ нему ту почтительную привязанность, которая какъ бы инстинктивно существуетъ между незнакомымъ даже членами одной семьи. Онъ долго разговаривалъ о докторѣ, съ участіемъ слушалъ разсказы о жизни, о послѣднихъ минутахъ его; наконецъ, послѣ одной изъ тѣхъ бесѣдъ, въ которыя человѣкъ невольно высказываетъ всю свою душу, онъ ушелъ въ назначенную ему комнату, въ восторгѣ отъ гостеприимныхъ хозяевъ, которые также остались весьма довольны имъ.

Усталость доставила ему спокойный, крѣпкій сонъ, и когда онъ проснулся, то уже было поздно. Онъ скоро одѣлся, чтобы идти за двоюроднымъ братомъ, вмѣстѣ съ которымъ долженъ былъ отправиться къ нотариусу; но войдя въ залу, засталъ тамъ послѣдняго вмѣстѣ съ г. Росманомъ п Генрихомъ, котораго хозяйка пригласила къ себѣ. Вскорѣ пришла и пожилая дама съ Луизой. Когда всѣ собрались, Росманъ обратился къ молодымъ людямъ и сказалъ имъ улыбаясь:

— Всѣ мы принимаемъ одинакое участіе въ дѣлѣ, которое привело въ Кейзерсбергъ въ васъ, господа; потому что невѣстка моя, госпожа Шарлотта Ревель и племянница ея, Луиза Арманъ, которой я имѣю удовольствіе быть опекуномъ, также прѣехали сюда, чтобы присутствовать при открытіи духовной доктора Гарвера.

Молодые люди вѣжливо поклонились дамамъ.

— Я разсудилъ, продолжалъ Росманъ, что открытіе духовной могло быть совершенно у меня, такъ какъ случай привелъ сюда всѣхъ особъ, принимающихъ въ этомъ дѣлѣ участіе.

Генрихъ утвердительно кивнулъ головой.

Всѣ сѣли; нотариусъ готовился уже разломать печать, но вдругъ остановился.

— Духовная эта написана давно, сказалъ онъ, и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, г. Гарверъ нѣсколько разъ изъявлялъ желаніе уничтожить ее, чтобы каждому изъ наследниковъ досталась законная часть. Только неожиданная, скоростная смерть его была причиною тому, что онъ не исполнилъ своего намѣренія. Я счелъ долгомъ объявить вамъ это обстоятельство, чтобы оно не осталось у меня на совѣсти; теперь же спрашиваю всѣхъ присутствующихъ, не должно ли исполнить намѣреніе доктора и съ общаго согласія уничтожить эту духовную, прежде, нежели кто либо узнаетъ ея содержаніе.

За этимъ неожиданнымъ предложеніемъ послѣдовало минутное молчаніе. Мюльценъ первый заговорилъ.

— Что касается до меня, произнесъ онъ со скромностію, то не имѣя никакихъ причинъ надѣяться, что покойникъ могъ быть особенно благосклоненъ ко мнѣ, — я даже не имѣю права подавать въ этомъ случаѣ голосъ, хотя, конечно, первый согласился бы на предложеніе господина нотариуса.

— И я не имѣю причинъ отвергать этого предложенія, сказала пожилая дама.

— А я, какъ опекунъ Луизы, соглашаюсь съ нею, прибавилъ Росманъ.

— Иду отъ васъ отвѣта, сказалъ нотариусъ, обратившись къ Генриху.

Послѣдній колебался.

— Конечно, сказалъ онъ, п я не имѣю никакои

причины надѣяться особой благосклонности отъ покойника; но по этому самому я не могу, и не долженъ согласиться. Каковы бы ни были распоряженія доктора, они одни должны быть намъ закономъ; уничтожить духовную значитъ посягнуть вмѣстѣ и на права покойника, и на права невѣстнаго наследника.

— Слѣдовательно нечего и говорить, возразилъ нотариусъ; только общее согласіе могло повести къ исполненію моего предложенія; пусть каждый сохранитъ свои права... извольте жь прислушаться.

Съ этими словами онъ разломалъ печать, вынулъ изъ конверта духовную и сталъ читать:

«Изъ четырехъ законныхъ моихъ наследниковъ я знаю только двухъ: сестру мою Шарлотту Ревель и племянницу Луизу Арманъ; но давно уже онѣ обѣ живутъ вмѣстѣ; Шарлотта любить Луизу какъ родную дочь; Луиза душой привязана къ своей теткѣ. Слѣдовательно, у меня, по настоящему, только одна наследница. «Первою моею мыслию было, оставить ей все мое имущество; но между племянниками моиими также можетъ быть одна, достойная моей любви и моего участія: остается только узнать, который изъ нихъ достоинъ.»

«Не имѣя возможности это исполнить, и зная понятливость и умъ моей племянницы, предпочтительно это на ея благоусмотрѣніе, и объявляю того своимъ полнымъ и совершеннымъ наследникомъ, кого она выберетъ себѣ въ мужья.»

«Гарверъ.»

Наступило продолжительное молчаніе. Молодые люди были смущены, а Луиза не смѣла поднимать глазъ.

— Нечего сказать! вскричала госпожа Ревель; трудную задачу задалъ докторъ моей племянницѣ.

— Менѣ трудную, нежели вы полагаете, сказала Росманъ, улыбаясь. Я давно уже зналъ содержаніе духовной Гарвера, и потому собралъ всевозможная свѣдѣнія о молодыхъ людяхъ; изъ всего, что я узналъ, я заключаю, что Луизѣ нечего страшиться въ будущемъ, на котораго изъ двухъ не палъ бы выборъ ея.

— Въ такомъ случаѣ — рѣшайте, сударыня, сказала, смѣясь, нотариусъ. Опекунъ вашъ ручается за обоихъ, слѣдовательно вамъ остается только послѣдовать собственному вдохновенію...

— Пусть рѣшаетъ тетущка, проговорила молодая дѣвушка, покраснѣвъ и просившись въ объятія госпожи Ревель.

— Я!... вскричала послѣдняя, смущенная: — другъ мой, это дѣло чрезвычайное... затруднительное... и право, я не знаю...

Когда она произносила эти слова, взоръ ея остановился на Мюльценѣ. Генрихъ замѣтилъ это.

— А! вы рѣшили мою участь, вскричалъ онъ съ живостію; я безпрекословно повинуюсь вашему рѣшенію.

Потомъ, взявъ за руку Жозефа, онъ подвелъ его къ молодой дѣвухѣ п сказалъ:

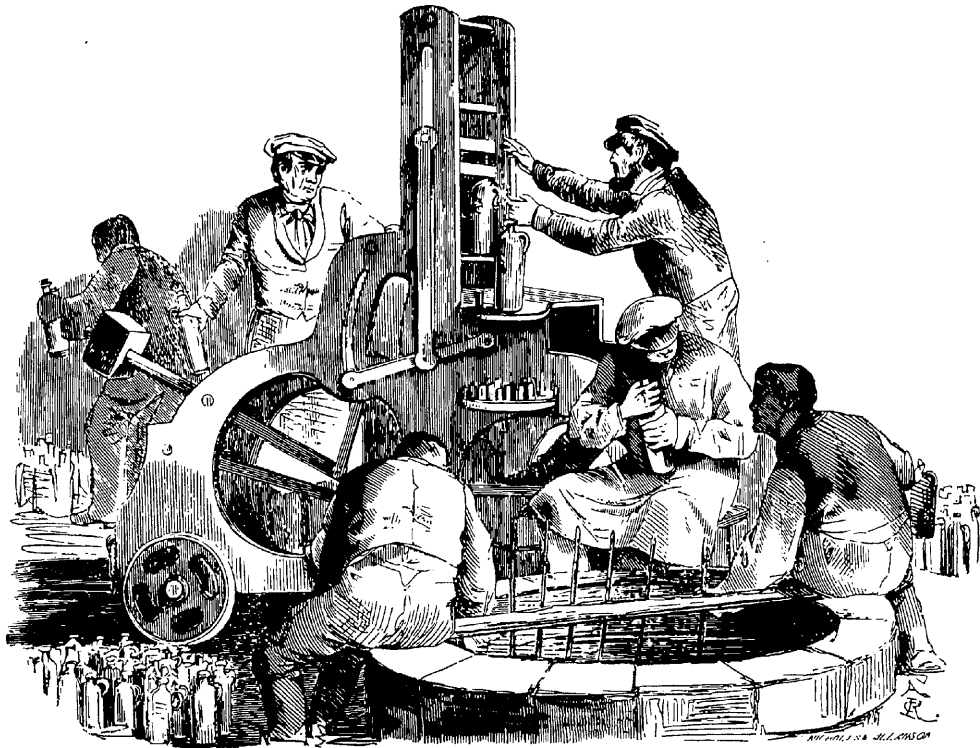
— Выберите вашей тетущки прекраснѣе... я не стою Жозефа; онъ лучше меня.

— Тенершій выхъ неустойко доказываетъ противное, сказала растроганная тетущка; но мы уже нѣсколько знакомы съ господиномъ Мюльценомъ; при томъ же... скажите ли вамъ правду?

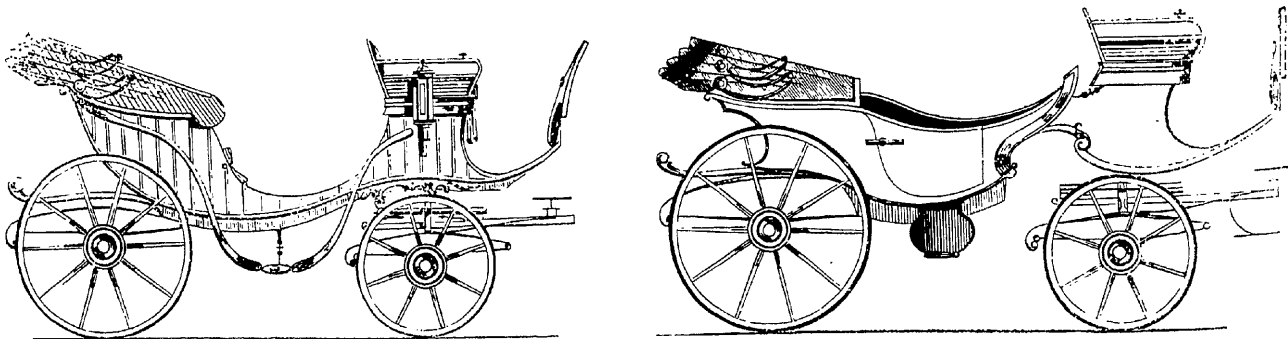
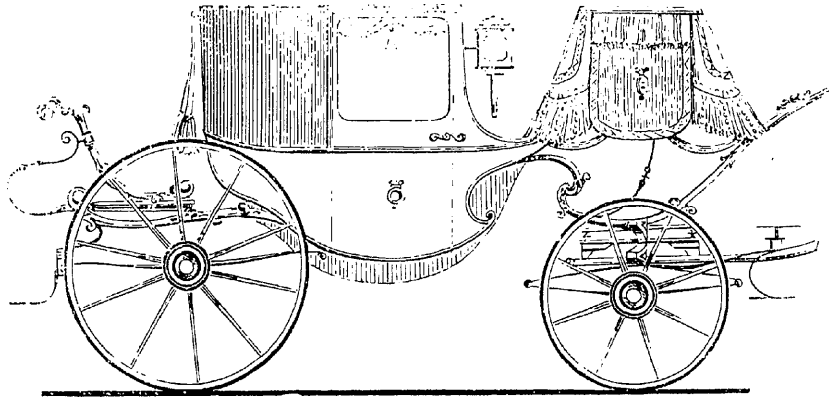
— Говорите, говорите! съ живостію произнесъ Фортенъ.

— Его девизъ успокоиваетъ, между тѣмъ какъ вашъ, пугаетъ меня; онъ снисходителенъ — вы справедливы. Увы! справедливостію могутъ доволствоваться одни ангелы; людямъ же нужно милосердіе.

— Вы, быть можетъ, правы, сударыня, произнесъ Генрихъ съ грустію; со вчерашняго дня я испыталъ столько неприятностей... пускай же онѣ послужатъ мнѣ урокомъ. Изъ строгаго зашищенія правъ своихъ я не позволю до сихъ поръ ничего, кромѣ неприятностей; снисходительность же и кротость моего двоюроднаго брата послужили ему въ пользу. Жозефъ правъ: девизъ его лучше моего, потому что онъ ближе подходитъ къ заповѣдямъ Всевышняго. Господь не сказалъ: *защитай свои права*, но: *люби ближняго какъ самого себя*.

Минеральныя воды у насъ начинаютъ пить съ Юлія мѣсяца ; раньше объ этомъ и подумать нельзя. Многие придерживаются искусственныхъ, многіе натуральныхъ. Первая—особая статья; вторая приходитъ къ намъ въ кувшинахъ изъ матеріала, который защищаетъ ихъ и отъ вѣшняго воздуха и отъ вліянія свѣта. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобы сохранить благодѣтельные газы, въ коихъ можетъ быть содержится большая часть цѣлебной силы. Обыкновенная бутылка весьма медленна. Изъмы и противу этого ухитрились и изобрѣли машину, которую и предлагаемъ на разсмотрѣніе благожелательному читателю.

Экипажи составляютъ теперь одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ роскоши. Было время, когда въ экипажахъ обращали вниманіе только на красоту, не заботясь объ удобствахъ. Еще прежде ѣздили въ ужасныхъ ковчегахъ, покойныхъ, помѣтительныхъ, не думая объ ихъ наружной прелести. Теперь красота и удобства ужь не такъ согласныя и мы считаемъ обязанностію представить образцы послѣднихъ экипажей, изготовляемыхъ на фабрикѣ братьевъ Юхима; этотъ домъ такъ давно славится лучшими экипажами; для него не было еще печальнаго періода. Онъ постоянно находится въ цвѣтущемъ положеніи. Экипажи, которые видите, имѣютъ то преимущество, что они гораздо легче, и въ полномъ смыслѣ безопаснѣе прежнихъ. Улучшенія по этой части считаются общепользанными и потому повѣдѣнія объ нихъ всегда найдутъ мѣсто въ Иллюстраціи.

ПОДДѢЛКА ВИНЪ И КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ.

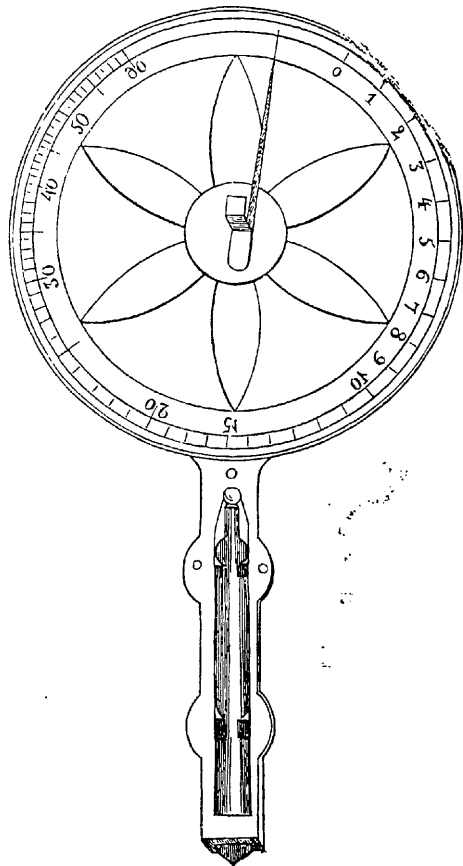
Алкоометръ Г. Броссаръ-Видала.

«Поддѣлка винъ, сказано въ одномъ спеціальному французскому журналѣ, начинается на самомъ мѣстѣ производства ихъ, если не производителями, то негоціантами, покупающими огромное количество винъ. Они разбавляютъ высшіе сорта низшими, чтобы по-

почти ничего общаго съ *настолицмъ*, не поддѣланнымъ виномъ. Такимъ образомъ, вино, удаляясь отъ производителя, увеличивается въ количествѣ, уменьшается въ цѣнѣ и портится въ качествѣ. Самое маловажное и прости-тельное злоупотребленіе состоитъ въ разбавленіи высшихъ сортовъ винъ низшими или водой; гораздо важнѣе то, что такимъ образомъ поддѣланныя вина подкрашиваютъ, уси-

Во Франціи теперь обращено особое внима-ніе на средства къ прекращенію этого злоупотребленія. Результатомъ довольно продолжительныхъ и жаркихъ преній, были слѣдующія постановленія:

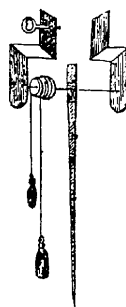
Виноторговцамъ настрожайше запрещено имѣть въ своихъ погребахъ испорченныя, разбавленныя или поддѣланныя вина; если жъ у кого найдется вино, разбавленное вред-

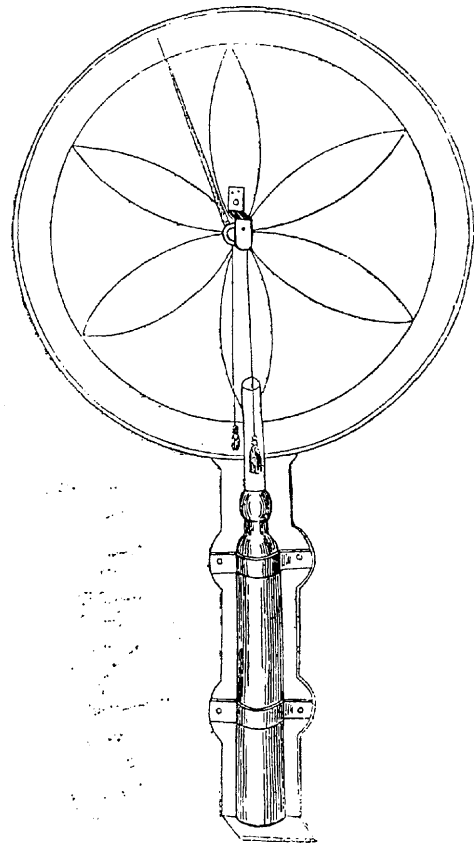
Фиг. 1.

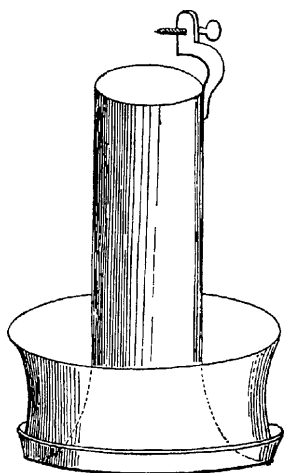
Фиг. 2.

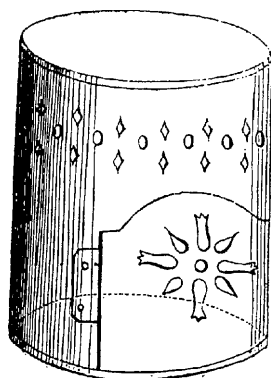
Фиг. 3.

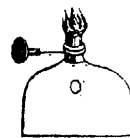
Фиг. 4.

Фиг. 5.

Фиг. 6.

Фиг. 7.

Фиг. 8.

лучить большій барышъ. Купцы, покупающіе у негоціантовъ, вторично поддѣлываютъ вина, сбывая ихъ торговцамъ, имѣющимъ погреба на мѣстѣ потребленія, откуда они переходятъ къ мелочнымъ продавцамъ и въ трактиры, еще болѣе поддѣланныя, наконецъ, отъ мелочныхъ продавцевъ и изъ трактировъ, потребители получаютъ напитки, неимѣющіе

ливають алкоодемъ или спиртомъ и примѣшиваютъ пряности, придающія имъ то, что потребители преважно называютъ *букетомъ*.» Но все это еще ничто въ сравненіи съ обманомъ, помощью котораго нѣкоторые вино-торговцы потчуютъ потребителей дешевой смѣсью воды, кампешеваго дерева и алко-

ными для здоровья веществами, то того осуждать на уплату пени отъ 200 до 2000 франковъ и на заключеніе въ тюрьму; кратчайшій срокъ заключенія два мѣсяца, продолжительнѣйшій — два года; еслижъ разбавленное вино не содержитъ вредныхъ частицъ, то штрафъ назначается отъ 150-1500 франковъ, а заключеніе — отъ 6 дней до мѣсяца. Что же касается

до подбавки въ вино извѣстнаго умбренаго количества алкооля, для лучшаго сбереженія его, или для отправки за границу, то это позволяется, только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но главное затрудненіе въ этомъ обстоятельстве состоитъ въ скорыхъ и вѣрныхъ средствахъ къ открытію количества алкооля, содержащагося въ жидкости. Для этого изобрѣтены уже различныя приборы, основанныя на томъ правилѣ, что всякое тѣло, опущенное въ жидкость, погружается въ нее тѣмъ менѣе, чѣмъ она гуще, и обратно. Изъ всѣхъ алкоометровъ, основанныхъ на этомъ правилѣ, лучшій Ге-Люссака. Масштабъ его самый совершенный, ибо простирается отъ сотой доли градуса—*minimum* алкоолической содержимости въ жидкости,—до 952 тысячныхъ долей градуса—*maximum* алкоолической содержимости въ жидкости. Ге-Люссакъ замѣтилъ, что жидкости подвержены разжиженію и сгущенію въ слѣдствіе термометрическаго вліянія атмосферы, и составилъ съ г. Коллардо таблицы, для повѣрки невѣрностей, причиненныхъ разжиженіемъ жидкостей. Основаніемъ инструмента Ге-Люссака служитъ тотъ фактъ, что такъ какъ алкооль легче вина, то, чѣмъ болѣе въ винѣ алкооля, тѣмъ слабѣе будетъ относительный вѣсъ его. При употребленіи инструмента въ дѣло, должно опустить его въ жидкость, замѣтить ватерлинію его и градусъ термометра, также опущеннаго въ жидкость, потомъ справиться съ таблицей и, такимъ образомъ, опредѣлять градусъ относительнаго вѣса жидкости. Далѣе мы увидимъ, что этотъ способъ не совсѣмъ вѣрнъ.

Недостатки, приписываемые алкоометру Ге-Люссака, двоякаго рода: первые состоятъ въ затруднительности наблюденія; вторые въ томъ, что онъ показываетъ только относительный вѣсъ жидкости.

Представимъ себѣ инструментъ въ совершенно чистомъ состояніи; жидкость подымается вокругъ трубочки и обозначить на масштабѣ (градусникѣ) относительный вѣсъ меньше настоящаго вѣса. Натрите трубочку жирнымъ веществомъ и опустите ее въ ту же жидкость, которая не будетъ уже мочить ее, и найдете, что ватерлинія будетъ подъ настоящей поверхностью: такимъ образомъ та же жидкость покажетъ два различныхъ относительныхъ вѣса. Первый источникъ ошибокъ; второй же еще значительнѣе: онъ состоитъ въ томъ, что, распустивъ въ жидкости самое малое количество сахару или сыропу, можно сгустить ее, не убавивъ, однакожъ, нисколько алкоолической содержимости ея. Инструментъ Ге-Люссака даетъ вѣрное показаніе касательно относительнаго вѣса жидкости, но ошибочное, касательно алкоолической содержимости ея.

Г. Броссаръ-Видалъ оказалъ великую услугу, какъ производителю, такъ и потребителямъ, изобрѣтеніемъ новаго инструмента, годнаго даже для людей, неимѣющихъ никакихъ познаній въ химію и физикѣ. Мы не будемъ говорить о теоріи, на которой основанъ новый алкоометръ, а только о приложеніи его къ дѣлу и о замѣчательныхъ результатахъ, полученныхъ изобрѣтателемъ.

Представляемъ, во первыхъ, подробное описаніе инструмента.

Фиг. 1 представляетъ алкоометръ съ циферблатомъ, стеклянной со ртутью и всѣми частями, способствующими обращенію стрѣлки, служащей къ означенію алкоолической содержимости повѣряемой жидкости.

Фиг. 2, представляетъ стеклянку со ртутью или термометръ.

Фиг. 3, устройство блоковъ съ двумя маленькими гириями, подобными гирямъ барометра съ циферблатомъ.

Фиг. 4, другая сторона алкоометра, на которой видно, какъ дѣйствуютъ гири.

Фиг. 5, изобразяетъ сосудъ, въ который погружается алкоометръ: въ этотъ сосудъ наливаютъ испытываемую жидкость.

Фиг. 6, жаровня, на которую ставится сосудъ.

Фиг. 7, маленькая спиртовая лампа, которую ставятъ въ жаровню.

Фиг. 8, заслонка, которую накрывается сосудъ, когда въ него погружаютъ алкоометръ. Заслонка не допускаетъ алкоолю испаряться, между тѣмъ какъ чрезъ вырѣзку ея свободно проходитъ атмосферическій воздухъ.

Для повѣрки жидкости, ее нагрѣваютъ въ сосудѣ, куда опущенъ алкоометръ; тепло способствуетъ расширенію ртути, которая, возвышаясь, подымаетъ и тяжесть, лежащую на ней. Когда жидкость закипитъ, ртуть перестаетъ подыматься, стрѣлка останавливается и градусъ, на которомъ она остановится, служитъ опредѣленіемъ алкоолической содержимости жидкости.

Г. Броссаръ-Видалъ производилъ, въ присутствіи назначенной для того комиссіи, 13 ноября 1844 года, сравнительныя опыты между своимъ алкоометромъ и инструментомъ Ге-Люссака. Изъ рапорта, представленнаго этой комиссіей, явствуетъ, что всѣ преимущества находятся на сторонѣ алкоометра г. Видала. Такъ, на примѣръ, спиртъ въ 85 градусовъ, разбавляя одинакимъ количествомъ воды; ясно, что алкоометръ долженъ былъ показать 42°50; между тѣмъ алкоометръ Ге-Люссака показалъ 41°50, а Видала 42°; по слѣдняя разница такъ маловажна, что должно полагать, что она произошла отъ незначительной и неизбежной разницы при смѣшеніи спирта съ водою. Въ нѣкоторыхъ винахъ, которые по алкоометру Ге-Люссака не содержатъ алкооля, Г. Видалъ открылъ его. Такъ бургонское вино содержитъ 6°50, бордоское 9°, а ромъ отъ 52° до 53°.

Замѣчательное преимущество этого инструмента еще то, что съ помощью его можно узнать количество соли или сахару, входящее въ составъ винъ или крѣпкихъ напитковъ.

Кромѣ того, г. Броссаръ-Видалъ чрезъ сравнительныя опыты достигъ весьма важнаго результата, а именно: опредѣленія во сколько увеличивается объемъ жидкости чрезъ примѣсъ сахара.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Окрестности Петербурга болѣе и болѣе населяются; Петербургъ болѣе и болѣе пустеетъ. Нѣсколько почти пустыхъ пароходовъ пристало уже къ Англійской-Набережью; нѣсколько биткомъ набитыхъ пароходовъ отправилось уже отъ береговъ

Невы въ море. Счастливый путь! Отправляйтесь, господа, за границу, мотайте тамъ безъ толку денежки, и будьте увѣрены, что тотъ же Французъ, который такъ низко каянется предъ тугонабытымъ вашимъ кошелекомъ и безпрестанно твердитъ вамъ *monseigneur et excellence*, первый же будетъ смѣяться надъ вами и вашимъ пустымъ ничтожнымъ тщеславіемъ, лишь только вы уйдете отъ него. Изъ всѣхъ путешественниковъ болѣе всего славятся во всей Европѣ, Англичане и Русскіе. Первые своею оригинальною, эксцентричностью и презрѣніемъ ко всему иностранному. Англичанинъ патриотъ за границей, онъ ни за что и ни съ кѣмъ не согласится, чтобы что нибудь могло быть лучше того, что у него дома, на своемъ родномъ островѣ, а между тѣмъ Англія и въ самомъ дѣлѣ невелика, туманна, однообразна и мало живописна. Русскій же, патриотъ—только здѣсь, въ Россіи, и то не всегда;—за границей же, къ стыду своему, онъ отличается презрѣніемъ ко всему своему, родному; онъ унижаетъ все свое, но въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ когда либо, *униженіе начс гордости*; Русскій унижаетъ себя болѣе потому, чтобы выставить самого себя, какъ исключеніе пѣзъ общаго правила, потому что онъ твердо убѣдился въ *сверхъчеловѣчьи* своихъ идей и своего образованія, которое—увы!—часто состоитъ только въ посредственномъ знаніи французскаго языка. Между тѣмъ Россія и велика, и разнообразна и прекрасна. Такова большая часть нашихъ путешественниковъ за границу. За то, съ каковымъ удовольствіемъ встречаемъ мы иногда людей заслуженныхъ, въ полномъ трудѣ и полезной дѣятельности проведенныхъ часть своей жизни, отиравающихся за границу для того, чтобы отдохнуть, чтобы познаться съ Европой и, собравшись съ новыми силами, возвратиться на прежнее поприще дѣятельности, на время оставленное.

Еслибъ не тщеславіе влекло первыхъ, описанныхъ нами путешественниковъ, за границу, а одно желаніе развлеченія, перемѣны воздуха, и то и въ самой Россіи они нашли бы много средствъ къ тому и, вѣроятно, истративъ половину того, что они тратятъ за границей, оставили бы по себѣ добрую славу, между тѣмъ какъ въ любимой имъ Европѣ они, большую частію, служатъ—грустно вымолвить—пошлѣнникомъ. Не удаляясь сашкомъ отъ Петербурга, мы можемъ выйти мѣста, гдѣ и воздухъ здоровый, и общество пріятное, и воды, и море, и скалы, и все, что вамъ угодно. Неужайтесь за границу, тратьте—если ужъ у васъ есть страсть мотать деньги, тратьте ихъ въ Гельсингфорсѣ, въ Ревелѣ, въ Старой Руссѣ, въ Ригѣ, въ Нарвѣ, въ Одессѣ, на Кавказѣ, и вы будете обогащать родную страну, вы будете дѣлать добро землякамъ, соотечественникамъ... то-то и бѣда, что у этихъ соотечественниковъ нѣтъ ни журнала *des Debats*, ни какой нибудь Аугсбургской Газеты, которая прославитъ вашу щедрость, вашу *magnificence!* O, *vanitas!*...

Не смотря на пренебреженіе тѣхъ, на которыхъ лежитъ обязанность поддерживать все родное, наши воды, приморскіе, и вокругъ столицы лежащіе города имѣютъ такія благоразумныхъ почитателей, поддерживающихъ и украшающихъ ихъ своимъ присутствіемъ. Люди умные и предприимчивые заботятся постоянно объ обогащеніи сообщеній и доставленіи разнообразнѣйшихъ удовольствій. Посѣтители Ревеля и Гансаля, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочли въ Поллицейскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе объ составившемся въ Ревелѣ обществѣ, пѣзъ тамошнихъ дворянъ, для содержанія въ Гансалѣ, Зеленколѣ, Падисѣ и Кегелѣ особенныхъ лошадей для путешественниковъ, съ платою по три копѣйки серебромъ съ лошади, за версту. Кромѣ того объявляютъ еще, что между Ревелемъ и Гансалемъ будетъ устроена *diligence*, который будетъ ходитъ два раза въ недѣлю туда и обратно.

Что не видалъ прошлаго года на Невѣ, близъ Смольяго Монастыря, красиваго, хотя и не очень большого парохода: *Комета*? Этотъ пароходъ, устроенный правленіемъ Невскаго Пароходства, будетъ и въ нынешнемъ году совершать постоянныя рейсы между Петербургомъ и Шлюссельбургомъ,

на прежнемъ основаніи, а именно: отходить въ 9 часовъ утра, а возвращаться изъ Штоссель-бурго въ 6 часовъ вечера. Первая мѣста стоятъ 1 р. 50 к. серебръ; вторыя 1 рубль, а третьи 50 к. серебромъ.

Другой пароходъ, *Курверъ*, принадлежатъ правленію Балтійскаго Пароходства, будетъ отправляться ежедневно отъ Англійской-Набережной въ Петергофъ въ 6 часовъ вечера, и обратно въ 9¼ часовъ вечера.

Упомянувъ въ прошедшемъ номерѣ о заведеніи минеральныхъ водъ на гласисѣ Петропавловской-Крѣпости, мы забыли прибавить, что съ 15-го мая открыто *Водолечебное-Заведеніе* доктора Реймера, на Невѣ, противъ Лѣтняго-Сада.

Заведеніе минеральныхъ водъ, въ Новой Деревни также открыто. *Полостровское* же заведеніе будетъ открыто 1-го іюня. Впрочемъ, не смотря ни на холодъ, ни на сильный вѣтеръ, близъ Полострова, а именно въ саду Графа Кушелева-Безбородко, въ прошлое воскресенье, было чрезвычайно много народа. И не удивительно! Тамъ игралъ оркестръ стараго любимаго всѣхъ петербургскихъ жителей. Судя по первому воскресенью, и въ такое время, когда за-городомъ еще порядочно холодно, можно быть увѣрену, что у Германа недостатка въ слушателяхъ не будетъ. Садъ графа Кушелева Безбородко въ настоящее время одна изъ самыхъ пріятныхъ и оживленныхъ окрестностей столицы. Германъ принимаетъ на свои ежедневные концерты слѣдующую подписку: Билетъ на одного слушателя 8 рубл. серебромъ; на *двуухъ* 15 руб. сер.; на *трехъ* 20 руб. сер.; на *четверыхъ* 24 руб. сер. на *пятыхъ* 27 руб. сер. на *шестерыхъ* 28 руб. 58 коп. серебромъ; не исполнившіе же на все лѣто платить за входъ по 50 коп. серебромъ. Въ будни концерты будутъ начинаться въ 7 и продолжаться до 10 часовъ вечера; въ праздничные же и воскресные дни отъ 6 до 11 часовъ вечера. Билеты на абонементъ можно получать въ кондитерской Излера, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Армянской Церкви и въ Большой-Морской, въ музыкальномъ магазинѣ Гольца.

Для любителей Крестовскаго-Острова представляются другаго рода удовольствія, а именно: переселеніе туда панорамы Иерусалима и проч., находившейся у Александринскаго Театра, возлѣ кита. Панорама на Крестовскомъ находится возлѣ русскаго трактира.

Кромѣ того, на Крестовскомъ же островѣ будутъ происходить и уже происходили, предъ русскими же трактиромъ, нѣмецкія представленія на канатѣ, восхожденія и другія штуки, въ сопровожденіи оркестра музыкантовъ.

Впрочемъ, вечера еще такъ сыры и холодны, что ихъ безъ сожалѣнія можно проводить въ кругу добрыхъ пріятелей за двойными рамами, или въ театрѣ, а потому совѣтуемъ читателямъ зайти въ Михайловскій Театръ и посмотреть Кунста, портретъ котораго былъ приложенъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Иллюстраціи. Кунстъ актеръ замѣчательный, и если бы онъ поменьше становился на ходули, по менѣе декламировалъ бы на расчѣвъ, словомъ, былъ бы поатуральнѣе, то могъ бы даже назваться рѣдкимъ артистомъ, особенно посреди нашей бѣдной нѣмецкой труппы, гдѣ назовемъ Мора, Голландя, Шварца, Вилемана, мадамъ Альбрехтъ, Ферзингъ и — кого еще? Кунстъ былъ педурень во многихъ роляхъ, какъ то въ *Разбойничьихъ* Шплера, въ *Коварствѣ* и *Любови*, гдѣ, замѣтивъ мимоходомъ, чловѣко-ненавистникъ являлся въ коротенькомъ сюртукѣ, съ красно-повязаннымъ галстукомъ и въ лакированныхъ сапогахъ. По одному этому костюму никто не принимаетъ въ немъ участія. Эта роль одна изъ тѣхъ, въ которыхъ неподрожать Мочаловъ... но много ли такихъ актеровъ — не на Руси, а въ цѣломъ свѣтѣ? Особенно хорошъ былъ Кунстъ въ знаменитой пьесѣ Гункова: *Zopf und Schwert*, — *Коса и мечъ*. Главное дѣйствующее лицо этой пьесы прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Картина двора того времени, привычки и занятія стараго Короля, его образъ жизни, строгость, съ которою онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, его прямоу-

шіе, все это начертано въ этой комедіи кистью смѣлой, мастерской. На всѣхъ театрахъ Германіи эта пьеса была играна, и вездѣ имѣла огромный, рѣдкій успѣхъ. Гунковъ, въ настоящее время, одинъ изъ лучшихъ, если не лучшей нѣмецкой драматической писатель. Описывать сюжета этой пьесы нельзя, потому что въ ней, по настоящему, сюжета и нѣтъ, а однѣ сцены, составляющія картину, удивительно вѣрны и съ умомъ написанную, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Кунстъ въ роли короля очень хорошъ.

Еще стоитъ зайти въ Камеръ-Обскуру, находящуюся у Исакиевскаго Моста; тамъ же съ вѣсь снимутъ, если угодно, лагертотинный портретъ. Авось погода установится и можно будетъ, не подвергаясь опасности внезапнаго холода или съверныхъ вѣтровъ, переребать на дачу... Кажется пора! а не то, не успеешь оглянуться, какъ и осень наступитъ... Желаемъ и надѣемся, что слѣдующій номеръ Иллюстраціи, вы, читатель, будете разсматривать и читать на чистомъ воздухѣ, гдѣ нибудь подъ развѣсистой березой, темно-сиеной сосной, или на берегу рѣчки, отъясненной ива-ми...

РУССКІЯ КАРТИНЫ.

I.

Зимней ночью въ избушкѣ лучина горитъ,
Да жена молодая за цржей сидитъ;
Запоетъ ли она, — словно плачетъ о чемъ...
И вдругъ смолкнетъ, сидитъ, подпершись кулакомъ.
А все спитъ, только вьюга шумитъ на дворѣ,
Да лучина трещитъ, да пѣтухъ запоетъ на зарѣ,
Да мальчишки на печкѣ храпятъ, да сверчокъ
Неуимется. — О чемъ ты грустишь? — Али старшій сынокъ
Твой на службу пошелъ, — аль работа трудна, —
Али мачиха зла, аль изба холодна?...
А вотъ, къ утру прѣдетъ, брашиться начнетъ
Мужъ лихой; — гдѣ гулялъ онъ всю ночь напролетъ —
И спроситъ не посмѣешь!.. И тихо опять
Запоетъ она; словъ невозможно понять,
Только тянутся звуки. — И дастъ она волю слезамъ,
И глаза поведетъ въ уголокъ къ образамъ...

А. Пальма.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Мы нашли въ Полцейскихъ Вѣдомостяхъ замѣчанія, которыя въ настоящее время такъ кстати, что мы съѣшамъ сообщать ихъ и нашимъ читателямъ:

«Многія извѣстія въ разныхъ журналахъ упоминаютъ о несчастныхъ случаяхъ укушенія бѣшенными волками и собаками; но молчатъ о средствахъ къ излеченію. Зная одно изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ, поставляю себя въ обязанность сдѣлать о томъ извѣстнымъ.

Знакомый мнѣ докторъ, чрезвычайныхъ дарований и знаній своего дѣла, рассказывалъ мнѣ, что комнатная собачка, любимица его супруги, стала оказывать признаки бѣшенства, и когда эти признаки сдѣлались явны, то докторъ хотѣлъ ее взять осторожно и запереть, но болное животное укусило его за руку. Въ испугѣ побѣжалъ онъ съ

лею, и не успѣвъ выговорить, какъ была уже укушена и его супруга, встрѣтившаяся ему на дорогѣ. Запертая собачка съ пищенъ и штыемъ около дѣла въ бѣшенствѣ чрезъ двое сутокъ.

Средства медицины многочисленны, но докторъ зналъ ихъ ненадежность, и потому послалъ за сосѣднимъ крестьянникомъ, который всегда лечилъ, какъ говорится, на-вѣрное, и не было при-мѣра, чтобы при его леченіи кто-либо умеръ отъ водобоязни и бѣшенства.

Неученый врачъ принесъ тутъ-же изъ оврага какого-то свѣжаго корня, и давалъ обомъ укушеннымъ, сказалъ, чтобы они три утра принимали его искрошеннымъ съ чайною ложку колыскавомъ. Прошло 12 лѣтъ и докторъ съ супругою не имѣли никакихъ послѣдствій отъ укушенія бѣшеной собачки.

Когда крестьянинъ, по просьбѣ доктора, показавъ ему и самое растеніе, то пациентъ его тутъ-же увидѣлъ, что это *Spiga ulmaria*, по народному названію Раповникъ, или Храповникъ, и еще называется дикою бузиною.

Въ истекшія до сего 12 лѣтъ докторъ лечилъ многихъ укушенныхъ этимъ средствомъ, сообщая о томъ другимъ и всегда получая одинъ отвѣтъ, что укушенные выздоравливали безъ малѣйшихъ припадковъ. Надобно знать, что корень *Spiga ulmaria*, лѣтомъ и зимой должны быть употребляемы свѣжис, только что изъ земли вырытые, для этого на зиму дѣлаются замѣтки, чтобы въ случаѣ надобности тотчасъ можно было отыскать.

Имѣвъ сію траву у себя въ саду, присланную отъ доктора ко мнѣ, изъ его подмосковной въ Верейскомъ уѣздѣ, я лишился ее отъ засухи, лѣтъ 6-ти тому назадъ, и могу описать признаки: растетъ она кустомъ, вышиною отъ ¾ до 1½ аршина, стебли безъ сучьевъ, прямо отъ корня, листья тройные, продолговатые, подобно шиновнику, или рочанамъ, сплюснѣ на стеблѣ отдѣльно, и съ продолжными по листу жолобками, какъ на листьяхъ картофеля, или вяза; цвѣтокъ бѣдно-лиловый, подобный рябиновому, но не круглымъ пучкомъ, а продолговатымъ, и въ своихъ цвѣтныхъ лепесткахъ раздѣленъ гораздо-мельче, представляя собою, но величины цвѣтчиковъ, какъ-бы пухъ одувачника, запахъ какой-то особенный, медовый, очень-похожий на цвѣтъ и запахъ растенія *Olea fragrans*.

«Земледѣльческая Газета», въ 13 номерѣ 1859 года, также упоминаетъ объ одномъ растеніи отъ укушенія бѣшенныхъ животными, называя его въ примѣчаніи *Junla hypericicola*.

Не могу промолчать, что было причислено когда-то въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о употребленіи въ Парижѣ русскихъ банъ для излеченія отъ водобоязни и бѣшенства. — Имѣю надежду, что докторъ издастъ брошюру, съ приложеніемъ рисунка дикой бузины, ибо одни названія не вполне объясняютъ сущность дѣла, особенно когда одно и тоже растеніе въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ совершенно-другія названія; но рисунокъ, вѣрно-составленный и хорошо-раскрашенный, дастъ точное понятіе, и по немъ можно будетъ безошибочно отыскивать и употребить это растеніе съ пользою.

Кол. Ассес. Ал. Шибалевъ.

СРЕДСТВО ОТЪ КОМАРОВЪ.

Кому не случалось испытать, какъ несносны бываютъ комары въ жаркіе лѣтніе дни и особенно по ночи? Что можетъ быть ужаснѣе ниска, не дающаго вамъ уснуть, заставляющаго васъ промучиться цѣлою ночью и наконецъ, поблизъ нѣсколькихъ неспителеей, встать по утру съ красными шишками на лицѣ и на рукахъ? Кому не случалось переносить муки, едва ли не равной страданіямъ Спартанца, укушеннаго лисицу, когда разговаривая съ дамами или такими особами, при которыхъ неблагопріятно почешется, гдѣ нибудь на рукѣ или на ногѣ, вы чувствуете углубленіе жаля маленькаго животнаго въ ранѣ, нанесенной вамъ? Старое, испытанное, но неспроложительное средство есть, какъ всѣмъ извѣстно, табачный

дымъ; но есть, какъ говорятъ, средство болѣе дѣйствительное. Оно состоитъ въ слѣдующемъ :

Должно взять два лота квасци (Quassin), т. е. опилковъ этого дерева, вскипятить ихъ съ половинною мѣрою воды и, наполнивъ этою жидкостью скляночку, которую весьма-удобно можно взять въ карманъ, — будучи въ лѣсу, обмывать оною лицо и руки.

СРЕДСТВО УНИЧТОЖАТЬ КОМПАТНЫХЪ МУРАВЬЕВЪ.

Есть родъ мелкихъ муравьевъ, заволающихъ въ помѣщеніяхъ, гдѣ наиболѣе сохраняются съѣстные припасы. Для истребленія ихъ испитано вѣрное средство. Шкафъ, сундукъ и вообще мѣсто, гдѣ лежатъ припасы, тщательно вымываютъ горючею водою, нѣсколько просушиваютъ и потомъ окуриваютъ сѣрою; наполнивъ дымомъ, запираютъ двери, завѣсивъ первоначально холстинною или сукномъ все щели, куда бы дымъ могъ выйти. Это средство, повторенное двумя или четырьмя раза, совершенно уничтожаетъ муравьевъ. Понятно, что подобное окуриваніе должно производиться въ особой комнатѣ, и что припасы не раиѣе должны ставати на мѣсто, какъ по совершенномъ вывѣтрѣніи сѣрнаго запаха.

О КОВКѢ ЛОШАДЕЙ.

Весьма часто случается, что кузнецы, по приходу къ нимъ лошади, лишь только напосенной или накормленной хозліиномъ, завѣшиваютъ оную въ станокъ подпругами, не разбирая, полезно ли то, или вредно; отъ сего происходитъ, что брюшина плыва у сытой перетнутой лошади не рѣдко прорывается, кишки входятъ въ яичный мѣшокъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущемляется она пояссами, дѣлается воспаленіе и антоновъ-огонь тонкихъ кишекъ. Кромѣ того, для удобнаго присоединенія къ копытамъ подковъ, кузнецы прикрѣпляютъ оныя накаленные; чрезъ что копыты скоро ломаются, лошадь отъ причиненной боли не можетъ ходить и на долгое время остается къ употребленію вѣздъ неспособною, а иногда приключается въ ногахъ болѣзнѣ и вовсе неизлѣчимая.

Во избѣжаніе сего : 1) Хозліямъ должно наблюдать, дабы лошади ихъ не посылались для ковки вскорѣ послѣ насыщенія ихъ кормомъ и питьею, но по-крайней-мѣрѣ по истеченіи ночи или дня. 2) Кузнецамъ совѣтуемъ, чтобы они никакъ не рѣшались подвѣшивать въ станокъ приведенную лошадь, если узнаютъ, что она недавно была напосена или накормлена ; и 3) относительно прикладыванія раскаленныхъ подковъ къ копытамъ, нужно чтобы кузнецы старались ковать безъ размѣченія копытъ раскаленнымъ желѣзомъ, по расчищаніи бы ихъ холодною, а притомъ забитиися, чтобы и подковы были негорячія.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ЗАЩИЩАТЬ СТЫБИ ОТЪ СЫРОСТИ.

При теплой, сухой погодѣ должно покрывать кирпичи растворомъ изъ 19 лотовъ мыла въ 8 фунтахъ воды, стараясь поступать такимъ образомъ, чтобы не было пѣны. Давъ просохнуть этимъ кирпичамъ 24 часа, покрываютъ ихъ въ другой разъ растворомъ изъ 12 лотовъ квасцовъ въ 52 фунтахъ воды. Такимъ образомъ приготовленные кирпичи не принимаютъ въ себя сырости.

КАРТОФЕЛЬНАЯ БОТВА.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи солиятъ крестьяне картофельную ботву и получаютъ такимъ образомъ весьма хорошую кормъ коровамъ, одна часть котораго столько же питаетъ какъ двѣ части сѣна. Чрезъ соленіе и происходящее оттого броженіе, картофельная ботва теряетъ свой непріятный, и принимаетъ кислотавый, огуречный вкусъ. При соленіи поступаютъ также, какъ съ капустою. Листья, и въ особенности толстые стебельки, должно изрубить предъ соленіемъ.

АНЕКДОТЫ.

I.

Мой поугай ужасно злится на меня, зачѣмъ я помѣстилъ его въ Иллюстрацію; такъ какъ онъ на волѣ (сознаюсь это душно, да что же дѣлать, — слабость), толетаетъ по всѣмъ сосѣднимъ крышамъ и кричитъ во все горло. Что дѣлать злости! Поугай въ сердцахъ, говоритъ теперь втрое болѣе вадору, чѣмъ до предпрошлой субботы; прозой, стихами, на иностранныхъ языкахъ — просто потѣха. Конечно, я не боюсь его злобы, хотя и знаю до какой степени опасны этого рода птицы. Про нихъ много анекдотовъ. Вотъ одинъ : У добраго и честнаго Маркиза Бове была дурная, но тайная страстишка. Какъ говорится, онъ придерживался чарочки; но упражнялся въ этомъ удовольствіи весьма рѣдко и то дома, на ночь, такъ что камердинеръ его, Англичанъ, одинъ только зналъ про страстишку Маркиза. У Бове поугай весьма говорливый; часто онъ надобѣдалъ Маркизу по утрамъ, выводилъ его изъ тернівня своимъ крикомъ; наконецъ, Маркизъ приказалъ его продать. Охотниковъ нашлось много; въ числѣ ихъ самъ Король. Между тѣмъ способности и труды Бове въ тоже самое время обратили на него вниманіе правительственныхъ лицъ; его представили къ занятію важнаго мѣста. Король, читая по утру докладъ, произнесъ громко : Маркизъ Бове, хозліинъ моего поугай!

— Подай пушу, закричалъ поугай... Король съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Поку. — Джемсъ! пушу... Джемсъ, Джемсъ, пушу!... Подозрѣніе, возбужденное крылатымъ доносчикомъ — имѣло свое дѣйствіе. Маркизъ не получилъ мѣста.

Такъ иногда отъ малыхъ причинъ бывають важныя послѣдствія; но случается и такъ, что послѣдствія являютя безъ всякихъ причинъ. Кажется и тѣни нѣтъ къ обвиненію, а злоба найдется дорожку повредить вамъ, при случаѣ и возможности и погубить... Во время Гетманщины, шла баба навеселѣ изъ деревни въ полкъ или городъ домой. Пристала и сѣла на траву. Несмотря на веселое расположеніе баба замѣтила, что на травѣ росы нѣтъ, вкочила и съ особенною поспѣшностію явилась въ полковую судъ...

— Что тамъ такое? спросилъ писарь. — Чаровницы въ полку завелась; вотъ Гапка Мстеличица вѣдьма; я ее поймала... Судъ перепугался. Писарь потребовалъ доказательствъ. — Какъ же не вѣдьма. Шла я и сама видѣла какъ она росу съ поля украла. Въ столь важномъ случаѣ нарядили слаѣствіе. Росы не оказалось; Гапку изловили и со всѣми надлежащими церемоніями, яко уличенную колдунью, казнили въ тотъ же день, чтобы не успѣла призвать на помощь нечистую силу.

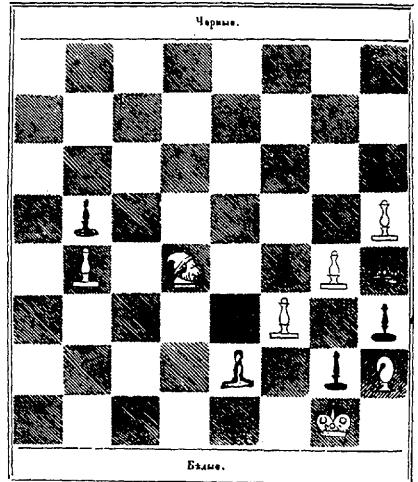
На другой день баба проснулась; удовлетворенная злоба дала мѣсто и совѣсти; баба побѣждала въ судъ и повинилась. Тутъ Панове судьи ударили объ полы руками и сказали : Отъ-такое! Баба повинилась, судьи сказали Оттакже! а Гапкѣ отъ того все таки не легче..

ШАХМАТЫ. ГАЗГАДКА № 7.

БѢЛЫЕ.	ЧЕРНЫЕ.
1) К. Кор. на 4 м. Кор.	П. березъ П.
2) П. Сл. Ф. 1 м.	П. Ф. 1 м.
3) П. Сл. Кор. 1 м.	П. березъ П.
4) П. Сл. Ф. 1 м.	П. Сл. Кор. 1 м.
5) П. таже 1 м.	П. березъ П.
6) Кор. березъ П.	П. Сл. Ф. 1 м.
7) Кор. 1 м.	П. таже 1 м.
8) К. Ф. на 7 м. Сл. Кор.	П. таже 1 м.
9) К. сл. 7 м. Кор. на 5 м. Кор. и хатъ.	

ЗАДАЧА № 8.

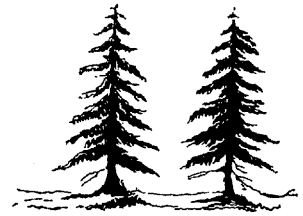
БѢЛЫЕ ХОДЯТЪ, И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ СЕМЬ ШАХОВЪ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЗАГАДКИ № 8.

ЧТО 1 ТО

уже Монеда.

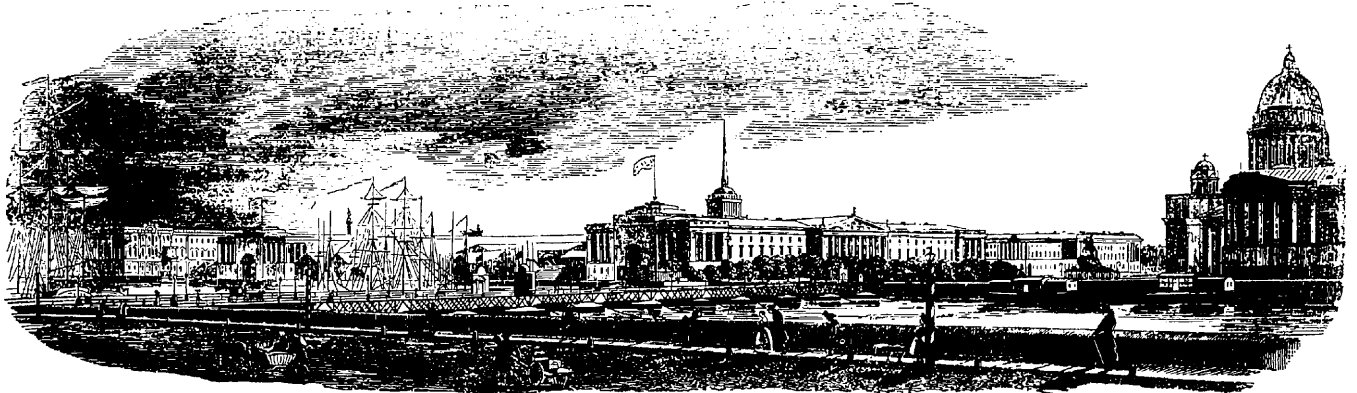
Разгадка второй половины № 7.

Бочки безъ-дна, горы де-негъ безъ усердія — пулъ, какъ тѣло безъ души. Бочки, бездна, горы денегъ — безъ усердія, ни-что, какъ тѣло безъ души.

СОДЕРЖАНІЕ: Чужая голова — тѣмный лѣсъ. Е. Гребенка. — Должныя театры. — О вулканическихъ илліидахъ. — Какъ добывать мысли? — Два дешира. Пальма. — Страпостопатель по чужимъ изданіямъ. — Подѣлка нинѣ и крылѣкъ напѣтковъ. Алкогометръ Видала. — Еженедѣльникъ. — Русскія картины. А. нинѣ муравьевъ. — О ковкѣ лошадей. — Новый способъ защищать стыби отъ сырости. — Средство отъ укушенія бѣшеной собакой. — Средство отъ коварствъ. — Средство уничтожать компакт-ГРАВЮРЫ : Домашній театръ. — Складныя куансы. — Изверженіе Везувія. — Изверженіе Этны въ Декабрѣ 1842 года. Кратеръ опещидищей горы Гальдеира, на Корню одномъ изъ Азорскихъ Острововъ. — Вулканическое изверженіе Мауна-Роа, на Сандвичевыхъ островахъ, 10 Января 1844 года. — Волканъ Эрбрусъ, на Викторіи-Алкогометръ Брессаръ-Видала, восемь чертежей. — Шахматы.

И Д Л Ю С Т Р А Ц И Я ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 9.—Суббота, 2 Июня 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 3 р. сер.

ЛѢТНІЙ САДЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Вотъ, извольшь видѣть, Александро Кириллычъ, вотъ я тебѣ вѣдь лицемъ все показываю; дочь у меня одна; все за ней отдамъ, какъ умру; видишь, вотъ тутъ десятиль двѣсти земли; гляди, вѣхи стоятъ; на крестъ проходятъ улицы; Царь такъ уставилъ; такъ продашь ли землю подъ постройку, али самъ дома сколотишь, да въ наймы пустишь, такъ съ одной земли дохода и по пальцамъ не перечесть...

— И оно по сусѣдству...

— Какъ же не по сусѣдству; рукой подать; между нами тутъ подъячій окаленный тесму земли пмѣсть; откупишь у него...

— Откупишь! Я уже давалъ трисотни...

— Мотовать, сосѣд! Сынъ твой, благодаря Господу Богу, поскуите будетъ; мое добро бережеть; а твое ты и самъ протражиришь.

Александро Кирилловичъ Кивушкинъ обтянулъ посязъ, поглядишь бороду и сказалъ...

— На нашъ вѣкъ стаетъ. А когда опасу какого ради или сумнптельности, то есть, примѣрно сказать, болзни или другаго чего недоразумѣнія, такъ я не то, чтобы какія препятствія или что ни есть противъ этого ставить; я, то есть, такъ, примѣрно сказать, слово назадъ въ мощну спрячу, то есть, отказатьствомъ вашимъ не погнушаюсь...

— Вотъ ты куда, сосѣд! Кошка твой паренъ знатной! Торги наши съ тобой одной шерсти; дѣти наши одколѣтки; на пштербургскомъ острову посадили насъ дѣла, что рѣдку въ огороде, такъ тутъ намъ и расти. Били мы по рукамъ не изъ шутки...

— Вѣдь спонхъ нече за посязъ водить, или подъ вѣтеръ ставить; тутъ ужъ на чистоту; единородная дочка, да еще красавица, да богатая, не товаръ; слѣдить съ рукъ, только не промахнись подхватить. Я слово даю, а не хочешь, Богъ съ тобой! Кошка твой нераззорвтъ пасъ; много...

Купецъ Иванъ Саввичъ Тресковатовъ не договоривъ,— и лучше, а тобы Кивушкинъ на смерть обидѣлся, еслбы Саввичъ досказалъ тайную мысль, еслбы вымоленъ одно слово про безобразіе Конона Александровича, сокращенно Кошки. Приземлстый, рябой, косолопый, подслѣповатый,— Кошка, хотя и вкѣлъ не болѣ двадцати пяти лѣтъ, но по торговымъ дѣламъ славились по гесму Петер-

бургу необыкновенною смѣткою, прозорливостію и удачею въ торговлѣ; уже около пяти лѣтъ оупъ участвовалъ въ дѣлахъ отца, а состояніе ихъ удвоилось. Больше всего оупъ любилъ Иѣмцевъ, и Иѣмцы не могли нахвалиться коммерческими дѣлами Фомъ-Конона. Все это хорошо для торговли, но для женитьбы... Кошка не могъ скрытъ своихъ физическихъ талантовъ, и до свѣдѣнія Мавры Ивановны, чрезъ посредство спротки Оеклы, дошли самыя вѣрныя извѣстія: какого жениха ей прочить корыстолюбивый отецъ. Иванъ Саввичъ самъ былъ богатъ, да Кошка, торгуя тѣми же что и оупъ товарами, на каждомъ шагу лишалъ его барышей; Саввичъ злился, но не видѣлъ средствъ одолѣтъ соперника. Слѣтъ два состояніе во едино, это представлялось Саввичу надежнѣйшимъ средствомъ избѣгнуть, еслъ не раззоренія, то убытковъ. Дѣло было совсѣмъ слажено.—Старикъ кончили сдѣлку мирно о святой, а свадьбѣ положили быть послѣ Петрова дня. Фавъ-Кононъ не противурѣчалъ отцу, потому что слухи о ивѣствѣ были весьма благоприятны; но все таки хотѣлось ему посмотреть нареченную... Саввичъ готовъ былъ на всѣ жертвы, но какъ парочно оупъ былъ отъявленнымъ поборникомъ старинны и лучше согласился бы потерять воловину состоянія, чѣмъ доброе имя, какъ оупъ выражался. Можетъ быть, съ его стороны тутъ было не безъ расчета. Манруша, взглянувъ на жениха, могла бы потерять охоту къ замужеству и промѣнять свадебное покрывало на монашеское. Противу послѣдняго отцевская власть не имѣла по обычаю никакой силы. На сѣду Саввичу не было извѣстно постановленіе Петра Великаго, что въ монастырь дѣвушкѣ нельзя было поступить ранѣе сорока лѣтъ. Какъ бы то ни было, еспомоществуемый Кивушкинымъ, Саввичъ спасъ Мавру отъ опаснаго свиданія. Между тѣмъ гесна разгнѣвалась; березы одѣлись зеленою; трапа устала болотныя окрестности. Въ самое Вознесеніе, Иванъ Саввичъ съ Кивушкинымъ возвращался отъ обѣдина; они слушали литургію у Матюя. Есть основанія думать, что эта церковь древнѣе Троицкаго Собора на Петербургской Сторонѣ... Тамъ для нихъ было неспокойе. Во-первыхъ, бороды ихъ, на которыя уже не такъ пристально смотрѣли сыщики, были безопасны отъ гвардейскаго солдатства и господъ. Въ солдатскихъ слободахъ, гдѣ была церковь, стоялъ с. петербургскій гарнизонный полкъ, народъ спокойный, и по географическому, пограничному своему положенію съ землями

обоихъ купцовъ, весь полкъ имѣлъ большое уваженіе къ богатымъ сосѣдямъ. Самое дерзкое созданіе въ Болшемъ мѣрѣ—есть человѣческая мысль; во многихъ офицерскихъ головахъ эта мысль строкла несбыточныя видѣнія; Мавра Ивановна, которую, впрочемъ, никто не видалъ, грѣзилась многимъ во снѣ и на яву; рассказывали про нее какъ про Царевну въ сказкѣ... Но только между собою, въ табачной бесѣдѣ; при постороннихъ никто не смѣлъ заикнуться. Гарнизонное рыцарство провожало Саввича изъ церкви великой праздникъ, но у мостика, перекипутаго черезъ сухой ровъ, на предѣлахъ владѣній Саввича, рыцарство почтительно откланивалось и возвращалось всячь.

Купцы уже были на краугольномъ мостикѣ, рыцарство въ позитурѣ прошалаго поклона, какъ между заборовъ, составявшихъ тогда улпу, показало не то солдатъ, не то церковный причетникъ, не то мужикъ; что-то среднее и весьма странное. Оупъ былъ въ старомъ солдатскомъ кафтанѣ; непонесеніе платья краснаго цвѣта, топырлся отъ хольбы, имѣло видъ духъ воздушныхъ шаровъ па ножкахъ; эти ножки были два гигантскіе смазные сапога, куда уходили воздушные шары неподяго платья. На головѣ у него торчала мѣховая шапка. Въ этомъ оригинальномъ костюмѣ была закупорена фигура магистратскаго хожалаго. Увидя его, и купцы, и рыцарство оставовились и оживали послаца. Замѣтивъ это, хожалой увидилъ шагу и величественно приблизился къ мостику... Тутъ уже сильъ шапку, сталъ кланяться предстоящимъ съ особеннымъ усердіемъ.

— Съ праздникомъ имѣю честь поздравить Иванъ Саввичъ, здравіа, долгодѣтія, и на ираговъ одолѣнія, и всяческаго добра, славы и чести и ельѣ и приспо; и да пребудутъ небесныя и земныя милости на васъ и на чадѣхъ вашихъ, и гашей милости Олександро Кирилловичъ. и единородному, гелемулрому сыну вашему Ковону Олександровичу и всѣмъ чадѣхъ вашимъ во всемъ преуспѣнія и вынѣ и приспо, о чѣмъ проеяше, да помилуетъ Госкоудъ Богъ насъ и вынѣ и приспо и бо вѣки...

Хожалый не естанаиваясь, откашлялся, выпрямился, подъялъ голову и зашѣлъ козлымъ гласомъ:

Праздникъ Вознесенія,
Всѣмъ радвія,
И благословенія
Низпошли имъ Господи...

Скорбную новость
Ты пристроить къ мѣсту;
Захоти да души
Затихаютъ буре;
Только не остыни
Къ щедрой благодѣтели...

Подобной безмыслицѣ не было бы конца, еслибы куницы не хватились за помы, что означало приступить къ щедрой благодѣтели; въ сѣдѣ за тѣмъ выползла туго набитые кошеле; изъ кошель на руки, разумеется, купцовъ, посыпалась мелкая монета, каждый ухватился за серебряную копѣйку и подалъ хожалому, которому такая щедрость показала да того обидною, что онъ взялъ, надѣлъ шапку, вынулъ изъ за пазухи какую-то цыкорную бумагу и подалъ Ивану Саввичу безмолвно...

— Что тамъ такое?..
— Не можемъ знать; ве при насъ писано...
— Олександро Кирилъчъ, погляди, что тамъ написано...
— Стану я глядѣть, Иванъ Саввичъ! что я тамъ добра увижу... Магистратскіе крючки... Не хочу...

Кивушкинъ плюнулъ и отвернулся... Саввичъ потеснился одною рукою, а другою переворачивалъ бумагу на все стороны... Причина ихъ нерасположенія къ цыкорному папирусу была очень простая: ни тотъ, ни другой не знали грамоты. Можно было бы обратиться къ рыцарству, которое, праздника ради, зѣвало у мостика, но Саввичу не хотѣлось обнаружить своей безграмотности, и онъ погѣлъ да вздыхалъ, поглядывая, то на Кивушкина, то на вѣтника; хожалый бодро и подбоченясь стоялъ противу кушцовъ и наслаждался ихъ замѣшательствомъ.

— Сенька! Надо гривенникъ для праздника... наконецъ сказалъ Саввичъ...
— Милости твоей пенсечные годы!

Праздникъ Вознесенія
Бѣлаго радъши...

— Полно полно! Ты лучше скажи по краткости, что вотъ тутъ сидитъ...
— Изволь прочитать, тамъ все прописано.
— Да читать долго, Селя, а ужъ тебѣ нельзя не знать...
— Какъ не знать. Подъячество такъ и плясало въ магистратъ...
— Чему же ово обрадовалось?
— А тому, что тутъ прописано.
— А что же тутъ прописано?
— Ато, что у кого дѣвка есть въ нечѣстахъ, такъ чтобы на дому не держалъ, а вель бы въ Лѣтній Садъ на показъ; кому полюбитъ, тотъ на ней и сватается. Дниемъ товаръ пусть продаютъ, а не въ тихомолку...

Иванъ Саввичъ побѣдился, боясь дальнѣйшихъ объясненій хожалаго, схватилъ за руку Кивушкина и насильно потащилъ по улицѣ, т. е. между двухъ заборовъ. Даже рыцарству не поклонился.

— Иванъ Саввичъ, закричалъ хожалый; а повѣстка?

— Провалился ты сквозь землю...
— Мое дѣло сторона! Я повѣстку подалъ при свидѣтеляхъ.
— Видѣли, видѣли!.. Закричало рыцарство, оскорбленное незаписнымъ отходомъ Саввича, и пошли опять въ свободу, куда потянуло и хожалый, гривенника ради, потому что онъ не любилъ поситъ денегъ домой.

— Какъ ты погорячился, сказалъ Кивушкинъ, удерживая Саввича. Сенька такъ себя бракнулъ...

— Эхъ Олександро Кирилъчъ! Нынче повоевремя. Чего не выдумаютъ... Вотъ, кстати и Кошка; пусть онъ поразберетъ, что тутъ написано...

Кошка, который также откуда-то возвращался въ таратайку, сълезъ, прочелъ бумагу и сказалъ очень весело:

— Премудро, давно бы такъ!

— Такъ хожалый меня одурачилъ. Читай, читай, что тамъ такое?

— Что такое? Указано въ Духовъ Дѣпъ всему дворянству, купечеству, мѣщанству, съ женами и дѣтьми, безвсякаго исключенія и отговорки быть въ Лѣтній Садъ въ три часа пополудни и гулять тамъ до девяти часовъ; а послѣ девяти, кто похочетъ. А буде кто станетъ отговариваться болѣзнію, того или ту освидѣтельствуетъ магистратскій медикъ; и—тутъ уже плутъ за противность взыскалія. Премудро! Давно бы такъ!..

— Эхъ, Конопъ Александровичъ! Не грѣши Бога! Видѣ это грѣхъ дѣвушку людямъ будто товаръ показывать...

— Что дѣлать! Велятъ! такъ надо слушаться... Сказалъ Кошка сухо, стараясь скрыть удивленіе, что наконецъ онъ увидитъ свою таинственную невесту; болей, чтобы мысль его не обнаружилась, Кошка извинился дѣломъ, вскопчал на таратайку; за нимъ вскопчал и Кивушкинъ и Саввичъ воротился домой одинъ.

II.

Иванъ Саввичъ вернулся домой, что называется, не въ своей тарелкѣ; бросался и бросалъ все, что ему въ руки ни попадало; а пуше всего магистратскую бумагу, пригласившую его такъ повелительно съ дочерью въ Лѣтній-Садъ. Мавра Ивановна и Оекла Омнишница, сиротка, дочь обдѣвшаго купца, о коей мы уже упоминали, слышала бурю сверху, да не смѣла сойти безъ зову... Оекла Омнишница, пока Иванъ Саввичъ слушалъ обдѣно, успѣла побывать у сосѣдокъ и принесла оттуда тоже магистратское повѣстие, переведенное на пыжій дѣвичій языкъ, украшенное фигурами молодого образованія; назначенное въ Духовъ-Дѣнь народное гулянье въ Лѣтнемъ-Саду привело въ восторгъ Мавру...

— Ну! сказала она: авось теперь изъ клѣтки выпустятъ... А что Оеклуша, какой сарафанъ мнѣ шапаянтъ-то. Изъ цвѣтної парчи, что ли?

— Что ты, мать моя! по пѣмечки тебѣ уберутъ; инако и въ садъ не пустятъ.—А ужъ я на твоёмъ мѣстѣ все бы камни самоцѣнты, жемчуги и всякіе бисеры на себя навѣсила...

— А куда нѣтъ беречь? Навѣшу, Оеклуша, павѣшу. Увѣхъ глаза разбѣгутся. Только, вотъ не знаю, гдѣ-то намъ замаски добыть...

— Э, мать моя, это уже моя забота. Я вотъ и теперь видѣла какъ Глафира Кирочкина къ обдѣнѣ собралась и шеки красила; я и приговорилась.—«Что ты никуда Оеклуша не ходишь?»—Дале во что одѣться, мать моя, говорю я; а пуше негдѣ прикрасы-то личной достать... «Возьми у меня Оеклуша, когда понадобится; нельзя же въ народъ *своими* лицомъ итти; ужъ ни была такъ, ни румяна, отродясь, не будешь; не притрешь бѣленькимъ, не прохватишь красенскимъ, все одно, что не умылась.»—Я ужъ тебѣ, мать моя, спадобѣ промышлю, только ты ужъ и меня въ Лѣтній захвати...

— Одна не поиду. Я и обычая не знаю, какъ на гуляньи быть...

— Какъ быть! Вотъ я тебя пауцу. Руки на животикѣ сложи, пальцы перстыми до втораго суставчика уберни, да и повертывай; чтобы самоцѣнты играла, да молодецкіе глаза смаппвала...

— Какъ можно...

— Обычай, мать моя! А будешь гдѣ стоять, или ходить, на мушнѣ не гляди...

— Что? На мушнѣ не гляди! А на бабье то чего я глядѣть стану.

— Не то, мать моя. Будто не гляди; а сама, знаешь, изподтишка вотъ такъ, будто цвѣтокъ отъ вѣтра, головкой колышетъ, ты этакъ, то въ одну сторону, то въ другую

головкой поматывай, а тѣмъ временемъ — зыркн и подглядывай себя парил...

— Да что въ томъ толку, Оеклуша? Я уже себя парил подглядѣла.

— Что! Подглядѣла! Когда? Безъ мени?..
— Тутъ чужихъ глазъ не надо. Я съ нимъ и видюсь...

— Господи, спаси и помилуй!.. Гдѣ? Какъ?
— А вотъ тамъ, къ старому огороду казары подходятъ, гдѣ солдатство живетъ; доски вынули, и тамъ съѣлали такъ, что захотятъ, такъ есть заборъ, не захотятъ, такъ пѣтъ...

— Ну...

— Ну, много ихъ туда приходитъ, только одинъ заглядывае, Оеклуша. Просто, маявна. Такой одувачникъ... Бѣлый, что оладя. Онъ говоритъ, что купчинѣ воепиль человекъ на логу себя наступитъ не позволить, говоритъ, что Кошку убьетъ...

— Убьетъ! На смерть?

— На смерть!

— Господи спаси и помилуй!

— Какъ ты была у сосѣдки, я ходила къ забору. Онъ говоритъ: въ Лѣтнемъ-Саду будутъ въ Духовъ-Дѣнь невестъ выбирать. Я возму, да тебя и выберу... Слышишь, Оеклуша, онъ меня выберетъ...

— Ахъ ты Господи! Мавра Ивановна! Не забудь меня сироту; скажи кому изъ шхъ, пусть и меня выберетъ...

— Скажу, скажу, Оеклуша!

— Тсъ... Кто-то чужой пожаловалъ... Бережно, мать моя, чтобы не подглядѣли какъ мы подслушиваемъ...

Точно. Къ Саввичу, который все еще бросалъ магистратскую бумагу, какъ мѣдвѣдъ колоду, привѣщенную на его погребель къ соблазнительному улею, пришелъ Кошка.

— Что вы, сказали онъ: не въ духѣ, Иванъ Саввичъ!..

— Такъ, ничего, Конопъ Александровичъ, что-то душитъ... Боюсь, чтобы не съечь.
— Не совѣтую. Пришлютъ лекаря. Ибѣмъ смѣкнетъ...

Иванъ Саввичъ повѣсилъ голову...

— Батюшка, Иванъ Саввичъ, да перестанте кручиниться; чай вы Мавру Иванову къ гуляньи спаряжете; такъ уже не побрезгайте жениховымъ подарочкомъ...

— Что такое? Что такое? спросилъ Саввичъ, ободряясь...

— А вотъ, знаете, повязочка небольшая, какъ теперь невесты посятъ... Мнѣ въ Лѣтнемъ въ поведѣльничъ никакъ быть нельзя; надо въ Кроншлотъ съѣздить, на Котлинѣ побывать; дѣла, знаете, вальяжны; у меня жены и дочекъ нѣтъ. Генералъ-Полицмейстеръ отпускаетъ; а ужъ-вы Маврушу-то спарядите аховски; такъ, чтобы за моремъ стало слышно, какая у Конопа невеста и красавица и богатѣющая...

— Такъ ты въ саду не будешь, Конопъ Александровичъ!

— Не буду... Вотъ и отпускъ на пятнадцать дней изъ Канцелярш... Извольте прочитать...

— Оставь, Конопъ Александровичъ, явостѣ прочту...

— Не могу, сей-часъ ѣду... Не извольте ли проводить до катера...

— Съ моимъ удовольствіемъ...

И Саввичъ съ примѣтною радостью усѣлся въ таратайку Кошки...

Все шло какъ написано. Кошка уѣхалъ на катерѣ; дѣвушки не могли добыться отъ Саввича слова, а онъ только улыбался, да лукаво на нихъ поглядывалъ. Прошла недѣля съ хвостикомъ, наступилъ и Троицкѣ-Дѣнь; Саввичъ вернулся отъ обѣднѣ, съѣлъ къ столу, поглядѣвъ на дочку и ахнулъ...

— Что съ тобой, Мавруша?

— Что такое?

— Изъ чего ты такъ раскраснѣлась?

— Я?

— Горячка, горячка! Вставай Мавруша, ложись в постельку; Оекла, поставь котлики бузины заварить... Да и ты, уродица, изъ чего побарговля! И ты у меня хворать вздумала...

— Да мы не больны... Мы это изъ проказы рожь себѣ размазвали.

— Такъ чтожь, что не больны. Я хочу, чтобы ты была больна, Мавруша...

— А я не хочу...

— Что ты это противу воли отцовской пасть! Сей-часъ ложись в постелю...

— Пожалуй я лягу, да хворать не стапу. Сегодня, пожалуй еще; а ужъ завтра, если бы я умирала, а къ тремъ часамъ выздороветь...

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, что вь Лѣтній-Садъ...

— Цыцъ, цыцъ, молчи, ни пикни... И Саввичъ съ бѣшенствомъ бросился на дочь и зажалъ ей ротъ обими руками...

— Вь Лѣтній-Садъ, — начала было Оекла, по Саввичъ бросился на нее...

— Вь Лѣтній-Садъ, — закричала Мавра и Саввичъ къ ней, но видя, что бабы не на шутку бунтуютъ, Саввичъ выскочилъ изъ комнаты и воротился съ лозой, которую иногда зыскивала кучера и другую челядь...

Мѣра женскаго терпѣнія была переполнена; подняла плачь и вой; утопая вь слезахъ *кровяныхъ*, (потому что эти слезы на кисейныхъ рукавахъ оставили красныя пятна); Мавра пошла наверхъ; Оекла также хотѣла идти, но Саввичъ ухватилъ ее за руку и сказалъ: «Ты, дура, чего плачешь? Я тебя завтра вь Лѣтній-Садъ возьму, разодѣшу какъ куколку, поведу подъ руку, жениха прииду... Велико могущество подобаго соблзав:

«Тшше!» сказала Оекла, указывая рукою на верхъ: «тамъ все слышно...»

Шепотомъ окопчилась беседа; Оекла ушла веселая, но едва ступила на лѣтницу, полились слезы, раздался плачь; вой двухъ дѣвъ всю ночь возмущалъ снокойствие Саввича... Наступилъ и Духовъ-Дель...

III.

Лѣтній-Садъ! Легко вымолвить, а глазами нельзя было объять его прострства, развѣ съ бельведера лѣтняго дворца Императрицы, или съ крыши почтового двора. Лѣтній дворецъ Екатерины I находился почти вь томъ мѣстѣ, гдѣ выгъ Нижегородъ-Замокъ, не больно красивый, но прочный мостъ пероводилъ черезъ Мойку на лугъ, который отъ того и назывался Царицынымъ; этотъ лугъ весь былъ усаженъ красивыми низкими кустарниками, между которыми извивались широкия дороги для экипажной ѣзды; разбѣгался вь разные стороны, они вели къ третьему отдѣленію сада; тамъ били фонтаны, шумѣли каскады; фруктовый школы смѣнялись тѣнистыми крытыми аллеями; цвѣтники—прудами; огромный гротъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ кондитерская, приглашалъ охотниковъ до серветовъ вь свой таинственный сумракъ; тамъ на обширной площадкѣ столы и скамьи дубовыя предлагали охотникамъ до гастрономіи если не изысканная яства, такъ по крайней мѣрѣ удобное сидѣнье, а извѣстна тѣмная пословица: Gut gegessen, halb gegessen. Тамъ возвышался великолѣпный торжественный залъ, построенный по случаю бракосочетанія Великой Книжны Анны Петровны съ Герцогомъ Гольстинскимъ. Наконецъ, на углу, образуемомъ Невой и Фонтанкой, стоялъ Дворецъ Петра Великаго. И теперь рука времени не прикасается къ этой святинѣ, хотя и позволила себѣ сдѣлать вь священной обители безсмертнаго кое-какія украшенья; отъ дома Императора большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку; вдоль берега Невы, который, слѣдуетъ замѣтить, былъ вь саду, какъ нынѣ

берегъ Фонтанки, — можно было пройти къ почтовому двору (гдѣ Мраморный-Дворецъ), у коего также была обширная пристань, а передъ нимъ на площадкѣ гремѣла полковая музыка; отсюда черезъ паркъ или Царицынъ-Лугъ, мимо дворца Императрицы, любопытныя веревницей тянулись къ вышнему Невскому-Проспекту. Тутъ, за небольшою оградой, — помѣщался зѣбринецъ. Не смотря на малочисленность тогдашняго народонаселенія новой столицы, все это огромное пространство Мѣтняго-Сада и парка, уже вь полдень, было покрыто толпами народа, экипажами, всадниками. Публика росла, и къ 3 часамъ тѣснота стала замѣтна вь главныхъ аллеяхъ. Раскрашенныя и разодѣтыя женщины съ неподвижными физиономіями, избѣгая толкотни, помѣстившись по обѣ стороны аллея, по которой Императоръ съ Императрицей изъ дому Петра Великаго пѣшли проходить во дворецъ Государыни къ обѣду. Любопытство уставило женщинъ вь двѣ шеренги; время обратило случай вь обычай, и еще мы сами вь дѣтствѣ видѣли эту странную выставку, которую неученое преданіе назвало: смотреть пѣвѣтъ. Такимъ образомъ, два ряда желѣсныхъ лицъ, или лучше румянъ, бѣлыхъ, жемчужовъ, алмазовъ и разныхъ драгоценныхъ камней, плотно двойною стѣною, составили оригинальную улицу; толкотня между мужчинами усилилась; эти лица, а можетъ быть болѣе эти драгоценности, взволновали холостыхъ. Когда гулянье было вь полномъ разгарѣ — на невскомъ концѣ эзоновой аллея показался Иванъ Саввичъ вь богатомъ кафтанѣ; онъ велъ подъ руку какое-то чучело вь шорахъ. Иначе нельзя было назвать этого головнаго убора; брильянтовая повязка прикрывала или вѣчала только вѣлую лавку галантерейныхъ вещей, разныхъ вѣсковъ и цѣнностей; на шеѣ тотъ же калейдоскопъ камней; вь ушахъ вѣчто вь родѣ гирь, осыпанныхъ камнями и жемчугомъ; на пальцахъ цѣлыя змѣи колецъ. Болѣе милліона рублей двигало на себѣ чучело. Саввичъ опасно поглядывалъ кругомъ, да около; и именно казаяся полицейнымъ служителямъ и пробирался туда, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ былъ находиться Дивертъ, знавшій его лично. Дорогой думалъ онъ: поклонись Полциестѣру, пусть увидитъ, что ясь дочерью здѣсь, да я восвоаси...

Какъ бы не такъ! Раздался громкій голосъ: «Саввичъ, Саввичъ!» Нѣсколько зыонкихъ голосовъ повторили «Саввичъ», и кувецъ по невольному инстинкту бросился вь сторону...

— Куда же вы? спросило чучело: вѣдь жениху-то у пещерки...

— Не твое дѣло. Тѣсно. Того гляди, не усмотришь, оборнуть что пибудь...

— Да тутъ никого нѣтъ...

— Какъ нѣтъ. Вонъ фонтанъ. Вонъ оловянные болванчики... Знаешь ли, вѣдь болванчики-то не спроста стоятъ. Это все притчи заморскія... Вонъ этотъ значить...

— Да что за притча съ тобою?.. Ты все дальше и дальше отъ людей паровишь...

— Погоди... Вотъ мы сей-часъ на самомъ юру стаемъ... Оправься... Послушай, я позвадь тебѣ сказать...

Но Саввичъ не могъ сказать что хотѣлъ. Передъ нимъ стоялъ Кошка, вынута глаза на чучело; онъ и такъ былъ не взраченъ, а теперь и глядѣть на него было страшно... Увидѣвъ его, Саввичъ присѣлъ и пригнулъ свою спутницу...

— Что такое? спросила она...

— Что такое? сказалъ Кошка, задыхаясь отъ бѣшенства:

— А вотъ что! Вотъ вамъ! Не поймали дурака!

Тутъ онъ вытянулъ руку, и сдѣлалъ такой странной жестъ, что чучело отвернулось и плюнуло, а Саввичъ присѣлъ еще ниже.

— Вотъ вамъ! страшно повторилъ Кошка, и утонулъ вь толѣхъ

— Что съ нимъ? спросило чучело.

— Провались ты сквозъ землю, окаянная! Да кто же его знаетъ, что онъ съ Кошкина вернется такъ скоро... Нечего дѣлать, придется показать ему Маврушу... Ну, сегодня ужъ не поправишь дѣла. Пойдемъ, явился начальство...

Вь это самое время подошло къ пашей четъ нѣсколько человекъ военныхъ...

— Здравствуй, Саввичъ! сказалъ красивый статый офицеръ.

— Всегда вамъ пашего почтенія душевно желаемъ...

— Пасилу-то дочку вытащилъ изъ подъ спуда...

— Какъ же ваше благородіе! Пришло такое время; надо дочку-то вь свѣтъ поставить...

— Такъ это твоя дочь...

— Моя...

— И богатство приданое...

— Какъ же-съ, приданое...

— Ты все ей подарилъ?

— Все подарилъ.

— Шутнишь?..

— Вотъ вамъ крестъ...

— Слышите, господа... Лукомочкинъ, слышите. Вотъ тебѣ богатая пѣвѣта.

— Она, ваше благородіе, уже засватапа...

— Врешь...

— Какъ я смѣю врать такимъ большимъ господамъ...

— Все врешь! И эта не твоя дочка! Это Оеклуша, спротка; теперь богата стала твоими подарками. Ты ей все это подарилъ. Лукомочкинъ! Оеклуша согласна! Бери себѣ вѣстету и съ придадимъ...

— Какъ? что?

— Да вѣдь мы все слышали, что ты ей подарилъ все это. Не правда ли, господа?

— Правда, правда!

— Господи Боже мой, что такое? Разбой!

— Тшше! — Лукомочкинъ! Бери же свою вѣстету, да ступай гулять, а мы этого обманщика поставимъ вь канцелярію. Отдѣлаютъ тебѣ, борода, за такой подлогъ. Шойдемъ!

Саввичъ совершенно растерялся. Онъ отъ страха и не чувствовалъ, какъ офицеръ съ двумя товарищемъ подхватили его подъ руки и почти цесля по пустынной алѣѣ. Смущеніе его возросло еще болѣе отъ неожиданной встрѣчи съ Кошкой. Купецъ Вальгиппъ шелъ съ красивой дочерью подъ ручку; возлѣ, размахивая наивысшимъ платкомъ, ластился Кошка...

— Ну, изволь, изволь! громко говорилъ Вальгиппъ: Маша твоя; — только приданого не дамъ... У меня и такъ еще шесть дѣвокъ на рукахъ останется... Но мнѣ какую хочешь, только безъ приданого.

— Всѣхъ видѣлъ, батюшка, Маріонъ Иванычъ...

— Такъ которую-жь?..

— Марью Маріоповпу...

— Рцы слово твердо...

— Я не Саввичъ, я не обманщикъ... Когда же свадьбѣ быть?

— Когда хочешь...

— До поста, батюшка...

— Изволь... Хотя завтра...

— Завтра?..

Они исчезли. Саввичъ опомнился.

— Что! Завтра! Не дамъ, не получу...

— Все врешь Саввичъ!.. Ты недѣля двѣ просидишь подъ арестомъ, а онъ женится...

— А Мавруша?..

— Выйдеть замужъ...

— За кого?..

— За меня...

— За тебя?..

— Слышь ты! поучитиво! Будешь те- стемъ тогда можетъ быть я тебѣ такую фа-

миѣрность позволю, а пока держи ухо востро... Эй, яликъ!

— Батюшки свѣты! Куда вы меня везете?

— Въ канцелярію! Отчаливай...

— Ваше Благородіе!

— Что такое?

— Не вези меня въ канцелярію... Тысл-чу дамъ...

— Мало.

— Двѣ.

— Мало.

— Чего же ты хочешь?..

— Всего.

— Какъ всего?

— Дочки, приданого и отповскаго благо-словенія. Задамъ я тогда Кошкѣ. Подорву, раззорю...

— Подорвешь?

— Да.

— Раззоряшь?

— Въ пухъ...

— Была не была! Пѣтъ! Да какъ это...

Не долго совротивлялся Саввичъ. Канцелярія, мѣсть Кошкѣ, наконецъ офицерскій чинъ и благообразіе поваго жениха, къ концу пути сломали упряма. Лодка перемѣнила направленіе и Мавруша весьма утѣшилась, что не была на гуляньи. Ей только жалко было драгоцѣнностей, похщепныхъ Феклой; но, къ общему удивленію, Лукомочникъ не взялъ

ви Феклы, ни ея богатствъ, пригезъ гес обратно... Всѣ были довольны. Только одна Фекла не нашла себѣ мужа, не только до поста, но и до смерти... Жила она на хлѣбахъ у одуванчика, у Маврушиной малины, и каждый годъ ходила въ Духовъ-Дѣль въ Лѣтній-Садъ на выставку; каждый годъ въ Маврушиныхъ брилльянтахъ; каждый годъ болѣе и болѣе употребляла бѣлизъ и румянь; но женихъ не захѣчалъ чужой красоты, а отъ ея собственной отворачивался. Обычай страпный—страпно укрѣпился;

господствовалъ долго; мгновенно разрушился самъ собой—и Лѣтній Садъ сталъ обыкновеннымъ гульбищемъ образованной столицы. Екатерина II раздѣлила его на три части; верхній отошелъ къ Михайловскому Замку, Царицынъ-Лугъ обратился въ Марсо-го-Поле; фонтаны, каскады, оловянные статуи исчезли; гротъ и торжественный залъ разобраны. Остался только дворецъ Петра Великаго и мраморныя статуи, поларенныя Ему королемъ Августомъ изъ Саксонскаго Сада въ Рагшальфъ. Необозримый садъ со-

кратился, и теперь съ Прачепнаго-Моста вы можете видѣть и его концы и его начало. Съ нимъ много связано историческихъ воспоминаній. Мы не прощаемся съ этимъ зеленымъ островомъ посреди океана камней... Глясь наскучить читателямъ, здѣсь мы поставимъ только—до свиданія.

Н. Кукомочникъ.

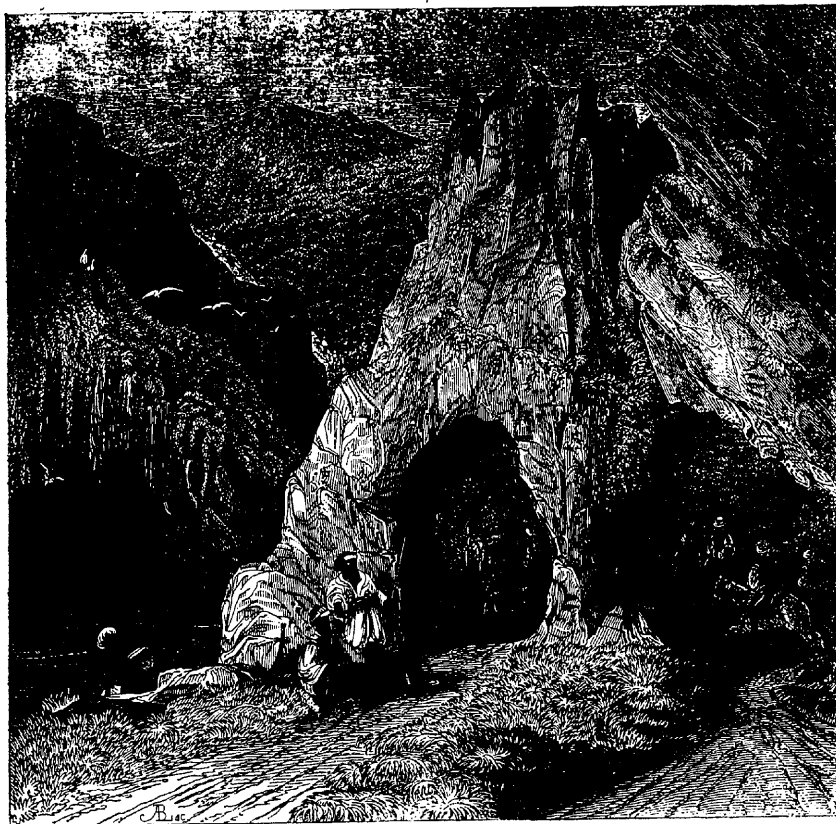
БАЛКАНЫ.

.....Изъ пяти пашалыковъ, составляющихъ верхнюю Мезію, Нишскій Пашалыкъ самый живописный. Тутъ горы высоки, рашибены, разметаны, изрыты пропастями, пересѣчены ручьями, которые во время дождей и таянія снѣговъ ниспадаютъ водопадами, мѣстами покрыты лѣсомъ, мѣстами испитнаны дикимъ кустарникомъ или ползучими растеніями, часто голы и недоступны. Переходъ съ дунайскихъ долинъ въ Балканы благодатенъ для путника. Тутъ могли мы наконецъ, перевести духъ послѣ зноя, отъ котораго совѣтъ изнемогали. За то поѣздъ нашъ начинали беспокоить разныя недобрыя встрѣчи.

Въ Турціи путешествуютъ нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Можно ѣхать на почтовыхъ лошаляхъ (мезиль), на наемныхъ, съ кираджіями, съ караванами, керванами, и наконецъ можно путешествовать пѣшкомъ. Нельзя однако сказать, что бы какой нибудь изъ этихъ многообразныхъ способовъ, переноситься съ мѣста на мѣсто былъ очень удобенъ; трудно даже рѣшить какой изъ нихъ удобнѣе. На почтовыхъ вы ѣдете довольно скоро, днемъ и ночью, если васъ не истомитъ верховая ѣзда на дурномъ турецкомъ сѣдлѣ съ короткими стрѣменами, большею частію безъ подушки. Эта ѣзда обходится довольно дешево, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ вашъ *татаръ* или *кавасъ*, проводникъ, при пособіи фирмана и собственнымъ своимъ вліяніемъ, забираетъ даромъ

на пути всѣ съѣстные припасы для васъ и для вашихъ людей и отводитъ квартиры, гдѣ ему вздумается, не спрашивая нравится ли это вамъ; вообще путешествующій на почтовыхъ имѣетъ видъ официальный, страшный для бѣдныхъ райевъ: отъ него все бѣжитъ, и онъ не рѣдко рискуетъ остаться въ пустомъ домѣ, не смотря на всѣ усилія своего проводника. Намъ этотъ способъ путешествія тѣмъ болѣе былъ негоденъ, что почтовые лошади находятся на главныхъ пунктахъ, которыхъ очень немного, а намъ пришлось безпрестанно отбиваться въ сторону, въ глубь горъ.

Ѣхать *бераберъ*, толпою, караваномъ, еще дешевле, потому что караванъ всего чаще останавливается въ полѣ, но медленно; при томъ же

(Видъ въ Балканахъ.)

всякій караванъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль всегда почти торговую, а у насъ была своя. Путешествовать *пешакъ*, *пемсоеъ*, т. е. пѣшкомъ, хорошо, дешево, идилически, но намъ по чему-то не нравилось. Мы предпочли ѣхать съ кираджіями. Нишскій паша снабдилъ насъ *бююрди*, родъ почетнаго паспорта, далъ намъ одного изъ собственныхъ своихъ *татаръ*, — и мы смѣло вторглись въ горы. Татары, *кавасы*, особенная стража при пашахъ, въ Константинополѣ при посольствахъ; они служатъ курьерами, фельдгегерями, пользуются особеннымъ уваженіемъ, большею частію дерзки, и я совѣтую путешественникамъ обходиться съ ними ласково и даже называть ихъ иногда *эффенди*. Нашъ татаръ то и лѣдо сорисалъ, то съ кираджіями, то

съ коморджими, находившимися при нашемъ багажѣ; особенно онъ не терпѣлъ Радована, Булгара, который былъ при мнѣ въ качествѣ драгомана, слуги и повара. Они ни какъ не сходились въ выборѣ приваловъ и системѣ мародерства, которую нашъ татаръ считалъ совершенно позволительною въ землѣ райевъ.

Вечерѣло. Горы темнѣли и становились суровѣй. Кираджи роптали, за тѣмъ не остановились ранѣе на ночлегъ; увѣрили, что-то деревни, до которой мы надѣялись добраться за свѣтло, еще далеко, а лошади устали; подъ открытымъ же небомъ оставаться было опасно, потому что кругомъ было неспокойно. Къ довершенію общаго страха, едва поднялись мы изъ ущелья, какъ увидѣли нѣсколькихъ человекъ, конныхъ и пѣ-

шихъ. Одна толпа, по видимому, расположилась на привалѣ, у ручья, другая удалялась на противоположную гору, къ той сторонѣ, куда и мы направляли свой путь. По длиннымъ, блестящимъ ружьямъ первыхъ должно было полагать, что это Албанцы, отъ которыхъ еще несовсѣмъ была очищена Булгарія, или гайдуки; а по короткой, большею частію оборванной одеждѣ, по бѣдному вооруженію и вообще печальному виду тѣхъ, что были въ полугорѣ, нельзя было не узнать такъ называемое регулярное турецкое войско, находившееся въ большомъ сборѣ въ Нишскомъ Пашалыкѣ и вообще во всей Булгаріи для *возстановленія порядка*. — Мы поехали нѣсколько назадъ, на склонъ горы, чтобъ насъ не замѣтили, и стали совѣщаться—что дѣлать?

Татарь наставлялъ, чтобъ мы соединились съ турецкимъ отрядомъ, общія нашь его защиту и покровительство; кираджи утверждали, что трудно намъ обойти шайку Албанцевъ, расположившихся почти на нашемъ пути, а если бы это и удалось, то все равно попадется что имъ, что турецкимъ солдатамъ, и тѣ и другіе разбойники. Радованъ совершенно соглашался съ мнѣніемъ кираджіевъ и предлагалъ намъ убѣжнше у своего родича и друга, который находился за часъ пути отъ насъ, совсѣмъ въ сторонѣ, въ горахъ, куда не могли попасть ни Турки, ни Албанцы, какъ пришельцы, незнавшие края. Мы рѣшились избрать послѣднее. Хотя это отклоняло насъ отъ пути, но за то избавляло отъ встрѣчи, а такая встрѣча противъ ночи, не могла быть приятною. Мы спустились опять въ ущелье. Дорогою дошли до насъ глухо, изъ-дали, нѣсколько выстрѣловъ. Радованъ подѣхалъ ко мнѣ и значительно взглянулъ на меня. Славяне часто однимъ жестомъ, однимъ взглядомъ, высказываютъ цѣлую мысль; на этотъ разъ Радованъ, казалось, хотѣлъ мнѣ сказать:—что я вамъ говорилъ? не обошлось бы безъ того и съ нами?

Наконецъ, мы достигли одиноко-стоявшей въ захолустьѣ избы; ветхій плетень окружалъ ее; нѣсколько черечень и лбонь расло возлѣ; мало отдавалось жильемъ. Взошли въ избу—бѣдно, пусто. Радованъ поздоровался со старикомъ-хозяиномъ, сказалъ ему, что мы христіане, и просилъ для насъ гостепріимства.

Домъ мой, и все, что въ немъ есть, къ вашимъ услугамъ; располагайтесь въ немъ, какъ хотите.

Важность, съ которою это сказалъ старикъ и безусловное гостепріимство, напомнило мнѣ тѣхъ разорившихся бароновъ старыхъ временъ, которые отдавали въ распоряженіе путника весь свой замокъ, хотя въ немъ перѣдко, кромѣ стѣнъ съ фамильными портретами и гербами, ничего не было. Тѣмъ не менѣе однако, Фросиня, дочь хозяйина, составлявшая всю семью его, хлопотала около очага, на которомъ стоялъ одинокой казанокъ. Радованъ досталъ нашу походную провизию. Но намъ болѣе всего нуженъ былъ покой, и вскорѣ на дворѣ и въ избѣ все стихло: кираджіи съ лошадьми — заняли сарай, татары помѣстившись гдѣ-то подъ деревомъ. Фросиня заботливо уложила спать отца на одной лавкѣ, на другой приготовила постель для меня и вышла. — Мнѣ не спалось, и я подѣлъ къ окну.

У призывы, прислонившись къ стѣнѣ, опустивши голову на руку, въ положеніи, которое такъ опредѣлительно выражается у насъ словомъ погорюничаться, стояла Фросиня. На призывъ сидѣлъ Радованъ. Трудно было-бы найти лице добродушнѣе и почтенинѣе его. Нѣсколько времени оба молчали. Наконецъ Радованъ поднялъ свою сѣдую голову и обратился къ Фросинѣ.

— Что, сказалъ онъ, видно не хорошо?

— Не хорошо?

— Давно-былъ Видо?

— На прошлой недѣли!

— Что же отецъ?

— Все твердить одно да то же. Говоритъ, а я то съ кѣмъ останусь, когда отдашь тебя за Видо. Добро бы богатъ былъ, такъ обоихъ бы насъ содержалъ, а то голъ, какъ соколъ. Ты мнѣ нужна, да и только.

— Старикъ любить себя больше чѣмъ дочь,—недобре.

— Я говорила, что въ селѣ, мы съ Видо, съ-

умѣемъ прокормить и его и себя. Такъ вѣтъ, не хочетъ изъ этой труппы, а тутъ, посмотри, камень па кампѣ.

— За то тутъ старикъ сберегъ и тебя и себя отъ Турковъ; его бы можеть и не тронули, когда бы умѣлъ молчать, да подставлялъ спину подъ палки, а ужъ тебѣ-бъ не слобовать: больно пригожа, — и Радованъ съ любовью поглядѣлъ на это лицо, важное, полное задумчивости, прекрасное, несмотря на свою истому, наэтотъ станъ, стройный, величавый...

— Не житье и здѣсь! Горько, Радованъ, не знать ни какой радости на свѣтѣ. — Вотъ племянница твоя, еще бѣднѣе насъ, работаетъ съ утра до вечера, а все же у нея легко на душѣ, въ избѣ не пусто: мужъ, дитя... есть кому слово молвить, есть кому улыбнуться.—А тутъ... Ты, Радованъ, знаешь мое житье... Когда и придетъ Видо, не смѣй съ нимъ слова сказать, хоть сердце такъ къ нему и рвется; и онъ сердечный, чтобъ не накликать па меня бѣду, все дичится: суди самъ, легколь намъ обонимъ.—На прощаньи, Видо махнулъ рукою и сказалъ: въ гайдуки пойду, — сгубить, бѣдный, свою головушку... А чтожь тогда дѣлать мнѣ, когда и его не станеть!

— Сердечная! Потерпи, завтра я попробую умолить старика.

Въ это время послышался легкій шумъ за плѣтнемъ. Разговаривавшіе притихли.—Не *онъ* ли? шепнула Фросиня, схватившись за грудь, чтобъ сердце не выскочило отъ радости.

Луна свѣтила ясно. Легко было различить двухъ гайдуковъ, которые что-то несли, прикрытое струкой! Это былъ трупъ.

— А гдѣ старикъ? спросили они Фросиню.

— Спитъ; сей часъ разбужу.

— Некогда. Возмите покойника; похороните его; онъ круглый сирота; а намъ теперь не допеле: надо выручать живыхъ. Вотъ и деньги па панехиуду. Прощайте! Гайдуки положили трупъ на призыву и убѣжали.

— Видо! — вскрикнула несчастная — Видо! и съ этимъ звукомъ вырвалась послѣдняя надежда изъ груди ея. — Фросиня кинулась къ покойнику, бережно положила его голову къ себѣ на колѣни и не сводила глазъ съ лица, все еще суроваго, какъ въ ту минуту, когда руки молодого гайдука посылали смерть, а грудь приняла смерть. Фросиня не плакала: безмолвная, неподвижная, какъ чудно изваянный мраморъ оставалась она въ такомъ положеніи. — На шумъ вышелъ изъ избы старикъ, отецъ ея. Радованъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Старикъ почесалъ затылокъ. Какъ теперь достать священника; такое невзгоде! Того гляди проснется татарь: узнаеть, такъ все расказеть въ городѣ.

— Это уже наше дѣло, какъ достать священника и какъ уложить покойника. Или себѣ и спи.

Старикъ еще почесался и ушелъ въ избу. Радованъ принялся за дѣло; разбудилъ кираджіевъ: одного послалъ за священникомъ, наказавъ ему, что бѣ тотъ ѣхалъ окольными тропинками, извѣстными только туземцамъ и всячески избѣгалъ встрѣчь; съ двумя другими сталъ копать могилу. Фросиня все оставалась неподвижной. — У меня не достало силъ глядѣть на это нѣмое отчаяніе, на это безусловное, безграницное страданіе. Я прилегъ на лавку и старался забытья сномъ. Тщетно!

Рано, утромъ, татарь пришелъ мнѣ сказать, что уже все готово къ отъѣзду. Я простился со старикомъ. А гдѣжь Фросиня, спросилъ я его невольно? — А гдѣ жъ это она? Фрося! — и онъ отворилъ маленькой чуланчикъ. — Тутъ лежала бѣдная страдальца... Что выражало ее лицо въ это время? Боже правды! — Она едва пошевельнулась на голосъ отца.

— Оставь ее, сказалъ сурово Радованъ. Ты знаешь какую ночь она провела.—Грѣхъ тебѣ...

— Нѣженка, произнесъ сквозь зубы старикъ. Радованъ подошелъ къ страдальцѣ.

— Все кончено? шепнула она.

— Все!

Несчастная упала ницъ на подушку и горько зарыдала.

За чѣмъ остаются жить люди въ ея положеніи? — За чѣмъ? — Спросите самихъ себя.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Радованъ, что вамъ смотрѣть на чужую бѣду; не для чего приучать-ся къ пей. Вѣдь вамъ, господамъ, никогда не приходится испытывать горя.

Радованъ, Радованъ, ты, конечно, не зналъ, сколько злой насмѣшки въ твоихъ словахъ.

Е. Ковалевскій.

ЖИТЕЛИ БРИТАНСКОЙ ГВИЯНЫ.

Исторически доказано, что Испанцы, при открытіи Америки, въ 15-томъ столѣтіи, нашу южную материкъ населеннымъ породой людей, которая, какъ по сложенію и цвѣту тѣла, такъ и по нравственнымъ способностямъ совершенно отличалась отъ всѣхъ другихъ націй, долѣлъ извѣстныхъ частей свѣта. Такъ же любопытно и то замѣчаніе, что хотя въ образѣ жизни, обычаяхъ и занятіяхъ было много общаго въ народонаселеніи новаго материка, оно, однакожь, раздѣлялось на безчисленное множество поколѣній, имѣвшихъ свой языкъ. Педро де Чикка де Леонъ, изучившій большее число этихъ поколѣній, пишетъ: «Хотя все народонаселеніе и раздѣляется на множество даже враждующихъ поколѣній, однакожь наблюдателю оно представляется, не смотря на совершенное различіе климата въ отдѣльныхъ частяхъ этого огромнаго материка, какъ одна, огромная семья.» Откуда же, при этомъ сходствѣ въ общемъ, происходитъ различіе нарѣчій? По изслѣдованіямъ Сезена, Фатера и Гумбольда въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ, 500 различныхъ нарѣчій, въ которыхъ по послѣднимъ наблюденіямъ есть однакожь нѣкоторая грамматическая аналогія, изъ чего можно бы заключить, что языки измѣнились до такой степени только въ слѣдствіе большихъ переворотовъ и что источникъ ихъ одинъ и тотъ же.

Этого мнѣнія историческими фактами подтвердить невозможно, потому что рѣшительно никакихъ историческихъ свѣдѣній о тѣхъ странахъ не сохранилось; слѣдовательно, все мнѣніе должно основываться на однихъ догадкахъ. Между послѣдними имѣютъ нѣкоторую основательность только слѣдующія: или жители новаго материка, въ самомъ дѣлѣ, тамошніе уроженцы, или они азиатскаго происхожденія, откуда постепенно переселялись въ Америку, или же они переселились терезъ Беринговъ Проливъ и съ Амурскихъ острововъ на сѣверъ Америки и оттуда уже распространились по всему материку.

Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ своихъ защитниковъ и противниковъ, столько же доказательства за, какъ и противъ себя. Первое изъ нихъ не имѣетъ никакого историческаго основанія, потому что новый материкъ съ населеніемъ своимъ вступаетъ въ исторію не ранѣе 15 столѣтія, и только отдѣльно найденные слѣды и признаки указываютъ на прежнюю исторію всѣхъ народовъ и на высшую мнѣмъ погибшую степень образованности ихъ.

Второе и третье мятежи, разнствуя между собою, по настоящему, только в направлении народного переселения, имѣютъ за себя хотя то историческое основаніе, что какъ библейскіе, такъ и свѣтскіе писатели утверждаютъ, что древній Египетъ и Индостанъ населены были сильными племенами, введшимъ тамъ свои нравы и обыкновенія, построившимъ храмы и пирамиды, и начертавшимъ на нихъ свои іероглифы. Допустивъ это, открывается и происхожденіе спѣхъ поселенцевъ; они должны быть потомки Куша, которые, именно по основаніи сильного плѣхъ государства, разсыяны Всевышнимъ и слѣды коихъ можно найти по сѣверо-восточному направлению до Палестины, и до сѣверной Сибири, въ развалинахъ ихъ зданій и въ особенныхъ знакахъ ихъ зодіакальнаго круга.

Подобные могильные холмы, каменные зданія, сходствующія съ тѣмъ въ общемъ видѣ своемъ, согласныя съ нимъ же іероглифическія надписи и астрономическое раздѣленіе времени, найденные по открытіи Америки, и еще въ настоящее время открываемые почти ежегодно, равно какъ и географическое положеніе Берингова Пролива и Алеутскихъ острововъ, дѣлаютъ вторженіе азіатскихъ племенъ въ Америку довольно вѣроятнымъ; но при этомъ рождается вопросъ, можно ли объяснить этия одними обстоятельствомъ. Найденныя зданія? не могъ ли другой народъ по собственному уму создать подобное же; не находится ли въ каждомъ народѣ способность къ развитію и къ упадку на низшую степень образованія?

Постепенно переславшіеся орды все дальѣе и дальѣе къ югу подвигали предшественниковъ, которые наконецъ, для сохраненія земли, или застойной, устроили найденныя въ послѣдствіи управленія, но наконецъ, не имѣя возможности сопротивляться напирющимъ массамъ, погибли въ битвѣ за отечество, или же уступая мѣсто новымъ пришельцамъ, пошли дальѣе на югъ, и наконецъ, въ теченіи вѣковъ, совершенно исчезли, повинуясь неизмѣннымъ законамъ природы. Потомки послѣднихъ пришельцевъ восторжествовали надъ первыми, а эти въ теченіи безпокойнаго преляняго и настоящаго существованія сошли съ высокой степени образованія своихъ предковъ на низшую, и составляютъ нынѣшнихъ природныхъ жителей Сѣверной и Южной Америки. И въ самомъ дѣлѣ весьма любопытно сходство ихъ съ монгольскими племенами Сѣверной Азии; это сходство еще явственнѣе у Сѣверо-Американскихъ Индейцевъ.

Но здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія по сему предмету подробности, хотя и надлежало упомянуть о немъ мимоходомъ, чтобъ изъ смѣшеннаго мнѣнія возможно было составить себѣ собственное понятіе; мы перейдемъ къ нравамъ и обычаямъ природныхъ жителей англійской колоніи Гвіяны, которые весьма недавно сдѣлались намъ болѣе известными изъ путешествій Роберта Шомбургна; вѣроятно свѣденія эти поподались, когда запечатываютъ резузъ таты послѣднихъ путешествій этого неутомимаго наблюдателя; теперь, конечно, почти невозможно изчислить въ точности природныхъ обитателей британскихъ владѣній, потому что самыя владѣнія еще не ограничены съ точностію, и послѣдняя экспедиція Роберта Шомбургна имѣла именно цѣлю опредѣленіе границъ ихъ владѣній. Шомбургъ полагаетъ число всѣхъ природныхъ жителей Англійской Гвіяны не выше 7—8 тысячъ душъ, и раздѣляетъ на слѣдующія главныя племена; 1, Араваки, 2, Варрауи; оба племени обитаютъ по прибрежью Атлантическаго Океана, такъ что селенія и деревни ихъ не отстоятъ отъ берега болѣе какъ на 100 англійскихъ миль; все населеніе простирается не выше 3000 душъ. 3, Карибы или Карабизы живутъ вдоль нижнихъ береговъ рѣкъ Мазаруни и Куяна, а около сотни душъ того же племени поселились на берегахъ Корептина, 30 при Рулуни и 30 при Гвидару. — Хотя они прежде были владетелями страны, нынѣ число ихъ не превышаетъ 300. 4, Акван или Вакаван живутъ около верховій Дежерары, Мазаруни и Потаро; число ихъ прости-

рается до 600 душъ; 5, Макузи, и живутъ на плоскомъ пространствѣ между Рулуни и Шаримо, между горами Пакарайми и Кауку; число ихъ, въ границахъ британскихъ владѣній простирается до 1500 душъ, а все племя ихъ не превышаетъ 3000; къ сѣверу отъ нихъ живутъ 6, Арекуны, селенія коихъ лежатъ на горахъ и въ долинахъ вблизи источниковъ Корони, Куяни и Мазаруни; но значительнѣйшая часть этого племени принадлежитъ области Венецела. 7, Вапизіаны обитаютъ въ долинахъ верхняго Рулуни и на берегахъ Парна; около 500 человекъ изъ нихъ живутъ въ англійскомъ владѣніи; 8, Аторансы или Атори занимаютъ сѣверо-восточный отклонъ Караванскихъ горъ, и граничатъ непосредственно съ владѣніями Вапизіановъ; подобно Карибамъ племя это почти все вымерло; во всемъ племени въ 1857 г. считалось еще до 200 душъ; а она, свирѣпствовавшая здѣсь въ 1842 году, уменьшила ихъ до 30 человекъ; подобная судьба ожидаетъ и 9) Тарумовъ, живущихъ у притоковъ верхняго Эссеквибо; въ 1857 году ихъ считалось до 800, но большая часть ихъ вымерла отъ занесенныхъ въ эту страну болѣзней. 10, Воява; они обитаютъ въ странѣ между притоками Эссеквибо и притоками Амазонской Рѣки; ихъ около 3—400 душъ, и ихъ можно считать южнымъ пограничнымъ племенемъ британскихъ владѣній; къ нимъ 10 главными племенами присоединяется множество другихъ, изъ коихъ многія также близки къ совершенному истребленію. Нѣсколько восточнѣе живутъ Майнурионы или Кортоппитаны, племя, обильное весьма содѣственными въ томъ, что они сдѣлаютъ убитыхъ враговъ своихъ, и—племя, нѣкогда столько могущественное Паравалиановъ на берегахъ Рио-Бранко. Относительно роста, всѣ эти Индейцы между собою равны; немногіе изъ нихъ выше пяти футъ 4 дюймовъ. Относительно отдѣльныхъ частей тѣла и гармоніи ихъ между собою, странно что величина головы вовсе не пропорциональна въ сравненіи съ тѣломъ; еще явственнѣе въ странѣ эта несообразность въ туловищѣ и ногахъ. Шля и затылокъ весьма коренныя и сильны. Разрѣзъ глазъ крайними углами нѣсколько подымается къ вискамъ, но лобъ и вообще передняя часть головы отнюдь не сжата у нихъ, такъ какъ у Негровъ. Въ этомъ отношеніи, они составляютъ средину между Африканцами и Европейцами. Грудь съ ея мускулами хорошо развита и пропорциональна, въ особенности у женщинъ. Выраженіе лица мужчинъ характеристическое, но отнюдь не вопиющее.

Руки и шею обвиваютъ они шнурами изъ стекляныхъ бусъ, красныхъ, бѣлыхъ или голубыхъ, которыхъ Индейцы внутреннихъ странъ мнѣняютъ у жителей прибрежныхъ. Когда нельзя достать стекляныхъ бусъ, то ихъ замѣняютъ ожерельями изъ зубовъ обезьянъ, изъ разныхъ зеренъ или малыхъ раковинъ; вся прочая одежда состоитъ обыкновенно изъ куска матеріи, которую они сами изготовляютъ, обвивая ею лядвѣи, а у женщинъ изъ малаго передника изъ стекляныхъ бусъ. Когда они имѣютъ средство добыть мѣною изъ колоніи кусокъ голубой матеріи, то всегда даютъ ему преимущество предъ своимъ издѣліемъ, хотя, по прочности, она далеко уступаетъ ихъ тканямъ.

Между ростомъ мужчинъ и женщинъ нѣтъ почти никакого различія. Обыкновенный цвѣтъ кожи ихъ коричневато-оливковый, но и онъ измѣняется по мѣсту жительства. Такъ на пр: нѣкоторые изъ этихъ племенъ совершенно походятъ на Испанцевъ и Португальцевъ, а другіе опять переходятъ въ темнокоричневый цвѣтъ. Но какъ бы ни была темна ихъ кожа, — гладкіе, черные, густые волосы, стройныя ноги и колѣна совершенно отличаютъ ихъ отъ африканскаго племени. Почти всѣ Гвіянцы разссыиваютъ тѣло и лице, либо прямыми линиями и чертами, или же фигурами, какъ на греческихъ и этрусскихъ вазахъ; немногіе изъ сихъ племенъ, и между ними Воррайи, Арраваки и Макузи татуируютъ лице, по значительному, и вся татуировка состоитъ изъ нѣсколькихъ закривленныхъ чертъ у окопчестой рта и надъ бровями. Карибы отличаются живописною драпи-

ровкой своей одежды. Другія племена вовсе не носятъ одежды, а только красятъ тѣло черною и красною красками. Каждое многочисленное племя дѣлаетъ опять на орды, въ коихъ всѣ связаны родствомъ. Подобно одеждѣ, и по формѣ жилищъ можно различить племена; жилища Варраисей, Араваковъ и Карибовъ состоятъ изъ одной крыши на деревянныхъ столбахъ; дома Макузевъ и Вапизіановъ приближаются уже къ нашимъ простымъ крестьянскимъ хижинамъ; они состоятъ изъ глиняныхъ стѣнъ съ острою крышею изъ пальмовыхъ листьевъ; внутреннее раздѣленіе столь же просто, какъ и потребности, коимъ оно должно удовлетворять. Недостатокъ въ гвоздяхъ и скобахъ замѣняется шовными шрутиями. Каждый Европеецъ вѣрно удивится истинно архитектурно-искусству строенія, поддерживающаго куполомъ. Въ домикахъ или хижинахъ внизу находится только одно помѣщеніе для жительства, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются у Карибовъ хижины съ мезониномъ, къ которому ведетъ наружная лѣстница.

Большую частію въ одной хижинѣ живетъ нѣсколько семействъ; для каждаго нѣтъ особаго отдѣленія или пергородка. Вспыта однажды бревна, къ которымъ прикрѣплены койки, немногіе камни подъ очагомъ, составляющіе неоспоримую собственность одного каждаго семейства; другое семейство не станетъ занимать ихъ; чужому гостю ихъ предлагаютъ съ готовностію.

Въ каждой значительной деревнѣ находится домъ, собственно назначенный для принятія жительства временныхъ гостей; онъ находится обыкновенно въ среднѣ селенія.

Когда пріѣдетъ Индеецъ чужаго племени, одинъ или съ своимъ семействомъ, то отправляется въ этотъ домъ и ожидаетъ тамъ пріятствія начальника племени. Женщины изъ семейства начальника приносятъ ему прохладительные напитки. Этого не дѣлаютъ только въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій между племенами или между отдаленными селеніями. Нѣкоторые племена кочуютъ какъ цыгане изъ одного мѣста въ другое и разбиваютъ свои временныя кочевья тамъ, гдѣ охота и рыбная ловля обѣщаютъ нѣтъ обыкновенную добычу. Это хотя въ безъ одежды; каждый Индеецъ и вообще каждый чужой, непрінадлежащій къ ихъ племени, почитается ихъ природнымъ врагомъ.

Каждое племя имѣетъ свои мѣста для охоты и рыбной ловли и земли; тѣхъ вырубаетъ отецъ семейства, а дѣти обрабатываютъ и засѣваютъ ихъ. Хотя бы въ одной хижинѣ обитало и нѣсколько семействъ, каждое изъ нихъ имѣетъ собственную свою домашнюю утварь, столь же простую, какъ и самыя ихъ потребности. Большую частію состоитъ она изъ нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ, различной величины и формы; сходствуетъ съ формою этрусскихъ вазъ, и изготовляется руками женщинъ; нѣкоторые изъ нихъ вмѣщаютъ до 10 гарнцевъ жидкости. Сосудъ, изготовленный и тѣсколю высушенный на солнцѣ, окрашивается, а потомъ совершенно выжигается или высушивается на солнцѣ. Нѣсколько скамеекъ, вырѣзанныхъ изъ цѣльнаго куска дерева, приборъ для хлѣба изъ кассиды, оружіе для охоты и войны, и снарядъ для рыбной ловли, вотъ все достояніе индѣйскаго семейства; но уже и скамейки принадлежатъ къ предметамъ роскоши, потому что Индеецъ сидитъ болѣею частію на голой землѣ, или на своей койкѣ.

Индѣйское селеніе состоитъ болѣею частію изъ 6—10 жилищъ, подъ начальствомъ старшины; признаетъ власть его во всей обширности только въ случаѣ войны и важныхъ распрій съ другими племенами. Могущество и вліяніе его, зависятъ единственно отъ превосходства его тѣлесной силы или умственныхъ способностей. Наслѣдственность начальника считается не по отцу, а по матери, хотя и это не служитъ постояннымъ правиломъ, потому, что по смерти начальника, каждый Индеецъ, чувствующій въ себѣ силу и достоинство, необходимое для сего званія, можетъ провозгласить себя вождемъ, и семейство наслѣдственнаго владѣльца этимъ же оби-

жається і не метить. Конечно, об'являючій при-
тизаніє на владичество долженъ уже бытъ извѣ-
стенъ тѣлесными и умственными своими каче-
ствами, такъ, что природный наследникъ вла-
дѣльца охотно уступаетъ ему свое право.

У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обыкнове-
ніе, что впрямь беременности, не только мать,
но и супругъ ея подвергаются строгому посту и
совершенно удерживаются отъ нѣкоторыхъ яствъ.
День спустя послѣ рожденія ребенка постъ пре-
кращается. Ребенокъ, безъ всякой покрывки,
выставляется на воздухъ и солнце. Одинъ Манузіи
покрываютъ голову его особливою чашью. Голова
новорожденного ребенка гуще обростаєт волосо-
ми, нежели у Европѣевъ; дѣти у нихъ также ра-
нѣе начинаютъ бѣгать и говорить, но за то ихъ
гораздо позже отлучаютъ отъ груди; дѣти отъ
4—6 лѣтъ питаются еще материнскимъ моло-
комъ. Послѣ рожденія ребенка, отецъ принимаетъ
поздравленія родственниковъ и друзей, а другія
женщины селенія или дома родильницы псололи-
ють все ея занятія, на 2 или 3 дня. Двойники у
нихъ рождаются весьма рѣдко, хотя иногда и встрѣ-
чаются. Индіанки, кормящія грудью двухъ дѣтей.
Это положительно противорѣчитъ извѣстіямъ мно-
гихъ путешественниковъ, утверждающихъ, что
въ случаѣ рожденія двойни, всегда одинъ ребе-
нокъ умерщвляется.

Имя ребенку даетъ кудесникъ или знахарь, и
получаетъ за это отъ отца значительный подарокъ.
Дѣйствія ворожбы соответствуютъ значи-
тельности подарка. Кудесникъ проноситъ свои
заклинанія надъ ребенкомъ въ особенной темной
хижинѣ, съ цѣлю ослабить дѣйствіе злыхъ ду-
ховъ на тѣлесное и умственное развитіе ребенка,
на всю будущую жизнь его; смотря по подарку
эти заклинанія болѣе или менѣе продолжительны.
Индіецъ, не получившій имени, дѣлается есте-
ственно игривымъ злымъ духомъ; въ самой нѣжной
юности прокалываютъ ребенку губы, уши и носы
вышій хрищъ, и въ отверстія всовываютъ кусочки
дерева. Замѣчательно, что родители пѣютъ такое
отращеніе отъ тѣлеснаго наказанія дѣтей, что
оставляютъ не наказанными самые грубые про-
ступки.

Первый предметъ, за который хватается маль-
чикъ, когда развиваются способности его, — это
лукъ и стрѣлы; отецъ приготовилъ ихъ уже за-
благовременно.

Дѣвушки также съ самыхъ юныхъ лѣтъ помога-
ють матери въ хозяйствѣ, при печеніи хлѣба и
приготовленіи любимаго напивка мушницъ — пейсара,
или прядутъ на простомъ веретенѣ, дѣлають
нитки и койки, провожаютъ мать на поле и не-
сутъ домой столько канадскаго корня, сколько
сдѣла бы подняла вдвое старшая европейская дѣ-
вушка; не смотря на раннее развитіе мальчишекъ
и дѣвочекъ, въ нихъ долѣе, нежели въ европѣ-
скихъ дѣтяхъ, остается чувство дѣтской скро-
мности и зависимости.

Борьба и родъ игры мячею, который они
приготовляютъ изъ туземнаго каучука, вотъ всѣ игры,
которыя можно видѣть у этихъ племенъ. Когда
мальчики должны перейти изъ возраста отроче-
скаго въ мужественный, то должны прежде подер-
гнуться разнымъ испытаніямъ. Чтобы видѣть, мо-
жетъ ли мальчикъ безъ ропота переносить тѣлес-
ную боль, ему наносятъ рапы зубами ликаго каба-
на или остриемъ клюва тукана на грудь, рукавъ,
ладвель и спину. Если на одна черта лица не
оказала признака страданія, то слѣдуютъ другія
испытанія, столь же, если не болѣе болѣзненныя:
мальчика завязываютъ въ мѣшокъ, въ которомъ
множество большихъ муравьевъ, кусающихъ не-
милосердно. Если онъ перенесетъ и этотъ опытъ,
такъ что судьямъ не останется никакого сомнѣнія
въ его мужествѣ, то считаютъ его достойнымъ
сѣсть въ кругъ мужей. Если однакоже онъ не могъ
равнодушно переносить все эти мученія, то съ
нимъ еще годъ обходятся какъ съ мальчикомъ, и
потомъ испытаніе начинается снова.

Когда дѣвушка изъ лѣтъ дѣтства переходитъ
въ дѣта зрѣлости, то у Варразовъ осрагають ей
волоса. У другихъ племенъ привязываютъ дѣвуш-
ку къ верхнему бревну хижины и она подвергается

(Индіискія красавица.)

(Индіици трехъ главныхъ племенъ.)

слъ дымъ и колоты иногда 5 и 6 огней; часто слу-
чается, что бѣдная дѣвушка платитъ за это испы-
таніе жизнью. У Араваковъ и Варразовъ такія со-
бытія празднуютъ танцами; молодая дѣвушка яв-
ляется украшеною бусами и бѣлымъ пухомъ раз-
личныхъ птицъ, прилѣпленнымъ къ головѣ, пла-
чамъ и ладвельямъ.

Бракъ не освящается никакими религиозными
торжествами; болѣею частью они назначаются
родителями уже въ самой нѣжной юности дѣтей, и

тогда юноша обязанъ служить родителямъ бу-
дущей жены своей до ея зрѣлости. Въ это время онъ
ухаживаетъ за юною невестою своею; приноситъ
ей лучшую добычу съ охоты; жену же уводятъ
туда, гдѣ хочетъ поселиться, и тогда она совер-
шенно подчиняется его волѣ.

Если же не было заблаговременнаго назначенія
стороню родителей, тогда юноша и дѣвушка
слѣдуютъ собственной склонности; женихъ до-
бываетъ хижину невесты и приноситъ къ ней

незначительных подарков. Когда сватающей нравится родителям, тогда невесту уступают ему, либо за определенные подарки, либо же за назначенную службу; в последнем случае, юноша, смотря по достоинству невесты, должен служить за нее год или больше. Когда это время прошло, то жених очищает довольно значительное пространство земли от кустов и деревьев, и передает девушке, которая как жена обязана ее обработать и засеять.

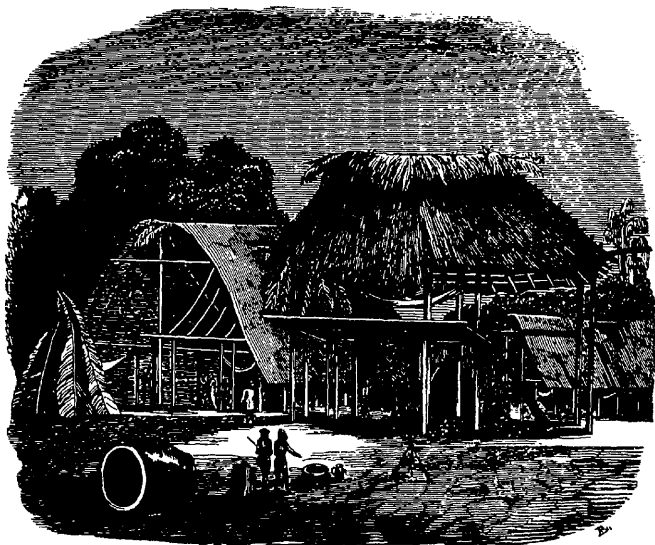
Хотя многоженство и дозволено почти у всей племени, но большая часть Индейцев имеет только по одной жене. Только начальники делают почти всегда исключение из этого правила; они имеют гаремы из 2—6 жен; из них последние-избранные бывают дети от 10 до 12 лет. Но сколько бы жен ни было у Индейца, первая всегда хозяйка, а другие должны ей повиноваться.

Когда муж возвращается с охоты или рыбной ловли, то жена приготовляет ему трапезу из добычи. Дичина большею частью готовится без приправы. Все мушны того же семейства едят в одно время, и если только погода позволяет, то всегда перед дверями хижины. Они садятся в кружок, и горшок с кушаньем ставят в середине; каждый из них облакивает в него кусок кассавы, пальцами старается достать кусок мяса. Трапеза идет вообще весьма долго, и каждый ухаживает, как только утолит голод. Женщины не едят никогда есть вместе с мужчинами, но должны ждать и довольствоваться остатками. Как это им не всегда по вкусу, то большею частью у них где нибудь в углу хижины стоит особый горшечик, который они тотчас вытаскивают, как только мужчины уйдут.

И здесь у отдельных племен мясо иных четверногих и птиц считается нечистым, так что даже величайший голод не заставит их есть запретное. К числу этих животных принадлежат: домашняя свинья, введенная в колонии в большом количестве, рогатый скот и рыбы значительной величины. В особенности Каробы строги в выборе мяса, а у Маркузиев даже *Solis gigas* одна из вкуснейших и величайших пресноводных рыб Гвианы считается нечистою; кроме того из рыб принадлежит к сему числу все семейство сомов. Дале от берега, где туземцы еще мало или вовсе не испортились обхождением с Европцами, свиное мясо возбуждает отвращение. А как у Маркузиев почитается нечистыми также и говядина, то огромная стада диких коров покойно пасутся на Рупуни и Рио-Бранко. Странно, что мясо диких кабанов не считается нечистым.

Кроме мяса и рыбы главнейшею пищею служат им хлеб из кассавы; они готовят его из корней которые в естественном состоянии своем имеют многоядовитых свойств. Когда корень очистить и вымоют, то его трут на весьма простой терке, состоящей из досок, в которую вколочено множество острых камней, а масса кладется в цилиндрическую или воронкообразную плетенку из стеблей растений *Salathia*, чрезвычайно упругого и называемого ими матакки. Когда эта воронка наполнится, то одним концем прикрепляют ее к верхним бревнам хижины, а другой длинный конец употребляют вместо рычага; плетенка крепко придавливается, и таким образом ядовитый сок из нее выжимается. Когда масса утратит жидкие ядовитые частицы, ее медленно сушат на солнце и пекут из нее хлеба. Индейцы едят поневногу, но часто. Обыкновенное время трапезы, при солнечном восходе в 10 часов, в полдень, в 3 часа, и при солнечном закате.

Крепкие напитки готовят они из разных плодов и из маиса; но любимый напиток у них из кассавяного хлеба. Для этого хлеб печется толще и чернее, так, что наружная кора почти перегорает на уголь; когда он остынет, женщины ломают его на куски и выливают кипарку. Тогда всю массу мельт руками

(Хижины Каробов).

(Тансы Индейцев).

(Музыканты).

мъ; если останутся куски, ихъ разгрызаютъ зубами, каша кладется опять въ ушатъ.

Когда одно селеніе хочетъ дать праздникъ другому, то всѣ женщины заняты нѣсколько дней жеваніемъ. Большой ушатъ, изъюущій форму лодки, составляетъ необходимую утварь въ жилищѣ начальника селенія; чѣмъ этотъ ушатъ больше, тѣмъ вышее дасть понятіе о силѣ и могуществѣ начальника.

Ближайшіе соплеменники почти всегда приглашаются за нѣсколько дней на подобное торжество; приглашеніе повторяется вечеромъ, на канунѣ дня торжества, молодыми людьми того селенія, въ которомъ оно празднуется. Утромъ рано приходятъ приглашенные гости, украшенные перьями и ожерельями изъ зубовъ обезьянъ, зеренъ и бусъ. Плясуны окружаютъ ушатъ съ алмазныи напиткомъ. Индѣецъ, садяющій непосредственно за тѣмъ, который избранъ вожакомъ для пляски, несетъ въ правой рукѣ большую калесбину, а въ лѣвой мараку или трескучку. Прочіе участники хватаютъ, что попадется имъ въ руки, кистень, ружье, лукъ и т. п., женщины лѣтъ своихъ, и олодную собачку, или обезьяну; начинается пляска, сопровождаемая монотоннымъ напѣвомъ плясуныи, пританцовываніемъ ногами и стукомъ бамбуковой трости, обвитой множествомъ стѣнныхъ струнъ въ растенія произрастающія рѣзкіи шумъ. Слова импровизируются, и часто повторяются. Такимъ образомъ всѣ участники движутся медленно въ кругу. Наконецъ, вожакий хоророва приближается къ ушатъ съ пайсаромъ, черпасть, пьетъ подъ пѣніе и передаетъ сосѣду.

Пляски Варрауи значительно разнятся съ плясками другихъ племенъ. Каждое село у нихъ имѣетъ своего учителя музыки, Гогогита, обучающаго играть на флейтѣ или рукѣ изъ бамбуковой трости; звуки этихъ инструментовъ весьма схожи съ звуками русской роговой музыки; почти каждый вечеръ собирается молодежь вокругъ своего учителя. Инструментъ состоитъ изъ куска бамбука болѣе или менѣе дяннаго и толстаго, въ который вправленъ мундштукъ изъ тростника, совершенно какъ у нашихъ кларетовъ. Хотя каждый инструментъ имѣетъ только одну ноту, но учитель знаетъ тоны всѣхъ инструментовъ весьма точно и даетъ знаки такъ вѣрно, что изъ соединенія сихъ отдѣльныхъ тоновъ выходитъ музыкальная пѣсня, имѣющая много гармоній и печальную мелодію. Кто изобрѣтатель этихъ инструментовъ, Русскіе или Индѣйцы? Вѣроятно оба; вѣроятно, чтобъ какой либо изъ двухъ народовъ занялъ эту музыку у другого.

Для пляски собираются Индѣйки, въ лучшихъ уборахъ своихъ, богато украшенныхъ снурками красныхъ и голубыхъ бусъ, или бѣлыхъ пухомъ разныхъ птицъ. Общественно въ этихъ случаяхъ носить еще кусокъ серебра или другаго металла въ носовую хрицѣ, такъ что этотъ кусокъ покрываетъ всю верхнюю губу, а у другихъ отъ оконечностей рта до половины щеки идетъ голубая черта, оканчивающаяся въ видѣ якоря; на мѣстѣ бровей идутъ голубыя черты, которыя въ среднѣйшѣмъ лба, загибаются крючкомъ, что даетъ всему лицу выраженіе особенное и довольно интересное.

Когда всѣ танцовщицы соберутся, являются танцоры изъ близъ лежащихъ кустовъ, съ своимъ Гогогитомъ, безпрерывно кланяются до земли и такъ подвигаются къ дамамъ, каждый съ инструментомъ въ рукѣ, и съ султаномъ изъ перьевъ на головѣ; это украшеніе у Гогогита вавое выше, нежели у другихъ.

Медленно приближаются они къ иѣсту, избранному для пляски, при чемъ всѣ движенія управляются звуками мадевной дудки; играющій прелюдно подражаетъ рѣзкому голосу обезьяны. Когда мужчины пришли на мѣсто пляски, то по данному знаку всѣ кладутъ инструменты наземь, сами садятся, а учитель музыки бормочетъ непонятныя слова; по третьему знаку онъ всѣ подымается, хватаятъ свои инструменты и каждый извлекаетъ одинъ тонъ; тогда всѣ злые духи изгнаны изъ всего мѣста, назначеннаго для пляски, и потеряли власть иѣшать блду.

Тогда и дѣвушка становится въ кружокъ, про-

ходить нѣсколько разъ кругомъ, приближается къ тому съ кѣмъ хотитъ танцовать, и кладутъ слегка руку на его пласко; тотъ начинаетъ пляску, но продолжаетъ играть. Когда танецъ долженъ кончиться, танцоры три раза топаютъ ногою, къ коей прирѣплены бубенчики. Если танцоръ короткій знакомый, любовникъ или братъ, то танцорка ожидаетъ третьяго удара; если же онъ мало знакомъ или чужой, то уже при первомъ она съ быстротою спѣшитъ на свое мѣсто. Танецъ совершенно оканчивается общимъ крикомъ мужчинъ.

Кромѣ того Варрауи плятютъ еще множество другихъ танцевъ, въ которыхъ стараются подражать голосу и движеніямъ различныхъ звѣрей.

Весьма любопытный танецъ у Манузиэвъ, коимъ они изображаютъ нападеніе на ихъ селенія Карибоу, похитившихъ ихъ женъ и дочерей, какъ Римляне Сабинокъ, и здѣсь вся окрестность избраннаго мѣста очищается отъ злыхъ духовъ; женщины прачутся въ кусты, хижины, и т. п. вожакий подаетъ знакъ, и танцоры разбѣгаются искать дамъ. Ищутъ во всѣхъ углахъ домовъ, въ каждомъ кустѣ, за каждымъ деревомъ, приволятъ на мѣсто пляски, и указываютъ мѣсто; когда приведены всѣ, мушны пляшутъ вокругъ прекрасной добычи своей, пока новый знакъ опять разоглаетъ всѣхъ танцорокъ; мушны ихъ преслѣдуютъ, настигаютъ, опять вводятъ въ кругъ, и игра начинается снова.

Какъ пляски, такъ и обряды похоронные, весьма различны. Когда умретъ Варрау, то трупъ со всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежало при жизни, кладется въ родъ урны и въ ней хоронится въ хижинѣ, гдѣ онъ жилъ; надъ могилкою горитъ огонь, нѣсколько дней и ночей сряду; собираются родственники покойнаго и оплакиваютъ его потерю дѣйствительно ужаснымъ образомъ. Вдова и дѣти ставновлята собственностно его брата или ближайшаго родственника; если вдова несогласна, то родственники вторгаются въ домъ и колотятъ ее пемилосердо; но это дается ей тогда полную свободу жить съ тѣмъ, кого она изберетъ.

Церемонія Аравакавъ довольно схожи съ вышеописанными; если покойникъ былъ челоѣкъ значительный, то по смерти его на участкѣ поля сажаютъ корня кассады; по истеченіи 12 мѣсяцовъ, въ какое время кассада созрѣваетъ, родственники и пріятели опять созываютъ, и угощаютъ пайсаромъ, пригоовленнымъ изъ корней и личиною. Послѣ трапезы гости пляшутъ надъ могилкою покойнаго, и бьютъ другъ друга варочло для этого приготоовленными прутьями, которые послѣ того вѣшаютъ въ хижинѣ. Около шести мѣсяцевъ спустя опять пляска; тогда прутья сожигаются, и память покойнаго, равно какъ и взаимныя улары, предаются забвенію.

Карибы кладутъ покойника въ кадку, гдѣ его ежедневно моетъ вдова и ближайшія родственницы, и наблюдаютъ, чтобъ его не безпокоили дикіе звѣри и насѣкомыя. Когда гнилость тѣла достигла извѣстной степени, то кости совершенно очищаются, кладутся въ корзинку и тщательно сберегаются. Когда жители оставляютъ свое селеніе, то всѣ кости сожпаютъ, пепелъ собираютъ и уносятъ... Женщины, очищавшія кости, считаютъ нѣсколько мѣсяцевъ несчастными.

Втра въ безсмертіе душиице и у Гвайскихъ Индѣйцевъ. Они также признаютъ высочайшее совершеннѣйшее существо и утверждаютъ, что дѣятельность его такъ занята содержаніемъ въ порядкѣ устройствъ вселенной, что оно не можетъ заниматься съ отдѣльными людьми, отчего безчисленное множество злыхъ духовъ получаютъ возможность и власть вредитъ людямъ; болѣзнь, смерть, несчастіе, голодъ и тому подобное — слѣдствія завистливой и злой ихъ воли. Но чтобы челоѣчскій родъ неизнемогъ подъ злымъ вліяніемъ демоновъ, то высочайшее существо дало нѣкоторымъ людямъ силу и указало имъ средства, противившія вліянію злыхъ духовъ. Эти избранные волшебники, коимъ заклинанія имѣютъ величайшую власть надъ демонами, такъ что демоны должны имъ повиноваться.

Къ несчастію эти племена будутъ вскорѣ существовать только въ преданіяхъ; злокачественныя

болѣзни и другія естественныя причыны истребляютъ ихъ быстро.

Деять Индѣйцевъ изъ другой британской колоніи недавно посѣтилъ Англію, и мы прилагаемъ изображенія ихъ для сравненія одежды Стъверу-Американскихъ и Южно-Американскихъ такъ называемыхъ «Дикихъ». Одинъ изъ нихъ жеппился на Англичанкѣ, дочери рѣщика на золотильщика; она хочетъ слѣдовать за супругомъ своимъ въ степи Канады на берега Гуронскаго Озера, гдѣ племя его имѣетъ свои жилища.

ХОРОША-ЛИ СОБОЮ ЕЛЕНА?

Эскизъ.

Между зеркальными простѣвками широкаго отверстія, ведущаго изъ гостиной въ танцевальную залу, Елена остановилась. Здѣсь ей хорошо; здѣсь не пропадаетъ ни одна сторона, ни одно намѣреніе ея распчтанныхъ и въ то же время свободныхъ движеній. Кто пройдетъ мимо, такъ увидитъ нѣсколькихъ Еленъ, и теряясь въ сравненіяхъ, не будетъ знать, которой отдать преимущество.

Окруженная толпою молодыхъ людей, она съ равнымъ спокойствіемъ, и выслушиваетъ пріивѣтствія, и отвѣчаетъ на нихъ; не всегда осторожная въ своихъ замѣчаніяхъ, она всегда умѣетъ предупредить опрометчивость или нескромную выходку повпчка.

Не буду описывать наружность Елены, потому что съ попятіемъ опріятной наружности, я соединяю такія условія, о которыхъ судить предоставляю вамъ самимъ. Спрашиваю, что значатъ всѣ женскія прелести, безъ другихъ, болѣе властвительныхъ очарованій, безъ очарованій рѣзваго, женскаго ума, безъ увлеченія всегда простодушнаго, и только изрѣдка, немножко лукаваго женскаго сердца?

Поговорите же съ Еленой о вещахъ, занимающихъ ея душу и воображеніе; подслушайте струну, которая звучитъ въ ея добромъ, любящемъ сердцѣ, плѣняя и радуя все, что ему близко, все—что его окружаетъ, — подслушайте эту струну, взвлеките изъ нея вашъ любимые звуки, и тогда сами скажете мнѣ, хороша-ли она собою? Но вы нетерпѣливы, а я надъ вами не властенъ. Всмотритесь же въ ея глаза, полные невыразимыхъ искушеній; въ ихъ залогъ всегдашняго, вѣчнаго счастья; онъ торжествуютъ любовь, въ ихъ любовь торжествуетъ побѣду! Всмотритесь въ неумовный рисунокъ ея неумовной физиогноміи: когда Елена одушевится, и душа ея выскажется въ глазахъ; когда она заговоритъ, и не доскажетъ чего-то, умолкнетъ; когда ея улыбка обозначитъ скрытное движеніе сердца, обозначитъ — и сомкнется на устахъ, и вы въ нихъ прочтете что-то обворожительно досадное, что-то мучительно прекрасное, — тогда дѣйствительность исчезнетъ и вы погрузитесь въ размышленіе. Но успокойте, успокойте ваши тревожныя чувства на ея свѣтомъ, открытомъ челѣ; здѣсь печатъ мысли болѣе доступной ваше-

му созерцанію. Разгадайте же эту мысль, разгадайте выраженіе ея лица, озареннаго чуднымъ, сказочнымъ свѣтомъ! Или это волшебство окружающаго предметовъ, скользящая свѣтотѣнь, отраженіе отъ зеркала, отъ драпировки, отъ блюдамарныхъ стѣнъ салона... Нѣтъ, нѣтъ, это та живая, вѣчно юная красота души, которая переживаетъ красоту тѣлесную и не умираетъ за предѣлами жизни. Но что это за рѣзвая, что за вертлявая мысль! Вы ее ищите, она прячется; вы за нею, она отъ васъ. Зайчикъ, сущій зайчикъ, за которымъ, помните, вы не успѣвали глазами, играя на солнцѣ оскольщикомъ зеркала. Но вотъ вы вооружились терпѣніемъ, вы готовы уловить мысль Елены и похитить сокровеннѣйшія тайны ея сердца... Отчего жъ вы, внезапно, такъ взбѣжали въ лицѣ?

Оставьте, оставьте ваши памѣренія, ваши лафатеровскія притязанія. Пусть останется душа Елены, которую вы хотите прочесть на ея лицѣ, на этомъ іероглифѣ души чело-вѣческой, пусть она лучше останется для васъ неразрѣшимой загадкой, потому что иначе вы рискуете сдѣлать несправедливость, за которую я не берусь отвѣчать.

Вотъ раздастся хоръ трубачей, знакомые звуки Беллини! то грустью, то пѣгой въ душѣ отзовутся, о чемъ-то волшебномъ повѣдаютъ и сны золотые навѣютъ, и Эльфи невидимо васъ принимаютъ на крыльяхъ, упосаятъ въ пространство... Взгляните теперь на Елену; она, кажется, о чемъ то вспомнила, подняла глаза, облокотилась и сдѣлала движеніе головою, какъ одинокій пѣзъ ангеловъ сикстинской Мадонны, — она вспомнила о томъ, что для нея и безутѣшнѣе самой печали и дороже жизни! и вы снова не можете насмотрѣться на Елену, вы находите въ ней сходство съ... Какъ вдругъ: — Скажите, спрашиваетъ она съ совершеннымъ равнодушіемъ, скажите, кто этотъ уродъ, что танцуетъ съ кухней моей, съ кухней ***, вы не знаете, нѣтъ? — Движеніе руки показываетъ, что вопросъ обращается къ вамъ, и что если вы сами не уродъ, то оцѣните честь, которую она вамъ дѣлаетъ своимъ вопросомъ. — Почему жъ онъ уродъ, спрашиваете вы, въ свою очередь, забывъ на время уроки вѣжливости, о которой вамъ также когда-то говорили, почему жъ онъ уродъ? Онъ молодой человѣкъ прекрасный, весьма достойный и мнѣ большой пріятель. — Елена окинула васъ взглядомъ, сдѣлала маленькую гримасу и однимъ движеніемъ головы, какъ будто остановила всѣ ваши успѣхи въ обществѣ. (Предполагается, что вы новичекъ). Но Елена, какъ ребенокъ избалованный и невоздержный, недовольствуется гримасой. — Что жъ, пѣмецкій студентъ, ученый или чиновникъ что-ли какой, или развѣ живописецъ, — спрашиваетъ она, и недождавшись отвѣта, опять спра-

шиваетъ: — то есть студентъ? и тутъ же не то спрашиваетъ, не то отвѣчаетъ: — да.

Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ, о которомъ спрашивала Елена, ей не представляется, а какъ всѣ болѣе или менѣе порядочные молодые люди ей должны быть извѣстны, то она и сдѣлала посылку, изъ которой ясно слѣдовало, что тотъ молодой человѣкъ долженъ быть или уродъ, или пѣмецкій ученый, или чиновникъ, или по крайней мѣрѣ живописецъ. Что жъ вы тутъ находите оскорбительнаго, и что мудренаго, если на вашу скучную фразу она вамъ отвѣчаетъ какъ умѣетъ? Но я знаю, вы не столько досаждаете на слова Елены, сколько на то, что она теперь о васъ думаетъ, а думаетъ она, сдается вамъ, ни больше, ни меньше, какъ: противный, одинъ изъ тѣхъ скучныхъ, нелѣпныхъ, съ которыми нельзя слова сказать; антикваріи допотопный, если не хуже...

Какой же вы странный человѣкъ, воображали себѣ, чего можетъ быть вовсе не существуетъ, и сами разрушаете то прекрасное впечатлѣніе, которое на васъ произвела Елена; сами лишаете себя того высокаго удовольствія, какое испытываетъ молодой человѣкъ, при видѣ молодой, прекрасной женщины. Предъ вами уже не подобие божества, а простая смертная, да еще какая смертная... и вотъ, не отвѣчая ни слова, вы отходите и уступаете мѣсто блюкуруму молодому человѣку, который послѣ небольшого объясненія съ хозяйкой дома, кажется весьма смущеннымъ; но прежде нежели мы займемся блюкурымъ молодымъ человѣкомъ, я бы хотѣлъ вамъ сказать, что на счетъ васъ самихъ, вы можете быть совершенно покойны, что съ этой минуты и до новой встрѣчи, Елена о васъ и не вспомнитъ; что все, вамъ ей сказанное, будетъ совершенно забыто; что у Елены ужъ такое доброе сердце, а что касается до сердца, то я не могу вамъ не замѣтить, что вы гораздо сердитѣе, и судя по вашимъ же словамъ, сами порядочный забіяка. Вспомните только, что нѣсколько минутъ тому вы были въ восторгѣ отъ Елены, и два слова могли васъ разочаровать совершенно? Въ мысляхъ вашихъ образуются странныя понятія объ Еленѣ, и мало того, что вы думаете, вы готовы сказать всякому встрѣчному... но я не скажу того, что вы готовы сказать; это было бы не совѣтъ прилично и не совѣтъ хорошо, и какая же разница между добрымъ сердцемъ Елены и вашимъ сердцемъ, питающимъ такія враждебныя помысленія? Впрочемъ, если вы непременно хотите, чтобы я вамъ правду сказалъ по-секрету, я вамъ скажу, что Елена дѣйствительно не много по болѣе того, что называется модницей; но вѣдь я вамъ это говорю только на ухо, а говорить по секрету и думать вслухъ, двѣ вещи разныя...

Но мы, кажется, говорили о блюкурумѣ молодомъ человѣкѣ, которому вы уступили свое мѣсто. Представьте себѣ юному лѣтъ восемнадцати, иѣжнаго сложенія, съ розовымъ личикомъ; оно не безъ выраженія и женоподобнымъ окладомъ своимъ напоминаетъ о цѣломудренной физиогноміи пажа Фридолина. Взгляните какъ онъ робко и недоувѣрчиво смотритъ на окружающихъ; то потупить глаза, то какъ испуганная газель, беспокойно или пробѣжнть по равнодушнымъ, самоуувѣреннымъ лицамъ бальныхъ дамъ и кавалеровъ; по наиболѣе взоръ его смущается видомъ дамы, которой онъ былъ представляемъ за нѣсколько дней и которую онъ теперь узнаетъ въ Еленѣ; всякій разъ какъ онъ взглянетъ на нее, ему кажется, что онъ видитъ предъ собой ту Пнеію общественаго мнѣнія, которой приговоры строги и невзмѣнны. Бѣдный молодой человѣкъ; какъ онъ убить своимъ положеніемъ; да и есть отъ чего быть убитымъ! Представьте, только что сошедшій съ университетской скамьи, едва вступившій въ свѣтъ, онъ рѣшился на дѣло отважное; онъ былъ такъ не ловокъ и опрометчивъ, такъ мало знакомъ съ этикетомъ, что рѣшился просить на мазурку не племянницу, не дочь хозяйки, а самую хозяйку. Что же дѣлаетъ Елена, у которой на эти вещи и тактъ и глазъ и соображеніе удивительное? — Посмотрите, говоритъ она, такъ громко, что ее слышно на средній залы, посмотрите, говоритъ она, сопровождая свои слова смѣхомъ, похожимъ на нѣсколько маленькихъ звенящихъ колокольчиковъ, посмотрите, этотъ блондинъ, онъ вздумалъ грациозно на мазурку просить; какъ вы думаете, онъ о себѣ не дурнаго мнѣнія?

Этого довольно, чтобы уничтожить юношу, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, и вы можете быть увѣрены, что весною, на первомъ пароходѣ, онъ отправится за границу, чтобы отсутствіемъ заставить забыть свою опрометчивость и изгладить неприятое впечатлѣніе.

Въ то самое время, какъ блюкурий молодой человѣкъ терлется въ мысляхъ о своемъ критическомъ положеніи, Елена до того увлеклась разговоромъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, что вы невольно станете наблюдателемъ всѣхъ ея словъ и движеній. Молодой человѣкъ, о которомъ мы теперь говоримъ, есть не много менѣе того, что въ свѣтской табели о рангахъ называется львомъ, и немного по болѣе того, что выражается словомъ опаргъ. Вотъ онъ нагнулся и что-то ей сказалъ вполголоса. Будь Елена помоложе и менѣе опытна въ дѣлахъ свѣтскихъ, она бы смутилась, но она эту школу прошла, и тутъ же, ни мало не затрудняясь, отвѣчаетъ ему: завтра, въ половинѣ двѣнадцатаго, и прїѣду въ англійскій магазинъ взглянуть

на бархатныя мантілы. Елена произноситъ эти слова съ такимъ спокойствіемъ, что я изъ нихъ вывожу слѣдующее заключеніе:

Завтра, въ половинѣ двѣнадцатаго, у подъѣзда англійскаго магазина остановится карета, но не Елена карета, которая въ этотъ самый часъ подъѣдетъ къ другому магазину, а остановится карета ея мужа, который при встрѣчѣ съ молодымъ человѣкомъ, недоросшимъ до льва, скажетъ ему мимоходомъ, что онъ пріѣхалъ сюда по порученію жены, чтобы взглянуть на бархатныя мантілы, и это онъ скажетъ отъ чистаго сердца, потому что мужъ Еле-

ны ничего не подозреваетъ, да и подозревать не намѣренъ. Въ пять часовъ того же дня, двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ доволствуется титуломъ петербургскаго онагра, а другой не доволенъ и тѣмъ, что слыветъ за парижскаго льва, встрѣтятся у Сень-Жоржа; одинъ у другаго спроситъ, какъ онъ сегодншнее утро провелъ и какъ онъ находитъ фасонъ новыхъ заграничныхъ мантілій? Вслѣдъ за тѣмъ завяжется между ними объясненіе, о которомъ я долженъ умолчать по многимъ причинамъ, во первыхъ, по скромности, которую обязанъ сохранять въ подобныхъ случаяхъ во вторыхъ, потому, что взявшись написать

только эскизъ, я не вправѣ описывать тѣхъ подробностей, которыя принадлежатъ полной картинѣ, и наконецъ въ третьихъ, потому, что опасаясь погрѣшить противу такого добраго листка, каковъ листокъ Иллюстраціи.

Теперь, когда вы имѣете маленькое понятіе о характерѣ Елены, я позволю себѣ сдѣлать вопросъ: хороша-ли она собою?

А. Струговицковъ.

АНЕКДОТЪ.

О КНЯЗѢ БАГРАТІОНѢ.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ прибылъ изъ Грузіи въ Петербургъ въ 1782 году. Ему было 18 лѣтъ. Онъ остановился въ домѣ Княгини Аины Александровны Голицыной, урожденной Княжны Грузинской, вызвавшей его изъ Грузіи, для опредѣленія въ службу. На другой день, обѣдая у Князя Потемкина, на дачѣ, въ 13-ти верстахъ отъ столицы, по Петергофской дорогѣ, (бывшей въ послѣдствіи Александра Львовича Нарышкина), Княгиня Голицына просила Потемкина принять молодого Багратіона подъ свое покровительство. Потемкинъ немедленно послать за нимъ курьера: Бѣдный юноша, только что прибывшій изъ дальняго края, не имѣлъ еще прстойной одежды и не зналъ какъ явиться къ Потемкину. Дворецкой Княгини Голицыной, Карелинъ, вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, ссудилъ ему свое собственное платье, и Багратіонъ поскакалъ съ курьеромъ на дачу. Невысокаго роста, блѣдный, худощавый Багратіонъ, въ неуклюжемъ кафтанѣ дворецкаго, скромно, но не робко предсталъ предъ «великолѣпнымъ Княземъ Тавриды,» среди блестящаго общества. Орлинымъ взоромъ окинувъ безвѣстнаго юношу, Потемкинъ удостоилъ его разговоромъ. Довольный отвѣтами Багратіона, онъ поздравилъ его прапорщикомъ и приказалъ ему отправиться въ армию.

Прошло болѣе четверти вѣка. Насталъ 1811 годъ. Багратіонъ, уже предводитель арміями, Андреевскій кавалеръ, озаренный славою народнаго героя Россіи, проводилъ лѣто у той же Княгини А. А. Голицыной, Владимірской Губерніи, Юрьевского-уѣзда въ селѣ Симѣ, между друзьями и родственниками, отдыхая на лаврахъ и готовясь къ новымъ подвигамъ. Однажды, за обѣдомъ, Багратіонъ долго и пристально смотрѣлъ на служившаго за столомъ пожилаго дворецкаго: то былъ Карелинъ. Не говоря ни слова, Багратіонъ встаетъ, идетъ прямо къ старцу, бросается къ нему на шею и восклицаетъ: «Помнишь ли ты, добрый Карелинъ, какъ за 30 лѣтъ, въ твоемъ кафтанѣ явился я къ Князю Потемки-

ну? Безъ тебя, можетъ быть, не былъ бы я тѣмъ, чѣмъ ты меня теперь видишь. Спасибо, тысячу разъ спасибо!»

Вскорѣ потомъ, въ сентябрѣ 1811 года, курьеръ привезъ въ Симы повелѣніе Князю Багратіону принять предводительство надъ второю западною арміею. Багратіонъ простился съ хо-

злевами села Симы, обѣщая пріѣхать къ нимъ въ слѣдующій годъ на отдохновеніе, если только обстоятельства позволятъ. Дѣйствительно: ровно черезъ годъ онъ возвратился въ Симы... на вѣчное отдохновеніе.

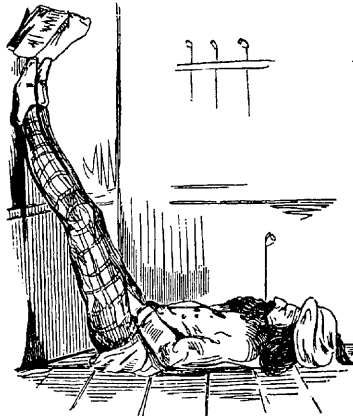
А. М.-Данилевскій.

КАРИКАТУРЫ ШАМА.

Во всех вѣках карикатура составляла особенный родъ въ искусствѣ; имъ занимались даже знаменитые художники; карикатура не есть пустая насмѣшка; бываетъ и то, правда; но гдѣ нѣтъ злоупотребленій? Карикатура, въ художественномъ значеніи, тоже, что басня и апологъ въ Шинтикѣ, которыя, какъ извѣстно всякому, весьма разнствуютъ отъ эпиграммы, а съ памфлетомъ и пасквилемъ не имѣютъ ничего общаго. Здѣсь не мѣсто входить въ эстетическія подробности этого предмета. Начнемъ съ дѣла живаго, съ карикатуръ. Изъ современныхъ художниковъ въ этомъ родѣ отличается Шамъ, который далеко превосходитъ своихъ соперниковъ. У него цѣлая коллекція весьма остроумныхъ, безобразныхъ карикатуръ. Лучшія всѣ мы передадимъ нашимъ читателямъ, потомъ помѣстимъ и оригинальныя русскія, потомъ познакомимъ съ художниками въ этомъ родѣ другихъ временъ, и тогда, пожалуй, поговоримъ о художественномъ значеніи карикатуры въ болѣе обширномъ видѣ. На первый случай представляемъ геометрію Шама.

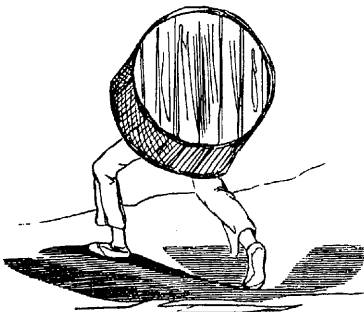
Острый уголь.

Тупой уголь.

Триугольникъ.

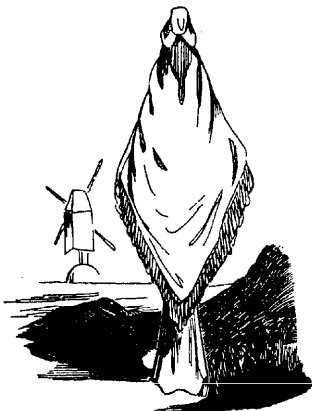
Кругъ.

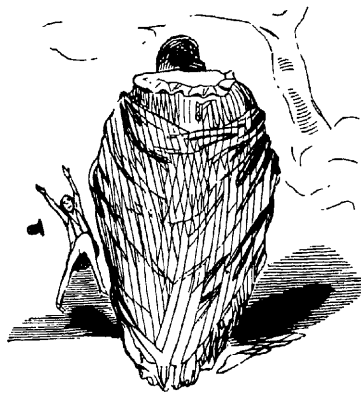
Точка упора.

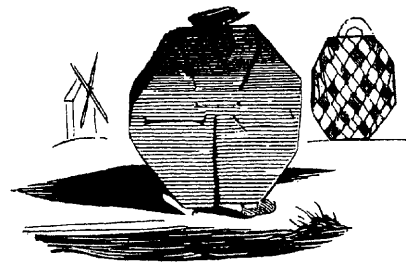
Неправильный многоугольникъ.

Ромбъ.

Эллипсисъ.

Правильный многоугольникъ.

СМЪСЪ.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ

40. Сидѣть на слуху — стеречь, караулить, чутко остерегаться. Зайца весною на слуху и потому не подпускаетъ. Наслушивать рукою състь или снасть.

41. У насъ нѣсколько разъ спорили о томъ, чѣмъ замѣнить слово *pendant*, панданъ, говоря о картинѣ или другой вещи. Одни предлагали для этого слова *вросель* — другіе, поглумившись надъ этимъ, находили, что *соотвѣстствіе* или *соотвѣстственность* ближе выражаетъ дѣло. *Вросель* — не влетѣть, это такъ; но не понимаемъ, какъ русскій человекъ можетъ объяснить до такой степени не по-русски, чтобы предпочесть этому *соотвѣстствіе*, — слово, которое отнюдь не можетъ быть употреблено вѣсто пандана. Но у насъ есть на это нѣсколько словъ: ровня, дружка, пара, чета, подѣла, подѣстать, подѣ-малъ, подѣ-масть, подѣ-пару и проч. Сдѣлать дружку къ приворотной надѣлѣ; повѣсить пару или дружку картины, или картинѣ; или къ картинѣ этой насупротивъ и проч.

42. Опознать, опознаться, обознаться. *Опознать* украденную лошадь, опознать испряделя, тоже что узнавъ; распознавать, опознать мѣстность, что обыкновенно называется рекогносцировать. *Опознаться* — по-русски ориентироваться: я долго смотрѣлъ внаслуху могъ на этомъ мѣстѣ опознаться — Опознаться на извѣстномъ мѣстополюженіи, на полршнѣ науки. Постойте, дайте опознаться, — сказалъ испуганный, смиренный человекъ, котораго привели къ допросу въ судъ; т. е. опознаться, придти въ себя. *Обознаться* — ошибиться; но здѣсь заключаетъ еще иной смыслъ: принять по ошибкѣ одну вещь, или человека за другаго. Я, обознавшись, поклоился чужому человеку, думая, что это вы. Я, обознавшись, вклепался въ чужую шубу. Я обознался въ этомъ человекѣ: я думалъ, что изъ него выйдетъ прокъ. Одинъ изъ лучшихъ писателей нашихъ, въ коренномъ русскомъ романѣ — Бусурманъ — говорить: — Онъ увидѣлъ, что принялъ вышедшаго за другаго. — т. е. онъ увидѣлъ, что обознался.

43. Обсмыслить, обсмелать — посылать другъ ко другу взаимно или по очереди: обсмелаться поклонами, письмами, подарками. Слово это выражаетъ также ошибку или отравление чего либо не туда, куда слѣдовало, на имя другаго лица. Развѣзды, на цѣпи, обсмелаются бирками, для удостовѣренія, что каждый изъ нихъ точно дожджалъ до своего мѣста.

44. Наболѣть, шека выболѣла, много разъ пухла.

45. Прикинуть: 1. прибавить, набавить; 2. прихитрить, прихитить; 3. прикинуть портному платье, которое онъ обузлял.

46. Пронять — протянуть; — но тутъ подразумевается, что орудіе остался въ проемѣ: пронять ухо серигой; у вашей дочери уши прониты? *Пронять* — оставлять въ стѣнѣ, гдѣ стоять печи; въское сквозное отверстие. *Проечное* дерево, пень, — въ которомъ сквозное луло. *Прояма* — прорѣла въ платьѣ, гдѣ быть рукава.

47. Наслушивать — относится собственно не до слуха, а до осланія: наслушивать рукою състь, не толкнется ли рыба. *Наслузъ* — тоже что слухъ, молва: объ немъ плохой наслузъ. *Послузъ* — послушаніе; онъ въ послузѣ — въ послушаніи. *Прислузъ* — быть на прислухѣ, тоже что быть лазутчикомъ, прикомандованнымъ человекѣмъ: у меня есть танъ на прислухѣ, я все узнаю.

48. Если лошади въ упряжи стали, не везутъ, то нашъ народъ весьма основательно отгадываетъ причину этого особымъ выраженіемъ: кони осклелись — значить хотѣли подхватить сразу, однимъ плечемъ, дернули, не разсчитавъ тяжести, и не смогли; также хотѣли влечь въ гору на вынось и не подъ силу стало. Кони замлелись — почти тоже, но собственно дернули не хотя или не дружно.

но. Лошадь *замлелась* — хомутъ или клешия легла на душу, на гортали; лошади нельзя дышать, она зашаталась и стала, или даже упала. Кони *заартались* — стало быть они съ норовомъ, заупряжились и не хотятъ идти. Лошади *пристали*, и наконецъ, *стали*, значить выбились изъ силъ, нейдутъ, выпрягай да корми. Лошадь *загорьлась* — запыхалась отъ шибкой вѣды, особенно, если она сита была; дай ей отдохнуть, перевести духъ и она пойдеть. Лошадь *задохлась*, отъ жару, отъ пылу, и проч.

49. Спать будко, дремать чутко. У него соловьиный сонъ — легкий, самый будкій.

50. Слушать краемъ уха: ты не достоинъ послушать краемъ уха рвѣей его; ты и меня только краемъ уха слушаешь.

51. Сказать что нибудь на вой вѣтеръ.

52. Доправить на комъ: разыскать. Если онъ не устоитъ, такъ доправте на мнѣ: я вамъ за него отвѣтчикъ.

Лугинскій.

Путешествіе г. Чихачева на Алтай. Мы узнаемъ о трудахъ русскихъ ученыхъ, въ *трубу* плозедную, какъ выражаются Чехи. Не знаемъ и не хотимъ искать причинъ, по которымъ столь важные плоды любознательности нашихъ соотечественниковъ становились прежде извѣстными за границей и приходять къ намъ въ числѣ иностранныхъ извѣстій. Мы знали, что г. Чихачевъ путешествуетъ по разнымъ странамъ съ ученою цѣлью, что съ нимъ идетъ даровитый художникъ Е. Е. Мейеръ; все это мы знали по слухамъ, — и вѣноваты ли мы, когда авторы, недостойныя издателей русскихъ новременниковъ своимъ доверіемъ, въ тайнѣ пронесли свои открытія и наблюденія черезъ все отечество и повергли ихъ на благо-усмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ. Конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ это учрежденіе можно признать ученымъ и достойнымъ ареопагомъ. *Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences* — для насъ, и для всѣхъ любителей науки — едва ли не самое занимательное періодическое изданіе въ Европѣ. Это сцена всей европейской ученой дѣятельности. Г. Чихачевъ нашелъ себя въ сплахъ предстать на это судище — и не ошибся. Занеска его подвергнута установленнымъ порядкомъ разсмотрѣнію особаго комитета (Гг. Брюнляръ, Эли де Бононь и Дюренюа). Отчетъ этого Комитета весьма обширный, изложенъ г. Бонономъ и помѣщенъ въ послѣдней тетради академическаго новременника.

Средній Азія съ нѣкотораго времени возбуждаетъ особенное вниманіе ученаго міра. Можно положительно сказать, что удивительный Гумбольдтъ первый, въ своей удивительной книгѣ «Центральная Азія» освѣтилъ это огромное пространство земли и увлекъ сюда многихъ путешественниковъ. Путешествія Гумбольдта, Эренберга и Густава Розе въ 1829 году на Иртышъ принесли важную пользу. Путешествіе г. Чихачева дополняетъ труды предшественниковъ въ значительномъ размѣрѣ. Одна геологическая карта Алтая и части Саяскихъ Горъ уже важное ученое приобрѣтеніе и заключаетъ въ себѣ пространство равняющееся пространству всей Франціи. Донесеніе г. Бонона Парижской Академіи Наукъ чисто — геологическое; подробность этого донесенія обнаруживаетъ и уваженіе Комитета къ труду нашего соотечественника и достоинство самаго труда. Академія ушла оцѣнить послѣднее, и въ заключеніи изъявила автору свою признательность и готовность помѣстить его сочиненіе въ изданіи *Revue des savants étrangers*. Но Г. Чихачевъ уже изготовилъ великолѣпное изданіе своего путешествія на Алтай въ полномъ видѣ, украшенное гравюрами по рисункамъ Мейера.

Намъ пріятно при этомъ случаѣ сообщить читателямъ, что Е. Е. Мейеръ принимаетъ постоянное участіе въ иллюстраціи. Нѣкоторые изъ его ри-

сунковъ были уже помѣщены; но большая и важнѣйшая часть гравирована въ Парижѣ; содня на депъ ожидаемъ присылки этихъ гравюръ.

Электрическіе Телеграфы. Въ томъ же заведеніи академіи наукъ, 12 мая, Г. Араго словесно сообщалъ результаты опытовъ, произведенныхъ надъ электрическими телеграфомъ. Опыты эти удалась вполне. Извѣстія изъ Парижа въ Руанъ и обратно, посредствомъ телеграфа, мгновенно были переданы съ такою вѣрностію, что теперь не остается ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ действительности и совершенной прицѣмности этого способа сообщенія. — Г. Матсучи въ письмѣ къ Г. Араго изложилъ весьма замѣательные результаты произведенныхъ имъ опытовъ надъ электрическими телеграфомъ, проведеннымъ въ Велико-Герцогскомъ Наркѣ волеѣ Пшзы. Письмо это весьма любопытно, но весьма жаль, что Г. Араго не сообщилъ своихъ открытій письменно. Тогда бы можно сравнить усилія и результаты.

Космосъ, соч. Гумбольдта. Ученныя заслуги Гумбольдта неисчислимы, неоцѣнны. Чего не касался этотъ обширный, энциклопедическій умъ? Этотъ одинъ эмпирикъ стоитъ для науки цѣлаго легіона иезецкихъ философовъ, которые, погруживъ чистое ученіе Канта въ бездну схоластическихъ слововреній, утоняютъ въ нихъ, безъ великой надежды на спасеніе. Напрасно подавать изъ руку помощи; они будутъ разсуждать объ этой рукѣ какъ метафизикъ въ баснѣ о веревкѣ, и оттолкнутъ спасительную руку въ мгновеніе гибели. Оставимъ неизлѣчимыхъ, обратимся къ творенію, которое должно быть замѣательнымъ не для однихъ ученыхъ.

Космосъ, слово греческое, означало красоту и порядокъ, впоследствии получило философическій смыслъ и значило: благоустройство вселенной. Этимъ именемъ называлъ Гумбольдтъ сочиненіе, мысль о космѣ, какъ самъ говоритъ, носилъ онъ подѣ-вѣка и теперь рѣшился осуществить, облечь въ тѣло. Первая часть вышла. Она заключаетъ картину природы — внутреннюю связь подробностей съ цѣлымъ. Въ двухъ другихъ частяхъ будутъ изложены: *Способы къ изученію и Исторія созрцанія природы*. Вотъ книга, которую ожидаемъ съ свѣтъ съ живымъ и равнымъ нетерпѣніемъ, которая представитъ итоги всей ученой дѣятельности нашего времени.

Картонны Овербека. Всю зиму въ Римѣ любители художества наслаждались созерцаніемъ картоновъ Овербека, изображающихъ событія изъ Новаго Завета. Нѣмцы въ особенности отъ нихъ безъ памяти и положительно вѣбрюютъ, что послѣдователи всѣхъ школъ живописи рѣшительно признаютъ эти картонны вѣлкомъ современнымъ искусства. Вѣрять на слово.

Школы пѣнія. Почтенный нашъ соотечественникъ, извѣстный композиторъ Г. Арнольдъ, два, три года тому назадъ, затѣялъ учредить народную школу музыки... Увы! Много потерялъ времени, много убилъ денегъ, — народъ неизвѣстно почему не захотѣлъ учиться музыкѣ... Въ Англии, самой немужкальной націи во всей Европѣ, народные школы пѣнія вездѣ. Во Франціи т. е. въ Парижѣ, ибо тутъ вся Франція, въ 1835 году было только девять престопадныхъ школъ по системѣ Вилема (Wilhem). Теперь ихъ 105, а учениковъ 20,000. Согласитесь, что на каждую тысячу можно пона-

гать одинъ талантъ. Будеть чѣмъ ремонтировать театры... Ученіе раздѣляется на два курса. Въ первомъ—элементарное пѣніе съ помощью синоптическихъ таблицъ; во-второмъ курсѣ—высшее пѣніе, то есть, скалы и украшенія. Для каждаго курса отпечатано руководство къ изученію музыки Вилема (Manuel musical) и продается по 9 франковъ. На годъ не великъ расходъ.

Музыка въ чужихъ краяхъ. Для насъ Прага, какъ мы уже сказали, въ музыкальномъ отношеніи важнѣе Парижа. Въ Прагѣ она капитальное блюдо ежедневнаго стола; въ Парижѣ случайный салатъ. Въ Прагѣ слушаютъ и размышляютъ; въ Парижѣ слушаютъ, чтобы не размышлять. Концерты Парижской Консерваторіи—превосходны; но какой репертуаръ? Запоздаое исполненіе одного и того же. Пока Бетговенъ да Бетговенъ. Въ Пражской Консерваторіи вы переслушаете все, что только написано для инструментальной музыки вчера и сегодня; исполненіе не уступаетъ парижемскому. Давно уже этотъ оркестръ отличался точностію, вѣрностію энергіей. Нынѣшній директоръ Кнittel умѣлъ придать ему рѣдкую отчетливость въ мелчайшихъ отбѣнкахъ. Здѣсь пѣтъ исключительности Парижа. Здѣсь раздвигаютъ сочиненія всѣхъ европейскихъ композиторовъ. Вотъ напримеръ содержаніе послѣдняго концерта: 1) Симфонія Мендельсона Бартольди (A. moll); 2) Симфонія Гаде (C. moll); 3) Увертюра къ Королю Лору Берлиоза (!) и 4). Приветіе всѣмъ Гольдсмитамъ. Объявъ и говорить нечего. Мы все слушаемъ Requiem Моцарта, Сотвореніе міра Гайдна, Симфонію (Heroica и Pastorale) Бетговена и Stabat Mater Россини... Наша филармонія дальше не простирается. Но и въ Парижѣ всѣ три пѣсны чѣщскихъ композиторовъ неизбѣжны, а о нихъ отзываются съ отчужденіемъ, хотя и не равною похвалою. Что же касается до увертюры Берлиоза, то

Какъ снѣтъ
Свое сужденіе пѣтъ?

передаемъ сужденіе Пражскаго, весьма ученаго и совершенно безпристрастнаго критика: «Берлиозову увертюру я не могу считать музыкой;» у нея не достаетъ поющей души, а тѣло не составлено изъ гармоническихъ ритмическихъ членовъ; я напрасно чувствую, чтобы въ этомъ шумѣ инструментовъ найти какое нибудь содержаніе.

Къ числу послѣднихъ иностранныхъ повостей принадлежатъ два французскіе романа, Князь Кастриота Скандерберга, изданные нашимъ соотечественникомъ въ Вѣнѣ. Романы весьма нравятся, но мы еще ихъ не получали. Принцъ Густавъ, сынъ короля Шведскаго, сочинилъ три пѣсны для пѣнія и подарилъ Упсальскому Иѣвческому Обществу... Версенеу Шопена мы еще не читали, а любовитоно... Колическая опера Обера: Баркарола, также вышла въ фортепьянномъ видѣ... Мы не нашли большаго ничего такого, чтобы было достойно вашего вниманія. Для дѣла и этого довольно.

Новая книга. Стихотворенія Эдуарда Губера. Спб. 1845 г. стр. 112. — Поэзія! Откуда взялась теперь поэзія! Это анахронизмъ самый невозможный; какъ можно писать стихи и еще такіе прекрасные стихи въ 1845 году! — Care liber, гласитъ эпиграфъ изъ Овидія, tibi da circumscribere mentes. Et satis a mediis tibi plebe legi. Этотъ скромный эпиграфъ даетъ чувствовать критику, что авторъ не обратитъ никакого вниманія на его хитрый рѣчи. Это пѣсня сердца, а сердца не судятъ, особенно, когда оно поетъ свои собственные страданія такими звучными, чистыми, полными чувства стихами. — Этотъ анахронизмъ кстати. Хотя на мгновеніе отдохнетъ душа отъ газетной безтолочи, отъ журнальнаго издѣлія, наводняющаго литературу плохими переводами давно всѣмъ извѣст-

наго... Теперь же и весна. Сердце злѣйшаго расположено къ мечтательности; въ это время и разочарованные на пѣсколько дней какъ будто вѣрнутся въ любовь и добродѣтели. Тутъ бы и читать стихотворенія Губера... Они кстати изданы на весну... Къ осени житейскіе интересы поглотятъ поэтическіи. Въ этихъ пятнадцати стихотвореніяхъ не всѣ равнаго достоинства. Есть превосходныя по мысли и отбѣлкѣ, есть прекрасныя по чувству и отбѣлкѣ, прочія всѣ отлично хороши по отбѣлкѣ. Какъ замѣчаетъ, во всѣхъ отбѣлкахъ старательная, художническая. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не помѣтить хотя одного образчика.

Я не люблю ея, но отъ чего порою
Стою я передъ ней и вѣмъ и ненавижу,
Когда окружена послушною толпою
Она парится проходитъ предомною
И улыбаются поклонникамъ своимъ?

Я не люблю ея; но думаю, тоскую,
За чѣмъ красавица другому отдаю
Но я завидую и звуку поцѣлуя,
Когда съ улыбкой имъ дѣтей своихъ дарю,
Какъ женщина и мать утѣшена она.

Я не люблю ея; но что же грудь волнуешь
При взглядѣ на нее? Что душу шевелить?
Кто любить—тотъ груститъ; кто любить—тотъ
ревнуешь...

Я грустенъ, я ревнивъ... Кто лвы урочуетъ?..
Я боленъ... Гдѣ же врачъ, кто душу исцѣлитъ?

Я не люблю ея; но страсти полнымъ взоромъ
Я вижу ея рвчей, я каждый взглядъ люблю;
То тихо увлекусь застѣнымъ разговоромъ
И рѣчи моя гремитъ то лаской, то укоромъ...
Я не любилъ ея... Но, кажется, люблю.

Эта поэзія случилась въ 1859 году. Пять лѣтъ нѣмѣли много, только не удалось имъ измѣнить стихи; также звучно они гремятъ грустными истинами.

Но не сбывся мѣдаль упования
Разрушился пророческій обманъ;
Сомнѣніе—большезнанаго знанья
Унылый плодъ; разсѣлся туманъ;
Я не сберегъ ни одного желанья.

Блаженъ поэтъ, который тоску свою можетъ описывать съ такимъ художническимъ спокойствіемъ, такою сладкозвучною рѣчью... Конечно! Цѣлую недѣлю мы то и дѣло будемъ читать стихотворенія Губера, что бы напитаться поэзіей въ запасъ.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Стрелозову. — Насильно мнѣ не будешь. Каждое изданіе имѣетъ своихъ защитниковъ и похлорожелателей. Съ отличнымъ почтеніемъ и таковою же преданностію ч. и. б...

К. С. Воловичу: быть—въ свое время. Непрѣменно быть. Постараемся угодить вамъ и всѣмъ любителямъ пзляной природы.

Г. В—скому въ Москву. Боимся мы восторговъ. Увлеченіе иногда бываетъ несправедливо. Вѣрнѣ таланту Г-жи Санковской; но статья ваша чрезмерностію похвалъ наводитъ сомнѣніе. Вы не можете сердиться на насъ, если вы безпристрастны... Осторожность лучше опрометчивости... Если же вы пристрастны, опять мы правы.

ПА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александрова, Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардтъ и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ.—Въ Москвѣ: у книгопродавца Свѣшниковъ и Вазунова, въ книжныхъ лавкахъ: въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Ширлеви), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подъ NN 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

подъ фирмою

АЛЕКСАНДРЪ СМЕРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта, поступили въ продажу:

БЕСѢДЫ РУССКАГО КУПЦА О ТОРГОВЛѢ, читанныя И. Воиловымъ. Выпускъ первый, состоящій изъ десяти бесѣдъ. Спб., 1844—1845 г. (8) Цѣна 2 р. сер. вѣс. аа 2 ф.—Отдѣльно каждая бесѣда по 20 коп. вѣс. за 1 ф.

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ГОРЯ И ПЕЧАЛИ. Солдатскія сказанья И. Меркулова Шираю. Спб. 1845 г. Цѣна 1 руб. сер. вѣс. за 1 фун.

ПОЛКА ВЪ ПАРИЖѢ И ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Книга, заключающая въ себѣ исторію развитія полки и средство выучиться танцевать полку безъ помощи учителя, по методѣ Евгенія Корали, балетмейстера Королевской Музыкальной Академіи въ Парижѣ. Съ 8 картинками, перевезенъ съ Французскаго и дополненъ замѣчаніями о подвореніи полки въ Петербургскомъ обществѣ Степанъ Брошиловъ. Спб. 1845 г. Цѣна 75 коп. сер. вѣс. за 1 фун.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ. Н. Устрялова. Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ пять томовъ втораго изданія, съ дополненіемъ 36 плановъ сраженій, отъ битвы подъ Нарвою до покоренія Парижа и съ указаніемъ источниковъ. Спб. 1845 г. (б. 8 д. л.) Цѣна 5 руб. сер. вѣс. за 5 фун.

ПОЛНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ какъ должно ходить за больными. Соч. Теодора Зауера, Штабъ-Лекаря Падворнаго Советника и Кавалера, старшаго Ординатора при Градской Олуховской Больницѣ и Инспектора Фельдшерской Школы, учрежденной при оной же больницѣ. 2 части. Спб. 1842 г. (8) Цѣна 3 руб. серебромъ вѣс. за 3 фун.

ОВРЕДНЫХЪ ПОСЛѢДСТВІЯХЪ рукоблудія, или гигиеническаго замѣчанія о несчастныхъ тайныхъ припѣнкахъ дѣтей, въ названіе родителей и ластавицъ, составленнаго Докторомъ Медицины А. Никитинимъ. Спб. 1844 г. Цѣна 50 к. сер. вѣс. за 1 ф.

ВЗГЛЯДЪ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ. Соч. И. Деяла. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣс. за 1 фун.

СОБРАНІЕ РЕЦЕПТОВЪ, употребительнѣйшихъ при пользованіи большихъ лошадей, или Ручной Конской Лечебникъ. Составъ Ф. Паукевичемъ. Спб. 1845 г. (12) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣс. за 1 фун.

СТИХОТВОРЕНІЯ Аполлона Майкова. Спб. 1842 г. (8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣс. за 2 фун.

ДВѢ СУДЬБЫ, быль Аполлона Майкова. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣс. за 1 фун.

АЛГЕБРА Бурдона, переводъ Ф. Меца, принятый въ руководство для преподаванія въ Институтъ Корпуса Пудей Сообщенія и въ Гварніи Институтъ. Изданіе пятое, современное съ 8-мъ французскимъ изданіемъ. Спб. 184 г. (8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣс. за 2 ф.

Гг. Иностранные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный Магазинъ на имя Ивана Федоровича Герсиа.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА

На Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Анничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго и въ Гостинномъ дворѣ по Суковной линіи подл № 13мъ.

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ, съ присокупленіемъ очерка Монументальной Исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы, сочиненіе И. Снегирева, съ тремя планами Москвы, съ двадцатью тремя картинками, по рисункамъ Академика Солищева, отпечатанными красками и осьмнадцатью гравированными и литографированными рисунками. Посвященное Его Императорскому Величеству Государю Императору. М. 1842 — 1845 года, текстъ (въ 10 40). Напечатанной на лучшей веленовой бумагѣ красными буквами въ два столбца. Цена 44 руб. сер., съ спешьюкою 46 руб. серебромъ.

ВОСПОМИНАНИЕ СЛѢДЯГО. ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА. Жака Араго, перевод. П. А. Корсакова и др. Изданіе, украшенное 50 картинками, рисованными и литографированными въ Парижѣ. Два тома, (томъ первый 345 стр., томъ второй 320 стр.) компактной печати, въ два столбца; въ большую 8-ю л. на лучшей веленовой бумагѣ, Спб. 1844—1845 года. Цена за оба тома 6 руб. сер. всѣ. за 5 ф.

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ, или жизнь и подвиги русскихъ полководцевъ, отъ времени Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I. Жизнеописанія составлены Н. А. Полевымъ. Изданіе, посвященное Государю Императору Николаю Павловичу, и украшенное девятнадцатью портретами, гравированными на стали въ Лондонѣ. Спб., 1845, въ 8 ю л. л., на лучшей бумагѣ, въ англійской перепл. Цена 5 р. сер., съ перес. 6 р. сер.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ МЕЖЕВАНІЮ, основанное на первыхъ дѣйствіяхъ Ариметики, съ изложеніемъ необходимыхъ при этомъ первоначальныхъ свѣдѣній, а также съ изясненіемъ домашняго устройства различныхъ, при мѣжеваніи употребляемыхъ, инструментовъ, въ которомъ Французскія игры замѣнены Русскими. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Соч. Герлена, члена разныхъ Французскихъ ученыхъ обществъ. Въ пользу народныхъ школъ, сельскихъ училищъ и вообще лицъ, не имеющихъ высшихъ математическихъ знаній. Москва, 1844. Изданіе М. Д. Ольхина, на лучшей вел. бум. Цена 75 к. с., всѣ. за 1 ф.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА въ Европѣ. Сочиненіе П. Дюла. Спб., 1845. въ 8-ю л. л., на лучшей бумагѣ. Цена 1 р. сер., всѣ. за 1 ф.

СУВОРОВЪ. Сочиненіе Ф. В. Буларина. Изданіе, отпечатанное на лучшей веленовой бумагѣ и украшенное 100 рисунками В. Талма, взрыванными на деревѣ лучшими Парижскими и златными граверами. Дѣя части. Спб., 1843. Цена 4 р. сер.; каждая часть отдѣльно по 2 р. 50 к. сер., всѣ. за 2 ф.; первая часть вышла, а на вторую выдается билетъ.

ОБЩЕНАРОДНАЯ ГЕОМЕТРІЯ ЛИТРОВА переведена съ Нѣмецкаго Федоровымъ, репетиторомъ при Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб., 1843. Съ посемью листами чертежей. Изданіе М. Д. Ольхина. Цена 75 к. сер., а для учебныхъ заведеній 50 к. сер., всѣ. за 1 ф.

РЪЧИ ХРИСТОЛОВИВУМУ ВОИНСТВУ ДОНСКОМУ, говореныя Ипатіемъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ. Къ Рѣчамъ приложены

любопытныя свѣдѣнія о войсковыхъ кругахъ въ Донскомъ Войскѣ и взглядъ на Св. Церковь Донскаго Войска. Спб., 1845, въ 6. 8-ю л. л., на лучшей бывлой бумагѣ, 120 страницъ. Цена 60 к. сер., всѣ. за 2 ф.

ШАХМАТЫ.

РАЗГАДКА № 8.

БѢЛЫЕ.

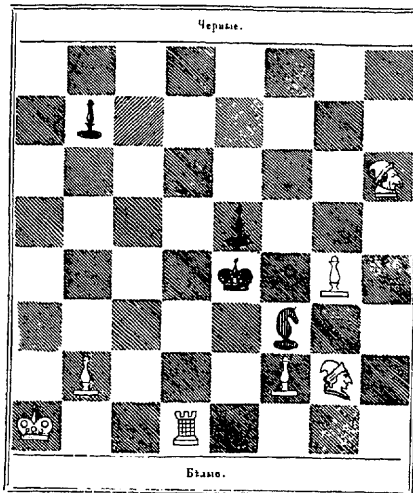
- 1) Сл. на 6 м. Сл. Кор.
- 2) Сл. на 5 м. К.
- 3) П. Л. 1. м.
- 4) П. Л. 1. м.
- 5) П. Л. 1. м. (должно, но должно играть со Слономъ а не Ферземъ; илие Паттъ.)
- 6) Сл. на 3 м. слон.
- 7) Сл. на 4 м. Кор. и шатъ.

ЧЕРНЫЕ.

- Кор. на 6 м. К.
- П. беретъ Сл.
- Вынужденные ходы.

ОСТ-ИНДІЙСКАЯ ЗАДАЧА № 9

Въ вѣсткѣмъ апрѣлѣ въ журналахъ Chronicle и Palamede являлась удивительная задача. Она пожаловала издастеч, изъ Ост-Индіи и въ Европейскомъ шахматномъ мѣрѣ подняла много шума. Многіе извѣстные игроки бились съ нею весьма долго и отаждилъ попечение, полагая, что въ рисункѣ задачѣ есть ошибка; другіе, однакоже напрягли всѣ свои силы; ижепа разгадавшихъ напечатаны; ихъ немного, сравнительно съ числомъ играющихъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Задача такъ понравилась, что нѣкоторые игроки пришли въ восторгъ и вослѣли побѣду свою въ стихахъ; свѣтлымъ сообщить и нашимъ читателямъ это чудо. Такъ какъ загадка уже въ Европѣ разрѣшена, то мы не можемъ за разгадку назначить преміи, а столбцы. И такъ бѣдемъ ходить и дадутъ въ четыре шага мать...

ВНСТЪ.

ЗАДАЧА № 1.

Если у всѣхъ четырехъ проковокъ въ трехъ мастяхъ по три карты, а въ одной тузъ, король, дама и шеперка, то какими образомъ можетъ взять левѣ та сторона, у которой нѣтъ тринадцатаго козыря?

Еще задача, также № 1.

Какими образомъ устроить вертѣль для жаркаго, который долженъ вертѣться безъ помощи руки, пружины или тяжести?..

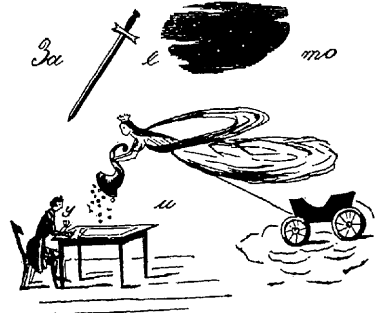
РАЗГАДКА двойной шарады № 6.

- 1) Подъ арками т — зперне состав — шшь состоянія;
- 2) Потому что раз — точит — ели уже не въ моѣ.
- 1) Подарками теиерь не составишь состоянія;
- 2) Потому что расточители уже не въ моѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Кажется восемь вышедшихъ Нумеровъ уже могли убѣдить публику, что Редакція не жалѣтъ ни трудовъ ни издержекъ что-бы изданію своему придать сколь возможно болѣе и болѣе достоинствъ въ разныхъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, — а впрочемъ какъ знать, — читатели не поставятъ намъ въ вину, что съ настоящаго дѣвятаго нумера, бумага въ Иллюстраціи гораздо высшей добротности. Будемъ надѣяться что, способы Редакціи возрастал, дадутъ полную возможность къ постоянному улучшенію изданія.

ЗАГАДКА № 8.

ШАРАДА № 3.

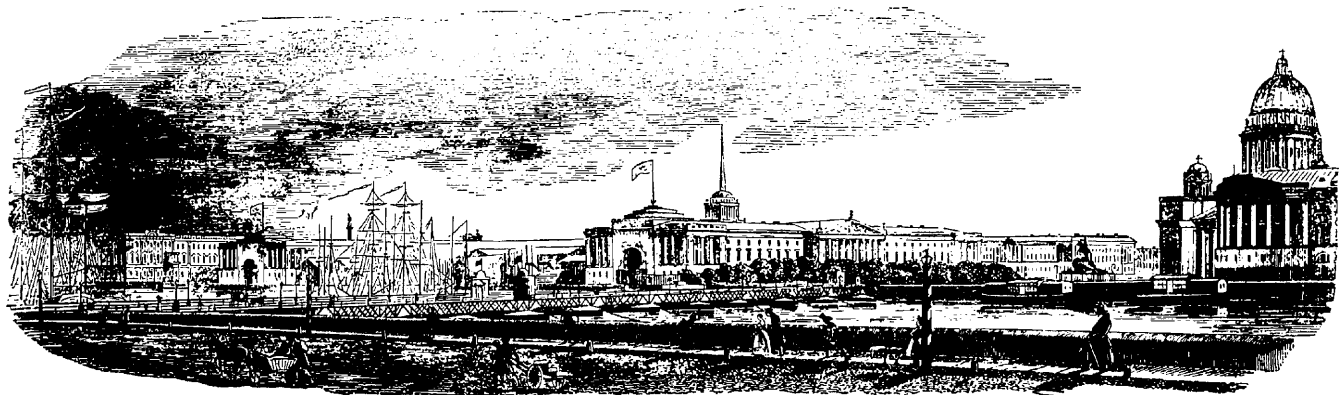
Первое мое-у большхъ людей-скользко; у среднхъ-выкрашено; у простаго народа-вымыто. Второе — и вода и земля, а ни то, ни другое. Цѣлое, не цѣлое, а только половина.

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Лѣтній Садъ, разсказъ Нестора Кукольникка. 2) Балкапы. Е. П. Ковалевскаго. 3) Жители Британской Гвіяны. 4) Хороша ли собио Елена А. Н. Струвицкая. 5) Анекдотъ о князѣ Багратіонѣ. А. М. Данилевскаго. 6) Каринатуры, Геометріи Шама. 7) Сивъ : Русскій Словарь Путешествіе Чичачева. Электрическіе Телеграфы. Космосъ Гумбольта. Картоны. Овербека. Школы птицъ. Музыка въ чужихъ краяхъ. Новая книга. Переписка. Объявленія. 8) Игры : Шахматы. Вѣсть. Задача о вертѣлѣ. Загадка. Шарада.

ГРАВЮРЫ : 1) Лѣтній-Садъ. 2) Видъ въ Балкавахъ. 3) Индѣйская красавица. 4) Индѣйцы. 5) Хижина Карибовъ. 6) Шляска Индѣйцевъ. 7) Музыканты. 8) Прѣставленіе Князя Багратіона Князю Потемкину. 9) Геометріи Шама (десять нумеровъ). Шахматы. Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 10.—Суббота, 9 Юня 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсла 5 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсла 5 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первое мѣсто дамамъ! Если бы почаще, Милостивыя Государыни, вы вмѣшивались въ нашу литературу, мызку, хождества, настали бы въѣкъ Августа, золотой въѣкъ искусства... Мы не требуемъ отъ васъ ремесла, записнаго авторства, пѣтъ, только участія, по живаго, тенлаго, патристическаго... Советъ и правы рыцарей—очищало благоговѣніе къ женщинамъ. Советъ и правы нашей литературы въ вашихъ рукахъ. Заговорите въ своихъ гостинныхъ по-русски, запойте по-русски, заведите на своихъ стѣнахъ русскія картины—вы создадите новый міръ, откроете у себя златоносную Америку... Но вы не хотите; можетъ быть, и готовы на эту сладкую жертву, по боитесь быть первыми, какъ болелъ попасть первыми на балъ... Падѣньте маски. Подъ чужими плевами, только начпайте высокій подвигъ; когда соберется многочисленная публика, она сама сниметъ съ васъ почетныя лпчины и вы не сочтете этого поступка—обидой. Ручаемся и желаемъ.

ШЕСТЬ ЛѢТЬ.

I.

..... Она подошла къ раскрытому окну; ночь была темная, будто осенняя; но теплая, тихая, спокойная; легкой вѣтерокъ пахнувшей въ лицо... Она вспомнила июльскія ночи прошлаго года... Это было такъ недавно, а кажется, будто цѣлая вѣчность лежитъ между нею и этимъ прошедшимъ! Какъ часто, въ такую же ночь, мрачную, безлунную, закутанная въ широкій бурнусъ, она недвижно стояла по цѣлымъ часамъ, опершись о колыну балкона, и мечтала, все мечтала о немъ. Съ какими упованіемъ, какъ торопливо шептала она каждой падушей звѣздѣ, не желаніе, не надежду—нѣтъ! она шептала только его имя. И прошедшее такъ живо проходило въ ея памяти... Она вспомнила... какъ два года тому назадъ, стихи неизвѣстнаго юноши, котораго она никогда не видала, стихи, написанные нарочно для нея, взволновали ея ребяческое сердце... Какъ потомъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, постоянная мысль о немъ невольно слилась съ ея жизнью; какъ дѣтски вѣрила она, что они непременно встрѣтятся, что она обречена ему судьбой.

Она вспомнила первую встрѣчу, первое признание поэта; вспомнила шумный, блестящій вечеръ, глѣ, среди шума и блеска, они видѣли только другъ друга. Она вспомнила райскія мечты, которыя убаюкивали ее въ эту завѣтную ночь, и какъ много дней послѣ того, уже холодный, осенній вѣтеръ развѣвалъ ея черныи бурнусъ; а она ничего не замѣчала, пока усиленнымъ порывомъ онь не срывалъ съ головы ея кашпошона; тогда только вспомнила она, что пора идти въ комнату; но на слѣдующую ночь опять и опять приходила она, не плакать, какъ бывало прежде, но мечтать, сладко, уповательно; мечтать, опершись на любимую колыну.

II.

Еще прошло два года. Какъ счастлива княгиня Дольская! Кто лучше ея можетъ шегольнуть на гуляньи блистательнымъ экипажомъ; въ театрѣ, на балу—роскошнымъ паридомъ!.. Какой bel homme у нея мужъ! Какъ она мила съ нимъ! Онь прекрасный человѣкъ; только, говорятъ, никогда небываетъ дома... все дѣла, служба...

Она сидитъ въ своемъ будуарѣ; она забыла мужа! Передъ ней длинной вереницей тянутся дни ея дѣтства, дни ея первой молодости... Она помнитъ еще все, что думала два года тому назадъ.. все, что не сбылось, что обмануло ее... А онь передъ нею, онь, виновникъ этихъ думъ, тотъ, кто первый растравилъ ея поэтическую мечтательность, кто твердилъ ей о счастіи, и потомъ заставилъ ее положить на себя этотъ тяжелый княжескій гербъ, онь добровольно бросилъ ее въ объятія другаго... А она слушаетъ его... онь пересказываетъ ей ея чувства, всѣ завѣтныя думы ея, всѣ страданія... И какъ узнала онь все это? И какъ подслушала то, что она думала... И она вѣрить ему?.. И она вѣрить его самоотверженію?.. И она слушаетъ его восторженный, страстный стихъ... Она унижается этимъ ядомъ... и чело ея склоняется къ чело

юноши... и въ первый разъ блѣдныя уста ея дрожатъ на его устахъ...

Блистательный экипажъ съ княжескимъ гербомъ тихо откатился отъ крыльца... И дверь въ будуаръ отперъ третій, нежданый...

Какъ прежде, она сидитъ въ своемъ будуарѣ, но одна; вереница прошедшихъ дней, какъ длинный похороны, снуется передъ нею. Тихо, беззвучно разыгралась семейная драма... Другимъ казалось, что все идетъ по-прежнему, и два года прошли обыкновеннымъ шагомъ.

III.

Да, она была хороша! И теперь еще невольно останавливаются передъ бѣлой мраморной доской, на которой изваяна ея профиль... Ее положили тамъ, подъ густыми деревьями погоста, сдвинули на нее огромный, тяжелый памятникъ, украшенный княжескимъ гербомъ; но бѣлая головка, осыпанная, какъ прежде, кудрями, кажется ея тѣнью, которая хочетъ вырваться оттуда.

А онь приходитъ любоваться этимъ страдальческимъ лицомъ, онь черпаетъ въ этомъ мертвомъ образѣ живыя вдохновенія! Онь пшеть въ честь этой могилы цѣлая страница восторженныхъ, полныхъ чувства, стиховъ! Онь хочетъ, чтобы потомство знало и помнило какъ онь любила! Хочетъ, чтобы оно плакало: падь его несчастной, безнадежной, безкорыстной, но полной жернивъ, любовью! Этого мало, онь хочетъ обезсмертить ее—и потому печатаетъ свои стихи. Но, тогда журналисты платили еще за порывы вдохновения; теперь перестали платить, и онь перестала писать стихи... Даромъ любить мертвую онь не хочетъ.....

В. А... я

ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Против женщин, посвятивших себя литературе, всегда существовал предрассудок, который мы не намерены ни подтверждать, ни опровергать, но о котором мы упоминаем, потому что в настоящее время мы не редко слышим то мнение, что время ученых-женщин и Мольеровых précieuses d'écrits прошло. Это несправедливо: и теперь еще есть ученые женщины и серьезные писательницы; а что еще хуже, так это услужливые люди, которые восхваляют весь сожалеваемый достоинством глупостям этих женщин. В человеческом роде недостаток и пороки переходят, перемещаются в формах, но не исчезают.

Никто, конечно, не подумает, что мы прилагая ко всем женщинам-писательницам вообще название, которым гениальный человек называет слабых и несильных прилагательных; не смотря на то, мы намерены защититься даже от маддамского подозрения в таком грубом намерении. Неужели должно порицать гений потому только, что он дан женщинам? Гений есть могущая сила, не подпадающая никаким законам; гений, как и солнце, не разбирает полов; — кто же осмелится воздать противу гения, чувствительности, поэтического вдохновения, за то, что они говорят природным своим языком, языком женщины? — Никто; а мы еще меньше других. — Откуда бы ни раздавал вдохновенный голос, мы слушаем его с почитательным вниманием, внимаем ему с признательностью; — если же этот голос принадлежит женщине, то внимание наше удваивается и к нему присовокупляется нечто особенное, трогательное до глубины души. Конечно, в этом случае необходимо и то, чтобы поэт, трогательный нас, прежде всего сам был тронут и понимал, чувствовал то, что намерен нам внушить:

...Si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi;

Или еще больше, поэт не должен раздумывать своих эффектов, не должен хладнокровно разчитывать, какое он действие произведет на слушателя или читателя. Взаимность вдохновения, энтузиазма, суть первые признаки божественного предназначения, и мы можем быть уверены только в таком случае, когда сам поэт был увлечен, когда он красноречив без сознания и повинуется инстинктивной необходимости поэтического влияния или ощущений; той самой необходимости, которая придает мелодическому и живому слову такую чудную выразительность.

Если же вето того, мы встретим жалкого фокусника, ловко играющего словами и ищущего признание на звание поэта, то мы прямо скажем ему, что он сам ошибается в своем назначении; если же эту роль возьмет на себя женщина, то мы еще больше будем сожалеть о ней, слова наши будут еще откровеннее и резче, согласно с степенью уважения и привязанности к тому полу, к которой принадлежат заблуждавшаяся овца; мы скажем ей: «как могла вы отрешиться от скромности, первой из добродетелей, которыми женщина должна быть украшена, самой постоянной из прелестей ей, чтобы выставить на показ предъ лицом светом зрителица вашей тщеславной посредственности? Вернитесь же к семейной жизни, от которой вы никогда не должны были отдаляться; вернитесь же к самой себе и помните, что добрая и протая женщина гораздо выше плохой писательницы.»

Кажется, мы достаточно доказали, что в нашем мнении название женщины-писательницы не заключает в себя никакого снисходительного намека. Слышны или, лучше сказать, сожалительны достойны только тщетны усилия посредственности.

Возвратим же к предрассудку, о котором мы упоминали в начале этой статьи; он разделяется на два вопроса:

1. Пускается ли литературное поприще, терпели ли женщины что либо в своем званьи?

2. Имели ли женщины постольку и прилежание, необходимые для литературных занятий?

Первый вопрос относится прямо к чувству и, не думая обращаться к аксиому наше личное мнение, мы скажем откровенно, что женщина-писательница не стоит женщины. Что такое, в самом деле, женщина-писательница? Инструмент,

более или менее звучный, бросающий на-встречу свой впечатлительный, Золота арфа, из которой мадмизм вытерек извлекает пустые звуки, — оставим метафору, — сердце, без дивственной скромности, открытое для всех, как книга из публичной библиотеки, которую самая грубая, даже самая грязная рука, имеет право перелистывать. Женщина, так как мы ее понимаем, не может быть без любви; но она ограничивает свои ощущения; она, если хотите, имеет тот род кокетства, который есть впрямое выражение желания нравиться; но кокетство ее не обращается к общему свету; она не прирет добродетели своей неприятной холодностью, но вмести с тем она не придает лицу своему улыбки, однако ласковой для всех, и по шекаль ее не будут безпрестанно течь меланхолическия и сантиментальныя слезы; и у нее есть свое честолюбие; но если ей удастся придать некоторое счастье кругу, всегда ограниченному, в котором она живет, то честолюбие ее удовлетворено.

Встретите ли вы эти прелестныя, мирныя качества в женщины-писательнице? Нет. Ей нужны шум, слава, известность, всемирныя похвалы, а не мирныя радости, не тихая любовь, не тихое счастье семейной жизни. Некоторые сердечныя тайны, которые настоящая женщина доверит, может быть, тому, которого она любит, но тихим голосом и краснью от стыда и любви, эти самыя тайны писательница прокричит громким голосом передъ пестрядиной и равнодушной толпой: потому что писательница должна даскать толпу, привлекать ее, забавлять — это ее ремесло. — Намъ всегда становится грустно, когда подумаем, что писатель должен некоторым образом разлагать свою душу, чтобы забавлять толпу; как же послѣ этого не покальте женщины, обманной считать сокровеннѣйшія, дѣвственнѣйшія, итѣйшія чувстваванія свои какъ товаръ для обмана на рукописанная толпы, которая скажетъ: *Хорошо почувствовано! Недурно промолкано! Порядочно выражено!* Эта мысль настоящій адъ для женщины, в... Ее слышитъ голосъ скромности, итѣйшія чувстваванія свои какъ товаръ для обмана на рукописанная толпы, которая скажетъ: *Хорошо почувствовано! Недурно промолкано! Порядочно выражено!*

Что же касается до второго вопроса, то есть, до того, что способны ли женщины заниматься литературой, то он давно рѣшенъ утвердительно блестящими фактами. Какъ бы наскучивъ быть только судьями в турнирахъ рыцарей мысли, женщины сами рѣшились сойти въ арену. Они имѣли на то право, и некоторые изъ нихъ достигли известности, которую никакая критика не можетъ у нихъ отнять.

Теперь рассмотримъ литературное движеніе, которому съ успехомъ содѣйствовалъ некоторый изъ нашихъ современниковъ. Мы постараемся быть справедливыми, и если обзоръ нашъ будетъ также вѣренъ, какъ искренъ и безпристрастенъ, то достоинство его не будетъ подлежать никакому сомнѣнію.

ГОСПОЖА ЖОРЖЪ ЗАНДЪ.

Главной современныя писательницы, которая, по дарованію своему, не женщина и не мужчина, а просто одинъ изъ прекраснѣйшихъ литературныхъ гениевъ, мы назовемъ госпожу Жоржъ Зандъ.

Она, по вашему мнѣнію и вопреки всемъ предрассудкамъ, одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, появленіе которыхъ составляетъ эпоху въ жизни народовъ. Никто, лучше ея, не передастъ съ болѣею вѣрностью и истинно характеръ и физиономію общества, посреди котораго она живетъ. Это общество серьезно и легкомысленно, оно вѣруетъ и вѣруетъ и не вѣруетъ, материально и религиозно, положительно и мечтательно; оно легко переходитъ отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ униженія къ восторженныя порывамъ. Этотъ характеръ какъ нельзя болѣе отражается въ самой г-жѣ Зандъ; умъ и нравъ ея съ чудной гибкостью поддается всемъ прихотлямъ этой странной подвижности. Иногда она исполняется дикой энергіей Байрона и смѣется, какъ онъ, горькимъ и сардоническимъ смѣхомъ, инаходящимъ ужасъ; иногда она смѣется по стѣ какъ Ламартина; потомъ она плачетъ и мечтаетъ какъ Шатобриана, вдохновенный авторъ *Атталы* и *Рене*. Посреди всехъ этихъ размѣненій, она не перестаетъ быть великимъ поэтомъ. Никто глубже ея не проникалъ въ таинственную глубину человеческого сердца; никто не придаетъ страстямъ болѣе трогательнаго и вѣрнаго краснорѣчія. О слогъ ея говорить нечего; всѣ восхищались блестящими красотами ея, и превосходство ея, въ этомъ отношеніи, неоспоримо.

Теперь же можно опредѣлить двѣ эпохи отличающія эпохи въ литературной жизни госпожи Жоржъ Зандъ; первая создала: *Индюки, Валентину, Лелию, Жакъ, Андре, Леонъ Леонъ, Монра, Ускока* и др.; во второй припадатель: *Силрадионъ, Семь струнъ лиры, Консоло* и *Графиня де Рудольфштадте*. Эти двѣ эпохи, между которыми *Письма путешественника* служатъ какъ бы переходомъ, особенно отличаются своимъ направлениемъ и замѣчательной перенной, прошедшей въ манерѣ автора. Постараемся объяснить нашу идею.

Въ книгахъ, отъяченныхъ нами въ первой эпохѣ, дѣйствующія лица не пускаются въ догматическія разсужденія: страдая или наслаждаясь, они чувствуютъ сильно, дѣйствуютъ также, словомъ, живутъ жизнью, поэтически прелестъ которой уваскательна. Эти книги полны страсти, жизни; философствованія, диалектика, не ищущія ничего общаго съ поэзіей, изгнаны изъ нихъ. Какъ женщина и поэтъ, госпожа Жоржъ Зандъ тутъ на своемъ мѣстѣ: она полновластная царица. Наступилъ день, когда эта роль показалась ей недостаточною; поддѣйствовавъ, съ могуществомъ дарованнымъ ей, на чувствованія и страсти, она владѣла дѣйствовать и на слеп; сѣ пришла охота взойти на каедръ, изъ поста слѣдуетъ резонеромъ; она обратилась къ высочайшимъ, то есть, туманнѣйшимъ вопросамъ метафизики, политики, и съ тѣмъ поръ романы ея наполнились скучными диссертаціями. Въ этой безплодной борьбѣ госпожа Жоржъ Зандъ потеряла значительную часть своего таланта.

Въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, госпожа Зандъ вообще дѣлалась заступницей за слабого противъ сильнаго, за женщину противъ мужчину. Въ *Письмахъ путешественника* г-жа Зандъ говоритъ, что въ сочиненіяхъ, какъ и въ головѣ ея, нѣтъ и тѣхъ мысли, и что, слѣдовательно, книги ея не могутъ произвести ни добра, ни зла. Мы готовы вѣрить тому, что слова эти искренны, что г-жа Зандъ и не думала излагать философическихъ идей, проявляющихся въ ея сочиненіяхъ, но что она суть неизбежное слѣдствіе механизма и дѣйствія страстей, развитыя въ произведеніяхъ ея.

Согласно съ основаніемъ, и форма всерыхъ ея сочиненій жива, прихотлива, богата разнообразнѣйшими оттѣнками; въ ней есть кака-то дикая горечь, которая придаетъ ей еще болѣе оригинальной прелести.

Вступивъ во вторую эпоху, госпожа Зандъ какъ бы раскалавалъ во всемъ смѣло — прекрасномъ, созданномъ ею въ первую эпоху. Она воротилась къ понятіямъ, которымъ она сначала поколебалась, или лучше сказать, она захотѣла создать себѣ новыя; но до сихъ поръ усилія ея не увѣчались успѣхомъ. Желая обновить порядокъ основныхъ идей, она впадаетъ въ общія мѣста; вмѣсто того, чтобы просто отвернуть эти идеи или смиренно подчиниться имъ, она старается придать имъ какое-то высшее значеніе.... и въ сердцѣ рождается тяжкое чувство, когда мы видимъ, что послѣ неумѣрныхъ успѣховъ, она останавливается, довольная тѣмъ, что приискала повилъ и довольно темныя имена вещамъ, давно извѣстнымъ.

Словомъ, намъ кажется, что г-жа Зандъ не иначе принимается за перо, какъ съ намереніемъ пересоздать или утвердить важныя системы въ идеяхъ, по которымъ живутъ общества; но, къ сожалѣнію, о послѣднихъ сочиненіяхъ ея можно сказать то, что она сама говоритъ о первыхъ: *въ нихъ нѣтъ мысли* и они ничего не доказываютъ. Исполненные движенія, дѣйствія, жизни, романы перваго періода содержатъ нравственныя, философическія уроки, которые заключаются во всякомъ человеческомъ дѣйствіи; между тѣмъ послѣдніе, которые весьма трудно приписать къ какой либо категоріи, сбиваютъ васъ съ толку, утомляютъ, наводятъ тоску и сонливѣе. Такимъ образомъ, по странному феномену, автору можно сказать, что прежде онъ очень ясно доказывалъ вещи, о которыхъ не думалъ; съ тѣхъ же поръ, какъ онъ возмнѣлъ намереніе научать читательей, онъ свертаетъ ихъ въ фантастическій хаосъ, въ которомъ рѣшительно ничему нельзя научиться.

Стараясь выражать идеи, довольно темныя по себѣ и, можетъ быть, не совсѣмъ ясно опредѣленныя въ умѣ ея, г-жа Зандъ потеряла некоторый изъ прекраснѣйшихъ качествъ своего таланта. По временамъ, блестящій слогъ ея тускнѣетъ и терлетъ живость, энергію и ясность, которыми онъ отивается.

ГОСПОЖА ДЕ ЖИРАРДЕНЬ.

Находясь въ необходимости высказать мнѣше на счетъ писательницы, трудно согласить обязанности критика съ вѣжливостью къ прекрасному подку. Чтобы явить мужество, необходимое для исполненія такой задачи, мы должны безпрестанно повторять себѣ, что женщины-писательницы добровольно отказываются отъ нѣкоторыхъ преимуществъ своего пола и что, говоря о нихъ, мы совершенно отстраняемъ женщину, и имѣемъ въ виду только автора.

Госпожа де Жирарденъ, урожденная Дельфинъ Ге, вступила на литературное поприще послѣ возмущенія Бурбоновъ. Мы можемъ безъ нескромности сказать, что она была красавица, потому что въ то время только и говорили о красотѣ и дарованіи молодой писательницы. Вотъ какъ она сама воспѣла путь, который честолюбие предначертало ей:

Mes yeux entrevoyaient la gloire sans effroi,
D'un orgueil inconnu je me sentais saisie;
Guide-moi, m'écriai-je, ô toi qui m'as choisie;
Protège de mon coeur la pure ambition;
Je jure d'accomplir ta sainte mission!
Elle aura tous mes vœux, cette France adorée.
A chanter ses destins ma vie est consacrée
Dussé-je être pour elle immolée à mon tour,
Fière d'un si beau sort dussé-je voir un jour,
Contre mes vœux pieux s'armer la calomnie.
Dût, comme tes hauts faits ma gloire être punie,
Je chanterais encore sur mon brûlant tombeau!
Oui, de la vérité ranimant le flambeau,
J'enflammerai les coeurs de mon noble délire;
On verra l'impôteur trembler devant ma lyre...

Этотъ отрывокъ завлеченъ изъ оды, подъ названіемъ *Виденіе*, въ которой Дельфинъ Ге воспѣвала съ монархическою восторженностію коронацію Карла X.

Г-жа де Жирарденъ писала во всѣхъ родахъ: въ прозѣ и стихахъ, романы, повѣсти, оды, сказки, элегіи, эпическія поэмы, романсы, комедіи, драмы и даже въ политическомъ родѣ. Хотя почти во всѣхъ родахъ она такъ хороша, что ей могутъ позавидовать мужчины-писатели, мы находимъ, что она не написала ничего янѣе, проше и прекраснѣе нѣсколькихъ стиховъ къ своему племяннику О'Доннею, которому она посвятила повѣсть *La Tour du prodige*. У г-жи де Жирарденъ гибкое, иѣжное дарованіе. Она много жила въ свѣтѣ и наблюдала вѣрно и съ успѣхомъ, что придало уму ея тонкую иронию, которую она иногда употребляетъ во зло, что ей прощается, потому что она всегда занимательна.

ГОСПОЖА ДЕБОРДЪ-ВАЛЬМОРЪ.

Кромѣ сочиненій въ прозѣ, госпожа Дебордъ-Вальморъ издала мѣлкіи, элегіи, романсы, дѣтскія повѣсти, басни, разныя стихотворенія и пр. Повинуясь болѣе вѣковенно дружбы и материнской любви, г-жа Дебордъ-Вальморъ довольно старательно выражала эти чувства въ стихотвореніяхъ: *Дать дружбы, Мать, Мечта моего дитяти*. Въ особенноти должно упомянуть о наленькой элегіи, которую она посвятила своимъ дѣтямъ, потому что въ ней отражается душа умной, кроткой, покорной судьбѣ и преданной своимъ обязанностямъ, матери семейства.

Если бъ г-жа Дебордъ-Вальморъ не выдвинула никогда изъ скромной сферы ощущеній, успокоивающихъ душу, то дарованіе ея заслуживало бы охвъ похвалы; когда, напримѣръ, она поетъ возлѣ колыбели наивную и иѣжную пѣсню, чтобы усыпить улыбающагося ея ребенка, тогда голосъ ея полонъ трогательной выразительности, пропѣвающей въ душу. Приятно слѣдять за занимательными бесѣдами, въ которыхъ она испытываетъ юный умъ дѣтей; невольно принимаешь участіе въ дружескихъ чувствахъ ея, въ материнскихъ надеждахъ, и мечтаешь вмѣстѣ съ нею мирной жизни, простыхъ обязанностяхъ, легкихъ какъ удовольствіе.

По когда г-жа Дебордъ-Вальморъ приступаетъ къ описанію страстей, опасныхъ для спокойствія души, тогда влеченіе этой бурной атмосферы дѣлаетъ слогъ ея туманнымъ и вольгата автора въ непростительныя промахи. Тогда такъ щедро поощаетъ дочь, мать, друга, которая такъ хорошему дѣлу посвящаетъ васъ въ радости святыхъ привлаженностей, которые такъмъ приятнымъ голосомъ говорятъ вамъ о христіанской жизни, и чтобы удостовѣриться въ томъ, что это не обманъ мечты, что это произведеніе одной и той же женщины, должно нѣсколько разъ перечитывать престыныя, вѣжныя сочиненія ея.

Разбирая произведенія г-жи Дебордъ-Вальморъ мы замѣчаемъ, что она привыкла жить съ печальными музами. Она охотнѣе обращаетъ взглядъ за думчиваго сожалѣнія къ прошедшему, нежелая взоръ напередъ къ будущему. Она унываетъ съ грустію, на щекахъ ея видны слѣды слезъ. Она вкорпялась жизни и переноситъ ее терпѣливо, борясь по временамъ съ порывами пламенной души. Это расположеніе души придаетъ слогу и мыслямъ г-жи Дебордъ-Вальморъ меланхолическій отбѣнокъ, имѣющій свою прелесть, характеръ слабости, приличный женщинѣ; живительная теплота называется изъ сердца поэта на сочиненія ея, потому что г-жа Дебордъ-Вальморъ вполнѣ поэтъ по сердцу; но она могла бъ болѣе позаботиться о своемъ слогѣ, стараясь придавать болѣе утѣренное выраженіе своей чувствительности.

ГОСПОЖА ЭЛИЗА БОЯРЪ.

Госпожа Элиза Воаръ, урожденная Пети-Пенъ, не была въ дѣтствѣ своей одинокъ изъ маленькихъ чудесъ, которыми тѣшеслась мать и которыхъ показываютъ какъ ученыхъ животныхъ; мать ея, жена купца въ Нанси, дала ей воспитаніе, приличное молодой дѣвушкѣ, то есть, она внушила ей чувства долга и приучила ее къ домашнимъ занятіямъ, настоящему назначенію женщины. Въ послѣдствіи, когда мадамъ Пети-Пенъ должна была позаботиться о томъ, чтобы прислать себѣ средства къ существованію, она уѣхала въ Парижъ съ рекомендаціями письмомъ къ Императрицѣ Жозефинѣ отъ епископа Осмондскаго. Императрица назначила ей пенсію, во ожданіи мѣста при дворѣ. По молодой дѣвушкѣ ожидала другая участь: будущи двадцати лѣтъ отъ роду, она вышла за бывшаго провіантмейстера, г. Воаръ, вдовца и отца двухъ дочерей, въ которыхъ старшая, мадамъ Амабль, въ послѣдствіи вышла за г. Тастю.

Живя въ Шоазп-ле-Роа, Элиза Воаръ посвящала все свое время воспитанію дѣтей и изученію литературы, къ которой она чувствовала непреодолимое влеченіе. Это была истинная наклонность безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, потому что молодая женщина долго не рѣшалась издавать своихъ литературныхъ опытовъ; и когда, наконецъ, она должна была уступить настоячивымъ просьбамъ немногихъ знакомыхъ, оцѣнившихъ скромное дарованіе ея, то она издала свои сочиненія, не выставивъ своего имени.

Между прочими сочиненіями г-жи Воаръ особенно замѣчательны: *La Vierge d'Arduène*, галльскія легенды; *Письма о женскомъ туалетѣ*; *Опытъ о древнѣйшей языкѣ*; *Женщина, имѣющая родовъ любви*, сочиненіе, увѣчанное въ 1828 году Академіей, какъ высоко-правдивое и заслужившее Монтионскую премію; нѣсколько лотарингскихъ элегій, въ двухъ частяхъ, подъ различными названіями; большое количество переводовъ съ англійскаго и нѣмецкаго и множество другихъ мелкихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ.

Талантъ г-жи Воаръ не всегда и не вездѣ одинаковъ: иногда въ повѣстяхъ ея неслыханно изобрѣтательности, занимательности; слогъ ея иногда запутанъ, безцвѣтенъ; но за то часто она рассказываетъ живо, граціозно, увлекательно. Особенно замѣчательны въ ея сочиненіяхъ простота, благопрістойность и совершенное отсутствіе тщеславныхъ притязаній, портящихъ сочиненія большей части нашихъ женщинъ-писательницъ. Къ сожалѣнію, г-жа Воаръ мало заботится о грамматикѣ и даже о правописаніи и знакахъ препинанія. Эта небрежность доходитъ до того, что въ лотарингскихъ преданіяхъ, напримѣръ, она почти непонятна.

ГОСПОЖА АМАБЛЬ ТАСТЮ.

Госпожа Тастю, урожденная Воаръ. Ей было семь лѣтъ, когда мать ея, сестра министра Букстогена, умерла. По счастью, нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла вторюю мать, какъ мы уже упомянули, въ г-жѣ Элвѣ Воаръ. Будучи девяти лѣтъ отъ роду, мадамъ Амабль испала уже стихъ, и снѣ сама нѣмало смѣлалась лѣтъ, когда въ *Моркюрѣ* появилась и дѣла ея сочиненія, начатаянная безъ ея вѣдома. Эта и дѣла обратила на себя вниманіе г-жи Жавильс и гг. Сегюра, Тиссо и Жуи.

Въ 1816 году она вышла за г. Тастю, который вѣчески старался развить талантъ, проявлявшійся въ женѣ его. Начиная съ 1820 года, г-жа Тастю предъявляла въ Академію четыре стихотворенія: *Капуци Рождества*, *Звѣзда моря*, *Возвращеніе къ часовнѣ* и *Послѣдній день года*, которыми она заслужила различныя преміи. Въ 1821 году, она издала *Французское рыцарство*, сочиненіе въ прозѣ, со многими романсами, въ которомъ она описала жизнь древнихъ рыцарей; въ 1826 году, она издала въ одной части собраніе стихотвореній, сочиненныхъ послѣ ея замужества; въ 1829 году, она приналась за дѣло трудное, особенно для женщины: сочиненіе общаго обзора характера плти столѣтій французской исторіи; въ 1835 году вышла новая книга подъ заглавіемъ *Новыя стихотворенія*. Кромѣ того, г-жа Тастю написала еще нѣсколько книгъ въ прозѣ, нѣсколько дѣтскихъ книгъ и переводовъ, какъ то, сочиненія: *Курсъ исторіи Франціи*; *Материнское воспитаніе*; продолженіе *Семейства*, начатаго г-жею Гизо, и переводъ *Робинсона*, Данила де Фоз.

Г-жа Тастю женщина съ пѣтными, чистыми, прекрасными дарованіемъ. Немногія женщины знаютъ французскій языкъ такъ хорошо, какъ она; немногія пишущія женщины такъ хорошо понимаютъ полъ, къ которому они принадлежатъ. По мнѣнію г-жи Тастю, литература для женщины должна быть приятнымъ препровожденіемъ времени, а не карьерой; отдохновеніемъ, а не исключительнымъ занятіемъ. Она говоритъ объ обязанностяхъ своего пола со скромностію, слишкомъ рѣдко въ женщинъ-писательницъ.

As-tu réglé dans ton modeste empire
Tous les travaux, les repas, les loisirs,
Tu peux alors accorder à ta lyre
Quelques instants ravivés à tes plaisirs.

И не смотря на плодovitость своего воображенія и пера, г-жа Тастю всегда оставалась вѣрно этимъ правдамъ, что, по нашему мнѣнію, можетъ послужить ей въ самую почетную похвалу.

Чтобы подать идею о силѣ, энергической и строгой маперѣ г-жи Тастю, мы завлечемъ изъ ея *Дайте* нѣсколько стиховъ, которыми она старается очертать портретъ поэта:

Que vois-je là?. C'est lui! Sa taille haute et droite
Dessine sa maigreur sous une robe étroite;
Narguant de sa maigreur nos tissus accomplis
De ses épaules tombe une chape à longs plis,
Du chaperon pendant sa tête enveloppée,
S'incline quelque peu, grave et préoccupée,
Et sur son front se courbe un laurier desséché,
Que le feu de l'abîme a peut-être touché,
Lent et fier dans son geste, et calme dans sa pose...
Le repos du lion, alors qu'il se repose.

Г-жа Тастю одна изъ тѣхъ счастливыхъ писательницъ, къ которымъ невольно привязываешься по однимъ сочиненіямъ ихъ. Она принадлежитъ къ числу писателей, которые никогда не забываютъ уваженія къ себѣ самимъ, и къ читателямъ, и сочиненія которыхъ смѣло можно дать въ руки молодымъ людямъ безъ другаго просмотра, какъ одного взгляда на имя автора. Во всемъ, что выходитъ изъ подъ пера г-жи Тастю, проявляется приличіе, умъ, душевная теплота, кроткая и прослая философія, словомъ, отраженіе прекрасной души. Даи, Богъ, болѣе такихъ писательницъ!

ГОСПОЖА АНСЛО.

Чтобы оцѣнить достоинство г-жи Ансло, достаточно взять въ руки двѣ книги, издавныя ею подъ названіемъ *Габріель*. Этотъ романъ, содержаніе котораго не запутано множествомъ приключеній, обыкновенной уловки людей неопытныхъ или бездарныхъ, привязываетъ и умъ, и сердце и служить

доказательством истиннаго дарованія. Въ немъ вся драма внутренняя: она происходитъ въ глубинѣ души дѣйствующихъ лицъ, а не проявляется въ эффектныхъ фактахъ. Г-жа Анслю соединила весь интересъ въ развитіи ѣдкихъ характеровъ, на которые можно смотрѣть какъ на общественныя типы. Этотъ роль литературныхъ произведеній самый трудный, а потому и удачное исполненіе его приноситъ большую славу.

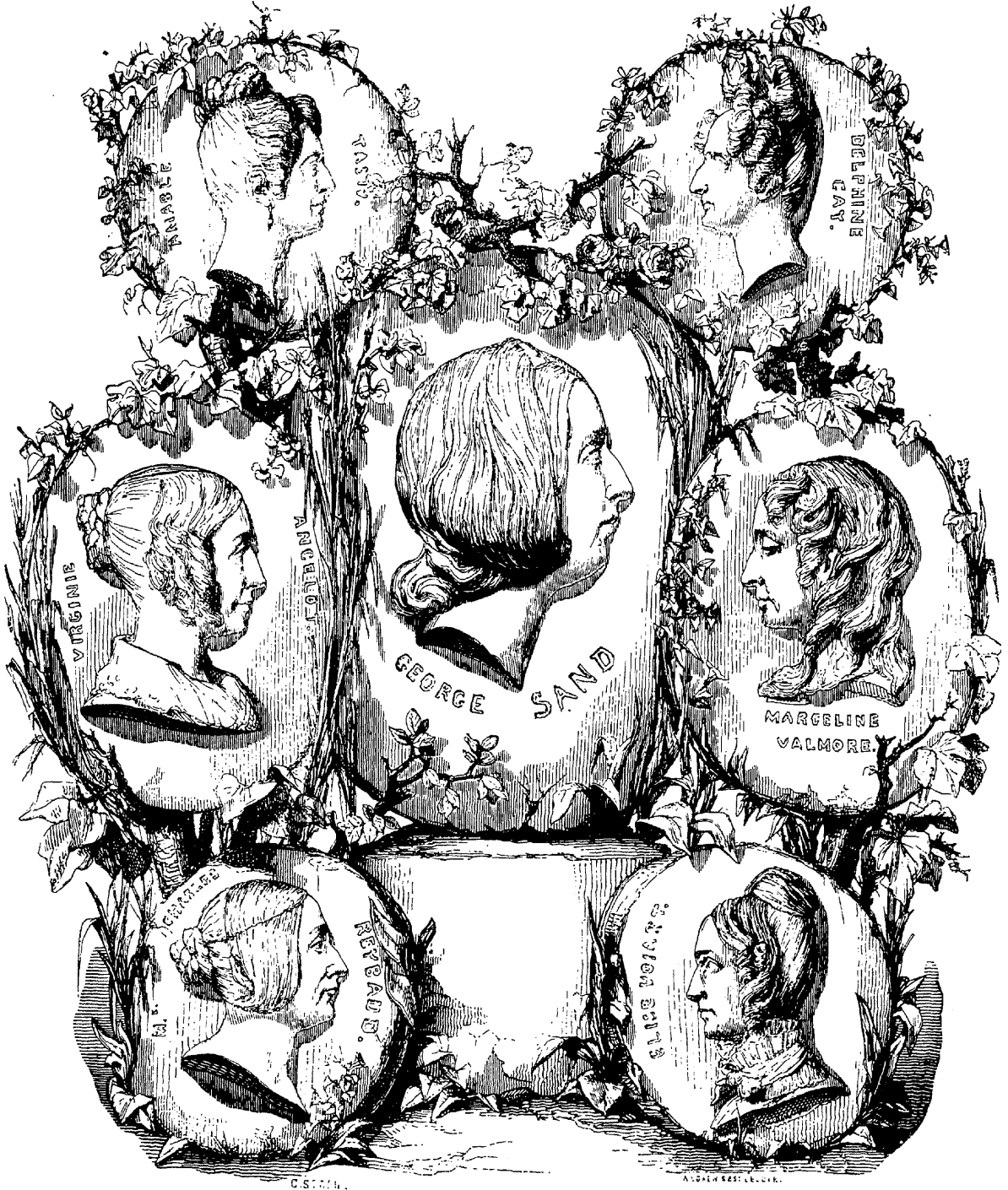
Доставляя удовольствіе и развлеченіе уму, подобнаго рода сочиненія соединяютъ въ себѣ и глубоко нравственный урокъ.

Въ романѣ *Габриель* есть чувствительность безъ приторности, энергія безъ жесткости и мужскихъ притязаній. Слогъ широкій, цвѣтистый, сильный и чистый.

Г-жа Анслю много писала для театра, хотя этотъ родъ менѣе приличенъ ея таланту, нежели рома-

ны. Большая часть пьесъ ея вялы, потому что на сценѣ нужно болѣе дѣйствія, нежели пустой болтовни, которая преобладаетъ въ драматическихъ произведеніяхъ г-жи Анслю.

А потому надо забыть драмы г-жи Анслю и читать ея романы и повѣсти; впрочемъ, хотя все литературныя произведенія этой писательницы не одинакаго достоинства, то надо, по крайней мѣрѣ, сказать, что они все заслуживаютъ уваже-

нія по благородному ихъ направленію и по чистотѣ источниковъ, ихъ внушающихъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ г-жи Анслю преобладаетъ чувство благородства и добра.

ГОСПОЖА ШАРЛЬ РЕБО (Reybaud).

Замѣчательнѣйшія сочиненія г-жи Ребо заключаются почти въ сорока томахъ, которые мы

не намѣрены разбирать въ двухъ словахъ — это было бы преступленіе; мы поступаемъ проще, советуя читателямъ самимъ обратиться къ нимъ: они будутъ лучшимъ судьямъ въ этомъ дѣлѣ. Мы только скажемъ, что самая простая, коротенькая повѣсть г-жи Ребо трогаетъ читателя болѣе, нежели драматическія, эффектные приключенія; что съ возрастающимъ вниманіемъ и участіемъ онъ будетъ слѣдить за малѣйшимъ происшествіемъ,

отъ начала до конца; мы скажемъ, что г-жа Ребо также хорошо пишетъ, какъ думаетъ; что съ такою женскою чувствительностію она соединяетъ въ себѣ энергію и смѣлость мужчины; наконецъ, мы прибавимъ, что сухимъ разборомъ мы не желаемъ разогнать поэтическаго вліянія, распространяемаго сочиненіями госпожи Ребо; сочиненіями, которыя совѣтуемъ всякому прочесть.

КАПРИЦІОЗО.

повість.

I.

Донъ Гравіель Бадахозъ и Серрано и Лопесъ,—ровно 25-тилѣтъ отъ роду, ростомъ въ 2 аршина 10 вершковъ, прекрасные глаза, вонзавственный видъ, пара красивыхъ усомъ, чинъ мичмана на флотѣ его католическаго величества (съ жалованьемъ по 50 піастровъ въ мѣсяцъ, что неоспоримо составляло бы 600 піастровъ въ годъ, если бъ только исправно платили жалованье), кредиторъ казны на жалованье въ два или три года, и должникъ на сумму противу того по крайней мѣрѣ шестеро; цѣтъ эстремадурскихъ кавалеровъ, лучшій морякъ въ эскадрѣ, краса академистовъ всей Испаніи, и безспорно самый влюбленный изъ смертныхъ, брошенныхъ въ Гавапу — все это, конечно, не бездѣлица!.. Это даже нѣсколько болѣе нежели ничего, судя по порціону, отпускаемому поутру и ввечеру королевскимъ провіантскимъ чиновникомъ. Но вмѣсто всякаго герба, наслѣдства, имущества движимаго и недвижимаго, имѣтъ только красивую наружность и офицерскую шпагу, какъ бы хороши ни были и офицеръ и шпага, надобно сознаться, однако же, что это не рудники Поточи и Перу. У меня цѣтъ и одного мараведеса, который я могъ бы предложить единственной дочери высокороднаго донъ Антоніо Барона, маркиза де Ласъ-Эмадураъ и Фамаротесъ, гранда папскаго, бригадира королевскихъ войскъ, камандора и генералъ-губернатора острова Кубы и близлежащихъ владѣній испанскихъ. Надобно сознаться, напримеръ, что это самый строгій изъ отцовъ, самый скучный изъ стариковъ, какихъ только производитъ паше любезное отечество; но, еще вѣрнѣе то, что я милъ, красивъ, вкрадчивъ, любимъ молоденькими дѣвухами, въ особенности, когда я влюбленъ въ нихъ; и къ чему глупая скромность? Отъ Пампелуны до Кадикса, отъ Испанской Тринидады до Мексики, Хуана не найдетъ мнѣ подобнаго, и я, право, думаю, что она это знаетъ; иначе, какъ истолковать то, что она сегодня говорила на счетъ искателей приключеній, флибустьеровъ и корсаровъ? Важный предметъ къ размышленію; онъ заставляетъ меня какъ можно скорѣе пустить весь мой вынгришъ на квнтъ.

Вотъ вступленіе и образчикъ длиннаго монолога, который велъ самъ съ собою донъ Гравіель Бадахозъ Серрано и Лопесъ, выходя изъ дворца гаванскаго губернатора.

Былъ второй часъ ночи; съ шумомъ катились кареты и *виллаты* по улицамъ, освѣщеннымъ единственно факелами черныхъ, провожавшихъ домой господъ своихъ. Извѣстно уже, почему нашъ мичманъ отправлялся домой пѣшкомъ и безъ провожатаго; онъ для осторожности выпулъ саблю изъ ноженъ, но обыкновенно пѣшеходивъ, а для вящей предосторожности держался середины улицы, оставивъ на стражу глаза и уши, особенно, когда надобно было проходить по какомунибудь переулку. Облака закрывали звѣзды;

было поволуніе, а полиція въ Гаваннѣ дѣйствовала очень слабо. Бандитъ, мало знакомый съ обычаями королевской казны, могъ бы повадяться, что въ карманѣ мичмана лежатъ, если не квадруплы и дублоны, то по крайней мѣрѣ піестры и колоннаты. Донъ Гравіелю не хотѣлось подвергнуть ни одного изъ честныхъ ночныхъ промышленниковъ подобной ошибкѣ; не имѣя возможности искать счастья на карточныхъ столахъ губернатора, онъ поступилъ въ полкъ неутомимыхъ плясунговъ; не пропустилъ ни одного тапца, гаванскаго, испанскаго или французскаго, ни одного болеро, фаиданго, или ка-

дриля, за что удостоился похвалы отъ донъ Хуаниты.

—Поздравляю васъ, сеньоръ Бадахозъ, сказала она, съ бластательнымъ усердіемъ вашимъ; я рада, что вы отказались отъ игры.

— Стану ли я искать другихъ развлеченій, когда имѣю счастье быть съ вами? Все сокровища міра не стоятъ одной вашей улыбки, божественная Хуана. Если бъ галіопы испанскіе были въ моей власти, я отдалъ бы ихъ за одинъ вашъ взглядъ.

— Было время, отвѣчала Хуанита, намѣкая на предшествовавшій разговоръ, когда кава-

леры не разговаривали о галіонахъ на балѣ, а преслѣдовали ихъ въ открытомъ морѣ.

— Если надо быть корсаромъ, чтобъ намъ поправиться, я буду корсаромъ, или—прощай, мое имя! возразилъ донъ Гравіель, покручивая усы.

Хуана засмѣялась.

— Кавалеръ, сказала она, я для рѣдкости вызвала бы васъ на это.

— А я принялъ бы вызовъ, такъ вѣрно, какъ истинно то, что вы царица бала, и болѣе всѣхъ заслуживаете обоженія.

— Берегитесь, шрервала Хуана, понизивъ голосъ, васъ могутъ услышать и подумать, что я поощряю васъ къ такой дерзости.

— Не опасайтесь ничего, душа моей жизни, возразилъ донъ Гравіель съ жаромъ; меня сочли бы сумасшедшимъ, если бъ услышали, о чемъ я дерзаю говорить съ дочерью маркиза де Ластъ Эсмадурасъ, и не ошиблись бы: я схожу съ ума отъ любви, совѣмъ схожу съ ума! Я думаю только о васъ; живу только надеждою васъ увидѣть. Ночью, на фрегатѣ, къ вамъ обращаются всѣ обѣты, всѣ желанія мои; я въ честь вашу сочинилъ болѣе 50 сонетовъ, которыхъ вамъ не покажу, потому что они нигуда не годятся; но у меня есть небольшой романсъ, который вы мнѣ позволите принести вамъ,—не правда ли, Хуанита?

— Знаете ли вы, прошептала пснуганная дѣвушка, что если бы отецъ мой все это услышалъ, то самая жизнь ваша была бы въ опасности?

— А знаете ли вы, возразилъ донъ Гравіель, что тотъ, кто рѣшился сдѣлаться корсаромъ, не ставитъ ни во что гнѣвъ всѣхъ губернаторовъ міра, будь они сто разъ испанскіе гранды и тысячу разъ строже донъ Барзона?

— Какъ? спросила Хуанита.

— Не хвалили ли вы теперь же искателей приключеній и корсаровъ? не говорили ли съ восторгомъ, еще часъ тому назадъ, о подвигѣхъ береговыхъ братьевъ? не вздохнули ли вы, когда сказали: «Ахъ, если бъ испанскіе Кастильцы были люди съ духомъ, они бы умѣли мстить въ свою очередь, и стали бы разбѣзжать по морямъ для гибели враговъ!»—Клянусь, эти слова не пропадутъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала дѣвушка насмѣшливо.

— Въ самомъ дѣлѣ, Хуана, точно также какъ я васъ люблю любовью самою страстною.

— Замолчите! Вы сегодня забываетесь. Если вы не перестанете, то я не буду болѣе тапцовать съ вами.

— Извините, сеньорита, продолжалъ мичманъ развязно. Не принимайте на себя сердитаго вида; вы знаете, что тогда вы мнѣ болѣе всего нравитесь. Нахмурьте еще немножко эти прелестныя брови, и я надѣлаю тьму глупостей... если бъ даже донъ Барзонъ велѣлъ меня разрѣзать на сто частей какъ арбузъ.

— Вы вѣчно тотъ же, возразила веселая дѣвушка, поднявъ на Альферца большіе черныя глаза свои; вы смѣетесь, когда слѣдовало бы вамъ раскаяваться.

— Божусь вамъ, если бъ мы здѣсь не были

окружены толпою гостей, я бросился бы къ ногамъ вашимъ, и молилъ бы о прощеніи; я прижалъ бы къ устамъ эту прелестную ручку, которую вы не смѣете отнять у меня, потому что наша очередь дѣлать фигуру. Право, то положеніе нравилось бы мнѣ еще болѣе настоящаго, но, нечего дѣлать, я долженъ довольствоваться и этимъ.

— Это уже слишкомъ! Замолчите! я вамъ приказываю.

— Когда я буду капитаномъ корсаровъ, то надѣюсь, что вы будете менѣе строги къ своему невольнику.

— Можетъ быть, сказала неосторожно молодая дѣвушка, которую смѣшная пантомима донъ Гравіеля обезоружила.

— Можетъ быть! Я припомню вамъ этотъ отвѣтъ; къ концу недѣли, можетъ быть, будетъ полезно возобновить его въ вашей памяти.

— Полно лгать!

— Хорошо, сказалъ донъ Гравіель, въ Рождество увидите, солгалъ ли я.

— Такъ васъ въ Рождество произведутъ въ капитаны корсаровъ?

— До того времени можете сомнѣваться; но тогда...

— Что же тогда будетъ? спросила насмѣшливо молодая дѣвушка.

— Увидимъ! важно отвѣчалъ донъ Гравіель, отводя ее къ мѣсту.

Богатые жители, чиновники колоній и гаванскія дамы стали расходиться съ обыкновенною церемоніею; молодой Альферецъ усложнулся, бросивъ пламенный взглядъ на прелестную Хуаниту, а она будто того и не замѣтила.

Размахивая саблей и громко разсуждая самъ съ собою, донъ Гравіель шелъ впередъ и такъ заключилъ рѣчь свою:

«Корсаръ, флибустьеръ—да будетъ! Повѣсить могутъ только разъ, а Хуанита стоитъ того, чтобъ для нея пожертвовать головою!»

Задача не была рѣшена, но намѣреніе принято; оставалось найти средства къ исполненію. Молодой мичманъ утонулъ въ хаосѣ идей, одна другой страшнѣе; вдругъ показалося ему, что кто то прячется за угломъ, недалеко отъ набережной.

— Геи! крикнулъ донъ Гравіель.

— Ага! это лейтенантъ! сказалъ сердито человекъ, затыкая за поясъ огромный ножъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? продолжалъ офицеръ; ты долженъ былъ ждать меня на лодкѣ.

— Я васъ и ждалъ; и былъ увѣренъ, что вы къ лодкѣ будете проходить здѣсь.

— Но что дѣлалъ ты у этихъ воротъ, господинъ Бримболліо?

— Ничего, право ничего, лейтенантъ!

— Бьюсь объ закладъ, что ты, разбойникъ, ожидалъ случая ограбить какого-либо честнаго жителя. Зачѣмъ этотъ длинный ножъ?

— Вы полагаете, что въ этомъ краѣ есть честные жители? сказалъ морякъ; тѣмъ хуже для нихъ. Сказать вамъ правду, я хотѣлъ достать немного табаку. Быть въ Гаваннѣ и не имѣть дрянной сигарки, это хоть кого такъ взбѣситъ; да если бъ намъ платили жалованья въ четыре мѣсяца хотя за одинъ, или послали бы крейсировать про-

тивъ Англичанъ, тогда можно бъ еще потерпѣть.

— Товарищъ, у тебя, кажется, совѣсть безъ большихъ церемоній.

— А у казначейства, что не платитъ намъ жалованье, совѣмъ ее вѣтъ. Я, клянусь вамъ, довольствовался бы бездѣлицею, когда уже болѣе нельзя, даже реально; не запрещено же пишему просить милостыни.

— Да! возразилъ донъ Гравіель со смѣхомъ, просить милостыни съ пожемъ въ рукахъ, въ два часа ночи.

— Да у богачей и слухъ и сердце такіе твердые...

Мастеръ Бримболліо былъ плотный морякъ, сложенъ какъ Геркулесъ; смуглое лицо у него было украшено бородою и черными волосами съ красноватымъ оттѣнкомъ. Впрочемъ, онъ былъ славный матросъ, имѣлъ большой вѣсъ на переднѣй палубѣ, в чинъ второго штурмана на фрегатѣ Сапта-фе, на которомъ мичманъ, донъ Гравіель, былъ четвертымъ лейтенантомъ.

— Что, спросилъ Альферецъ, ты охотно бы пошелъ крейсировать противъ Англичанъ.

— Противъ нихъ, или другихъ—всеравно; я говорю объ Англичанахъ, потому что у насъ съ ними война.

— Да полагаешь ли ты, что на фрегатѣ найдется сорокъ молодцовъ того же мѣнѣя.

— Стоитъ мнѣ поднять палецъ, и сегодня же почью отправится со мною цѣлая сотня. Да, лейтенантъ, однимъ словомъ, однимъ знакомъ, я украду цѣлую сотню изъ экипажа. Ахъ, боже мой, подались намъ только офицеры для команды, давно бы уже отправились въ море. Да вотъ бѣда, мы не умѣемъ обходиться съ компасомъ—нечего дѣлать, надобно ждать.

Каждый изъ собесѣдниковъ въ эту минуту съ удовольствіемъ поглядѣлъ бы въ глаза товарищу, да ночь была темная. Донъ Гравіель узналъ и такъ не мало; онъ былъ остороженъ; Бримболліо проговорился въ мѣру.

Если, подумалъ онъ, Альферецъ Бадахозъ вздумаетъ меня выдать, нескромность будетъ ему стоить дорого.

Взглядъ, брошенный на ножъ, досказывалъ мысль матроса; за тѣмъ оба сѣли въ яликъ.

Сапта-фе стоялъ на якорѣ далеко отъ берега; чтобъ достигнуть до него, надо было пройти между множествомъ купеческихъ кораблей, торгованныхъ неграми, и легкихъ судовъ, на которыхъ блуждалъ завистливый взоръ Альферца; съ особеннымъ вниманіемъ засмотрѣлся онъ на длинный бригъ-гоелеттъ, стоявшій на якорѣ отдѣльно. У *Капричозо*, такъ звали бригъ, передняя часть была остра, какъ лезвие кипжала, корпусъ лежалъ плотно на водѣ, мачты смѣло песлись вверхъ, грудь черная, поясъ красный; онъ имѣлъ какое-то сходство съ хищною птицею, съ дракономъ, ястребомъ, или морскимъ орломъ; фосфорическій свѣтъ пролива позволялъ замѣтить красивыя его формы.

— Славный кусокъ дерева, проворчалъ мастеръ Бримболліо.

— Паруса приязаны ли къ реямъ? спросилъ тихо офицеръ.

— Привязаны, капитанъ.

Мичманъ затрещеталъ, услышавъ это неприличное для него названіе.

Полчаса спустя, онъ послалъ разбудить пріятели своего, Фернандо Рибаллоза, гардемарина, исправлявшаго должность шатаго лейтенанта на фрегатѣ Санта-Фе.

Фернандо было 28 лѣтъ; въ началѣ поприща своего онъ надѣялся пройти его блистательно; какъ и многіе другіе, онъ мечталъ объ адмиральскихъ эполетахъ; поэтому онъ довольствовался желаніемъ получить чинъ мичмана на корветтѣ; потомъ уже шесть лѣтъ онъ не желалъ ничего, довольствовался тѣмъ, что въ свободное время удилъ рыбу; онъ прошелъ, какъ видно, чрезъ всѣ разочарованія морской службы; впрочемъ, онъ былъ холодителемъ льда; не опасаясь желтой лихорадки; худой, сухой, онъ никогда не смѣлся, а между тѣмъ душою и тѣломъ былъ преданъ величайшему вѣтреннику въ мірѣ, т. е. донъ Гравіелю Бадахозу.

— Бонься ли ты висѣльни? спросилъ его внезапно Альферецъ.

— Ты меня и позвалъ за этимъ?

— Вопросъ мой не такъ глупъ, какъ тебѣ кажется; отвѣчай мнѣ безъ шутокъ.

— Когда такъ, такъ не боюсь! сказалъ гардемаринъ. Ну, а потомъ что?

— Дѣло въ томъ, что у меня въ головѣ такая мысль, что можно попасть прямо на висѣльницу.

— А!

— Не болѣе и не менѣе, какъ смазнить часть экипажа, завладѣть бригамъ-гоелеттою, которой, ты видишь, лежитъ себѣ вотъ тамъ, отправиться на немъ крейсировать и начать съ того, чтобы увести дочь губернатора, донью Хуаниту де Ласъ Эсмандурасть, въ которую я смертельно влюбленъ.

— Страстно? сказалъ Фернандо.

— Хочешь ты помочь мнѣ?

— Что касается гоелетты, да; а что до дѣвочки, лѣтъ. На кой чортъ она намъ? Не говори мнѣ о женщинахъ—я предпочитаю имъ рыбы; тѣ, по крайней мѣрѣ, итмы.

— Я влюбленъ, говорю тебѣ!

— Тѣмъ хуже!

— И я все это затѣялъ для того только, чтобы овладѣть Хуанитою.

Фернандо пожалъ плечами.

— Это значитъ, что ты меня оставляешь?

— Ты обижаетъ меня!

— И такъ, ты согласишься на все?

— Да что станешь дѣлать!

— Ты несравненный другъ, вскричалъ восхищенный донъ Гравіель, и хотѣлъ броситься ему на шею.

Тотъ его оттолкнулъ; когда Испанецъ хладнокровенъ, то перешеголяетъ Голландца.

— Есть ли у тебя сигара? спросилъ гардемаринъ.

— Къ несчастію, нѣтъ!

— Такъ прощай!

— Не уходи! сказалъ съ живостію Гра-

віель, подожди, поговоримъ о приготовленіяхъ.

— На что?

— Хорошъ вопросъ—вѣдь нуженъ же ямль?

— Составъ его самъ; ты раздашь приказанія, я ихъ исполню.

Фернандо ушелъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

Наканунѣ Рождества, всѣ офицеры фрегата хотѣли отправиться на берегъ, чтобы провести тамъ ночь, потому что послѣ обѣда губернаторъ хотѣлъ дать всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ праздникъ и балъ, который долженъ былъ продлиться до утра. Донъ Гравіель и пріятели его Фернандо остались дежурными на фрегатѣ.

Около полуночи загудѣли всѣ колокола города; на улицахъ пылали тысячи факеловъ; казалось, весь городъ горѣлъ, но тѣмъ гуще была тьма на рейдѣ гаванской. Заговорщики стояли на кормѣ.

Оружіе въ шлюбокѣ? спросилъ донъ Гравіель у штурмана Бримболліо.

— Да, капитанъ.

Хорошо—вели садиться всѣмъ нашимъ. Сколько ихъ?

— Пятьдесятъ; я не могъ взять меньше; все пріятели, славные матросы, храбрецы перваго разбора.

— Десять лишнихъ; но нечего дѣлать, пойдёмъ.

Донъ Гравіель разослалъ всѣ лодки съ разными приказаніями; для себя оставилъ только шлюбку и легкой боть. Фернандо и 40 матросовъ хорошо вооруженныхъ отправились на первой, которая, отчаливъ, поплыла вдоль набережной, и вскорѣ исчезла изъ виду посреди купеческихъ судовъ. На боть сѣли донъ Гавріель, Бримболліо и десять самыхъ сильныхъ матросовъ; у пояса кинжалъ, пистолетъ, спрятанный подъ длиннымъ плащомъ, и свинцовыя ядра, привязанныя къ палкѣ, составляли вооруженіе этой отборной шайки; они оставили фрегатъ на волю Божію и безъ лодокъ, и потому отправились прямо на берегъ, къ которому пристали въ узкомъ каналѣ, между двумя высокими домами. Боть, скрываясь въ глубочайшей тѣмѣ, причалилъ къ берегу; на немъ осталось два матроса; въ случаѣ несчастія, имъ приказано было уходить и подать вѣсть какъ можно скорѣе товарищамъ на шлюбокѣ.

— Ну, Бримболліо, кости брошены, сказалъ мичманъ.

— Чортъ возьми дѣвушекъ; у меня земля горитъ подъ ногами.

Церковь была близко; моряки вошли въ нее за донъ Гравіелемъ, переодѣтымъ матросомъ; они смѣшались съ толпою, не тѣряя изъ виду своего начальника.

На женской половинѣ донья Хуана занимала почетное мѣсто. На крылосѣ стояли донъ Антонио Барзанъ съ своими адъютантами, командиръ фрегата Санта-Фе, офице-

ры стоявшихъ на рейдѣ судовъ и находящагося въ городѣ гарнизона, губернаторъ колоніи и всѣ городскія власти.

«Изъ какихъ дверей выйдетъ она? со страхомъ спрашивалъ самъ у себя донъ Гравіель, а мистеръ Бримболліо продолжалъ ругать дѣвушекъ и влюбленныхъ.

Дона Хуана усердно молилась, и веселыя бальныя рѣчи, конечно, въ эту минуту изгладились изъ ея памяти; только и развлекалась она нѣсколько мыслями, и то, конечно, противу своей воли, почему донъ Гравіель не пришелъ въ церковь вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ; она изъ этого заключила, что онъ дежурный на кораблѣ. За службою долженъ былъ послѣдовать полночный праздникъ медіаночы; она вольно сожалѣла объ отсутствіи Альферца; но эти свѣтскія мысли мелькнули тѣнью въ умѣ дѣвушки; она отогнала ихъ набожнымъ упрекомъ.

Наконецъ толпа начала медленно расходиться; донъ Барзанъ подалъ дочери руку и пошелъ къ боковой двери; тутъ ожидала карета; за губернаторомъ толпились офицеры; ходъ въ дверяхъ затруднился. Донъ Гравіель подалъ знакъ, силою открылъ себѣ дорогу въ толпѣ богато убранныхъ чиновниковъ; за нимъ слѣдовали товарищи. Пошла суматоха; сановники колоніи сердились на дерзость толкавшихъ ихъ неучей, но неучи подавались впередъ.

Маркизъ де Ласъ Эсмандурасть уже подавалъ руку дочери, чтобы посадить въ карету; вдругъ Альферецъ сильно оттолкнулъ его, схватилъ Хуану на руки и ударился бѣжать съ условнымъ крикомъ «корсаръ!»

— На помощь! къ оружію! солдаты! граждане! ко мнѣ! кричалъ донъ Антонио Барзанъ. Офицеры выхватили шпаги; гвардія губернатора скрестила штыки.

«Корсаръ, корсаръ, впередъ!» отвѣчали матросы.

Бримболліо и восемь товарищей его прикрывали бѣгство мичмана; грозныя панки ихъ удерживали испуганную толпу. Дона Хуана напрасно выбивалась изъ рукъ похитителя. Съ необыкновенною быстротою онъ перенесъ ее въ лодку; усердные товарищи не отставали, и лодка отчалила.

Все это заняло времени гораздо меньше, нежели сколько нужно для описанія.

Ужасный крикъ былъ слышенъ съ берега; тамъ поднялся необыкновенный безпорядокъ: сотни факеловъ освѣтили узкіи переулки, по которому убѣжали моряки; солдаты зарядили ружья; но какъ стрѣлять? можно было ранить и дочь губернатора; впрочемъ и лодка неслась съ быстротою стрѣлы, и вскорѣ утонула во мракѣ.

«Лодки, лодки! или всѣхъ перевѣшаю! Лодки! Кровь и буря! повторилъ громopodobнымъ голосомъ отецъ донья Антонио Барзанъ.

(Продолженіе впереди).

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).

„Львица“.

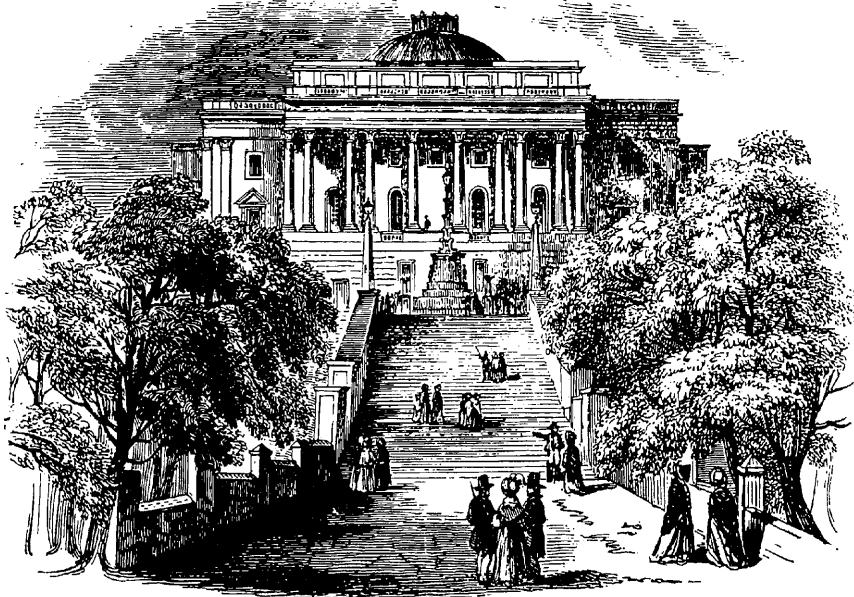
Китаецъ курящій Опій.

Гурильщикъ Бульварной.

Гурильщикъ Марціаньки.

(Капитолій въ Вашингтонѣ).

КАПИТОЛІЙ ВЪ ВАШИНГТОНѢ.

Со всіми замѣчательнѣйшими зданіями Европы мы знакомы какъ съ домомъ, въ которомъ живемъ, и едва ли не ближе. Не хотители познакомиться съ зданіями Америки, которая, въ скоромъ времени, во многихъ отношеніяхъ, будетъ соперничать съ дря-

хой Европой. Вашингтонъ—столица Сѣверной Америки. Вліяніе ея распространяется уже и на Южную. Но вы удивитесь, что въ этой столицѣ, цѣлой части свѣта, всего 3,000 домовъ, только 20,000 жителей; а между тѣмъ городъ весьма обширенъ, потому что застроенъ просторно, улицы широки, троттуары также, бульвары, аллеи и т. д. Лучшее

зданіе—Капитолій; онъ весь изъ бѣлаго мрамора, съ прекрасной лѣстницей. Архитектура, какъ видите, благороднаго стиля и прекрасныхъ формъ. Европа немного выставитъ зданій, которыя бы могли выгодно соперничать съ этимъ Капитоліемъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ Г-на Готи. Бенефисъ Г-жи Эстеръ.

Бенефисъ! бѣгай, хлопочи, доставай пѣсню, раздавай роли... Но смотри, не обижай никого, не задѣвай шекотливаго самолюбія своихъ товарищей; иной откажется отъ роли, другой забодѣтъ... а день твоего бенефиса давно назначенъ и этотъ день долженъ, можетъ быть, обезпечить существованіе твоей жены и дѣтей. Бѣдный актеръ! онъ рассчитываетъ на этотъ бенефисъ; онъ къ псму посылаетъ своихъ кредиторовъ и давно уже распорядился его солидными доходами.

Новотъ, наконецъ, наступилъ этотъ великій торжественный день — и хозяинъ праздника маненюгаетъ подъ бременемъ хлопотъ и внутреннихъ волненій. Вотъ и вечеръ, а зала пуста; нѣскольکو ложъ, да два ряда кресель... на расходы можетъ быть и хватить. Бѣдный актеръ! не смотри изъ-за кулисъ на эти дрянные пустые ряды; не думай о женѣ, забудь о кредиторахъ; твоя очередь; выходи съ веселымъ лицомъ; гости твои захопала — благодари за честь; смѣши, забавляй; это твое дѣло, а публика не любитъ скучать; она смотритъ на тебя, какъ на своего забавника; ты и безъ того сумѣлъ угодить ея прихотямъ. Ни одной польки, ни одного цыганскаго па! на что-же она будетъ смотрѣть? Балетъ уничтожился — не мудроно; драма и водевилъ сдѣлались балетомъ. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не заставили еще Короля Лира протанцовать съ дочками какое нибудь венгерское па, или Гамлета съ Офеліей! Только этого еще недостаетъ.

Не потому ли и въ бенефисъ г-на Готи зала была почти пуста? Правда, и онъ объявлялъ, что будутъ танцовать; безъ этого рѣшительно нельзя; да не было полскъ на афишкѣ, а былъ какой-то замороженный танецъ флегматической Германіи. Богъ съ вами, съ этими Нѣмцами. Вотъ напримѣръ: водевилъ Le Client — пустал, скучная пѣска;

(Г-жа Александръ-Мейеръ).

пускай-же къ ней приѣдутъ полку — ес будуть смотреть съ удовольствіемъ. А. Исцилти, гдѣ г-нъ Готи былъ такъ хорошъ, что эту піесу почти можно было давать безъ танцевъ? Право жаль, что бѣдный механикъ, при возвращеніи отъ Перваго Консула, *всплѣтъ съ фамиліей*, не пустился отъ радости въ какую-нибудь семейную присяжку. Это промахъ, большой промахъ, господишь Жакаръ!

Но мы забываемъ о главной, капитальной піесѣ бенесеса, о той піесѣ, въ которой даже и танцовали немножко. Это — Carlo et Carlin. Это водевилъ настоящаго французскаго издѣлія. Это — шалости пажъ стараго времени. Карло влюбляется въ танцовщицу; у танцовщицы, по обыкновенію, покровитель. Этотъ покровитель — самъ Герцогъ. Пажд не унываетъ; Герцогъ гнѣвается — и Карло, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Камерани, по добру, по здорову, перебирается въ Венецію. Пажд безъ денегъ, — но Карло, что называется, молодецъ на всѣ руки. Онъ принимается за ремесло танцовальнаго учителя; пишетъ на заказъ серенады и снова встрѣчаетъ свою прекрасную танцовщицу Армантину. На этотъ разъ у него другой соперникъ, въ лицѣ стараго влюбленнаго посланника. У посланника — жена; у жены — много проказъ въ головѣ. Карло волочится за женой и отбиваетъ танцовщицу. Но по глупости Камерани, бѣлаго пажъ узнаютъ и отправляютъ по приваляжности. Прощай Карло! Пошались и довольно.

Другая сцена. Театръ полонъ; публика ждетъ; но арлекин нѣтъ. Плохо директору; съ публикой не шутятъ. Но вотъ кто-то лѣзетъ черезъ окошко; это — *deus ex machina*; это Карло; это — пажд на волѣ; это арлекинъ — въ случаѣ надобности. И вотъ онъ одѣтъ, замаскированъ. Кто его узнаетъ? Кто подумаетъ, что подъ этой маской дурначи Карло? Никто, крокъ Коломбини; а Коломбина — все таки та же танцовщица, та же Армантина. Но на этотъ разъ побѣда остается за нимъ; арлекинъ торжествуетъ; соперники ретируются.

Госпожа Александръ-Мейеръ, въ роли Карло, живоюлицетвореніемъ ловкаго, граціознаго шалуна, веселаго, пріятнаго и безвѣчнаго, какъ всѣ пажд стараго времени. Она оживила эту роль; она дала ей характеръ. Это одушевленная игра, это лицо, на которое такъ весело смотреть; эти глаза, полные жизни и шалостей, эта лукавая улыбка, эти граціозныя движенія, притогловіи, въ роли Карло, любимой актрисѣ нашей публики новое, полное, заслуженное торжество.

Г-ль Руже, въ роли Камерани, превосходенъ. Его игра вездѣ натуральна, а потому вѣрна. Онъ не приѣзжаетъ къ тѣмъ насильственнымъ средствамъ, которыя остаются на долю жалкой посредственности, и публика съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оцѣниваетъ этого талантливаго актера.

Белесисъ г-жи Эстеръ началъ съ водевилъ *Les deux filles à marier*. Содержаніе водевилъ вы уже знаете, потому что это олава изъ тѣхъ піесъ, въ которыхъ дебютировалъ г-нъ Варас. Стало бытъ, мы объ этомъ водевилѣ говорить не будемъ, а имходемъ замѣтимъ только, что природа созидала-на Алерма столько же мало для ролей первыхъ любовниковъ, сколько и для ролей какаго нибудь регента Франціи. Послѣ водевилъ началась драма, подъ заглавіемъ *Loulette*, драма съ приличными невѣроятностями и театральными эффектами, съ убитымъ любовникомъ, который въ добавокъ еще и потонулъ, а подъ концемъ все-таки оказывается въ живыхъ; драма французская, драма безъ логки, словомъ сказать, драма, какъ сѣдуетъ. Главную роль занимала госпожа Александръ-Мейеръ — и надобно правду сказать, она одна поддерживала всесуспѣхъ этого фабричнаго издѣлія французской драматической литературы; вѣсь поразилъ эта драматическая сила и мы съ удивленіемъ спрашивали себя, та ли эта женщина, которую мы видѣли въ роли шалуна Карло? Та ли эта граціозная, веселая, шаловливая женщина? Въ концѣ перваго дѣйствія, она, по волѣ автора, терпѣть разсудокъ, и мы видѣли, какъ подъ ударомъ страшнаго извѣстія, лицо ея каменѣло, неподвижныя черты его выражали безуміе, глаза помутнились, взглядъ остановился безъ смысла и жизни. А потомъ, когда она олава встрѣчаетъ мужа, когда она видитъ и убѣждается, что онъ живъ, что онъ по-

дѣл не л, что онъ любить ее, — разсудокъ ея возвращается... Какъ выразила она этотъ переходъ отъ безумія къ мысли, отъ сумасшествія къ ясному сознанію дѣйствительности! Она заплакала, но заплакала такъ, что слезы ея доходили до души, что эти рыданія захватывали духъ, что публика съ напряженнымъ вниманіемъ прослужала всюоту мучительную сцену, не паршая ея ни однимъ неуѣстнымъ рукоплесканіемъ. Разумѣется, громкіе, единодушные вызовы послѣ перваго дѣйствія и по окончаніи піесы, доказали ей, какое глубокое впечатлѣніе произвела на зрителей ея прекрасная благородная игра.

Послѣ драмы давали старій, уморительный водевилъ, подъ заглавіемъ *Les Saltimbanques*, съ ужасными кадамбурами и приличными танцами, водевилъ, который, благодаря содѣйствію г-жи Эстеръ, г-дѣ Верне и Руже, идеть превосходно.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ШАХМАТНЫХЪ ИГРОКОВЪ.

Почтеннѣйшіе любители шахматной игры! Я рассказывалъ вамъ, не такъ еще давно, истинное происшествіе, случившееся съ дѣдушкой моимъ 56 лѣтъ тому назадъ, какъ онъ о святкахъ игралъ съ чортомъ, и какой чортъ задалъ ему магъ. — Въ поясненіе этого анекдота скажу теперь, что чортъ, игравшій съ дѣдушкой, былъ не кто иной, какъ переодѣтый Кологривовъ. Этотъ московскій шахматный наѣздникъ, узнавъ, что дѣдушка считаетъ себя первымъ игрокомъ, нарядился, накануне Крещенья, чортомъ и сыгралъ шутку. — Но дѣдушка долго оставался при томъ мѣтніи, что онъ игралъ съ настоящимъ чортомъ, и неохотно увѣрился въ истинѣ, желая лучше проигрять своей отности къ сверхъ-естественной силѣ.

Кологривовъ ничего не писалъ о шахматахъ. Не оставилъ ни игравныхъ имъ партій, ни шахматныхъ проблемъ, но комизъ можно бы было судить о его силѣ; слѣдовательно, съ достовѣрностію нельзя опредѣлить его игры; но преданіе говоритъ чудеса. — Бывало, начиная играть, посыплетъ табачку на кѣтку шашечницы и заматуетъ васъ на томъ мѣстѣ; или надѣнетъ колачекъ на шашку и сдѣлаетъ непремѣнно ею магъ.

Говорили про него, что онъ вѣдался съ пещистой силой и шашки его сами собой пердвигались; — и что онъ, бывшиза-границею, обыгралъ даже Филидора.

Отложя патриотизмъ въ сторону, мнѣ кажется, что это послѣднее обстоятельство несправедливо. Филидоръ былъ величайшій игрокъ, какой едва ли когда будетъ! — Кологривовъ же, судя по партіямъ, игравнымъ съ дѣдушкой, былъ небольшою тактикъ, — зналъ игру практически, и былъ силы непомѣрной въ своемъ только муравейникѣ.

Продолжаю далѣе рассказъ мой о дѣдушкѣ:

Дѣдушка мой, какъ и всѣ вообще шахматные игроки, былъ постояненъ во всѣхъ своихъ привычкахъ, занятіяхъ и образѣ жизни. У него на все назначено было время. — Въ извѣстный часъ вставалъ, молился Богу, одѣвался, пилъ чай и кофе, въ 10 ч. ѣхалъ къ должности, возвращался къ двумъ, въ два обѣдалъ, ложился всхрапнуть часикъ, а въ пятomъ игралъ уже въ шахматы.

Чортъ, наложивши на него зарокъ не играть три года, выбралъ самое жестокое наказаніе. — Дѣдушка былъ твердъ въ своемъ словѣ: дѣйствительно ни съ кѣмъ не игралъ три года. Это время посвятилъ изученію, преимущественно, Филидора.

Дѣдушка обыкновенно вставалъ въ 7 часовъ поутру. — Камердинеръ Оська, по прозванію Хохоль, убиралъ его, пудрилъ и раскрашивалъ ему городскія новости. Оська, до пробужденія барина, успѣвалъ обгѣгать всѣ сосѣдніе кабаки и трактиры и возвращался домой, нагруженный городскими вѣстями и спиртуозными напитками, часто въ такомъ состояніи, что едва языкъ ворочался; — тогда дѣдушка его самаго пудрилъ (такой въ старину былъ обычай); но не хотѣлъ запрещать ему посѣщенія трактировъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, чтобы не лишиться свѣдѣній о городскихъ происшествіяхъ, и во 2-хъ потому, что Оська увѣрялъ дѣдушку, что все за его здоровье пьетъ.

По субботамъ дѣдушка не ѣздилъ къ должности. Этотъ день посвященъ былъ совершенно бабушкѣ. Въ этотъ день исполнялись всѣ его, какъ онъ называлъ, обязанности, — къ числу которыхъ относилъ: колоть сахаръ для чая и кофе на цѣлую не дѣлю; подводить итоги въ расходной книгѣ, — съ чѣмъ бабушка никакъ не могла сладить; перебирать грешневый крупы для каши, варившейся по субботамъ, и послѣ обѣда играть съ бабушкой въ бостонъ или триктракъ.

Кто бы могъ повѣрить, что дѣдушка мой, будучи первымъ шахматнымъ игрокомъ и первымъ юристомъ (его называли живымъ архивомъ), въ часы отдохновенія, по субботамъ перебиралъ грешневый крупы для каши!

Забывъ сказать, что еще на обязанности дѣдушки было, по субботамъ, заводитъ стѣпные часы съ музыкой и поправлять часы съ кукушкой. (Дѣдушка былъ также, отчасти, и механикъ). — Бѣдная кукушка еженедѣльно перемѣняла свой напѣвъ отъ поправокъ и механическихъ дѣдушкиныхъ улучшеній. Случалось, что кукованіе ее походило болѣе на лаяніе собачки, или шавкаше болонки.

Привыкнуши къ постоянному образу жизни, къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, дѣдушка мой не любилъ новыхъ знакомствъ, и только шахматные игроки исключались изъ этого. Онъ радъ былъ каждому, и во всякое время, какому-бы званію и какой-бы націи ни былъ. — Шахматныхъ игроковъ почиталъ своими братьями, но поступалъ съ ними немилостиво: почти всѣхъ побивалъ — рѣдкому удавалось сыграть въ ничью.

Не любя никакихъ перемѣнъ, дѣдушка мой и въ домѣ своемъ, который купилъ еще въ началѣ царствованія Екатерины, не дѣлалъ никакихъ поправокъ въ теченіи 30 лѣтъ. — Часто дворецкій докладывалъ ему, что крыша течетъ, что такой-то жилецъ не хочетъ оставаться долѣе, требуя починки оконъ и дверей... Дѣдушка мой и слышать не хотѣлъ. — «Крышу поправь какъ умѣешь, а жильцу скажи: не хочетъ жить, такъ пусть выгѣзжаетъ, или починить на свой счетъ.» — Дворецкій дѣйствительно поправлялъ крышу какъ умѣлъ, — и оттого ни одинъ въ свѣтѣ

архитекторъ, или экспертъ, не могъ-бы опредѣлить: какаѣ были крыша въ домѣ у дѣдушки,—деревянная, черепичная или железная?

Надобно отнестись къ чести дѣдушки, — онъ не любилъ надбавлять на жильцовъ платы за наемъ — и квартиры ходили по той же цѣнѣ, какъ было тому 30 лѣтъ,—отчего домъ дѣдушкинъ никогда не былъ пустъ.

Болѣе всего надоѣдалъ дѣдушкѣ городской, который, съ началомъ весны, какъ жаворонокъ, ежедневно прилеталъ съ требованіемъ отъ полиціи починить мостовую. — «Ну, дай ему водки» — говорилъ дѣдушка дворецкому—«да скажи, что-де поправимъ, когда со-сѣди начнутъ чинить.» — Водка не на долго останавливала починку мостовой, — являлся надзиратель — и надобно было прибѣгать къ другимъ средствамъ.

Потомъ являлись новыя требованія объ окраскѣ дома.

— «А что, Дуня! (бабушку звали Авдотьей Александровной) домъ-то нашъ давно ужъ не крашенъ?»

— «Да такъ давно, что я не помню какой краской онъ былъ окрашенъ, а теперь не узнаешь хоть въ микроскопъ разсматривай.»

Бабушка въ жизнь свою не могла выучиться говорить микроскопъ, а все называла по своему — митроскопъ.

— «Знаешь ли что? — сказалъ дѣдушка— счастливая мысль пришла! — выкрасимъ-ко домъ шашечницей, въ большія клѣтки, въ зеленые и желтые разводы, — и нарисуемъ слоновъ, коней...»

— «Что ты, Артамоша, въ своемъ ли умѣ? подумаютъ, звѣринецъ какой! Со-сѣди засмѣются, да и надзиратель не позволитъ.»

— «Вотъ тебѣ на!—Надзиратель!—Да развѣ въ законахъ написано, чтобы домовъ не раскрашивать шашечницей! Домъ-то мой — купилъ за свои деньги, могу и заложить и продать и разломать, такъ ктожъ мнѣ запретитъ окрасить какъ хочу? — Были же люди, помнишь, кареты раскрашивали будкой и развѣзжали по городу.»

— «За то ихъ и сажали въ будку», говорила бабушка.

— «А я говорю тебѣ, что ни въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, ни въ позднѣйшихъ указахъ, нѣтъ запрещенія красить домовъ шашечницей, такъ ужъ поставлю на своемъ, хоть бы дѣло пошло до полиціи-мейстера. — Собственностію располагать могу какъ хочу.»

— «Перестань шутить, Артамоша. Выкрасишь, такъ на другой же день мальчишки грязью закидаютъ!»

— «Поставлю дворника караулить, да в ты посматривай почаше въ окно.—А кого поймашь, такъ дамъ таску!... Смерть хочется нарисовать послѣдній матъ, который задалъ Котельникову. — Куда какъ хорошкъ!» Тутъ дѣдушка сталъ описывать бабушкѣ этотъ матъ, а та и слышать не хотѣтъ...

— «Ну, позволь, дружокъ, хоть на воротахъ.»

— «Не срамясь, Артамоша, что скажетъ Ульяна Ивановна?»

Ульяна Ивановна была повивальная бабка, жившая напротивъ дѣдушки. Бабушка все еще не терпѣла надежды имѣть въ ней надобность, и потому дорожила ея мнѣніемъ.

— «Вотъ еще знатная фигура! что намъ смотрѣть на нее!—Пусть себѣ мелитъ что хочеть...»

Дѣдушка ничего не дѣлалъ безъ позволенія бабушки.

— «Перестань пустое говорить. Не хочу, чтобы на насъ вѣтъ пальцомъ указывали... Не позволю!» — сказала бабушка съ сердцемъ.

Слово не позволю у бабушки было тоже, что на сеймикахъ у Поляковъ не *rozwaliam*, — и дѣдушка зналъ по опыту, что когда бабушка говорила: — не позволю, то ужъ тому и не бывать...

— «Послушай, милая Дуняша»—говорилъ дѣдушка, перебирая крупы (это было въ субботу) и смотря умилно на бабушку, какъ въ первый день свадьбы, — «позволь выкрасить хоть калитку! — За это я тебѣ отслужу.»

Бабушка на этотъ разъ согласилась.

— «А что, Оська! нашъ маляръ, что на дворѣ живетъ, давно ужъ не платитъ за квартиру?»

— «Третій мѣсяць, сударь, ваше превосходительство, ни гроша не даетъ, да теперь и въ домѣ не живетъ... загулялъ... изъ трактира не выходитъ, — и спитъ въ бильярдной.»

Оська всегда говорилъ дѣдушкѣ: Сударь, ваше превосходительство,—это потому, что когда дѣдушка не былъ превосходительнымъ,

то онъ называлъ его просто сударь, — а когда сдѣлался превосходительнымъ, то къ первому величанію Оська присоединилъ и второе.

«Ну, слушай же, вытащи его изъ бильярдной, окати холодной водой, да вели ему калитку раскрасить шашечницей, въ желтое и зеленое поле, масляною краскою,—а послѣ и ему дамъ матъ нарисовать.»

Черезъ недѣлю калитка была раскрашена шашечницей, и на ней былъ нарисованъ матъ, что на гравюрѣ.

Этотъ матъ, въ 5 ходовъ, дѣдушка сдѣлалъ, игралъ съ Ильей Семеновичемъ Котельниковымъ.

Я не впью въ немъ ничего особеннаго, но каждому свое произведеніе мило... Дѣдушка находилъ его превосходнымъ. Долго этотъ матъ красовался на калиткѣ, пока дождь и время не изгладили его.

Рѣшеніе этого мата дѣдушка приказалъ написать на другой сторонѣ калитки.

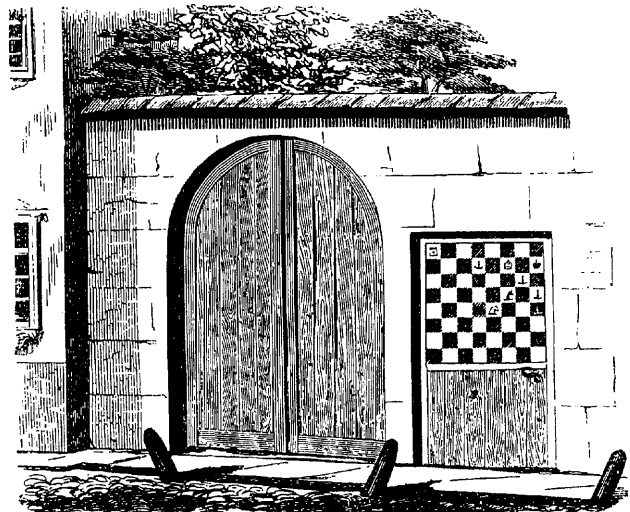
Оно было слѣдующее:

БѢЛЫЕ.

ЧЕРНЫЕ.

1. Конь на 5-е свое мѣсто, шахъ!	1. Царь на 3-е мѣсто ладьи своей.
2. Ладья на мѣсто ладьи чернаго царя, шахъ!	2. Слонъ беретъ ладью.
3. Царь на мѣсто коня противнаго царя.	3. Конь на третье мѣсто своей ферзи.
4. Царь беретъ слона.	4. Конь на 2-е мѣсто слона, шахъ!
5. Конь беретъ коня, шахъ и матъ.	

А. Петровъ.

КАРИКАТУРЫ ШАМА.

ГЕОМЕТРІЯ.

(Продолженіе.)

Рисунки Гаварни — по существу своему, принадлежать къ роду, который мы называемъ не совѣтъ основательно карикатурой; мы не безъ умысла помѣстили ихъ вмѣстѣ съ Карикатурами Шама, для сравненія и для эстетическаго, хотя и нагляднаго, вывода заключеній объ этомъ родѣ. — Гаварни не соперникъ Шаму; Шамъ — не соперникъ Гаварни, потому что въ одномъ родѣ много под-отдѣленій, всѣ главнѣйшіе — читатели увидятъ въ Иллюстраціи. И такъ, примемъ опять за эту живую Геометрію Шама, котораго намъ совѣтуютъ называть Хамомъ, по родословнымъ поводамъ. Но мы не хотимъ знать этикъ поводовъ и произносимъ имя художника по начертанію.

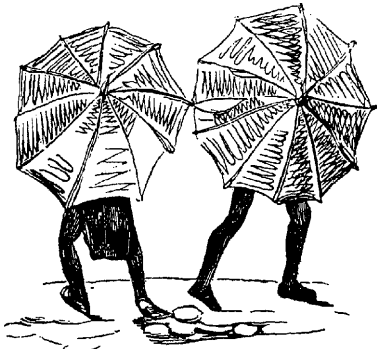
(Кривыя параллели).

(Точка столкновенія).

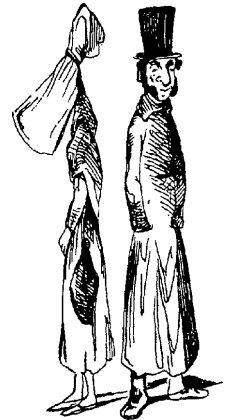
(Диагональ).

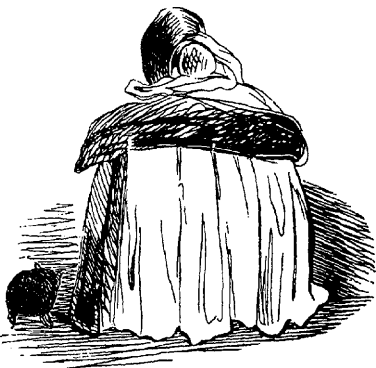
(Точка соприкосновенія).

(Конусъ).

(Параллели).

(Діаметръ).

(Сфера).

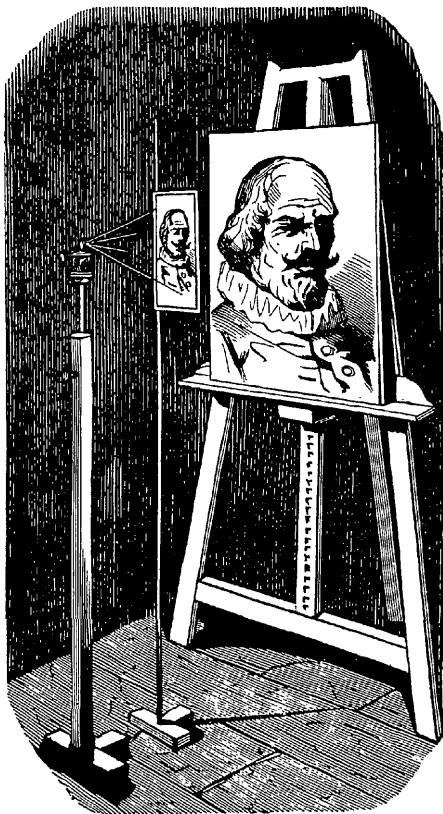
(Неправильный многоугольникъ).

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНИЯ СЪ НАТУРЫ.

Снарядъ г. Рулье.

Въ искусствѣ рисованія есть одна часть, которая состоитъ единственно въ вѣрномъ подраженіи очерка предметовъ, ихъ положенія и относительныхъ пропорцій; это матеріальное воспроизведевіе того, что мы видимъ; ни воображеніе, ни чувство не принимаютъ никакого участія въ этой, совершенно лапидарной, работѣ, трудность которой чрезвычайна. Между тѣмъ *рисунки* въ картинѣ вещь весьма важная и для достиженія совершенства въ немъ, молодые люди, посвящающіе себя живописи, проводятъ лучшіе годы жизни въ трудѣ неимовѣрномъ. Облегченіемъ матеріальной части живописи, а именно *рисунка*, французскій живописецъ, г. Анвартъ Рулье, оказалъ всѣмъ художникамъ большую услугу. Онъ изобрѣлъ простой, удобный снарядъ, не имѣющій никакого сходства ни съ камеръ-обскурой, ни съ диафрагмою, ни съ дагерротипомъ. Съ помощію этого снаряда можно, не умѣя даже рисовать, снѣть очень скоро и очень вѣрно съ природы, въ какомъ угодно масштабѣ, перспективный видъ, пейзажъ, статую и даже портретъ, перомъ, карандашомъ, мѣломъ или кистью. Рисунокъ, снятый по этому способу, имѣетъ изумительную вѣрность, портреты имѣютъ удивительное сходство, труднѣйшіе ракурсы выходятъ съ невыразимою точностью.

Снарядъ г. Рулье можетъ быть полезенъ не только художникамъ, но и ученымъ, декораторамъ, ремесленникамъ, и въ особенности путешественникамъ. Онъ состоитъ изъ деревянной рамки, на которой натянута прозрачная матерія, кисей или т. п.; необходимо, чтобы матерія эта была плотно на-

тянута и приклеена къ краямъ рамки, которую ставятъ на особеннаго устройства мольбертъ или станокъ, твердо стоящій на полу. Потомъ привязываютъ къ спинкѣ стула линейку, къ концу которой прикрепляютъ карту или дощечку, въ серединѣ которой просверлена дырочка, называемая *точкой зрѣнія*. Смотри въ эту дырочку, можно рисовать на кисей чернымъ мѣломъ контуры предмета, избраннаго для срисованія. Чѣмъ меньше долженъ быть предметъ, тѣмъ дальше рисующій долженъ садиться отъ него. Всякій легко пойметъ, что для того, чтобы срисовать легче и вѣрнѣе, надо уже имѣть нѣкоторыя познанія въ искусствѣ рисованія.

Сдѣлавъ такимъ образомъ очеркъ предмета на кисей, должно перевести его на бумагу. Для этого поступаютъ слѣдующимъ образомъ: рамку кладутъ плотно на листъ бѣлой бумаги или на холстъ, приподнимаютъ и выпускаютъ нѣсколько разъ кисею такъ, что пылъ мѣла осыпается на холстъ или бумагу, на которую, такимъ образомъ, переводится весь контуръ, который потомъ уже обрисовываютъ болѣе твердымъ карандашомъ.

Съ помощію особаго устройства, чрезъ отраженіе лампы, можно также небольшою рисункомъ перерисовывать въ большихъ размѣрахъ; но такъ какъ это сопряжено съ большими трудностями и есть уже, нѣкоторымъ образомъ, усовершенствованіе способа г. Рулье, то мы не станемъ входить въ подробности, высказавъ только существенную пользу снаряда, который всякій можетъ выписать изъ Паржа чрезъ какого-либо заѣзжняго оптика. Въствѣ съ снарядомъ получится и подробное описаніе и употребленіе его въ дѣло, потому что г. Рулье, какъ истинный художникъ, началъ съ того что обнародовалъ свой способъ и устройство его.

Г. Гизо.

Г. Тіэръ.

СМѢСЬ.

I.
СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Блаженны издатели повременниковъ, которые умѣютъ у насъ составлять фельетоны; конечно, ихъ статьи похожи на нѣчто безцѣльное, воздушное и бездушное, но какъ бы то ни было столбцы на-

полнены, публика читаетъ и бросаетъ листокъ съ негодованіемъ. Какое до того дѣло! она прочтетъ и слѣдующіе, и прочтетъ также, и также броситъ. Уже въ 9-мъ Нумерѣ мы не осмѣлились такъ шутить съ публикой и ежесѣдальника не было. Къ 10 Нумеру матеріаловъ въ наличности не оказалось. Что тутъ дѣлать? Не ужели говорить о погодѣ. Пожалуй, и то потому только, что холодъ надрываетъ и стоитъ того, что бы его пострашать

печатно; авось уймется. Вотъ край! говорятъ многіе. Въ юнѣ — морозъ. Тутъ не край виноватъ; во Франціи едва ли не хуже. Въ Бургѣ снѣгъ выпалъ 12 мая; въ Монпелье — морозъ; не холодъ, а настоящій морозъ, въ Кайла (Caylas) 9-го мая шелъ снѣгъ, въ Тулузѣ (!) мерзнуть отъ стужи и люди и виноградики; вѣтеръ дуетъ постоянно сѣверный. У насъ — рай въ сравненіи со всею Франціей.

Нашъ роноть не поможеть. Заприся лучше въ теплую комнату: станешь читать Исторію Имперіи Тіэра и право забудешь о погодахъ. Тіэръ возбуждаетъ въ Европѣ двойной интересъ, какъ писатель и какъ министръ. До министерія его намъ нѣтъ никакого дѣла. Какъ писатель по языку, теплотѣ слога и способу изложенія, онъ занимаетъ весьма важное мѣсто между первоклассными историками. Какъ Французъ, онъ впадаетъ въ ошибки, часто важныя, не рѣдко непрощительныя; но всѣмъ извѣстно, что этого недостатка нація удалась побѣдить только одному Декарту, который не любилъ говорить о томъ, чего не зналъ. Адольфъ Тіэръ родился 1800 года въ Э, (Аix), въ Провансѣ, былъ тамъ адвокатомъ; по прибытіи въ Парижъ, посвятилъ себя литературѣ. Первый плодъ его трудовъ — было изданіе записокъ англійской актрисы Миссъ Bellamy. Вскорѣ появилось сочиненіе Тіэра «Пириней и Южная Франція». Въ 1825 году вышли въ свѣтъ два первые тома его Исторіи Французской Революціи; этой Исторіи накопилось 10 томовъ. Исторію Консулства и Имперіи можно считать продолженіемъ того же труда; повторяемъ, что въ литературномъ отношеніи вышедшіе томы возбуждаютъ общія похвалы; въ историческомъ — критика указываетъ важные промахи и ошибки — но подождемъ конца. Пока прилагаемъ портретъ знаменитаго писателя и для компаніи портретъ его соперника Гизо. Французскій Гизо также министръ и также писатель. И до его министерія намъ нѣтъ дѣла. Гизо родился въ 1787 году въ Нимѣ, учился въ Генѣѣ философіи и германской литературѣ; въ Парижѣ участвовалъ во многихъ журналахъ; къ этому времени принадлежитъ его Словарь Синонимовъ. Гизо писалъ гораздо больше, нежели Тіэръ; большою частью о предметахъ политическихъ, юридическихъ и педагогическихъ, издавалъ и которое время отъ дѣла материалы для англійской исторіи, изъ которыхъ составилась Исторія переворотовъ въ Англіи со вступленія на престолъ Карла I, до паденія Іакова II. Курсъ новой исторіи, составленный имъ собственноручно для преподаванія, послужилъ началомъ довольно обширнаго труда — Исторіи гражданского образованія или цивилизаціи, утвердившей славу Гизо, какъ писателя. Сравнить обоихъ историковъ Франціи было бы и бесполезно и неумѣстно. Во Франціи каждый профессоръ пишетъ новую исторію, и для того, чтобы она непременно была нова, придумываетъ особое философское для нея воззрѣніе, которому подчинялся по своему, факты страждутъ съ большимъ ущербомъ для исторіи. Философское направленіе исторіи, однако же, такъ сильно вошло въ моду, что книги совершенно фактическія, какъ напримеръ, Канефига, не правятся. Впрочемъ, не будемъ обвинять и французовъ. Произведенія Августина Тіэри, чисто фактическія, но изложенныя съ неподражаемымъ искусствомъ, до сихъ поръ, и по справедливости, считаются образцовыми. Какъ бы то ни было, можно позавидовать Франціи въ этомъ отношеніи. Каждый годъ литература историческая умножается книгами, заслуживающими вниманіе, написанными собственноручно, отчетливо, безъ извѣстной сухости, которую обезображиваютъ Нѣмцы лучшие плоды своихъ тщательныхъ розысканій. Исклученій въ Германіи не много, и на одно мы уже указали.

Это Космосъ Гумбольдта, онытъ флоренскаго описанія міра, и г. Флюранж (Flourens) представлялъ первый томъ Космоса Парижской Академіи Наукъ отъ имени Гумбольдта, который недавно убѣжалъ изъ Парижа. Флюранжъ самъ извѣстѣнъ по части замѣчательную книгу: О инстинктѣ и понятливости животныхъ... Араго удвоимъ Академію, что первый томъ Космоса переведенъ на французскій языкъ и вскорѣ выйдетъ изъ печати. Можемъ надѣяться, что и у насъ появится переводъ Космоса дѣтъ черезъ десять. У насъ теперь я романы плохо покупаются; такъ корѣшится на работу трудную, продолжительную, съ тѣмъ, чтобы потерять время на переводъ, а на расходы не малыя деньги. Апатія наша — изумительная. И занимательность предмета, ни для Гумбольдта, ни спасетъ переводчика. Горько. Досада...

Вотъ напримеръ мы полагаемъ, что сообщили немаловажную новость: умеръ Вильгельмъ Шлегель. Не правда ли, многіе посматриваютъ другъ на друга съ изумленіемъ и спрашиваютъ. «Такъ что же! Умеръ себѣ какой-то Шлегель, такъ умеръ. Встрѣчалась намъ эта фамилія и въ Московскомъ «Телеграфѣ» и въ Отечественныхъ Запискахъ, «кажется еще гдѣ-то, да вѣдь мало ли про кого на Русь пишутъ. Всѣхъ не упоминешь.» Въ Европѣ смерть Шлегеля если и не оплакивается съ особеннымъ прискорбіемъ, однако же возбуждаетъ участіе во всякомъ, кто умѣетъ читать. Шлегель имѣлъ вліяніе и особенно на насъ перемѣтчивыхъ подражателей то Французамъ, то Нѣмцамъ. Августъ Вильгельмъ Шлегель родился въ Гаюверѣ въ 1767 году; онъ вступилъ въ ряды Романтиковъ, порожденныхъ Лессингомъ. Французы самого Шлегеля считаютъ главою романтической Школы, а послѣдователями его называютъ Вернера, Новалиса и Тика (!); но Французамъ все извѣстнѣе. Есть такіе отъ природы привилегированные народы, на которыхъ вѣтъ ни суда, ни управы. Шлегель самъ былъ порядочнымъ стихослагателемъ, но болѣе всего олодился соотечественниковъ пепеловыми нападеніями на Буало и Расина. De mortuis aut bene, aut nihil... Великая истина, но тутъ дѣло идетъ о искусствѣ и невозможно умолчать, что Шлегель обратился къ критикѣ по недостатку вышшаго, самостоятельнаго поэтическаго таланта. — Простите, но намъ кажется, что эту профессію, въ отдаленномъ ей видѣ, создала бездарность. Нападенія на Расина и Буало Шлегель вздумалъ подкрѣпить дѣломъ — переводами Шекспира и Кальдерона. Успѣхъ позднѣйшихъ переводовъ одинъ уже доказываетъ, что труды Шлегеля на этомъ поприщѣ никакъ не признавались безошибочными. Болѣе всего прославилъ Шлегель г-жа Сталь, которая также невѣрно со словъ своего друга описала Германію, какъ онъ невѣрно разрушалъ заданіе французскихъ музъ. Критика обратилась въ природу, въ кровь. Шлегель читалъ свои филиппики публично, въ систематическомъ порядкѣ. Германцы, по предпочтенію къ своимъ романтическимъ писателямъ — аужмы Богъ знаетъ почему и то двадцать лѣтъ позже, — восхитались глаголами Шлегеля. Вечеръ жизни Шлегеля пролежалъ въ Боннѣ, поражая начала, о которыхъ никто уже не думалъ, защищая свою драматургію, о которой также ни кто не думалъ... Наконецъ, Шлегель въ прошедшемъ мѣѣ умеръ въ Боннѣ, въ то самое время, когда Рашель съ такимъ успѣхомъ воскрешаетъ изъ ничтожески убитаго Расина... Докторъ Гейне говоритъ, что «Шлегель не могъ угадать нестойчивой граціи, сладкой тонкости и глубокой прелести мысли Расина, объясскаго современныя ему герцоги въ античные костюмы...» Если Докторъ Гейне правъ, если убѣжденіе водило перомъ Шлегеля, то теперь, когда его драматическая схоластика потеряла всю свою силу, можно отпустить ему и эту тяжкую вину. — Но при этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о томъ, что подобныя схоластики не въ одной литературѣ сбиваютъ, и на довольно долгое время, съ пути истины. Бѣда, когда здравый рассудокъ вѣка начинаетъ хворать... Лечение и продолжительно и трудно. Грустно все это читать, слушать, учить по обязанности, что-бы потомъ, по совѣту Декарта, все это выбросить за окно и хрѣмъ своего знанія строить сънова съ перваго камня. Тогда задумаетъ дикимъ, у которыхъ здравый рассудокъ не поверженъ никакимъ схоластическимъ ученіемъ.

* Кстаги о дикимъ. Въ 9 номерѣ Иллюстраціи, можетъ статься, вы читали статью о жителѣхъ Англійской Гвіяны. Дикіе теперь въ большой модѣ. Мы начали читать весьма занимательную статью о нравахъ Готтентотовъ и вообще объ естественной исторіи Африки, соч. Боатара. Парижская Академія въ послѣднемъ засѣданіи въ два пріема занималась американскими дикими: Ювайсами, и высладала споръ гг. Жакино и Сера. Правда, спорили о томъ, откуда взялись всѣ дикіе люди; и въ особенности въ Америкѣ; но все таки спорили весьма серьезно. Нѣтъ послѣдствій безъ причинъ. Вниманіе, и академіи, и всѣхъ журналистовъ обратилось на дикимъ, потому, что путешественникъ Каттасенъ воротился изъ Америки и

привезъ съ собою цѣлую дюжину настоящихъ Ювайсовъ. Эти дикари совершенно затмили Тома Пуса, который напрасно игралъ на театрѣ, въ пьесѣ нарочно, для него написанной время, его миловало.

* Гораздо большаго и признательнаго вниманія заслуживаютъ опыты леченія слуховыхъ органовъ, посредствомъ діапазона. Академикъ Десрець (Despretz) въ запискѣ своей о предѣлахъ верхнихъ и нижнихъ звуковъ подаль мысль примѣнить звуки къ медицинѣ. Г. Боннафау удвоимъ академію, что опыты, съ давняго времени имъ произведенныя — представляютъ немаловажныя результаты. Онъ испытывалъ надъ глухими разные діапазоны и замѣчалъ, что одни слышатъ только ближніе звуки совершенно явственно. Другіе различаютъ томы одной и той же гаммы въ разбивку. Эти опыты дали г. Боннафау средство составить себѣ классификацію излечимой и безнадѣжной глухоты. О дальнѣйшихъ трудахъ своихъ заболѣвший медикъ обѣщаетъ удвоимъ академію.

* Кресла г. Эгтисна во Французской Академіи наконецъ заняты. Избранъ — графъ Альфредъ де Виньи; давно бы пора; авторъ С. Марса, Стелло, Чертонова конечно уже давно могъ бы занять президентскія кресла Французской Академіи... Но въ литературныхъ обществахъ такая же справедливость, какъ и въ литературныхъ журналахъ. Пріемъ Альфреда де Виньи въ Академію возложенъ на графа Моле.

* Въ Королевской школѣ изящныхъ художествъ также есть немаловажная новость; и мы также можемъ сказать: давно бы пора. Удостоенные первой преміи художники, по архитектурѣ, должны были усовершенствоваться три года въ Римѣ. Римъ, да Римъ! Никто и не подумаетъ, что весь этотъ Римъ построили греческія руки. Наконецъ догаданы и поставлены, чтобы въ третій годъ назначенные для пребыванія въ Римѣ художники на казенный счетъ съѣздили въ Аонны и тамъ провели четыре мѣсяца. И такъ, тридцать четыре мѣсяца на Римъ и четыре же на Аонны. Не забудьте, что въ Римѣ навѣрно уже не осталось будки, которая бы не была нѣсколько разъ реставрирована. Это одно должно бы, кажется, навести на мысль, а на вѣчный Римъ — довольно за глаза одного года, а другіе два лучше бы употребить на путешествіе въ Испанію, Грецію, Малую Азію, Египетъ, Палестину и даже Индію. Отъ того-то теперь французская архитектура только надѣваетъ треугольнички на частоконъ колонны и не производитъ ничего оригинальнаго, самобытнаго, которое можетъ возникнуть только изъ созерцанія на мѣстѣ произведеній зодчества разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Гений служебтъ извѣсь изъ нихъ материалы для своего созданія, но съ надлежащей точки зрѣнія, на мѣстѣ, а не изъ мертвыхъ рисунковъ, не чужими глазами. — Впрочемъ, и четыре мѣсяца въ Аоннахъ и это благо, какъ сознаемъ, что одинъ Римъ недостаточенъ для современнаго образованія хорошаго зодчаго.

* Кстаги о художествахъ. Русская Иллюстрація до сихъ поръ не могла сказать ни одного слова о парижской выставкѣ 1845 года. Ее перепугала гравюра знаменитой картины Smala, кисти Гораса Вернета. Или лучше сказать, запугали наши журналы похвалами на Вернету, а г. Тны. Въ добрый часъ! Должно радоваться такой высокой чести, что одну работу русскаго художника удостоили допустить въ парижскую газету, а другую на выставку. Еще Иллюстрація была затрушена и тѣмъ, что не знала кому вѣрять; одни восхваляли славу выставкѣ 1845 года, другіе оплакивали художества во Франціи. Наконецъ, намъ удалось прочесть статью, хотя небольшую, написанную совершенно во французскомъ вкусѣ, не менѣе того обозначающую знаніе и благонамѣренность автора. Она начинается анекдотомъ. Солдатъ, взглянувъ на картины, замѣтилъ, что вождѣ Смалы выставленъ портретъ Маршала Бюжо.

— Tiens! pourquoi le peintre de l'Isly a-t'il mis le maréchal en dehors de la bataille.

— C'est pour ne pas le confondre avec ces chameaux de Bedou ns.

Затѣмъ, нѣсколько словъ о баталической живописи; затѣмъ Matr doborosa, Фландрена: она вся

скорбь; Mater Amabilis—*Ломана*, вполне соответствующая названію; Магдалина — Глаза и жива и прекрасна. Христосъ посреди главныхъ распространителей Христианства — *Дюассо* — превосходная картина по рисунку, писану и величественности стиля. Весьма хороши семейныя картины Евгения Грина. Изъ пейзажистовъ четыре картины Леона Флери възмъ и справедливо правятся. Это виды: Коняка, Руана, Мельницы и воспоминаніе о Фландріи. Картинами концемъ. Рисунки карандашемъ, или настпью, иногда стоятъ картины. Нашъ критикъ весьма хвалитъ жпзнь Самсона, нарисованную извѣстнымъ художникомъ Декавъ... Затѣмъ идутъ и проходятъ портреты, а критикъ нисходитъ въ подземелье, гдѣ расположены статуи; хвалитъ Матвѣя Моле, работы Барра, восхищается Этиюдомъ Ребенка Давида, Двойн и Поззіей Смара, Фринсей — Прадье и уходитъ съ выставки, также доволенъ, какъ и мы. Изъ всего этого видно, что нынѣшняя выставка была очень хороша, потому что мы исчислили только главнѣйшія произведенія, которыя можно считать дѣйствительно превосходными.

* * * В Германіи мало новаго. Отто Миллеръ написалъ небольшой разсказъ: Бюргеръ, или жизнь поэта въ Германіи. Весьма хвалитъ. Бюргеръ былъ уже предметомъ драмы. Во Франціи играли ее съ успѣхомъ, хотя въ этой драмѣ не много историческаго. Въ Библиотекѣ для чтенія, въ скоромъ времени, будетъ помѣщенъ опытъ небольшого оригинальнаго романа изъ жизни того же автора. — Гудковъ написалъ новую драму, 13 ноября. Но мы еще не знаемъ ни содержанія, ни достоинства этой пьесы. — Въ нѣмецкихъ газетахъ нашли мы письмо петербургскаго корреспондента объ игрѣ Кунста въ нашей столицѣ. Читая это письмо, можно подумать, что въ Петербургъ пожаловала Таальма или Гарракъ. Впрочемъ, и всѣ здѣшніе нѣмецкіе артисты заслужили полное одобреніе корреспондента. Изъ этого можно заключить, что корреспондентъ — не великій драматургъ. — Въ Гамбургѣ, по случаю пребыванія тамъ Эдсншлагера, на городскомъ театрѣ — данъ былъ Корреджъ, съ огромнымъ успѣхомъ. Гамбургъ, когда-то былъ столицей всѣхъ германскихъ искусствъ и художествъ, въ особенности театра. Здѣсь издавая свою драматургію Лессингъ; здѣсь были учреждены первые драматическіе конкурсы. Отсюда распространился вкусъ по всей Германіи и соперничествомъ другихъ городовъ съ Гамбургомъ, Германія по всѣмъ искусствамъ и художествамъ сдѣлала огромныя успѣхи. Не было замѣчательнаго актера, актрисы, пѣвца или пѣвицы, которые бы не являлись на судъ Гамбурга. Въ апрѣлѣ Гамбургъ былъ приведенъ въ восторгъ очаровательной пѣвицей Дженин Липль. Ей поднесли серебряную вазу съ цвѣтами, и Дженинъ посѣтила на родину, которую она любитъ такъ жгучо, такъ поэтически. 13 мая п. ст. она возвратилась въ Стокгольмъ и была принята не благосклонно, а съ торжествомъ въ восторгомъ. Неужели мы не услышимъ Дженин Липль въ Петербургѣ?..

* * * Комическая опера Скриба и Обера, подъ заглавіемъ Баркаролла, пѣла въ Парижѣ рѣшительный успѣхъ; но... на подобныя рекомендаціи трудно полагаться, не смотря на имена Скриба и Обера. Вотъ въ Краковѣ полюбилась оригинальная опера: Почежь въ Аппенинхъ, музыка Ширецкаго, такъ за достоинство этой пьесы можно бы скорѣе поручиться, не смотря на совершенную неизвѣстность композитора. Но едва ли она дойдетъ до Парижа въ это десятилѣтіе, сдѣлательно для насъ она уже черезъ чуръ нова.

* * * Все. — Оставалась постранствовать по русскимъ періодическимъ изданіямъ. Мы исполнили нашъ долгъ, но до того измучились, что пера въ рукахъ держать не можемъ. Дорога утомительная, африканская пустыня. На пути мы замѣтили только одно явленіе, весьма любопытное. П. И. Гречъ принужденъ оправдываться въ сужденіяхъ своихъ о книгѣ Тизра въ Сѣверной Пчелѣ противъ Сѣверной Пчелы! Хозяинъ — оправдывается противу домохадцевъ, которые, въ отсутствіи главы дома, какъ то пошалили, и не читавъ книги, стали записывать автора, вѣроятно за то, что Тизръ разбилъ подлѣ Цюрихомъ Суворова и тѣмъ доложилъ под-

вѣгъ Массены. Забавно, но ни мало не удивительно.

Въ Каспійскомъ Морѣ вѣтъ ли приливовъ, ни отливовъ, какъ въ другихъ моряхъ. Напротивъ того, здѣсь теченіе зависитъ отъ направленія и силы вѣтровъ, а иногда бываетъ и противное вѣтру.

Въ замѣтъ новаго лага, посредствомъ котораго соединено со старымъ лагомъ, въ другихъ моряхъ во всякое время узнается скорость хода судна, а также направленіе и скорость теченія моря, почитаема не малоприятна для мореходцевъ, вѣмбюшнихъ сдѣлать извѣстными замѣчанія инструментовъ, выведенныя изъ наблюденій, произведенныхъ на пловучемъ маякѣ, въ 1832 и 33 годахъ, и островѣ Чечня, въ 1839, 40, 43 и 44 годахъ.

На пловучемъ маякѣ у такъ называемаго Чистаго Банка, теченіе при постоянныхъ вѣтрахъ въ сѣверозападныхъ вѣтрахъ около $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{2}$ мили въ часъ, къ Югу, а при противоположныхъ вѣтрахъ теченіе бываетъ въ обратную сторону; но нѣсколько слабѣе. Если же послѣ тихаго сѣвернаго и сѣверозападнаго вѣтра подуютъ сѣверные и сѣверозападные же вѣтры, но крѣпкіе, то съ началомъ этой перемѣны теченіе на Югъ простирается до $\frac{1}{8}$ и $\frac{6}{8}$ миль; когда же сѣверный и сѣверозападный крѣпкіи вѣтры подуетъ послѣ крѣпкаго юговосточнаго, то теченіе моря на Югъ простирается и до полмили. Черезъ 10 или 12 часовъ начинается при тѣхъ же вѣтрахъ ослабѣвать; черезъ двое сутокъ бываетъ уже не болѣе $\frac{1}{2}$ мили въ часъ, а на четвертые сутки совершенно уничтожается; при ослабленіи же вѣтра теченіе обращается въ противоположную до $\frac{1}{4}$ мили; если же сѣверозападный крѣпкіи вѣтры вдругъ переимѣнятся на юговосточный и равно сильный, то до $\frac{1}{2}$ узла, а лагъ постепенно ослабѣваетъ. При крѣпкихъ сѣверныхъ вѣтрахъ, у Чистаго Банка, всегда убываетъ около 3 футовъ, и на столько же при восточномъ крѣпкомъ вѣтрѣ прибываетъ. Но вообще при постоянныхъ южныхъ тихихъ вѣтрахъ, теченіе вовсе незаметно. Къ N W при восточныхъ крѣпкихъ вѣтрахъ, стремленіе теченія въ половину тише противоположныхъ случаевъ, и въ такой же степени стремленіе бываетъ и при противоположныхъ сильныхъ вѣтрахъ.

Отъ острова Чечня, къ Востоку, теченіе моря при тихихъ вѣтрахъ WNW до $\frac{1}{4}$ узла; при продолжительныхъ же западныхъ вѣтрахъ ослабляется; а тѣмъ крѣпче восточный или юговосточный вѣтры, тѣмъ теченіе дѣлается быстрѣе противъ вѣтра и доходитъ иногда до $\frac{1}{4}$ мили.

На пути отъ 4-хъ бугорнаго маяка до Апшеронскаго Пролива и обратно, что составляетъ главное пространство моря, къ ходу судна постоянно слѣдуетъ прибавлять $\frac{1}{4}$ мили теченія моря въ часъ, а при тихихъ вѣтрахъ $\frac{1}{4}$ долю.

Эти полезныя указанія заимствованы изъ статьи Г. Кузнецова, помѣщенной въ Астрах. Губ. Вѣдомостяхъ: они годныя и для науки вообще.

ВЪ АЛБОМѢ Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ.

По сушѣ и морямъ вы странствовали много.
Тму видѣли чудесъ и бездну пустиковъ.
По вамъ случилось ли, на мѣстѣ, пль дорогой,
Замѣтить, повстрѣчать поэта безъ стиховъ?
Увы! Сокровища души не оскудѣють;
Но, глядя на людей, сжимается душа,
Изъ сердца каплетъ кровь, слова въ устахъ вѣмбютъ
И прятется поэтъ, какъ Зоофитъ въ себя,
И раковину сжавъ жемчужнымъ краемъ,
Онъ перлъ поэзіи уноситъ по морямъ...
Бьютъ бури, хлѣбъ кипитъ, надъ ярмами валами
Онъ безопасный спитъ и миръ—его мечтаетъ!..
Теперь живыхъ стиховъ у насъ въ не шитѣ,
Ихъ дѣлать наказъ по мертвымъ образцамъ...
Вы лучше странствуйте по сушѣ и морямъ!
Тогда поэзію вы прозой оживите.

И. К.

ПЕРЕПИСКА.

Очевидно. Редакція не можетъ помѣстить вашей статьи по причинамъ, уже объявленнымъ и которыхъ повторять не надо. Конечно, очень дурно, что старѣекомъ весельчакъ, болно подгулявъ въ Павловскомъ Воксалѣ, не хотѣлъ заплатить денегъ за свое продовольствіе, грозилъ литературной мезью бѣдному содержателю трактира, все это достойно осужденія; — но не достойно иллюстраціи, потому, что она не допускаетъ никакихъ личностей и строго смотритъ, чтобы не проскользнуло что либо подобное. Извините; не сердитесь; въ видѣтъ, что живое описаніе лично и такъ недавно вамъ видѣннаго мы помѣстить не можемъ.

М-р. Почему же и пѣтъ? При случаѣ?

ЛН.—АС-ву. Из-ву. Л—еше Л.—Ск—ву и П. Н. Слава Богу! Можно подумать, что писменно маневры, о которыхъ вы упоминаете, послужили въ пользу. А о сохраненіи равнаго духа также не безпокойтесь. Неужели не можете замѣтить, что мы не любимъ шутить, тѣмъ менѣе насмѣхаться, во смѣяться, всегда и въ ясные и въ ненастные дни.

Благодаримъ за участіе и кланяемся.

Х. Вашей загадки и записныя отгадки съ разгадкой въ рукахъ, разобрать не могутъ. Полагаютъ, что это мистификація.

Х-же. Присланныя вамъ въ тотъ же день загадка съ напѣсью, 2-я будетъ помѣщена въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

НОВАЯ КНИГА.

Домашній Календаръ и экономическое росписание издержекъ на разныя хозяйственныя предметы на который годъ. Вотъ книга, такъ книга! Настоящая книга. Тутъ есть все, даже таблица умноженія чиселъ. Почему чиселъ? Это ужъ не наше дѣло. Да умножается богатство каждаго, обладающаго этою преходимою метою обогащенія. По этой книгѣ ничто не потеряется; можете все записать; что въ хозяйствѣ нужно; можете все записать; что въ хозяйствѣ у васъ есть, и чего нѣтъ. Передъ каждымъ мѣсяцемъ указаны кушанья, сдѣланы экономическія замѣчанія и поваренное наставленіе. Испивите въ годъ всю эту книгу, сведите итоги, и вы увидите, какъ вамъ будетъ приятно, отрадно, утѣшительно, особенно если умноженіе чиселъ послѣдуетъ передъ словомъ, въ остаткѣ; а передъ словомъ *неудержимо* станетъ огромнымъ нуль. — Какъ бы то ни было, книга полезная, въ особенности у насъ. Она причастна къ порядку, по крайней мѣрѣ, издана съ этой цѣлью и издана весьма опротно. — Это лучшее произведеніе русской литературы за май лѣтъ.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 9.

Мы уже упоминали, что ость-индіійскую задачу, восторженные игроки разрѣшати даже стихами. Изъ многихъ шахматныхъ стихотвореній, для образца, приводимъ одно съ переводомъ буквальныхъ.

Der Laufer auf dem sechsten Feld,
Das ist in diesem Kampf der Held!
Er lauft, so weit er laufen kann
Und grüzt den Thurm als Nebenmann.
Hier steht er trefflich auf der Lauer,
Gezwungen thut der schwarze Bauer
Der Schritte ein- oder zwei,
Das ist dem Weissen einerlei, —
Drauf rückt der Thurm um einen Schri hervor
Und öfnet so dem Könige ein Thor.
Der schwarze Fürst, er sieht's mit kaltem Schauer
Tritt er eht hinein, rückt lieber seinen Bauer.
Der weisse aber zieht den seinen aus
Und bemnt ein Ru der schwarzen Bauers Lauf.
Da geht der Fürst betrübt zum Thor hinein
Ach, dieser Gang, es soll sein letzter sein;
Er unterliegt dem fürchterlichen Sturm:
Schach! ruft der Laufer und Schachmatt der Thurm.

ПЕРЕВОДЪ.

Слонъ, на шестомъ столійшъ мѣстѣ, —
 — На этой битвѣ Слонъ герой —
 Идетъ, куда зайти онъ можетъ;
 Съ привѣтомъ Башни какъ сосѣдъ;
 Здесь онъ стоитъ на чуткой стражѣ.
 И Пшшка черная невольна
 Идетъ впередъ, шагъ пш два;
 Для бѣлыхъ это все равно.
 Тутъ Башня шагъ одинъ ступаетъ,
 Путь открывая королю;
 Со страхомъ видитъ онъ опасность;
 Нейдетъ; шлетъ Пшшку за себѣ;
 Но Пшшка была выходитъ
 И черной преграждаетъ путь;
 Тогда Король идетъ печально:
 Ахъ этотъ шагъ — последний шагъ!
 Падетъ онъ подъ грозой ужасной;
 Слонъ — Шахъ реветъ, а Башня — Шахъ и Мать.

БѢЛЫЕ.

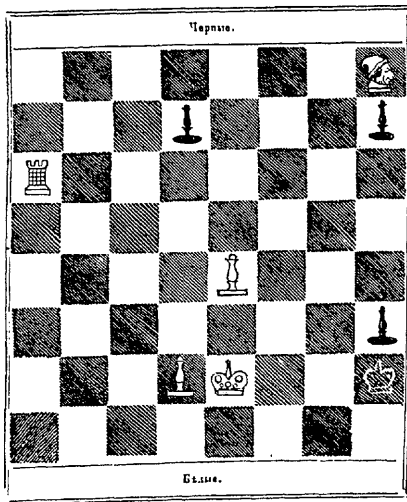
Сл. на свое мѣсто.
 Л. на 2 м. е.
 П. К. 2 мѣста.
 Л. на 4 м. Ф. и мать.

ЧЕРНЫЕ.

П. 1. мѣсто.
 П. 1. мѣсто.
 Кор. на 5 м. Сл. сн.

ЗАДАЧА № 10.

БѢЛЫЕ въ 4 хода даютъ матъ.

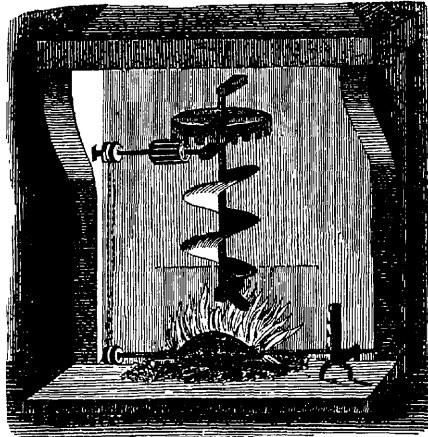
ВИСТЬ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 1.

А и С. не пѣютъ тринадцатаго козыря, по весма легко могутъ взять леве, если А сыграетъ тринадцатую простую карту, у В. туза, король, дама и маленькая въ козыряхъ, а у С. валець козырей самъ - третій. Какъ В. ни играй, А и С. возьмутъ леве валецомъ козырей.

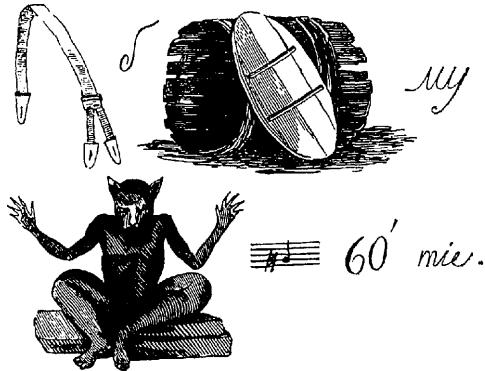
ЕЩЕ РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ, ПОДЪ № 1.

Какимъ образомъ устроить вертѣль для жаркаго, который бы вертѣлся безъ помощи руки, тяжести или пружины? И это весьма просто, если

вспомнимъ, что есть еще двигатель, который уже съ успѣхомъ примененъ въ механикѣ, не только къ лампамъ, но и къ морскому судоходству. Известно свойство воздуха, что когда онъ нагревается, то столбъ воздуха надъ огнемъ стремится вверхъ и старается увлечь съ собою все, что встретится на дорогѣ; известно также и то, что если вы обрѣжете карту въ кружокъ, равный въ диаметрѣ ея ширинѣ и потомъ этотъ кружокъ разрѣжете спирально (винтомъ), такъ, однако же, чтобы при центрѣ осталось довольно пространства; потомъ этимъ центромъ укрѣпите карту на вертикальной палочкѣ или прутикѣ, оборотами спиралю обовѣте прутикъ раза два, или три, и поставьте надъ огнемъ, то карта будетъ вертѣться съ быстротою, соразмѣрно степени жара. Эта игрушка и гравюра совершенно объясняютъ устройство механическаго вертела, который будетъ вертѣться тише или скорѣе, смотря какъ сильно нагревается воздухъ. Кажется, дальнѣйшаго механизма и объяснять не надо. Колесо движетъ цилиндры посредствомъ незаконченной цѣпи; къ нижнему прикрѣпленъ вертѣль, а на вертѣль воткнуто жаркое. Здесь слѣдуетъ только довести, что употребленіе такихъ вертеловъ весьма распространяется.

ЗАГАДКА № 10.

РАЗГАДКА № 9.

За — мечъ — с — ночь — то, игрокъ-у съ мѣломъ-у и счастье везетъ.

Замѣчено, что игроку сѣлому и счастье везетъ.

РАЗГАДКА ШАРАДЫ № 3.

Первое — полъ; — второе — тина; цѣлое — полтина.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 9 № въ статьѣ Русскій Словарь, вкрались двѣ важныя опечатки, которыя слѣдуетъ исправить:

№ 40. Напечатано — *проткнуто*, — читай — *проткнуто*.

№ 51. " *На вой вътеръ* " не *вътеръ*.

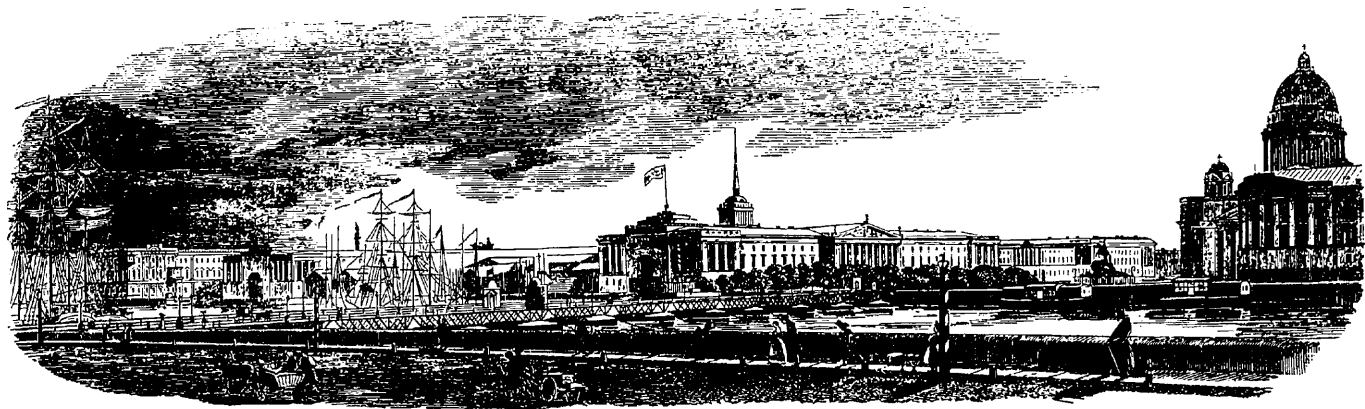
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Отъ Редакціи. 2) Шесть лѣтъ В. А... 3) Жившны-Писательницы. 4) Каприціозо, повесть. 5) Капитолій въ Вашингтонѣ. 6) Французскій Театръ. 7) Сцены изъ жизни Шахматныхъ игроковъ. 8) Карикатуры Шама. Геометрія (Продолженіе). 9) Новый способъ рисованія съ натуры. 10) Смыслъ. Иностранная извѣстія. Въ Альбонѣ Е. П. Ковалевскому. Персиска. Новая Книга. Игры : Шахматы. Вистъ. Вертѣль. Загадка.

ГРАВЮРЫ : 1) Жившны-Писательницы. 2) Каприціозо. 3) Четыре Куряльщика Гаварин. 4) Капитолій въ Вашингтонѣ. 5) Александръ-Мейеръ. 6) Геометрія Шама (9 рисунковъ). 7) Сварякъ Руле. 8) Тѣрь. 9) Тиво. 10) Вертѣль. 11) Шахматы и 12) Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкой На годъ 11 р. 43 к. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. N° 11.—Суббота, 16 Юня 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 3 мѣсяца 5 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Весьма незначительное число нашихъ Читателей принадлежитъ къ трех-мѣсячнымъ подписчикамъ Иллюстраціи. Увѣдомляемъ, что срокъ для нихъ уже неходитъ съ двѣнадцатымъ номеромъ, который выйдетъ въ слѣдующую субботу; почему, если чтеніе Иллюстраціи имъ еще не наскучило, то благоволятъ возобновить свои билеты на полуцѣнѣ Иллюстраціи на слѣдующіе три мѣсяца. Само собою разумѣется, что возобновленіе билетовъ относится до Госюда, подписавшихъ уже на первые три мѣсяца; желаніе платитъ по четвертямъ года, могутъ воспользоваться этимъ облегченіемъ только въ такомъ случаѣ, если подпишутся на шесть мѣсяцевъ, съ тремя истекшими включительно. При опредѣленномъ числѣ экземпляровъ и невозможности перепечатывать нѣсколько номеровъ вновь, подписка на каждые три мѣсяца отдѣльно была бы весьма отяготительна для Редакціи.

ЛИХОРАДКА.

Отрывокъ изъ дѣтскихъ воспоминаній одного молодого человека.

(посвящено Э. К. П. — ой.)

I.

— Катенька, сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, — вотъ этотъ.

— Этотъ? — Ахъ, нѣтъ, — нельзя; это папенькины любимыя георгины. — Нельзя, душечка, онъ ихъ знаетъ наперечетъ; — всякое утро смотритъ самъ.

— Сорвите, Катенька, — онъ не замѣтитъ...

— Не сибю, мой ангелъ; — лучше я тебѣ нарву маргаритокъ. — Посмотри, какія хорошенькія!

— Не хочу я этихъ... Сорвите, — онъ не узнаетъ...

Дѣвушка молчала.

— Катенька!

— Что, другъ мой?

— Сорвите... можно? — Я самъ сорву.

— Ахъ, какой ты капризный, — не сибю.

— Ну, такъ не надо. Я не хочу ни какихъ цвѣт-ковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣвушка, молча подала мнѣ георгану. — Она разсмѣялась; я хотѣлъ поцѣловать ея бѣленькую ручку; она наклонилась, обвила лицо мое своими русыми локонами и звучно поцѣловала меня въ лобъ, или въ щеку, — не помню.

— Смотри-же, ради Бога, ни кому не показывай. Видишь, я для тебя готова все сдѣлать, — сказала она ласкающимъ шопотомъ.

Эта сцена — я живо помню — была въ саду доктора К... — Полуденное солнце жгло и нестерпимо сверкало надъ нами; воздухъ едва струился, пва-

ли казался какою-то густою, маслянистою влагою. Группы цвѣтовъ благоухали словно нехота и притали свои махровыя головки подъ холодокъ тѣни широкіихъ, неподвижно-повиснувшихъ, листьевъ. Садъ представлялъ чудесное смѣшеніе яркихъ красокъ, то блистающихъ въ свѣту, то подернутыхъ полосами темной, бархатной тѣни. — Нагнувшись яблоны разметала широкіи широкіи вѣтви свои, облепленные бѣлыми цвѣтотъ; какъ поглядѣвъ вверхъ, какъ хорошо сквозь частую сѣтку листьевъ проглядываетъ синее небо!

Катенька шла медленно; я охватилъ ея руку и прижалъ къ этой рукѣ голову; — мы шли между грятокъ цвѣтовъ по узенькой тропинкѣ; до рожекъ опрятныхъ, усыпанныхъ пескомъ, докторъ не любилъ, и вообще въ его саду была дана полная свобода природѣ; — маленькая оражеря, съ экзотическими растеніями и антекарскими, цѣлебными травами, была сирятана въ уголкѣ сада; узкія тропинки шли между густою, сплетающеюся травой, въ которой гремячи неутомные кузнечики; тропинки вели къ любимымъ группамъ цвѣтовъ, къ оранжерей, къ грядкамъ испанской клубники и къ роднику чистой холодной воды. — Любилъ я этотъ родникъ; — заглянешь въ него, тамъ такъ холодно, темно, и вдругъ рѣзкая, двойная полоса свѣта проблещетъ и блеснитъ золотыми пылками, а внизу на водѣ плаваютъ зеленые листокъ; возьмешь, кинешь туда еще листокъ... Славно!

Я шелъ съ Катенькой... Катенька, дочь нашего любезнаго доктора К..., была милая, привѣтливая дѣвушка. — Русые, шелковистые локоны, кругленькое личико, мягкіи, срывающіяся черты, прозрачная голубоватая бѣлизна кожи, несомнѣй-ся загара, хотя Катенька никогда не гуляла по саду съ зонтикомъ, какъ нашъ великодушный красавица; прекрасный ростъ, стройный станъ, неслышанный до того, что боишься, чтобы онъ не перервался; — черный фартучекъ съ маленькими карманами, въ которыхъ греятыя ключи; платице всегда простое, но удивительно опрятное, до изысканности; — гармонія во всемъ существѣ и тихая рѣчь, немного неправильная, обличающая германское происхожденіе — все это нравилось въ Катенькѣ, и нельзя сказать, чтобы она не сознавала этого... Слѣдовательно, тутъ еще примѣливалось и то милое кокетство, которое, какъ теплый колоритъ, развиваясь по рисунку художника, смичаетъ всѣ рѣзкія линии, увлскаетъ завороненные взоры зрителя...

Что-же такое былъ я въ то время? — Начать съ того, что я серьезно увѣрялъ всѣхъ, что мнѣ скоро будетъ уже 10-ть лѣтъ. Хотя многіе этому смѣялись, а маменька, ласковою рукою отводила отъ лица мои дамные, кудрявые волосы, часто приговаривала: «О, да ты ужъ у меня большой сынъ, — женихъ!» Я застѣнчиво улыбался и потуплялъ глаза...

Богъ знаетъ, какъ я любилъ милого доктора. Богъ знаетъ, какъ я привыкъ видѣть каждый день его синій фракъ съ золотыми пуговками, его до-

бродушное, бѣлое, чистое-чѣмское лицо и клочокъ свѣтлыхъ, развѣвающихся волосъ. — Самъ не знаю, какъ я любилъ маленькіи сады доктора; — нашего большаго сада я не любилъ, а тамъ я почти каждый день бродилъ по тропинкамъ съ Катенькой. — Не знаю, потому-ли что у меня не было сестры — существа, которое бы своею дѣвственно-чистою, изыскою — если такъ можно сказать — любовью и заботливо-нѣжнымъ участіемъ, даже и своимъ наружнымъ — красотой и женственною граціею, могла бы благотворно дѣйствовать на душу мальчика, всегда пылающую, рѣзкую, уже по натурѣ своей, болѣе жесткую, чѣмъ душа дѣвушки; потому-ли, или по силѣ простой привычки, я привязался къ моему Катенькѣ; ей было 16-ть лѣтъ, она ласкала меня какъ ребенка, рѣзвилась и бѣгала со мной по саду, и сама казалась ребенкомъ. День безъ нея — скука невыносимая; увижу ее — и на душѣ какъ-то безсознательно-хорошо, и больше прелесть во всемъ окружающемъ, и охотнѣе возмнешься заурокъ, и, кажется, всѣ лица — даже угрюмаго учителя, — смотреть привѣтливѣе, ласковѣе...

Я былъ мальчикъ рѣзвый и балованный родителями, какъ первенецъ; одѣвалъ меня въ курточку; по утрамъ няня расчесывала мои темно-русые кудри, падавшія до плечъ и рассыпавшіяся по бѣленькому воротничку; въ лицѣ моемъ не было еще ни одной тѣни, положенной временемъ; голосъ еще не звучалъ юношескимъ контр-альтомъ; я еще не понималъ блаженства подражать во всемъ взрослымъ людямъ и терпѣть не могъ воцѣлывать людей, у которыхъ колется жесткая борода; — словомъ, я былъ ребенокъ простой, рѣзвый и болѣе смѣш-ной юмъ дѣтскими невѣдѣніемъ и глупенскою наивностью, чѣмъ претензіями на взрослога человека.

Послѣ нашего разговора съ Катенькой, любясь подареннымъ цвѣтотъ, я выходилъ съ нею изъ сада; мы подходили къ каюткѣ; сѣрый домъ глядѣлъ въ садъ нѣсколькими окнами; одно окно, заслоненное густыми акаціями, было открыто; докторъ, подперши руками голову, полулежалъ на этомъ окнѣ, смотрѣлъ въ садъ и покуривалъ свою фарфоровую трубочку, цуекая нѣрѣдка легкія струйки дыма; — за докторомъ, въ глубинѣ окна, видѣлась таинственная для меня комната съ полками, уставленными красивыми, пестрыми баночками. Докторъ увидалъ насъ, я поскорѣе задождалъ обѣ руки за спину, болѣе, чтобы онъ не увидалъ цвѣтка. — Докторъ медленно огорозилъ намъ пальцомъ, потомъ улыбуясь своею оригинальною, добродушною улыбой; — мнѣ стало какъ-то неловко отъ этой улыбки... Катенька поглядѣла на отца и разсмѣялась, какъ будто въ отвѣтъ на его добрую улыбку.

Калитка стукнула; я простился съ Катенькой и побѣжалъ черезъ улицу домой.

Налобно познакомитъ моего читателя съ докторомъ К... — Странно, съ какою любовью, съ какими добрыми чувствами вниманіемъ останавливаешься на лицахъ, когда-то столь близкихъ, столь лю-

бных, что, кажется, будто они слиты со всеми моими существованиемъ въ тѣ годы! Безъ этихъ знаковыхъ лицъ, какъ будто былъ-бы не полонъ аккордъ, который досель еще звучитъ въ душѣ моей, выражая все свѣтлый миръ дѣтскихъ лѣтъ!...

Theodor, Adam, Christian K... или по-просту, какъ мы его звали, — Федоръ Васильевичъ, былъ старинный другъ моего отца и почти единственный человекъ, котораго уважала мой отецъ между всеми обитателями скучнаго убогаго городишка. — Бывало, вечеромъ, долго спятъ они, разговаривая о чемъ-то по-нѣмецки; передъ ними стоятъ два стакана съ чрезвычайно крѣпкими, какъ пиво, чаемъ; покуриваютъ старпки трубочки, дымя спичкию полосами посидятъ надъ пѣхъ кпяущими головами; — бывало, сидятъ п, едва понимая ихъ разговоръ, смотришь, съ какими-то любящими удивленіемъ, какъ жарко толкуютъ старпки, какъ ярко оживляются глаза ихъ, ловящихъ улыбки добрыя и преслушавшихся, когда перервется разговоръ, и они только пикаютъ въ свои трубочки.

— Хэ, — славное было время, mein lieber Freund!

— O, so... гдѣ все пропало!...

— Wirklich... а помните, herr Doktor, домикъ маленькій, — какъ мы ходили мимо оконъ цѣлый вечеръ, бывало... вѣдь, цѣлый вечеръ!...

— O! — Ха, ха, ха — alla tempora!

Свѣчи нагорѣли, няня вошла тихонько и шепчетъ мнѣ на ухо: «спать пора, батюшка.» Поцелушечку напечки, поцелушечку Федора Васильевича и пойдешь нехотя въ дѣтскую. Маленькій братъ, Петя, давно спитъ; ляжешь долго смотришь на складки занавѣса, и все еще кажется слышишь жаркій разговоръ, пуканье трубочки, и въ густой спивѣ дыма все еще рисуются улыбающіяся и оживленная душою лица... Мнѣ казалось, что старпки, бесѣдуя другъ съ другомъ, просиживаютъ во всю долгую ночь.

У Федора Васильевича не было жены; померзала она, или жила гдѣ нибудь, объ этомъ я совершенно не знала, да и не беспокоился знать; — самъ-же докторъ объ этомъ никогда не говорилъ. Говорилъ онъ про дочь свою Катеньку; да и любилъ же онъ ее!... А вѣдь никто, никогда не видѣлъ, чтобы докторъ разспался въ ласкахъ къ дочери, или, чтобы онъ кому нибудь восторженно расхваливалъ свою Катеньку; — но всякій зналъ, что Федоръ Васильевичъ весь проникнутъ глубокою любовью къ дочери своей, — что вся жизнь его, все стремленіе были направлены къ добру и счастью его Катеньки.

Федоръ Васильевичъ былъ для меня, однакожь, очень странный человекъ; часто только мой доверчивая любовь и привязанность могли любить непонятное чувство страха. — Чего же я боялся въ этомъ добромъ старчкѣ съ его оригинально-доброю улыбкою, съ его милыми, не обезображенными старостью, чертами лица? — Всему причиною таинственная комната.

Деревянный одноэтажный домъ доктора былъ противъ нашего дома, такъ, что въ двѣ минуты можно перебѣгать улицу и очутиться въ передней у Федора Васильевича; изъ передней входили въ залу, увѣшанную по стѣнамъ темными картиями фландрской школы; изъ залы одна дверь вела на лѣво въ кабинетъ доктора, другая направо въ гостиную, а третья въ таинственную комнату, выходящую окнами въ садъ.

Въ эту комнату я не допускался, а часто видѣлъ въ неприотворенную дверь, что въ этой комнатѣ на полкахъ ряды хорошихъ баночекъ, на широкую столѣхъ какія-то чудныя большія машины, вѣсы, — а изъ-за двери выглядывали двѣ страшныя, желтоватыя, костлявыя фигуры, и часто вѣтеръ ворвется въ окно, — эти кости застучатъ, закачаются и разскачаютъ словно длинными и тонкими руками...

— Нѣтъ, мой другъ, ты что нибудь такое вредное тамъ тронешь, попробуешь — и бѣда! Вѣдь ты маленькій шалуни, я знаю!... И вставалъ я задверью, не полная, но тутъ можетъ быть вредная, и отыскивая въ головѣ иную причину, терпая въ сусѣдскихъ догадкахъ.

Федоръ Васильевичъ большую часть дня проводилъ въ таинственной комнатѣ; только за обѣдомъ, или за чаемъ, онъ являлся въ столовую и бесѣдовалъ съ Катенькой. — Вся хозяйственная часть дома была возложена на Катеньку; — у ней въ карманѣ чернаго фартушка гремѣли ключи; — она, часто отрывалась отъ женской работы, бѣгала въ кухню; — она разливала чай; она была полною хозяйкой въ домѣ. Федоръ Васильевичъ только зналъ свою чудную комнату, да кабинетъ, въ ко-

торомъ бесѣдовалъ съ пріятелями, да орапорсерю маленькую, но которой, однако же, завидовалъ весь городъ, — больше ничего и не зналъ. Федоръ Васильевичъ, да развѣ еще иногда онъ считалъ важнымъ долгомъ сдѣлать словесное увѣщаніе Аванасію, когда этотъ почтенный человекъ вздумаетъ зайти въ кабакъ безъ всякой особенной причины, такъ, больше изъ любви; — впрочемъ, безусловная покорность Аванасію и не только его сознаніе, но даже подтвержденіе своей вины, совершенно обезоруживало Федора Васильевича, и вотъ уже съ нѣкотораго времени онъ не призываетъ Аванасію на распекацію, а приказываетъ только не допускать его ни въ конюшню, ни въ садъ, словои ни къ какой работѣ; это крайне обидно Аванасію, ибо онъ въ эту пору обыкновенно чувствуетъ гораздо сильнѣе все, и заслуги свои, и свои удивительныя способности исполнять всякое каюое ни-на есть дѣло — и за садомъ присмотрѣть, и за цесарками, и за сѣрнкой лошакой — корму ей задать, или что, — да и столочь что въ ступкѣ, «человѣкъ простой, а столку, ну, право же столку!»

II.

Я обѣдалъ у Федора Васильевича; за столомъ подавали какія-то особенныя тывки, поджаренныя въ маслѣ. Докторъ чрезвычайно хвалилъ эти тывки, разсказывалъ, какъ онъ досталъ отъ одного пріятеля съмена пѣхъ, и что такихъ нѣтъ ни у кого въ цѣлой губерніи; при этомъ докторъ неизвѣстно кому-то предлагалъ пари. Вообще, старикъ объ этомъ предметѣ говорилъ съ важностью и какъ будто огромное общество слушало его рѣчи, между тѣмъ вѣдь за небольшимъ круглымъ столомъ сидѣли только трое: самъ, разсказывающій Федоръ Васильевичъ, Катенька, которая, вѣрноп, знала всю эту исторію, да сидѣлъ еще я, — меня тогда не занимали никакія тывки въ свѣтѣ и пикакія гастрономическія тонкости, — не такъ какъ теперь!... Не смотря на все это, Федоръ Васильевичъ разсказывалъ и былъ, кажется, совершенно доволенъ своими слушателями.

Послѣ обѣда докторъ взялъ за подбородокъ свою Катеньку, подблывалъ пѣжно, благодарилъ за хозяйство и примолвилъ:

— Да, душенька, это очень хорошо. Вотъ скоро и сама будешь хозяйка, будешь меня благодарить, что я такъ воспиталъ тебя.

Докторъ пошелъ въ свой кабинетъ, легъ отдохнуть немного, закурилъ трубку и развернулъ большую нѣмецкую книгу съ картинками. — Катенька повела меня за руку въ свою комнату, отперла комодъ, вынула корзинку съ конфектами и мы приналасъ вѣсть уничтожить конфекты. Мы свѣдѣлись, болтали о чемъ-то, да такъ просто, такъ оживленно! — Различіе возрастовъ въ нашей дѣтск-откровенной бесѣдѣ нисколько уничтожало; — мы оба были дѣти рѣзвыя, простодушныя, дѣти несущіюя придать свѣжия лпчкямъ нашимъ серьезное выраженіе.

Катенька взяла работу; — быстралручка, уставъ, опускалась на колѣни; и разсматривала картинки въ старинной нѣмецкой библіѣ, единственной книгѣ, которую я видѣлъ когда-либо въ комнатѣ Катеньки. Черный, сафьянный переплетъ этой книгѣ потрескался отъ времени; на пожелтѣвшихъ листкѣхъ бумаги, вкрасномъ передъ заглавнымъ листомъ, были написаны разными почерками, то чрезвычайно крупнымъ, то мелкимъ, словно назиданный бисеръ, — цмена дѣловъ, прадѣловъ и такъ далѣе по последней лѣтви; подлѣ каждого имени стояло: anno-такого-то; не знаю, что это были за годы — рожденія, смерти, или сватбы почтенныхъ дѣдушекъ и бабушекъ. Я первертывалъ изорванныя страницы и остановился на картинѣ, всегда привскавшей мю внимание. —

— Катенька, что въ этой комнатѣ, знаете, въ которую меня не пускаютъ?

— Будто ты не знаешь, — это аптека.

— Аптека. — Пойдемте туда...

— Какой ты любопытный! — Нельзя: папа запираетъ ее, и ключъ всегда у него.

— А что тамъ дѣлаетъ Федоръ Васильевичъ? — Вѣдь онъ иногда тамъ цѣлый день и вечеръ сидитъ; — что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Работаетъ; — онъ очень любитъ свои занятія.

Я пересталъ разспрашивать; — и все-таки ничего не объяснилъ въ вытисномъ умѣ моемъ, нѣсколько отуманенномъ суетврїемъ.

Какъ хороша ручка Катеньки! Я не знаю, что въ ней особенно хорошо, только такъ пріятно держать эту ручку и разсматривать кажандъ палычкѣ... А Катенька въ это время смотритъ на меня, задумчиво склоня русую головку...

Лишь только смерклося, мы пошли въ садъ. Чудесное время, когда отхлынула зной и багровый отблескъ заходящаго солнца разсыпается по всемъ предметамъ; тѣни лягутъ длиннѣе, холоднѣе; вѣтеръ уже свободнѣе подуетъ въ лицо; земля все благоухаетъ, — чудесная пора! Становилось все темнѣе, тѣни сдвигались, густили. — Мы шли около забора, обсаженнаго молодыми вишнями; вдругъ что-то застучало въ заборъ, и чья-то голова, ужасно похожая на баранью, въ лаковомъ, замоченномъ на бекрень, картузѣ, высунулась и какъ будто повисла, зашвырнувшись угловатымъ подбородкомъ за заборъ. Голова угнулась; вслѣдъ за тѣмъ вытянулась рука и кинула свернутую бумажку къ ногамъ Кати. Катенька испугалась, — я тоже; — мы оба отскочили дальше отъ забора. Голова пчезла; мы очутились отъ испуга; посмотрѣли на пустой заборъ и потомъ другъ на друга — и начали громко хохотать.

Аванасій, съ лейкою въ одной рукѣ и съ метлой, ловко брошенной на плечо, полощелъ къ намъ сюда.

— Вишь ты, любезный? Эхъ его, право, угораздило; — говорилъ онъ медленно и устремивъ на заборъ пристальный, испытующій взглядъ, какъ будто бы съвозъ стрыя доски зоркій глазъ его все видѣть, — и сидѣть-ли кто подлѣ забора, или кто блоразумно удаляется, боясь несправной погоны.

— Аванасій, видѣлъ ты? кто лѣзъ къ намъ черезъ заборъ? — спросила Катя.

— Да ужъ вотъ я бы его... Эхъ-за не поспѣлъ я! — а ужъ-бы, то-есть назуль-бы его чортова сына! — право-но, мазнулъ бы... Вишь, чортова голова!...

— Посмотри, что это бросилъ онъ въ бумажкѣ?

— Бросилъ? — Гм! — бросилъ, шалыганикъ... Вѣдь умитритель-же человекъ! — Эхъ, подумаешь, какіихъ нѣтъ на свѣтѣ!...

Аванасій все это говорилъ самъ себѣ и нисколько не обращалъ на насъ вниманія, погруженный весь въ важное раздумье о томъ, какіихъ нѣтъ на свѣтѣ.

— Что это, покажи?

По Аванасію, все-таки не развлекаясь въ своемъ раздуміи, медленно засунулъ бумажку въ сапогъ; потомъ подошелъ къ забору и началъ копотить по немъ метлой, словно желая удостовѣриться, какъ бы, примѣрно, мазнулъ онъ незнакоую галкую руку, — или, желая спугнуть кого-то, притановгагося за заборомъ.

— Ну, ну, погоди ты у меня! Я ужъ тебя отпопнуру, то есть, вотъ какъ!...

— Что это, воръ? — Аванасій, воръ это? — А?

— Воръ, да, воръ; — а за эдакія воровства-то вотъ что... Аванасій помахалъ рукой въ воздухѣ, какъ будто подсылая овецъ или чего нибудь другаго. — Послѣ-бы порядкомъ... такъ оно п... Ужъ я вѣдь знаю съ чѣмъ онъ и давеча-то ко мнѣ подѣлжалъ!... Отдай, говоритъ, барышникъ!... Ого, надуешь! — Нѣтъ, еще меня ни кто, никакой цыганъ на свѣтѣ не надуевай. — Вотъ, говоритъ, на табакъ, аль на водочку... На табакъ! Гм! — Тутъ Аванасій досталъ изъ за голенища рококтъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства угостилъ насъ своимъ.

— Ну, да ужъ я-те, братъ, поподучу! — Доблу, не уйдешь; да въ другой разъ и дорогу забудешь; право, ей-Богу, забудешь! — Что мнѣ! — Мнѣ, вѣдь, все равно...

Мы вышли изъ сада, свѣясь этому приключенію, а Аванасій все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и разсуждалъ самъ съ собою.

— Катенька, войди сюда. — Вотъ мой добрый другъ господинъ Цорлахъ, Карлъ Адамовичъ. — Это дочь моя, Катенька, — говорилъ докторъ, сидѣвъ въ кабинетѣ съ какими-то незнакомцемъ.

Катенька вошла въ кабинетъ, застѣнчиво проговорила что-то незнакому; онъ поклонился ей, молча. — Въ какой-то нерѣшимости стояла она передъ отцомъ, который, улыбаясь, еще долго держалъ ее за руку. — Незнакомецъ изподлобья поглядывалъ на Катеньку; я прислонился къ двери и смотрѣлъ на эту безмолвную картину.

— Приготовь-ка намъ чай, Катенька.

Катенька скользнула из кабинета, как будто она вздохнула свободнее.

Странное впечатление произвел на меня вид этого г. Цюрлиха. — Помните-ли вы, читатель, давно, во дѣтствѣ вамъ, если когда нибудь рассказывали вамъ глупую сказку о каком-то зломъ существѣ? — Помните, какъ живо и страшно въ воображеніи вашемъ создавался образъ этого темнаго духа; — вы не могли никому перелать, что это за призракъ, но чувствовали замѣрание и трепетъ, когда онъ выступалъ изъ ночной комнаты и, словно живой, становился передъ вашею постелью, и вперялъ въ ваши, сомкнутые отъ страха, глаза свой острый, свѣтлѣйшій взглядъ; зажмурились крѣпче, а все виднѣе этотъ могучій, властительный призракъ... и шѣтъ силы пошевелились, закричать. — Наконецъ, привидѣніе удалется, становится меньше, меньше, сливается въ свѣтящуюся точку и тонетъ во мракъ. — Груди станутъ легче; закричишь, нянька съ просонья прошепчетъ молитву.

— Что это ты, Христосъ съ тобой! — Спи себѣ покойно.

Часто этотъ призракъ извѣстенъ подъ какими-нибудь совершенно-недѣльнымъ названіемъ, которыми привыкла страшатъ васъ нянька. «А вотъ, погоди, уже придетъ трубочность» — видишь ты какъ раскряжася! — а вотъ трубочность-то и съѣдетъ тебя, коли станешь плакать да капризничать». — Иногда это бываетъ не трубочность, а будничность, меня-же всегда страшили старымъ мельникомъ.

Вообразите-же мой необъятный страхъ, когда Цюрлихъ напомнилъ мнѣ что-то ужасное, и наконецъ я узналъ въ немъ мельника. — Какъ и почему мнѣ показались онъ мельникомъ, — этого ужъ я совершенно не могу растолковать, и самъ ровно ничего не понимаю!

Какъ-то, въ концѣ почтенный, п одѣтъ въ приличной сюртукъ, и мукой не засыпанъ съ головы до ногъ, — а все-таки онъ мельникъ, непремѣнно мельникъ! — Г. Цюрлихъ было на взглядъ лѣтъ 40 отъ роду; сѣдла еще не рябила его черные, торчащіе шетинной, волосы. Меня поразило лицо его: — угловатый лобъ, носъ, новшувшій на верхнюю губу, и глаза Карла Адамчыка, изрѣдка сверкающие огненнымъ блескомъ; — обнесъ въ его лицѣ — было выраженіе какой-то тяжело-заботливой, неразгаданной думы. — Это все металось въ глаза съ нервой встрѣчи; потому, я замѣтилъ, что у Карла Адамчыка не глаза такъ ярко свѣтятся, а очки, въ которыхъ выплываетъ отраженіе свѣча, горящей въ облакахъ табачнаго дыма. — Въроятно, для другихъ ничего не было страшнаго въ фязіономіи Карла Адамчыка; можетъ быть, въ ней больше было выраженія проницанія и никому неизвѣстной думы его; — но мнѣ было тяжело ирп немъ, я не могъ вывести его изъ испытующаго взгляда, сверкающаго сияющаго очка; я убѣждалъ къ Катенькѣ, — она хлопотала за чайнымъ столкомъ.

— Кто этотъ гость, что сидитъ въ кабинетѣ? — Это нашъ знакомый, г. Цюрлихъ; онъ фабрикантъ. — На, Марья, неси мнѣ чай, скорѣе.

Мной овладѣло какое-то странное безпокойство; во весь вечеръ я былъ молчаливъ и все думалъ не знаю о чемъ.

Часу въ 11-мъ, маленька прислала за мной человѣчка; — я простился съ Катенькой и хотѣлъ идти къ доктору, но Катенька сказала мнѣ, что онъ теперь занятъ дѣломъ «въ той страшной комнатѣ,» прибавила она, смѣясь.

Проходя черезъ залу, я увидѣлъ, что дверь въ тайную комнату была не притворена; любопытство, смѣшанное со страхомъ, тянуло меня къ этой двери. — Осторожно подошелъ я, взглянулъ — и остался нѣсколько минутъ, словно прикованный къ полу. — Въ этой комнатѣ была какой-то полумракъ; — докторъ и незнакомый гость, молча, скрестя руки, стояли передъ большой банкой, изъ которой поднимался густой, клубящійся, красноватый паръ; долго стояли они неподвижно, — вдругъ въ клубящъ паръ взошло оно, росло все выше, выше, и стало синѣть переливающимся столбомъ; — комната освѣтилась чуднымъ, синеватымъ блескомъ; всѣ баночки запылали на полкахъ, и страшныя, костяныя фигуры, поступивая всѣми суставами, начали плестя по комнатѣ. Докторъ, улыбаясь, поглядывалъ вокругъ, а незнакомцы все стояли неподвижно; одни только глаза его прыгали и сверкали синимъ пламенемъ. Потомъ раздался какой-то вѣстребъ, я вздрогнулъ и безъ оглядки побѣжалъ домой.

Долго не могъ я уснуть, лежа въ постели и дрожа всѣмъ тѣломъ; все мерещилось мнѣ столбъ синаго пламени и въ широкихъ листьяхъ его, под-

нимающаяся изъ банки, фигура фабриканта въ синихъ очкахъ и съ скрещенными па груди руками...

III.

Знаете-ли вы, что такое лѣтние вечера у насъ на Русь! Но, впрочемъ, широка Русь, и надо опредѣлить точнѣе, гдѣ именно; — это въ такъ называемой средней полосѣ. — Ухъ, что это за вечера, что за ночи въ этомъ благодатномъ краю!

Отхлынетъ этой расклинагося дил; волнуется поля тихонько засыпаютъ, убавокаемые перелетными вѣтеркомъ; дальній лѣсъ засниветъ; а войдетъ въ близкую рощу, — васъ такъ и обдастъ свѣжью, немного сырватую, благоуханисъ травъ; — по небу едва скользятъ косые лучи уходящаго солнца; красноватый блескъ заката гаснетъ, уступая тихому сіянію спокойной лазури.

Но все это еще не дастъ вамъ никакого понятія о полной картинѣ, въ которой всякая мелочъ оригинальна и необходимо выражаетъ характеръ общаго.

Въ одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ вечеровъ мы отравились гулять пѣшкомъ за городъ къ рѣкѣ. — Отецъ мой шелъ съ докторомъ, маленька съ одной дамой, а я, по обыкновенію, съ Катенькой. — Мы съ ней ушли далеко впередъ; оглянувшись — докторъ машетъ намъ рукой; мы воротились. — Федоръ Васильевичъ звалъ всѣхъ къ другу своему г. Цюрлиху.

— «Онъ живетъ на фабрикѣ; видите, это близко отсюда. — Мы тамъ напьемся чаю; — онъ очень хорошой человекъ. — Осмотримъ его заведеніе.» — Всѣ согласились; разувѣлся, я бы не согласился. — Мы пошли по берегу рѣки, прошли мимо длинной, узкой плотины, ведущей къ мельницѣ и, наконецъ, повернули направо къ фабрикѣ; насъ встрѣтилъ дальній лай собакъ, проносившихъ приближеніе чужихъ людей. — Встрѣтившійся работникъ повелъ насъ къ небольшому деревянному домику, обсаженному рябиномъ. — Карлъ Ааамычъ встрѣтилъ насъ, нисколько не измѣнивъ своего вѣчно-задумчиваго выраженія въ лицѣ.

Не знаю, то есть, я не слышала, сказали-ли молчаливый фабрикантъ хоть одно слово; онъ только сквозъ зубы отвѣчалъ односложными звуками на всѣ вопросы гостей. — Съ неизященнымъ предубѣжденіемъ осматривалъ даже самая стѣны въ домѣ Цюрлиха; и отъ нихъ какъ будто вѣло таинственности и страхомъ. — Я болсидотеталъ отъ Катеньки и остался одному въ пустой комнатѣ. — Вышли въ садикъ, заглядывающій зелеными вѣтвями въ самыя окна дома; тутъ я вздохнулъ легче; — но и тутъ я находилъ предметы, пробуждавшіе мою непонятную больню: то огромная, черная труба выгнана изъ-за стоеиной и едва курится легкимъ дыкомъ; то гдѣ-нибудь раздастся гулъ воды, дробящейся о колеса. — Наконецъ мы собрались домой; докторъ все еще говорилъ о чемъ-то; казалось, онъ никакъ не могъ удержать потока рѣчи своихъ, вѣроятно, очень занятыхъ дѣлъ; Цюрлихъ молча шелъ рядомъ съ докторомъ и слушалъ его внимательно. — Проходи по двору, докторъ просилъ Цюрлиха показатъ намъ своего медвѣжника; фабрикантъ, не отвѣчая нислова, повелъ насъ къ какому-то высокому шесту, на концѣ котораго было надѣто сломаиное колесо. — Цюрлихъ, оставя насъ поодаль, подошелъ къ старому лодкѣ, опрокинутой вверхъ дномъ, и вытаскилъ оттуда медвѣжника; заремѣла цѣвь, высуналась косматая голова; фабрикантъ протянулъ медвѣю руку, звѣрь лизалъ ее краснымъ языкомъ; потомъ хозяинъ хотѣлъ заставить его лѣзть на шестъ, но медвѣдь ревѣлъ, упрямился и огрызнулся. — Я прижался ближе къ маленькѣ и боялся, больше не медвѣдя, а самаго Цюрлиха... Носомъ долгихъ усней, медвѣдь былъ оставленъ въ ноку, и мы вышли изъ воротъ, сопровождаемые страннымъ хозяиномъ.

Былъ поздній вечеръ; небо густѣло и сливалось съ далью синими волнующимися полосами; рѣка тихо капталась, и чуть-чуть подергивалась рябью быстрина ея, посеребренная синимъ молодонъ бѣлой луны. На противоположномъ берегу тешилъ высокой тростникъ, изрѣдка встревоженный пологомъ испуганной утки. — Загнѣе вечера нарушалось даяекимъ крикомъ лягушекъ, да глухимъ шумомъ воды на ближней мельницѣ. — И все это сливалось въ одинъ звукъ и все чудно гармонировало съ засыпающею природой!

Познаю, какъ уюталась отъ моей спутницы — Катеньки и очутился подлѣ доктора; гляжу, а Цюрлихъ идетъ рядомъ съ Катенькой; не слышно о чемъ говорятъ они; — она не смотритъ на него, а онъ какъ будто разсматриваетъ небо, а между тѣмъ изрѣдка украдкою взглядаетъ на Катеньку. Мнѣ стало досадно.

Слава Богу, простился съ нами этотъ несноный фабрикантъ; избавился я отъ этой непріятной фязіономіи. — Я пошелъ объ руку съ Катенькой, началъ съ ней разговоръ; но видно было, что она встревожена: отвѣты ея были отрывчаты, невнятные; мнѣ стало скучно... А все этотъ гадкій Цюрлихъ: вѣрно, онъ сказалъ ей что-нибудь непріятное!..

И пересталъ говорить съ Катенькой, и боялся спросить ее, о чемъ такъ долго говорилъ ей фабрикантъ. Порой я оглядывался назадъ и на темно-голубомъ фонѣ дали явственно мелькала черная фигура Цюрлиха. Онъ быстро удаллся, становился меньше, меньше и только развѣивался широкія полы его сюртука и онъ казался летящею ваали какою-то большою, ночью птицей...

Смутная грезы бродили въ моемъ воображеніи. Все, что видѣлъ я, и какъ чудно все связывалось съ какою-то таинственностью — не давало мнѣ покоя на день и ни ночью. — Рѣше я сталъ ходить къ доктору; въ его вѣчной оригинальной улыбкѣ я сталъ замѣчать что-то насмѣшливое; ужелъ, часто думалъ я, этотъ человекъ можетъ быть добрымъ, любящимъ, любимымъ? — Шѣтъ, онъ вѣрно смѣется надъ людьми и надъ всѣмъ... Все кажется ему ничтожнымъ, дѣтскимъ, а онъ одинъ, богатый и гордый своимъ знаніемъ, смѣется надъ всѣмъ міромъ... Конечно, я этой думы не могъ тогда иривести въ ясность, не могъ высказать ее, но, самъ не знаю, что-то мнѣ шептывало эту смутную думу... Потому, увидя доктора, услышу его милый, шутовской разговоръ — и все разсѣется въ умѣ моемъ, и останется одна только мрачная фигура фабриканта, какъ обгорѣлый пенъ на мѣстѣ дома, разрушеннаго пожаромъ...

Не знаю, что меня удерживало разсказать Катенькѣ сцену, видѣнную мной въ таинственной комнатѣ; эта сцена часто рисовалась передо мною ярко, отчѣтливо, и я сталъ бояться уединенія, боялся даже ирйти вечеромъ черезъ пустую и темную комнату; воображеніе мое бунтовало и завладало всѣми остальными способностями души. — Часто, бродя вечеромъ по нашему огромному саду и отставъ отъ няньки, которая вела за руку моего меньшаго брата, я вдругъ былъ испуганъ какимъ-то рѣзкимъ свистомъ, прошепсавъ въ воздухѣ, — и бѣжалъ я, будто преслѣдуемый какимъ-то невидимымъ существомъ...

IV.

Просто, этотъ г. Цюрлихъ нечистый духъ, приносящій повсюду заботы и безпокойства: вотъ, съ того дня, какъ онъ въ первый разъ явился въ кабинетъ у Оседра Васильевича, все пошло какъ-то иначе въ ипримомъ домѣ нашего доктора. — Салъ докторъ казался чѣтъ-го ностолнино озачоченнымъ; болѣе прѣжъ яго проводилъ онъ время въ своей тайной комнатѣ, или запершись одинъ въ кабинетѣ. — Катенька тоже стала какъ-то разсѣянна и мѣше рѣзая, и мѣше разговорчиваю мною. — Я съ нѣкоторымъ временемъ уже не находилъ особеннаго удовольствія бывать каждый день у доктора, и только еще одно желаніе видѣть Катеньку влекло меня туда.

Съ доанасіемъ тоже случились разныя непріятности. — Онъ надѣлалъ грубостей, а, говорятъ, даже просто поволотилъ лобнымъ порядкомъ какого-то пройдоху, повлашчагося лизать по забрарямъ и даже, персѣзанъ, уничтожить эту надежную ограду отъ лизухъ покусеній. Докторъ много хлопоталъ, чтобы избавитъ вѣрнаго страха дома своего отъ кари правосудія. — Впрочемъ, доанасій говорилъ это, я самъ слышалъ, — «что жъ, въ полицію? — поиду и въ полицію; — мнѣ все равно! — А онъ не съятъ, — вотъ что! — А и развѣ боится? — пойдешь и въ полицію: развѣ и что нбуду украсть, ади пропалъ?»

Дѣло шло къ осени; поднялся дождь и несчастный нашъ городишка потонулъ въ грязи. — Все живо болосе выгнунуть на улицу. — Только иногда пронестется какой-то экипажъ, похожій на чернака; да развѣ еще докторъ, распустивъ большій свиній зонтикъ, ѣдетъ въ своихъ пациентяхъ на дрожкахъ; маленька сърѣвкая лошадка его уныло ступаетъ по грязи, зажимуръ глаза свои, чтобы не сморгнуть па свирную погоду.

Выдавались, впрочемъ, и хорошіе, солнечные дни; все подоохнетъ и, дѣйствительно, природа носотричь какъ будто порядкомъ челоукомъ; но все это столькоже говорило въ пользу осени, какъ рекомендаціи погодевой свачи, разсказывающей про жениха, что онъ плянча горькій, а впрочемъ вѣдь не всю же недѣлю плянъ, — удаются дни, когда онъ и трезвый бываетъ.

Неожиданныя происшествія такъ быстро про-

не слышал передо мною, что я, сам не знаю кого, хотел спросить: да почему же все это так? что это значит? — Коли хотите, так в этих происшествиях ничего не было необыкновенного. Слушайте: помню, один день был особенно тревожен в нашем доме; мамам цѣлое утро встала по лавкам, какія только могли похвастаться богатством товаров в урядном городѣ. — Помню, что купила она большой серебряный образъ, да разных матерій, которые тотчас же были отпущены мамой. — Все эти сборы были для меня не совсем понятны; — черезъ нѣсколько времени все объяснилось: Катенька выходитъ замужъ за Карла Адамовича Цюрлиха. Мамам была ихъ посаженной матерью. Помню, какъ я сидѣла лоза и скучно смотрѣла на освѣщенный окна въ домѣ Федора Васильевича. — Нинька сидитъ подлѣ меня и рассказываетъ сказку «о Марьѣ Маревнѣ, прекрасной царевнѣ и о семи Богатыряхъ». — Свѣча нагорѣла и едва вспыхиваетъ; въ углахъ комнаты бродятъ тѣни; въ окнахъ докторова дома свѣтло, безпрестанно мелькаютъ профили, то знакомые, то незнакомые. Плавный, успокоившій рассказъ ниньки перерывался; мнѣ было скучно...

Много прошло времени съ этого дня; мнѣ не удавалось видѣть Катеньки. Говорили, что какъ-то утромъ она съ мужемъ была у насъ; я въ это время сидѣла съ учителемъ и сбивчиво сиргала: я горю, ты горшишь, онъ горитъ, мы горшишь, вы и т. д.

Въ одно уже зимнее свѣтлое утро мамам взяла меня съ собой кататься; мы заѣхали на фабрику; вошли въ домикъ; насъ встрѣтила, свѣтлая какъ утро, улыбающаяся Катенька.

Много она рассказывала о чемъ-то; показывала своей гардеробъ, мимоходомъ ласкала меня; спрашивала, помню-ли я, какъ мы вѣдь бѣгали по саду и рвали цвѣты? — Мужа съ не было дома. —

Какъ странно перемѣнились эти комнаты съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь: все чисто, прибрано заботливо, стало даже свѣтлѣе. — Катенька опять начала говорить про свое новое житье, про хозяйство; казалось, она была очень довольна своимъ новымъ положеніемъ; я въ это время стоялъ около столика, уставшаго разными игрушками; Катенька стала говорить про своего Карла Адамовича; — я печально уронилъ со стола фарфоровую собачку; она разбилась въ дребезги. — Маленькая побранила меня за неловкость; Катенька поцѣловала меня, прижавъ: о, помилуйте! это ни чего; за что его браните? — Отъ чего ты, другъ мой, такъ скученъ? — Я не зналъ, что сказать ей; я молчалъ.

У.

Дѣйствие повсѣдневной драмы пронеслось мимо меня; совершилось все обыкновенное, что должно было совершиться; — а я остался въ сторонѣ; никто, кажется, и не замѣтилъ волненія души моей, принявшей было такое странное участіе въ этой драмѣ; почему жъ не обратили на меня вниманія, никто — даже и Катенька?...

Мнѣ было обидно и грустно; какъ будто стоялъ на берегу и въ волнѣмъ глядѣлъ, какъ широкая рѣка уноситъ, почерпывая подлѣ грозой, воды свои, уноситъ ихъ могущественно непереложной чередой, а вдали пронадеждъ удаляющаяся лодка, кто-то машетъ мнѣ оттуда бѣлымъ платкомъ... Но все прошло, и я остался на берегу одинъ съ моею безсильною, непонятною грустью...

Время шло и прилежно стирало въ памяти слѣды прошлого. — Скоро и Катенька, и Карлъ Адамовичъ, и свадьба ихъ, все потонуло въ повсѣдневныхъ мелочныхъ интересахъ. — И я скоро забылъ все; — слѣдное состояніе ребяческой души моей разсѣялось. — Докторъ уѣхалъ изъ города въ деревню къ какой-то большой генеральшѣ. Отсутствіе его еще болѣе помогло забвенію всего прошлого.

Зима стояла холодная, чисто русская; — я захворалъ, простудившись на катаньи. — Сначала у меня только болѣла голова; потомъ, въ одно утро я проснулся не могъ встать съ постели. Сильный ознобъ мучилъ меня; я сталъ забываться, — и тутъ уже не помню настоящаго. — Я какъ будто не видѣлъ лицъ, заботливо склонившихся надъ моею постелью; я сталъ жить въ какомъ-то другомъ мѣрѣ. — Смутные призраки столпились вокругъ меня, и близко вѣло ихъ холодное дыханіе на мою разгорѣвшуюся голову. Все, что только впечатлѣлось когда-либо въ душѣ моей, — все возстало, облеклось въ чудныя формы и носилось въ туманѣ надо мною.

Катенька явилась мнѣ прежнею мною дѣвучкой; по-прежнему, я цѣловалъ ее, любовався ея

блѣдными ручками, игралъ ея мягкими льняными локонами; бѣгалъ съ нею по саду, рвалъ цвѣты... и вдругъ угрюмое лицо фабриканта грядитъ на меня страшно, намышляю; чьи-то огромныя руки, охвативъ станъ Катеньки, увозятъ ее отъ меня далеко, а она улыбается мнѣ, киваетъ русою головою и машетъ къ себѣ... То, вдругъ разлетается синеватое пламя и докторъ смотритъ съ удивленіемъ, какъ изъ этого пламени выпрыгнулъ фабрикантъ и началъ плясать съ желтыми скелетамп...

То, фабрикантъ ведетъ на цѣпъ медвѣдя и хочетъ спустить на меня злаго звѣря, и я бѣгу, задышаюсь, слышу какъ хрипятъ и ворчатъ за мною косматый медвѣдь, — бѣгу, и не могу уйти отъ него, и падаю безъ чувствъ...

Не знаю, долго-ли я бредилъ; но, однажды, очутившись, я увидѣлъ подлѣ моей постели доктора. Онъ стоялъ въ своемъ спящемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и, улыбаясь, давалъ мнѣ выпить ложку микстуры; — потомъ онъ заговорилъ со мною по-прежнему шуточно, ласково; — я съ прежнею любовью обнялъ его; рассказывалъ, какъ у меня горитъ голова, и просилъ дать мнѣ съѣсть что-нибудь.

Странное дѣло! я выздоровѣлъ и все мнѣ показалось обновленнымъ, — и снова я видѣлъ Катеньку, видѣлъ и мужа ея, и не чувствовалъ никакого страха...

Все прошлое смутно слѣвалось съ болѣзненнымъ бредомъ моихъ и терло свой фантастическій колоритъ.

Успокоенное воображеніе не обладало уже простыхъ происшествій сумракомъ таинственнаго; ясно взглянулъ я вокругъ себя...

Но все-ли исчезло въ душѣ моей?...

Осталось что-то... что? — я не знаю.

Видалъ ли вы, когда изъ мертвой грубой куколки образуется бабочка пестренькая, живая?... Оболочка распалась и бабочка расправила яркая крылышки и понеслась по полю, игриво порхала, и припала къ благоухающимъ цвѣтамъ.

Прощай, дѣтство! — Прощай мѣръ, къ которому привыкъ, съ которыми сроднился, и который даже надоѣлъ мнѣ... Мнѣ уже 14 лѣтъ; хочется новой жизни, неизвѣстной, кипучей; надоѣсть и кипучая жизнь, запроситъ душа чего нибудь иного, поваго... не найду новаго; съ тоской оборочусь къ старому, — что жъ дѣлать!...

Но весело было мнѣ покидать нашъ городокъ; много было у меня надеждъ молодыхъ, легкихъ... Съ родными я не разставался, а больше ни одной привязанности не покидалъ я. — Докторъ... да, я вамъ еще не сказалъ, что онъ недавно померъ. Странный былъ старикъ! До самаго дня смерти онъ ходилъ и даже хотѣлъ ѣхать къ дочери. — Смерть не боролась долго съ его жизнью; она милоходомъ захватила его, обирая созидающую язву отжившаго поколѣнія.

Итакъ, Федоръ Васильевичъ умеръ; пастора не случилось въ нашъ городъ и покойника похоронили просто; помолились только добрые друзья его... Катенька страшно рыдала; Карлъ Адамовичъ былъ задумчивѣе и молчаливѣе обыкновеннаго; Аванасій поплакалъ и пошелъ къ кладбища куда сълѣдуетъ помянуть покойника: «Нѣмецъ былъ, а все хорошій человекъ.»

Помню, что вечеромъ, за нѣскольکو часовъ до своей смерти, докторъ велѣлъ поставить на окнахъ свѣчи. Все удивлялись этой странной иллюминаціи, и почти весь городъ приходилъ посматрѣть на освѣщенный окна докторова дома. — Вдругъ вышла изъ калитки Аванасій и сказала толпѣ, что пора да вамъ расходиться и уже скоро погасятъ свѣчи, докторъ умеръ...

Дорожныя коляски стояли у крыльца; я простился со всеми. Помолился Богу; съелъ, по обычаю, на кое-какіе оставшіеся стулья, поспѣлъ немного; никто не говорилъ ни слова.

— Ну, съ Богомъ! — сказала отецъ мой.

Я забѣгалъ на мнуту въ лѣтскую, заглянулъ — тамъ уже стало отзываться пустотой, какъ будто тамъ уже давно никто не живетъ. На крыльцѣ тол-

пились провожающіе; промозносились шепотомъ благословенія на долгій путь.

— Прощайте, Катенька!

— Прощайте.

— Я васъ никогда не забуду... Скажите, вамъ все хорошо? — Вамъ не о чемъ скучать?... — шептала ли ей.

Я, кажется, хотѣлъ спросить: счастлива-ли ты, Катенька?

Она странно поглядѣла на меня. Какъ будто пернула мою тайную, задушевную мысль, и сказала какимъ-то кроткимъ, успокоивающимъ душу, голосомъ:

— Да, благодарю мою судьбу; я не желаю лучшаго счастья...

— Прощайте же; мнѣ не тяжело съ вами разставаться, если только вы счастливы!.. сказалъ я, недоверчиво взглянувъ на ея угрюмаго, въчюмолчаливаго мужа.

— Прощайте; дай Богъ и вамъ счастья.

— Мнѣ? — Я замукался...

Меня посадили въ коляску; я рядомъ со мною сѣлъ отецъ мой. — Лошади тронулись.

Еще разъ прощай, мое дѣтство! Кто знаетъ, не изъ твоего-ли міра вынесъ я многое, многое, чѣмъ я теперь счастливъ, и — чѣмъ несчастливъ... Вѣдь вы знаете, что я теперь...

На этомъ словѣ оканчивается рукопись молодого человека.

А. Пальмъ.

КАПРИЦІОЗО.

повѣсть.

(Продолженіе).

Морскіе офицеры, а между другими и съ фрегата Санта-Фе, бѣгали по набережной, искали лодокъ; но шлюбка, на пути своемъ, увела одиѣ, иныя посадила на мель, у другихъ спяли весла и рули; благодаря предосторожности дощъ Гравіеля, фрегатъ, которому подавали съ берегу почные сигналы, не могъ послать ни одного челнока.

Пока губернаторъ и вся свита его были, такъ сказать, пригвождены къ берегу, лодка соединилась съ шлюбкою въ сборномъ мѣстѣ.

Должно отдать справедливость предприимчивому Альферецу, что планъ его былъ искусно обдуманъ; противъ обыкновенія, любовь не изгнала осторожности, хотя Брим-

болію ворчалъ и не раздѣлялъ нашего мнѣнія.

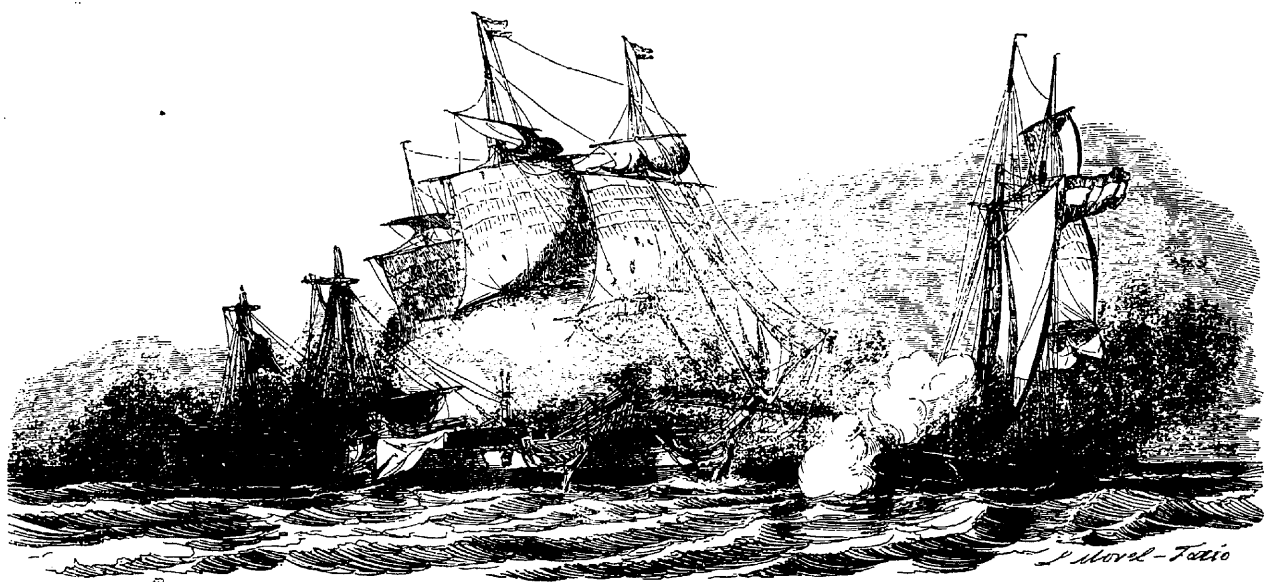
Испуганная дощъ Хуана еще не могла узнать своего дерзкаго обожателя. Усмирять ее онъ предоставлялъ штурману; изъ шелковой мапильи дѣвущи вѣжливо сдѣлали завязку на ротъ; дощъ Гравіель позволилъ это вовсе не рыцарское средство. Впрочемъ, онъ правилъ рудемъ и открывалъ ротъ только тогда, когда нужно было передать Ферпапу пароль, и тогда даже онъ, изъ осторожности, измѣнялъ голосъ. Въ тишинѣ совершенной оба судна плыли вмѣстѣ; пловцы осматривали пистолеты, и такимъ образомъ приближались, въ молчаньи, къ брику Каприціозо, съ паружнымъ видомъ котораго мы уже знакомы; но здѣсь необходимы еще нѣкоторыя подробности.

Каприціозо не былъ военнымъ судномъ; на немъ была длинная 24 фунтовая пушка; поперегъ судна, въ красной чертѣ, выказы-

вались отверзтія 10-ти чугунныхъ пушекъ меньшаго калибра; кромѣ того, множество фалкопетовъ и мушкетеровъ большаго и меньшаго разбра; всѣ эти орудія были вычищены на-свѣтло и блестѣли самымъ привлекательнымъ образомъ.

Каприціозо не былъ также и торговымъ судномъ, но онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богатѣйшими гаванскими купцами, доставляя богатые грузы пегровъ, которые, какъ сказывали, приходились ему не дорого. Увѣряли, что дощъ Антонио Барзонъ имѣлъ отеческое попеченіе объ операціяхъ брига, коего экипажъ состоялъ изъ сорока молодыхъ съ звѣрскими лицами. Нѣкто Бертуцци, командиръ, пользовавшійся въ колоніи довольно дурною репутаціею, при всемъ томъ былъ весьма хорошо принятъ у губернатора.

— «Что за шлюбка!» крикнулъ громкимъ голосомъ Бертуцци.

— «Офицерскій руптъ!» отвѣчалъ по военному Фернандо, плывя вдоль брига, освѣщеннаго съ конца въ конецъ, потому что и у пегровъ праздновали канунъ Рождества. Они пили, плясали, ревѣли и хохотали всѣ вдругъ. Тафія лилась рѣкою, и корабельный поэтъ—гдѣ ихъ пѣтъ—импровизировалъ пѣсню на взятіе нѣсколькихъ нагруженныхъ неграми судовъ, которыхъ, спявъ грузъ, сожгли.

Отвѣтъ гардемарина успокоилъ Бертуцци, и онъ опять растянулся на палубѣ; онъ курилъ сигару и ждалъ, чтобы у экипажа дошло до попойки, для того, чтобы прекратить праздникъ и послать ихъ по койкамъ; но едва успѣлъ онъ затянуться раза три табачнымъ дымомъ, какъ вдругъ на палубу свалилось 50 бѣглецовъ съ Санта-Фе, и самъ онъ лично схваченъ былъ четырьмя молодцами; атакой управлялъ флегматикъ Фернандо.

— Капитанъ Бертуцци, не сердитесь пожалуйста, сказалъ медленно гардемаринъ; видите этотъ пистолетъ? Если станете кобачить-ся, я выстрѣю прямо вамъ въ голову.

Попасшись въ тотъ же сялокъ, въ который такъ часто ловилъ своихъ собратій, пегро-торговецъ — корсаръ былъ связанъ и опущенъ въ шлюбку; не нужно бы и говорить, что гости съ фрегата экипажу брига не дали времени схватиться за оружіе. Доказательства ихъ, столь же простыя, какъ и у Фернандо, были столь же и убѣдительны. Между тѣмъ, по распоряженію дощъ Гравіеля, Хуану, которая теперь заливалась слезами, занесли въ каюту капитана; наконецъ, когда половину пегровъ положили, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, рядомъ съ капитаномъ Бертуцци, мичманъ, снявъ матросскій плащъ, явился въ мундирѣ, и обратился къ прочимъ съ слѣдующими словами:

— Экипажъ Каприціозо! Мы многочисленнѣе и сильнѣе васъ; первый изъ васъ, кто окажетъ неудовольствіе, будетъ брошенъ за бортъ; къ погамъ привяжу ядро; будьте смиренны и кротки, какъ овечки. Во-вторыхъ, кто изъ васъ вздумаетъ прикоснуться къ оружію, безъ моего позволенія, имѣетъ право быть

тотчасъ повѣшенъ на большой реѣ; впрочемъ, вы крейсировали съ Бертуцци, теперь будете крейсировать со мною; вотъ и вся разница. *Изъ парусамъ!*

— Хорошо сказано! говорилъ про себя Бримболію, распределяя людей, чтобы сдѣлать съ якоря.

Въ шлюбку набросали людей, отъ которыхъ похитители сочли нужнымъ избавиться, и пустили ее по теченію безъ веселъ. Снялись съ якоря, распустили паруса и пошли ко входу въ гавань.

Между тѣмъ въ городѣ суматоха усиливалась; были сборъ; гарнизонъ сталъ подлѣ ружья; губернаторъ, наконецъ, досталъ гдѣ-то лодокъ; офицеры морекіе и сухопутные собрались; форты готовились къ защитѣ; раздавались сигнальные пушечные выстрѣлы на обоихъ берегахъ гавани.

— «Проклятая дѣвка! ворчалъ Бримболію; безъ нее никто-бы и не догадается; мы бы уже сдѣлали нѣсколько узловъ въ открытомъ морѣ, а тамъ ищи пастъ.

— Не говори мнѣ о бабахъ! отвѣчалъ флегматически Фернандо Рибаллоза.

Донъ Гравіель былъ слишкомъ занятъ дѣломъ, чтобъ сойти въ каюту, гдѣ продолжала рыдать несчастная Хуанита, не понимая дотолѣ, что съ ней сдѣлалось. Свиданіе было дѣло затруднительное; оно требовало спокойствія, хладнокровія и, въ особенности, времени. Съ другой стороны вѣтеръ съ берега утихалъ. Пушки фрегата загремѣли въ свою очередь, что означало, что командиръ возвратился; положеніе брига становилось затруднительно.

— Жаль, если такъ хорошо начатое дѣло не удастся, сказалъ про себѣ мичманъ.

Слова эти подслышалъ Бримболіо, и сказалъ: — Да, пацъ непременно вздернуть на крюкъ.

— Какъ рыбку на удочку, прикинулъ гардемаришъ.

— Весла на воду, голубчики! скомадовалъ донъ Гравіель, и если хотите быть цѣлы, гребите, ребятушки, живѣе!

Бригъ скользилъ по гладкому морю, съ помощью длинныхъ веселъ.

Фернандо, не теряя времени, велѣлъ зарядить двойнымъ зарядомъ, ядромъ и картечью всю артиллерію брига. Престранный экипажъ, видя, что его не трогаютъ, принялся охотло за дѣло.

Однако же амбразуры форта Марро, подъ которыми надобно было непрерывно проходить, мало по-малу, освѣщались. Пушкарки готовили свои орудія; на стѣнахъ форта Пунта, равнобѣрно защищающаго входъ въ гавань, также показались солдаты. Фрегатъ Санта-Фе приходилъ въ движеніе; бѣглецамъ послышался звукъ трубы, сзывающей экипажъ по мѣстамъ; вскорѣ за тѣмъ фрегатъ поднялъ паруса; всѣ легкія суда порта, канонерскія шлюбки, гоелетты и другія отпрявили въ путь. Морская команда раздавалась съ одного края порта до другаго, и что всего прискорбише, съ каждою минутою явственнѣе слышеть былъ шумъ весель гребной флотиліи, которая со всѣхъ сторонъ приближалась къ бригу.

— Бабы, дѣвки, юбки и мантилы! пять сотъ тысячъ демоновъ побери тебя. — Проклятое бабье племя, гибель мужшинъ, провались ты сквозь землю! повторялъ за каждымъ ударомъ весла мастеръ Бримболіо; онъ подавалъ собою примѣръ гребцамъ; проклиналъ бабъ, по вѣто же время поощрялъ товарищей. — Гребите телата, смѣлае-живѣе, ты сячу чертей; чуръ не дремать! — Вотъ дьявольская канонерская шлюбка хочеть намъ въ глаза заглянуть!

Фернандо, съ почтою зрительною трубою въ рукахъ, осматривалъ поле дѣйствія, и отъ времени до времени раздавалъ приказанія. Главное орудіе онъ направлялъ на ближайшую канонерскую шлюбку.

III.

— Пятьдесятъ бѣглецовъ съ фрегата, двадцать человѣкъ экипажа Каприціозо, штурманъ Бримболіо, гардемаришъ Фернандо Рибаллоза — лейтенантъ и мичманъ донъ Гравіель Бадахосъ — капитанъ, всего 73 человѣка, и кромѣ того негръ-поваръ и пѣсколко юнговъ, вотъ весь экипажъ брига-гоелетты, противъ котораго губернаторъ Гаваны вооружилъ всѣ свои сухопутныя и морскія силы. Мы не считаемъ доны Хуаниты де ласъ Эсмандурасъ, которую заперли въ капитанской каютѣ; она каждую минуту трепетала, плакала, со страхомъ ожидала судьбы своей.

Между тѣмъ канонерская шлюбка, противъ которой Фернандо вооружался, пересѣкала путь Каприціозо.

— Капитанъ, стрѣлять-ли? спросилъ Фернандо.

— Сохрани тебя Господи! отвѣчалъ донъ Гравіель; если дѣло дойдетъ до того, чего Боже оборони, то, по крайней мѣрѣ, пусть пачнутъ они.

— Рѣшено, ему хочется видѣть насъ съ петлей на шеѣ, вмѣсто галстука! Какъ бы легко добрымъ зарядомъ картечи очистить палубу этой чертовой шлюбки.

Думая о будущемъ, мичману очень не хотѣлось вступать въ сраженіе съ земляками; но канонерская шлюбка приближалась къ бригу, и стала прижимать его къ берегу; уже слышны были голоса капитана Бертуцци и дона Барзопа; оба были во всемъ пылу ярости; одинъ преслѣдовалъ свое судно, а другой — дочь. Перваго нашла въ шлюбкѣ и развизала, что доставило ему возможность кричать въ волю, и онъ во зло употреблялъ эту свободу. Другой кричалъ не меньше, бросился въ шлюбку съ своею гвардіею и адъютантами. Всѣ сброшенные съ Каприціозо матросы, были тутъ же, они горѣли желаніемъ отомстить, и изъ всей ночи налегали на весла.

— Мерзавецъ Бадахосъ! ревѣлъ губернаторъ, онъ уже узналъ обо всемъ. — Воръ, разбойникъ! ты дорого заплатишь за дерзость! Отдай мнѣ дочь, извергъ! я тебя только повѣшу! Если жъ вѣтъ, то клянусь...

Эта брань, эти угрозы, возвратили донъ Гравіелью все хладнокровіе.

— Высокомошнѣе господишъ, отвѣчалъ онъ въ рупоръ; благодарю васъ и предваряю, что дочь ваша на палубѣ, и если вы станете стрѣлять, то она подвергнется той-же опасности, какъ и всѣ мы.

— Товарищи! кричалъ Бертуцци тѣмъ изъ своихъ людей, которые находились еще на Каприціозо; ради васъ мы не стрѣляемъ, но помогите намъ и вы...

— Гей, Бримболіо! прервалъ донъ Гравіель, если изъ прежняго экипажа брига кто либо не станетъ грести изъ всѣхъ силъ, то для перваго побужденія разможжить ему голову!

— Будьте покойны, капитанъ? Это разумѣется само собою; мы вооружены, а они вѣтъ — слышите, ребята?

Бой ограничивался состязаніемъ на словахъ и на веслахъ. Форты ожидали, чтобъ губернаторъ началъ огонь; губернаторъ не смѣлъ открыть пальбу по судну, на которомъ находилась его дочь. Бертуцци также опасался изгнать для любезнаго своего брига, который надѣялся взять на abordажъ. Онъ не сомнѣвался въ помощи людей своихъ, которыхъ Гравіель и Бримболіо увѣщевали грести такимъ убѣдительнымъ образомъ. Мичманъ, какъ сказано выше, также не хотѣлъ стрѣлять по землякамъ; отецъ Хуаны былъ на канонерской шлюбкѣ, еще поводъ не употреблялъ насильственныхъ мѣръ.

Бертуцци держитъ руль канонерской шлюбки, а на бригѣ донъ Гравіель. Бригъ скользитъ между мелей и стѣлы Moro съ изумительнымъ искусствомъ, избѣгая, сколько возможно, abordажъ; по прежній капитанъ Каприціозо увѣрять, что чрезъ три минуты съ нимъ сбѣгнется, если какой-нибудь случай не собьетъ пексунгаго направленья, даннаго канонерской шлюбкѣ. Донъ Гравіель и товарищи ясно видятъ это; гардемаришъ играетъ съ штилемъ. Штурманъ подымаетъ топоръ и

ругается; бѣглецы налегаютъ на весла и перебрасываютъ ихъ какъ перышки.

— «Фернандо, Фернандо! ко мнѣ, вскрывай вдругъ Альферець», — скорѣе!

Гардемаришъ повиновался; молодой капитанъ говоритъ ему на ухо:

— «Надобно однимъ выстрѣломъ сбить имъ всѣ весла; смотри, ни кого не ранишь; у меня свои причины; я отвѣчаю за остальное.»

— Хорошо, — я охотнѣе пустилъ бы ихъ сразу ко дну, — но ты такъ хочешь? гляди!

Лейтенантъ возвратился на свое мѣсто и павелъ 24 фунтовую пушку.

— Готовъ-ли? спросилъ Альферець.

— Готово! отвѣчалъ Фернандо.

Канонерская шлюбка имѣла тогда косявное положеніе и была такъ близко, что передній весла почти скрещались съ веслами Каприціозо.

— Пали! скомадовалъ мичманъ.

Громкій выстрѣлъ покрылъ всякой другой шумъ на рейдѣ. Фернандо сдѣлалъ чудо; онъ срѣзалъ всѣ весла съ одной стороны канонерской шлюбки, которая повернулась на своей осп, какъ птица, у которой на лету оторвано крыло. Донъ Гравіель воспользовался этимъ движеніемъ; узкій промѣжутокъ оставался свободнымъ; прежде нежели Бертуцци успѣлъ распорядиться, Каприціозо ушелъ довольно далеко; по его окружались новыя опасности. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали двадцать другихъ: форты отвѣчали на огонь 24-фунтовой пушки.

— Они убьютъ бѣдную дочь мою! кричалъ донъ Барзопа, который, при всей суровости своей, нѣжно любилъ Хуану.

— Боже мой! они пустиатъ ко дну мое судно, говорилъ съ горестію капитанъ Бертуцци!.. а намъ мѣшаютъ преслѣдовать непріятеля. Если бы можно было пойти на abordажъ, то бѣдной Каприціозо достался бы мнѣ безъ порчи.

По странному стеченію обстоятельствъ, оба злѣйшіе враги донъ Гравіеля страстно желали, чтобъ артиллерія не достигала своей цѣли; однако же ядра какъ градъ сыпались вокругъ легкаго судна, разбилъ нѣсколько весель, срѣзали ремячтъ и пробилъ большую часть парусовъ; къ счастью, не задѣли ни корпуса, ни мачтъ; при входѣ въ портъ, Каприціозо почувствовалъ вѣтеръ; канонерская шлюбка осталась далеко позади, и какъ вѣтеръ свѣжѣлъ, то вскорѣ бригъ былъ влѣ выстрѣломъ фортовъ.

— Больше счастья, чѣмъ умѣнья, сказалъ штурманъ; онъ не переставалъ ворчать и бранить всѣхъ женщинъ вообще, и дону Хуану въ особенности.

Фернандо велѣлъ вычистить и вновь зарядить свою 24 фунтовую пушку, а самъ подошелъ къ донъ Гравіелью; тотъ сдалъ ему послѣднюю команду и отправился наконецъ въ каюту.

На кораблѣ нашли большіе ящики съ королевскими сигарами; Бримболіо не погушался ими. Методическій гардемаришъ взялъ регалію, зажегъ по всѣмъ правиламъ искусства; потомъ завялся неуправленіемъ парусовъ, починкою поврежденій и вообще распредѣленіемъ занятій; велѣлъ привести себѣ грогу; повару приказалъ раздать порцію экипажу и навелъ трубу на входъ въ портъ, который былъ еще видѣнъ. Первые лучи солнца освѣщали бастіоны грознаго Морро, теперь предметъ насмѣшекъ; тѣ же лучи, но они отражались на другомъ и весьма страшномъ предметѣ: на всѣхъ парусахъ фрегата Санта-Фе; опасность возрастала, потому что

вѣтеръ съ берега постепенно усиливался; море начинало играть. Фернандо покачалъ головою, прикашливая.

Не отворяя еще дверей каюты, донь Гравіель поправилъ беспорядокъ своего туалета, пригладилъ волосы и широкій воротничекъ рубашки; воткнулъ крѣпче за поясъ пистолеты, покрутилъ усы, произнесъ два, три проклятія, чтобъ возбудить въ себѣ мужество, и пошелъ.

Мы не станемъ, по примѣру предшествениковъ нашихъ, описывать каюту капитана, постоянной морской будуаръ. Известно, впрочемъ, что отдѣлка комнаты корсара стоить ему всегда дешево, и потому всегда великолѣпна. Шелкъ, да золото, индійскіе ковры, драгоценное дерево, сафиры, изумруды—воронецъ Тысячи и одной почивъдагерротипш. Вотъ каюта корсара.

Донья Хуана сидѣла на богатомъ диванѣ и держала въ рукѣ красивую севилскую навахилю; клинокъ полированной стали, ручка черпаховая съ насѣчкою изъ серебра и слоновой кости. На скрипѣ дверей она поднялась, побѣжала въ уголокъ, и гордая, какъ Кастіліянка, приготовилась защищать жизнь и честь свою.

— Брависсимо, сеньорита, сказалъ донь Гравіель, — мнѣ нравится это волеяственное положеніе. — Но прежде дозволите преданному рабу васю извиниться въ своей дерзости. Согласитесь только, что я съ точностію сдержалъ слово.

— Еще шагъ и кавалеръ...

— Скажите капитанъ, прошу васъ, превралъ Альферецъ, который все подавался впередъ; я капитанъ корсаровъ, какъ покланяюсь, сегодня, въ день Рождества.»

Донъ Гравіель открылъ запавшески окошка; лучи солнца проникли въ каюту.

— Вы видите, обожаемая царица моя, что комната ваша не дура. У васъ будетъ все, и сверхъ того любви мол.

— Молчи, дерзкій разбойникъ! отвѣчала трепещущая дѣвушка; во всю жизнь не прошу твоего злодѣйскаго поступка.

— Клянусь честью корсара, вы столь же достойны обожанія, сколько я васъ обожаю; гнѣвъ вашъ ослѣпляетъ меня, и ни за что въ свѣтѣ я не хотѣлъ бы его лишиться. Я знаю ваши капризы, Хуанита, но съ *навакою* въ рукахъ—это для меня новость, новость весьма интересная! Если бѣ даже была у васъ соперница въ моемъ сердцѣ, она была бы тотчасъ забыта. Гнѣвные глаза ваши сияютъ чуднымъ блескомъ; дозвольте мнѣ побольше рассмотреть этотъ прелестный *cuchillito*.

Говоря такимъ образомъ, донь Гравіель сталъ на колѣни передъ дѣвучкою, схвативъ прежде осторожно руку, въ которой блестала дорогой кинжалъ, такъ, что Хуана не могла имъ дѣйствовать; тогда полушутливымъ голосомъ, который оупривыкъ принимать, когда объяснялся съ дѣвучками, донь Гравіель сказалъ:

— Въ надеждѣ вамъ понравиться, исполнить одинъ изъ вашихъ капризовъ, жизнь моя, я рискую быть повѣшеннымъ; но если вамъ пріятно зарѣзать меня, то, пожалуйста, не останавливайтесь! мнѣ пріятно умереть отъ руки той...

— Такъ пустите же меня! прервала Хуана, доведенная до крайности.

— Тише, ангельмой, продолжалъ донь Гравіель; мнѣ нужно прежде кончить рѣчь, единственно въ видахъ вашей пользы. Знайте же, что послѣ меня, тамъ наверху, вы не найдете ащатидковъ. Фернандо, лейтенантъ мой,

не очень вѣжливъ; Бримболлю, который былъ съ вами на яликѣ, бандитъ весьма суровый, а все-таки эти оба цвѣтъ моихъ людей. Если вы дарите мнѣ жизнь, ангель словъ моихъ, то я удержу ихъ въ границахъ почтенія; они будутъ молчать передъ вами; но если вы рѣшили иначе, то послѣдствія не будутъ уже на моей отвѣтственности. Эти бездѣлники могли бы даже быть въ претензіи на васъ за смерть мою? Будьте терпѣливы, владѣтельница моя; еще нѣсколько словъ въ оправданіе. Послушайте меня; я говорю серьезно: я не морской разбойникъ, а корсаръ—разбойца. И освободилъ море отъ настоящаго пирата, овладѣвъ Каприціозо, который бралъ Испанцевъ, какъ и другихъ, съ тайнаго соизволенія почтеннаго батюшки вашего... Съ другой стороны, я васъ люблю, обожаю, хочу жениться на васъ; у меня не было ни мараведиса; меня бы постыдно выгнали изъ вашего дома, если бѣ я, по несчастію, объявилъ притязанія мои; вы внушили мнѣ это намѣреніе; я вамъ повиновался въ точности; въ чемъ же я виновенъ? Черезъ мѣсяць, подвиги мои обогатятъ меня, прославятъ, сдѣлаютъ страшнымъ; однимъ словомъ, достойнымъ васъ; и вы будете граціею, украшающею мою жизнь, если не хотите быть *паркою*, чтобъ пресѣчь цитъ ея.

По мѣрѣ того, какъ донь Гравіель продолжалъ рѣчь, оуп все слабѣе сжималъ руку Хуаниты, которая дѣлалась все болѣе и болѣе внимательною; наконецъ, эта блѣлая, пухлая ручка безъ иринужденія кончилась въ его рукѣ; дѣвушка ее не отнимала; смѣлый юноша прижалъ ее страстно къ устамамъ. Хуана сѣла на диванъ.

— Вы клянетесь честью, сказала она, все забывая руку свою въ рукѣ юноши, — что ваши слова точная истина?

— Клянусь честью, любовью моею къ вамъ; я не знаю сильнѣе клятвъ.

— И вы обойдетесь со мною какъ честный человекъ?

— Хуана, убейте меня, но не обижайте! Постучались у дверей; дѣвушка вложила навахилю въ ножны; донь Гравіель сидѣлъ подлѣ нея на диванѣ.

— Капитанъ, сказалъ юнгъ, лейтенантъ велѣлъ вамъ сказать, что Санта-фе за нами гонится и настигаетъ.

— Милый другъ, сказалъ счастливый мичманъ, молитесь Богу, чтобъ оупъ насъ не догналъ; я ищу Англичанъ, а не Испанцевъ.

IV.

Море сильно колебалось и препятствовало плаванію легкаго брига болѣе нежели большаго фрегата; но донь Гравіель не казался ни минуты безпокойнымъ; оупъ перемѣнилъ путь, чтобъ сблизиться съ скалами, окаймляющими сѣверный берегъ Кубы между гаванью, мысомъ Св. Антоніо. Отмель, на коей оупъ плавалъ съ невѣроятною довѣренностію, служила ему защитою противъ фрегата, экипажъ коего былъ уже пополненъ. Капитанъ Бертуцци и люди его брига получили отъ губернатора дозволеніе перейти на фрегатъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, обогнули мысъ Св. Антоніо; Санта-фе еще былъ видѣнъ на горизонтѣ. Донъ Гравіель испытывалъ разные ходы, и направлялъ путь къ Сосновымъ-Островамъ; но тутъ увидалъ большой корабль.

Корсары внимательно разсматривали его. — Англійскій фрегатъ, сказалъ, прикашливая Фернандо,

Не сбиваясь съ пути, а только замедляя ходъ, бригъ шелъ между двумя фрегатами, и держался такъ, чтобъ они могли другъ друга увидѣть. Англичане убѣдились, что бригъ, преслѣдуемый испанскимъ судномъ, былъ англійскій. Гравіель утвердилъ ихъ въ этомъ мнѣніи, сдѣлавъ поворотъ, какъ будто бы для того, чтобъ содѣйствовать огню ихъ, и также пошелъ на Санта-фе, которая пустилась на уходъ, но слишкомъ поздно; на высотѣ мыса Св. Антоніо Англичане начали дѣло.

Дона Хуана, уважаемая на бригѣ, какъ будто бы была женою капитана, стояла подлѣ донь Гравіеля.

— Ради Бога! капитанъ, сказала Бримболлю, подойдя, скажите мнѣ, что мы здѣсь дѣлаемъ? Пусть ихъ дерутся, какъ знаютъ, а мы на уходъ...

— Кто спрашивалъ у тебя совѣта, болтунъ, отвѣчалъ сухо Гравіель; ты съ самаго начала предвѣщашь несчастіе. Подождать ты мнѣ съ своимъ замѣчаніемъ. Бей тревогу! прикрикнулъ оупъ.

Фернандо, не спрашивая объясненій, отправился къ своей пушкѣ; штурманъ долженъ былъ раздать всѣмъ корсарамъ оружіе и порохъ.

— Вы видите, ядоло моего сердца, что я не останавливаюсь, сказалъ тогда донь Гравіель; когда бои порядочно разгорятся, я спущу англійскій флагъ и подыму благородное кастльское знамя; тогда вы тотчасъ сойдете внизъ, прошу васъ.

— Нѣтъ, дозвольте мнѣ остаться подлѣ васъ.

Подумавъ минуту, донь Гравіель кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Хорошо, мой ангель, промолче ли бѣдному Альферецу, что оупъ взялъ васъ абордажемъ, или забыли вы слово, сказанное на балѣ? *можетъ быть?*

Дона Хуана всыхнула, но не могла однако не улыбнуться.

Оба фрегата тогда сблизились борть къ борту, а бригъ за ними въ разстояніи ружейнаго выстрѣла.

— Капоцеры, скомандовалъ капитанъ, не ошпаться; стрѣлять по Англичанамъ. Ура! Испанія, спусти англійскій флагъ, подыми нашъ! пади!

Выстрѣлы ядрами и картечью Каприціозо смяли вдоль палубы батарею англійскаго фрегата, коего руль разбитъ былъ въ дребезгъ выстрѣломъ пушки Фернандо. Когда дымъ разсѣялся, донь Гравіель увидѣлъ, что старый командиръ его, капитанъ фрегата Санта-фе, дѣлаетъ ему рукою знакъ благодарности; но подлѣ стараго офицера, стоялъ капитанъ Бертуцци въ бѣшенствѣ, что былъ такъ близокъ къ любезному бригу своему и не могъ овладѣть имъ. Прорать скрежеталъ зубами, оупъ пошипѣлъ отъ злости, вышелъ изъ себя и прицѣлился въ донь Гравіеля изъ огромнаго мавританскаго мушкетона; Дона Хуана замѣтила это, вскрикнула и упала въ обморокъ.

(Окончаніе въ слѣд. нумерѣ.)

МЮНХЕНЬ.

.....Нѣтъ, никогда! Какъ вамъ угодно, я жилъ всего міра; я родился для того, чтобы жить вездѣ и нигдѣ; для меня кинать Ниццы также неозорно, какъ и топи... если я живу тамъ два мѣсяца сряду, но если бы мнѣ уже противно судьбою пришлось ошесть гдѣ нибудь на постоянное жительство, я весьма бд затруднился, но не остался бы въ Германіи...

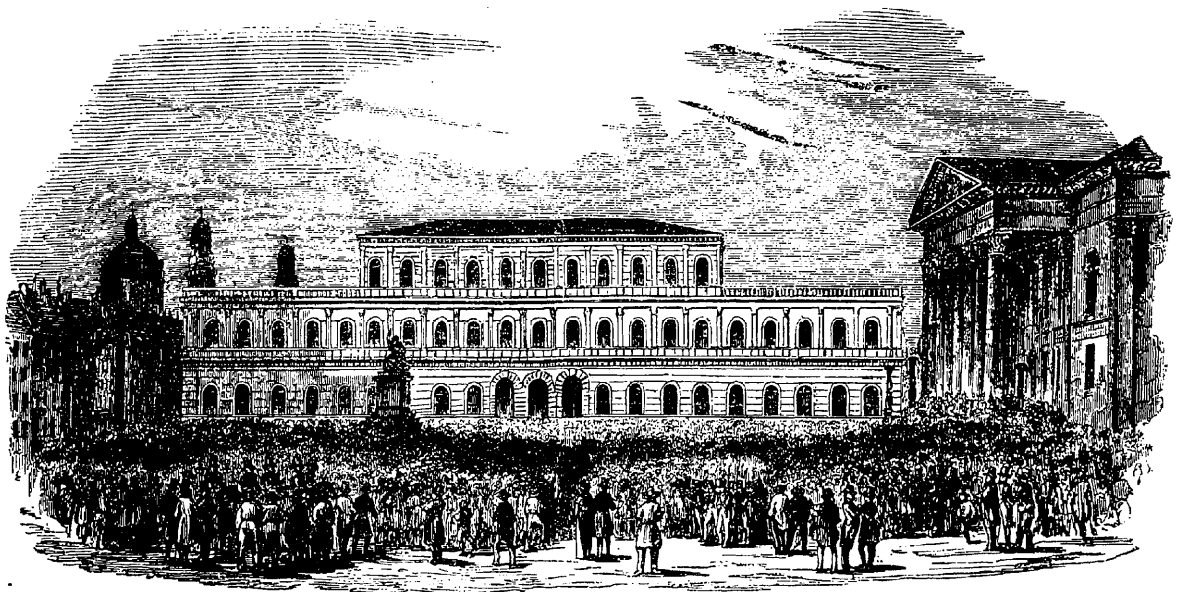
— Это почему? спросил у меня веселый спутник, опуская око в дилжансѣ. «Значитъ, вы не были в Мюнхенѣ?...»

— Сейчасъ буду, и черезъ три дня уѣду...

Весельчакъ захохоталъ и сказалъ: посмотримъ. Мы прѣехали въ Мюнхель. Я такъ много слышалъ и читалъ объ этихъ вѣсницкихъ Аоннахъ, что, проѣзжая по широкимъ красивымъ улицамъ, я и не замѣтилъ, какъ спутникъ пристально слѣдовалъ за всѣми движеніями моего лица. Когда мы вышли у гостиницы, «До свиданія!» сказалъ онъ. Первымъ впечатлѣніемъ вы, кажется, довольны. Привыкнувъ не судить опрочетливо, я кивнулъ головой и пошелъ въ гостиницу. Гостиница, какъ и всѣ гостиницы. Не люблю ни говорить, ни вспоминать о томъ, что въ. Дурное возбуждаетъ непріятное воспоминаніе, хорошее — аиститъ къ тому, чего нѣтъ... И такъ, утромъ я былъ уже на главной площади, передъ новымъ дворцомъ или резиденціей... «Ба!» сказала я почти громко. «Да это Палаццо Питти! Когда его перенесли сюда изъ Флоренціи?...» Хорошо, что я такъ яловко проговорился на языкѣ вовсе неизвѣстномъ для окру-

жавшей меня публики. Народу было видимо-невидимо. Не всегда мы расположены къ многолюдству. Мнѣ показалось, что они всѣ собрались сюда нарочно, чтобы заслонить для глазъ моихъ ноги дворца, помѣщать моей любознательности, и я не спросилъ ихъ даже, зачѣмъ пожаловали; я повернулъ къ театру, посмотрѣлъ на портитъ и еще разъ проговорился: «Боже мой! сказала я, безъ колоннъ вамъ не удастся построить и сарай... Я ушелъ. Въ одинъ день я познакомился съ наружностью города и, признаюсь, она мнѣ понравилась. Къ особенному удовольствію я нашелъ много разнообразія, даже много вкуса и величія. Старый дворецъ, дворецъ Максимилиана, домъ совѣта, церкви Св. Стефана, Миханла, Богородицы и Феатинская, университетъ, академія наукъ, глянототека, пинакотека и вообще всѣ публичныя зданія... Хотя и не греческія Аонины, по германскимъ Мюнхель смѣло пазванъ быть можетъ. Я воротился на главную площадь; народа уже не было; въ совершенную противоположность съ утромъ, на площади было такъ пусто, что мнѣ стало грустно. Вспомнившіи я замѣтилъ, что во всемъ Мюнхель мало дви-

женія, — наружнаго; тутъ нѣтъ уличной толкотни; всѣ дома; всѣ за дѣломъ; всѣ прядутъ шитки для безмѣрной ткани; на этой ткани пишется картина, которая доставитъ безсмертіе своему вѣщепосному художнику и славу Германіи... Картина эта — Мюнхель; она почти окончена. Грусть моя скоро разсѣялась. Я загуливалъ ее, глядя на монументъ покойному королю, работы Рауха и Штигльмайера, потому что сколько хорошо сочинена эта колоссальная статуя Раухомъ, столь-же хорошо отлита Штигльмайеромъ. Пишу это слишкомъ дѣв недѣли спустя послѣ прѣзда, когда уже я нашелъ для себя разгадку нѣкоторыхъ ластеинныхъ подражаній, хотя и прекрасному, поуже всѣмъ извѣстному. Первый день моихъ мюнхенскихъ походовъ я началъ и кончилъ на этой площади. Повернулъ я какъ-то ловко, какъ-то задумался невловко, и пошелъ въ шинную лавочку или погребокъ. Табачный дымъ испугалъ меня; хотѣлъ было пазадъ, но зрѣніе увлекло меня. Я замѣтилъ въ туманѣ много головъ, много кружекъ, но тишина меня поразила. Всѣ размышляли, или разговаривали весьма тихо. Я пошелъ впередъ.

(Площадь передъ новымъ дворцомъ въ Мюнхенѣ).

Нашелъ пустой столикъ и стулъ, потребовалъ пива и усѣлся. Не сердитесь, что я зашелъ въ кабачекъ. Я не скучалъ; мои собесѣдники — были мастеровые разныхъ художествъ и фабрикъ... Объ одеждѣ говорить не буду... но жалѣю, что во всей простотѣ не могу передать всего мною слышаннаго.

Успѣхъ націй, на каковыя бы то ни было поприщѣ, зависитъ отъ мысли, предначертанной цѣль, и отъ усердія и сочувствія исполнителей. Мюнхель живетъ для мысли, указавшей ему завидное и почетное назначеніе. Смѣшно слушать, какъ мастеръ, надувающій стекло на своей фабрикѣ, въ пивной лавочкѣ разсуждаетъ о колоритѣ Шюорра; какъ перчаточникъ дѣлаетъ замѣчанія на сочяненіе въ картинахъ Гесса. Не ихъ дѣло, скажете вы. О, извините; это лучшіе судьи, и я, слушающій ихъ, скорѣе соглашался съ ними, чѣмъ со всѣми тѣми, что напечатано о вѣсницкой вышней школѣ. Но какова бы ни была эта школа, она есть. Ее зародила высокая воля, ее осуществило участіе народа. Въ этой школѣ много достоинствъ, которыя несправедливо повергнуты въ прахъ одами, несправедливо возвышены до нес plus ultra другими. Мастеровые, попомому мнѣнію, были одни справедливы и сердились именно за то, зачѣмъ эта школа непремѣнно, во что-бы ни стало, старается быть

школою; то есть, сердились за исключительность и единообразіе направленія; за условность принятыхъ законовъ, отъ которыхъ отступать почиталось художническимъ преступленіемъ. — Какъ бы то ни было, чувствуя, ощущая, что въ этихъ простыхъ словахъ должно скрываться много правды, я, однако же, въ этотъ вечеръ не могъ сдѣлать никакой повѣрки, потому что съ героями новыхъ Аонинъ я былъ знакомъ по наслышкѣ. Съ нѣкоторыми я встрѣчался въ Италіи; но тамъ трудно было судить о томъ, что изъ нихъ выйдетъ. — Естественно, что на другой день я отыскалъ одного изъ моихъ римскихъ знакомцевъ — и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ мнѣ показать сокровища, которыми гордился, какъ Германецъ и какъ соучастникъ. Это исключительная принадлежность мюнхенскихъ художниковъ, которыми въ другихъ народахъ мало найдете подражателей. Другіе обыкновенно любятъ показывать только свое, и если вы въ ихъ мастерской нечаянно обнаружите желаніе посмотрѣть произведенія сосѣда, можете быть увѣрены, что хозяинъ надуется.

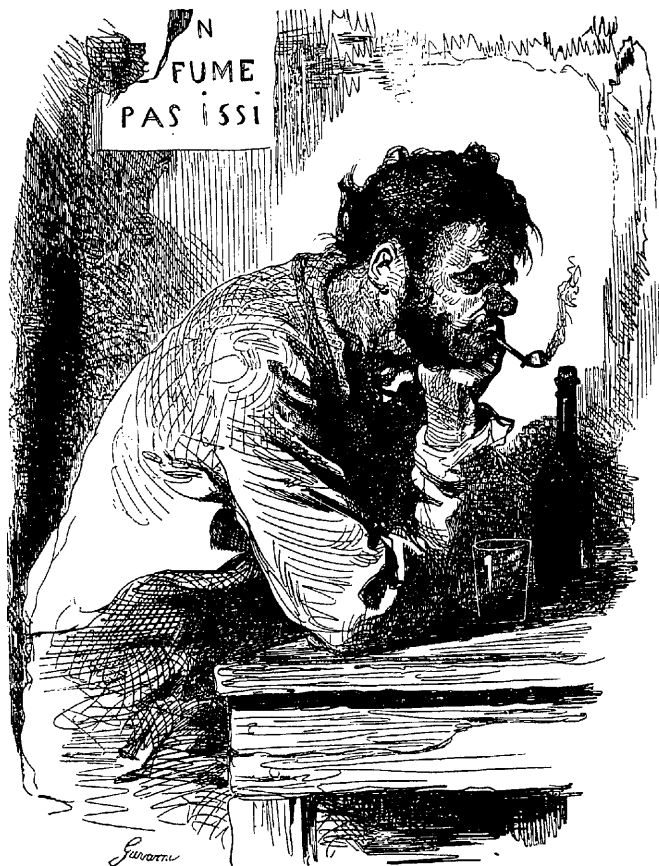
— Съ чего начать? говорилъ мой иччеронс, выходя сомной на улицу... Разумѣется, съ площадью...

— Я уже былъ тамъ.

— Ничего, не мѣшааетъ намъ осмотрѣть внутренность резиденціи...

И черезъ нѣсколько минутъ, мы весьма спокойно и безостановочно подымались по лѣстницѣ палаццо Питти, какъ я называлъ резиденцію... Я еще разъ взглянулъ на площадь; она была также пуста, какъ и вчера, но наводила уже на меня не грусть, а чувство благоговѣнія, какъ къ центру новой столицы новѣйшихъ художествъ; этотъ титулъ напрасно присвоиваетъ себѣ Парижъ. Художества тамъ растутъ, здѣсь процвѣтаютъ. Тамъ ими занимаются между прочимъ, какъ горшечными цвѣтами въ комнатахъ; здѣсь садъ, изъ котораго разводитъ цвѣты по всей Германіи. Не спорю, Дюссельдорфъ, и даже Берлинъ, имѣютъ свое художественное достоинство; но это дѣтя Мюнхена, подростки, которые хотятъ уже соперничествовать даже съ отцемъ. Это соперничество благотѣльно и принесло прекрасные плоды въ частности, потому что въ общемъ — можно много сказать противу направленія германской школы. — Я нашелъ почти всѣхъ представителей ея въ Мюнхель; мнѣ удалось на покой пересмотрѣть не разъ ихъ произведенія — и потому-то прежде должно поговорить въ частности о каждомъ, по крайней мѣрѣ, изъ главнѣйшихъ дѣйствователей, и тогда уже вообще о школѣ... Начнемъ съ Корнелиуса.

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).

Курильщикъ въ заведеніи.

Курильщикъ въ рестораціи.

Курильщикъ въ Турціи.

Курильщикъ въ Испаніи.

О КАЛЫМЦКОМЪ ВЪРОУЧЕНІИ.

Мы занимаемся изъ губернскихъ вѣдомостей анекдоты и мелочи, а не обращаемъ вниманія на статью ученія, тогда какъ всякая въ этомъ родѣ попытка заслуживаетъ поощренія. Назначеніе губернскихъ вѣдомостей, по нашему мнѣнію, именно то, чтобы помѣщать описанія мѣстъ, народовъ, ихъ вѣрованія и обычаи въ каждой губерніи; въ астрах. губ. вѣд. мы нашли оныя описанія калмыцкаго вѣроученія и съ признательностію помѣщаемъ пока въ Иллюстраціи; пока потому, что надѣемся помѣстить другую статью, намъ обѣщанную, съ рисунками.

Редакція.

Извѣстно, что Калмыки одного происхожденія съ Монголами, нѣкогда столь сильными и страшными. Они наводняли и грозили вѣрдо крайнихъ его предѣловъ; извѣстно и то, что Монголы заимствовали свою религію отъ Тибета, такъ точно, какъ Тибетцы, въ свою очередь, получили ее изъ Индіи, гдѣ вѣроученіе буддистовъ появилось за 40 вѣковъ до Р. Х. Полагаютъ, что оно существовало и прежде, ибо *Шинге-лунги* почитается не основателемъ его, а восстановителемъ.

Вѣроученіе Индіицевъ или Брамниновъ распространилось по всей Азіи. Въ 567 году по Р. Х. вѣроученіе это проникло въ Тибетъ, потомъ въ Китай, а въ XII вѣкѣ отъ Тибетцевъ заняли его подвластныя Тибету племена кочующихъ Монголовъ, вмѣстѣ съ языкомъ, быть можетъ, потому, что собственнаго языка нѣсколько отъ того времени у Монголовъ еще не было.

Въ 1269 году ц. Р. Х. тибетскій Лама *Поксба* изобрѣлъ нѣвшія монгольскія буквы, объяснилъ и восстановилъ на монгольскомъ языкѣ правила Буддистской вѣры, и хотя съ тѣхъ поръ священное писаніе свое Монголы начали переводить на свой языкъ, однако же, языкомъ духовнымъ остался на всегда языкъ тибетскій.

Въ XVII столѣтіи вѣткорыи племена Монголовъ, по причинѣ междоусобій, перешли на сѣверъ Сибіри; здѣсь также несогласія были причиною, что племя, получившее свое названіе отъ родоначальника *Калмыка* (отъ чего произошло и названіе Калмыковъ), удалилось къ Западу, и перешелъ р. р. Эмбу и Уралъ, въ 1825 году, заняло безлюдныя степи между р. р. Дономъ, Кубанью, Кумою, Каспійскимъ-Моремъ и по обѣимъ сторонамъ Волги до Калмышна.

Отпаденіе отъ Тибета, микал бродячая жизнь и невѣжество произвели то, что калмыцкіе духовные утратили знанія и даже много духовныхъ книгъ; нѣвшіе калмыцкіе духовенство имѣетъ самое ограниченное и бѣдное познаніе въ своей вѣрѣ, соблюдая только форму мѣхавпески заучивая нѣсколько тибетскихъ легендъ; не болѣе какъ одинъ изъ 40 духовныхъ лицъ, и то слабо, знаетъ языкъ калмыцкій письменный, въ то время, какъ въ Монголіи Китайской и Россійской еще и нынѣ степень духовная дается не иначе, какъ по предварительному 5-хъ дневному строжайшему испытанію въ основныя знанія вѣры.

Замѣтательно, что испытываема въ главной молельнѣ, при собраніи всѣхъ гелюновъ, пугаютъ внезапно выстрѣлами пѣз ружей, боемъ въ бубны, свистомъ въ раковины, крпкомъ, и тогда только посвящаютъ въ слѣдующую степень, когда онъ съ бодростію духа выдержитъ всѣ эти испытанія.

Основаніе калмыцкаго вѣроученія заключается въ тринности, или, по-калмыки, въ 5-хъ драгоцнностяхъ (*Гурбанъ-Эрдэнэ*), т. е. *буддэ, писаніи и душоюстотэ*. Будда (*Бурханъ*) верховное существо, дѣйствующее въ пользу одушевленныхъ существъ, т. е., помогающее духу поборать матерію. Каждый Будда дѣйствуетъ 1000 лѣтъ, а со времени мірозданія по сіе время считается уже 4-й Будда.

Въ молельнѣхъ онъ воскаптанъ. *Ом—мані—падэ—мегомъ!* Этотъ возгласъ, по толкованіямъ книгъ, содержитъ глубокую святость; ибо кто скажетъ его въ жизни своей 100 милліоновъ разъ, тотъ

въ будущей жизни получитъ вѣчно блаженство. Метафорическія слова: «обращать колесо вѣры» — они превратили въ смыслъ буквальный, и вързавъ на колесѣ молитву: *Ом—мані—подэ—мегомъ*, на языкахъ тибетскомъ и санскритскомъ, обращаютъ его на осп, посредствомъ перевки, сядя неподвижно. Но какъ недостаеа времени безпрестанно обращать колесо, то Калмыки придѣлываютъ къ нему крылья, и поставленное вѣр кибитки на вѣтру, оно усердно вертитъ, т. е., молится, за недосугомъ своего хозяина. Сокращенно эта молитва называется *Мані*; ее пишутъ и на кускѣ холста, вывѣшиваютъ на палкѣ, тоже вѣр кибитки, для того, чтобы вѣтеръ приподнял ее въ движеніе, съ тою же цѣлію, съ какою и на вѣтеръ ставится колесо. Четки употребляютъ для счета, сколько разъ произнесена молитва.

Соображая ученія истолкованія ориенталистовъ, молитву *Ом—мані—подэ—мегомъ*, можно перевести такъ: сокровище буддистскаго совершенства заключается въ цвѣткѣ водяной лиліи (*Ненюфоръ*). И вотъ почему, въ древнее время, когда всеовершенствоишій Будда проповѣдывалъ ученіе свое въ рошѣ *Отма*, окруженный безчисленнымъ множествомъ духовности и народа, въ то время излоба учителя вышелъ 5-ти цвѣтныи лучъ и устремился въ свѣжное царство. Смотри на этотъ лучъ, Будда улыбауся, и на вопросъ *Бодисавені* (старшаго ученика) о причинѣ улыбки, отвѣчалъ: «О юноша знаменитаго происхожденія! еще никто изъ бывшихъ прежде меня 5-хъ Буддъ не просвѣщала эту неогнигую вѣр маконъ невѣжества страну; я же, какъ чадолюбивый отецъ, разсѣю маконъ невѣжества, просвѣщу свѣтомъ вѣры, и тѣмъ существа одушевленные избавлю отъ грѣха». Когда онъ это говорилъ, то изъ сердца его вышелъ бѣлый лучъ и... скрылся на морѣ, въ цвѣткѣ водяной лиліи (*Бадма Линхуа*). Тогда государь Средней Индіи въ г. Маададъ, возмѣтившись принести жертвы Буддѣ, послалъ человека собрать цвѣтвы, и когда тотъ собиралъ ихъ, то увидѣлъ на морѣ цвѣтокъ *Линхуа* (лилію), у котораго листья были величююю какъ спица въ плугъ и дробились на тысячу отпрысковъ; изъ середины же цвѣтка выходяло 5-ти цвѣтное сіяніе; онъ возвратился и доложилъ государю. Царь обрадовался, сѣлазъ большой корабль, взявъ различныя жертвы и отправился въ море. Подвѣзжал, онъ дѣйствительно увидѣлъ цвѣтокъ и въ срединѣ его младенца, имѣющаго одно лицо и три пары рукъ; двѣ верхнія держалъ онъ противъ сердца, въ другой парѣ пхѣлъ молитвенныя четки, а въ третьей—бѣлый цвѣтокъ; ноги же поджалъ на подобіе жезла. Вся наружность была украшена драгоцѣнными камнями и издавала блескъ, подобный тому, какой издаетъ свѣжаля гора, осѣщенная восходящимъ солнцемъ. Царь съ особенною радостію и благоговѣніемъ, съ народомъ своимъ, взявъ младенца, возвратился и объявилъ *Абидэ—Буддѣ* (Намѣстникъ Шнгемуніа), что въ цвѣткѣ *Линхуа* явился младенецъ и что это переродившійся сынъ его. Но *Абидэ—Будда* отвѣчалъ, что младенецъ этотъ не сынъ его, но самъ Будда, воплотившійся въ непросвѣщенномъ царствѣ, для провѣщенія своимъ вѣроученіемъ и спасенія одушевленныхъ существъ. Въ то время загремѣлъ громъ, тенгрии произвели ужасный крикъ, проявляя разноцвѣтныи лоджѣ, а земля потряслась въ основаніи.

Другой предметъ поклоненія между Калмыками есть книга, называемая *Доржисъ Зомба*, которую они привѣщиваютъ на лѣвой сторонѣ въ входа въ кибитку. Эта книга почитается весьма важнымъ твореніемъ пѣз числа книгъ буддистскихъ. По-санскритски называется *Вачара Чардакъ*. Въ Монголіяхъ печатается, по требованіямъ усердныхъ буддистовъ на различныхъ языкахъ, золотыми и серебряными буквами и въ различныхъ форматахъ. Впрочемъ, едва ли буддисты понимаютъ ея содержаніе; но дѣтское предубѣжденіе заставляетъ ихъ почитать ее и имѣть въ своей кибиткѣ. *Вачара Чардакъ* была слышана однимъ пѣз учениковъ самаго Будды; цѣль и содержаніе этой книги — философія вѣры о степеняхъ, достоинствѣхъ, средствахъ и дѣйствіяхъ существъ безплотныхъ и отнесенія ихъ къ существамъ тѣлеснымъ.

Богослуженіе у Калмыковъ совершается на тибетскомъ языкѣ. Собираются гелюны въ хурулъ, и сядая въ два и четыре ряда. Это не что иное, какъ чтеніе какой нибудь священной книги на распѣвъ, заглушаемое, по временамъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, густыми и нестройными звуками мѣдныхъ трубъ, гобосвъ, свистомъ въ болшія раковины, ударами въ бубны и боемъ мѣдныхъ тарелокъ.

Въ хурулахъ ихъ (молитвенныхъ домахъ) развѣшивается очень много другихъ пзображеній; ибо мнѣологія ихъ слпшкомъ обшпрна. Болѣе другихъ обращаетъ вниманіе поставленный вперед, на возвышеніи, пстуканъ, бронзовыи, серебряный или золотой, представляющій Далай — Ламу съ чашею въ рукахъ. *Лама* значитъ духовная мать, — *Далай-море*, безмѣрность, всеобщность, слѣдовательно, *Далай-Лама* значитъ всеобщая духовная мать. Далай-Лама здравствуетъ съ сотворенія міра и живетъ въ столицѣ Тибета *Хаасъ*, или Фласъ, въ монастырѣ, окруженный 8000 т. гелюновъ. Онъ есть первствущее лицо міра духовнаго и гражданскаго, боготворимое всеми поклонниками буддизма. По ихъ понятіямъ, Далай—Лама не умираетъ; а если устарѣетъ, то самъ объявляетъ народу, что по причинѣ ветхости тѣла, душа его перемѣнитъ эту оболочку и водворится въ такомъ-то младенцѣ или отрокѣ, въ такомъ-то царствѣ или народѣ находящемся. Народъ умоляетъ его еще пожить для общаго благоденствія, и если онъ еще остается, то это считаютъ милостію къ народу. Въ противномъ случаѣ, народъ и духовенство отправляются въ то царство, находятъ сказаннаго младенца, и чтобы удостовѣриться точно ли духъ умершаго Далай — Ламы перешелъ въ него, дѣлаютъ отроку испытаніе, предлагая ему нѣсколько вопросовъ. Когда же дитя, заблаговременно подготовленное, отвѣчаетъ удовлетворительно, тогда, объявивъ о дѣйствительности присутствія духа умершаго ламы народу, съ почтениемъ и церемонію берутъ его, везутъ въ Тибетъ и поставляютъ на престолѣ Далай — Ламы. Они воображаютъ Далай — Ламу существомъ святымъ, воплотившимся на землѣ для спасенія людей и искупленія ихъ отъ грѣха.

Изъ другихъ боговъ, *Эрликъ—Ханъ*, то же что Греческій Плутонъ, изображается въ пламенѣ. Это начальникъ 55-хъ тенгриевъ (чистѣйшихъ духовъ), проживающихъ съ нимъ на горѣ *Сумеру*.

Очень много и другихъ пзображеній, которыхъ гелюны едва ли знаютъ имена и которыя объяслить можно не иначе, какъ систематическимъ изслѣженіемъ ихъ мнѣологіи, т. е., изслѣженіемъ свлзлп и отношеній одного божества къ другому. Будучи *мажисками* (учениками вѣры), они выучиваютъ механически нѣсколько тибетскихъ псменъ, научаются пѣть ихъ въ хурулѣ вмѣстѣ съ другими; носятъ съ собою чашку, изъ которой питаются, въ означеніи того, что самъ Будда, бывши на землѣ, послалъ чашу и питался млостынею; привязываютъ ее къ поясу, проповѣдуютъ о добрѣ, особенно богатымъ, отъ которыхъ надѣются получить для себя или для хурула какое-либо приношеніе. Но не спрашивая его о началахъ вѣры: онъ не объяснитъ ничего, будучи убѣжденъ, что познанія одогматахъ вѣры свойственны однимъ только духовнымъ лицамъ, но не простолюднамъ; а потому и сами рѣдко имѣютъ познанія; они говорятъ, что простолюдину достаточно одного только поклоненія, да приношенія на пользу хурула или ихъ гелюновъ.

ПНРОГЪ СЪ СЕЛДЯМИ.

Это было въ Амстердамѣ, въ холодный зимній вечеръ. Богатый банкиръ Брункеръ сѣлъ п передъ каминомъ съ длинной трубкой въ зубахъ, на противъ друга своего *ванъ-Гротэ*, выдыхавшаго на противуположномъ концѣ густые клубы дыма. Госпожа Брункеръ съ дѣтныи ушл на маскарадъ. Друзья разговаривали спокойно, въ полной увѣренности, что никто имъ не помѣшаетъ.

— Зачѣмъ, говорилъ Гроте Брункеру, не хотите вы отдать руку вашего сына дочери Беркенроде?

— Я-то не противлюсь этому браку, любезный другъ; но жена моя о немъ слышать не хочетъ.

— Какал же причина ея отказа?

— Не могу сказать, отвѣчалъ Брункеръ, понимая голосъ.

— Тайна! — вскричалъ Гроте. Вы знаете мою скромность. Говорите смѣло.

— Общайтесь никому не говорить...

— Не прикажете ли поклясться?.. Говорите; — я слушаю.

— Двадцать-шесть лѣтъ тому назадъ, когда я женился, то надо вамъ сказать откровенно, я былъ ужасно ревнивъ. Будучи принужденъ по состоянию своему имѣть открытый домъ, я боялся, чтобы кто-нибудь изъ множества молкъ знакомыхъ не похитилъ у меня сердца моей Клотильды. Особенно одинъ изъ нихъ, статный полковникъ Беркенроде, пугалъ меня, тѣмъ болѣе, что слылъ за страшнаго волокиту. Я, однако жъ, не могъ не принимать его, потому что родные его были могущественны и поведение его не подавало мнѣ къ тому повода. Въ то самое время я купилъ этотъ домъ и велѣлъ тайкомъ построить за этимъ каминемъ маленькую комнату, изъ которой я могъ слышать все, что жена моя говорила съ гостями.

Долгое время Беркенроде съ жаромъ напечатывалъ Клотильдѣ о страсти, пожиравшей его. Жена моя только слушала. Наконецъ, однажды онъ видно рѣшился, во что бы то ни стало, достигнуть своей цѣли и побоялся, что у ногъ ея разожжетъ себѣ голову, если она не сжальится надъ его страданіями. Глубоко тронутая этою любовью, Клотильда заплакала. — «Я не свободна! вскричала она голосомъ, прерываемымъ рыданіями. — Но если бы вамъ была возвращена свобода?.. вскричалъ въ свою очередь ловкій обольститель. — Что вы говорите!.. сказала Клотильда. — Поклянись, что отдадешь мнѣ вашу руку, если овладеете»... сказала волокита. Жена моя отвѣчала слезами. Онъ ушелъ. Мы съ женою провели чрезвычайно безпокойную ночь; но не говорили другъ другу ни слова о происшествіяхъ того дня. На слѣдующій день необыкновенное обстоятельство еще болѣе увеличило волненіе Клотильды. Во время завтрака, лакей сказалъ мнѣ на ухо, что поваръ желаетъ поговорить со мною наединѣ. — «Пусть онъ войдетъ сюда, отвѣчалъ я, у меня нѣтъ никакихъ тайнъ отъ моей жены.»

— Поваръ вошелъ, блѣдный, какъ смерть, и чрезвычайно разстроенный. Онъ рассказалъ мнѣ, что получилъ утромъ пакетъ, въ которомъ было 500 флориновъ, маленькая стеклянка и записка, въ которой его просили вылить жидкость, находившуюся въ стеклянкѣ, въ первый пирогъ съ сѣдьями, который онъ изготовить для меня. Вы знаете, что я страстный охотникъ до этихъ пироговъ, между тѣмъ какъ женѣ мой становится дурно отъ одного запаха пхъ. Кромѣ того, ему обшались еще большую награду, когда онъ исполнитъ это порученіе. Страхась измѣны, онъ поспѣшилъ принести ко мнѣ и стеклянку и 500 флориновъ. Я вымылъ нѣсколько капель этой жидкости на кусокъ сахара и далъ его съѣсть маленькой собачкѣ моей жены. Въ то же мгновенье съ бѣднымъ животнымъ сдѣлались страшныя судороги и оно околѣло, нѣсколько минутъ спустя. Не было никакого сомнѣнія — меня хотѣли отравить. Увидѣвъ смерть своей собачки, Клотильда зарыдала и бросилась ко мнѣ въ объятія. — «Ядъ! Убийца! вскричала она, прижимала меня къ сердцу и какъ бы желая защитити отъ угрожавшей опасности. — Боже милосердый! сжался надъ нами!..» Я успокоивалъ ее, говоря, что я даже долженъ быть благодаренъ своему неизвѣстному врагу за то, что онъ доставилъ мнѣ случай увидѣть, какъ любила меня моя добрая жена. Беркенроде пришелъ въ обыкновенное время. Жена его не приняла; она написала къ нему письмо, въ которомъ объявила, что все откроетъ мужу, если онъ опять осмѣлится придти въ нашъ домъ. Ничѣмъ полковникъ не могъ усмирить гнѣва Клотильды и наконецъ рѣшился жениться. Между нашими семействами не было никакихъ сношеній, но сынъ мой любитъ

его дочь; я соглашаюсь на бракъ пхъ, да жена не хочетъ.

— Еще бы! съ негодованіемъ вскричалъ фантъ Гроте. Я никогда не воображалъ, чтобы Беркенроде былъ способенъ на такое злодѣяніе!

— Ха! ха! ха! засмѣялся Брункеръ; такъ и вы обвиняете его?

— Да кто же виновный?

— Кто?

— Ну да, кто?

— Я самъ.

— Вы?..

— Я, спокойно отвѣчалъ Брункеръ; эта хитрость стоитъ мнѣ 500 флориновъ, которые я оставилъ повару. Оно дороговато, но за то я этимъ избавился отъ соперника и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ собачки, которыхъ я равно ненавидѣлъ. Ха, ха, ха!

— На вашемъ мѣстѣ, я бы во всемъ признался женѣ, потому что это шутка плохая. Не совѣмъ пріятно слыть отравителемъ... Подумайте о счастьи вашего сына.

— Оно такъ! Да какъ открыть Клотильдѣ?

Въ это время дверь отворилась и госпожа Брункеръ появилась на порогѣ.

— Я думала, что ты на балу, Клотильда, сказала ей мужъ.

— Нѣтъ. Я не такъ здорова и намѣрена лечь спать. Морисъ пошелъ съ сестрами. Я принесла тебѣ ключъ, который я нашла въ своемъ кабинетѣ и который не приходится ни къ одному замку въ цѣломъ домѣ. Вѣроятно, кто нибудь изъ твоихъ друзей забылъ его у тебѣ.

Брункеръ взглянулъ на ключъ и покраснѣлъ.

— Другъ мой, продолжала жена, я дала Морису согласіе на бракъ его съ дочерью Беркенроде.

— Благодарю, Клотильда, за добрую вѣсть.

— Г. Гроте, останьтесь отужинать съ нами. У насъ сего дня будетъ пирогъ съ сѣдьями, только не отравленнымъ.

Сказавъ эти слова, она удалилась.

— Вы теперь сами попались въ свои сѣти, — сказалъ Гроте, послѣ мнгутого молчанія; не рои другому ямы — самъ попадешь въ нее!

— Все равно, возразилъ Брункеръ, я радъ, что избавился отъ собачки жены.

НОВАЯ КНИГА.

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ, или жизнь и подвиги Россійскихъ Полководцевъ отъ временъ Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая I. Изданіе Константина Жернандова. Жизнеописанія составлены Николаемъ Писевымъ. Спб. 1845 года, стр. 351.

Вопросъ. Сколько въ Россіи было полководцевъ? Отвѣтъ. Двѣнадцать.

— Только?

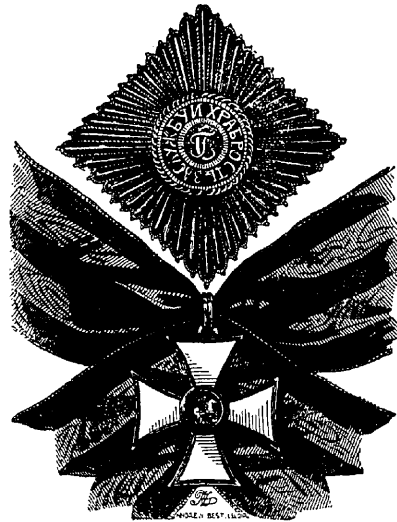
— Только. Петръ Великій, Шереметевъ, Меншиковъ, Минихъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Барклау де Толли, Витгенштейнъ, Дибичъ и князь Варшавскій...

Мы въ совершенномъ недоумѣніи. Не знаемъ, какъ понять заглавіе книги? Что значить слово полководецъ? Тотъ ли, кто водилъ русскіе полки на поле битвы, и подъ окомъ и волей одного только Русскаго Царя, держалъ начало, управлялъ движеніями войскъ, давалъ и выпрыгивалъ сраженія, словомъ, былъ Русскимъ полководцемъ? Невозможно понять иначе, а между тѣмъ въ Русскихъ Полководцахъ мы не находимъ князя Михайлы Михайловича Голицына, завоевателя Финляндіи, льва Петровыхъ временъ, который принадлежитъ не одному только храбростію къ военной исторіи нашей. Голицынъ былъ однимъ изъ искусыѣйшихъ стратеговъ своего времени. Встрѣ-

чаемъ Миниха и не находимъ Ласси, который, по воинской части, не многимъ уступаетъ искусствомъ и подвигами Миниху. Степанъ Федоровичъ Апраксинъ съ Гросс-Эгерсдорфскимъ сраженіемъ, графъ Салтыковъ съ Кунерсдорфомъ и съ завоеваніемъ всей Пруссіи — пропущены. Наконецъ, забыты графъ Гудовичъ и графъ Каменскій. Все они были удивлены лаврами побѣды; все были возведены на высшую степень воинскихъ чиновъ — и они не Русскіе полководцы! Не говоримъ уже о Михельсонѣ, и другихъ, которые хотя главнымъ начальствовали надъ значительными войсками, дѣйствовали отдѣльно, но не достигли до фельдмаршальскаго званія. Все это заставляетъ думать, что эта великолѣпная книга есть первый томъ сочиненія, котораго продолженіе задумано, но не обшано. Великолѣпная, сказали мы, потому что едва ли что-либо на Руси было издано съ такою художественною и типографическою роскошью. Отлично гравированный заглавный листъ, портреты всѣхъ двѣнадцати полководцевъ истинно изящны. Памятники имъ поставленные заключаютъ біографію каждаго. Всякая страница въ нарядной рамкѣ. Бумага высокой доброты. Словомъ, это изданіе своимъ великолѣпіемъ заслуживаетъ особенную признательность публики. Если подумать, какъ эта роскошь у насъ обходится дорого, какихъ трудовъ стоитъ собрать схожіе портреты, приискать рисовальщиковъ, подчинить ихъ дѣятельность исправности и порядку... то нельзя не удивиться такому успѣху полному предпріятія. — Редакція Иллюстраціи, едва ли не лучше другихъ, можетъ опѣнить трудности подобнаго изданія. Дѣло издателя исполнено превосходно; посмотримъ, исполнитъ ли свое дѣло публика, хотя въ половину также хорошо. Иначе печего и думать о второмъ томѣ, потому что издержки на такую книгу — огромны. Явственно, что издатель не искалъ барыша; но кому придетъ охота за доброе и полезное желаніе подвергаться значительнымъ убыткамъ. Будемъ надѣяться, что публика найдетъ достойнымъ подражать издателю и тѣмъ поощритъ и его и другихъ къ полезнымъ и изящнымъ предпріятіямъ.

А пока помѣшаемъ нѣкоторыя украшенія изъ сего изданія, изъ коихъ многія сами по себѣ, въ историческомъ отношеніи любопытны для каждаго. Мы избрали слѣдующія.

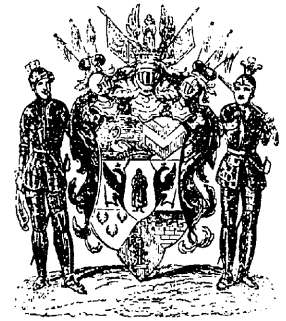
1. Изображеніе воинскаго ордена Св. Георгія Побѣдоносца.
2. Гербъ графа Бориса Петровича Шереметева.
3. Князя А. Д. Меншикова.
4. Графа Б. Х. Миниха.
5. Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.
6. Князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.
7. Князя А. В. Суворова-Италійскаго Графа Римникскаго.
8. Князя М. Л. Голенщикова-Кутузова-Смоленскаго.
9. Князя М. Б. Барклау де Толли.
10. Князя П. Х. Витгенштейна.
11. Графа И. И. Дибича-Забалканскаго.
12. Князя Варшавскаго Графа И. Ф. Паскевича Эриванскаго.
13. Монументъ Петру I, въ С. Петербургѣ.
14. Домикъ Меншикова въ Берсозѣ.
15. Мѣстожителства Бирона и Миниха въ Пелимѣ.
16. Памятникъ Задунайскому, въ С. Петербургѣ.
17. Пирампа въ Бессарабіи на мѣстѣ кончины Князя Потемкина.
18. Памятникъ Суворову, въ С. Петербургѣ.
19. Памятникъ Кутузову, тамъ-же.
20. Памятникъ Барклау де Толли, тамъ-же.
- 21—24. Аллегорическія изображенія къ жизнеописаніямъ Графа Шереметева, Князя Витгенштейна, Графа Дибича Забалканскаго и Князя Варшавскаго.

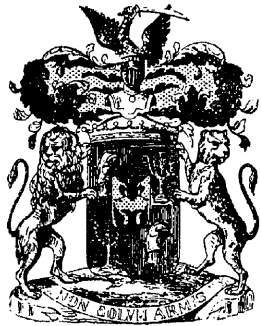
2.

3.

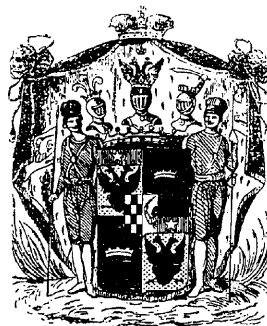
4.

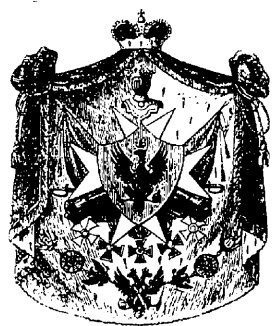
5.

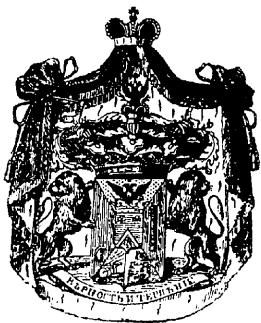
7.

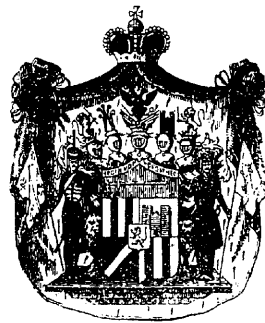
6.

8.

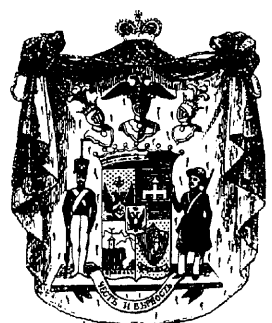
9.

10.

11.

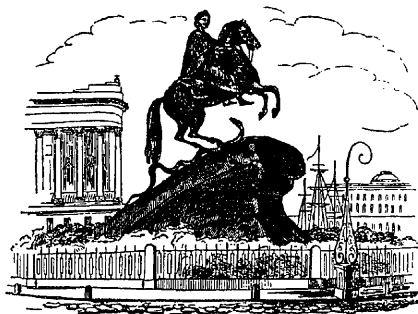

12.

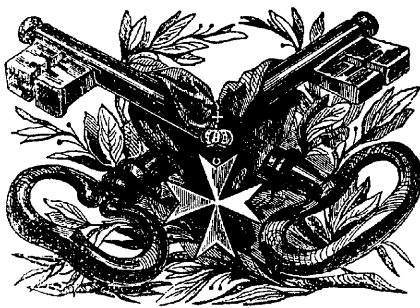
23.

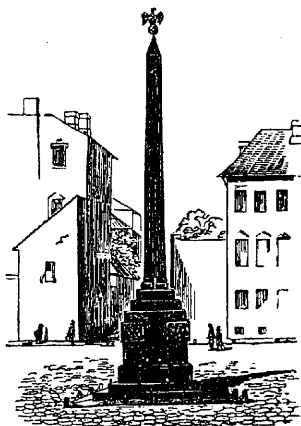
13.

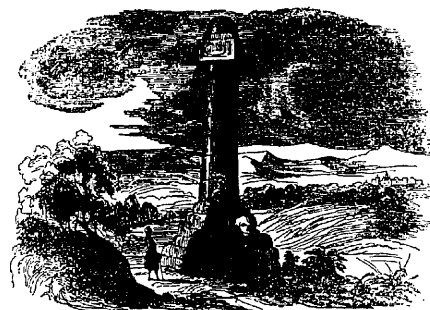
24.

21.

16.

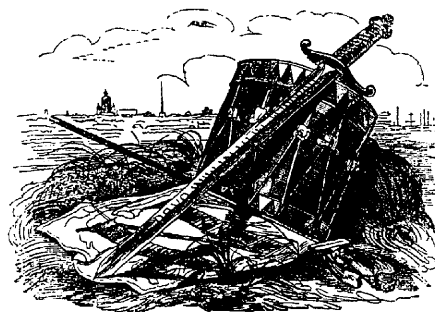
17.

18.

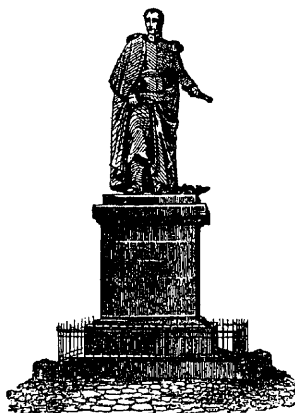
19.

22.

15.

20.

14.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г-жи Коррежъ.

Первые лѣтніе дни, при первой теплой погодѣ — плохое время для бенефисовъ. Кто живетъ на дачѣ, кто подъ вечеръ, а пожалуй и къ обѣду, отправляется туда къ знакомому, хоть, можетъ быть, и не въ угоду хозяину, посмотрѣть на первую зелень, погулять на чистомъ воздухѣ. Городъ пустъ; только мыслы на улицахъ, да чиновники, у которыхъ дѣла неотлагательны. Кто же пойдетъ въ театр? Кто добровольно выпадетъ до полуночи въ душныхъ стѣнахъ? Развѣ тотъ, кому приходится писать статейку въ Иллюстрацію о томъ, какія сочиняются во Франціи удивительныя комедіи, или о томъ, какъ дебютировала г-жа Флорансъ въ одной изъ этихъ комедій! А та комедія, о которой мы говоримъ, называется *L'onde à succession* и есть, собственно говоря, комедія-водевиль. Ее давали въ бенефисъ г-жи Коррежъ... Но будемъ говорить по порядку. Бенефисъ г-жи Коррежъ происходилъ въ субботу, 26 мая. Зала отлычала съ плачевною пустотою. Для начала давали старый и знакомый всѣмъ и каждому водевиль *Le maître d'école*, въ которомъ, на этотъ разъ, роль школьнаго учителя занималъ г. Готи и Руже, въ роли ученика Фоме, былъ еще уморительнѣе, чѣмъ Поль-Минс во время оно. Послѣ школьнаго учителя шла та удивительная комедія, о которой мы только что говорили. Исторія старая — богатый дядя и жадные наследники; между ними благородная чета, племянникъ и его добродѣтельная половина.

Племянника очернили въ глазахъ большого старика, чтобы отстранить лишняго наследника, и дядя не пускаетъ его на глаза. Но правда вездѣ возьметъ свое на стыдъ клеветы, на зло пороку. Такъ и здѣсь. Дюваль, пріятель стараго дяди, пользуясь кратковременной побѣдкой большого въ Англію, для развѣнія или для излеченія отъ болѣзни, по возвращеніи его, распускаетъ слухи о смерти старика и собираетъ наследниковъ, для выслушанія духовнаго завѣщанія. Само по себѣ разумѣется, что дядя присутствуетъ невидимымъ образомъ при этой назидательной сценѣ, гдѣ разоблачается жадное корыстолюбіе наследниковъ, открывается благородная душа оклеветаннаго племянника, и, какъ водится, добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказаны. Все это скучно, растянуто. Безъ особенной надобности не досидѣла до конца. Госпожа Флорансъ дебютировала въ роли добродѣтельной жены племянника Фревиля. Можетъ быть отъ робости она говорила такъ тихо, что слова ея едва доходили до нашего напряженнаго слуха. Впрочемъ, бѣда не велика, потому что она выбрала для своего дебюта такую пустую и незначительную роль, которая и при игрѣ талантливой актрисы, не обратила бы на себя никакого вниманія. Для окончанія пьесы придѣлана какой-то чувствительный куплетъ, въ которомъ дебютантка обращается къ спусхожденію публики. Будемъ же спусходительны и скажемъ ей, что если она привыкнетъ къ сценѣ и будетъ говорить погромче, то можетъ быть современемъ она не испортитъ второстепенныхъ ролей, разумѣется, маленькихъ и легковѣхъ. За скуку, какую навела на всѣхъ эта длинная и безтолковая комедія, вполнѣ вознаградила насъ послѣдняя пьеса, которая называется *Fargeau le pourrisseur*. Это веселый и бойкій водевиль, написанный съ умомъ и дарованіемъ. Впрочемъ, его и разыграли превосходно. Главную роль занималъ г-нъ Алланъ, котораго мы здѣсь опять увидѣли въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни; публика встрѣтила его громкими рукоплесканіями. Мы съ удо-

вольствіемъ любовались на эту умную и благородную игру; никто во всей нашей французской труппѣ не говоритъ куплетовъ такъ хорошо, какъ г-нъ Алланъ; никто не даетъ имъ такого полнаго, умнаго выраженія. Г-нъ Руже, въ роли Маркиза, смѣшилъ по обыкновенію; г-жа Эстеръ, въ роли вдовы Крепенъ, была на своемъ мѣстѣ; роль перваго любовника, Альберта, игралъ г-нъ Курси.

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

*. *Къ сожалѣнію, наша литература истинно геолопатическая; дѣлнмостью нашей производительности достигла до того, что простыми глазами не замѣтишь и атома. Есть стихи, есть проза; но все это вода, или другая посторонняя жидкость, которая употребляется въ Гомеопатіи, для увеличенія наружнаго объема дозы. Изъ газетъ самыя любопытныя теперь губернскаго вѣдомости. Въ нихъ вы найдете, хотя шрѣдка, ученую или занимательную статейку. Вотъ, напримѣръ, въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатана весьма занимательная статья о ловлѣ жемчуга въ этой Губерніи. Жемчугъ водился здѣсь въ обиліи, славился на Русь и за моремъ, именовался новгородскимъ; болѣе чѣмъ въ десяткѣ рѣкъ производилась ловля въ бродѣ и на плотахъ, въ которыхъ къ отвѣртію прикрѣплялись зрительныя бураки. Въ р. Сивугуѣ и теперь еще водятся раковины, по вѣ малому числу; ихъ нетреблю до вѣнечнаго ловцевъ. Жемчугъ носилъ только самка. Раковины самца и самки различить не трудно: первыя шероховаты и тверды; вторыя гладки и мягче; жемчужное зерно сначала бываетъ едва примѣтно, возрастаетъ постепенно, причѣмъ перемѣняется цвѣтъ жемчужины; перлы зрѣютъ и хороши только дозрѣвая; желки иногда не стоятъ и бисера. Невѣжественные ловцы не разсуждали объ этомъ, ломали жемчугъ какой бы онъ ни былъ, пустыя раковины, и натурально большую частію самцовъ, бросали прочь, тогда какъ ихъ слѣдовало опускать опять въ воду, а равно и раковины съ нездорѣвшимъ жемчугомъ. Такъ какъ еще раковины не совершенно истощились, то, кажется, при запретѣ ловли, въ нѣсколько лѣтъ онѣ бы опять размножились; но позволяютъ ли мѣстныя обстоятельства за тѣмъ имѣть присмотръ?

*. *Лучшее качество губернскихъ вѣдомостей — по нашему мнѣнію, есть отсутствіе критическихъ статей; лучше не писать вовсе, въ особенности объ ученыхъ предметахъ, нежели писать безъ знанія дѣла, на удачу. Мы, какъ извѣстно, вслѣдствіи уклоняемся отъ критики, а *наше* отъ полемики; но есть случаи, когда молчать и грѣшно и стыдно. У насъ, напримѣръ, ученые книги — фениксы; мы ихъ должны встрѣчать съ признательностію, разсматривать со вниманіемъ, какими мы обязаны и ученому труду и наукѣ, но, увы, мы удѣляемъ для такихъ книгъ столько же времени, сколько для дюжиннаго романа, и положительно пропозносимъ приговоръ, въ которомъ, что слово, то ошибка. Въ Библиотекѣ для Чтенія недавно была помѣщена статья П. И. Дегаля: Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства, и потомъ отпечатана отдѣльно. Другой журналъ, неизвѣстно почему, произнесъ приговоръ, обвинилъ ученаго автора въ недостаточности сочиненія, въ избраніи предмета слишкомъ недоступнаго для силъ одного человѣка и г. д. Критикъ явственно не читалъ сочиненія; иначе онъ бы увидѣлъ, что этотъ Взглядъ есть только введеніе къ труду обширному и весьма подробному; это, какъ гласить и заглавіе, взглядъ, арретжъ, необходимый для того, чтобы читатель былъ приготовленъ и послѣ-

цель въ системѣ книги, которая еще впереди. Искусству автора мы обязаны, что это введеніе можно читать отдѣльно, какъ весьма занимательную юридическую статью. Между тѣмъ исторія уголовного права, въ сочиненіяхъ Лаферьера, Пасторе и другихъ, положена не подробно, потому что нѣтъ въ томъ и нужды. Въ превосходной энциклопедіи Г. Неволниа, объ исторіи законодательства многаго народовъ, вовсе не упоминается, и никто изъ знающихъ дѣло читателей не обвинилъ автора. — Недостаточность, т. е. недостаточность? гдѣ? — Сочиненіе еще не вышло, и о недостаткахъ его судить трудно. Матеріаловъ? Но всѣ уложенія уголовныя могутъ быть сравнены; этихъ положеній около 20-ти; трудъ, доступный для силъ одного человѣка, разумѣется, ученаго. Юридическія книги не водевили, нероманы; ихъ нельзя писать à quatre; ихъ должна освѣщать одна и та же мысль, толковать одна и та же ученость автора; иначе выйдетъ Вавилонское Столпотвореніе. Это одинъ только образчикъ того, что у насъ дѣлается... Вавилонское Столпотвореніе! Смѣшныя языковыя... Недавно, въ ученой статьѣ, Flusspatz переведенъ — «ртутной камень!». Вотъ почему поселается невольное отвращеніе къ критикѣ нашей; не говоря уже о томъ, что это неуваженіе къ ученымъ трудамъ обнаруживаетъ не одно незнаніе. Celui qui conçoit une oeuvre est plus ou moins animé d'un sentiment genereux, celui qui la critique a toujours de l'érotisme dans l'esprit. Взглянемъ на Французовъ, которыми мы такъ усердно подражаемъ; и тамъ есть шарлатанство и тамъ иногда незнаніе смѣшны, но трудъ ученой вездѣ, въ самыхъ чуждыхъ журналахъ, пользуется уваженіемъ и разбирается или подробно, гдѣ могутъ, а гдѣ не могутъ, такъ общими фразами, которыя не оскорбительны ни для автора, ни для науки. Мы, напримѣръ, старыхъ своихъ писателей низводимъ до ничтожества; творимъ въ нихъ недостатки; Французы ищутъ въ нихъ достоинствъ и воскрешаютъ забытое къ чести себѣ и націи.

*. *Вотъ, напримѣръ, мы имѣли отличныхъ Математиковъ. Кто знаетъ ихъ? Они погибли невозвратно; Французы возстановили славу Дезарга, современника Декарта, Фера и Паскала и поставили его на свое мѣсто въ исторіи математическихъ наукъ.

*. * Рейнъ, письма къ другу, сочиненіе Виктора Гюго, вышло третьимъ изданіемъ, въ которомъ четырнадцать новыхъ писемъ. Успѣхъ этой книги объяснить не трудно; она написана человѣкомъ, у котораго никакая критика не оспоритъ высокаго таланта. У Виктора Гюго много противниковъ, но гораздо больше почитателей. Писатель для всѣхъ сносивъ — самый несносный. Эта терпимость любителей чтенія достается на долю только одной посредственности. У Виктора Гюго есть противники разнаго рода; одинъ изъ нихъ, артистически, ни какъ не хотѣлъ вѣрять, что знаменитый авторъ назначенъ перомъ Франціи и когда его въ этомъ убѣдили, онъ сказалъ: Oh! le Roi s'amuse!

*. * Англійскій механикъ Витстонъ, Wheastone затѣялъ споръ о изобрѣтеніи электромагнитнаго хроноскопа, которое Брегетъ приписалъ себѣ и капитану г. Константину. Витстонъ давно уже извѣстенъ своими сочиненіями и изобрѣтеніями. Въ Philosophical Transactions много статей его весьма интересныхъ. Онъ защищаетъ первенство своего изобрѣтенія весьма доказательно, но съ тѣмъ вѣстѣмъ положительно утверждаетъ, что Брегетъ приписалъ себѣ и г. Константину этотъ подвигъ, безъ согласія на то послѣднѣго. Изобрѣтеніе это весьма важно для артилеріи; но въ Англии опыты надъ электромагнитнымъ хроноскопомъ, произведенны въ Вулвичѣ, неизвѣстно почему оставлены; хотя Витстонъ въслѣдствіи весьма улучшилъ свой инструментъ. Электромагнитная сила едва ли не одна поглощаетъ теперь всю наблюдательность физиковъ и инженеровъ нашего времени. Жиле и Сентаръ представили Парижской академіи Наукъ новый способъ подавать сигналы, посредствомъ электрическаго телеграфа. Снарядъ устроенъ такъ, что электричество производитъ удары; пространство времени между ударами составляетъ

телеграфическую азбуку и какъ въ музыкѣ имѣть значеніе нотъ бѣлой, цѣлой, половинной, черной, разъ — визанной и т. д. Такимъ образомъ телеграфическую депешу можно переписать, какъ музыкальную фразу.

* * Инженерный капитанъ Доранъ, въ двухъ письмахъ къ Араго, изложилъ нѣсколько мыслей, совершенно новыхъ, на счетъ математической теоріи свѣта. Система ондуляцій съ послѣдствіями, которая утверждена была Коши и другими учеными подвергается опасности. Мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ возможной краткости результаты этой новой ученой тяжбы, коль скоро получимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ея ходѣ.

* * Корнелиусъ въ Берлинѣ; столица Пруссіи начинаетъ сильно соперничествовать съ Мюнхеномъ, и правъ ли не правъ М. Ф. К., по мы того мнѣнія, что искусства съ большимъ успѣхомъ могутъ развиваться въ Берлинѣ. Корнелиусъ сначала не возбудилъ тамъ большаго энтузіазма; даже не поправился Берлинцамъ; они судили художника по картинѣ: Христосъ въ преддверіи ада, которая была выставлена въ галлерей графа Рачинскаго. Рѣшили, что Корнелиусъ не большой себѣ мастеръ. Но Корнелиусъ былъ вызванъ въ Берлинъ главнѣйше для того, чтобы расписать *al fresco* стѣны Музея. Подмостки сняты, первая картина открыта и Берлинъ въ восторгѣ. Корнелиусу поручено теперь расписать стѣны Кампо-Санто; нѣкоторые рисунки уже готовы; сюжеты заимствованы изъ Священнаго Писанія. Трудъ колоссальный, но Корнелиусъ въ состояніи расписать весь Берлинъ *al fresco*. Этого именитый художникъ одаренъ терпѣніемъ, которому должно и завидовать и удивляться.

* * Современница — извѣстная Ида Сентъ-Эдмъ, надѣлавшая столько шума своими мемуарами, умерла въ Брюсселѣ въ богадельнѣ. Ей и ея издательница Европа особеннаго рода литературой, которая временно имѣла такой колоссальный успѣхъ и наполнила столько историческихъ лжей, что многія дѣйствительныя событія погибли для исторіи, потому что критика едва ли будетъ въ состояніи, въ этомъ хаосѣ выдумокъ, возстановить подлинность правдивыхъ фактовъ.

СОСНА И ПАЛЬМА.

(Изъ Гейне):

На сѣверѣ дальномъ растеть одиноко
На хладномъ утесѣ сосна...
И дремлетъ, — и свѣга покровомъ широкимъ
Одѣта она.
И снится ей пальма, что въ знойной пустышѣ,
Подъ солнцемъ горячимъ стоять...
И вѣтеръ свиститъ въ одинокой равнинѣ, —
И пальма груститъ.

—
Ее онъ безмолвно, но страстно любилъ :
И рѣдко, и холодно съ ней говорилъ ;
А въ сердцѣ его все была лишь она ,
И умъ занимала объ ней мысль одна...
Но дѣтской и рѣзвой своею душой
Любви не достигла она той святой. —
Онъ вѣчно былъ мраченъ, въ печаль погруженъ,
А взоръ ся ясный къ другимъ обращенъ. —
Но вотъ ужъ разстались они, — и далеко
Живетъ онъ, но любить ее, одинокой ;
А тѣ, что встрѣчали взоръ дѣвы живою ,
Объ ней позабыли холодной душой.....

М. Михайлова.

А НЕГДОТЪ.

— Это было очень давно. Еще за старыхъ гетмановъ, когда Украйну тѣснили и южные и западные сосѣди, а къ сѣвернымъ она еще не пристала.

Лѣтомъ, часу въ первомъ ночи, ѣхалъ изъ города Л. мѣщанинъ; дорога шла черезъ дубовую рощу; ночь была теплая, лунная; кобылка, запряженная въ оглобли, рысцою тащила повозку; мѣщанинъ, вытянувшись во всю длину повозки, лежалъ лицомъ къ небу и отъ нечего дѣлать считалъ звѣзды. — Вдругъ кобылка остановилась.

— Ну!.. закричалъ мѣщанинъ.

Кобыла ни съ мѣста.

— Ну, ну! булавка!.. Какой тамъ чортъ! сказалъ мѣщанинъ, лѣниво приподымаясь.

— Не чортъ, а христіанская душа, отвѣчалъ грубымъ голосомъ мужикъ, стоявшій передъ кобылой. Одной рукой онъ держалъ ее подъ устцы, а въ другой имѣлъ страшную толстую дубину.

— Прочь съ дороги! закричалъ мѣщанинъ.

— Этого-то и не будетъ; а не хочешь ли отдать деньги?.. Безъ этого я тебя не отпущу.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ мѣщанинъ, дрожа и оглядываясь во все стороны.

Кругомъ было пусто.

— Миѣ немного и надобно, давай два таллра и Богъ съ тобой; — не то... Не побоюсь грѣха.

Мужикъ поднялъ дубинку и значительно смотрѣлъ на нее.

— Вотъ въ мои деньги, говорилъ мѣщанинъ, выворачивая карманы, вотъ турецкій золотой въ два дуката, только и есть, возьми его, да пусти душу на покаяніе...

— Какъ бы не такъ! на что миѣ твои деньги? чтобъ прожгли мои карманы, да и домъ мой извели? Богъ съ ними! не хочу я ихъ! чужимъ добромъ не разживеши. Дай миѣ два таллра, съ меня ихъ требуетъ старшій, внести къ сроку надобно, не отдамъ, бѣда будетъ, въ тюрьму упрячуть... Вотъ что, дай миѣ два таллра, а ихъ завтра же и отдамъ старшему, а лишніе миѣ зачѣмъ? я не разбойникъ какой, нужда заставила, — взять негдѣ!

— Ей Богу нѣтъ двухъ талларовъ.

— Размѣняй.

— И размѣнять негдѣ, кто миѣ въ лѣсу размѣняетъ?

— Поѣзжай въ городъ, къ свѣту доѣдешь и размѣняешь.

Мѣщанинъ съ радостію повернулъ оглобли.

— Э! сказалъ мужикъ, какой ты вострый! вы народъ грамотный; какъ разъ проведешь, уѣдешь въ городъ и не дашь денегъ.

— Нѣтъ... какъ можно... отвѣчалъ мѣщанинъ смущеннымъ голосомъ.

— Вотъ видишь, ты уже и заминаешься... придется не отпустить тебя, хоть и не хочется.

— Помилуй, добрый человекъ! завопилъ мѣщанинъ.

— Что же, ты миѣ дашь два таллра?

— Дамъ, ей Богу дамъ.

— И меня не выдашь?..

— Не выдамъ, видитъ Богъ, не выдамъ.

— Ну такъ я поѣду съ тобой въ городъ, тамъ ты при миѣ размѣняешь золотой и дашь миѣ два таллра, тамъ я и отдамъ ихъ въ казну. — Подвнися-ка немного.

Мѣщанинъ подвинулся, мужикъ сѣлъ на повозку и они вмѣстѣ отправились въ городъ мѣнять деньги.

Е. Гребенка.

ПЕРЕПИСКА.

Доставившему статью. Праздникъ на московской сценѣ. Не подумайте, что Иллюстрація отпѣивается и уклоняется отъ помѣщенія статей о московскомъ театрѣ. Напротивъ того, она благодаритъ за вниманіе и проситъ впредъ не оставлять увѣдомленій, но лѣло въ томъ, что театральная критика, при неправильномъ или пристрастномъ взглядѣ, столь же опасна для публики, какъ и для гг. Артистовъ. Радуемся, что московская сцена въ дѣлѣ Мочаловой, пріобрѣла первоклассную актрису, но, простите, не вѣрять, будто бы сознаніе руководило ее въ игрѣ роли Лупзы въ тр. Коварство и Любовь. И вотъ почему: эта роль не годится для дебюта, потому что требуетъ огромной опытности, именно для того, чтобы вѣрно представить неопытность. Величайшее, торжествующее кокетство есть то, когда незаметно кокетство. А кокетство есть свѣтская драматическая игра. Позвольте намъ думать, что дѣвица Мочалова, въ безвѣстѣ своего отца, говорила тихо, не расточала движеній, потому что не увлеклась содержаніемъ роли, а просто потому, что робѣла, какъ дебютантка, и на этотъ разъ робѣла кстаги. Мы бы очень желали, чтобы догадка наша была несправедлива, но отъ неумѣренныхъ похвалъ погибло столько деботирующихъ гениевъ, что мы сочли обязанностію на этотъ разъ не помѣщать праздника на московской сценѣ. За портретъ г. Мочалова приносимъ искреннюю благодарность. Портретъ талантливой дочери почтеннаго артиста былъ бы также пріятнымъ подаркомъ для Иллюстраціи, помѣщаяющей не одні знаменитости, упрочившія свою славу, но и надежды художественнаго міра.

2) Л — ну. Пожалуй, лошадь ваша можетъ быть помѣщена въ Иллюстраціи, когда будетъ царско-сельская скачка, но въ такомъ только случаѣ, если она отличится на аренѣ, и если вы благоволите доставить рисунокъ повѣрнѣе. — Впрочемъ, если она и не будетъ участвовать въ скачкѣ, то благоволите сообщить доказательства ея подлинной знаменитости.

3) Объявленія и похвальные слова о цыгаркахъ не принадлежатъ къ нашему изданію. Вы не сердитесь, что мы не выставили и фантальной буквы вашей.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦИЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александръ Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавцевъ Свѣшниковъ и Баунова, въ книжныхъ лавкахъ въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Шпрлева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ №№ 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ,

подъ фирмою

АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Энгельгардта, поступили въ продажу:

РУКОВОДСТВО для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Составилъ лейтенантъ Р. Сналовскій. 2 части съ 75 чертежами. Спб. 1845 г. (12) Ц. 3 р. сер. всс. за 2 фун.

СТЕНОГРАФИЯ, или искусство писать также скоро, какъ говорить. На русскомъ и французскомъ языкахъ. М., 1844 г. (8) Ц. 1 р. 50 к. сер. вѣс. за 1 ф.

КРАСИЛЬНОЕ ИСКУССТВО, или руководство къ окрашиванію очень красиво и прочно шелка, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна во все цвета, а равно къ набивкѣ хлопчатобумажныхъ и льняныхъ издѣлій. Для фабрикитовъ, красильщиковъ и домашняго употребленія. Соч. *Карла Гистера*, практическаго красильщика въ Брѣнѣ. Перев. съ Нѣмец. Спб., 1845 г. (12) Ц. 1 р. сер. вѣс. за 1 ф.

ВАСНИ И. А. *Крылова*. Въ десяти книгахъ. Спб., 1843 г. (8) Ц. 1 р. 50 к. сер. вѣс. за 2 ф.

ЛЪДУШКА КРЫЛОВЪ. Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Спб., 1845 г. (12) Ц. 1 р. сер. вѣс. за 1 ф.

ГОДЪ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ, 1839 г. Дорожный дневникъ *М. Походина*. 4 части М., 1844 г. (12) Ц. 3 р. сер. вѣс. за 3 ф.

ПОЛНОЕ НАСТАВЛЕНІЕ какъ должно ходить за больными. Соч. *Теодора Зауера*, Штабъ-Лекаря Надворнаго Советника и Кавалера, старшаго Ораннатора при Градской Обуховской Больницѣ и Инспектора Фельдшерской Школы, учрежденной при оной же больницѣ. 2 части. Спб. 1842 г. (8) Цѣна 3 руб. серебромъ вѣс. за 3 фун.

ОВРЕДНЫХЪ ПОСЛѢДСТВИЯХЪ рукоблудія, или гигиеническія замѣчанія о несчастныхъ тайныхъ привычкахъ дѣтей, въ назиданіе родителямъ и наставникамъ, составленныя Докторомъ Медицины *А. Никитинымъ*. Спб. 1844 г. Цѣна 50 к. сер. вѣсов. за 1 ф.

ВЗГЛЯДЪ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ. Соч. *П. Дюпалъ*. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

СОБРАНІЕ РЕЦЕПТОВЪ, употребительнѣйшихъ при пользованіи больныхъ лошадей, или Ручной Конскій Лечебникъ. Состав *Ф. Пашкевичемъ*. Спб. 1845 г. (12) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 1 фун.

СТИХОТВОРЕНІЯ *Аполлона Майкова*. Спб. 1842 г. (8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 2 фун.

ДВѢ СУДЬБЫ, бѣлыя. *Аполлона Майкова*. Спб. 1845 г. (8) Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

АЛГЕБРА *Бурдона*, переводъ *Ф. Меца*, принятый въ руководство для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія и въ Герцонъ Институтѣ. Изданіе литое, сверенное съ 8-мъ французскимъ изданіемъ. Спб. 84 г. (8) Цѣна 1 руб. 50 к. сер. вѣсов. за 2 ф.

КЕСАРИ, сочиненіе *Ф. де-Шампаня*. Книга первая *Неронъ*. Спб. 1842 г. (8) Ц. 1 р. 25 к. сер. вѣс. за 1 фун.

ЦАРИЦА НОЧИ, переводъ съ нѣмецкаго *Адольфа Фоль-Имзена*. Спб., 1845 г. (8) Ц. 50 к. сер. вѣс. за 1 фун.

НОВЫЕ РИСУНКИ изящной мебели, въ вѣрныхъ пропорціяхъ и съ вѣрными масштабамъ, рисованныя *К. Шрейдеромъ*. Сто рисунковъ, составляющіе коллекцію полнаго амблемента, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Спб., 1845 г. на лучшей вѣлелевой бумагѣ (въ большой полулистѣ) Ц. 3 руб. сер. вѣс. за 3 ф

КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Изданіе *Н. Крылова*, удостоенное посвященія Его Императорскому

Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу. Выпускъ первый А—М. Спб., 1845 г. Ц. за оба выпуска 2 р. сер. вѣс. за 2 ф.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ для дѣтей. Царство животныхъ. Съ 390-ю фигурами. Составлена *С. Усовымъ*. Спб., 1844 г. (4) Ц. 2 р. сер. вѣс. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ французскаго языка, для русскыхъ по новой методѣ, удобнѣйшей къ изученію языковъ. Составленный *Леонардомъ Мочинскимъ*. Спб., 1844 г. (8) Ц. 1 р. 43 к. сер. вѣс. за 1 фун.

О РАСПОЗНАВАНІИ и леченіи сифилитической болѣзни, по всѣмъ ея видамъ. Сочиненія *Жироде де Сен-Жерве* Съ француз. перев. *Александръ Никитинъ*. Спб., 1843 г. Ц. 2 р. 85 к. сер. вѣс. за 3 ф.

ЖИЗНЬ БЕЗЪ ГОРЯ и ПЕЧАЛИ. Солдатская сказка. *И. Меркульча Щираю*. Спб. 1845 г. Цѣна 1 руб. сер. вѣсов. за 1 фун.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ. *И. Устрялова*. Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себя всю плоть томовъ втораго изданія, съ дополненіемъ 36 плановъ сраженій, отъ битвы подъ Нарвою до покоренія Парижа и съ указаніемъ источниковъ. Спб. 1845 г. (6. 8 л. л.) Цѣна 5 руб. сер. вѣсов. за 5 фун.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный магазинъ на имя *Ивана Федоровича Гевена*.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 10.

БѢЛЫЕ.

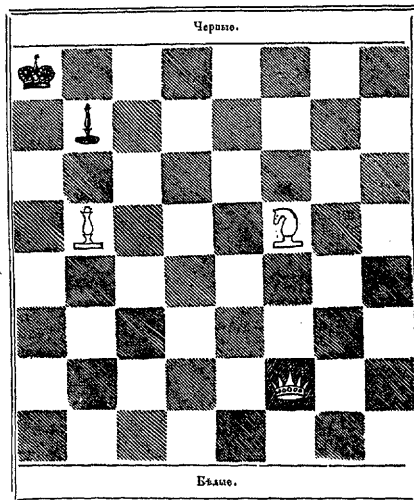
- 1) Кор. на 2. м. Сл. е.
- 2) Сл. на 5. м. Кор. е.
- 3) Л. на 6. м. Л. Кор.
- 4) Л. б. П. и Матъ.

ЧЕРНЫЕ.

- П. ф. 1. м.
- П. б. Слово.
- Кор. на 8. м. Л.

ЗАДАЧА № 11.

БѢЛЫЕ ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 11 ХОДОВЪ.

КАРТОЧНАЯ ЗАДАЧА.

Шестнадцать картъ : Тузъ, король, дама и валетъ, всѣхъ четырехъ мастей, — уложите въ квадратъ, но такъ, чтобы по вертикальнымъ и горизонтальнымъ линіямъ, а равно и по діагоналямъ, всегда лежали тузъ король дама и валетъ и всѣ четыре всегда разныхъ мастей.

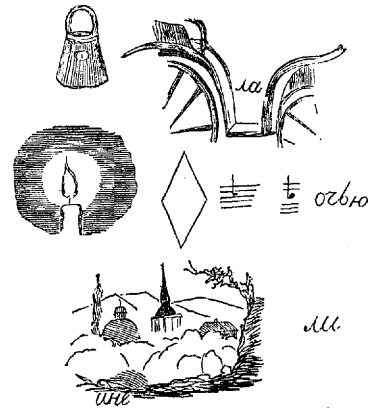
РАЗГАДКА № 10.

- 1) Помочь бедно-му-идол-гисъ частіе.
- 2) Помочь бѣдному и долгъ и счастье.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили нѣсколько писемъ, требующихъ отвѣта, уже по окончаніи всѣхъ корректуръ настоящаго номера. Благоклонные корреспонденты не разсудятъ, что мы по одной токмо необходимости отложили наши отвѣты до слѣдующаго 12 номера.

ЗАГАДКА № 11.

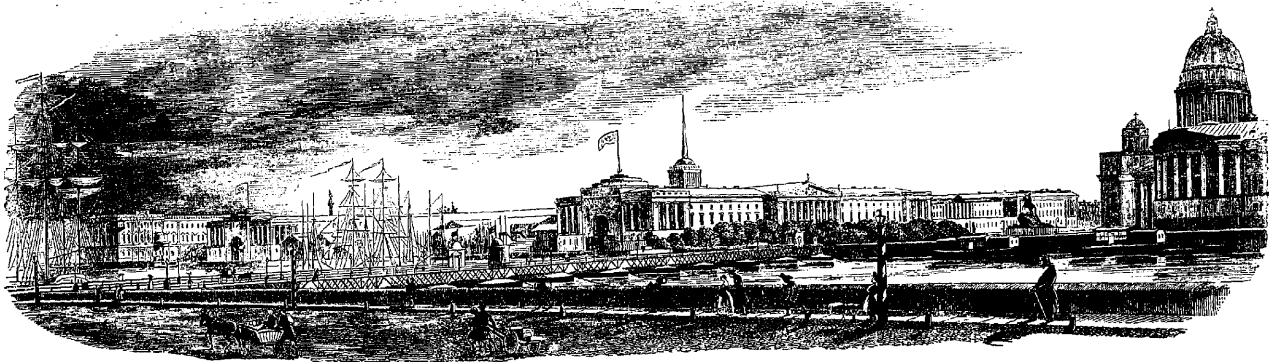

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Отъ Редакціи. 2) Лихорадка, повѣсть *А. Пальма*. 3) Каприциозо, повѣсть (*Продолженіе*). 4) Мюнхень. *М. Ф. К.* 5) О Калмыкомъ въроученіи. 6) Пирогъ съ сельдями, разсказъ. 7) Новая Книга. 8) Французскій Театръ. 9) Смѣсь : Странствователь по чужимъ изданіямъ. — Сосна и Пальма. *М. Михайлова*. — *Алекодъ Е. Гребеники*. — Переспика. — Объявленія, — Игры : Шахматы. — Отъ редакціи. — Загадка.

ГРАВЮРЫ : Сцена изъ повѣсти Лихорадка. 2) Сцена изъ повѣсти Каприциозо. 3) Площадъ передъ новымъ дворцомъ въ Мюнхень. 4) Курильщики Гаварни (4 рисунка). 5) Гербы, памятники и аллегоріи (24 рисунка). 6. Шахматы. 7. Загадка. Всего 33.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЗНАГО.

С доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 12. — Суббота, 25 Юня 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Бури, возставшія противу нашего изданія, еще не миновались; дѣтнее время и неудачи въ нападеніяхъ нашихъ противниковъ не уничтожили ихъ усердія вредять Иллюстраціи, которая только что родилась съ ибѣлю никому не вредить, всѣмъ и всякому приносить, по славу, пользу или удовольствие, или даже мгновенное, но пріятное развлеченіе. Противники наши отдыхаютъ, и хорошо дѣлаютъ. Чтобы разрушить дѣло доброе, за тѣмъ же самымъ фальшетоное краснорѣчіе; ищотжны письма, которыми пизъ за-угла бросаютъ въ Иллюстрацію; другія письма, въ превосходномъ числѣ, удостовѣряютъ Редакцію, что она не ошиблась ни въ своемъ пути, ни въ своихъ ожиданіяхъ.

Четвертая часть годового изданія передъ вами. Редакція въ этихъ двѣнадцати нумерахъ, прислушивалась къ мнѣніямъ людей благонамѣренныхъ, старалась улучшить издавіе постепенно. Но угождать на всѣхъ — невозможно. Одни благодарили насъ за обиліе оригинальныхъ статей пріемиюкъ; другіе требовали иностраннаго; третіе просили, чтобы ихъ непременно смѣнила Иллюстрація.

И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ.

Деросавинъ.

И при всемъ томъ, Иллюстрація не смутилась; вспомогательная извѣтѣйшими Русскими Литераторами и любителями словесности, въ двѣнадцати нумерахъ она умѣла заключить и статьи ученія и забавнаго содержанія, стихи, и повѣсти, и художества, и театр, и музыку и всѣ важнѣйшія новости ученаго и литературнаго міра; по части изысканой словесности, въ 12 нумерахъ, помѣщено двадцать двѣ повѣсти и пять стихотвореній, въ числѣ коихъ одно Таріэль, Барсова кожа, дѣлалъ глава изъ грузинской пѣяды. Въ 12 нумерахъ читатели наши сочиненія: Е. П. Гребенки, Э. И. Губера, А. И. Михайловскаго-Давилевскаго, Е. П. Ковалевскаго, А. П. Башуцкаго, Казака Луганскаго, Н. А. Полежаго, А. И. Пальма, А. Н. Петрова, Графа В. А. Сологуба, А. Н. Струговщикова и другихъ, о которыхъ не упоминаемъ, потому что г-жа В. А. — я и М. О. К. скрываются подъ буквами, Кукольниковъ — Главный Редакторъ Иллюстраціи, а П. Р. Фурманъ раздѣляетъ съ нимъ всѣ труды и занятія по Редакціи. — Мы не включили въ этотъ списокъ Русскаго Инвалида, потому что подъ названіемъ Чесменскаго Инвалида, именитый писатель нашъ украшаетъ двѣнадцатый нумеръ, кото-

раго, какъ предполагать должно, вы не прочли еще...

— Въ тѣхъ же двѣнадцати нумерахъ помѣщено одиннадцать статей по художественной части, четыре по музыкальной, двѣнадцать три относящихся до современности, всего восьмидесять семь статей, не считая анекдотовъ и другихъ мелочей, которыя наполняютъ послѣднія двѣ страницы Нумера.

— На счетъ гравюръ, мы сдѣлаемъ также только статистическое нечисленіе: оригинальныхъ помѣщено 112, иностранныхъ 98, всего 210, размѣтается, не считая въ этомъ числѣ модъ, загадокъ и другихъ мелочей.

Эти факты, которые каждый можетъ повѣрить, не требуютъ поясненій, какими обыкновенно сопровождаются подобныя статьи. Читатели теперь, безъ великаго вспомогательныхъ средствъ, могутъ сами судить о усердіи и старательности Редакціи Русской Иллюстраціи.

Въ дальнѣйшемъ пути, помощію благонамѣренныхъ сотрудниковъ нашихъ, коимъ мы обязаны здѣсь принести извѣщеніе нашей живѣйшей признательности, мы надѣемся, что Иллюстрація не остановится въ улучшеніи.

При этомъ случаѣ мы считаемъ не лишнимъ довести до свѣденія читателей, что съ перваго парохода мы ожидаемъ гравюръ, исполненныхъ въ Парижѣ, по рисункамъ на деревѣ Е. К. Мейера и другихъ русскихъ художниковъ. Влады Павловска, Финляндіи и южнаго поморя Балтійскаго-Моря уже въ дорогѣ; другіе гравюры будутъ намъ присланы въ теченіе настоящей навигаціи.

РАЗГОВОРЪ

ЧЕСМЕНСКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

Ну ужь, товарищи, книжечка, захлывающая, распотѣшная, нечего сказать. *Тарантасъ* — кланька не завидная, а стоитъ барской кареты; ужь, какъ добдемъ до вашей палаты, животики надорвете.

Нынѣ грѣхъ жаловаться, частенко и въ журналахъ, которые намъ читаютъ, помѣщаются глупости — либо слушать, какъ по маслу въ толкъ идуть. Спасибо писакамъ, молодцы, инна статьи, что въ ротъ, то спасибо, — лишь бы читали; уши развѣснши и на пролетъ ночь не успешъ.

Сочинители, говорятъ, люди молодые, а ребята, какъ видно, теплые: знаютъ весь бытъ и обычай до подноготной, до всѣхъ доѣзжаютъ и всѣмъ сестрамъ, какъ говорится, достается по серьгамъ; пишутъ прямо по-русски и на русскій ладъ, а что всего лучше, безъ примѣси грязи; итъ ничего невѣроятнаго и итъ ничего на правду непохожаго; разговоръ солдата и мужика не изуродованъ, а дурная сторона показана какой была и какою при юномъ на Святой Руси просвѣщеніи быть еще можетъ.

Этакія сочиненія, смѣло читай встрѣчному и поперечному. Люди всѣхъ званій и состояній, до ижицы поймутъ и для каждаго същется за мѣтка. Намъ, инвалидамъ, науки не въ прокъ, а молодымъ ребятнишкамъ, для переду, подобныя книги, мало сказать пріятны, но и полезны.

Времена, друзья, нечего сказать, мудренны! о чемъ прежде не думали не гадали, нынѣ въ очахъ совершается. Люди часть отъ часу востряты, поидурются и нейдуть, но летятъ впередъ, на шагъ не отставая отъ загѣй вѣка и должно признаться, что новое поколѣніе, далеко насъ, стариковъ, оставило на быстромъ походѣ къ наукѣмъ.

И слава Богу! — Завидовать намъ грѣхъ, но для собственной пользы этого новаго поколѣнія, намъ свойственно желать, чтобы достойные уваженія и подражанія подвиги, ознаменованные современниками нашими, въ порывахъ чистѣйшей любви къ вѣрѣ, Царю и Отечеству, не шли, по крайности, рядомъ съ пороками и невѣжествомъ, на которые такъ весело еще и не за-долго предъ симъ нападали литературные витязи.

Святая чувства, въ мужикѣ и въ солдатѣ, по всей вѣроятности, не сотрутся съ перваго плана человѣческой жизни, даже и тогда, какъ народъ Божій, вмѣсто вагоновъ по желѣзной дорогѣ, будетъ летать въ пузыряхъ по воздуху и тогда, чай, благотворная исторія въ науку и осторожность не перестанетъ подмѣчать украшающія и унижающія людей склонности.

И все, конечно, высокие добродѣтели гражданъ, — сильно задѣваютъ за душу, а разудалые,

молодецкіе, военные подвиги тормозатъ ретивое, оно такъ и прыгаетъ — словно казачка отхватываетъ.

Воля ваша, а я вовсе не понимаю—о чемъ вы друзья хлопочите. Ну, что можно написать и напечатать о нашемъ русскомъ мужикѣ? Право не умѣю придумать?.. — Заморскіе мужики, какъ говорятъ, не то что наши, а и объ нихъ мнѣ что-то не удалось читать вамъ, не смотря, что почти ежедневно, по приказанію смотрителя, проповѣдую я новости изъ Отечественныхъ Записокъ, изъ Библиотеки для Чтенія, изъ Литературныхъ Прибавленій, изъ Русскаго Инвалида и изъ Сѣверной Пчелы.

Ну, братъ, безпогій, проштыкнулся! — «Ахъ ты-де-молокосось, забылъ начальничій приказъ: читай старикамъ книги, да читай съ толкомъ, съ разстановкой, — чтобъ каждый слушалъ и понималъ. А давно ли въ Пчелѣ было, что въ какой-то нѣмецкой деревенькѣ жилъ лѣкарь, который по-часту ѣзжалъ въ городъ, — небось за пивками и за другими прочими лѣкарственными снадобьями. «Запрягай, братъ, скорѣе лошадей», — сказала лѣкарь мужику, который всегда охотно назимался возить его. — Нѣтъ, батюшка, ужъ извините, сего-дня нельзя. «Почему?» — Да я везу туда возъ дровъ на продажу. «Ну такъ дрова сложи дома, а чего они стоятъ я заплачу.» — Нѣтъ ужъ извините. — Возъ нагруженъ, готовъ, зачѣмъ же пропадетъ трудъ мой? — А вѣдь в городѣ я возмю четыре рубля. «Жая голова! да вѣдь я тебѣ за поѣздку даю то же четыре рубля.» — Нѣтъ, ужъ воля ваша, извините, возразилъ мужикъ, непонимавшій своихъ выгодъ. «Вези же дрова ко мнѣ на квартиру, прокомандовалъ лѣкарь, свали ихъ тамъ, вотъ тебѣ деньги и ѣдемъ.» — Крестьянинъ согласился и вѣс не догадался, что дрова отдалъ даромъ. — Теперь попробуй, заверни въ любую на Святой Руси деревню, выбери изъ всѣхъ глупѣйшаго мужика и поторгуйся, — такъ къ твоей-то невъгодѣ, онъ можетъ быть и ошибется, — но ужъ въ свою пользу... извините.

Вотъ за то, что ты намъ, господинъ грамотей, читаешь, мы тебѣ кое-что по-разскажемъ. Слушай.

Въ нашъ вѣкъ, неимовѣрными превратностями полный, русскому народу отъ перваго вельможи до простаго хлѣбпашца, — не разъ пришлось быть на осадѣ, и проба ему, извѣстна всему міру. Много было примѣровъ чудныхъ, дивныхъ, которые для васъ, молодыхъ людей, умерли; но мы, братъ, хорошо знаемъ и увѣрять насъ напрасный былъ бы трудъ: чтобъ русскій мужичокъ, умомъ, сметкою и сноровкою, — на волосокъ уступилъ мужику заморскому; а ужъ о солдатѣ и говорить нечего. Тѣхъ и другихъ видѣли мы, братъ, въ Верманіи и въ Хранціи, но... далеко къ цюму до зайца! — Возми-ка ихъ къ намъ, вотъ хоть бы, на примѣръ, на нынѣшнюю Святую Недѣлю — такъ ихъ бы и не понахло. — Климать, любезный другъ, а не даръ ума и неспособности къ дѣлу благоприятствуютъ: одного угнѣтаютъ и даже обезображиваютъ другаго, и дѣйствительно, какъ бывало увидишь заморскаго мужика, въ началѣ января, въ деревянныхъ съ красными

чулками башмакахъ; въ синей полотняной, какъ они называютъ, блузѣ, въ полосатомъ колпакѣ съ руками въ карманѣ, и какъ вообразишь, что въ одно и то же время грѣшное тѣло, корнилеца нашего, съ нуждою грѣютъ: полушубокъ, тулупъ и кафтанъ, на головѣ овчинная шапка, въ каждой рукавицѣ по двѣ варьги, а на каждой ногѣ по два фунта лыкъ, да аршинъ въ пять опучи, — такъ хотъ и скажешь, медвѣдь сущій, а подумаешь: не гребень голову чешеть, время! Но и при этомъ, покорнѣе просимъ вывезть на справку: въ какой землѣ могутъ похвастаться равными явленіями, равною любовью къ родному отечеству, — какія вчерпнулъ въ Гисторію нашу побѣдоносный 1812 годъ.

Да ужъ этимъ мы не гордимся и не хвалимся, разузнется, — какъ подвалитъ къ ретивому и подойдетъ къ горлу, такъ по неволѣ подкатится глаза ко лбу; одного слова: Москва и Божьи храмы въ рукахъ врага! довольно для сигнала, и вся Русь святая готова на смертный бой. — Но вѣдь въ томъ же казусѣ была Хранція, и что же? — Ты, небось, думаешь, что любовь умнаго и ученаго народа отразилась въ сердцахъ каждого и вышла изъ границъ! — именно такъ, только не къ отечеству, у ногъ побѣдителя уничтоженно лежавшему, а къ деньгамъ.

Боже мой! какъ теперь вижу, на Мормартѣ, чрезъ пять неболѣе минутъ, послѣ подобной молніи радостной вѣсти: пошла жителямъ и городу! — Мы дружились, обнимались, цѣловались и у насъ были, какъ говорится, и пирожки и ватрушки. Нельзя вѣрить, чтобъ жители Парижа болѣе радовались завоеваніемъ Москвы, нежели сдачею Парижа. — Мнѣ часто случалось идти по городу рядомъ съ ханцузскимъ солдатомъ; глядишь, барыня на встрѣчу, «Бонжуръ камрадъ,» вымолвить. Бывало, разбойница, протягивая мнѣ руку, бросала самый презрительный взоръ на земляка. Вотъ, братъ, какіе видѣли мы показы и какой за морями живетъ народецъ. А у насъ? — Ужъ у насъ, братъ, поцѣлуемъ басурманъ не поживится — извините! — пирожками и ватрушками угощать ихъ не будутъ; а для своихъ родныхъ солдатъ — рубаха долой!

При этомъ, по закону благодарности, считаю грѣхомъ смолчать: Въ исходѣ 1806 года, вновь сформированный въ Казани 26-й егерскій полкъ, въ который и я поступилъ, Высочайше повелѣно доставить въ дѣйствующую армию на подводахъ, при чемъ на ночлегахъ и дневкахъ всѣ роты размѣщались исключительно въ селенія, гдѣ приготовлены были лошади, а изъ оковыхъ деревень занимались тѣ только, которыя отъ штаба лежали не болѣе версты. Причины, требовавшія столь тѣснаго расположенія, были весьма важны. Въ составъ полка поступили штабъ, оберъ-офицеры и нижніе чины изъ двухъ армейскихъ полковъ и пяти гарнизонныхъ баталіоновъ. Славный Эриксопъ, прибывшій въ званіи шефа, какъ совершенный дѣла своего мастеръ, хорошо зналъ, что всѣ успѣхи въ приготовленіи этихъ разношерстныхъ, такъ сказать, подчиненныхъ, не бывшихъ во всю жизнь свою, не только въ дѣлахъ противъ непріятеля, но, сказать правду, и не читавшихъ ничего о сраженіяхъ и битвахъ, —

должны увѣряться именно на маршѣ и что иначе будетъ поздно. Онъ, каждодневно, по очереди навѣщая готовыя къ выступленію баталіоны, поднималъ духъ солдатъ и, знакомя ихъ съ честію и славою, не скрывалъ и опасностей, герою христіанину вовсе не страшныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ говорилъ гласомъ Святой Вѣры, обещающей награду за гробомъ; — короче сказать: Эриксопъ трудился его души, не зная отдыха и покоя, но надежды его оправдали далеко выше, нежели онъ могъ предполагать, чему непосредственно помогли христіобивые русскіе мужички.

Въ это время шла война; съ Французомъ, все войско съ Оренбургской и Сибирской лѣній слѣдовало въ Пруссію на обывательскихъ подводахъ; безугомонно суетились о сборѣ милиціи, а молва и сплетни разудалаго Наполеона пожаловали въ антихристы... все это произвело на народъ самое грозное и грустное впечатлѣніе, какого и въ роковой 12-й годъ не было. Но Русскому не лзя вспомнить безъ умиленія, какъ всѣ сословія спѣшили оказать усердное участіе въ общей бѣдѣ. — Однажды, стоя на часахъ у шефа, я слышалъ разговоръ его съ предводителемъ уѣзда, по которому мы слѣдовали. «Слава Богу! «сказалъ предводитель, хоть обстоятельства, по «словамъ вашимъ, и не такъ дурны, какими представляются распространявшимися слухами; но «мы должны гордиться святыми чувствами по-«хвальнаго патриотизма, который производитъ «неимовѣрныя явленія. Вся наша молодежь «въ строй, а неспособные къ службѣ, чтобъ «не тяготить армію людьми неучеными, въ бой «негодными, представили лучшихъ изъ сво-«ихъ служителей, нѣкоторые не пожалѣли «даже и камердинеровъ; купцы и мѣша-«не не жалѣютъ капиталовъ, а хлѣбпашцы «лично покажутъ вамъ образецъ, можно сказать, «благороднаго понятія ихъ объ обязанности «каждога вѣрнаго сына милаго намъ отечества. «Не угодно ли удостоить взглянуть на нихъ?»

На дворѣ квартиры стояло челоуѣкъ пятидесять поселянъ; шефъ вышелъ. «Прикажете «батюшка, ваше высоко-сіятельство, принять «хлѣбъ-соль для вашихъ солдатешекъ, — защит-«никовъ нашихъ, молвилъ одинъ избранный. — «Обыватели на большой дорогѣ счастливы: они «встрѣчаютъ, угощаютъ, провожаютъ и вся «душа наружи; а мы въ сторонѣ, словно огла-«шенные. — Кажись, жизни бы не пожалѣлъ для «нихъ, инъ и лакомымъ кусочкомъ поподчивать «не удастся.» — Съ послѣднимъ словомъ онъ поднесъ шефу коровай, на который другіе, тутъ стоявшіе мужики, положили, кто красенькую, кто бѣленькую бумажку, а одинъ взвалилъ и сотенную. «Не ровень часть, корнилецъ: нужна «прилучится, такъ и наша денежка не будетъ «щербата.» — Примолвилъ послѣдній.

Эриксопъ тотчасъ смѣкнулъ, что этотъ случай вручаетъ ему новое средство прищипить къ сердцу солдата новое чувство; — приказалъ проводить почтительнѣйшихъ мужичковъ къ мѣсту, гдѣ стояли подводы и гдѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, долженъ былъ собраться весь полкъ, и, обратясь

къ предводителю, сказалъ : «Мнѣ никогда не удавалось быть въ сердцѣ Россіи и даже Москву «видѣлъ я только проѣздомъ, но послѣ всего, «что вы мнѣ сказали и что я вижу? — и «мгновенная мысль объ опасности при Егорьи-«Фическомъ (кажется онъ молвилъ) положеніи «нашей матушки Россіи и при столь достослав-«ныхъ доказательствахъ любви къ ней всѣхъ «вмѣстѣ и каждаго разнo, грѣхъ тяжкій и, смѣю «прибавить, глупость непростительная. Подоб-«ныя силы врагу ужасны, страшны! — по намъ «загнѣ его только что смѣшны.»

Караулъ и казенный лицикъ примкнули къ полку, который стоялъ въ трехъ колоннахъ, составляя три фаса каре, — мужики съ хлѣбомъ въ серѣдкѣ. Шефъ тотчасъ выѣхалъ и, напоминая солдатамъ радушіе и радость, съ какою они принимаютъ добрыми жителями на всѣхъ ночлегахъ и дневкахъ, растолковавъ родную кровную любовь поселаянъ, прибывшихъ изъ околныхъ деревень съ отеческимъ, можно сказать, памѣреніемъ, улучшить походную жизнь ихъ — присовокупилъ : «теперь, друзья, къ присягѣ и къ священному паролу нашему, умереть или побѣдить, присоединится благодарность. — Кровью врага мы должны уплатить это родственное о насъ попеченіе!.. «И, обратясь къ предводителю, примолвилъ : съ «первомъ сраженіи молодцы мои поквитаются съ «вашими обывателями. — Въ минуты опасныя, «жаркія, не робѣя, грудью мы встрѣтимъ славу; — а слава въ долгу не остается, она не замедлитъ наградить 26-й егерской полкъ лестными именемъ своего любимца. Такъ ли я сказалъ, товарищи; угадалъ-ли я мысль вашу?»

И! батюшки свѣты, какой при этомъ поднялся шумъ, гвалтъ, такъ вотъ словно мать сыра земля расступилась. Одни кричатъ: ради стараться! другіе крестятся, божатся, кланутся не жалѣть послѣдней капли крови, а иные ропщутъ, что ихъ не скоро везутъ и зачѣмъ дюютъ. — Наконецъ, по неоднократнымъ уже знакамъ, солдаты смолкли; прослезившіеся мужики, а съ ними и самъ предводитель отерли слезы. — Барабаны грянули и мы отправились въ походъ.

Теперь, понимаешь ты, мокрал курица, въ какомъ славномъ Царствѣ, между какимъ добрымъ, умнымъ, сильнымъ и могучимъ народомъ ты родился, — и можно ли безъ тяжкой обиды слышать сравненіе заморскаго мужика съ нашимъ? — Наконецъ, вижу, что ты хочешь знать, исполнилось ли обѣщаніе храбраго нашего Эриксона, — поквитались ли мы съ поселаями? — Да, мы, братъ, въ долгу не остались, важно разплатились, свои чужіе тотчасъ узнали, что Сибиряки, какъ насъ величали, — шутить не любятъ. — За первое же сраженіе мы награждены отличіемъ на кивера, за второе серебряными трубами, а въ послѣдствіи, за отечественную войну, полкъ нашъ произведенъ въ карабинеры. — Но, положи руки на сердце и, по чистой совѣсти, я долженъ сказать, что за переходъ столь быстрый полка, по сформированію юнаго — въ чреду полковъ извѣстныхъ, славныхъ, мы обязаны исключительно храброму нашему шефу. — Кто зналъ Эриксона, тотъ безъ сомнѣній любилъ и уважалъ его всей душой, всѣмъ сердцемъ. Онъ на чистоту

былъ храбръ, честенъ, справедливъ, добръ и благороденъ, — такъ отзывались о немъ офицеры отъ перваго до послѣдняго и такъ цѣнили его солдаты. — Карпенко и Скобелевъ, неразлучные спутники Эриксона, — первый изъ нихъ командовалъ баталіономъ, послѣдній былъ шефскимъ адъютантомъ; равно обоимъ онъ любилъ, — бывало при всѣхъ онъ говорить : «и Скобелевъ, я увѣренъ, что отъ сорока-восьми пушечнаго ядра они не попятятся.»

Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости офицерамъ и солдатамъ за то, что они попили шефа, воля котораго была, законъ всѣмъ и каждому. А какимъ желаніемъ горѣлъ каждый изъ насъ сразиться съ неприятелемъ, — это увидишь изъ отчаяннаго подвига. — Вотъ грамотка, написанная въ то же время полковымъ писаремъ, который любилъ собирать всѣ свѣденія. — Богъ знаетъ, на что и для чего они ему? — Но онъ и хорошее и дурное ловилъ и берегъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ нашъ братъ, скряга, собираетъ и бережетъ гвоздики безъ шляпокъ и пуговики безъ ушковъ. — У меня глаза плохи, читай!

По прибытіи къ арміи, мы тотчасъ поступили въ авангардъ Князя Багратіона, при селеніи Лаунау и намъ, въ продолженіе круглаго мѣсяца, отпущено было провіанта только на шесть дней; а на рынкахъ фунтъ чернаго хлѣба продавался по рублю серебромъ. — Положеніе ужасное! — Но оно было бы и еще ужаснѣе, еслибъ шефъ не поддержалъ жизнь солдатъ пожертвованіемъ всего своего достоянія : благодѣтельныйнѣйшій этотъ начальникъ, вѣрный другъ чести и человечества, промѣнялъ на пищу для своихъ людей все, до послѣдней ложки. Но и при этомъ отеческіе порывы благороднаго сердца не вполне оправдались. — При большой семьѣ и при малыхъ средствахъ, не только пишіе чины, но и офицеры терпѣли всесовершеннѣйшую крайность, которая мгновенно прекратилась, какъ дошла радостная вѣсточка, что Государь Императоръ на пути уже къ арміи, но не задолго предъ тѣмъ къ шашашу, въ коемъ помѣщался шефъ, подошли шесть человекъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ.

«Ваше превосходительство, молвилъ одинъ «изъ числа первыхъ; — всѣ солдаты хорошо «знаютъ, что у васъ осталась одна только кровь, «не обратившаяся нмъ въ пищу, а о сраженіи «слыхомъ не слыхать. — По какимъ же грѣхамъ должны мы умереть, какъ какіе-нибудь нехристи, не заколовши ни одного Француза, — «чѣмъ мы дышали, чѣмъ восхищались и утѣшались на трудномъ походѣ болѣе трехъ тысячъ «верстъ.»

— Вѣрю, друзья, и знаю, какъ вамъ грустно, отвѣчалъ Эриксонъ; но пособить горю не въ моей волѣ.

РУССКІЙ ПИВАЛІДЪ.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ.)

БЫЛА ЛИ СОЖЖЕНА ЮАННА Д'АРКЪ?

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Была ли сожжена Юанна д'Аркъ? Это такой историческій фактъ, въ дѣйствительности котораго сомнѣваться невозможно. Будучи исполнена, въ присутствіи большаго стеченія народа, въ одномъ изъ первыхъ городовъ Франціи, около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, послѣ продолжительнаго и жестокаго суда, казнь этой благородной дѣвы есть одно изъ основательнѣйшихъ преданій нашихъ лѣтописей и столь вѣрное, что въ немъ невозможно даже сомнѣваться. Между тѣмъ оно было оспориваемо, опровергаемо; исторія этого опроверженія можетъ служить прекраснымъ примѣромъ и доказательствомъ заблужденій, въ которыя впадаютъ иногда люди самымъ ученымъ.

Въ 1645, аббатъ Винье, отправившись въ Лотарингію съ родственникомъ своимъ, маркизомъ Рисе, отправлявшимся туда въ званіи интенданта юстиціи, досталъ откуда-то рукописную хроніку XV-го столѣтія, въ которой онъ, къ крайнему изумленію своему, открылъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Орлеанской Дѣвѣ; свѣдѣнія, до тѣхъ неизвѣстныя историкамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1436 года, то есть пять лѣтъ спустя послѣ заключенія руанскаго процесса, пишетъ авторъ хроніки, Юанна, которая, какъ всѣ полагаютъ, была сожжена въ Руанѣ Англичанами, прибыла въ Мецъ, гдѣ находились братья ея, до тѣхъ поръ раздѣлявшіе общее мнѣніе; они были крайне обрадованы, увидѣвъ ее въ живыхъ.

«Въ двадцатый день мая, сказано въ хроникѣ, прибыла въ Мецъ дѣва Юанна, прозванная себя Клодой; и въ тотъ же день пришли къ ней братья, изъ которыхъ одинъ былъ рыцарь и прозывался Пьеромъ, а другой оруженосцемъ, и прозывался Петомъ-Жаномъ; едва они увидѣли дѣву, какъ узнали ее. А въ понелѣльникъ, въ двадцать первый день помянутаго мѣсяца, они увезли сестру съ собою въ Воклопъ; она одоро и ловко сидѣла на конѣ и всѣ узнавали въ ней дѣву Юанну д'Аркъ, короновавшую короля Карла въ Реймсъ.»

Изъ Меца, сказано еще въ хроникѣ, Юанна, вездѣ прекрасно принимаемая, отправилась въ Люксамбургъ, тамъ вышла за рыцаря Эрмоаза, влюбившагося въ нее, и возвратилась съ нимъ вмѣстѣ въ Мецъ.

Эта хроника возбудила безпокойство аббата Винье; но онъ оставилъ бы ее безъ вниманія, какъ баснословное преданіе, часто встрѣчающееся въ древнихъ лѣтописяхъ, еслибъ другое открытіе, представившее ему въ то же путешествіе, не подтвердило перваго. Обѣдалъ однажды г. д'Армоазъ, одного изъ древнихъ лотарингскихъ дворянъ, онъ случайно заговорилъ объ родословной его. Г. д'Армоазъ отвѣчалъ, что, находясь всю жизнь въ военной службѣ, онъ мало заботился объ своей генеалогіи, но что если аббату угодно, то онъ дастъ ему ключи къ его архиву. Ученый съ радостію принялъ это предложеніе, и, разсматривая старинныя бумаги, случайно замѣтилъ свадебный контрактъ, написанный въ XV столѣтіи и заключенный между рыцаремъ Эрмоазомъ и Юанной д'Аркъ, прозванной Дѣвой Орлеанской. Такимъ образомъ, старая хроника подтверждалась дѣйствительнымъ актомъ. Родъ д'Армоазовъ, не знавшій рѣшительно этого обстоятельства, столь славнаго для нихъ, обрадовался этому открытію, и аббатъ не колебался болѣе принять ту идею, что епископъ Бовескій, которому Англичане поручили исполненіе суда надъ Юанною д'Аркъ, не желая сдѣлаться виновникомъ смерти ея, замѣнилъ героиню другою осужденною, давъ ей средства спастись послѣ смерти герцога Бедфорта, приключившейся въ Руанѣ въ 1435 году.

Кромѣ того, аббатъ Винье представлялъ еще другое доказательство; грамоту, дарованную въ 1445 году Герцогомъ Орлеанскимъ одному изъ братьевъ дѣвы, и содержавшую слѣдующія слова: «Во уваженіе просьбы упомянутаго Шьера, со-

державці то объясненіе, что, ради службы королю и Герцогу Орлеанскому, онъ вмѣстѣ съ сестрою своею дѣвою Іоанною, оставилъ родню и жертвовалъ жизнью и состояніемъ въ пользу упомянутой службы, какъ во время отсутствія сестры своей, такъ и по возвращеніи ея,» и пр. и пр.

Слѣдовательно, Пьеръ зналъ, что сестра его не была казнена, потому что въ просьбѣ своей онъ говорилъ объ отсутствіи ея; еслибъ онъ имѣлъ малѣйшую причину думать, что она казнена завѣрность къ государю своему, то онъ непремѣнно воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы поставить это себѣ въ заслугу и имѣть еще большее право требовать вознагражденія.

Аббатъ Винье умеръ, не успѣвъ ничего напечатать по этому случаю; но въ 1635 году, братъ его, въ письмѣ, адресованномъ къ графу Граммонту и помѣщенномъ въ газетѣ le Mercure galant, обнародовалъ часть идей брата. Въ 1684 году, тотъ же журналъ опять обратился къ этому предмету, напечатавъ письмо г. Вьенна-Планса, въ которомъ были объяснены нѣкоторые затруднительные вопросы, представившіеся по случаю идей аббата. Другой аббатъ, Кальме, включилъ въ свою *Исторію Лотарингіи*, кромѣ вышеупомянутыхъ документовъ, еще контрактъ, найденный въ тѣхъ же архивахъ и заключенный по случаю продажъ имѣнія въ Гаранкуръ. Контрактъ этотъ былъ написанъ отъ имени Роберта д'Армоаза и Іоанны д'Аркъ, дѣвы Орлеанской. Наконецъ, въ 1749 году, новые документы, найденные въ Орлеанѣ и обнародованные Полюшемъ, опять возобновили разсужденія объ этомъ предметѣ.

Разсматривая старинные отчеты орлеанской ратуши, Полюшь нашелъ отчетъ, заключавшій въ себѣ слѣдующую статью:

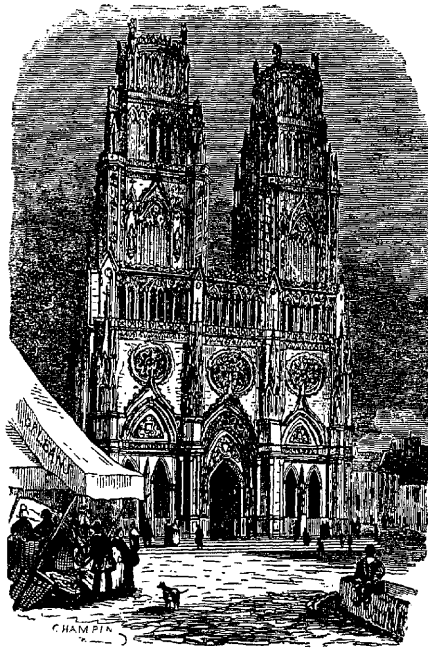
«Реподу Брюну, 25 сего мѣсяца (юль) вечеромъ, дано 11 су 8 денъ на водку, за письма отъ Іоанны, Дѣвы Орлеанской, къ Гильому Бельару.»

Эта любопытная статья заставляла его продолжать свои розысканія и, такимъ образомъ, онъ открылъ, что въ августѣ 1436 года, братъ Дѣвы проѣхалъ черезъ Орлеанъ, возвращаясь къ сестрѣ послѣ представленія королю: городъ принялъ его съ почестями и торжествомъ и поднесъ ему сумму денегъ, чтобы доставить средства достойнымъ образомъ возвратиться къ себѣ; что въ октябрѣ того же года, городъ Орлеанъ отправилъ посла къ Дѣвѣ, находившейся въ то время въ Арлонѣ, герцогствѣ Люксембургскомъ, что совершенно согласуется съ показаніемъ хроникъ и архива рода Армоазовъ; и что Іоанна д'Аркъ отправила съ этимъ посломъ письма къ королю.

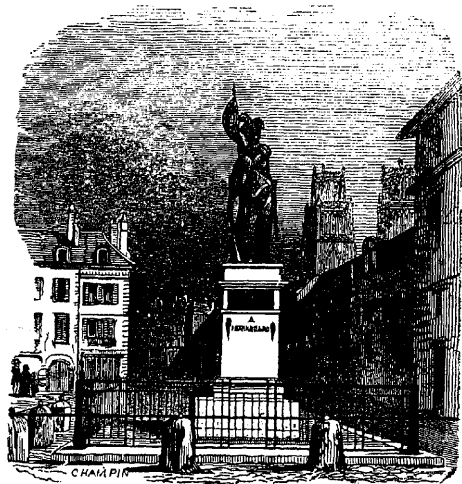
Наконецъ, послѣднее обстоятельство, рѣшающее всякое сомнѣніе, то, что въ полѣ 1439 года, четыре года спустя послѣ своей свадьбы, Дѣва сама прибыла въ Орлеанъ, подъ именемъ Іоанны д'Армоазъ. Въ городскихъ отчетахъ находится описъ всѣхъ издержекъ и расходовъ, сдѣланныхъ для ея пріема, и подарка въ 2000 франковъ, сдѣланнаго ей городомъ въ воспоминаніе услугъ, оказанныхъ ему героиней во время осады.

Такимъ образомъ, Іоанна, спасшая изъ темницы Руанской, послѣ смерти герцога Бедфордскаго, была узана всѣми, имѣвшими прежде съ нею сношенія; она удалась въ Люксембургское Герцогство, гдѣ вышла замужъ за одного изъ знатнѣйшихъ дворянъ и, наконецъ, поселилась съ нимъ и дѣтми въ Мецѣ; братъ ея, обрадованный этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, лично извѣстилъ о немъ короля и получилъ награжденіе; на возвратномъ пути онъ объявилъ о томъ въ Орлеанѣ, и градскіе старшины, желая убѣдиться въ справедливости словъ его, отправляютъ посланнаго къ самой Дѣвѣ съ просьбой, посѣтить спасенный ею городъ, что Іоанна и исполнила въ 1439 году.

Нельзя подумать, чтобы Орлеанцы были увлечены восторгомъ при одномъ извѣстіи объ спасеніи обожаемой ими Дѣвы, потому что они прекратили церковную службу по покойницѣ только въ 1440 г., а именно тогда, когда лично увѣрились въ томъ, что она еще жива; они не вѣрили ли словамъ брата, въ свидѣтельству очевидцевъ, ни даже

(Соборъ въ Орлеанѣ.)

(Памятникъ Іоаннѣ д'Аркъ.)

увѣреніямъ возвратившагося посла, отправленнаго нмѣ, по увидѣвъ собственными глазами зашитицу свою, они не могли болѣе сомнѣваться въ чудесномъ спасеніи ея.

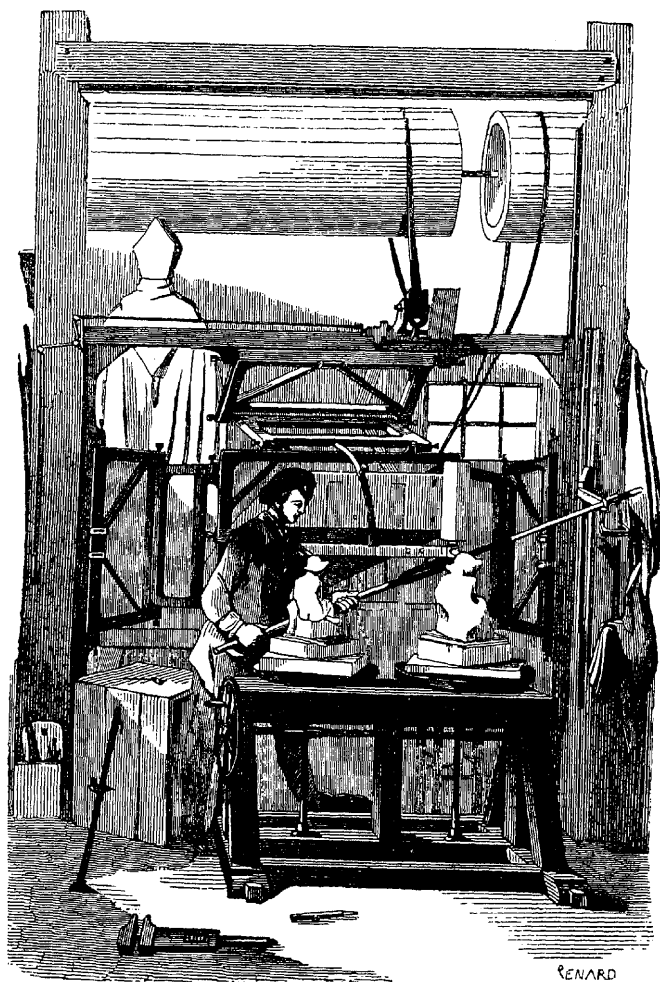
Изъ всѣхъ этихъ неопровержимыхъ доказательствъ явствуетъ, что Юанна д'Аркъ не была сожжена.

(Вторая статья будетъ помѣщена въ слѣд. номерѣ.)

СКУЛЬПТУРНАЯ МАШИНА.

Эта машина одна изъ замысловатѣйшихъ, которыя намъ случалось видѣть. Она вся состоитъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ параллелограммовъ, поддерживающихъ рамку, снабженную двумя руками, настоящими руками, въ которыхъ сгибы замѣнены колесами и шестернями; первы — цѣплями и безконечными веревками; пальцы — желѣзными прутьями, а ногти — острыми, круглыми, тупыми, вмятообразными и спиральными инструментами; рукамъ этимъ придаетъ движеніе паровая машина, одна изъ нихъ упирается на копируемый предметъ и всею нѣжными образомъ, постепенно какъ бы ощупываетъ всѣ контуры его, глазныя впадины, выступъ носа, выпуклость подбородка, круглоту щекъ; а другая, повторяя съ точностью всѣ движенія первой, быстро отбиваетъ съ помощью двухъ молотковъ мраморъ, къ которому прикасается, и такимъ образомъ дѣлаетъ первый эскизъ бюста или статуи; потомъ, съ помощью рѣзка, всѣ лишнія, оставшіяся еще части счищаются и сглаживаются, наконецъ, по прошествіи часа, не болѣе, разумный инструментъ отступаетъ и взорамъ нашимъ представляется, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ кусокъ грубаго камня, бюстъ или статуя, которую остается только окончательно пройти и выгладить.

Изобрѣтатель этой машины г. Кошцекъ.

(Скульптурная машина).

ТРИ ВСТРѢЧИ.

Очеркъ азіатскихъ нравовъ.

1.

Я стоялъ въ гарнизонѣ въ Аббайварѣ, на сѣверѣ Венгріи. Тамъ каждый офицеръ занимаетъ цѣлый домъ съ конюшнями и маленькимъ садомъ. Часто эскадронъ размѣщенъ въ четырехъ или пяти деревняхъ, которыя, обыкновенно, лежатъ въ двухъ или трехъ миляхъ одна отъ другой; слѣдовательно полкъ биваетъ иногда разсѣянъ на пространствахъ тридцати миль. Прибавьте къ этому, что сообщенія, особенное мое время, были въ самомъ дурномъ положеніи и вы поймете, что наша жизнь походила на ту, которую ведутъ въ военныхъ поселеніяхъ. У каждого изъ насъ было свое маленькое хозяйство; но иногда надо было употребить цѣлый день, чтобы ѣхать въ гости къ какому нибудь помѣщику, гдѣ мы проводили время, курия табакъ, играя въ тарокъ или разсуждая объ выборахъ и о политическихъ интересахъ нашей провинціи, которые были для насъ важнѣе всей полянки Европы.

Охота, лошади, служба, любовныя интрижки, особенно послѣднія, потому что свиданіе назначалось иногда на 20 или 50 миль разстоянія, коекакъ наполняли нашу жизнь. Что касается до меня, то рыскалъ по полямъ и лѣсамъ, я вскорѣ очень коротко познакомился со всѣми отчаянными мошенниками, крадшими лошадей и скотъ, и которые, селясь въ степяхъ, на берегахъ Дуная, или въ Карпатскихъ лѣсахъ, предпочитали свою ко-

(Габурекъ).

чему удаю жизнь въмъ блганъ цивилизаціи п осёдлой жипи.

Случайно, во время отпуска, проведеннаго мною въ Вѣнѣ, я встрѣтилъ женщину, близъ которой я невольно долженъ былъ отдать предпочтеніе прелестямъ хорошеюй бѣльняквой ручья, маленькой ножжѣ, красноу обуюй, тонкой и стройной тапн, бѣлакурыхъ, надушенныхъ волосъ, прездъ дикой красотой женщины въ красныхъ сапогахъ, съ черными, какъ смоля, волосамъ, вымазанными жиромъ, съ мускулистыми руками, загорѣлыми отъ солнца. Нетти (такъ звали мою свѣтскую красавицу) прелестна вельможу, который имѣлъ болѣе власти въ государственномъ свѣтѣ, нежели надъ сердцемъ молодой дѣвушки.

Вдругъ я получилъ приказаніе выѣхать изъ столицы въ двадцать четыре часа. Надо было ѣхать. Я едва успѣлъ написать трогательное прощаніе къ Нетти.

Недѣлю спустя, воротившись въ гарнизонъ и сѣдя у двери моего домика, подъ густою листвою, я курилъ и разговаривалъ съ *гадуади* (поручкомъ) гайдуковъ; вдругъ я увидѣлъ красивую коляску, которая остановилась на минуту у гостиницы и потомъ прямо поѣхала къ моему дому.

Коляска остановилась; пвъ педъ поспѣшно выскочила женщина въ нарядномъ, городскомъ костюмѣ. Она бросилась ко мнѣ — я узналъ ее — то была Нетти!

Добрая, милая Нетти!... Женщины, чувствительности которыхъ не въ сердца, а на языкѣ, которые гордятся строгою своею добродѣтелью, обвинили тебя, великодушная Нетти; онѣ исключили тебя изъ своего круга за то, что ты хотѣла осчастливить меня и раздѣлять изгнаніе, которому я подвергся изъ любви къ тебѣ!... За то, какъ часто милый образъ твой носится предо мною, у бивачнаго огня, съ тѣхъ поръ, какъ цвѣты растутъ на твоей могилѣ!...

Счастье не можетъ быть вѣчнымъ. Я получилъ приказаніе ѣхать въ Бессарабію за ремонтномъ, для котораго на арканъ надо было ловить дикихъ, степныхъ лошадей. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ я проводилъ дни на конѣ, ночи подъ открытымъ небомъ. Нетти не могла послѣдовать за мною. Я рѣшился проводить ее обратно въ Прессбургъ и для того избралъ кратчайшій, хотя и труднѣйшій путь. Мы отправились въ легонькой колясочкѣ, запряженной пятью венгерскими лошадьми, которыми правилъ мой кучеръ и мой гусаръ*.

Въ первый вечеръ нашего путешествія, мы прибыли въ А — жалкую деревню, лежащую въ горахъ. Она вся населена дворянами; земельладельцы, батраки, наеде нище — дворные, и всема гордится своимъ званіемъ, защищающимъ ихъ отъ судебныхъ притыковъ и позволяющимъ имъ дѣлать злоупотребленія и жестокости, остающіяся, болѣею частью, безнаказанными. Однакожъ, если разбой увеличивается, то судьи получаютъ отъ верхнаго суда право судить виновныхъ; расправа производится въ такомъ случаѣ быстро; виновнаго вѣшаютъ, безъ дальнихъ разсужденій, на первомъ встрѣчающемся деревѣ, на которомъ трупъ и остается, въ примѣръ другимъ, добычей коршуновъ и вороновъ. Часто, по дорогамъ, попадаются несчастные, висящіе на деревѣ и показываемые вѣтромъ. Это ужасное зрѣлище не препятствуетъ однакожъ смѣлѣйшакамъ, называющимъ себя *бѣдняками* (сдѣгень — легенъ) жить грабежамъ, производимымъ обыкновенно въ стадахъ и табунахъ, пасущихся на поляхъ средней Венгріи. Они знаютъ, что ихъ ожидаетъ висѣлица, но ихъ утѣшаетъ вѣкотораго рода слава, которую они получаютъ; вѣсны народа, рассказы стариковъ и преданія, лучше сохраняютъ славныя имена Ангил-Бандо, Спюда-Мерци и Бецкерка, нежели мраморные или бронзовые памятники.

* Гусаръ, по-Венгерски, значить *двадцатый*, потому что въ войскахъ съ Турками каждый приходъ долженъ былъ представлять изъ двадцати человекъ одного вооруженнаго воина. Гусаръ значить конный солдатъ, а гайдукъ пѣшій. По военственнымъ и феодалнымъ обычаямъ той страны, сѣдъ дворяне, даже эпископы, имѣють своихъ гусаровъ и гайдуковъ.

Гостиница въ А — хуже всякой испанской *вельты*. Она состоитъ изъ двора, обнесеннаго заборомъ изъ заостренныхъ кольевъ. По обомъ концамъ, строенія: одно принадлежитъ хозяевамъ, другое, обширный сарай, назначено для путешественниковъ. Въ этомъ сараѣ поймаются гонда, сауги и даже скотъ. Можно представить себѣ какую ночь провела бы на подобномъ дворѣ моя бѣдная Нетти. Я предпочелъ переночевать съ нею въ хозяйскомъ домѣ. Я даю это пыльное названіе маленькой избушкѣ, состоящей изъ трехъ комнатъ: кухни, бѣтета и жплаго покоя. Дверь, вышнюю въ полтора аршина не болѣе, вела въ кухню, маленькую и грязную. На право другая дверь, подобная первой, вела въ бѣтеть, въ которомъ были два полусоглившіе стола, скамьи около стѣнъ и большая каменная печь, на которой сушилось бѣлье, хлѣбъ, овощи, плоды, а въ холодныя ночи спали путешественники, которымъ удавалось опладѣть этимъ привилегированнымъ мѣстомъ. Въ комнатѣ же жилъ хозяинъ. Полъ вездѣ состоялъ изъ крѣпко убитой глыны, которая послѣ поноекъ, во время которыхъ ялялось вино ручья, превращалась въ вязкую, скользкую грязь. Потолокъ состоялъ изъ бревенъ, подпертыхъ джюжимъ древеснымъ стволомъ, подобно колонкѣ, высившейся посреди комнаты. За нѣсколько флориновъ хозяинъ уступилъ мнѣ свою комнату, гдѣ Нетти рѣшилась переночевать вмѣстѣ со своей служанкой, составивъ изъ подушекъ экипажа нѣчто въ родѣ дивана.

Во время прпготовленій къ тому, чтобы какъ можно спокойное провести ночь, на постоялый дворъ пришелъ человекъ, паружность котораго поразила меня съ перваго взгляда. Онъ прѣхалъ на маленькой, но сильной и здоровой пѣрой лошадакѣ, убранной, по венгерскому обычаю, множествомъ пестрыхъ ленточекъ. Высокое сѣдло было покрыто бараньей шкурой. Онъ ловко соскочилъ съ лошади, привязавъ ее къ одному изъ колевъ забора, а самъ вошелъ въ бѣтеть. Этому человеку было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотя по загорѣлому лицу и морщинамъ, проведеннымъ по лицу его трудами и страданіямъ, ему казалось болѣе тридцати лѣтъ. Въ выраженіи лица его было шѣтосуровое и недоувѣрчивое. Глаза его были живы, блестящи; онъ съ изумительною быстротою бросалъ взгляды во все стороны, точно лисица, болшала быть пойманною. Волосы его, черные и блестящіе, висѣли по обѣимъ сторонамъ лица и доходили до половныя груди. У него не было бороды, а только усы, намазанные жиромъ и тщательно загнутые вверхъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, сухъ, мускулистъ. На загорѣлое лицо его падала тѣнь отъ шлпны, съ широкими полями и украшенной паванными перьями и подѣльными цвѣтами. Впрочемъ, костюмъ его сходствовалъ съ одеждой конныхъ пастуховъ. На немъ была коротенькая пологивная рубашка, широкіе, также пологивные, шаровары, стянутые въ тальѣ ремнемъ. На плечо была накинута, въ видѣ домана, баранья шкура, шерстью внизъ, и обитая шерстяными разноцвѣтными украшеніями. Плащъ этотъ называется *бунда*; онъ служитъ *бѣдняку* кроватью, одѣяломъ, одеждой и скатертью. Все это было очень просто и естественно, но я имѣлъ уже тогда навывъ, что съ перваго взгляда молодець этотъ показался мнѣ подозрительнымъ. Вокругъ талъ у него была обита длинная веревка, сплетенная изъ конскаго волоса и на концѣ которой дѣлается петля для поимки лошадей и рогаго скота. Не было никакого сомнѣнія, что таково было ремесло вновь прибывшаго; иначе лезвее топора, бывшаго у него подъ мышкой, не было бы такъ заострено, и у липныхъ шпоръ, прикрѣпленныхъ къ сапогамъ его, не было бы колючекъ, подобныхъ острымъ игламъ. Топоръ и шпоры были роскошны, не согласовавшеюся съ чрезвычайною простотою прочихъ частей его костюма.

Я спросилъ хозяина постоялаго двора, не признаютъ ли у него иногда отчаянные молодцы, избѣгающіе подъ именемъ *бѣдняковъ*. Онъ клялся всѣми святыми, что принимаетъ у себя только однихъ честныхъ людей, но почти въ ту же минуту повѣрилъ моему гусару, что человекъ, котораго я описалъ, былъ нѣкто Габуракъ, дезертеръ изъ

раабскаго полка и отчаяннѣйшій лошадиный воръ. Мало по малу стала собираться дѣлая компанія. Я увидѣлъ трехъ другихъ молодцовъ въ *бундахъ* и красныхъ панталонахъ; по послѣднему можно было догадаться, что они прежде служили въ гусарахъ; потомъ пришли четыре крестьянина, принадлежавшіе къ довольно странному обществу, дѣлаю котораго было добывать самыя дешевыя образцы лошадей, быковъ, коровъ и барановъ, или въ отищеніе за обиду, причиненную одному изъ членовъ общества, мстить грабежамъ или разбоємъ, смотря по обстоятельствамъ.

Хозяинъ уже не запырлся въ томъ, что гости его были *бѣдняки*, не переставая между тѣмъ жаловаться, что совершенно неожиданные посѣщеніе ихъ, вѣроятно, необеспокоитъ меня. Онъ, однакожъ, увѣрялъ, что я могу спать спокойно и что ни одинъ волосъ на головѣ моей не будетъ поврежденъ. Я былъ увѣренъ, что хозяинъ такой же плутъ и, можетъ быть, похитрѣе еще своихъ гостей, а потому рѣшился принять свои мѣры. Уѣхать было невозможно, потому что ночью, въ лѣсу, было еще труднѣе защититься отъ нападенія, нежели здѣсь; притомъ же это былобъ доказательствомъ страха и внушило бѣ плутамъ намѣреніе, о которомъ онъ, можетъ быть, и не помышлялъ. Я рѣшился казаться совершенно спокойнымъ.

Прежде всего я позвалъ Нетти и, показавъ ей въ окно компанію честныхъ молодцовъ, сдѣвшихъ вокругъ одной сальной свѣчи и нѣсколькихъ кружекъ вина, спросилъ, видала ли она когда нибудь разбойниковъ? Она отвѣчала, что видала ихъ только въ мѣлодрамахъ.

— Въ такомъ случаѣ — смотри!... сказала я ей. Это разбойники. Боишься-ли ты ихъ?

Она посмотрѣла сперва на меня, потомъ на *бѣдняковъ* и отвѣчала:

— Съ тобою я ни чего и ни кого не боюсь.

Изъ всей шайки только одинъ Габуракъ замѣтилъ насъ. Онъ внимательно примѣчалъ за нами.

Я отвелъ Нетти въ комнату хозяина, гдѣ уже была ея служанка, велѣлъ имъ запереть дверь на задвижку и заставить ее спурти столами и стульями; потомъ, осмотрѣвъ желѣзныя рѣшетки, защищавшія окна, пожелалъ имъ доброй ночи. Послѣ того я велѣлъ кучеру взнуздать лошадей, гусару приказалъ зарядитъ пистолеты и быть готовымъ на первый зовъ. Наконецъ я возвратился въ бѣтеть, рѣшившись, во что бы то ни стало, избавиться отъ безпокойныхъ гостей.

На плечахъ у меня была широкая бѣлая шпеля, а на головѣ сѣрая шляпа съ черными перьями, что придавало мнѣ самому довольно подозрительный видъ. На всякій случай я спрятавъ подъ плащомъ охотничій ножъ, стоявшій доброй саблѣ и два кухенрейтеровскіе пистолета.

Я вошелъ и безъ церемоніи сѣлъ у одного конца стола, поближе къ окну, въ которое я, въ случаѣ нужды, могъ-бы ретироваться, между тѣмъ какъ мой кучеръ и гусаръ вѣступили бѣ къ дверямъ. Я, однакожъ, вѣжливо поклонился компаніи, попочивалъ всѣхъ табакомъ, велѣлъ подать вина и такимъ образомъ вскорѣ былъ съ ними въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я даже осмѣлился позабавить честную компанію нѣкоторыми шуточками, которыя имѣли большой успѣхъ. Мое спокойствіе и хладнокровіе льстило имъ и вѣтѣтъ съ тѣмъ винуло ко мнѣ почтеніе. Нѣсколько кружекъ были опорожнены за мое здоровье. Послѣ двухъ часовъ дипломатическихъ дѣйствій, я рѣшился нанести рѣшительный ударъ и прогнать компанію. Я всталъ и произнесъ торжественно:

— Друзья и товарищи, пора спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, отвѣчали они мнѣ, не трогаясь съ мѣста.

— Рѣчь идетъ не обо мнѣ, а объ васъ. Пора расходиться.

— Что такъ? Ужъ не вы ли хотите прогнать насъ?

— Ну да, я! возразилъ я твердымъ голосомъ; вы сами заставляете меня быть невѣжливымъ: я приказываю вамъ сейчасъ же выдти, не только изъ этой комнаты, но совсѣмъ изъ дому!

Одни засмѣлились, другіе съ изумленіемъ посмо-

трѣян на меня; Габуракъ же всталъ — глаза его сверкали.

— А кто вы, и кто вамъ далъ право приказывать здѣсь? вскричалъ онъ. Вы, вѣроятно, не знаете, что слабѣ, даже самому феальдграфу вздумалось поступить съ нами такимъ образомъ, такъ ему пришлось бы плохо! Тотъ, кто живетъ въ безпрестанномъ страхѣ висѣлицы, тотъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, право спокойно опорожнить кружку вина, не повинувшись первому встрѣчному. Знаете ли вы съ кѣмъ говорите? Съ бѣдными пробными земледѣльцами, которыхъ всякъ можетъ обижать?.. Ошибаетесь: нашему брату ни почемъ отвратить такого бойкаго молодца, какъ вы, на тотъ свѣтъ... однимъ болѣе или менѣе... намъ все равно! А потому зажмите ротъ и убирайтесь сами вонъ.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРЬЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 3)

Знахарь и *знахарка* — есть нынѣ самое обыкновенное названіе для такихъ людей, кои слывають отъ глаза, снимають всякую порчу, изъываютъ о пропаяхъ и проч. *Колдунъ*, *колдунья*, *вѣдунъ* и *вѣдунья* встрѣчаются рѣже, и должны уже непременно зваться съ нечистой силой, тогда какъ знахарь, согласно повѣрью, можетъ ходить во страхѣ Божіемъ и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. *Волхвъ* означаетъ тоже, что колдунъ, но слово это въ народѣ неупотребительно; даже о *колдунѣ* или *колдунѣ* слышно уже болѣе въ сказкахъ; *кудесники* и *доки* мѣстами тоже извѣстны, болѣе на сѣверѣ, и означаютъ почти тоже, что колдунъ. *Ворожея*, *ворожея*, относится собственно къ гаданію разными способами, не заключающее въ себѣ условіе черноключія, но и не исключаетъ его положительно, почему и говорится: я не колдунъ, да отгадчикъ — то есть, не знаюсь съ бѣсомъ, умѣю отгадывать. Кромѣ общезвѣстныхъ способовъ гаданія на картахъ, на кофейной гущѣ, на рукѣ, на воску, или на вылитомъ въ воду лицѣ, или топленомъ свинцѣ, на бобахъ — отчего родилась поговорка: бѣду на бобахъ развести — есть также гаданія по священнымъ книгамъ, суевѣріе, выходящее нынѣ уже изъ употребленія. Гадаютъ также, повѣсивъ на веревочку рѣшето и псалтырь, причемъ то или другое должно перевернуться, если назовутъ имя виновнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому, какъ кучеръ, подозрѣвавшій товарища своего, деньщика, въ воровствѣ, потребовалъ, чтобы зотъ шелъ съ нимъ къ ворожею, жившей у триумфальныхъ воротъ, по Петергофской дорогѣ. Пришли, ворожея еще почивала; кучеръ просидѣлъ съ деньщикомъ за воротами около часу, потомъ пошелъ справиться, не пора ли? Говорятъ: можно. Онъ возвращается, зоветъ товарища — но его нѣтъ, и нѣтъ по сей день. Струсивъ ворожею, при нечистой совѣсти, онъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Для такой же острастки кладутъ на столъ заряженное ружье и велѣтъ всѣмъ цѣловать его въ дуло, увѣряя, что оно вора убьетъ. Кто бонится этого и виноватъ, тотъ признается, или, по крайности, откажется, подъ какимъ нибудь предлогомъ, отъ цѣлованія ружья.

Святоточныя гаданія, представляющія болѣе игры — также нерѣдко принимаются въ прямомъ значеніи, и суевѣрные имъ вѣрятъ: строятъ изъ

лучинъ надъ чашкой воды мостикъ и ставятъ его подъ кровать — суженый приснится и поведетъ по мосту; кладутъ гребень подъ подушку, суженый — ряженый почешется и оставитъ волосокъ; ставятъ два прибора, въ банѣ, дѣвушка садится о полуночи, и суженый является ужинаетъ; ставятъ зеркало и двѣ свѣчи, дѣвушка сидитъ передъ нимъ и должна увидѣть суженаго; бросаютъ башмачекъ за ворота, куда ляжетъ носкомъ, туда итти дѣвучкѣ; кормятъ курицу сметнымъ зерномъ, насыпаютъ передъ каждымъ гостемъ оловцо, пускать пѣтуха, и къ кому онъ полойдетъ, тому итти замужъ или жениться; накрываютъ приборы, по числу гостей, и подкладываютъ разныя вещи — что кому придется; дѣвушка выходитъ за ворота и спрашиваетъ имя перваго прохожаго — такъ будутъ звать жениха ея; подслушиваютъ подъ окнами — и изъ этого выводятъ заключенія; выливаютъ олово, свинець, воскъ и проч.

Гаданія гороскопическія, со времени познанія истинной планетной системы и теченія міровъ, сами собою потеряли всякую цѣну. Не отвергая связи между землею съ ея жителями и между планетами, луной и солнцемъ — невозможно, однакоже, допустить какую либо зависимость, собственно судьбы или участи каждаго изъ людей, отъ взаимнаго *стоянія* или *сослуженія* земли нашей и другихъ небесныхъ тѣлъ. Тутъ нельзя найти и тѣни смысла.

Обо всѣхъ поименованныхъ нами выше лицахъ, ворожеяхъ и колдунахъ, ходитъ столько чудесъ по бѣду свѣту, что они всякому извѣстны. Если какая нибудь Ленорманъ могла дурачить въ нынѣшнемъ вѣкѣ весь Парижъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и оставитъ послѣ себя огромное состояніе, то нѣтъ ничего мудренаго, что крестьяне наши, а иногда, можетъ быть, и какое либо иное сословіе, наклеиваются на ту же удочку. Иногда обманъ чрезвычайно простъ и не менѣе того для тѣхъ, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицеръ, будучи на сѣмьѣ, заступился за хозяйна своего, у котораго почью были украдены деньги. Весьма основательное подозрѣніе падало на Карпа, котораго, однакоже, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицеръ собралъ мужиковъ въ одну избу, объявивъ имъ, что у него есть волшебная стрѣлка, которая въ всякой толпѣ отыщетъ вора и прямо на него укажетъ. Заставивъ всѣхъ мужиковъ напередъ перекреститься, сложить шапки въ кучу и повернуться по солнцу, онъ разставилъ ихъ въ избѣ, какъ ему нужно было, каждаго порознь, вынулъ и раскрылъ съ разными околичностями компасъ свой, развергъ палецъ стрѣлку, и потомъ далъ ей свободу: со страхомъ и ожиданіемъ мужики глядѣли на волшебную стрѣлку, которая, къ безконечному изумленію ихъ, указала прямо на Карпа, поставленнаго, какъ само собою разумѣется, на сѣверъ. Карпъ едва не обмеръ, палецъ въ ноги и повалился. Надобно, впрочемъ, сознаться, что изъ посвятившихся этому промыслу людей, попадаются люди необыкновенные, по способностямъ своимъ, и что нѣкоторые, дѣйствуя иногда чисто на угадъ, по тѣнному, безотчетному чутью или чувству, нерѣдко угадываютъ истину. Безспорно, что ложь и обманъ гораздо чаще ими руковолятъ; но сила воли, навѣкъ обращать все вниманіе свое на одинъ предметъ, сосредоточивать напряженныя духовныя силы по одному направленію, можетъ быть и способность

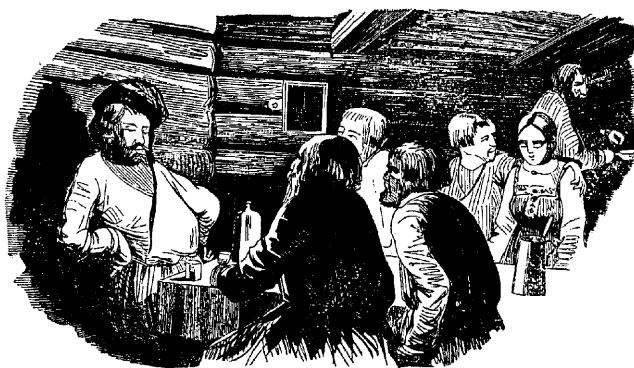
смекать, соображать и заключать мгновенно, безсознательно, какъ бы по вдохновенію — возвышаютъ людей этихъ временно надъ толпою и даютъ имъ средство угадывать и знать болѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, не говоря здѣсь объ условкахъ, кои хитрые знахари, ворожеи и другіе всезнайки пользуютъ, — выспрашивая осторожно, окольными вопросами о томъ, о чемъ нужно гадать, узнавая о томъ же черезъ лазутчиковъ своихъ, или постороннихъ людей, — знахари всѣхъ наименованій иногда еще пользуютъ извѣстными имъ по преданію тайными средствами, спадобными и землями разнаго рода, и тѣмъ производятъ мнимыя чудеса. Притѣры этому встрѣтятся ниже, гдѣ, по случаю разныхъ тайныхъ повѣрствъ, кой-что будетъ объяснено. Колдунъ употребляетъ, какъ говорятъ, сушеное волчье сердце, или медвѣжье мясо или сало, чтобы испортить поѣздъ молодыхъ, на свадьбахъ; лошади весьма естественно боятся этого духа и потому ртчатся, не идутъ; тогда всѣ кланются знахарю, дарятъ его, зовутъ на свадьбу, потчуютъ — и онъ исправляетъ бѣду, не знаю какими средствами; по смѣшно и досадно видѣть, съ какою глупою важною такою знахарь сидитъ въ подобномъ случаѣ, не ломая шапки, на первомъ мѣстѣ свадебнаго стола. Одно такого знахаря умный гость прекрасно наказалъ за наглость и безстыдство его. Носпоривъ съ нимъ, онъ вызвался, по предложенію знахаря, вынуть ковшъ паговорной воды, и исполнивъ это при всѣхъ, сказалъ: ну теперь ты выпей моей водицы, изъ того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, такъ какъ онъ слишкомъ много напередъ того хваталъ и хвалился, что ему никто ничего не можетъ сдѣлать. Гость зачерпнулъ въ ковшъ воды и отошедши въ темный уголокъ нашептывать, бросилъ въ ковшъ порядочную щепотъ табаку. Несчастный знахарь провалился въ самую жалкую положеніи всю ночь на соломахъ, къ общему удовольствію поѣзжанъ, и свадьба была отпразднована какъ нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слѣпая увѣренность морочитъ людей: народъ не только вѣритъ, что знахарь портитъ свадьбу, испортитъ жениха, или изпоритъ лошадей такъ, что поѣздъ не можетъ тронуться съ мѣста, или даже оборотитъ всѣхъ поѣзжанъ въ сабакъ или волковъ; но многіе расскажутъ вамъ, какъ очевидно, добросовѣстно и въ полномъ убѣжденіи, случивъ въ родѣ слѣдующаго: я бѣжалъ однажды съ работникомъ, говорилъ зажиточный крестьянинъ, за которымъ кой-что водилось. Мы случайно подѣхали въ деревнѣ къ свадьбѣ, и онъ попросилъ меня остановиться, увѣряя, что тутъ долженъ быть недобрый человѣкъ, который хочетъ свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работникъ мой вошелъ въ избу, какъ оттуда вышелъ преподобный мужичишка и, подошедъ къ воротамъ, принялся грызть зубами столбъ. Кровь льетъ изо рта, а онъ все грызетъ; наконецъ работникъ мой вышелъ, а мужикъ взмолился ему; тогда тотъ, погрозившись на него пальцемъ, сказалъ, ну, на этотъ разъ ступай! Богъ съ тобой; да смотри, впередъ не шали. Мужикъ поклонился ему, утерся рукавомъ и пошелъ. Въ Сибири какаятрава, прикрѣтъ или прикрѣшь, избавляетъ молодыхъ отъ всякой порчи.

О знахаряхъ и колдунахъ говорится, что не отказавъ никому своего ремесла, они мучатся, не

могут умереть и даже встают от этого послѣ смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничкомъ, подрѣзать пятки и вколотить между лопатокъ осиновый коль. Если предавшійся чернокожию не пойдетъ во всякое время немедленно работы чертямъ, кон являютъ ся къ услугамъ его, то они его растерзаютъ. Не знаю, впрочемъ, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дѣло дѣлается, по народному повѣрью, и безъ книги. Общую многимъ народамъ сказку, что кудесники иногда даютъ дьяволу росписку кровію своею, продавая ему душу, находимъ мы и въ Россіи, но болѣе на югѣ и на западѣ.

О колдунахъ народъ вѣрить также, что они *отводятъ глаза*, т. е. напускаютъ такую мару или мороку, что никто не видитъ того, что есть, а всѣ видятъ то, чего вовсе нѣтъ. Напримѣръ: ѣдутъ мужики на торгъ и видятъ толпу, обступившую цыганъ, изъ которыхъ одинъ, какъ народъ увѣряетъ вновь прибывшихъ, пролѣзаетъ насквозь бревна, во всю длину его, такъ, что бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ! Вновь прибывшіе, на которыхъ не было напущено мары, стали сибѣяться надъ толпой, увѣряя, что цыганъ лѣзетъ подлѣ бревна, а не сквозь него; тогда пыганъ, оборотившись къ нимъ, сказалъ: а вы чего не видали тутъ? Поглядите лучше на возы свои, у васъ сѣно-то горитъ! Мужики кинулись, сѣно точно горитъ; отхватили на скорую руку лошадей, перерѣзавъ упряжь, а толпа надъ ними во все горло хохочетъ; оглянулись опять—

возы стоятъ, какъ стояли, и не думали горѣть.

Упомяну здѣсь еще о заговорѣ змѣй: мнѣ самому не удалось испытать этого на дѣлѣ, но увѣряютъ, что ясеневое дерево, кора, листь и зола, смиряютъ всякую змѣю, лишаютъ ее возможности кусаться и даже повергаютъ въ родъ оцѣпененія. Ясеневая тросточка, или платъ, или платокъ, вымоченные въ отварѣ ясеневой коры, или въ настоѣ золы, тоже вѣточка этого дерева, дѣйствуютъ, какъ говорятъ, на змѣю, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и гадина подпадаетъ власти знахаря. Я вспомнилъ при этомъ, что

читалъ подобное въ какомъ-то путешествіи Англичанина по Индіи: тамъ было именно сказано, что Индіецъ касался змѣи вѣткою ясени.

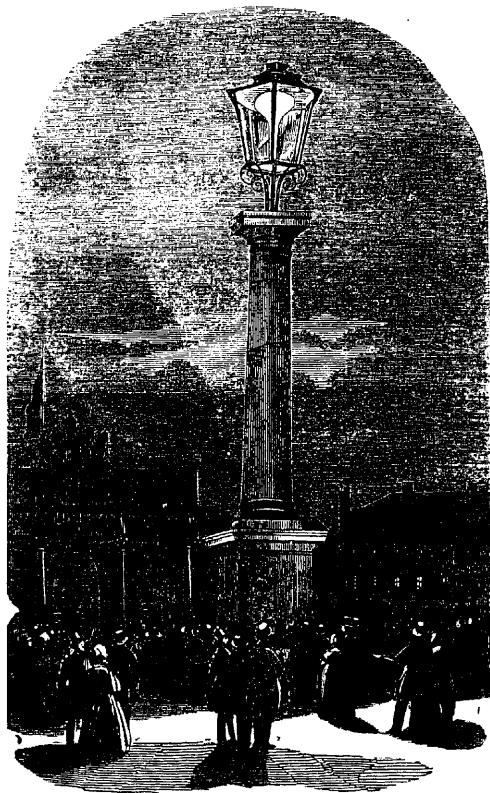
Предоставляю на усмотрѣніе и убѣжденіе читателя, сколько, во всѣхъ чудесахъ этихъ, можно или нельзя объяснить, принявъ за неизвѣстнаго двигателя и дѣятеля ту таинственную силу, которую ученые называютъ животнымъ магнетизмомъ. Объ этомъ будемъ говорить по поводу сглаза.

К. Луганскій.

(Продолженіе статей).

НОВОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ГАСОМЪ.

Въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ многочислѣннѣйшихъ столицахъ Европы, ѣздили и ходили ночью въ потемкахъ и не считали этого неудобствомъ. Всѣмъ казалось, что такъ и сѣдустъ, плаче и быть не можетъ; что только богатымъ людямъ, и то аристократамъ, прилично проѣзжать по улицамъ съ собственнымъ факеломъ, а темный народъ оставался во тьмѣ. Умноженіе ночныхъ безпорядковъ подало поводъ къ установленію, такъ сказать, полицейскаго освѣщенія улицъ; ни кто послѣ извѣстнаго часа, не смѣлъ являться на улицѣ безъ фонаря; эта мѣра породила правильное освѣщеніе городовъ постоянными фонарями. Но и тутъ только главнѣйшія улицы освѣщались добровольно: въ дальнѣйшихъ кое-гдѣ торчалъ одинъ фонарь, не всегда исправно зажигаемый. Въ переулкахъ господствовала тѣма кровѣшная. Хотя освѣщеніе наслоя постоянно распространялось и улучшалось, но расходы на матеріалъ не давали возможности выставить достаточное число свѣтиль, а тусклость самаго свѣта, особенно при нагарѣ, и умноженіе свѣтиль дѣлали его малополезнымъ. Вся Европа думала, какъ бы освѣтить улицы по лучше; думали цѣлый вѣкъ и наконецъ, въ 1801 году, Лампадіусъ первый, въ Геттингенѣ, предложилъ освѣщеніе водороднымъ гасомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Лебонъ, во Франціи, изобрѣлъ термолампу и для нея извлекалъ гасъ изъ дерева. Въ Англіи употребили для того каменный уголь, въ 1810 и 1811 году; тогда гасъ уже не сталъ обходиться такъ дорого, и примѣненіе его къ освѣщенію улицъ пошло успѣшно. Уже въ 1815 году важная часть Лондона освѣтилась гасомъ; другія столицы послѣдовали примѣру Лондона. Каждый годъ что нибудь придумывалось и облегчало примѣненіе изобрѣтенія; но въ этихъ успѣхахъ были и странные проекты, которые мгновенно кружили голову предприимчивымъ людямъ; къ числу такихъ принадлежитъ и badelicht Ричардсона. Это колоссальный газовый фонарь, въ которомъ соединено множество рожковъ, Англичане этого освѣщенія не приняли, и Ричардсонъ отправился въ Парижъ, тамъ съ собою капиталиста г. Жюжа; Французы весьма обрадовались выдумкѣ,

(Фонарь для освѣщенія гасомъ).

къ, для опыта рѣшили поставить это искусственное солнце на Карусельной-Площади. Солнце всыхнуло. У фонаря такъ свѣтло, какъ днемъ; на блескъ фонаря нельзя смотрѣть, но за то въ

немногихъ шагахъ отъ колонны темнота хотѣ глаза выколп. Впрочемъ, для новости и этого довольно. Нѣсколькойней на Карусельной-Площади были особыя газовыя гулянья. Чего же больше?..

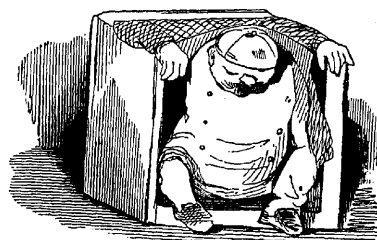
КАРИКАТУРЫ ШАМА.

ГЕОМЕТРІЯ.

(Окончаніе).

Кривая и прямая линіи.

Кубъ.

Точка физическая.

Точка пересѣченія.

Синраль.

Касательная.

Горизонтальная линія.

Линія ломанная.

КАПРИЦИОЗО.

повѣсть.

(Окончаніе.)

Пиратъ Цампа дѣльно говоритъ : «сердце дѣвушки глухо въ первый день, но на второй она уже не такъ сильно плачетъ».

Донъ Гравіель бросился помогать своей возлюбленной; это движеніе спасло его, потому что въ то же мгновеніе весь зарядъ мушкетона вѣхнулся въ стѣну брига, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ капитанъ. Дѣвушку отнесла въ каюту, тогда, чтобъ избѣжать другаго подобнаго удара, Донъ Гравіель обошелъ англійскій фрегатъ, поддерживая сильный огонь, и ставъ ему съ боку стороны, противуположной испанскому фрегату, продолжалъ стрѣлять такъ мѣтко, что неприятель, выведенный изъ терпѣнія, повелъ на него часть своихъ орудій.

Каприциозо былъ слишкомъ слабъ, чтобъ выдержать подобный отвѣтъ; онъ пустился на уходъ, прикрываясь за Санта-фе, но, передъ уходомъ, пушка Фернандо свершила послѣдній подвижъ : она срѣзала совсѣмъ поврежденный уже бугипрѣтъ неприятеля; паденіе его повлекло за собою паденіе прочихъ мачтъ; пожаръ оказался тотчасъ въ разорванныхъ парусахъ. Санта-фе отошелъ въ одну сторону; бригъ въ другую.

— Ну, спросилъ Фернандо, къ чему послужили, скажи мнѣ, всѣ эти подвиги, которые я отдамъ всѣ за одну седедку? По моему, мы стрѣляли изъ пушекъ по воробьямъ.

— Какъ! вскричалъ восхищенный Гравіель, посмотри на горящій фрегатъ, безъ насъ, можетъ быть, Санта-фе былъ бы побѣжденъ.

— Можетъ быть, но онъ бы насъ не преслѣдовалъ, проворчалъ гардермаринъ.

Донъ Гравіель пожалъ плечами и сказалъ только:

— Ты видишь, онъ не можетъ догнать насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Санта-фе потерялъ часть мачтъ своихъ; вскорѣ онъ сталъ на якорь, чтобъ удобнѣе произвести починку, и послалъ спасти немногихъ Англичанъ, бросившихся въ воду, чтобъ уйти отъ огня.

На закатѣ солнца уже не было на горизонтѣ ни одного судна, и Каприциозо плылъ безъ опасенія по скалистою проливу, отдѣляющему Кубу отъ Сосновыхъ-Острововъ; Бримболіо былъ на вахтѣ. Фернандо курилъ сигару и удилъ рыбу. Донъ Гравіель сидѣлъ подлѣ Хуаны на богатомъ диванѣ, и говорилъ ей съ жаромъ, неизвѣстнымъ намъ насмѣшливымъ тономъ, но слогомъ болѣе приличнымъ и возвышеннымъ. Современи обмороча дѣвушки, онъ уже не прикидывался матаморомъ, а говорилъ покорнымъ любовникомъ и иѣжничалъ—пусть другіе объясняютъ это явленіе.

— Хуанита, сказалъ онъ, пожалуста создайте, что это не было простое движеніе страха. Вы не испугались боя, были покойны по среди грома орудій трехъ судовъ; вы ни слабѣли; я смотрѣлъ на васъ съ удивленіемъ; скажите, обожаемая моя Хуана, скажите, что вы трепетали за жизнь того, который молилъ васъ объ одномъ словѣ надежды.

Долго умолялъ молодой капитанъ, долго Хуана защищалась съ твердостью, потомъ смягчилась, потомъ отвѣчала болзливимъ голосомъ, наконецъ согласилась сдѣлать самое сладостное сознаніе.

— Ты любишь меня, вскричалъ торжествующій Гравіель, ты любишь меня, цѣлѣтъ

души моей; я вымолилъ это слово; отъ него зависитъ счастье моей жизни!

Альферецъ въ восхищеніи взялъ руку дѣвушки; влекомый неодолимымъ движеніемъ, онъ хотѣлъ напечатлѣть на устахъ ея первый поцѣлуй любви.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Хуана, отталкивая его, вы измѣняете моему слову : Я дозволила слишкомъ смѣлому защитнику моему взять эту руку, которую теперь у него отнимаю, и этого было уже вѣрно много.

— Простите, Сеньорита, сказалъ Гравіель въ свою очередь, смѣшавшись и съ трепетомъ; я согрѣшилъ предъ вами; но простите, простите моему раскаянію; милосердіе свойство душъ невинныхъ. Не изгоните меня отъ вашего лица. Будьте всегда моимъ другомъ, моею невѣстою предъ окомъ Божиимъ.

Хуана молчала; сильное бленіе сердце доказывало ея волненіе.

Гравіель не смѣлъ сказать болѣе ни слова; жизнь его, казалось, вѣсла на устахъ Хуаны, которая, первая, пришла въ себя и съ достоинствомъ подавъ ему руку, сказала торжественно:

— Да! я согласна, я хочу быть, я буду вашею невѣстою, вашею невѣстою, слышите ли?

Донъ Гравіель, преклонясь предъ дѣвушкою, залился слезами, которыя она отирала съ нѣжностію; теперь уже доврѣчивалъ и покойная на счетъ будущей судьбы своей. Однако ни перемѣняла смѣлости и страха Альфереца, замѣнились безпрестанно возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Клянусь, Хуанита, я ускоро этотъ союзъ, единственную цѣль моихъ желаній.

— Хуана еще краснѣла, но взгляды ея изъявляли согласіе на пылкое желаніе жениха. Гравіель бросился на палубу.

— Прямо къ берегу, Бримболіо; приставъ къ первой обитаемой губѣ Сосноваго-Острова.

Приказаніе его было исполнено. Еще до разсвѣта Каприциозо стоялъ на якорѣ передъ населеннымъ мѣстечкомъ, весьма знакомомъ каботажнымъ морякамъ. Фернандо послали за священникомъ, такъ, что солнце освѣтило торжество брака дна Гравіеля Бадахосъ и доньи Хуаны де ласъ Эрматурасъ. Почтенный Францисканецъ, не оправась еще отъ испуга, былъ насилью привлеченъ на бригъ, далъ имъ брачное благословеніе, не сдѣлавъ ни малѣйшаго возраженія. Казна капитана Бертуцци послужила къ покрытію всѣхъ издержекъ, на туалетъ Хуаны и на покупку провизіи для кампаніи.

Къ полудню бригъ снялся съ якоря.

— До сихъ поръ, капитанъ, мы потѣли для васъ только, сказалъ Бримболіо; экипажъ начинаеть ворчать; пора, видите, овечкамъ на пастбу, и мнѣ также; вотъ и все!

— Будетъ и это! возразилъ донъ Гравіель, слишкомъ счастливыи, чтобъ сдѣлать упрекъ угрюмому штурману.

Фернандо началъ привыкать къ присутствію доньи Хуаны. У него было вдоволь снгаръ, онъ славно ѣлъ за столомъ капитана, и начиналъ думать, что все пойдетъ хорошо.

У.

Два мѣсяца спустя, транспортъ изъ 12 купеческихъ судовъ, подлѣ кошовемъ брига, показался въ Гавапскомъ проливѣ. Издали узнали Каприциозо; донесли губернатору, и онъ тотчасъ надѣлъ парадный мундиръ свой.

Транспортъ умно остановился вѣтъ пушечнаго выстрѣла; бригъ подавъ сигналъ, чтобъ приехали лодку.

— Клянусь висѣлицею, которую тебѣ готовлю, бандитъ, вскричалъ донъ Антоніо Барзонъ; должно признаться, что это уже слишкомъ дерзко, явиться сюда...

Надобно сказать, что послали въ погоню за Каприциозо, во всѣхъ направленіяхъ, что его неоднократно встрѣчали, но бригъ всегда уходилъ отъ преслѣдователей. Капитанъ Бертуцци умеръ въ придакъ бѣшенства.

Наругавшись вдоволь, донъ Антоніо Барзонъ, наконецъ, рѣшился послать къ бригу лодку, которая, возвратившись, привезла слѣдующее письмо:

«Высококомный господинъ, донъ Антоніо Барзонъ, Маркизъ де Ласъ Эрматурасъ и Фашаротесъ, грандъ испанскій, бригадиръ войскъ, командоръ ореновъ, генераль-губернаторъ острова Кубыи окрестныхъ странъ и проч. и проч.

«Покорнѣйшій слуга вашъ, донъ Гравіель Бадахосъ, и Серрано, и Лопесъ, мичманъ, командующій бригомъ Каприциозо, имѣеть честь довести, что ожидаетъ его соизволенія, чтобъ войти въ гавапскій портъ съ 12 призами, захваченными у враговъ его католическаго величества.

— Моего соизволенія, разбойникъ! прервалъ губернаторъ.

«Эти 12 призовъ вмѣстѣ стоятъ 3 милліона піастровъ; какъ губернаторъ, вы имѣете право на четвертую долю, а какъ арматеръ, на столько же, что составляетъ ровно половину.

— Дьяволь, проворчалъ донъ Барзонъ. «При семь извѣщаю васъ, что три дни послѣ святаго праздника Рождества, покорнѣйшій слуга вашъ вступилъ въ законный бракъ, на рейдѣ передъ Сосновымъ-Островомъ, съ возлюбленною дщерію вашею, доньею Хуаною де Ласъ Эрматурасъ, которая присоединяеть свои просьбы съ моими, чтобъ войти вновь въ милость къ вашему высокомоцію.

Неизвѣстно, что думалъ донъ Барзонъ, читая эту статью; а что говорилъ, то всякій угадать можетъ: петля, висѣлица, палач.

«Впрочемъ, если вашему высокомоцію не угодно даровать всему экипажу всепрощеніе, доли въ призахъ и слѣдующіе чины, именно: 1, донъ Гравіель Бадахосу и проч. чинъ лейтенанта военнаго корабля и команду бригамъ Каприциозо, который вы купите на счетъ доли своей изъ призовъ; 2, донъ Фернанду—чинъ мичмана военнаго корабля и званіе лейтенанта на сказанномъ бригѣ; 3, Бримболіо—чинъ дѣйствительнаго экипажнаго мастера.

«Въ такомъ случаѣ, покорнѣйшій слуга вашъ, нашелся бы, въ печальной необходимости, воспользоваться свѣжимъ боковымъ вѣтромъ, и искать въ другомъ мѣстѣ, чего онъ ожидаетъ здѣсь отъ великодушія вашего высокомоціи.

Бригъ Каприциозо, 4-го марта 17...

Р. S. Не излишнимъ будетъ извѣстить В. Высокомоціе о главныхъ дѣйствіяхъ и походеіяхъ Каприциозо, во время послѣдняго его крейсерства. Независимо отъ 12 купеческихъ судовъ, имъ привезенныхъ, онъ потопилъ илжегъ три англійскіе военные брига, и причинилъ погибель фрегата, преслѣдовавшаго его вдоль Моны; до того онъ содѣйствовалъ побѣдѣ, одержанной фрегатомъ Санта-фѣ, пропикнулъ въ Кипчегонскую Губу (на Ямайкѣ) и сжегъ всѣ находящіяся тамъ суда; потомъ оставался у Санъ Хуанъ де Порто-Рико,

гдѣ губернаторъ его весьма хорошо принялъ и довель о дѣйствіяхъ его до свѣдѣнія его католическаго величества, короля всѣхъ Испаній.

— Задави желтая лихорадка моего дьявола зятя, вскричалъ, накопецъ, донъ Антоніо Барзонъ маркизъ де Ласъ Эрмандурасъ и Фаршотесъ; нечего дѣлать; взять полтора миліона пиастровъ и оставить ему доча мою!

Какъ на бригъ никого не повѣсили, а присутствіе доньи Хуаны содѣлало пребываніе на немъ весьма пріятнымъ, и облегчало примиреніе губернатора со всѣми экипажемъ, то мастеръ Бримболло сдѣлалъ исключеніе въ пользу жены своего капитана, и сказалъ, что изъ всѣхъ существъ ея пола, одна эта на что-нибудь да пригодилась.

Фернадо же, тропугый счастіемъ своего друга, задумалъ-было жениться, но скоро отказался отъ этого намѣренія, разсудивъ, что хозяйственныхъ хлопотъ не лзя соединить съ спокойствіемъ духа, котораго требуетъ страсть удить рыбу.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Всѣ фельетоны, не только наши, но и чужеземные, начинаются жалобами, зачѣмъ пишутъ о погоде, и постоянно жалуются на погоду. Весьма естественно, когда до половины іюня, упрямый Реомюръ не восходилъ дальше 11° тепла. Не только холодъ заставляетъ говорить о погодѣ, но и самая странность, замѣчаемая вь порядкѣ природы. Невозможно, глядя на этотъ беспорядокъ, не призадуматься. Известно, напимѣръ, по народнымъ замѣчаніямъ, что первый громъ есть признакъ, что земля совершенно оттаяла; послѣ грома, прежде, бывало, начиналась теплая погода. Но въ этомъ году лежалъ снѣгъ, стоялъ морозъ, а раннія грозы протрещали въ Кавказской-Области 4 марта, въ Одессѣ 5 апрѣля, въ Юрьевѣ Владимірскомъ 4 апрѣля, того же дня въ Кинешмѣ (Костром.) и въ Ковровѣ (Владимірск.). въ Саратовскомъ-Уездѣ 7 апрѣля, въ Казани 5 мая, а въ Харьковѣ послѣ теплаго дня ударилъ градъ, коего зерна были даже съ куриное яйцо. Раннія грозы не принесли тепла. И не одна Европа: въ Америкѣ природа волнуется и недавно потрясла въ основаніяхъ красивый городъ Мексикку; разрушила водопроводы. Великолѣпная церковь Santa Teresa и нѣсколько зданій разрушены до основанія; всѣ прочія повреждены не менѣе или болѣе. — Какъ хотите, но если выписать всѣ наводненія, бывшія въ Россіи и въ чужихъ краяхъ въ небывалыхъ размѣрахъ, всѣ землетрясенія, бури и другія странныя явленія, то невольно призадумается. Сдѣлать это, фельетоны не правы. Погода теперь становится вопросомъ ученымъ и важнымъ. Метеорологіи много дѣла. Сравненія съ другими годами и выводы любопытны.

*. Одесскій Вѣстникъ сообщилъ описаніе весьма любопытнаго праздника, даннаго въ Тифлисѣ купеческимъ сословіемъ 18 апрѣля, по случаю прибытія туда Кавказскаго Намѣстника. Правда, этотъ праздникъ какъ будто отрывокъ изъ сказокъ Шехерезады; Тифлисъ и горы были блистательно иллюминированы; огни горѣли и надъ пряхомъ Грибова. Главное убранство сосредоточивалось въ караванъ-сараяхъ, гдѣ всѣ лавки были отперты и живописно убранны искусно освѣщенныя товары; по поводу горѣли транспаранты; у гражданъ Саркисовыхъ, на одномъ деревѣ, сидѣла живая птица; на клеветѣ и крыльяхъ горѣли свѣчи. Осмысленнѣй Саркисовъ встрѣтилъ Намѣстника съ супругой привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ. Въ караванъ-сарай князей Бебутовыхъ, между другими диковняками, былъ фонтанъ изъ краснаго кахетинскаго вина. Въ караванъ-сарай Херодановыхъ висѣла люстра съ хрустальными карачинами, изъ которыхъ лилась вода, а подлѣ музыки персидскихъ музыкантовъ, пѣвецъ Сатаръ, прославившійся при дворѣ шаха, пѣлъ стихи Саади. Съ плоской кры-

ши караванъ-сарая Арцуни подымалось тридцать огненныхъ столбовъ. Вообще, весь праздникъ былъ устроенъ съ азіатскою роскошью, съ европейскимъ вкусомъ. Жаль-бы, что не имѣемъ рисунковъ.

*. Художества наши похожи теперь на осаждающее крѣпость войско, которое въ тайникахъ невидимо роется и приближается къ цѣли трудовъ своихъ, къ славѣ. Эта крѣпость сентябрьска выставка. Всѣ кисти, карандаши, рѣзны, — всѣ въ дѣйствіи, но каждый работаетъ въ запретной тишинѣ, невидимкой. Исключенія малочисленны. Карлъ Павловичъ окончилъ съ свойственнымъ ему искусствомъ, прелестный образъ царца Александра и нѣсколько картоновъ для Исаакія. Говорятъ о послѣднихъ не своевременно, но невозможно не изъумить удивленія къ силѣ таланта и къ поразительнымъ художественнымъ знаніямъ Карла Павловича. Желательно было бы чтобы эти картоны когда нибудь сошлись предъ глазами всей Европы съ картонами Корнелиуса и Овербека. Что-бы тогда сказали глашатаи славы германскихъ гениевъ?

*. Театръ... Какой театръ? Развѣ въ Петербургѣ бывають лѣтомъ представленія сценическія? О французскомъ мы докладываемъ исправно; — оперы нѣтъ... Руская трагедія пошла на путешествіе за границу, а руская комедія — по Россіи. Г. Мартыновъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Казани. Больно правится. Да и могло ли быть иначе, хотя... Но объ отсутствующемъ говорить не слѣдуетъ. Вернется, тогда поспоримъ.

*. Литература... Слѣдовало бы сдѣлать тотъ же вопросъ, что и о театрѣ. Но выходить книжки, слѣдственно литература какабы то ни была есть. Бесѣды русскаго кушца о торговлѣ, соч. г. Вавилова, Первый выпускъ русскаго чтенія, соч. С. Н. Главки, и Квентинъ Дюрвардъ, первый романъ, открывающій изданіе романовъ Вальтера-Скотта на русскомъ языкѣ. Вотъ июльская литература. Мы сщсе успѣли познакомиться съ этими книгами по ближе, почему и говорить теперь не осмѣливаемся.

*. Любопытно бы знать, во многихъ ли губернскихъ городахъ бывають мѣстныя выставки произведеній промышленности. Въ Казани, покрайней мѣрѣ, была такая выставка въ половинѣ мая. Объявляютъ особенную о ней статью; признаемъ, ожидаемъ статьи съ нетерпѣніемъ. Выставки теперь повсемѣстно признаются весьма дѣйствительнымъ поощреніемъ для промышленной и фабричной дѣятельности, которая у насъ, къ сожалѣнію, весьма мало известна. Но части торговля и сельскаго хозяйства у насъ начинаютъ появляться въ губернскихъ вѣдомостяхъ весьма замѣчательныя статьи, изъ коихъ на нѣкоторыя считаемъ обязанностию обратить вниманіе читателей.

*. Лиляндской-Губерніи въ с. Ряпинѣ есть бумажная фабрика, которую управляетъ директоръ Карлъ Ивановичъ Зельскій. Въ Псковскихъ Г. Вѣдомостяхъ мы прочитали объявленіе г. Зельскаго, и вслѣдъ за тѣмъ обстоятельную статью съ рисункомъ о томъ, какъ крыть кровли бумагою. Такія кровли, по свѣдѣтельству г. Зельскаго, несравненно прочнѣе другихъ родовъ крышъ, долѣе могутъ держаться; покрывка идетъ быстро, не требуетъ починковъ и въ доказательство приводятся крыша ряпинской фабрики, которая 11 лѣтъ стоитъ безъ поврежденія и не требовала починковъ. Способы, какъ крыть бумагою, какъ красить массой, составленной изъ дегтя и графита, и самая смета расходовъ на матеріалы, — составлены поитно весьма сообразительно. Способъ этотъ не новый, но намъ не удалось читать какіе оказались результаты этого нововведенія. Конечно, если бумажная крыша и прочна и дешева, то почему не распространяться, гдѣ только можно, столь полезному изобрѣтенію.

*. Другая статья, помѣщенная въ Харьковскихъ Г. Вѣдомостяхъ, по нашему мнѣнію, высокой важности. Это нѣсколько мыслей о сбытѣ русской шерсти за границу, сочин. публичнаго преподавателя агрономическихъ наукъ при Харьк. У. О. Г. Ходецкаго. Было время, помѣщаемы наши журналы провинціи ударилась овцеводство; употребили значительные капиталы на заселеніе

мериносовъ; вдругъ истребляютъ цѣлыя стада, и огромные овецъ съ очинными потянулись въ Москву. Что за причина? Очень простая. Развели овецъ слишкомъ много, въ пропорціи, не соответственной фабричной дѣятельности нашей, а приготовили шерсть не въ такой добротѣ, которая могла бы сообщать ей цѣнность за заграничныхъ рынкахъ. Здѣсь не нужно, тамъ не покупають. Одинъ повезъ свою шерсть въ Бельгію и продалъ для набивкутн-фелковъ. Г. Ходецкій, по нашему мнѣнію, весьма справедливо обнаружилъ причины пещастій нашего овцеводства, а именно, что шерсть у насъ готовится не въ такомъ видѣ, въ какомъ ее требуютъ иностранныя фабрики и что иностранцы о русской тонкой шерсти ничего не знаютъ. Въ свѣдѣніи того г. Ходецкій вовсе не отчаявается въ успѣхахъ овцеводства въ Южной Россіи, напротивъ, общается ему великолѣпную будущность, если овцеводы займутся приготовленіемъ только среднихъ сортовъ: электы и примы, и для отпращенія за границу будутъ стараться, чтобы она была тщательно сортирована, вымыта и совершенно свободна отъ посторонняго сора; хотя и въ общихъ словахъ, подаетъ къ тому дѣйствительныя средства; и право, лучше было не рзать овецъ на тулупы, а присмотрѣть за производствомъ шерсти, и на европейскихъ рынкахъ умѣть приобрести то довѣріе, который тамъ пользуются простые торговцы, продающіе шерсть высокою цѣною, тогда какъ нашу покупають только на тюфяки. Въ этомъ случаѣ нельзя отнестн вины ни насчетъ края, ни на овецъ, а ужъ и того менѣе на осторожныхъ покупателей. Желательно, чтобы голосъ г. Ходецкаго, раздающійся въ степляхъ, не былъ голосомъ въ пустынь.

*. Третія статья, помѣщенная въ Астраханскихъ Г. Вѣдомостяхъ, о персидской торговлѣ, имѣетъ связь съ предыдущею и заключаетъ весьма много любопытныхъ свѣдѣній и полезныхъ софтовъ. Англичане возвыси въ колоніяхъ своихъ овцеводство и мы одинъ можемъ, при правильномъ направленіи нашего овцеводства, не только счастливо соперничествовать съ ними, но и остаться побѣдителемъ; точно то же общается намъ и персидская торговля произведеніями бумажными, коль-скоро мы будемъ умѣть сообразиться съ потребностями Персіяны пулоторговлѣ къ тому нѣкоторыя побочныя мѣры; Почетливое Правительство безпрерывно распространяетъ наши къ тому средства; въ дальнѣйшихъ неудачахъ мы будемъ самъ виновны. Вотъ напимѣръ:

*. 9-го мая спущены въ Астрахань два желѣзные парохода, купленные въ Англии и черезъ Петербургъ доставленные на устье Волги! Тутъ они собраны и спущены на воду. Каспійская флотилія теперь въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Каждая два недѣли пароходъ, наѣл на буксирѣ одну или двѣ барки, отправляется въ обходъ Каспійскаго-Моря; по устройству, онъ можетъ подходить къ берегамъ весьма близко. Содержаніе пароходовъ не будетъ обходиться дорого потому, что открытый въ Грушевикѣ уголь доставляется въ Астрахань по 28 коп. сереб. за пудъ. Коммерческія суда ходили въ Персію 80 дней; пароходъ будетъ проходить то же пространство въ 6 дней! И все-то этотъ пароходъ съ баржею вооруженною и поднимающаю грузу до 5 тысячъ пудъ, всего стоитъ въ Голландіи 64,000 руб., а въ Англии только 36,500 руб. сереб. Должно надѣяться, что частныя капиталы послѣдуютъ благимъ указаніямъ почтеннаго Правительства; тогда легко догадаться, кому выгоды персидской торговли достанутся на долю: намъ ли, или дѣятельнымъ островитянамъ?

*. Кстапи о пароходахъ. На дняхъ вышла весьма полезная для петербургскаго жителя брошюрка: Указатель сообщеній между Петербургомъ и его окрестностями. Тутъ вы найдете всѣ пароходы, паромазы, дилижансы и омнибусы, съ часами отпращенія платую за проездъ. Книжечка необходима. Дилижансы въ разныхъ видахъ развѣданы какъ цыплята, и составляютъ теперь, вмѣстѣ съ погодою, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ежедневныхъ разговоровъ.

Не смотря на холодное лѣто, жители столицы, обязанные службою или дѣлами, являють — таки на дачахъ, но безпрестанно ѣздятъ въ городъ, что

въ прежніе годы составляло весьма значительный расходъ, потому что извозчиковъ не всегда и вездѣ достать было можно, а крестьяне возили дорого и неудобно. — Заведеніе дилижансовъ представлялось необходимою; но у насъ нововведенія всякаго рода шьютъ странный ходъ. Потребность явственна; выгоды — видны; многіе толкуютъ и о потребности и о выгодахъ, но никто не думаетъ начинать; наконецъ является предприимчивый человекъ; употребляетъ значительный капиталъ; но если предпріятіе его не обезпечено привилегіей, — можно навѣрно предсказать, что явится множество конкурентовъ на одно и то же дѣло и что это дѣло непремѣнно потерпитъ ущербъ, потому что выгоды раздѣлятся, а издержки останутся тѣ же. Въ прежніе годы ходили дилижансы только въ отдаленнѣйшія загородныя мѣста; мы еще помнимъ эти дилижансы, которыя мало чѣмъ отличались отъ извозничьихъ каретъ, лошадымъ, упряжью и одеждой прислуги. Сидѣнья были не совсемъ выгодны; въ особенности страдали ноги. Приходилось сидѣть въ кѣткѣ самъ-другъ съ товарищемъ, не всегда приятнымъ. Впрочемъ, никто не обращалъ на это вниманія, всѣ ѣздили и благодарили учредителей. Соперничество прекратило движеніе дилижансовъ; нѣкоторые уничтожила царскосельская желѣзная дорога.

Дилижансъ прежнихъ временъ.

Спасскій дилижансъ.

Въ ближайшія мѣста около столицы надо было ѣздить на ужасныхъ извозничьихъ дрожжахъ, — эти остатки монгольскаго варварства мучили тѣло и душу. Пролетки хотя уже и развелись теперь, но еще не скоро вытѣснятъ эти адскіе дрожки, потому что пролетки приобрести дорого, а дрожки свои смѣтливый извозчикъ чинитъ сто лѣтъ; есть такіе, что въ заплатахъ трудно отыскать живое мѣсто; кажется, онѣ и шиты изъ лоскутковъ. На такихъ экипажахъ любители загороднаго гулянья ѣздили на острова, въ Спасскую-Мызу, Парголово и другія мѣста. Годъ тому назадъ одинъ изъ здѣшнихъ старожилонъ, принадлежавшій, по происхожденію, къ одной изъ известнѣйшихъ русскихъ фамилій, рѣшился употребить и досугъ свой и немалый капиталъ на устройство спасскихъ дилижансовъ. Цѣль его — было одно желаніе доставить небогатымъ жителямъ столицы средство жить на дачѣ, обезпечивъ ихъ сообщеніе съ городомъ, куда дѣла и обязанности службы могли ихъ призывать ежедневно. Цѣль эта вполнѣ достигнута. Въ спасскихъ дилижансахъ помѣщается по 18 пас-

сажировъ; всѣ — сидятъ на покойныхъ креслахъ вокругъ стѣнъ обширной кареты, защищенные отъ дождя, вѣтра, пыли и духоты; устройство и отдѣлка экипажей превосходная, да иначе и быть не могло, потому что заботливый учредитель не довернулъ ихъ какому-либо каретнику, лишь бы подешевле. Спасскіе дилижансы сдѣланы и отдѣланы въ мастерскихъ, которыя сдѣлано можно поставить на ряду съ первоклассными заведеніями Лондона и Парижа. Одежда прислуги нарядная; лошади добрыя; приходятъ и отходятъ въ точности въ назначенное время. Спасскіе дилижансы, въ нынѣшнее лѣто, распространили линію своихъ движеній; четыре раза въ день они приходятъ въ Парголово къ саду; привозятъ и увозятъ не малое число пассажировъ, въ особенности въ субботу-вечеромъ, въ воскресенье и въ поведѣльничъ поутру. Случаются неприятели, не достаетъ мѣстъ въ Парголово или на Спасской-Мызѣ; но можно ли расчитать сколько именно пассажировъ благоволятъ уѣхать изъ Парголово съ дилижансомъ. Тѣ, которые уѣзжаютъ, и жалуются. Впрочемъ, за-

ботливый хозяинъ съумѣетъ и въ этомъ отношеніи примѣниться къ дѣйствительнымъ потребностямъ публики, коль-скоро эти потребности положительно обнаружатся. На все необходимо время. Не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ мѣрѣ все должно созрѣть, и тогда уже подлежитъ суду публики. А теперь, всѣмъ и каждому слѣдуетъ бы изъяснить учредителю признательность и всѣми силами стараться поддержать развитіе полезнаго дѣла.

Съ открытіемъ весны, и у спасскихъ дилижансовъ явились соперники. Радуемся и боимся, чтобы преждевременное соревнованіе не уничтожило самаго заведенія дилижансовъ. Младшимъ дилижансамъ предстоитъ еще заслужить довѣріе публики; спасскіе вполнѣ уже его оправдали, и намъ остается только, по обязанности иллюстраціи, представить, сколько возможно схожій, портретъ съ одного изъ этихъ любимцевъ публики.

Г. Ганеманнъ

Г. Матью.

СМѢСЬ.

I.

СТРАСТОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Чрезвычайно неудобно странствовать у насъ по чужимъ изданіямъ. Иногда это случается пещки, иногда безлутныя горы разной высоты, которая составляетъ какую-то жесткую безцвѣтную массу. Если замѣтишь что-либо курьезное, замѣченные обижаются. Въ слѣдствіе такихъ неприятностей, мы отираемся странствовать за границу тѣ, которыхъ мы тамъ замѣтимъ, не замѣтять насъ — и будетъ миръ, покой и благоденствіе. — Какъ только мы переступили черезъ рубежъ Имперіи, то и услышали за всѣми табльдотами о затѣяхъ воздвигнуть памятникъ Ганеманну.

*. Сближеніе двухъ замѣчательныхъ людей нашего времени вамъ не покажется страннымъ, когда вспомните, что одинъ возставалъ противу невоздержности медиковъ въ употребленіи лекарствъ, другой противу невоздержности народа въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Одинъ запретилъ даже запахъ цвѣтовъ, другой все, что можно пить, кромѣ воды и чаю. И то и другое ученіе — системы, доведенныя до схоластическаго состоянія философіи среднихъ вѣковъ; но и то и другое ученіе принесли необятную пользу. Жизнь обоихъ замѣчательна. Интересъ ихъ ученія не мпновался. Одному теперь хотѣтъ ставить памятникъ; другого выкупаютъ изъ долговъ.

Самуилъ Ганеманнъ, родился въ 1755 году въ Саксоніи, учился медицинѣ въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и Эрлангенѣ, гдѣ и получилъ степень доктора. Ученое поприще его въ самомъ началѣ было ознаменовано не маловажными трудами, которые до сихъ поръ уважаются, какъ наирямѣрь судебно-медицинское сочиненіе его о мышьякѣ. Онъ же предложилъ способъ какъ заготовлять *Mercurius solubilis*, сохранившій и по нынѣ его имя. Весьма много занимался Ганеманнъ переводами разныхъ медицинскихъ книгъ, изъ коихъ одна родила гомеопатію. Въ 1790 г., переводилъ сочиненіе Куллена

(Cullen) *Materia Medica*, Ганеманнъ никакъ не могъ согласиться съ гипотезами, которыми авторъ старался объяснить свойство хинина въ леченіи лихорадки. Онъ рѣшился испытать дѣйствіе этого начала надъ самимъ собой и замѣтилъ, что хинина, въ здоровомъ человѣкѣ, производитъ перемежающуюся лихорадку, противу коей она употребляется какъ усиливѣннѣе средство. Само собою разумѣется, что Ганеманнъ не остановился на одной хининѣ; подвергъ такому же анализу и другія врачебныя начала. Выводы были тѣ же. На нихъ возникла Гомеопатія или способъ леченія средствами однородными съ болѣзнію; но какъ однородное начало должно усилить временно и самый недугъ, то Ганеманнъ обратилъ вниманіе на дозы. Уменьшая и раздѣляя приемы врачебныхъ началъ, онъ довелъ ихъ истинно до безконечной степени дѣймости; возникъ не споръ, а ужасная война, она не кончилась, не кончится... Кто правъ, кто виноватъ не наше дѣло, но Гомеопатія распространилась по всему свѣту; Гугенландъ противникъ микроскопическихъ дозъ Ганеманна, допустилъ однако же его основное начало *Similia similibus curantur*, на ряду съ древнимъ отвѣчнымъ началомъ медицины *Contraria Contrariis sanantur*; Гомеопатія имѣла еще и другое полезное вліяніе на медицину вообще тѣмъ, что Аллопаты стали и съ своей стороны уменьшать приемы лекарствъ. Повторяясь, что не наше дѣло рѣшать этотъ важный споръ; рѣшать его время и онытъ. Но во всякомъ случаѣ Ганеманнъ принадлежитъ къ числу гениальныхъ людей XIX вѣка. Въ 1835 году, 80-ти лѣтъ, онъ женился во второй разъ на дѣвицѣ Гервильи и переселился въ ея отечество, во Францію. Въ Парижѣ онъ занимался практикой и заслужилъ сномъ смертнымъ, тихо, покойно, 2-го июля 1845 года. Прошло два года. Число поклонниковъ и противниковъ не уменьшилось. Немало было людей, которыхъ увлекали тысячи новыхъ системъ. Гдѣ эти системы? Тутъ ихъ осталось нѣсколько безсмертныхъ зеренъ, сложенныхъ потомствомъ въ священную житницу положительнаго знанія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и будетъ ли довольно поклонниковъ, чтобы воздвигнуть памятникъ Ганеманну? Объ этомъ должны бы подумать Гомеопаты, а не о томъ, кому поручить сочиненіе и исполненіе монумента и какъ собрать деньги.

*. Отецъ Матью (Matheu) счастливѣе. Ему при жизни сдѣлалъ весьма существенный памятникъ. Если вѣрить журналу «Standart» О. Матью, по прямой линіи, происходитъ отъ Гвайтведа, короля Кордиганскаго, который любилъ пиры и дары Бахуса и никакъ не думалъ, что дерзкій потомокъ съ такою сплюю и успѣхомъ вооружится противу его любимыхъ привичекъ и сочинитъ удивительную, самую вѣрную и самую простую медицину. Пьянство — болѣзнь, которая страшнѣе и вреднѣе безумія. Пьянство — хуже чумы — и поборотъ это чудовище — дѣло едва ли возможное. Потомокъ Кордиганскаго короля, однакожъ, рѣшился на этотъ баснословный подвигъ. — Мысль объ обществахъ воздержанія принадлежитъ къ самымъ древнимъ временамъ. Филантропы давно заботились о исправленіи человечества, и, натурально, вѣяство было однимъ изъ главныхъ предметовъ, на который они хотѣли дѣйствовать. Но что значить эти клубы воздержности въ трехъ королевствахъ, гдѣ вискей, джизъ, эль и портеръ производится, куда коньякъ, ромъ и крѣпкія испанскія вина привозятся въ такомъ огромномъ, колоссальномъ количествѣ. Съ дѣтства уже Матью страдалъ душею и всѣми чувствами, глядя, какъ всѣ три королевства пьютъ разный ядъ усердно, неистово, какъ за кажлымъ глоткомъ слѣдомъ шло зло и возрастало по вѣрѣ уничтоженіе ядовитыхъ жидкостей. Но когда Матью получилъ санъ священника, тогда какъ будто онъ получилъ право объявлять войну гнусному пороку; онъ просилъ полномочія для пресѣдованія пьянства и получилъ папскую грамоту и знаніе римскаго комиссара. Ирландія, отечество Матью, плала больше двухъ другихъ королевствъ. Считалось обязанностію въ день Патрикѣи выпить до безпамятства. Матью возсталъ и побѣдоносное слово его восторжествовало. Пять милліоновъ Ирландцевъ принесли публичную торжественную клятву не пить ничего, кромѣ воды и чаю. Theatstallers, чайницы распространились по всей Англіи и Шотландіи. О. Матью обошелъ всѣ три королевства и возбудилъ противу себя бѣшеную ненависть откупщиковъ. Для большей торжественности онъ составилъ церемоніаль принятія въ чайницы и завѣлъ медали для всѣгдашняго напоминанія о добровольно-принесенномъ обѣщаніи. Эти медали онъ продаетъ на

наши деньги по 30 копѣек серебромъ; приходъ обращается на содержаніе О. Матю; остатки на постройку въ Коркѣ (гдѣ онъ родился) особой церкви для Театоталеровъ. Между присланными, на спискѣ О. Матю, стоятъ имена многихъ саповниковъ, павѣстныхъ дамъ, напр. Марквизы Велеслей, ученыхъ, художниковъ и т. д. Встрѣчаютъ его цѣлыя народонаселенія городовъ, провожающія съ благоговѣніемъ. Завидный подвѣгъ, прекрасное назначеніе. О. Матю — врачъ, который лечитъ на вѣрно. Эта Гомеопатія безшумночна. Виноторговцы употребляли всѣ возможные средства, чтобы противудѣйствовать комиссару, но, какъ видите, нѣсколько милліоновъ послѣдователей ничтожатъ ихъ козны и пьютъ усердно чай за здравіе О. Матю. Онь, слава Богу, здоровъ, хотя и въ беспорядочномъ походѣ. — Извлекла жертвы пьянства изъ очарованнаго круга, О. Матю не всегда могъ помочь больнымъ одними цѣлебными словами. Нищета иногда весело увлекать несчастнаго къ этому пороку. Тутъ къ слову надо прилагать дѣло; — медали очень дешевы и О. Матю вошелъ въ большіе долги. Недавно часлицы узнали о печальномъ положеніи папскаго комиссара, сложились и заплатили за него значительные долги.

Замѣчательно, что и у насъ чай съ вѣкотораго времени входитъ между простыми народами въ общее употребленіе, но събѣдству ли съ Китаемъ или по другимъ причинамъ. Желательно, чтобы наши часлицы безъ всякихъ клятвъ и медалей уножились милліонами и милліонами, чтобы отъ Архангельска до Одессы и отъ Калаша до Камчатки, вѣсто кабаковъ, на каждой верстѣ стояли самовары, величину съ ту же версту. Суrowый климатъ, сложене народа и прочія хитрыя защитительныя фразы въ пользу вина — все это утонуло бы въ пахучемъ чаѣ.

Въ прошлыхъ двухъ десятилѣтияхъ во всей Европѣ господствовала монументальность; теперь стало тише; колески памятниковъ замѣчательнымъ людямъ только дополняется. Вотъ, напримеръ, Археологическое Общество въ Турѣ постановило воздвигнуть статую Декарта на одной изъ площадей этого города. Открыта подписка; но кто во Франціи будетъ подписываться теперь на изданіе философскихъ твореній, или на памятники Декарта. Мы увѣрены, что во всей Франціи не найдется двухъ сотенъ подписчиковъ, которые читали Декарта, тогда какъ его книга de Methodo можетъ быть лежать красугольнимъ камнемъ въ знаніи европейской философіи, съ того времени уже вторично одряхлѣвшей и достигшей своего схоластическаго періода.

Французъ гораздо болѣе заимчивъ обезьяны Джимъ или Жимъ (Jim), которая соперничествуетъ съ Франкиппи, и показываетъ штуки на лошадиныхъ съ удивительной ловкостью, искусствомъ — и даже умомъ. Съ обезьяной раздѣляетъ вниманіе публики новал большая драма Фредерика Сулье: Студенты (Les étudiants), саранча, появившаяся въ Алжирѣ и голодъ (une voix), комическая опера, текстъ Байарда и Потрона, музыка Буяляже; — музыка составлена изъ вальсовъ и маршей, именно потому, что это опера комическая, слѣдственно веселая, а что же можетъ быть веселѣе вальса. Даже Французъ признаютъ эту оперу вошедшей и въ утѣшеніе ожидаютъ превосходнаго, въ томъ же родѣ, произведенія другаго композитора Лабарра, который пишетъ музыку на слова Скриба.

Мы помѣстимъ въ прошедшихъ номерахъ любознательную статью объ Индѣйцахъ. Нашлись читатели, которымъ индѣи не понравились. Зачѣмъ намъ эти индѣи? Это хорошо въ Живописномъ Обзорѣнн, въ Путешествіяхъ вокругъ свѣта, и т. п. но въ Иллюстраціи... Милостивые Государя! Позвольте обратитъ ваше безпристрастное вниманіе на всѣ французскія газеты и журналы. Во всѣхъ тѣхъ африканской, американской, новоготландской дичи, самой дикой, и весьма интересной. Странствователемъ уже указалъ на многа статью, помѣщенную въ разныхъ иностранныхъ журналахъ; теперь почтается долгомъ сослаться на послѣдній номеръ парижской иллюстраціи, въ коемъ краснорѣчиво занимаютъ четвертую часть все-

го номера. Дикіе — это одинъ изъ самыхъ постоянныхъ современныхъ вопросовъ образованной публики, и простите, если при удобномъ случаѣ мы опять ихъ выведемъ на сцену.

Въ Лейпцигѣ математикъ Янъ изобрѣлъ снарядъ, который названъ мѣсто-указателемъ пожара, Ortsfeueranzeiger. Это небольшой телескопъ съ прицѣланнымъ къ нему особеннымъ и довольно простымъ механизмомъ. Для успѣшнаго дѣйствія этого инструмента, должна быть предварительно изготовлена карта окрестностей, который указателемъ обозрѣвать полагаются. Въ Лейпцигѣ, на двухъ главѣншихъ каланчахъ, уже поставлены такіе указатели. Для вѣрности ихъ повѣрки полагаютъ необходимымъ устроить третій. Оптической обманъ при огнѣ, въ вѣдѣнномъ отдаленіи, придаетъ изобрѣтенію не малую важность. Особенная брошюра, изданная объ этомъ инструментѣ, удовлетворительно объясняетъ подробности, которыхъ мы не помѣщаемъ. Напрасно отъ насъ теперь начинаютъ требовать подробнѣшаго изложенія ученыхъ вопросовъ, изобрѣтений и открытій. Гдѣ намъ взять столько мѣста, чтобы знакомить съ подробностями нѣкоторыхъ явленій, которые могли бы занять оба листа нашего номера. Странствователь самъ есть только указатель всего полезнаго и изцѣпаго; онъ слѣдуетъ донести читателю о томъ, что съ высоты своей подзорной каланчи онъ замѣтитъ успѣваетъ. Подробности должны записывать спеціальныя журналы.

Въ Парижѣ, ребенокъ Пролонжо (Prolongem) возбудилъ удивленіе академіи. Ему теперь седьмой годъ въ половинѣ и онъ уже съ памяти, съ особенною легкостью разрѣшаетъ задачи, которые разрѣшаются обыкновенными дѣйствіями арифметики и уравненіями первой степени. Комитетъ (Гг. Араго, Матье, Лиувиль, Франкеръ, Андраль и Коши), испытывавшій мальчика, съ свойственнымъ такимъ ученымъ людямъ благоуміемъ, просилъ академію, принявъ участіе въ образованіи ребенка, не давать его способностямъ преждевременнаго развитія, дабы столь огромныя способности могли своевременно созрѣть и принести плоды, соответственныя ожиданіямъ. Мудралъ въра! Родительская гордость и чистое любопытство постороннихъ уже сколько разъ обращали въ ничто преждевременно обнаруживавшійся способностями, отъ которыхъ, при другомъ направленіи воспитанія, положительное можно было ожидать великихъ пользы для наукъ.

Г. Мезонъ изобрѣлъ тригонометръ, инструментъ, посредствомъ коего безъ выкладокъ и вычисленій, можно производить многія дѣйствія арифметическія и тригонометрическія.

Г. Бойе и Массія изобрѣли новый способъ переводить, исполненнымъ на деревѣ и на стали, гравировать на камнѣ. Этихъ способовъ уже было немало. Все оказалось съ важными недостатками; каковъ новый, увидимъ.

Мы видели уже въ Петербургѣ великолѣпное Путешествіе Г. Члпачева на Алтай (См. Илл. N. 9, стр. 142). Оно издано въ Парижѣ въ большую четвертку, на отличной бумагѣ и украшено множествомъ гравюръ на деревѣ. Къ нему приложенъ альбомъ алтайскихъ видовъ, литографированныхъ съ рисунковъ Мейера. Литографія превосходныхъ истоятъ рисунковъ. Сверхъ того къ изданію приложено собраніе отлично изготовленныхъ картъ.

Мы уже увидѣли о кончѣ А. В. Шлегеля. Знаменитый Драмаатуръ въ завѣщаніи отказалъ извѣстной дѣвицѣ Гагизъ свою булавку, въ которой солнцера цѣнится весьма дорого. Этотъ подарокъ — умилительно свидѣтельство уваженія старца къ первоклассному таланту. Актрисы, если обладаютъ великими способностями, то могутъ дѣйствовать своимъ искусствомъ и красотой въ огромныхъ размѣрахъ. Вспомнимъ, что Осодора, супруга Юстиніана, была пантомимическая артистка, Элеонора Гвиннъ (Gwynn) была сдѣлана Герцогиней при Карлѣ II., а Марія Анна Кино, также актриса, вышла замужъ за Герцога Неверскаго, въ 1722 году и принесла въ приданое 500 пустыхъ банокъ изъ подъ румянъ и бѣлизъ и 2000 паръ башмаковъ.

Въ Берлинѣ стремятся, туда стекаются въ знаменитости современныя. Тамъ Мейерберъ, тамъ недавно праздновала торжество свое Джени Линдъ, тамъ восхвалять публику Корнелиусъ, туда явился и Фелисианъ Давидъ съ своею одой симфоніей «Le Desert» Пустыня. Она была исполнена на потсдамскомъ театрѣ, въ присутствіи королевскаго фаншпа, кронпринца Виртембергскаго, курпринца Гессенъ-Кассельскаго и другихъ почетныхъ слушателей. Оркестромъ управлялъ Леопольдъ Ганцъ, хоры исполняли театральными хористами, теноровое соло пѣлъ Манциусъ, а лирическія строфы декламировалъ актеръ Миллеръ по-нѣмецки. Текстъ Колена, сопутствовавшего Давиду на Востокъ, весьма удачно перевелъ Фердинандомъ Брауномъ. Описывать содержаніе симфоніи довольно трудно, да и бесполезно. Путешествіе каравана въ пустынь; молитва путниковъ, буря и т. д. все, что къ таковому предмету принадлежитъ, вотъ и содержаніе, но весьма приятно то, что до педантизма строгая нѣмецкая музыкальная критика съ особенною похвалою отзывалась объ этомъ произведеніи и о самомъ композиторѣ, какъ о человѣкѣ весьма скромномъ, и безъ всякихъ неумѣренныхъ притязаній, которая къ несчастію, иногда встрѣчается не въ одной посредственности.

Знаменитый Іоаннъ Штрауссъ, Омиръ танцевальной музыки, получилъ, ко всеобщему удивленію, отъ Римской Академіи (Santa Cecilia) званіе, Maestro Compositore e professore di musica. По нашему, Академія — права.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Дѣлота г. Вертона.

Нѣтъ театральнаго ампула труднѣе и щекотливѣе, какъ ампула первыхъ любовниковъ. Они стоятъ на виду, всегда на первомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ роли ихъ болѣею частью лишены драматической занимательности. И въ самомъ дѣлѣ, какая блѣдная и безжизненная обязанность быть героемъ какой-нибудь комедіи или водевиля, въ костюмѣ нашего времени, съ безцѣпнымъ характеромъ, съ приторными театральными любезностями? Хорошо еще, когда весь интересъ пьесы сосредоточивается на этихъ роляхъ; да часто ли такая завидная участь приходится на долю перваго любовника? И что прежде всего требуется для хорошаго исполненія этихъ ролей? Ловкость въ движеніяхъ, пріятный голосъ, красивая наружность, да благородныя манеры. Возмните же съ одной стороны — соединеніе всѣхъ этихъ мелочныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ, условій, съ другой — обыкновенную безцѣпность этихъ ролей — и вы согласитесь со мною, что нѣтъ ампула труднѣе и щекотливѣе, какъ ампула перваго любовника. Но самая трудная проба, самая главная задача для этого ампула заключается не въ историческихъ роляхъ, не въ костюмахъ Людовика XIV, а въ пьесахъ съ современными нравами, въ драмѣ или комедіи нашего времени, когда каждый носѣтель судитъ актера на свой аршинъ, когда каждый шагъ его, каждое слово, каждое движеніе вѣзвѣщаются съ условіями нашей собственной жизни, нашихъ собственныхъ привычекъ, когда все, отъ прически до перчатокъ, подвергается строгой, немилостивой критикѣ.

До сихъ поръ мы пѣли на Михайловскомъ-Театрѣ только одного человѣка, который самымъ блестящимъ образомъ удовлетворяетъ въ этихъ щекотливыхъ роляхъ всѣмъ требованіямъ самой взыскательной и придирчивой критики. Это — Брессанъ. Въ немъ все эти наружныя условія, о которыхъ мы съ-часъ говорили, соединяются съ истиннымъ дарованіемъ превосходнаго актера, съ живой натуральной и благородной игрой. Но одного на всѣхъ не остается, тѣмъ болѣе въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ встрѣчаются по дѣлу молодыя роли, почти равной силы и равной занимательности. Въ этихъ пьесахъ переходъ отъ Брессана къ другимъ былъ слишкомъ ощутителенъ. Теперь, благодари стараниямъ тетралной дирекціи, этотъ недоста-

токъ пополненъ, и наша прекрасная французская труппа приобрѣла въ лицѣ г. Бертонна новаго талантливаго актера.

Уже при первомъ дебютѣ, въ роли Фаринелли, г. Бертонъ произвелъ на публику самое пріятное впечатлѣніе, которое, болѣею частью, рѣшается въ всю будущую участь актера. Мы съ удовольствіемъ замѣтили его красивую наружность, пріятный голосъ и живую развязную игру. Кромѣ того г. Бертонъ еще и хорошей пѣвецъ, что право не бездѣлица въ роли Фаринелли. Не смотря на память о Брессанѣ, котораго возвращенія всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, публика осыпала г. Бертонна громкими и вполне заслуженными рукоплесканіями. Мы можемъ ему сдѣлать только одну упрекъ, который состоитъ въ томъ, что онъ не всегда натураленъ и что въ нрѣ его мѣстами проскакиваетъ какал-то аффектаціи.

Для втораго дебюта давали старую піесу, подъ заглавіемъ Mathilde ou la jalousie. Здѣсь у г. Бертонна роль драматическая и онъ въ первый разъ явился въ нашемъ современномъ костюмѣ. Мы обязаны замѣтить, что въ этой роли онъ не имѣлъ особеннаго успѣха и, намъ кажется, что его настоящее назначеніе не драма, а комедія или водевилъ. Въ немъ нѣтъ того трагическаго достоинства, которое производитъ такое глубокое, депотическое впечатлѣніе, и невольно вызываетъ то страхъ, то участіе. Въ мѣстахъ патетическихъ онъ не выдерживаетъ характера, слабѣетъ или утрируетъ. Не смотря на то онъ вездѣ игралъ хорошо и отчетливо, съ умомъ и со вкусомъ. Но мы думаемъ, что настоящее амплу г. Бертонна заключается въ комическихъ, напвныхъ и веселыхъ роляхъ, въ чемъ еще болѣе убѣждаетъ насъ его третій дебютъ, въ умной и веселой комедіи Александра Дюма, Le mari de la veuve. Здѣсь онъ имѣлъ необыкновенный и вполне заслуженный успѣхъ. Но за то мы давно не видали піесы, которая была бы такъ хорошо обставлена. Что за игра! какой ешеміе! Какъ хороша г-жа Алланъ! Какая благородная, умная, вполне художническая игра! А г-нъ Алланъ? съ какою одушевленіемъ онъ выражаетъ характеръ мужа, то торжествующаго, то озадаченнаго неожиданнымъ сомнѣніемъ! Мы всегда съ равнымъ удовольствіемъ любуемся на эту даровитую чету, которая съ такой благородной и постоянной любовью служитъ своему прекрасному искусству.

Повторяемъ, что въ этой піесѣ мы присутствовали при самомъ богатѣйшемъ дебютѣ г. Бертонна. Его живая и ловкая игра заслужила громкое одобреніе публики. Роль была по немъ; во всѣхъ комическихъ ситуацияхъ онъ былъ удивительно хорошъ и, за исключеніемъ маленькой аффектаціи, игра его вполне заслужила тѣ рукоплесканія, какими его осыпали. Восхищаясь его игрой, намъ остается только благодарить Дирекцію за это новое прекрасное приобретеніе.

Въ этой же піесѣ, въ первый разъ, дебютировала г-жа Матильда, ангажированная на второстепенныя молодыя роли. Она поправилась публикѣ, играть хорошо и вполне соответствовать своему назначенію.

НОВЫЯ КНИГИ.

О собраніи произведеній отечественной кисти и о самобытной жизни въ живописи. С. Ибрг. 1845. Соч. Сергія Глинки 20 стр. Это голосъ маститаго литератора Сергія Николаевича Глинки, извѣстнаго живою и пламенною любовію ко всему отечественному. Кто не согласится съ почтеннымъ авторомъ, что собранія произведеній отечественной кисти возвысятъ и собрателей и художества, и выгодно подѣйствуютъ на ихъ самобытность. Въ брошюрѣ мы встрѣтили любопытныя анекдоты, разсказанныя автору княгиней Дашковой въ 1808 году. Ломоносову показало, что его забыли и онъ впамять въ уніаніе. Узнавъ о томъ Екатерина II, сказала княгинѣ Дашковой: «подѣмъ къ Ломоносову; онъ что-то слишкомъ закручинился». Дѣйствительно, нашли его въ забытій, онъ въ думахъ сидѣлъ, облокотясь на рабочій свой столъ. «Здрав-

ствуйте Михайло Васильевичъ! сказала Екатерина; Вы со всѣмъ насъ забыли. — Нѣтъ, матушка! Нѣтъ государыня!» воскликнулъ Ломоносовъ. — Я скажаль вамъ въ одѣ моей и повторяю :

Твой трудъ для насъ — обогащеніе;
Мы чтимъ съивно подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщеніе
И неуспѣнность — нашъ покой. »

Асканіо Риччи, драма. Соч. Б. Б. (1839). Москва 1845. стр. 186. Фиделіо и Асканіо Риччи, братья живописцы, жили у начальника школы Франческо и влюблены въ его дочь, вмѣстѣ съ другими учениками. Отецъ объявлялъ конкурсъ. Кто напишетъ лучшую картину, тому и владѣть Маргаритой. Всѣ согласились, только одинъ Асканіо возманился что и куда-то ухмалъ. Фиделіо — любимецъ Маргариты, написалъ чудо картину, но имѣлъ другомъ злодѣя Рудольфо, который досталъ у алхимика яда, принесъ къ Фиделіо свою картину, заставилъ его написать письмо къ Маргаритѣ, отправилъ друга, картину его унесъ, свою тутъ же сжегъ и — но видя таланта покойника, женился на Маргаритѣ. Но Асканіо воротился, открылъ обманъ, сталъ преслѣдовать; Рудольфо убилъ жену, хотѣлъ убить и Асканіо, но Рудольфо взялъ въ полицію и, вѣроятно, уже казнилъ въ томъ же 1839 году, когда написана и драма. Въ концѣ книги помѣщено исчерпывающее объясненіе. Авторъ боится, чтобы буквы Б. Б. не подали повода думать, что эту драму написалъ Баронъ Брамбеусъ.

ЧЕРЕНСКА.

Письмо къ г-нну. Редактору : въ 10 № Иллюстраціи, въ отдѣленіи «Странствователь по чужимъ пзданіямъ», упоминается о Сѣверной Пчелѣ. Тамъ, между прочимъ, напечатано : «хозяинъ — оправдывается противу домохозяевъ. Въ отсутствіи О. В. Булгарина долгомъ считаю замѣтить, что это выраженіе не точно. О. В. Булгаринъ не домохозяинъ а такой же хозяинъ Сѣверной Пчелы, какъ и мой батюшка, Н. П. Гречъ, и статья, противу которой онъ оправдывается, подписана буквами О. В. .... А. Гречъ.

А. И. Гречу. Съ удовольствіемъ исполняемъ ваше желаніе и помѣщаемъ въ Иллюстраціи это письмо. Теперь мы знаемъ, кто обвинилъ Николая Ивановича въ несправедливыхъ показаніяхъ, которые оказались слишкомъ справедливыми. Мы привыкли читать все, что пишетъ Н. И. Гречъ, и потому не знали противу кого онъ оправдывается, видѣли только, что онъ оправдывается съ неудовольствіемъ (и согласитесь, весьма справедливымъ) противу Сѣверной Пчелы. Въ слѣдствіе того просимъ читателей испривить нашу ошибку и читать такъ : «одинъ хозяинъ оправдывается противу другаго хозяина.» Теперь будетъ, кажется, точно.

* * * Провинціальному Шахматопилу. Не успѣли мы отвѣчать на одно ваше письмо, какъ уже получили второе. На оба отвѣты уже напечатаны въ Иллюстраціи.

* * * Встрѣча и Фокусъ не могутъ быть напечатаны въ Иллюстраціи. Что же касается до Русскаго Словаря, то мы помѣстимъ ваше слово при случаѣ, когда наберется по больше такихъ особенныхъ выраженій нашего народа.

* * * М. М. Благодаримъ за пріемъ. Вы видѣли мы уже ею воспользовались, что же касается до переведеннаго вами романа Альфонса Карра, то онъ, къ сожалѣнію, не подходитъ подъ размѣры, назначенный для переводныхъ статей въ Иллюстраціи.

— Загадки не могутъ быть помѣщены въ Иллюстраціи и потому отосланы по назначенію вашему, но той единственно причинѣ, что въ нихъ есть рпеуки. Редакція уже объявила, что не имѣетъ времени возвращать присылаемыхъ къ ней статей.

А П Е К Д О Т Ы.

* * * Къ Гайдну, одважды, пришелъ мясникъ и требовалъ аудіенціи.

— Тебѣ что надо? спросилъ старикъ.

— Музыки! Отвѣчалъ гость. Я знаю, что вы очень добрый и обязательный человекъ; вы отличались во всѣхъ родахъ музыки; безспорно вы у насъ самый первый музыкальный мастеръ, но больше всего мы праятся ваши мелюэты. Мнѣ также нужно имѣть мелюэты, только, знаете, такой, самый веселый, самый отличный и самый новый.

— Зачѣмъ?

— Вотъ впадетъ, умелъ на дряхъ выходить дочка за мужъ. Хотѣлось бы, чтобы на свадьбѣ плясалъ подъ новую музыку. Я обратился съ просьбою къ знаменитому Гайдну; кажется, лучше я не могъ ничего сдѣлать.

Гайднъ улыбнулся и обѣщавъ написать мелюэты на послѣ завтра. Послѣ завтра мясникъ явился, и съ благодарностію и радостію принялъ драгоценный подарокъ. Несколько дней спустя, Гайднъ слышитъ на улицѣ звуки инструментовъ; играютъ его новый мелюэты; Гайднъ взглянулъ на улицу и видитъ перель его окнами, окруженный кочующимъ оркестромъ, стоитъ великолѣпный воль съ вызолоченными рогами, убранный лентами и цвѣтами. Мясникъ явился и еще разъ поблагодаривъ Гайдна, заключилъ свою рѣчь такъ : Я, какъ мясникъ, не могу, по моему, поблагодарить васъ за пресвосходный мелюэты иначе и потому приношу вамъ въ жертву лучшаго изъ моихъ быковъ. Мясникъ не остался отъ Гайдна, пока тотъ не принялъ искренней жертвы престолашной признательности. Вотъ почему одинъ изъ мелюэтовъ Гайдна сохранилъ названіе *Воловьей*, Ochsen mettet.

Баронъ Трумердорфъ, богатый нѣмецкій помѣщикъ, окончивъ гдѣ-то курсъ наукъ, воротился въ свой замокъ, расположенный въ весьма красивой поэтической мѣстѣ. Жилъ, пожилъ, но сельское одиночество прискучило; онъ догадался, что вдвоемъ жить веселѣе; Баронъ задумалъ жениться, но какъ рѣшиться на такое важное дѣло. Нашлась и невеста, соседка, графиня, богатая, красивая, умная; Баронъ не могъ найти лучше въ цѣломъ свѣтѣ; — но жениться! это ужасно! Онъ совершенно переищуется и откладывалъ объясненіе со дня на день. Но такъ какъ баронъ не переставалъ бѣдить въ замокъ графини, какъ слѣдуетъ женеху уваживать за нею, въ слѣдствіе чего другіе женихи стали ретироваться, все это принудило будущую тещу къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она потребовала отъ Барона окончательнаго отвѣта и назначила сроку три дня. Несчастный баронъ двѣ ночи не спалъ, ходилъ какъ въ лихорадкѣ, садился на коня, чтобы поѣхать въ замокъ и пасть къ ногамъ графини; то садился за письменный столъ и начиналъ писать отреченіе отъ женитбы... Наступилъ третій послѣдній день. Отчаянне помогало барону. Онъ позвалъ слугу и сказалъ осѣдлай коня и будь готовъ отправиться въ путь, но прежде иржаки развести огонь въ каминѣ. Пока слуги исполняли приказаніе барона, онъ написалъ два письма: въ одномъ просилъ руки графини, въ другомъ отказывался отъ женитбы. Запечатывъ письма въ одинакіе конверты, баронъ позвалъ слугу.

— Ну что, готовъ?

— Готовъ, г. Баронъ!

— Бер! и съ этими словами подалъ слугѣ письма свои въ шляпѣ.

— Что брать?..

— Одно письмо...

— Взялъ.

— Теперь на коня! Во весь опоръ скачи къ графинѣ... Отдай письмо и возвращайся съ отвѣтомъ.

Въ волненіи Баронъ почти вытолкнулъ слугу за-
дверн, схватилъ другое письмо и бросилъ въ огонь.
Можете себѣ представить въ какомъ состояніи
духа провелъ Баронъ весь этотъ день, потому что
замокъ графини былъ не такъ ужъ близко и при-
томъ отвѣты на такія письма не пишутся такъ
скоро. Истинно комическое положеніе, которое
стоитъ того, чтобы имъ занялся П. А. Караты-
гинъ. Объ остальномъ говорить не стоитъ. Само
собою разудбется, что жребій былъ умире барона,
послалъ письмо, какое послать слѣдовало и графиню
черезъ нѣсколько времени разжаловалъ въ
баронессы.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦИЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтам-
та, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Алек-
сандра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казан-
скаго моста, въ домъ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова,
въ Гостинномъ Дворѣ.—Въ Москвѣ: у книгопрода-
вцевъ Свѣшниковъ и Вазунова, въ книжныхъ лавкахъ,
въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Уни-
верситета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяе-
ва), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора
подъ NN 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ,

ПОДЪ ФИРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ
Энгельгардта, поступили въ продажу:

РОМАНЫ ВАЛЬТЕРА СКОТТА, въ 24-хъ то-
махъ, новый переводъ съ англійскаго, подл редакціею
А. А. Краевскаго. Изданіе этихъ романовъ предпола-
жено окончить въ шесть лѣтъ. Ежегодно будетъ выхо-
дить четыре тома, заключающіе въ себѣ отъ четы-
рехъ до пяти романовъ. Въ нынѣшнемъ 1845 году из-
даны будутъ: *Кеситина Дорвардъ, Антикаріи, Айвею,*
Гей-Меннерингъ.—Нынѣ поступилъ въ продажу: *и Кеситина Дорвардъ*. Цена за 4 тома 7 р. сер., отдѣльно
каждый томъ 2 р. сер. на пер. прилагается на каждый
томъ вѣс. за 2 фунта.

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ *Френсисса Тро-
лона*. Переводъ *П. Фурманна*, съ 15-ю литографиро-
ванными картинками. Картины сочинены художникомъ
Е. Кавринымъ. Пять томовъ. Спб., 1845 г. Цена 3 р.
сер. за пер. вѣс. за 3 фунта.

ОПИСАНІЕ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, въ истори-
ческомъ, географическомъ и статистическомъ отноше-
ніяхъ, посвященное Имелн Его Императорскаго Вы-
сочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго
Князя Александра Николаевича. Томъ 1-й, книга 2-я;
Архангельская-Губернія, съ картою губерніи, гербами,
планами городовъ и рисунками, представляющіе ви-
ды: 1) Архангельска, 2) Соловецкаго-Монастыря и 3)
Памятникъ Ломоносову. Спб., 1845 г. (8) Ц. 2 р. вѣс.
за 2 ф.—То же, томъ первый, книга первая содержитъ

въ себѣ : *Описаніе Новгородской-Губерніи*, съ кар-
тою этой губерніи, гербами и планами городовъ, ри-
сунками, представляющими виды: 1) Новгорода въ
1170 году, 2) Новгорода 1843 году, 3) Кирилло-Бело-
зерскаго-Монастыря, 4) Тихвинско-Богородицкаго-Мо-
настыря, 5) Череповца, 6) Тихвинской системы, 7)
Канала Герцога Александра Виртембергскаго, 8) Раз-
рѣзъ праваго берега рѣки Шрытки на мѣстороженіи
каменнаго угля. Спб. 1844 г. (8) Ц. 2 р. вѣс. за 2 ф.
Цена за первый томъ *и Описаніе Россійской Имперіи*
заключающій въ себѣ описанія *Новгородской, Архан-
гельской, Олонецкой и Вологодской губерній*, съ карта-
ми и совсѣми рисунками къ сему тому, 6 руб. сер.,
вѣс. за 8 фун.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 11.

БѢЛЫЕ.

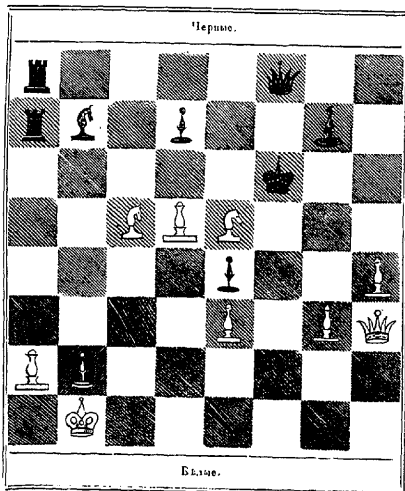
- 1) П. 1. м.
- 2) К. на 7 сл. Кор.
- 3) Кор. на 3 сл. свою.
- 4) Кор. на 4. м. Ф.
- 5) Кор. на 5 м. Ф.
- 6) Кор. на 6. м. Ф.
- 7) К. на 6 м. Сл. Ф.
- 8) Кор. на 7 м. Сл. Ф.
- 9) П. 1. м.
- 10) П. 1. м. (Ферзь).
- 11) Ф. на 6 м. К. сл. и Матъ.

ЧЕРНЫЕ.

Вынужденные ходы.

ЗАДАЧА № 12.

БѢЛЫЕ ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

РАЗРѢШЕНІЕ КАРТОЧНОЙ ЗАДАЧИ.

Дама трефъ. Тузъ бубень. Король червей. Валетъ пикъ.
Валетъ черн. Король пикъ. Тузъ трефъ. Дама бубень.
Тузъ пикъ. Дама червей. Валетъ бубен. Король трефъ.
Король буб. Валетъ трефъ. Дама пикъ. Тузъ червей

Можно разрѣшеніе этой задачи представить и
въ математической формулѣ. Но къ чему? Есть
практическій способъ разрѣшенія, нудивительно,
какъ онъ могъ придти кому нибудь въ голову, а
именно: положите 16 картъ въ известномъ поряд-
кѣ одну на другую, напримѣръ такъ: тузъ пикъ,
тузъ трефъ, король пикъ, король трефъ, дама
пикъ, дама трефъ, валетъ пикъ, валетъ трефъ,
тузъ бубень, тузъ червей и. т. д. теперь уложите
ихъ въ квадратъ и перемѣните мѣста: 1-й съ 16,
4-й съ 15, 6-й съ 11 и 7-й карты съ 10—вы маши-
нально получите разрѣшеніе задачи.

РАЗГАДКА № 11.

Вѣсъ, на пролетѣ ла, свѣтъ, ромбъ, утъ, тонъ,
очью, пис у вила, ли.

Весна пролетѣла съ вѣтромъ, будто ночью, и не
увидали.

ЗАГАДКА № 12.

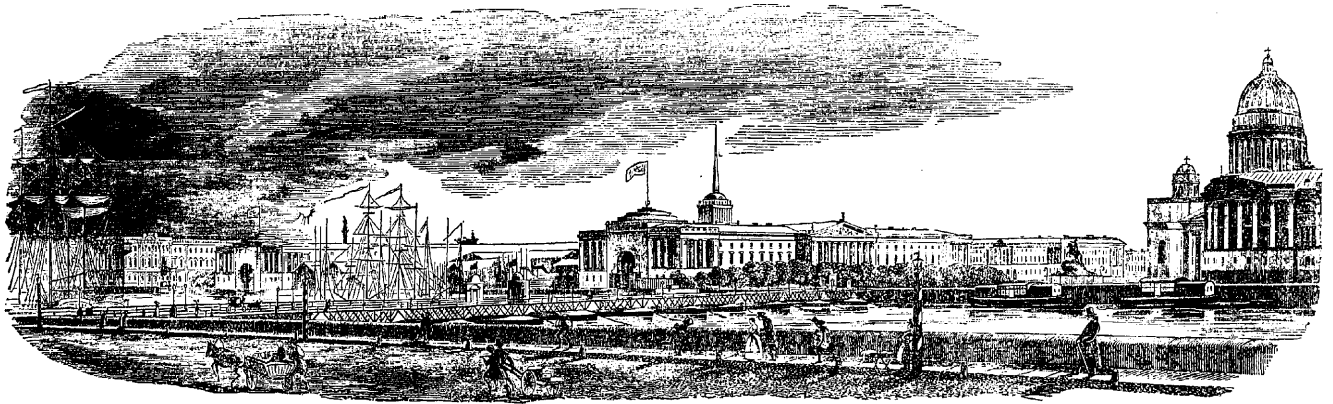
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Отъ Редакціи. 2) Разговоръ Чеснискіихъ Инвалидовъ, соч. Чеснискаго Инвалида. 3) Иоанна д'Аркъ. 4) Скульптурная машина. 5) Три-
спричь 6) О суевѣрїяхъ и предрасудкахъ русскаго народа статья З. К. Дуанскаго. 7) Новое освѣщенія гасомъ. 8) Каприозо, окончаніе. 9) Ежеднев-
ная игра. Загадка. Содержатель по чужимъ изданіямъ.—Французскій театр.—Новыя книги.—Перевиска.—Анекдоты. Объявленія. Игры. Шахматы. Картоп-

ГРАВЮРЫ : 1) Памятникъ Иоанны д'Аркъ. 2) Орлеанскій соборъ. 3) Скульптурная машина. 4) Габуракъ. 5) Знахарь. 6) Освѣщенія гасомъ. 7) Геометрія Шама
(окончаніе). 8) Старый дваживастъ. 9) Спасскій дваживастъ. 10) Ганеманнъ. 11) Г. Матью. 12) Шахматы. 13) Шарады, всего 20 гравюръ.

Печатать позволяется С. Петербургъ, Ювля 21 авя 1845 года. Цензоры: А. Ежиктско и А. Крыловъ. Въ Типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯШНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

Т. I. № 15.—Суббота, 30 Іюня 1843.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Царь-градъ передъ вами. Изумленный, трепетный отъ негерпѣнія и радости взоръ вашъ переходитъ отъ предмета на предметъ, отъ чуда къ чуду; по образъ Св. Софій воскресеть въ воспоминаніи вашемъ, величественный и всеокушающій, и вы спрашиваете гдѣ она, Святая Софія? гдѣ храмъ мудрости Бога? и вамъ укажутъ на мечеть, забросанную окрестными зданіями, приземистую, мало-замѣтную, надъ которою господствуетъ нѣсколько другихъ мечетей замѣтательныхъ по своему положенію и по наружной красотѣ. Но когда взойдете внутрь храма, вы останавливаетесь по срединѣ и долготѣ опущенный взоръ подымаете вверхъ, — вы цѣпнѣете отъ изумленія, — небо надъ вами! — Да, этого величественнаго купола, вислица надъ вами, какъ бы безъ опоры, и не только не тяготяща своею громадностію, но восторгающа душу вашу, иначе нельзя сравнить какъ съ небомъ, и видимо небу, а не существующимъ образцамъ хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать художникъ. Тутъ становится вамъ понятнымъ слово Юстиніана, создавшаго этотъ храмъ: «О Соломонъ, я превзошелъ тебя!» — воскликнулъ онъ, пораженный великолѣпіемъ и свыше облающею благодатью храма; вамъ становится понятна эта гордость челоука въ дѣлѣ христіанскаго благочестія и смиренія, — и вы болѣе не обвиняете его за то, что онъ расточилъ сокровища государства на сооруженіе Св. Софій. Онъ создалъ храмъ достойный! — И какое государство не гордилось, не тщеславилось сооруженіемъ памятника славы Богу. Венеція имѣетъ Св. Марка, — Римъ — Св. Петра, Лондонъ — Св. Павла, Парижъ — Богоматери, Вѣна — Св. Стефана, Петербургъ воздвигаетъ Исакія. Это громадная хроника челоуческихъ дѣланій, падеждъ и задушевныхъ вѣрованій!

Константинь Великій первый создалъ храмъ Св. Софій, но уничтоженный пожарами и землетрясеніемъ, и вновь воздвигнутый, вновь разрушенный, во время мятежа при Юстиніанѣ, онъ наконецъ былъ сооруженъ этимъ императоромъ,

въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ. Аноемій изъ Траля, что въ Лидіи, начерталъ планъ этого храма, Псидоръ изъ Милета былъ строителемъ его. Главная мысль художника и зодичтеля была не подражать, а создать свое!.. Какъ мы увидимъ, куполь пантеона не могъ служить въ этомъ случаѣ за образецъ, какъ многіе безусловно утверждаютъ. Аноемій набросилъ на храмъ сферическій куполь, опирающійся на четыре полукупола и потому эта опора почти незамѣтна и куполь кажется вислицимъ. Художникъ, видимо, боролся съ формой греческаго продолговатаго креста, по образу котораго дѣлались церкви, и который не совсѣмъ сообразовался съ четырехугольникомъ, необходимымъ для симетріи купола; для этого онъ, укоротилъ продолговатую оконечность креста, и если не сдѣлалъ ее совершенно одинаковою съ другими, чего не позволяло наше зодчество, то допустилъ едва замѣтную разность, именно внутренность храма Св. Софій, на 269 английскихъ футовъ длины, имѣетъ 243, что составляетъ въ перпендикулярѣ только шестую часть своего діаметра, который ста пятнадцати футовъ; высота его отъ центра потолка до полу 180 футовъ. Прокопій замѣчаетъ, что куполь этотъ такъ легкокъ, что кажется привѣшенъ нѣбю къ небу. — Но за это именно и упрекаютъ художники творца этого купола; они говорятъ, что въ созданіяхъ земныхъ желательнѣе видѣть дѣло рукъ челоука, и что оно должно подвергнуться и вынести разбирательство разсудка. Богъ съ ними, съ этими художниками! Душа моя сочувствуетъ этой величественной, хоть можетъ быть неправильной красотѣ, душа моя трепещетъ радостью при созерцаніи ея, а они хотятъ лишитъ меня живѣйшаго источника наслажденія въ силу требованія разсудка. И неужели этотъ небесный эффектъ, если можно такъ выразиться, предосудительнѣе того, который художники придали церкви Св. Петра въ Римѣ и такъ гордятся имъ: они скрали громадные размѣры, въ которыхъ соорудили церковь, но это математическое вычисленіе разсудка поражаетъ васъ удивленіемъ, а не восторгомъ,

Сферическая форма купола была извѣстна древнимъ: мы и нынче восхищаемся куполомъ пантеона; но Апоемію первому принадлежить честь примѣнить ее къ четырехъ-угольному зданію: этотъ куполь служилъ образцомъ при построеніи церкви Св. Марка въ Венеціи и другихъ италіанскихъ храмовъ. Въ послѣдствіи, чтобы придать ему паружную красоту и легкость, которой дѣйствительно недостаетъ ему, италіанскіе художники придумали выдвинуть его вверхъ или вывести надъ нимъ другой куполь, чему слѣдовали Микель-Анжело при построеніи церкви Св. Петра въ Римѣ. Чему слѣдовали при постройкѣ Св. Павла въ Лондонѣ, что принято нынче повсемѣстно, по этому промежутку между двумя стѣпами, эта каменная стѣпа уничтожаетъ все очарованіе глаза внутри храма: тутъ ужъ вы ясно видите дѣло рукъ челоуческихъ: четыре полу-купола, на которыхъ Аноемій опустилъ свой величественный куполь, служатъ, кажется, не опорой, а продолженіемъ главнаго, который оттого кажется еще безграничнѣе, — и тутъ уже художникъ никому не подражалъ, это созданіе его творческой мысли. — Турки, при постройкѣ своихъ мечетей, припили за образецъ куполь Св. Софій неизмѣнно.

Храмъ Св. Софій освѣщенъ двадцатью четырьмя окнами, устроенными на пологости купола, а не въ самомъ центрѣ, какъ это дѣлалось прежде, при постройкѣ храма, какъ бы для того, что бы находящіяся въ храмѣ могли видѣть надъ собою свѣтъ неба, олицетворя предметы, могли легче вообразить себя въ присутствіи Бога; по такое устройство оконъ подвергало храмъ всѣмъ непогодамъ и нѣрѣдко причинило преждевременную порчу.

Расположеніе храма отъ Запада на Востокъ, какъ всѣхъ христіанскихъ церквей, было очень удобно въ примѣненіи къ мусульманской мечети, потому что мирабъ, или возвышеніе, на которомъ стоитъ имамъ во время молитвы, также всегда обращенъ къ Востоку, по направленію кіабе, или мекской мечети, которая, какъ извѣстно, обращена къ Востоку, и потому храмъ не потерялъ собственности отъ внутренней капиталной передѣлки

и рядъ колоннъ порфировыхъ, лшмовыхъ, мраморныхъ, собранныхъ по оригиналу со всѣхъ концовъ свѣта, исторженныхъ изъ Аврелианова храма солнца, изъ храма Діаны въ Эфесѣ, возвышается во всей красѣ, хотя дѣлочно и нарушаетъ гармонію цѣлаго созданія разнообразіемъ своихъ капителей. Полъ изъ превосходнаго мрамора, выложеннаго въ большой мозаикѣ, закрытъ, по обычаю турецкихъ мечетей, циповками и коврами и сохранился почти во всей цѣлости своей. По сторонамъ церкви двѣ галлерей, поддерживаемыя серпентиновыми и порфировыми колоннами рѣдкаго качества. Это греческій гинетиконъ, мѣсто, гдѣ помѣщались, во время церковнослуженія, женщины, стоявшія, какъ известно, отдѣльно отъ мужчинъ. Девять мѣдныхъ вратъ ведутъ въ церковь; рамы, въ которыя онѣ вставлены, прекраснаго бѣлаго мрамора. Но за то какъ измѣнился внутренній видъ храма времени византійскихъ императоровъ. Гдѣ великолѣпіе царскихъ вратъ и алтаря? которыхъ богатство оцѣнивали въ 25,000.000 рублей. вмѣсто ихъ возвышается ложа султана и каедрa имама; безчисленное множество маленькихъ, разнообразныхъ лампъ тянется во всю длину и ширину храма и опугиваютъ его какъ сѣткой; когда зажигаются, они должны производить эффектъ, но днемъ представляютъ жалкій видъ и преграждаютъ зрѣніе. Отъ прежнихъ мозаичныхъ изображеній Саваоа и угонниковъ, — остались, по какому-то страшному случаю, два евангелиста на восточной сторонѣ купола (они были по всѣмъ четыремъ сторонамъ), какъ два стража, которые не оставляютъ первый христіанскій храмъ и въ годину бѣдствія его, ожидая, пока опять раздастся въ немъ живительное слово молитвы христіанъ. Чудное сближеніе представляютъ двѣ эпохи: посвященія этого храма Св. Софіи и пророку мусульманъ.

Сооруженіе храма, который былъ бы чудомъ свѣта, превосходилъ бы все, доселѣ извѣстное на землѣ своимъ великолѣпіемъ, гениемъ своего созданія, — было для Юстиніана одною изъ тѣхъ мыслей, тщеславныхъ правда въ своемъ основаніи, но сильныхъ, стремительныхъ, которыя не знаютъ преградъ, не разбираютъ средствъ въ исполненіи; въ ней сосредоточилъ онъ всю дѣятельность своей души, всѣ средства государства. — Не стало денегъ, — онъ отнялъ жалованье у профессоровъ, образовалъ новые налоги, спялъ съ подножія серебряную статую Теодосіа и замѣнилъ ее мѣдною, изображающею правду не Теодосіа, а его, Юстиніана, снялъ свинцовые водопроводы въ городѣ, для покрытія купола, и замѣнилъ ихъ черепичными, которые существуютъ и понынѣ, собралъ на украшеніе церкви богатства другихъ городовъ, вывезъ колонны изъ Рима, Аонія, Эфеса, доставилъ мраморъ розовый изъ Синады, зеленый изъ Лаконіи, голубовато-сѣрый изъ Ливіи, бѣлый съ береговъ Босоора, гранитъ изъ Фессаліи, изъ Эпира, изъ Египта, и другихъ странъ, все для украшенія храма Св. Софіи; десять тысячъ человѣкъ работали подъ нимъ, и Юстиніану все еще казалось, что работа подвигалась медленно; онъ какъ бы предвидѣлъ, что разрушеніе принудитъ его вновь довершить уже разъ конченное, и вновь окончилъ онъ

свое созданіе, но уже съ другимъ строителемъ, съ другимъ Исидоромъ, племянникомъ перваго. — И храмъ воздвигнуть. 27 декабря 537 года, патриархъ Мелпосъ, совершилъ шествіе вокругъ храма Господня на императорской колесницѣ, а императоръ смиренно шель передъ нимъ; сотни тысячъ народа славословили Бога живаго, и преклоняли колѣни передъ достойнымъ его храмомъ, дивясь творцу, дивясь творенію. — Но вотъ пронеслось надъ этимъ храмомъ около 10 вѣковъ, а храмъ стоитъ, хотя потрясенный движеніемъ природы и людей, но всегда тщательно возобновляемый. — Константинополь взятъ приступомъ султаномъ Махмудомъ II-мъ; Турки разились сокрушительной волной по городу; не было злодѣйства, котораго бы они не вкусили. Трепещущій христіанскій народъ кинулся въ храмъ Св. Софіи, къ единственному своему убѣжищу въ бѣдѣ. — Несчастный, онъ не думалъ о Богѣ въ годину счастья, удивляя свѣтъ своими заблужденіями и развратомъ, и Богъ отвергъ его, или послалъ горькое, долгое испытаніе. Напрасно ждали чуда. Не вѣруя въ Св. Писаніе, народъ вѣрилъ преданію, что Ангель спустится къ колоннѣ Константиана Великаго съ мечемъ въ рукѣ и вручитъ этотъ мечъ сидящему у подножія колонны человѣку низкаго происхожденія, но святой жизни и великой души; что этотъ человѣкъ изгонитъ Турковъ, объятыхъ страхомъ, не только изъ Константинополя, но изъ всей Малой-Азіи, но Ангель не являлся, да и едвали нашелся бы тогда, человѣкъ довольно достойный, которому вручить мечъ истребленія противъ мусульманъ. Чудо не свершалось: врата слетѣли съ петель и Турки ливнемъ вторглись въ церковь... Тутъ уже не было пощады ни кому, ни старику, ни младенцу; одна красота женщинъ и мальчиковъ, если не спасала ихъ жизнь, то служила поводомъ къ пролецію ихъ мученій; пролитая кровь возбуждала алчность къ свѣжей крову; святыни была поругана, ея богатства залиты забрызганы кровью, но еще не всѣ расхищены. — Наконецъ, въ полдень 29 мая 1453 года, въѣхалъ торжественно въ городъ завоеватель, окруженный визиремъ, пашами и военачальниками. Онъ остановился у церкви Св. Софіи, сѣлъ съ лошади и вошелъ въ храмъ, чтобы принять въ немъ владычество надъ Царьградомъ. Преданіе говоритъ, будто Магометъ обмакнулъ руку свою въ кровь, которая не лужами, ручьями струилась пополу, вошелъ на грудь тѣлу и на трехъ саженой высотѣ, на стѣнѣ, приложилъ свою окровавленную руку, какъ тугру, какъ знакъ присвоенія храма и города, котораго онъ составлялъ драгоценнѣйшую святыню; знакъ этой руки и нынче показываютъ не далеко отъ бывшихъ царскихъ вратъ, на правой рукѣ отъ входа. Исторія говоритъ нѣсколько иначе. — Вошелъ въ храмъ, онъ не могъ скрыть удивленія при видѣ великолѣпія и богатства, которое еще не успѣли ободратъ побѣдители, — конемъ городъ отданъ былъ на расхищеніе. — Сто семь колоннъ, разнообразнаго и болшею частью драгоцѣннѣйшаго мрамора, особенно блескъ мозаикъ изъ стекла разныхъ цвѣтовъ, изображавшій евангелистовъ, апостоловъ, Богоматерь и Саваоа, богатство

царскихъ вратъ, — поразили его. — Онъ обошелъ галлерей и, замѣтивъ солдата, вырубашаго куски мозаики, ударилъ его плашмя своею саблей; ему стало жаль добычи, на которую онъ уже наложилъ свою руку. Послѣ осмотра храма, Магометъ приказалъ сопровождавшему его муэзину съзвать правоверныхъ на молитву. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ Проккъ его» — огласилось въ первый разъ въ храмѣ христіанъ. Султанъ вошелъ на алтарь и сотворилъ свою молитву. Такимъ образомъ совершилось обращеніе перваго христіанскаго храма въ мечеть, въ которой уже около четырехъ сотъ лѣтъ славится имя пророка и присоединеніе Царьграда къ Турецкой-Имперіи. Тутъ онъ вспомнилъ объ императорѣ и спросилъ у Нотараса, не бѣжалъ ли Константинъ съ небольшою генуэзской флотиліей, которой удалось спастись, пробравшись въ открытое море? но Нотарасъ, такъ охотно предавшій важнѣйшихъ сановниковъ въ руки султана, не зналъ, что случилось съ императоромъ. Между тѣмъ Константинъ славною и достойною смертію заключилъ и цѣлостный рядъ послѣднихъ владыкъ Византіи: онъ палъ въ пылу сѣчи, подъ ударами простыхъ Янычаръ; султанъ велѣлъ отыскивать трупъ и вскорѣ нашли его, узнали по пурпуровой усѣянной золотыми орлами обуви. Голова его была повергнута у ногъ побѣдителя, а потомъ выставлена на показъ народу въ самомъ унижительномъ видѣ: въ городѣ, на площадкѣ Августеонъ, возвышалась колоссальная серебряная статуя Теодосіа; мы уже говорили объ участи этой статуи: Юстиніанъ поставилъ вмѣсто ея мѣдную статую, изображавшую его, Юстиніана, верхомъ, съ полушаріемъ въ одной рукѣ, указывающимъ другою на Востокъ, въ знакъ своего владычества падъ нимъ. Голова статуи была повергнута у ногъ лошади этой статуи. . .

Мы вошли въ другой разъ на галлерю, не смотря на недовольную мину провожавшаго насъ турецкаго чиповника, безъ котораго, и безъ особаго фирмана, нельзя проникнуть сюда христіанину. Облокотившись на перила, глядѣлъ я на эту храмину, полную воспоминаній горестныхъ, зрѣлица тяжкаго для христіанина. Но вдругъ опустивъ глаза, я увидѣлъ на сгибѣ перила въ углу, близъ самой колонны надпись; взглядываясь... знакомыя буквы, и я прочелъ ясно слова, изображенныя стариннымъ писаніемъ, какъ писались церковныя книги: «Дѣкъ Протасевъ.»

Е. Ковалевскій.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Лобопытное зрѣніще представляетъ Россія. Обширность ея поглощаетъ вниманіе наблюдателя, какъ безбрежное море взоръ путника. Ему кажется онъ видѣлъ все; въ сущности онъ унесъ только воспоминаніе безграничной площадиводъ, на которой, однакоже, разбросано множество острововъ, исполненныхъ жизни, труда, успѣха. Восемь лѣтъ тому назадъ никто изъ Русскихъ, кромѣ одного Правительства, не могъ имѣть и малѣйшаго понятія, что дѣлается въ томъ или другомъ углу Россіи; теперь, благодаря изданію губернскихъ вѣдомостей, съ нѣкоторымъ терпѣніемъ, любитель отечественнаго можетъ обозрѣвать дѣя-

тельность внутренних производительных сил России, въ картинѣ, хотя и не полной, но весьма занимательной, потому что каждую субботу не официальные листы губернскихъ вѣдомостей приносятъ вамъ нѣсколько любопытныхъ статей о нашемъ любезномъ отечествѣ. Любезномъ, потому что невозможно дать въры, будто есть люди не только ненавидящие отечество, но и къ нему равнодушные. Можно ли пофривить, что успѣхъ въ промышленности, торговлѣ, наукѣ, художествѣ, въ чемъ-либо полезномъ, не радуется каждого, кто носитъ имя Русское. Это гипотеза невѣжды, поддерживаемая только однимъ невѣжествомъ или умышленно испорченными воспитаніемъ. Потрудитесь показать мнѣ теперь теперь русскому дядю, которая не можетъ говорить по-русски, какъ было. Правда, изъ прежнихъ представителей русской образованности не съестъ еще объясняются твердо и свободно на родномъ языкѣ, но уже всѣ стыдятся своего невольнаго незнанія, всѣ доучиваются. Въ двадцать послѣднихъ лѣтъ благословенная Россія измѣнилась къ лучшему; народныя элементы стали понятны многимъ; иностранныя державы обратились въ справочные словари, для сравнительнаго изученія Россіи. Если журналы и газеты, одни шутятъ, другіе толкуютъ о современности, которой не понимаютъ, третіе издѣваются надъ всѣмъ тѣмъ, что не ихъ прихода, четвертые бросаются въ уайтра-словенизмъ, то неужели у насъ, благомыслящие читатели, не достанетъ силъ различить какіе поводы къ какой улыбаются дѣла? Гдѣ дѣйствуетъ одна спекуляція, гдѣ записывалъ самонадеянность, гдѣ презрѣнная записка, гдѣ ублаженіе, привычкой или случаемъ обращенное въ фанатизмъ ученій? — Последній, хотя и фанатизмъ, при всемъ томъ достоинъ, если уваженіе, то по крайней мѣрѣ снисходительнаго вниманія. Цѣль его патриотическая; онъ ошибается, но не въ свѣдѣствѣ користнаго расчета, а по убѣжденію. Всѣ эти явленія не должны огорчать благомыслящаго. Всѣ эти явленія любопытны и важны; за ними должно слѣдить не равнодушно, потому что каждое печатное слово читается по крайней мѣрѣ десятую тысячу человѣкъ, которые случайно передаютъ это слово миллионамъ; но слѣдить съ живымъ участіемъ, безъ желанія, съ желаніемъ добра, съ убѣжденіемъ, что каждая добрая мысль, каждое дѣльное замѣчаніе — зерно для житницы общественной пользы.

Съ этой точки зрѣнія разсматривая губернскія вѣдомости въ неофициальной ихъ частн, нельзя не пожалѣть, что Иллюстрація, по объему своему и назначенію, не имѣетъ возможности представлять итоги за каждую недѣлю всего полезнаго и занимательнаго, тамъ помѣщаемаго. Но съ другой стороны, она не можетъ пропускать безъ вниманія нѣкоторые явленія. Редакція саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей, принявъ съ признательностію нѣкоторые отзывы столичныхъ газетъ и журналовъ, весьма основательно отклонила отъ себя нѣкоторые несправедливыя обвиненія. Дѣйствиительно, гдѣ есть одинъ только Редакторъ, знающій свое дѣло и понимающій свою обязанность, тамъ каждый номеръ вѣдомостей вмѣщаетъ хотя одну интересную статью; тамъ рѣдко вы встрѣтите перепечатки изъ столичныхъ журналовъ и газетъ; тамъ всегда найдете новое шестое свѣденіе, полезную замѣтку или занимательное извѣстіе. Иллюстрація, современемъ, надѣется довести свой сборникъ отечественныхъ извѣстій до возможной полноты; современемъ, потому что это дѣло требуетъ особеннаго и довольно обширнаго механизма, и сверхъ того картинныхъ приложений, которыя собирать весьма у насъ трудно. Трудъ никогда не останавливалъ Редакцію въ полезномъ дѣлѣ, а средства безъ всякаго сомнѣнія умножатъ благомыслящее большинство читающихъ по-русски. — И пофривите, не всегда сухія извѣстія встрѣчаются на этомъ полѣ; есть много случаевъ романтическихъ, которые бы разукрасили любую недѣльную историю любого иностраннаго журнала. Для примѣра расскажемъ одинъ.

*. Въ Царицынскомъ Уездѣ, на хуторѣ, при рѣкѣ Бердѣ, у одного казака, старообрядца, было большое скотоводство. Не правда ли какъ въ лю-

бопытно было посмотреть и на казацкую усальбу и на красноеоеромное стадо; взглянуть на тамошній полу-азиатскій бытъ; на этого бѣднаго Калмыка, который съ женою и дѣтми, изъ *насуцнаго галба*, пришелъ просить службы. Не дорого... и вотъ Калмыкъ пасетъ казачье стадо. Въ хозяйствѣ мало ли какіе бывають случаи. Провинился Калмыкъ. Казакъ разсердился, побилъ его и неудовольствовавшись этимъ наказаніемъ. Это случилось на исходѣ зимы. Напрасно Калмыкъ упрасивалъ хозяина; неутомимый выгналъ вонъ его — и Калмыкъ усадилъ на верблюда жену и дѣтей; покрылъ ихъ двумя бурками и отправился въ путь... Куда? Въ заволжскую степь. Отъ Берси до Волги 50 верстъ. Далеко ли? а тамъ, на другомъ берегу, кочуется единоплеменникъ. Пока онъ принишетъ себѣ мѣсто, и тамъ дадутъ пріютъ. Слѣзъ онъ и самъ на верблюда, и совершилъ свой переѣздъ быстро. Волга еще не вскрылась; но во многихъ мѣстахъ видны были проталины. Калмыкъ переночевалъ на берегу, возлѣ стапа рыбаковъ; оядя картина. Рано по утру Калмыкъ посадилъ на верблюда семью, а самъ повелъ его на длинномъ поводѣ на Волгу. Въ рукахъ у него была пика; и защита и поощреніе для верблюда. Уже дутники прошали болѣе половинъ рѣки; но тутъ верблюдъ сталъ замедлять ходъ свой, замаялся, ревелъ. Калмыкъ поощрилъ его пикой. Верблюдъ пошелъ впередъ. Но едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, заурился уже не на шутку, не двинулся ни съ мѣста и кричалъ во все верблюжье горло. Цика сломава и это упрямство; поводъ потащилъ нунко животное въ путь; — нѣсколько шаговъ переступилъ верблюдъ, ледъ рухнулъ и верблюдъ съ сѣдоками провалился въ рѣку; въ двѣ минуты строта воды утащила ихъ подъ ледъ — ужасная и занимательная картина. Съ четверть часа, Калмыкъ, какъ будто оглушенный, недвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ... вдругъ упалъ на колѣни, глаза и руки поднялъ къ небу, закричалъ что-то очень громко и бросилъ въ хлябъ, поглотившую уже его семью. — Рыбаки приближамъ на ямочку, но уже поздно!... Не правда ли, этотъ страшный случай какъ будто нарочно созданъ для Иллюстраціи; въ Парижѣ пизъ бы воспользовались, сочинили-бы и Калмыка и Волгу и всѣ подробности, какъ сочиняютъ алжирскія картины. Но можемъ ли мы себѣ позволить подобныя шутки. — У насъ, впрочемъ, случаются подобныя проказы. На на шей паяти, во время греческой войны, продавались портреты наши Яншикаго и Ипсиланти и раскупались тысячами, а и тотъ и другой столько же были похожи на подлинники, какъ подлинники одинъ на другаго.

*. Вотъ еще сюжетъ для Иллюстраціи. Въ той же Саратовской-Губерніи, девятнадцатилѣтній паренъ, во второмъ году жизни, лишился употребленія ногъ. Отъ скуки онъ приучилъ собакъ возить себѣ на тележкѣ съ довольно значительнымъ грузомъ. Кладъ обыкновенно со стоиць изъ дровъ, щепъ, навоза и т. п. Пара собакъ везуть болѣе пяти пудъ; Кононовъ, такъ называется колъка, убрѣгаетъ, что собака весьма легко приучить къ вѣзѣ; коренная у него возить уже четыре года. Случись такой поѣздъ увидѣть иностранному путешественнику, непременно бы выдумка необходимости приписана была нравамъ русскаго народа.

*. Отчего бы этимъ путешественникамъ, отъ нечего дѣлать, не запернуть въ Ярославскую-Губернію, на примѣръ въ Село Великое, на ярмарку сентябрьскую, и не полюбопытствовать хорошо ли у насъ дѣлають полотна. Голландскія полотна теперь всѣздъ встрѣчаютъ соперниковъ, но такъ какъ и голландскіе червоны, — сохраняютъ свое преимущество, утвержденное привычкой. За границей теперь тьма подожднаго голландскаго холста, а еще болѣе ирландскаго, который, видимо, любѣждается голландскій. Увѣрять, что ирландское полотно и въ тонкости и въ носкѣ гораздо лучше всѣхъ другихъ холстовъ. Само собою разумѣется, что и это пресловутое полотно выдѣлывается не въ одной Ирландіи, а только продается за ирландское для однообразія. Наши ярославскіе художники не достигли еще до такой степени цивилизаціи и, въ простотѣ своей, продають свой холстъ за русскій

Но знаетъ ли Русь православная, что изъ этого русскаго холста носить бѣлье — Русскій Царь, знаютъ ли, что Государь Императоръ приказалъ купить этого полотна для Высочайшаго Двора за разъ на 5 т. руб. с., а при представленіи этой покупки, Его Императорское Величество позволилъ собственноручно написать: *полотна отличныя и впродъ для Себя не велѣлъ другимъ приобретать; желалъ бы, чтобъ и другіе последовали Моску империру, для поддѣржанія столь полезной отечественной промышленности.*

Село Великое представляетъ рѣдкій примѣръ настойчиваго усердія въ усовершенствованіи этой отрасли. Не фабрики, а руки крестьянки Катерины Макавиной выработали полотно, которое на выставкѣ, тамъ же бывшей, оцѣнено въ 7 р. 50 к. аршинъ! По всей Ярославской-Губерніи производствомъ *заслодскаго* полотна занимается около 50 т. человѣкъ, а въ одномъ Великомъ, 10 т. человѣкъ; послѣдніе готовятъ товары на 600 т. р. с. а вся губернія на 1.200.000 р. с. ! Отчего объ этомъ ничего не пишутъ иностранцы? Отъ чего объ этомъ ничего не пишутъ и у насъ, за исключеніемъ официальныхъ журналовъ? — Виноваты ли послѣ этого покупатели, которые, стѣснились слишкомъ высокою цѣною иностраннаго полотна, вѣздятъ шить себѣ бѣлье въ Финляндію? — Но съ другой стороны и ярославскіе промышленники должны бы подумать о томъ, какъ имъ распространить извѣстность своихъ полотенъ и какъ облегчить покупателямъ его пріобрѣтеніе. У разнощиковъ полотна не лучшихъ сортовъ, перекуныя и не всегда можно положиться на добродѣтели кочующаго торговца.

*. * Если бы собрать описанія, самыя краткія, замѣчательнѣйшія мѣста во всей Россіи, замѣчательныхъ историческими воспоминаніями, религиозными преданіями, или современною занимательностію, то, вѣроятно, можно бы составилъ лекціонъ, объемомъ равный ижещкому энциклопедическому Бродгауза. Будемъ надѣяться, что когда нибудь составится для того общество; иначе мы не будемъ никогда имѣть хорошей географіи, потому, что не въ однихъ раздѣленіяхъ и сухихъ перечисленіяхъ губернскихъ и уездныхъ городовъ заключается географическій интересъ каждой страны; а у насъ этихъ странъ больше сотни. Возьмите Крымъ. Не говоря, что по всему Крыму разбросано много любопытныхъ странствій древней, средней и новѣйшей исторіи, сколько тамъ мѣстъ освященныхъ религиозными преданіями. Успенскій-Монастырь близъ Бахчисарая, пещеры съ скалѣ, колодезь Св. Анастасія, родникъ Св. Козьмы и Демьяна, ключъ Св. Праскевіи, камень Св. Георгія близъ Керчи и др., — свѣдѣтельствуютъ о древности въ Крыму христіанства. При послѣднемъ камнѣ, 25 апрѣля, бываетъ особаго рода праздникъ, и въ этомъ году онъ былъ блестящій. Скачка на коняхъ, скачка верблюдовъ, борьба, пляска — и все это съ признами обидѣтелямъ. Въ заключеніе еще скачка, по призыву выдавалась впередъ одному изъ состязавшихся; прочіе должны обоглять и вырвать изъ рукъ его побѣду выстѣпъ съ призомъ. Подобныя воинственныя народныя забавы не рѣдко обращаются въ полезное учрежденіе. Изъ скачки-игры легко можетъ образоваться скачка-испытаніе, отъ котораго не слѣдовало бы отдѣлять и верблюдовъ. Это полезное животное заслуживаетъ большой заботливости, нежезд сколько теперь ему оказывается верблюдоводами.

— Отъ верблюдовъ ближе всего къ литературѣ. Отъ чего, вы спросите. Право рассказать не умѣемъ. Темное какое-то чувство толкнуло насъ къ литературѣ, намъ, можетъ быть, вѣздъ двухъ книгъ, уснаго формата и размѣра, лежащихъ передъ нашими глазами. Но эти два верблюда съ избыткомъ нагружены драгоценною ношею. Шутки въ стороны. Дѣвъ увѣстная историческія книги, въ это сухое, чахлое время литературы, кого не порадуютъ? Славянскій Сборникъ Н. В. Савельева Ростиславича начинается критическимъ обзоромъ во всѣхъ отношеніяхъ системы Скандинавскаго производства Руси, отъ 1755 года по

1845. Это любопытное разсужденіе нападаетъ сперва на Байера, Миллера и Шлещера, со всеми ихъ послѣдователями; возгарается бой не на живую, а на смерть, бой въ защиту Ломоносова — какъ Историка. Подвигъ похвальный, дѣло справедливое. Поразить всю силою слова шлещеристовъ, обзорѣніе принимается за папегирію трудамъ Венскаго и его школы, которая представляется торжествующею, потому что она уже не пишетъ отдѣльныхъ разсужденій, а печатаетъ собственными силами огромный томъ въ 700 печатныхъ страницъ. Все это прекрасно; но — est modus in Rebus. Лучшая порука въ безпристрастїи историческихъ витязей — есть хладнокровіе въ изложениі, умѣренность въ выраженїяхъ; а обзорѣніе говорить обо всѣхъ дѣйствителяхъ на попрїи Русской-Исторїи съ такою рѣзкою насмѣшкою, съ самоудовольствїемъ неумѣреннымъ, въ выраженїяхъ столь странныхъ, что съ одной стороны вамъ покажется, что обзорѣніе собственными глазами видѣло откуда ѣхали въ Новгородъ Варяги; съ другой стороны подумаете, что какимъ-то невидимымъ приговоромъ не на ученыхъ, а на Шенякинъ судъ ему выданъ головою Н. А. Полевою, Шлещеръ, М. П. Погодинъ, П. Г. Устряловъ и другіе, которыхъ, если не считать, такъ надобно еще прибавить польза-листа къ этому номеру. — Пятый Въ литературныхъ пренїяхъ не позволительно подобный тонъ; въ газетахъ и журналахъ онъ возбуждаетъ неудовольствїе и преслѣдуется благомыслящимъ большинствомъ публики. Неужелюбителенъ манеръ спорить въ обгвѣтъ своему можетъ найти убѣжденіе въ исторїи; Карамзинъ, даже любитель обзорѣнія Ломоносовъ, умѣя спорить въжливово. Нельзя сказать въ обществѣ кому бы то ни было «вы лгуны и невѣжа», а можно и должно выразиться: я съ вами несогласенъ, потому и потому... за спихъ сдѣлать дѣло, а не насмѣшку... Въ особенностн, выраженїя обзорѣнія исполнены непопулярности рѣзкости, когда оно заводитъ рѣчь о Н. А. Полевомъ. Не принимаемъ здѣсь ни чьей защиты въ историческомъ отношенїи, но соблюдемъ, что зараза, потребляемая нынѣ въ литературѣ, могла привиться къ исторической критикѣ. Предоставляемъ другимъ дальнѣйшїи ученыи разборъ этого сборника. Мы болше высказываемъ наше мнѣніе, потому что оно могло сдѣлаться пристрастныхъ и невыгоднымъ подъ вліяніемъ, какое произвело на насъ изложеніе обзорѣнія.

Пасъне встревожила та или другая сѣтена, которая должна служить маршрутомъ для Юричка, Синеуса и Трувора; но не могло не встревожить опасенїе за достоинство у насъ ученаго литератора, званїя высокаго, коль скоро ихъ ограждаетъ уваженїе къ наукѣ. Не такъ поступили издатели

другаго Сибирскаго Сборника. Онъ рѣшительно оставили въ покоѣ Скандинавовъ, Гунновъ Скивовъ, Амановъ, Сарматовъ, Шлещеровъ, Байеровъ, Миллеровъ; съ любовїю къ священной старинѣ занялись собранїемъ дѣйствительныхъ актовъ, разбросанныхъ по Сибирской-Губернїи, собрали много драгоценныхъ матеріаловъ, также написали введенїе или обзорѣніе, составляющее только часть отдѣльнаго труда; съ достоинствомъ, приличнымъ и важности предмета и званїю ученаго, изложилъ мнѣніе свое о системѣ мѣстности и нѣкоторыя любопытныя о немъ подробности. Этотъ драгоценный сборникъ посвятили памяти незабвеннаго сибирскаго уроженца Н. М. Карамзина.

(Видъ Сибирска).

Въ предисловіяхъ можно видѣть, что это — только первый томъ первой части. Всѣхъ частей будетъ пять: 1. Историческая, 2. Юридическая, 3. Битовая, 4. Мѣстная и 5. Бумаги Турсневскїа. Сколько каждая часть заключитъ въ себя томовъ — это зависитъ отъ суммы матеріаловъ. Желаямъ Сибирскому Сборнику — новиковскаго объема, хоть въ трое еще, а въ достоинствѣ труда не сомнѣвался, потому что издателями подписались: П. А. Н. Языковы, А. Хомяковъ и Д. Валуевъ. Сверхъ того, въ этомъ изданїи принимаютъ участїе и другїя лица, извѣстны уже въ исторической литературѣ нашей. — Заглавный листъ украшенъ сибирскимъ гербомъ; на второмъ или кра-

сномъ листѣ помѣщено изображенїе Сибирска, снятое съ старинной любочной картини, пѣданной около 1705 года. — Осмѣлимся подать совѣтъ — украсить второй томъ исторической части пор-

(Шамитникъ Н. М. Каразину).

третомъ Исторїографа, родившагося въ Сибирскѣ, третїи — памятникомъ ему же; для дальнѣйшихъ вѣроятнo найдутся мѣста и предметы, съ коими связана признательная память потомства о незабвенномъ.

ДВѢ ПАЛКИ.

(Изъ путевыхъ записокъ М. Ф. Ж.)

Я знаю вашихъ путешественниковъ гораздо лучше, нежели они сами себя знаютъ. И неудивительно. Я встрѣчался съ ними на всѣхъ концахъ свѣта и на всѣхъ концахъ свѣта сѣялся надъ ними и сожалѣлъ о нашемъ общемъ отечествѣ. Во Франціи онъ знакомъ только съ Парижемъ, въ Англіи — съ Лондономъ; въ Германїи онъ знаетъ болше городовъ, потому, что раздробленная нація имѣетъ много столицъ и къ тому же Германїя все-таки почтовая дорога въ Парижъ или Італїю. Но за то кромѣ Парижа не многіе углубляются во внутреннїе департаменты, а надо сказать — изучать націю должно не въ столицахъ, потому что столицы въ родѣ выставокъ; тамъ изъ каждой фабрики лучший товаръ, но такъ же и весь товаръ на той фабрикѣ. Провинціи вырабатываютъ все средства столичной жизни. Поучитесь тамъ, а столицамъ любуйтесь... Впрочемъ, все это я наговорилъ лишнее, потому что все это не поможетъ. Пожалуй, еще они же посмѣются надъ старикомъ. — Въ Парижѣ не одинъ г. Путешественникъ сѣялся надомной, когда я между своими искалъ себя попутника, чтобы объѣхать Францію и приставить взглядъ на внутреннїи порядокъ государства, на

мѣстныя достоинства и недостатки народа. Нашелъ я себя попутчика, Нѣмецъ, закурилъ мы себѣ сигарки и поѣхали. Во Франціи нѣтъ другаго Парижа, правда, но уповательно во многихъ государствахъ нѣтъ такихъ столицъ, каковы города Дижонъ, Лионъ, Мецъ, Бордо, Страсбургъ, Марсейль, Лилль, Нантъ и др. Мы прїѣхали въ Нантъ вечеркомъ, въ прекрасную погоду; пробѣжала старую часть города, грязную, темную, я никакъ не ожидалъ найти такое великолѣпїе въ новомъ. Дворцы, превосходныя зданїя, просторъ, чистота — право не хуже многихъ столицъ. Нѣмецъ былъ уменъ за хозяйку; онъ возпалъ въ гостиницѣ, а я пошелъ гулять и замель въ отстроненный недавно пассажъ, какъ Французы называютъ. Говорятъ въ Москвѣ у насъ уже сдѣлалъ подобное нѣчто; говорятъ, затѣваютъ то же и въ Петербургѣ, такъ не худо бы присмотрѣться къ напскому пассажию Роммегауе, который по мнѣ лучше всѣхъ парижскихъ. Великолѣпїе проспекта удивительныя; прекрасная лѣстница соединяетъ три улицы; по ступенямъ такъ сказать разбросаны богатые магазины, одинъ другаго лучше; архитектура умная, нарядная, легкая; все это осмѣнено блестятельно и все отражается въ зеркалахъ, искусно разставленныхъ, такъ что выданъ конца нѣтъ, поспѣтелей и не много, а кажется

въ въ толпѣ, что и сонной случилось. Я забывалъ до того, что обратилъ на себя вниманїе проходящихъ. Снохвачившись, я пошелъ себѣ ровнымъ шагомъ впередъ и въ галлерей кос-какъ укрылся отъ насмѣшливыхъ звѣковъ. Назъ предмета наблюденїя я самъ сталъ наблюдателемъ и сей-часъ же замѣтилъ молодого человѣка, который мнѣ показался не совсѣмъ въ порядкѣ. Главное, что меня поразило или заставило обратить на него вниманїе, — это то, что у него въ рукахъ были двѣ палки. Молодой человѣкъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ великолѣпнаго, роскошнаго магазина, на фрнзѣ котораго было написано золотыми буквами по черному полю: Objets de luxe. Онъ съ безпокойствомъ оглядывался, старался припрятать свои двѣ палки, изъ которыхъ одна была простенькая тросточка, а другая великолѣпная палка съ золотымъ или золоченымъ, мудренымъ набабашинкомъ, и какъ бы выжидалъ удобной минуты, чтобы ускользнуть изъ длиннаго перехода, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчались препятствїя, представляемыя высокими лѣстницами.

Сначала этотъ господинъ показался мнѣ довольно страннымъ, но послѣ замѣтательство, написанное на лицѣ его, и причину котораго я никакъ не могъ постигнуть, заставилъ меня пожалѣть о немъ; а между тѣмъ я самъ, невольно, увидѣ-

чилъ смущеніе его, остановившись, по своей стариковской привычкѣ, и засмотрѣвшись на него.

Вдругъ замѣшательство молодого человѣка видимо увеличилось. Изъ второй галлерей приближалось къ намъ цѣлое общество: нѣсколько нарядныхъ дамъ и кавалеровъ съ самыми страшными и замысловатыми бородами. На лицѣ обладателя двухъ палокъ выступилъ холодный потъ; онъ оглянулся съ отчаяніемъ и ни гдѣ не замѣтилъ угла, въ который могъ бы укрыться; напротивъ: во множествѣ зеркалъ, окружающихъ его, двѣ палки отражались до безконечности.

Онъ отступилъ на два шага, и видя, что фешьенеблное общество приближалось, какъ бы рѣшившись на послѣднее средство, скорыми шагами подошелъ, или лучше сказать, подскокнулъ ко мнѣ.

Я сначала подумалъ, не разсердился ли онъ на меня за то, что я, забывшись, зазѣвался на него; вѣдь Французы народъ щекотливый; одно слово, мало того, одинъ взглядъ можетъ ихъ разобидѣть такъ, что бѣда! Съ ними надо быть осторожнымъ, лишняго слова не проронитъ, а то сей-часъ сати-сфакціи потребуешь! А мнѣ, старпку, до сати-сфакцій ли теперь?... Было время, когда и я былъ молодецъ, и я не давалъ сусуку забѣлкамъ, которыхъ я не мало встрѣчалъ на своемъ вѣку. Помнитса... кажется это было въ тысяччу... восемь сотъ... Эхъ! память слаба стала! Впрочемъ, теперь и не до того; я чуть было не своротилъ съ дороги. Началъ про Ивана, а хотѣлъ кончить про Петра. Вероятнѣе къ нашему молодому человѣку. Я было хотѣлъ предъ нимъ извиниться, но онъ не далъ мнѣ выговорить слова и проицъсь довольно плохимъ французскимъ языкомъ п жалобнымъ голосомъ:

— Возьмите, пожалуйста, одну палку!...

Я, въ самомъ дѣлѣ, забылъ свою палку дома; не смотря на то, предложеніе молодого человѣка показалося мнѣ столь страннымъ, что я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Не медлите! ради Бога, спасите меня!... продолжалъ онъ такимъ жалобнымъ голосомъ, что во мнѣ родилась нехорошая мысль, которая, однакожъ, тотчасъ же разсѣялась, когда я посмотрѣлъ на прямое, честное, открытое лицо молодого человѣка, который безъ церемоніи совалъ мнѣ одну палку въ руку.

— Помилуйте!... отвѣчалъ я; мнѣ не нужна палка... при томъ же...

— Вамъ не нужна палка! въ ваши лѣта!.. Это не возможно! Берите же, ради Бога, берите!..

— Извольте, — отвѣчалъ я, невольно уступая настойчивой и нѣсколько повелительной просьбѣ молодого человѣка; — я возьму палку, только съ однимъ условіемъ.

— Съ десятью условіями, если вамъ угодно!.. вскрпчалъ, обрадовавшись, молодой человѣкъ, потому подавая мнѣ самую красивую палку, прибавилъ: изъавьте меня, пожалуйста, вотъ отъ этой; я на нее и смотрѣть не хочу. Вотъ такъ: теперь — ваше условіе?

— Я желаю, чтобы вы рассказали мнѣ причину, заставляющую васъ...

— Понимаю, понимаю!.. Все расскажу, только уйдете ради Бога, поскорѣе изъ этого пассажа, а то... я боюсь... чтобы меня опять не ограбили!..

— Ограбили?.. Васъ?.. Здѣсь?

— Ограбили, меня, здѣсь! Пойдите, пожалуйста, я вамъ дорогой все расскажу. Только, извините, я плохо объясняюсь по-французски; не знаю, понимаете ли вы меня?

— О, очень хорошо. Вы иностранецъ?

— Иностранецъ.

— Вы здѣсь по дѣламъ?

— Нѣтъ, профодолю.

Скромность не позволила мнѣ дѣлать дальнѣйшихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что отвѣты молодого человѣка были весьма лаконическіе. Впрочемъ, я догадался, что онъ долженъ быть Нѣмецъ.

— Извольте видѣть, продолжалъ мой новый знакомецъ, уходя изъ галлерей такими скорыми шагами, что я едва успѣвалъ слѣдовать за нимъ; — извольте видѣть, я архитекторъ и прогуливаюсь теперь по Европѣ, чтобы изучать славнѣйшія

AUGUSTE THIBOUT

(Крытый переходъ въ Нантѣ).

зданія въ разныхъ государствахъ. Во Франціи теперь, по моему мнѣнію, юнаи архитектура въ самомъ цвѣтущемъ состояніи... Я видѣлъ... знаете... какъ это называется?... Извините, пожалуйста, я такъ дурно говорю по-французски, что почти за каждымъ словомъ долженъ въ карманѣ лѣзть!..

Я самъ такъ плохо объясняюсь по-нѣмецки, что не осмѣлился предложить молодому человѣку говорить на родномъ его языкѣ.

— Впрочемъ, оставимъ архитектуру, продолжалъ онъ, и поговоримъ лучше объ этой палкѣ. Вообразите себѣ, я прогуливаясь по этой галлерей, любилъ архитектурой ея, которая въ самомъ дѣлѣ, прекрасна, какъ вдругъ злой духъ внушилъ мнѣ мысль войти въ одинъ изъ магазиновъ, чтобы осмотрѣть внутреннее расположеніе и украшеніе его. Вхожу. Было нѣсколько нарядныхъ покупателей. Какой-то господинъ, шегольскіи одѣтый, съ драгоценной булавкой въ галстукѣ, повзанившись съ идеальнымъ совершенствомъ, подходитъ ко мнѣ, кланяется съ гордою вѣжливостью и спрашиваетъ: что къ вашимъ услугамъ? — Какъ на зло всѣ покупатели вытаращили на меня глаза. Дамы безъ церемоніи уставили на меня дорысты, мужчины изъкоса бросали на меня довольно дерзкіе взгляды. Чортъ знает! Я отъ природы застѣнчивъ до нелѣпности, а тутъ такъ переконфузилъ, что съ большимъ трудомъ могъ объяснить ему, что зашелъ такъ, чтобы купить какую-нибудь бездѣлушку и полюбоваться, въ самомъ дѣлѣ, фантастически роскошнымъ магази-

номъ его. Слово *бездѣлушка* какъ бы магически по-дѣйствовало на вопрошавшаго. Онъ поклонился мнѣ вѣжливіе прежняго и самыми отборными словами объявилъ, что я могу выбрать что угодно и что онъ самъ беретъ показать мнѣ все устройство магазина. Въ заключеніе рѣчи своей, онъ прибавилъ *mon prince!*

Я невольно засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ молодой человекъ.

— Развѣ вы не знаете, — отвѣчалъ я, — что во Франціи всѣхъ иностранцевъ титулуютъ князьями, баронами или милордами и что *бездѣлушки* покупаютъ одни люди, обладающие сокровищами.

— Хороша же ваша Франція!.. вскрпчалъ молодой человекъ съ досадой, но какъ бы опомнившись, прибавилъ: — Извините, пожалуйста, я забылъ, что говорю съ Французомъ!..

— Ошибаетесь, я тоже иностранецъ.

— А!.. въ Англичанитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно; только позвольте же мнѣ теперь душу отвести!.. теперь я смѣло могу рассказывать, какъ меня ограбили. Вхожу въ другую комнату. Французъ мой тараторитъ себѣ; объясненію о томъ, что стоило заведеніе магазина, мѣшаетъ съ политическими новостями, отъ политики переходить къ литературе, модамъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего какъ подунетъ мнѣ подъ носъ булавку, съ такимъ блестящимъ драгоценнымъ камнемъ, что я невольно глаза зажмурилъ. — Вотъ, говорить, *mon prince*, *бездѣлушка* самая

повомодная, которую вы останетесь совершенно довольны... потом подала ее какому-то юношѣ, одѣтому точно модная картинка, да и говорят: отложи для топ prince!.. Ну, скажите, ради Бога, есть ли тутъ возможность отказаться? Идемъ въ другую комнату; опять та же болтовня, и вдругъ, опять какъ-бы печально, заговорилъ Французъ: — Ахъ, Боже мой, я и забылъ, что у насъ есть превосходнѣйшіе шейные платки, которые какъ нарочно сдѣланы для вашей булавки!.. И съ двумя платками та же исторія. Я было рѣшился сказать, что одного довольно. — Нѣтъ, не довольно, прехладнокровно отвѣчалъ Французъ и продолжалъ тараторить. Такимъ образомъ, для топ prince отложились еще сигарочницу, футлярчикъ съ зубочистками, пару брошекъ... брошки! посудите сами, ну къ чему мнѣ брошки? спросилъ я Француза. Онъ лукаво улыбнулся и отвѣчалъ: Эге, какъ знать, топ prince? Вы такъ молоды, что у васъ всегда долженъ быть запасъ этихъ вещей, а потому вамъ непремѣнно надо взять еще это простенькое, но исполненное вкуса ожерелье... У меня духъ захватило. Мягко стелютъ эти господа, да жестко спать. Довольно, думаю, посмотрѣлся, а за входъ придется заплатить дороговко. Раскланиваюсь, да подхожу къ вешамъ, которые уже совсѣмъ завернуты въ такіа хорошенкыя бумажки, точно конфеты... Покупателей уже не было въ магазинѣ, а потому я приободрился и говорю: что мнѣ столько отложили вещей, что у меня вѣроятно не будетъ довольно денегъ съ собою, а потому... — О, не беспокойтесь, — прервалъ меня Французикъ, — позвольте сказать, въ которомъ часу вы будете дома, топ prince, и гдѣ позволите остановиться, топ prince, и вещи будутъ доставлены къ вамъ, топ prince, вмѣстѣ съ другими, которые вамъ, можетъ быть, будутъ еще угодно выбрать, топ prince. — Последнія слова такъ напугали меня, что я рѣшился поскорѣ расплатиться и бѣжать домой. Подаютъ счетъ. Написанъ на веленовой бумагѣ, съ разноцвѣтными, золотымъ и серебрянымъ узоромъ. Нишу итога. Триста двадцать три франка!.. У меня волосы стали дыбомъ. Машинально полѣзъ я за бумажникомъ... — Не прикажите ли, у насъ есть самые новомодные бумажники? спросилъ Французикъ. Судорожно стиснувъ зубы, я отрицательно покачалъ головой. Заплатить. Дорого стоило мнѣ мое любопытство!.. Какъ бы въ ласкѣшку, Французъ сбавилъ три франка, для круглаго счета!..

— Но... палки?

— Ахъ да!.. Это забавнѣ всего. Хочу я бѣжать изъ магазина, какъ вдругъ меня останавливаютъ и говорятъ, что я имѣю полное право выбрать себѣ какую-нибудь вещь даромъ, потому что купилъ болѣе, нежели двѣсти пятьдесятъ франковъ. Я откланиваюсь, боюсь, чтобы эта даровая вещь опять не стала мнѣ въ три — дорога, но щеголь-прикащикъ всунулъ мнѣ въ руки эту трость, на которую вы теперь упираетесь, и съ прежнимъ много и пустословіемъ выхвалялъ оригинальность ея. Нечего было дѣлать! Надо было взять. Я вышелъ изъ магазина и остановился въ большомъ замѣшательствѣ. Французы ужасно насмѣшливы, а я застѣчивъ до крайности. Ну, посудите сами, могъ ли я рѣшиться идти по улицамъ съ туго-набитыми карманами и двумя палками въ рукахъ. Въдъ мальчишки ухватывали бы на меня палками!.. Нѣтъ, спасибо, будетъ съ меня французскихъ магазиновъ!

— Новѣе такъ, замѣтилъ я, улыбаясь, устройство и архитектура ихъ превосходна.

— Э, полноте! возразилъ молодой человекъ съ досадою, будто бы въ другихъ государствахъ она хуже. Посмотрѣли бы вы какія въ Россіи чудеса!.. Не уступятъ этимъ заморскимъ.

— Не ужели? спросилъ я съ изумленіемъ; такъ вамъ нравится русская архитектура?

— Нравится ли? странный вопросъ, можетъ ли хорошее, издичное, не нравиться?

Мнѣ очень приятно было слышать такое сужденіе отъ иностранца, и какъ бы желалъ, чтобы онъ хоть изъ противорѣчій еще болѣе похвалилъ бы мое родное, я нарочно сказалъ ему:

— Признаться сказать, мнѣ русская архитектура нравится, но...

— Не начинайте спора, съ жаромъ вскричалъ молодой человекъ, я за сею буду стоять горой!

— Какъ? произнесъ я съ крайнимъ изумленіемъ; за сею! развѣ вы?..

— Что?

— Русскій?..

— Разумѣется!.. и молодой человекъ гордо поднялъ голову.

— Такъ изъ чего же мы бьемся, отвѣчалъ я уже по-русски; дайте руку соотечественнику!..

— Возможно ли! а я цѣлый часъ ломаю языкъ, чтобы придумать французскія фразы!.. Какъ я рад!

Мы очень пріятно провели нѣсколько дней въ Нантѣ и вмѣстѣ поѣхали даѣе.

М. О. К.

ЮАННА Д'АРКЪ.

(статья вторая.)

Понятно, что открытія, сдѣланныя Поллюместъ въ отчетахъ ратуши, столько согласовавшихся съ открытіями аббата Винье, сдѣланными за цѣлое столѣтіе въ архивахъ рода д'Армоазовъ, сильно взволновали умы.

Между тѣмъ, упомянутыя дѣтописи изъ удивительныхъ становятся весьма обыкновенными, если принять весьма простую пѣсю, что могла быть самозванка Юанна д'Аркъ. Достоверно то, что народъ, полюболюбивъ свою героиню, долго не хотѣлъ вѣрить, что она была сожжена. Это фактъ, который повторяется и въ наше время. Были и даже есть еще во Франціи люди, которые не вѣрятъ тому, что Наполеонъ умеръ.

Въ запискахъ одного парижанина временъ Карла VII сказано, что послѣ смерти Юанны д'Аркъ разнесся слухъ, что другая дѣвушка была сожжена вмѣсто ея и что этому слуху почти весь народъ повѣрилъ. Следовательно, этимъ самымъ открылась карьера для ложныхъ орлеанскихъ дѣвъ. И точно, не говоря уже о супругѣ Роберта д'Армоаза, нельзя сомнѣваться въ томъ, что были двѣ или даже три ложныя Юанны. Въ другихъ запискахъ, содержащихъ жизнеописаніе Карла VII, сказано: «въ 1440 году парламентъ и университетъ въ Парижѣ женщины, которую многіе считали Дѣвою Юанной и которая, по сей причинѣ, была принята въ Орлеанѣ съ великими почестями; и какъ-то женщина была выставлена во дворѣ, на марморномъ возвышеніи, на большой площадкѣ и тамъ была вслухъ объявлена и всл прошедшая жизнь ея и то, что она была не дѣва, а женщина замужняя.» Изъ послѣдняго явствуетъ, что эта женщина была не супруга д'Армоаза, которая, впрочемъ, также въ 1439 году была принята съ торжествомъ въ Орлеанѣ, а другая.

Кромѣ того въ Исторіи Франціи, Марселя, можно найти другія подробности, касательно этой самой авантюристки, несогласныя съ тѣмъ, что мы уже знаемъ по Юанну д'Армоазъ. Впрочемъ, очень можетъ быть та, о которой говорится въ отчетахъ ратуши за 1439 г., была еще ложная Юанна д'Армоазъ. Ее называли привезли въ Парижъ, гдѣ она болѣе полюбилась. Тамъ она вскорѣ призналась, что была вдова рыцаря, имѣла двухъ дѣтей и возвращалась изъ Италіи, гдѣ имѣла весьма много приключеній: ее освободили и она знойю оставила Парижъ.

Новая Дѣва появилась въ 1441 году. Свидѣнія о ней заключаются въ рукописи временъ Карла VII, находящейся въ королевской бібліотекѣ, подъ заглавіемъ: *Примѣры святости многихъ королей и императоровъ* и т. д. Эта дѣва такъ походила на настоящую, что она смѣло представлялась королю. Карлъ VII, слегка ранниршій въ то время ногу, долженъ былъ носить особеннаго рода сапогъ, такъ что люди, затѣявшіе этотъ обманъ,

не преминули сообщить мнимою Дѣвѣ это обстоятельство, по которому она легко могла узнать короля: а потому, когда Карлъ VII послалъ одного изъ придворныхъ вмѣсто себя къ этой женщинѣ, то она окинула его гордымъ взглядомъ и прямо пошла къ королю, котораго это обстоятельство не мало изумило. По изумленіе его было не продолжительно.

«Едва королю сказала мнимою Юаннѣ: Будь благословенна, славная Дѣва, во имя Бога, которому одному извѣстна тайна между мною и тобою!.. Какъ будто по какому чуду, она упала на колѣнахъ предъ королемъ, просила пощадить и тотчасъ же призналась въ обманѣ, за который многіе были строго наказаны.»

Въ 1475 является, наконецъ, послѣдняя Юанна д'Аркъ, конечно уже весьма *старая дѣва*, такъ какъ это было 42 года спустя послѣ знаменитаго руанскаго процесса. Ее побудилъ къ этому обману графъ Вирнебургъ, намѣревавшійся съ помощію ея возвестить въ архіепископское званіе Удаларикъ фонъ Манденхейта. Эту старую дѣву судила нельская инквизиція, которая и обнаружила ея обманъ, и она на вѣрное была бы казнена, еслибъ Вирнебургъ не нашелъ средства похитить ее изъ темницы.

И такъ, если многія авантюристки, пользовавшіяся народнымъ мѣнѣемъ о спасеніи Юанны д'Аркъ, старались выдавать себя за нее, послѣ смерти ея, и даже частію успѣвали въ томъ, то что можетъ быть удивительнаго и невѣроятнаго въ томъ, что женщина, появившаяся въ 1456 году въ Лотарингінѣ и вышедшая замужъ за Роберта д'Армоаза, была тоже ложная Юанна д'Аркъ? Нельзя, однакожъ, несогласиться съ тѣмъ, что подтвержденіе братьевъ и всѣхъ старшинъ Орлеана, много говорить въ пользу этой женщины. Но если и предположить, что всѣ поступали съ совершенною искренностью, то и въ этомъ случаѣ мы видѣли много примѣровъ тому, что обманщики были принимаемы съ откровеннымъ обаяніемъ людьми, въ самомъ дѣлѣ считавшими ихъ родными. Не должно забывать того, что братья цѣлые четыре года не видали сестры; что они не должны были удивляться тому, что послѣ столькихъ страданій она нѣсколько измѣнилась; что они, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо находились подъ вліяніемъ слуховъ, распространенныхъ на счетъ ея спасенія; следовательно они легко увлеклись, и что, вѣроятно, они были люди ума простаго, которые держались въ почтительномъ разстояніи отъ необыкновеннаго существа, дарованнаго имъ самимъ небомъ въ сестры.

Но можетъ быть поступокъ братьевъ былъ и не совсѣмъ чистъ... Мы не смѣемъ излагать это предположеніе, потому что въ области исторіи должно какъ можно беречься, чтобы не оскорбить памяти умершихъ.

Крестьяне, братья Сузанны, были всѣмъ обязанности сестрѣ: имѣвшимъ той, которая составляла все счастье ихъ, они не могли ожидать большихъ выгодъ отъ двора; они очень хорошо понимали, что если Юанна, какъ всѣ говорили, жива и явится во Франціи требовать своихъ правъ, то положеніе ихъ сдѣлается бѣдственнѣе прежняго. Следовательно, если они и не рѣшились сдѣлаться сообщниками обмана, то, по крайнѣму, они добровольно позволили обмануть себя. Младшій поѣхалъ въ Лозъ; но зачѣмъ мнимая сестра его не поѣхала съ нимъ?... Должно полагать, что она хотѣла сперва развѣдать всѣ подробности, а потомъ уже приступить къ дѣлу: изъ всей жизни можно заключить, что Юанна поступила бы иначе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, какъ братъ ея былъ принятъ при дворѣ? Мы видимъ, что въ Орлеанѣ охъ хвасталъ, что получилъ отъ короля значительную награду за доброе извѣстіе; но еслибъ онъ и говорилъ правду, то очевидно, что доброе извѣстіе его было принято слишкомъ равнодушно, и что награда, которую ему дали, была такъ мала, что въ Орлеанѣ онъ находился въ невозможности продолжать путь. Брата Орлеанской Дѣвы приняли бы

нначе при дворѣ, еслибъ она была въ самомъ дѣлѣ жива.

Еще болѣе, можно ли предположить, что потомки Иоанны д'Аркъ, дворяне самаго чрезвычайнаго, необыкновеннаго происхожденія, могли до того забыть знаменитое происхожденіе свое, что два столѣтія спустя, какъ рассказываетъ аббатъ Винье, они рѣшительно не знали о немъ? Но если потоки открыли, что прародительница ихъ была ничто иное какъ авантюристка, если обманъ открылся, то весьма естественно, что вмѣсто того, чтобы гордиться этимъ происхожденіемъ, они всячески старались забыть о немъ, и что, подобно другимъ проступкамъ, оно съ годами совершенно было забыто. Во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что сорокъ лѣтъ спустя послѣ брака Роберта д'Армоаза, такъ мало вѣрши въ Лотарингіи происхожденіе жены его; что появилась другая Иоанна д'Аркъ.

Слѣдовательно, если въ неблагодарности короля и скромности Иоанны, достаточной въ семейной жизни, можно пойти достаточныя причины для объясненія того, зачѣмъ она не хотѣла возвращаться ко двору, то нѣтъ недостатка и въ доказательствахъ, заставляющихъ болѣе нежели сомнѣваться въ дѣйствительности имени, присвоеннаго ей себѣ. Но доказательства самыя важныя и рѣшительно неопровержимыя заключаются въ оправдательномъ процессѣ 1455 года. Могла ли мадамъ д'Армоазъ не вѣстаться въ дѣло, позорившее не только ее, но и мужа дѣтейся? Предположивъ даже, что ее въ то время уже не было въ живыхъ, нельзя думать, что ни одинъ изъ представителей рода д'Армоазъ не вступился бъ за нее, еслибѣ въ ся было правое. Известно, что разрѣшеніе на оправдательный процессъ было дано не по распоряженію короля, но по прошенію, подписанному матерью и однимъ изъ братьевъ Дѣвы. Слѣдовательно, съ этого уже времени, а именно съ 1445 года, родственники Иоанны совершенно отреклась уже отъ мадамъ д'Армоазъ.

Аббатъ Винье говоритъ, что такъ какъ процессъ имѣлъ только цѣлю рѣшить, имѣли ли право осудить Иоанну какъ идолопоклонницу, то и не удивительно, что не было упомянуто о томъ, и приведенъ ли приговоръ въ исполненіе. Все это возможно; но въ самомъ процессѣ есть слишкомъ ясныя доказательства дѣйствительности смерти ея, чтобы еще возможно было сомнѣваться въ ней. Ничто въ характерѣ окружающихъ несчастную пльницю не заставляла думать, чтобы она кому нибудь впустила состраданіе и желаніе спасти ее. Кроме того, въ самый день казни, ее исповѣдывали и причащали аббатъ Мартынъ Ладвено, изъ братства Св. Доминика, который и проводилъ ее до мѣста казни вмѣстѣ съ Жаномъ Массе, вѣ оба эти свидѣтеля, признанные по случаю оправдательнаго процесса, рассказывали съ какою непокорностью судьбѣ и съ какою вѣрою въ Провидѣніе она шла на смерть. Изъ ста двѣнадцати свидѣтелей, выслушанныхъ во время этого процесса, ни одинъ не сказалъ слова о томъ, что Иоанна, можетъ быть, еще жива. Дѣйствительность казни ея, въ которой народъ долгое время сомнѣвался, была теперь положительно доказана; и въ 1456 году канцлеръ парижскаго университета пропозавъ рѣчь въ воспоминаніе славной, знаменитой мученицы.

Время ложныхъ Иоаннъ прошло. Чтобы мадамъ д'Армоазъ могла опять войти въ моду, нужна была помощь двухъ столѣтій, заставившихъ забыть подробности давнишней исторіи; и потомки ея, сначала столько обрадовавшіеся открытію аббата Винье, вскорѣ раскаялись въ томъ.

«Самое несправедливое въ этомъ дѣлѣ то,» пишетъ довольно рѣзко аббатъ Ленгле Дюерена, въ нѣсколькихъ словахъ возставшій противъ аббата Винье, — «что благородный родъ д'Армоазовъ происходитъ отъ дѣвки, которая, какъ то и нынѣ бываетъ, бѣгала за полками, во время походовъ, переодеваясь въ мужское платье.»

Слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Иоанна д'Аркъ была сожжена.

БУМАГА.

Папирусъ, называемый также и *вислюсъ* *, есть тростникъ, растущій въ Нилѣ. Корень его употребляется на дрова или на столярныя работы, стволъ на построение судовъ, изъ коры его дѣлаютъ паруса, платья, кровли, корабельныя снасти, корзины; сокъ употребляется въ пищу и на лекарства; а изъ пльвы онаго дѣлаютъ бумагу. Приготовленіе оной просто: кору, отдѣленную отъ ствола, снимаютъ иглою, и таковыя очищенныя пльвы складываютъ крестообразно, доколѣ онѣ поучади надлежащую толщину, и потомъ склеиваютъ нильскою водою. Высушенная сія масса называлась *священною бумагою*, потому что она употреблялась только на книги богослужебнаго содержанія.

Когда Египетъ сдѣлался Римскою-Областію, императоры занялись усовершенствованіемъ приготовленія бумаги. Бумага, промываемая однажды, называлась августовскою, промывалъ же дважды — аспіанскою. — Египетъ не только производилъ бумагу, но и былъ *бумажными магазинами* всей Римской-Имперіи, и часто медленность кораблей, нагруженныхъ симъ предметомъ, была причиною значительныхъ народныхъ волненій, какъ то случилось въ царствованіе Тиверія. Бумага составляла столь важную отрасль александрійской торговли, что одинъ завоеватель, овладѣвъ Египетомъ, увѣрялъ, что ему довольно будетъ денегъ, вырванныхъ за одну бумагу, для удовлетворенія своего войска жалованьемъ.

Египетская бумага исчезла въ Европѣ въ теченіе осьмаго столѣтія; тогда начали дѣлать оную въ Константинополѣ изъ хлопчатой бумаги; но употребленіе оной не сдѣлалось общимъ, приготовляли ее также изъ коры различныхъ растений, между прочими изъ льняной; но сей родъ бумаги, по причинѣ толстоты, негибкости и ломкости своей, вышелъ изъ употребленія.

Въ Китаѣ, гдѣ все дѣлаютъ изъ бамбуковой тростки, стараются готовить изъ оной и бумагу; но не ограничивались однимъ симъ веществомъ, стали употреблять и вѣтвотыя другія, отъ чего нынѣ въ каждой китайской области господствуетъ оной способъ выдѣлывать бумагу: вообще китайская бумага больше, тоньше, мягче и глаже нашей. Та, которую несправедливо называютъ шелковою, дѣлается изъ хлопчатой бумаги. Китайцы иногда употребляютъ къ тому и *куполки* шелковаго червя, кору бамбуковую и шелковичную конопись, солому и проч.; но лучшая бумага ихъ готовится изъ пльвы растенія *кумчу*, и выдѣлывается почти также, какъ наша. Тонкая пльва коры въ водѣ разстается въ жидкое вещество и переплывается въ формы, изъ коихъ выходятъ листы длиною до 12 футовъ; красочнымъ растворомъ придають имъ серебряный лоскъ, который для Китайцевъ тѣмъ большую имѣетъ цѣну, что они пишутъ не перомъ, а кистью. Сія бумага истлываетъ гораздо скорѣе нашей; она ломче и легко принимаетъ въ себя сырость и пльву. Китайцы употребляютъ бумагу свою не только на письмо и печать: они подбиваютъ ею платья и вставляютъ въ окна вмѣсто стеколъ.

Изобрѣтеніе нашей тряпичной бумаги приписываютъ Мавраму.

Муратори приписываетъ необразованность среднихъ вѣковъ и недостатку въ бумагѣ. Въ самомъ дѣлѣ достойно примѣчанія, что изобрѣтеніе пльвы употребляемой бумаги, какъ полагаютъ, случилось въ двѣнадцатомъ столѣтіи, когда науки снова начали процвѣтать; и что изобрѣтеніе книгопечатанія непосредственно предшествовало распространенію просвѣщенія. Греки и Римляне начертали безсмертныя творенія свои на пергамнѣ. Драгоценность сего вещества была причиною, что сіи творенія или оставались въ рукахъ однихъ лишь богатѣй, или вовсе затерялись. Правда, что въ древности существовала бумага, стоившая менѣе пергамна, готовившаяся изъ египетскаго папируса; но, по причинѣ ли запрещенія обработки папируса въ Египтѣ, или потому, что Арабы затруднили торговлю сношеніемъ съ Египтомъ, уже съ осьмаго столѣтія сей бу-

* У Лукреція.

маги не видно стало въ Европѣ. Слѣдственно, надлежало опять прибѣгнуть къ пергамину; однако же списки съ классическихъ твореній ежесуменно становились рѣже и тѣ, кои пощажены сѣверными и восточными варварами, принуждены были уступитъ мѣсто другимъ сочиненіямъ, важнѣйшимъ для того времени. Соскоблывъ рѣчь Демосоенову или книгу Тита Лвія съ драгоценнаго пергамна, писали на оной легенду, или молитвенникъ, или дарственный актъ какому нибудь римско-католическому монастырю, и сіи сочиненія на выскобленномъ пергамнѣ назывались по-гречески *Перписелитосъ*.

Цѣна пергамна была столь безмѣрно велика, что одинъ только король или города могли покупать книги: никто не думалъ заводить библиотеку. Ихъ можно было найти только въ богатыхъ монастыряхъ или въ Ватиканѣ; да и тамъ въ каталогахъ, до времени Папы Николая X, ученаго покровителя наукъ, находились почти одни только касавшіеся Богословія, церковнаго права, и документы достовѣрные и мнимые.

По предлагаемымъ здѣсь примѣрамъ можно судить о дороговизнѣ книгъ въ сіе время. Одна графиня Анжуйская заплатила за копію рѣчи епископа Гамбершгадскаго двѣсти овецъ и пятнадцать мѣръ жита. Король французскій Лудовикъ XI, желая занять у медіцинскаго общества въ Парижѣ творенія одного арабійскаго медика, долженъ былъ не только дать въ залогъ большую часть пльвы своей, но и представить одного богача за себя поручителемъ. Еще до нынѣ хранится письмо Вольтера, аббата Феррьерскаго, писанное въ 1755 году, къ папѣ Бенедикту III съ просьбою, одолжить монастырь его полсеніемъ Іереміи Св. Іеронима, равно какъ и твореніямъ Цицерона и Квинтиліана, обидѣла ему съ точностію возвратитъ сіи книги, когда онѣ будутъ списаны, «потому,» пресоветуялетъ онъ, «что во всей Франціи, хотя и есть отрывки сего сочиненія, но нѣтъ ни одного полнаго экземпляра.»

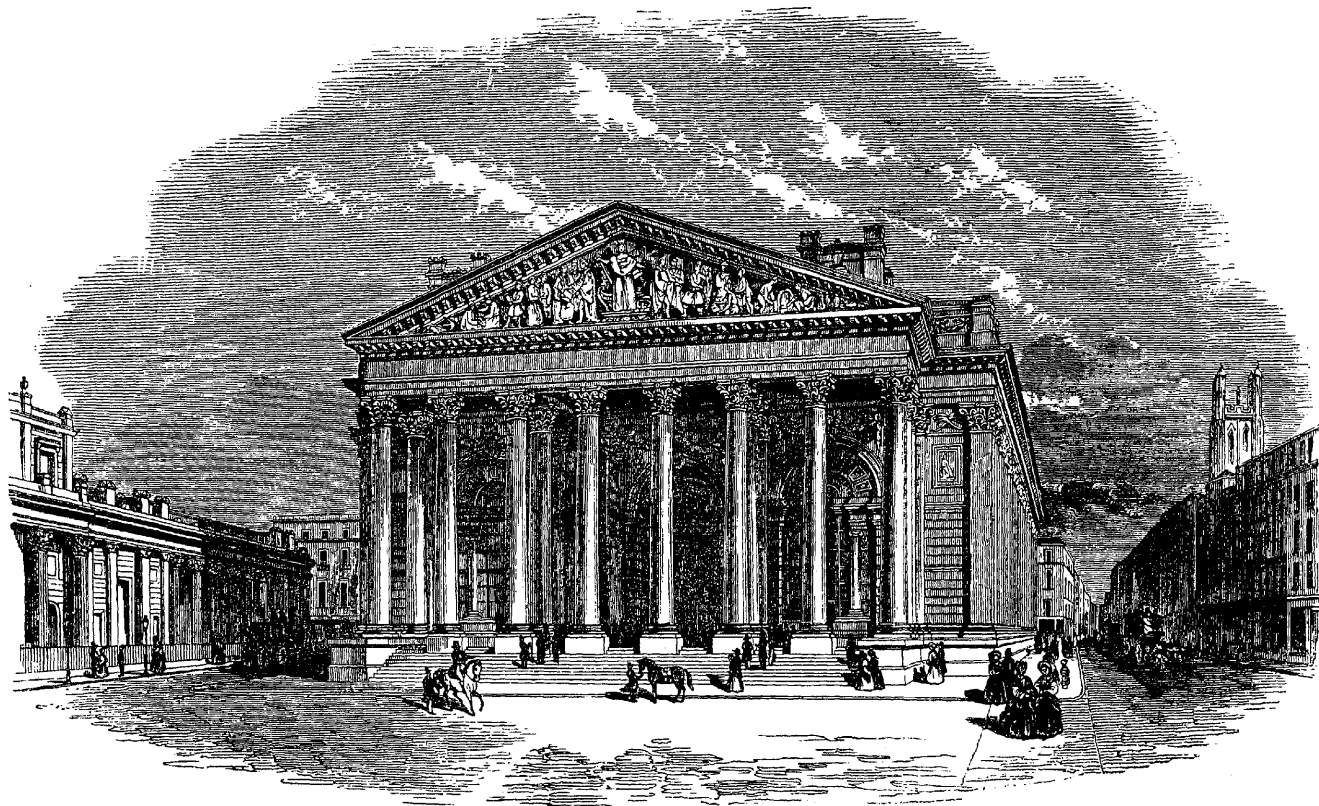
Изъ сего видно, что въ то время нѣкоторые начинали заниматься науками; они съ большимъ трудомъ и раченіемъ списывали творенія классиковъ. Въ Веронѣ, на превосходномъ памятникѣ одного архидіакона, жившаго въ девятомъ столѣтіи, видна надпись, въ которой, между прочими рѣдкими его достоинствами, упоминается и о томъ, что онъ списалъ двѣсти восемнацать рукописей, и принесъ въ даръ великому капитулу комментарий на Библію.

Рѣдкость книгъ подала къ основанію духовнаго ордена, который, по изобрѣтеніи книгопечатанія, пришелъ въ забвеніе. Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, онъ учрежденъ былъ Герардомъ Гроотомъ изъ Девентера, подъ именемъ *Братій Общественныхъ*, и вмѣстѣ съ прошедшимъ отъ онаго монашескимъ сообществомъ виднегійскихъ канониковъ, распространился по Нидерландамъ и сроднѣльной онымъ части Германіи: сто двадцать монастырей были ему подвластны, а въ числѣ братій онаго находились отличные ученые, какъ напр. славный Липсей. Правила и занятія сихъ монаховъ состояли въ воспитаніи юности и въ списываніи книгъ; не нужно говорить, что они преимущественно списывали творенія церковныхъ отцевъ.

Сколько ни глубоко вкоренилось нынѣ злоупотребленіе наводнять бумагу литературными посредственностями, однако же нельзя не согласиться, что сіе изобрѣтеніе не только имѣло влияние на все науки и распространило вслѣдія полезныя познанія, но и сильно содѣйствовало къ смягченію нравовъ, доставляя невинное и пріятное занятіе людямъ всякаго званія.

БИРЖА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ концѣ прошлаго года Англійская Иллюстрація, въ нѣсколькихъ нумерахъ, сообщила подробности великолѣпнаго празднества, даннаго по случаю открытія и освященія новаго зданія биржи—*Royal-Exchange*—въ Лондонѣ. Говорятъ, что десертныя та-

(Биржа въ Лондонѣ)

релки были парочко заказаны для этого случая изъ чистѣйшаго японскаго фарфора. Между тончайшими и самыми дорогими винами особенно славилось такъ называемое *шерри*, лежавшее съ 1824 года; одна бочка его, купленная въ бытность Фердинанда VII въ Хересѣ, стоила 630 фунтовъ стерлинговъ (около 4 т. руб. серебр.). Обѣденная записка находилась въ центрѣ гирляндъ, представлявшей вензель королевы, которой угодно было взять ее послѣ обѣда съ собою. Обѣдъ, данный въ этомъ храмѣ богатства, состоялъ... виноваты! Великолѣпная описанія великолѣпнаго праздника чуть не увлекли насъ; мы хотимъ говорить не объ обѣдѣ, а о зданіи биржи, видъ которой предлагается читателямъ Иллюстраціи.

Зданіе величественно, хотя, къ сожалѣнію, и нѣсколько тяжелое... Впрочемъ, зданіе, назлачаемое для биржевыхъ дѣлъ и не должно быть легко — оно должно имѣть вѣсъ. Фасадъ биржи состоитъ изъ осьмиколоннаго портика коринтскаго ордера; лѣстница не совсѣмъ согласна съ портикомъ, она исчезаетъ подъ тяжестью его; вообще пропорціи соблюдены не совсѣмъ хорошо. Боковыя стороны прямая стѣны, украшенныя окнами и пиластрами. Во внутренности одна парадная лѣстница прекрасна. Множество залъ, слѣдующихъ одна за другою, не имѣютъ въ себѣ ничего особеннаго, исклю-

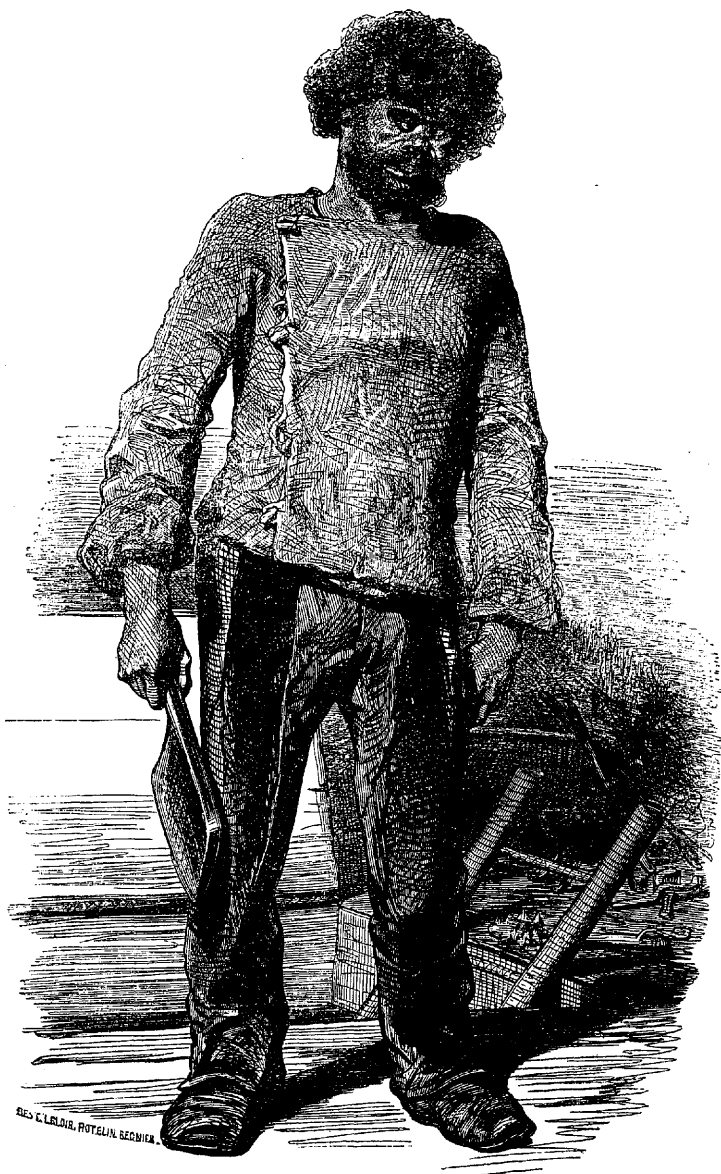
чая неизмѣрною роскоши украшеній. Много золота, богатства — мало вкуса. Сверхъ того лондонская биржа чрезвычайно много теряетъ потому, что находится между узенькими улицами, позволяющими даже хорошему судить объ общемъ видѣ ея. Едва ли въ цѣломъ мірѣ есть биржа, находящаяся въ такомъ прекрасномъ, удобномъ и видномъ мѣстѣ, какъ наша петербургская.

НѣСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ ФРАНЦУЗСКОМЪ ИЗДАНІИ ВѢЧНАГО ЖИДА.

Вѣчный Жидъ постепенно подвигается впередъ... Онъ все идетъ... идетъ, изъ фельетона въ фельетонъ, въ журналѣ *Le Constitutionnel*, а у насъ въ «Библиотекѣ для Чтенія». Восемь частей совершенно кончены. Девятой вышло въ Парижѣ около пятнадцати главъ.

Сначала читатели, приходившіе прежде въ восторгъ, ужасъ, страхъ отъ ужасовъ Парижскихъ Тайнъ, жаловались на то, что Вѣчный Жидъ менѣе занимателенъ, но теперь всѣ соглашаются съ тѣмъ, что послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ выше перваго. Неговоря уже о философическихъ, филантропическихъ, и другихъ идеяхъ автора, которыя не смотря на все убѣдительно, звергическое краснорѣ-

чіе Евгения Сю, врядъ ли могутъ осуществиться въ нашъ вѣкъ, — романъ этотъ заключаетъ въ себѣ глубокое познаніе сердца человѣческаго. Конечно, по нашему мнѣнію, весь романъ состоитъ изъ идеаловъ, идею его утопии, но изъ самаго столкновенія этихъ идеаловъ, изъ возможнаго, по мнѣнію автора, осуществленія утопіи, онъ составляетъ одно цѣлое, общее, улекающее читателя, заставляющее его забывать, что всѣ лица и происшествія вымышленныя... Самое преувеличеніе добродѣтелей, страстей, пороковъ, гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на массу; она живѣе сочувствуетъ лицамъ романа, яснѣе понимаетъ намѣренія и цѣль автора. Еще одно достоинство романа Евгения Сю: неожиданность, внезапность; большая часть романовъ, даже лучшихъ, написаны такъ, что человѣкъ, нѣсколько проищательный или привычный, напередъ угадываетъ развязку и цѣль дѣйствій, выведенныхъ на сцену лицъ. Въ Вѣчномъ Жидѣ напротивъ: гдѣ вы ожидаете увидѣть гнѣвъ, негодованіе — вы встрѣчаете кротость и, подумавъ, находите, что иначе и быть не могло. Впрочемъ, когда Вѣчный Жидъ будетъ совершенно конченъ, мы надѣемся подробнѣе поговорить о немъ съ читателями. Конечъ не далека. Девятой части почти половина готова — остается десятая. Теперь мы упоминаемъ только о новомъ иллюстрированномъ изданіи Вѣчнаго

Голаєвъ, типъ Гаварни.

Морокъ, типъ Гаварни.

Жидъ, котораго уже болѣе *тридцати* ливрезовъ можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова. Есть два иллюстрированныхъ изданія: парижское и брусельское. Первое во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ. Рисунки Гаварни еще болѣе сближаютъ читателя съ трогательными или грозными сценами, созданными колоссальнымъ воображеніемъ Сю. Къ каждому ливрезову приложенъ отдѣльный портретъ или типъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенны; иные, немногіе, не согласуются съ идеями, которыя мы создали себѣ о нѣкоторыхъ лицахъ. Мы на удачу выбрали два типа: чудовищность моральную и физическую. Первый, злобный, коварный, хитрый *Морокъ*; это олицетвореніе нравственнаго безобразія. Другой, дикій, звѣрскій, бессмысленный *Голаєвъ*: типъ физиче-

скаго безобразія... Всмотритесь въ эти два лица и вы поймете почему великанъ, одаренный геркулесовскими формами и соразмѣрно имъ силою, рабски повинуется шедущему, слабому тѣломъ *Мороку*...

Совѣтуемъ любителямъ иллюстрированныхъ изданій приобрести это изданіе, тѣмъ болѣе, что цѣна ливрезонамъ изумительно дешева.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

Очеркъ венгерскихъ нравовъ.

(Окончаніе).

Надобно было сыграть эффектную сцену; какъ герой какой-нибудь мелодрамы, я сбросилъ шинель и взялъ въ руки пистолеты.

— Несчастные! вскричалъ я повелительнымъ голосомъ, вы, можетъ быть, зарѣзали какого-нибудь бѣднаго торговца въ лѣсу и потому важничаете, воображая себя разбойниками. Знаете ли, что вы ни что болѣе какъ шалуны, школьники; я вашъ учитель!... Мое ремесло убивать людей и если хотите, такъ я научу васъ сейчасъ же какъ поступать...

Говоря эти слова, я прицѣлился въ ближайшихъ моихъ сосѣдей, которые отскочили назадъ и спрятались подъ столъ, чтобы не видать черныхъ отверстій моихъ пистолетовъ.

Габуракъ одинъ былъ спокоенъ.

— Полноте, сказалъ онъ, къ чему сейчасъ горячиться. Правда, съ вашими пистолетами, если они не съжуются и если у васъ вѣрны глаза, вы можете погасить двѣ свѣчки, но ихъ остается еще довольно, чтобы послужить факелами для вашихъ похоронъ. И такъ, опустите пистолеты и, какъ добрые дворяне, поговоримъ хладнокровно.

Я сѣлъ.

— Мнѣ самому неприятно, что я погорячился, потому что это вредитъ пищеваренію, возразилъ я; но портюлю вамъ, друзья и благородные товарищи, что вы непременно должны уйдти отсюда. Не для мѣн — Боже сохрани! Я бы очень радъ былъ провести хоть всю ночь въ такой пріятной компаніи, но у мѣн съ собою жена, бѣдная, устала и беременная жена. Вы все дворяне, добрые Венгерцы; мы будемъ сперва пить, потомъ запоемъ, а тамъ, пожалуй, и поколотимъ другъ друга; все это очень хорошо, и бѣдная жена со страху не сожметъ глазъ и завтра не будетъ въ состояніи ѣхать даѣе.

— Мы не будемъ шумѣть, сказалъ одинъ изъ спрятавшихся подъ столъ.

— Статочное ли это дѣло! вскричалъ я; возможно ли, чтобы благородные Венгерцы, въ жилищахъ которыхъ течетъ чистая венгерская кровь, которые пьютъ доброе венгерское вино, остались цѣлую ночь свиными какъ дѣти, которымъ покажутъ розгу! Пѣть, господа, это невозможно; а потому повторяю мое требованіе, или, если хотите, мое приказаніе.

Ни кто не трогался.

Я видѣлъ, что дойдетъ до драки. Вдругъ Габуракъ скоро всталъ; взявъ тоноръ, бунду, подаль мнѣ руку и сказалъ:

— Дайте руку; кому фортуна дала такую хорошенькую жену, тотъ имѣетъ полное право беспокоиться объ ея спокойствіи. Конечно, вы поступили немного неумно, но любовь красавицы дѣлаетъ насъ иногда чрезвычайно гордыми и самонадѣянными. Прощайте, скажите вашей супругѣ, что я желаю ей спокойной ночи и счастливаго нутъ. За мной, ребята; безъ шума!

Между тѣмъ товарищи Габурака осторожно удалились, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Слушайте, я непременно долженъ повторить вамъ, что мы уходимъ только изъ уваженія къ вашей женѣ. — Онъ показалъ мнѣ карабинъ, спрятаанный подъ его бундой и прибавилъ: Мнѣ стоило только опростнуть на васъ столъ, а тамъ, чортъ возьми, крупная дробь, которую заряжена моя винтовка, разожилась бѣ вамъ голову. И такъ, не забудьте, я уйду не потому, что вы погордился мнѣ вашими дрянными пистолетами, а потому, что у васъ жена красавица и беременна. Прощайте.

На другой день, на разсвѣтъ, мы были уже въ дорогѣ. Едва мы выѣхали на открытую поляну, какъ какой-то всадникъ догналъ насъ и подѣхалъ къ самой каретѣ.

То былъ Габуракъ.

— По лицу вашему я вижу, что вы неспособны помнить бѣднику, вѣрнѣшему вамъ. Когда вамъ понадобятся лошади за дешевую цѣну, обратитесь ко мнѣ; вы меня всегда найдете въ..... (Онъ назвалъ мѣсто своего убійства).

Потомъ, снявъ со шляпы своей дикую розу, онъ подалъ ее Петти, которая очень ласково поблагодарила его.

— Простите, сударыня, прибавилъ онъ, что мы испугали васъ въ прошедшую ночь; а вамъ, сударь, я охотно прощаю и невѣжливость и гордость, потому что супруга ваша такъ престарѣла, что за нее вы имѣли полное право разожить головы пѣдой шайкѣ бѣдниковъ. Прощайте, сударь, не выдавайте меня; а вы, сударыня, помолитесь за упокой моей души, когда услышите, что меня повѣсили.

Онъ прищоркнулъ лошадей и вскорѣ исчезъ въ туманѣ.

II.

Въ слѣдующемъ году я проѣзжалъ чрезъ Т...., лежащемъ въ странѣ, столь же живописной и оригинальной, какъ шотландскія горы, и которой не достаетъ только народнаго барда, Вальтера-Скота, чтобы воспѣть славу и романтическую прелесть ея.

Была ярмарка. Мужчины въ самыхъ странныхъ костюмахъ, въ бундахъ, зубавъ, заманасъ (*), женщины въ короткихъ платьяхъ, красныхъ сапогахъ съ каблучками, подбитыми гвоздями, разстрепанные цыгане, озиравшіеся изъ подлѣбья, толпились на площади. Даже вербовщики, въ сопровожденіи цыганскаго холячаго оркестра, вышли изъ кабаковъ и вмѣшались въ толпу.

Воидя въ гостиницу, я увидѣлъ за большимъ столомъ стараго знакомаго моего, купца-Дашѣ, занимавшаго должность комиссара общественно спокойствія. Онъ прежде служилъ сержантомъ въ полку гусаровъ-Фердинанда, въ которомъ служилъ и я. Купецъ-Дашѣ былъ человекъ смѣлый, предприимчивый и одаренный атлетическими формами; тяжкая обязанность его нравилась ему именно по опасностямъ, съ которыми она была сопряжена. Костюмъ его состоялъ изъ гусарскихъ панталонъ въ натяжку, узкихъ сапоговъ съ длинными шпорами, краснаго жилета съ большими серебряными пуговицами и голубаго полукафтаныя, покрываваго геркулесовскія плечи его. Загорѣлая, жирная шея его была обвязана чернымъ платкомъ. Онъ положилъ передъ собою на столъ топоръ, двуствольный карабинъ и пару пистолетовъ. Сѣрая шляпа и бунда висѣли на крючкѣ надъ головой его, а передъ нимъ на столѣ стояли два полуопорожненные графина съ виномъ.

Увидѣвъ меня, онъ всталъ, пригладивъ объими руками огромныя ушища, поклонился мнѣ почтительно. Я очень обрадовался знакомому лицу. Послѣ первыхъ приветствій, я спросилъ его:

— Откуда вы, Купецъ?

— Съ охоты, отвѣчалъ онъ.

— Какъ, съ охоты? Теперь, кажется, не время?

— О, мнѣ всегда время!.. Вы знаете, что я охочусь за ворами и мошенниками.

— Ага!.. А счастлива ли была охота?

— Очень счастлива; мы поймали молодца, который меня ужасно беспокоилъ и извѣстность котораго мѣшала мнѣ спать. Ну, да ладно! Теперь онъ въ нашихъ рукахъ. Мы поймали нѣкоего Габурака, дезертера и отчаяннѣйшаго плута, какого мнѣ только случалось видѣть въ жпзнь мою. Однажды, когда я преслѣдовалъ его и остановился отдохнуть въ чердѣ (удѣленномъ постояломъ дворѣ) близъ Маколуца, этотъ негодяй осмѣлился войти туда. Гайдуки мои припили его за коноуха и послали его напоить лошадей. Я самъ видѣлъ, какъ онъ сѣлъ верхомъ, безъ сѣдла, на мою лошадь, а другихъ повелъ за уздечки; но едва онъ подѣхалъ къ поилу, какъ приударилъ лошадей и пустился съ ними во весь галопъ. Прежде, чѣмъ гайдуки успѣли опомниться, онъ исчезъ у насъ изъ виду. Представьте, какъ мнѣ было совѣстно вернуться домой пшкомъ. Впрочемъ, Габуракъ не разбойникъ; онъ только недавно убилъ одного богатаго, зѣвшнаго мельника за то, что тотъ обругалъ возлюбленную его; а когда ее хотѣли отправить въ тюрьму, то онъ напалъ на двухъ гайдуковъ, сопровождавшихъ дѣвущку, освободилъ ее и убилъ одного изъ гайдуковъ. Вотъ уже три мѣсяца, какъ я преслѣдую его. Однажды, мнѣ удалось нагнать его въ полѣ; я былъ одинъ и закричалъ ему, чтобы онъ сдавался. Онъ повиновался, бросилъ сѣкуру и карабинъ, и посккалъ ко мнѣ, но вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ меня, онъ вынулъ арканъ, нахпнулъ его мнѣ на шею, сташннхъ съ лошадю и повлекъ за собою. По счастью тяжесть моего тѣла разорвала веревку. Но я остался на мѣстѣ безъ чувствъ, избитый и израненный. Наконецъ, вчера вечеромъ, мы поймали Габурака у его возлюбленной; я самъ стацилъ его съ постели. Слѣдующую ночь онъ проведетъ на чистомъ воздухѣ, потому что ему уже готовятъ квартиру, между небомъ и землей.

*) Плаци разныхъ племенъ

И точно, я увидѣлъ на концѣ главной улицы мѣстечка висѣлицу, первый признакъ цивилизаціи, проникающей въ дикую страну. Народъ толпился около нея точно, будто бѣ ему готовился праздникъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не воспользоваться даровымъ зрѣлищемъ?

Я послѣдовалъ за толпой, самъ не зная зачѣмъ; вѣроятно я искалъ сильныхъ ощущеній.

Лишь только я приблизился къ театру, на которомъ готовилась драма, прилекавшая многочисленную толпу, какъ я увидѣлъ героя пьесы. Онъ шелъ въ сопровожденіи священника и былъ окруженъ тремя рядами гайдуковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Судья, который долженъ былъ прочитать приговоръ, и палачъ, который долженъ былъ привести его въ исполненіе, ждали возлѣ висѣлицы. Приговоренный былъ совершенно спокоенъ. Судя по его беззаботному лицу и по развязной походкѣ, можно было подумать, что онъ игралъ тутъ роль ярмарочнаго шута, палача. Онъ смѣло глядѣлъ на толпу; мнѣ удалось видѣть его лицо: точно, это былъ мой знакомецъ — Габуракъ.

Священникъ увѣщевалъ его, говорилъ о раскаяніи, о будущей жизни.

Преступнику надѣли веревку на шею.

— Затягивайте крѣпче, сказалъ онъ, скрипка только тогда даетъ хорошіе звуки, когда струны ея натянуты, а мнѣ бы хотѣлось, прибавилъ онъ, стукнуть шпорами, имѣть пріятную музыку для моей послѣдней мазурки.

Онъ не выпуская изъ рта глиняной трубки.

Вдругъ раздался рѣзкій, пронзительный крикъ, толпа разступилась и, не смотря на удары прикладами, шею надѣляемые гайдуками, женщина бросилась къ висѣлицѣ. То была высокая, полная, смуглая дѣвушка, черные волосы которой были распущены. Не будучи въ состояніи произнести слова, но громко рыдая, упала она къ ногамъ судьи. Габуракъ оглянулся и, увидѣвъ ее, сильнымъ движеніемъ вырвался изъ рукъ палача; но его тотчасъ же опять схватили и крѣпко связали руки на сплнѣ.

— Бѣдная Анна! Бѣдная Анна! восклицалъ онъ съ отчаяніемъ. Зачѣмъ ты пришла сюда? Я дезертеръ, воръ и убійца изъ любви къ тебѣ. Я потерялъ душу свою чорту, чтобы кормить и одѣвать тебя... ты была счастлива и щедро заплатила мнѣ за то! Теперь же, когда я буду висѣть на этой веревкѣ, кто одѣнетъ тебя, кто согрѣетъ тебя, когда тебѣ будетъ холодно, кто накормитъ тебя, когда ты будешь голодна? И кто полюбитъ тебя, любовницу вора и повѣшеннаго? Ты должна будешь продавать свои ласки!.. Но, слава Богу, я не буду знать того, не буду свидѣтелемъ твоей нищеты, потому что хищныя птицы скоро выклюютъ мнѣ глаза и мозгъ!..

Прежнее мужество и гордость покинули его. Онъ надалъ на колѣни передъ всѣми окружавшими его и умолялъ о пощадѣ. Судья, съ крохотливо поднявъ дѣвущку, сказалъ осужденному:

— Габуракъ, я не могу помиловать тебя; но что въ предсмертный часъ доставитъ тебѣ хотя нѣкоторое утѣшеніе, я обѣщаю принять подъ свое покровительство эту бѣдную дѣвущку... и такъ успокойся!

— Точно ли?.. вы сдержите ваше слово? вскричалъ Габуракъ.

— Клянусь честію.

— Да вознаградитъ васъ за то Господь!.. вскричалъ онъ съ чувствомъ. Прощай, Анна, прощай, добрая моя Анна; а ты, дѣлущка, прибавилъ онъ, обратившись къ палачу, исполний свое дѣло; настрелайте скрипки, яяска начинается!

Нѣсколько минутъ спустя, толпа возвращалась въ мѣстечко, сопровождая Анну, лишвшуюся

чувствъ ; ес несли въ домъ судьи, принявшаго ее къ себѣ въ услуженіе.

III.

Два года спустя, я опять проѣзжала чрезъ Т..., мимо мѣста казни. Трупъ Габурака все еще былъ подлѣ висѣлицы, но вороны уже выклевали ему глаза и мозгъ...

А Анна каждый день, отправляясь къ колодезю за водой, проходила мимо висѣлицы...

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРЬЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

(Статья 4)

Нельзя не упомянуть здѣсь кстатн мимоходомъ о *миряке* и *кликнушѣ*. Есть поговорка, просватать *миряка* за *кликшу* : это значитъ свести вмѣстѣ такую пару, которая другъ друга стоитъ ; такую ровню, гдѣ оба куда не годятся. *Кликша* известна почти во всей Россіи, хотя теперь проказницы эти уже довольно рѣдки; это, по народному повѣрью, юродивыя, одержимыя бѣсомъ, кои, по старинному обычаю, показывають штуки свои преимущественно по воскресеньямъ, на погостѣ или паперти церковной. Онѣ мечутся, падаютъ, подкатываютъ очи подлѣ лобъ, кричатъ и вопятъ не своимъ голосомъ ; увѣряютъ, что въ нихъ вошло сто бѣсовъ, кои гложутъ у нихъ животы, и проч. Болѣзнь эта происходитъ отъ одной бабы къ другимъ, и гдѣ есть одна *кликша*, тамъ вскорѣ показывается ихъ нѣсколько. Другими словами, онѣ другъ у друга перенимають эти проказы, потому-что имъ завидно смотрѣть на подобострастное участіе и сожалѣніе народа, окружающаго *кликшу* и нерѣдко снабжающаго ее изъ состраданія деньгами. *Кликша*, большею-частью, бываетъ какаля-нибудь бездомная вдова, разсорившаяся съ мужемъ, дурнаго поведенія жена, или промотавшаяся со стороны нищала. Есть глупыя *кликши*, которыя только ревутъ и вопятъ до корчи и пѣны на устахъ ; есть и болѣе ловкія, кои пророчествуютъ о гнѣвѣ Божіемъ и скоромъ преставленіи свѣта. Покуда на селѣ одна только *кликша* — можно смолчать, потому-что иногда это бываетъ баба въ падучей болѣзни ; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ субботу, передъ праздникомъ, и выстѣзъ розгами. Двукратный опытъ убѣдилъ меня въ отличномъ дѣйствіи этого средства: какъ рукой сыметъ. Средство это весьма не дурно, если бы даже это было родъ падучей болѣзни, которая такъ легко сообщается другимъ : одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей прошлаго вѣка прекратилъ этимъ же или подобнымъ зельемъ распространеніе падучей въ одномъ дѣвичьемъ пансіонѣ, гдѣ внезапно большая часть ученицы, одна послѣ другой, впадали отъ испуга и перемичивости въ эту болѣзнь. Страхъ дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ благотвѣтельно на нервы и мозгъ.

Мирякъ—почти тоже между мужчинами, что въ бабахъ *кликша* : это также одержимый бѣсомъ, который кричитъ, ломается, неистовствуетъ и обыкновенно объясняется голосомъ того или другаго звѣря или вообще животнаго. *Миряки* въ особенности появляются въ Сибири и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, происходятъ отъ языческихъ шамановъ.

Повѣрля объ *огненныхъ змѣяхъ*, считаемыхъ злыми духами мужскаго пола, основаны, вѣроятно, на явленіи метеоровъ, сопровождаемыхъ огнемъ и трескомъ. Въ особенности пародъ полагаетъ, что змѣи эти летаютъ къ женщинамъ, съ коими дружатся и коротко знаютъ. Такія дѣвки или бабы обыкновенно худѣють, спадаютъ съ тѣла и почитаются нечистыми, а иногда и вѣдьмами. Сказки объ этомъ сохранились у насъ издревле, и богатырь Тугаринъ Змѣевичъ и Краса Зилантовна *) суть исчадія такой четы, родившейся въ дикомъ воображеніи народа. Сказки объ огненныхъ змѣяхъ разнаго рода, о змѣяхъ семиглавыхъ, двѣнадцатиглавыхъ и проч., сохранились именно только какъ сказка, составляя или шутку, или преданье старины—все это было, да быльемъ поросло, а нынѣ такихъ чудесъ нѣтъ.

Ворожба и *гаданія*, *снотолкованія*, а за тѣмъ и *заговоры* — принадлежать болѣе къ послѣднему изъ принятыхъ нами разрядовъ, т. е. къ такимъ повѣрьямъ, къ коимъ прибѣгаютъ въ отчаяніи бѣдствующій, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить съ мнимою помощью, подаваемою лежащему на смертномъ одрѣ, въ полномъ убѣжденіи, что помощь эта ни къ чему не послужитъ ; а между тѣмъ, нельзя же оставаться при страданіи въ бѣдѣ дѣйствіи, надобно, по крайней мѣрѣ, въ успокоеніе совѣсти своей, и для удовлетворенія общаго требованія, дѣлать, что люди велятъ,— тогда хоть можно сказать впоследствии : что только можно было придумать — все дѣлали. Иногда, впрочемъ, суевѣрія эти служатъ только шуткой, забавой и смѣшиваются съ играми и обрядами. Между тѣмъ ворожба, гаданья и заговоры до того близки къ житію-бытію колдуновъ, знахарей и вѣдьмъ, что здѣсь будетъ удобнѣе поговорить объ этомъ предметѣ.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданій и снотолкованій, основанныхъ не на обманѣ и суевѣрїи, можетъ быть допущена только въ видѣ весьма рѣдкихъ исключеній, а именно : въ тѣхъ только чрезвычайныхъ, выходящихъ изъ ряду случаевъ, гдѣ мы должны признать временное возвышеніе души человѣческой падъ обыкновеннымъ, вседневнымъ міромъ, и гдѣ человекъ, самъ собою (болѣзненно) или искусственно (при магнитизированіи) входитъ въ особенное, малоизвѣстное намъ доселѣ магнитическое состояніе. Не смотря на безчисленное множество случаевъ и примѣровъ, гдѣ, при подробномъ розысканіи, или случайно, былъ открытъ подлогъ, обманъ или ошибка — въ наше время уже нельзя отвергать вовсе чудеса животнаго магнитизма ; но вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени чудеса эти могутъ дѣяться, и гдѣ предѣлы ихъ, за коимъ слѣдуетъ безконечная степь,—скрытая подъ маревомъ сказочныхъ видѣній тысячи одной ночи? Осторожность обязываетъ насъ, не отрицая положительно всѣхъ чудесъ этихъ, вѣрнѣе тому только, въ чемъ случай и опытъ насъ достаточно убѣждаетъ ; а сверхъ того, еще убѣждаться съ крайнею осмотрительностію, зналъ уже, что въ этомъ дѣлѣ бывало доселѣ несравненно болѣе ошибокъ, недоразумѣній, умысленныхъ и неумысленныхъ обмановъ, чѣмъ истины. Не

худо, кажется, во всякомъ случаѣ разсудить также слѣдующее: Если и допустить, что душа можетъ иногда находиться въ положеніи или состояніи ясновидѣнія, то и тогда она могла бы видѣть одно только прошедшее и настоящее, — но не будущее, котораго еще нѣтъ ; другими словами, предположивъ, что душа наша иногда можетъ быть превыше *пространства*, ни коимъ образомъ нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени*, по крайней мѣрѣ, относительно будущаго. Тогда должно бы вѣрнѣе въ судьбу, въ неотвратимый рокъ язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свѣтѣ ни добра, ни зла, ни добродѣтели, ни пороковъ, а все шло бы только впередъ установленнымъ порядкомъ. Этому я вѣрить не могу; я вѣрю въ судьбу другаго рода : въ неминуемыя, неизбѣжныя послѣдствія, извѣстнаго сочетанія обстоятельствъ и дѣйствій ; даны премудрыя, въковѣчные законы природы, дана челоѣку свободная воля и разумокъ — все остальное есть судьба, образующаяся изъ послѣдствій дѣйствій того и другаго. На такомъ только основаніи можно допустить ясновидѣніе — гдѣ оно несомнѣнно будетъ доказано на дѣлѣ. Перейдемъ теперь опять къ своему предмету.

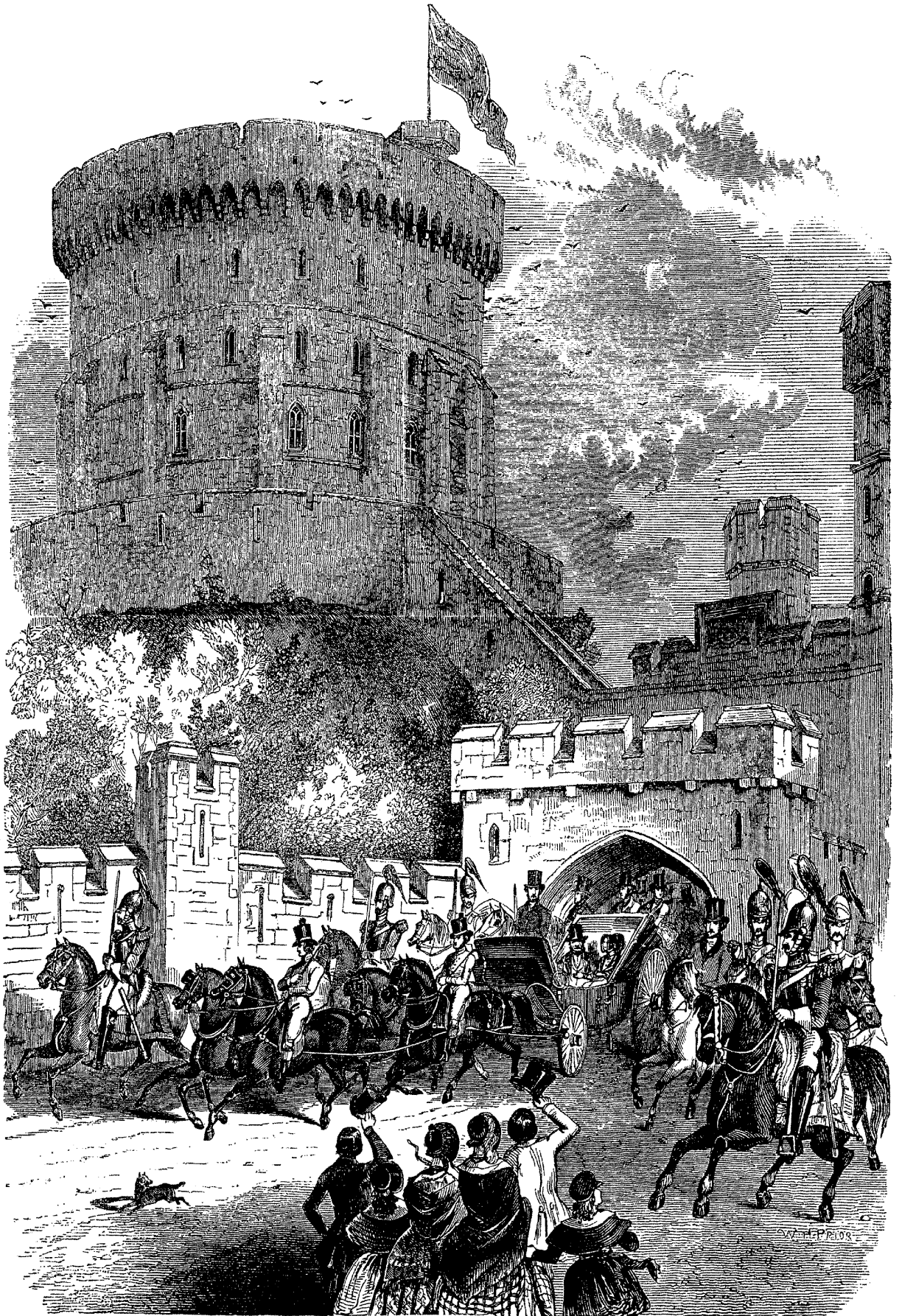
Вообще, всякое рѣшеніе, посредствомъ ворожбы, заключаетъ въ себѣ : или простую ложь, сказанную на удачу ; или ловкое изрѣченіе, по примѣру древнихъ оракуловъ, допускающее произвольное толкованіе ; или такія свѣденія по предложенному вопросу, коихъ никто не могъ предполагать въ ворожбѣ ; или соображенія, загадку болѣе или менѣе основательную ; или, наконецъ, бессознательное соображеніе и сочетаніе обстоятельствъ и условій, называемое ясновидѣніемъ. Но, повторяемъ, послѣднее всегда почти крайне сомнительно и едвали можетъ быть наемно или продажно ; сами даже ясновидящіе весьма не рѣдко бредятъ, какъ въ горячкѣ, и не могутъ отличить правды отъ лжи.

О снотолкованіяхъ должно сказать почти тоже; предоставляемъ всякому судить, по собственному убѣжденію, о возможности предвѣщательныхъ сновъ, кои могутъ рождаться у соннаго ясновидящаго, какъ и наяву ; обыкновенныя же грёзы, какъ всякому извѣстно, бываютъ слѣдствіемъ думы, дѣйствій и бесѣды въ продолженіе дня, или же происходятъ отъ причинъ физическихъ: отъ прилива крови или давленія на извѣсныя части мозга, изъ коихъ каждая, безспорно, имѣетъ свое назначеніе. Связь эту и послѣдствія ея каждый самъ легко можетъ испытать : изучите немного черепословіе, дайте пріятелю по крѣпче заснуть и начните осторожно нажимать пальцемъ — хоть на-примѣръ органъ музыки ; продолжайте, усиливая давленіе, до просыпа спящаго ; тогда спросите его, что ему грѣзилось ? и вы услышите, къ удивленію своему, что ему снилось что нибудь весьма близкое къ предмету этого органа. Это доказываетъ, что физическое вліяніе разнаго рода, зависящее отъ сотни случайныхъ обстоятельствъ, рождаетъ сновъ того или другаго рода, измѣняемый и дополняемый настроеніемъ души, — а мы ищемъ въ нихъ случайностейъ будущую свою судьбу!

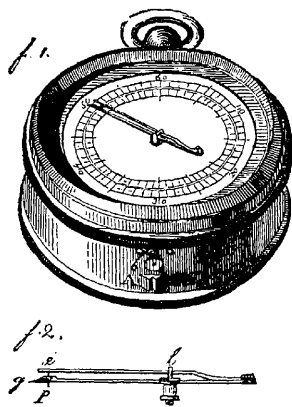
О кудесничествѣ, чарахъ, гаданіи разнаго рода, — сошлюся на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

К. Луганскій.

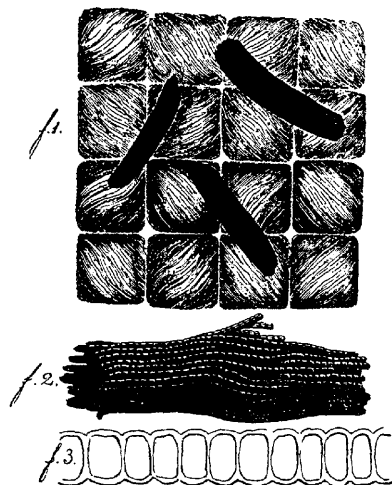
*) Зиланъ — по-татарски змѣя.

Виндзорскій замокъ.

Указатель быстроты движѣнія звука.

Trichodesmium Ehrenbergii

СМѢСЬ.

I.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Съ чего начать? Съ описанія ли Замка Виздорскаго, гдѣ не давно происходилъ историческій балъ Королевы Викторіи, или съ одного изъ замѣчательнѣйшихъ открытій учено-историческаго міра? Балъ, конечно, привлекательнѣе индійскихъ писемъ. Можетъ быть, увлеченный блескомъ затѣйливаго праздника, читатель, для отдыха полюбознѣваетъ узнать, что тамъ сдѣлалось и съ индійскими письмами. Но этотъ балъ былъ уже описанъ во всѣхъ газетахъ; вѣсто бала мы предлагаемъ читателямъ нашимъ гравюру изображающую замокъ Виздорскій — любимѣйшее мѣсто-пребываніе королей англійскихъ. Виздоръ небольшой городокъ въ родѣ нашего Царскаго-Села, на Темзѣ, вблизи Лондона, только тѣмъ и замѣчательнъ, что посреди этого не многолюднаго посада возвышается королевскій замокъ, которому основаніе положилъ Вильгельмъ Завоеватель; въ послѣдующія времена замокъ значительно расширенъ и блистательно разукрашенъ. Въ этомъ то замкѣ и капелла Св. Георгія, гдѣ происходитъ церемонія принятія въ кавалеры Подвязки, но болѣе всего замѣчательна круглая башня, съ которой можно обозрѣвать 12 граествъ.

* * * Пироглифы египетскіе весьма долго были тайной хитрой древности; потомъ нашли къ нимъ ключъ, и стали читать будто книгу, потомъ усомнились въ этомъ чтеніи, теперь только сомнѣваются. Индія и древнѣе и мудренѣе Египта. Многія нарѣчія совершенно потеряны, хотя остались памятники на нихъ писанные; въ особенности множество монетъ покоилось въ музѣяхъ-кабинетахъ съ неразобрашными надписями; Тюнруль на Цейлонѣ искалъ разгадки многихъ вопросовъ относительно индійской древности; и нѣкто Джеймсъ Принцепъ (James Prinsep), въ Калкуттѣ, обратилъ все свое вниманіе на монеты и древніе памятники Индіи; бился, мучился и наконецъ нашелъ ключъ къ чтенію писемъ Дева Нагрія, нарѣчія первобытнаго, но совершенно затеряннаго. Теперь

онъ себѣ преспокойно читаетъ надписи на памятникахъ и мавзолеяхъ древнихъ царей индійскихъ, а на одной бактрійской монетѣ нашелъ чисто греческія имена Агаоока и Панталеона. — Если Джеймсъ Принцепъ сдѣлалъ это открытіе за-правду и ключъ его къ языку Дева Нагрія не героглифическая мистификація, то можно поздравить исторію съ превосходнымъ новымъ источникомъ, который многое совершенно измѣнитъ, многое объяснитъ и пополнитъ въ древнѣйшей исторіи нашей старой земли.

* * * Еще Мерсеннiусъ и Гассенди дѣлали опыты, съ нагрѣтымъ опредѣлнть мѣру быстроты звука. Въ 1758 году парижская академія наукъ нарядила комиссію, которой поручила изслѣдовать этотъ вопросъ. Комиссія представила результаты опытовъ. По свидѣтельству ея звукъ пробѣгаетъ 352 метра въ секунду — если температура воздуха на точкѣ замерзанія. Въ то же время и въ другихъ странахъ ученые дѣлали подобныя опыты; результаты ихъ изслѣдованій были почти тѣ же. Но при этихъ опытахъ упущено было изъ виду движеніе воздуха въ одну или другую сторону; слѣдовало дѣлать выстрѣлы обратные, то есть, стрѣлать почти въ одно время изъ пушекъ, поставленныхъ на двухъ пунктахъ и сравнивать быстроту звука на обоихъ мѣстахъ. Сверхъ того тогдашнее состояніе науки не позволяло устранить всѣхъ препятствій, заключающихся въ самой натурѣ, для подобныхъ опытовъ. Ученые того времени не имѣли еще снгометра, тогда какъ степень влажности воздуха, по всѣмъ вѣтроглядячъ, должна имѣть въ этомъ дѣлѣ не мало важное вліаніе. Комиссія той же академіи въ 1822 году (Фронтъ, Буваръ, Матье, Араго, Гай-Люссакъ и Гумбольдтъ), вооруженные всѣми нужными инструментами: барометромъ, термометромъ, снгометромъ и часами съ пружиной, пускающей въ ходъ и останавливающей стрѣлку — произвели новые опыты и опредѣлили быстроту движенія звука въ сухомъ (— 0) воздухѣ въ 350, 8-м. въ секунду. Голландцы Моль и Фанъ Бекъ въ то же время повторили тѣ же опыты, посредствомъ одновременныхъ и оборотныхъ выстрѣловъ. Быстрота движенія звука равнялась при тѣхъ, условіяхъ температуры и влажности 352, 25-м. въ секунду. Австрійскіе ученые Штампферъ и Мпрбахъ опредѣлили эту же быстроту въ 352, 96-м. въ секунду. — Изъ этого видно, что при-

близительно средняя быстрота движенія звука отыскана, но разницы могли произойти отъ главнаго инструмента, отъ щетки, который долженъ былъ опредѣлять разстояние времени между ощущеніемъ огня и звука. При малѣйшей незначительной неточности инструмента, должны произойти значительныя разности. Для избѣжанія этого неудобства, Брегетъ составилъ инструментъ, который означать путь стрѣлки явственно. Мы представили рисунокъ этого остроумнаго инструмента. Стрѣлка обходитъ кругъ въ одну минуту. Въ указательномъ концѣ стрѣлки отверстие, въ которое входитъ перо или какъ угодно назывите; это перо съ чернилами изъ масла и сажи. Оно не канетъ, но оставитъ знакъ если прикоснется къ циферблату. Перо прикрѣплено къ пружинѣ l — e, которая ходитъ вмѣстѣ со стрѣлкой; пружину эту прижимаютъ другая (Ф. А В) по волѣ наблюдателя. Теперь, при опытѣ, чуть только увидели огонь, прижмите пружину b — она въ свою очередь въ то же мгновеніе придавитъ перо къ циферблату. Услышали звукъ дотроньтесь къ пружинѣ второй разъ и перо опять поставитъ точку. Опыты болѣею частію и съ лучшимъ успѣхомъ производятся ночью, огня ради, почему указатель Брегета заключаетъ въ себѣ рѣшительно всѣ удобства и весьма удовлетворительную точность, которая, впрочемъ, совершенно невозможна наблюдателя. Эти указатели бесспорно принесли большую пользу наукъ; но они могутъ быть весьма выгодно приимены при опытахъ геоэлектрическихъ и въ мореплаваніи. Странствователь и самъ только указатель — обязанность его исполнена, остальное онъ передастъ по принадлежности.

* * * Море Черное, т. е. Красное, получило себѣ такое названіе до Геродота и никто не беспокоился о томъ, почему оно Черное, почему оно Красное; въ старинныхъ атласахъ смѣтливые ремесленники раскрашивали его красной краской, и были ученые, которые считали обязанностію въ путешествіяхъ своихъ окрашивать это море то же краской. Были и другія догадки, весьма хитрыя и страшныя, которыхъ и повторять не будемъ; а ларчикъ просто отворался. Въ 1825 году знаменитый Эренбергъ проживалъ въ Турѣ, близъ Спалы; его удивило странное явленіе: запыль три раза 25 и 30 Января 1828 и 5 Января покрывал-

ся кровью; тогда как море сохранило свой цветъ; Эренбергъ зачерпнулъ этой кровавой воды и нашелъ, что въ ней плаваютъ растенія непсаго рода, *Oscillatoria*, зеленотылая, темнозеленая, но большую частію темнокрасныя. Онъ держалъ ихъ въ стаканѣ. При солнечномъ свѣтѣ они держались на поверхности; ночью погружались на дно. Показаніе Эренберга оставлено безъ особеннаго вниманія, но въ прошедшемъ году Жюфру Сентъ-Пьеръ — получилъ письмо отъ адвоката Эвеноръ-Дюпона съ приложеніемъ. Показаніе Эренберга оправдалось совершенно. Адвокатъ увѣдомляетъ ученаго, что Красное-Море повременамъ дѣйствительно окрашивается какою-то странною растительностію въ оранжево-кирпичный цветъ; что онъ зачерпнулъ этой ликовинной воды; по стоявъ ночь, эта матерія стала темно-фиолетовою, а вода розовою; опасаясь дальнѣйшихъ метаморфозъ, онъ вылилъ воду на кусокъ полотна: вода ушла, матерія осталась, каковую онъ и препроводилъ на разсмотрѣніе ученаго міра. Г. Жюфру передалъ письмо известному ботанику Доктору Монтану, который тотчасъ принялъ гостей въ руки, назвалъ въ честь Эренберга *Trichodesmium Ehrenbergii* пришлося разсматривать въ микроскопъ. Не угодно ли и вамъ посмотрѣть въ микроскопъ на эту древнѣйшую причину названія Чернаго-Моря. Ф. 1. Трихodesmium на полотнѣ, увеличенное въ 50 разъ, и лежащее въ пучкахъ; каждая его прядь въ две толще нитки полотна, на коемъ покоится. Фигура 2. Пучекъ, отдѣльно взятый и увеличенный въ 160 кратъ. Фигура 3. Одна розочка растенія, увеличенная въ 800 разъ. — Должно, однако же, замѣтить, что не одно это море окрашивается такъ кроваво; есть берега Новой Гвіаны, Короманделя и другія мѣста, у коихъ море принимаетъ такой же цветъ. — Простой народъ сказалъ бы, по просту, море цвѣтетъ, съ тою только разницею, что у Краснаго Моря и цвѣтки красныя. — Впрочемъ, намъ кажется, что здѣсь рѣшена только часть вопроса. Предлежитъ еще натуралистамъ сдѣлать наблюденія, когда показывается этотъ феноменъ. Въ цѣломъ Эренберга можно замѣтить, что феноменъ возобновляется периодически. Сверхъ того весьма любопытно бы знать, отъ чего на солнцѣ трихodesmiumъ тянется вверхъ, а въ темнотѣ упадаетъ; можетъ быть свѣтъ управляетъ его движеніями безъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

* * * Вѣроятно вы скажете: «довольно этихъ ученыхъ трихodesмовъ, разскажите что нибудь о театрѣ, музыкѣ, художествахъ. Не требуйте невозможнаго. Театровъ совсѣмъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ. Всѣ заперты, или лучше сказать открыты, но пусты; ничего новаго; даже въ Парижѣ появилось только одинъ новый водевиль, но тотъ такой длинный, что ни одинъ журналистъ не могъ дослушать и потому ничего объ немъ не сказалъ. По части музыки — строятъ монументъ Веберу; на театрахъ даютъ особенныя для того представленія и собираютъ не мало денегъ. Хотя и послѣ смерти, все, однакоже, утѣшительно. Для каждаго великаго художника есть свое время. Рѣдко это свое время приходится при жизни художника; обыкновенно случается оно послѣ смерти. Теперь между прочими разными временами, время и Вебера. До того взволновали великаго мастера, что онъ не могъ уложить спокойно въ могилу и пѣз гробъ прислалъ на этотъ свѣтъ почти оконченную имъ оперу подъ заглавіемъ: «Аль на землѣ. — Оперу свою адресовалъ въ Лондонъ, который былъ для него точно адъ на землѣ. — Живой Веберъ изъ учтивости не писалъ этой оперы, что математически доказано во многихъ измѣдкихъ журналахъ. Онъ жилъ въ Лондонѣ у Сиръ Жоржа Смарта; искренній другъ Вебера, феиситъ Фюрстену поставилъ ему пластырь на грудь и просилъ позволенія провѣстично у постели больного; но Веберъ обидѣлъ друга и сказалъ: «Ступай съ Богомъ, мой добрый Фюрстену, спи покойно, а мнѣ теперь очень хорошо. Вотъ послѣдніе слова Вебера. Онъ заперъ, по обыкновенію, двери изнутри и потушилъ свѣчу. Утромъ Смартъ послалъ за Фюрстену. Тотъ приближалъ, томный страшнымъ предчувствіемъ. Смартъ блѣдный, взволнованный, встрѣтилъ Фюрстену, объявляя

ему, что къ Веберу не могутъ достучаться; пошли оба къ его дверямъ, ключъ торчалъ въ замкѣ, на крепъ никакого отвѣта, двери сломаны, Фюрстену вошелъ первый. — Веберъ — мертвый сплѣтъ въ постели, облокотясь головою на руку, въ лицѣ никакого признака страданія. Съ помощію врача оказалось, что онъ тихо и спокойно умеръ отъ нарыва въ груди. — Бумаги были тотчасъ опечатаны, но тогда еще оперы Аль на землѣ не было. Она появилась въ домѣ Смарта теперь; говорятъ, что секретаремъ у Вебера послѣ смерти былъ сынъ Смарта, порядочный музыкантъ, но онъ столько совѣтливъ, что этой оперы за свое сочиненіе выдать не хочетъ, утверждая, что подлѣ именемъ Вебера она непремѣнно будетъ имѣть успѣхъ; подлѣ именемъ же Смарта — никакого.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ

ВЪ

несколько писемъ.

I.

Я здѣсь. Я на мѣстѣ. Поль разбираетъ вещи, укладываетъ ихъ на стульяхъ моего номера, въ которомъ все въ отличномъ порядкѣ. Во-первыхъ стою, на которомъ перочиннымъ ножикомъ вырѣзано нѣсколько именъ: Иванъ Ивановичъ Колечковскій, А. Д. С.; тутъ же: о Измѣшница, и тому подобное и того хуже, *во-вторыхъ*; постель, недоконченное произведеніе столярнаго художника; должность двухъ ножекъ исправляетъ самѣйка, на которой покоится лишкѣ кровати; а самая постель покрыта ситцевымъ одѣяломъ пьюсоваго цвѣта. Что подлѣ нимъ скрывается, не вѣдаю; надъ постелью висятъ заваѣски дымнаго существа и цвѣта... Есть и софа или такъ называемый голландскій диванъ, безъ пружинъ, нѣчто въ родѣ овра добровольныхъ труженниковъ. — Стулья всѣ или безъ ногъ, или безъ переплетенія сидѣнья. Словомъ квартира богатая; бумага у меня была съ собой, но за чернильницей и черномъ бѣгломъ, кажется, въ почтовую контору; чернильница съ ничтожнымъ усербюмъ, а перья квачи хоть колеса мазать; но я далъ слово писать, плачу и пишу.

Что-то Богъ дастъ. А закладъ, братъ, выиграю. Завтра же разряжусь въ пухъ и отправлюсь къ губернатору, предводителю и т. д.: Праготовляй денежки и шампанское. До свиданія!

Твой Евгенийъ.

II.

Губернаторъ принялъ меня очень милостиво, обласкалъ и просилъ обѣдать. Предводитель тоже т. е: обласкалъ и просилъ обѣдать. Помѣщикъ Иколоткинъ, здѣшняя знаменитость знатность — тоже, т. е: обласкалъ и просилъ обѣдать. Что за хлѣбосольная сторонака, что за гостеприимная провинція; жалъ, что отлутокъ на 28 дней, а то бы я тутъ прообладалъ круглый годъ. Но не въ томъ сила, а закладецъ, любезный, идти на залъ; за обѣдомъ у губернатора я завелъ искусно рѣчь о женихахъ и невѣстахъ; нашлись добрые люди, всѣхъ пересчиталъ; при этомъ были и фельетонныя статейки, о красотѣ, приданомъ и прочее. Отличная надежда, но во всякомъ случаѣ готовъ денежки и шампанское. Всего-то три недѣли съ небольшимъ сроку. Прощай пока, ѣду на вечеръ къ Иколоткину.

Твой Евгенийъ.

III.

Еще рано. Я сильно взволнованъ. Жалю, что такъ неосторожно пощупалъ и готовъ бы отказаться отъ заклада. Вечеръ былъ на славу: все губернерское общество было въ сборѣ. Предводительша, предводала дамами. Что за женщина! Роскомъ и очарованіе! Красота странно дѣйствуетъ на челоуѣка; это магнитная сила, но въ грубость и колоссальномъ видѣ; увидать пышную красавицу для меня все равно, что ступить на магнитную скалу. Но когда эта красавица при томъ еще обладаетъ талантами, блестящимъ умомъ, красной рѣчью, когда умѣетъ все это освѣтить улыбой кетатп, отуманить умѣстною задумчивостію, — тогда вліяніе женщины подобно — ужъ незнаю чему? хребту магнитныхъ горъ... Чудо, не предводительша. Ростомъ съ тебя, талія стройная, бѣлизны необычайной, но не бѣдная красавица нашихъ мѣстъ, гдѣ танцы до утра выбьютъ изъ дѣвушки и замузней всякую жизнь и потянутъ желтзной мловданное личико. Нѣтъ — предводительша полнѣй, но нѣжный цвѣтокъ. Глазки, губки, или лучше сказать глаза, губы — какъ, у Семпримиды, потому что Семпримиды, повесть втроятімъ, была цѣлой головою выше всѣхъ женщинъ и двумя верхками пространствъ въ объемѣ. Это истинна историческая. Обръ этомъ спорить нечего. И представь, ко всему этому, она еще и называется Клеопатра Кирилловна. Вотъ Кирилловна-то не совсѣмъ хорошо, но при Клеопатрѣ этотъ ничтожный недостатокъ совершенно исчезаетъ... Я былъ столько счастливъ, что Клеопатра обратила на меня тотчасъ свое вниманіе.

— Давно ли вы изъ Питера? спросила она голосомъ, подобнымъ сочетанію тысячи сладкогласныхъ арфъ, потому что у нея густой котральтъ.

— Забылъ... отвѣтилъ я, пожирая предводительшу взорами. И представь себѣ остроуміе этой женщины. Она тотчасъ смѣкнула, на что я намѣкаю. Она опустила глаза и сказала...

— Такъ постарайтесь вспомнить!

Тутъ и пошелъ разговоръ. Музыканты проиграли начало контрданса, но никто не смѣлъ начинать, потому что предводительша разговаривала со мною, а я — о, да это просто чудо, не женщина, какой умъ, какое воспитаніе, сколько знаний. и о музыкѣ, и о театрѣ, и о картинкахъ... Колдовство, колдовство! Натурально я танцовалъ только съ ней; въ мазуркѣ мы до того заговоривались, что пропустили очередь; за ужинкомъ я служилъ Клеопатрѣ, словомъ — я влюбленъ по уши. Жоржъ! Сжался надъ моимъ положеніемъ. Разойдемся!

Твой Евгенийъ.

IV.

Я былъ у нея съ визитомъ. Она меня приняла въ утреннемъ костюмѣ, который до того возвышалъ красоту ея, что, право, ей Богу, это египетская Клеопатра. Зачѣмъ я Евгенийъ, а не Антоній! И что же въ этомъ во всемъ толку! Она замужняя женщина, она принадлежить другому, пустьшему, глуному, ничтожному богачу, который сидитъ дома съ своей подагрой и раскладываетъ грань-пасансъ, съ утра до вечера, въ своемъ кабинетѣ, куда допускается только одинъ секретарь. Само собою разумѣется, что секретарь и жена утверждаютъ будто Илья Ильичъ по уши въ дѣлахъ, а онъ имеетъ старья карты. Несчастная! И она осуждена скучать иногда по недѣлямъ, въ особенностях, когда дурная погода. Она мѣя жаловалась на скуку и, кажется, намѣкала, чтобы я постарался разогнать эту скуку. Но, знаешь, такъ, издали, чуть-чуть, едва можно догадаться. Надо имѣть мою смѣтку, чтобы понять такую тонкую дѣшнину... Наврѣмьр она послѣдѣдъ сомной чет-

верть часа, поговорила, полюбезничала и встала. Умно! Ужасно умно! Я могъ засидѣться въ первый вѣзть, а это было бы и неблаговидно и нерасчетливо. Я откланялся и ушелъ. Жоржъ! Что же ты не пишешь? Согласенъ ты бросить нашъ закладъ, или нѣтъ? Ожидаю скорого и рѣшительнаго ответа...

Твой Евгенийъ.

Р. S. У меня есть соперникъ! Я открылъ его сегодня! Ревность! О я теперь понимаю и эту адскую страсть, которая прежде казалась мнѣ вымысломъ поэтовъ... Написавъ письмо къ тебѣ, я пошелъ прогуляться по городу вмѣстѣ съ моей Клеопатрой (въ умѣ). Забрелъ я очень далеко, попалъ въ какой-то садъ; наткнулся на оранжерею, и представъ, Жоржъ, я нашелъ тамъ человѣка среднихъ лѣтъ, довольно пріятной наружности, порядочно одѣтаго; онъ кричалъ на садовника во все горло: «Проворчѣ, проворчѣ поворачивайся! Клеопатра Кирилловна только и ждетъ букета! Карета давно у крыльца... Я обещалъ доставить въ три мига. Ну, спасибо! За мной! Послѣ расплачусь...» И бѣгомъ злодѣй бросился изъ сада; я за нимъ — но куда; онъ бѣжалъ какъ гонимый; на поворотѣ въ одну изъ улицъ я встрѣтилъ карету; тамъ сидѣла Клеопатра, въ рукахъ — букетъ! О я узналъ букетъ, узнаю и соперника. Возвращаюсь въ оранжерею, иду садовника. Послушай, говорю ему, хочешь денегъ? — Онъ глазомъ посмотрѣлъ на меня. Хочешь денегъ, то ты долженъ сказать, кто былъ сей-часъ здѣсь, кто купилъ у тебя букетъ?...

— Мало ли кто сегодня покупалъ букеты. Сегодня на хуторѣ у Ермолаевскихъ банкетъ...

— Кто послѣдній?

— Послѣдній Ордыпочкинъ былъ, тоже съ хутора, только съ другаго. Онъ часто закупаетъ; видно — волочится за барышней какой...

— За барышней! проворчалъ я сквозъ зубы, сунулъ садовнику полтинникъ и представъ мою дерзость! Я досталъ изъощника и вѣду на хуторъ, на банкетъ. Вотъ только не хочу пропустить почти... Запечатану письмо и вѣду...

Милостивая Государыня

Наталья Клементевна!

Только нынче поблагополучномъ нашемъ прибытіи въ этотъ городъ могу я изъясненіемъ моего почитанія и душевной преданности къ Вамъ и всѣмъ вашимъ принести нѣкоторое поздравленіе, здравія желаніе, а также на правахъ поспѣшенія, почпая за пріятный долгъ увѣдомленіемъ о себѣ не оставлять васъ безъ моего почтеннаго вниманія, въ глубочайшемъ ожиданіи осмѣливаю себя ласкать тѣмъ чтобы надѣяться, что и вы пришлете комѣтъ отъ вастъ корреспонденцію въ деликатныхъ комплементахъ, какъ всегда изволите на кухню, или въ дѣвичьей, какъ прилучится сопроводить мое присутствіе. Баринъ мой Его Высокоблагородіе Евгенийъ Сергѣичъ воспламенялъ такимъ сильными сердечнымъ чувствованіемъ и такою уморительною любовью, что я чувствую себя въ большой опасности, чтобы головѣ и душѣ ущербъ не приключился, до того что и на счетъ свой несомнѣнно покойно разсуждаю, для того что въ азартѣ бросаетъ около меня руками не употребляя разбирательства, что не значай и по физиономіи задрѣть можно. Сего дня нанялъ онъ парня дрожи на хуторъ, гдѣ вѣроятно будетъ театръ представляться, потому что баринъ Его Высокоблагородіе Евгенийъ Сергѣичъ, все толковалъ про меня себя о букетѣ. Видно какая актера его за живое уцѣпился чего съ большимъ недоумѣніемъ боюсь, потому что и въ суммѣ нашего содержанія

произойдетъ большой неурядокъ а я буду почти бѣганы и хожденію, обремененъ лишними заплатами. О знакомствахъ моихъ считаю себя въ крайней обязанности почтить васъ нижайшимъ увѣдомленіемъ, что женскимъ дамъ никакихъ не вижу, и не встрѣчаю, и если изъ шмера которая имѣетъ по коридору ходъ, я сей часъ укрываюсь за двери, или уходя въ буфетъ, куда дамамъ вѣтъ никакого позволеннаго хода. По части же мужскаго пола, я имѣлъ честь заключить знакомство съ Ермолаемъ Никитичемъ, карменднеромъ Его Благородія Льва Кириллыча Полкованчикова, который тутъ по части службы лошадей добродѣльныхъ большимъ деньгами покупаетъ и ктомуужъ удѣльныхъ дамъ служебныхъ и оставившихъ въ большомъ высокопочитаніи, и говорятъ на счетъ такъ скажутъ любви, имѣетъ съ нимъ аккуратныя дѣла и весьма фамиліарное поведение. Ермолай Никитичъ отъ того не безъ доходнаго положенія и по дружеской комѣтъ любви — вчера сказывалъ что Льва Кирилловича сама предводительша больно жалуется и что его благородіе съ позволенія сказать, дуракъ и болванъ, потому что имѣя такой случай и репутацию, за Авдотьей Семеновной пристрастное хожденіе имѣетъ, больше потому что Авдотья Семеновна вдовствующая помѣщица имѣетъ большіе движимые и недвижимые капиталы и другія суммы, и ктомуужъ съ большою красотою, и придалымъ... Ермолай Никитичъ стоитъ за предводителюшу, и барину своему объ ней всякія пріятныя вѣсти рапортуетъ, но послѣ не благороднаго съ нимъ обхожденія съ рукоприкладствомъ, похвалы свои передаетъ мнѣ, для того, какъ говорить, что не любить брать денегъ даромъ. Находясь въ опасной мысли, что-бы его высокоблагородіе не вернулся и станетъ ругаться, зачѣмъ я его бумагу беру и его перомъ пишу, потому что онъ изъ всякой драки и себя и меня огорчаетъ, я долженъ окончаніемъ написать и поручить себѣ истинному моему почтенію и самой отличной преданности, съ чѣмъ вѣчнымъ вашимъ протекторомъ и обожаемымъ и слугою пребуду, до скончанія вѣка и живота моего погробъ моей жизни до самой могилы чего и вамъ желаю милостивая государыня, покорнѣйшіи вашъ слуга Павелъ.

(Сообщено изъ провинціи. Продолженіе общаго).

ПЕРЕНЕСКА.

Г. Шестакову въ Тѣлпесъ. Увы! И у насъ сердце болитъ, когда получаемъ иностранныя иллюстрированныя изданія, сложенные въ четверто; но что же дѣлать? Это неудобство сопряжено со всѣми почтовыми пересылками газетъ, и тогда только устранимъ, когда желѣзныя дороги пробѣгутъ во всѣхъ направленіяхъ по блѣму свѣту. Впрочемъ, мы дѣлаемъ опыты выглаживанія сложенныхъ газетъ и о результатахъ увѣдомимъ.

II. С. Статья, подписанная этими буквами и доставленная неизвѣстно откуда, можетъ быть припята, если авторъ дозволитъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія.

О. П. Старая пѣсня. Знаемъ, кто ее поетъ.

Б—ву. Постараемся оправдать ваше лестное довѣріе, и по святителю рисунковъ съ вашего дорогаго альбома, возвратимъ его въ совершенной цѣлости и сохранности.

ИГРЫ.

«Дѣлу время, а потѣхѣ часъ», сказалъ царь Алексѣй Михайловичъ въ припискѣ къ уставу о соколиной охотѣ. И дѣйствительно, отъ дѣльныхъ занятій, если у кого они во множествѣ, нельзя отдохнуть въ бездѣйственномъ досугѣ; мысли не оставить васъ и на прогулкѣ и въ бесѣдѣ; ихъ дѣятельность будетъ продолжаться не менѣе какъ и во время труда, истомившаго ваши умственные силы; игры принудимы весьма остроумно, для того, чтобы, занявъ ваши нравственные силы пустяками, увлечь на нихъ ваше вниманіе, убавлять,

усыпить разумъ, лишить его полной дѣятельности. Онъ въ игрѣ работаетъ также, но какъ будто малою частицею всего своего существа; въ прочія его части пребываютъ въ полномъ покоѣ. Само собою разумеется, что это относится только до коммерческихъ игръ, и то не до всѣхъ; азартныя же игры — напротивъ, полнуя кровь вашу несумѣренно, не даютъ покоя ни нравственнымъ ни физическимъ силамъ, и кромѣ другихъ зловредныхъ качествъ, губительно дѣйствуютъ на здоровье. Игра вообще стара, какъ міръ. Играть Индійцы по санскритски, игральн Египтяне и въ играхъ ихъ принимали участіе іероглифы; Греки играли отчаянно, Римляне во всемъ имъ подражали; но больше всѣхъ вѣковъ — игралъ среднійвѣкъ, отъ всѣхъ возможныхъ фортунокъ и картъ. Игра азартная, игра на достояніе, на жену, даже на свободу шла во всѣхъ странахъ, а между тѣмъ вспомните, что въ среднемъ вѣкѣ вся Европа была разбросанный лагерь. Зло переливалось черезъ край, и тогда возбудило вниманіе благомыслищихъ. По, увы, эти преслѣдователи были писатели, а игроки не умѣли читать. Да и самые писатели играли и не всегда сдѣлывали собственныя совѣташа. Кочующій фламандскій медикъ Пасказіусъ Юстусъ, въ Навинъ, проигралъ и написалъ сильную, умную диссертацию противъ игры; преслѣдуя зтогъ недугъ столь краснорѣчиво, докторъ хворалъ тою же болѣзнію до смерти. Онъ между прочимъ разсказываетъ, что одинъ Венеціанецъ до того любилъ игру, что желалъ участвовать въ ней послѣ смерти, въ свѣдѣствіе чего и завѣщалъ, чтобы кожно его покрыли игорный столъ, а изъ костей сдѣлали игральныя кости! Послѣ этой диссертации можно бы насчитать нѣсколько тысячъ сочиненій противъ игры, но кому любопытна эта библіографическая номенклатура? Иоаннъ Барбейракъ, пѣздѣстный профессоръ права, написалъ превосходный трактатъ объ играхъ изъ личной местности. Онъ жилъ у тещи и занимался въ той комнатѣ, гдѣ хозяйка принимала гостей. Каждый день съѣздки приходили къ тещѣ и затѣвали игру. Это бы еще ничего; но съѣздки спорили, шумѣли и призывали на судъ Барбейрака. Онъ бросалъ свои in folio, вникалъ въ споръ и давалъ судъ и расправу. Наконецъ, терпѣліе ученаго истощилось. Однажды, измученный съѣздками, онъ стукнулъ ногой и гнѣвно сказалъ: «Я напишу трактатъ противъ игры.»

Барбейракъ сдержалъ слово. Его умное сочиненіе, составленное добросовѣстно, можно читать и теперь съ удовольствіемъ. Правда, оно нѣсколько учено; въ этомъ отношеніи сочленіе Дюсо (Dussault) имѣетъ большое преимущество передъ трудомъ Барбейрака. Въ немъ тѣмъ анекдотовъ, мелочей историческихъ, изъ которыхъ многія мы читали въ историческихъ романахъ, не подозрѣвая ихъ источника.

Францискъ I имѣлъ намѣреніе учредить особый игорный судъ. При Генрихѣ IV, который самъ любилъ игру, можно сказать страстно, свобода игроковъ достигла высочайшей степени; образовались игорныя академіи. Римские востались противъ дуэлей и азартныхъ игоръ; ему удалось обуздать, но не уничтожить, эти два чудовища. Но во время малолѣтства Людовика XIV, Мазарини ввелъ игру при дворѣ и притомъ азартную. Яблоко, бильярдъ и всѣ другія игры были заброшены. Всѣ играли въ азартныя игры, и больше всего дамы. Десо разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ какъ великую игру, гуляя пѣшкомъ, или въ экипажахъ; при входѣ въ театръ играли на билеты въ спектакль; играли по снѣ... Однѣмъ прогрокъ былъ въ проигрышѣ, но не могъ устоять противу сна, такъ уже былъ измученъ предшествовавшими подвигами; онъ просилъ противника играть за него, его же лѣвою рукою, а самъ заступилъ и натурально проигралъ пропасть; поселане играли отчаянно; одинъ, на порогѣ своего жилища проигралъ хлѣба на 3 т. фр. Людовикъ XIV унялъ этотъ пожаръ, но онъ, въ послѣдствіи, нѣсколько разъ возобновлялся. — Къ несчастію эта болѣзнь почти неизлѣжима, какъ и всякая крайняя, какъ и всякій порокъ. Она вѣщаетъ въ желѣзной рукѣ закона; но едва устанетъ эта рука — она оживаетъ. Впрочемъ, мы того мнѣнія, что мѣ-

ры нравственныя приносятъ и тутъ нѣкоторую относительную пользу; невозможно думать, чтобы нѣкоторые пѣсы, написанныя противу игрокъ, не оказали добраго дѣйствія, хотя и на немногихъ; не повѣривъ, чтобы Игрокъ Ренъара, Бѣгство Фараона или Картежницы въ отчаяніи, Данкура, Беверлей Сорена, тридцать лѣтъ или Жизнь Игрока, Викторя Дюканжа, Игрокъ Импалда и даже Игроки Гоголя, не принесли нѣкоторой пользы, незамѣтной, но не менѣе того дѣйствительной, заронивъ въ душу неиграющаго еще поколѣнія отвращенія къ игрѣ, чувства осторожности противу ловушекъ и другихъ полезныхъ ощущеній. Игры должны быть — средствомъ отдохновенія умственныхъ силъ, шуткой, забавой и потому намъ правится, утопическая впрочемъ, мысль Доктора Лади, чтобы установить на всѣ коммерческія игры таксу, напримеръ для бостона призъ опредѣлить не свыше серебрянаго гроша, для виста не свыше талера и т. д. — Не одні карты, и другія игры точно также, и еще съ большимъ вредомъ, могутъ быть употреблены во зло, напримеръ лото, которое положительно можно признать игрою раззорительною, какъ и всѣ денежныя лоттереи, противу которыхъ вооружаются всѣ благомыслящіе. Главнойгорь останутся на всегда шахматы, именно потому, что здѣсь огромный проигрышъ невозможенъ, всякій азартъ, случай, счастье и проч. въ сторонѣ. Тутъ ужъ если и случаются злоупотребленія, то совершенно пнаго рода. Въ послѣдніе годы царствованія Киа-Кинга, въ Китаѣ, того самаго, что играли у насъ на театрѣ, богатый Китаецъ, по имени Чу, страстно любилъ шахматную игру, но съ тѣмъ вмѣстѣ покои и неподвижность. Онъ ухитрился, раскрасилъ полъ въ шашечницу, одѣлъ рабовъ конями, слонами, ладьями, мальчиковъ пѣшками, устроилъ на двухъ противоположныхъ сторонахъ зала хоры и, сидя на нихъ неподвижно, только возглашалъ: «Конь! перескочи впередъ на право!» и рабъ прыгалъ; но Киа-Кингъ разсердился и сослалъ Чу на рѣку Амуръ, гдѣ онъ по неволѣ сталъ самъ прыгать отъ непогоды и нужды.

У насъ, въ Европѣ, теперь шахматы въ большой модѣ. Во многихъ городахъ устроились шахматные клубы, которые ведутъ черезъ переписку войны, весьма занимательныя; издаются журналы, напримеръ «Паламедъ», въ которыхъ помѣщаются только шахматныя статьи. Забава тихая, мирная, умная — и безвредная, не раззорительная. Мы не безъ умысла въ каждомъ номерѣ помѣщаемъ шахматный случай; потому что даже въ провинціяхъ замѣчаемъ наклонность къ этой игрѣ. Многие сообщаютъ намъ свои разрѣшенія, не всегда въ попадъ, но это означаетъ, что шахматы интересуютъ многихъ. Сожалѣемъ объ одномъ, что досихъ поръ мы заимствуемъ эти случаи изъ иностранныхъ источниковъ, тогда какъ сами имѣемъ отличныхъ игроковъ. Изъ нихъ Г. Петровъ, который удостоилъ иллюстрацію сообщеніемъ забавной сцены (№ 10), извѣстенъ за границей и обогатилъ шахматную литературу весьма хорошимъ сочиненіемъ. И такъ, займемся по нашему обыкновению. Разрѣшимъ задачу, помѣщенную въ 12 номерѣ.

БѢЛЫЕ.

- 1. Фер. на 5. и. Сл. Кор.
- 2. К. Фер. на 7. и. Ф.
- 3. П. Кошъ Короля 1. и. и Матъ.

ЧЕРНЫЕ.

- Кор. беретъ Фер. на 2. и. сово.
- Кор. на пром. и.

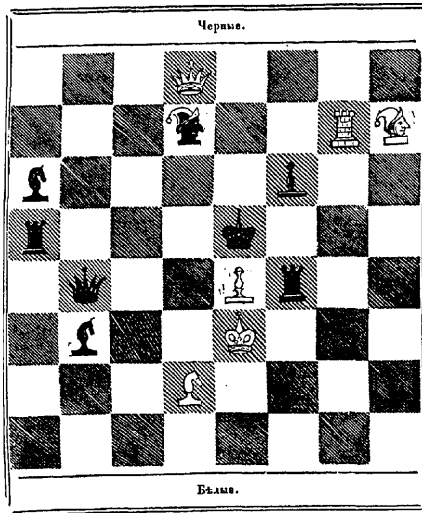
ИЛИ

- 1. Фер. на 5. и. Сл. Кор.
- 2. Ф. на 7. и. св.
- 3. Ф. на 6. и. Кор. и матъ.

- Кор. на 2. и. сово.
- Кор. на пром. и.

ЗАДАЧА № 13.

БѢЛЫЕ ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

РАЗГАДКА № 12.

Есть разные ключи къ вратамъ фортуны.
Есть разные ключи къ вратамъ фортуны.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавца Свѣтшаникова и Баунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ NN 4—5.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Нумеръ 13-й опоздалъ выходомъ, по причинѣ во все не зависѣвшимъ отъ Редакціи. Просимъ извиненія, и увѣряемъ, что эта невольная остановка не имѣетъ никакого вліянія на дальнѣйшій выходъ Нумеровъ. Первая форма No. 14-го уже печатается. Часто, особенно въ изданіяхъ подобнаго рода, бездѣлица — лишаетъ возможности печатать весь Нумеръ на цѣлый день и болѣе.

ЗАГАДКА № 13.

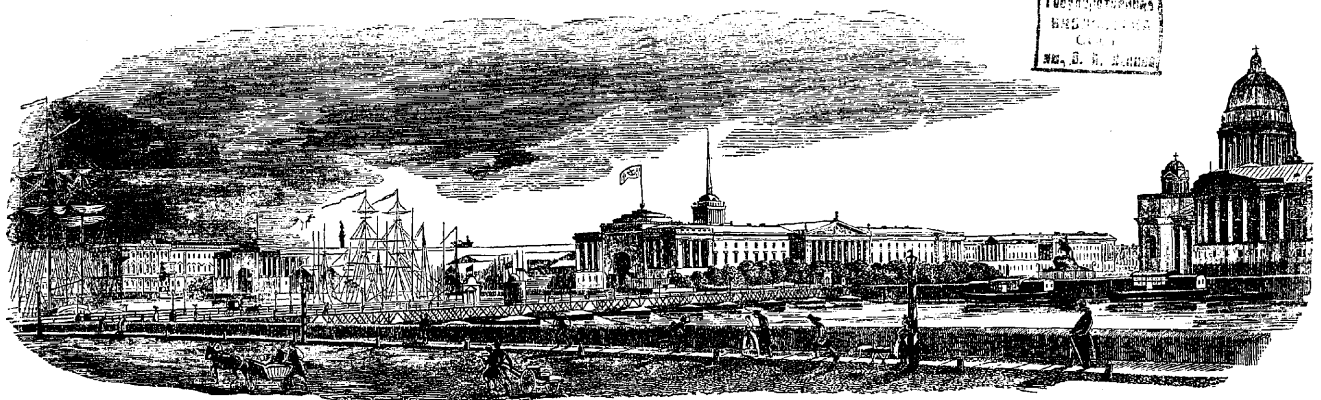
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Софійскій Соборъ. Е. П. Ковалевскаю. 2) Ежедневникъ. 3) Двѣ Палки. разсказъ М. Ф. К. 4) Иоанна д'Аркъ. ст. 2. 5) Бумага. — 6) Вѣтний Жидъ, Типы Гаварни. 7) Три вѣтрыя разсказъ окончаніе. 8) О повѣркахъ, суевѣркахъ и предрасудкахъ Русскаго народа (ст. 4.) К. Луанскаю. 9) Смыслъ. Странствователь по чужимъ изданіямъ (пять статей). Закладъ. Романъ въ немногихъ пѣсняхъ. — Переписка. — Игры. Шахматы. Объявленіе. Отъ Редакціи.

ГРАВИОРЫ : 1) Видъ Сибирска. 2) Памятникъ Н. М. Карамзину. 3) Крытый переходъ въ Нантъ 4) Биржа въ Лондонѣ. 5) Типы Гаварни (двѣ гравюры) 6) Виндзорскій Замокъ. 7) Указатель быстроты движенія звука. 8) Taichdesonium Ehrenbergii. 9) Шахматы. 10) Загадка. Всего 12. Гравюры.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

С доставкой На годъ 11 р. 43 к. сер. Т. I. № 14.—Суббота, 7 Июля 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

СЛУЧАЙ И КЛЕВЕТА.

Рассказъ Вильгельмина Вилмаръ.

I.

Я поѣхалъ въ Б***, рассказывала однажды Леопольдъ фонъ Алябахъ своимъ друзьямъ, — чтобы переговорить о своихъ дѣлахъ съ моимъ повѣреннымъ, свѣтлинкомъ юстиціи Бернеромъ. Я былъ у него, когда слуга доложилъ о камергерѣ Рейхѣ.

— Этотъ старый волокита, вѣроятно, пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, чрезвычайно для меня важнымъ; позвольте попросить васъ зайти къ моей дочери, только на нѣсколько минутъ.

— Хотя на нѣсколько часовъ, если вамъ угодно, отвѣчалъ я и ушелъ въ сосѣдную комнату.

Генриетта сидѣла за пильцами; она была въ простомъ, но очень милымъ утреннемъ платьѣ. По ея приглашенію, я сѣлъ возлѣ пилецъ. Истощивъ общія мѣста о погодѣ, одождѣ, о вѣтрѣ, я заговорилъ объ работѣ, которою она занималась и, вываляя искусство и вкусъ нашихъ дамъ, я осмѣлился, однакожь, замѣтить, что прабабушки наши были еще искуснѣе во всѣхъ дамскихъ рукодѣльяхъ.

Генриетта не соглашалась съ этимъ мнѣніемъ; не оспаривая у старинныхъ рукодѣлій большей прочности, она однакожь утверждала, что новѣйшія работы дамскихъ рукъ имѣютъ болѣе вкуса и пріятности.

Разговоръ оживился. Я не уступалъ и, шутя, замѣтилъ, что злые языки, сравнивая легкость и воздушность работъ нынѣшнихъ дамъ съ прочными вѣковыми рукодѣльями нашихъ бабушекъ, могутъ найти предметъ для сравненія ихъ характеровъ.

Въ жару разговора я облокотился на спинку кресла Генриетты, когда камергеръ Рейхъ, изъ любопытства, полуотворилъ дверь, къ которой мы сидѣли спиною, и заглянулъ въ комнату. Генриетта поспѣшно встала; я тоже, а Рейхъ, съ довольнымъ видомъ человека, открывшаго какой-нибудь секретъ, проговорилъ:

— Извините, я здѣсь лишній; поспѣшно затворилъ дверь и удалился.

Я посмотрѣлъ на Генриетту, Генриетта посмотрѣла на меня и мы готовы были разсѣяться, какъ вдругъ, вспомнивъ о моемъ предстоящемъ бракѣ и о зломъ языкѣ камергера, я испугался, чтобы онъ не наговорилъ какихъ-нибудь сплетней. Генриетта, казалось, задумалась о томъ же; она

поглядѣла и безпокойство, выразившееся на ея лицѣ, заставило меня догадаться, что и она имѣетъ причины болѣться сплетней. Я хотѣлъ бѣжать за Рейхомъ, чтобы объяснить ему, что онъ ошибался; но она угадала мое намѣреніе и удержала меня, сказавъ, что подобный поступокъ увеличитъ только зло, потому что этотъ человекъ способенъ принять искреннее объясненіе мое за пустыя отговорки.

Вернеръ, простившись съ камергеромъ, пришелъ за мной, чтобы продолжать наши переговоры. Я думалъ, что Генриетта расскажетъ все отцу; но она промолчала, а потому и я долженъ былъ поступить также.

II.

Занятія мои по мнѣнію не позволяли мнѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ѣхать въ Б***, навѣстить мою невесту, Клементину фонъ Блюмеръ; но я писалъ къ ней часто и удивлялся лаконизму и даже сухости ея отвѣтовъ; а потому, лишь только послѣдніе слоны моей жатвы были убраны въ житницы, я сѣлъ на лошадь, поспѣвая въ городъ и явился къ ней.

Самый ледяной пріемъ отъ матери и дочери. Произошло что-то необыкновенное, и не могъ въ томъ сомнѣваться. Я просилъ объясненія у Клементины; она ушла изъ залы, бросивъ на меня презрительный взглядъ; тогда я обратился къ будущей своей тещѣ, чтобы она объяснила мнѣ непонятную для меня загадку.

Фрау фонъ-Блюмеръ начала чуть не съ перваго грѣха нашей общей прабабушки и, вѣроятно, для того, чтобы умѣрить мою нетерпѣливость, пустила мнѣ доказывать, что первый грѣхъ былъ совершенъ не женщиной, а мужчиною; наконецъ послѣ безконечныхъ разсужденій, она намекнула о проститетѣ, разсказавъ мною выше. Я засмѣялся, разсказавъ ей все дѣло и бралъ въ свѣдѣтели самаго Вернера, который просилъ меня зайти на минутку къ его дочери.

Слова мои въ выраженіе искренности убѣдили мать, которая поспѣшила помиритъ меня съ Клементиною; однакожь я замѣтилъ, что послѣдняя, не смотря на всѣ мои увѣренія, все еще сомнѣвалась; мнѣ даже казалось, что она была бы довольна, еслибъ я и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ причину просить у нея прощенія.

Чтобы доказать ей, что я принималъ гнѣвъ ея за чувство нѣжной ревности, я сталъ просить

фрау фонъ-Блюмеръ, чтобы она поспѣшила нашей свадьбой; но она пустилась исчислять мнѣ все, чего не доставало еще къ приданому, начиная отъ столоваго бѣлья до ночныхъ чепцовъ, недостававшихъ еще швей. Тщетно увѣрялъ я ее, что въ моемъ домѣ все устроено для пріятія молодыхъ супруговъ; она говорила, что не хочетъ сдѣлаться посмѣшищемъ дѣлага города и что Клементина должна вступить въ новое свое жилище съ полнымъ приданымъ.

Я не чувствовалъ въ себѣ гигантской силы, необходимой для побѣжденія прихотей женщины; я согласился на все, чего отъ меня требовали, и спокойно воротился къ себѣ, въ деревню.

Дорогой я издала увидѣлъ ассессора Брауна, одного изъ моихъ пріятелей, и хотѣлъ подѣлаться къ нему, но онъ прищорилъ свою лошадь и своротился въ сторону, вѣроятно, чтобы не встрѣтиться со мною. Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе, но я разсудилъ, что, быть, можетъ, онъ не узналъ меня, и весело продолжалъ свой путь.

III.

«Когда злой духъ положить куда нибудь ліно, такъ ужъ и высидитъ его!» говорилъ я самому себѣ нѣсколько времени спустя, когда новый случай подалъ поводъ къ клеветѣ.

Я былъ въ Б*** и возвращался отъ своей невесты. Меня застигла гроза. Вдругъ я увидѣлъ Генриетту, скрывшуюся поправить свой зонтикъ, перевернутый вѣтромъ. Я подбѣжалъ къ ней на помощь, подалъ руку и проводилъ ее къ знакомой, къ которой она шла.

Подходя къ дому, мы встрѣтили Брауна; гримаса, которую онъ сдѣлалъ, и поспѣшность, съ которою Генриетта отняла свою руку, объяснили мнѣ все дѣло: она любила друга-друга и вотъ почему Браунъ поступилъ со мною такъ грубо при послѣдней встрѣчѣ.

Я пріѣхалъ опять въ Б***, на ярмарку. Я долженъ былъ проводить Клементину на оптическое, фантазмагорическое представленіе; но будучи задержанъ нѣкоторыми дѣлами опоздалъ, и узналъ, что невеста моя ушла уже въ театръ съ какою-то дамою. Я отпирался за ними.

Представленіе уже началось; зала была совершенно темна. Чтобы никого не безпокоить, я занялъ первое свободное мѣсто, на концѣ скамьи.

Я сидѣлъ спокойно нѣсколько минутъ и за фантазмагорическою тѣвю Фридриха Великаго слѣдовалъ тѣвъ Екатерины II, какъ вдругъ я услы-

шамъ за собою слова, произнесенны тихимъ голосомъ:

— Вѣроломная! Можете ли вы еще отпираться въ коварной завѣсти?

Голосъ этотъ былъ мнѣ знакомъ, и когда зала освѣтилась, я увидѣлъ, что сидѣлъ возлѣ Генриетты; за нею сидѣлъ Браунъ, а далѣе Клементина и ея подруга. Я совершенно растерялся, особенно, когда увидѣлъ, что негодный Рейхъ, находившійся передъ нами, толкалъ локтемъ своего соседа, чтобы дать ему замѣтить наше затруднительное положеніе. Вокругъ насъ послышался смѣхъ, шопотъ, и когда на сценѣ появилась фантазмагорическая тѣнь Вольтера, я не выдержалъ и ушелъ изъ театра.

IV.

Только на улицѣ подумалъ я о томъ, что это глупое бѣгство опять подвергло насъ злословію. Развѣ я виноватъ въ томъ, что вошелъ со свѣту въ темную залу, не могъ ничего разсмотрѣть и нечаянно занялъ мѣсто возлѣ Генриетты?... Она еще менѣе была въ томъ виновата, и вредъ, который могла ей нанести клевета, огорчалъ меня болѣе, нежели мысль о несправедливомъ негодovanіи, которое я долженъ былъ ожидать отъ своей пѣвсты.

Я воротился въ залу и сѣлъ такимъ образомъ, что могъ за всѣмъ наблюдать, не будучи самъ замѣченъ. Клементина и Браунъ о чемъ-то съ жаромъ разговаривали: вѣроятно рѣчь шла объ Генриеттѣ и обо мнѣ, потому что проклятый камергеръ подошелъ къ нимъ со своимъ несноснымъ сардоническимъ смѣхомъ. Я былъ вѣдъ себя отъ бѣшенства и охотно задушилъ бы Рейха, потому что замѣтилъ какъ Генриетта нѣсколько разъ подносила платокъ къ своимъ глазамъ.

Наконецъ завѣсть была оуощенъ, публика расходилась и къ величайшему моему изумленію, Браунъ подалъ руку моей невѣстѣ, которая пройдя мимо бѣдой Генриетты, бросила на нее презрительный взглядъ.

Последняя вышла изъ театра съ тетушкой, гостепицей у нихъ во время ярмарки. Я последовалъ за ними. Вдругъ раздались жалобные крики. Народъ, испуганный взбѣсившимися лошадьми, отступалъ со страхомъ... и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ Генриетту, съ безпокойствомъ искавшію свою тетушку, отъ которой отдѣлила ее толпа. Могъ ли я не идти къ ней на помощь?

— Ахъ! вскричала она съ горестію; встрѣча съ вами приноситъ мнѣ несчастье!

Она, однако жъ, не могла остаться одна и потому приняла мою руку.

Мы вмѣстѣ стали отъискивать ея тетушку; но такъ какъ толпа разошлась, то, вѣроятно, тетушка одна воротилась домой, и мы отправились туда же.

Судьба, которая, по видимому, избрала насъ игрушкой своихъ прихотей, сблизая двухъ молодыхъ людей, дотогдѣ почти незнакомыхъ, соединила насъ какими-то таинственными узами. Я рассказалъ Генриеттѣ о гибѣи моей невѣсты и прибавилъ, что угадываю причину ея собственной горести.

Она призналась мнѣ, что ассессоръ Браунъ уже болѣе полгода сватается за нею, но что отецъ ея несогласенъ на этотъ бракъ по причинѣ весьма чужаго, заносчиваго характера молодого человека. Она сама сознавалась въ справедливости отказа, но кака-то боязнь, болѣе нежели искривленіе привязанности, не позволяла ей рѣшительно отказать Брауну.

Я старался утѣшить, ее, выхваляя Брауна и обещая употребить всѣ средства, чтобы объяснить эти недоразумѣнія. Лицо ея прояснилось и мы стали уже шутить на счетъ страннаго допущенія, пресѣдовавшаго насъ, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому Вернера, послышался за

нами голосъ камергера, пожелавшаго намъ наслаждаться *добрымъ вечеромъ*.

Я спросилъ Генриетту зналъ ли отецъ ея ослушавъ, подавшемъ первый поводъ клеветнику; она отвѣчала, что именно то, что отецъ ея ничего не знаетъ, нѣсколько утѣшаетъ ее. Я не могъ понять, какая причина заставляла ее молчать объ этомъ невинномъ происшествіи, тогда какъ одно слово Вернера могло прекратить всѣ клеветы.

V.

Я всегда зналъ Брауна какъ человека благороднаго, хотя часто страсти ослабляли его; потому я и счелъ нужнымъ поговорить съ нимъ. Въ тотъ же вечеръ я написалъ къ нему письмо, въ которомъ, объяснивъ подробно странныя обстоятельства, рассорившія насъ, я представилъ ему, что добровольно посватавшись на Клементинѣ фонъ-Блюмеръ, я не могъ имѣть причины ухаживать за другою дѣвушкою, хотя бы она была одарена всѣми прелестными качествами, отличавшими Генриетту. Я даже предлагалъ ему употребить всѣ способы, чтобы исхочатайствовать у Вернера согласіе на этотъ бракъ; окончивъ письмо, я прибавилъ, что если Браунъ не удовольствуется этими объясненіями, то я готовъ удовлетворить его другимъ образомъ.

Это письмо произвело ожидаемое дѣйствіе. На другой день утромъ Браунъ прибѣжалъ ко мнѣ, обнявъ меня съ чувствомъ и признавъ извиненія. Примиреніе наше было искренно и онъ не только принял мое предложеніе похочатайствовать за него, но самъ вызвался со своей стороны объяснить все Клементинѣ.

Довольный имъ и самимъ-собою, я безъ отлагательства пошелъ къ Вернеру и съ жаромъ сталъ говорить въ пользу Брауна.

Вернеръ выслушалъ меня въ молчаніи и съ востаніемъ, заушавшимъ меня.

— И вы просите меня объ этомъ! вы!! вскричалъ онъ нѣсколько разъ, пожимая мнѣ руку. Потомъ онъ объяснилъ мнѣ причины своего несогласія на этотъ бракъ, ставя въ параллель англійскую кротость своей дочери и чрезвычайную чувствительность ея, со строптивостію и заносчивостію ассессора; въ послѣднемъ я невольно долженъ былъ согласиться съ нимъ.

Слѣдовательно, мнѣ оставалось только говорить о взаимной ихъ привязанности и о возможности перемѣны, которую добрая, милая и кроткая Генриетта была въ состояніи произвестъ въ характерѣ Брауна.

Вернеръ согласился со мною, заявляя, однакожъ, безпокойство насчетъ того, что когда придетъ первый пылъ страсти, молодой ассессоръ опять воротится къ прежнимъ своимъ привычкамъ.

— Что же! возразилъ я, назначте Брауну срокъ испытанія; тогда, покрайней мѣрѣ, дочь ваша не будетъ въ правѣ обвинить васъ въ жестокости.

Это предложеніе понравилось Вернеру. Переговоривъ съ Генриеттой, онъ рѣшился позволить молодому ассессору навѣщать его, однакожъ съ тѣмъ, чтобы тотъ не принималъ этого позволенія за совершенное согласіе.

Браунъ очень хорошо понималъ, чтобы быть обязаннымъ нѣтою милостію, не смотря на то, онъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Я подумалъ, что въ этомъ виновата Клементина. Браунъ сдержалъ слово, объяснивъ ей всю странность нашего положенія въ театрѣ, но коварный Рейхъ рассказала, что въ тотъ же вечеръ онъ встрѣтилъ меня съ Генриеттой, что мы были очень веселы, смѣялись и, слѣдовательно, изъ этого заключилъ, что мы напередъ радовались комедіи, которую намъ удастся обмануть всѣхъ.

VI.

Съ того времени мы съ Клементиною находились въ странномъ положеніи, непристойности и тягосты котораго, я тщетно старался разсѣять. Иногда упрасивалъ ее сказать мнѣ откровенно, не измѣнилось ли расположеніе ея ко мнѣ; тогда она казалась расстроганною, называла меня своимъ любезнымъ Леопольдомъ, но нѣсколько минутъ спустя, опять становилась грустною.

При такихъ обстоятельствахъ я не могъ быть счастливымъ и, несмотря на привязанности ко мнѣ Клементинѣ, съ безпокойствомъ помышлялъ о будущемъ. Разговоръ, который я имѣлъ съ фрау-фонъ-Блюмеръ, довелъ мое безпокойство до крайности.

Заставъ ее однажды одну, я серьезно сообщилъ ей мои сомнѣнія, объявивъ, что не смотря на всю величину этой жертвы, я готовъ отказаться отъ руки дочери ея, если она не можетъ быть со мною счастливою.

— Теперь, возразила она, дѣло идетъ не объ счастьи, а объ добромъ имени Клементинѣ; если она ошиблась, то должна сама искупить свое заблужденіе—отступать теперь поздно. Я даже считаю нужнымъ, прибавила она, согласиться на ваши просьбы и посѣлшить вашимъ бракомъ.

Гости не дали мнѣ высказать отвѣга, вырывавшагося изъ моего сердца, я не дожидаясь возвращенія Клементинѣ, я вышелъ огорченный изъ дому, въ которомъ мечталъ встрѣтить счастье.

Я блуждалъ по улицамъ Б***; невыразимая тяжесть давила мнѣ грудь; я нуждался въ дружескомъ сердцѣ, которому могъ бы доверить мои страданія и которое представило бы мнѣ горести мои въ менѣ печальномъ видѣ.

Я очутился возлѣ дома, въ которомъ жила Генриетта Вернеръ, самой судьбой назначенная мнѣ въ друзья. Я зналъ, что она съ участіемъ выслушаетъ мои жалобы, что она подастъ мнѣ совѣтъ и не скрестъ отъ меня, если я самъ виноватъ передъ Клементиною; потому что обихженое самолюбіе часто бываетъ несправедливо; одна ошибка влечетъ за собою другія и онѣ составляютъ въ послѣдствіи цѣпь, которую свосравіе, и упрямство не позволяютъ намъ разорвать.

VII.

Разговоръ съ фрау-фонъ-Блюмеръ не выходилъ у меня изъ ума: я представлялъ ее себѣ торопящую шескъ, чтобы вещи, необходимыя для дополненія приданаго, были скорѣе съшиты, вымыты и выглажены; въ устахъ моихъ безпрестанно отзывались слова, оскорбившія меня:

Если Клементина ошиблась, то должна искупить свое заблужденіе!

Я мысленно исчислялъ всѣ средства, которыя приметъ эта добрая мать, чтобы урезонить своего любезнаго зятя.

Будущая теща моя въ самомъ дѣлѣ стала торопиться; потому что вскорѣ явился ко мнѣ обещанный, которому она поручила снять мѣрку съ моихъ комнатъ, чтобы изготовить обои и занавѣсы. Я отвѣчалъ, что совершенно доволенъ убранствомъ и мебелью моихъ комнатъ, а если, что нибудь не понравится моей женѣ, такъ мы еще послѣ успѣемъ сдѣлать нужныя перемѣны.

Едва обещанный ушелъ, какъ я раскаялся въ своемъ поступкѣ. Въ наказаніе за мой отказъ я ожидалъ получить рѣзное письмо; но я чрезвычайно смутился, когда Клементина отвѣчала мнѣ, что готова согласиться съ малѣйшими желаніями моими, ибо она впередъ увѣрена, что все то, что нравится мнѣ, понравится и ей. Вмѣстѣ съ этимъ

письмомъ она прислала мнѣ нѣсколько образчиковъ матерій для брачнаго платья, прося меня выбрать матерію, которая мнѣ понравится, чтобы молистка тотчасъ же могла приняться за дѣло.

Отвѣтъ мой былъ исполненъ пѣжной привязанности, почти поворности, потому что совѣсть упрекала меня; прежняя любовь опять пробудилась въ моемъ сердцѣ, и я чрезвычайно обрадовался, когда одинъ изъ моихъ сосѣдей пригласилъ меня на балъ, на который были также приглашены моя невѣста и мать ея. Я надѣялся, что тамъ мы совершенно помиримся.

VIII.

Я выѣхалъ изъ дому равнѣ, нежели бы я то сдѣлалъ при другихъ обстоятельствахъ. Я долженъ признаться откровенно, что не любовь заставляла меня спѣшить: я хотѣлъ взглянуть своей прогулкой предъ Клементиною. Надежда моя была обманута: гости постепенно собирались; Клементина не было. Но Генриетта Вернеръ, которую я никакъ не ожидалъ, прибыла со своею тетуской.

Неожиданная встрѣча съ нею смутила меня. Отъ удовольствія ли, или отъ того предчувствія, что наша встрѣча будетъ опять имѣть несприятельныя послѣдствія? Никогда еще Генриетта не была такъ прелестна. Когда она узнала меня, стоявшая въ амбразурѣ окна, щеки ея покрылись живыми румянцемъ; но прежде, нежели самолюбіе позволило мнѣ истолковать этотъ румянецъ въ мою пользу, я поинялъ причину его. Генриетта подошла ко мнѣ и рассказала между прочимъ, что ассессоръ Браунъ также приглашенъ. Новая причина безпокойства. Къ совершенно бѣды, первый виновникъ нашихъ ссоръ, проклятый камергеръ Рейхъ, пошелъ въ то самое время, когда я разговаривалъ съ Генриеттой.

Я старался послѣ того не сближаться съ Генриеттой, за которую я, однакожъ, невольно слѣдилъ взоромъ; она избѣгала меня по той же причинѣ, и когда, случайно, наши взоры встрѣчались, то невольный трепетъ ясно свидѣтельствовалъ о страхѣ, который ввухалъ намъ несносный сплетникъ.

Ни Браунъ, ни Клементина не являлись къ обѣду. Я досадовалъ на камергера, присутствие котораго заставляло меня быть осторожнымъ и не вступать въ разговоръ съ Генриеттой, дружка которой стала такъ драгоценна для меня. Это обстоятельство болѣе огорчало меня, нежели отсутствіе моей невѣсты; и не смотря на то, все приписывали мою печаль послѣднему и надобдали мнѣ скучнымъ сожалѣніемъ.

Къ различнымъ мыслямъ, безпокоившимъ меня, присоединилась еще та, что именно въ старинный нашъ не встрѣчаться и не разговаривать, злобный Рейхъ найдетъ новую пищу своимъ сплетнямъ и новое доказательство того, что я былъ съ Генриеттой въ тѣсной связи. Досада моя увеличилась; я оставилъ собраніе и удалился въ одну изъ боковыхъ комнатъ, искать тишины и уединенія. Тамъ я опустился въ большое кресло, стоявшее за каминомъ въ темнотѣ, согласовавшейся съ состояніемъ моей души.

IX.

Около получаса я уже проклиналъ тамъ судьбу свою, когда услышалъ, что кто-то отворилъ дверь и потомъ заперъ ее на задвижку; я невольно оглянулся и, къ крайнему изумленію и испугу, узвалъ Генриетту Вернеръ съ запиской, которую она, вѣроятно, хотѣла прочесть наединѣ.

Воображенію моему живо представилось торжество нашихъ преслѣдователей, если они застанутъ насъ вмѣстѣ, какъ бы нарочно уединившихъ

ся... Я скоро вскочилъ, чтобы тотчасъ же удалиться.

Генриетта испугалась, поблѣднѣла и готова была упасть; тогда я забылъ всякую опасность, все предосторожности; я подбѣжалъ къ ней, поддерживалъ ее и самыми пѣжными выраженіями старался ее успокоить. Она плакала, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, и каждая слезинка съ падала мнѣ на сердце; наконецъ, она подала мнѣ записку, которую держала въ рукахъ: Браунъ писалъ, что важное дѣло задержало его и что онъ не можетъ пріѣхать къ обѣду, но что къ вечеру онъ будетъ съ моею невѣстой и ея матерью, также задержанными какими-то дѣлами.

— Боже! Если они теперь пріѣдутъ! вскричалъ я и бросился къ двери; я схватился уже за ручку, какъ вдругъ снаружи послышался шумъ... Я узвалъ голоса тѣхъ, прибытія которыхъ мы столько страшились.

Рука моя дрожала: я не зналъ, что мнѣ дѣлать, судорожно сжимая задвижку...

Браунъ ненавидимый Рейхъ вскричалъ:

— Они должны быть здѣсь; я видѣлъ, какъ они оба вошли сюда.

Что дѣлать? Ужасъ Генриетты достигъ высшей степени; я думалъ только объ ней, прижималъ дрожавшія руки ея то къ сердцу, то къ губамъ своимъ. Я умолялъ ее успокоиться, уверяя, что я скорѣе выскочу изъ окна, нежели дамъ пострадать доброму имени ея.

Вдругъ дверь, которую я сперва не замѣтилъ въ темнотѣ, представилась моему взору... Я бросился къ ней... то былъ стѣнный шкафъ!... Все равно, онъ былъ довольно великъ, безъ полокъ, такъ, что я могъ спрятаться въ него... не получивъ, что это средство могло рѣшительно испортить все дѣло; я вѣлъ въ него, и пока прятался за картонками и платьями, Генриетта заперла шкафъ, взяла ключъ къ себѣ и отворила дверь.

Первыя слова, поразившія мой слухъ, были упреки Брауна: онъ требовалъ, чтобы Генриетта тотчасъ же открыла ему, куда я скрылся. Самал робкая голубка становится смѣлою, когда оскорбленіямъ ее доведутъ до крайности. Генриетта послужила этому доказательствомъ; она гордо подняла голову и приказала Брауну замолчать.

Скорчившись въ моемъ, болѣе нежели неудобномъ, убѣжищѣ, я изумлялся присутствію духа женщины. Еслибъ не одна дверь шкафа, а цѣлый океанъ отдѣлялъ Генриетту отъ меня, то она не могла бы говорить спокойное того, какъ теперь говорила.

Когда обѣскали все уголки и когда Клементина на свои, совѣтъ не пѣжные, вызовы не получила отъ меня отвѣта, Браунъ сталъ извиняться, приписывая свою невольность слухъ своей любви къ Генриеттѣ. Записка его, найденная на полу, рѣшила все сомнѣніи. Однакожъ, все уладилось, а Генриетта не простила ассессору.

Когда все утихло, я рѣшился поправиться въ шкафѣ, чтобы перемѣнить положеніе и вздохнуть свободнѣе... Но судьбы своей не избѣгнешь!... Голова моя задѣла за пирамиду картоннокъ съ шляпками, которые повалились съ шумомъ.

— Онъ тутъ! тутъ, въ шкафѣ! вскричалъ камергеръ; я зналъ, что онъ здѣсь; а потому и хотѣлъ обождасть, чтобы онъ откуда нибудь вылезъ!...

— Все противъ меня, сказала Генриетта съ твердостью и спокойствіемъ, внушаемымъ ей невинностью и обвиненіями Брауна; между тѣмъ все это ничто иное, какъ игра случая и обстоятельствъ клеветы. Да, — тотъ, котораго вы ищете, въ этомъ шкафѣ и я сама заперла его въ немъ, чтобы спастись отъ коварныхъ истолкованій, которымъ наша случайная встрѣча могла подать поводъ. Но прежде, чѣмъ я отворю шкафъ, я должна объявить при всѣхъ, что съ этой минуты между мною и ассессоромъ Брауномъ уже нѣтъ ничего общаго.

Браунъ, пораженный спокойствіемъ и выраженіемъ голоса молодой дѣвушки, исполненнымъ искренности, хотѣлъ возражать, но Генриетта, не слушая его, открыла шкафъ, откуда я выскокнулъ, исполненный бѣшенства.

X.

Какая мнѣ была нужда до упрековъ Клементины!... Одно оскорбительное обвиненіе, падавшее на Генриетту Вернеръ, занимало меня. Рейхъ сдѣлался бы первой жертвой моего мщенія, еслибъ не успѣлъ спрятаться въ шкафъ, изъ котораго я только что выскокнулъ; кто-то поспѣшно захлопнулъ двери шкафа и унесъ ключъ, пока я искалъ своего врага между присутствовавшими.

Не находя его, я обратился къ Брауну; но счастью ни у кого изъ насъ не было съ собою оружія, иначе дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія.

Между тѣмъ гости собрались около насъ, и убѣжденія хозяйна, прошившаго насъ избрать другое мѣсто для нашихъ ссоръ, возстановило тишину и спокойствіе.

Генриетта тотчасъ же уѣхала со своею тетуской; я также приказалъ закладывать лошадей. Въ негодованіи своемъ я далъ понять Клементинѣ, что дѣвушка, столь мало доверявшая моему благородству и моей честности, не могла быть счастлива со мною, и что, слѣдовательно, нашъ бракъ не можетъ состояться.

Не дождавшись ея отвѣта, я сказала мимоходомъ Брауну, что завтра утромъ я буду ждать его въ маленькомъ дѣску близъ Б*** и поспѣшно удался.

XI.

Воротившись къ себѣ, я сталъ готовиться къ дальнему путешествію. Я думалъ ѣхать въ Парижъ, чтобы разсѣяться и забыть свои горе, если — останусь жить послѣ послѣдника.

Я не ложился; ночью же выѣхалъ верхомъ изъ своего имѣнія, а къ восходу солнечному былъ на мѣстѣ, назначенномъ мною для послѣдника. Я долго ждалъ Брауна. Казалось, расклеваніе мучило его. Теперь, когда гитѣ уже болѣе не ослѣплялъ духа, онъ поинялъ, что мое пріодушіе, испытанное низъ, и добродѣтель кроткой Генриетты, могли служить порукой тому, что между нами не было и не могло быть ни какой тайной и преступной связи. Онъ протянулъ ко мнѣ руку для примиренія, говоря что продолженіе нашей ссоры только болѣе подалъ поводъ злословію.

Но я не хотѣлъ ничего слышать. Надежда его, скоро помирится съ Генриеттой, бѣснала меня. Я заставлялъ его вѣстись за шпагу; хотя онъ, будучи хладнокровенъ, имѣлъ предо мною большія преимуществъ, однакожъ мнѣ удалось ранить и обезоружить его. Потомъ я немедленно воротился домой.

Между различными противоположными ощущеніями, меня болѣе всего волновало то, что Генриетта смежилась надъ раненымъ Брауномъ, и что это сожалѣніе пробудить опять на минуту угасшую любовь къ нему.

Тогда только я поинялъ, какъ любилъ ее. Чтобы оправдать себя въ собственномъ своемъ имѣніи, я проклиналъ клеветника, который, несправедливо обвинялъ насъ въ мнимыхъ проступкахъ, былъ причиною моего неспоконья и вѣстѣ съ тѣмъ далъ мнѣ случай узнать и оцѣнить прекрасныя качества дочери Вернера.

XII.

Для спуста, я вѣхалъ по большой дорогѣ, грустный и унылый, не обращая вниманія на

предметы, мимо которыхъ проѣзжалъ, когда ящикъ сказалъ мнѣ, что въ не дальнемъ разстояніи отъ насъ опрокинулась карета. Я приказалъ остановиться и, не смотря на сумерки, замѣтилъ двухъ дамъ, находившихся въ затруднительномъ положеніи; я подошелъ и, представьте себѣ мое изумленіе, узналъ Генриетту Вернеръ и тетюшку ея.

Генриетта рассказала, наконецъ, отцу своему всѣ неприятныя сцены, въ которыхъ мы вѣдѣтъ были дѣйствующими лицами. Вернеръ не только согласился на желаніе ея ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ къ тетюшкѣ, но даже открылъ ей, что онъ пригласилъ добрую сестру именно для того, чтобы она могла взять Генриетту съ собой послѣ разрыва ея съ Брауномъ, котораго онъ ожидалъ со дня на день. Ближайшее знакомство съ характеромъ Брауна показало ему необходимость этого разрыва.

Въ этотъ разъ я благословлялъ судьбу, соединившую насъ, и сталъ уже смотрѣть на всѣ встрѣчи наши, какъ на предназначеніе судьбы.

Я поспѣшилъ предложить свою карету, такъ какъ пѣхъ экипажъ былъ поврежденъ. Тетюшка Генриетты ушлабла руку; вскорѣ боль такъ увеличилась, что мы должны были остановиться въ соседнемъ городкѣ.

Въ немъ была только одна гостинница; следовательно я долженъ былъ жить въ одномъ домѣ съ Генриеттой. Могъ ли я оставить ее одну въ такое время, когда у тетюшки ея развивалась горячка?

Мы вѣдѣтъ ухаживали за больною и сердца наши соединились тѣснѣе и тѣснѣе...

Генриетта немедленно послала къ своему отцу нарочнаго съ извѣщеніемъ о случившемся; но какъ не торопился Вернеръ, когда онъ пріѣхалъ, то сестра его уже почти выздоровѣла и... только его согласія не доставало для моего счастья!

Добрый Вернеръ обнялъ меня, проливалъ радостныя слезы, и признался, что давно уже наше соединеніе было пріятнѣею мечтою его.

— Господь исполнилъ мое желаніе, вскричалъ онъ, и злоба вашихъ враговъ будетъ источникомъ вашего счастья!...

Мы вѣдѣтъ воротились въ мое имѣніе, гдѣ нѣсколько дней спустя нашъ добрый восторъ и мой бывшій учитель, соединилъ меня съ моею милою Генриеттой.

Нѣсколько времени весь Б*** говорилъ только объ этомъ происшествіи; изъ него заключилъ, что

насъ, вѣрно, не напрасно обвиняли. Одакожъ, камергеръ, желаній быть вхожимъ въ нашъ домъ, объявлялъ, что онъ употреблялъ въ этомъ случаѣ только невпильную, какъ онъ говорилъ, шуточку; мы охотно простили ему, тѣмъ болѣе, что онъ былъ первой причиною нашего счастья, но мы не принимали его къ себѣ, потому что легче защититься отъ отъявленнаго врага, нежели отъ клеветника.

Браунъ пошелъ рассказывать свое горе Клементинѣ; Клементина сообщила ему свои жалобы и, чтобы утѣшать другъ-друга, они рѣшились посядовать нашему примѣру.

И. Ф.

ЛОВЛЯ КИТОВЪ.

Въ прошломъ году, г. д'Этремонъ де Манкроа, капитанъ французскаго военнаго куттера *le Favori*, назначеннаго для защиты ловли трески, производившейся близъ береговъ Исландіи, представилъ морскому министру рапортъ, изъ котораго слѣдующее извлеченіе было сообщено во всѣ коммерческія палаты торговыхъ портовъ.

«Я встрѣтилъ въ нынѣшнемъ (1843) году, — сказано въ рапортѣ, — множество китовъ около восточныхъ и сѣверныхъ береговъ Исландіи. Особенно въ іюль мѣсяцѣ; они цѣлыми толпами плыли около береговъ и даже входили въ заливы,

«Въ послѣдніе три года я весьма рѣдко встрѣчалъ китовъ въ тѣхъ мѣстахъ; въ прошломъ, болѣе двухъ предшествовавшихъ, а въ настоящемъ такое множество, что я увѣренъ, что это должно быть новое переселеніе.»

Отчего происходитъ переселеніе китовъ?

Отчего удаляются они изъ нѣкоторыхъ морей, пробывъ въ нихъ нѣсколько столѣтій? Какъ объяснить причину періодическаго возвращенія ихъ въ извѣстныя моря?

Доказано, что киты могутъ существовать подъ нѣтми полами; ихъ встрѣчаютъ въ тропическихъ странахъ, близъ береговъ Африки и Бразиліи, въ Панамскомъ-Заливѣ и у береговъ счастливой Аравіи, близъ мыса Горнъ и у Малуинскихъ-Острововъ. Прежде они во множествѣ появлялись и въ нашихъ моряхъ; цѣлыя стада китовъ населяли Гасконскій-Заливъ и даже Средиземное-Море.

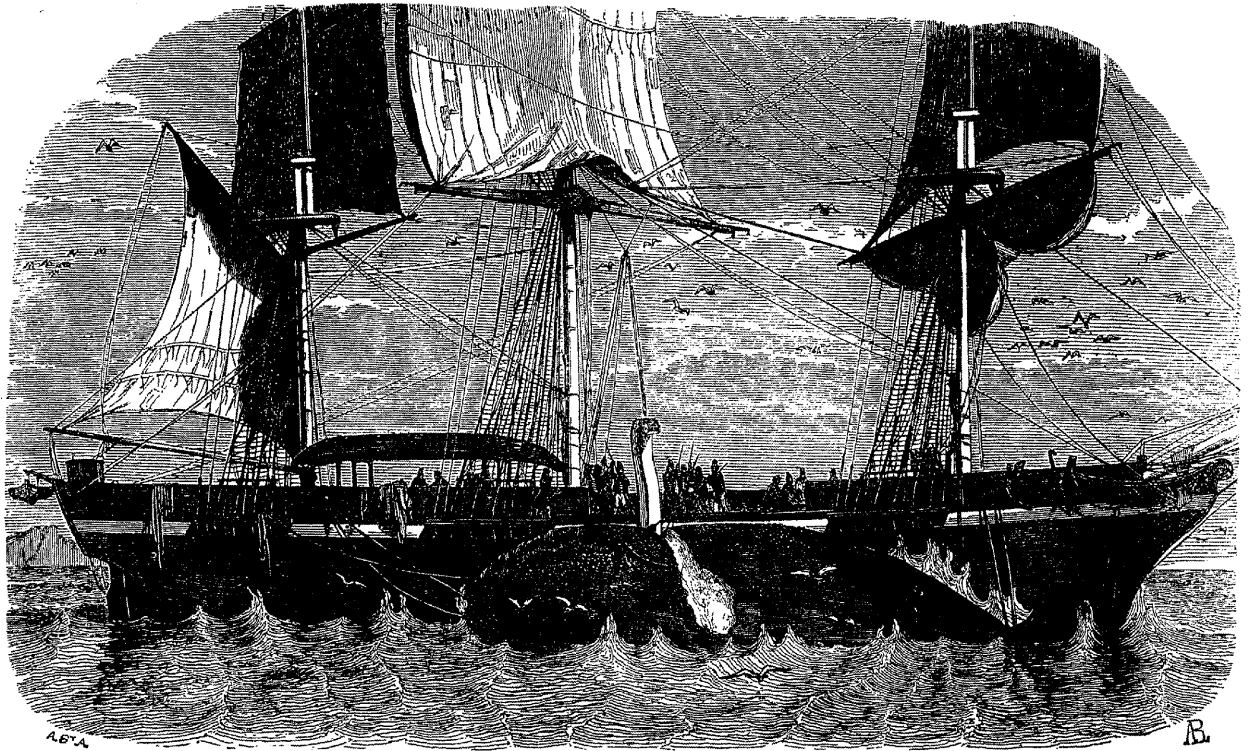
Также достоверно, что киты ведутъ кочевую жизнь; такимъ образомъ, они отъ сѣвера переходятъ къ югу и обратно. Отъ іюня до сентября они остаются у береговъ Африки, а потомъ отправляются къ Парагваю и Патагоніи.

Но охота за этими громадными животными значительно измѣнила привычки ихъ; нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ киты оставили Средиземное-Море, въ

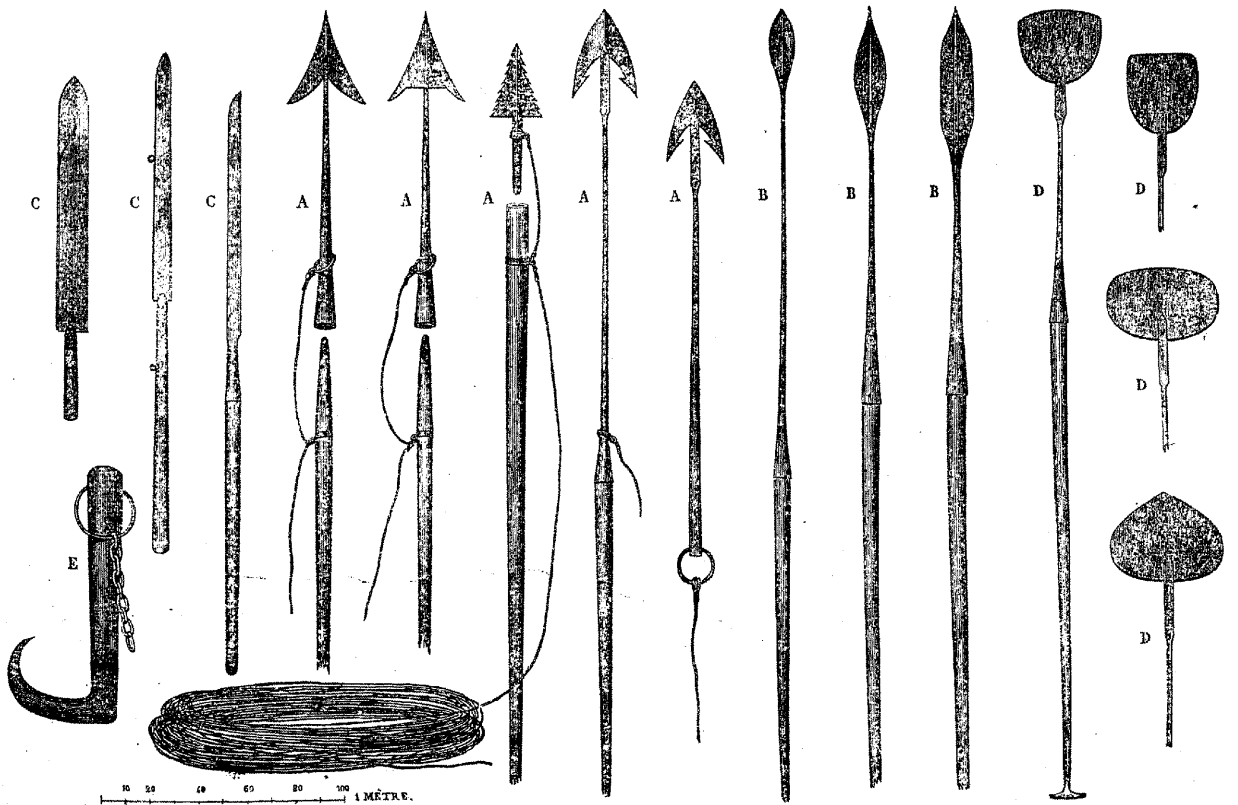
которомъ они существовали, какъ увѣряютъ Плутархъ, Плиній и многіе другіе древніе писатели. Маленькую породу китовъ въ то время жестоко преслѣдовали Греки.

Позже, а именно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, отчаянные моряки, не встрѣчая болѣе китовъ на прежнемъ мѣстѣ пребыванія ихъ, пустились вслѣдъ за ними, переплыли чрезъ Океанъ, достигли, какъ говорятъ, до Канады, дорогой напали на Нью-фундлендскія-мели и съ тѣхъ поръ занялись ловлей трески.

Киты; голымые и преслѣдуемые, почти совершенно покинули моря нашего полушарія; переселенія ихъ уже не имѣютъ прежней регулярности; инстинктъ ихъ, болѣе развитый, нежели у другихъ кочующихъ рыбъ, показалъ имъ опасности, періодически угрожающія имъ въ различныхъ мѣстахъ. Великанъ морей бѣжитъ отъ человѣка, жесточайшаго своего преслѣдователя. Онъ ищетъ убѣжища близъ сѣверныхъ льдовъ и только изрѣдка появляется въ моряхъ, мѣста деда-

Ловля китовъ.

Орудія употребляемыя для лова китовъ.

нистыхъ; а потому мѣста китовой ловаи въ пѣсма короткое время часто измѣнялись и измѣняются.

Голландцы, которые первые завели китовую лодку въ большомъ размѣрѣ, устроили въ половинѣ XVII столѣтія постоянныя пристанища на Шпицбергенѣ. Бухты и заливы страны, почти совершенно незнакомой въ наше время, тогда ежегодно наполнялись 3—400 китоловныхъ судовъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, восточный берегъ Гренландіи считался англійскими китоловами лучшимъ мѣстомъ для ихъ промысла; въ настоящее время корабли, не останавливаясь, проходятъ мимо этого же берега и отправляются далѣе за великаномъ морей.

Дозвано, что съ наступленіемъ зимы, киты уходятъ изъ ледовитыхъ морей и, удаляясь отъ полюсовъ, приближаются къ болѣе умѣреннымъ поясамъ. Очень понятно, что они оставляютъ моря, въ которыхъ могутъ задохнуться подо льдомъ, будучи лишены воздуха, безъ котораго они не могутъ жить. Но такъ какъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, для опредѣленія путей ихъ, то рапортъ капитана д'Этремона де Манкруа весьма важенъ. Онъ можетъ служить маршрутомъ китоловамъ, которые часто теряютъ время, долго отыскивая одинъ слѣдъ огромныхъ животныхъ.

II.

Всѣмъ извѣстно, что китъ самое огромное животное въ цѣломъ мірѣ. Киты бываютъ отъ 40 до 100 футовъ длины. Голова кита равняется почти одной четверти всей длины его; два канала или, такъ сказать, продушины проходятъ изъ глубины рта до черепа и служатъ киту органами дыханія и изверженія воды, которую онъ глотаетъ, ныряя. Этотъ двойной фонтанъ бываетъ иногда видимъ верстъ за восемь, потому что возвышается иногда футовъ на двадцать надъ поверхностью моря; часовые объявляютъ о приближеніи кита и судно направляетъ ходъ свой въ ту сторону.

Отверстіе рта у кита такъ велико, что человѣкъ можетъ прямо войти въ него. Верхняя челюсть его снабжена съ обѣихъ сторонъ 4—500 параллельными, гибкими прутьями, извѣстными въ торговлѣ подъ именемъ *китоваго уса*. Зубовъ у кита нѣтъ, а потому онъ питается только самой мелкой рыбой и, въ особенности, слизняками.

Природа одарила кита плавательными перьями, вполнѣ соответствующими по крѣпости и величинѣ огромной массѣ его; они не состоятъ изъ костей, связанныхъ между собою перепонками, но скелетъ ихъ совершенно похожъ на скелетъ человѣческой руки и пальцевъ; огромный хвостъ дополняетъ плавательные органы кита. Толстый слой жира, окутывающій тѣло огромнаго животного, очень облегчаетъ тяжесть его и содержитъ воду въ извѣстномъ разстояніи отъ крови, которая ипаче могла бы остынуть.

Такимъ образомъ, жиръ служитъ къ поддержанію природной теплоты.

Мы сочли необходимымъ это введеніе, чтобы читатели съ большимъ вниманіемъ и участіемъ могли слѣдить за описаніемъ ловаи китовъ.

III.

Судно, назначаемое для ловаи китовъ, бываетъ большой, трехмачтовый корабль, въ 4—500 тоизъ, устроенный такимъ образомъ, чтобы онъ смѣло могъ пуститься въ самыя бурныя и полярныя моря. Экипажъ состоитъ изъ тридцати и болѣе человѣкъ. Иногда бываютъ два капитана: первый, командующій надъ кораблемъ и всѣмъ экипажемъ во время путешествія; другой, вступающій въ начальство только на время ловаи. Но читатели поймутъ, какъ это двойное управленіе невыгодно и даже вредно, и какіе беспорядки могутъ произойти отъ подобнаго раздѣленія власти.

Кромѣ капитана на кораблѣ четыре офицера, шкиперъ, лекаръ, искусный плотникъ, два бочара, кузнецъ, два повара и около двадцати матросовъ. При каждомъ кораблѣ находятся шесть или семь китоловныхъ лодокъ.

На каждой лодкѣ, во время ловаи, находится шесть матросовъ: начальникъ лодки, гарпушникъ или багрыйщикъ и четыре гребца. Каждый гарпушникъ получаетъ 20 багровъ, 6 копій, двѣ острия лопаты, топорикъ, два ножа, большой запасъ палокъ, на которыя натыкаютъ багры, острия копій и лопаты, и наконецъ достаточное количество веревокъ.

Китоловил-пирогъ рѣшаетъ побѣду; она должна летать какъ стрѣла, а потому каждый начальникъ лодки или пироги заботится о ней во все время путешествія. Ничего не можетъ быть граціознѣе этихъ пироговъ, совершенно готовыхъ къ битвѣ: онѣ имѣютъ отъ 25—26 футовъ длины, 4 фута и 10 дюймовъ ширины.

Послѣ пирога весьма важенъ *багоръ* или *гарпунъ*; мы не знаемъ болѣе остраго и страшнаго оружія. Раны, наносимыя имъ, ужасны.

Но пора обратиться къ странамъ, въ которыхъ ожидаютъ встрѣтить кита.

Всѣ умы направлены къ одному предмету; ждуть неприятеля; вниманіе часовыхъ напряжено..... Вдругъ раздается крикъ: КИТЬ! и ужасная суматоха слѣдуетъ за этимъ сигналомъ; моряки бросаются къ пирогамъ, каждый свѣшать къ своему посту, китоловы спускаются, начальникъ стоитъ у руля, гарпушникъ у носа лодки готовитъ свое страшное оружіе...

Честь и слава тому, кто первый приставетъ къ великану!... Какая тишина, если китъ спитъ!... Какое рвеніе, какая сырота, если онъ обращается въ бѣгство!

Но вотъ приближаются; начальникъ живо правитъ рулемъ, гарпушникъ замахивается и, по командѣ начальника, гарпунъ перѣсекаетъ воздухъ, летитъ и вонзается въ тѣло животнаго!...

Теперь осторожь!.. Раненное животное съ бѣшенствомъ ударяетъ хвостомъ и плавательными перьями. Горе пирогу, до которой китъ касается... она разлетается въ дребезги... по морское чудовище обращается въ бѣгство, улекая за собою побѣдосносный челнокъ, потому что къ гарпуну привязана длинная веревка, ковецъ которой въ рукахъ гребцовъ. Китъ погружается въ море и опять выходитъ на поверхность его, окрашенную кровію; наконецъ, утомленный, израненный, измученный, онъ всплываетъ на поверхность и умираетъ...

Тогда начальникъ пирога причаливаетъ къ груди своей жертвы и опускаетъ въ тѣло ея, въ то мѣсто, подъ которымъ находятся легкія, длинное много-и остроугольное копье, и поспѣшно отчаливаетъ, потому что предсмертныя судороги великана ужасны, и фонтаны крови бьютъ изъ ноздрей его. Китъ бьется со стороны на сторону и иногда предсмертныя страданія его продолжаются нѣсколько часовъ ерду.

Нужно ли входить въ подробности, опасностей, которымъ подвергаются легкіе челноки, нападающіе на морскаго великана? Нужно ли рассказывать, какъ ужасенъ ударъ хвоста этого животнаго, ударъ, раздробляющій и лодки и людей? Тутъ челнокъ исчезаетъ въ морѣ внезапно и какъ бы притягиваемый непреодолимою силою; тамъ другой летитъ въ воздухъ, подкинутый вынырнувшимъ китомъ. Рѣдко ловаи китовъ бываетъ безъ трагическихъ приключеній. Особенно гарпушники подвергаются большой опасности. Въ минуту агоніи животнаго, кидаящагося во всѣ стороны со страшнымъ хрипѣніемъ, извергающаго изъ ноздрей кровь, вокругъ него образуется волненіе, подвергающее пироги еще большей опасности. Между тѣмъ вы не услышите ни одного слова боязни, ни одного слова о бѣгствѣ, смѣлые китоловы, устремивъ взоры на свою добычу, помышляютъ только объ шей... они, съ безпримѣрною неустрашимостью, подвергають жизнь опасности, страшась только одного—чтобы жертва не ушла отъ нихъ.

Наконецъ, животное издыхаетъ; со всѣхъ пироговъ раздаются продолжительныя ура, на которыя отвѣтствуютъ матросы съ корабля, который, сколь возможно было, приблизился къ мѣсту битвы.

Китъ привлеченъ къ кораблю и привязанъ съ боку его. Тогда приступаютъ къ разрѣзыванію Кита, что производится постепенно и съ изумительною ловкостью и искусствомъ. Сначала снимаютъ жиръ, потомъ приступаютъ къ отдѣленію головы отъ туловища. Съ топорами въ рукахъ нѣсколько челнокъ принимаются за это дѣло. Гигантская кость, которую должно перерубить, обыкновенно затрудняетъ эту работу, но ловкость и неутомимость матросовъ-китолововъ преодолѣваютъ всѣ препятствія. Потомъ спус-

кается на блоках устроенный спарядъ, для поднятія чудовищной головы на палубу, гдѣ съ нея снимають китовый усъ. Туловище же оставляется на произволъ акулъ и хищныхъ птицъ, которыя съ жадностію нападаютъ на него.

Невыразимы трудности, предстоящія китоловамъ, отправляющимся на промыселъ, потому что для наполненія трюма масломъ, въ которое на кораблѣ же растапливають жиръ, дужно не менѣе тридцати китовъ, ловля которыхъ продолжается иногда три года; но зато какая радость, когда корабль, нагруженный масломъ и китовыми усами, направляется обратно на родину! Какой восторгъ, когда онъ пристаетъ къ гавани!... Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько слезъ...

Мать приходитъ къ гавани, ищетъ сына. — Китъ пришибъ его хвостомъ, получаетъ она въ отвѣтъ.

Жена гарпущика получаетъ почти такой же отвѣтъ:

— Онъ былъ взброшенъ на воздухъ, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, двадцать тремя китомъ.

И неустрашимые, великодушные китоловы составляютъ складчину въ пользу вдовъ и сиротъ...

САХАРЪ.

Производство сахара на Антильскихъ Островахъ. Старинные и новѣйшіе способы.

Антильскія колоніи долгое время находились въ большомъ упадкѣ, въ отношеніи къ ихъ промышленности. Правительство возмѣло намѣреніе улучшить состояніе этихъ колоній возстановленіемъ сахарнаго производства, единственной и весьма доходной промышленности ихъ. Для этого надо было придумать новыя, легчайшіе и удобнѣйшіе способы производства, которые мы и намѣреваемся описать въ этой статьѣ, сказавъ предварительно нѣсколько словъ, какъ о прежнемъ воздѣлываніи и производствѣ, такъ и о новомъ сахарномъ тростникѣ.

Сахарный тростникъ есть растеніе, лучше всего произрастающее подъ жаркимъ полемомъ. Онъ бываетъ разныхъ родовъ: *бразильскій*, переселенный изъ Азіи въ Америку; *американскій*, самый плодородный и содержащій наибольшее количество сахара; Англичане стараются теперь развести его въ Индіи; и, наконецъ, сахарный тростникъ флоридоваго цвѣта, названный подъ названіемъ *Batavia*.

Сѣять или сажать сахарный тростникъ должно на совершенно чистой почвѣ; иногда землю предварительно вспахиваютъ, но этого нельзя дѣлать на глубокомъ, каменистомъ грунтѣ. Поле, назначенное къ засѣву, раздѣляютъ на большія части, между которыми оставляють дорожку для тачекъ и сѣятелей.

Послѣдніе, предшествуемые маленькими неграми, означаютими палкой мѣста для ямочекъ, становятся въ рядъ на разстояніи 1 м. 30 с. съ орудіемъ въ рукахъ, которыми они дѣлають въ землѣ ямочки, дабы въ нихъ лучше удерживалась дождевая вода и сѣмяна находились въ сырости, которая есть одно изъ необходимыхъ условий развитія молодаго растенія.

Хорошій работникъ можетъ сѣять до 60 ямочекъ въ день. Приготовивъ такимъ образомъ поле,

его засѣвають или сажаютъ расаду (последнее во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе); расада должна предварительно пролежать день въ водѣ, что было лучше приласся. Маленькіе негры сажаютъ по двѣ или по три расады въ ямочку; потомъ взрослому мужчине и женщине уравнивають и укрѣпляютъ землю около корня. Каждая изъ расадъ цѣтъ обыкновенно пять или шесть почекъ, изъ которыхъ, недѣль двѣ спустя, начинаетъ расти тростникъ. Когда онъ достигнетъ около аршина вышины, то дѣтей заставляютъ полоть его; корни снова покрываютъ нѣсколькими горстями земли, снятой съ краевъ ямочки.

Пять или шесть мѣсяцевъ спустя, эта самая операція возобновляется, вспахиваютъ землю, уравнивають ее, и счищаютъ все дурная травы или даже молодые отростки тростника, выростающіе около главнаго стебля. Послѣ того уже тростникъ дѣлается толщиною въ руку и вышиною два раза превышаетъ ростъ человѣческой. Самое лучшее время для посадки, бываетъ отъ августа до ноября, или въ началѣ декабря, такъ чтобы, мѣсяцевъ 12 или 13 спустя, можно было приступить къ жатвѣ.

Чтобы узнать зрѣлъ ли тростникъ, обрѣзають одинъ на пробу. Если сокъ довольно густъ и липокъ, то это бываетъ вѣрнымъ признакомъ того, что наступило время жатвы. Также можно узнавать зрѣлость тростника по паденію нижнихъ листьевъ, по желтому цвѣту стебля и по большому разстоянію между узлами. Еслонъ перезрѣетъ, то содержимость сахара въ немъ весьма мала и извлеченіе сока затруднительно; еслонъ тростникъ не дозрѣетъ, то сокъ его бываетъ очень водянистъ.

На одномъ и томъ же полѣ всѣ тростники срѣзають въ одно время; почему и жатва продолжается долго, иногда до трехъ мѣсяцевъ.

Для жатвы мужчине и женщины, также какъ и для дѣланія ямочекъ, становятся въ рядъ. Сначала очищаютъ тростникъ отъ сорныхъ травъ, выросшихъ послѣ послѣдняго полотья, потомъ обрѣзають верхушку и послѣдніе два верхніе угла, которые тщательно сберегаются для расады; потомъ срѣзають остальную часть стебля, снимая съ него всѣ наросты, употребляемые вмѣсто топлива для нагрѣванія котловъ. Тростникъ складываютъ въ пучки и немедленно отвозятъ на тачкахъ къ мельницѣ, потому что если ихъ не разломить до истеченія сутокъ, то сокъ придобываетъ броженіе и сахаръ бываетъ дурнаго качества. А потому обыкновенно срѣзають только такое количество тростника, какое можетъ быть размято въ одинъ день.

До введенія новыхъ машинъ, на Антильскихъ Островахъ тростникъ разминали въ вѣтринныхъ мельницахъ или въ станкахъ, приводимыхъ въ движеніе воланами. Волды мельницы находились котель, въ которомъ кипятили сокъ, а зади алаембикъ, въ которомъ сахарныя подовки превращали въ ромъ или тафю. Эти мельницы состояли изъ трехъ цилиндровъ и должны были постоянно содержимы въ величайшей чистотѣ. Каждый разъ, когда мельница останавливалась, должно было мыть известковой водою всѣ жолобы и сосуды, черезъ которые сахаръ долженъ былъ проходить. Сокъ, выжимаемый цилиндрами, упалъ въ сосуды, а изъ нихъ, чрезъ свинцовыя жолоба, переходилъ въ котлы. Эти котлы устроены были по дѣльную сторону мельницы, а противъ нихъ находились большіе деревянные ушаты, называемые *пролабителлями*. Сокъ, вытекающій изъ мельницы въ котлы, принимаетъ въ себя известку, которая очищаетъ его. Когда онъ начинаетъ кипѣть, всѣ постороннія частицы всплываютъ на поверхность его въ видѣ густой пѣны. Сокъ переходитъ постепенно чрезъ всѣ котлы до послѣдняго, самаго маленькаго, и послѣ каждого кипяченія становится гуще и убавляется въ количествѣ. Когда сокъ доходитъ до послѣдняго котла, то гасятъ огонь, что весьма дурно, какъ мы послѣ докажемъ. По истеченіи часа, сиропъ перельваютъ въ прохладители, гдѣ онъ остается до слѣдующаго утра.

Если онъ достаточно простынетъ, то негры переносятъ его въ строеніе, гдѣ его переливають въ бочки, на днѣ которыхъ сдѣлано отверстіе, для отдѣленія подонковъ. Четыре или пять недѣль спустя, отверстія эти закрываютъ и сахаръ готовъ къ отсылкѣ.

Тогда эти бочки въ лодкахъ перевозятъ на корабль, отправляющійся въ Европу. Отправка и нагрузка составляетъ живую, веселую картинку, потому что негры обыкновенно поютъ въ это время свои народныя дѣсны.

Тростникъ содержитъ обыкновенно отъ 18 до 20% сахара, достунаго кристаллизациіи. Между тѣмъ по вышеописанному способу содержимость сахара въ тростникѣ не превосходитъ 5-6%. Предположивъ, что по новому устройству не будетъ извлеченъ весь сокъ, такъ и въ такомъ случаѣ онъ доставитъ не менѣе 10-12%.

Чтобы достигъ этого важнаго результата, удвоивающаго почти доходъ плантаторовъ, во многихъ мѣстахъ мельница замѣнена болѣе усовершенствованною машиною.

Тростникъ кладется на цилиндры, устроенные такимъ образомъ, что въ минуту они обращаются до трехъ съ половиною разъ. Эти цилиндры снабжены ящичками съ жиромъ, и чтобы разобрать ихъ, достаточно снѣтъ два винта. Колеса, приводимыя въ движеніе паровою машиною, въ 15 лошадиныхъ силъ, снабжены подвижными зацѣпами для того, чтобы могущіи случиться въ тростникѣ постороннія частицы не остановили колесъ и тѣмъ не повредили бы машины. Когда тростникъ достаточно выжатъ, сокъ переливается въ осадительные сосуды. Эти двѣ операціи можно лучше понять, взглянувъ на седьмой и восьмой рисунки.

Главное условіе въ производствѣ сахара хорошая осадка; только послѣ нея сокъ бываетъ совершенно прозраченъ. Осадка же производится съ помощью известки, которая извлекаетъ изъ него всѣ постороннія частицы.

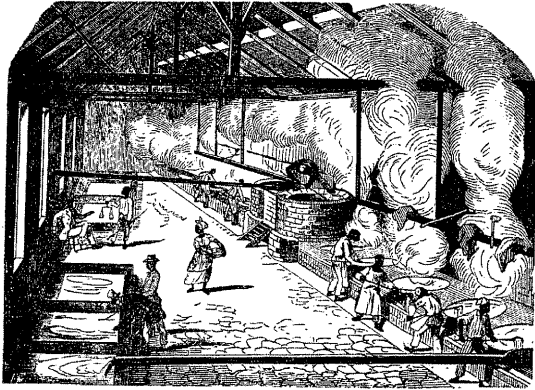
Мы говорили, что когда сокъ перейдетъ въ послѣдній котель, то работники тушатъ огонь. Это весьма не удобно, потому что кипяченіе продолжается еще нѣсколько минутъ, пѣна вѣшается съ сокомъ и отнимаетъ у него прозрачность. При новомъ способѣ, кипяченіе производится посредствомъ паровъ и въ котлахъ съ двойнымъ сферическимъ дномъ; съ помощью крана кипяченіе можно остановить мгновенно, жидкость остается спокойною, и пѣна, не мѣшалась съ нею, частью опускается на дно, частью остается на поверхности. Въ серединѣ же находится самый свѣтлый, прозрачный сокъ, который выпускають чрезъ край. Одна изъ весьма важныхъ выгодъ этого способа еще та, что онъ избавляетъ работниковъ отъ весьма затруднительнаго труда снятія пѣны. Подъ осадительнымъ сосудомъ изображенъ маленькій вагонъ, принимающій пѣну и отводящій ее къ прессамъ.

Сиропъ, такимъ образомъ очищенный, пропускается еще чрезъ цѣдло, а потомъ переходитъ съ помощью насоса въ *слуститель*, изображеніе котораго представляемъ читателямъ на девятомъ чертѣжѣ. Будучи доведенъ до 25 градусу густоты, его еще разъ пропускають черезъ цѣдло, и, наконецъ, въ резервуаръ, гдѣ находится форма, устроенная для приплатъ сахара и отдѣленія отъ него подонковъ (см. чер. 10).

Кромѣ того, съ помощью этого новаго способа, удваивается доходъ сахара, онъ представляетъ еще слѣдующія выгоды, доказанныя опытомъ:

- 1-е. Преимущество въ качествѣ сахара;
- 2-е. Сбереженіе топлива; возможность нагрѣвать печи одними наростами и выжатыя тростники;
- 3-е. Сгущеніе рѣшительно обходится безъ помощи воды.

Въ Гваделупѣ устроены заводы по этой новой системѣ и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

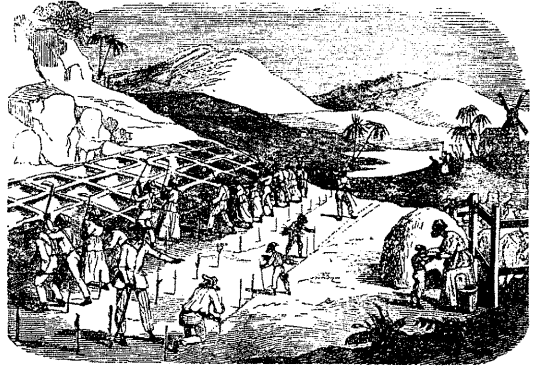
V.) Приготовление Сахара.

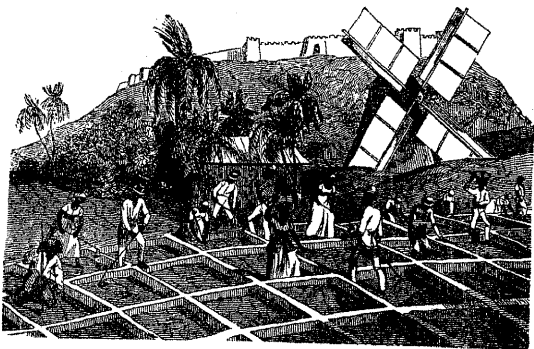
III.) Жатва.

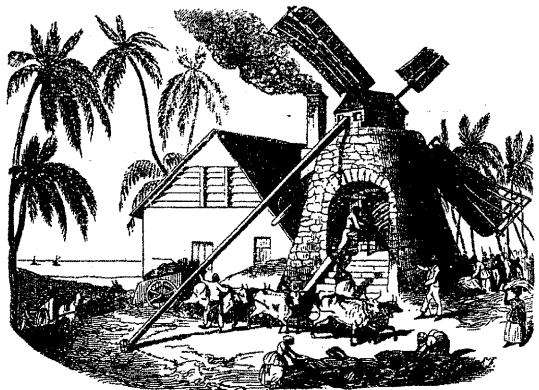
VI.) Отправление Сахара.

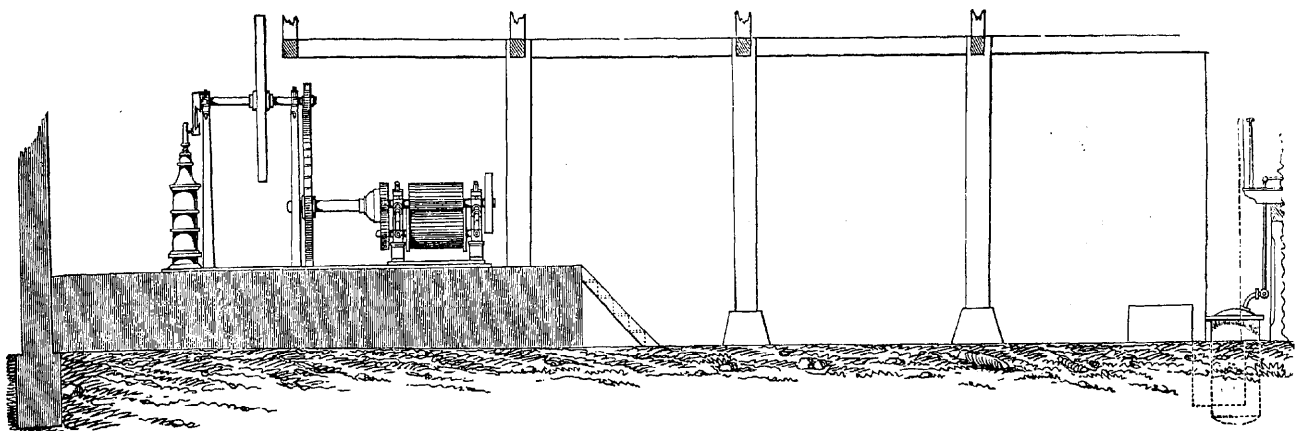
I.) Приготовление земли для плантации сахарного тростника.

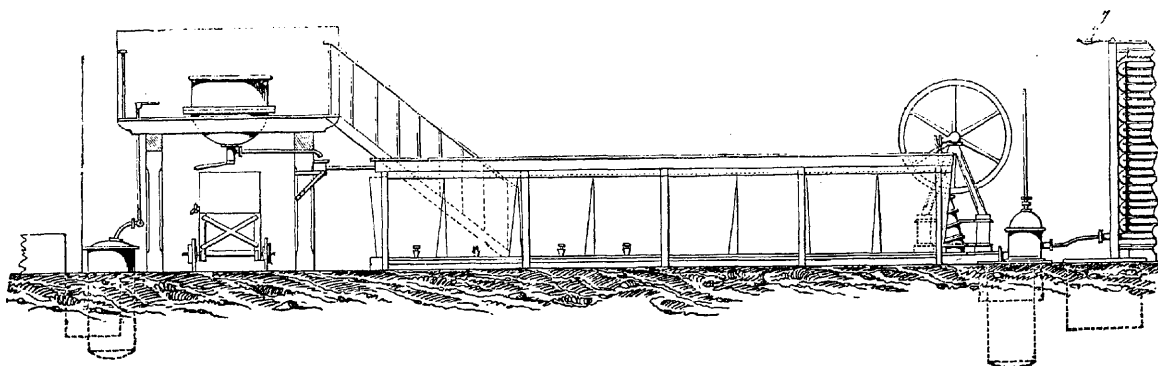
II.) Плантация.

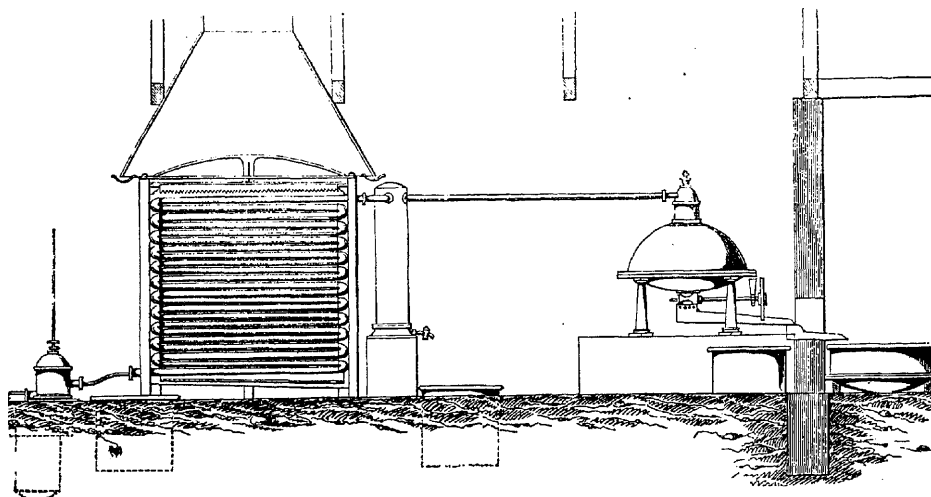
IV.) Мельница.

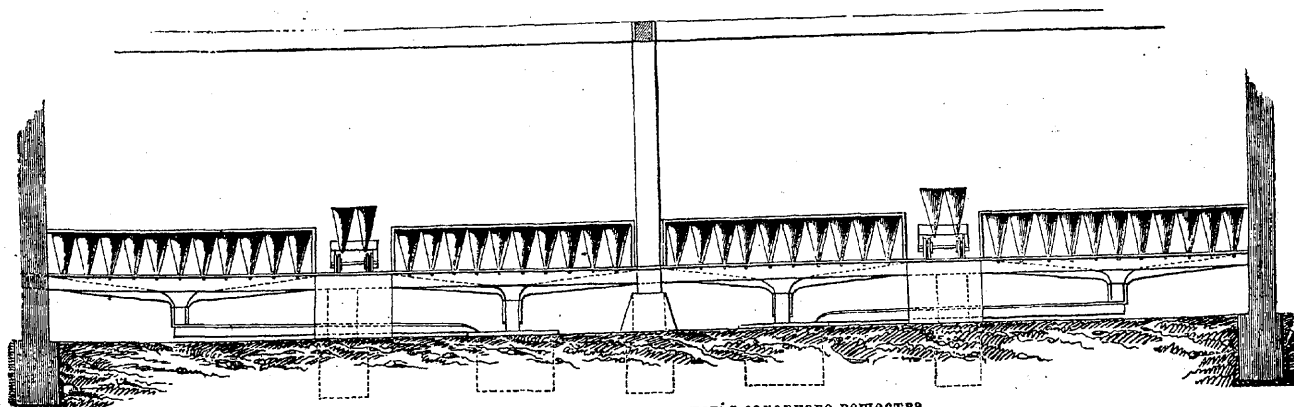
Мельница для сахарного тростника съ горизонтальными цилиндрами.

Снарядъ для осадки сахарнаго вещества.

Снарядъ для кипяченія сахарнаго вещества.

Снарядъ для окончательнаго очищенія сахарнаго вещества.

МЕДЖАНА.

СПЕВЕРСКИЙ ОЧЕРКЪ.

Быстро несется дикая Катунья, между скалъ и ущелій; съ шумомъ, съ страшнымъ воплемъ рвется она въ круглыхъ берегахъ. Горнымъ потокомъ бросается она изъ *катуньскихъ столбовъ* и все быстро и быстро мчится на сѣверо-западъ; звучно повторяютъ горные откляки шумъ пѣнистыхъ водъ; далеко несутся они, туда, гдѣ изъ Телецкаго Озера вытекаетъ быстрая Бія и также летитъ и свѣшить на свиданье съ далекой подругой. Дико стонетъ Катунья, когда подводные камни вдругъ поперечатъ теченію; бѣлой пѣной разбивается грудь ея; шумно срываетъ она съ окружающихъ горъ подругъ своихъ; но вдругъ, бѣшеннымъ шумнымъ водопадомъ опрокидывается въ черную пасть огромныхъ ущелій, — а тамъ опять запрядаютъ, застопнутъ волны, скользя по обнаженнымъ ребрамъ прибрежныхъ утесовъ, пока, наконецъ, дружно обнявшись съ быстрою Біей, вмѣстѣ разольются въ широкую Обь и также быстро, но уже привольно, свободно потекутъ въ широкихъ берегахъ, какъ въ покойномъ экипажѣ, на добрыхъ коняхъ.

Хороши горы катунскіе, когда вечернія облака вѣтромъ обвоютъ ихъ вершины, а лучъ солнца, прокравшись, осмылетъ алмазы ледяные хребты. Хороши эти горы, когда громовыя тучи, ползая между пни, оглашаютъ ущелья раскатами грома и молній. На одно мгновеніе отразится въ черныхъ водахъ Катунья, и блеснетъ въ нихъ будто страшныя очи подводнаго духа. Любитъ Монголъ съ вершины горы, на легкомъ горескопъ конѣ своемъ, смотрѣть, какъ подъ ногами его шумитъ и реветъ гроза, а надъ головою играетъ солнце и ласно голубе небо; любитъ онъ подстрѣлить горлаго орла, который плаваетъ въ поднобесн съ тою же цѣлью, чтобы посмотрѣть въ очи солнцу, или сбить съ ногъ дикую козу, когда она прыгаетъ съ утеса на утесъ; тогда онъ спокойно сойдетъ въ роскошную долину, гдѣ между кустовъ акацій и розъ пасутся стада и табуны его, и въ дынной куртѣ бѣзвется чадра.

Богатъ былъ Зайсанъ Улуханъ; хороша была дочь его Меджана.

Много орловъ отъ Саянскихъ Горъ летятъ къ Катунѣ, смотря на высокія горы, съ ледяными верхами, кунаются въ облакахъ и опять летятъ во своелю, не свивъ сбѣгнѣзда. Много жениховъ искало руки Меджаны, издадече приходилъ потомки Тимура — и никакъ одному изъ нихъ не пошла она въ жены! Любиа Меджана своего горнаго коня, любила летать на немъ по широкимъ долинамъ, или взбираться на отвѣсныя скалы и пугать свои черныя косы въ сѣдыхъ облакахъ, слышать бѣшеный шумъ дикой Катуньи, или впасть, на дикомъ конѣ своемъ, переплывать бурную рѣчку; сбѣжалась надъ опасностью, радовалась, какъ ребенокъ, пѣнистымъ волнамъ, которые, будто жемчужомъ, ее осыпали.

Любилъ Зайсанъ свою Меджану, не хотѣлъ неволить идти за нею; а для Меджаны не было милого. Пришелъ чужой караванъ и оставилъ въ ихъ кочевѣ большого, за безопасность котораго поручился Зайсанъ. Скоро оправился путникъ, легко могъ бы онъ нагнать караванъ, который остановился въ Курайской Стени; по онъ не уѣзжалъ, и чѣмъ становился здоровѣе, тѣмъ больше старался казаться больнымъ. — Не долго смотрѣла Меджана на голубые очи пришельца; — забыла она воронаго коня своего, бросила мѣткое ружье, не носилась стрѣлой по горамъ, не играла, какъ прежде, опасностью; но за то иельче стали заплетаться длинныя косы, дорогія раковины и поблудки за блестали на нихъ, и вмѣсто простой напковой одежды, дорогая канфа обвила ея высокой станъ. — Любилъ заѣзжій смотрѣть на Меджану, любиа Меджана слышать медовыя рѣчи пришельца: заколдованъ онъ ея сердцемъ, помунилъ умъ. Повѣрила Меджана, что счастье въ городахъ, а не въ родныхъ горахъ, не въ дикомъ привольѣ; по-

вѣрила она любви заѣзжаго — и бросила для него родное кочевье, и дикія горы и шумную Катунью. Ничего не взяла съ собою Меджана, только проклятіе отца унесла съ собою въ далекую чужбину.

И дико и страшно было ей въ нашихъ шумныхъ городахъ. Какъ часто въ родную долину, или на высокую гору, уносилась она мыслію — и тогда слеза сбѣгала съ черной рѣсеницы. «Увѣдетъ, милый, увѣдетъ въ родныя горы, твердила она!» И милый вмѣсто отвѣта улыбался ей, цѣловалъ ея черныя косы — и Меджана забывала родину, любила душную чужбину, лишь бы не разстаться съ нимъ.

Но не долго знала счастье Меджана; злые родные милого друга умѣли воспроизвести его, будто по дѣламъ, въ далекой городъ; бросили Меджану въ кибитку и почили Богъ знаетъ куда; только твердили ей, что такъ велѣлъ ея милый, что она оностила ему, что полюбила онъ другую. И Меджана повѣрила, хотя сердце твердило ей: *Меджана, не веруй!* — Но люди умѣли увѣрить и сердце.

Меджану везли, везли далеко — и она очулась на родинѣ. Опять увидѣла она долины и горы. — Катунья, какъ прежде, шла передъ нею, горные источники какъ змѣи извивались межъ утесовъ; кусты розъ алѣли на солнцѣ, ледяныя вершины горъ блескали какъ звѣзды; — Меджана смотрѣла на нихъ; но глаза ея были тусклы — мертвое сердце не понимало прошедшаго. Медленно, страшно, съ глубины убитой памяти стали подниматься воспоминанія; стало на душѣ и грустно и мрачно; мысли Меджаны, будто черныя волны Катуньи, когда надъ нею проходитъ грозовая туча...

Въ шестнадцать лѣтъ, дочь гордаго Зайсана, Меджана имѣла подругъ въ своемъ зуусѣ; простыя калмычки, вѣчно грязныя, въ лохмотьяхъ, только издали смотрѣли на нее и завидовали дорогимъ одеждамъ. Слово дружбы не коснулось ея слуха, пока не узнала она большаго путника; онъ вывалялъ наружу все, что было у нее страшнаго, милокаго въ душѣ. Она отозвалась на призывъ друга всей силой любви, какую только имѣла, и эта любовь уничтожила всѣ чувства, всѣ мысли. — Вся жизнь Меджаны сосредоточилась въ одномъ чувствѣ; оно дадо ей новое, еще невѣдомое счастье; она жила полною, роскошною жизнью, — но эту жизнь, это счастье отняли у нее, вырвали, отравили чувство, которое было душой этой жизни...

На зеленомъ лугу, среди душистой травы, распустился ароматный, но блѣдный, едва замѣтный цвѣтокъ. Первый лучъ солнца упалъ на него — и этотъ лучъ, теплый, благодотворный, проникъ весь составъ цвѣтка... Каждое утро цвѣтокъ поднималъ свою блѣдную чашечку на встречу любимаго друга, и тихо дрожали отъ радости душистые антоцки, когда золотой лучъ обвивалъ ихъ свѣтлымъ своимъ. Но не долго счастливый цвѣтокъ жилъ своею любовью. Рожденный полъ ласнымъ небомъ, онъ не зналъ, что такое непогода; онъ не зналъ, что по небу ходятъ тучи, что и на небѣ бываетъ темно. Каждый вечеръ онъ спокойно засыпалъ, опустивъ головку къ землѣ и только съ утренней зарей поднималъ ее, чтобы первому встрѣтить любимаго друга... И въ одно утро онъ напрасно ждалъ его: сѣрыя тучи застѣли все небо и неслись въ даль съ вихремъ и съ бурей. И цвѣтокъ звалъ своего друга, звалъ, чтобы спасти его — и свѣтлый лучъ слышалъ зовъ его; но не могъ пробиться сквозь ряды тучъ!.. А цвѣтокъ думалъ, что другъ разлюбилъ, забылъ его — и онъ замолкъ, онъ пересталъ звать друга; въ блѣдное сердце впился червь отчаянія... А тучи все бѣжали по небу, и дождь лилъ ручьями; крупный градъ упалъ на землю — и первая градина съ силой ударила въ самое сердце цвѣтка!.. И онъ упалъ, и онъ умеръ, блѣдный цвѣтокъ! онъ умеръ, думая, что убитъ рукою друга, и ни кто не разувѣрилъ его!.. Блѣдный цвѣтокъ!..

Не ужилась Меджана съ мыслію, что милый разлюбилъ ее!.. Помутился разумъ. Блѣдная, заплетала свои косы, будто ожидала кого-то, ходила она по зуусу, не замѣчая, какъ изъ мурты выглядывали дикіи головы, одѣвъ со смѣхомъ, другія со

страхомъ; нагіе ребятишки съ хохотомъ бѣжали за нею.

Опять полюблила Меджана Катунью и горы; но она была уже не та, что прежде; теперь по дѣльнымъ часамъ сидѣла она на отвѣсномъ утесѣ, смотрѣла на быструю рѣчку и пѣла, всѣпѣла какую-то дикую пѣсню... Сердце замирало отъ страха, такъ была она дика и печальна...

По небу ходили сѣрыя тучи, въ ущельяхъ было темно, будто ночью; страшно раскатывались въ горахъ удары грома. Катунья бусевала, глухо ревели ся мутныя волны, высоко взбѣгали онѣ на высокіе берега, будто стараясь вырваться изъ оковъ — ц, обезслепленные, со стономъ упадали въ глубину... Меджана сидѣла на любимомъ утесѣ и все громче и громче раздавалась ея дикая пѣсня... Недвижимыи очами смотрѣла она въ черныя волны, будто видѣла въ нихъ кого-то... И вотъ, показалось ей будто изъ пѣнистой воды протянулись къ ней чьи-то руки... и будто знакомые голубые очи выгляднули изъ глубины... Еще громче раздавалась ея дикая пѣсня... волны жадно обвивались вокругъ пѣвщицы и далеко, далеко умчали бездушный трупъ... а горные откляки еще долго вторили шуму бури и прощальной пѣснѣ Меджаны...

В. А — л.

ПРИМѢТЫ.

Расказъ.

Я былъ очень молодъ; учился въ гимназіи. Преподаваніе двухъ, трехъ, такъ называемыхъ, высшихъ наукъ возрождало въ мальчикахъ ужасную гордость. Мы думали, что намъ должно считать непремѣнно кандидатами университетскими, и въ слѣдствіе того курили отчаянно трубки, носили форменные сертуки съ бѣлымъ подбоемъ и съ вышесными пуговицами, и, если случалось бывать въ обществахъ, держали себя на офицерской ногѣ. Другое слѣдствіе нашего мнимаго кандидатства было то, что съ каникулярныхъ и праздничныхъ отпусковъ мы возвращались всегда двумя и тремя недѣлями позже узаконнаго срока. Сиживали, правда, за то и въ карьерѣ. У меня не было родныхъ, по близости, по у молодого человека всѣ люди — родные, всѣ женщины легко могутъ въ него влюбиться. У него и знакомство за словомъ и дружба за трубкой табаку. У кого родныхъ не было, тѣмъ едвали было не лучше; бдуть въ родителямъ товарищей, въ чужомъ домѣ они гости, а какъ мы себя держали на офицерской ногѣ, то и привуждали чужихъ родителей къ самому внимательному съ нами обращенію. Тогда еще были патриархальные нравы въ нашей губерніи. Въ оно блаженное время на почтовыхъ домой не ѣздили; или онъ, батюшка, или она, матушка, или, уже въ крайности старыи дворецкіи съ письмами и гостинцами являлись въ городъ дней за семь до каникулярнаго термина; дельекъ отбывали, расправившая милое дѣтище о начальникахъ, поставившихъ, кухнѣ, прислугѣ и прочая. На другой день начинался обиходъ или обѣздъ съ пустыми руками; на третій разыскался гостинцы съ поклономъ или съ запи-

сочкой; наступалъ терминъ и ученикъ уѣзжалъ въ деревню, на долго, на долго. Последній помѣщикъ, у котораго и съ товарищемъ проводилъ Свѣтлый Праздникъ, взялъ съ меня честное и благородное слово приѣхать на кашкулы, потому вѣроятно, что я съ нимъ толковалъ всегда объ астрономіи и физикѣ, которыхъ мы не знали оба, а по вечерамъ показывалъ три фокуса на картахъ. Хотя я показывалъ каждый вечеръ тѣ же три фокуса, но тогда были времена патриархальныя; къ старинѣ пристрашались, а на всякое нововведеніе глядѣли косо. Тоска показывать каждый день тѣ же три фокуса, удовольствіе, какое находилъ хозяинъ въ моей бесѣдѣ, и тѣмъ лишалъ меня удовольствія бесѣдовать съ молодой его супругой, которая была женщиною, слѣдственно должна была въ меня влюбиться, все это внушало мнѣ какое-то нерасположеніе къ поѣздкѣ. Но, состоя на офицерской ногѣ, и давъ слово, подумайте сами, могъ ли я не ѣхать? Оедишка, мой товарищъ, дворецкнй Курмилло п я уѣхали въ рыдванѣ и поѣхали...

— «Стои!», закричалъ я еще въ первой улицѣ... — «Трубку забылъ! Ну, не быть добру...»

— «Полно! Какъ тебѣ стыдно? Не къ лицу намъ съ тобой быть суевѣрами! Пусть невѣжи... Пусть моя мачиха...»

— «Полно, Оедя, о мачихѣ не говори, она премилая дама... Спасибо Курмилло, ну вотъ и трубка...»

Проѣхали право не больше трехъ шаговъ, кучеръ всталъ, и давай поправлять что-то.

— «Ужъ не воротится ли памъ? сказала я, принуждая себя къ смѣху: «Но, Богъ милостивъ, поѣдемъ...»

Поѣхали и пріѣхали. Такъ и есть! Предчувствіе меня не обмануло. Иванъ Егоровичъ былъ дома одинъ. Анна Алексѣевна гостила у своей матери, верстахъ въ тридцати. Я чуть не вызвалъ на дуэль Ивана Егоровича, какъ онъ смѣлъ сыграть такую шутку; но я уже былъ на офицерской ногѣ и тотчасъ смѣкнулъ, что было поводомъ удаленія Анеты изъ Дерповки. Извергъ! Онъ замѣтилъ, что она неравнодушна ко мнѣ, онъ понахъ, чѣмъ все это могло кончиться; онъ уклонилъ неприятную для себя будущность и отомстилъ за прошедшее. Всѣхъ переходовъ тогдашнихъ чувствъ моихъ и не упомяну, довольно только сказать вамъ, что я покорился необходимости и въ тотъ же день рассказывалъ Ивану Егоровичу объ астрономіи... Но со злости рассказалъ ему, что именно въ этомъ году происходитъ ожидаемое и предполагаемое паденіе луны на тысячу верстъ ниже ея орбиты, и какъ это будетъ въ половинѣ іюля и по вычисленіямъ придется какъ разъ противу нашей губерніи, то, вѣроятно, въ природѣ будутъ замѣтны сильныя перевороты и непогода, что можетъ гибельно подействовать на хлѣбъ и плоды.—Отомстилъ. Иванъ Егоровичъ поблѣднѣлъ. Допытывалъ

ся, не случилось ли астрономамъ ошибаться? Никогда! Они вотъ такъ на небѣ все и читаютъ, будто въ книгѣ. — Иванъ Егоровичъ больно опечалился. Я торжествовалъ; только и могъ онъ вымолвить: Охъ зачѣмъ вы мнѣ такой страхъ ночью рассказали.—Пошли мы спать. Помѣстили насъ съ хозяйномъ черезъ перегородку... Мы оба не спали. Я со злости, онъ со страха. Сильный вѣтеръ еще болѣе беспокоилъ его... Сонъ, однакоже, переснялъ мою молодость и я заснулъ. Утромъ просыпаюсь. У ногъ моихъ на стулѣ стоитъ Иванъ Егоровичъ и смотритъ пристально на оконщину. Я и забылъ, что тамъ висѣлъ барометръ. «Плюе», сказалъ онъ горестно и сошелъ со стула. «Нечего дѣлать; надо ѣхать за Аннушкой! Въ такой бѣдѣ лучше быть вмѣстѣ.—Вставайте и вы, поѣдемъ вмѣстѣ...» О спасительная астрономія, какъ я полюбилъ тебя въ эту минуточку! Ыдемъ. Пріѣхали. — Анета очень намъ обрадовалась. Мы само собою разумѣется обоимъ съ ней учтиво, но сухо, чтобы не взволновать ревности старика и не лишитъ себя плодовъ астрономическихъ нашихъ знаній. Послѣ первыхъ привѣтствій, теща Ивана Егоровича спросила:

— Отъ чего ты это, Вавичка, такой печальный?

— Ничего, Маманъ! Такъ! у всякаго свое! Въ натурѣ иногда бываетъ такая катавасія, такъ какъ же вы хотите, чтобы человѣку быть всегда въ порядкѣ...

— Ну, такъ и есть, не даромъ вчера О. Прокопъ пришелъ и въ передній уголъ палку свою поставилъ. А все ты Аннашка; я сажала насѣдку въ птичникъ, десятую, Иванъ Егоровичъ! Будь я тутъ, не дала бы я ему палки туда ставить; слава Богу, есть углы и безъ того; а про васъ я вчера знала; Аннашка, что, не говорила я: гости будутъ! А, не говорила? Васька мой то и дѣло моется, да моется, откуда ни возмнись сорока подлетѣла да какъ зашекочетъ, я скорѣе на кухню, если у нихъ что въ запасѣ, чтобы гостей принимать; за то ужъ и обѣдъ какой! Что это? Я видно на кухню засидѣлась, видно тамъ дымомъ или угаромъ глаза прихватило. Чешутся!...

— Тамъ не было дыма, сказала Палашка, неотлучная спутница нашей хозяйки, съ тою разницей, что барыня всегда сидѣла, а Палашка стояла у дверей.

— Типушь тебѣ на языкъ! Чтожъ, мнѣ плакать, что ли, когда глаза чешутся?...

— Да у васъ не глаза чешутся, а перепоница... сказала веугомонная Палашка. Барыня отпонулась и сказала...

— Кликуша проклятая! Точно перепоница... Про покойника слышать.

Иванъ Егоровичъ не слушалъ уже тещи, онъ утопалъ въ размышленіи о послѣдствіяхъ паденія луны на тысячу верстъ. Я поглядывалъ изъ подлѣбы на Анету, которая безстрастно смотрѣла черезъ окно

въ огородъ, гдѣ, между разною овощью, прогуливались цыпляты и чадолубивыя куряты гармонически сзывали дѣтенышей къ одному мѣсту. Оедишка давно уже былъ на бабушкиной копюшкѣ. Иванъ Егоровичъ въ задумчивости почесалъ носъ, теща опять отпонулась.

А. Б. — оза.

(Продолженіе впереди).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Если взять въ руки какой-нибудь путеводитель по нашей столицѣ и справиться любятъ ли гулять наши согороджане, подумаешь, что Петербургъ то и дѣлать, что гулять въ самыхъ пріятныхъ мѣстахъ, въ очаровательныхъ садахъ, въ обширныхъ паркахъ, по живописнымъ окрестностямъ... Правда, всего этого у насъ довольно, но нѣтъ жизни, нѣтъ любви къ этому роду увеселеній, нѣтъ времени. Мы такъ все заняты дѣлами, что въ развлеченіи и не нуждаемся. Музыка только въ Павловскѣ и на дачѣ Безбородкинской играетъ ежедневно. Оркестръ Гунгя дѣлаетъ много шума. Онъ даетъ музыкальные вечера, на которыхъ разыгрываются и прошеденія самаго Іоанна Гунгя, наравнѣ съ Штраусомъ, Ланнеромъ и знаменитостями другихъ областей музыки. Павловскія гулянья процвѣтаютъ, и потому еще, что въ случаѣ, если не поправится погода, или наскучитъ музыка, можно укрыться въ просторныхъ галлерейхъ воксала, въ гостеприимныхъ люмерахъ, найтн собесѣдниковъ, словомъ, можно скуку прогнать далече и воротиться въ Петербургъ, когда угодно. — На Безбородкинской дачѣ не всегда можно спастись отъ погоды, и надо еще заплатить за входъ, чтобы слушать музыку. Разумѣется, любителей много; но платещиковъ мало; на билетъ, кажется, написано «безъ передачи», но это правило не имѣетъ силы; сегодня слушаешь одинъ, завтра другой, какъ будто платилъ оперу. Посѣтители нравы. Они заплатили деньги и могутъ располагать правомъ входа на столько персонъ, на сколько заплатили. Но вотъ и всѣ мѣста для гуляній. Въ Лѣтнемъ, Ботаническомъ, и другихъ садахъ блуждаютъ тѣни посѣтителей, прикованныхъ дѣламъ къ Петербургу, или къ Аптекарскому-Острову; въ Стрѣгановскомъ саду, въ тѣни старыхъ деревьевъ, встрѣтишь няньку, которая то п дѣло шепчетъ: осторожите, тыше, не ушибеь антакко, а ребенокъ не слушаетъ няни и гонитъ зеленый обручъ по пустымъ аллеямъ; въ Екатерингофѣ больше одушевленія, больше посѣтителей, больше трехкопечныхъ сигарокъ, больше сахарнаго мороженаго и золоченыхъ припжковъ, даже есть музыка; Тирольецъ (всѣ кочующіе пѣвцы и музыканты называются Тирольцами) свиститъ на флейтѣ, дѣвъ отроковицы брицаютъ на арфахъ, а для надзора за ними въ углу неподвижно съ неподвижною полуулыбкой сидитъ дѣва зрѣлыхъ лѣтъ, привлекательной наружности. — И подъ вечеръ съ прогулки тутъ соберется не малое число посѣтителей. Словомъ, Екатерингофскій воксалъ, съ своимъ садомъ и паркомъ, ни на кого не похожъ; онъ самъ по себѣ. Этой оригинальности не лишать его ни дѣлканьями, ни желѣзными дорожками. Онъ покрытъ эгидой привычки. За то другія мѣста, по воскресеніямъ только слегка оживляются пріѣздомъ городскихъ гостей и музыкой по подникѣ. Съ васъ берутъ известное число серебрянниковъ, не спрашивая вашего совѣта, какъ вы полагаете лучше употребить собранную сумму. Несклько чловѣкъ заплатятъ деньги, пр-чіе слушаютъ музыку даромъ и обыкновенно бываютъ недовольны. «Хорошо, что мы не заплатили, можно ли еще деньги бросать за это!»

Гулять, повторяемъ, есть гдѣ, но гуляющихъ мало. Вы садитесь въ дилижансъ, отправляетесь куда-либо, не имѣете тамъ знакомыхъ, или не хотите быть гостемъ, а ласкаете себя надеждой насладиться свободой часа на два, на три. Запаситесь дома всякимъ съѣднымъ и питьевымъ снарядамъ, иначе вамъ придется жевать во все время вашей прогулки — вѣчный бешкетъ и пить иностранное вино русскаго произведенія. — Изъ этого правила едва ли не одно только исключеніе, Павловскъ; прочія мѣста, или въ этой категоріи, или еще хуже; есть мѣста для гуляній, гдѣ ничего достать не лзя, куда надо ѣздить съ кувшиномъ, съ самоваромъ, чуть не съ дровами. Есть мѣста, гдѣ музыка даже по подиуму, страшная роскошь, гдѣ пишанье горныхъ трубачей — обращается въ соблазнительное пѣніе спрени, ласкающихъ самый взыскательный слухъ уединенныхъ обитателей; наконецъ, есть такіе гористыя мѣста, куда и эти горцы не ходятъ, потому что ихъ будутъ слушать только птицы небесныя, да озерныя улитки. Право, все это удивительно, если посмотрѣть до какой степени развилась у насъ страсть къ дачамъ и загороднымъ поѣздкамъ. Мы сдѣлали одинъ шагъ, но не имѣемъ силъ сдѣлать другаго. Мы любимъ сельскую жизнь по инстинкту, но не умѣемъ разукрасить ее сельскими удовольствіями. Все наше наслажденіе заключается въ томъ, чтобы поѣхать поудить Эршей ростою съ булавку, упасть нѣсколько разъ съ чахлой чудесной лошади, посмотреть съ чайной горы въ Гоксовѣ на превосходный архипелагъ острововъ, разбросанныхъ по пустынному озеру, наглотаться пыли, сидѣть въ экипажѣ, который передвигается шагами въ цѣпи безконечнаго поѣзда, послушать гдѣ нибудь восхитительную музыку, или оркестръ Германа, или Гунгеля, съѣсть сахарнаго мороженнаго, или выпить такъ называемаго шампанскаго, марки Кинко, и, прѣхавъ домой, воскликнуть съ удовольствіемъ: Слава Богу! гулянье кончилось. Да, мы не умѣемъ гулять; но, впрочемъ, и кланяться, кажется, не умѣемъ покровительствовать сельской жизни. Холодный воздухъ и вѣчный вѣтеръ принуждаютъ къ уединенію. Природа продолжаетъ свою странную фантазію, въ которой господствуетъ лрической безпорядокъ. Часть зноя обманываетъ надежды, нукаетъ предположенія. Не только у насъ, всѣхъ то же; въ Одессѣ первый дождь оросилъ истомленную растительность 5-го июня, а въ Керчи чуть земля не растрескается. Зной стоитъ постоянный, отъ 25 до 26° жара въ тѣни. Малороссія любитъ кометы, а въ Саратовѣ даже солнце дѣлается предметомъ общаго вниманія. 50 мая оно взшла не одно, а въ сопровожденіи

Империаторскаго Московскаго Театра первый трагическій актеръ Г. Мочаловъ.

многихъ солнцъ, которыя исчезали постепенно, по мѣрѣ того, какъ согрѣвался воздухъ. Явленіе это не диковинка, у простаго народа называется ушами, но оно бываетъ только зимою, при лютомъ морозѣ. Лѣтомъ еще никто не видалъ солнца съ ушами! Отъ того ли, или отъ другихъ причинъ, въ литературѣ нашей совершенный порядокъ и удивительная чистота. Гладь, хоть шаромъ покати.

Даже спекуляторы уединились и, кажется, ничего не затѣваютъ. Впрочемъ, у хитрыхъ людей и спокойствіе бываетъ притворное. Пруды ихъ хитростей мы увидимъ не раньше осени. Музыка полюбила литературу и подражаетъ ей до крайности. Ни потки. Мы заключимъ нашъ Ежедневникъ помѣщеніемъ портрета Г. Мочалова. Лучшаго конца, кажется, нельзя придумать.

С М Ъ С Ъ .

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

* * Въ путь-дороженьку! Обязанность каждой доброй пчелы искать только меду для обшлаго улья; этотъ улей намъ не чужой домъ, а дорогая отчизна, гдѣ всякое знаніе можетъ привиться, гдѣ есть всѣ климаты, всѣ способности, вся сила свѣжая и обильная, могущая усвоить и приаровать къ своимъ потребностямъ все полезное, все изящное... Въ путь-дороженьку съ неутомимымъ желаніемъ собрать все занимательнѣйшее! По не всегда луга плещены медоносными цвѣтами; и въ нравственномъ мѣрѣ есть внутренній порядокъ, есть свое время съ такимъ же раздѣленіемъ на поры; и нравственный мѣрѣ живетъ и старѣется, но жизнь его измѣряется также оборотами времени, неподверженными только астрономическимъ исчисленіямъ. Иное время обильно для жатвы новыхъ знаній; въ другое — ихъ движеніе едва замѣтно.

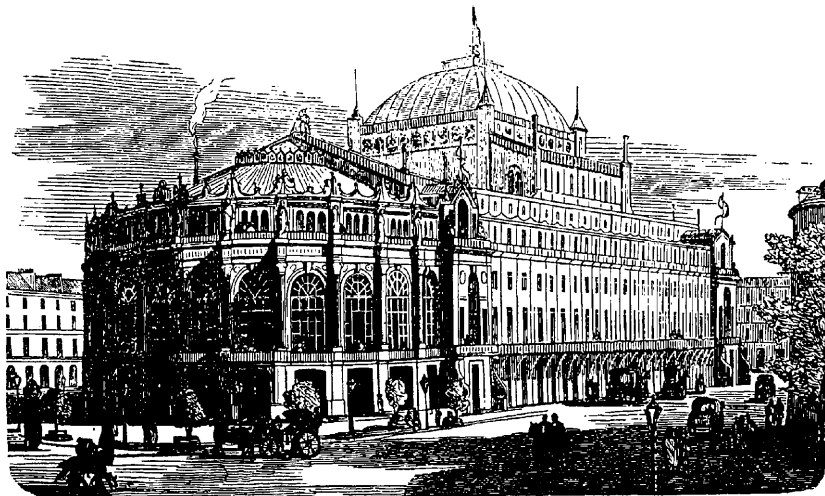
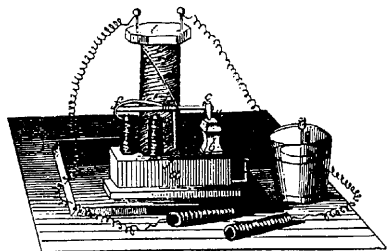
* * Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ мы уведомилъ о притязаніяхъ англійскаго физика Витстона, который жаловался парижской акаде-

міи наукъ на Брегета за то, что послѣдній якобы присвоилъ себѣ изобрѣтеніе электромагнитнаго хроноскопа, инструмента для измѣренія скорости движенія ядра. — Мы ожидали, что Брегетъ не оставитъ такого страннаго обвиненія безъ объясненія, и дѣйствительно сообщилъ академіи удовлетворительныя доказательства, что онъ никогда изобрѣтенія этого себѣ не приписывалъ, что инструментъ имъ сдѣланный для Г. Константинова, изобрѣтенъ не Витстономъ, а Г. Константиновымъ, а Брегетъ употребилъ свои познанія въ физикѣ и механикѣ, для исполненія только мысли изобрѣтателя; когда въ 1844 году Витстонъ объявилъ у Брегета, послѣдній ему показывалъ подробный рисунокъ инструмента, и Витстонъ не сдѣлалъ никакихъ замчаній и не оспаривалъ первенства изобрѣтенія. Брегетъ намѣкаетъ, что вражда къ нему Витстона возникла тогда, когда Брегетъ принялъ участіе въ устройствѣ электромагнитнаго телеграфа. Всѣ обстоятельства, изложенныя въ этомъ письмѣ, совершенно согласны съ истинною. Изъ письма Витстона, въ ту же академию видно, что онъ добивался участія въ томъ же дѣлѣ и починаетъ свою методу телеграфа гораздо лучше методу, которой сдѣлывала комиссия подъ руководствомъ Араго.

* * Электромагнитная гила — Прометей нашихъ времъ. Новый небесный огонь низведенъ наземлю. На этой новой кувшѣ готовить и лучше и скорѣе много, для чего прежде употреблялось, или лучше, истреблялось столько дровъ; но обширность прихитности электричества во всѣхъ трехъ его видахъ столь огромна, что едва ли малая часть этого новаго міра открыта и описана. Есть не мало электромагнитныхъ снарядовъ, посредствомъ коихъ можно прерывать электрическій токъ и опять возобновлять его; для этого изобрѣтено много коммутаторовъ, но всѣ приводились въ движеніе механическими средствами. Теперь придуманъ электромагнитный молотъ, который дѣйствуетъ самостоятельно. Грюель, въ Берлинѣ, умѣлъ движенье молота почитать электромагнитному аппарату, какъ изъ рисунка явствуетъ. Молотъ, въ теченіи секунды, можетъ сдѣлать отъ 3 до 100 ударовъ. — Не поскучайте, мы опишемъ устройство сваряда нѣсколько подробнѣе, авось кому-либо пригодится. На деревянномъ ящикѣ *a*, на сторонѣ, утверждена деревянная же наковальня *b*, покрытая довольно толстой и нѣсколько выпуклой идиальной пластиной; на противоположной сторонѣ поставленъ небольшой электромагнитъ *c*. Ма-

ный молотъ с e f покопется на мѣдишь, вверху влообразномъ столбикѣ, онъ утверждёнъ въ точкѣ e. На другомъ концѣ ручки молота прикрѣплена желѣзная пластинка i, покрывающая оба полюса электромагнита. Она составляетъ родъ рычага, но такъ легка, что голова молота всегда имѣетъ перевѣсъ. Столбъ у такъ устроенъ, что влочки, на которыхъ молотъ движется, могутъ быть поставлены и выше и ниже. Къ пластинкѣ, покрывающей наковальню, прикрѣплена мѣдная проволока k, которая проходитъ внутри наковальни, подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на право, выходитъ изъ ящика, n, загнулся опять подъ прямымъ угломъ, поддерживаетъ сосудъ съ ртутью h; i и k концы мѣдной проволоки малаго электромагнита. Н со столбомъ g должно быть въ непосредственномъ металлическомъ соприкос-

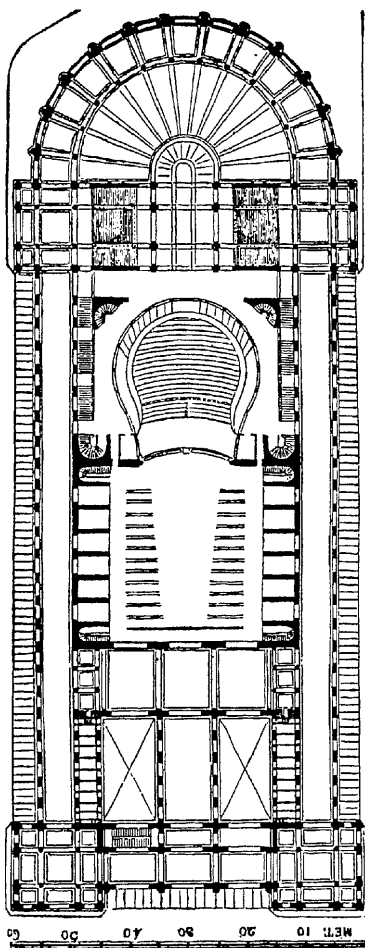
ная зала, театральная зала, управление и службы. Для баловъ и маскарадовъ всѣ залы могутъ соединиться въ одну и будутъ помѣщать двѣна-

дцать тысячъ человѣкъ. Но всѣ эти предполагаемая удобства въ проектахъ всегда хороши; но исполняются ли эти обѣщанія на дѣлѣ.

новеніи. Молотъ и верхъ наковальни должны быть хорошо покрыты амальгамой; на послѣднюю кладется не много ртути, что облегчаетъ движеніе слмы; если же ртуть станетъ окисляться, то легкое замѣнить свѣжею. Электрическій токъ, входя въ h и выходя въ i, по необходимости долженъ пройти черезъ наковальню, молотъ и ручку, чтобы достигнуть i, откуда онъ перейдетъ въ гальваническую цѣпочку, или какой угодно того же рода аппаратъ. Такимъ образомъ, гальваническій токъ возбуждаетъ дѣятельность въ маломъ электромагнитѣ; тотъ притягиваетъ рычагъ f, съ тѣмъ вмѣстѣ отрываетъ и молотъ отъ наковальни; но чрезъ это гальваническій токъ прерывается, а электромагнитъ теряетъ свою силу, рычагъ i поднимается, молотъ падаетъ на свое мѣсто, движеніе гальванической силы возобновляется и дѣйствіе всего аппарата идетъ непрерывно, при чемъ видны искры между молотомъ и наковальней. Это важное открытіе обѣщаетъ въ примѣненіи своемъ общую реформу на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ требуется дѣйствіе удара.

Воздухоочистительные снаряды давно уже въ употребленіи, но въ примѣненіи своемъ они имѣли небольшое развитіе. Теперь въ парижскую академию представленъ рациональный вентиляторъ, посредствомъ котораго можно будетъ очищать воздухъ даже въ рудоконьяхъ на какой-бы то ни было глубинѣ. Если обѣщаніе изобрѣтателя оправдается, то можно будетъ это открытіе назвать высокимъ подвигомъ чловѣколюбія, ибо кромѣ того, что рудокопы терпятъ здоровье отъ невозможности дышать воздухомъ, который каждое мгновеніе они сами портятъ собственными дыханіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ устраняются причины къ взрывамъ, которые случаются такъ часто и съ такими ужасными послѣдствіями.

Въ Парижѣ есть опера, одна изъ лучшихъ въ Европѣ; всѣ знаменитости въ ней являлись и являются, но самое зданіе далеко не соответствуетъ своему назначенію. Давно уже толкуютъ о необходимости построить новый оперный домъ и, кажется, проектъ архитектора Горо будетъ принятъ. Мы помѣщаемъ общій видъ и планъ предполагаемаго зданія. Странное иногда нравится наравнѣ съ прекраснымъ. Въ этомъ зданіи странная съихъ архитектура. Утверждаютъ, что при проектирѣ театра разнообразіе требованій поражаетъ и смѣшеніе въ водѣствѣ. Едва ли! Не ужели ихъ нельзя согласить съ общей мыслию въ цѣломъ. Въ новомъ театрѣ будетъ помѣщаться bouffes, концерт-

цать тысячъ человѣкъ. Но всѣ эти предполагаемая удобства въ проектахъ всегда хороши; но исполняются ли эти обѣщанія на дѣлѣ.

Не все же думать о пользахъ огромныхъ, възовыхъ; отъ чего не позаботиться и объ удовольствіи чловѣка. Г. Вилевевъ такъ и сдѣлалъ; онъ оставилъ въ покоѣ и электромагнитныя и подземныя слмы, а занялся усовершенствованіемъ снаряда, въ которомъ онъ спокойно себѣ дѣлаетъ ледъ, хотя бы это ему заказали подъ экваторомъ. Конечно, основа изобрѣтенія не новая. Давно извѣстно, что смѣшеніе соли съ хлороводородною кислотою производитъ мразъ лютой, но заслуга Вилевева заключается въ тщательной обработкѣ аппарата, для исполненія на дѣлѣ этого процесса. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ двухъ или трехъ цилиндровъ; средней замораживаетъ въ наружномъ воду, а во внутреннемъ дѣлаетъ мороженое. Онъ назвалъ свой снарядъ мороженникомъ Congélateur. Нельзя не признать и въ этомъ открытіи большой пользы для такихъ мѣстъ, гдѣ сохраненіе льда весьма затруднительно, и для аптекъ. Путешественники также съумѣютъ воспользоваться мороженникомъ. И все то благо, все добро.

Есть счастливицы, съ которыми природа вступать въ такую тѣсную дружбу, что открываетъ имъ свои секреты; обыкновенно случается, что каждому другу она шепчетъ на ухо одинъ секретъъ и даритъ любимцу славу, безсмертіе. Но такъ, съ памяти, не можемъ сказать, удавалось ли до сихъ поръ кому либо получать по два такихъ гостинца. А въ наше время это счастье въ короткое время досталось на долю извѣстному Дагерру. Уже, кажется, довольно было бы и того, что онъ вмѣсто себя заставилъ работать солнце. Такъ нѣтъ же; Дагерръ видно не хотѣлъ остаться въ долгу, и самъ сталъ работать за солнце, vice versa. — Есть у васъ деньги? Покупайте скорѣе чистое поле, а Г. Дагеръ въ двѣ недѣли разведетъ вамъ такой садъ, что чудо; дерево, которому надо расти сто лѣтъ, вырастетъ, во весь столѣтній ростъ и во всю столѣтнюю плотность, въ годъ, не больше. — Если журналы не шутятъ, если Дагерръ самъ не подултъ надъ журналистами, то спѣшимъ донести, что онъ изобрѣлъ, создалъ, открылъ, или какъ угодно, — живую воду. Эта жидкость — его секретъъ, не спрашивайте объ ея составѣ, но удивляйтесь послѣдствіямъ. — Дагерръ, принявшись къ способу окрашиванія цвѣтновъ и растений, также дѣлаетъ нарѣзку надъ корнемъ и питаетъ его своимъ живительнымъ напиткомъ. Корни жадно пьютъ эликсиръ возрастанія; толстеютъ, разбухаютъ; когда пресытятся, рана закрывается и дерево пошлою росту не до-дѣямъ, а по-часамъ, въ день проживаетъ годъ, въ годъ столѣтіе; время — сидитъ въ сосудѣ, въ которомъ хранится жид-

кость. Конечно, растение и умрет скорее, и в служб своей челоѣвку может быть не будет итти прежних качеств; но если открытiе Дагерра не выдумка, то согласитесь, что если не огромныя пользы, то огромное удовольствiе доставит оно многимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самой наукѣ объяснить законы питанiя и возрастанiя растений. Пусть эта искусственная роща проживетъ столько же, сколько росла; но на сколько данныхъ, на сколько удивительныхъ явленiй мы получимъ указанiя. Такъ и хочется бросить все и съѣздить въ новый садъ Г. Дагерра...

. Новая открытiя удивляютъ и увеселяютъ, но не должны исключать любви къ старому, тѣмъ болѣе, что открытiя и по этой части чрезвычайно важны, хотя и не столь многочисленны. Шутка-ли, не только мѣсто, гдѣ стояла Пиневiя, но цѣлый дворецъ самой Семпранды отысканъ, открытъ и частями пересылается въ Парижъ. Странно устроенъ родъ челоѣвческой. Онъ знаетъ всегда только одно или, онъ любитъ только одну значительность. Найдите хорошенькую картинку венецiанской школы, это ужъ непременно Тицианъ; найдите проруху въ Египтѣ, безъ обиняковъ она изъ будуара Клеопатры; отыщите ли въ Керчи трупъ, или остатокъ одежды — спорить нечего, это самъ Митридатъ или забытокъ времени Митридата; открыли Пиневiю, или лучше сказать одно зданiе... Къ чему разсужденiя? Это дворецъ Семпранды. Нѣкто Бота, французскiй консулъ, въ развалинахъ Моссула, открылъ уголъ дворца и, покрывъ это открытiе всею возможной таинственностью, убѣдомилъ правительство, что онъ поймалъ Пиневiю и держитъ ее въ рукахъ. Правительство послало ему вспомогательную силу, живописца Фландена. Взявъ они открыли безмѣрный дворецъ, несомнѣнно воздвигнутый Семпрандой; Фланденъ, что могъ, то срисовалъ; что можно, уложилъ, отослалъ въ Парижъ. Пиневiя теперь въ дорогѣ; рисунки предупредили ея прибытiя. Въ подвалахъ Лувра учрежденъ Вавилонскiй музей, и баснословный дворецъ Семпранды укладывается въ этихъ погребахъ. И послѣ этого, позвольте въприты, что Французы безъ шутокъ занимаютъ исторiей, что тѣ, которые вѣрять Пиневiю Бота и Фландена, могутъ оцѣнить труды историковъ!

. А между тѣмъ, въ одно время съ Пиневiей, выходитъ въ свѣтъ сочиненiе Амсея Тьерри, брата не Гонера, какъ называютъ Французы Августина Тьерри, потому что онъ сѣлъ, но французскаго Тацита. Это сочиненiе заключаетъ исторiю Галловъ до владычества Римлянъ. Дѣйствительно, для подобнаго сочиненiя много матеріаловъ въ лѣтописцахъ греческихъ, латинскихъ и гальскихъ; но французская эрудиція нугалась такихъ варварскихъ свидѣтелей и довольствовалась сказками. Трудъ Ам. Тьерри показался для нихъ дивнымъ, осмысленнымъ чудомъ. Постановили безусловно удивляться. Мы удивляемся ихъ удивленiю; ожидаемъ любовитной книги и убжидены что она заслуживаетъ во всякомъ случаѣ особеннаго вниманiя.

. Въ послѣднемъ номерѣ одного изъ уважаемыхъ изданiй мы нашли слѣдующее... Не позволю себѣ никакъ разсужденiй. Каждый, кто читаетъ постоянно Иллюстрацiю, кто знакомъ съ образомъ мыслей и правилами Редакцiи, угадаетъ и наши чувства и наше мнѣнiе; и такъ: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, раздѣляющая сердце сцена происходила у овра молодого челоѣвка, оставившаго этотъ мiръ во цвѣтѣ лѣтъ. Этотъ молодой челоѣвкъ, окруженный всѣмъ тѣмъ, что такъ походитъ на счастье, — былъ — князь. Обожаемая супруга престарѣлая родительница — рыдала у постели. Священникъ — пршшелъ съ дарами и раздѣлялъ ихъ на двѣ части. Одну прииалъ сынъ, другую мать, предъ лицемъ семейства, утонавшаго въ молитвѣ и слезахъ. Не смотря на это трогательное приобщенiе «Св. Таинъ, ихъ разлучили... — и княгиня теперь проливаетъ слезы надъ могилою, вмѣстѣ со вдовою. Видѣть съ слезами, она бросаетъ на эту могилу предестинныя цвѣты. Эти цвѣты называются «черныя розы», — это стихотворенiя князя Эппа Меллерскаго, несчастнаго героя этой исторiи, котораго всѣ поэты Францiи признали братьемъ. Всѣ

дѣти, всѣ супруги, всѣ матери признаютъ своими «эти стихи, написанные съ душою; они застаиваютъ оплакывать въ книжѣ Меллерскаго совершенство характера и будущность таланта.»

ЗАКЛАДЪ.

романъ

изъ неопубликованныхъ писемъ.

(продолженiе).

VII.

Деночка! Что ты это право такая неакуратная! Вотъ уже больше недѣль, какъ я отослала подводы, и приказала, чтобы привезли сюда весь мой гардеробъ, а вы, я не знаю, что тамъ все дѣлаете. Кажется, васъ тамъ довольно. Маурша, что за тобою ходитъ, Кулина, Палашка, Домна, Фришка, мало ли васъ тамъ; вѣдь я съ собой только трехъ дѣвокъ взяла, а время лѣтнее, мало другъ тутъ мылить, шитья. Такъ, пожалуйста, мой другъ Деночка, соберись-ка попроворитъ и если хочешь сама прѣѣзжай. Чудо не прижарь. Офицерства пронасть, а одинъ чуть-чуть не гардесецъ; штатскiя также довольно; изъ Петербурга есть одинъ, хорошенькiй; въ чинѣ; да предводительша мнѣ мегитъ за Девушку и петербургскаго за уши держитъ; а ужъ Девушка какой несомнѣной; выдумать, что я непременно должна любить.

— А за чѣмъ? позвольте васъ спросить.
— Да какъ же можно, того, не любить. Такъ ужъ челоѣвкъ сдѣлалъ. Пястью обуха не перешибешь. Каждому такъ на роду написано...

— Ну, видно, какъ писали, такъ про меня позабыли...

— Нѣтъ, ужъ этого никакъ не можетъ быть; и я ужъ если куплю лихую лошадь, такъ будь ихъ тамъ пятьсотъ, про нее не забуду.

Самъ ты лошады, подумала я и отошла.
— Деночка, не забудь въ нижнея ящикъ моей туалетки, есть аршинъ сто валансiенскихъ кружевъ, что мнѣ тетушка за настоящиъ украдала привезла. Захвати съ собою, душа моя, тутъ никто не догадается. Ахнутъ, какъ я покажусь въ кружевной мантлѣ. Для лѣтняго времени и легко и нарядно...

А онъ не отсталъ таки; все за мной да за мной.
— Что въ меня сегодня преслѣдуете? говорю и сму.

— Вы магнитъ...

— А вы желѣзо.

— Истинно такъ, Авдотья Семесовна. Настоящиъ магнитъ, и тинете и отталкиваете.

— Да жалъ, что силы мало...

— Нѣтъ-съ, ужасная сила. Право, Авдотья Семесовна, не будьте жестоки! Что вамъ за охота притворяться!

— Левъ Кирпичъ, не будьте жестоки! Отстаньте отъ меня! Развѣ вы не видите, что другiе по васъ вздыхаютъ?

— Пусть страдаютъ.

— Это ужъ старо, Л. К., вы бы выдумали что нибудь по-новье.

— Позвольте, только дайте подумать...

— Такъ думаете же, а пока я васъ оставлю, чтобы вамъ кончить было думать...

Вотъ, другъ мой Деночка! Что я съ этимъ злодѣемъ стану дѣлать. Я навѣрно знаю, что онъ совсѣмъ собрался на мнѣ жениться; даже не секретничаетъ. К. К. плачетъ, злится. Другiя на меня дуются, а я вотъ сей-часъ бы его подарла и въ придачу лучшаго коня съ моею конюшни. Что онъ за мужъ? Какой у него чинъ? Гдѣ я съ нимъ покажусь въ Петербургѣ? Превосходительства мнѣ не нужно пока, Превосходительство старостью пахнетъ; но ужъ и не оберъ-же-офицершю мнѣ быть. За что я себя пѣз полковницъ разжалую? Да и у самого-то, чтобы было ижъивье, или капиталецъ, не то на моп деньги будетъ себѣ дуть въ картишки, по мiру пустить; а не дашь денегъ, подымаетъ шумъ; дойдетъ до дерзости.

Деночка! Параша вотъ сей-часъ мнѣ доложила, что я вчера на хуторѣ зонтикъ сломала. Пришл мнѣ машинный съ костяной ручкой. Не поить же мнѣ здѣшняго...

Пока онъ думалъ, я подошла къ К. К. и говорю:

— Здравствуйте Клеопатра Кирпичовна! я у васъ была...

— Назвните, А. С.! Мнѣ не сказывали...

— Я и билетъ оставила...

— Не показывали...

Вреть, подумала я, это ты все за Девушку дуешься. — Какъ я это думаю и гляжу въ окошко, К. К. какъ вскрикнетъ: ахъ, Боже мой! это онъ!

— Кто онъ? подхватила хозяйка.

— Петербургскiй, что я вамъ рассказывала. Какъ онъ бѣднѣеикий попалъ сюда...

— Видно пробѣдомъ, ваше превосходительство, подхватила хозяйка.

— Какъ жалъ!...

— Прикажете, я прикажу его позвать...

— Et done Какъ можно! Черезъ лакея нельзя звать...

— Я самъ побѣгу...

И точно; сбѣгалъ, привелъ гостя. Хорошенькiй, и въ чинѣ; скоро, говоритъ, до бригадретва доберется... Вошелъ, раскланялся, пошелъ къ хозяйкѣ; та, ты знаешь, дура набитая, только прѣдвѣстаетъ, а онъ такъ и слышетъ ей слова, самъ раскраснѣлся; отъ хозяйки круто повернулъ локъ К. К. Та вспыхнула, а онъ посмотрѣлъ ей на руки и поблѣднѣлъ. Вотъ не привлечетъ же ко мнѣ такой простыиной; вотъ мужъ; охъ, какъ бы я славно управлялась. Мужчины, правда, всегда въ нашихъ рукахъ; только не надо ихъ любить; а полюби, такъ и роли переменяется; тогда изъ желѣзныхъ мнѣ не высвободишься. Разъ въ жизни я была на краю бездны. Помнишь этого аптекатора Спичева. Да, слава Богу, журналы вручили. Я какъ прочитала, какъ отхлѣбли его романчикъ, такъ будто рукой сняло. А то ужъ было и портретъ его достала, за то потомъ такъ славно и романъ и портретъ въ нечку полетѣли. Я себя ужасно люблю за этотъ подвигъ. Постой же, Деночка, слушай! Умора, право...

— Какъ вы оутилились тутъ? спрашиваетъ К. К., а глазами такъ и закатываются!

— Судьба! Счастливыя случаи... а можетъ быть и несчастныя.

— Это почему? Вы такъ молоды, вамъ вездѣ еще цвѣтеть счастье...

— Какъ эти цвѣты, что въ рукѣ вашей... они цвѣтутъ, да жизнь ихъ подрѣзана...

Слышь! Слышь, Деночка! Вотъ былъ бы мужъ! К. Кирпичовнѣ, куда ей! Она сама пошла бы въ пѣтн къ этому новичку, если бы нерасторопно не увирила себя, что любитъ Девушку...

— А не правда ли чудесные цвѣты?

— Отвратительные...

— А я ихъ ужасно люблю.

— А я ихъ ненавижу.

— За что?

— За то, что не я... Новичекъ закнулся. Есть такiе несчастныя, что влюбятся по уши, сто разъ въ день начинаютъ объясненiе и закнулся всегда на такомъ мѣстѣ, что совсѣмъ нѣтъ смысла. И если женщина не имѣетъ желанiя услышать, что онъ се любитъ, несчастныя никогда не выскажутся. Знаешь, Деночка, мнѣ онъ сталъ смѣшонъ п жалокъ. Я отошла. На счастье ко мнѣ присталъ хозяйпъ, ты его знаешь, старого волокути. Онъ и за тобою ухаивалъ. Впрочемъ, онъ болтаетъ забавно, а Девушка, не знаю почему, не любитъ съ нимъ сходиться. Видно онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать на зло и присталъ къ К. К. Вотъ елибъ ты вѣдала нашу пау. Какъ она гордо выступала! Какъ любезничала и старалась между обогателами зажечь ревность. За обидомъ смѣтливый хозяйпъ такъ искусно размѣстлялъ гостей, что К. К. сидѣла между Девушкой и гостемъ; я возлѣ гостя; я обѣ этомъ просила, потому, чтобы наблюдать, злитъ и смѣяться. И право, я и на театръ не видела такой комедiи. Но въ этомъ смѣшонъ вовлечѣ были и трогательныя мѣста. Право бѣдный гость мнѣ жалокъ! Можно ли влюбиться до такой степени! Онъ не видѣлъ ни кого, не слышалъ ничего

не был, не пил, ревность поглотила все... Бывший! Торжество К. К. после обеда кончилось и началось мое мучение. Дезушка опять пристала и так надо мной, что я встал и ушла. Прощай, Леночка! Пріѣзжай сама, а неслзя так присылать все скорѣе, потому, что у нас тут затѣвуютъ спектакли, маскерады и т. д. Цѣлую тебя! Клаивидя всѣмъ моимъ людям...

Твоя Дуля.

IX.

Я былъ на этомъ ужасномъ хуторѣ, Жоржъ! И проклинаю эту глупую мысль, потому, что мои догадки разбѣжались въ разные стороны; недоумѣше какъ море въ волнахъ... И затѣмъ это несчастное сердце, этотъ скудальный сосудъ можетъ носить такъ много в такихъ ужасныхъ чувствахъ! Любить, выдать ревностью, сомнѣваться, надѣяться... и все это вдругъ, въ одно мгновение? Сколько же душъ у человека, когда все онъ можетъ чувствовать въ одно время. Да, я пріѣхалъ, надѣясь, за мной выслали хозяйниа, я сказалъ, что ѣду обзрѣть фабрику, но лошади моего пѣзвоника пристали; за цѣлковый онѣ пзмучились совершенно; меня просятъ, я иду, но дорогѣ узнаю кто виновница моего приглашенія... Встрѣчаюсь, та же холодная ласка, тѣ же заманчивые набыш... Но не мнѣ одному... Тутъ есть третій... Но не тотъ, что купилъ букетъ; нѣтъ, безбородый юноша, пустословъ... Она не можетъ любить его, не можетъ! Я рѣшаюсь, я слишкомъ хорошо знаю сердце и умъ этой женщины, непостижимой очаровательной, страшной!... Охъ! Жоржъ! Не смѣйся, когда я плачу! Не обижай меня разсужденіями и советами!... Нѣтъ! Я не могу писать! Голова горитъ, голова болитъ! Весь вечеръ я провелъ съ нею, весь вечеръ говорилъ о любви и не сказалъ ни слова о моей любви; рѣчь загоралась въ устахъ моихъ, я задыхался... Развѣ я не встрѣчалъ на вѣку моемъ красавицъ, развѣ я не влюблялся по уши! Дитя! Я думалъ, что я любилъ, когда такъ тихо, такъ сладостно мечталъ о блокурой пѣмочкѣ, которая на дачѣ обыкновенно стояла у калитки на мостикѣ; вѣтеръ игралъ ея локонами; она красовалась стройностью стана, она улыбалась, глядя на меня, когда я проходилъ по другой сторонѣ улицы и любовалась на красную куклоку, и я думалъ, что я влюбленъ... Мнѣ было тепло, весело, легко... Теперь я въ знойной, душной темницѣ; кругомъ огонь паллій, но желѣзные рѣшетки не даютъ выскочить. Какъ будто водоваль, летить по душѣ моей грусть бездонная, безбрежная; хочу вздохнуть, гора на груди... Спасите?... Нѣтъ, я не могу писать, какъ хочешь не могу... Проста!

X.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нельзя насильно заставить Евгенія писать письма. Онъ сдержалъ слово; не писалъ больше писемъ; покрайней мѣрѣ я не отыскалъ ихъ; но какъ драма эта разыгралась почти на глазахъ моихъ, хотя и давно, имѣла начало и конецъ, то я рѣшился въ подробномъ отчетѣ изложить продолженіе этого романа. — Пусть эти письма составятъ первую главу... Приступимъ ко второй.

(Продолженіе прислано).

АНЕКДОТЫ.

I.

На Востокѣ, въ одномъ царствѣ государствѣ, по примѣру Европейцевъ, завели карантинны. Чума такъ сильно свирѣпствовала, что умравшихъ сѣщили жечь, чтобы не заражалъ воздуха. Врачи въ такихъ случаяхъ дѣлаются ужасно важными людьми. Врачъ обошелъ свое отдѣленіе и приказалъ

отвести четырехъ покойниковъ на костеръ. Приставники вытащили ихъ баграми, взвалили на возъ и повезли. Вдругъ одинъ изъ труповъ раздумалъ умпратъ, приподнялся и спросилъ съ изумленіемъ: куда вы меня везете?

— Лежи! Не твоѣ дѣло...

— Какъ не мое дѣло? Я хочу знать...

— Пожалуй! Мы тебя веземъ жечь.

— За что?

— За то, что ты умеръ...

— Да развѣ вы не видите, что я живъ...

— Скажи!

— Какъ сказки! Вы ослѣпли что ли! Кому же знать лучше, живъ ли я или умеръ...

— Ну, ужъ извини! По этой части докторъ развѣ меньше твоего знаетъ! Ты былъ и при жизни боляно глупъ, — а глуръ докторъ извѣстный мудрецъ. Ужъ ему ли не разобрать живъ ли ты или нѣтъ. Не надуешь, братъ! Не на такихъ намахъ! Лежи спирно, вотъ ужъ и подалеко.

И бытъ бы ему на костерѣ, еслибы докторъ нечаянно не повстрѣчался и не даровалъ жизни живому.

II.

Въ одномъ городѣ, неупомни какого-то намѣстничества, городничій не отличался вѣжливостію; напротивъ, по обычаю оныхъ временъ, обходился со пѣями круто, грубо и нахально, не разбирая просителей. Намѣстникъ въ проѣздѣ черезъ городъ, увѣдомляясь о несправильномъ обращеніи городничаго съ подчиненнымъ и постороннимъ, позвалъ его къ себѣ и келейно вымылъ ему голову по отечески.

«Вы должны понимать, говорилъ намѣстникъ: что долгъ и обязанность человека образованнаго обходиться со всѣми ласково, учтиво, съ полагобною сано вашему важностію, но безъ грубости и крика...

— то же мнѣ съ щими, цѣловаться прикажете?»

«Кто объ этомъ говоритъ тебѣ, любезный; но вотъ, напримеръ, придетъ къ тебѣ проситель, ты, любезный, долженъ пригласить его присѣсть, обласкать, вѣжливо распросить... Я надѣюсь, что ты будешь слѣдовать моимъ советамъ; иначе посоримся.

Раздосадованный городничій воротился домой, и какъ нарочно въ то же время пришелъ къ нему весьма порядочный человекъ, который по дѣламъ принужденъ былъ часто видѣться съ городничимъ, и очень хорошо зналъ его вспыльчивый и сварливый характеръ.

— Садись! закричалъ городничій, увидавъ гостя. Тотъ не могъ понять причины такой вѣжливости и церемонилса...

— Я пришелъ просить васъ...

— Садись прежде! что за дьяволъ такой.

— Я и постою...

— Да говорятъ тебѣ, садись...

— Да мое дѣло все въ трехъ словахъ.

— Да ну къ черту, садись, садись, садись! закричалъ во все горло городничій, и схвативъ просителя за плечи, опрокинулъ его въ кресла насильно. Вотъ такъ, туда, къ черту! ну, сиди и разсказывай!

ПЕРЕННСКА.

С. М. — Съ удовольствіемъ, только не огорчайтесь, если нѣсколько Нумеровъ не увидите ожидаемаго. Картинки требуютъ времени, и для того, чтобы нарисовать, и для того, чтобы награвировать.

А. Д. В. Невозможно, развѣ позволите сократить, безъ ущерба для существеннаго содержанія.

О. — Уничженіе паче гордости. Такіе нул стоятъ единицы.

1. 15. 7. — Конечно, тутъ есть и единицы и десятки, но... статья не можетъ быть принята.

О. П. — id, что и въ прежнемъ номерѣ. Старая пѣсня, знаемъ кто поетъ.

И Г Р Ы.

Всякая игра, какая бы она ни была, есть условіе, между играющимъ, заключаемое совершенно произвольно; оно справедливо, потому что обоюдно. Вы видите это всего явственнѣе въ преферансѣ, гдѣ вступаютъ на пр. отдѣльно каждый, съ пригласеніемъ третьяго, съ обща и, наконецъ, съ передачею картъ слагошему; и все это справедливо, потому что обоюдно. Но такое разнообразіе ведетъ къ спорамъ, почему, для прелупрежденія ихъ, условливаются съ поль-часа и, постановивъ правила, играютъ, руководствуясь закономъ собственнаго сочленія. Въ разнообразіи этихъ частныхъ законовъ, игральныя общества или клубы, отыскиваютъ ближайшіе къ справедливости, принимаютъ ихъ единожды на всегда, и тогда эти правила получаютъ значеніе писаннаго закона и служатъ руководствомъ большинству играющихъ. Въ шахматахъ мы встрѣчали также различныя и часто совершенно противоположныя условія. Почитаемъ не излишнимъ сообщитъ читателямъ правила, принятія со времени Филлора и служація писаннымъ закономъ для клуба Café de la Regence, и другихъ. Вотъ онѣ:

I.

Шашечницу должно всегда ставить такъ, чтобы была угольная-клетка или квадратъ находился по правую руку игрока. Если игрокъ, не сдѣлавъ четвертаго хода, замѣтитъ, что шашечница стоитъ неправильно, можетъ начать игру снова, но если четвертый ходъ сдѣланъ, игра уже завязалась и возобновиться не можетъ.

II.

Если шахматы разставлены неправильно, тотъ, кто замѣтитъ, можетъ поправить у себя или у своего противника разстановку шахматъ, но также до четвертаго хода; послѣ четвертаго хода обязанъ продолжать партію, какъ она есть.

III.

Если партія началась безъ фигуры, или безъ пѣшки, и съ обѣихъ сторонъ сдѣлано уже по четыре хода, должно продолжать партію и забыть фигуру или пѣшку ставить на мѣсто не лаятъ.

IV.

Если по условію дается впередъ фигура или пѣшка, тотъ, кто обѣщалъ и забылъ исполнить условіе, не можетъ, во время игры, отдать фигуры или пѣшки. Партія продолжается въ полномъ видѣ, безъ проигрыша для того, кому была та или другая обѣщана; развѣ игра обратится въ ничью, тогда шикто не проигрываетъ.

V.

Право перваго хода въ первую партію опредѣляется жребіемъ.

VI.

Кто выигралъ первую партію, въ слѣдующую имѣетъ право перваго хода.

VII.

Если что либо дается впередъ, то право перваго хода принадлежитъ тому, кто далъ впередъ фигуру или пѣшку.

VIII.

Кто дотронется до фигуры или пѣшки, долженъ играть тою шашкою, до которой дотронулся; если при этомъ случатъ не скажетъ *jadouhe* что въ другихъ играхъ называется: чуръ! По-русски не знаемъ какое слово употребляютъ игроки въ подобномъ случаѣ. Слыхали мы только разъ, что при этомъ игрокъ говорилъ: Не въ ходъ, но это выраженіе намъ не понравилось. Если на шашечницѣ произойдетъ беспорядокъ, или шашка упадетъ, можно поправить, поднять, не обязуясь играть тою шашкою, по все-таки надо отчураться.

IX.

Если кто взялъ шашку и поставилъ на мѣсто, не можетъ взять ее оттуда, чтобы переставитъ на другую клетку.

X.

Если кто дотронется до чужой шашки и не скажет *опаснаго* слова, противникъ можетъ заставить его взять эту шашку; если же ее взять нельзя, то, сдѣлавшій ошибку, долженъ сдѣлать ходъ своимъ королевемъ; если и этого не льзя, — ошибка остается безъ послѣдствій.

XI.

Если кто сдѣлаетъ ходъ чужой шашкой вѣсто своей, то противникъ можетъ заставить его: 1) взять ту шашку, если ее взять можно, 2) поставить на прежнее мѣсто, или 3) оставить на томъ мѣстѣ, куда она по ошибкѣ подвинута.

XII.

Если кто чужую шашку беретъ шашкой, которою взять ее не можетъ, обязанъ взять ее другою шашкой, если можно, а нельзя, такъ играть тою, которою хотѣлъ ее взять.

XIII.

Если собственною вашею шашкою вы берете, по ошибкѣ, также свою; то противникъ можетъ васъ заставить играть одною изъ двухъ тронутыхъ вами шашекъ, какою заблагоразсудитъ.

XIV.

Если вы сдѣлаете неправильный ходъ, противникъ вашъ въ правѣ оставить шашку тамъ, гдѣ вы ее поставили, или заставить васъ играть ею снова.

XV.

Если кто сдѣлаетъ два хода сряду, противникъ можетъ оставить оба хода, если это для него выгодно, или уличить второй.

XVI.

Если кто передвинетъ пѣшку на два мѣста, мимо чужой пѣшки, противникъ можетъ ее взять.

XVII.

Рокерада (перебѣна мѣстъ короля и башни) не дозволяется: 1) если король уже ходилъ; 2) если при перебѣнѣ мѣстъ проходить черезъ клетку, на которую приходится шахъ, и 3) если башня уже сходила съ мѣста. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, если вы дотронулись до короля и башни, противникъ можетъ васъ заставить играть тѣмъ или другою.

XVIII.

Если кто сдѣлаетъ ходъ шашкой, которую нельзя снять съ мѣста, не открывъ шахъ королю, долженъ играть королевемъ. Если же король не можетъ ходить, не подвергаясь шаху, ошибка остается безъ послѣдствій. Переигрывайте какъ и чѣмъ угодно.

XIX.

Шахъ королю объявляется. Если вашъ шахъ не объявленъ, и вы дѣлаете ходъ не въ защиту короля, а противникъ, послѣ вашего хода, объявляя шахъ, захочетъ взять какую-нибудь изъ ва-

шихъ шашекъ, вы можете переиграть вашъ ходъ и защитить короля.

XX.

Если вашъ король стоитъ подлѣ необъявленнымъ шахомъ въ продолженіи многихъ ходовъ, и невозможно повѣрить данъ ли ему шахъ, или же онъ самъ подлѣ него сталъ, то вы, занятые это сами, или по указанію противника, должны переиграть вашъ послѣдній только ходъ и защитить короля.

XXI.

Если противникъ вамъ объявитъ шахъ, а шаха нѣтъ, хотя то бы вы взяли шашку и поставили ее въ защиту короля, но въ то же время замѣтилъ ошибку противника, можете переиграть вашъ ходъ снова.

XXII.

Но вы не можете этого сдѣлать, если противникъ уже пошелъ. Вообще, всякая ошибка исчезаетъ, коль скоро тотъ, кому играть сдѣлуетъ, сходилъ, или дотронулся къ шашкѣ.

XXIII.

Если пѣшка приходитъ въ дождь — ее можно замѣнить другою ферзью, слономъ, конемъ, башней, какъ вамъ угодно.

XXIV.

Патъ называется положеніе короля, когда онъ стоитъ не подлѣ шахомъ, и не можетъ сдѣлать ни одного хода, который бы не былъ подлѣ шахомъ, и въ то же время нѣтъ ни одной шашки, которою можно ходить. Патъ обращаетъ партію въ ничью.

Вотъ одно изъ лучшихъ уложеній шахматнаго міра. Вы видите, что патъ обращаетъ партію въ ничью, тогда какъ многие любятъ обращать полученный патъ въ полный свой выигрышъ, или, что еще смѣшнѣе, въ половинный, точно также какъ и партію, называемую *le Roi deouillé*, то есть, когда король остается въ партіи совершенно одинъ. О послѣднемъ случаѣ, какъ совершенно пустомъ и несправедливомъ, въ кодексѣ даже не упоминается.

РАЗРЕШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 15.

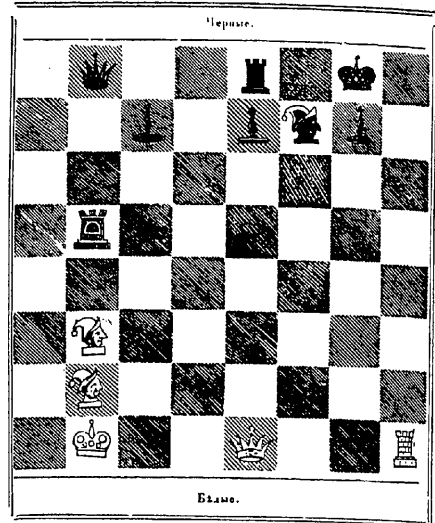
БѢЛЫЕ.

1. Л. на 7. к. Кор.
2. Л. бер. Слона.
3. Сл. на 8 м. К. Бер.
4. Ф. на 7. м. Кор.
4. К. на 5 м. Сл. Ф. и Матъ.

ЧЕРНЫЕ.

- Сл. на 3 м. Кор.
- Кор. бер. Л.
- Кор. на 4 к. сл.
- Ф. бер. Ф.

ЗАДАЧА № 14.
БѢЛЫЕ ДАЮТЪ МАТЬ 14 ХОДОВЪ.

ЕЩЕ ЗАДАЧА.

Возьмите пустую бутылку, закупорите ее крѣпко на крѣпко, и тогда наполните водою, но такъ, чтобы пробки изъ бутылки не вынимать, и чтобы не повредить ни пробки, ни бутылки.

РАЗГАДКА № 13.

Пѣшій конюму не товарищъ.

ЗАГАДКА № 14.

ШАРАДА.

На первомъ — сухари дѣлають. (Одинъ слогъ).
Во второмъ — сухари ѣдятъ, или, если не угодно, такъ второе (ономимъ) во второмъ своемъ значеніи, по преимуществу, принадлежитъ къ этому отдѣленію Иллюстрацій, хотя объ немъ здѣсь и никогда не упоминается. Второе обогащается рѣдко, но часто разоряется. (Два слога).

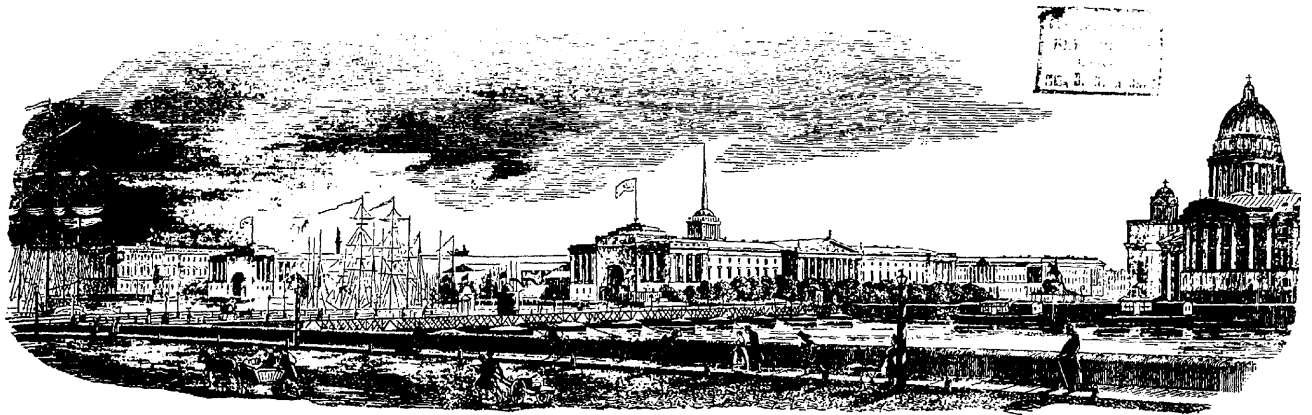
Цѣлое — и великолѣпная колонна и простая шепка.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Случай и Клевета, рассказъ Вилгелммина. II. Ф. 2. Ловля Китовъ. 3. Сахаръ 4. Меджана, Сибирскій очеркъ В. А — я. 5. Приметы, рассказъ А. Б. — ова. 6. Ежедневникъ. 7. Странствователь по чужимъ изданіямъ. 8. Закладъ романъ (продолженіе). 9. Анекдоты. 10. Переписка 11. Правила шахматной игры. 12. Задачи. Загадка и Шарара.

ГРАВЮРЫ: 1 Сцены изъ повести рассказъ Вилгелммина 2. Ловля Китовъ (двѣ гравюры). 3. Обработка Сахара (10 гравюръ). 4. Портретъ Г. Мочалова 5. Электромаягнитный молоть. 6. Проектъ Театра 7. Планъ Театра. 8 Загадка. Всего 18 гравюръ.

И Д Л Ю С Т Р А Ц И Я ,

ЕЖЕДЕЛЪНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 15. — Суббота, 14 Июля 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

П Р И М Ъ Т Ы .

Разсказъ.

(Окончаніе).

— Что ты это, Ванчикъ, а кажется хмѣль-паго въ ротъ не берешь.

— А что ?

— Да кто почешетъ кончикъ носа, въ чарку смотрѣть...

— Ну смотрѣть, такъ смотрѣть, вотъ, встаети, въ вашемъ ковшѣ и вода чистая...

— Не замай! грѣхъ!

— Это почему ?

— Этого ковшъ въ банѣ былъ со мной ; стоитъ для другихъ причинъ, а пить изъ него грѣхъ, дѣло извѣстное... Палашка, подай воды Ванчикъ...

Въ это время вошла старуха и повалилась барышѣ въ ноги.

— Что тамъ такое, Кирillowна ?

— Матушка, боярыня! Онисимъ мой... Господи, не приведи случая... Помилуй, матушка, избавь изъ бѣды, вѣчно Бога молить буду, ниъ его обошелъ нечистый, ая гдѣ ни есть лѣшаго встрѣнулъ, ая кто ему прикинулъ желтую немочь, помилуй, матушка, боярыня, прикажи ему мазть какую поставить, ая что придумать позволишь ; будь родной матерью, покажи божескую милость...

Теща стояла какъ будто пораженная тайнымъ чѣмъ-то.

— А ? наконецъ, сказала она, обращаясь къ Палашкѣ : вотъ тебѣ и О. Проконъ съ палкой, вотъ тебѣ и перевозница! Гдѣ Онисимъ ?

— Въ птвичникъ, мать моя!

— Въ птвичникъ, воскликнула она въ ужасѣ ; пойдѣмъ скорѣе... пойдѣмъ Иванъ Егоровичъ !

— Пойдите, Анна Алексѣевна, сказала я не безъ робости, стараясь закручивать приказъ усомъ, которые мы отпустили на ка-

никулахъ, чтобы еще тверже стоять на офицерской погѣ...

— А зачѣмъ я пойду ? Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Страждущее человѣчество...

— Да какое тамъ человѣчество, старый Онисимъ, что за птвичникомъ смотреть, захворалъ отъ старости, да помнѣ пожалуй пойдѣмъ. Погляжу на выводокъ...

— Позвольте вамъ предложить руку...

— Не пужло. Я тутъ всеъ закаулки лучше вашего знаю... Пойдѣмъ.

Смушенный, я однако же шелъ за Анетой, оправдывая ея поступокъ незнапемъ свѣтскихъ обычаевъ. Настоячивость, думалъ я про себя, смѣлость города беретъ и т. п. Мы догнали нашихъ у самой калитки птвичника. Онисимъ лежалъ въ своей сторожкѣ и стовалъ, будто камень на грудь ему ввалили.

— Что съ тобой, старый дуракъ, что ты это надѣлалъ, закричала старуха, пу въ твои лѣта хворать ; этакой глупый, ты ребенокъ, что ли ? Видно изъ непокрытаго горшка молока хлѣбнулъ ; будто не знаетъ, что изъ него нечистый пьетъ. Ну, что у тебя болятъ ?...

— Все, простовалъ Онисимъ .. Вотъ такъ и мутить. Душа вонъ проснется, охъ...

— Голова болятъ?..

— Болятъ.

— И животъ?..

— И животъ...

— А грудь ?

— Болятъ...

— А гдѣ ?

— Вотъ здѣсь, и здѣсь, и тутъ, и тамъ— и сталъ показывать Онисимъ и на ноги и на руки, такъ, что если бы вѣрить его словамъ, такъ точно у него болѣло все. Но теща сказала :

— А погляди на меня. Э! да у тебя желтуха! Палашка, скажи Трофиму, чтобы скорѣй живую щуку въ прудъ изловилъ ; да проворнѣе, Я тебя сеи часть вымечу.

Пока ловили щуку, теща обошла весь птвичникъ, который дѣйствительно былъ паливо. Особый дворъ съ прудомъ, тутъ водились : гуся, утки, куры, индѣйки разныхъ породъ. Иванъ Егоровичъ, глядя на это все, только вздыхалъ ; я подошелъ къ нему, и онъ тихо сказалъ : — Кто знаетъ, какъ луна упадетъ, все это перемереть можетъ... Я погрозила ему пальцемъ, чтобы хозяйка не услышала объ опасности, угрожающей нашей губерніи. Пошли мы и на скотный дворъ, тутъ господствовалъ отличный порядокъ и чистота. Теща рекомендовала намъ каждую скотину и разсказывала генеалогію ея и биографію; «Эта по холмогорскихъ, сказала она, указывая на красную корову, величественно лежавшую въ загонѣ. Во всемъ стадѣ не было такой коровы, да ластка черезъ нее перебѣжала, вотъ другой годъ убавила молока на половинну. А вонъ ту бурую сама на ярмаркѣ купила ; лажитиющая штука была ; не ко двору пришлась, что будешь дѣлать ; не самой же за всемъ усмотрѣть ; говорила я глупому Терехѣ, какъ приведешь домой, такъ въ калитку пропусти бурую черезъ полясъ ; такъ пѣтъ же ; пройдетъ и такъ, прошла, да ко двору не пришлась... Въдъ на все есть законъ, не перехитришь ; Тереха у меня больно глупъ ; держу потому, что за покойника еще скотинкомъ былъ... А болванъ болванѣющій. Самъ черный цыганъ этакой, послала его лошадъ искупить, купилъ сивую! Ну слыхано-ли, видаво-ли, чтобы сивая лошадъ, черноволосому купцу ко двору пришлась. Темный народъ, что стапешъ дѣлать!.. Погляди, погляди Ванчикъ! Видно твой Федя на все мастеръ ; знать въ гальмазинъ всему обучаютъ?..

— Всему, татап, а пуще Острономинъ...

— То-то и видно, что острый...

Правду говорила теща. Оединька, неимѣя ни какого предмета для своей цивилизаціи по любовной части, почелъ обявностью помогать Палашкѣ въ исполненіи приказанія барыни, и вмѣстѣ съ Трофимомъ ловилъ щуку, а Палашка тутъ же стояла съ лоханкой

для припятія лекарства. — Наконецъ Трофиму или Оединькѣ удалось найти искомое; Оединька отпавилъ Трофима со шукой на птичникъ; теща не замѣтила этой несправности, такъ было сильно желаніе вылечить Овисима и передъ нами показать свои познанія въ сельской медицинѣ. Мы всё поспѣшили на птичникъ, Трофимъ съ лоханкой былъ уже тамъ.

— «Ну, Описимъ!» сказала теща: подымись! Трофимъ поставь сюда лоханку, да присматривай, чтобы шука не выскочила, а ты, Описимъ, все гляди да гляди на шуку, пока я приду, глазъ съ нея не своди, да смотри не моргай; какъ рукой желтуху спи-меть... Пойдемъ въ новую рошу! А ты, Вапичка, погляди который часъ! Ровно полчаса падо Описиму на шуку смотрѣть...

Тутъ теща замѣтила, что я безпрестанно покручиваю признаки усоевъ моихъ.

— Что, батюшка, никакъ у тебя усы чешутся?

— Точно такъ, отвѣчалъ я не безъ смущенія.

— Ну, ужъ извини, а мимо моей дѣвичьей ходить не изволь...

— Не могу понять...

— Да ужъ дѣло извѣстное! Усы чешутся, цѣловаться будешь; такъ съ кѣмъ же тебѣ тутъ цѣловаться... Дѣло извѣстное! Молодежь всегда царовитъ къ дѣвичьей... Покойникъ былъ и не совѣтъ молодъ...

Теща не кончила, потому что прямо на дорожку, которая вела въ рошу, лошадь валилась...

— Воротимся! сказала она...

— Позвольте! вскричалъ я, довольный тѣмъ, что мнѣ придется цѣловаться, и съ кѣмъ, дѣло извѣстное... Я прогоню лошадь! — По теща схватила меня за руку...

— Боже тебя сохрани, лишишь или коросту наживешь, если наступишь на то мѣсто, гдѣ лошадь валится. Пойдемъ назадъ, чай Описиму уже лучше...

Но Описима бѣднаго ломала и была лихорадка; онъ не могъ держаться надъ шукой, не смотря на помощь Кириловны и Трофима...

— Вотъ что! вскрикнула теща; да зачѣмъ же ты мнѣ сей-часъ не сказалъ, что у тебя лихорадка, не желтуха; Трофимъ, поди, сбѣгай въ кладовую, на ключи, принеси копыто, да горячихъ угольевъ захвати, да не уворуй чего въ кладовой, я всему счетъ знаю. Проворишь! Палашка, а Палашка! Но Палашки не было; съ птичника нельзя было видѣть пруда, гдѣ мы ее оставили съ Оединькой... Вѣроятно немедленное слѣдствіе тотчасъ бы обнаружало гдѣ Палашка, по Трофимъ оказалъ немвоѣрное усердіе, припесъ копыто и уголья въ два мига. Теща увлеклась своей медициной и приказала окуривать большого копытомъ. Поднялась вонь ужасная; птицы разбѣгались куда только могли, одна курица, видно слишкомъ чувствительная, закричала пѣтухомъ... «На свою голову!» зареветъ теща и бросилась за курицей... «Палашка, Палашка, лови.» Но Палаш-

ки не было; мы всё за ней; поймали курицу; Трофимъ тутъ же выпуль ножъ, зарѣзалъ дерзкую курицу и отвесъ на кухню. Хотя все это совершилось правильно и несчастія не слѣдовало опасаться, но теща не могла успокоиться; посиѣшно она оставила птичникъ и приказала какъ можно скорѣе вынести Описима въ деревню и положить на пустомъ дворѣ, гдѣ уже сама будетъ пользоваться его.

— Послѣ окурки, заключила она, не умереть Описимъ, да лучше выпести про случай; неравно умереть, такъ ни одна насѣдка цыплятъ не выведеть...

Воротились мы, наконецъ, въ комнаты; теща взглянула въ уголь и сказала:

— Ну, быть вѣтру!

— Нѣтъ, маманъ, будетъ дождь...

— Врешь, Ваничка...

— Да барометеръ...

— Что твой Баронъ Этѣръ, когда моя кошка валяется.. Вѣтеръ и кончено...

— Пусть и вѣтеръ; видно съ этого вѣтру мнѣ такъ вѣтъ захотѣлось.

— Постой, батюшка, дай той курицѣ увариться, что зарѣзали, не то умереть Описимъ, или наживемъ другаго покойника. Прежде той курицы ничего вѣтъ не дамъ. А ты гдѣ была, мерзавка?

— А гдѣ я была? Оедоръ Ивапычъ приказалъ мнѣ у пруда его дожидаться?

— За чѣмъ?

— Да развѣ я знаю; они тамъ ловили что-то, да и мнѣ изволили сказать: одному скучно, помогай мнѣ, Палашка...

— Огого! Да видно-то въ гальмазинъ все-му учать...

— Все-му, маманъ, все-му, даже острономин.

— Такъ пошла же ты въ дѣвичью, да и спи тамъ, да если изъ этихъ гальмазинистовъ который нось туда покажетъ, такъ мнѣ сказать. Пошла...

— Маманъ! пусть себѣ тамъ курица варится, а водочки бы не мѣшало.

— Палашка!

Палашка вернулась.

— Ты за чѣмъ пришла! Развѣ я тебѣ не сказала, слѣдѣть въ дѣвичьей.

— Да вы же меня кликали.

— Кликала за тѣмъ, чтобы ты Трофима позвала, а не за тѣмъ, чтобы ты сюда сама ходила. Пошла вонъ!

Припесли и водку, подали и обѣдать, досталось и Оединькѣ и Ваничкѣ; только Анета, да я, какъ-то ушли отъ грозы, но за то пришла другая гроза. Предсказаніе Баронъ-Этѣра сбылось; загремѣлъ громъ, буря разразилась, дождь лизмя ударилъ; тетушка съ досады поперхнулась; Иванъ Егоровичъ съ трудомъ умилостивилъ тещу; я также поспѣшилъ къ ней на помощь и доказалъ, что она совершенно права, потому что кошка валилась на вѣтеръ и вѣтеръ сильный, порывистый предшествовалъ бурѣ. Я въ

душѣ желалъ, что-бы тетушка была права. Усы у меня такъ и горѣли; я нащипалъ себѣ самое ясное предвѣщаніе и только и ждалъ случая, какъ бы ему сбыться. Вдругъ страшный громъ раздался весьма близко; въ дверяхъ, испуганный Трофимъ, уронилъ блюдо и красныя раки рассыпались по столовой... Тутъ уже всякое описаніе будетъ недостаточно. Теща въ ужасѣ вскочила п, ука-зывая на раковъ, кричала неистово: это кто? это что? сверчки? тарантулы? раки? Какъ ты смѣлъ, Трофимъ? Развѣ ты не знаешь, что нельзя вѣтъ раковъ! Кто изволивъ! кто прирешеть?..

— Оедоръ Ивировичъ съ Палашкой!

— Оедоръ Ивановичъ! хороша гальмазинъ! такъ этому васъ тамъ учать! А Палашкѣ достанется...

Теща выскочила. Мы спѣли въ недоумѣніи; первый опомнился Иванъ Егоровичъ. Что такое тутъ случилось?

— Я говорилъ вамъ, Оедоръ Ивановичъ, сказалъ Трофимъ, что не хорошо вѣтъ раковъ. Вотъ и разгнѣвали барыню.

— Вотъ что! пойдѣмъ Оедя къ ней! извинись! попроси прощенія, скажи, что не зналъ.

— Батюшка, да вѣдь и вы кушаете раки...

— Тсъ! молчи! Что ты это! Наслѣдства лишитъ! Пойдемъ, пойдѣмъ! повинимся! А грозу я ей обьясню; нечего дѣлать, падо ей признаться; надо же и ей знать, что это луна уже начинаетъ падать и натура приходить въ безпорядокъ. Пойдемъ! Пойдемъ!

Оедя былъ послушный сынъ и, съ удивленіемъ глядя на отца, пошелъ съ нимъ къ тещѣ; а Трофимъ, подобравъ раковъ, побѣжалъ на кухню. Тутъ у меня усы до того разгорѣлись, что я подѣлъ къ Анетѣ безъ церемоніи и сказалъ...

— Въ этой грозѣ только мы съ вами спокойны?...

— Не въ первый разъ!

— Спокойны. Это я говорю про васъ, во я горю, пламенью...

— Видно борщу горячаго обѣлись...

— Нѣтъ, Анна Алексѣевна! Глядя на васъ, можно ли быть спокойнымъ?

— Да чѣмъ же я васъ беспокою?

— Вашими глазами, вашимъ лицемъ...

— Такъ не смотрите на меня... Кто объ этомъ васъ проситъ?

— Не будьте такъ жестоки? Позвольте взять вашу ручку.

— За чѣмъ?

— Прижать къ сердцу...

— Право напрасно...

— О! не напрасно! Слышите ли какъ бьется это сердце любовью къ вамъ! Одиный поцѣлуй вашихъ устъ!...

— Что вы ко мнѣ пристаали... Отвяжитесь, не то я закричу...

— Молю васъ...

На бѣду я схватилъ лѣвую руку. Правая была свободна, будто ловкіи жокей хлопнулъ бичемъ, я упекъ рака, вскочилъ и

разлюбилъ Авету, возненавидѣлъ, на долго, на всегда... Между тѣмъ теща помирилась съ Ѳедявкой; всѣ опять взошли въ столовую; гроза затихла; только одинъ ея ударъ оставилъ послѣдствія. Я ушелъ въ свою комнату, закурилъ трубку и тутъ только вспомнилъ, что на выѣздѣ я забылъ ее. Только эта одна примѣта оправдалась. Я былъ въ сильномъ волненіи. Неудача въ любви меня огорчала; но еще надо было приготовляться къ объясненію; не совсѣмъ приятною съ Иваномъ Егоровичемъ. Не было сомнѣнія, что эта деревенщина расскажетъ мужу все. Но прошель день, Иванъ Егоровичъ попрежнему толковалъ со мной объ астрономіи. На другой день, ввечеру — я показывалъ мой три фокуса и возбудилъ большое къ себѣ недовѣріе тещи; она выжила насъ на третій день; въ Дерновѣ стало скучно; я все ходилъ на охоту и на охотѣ свелъ знакомство съ веселымъ молодымъ помѣщикомъ, у котораго сталъ гостить по два, по три дня, но недѣлямъ, такъ что и уѣхалъ въ гаммазно отъ него... Съ Иваномъ Егоровичемъ мы еще разъ видѣлись, при выпускѣ, но съ Анной Алексѣевной... Богъ съ нею, ужъ и не знаю жива ли она? Вѣроятно умерла, потому что это было очень давно. Но каждая бѣда съ добрымъ зерномъ. Съ тѣхъ поръ я никогда ни кого не бралъ за лѣвую руку.

А. Б.—огв.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Обозрѣть дѣятельность безгѣрной Россіи каждую недѣлю! Еслибъ намъ это удалось, мы бы сами себѣ поставили памятникъ, хоть на столѣ своемъ; шутка ли окинуть только взглядомъ матушку Россію; если бы пришлось перечестъ одинъ ея волосъ, то нужны для того сутки... Взглянуть, напримѣръ, на Байкаль, на это озеро-окианъ, гдѣ буря, будто домашніе гуси, ползущая безвыходно и волнующая воды; давно ли ни одна дерзкая лодка не показывалась на озерѣ-окианѣ, а теперь — смѣются надъ этими бурями, какъ надъ гуслими Крылова. По Байкалу преспокойно ходятъ пароходы. Въ нынѣшнемъ году новый пароходъ Наслѣдникъ Цесаревича, въ 50 силъ, ходитъ себѣ по гнѣзду бурь безвредно. Котора не только перевозитъ всякую кладь, но если угодно обеспечиваетъ ваше добро на сто тысячъ рублей при каждомъ рейсѣ; създственно, въ продолженіе навигаціи по Байкалу можетъ быть безопасно перевезено товара на нѣсколько миллионъ. — Какія огромныя выгоды для производящихъ торговлю съ Кяхтой! Учредитель, Н. Ѳ. Мясниковъ, къ пароходу приказалъ присоединить два транспорта, которые ходятъ и сами и съ пароходомъ, согласуясь съ капризами озера-окиана.

* * * Бросимъ взглядъ на Закавказье! Шелковичный червь размножается не по днямъ, а по часамъ. Этотъ промыселъ какъ будто нарочно придуманъ для лѣтняго Азіята. Съ разведеніемъ дорогаго червя не много хлопотъ, а между тѣмъ тутовое дерево растетъ даже дико по берегамъ Куръ, и въ лѣсахъ тагшанскихъ, гурійскихъ, мисретинскихъ. Теперь въ Закавказьѣ добывается до 35 тысячъ пудъ шелка; а въ одной Шеквинской Области до 15 т. пудъ. Въ послѣднее время стали вывозить русской шелкъ и за границу черезъ акголанскую и редутъ-кальскую таможи... Въ томъ же концѣ Россіи и торговля шерстью объясняется много доброю. Есть запросъ на нее изъ-за границы. Въ Симферополѣ испанская шерсть доходитъ до 21 рубля за пудъ и болѣе, простая до 13. Результаты промышленной и торговой дѣятельности окажутся позже, но теперь нельзя не замѣтить выгоднаго ея направленія, покрайней

мѣрѣ во многихъ мѣстахъ. Да и возможно ли, чтобы на такомъ пространствѣ земли, занимающемъ седьмую часть всего шагого материка, все имѣло повсемѣстный, полный успѣхъ; довольно, если неудачъ мало, а успѣховъ много, если послѣдніе слишкомъ нарушаютъ равновѣсіе.

* * * Если мы лѣтомъ не имѣемъ театровъ, концертовъ и другихъ увеселеній, то право объ нихъ плакать не хочется; слава Богу стало тепло. Концерты птицъ пріятнѣе флейтъ и скрипокъ; оживившаяся растительность краше размазанныхъ декораций; даже тѣ, которые ничего не понимаютъ о хозяйствѣ, о хлѣбопашествѣ, о сѣнокосахъ, толкуютъ только объ этихъ предметахъ, потому что на нихъ покоится всѣ надежды осени, зимы и весны. Лѣто-капиталъ на флѣмъ годъ. Кстати о хозяйствѣ. Въ Нижегородской Губерніи государственній крестьянинъ Бакановъ приготовилъ по англійскимъ образцамъ серпы, которые превзошли добротой своего заморскія подлинники; русскій серпъ обошелся пока тремя копейками дороже англійскаго; но если серпы будутъ заготовляться въ большемъ числѣ, то само собою разумѣется, что они придутся несравненно дешевле англійскихъ. Изобрѣтеніе сдѣлано въ Шотландіи и всѣ три королевства уже жнутъ такими серпами; въ этомъ Западная Европа имѣетъ передъ нами большое преимущество, что тамъ каждое изобрѣтеніе привносится скоро, распространяется еще быстрее. Но когда у насъ, напримѣръ, Финляндіи Подольскія будутъ жать хлѣбъ нижегородскими серпами?

* * * Мы не жалуемся на недостатокъ театровъ и концертовъ; мы рады отдохнуть, но въ провинціяхъ, будто въ Лондонѣ, хлопочутъ объ этого рода увеселеніяхъ; въ Таганрогѣ, 12 мая, былъ блистательный концертъ для бѣдныхъ, а Одессу утѣшаютъ пѣвчіе г. Полторацкаго и опера Ломбардцы, которую даютъ насильно, хотя публика давно перестала ее слушать.

* * * Давно ли еще Саратовъ считался Ливійскою степью? Давно ли Фаузовъ обѣщала сослать дочь въ глушь, въ Саратовъ! А теперь? — Чего лучше, въ Саратовѣ устрояется кабинетъ восточной нумизматики. Керчь и Саратовъ! Митридатъ — и Золотая Орда! Лестныя для народной гордости сблженія. Въ Керчи уже образовался музей, возбуждающій вниманіе всей Европы, но и онъ, подобно саратовскому, возникъ изъ праха времени прошедшихъ. По распоряженію министерства внутренннихъ дѣлъ, Г. Терещенко уже третій годъ растетъ въ подземной столицѣ хановъ. Открытія его не могутъ сравниться съ керченскими. И весьма естественно. Тамъ случай закрылъ гробницы отъ людскаго любопытства, а на Сарай Градѣ разрытая справедливая месть русскаго народа; въ дни его паденія не много осталось сокровищъ для потомства; Русь не ограбила чужаго, а унесла малую долю своего достоянія; не довольствовались золотомъ и серебромъ; увезли кирпичи и воздвигли соборъ, Кремль и другія зданія въ Астрахань. Наконецъ Сарай умеръ, заглохъ, покрылся незгѣтностью, оградился пустыней. При Петрѣ I стали Русскіе селиться близъ развалинъ и случайно находили золотыя вещицы, мраморъ и т. п. Естественно, эти развалины показались соседнимъ жителямъ хранилищемъ кладовъ. Стали сосѣди таскать отсюда что кому нравилось; одинъ сарептскій нѣмецъ, какъ рассказываютъ, утащилъ изъ Сарая цѣлое состояніе и ушелъ за границу. — Это преданіе доказываетъ только, что въ Сарай попадались вещи многоцѣнныя, но ихъ вытаскали чуть не до конца. Г. Терещенко нашелъ однакоже нѣсколько золотыхъ цесаревныхъ монетъ и много мѣдяныхъ. Съ помощію учителя семинаріи г. Саблукова, отлично знающаго татарскій языкъ, убѣдился, что эти монеты действительно принадлежатъ Золотой Ордѣ и относятся къ 1310—1594 годамъ по Р. Х. Эти монеты и составляютъ основныя коллекціи восточной нумизматики при Саратовской Гимназіи. Бѣдные остатки безгѣрной великолѣпны. Теперь почти на стогнахъ столицы хановъ стоитъ городъ-деревня Царевъ, а жители на мѣстѣ, гдѣ монеты были цвѣли заморскія растенія и билъ фонтаны въ ханскихъ гаремахъ, разводять арбузы, оныя удивительныя арбузы, ко-

торые у насъ до сихъ поръ неправильно называютъ астраханскими, потому только, что деревни, гдѣ ихъ разводять, прежде входили въ составъ Астраханской Губерніи. Теперь извольте ихъ называть саратовскими, царевскими, только не астраханскими, каковыхъ арбузовъ вовсе и нѣтъ на свѣтѣ.

* * * Литература самая лѣтняя, по сезону, продолжительная. Физиологія Петербурга, часть вторая. Чего же болѣе желать Петербургу какъ не своей физиологіи. Не знаемъ, пріятно ли ему это изданіе, согласенъ ли Петербургъ признать эту физиологію своєю? ничего не знаемъ; потому что погода поправилась, лѣто на исходѣ, надо спѣшить воспользоваться немногими теплыми днями, а Физиологія пусть постоитъ до скучныхъ дней. При томъ же у каждаго петербургскаго старожла составилась въ головѣ своя собственная физиологія Петербурга; пока съ него и этой довольно. — Вѣроятно, эта вторая часть еще не послѣдняя; дождемся послѣдней, чтобы въ цѣлости познать столь важную науку и отдать читателямъ болѣе подробный отчетъ въ другомъ отдѣленіи Иллюстраціи.

* * * Найденное въ бумагахъ покойнаго графа Сперанскаго начало книги, которую онъ начертать намѣревался, издано подъ заглавіемъ «Руководство къ познанію законовъ». Отрывокъ этотъ стоитъ ближайшаго знакомства.

ДМИТРІЙ МАКСИМОВИЧЪ

КНЯЖЕВИЧЪ.

Потеря, понесенная ученымъ русскимъ свѣтомъ и всѣмъ, знавшимъ Д. М. Княжевича, слишкомъ известна каждому, кто хотя нѣсколько занимается отечественно и его успѣхами. Съ молодыхъ лѣтъ Дмитрій Максимовичъ полюбилъ русскую словесность и посвящалъ ей свои досуги; на дальнѣйшемъ служебномъ поприщѣ, хотя нѣрѣдка, онъ не отставилъ бесѣды съ музами; но главнѣйшій періодъ его полезной дѣятельности есть время управленія Дмитріемъ Максимовичемъ одесскимъ учебнымъ округомъ. Въ послѣднихъ нумерахъ Одесскаго Вѣстника помѣщена Историческая Записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевского Лицея, съ 18 іюня 1844 по 17 іюня 1845 года. Въ началѣ коротко и тепло положены заслуги Д. М. Княжевича, по управленію учебнымъ округомъ; мы съ удовольствіемъ занимаемъ этотъ вѣрный очеркъ его трудовъ и стараній; отъ себя намъ прибавить нечего, кромѣ портрета, который и прилагаемъ.

Обозравъ главныя событія ученой и учебной жизни Ришельевского Лицея въ петекшемъ 1844/5 академическомъ году, прежде всего съ прискорбіемъ остаиваемъ мысль нашу на горестной утратѣ, понесенной нами почти въ самомъ началѣ этого года. Въ 1-й день октября, мы лишились незабвеннаго начальника нашего, почетнаго одесскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Дмитрія Максимовича Княжевича, похитившаго у насъ преждевременную смерть, на 57-мъ году отъ рожденія. Дѣятельность его, не ограничивавшаяся вѣрными начальству его учебными заведеніями, отражалась живымъ и непосредственнымъ участіемъ во всѣхъ движившихъ умственной жизни Новороссійскаго Края. Посему, представляя вамъ, мм. гг. краткій очеркъ главнѣйшихъ подвиговъ покойнаго, въ семилѣтній періодъ управленія его одесскимъ учебнымъ округомъ, мы воплѣтъ вѣрны, что не употребимъ во зло вашего вниманія.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, въ 28-й день іюля 1837 года, изъ директоровъ департамента государственнаго казначейства попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Неумолима дѣятельность, пламенная любовь къ добру, непримѣнная точность въ исполненіи своихъ обязанностей, живѣйшая готовность жертвовать общему благу личными выгодами, спокойствіемъ и здоровьемъ — были отличительными свойствами его характера, и, въ продолженіе семилѣтней дѣятельности его на поприщѣ ученой службы, послужили обиль-

нымъ источникомъ благодѣяній для мѣстъ и лицъ, которыя были вѣрены его управленію. Мы укажемъ только на тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ Ришельевскому Лицею, его учащимъ и учащимся.

Лицей, предъ самымъ вступленіемъ Дмитрія Максимовича въ управленіе округомъ, получилъ новый уставъ, довольно приближавшій его къ устройству университетскому. Но для того, чтобы ввести новый порядокъ во все части Лицея, соответственно мудрымъ предначертаніямъ правительства, потребны были умъ опытный, сужденіе сообразительное, дѣятельность постоянная, что все было соединено въ лицѣ покойнаго попечителя, какъ показало самое дѣло. По прибытіи своемъ въ Одессу, онъ совѣмъ рвеніемъ занялся преобразованиемъ Лицея по новому уставу: самъ наблюдалъ за приведеніемъ въ возможно-совершенный видъ всѣхъ частей его, и, вводя новый порядокъ, лично удостоверялся въ исполненности его и успѣшности. Между тѣмъ вновь учрежденныя казенныя и нѣкоторыя изъ прежде существовавшихъ оставались еще безъ преподавателей; это составило предметъ особенной заботливости покойнаго попечителя и между прочимъ было цѣлью поѣздки въ С. Петербургъ, предпринятой имъ въ 1858 году, во время которой были приглашены имъ на вакантныя мѣста наставники изъ разныхъ городовъ Россіи, нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ-что къ началу 1859 года не осталось въ Лицеѣ ни одной казенной незамѣщенной.

Не довольствуясь снѣтъ, покойный попечитель постоянно старался развивать более и более внутреннюю жизнь Лицея, и, съ благороднымъ довѣріемъ къ будущему, насаждалъ сѣмена благодѣтельныхъ плодовъ, которые вполнѣ созрѣютъ для потомства. Такъ, онъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе на опредѣленіе при Лицеѣ лекторовъ новѣйшихъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго; испросилъ согласіе господина министра народнаго просвѣщенія на преподаваніе въ Лицеѣ сельскаго хозяйства и геодезіи и Высочайшее соизволеніе на введеніе въ юридическое отдѣленіе судебной медицины; наконецъ, составилъ проектъ новаго отдѣленія Лицея, подлѣ нынѣшняго «камеральнаго», на учрежденіе котораго послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 1841 году и которое трехлѣтнимъ существованіемъ своимъ доказало пользу и необходимость его учрежденія.

Вводя въ Лицеѣ, по мѣрѣ надобности, новыя науки, покойный попечитель старался также и о введеніи лучшаго способа преподаванія, примѣняя науки — въ Лицеѣ — къ мѣстнымъ потребностямъ края и къ современнымъ направленіямъ просвѣщенія въ Европѣ вообще и въ Россіи въ особенности, а въ другихъ — среднихъ и низшихъ заведеніяхъ — къ возрасту и состоянію воспитывающагося юношества и къ степени ихъ пріемлемости. Для сихъ послѣднихъ, т. е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, были начертаны имъ и утверждены господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія «программы для преподаванія всѣхъ предметовъ», въ которыхъ постепенное развитіе понятій соединено съ возможно-удовлетворительнымъ приспособленіемъ ихъ къ способностямъ лицъ учащихся и которыя имѣютъ ту главную цѣль, чтобы сдѣлать эти заведенія разсадникомъ воспитанія и образованія петигило-русскаго, потому-что неподдѣльная любовь къ Русскому была душею всѣхъ дѣйствій покойнаго Дмитрія Максимовича.

Устроивъ учебную часть Лицея, Дмитрій Максимовичъ обращалъ дѣятельность свою на такія занятія, которыя возбуждали ученую жизнь членовъ Лицея и вмѣстѣ съ тѣмъ стремились къ высокой цѣли благотворенія. Мы разумедемъ здѣсь предпринятое имъ изданіе «Одесскаго Альманаха» и «Новороссійскаго Календаря»: первый былъ задуманъ имъ самимъ и издавался въ 1839 и 1840 годахъ съ такимъ излествомъ и совершенствомъ, что составилъ одну изъ примѣчательныхъ книгъ нашей издичной словесности; второй, по его старанію, уступленъ Лицею мѣстнымъ начальствомъ съ цѣлью — выручаемымъ отъ изданія

BIRouSTE

его деньгами помогать бѣднѣйшимъ изъ учащихся въ Лицеѣ: цѣль эта, по возможности, достигается, а самый календарь, для котораго Дмитрій Максимовичъ самъ начертывалъ планъ, собиралъ матеріалы, переправлялъ статьи и корректуру, которую держалъ наравнѣ съ прочими членами Лицея, участвовавшими въ этомъ изданіи, доведенъ до такой полноты и совершенства, что единогласно признается книгою, вполнѣ приспособленною къ мѣстнымъ потребностямъ края, и сверхъ-того имѣющею интересъ общій и постоянный. Можно-бы сказать еще о другихъ двухъ изданіяхъ, которыми онъ занимался съ такимъ-же усердіемъ и успѣхомъ, а именно: въ началѣ своего пребыванія въ Одессѣ, онъ издавалъ «Листки Общества сельскаго хозяйства южной Россіи», а въ послѣдніе годы, при его живѣйшемъ участіи, изданъ «первый томъ Записокъ Общества исторіи и древностей»; но мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ дѣйствіяхъ Дмитрія Максимовича, которыя тѣсно связаны съ судьбою Лицея и безъ которыхъ исторія этого заведенія была бы неполна.

Не мало сдѣлано имъ улучшеній и во внѣшней сторонѣ Лицея. Въ его время и при его содѣйствіи, получила начало студентская бібліотека; заведенъ особый кабинетъ для чтенія журналовъ и газетъ; отдѣлена бібліотека восточнаго института отъ бібліотеки основной; устроены кабинетъ: химическій съ лабораторіею, технологическій и земледѣльческихъ орудій и почти вновь созданъ и обогащенъ кабинетъ физическій, который до того времени былъ весьма незначителенъ. Лицейская церковь, обновленная его попеченіемъ, хранитъ многія цѣнныя привошенія его, какъ память усердія и благоволенія его къ святынь.

Въ наставникахъ Лицея память о покойномъ попечителѣ всегда будетъ возобновлять то живѣйшее участіе, какое онъ принималъ во всякомъ дѣлѣ, какъ-бы оно мало-важно ни было, — то вниманіе ко всѣмъ и каждому, которое дѣлало его всегда и вездѣ доступнымъ, — то радушіе, съ каковымъ онъ принималъ насъ наединѣ, и въ семействѣ, — ту искренность, прямоту и открытость, которыя

составляли рѣдкія качества въ характерѣ покойнаго Дмитрія Максимовича!...

Студенты останутся навсегда благодарныи къ памяти покойнаго за тѣ преимущества, которыя онъ имъ исходатайствовалъ. По его представленію, дозволено имъ носить при мундирѣ шпаги, наравнѣ съ студентами университетовъ; въ свѣдѣствіе его же ходатайства, господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія испрошено Высочайшее разрѣшеніе на дозволеніе студентамъ Ришельевскаго Лицея, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія, вступать въ званіе домашнихъ наставниковъ на томъ же основаніи, какъ это разрѣшено студентамъ университетовъ § 9 Высочайшее утвержденнаго положенія о домашнихъ наставникахъ, т. е. безъ повторенія экзамена.

Учащиеся въ гимназій и особенно воспитанники пансіона никогда не забудутъ того отеческаго попеченія, съ каковымъ покойный попечитель сдѣлалъ за нихъ ученіемъ и поведеніемъ, поощряя ихъ къ занятіямъ и ириучая съ раннихъ лѣтъ къ точному исполненію своихъ обязанностей.

Труды покойнаго Дмитрія Максимовича, достойно награжденные вниманіемъ начальства и милостіями Монарха, при жизни и по смерти, всегда найдутъ сочувствіе въ истинныхъ любителяхъ просвѣщенія!

Къ этому присовокупимъ только извѣстіе, что проекты новаго зданія для Лицея уже утверждены, мѣсто куплено, снѣты составляются, а рисунки съ этого зданія будутъ помѣщены въ Иллюстраціи.

КОТЕЛЛО.

Что ужасит женщины в гитв? Только один стихий, когда онъ бушуютъ и, разорвавъ природою нмъ назначенныя преграды, съ бшней злобою уничтожаютъ творенія любимаца природы; потому что стихий, какъ говоритъ Шиллеръ, ненавидитъ созданіе рукъ человѣка. Не жалко, не страшно смотрѣть на бшнество огня въ безлюдной степи, когда пламя стелется волнами по гладкой равнинѣ, заливая небо океаномъ густаго дыма. Что оно сожжетъ тамъ? Пустынный ковыль, беззубный, отжившій свою годовую жизнь. Весело даже глядѣть на море или обширную рѣку, когда она съдыми валами бросается на голыя скалы, на открытыя лѣсомъ равнины, на нажитыя, по которымъ еще не ходила весенняя соха; видъ чудный, иреда никакого, напротивъ, въ злобѣ своей, она принесла пользу, унитавъ землю на долго необходимой влагой. Но если огонь или вода изберутъ

предметомъ своей злобы — обширный городъ, въ которомъ отъ вѣка хранится сокровища искусства? Если горитъ Александрійская Библиотека, рушится подземной силой Лисабонъ, вода покрываетъ улицы Флоренціи — о! тогда вы не отженете горестной мысли, улавливающей вашу человѣческую гордость; тогда вы чувствуете вашу малость и беспомощность въ природѣ; огромнѣйшее произведеніе вашего ума и всѣхъ силъ вашихъ можетъ опрокинуться въ жерло подземной кузницы, упуститъ ничтожная волна, которую вы руками можете раскинуть въ мелчайшіе брызги, которой едва ли будетъ достаточно, чтобы полить вашу скромный цѣвникъ. — Рѣчка, по которой вы можете холить въ бродѣ, можетъ также поглотить васъ, какъ и бездонное море. Вотъ почему я терпѣть не могу пожаровъ, землетрясеній, наводненій и тому подобныхъ исторій. Я всегда въ подобныхъ случаяхъ смотрю на стихий какъ на грубыхъ варваровъ, разрушающихъ Римъ съ кровавыми Генеери-

комъ. Мнѣ кажется, что эти волны съмятничковъ человѣческаго величія выдвѣиваютъ латая письма, начертанныя гордостью человѣка въ память вѣчную о его трудахъ и подвигахъ. Костелло не думалъ обо всемъ этомъ.

У него было меньше досуга, чѣмъ у меня; огромная группа была уже окончана въ бѣдной мастерской, которая укрывалась между раскинутыхъ деревьевъ небольшого сада. Костелло просиживалъ цѣлыя дни за работой; ночью его томилъ самолюбивая мечта или вдохновенная дума; одна обѣщала ему сладкое торжество, другая кипятила силы творческія; подобно безмѣрному колосу, душа его одной шатой опиралась на прошлое, другою слагала въ блестящую будущность. Прекрасная нимфа Арно ручалась ему за все и ручалась такъ положительно, что въ душѣ Костелло всегда было свѣтло, безоблачно; онъ не зналъ сомнѣній.

Во Флоренціи почти никто не зналъ Костелло. И тѣ, которые знали его, знали очень мало. Хо-

(Мостъ Перро во Флоренціи, послѣ наводненія.)

зайка, бѣдная вдова, только и вѣдала, что постольца ея зовутъ Костелло, что онъ Тосканецъ, что недавно прѣхалъ во Флоренцію, что у него денегъ мало, работы еще меньше. Вотъ и все. Патрещца, черноокая Франческа, знала, что онъ платитъ бѣдно за продолжительные присѣсты, что сънимъ скудно, потому что онъ только рисуетъ да рисуетъ, а разговоривать и любезничать не умѣетъ. Трактирщикъ зналъ, что отъ него онъ не наживетъ дома и на его деньги не выдастъ своей дочери за разореннаго Патрещца. Я зналъ, что онъ отъменно унылый и ученый художникъ, и весьма пріятный собесѣдникъ, но только въ галлерейхъ и мастерской, разумѣется своей; да еще знала его одна больная и нящая вдова, которой онъ самъ ежевѣдливо носилъ бѣдную милостыню. Вотъ и всѣ знакомцы Костелло въ столицѣ его отечества. Онъ показывалъ свою колоссальную работу мнѣ, потому только, что я не художникъ; всякій разъ повторялъ онъ свою странную просьбу не говорить о группѣ никому ни слова. Есть и у большихъ людей свои причуды. Я привыкъ считать пхъ законамъ, и за скромность мою пользовался правомъ наслаждаться истинно прекраснымъ произведеніемъ. Не знаю, для кого назначалъ онъ эту громаду, гдѣ хотѣлъ онъ оставить ее; во Флоренціи, по мнѣнію моему, не было для

нея мѣста; да и кто могъ бы заплатить всѣ расходы, которыми угрожалъ исполненіе этой группы. Тылъ занимала гора Фальтерона. Чудной красоты нимфа Арно, легче Талиони и Эльсертъ, сбѣгаза съ горы съ кувшиномъ въ рукахъ; двѣ отрокони Омброзе и Эльса (рѣчки) простирали къ ней объятія, какъ будто ожидали, что легкая нимфа не удержится на скалѣ и непременно упадетъ къ нимъ на руки; внизу два старца, Флоренція и Пиза величественно лежали у подошвы горы и держали чаши, обращенныя къ нимфѣ. Въ лицѣ старца, изображавшаго Флоренцію, каждый легко могъ узнать Микель-Анжелло, въ лицѣ другаго — Галилея. Какъ угодно, а это сочиненіе не походило на будничныя изображенія рѣкъ, морей и разныхъ водъ, а въ отдѣлкѣ, въ подробностяхъ, заключало такъ много прекраснаго, что каждый день можно было находить новую черту остроумія и тонкаго чувства. Оставалось докончить Галилея, и Костелло уже три ночи сидѣлъ за книгами: собиралъ подробности о жизни и характерѣ знаменитаго мужа. Наканунѣ дня, о которомъ не могу вспомнить безъ ужаса, я сидѣлъ весь вечеръ у Костелло. Онъ былъ веселъ, онъ рассказывалъ, что Галилей теперь будетъ хорошъ; что послѣ этой группы онъ испытаетъ свои силы въ монументальномъ ваяніи, что сюжетъ для этого онъ

выбралъ трудный, дерзкій... Но какой пленно... напрасно я добивался узнать. Костелло краснѣлъ, мляся, отпѣкивался и я уважалъ его скромность. Простая, ушелъ и едва перебрался черезъ красивый мостъ Перро. Порывистый вѣтеръ бросался во всѣ стороны; Арно подъ ногами мои ревѣло какъ-то странно, необыкновенно; но мнѣ и въ умѣ не могло придти, что я улипъ завтра. Страшная ночь! Эта кроткая, веселая, хорошенькая нимфа сбѣжала со своей горы; кто ее разсердилъ, нехвѣтено; но она измѣнила легкую походку; пошелась быстрой буре; отроконицы не отстали отъ нимфы и старцы поруганы, избиты; тревога обшая увлекла и мела. Я выбѣжалъ на улицу, но тамъ народъ бушевалъ не хуже Арно. Крики, плачь, шумъ. День умножилъ только ужасъ общій! Кто несъ сундукъ, кто картину, кто книгу; бѣгали, суетились; Арно была еще очень далеко, а многие уже сидѣли на крышахъ домовъ и поглядывали съ сожалѣніемъ на куполь, вознесенный Брунелески и на колокольню, воздвигнутую по рисунку Джіотто. Всею есть конецъ, и злобѣ стихій. Арно пошла своей походкой; но по обонямъ берегамъ все было въ разрушеніи или въ безпорядкѣ. Великолѣпный мостъ Перро разорванъ. Украшенія опрокинуты или сброшены; на долкѣ поѣхалъ я прямо къ дорожному садку и сердце

мое болезненно сжалось. Я невольно вскрикнул; опрокинуты деревья не заслоняли мастерской; да и заслонять было нечего. Неблагодарная Арио! Она не хотела своей земной славы, она унесла... Но позволяете, и расскажу все по рассказам хозяйки, которую я нашел в отчаянии на пороге домика, которого не малую часть Арио унесла с собою...

«Костелло! Костелло! кричала она: и за чьей л его пустила в мой дом; он прогневывал небо, он навлекал беду на наш город; и по ночам я беспрестанно слыхала как он кричал Арио, да Арио! И она пришла за тобой, несчастивец...»

Не скоро я мог успокоить хозяйку. Не скоро мог добиться покойного рассказа, но монета, другая, охладил ее злобу. Костелло, по словам ее, в эту ночь не ложился; он вышел в садик посмотреть на любимцу; и это именно было причиной всему злу. Арио приняла этот поступок за насылку, за личную обиду и выскочила из берегов; Костелло в ужасе бросился из мастерскую и запер двери; хозяйка едва едва успела взобраться на крышу и ухватиться за трубу, как волны с яростию бросились на мастерскую и в одно мгновение разгнали щедущий сарай. Только и видна была глянная гора, на которой стоял Костелло и держал в своих объятиях обожаемую нимфу. Волны ринулись и художник вместе с статуей унесенные бурным потоком прямо в ту сторону, где стояла хижина ищей и большой вдовы. Я не слышал больше хозяйки, и побуждал к хижине; хозяйка не ошиблась; у порога полуразрушенной лачуги лежал обезображенный труп Костелло. Странно. На лице его покоилась улыбка; правая рука сжимала ком земли, которой Арио размыла не успела. В это время подошли сыщики, которым поручено было осмотреть все последствия наводнения. Я им долго рассказывал о покойнике, но сограждане Микель-Анджелло меня не понимали. Они сомнительно покачивали головами, пожимали плечами и не без насмешки поглядывали друг на друга. Старший, выслушав меня, сказал: Хорошо! то ли еще случилось на том конце; там унесло целый магазин с посудой. А дровяной дворь Белькария целый день ухаживал в море. Большой убыток. Ну, что же вы стоите! Уберите этого убийцу и пойдем дальше...

Мне стало досадно, мне стало горько. Это ли отечество Данте и Буонаротти и многих бесчисленных мужей! Уже подняли труп Костелло; уже несли его на фуру, где было уже несколько мертвых трупов. Но раздаел голос: Постоите! Старуха с ужасом вглядывалась в лицо мертвеца... Благодарствуйте! это ты? закричала она. Твои денги спасли мне жизнь. Вчера утром я ходила, но обиду, за три шила благодарить Бога за испытание. Без тебя я умерла бы не от болезни, а с голоду... И я жива, а ты!... О ить, ить, у меня еще осталось немного твоих денег, Костелло. Станет у честных похороны. Отдайте мне его, он мой!...

Сыщики поняли чувство вдовой вдовы и не спорили.

М. О. К.

КИЕСЬ.

Рассказ Боатара.

От Мыса Доброй Надежды к северо-востоку, вдоль берегов бурного океана, лежат колонии Цвельдендам, Гутникас-лацль, Ситсекамма, Кракекамма, потом речка Зондагер-ривер, которую можно пройти вброд, и наконец колония Шлеттенберг, лежащая на восточных границах английских владений. Посетите эти места, лежащая на протяжении ста миль, и везде вы встретите хорошие дороги, обширные и прекрасно обработанные поля, красивые и удобные загородные дома и радужное гостеприимство. Вас примут не грубые бозры, (фермеры, крестьяне), но чрезвычайно вежливые, образованные хозяева, денди в

желтых перчатках и милые дамы, которые покажут вам нарядные модные журналы, будут толковать с вами о музыке России и сыграют вам концерт Ариета на отличном фортепиано Эрара. Если подобная обольщения задержат вас и вы отправитесь в дальнейший путь с наступлением ночи, то услышите в горах вой шакала; может быть увидите вы, при лунном свете, тень гены, скрывающейся за кустарником; но вас не устроят ни рева льва или леопарда, ни тяжелая поступь слона, ни бешеный бег носорога, ни хриплый гиппопотам; все эти страшные чудовища испуганы и изгнаны цивилизацией. Однако же, не переходите за Шлеттенберг, потому что эти животные отступают медленно и как бы оспаривают каждый шаг у поселенцев. Чтобы убедиться в моих словах, выслушайте истинное происшествие, которое я, по своему обычаю, намерен рассказать вам.

Это было вечером, в 1775 году; солнце готовилось уже скрыться за горы Камдебо-вельд, как мю или молодой человек, притавившийся около часу в пальмовом тростнике, которым густо покрыто дно рыва в этой части Африки, выскочил из своей засады и пустился бжать.

— *Ткаци! ткаци!* (*) ворчал он; эти свирные *тлао* (**), подкупленные проклятыми колдунами, и в тростник не дают отдохнуть бьяному бошесмену! (***)

Отбывая на двести шагов от тростника, он остановился и увидел страшное чудовище, вышедшее из солоноватой воды рыва и побужавшее по полю с громким криком, похолодевшим на лошадиное ржанье. Оно имело футов одиннадцать в длину и десять в объеме; огромный живот его опускался почти до земли и он открывал огромную пасть с белыми зубами, из которых вылетали дымки, по крайней мере, один фут длины; глаза его были малы, но блестящи, а гладкая, безшерстная кожа его, имела аспидный цвет.

Так как молодой человек знал, что гиппопотам более страшен с виду, нежели свирный, и что он нападет только на людей, преграждающих ему дорогу, то он повернул только в другую сторону и продолжал идти далее, не забывая о чудовище; потому он влез на возвышение и осторожно осмотрелся, чтобы убедиться не было ли где поблизости бозров, встреча с которыми была для него в тысячу раз опаснее встречи с диким зверем, потому что голландский фермер не преминул бы напасть на бьяного бьянца и убит его на месте, без пощады везд, где бы он встретился.

Но нора, кажется, познакомила вас с моим молодым человеком, Кисем, главным героем этого истинного происшествия.

По курчавым волосам его, по светло-бурому цвету кожи, по треугольному лицу, по сильно выдавшимся скулам, по живым, черным глазам, по бьяным, как слонова кость зубам, по несколько приплюснутому носу и по толстым губам, в нем точно так можно узнать *козкома* (****), если даже чрезвычайно маленькая рука и ноги не открыли происхождения его. Он не имел стройного роста и черного цвета тела Каффа, но был хорошо сложен, и крепкие мускулы свидетельствовали о ловкости и силе его.

Что же касается до его костюма, то вы, вероятно, будете менее довольны им, потому что он состоял только из *краса* или бараньей шкуры, небрежно накинута на плеча, шерстью вверх, и доходившей до колен; в *тидриль*, являясь из шакаловой кожи, надвтом около пояса; не знаю, должно ли причислить к костюму

толстый слой бараньего жира, перемешанного с сажой, покрывавшей тело его посыпанный ароматическим порошком *буку*? Обувь его, весьма замисловато придуманная, состояла из трехугольного куска кожи, загнута на ногу и завязанного тесьмой.

Готтентоты деляют свои *мюока* (башмак) из только что снятой кожи носорога, зебра, льва, буйвола или всякого другого большого животного. Засыхал, эта кожа принимает форму ноги и образывает таким образом весьма удобную и прочную обувь.

Наконец, на голове у Киса была легкая *м'аба* или шапка из полосатой шкуры зебра или *куани* (дикой лошади). На шею у Киса висел маленький *мюока* из шкуры гены и из немь хранились *мюока* или трубка, несколько сушеных конопляных листьев вместо табаку; *мюока* или нож, европейской фабрикация, кремь, коробочка с трупом и несколько остриев копий, купленных на Мысе.

Вместо оружия у него была в руках острокопечная палка, другой конец которой был все же в большой камень, на подобие молота; это оружие казалось более годным для выртия корня, нежели для защиты от лких зверей. По этой палке можно было узнать *бошесмена* или бьяного *коббо* (невольника), а не человека из мняного племени Бошесменов, как уверял Шарман, потому что подобного племени нет и никогда не было.

Уверившись, что в окрестностях не было живой души, Кис скоро пошел по дороге, ведущей от Шлеттенберга к Камдебо. Чтобы уйти из неволи и еще по другой причине, которую вы сейчас узнаете, несчастный наступил один и без оружия в дальний путь, через знойные и безводные пустыни, где на каждом шагу можно встретить самых лких и страшных зверей цюй Африки, а следовательно и всего мира. Наш красавец (Кис был одарен всеми совершенствами готтентотской красоты) родился на свобод, в лесах Сью-Бергенских. Ему было шесть лет, когда несколько голландских бозров, без всякой причины, напали на *краса* его (селение), убили, но тогдашнему обычаю, стариков, беременных и перешедших за тридцатилетний возраст женщин и всех вообще, помышлявших только о сопротвлении. Эти храбрые воины, неустрашимо побив полсотни безоружных и беззащитных бьянников, дьял между собою *цьянны* и уводили их в свои жилища, чтобы увеличить число невольников, а следовательно и богатств своих. В этом превосходном способе богатства была, однако же, маленькая неприятность, а именно та, что каждый вечер, хозяева колоний, должны были накрываю запереть в своих спальнях, окружать себя заряженными пистолями и ружьями, чтобы быть в состоянии защититься, если бы добрых сагам пришла охота убит своих добрых хозяев, чтобы выйти из неволи. Эти предосторожности не препятствовали, однако же, невольникам иногда зарываться храбрых бозров.

Кис был продан купцу с Мыса, приехавшему в Камдебо для покупки ржи, и принявшему в экспедиция против лких живое участие, не по какому-либо корыстному выданю — ить! для одного *препровождения времени*, как он сам говорил!...

Он увез ребенка к себе и, должно отдать ему справедливость, воспитал его с кротостию, в следствие чего Кис, сделавшись юношей, искренно привязался к своему господину, вероятно, никогда не расстался бы с ним, если бы у него не было другой, более законной и естественной привязанности.

Жена его *мюока* (хозяйка) была очень набожна, что, однако же, несколько не мешало ей быть и тщеславной. В европейских столицах дамы вьдять на загородной гулянь, чтобы щегольнуть красивым экипажем, в театр, чтобы ослепить драгоценным нарядом; на Мысе же Доброй Надежды ходят в церковь показывать красивых невольников. Впрочем, у *мюока* Платте была еще другая причина: она надьялса

(*) Слово непереводимое. Оно есть самый оскорбительный эпитет, которым Готтентот может выругать кого, или что онбудет с ним. Оно принимается без различия к людям, животным, дождю, грому; за этим бранным словом Готтентот пускает иногда в обидчика камень, палкой или башмаком своим.

(**) Гиппопотамы.

(***) Бьяный невольник.

(****) Так называют себя Готтентоты.

обратить Кіеса въ христіанскую вѣру, и часто, въ продолженіи цѣлыхъ часовъ, толковала ему о религіи. Молодой человѣкъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ; потомъ, когда мисс-фрэнъ казалось, что убѣжденія ея подѣйствовали, Кіесъ отвѣчалъ наивно:

— Можетъ быть; но мы, Готтентоты, такъ безтолковы, что не понимаемъ этого.

И вмѣсто того, чтобы молиться въ церкви, Кіесъ подходилъ къ хорошенькой Тракозін, молодой готтентотской дѣвушкѣ, которая была тремя годами моложе его; они вспоминали о родинѣ, потому что и она была похищена изъ львовъ Свѣно-Бергенскихъ. Когда Тракозін минуло четырнадцать лѣтъ, кровъъ вспомнаній о роднѣ, вырвался въ разговоры ихъ и любовь; а когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, молодые люди рѣшились просить у своихъ хозяевъ согласія на ихъ бракъ.

Хозяйка не только не противилась браку своихъ невольниковъ, но даже рады проступкамъ невольницъ, умножающимъ число ихъ рабовъ. Къ несчастію нашихъ молодыхъ людей, взаимная ненависть, которую хозяйка ихъ питала другъ къ другу по торговому соперничеству, была сильнѣе жадности ихъ; не смотря на просьбы молодыхъ людей, хозяйка не соглашалась и даже приняла всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать имъ встрѣчаться и видѣться.

Не стану описывать вамъ ни отчаянія бѣжныхъ Коббо, ни стараній ихъ смягчить сердца жестокихъ хозяевъ, ни мрачныхъ помысловъ о мщеніи и самоубійствѣ... Молодая дѣвушка занемогла, а мисс-фрэнъ Хунноръ, болѣе, чтобы она не умерла и тѣмъ не причинила ему убытка, поспѣшилъ продать ее боору, Дирк-Маркусу, возвращавшемуся въ Комбебо, гдѣ находилось его имѣніе.

Дирк-Маркусъ увезъ бѣдную Тракозін.

Всѣ думали, что Кіесъ умретъ съ горя, но — ничего не бывало. Хотя на лицѣ его была написана глубокая горестъ, но онъ былъ спокоенъ и съ большіимъ стараніемъ и рвѣніемъ исполнялъ свои обязанности, чтобы понравиться своимъ хозяевамъ. Замѣтивъ это, хозяинъ его не считалъ нужнымъ итить за нимъ особеннаго надзора, такъ, что никто не зналъ и не видалъ какъ и куда пропалъ вдругъ Кіесъ. Нѣсколько дней его тщетно искали по городу и окрестностямъ; потомъ его внесли въ списокъ бѣглыхъ негровъ и разослали описаніе примѣтъ его по всѣмъ частямъ колоній.

Теперь вы знаете отчего мы встрѣтили молодого Готтентота на берегу рѣки, въ двухъ мѣстахъ отъ Миса. Послѣднее же за нимъ въ пустыню, гдѣ ожидаютъ его многія опасности.

Онъ скоро шелъ вольѣ берега солончатой рѣки; перешелъ черезъ долину *Наиз-чуть-Клообъ*, и поворотилъ на лѣво къ источнику *т' Куръ-т' Кейя-т'кеи-т' Казибина*; я нарочно говорю названія мѣстностей, чтобы представить читателямъ образчики готтентотскаго языка, который показался путешественнику Левальюну такимъ сладкозвучнымъ, и который другіе путешественники, до Левальяна, уподобляли кудахтанію индѣйки. Я сожалею только о томъ, что несносное прилепканье, которымъ Готтентоты начинаютъ каждое слово, почти каждый слогъ, я не могу выразить иначе какъ знакомъ *т'*.

Наступали сумерки, когда Кіесъ вдругъ остановился, прислушавшись и осмотрѣвшись съ безпокойствомъ... Несчастный замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго *т'амма* (льва), слѣдующаго за нимъ и выжидавшаго удобнаго случая, чтобы броситься на него и растерзать. Въ этой легкой пустынь, Европейецъ погибъ бы несправедливо, потому что бѣгство столь же бесполезно, какъ и защита невозможна. Свѣдѣность, и истинность Кое-Коза послужила ему чудеснымъ образомъ.

Онъ поспѣшно взобрался на скалу, подошелъ къ обрыву, отъскочилъ небольшой выступъ и осторожно спустился къ нему, надѣвъ свою шапку и барашью кожу на палку, такимъ образомъ, чтобы обмануть льва, остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ.

Эта хитрость совершенно удалась Кіесу. Слегка пошевельвая палку, онъ услышалъ какъ левъ подползалъ подобно кошкѣ, готовящейся бросить-

ся на мышь. Хищное животное, рассчитавъ скачокъ, бросилось съ такою быстротою на шакуру, что въ одно мгновеніе упало въ пропасть...

Кіесъ посмотрѣвъ выплъ... Левъ совершенно разбился о скалы и исчезъ во мракѣ пропасти... Ножавъ шечами съ вѣдомъ годгаго состраданія, Готтентотъ проговорилъ:

— Т'каци! Т'каци!...

Двѣ недѣли Кіесъ питался горькими бобами чернаго галка (*Guia samabum*), сокомъ растенія *mimo sa p'kisa*, кореньями, стрекозами и гусеницами; слѣдовательно онъ двойнѣмъ обрадовался побѣдѣ надъ грознымъ животнымъ. Онъ осторожно и съ ловкостью кошкѣ спустился со скалы въ сырую, мрачную пропасть, собралъ сухія сучья, верескъ, развелъ огонь и принялся разрѣзывать свою добычу. Пока одна часть жарилась на раскаленныхъ угольяхъ, Готтентотъ продолжалъ разрѣзывать остальное мясо льва на длинныя и широкіе куски, толщиною въ дюймъ, и разложилъ ихъ на землѣ, чтобы они высохли на утреннемъ солнцѣ. (*)

Послѣ вкуснаго ужина, Кіесъ прилежъ вольѣ угасаващаго огня и заснулъ.

Говорятъ, что зайцы спятъ, закрывъ только одинъ глазъ. Это самое можно бы сказать и про Готтентотовъ. Онъ не спалъ, а лучше сказать, только отдыхалъ, спокойно прислушиваясь къ реву хищныхъ звѣрей, издали почувывшихъ запахъ сыраго мяса льва; онъ явственно слышала вой волковъ и не шевелился; онъ слышала страшное завываніе гіанны, и даже не открывалъ глазъ. Но вдругъ онъ поспѣшно вскопчилъ... Вдали послышался ревъ *кессау* (леопарда), котораго боиры называютъ тигромъ, а путешественники пантерой, хотя въ Африкѣ никогда не было ни тигровъ, ни пантеръ. Этотъ ревъ заставилъ Кіеса вздрогнуть; онъ поспѣшно раздулъ огонь и развелъ его сухими сучьями. Огонь ярко освѣтилъ дно пропасти и хищные звѣри, болшіея огня, не смѣли приблизиться и съ воплемъ ирвонъ бродили въ нѣкоторомъ разстояніи; только къ утру, когда яркіе лучи солнца освѣтили вершины горъ, страшные обитатели пустынь воротились въ свои льва и умоляли ужасъ наводящія голоса ихъ.

Тогда Кіесъ, уснокопный, но нучимый усталостію, закутался въ свой крось, легъ на траву, подогнулъ колѣни къ подбородку, сложила руки на ногахъ и уснулъ въ этомъ любимѣйшемъ положеніи Готтентотовъ.

Солнце высоко стояло на небѣ, когда Кое-козпъ проснулся. Но уви! представте себѣ досадѣ его, когда онъ увидѣлъ цѣлую стаю *т'а-чювъ* (коршунъ) и другихъ хищныхъ птицъ, уплетающихъ остатки мяса, оставленнаго на завтракъ! Это печальное зрѣлище поразило молодого человѣка; но такъ какъ чувство предосмотрительности не слишкомъ развито у Готтентотовъ, то онъ успокоился и продолжалъ свой путь.

Онъ шелъ цѣлымъ дѣнь по довольно пріятной дорожкѣ, безпрестанно ирѣсѣкаемой маленькими ручьями и къ вечеру прибыла къ опушкѣ большаго льва. Кіесъ остановился на опушкѣ, потому что не рѣшался итти въ чащу, населенную свирѣпыми *т'каулами* (буйволамъ), которыхъ онъ страшился почти столько же какъ львовъ.

Эти дикіе животныя гораздо выше и огромнѣе величайшаго европейскаго быка; они скрываются за кустарниками и оттуда бросаются на путешественника, опрокидываютъ его, бодаютъ, разрываютъ его на частіи рогами съ свирѣпыми бѣснствомъ расклинаютъ по сторонамъ рогами и копытами клочья мяса, съ которыми разстаются какъ бы неохотно. Они не ѣдятъ мяса, но съ удовольствіемъ лжутъ кровь, текущую изъ растерзанныхъ частей...

Кіесъ отъскочилъ дерево, изъ прямыхъ и крѣпкихъ сучьевъ кося Готтентоты въ Кафры лѣпаютъ свои копья. Благодаря своему искусству и желѣзнымъ остриямъ, купленнымъ на Мысѣ, мо-

лодой человѣкъ вскорѣ могъ замѣнить свою палку болѣе опаснымъ и вѣрнымъ оружіемъ.

Онъ провела ночь на деревѣ и питался древесной смолкой. Къ утру онъ дошелъ до большой степи, покрытой маленькими оазисами. Тутъ Кіесъ пошелъ тише и, стянувъ шокрѣиче поясъ, чтобы позбытъ, что онъ еще ничего не ѣлъ, сталъ осматриваться, какъ бы отыскивая чего-то; надежда его обманула. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ то, чего искалъ: надъ высокой травой оазиса, покачивалась плоская, обнаженная голова, на длинной, узкой шеѣ, которая издали походила на змѣю; разсмотрѣвъ прямой, плоскій, широкій класъ, большіе, круглые, безсмысленныя глаза, онъ наклонился и сталъ приближаться къ кусту почти ползкомъ; приблизившись къ животному шаговъ на сорокъ, Кіесъ пустилъ свое копье... оно вонесло въ воздухъ и вонзилось въ землю, не достигнувъ своей цѣли. Испуганный страусъ вкочилъ и пустился бѣжать по степи, шагая длинными ногами и помахивая коротенькими крыльями.

По свѣрымъ, тусклымъ перьямъ Кіесъ узналъ, что это была матка; онъ добрался и поспѣшно побѣжалъ къ травѣ, въ которой она сидѣла; тамъ онъ нашелъ около шестнадцати овальныхъ яицъ, величиною съ дѣтскую головку; они лежали на пескѣ, и matka, вѣроятно, высидѣла ихъ. Это вполне опровергаетъ то мнѣніе путешественниковъ, что страусы не высидѣваютъ своихъ яицъ, а оставляютъ ихъ на солнцѣ.

Бошесмы не имѣютъ страсти къ разрушенію, чего либо, для одного препровожденія времени, какъ бооры, а потому нашъ молодой человѣкъ взялъ только четыре яйца; одно съѣлъ, а три положилъ въ зѣбокъ про запасъ.

Слѣдующую ночь онъ опять провелъ на деревѣ, вольѣ ручья. Онъ замѣтилъ на берегу слѣды газзелей, приходившихъ къ ручью утолять жажду, а потому онъ съѣлъ на одинъ изъ нижнихъ сучьевъ дерева въ надеждѣ убить олову газзелъ своимъ копьемъ.

Не знаю, сколько антилопъ и газзелей видѣлъ Кіесъ, но разскажу вамъ какія породы ихъ обитаютъ въ той странѣ.

Между настоящими газзелами, то есть такими, которыя не имѣютъ морды и у которыхъ рога съ двумя изгибами и гладкіе, безъ вѣтвей, замѣчательны *спрингъ-бокъ* (*), съ рыжей спиной, бѣлымъ животомъ и бурой продольной подолой по бокамъ. Это весьма красивое животное, остающееся на мѣстѣ, на которомъ родилось и волящееся стадами, состоящими иногда изъ двухъ тысячъ головъ. Названіе его, по-голландски значить козель — прыгунъ, потому что оно не бѣгаетъ, а безпрестанно дѣлаетъ скачки.

Пурнувалъ газзелъ (1) гораздо болѣе первой; чернокія газзелъ (2), также волящіяся стадами. Готтентоты не различаютъ этихъ трехъ породъ и называютъ ихъ вообще *т'амма*.

Между антилопами съ простыми рогами замѣчательны: *стенъ-бокъ* (3), ростомъ съ козу; съ рыжей спиной; бѣлымъ животомъ, черными пахами; *ритъ-бокъ* (4), красиваго сѣраго цвѣта, съ мягкой шерстью, длинными ушами; бѣлымъ, плоскимъ, длиннымъ хвостомъ; *грисъ-бокъ* (5), ростомъ немного новше козы и съ черными кольцами вокругъ глазъ; *Клиъ-спрингеръ* (6), съ грубой, сѣрозеленоватой шерстью и коротенькими, почти прямыми рогами; *ре-бокъ* (7), съ мягкой, кудрявой, сѣро-рыжеватой шерстью, съ острой мордочкой, покрытой черными крапинами; сама не имѣетъ рога; *дунгеръ-бокъ* (8), ширяющей козель; онъ названъ этимъ именемъ потому, что когда прыгаетъ, наклоняетъ голову п шюю, какъ бы нырялъ въ кустарники; *векъ* (9), ростомъ съ зайца и живущій отдѣльно, не въ стадахъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

(*) *G. mella eucorea.*

1) *Gazella pygarga.* 2) *Gazella melanopus.* 3) *Cervicapra ibex.* 4) *Cervicapra eleotragus.* 5) *Cervicapra grisea.* 6) *Cervicapra Sndatrix.* 7) *Cervicapra Capreolus.* 8) *Cervicapra merygens.* 9) *Cervicapra pygmaea.*

(*) Готтентоты всегда поступаютъ такимъ образомъ для сбереженія мяса. Они не употребляютъ соли, потому что не любятъ ея.

КУРИЛЬЩИКИ (РИСУНКИ ГАВАРНИ).

Простая женщина въ Англии.

Голандецъ.

Гасконецъ.

Уличный мальчишка.

КОЛЕСА.

Не смотря на то, что мы безпрестанно видимъ экипажи и ѣдимъ въ нихъ, не многіе изъ насъ обращаютъ вниманіе на важнѣйшую часть ихъ — колеса; не многіе замѣтили, что хотя кареты и коляски часто перемѣняютъ свою форму, колеса остаются тѣ же.

Полагаемъ, что нѣкоторые объясненія по этому предмету не будутъ оставлены безъ вниманія.

Колеса служатъ, какъ извѣстно, для поддержанія и приведенія въ движеніе экипажей. Смотря по экипажамъ и по качеству дорогъ, колеса измѣняются въ размѣрахъ, а иногда въ самой формѣ. Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ, для проѣзда по песчанымъ степямъ, дѣлаютъ колесо съ острыми косякомъ.

Разсмотримъ сперва, какиѣ условія подлежатъ колесу, въ отношеніи къ матеріаламъ, изъ которыхъ они дѣлаются. Въ старину колеса дѣлавались изъ одного куска дерева, почему по нѣкоторомъ употребленіи не могли сохранить правильной круглосты и становились угловатыми, что препятствовало обороту ихъ. Слѣдовательно надо было приискать средство составлять колеса изъ нѣсколькихъ кусковъ такимъ образомъ, чтобы они были легки, прочны и не измѣнили формы своей. Средство, которымъ рѣшили эту задачу, есть, можетъ быть, единственное средство, которое можно было приискать, и мы опишемъ его.

Колесо составлено изъ круга, называемаго *косякомъ*, соединяющагося съ центромъ или *ступицей* посредствомъ извѣстнаго числа *спиць*, укрѣпленныхъ въ косякъ и ступицѣ.

Ступица состоитъ обыкновенно изъ одного куска дерева и должна быть сдѣлана изъ твердаго дерева.

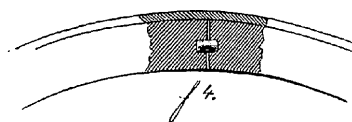
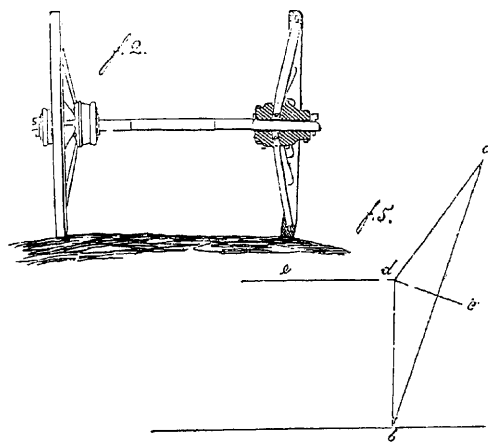
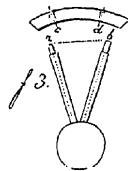
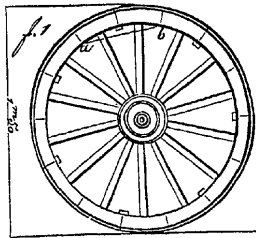
Косякъ собранъ изъ шести или восьми кусковъ, одинаковой величины и устроенныхъ такимъ образомъ, чтобы волокна дерева были непремѣнно параллельны линіи *a b* (см. фиг. 1) или хордѣ арки, образующейся одною частію косяка.

Такъ какъ спицы непремѣнно должны выдерживать тяжесть экипажа и сопротивляться толчкамъ, то для нихъ необходимо дерево со сколь возможно параллельными волокнами, а потому лучше всего дѣлать ихъ изъ молодого дуба.

Вотъ какиѣ образомъ складываютъ различныя части колеса:

На окружности ступицы, выдалбливаютъ гнѣзда, въ которыя вставляются спицы, одна окружность которыхъ должна быть дѣлана шире, плотно входящимъ въ гнѣздо.

Такимъ образомъ всѣ спицы укрѣпляютъ въ ступицѣ. Въ косякъ же дѣлаютъ цилиндрическія

ямы, въ которыя вставляется другой конецъ спиць, также приспособленный къ ямѣ.

Мы уже сказали, что косякъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей; каждая изъ этихъ частей упирается на двѣ спицы и чтобы эти части сходились плотно, то въ каждой изъ соединяющихся сторонъ дѣлаютъ гнѣзда, въ которыя вбивается гвоздь (фиг. 4).

Собравъ такимъ образомъ всѣ части колеса, остается только окончательно укрѣпить ихъ. Для

этого прикрѣпляютъ къ наружной окружности косяка желѣзный ободъ, изъ одного куска. Этотъ ободъ долженъ прилегать къ косяку; его надѣваютъ раскаленнымъ. Немедленно, поокончавъ этой работы, колесо опускаютъ въ воду, чтобы тотчасъ, остудить ободъ, который оттого суживается и еще плотнѣе сжимаетъ косякъ.

ОЧЕРКИ ОРАНИЕНБАУМА (*).

(Посвящаются С. М. Гоголю).

I.

ПЕТЕРШТАТСКАЯ КРѢПКОСТЬ.

Kennst du das Land, гавъ съверь смотришь югомъ,
Роскошно-сважъ, удыбно-красивъ,
И свѣтлый берегъ, зеленымъ полукругомъ,
Спускается на голубой заливъ?
Тамъ все цвѣтеть, тамъ все благоухаетъ!
Счастливый мѣръ волшебства и чудесъ!
И на душу тамъ что-то навѣваетъ
Златые дни полуденныхъ небесъ.

К. В.

По моему, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ желаніе знать и изслѣдовать исторію того города, который обстоятельства назначили намъ постояннымъ мѣстопробываніемъ. Это то же самое, когда мы вникаемъ въ прошлую жизнь нашего друга, съ тѣмъ, чтобы узнать его повадѣ, лучше, чтобы слиться съ нимъ,

что называется душою въ душу. Если-бы каждый изъ насъ старался ознакомиться съ прошлою жизнью знакомыхъ ему окрестностей, начиная свои изысканія, по крайней мѣрѣ, съ той эпохи, которая еще живетъ въ воспоминаніяхъ и преданіяхъ обывателей, если-бы говорю, каждый тщательно записывалъ эти вещи, то очень скоро бы могла составиться весьма занимательная исторія внутренней жизни нашего отечества. — Оставляю самимъ читателямъ дать приличный эпитетъ тѣмъ людямъ, которые, проводя праздно свою жизнь, не обращаютъ никакого вниманія на то, что дѣлалось въ ихъ отечествѣ до нихъ, не останавливаясь нисколько надъ тѣмъ, «какая нравственная связь существовала между ними и ихъ предшественниками; занятые только настоящимъ днемъ, они не знаютъ, что сегодня безъ вчера очень коротко; гораздо короче чѣмъ сегодня безъ завтра, потому что вчера паша собственность, и се никто у насъ не отниметъ, а завтра? Кто знаетъ, что будетъ завтра со мною и съ вами, любезный читатель?..

И такъ, позвольте мнѣ, для перваго знаком-

ства, съ приличною важною, описать вамъ одну изъ историческихъ достопримѣчательностей нашего маленькаго городка, съ которымъ вы вѣрно знакомы, хотя по слуху, о его живописномъ положеніи и цѣлебномъ воздухѣ; прошу заранѣе извинить, если я виѣшаю въ рассказъ кое-гдѣ и молъ личныя впечатлѣнія и воспоминанія: по моему даже и исторія старыхъ калощъ могла-бы быть занимательна и полезна, а тѣмъ болѣе исторія города и человека. Таковъ способъ моего воззрѣнія на вещи въ этомъ отношеніи, а какъ каждый долженъ быть строгимъ исполнителемъ своей системы, то пусть будетъ, что будетъ, а я безъ милосердія къ вамъ, безъ страха о себѣ, начинаю свои очерки.

Въ Ораниенбаумѣ прожилъ я мои юпошескіе годы; здѣсь, переходя отъ службы къ кнгамъ, отъ кнжкъ къ службѣ, я дожидъ до того блаженнаго состоянія, когда могу повторить вмѣстѣ съ потомъ: «бываетъ грустно, а скучно никогда!» Любимое развлеченіе мое составляетъ прогулка по поселенію, очаровательнымъ окрестностямъ Ораниенбаума, съ которыми, вѣроятно, немногіе

(* Гравюры не получены еще и будутъ приложены въ свѣтъ при послѣдующихъ очеркахъ.

изъ васъ знакомы. Знаете ли вы на пр: очаровательное *Рощинское*, красу ораиенбаумскаго поморья, *Вилки и Бронную гору*? а этимъ мѣстамъ трудно найти подобныхъ въ окрестностяхъ столицы. Постѣните ихъ, и вы поймете, почему я такъ люблю Ораиенбаумъ! Въ старости каждый неволью чувствуетъ какую-то особенную привязанность къ первой подругѣ юаго сердца, такъ и я къ этому городку, въ которомъ узналъ впервые наслаждение ливать на бумагу свою душу, чувствую что-то въ родѣ этой привязанности. Но пора къ дѣлу:

Начнемъ съ главной исторической достопримѣчательности Ораиенбаума, — съ остатковъ *Петерштатской крѣпости*. Въ послѣдующихъ очеркахъ я познакомлю васъ съ первоначальною исторіею нашего городка, а теперь прямо перейду къ той эпохѣ, въ которую была построена эта крѣпость. Вскорѣ по восшествіи на престолъ И. Елисаветы Петровны, она вспомнила о забытомъ, со времени поступленія въ казну, Ораиенбаумѣ (послѣ ссылки князя Меньшикова, его основателя) и повелѣла открыть между имъ и Петербургомъ почтовую дорогу; а въ 1745 году, послѣ бракосочетанія Наслѣдника Россійскаго Престола Петра Федоровича, подарила ему Ораиенбаумской усадебный домъ, повелѣвъ приписать къ нему 2545 душъ крестьянъ. Новое владѣніе очень нравилось Великому Князю, и было предметомъ особенной его заботливости; съ наступленіемъ лѣта онъ немедленно переезжалъ сюда въ сопровожденіи супруги и маленькаго двора и проводилъ время въ занятіяхъ, напоминавшихъ молодость соименнаго ему предка. Военныя наклонности Великаго Князя не могли быть не замѣчены Государынею: она привлѣтствовала ихъ какъ залогъ царствования богатаго побѣдами и гордилась выборомъ преемника, обѣщавшаго итти по стопамъ Петра Великаго и Карла XII, этихъ двухъ львовъ Сѣвера, геройская кровь которыхъ текла въ его жилахъ. Поощряя залятія племянника, Елисавета Петровна приказала изъ солдатъ разныхъ полковъ сформировать небольшой отрядъ и, расположивъ его въ Ораиенбаумѣ, поручить въ непосредственное завѣдываніе Великаго Князя. Съ этихъ поръ Ораиенбаумъ сдѣлался вторымъ Преображенскимъ! Известно, что Петръ III, послѣ родителя своего Герцога Карла Фридриха, наследовалъ титулъ Герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго и сохранилъ его, какъ въ бытность свою Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, такъ и въ бытность Императоромъ, съ 1742 до половины 1762 года. По высочайшему соизволенію онъ перевелъ въ Ораиенбаумъ часть своихъ голштинскихъ войскъ, и во время его царствования (въ началѣ 1762 года) число ихъ возрасло до 3 тысячъ; они постоянно были расположены въ Ораиенбаумѣ и его окрестностяхъ, составляли собственный коивой Его Величества, и извѣстны въ исторіи подъ названіемъ: *отряда голштинскихъ военныхъ людей*. Дисциплина и принятное устройство прусскихъ войскъ, предлоимыхъ Великимъ Фридрихомъ, удивляла всю Европу; Великій Князь, соседническій искреннею дружбою съ этимъ государемъ, былъ почитателемъ его гениа, и принималъ его за образецъ въ своихъ военныхъ занятіяхъ: онъ лично занимался всѣми подробностями обученія своего отряда, одѣвъ его въ прусскіе мундиръ, ввелъ одинаковый порядокъ службы, экзерциціи и маневры,

польза которыхъ была оправдана въ глазахъ всей Европы недавними побѣдами Пруссаковъ.

Въ 1757 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Великій Князь заложилъ въ Ораиенбаумѣ, на восточной сторонѣ дворцоваго пруда, маленькую крѣпость о 5-ти бастіонахъ, вооружилъ ее 12-ю чугуныими пушками и назвалъ *Петерштатомъ*, намѣреваясь, какъ говорятъ, присвоить это имя и самой дворцовой слободѣ. Земляныя работы этой крѣпости производили по контракту съ домовой канторой Его Высочества повгородской ямщикъ Самсонъ Бобылевъ за 750 рублей?! Маленькой дворецъ Великаго Князя со службами, комендантской домъ, казначейство, арсеналъ, въ которомъ хранились мундирныя, амунничныя, оружейныя вещи и знамена голштинскаго отряда, лютеранская кирка, офицерскіе домики, казематы и пороховые погреба, составляли главныя строенія крѣпости. Возлѣ нее, въ нѣсколькихъ деревянныхъ сараяхъ, была расположена пѣхота голштинскаго отряда. Зданія эти въ послѣдствіи принадлежали морскому госпиталю, а теперь сломаны, по вѣхости. Тылъ крѣпости прикрывалъ лѣспестый оврагъ, по которому изливается рѣчка *Кароста*; западная сторона упиралась въ крутой берегъ дворцоваго пруда; двѣ остальные были защищены укрѣпленіями, усилены глубокими рвами и двойнымъ рядомъ палисадъ. По отлогому берегу Каросты, внизу крѣпости было раскидано нѣсколько домиковъ, теперь уже несуществующихъ. Сходная, колѣчатая лѣспинца, съ точечнымъ балюстрадомъ, приводила прямо къ *менажеріи* (звѣрницю), среди котораго возвышалась красивая бесѣдка. Ближайшіи къ звѣрницю двѣ украшенныя галереи, называвшаяся *суитъ селъ*; другой подобный же домикъ назывался *я по теченію Каросты у верхняго шлюза назывался китайскимъ*; оба эти домика были двухъ-этажные и выкрашены зеленою краскою.

На прилежащемъ къ крѣпости дворцовомъ прудѣ, площадь котораго занимаетъ 200 квадратныхъ саженъ, при Петрѣ III былъ заведенъ *потопный флотъ*. Онъ состоялъ изъ 4-хъ судовъ: корабли *Ораиенбаумъ*, фрегата *Андрей* и галеръ: *Елисаветы* и *Екатерина*; на первомъ находилось 20-тъ мѣдныхъ одофунтовыхъ пушекъ, а на послѣднихъ по 20-ти чугуныихъ полуфунтовыхъ; каюты судовъ были украшены великолѣпно: мебель и подушки обиты рытымъ бархатомъ разныхъ цвѣтовъ и обложены въ нѣсколько рядовъ золотымъ и серебрянымъ гасомъ. Флотомъ до самого уничтоженія его, завѣдывалъ сержантъ *Елингъ*.

Въ 1782 году послѣдовалъ высочайшій указъ, по которому ораиенбаумской дворецъ и Петерштатская крѣпость поступили въ вѣденіе морскаго кадетскаго корпуса; тогда-то крѣпость лишилась всѣхъ своихъ украшеній: въ маленькомъ дворцѣ Петра III остались однѣ голыя стѣны; арсенальныя голштинскія вещи поступили въ петербургской арсеналъ; артиллерійскія и таже лажныя вещи, принадлежавшія судамъ (тогдаже уничтоженнаго) потѣпшаго флота, отравлены въ Кронштадтъ. Крѣпостныя деревянныя строенія, оставался нѣсколько лѣтъ безъ поддержки, разрушались постепенно, несоманы, всѣ безъ исключенія, въ 1800 годахъ. Единственными памятниками бывшей крѣпости остаются теперь три каменныхъ зданія: дворецъ Петра III, главныя вѣздныя ворота и небольшой

домикъ, служащій помѣщеніемъ сторожу сихъ мѣстъ.

Надъ желѣзными створчатыми воротами, увѣренными въ каменной аркѣи украшенными арматурою, возвышается бельведеръ; на бельведерѣ куполь и шпиль, покрытыя жестию; сверхъ шпиль позолоченный шаръ; на шарѣ флюгеръ, въ которомъ вырѣзано 1757—годъ построенія крѣпости. — При воротахъ, черезъ крѣпостной ровъ, былъ мостъ на сваяхъ, съ балюстрадою. Сверхъ земляныхъ укрѣпленій вокругъ крѣпости шла ограда изъ столбовъ: отъ пруда до горъ до моста, черезъ рѣчку Каросту, и отъ мосту до проезда въ крѣпость.

Въ центрѣ бывшей крѣпости стоитъ двухъ-этажный дворецъ, фасомъ на залвъ; входъ съ этого фаса, по обѣимъ сторонамъ двери, въ нишахъ втораго этажа сохранились грудные бюсты Императора Петра III и Его Супруги. Въ каждомъ этажѣ по 5-ти комнатъ; верхній былъ отдѣланъ великолѣпно въ восточномъ вкусѣ: всѣ стѣны обложены досками, расписанными по-китайски золотомъ и бронзою; на нихъ изображены китайскіе домики, падиши, деревья, птицы и разныя сцены домашняго быта. Зала была устроена по итальянскому вкусу; двери въ комнатахъ филеичаты; рѣзба, какъ на дверяхъ, такъ и на карнизахъ, посеребрена; полы штучныя, толчки были отдѣланы лѣсною работою.

Но я все говорю *было*, забывая, что вамъ, можетъ быть, гораздо любопытнѣе знать о томъ, что *есть* теперь на мѣстѣ былаго. Въмѣсто прямаго отвѣта, повторивъ еще разъ, что все сказанное мною дѣйствительно *было*, и какъ говорится, *быльемъ поросло*...

А впрочемъ, въ вашей волѣ, любезный читатель, слѣдовать за мною къ остаткамъ крѣпости, куда и поведу васъ единственно въ угоду нашей любознательности: подходить впервые къ обширному нештлому дворцовому пруду, со всѣхъ сторонъ обрамленному красивыми зданіями, ваше вниманіе невольно будетъ увлечено въ ту сторону, гдѣ на темномъ лесомъ фонѣ сосноваго лѣса, какъ два бѣлые призрака, пресуюта два отдѣльныхъ зданія, не похожихъ на всѣ ихъ окружающія зданія: это башня крѣпостныхъ воротъ и дворецъ Петра III. Глубокое безмолвіе, царствующее въ этомъ царскомъ мѣстѣ, при нашемъ приближеніи нарушается громкимъ лаемъ сторожеваго пса; но не безпокойтесь! Видите, онъ лежитъ смиренно подъ тѣнью сѣнаго стога, — это только условный знакъ! Вотъ на его лѣи выдвигается изъ маленькой (тоже старинной) каменной смиренной фигура иваида, съ ключемъ въ рукѣ и неспириторной радостію на лицѣ (въ надеждѣ получить отъ васъ наводку!); онъ приглашаетъ васъ осмотрѣть внутренность дворца! Больше смотрѣть нечего! Ворота передъ вами, а земляныя валы и передовыя укрѣпленія скрыты въ недавнее время, и только заросшіи травою ровъ обозначаетъ объемъ и фигуру крѣпости. Но вотъ щелкнулъ ключъ, заскрипявъ ржавля дверп; на васъ повѣло могильной сырости; увлекася любознательствомъ, вы хотите войти въ одну изъ боковыхъ комнатъ, чтобы осмотрѣть ихъ расположеніе, но услужливый чичероне останавливаетъ васъ словами: «не лѣзя, ваше высокородіе, опасво, чего добраго обвалится потолокъ!» и вы, конечно, отступаете назадъ. По улиткообразной лѣсп-

пидививалидь поведеть вась во второй этажъ; здѣсь вы можете сколько угодно предаваться наблюденьямъ и изысканіямъ, если забудете, что сказанное вашимъ проводникомъ о потолкѣ нижняго этажа остается вполне справедливымъ и въ отношеніи пола верхняго. Слѣды бывшихъ украшеній сохранились только на дверяхъ и на потолкѣ; да въ одной изъ проходныхъ комнатъ передъ заломъ, — уцѣлѣвъ, вѣланный въ стѣну, деревянный шкапчикъ, который, вѣроятно, служилъ буфетомъ; стѣна эта покрыта выпуклою посеребленною рѣзбою. Громко раздается въ залѣ шорохъ вашихъ шаговъ, спидѣтельствую о ея акустическомъ устройствѣ; но не совѣтую вамъ умышленно извлекать эти звуки: полъ ненадеженъ! Въ сосѣдней съ заломъ комнатѣ весь каминъ неперененъ стихами, фамиліями и различными надписями; каждый годъ, по осени, трудолюбивый инвалдъ стираетъ эти слѣды лѣтнихъ посѣтителей, прибавляя лакоически: «Ужъ, охота господамъ баловать! А нашему брату лишняя работа!»

Ежели, любезный читатель, я имѣю дѣло съ мечтателемъ, то, проходя по дворцу, напомню вамъ, что въ блестящій вѣкъ Елисаветы, здѣсь часто совершались празднества, разнообразнѣе дѣятельную военную жизнь Великаго Князя: *банкетные столы* ломались подъяжестью золотой и серебряной посуды, налиценной вкусными яствами; слышались заздравные тосты; съ валовъ крѣпости и съ придворнаго флота раздавались выстрѣлы въ честь прирующихъ; ввечеру сжигались *потышние огни* и суда, стоя на якоряхъ, освѣщались по вѣтямъ мачтамъ и канатамъ разноцвѣтными огнями, которые въ темнотѣ ночи казались всплывшими на воздухѣ, или, прикованными къ педу. Наконецъ, напомню вамъ, что въ этомъ самомъ дворцѣ Императоръ Петръ III подшисалъ знаменитый указъ 18-го февраля 1762 года, которыми дарованы русскому дворянству такія преимущества, какихъ оно не имѣло ни прежде, ни послѣ Петра Великаго.

Не хотіте мечтать, то, покидая дворецъ, подойдите къ одному изъ оконъ, выходящихъ на заливъ, и только дайте волю глазамъ и вы скоро разстанетесь съ прелестнымъ видомъ: прямо передъ собою вы видите Кронштадтъ, грозную твердыню, величественно подымающуюся изъ волнъ; посмотрите, — какъ грозенъ видъ этихъ крѣпостей, защищающихъ входъ съ моря; какъ густъ лѣсъ этихъ мачтъ! Далѣе, волшебю рисуются надъ водою дикіе берега Финляндіи; въправо Петербургъ съ его громаднымъ Исаакіевскимъ Соборомъ, петропавловскимъ шпиромъ и другими возвышенными пунктами. Сколько предметовъ для кисти живописца и для мечты поэта! Кажется, вѣтъ не разстался бы съ этимъ восхитительнымъ мѣстомъ, но, только подъ условіемъ вѣчнаго лѣта! Вѣдь въ мірѣ все условно!!! Окочу въ настоящей очеркъ стихами Князя Вяземскаго:

Dahin, dahin, **нашь Торквато!
Dahin, dahin, нашъ Тиціанъ—Брюлоевъ!
Тамъ закипитъ въ васъ горячо и слято
Живой восторгъ возвышенныхъ трудовъ!
Тамъ мыслямъ есть гостеприимный геній,
И есть пріять фантазіямъ мечты!
Для лиры тамъ есть муза вдохновеній,
Для кисти есть харита красоты!

А. Кавелинъ.

Оригинальбаумъ.
Май 7. 1846 года.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ

въ

немногихъ письмахъ.

ГЛАВА II.

Первую вы уже прочитали. Она въ немногихъ письмахъ. И весь романъ въ немногихъ письмахъ. Какъ, почему? Все это вы узнаете, если удостоите провинціального писателя вашимъ лестнымъ вниманіемъ. Изъ писемъ вы, вѣроятно, догадались, что нѣкто Евгеній пріѣхалъ въ губерскій городъ, влюбился въ Клеопатру Кирялову, которая влюблена въ офицера Левушку, а сей влюбленъ въ Авдотью Семенову, а она Авдотья Семеновна — молодая, богатая вдова и не любитъ никого. Кто же этотъ никто? Можеть-ли это быть, чтобы у молодой вдовушки любимцемъ сердца былъ никто? Рѣшительная ложь; пойдите, посмотрите, подслушаемъ, авось этотъ никто признается какъ его зовуть. Пойдите, пойдите!

Есть удивительныя улицы на свѣтѣ. О нихъ столичные жители немогутъ имѣть ни какого понятія. У этихъ улицъ нѣтъ ни начала ни конца, выбѣжить откуда-то изъ подъ будки; раздѣлалъ широко, широко; посерединѣ, ни съ того ни съ сего, будто гуся на озерѣ, торчатъ два три сѣрые дома, и опять улица, но будто землетрясеніемъ изогнуло и перегнуло ее въ нѣсколько погибелей, то въ одну бокъ ударится, то въ другую опрокинется, и пропадетъ середѣ города такъ, что и не догадаешься куда она дѣвалась. На такой улицѣ вы встрѣтите пару овраговъ, пару мостовъ, нѣсколько кособогоры, иногда только одну лишнюю дощину; нужно, падете и прудъ, и колодези съ живописными глаголами, и лавочки, и что угодно. Придумывайте, на моей улицѣ все есть. Называлась она Косатка, а отъ чего, этого никто не зналъ. Косатка себя, да и полно. На Косаткѣ жили бѣдные чиновники губерскіе, кушцы и мѣщаче, но изъ важнѣйшей губерскіей публички тутъ рѣшительно никто не жилъ, и не бывалъ до послѣдней ярмарки. Столначальникъ казенной палаты задумалъ построить домъ на Косаткѣ на большую ногу изъ укрухъ жалованья и подаяній благодарныхъ вѣстелей. Дѣло шло медленно, по таше съ дѣломъ будешь. Правда, отставили его отъ должности и нигуда принимать не приказали, вѣроятно потому, что онъ ужъ наслушался себя весьма довольно и нигуда опредѣляться не желалъ. Да и потому еще, что доль у него былъ совершенно кончель и отдѣланъ такъ, какъ отдѣлывались дома, и то немногіе, на большой улицѣ.

Передъ самой ярмаркой, хозяинъ достроилъ заборъ вокругъ обширнаго сада, принявавшего къ оранжереймъ Иколоткина. — Стали на ярмарку съѣзжаться; стали новый домъ напирать, по куда! ни приступу! Триста рублей на двѣ ведѣли. Много рыдановъ печально отчалило отъ красныхъ воротъ; ярмарка уже разыгралась, хозяинъ сталъ призадумываться, вдругъ пришелъ какой-то холонъ; осомтрѣвъ домъ, спросилъ про цѣну, выпнулъ деньги, заплатилъ и сказавъ: «за нами ушелъ, откуда пришелъ. Но въ тотъ же вечеръ явилась огромная дорожная карета въ шесть заводскихъ лошадей, въ сопровожденіи городской кареты, коляска, колесочки, щегольскихъ дрожекъ и трехъ поводовъ съ сундуками. Тотъ же холонъ распорядился выгрузкой пассажировъ и вещей. Изъ кареты вышелъ молодой человекъ пріятной наружности; за нимъ молодая женщина, потому вышла няня съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и мальчикъ лѣтъ десяти или двѣнадцати. Пріятно было, что гости всю дорогу спали. Хотя и не совѣтъ ловко, по мы должны сказать, что вѣтъ звали, въ особенности молодой человекъ. Хозяинъ не сводилъ глазъ съ пріѣзжихъ и не могъ скрыть удивленія. Онъ кажется зналъ напередъ всю губернію, но такого барина не видывалъ. Онъ пересталъ удивляться и мысленно ска-

залъ: видно не здѣшніе! И съ этимъ словомъ или съ этой мыслию вступилъ въ обычное отправленіе своихъ обязанностей; сталъ служить, отворялъ передъ гостями двери, докладывалъ назначеніе каждой компаты, суетился, хлопоталъ.

— Это, вотъ изволите видѣть, диванная! — сказалъ онъ, отворяя двери въ комнату, убранную только обоями и диванами.

— Гм! сказалъ тихо молодой человекъ: Маша! я здѣсь повѣшу твой портретъ... — сказалъ и зѣвнулъ...

— Очень хорошо! — сказала и зѣвнула барыня.

— Портретъ?.. т. е. картину?.. спросилъ съ неудовольствіемъ хозяинъ.

— Да!

— Но для этого требуется гвоздь... а вбивать гвозди въ новые обои, это раззореніе. Я не могу согласиться. Обои выпиные. Въ цѣломъ городѣ такіе есть только у Иаки Пльча, и то по моей милости. Просимъ извиненія, а ужъ гвоздей вколачивать не извольте.

— Такъ что же ты хочешь за то, чтобы гвоздь вбить.

— Обоевъ цѣлый кусокъ испортишь на починку; кусокъ стоитъ пять цѣлковыхъ; да работа, да все, нѣтъ, одинъ гвоздь на двадцать пять рублей убытку сълѣастъ...

— Кирилло! Дай ему двадцать пять рублей и вбей вотъ сюда гвоздь...

— Вбей гвоздь! нѣтъ ужъ извините! Ужъ этого я не попусти! Ужъ я дѣлаю жертву, позвольте, для васъ только, для другаго, убейте меня, ни для кого на свѣтѣ; извольте, я беру двадцать пять рублей, свои деньги только, но ужъ гвоздя вбивать Кириллѣ не позволяю...

— Такъ какъ же?..

— Позвольте, позвольте, и самъ вобью гвоздь, вотъ сей часъ, сію минуту.

Хозяинъ отправился за лѣстницей, дѣти ушли въ другія комнаты, Кирилло также. Молодой человекъ съ молодой женщиной, машинально уѣлились на одномъ диванѣ нѣсколько разъ зѣвнули.

— Ну, Marie, вотъ мы и пріѣхали!

— Да, пріѣхали!

Молчаніе.

— Кирилло! Трубку! Ты устала Marie?

— Устала!

— Я то же усталъ. Дорога пресъ вѣрнал!

— Прескъвѣрнал дорога!

Въ одну дверь Кирилло входилъ съ трубкой, въ другую хозяинъ съ лѣстницей...

— Какъ! закричалъ онъ: Табакъ въ моемъ домѣ! Обои, завабѣли! Помолчите, да это раззореніе! Вы погубите меня хотіте! На что это похоче? это хуже меня, на сквозъ стѣны пропахнуть, ничѣмъ не выкуришь, и все закопается. Умилосердитесь!

— Что его слушать! сказалъ Кирилло грубо: этакъ онъ не дастъ на кухню и кушанья готовить! Извольте закуривать...

— Караулъ, разбой!

— Да чего же ты хочешь?..

— Да одного укусу пойдетъ на сто рублей, чтобы этотъ духъ выжить; да заварѣски мыть, да обои хлѣбомъ вытирать...

— Кирилло, дай мне двадцать пять рублей на чистку и дукай молчать. А не то ни гроша не дамъ, и завтра скажу губернатору, такъ онъ его уймѣтъ...

— Помолчите! Да вѣдь каждый въ дому своемъ хозяинъ! Что мнѣ губернаторъ! Ужъ я только для васъ двадцать пять рублей беру; знаю, что буду въ убыткѣ, да что дѣлать! И то правда! Нельзя жидца не уважать...

И хозяинъ приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу; притѣрилъ крюкъ, ударилъ, и оглянулся. Молодой человекъ курилъ, молодая женщина сидѣла чинно и безмолвно...

— Marie? Тебѣ не скучно?

— Нѣтъ! А тебѣ Этьенъ?

— Нѣтъ, мнѣ весело... Этьенъ поставилъ трѣбку и облокотился на руку; Marie задумчиво опустила головку.

на всѣ стороны, простирая руки къ легкимъ облакамъ, быстро пробѣгавшимъ по синему небу; какъ ребенокъ бросался во всѣ стороны, и сама того не замѣчая, очутилась у досчатой ограды, отдѣлявшей этотъ садъ отъ сада Иколючкина. Рѣзкій, женскій смѣхъ за оградой заставилъ опомниться Марью Осиповну. Она остановилась какъ вкопаная и слушала съ такимъ же напряженіемъ, какъ и хозяйинъ, который за кустомъ занимался тѣмъ же.

— Что дальше? продолжалъ голосъ женщины, пріятно подавлявшей смѣхъ...

— Такъ видите, все это случилось въ слѣдствіе заклада. Онъ и не знаетъ, что Жоржъ мнѣ племянникъ и желаетъ ему добра. Конечно, не случись этой встрѣчи, могло бы кончиться недобромъ. Жоржъ шепчетъ, что онъ все это предвидѣлъ. Вздоръ! Какъ можно предугадать дурачества юности. Другой мой племянникъ, Степанъ Лукичъ, тоже сдѣлалъ дурачество, котораго я ему не прощу никогда. Я прочилъ его вамъ въ мужья.

— Мнѣ?

— Да вамъ! Вы женщина умная; понимаете, что любить можно только въ дѣтствѣ; а въ вѣкоторыхъ лѣтахъ...

— Покорно васъ благодарю!

— Полно шутить! Вы очень хорошо знаете, что вы и молоды, и хороши собой, но что вы уже не ребенокъ. Вѣдь вотъ что досадно. Пишу къ не-

му: Степка, не женись, женишься успѣешь, прежде пріѣзжай сюда; такъ нѣтъ, хлопъ, женился, даже не уведомилъ на конь; мнѣ у чужихъ стыдно было и распришивать; два года прошло ни слова; только черезъ Егора я уже узналъ, что жена ему родила сына и постыла, надѣла, такъ что онъ самъ не знаетъ, что дѣлать отъ скуки, а ужъ съ вамъ бы не соскучился Степка! Ну; да пусть на себя и пеняетъ...

Марья Осиповна баѣлѣте полотна стояла, ни жва, ни мертва, прислонясь къ дереву. Сходство событій, тѣже имена, не оставили сомнѣній, что гости за оградой разговаривали объ ея мужѣ... Для нея этотъ разговоръ былъ сдѣлкомъ интереснѣе. Бѣдная собрала всѣ силы и вслушивалась въ ужасныя рѣчи, которыя становились для нея несдовольно вытнными...

— Поймите мужичинъ! сказалъ женскій голосъ: въ два года! И стоять ли они послѣ этого одного ласковаго взгляда...

— Нѣтъ ничего удивительнаго! Онъ человекъ хорошо воспитанный, она, какъ пишетъ Егоръ, женщина простая! Страстно любитъ деревню; не обладаетъ никакимъ талантомъ, не умѣетъ говорить даже съ порядочнымъ людьми...

Эти слова, что называстся, доканали Марью Осиповну; какъ срубенное дерево повалилась она въ кустъ, подъ которымъ сидѣлъ хозяйинъ. Въ испугѣ онъ отскочилъ на вѣсколько шаговъ, но, узнавъ

— Ты спишь, Маріе?

— Нѣтъ, а ты Этьенъ?..

Этьенъ уже спалъ; Марія закрыла глаза; хозяйинъ стукнулъ разъ и оглянулся; два, опять оглянулся и, удивляясь какъ они могутъ спать подъ стукъ его молота, потерялъ размѣръ, и какъ хлопнетъ себя по рукамъ, какъ вскрикнуть, — молодая чета вскочила, Кирилло вбѣжалъ въ комнату...

— Что такое? спросилъ Этьенъ.

— Вотъ вамъ и гвозди! Зналъ бы, ста рублей не взял! Кости переломалъ! Теперь втрое выйдетъ на доктора и аптеку, о проклятая услужливость! Вотъ тебѣ Сидоръ Никитичъ! Вотъ тебѣ за твое добродушіе...

— Уйдемъ Маріе! Онъ отъ насъ не отвѣтится! Молодая чета перешла въ другую комнату, гдѣ уже мамка ожидала барыню.

— Марья Осиповна! Пожалуйте къ Николинкѣ! Проснулся...

— Ступай, Ступай Маріе! Кирилло, подай халатъ! Нѣтъ-ли чего почитать? Тамъ въ каретѣ былъ журналецъ.

Кирилло подавъ и халатъ и журнальце. Этьенъ присѣлъ на кушетку, потребовалъ подушку, развернулъ журналецъ и заснулъ сномъ сладкимъ...

— Опять спать! сказала Маріе, взошла въ комнату. Когда онъ выспится! Кирилло, когда баринъ проснется, доложи мнѣ.

Тихо выпорхнула Марья Осиповна на красивый балконъ, легко сбѣжала въ садъ и что она думала, и что она говорила, угадать трудно, но по жестамъ можно было подумать, что она повторяетъ монологъ изъ Маріи Стюартъ, Шиллера, когда несчастную королеву выпустили подышать чистымъ воздухомъ. Странно оглядывалась она

кто упалъ такъ нескромно и нарушилъ наслаженіе его наблюдательности, хозяйинъ въ три прыжка очутился на балконѣ, и во все горло кричалъ Кирилло!

— Тихе, ты, баринъ спитъ!

— Барыня въ обморокъ упала! Лежитъ тамъ у забора; я изъ окна выдѣлъ...

Поднялась въ домъ сузатоха; принесли больную безъ чувствъ, уложили въ постель; хлопотали, шумѣли, одинъ только Кирилло стоялъ надъ баринкомъ, протянувъ руку, но будить не рѣшался.

— Была не была! наконецъ сказалъ онъ: Степанъ Лукичъ!

— Гмъ.

— Степанъ Лукичъ!

— Что тамъ?

— Барыня нездорова!

— Пошлите за докторомъ!

— Эй, кликните Сеньку, пускай бѣжитъ за докторомъ. Баринъ приказалъ! Проворите!

Пославъ за докторомъ. Женщины въ трепетномъ ожиданіи окружили Марью Осиповну, Кирилло стоялъ у изголовья кушетки, на которой лежала Степанъ Лукичъ. Баринъ спалъ, барыня не просыпалась.

(Продолженіе впереди).

Фелісіанъ Давидъ.

Г. Берліозъ.

С М Ъ С Ь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Для Странствователя, которому такъ трудно обходить цѣлый свѣтъ съ ползорной трубой, наибольшій интересъ заключаютъ тѣ открытія, которыя облегчаютъ пути личного и письменнаго сообщенія. Но иногда Странствователь понадастся въ такой печальный обманъ, что цѣлую неделю раскаивается въ своемъ легковѣрїи. И потому рѣшился не вѣрить ничему, рѣшительно ничему, что пишутъ ученые и не ученые по этому предмету. Да, я не знаю кто изъ васъ повѣритъ г. Эспару, что можно *тѣла, неимѣющія значительнаго вѣса, направлять письма, пересылать за сто миль въ часъ.* А между тѣмъ г. Эспаръ не считаетъ своей выдумки шуткой, не потому, что онъ издалъ въ Мюнхенѣ объ этомъ брошюру, а потому, что подарилъ по экземпляру этой брошюры разнымъ академіямъ, и академіи съ приличною важностію приняли подарокъ.

Вотъ, напримѣръ, новымъ усовершенствованіемъ лагеротина можно вѣрить и на слово. Дѣло понятное. До сихъ поръ фотографія умѣла спать только неподвижныя мѣста, отдѣльныя картины. Теперь можете снять цѣлую панораму посредствомъ усовершенствованнаго Леребуромъ лагеротина. Снарядъ вращается горизонтально и всѣ точки горизонта послѣдовательно или поглощаются; лощечка, на которой должно остаться изображеніе предметовъ, согнута въ цилиндръ, и посредствомъ пружины также поворачивается какъ угодно. Дагеротипныя панорамы, исполненныя въ мастерскихъ Леребура, отличныя и вѣрны въ точности. Для путешественниковъ кладъ, не избрѣтеніе.

Въ двухъ нумерахъ Иллюстрацій мы уже упоминали о ученой тяжбѣ Витстона съ Брегетомъ. Письмо г. Якоби къ Араго, въ которомъ изложены нѣкоторыя замѣчанія насчетъ записки г. Пулье о спарладахъ, для пзмѣренія скорости движенія бросаемыхъ тѣлъ, возобновило этотъ вопросъ. Г. Якоби, въ этомъ письмѣ, утверждаетъ, что примѣненіе къ этому дѣлу гальвановаго, какъ ballisticческаго маятника, сколько ни остроумно, но не можетъ успѣшно соперничать съ удиви-

тельнымъ электроballisticескимъ инструментомъ г. Константинова. Этимъ положительно разрѣшилась странная тяжба. Брегетъ остался рѣшительно въ сторонѣ, а г. Константинова самъ Витстонъ въ первомъ письмѣ устранилъ отъ всякаго обшпенія. Нельзя болѣе сомнѣваться, что Витстонъ затѣялъ тяжбу въ досадѣ на участіе Брегета въ устройствѣ телеграфовъ, — и что честь остроумнаго изобрѣтенія воплотилъ принадлежитъ нашему ученому.

Электромагнитная сила распространяетъ свое вліяніе не только на потребности ученыхъ, но и на забавы. Въ Англїи, въ продолженіи немногихъ часовъ, два шахматныя игрока разыграли партію посредствомъ электр. телеграфа. Ихъ раздѣляло 100 миль; третій любитель шахматъ, за 50 лишнихъ миль, посредствомъ такого же телеграфа, наблюдалъ за ходомъ игры. — Теперь играютъ уже и въ вистъ такимъ же образомъ... Лучше бы, однако, оригинальные Британцы постарались примѣнить прекрасное открытіе къ реальнымъ потребностямъ, напримѣръ, къ биржевымъ курсамъ и т. п. Безъ сомнѣнія мы скоро увѣдомимъ о подобныхъ подвигахъ электромагнитной силы.

Вспомните, когда-то издавался для дѣтскаго употребленія хронологическіе указатели изобрѣтеній и открытій. Въ 7,300 лѣтъ, отъ сотворенія міра, человечество сдѣлало такъ мало изобрѣтеній и открытій, что всѣ они могутъ вмѣститься въ карманномъ календарикѣ; но за то въ послѣдніе 55 годъ, тотъ же родъ людской сталъ такъ изобрѣтателенъ и предприимчивъ, что въ нынѣшнемъ 7553 году отъ с. м. можно издавать такой календарикъ — ежедневно. Положительно можно утверждать, что на каждый день приходится по одному важному открытію и по десятку колоссальныхъ предпріятій. Лице Европы скоро поглотитъ подъ желѣзной маской; океаны — безопаснѣе и меньше прежнихъ озеръ; озера и рѣки — лужи, черезъ которыя можно будетъ перескакивать. А если которая рѣка съ капризами, которые родились вмѣстѣ съ нею, воля и умъ человѣка петрелятъ эти капризы или сдѣлаютъ ихъ предметамъ совершенно посторонними. Вы знаете величественную, одну изъ самыхъ огромныхъ рѣкъ міра, Мараньонъ или Амазонскую. Она протекаетъ черезъ многія государства, и между прочимъ черезъ Республику Боливійскую. Устьи Мараньона и среднія части совершенно судоходны слишкомъ на 200 миль вверхъ; но близъ впаденія въ Мараньонъ Рио-Мадейрасъ, раз-

бросано нѣсколько огромныхъ скалъ, которыя прекращаютъ здѣсь судоходство. Изъ нихъ три совершенно преграждаютъ путь судамъ; между другими только теченіе дѣлается слишкомъ быстрымъ, такъ, что Индѣецъ далече останавливаетъ свою пирогу и перетаскиваетъ ее по сушѣ, для дальнѣйшаго плаванія. Генералъ Балливанъ, нынѣшній президентъ Республики, рѣшился уничтожить положенныя природою преграды: постановилъ прорыть каналы со шлюзами въ обходъ всѣхъ этихъ скалъ. Такимъ образомъ устроится свободное судоходство по всей Амазонской Рѣкѣ. Особая коммисія уже на мѣстѣ составляетъ планъ исполненія этого гигантскаго предпріятія, которое между прочимъ сократитъ дорогу изъ Боливїи въ Европу на половину пути.

Право не знаемъ, пилъ ли чай и кофе Юліи Кесарь? Основываться на древнихъ свидѣтельствахъ опасно. Китай былъ уже великой державой; когда Римляне сражались съ Кароленомъ на своихъ многovesельныхъ лодкахъ; Пидѣицы начинали упадать въ наукахъ и художествахъ, когда Агриппа стрѣлялъ булку-паносонъ. Какъ знать, что Римлянамъ не былъ извѣстенъ ни чай, ни кофе; но ужъ за то, что они не знали сахара, поручиться рѣшительно невозможно. Рамонъ дела Сакра, ученый Испанецъ, издалъ теперь весьма занимательное сочиненіе о разведеніи и выработкѣ сахарнаго тростника въ Андалузїи. По всему берегу этой райской страны выработывали сахаръ съ незапамятныхъ временъ, гораздо прежде насшествія Мавровъ. Отъ Альмерїи до Марабелы, до Гибралтарскаго Пролїва весь берегъ былъ покрытъ богатѣйшими плантаціями. Во многихъ округахъ и теперь еще находятъ слѣды разведенія тростника; теперь еще въ дѣйствїи девять плантацій, которыя ежегодно обрабатываютъ 13 милліоновъ килограммовъ сахарнаго тростника. Изъ 25 милліоновъ к. составляющихъ ежегодную жатву, десять милліоновъ к. истребляетъ Андалузїя, потому что въ этомъ краѣ, какъ и на Антильскихъ Островахъ, тростникъ сосутъ всѣ жители. Теперь принялись весьма тщательно за эту отрасль промышленности и не сомнѣваются, что Андалузїя непременно дастъ 25 м. к., сахара, что совершенно покрываетъ потребности этого продукта въ цѣлой Испанїи. Эти свѣденія не только важны потому, что можно думать, что Юліи Кесарь кушалъ мороженое, и, вѣроятно, лимонное, но и потому, что Испанія начинаеть успокоиваться и обращается къ благо-

словеннымъ ширнымъ занятіямъ, которыя во всей Европѣ теперь увлечаютъ общее вниманіе.

* Центральная земледѣйческій съездъ въ Парижѣ занимался вопросами, которые для насъ, Русскихъ, не любопытны, а потому и могли показаться многимъ не важными. Толковали о вредѣ и пользѣ масляничныхъ растений и объ искусственныхъ удобреніяхъ почвы. Вопросы эти могутъ быть не любопытны, но важность ихъ неоспорима.

* Лѣсоводство въ послѣднее время приобрѣло весьма важная пособія. Это Лѣсная Географія Ганда и его же Лѣсная Карта Европы. У насъ окончено изданіе Лѣснаго Словаря, которымъ мы займемся съ большимъ вниманіемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ. Все занимательно, все должно быть занимательно, коль скоро относится къ Россіи, или можетъ быть для нея пригодно. Доужее любопытство скучаетъ подобными извѣстіями; но и для него есть особеннаго рода трудолюбцы, свои Ираклы.

* Одинъ изъ нихъ, г. Виссе, рассказываетъ въ письмѣ своемъ къ г. Реньо удивительныя вещи. Извѣстно вамъ и каждому, что область Квино — нынѣ обратилась въ республику экватора, что городъ Квино стоитъ у подножія волкана, который называется Руку-Нихина. Волканъ производилъ ужасныя опустошенія, но съ 1690 года успокоился и такъ сталъ смиренъ, что окрестные жители увѣрились, что онъ совершенно и навсегда потухъ. Г. Виссе взялъ съ собою лучшаго своего ученика, Гарсія Марсено, муловъ, чловѣка, собаку, проводника Индѣйца и отправился на гору; но старинныя шалости волкана окружили его врагами, обрывами и всѣми подобными неудобствами для ѣзды. На поряточной высотѣ ѣхать не было уже и возможности. Натураллисты съ Индѣйцемъ пошолли вверхъ, что было для нихъ очень трудно, но причипъ рыхлости вулканической почвы. Но Ираклы все перевозогаютъ. Въ 7 часовъ утра отправились они въ путь, въ 11½ достигли одной изъ верхнихъ горы, но ничего не могли видѣть, потому что случился туманъ. Мало по малу стали они рассматривать внутренность чернаго и ужаснаго кратера, но два не могли видѣть. «Пойдемъ въ кратеръ!» сказали они другъ другу. — Вы думаете они попутли? Нѣтъ, пошли. По крайней мѣрѣ такъ рассказываетъ г. Виссе. Индѣецъ натурально отказался отъ такой прогулки; но собака послѣдовала за ними, не подумавъ; а какъ подумала, какъ услышала съ какою страшнымъ шумомъ гудило въ полъ подъ ногъ гостей летятъ камни въ бездонную глубину, и она воротилась на бѣлый свѣтъ. Погода не много разгулялась и они могли рассмотреть дно кратера. Спустились они на 300 метровъ въ глубину и тутъ замѣтили другой кратеръ, пошли по стѣнкѣ, раздѣлявшей два жерла, почувствовали сѣрный запахъ и подошли къ самой части волкана. Они приблизились на такое расстояние къ жерлу, изъ котораго съ шумомъ вырывается паръ, что, по мнѣнію г. Виссе, они были всего на нѣсколько шаговъ отъ своихъ антиподовъ въ Суматрѣ. Подъ ногами у нихъ уже не стало твердой почвы: зола и только. Г. Виссе легъ и вложилъ руку въ золу, чтобы поискать тамъ вулканическихъ кристалловъ, но тамъ было болно жарко. Термометръ въ 60°, приставленный къ жерлу, поднялся воево своєю сплуду; въ двадцати шагахъ отъ жерла жаръ былъ выше температуры кипищей воды. Кристаллы, почти въ видѣ жидкой, покрывали, какъ обон, стѣны жерла; пары съ запахомъ гнилыхъ яицъ поднимались оттуда; пока путники сходили кристалловъ и наслаждались эрѣлицемъ внутренняго расположенія кратера, собрался дождь и прудурал такъ сильно, что внутри кратера потекли рѣки, подъ ногами путниковъ пробѣгали ручьи, пригласшая и ихъ за собою въ бездну. Поднялась ужасная музыка, неустрашимые устранились; пошла назадъ; тутъ на каждомъ шагѣ тысяча прелестей и смертей, но Ираклы вышли, Индѣйца нѣтъ, дождь льетъ, ночь, они сѣли на гладкую свѣжую поверхность и спустились съ горы, но не туда куда слѣдовало. Неудача за неудачей, но все, однакоже, кончилось

благополучно. Они наши уже внизу и муловъ и собаку и всѣхъ и все, воротились въ Квино, чтобы написать письмо къ г. Реньо, и въ заключеніе общаются въ благоприятѣйшее время отправиться въ кратеръ на дѣльную недѣлю. Не знаемъ, вѣрители въ этому письму? Но оно писано извѣстными ученымъ къ другому извѣстному ученому... Мы вѣримъ, но съ тѣмъ вѣсѣтъ вѣримъ сошестію въ адъ Орфея, Данте и другихъ знаменитыхъ натуралистовъ своего рода.

* Мы слышали, мы читали письменные отзывы, въ которыхъ насъ, и весьма справедливо, упрекали въ томъ, что мы, столь тщательно собиравъ все ученыя новости, до сихъ поръ не увѣдомили читателей нашихъ, даже не упомянули о путешествіи г. Миддендорфа по Сибири. Люди, знающіе, просматривавшіе это путешествие, не могутъ доволно хвалиться этимъ трудомъ; но что могли сказать мы, не выдавъ сочиненія? Въ началѣ только этого года г. Миддендорфъ возвратился въ С. Петербургъ. Мы исполнили нашу обязанность въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

* Ученая наша дѣятельность не такъ мало значительна, какъ кажется. Но кому въ Россіи извѣстны ея плоды? Многие ли читаютъ наши официальные журналы, безъ сомнѣнія лучшія изданія въ Россіи. Странствуя по этой области, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ нѣкоторыя явленія. Одно изъ любопытнѣйшихъ — есть безспорно числительный инструментъ, изобрѣтенный Евреемъ Зелингомъ Слонимскимъ. Изобрѣтатель обратилъ на себя лестное вниманіе Гумбольдта, Бесселя, Якоби, Энке и Крелле. Берлинская академія одобрила остроумный инструментъ. Его высокопревосходительство, г. министръ народнаго просвѣщенія, обратилъ на изобрѣтателя вниманіе Императорской Академіи Наукъ, которая наградила его второю деппдовскою преміей. Машинка эта дѣйствительно весьма, какъ мы выразились, остроумна, но едвали можетъ войти въ общедоступное. Изобрѣтеныя имъ же инструменты для сложенія и вычитанія гораздо проще и могутъ быть употреблены съ удобствомъ каждымъ. Описаніе перваго инструмента вышло въ свѣтъ особой брошюрой.

* Обширность Россіи, какъ мы уже не разъ замѣчали, причиною тому, что трудно видѣть върубъ плоды дѣятельности нашей по той или другой отрасли знанія. Ученія наблюденія производятся повсѣлестію. Г. Мацеровскій наблюдалъ Ледовитый Океанъ и Бѣлое Море; на югѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Нордманна, небольшая экспедиція занимается наблюденіями въ Крыму, по части естественной исторіи. Множество молодыхъ нашихъ ученыхъ разъѣзжо по Европѣ; и всѣ приносятъ плоды, изъ коихъ многіе послужатъ намъ въ честь. У насъ по многимъ частямъ нѣтъ даже, какъ говорится, и почину. Напримѣръ, посмотрите сколько въ другихъ государствахъ написано книгъ о теоріи вѣроятностей; зтотъ предметъ шлшкомъ важенъ не только для науки, но и для житейскихъ потребностей, а у насъ по этой части не было не только ни одного оригинальнаго сочиненія, но даже и переводнаго!... Этотъ важный недостатокъ пополняется изданіемъ обширнаго сочиненія г. академика Буяковскаго, уже представленнаго академіи наукъ въ рукописи, подъ заглавіемъ: Основанія математической теоріи вѣроятностей съ ея приложениями къ вопросамъ изъ общественной жизни, естественной философіи, политической экономіи и наукъ нравственныхъ. Судя по прежнимъ трудамъ нашего ученаго математика и по оглавленію, нѣтъ сомнѣнія, что ученая литература наша обогатится превосходною и для каждого весьма полезною книгою. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

* Художества въ нашъ вѣкъ составляютъ нужду, потребность, необходимость, какъ свѣтъ и тепло. Художественная дѣятельность такъ обширна, что еслибы слѣдствъ за всѣми ся продуктами, то надобно устроить особенную обсерваторію съ дѣлымъ полкомъ обсерваторовъ. У насъ большая часть этой дѣятельности обращается на сооруженіе Исакиевскаго Собора, сооруженіе, которому

не только равнаго, но и подобнаго нигдѣ нѣтъ, давно не было и едвали будетъ. Насъ какъ-то упрекали, что мы не помѣстили политипажнаго очерка вновь открытаго фронтона, Витала. На это мы должны сказать, что раздѣльное описаніе частей подобнаго зданія повредило бы цѣлому. Въ свое время, когда все будетъ окончено, Редакція употребитъ все силы, чтобы это вѣковое созданіе было представлено нашимъ читателямъ въ цѣлости, въ возможной полнотѣ и съ соответственнымъ числомъ гравюръ. Вовсе не трудно парисовать на деревѣ контуры группъ фронтона еще легче ихъ вырѣзать; но это было бы ценно то шарлатанство, отъ котораго Иллюстрація уклоняется; не одобряемъ мы и нашей сестрицы, немецкой иллюстраціи, за помѣщеніе въ послѣднемъ номерѣ картинъ праздника, бывшаго по случаю открытія Кельнскаго Собора, нынѣ оконченнаго. Сооруженіе это очень важно; доконченъ подвѣтъ многихъ вѣковъ, черезъ много вѣковъ; праздникъ былъ великолѣпный, но гравюра имѣетъ только интересъ новости; достоинства сооруженія остались въ тѣни; подробностей не видимъ и главный интересъ потерянъ. Его нельзя уже будетъ пополнить въ послѣдствіи.

* Новыхъ памятниковъ мы не встрѣтили въ Европѣ. Монументоманія поутихла. Прогуливаясь по Франціи, мы слышали въ Бомонѣ, что въ муниципальномъ совѣтѣ этого города толковали о томъ, что надо поставить памятникъ знаменитому математику Ферма, который тамъ родился. Потолковали и разошлись. Но, кажется, памятничъ будетъ.

* За то въ Нью-Йоркѣ — мы видѣли прелюбопытное зданіе. Это плодотвѣи театръ, который, для отличія отъ сухопутныхъ театровъ, названъ храмомъ музъ. Онъ построенъ на парадѣ въ 90 силъ и можетъ вмѣстить 1,200 посѣтителей; каждый вечеръ крыша театра иллюминирована; труппа актеровъ отличная; храмъ музъ инаветъ себѣ въ города въ городъ, даетъ представленія и собираетъ большіи деньги. На старости онъ, вѣроятно, посѣтитъ и Неву.

* Пока состарѣется храмъ музъ, два жреца музъ собираются посѣтить Петербургъ; одинъ, можетъ быть, на словахъ, это Гекторъ Берлиозъ, — другой на дѣлѣ — это Фелисьянъ Давидъ. Онъ съ своей знаменитой симфоніей *Пустыня* недавно былъ въ Лейпцигѣ, гдѣ симфонія принята съ отливнымъ одобреніемъ. Такъ какъ они могутъ пожаловать не възначай, такъ, что вы встрѣтитесь съ ними на Невскомъ прежде, чѣмъ Иллюстрація успеетъ извѣстить васъ объ ихъ прѣздѣ, то во избѣжаніе какой-либо ошибки, помѣщаемъ ихъ портреты.

РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

53. Крестьяне говорятъ *пѣжа*, вмѣсто *лѣта*, *пѣща*, *хартъ*, *сидѣ*, *подвѣтос*, вмѣсто *свѣдомос*: *ѣловпте сѣно*. Слово это было бы хорошее, слыбы оно не такъ близко было къ *ловитому*.
54. *Прѣсладъ* — *амая*. Березовая *прѣсладъ*; по *логѣ прѣсладъ*.
55. Хвостъ у волка *нольно*, у лисы *труба*, у зайца *цѣлтокъ*, у борзой собаки *правило*, у гончей *гокъ*.
56. Лапы у зайца *пазанки* — отпазанчить зайца, отрѣзать лапки. Лапы у тюленя и моржа *ласты*, т. е. *вѣсла*: *ластовыя* или *гребниа* суда, *ластовый* экипажъ.
57. Часто пишутъ у насъ *болтанье* вмѣсто *болтовня*: языкъ нашъ причудливъ и потому богатство и гибкость его также своеобразны. *Болтанье* почти тоже, что *идтанье*; это не столько дѣйствіе, какъ *посѣдствіе*, произведеніе его: *пахтанье*, какъ *пзвѣстно*, *сыворотка*, *оставшаяся* отъ сбитаго масла. *Болтушка* — усевышительное болтуны, и еще разболтанная въ водѣ мука. *Болтуны* — *говорунъ*, *пустомеля* — также *гнилое*

айно. Дать болтуна, сморозить что нибудь, отшить пулю — соврать.

58. Взянецъ, также степной кракъ, степной уваль; услуги возвышенной степи отъ низменных лугов. Уваль вообще не пригорокъ и лощина, какъ нѣкоторые понимаютъ слово это, а уступъ, ступеня, между возвышенностію и низменностію.

59. Въ статьѣ «Послѣднія минуты Пушкина» напечатано со словъ монахъ: «онъ былъ *поводилъ*», это опечатка: *поводилъ*. *Поводилъ* тотъ, кто склоненъ воспользоваться всякой поводкой, попорочкой, потачкой; кто легко пручается и привыкаетъ къ тому, что нѣсколько разъ сблалъ. *Поводилъ*, напротивъ, тотъ, кто послушенъ, дасть руководить себѣ, не упрямятся.

60. Въ одномъ разсужденіи о торговлѣ сказано было: овцы получаютъ тамъ-то, частью съ тѣмъ, чтобы ихъ рѣзать на мѣстѣ, частью же, чтобы гнать гуртами далѣе въ Россію. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, какъ у насъ сила и жестокость лыка проскакиваетъ сквозь пальцы; вмѣсто длинной и не русской рѣчи этой, слѣдовало бы сказать просто: овцы берутся на убой, или въ отгонъ.

61. Лтовать, всновать — почти также употребительно, какъ зпывать; но подобнаго слова, относительно осени, кажется у насъ нѣтъ.

62. Обойтись, обойтись. Почему, или во что обошлась вамъ чуйка, съ прикладомъ и работой? — Съѣлъ обошелся со мной невѣжливо. — Не клещи лошаля, дай ей обойтись, а обойдется, такъ пойдетъ.

63. Петека: пиво заварили, да стало петека.

64. Кровля крыта щинцомъ и шатромъ — тоже что крыта въ два шаръ и въ четыре шара, на два или на четыре ската; на два или на четыре откоса.

65. *Боднякъ* — бѣ дный, немущій; *бодня* — человекъ, о которомъ соболѣзнуютъ, жалѣютъ.

66. *Сердечный* — близкій къ сердцу; *сердечный* — кого я жалю, о комъ соболѣзную: онъ, сердешный, теперь пропадетъ.

67. Грести сѣно — на Украинѣ громадить, а въ восточныхъ губерніяхъ катать.

68. Сибиряковъ называютъ *чвошниками*, за то, что они всегда вмѣсто *что*, спрашиваютъ: *чво?*

69. Коренныя русскія прозванія были существительныя или прилагательныя; впоследствии же, отъ вопроса: чей ты, чьего или изъ какого дома, они получили окончаніе на *овъ* и *посъ*: отецъ былъ Волкъ, Коврыга, Красный — а сынъ, на вопросъ чей ты? Отвѣчаетъ Волкова или Волковъ, Коврыгинъ, Красновъ и пр. Въ Сибири, гдѣ и теперь спрашиваютъ: *чмъхъ ты?* *чмъхъ вы?* — тогда такъ напр. въ уральскомъ войскѣ остался о сю пору въ употребленіи вопросъ *чей, чмъ* — произошли прозванія на *мъхъ*: Ильныхъ, Черныхъ, Черныхъ, Косыхъ и пр.

70. Тля, ржа — то же что гниль, ветошь. Тля относится болѣе къ тому, что можетъ гнить, пѣтлѣвать; ржа — къ металлическимъ вѣшамъ. Впрочемъ, извѣстная порча хлѣбныхъ колосьевъ также называется *ржа*.

71. Кошуйся мѣръ, кошуйтеся дѣтки — такъ страждаетъ и усовѣщиваетъ заплеchnый мастеръ зрителей своихъ. Слово это означаетъ то же, что *казнить*: убойся, устрашисъ примѣра; покаяйся, прими въ науку, въ острастку. Глядя на сына шалуна — отецъ казнися; казнитъ, глядя на чужую вину, чтобы не отвѣчать за свою.

72. Неустойка. Слово, извѣстное въ правѣхъ левихъ; у казаковъ употребляется оно въ вномъ смѣслѣ: дѣйствіе или положеніе войска, которое

осилили, одолѣли, которое не устояло. У насъ тутъ стало было неустойка, да поправилсѣ.

73. Бѣда или грѣхъ денежный, — отъ котораго можно откупиться, отдѣлаться деньгами, однимъ убыткомъ.

74. У него спина широка — не боится побоевъ, много вынесетъ; въ переносномъ смѣслѣ: то же, что мѣданный лобъ.

75. Кулакъ: 1. сложенные въ ладонь пять пальцевъ; 2. прасолъ, перекуничикъ, барышникъ. 3. Въ Москвѣ также извозчики, которые держатся дружно обществомъ и взаимно обманываютъ людей, набивая цѣну; 4. зубъ въ машинномъ колесѣ, шипъ, цѣвка въ бревнѣ.

76. Дверь или окно аршинъ съ четвертью въ *свѣту* — т. е. шириною въ 1¼ арш., не считая косяковъ и проч.

77. Снить на нѣтъ, стесать на нѣтъ — откосомъ, клиномъ ипрочъ.

78. Забрить, забривка: вырубить концы бревенъ, стѣнку, шиномъ и занустить въ пазъ стойки или косяка.

79. Связать два бревна зубомъ, положить въ зубъ — врубить конецъ въ конецъ такъ, чтобы они другъ въ друга захватывали уступомъ, зубцомъ.

80. Занустить, зарубить сквородничкомъ, высквородить — сблать шипъ, въ видѣ сквородничка, въ концѣ шпире, въ основаніи уже.

81. Занавѣска — женскій передничекъ съ лфтомъ и рукавами.

82. *Насовочка* — родъ холщаной потточка, надвасмой сверху.

83. Злпчгя дочь — помоявленная, просватанная, когда ужъ ударили по рукамъ и заплпшиномъ.

84. Заправскій — петличный, дѣйствительный, настоящій, не подложный.

85. Стремянк — коротенькая веревочная лѣстница: послѣднее названіе переносное, первое русское. Стремянки встарину бывали въ рукахъ у воровъ и разбойниковъ, которые закидывали ихъ снизу на гребень стѣны или въ окно; въ этомъ случаѣ придѣлывали къ концу стремянокъ кошку, не большой якорекъ изъ четырехъ большихъ гвоздей.

86. Избонна, монуха, жмыхъ, — остатки или выжимки отъ масляничныхъ сѣмянъ и зеренъ, послѣ выжимки масла.

В. Луганскій.

ПЕРЕПИСКА.

А. А. Приносимъ живѣйшую благодарность за доставленіе любопытной статьи. Но рисунки къ ней не могутъ быть изготовлены раньше октября, по причинамъ, которыя, надѣемся, вы увидите сами въ сентябрѣ, и одобрите наши дѣйствія.

О. П. Старалъ пѣсня! Кажется вы будете въ убыткѣ. Нашъ печатный отвѣтъ не стоить ни копѣйки; а вамъ — большой расходъ на почтовую бумагу. Купите лучше бумагу цыкорной; она и цѣвтомъ и достоинствомъ будетъ совершенно соответствовать содержанію вашей пѣсни.

С. Невозможно! Почему — сами догадаетесь, или спросите у посторонняго, незнакомаго вамъ человека. Онъ непременно дастъ вамъ отвѣтъ, отъ котораго мы уклоняемся.

Гг. Ст., П. П., О. О., С. П. Неправность пересылки номеровъ вовсе не зависитъ отъ Редакціи, которая поволяетъ недополученныя номера съ большимъ прискорбіемъ, потому, что чрезъ то продаются полные экземпляры. Впрочемъ, мы

должны замѣтить желающимъ сохранить иллюстрацію въ чистотѣ, что не мѣшаетъ прятать ея отъ любителей картинокъ. Во время небольшой и недалекой поѣздки намъ самимъ случилось впасть деревенскую дачу, стѣны косяк внутри украшены картинками изъ иллюстрацій, оклеенными въ рамки домашней работы. По справкѣ оказалось, что владѣлецъ этой картинной галлерей не состоитъ въ числѣ подписчиковъ на иллюстрацію, не смотря на то не лишается надежды украсить всѣ комнаты и мезонинъ своей дачи такимъ же образомъ. Какъ ему достались эти картинки, изслѣдовать не было возможности; онъ умѣетъ хранить и картинки и тайну.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦИЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. С. Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавца Свѣшниковъ и Баунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подл. №№ 4—5.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. Д. ОЛБХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Анничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнова и въ Гостиномъ Дворѣ по сукошной линіи подл. № 15-мъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

РОМАНЫ

ВАЛЬТЕРА СКОТТА,

въ 24-хъ томахъ.

Новый переводъ съ англійскаго, подл редакціей

А. А. Краевского.

Переводъ сделанъ съ послѣдняго англійскаго изданія романовъ Вальтера Скотта, со всѣми примѣчаніями и прибавленіями автора. Это изданіе отличается тѣмъ, что оно полнѣе другихъ; авторъ сблалъ въ немъ много поправокъ и замѣнилъ противъ прежнихъ изданій и означилъ эти поправки въ особахъ выносахъ, откровенно сознаваясь въ своихъ ошибкахъ, которыя были, или имъ-самимъ замѣчены, или указаны ему другими.

Въ самой паружности русскаго изданія принять за образецъ англійскій подлинникъ. Подобно этому подлиннику, оно будетъ состоять изъ 24-хъ томовъ; въ каждомъ томѣ (отъ 400 до 600 страницъ компактной печати въ большую восьмую долю листа) помѣстится одинъ полный романъ; въ вникъ томахъ будетъ по два романа. Шрифтъ выбранъ четкій, и, не смотря на жестокость, необходимую для того, чтобы изданіе могло продвигаться по умѣренной цѣлѣ, текстъ такъ же легко читать, какъ и въ другихъ книгахъ меньшаго объема. Все изданіе будетъ заключать въ себя слѣдующіе тридцать-одинъ романъ:

Ваверскій, или истосдевятъ лѣтъ назадъ.

Гей-Монтерингъ, или Астрологъ.

Антикварій.

Роб-Рой.

Айвенго (Ivanhoe).

Черный Котло.

Ольд-Морталити (Шотландскіе Пуритане).

Сердце Мид-Лотіана, или Эдинбургскія Тѣяница.

Лѣлмермурскія Невѣста.

Легенда о Монроль.

Графъ Робертъ-Парижскій.

Онаскій Залюкъ.

Монастырь.

Аббатъ.

Кельхъсортъ.

Пиратъ.

Приключенія Индосея.

Квѣтныя Дореардъ.

Песериль.

Сен-Ронанскія Воды.

Редиаутилети (Красная-Перчатка).
Обученные (Констант Уестерский).
Талисманъ.
Вудстокъ.
Горская вдова.
Два Пастуха.
Зеркало моей тетушки Маргариты.
Комната съ обоями.
Домъ Хирурга.
Пертская Красавица.
Анна Гейерштейнъ.

Издание этихъ романовъ предполагено окончить въ шесть лѣтъ. Ежегодно будетъ выходить четыре тома, заключающіе въ себя отъ четырехъ до пяти романовъ. Хотя большая часть этихъ томовъ уже окончена переводомъ и готова къ печати, но редакция рѣшилась не спешить изданиемъ, чтобы сделать его тщательнѣе, и думать, что читатели оправдаютъ ее въ этомъ (*).

въ нынѣшнемъ 1845 году издавы будутъ

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.
 АНГИКВАРІЙ.
 АЙВЕНГО.
 ГЕЙ-МЕНШЕРИНГЪ.

Поступилъ въ продажу :

«КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ».

«Антикварій» выйдетъ изъ печати въ июль, «Айвенго» въ октябрь, «Гей-Меншерингъ» въ декабрь нынѣшняго года.

Можно покупать каждый томъ отдѣльно; цѣна за каждый отдѣльный томъ *два рубли серебромъ*, безъ пересылки же. Высочайше прилагается за 2 фунта за каждый томъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина — въ Санктпетербургѣ на Невскомъ Проспектѣ противъ Арсенала Анничкина Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Невскому Проспекту), въ лавкѣ подлѣ № 13; — въ Москвѣ: на Тверской, въ домѣ Матрена.

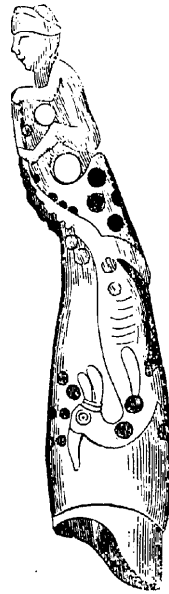
Издатели: М. } *Ольхинъ.*
 К. } *Жернаковъ.*

НАПОЛЕОНЪ У ДИКАРЕЙ.

Ния великаго человека достигло въ глубь дикихъ лѣсовъ, гдѣ обитаютъ такіе же дикіе племена. Г. Мофра, во время путешествія своего по сѣвероамериканской Америкѣ, на рубашку вышивалъ по-

(*). Вообще, въ порядкѣ выпуска романовъ предполагено не держаться хронологическаго порядка, въ какомъ они первоначально издавались самимъ авторомъ. Этотъ порядокъ сохраненъ означеніемъ томовъ на заглавныхъ листахъ и на оберткѣ. Сначала будутъ издаваемы романы наиболее-знакомые читателямъ по прежнимъ переводамъ. Такъ, напримеръ, теперь готово уже въ переводѣ пятнадцать томовъ, и мы выпускаемъ пятнадцатый томъ («Квентинъ Дорвардъ»), потомъ будетъ изданъ третій, второй томы, и т. д. Такъ какъ каждый томъ заключаетъ въ себя отдѣльный романъ (иногда и два), то между ния нить никакой связи, и, по окончаніи всего изданія, читатель самъ, по цѣнамъ, выставленнымъ на оберткахъ, удобно можетъ привести ихъ въ порядокъ на полкахъ своей библіотеки.

роховицу, сделанную изъ оленьяго рога. Наверху, какъ изъ рисунка усмотрѣть изволите, грубо изваяно изображеніе Наполеона. Какимъ образомъ портретъ Наполеона могъ зайти къ дикарямъ? Этого мало. Другой Индѣецъ послалъ на шеѣ медаль-

онъ, также съ изображеніемъ Наполеона, и говорилъ путешественнику съ особеннымъ жаромъ, что еслибы можно итшкомъ дойти до великаго вождя Французовъ, онъ бы сей часъ отиравался въ путь.

ИГРЫ.

1.

ШАХМАТЫ.

Разрѣшеніе Задачи № 14.

Просимъ исправить ошибку, которая вкралась послѣ вѣхъ корректуръ. Не въ 14, а въ 4 хода бѣлые даютъ матъ. Впрочемъ, полагаемъ, что эта ошибка прилѣтна съ перваго взгляда, и мы не откладываемъ разрѣшенія.

БѢЛЫЕ.

1. Ф. на Б. м. Кор.
2. Л. на 8 м. сл.
3. Ф. на С. м. Л. Кор.
4. Ф. беретъ вѣшну и матъ.

ЧЕРНЫЕ.

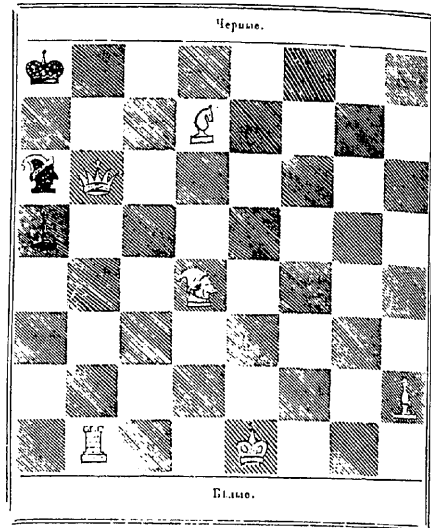
1. беретъ Сл. 7,
- Кор. бер. Л.
- Кор. на м. К.

*) Если черныи Слонъ возьметъ Бѣлую Ферезь, то матъ послѣдуетъ за третьимъ ходомъ.

ЗАДАЧА № 15.

Qui perd, gagne.

Не легко дать матъ; но еще труднѣе принудить, чтобы *ваши* непремѣнно дали матъ на пр. въ 8 шаговъ, какъ въ слѣдующей задачѣ, холать бѣлые и заставляютъ дать себѣ матъ въ восемь ходовъ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЕЩЕ ЗАДАЧЪ.

Разрѣшить эту задачу можно только въ Океанѣ. Закупоренная бутылка опускается на веревкѣ на 100 сажень глубины. Тяжесть волянаго стодба вланивъ пробку въ бутылку, а наполнивъ ее водою, опять вланивъ пробку въ горлышко, и обыкновенно узкимъ концемъ вверхъ.

Впредь задачи подобнаго рода будутъ означены римскими числами. И такъ :

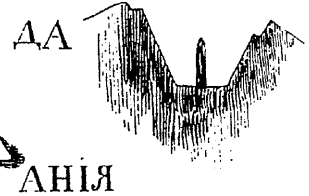
ЗАДАЧА № III.

Какъ устроить вѣсы, на которыхъ положены двѣ равныя тяжести, въ какомъ бы то нибыло разстояніи отъ точки упора, всегда находящіяся бы въ равновѣсіи?

РАЗГАДКА № 14.

- 1) Солнце въ знакѣ Льва, а намъ, чай въ ось, лѣта не вилать.
- 2) Июль мѣсяць, а намъ чай вовсе лѣта не вилать.

ЗАГАДКА № 15.

РАЗГАДКА ШАРАДЫ № 4.

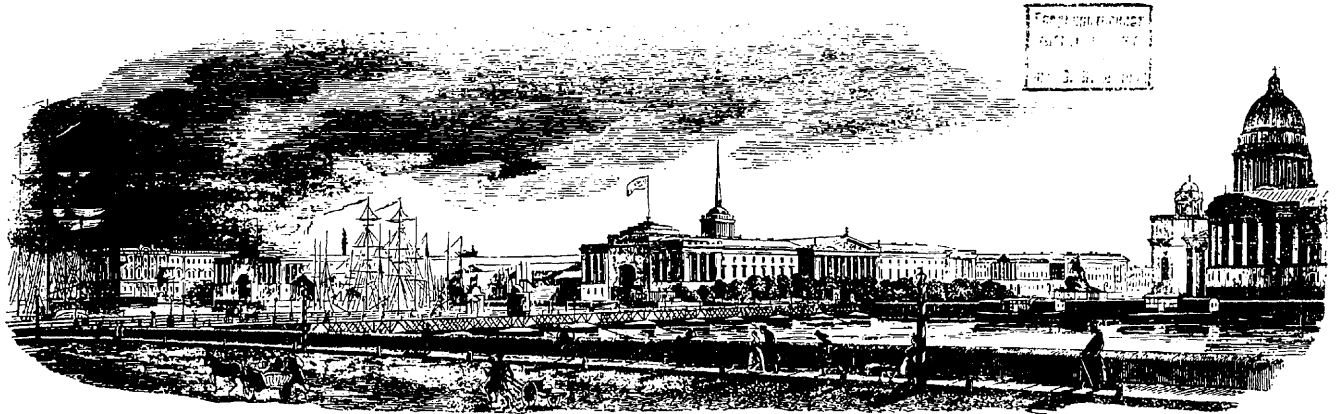
1. — Ноль
2. — Ставка (1) въ игрѣ. 2) въ Лагерѣ.
3. — Подставка.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Примѣты, рассказъ А. Б—ва. 2) Еженедѣльникъ. 3) Дмитрій Максимовичъ Килжевпчъ. 4) Костелло, рассказъ М. О. К. 5) Кіевъ, рассказъ Боатара. 6) Колеса. 7) Очерки Ораніенбаума. А. А. Кавелина. 8) Закладъ, романъ, продолженіе (сообщено изъ провинціи). 9) Страстнователь по чужимъ изданіямъ. 10) Русскій Словарь. В. Луанскаго. 11) Перещика. 12) Объявленія. 13) Наполеонъ у дикихъ. 14) Игры.

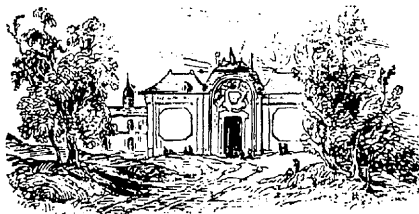
ГРАВЮРЫ: 1) Портретъ Д. М. Килжевсича. 2) Мостъ Церро во Флоренціи. 3) Курьяльщики Гаваринъ (4 грав.). 4) Колеса (5 грав.). 5) Три гравюры къ Закладу. 6) Портреты Ф. Давида и Берлиоза. 7) Пороховица. 8) Загадка. Всего 48 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 41 р. 45 к. сер. Безъ доставки На годъ 40 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. Т. I. № 16. — Суббота, 21 Июля 1843. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

БЕЗУМНАЯ.

I.

Посвящено М. А. П—ву.

Это было весной 1834 года.

Утро было холодное. Въ одномъ изъ предвѣстій Парижа улицы постепенно оживлялись. Отъ заставъ направлялись къ центру города крестьянки съ молокомъ и зеленью, въ корзинахъ, привѣшенныхъ по сторонамъ ословъ и лошаковъ, возы съ сѣномъ и другими продуктами сельской промышленности.

У небольшого, двухъ-этажнаго чистенькаго домика, выкрашеннаго бѣлой краской, молодой человекъ, въ курткѣ коричневаго цвѣта, съ передникомъ и въ фуражкѣ, козырекъ которой почти вполнѣ отдѣлялся отъ околыша, открывалъ ставни, не торопясь, съ роздыхомъ послѣ каждаго движенія, зѣвая, потягиваясь и отряхиваясь по временамъ, какъ мокрый пудель.

Лицо этого молодого человека было замѣчательно по своей наивности, чтобы не сказать глупости. Круглые, выпуклые, бѣло-голубые глаза придавали ему видъ теленка; носъ, оканчивавшійся горизонтальною выпуклостію, отличался тѣмъ, что одна ноздря была выше другой; вся нижняя часть лица была шире верхней и значительно выдавалась впередъ; ротъ доходилъ чуть не до ушей. При такой неблагоприятной физиономіи бѣдный Жервѣ (такъ звали молодого че-

ловѣка) могъ бы показаться чудовищемъ, еслибъ свѣтлій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку, не умѣрили нѣсколько безобразія его.

Жервѣ открылъ ставни, зѣвнулъ, посмотрѣлъ по сторонамъ, швырнулъ въ воробья камнемъ, еще разъ зѣвнулъ и пошелъ къ двери домика; падъ дверью былъ балконъ, а на балконѣ вывеска, на которой, на черномъ полѣ, были представлены двѣ золотыя сахарныя головы, съ надписью: *Бридо, мелочной торговли.*

Въ то самое время, когда Жервѣ готовился уже войти въ лавку, онъ еще разъ оглянулся, и вдругъ опустил мѣдную ручку двери, за которую уже схватился, приставилъ руку къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ солнца, и сталъ смотрѣть въ одинъ конецъ улицы; на лицѣ его выразилось изумленіе, онъ выпучилъ глаза и произнесъ на два различныхъ тона:

— О—о!

Причина, возбуждавшая до такой степени любопытство Жервѣ, была въ самомъ дѣлѣ не маловажна, потому что и прочіе прохожіе останавливались, разспрашивали другъ-друга, пожимали плечами и покачивали головами.

Посреди улицы медленно и въ порядкѣ шли человекъ шестьдесятъ, одѣтыхъ одинаково въ сѣрыя шерстяныя куртки и шапалоны; въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями; на плечахъ эти люди несли лопаты, ломы, кирки, молоты и т. п. Впередъ шелъ одинъ человекъ, а зади двое, одѣтыхъ почти также, за исключеніемъ соломенныхъ шляпъ; на послѣднихъ были клеенчатые фуражки. Эти люди не разговаривали между собою; они шли медленно, въ порядкѣ и спокойствіи. Не смотря на ихъ болѣзненныя, страдальческія лица, они, по временамъ, улыбались, особенно, когда стали приближаться къ заставѣ, и когда воздухъ, которымъ они дышали, становился чище и свѣжѣе.

Жервѣ не вытерпѣлъ, прошелъ нѣсколько

шаговъ мимо каменной стѣны, ограждавшей маленькій садъ мосея Бридо, и подошелъ къ сосѣднему дому, въ нижнемъ этажѣ котораго была виноторговля. У двери стоялъ старшій прикащикъ. Жервѣ поклонился, хотѣлъ приподнять фуражку, но только дернулъ за полуоторванный козырекъ и сказалъ:

— Здравствуйте, мосей Прюиъ; не знаете ли вы, что это за процессія?

Прюиъ кивнулъ головой, пожалъ плечами и значительно поднялъ глаза къверху.

— Странно, мосей Прюиъ!

— Удивительно, Жервѣ!

Между тѣмъ процессія все приближалась и приближалась.

— Знаешь ли что, Жервѣ, сказалъ послѣ краткаго молчанія мосей Прюиъ; будь молодецъ, пойдн, спроси ихъ, что они за люди и куда идутъ?

— Вы думаете, мосей Прюиъ?.. А если они меня прогонятъ?

— Эка бѣда! Прогонятъ такъ прогонятъ; а можетъ и скажутъ, отвѣчалъ старшій прикащикъ виноторговли.

Жервѣ подумалъ съ минуту, почесался за ухомъ, оглянулся и сказалъ:

— Только бы хозяинъ не спросилъ меня.

— Э! онъ еще спитъ!.. отвѣчалъ Прюиъ, который въ этомъ случаѣ игралъ роль обезьяны, кошачьими лапами выпнимающей каштаны.

Жервѣ махнулъ рукой и скоро пошелъ на встрѣчу процессіи, возбуждавшей любопытство всѣхъ прохожихъ. Онъ смѣло подошелъ къ человеку, шедшему впереди, опять дернулъ за козырекъ, и стараясь придать лицу своему сколь возможно вѣжливое выраженіе, спросилъ:

— Позвольте узнать, господинъ комиссаръ, — этимъ названіемъ Жервѣ думалъ польстить предводителю процессіи, — позвольте узнать, какихъ это вы людей ведете?

— Пошелъ, пошелъ! довольно грубо отвѣчалъ вопрошаемый; — идя своей дорогой!

и не мѣшайся въ чужія дѣла!... А не то плохо придется!

Жерве отскочилъ, но любопытство его было возбуждено до крайности; не теряя надежды узнать разрѣшеніе загадки, чрезвычайно занимавшей его, онъ продолжалъ идти рядомъ съ таинственными работниками, стараясь уклоняться отъ наблюдательнаго взгляда ихъ предводителя. Между тѣмъ онъ осматривалъ перваго изъ этихъ людей, въ двухъ шагахъ отъ котораго ему пришлось идти. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, и не смотря на грубую одежду, всѣ движенія его были исполнены аристократической граціи. Лицо его было блѣдно, щеки впалы; впалые глаза сверкали какимъ-то мрачнымъ огнемъ. Волосы были коротко обстрижены. Широкія поля бросали прозрачную голубоватую тѣнь на верхнюю часть благороднаго лица молодого человѣка.

Прикащикъ мосье Бридо уже нѣсколько разъ пытался подойти къ молодому человѣку, но серьезный видъ его и мрачный взоръ наводили на Жерве страхъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и, оставивъ на шагъ, подошелъ къ толстяку, шедшему немедленно за молодымъ человѣкомъ, котораго мы опсали.

— Позвольте узнать, кто вы?.. спросилъ Жерве робко.

Толстякъ презрительно улыбнулся.

— Ты спрашиваешь кто я?.. сказалъ онъ: — ты вѣрно иностранецъ?

— Никакъ нѣтъ... я Фррранцузъ!... отвѣчалъ прикащикъ съ глумою гордостью, закинувъ назадъ голову и протяжно прокартативъ слово *Французъ*.

— Несчастный! ты Французъ, а спрашиваешь, кто я?

Последнія слова толстякъ произнесъ тихимъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою выразительностію, что блѣдный Жерве смѣшался, снялъ фуражку и, извиняясь, проговорилъ:

— Простите... я... конечно... можетъ быть... по...

— Я прощаю твоей молодости... продолжалъ толстякъ, снисходительно улыбувшись: — Я... Наполеонъ! Жерве остолбенѣлъ, выпучилъ глаза и разинулъ ротъ.

— На... На... по... леопъ!.. проговорилъ онъ съ ужасомъ и не довѣривъ слуху своему. Простоявъ съ минуту на одномъ мѣстѣ, онъ получилъ порядочный толчокъ и вслѣдъ за тѣмъ надъ самымъ ухомъ его раздался слова:

— Сторонись, дуракъ!.. Развѣ ты не видишь, кто идетъ?

Прикащикъ оглянулся и увидѣлъ за собою человѣка съ черными бакенбардами и гордымъ, величественнымъ видомъ. Онъ поклонился и, потерявъ изъ виду толстяка, рѣшился заговорить съ человѣкомъ, который толкнулъ его.

— Куда вы изволите идти? спросилъ Жерве; любопытство блѣднаго возрасло до такой степени, что онъ совсѣмъ растерялся; — Куда вы изволите идти?.. повторилъ онъ, не получивъ отвѣта на свой первый вопросъ.

— Спасать Францію!.. отвѣчалъ человѣкъ величественнаго вида.

Жерве отскочилъ съ ужасомъ. Страшныя вещи, которыя онъ узналъ, до того встревожили его, что онъ раскаивался въ своемъ любопытствѣ. Между тѣмъ его окружили любопытные и со всѣхъ сторонъ посыпались на него вопросы, такъ что онъ не приходилъ въ себя.

— Что это за люди?

— Куда они идутъ?

— Откуда они?

— Говори же скорѣе, Жерве!

— Отвѣчай же!

— Что ты, отвѣмля, что-ли?.. кричали со всѣхъ сторонъ.

— Что вы ко мнѣ пристали? заревѣлъ вдругъ Жерве; — по неволь опѣмѣешь, да еще и оглохнешь на придачу, коли вы со всѣхъ сторонъ прожужжали мнѣ уши!.. Что я вамъ буду отвѣчать, коли я самъ ничего не знаю?

— Скрытничаетъ, скрытничаетъ!.. кричала толпа любопытныхъ.

— Вѣдъ ты разговаривалъ съ ними?.. спросила какая-то старуха.

— Ну, разговаривалъ!.. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?.. отвѣчалъ Жерве.

— Изъ этого слѣдуетъ то, что ты узналъ, какіе это люди, — возразила старуха.

— А я ничего не узналъ, говорятъ вамъ!.. Пустите, что вы обступили?.. Пустите!.. кричалъ сердито прикащикъ.

— Побьемъ его, такъ онъ все откроетъ, — предложилъ какой-то дюжій ремесленникъ, съ кожанымъ передникомъ.

— Смѣйте-ка драться, такъ я зареву во все горло: караулъ!.. отвѣчалъ Жерве, немощно струсивъ.

— Пока ты успѣешь кричать, такъ я успѣю порядочно наколотить тебѣ шею! — сказалъ ремесленникъ, выступая впередъ: — ну, говори, а не то стукну!

Ремесленникъ, подстрекаемый толпой, привелъ бы свою угрозу въ исполненіе, если бѣ мосье Прюнь, прикащикъ виноторговли, а слѣдовательно человѣкъ, уважаемый въ окологдѣ, не выступилъ впередъ и не принялъ Жерве подъ свою защиту. Прюнь поступилъ не совсѣмъ безкорыстно, и не изъ одного человѣколюбія. Онъ падѣлся, что Жерве изъ благодарности откроетъ ему тайну, которую ему удалось узнать; тайну, вѣроятно, весьма важную, потому что Жерве съ такою настойчивостію и такимъ самоотверженіемъ хранилъ ее. Чтобы скорѣе и лучше уладить дѣло, и чтобы не встрѣтить препятствія со стороны толпы, онъ перемигнулся съ любопытными, какъ бы давая имъ понять, что онъ подѣлится съ ними тѣмъ, что узнаетъ отъ упрямаго прикащика мосье Бридо.

Жерве освободили; толпа разступилась и Прюнь, взявъ подъ руку молодого прикащика, пошелъ съ нимъ. Мосье Прюнь былъ человѣкъ осторожный, а потому, не желая возбуждать недовѣрчивости Жерве, рѣшился завѣсть разговоръ сторопой, стараясь идти какъ можно медленно.

— Грубый народъ!.. сказалъ онъ; — ужасно грубый народъ! Хорошо, что я тутъ случился!..

— Отчего хорошо?.. наивно отвѣчалъ непризнательный Жерве.

— Оттого, что они прибили бы тебя!

— Посмотрѣлъ бы я!.. отвѣчалъ Жерве смѣло, потому что опасность уже миновалась.

— Ну, такъ ты долженъ былъ бы имъ все открыть!..

— Ничего бы не открывалъ!

— А! — вскричалъ Прюнь, воспользовавшись случаемъ, — слѣдовательно ты знаешь?..

— Знаю, — отвѣчалъ плачевнымъ голосомъ Жерве, — только лучше бѣ было, если бѣ я ничего не зналъ!..

— Неужели?.. спросилъ съ изумленіемъ Прюнь.

— Точно, — отвѣчалъ со вздохомъ Жерве.

Они подходили уже къ виноторговлѣ. Оставалось нѣсколько шаговъ до лавки Бридо. Прюнь видѣлъ, что нельзя было терять времени; надобно было принять рѣшительныя мѣры. Мосье Прюнь былъ глубокой дипломатъ; онъ зналъ слабую струну молодого прикащика.

— Жерве, — сказалъ онъ ему, ты добрый малый; ты знаешь, я тебя всегда любилъ болѣе, нежели ты любишь ликеръ; тыстроенъ этой сценой, подемъ я подвесу тебѣ рюмочку отличнѣйшаго ликера.

Сладкая улыбка выступила на лицѣ Жерве, ротъ его протянулся до самыхъ ушей; предложеніе Прюна исполнило сердце его неизъяснимою сладостію. Онъ хлопнулъ по рукамъ его и готовился уже идти за нимъ, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ послышался громкій голосъ, будто бы выходившій изъ бочки и кричавшій:

— Лѣгитай!.. Олухъ!..

Жерве вздрогнулъ; голосъ этотъ имѣлъ на лицо его дѣйствіе грома на молоко; оно какъ бы свернулось и вмѣсто прежняго сладкаго, пришло чрезвычайно кислое выраженіе.

— Лѣгитай!.. продолжалъ реветъ голосъ.

— Это меня зовутъ!.. сказалъ Жерве съ досадою; прощайте, мосье Прюнь... рюмка ликеру за вами.

— Постой же минуточку — возразилъ Прюнь, схвативъ молодого прикащика за руку и забывъ осторожность, — скажи же мнѣ, что ты узналъ?

— Охъ, мосье Прюнь, не спрашивайте!.. и вамъ и мнѣ легче будетъ!..

Съ послѣдними словами онъ высвободилъ руку и пустился бѣжать. Секунду спустя, любопытные, ожидавшіе конца переговоровъ, окружили Прюна и приступили къ нему съ разспросами.

— Охъ, господа, не спрашивайте!.. и вамъ и мнѣ легче будетъ!.. отвѣчалъ Прюнь, желая признаться въ неуспѣхности своихъ дипломатическихъ дѣйствій, и исчезъ въ винномъ погребѣ.

Мосье Бридо былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, толстый, здоровый, съ атлетическими формами и львинымъ голосомъ. Онъ гнѣвно принялъ своего единственнаго прикащика, бравя его за неисправность и главное за то, какъ онъ смѣлъ оставить безъ присмотра лавку въ такое время дня, когда обыкновенно бываетъ болѣе посѣтителей. Жерве выслушала длинную рѣчь своего господина, потому, когда тотъ, изумленный мол-

чанієм свого прикащика, не доставлявшимъ ему идеи для продолженія рѣчи, самъ замолчалъ, онъ таинственно подошелъ къ нему и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Хозяинъ, пожалуйте за мною... не далеко... къ дверямъ... только скорѣе.

— Зачѣмъ?

— Пожалуйте только; послѣ будете расспрашивать.

Изумленный таинственнымъ и разстроенымъ видомъ своего прикащика, хозяинъ пошелъ за нимъ. Они остановились на маленькомъ крылечкѣ, недшею па улицу, и тамъ Жерве, указавъ вездѣ удалявшимся заглядочнымъ работникамъ, спросилъ хозяина:

— Видите ли вы этихъ людей?

— Вижу... работники.

— Посмотрите-ка хорошенько. Какіе это работники?

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!.. Что за странное однообразіе въ одеждѣ? Что это за народъ? На ссыльныхъ они не похожи.

— Какіе ссыльные!.. Мосе Бридо... мосе Бридо!.. быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!..

— Что ты за чепуху врешь?... сказалъ Бридо, нѣсколько обезпокоенный. Какал тутъ бѣда, что работники въ одинакія куртки нарядились?

— Да это не работники!.. Ахъ, какіе вы безтолковые, мосе Бридо!

— Умѣрь свои выраженія, молокососъ!..

— Нѣтъ, это и только такъ... Не обращайтесь вниманія... Главное то, что это не работники...

— А кто же?

— Революція!.. произшесть Жерве падъ самымъ ухомъ хозяина.

— Что ты говоришь, несчастный!.. вскричалъ Бридо съ ужасомъ.

— Революція, мосе Бридо... прикащики будутъ хозяевами, а хозяева прикащиками!

— Жерве, другъ мой, — произшесть со страхомъ Бридо, — если ты будешь такъ глупо шутить, такъ я сейчасъ же про... то есть отрѣшу тебя отъ мѣста.

— Да я не шушу!.. Они сами мнѣ сказали!

— Что же они тебѣ сказали, голубчикъ Жерве?..

— Одинъ сказалъ: идемъ спасать Наполеона!.. а другой: я Франці!..

II.

Между безчисленнымъ множествомъ болѣзней, составляющихъ печальный удѣлъ человеческой организаціи, сумасшествіе есть, безспорно, то, которое внушаетъ человѣку болѣе состраданія, болзнии, къ сожалѣнію, инстинктивного отвращенія. Въ опаснѣйшей болѣзни, посреди мучительнѣйшихъ страданій, когда тѣло лишилось силы, органъ мысли остается неприкосновеннымъ, живымъ, такъ сказать; больной находитъ утѣшеніе и успокоеніе въ наслажденіяхъ ума; привязанность друзей, близнахъ, могутъ заставить его на минуту забыть свои страданія, и философъ легко утѣшаетъ себя тѣмъ, что если тѣло его когда-нибудь умерло, то жива еще мысль; но

когда помрачается умъ, когда благороднѣйшая принадлежность человека разрушается, когда разстроенное воображеніе дѣлаетъ несчастнаго игрушкой безпрестанныхъ иллюзіи, когда онъ становится холоднымъ, равнодушнымъ ко всему, что окружаетъ его, наконецъ, когда будучи часто въ тягость самому себѣ, онъ наводитъ страхъ и ужасъ на ближайшихъ къ нему людей... о! тогда одна смерть можетъ спасти его, потому что смерть менѣе ужасна, нежели сумасшествіе!..

При видѣ подобнаго несчастія, первымъ чувствомъ, первымъ движеніемъ нашего сердца должно быть глубокое, искреннее состраданіе. Если общественное спокойствіе, да и самая польза большого требуютъ, чтобы его лишали свободы для того, чтобы отнять средства вредить себѣ и другимъ, то поощренія о немъ, даже самыя исправительныя средства, должны быть исполнены чувствомъ спсходительнаго состраданія... Это чувство должно быть первымъ основаніемъ, первымъ правиломъ, первымъ закономъ всѣхъ убѣждѣній для умалишенныхъ!.. между тѣмъ, къ стыду человѣчества должно признаться, что долгое, весьма долгое время думали иначе.

Не входя въ подробности объ ужасныхъ *клинкахъ*, въ которыя сажали умалишенныхъ, объ жестокомъ, варварскомъ обхожденіи съ ними, мы представляемъ читателямъ вѣрній снимокъ съ прекрасной картины германскаго живописца Каульбаха, изображающей внутренность двора дома умалишенныхъ. Какое тягостное впечатлѣніе производитъ видъ несчастныхъ, оставленныхъ на произволъ преобладающихъ идей ихъ?... Вотъ бѣднѣкъ — ученый, человекъ, преслѣдуемый, быть можетъ, гениальную идею, запавшую въ умъ, не довольно сильный отъ природы, а быть можетъ и ослабленный страшными ударами, разочарованіемъ, грознымъ бичемъ всѣхъ добрыхъ намѣреній и помышленій... Человекъ съ суровымъ видомъ — воинъ; далье, честолюбіе — бумажная короца; выше — фанатизмъ религіозный; правѣе — бѣдная мать, прижимающая къ груди куклу... и наконецъ, падъ всѣмъ этимъ — безжизненное, холодное лицо сытаго стража, съ трубкой, со связкой ключей въ рукахъ; изъ кармаца его торчатъ коонецъ платки... грустно, больно!..

Просимъ извиненія у читателей за это отступленіе.

Въ наше время, во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ это измѣнилось. Съ умалишенными поступаютъ не какъ съ преступниками, а какъ съ несчастными, заслуживающими живѣйшее участіе и состраданіе.

Люди благородные, умы возвышенные, обратили особенное вниманіе на этотъ предметъ и старались разными путями достигать до облегченія состоянія несчастныхъ. Знаменитый Пинель, главный врачъ Бисетра, дома умалишенныхъ мужшинъ въ Парижѣ, въ 1824 году объявилъ, что основнымъ закономъ всѣхъ больницъ для сумасшедшихъ должно быть «движеніе, занятіе механическими работами.» Это средство было примѣнено къ дѣлу. Въ Бисетрѣ устроили огромный колодець, изъ котораго доставляли воду на все заведеніе. Чтобы пріохотить умалишенныхъ накачивать воду изъ этого колодца, имъ назначали незначительную плату, и

вскорѣ оказалось, что больной, поработавшій часа два у колодца, становился тише и спалъ спокойнѣе. Вскорѣ за тѣмъ устроили въ Бисетрѣ мастерскія, въ которыхъ умалишенные занимались разными работами, главною цѣлію которыхъ было отвлечь умъ несчастныхъ отъ идеи, бывшей причиною разстройства ихъ ума.

Накопецъ, когда умноженіе капиталовъ позволило приступить къ перестройкѣ старыхъ зданій Бисетра, большей части умалишенныхъ была дана работа. Не говоря уже о пользѣ, которую эти занятія принесли умалишеннымъ, они доставили и самой администраціи большія выгоды, потому что перестройки обошлись не въ примѣръ дешевле, а несчастные были помѣщены въ красивыхъ, опрятныхъ и удобныхъ жилищахъ.

Въ послѣдствіи администрація домовъ умалишенныхъ приобрѣла старую, оставленную, разрушавшуюся и запущенную Сентъ-Аннскую ферму, находившуюся въ окрестностяхъ Парижа. Туда переселили часть больныхъ, заставили ихъ перестраивать и чистить полуразвалившіяся зданія, обрабатывать поля и, въ настоящее время, эта ферма приноситъ до 50,000 франковъ ежегоднаго дохода (*).

Въ слѣдствіе этихъ счастливыхъ результатовъ, администрація рѣшилась обратить вниманіе и на другой домъ умалишенныхъ, а именно *Сальпетриеръ* (la Salpêtrière), назначенный исключительно для женщинъ. Старыя зданія приходили въ разрушеніе; они были такъ дурно выстроены, что стѣны были покрыты трещинами и плѣсенью; расположеніе ихъ было до крайности неудобно. Дабы произшесть работы болѣе дешевымъ образомъ, администрація рѣшила возложить ихъ на своихъ *пансионеровъ*, сумасшедшихъ. Но тутъ встрѣтились большія препятствія. Правительство всѣми мѣрами возстао противъ этого намѣренія. Возможно ли было позволить полусотнѣ умалишенныхъ, вооруженныхъ орудіями, которыя въ рукахъ ихъ могли быть ужасны, пройти чрезъ большую часть Парижа? Сентъ-Аннская ферма была за городомъ — это другое дѣло. Но кто возьметъ на себя отвѣтственность за всѣ несчастія, которыя могли быть слѣдствіемъ этого неосторожнаго распоряженія?... Г. Феррьеръ, преемникъ Пинеля, бралъ всю отвѣтственность на себя и настаивалъ до тѣхъ поръ, пока не согласились на его требованія.

Наступила весна. Растворились рѣшетки, за которыми заключались несчастные въ Бисетрѣ; всѣ каморки опустѣли исключая школь, въ которыхъ старались развить умъ несчастныхъ дѣтей, такъ называемыхъ дурчавалъ (**), и въ обширныхъ коридорахъ раздавались уже не дикіе вопли и стоны, а лишь одни шаги сторожей, прохаживавшихъ взадъ и впередъ... (**).

IV.

Теперь читатели знаютъ, кто были загадочные работники, столько взволновавшіе Жерве, Бридо, Прюна и другихъ любознѣ-

(*) По недостатку мѣста мы помѣстимъ видъ Сентъ-Аннской фермы и некоторыя другія картинки, въ слѣдующемъ номерѣ Иллюстраціи, въ продолженіи этого разсказа.

(**) Картинка въ слѣдующемъ номерѣ.

(***) Картинка въ слѣдующемъ номерѣ.

ных жителей мирнаго, отдаленнаго предместья, а потому возвратимся къ нашему разсказу.

Процессія ума ищевныхъ, подъ надзоромъ трехъ только сторожей, спокойно миновала Госпитальный Бульваръ, вышла чрезъ Итальянскую Заставу и направилась къ Сальпетриеру. Открытый воздухъ, далекий горизонтъ, обширный, неограниченный сводъ небесный,

отсутствіе рѣшетокъ и высокихъ стѣнъ, самымъ благотѣльнымъ образомъ дѣйствовали на несчастныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пришедшіе на время въ полный разумъ, весело разговаривали, или шутили между собою. На другихъ же эта минутная свобода произвела грустное впечатлѣніе. Они шли впередъ уныло, опустивъ голову на грудь.

Между послѣдними былъ молодой человекъ,

о которомъ мы уже упоминали. По временамъ только взоръ его оживлялся, онъ осматривался по сторонамъ, какъ бы изучая мѣстность и все болѣе и болѣе отставая. Наконецъ, всѣ товарищи опередили его и онъ шелъ возлѣ двухъ сторожей, составившихъ какъ бы аррьергардъ. Онъ осматрѣлъ ихъ съ ногъ до головы и, какъ бы приидя въ себя, спросилъ одного :

Внутренность двора въ домѣ умалишенныхъ. Съ картины Каульбаха.

— Куда мы идемъ ?

— На работу, маркизъ, отгѣчалъ сторожъ, на минуту вынуть трубку изъ рта; на работу. Хе, хе, хе! Вы изволите видѣть, господинъ маркизъ, что у насъ республика; вопъ тотъ, что идетъ нахмуясь, простой мужичекъ, а вы, маркизъ — ни по чемъ!.. И тотъ, и другой носъ кирпичи, копаѣ землю... Хе! хе! хе! республика, равенство, господинъ маркизъ!..

Повторенія слова *маркизъ*, производили на молодого человека непріятное впечатлѣніе; но онъ старался преодолѣть его, и ласково, хотя съ достоинствомъ, какъ бы врожденнымъ, продолжалъ разговаривать со сторожемъ.

— Я знаю, что мы идемъ на работу... но куда? спросилъ онъ.

— Въ Сальпетриеръ, господинъ маркизъ.

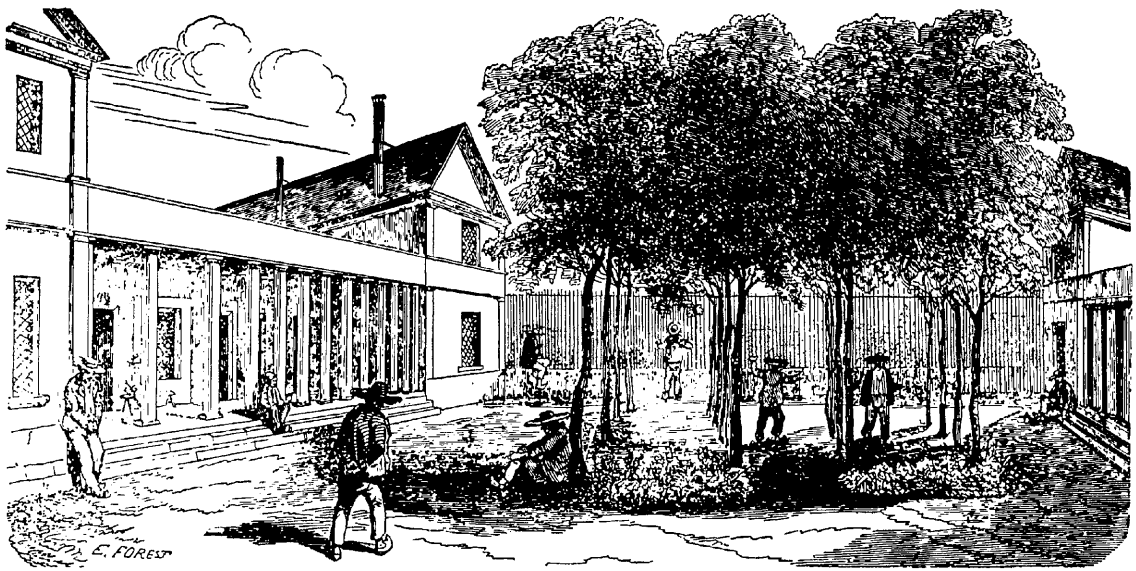
— Что это такое?

— Больница, для... сторожъ спохватился

Мастерская въ Виссертѣ.

Видъ новыхъ домиковъ и галерей въ Бестрѣ.

и прибавилъ: — Больница... такъ себѣ... больше ничего.

Молодой человѣкъ промолчалъ съ минуту, потомъ продолжалъ:

— Тѣ больные тоже будутъ работать съ нами?

— Ого!.. проговорилъ сторожъ, засмѣялся и, толкнувъ товарища своего локтемъ, сказалъ: — слышишь ты, Кленганъ, маркизъ-то думаетъ, что онъ будетъ вмѣстѣ работать съ тѣми больными, которые въ Сальпетриерѣ, ха, ха, ха!

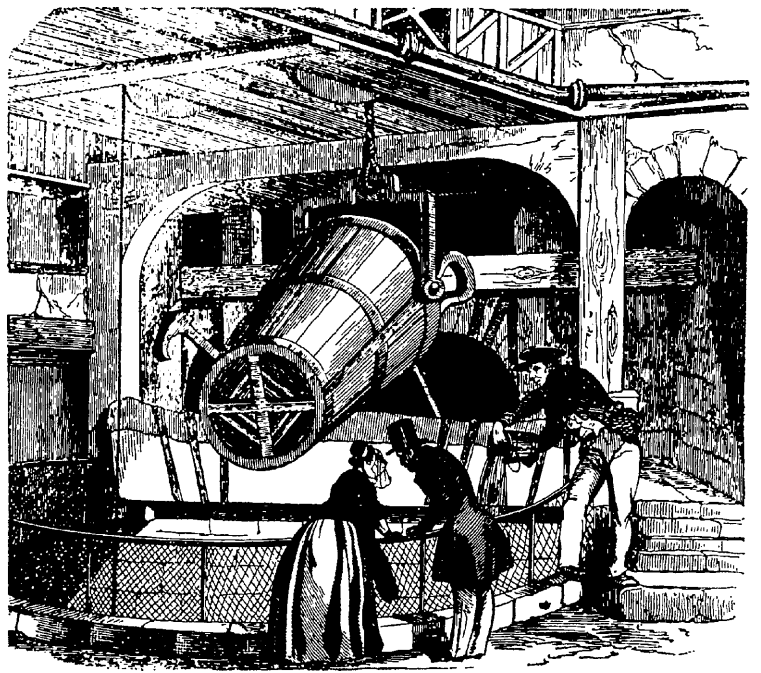
— Отчего же вѣтъ?.. сказалъ молодой человѣкъ съ шипящимъ изумленіемъ; вѣдь и мы больные.

— Конечно... конечно... только тутъ, въ Сальпетриерѣ... прекрасный полъ... а вы понимаете, что нуеги васъ вмѣстѣ, такъ такая чепуха выйдетъ, что и мы съ вами съ у... онъ опять спохватился и прибавилъ: — получимъ какую нибудь горячку. Вѣдь съ нами шутить нельзя!..

Невольное отвращеніе выразилось на лицѣ маркиза. Онъ замолчалъ.

Въ это самое время они входили въ высокія ворота въ каменной стѣнѣ. Молодой человѣкъ или маркизъ, какъ его называлъ сторожъ, со вниманіемъ разсматривалъ каждый уголокъ. Бѣдниковъ выстроили въ три ряда, ихъ сосчитали, потомъ сторожа вошли въ небольшой домикъ.

Сумасшедшіе остались одинъ, по это несколько не измѣнило ни порядка, ни спокойствія ихъ. Одинъ маркизъ, окинувъ быстрымъ взоромъ окружающихъ его, задрожалъ вѣмъ тѣломъ; на лицѣ его появилась улыбка, непонятная радости и боли; погн его какъ бы сгибалась и онъ долженъ былъ упереться въ лопату... потомъ, какъ бы пересиливъ

Колодець въ Бестрѣ.

себя, онъ выпрямился и съ силой взмахнулъ лопатой; изъ груди его вырвался дикій крикъ. Однимъ скачкомъ онъ отбѣлся отъ толпы и бросился въ сторону, по дорожкѣ, отънесенной густыми липами.

Товарищи безмысленно смотрѣли ему вѣдѣ, не изъяснивъ ни малѣйшаго изумленія, не сдѣлавъ ни одного движенія.

Маркизъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ

вдругъ изъ-за угла предъ нимъ явился одинъ изъ сторожей.

— Куда?.. закричалъ онъ.

Маркизъ поблѣднѣлъ какъ смерть, глаза его закрылись и голова тяжело опустилась на грудь. Онъ весь дрожалъ.

— Куда?.. повторилъ еще разъ сторожъ строгимъ голосомъ.

Маркиз медленно поднял голову и открыл глаза; они были мутны, безмысленны. Вообще на всемъ лицѣ его выразилась апатія, бывающая въ нѣкихъ случаяхъ слѣдствіемъ отсутствія ума. Онъ прямо посмотрѣлъ на сторожа и тихимъ, спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Работать.

— Успѣете еще поработаться!. Эка притя! Откуда взялась!.. Не шалите, маркизъ, а не то завтра дома прослито. Идите-ка впередъ.

Какъ школьникъ, пойманый въ шалости, маркизъ опустил голову и пошелъ передъ сторожемъ. Минуту спустя онъ присоединился къ товарищамъ.

— Ступайте за нами, сказалъ одинъ изъ сторожей вслухъ, а потомъ, когда вся толпа двинулась, онъ прибавилъ вполголоса своему товарищу: — Маркизъ пошаливаетъ... въ дѣсь смотреть... мы его больше не беремъ на свою отвѣтственность... пускай себѣ спидитъ дома.

Не смотря на то, что эти слова были произнесены тихимъ голосомъ, они не ускользнули отъ тонкаго слуха маркиза, наблюдавшаго за всѣми движеніями сторожей. Слова эти, по видимому, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что не разсуждая, онъ бросился въ сторону и исчезъ въ кусты.

Бѣгство его было такъ быстро, такъ неожиданно, что оно было замѣчено только однимъ товарищемъ его, сумасшедшимъ, который громко закричалъ, весело сталъ потирать руками и припрыгивать.

— Кто это тамъ такъ веселится? оглянувшись и улыбаясь спросилъ сторожъ.

— Не я!.. отвѣчалъ сумасшедшій, свидѣтель бѣгства маркиза, сдѣлавъ сторожу гримасу и принявъ серьезный видъ.

II. Фурманъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

КИЕСЬ.

Рассказъ Бюатара.

(Продолженіе.)

Это только нѣкоторые изъ тамошнихъ газелей и антилопъ. Эти робкія, кроткія животныя или постоянно живутъ на одномъ мѣстѣ, или на лѣто уходятъ въ горы, къ сѣверу, а зимой возвращаются къ Мысу Доброй Надежды. Во время переходу стада изъ одного мѣста въ другое, за ними слѣдуютъ стадами львы, леопарды, гизялы и другіе хищные звѣри; ораны и даже коршуны нападаютъ на раненныхъ или отомленныхъ антилопъ.

Кіесю не удалось убить на одного изъ этихъ смврныхъ животныхъ. На другой день онъ перешелъ черезъ рѣчку и добрался до болота безъ всякаго приключенія, крокъ голода, нѣсколько безпокоившаго его. Онъ увидѣлъ песарскую курцу, вылетѣвшую изъ кустарника, но не нашелъ ея гнѣзда; передъ его глазами ежъ скрылся въ свою подземную нору; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него маленькій посорогъ исчезъ въ ущелье, съ такою поспѣшностью, что не смотря на все свое искусство, Кіесъ не могъ овладѣть ими.

Но Провидѣніе бережетъ даже тѣхъ, которые подобно Готтентотамъ, не пѣютъ о немъ никакого понятія. Кіесъ могъ убѣдиться въ томъ, когда проснулся голоднымъ и унылымъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, на которомъ онъ провелъ ночь, молодой человекъ услышалъ крикъ *керъ, керъ, керъ* и, оглянувшись, увидѣлъ птичку, походящую на воробья, только нѣсколько побольше его. Онъ тотчасъ же узналъ ее по желтому клеву, чернымъ ногамъ, стройной спинкѣ, бѣлому животу и, въ особенности, по красивымъ желтымъ пятнышкамъ на плечахъ. Кіесъ съ радостію сталъ приближаться къ ней, но очень осторожно, чтобы не испугать ея; тогда птичка стала кричать чаще и чаще, перелетая съ дерева на дерево, по мѣрѣ того, какъ Готтентотъ слѣдовалъ за нею. Когда онъ шелъ недовольно скоро, маленькій проводникъ его кричалъ громче и размахивалъ крылышками. Наконецъ, послѣ полчаса ходьбы, птичка перестала кричать, полетала нѣсколько секундъ надъ ляжкой и потомъ сѣла на сосѣднее дерево. Эта птичка была указательница-меду (10), которая, какъ говорятъ, провозжаетъ охотниковъ до ульевъ дикихъ пчелъ, въ надеждѣ получить свою долю изъ добычи.

Кіесъ не измѣнилъ обычая, считаему земляками его священнымъ; овладѣвъ медомъ, онъ положилъ на камень порядочный кусокъ его для своего проводника; онъ подѣлился очень щедро, потому что Готтентоты предпочитаютъ куколки пчелъ самому меду.

Остается рѣшить, точно ли Кіесъ былъ обязанъ птичкѣ-указательницѣ, которая за нѣсколько минутъ, вѣроятно, сдѣлала тоже самое для муравьевъ, безъ всякой надежды на вознагражденіе. Муравьевъ такой охотникъ до меду, что съ утра до вечера рыскаетъ за нимъ. Каждое утро онъ прогуливается по Камдебскимъ ульямъ, и прислушивается; крикъ указательницы меду поражаетъ его слухъ; онъ узнаетъ крикъ, слѣдуетъ за птичкой и, наконецъ, достигаетъ до дерева, въ лудѣ котораго находится улей. Тутъ встрѣчается прелестное: муравьевъ не ульетъ и не можетъ даятъ; онъ бросается на дерево, ворчитъ, сердится; ничто не помогаетъ—пчелы въ совершенной безопасности въ своихъ ульяхъ. Тогда муравьевъ въ бѣшенствѣ начинаетъ грызть дерево, но и тутъ усталость вскорѣ показываетъ ему, какъ тщетны его усилія; онъ удаляется и плетъ отыскивать пчелъ, заводящихъ улей въ ямахъ на землѣ. Бошесны же узнаютъ дерева, въ которыхъ есть улей, послѣдямъ зубовъ муравейника и овладѣваютъ медомъ, не оставивъ бѣдному сластолюбу ни одной крошки.

Въ опроверженіе словъ господъ путешественниковъ и натуралистовъ, я долженъ сказать, что эта птичка никоимъ образомъ не провозжаетъ къ ульямъ, но такъ какъ она сама питается пчелами, то обыкновенно водится по близости ихъ, весьма мало заботясь о томъ, слѣдуетъ-ли кто за нею или нѣтъ. Но Кіесъ, не смотря на то, что былъ человекъ дикій, а быть можетъ, даже по этой причинѣ думалъ, что никогда не должно искать въ умѣ благодѣтеля сокровеннѣйшихъ его мыслей, чтобы имѣть право избавиться отъ благодарности.

Насытившись, молодой человекъ пошелъ далѣе. Во весь этотъ день на лицѣ его выразилось необыкновенное безпокойство. Онъ часто останавливался, осматривая все по сторонамъ, нагибался, прислаивалъ ухо къ землѣ и прислушивался съ особеннымъ вниманіемъ. При малѣйшемъ шумѣ, онъ бѣжалъ по направленію его и, узнавъ причину шума, грустный садился на песокъ и слезы катились по смуглому лицу его. Минуту спустя онъ вставалъ и медленными, нетвердыми шагами отъправлялся далѣе, опустивъ голову и смотря на землю, по которой шелъ, какъ бы отыскивая знакомыхъ слѣдовъ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и остановился... въ этотъ разъ онъ не ошибся. Точно, онъ услышалъ

вдали хлопанье бича и скрипъ худо смазанныхъ колесъ *крос* (телеги) бозра. Послѣ минуты перѣшности, Кіесъ, подвергаясь опасности встрѣтиться съ посорогами, поднявшимся въ этой части Камдебо, своротилъ съ дороги и углубился въ чащу кустарниковъ, служащихъ убѣжищемъ этимъ страшнымъ животнымъ.

Въ двадцатый уже разъ, во время опаснаго своего путешествія, онъ скрывался отъ злѣйшихъ своихъ враговъ, бозровъ, но ни разу еще на лицѣ его не была написана такая боязнь. Пробравшись между кустарникомъ, онъ не терпѣлъ изъ виду повозки, ѣхавшей по дорогѣ и постепенно приближался къ ней, стараясь, однакожъ, не быть замѣченнымъ. По временамъ онъ прикасался къ острию своего копья, чтобы удостовѣриться не притупилось ли оно. Однимъ словомъ, нашъ молодой человекъ совершенно походилъ на одного изъ разбойниковъ-бошесменовъ, готовящихся напасть на путешественниковъ.

— Т'каци! т'каци! говорилъ онъ про себя, я не трусь... зачѣмъ же мнѣ бояться отомстить коварнымъ *м'Оре-тенсамъ* (европейцамъ), которые потерпѣли мѣсто своими проклятыми желѣзными ошейниками?

И онъ продолжалъ пробираться на встрѣчу къ повозкѣ, отъ которой былъ нѣбось какъ въ трехъ шагахъ. Вдругъ послышалось лѣкое хрипаніе въ кустарникѣ. Кіесъ увидѣлъ огромнаго посорога и первымъ движеніемъ его было бѣжать, по мысли, быстрая какъ молнія, мелькнула въ умѣ его: онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ животнаго, крѣпко спавшаго, присѣвъ въ высокую траву и, притаивъ дыханіе, не шевелился.

Повозка, ѣхавшая по дорогѣ, принадлежала Диркъ-Маркусу. Этотъ богатый бозръ, сдѣлавшій прекрасное приобрѣтеніе, купивъ на Мысѣ молодую Готтентотку Тракозію дешевле, нежели ему стоила бы посредственная первоя лошадь, возвращался съ нею въ свое обширное имѣніе.

Во всю дорогу молодой дѣвушка была печальна и не переставала плакать, думая о другѣ дѣтства своего, о Кіесѣ, избравшемъ сердца ея. По странной прихоти, которую Диркъ-Маркусъ ни какъ не могъ объяснить себѣ, по мѣрѣ приближенія къ Камдебо, бѣдала неловница нѣсколько повеселѣла.

Тракозія была очень хорошо сложена, и красотою формъ не уступала европейскимъ дамамъ, если предположить, что у послѣднихъ свои собственные формы. Большіе черные глаза ея были выразительны и кротки; бѣлые зубы ея прекрасно отдѣлялись отъ темнорозовыхъ губъ и свѣтло-коричневаго тѣла ея. На Мысѣ се отучила отъ обыкновенія мазать тѣло жиромъ. На головѣ у нея была маленькая *таба* (шапочка) изъ черной кожи и съ околѣшемъ изъ мѣха зебры; верхняя часть шапочки была украшена разноцвѣтными стеклами чм. На плечахъ у нея былъ крокъ изъ кожи, очъ чной отъ шерсти и смлечной жиромъ. Спереди у нея былъ *т'нетье* или три трехъ-угольныхъ передника, положенныхъ одинъ на другой. Готтентотскія дѣвушки особенно заботятся объ украшеніи этихъ передниковъ; они усѣяны бусами и цвѣтными стеклышками. На рукахъ и ногахъ у Тракозіи были различныя кольца; одни состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ стеклышекъ, другія были жѣлныя, наконецъ самыя простыя состояли изъ ремней. Видно было, что молодой дѣвушка привыкла была со всею роскошью дочери пустыни.

Повозкой, запряженной шестью парами воловъ, управлялъ метъсъ, у котораго не было въ рукахъ возжей, а только кнутъ, палка котораго жѣлва футовъ пятнадцать длины. Этотъ бичъ, которымъ метъсъ дѣйствовалъ съ рѣдкимъ искусствомъ, служилъ ему для управленія воламъ. Повозка, въ которой могло умѣститься отъ 10 до 12 человекъ, была покрыта *т'нетье*, отъ чего походила на огромную фуру. *т'нетье* недавно богатѣйшіе жители Мыса не знали *т'нетье*, что экипажа.

По мѣрѣ приближенія къ повозкѣ къ рѣкѣ *Клейн-Фиш-Риверъ*, молодой дѣвушка вздыхала и безпрестанно подымала *т'нетье*, покрывавшаго по-

10) *Cuculus indicator*.

возку, и съ боязнiю поглядывала на окрестности. — Странная вещь — любовь къ роднiи!.. думала Диркъ-Маркусъ, зѣвая; вотъ хоть бы это бѣдное дитя... лишь только она увидала свою родню, какъ позабыла горе и повеселѣла... то ли еще будетъ! Она скоро совсѣмъ поправится, растолстѣетъ — чудой! И занесенепрѣменно возвукъ пятьдесятъ талеровъ чистаго барыша. Славная вещь любовь къ роднiи!.. Славная вещь!.. думала почтенный боэръ, который уже лѣтъ тридцать не впадалъ своего роднаго болота, Голландiи, да и не думала объ ней.

Вдругъ Тракозіа услышала страшный крикъ въ кустарникахъ; она судорожно приподняла холстъ, отвѣчала тѣмъ же крикомъ, выскочила изъ повозки и исчезла.

Диркъ-Маркусъ галдѣлъ и не понималъ, что это значило...

Онъ готовился потребовать объясненiй у шестнадцати революціонеровъ, окружавшихъ тяжелой экипажъ его, какъ вдругъ сильный толчокъ, сопровождаемый трескомъ, сбросилъ его со скамьи, на которой онъ сидѣлъ. Въ то же время онъ почувствовалъ, что повозка стала подниматься... вдругъ она опрокинулась и разбилась.

По счастью, почтенный боэръ выскочилъ въ ровъ, что защитило его отъ обломковъ повозки и желѣза, разлетѣвшихся въ разные стороны съ ужаснымъ шумомъ.

Когда суматоха прошла, онъ приподнял голову и увидѣлъ одинъ валившіеся обломокъ своего экипажа, воловъ, разбѣжавшихся въ разные стороны, и вожатаго, взобравшагося на скалу и равнодушно смотрѣвшаго на обломки, не выпуская изо рта трубки.

Диркъ-Маркусу нужно было полсенiе, и онъ обратился къ своему вожатому.

— Что случилось? спросилъ боэръ.

— Баасъ (господи!), отвѣчалъ вожатый, видите ли тотъ большой кустъ?.. на право?

— Вижу, мошенникъ! отвѣчалъ Диркъ.

— Въ этомъ куствѣ былъ огромный носорогъ и молодой божжесменъ, которые, вѣроятно, повздорили. Молодой человекъ пустилъ конемъ въ носорога, и вскрикнулъ... вы слышали, какъ онъ вскрикнулъ?..

— Слышала, разбойникъ!

— Онъ крикнулъ для того, чтобы чудовище побѣжало за нимъ, что и случилось. Увѣрю васъ, баасъ, что этотъ молодой человекъ ужасно храбръ и проворенъ, потому что я самъ малый...

— Дальше, негоди, рассказывай дальше!

— Ну, дальше известно что случилось. Божжесменъ побѣждалъ къ нашей повозкѣ; въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ дикий звѣрь... Помните ли вы, баасъ, тотъ день, когда...

— Т'каци!.. Перестанешь ли ты болтать... пустому? Говори порядкомъ, т'каци!..

— Вы, кажется, изволите гнѣваться? сказала очень хладнокровно вожатый, выпустивъ изо рта струю дыма. Помоачавъ съ секунду, онъ продолжалъ: когда молодой божжесменъ, за которымъ гнался носорогъ, подбѣжалъ къ нашей повозкѣ, то однимъ скачкомъ увернулся въ сторону и схватилъ Тракозіа, полуертвую отъ страха. Пока носорогъ домаля и коверкалъ нашъ экипажъ, божжесменъ исчезъ какъ быстроногая газель, со своей ношей.

— А что Тракозіа? Она не сопротивлялась? Не боролась со своимъ похитителемъ?

— Нисколько; я замѣтилъ, что она не только не плакала и не кричала, а крѣпко обхватила руками шею молодца — видно болаась ухватъ. Когда вы вылезали изъ вашей ямы, такъ я еще видѣлъ, какъ они бѣжали. Онъ славнъ олодець; просто красавецъ!

— А Готтентоты мои? Ку они дѣлались?

— Готтентоты? А чортъ ихъ знаетъ! Порао...

— Разбойники!.. Хорошо, что ты остался, а то бы я тебѣ!..

— Что?.. Пустяки! я свободный метишь, а не коббо. Повѣрите, еслибъ я былъ вашимъ невольникомъ, такъ вы не вышли бы изъ дыры, въ которую забылись.

Диркъ-Маркусъ сдѣлалъ ужасную гримасу, заскрежеталъ зубами и глубоко вздохнулъ, но не отвѣчалъ ни слова, потому что ружье его было сломано.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДЖЕННИ-ЛИНДЪ ВЪ СТОКГОЛЬМЪ.

Вы всё смѣялись надомной, когда я сѣлся на финляндскій пароходъ, бросилъ довольно запутанный дѣла, оставилъ обожаемую жену, дѣтей, васъ всѣхъ и спѣшилъ въ Стокгольмъ — за чѣмъ? Видѣть, слышать пѣвицу, которая начала путь славы своей такъ оригинально, такъ блистательно. Были между вами и такіе, которые сожалѣли о моемъ разсудкѣ. Послушайте же... Но я люблю все описывать по порядку... Во-первыхъ, я бѣжалъ весьма дурно; шипѣвшіе погоды выводить изъ терпѣнiи самыхъ страстныхъ любителей: для нихъ нанимать iоны то же, что для меня нѣкоторые квинтеты пресловутыхъ писателей, въ которыхъ обыкновенно двѣ темы: сумбуръ и сралашъ. Въ Ревелѣ я не нашелъ еще никого знакомаго, кромѣ двухъ прислужницъ въ трактирѣ Ветерштрадъ, длиннаго Германа и старой Бригитты. Съ нетерпѣнiемъ ожидалъ я отбѣзда парохода, дождался, и чтожь, вмѣсто пяти, шести часовъ, мы пришли въ Гельсингфорсъ около полуночи. Я рассердился и не вышелъ на берегъ; точно то же сдѣлала въ Або, и только въ Ааландскихъ шерахъ сталъ веселѣе, потому что видимо приближался къ предмету моей страстной поѣздки. На пути я дѣлалъ капитану только два вопроса: далеко-ли до Стокгольма и не знаетъ ли онъ, тамъ ли уже Дженни Линдъ? За послѣдній вопросъ, по третьему разу, капитанъ рассердился, пересталъ отвѣчать, а я спрашивать. Наконецъ, мы вошли въ стокгольмскіи шеры. Тутъ уже мнѣ правилось рѣшительно все; встрѣчая ловкій двухпарусной ботъ, я глядѣлъ на него съ любопытствомъ, я мечталъ: можетъ быть въ немъ гуляетъ Дженни Линдъ. — Но представьте себѣ, были мгновенiя, когда я забывалъ про мою невиданную любимицу. Видъ города увлекалъ мои глаза и мысли. Я видѣлъ не мало городовъ на свѣтѣ, но Стокгольмъ не похожъ ни на одинъ изъ нихъ. Великолѣпная безконечная панорама; и не многія, но красивыя башни раздѣляютъ на части этотъ обширный станъ домовъ; корабли, кораблики, лодки тѣснятся въ самомъ городѣ у береговъ; превосходныхъ видовъ множество; лучший — видъ королевскаго дворца. Знаніе обширное, величественное, королевское. Спрыгнуть на берегъ, съ помощью шведскаго языка, которымъ, какъ видите, не даромъ занимался, я скоро отыскалъ театръ, кассу, кассира, — ни одного мѣста, разумѣется, порядочнаго...

— Да нельзя-ли? Послушайте, я вѣваю заплачу. Кассиръ на меня посмотрѣлъ въ очки съ недоуваньемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, услужите! Я иностранецъ; сегодня пріѣхалъ, завтра вѣжду.

Кассиръ опять посмотрѣлъ на меня съ сомнѣнiемъ и сказалъ.

— Нѣтъ. Балконъ есть... Вотъ тутъ можете видѣть на планѣ...

— На планѣ?

И точно, передъ окномъ кассы, на крошечной, стоялъ деревянный планъ театра, на которомъ означены всѣ мѣста, какія только выѣщала въ себѣ зала спектаклей.

— Вотъ тутъ есть два мѣста... сказалъ онъ, указывая карандашемъ на нумера...

— Все равно! Давайте оба!

Запасшись билетами, я посмотрѣлъ на афишку и чуть не обмеръ.

«Въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ!» А? И стоило за этимъ бѣжать въ Стокгольмъ? Какъ это вамъ покажется. И что за пѣса? Вы знаете ее подъ именемъ: Regiments-tochter... Дженни Линдъ играетъ Марію; — такъ я не увижу ее въ Нормѣ? Нѣтъ? не увижу? спрашивать я у афишки, а она съ насмѣшкой то и дѣло отвѣчала мнѣ: «Въ послѣдній разъ». И для этого послѣдняго раза вѣрно нарочно отделили буквы, точно кегли какія. — До спектакля еще было далеко. Я рѣшился утолить не тоску, не горе, но голодъ, который пожиралъ меня вмѣстѣ съ желанiемъ видѣть, слышать Дженни Линдъ; прибѣгаю въ трактиръ, требую супу, сажусь, хватаю ложку, беру въ ротъ, что-то жидкое, сладкое, вкусно... — Саго! А? Это супъ! Я думаю, не смѣются ли надо мною Шведы, не хотятъ ли усладить горестъ мою этою приторною сладостью; но увы — это любимѣйшій шведскій супъ, и подается обыкновенно въ серединѣ обѣда. Нечего дѣлать, я ужъ съѣлъ что-то; теперь и самъ не помню; бѣгу въ театръ, чтобы не опоздать; у театра — стоитъ войско, офицеры, солдаты; всѣ въ парадныхъ костюмахъ. Что за исторiя? И какъ и у кого спросить. Смѣлость города беретъ. Я къ первому офицеру и разламываясь, спрашиваю по-французски: Простите иностранцу невѣжливостю; но желаю бы узнать какой парадъ тутъ будетъ?

— Ничакого! Мы собираемся въ театр!

— Въ театр?

— Королю угодно...

— Но отчего же такъ мало статскихъ?

— Именно потому, что королю угодно, что бы въ партерѣ было, какъ можно больше военныхъ...

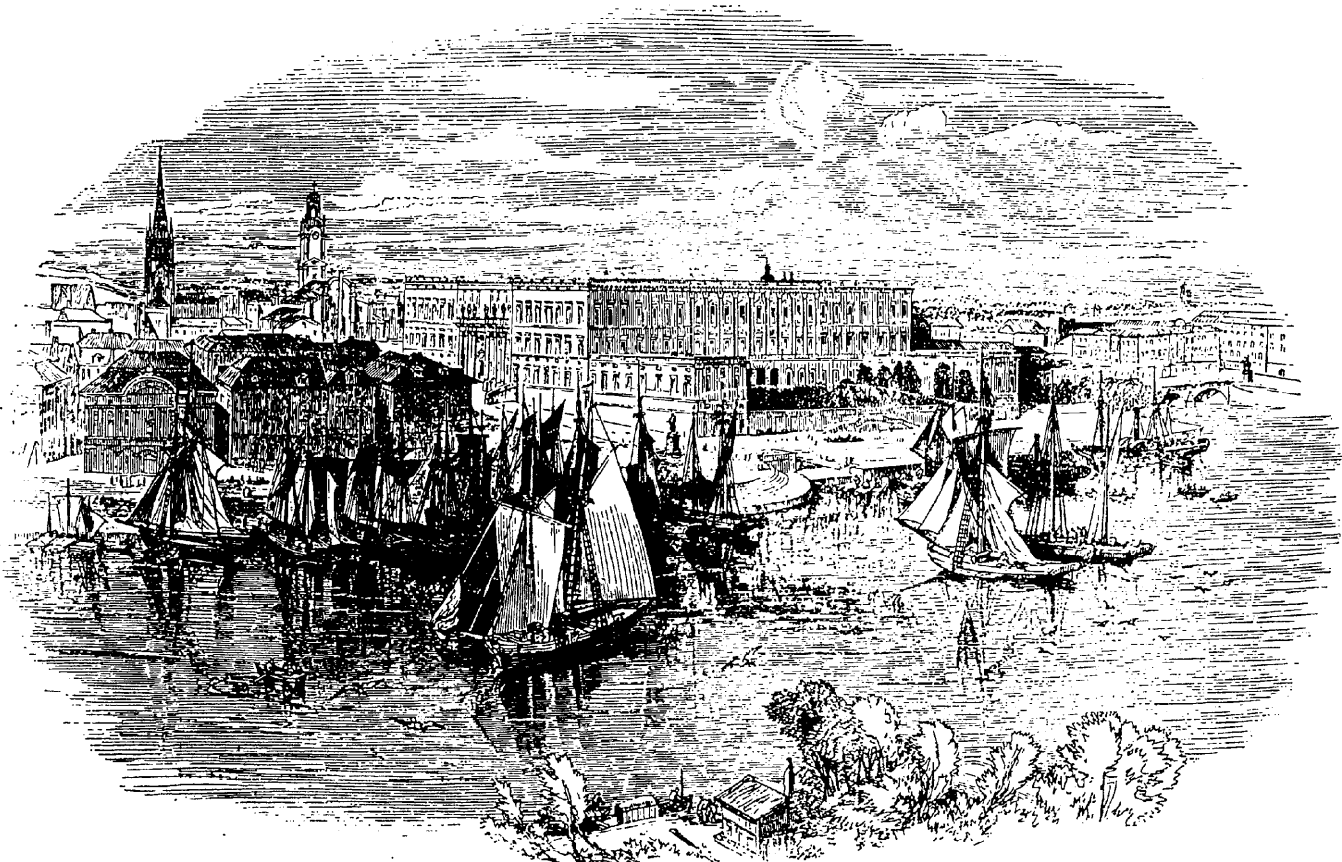
Я низко поклонился и поскорѣе отправился на свое мѣсто, боясь, чтобы не взначай какойнибудь гренадеръ не занялъ его; къ удивленію, мѣсто у меня оказалось весьма выгодною. Я могъ видѣть королевскую фамилію, сцену и публику, всѣхъ, всѣхъ, кромѣ сосѣдей. Сажу на своихъ мѣстахъ одинъ. Видъ истинно великолѣпный, когда вся зала наполнилась военными; парадно, блистательно; но когда поднялась занавѣсъ, когда появилась Дженни... о! что значатъ наши аплодисменты Рубини: это ревъ, гулъ, громъ, стукъ, шумъ, крикъ, визгъ, трескъ, все вмѣстѣ. Я думалъ, что не услышу Дженни Линдъ, потому что оглохлу.. На счастье публика, также какъ и я, хотѣла слушать; смолкла; а Дженни и пошла, и пошла...

Дженни Линдъ не только не дурна собой, но, на мои глаза, красавица; есть въ лицѣ женскихъ какал-то внутренняя красота; кротость въ улыбкѣ, совѣсть во взглядѣ, умъ въ движеніяхъ... Я ни съ кѣмъ не сравниваю Дженни, но признаюсь я сдѣлался Шведомъ, глядя на игру ея, энтузіастомъ, фанатикомъ. Какъ она мила,

простодушна, какъ свѣжо-весела; вотъ это, по моему, можно назвать непринужденностію, потому, что она точно такъ играетъ, какъ танцуетъ Галиони. Ни хорошо, ни худо, а такъ какъ слѣдуетъ, т. е. превосходно, удивительно, гениально. И съ такою игрою соединяется голосъ... Вотъ голосъ, для котораго слухъ только станція; эти звуки проходятъ прямо въ душу, въ сердце, разливаются во всемъ существѣ нашемъ наслажденіе, какъ ароматъ, какъ божій свѣтъ!..

Дженни Линдъ стояла будто посреди залы. Тутъ я понялъ мысль его королевскаго величества. И на сценѣ и въ амфитеатрѣ толпы военныхъ слывались въ одно цѣлое, въ одну прекрасную картину. Пѣвица была лучезарнымъ средоточіемъ, къ которому стремились всѣ взоры, всѣ сердца... Кончилась пѣса—и началась трагедія. Я не охотникъ хлопотать, но не могъ выдержать. Стулья мои стучали будто въ лихорадкѣ: я кричалъ по-русски: матушка, голубушка, золото мое...

Возлѣ раздавались такіе же восклицанія по-шведски. Вдругъ, на мгновеніе, все притихло; изъ королевской ложи упали на сцену вѣйки и въ свѣтъ за ними брызнулъ дождь цвѣтовъ. Это не то, что наши земные букетики. Пѣтъ, туча, сарапча цвѣтовъ—и правду сказать, Дженни Линдъ должна ходить по цвѣтамъ; терпіи пути своего она уже измѣла; голосомъ, игрой, душой, сердцемъ она заслужила это народное торжество. Аплодисменты продолжались гораздо болѣе, чѣмъ весь

(Королевскій Дворецъ въ Стокгольмѣ.)

спектакль. Я сломалъ одинъ стулъ, и убрался заблаговременно. Къ удивленію моему на подъѣздѣ еще никого не было. Народъ съ завистію смотрѣлъ на театр и досадовалъ, что не можетъ принять участія въ восторгѣхъ соотечественниковъ. Съ трудомъ я могъ пробраться сквозь эту толпу; по дорогѣ слышалъ толки некро Дженни Линдъ, а про себя: «Дождень быть Французъ!» — «или Англичанинъ!» — «Первый ушелъ, досадно стало...» (Досадно на эти кегли, которыя мнѣ объявили ужасную новость; теперь мое неудовольствіе было чувствительнѣе, потому, что я слышалъ, я видѣлъ Дженни Линдъ, и уже больше не увижу, не услышу...

Это почему? спросилъ я самъ себя громко по середи улицы. Ангажементъ ея въ Берлинѣ начнется въ октябрь; отчего же не съѣздить въ Берлинъ? Конечно! Въ Берлинъ!

Эта мысль такъ мнѣ понравилась, такъ утѣшила меня, что я спокойно проглотилъ шведскій ужинъ, еще спокойнѣе улегся спать, выпалъ

и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, пошелъ осматривать Стокгольмъ. Последнее представленіе было $23/15$ июня; вотъ три дни я уже хожу и наслаждаюсь Стокгольмомъ; пароходъ уйдетъ еще не скоро; я успѣю съѣздить въ Упсалу, а оттуда опять въ Стокгольмъ, опять на пароходѣ. Соберитесь на Англійскую Набережную—со смѣхомъ, съ хохотомъ, съ чѣмъ угодно. Я не боюсь васъ. Я видѣлъ, я слышалъ Дженни Линдъ.

УЗЛЫ.

Узелъ, начная съ простаго до гордіева, составляетъ особую часть самой общепотребительной механики. Онъ завязываетъ и развязываетъ множество задачъ; въ немъ также много остроумія, а въ ежедневной жизни онъ также необходимъ какъ ножъ, какъ игла, и т. п. Кажется, узелъ хитрость и незамысловатая, а многіе изъ умѣютъ повязать платокъ, что вы можете замѣтить на нѣкоторыхъ шеяхъ. Узловъ множество; они бываютъ болѣе или менѣе сложны и подѣляются разными

условіямъ. Мы избрали самыя употребительнѣйшіе. Достаточно взглянуть на ихъ изображенія, чтобы понять ихъ складъ; потому прибавимъ къ гравюрамъ только нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Фиг. 1. Петля.

Фиг. 2. Простой узелъ, начатой.

Фиг. 3. Простой узелъ, завязанный.

Фиг. 4. Двойной узелъ, начатой.

Фиг. 5. Тотъ же, завязанный.

Этотъ узелъ можетъ быть тройной, четверной и т. д. завися отъ того, сколько разъ продѣнете веревку.

Фиг. 6. По французски этотъ узелъ называется *Nœud en Laes*; по-русски у него именъ много; употребительнѣйшее — кренгелсъ, хотя и не совсѣмъ справедливо. Чтобы его завязать или закрѣпить, надо тянуть въ одно время за оба конца веревки.

Фиг. 7. Галерный. Веревка не проходитъ чрезъ петлю. Ее удерживаетъ палка. Этотъ узелъ можно сдѣлать, хотя бы концы веревки и не были свободны.

Фиг. 8. Твѣцкій узелъ, начатой.

Фиг. 9. Тотъ же, завязанный.

Чтобы закрѣпить этотъ узелъ, должно держать концы а и в, а тянуть за конецъ с, иначе узелъ развяжется.

Фиг. 10. Англійскій узелъ.
Фиг. 11. Тотъ же, завязанный.

Этотъ узелъ отъменно проченъ.

Фиг. 12. Прямой, также морской и плоской узелъ. Онъ хорошъ изъ тонкихъ веревочекъ, изъ толстыхъ не проченъ и принимаетъ видъ, какъ показано въ фиг. 15.

Фиг. 14. Двойной простой узелъ.

Фиг. 15. Двойной узелъ кренгелемъ (ф. 6).

Фиг. 16. Простой узелъ, начатой.

Фиг. 17. Завязанный.

Это тотъ же узелъ, что и 12, только тутъ опъ сдѣланъ изъ той же веревки, обведенной вокругъ предмета, который связать надо.

Фиг. 18. Узелъ съ ключемъ или съ ухомъ.

Фиг. 19. Узелъ, употребляемый мастерами.

Фиг. 20. Тотъ же, начатой.

Есть узлы, которые дѣлаются для того только, чтобы сократить длину веревки, не разрывая ее. Къ этому роду принадлежатъ узлы, изображенные въ ф. 21, 22, 23, 24 и 25.

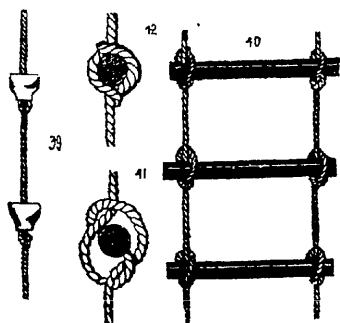
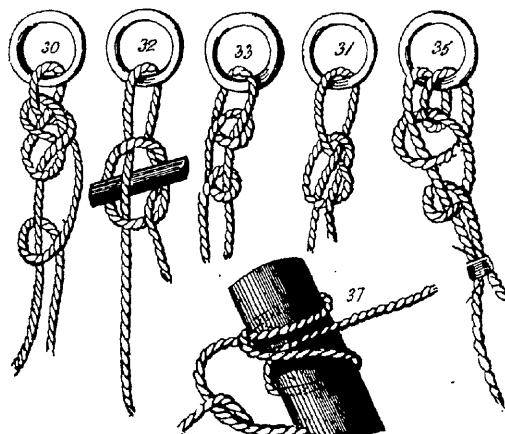
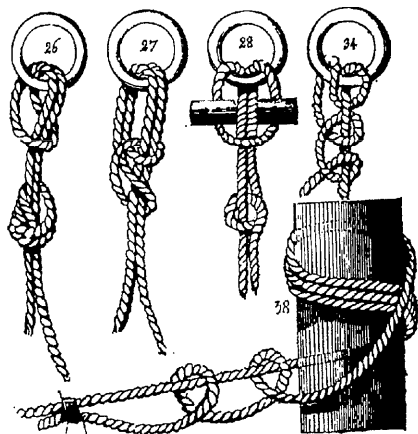
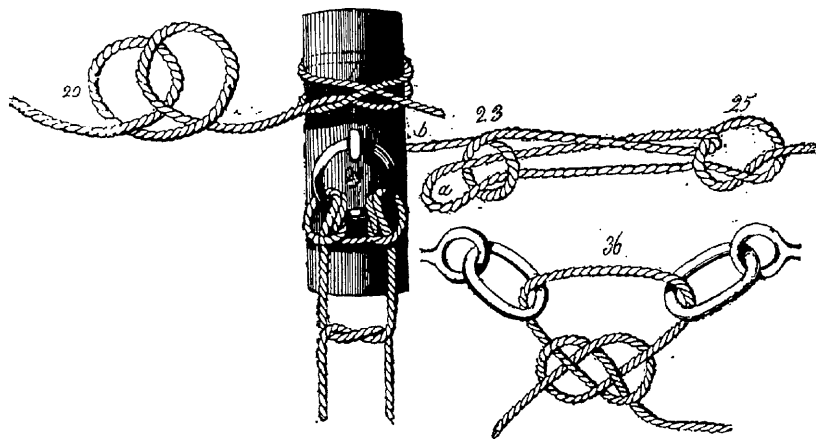
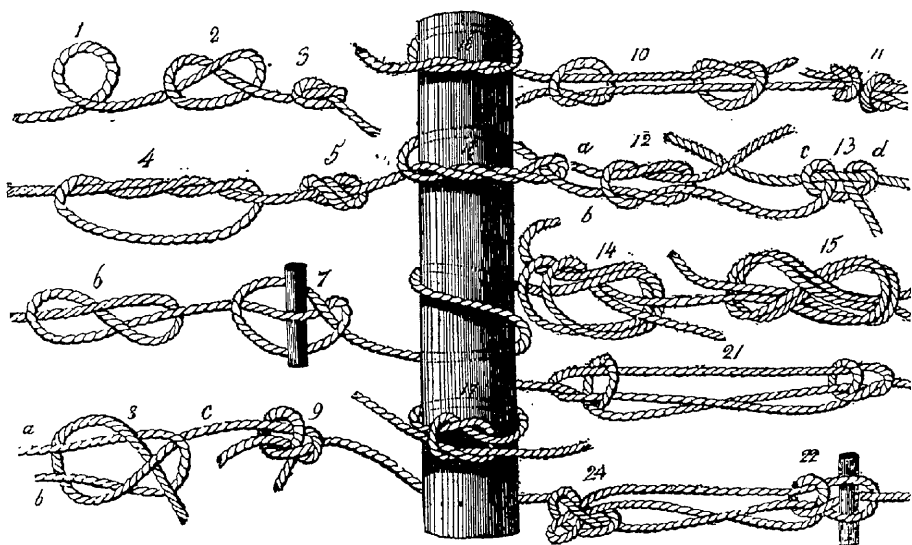
Есть узлы, собственно предназначенные для привязыванія однимъ концемъ веревки, къ другому концу коей уже прикрѣпленъ какой-либо предметъ. Некоторые узлы этого рода показаны въ ф. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и 37.

Фиг. 39. Веревочная лѣстница на простыхъ узлахъ.

Фиг. 40. Веревочная лѣстница на узлахъ, въ петли концы пропущены перекладины.

Фиг. 41. Узелъ для послѣдней лѣстницы, не затянутой.

Ф. 42. Тотъ же, затянутый или закрѣпленный.

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

Заговоры — которые у насъ обыкновенно совершаются съ молитвой, по тому что народъ нашъ страшится чернокнижія, — хотя изрѣдка есть люди, коимъ невѣжество народа приписывается связи съ нечистымъ — заговоры составляють для меня самый загадочный предметъ, между всѣми повѣрьями и суевѣрїями; я признаюсь, что не охотно приступаю теперь къ рѣчи объ немъ, чувствуя напередъ недостаточность, не полноту свѣдѣній моихъ и убѣжденій. Всякому, кто займется подобнымъ изслѣдованіемъ на дѣлѣ, легко убѣдиться, что тутъ кроется не одинъ только обманъ, а еще что нибудь другое. Если самый способъ дѣйствія признатъ обманомъ, потому что убѣжденіе наше отказывается вѣрить тому, въ чемъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда смысла — то все еще остается рѣшить, какія же именно невидимыя нами средства производятъ видимыя нами дѣйствія? Будемъ стараться, при всякомъ удобномъ случаѣ, разыскывать и разъяснять ихъ; по мѣрѣ этихъ разъясненій, минимы чудеса будутъ переходить изъ области заговоровъ въ область естественныхъ наукъ и мы просвѣтимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, какъ обыкновенно дѣлають, симъ предметомъ; жаль, что ученые испытатели природы, копающіе по цѣлымъ годамъ надъ каплею гнилаго настоя и отыскивая въ ней микроскопическихъ наливчиковъ, не посвящаютъ средствъ и силъ своихъ сему болѣе общему и важному предмету, о коемъ они, не зная его вовсе, по одному только предубѣжденію, относятся презрительно.

Заговоры, въ томъ видѣ, какъ они иногда съ большимъ трудомъ достаются въ наши руки, состоятъ въ нѣсколькихъ таинственныхъ по смыслу словахъ, коихъ образцы можно видѣть въ изданіи Г. Сахарова. Ниже приложено нѣсколько изъ мною собранныхъ, для примѣра. Въ нихъ то общее, что послѣ обычнаго вступленія, въ коемъ крестятся, благословляются, упоминаютъ море-океанъ, бѣль-горючъ-камень алатырь п пр. слѣдуетъ первая половина заговора, состоящая изъ какого-то страннаго иносказанія или примѣра взятаго, но видимою, весьма не кстати, изъ далнихъ и невѣдомыхъ странъ; а за тѣмъ уже заговорщикъ обращается собственно къ своему предмету или частному случаю, примѣняя первое, сколько можно, ко второму, и оканчивая заклинаніе свое выраженіемъ: слово мое крѣпко, быть по моему, или аминь. Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, исвѣтственное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ — святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суеверіе и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи, или собаки, отъ поруба или кровотеченія, отъ ружья или пули, отъ огня или пакара и проч. — Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ молитву и заклятіе; сюда, напр., принадлежатъ заговоръ *идуци на судъ*, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей накликаетъ всѣ возможные бѣдствія. Я очень жалю, что зотыя замѣчательный образчикъ смѣси чернаго и бѣлаго, тьмы и свѣта, не можетъ быть здѣсь помѣщенъ, и что вообще нельзя отыскать о

семь предметъ все то, что было бы необходимо, для нѣкотораго разъясненія его.

Собственно въ болтовнѣ заговора, конечно, не можетъ быть никакого смысла и значенія, какъ, по видимою, и самъ народъ утверждаетъ пословицами и поговорками своими: языкъ безъ костей — мелеть; собака лаетъ, вѣтеръ носить; крикомъ изба не рубится; хоть чортомъ зови, да хлѣбомъ корми и проч. Это подтверждается еще и тѣмъ, что на одинъ и тотъ же случай, есть множество различныхъ, но, по мнѣнію народа, равносильныхъ заговоровъ. Но народъ при всемъ томъ вѣритъ, что кто умѣетъ произнести заговоръ какъ слѣдуешь, не только языкомъ, но и душой, соблюдая при томъ всѣ установленныя для сего, по таинственному преданію, приемы и условія, тотъ успеетъ въ своемъ дѣлѣ. Стало быть, народъ вѣритъ въ таинственную силу воли, въ дѣйствіи духа на духъ, на незримыя по себѣ и невѣдомыя силы природы, которыя, однакоже, обнаруживаются за тѣмъ въ явленіяхъ вѣщественныхъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ. Нельзя не сознаться, что это съ одной стороны свѣше понятій нашихъ, можетъ быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравымъ смысломъ, — но что это въ сущности есть тоже самое явленіе, которое, нѣсколько въ иномъ видѣ, ученые наши прозвали животнымъ магнетизмомъ. Все это отнюдь не служить ни доказательствомъ, ни объясненіемъ, а такъ сказать однимъ только намекомъ и предостереженіемъ.

Передать силу заговора можно, по народному повѣрью, только младшему лѣтями; обнаруживъ заговоръ гласно, самъ лишаешься способности заговаривать, а будешь молотъ одинъ безсиленныя слова; у заговорника, во многихъ случаяхъ, должны быть непременно всѣ зубы цѣлы, иначе онъ заговаривать не можетъ; если употребить заговоръ во зло, то, хотя бы это и удалось на сей разъ, человекъ, однакоже, на будущее время теряетъ способность заговаривать; по должи поспитъ примѣромъ, что именно, по народному повѣрью, называется употребить заговоръ во зло: заговоръ отъ червей составленъ для скотины и лошадей; если же баринъ принудитъ знахаря заговорить червей на собакъ, то это на сей разъ удался, но впередъ уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многие заговоры читаются на тощахъ, на порогѣ, въ чистомъ полѣ, лицомъ къ востоку, на ущербъ луны, по легкимъ дымъ (вторникъ, среда, суббота), или на оборотъ, по чернымъ дымъ, если заговоръ принадлежитъ къ чернокнижію — эти три поименованы ниже; другіе заговоры читаются на вѣтеръ, надъ проточной водой, на восходѣ или на закатѣ солнца, подъ осиной (*), подъ связаннымъ

(*) Осина, въ народныхъ повѣрьяхъ и въ хозяйствѣ, замѣчательное дерево. На вѣть, по народному преданію, удавленъ Иуда — оттого и листъ основной вѣчно дрожитъ; основнымъ коломъ прибиваютъ въ грудь мертвеца — кодуна, адыму, упура, — который встаетъ и бродитъ по ногамъ; основнымъ колымомъ должно быть коронною смерть, при известномъ ночномъ опанываніи деревни, гдѣ дѣйствуютъ одинъ нагій бабъ; въ основной пень вколачиваютъ волосы и ногти больного, чтобъ извѣстныя его отъ лихорадки; развитые параличемъ, должны лежать упираться босыми ногами въ основное поле; такое же поле, заснувшее въ куль негашевой извѣсти, какъ говорятъ, не дасть ей сырты и портилась, равно положенное въ посуду съ квашеной лапшой не дасть ей бродить и перекипать; основное дерево, если ими протопилъ въ рѣдкѣ пень, уничтожаютъ всю семью, такъ, что вовсе не нужно трубу чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, дасть самымъ прочнымъ торцы, для мостовой, особенно на коньяхъ приводахъ.

ми сучьями двухъ березокъ (отъ лихорадки), надъ кошелемъ или черепкомъ воды, надъ волосами, ногтями или слѣдомъ (собранныю землю подъ ступи) того человекъ, кого надо испортить или влюбить; и всѣ почти заговоры читають шопотомъ или про себя, втихомолку, такъ, чтобы никто о томъ не зналъ, не вѣдалъ. (*) Есть, наконецъ, сверхъ всего этого множество особыхъ примѣтовъ, по коимъ заключаютъ объ успѣхѣ предпринимаемаго заговора. Списокъ у чернокнижнѣ считается 33 дня въ году, въ конъ кудесники совершаютъ свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апрѣля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; июня 17; июля 17 и 21; августа 20 и 21; сентябр 10 и 18; октября 6; ноябр 6 и 8; декабря 6,

(*) Вотъ нѣсколько образчиковъ заговоровъ, взятыхъ изъ разныхъ губерній: они много походятъ на заговоры, собранные Сахаровымъ.

1. *Заговоръ отъ поруба*. Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу во чистое поле, во зеленое: стану благословясь, лягу перекрестясь, лягу во чистое поле, во зеленое по морю, по лягу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны, летать три врага, три брата-близка, несуть трои золотыя ключи, трои золотыя замки; — запырала они, замкнули они воды и реки и снѣга моря, ключи и роликки; заперли они, замкнули они раны кровяныя, кровь горючую. Какъ изъ неба сыпалъ дождь не каплетъ, такъ бы у руба божьяго Н. Н. кровь не капнула. Аминь.

2. *Приговоръ заговоръ или любяса, который читается на подвасилье пива*.

Лягу я руба Божій позволюсь, встану я благословясь, умоюсь я рососою, утрусь престопилою пеленосою; лягу я изъ дверей въ дворъ, изъ воротъ въ ворота, лягу въ чистое поле, во зеленое по морю. Стану я на скрупо землею, по лягу я на постоющую сторонушку, какъ красное солнышко возшло: припекаетъ мхи-болоты, черныя гризны. Такъ бы прибѣгла, приспѣхала руба Божья Н. о мѣтѣ руба Божьяго Н. очи въ очи, сердце въ сердце, мысли въ мысли; спать бы она не заснула, гулять бы не загуляла, аминь тому слову.

3. *Заговоръ отъ ружья*. На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буяны, гонитъ Илья Пророкъ на колесеннѣхъ громъ со великимъ дождемъ: надъ тучей туча взойдетъ, молнія осветитъ, громъ грянетъ, дождь польнетъ, порохъ залетитъ. Илья изиде и языкъ косятъ. Какъ руба-рабаца Н. менется, со младенцемъ своимъ не разрожается, такъ бы у него руба Н. биньш и томишш нули ружьяныя и великаго огненнаго орудія. Какъ отъ чючета изиде ляца, такъ отъ ружья изиде струяныя. Ключъ въ небо, замокъ въ морѣ. Аминь, трижды.

4. *Отъ лихорадки*. Встану я руба Божій Н. благословясь, лягу перекрестясь изъ дверей въ дворъ, изъ воротъ въ ворота, путемъ дорожкой къ синему океану — морю. У этого океана-морья стоятъ древо каркошности; на этомъ деревѣ каркошности висятъ: Козьма и Дениланъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ руба Божій Н. прошу великіе помощники К. и Д., Л. и П., сказать мнѣ: для чего-де выходить къ мѣру океана женщины престопилося, для чего-де по мѣру ходять, отбываютъ ото сна, отъ замъ, сосутъ кровь, пинутъ жилю, какъ червь точитъ черную печь, пинутъ пилать желтыя кости и сусныны? Задѣсь вы въ жите-жылице, не прохладите; ступайте въ въ болота, въ глубины озера, за быстрья рѣки и темныя бори: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перья нуховыя, подушкы персяныя; тамъ яства сахарныя, напитки медовыя — тамъ будетъ вамъ жите-жылице, прохладите — по сей часъ. По сей день, слово мое, руба Божьяго Н. крѣпко, крѣпко, крѣпко.

5. *Отъ укушенія жада*. Молитвъ ради Пречистыя твоея Матери благодатный свѣтъ міра, отступи отъ меня нечестный, змѣя злая, подкодоная, гадина люта, свѣдующая людямъ в скоты: яко комары отъ облакъ растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, разрастается, отъ руба Божьяго Н. Всѣ святые и всемогущіе братья, шюны, отшельники, постники, псуходаны, чудотворные святые яки, станьте мнѣ на помощь, яко но дни, тако и въ ноци, во всякомъ мѣстѣ, руба Божьяму Н. Аминь.

6. *Украинскій заговоръ отъ злыму (отъ вывиха)*. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гасеть — недѣся на сынему морѣ лежить камень бѣлый, на билому камѣня кто-сь сѣдять, выплѣсь, изъ жютой кости цѣль выклѣйка; жюшая кость левовъ духъ: лѣзь ульву духъ держаться, то щобъ такъ у жютой кости руба Божьяго Н. злыхъ не держакъ. Миколаю угодику, скорый помощнику, милосядю леный, кванзо прекрасный, стань мнѣ у помощь, у первый разъ, у другій разъ, у третій разъ. Аминь.

11 и 18; понедѣльникъ и пятница, какъ известно, считаются тяжелыми или черными днями, въ кои ничего не должно предпринимать, а по ивѣнью нѣкоторыхъ, не должно и работать. Равнодневные дни также принадлежатъ кудесникамъ, и известная воробьиная почта на Украинѣ посвящена вѣльмамъ. Первая и послѣдняя четверть луны вообще почитаются временемъ удобнымъ для предпріятій всякаго рода, хозяйственныхъ и другихъ распоряженій — а полнолуние и новолуніе временемъ менѣе къ тому пригодными.

Большая часть заговоровъ начинаются словами: на морѣ на океанѣ — и во многихъ починается бѣль, горючъ камень алатырь. На Руси есть городъ Алатырь — не менѣе того, однако же, ни кто не объяснилъ доселѣ, какой это таинственный камень. Нынѣ полагаютъ, что это долженъ быть янтарь, но, кажется это неосновательная догадка. Разъ только удалось мнѣ выпытать прямо изъ устъ крестьянина объясненіе, которое, впрочемъ, ровно ничего не объясняетъ: на Воздвиженъ змѣи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городищахъ, и тамъ-де является бѣлый, свѣтлый камень, который змѣи лизаютъ, насыщаясь имъ, и изливаютъ весь; это и есть бѣль-горючъ-камень алатырь. Изъ сказкѣ этой, вѣроятно, подало поводъ то, что змѣи залегаютъ и замираютъ на зиму, почему царю и искалъ объясненія, чѣмъ онѣ въ это время питаются и, придумавъ камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода въ кучи.

Есть много людей, правдивыхъ и притомъ не легкомысленныхъ, кои утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что испытали тѣмъ или инымъ способомъ дѣйствительность того или другаго заговора; а потому, откинувъ на сей разъ всякое предубѣжденіе, постараемся розыскать, сколько и въ какой степени можетъ быть тутъ правды? Утверждаютъ, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующихъ: если пуститься на месмерическія или магнетическія объясненія — то можетъ быть и это покажется менѣе дикимъ и невѣроятнымъ, чѣмъ оно съ перваго взгляда представляется; но мы вовсе не намѣрены писать разсужденіе о магнетизмѣ и потому удовольствуемся однимъ только намекомъ и указаниемъ на него.

Кто въ деревняхъ не знаетъ заговора отъ червей? Укакого помѣщика итъ на это известнаго старика, который спасаетъ лѣтомъ и крестьянскую и господскую скотину отъ этого бича? Заговорщикъ идетъ въ поле, отыскиваетъ траву или кустъ мордвинникъ, или будакъ, (*carduus spicus*, *C. benedictus*), заходитъ къ нему такъ, чтобы тѣнь на него не пала, говоритъ: «ты трава, Богомъ создана, имя тебѣ мордвинникъ; выведи червей изъ пѣгой, (сѣрой, бурой, черной) яловики или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, съ корнемъ изжену.» Въ лѣоторыхъ мѣстахъ говорятъ просто: «тогда тебѣ податься, когда у гиѣдой кобылы такого — то черви изъ бока (уха, зада и проч.) вывалятся.» Въбѣстѣ съ тѣмъ, привязываютъ верхушку будака пиктой къ колышку и втыкаютъ его въ землю, такъ, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другіе же просто пагибаютъ стебель мордвинника, подтыкая его подъ стебли соседнихъ травъ, такъ, чтобы онъ не могъ самъ собою высвободиться. Дѣло это вообще известно подъ выраженіемъ: заламывать траву. На другой или третій день знахарь идетъ справляться,

вывалились — ли черви у скотины? а на утвердительный отвѣтъ, непременно отыскиваетъ опять свой мордвинникъ и отпускаетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще съ особой поговоркой: «ты мнѣ отслужила, я тебѣ отслужу.» Если этого не сдѣлать, то трава въ другой разъ непослушается; а если, по какому либо случаю, средство не поможеть, то и не должно отпускать мордвина, въ наказаніе за ослушаніе. Если червей мазали дегтемъ, скиндаромъ и проч. то ихъ, по увѣренію знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замѣчательно, что убогий мужикъ, какъ мнѣ случилось видѣть, занимавшійся этимъ ремесломъ, взявшись съ успѣхомъ вывести червей изъ двухъ скотинъ, отказался отъ третьей, потому что рану уже мазали дегтемъ, и шъ за что не соглашается даже на попытку, хотя ему обѣщали значительное для него вознагражденіе.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ пзданіямъ.

Пожаръ въ Квебекѣ. — Борн де С. Венсанъ и Бушарда. — Воздушная почта. — Гипнодромъ въ Парижѣ. — Сюжетъ для водевиля: отецъ, сынъ и дѣва актрисы. — Советъ жемъ. — Венгерскій національный театръ. — Шиллеръ въ Италіи. — Театро Саргано въ Миланѣ. — Еще вынокъ Веберу. — Теорія музыки Мирсенъ. — Гайднъ. — Габсбургъ. — Новая книга.

=

Вы не любите учепости, такъ увѣряютъ насъ противники Иллюстраціи. Мы не вѣримъ, потому что они наши противники; они читаютъ Иллюстрацію, это понятно; они скучаютъ учеными извѣстіями; это еще понятнѣе. Не все же, читатель благосмыслившій, писать для однихъ васъ. Надо позаботиться и о противникахъ. Мы ихъ душевно любимъ; какъ не любить разнообразіа въ природѣ, разнообразіа въ умахъ; нельзя, чтобы въ коллѣ картъ все были черви да бубны; къ чему невозможна притязанія? Противники необходимы. Плохо тому пзданію, которое ихъ не имѣетъ. Но мы любимъ ихъ, и потому хотимъ сообщить, что испудъ и для нихъ интересно. Потому и не позволяйте сердиться, если Странствователь переищетъ свои воспоминанія; къ дѣлу приключитъ и пустяковъ.

*. Впрочемъ, и вы ничего не потеряете. Странствователь въ ученый мѣръ въ эту недѣлю не нашелъ ничего особенно любопытнаго, а что нашелъ у себя, то по принадлежностію передалъ въ Еженедѣльникъ, отѣисніе, которое занимается исключительно отечественнымъ. За границей онъ нашелъ только нѣсколько пожаровъ. Изъ нихъ нѣкоторые замѣчательны, другіе страшны, въ особенности пожаръ въ Квебекѣ, бывшій 26 мая и. ст. Сгорѣло слышкомъ 1600 домовъ; болѣе ста большихъ захватилъ огонь въ больницѣ; всѣ погипли; убытки наглядно исчисляются до 6 и. долларовъ или 7 и. р. сер. Впрочемъ, всѣ замѣчательные пожары случились въ Соединенныхъ Штатахъ. И у огня много бываетъ свойство змидемія.

*. Чужая бѣда пѣетъ только видъ картины, изображающей народное бѣдствіе. Мы упомянули объ этихъ несчастіяхъ для полноты только, такъ какъ считаема обязательною упомянуть, что г. Борн де С. Венсанъ составилъ прекрасное описаніе французской аферки въ антропологическомъ отношеніи, а г. Бушарда замѣчалъ о терпентинѣ. Все это и хорошо и полезно; но вы знаете, почему не хотимъ распространяться объ ученыхъ предметахъ. Вотъ, напримеръ, воздушная почта — каждому

поправится. Нѣкто, потому что изобрѣтатель еще скрывается, глядя на часовую секундную стрѣлку, мысленно продолжилъ ее на значительную длину и былъ мысленно же пораженъ необытною скоростью, съ какою она мысленно же вращалась. Отъ мыслъ онъ перешелъ къ опыту, и чего лучше, онъ положилъ свою мысль на медяничныя крылья и она осуществилась. Тутъ пошли другіе опыты и вычисления, которые привели къ такому заключенію, что можно устроить огромныя мачты, съ желѣзными остріями или лавами, на известномъ пространствѣ; первая мачта въ лапу возьметъ туюкъ съ письмами, мгновенно переброситъ его на двойную длину своего протяженія и вручитъ лавъ другой мачтѣ, а та, повернувшись, третьей и т. д.; и эта почта перенесетъ туюкъ съ быстротою, съ которою ни желѣзная дорога, ни голуби, ничто въ свѣтѣ спорить не можетъ... Много можно сказать противъ этого, но лучше подождать. Изобрѣтатель неспасилъ, что поличилъ такой почты область стоить 25 т. франковъ... Опыты могутъ быть произведены на небольшомъ пространствѣ... Обождемъ. То ли еще увидимъ?

*. Впрочемъ Парижъ теперь не обратилъ на это изобрѣтеніе особеннаго вниманія. Ему некогда теперь писать письма. Дома онъ всхлищаетъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ мальчика Проложко, о которомъ мы уже упоминали, а чуть изъ дому, прямо на Гипнодромъ, гдѣ въ полу, — дрсвенною и полу-картонною Колоссеѣ, прелъ безчисленной публикой, Франкони съ огромной труппой представляеть обожателѣмъ новизны карикатуру старыхъ олимпійскихъ игръ; скачутъ на лошаляхъ, пель догоняютъ оленя, по только въ шутку, чтобы догонять его завтра, послѣ завтра, пока не надобѣтъ Парижанамъ. Лоренцо Франкони ѣздитъ на прерасной колбылицѣ, которую назвали Нормой. Между женщинами этой труппы есть красавицы, а между зрителями есть обожатели женскаго пола. Эти красавицы и выгоды и опасны.

*. Это случилось въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія. Молодой Бельгіецъ прѣхалъ въ Парижъ и страстно влюбился въ очаровательную актрису, дѣвицу Ланджъ. Предложилъ ей руку, но та не рѣшилась выйти за него безъ согласія его отца, а отецъ богатый банкиръ, и слышать не хотѣлъ о такомъ бракѣ, и желая спасти сына отъ погнѣблѣ, явился самъ въ Парижъ. Напрасно усотвѣщивалъ сына; туть былъ влюбленъ. Отецъ отправился къ дѣвицѣ Ланджъ, нахлѣсь упрямствъ ее, чтобы она отказалась отъ брака. Во время жаркаго ихъ разговора, хозяйку невѣстная дѣв. Кандейль, также славная актриса. Отецъ — попался въ свѣтъ въ свою очередь, влюбился по уши въ гостью; и чѣмъ же кончилось? Французскій театръ потерялъ двухъ иррикласенныхъ актрисъ; одна вышла за отца, другая за сына. Послѣдняя жила долго на красивой мызѣ Монгае, которая нынѣ принадлежитъ Скрббу...

*. Скрббъ очень богатъ. И одна дама, недавно, весьма удивилась: «Какъ это Скрббъ до сихъ поръ еще такъ богатъ, хотя и написалъ для театра такъ много?» Собесѣдники удивились такому вопросу; но дама продолжала: «Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ быть ужасно богатъ, если могъ поставить на сцену такую тму пѣснь. Я вадѣюсь, что мой мужъ такъ много писать не стаетъ; наши средства ограничены; мы разоррсимъ, если позволимъ себѣ такую роскошь...» Собесѣдники догадались, мужъ попалъ добрый советъ умной жены, и пересталъ писать для театра, потому что бѣдный успѣхъ его бѣдныхъ произведеній обходился ему очень дорого.

*. Правду сказать, театральная слава слышкомъ соблазнительна; она шумна, народна, особенно во Франціи, гдѣ театръ рѣшительно народный; гдѣ кромѣ италійской оперы и англійскаго театра, на всѣхъ другихъ театрахъ играютъ исключительно произведенія однихъ Французовъ. Полюжимъ, и тамъ зашествованія пѣтъ конца, но у кого занимаютъ Французамъ? у себя, у своихъ предковъ и современниковъ. Въ Англіи театръ имѣетъ еще самобытность. Въ Испаніи и Италіи самобытность давно погибла. Въ Германіи мы не за-

Гаидиъ.

Габенець.

и тѣмъ прѣжней независимости. На сто новыхъ піесъ, разыгранныхъ на разныхъ нѣмецкихъ театрахъ 99 или переводъ, или передѣлка; недавно возникъ еще одинъ національный театр. Посреди Европы зашли, заговорили по-Монгольски! Въ Пестѣ представляются на побольшомъ народномъ театрѣ піесы на мадьярскомъ языкѣ. Восторгаютъ нѣтъ мѣры; но какъ и всякій національный театръ вначалѣ, и Венгерскій представлятъ мало оригинальнаго. Также переводы и передѣлки съ другихъ языковъ; но стремленіе Мадьяровъ принесть свои плоды; и у нихъ будутъ свои писатели, свои актеры; напротивъ, нельзя уже того надѣяться отъ Италіи.

* * Десять лѣтъ тому назадъ кто-бы въ Италіи пошуршалъ, что когда-нибудь тамъ будутъ играть трагедіи Шиллера, нѣтъ оперы Вебера? Въ Пармѣ недавно была представлена трагедія Шиллера «Марія Стюартъ», въ италіанскомъ переводѣ Маффеи, и весьма поправилась.

* * И такъ, Шиллеръ съ нѣмецкой поэзіей уже въ Италіи; можно надѣяться, что и Веберъ съ нѣмецкой музыкой зайдетъ туда же. Когда въ Петербургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ стараются составять оперы пополнить лучшими италіанскими вѣнками, въ то же самое время, въ Миланѣ, гдѣ нѣкогда блистала Паста, Малибранъ и другія знаменитости италіанскаго пѣвческаго міра, поютъ вполголоса со всѣхъ концовъ Европы. Недавно на театрѣ Саваро лавала Линду изъ Шамуни; примадонна была Дилія изъ Берлина, контральто Нѣйка Ро (Rob); — теноръ Траверсъ, — Англичанинъ; баритонъ Бергеръ — изъ Вѣны, а басъ Бренгендеръ изъ Бадена!!! Вотъ вамъ италіанская опера въ Италіи! Послѣ этого должно ждать, что Италія скоро помилблется съ нами не только пѣвцами, но и операми. Особенно Веберъ долженъ обратить на себя вниманіе Заальпійцевъ, потому что въ его операхъ, между нѣмцами, всего больше вѣни.

* * Энтузіазмъ къ достойному композитору еще не заслужилъ совершенно. Можно сказать, на лавкахъ еще музыкальное общество въ Гамбургѣ прислало именитому покойнику — серебряный масивный вѣнецъ съ надписью: Памяти К. М. фонъ Вебера гамбургское музыкальное общество. Этотъ вѣнецъ — вѣнчаетъ теперь маску Вебера.

* * Въ Германіи музыка не прожделася; нѣмецъ, который страстно не любитъ музыки, не нѣмецъ, но что еще удивительнѣе, онъ не можетъ любить ее безотчетно, безсознательно; тамъ простолюдинъ знакомъ съ учебными началами музыки, съ термлинами и элементами сочиненія. Тамъ столько же книгъ о музыкальной теоріи, сколько у насъ музыкальныхъ статей, въ которыхъ замѣтно совершенное незнаніе первыхъ началъ музыки. Тамъ въ народныхъ школахъ учатся этому искусству, и при всѣхъ томъ тѣмъ этихъ теоріи въ непрерывномъ между собою раздорѣнціи. Недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе Маркса, берлинскаго профессора: Практико-Теоретическая школа музыкальной композиціи. Три части. Эта книга обѣщаетъ счастливый переворотъ въ музыкальной схоластикѣ, которую уже многіе ученые преподаватели старались разрушить. Нѣмецкая музыка рѣшительно можетъ быть раздѣлена на двѣ части: на чисто философскую и на схоластическую.

* * Гендель и Гайднъ отцы первой, но преимущественно Гайднъ; десяти лѣтъ онъ уже упражнялся въ шестиголосномъ пѣніи, и въ послѣдствіи говаривалъ: я думалъ тогда, что чѣмъ чернѣе на бумагѣ, тѣмъ лучше музыка. Гайднъ имѣлъ великихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Баха, но они не имѣли обширнаго вліянія на музыку народную; онъ творилъ въ тишинѣ, ихъ слушали, ихъ разыгрывали по угламъ; ораторіи Гайдна раздавались во всѣхъ концахъ Германіи, онъ влился въ тѣло Нѣмца, составилъ часть его крови. Италіанская музыка, господствовавшая тогда повсемѣстно — потеряла пораженіе, которое продолжалось постоянно и всегда съ успѣхомъ до нашихъ временъ.

* * Во Франціи и слушать не хотѣли ни нѣмецкой музыки, ни о нѣмецкой музыкѣ; и тридцать лѣтъ еще нѣтъ, во Франціи смѣлились надъ Бетговекомъ, какъ надъ полумуміемъ. Повѣрите ли, Метюль не почиталъ Бетговева! Распространеніемъ нѣмецкой музыки во Франціи мы обязаны Габенеку; Антонъ Францъ Габенець родомъ изъ Мезіера, по происхожденію нѣмецъ. Случай доставилъ ему, въ 1820 году, мѣсто втораго капельмейстера въ Большой Оперѣ, а въ 1824 году онъ былъ уже директоромъ музыки. Что сдѣлалъ Гайднъ для

Германіи, то Габенець для Франціи. Послѣднему было гораздо труднѣе. Какихъ надо было усилій, чтобы заставить избалованныя уши Французовъ слушать музыку Бетговепа, Моцарта и др. Первые попытки были крайне неудачны; но въ 1824 году, получивъ мѣсто главнаго капельмейстера Большой Оперы, Габенець сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ учредилъ извѣстное парижское концертное общество, которое насильно заставило Французовъ полюбить, если не понять нѣмецкую музыку, повѣрять на слово, что она есть истинная музыка. Заслуги Габенека слишкомъ велики. Онъ имѣлъ рѣшительное и благотворное вліяніе не только на развитіе вкуса, но и на произведеніе всѣхъ парижскихъ композиторовъ, потому что онъ управлялъ и управлялъ оркестромъ Большой Оперы; онъ считается, несправедливо, первымъ капельмейстеромъ въ мірѣ. Должны журналисты какую бы дичь о музыкѣ ни писали, обходиться съ Габенекомъ вѣжливо — вы знаете этихъ продажныхъ журналистовъ; особенно съ нѣкотораго времени они повели длиннй споръ о нѣмецкой музыкѣ; Мейерберъ и Берлиозъ у нихъ вѣнчала, поирачающія Моцарта и Гайдна, а съ ними и всѣ труды Габенека. Нѣмецкіе журналы горячо приняли защиту и Гайдна и Габенека, и мы представили въ короткихъ словахъ заслуги и приложили портреты лицъ, возбуждающихъ нынѣ музыкальные споры. Не худо если бы Французы, включательно съ своими композиторами прочли, могли прочесть Школу Маркса... По это если и случится, то не раньше какъ черезъ сто лѣтъ. — Пока, — у Французовъ своя школа.

* * Четвертый томъ Исторіи Консульства и Имперіи, Тьера, вышелъ въ Парижѣ и объемлетъ событія съ августа 1802 по мартъ мѣсяць 1804 года. — Еще выходитъ Исторія журналовъ и журналистовъ за 1789 — 1796 годъ, Леонарда Галлау. Въ этомъ родѣ можно бы и у насъ составить прѣлюбовитную исторію. Опытъ такой же исторіи германскихъ журналовъ давно уже начатъ, но неизвѣстно почему до нынѣ не конченъ. Изъ того, что уже вышло, въ свое время, мы сообщимъ любопытнѣйшіе отрывки. Изъ ученыхъ книгъ вышли: Исторія насѣкомыхъ, Бланшара, 1 томъ; Словарь Ест. Исторіи д'Орбиньи, VI т. и пока — все.

ЗАКЛАДЪ.

романъ

въ психологическомъ смыслѣ.

(Продолженіе).

глава III.

КУДИМЪ — МОГИЛЬЩИКЪ.

Далеко ушла Россія въ короткое время. То, что вы встрѣтили за тридцать лѣтъ предъ сѣмь, что встрѣтите въ этомъ романѣ, того навѣрно не встрѣтите въ настоящее время, развѣ въ какомъ либо заглохшемъ, забытомъ уголку. Возьмемъ, напримеръ, разбойниковъ. Прежде они какъ лягушки, водились въ разныхъ мѣстахъ; теперь и для романа, чтобы писать съ натуры? ни за какія деньги ихъ не найдете. И другіе типы вывелись или выволакаются совершенно. Но многіе ли знакомы съ нашимъ провинціальнымъ бытомъ? Оттого приходится за-частую, что столичный сатирикъ мѣтитъ въ современниковъ, а понадесть въ предковъ; описываетъ добродѣтели предковъ, которые еще будутъ похожи на нашихъ потомковъ. Богъ имъ судья, этимъ поэтамъ! Провинція великодушно имъ прощаетъ, но стесняясь на столичныхъ читателей, которые вѣрятъ ихъ поэмамъ. Обеспеченность заставила меня объѣхать почти всѣ углы Россіи, быть у Зырянъ, у Киргизовъ, на Байкалѣ и въ Бессарабіи и т. д. Не встрѣчалъ я этихъ пресловутыхъ типовъ, которыми обилуютъ наши сатирическія сочиненія. Негодная приправа, только соль даромъ пропала. Для дѣла того пишу, чтобы возвысить мое сказаніе, а такъ, съ тоски-грусти. Я не сочинилъ, а описываю старину, которой, болѣею частью, былъ очнымъ свидѣтелемъ. Если гдѣ и прибавлю отъ себя, такъ ужъ вѣрно въ пейзажѣ, а отнюдь не въ драмѣ... Мой рассказъ — не сатира, не поэма, а какъ я называлъ его выше: простое сказаніе, безо всякихъ притязаній на авторство, славу... Гдѣ вѣкъ на старости думать о такихъ важныхъ предметахъ? Не только не желаю извѣстности, но только изъ того и бьюсь, чтобы меня сосѣди не узнали. Сей-часъ скажутъ: Э! да это онъ на насъ пишетъ. Скажи я: что у насъ въ городѣ мостовая дурная, сей-часъ закричатъ: это на насъ, на насъ! Скажи: что дамы рдятся любить, глаза строить... на насъ, на насъ! А вотъ не вѣрите, побожусь, что тотъ городъ, гдѣ я живу, совсѣмъ не тотъ, въ которомъ началась

моя исторія. Вотъ вамъ первое доказательство: у насъ кладбище въ самомъ городѣ, а въ томъ оно было далеке за городомъ, верстахъ въ двухъ. Не было на немъ красивыхъ памятниковъ какъ у насъ; дворянъ хоронили въ деревняхъ или на ближайшихъ погостахъ; а на кладбищѣ торчали кресты съ навѣсами, съ выжженными надписями, отъ чего буквы походили на іероглифы; такъ же ихъ читать было трудно. Даромъ что лѣто, а ночь была холодная; могильщикъ Кудимъ ковалъ яму и хо-

лода не чувствовалъ; онъ только заступу своему поддвигивалъ, да покачивалъ. Сосѣдство покойниковъ его не беспокоило. Кудимъ былъ философъ. Чего боялся? Не встанутъ. Ня вѣтеръ, ни кошка, ни другой гость изъ лѣса не обманывалъ Кудима; онъ зналъ вѣтъ, голосъ, и походку каждого. Потому-то онъ вдругъ остановился и оглянулся съ недоувѣрчивостію. Снял шапку, перекрестился и сказалъ въ раздумьѣ: Не приведи Господи, случилось, нечего грѣха таить, случилось... Ничей грѣхъ! Пусть на себя пѣяется, за чѣмъ покойниковъ прикинулся! Да и какъ его узнаешь, въ которой могилѣ... Нетъ! Видно ему круто приходится! Пойти, поближе прислушаться!

Кудимъ не далеко прошелъ. Онъ въ двухъ шагахъ услышалъ стоны навѣсомъ, скорчась, спала тяжкимъ сномъ дѣвушка. Показалась она Кудиму ребенкомъ; поглядѣлъ, посмотрѣлъ, да и давай будить. Съ крикомъ вскочила она съ своего мѣста, хотѣла бѣжать, но Кудимъ плотно держалъ ее за полу грубой душегрѣи. Тутъ только по ро-

сту замѣтилъ онъ, что дѣвушка было добрыхъ шестнадцать лѣтъ.

— Что ты тутъ, матушка, дѣлаешь?

— Спаси и помилуй! закричала она, вырывалась...

— Да куда ты?

— Убей меня, только не веди къ моему злодѣю!

— Да кто же твой злодѣй?

— Баринъ, да ты развѣ не отъ него?..

— Я самъ отъ себя. Ты въ мой огородъ зашла.

Я здѣсь хозяйшья...

Дѣвушка оглянулась и вздрогнула...

— Откуда ты?

— Издалече, дѣвушка! Пробѣжала я много, много верстовъ. Столбамъ и счетъ потеряла. Пятую ночь — провела на кладбищѣ; всего два раза во весь путь по куску хлѣба съѣла...

— Да куда же ты?

— Куда глаза глядятъ! Возьми хоть ты меня въ работницу, только злодѣю моему не выдай.

— Чѣмъ же онъ тебе злодѣй?

— Охъ! дѣвушка! Страсть рассказывать! За кучера своего замужъ меня хотѣлъ выдать; уже я и въ церкви съ урокомъ стояла, да помогъ Богъ, вырвалась, а то бы наскляно обвинили. На другой день страшалъ онъ меня, страшалъ; я отдалась на его волю; онъ и сталъ ласкать меня, повелъ къ себѣ, подаль мнѣ бумагу, и перо всучилъ; я подписала.

— Такъ ты грамотная?

— Учили таки.

— Ну, что же ты, подмахнула?..

— Подписала.

— А что же тамъ написано?

— Не знаю, дѣвушка, только баринъ болно обрадовался; поцѣловалъ меня и говоритъ: Ну, умница, пойдѣ же продѣнься, да ужъ больше соблазну ни какого не дѣлай; слушайся...

— Пошла я, продѣлась, вотъ въ эту душегрѣю, да платокъ на голову; въ окно, да огородомъ, на большую дорогу, а тамъ въ лѣсъ, а тамъ и помянай какъ знали.

— Молодецъ дѣвка! Спасибю! Ну, такъ поидемъ же въ городъ. Тутъ тебѣ не укрыться ни отъ злодѣя, ни отъ погоды. А тамъ, посмотримъ, да поидемъ. Распросимъ у того, кто больше нашего знаетъ...

— А если?..

— Не бойся, городъ не деревня?

Хотя старикъ, опираясь на дубинку, и шелъ весьма тихо, но дѣвушка такъ была испугана, что едва могла переступить по дорогѣ; тѣмъ болѣе, что она была босая, и ноги разъявленные далекии

путешествіемъ. Кое-какъ дотащились онъ до города. Был тогда уже и часовой и гауптвахта на заставѣ. Но внутренняя стража знала Кудина и не обратила вниманія на спутницу. Въ городѣ путь сталъ еще труднѣе, потому что мостовая, хотя и дурная, все таки мостовая. У нѣкоторыхъ домовъ были сдѣланы, какъ тогда говорили, пандусы, т. е. тротуары, но только у нѣкоторыхъ. А большую часть по всей большой улицѣ, около заборовъ, росла трава, лежали кучи кирпича и битого стекла, почему по мостовой идти было и легче и безопаснѣе. Не доходя до губернаторскаго двора, Кудимъ приподрился и сказалъ: Ну, вотъ и наши! Тереха, вставай! на легонько толкнулъ лежащаго по середине улицы мужика. У новой панели лежало еще двое товарищей Терехи. Чуденъ народъ нашъ! На твердыхъ и не ровню уложенныхъ камняхъ, по которымъ и въ саногаяхъ идти больно, — мужички покойно отдыхали послѣ трудной ночной работы. Кудиму не надо было повторять: вставай Тереха! Заслыша чужой голосъ, всѣ трое вскочили. Тереха ухватился за заступы; товарищи за толчучо...

— Что вы это, ребята? Это я, Кудимъ!

— Ты, Кудимъ! Такъ давайте братья спать. А я было подумалъ, что падаю ночью подпало. А ты чего тутъ по ночи таскаешься?

— Причина, Тереха, большая причина... И Кудимъ по своему рассказалъ про страшную встрѣчу.

— Ну, такъ чтожъ, поймавъ бѣглицу, такъ и веди въ полицію.

— Эхъ ты, Тереха! Видишь какой взоръ со сна мешешь! Надо ее успокоить; пусть поотдохнетъ; доброго ей зашптыпка надо прискать; у кого изъ васъ ключъ отъ артези?...
— Уже не въ артези ее, что ли, вести хочешь? Эхъ Кудимъ! Изъ уха выжили! Узнаешь про то Чолаккарпъ Ивановичъ, такъ, будто по мостовой, по нашимъ сплываю прогуляется! Видишь, чужаго держатъ!

— Чужаго! А Савиль то не чужой? Да и кто еще Савиль? Вѣдь не я буду, нечисто что-то.

— Да ты мужской полъ; между работниками замѣшается, и не видно; а дѣвка, что огонь; засвѣтитъ. Ты ее лучше веди въ харчевню. Скажешь подорожня какай, никто не спроситъ...

— Уведи Тереха! Спи съ Богомъ! Поидемъ дитяго! И въ харчевню-то поближе...

Подошли они къ огромному постоялому двору. По срединѣ, окнами на улицу, стоялъ бирскій домъ въ два этажа, деревянный; хотя окна во многихъ мѣстахъ были залеплены бумагой, хотя еще зданіе стояло нѣсколько наклонившись, но все таки видно было, что не сегодѣшная вчера, тутъ господъ жили; къ этому дому по обѣимъ сторонамъ были прибиты два большіе флигеля, самой сельской архитектуры. Въ одномъ была большая изба, для черныхъ гостей; въ другомъ, съ крыльцомъ на улицу, харчевня или также изба столовая, съ тою разницею, что она раздѣлялась огромнымъ прилавкомъ, за которымъ на полкахъ стояло множество бутылокъ и штофовъ, тарелокъ, чашекъ и всякой посуды; былъ тутъ и хрустальный, и зеленые стаканы; были тутъ и серебряный, и оловянный ложки; всѣ висѣли подъ ружьями, ручками внизъ. На прилавкѣ уставлены были пироги, ветчина, коржи, хлѣбъ кругами въ пирамиду; боченокъ съ соевыми рыжиками, въ которыхъ, будто корабль въ архипелагѣ, плавала деревянная ложка. Стѣны были обвѣшены суздальскими гравюрами, вѣдоть отъ скамѣекъ до потолка; на одной изъ нихъ висѣли часы; но не только на диверблатъ, но даже на малютки спали мужи и покойно качались вѣдоть съ временемъ. Когда часы начинали шипѣть, мужи подымались съ постели и съ шумомъ разлетались по темно-освѣщенной залѣ, но выскочила кукучка, пробилъ часъ, будто въ разбитую тарелку, и ученые мужи возвращались на свои постели. Подобно малютку, за прилавкомъ бѣгалъ половой, и подавая гостямъ разнил прелести, по желанію; но какъ только требованія затихали, — половой, такъ сказать, ложился на прилавокъ, утиралъ руками свою короткую бороду и шопотомъ заводилъ бесѣду съ рыжики мужикомъ, который на козлѣ, съзади у самого прилавка въ шашкѣ и куритъ пазъ

коротенькой трубки удлинный табакъ, отъ котораго въ залѣ было еще темнѣе. Кромѣ этого мужика, вдоль стѣны на скамьяхъ спало не мало гостей, да и не могло быть иначе; преля торговое, ярмарка развернулась; нѣмѣ хремани, положивъ руки и голову на столъ, аргіе шумно, третіе тихо бесѣдовали; но въ красномъ углу, гдѣ стояли прочимъ стояла свѣчка, полуштофъ и два оловянная чарки, тамъ видны были почетныя гости; одинъ брился на балабайкѣ, другой въ ахауцкѣ, съ трубкой въ рукахъ, то приплясывалъ въ присядку, то прикурнетъ изъ дешесневаго чубука, то прихлѣбнетъ изъ оловянной чарки.

— Ермолай Никитичъ, обшкеново говоритъ онъ, прикладываясь къ чаркѣ: Дружники! Извольте прихлѣбнуть! Важная модера! Знаете ли, что и въ Питерѣ не во всякомъ погребкѣ такой отпустятъ! Право, отъбѣдайте!

— За нами дѣло не станеть, Павелъ Кузьмичъ! Стукнешь, другъ! Вошь такъ! Гитара-то скверная, а то бы я вамъ заиграю кузнечика...

— Кузнечика?

— Это пляска такая барская! У насъ въ полку барышни пляшутъ...

— Да развѣ у васъ въ полку и барышни служатъ?!

— Нѣтъ, Павелъ Кузьмичъ, ужъ это дѣло извѣстнее, гдѣ полкъ, тамъ и барышни много; со всего околка къ тѣмъ пошлѣнамъ съѣдутся, которые поближе, знаете будто гостить...

— То-то, я думаю, вамъ, Ермолай Никитичъ, дохотно. Вашъ барны чай въ полку первая штука.

— Такъ не послѣдняя... Одна барышня, до того вторилась въ насъ, что гитара намъ подарил. И отъ скуки такъ навострился; то и дѣло дрынъ, дрынъ, по всѣмъ струнамъ, такъ ужъ гулъ такъ поидеть, что, будто въ трубѣ сажа горитъ... Ну, да каковъ ни есть штрүментъ, извольте веселиться...

И Павелъ Кузьмичъ въ ахауцкѣ давай приплясывать. Въ это самое время Кудимъ съ дѣвучкой вошелъ въ харчевню; перекрестился на образа, съ трудомъ отыскала мѣсто и посадила спутницу возлѣ челоука, довольно стараго, въ пономѣ сертукѣ; тотъ не обращалъ никакого вниманія; прислонясь къ растворенному окну, курилъ себѣ коротенькую трубочку и прихлѣбывалъ пиво.

Половой не могъ замѣтить прихода новыхъ гостей, потому что онъ въ самое это время съ надлежащей теплотой подавалъ что-то одному купцу, который, глядя на красный уголь, разгарася молодецкой удалю, и то и дѣло приказывалъ подавать себѣ то то, то другое. За то собѣдникъ полового тотчасъ замѣтилъ появленіе Кудина, тотчасъ сорвалъ съ себя шапку и бросилъ подъ ноги и сказалъ тихо, такъ какъ будто не хотѣлъ, что бы его заслышали: здравствуй, кузь! Кудимъ кивнулъ головою, безъ отвѣта. Какъ только половой вернулся на мѣсто и улегся на прилавокъ, рыжій шепотомъ спросилъ:

— Кого это привелъ Кудимъ?

— Не вижу... Кажись женщину! Что за диковина! Дѣло къ утру; о такой порѣ женщины къ намъ не ходятъ... Знаешь, Савиль, а тебѣ вотъ дамъ свѣчку. Куда не шло. Поставь пѣз передъ носомъ на столъ. Тогда мы разглядимъ. Ужъ если изъ нашего города, такъ сей-часъ узнаемъ...

— Нѣтъ, Поготовокъ, ужъ ты самъ лучше поставь. Тебѣ сподручѣе; ты вѣдь тутъ хозяинъ... Да и знаешь что? выживи ты Кудина отсюда!

— А что?

— Да такъ; не люблю я его дурацкой рожки. Такій святошій глядитъ, а долженъ быть самій такой...

У полового все шло какъ по нотамъ; ловко разбѣжался онъ съ подножомъ; подскокылъ къ оенцелу; заглянулъ въ стаканы; убралъ тарелку, вытеръ полотеникомъ скамейку; — Экая темъ тутъ... сказалъ, будто прр себя, и свѣчка уже стояла передъ дѣвучкой; Тутъ опъ будто нечаянно замѣтилъ Кудина.

— А и ты тутъ? Знаешь съ богатыми покойни-

— И я тутъ, и ты будешь тамъ, откуда я при-

шелъ. Ноготка придется мнѣ ноготкомъ къ мать земай приладить.

— Вашей братья душа не жалуется, «сказалъ нѣскольکو смущенный половой, и воротился на свое мѣсто».

— Намъ душп-то твося и не надобно; копцъ дѣшью, чтобы на похороны больше осталось. А ужъ я труда не пожалѣю; на лишнюю сажень тебѣ ошушу...

— Экой языкъ! Провалюсь онъ окаянный! Пусть себѣ сидитъ... Ну, такъ вотъ вышло, Савиль, хрѣшто, то двою половымъ бытъ, ужъ это правда, что все въ городѣ вѣдаю и знаю; сколько ни есть нижняго жилая въ горбѣ, подваловъ, конюшенъ, кухонь, все ужъ разокъ въ аси у меня перебиваетъ, повывѣтъ, проболтастся, да вотъ что дурно, то я дѣла частный заохатилъ: съ хозяина подарочекъ, а съ полового справку: былъ де тутъ такой?.. Не могъ ли знать! — Врешь, да въ ухо! А сказать опять неслая; потянуть на очную ставку; въ разѣ, подавалъ я чужое дѣло, а потомъ и каялся. Только слушай, Савиль, ужъ лисзую, откуда онъ такую красотку взялъ... Вотъ, гляди, теперь она рыло повернула...

Савиль задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поспѣшно отвернулся. Отъ полового не скрылось это движеніе.

— Что ты это, Савиль? видно занюбушка, али на нее походитъ?

— Снахвастъ!... отвѣчалъ Савиль, стараясь ослабить рыжій языкъ свой.

— То-то и есть!

— Выживи ихъ отсюда Ноготокъ, не то поессоримся...

— Дай, нанятаюсь... И Ноготокъ схватилъ подносъ, и бросился въ красный уголь... Что, господа, модеры-то не прикажете ли?

— Подавай!

— Али можетъ донскаго! Вотъ бы вамъ, такимъ бравымъ кавалерамъ, красотку поподачивать...

— Гдѣ она, давай се сюда!...

Половой исчезъ, а Павлуха въ разгудъ бросился прямо къ дѣвучкѣ, схватилъ ее за руку, та вскрикнула; но въ то же время Кудимъ закричалъ: «не замая!» и оттолкнулъ Павлуху...

— Ай да Кудимъ! заревѣлъ Савиль своимъ страшнымъ голосомъ. Не посмотрѣвъ, что кавалеръ Даромъ, что могильщикъ, а у него держуло востро. — Это было сказано почти въ дверяхъ; съ этими словами Савиль пропалъ, по слова не пропалъ. Павлуха взбѣлесал. Другъ его обидѣлся и выступилъ на поле битвы; гости, видя грозу, схватились за шапки и разбѣжались; одинъ только старичекъ, въ пономѣ сертукѣ, продолжалъ курить табакъ и прихлѣбывать пиво; онъ попрежнему не обращалъ никакого вниманія на окружающіхъ. Павлуха началъ первый, но Кудимъ ловко выхватилъ черешневый чубукъ, разломалъ о козлю и бросилъ на полъ.

— Разбойникъ! Какъ ты смѣлъ позвать барскій чубукъ?

— Вотъ только сунься, я тебя самого позломаю...

— Ахъ ты червь кладбищенскій! Ты смѣешь этакъ съ нашимъ братомъ тягаться...

Бранный мира Ермолай Никитича также разлетѣлся въ дребезги.

Безоружные отступили.

— Павелъ Кузьмичъ! Такъ ты этакъ...

— Ермолай Никитичъ! Вѣдь ты военный, ты ступай впередъ!

— Кудимъ! закричалъ половой, вбѣгая: что ты тутъ араку затѣвашь? Ступай себѣ съ Богомъ!

— Вошь! вошь!

И всѣ трое, схвативъ Кудина, стали выталкивать его изъ харчевни.

— Не трогать! громовымъ голосомъ сказалъ старикъ въ сертукѣ.

— Не твоѣ дѣло!... кричалъ половой: Пусть шума не заводитъ...

— Проще, мерзавцы! — И половой отлетѣлъ далече, по другіе два продолжали свое дѣло... Тузли и толкали бѣднаго Кудина...

— Поля!...

— Ермолай! раздалось в противоположных дверях.
— Чего изволите! закричали оба в один голос, отскочив от Кудима...
(Продолжение будет).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Приходо-расходная роспись С. Петербурга на 1845 г.
— Садъ въ Петербургъ. — Землетрясенія въ Ахалцыхъ.
— Пожаръ въ Луцкѣ. — Пожаръ въ Троицкосавскѣ. — Саранча. — Секреть для ошведовъ. — Штурманъ Н. Кузнецовъ. — Сабань въ Казани. — Лисной Сюаръ. — Сто. Интериторовъ.

Глядя на величественный Петербургъ съ пса-вскаго купола, или другаго возвышеннаго мѣста, невольно подумаешь: чего стоила эта великолѣпная громада, построенная во сто сорокъ два года? чего стоитъ она каждый годъ? Обнаро-дованная нынѣ приходо-расходная роспись С. Петербурга на 1845-й годъ представляетъ только одинъ собственно городскіе расходы и эти прости-раются на 1,715, 609 р. (*) Изъ этой же росписи узнали мы, что ветхій, неудобный домъ, въ коемъ помѣщалось общее полицейское управленіе, въ Большой Морской, замѣняется новымъ, устроител пересылочная тюрьма и всѣ сѣзжкіе дома строятся, согласно настоящимъ требованіямъ. — Это придаетъ много красоты городу, въ особенности, если казанчамъ сообщена будетъ другая, болѣе благообразная форма.

*. Теперь Петербургъ, можно сказать, достигъ необходимой полноты; исчезли многіе пустыри, которые паводили на проходящія уличіе. Пустынная липы, въ которую, такъ сказать, уходила Пса-вская Площадь, теперь оживилась краси-вымъ бульваромъ; пустота пропала; дикія мѣста, примыкавшія къ Тучкову Мосту — обратились въ красивый парк, который, когда разостется, бу-детъ однимъ изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ для лѣт-ней прогулки; кто не помнитъ симіонювскаго театра? На его мѣстѣ теперь красивый скверъ; на биржевой площади, на мѣстѣ, гдѣ стояла будка съ глобусомъ, также скверъ; липы университетскаго здания опушена садомъ; разведеніе деревъ внутри города не сомнительно подѣлствуетъ благодатию

на состояніе нашей атмосферы; освѣжить воздухъ кромѣ того, что доставитъ каждому возможность близкой пріятной прогулки. Огромный пустырь, покрывавшій все пространство, окружавшее съ суши Петропавловскую Крѣпость — теперь красивый, даже роскошный парк... И давно ли этотъ паркъ такъ счастливо раскинулся. Глядя на него, думаешь, не примѣнена ли къ этимъ скороспѣлымъ дере-вьямъ яновал тайна Дагерра. Этотъ паркъ едва ли не больше всѣхъ другихъ пополнилъ Петер-бургъ. Остается желать, чтобы липное шоссе, простигающееся вдоль липса, обстроилось; чтобы вмѣсто этихъ монотонныхъ заборовъ, въ два ряда встали красивые дома. Тутъ еще не мѣсто лачъ, тутъ городъ, старый городъ, первоначальная сто-лица Имперіи.

*. Какъ люди, такъ и дома; одни встаютъ дру-гіе разрушаются. Die Elementarhassen das Gebild der Menschenhand, говоритъ Шиллеръ. Не вода, такъ огонь; не буря, такъ подземное пламя волнуется землю, стращаетъ съ ея творенія руки человѣка. Въ полопнѣйшій мѣлъ въ Ахалцыхѣ три сильные под-земные удара потрясли городъ, но земля не усту-пила и вредъ отъ этого землетрясенія ограничи-лся только трещинами въ некоторыхъ домахъ.

*. Вы пробѣжали когда либо черезъ Луцкъ? — Его уже нѣтъ, почти нѣтъ. Лучшая часть города, или лучше сказать самый городъ, 17 мѣл горѣлъ; остался предмѣстіе и то потому, что рѣка не про-пустила огня на другую сторону. Убытки оцѣнены въ 180 т. р. с.; но за то въ этомъ значительномъ пожарѣ не погибъ ни единый человѣкъ. Уже и это утѣшительно.

*. Курить табакъ теперь уже не считается ни дѣломъ постыднымъ, ни вреднымъ; первое мо-жетъ быть справедливо, но второе — едва ли. Со-считайте сколько было пожаровъ отъ трубки? И почему? Табакъ почитается принадлежностью старшаго возраста, и потому составляетъ пред-метъ соблазна для недорослей. Если кто ищетъ вино, курить табакъ и влюбленъ, тотъ почитаетъ себя взрослымъ; а какъ недорослю все это запре-щается, то онъ утѣшаетъ свое самолюбіе въ тай-нѣ, онъ тайкомъ взрослый человѣкъ. Такъ сынъ одного крестьянина захотѣлъ быть взрослымъ; гдѣ же? на китайской границѣ, въ Иркутской Гу-берніи, въ Троицкосавскѣ. Пошелъ онъ на стѣно-малъ и давай тайкомъ жечь табакъ, но зажегъ стѣно и цѣлый городъ. На этотъ случай всегда гдѣ нибудь за угломъ сидитъ буря, и на первый замахъ, огонь снѣхитъ страшнаго союзница; въ одно мгновеніе охватило пожаромъ болѣе двана-дцати домовъ; пожарные инструменты сгорѣли; всѣ дѣлствія къ потушенію огня оказались безуспѣ-шными; жители потеряли бодрость и въ ужасѣ бѣ-жали въ ближайшія горы! Большая часть Троиц-косавска сгорѣла въ продолженіи двѣнадцати ча-совъ; остатки спасъ вынажившіи ночью снѣгъ, но огонь продолжалъ гнѣть еще несколько дней. Убытки оцѣнены болѣе чѣмъ на миллионъ рублей сер. При этомъ случаѣ замѣчательно участіе Китай-цевъ! Они прислали къ бѣдствующимъ 30 лошадей съ людьми и бочками. Кяхтинское купечество не осталось въ долгу. Оно послало въ Майнхеймъ 20 половниковъ сукна, а на погорѣлыхъ, но подинокъ, собрало 27 т. р. асс.

*. Саранчиной разѣ не лучше пожара? Отъ несл отдѣлаться труднѣе, чѣмъ отъ пожара. Недавно она перенутила всю Алжирію, и заняла париж-скую публичку на цѣлые два часа. Мы на нее не обращаемъ особеннаго вниманія, потому что въ Петербургъ она летѣтъ въ за что не захочетъ. По за то полуденныя наши провинціи во многихъ мѣстахъ очень не жалуются. Она появилась въ этомъ году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи Екатеринбургской, Таврической, Астраханской, и областей Кавказской и Каспійской. Саранча — названіе еяшкомъ общее. Она не вездѣ одна и та же. Много родовъ саранчи: *Acridum italicum*, *gryllus vastator stevenii* и другіе! Акриды извѣстны и въ священной писаніи; Саранча бываетъ рѣшай и конная. Она не лучше другой; но теперь она на-шла себѣ еще такихъ же пророчаровъ, союзни-ковъ. Это какіе-то неснѣрые жуки; которые по-стребляютъ хлѣбъ на полѣхъ чуть не хуже сара-нчи. Начиная этихъ вредныхъ насѣкомыхъ появи-

лись въ Каспійской Области; но, кажется, истре-бленіе ихъ идетъ удачно.

*. Насѣкомыя вообще играютъ въ нашемъ міро-зданіи роль, которую едва ли ученые натуралисты когда либо раскроютъ и опредѣлятъ съ точно-стію. Гдѣ ихъ нѣтъ? Уже, кажется, зачѣмъ нѣтъ быть въ глазахъ человѣка, а есть, живутъ тамъ отъ сотворенія міра. Сколько насѣкомыхъ наглатоаея мы ежедневно, а думаемъ, что лишній чистымъ воздухомъ; сколько болѣзней производятъ она и въ человѣкѣ и въ другихъ животныхъ; изъ по-слѣднихъ пуше всѣхъ на нихъ жалуются овцы; есть мошка, которая — прямой ядъ для овецъ. Кстати объ овцахъ. Почтенный овецъ-водъ, г. Арта-шевскій подмѣтилъ въ природѣ весьма замѣчатель-ную тайну и безкорыстно открылъ ее для всеоб-щаго свѣденія. Какъ узнать, которая овца пере-живетъ зиму, которая пропадетъ? Г. Арташевскій предлагаетъ для того слѣдующій способъ. Из-вольте насыпать конопляной ячкны въ корытце и поподчивать каждую овцу особо. Которая рѣ-шилась прожить наступающую зиму — охотно ѣтъ эту мѣлкую; тѣ же, которая не станеть се ѣсть, носить, уже съ собою смерть и зимой умереть не-прямѣнно. Извольте съ пего поступить какъ уго-но; но на зиму не оставяйте.

*. Въ каждомъ безкорытномъ поступкѣ, какого бы онъ рода ни былъ, всегда есть поэзія; извѣстіе о немъ читается съ удовольствіемъ и возбуждаетъ поэтическое чувство. Напримѣръ, не пріятно ли вамъ будетъ узнать, что штурманъ астраханскаго дорта Пилъ Кузнецовъ предлагаетъ обучать пу-тешественію всѣхъ людолюбовъ, ходящихъ по Кас-пійскому Морю, а вознагражденіе за труды свои приносить на учрежденіе женскаго дѣтскаго пріюта въ Астрахань. Два добрыхъ дѣла вдуру! На Каспійскомъ Морѣ не мало судовъ, въ особенности рыболовныхъ; людолюды на нихъ, болѣею частію самоучки; ходятъ себѣ и не знаютъ гдѣ ходятъ; этого-то часто заходятъ въ рѣчки вѣднныя; отсюда ссоры, тѣжбы, раздореніе; а еслибы они были знакомы съ путешественіемъ, таковыхъ бы бѣ-дствіи не оказалось. Само собою разумется, что профессоръ беретъ преподавать только грамот-нымъ и обязываетъ обучить каждого удовлетво-рительно въ мѣсяцъ! — Делотъ и наградъ Богъ!

*. Два путешествія въ Астрахань, въ отла-женной землѣ, познакомились, разговорились. Ко-гда вы ѣдете дальше, спросить, одинъ.

— Завтра, а вы? — Нѣтъ, остаюсь прожить здѣсь только три мѣсяца.

— Три мѣсяца? А давно вы ѣдете? — Уже де-вать мѣсяцевъ! — Что же вы ѣдете такъ долго въ этой неспѣшной землѣ? — Я живу здѣсь нѣ-колько годъ потому только, что страна эта мало из-вѣстна. Наблюдатели наши пробуютъ въ нѣсколь-ко большой дорогахъ оцѣнивають свое путеше-ствіе. Нѣтъ, проживите годъ и, непременно годъ, и больше ни меньше; въ годъ вы непремѣнно увидите всѣ народныя праздники, всѣ обряды, всѣ обычаи, рѣшишь все; у человѣка, на какой бы онъ ни былъ степени образованія, вся жизнь про-должается только одинъ годъ; въ одинъ сутки вы узнаете только какъ располоааетъ этотъ чело-вѣкъ только однимъ сутками, въ годъ вы узнаете какъ онъ живетъ всѣ годы своей жизни. путеше-ственникъ правъ. Вы пріѣхали, напримѣръ, въ Ка-зань 16 іюня, а уехали на слѣдующій годъ, положивъ, 30 мая, вы совершенно познакомились съ Казанью, вы невидѣли Сабань. — Сабань — симво-лическій древній праздникъ Казанскихъ Магоме-танъ; сабань означаетъ по-Татарски соху или плугъ; сабань — праздникъ полевыхъ работъ. Въ этомъ гу-ду, онъ начался 8 іюня, и продолжался ровно не-дѣлю. Герольды, размахивая красными платками, бѣ-гаютъ по улицѣ и кричатъ: Сабань, Сабань! И Тата-ры каждый вечеръ ѣздитъ за четыре версты отъ города въ красивую долину, окруженную холмами; тамъ начинается борьба, а въ заключеніе скачка. Лучшій — прпзъ, выталаевал рубашка, второй — кусокъ китайки и т. д.; Поодаль — кибитки и па-латки съ женщинами и самоварами. Прежде сабань праздновался великолѣпно на Арскомъ полѣ; но оно застроено. Нѣкоторыя игры, употреблявшіяся на этомъ праздникѣ, вышли изъ употребленія; жалъ будеть, если и сажъ сабань исчезнетъ. Въ

*) Главныя статьи расхода суть:

А. Текущіе расходы.	
I. Уплата долговъ	46,002 р. 56¼ к.
II. Содержаніе мѣстъ: лицъ городского управленія	625,432—24¼
III. Ихъ помѣщеніе, а также содержаніе городскихъ заведеній и заведеній	90,604—74¼
IV. Паружное благоустройство	295,789—36.
V. Содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній	203,507—52½
VI. Помѣщеніе войскъ	208,495—55.
VII. Пособія постороннимъ въ-домствамъ	108,524—10.
VIII. Мелочныя и непредвидѣ-ныя издержки	15,000—
В. Расходы единовременныя.	
I. Новыя постройки и со-оруженія	82,631—8.
II. Разные предметы	37,532—
Всего 1,713,609 р. 17¼	

Главныя статьи дохода суть:

Текущіе доходы.	
I. Съ городскихъ обще-ственныхъ имуществъ	133,921 р. 33¼ к.
II. Прямые налоги на на-дѣльцевъ недвижимой собственности въ городѣ, и на другихъ осѣдлыхъ обывателей столицы	639,596—8.
III. Прямые налоги на про-мышленниковъ разнаго рода	532,440—38¼
IV. Налоги косвенныя	132,955—78.
V. Доходы вспомогатель-ныя	265,506—88.
VI. Доходы случайныя	41,233—88¼
Всего 1,715,654 р. 3¼ к.	

борьбъ не много проку; но скачки всегда полезны.

Литература... Есть новость, хотя и не совсем литературная, но достойная полного и внимательного внимания. Это — Еженедельный Словарь, составленный в Департаментъ Корабельныхъ Дѣловъ. Три части съ рисунками. Эта важная часть общественаго хозяйства въ другихъ государствахъ давно уже обратила на себя особенное вниманіе правительствъ и племъ ученыхъ и заботливыхъ трудовъ уже оказываются. Лѣсная литература, особенно въ Германіи, весьма обширна. Но каждой части лѣсоводства можно указать на нѣсколько превосходныхъ книгъ. Лѣсная литература, особенно въ Германіи, весьма обширна. Но каждой части лѣсоводства можно указать на нѣсколько превосходныхъ книгъ. Лѣсная литература, особенно въ Германіи, весьма обширна. Но каждой части лѣсоводства можно указать на нѣсколько превосходныхъ книгъ.

всёкое время подобная книга была бы явленіемъ замѣчательнымъ; въ настоящее — это драгоценный кладъ для любителей русской словесности.

ПЕРЕПИСКА.

К. С. — Мы получили ваше странное письмо. Хорошо ли, худо ли вы поступали, дѣйствуя во вредъ Иллюстраціи, судить не намъ; но слава хороша сделала, что, движимые раскаяніемъ, рѣшились признаться, и извиниться. Право не стоило. Къ Фонтенелю пришелъ одинъ писатель и просилъ извиненія, что онъ писалъ противъ него. «Ну ждали?» спросилъ Фонтенель: «И объ этомъ отъ васъ отъ первого слышу...» Увѣряю, что мы не знали и ничего не слышали о вашихъ сатирическихъ статьяхъ и желаемъ забыть въ томъ же невѣдѣніи.

Д. М. Арбузь похожъ на тыкву, но тыква не арбузь. Sapiens Sat.

О. П. Нельзя сказать, что ты жуешь, въ другъ лая и прощ. (Старый пѣснь.)

Д-чу. Трудно вамъ отвѣчать. Есть случаи, когда одной доброй воли мало. Надо еще и другихъ вспомогательныхъ орудій. Романъ вашъ намъ нравится, но погодите, пока при Иллюстраціи будутъ издаваться прибавленія въ 50 печатныхъ листовъ каждое.

Многимъ. Иллюстрація съ удовольствіемъ готова помышлять присылаемыя загадки, если дозволено будетъ имъ нѣсколько передѣлывать.

Также многимъ. На загадки шахматныхъ задачъ отвѣчать нѣтъ никакой возможности. Мѣста занять много, а между тѣмъ задача уже разрѣшена.

И Г Р Ы.

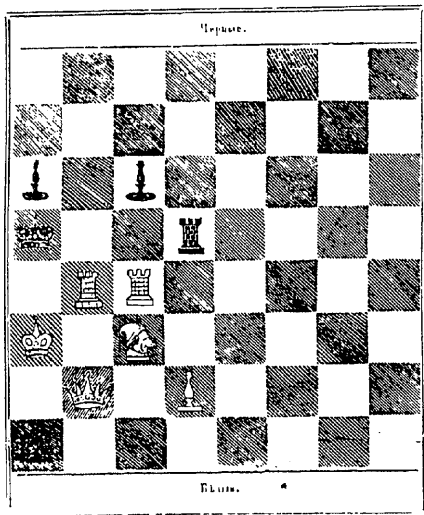
ША Х М А Т Ы.

Разрѣшеніе Задачи. № 15.

- 1) Ф. на 8 м. ст. Король, лѣвой рукой Слово.
2) Кор. на 1 м. К. ст. П. 1. ж.
3) Кор. на 1 м. К. ст. П. 1. ж.
4) Кор. на 1 м. К. ст. П. 1. ж.
5) Лѣва на 1 м. ст. Кор. на 2 м. К. ст.
6) Ф. на 6 м. К. ст. Кор. на 1 м. К. ст.
7) Ф. на 6 м. К. ст. Ст. на 2 м. К. ст.
8) Ст. на 1 м. К. Кор. Ст. прибавленія коня Ф. и ж.

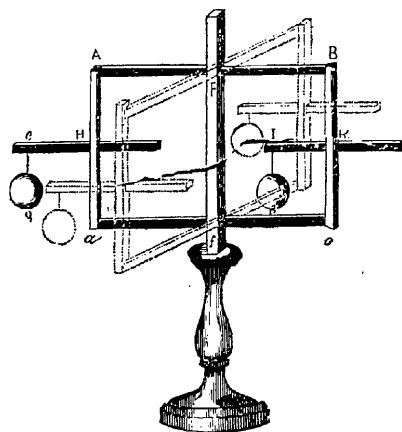
ЗА Д А Ч А № 16.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ не въ одинъ, а въ пять ходовъ и непременно вѣшкой.

Разрѣшеніе Задачи № III.

Возьмите параллелограммъ АВоа, составленный изъ четырехъ деревянныхъ линѣекъ, изъ концы двѣ параллельныя между собою равны. Линѣйки эти въ пунктахъ соединены связкою шарнирами, отчего и могутъ измѣнять видъ параллелограмма, передвигаясь. Длиннѣйшія линѣйки АВ и аа укрѣпите на вертикальномъ стержнѣ, но такъ, чтобы онѣ могли двигаться, какъ коромысло въ вѣсахъ. Въ серединѣ обѣихъ меньшихъ линѣекъ укрѣпите линѣйки СП. и КК. перпендикулярно къ Аа и Во. На какой бы точкѣ этихъ линѣекъ СП. и КК. вы ни повѣсили тяжести Q Р, равновѣсіе всегда сохранится. Если бы вы измѣнили положеніе параллелограмма, на примѣръ, такъ какъ означено точками, равновѣсіе не нарушится, лишь бы только всѣ въ обѣихъ тяжестихъ были совершенно одинаковы.

Этотъ аппаратъ, извѣстный подъ именемъ вѣсовъ Робервалья, съ перваго взгляда представляетъ роль механическаго парадокса, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вы тотчасъ замѣтите, что въ этой машинкѣ все согласно съ строгими законами статики; ниаче не могло бы имѣть мѣста и самое явленіе.

РАЗГАДКА № 15.

- 1) Не на м-ноги-хъ, — лежить печать, Да — роль — анія.
2) Не на многихъ лежить печать дарованія.

ЗАГАДКА № 16.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

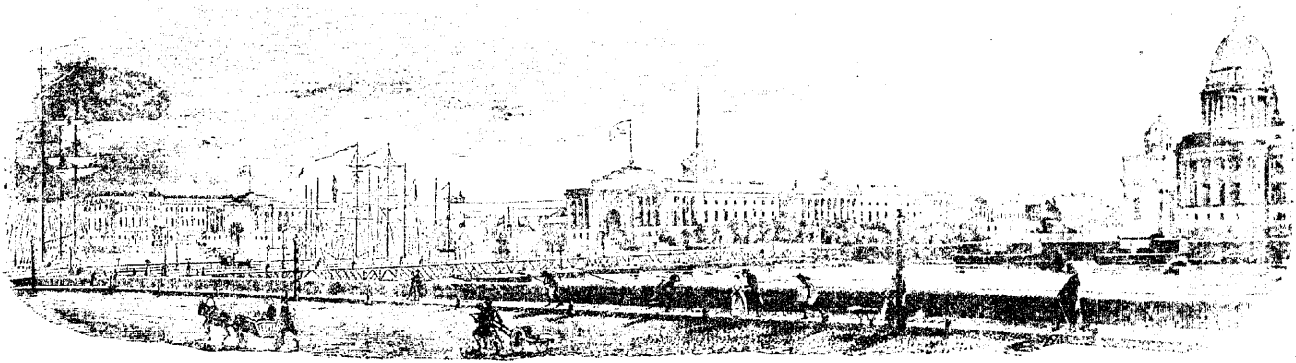
Въ № 15 вкрались двѣ важныя опечатки въ отдѣленіи Русскій Словарь, подъ No. 69 напечатано оаз и носъ, просимъ читать — оаз и носъ. 86. Напечатано монаха — пр. ч. — мукуха.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Безумная, разсказъ П. Р. Фурманна. 2) Кіевъ разсказъ Воатара, продолженіе. 3) Джиннъ Линдъ въ Стокгольмѣ. 4) Узлы. 5) О повѣрлахъ Суеврѣяхъ и предразсудкахъ русскаго народа В. Луговскаго. 5) Странствователь по чужимъ изданіямъ (14. ст.) Закладъ Романъ (глава III.) 8) Еженедельникъ (11 ст.) 9) Переписка. 10) Игры. ГРАВЮРЫ: 1) Внутренность двора въ домѣ уланскихъ. Съ картины Каульбаха. 2) Мастерская въ Бисертѣ. 3) Видъ новыхъ домиковъ и галлерей въ Бисертѣ. 4) Колодезь въ Бисертѣ. 5) Королевскій Дворецъ въ Стокгольмѣ. 6) Узлы. (5 гр.) 8) Гаидль. 9) Габсбекъ. 10—12 гравюры къ роману Заклада. 15) Въсн. 14) Шахматы. Всего 18 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВОСГО ПОЛЕЗНАГО И ЦЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. и пересылкою: На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. Т. II. № 17. — Суббота, 23 Июля 1843. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою: На 5 мѣсяца 5 р. сер.

БЕЗУМНАЯ.

(Продолженіе.)

Послѣдствіе М. А. Я—ву.

IV.

Никто не замѣтилъ бѣгства маркиза.

Скорыми шагами пошелъ онъ по узкой алѣйкѣ, отоидя на довольно далекое разстояніе, остановился и сталъ прислушиваться. Все было тихо, только птички, перелетая съ вѣтки на вѣтку, шобетали, да вдаль слышались унылые звуки колокола.

— Это часъ гулянья, проговорилъ про себя маркизъ, вѣхнувъ изъ глубины души; еще разъ осторожно оглянувшись, онъ бросился въ кусты и почти ползкомъ сталъ пробираться между ними, останавливаясь по временамъ и прислушиваясь къ магійшему шуму. Онъ пробирался по тому направленію, откуда слышался зовъ, становившіяся болѣе и болѣе явственными. Вдругъ колоколь замолкъ... долго еще разносилось въ воздухѣ дребезжаніе послѣдняго удара, походившее на протяжный, жалобный стохъ... въ то же мгновеніе маркизъ услышалъ чьи-то шаги; онъ скрылся въ кустѣ и притаилъ дыханіе. Мимо его прошелъ медленнымъ шагомъ какой-то старикъ. Осматриваясь по сторонамъ, старикъ замѣтилъ, что нѣкоторые кусты въ мѣстахъ, по которымъ только что прошелъ маркизъ, были поматы; онъ наклонился къ нимъ... сердце маркиза, бывшего въ двухъ шагахъ, сильно забилось... Старикъ посмотрѣлъ на измятые кусты, покачалъ головой и проворчалъ:

— Пора смѣнить Жанъ-Пьера, онъ ни зачѣмъ не смотритъ!—и пошелъ далѣе.

Маркизъ вздохнулъ свободно и, минутой спуста, очутился возлѣ домика, имѣвшаго видъ странной готической часовни. Тамъ ему, для продолженія пути, надобно было перебраться черезъ широкую аллею. Счастье помогло ему и въ этомъ случаѣ. Одинъ старикъ шелъ по алѣйкѣ, обратившись спиною

въ ту сторону, въ которой находился нашъ молодой человекъ. Однимъ скачкомъ и не будучи никѣмъ замѣченъ, онъ очутился въ противоположныхъ кустахъ и продолжалъ пробираться между ними.

Вдругъ маркизъ остановился... лицо его прояснѣло... Слухъ его былъ пораженъ тихою, пѣбною музыкою. Нѣсколько приятныхъ, звучныхъ голосовъ, гармонически спласьсь, сълалъ церковный гимнъ, съ аккомпанементомъ фортепьяно. Странное, невыразимое впечатлѣніе произвелъ на маркиза этотъ необыкновенный и неожиданный концертъ!... Онъ опутился на траву; лоната вынала изъ рукъ его и, закрывъ лицо, онъ какъ бы погрузился въ мечты... вѣкоръ изъ подъ рукъ его, закрывавшихъ лицо, на траву упали двѣ слезинки, подобныя каплямъ росы...

Пѣніе прекратилось... чудные голоса умолкли... а маркизъ все еще слушалъ и слушалъ... Послѣ минутнаго молчанія, опять зазвучали клавиши фортепьяно; некусые пальцы бѣгло и съ живостію коснулись до нихъ и вѣлѣдъ за трогательнымъ, чуднымъ гимномъ, уносившимъ слушателя далеко, далеко отъ земли, раздалась блистательная увертюра. Казалось, пальцы игравшей съ судорожною живостію пробѣгали по клавишамъ, которыя то дребезжали, стонали, рыдали, изнемогая подъ страстными, пламенными звуками, извлекаемыми ими, то умирли въ воздухѣ, подобно вздохамъ, то съ энергическою, торжественною силою и полнотою гремѣли, какъ бы возгласъ побѣды!..

Маркизъ находился возлѣ длиннаго двухъэтажнаго строения. Окно, возлѣ котораго онъ лежалъ, было спутри закрыто бѣлой кисейной занавѣской. Когда раздался звукъ увертюры, маркизъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ невыразимомъ боязнію. Казалось звуки эти были ему знакомы... Глаза маркиза постепенно оживлялись или, лучше сказать, разгорались внутреннимъ огнемъ; щеки его по рыли въ яркой краской... Онъ невольно всталъ и, забывъ осторожность, забывъ даже

гдѣ находился, заглянулъ въ окно, чтобы видѣть правую; но, мы уже сказали, что окно было завѣшено занавѣскою.

Между тѣмъ, послѣ громкаго перехода, мотиль увертюры измѣнился... Шриазва съ какою-то пламенномъ лабвемъ стала фантазировать... и пальцы ея стали извѣщать дикіе аккорды, парьика смягчаемые отрывками изъ нѣкоторыхъ романсовъ и извѣстныхъ арій. Это странное смѣшеніе было такъ дико, такъ чудно, что, производило неприятное впечатлѣніе на слушателей, болѣе и болѣе увлекало правую... и вѣкоръ дикіе звуки, напоминая извѣстную ласую бѣра, огласили воздухъ...

— Довольно! довольно!.. вѣкоръской голось въ комитѣ.

— Довольно!.. повторили за нимъ ко умоляющихъ голосовъ.

Поигравшая ничего не слышала, но волнамъ морекнямъ, разбивающимъ скалу, широкіе аккорды рлисъ въ тысячу фюртуръ и варіантъ, раздражавшихъ слухъ!.. И раздался страшный, неправый по клавишамъ... Казалось, вѣ струвались... раздался громкій крикъ и ло молчаніе, если можно назвать это состояніе воздуха, когда волнованіе его, слышнню увеличилось, вѣ бы волнъ послѣ сильной бурь...

Нѣсколько минутъ спуста, дверь изъ домика отворилась. Изъ него вышли нѣсколько женщинъ и дѣвочекъ. Двѣ изъ нихъ вели подругу или одну изъ своихъ подругъ, машинально и редвѣгашую ногу. То была молодая дѣвушка лѣтъ осемнадцати.

Не смотря на слѣды, оставленные на лицѣ ея горестями и страданіями, она была предельно. Глаза ея были опущены, изъ уголковъ черныхъ рѣсницъ медленно котились слезы по мертвенно-блѣднымъ щекамъ; губы слегка шевелились или грустно улыбались, выставя на показъ два ряда зубовъ бѣлыхъ, какъ слоноваго. Изъ подъ платка, повязывающаго голову и нѣсколько свер-

а бокъ, вырывался густью, кудри темнорусыхъ волосъ. На платье светло-пестротканное цвѣтъ, длиннѣйшій снѣговъ и вѣтчатый платочекъ, закрывавшій плечи и грудь. Таковы были и костюмъ подружки ея.

Последнѣе вышли изъ дому двѣ дамы, въ черныхъ, шелковыхъ платьяхъ, и мужчина.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, говоритъ мужчина, обращаясь къ дамамъ;— сильное погрѣшеніе... общее разслабленіе... могутъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія... Это кризисъ!.. Сегодня дать ей полную свободу, а завтра...

Мужчина продолжалъ говорить, съ жаромъ размахивая руками, но маркизъ не могъ болѣе разслабить словъ его. Онъ стоялъ за угломъ дома, а потому никто не замѣтилъ его.

— Завтра!.. повторилъ онъ, съ насмѣшливой улыбкой и опять скрылся въ кустахъ.

v.

Въ Сальстриерѣ, возлѣ главнаго зданія, состоящая изъ небольшихъ домиковъ, соединенныхъ крытой колоннадой, находится рядъ такъ называемыхъ швейцарскихъ жилищъ, назначенныхъ для болѣе безпокойныхъ безумныхъ. Въ каждой изъ этихъ жилищъ помѣщается одна несчастная; отдѣльно отъ другихъ.

Швейцарскія жилища эти имѣютъ множество неудобствъ; во-первыхъ, большой выемъ и фронтонъ, пелмѣющей рѣшчаткой цѣли, бросаетъ постоянно тѣни и, не допуская къ нимъ солнечнаго свѣта, сохраняетъ вредную сырость, отъ греются стѣны и отпадаетъ штукатурка; кромѣ того, къ умноженію сырости и то, что онѣ построены въ низменнѣйшій и полъ ихъ отстоитъ отъ земли упени. Одно окно, снабженное желѣзною решеткой, бросаетъ скудный свѣтъ, мрачную, сырую и холодную атмосферу.

Въ этихъ жилищахъ, разсказаннаго нами, некоторые изъ безумныхъ удалялись спать. Блѣдная молодая дѣвушка, мы упомянули, пришла въ себя, очнувшись изъ состояніи тихаго, мрачнаго безумія. Она села на стулѣ у своей кровати и задумалась. Противъ нея, на противоположной стѣнѣ, сидѣла другая несчастливая, изрѣдка произносящая отрывистыя, несвязныя слова. Въ вѣскопкахъ нагахъ, близъ софиднейшій, еще одна безумная, уперевъ руки въ бока, наивѣвала какую-то простонародную пѣсню и приплясывала. Вдали прохаживалась еще нѣсколько женщинъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія, молодая дѣвушка приподняла голову, улыбуясь и всматриваясь на подружку, сидѣвшую противъ нея. Взоры ихъ встрѣтились и онѣ молча и пристально смотрѣли нѣсколько секундъ одна на другую. Потомъ молодая дѣвушка очаровательно улыбуясь, кивнула головой и сбѣжала звякъ своей софидней, чтобы она подошла къ ней.

— Маргарита!.. произнесла она тихимъ голосомъ, — подойди ко мнѣ!..

Маргарита встала, подошла къ молодой дѣвушкѣ и молча села возлѣ нея.

— Жанетта!.. произнесла молодая дѣвушка, обратившись къ приближавшей, — подойди ко мнѣ!..

Жанетта оставилась, опустила руки, медленно подошла и села на другую сторону молодой дѣвушки.

Маргаритѣ было около тридцати лѣтъ; на блѣдномъ, цѣльномъ лицѣ ея не было никакого выраженія, когда она молчала, но лишь только она заговорила, глаза ея наполнялись слезами и все лицо принимало выраженіе глубокой, безконечной грусти. Жанеттѣ было лѣтъ двѣнадцать пять; смуглое неспрѣтное лицо ея, обезображенное слѣдами жестокой оспы, дышало ненавистью и злобой; она долго улыбалась.

Три несчастливцы, погруженные каждая въ свою преобладающую идею, сидѣли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова. Наконецъ, молодая дѣвушка, вперивъ взоръ въ землю, заговорила:

— Знаете ли, гдѣ я была?... Слушайте... слушайте... Было много, много гостей... И онъ былъ тамъ... только онъ ничего не говорилъ; онъ былъ задумчивъ, печаленъ!.. Онъ даже не подошелъ ко мнѣ... а я смѣялась, шутила... вокругъ меня было столько молодыхъ людей; они были любезны, милы, веселы... только онъ былъ задумчивъ, печаленъ... и мать его строгимъ взоромъ слѣдила за нимъ... а я все смѣялась... я не понимала... Жанетта, — спросила она вдругъ, обратившись къ сидѣвшей возлѣ нея, — любила ли ты когда нибудь?

Жанетта посмотрѣла пристально на молодую дѣвушку, злобно улыбуясь и стала что-то напѣвать сквозь зубы.

— Потомъ я сбѣла къ фортепьяно, — продолжала молодая дѣвушка, — я играла... не правда ли, я хорошо играла?... Я продолжала играть... все молчала... а онъ все ближе и ближе подходилъ ко мнѣ... а лицо матери его принимало все болѣе и болѣе строгое выраженіе... Я перестала играть... все были въ восторгѣ... а я оставалась равнодушною; но вдругъ падъ самымъ ухомъ моимъ раздались слова: — Ида, я обожаю тебя!.. и я подняла голову... и мнѣ было такъ приятно... такъ приятно... Вы не знаете... Это онъ сказалъ!..

— Лицемеріе!.. обманъ!.. суета!.. проговорила мрачнымъ голосомъ Жанетта.

— Потомъ все разошлось, — продолжала Ида, (такъ звали молодую дѣвушку), — все разошлось... погасили люстру... свѣчи... темно... очень темно... зашумѣлъ вѣтеръ, поднялась гроза... страшная гроза... а я ничего не боялась... онъ былъ со мною... не помню, о чемъ онъ мнѣ говорилъ... только я была счастлива... о, да! счастлива!..

— Счастье — дымъ!.. сказала Жанетта.

— И я была счастлива!.. произнесла Маргарита; только не долго... одну секунду... а потомъ... и слезы выступили на глазахъ бѣдной безумной.

— Была гроза, — продолжала Ида съ востановившимъ жаромъ, — а мое небо было такъ ясно, такъ чисто и свѣтло!.. Только одно

облачко было на немъ... но это облачко преставно увеличивалось и становилось темнѣе... вошла мать его... Ужась околачавъ члены... Онъ упалъ на колѣни... говор такъ прекрасно... краснорѣчиво... а мое небо болѣе и болѣе мрачалось... Оно и слушало его... онъ умолялъ... а мнѣ было странно!..

— Да, да, странно... проговорила съ вѣдшимъ голосомъ Маргарита; — принесъ маленькій гробикъ... моего ангела положили туда... и опустили въ землю!.. Въ холмистую, сырую землю... не правда ли, что тамъ ужасно!..

— Въ землѣ миръ, на землѣ страданіе!.. глухо произнесла Жанетта.

— Да, я страдала, — заговорила опять молодая дѣвушка, — она обвиняла меня!.. Меня... о Боже! Тебѣ извѣстны мои помышленія... чѣмъ я прегрѣшила!.. — Ида громко вскрикнула, потомъ стала произносить безсвязныя слова: — Проклятіе!.. Неблагодарность!.. Прочь изъ моего дому!.. Загрохоталъ громъ... потомъ все утихло... потомъ умерла... вы не узнаете, вѣдь я умерла?... Меня хоронили... и ни кто не провожалъ меня... ни кто не плакалъ... Вѣдь у меня вѣтъ ни матери, ни отца, ни братьевъ... никого... я одна!.. совершенно одна... потомъ я ничего не помню... тѣло страдало... сердце радовалось... только сего дня... слушайте!.. — Ида заговорила тише, приблизившись къ своимъ подругамъ: — сего дня я воскресла... ома!.. — Мертвые не воскресаютъ!.. сказала Жанетта.

— Увы! нѣтъ... произнесла со вздохомъ Маргарита.

— Говорите тише, — продолжала Ида, — вы не знаете, отчего я ожила... онъ былъ со мною... я не видала его, но сердце мое чувствовало, что онъ близокъ... и я опять играла... опять было много народа вокругъ меня... О! я увѣрена, что онъ придетъ... вы увидите, вы увидите, какъ онъ благороденъ и хорошъ собою!..

— Красное лицо есть признакъ дурной души! — завѣстливо возразила Жанетта.

— Онъ придетъ... о! я увѣждена въ то... отчего же я такъ счастлива... скажите, отчего? чему бы мнѣ радоваться?... Я хотѣла принарядиться, но сегодня не воскресье... а мнѣ только въ воскресье даютъ чистое платье!.. и какое платье.. я бы одѣлась сего дня въ бѣлое... накинула бы кружевной вуаль... вплела бы въ волосы бѣлыя цвѣтныя... вѣдь я его не вѣста... онъ покаялся мнѣ въ вѣчной любви... Сегодня онъ поведетъ меня подъ вѣнецъ... Мать его, вѣрно, ежалась... тише! — прибавила Ида, приложивъ палецъ къ губамъ и прислушиваясь: — тише!.. онъ идетъ... тише!..

— Онъ не придетъ... онъ въ сырой землѣ!.. произнесла со вздохомъ Маргарита.

Ида встала; лицо ея сіяло радостью... она протянула впередъ руки... какое-то необъяснимое предчувствіе сердца говорило ей о приближеніи любимаго... Она простояла минуту съ распростертыми впередъ руками... изъ-за деревьевъ показалось благородное, прекрасное лицо молодого человѣка...

Ни одинъ звукъ не вылетѣлъ изъ груди молодой дѣвушки, но съ быстрого мысленно

двѣ руками, онъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— Не можетъ быть!.. Не можетъ быть!..

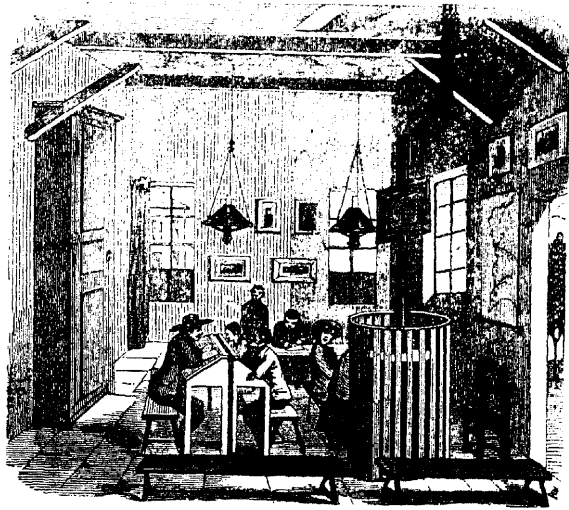
— Какъ не можетъ быть? Увѣрю васъ; вѣдь Андре не станеть же лгать. Вотъ изъ чего все вышло: Молодой маркизъ влюбился въ мамзель Иду и не удивительно, потому что она чудо какая красотка! Онъ влюбился не такъ, знаете, чтобы подурачиться, а чтобы жениться на пей!

— Да, да! маркизъ честный, благородный молодой человекъ... но дальше, дальше!

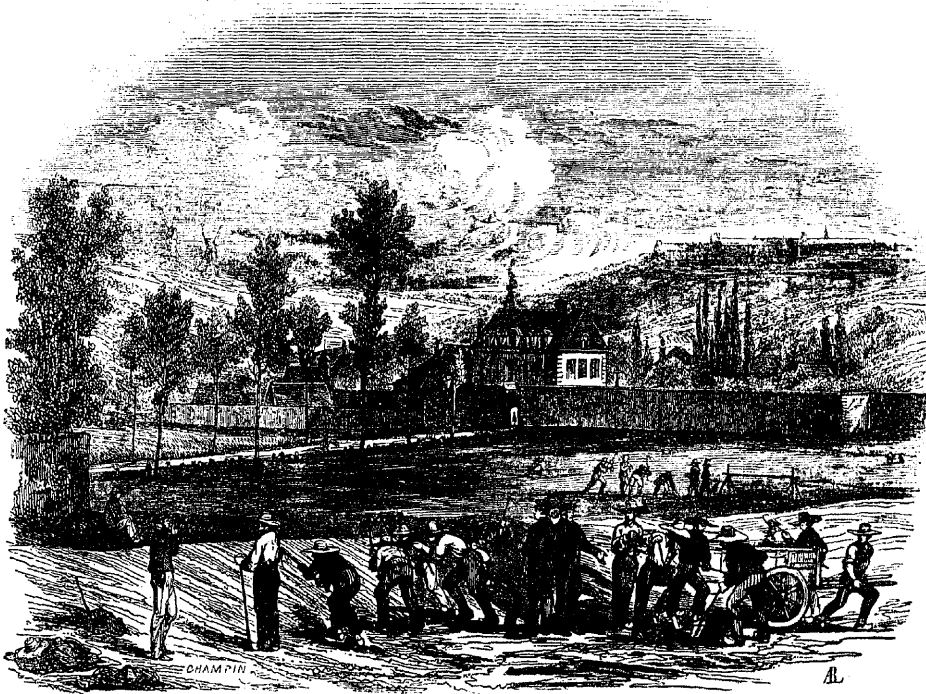
— Какъ только маркиза узнала о намѣреніи сына—взбѣсилась! Вѣдь вы знаете, что она шутить не любитъ; такая злая, что не приведи Господи!.. Она и слышать не хотѣла о женитьбѣ; сыну говорить, тебя прокляну, а мамзель Иду, говорить, выгодно! Не хочу, говорить, дочери безъ роду и племени!

Последнія слова вызвали пророческую улыбку на лицо Бридо.

— Кричали, плакали, а дѣла не сдѣлали со старой... маркизой; на другой день просятъ... а мамзель Ида уже завираться стала...

Домашні занятія умалишенныхъ.

Работы умалишенныхъ.

— Несчастливая!... съ глубокою горестію произнесъ мелочной торговецъ.

— Слушайте, этоеще не все. Посадили ее въ Сальпетриеръ. Молодой маркизъ ходилъ дель, другой, повѣсь носъ, да и самъ съшелъ съ ума...

— Возможно ли!... и Альфонсъ?... съ крайнимъ ужасомъ вскричалъ хозяинъ.

— Слушайте дальше... все это штука! Молодой маркизъ притворился. Посидѣлъ въ бисетрѣ; сначала бѣсповался; потомъ сталъ смирать какъ ягненокъ. Извольте видѣть,

у него была своя идея. Выдумалъ какой-то докторъ сумасшедшихъ на черную работу посылать. Случилась перестройка въ Сальпетриерѣ; маркизъ, какъ нарочно, велъ себя отлично, чтобы его туда послали...

— Говори, говори!.. вскричалъ Бридо съ боязненнымъ ожиданіемъ.

— Его и послали, а онъ все себя на умѣ. Ушелъ отъ товарищей, добрался до мамзель Иды, да и убѣжалъ съ нею...

— Боже мой!... прервалъ его Бридо съ воплемъ отчаянія, вырвавшимся изъ глуби-

ны души его... Боже мой!.. на меня падеть весь гнѣвъ твой!.. Я всему виноватъ!..

— Вы виноваты? повторилъ Жервѣ, остолбешѣвъ и выучивъ глаза.

— Но время дорого... не надо терять ни одной минуты... Я все открою... Жервѣ, дай мнѣ трость, перчатки и шляпу... Я долженъ идти...

— Помилуйте, хозяинъ, куда вы пойдете въ эту пору?..

— Исполниай, что тебѣ приказываютъ... я пока запроу лавку...

— Но как же можно..? начал было прикащикъ.

— Не разсуждай!.. прервалъ его Бридо, такимъ строгимъ голосомъ, что Жервѣ вздрогнулъ и молча пошелъ исполнять данное порученіе; выйдя за двери, онъ, однакожъ, не могъ не пожать плечами и проворчать сквозь зубы : самъ не только шлемъ, но и ночью гуляетъ, а мнѣ на минуту выдти не велить...

Между тѣмъ Бридо стоялъ неподвиженъ, какъ бы прикованный къ мѣсту страшною вѣстью, сильно поразившею его. Наконецъ онъ глубоко вздохнулъ и пошелъ запирать ставни, но исполняя это не съ обыкновенною осторожностью и заботливостью, а съ судорожною поспѣшностью. Ставни были заперты. Хозяинъ воротился въ темную лавку, заложилъ дверь желѣзными болтами. Вдругъ, противоположная дверь, ведшая во внутренніе покои, растворилась.

— Хозяинъ, а хозяинъ! Гдѣ вы!.. произнесъ задыхающимся голосомъ Жервѣ.

— Давай скорѣе мою шляпу!..

— Ой, хозяинъ! Теперь не до шляпы... Бѣда!... Бѣда!..—свѣтъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ горѣла уже лампа, упалъ на лицо прикащика. Оно было разстроено, блѣдно... Жервѣ дрожала всѣмъ тѣломъ и съ трудомъ могъ говорить.—Хозяинъ,—продолжать онъ, въ паникѣ... ужасъ... вѣрно черезъ заборъ... вѣдь сзади большой... запущенный садъ...

— Что такое?.. съ изумленіемъ спросилъ Бридо.

— Какъ что?.. Они... они... оба...

— Кто?.. кто?.. спросилъ, невольно вздрогнувъ, мелочной торговецъ.

— Мамзель Ида... н...

— Возможно ли!.. вскричалъ Бридо и бросился къ двери.

— Прикащикъ звать сосѣдей?.. торопливо спросилъ Жервѣ.

Бридо остановился. Не смотря на сильное впечатлѣніе, произведенное на него неожиданною вѣстью, онъ не тѣрялъ присутствія духа. Выпрямившись и со сверкавшими во мракѣ глазами, онъ произнесъ тихимъ, но твердымъ и грознымъ голосомъ:

— Одно слово!.. И я раздавлю тебя какъ червя!..

— Не пикну!.. не пикну... — отвѣчалъ Жервѣ, не на шутку струсивъ и невольно присѣвъ за ящикъ.

Мелочной торговецъ скоро вышелъ изъ дому въ садъ и пошелъ къ павильону.

VII.

Точно, въ павильонѣ были Ида и маркизъ.

Ида пришла въ себя, но не могла произнести ни одного слова. Безсмысленными глазами смотрѣла она на своего возлюбленнаго, который въ отчаяніи скрежеталъ зубами и подымалъ руки къ небу.

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ саду послышался чьи-то шаги. Съ быстротою молніи маркизъ выхватилъ что-то изъ-за пазухи и лезвие ножа блеснуло во мракѣ.

Дверь открылась. Въ павильонѣ вошелъ

Бридо. Ида не перемѣнила положенія, по маркизъ сталъ передъ нею.

— Назадъ!.. произнесъ онъ глухимъ голосомъ, когда Бридо остановился на порогѣ; назадъ, если вамъ дорога жизнь!..

— Маркизъ,—отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ мелочной торговецъ;—не безпокойтесь, я пришлю не съ дурными противъ васъ намѣреніями... Еслибы вы были менѣе разстроенны, еслибы не было такъ темно, то, быть можетъ, вы узнали бы меня... Маркизъ Альфонсъ де Блессакъ, не будемъ терять лишнихъ словъ... ваше мѣсто не здѣсь; воротитесь къ вашей матери, проливающей горькія слезы о потерѣ сына... покоритесь волю ея и забудьте безразсудную любовь... Ида... мамзозель Ида останется здѣсь...

— Никогда!.. отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ маркизъ; ничто не разлучитъ меня съ Идой; ни даже смерть!..

— Маркизъ...

— Постоите; позвольте и мнѣ сказать вамъ : не будемъ терять лишнихъ словъ; если вы васъ есть хоть некра человѣческаго чувства, то скажитесь, ради Бога, жалость надъ несчастною!.. Дайте ей кусокъ хлѣба!.. произнесъ маркизъ съ мрачнымъ видомъ; она цѣлый день ничего не ѣла...

— Боже мой!.. Пойдемте за мною... пойдемте... не бойтесь... даю вамъ честное слово, что я употреблю всѣ усилія, чтобы спасти васъ...

Полчаса спустя, изъ дому мелочнаго торговца выходилъ высокій, здоровый мужчина, закутанный въ плащъ и съ наваленною на глаза шляпою, а блѣдный Жервѣ умолялъ старую кухарку, чтобы она позволила ему спать въ одной съ нею комнатѣ, увѣряя ее, что за три мѣсяца до его рожденія, мать его была испугана сумасшедшимъ.

II. Фурманъ.

(Окончаніе съ слѣд. нумера.)

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРЬЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

Объ этомъ средствѣ я не смѣю сказать ничего положительнаго : нужно повторить сто разъ опыты, съ наблюденіемъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей, прежде чѣмъ можно себѣ позволить сказать гласно слово въ пользу такого дѣла, отъ котораго здравый смыслъ нашъ отказывается; скажу только, что я не могъ доселѣ открыть ни разу въ подобныхъ случаяхъ, чтобы знахаръ употреблялъ какое либо зелье или снадобе; а скотина перѣдко ночевала у насъ подъ замкомъ. Объясненіе, будто знахари берутся за дѣло тогда только, когда такъ называемые черви—правильнѣе гусеницы—созрѣли, въ порѣ, и потому сами выполняются, вываливаются и ищутъ нужнаго имъ убѣжища, для принятія образа личинки—объясненіе это никакъ не можетъ меня удовлетворить; знахари не разбираютъ поры, не спрашиваютъ давно ли черви завелись—чего, впрочемъ, и самъ хозяинъ обыкновенно въ точности не знаетъ—осматриваютъ скотину издала, однимъ только взглядомъ, или даже, спросивъ какой она масти, дѣлаютъ дѣло за глаза. Какаѣ возможность тутъ рассчитать день въ день, когда черви

должны сами собой вывалиться? Кроме того, всякій хозяинъ знаетъ по опыту, что если раз черви завелись въ скотинѣ, то имъ уже нѣтъ перевода почти во все лѣто, потому что насекомыя, отъ коихъ ящъ они разводятся, вѣрнѣе Петербурга, не говоря о множествѣ другихъ свидѣтелей, не сомнѣваются въ томъ, что одна извѣстная дама, бывшая здѣсь нѣсколько лѣтъ тому, однимъ взглядомъ своимъ повергала дѣтей въ сильно-судорожное состояніе и творила надъ ними другія подобныя чудеса. Если это такъ, то, отложивъ всякое предубѣжденіе, всякій ложный стыдъ, я думаю можно бы спросить : выравнаны мы отвергать положительно подобное вліяніе незримыхъ силъ природы человѣка на животное царство вообще? Осмѣять суевѣріе несравненно легче, нежели объяснить, или хотя нѣсколько обслѣдовать его; также легко присоединиться безотчетно къ общепринятому мнѣнію просвѣщеннѣйшихъ, несуетвѣрныхъ людей, и объявить все то, о чемъ мы говорили, вздоромъ. Но будетъ ли это услуга истиннѣй? Повторяю, не могу и не смѣю говорить въ пользу этого темнаго дѣла—но и не смѣю отвергать его съ такою самоуверенностію и положительностію, какъ обыкновенно водится между разумниками. Не вѣрю, но не рѣшусь сказать : это ложь.

Любовные заговоры бываютъ двоякіе : приворогъ милыхъ или желаемыхъ людей и изводъ постылыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ мщеніе или ревность. Тѣ и другіе заговоры бываютъ заглазные, голословные, или же соединены съ напентываніемъ на воду, которую даютъ пить, или съ заговоромъ и другими дѣйствіями надъ волосами, отстриженными ногтями, частями одежды, или надъ слѣдомъ прикосновенной особы, т. е. надъ землею, взятою изъ подступни ея. Любжа вообще, т. е. изводное и приворотное зелье, бесспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ врачевныхъ средствъ, кои надѣлали много зла; подъ этимъ предлогомъ перѣдко отравляли людей, какъ мнѣ самому случалось видѣть. Большею частію даютъ въ этомъ случаѣ сильно возбуждающіе яды, коихъ послѣдствіями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимымъ подтвержденіемъ таинственной силы заговора. Довольно извѣстное безотходное средство привораживать къ себѣ женщину, заключается въ слѣдующемъ : нашедши пару совкупившихся лягушекъ, должно посадить ихъ въ коробку или корзинку съ крышкой или буракъ, наверхъ въ него много дыръ; бросивъ или заковавъ это въ лѣсу, въ муравейникъ, бѣжатъ безъ оглядки—иначе попадешься чертямъ на расправу;—черезъ трое сутокъ найдешь въ коробкѣ одиѣ кости и между ними какую-то вилочку и крылечекъ. Зацѣпивъ мимоходомъ женщину гдѣ нибудь крылечкомъ этимъ за платье и отпустивъ опять, заставивъ ее страдать и вздыхать по себѣ; а если она уже надоѣстъ, то стоять только прикоснуться къ ней вилочкой и она тебя забудетъ. Этотъ вымыселъ празднаго воображенія извѣстенъ у насъ почти повсемѣстно. Другой подобный, состоитъ въ чарахъ надъ зѣбей; третій, надъ сердцами двухъ бѣлыхъ голубей, и пр. Это подробнѣе описано въ книгѣ Сахарова. Вообще слово любжа означаетъ зелье, для извода постылыхъ людей, нелюбыхъ сердцу, и для приворота любыхъ, по коимъ сохнеше. Для составленія любжи копаютъ лютые корни, также какъ и для клада, въ Ивановъ день, 23 Іюня.

Въ средіе вѣка творили въ Европѣ чары надъ полнѣемъ того, кому желали зла, или надъ куклой, одѣтой по наружности такъ, какъ тотъ обыкновенно одѣвался. Замѣчательно, что у насъ на Руси сохранилось мѣстами что-то подобное, изрѣдка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не разъ уже

далъ въ повѣйшее время—распускали въ народѣ слухи, что по деревнямъ ѣздить какой-то фармацевтъ, въ бѣлой круглой шляпѣ,—а бѣлая шляпа, какъ известно, въ народѣ неслучайно служитъ прищипомъ фармацевта;—этотъ-де человекъ обращаетъ народъ въ свою вѣру, падѣлая всѣхъ деважить; онъ списываетъ со всякаго, принявшаго вѣру его, поличіе и увозитъ картину съ собою, пропадая безъ вѣсти. Если же впоследствии новый послѣдователь фармацевта откинется и отлучится, то бѣлая шляпа стрѣляетъ въ поличіе и отлученнаго и этотъ немедленно умираетъ.

Возвратимся къ своему предмету, къ портѣ любовной и любви. Это повѣрье, кромѣ случаевъ, объясненныхъ выше, принадлежитъ не столько къ числу вымысловъ празднаго, сказочнаго воображенія, сколько къ попыткамъ объяснить непонятное, непостижимое и искать спасеніе въ отчаяніи. Внезапный переворотъ, который сильна, необъяснимая для холоднаго разсудка, стрѣла производитъ въ молодомъ парѣ или дѣвкѣ—заставляетъ стороннихъ людей искать особенной причины такому явленію, и тутъ обыкновенно прибѣгаютъ къ объясненію посредствомъ чаръ и порчи. То, что мы называемъ любовью, простолюдинъ называетъ порчей, сухотой, которая должна быть наущена. А гдѣ необузданныя, грубыя страсти не могутъ найти удовлетворенія, тамъ они также хотятъ, во что бы ни стало, достигнуть дѣянъ своей; люди бывающіе знаютъ, что отговаривать и убѣждать тутъ нечего; разсудокъ утраченъ; легче дѣйствовать посредствомъ суевѣрія—да притомъ тѣмъ же путемъ корысть этихъ бывающихъ людей находить удовлетвореніе. Но я попрошу также и въ этомъ случаѣ не упускать изъ виду—на всякій случай—дѣйствіе и вліяніе животнаго магнетизма, который, если хотите, также есть не иное что, какъ особенное названіе общаго нашего невѣжества. — Настоячивость и сильная, непоколебимая воля и въ этомъ дѣлѣ, какъ во многихъ другихъ, не смотря на всѣ нравственные препоны, достигали не рѣдко цѣли своей—а спросите тѣмъ? *Гизами*, иногда можетъ быть и рѣчами, а главное, именно силою своей воли и ея нравственными вліяніемъ. Если же при этомъ были произносимы таинственныя заклинанія, то они, съ одной стороны, не будучи въ состояніи вращать дѣлу, съ другой чрезвычайно спорили его, да въ преданномъ имъ суевѣрѣ еще большую силу и ни чѣмъ непоколебимую увѣренность. Безспорно, впрочемъ, что самая большая часть относящихся сюда разсказовъ основаны на жалкомъ суевѣрїи отчаяннаго и растерзаннаго страстями сердца.

Парень влюбился однажды на смерть въ дѣвчу, которая, по расчетамъ родителей его, не была ему ровней. Мальчикъ былъ не глупый, а притомъ и послушный, привыкшій съ измала думать, что выборъ для него хозяйки зависитъ безусловно отъ его родителей и что законъ не велитъ ему вѣщаться въ это дѣло; родители сказали ему: мы присудили сдѣлать то и то, а онъ, поклонившись въ ноги, долженъ отвѣчать только: власть ваша. Положеніе его становилось ему со дня на день нестерпимѣе; вся душа, всѣ мысли и чувства его оборотились вверхъ дномъ и онъ самъ не могъ съ собою совладать. Онъ убѣждался разумными доводами, а можетъ быть еще болѣе строгимъ приказаніемъ родителей, но былъ не въ силахъ переломить свою страсть и бродилъ ночи напролетъ, заламывая руки, не зная что ему дѣлать. Мудрено ли, что онъ въ душѣ суевѣрялъ, когда ему сказали, что дѣвка его исцѣлилась? Мудрено ли, что онъ Богъ вѣсть какъ обрадовался, когда обѣщали научить его, какъ вѣдать эту порчу, которая-де приключилась отъ приворотнаго зелья или заговора, дашнаго ему

дѣвкой? Любовь, нѣсколько грубая, суровая, вѣтъмъ богѣе недолжная, и безъ того спорила въ немъ съ ненавистію, или по крайней мѣрѣ съ безотчетною досадою и мстивою; онъ подкрѣпился лишнимъ стаканомъ вина, по совѣту знающихъ и бывающихъ людей, и сдѣлать вѣтъ себя, чему его научили: попить и прибѣлать болѣе бѣдную дѣвчу своими руками. Если побѣе ее хорошенько, сказали ему, то какъ рукой вымететъ. И пощипомъ какъ рукой сняло; парень хвалился на весь міръ, что онъ обиль порчу и теперь здоровъ. Опытные душепеловы наши легко объясняютъ себѣ эту задачу. Вотъ вамъ примѣры—не магическія, впрочемъ—какъ, по видимому, самое безмысленное средство, не менѣе того иногда довольно надежно достигаетъ своей цѣли. И смѣшно и жалко. Не мудро, впрочемъ, что народъ, склонный вообще къ суевѣрїямъ и объясняющій все недоступное понятіемъ его посредствомъ своей демологїи, состояніе влюбленнаго до безумія не можетъ объяснить себѣ иначе какъ тѣмъ же, необыкновеннымъ образомъ. Указаніе на это находимъ мы даже въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ на пр. отчаянный любовникъ говоритъ своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по несчаю и пустила сухоту по животу!»

Вотъ примѣры другаго рода: молодой человекъ, безъ памяти влюбившійся въ дѣвчущку, очень ясно понималъ разсудкомъ своимъ, что она ему, по причинамъ слишкомъ важнымъ, не можетъ быть четою—хотя и она сама, какъ казалось, безсознательно отвѣчала его склонности. Ему долго казалось, что въ безкорыстной страсти его нѣтъ ничего преступнаго, что онъ ничего не хочетъ, не желаетъ, а счастливъ и доволенъ однимъ этимъ чувствомъ. Но пора пришла, обстоятельства также—и съ одной стороны онъ содрогнулся, окинувъ мыслями объемъ и силу этой страсти и бездну, къ коей она вела,—съ другой, почтительно вове небыточнымъ, невозможнымъ, освободиться отъ нея. Тогда добрые люди, отъ коихъ онъ не могъ утаить своего положенія, видя, что онъ близокъ къ сумасбродству и гибели, — сдѣлали настронть разгоряченное воображеніе его на то, чтобы въ отчаяніи искать помощи въ таинствахъ чаръ, встанъ на самой зарѣ, выдъ, не умывшись, на восходъ солнца и въ чистомъ полѣ, на топахахъ, умойся росою съ сени травъ; дошедши до мельницы, спроси у мельника топоръ, сядь на бревно верхомъ, положи на него передъ собою щепку, проговори такой-то заговоръ, глядя прямо передъ собою на эту щепку, и поднявъ топоръ выше головы при послѣднемъ словѣ: «и не быть ей въ умѣ-помыслѣ моемъ, на ретивомъ сердцѣ, въ бурной въ головушкѣ, какъ не стронистъ негѣ перерубленной—азинъ ударь сильно топоромъ, со всего размаху, перешибки щепку по поламъ, кинь топоръ вѣтѣво отъ себя, а самъ бѣги безъ оглядки вправо, домой и крестись дорогой—но не оглядывайся: станеть легко. Что же? Благородная рѣшимость молодого человека въ этомъ безтолковомъ средствѣ нашла сильную подпору: не вѣря ни комъ образомъ, при выходѣ изъ дому, чтобы стало силь чловѣческихъ на подавленіе этой страсти, хотя и былъ убѣжденъ, что долгъ и честь его требуютъ этого—онъ возвратился отъ мельницы веселый, спокойный—на душѣ было легко;—всѣмъ за тѣмъ онъ возвратилъ дѣвчѣ полученную отъ нея записку не *распечатанною*. Такъ сильно былъ онъ убѣжденъ, что дѣло кончено, союзъ расторгнутъ—и съ этого дня, объ этой несчастливой любви не было болѣе рѣчи!

Сглазъ, притка или порча отъ сглазу, отъ глаза, недобрый глазъ—есть повѣрье довольно общее, не только между всеми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставимъ его сюда потому, что оно,

по народному повѣрью, близко къ предмету нашему. Уже одна всеобщность распространенія этого повѣрья, должно бы, кажется, остановиться на торопщивое и довременное сужденіе о семъ предметѣ; хотя всякое образованное общество признаетъ обязанностью надѣваться глазоу и тѣмъ-то смѣшнымъ суевѣрїемъ,— между тѣмъ-то въ тайнѣ многие искренно ему вѣрять, не отвѣтъ себѣ въ томъ никакого отчета. Скажемъ же не обинуясь, что повѣрье о сглазѣ, безъ всякаго сомнѣнія, основано на истинѣ; по оно обрѣтается, отъ преувѣченія и злоупотребленія, въ докучную сказку, какъ солдатъ Яшка, Савка сѣрая сѣрмажка, или знаменитое повѣствованіе о постройкѣ костянаго дома. Безспорно есть прѣтвѣлка люди, одаренные какою-то темною, непостижимой для насъ силою и властью, поразить приспособленіемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ известномъ отношеніи подчиненное слабѣйшее существо; дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло, благоговѣрнѣе или разрушительнѣе образомъ, или по крайней мѣрѣ обпаруживать на него временно какое-либо дѣйствіе. Известно, что ученые называли это животнымъ магнетизмомъ, мессмеризмомъ, и старались объяснить намъ, невѣжкамъ, такое необъяснимое явленіе различными и весьма ученымъ образомъ; но, какъ очень трудно объяснить другому то, чего и самъ не понимаешь—то конечно концы были всегда одинъ и тотъ же, то есть, что мы видимъ въ природѣ цѣлый рядъ разнообразныхъ, но до времени необъяснимыхъ явленій, которыя состоятъ въ сущности въ томъ, что животныя силы дѣйствуютъ не всегда одинаково въ каждомъ недѣльномъ, по иногда также изъ одного животнаго, или чрезъ одно животное на другое, въ особенности же черезъ человека. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ. Стало быть и тутъ опять ученые разогласятъ съ народными повѣрїями только въ названіи, въ способѣ выраженія, а въ сущности дѣла они согласны. Какъ бы то ни было, но если только принять самое явленіе это забытъ, а не за сказку, то о повѣрье и сглазѣ и порчѣ, въ сущности своей, основано не на вымыслѣ, а на вліяніи живой, или животной, природы. Переходя, однакоже, за тѣмъ собственно къ нашему предмету, мы безспорно должны согласиться, что описанное явленіе прирѣтается къ частнымъ случаямъ безъ всякаго толка разбора, и отъ этого-то злоупотребленія оно обратилось въ невѣрную сказку. Изъ-ста, а можетъ быть даже изъ тысячи случаевъ или примѣровъ, о коихъ каждая баба расказаетъ вамъ совершенно подробно, едва-ли найдется одинъ, который болѣе или менѣе состоитъ въ связи съ этою таинственною силою природы; всѣ остальные были, вѣроятно, сдѣланые со всѣмъ нѣмъ причинъ, коихъ простолюдинъ не можетъ, или не хочетъ доискаться; по этому онъ, въ невѣжествѣ своемъ, сваливаетъ все сподрядъ, по удобству и сподручности, на сглазъ и порчу—который же кстати молчать и не отговаривается, а потому и виноватъ.

В. Лузанскій.

ПНЕВМАТИЧЕСКІЯ ПЕЧИ.

Пневматическія печи, по объему нагрѣваемого ими пространства, раздѣляются на полныя, половинныя, четвертинныя и осммушки. — Полная можетъ нагрѣвать вѣтвимость до 500 кубич. сажень; половинная отъ 200 до 300; четвертинная отъ 150 до 200; осммушка отъ 100 до 150. — Въ величинѣ наружнаго объема эти печи мало между собою разнятся; а сила ихъ зависитъ отъ раздѣла нагрѣвательнаго прибора, т. е. отъ чис-

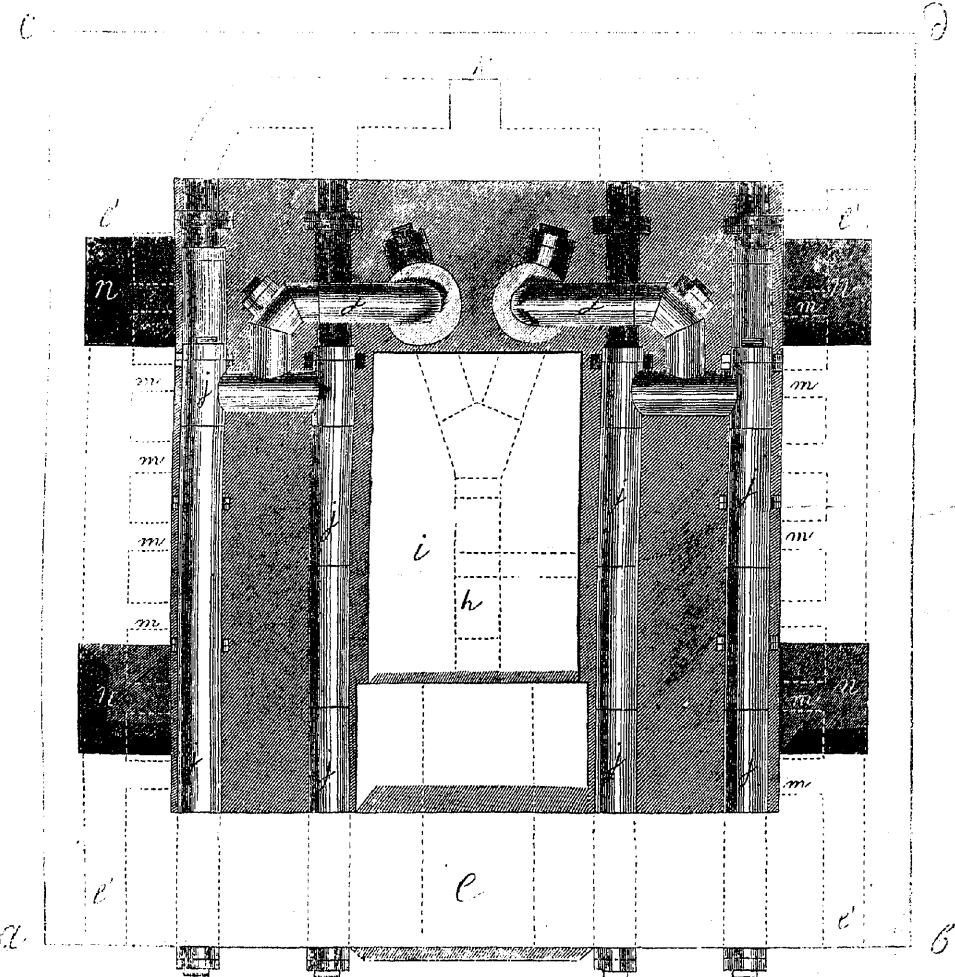
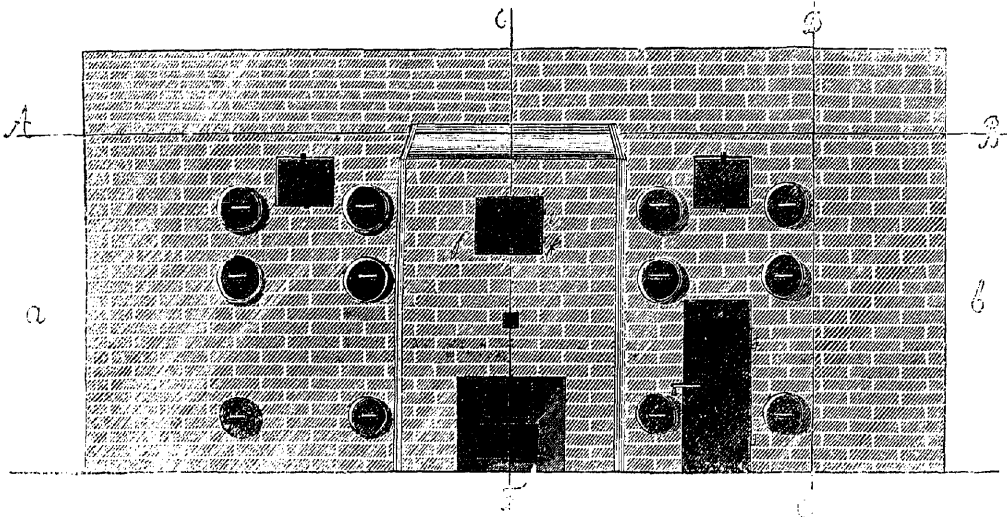
за и протяженія помѣщаемыхъ въ каждой металлической трубѣ.

Устройство шведской печи есть слѣдующее : по избраніи удобнаго мѣста въ погребномъ, или нижнемъ этажѣ, дѣлается камера изъ 4-хъ толстыхъ кирпичныхъ стѣнъ a, b, c, d, (черт. 2-й) и покрывается сводомъ. Въ лицевой стѣнѣ a, b, образуется топково e, (черт. 3-й) съ металлическою рѣшеткою f, на которую кладутся дрова. По разведеніи огня, рѣшетка вы-

двигается и дрова падаютъ въ горизонталыя колосники g, гдѣ и горятъ ; а на рѣшетку накладываются свѣжія дрова, которыя между тѣмъ просыхаютъ. — Дымъ изъ горнила идетъ сначала по каналу h, устроеннаго вдоль камеры толстаго кирпичнаго борова i (черт. 2 и 3); потомъ переходитъ въ помѣщенные въ нѣсколько рядовъ и плотно между собою соединенныя, металлические трубы j, j, j; пробѣгаетъ по всей ихъ длинѣ, передавая имъ безпрестанно свою температуру и, наконецъ, ох-

лажденный весьма значительно, улетаетъ въ изъ зданія чрезъ дымовую трубу k.

Между тѣмъ, вышій чистый воздухъ неперывно притекаетъ къ камерѣ съ улицы каналомъ l (черт. 5-й), переходя въ устроенные внизу продольныхъ стѣнъ a, c, и, b, d, (черт. 2-й) каналы m, m, а изъ нихъ въ камеру чрезъ отверстия n, n, n, и быстро нагревается отъ горячей поверхности металлическихъ трубъ и кирпичнаго борова; потомъ, чрезъ хайла и,

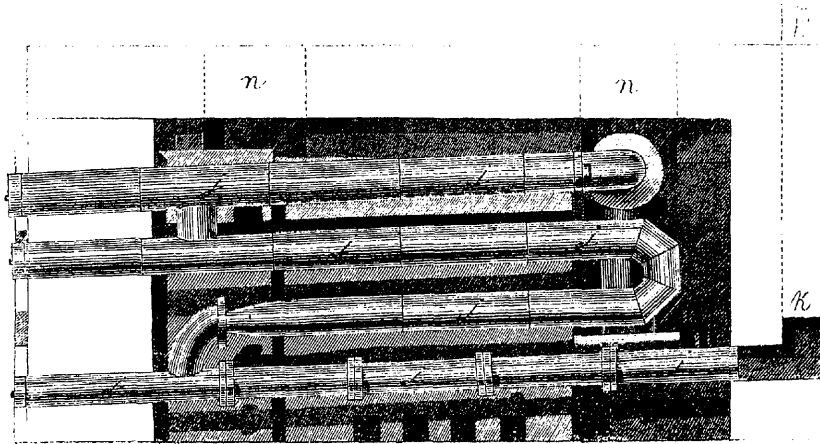
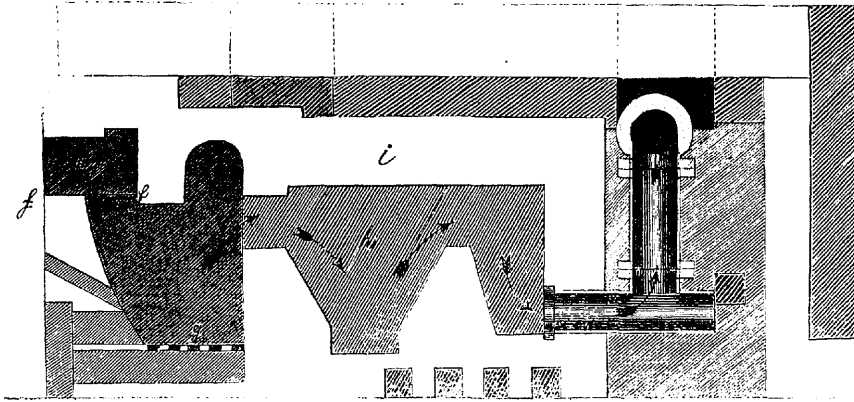

(черт. 2 и 5) по каналамъ въ стѣнахъ зданія о, о, входитъ, посредствомъ душинокъ р, р, въ покон (температурою не свыше 60° R.), а старый воздухъ непрестанно вытягивается изъ покоевъ вентиляторными каналами q, q, концы задвижки q' q' помѣщаются у самаго полу. Въ тѣхъ покояхъ, гдѣ бывають собранія и сильное освѣщеніе, подобныя же задвижки ставятся еще и близь потолка q' q', для непрерывнаго вытягиванія духоты и гари, не допуская ихъ внизъ къ обоя-

нію присутствующихъ. Въ этихъ же покояхъ дѣлаются, сверхъ того, каналы охлаждающіе, концы вышнее отверстіе, на улицу, помѣщаются внизъ г, а внутреннее въ покояхъ, подъ самымъ потолкомъ s, при нихъ задвижки; въ покояхъ же, близь полу t, по открытіи этихъ задвижекъ, вышній холодный воздухъ устремляется съ улицы въ каналъ г, s, и притекаетъ въ комнаты вверху, не безпоколъ никого ни дуновениемъ, ни холодомъ, что при обыкновенныхъ форточ-

кахъ неизбежно. — Вышній воздухъ охлаждается, осѣжая покон, ползень и гѣмъ еще, что способствуетъ яркости горѣнія лампы и свѣчей.

Такъ какъ зимою, а особливо въ сильныя морозы, вышній воздухъ всегда несравненно суше дѣтняго, то для увлажненія его до желаемой степени, при нагреваніи, помѣются въ пневматической камерѣ свинцовые сосуды съ водою, которые помѣщены такъ, что ихъ можно наполнять извнѣ черезъ дверцы и, и. (черт. 1) не вхо-

ди въ камору. Вода въ сосудахъ, находясь въ горячемъ слоѣ камернаго воздуха, непрестанно и значительно увлажняетъ его своими парами.

Такимъ образомъ, любую комнату въ домѣ, ежели угодно, можно постоянно содержать, при порядочномъ управленіи, душилками и вентиляторами, въ желаемой температурѣ, по термометру и въ желаемой степени сухости или влажности (отъ количества наливаемой въ камерные сосуды воды), по психрометру, съ большою точностію.

Великое сбереженіе издержекъ на топливо, при пневматическихъ печахъ, происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: 1-е, извѣстно, что при топкѣ обыкновенной печи, покрайней мѣрѣ, половина теплоты, развиваемой горѣніемъ, уде-

таетъ напрасну въ дымовую трубу; слѣдовательно, во время топки 25-ти голландскихъ печей теряется этой теплоты, черезъ 25-ть дымовыхъ трубъ, — огромное количество. А какъ полная пневматическая печь, замѣняя 25-ть голландскихъ, имѣетъ только одну дымовую трубу, да и по той дымъ уходитъ уже простывшій, то и очевидно, что при топкѣ пневматической печи пропадаетъ теплоты въ дымъ только самое необходимое и почти ничтожное количество. 2-е, Голландская печь, которая нагревается и сохраняетъ тепло иначе, какъ по закрытіи дымовой трубы, требуетъ перемѣны такихъ дровъ, концы уголь истлѣваетъ не скоро, то есть березовыхъ, дубовыхъ и т. п. тогда, какъ для топки пневматической печи годятся всякія не слишкомъ сырыя

дрова: еловыя, барочныя, хворостъ, тростники, солома и, словомъ сказать, все, что горитъ и даетъ пламя. Горнило пневматической печи устроено отъ всякаго сообщенія съ камернымъ воздухомъ, а дымовая труба ея никогда не закрывается и даже вышки во все не имѣетъ, слѣдовательно угара быть не можетъ.

Наилучшимъ состояніемъ воздуха для жилья, въ гигиетрическомъ отношеніи, считается такое, когда онъ насыщенъ водою отъ 40 до 60-ти градусоувъ; и люди ученые, испытавая неоднократно воздухъ на пневматическихъ печахъ, психрометромъ Августа, ни гдѣ не нашли влажности менѣе 40 гр.

Чего, кажется, проще и дешевле, что отопиванію, доставляющее въ жилье безпрестанно углѣ-

решно-нагрѣтый чистый воздухъ, выбрасывая старый вонь, должно быть для здоровья благотворно. Однако же, съ появленіемъ пневматическихъ печей, въ 1835 году, тотчасъ возникли и быстро распространились разные непріятные толки: будто бы воздухъ въ нихъ напитывается, при нагрѣваніи, какими-то вредными составлами; будто бы отъ него растенія въ комнатахъ гибнутъ, канарейки околѣваютъ, людямъ дѣлается тошно и проч. и проч.

Между тѣмъ новыя печи, бывъ, по Высочайшей волѣ, строго испытаны и обсуждены, найдены безвредными. При поощреніи правительства и той любознательной частицы публики, которая вѣритъ одной правдѣ, онѣ шли съ каждымъ годомъ впередъ, опровергая возникшіе слухи своимъ дѣйствіемъ.

Изъ множества непріятныхъ имъ толковъ, донынѣ, не совсѣмъ затихъ только одинъ: будто бы воздухъ при этихъ печахъ, по излишней сухости, вреденъ здоровью.

Къ несчастію, этому повѣрью благоприятствуютъ въ Петербургѣ мѣстные обстоятельства. Здѣсь, по влажности грунта, содѣйствію моря, а еще болѣе по неумѣнью, торопливости и небрежности въ частныхъ постройкахъ, всѣ почти обывательскіе дома либо сыры, либо недовольно сухи и безъ провѣтриванія; отъ этого мебель, и дѣлаемая, и покупаемая и содержимая, даже по нѣскольку дѣтъ, въ такихъ домахъ, поступивъ въ покои съ отопленіемъ пневматическимъ, при которомъ ни малѣйшей сырости, ни застоя въ воздухѣ быть не можетъ, начинаетъ иногда коробиться и трескаться.

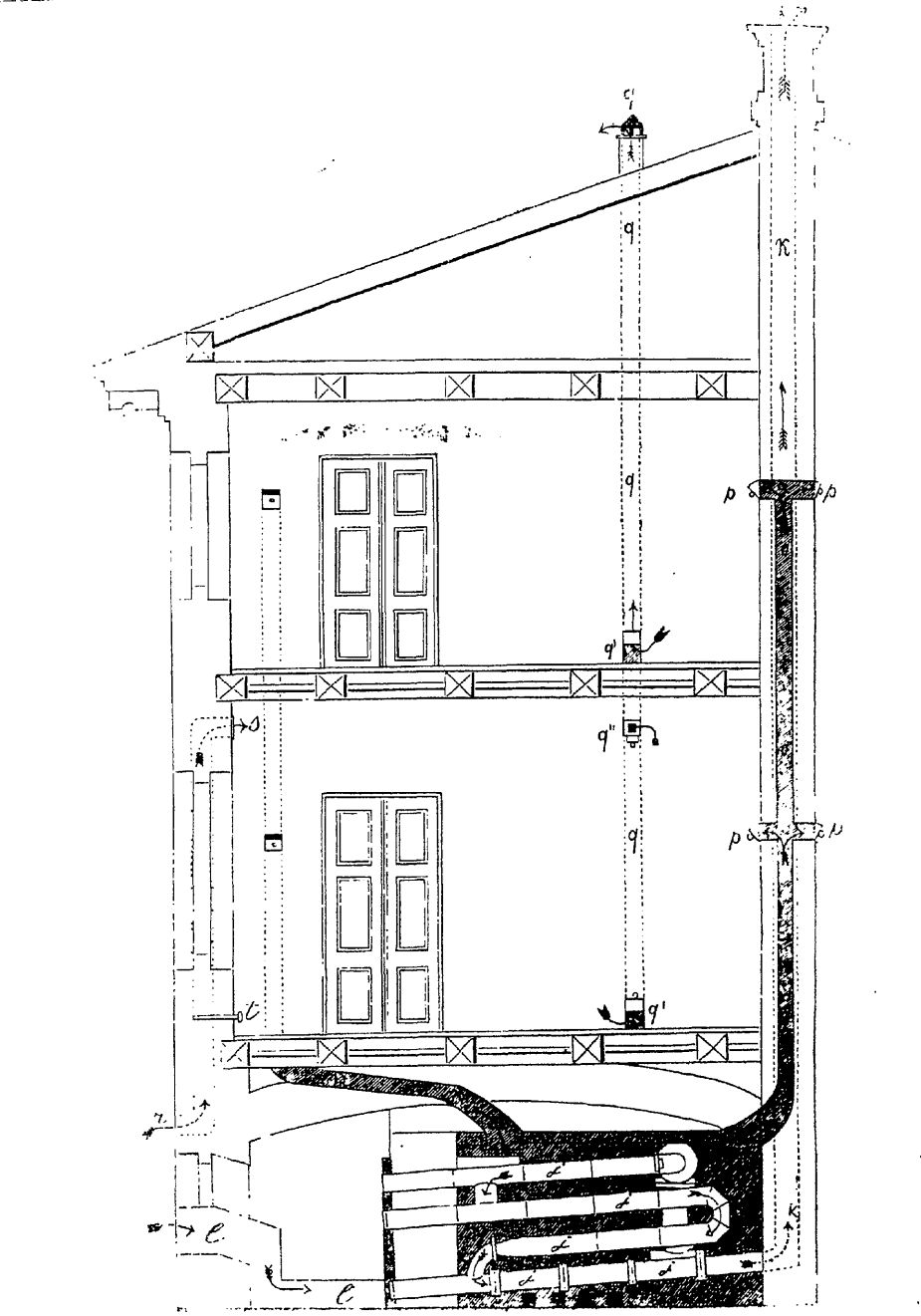
По настоящему, это доказываетъ не излишнюю сухость воздуха, а только то, что мебель либо сдѣлана не совсѣмъ изъ сухаго лѣса, либо находилась прежде не въ достаточно-сухомъ мѣстѣ; ибо при повѣркѣ психрометромъ (какъ уже выше сказано) нигдѣ въ пневматическомъ отопленіи не оказалось влажности въ воздухѣ менѣе 40 гр.

Что же касается до его злокачественности, то объ этомъ, кажется, сдѣлано бы судить не по мебели, ни даже по инструментамъ, а прямо по состоянію здоровья живущихъ на новыхъ печахъ, и тѣмъ вѣрнѣе, что онѣ существуютъ уже 10-ть лѣтъ.

Еще не слышно, чтобы это отапливаніе причинило какую-нибудь болѣзнь, напротивъ, ежели не всѣ, такъ почти всѣ, на немъ живущіе, примѣтно здоровѣютъ. Многіе исцѣлились отъ застарѣлыхъ недуговъ, и въ особенности отъ ревматизма, что контора можетъ доказать полученными ею благодарственными отзывами.

По самымъ лучшимъ, самымъ достовѣрнымъ и самымъ неопровержимымъ убѣжденіемъ въ его пользѣ служить то, что оно съ каждымъ годомъ распространяется, и устроено не только въ домахъ многихъ знатнѣйшихъ особъ, но, съ 1839 года, и во всемъ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ изволитъ пребывать Государь Императоръ съ Августѣйшею Фамиліею.

Словомъ сказать, печи эти идутъ довольно быстро — шли бы, конечно, и еще быстрее, если бы не мѣшали враждебные пересуды. Далеко, очень жаль, что пустая болтовня можетъ вредить у насъ такому изобрѣтенію, которое доставляетъ удобство, опрятность, сухость, теплоту, чистый воздухъ и значительное сбереженіе въ издержкахъ на топливо, ремонтное содержаніе печей и при-

слугу; такому изобрѣтенію, съ которымъ соединены безопасность отъ пожара и угара и сохранность въ Государствѣ лѣсовъ.

К І Е С Ъ.

(Продолженіе.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

— Да, Мин-херевъ, говорилъ богатѣйшій поселенецъ Диркъ-Маркусъ; повторяю вамъ, что всѣ эти дикіе мошенники; онѣ сжались мнѣ въ глаза, когда я потребовалъ, чтобы они защитили меня противъ носорога и бошесмена, когда дерзкій надомаль мою повозку, а второй похитилъ у меня чудесную новозельнскую, которая стодала, по крайней мѣрѣ, двести рейхсгалеровъ, считая весь верзаль, кожда и дорога браслеты ея. Въ дѣмъ илѣжѣ несоспоримыя права на этихъ афрееринныхъ тварей, потому что завоевали ихъ съ

люю нашего оружія. Слушайте, я расскажу вамъ всю исторію.

Тогда лѣнныя, безпечныя мпихеры, собравшіеся въ столовой Дирка, набили трубки и усадились вокругъ чайнаго стола. Нѣсколько наклонившись впередъ, перекинувъ лѣвую ногу черезъ правое колено, правой рукой обхвативъ лѣвую ногу, а въ лѣвой рукѣ держа трубку, поселенцы приготовились слушать со вниманіемъ, принявъ свое любимое положеніе.

Диркъ кашлянулъ, плюнулъ, утеръ ротъ в началъ:

— Въ 1493 году, Иоаннъ, король португальскій, послалъ своего адмирала Вороволожа Диана для новыхъ открытій къ берегамъ африканскимъ, и этого адмирала увидалъ въ первый разъ до того внякому невѣдѣнный Мысъ Доброй Надежды. Такъ какъ въ тѣхъ странахъ онъ претерпѣлъ нѣсколько бурь, то и прозвалъ эту землю Мысомъ Вѣхъ-Буръ (Cabo dos Totos Tomens). Король Иоаннъ, предугадывавшій будущность, вѣроятно, лучше своего адмирала, переименовалъ эту страну въ Мысъ Доброй-Надежды, и она по нынѣ сохраняетъ это названіе. Ріо-дель-Инеанте, другой португальскій адмиралъ, первый осѣлится пристать

кз этой чуждой землѣ, въ 1498 году, и послалъ о ней донесеніе королю Эммануилу, который немедленно послалъ туда колонію. Но Португальцы вообразили, что дикіе Готтентоты должны быть подарены и не посмѣли сдѣлаться на мѣсѣ. Однакожъ, нѣсколько времени спустя, они вторично прибыли туда, подъ начальствомъ Франциска д'Альменда и дѣйствовали такъ неосторожно и безразсудно, что туземцы побили ихъ всѣхъ, безъ изыятія. Воспользовавшись этимъ урокомъ, Португальцы два года спустя, опять пристали къ этимъ берегамъ, но уже старались всячески доказать Готтентотамъ свое дружелюбное и мирное расположеніе. Они знали, что эти безсмысленные ликаріи очень любятъ металлы, особенно мѣдь. Португальцы чрезвычайно обрадовали ихъ, подаривъ имъ нѣкую пушку. Готтентоты, истощивъ всѣ извѣстныя признательности, привязали двѣ длинныя веревки къ пушкѣ и человекъ пятьсотъ пѣзъ нихъ потащили ее, между тѣмъ какъ прочіе съ торжествомъ шли впередъ. Но эти животныя не знали, что смертоносное орудіе было начнено пороховъ и картечью. Португальцы смѣло подняли къ пушкѣ зажженный фитиль, и почти всѣ ликаріи были убиты или изувѣчены страшными обра- зами. Португальцы между тѣмъ воротились поспѣе на свои корабли, снялись съ якорей, подняли паруса и удалились съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться въ страну, жители которой они отомстили такимъ ужаснымъ образомъ. Голландцы же, которые съ 1600 года приставали къ мѣсу, отправляясь въ Востъ-Индію возвращались оттуда, поняли всю важность положенія этой страны, и въ 1630 году основали тамъ колонію, богатство которой съ тѣхъ поръ возрасло до высокой степе- ни. Мы, боары, земледѣльцы, скотоводы или виноградары, сдѣлаемъ поддѣржать благосостояніе нашей новой отчины, пока у насъ не будетъ недоста- тка въ мужествахъ и невольничкахъ; а, благода- ря небу, мы никогда не будемъ знать этого не- достатка.

Все общество громко одобрило краснорѣчіе Дир- ка, похваляя чай или вино.

— Что касается до мужества, — сказала Флиппъ, сынъ Маркуса, — такъ достоверно то, что оно у насъ есть; но, батюшка, невольники, бу- дутъ ли всегда? Послѣ происшествія съ повозкой...

— Стъ, стъ, Флиппъ; будутъ... всегда будутъ; это я тебѣ говорю.

Потомъ Диркъ обратился къ обществу, сдѣлавъ знакъ дамамъ, какъ бы присѣ, чтобы онѣ замолча- ли, и произнесъ громкогласно:

— Мин-Херенъ, я пригласилъ васъ не даромъ; мнѣ надобно сдѣлать вамъ предложеніе. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: во-первыхъ, я долженъ вамъ сказать, что хорошенькая Женни Принстло, ко- торая сидитъ возлѣ моей жены и опускаетъ глаза, какъ будто бы не слышитъ, что я говорю, — невѣстка моего сына; свадьба будетъ черезъ недѣ- лю. Отецъ ея, Принстло, и я, даемъ вамъ дѣ- тямъ прекрасное жилище, прочно выстроенное, красиво обмѣдрованное, окруженное всаханными полями и зелеными лугами съ прекрасными стада- ми быковъ и овецъ. Сдѣловательно, чтобъ быть вполне счастливыми, дѣтямъ нашимъ недоста- етъ только невольничковъ, — а это самое и есть обсто- ятельство, по которому я васъ пригласилъ. Изволь- те владѣть, любезные сосѣди, я узналъ отъ нѣко- торыхъ бѣглыхъ бастеровъ, между прочимъ, отъ Бодуна Палоо, которому я далъ оцу въ вознагра- жденіе, я узналъ, что шайка божесменовъ посе- лена въ нѣкоторыхъ поръ въ одномъ изъ лѣсовъ въ нѣкой горы, въ нѣсколькихъ мѣ отсюда. Такъ какъ у всѣхъ насъ, также какъ и у моихъ дѣтей, слѣшкомъ мало земледѣльцевъ и пастуховъ, то не худо было бы завести мнѣ. Воспользуются слу- чаемъ: нѣсколько выстрѣловъ и божесмены бу- дутъ наши! Тѣмъ болѣе, что вся эта атака бу- детъ, просто, шутка, безъ всякихъ неприятно- стей и опасностей и мы даже можемъ взять съ со-

бою женъ и дѣтей, чтобы позабыть ихъ, пото- му что вся шайка состоитъ не болѣе какъ изъ двухсотъ ликарей, а насъ пятьдесятъ человекъ храбрыхъ боаровъ, неимѣющихъ недостатка ни въ порохѣ, ни въ смѣлости. Это будетъ презабав- ная охота; притомъ же, мин-херенъ, надо же прискипать развѣснѣній для нашихъ женъ и дѣ- тей!... Что скажете, Женни? хотите ли идти съ нами?...

— Конечно, отвѣчала молодая дѣвушка. Одна- кожъ, мнѣ кажется, что жестоко преслѣдовать кроткій и невинный народъ, отнявъ уже у него земли, дарованныя ему самимъ Господомъ...

— Дочь моя, — строго вскричалъ старый Прин- стло, — вѣротно Флиппъ тебѣ сбилъ съ толку своимъ сантиментальностями, потому что ты го- родишь страшный взоръ!... Какі!... ты называ- ешь кроткими и невинными ликарей, которыхъ мы только насильственными средствами, побужде- ніемъ кнута и прочимъ, можемъ принуждать рабо- тать? Варваровъ, которые убиваютъ въ насъ, въ- сѣ того, чтобы вести мирную, ослѣную жизнь въ нашихъ поселеніяхъ? Свирѣпыхъ звѣрей, пускаю- щихъ въ насъ отравленными стрѣлами, когда мы осаждаемъ въ мрачныхъ пещерахъ ихъ? Ско- товъ, у которыхъ тѣло черного цвѣту, между тѣмъ какъ у насъ у всѣхъ оно бѣлое?...

Послѣдній аргументъ произвелъ сильное впе- чатлѣніе на слушателей, особенно слушательницъ.

Флиппъ подошелъ трубку на столъ, всталъ, вы- принявъ своей атлетической станъ, принявъ вели- чественную позицію п, бросивъ на Женни значи- тельный взглядъ, осмѣлился произнести слѣдую- щую рѣчь:

— Мин-херенъ, хотя я еще очень молодъ, но уже не разъ думалъ объ отношеніяхъ нашихъ къ древнимъ обитателямъ этой страны. Гоните ихъ въ горы — это можно, потому что земля принад- ледитъ всѣмъ людямъ; заставляйте ихъ работать — это тоже можно, потому что почтенный нашъ насторъ самъ говоритъ: праздности есть матеръ всѣхъ пороковъ; но убивать ихъ!... Мин-херенъ, это неможно жестоко, потому что они намъ братья, они существо одного съ нами рода, такіе же люди, какъ и мы, и...

Флиппъ не могъ договорить; его прервалъ гром- кій хохотъ всего общества; одинъ держался за животы, другіе покачивались со смѣха на стуль- яхъ, нѣкоторые дамы закрывались платкомъ, такъ что бѣдный молодой человекъ, крайне присты- женный, долженъ былъ прервать свою рѣчь. Такъ какъ этотъ сынъ пустыни былъ вспыльчивъ и храбръ, то сначала было разсердился; но во вре- мя минутнаго его молчанія, онъ почувствовалъ, какъ прелестная, бѣлая ручка Женни коснулась плеча его и — весь гнѣвъ Флиппа прошелъ. Не го- воря болѣе ни слова, онъ сбѣгъ возлѣ своей невѣ- сты, взглялъ опять за трубку и, откинувъ голову назадъ, сталъ пускать къверху струю дыма.

— Воля твоя, мой добрый Флиппъ, — сказалъ Гертъ-Скепперъ, охотникъ за саонами, — ты не- ня скорѣе увѣршишь, что братъ я бѣлаго медвѣдя, нежели черного и обязаннаго жиромъ Готтенто- та. Но оставимъ это и возвратимся къ прежнему разсужденію. Обозрѣвъ неопредѣленное положе- ніе, въ которомъ находился боары этой колоніи, я полагаю, что благоразумно и даже необходимо продолжать начатое. Что значить прокламаціи губернаторовъ, по которой Готтентотамъ стро- жайше воспрещается имѣть лошадей и ружье? Ни- чего! Потому что они умѣютъ пріучить воловъ хо- дить подъ сдѣломъ и бѣгать такъ скоро, что лучшія наши охотничья лошади не перегонятъ ихъ; а англійскіе торяки, мнѣмше контрабанди- сты, тайно снабжаютъ ихъ орудіемъ, порохомъ, дробью и пулями!.. Я вамъ говорю, Мин-херенъ, мы не будемъ спокойны и безопасны въ нашихъ жданищахъ, пока не истребимъ до конца эту гот- тентотскую породу, частью похожую на людей, а частью на обезьян!... Далѣе: что станется съ нашей свободой, за которой мы удалились въ лѣ- са и пустыни, если Англичане, овладѣвъ Миссомъ — а это будетъ; вы увидите! — если Англичане, говорю, вооружатъ противъ насъ этихъ дикихъ звѣрей, чтобы лучше побѣдять насъ и подверг-

нуть подъ иго ихъ безправственной цивилизаціи? (*) Что касается до меня, то я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Диркъ-Маркуса, и хоть бы мнѣ при- шлось идти одному, я завтра непременно отпра- влюсь въ гости къ божесменамъ и докажу, что не смотря на мои шестьдесятъ лѣтъ, у меня еще въ- ренъ глазъ и не дрогнетъ рупа!...

— Мы всѣ идемъ! вскричали гости Маркуса.
— Это будетъ очень весело; вскричали дамы, возмѣтивъ и насъ!

Тогда Флиппъ общалъ Женни, оложивъ ей ладъ предстоящей охоты, смиряю, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкую и быструю, какъ антилопу, лошадуку. Молодая дѣвушка поблагодарила его съ улыб- кой и сказала, что возьметъ съ собою свой англій- ский карабинъ.

Мнѣ должно прибавить еще объясненіе, кото- рое не мало удивитъ читателей: всѣ боары, со- бравшіеся у Диркъ-Маркуса, были первыя, значи- тельнѣйшія лица въ той странѣ и вообще люди честные. Дамы были благочестивы, добрыя хо- зяйки, вѣрныя жены и нѣжныя матери. Женни была милая дѣвушка, непоколебленная кротости и доброты, даже тогда, когда у ней за плечами висѣлъ ея англійскій карабинъ и когда малень- кими пятками она ударяла въ ребро африканскаго коня. Флиппъ былъ прекрасный, добрый малый, нѣрѣдко встрѣчавшіеся лицомъ къ лицу со львами пустыни, но не бывшій въ состояніи огорчить ребенка; самъ Диркъ-Маркусъ ни за что не вѣзлъ бы ни одного процента съ сосѣда-должника; сло- вомъ, всѣ до одного, были неспособны прицѣпить коду либо умышленное зло.

Какая же причина вражды ихъ къ черному по- колѣнію?... Преразсудокъ, поддѣрживаемый де- мономъ выгоды и корыстолюбія.

Пока боары готовятся къ охотѣ, прилежно осу- щая стаканы съ виномъ, посмотримъ, что дѣлает- ся въ снѣжныхъ горахъ.

Нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ по- возка Диркъ-Маркуса была опрокинута внооро- гомъ.

Я нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи; пото- му что если вы, читатель, никогда не были сви- дѣтелемъ грозы подъ тропиками, то я не умѣю дать вамъ понятія о грозѣ африканской...

Бѣлая облачка собирались около вершины го- ры т'Корка, у подножія которой находится восемь источниковъ рѣкъ *Гроотс-Фимъ-раеръ*. Воздухъ сгу- щался, а небо принимало болѣе и болѣе свинцо- выя цвѣтъ, между тѣмъ какъ не было ни одной большой тучи, которая могла бы объяснить этотъ феноменъ. Воздухъ былъ тихій, тяжелый, элек- трической, удручавшій...

Мертвое молчаніе, господствовавшее въ это вре- мя вокругъ голыхъ скалъ, было прѣвка преры- вавшо глухими раскатами грома, ревомъ льва или леопарда и мрачными, унылыми военъ гнѣзны.

За душными, сухими жаромъ поднялся холо- дный вѣтерокъ; облачка около вершины т'Корка сблизились, образовали тучи, почернѣли и скры- ли вершину горы. Вѣтеръ усиливался и вскорѣ завывъ въ густомъ лѣсу; страшная молнія по- вѣсь направленіемъ пересѣкала небо, сдѣлав- шееся чернымъ, мрачнымъ. Грозные удары грома съ ужасающею быстротою слѣдовали одинъ за другимъ и съ бѣшенствомъ низвергали обломки скалъ; въ то же время мелкіи дождь, сопровож- даемый градомъ, величиною съ кулакъ, разбивалъ деревья, ломалъ сучья, мля высокія растенія. Прибавьте къ моему слабому, неполному описанію все, что ваше воображеніе можетъ представить вамъ ужаснѣйшаго и вы будете имѣть только сла- бое понятіе о грозѣ на Мисѣ Вѣсъ-Буръ.

Во время этого бѣшенства стихій, даде мо- лодыхъ людей скрывались въ углубленн сѣлахъ, обыкновенномъ убѣжищѣ ихъ, но столѣтніи, что они едва были защищены отъ дождя.

(Продолженіе слѣд.)

(*) Колонія эта принадлежитъ теперь Англичанамъ и, въ смѣху на стѣны, часто кровавыя, боаровъ съ нѣ- котрыми божесменами ихъ, богатство и благоденствіе ко- лоніи не перестаетъ возрастать со дня на день

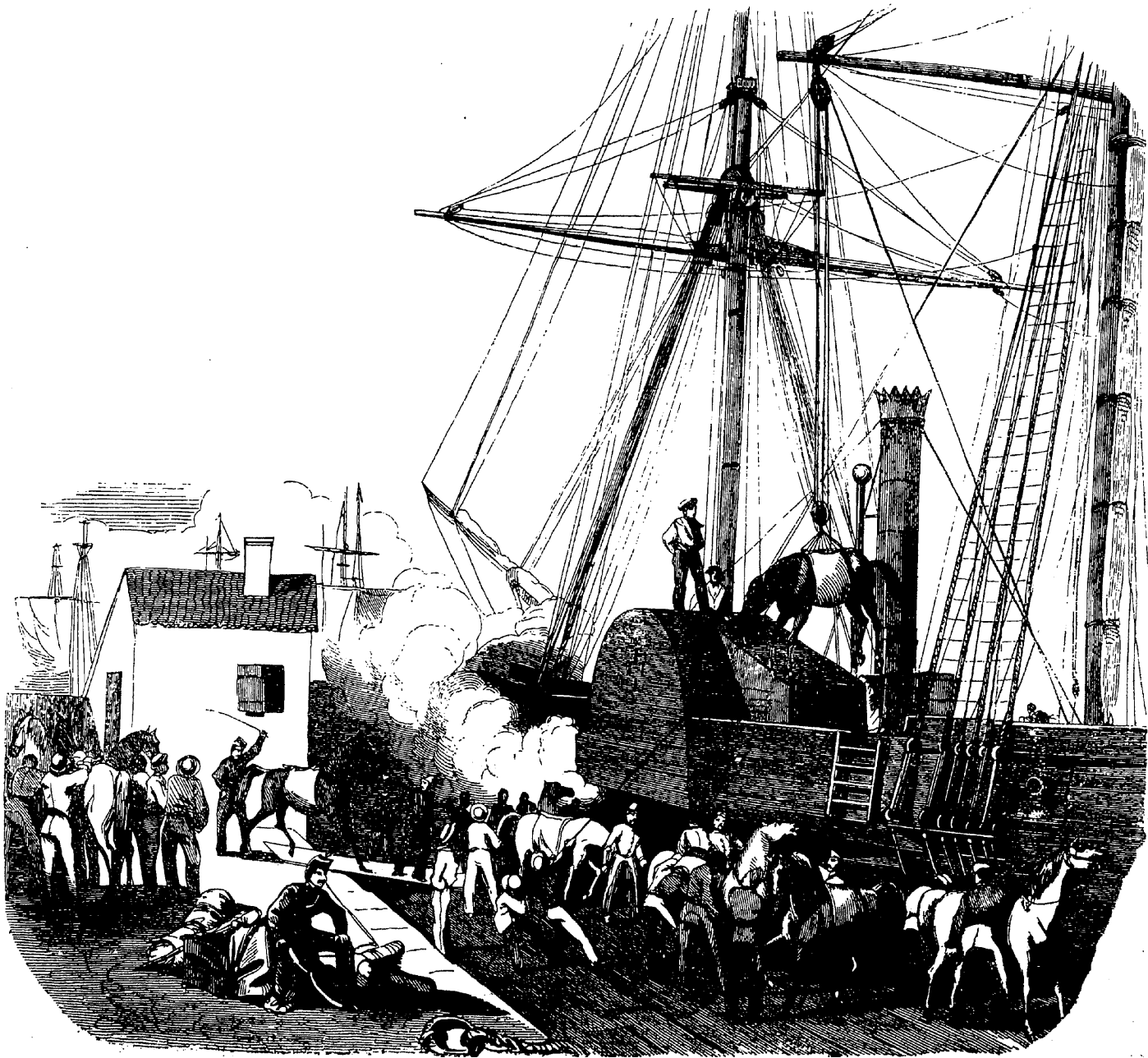
(*) Пресказанія Гертъ-Скеппера точно такъ сбы- лись.

ОТПРАВЛЕНІЕ ЛОШАДЕЙ МОРЕМЪ.

Было время, когда у нас и государственное и частное коннозаводство не могло снабжать кавалерію замороженными лошадьми, требуемого для службы достоинства; лошадьми запасались издалече. Но, въ короткое время, какъ и все, и эта

часть принялась въ Россіи съ особеннымъ успѣхомъ; заботливостію Правительства пожала богатые плоды; частные люди, увлеченные доходностию этого дѣла, устроили не мало заводовъ, улучшили породы, и получили такихъ лошадей, которыя побѣждали на скачкахъ знаменитѣйшихъ выписныхъ. Мы увѣрены, что нынѣшніи царско-

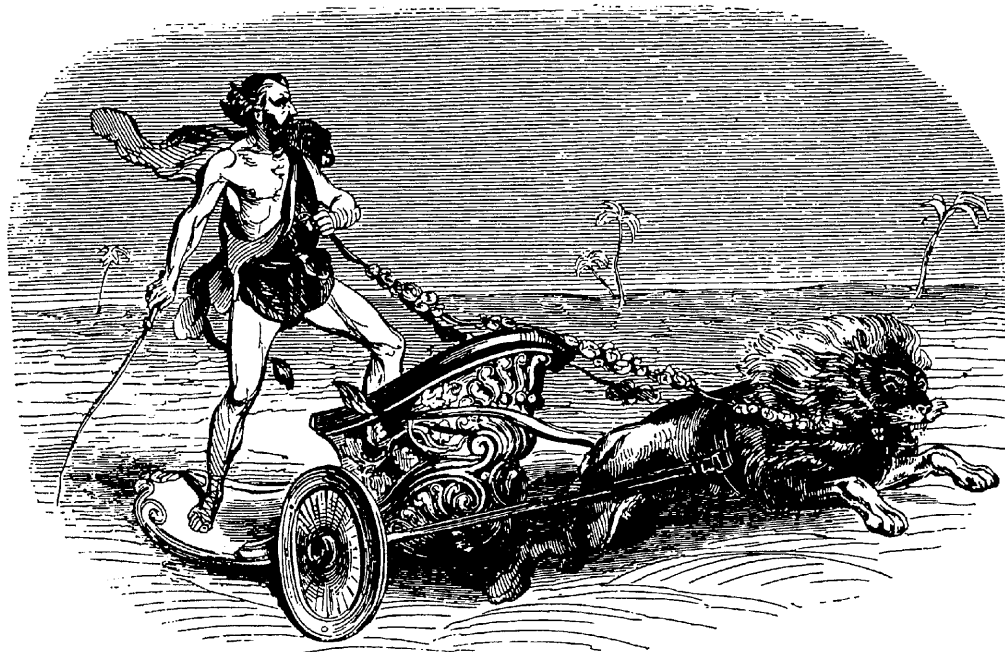
сельскія скачки будутъ блистательнѣе прошлгоднихъ; скачки 1847 года лучше нынѣшнихъ. Теперь, чтобы имѣть отличную лошадь, не пужно прибѣгать къ англійскимъ комиссіонерамъ, которые продавали нашимъ любителямъ посредственныхъ коней за первоклассныхъ. Прежде была страсть на англійскихъ лошадяхъ. Раззорились

на по...; любовались на выгрузку ихъ съ кораблей, какъ на великолѣпный балетъ. Толпы народа стекались на биржу смотрѣть какъ будутъ выгружать лошадей. Зрѣлище, впрочемъ, дѣлательно любопытное. Каждый изъ насъ его видѣлъ, но рѣдкому удавалось видѣть, какъ корабль нагружается лошадьми, именно потому, что мы

только поучали, а не продавали лошадей. Вотъ почему помѣщаемъ гравюру, съ рисунка Лекюэра, представляющаго погрузку лошадей. Кошъ видѣть, какъ ящики съ апельсинами. Любопытно чувство животнаго при такой операциіи. Какъ ящикъ, его захватятъ съ берега, какъ ящикъ подымутъ, опустятъ и уставиатъ также въ ящикъ. — Вы-

грузка производится тѣмъ же порядкомъ, но еще успѣшнѣе, потому что морской путь и на животныхъ имѣетъ дурное вліяніе.

Картеръ везомый львомъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданіямъ.

Картеръ. — Борьба съ тигромъ. — Русская Литература. — Г. Лалеманъ. — Нашествіе грибовъ на садъ во Франціи. — Лясъ въ Лисабонѣ. — Исторія наѣжкомыхъ, Блашара. — Донцетти въ Турціи. — Лондонская Итальянская опера. — Германская книжная торговля. — Печальное извѣстіе. —

Картеръ, укротитель дикихъ звѣрей, уже не первый представлялъ опыты, до чего воля человѣка можетъ довести свѣршпыхъ, хищныхъ и неукротимыхъ обитателей пустынь и лѣсовъ. Въ исторіи Турціи вы найдете описаніе одного жестокаго пашы, который тѣшилъ не только казнь, но и страхомъ людей. Получивъ отъ султана напоминаніе обращаться съ вѣрвенно ему областью по милости и по милосердію, онъ уменьшилъ число казней, но за то завелъ себѣ въѣсто собаки льва, съ которымъ расхаживалъ по улицамъ, входилъ въ дома богатѣйшихъ обывателей и обыкновенно, въ обѣденное время, заставлялъ себя подчивать, и члены семейства съ ужасомъ подносили ему блюда и напитки, считая каждый часъ своей послѣднимъ, потому что воалъ паша лежалъ левъ. Городъ былъ греческій, и левъ не долго помылъ. Греки съумѣли отъ него избавиться. Конечно, дойти въ этомъ отношеніи можно далеко, но сдѣлать лютаго звѣря вполне своимъ — это воспрещено законами природы, которыхъ нельзя перенять ни измѣнить. Ученая сорока на водѣ уйдетъ въ лѣсъ; а ужъ левъ, тигръ... Не лаявъ сониваться, что послушаніе нѣкоторымъ звѣрямъ Картера было виѣнено бичеваніемъ и всякою другою пыткой съ самого такъ сказать дѣтства. Да и этихъ послушныхъ много ли? Не вѣримъ, будто Картеръ освоилъ звѣрей своихъ тѣмъ, что не давалъ имъ спать; пручалъ ихъ къ господству своего взора и т. п. Конечно, мы сами видѣли, что не перодѣ кайткой двухъ бенгалскихъ тигровъ всегда стоялъ слугитель съ хлыстомъ и непрерывно напоминалъ этимъ двумъ прелестнымъ кошкамъ присутствіе человѣка; но можно утвердительно сказать, что съ этими двумя учениками Картера

никогда бы не свадилъ. Онѣ достались ему въ возрастѣ, въ которомъ и тигръ имѣлъ уже сознаніе и силъ своихъ и природы. Въ Петербургѣ Картеръ проживалъ съ своими учениками, сначала на отдаленномъ и пустынномъ островѣ, потомъ переѣхалъ въ городъ. Представленіи ему не были дозволены. Занятельность ихъ не стояла той опасности, которой могли подвергаться зрители.

Борьба Картера съ тигромъ.

Въ Парижѣ въ первый разъ онъ возбудилъ восторгъ на цѣлую недѣлю; по во второй разъ не ужели онъ могъ полагаться на постоянство французскаго вкуса. Онъ былъ тамъ въ началѣ нынѣшняго года, и уѣхалъ недовольный. Но мы воображаемъ какую горестію постигнуть онъ теперь, если слухи справедливы. Вы помните эту удивительную кошку, эту прелестную, очаровательную тигрицу, которая съ своимъ красивымъ братцемъ составляли красу звѣривца. У насъ еще братецъ укуслилъ сестрицу; ей замазали рану и не прика-

зывали слизывать лекарства. Хлысть то и лѣло напоминала ей о грозномъ повелѣніи Картера. Поссорилась ли она съ братцемъ или отъ другихъ причинъ, только увѣряютъ, что она умерла весьма трогательно и пѣжно. Братецъ до все время болѣзни не кусалъ ее; а послѣ кончины п сама стала задумываться. Можетъ быть все это несправедливо. Чего не пишутъ въ газетахъ! Но признаемъ, намъ вѣжѣ было бы жалъ этихъ драгоценныхъ экземпляровъ бенгалскаго тигра. Левъ, на которомъ разѣѣжастъ Картеръ, и тигръ, съ которымъ борется, совсѣмъ не такъ замѣчательны; такіе встрѣчаются и въ обыкновенныхъ звѣринцахъ.

* Въ послѣднемъ номерѣ французской иллюстраціи помѣщена статья о современной Русской Литературѣ. Она видимо написана русскимъ приверженцемъ Гоголя. Примѣтны, въ этой статьѣ, много пристрастія, поверхностныя свѣденія автора о литературѣ вообще, и о русской въ особенности; но крайней мѣрѣ, эти нѣсколько словъ не исполнены тою желчью и клеветой, какими прежде наполнили сказаніи о русской словесности. Содержаніе этой статьи слѣдующее: До Карамзина не было въ Россіи никакой литературы. Карамзинъ и Жуковскій не имѣли никакой оригинальности. Настоящая литература началась съ Пушкина и произвела, кромѣ Пушкина, только двухъ писателей: Лермонтова и Гоголя. Послѣдній выше всѣхъ. Онъ убилъ всѣхъ прочихъ писателей. Изучать Россію можно только въ сочиненіяхъ Гоголя; изъ копъ нѣкоторыя переводятся на французскій языкъ... Статья эта весьма много будетъ содѣйствовать успѣшной продажѣ перевода.

* Кресла Бресше въ парижской академіи наукъ уже заняты. Избранъ большинствомъ голо- совъ — Г. Лалеманъ. Кресла въ этой академіи сто- лять курльскихъ. Если для самолюбія чело- вѣскаго можетъ быть какая либо высокая и... л- сная цѣль, то безъ сомнѣнія — эти кресла. Что- бы получить, надо много, много трудовъ, талан- та и оправданной дѣлами славы. Это не кресла французской академіи, куда могутъ усѣсть два- три улачные романа или сборникъ синонимовъ. Дал- есанъ извѣстенъ по медіциской части съ от- личной стороны; онъ составлялся съ пятью кон-

курентами и побѣдилъ блистательно, получивъ 35 голоса, тогда какъ слѣдующій, Г. Жерди — только 10, а прочіе по одному, по два.

* * * Садоводцы французскіе весьма жалуются на нынѣшнее лѣто. Плодовые деревья не обѣщаютъ ничего утѣшительнаго. Уже чего они не дѣлали, чтобы уничтожить вредныя насекомыя, все было напрасно. И что же — садоводцы не догадались, что враги ихъ промысла не насекомыя, а что бы вы думали? — Грибы! — Да, грибы, которые въ этомъ году падали на корни деревьевъ и покрывали ихъ покойной жизнью. — Сады захворали особеннаго рода грибами и Г. Паке написалъ объ этомъ предметѣ обширное разсужденіе. Въ природѣ не узнаешь вдругъ откуда является зло. Любопытно, какъ Г. Паке объясняетъ такое странное явленіе. Содержаніе его записки еще не опубликовано.

* * * Листъ въ Лисабонѣ! Глянка въ Мадридѣ! И такъ Ипріейскій Полуостровъ наслаждается музыкой? Не совѣмъ. Изъ Мадрида мы еще не получили прямыхъ извѣстій, а въ Лисабонѣ нѣтъ еще публики для Листа. Первый концертъ былъ биткомъ набитъ слушателями, второй меньше, и такъ далѣе, gradatim... sic transit gloria mundi! По обычаю Листъ не забываетъ и бѣдныхъ. Онъ далъ два концерта: одинъ въ пользу бѣдныхъ Португальцевъ, другой для Ирландцевъ, которыхъ въ Лисабонѣ не мало. Листъ получилъ отъ королевы богатую бриллантовую табакерку и орденъ Христа.

* * * Многія науки теперь получили такое огромное развитіе, что если бы тѣмъ, которые усердно за ними не слѣдовали, вздумалось вдругъ войти въ тайны той или другой науки, надо-бы къ ихъ жизни сдѣлать прибавленіе. Изученіе науки стало необыкновенно, невозможнымъ. Въ природѣ напримеръ, насекомыхъ, было со времени не такъ много; по крайней мѣрѣ, была возможность знать и помнить всѣ ихъ роды и виды; а теперь... извините! Держимъ пари, что никто не знаетъ теперь всѣхъ насекомыхъ съ окончательною подробностію. Въ последнее время и насекомыхъ и ихъ монографіи явилось множество. Кому угодно, однакоже, поближе познакомиться съ этою занимательною ислечью, рекомендуемъ превосходную книгу Бланшара: Исторія насекомыхъ. Тащить мухъ, червей и бабочекъ создалъ великое явленіе. Миръ мошекъ изъ хаоса приведенъ въ стройное согласіе. Своевольныя насекомыя обузданы умомъ Бланшара; буйная воляница построилась въ полки, раздѣлилась на правильныя партіи и предстала на смотръ натуралиста. Бланшаръ оставилъ классификацію своихъ предшественниковъ, далъ свою, весьма упрощенную и понятную для каждого, описалъ нравы, обычаи и привычки этихъ народовъ вѣрно, подробно и заманчиво. — Это одинъ изъ самыхъ лучшихъ историческихъ романовъ нашего времени.

* * * Донцетти въ Туринѣ, Гунгль въ Павловскѣ. Какъ, спросите, знаменитый авторъ Лючинъ въ Туринѣ? Иосифъ Гунгль въ Павловскѣ? Вотъ видите, какъ иногда выгодно носить извѣстное имя. Не говоря уже о Гунгль, братѣ Иосифа Гунгля, который приобрѣлъ добрую извѣстность въ Берлинѣ. Иосифъ Гунгль и его оркестръ можетъ быть не чѣмъ не хуже Иосифа Гунгля и его оркестра. Но константинопольскій Довицетти извѣстенъ только своимъ именемъ, своимъ братомъ, изъ Константинополя беретъ за это не малую подать. Естественно, что репертуаръ болѣею частью составленъ изъ оперъ любезнѣшаго брата. Константинопольская италянская опера составлена довольно удачно, и Лукреція Борджія принята съ большимъ одобреніемъ.

* * * Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Константинополѣ хорошая опера. Теперь для италянскихъ пѣвцовъ наступила година разставанія. Сальтѣ, Москвѣ, Одессѣ, Нью-Йоркѣ — поютъ италянцы. Прежде бывало въ Лондонѣ все лѣто поютъ первоклассные пѣвцы и пѣвицы. А теперь? — Теноръ — Моріани. Объ этомъ вы еще что нибудь слышали. Но скажете, доходящая до васъ слава о Боріо, Форнассари и Ботелли? — Впрочемъ нѣтъ. И Моріани считали въ Италіи хорошими, но холодными пѣвцами. Въ Лондонѣ вся

эта труппа имѣетъ необычайный успѣхъ. Англійчане хотятъ насильно удержать и себя и всѣхъ, что у нихъ первоклассная италянская опера.

* * * Лейпцигъ и вся книжная торговля Германіи теперь въ сильномъ волненіи. Правительство, по холатайству содѣланныхъ державъ, имѣетъ намереніе издать законъ, по которому тѣмъ съ книгами приходящимъ въ Лейпцигъ, должны будутъ подвергаться осмотру; этого мало; поговариваютъ, что даже самая столица книжнаго нѣмецкаго міра будетъ перенесена въ другой городъ. Можно себѣ вообразить, въ какомъ страхѣ всѣ лейпцигскіе книгопродавцы, а равно и тѣ, которые въ ближайшихъ мѣстностяхъ съ книжными городомъ. Особенная депутация отправилась къ королю. Рѣшеніе участі Лейпцига еще неизвестно.

ЗАКЛАДЪ.

романъ

въ многочисл. письмахъ.

(продолженіе).

Поль! ты тутъ что дѣлаешь?

Ермола! Ты, разбойникъ, зачѣмъ здѣсь?

Лакен или камердинеры стояли вытянувшись въ струнку. Половой выглаживалъ, едва видный изъ за прилавка; только Кудимъ и старикъ въ офицерскомъ сертукѣ не испугались грозныхъ гостей.

— Что дѣлали, за чѣмъ здѣсь! сказалъ Кудимъ, оправляясь. Извѣстное дѣло зачѣмъ. Видишь, полагался имъ лаковый кусочекъ; какъ волки голодные, бросились на сироту безродную.

— Сироту! О, да это интересно! Ахъ, посмотрите, Евгений Сергѣевичъ, какая милашка; въ самый порѣ. Не пугайся, миленькая... — и Левушка протянулъ руку, чтобы взять ее за подбородокъ, по обычаю приступись старшихъ къ младшимъ, но Кудимъ, остановилъ дерзкую руку.

— Не балуй, баринъ! Не хорошее дѣло дѣвушкамъ бороды гладить...

— Ты тутъ чего мѣшаешь?

— Это мой найдешный; Богъ ее мнѣ на руки послалъ, такъ ужъ прежде живу въ могилу зарю, а ужъ на стражъ какой не выданъ. Кто ее знаетъ! Не простаго она узда; тайное дѣло за нея прядется.

Левушка отступилъ, но подошелъ другой, Евгений; онъ все время разсматривалъ весьма пристально дѣвушку и чувство состраданія возбудила слова Кудима.

— Какое дѣло? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Не наше съ тобой! Вотъ надо мнѣ барыню хорошую сымскать, чтобы на руки взяла; а тогда уже и дѣло р азмотается...

— Мы ее возьмемъ подъ наше покровительство... сказалъ Левушка...

— Полно вздоръ молоть, баринъ! Ты и за собой то не углядишь; за дѣвочкой надо женской глазокъ, который за своими дѣтми уже привыкъ смотрѣть...

— Чего лучше! Авдотья Семеновна ее возьметъ... закричала Левушка.

— Авдотья Семеновна! Этотъ холодный камень, эта хотунья, эта болтушка... Не такого чувства требуетъ несчастіе. Вотъ Kleopatра Кирилловна...

— Kleopatра Кирилловна! Эта отъявленная кокетка, отъ которой я не могу отвязаться...

— Тише, молодой человѣкъ! Вы забываете, гдѣ вы, кого носите, на кого клеветаете...

— Ужъ не вы ли собираетесь учить меня, смотрите, чтобы васъ не проучилъ...

— Уже не у васъ же я стану брать уроки, а клеветнику всегда ротъ зажиму.

— Я надѣюсь, что вы, какъ благородный человѣкъ...

— Прибью палкой мальчишку, который смѣетъ доносить доброе имя извѣстной женщины...

— О! да это уже слышкови! Мы съ вами раздѣлаемся! Ермолай, ступай за мной! Постой, постой, разбѣжи эту черноту въ дребезги...

— О! это уже черезъ чуръ! Поль, гдѣ мой чубукъ...

— Чубукъ?...

— Ну, да, чубукъ!

— Чубукъ? Право не знаю, былъ на верху... Да зачѣмъ вамъ чубукъ? Они уже изволили уйти, и вамъ пора...

Но Евгений не слушалъ Павлушки, который старался поскорѣе увести барина съ поля сраженія, чтобы онъ не успѣлъ замѣтить гдѣ чубукъ, а что это оружіе уже служить не можетъ ни въ военномъ, ни въ мирномъ отношеніи. Евгений стоялъ въ глубокой задумчивости; мечь за Kleopatру кипѣла бурно въ его сердцѣ; мечь занимала его умъ; онъ забылъ гдѣ находится; прочіе какъ будто уважали его думы... По Кудимъ ихъ разогналъ. «Экой пѣтухъ! Расходился, а салъ ушелъ... сказалъ онъ».

«Не уйдетъ!»

— Чай за нимъ, добрый баринъ, въ догонку пойдешь? Не стоить гнаться; убьютъ и самъ. Влава птица полету...

«Твоя правда. Твой найдешный гораздо важнѣе; имъ надо заняться».

— Не изволь трудиться. Мы и сами обмыслимъ. У меня есть на примѣтѣ барыня важная; у Сидора Никитича Потючкочна стоятъ. Опоявись, какъ привыкли, Богъ на нихъ бѣду наслалъ; Машка ко мнѣ забѣгала; видно про меня отъ сосѣдей слышала; говоритъ: помоги, Кудимушка, барыня моя дурнымъ сномъ заснула. Будто кто ее мѣшкомъ изъ за пазухи пришибъ, по саду гуляла, даромъ и повалилась. Помоги Кудимушка. — Наша артель близко; я было и пошелъ съ дуру, да до меня барыня встала, такая веселая, допустила и меня къ лицу своему свѣтлому. Спасибо, Кудимушка, извини, что обзавожили; вотъ тебѣ за труды. — Ну, самъ звать изволишь, не за что брать, такъ я и не взяла, а она башъ: Ну, старикъ, коли что нужно будетъ, приходи... А лице-то какое доброе, ни дала, ни взять, взглядомъ что рублемъ дарить; слава тебѣ Господи, что вспомнилъ. Просидимъ тутъ до утра, а утромъ будетъ у тебя, мое лянтько, и мать и покровъ... Ухъ!...

Кудимъ какъ будто самъ обрадовался своей мысли. Распоясаясь; положилъ шапку, кушакъ и обошелъ на скамью, и подошелъ къ прилавку.

— Вотъ тебѣ грибка, Косой! Дай моей дѣвкѣ перекусить чего нибудь.

— Впшь ты, за гриваю ямыче харчи сталъ покупать...

— Подай все, чего ни спроситъ Кудимъ, на мой счетъ! сказалъ Евгений и пошелъ во своасы; Поль бережно подобралъ остатокъ черешневаго чубука, погрозилъ ими молча Кудиму и пошелъ за барыномъ... Старикъ въ сертукѣ, присловясь къ стѣнкѣ, сталъ дремать, а Кудимъ съ дѣвушкой — давай вапокоу ужинать. Половой усердно прислуживалъ; подавалъ, чего и не требовали, и старался прислушаться къ разговору. Изрѣдка только онъ поглядывалъ на окно и почесывалъ правый високъ. Отужинали.

— Ну, теперь убирайтесь съ Богомъ! сказалъ половой. Пора и нашему брату заснуть.

— Спи себѣ съ Богомъ; и мы вздремнемъ на скамьяхъ.

— Нѣтъ, у насъ этакого заведенія не бывать. Не приказано. Изволь убраться.

— Да я у тебя и за деньги бы не остался. Наше мѣсто свято, а у тебя, кромѣ того что соблазна, да еще и волки заглядываютъ.

— Что ты, дядя Кудимъ! Какіе волки...

— Много ли у тебя ядей-то, Косой! Ты гляди, сбоку-то еще и бѣды не увидишь; смотри, чтобы и другой глазъ не покрывался. Мы вѣдь не изъ отрубилъ какихъ набиты; а тоже сѣтка есть; сѣткаемъ.

— Да что ты это, дядя Кудимъ, право, будто тайность какую говоришь.

— Да, ужъ племянничекъ, безъ тайности съ Савиломъ никто не яхается...

— Да что мнѣ твой Савилъ?

— Тоже дядя, да нуще роднаго отца. Ужъ нѣтъ для Савила на честномъ кладбищѣ ямы копать не придется. Врагъ да врагъ его возьмутъ...

ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ.

Хронометрическая экспедиция. — Русский меридиан. — Путешествіе Гг. Миддендорфа, Коленати и Кастрена. — Варшавская вѣнская желѣзная дорога. — Прессы для выжимки свеколичнаго сока. — Незавидная всемирная извѣстность. — Г-жа Плесса.

Если бы во Франціи, Англіи, Германіи исполнялись предпріятія, подобныя тѣмъ, о которыхъ говорить хотимъ, всѣ газеты и журналы ударили бы въ набатъ и насильно обратили на нихъ общее вниманіе. У насъ память объ этихъ подвигахъ остается гдѣ нибудь въ официальномъ журналѣ, полза — въ ученомъ мірѣ, а до публики извѣстїи объ нихъ никакъ не доходятъ. Кто виноватъ? Публика или Журналисты? Не ужели для нея любопытнѣе читать, что дѣлается въ парижскихъ театрахъ втораго разряда, нежели то, что приноситъ честь нашему отечеству, ползу наукѣ и славноу пользу всему міру. Многимъ ли, напримеръ, извѣстны ученые наши экспедиціи прошлаго года, въ которыхъ даже другія государства принимали живѣйшее участіе. Ученая хронометрическая экспедиція, для положительнаго опредѣленія долготы пулковской обсерваторіи, которая должна служить центромъ всѣхъ географическихъ работъ въ Имперіи, увѣнчалась самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Долгота Пулковой, относительно меридіана, проходящаго черезъ Гринвичъ, опредѣлилась въ 2° 1', 43", 78. Еще важнѣе группы нашихъ ученыхъ, относительно опредѣленія меридіана въ Россіи. Г. Струве началъ трудиться надъ этимъ важнымъ предметомъ съ 1820 года и въ 10 лѣтъ представлялъ измѣреніе дуги меридіана между Двиною и О. Голландомъ въ 3° 35', — Генералъ Теннеръ составлялъ нечисленія другой дуги отъ Двины въ 4° 28'. Г. Струве, по Высочайшему повелѣнію, продолжалъ вести свой меридіанъ даде на сѣверъ; всего въ прошломъ году получено 183 треугольника или 13° 6' меридіана! Государь Императоръ позволилъ обратиться на это дѣло особенное высокопарное вниманіе и у насъ будетъ свой собственный меридіанъ отъ самыхъ сѣверныхъ оконечностей Имперіи до Измаила на Дунаѣ, меридіанъ въ 21° 48', тогда какъ знаменитый французскій меридіанъ имѣетъ только 12° 25', а объ немъ газеты и журналы уши прожужжали. Въ англо-индійскомъ меридіанѣ всего 15° 58'.

Положимъ, что эти двѣ ученые экспедиціи пмѣютъ интересъ спеціальныи, географическіи, требуютъ отъ читателя нѣкоторой учености для того, чтобы онъ могъ вкусить сладость этихъ важныхъ подвиговъ, совершаемыхъ въ его отечествѣ. Попутествіе Г. Миддендорфа въ Восточную Сибирь совершенно иного качества. Оно любопытно для каждаго. Ученые результаты этого гигантскаго предпріятія въ сторону. Возьмите романтическую его сторону. Въ нашей безвѣстной Имперіи есть еще страны неизвѣстныя. За Турханскомъ, напримеръ, кто бывалъ? Сто лѣтъ тому назадъ случалось ино пробжало по этимъ странамъ морскіе офицеры, но зимно, не останавливаясь, не наблюдая, духодя, убивая отъ суроваго климата, отъ несконной тоски, господствующей въ этихъ ледяноснѣжныхъ пустыняхъ. Г. Миддендорфъ, профессоръ зоологіи въ киевскомъ университетѣ, въ 1841. г. добровольно вызвался совершить это путешествіе, и совершилъ его къ истинной славѣ государства, къ прямой пользѣ для наукъ. Помощникомъ себѣ избралъ Датчанина Г. Бранта, въ спутники ему пріяданы унтер-офицеръ корпуса топографовъ и ученикъ зашней зоологической лабораторіи. — Вотъ вся экспедиція. Любопытно видѣть любителя науки, который доказываетъ любовь свою не выписками изъ показаній предшественниковъ, не громкими словами, дышащими западнымъ шарлатанствомъ и подвергающими весь рассказъ сомнѣнію, нѣтъ, подвигами действительными, лишенными болѣзненію — и все это не охлаждаетъ его рвенія. Собственноручно онъ строитъ лодки, спускается по неизвѣстной рѣкѣ Тайниру въ Ледовитое Морѣ, посреди лѣта, его, то затираютъ льдины, то засыпаютъ снѣгъ; по онъ не останавливается; разо-

славъ своихъ спутниковъ, остается одинъ и выдерживаетъ 18-ти дневную сильную лихорадку; на берегу Баганды устрояетъ центральную обсерваторію естественной исторіи. Оттуда направляетъ путь на Удской Острогъ, на Охотскомъ Морѣ. Становой хребтъ его не останавливаетъ. Оттуда прямымъ путемъ въ Нерчинскъ, вдоль границы китайской, на которой никто не былъ, даже казаки. Эта граница нѣчто воображаемое, фантазія. Правильная государственная межа доходитъ только до Горбыцъ, притока р. Амура. Въ трактатѣ 1689 года глухо сказано: а отъ Горбыцъ граница пойдетъ на востокъ по горамъ. Это путешествіе пролѣтѣть свѣтъ на огромное пространство земли, которое только было извѣстно по оконечностямъ, прилегающимъ къ морю. Результаты неисчислимой важности, что можно уже замѣтить въ однихъ писемъ путешественника. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ подробнаго описанія. Желательно, чтобы оно было составлено на французскомъ языкѣ, не для того, чтобы мы предпочитали этотъ языкъ отечественному... Боже сохрани! по тому, чтобы вся ученая Европа могла читать и оцѣнить достойно труды достойнаго нашего ученаго. — Въ этомъ нѣтъ желанія суетной славы; не совѣтуемъ, да и не стоить се искать насильно въ Парижѣ; она придетъ сама. Г. Миддендорфъ съ особенною похвалою отзывается о содѣйствіи и трудахъ своего спутника, топографа Ваганова, которому приписываетъ въ значительной мѣрѣ успѣхъ всего предпріятія. Вагановъ всемірастпѣйше награжденъ офицерскимъ чиномъ.

Съ сожалѣніемъ расстаемся съ этимъ любопытнымъ предметомъ. Боимся, чтобы не наскучить, но въ то же время видимъ себя въ необходимости обратить вниманіе на другаго путешественника: Доктора Коленати, восходящаго на Казбекъ и описавшаго эту замѣчательную гору съ особенною подробностію.

Въ настоящую году ожидаемъ еще любопытныхъ извѣстій о Сибирѣ въ этнографическомъ отношеніи. Болѣзнь не позволила г. Кастрену отправиться туда въ прошедшемъ году. Путешествіе г. Кастрена будетъ продолжаться три года.

Всѣ эти путешествія соединены съ меньшими или большими трудностями, и когда на востокѣ лежатъ пути непроходимыя, на западѣ Россіи уже начинаютъ вѣдать по желѣзнымъ дорогамъ. 2 го іюня происходило торжественное открытіе двухъ станцій варшавско-вѣнской желѣзной дороги. Черезъ нѣсколько часовъ, по отправленіи перваго поѣзда, съ которымъ поѣхало нѣсколько сотъ особъ, между которыми находился Его Свѣтлость Князь Варшавскій, былъ отправленъ второй поѣздъ съ 600 пассажирами. Оба поѣзда вечеромъ возвратились въ Варшаву.

Извѣстно, что количество сахара зависитъ отъ количества сока, получаемаго изъ свекловичны. Сокъ добывается посредствомъ прессовъ. Гидравлическіе очень дороги, всѣ прочіе несовершенны, требуютъ много лошадей, такъ что если заводъ устроенъ на 200 берковцевъ въ день, то на одинъ прессъ нужно 100 человекъ. Въ Сумскомъ Уѣздѣ, помѣщикъ Фитингофъ изобрѣлъ прессъ съ рычагомъ. Этотъ прессъ можетъ дѣйствовать непрерывно съ помощію двухъ паръ воловъ. Курской Губерніи Путильскаго Уѣзда, въ селѣ Бочкахъ, А. Н. Львовъ устроиваетъ теперь заводъ на 200 б. стучакомъ производства. Выжимать сокъ будутъ 20 чел. и 2 пары воловъ понымъ прессомъ. Объ этомъ давно думали и во Франціи и въ Англіи, но опыты не были удачны. Нельзя не пожелать, чтобы попытки нашихъ помѣщиковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, чтобы мы хотя въ чемъ либо предупредили западные государства. Пора не подражать, а соперничествовать.

По всей Европѣ теперь ищутъ одного знаменитаго мошенника и полагаютъ, что онъ укрывается въ Россіи. Его зовутъ Иваномъ ~~Горгасомъ~~ Горгасомъ. Въ Амстердамѣ онъ выдавалъ себя за богатаго купца, въ Вѣнѣ за прусскаго юстиці-совѣтника Проша. Въ обѣихъ столицахъ онъ взялъ у банкировъ знатныя суммы по фальшивымъ векселямъ и скрылся. Судя по примѣтамъ, съ подробностію описаннымъ въ официальныхъ объявленіяхъ

Половой, какъ будто собирая посуду, хотѣвъ выйти въ двери, да Кудимъ ему замѣтилъ:

— Не въ тѣ, Косой! Тамъ уляца, посудины не гдѣ ставить, а Савиль до утра обождетъ... Видишь, рыжая борода по ночи свѣтится.

Половой началъ тереть затылокъ, Кудимъ продолжалъ:

— И это знаемъ, Косой! Вотъ видишь, безъ толку только перепугалъ дядю; чай теперь Савиль будетъ отъ погони бѣжить. Эхъ, Косой, и мы люди бывалые... Спи, дятятко, а мы съ Косымъ по толкуемъ.

Половой былъ совершенно смущенъ. Ему было ужасно досадно, что въ торопяхъ онъ подалъ Савиль не тотъ знакъ. Присутствіе сильнаго союзника теперь бы ему куда какъ пригодились; Кудимъ наслаждался замѣшательствомъ полового не доаго:

— Слушай, Косой! У тебя есть въ запасѣ и подлущка и тюфякъ. Подай ихъ моеи бѣднягѣ. Ну, люблю послушныхъ. Теперь вотъ что, мнѣ надо идти яму копать; завтра будутъ хоронить бѣдную нашу Лукерью Ивановну...

Старикъ въ сѣртку вскочилъ и, протирая глаза, спросилъ:

— Во снѣ иль на яву?... Быть не можетъ! Ты сказалъ будутъ хоронить Лукерью Ивановну?

— Да, а что?

— А какъ ее зовутъ?

— Лукерей Иваловой.

— А еще какъ?

— Больше никакъ не зовутъ. Нѣтъ вру. Иной разъ говорятъ Лукеря Ивановна, что на ображѣ, потому, что не одна же Лукеря Ивалова въ городѣ; да и городъ-то великъ...

— Твоя правда! Зачѣмъ ей быть здѣсь! Впрочемъ — столько лѣтъ!

— А много ли?

— Пятнадцать...

— Давненько...

— Вѣчностію...

— А гдѣ же изволила пробаляться...

— Далече...

— Въ какомъ городѣ?

— Въ такомъ, о которомъ ты никогда и не слышала...

— А что же тамъ дѣлала?..

— То, чего не дай Богъ тебѣ, ни дѣтямъ твоимъ, и никому на свѣтѣ. Ну, да вотъ Богъ милостивъ. Авось всѣхъ увижу... Ужъ и не такъ далеко; было дальше... Да что я разболдала... Говорите потише. Мнѣ много силъ надо. Дайте по отдохнуть.

Старикъ повернулся, подложивъ руку подъ голову и заснулъ богатырскимъ сномъ.

— Ну, выдался денекъ, сказалъ шепотомъ Кудимъ: — Диво за дьяволъ! Ну, да ужъ нѣкто какъ оны; лучше нашего знаетъ что и на что творится; такъ слушай же, Косой! Я пойду, а ты присмотри за моимъ найденышемъ. Запрись на оба замка. Пока не вернешь, никого не впускай.

— Дядя Кудимъ! Теперь ярмонка! Если пріѣзжіе окна выломаютъ, на то гостиница, постоялый дворъ, трактиръ и харчевня. Хозяинъ убьетъ, а добрый гость прибьетъ. Видишь ты, какіе тутъ козыри водятся. Я ужъ для тебя, дядя Кудимъ, все что хочешь сдѣлаю. Знаешь ли что, дядя Кудимъ? Есть у меня запасная горенка за коровникомъ. Тамъ я самъ сплю, когда досугъ. Спрячь туда находку... Тогда прихою, когда хочешь, никто ее не увидитъ.

— Спасибо, Косой!

Сказано, сдѣлано. Кудимъ одѣлся, взявъ свою лубяну и пошелъ въ путь для Лукерьи Ивановны стелать постель послѣднюю. Косой не могъ уснуть. То и дѣло, ему казалось будто гости подходятъ; и не ошибся Косой. Въ окнѣ показались рыжая борода и два блестящіе глаза... Трижды легонько что-то стукнуло въ окончину; Косой не подалъ знака, но самъ тихо выползъ на уляцу...

лях, Горгасъ или Прощъ долженъ быть человекъ образованный, ловкій; онъ, какъ сказано въ вѣдомомъ объявленіи, совершенно добродушенъ въ своихъ поступкахъ. И этотъ добродушный мошенникъ, какъ подозреваютъ, теперь путешествуетъ по Россіи на счетъ Амстердама и Вѣны. Объявленіе объ немъ напечатано во всѣхъ губерскихъ вѣдомостяхъ. — Поймать его все равно, что выиграть въ лотерею значительную сумму, потому что за поимку обещана десятая часть того, что будетъ при Прощѣ, или что найдется во время сабастива. Этотъ воръ — большой руки и приобрѣлъ весьма выгодно всемирную извѣстность. Нѣтъ сомнѣнія, что не только въ Америкѣ, но въ Египтѣ, Индіи и Китаѣ, вездѣ, гдѣ только есть газеты, Горгасъ или Прощъ найдеть себѣ мѣстечко. Весь міръ теперь невольно играетъ въ лотерею, въ которой только одинъ выигрышъ и этотъ выигрышъ — человекъ.

Городскихъ новостей у насъ и много и мало. Важнѣйшая, или лучше сказать одна, и есть важная — это неожиданное прибытіе г-жи Плесси, первой актрисы французскаго театра (Theatre français) въ Парижѣ. Еще не успѣли объ этомъ прогнѣть въ трубы французскіе журналы, а г-жа Плесси уже въ Петербургѣ. Журналы справедливо говорятъ, что для артистовъ разнаго рода побѣлка въ Петербургѣ сдѣлалась водною страстію. Мы мѣляемъ путешественниками, но съ тою разницею, что наши въ Парижѣ проживаютъ, а иностранцы у насъ проживаются. Не жалѣемъ о первыхъ, а многимъ изъ послѣднихъ душевно рады. Талантъ г-жи Плесси такъ обширенъ и столь значителенъ, что пріѣздъ знаменитой актрисы порадуетъ каждого. Она выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ хорошихъ актрисъ, которыми восхищаются какъ талантами первоклассными. Присутствіе первостепеннаго таланта всегда имѣетъ хорошее вліяніе и на русскій театр. Таліоны и Рубины это доказали. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дебюты г-жи Плесси.

ПЕРЕПИСКА.

С. — Рукоплеканія въ немногихъ сильныхъ мѣстахъ похожи на «здравствуйте», если кто чихнетъ... это говорилъ Даламбертъ; мы совершенно съ нимъ согласны.

1. 13. — Благодаримъ за ваше участіе въ судьбахъ Иллюстраціи. Всему, что вы пишете, вѣримъ, потому что знаемъ къ чему способны тѣ, о коихъ вы пишете; но вспомните исторію древняго язычника Псафона. Онъ собралъ птицъ и училъ ихъ выговаривать только три слова: Псафонъ есть богъ. По окончаніи курса, птица отпускалась на волю и разносила по всему міру анонеозу Псафона; но домашніе сообщали о оловкѣ хозяина со-сѣдямъ, и не только досталось Псафону, но и всѣмъ птицамъ, которыя разносили его славу.

Не лъзя же пѣкъ носить личина,
И истина должна открыться.

О. Н. С. Ошибаетесь, если думаете, что Иллюстрація будетъ отвѣчать на подобныя выходки. Тактика старая. Вспомните, что говорилось нѣ-

когда на лекціяхъ о клеветѣ и клеветникахъ. Клевета никогда прямымъ путемъ не ходитъ. Она прикидывается добродушною, честною, на гнусный образъ свой падающая благовидною личиною, изъливаетъ сожалѣніе о васъ и тутъ же клеветаетъ; говоритъ вамъ похвалы и тутъ же поноситъ; увѣряетъ, что желаетъ вамъ добра и въ то же время рассказываетъ про васъ небылицы. Чѣмъ старѣе клеветникъ, тѣмъ болѣе въ словахъ его наружнаго хладнокровія. Напротивъ того, юноша, который едва вступаетъ на это поприще, — гордится, въ выраженіяхъ своихъ неумѣренъ, въ нихъ нѣтъ логики, а только несвязная брань. На все на это непріятно, но любопытно смотрѣть, а отвѣчать значило бы сойти въ ту же область, сравниться съ тѣмъ, отъ которыхъ благомыслие отворачиваются. — Вы удивляетесь; мы ни мало. Это еще цѣтки, а ягоды покажутся тогда, когда придетъ время къ подпискѣ. — Само собою разумѣется, что эти ягоды сами же и скушаютъ. — Да и къ чему въ послужная отвѣты? Кто не знаетъ свойствъ и качествъ прославившихъ этого рода людей. Есть люди, которые даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и думаютъ и говорятъ подл диктовку. Право, есть такіе люди.

О. П. Кто сильно чувствуетъ, тотъ не терять словъ. Вы вѣрно чувствуете слабо. Вы теряете не только слова, но время и бумагу. До субботы!

Л. М. М. Слушаемъ-съ!

О. Л. И. — Статья хороша и можетъ быть принятая, но пріятелі Редакціи утверждаютъ, что стихи вы забыли подчитать и поспѣшили отослать ихъ въ Петербургъ безъ окончательной отдѣлки. Пріятелі думаютъ, что можно обойтись и безъ стиховъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦИЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Олькина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавецъ Свѣтлинкова и Баунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Шпрленъ), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подл. NN 4—5.

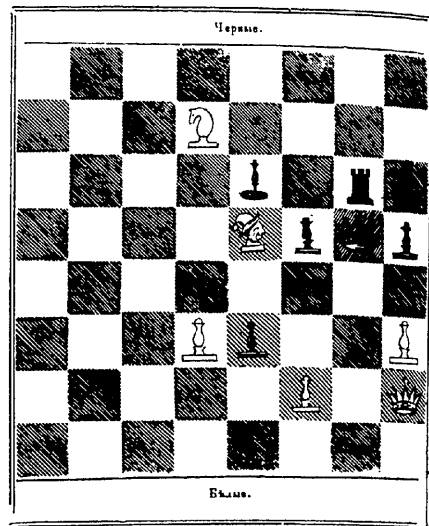
И Г Р Ы.

Ш А Х М А Т Ы.

Разрѣшеніе Задачи № 16.

Бѣлые.	Черные.
1) Л. что на 1. и. вередъ—мать.	1. Л. беретъ Л.
2) Л. на 7. и. К. Ф.	2. Л. беретъ С.
3) П. беретъ Л.	3. П. 1. и.
4) Ф. на 4. и. К. е.	4. П. беретъ Ф.
5) П. беретъ П. и мать.	

ЗАДАЧА № 17.

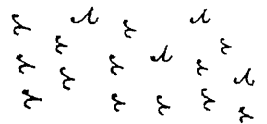
ЗАДАЧА № IV.

Какимъ образомъ можно измѣрить вертикальную высоту какого либо предмета, посредствомъ собственной его тѣни?

РАЗГАДКА № 16

Люди, возвышались, измѣняются.

ЗАГАДКА № 17.

ШАРАДА.

Первое мое — первое копье на этомъ свѣтѣ (1 слогъ).
Второе... Вышло изъ моды выстѣтъ съ Лирою, а по натурѣ никогда изъ моды вытѣти не можетъ, составляя значительнѣйшую часть существа самой моды. (2 слога).
Цѣлое... Для мѣлководей смерть, для дошдаей обѣденный столъ, для людей развортительная забава. (омонимы).

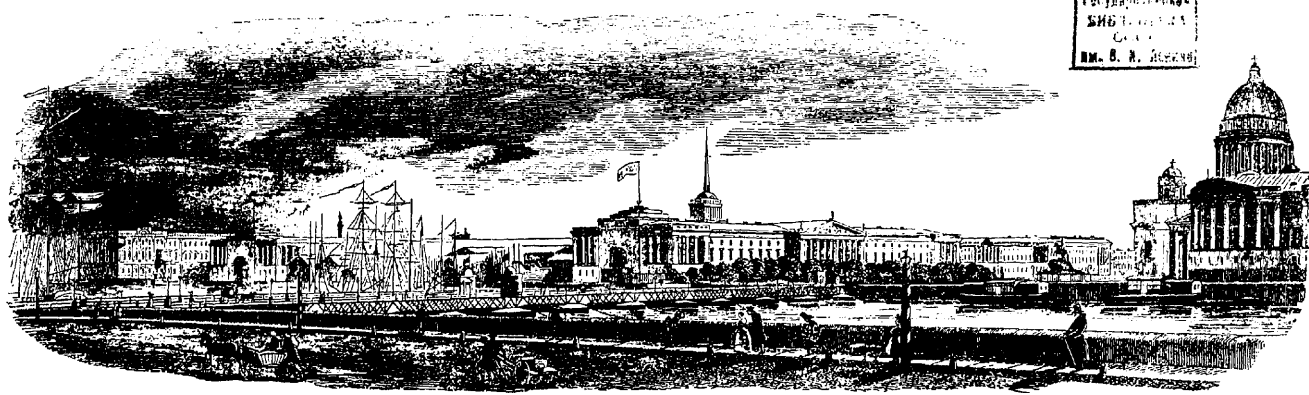
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Безумная, разсказъ П. Р. Фурманна, (продолженіе). 2) О повѣркахъ суевѣрныхъ и предрасудкахъ русскаго народа В. Луианова. 3) Пневматическія печи. 4) Кіеісь разсказъ Боатара, (продолженіе). 5) Отправленіе лошадей моремъ. 6) Страствованіе по чужимъ изданіямъ (14 ст.) 7) Закладъ Романъ (продолженіе). 8) Еженедельникъ (14 ст.) 9) Переписка. 10) Игры.

ГРАВЮРЫ : 1) Дома умалишенныхъ въ Парижѣ (4 гр.) 2) Пневматическія печи (5 гр.) 3) Отправленіе лошадей моремъ. 4) Картеръ везомый львомъ. 5) Борьба Картера съ тигромъ. 6) Шахматы. 7) Загадка. Всего (14 гравюръ).

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Государственное
Синдическое
Судно
Им. В. А. Ашкенази

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 18. — Суббота, 4 Августа 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р сер

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Фултъонъ, изобрѣтатель паровъ. — Перепечатки. — Известія изъ Симферополя. — Песенное плаваніе по Азовскому Морю. — Образы для церкви на Аптекарскомъ Острову К. П. Брюлова. — Психологическія замѣтки. — Анекдотъ о Лейбсецѣ. — Описание Пулковской Центральной Обсерваторіи. — Почтовое пароходство.

На этомъ прекрасномъ свѣтѣ есть двѣ истины. Одна истина, другая ложь, но ее выдаютъ за истину люди смѣтливые, принимаютъ за истину люди легковѣрные и легкомысленные. Если вы скажете : я ученый человѣкъ, то хотя бы это восклицаніе окружали тысячи шибобъ, обличающихъ не поспѣшность, а дѣйствительное невѣжество, все равно, толпа восклицаетъ : какой онъ ученый человѣкъ! Намъ же удалось читать статью о просвѣщеніи, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, обо всемъ; это былъ какой-то виноградъ разной разности; насъ удивляла и забавляла отъ вага сочинителя, съ какою онъ разсуждалъ о предметахъ, вовсе для него недоступныхъ, на какомъ то русскомъ или белорусскомъ нарѣчій, разсуждалъ, само собою разумѣется, не въ подадь, мѣшая старину забытую, съ новостями, о которыхъ зналъ по наслышкѣ. Со смѣхомъ мы бросали этотъ виноградъ и за него съ жаждою схватились кочующій любитель чтенія. Намъ стало любопытно, что выйдетъ изъ этого чтенія. Не ужели на лицѣ этого чтеца (потому что читателемъ назвать его не лзя, какъ увидите) не блеснетъ искра негодованія, не пробьжитъ улыбка презрѣнія... Ничего не бывало. Утецъ прочелъ и задумался. Подумалъ и передала виноградъ другому, сказалъ : Прочти любезный! Экая ученость огромная! все знаетъ, обо всемъ говорить! Вотъ я ужъ сколько разъ читалъ, что Уатеъ былъ прежде Фултъона, и что пары какъ снакъ, открыты болдо давно... Поди, что иногда пишуть! А въ пары то, новаго двигателя — открылъ Фултъонъ! а Уатеъ примѣнилъ ихъ къ фабрикамъ! Экая ученость! Обо всемъ говорить!..

— И самую сухую правду. Божится и клянется, что пишетъ правду, замѣтливъ другой чтецъ. А что говорить про него, такъ это завистники. Знаешь ли до чего они дошли. Толкують будто ужъ онъ и по латынѣ ни аза въ глаза не знаетъ. Въ ученой и многотомной книгѣ онъ напечаталъ, что Prefectus costrensis — значитъ начальникъ евлуховъ.

— Ну, если напечаталъ, такъ и быть ему начальникомъ евлуховъ... Въдъ онъ клянется, что правда. Вотъ теперь тоже можетъ быть скажутъ, что не Фултъонъ изобрѣлъ пары...

— Фултъонъ!

— Фултъонъ, разумѣется. Въдъ про Фултъона и романъ есть!

— Какъ же, и большой романъ; я читалъ...

Скажите, неужели это съ одной стороны не забавно, съ другой не печально. Смѣшно, что тотъ, кто клянется и божится, что пишетъ правду, такъ неосторожно обнаруживаетъ свое незнаніе; печально, грустно, что у насъ можно писать такія небиллицы во всеобщее чтеніе и въ то же время высокопарно разглагольствовать о просвѣщеніи. Положимъ, на людей можно писать что угодно, потому что люди иногда не умышленно соприкасаются интересами. Франція не сердилась даже на записки Видока, но у Видока и клевета облечена вѣроятностію. Тамъ, покрайней мѣрѣ, все похоже на правду...

* * * Отвратимъ взоры отъ этого грустнаго предмета. Величіе литературы унижается подобными явленіями. Простительна ошибка, промахъ, если видишь, что причинюшихъ случайная поспѣшность или другой невинный поводъ, но гдѣ замѣчаемъ умыселъ, уловку, которыхъ не умѣніе не дозволяетъ прикрывать благовидно, неполюю ошущася какое-то оскорбительное чувство. Кажется, будто авторъ увѣренъ въ ограниченности свѣденій своихъ читателей и шалитъ на ихъ свѣтъ. — Право бы лучше перепечатывать дѣльныя, хотя и сухія статьи и назъ губернскихъ вѣдомостей, чѣмъ писать такія винограды. Газеты соперничаютъ въ чемъ бы выдумали? Кто прежде перепечатываетъ чужую статью! Право, въ этомъ нѣтъ ни заслуги, ни проступка. Дѣтскіе споры. На нихъ сморѣть не грустно, а жалко.

* * * Положеніе нашей литературы походить на состояніе атмосферы въ Симферополь. Тамъ теперь невыносимо жарко, все высохло. На мельницѣ за перемоль четверги берутъ 2 руб. сер.

* * * Сосѣднія моря сами себя берутъ жертвы. Новороссійскій мѣшанинъ В. Думанскій нанялъ себя въ Аванѣ лодочника съ 4 матросами; барказъ въ 15 аршинъ давно нагружалъ сотней барановъ, сѣномъ, и семействомъ и отправился, въ Новороссійское укрѣпленіе. 21-го іюня захватила ихъ ужасная буря; ночью шквалъ положилъ паруса и мачту на воду; грузъ потонулъ; всю ночь люди провели слія веревкомъ на борту лодки. Къ утру буря усилилась, валаи перескакивали черезъ головы несчастныхъ пловцовъ; море добивалось жертвъ. Днесь люда успѣли обрѣзать паруса и ванты; устали лодку килемъ вязать, но она была безъ руля, мачты, веселья и полна воды. 22-го іюня мало-

лѣтная дочъ а на другой день и жена Думанскаго, умерли и пушены на воду. Море не довольствовалося этой добычей; буря продолжалась до 25 числа. Пловцы питались сухарями, случайно уцѣлѣвшими, прихлѣбывали морскую волю; и буря утихла — по въ морѣ невидано было ни одного уцѣлѣвшина, прихлѣбывали морскую волю; замѣтло несчастныхъ, взяло лодку на буксиръ, но не могло взять къ себѣ людей, потому что это подвергло бы его карантину. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи оно привезло ихъ въ Керчь уже 28 іюня. Семь страшныхъ дней провели эти несчастные въ буйномъ морѣ.

* * * У насъ за то, на Сѣверѣ, погода совершенно справилась; наступило лѣто знойное, освѣжаемое дождями. Даже въ каменныхъ улицахъ самаго Петербурга воздухъ не такъ гнетелъ; нѣтъ той духоты, которая обыкновенно тяготѣетъ надъ нашей столицей. Мы мало видимъ Петербургъ лѣтомъ; дача разлучаетъ на долго съ зимнимъ городомъ. Мы выразились такъ, потому что многія части Петербурга, хотя и входятъ въ дѣйствительный составъ столицы, но все таки служатъ такъ сказать дачными мѣстамъ, на примѣръ: острова Аптекарскій, Петровскій, Строгановская дача, и другія.

* * * На Аптекарскомъ, въ новопопостроенной церкви, К. П. Брюлова оканчиваетъ мѣстные образы. Многие видѣли эти образчики произведенія иссравленной кисти. Византійскій стиль ни мало не повредилъ изяществу сочиненія и исполненія; эти образы можно назвать живыми; въ нихъ превосходная живопись дышетъ разумною высокою мыслию. — Не подумайте, что мы безусловно удивляемся всему тому, что выходитъ изъ подъ руки Карла Павловича. Но что же дѣлать, мы такъ уже созданы, что видимъ, любимъ видѣть одиѣ достоинства тамъ, гдѣ достоинство замѣчаютъ сводимъ блескомъ ничтожныя мелочныя недостатки. Этими недостатками мы жертвуемъ для удовольствія тѣхъ, которые вѣдѣтъ съ Фултъономъ пообрѣтати пары и борзо и безъ дальнѣйшихъ свѣденій въ искусствѣ разсуждаютъ о чемъ бы вы думали: о рисункѣ Брюлова! Право разсуждаютъ!

* * * Чтобы видѣть и чувствовать достоинства какого бы то ни было художественнаго произведенія, требуются нравственные качества, независимо отъ техническихъ и историческихъ свѣденій. Не помнимъ, кто сказалъ, что душа человѣка есть зеркало, на которомъ съ вѣрностію отражаются только однородныя явленія. Если душа чиста — то отражаетъ только чистое, высокое, изящное. Если

нѣтъ этихъ качествъ въ предметѣ, душа ничего не отразитъ; какъ будто предмета и не было въ природѣ. Въ противномъ случаѣ — ни какое при творство не поможетъ; если душа, по какимъ либо стороннимъ поводамъ, вздумаетъ отразить действительна, отразитъ вымышленна. Вотъ почему похвалы иныхъ людей обращаются во вредъ тому, кого хвалятъ. Тутъ же можно влѣтъ и причины, почему и хула тѣхъ же людей не имѣетъ никакого вѣса и послѣдствій. На этихъ психическихъ началахъ основано множество нравственныхъ явленій. Отъ чего, на прѣмѣр, правдивыхъ дѣвъ простой, по даровой выгарки, слыше дыма лучшей гаванкой? — Отъ чего, на прѣмѣр, Видокъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было о томъ, какая на дворѣ погода, отводилъ всегда собесѣдника въ сторону и безпрестанно оглядывался? — Отъ чего Лафатеръ, встрѣчая лице, въ общихъ чертахъ имѣвшее сходство съ его собственнымъ, ругался въ добродушіи своего субъекта? Подобныхъ вопросовъ тѣмъ и вѣсноту служатъ психологическимъ оправданіемъ мысли, о которой мы нечаянно вспоминали. Она можетъ быть принята не только къ качествамъ, но и къ наклонностямъ человѣка къ какому либо исключительному занятію...

* * По этому, мы вспомнилъ анекдотъ о Лебелевѣ. Однажды въ Римѣ прибѣгаетъ онъ въ сильномъ волненіи къ одному знаменитому живописцу, торжественно вынимаетъ изъ рабочей сумки этюдъ развѣспягаго дуба, и показываетъ его пздали, пламеннымъ взоромъ глядя на хозяина... Ну, что же тутъ такого удивительнаго! сказалъ хозяинъ: Дубъ, вотъ и все тутъ. — Самъ ты дубъ послѣ этого, закричалъ Лебелевъ и убѣжалъ домой. — Для пнаго дуба, для другаго букашка, для третьяго звѣзды небесныя — составляютъ весь міръ, исключаютъ все другіе предметы.

* * Кетатп о звѣздахъ. Мы видѣли уже отпечатанное описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи, составленное г. Струве. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода этого важнаго и любопытнаго сочиненія. Оно украшено заглавнымъ видомъ здания. Подробности объяснены въ чертежахъ.

* * Фултонъ, какъ извѣстно каждому, не изобрѣталъ паровъ. Первые паровыхъ машинокъ такъ много, что даже Уата невозможно признать изобрѣтателемъ паровой движущей силы, но безспорно ему принадлежитъ честь примѣненія къ практикѣ этого изобрѣтенія въ разнѣрахъ болѣе обширныхъ. Фултонъ уже въ 1807 году примѣнилъ силу паровъ къ судоходству и съ тѣхъ поръ пароходы покрыли моря, вошли во флоты, куда ихъ долго не допускали; въ Россіи они показались довольно поздно, но за то теперь быстро размножаются. Образовалось нѣсколько обществъ пароходства. На яхтахъ получить начало новое почтовое пароходство между С. Пестербургомъ и Штетиномъ. Все уже готово: домъ, пристань, пароходы, мебели, серебро, мѣдь, посуда; но все это такъ хорошо, такъ обдуманно, такъ удобно, что мы погрѣшили бы противу нашихъ обязанностей, еслибы не помѣстили объ этомъ учрежденіи подробной статьи, — которая уже готовится.

БЕЗУМНАЯ.

(Окончаніе).

УНН.

Въ небольшой, простенькой комнаткѣ, въ домѣ Бридо, стояла большая кровать съ пологатыми ситцевыми занавѣсками. Возлѣ кровати стояло широкое, просторное кресло.

Въ комнатѣ было темно. На улицѣ не слышно было ни малѣйшаго шума, не видно было ни одного огонька. Только одинокая луна, освѣщая пустынные улицы и молчаливыя массы домовъ, медленно катилась своей серебристой кругъ по темносинему небу...

Вдругъ, почное безмолвіе было прервано отдаленнымъ стукомъ скоро ѣхавшаго экипажа. Посреди тишины и въ пустыхъ улицахъ, стукъ этотъ подобенъ былъ страшному треску.

Въ то же самое время, въ комнаткѣ послышался глубокий вздохъ и въ слѣдъ за тѣмъ съ кресла поспѣшнѣ поднялся молодой человѣкъ. Приложивъ ухо къ самой занавѣскѣ кровати, онъ прислушивался, и такъ какъ опять наступила тишина, то онъ готовился уже опуститься назадъ въ кресло, но послышался вторичный вздохъ, сопровождаемый легкимъ стономъ и певчатыми словами. Молодой человѣкъ слегка отдернулъ занавѣску...

— Альфонсъ!.. — произнесла молодая дѣвушка едва слышимымъ голосомъ и протянувъ впередъ руку.

Молодой человѣкъ тихо взялъ протянутую къ нему руку... она была влажна, горяча и дрожала... Опершись на руку Альфонса, молодая дѣвушка привстала, откинула назадъ распущенныя волосы, опустившіяся къ ней на лицо, и повторяла болѣе твердымъ и прѣжнимъ голосомъ:

— Альфонсъ!..

— Я здѣсь... съ тобою... моя Ида!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ любви и грусти.

— Какой тяжкій сонъ... о, да! очень тяжкій!.. и Ида опустила голову на лѣвую руку; но теперь я вспоминаю... все... сначала я очень страдала... а потомъ мнѣ было такъ пріятно... я была счастлива... Альфонсъ, ты здѣсь?.. неправда ли?.. Теперь мы ужъ не разстанемся?.. Никто не различитъ насъ?..

— Никто!.. ни даже смерть! — отвѣчалъ маркизъ съ отчаянною рѣшимостью.

— Смерть... — повторила Ида, — смерть... Альфонсъ, скажи мнѣ, ты не боишься смерти?.. Скажи?..

— Зачѣмъ думать о смерти, когда мы такъ счастливы!.. сказала маркизъ, прижавъ руку молодой дѣвушки къ своему сердцу.

— Мы счастливы?.. съ изумленіемъ спросила Ида; — но Альфонсъ... помоги мнѣ помнить... у меня память такъ слаба стала... воспоминаія мои о прошедшемъ такъ неопредѣленны, такъ неясны... Скажи же мнѣ: теперь мы счастливы — а прежде?

— Ида... не спрашивай меня... ты еще такъ слаба... говорилъ Альфонсъ, начинавшій понимать, что молодая дѣвушка перенесла сильный кризисъ, въ слѣдствіе котораго она по немногу приходила въ себя.

— Я слаба?... продолжала Ида съ настоятельностью и страннымъ любопытствомъ человѣка, который послѣ опасной горячки желаетъ знать все подробности своей болѣзни; — развѣ я была нездорова?..

— Да, ты была очень нездорова...

— А—а! протяжно произнесла молодая дѣвушка; потомъ послѣ краткаго молчанія и размышленія, она продолжала: — да, да...

теперь я помню; я была очень больна... и тебя, Альфонсъ, не было со мною... потомъ... я была на краю могилы... и смерть не была мнѣ страшна!.. потому что я не падѣлась болѣе увидѣться съ тобою... но, Альфонсъ, ты не отвѣтилъ на мой вопросъ: боишься ли ты смерти?..

— Кто начинаетъ только жить, отъ той смерти далека, — уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ, — а мы съ тобой начинаемъ жить новою жизнью...

— Жить... грустно; жизнь... горька; — задумчиво произнесла Ида; потомъ она продолжала съ постепенно возрастающимъ фаталистическимъ постергомъ: — одна смерть утѣшительна, сладка... почему же ее и называть концомъ страданій человеческихъ?.. Потому что за предѣлами гроба начинается благополучіе... земная жизнь наша только служить цѣлью, которую мы должны искупить жизнью вѣчную и съ нею радости небесныя! Тамъ миръ, тамъ тишина, тамъ счастье!.. Здѣсь одно лишь горе, горе, горе!.. Альфонсъ! — вскричала молодая дѣвушка, схвативъ обѣ руки маркиза и привлекая его къ себѣ: — Боишься ли ты смерти?.. Отвѣчай, я хочу это знать!..

— Съ тобою, Ида, и смерть мнѣ не страшна!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ, обезпокоенный лихорадочнымъ состояніемъ Иды.

— Со мною... разумеется!.. И я безъ тебя не хочу умирать... но съ тобою... какое блаженство!.. Альфонсъ, — прибавила она рѣшительно, — умремъ.

Молодая дѣвушка вскочила съ постели. Въ это самое время широкой лучъ луны освѣтилъ стѣну, противуположную окнамъ. Скользя съ постели, Ида очутилась посреди этого луча и вся была какъ бы облита блѣднымъ синеватымъ свѣтомъ, придававшимъ ей видъ неземной, воздушной...

Она прижалась къ груди Альфонса, опустивъ обѣ руки на плечи его и, склонивъ голову на одну сторону, сказала:

— Альфонсъ... ты молчишь?.. Тебѣ жалъ разстаться съ жизнью... Правда, Альфонсъ, правда... ты долженъ остаться на землѣ... у тебя есть мать... родные... ты долженъ жить для чести рода своего... ты долженъ жить, чтобы поддержать знатное имя... правда... ты сейчасъ говорилъ мнѣ о счастіи...

— Ида уныло опустила голову, — у тебя, Альфонсъ, доброе сердце... ты хотѣлъ утѣшить меня... но теперь я сама все вспоминаю; мы не можемъ быть счастливы... на землѣ; только тамъ... но нѣтъ, ты долженъ жить... я одна буду ждать тебя тамъ; потому что, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ты, Альфонсъ, долженъ жить, я должна разстаться съ землею... только тамъ, на небѣ, я узнаю свою мать... своего отца... здѣсь же у меня никого нѣтъ... никого!.. и ты долженъ здѣсь отказаться отъ меня...

— Никогда, Ида, никогда!.. ты мнѣ дороже жизни... вскричалъ молодой человѣкъ съ жаромъ.

— А мать твоя?.. спросила Ида тихимъ голосомъ и опустившись въ кресло.

Альфонсъ поднялъ глаза къ небу, но въ то же мгновеніе они невольно остановились на противуположной стѣнѣ... стѣна эта была безъ всякихъ украшеній, обитая сѣренькими

обоями и только посрединѣ ея висѣлъ грудой портретъ женщины, освѣщенный въ это время луною.

Маркизь не спускалъ взора съ этого портрета; имъ овладѣлъ суевѣрный страхъ, и схвативъ руку Иды, онъ другою, дрожащею рукою, молча показалъ ей портретъ.

Молодая дѣвушка сначала равнодушно подвила глаза, потомъ мало по малу какъ бы впивалась взоромъ въ портретъ, медленно приподымаясь съ кресла... потомъ ступила шагъ впередъ, судорожно схватила руку маркиза, крѣпко сжала ее и опустившись на колѣни, вскричала:

— Альфонсъ!.. это она!..

— Кто?.. Кто? спросилъ Альфонсъ съ слабымъ волненіемъ.

— Та,—отвѣчала рыдая Ида,—которую я видѣла только два раза въ жизнь свою... когда я была еще ребенкомъ... которая обвиняла и цѣловала меня... какъ обвиняетъ и цѣлуетъ только мать!..

И рыдая молодая дѣвушка встала и бросилась къ портрету... Луна освѣтила ее... и странно, и поразительно было сходство молодой дѣвушки съ портретомъ, медленно закатывшимся отъ поцѣлуевъ, которыми осыпала его Ида...

Вдругъ, она отошла отъ портрета и обратившись къ маркизу, спросила голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Альфонсъ!.. ради Бога... скажи, гдѣ мы? Чей это домъ? Кому принадлежитъ этотъ портретъ... говори!..

Но маркизь не слышалъ словъ молодой дѣвушки... сердце его сильно билось... онъ прислушивался къ стуку подвѣхавшей къ дому Бридо кареты... крѣпко сжалъ руку Иды, онъ произнесъ едва слышимымъ, задышающимъ голосомъ:

— Умоли тебя, Ида, успокойся... ты скоро все узнаешь... теперь наступила минута, которая должна рѣшить нашу участь... жди намъ или умереть вмѣстѣ!..

— Жить... если она жива!.. Умереть... если она тамъ! — произнесла Ида, указавъ на небо.—Я буду молчать и ждать,—прибавила она съ покорностью, подойдя къ кресламъ и опустившись въ нихъ.

Альфонсъ сѣлъ у ногъ ея.

Наступило мертвое молчаніе...

Только съ улицы слышалось храпѣніе усталыхъ лошадей, да въ сосѣдней комнатѣ отворялись и затворялись двери; потомъ кто-то подвинулъ кресло и опять все утихло.

Мануту спустя, послышался тихій разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Можно было слышать каждое слово.

И маркизь, и Ида съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за разговоромъ...

IV.

Жерве только-что начиналъ засыпать. Воображенію его, сильно взволнованному происшествіями того дня и ликеромъ, рисовались во снѣ разные ужасы. Онъ бормоталъ несвязныя слова, переворачиваясь съ боку на бокъ, какъ вдругъ стукъ экипажа, подвѣхавшаго къ дому, разбудилъ его. Онъ

вскочилъ, съ испугомъ сталъ протирать глаза и озираться по сторонамъ.

Старая кухарка, уступившая убѣдительнымъ просьбамъ прикащика, особенно, когда онъ обѣщалъ удалить ей тайкомъ отъ хозяйки футикъ кофею, спала богатырскимъ сномъ. Позволивъ молодому человѣку спать въ одной съ нею комнатѣ, старая кухарка сошла, однакожъ, необходимымъ, огранить добродѣтель свою условіемъ, не плотно затворять двери изъ кухни въ корридоръ.

За этой самой, полурастворенной дверью, Жерве слышалъ чьи-то шаги и обмеръ отъ ужаса. По счастью онъ вспомнилъ, что хозляпка его вышелъ со двора, и мысль, что, вѣроятно, это онъ возвращался домой, нѣсколько успокоила его. Онъ плотнѣе закутался въ одѣяло, перевернувшись лицомъ къ стѣнѣ, постарался заткнуть уши и вскорѣ уснулъ.

Жерве не ошибся. Точно, — Бридо возвращался домой, но онъ былъ не одинъ. Онъ проводилъ наверхъ какую-то даму, гордой, величественной осанки, которая молча шла за нимъ. Бридо ввелъ эту даму, одѣтую въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ небольшую гостиницу, заперъ за собою дверь и придвинувъ кресло, запяками просилъ ее сѣсть.

— Къ чему эти предосторожности? Эта торжественная церемоніальность? — спросила дама, не садясь еще въ кресло, подавное ей мелочнымъ торговцомъ.

— Я уже имѣлъ честь доложить вамъ, маркиза, — отвѣчалъ Бридо тихимъ, но твердымъ голосомъ, — что имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное.

— Для меня теперь нѣтъ ничего важнѣе свиданія съ сыномъ, — сухо возразила дама.

— Однако, вы прежде не увидите его, пока не выслушаете меня.

— Время дорого; мнѣ некогда тратить его на выслушивание вашихъ домашнихъ дѣлъ.

— Моихъ, и вашихъ, маркиза.

— Я не знаю, мосье Бридо, — презрительно возразила маркиза, — что можетъ быть между нами общаго?

— Выслушайте меня... и вы узнаете, — прерившимъ спокойнымъ и почтительнымъ голосомъ возразилъ Бридо.

Маркиза сдѣлала нетерпѣливое движеніе, сняла шаль, перебросила ее черезъ спинку кресла, сѣла и произнесла сухо:

— Говорите... только не распространяйтесь.

Бридо молча поклонился.

— Не смотря на все желаніе мое сократить разсказъ, онъ будетъ довольно длиненъ, а потому прошу у васъ позволенія сѣсть. Я усталъ.

Маркиза слегка нахмурила брови, пожала плечами, и обративъ голову въ другую сторону, сказала отрывисто:

— Садитесь... вы у себя дома.

Бридо сѣлъ, придвинувъ свой стулъ къ креслу маркизы и послѣ краткаго молчанія сказалъ:

— Маркиза, у васъ есть сынъ, счастью котораго вы противитесь съ жестокою настойчивостью... Не прерывайте меня, маркиза, дайте мнѣ договорить, и тогда я буду готовъ выслушать ваши опроверженія и дово-

ды. Вы приказали мнѣ не распространяться, а потому я прямо пойду къ цѣли: молодой маркизь, вашъ сынъ, влюбленъ въ молодую сироту, вашу воспитанницу... Конечно, не соглашаясь на бракъ ихъ, вы повиствуете законамъ свѣта, въ которомъ жисте... одна-кожъ, неужели мнѣніе этого ничтожнаго, мишурнаго свѣта съ его противуприродными законами, дороже вамъ любви и счастья роднаго вашего сына?... Маркиза, я человѣкъ простой, мало образованный, но у меня есть сердце!.. Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что видѣлъ сегодня вашего сына, знаю гдѣ онъ находится... я видѣлъ его и почти не узналъ; столько страданій и горести пѣмѣнили его!.. видѣ глубокой печали, написанной на лицѣ его, растерзалъ сердце мое... Маркиза, позвольте человѣку постороннему, чужому вамъ, быть посредникомъ между вами и сыномъ... Онъ любитъ, любить страстно... онъ доказалъ вамъ на дѣлѣ свою любовь къ молодой вашей воспитанницѣ... о, ради Бога, маркиза!.. Я готовъ на колѣняхъ умолять васъ, не разстроивайте счастья молодыхъ людей, согласитесь на ихъ бракъ!..

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ глубокимъ чувствомъ и такимъ умоляющимъ голосомъ, что тронули бѣ всякаго; но маркиза оставалась холодною и послѣ краткаго молчанія спросила сухо:

— Вы кончили?

— Кончилъ; — отвѣчалъ Бридо, уныло опустивъ голову при жесткомъ, холодномъ выраженіи голоса маркизы.

— Позвольте жѣ и мнѣ сказать вамъ два слова, а потомъ кончите эту сцену, которая не только ни къ чему не ведетъ, но даже смѣшна; — сказала маркиза де Блессакъ; — во-первыхъ, мнѣ кажется страшнымъ, что сынъ мой выбралъ васъ въ посредники между мною и имъ, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ!..

— Сынъ вашъ не выбиралъ меня; я исполняю священный долгъ...

Маркиза презрительно улыбулась:

— Напрасно, мосье Бридо; это исполненіе священнаго долга можетъ повредить вамъ; не я, а другіе могутъ подумать, что вы дѣйствуете не совсѣмъ безкорыстно...

Бѣдкій тонъ маркизы оскорбилъ добраго мелочаго торговца; но, преодолевъ негодованіе, онъ возразилъ съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Можетъ быть эти другіе были бѣ правы... Точно, маркиза, я дѣйствую не безкорыстно.

— Что это значитъ? — спросила маркиза, не ожидая подобаго отвѣта.

— Послѣ узнаете, теперь моя очередь слушать, а ваша говорить; вы изволили уже изложить первое ваше мнѣніе... Что же во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, — продолжала маркиза, — мнѣ кажется безразсудною ваша надежда, что я могу согласиться позволить сыну жениться на... дѣвушкѣ, немѣющей ни роду, ни племени, въ жилахъ которой течетъ, можетъ быть, грязная кровь!..

— Ошибаетесь, маркиза; въ жилахъ намзель Иды течетъ самая чистая аристократическая кровь...

нѣтъ этихъ качествъ въ предметѣ, душа ничего не отразитъ; какъ будто предмета и не было въ природѣ. Въ противномъ случаѣ — ни какое при творство не поможетъ; если душа, по какимъ либо постороннимъ поводамъ, вздумаетъ отразить достоинства, то, за невозможностію принять дѣйствительный, отразитъ вымышленный. Вотъ почему похвалы иныхъ людей обращаются во вредъ тому, кого хвалятъ. Тутъ же можно впасть въ причины, почему и хула тѣхъ же людей не имѣетъ никакого вѣса и послѣдствій. На этихъ психическихъ началахъ основано множество нравственныхъ явленій. Отъ чего, на примѣръ, для иныхъ дымъ простой, но даровой цыгарки, слаще дыма лучшей гаванской? — Отъ чего, на примѣръ, Винокъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было о томъ, какая на дворѣ погода, отводитъ всегда собесѣдника въ сторону и безпрестанно оглядывается? — Отъ чего Лафатеръ, встрѣчая лице, въ обихихъ чертахъ имѣвшее сходство съ его собственнымъ, ругается въ добродушіи своего субъекта? Подобныхъ вопросовъ тема и всѣмогутъ служить психологическимъ оправданіемъ мысли, о которой мы нечаянно вспомнили. Она можетъ быть принята не только къ качествамъ, но и наклонностямъ человѣка къ какому либо исключительному занятію...

* * По этому, мы вспомнили анекдотъ о Лебедевѣ. Однажды въ Римѣ прибѣгаетъ опъ въ сильномъ волненіи къ одному знаменитому живописцу, торопливо выпинаетъ изъ рабочей сумки этюдъ развѣснутаго дуба, и показывая его пзлапъ, пламеннымъ взоромъ глядя на хозяина... Пу, что же тутъ такого удивительнаго! сказалъ хозяинъ: Дубъ, вотъ и вѣстуетъ. — Самъ ты дубъ послѣ этого, закричалъ Лебедевъ и пубжаля доной. — Для снаго дубъ, для другаго букашка, для третьяго звѣзда небесныя — составляютъ весь міръ, исключаютъ всѣ другіе предметы.

* * Кетати о звѣздахъ. Мы видѣли уже отпечатанное описаніе Пулковской Центральной Обсерваторіи, составленное г. Струве. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода этого важнаго и любопытнаго сочиненія. Оно украшено заглавнымъ видомъ зданія. Подробности объяснены въ чертежахъ.

* * Фултонъ, какъ извѣстно каждому, не изобрѣталъ паровъ. Первыхъ паровыхъ машинъ такъ много, что даже Уатъ невозможно признать изобрѣтателемъ паровой движущей силы, но бесспорно ему принадлежитъ честь примененія къ практикѣ этого изобрѣтенія въ размѣрахъ болѣе обширныхъ. Фултонъ уже въ 1807 году принялъ силу паровъ къ судоходству и съ тѣхъ поръ пароходы покрывали моря, вошли во флоты, куда ихъ долго не допускали; въ Россіи они показались довольно поздно, но за то теперь быстро развѣваются. Образовалось нѣсколько обществъ пароходства. На дняхъ получило начало новое паровое пароходство между С. Петербургомъ и Штетаномъ. Все уже готово: домъ, пристань, пароходы, небелы, серебро, вѣды, посуда; но все это такъ хорошо, такъ обдуманно, такъ удобно, что мы погрѣшили бы противу нашихъ обязанностей, еслибы не помѣстили объ этомъ учрежденіи подробной статьи, — которая уже изготавляется.

БЕЗУМНАЯ.

(Окончаніе).

VIII.

Въ небольшой, простенькой комнаткѣ, въ домѣ Бридо, стояла большая кровать съ полсатыми ситцевыми занавѣсками. Возлѣ кровати стояло широкое, просторное кресло.

Въ комнатѣ было тепло. На улицѣ не слышно было ни малѣйшаго шума, не видно было ни одного огонька. Только одинокая луна, освѣщая пустынные улицы и молчаливыя массы домовъ, медленно катила свой серебристый кругъ по темносинему небу...

Вдругъ, почное безмолвіе было прервано отдаленнымъ стукомъ скоро ѣхавшаго экипажа. Посреди тишины и въ пустыхъ улицахъ, стукъ этотъ подобенъ былъ страшному треску.

Въ то же самое время, въ комнаткѣ послышался глубокий вздохъ и въ слѣдъ за тѣмъ съ кресла поспѣшно поднялся молодой человѣкъ. Приложивъ ухо къ самой занавѣскѣ кровати, опъ прислушивался, и такъ какъ опять наступила тишина, то онъ готовился уже опуститься назадъ въ кресло, но послышался вторичный вздохъ, сопровождаемый легкимъ стопомъ и невнятнымъ словомъ. Молодой человѣкъ слегка одернула занавѣску...

— Альфонсъ!.. — произнесла молодая дѣвушка едва слышимымъ голосомъ и протянувъ впередъ руку.

Молодой человѣкъ тихо взялъ протянутую къ нему руку... она была влажна, горяча и дрожала... Опершись на руку Альфонса, молодая дѣвушка привстала, откинула назадъ распущенныя волосы, опустившіяся къ пей на лицо, и повторяла болѣе твердымъ и пѣжнымъ голосомъ:

— Альфонсъ!..

— Я здѣсь... съ тобою... молъ Ида!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ любви и грусти.

— Какой тяжкій сонъ... о, да! очень тяжкій!.. и Ида опустила голову на лѣвую руку; но теперь я вспоминаю... все... сначала я очень страдала... а потомъ мнѣ было такъ пріятно... я была счастлива... Альфонсъ, ты здѣсь?.. не правда ли?.. Теперь мы ужъ не разстанемся?.. Никто не разлучитъ насъ?..

— Никто!.. ни даже смерть! — отвѣчалъ маркизъ съ отчаянною рѣшимостью.

— Смерть... — повторила Ида, — смерть... Альфонсъ, скажи мнѣ, ты не боишься смерти?.. Скажи?..

— Зачѣмъ думать о смерти, когда мы такъ счастливы!.. сказалъ маркизъ, прижавъ руку молодой дѣвушки къ своему сердцу.

— Мы счастливы?.. съ изумленіемъ спросила Ида; — но Альфонсъ... помоги мнѣ припомнить... у меня память такъ слаба стала... воспоминанія мои о прошедшемъ такъ неопредѣленны, такъ неясны... Скажи же мнѣ: теперь мы счастливы — а прежде?

— Ида... не спрашивай меня... ты еще такъ слаба... говорилъ Альфонсъ, начинавшій понимать, что молодая дѣвушка перенесла сильный кризисъ, въ слѣдствіе котораго она по немногу приходила въ себя.

— Я слаба?.. продолжала Ида съ настойчивостью и страннымъ любопытствомъ человѣка, который послѣ опасной горячки желаетъ знать всѣ подробности своей болѣзни; — развѣ я была нездорова?..

— Да, ты была очень нездорова...

— А—а! протяжно произнесла молодая дѣвушка; потомъ послѣ краткаго молчанія и размышленія, она продолжала: — да, да...

теперь я помню; я была очень больна... и тебя, Альфонсъ, не было со мною... потому... я была на краю могилы... и смерть не была мнѣ страшна!.. потому что я не надѣялась болѣе увидѣться съ тобою... но, Альфонсъ, ты не отвѣтилъ на мой вопросъ: боишься ли ты смерти?..

— Кто начиняетъ только жить, отъ того смерть далека, — уклончиво отвѣчалъ молодой человѣкъ, — а мы съ тобой начинаемъ жить новою жизнью...

— Жизнь... грустно; жизнь... горька; — задумчиво произнесла Ида; и потомъ она продолжала съ постепенно возрастающимъ патетическимъ восторгомъ: — одна смерть утѣшительна, сладка... почему же ее и называютъ кошмомъ страданій человеческихъ?.. Потому что за предѣлами гроба начиняется благополучіе... земная жизнь наша только служитъ цѣною, которую мы должны некупить жизнью вѣчную и съ нею радости небесныя! Тамъ мнрѣ, тамъ тишина, тамъ счастье!.. Здѣсь одно лишь горе, горе, горе!.. Альфонсъ! — вскричала молодая дѣвушка, схвативъ обѣ руки маркиза и привлекая его къ себѣ: — Боишься ли ты смерти?.. Отвѣчай, я хочу это знать!..

— Съ тобою, Ида, и смерть мнѣе страшна!.. отвѣчалъ молодой человѣкъ, обезкоенный лихорадочнымъ состояніемъ Иды.

— Со мною... разумѣется!.. И я безъ тебя не хочу умирать... но съ тобою... какое блаженство!.. Альфонсъ, — прибавила она рѣшительно, — умремъ.

Молодая дѣвушка вскочила съ постели. Въ это самое время широкій лучъ луны освѣтилъ стѣну, противоположную окнамъ. Соскочивъ съ постели, Ида очутилась посреди этого луча и вся была какъ бы облита блѣднымъ свѣтлымъ свѣтомъ, придававшимъ ей видъ неземный, воздушный...

Она прижалась къ груди Альфонса, опустивъ обѣ руки на печи его и, склонивъ голову на одну сторону, сказала:

— Альфонсъ... ты молчишь?.. Тебѣ жалъ разстаться съ жизнью... Правда, Альфонсъ, правда... ты долженъ остаться на землѣ... у тебѣ есть мать... родные... ты долженъ жить для чести рода своего... ты долженъ жить, чтобы поддержать знатное имя... правда... ты сейчасъ говоришь мнѣ о счастьи...

— Ида уныло опустила голову, — у тебя, Альфонсъ, доброе сердце... ты хотѣлъ утѣшить меня... но теперь я сама все вспомнила; мы не можемъ быть счастливы... на землѣ; только тамъ... но нѣтъ, ты долженъ жить... я одна буду ждать тебя тамъ; потому что, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ты, Альфонсъ, долженъ жить, я должна разстаться съ землею... только тамъ, на небѣ, я узнаю свою мать... своего отца... здѣсь же у меня никого нѣтъ... никого!.. и ты долженъ здѣсь отказаться отъ меня...

— Никогда, Ида, никогда!.. ты мнѣ дороже жизни... вскричалъ молодой человѣкъ съ жаромъ.

— А мать твоя?.. спросила Ида тихимъ голосомъ и опустившись въ кресло.

Альфонсъ поднялъ глаза къ небу, но въ то же мгновеніе они невольно остановились на противоположной стѣнѣ... стѣна эта была безъ всякихъ украшеній, обитая сѣренькими

обоями и только посрединѣ ея висѣлъ груда- ной портретъ женщины, освѣщенный въ это время луною.

Маркизь не спускалъ взора съ этого пор- трета; имъ овладѣлъ суевѣрный страхъ, и схвативъ руку Иды, онъ другою, дрожащею рукою, молча показалъ ей портретъ.

Молодая дѣвушка сначала равнодушно подыала глаза, потомъ мало по малу какъ бы вливалась взоромъ въ портретъ, медлен- но приподымаясь съ кресла... потомъ ступи- ла шагъ впередъ, судорожно схватила руку маркиза, крѣпко сжала ее и опустив- шись на колѣни, вскричала:

— Альфонсъ!.. это она!..

— Кто?.. Кто? спросилъ Альфонсъ съ сильнымъ волненіемъ.

— Та,—отвѣчала рыдая Ида,—которую я видѣла только два раза въ жизнь свою... когда я была еще ребенкомъ... которая обнимала я цѣловала меня... какъ обнимаетъ и цѣлуетъ только мать!..

И рыдая молодая дѣвушка встала и бро- силась къ портрету... Луна освѣтила ее... и страшно, и поразительно было сходство мо- лодой дѣвушки съ портретомъ, медленно за- качавшимся отъ поцѣлуевъ, которыми осы- пала его Ида...

Вдругъ, она отошла отъ портрета и обра- тившись къ маркизу, спросила голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Альфонсъ!.. ради Бога... скажи, гдѣ мы? Чей это домъ? Кому принадлежитъ этотъ портретъ... говори!..

Но маркизь не слышалъ словъ молодой дѣ- вушки... сердце его сильно билось... онъ вприслушивался къ стуку подѣхавшей къ дому Бридо кареты... крѣпко сжавъ руку Иды, онъ пропелъ едва слышимымъ, зады- хающимся голосомъ:

— Умоляю тебя, Ида, успокойся... ты скоро все узнаешь... теперь наступила ми- нута, которая должна рѣшить нашу участь... жить намъ или умереть вмѣстѣ!..

— Жить... если она жива!.. Умереть... если она тамъ! — произнесла Ида, указавъ на небо.—Я буду молчать и ждать,—приба- вила она съ покорностью, подойдя къ крес- ламъ и опустившись въ нихъ.

Альфонсъ сѣлъ у ногъ ея.

Наступило мертвое молчаніе...

Только съ улицы слышалось храпѣніе уста- лыхъ лошадей, да въ сосѣдней комнатѣ от- ворались и затворялись двери; потомъ кто- то подвинулъ кресло и опять все утихло.

Минуту спустя, послышался тихій разго- воръ въ сосѣдней комнатѣ. Можно было слышать каждое слово.

И маркизь, и Ида съ жаднымъ любо- пытствомъ слѣдили за разговоромъ...

IV.

Жерве только-что пачиналъ засыпать. Во- ображенію его, сильно взволнованному про- шествіями того дня и ликеромъ, являлись во снѣ разные ужасы. Онъ бормоталъ невнятные слова, перевортываясь съ боку на бокъ, какъ вдругъ стукъ экипажа, подѣ- хавшаго къ дому, разбудилъ его. Онъ

вскочилъ, съ испугомъ сталъ протирать гла- за и озираться по сторонамъ.

Старая кухарка, уступившая убѣдитель- нымъ просьбамъ прикащика, особенно, когда онъ обѣщалъ удѣлить ей тайкомъ отъ хозяй- ница фунтикъ кофею, спала богатырскимъ сномъ. Позволивъ молодому человѣку спать въ одной съ нею комнатѣ, старая кухарка сочла, однакожъ, необходимымъ, оградить добродѣтель свою условіемъ, не платно за- творять двери изъ кухни въ корридоръ.

За этой самой, полурастворенной дверью, Жерве услышалъ чьи-то шаги и обмеръ отъ ужаса. Но счастію онъ вспомнилъ, что хо- зяинъ его вышелъ со двора, и мысль, что, вѣроятно, это онъ возвращался домой, нѣ- сколько успокоила его. Онъ плотнѣе заку- тался въ одѣяло, перевернулся лицомъ къ стѣнѣ, постарался заткнуть уши и вскорѣ ус- нулъ.

Жерве не ошибся. Точно, — Бридо воз- вращался домой, но онъ былъ не одинъ. Онъ проводилъ наверхъ какую-то даму, гордой, величественной осанки, которая молча шла за нимъ. Бридо ввелъ эту даму, одѣтую въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ небольшую го- стиницу, заперъ за собою дверь и придвинувъ кресло, знаками просилъ ее сѣсть.

— Къ чему эти предосторожности? Эта торжественная церемоніальность? — спроси- ла дама, не садясь еще въ кресло, подав- ное ей мелочнымъ торговцомъ.

— Я уже имѣлъ честь доложить вамъ, мар- киза, — отвѣчалъ Бридо тихимъ, но твердымъ голосомъ, — что имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное.

— Для меня теперь нѣтъ ничего важнѣе свиданія съ сыномъ, — сухо возразила дама.

— Однако, вы прежде не увидите его, по- ка не выслушаете меня.

— Время дорого; мнѣ некогда тратить его на выслушаніе вашихъ домашнихъ дѣлъ.

— Моихъ, и вашихъ, маркиза.

— Я не знаю, мосье Бридо, — презритель- но возразила маркиза, — что можетъ быть между нами общаго?

— Выслушайте меня... и вы узнаете, — пре- жнимъ спокойнымъ и почтительнымъ голо- сомъ возразилъ Бридо.

Маркиза сдѣлала нетерпѣливое движеніе, сняла шаль, перебросила ее черезъ спинку кресла, сѣла и произнесла сухо:

— Говорите... только не распространяй- тесь.

Бридо молча поклонился.

— Не смотря на все желаніе мое сокра- тить рассказъ, онъ будетъ довольно длиненъ, а потому прошу у васъ позволенія сѣсть. Я усталъ.

Маркиза слегка нахмурила брови, пожала плечами, и обративъ голову въ другую сто- рону, сказала отрывисто:

— Садитесь... вы у себя дома.

Бридо сѣлъ, придвинулъ свой стулъ къ креслу маркизы и послѣ краткаго молчанія сказалъ:

— Маркиза, у васъ есть сынъ, счастію ко- торого вы противитесь съ жестокою насто- ятельностью... Не прерывайте меня, маркиза, дайте мнѣ договорить, и тогда я буду го- товъ выслушать ваши опроверженія и дово-

ды. Вы приказали мнѣ не распространяться, а потому я прямо пойду къ цѣли: молодой маркизь, вашъ сынъ, влюбленъ въ молодую сироту, вашу воспитанницу... Конечно, не соглашаясь на бракъ ихъ, вы повинуетесь законамъ свѣта, въ которомъ живете... одна- кожъ, неужели мнѣніе этого ничтожнаго, ми- шуринаго свѣта съ его противуприродными законами, дороже вамъ любви и счастія род- наго вашего сына?... Маркиза, я человѣкъ простой, мало образованный, но у меня есть сердце!.. Я уже имѣлъ честь доклады- вать вамъ, что видѣлъ сегодня вашего сына, знаю гдѣ онъ находится... я видѣлъ его и почти не узналъ; столько страданія и горе- сти измѣнили его!.. видъ глубокой печали, написанной на лицѣ его, растерзалъ сердце мое... Маркиза, позвольте человѣку посто- роннему, чужому вамъ, быть посредникомъ между вами и сыномъ... Онъ любитъ, лю- бить страстно... онъ доказалъ вамъ на дѣ- лѣ свою любовь къ молодой вашей воспита- ницѣ... о, ради Бога, маркиза!.. Я готовъ на колѣняхъ умолять васъ, не разстройвайте счастія молодыхъ людей, согласитесь на ихъ бракъ!..

Послѣднія слова были произнесены съ та- кимъ глубокимъ чувствомъ и такимъ умоляю- щимъ голосомъ, что тронули бѣ всякаго; по маркиза оставалась холодною и послѣ крат- каго молчанія спросила сухо:

— Вы кончили?

— Кончилъ; — отвѣчалъ Бридо, уныло опу- стивъ голову при жесткомъ, холодномъ вы- раженіи голоса маркизы.

— Позвольте жѣ и мнѣ сказать вамъ два слова, а потомъ кончите эту сцену, которая не только ни къ чему не ведетъ, но даже смѣшна; — сказала маркиза де Блессакъ; — во-первыхъ, мнѣ кажется страннымъ, что сынъ мой выбралъ васъ въ посредники между мною и имъ, въ такомъ шекотливомъ дѣлѣ...

— Сынъ вашъ не выбиралъ меня; я испол- няю священныя долгъ...

Маркиза презрительно улыбнулась:

— Напрасно, мосье Бридо; это исполне- ніе священнаго долга можетъ повредить вамъ; не я, а другіе могутъ подумать, что вы дѣй- ствуете не совѣтъмъ безкорыстно...

Тѣмъ тономъ маркизы оскорбилъ добраго мелочнаго торговца; но, преодолевъ негодо- ваніе, онъ возразилъ съ привужденнымъ спо- койствіемъ:

— Можетъ быть эти другіе были бѣ пра- вы... Точно, маркиза, я дѣйствую не без- корыстно.

— Что это значитъ? — спросила маркиза, не ожидавшая подобнаго отвѣта.

— Послѣ узнаете, теперь моя очередь слу- шать, а ваша говорить; вы изволили уже из- ложить первое ваше мнѣніе... Что же во- вторыхъ?

— Во-вторыхъ, — продолжала маркиза, — мнѣ кажется безразумною ваша надежда, что я могу согласиться позволить сыну жениться на... дѣвушкѣ, несимъющей ни роду, ни пле- мени, въ жилахъ которой течетъ, можетъ быть, грязная кровь!..

— Ошибаетесь, маркиза; въ жилахъ мам- зель Иды течетъ самая чистая аристократи- ческая кровь...

— Развѣ вы знаете? — съ изумленіемъ и любопытствомъ вскричала маркиза.

— Знаю; но объ этомъ послѣ. Извольте продолжать; въ третьихъ?

— Въ третьихъ... въ третьихъ этотъ разговоръ мнѣ надоѣдаетъ, онъ только волнуетъ мою кровь... а потому кончите его и скажите гдѣ мой сынъ? — съ досадою и терпѣніемъ отвѣчала маркиза.

— Маркиза, до сихъ поръ разговоръ нашъ былъ только введеніемъ къ главному предмету моему, а потому я покорнѣе долженъ просить васъ потерпѣть еще одну минуту. Вы недовольны этимъ?.. Что дѣлать?.. Дѣло чрезвычайно важное и серьезное. Приступимъ прямо ко второй причинѣ вашего отказа. Вы говорите, что мамзель Пда пле-

бейскаго происхожденія?.. Могу увѣрить васъ въ противномъ... и повторяю, что въ жилахъ ея течетъ самая аристократическая кровь; — послѣднія слова Бридо произнесъ съ горькой, иронической усмѣшкой: — не пожимайте плечами, маркиза, — продолжалъ мелочной торговецъ, замѣтивъ презрительное движеніе знатной дамы. — еслибъ у меня не было доказательствъ, то я и не рѣшился бъ обяснять вамъ этого. Прошу васъ покорно, маркиза, слушайте со вниманіемъ. Былъ у меня добрый другъ... такой же купецъ, какъ и я. У этого друга была жена, отецъ которой былъ разорившійся дворянинъ. Бѣдный купецъ сдѣлалъ большую ошибку, женившись на знатной дѣвушкѣ: онъ воображалъ, что она любила его, между

тѣмъ какъ бѣдняжка только пожертвовала собою, потому что у престарѣлой матери ея часто не бывало куска хлѣба. Хотя купецъ и полюбилъ вскорѣ послѣ женитьбы отношенія жены его къ нему, но не унывалъ: кротостью, добрымъ обращеніемъ, любовью и совершенною преданностью надѣялся онъ пріобрѣсти, если и не любовь, то, по крайней мѣрѣ, дружбу своей жены. Она была востолпшій ангель... представьте себѣ дѣвушку лѣтъ осьмнадцати, невпшую какъ...

— Не распространяйтесь, мосе Бридо, — нетерпѣливо замѣтила маркиза.

— Назвните, маркиза, отвѣчалъ Бридо, и послѣ краткаго молчанія продолжалъ: — Надежда друга моего не сбылась. Жена ободилась съ нимъ кротко, какъ покорная жерт-

Швейцарскія хижинны умалпшенныхъ женщинъ, въ Садльпетрирѣ.

ва, и часто, очень часто плакала наединѣ... — мелочный торговецъ глубоко вздохнулъ; — Другъ мой по торговымъ дѣламъ долженъ былъ отлучиться изъ Парижа. Жена плакала при разлукѣ съ нимъ, не потому, что онъ убѣжалъ... а потому, что она всегда плакала. Онъ убѣжалъ. Дѣла задержали его очень долго. Сначала онъ часто переписывался съ женою, но въ послѣдствіи она стала писать рѣже и рѣже. Наконецъ, по прошествіи года, онъ дѣвые три мѣсяца тщетно ожидалъ отвѣта на свои частыя письма. Мучимый безпокойствомъ, терзаемый невѣдѣнностью о томъ, что дѣлала его жена, другъ мой, не оковчивъ запутанныхъ, но весьма важныхъ для него дѣлъ, воротился въ Парижъ. Полтора года онъ не видалъ жены, а потому, по выходѣ изъ дворянскаго, поспѣшно побѣжалъ домой... Увы! тамъ ожидало его горе, одно горе!... Онъ не узнавалъ жены, такъ она измѣнилась. При входѣ его, она съ ужасомъ подвинулась со стула, на которомъ сидѣла, задрожала, поблѣднѣла и вперила неподвижный взоръ въ

мужа... Онъ не ожидалъ такого пріема. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но она съ трепетомъ протянула впередъ руки и умоляющимъ взоромъ какъ бы просила его не подходить... потомъ глаза ея стали медленно закрываться и она лишилась чувствъ!...

Бридо закрылъ лицо руками и замолчалъ. Этотъ рассказъ произвелъ впечатлѣніе на маркизу, а потому, промолчавъ минуту, она спросила съ нѣкоторымъ участіемъ:

— Что же дальше?

— Несчастную уложили на кровать... ее расшнуровали... и тогда... тогда мужъ узналъ, что она была беременна!... Послѣднія слова Бридо произнесъ задыхающимся голосомъ и со сверкавшими во мракѣ глазами.

— Беременная!.. повторила маркиза, всплеснувъ руками.

— Тогда послѣдняя нить, связывавшая несчастнаго купца съ преступной, прервалась... продолжалъ Бридо — но она не услышала отъ него ни одного упрека... ни одного выговора... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она родила дочь. Это обстоятельство

опять растравило раны несчастнаго мужа и ввергло его въ такіе припадки бѣшенства, что онъ чуть не лишился ума. Въ одинъ изъ этихъ припадковъ, въ умѣ его сверкнула жестокая, ужасная мысль. Я забылъ вамъ сказать, что онъ узналъ имя виновника своего позора. То былъ знатный вельможа, графъ... но къ чему вамъ знать его имени?.. Графъ, знавшій отца... жены моего друга; случайно встрѣтившійся съ нею послѣ ея женитьбы и обольщенный несчастною, которая въ самомъ дѣлѣ страстно, пламенно любила его!... Сначала другъ мой хотѣлъ вызвать графа на дуэль, но не желая разглашать своего позора, а... быть можетъ... изъ трусости, отказался отъ этого намѣренія и придумалъ другое мненіе... Въ одинъ вечеръ плодъ преступной любви, невпшый ребенокъ, исчезъ изъ колыбели...

— Говорите, говорите!... вскричала маркиза.

— Утромъ, знатная и богатая маркиза де Блесакъ приняла подъ свое покровительство

ство и на свою отвѣтственность несчастнаго подкидыша!...

— Но, скажите, скажите... Кто отецъ?.. спросила маркиза де Блессакъ съ любопытствомъ.

— Повторяю вамъ, что онъ графъ и что мать бѣдной дѣвушки происходитъ также отъ древней, но обѣдѣвшей дворянской фамиліи...

— Но доказательства?

— Я уже сказалъ вамъ, что не сталъ бы и говорить, еслибъ не имѣлъ самыхъ вѣрныхъ, положительныхъ доказательствъ,— отвѣчалъ Бридо, вынимая изъ бокового кармана бумажникъ, — тутъ хранятся документы...

— Давайте ихъ сюда!... вскричала маркиза, съ живостію протянувъ руку впередъ. Но вдругъ она остановилась, опустила руку и, пожавъ плечами, продолжала небрежно: — Впрочемъ, это ни къ чему не послужитъ. Я впрочемъ не соглашусь!.. Никогда.

Последнее слово было произнесено такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что Бридо, поднявъ голову и пристально взглянувъ на маркизу, сказалъ:

— А если самъ отецъ мамзель Иды будетъ просить васъ?

— Я остаюсь непреклонною.

— Но вы забываете, маркиза, что вашъ сынъ совершеннолѣтній и можетъ обойтись безъ вашего позволенія?...

Маркиза бросила гордый, жесткій взглядъ на Бридо и отвѣчала строгимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Вы забываете, мосье Бридо, что проклятіе матери ужасно!...

— О, маркиза! вскричалъ мелочной торговецъ съ невольнымъ трепетомъ.

Наступила минута грознаго молчанія, но вдругъ и маркиза, и мелочной торговецъ вздрогнули... На дворѣ страшно залаяла и завывала собака... а потомъ...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ раздался страшный выстрѣлъ...

— Маркиза!... вскричалъ Бридо съ ужасомъ, схвативъ руку маркизы, поспѣшно вскочившей съ кресла.—Маркиза!... вы будете отвѣчать предъ Господомъ!... Минѣ оставалось сказать вамъ одно слово: Ида дочь вашего брата, графа Шамбри!...

— Возможно ли!

На лѣстницѣ послышался страшный крикъ, между тѣмъ какъ маркиза опять опустилась въ кресла въ изнеможеніи, закрывъ лицо руками.

Бридо бросился въ сосѣднюю комнату, но въ то же время за дверью, выходившею на лѣстницу, послышался голосъ Жерве, кричавшаго съ ужасомъ:

— Хозяинъ, отойдите, отойдите!... Что-то ужасное случилось!...

Музыкальная зала въ Сальпетріерѣ.

Часовня въ Сальпетріерѣ.

Мелочной торговецъ возвратился къ маркизѣ и, схвативъ руку ея, повторилъ:

— Маркиза, вы одни будете отвѣтствовать предъ Господомъ въ смерти сына!...

— Что вы говорите!... вскричала знатная дама съ отчаяніемъ.

— Пойдемте, пойдемте за мною... говорилъ Бридо, между тѣмъ какъ Жерве погами и руками лопнулъ въ дверь. Хозяинъ отворилъ ее и молодой человекъ вбѣжалъ въ комнату, въ ночномъ колпакѣ и коротенькомъ полосатомъ шлафрокѣ.

— Хозяинъ!... закричалъ онъ дребезжащимъ голосомъ: — слышали ли вы выстрѣлъ?... Вдругъ, замѣтивъ маркизу де Блессакъ, Жерве отскочилъ, закричавъ: — Ахъ ты Господи, злая маркиза!... Но опомнившись, онъ снялъ колпакъ, шаркнулъ и не зная какъ поправиться, повторилъ, обратив-

шись къ хозяину: слышали ли вы выстрѣлъ?

— Слышалъ, слышалъ!... вскричалъ Бридо.

— Ради Бога, объясните... говорила маркиза умоляющимъ голосомъ.

— Въ этой комнатѣ, — отвѣчалъ Бридо, указавъ на свою спальню, — былъ вашъ сынъ...

— Что вы говорите!... съ ужасомъ вскрикнула маркиза, — сынъ мой, сынъ мой!

Съ громкимъ крикомъ, подобно болѣзненному воплю, вырвавшемуся изъ груди ея, бросилась она къ спальнѣ.

Вдругъ дверь отворилась... на порогѣ стоялъ Альфонсъ.

— Альфонсъ! сынъ мой!... ты живъ!... вскричала съ невыразимымъ восторгомъ маркиза, бросившись въ объятія сына...

Послѣ продолжительнаго, торжественнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями маркизы и шопотомъ Жерве, старшагося обратити на себя вниманіе своего хозяина, Альфонсъ взявъ мать свою за руку, не произнесъ ни слова ввелъ ее въ спальню и съ глубоко умоляющимъ видомъ молча указалъ на молодую дѣвушку.

Ида, съ потупленною головою и накрестъ сложенными на груди руками, стояла на колышкахъ на ковртѣ, возлѣ кровати...

Маркиза простояла нѣсколько секундъ въ молчаніи... различныя ощущенія боролась въ душѣ ея... Наконецъ, она тихо ступила два шага... подала руку молодой дѣвушкѣ и произнесла тихимъ голосомъ и какъ бы съ усміемъ:

— Ида... обими меня... дочь моя!...

X.

— Хозяинъ, а хозяинъ! — говорилъ Жерве, дергалъ Бридо за рукавъ, между тѣмъ какъ маркиза осталась одна въ спальнѣ съ молодыми людьми, — хозяинъ, слышали ли вы выстрѣлъ?..

— Какой выстрѣлъ? — спросилъ хозяинъ, забывшій отъ радости объ обстоятельстве, которое за минуту столько испугало всѣхъ.

— Пистолетный, — шепотно отвѣчалъ Жерве, — неужто вы не слышали?... А меня такъ, просто, оглушило!..

— Ахъ, да! — сказалъ мелочной торговецъ, — кто выстрѣлилъ?

— Я... то есть не я... а пистолетъ... я развѣ зналъ, что онъ былъ заряженъ?..

— Какой пистолетъ? Гдѣ ты его досталъ?

— Извольте видѣть, собака наша сначала такъ страшно стала лаять, а потомъ вить, что я не могъ никакъ заснуть... я долго вертѣлся съ боку на бокъ и, наконецъ, рѣшился идти посмотреть, что такое дѣлается на дворѣ. Выхожу... темно, страшно. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ залпнулся за что-то... я спотыкнулся и въ то же время раздался страшный выстрѣлъ. Я думалъ, что меня прострѣлили насквозь какіе нибудь разбойники, закричалъ, повалился я минуту пролежалъ какъ мертвый. Наконецъ, я очнулся... очуपालъ себя и вижу... странное дѣло!.. что я живъ; только въ воздухѣ пахло жеженымъ порохомъ. Я протянулъ руку, сталъ шарить по землѣ... вдругъ схватился за что-то холодное... я отдернулъ руку какъ отъ змѣи... Страшно!..

Съ этимъ словомъ Жерве сталъ потихоньку вынимать изъ кармана своего халата пистолетъ. Онъ хотѣлъ продолжать свой рассказъ, но былъ прерванъ маркизой, которая вмѣстѣ съ сыномъ и Идой вошла въ гостиную.

Начипало свѣтать. Слабое сѣрватое отраженіе пролепывагося горизонта освѣщало комнату...

— Мосе Бридо, — сказала маркиза, ласково протянулъ мелочному торговцу руку, — вотъ дѣти мои... Они будутъ счастливы... Довольны ли вы мною?

Бридо не сказалъ ни слова, но съ жаромъ схватилъ руку маркизы и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Вишь злая-то маркиза сегодня какая добренькая!.. проговорилъ Жерве.

— Но, мосе Бридо, вы не сказали мнѣ имени матери Иды?... спросила тихимъ голосомъ маркиза.

— Это моя тайна, — отвѣчалъ Бридо, вздохнувши.

— Я сейчасъ видѣла портретъ ея, — продолжала маркиза тихимъ голосомъ и пожавъ руку Бридо.

Отъ молча и съ грустію опустилъ голову...

II. Фурманъ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ.

Когда шайки пугачевской сволочи буйствовали въ губерціяхъ: Сибирской и Саратовской, то многіе изъ обывателей бѣжали въ Астрахань, спасая жизнь и часть узвезеннаго или поущества. Ужасъ воцарился и въ этомъ удаленномъ, окруженномъ неизбѣримыми стенами городѣ. Въ это время управлялъ астраханскою и саратовскою церковію преосвященный Меодій, архипастырь, уважаемой Государынею и народомъ. Слыша и видя смуту народную, Святитель облачился въ ризы, вышелъ на площадь и проклиналъ измѣнниковъ, убиралъ буиную, поколебавшуюся отъ нелѣпныхъ толковъ черни, что Пугачевъ есть Донской Казакъ Емелька, что онъ не увидитъ не только Астрахани, но и Чернаго Яра; да будетъ проклятъ онъ, сообщники его и всѣ дѣла его! — Сбылось предсказаніе архипастыря: Пугачевъ вскорѣ разбитъ на голову, выше Чернаго Яра, въ 70 верстахъ. Преосвященный не зналъ объ этомъ; на другой день, послѣ разгрома толпы самозванца, архипастырь поутру велѣлъ торжественно колокольнымъ звономъ возвестити народу, что мятежники разбиты, и, по совершеніи благодарственнаго меседна, дѣльный день производить колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города. Войска преслѣдовали стоглавою гидру: каваретовъ схватили; сообщниковъ, бѣжавшихъ, искали и розыскали, взяли подъ стражу и скоро участь ихъ была рѣшена. Въ числѣ этихъ людей, увѣщенныхъ бѣдственною крамолою, къ сожалѣнію, нашлось много духовныхъ — изъ губерцій: Казанской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и частию Тамбовской, почти со всего пространства, гдѣ буйствовала сволочь разбойника. Императрица отдала ихъ на судъ преосвященному Меодію, сказавъ: *ка чему онъ ихъ присоединитъ, такъ тому и быть.* 1775 году, въ мѣѣ мѣсяцѣ, привезли въ Астрахань, по Волгѣ, подслѣдяхъ. Въ опредѣленный день, во 2 часу по полудни, ихъ вывели изъ темницъ, истомленныхъ неволюю и обремененныхъ оковами, и при погребальномъ звонѣ колоколовъ, подъ прикрытіемъ стражи, привели ихъ къ собору, гдѣ собралось все астраханское духовенство. Жители всѣхъ сословій текли на это повораніе, еще имъ неизвѣстное. Преосвященный вышелъ изъ кельи въ облаченіи, съ посохомъ, пошелъ къ собору, и ставши на раскатѣ, велѣлъ несчастнымъ приближаться къ нему: окнувъ ихъ взоромъ, онъ горько прослезился и нѣсколько минутъ плакалъ; наконецъ сказалъ: Богъ и Всемогущійшаа Госу-

дарыня васъ прощаютъ, и я, по данной мнѣ отъ Ней власти, прощаю васъ и разрываю. — Потомъ преосвященный велѣлъ снять съ нихъ оковы, и, ошивъ ихъ благословеніемъ, велѣлъ имъ идти за собою въ соборъ, гдѣ было принесено благодарственное моленіе о здравіи Государыни, и звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался цѣлый часъ. Наконецъ, они освобождены изъ подъ стражи, выданы имъ, съ коими они возвратились въ мѣста своего жительства, съ пособіемъ и отеческими наставленіями, воспоминая милосердіе Государыни и раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ.

Эти люди не были упорные преступники и враги Престола и Отечества; это была толпа людей грубыхъ, омраченныхъ невѣжествомъ, безъ умысла измѣншихъ своему долгу, одними страхомъ и силою увлеченныхъ въ вихрь крамолы, и потому болѣе жалкихъ, нежели достойныхъ кары. Они не участвовали въ разбоѣхъ. Потому Екатерина II-я, какъ милосердая мать народа, даровала имъ прощеніе.

МИССИОНЕРЪ ЮСІФЪ ВОЛЬФЪ И ПЛѢВНЫЕ АНГЛИЧАНЕ ВЪ БУХАРІИ.

Подвигъ, сопряженный съ невыразимыми трудностями, даже съ опасностію жизни, и исполненный съ самоотверженіемъ и неустрашимостью, внося заслуживающія удивленія; если же притомъ побудительной причиною этого подвига было самое безкорыстное и благородное чувство благодарности, то, кромѣ удивленія, онъ заслуживаетъ еще участія и уваженія.

Къ такимъ подвигамъ принадлежитъ путешествіе въ Бухарію, предпринятое въ 1843 году миссіонеромъ Вольфомъ, для освобожденія духъ въ плѣну и заточеніи находившихся офицеровъ, полковника Стоддарта и капитана Конолла.

Въ 1838 году лордъ Пальмерстонъ приказалъ англійскому посланнику при персидскомъ дворѣ, полковнику Шилу, выбрать между подчиненными ему чиновниками, человека неустрашимого и способнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и немедленно отправить его въ Бухарію. Выборъ палъ на полковника Стоддарта, который вскорѣ и появился при дворѣ Эмира — для какой цѣли? неизвѣстно. Но какая бы она ни была, лорду Пальмерстону удалось ввести ко двору сильнѣйшаго изъ всѣхъ великихъ нравителей Средней Азій, двухъ посланниковъ, вполне оочныхъ дѣйствовать въ пользу своей отчизны.

Мы уже коротко знакомы съ Стоддартомъ изъ «Странствователя по сушѣ и морямъ» нашего сѣлаго путешественника.

Положеніе полковника Стоддарта и капитана Конолла при дворѣ бухарскаго эмира являлось съ обстоятельствомъ; они находились, то въ величайшей милости у эмира Насръ-Уллы, который совѣтовался съ ними во всѣхъ своихъ дѣлахъ, то въ величайшей немилости, и тогда заключали ихъ въ мрачную, сырую темницу, гдѣ они почти умирали съ голоду. Обстоятельства ихъ зависѣли отъ успѣховъ англійскаго оружія на берегахъ Индуса и въ Афганистанѣ; Эмиръ льстилъ англійскимъ агентамъ или терзалъ ихъ, смотря по ихъ рѣшаренія или уменьшенія англійской власти.

У полковника Стоддарта и капитана Конолла были между тѣмъ въ Англій родственники и друзья, забитыише объ нихъ. Короткій другъ перваго, капитанъ Гроверъ, безпокоясь объ участи Стоддарта, рѣшился освободить его. Въ 1843 году онъ представилъ министру внѣшнихъ дѣлъ, лорду Эбердину, прошеніе, отправиться въ Бухарію въ качествѣ англійскаго посла и требовать у эмира освобожденія товарищей. Онъ поучалъ отказать, въ которомъ министръ отвѣчалъ ему, что онъ не прасно безпокоится объ участи двухъ офицеровъ, которые, вѣроятно, давно уже погибли.

Около того же времени, явился въ іюнѣ 1843 года, докторъ богословенъ Юсифъ Вольфъ, съ предложеніемъ ѣхать въ Бухарію къ эмиру, котораго лично зналъ, лишь бы ему доставили средство доѣхать туда; онъ рудчался въ томъ, что говорить эмира освободить плѣвныхъ пословъ,

не смотря на то, что въ то время Ковалевскій уже положительнo объявлял о казни Стодларта и Конолли, что было известно Вольфу и друзьямъ казенныхъ; по мысли, надежда, за которую объявляется человекъ до послѣдней крайности, надежда, что, Ковалевскій могъ быть обманутъ ложными свѣдѣніями, заставилъ Вольфа выдаться на свой благородный подвѣгъ, а друзей Стодларта и Конолли принять этотъ вызовъ.

Вольфъ родился въ концѣ прошлаго столѣтія; родители его были еврейскаго происхожденія. Ребенкомъ онъ прибылъ въ Англію, принявъ христіанскую вѣру и въ Оксфордскомъ университетѣ кончилъ курсъ богословія. Занимая мѣсто наставника въ Йоркширѣ, онъ ревностно изучалъ восточные языки, и приготовившись достаточнымъ образомъ, предпринялъ и исполнилъ отъ 1825 — 1832 года путешествіе на Востокъ, въ Сирію, Курдистанъ, Персію, Бухарію. Желая распространить свѣтъ христіанскаго религія между полудикими, варварскими племенами Средней Азіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и томимъ въ самой жестокой и ужасной пещолѣ, когда случайно встрѣтивъ капитана Конолла, былъ освобожденъ имъ.

Миссіонеръ не забылъ оказаннаго ему благоволенія. Узнавъ объ несчастной участи капитана, онъ рѣшился всѣмъ пожертвовать и употребить все усиліе, чтобы спасти его.

Капитанъ Гроверъ немедленно доставилъ неустрашимому миссіонеру 500 фунтовъ стерлинговъ своихъ собственныхъ денегъ; но благодарное, великодушное намѣреніе доктора нашло отголосокъ въ сердцахъ Англичанъ, и вскорѣ по подпискѣ, собрана была сумма, необходимая Вольфу для приведенія въ исполненіе своего намѣренія; капитану же Гроверу была возвращена большая, доставленная имъ сумма, изъ которой была оставлена только небольшая часть, равная приношеніямъ другихъ особъ, принявшихъ живое участіе въ этомъ человеколюбивомъ дѣлѣ.

Въ июль сумма была собрана, но приготовленія къ отъѣзду продолжались до середины октября.

Наконецъ, 14-го октября 1845 года, миссіонеръ Вольфъ сѣлъ въ Сосемтонѣ на корабль «Иберія»; 20-го числа онъ былъ въ Гибралтарѣ, 26-го въ Мадридѣ, 29-го въ Аоннахъ, гдѣ онъ имѣлъ аудіенцію у греческаго короля, и отдохнувъ тамъ нѣсколько дней, отправился далее чрезъ Константинополь къ Трапезонду, у сѣвернаго берега Малой Азіи, куда онъ прибылъ въ началѣ декабря; услужливостію европейскихъ консуловъ, ему тотчасъ же доставлены были средства продолжать дорогу сухимъ путемъ до Бухары. Только отсюда начинается любопытная занимательность путешествія Вольфа. Изъ Трапезонда онъ отправился сперва въ Ерзерумъ, откуда отъ 12-го декабря писалъ слѣдующее:

«Такъ какъ у меня было письмо отъ господина Герца, австрійскаго и русскаго консула въ Трапезондѣ, къ богатому армянину, Аракель-Чибукчи-Оглу, — сынъ трудолюбива мистера, — то я остановился у него на квартирѣ и встрѣтился тамъ съ армянскимъ архіепископомъ, весьма образованнымъ человекомъ, который сказалъ мнѣ, что хочешь случаю познакомиться съ мистеромъ Вольфомъ, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго. Въ Ерзерумѣ 200 Армянъ, 200 мусульманъ, 400 Грековъ и 8 Армянъ-католиковъ. У Армянъ одна, а у Грековъ четыре церкви. Архіепископъ Гумуцханскій имѣетъ въ мѣстѣ званіе Трапезондскаго архіепископа, и ежегодный доходъ его простирается только до 80 долларовъ (около 120 руб. серб.). Изъ Гумуцхана я выѣхалъ въ понедѣльникъ, 4-го декабря и переправившись черезъ рѣку, входящуюя пердъ городомъ, поѣхалъ къ востоку по долинѣ, окруженной высокими горами и скалами. Мѣстоположеніе было прекрасное. Мы провели ночь въ жалкой лачужкѣ, а на другой день, около полудня, прибыли въ деревню Балагоръ, гдѣ я былъ радуюсь принять въ врачонъ живущаго, съ круглой крышей, одного армянина, къ которому у меня было письмо отъ гумуцханскаго архіепископа; 6-го декабря мы прибыли въ Байбутъ, окруженный высокими, голыми скалами; быстрая рѣка течетъ близъ города, населеннаго 400 мусульманами, 100 армянами и имѣетъ шесть

мечетей и одну церковь. Тутъ есть карантинъ, въ которомъ на девять дней задерживаютъ турокъ и вообще всѣхъ путешественниковъ, прибѣгающихъ изъ Турціи. Начальникомъ этого заведенія итальянскій врачъ, Лунджи Эрколани.

«7-го декабря. Сегодня мы прибыли въ селеніе Кобъ, гдѣ я должень былъ нанять двухъ людей, которые перенесли меня черезъ скалы покрытыя снѣгомъ. Семь часовъ спустя мы прибыли въ деревню Ашхалехъ, гдѣ надо было перебраться черезъ западныхъ Евфратъ, называемый по турецки Кара-Су — черная вода. Въ Ашхалехѣ встрѣтилъ двухъ дѣрвишей изъ Бухары, которые рассказали мнѣ, что англійскіе офицеры еще живы и обучаютъ войска эмира европейскому военному артикулу.»

Сильный снѣжный вихрь и дурная погода зачудили выѣздъ Вольфа изъ Ерзерума, куда онъ прибылъ 16-го декабря. Проживъ десять дней, занасавшись теплой одеждой и обувью, и получивъ отъ ерзерумскаго шаха 1080, а отъ неизвестнаго 500 шастровъ дополнителныхъ денегъ изъ суммъ, собранной въ Англіи для путешествія его, Вольфъ смѣло направился чрезъ снѣжныя равнины къ Мула-Солейману, куда онъ прибылъ 1-го января 1844 года, нѣсколько разъ подвергаясь опасности быть разграбленнымъ кочующими Курдами. Наконецъ, 15-го января, онъ счастливо прибылъ въ Тавризъ и остановился у англійскаго генеральнаго консула. Проживавшій въ Тавризѣ персидскій принцъ Баманъ-Мирза, пожелавъ видѣть миссіонера, принялъ живое участіе въ его предпріятіи, доставилъ ему средства къ безопасному проѣзду въ Тегеранъ и далъ рекомендацїи писма ко многимъ персидскимъ вельможамъ въ Тегеранъ и Мешадъ; такъ что 20-го января Вольфъ предпринялъ путешествіе въ Тегеранъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; 11 дней спустя, прибылъ онъ въ столицу Персіи. Великобританскій посланникъ при персидскомъ дворѣ, полковникъ Шилль, прекрасно принялъ миссіонера и выхлопоталъ ему аудіенцію у шаха, который принялъ его ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ полной увѣренности, что англійскіе офицеры были еще живы, хотя и томимы въ заключеніи, докторъ Вольфъ съ прїятными надеждами отправился въ началѣ марта въ Бухарію, снабженный строгимъ наказомъ персидскаго шаха къ бухарскому эмиру немедленно освободить плѣнныхъ. Онъ счастливо достигъ Мешада, пограничнаго персидскаго города, гдѣ встрѣтилъ агента полковника Стодларта, которому послѣдній повторилъ множество шалей и другихъ драгоценныхъ вещей, на сумму 2000 фунтовъ стерлинговъ, и который, но легко-вѣрными причинами, клясася божицелъ, что полковникъ Стодлартъ и товарищи его, давно уже лишены жизни. Не смотря на то, миссіонеръ съ большою поспѣшностью отправился къ своимъ плѣнъ, хотя со дня на день, и чѣмъ болѣе приближался къ Бухарѣ, терялъ надежду застать несчастныхъ соотечественниковъ въ живыхъ. Но въ конномъ гурмановѣ перешелъ онъ счастливо черезъ степь, и наконецъ, 25-го апрѣля прибылъ въ Бухару. Тамъ онъ узналъ утвердительно о смерти англійскихъ офицеровъ и написалъ въ началѣ мая къ капитану Гроверу письмо слѣдующаго содержанія:

«Я пишу это письмо въ домѣ Наибъ-Заметъ-Хана, начальника артиллеріи его высочества бухарскаго эмира, сѣвернаго и благороднаго друга всѣхъ Англичанъ — и въ присутствіи Махрама — перваго камергера двора е. в. эмира; и пишу по официальному повелѣнію эмира, которому долженъ предъявить переводъ моего письма, слѣдовательно ограничиваясь описаніемъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, безъ всякихъ разсужденій и замѣчаній. 29-го апрѣля эмиръ далъ мнѣ знати, чрезъ вышеупомянутаго уже Наюба и въ присутствіи муллы Казема и Махрама, что въ мѣсяцъ *Sarrattan* года 1259 — (Юль 1842 года) — онъ приказалъ казнить полковника Стодларта и капитана Конолла. Перваго за то, что, во 1-хъ) онъ во многихъ случаяхъ дерзко обходился съ е. в. эмиромъ; во 2-хъ) онъ принималъ мусульманскую вѣру и потомъ опять перешелъ въ христіанскую; въ 3-хъ) онъ обѣщалъ доставить черезъ четыре

мѣсяца письма изъ Англіи, въ которыхъ его признаютъ великобританскимъ посломъ; четыре мѣсяца прошло, писемъ не было, хотя эмиръ нарочно для полковника устроилъ почту. Что же касается до Конолла, то онъ былъ казненъ за то, что возмущалъ противу бухарскаго эмира, Хивинцевъ и Кокандцев; (*) Е. В. позволилъ мнѣ оставить Бухару 9-го мая. Изъ Мешада я доставляю вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

Въ Англіи долго не хотѣли вѣрить этому письму, тѣмъ болѣе, что передъ отъѣздомъ своимъ Вольфъ объявлялъ, что если не застанетъ офицеровъ въ живыхъ, то изъ Бухары не будетъ писать. Но такъ какъ въ письмѣ было сказано, что оно написано по приказанію эмира, то все еще надѣялись. Но надежда эта была не продолжительна. Въ октябрѣ въ Лондонѣ было получено новое письмо отъ Вольфа, въ которомъ онъ подтверждалъ извѣстіе о смерти офицеровъ и писалъ, что онъ самъ находился въ крайней опасности. Письмо было отъ 27-го іюня и содержало съ собою слѣдующее:

«Вотъ уже два мѣсяца, какъ я прибылъ въ Бухару и хоти эмиръ не разъ обѣщалъ отправить меня обратно въ Англію, я нахожусь въ большой опасности. Я не иначе смѣю выдти на улицу, какъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ. Меня самымъ подлымъ образомъ обманули, обокрали и оскорбляютъ. Персидскій посоль благоволилъ ко мнѣ, но я не думаю, чтобы онъ имѣлъ довольно власти, чтобы спасти меня. Наибъ-Абдуль-Суммукъ-Ханъ заставилъ меня насильственнымъ образомъ подписать обязательство, по которому я долженъ выплатить ему 5000 томановъ выкупа. Я полагаю, что онъ виновникъ смерти Стодларта и Конолла, хотя онъ и неперестаетъ увѣрять меня въ преданности своей Англіи. Эмиръ находится теперь въ Самаркандѣ и, мнѣ сказали, съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстія о моеи смерти. Правда, что бѣдный Стодлартъ, принявшій по принужденію, мусульманское вѣроисповѣданіе, потомъ, открыто, опять воротился къ христіанской вѣрѣ. Забудьте обо мнѣ; дѣлайте, что возможно, но не унизайте чести Англіи.»

Нѣсколько времени спустя въ англійскихъ газетахъ появилось еще письмо:

«Мешадъ, мѣсяца Шабапа, 25-го дня, 1844.

«Любезный Гроверъ! Такъ какъ я не смѣлъ вести въ Бухарѣ своихъ записокъ, то и забылъ число христіанскаго мѣсяца!

«Не смотря на то, что коварный и низкій Наибъ-Абдуль-Суммукъ-Ханъ взялъ съ меня обѣщаніе заплатить ему 5000 томановъ, моя казна была, если бы персидскій посланникъ Аббасъ — Келль-Ханъ не спасъ меня. Теперь я прибылъ въ Персію большой, измученный, ограбленный и, кромѣ того, съ долгомъ въ 5000 томановъ, который я долженъ заплатить брату Наюба-Абдуль-Суммукъ-Хана, проводившему меня въ Тегеранъ. Помогите мнѣ, если можно, а нѣтъ — такъ надо будетъ идти въ тюрьму. Эмиръ бухарскій отправилъ въ мѣстѣ со мною посла въ Англію, а Наюба, заставившій меня, окруженнаго стражей, въ своемъ саду, подписать обязательство на 5000 томановъ, заставлялъ въ то же время подписать обѣщаніе, что я беру на себя всѣ путевыя издержки посла, отправляемаго въ Англію. Кромѣ того, этотъ посоль возмущалъ противъ насъ, посреди степи, туркомановъ, которымъ мы должны были выплатить 150 томановъ. Вся ваша

«Юсупъ Вольфъ.»

Изъ другаго письма миссіонера Вольфа явствуетъ еще, что кромѣ Стодларта и Конолла, въ Бухарѣ былъ еще казненъ третій англійскій офицеръ, лейтенантъ Выбордъ, неизвестно по какимъ причинамъ.

Наконецъ, миссіонеръ прибылъ въ Тегеранъ, и слѣдовательно, спасенъ. Мы съ удовольствіемъ, можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что онъ теперь уже прибылъ въ Англію, гдѣ честна и праздновалъ его возвращеніе.

Дочери полковника Стодларта получили пенсію въ 150 фунтовъ стерлинговъ.

(*) Пускай Кокандцевъ, потому что Конолла прїхалъ изъ Кокандъ, а уже Хивинцевъ почему?

Місіонеръ Іосифъ Вольфъ.

Достъ Могамедъ.

Начальники Бухарскаго народа.

ПАМЯТНИКЪ ГЕТЕ

во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Разсматривая просвѣщенную жизнь народовъ, мы часто удивляемся моментамъ, проявляющимся въ ней, и которые внезапно, часто по неизвѣстнымъ причинамъ, приводятъ какое либо понятіе, какое либо направленіе, даже какую либо моду до апохордоничнаго, такъ сказать, состоянія, которое, большею частію, не долговременно.

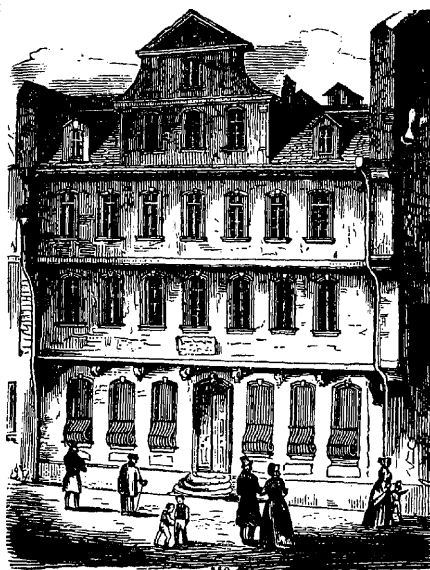
Подобная манія или страсть, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, состояла въ Германіи, въ поклоненіи знаменитостямъ прошедшихъ вѣковъ, и выдѣсь съ тѣмъ въ моду воздвигали памятники великимъ людямъ, а въ особенности поэтамъ классическаго періода. За что тогда принялись поспѣшно и дѣлательно, все то счастливо достигло своей цѣли. Даже для баснословно историческаго воспоминанія, а именно для освобожденія Германіи отъ Римлянъ Арминіемъ, нашлись, для сооруженія ему памятника, столько людей, готовыхъ содѣйствовать этому дѣлу, что нельзя не удивляться духу общности и согласія германскаго народа.

Въ послѣдствіи эта манія, разумѣется, ослабла. Нѣкоторые изъ начатыхъ памятниковъ остались недооконченными; планы и проекты другихъ сохранились въ портфеляхъ и не были даже начинаемы; впрочемъ, послѣднему, быть можетъ, причиной колоссальнаго сооруженія Кельнскаго собора, о которомъ мы уже говорили съ читателями въ послѣднихъ номерахъ Иллюстраціи.

Для него были употреблены огромныя суммы; по подпискамъ и займамъ, между тѣмъ какъ Лессингъ, въ Брауншвейгѣ, и до сихъ поръ не дождался памятника.

Когда воздвигли въ Штутгартѣ памятникъ Фри-

дриху Шиллеру, то и Франкфуртъ на Майнѣ долженъ былъ вспомнить, что онъ не отдалъ еще надлежащаго долга Іоханну Вольфгангу Гете. Тамъ родился великій поэтъ 28 августа 1749 года. Уже при жизни Гете нѣкоторые поклонники его изъ-

Домъ, гдѣ родился Гете.

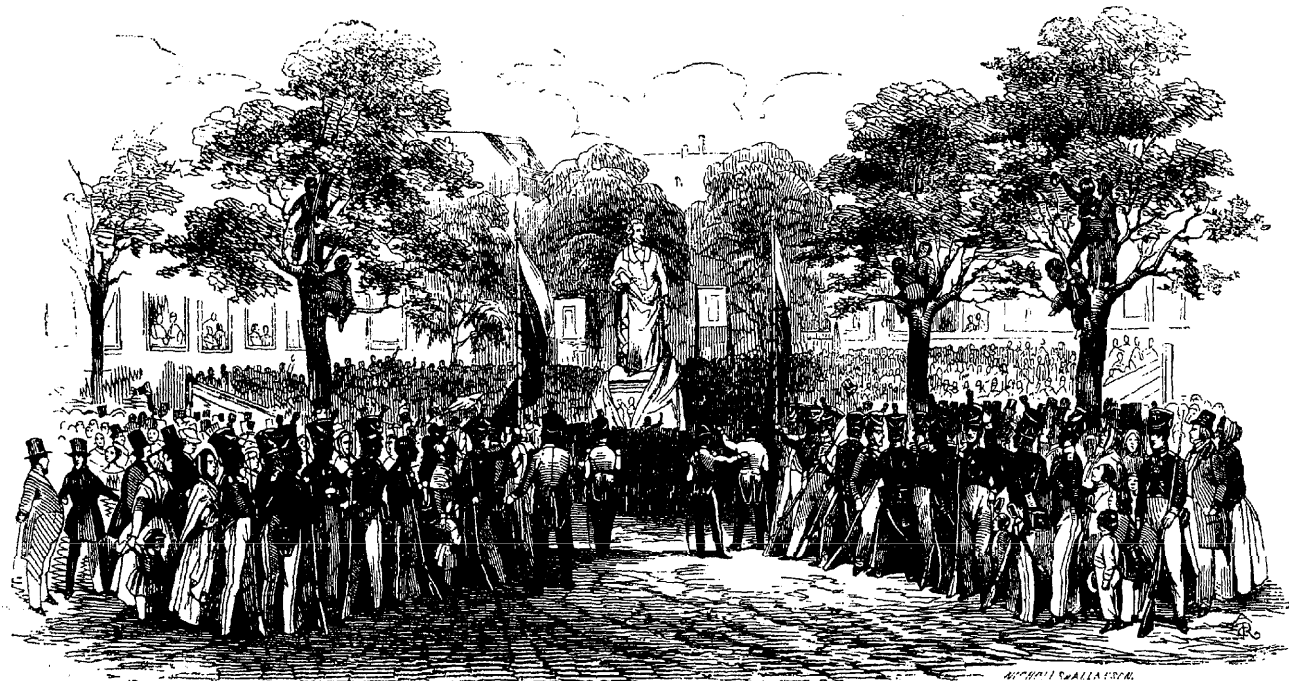
являла желаніе воздвигнуть въ честь его памятникъ; но это намѣреніе, казавшееся непрактичнымъ поэту, было отклонено имъ самимъ, какъ почесть, принадлежащая человѣку только послѣ переселенія его въ другой міръ, когда жизнь его уже пол-

на, когда онъ свершилъ свое, и когда о немъ можно судить безпристрастно.

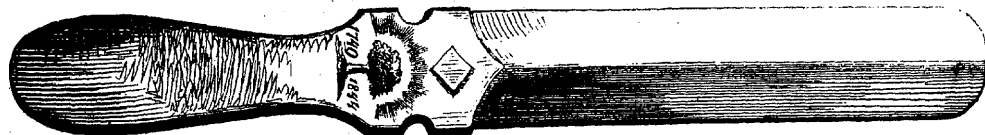
Тѣмъ удивительнѣе, что не болѣе пяти лѣтъ спустя послѣ смерти Гете, случившейся въ 1852 году, эта, сначала слишкомъ поспѣшная преждевременная мысль опять была. Политическое волненіе, послѣдовавшее за июльскою революціею, было, вѣроятно, тому причиной. Тогда, болѣе нежелая когда либо, стали разсматривать вліяніе Гете на общественную жизнь народа и выставляли его съ невыгодной стороны. Пока ученые кляпой на книгу, комментаріемъ на комментаріи, старались доказать несправедливость обвиненія, масса народа не соглашалась съ ними и даже слѣдовала мнѣнію отчаяннѣйшихъ непрітелей Гете, которые утверждали, что великій поэтъ былъ аристократъ, и тривіальными, фанатическими доводами защищалъ свои идеи.

Наконцѣ настала болѣе спокойная времена, политическая литература затихла, и въ 1857 году опять предложена была мысль воздвигнуть Гете памятникъ.

Но и новый вопросъ о сооруженіи памятника во Франкфуртѣ на Майнѣ, встрѣтилъ новыя затрудненія: въ вольные и богатые города издавна отличаются тѣмъ, что построятъ памятниковъ или другихъ какихъ либо зданій на пользу или на славу общую, которые должны были бы воздвигаться на счетъ всего города, часто поручаются гражданамъ, которые принимаютъ на себя все издержки, доставляя этимъ себѣ и городу славу. Такъ и въ это время трое франкфуртцевъ, Гг. Зейфъ ерхельдъ, Миліусъ и Ришпель добровольно согласились принять на себя исполненіе долга, принадлежавшаго всему городу. Они употребили огромныя суммы на изваяніе мраморной статуи Гете, надѣясь, что городъ достойно оценитъ эту патриотическую поступокъ. Но несчастію эти великодушные и благородные граждане вду-

Открытіе памятника Гете.

Воспоминаніе о празднествѣ, по случаю открытія памятника Гете. Ножъ, для разрѣзыванія бумаги, сдѣланный изъ дерева, посаженнаго дѣдомъ Гете, въ день рожденія послѣдняго.

малп поручить исполненіе этой статуи чужестранному художнику: Помпео Маркес, прославленному въ Италіи, но мало извѣстному въ Германіи. Если бы хотя модель этой статуи была сдѣлана Раухомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была бы гораздо лучше, между тѣмъ какъ миланскій скульпторъ Маркес, которому неизвѣстны были ни отношенія Гете къ Германіи, ни даже, можетъ быть, его сочиненія, исполнѣлъ статую, изображавшую Гете въ спящемъ положеніи, не безъ благородства и другихъ достоинствъ, но въ ней рѣшительно недоставало того вѣрнаго характеристическаго выраженія, по которому всякій нѣмецъ могъ бы узнать въ этой статуѣ своего любимаго поэта. Голова имѣла болѣе французскій, нежели нѣмецкій характеръ, а обще болѣе напоминало поэзію Альфиери, нежели творца Фауста или Графа Егмонта. Мысль уплаты этимъ памятникомъ народнаго долга безсмертному Гете, была тогда устранена и подарокъ трехъ щедрыхъ гражданъ поставленъ былъ у портика бібліотеки.

Надо было думать, что послѣ этого городъ приметъ на себя заботу о сооруженіи другаго памятника и чрезъ сенатъ вызоветъ гражданъ къ содѣйствію въ этомъ высокомъ предпріятіи, но ничего не бывало. Рѣчь о памятникѣ опять замолкла бы, если предсѣдатель Франкфуртскаго общества искусствъ, не соединилъ бы съ управленіемъ Штедсельской академіи художествъ, для исполненія предпріятія, которое стало уже непремѣннымъ долгомъ германскаго народа. По первой подпискѣ были собраны значительныя суммы. Многіе обязались платить въ продолженіи трехъ лѣтъ извѣстную сумму. Комитетъ, образовавшійся для осуществленія этой идеи, рѣшилъ, чтобы безсмертному согражданину ихъ, Гете, былъ воздвигнутъ бронзовый памятникъ на одной изъ площадей сего роднаго города. Названіе же памятника было поручено славному Торвальдсену. Дѣло шло довольно успѣшно, какъ вдругъ представилась повал останова:

Торвальдсенъ, заваленный заказами, долженъ былъ отложить срокъ, къ которому онъ обѣщавъ доставить памятникъ. Тогда комитетъ обратился къ Шванталеру, и тѣмъ охотнѣе, что, ни Гутенберга ни Шиллера статуи, исполненныя Торвальдсеномъ, не говорилъ въ пользу его способности создавать народныя памятники; притомъ же рисунки барельефовъ, представленные Торвальдсеномъ, изображали музъ и грацій и тому подобныя аллегорическія ничтожности, которые какъ быдиножды навсегда созданы атрибутами поэтовъ и не заключали въ себѣ ни одной, хотя нѣсколько новой или оригинальной идеи.

Тѣмъ послѣднѣе подвигалась работа Шванталера, тѣмъ болѣе комитетъ заботился о прискачаніи приличнаго мѣста для помѣщенія памятника. Во Франкфуртѣ, старинномъ и обширномъ городѣ, мало площадей. Единственное большее мѣсто назначено было для Гутенбергской группы; другое приличное мѣсто, было давно уже назначено для сооруженія новыхъ воротъ, становившихся со дня на день необходимѣе. Оставалось выбирать между нѣсколькими узкими, неудобными площадками, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ защитниковъ.

Памятникъ былъ слишкомъ колоссаленъ, чтобы можно было поставить его въ одномъ изъ садовъ, окружающихъ городъ. Наконецъ рѣшили, поставить его тамъ, гдѣ онъ теперь находится.

Минула окончаніе сооруженія памятника приближалась. Здоровье Шванталера разстроилось, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала смерть литейщика Штигальейера; не смотря на эти горестныя событія, статуя была счастливо приведена къ окончанію, и долгое время возбуждала въ Мюнхенѣ восторгъ и удивленіе знатоковъ. Во Франкфуртѣ надѣялись получить статую уже 28-го августа, день рожденія поэта, но надежда эта не осуществилась. Наконецъ, разнесся радостный слухъ, что славная статуя прибудетъ во Франкфуртъ въ октябрь.

Многочисленный, уже нѣсколько лѣтъ существовавшій комитетъ, рѣшилъ устроить торжество, на которое должны были собраться ученые, литературныя и художественныя знаменитости.

Но уже при первыхъ дѣйствіяхъ своихъ, комитетъ встрѣтилъ многія препятствія. При смѣтѣ суммъ, необходимыхъ для празднества, которымъ хотѣли достойнымъ образомъ почтить память великаго поэта, оказалась недостатковъ въ средствахъ, которыя едва могли покрыть издержки сооруженія памятника, хотя около 350 гражданъ этого просвѣщеннаго и богатаго города приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Комитетъ обратился къ сенату съ просьбой о вспоможеніи, но сенатъ отвѣчалъ, что какъ все сооруженіе было учреждено мимо него, то онъ и не приметъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Узнавъ, что у комитета недоставало даже суммъ, для покрытія всѣхъ издержекъ, сенатъ хотѣлъ было овладѣть статуею «какъ собственностью города.»

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ О НОВЫХЪ ГАЛЬВАНИЧЕСКИХЪ БАТАРЕЯХЪ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГЕРЦОГА МАКСИМИЛИАНА ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО.

Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, сообщилъ въ мартѣ сего года Императорской Академіи Наукъ слѣдующую записку, которую мы помѣщаемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ, въ полномъ ея видѣ:

«Нѣсколько мѣсяцъ тому назадъ устроилъ я здѣсь, въ С. Петербургѣ, заведеніе, въ коемъ гальванопластически изготовляются всякаго рода предметы. Цѣль этого заведенія состоитъ въ томъ, чтобы гальванопластикъ, открытую въ Россіи, совсѣмъ ея успѣхами отъ самаго рожденія, привести въ дѣйствіе въ ея отечествѣ въ большихъ размѣрахъ и поставить на высшую степень совершенства въ художественномъ и промышленномъ отношеніяхъ. При опытахъ и работахъ, съ этою цѣлію произведенныхъ, оказалось, что употребляемые доселѣ способы, которые при изготовленіи небольшихъ вещей были въ превосходной степени удовлетворительны, въ большихъ размѣрахъ не представляли тѣхъ же результатовъ. Я пашелъ себя въ необходимости, въ способахъ, до нынѣ извѣстныхъ, допустить, въ видѣ опыта, вѣкоторыя измѣненія. Имѣя въ виду сообщить въ свое время Императорской Академіи Наукъ, подробное описаніе всего хода этого заведенія, теперь я позволю себѣ предварительно поставить Академію въ извѣстность о результатахъ нѣкоторыхъ произведенныхъ мною опытовъ, которые я допустилъ въ измѣненіи нынѣ употребляемыхъ гальваническихъ батарей.

При дѣйствіи Даниелевой батареи въ большомъ размѣрѣ представились нѣкоторыя неудобства. Амальгамировать цинкъ въ большомъ размѣрѣ и трудно и дорого, а безъ того цинкъ издерживается въ слишкомъ значительномъ количествѣ, особенно въ растворѣ сѣрной кислоты, которая для этого чаще всего употребляется. Сверхъ того, эта батарея оставляетъ большое количество осадка бѣлаго купороса (zink-vitriol), который, для общаго употребленія, мало требуется и доставляетъ весьма незначительную выгоду.

Чтобы получить полезный продуктъ, я замѣнилъ цинкъ желѣзомъ, увеличилъ объемъ батареи и силу кислоты. Первые опыты были уже весьма удачны и теперь эти желѣзные батареи въ большомъ размѣрѣ уже дѣйствуютъ, а оста-

ющійся осадокъ зеленого или желѣзнаго купороса (eisen vitriol) можетъ быть употребляемъ съ пользою.

Для золоченія, однакоже, я употреблялъ до сихъ поръ Багратионову батарею. У г. подполковника Евреинова нашелъ я батарею Бунсена, измѣненную въ томъ, что вмѣсто дорогаго угольнаго цилиндра употребленъ коксъ (циментированный голландскій уголь). Я испытывалъ эту батарею въ продолженіи 24 часовъ и нашелъ посредствомъ простаго гальванометра сначала 37° уклоненія, а послѣ 24 часовъ все еще 33°; но какъ и эта батарея, сколь хорошо она ни дѣйствовала, въ большомъ размѣрѣ представляла тѣ же недостатки, что и Даниелева, то я издѣсь замѣнилъ цинкъ желѣзомъ; но въ этой я оставилъ, какъ и въ батарее Бунсеновой и г. подполковника Евреинова, растворы селитренной и сѣрной кислоты. При этой батарее, изъ двухъ паръ, гальванометръ показывалъ 28°. Опытъ золоченія удался вполне въ продолженіи часа и трехъ четвертей; послѣ 24 часовъ магнитная стрѣлка все еще показывала 26°.

Но и въ этой батарее я находилъ недостатки, которые желалъ устранить. Отдѣляющіеся отъ селитренной кислоты газы неприятны и въ большомъ количествѣ должны быть вредны. Оказалось, что купоросъ содержитъ не малое количество селитр. кислоты, чрезъ что употребленіе его дѣлается затруднительнымъ или можетъ подвергнуть жидкость разложенію.

Это мнѣ подало мысль селитренную кислоту вовсе отбросить, а употребить только сѣрную. Изъ этого образовалась батарея желѣзно-коксая съ одною только жидкостью. Я дѣлалъ опыты съ двумя парами и получилъ уклоненіе магнитной стрѣлки на 28°, а чрезъ 24 часа на 17°.

Во всѣхъ этихъ опытахъ количество и сила жидкостей, обливавшихъ металлъ, равно и поверхность элементовъ, одинакова. Я захотѣлъ еще увеличить силу послѣдней батареи и прибавилъ третью пару, при чемъ кислота, въ коей былъ коксъ показывала 27°, а кислота желѣза 10° (по Боле). Магнитная стрѣлка отклонилась на 50°, а предметъ золотился, въ истинномъ смыслѣ слова, мгновенно.

Эта батарея, которую я надѣюсь еще усовершенствовать въ отношеніи къ недостатку силы, имѣетъ противу доннынѣ употребительныхъ батарей большое преимущество, тѣмъ, что питаніе ея не требуетъ большихъ расходовъ, сѣрная кислота и желѣзо оставляютъ послѣ себя продуктъ, который всегда имѣетъ свою цѣнность, а коксъ постоянно сохраняетъ стоимость горячаго матеріала.

Я намѣреваюсь сдѣлать ближайшіе опыты во всѣмъ доннынѣ извѣстными батареями и не премину о нихъ поставить въ извѣстность Императорскую Академію Наукъ. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что всѣ эти опыты будутъ принадлежать болѣе къ практикѣ и техникѣ, нежели къ наукѣ.

К И Е С Ъ.

(Продолжение.)

Когда гроза несколько утихла, молодой человек заговорил.

— Милая Тракозия, мол возлюбленная, зачѣм сердце твое подается тягостному стѣсненію страха? Чего ты боишься? Вѣдь я съ тобою... Я могу защитить тебя! Посмотри, вот мой копыль, наконецник которыхъ я заострил на скалы; вот мой лукъ; пзъ тростника, собраннаго мною въ рѣкѣ, я сдѣлалъ двадцать стрѣлъ, которыхъ хранится въ этомъ коланѣ пзъ древесной коры; я напитаю ихъ ладоннымъ сокомъ молочайника. Ты знаешь, что я ловко метая свой *кириссъ* (паллицу) и на тридцать шаговъ мѣтко попадаю въ цѣль; эта скала защититъ тебя отъ *т'улу* (грома); копые мое служитъ защитой отъ гнѣвы и шакала, а гроза прогнала *м'алесму* (льва) въ глубочайшія пещеры... Чего же ты страшилась?

— Кіесъ, отвѣчала молодая дѣвушка, — я не боюсь ни грозы, ни гнѣвы, ни шакала, ни льва, когда ты со мною; но вчера, когда ты былъ на охотѣ, колдунъ Палло пришелъ ко мнѣ въ гротъ и выпросилъ у меня ожерелье пзъ разноцветныхъ стеклышекъ; въ благодарностъ онъ предсказалъ мнѣ твою и мою будущностъ: «молодая *т'юсс* (дѣвушка), — сказала онъ, — умъ мой летаетъ по равнинамъ и горамъ, въ прошедшемъ и будущемъ, и вездѣ, вездѣ, я вижу лишь цѣпи и кровь... Очи твоихъ сестеръ, братьевъ и всѣхъ твоихъ родныхъ превратятся въ источникъ, и слезы ихъ будутъ горьки... горьки!... И твои очи будутъ плакать, потому что я вижу бозровъ, сдѣлающихъ коней и заряжающихъ смертоносныя ружья. Говору тебѣ, молодая *т'юсс*, горе *Коббалъ* (неволянка), скрывшійся въ сѣбныхъ горахъ!... Горе, горе имъ, если они не повинуютъ голосу моему и не дадутъ мнѣ табаку и овечь!»

— Это тебѣ сказала Палло?

— Да; ты знаешь, что колдунамъ извѣстно будущее.

— Я зналъ, что Палло плутъ и обманщикъ, а теперь убежденъ еще и въ томъ, что онъ памѣникъ и шпионъ.

Выговоривъ эти слова, Кіесъ вложилъ два пальца въ ротъ и рѣзко свистнулъ. Минуту спустя, со всѣхъ концовъ горы послышался подобный свистъ и дѣвсти бошеменовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, поспѣшно вышли изъ глубокихъ пещеръ, въ которыхъ они скрывались въ продолженіи нѣсколькихъ уже дней.

Близъ самой пещеры Кіеса была небольшая лощина, на которой обыкновенно собирався советъ шайки, въ затруднительные или неожиданные важные случаи.

Гроза освѣжила воздухъ и оживила утомленную растительностъ; свѣтлое солнце, въ полномъ блескѣ своемъ, выходило изъ за тучъ, уносящихъ въ вѣтрахъ и тысячи капель, оставленныхъ на лѣствяхъ дождемъ, заблестѣли, подобно алмазамъ. Посреди ковра свѣжей зелени пестрѣли прелестнѣйшіе цвѣты. Тамъ и сямъ виднѣлась красивая зелень ароматической *мирики* (1), плоды которой покрыты зеленымъ воскомъ, изъ котораго жода дѣлать свѣчи; *сборора* (2), съ пестрыми цвѣтами, подобнымъ крыльямъ бабочки, зашищала своею тѣнью драгоценное индigo, доставляющее прекрасную синюю краску; прелестный желтый *сулоцеттъ* (3), прозванный *безсмертнымъ*, съ розовыми листиками, завядая на опустившихъ стебляхъ, подобно нѣкоторымъ журнальнымъ крикунамъ, которые авядаютъ при жизни, не оставя послѣ себя никакого воспоминанія...

Эта живописная лощина находилась посреди обширнаго лѣса, въ который можно было пробраться только по извѣстнымъ тропинкамъ, раскодившимся во всѣ стороны и оставленнымъ слѣдами словей. Высокія деревья, переплетаясь вѣтвями и сучьями, образовали непроходимую чашу, которую только буйволы, носороги и слоны могли прорвать.

Кіесъ и Тракозия вышли на лощину и вскорѣ къ нимъ стали подходить, по одиночкѣ, дикіе бошемены, остатки поколѣнія, нѣкогда многочисленнаго и счастливаго.

На всѣхъ лицахъ выражалось безпокойство, потому что свистокъ начальника призывалъ ихъ только въ важныхъ случаяхъ. Они шли одустивъ головы, съ озабоченнымъ видомъ; женщины и мужчины курили трубки, набитыя не табакомъ, котораго они, по бѣдности, не могли купить, но листьями конопля, имѣющаго почти тоже усыпительное дѣйствіе. Женщины послѣ сплехъ дѣтей въ мѣшкахъ, въ видѣ каюшонновъ висѣвшихъ на ихъ спиныхъ. Веселыя лица черныхъ ребятишекъ, похожихъ на обезьянъ и выглывавшихъ пзъ мѣшковъ, составляли разительный контрастъ съ печальнымъ и унылымъ видомъ ихъ матерей.

Когда всѣ дикари собрались на лощину, то усѣлись въ кружокъ, храня почтительное молчаніе и ожидая, чтобы начальника ихъ угодно было заговорить.

Бѣдный Кіесъ, котораго мы видѣли въ жестокой неволѣ, за которымъ мы слѣдовали во время продолжительнаго и тягостнаго путешествія, который могъ бы служить типомъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, былъ, однакожъ, сынъ царей!... Если и не сказалъ вамъ о томъ прежде, такъ это потому, что не смотря на ничую важностъ свою, это весьма простое обстоятельство. У африканскихъ и американскихъ поселенцевъ весьма часто можно встрѣтить сыновъ царей, чистящихъ лошадей, управляющихъ повозками, стряпающихъ кушанья или копающихъ землю.

Возвратившись въ Сьюбергенскія горы, Кіесъ заступилъ мѣсто своего отца, правителя одного племени дикарей и умершаго съ горя и отъ нищеты во время продолжительнаго отсутствія своего наследника. Вамъ можетъ показаться страннымъ, что царь умираетъ отъ нищеты, а потому я долженъ объяснить вамъ, что такое готтентокскій царь: онъ не имѣетъ царства, потому что обыкновенно переселяется со своими подданными изъ одной страны въ другую, когда не находятъ болѣе средствъ существованія въ прежней; слѣдовательно, онъ два или три раза въ годъ, смотря по обстоятельствамъ, переноситъ свое царство, не дѣлая для того никакихъ завоеваній и не встрѣчая никакихъ препятствій. Готтентокскій царь началствуетъ своими подданными во время войны, только съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ быть впередъ ихъ и первый встрѣтитъ непріятеля. Онъ имѣетъ право судить своихъ подданныхъ, если имъ издумается обратиться къ яму; но если осужденный недоволенъ, то имѣетъ право собрать советъ старшихъ, которые уже судятъ царя. Онъ имѣетъ право предводительствовать племенемъ во время переселенія, но иногда самъ долженъ идти туда, куда захотятъ подданные. Наконецъ онъ имѣетъ право давать советъ даже тогда, когда ихъ никто у него не спрашиваетъ и угощать подданныхъ, если довольно богатъ. Впрочемъ, его всѣ уважаютъ, кланяются и встрѣчаютъ, говорятъ *т'абъ*, *т'ку-т'койл* (здравствуй, капитанъ). Что касается до налоговъ, сборовъ, пошлинъ, то объ нихъ и помину нѣтъ, и весь царскій удѣлъ состоитъ изъ хижинъ, подобно нѣкоторымъ посѣлѣнію подданнаго, пзъ нѣсколькихъ коровъ и овечь, за которыми царь собственноручно ухаживаетъ. А потому, чтобы заслужить высокое покровительство одного изъ африканскихъ владѣтелей, стоитъ только подарить ему телснка или полфунта табаку.

Готтентокское царство имѣетъ и столицу, если хотите, но столицу переносную, кочевую, которую въ сутки можно очень легко перенести куда угодно. Столица эта не называется ни городомъ,

ни мѣстечкомъ, ни селомъ, ни даже деревней, а просто *крааломъ*.

Чтобы читатели имѣли понятіе о готтентокскомъ краалѣ, я постараюсь описать одинъ изъ нихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ пзданіямъ.

Реальредакторъ, воспоминаніе. — Машинка, дѣлающая латинскіе стихи. — Анастасическое печатаніе. — Машинка, предохраняющая суда отъ кораблекрушеній. — Записка академика Коши. — Мюнхенская академія наукъ. — Открытіе памятника Бетговену въ Боннѣ. — Музыкальное торжество въ Вирбургѣ. — Доппеттп въ отпуску. — Приготовленіе къ празднествамъ въ Рейнѣ. — Новая драма Элемшгетера.

=

Любитель механики, родомъ Татарины, лѣтъ десятьтому назадъ, нечаянно зашелъ ко мнѣ, хотя я всегда принималъ его неохотно. На лицѣ его сіяла злобная радость; въ глазахъ сверкала злокачественная слеза. Я испугался и спросилъ — что съ вами?

— Я хочу издавать газету!
— Татарскую?
— Нѣтъ, русскую...
— Но вы не Литераторъ...
— И не нужно.
— Но вы ничему не учились!
— И не нужно.
— Вы даже говорите по Русски дурно.
— У меня есть опытный пріятель; я ему навязалъ въ дружбу; онъ будетъ чистить...
— Но...
— Да что «но!» Мнѣ ничего не нужно. Я изобрѣлъ машинку и кончено.
— Машинку?
— Да, машинку, которую я назвалъ Реальредакторомъ...

Съ этими словами онъ вынулъ пзъ кармана небольшой цилиндръ. Отвернулъ крышку и высыпалъ на мой столъ тѣлу разныхъ досчечекъ; я полюбилъ сызнова и прочелъ нѣкоторые слѣдующаго содержания:

— Я знаю Россію.
— Я знаю русскій языкъ.
— Мы совершенно безпрістрастны.
— Другу и не другу говоримъ правду.
— На правду я чортъ.
— Мы очень, очень честны.
— Клянемся, что мы честны.
— Ни злато, ни серебро, ни другая приналежностъ въ натурѣ нас не имѣетъ вліянія.
Не врите! Испытайте наше безкорыстіе...
— Статя эта безпріятельна и клонится къ...
— Мы уважаемъ этого писателя, но долготъ совѣсти, любовь къ правдѣ, опасностъ какой подвергастъ...
— Что за исторія, спросилъ мы?
— Не исторія, а газета! Поверните нѣсколько разъ цилиндръ и досчечки уложатся какъ въ наладкошптъ. — Вы только переписывайте и отсылайте въ типографію...
— Но вѣдь это будетъ галлматія...

— Добрыя люди и къ галлматіи привыкають; это доказываетъ ежедневный опытъ. Меня одно огорчаетъ, то, что я не первый изобрѣлъ эту машинку. Она уже дѣйствуетъ — и потому сначала мнѣ будетъ очень трудно, но за то я прибавлю другимъ фразъ послѣдствіе, по бранчивѣе и вы увидите, у меня будетъ больше подписчиковъ. — Главное дѣло деньги. Я на этотъ счетъ сблваю тысячу фразъ. На всѣхъ журналистовъ тоже на дѣлаю самыхъ вѣдкихъ фразъ. И это деньги. Не лъзя будетъ кого огрѣть печатно, такъ я научусь или письменно... И это девизъ... О! я на все н:

(1) *Myrica cordifolia*; *мирика*, *восковничекъ*.(2) *Sophora carpenis*.(3) *Garphalium eximium*.

это мастеръ. Языкъ, познаніи!! Не надо владѣть русскимъ, а длиннымъ языкомъ; не надо имѣть познаній въ наукахъ, а надо имѣть свѣденія въ коммерческомъ дѣлѣ. Повѣрьте, свѣдѣльсь со Шукки на двора меня научитъ такимъ оборотамъ, которые никогда не придутъ въ голову ученѣйшимъ людямъ. Впрочемъ, по свѣденіяхъ моихъ небезопасно. У меня есть еще вспомогательныя машины, на примѣръ Біографическая... Нужно — выставлю сто именъ; латинская — поверну, посылаются цитатіи... музыкальная, тамъ есть всѣ музыкальные термины, и т. д. Да чего, я буду писать съ помощію этихъ сотрудничковъ о художествахъ, о политической экономіи, медицинѣ, о чемъ угодно...

— Миѣ ничего не угодно!

Съ большимъ трудомъ удалось намъ отдѣлаться отъ механика; онъ вышелъ съ угрозами, что машина его отомститъ намъ и сами не поймемъ ужъ за что... Мы смѣлись его злобѣ, но призадума-

лись надъ изобрѣтеніемъ. Дочего доводитъ людей спекуляція; до явственнаго безумія. Можноли одну минуту позволить себѣ думать о такомъ несбыточномъ дѣлѣ, и что же? Ровно черезъ десять лѣтъ, во время послѣдняго нашего странствованія по чужимъ изданіямъ, мы повстрѣчали точно такую машину, но съ цѣлю болѣе невинною.

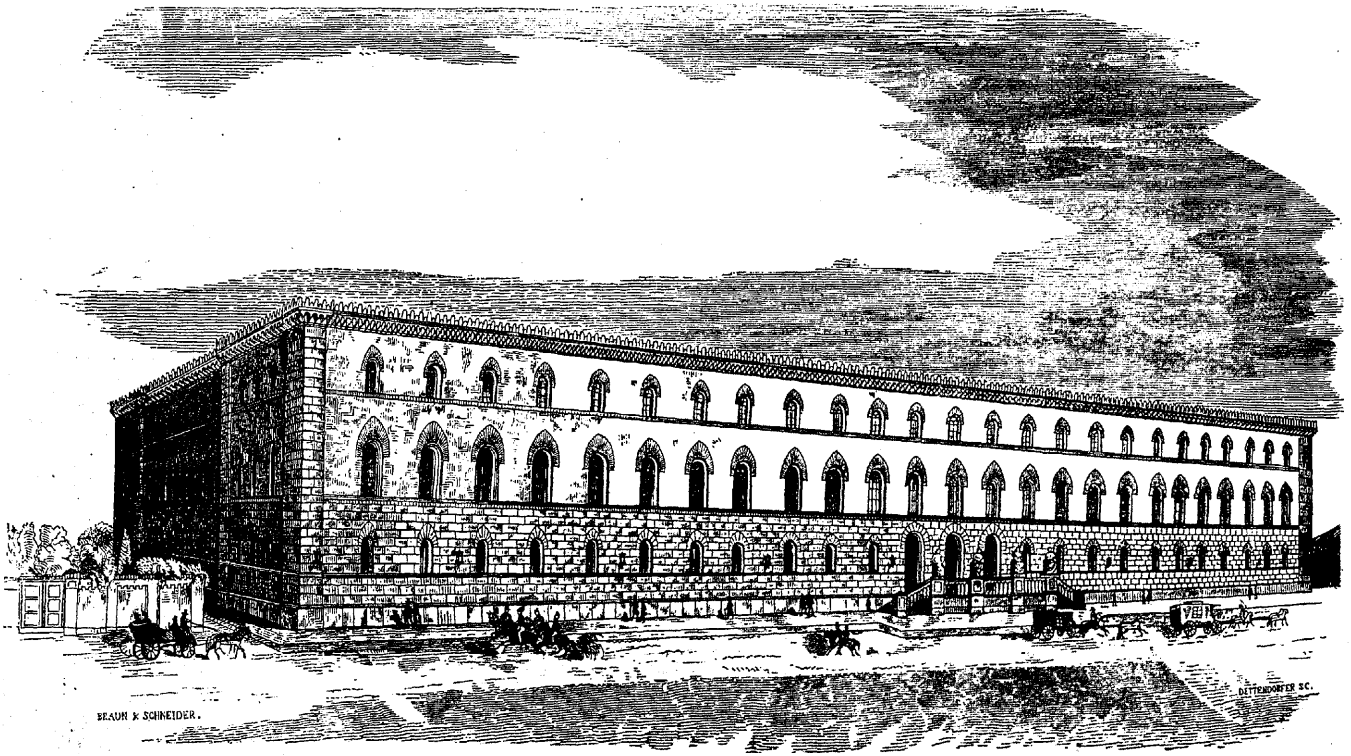
* Нѣкто Кларке паз Бриджветтера, въ египетскомъ музеѣ Piccadilly, выставилъ машину, которая дѣлаетъ латинскіе стихи. Изобрѣтатель употребилъ на нее 15 лѣтъ труда и пропасть денегъ. Мысль не нова; это повтореніе числительной машины Баббажа. Есть сходство и съ затѣян Гюливера. Снарядъ имѣетъ видъ бюро. Множество перпендикулярныхъ палочекъ съ буквами на верху расположены подъ числами. Посредствомъ колеса эти палочки приходятъ въ движеніе и устанавливаютъ буквы въ особый отперзти. Менѣе чѣмъ въ минуту готовится гексаметръ безъ ошибки противу грамматики и просодіи. — Дактили и

Спондеи занимаютъ постоянно одни и тѣ же мѣста. Вотъ нѣсколько стиховъ этого латинскаго Реаль-поэта.

Bellica facta domi praeparant tempora fusca.
Aspera frena cito promittunt nubila moesta.
Impia sacra focus deponunt fulgura mira.
Luvida verba molis corradunt vincula dira

Машина эта произвела тысячъ тысячъ подобныхъ стиховъ; смыслъ всегда есть, хотя иногда и темный. Жаль, что мы незнаемъ, что произвела машина нашего механика!

* Въ нашъ вѣкъ скоро не только рукамъ, но и разуму не останется никакого занятія. Знаменитый Фареле недавно читалъ въ королевскомъ институтѣ замѣчанія о анастатическомъ печатаніи или искусствѣ снимать точныя оттиски съ печатныхъ книгъ, гравюръ, литографій и проч. Книгопечатникъ I. Вудъ уже оттиснулъ нѣсколь-

Зданіе Библіотеки въ Мюнхенѣ.

ко снимковъ съ рѣдкихъ книгъ; и копій невозможно отличить отъ оригиналовъ.

* Нѣкто Бурро представлялъ въ парижскую академію наукъ планъ и описаніе снаряда, посредствомъ коего можно будетъ ставить суда въ всякой опасности отъ кораблекрушенія. Словомъ, машина за машиной такъ быстро раскладываются, что скоро придется выдумать машину, которая бы вела счетъ всѣмъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ; для того человѣческихъ силъ уже недостаточно. Мы во время нашихъ странствованій отмѣчаемъ только важнѣйшія, а мелкихъ и записатъ не возможно. На каждую мышъ придумано сто машинъ; для каждаго приема въ каждомъ ремеслѣ ихъ сотни.

* Куда дѣваться отъ машинъ? Онѣ насъ преслѣдуютъ въ наукахъ и художествахъ. Это дѣти ума, который стремится опредѣлить непреодолимое въ природѣ — силу. Размноженіе машинъ

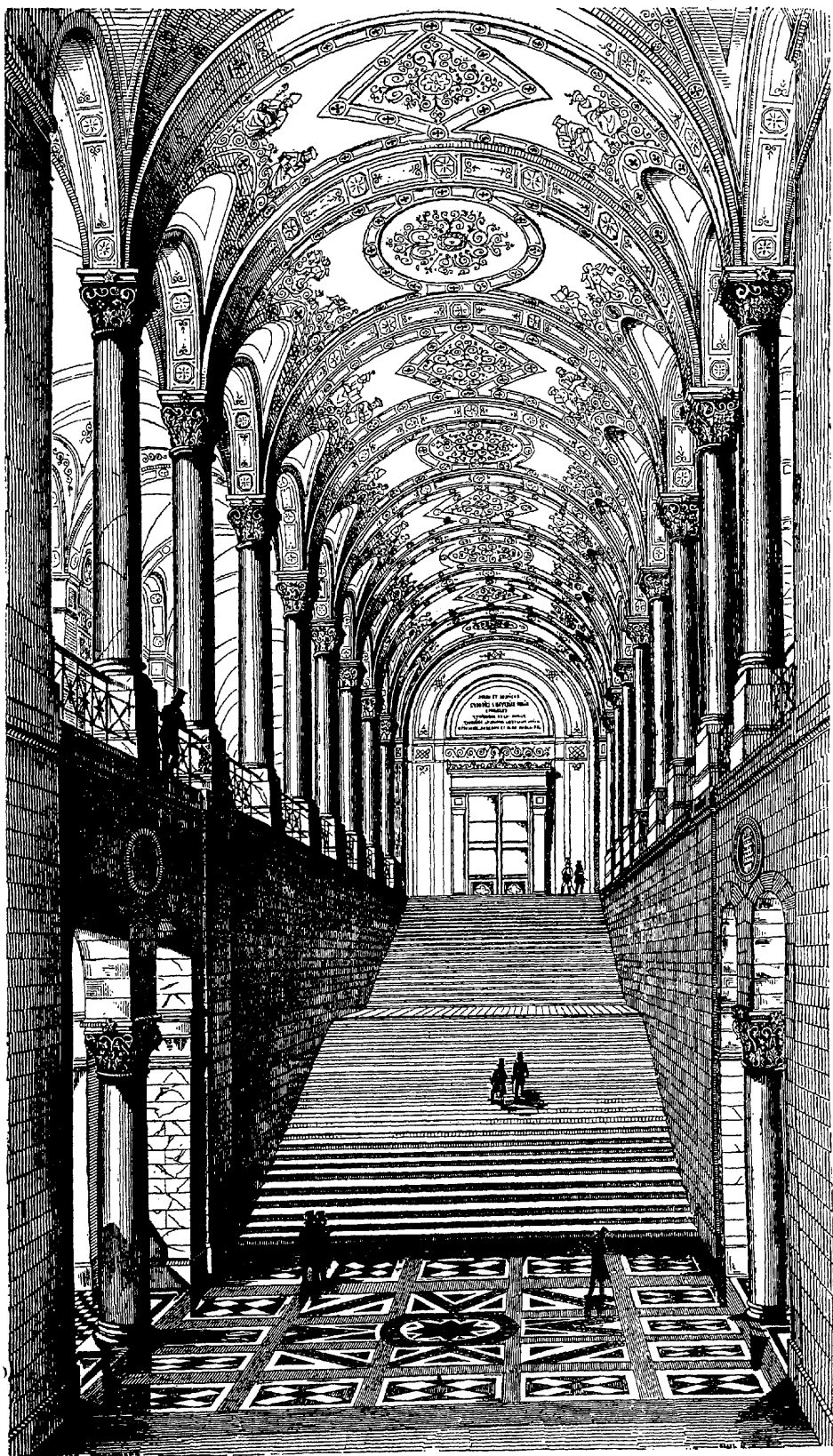
есть слѣдствіе пряное и весьма простое распространіе предѣловъ человѣческаго разума. Все то что мы называемъ *тѣломъ* — уже опредѣлено, обследовано; все то, что называемъ *матеріей* — покорилось уму человѣческому; одна только сила остается загадкой для физика, философа и математика... Есть ли сила матерія или только принадлежность матеріи? Есть ли постоянная (тяготѣніе), есть ли произвольная (движеніе), есть ли сила разума, и ли сила нравственная. И всѣ эти силы, кромѣ первой, какъ будто даны въ займы одушевленнымъ существамъ. Они ихъ и теряютъ и приобрѣтаютъ противъ воли! Тутъ еще царствуетъ иракъ, кромѣшный и никакая человѣческая мудрость его не осветитъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы слушали въ парижской академіи наукъ превосходную записку объ этой предметѣ извѣстнаго Коши. Она и не велика и удобно бы помѣстилась въ Иллюстраціи. Но, увы!.. Намъ и

такъ говорятъ изустно, письменно и печатно, за чѣмъ мы не протянемъ черезъ Иллюстрацію каната и не пустимъ паяцовъ, что бы кривлялись и коверкались въ потѣху любителей ЧТЕНІЯ! Каната мы не протянемъ, но уведемъ скорѣе читателя изъ міра наукъ, въ міръ художества. — Авось тамъ будетъ полегче.

* И такъ пойдемъ въ мюнхенскую академію наукъ... Опять наукъ спросите вы. Не бойтесь, не пугайтесь! Въ нѣмецкихъ аеинахъ и наукъ вѣтъ, а только художества. Весь городъ Классъ изящной архитектуры. Вы уже видѣли дворецъ, валяните на зданіе библіотеки, полюбуйтесь великолѣпнѣмъ лѣстница въ томъ же зданіи. Въ этихъ аеинахъ, все дышетъ художествомъ, говорятъ только художествахъ. Академія наукъ, о чемъ бы вы думали разсуждаетъ въ своихъ засѣданіяхъ: объ Элладѣ и древнемъ искусствѣ. Художество въ Мюнхенѣ заступаетъ мѣсто всей энциклопедіи. И

хорошо. Покрайній мѣръ, въ одномъ уголку на этомъ свѣтѣ занимаются художествомъ, какъ художествомъ, а не какъ забавой, пріятною принадлежностью образованной ваши. Россія не ставитъ въ сравленіе. Наши шаги огромны, но мы въ этотъ новый путь, какъ слѣдуетъ, пошли весьма не давно. Въ Германіи искусство успѣло уже нѣсколько разъ состариться, умереть и возродиться.

Въ Боннѣ, по расчету, въ прошедшій понедѣльникъ, должно было происходить великолѣпное празднество Инаугураціи памятника Бетговену. За мѣсяцъ и болѣе, со всѣхъ сторонъ стекались художники и музыканты, чтобы удостоиться чести имѣть участіе въ торжествѣ. Учреждена особая квартирмейстерская комиссія, которая обязана заботиться о помѣщеніи гостей. Впрочемъ, теперь уже извѣстно, что въ Боннѣ не могутъ быть помѣщены всѣ пріѣзжіе; весьма значительная часть гостей получитъ квартиры въ Кельнѣ, гдѣ только будутъ они ночевать, а утромъ, по желѣзной дорогѣ, опять приѣдутъ на праздникъ. Нахвостя, что между посѣтителемъ будетъ не только король, но и Викторія, королева англійская съ супругомъ, такъ какъ въ это время высокіе путешественники намѣреваются посетить Рейнъ. Праздникъ будетъ продолжаться, то есть продолжался три дня. Въ воскресенье, на канунѣ торжества, вечеромъ дакъ: первый концертъ подъ дирекціей Шпора: 1) *Missa solennis* № 2. (въ D.). 2) Девятая Симфонія съ хорами. — Въ понедѣльникъ: 1) поутру въ 9 часовъ: торжественная служба въ соборѣ, при чемъ исполнялась Бетговена *Missa* № 1. (въ C.) подъ дирекціей Брейденштейна. 2) До и послѣ открытія памятника: торжественная кантата Фр. Листа и хоръ для мужскихъ голосовъ Брейденштейна, подъ дирекціей композиторовъ. 3) Вечеру второй концертъ подъ дирекціей придворнаго капельмейстера Листа: 1) Пятая симфонія (С-молъ). 2) Фортепианный концертъ въ *Es moll* 3) Интродукція, № 1 и 2 изъ ораторіи Христосъ на горѣ Элеонской. 4) Увертюра изъ Коріолана. 5) Канонъ изъ Фиделіо. — 6) *Streichenquartett* 7) Второй финалъ изъ Фиделіо. Во вторникъ, 12-го августа, поутру въ 9 час. концертъ изъ присутствующихъ артистовъ, который заключился увертюрой къ Эгмонту. — Великолѣпно, но послѣ этого торжества многие гости, по крайній мѣръ годъ ни за что не будутъ слушать музыки, а паче Бетговена. Удивительно, какъ добрымъ почитателемъ Бетговена не пришла мысль проиграть въ эти дни, и нап даже въ вѣдѣлю, всѣ творенія музыкальнаго генералиссимуса. Впрочемъ, нельзя ругаться, можетъ быть это и случилось, и когда вы читаете 18 номеръ Иллюстраціи, въ Боннѣ конгрессируютъ послѣдній вальсъ Бетговена. Сегодня этому празднику исходитъ седмица.

Лѣстница въ Мюнхенской библіотекѣ.

Впрочемъ, все это великолѣпно для насъ. Мы глядимъ на музыкальный германскій міръ въ микроскопъ. Для Цѣццевъ подобные праздники

въ рѣдкость; казалось бы открытіе памятника Бетховену должно опустошить всё музыкальные города, а между тѣмъ въ то же самое время въ Вирибургѣ, 5 августа, происходило мужское празднество пѣнн. 96 мужскихъ обществъ пѣнія собрались въ Вирибургѣ. Для нихъ построена особая галлерея въ 240 ф. длины и въ 72 ширины, въ которой съ удобствомъ помѣщается 4000 чел. Кроме того, почетная галлерея вмѣщаетъ 450 слушателей, а сцена 1750 пѣвцовъ, кроме оркестра, для котораго устроены отдѣльные хоры. Итмецкое рыцарство съ его схоластическими церемоніями теперь перешло въ народные праздники. Поутру 3 августа, торжественный пріемъ пѣвцовъ. Каждый войдетъ, раскланяется, запишется, получить контрмарку и торжественно отправится въ трактиръ или погребокъ. Вечеру большое общее собраніе въ галлереи. Поутру кланялись поодишечки, вечеромъ кланяются съ обща, хоромъ; тѣмъ и кончился первый день музыкальнаго торжества. Но 4-го, поутру въ 6 ч., генеральная проба, а въ 11 ч. концертъ на бѣло. Послѣ такихъ ужасныхъ трудовъ всё общество соберутся вечеромъ поужинать; эти ужины выдуманы нарочно для контраста; поутру было согласіе, за ужиномъ столпотвореніе вавилонское. Истинно анти-музыкальный ужинъ. Концертъ раздѣленъ на три части. Между пѣсами только для начала и приличія хоралъ Глюка; а потомъ пѣсы новѣйшаго произведенія, большую частью малоизвѣстныя, которыя исчислять бесполезно. Никто о нихъ и не слышалъ. 5 августа торжественное шествіе по всему городу. За чѣмъ спросите вы; этого и пѣвцы и никто не знаетъ. Такъ себѣ, торжественности ради. Въ 10 часовъ у каждаго общества отдѣльный концертъ, потомъ общій обѣденный столъ, вечеромъ балы. Наконецъ 6-го числа всё общество утомивъ своимъ пѣніемъ сушу, садятся на лодки и отправляются въ загородный садъ Вейтшегеймъ. Тѣмъ и заключается музыкально рыцарскій праздникъ. Конечно во всемъ въ этомъ много ребяческаго, суетнаго, даже смѣшнаго; но въ этомъ ребячествѣ много поэзіи, много поощренія, слѣдственно и пользы. Не только не ляз охуждать этихъ протодушныхъ игръ, но можно завидовать.

*. Вѣроятно Донцетти испугался этихъ колоссальныхъ торжествъ, и уѣзжаетъ отъ нихъ подалее въ Парижъ на цѣлый годъ. Конечно для италіанскихъ шей мужской хоръ въ 2 т. пѣвцовъ страшнѣе грома небеснаго.

*. Въ этомъ году праздники въ Боннѣ и Вирибургѣ не кончатся. На Рейнъ ждутъ высокихъ гостей; почему и тамъ будутъ музыкальныя торжества, но другаго рода. Всѣмъ по этой части управляетъ будетъ Мейерберъ; къ участи приглашены Джелли Линдъ, Г-жа Виардо, Лестъ, Миланоло, Стаудигль и многіе другіе...

*. Насъ такъ увлекли эти музыкальныя исторіи, что мы чуть было не забыли сообщить важной литературной новости. Зленшлагеръ написалъ новую драму: Привидѣніе на Герлуэскомъ Холмѣ, въ четырехъ актахъ съ прологомъ. Сюжетъ борьбы невѣжества съ стремленіемъ къ учености и просвѣщенію въ 16 и 17 вѣкахъ. Для сцены, по общему мнѣнію, драма эта неудобна и вѣроятно критики заднихъ рядовъ за это ополчатся на автора. Одинъ изъ нихъ по имени Фултонъ, не тотъ что изобрѣлъ парю, а другой, — давно уже стрѣляетъ въ эту цѣль изъ своихъ дѣтскихъ батарей, но вслѣдствіе разъ — мимо. Фултонъ не промахъ но на промахъ мастеръ. Но это не тотъ Фултонъ, что изобрѣлъ парю, а другой.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

Недавно удалось намъ побывать въ деревнѣ у одного извѣстнаго хозяина. Восхищаясь благоустройствомъ и порядкомъ образцовой усадьбы, мы не могли скрыть нашего удивленія и спросили, какими это образомъ у него все предусмотрѣно, придумано вѣрно, мѣтко; отъ чего у него хозяйство такъ сложно, а пѣтъ путаницы. Тѣ же люди дѣлаютъ въ четверо болѣе, чѣмъ у сосѣдей; небольшое мнѣніе лаетъ гораздо больше дохода чѣмъ огромный сосѣдній мыза. — Очень просто, отвѣчалъ гостеприимный хозяинъ. За всѣмъ смот-

рю самъ; люблю моихъ людей, но имъ не доверяю. Не пренебрегаю ни какими совѣтомъ, но поддерживаю ихъ строгой повѣркѣ. У меня много книгъ; всё онѣ прочтаны, и я могу безъ сожалѣнія продать ихъ или подарить, потому что все полезное по моей части перешло подлѣ надлежащимъ нумеромъ и соответствующую буквою въ мою памятную книжку. Она для меня и чтеніе и руководство; ежедневно увеличивается и современемъ составитъ архивъ любопытныхъ и полезныхъ замѣтокъ. Въ нее входятъ статьи: по хозяйству, домоводству, кухнѣ, народнои медицинѣ, рукодѣліямъ, ремесламъ и т. п. Я готовъ дѣлиться моими пріобрѣтеніями съ иллюстраціей. — Вы можете представить себѣ какъ мы обрадовались этому предложенію и въ честь обязательнаго хозяина, на память памятной его книжки назвали настоящее отдѣленіе, въ которое и будемъ помѣщать что сообщитъ намъ благонамѣренный хозяинъ. Для отличія въ нумераціи отъ другихъ отдѣленій, мы для этого приняли славянскую, азбучную.

а) основное пиво.

Противу цынготной бѣдѣзни и разныхъ ея слѣдствій полезно употреблять основное пиво; а дѣлать его вовсе не трудно. Надо въ июлѣ или въ началѣ іюля собрать молодая сосновыя шишки, наполнить ими треть боченка, долить теплой воды, положивъ тудаже солоду и хмелю, какъ при изготовленіи обыкновеннаго пива. Закупоривъ, дать устояться нѣсколько сутокъ. Когда эта жидкость сдѣлается прозрачною, пиво готово. Если же оно будетъ слишкомъ горько, прибавьте сотованаго меда. Пиво это надо держать въ холодномъ мѣстѣ. Употребленіе еще проще. Большому взрослому, можно давать по одной бутылкѣ въ сутки, только не холодное. Если есть или откроются раны, сдѣлать ветошный компрессъ, намочите ихъ чистою, проточною водою и прикладывайте къ ранамъ. Больше ничего не надо. Только остерегайтесь простуды, соленой пици и горячительныхъ яашптковъ. Это средство оправдано опытомъ.

в. дубленіе канатовъ.

Астраханскіе рыбаки вымачиваютъ свои неволды въ дубильномъ растворѣ отъ чего ихъ нити живутъ очень долго. Отъ чего этого средства не приспособить къ выдѣлыванію канатовъ, а процессъ простой. На каждое ведро воды взять четыре фунта дубовой корки, настоять нѣсколько дней, отстой сити и въ немъ вымачивать пеньку, укладывая ее въ дубильномъ чанѣ слоями на крестъ. Пусть поможаетъ недѣли три, и ужъ не болѣе четырехъ. Сдѣланныхъ изъ такой пеньки канатовъ можетъ быть и смодить не надо, а отъ этого они обойдутся гораздо дешевле.

г. средство отъ зунной боли.

Не испыталъ, но слышалъ и, кажется, похоже на правду. Возьмите кусочекъ каучука (резины), воткните на проволоку, подогрѣйте, снимите рукою теплый шарикъ и заложите имъ плотно отверстие большого зуба; увѣряютъ будто боль какъ рукою сниматьъ.

ПЕРЕПИСКА.

Отъ Редакціи объясненіе разъ на всегда.

Литература есть поприще высокое, благородное, честное, а не торжище, отдаваемое кому либо на откупъ. Каждый Литераторъ, заслужившій трудами своими уваженіе публики и почетное мѣсто въ литературѣ — имѣеть, долженъ имѣть голосъ въ томъ сословіи, которому принесъ честь и пользу. Между тѣмъ, голосъ этотъ не всегда можетъ быть согласенъ съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ самой Редакціи, но это не можетъ, не должно служить доводомъ къ непомѣщенію статьи

уважаемаго писателя въ томъ же изданіи. Вотъ почему мы сообщаемъ читателямъ статью Лопухинка, написанную однимъ изъ любивѣйшихъ русскихъ писателей, не входя въ разбирательство обвиненій, обращенныхъ на Г. Р. З. Правильно наше, безъ сомнѣнія будетъ одобрено всѣми благомыслящими любителями словесности, наукъ, искусства и художествъ. Мы никогда не уклонимся отъ этого правила, считая его однимъ изъ догматовъ литературныхъ обязанностей. Статья: Лопухинка доставлена при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Н. В.»

По просьбѣ многихъ лопухинскихъ жителей, посылая къ вамъ статью подлѣ названіемъ Лопухинка, написанную въ отвѣтъ на такую же, помѣщенную въ 144 номерѣ Сѣв. Пчелы, я покоряйше прошу, въ особенное намъ одоженіе, напечатать ее въ издаваемой вами иллюстраціи.

ЛОПУХИНКА.

Убѣгая вредной для меня сырости, я всегда, на лѣто, отправляюсь какъ можно подалее отъ Петербурга. Высокое, сухое мѣсто, чистый воздухъ, холодная, ключевая вода и въ прибавокъ къ этому прекрасное мѣстоположеніе, составляють главную для меня приманку. Вотъ причина, почему я живу въ Лопухинкѣ, извѣстной своимъ водолачѣбнымъ заведеніемъ. Я нашелъ здѣсь небольшое, но очень любезное, образованное и пріятное общество. Теперь, въ ожиданіи музыки и маленькихъ собраній, которыя начнутся съ половины іюля, у насъ, конечно, не много развлеченій и потому пріѣзды сюда изъ Петергофа, по сѣредамъ и Субботамъ, Лопухинскаго дѣланы, къ которому во ожиданіи родныхъ, знакомыхъ, писемъ и посылокъ, всё здѣшніе жители бѣгутъ на встрѣчу, кажется намъ совершеннымъ праздникомъ.

Недавно, дилижансъ нашъ цѣлымъ получасомъ опоздалъ противъ обыкновеннаго. Наконецъ — его увидѣли... но онъ подвигался чрезвычайно тихо и казалось везъ что-то... необыкновенно тяжело. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ полнехонекъ. Прежде всѣхъ выпрыгнула изъ него очень элегантная дама. За нею вышла другая, третья, четвертая. За ними какой-то военный; потомъ двое молодыхъ людей и въ заключеніе послѣдній изъ пассажировъ. При обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ распроесахъ: кто этотъ, кто та, другая, третья? мы скоро узнали, фамилія многихъ пріѣзжихъ, но послѣдній изъ нихъ оставался неразгаданнымъ. Наконецъ объявилось и это. Нашелся общій знакомый и онъ-то, съ какинъ-то невольнымъ, движеніемъ, объявилъ намъ: что г-нъ пріѣзжій былъ самый жестокой Литераторъ.

Вы можете себѣ представить до чего нашествіе такого писателя перепугало мирныхъ лопухинскихъ провинціаловъ. Въ первые минуты страха... мы отступили — неволью! Гг. Врачи и чиновники заведенія бросались къ пунктамъ своего служенія; дамы разошлись; дѣвцы разбѣжались. Казалось... горизонтъ лопухинскій подернулся какинъ-то заревомъ: все бѣжало, скрывалось, пряталось... какъ люди отъ грозы, какъ птицы отъ истреба, какъ Гоголевскіе чиновники отъ ихъ ревизора!

Цѣлыхъ... цѣлыхъ два дня! г. пріѣзжій всюду ходилъ, высматривалъ, замѣчалъ и дѣлалъ ученныя наблюденія. На третій онъ уѣхалъ; но горювать Лопухинскій не прояснелъ ни сколько. Невольный страхъ и трепетъ волновали душу каждаго... Увы! тайное предчувствіе насъ не обмануло.

Въ пятницу на прошелшей недѣлѣ, 29-го іюля въ номерѣ 144 Сѣверной Пчелы являлся роковая статья подлѣ названіемъ: Пользка изъ Лопухинку господина Р. З. именно того самаго, который, за нѣсколько дней передъ этимъ, удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Конечно, на эту статью много глѣ и не взглянулъ, можетъ быть, въ Петербургѣ; но въ Лопухинкѣ, гдѣ она интересовала, нѣкто-

рмы образом, всѣхъ и каждого, представьте... ее прочи — отъ первой строчки до послѣдней!

Еслибъ г-нъ Р. З., описывая мѣстность, не коснулся лица, то, конечно всякой оставилъ бы статью въ покое, но какъ онъ вздумалъ намѣкать о какихъ-то лопухинскихъ фактахъ, преданіяхъ, легендахъ и небывалыхъ исторіяхъ, изъ чего, пожалуй... Богъ знаетъ что подумаютъ... то право, послѣ этого, изъ уваженія къ лопухинскому обществу, мнѣ было бы совѣстно, оставить его статью безъ всякаго отвѣта. Для такой антикритики не нужно даже нитрада, въ времени: стоитъ указать на зачѣтательнѣйшія мѣста текста и... краснорѣчіе, юморъ и достоинство сочиненія объяснятся сами собою.

Съ начала, вотъ позвольте видѣть, г-нъ путешественникъ, въ родѣ маленькаго предисловія, предупреждаетъ гг. читателей: «что онъ ѣздилъ въ Лопухинку какъ *Туристъ*; что разказъ его будетъ самымъ начею; что онъ обыкновенно говорить о томъ, что знаетъ; молчитъ — когда не помнитъ, всегда и вездѣ учится, но не смотря на то, по сіе время, по собственному его выраженію, онъ *уменъ задомъ* — въ нѣкоторыхъ случаяхъ.»

Признаюсь!.. противъ этого... я не имѣю сказать ни слова: все это и очень скромно и чрезвычайно наивно въ самомъ дѣлѣ. Съ такимъ прекраснымъ расположеніемъ — «въ одинъ *спринжикъ* петербургской день... замѣтите, первая строчка и ужъ тотчасъ острога! И такъ, въ одинъ *спринжикъ* день, 21-го іюня, г. путешественникъ отправился въ Петергофъ воюю. Тутъ, на пароходѣ, онъ пробѣжалъ рукописную брошюрку о Лопухинкѣ и по общему пороку пишущей братіи посмѣлся надъ высокимъ ея слоюзомъ. Въ Петергофѣ онъ съѣлъ въ какое-то допотопное зданіе съ крыши, но безъ рессоръ, называемое лопухинскимъ дилижансомъ. Съ нимъ, между прочими пассажирами, съѣла дама съ двумя собаками; «Дама съ собаками овладѣла разговоромъ» и дотога была любезна, что разговорилась даже съ нашимъ путешественникомъ. Онъ увѣряетъ, что съ нимъ, при загородныхъ поѣздкахъ, никто по сіе время не говорилъ ни слова. Въсѣ, къ кому онъ, бывало, адресовался, взглядыла на него, отвѣчая что-то невнятное, что въ переводѣ, на умственный его лзыкъ, значило: «*Ѣзъ, отстань поглазуйста!*»

Теперь, позвольте, на нѣсколько вкнутъ, любезный разказъ путешественника, замѣнить моимъ собственнымъ. — *Описание Лопухинки въ статистическомъ, историческомъ, медицинскомъ и проч. отношеніяхъ*, надъ высокимъ слоюзомъ котораго онъ посмѣялся, я самъ прочелъ на томъ же самомъ пароходѣ. Оно написано просто, дѣльно и удовлетворительно и въ немъ, кромя наипущеннаго заглавія, и то придуманнаго не сочинителямъ брошюры, но самимъ путешественникомъ, право нѣтъ ничего смѣшнаго. Что касается до безрессорнаго лопухинскаго дилижанса, который, по моему, ближе бѣ было называть крытымъ шарабаномъ, то я согласенъ, что при дурной дорогѣ, онъ дѣйствительно трясетъ порядочно. Надобно знать однакожъ, что онъ, съ обыткомъ для хозяина, завсегда со всѣмъ не для гг. туристовъ, а собственно для удобности сообщенія съ городами лопухинскихъ жителей. Если этотъ экипажъ не правится инымъ особамъ, то тѣмъ не менѣе, за учрежденіе его мы должны быть чрезвычайно благодарны. И кто жѣ кому ѣздить, въ самомъ дѣлѣ, вѣсто 2 руб. сереб. за проездъ въ легкомъ шарабанѣ, заплатитъ 20 руб. за тяжелую, рессорную карету и благополучно увязнутъ съ ней при первой распутицѣ?

«Дама съ собаками, продолжаетъ г. Авторъ, совершенно его обворожла. Во время проѣзда его съ этой дамой, лопухинскій дилижансъ ездилъ не въ первый разъ, по его мнѣнію, огадился живымъ, веселымъ и умнымъ разговоромъ! Не правда ли, что это удивительно скромно и не самолюбиво? Но... таково всегда — истинное достоинство... Г. Авторъ спохватился, однакожъ, жѣ не приписываемъ, прибавляетъ онъ, этого ума себѣ, но отдаемъ только должное нашей спутницѣ.» Въ

такой усладительной бесѣдѣ, онъ достигъ мызы Гостиняцъ, погулявъ въ прекрасномъ саду и отправился дальше. Наконецъ — онъ въ Лопухинкѣ, и къ счастью встрѣчаетъ здѣсь петербургскаго знакомаго, человѣка знающаго, умнаго и услужливаго, который взялся быть его чичероне.

Скоро открылось, что нашъ ученый путешественникъ былъ и самъ-чуть чуть не медикомъ: взглянувъ на одну знакомую ему даму, которая послѣ своей болѣзни «опять раздѣла — какъ роза!» онъ вполне убѣждается въ пользу метода Пристипа и официально объявляетъ: «что *операционная* для всѣхъ возможныхъ ревматическихъ болѣзней, запаловъ и *золотухъ* должны быть *пресохлыми*.» Такимъ образомъ, утвердивъ своимъ авторитетомъ все то... въ чемъ, натурально, сомнѣвались до его проѣзда, онъ начинаетъ осматривать Лопухинку. — Хвалитъ ея мѣстоположеніе, хвалитъ устройство ваннъ и два раза въ нихъ купается. Мало этого: увидя какъ другіе, подлѣ искусственнымъ дождемъ, бѣгли, останавливались и прыгали, представьте!.. онъ рѣшается на такую же точно *экзоцицію* и начинаетъ самъ и *быть* и даже *прыгать* чрезвычайнаго легко и граціозно! Послѣ этого онъ занимается ученымъ изслѣдованіями: собственноручно опускаетъ термометръ въ здѣшніе ключи чтобы, для пользы науки, уфрится въ стѣни ихъ температуры, и даже, о чемъ онъ умалчиваетъ, но мы сами это видѣли, онъ достаетъ изъ пруда и завертываетъ въ бумажку частіи тины — для будущихъ химическихъ изслѣдованій.

Разумается, все это... удивительно интересно. Одно... въ чемъ, по моему, онъ далъ сильно маха, такъ это: то, что назвавъ открытую калитку гаспальмаго сада — *чертой гостеприимства Русскихъ Вельможъ!* Ему бы ужъ ни какъ слѣдовало черезъ нѣсколько строчекъ послѣ этого, упрекать литературный народъ въ *высокосложность* передъ львами, тиграми и медвѣдями пишущей братіи.»

Онъ удивляется, на примѣръ, почему для 50 человѣкъ лопухинскихъ жителей не заведено здѣсь публичной бібліотеки? Ему кажется страннымъ, что здѣшніе больные, а особливо дамы слышкомъ нарядны. По его мнѣнію, здѣсь укоренелся какой-то странный предрасудокъ, что будто во время прогулокъ должно быть одѣтымъ *по городски*. «Всѣ эти господа и дамы, прабавляетъ онъ, вѣроятно, не бывали на чистотанныхъ минеральныхъ водахъ, гдѣ даже къ владѣтельнымъ лицамъ представляются по утру въ сертукахъ, а здѣсь, право и смѣхъ и грѣхъ! а здѣсь — дамы въ корсетахъ.»

Это чрезвычайно смѣшно въ самомъ дѣлѣ. Когда у насъ въ Россіи не только въ городахъ, но даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ нѣтъ публичныхъ бібліотекъ, не смѣшно ли думать найти ее въ Лопухинкѣ? Не знаю *были-ли* онъ самъ на заграничныхъ минеральныхъ водахъ, но многіе изъ насъ и даже я самъ, которые *тамъ бывали*, мы можемъ увѣрить г. путешественника что здѣшніе мужскіе и женскіе варды гораздо проще тамошнихъ; всегда ли тамъ дамы безъ корсетовъ, этого я право не подмѣтилъ, но очень помню, что въ сертукахъ представляются владѣтельнымъ лицамъ.. развѣ на улицѣ, мимоходомъ, но ужъ конечно не иначе. Онъ не зналъ даже и того, что въ Лопухинкѣ живутъ не одніе *больныя* дамы, но многіе изъ нихъ *живутъ для больныхъ*, и потому, какъ я слышалъ, онѣ не находятъ ни какой надобности, по наивному совѣту почтеннаго путешественника *одумываться* и приводить образъ своей одежды къ простотѣ, больнымъ принятой.»

Повторю: что о фактахъ, случившихся будто въ Лопухинкѣ, преданіяхъ, легендахъ и исторіи одной дѣвушки, изъ которой г. путешественникъ и вѣроятно поэтъ сѣ тѣмъ вмѣстѣ, общается написать *странную* и поучительную балладу, не только мы, но даже самые давнишніе лопухинскіе старожилы, никогда, ничего не слыхивали. Еслибъ г. Авторъ этой статьи поупотреблялъ *небольше* и подаьше чѣмъ въ Лопухинку, то онъ бы тамъ узналъ, что значутъ разказы Гг. Чичероне! и ужъ, конечно, не полагался бѣ на нихъ такъ легко.

Наконецъ, что всего лучше и что можно даже назвать букетомъ статьи г. Р. З., то это, конечно, мысль и совѣтъ его, чтобы дво Лопухинскаго пруда выложить камнемъ плѣ деревомъ и по серединѣ его устроить павильонъ *для общаго кушанья!* «Спрашивается... что это такое? *наивность* или шутка? Мнѣ кажется что въ обоихъ случаяхъ это не слышкомъ рекомендуется статью. Если это наивность, то эта наивность самой высшей степени, Богъ знаетъ на что похожая? Если это шутка? то она ужъ просто ни на что непохожа! Изъ послѣднихъ строкъ этого путешествія видно: что г. Авторъ на обратномъ пути страдалъ не менѣе: «онъ охалъ, вскрикивалъ и его ужасно поколотило; что нарка на море была еще хуже сухопутной и что, наконецъ, какъ нидуренъ этотъ переѣздъ, но все таки Лопухинка одно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которое хочется съѣздить вторично.»

Всему этому я вѣрю охотно. Нѣкоторую неприятность описаннаго переѣзда, особливо въ бурное и дождливое время, я испыталъ на себѣ; слышалъ то же самое отъ другихъ, убѣдясь въ этомъ страданіями г. путешественника и всего болѣе настоятельно его статью, точтасъ, какъ видно, послѣ сухопутныхъ толчковъ и морской качки написанной.

Что Лопухинка хороша, это давно извѣстно многимъ, но ѣхать туда въ другой разъ, особливо нынѣшнимъ лѣтомъ, я право бы не совѣтовалъ.

Лопухинскій житель.

О. П. Здравствуйте и прощайте

Е. П. М. Нѣкогда клеветниковъ и ложныхъ доносчиковъ заставляли становиться на четверки и четверть часа лаять по собакамъ... Хороша должна бы быть фигура. — Теперь надъ клеветниками смѣются, терпятъ ихъ какъ шутковъ. Умный вѣкъ! Даже изъ порока умѣетъ сълѣзать безвредное упо-требленіе.

О. И. С. — Принимаемся.

А. Гор... Мы не получали никакихъ стлховъ подлѣ пошеванскими заглавіями и по этой важной и единственной причинѣ помѣстить ихъ не можемъ.

З. — Хотя я не имѣю чести знать ни имени, ни отчества, но не можемъ не отдать полной справедливости вашей скромности. Вы такъ строги къ вашему уму и таланту, что мы подумали, простите, будто вы издаете газету. Нѣкогда одинъ молодой человѣкъ говорилъ дамѣ: «о, я бы слѣблалъ въ свѣтъ каріеру бластательную, еслибъ не моя проклятая застѣнчивость, еслибы не смѣшная скромность...»

— «Полоте, полоте, перебила дама, будьте вслѣдующими, пошадите отсутствующихъ!»

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Ш. Д. ОЛЪХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго и въ Гостинномъ Дворѣ по суконной линіи подлѣ № 13-мъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Митлеевой.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ, для сельскихъ хозяевъ. Спб. 1845 г., въ 8-ю долю листа. На лучшей бумагѣ. Цѣна 3 руб. сереб. вѣс. за 3 фун.

ПЕРВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ къ УКАЗАТЕЛЮ ЗАКОНОВЪ, для сельскихъ хозяевъ, заключающее въ себя узаконенія, до сего предмета относящіяся, изданныя въ теченіи 1844 года. Цѣна 10 коп. сереб. безъ платежа за пересылку при требованіи другихъ книгъ, а при отдѣльномъ требованіи отъ одного до двадцати экземпляровъ, вѣс. за 1 фун.

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ. М. 1845 года, въ большую 8-ю долю листа, на лучшей бумагѣ. Цѣна 3 руб. вѣс. за 3 фунта

ВЗГЛЯДЪ на СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА въ ЕВРОПѢ. Сочиненіе П. Дегаля, Спб. 1845 года, въ 8-ю долю листа. На лучшей бумагѣ. Цѣна 1 руб. серебромъ вѣс. за 1 фунтъ.

РУССКОЕ ЧТЕНИЕ. Издаваемое Сергеем Глинкою, выпуск первый и второй содержат в себе отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. СПб. 1845 года, в 8-ю долю листа. Налуцшей бумага. Цѣна за оба выпуска 1 руб. 20 коп. сереб. вѣс. за 1 фунтъ.

ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ въ постепенныхъ переводахъ съ Французскаго языка на Русскій и съ Русскаго на Французскій. Съ предварительнымъ положеніемъ правилъ Сиптаксиса въ пользу Русскаго Юношества. Издавъ Я. Ламиемъ. Въ двухъ отдѣлахъ, Спб. 1845 года, в 8-ю долю листа. Цѣна 85 коп. сереб. вѣс. за 1 фунтъ.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ :

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домъ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ : у книгопродавцевъ Севшикова и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ NN 4—5.

И Г Р Ы .

ШАХМАТЫ.

РАЗВѢЩЕНІЕ ЗАДАЧИ № 17.

Бѣлые.

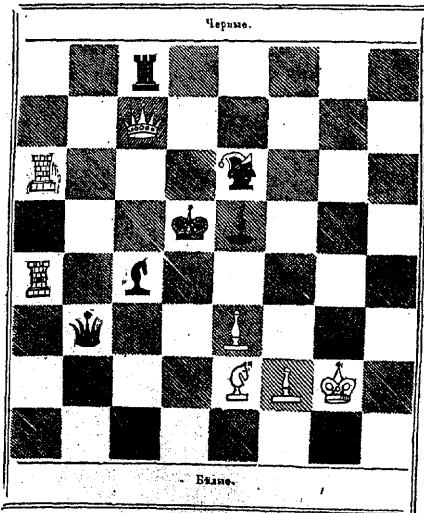
- 1) Пѣшка С. К. Кор. на 4 м
- 2) Сл. на 6 м. С. Кор.
- 3) К. на 5 м. Кор.
- 4) П. Ф. 1. и.

Черные.

- Кор. на 5 м. Л.
Л. береть Слона.
П. 1 м. (лучшій ходъ).
Троготе ли черную Ладью или чернаго Копя, все равно: бѣлые повскачаютъ матъ.

ЗАДАЧА № 18.

Бѣлые ходятъ и даютъ въ четыре хода матъ.

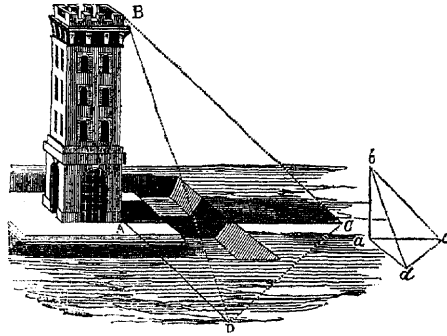

РАЗВѢЩЕНІЕ ЗАДАЧИ № IV.

Поставьте перпендикулярно, на горизонтальномъ планѣ, шесть, тщательно измѣривъ его высоту.

Когда солнце начнетъ послѣ полудня склоняться къ западу, на поверхности, по которой вы можете ходить свободно, возьмите точку С. т. е. крайнюю точку тѣни падающей отъ вершины башни и въ то же самое время такую же точку (с) тѣни,

падающей отъ шеста. Черезъ два часа, примѣрно, проворно отмѣйте точки Д, д, тогда соедините линіями точки С Д, с д, и измѣрьте обѣ линіи. За тѣмъ вамъ придется послать слѣдующую пропорцію : длина линіи, соединяющей обѣ точки тѣни шеста относится къ его высотѣ, какъ длина линіи, соединяющей обѣ точки тѣни отъ башни относится къ ея высотѣ. Довольно знать первый начала Геометріи, что бы рѣшить остальное.

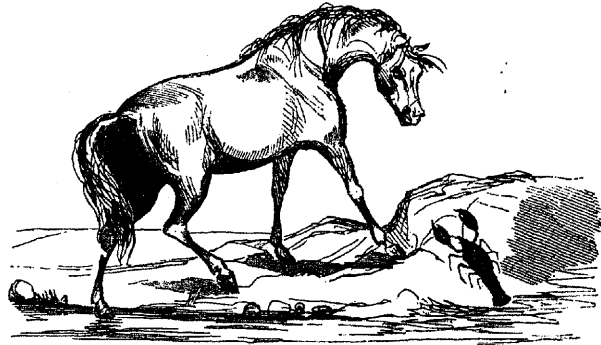

РАЗГАДКА № 17.

- 1) Противъ денегъ Икра. — соты. — не многіе Лустояли.
- 2) Противъ денегъ и красоты не многіе люди устояли.

ЗАГАДКА № 18.

ПОСЛОВИЦА.

- 1 — Козь
- 2 — Ола
- 2 — Колода (обрубокъ дерева, лошадиныя похолныя ясли и карты).

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Еженедѣльничекъ. 2) Безумная разсказъ П. Р. Фурманна, окончаніе. 3) Матеріалъ для Исторіи Русской. 4) Миссіонеръ Іосифъ Вольфъ. 5) Памятникъ Гете. 6) Предварительное извѣщеніе о новыхъ гальваническихъ батареяхъ, Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго. 7) Кіевъ, разсказъ Ботара, продолженіе. 8) Странствователь по чужимъ вѣдѣніямъ. 9) Памятная книжка. 10) Переписка. 11) Объявленія. 12) Игры.

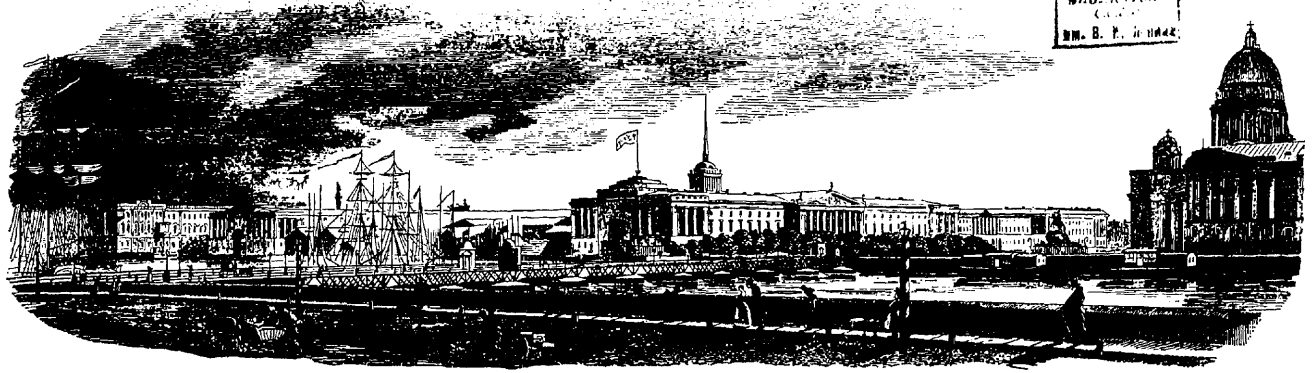
ГРАВЮРЫ : 1 — 5. Къ повѣсти : Безумная. 4) Мис. Вольфъ. 5) Достъ-Магомедъ. 6) Начальники Бухарскіе. 7) Домъ, гдѣ родился Гете. 8) Открытіе памятника Гете. 9) Деревянный ножъ Гете. 10) Зданіе Библиотеки въ Мюнхенѣ. 11) Лѣстница въ томъ же зданіи. 12) Измѣреніе высоты предмета, посредствомъ его тѣни. 13) Загадка. Всего 13. гравюръ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Августа 3 дня 1845 года. Цѣнаоры : А. Никитенко и А. Крыловъ. Въ типографіи М. Ольхина.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Государственное
Издательство
С. П. Б.
И. П. И.

Съ доставкою На годъ 41 р. 43 к. сер.
и пересылкою : На 3 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 19. — Суббота, 11 Августа 1843.

Безъ доставкн На годъ 40 р. сер.
и пересылки : На 3 мѣсяца 5 р. сер.

ВСТРѢЧИ.

Мы уже собирались оставить Дрезденъ. Вдругъ, въ комнату входитъ К., нашъ родственникъ, нашъ другъ; встрѣча съ нимъ здѣсь, на чужбинѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, была истинное счастье. — Дрезденъ сталъ для меня еще милѣе, и даже противная фигура нашего доктора какъ-то похорошѣла. Послѣ множества распросовъ и восклицаній, К. началъ отдавать намъ подробный отчетъ въ своей протекшей жизни.

Петербургъ сдѣлался для меня несносенъ, говорили они: — въ клубѣхъ я проигрывалъ, въ обществѣ зѣвалъ, до того, что повредилъ себѣ челюсти. Я рѣшился ѣхать... куда? все равно, хоть въ Москву. Въ нѣсколько дней взялъ отпускъ, собрался въ путь, оставалось кое-сѣкъмъ проститься. Тетушка въ третьемъ колѣнѣ, княгиня Ш., напутствовала меня благословеніемъ и письмомъ къ дочери въ Москву. — Черезъ нѣсколько дней я былъ уже въ бѣлокаменной и скучалъ пуще прежняго. Отъ-нечего-дѣлать я рѣшился отпести письмо своей тетушки къ кузинѣ, которую нѣкогда зналъ, но никогда не любилъ. Легко мнѣ было отыскать ея домъ; она была богатѣйшая жилища Москвы и вдова пріѣзжаго. У дома-солома и ельничъ. Вхожу въ комнату — люди въ траурѣ, но все при обычныхъ занятіяхъ; иду далѣе — и привыкшія къ свѣту глазъ ничего не могутъ различить въ темнотѣ; наконецъ взглядывалось: обширный залъ, обитый чернымъ сукномъ, по срединѣ пышный гробъ, свѣчи тусклогорятъ; съ благоговѣніемъ подхожу къ гробу, — лицо, нѣкогда полное мысли, сохранило выраженіе своей до-смертной красоты; казалась смерть невзначай застала ея, и улыбка кокетства, которая такъ шла къ ней, еще не исчезла отъ всеразрушающаго дуновения смерти. Это была не кузина моя, не Ш. Нѣтъ, это была Елена Циборская, сестра по мужу, ея другъ, ея благодѣтельница.

Предо мною мелькала лица, которая приходили безъ скорби, уходили безъ слезъ. Я остано-

вилъ одно изъ этихъ лицъ и просилъ доложить о себѣ Ш... «Не принимаетъ, очень больна». — Скажите ей мое имя, скажите, что я привезъ письмо отъ ея матери и поклонъ отъ сестры. — Меня впустили.

На роскошной постели, полуприкрытой богатыми занавѣсами, лежала женщина: она очень страдала; не столько боль физическая, сколько мысль о приближающейся смерти мучила ее. Я умру... были первыя слова ея, обращенныя ко мнѣ, — я умру скоро, скоро. Это ужасно! — Нѣтъ, вы будете жить, отвѣчалъ я, не зная, что говорить: у васъ есть дочь, для которой ваша жизнь необходима.

— Да, моя дочь останется сиротою, матушкѣ не до нея, я знаю, — и она отвернулась къ стѣнѣ, какъ бы желая скрыть свое горе, свои страданія. Вскорѣ она, однако, раскрыла блѣдное, истомленное лицо. Оставь насъ, Мери, однихъ, — сказала она, и неподвижное существо, которое до того я могъ почестъ за прекрасно-изваянную статую, такъ неподвижно оно было, встало. Ея роскошный станъ, ея черты лица, исполненныя античной красоты, и полныя голубыя глаза, которыхъ не помрачили тоской и слезами ни смерть друга, ни страданія матери, — все поразило меня удивленіемъ и обдало холодомъ: я зналъ эту дѣвушку еще ребенкомъ, я цѣловалъ ее.... а теперь!

Мы остались одни съ Ш.

— Я умираю... Моя дочь не должна жить подъ чуждымъ кровомъ — безъ защиты, ни даже одного дня... У нея четыре тысячи душъ. Я васъ знаю... и уважаю. Женитесь на ней... рѣшайтесь, и здѣсь же, не далѣе какъ завтра, у моего ложа, быть вашей свадьбѣ.

Свадьбѣ между гробомъ и смертнымъ одромъ, подумалъ я. — Но ваша дочь, — она меня совершенно не знаетъ, согласится-ли она на этотъ необыкновенный бракъ?

— Она никого не любитъ, такъ что ей до выбора мужа! У меня не достанетъ силъ говорить

съ Мери. Ступайте въ ея комнату и объяснитесь съ нею.

Можете представить всю странность моего положенія.

Я машинально пошелъ въ указанную мнѣ комнату, самъ не зная, что дѣлаю, на что хочу рѣшиться? Мери сидѣла, или, лучше, полулежала на диванѣ, и прекрасный станъ ея, выказывая всю роскошь свою; темный цвѣтъ платья еще ярче отражалъ алебастровую бѣлизну плечи; ни одинъ волосокъ на головѣ не былъ разстроенъ.

— Я съ порученіемъ отъ вашей матушки, — сказалъ я. Вѣдь надобно же было объяснить ей какъ нибудь странность моего посѣщенія.

Мы молчали.

Не знаю, ея ль поразительная красота, или эта сардоническая улыбка, которая, казалось мнѣ, мелькнула на ея устахъ, или наконецъ желаніе освободиться отъ глупаго положенія, въ которомъ я находился, придали мнѣ силы. Я началъ, не спросивъ своего сердца, ни разсудка; признаюсь, въ ту минуту я думалъ только о томъ, чтобы не быть смѣшнымъ.

— Ваша матушка хочетъ видѣть васъ подл надежной защитой мужа; она страшится мысли оставить васъ одинокою въ свѣтѣ. Я остановился и невольно взглянулъ на Мери: она хладнокровно считала звѣздочки на монхъ эполетахъ и, казалось, припоминала мое значеніе въ свѣтѣ; но я уже слишкомъ далеко зашелъ; нельзя было остановиться. — Я выскажу вамъ свои чувства со всею откровенностію честнаго человѣка, продолжалъ я, — теперь не до пустыхъ фразъ и обычныхъ въ этомъ случаѣ условій свѣта. — Мы почти не знаемъ другъ друга. Меня могла очаровать ваша красота, васъ-ничто, и тѣмъ хладнокровіемъ можете вы рѣшить мою участь. Если я вамъ скажу, что мое сердце суждѣтъ любить васъ, рука защищать то я скажу не пустую фразу, но истину, которую глубоко чувствую, высказываю искренно. Вамъ остается рѣшить: хотите ли на всегда вѣрить судьбу свою мнѣ?

— Итъ, отвѣчала она и вышла изъ комнаты.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ; я жилъ безъ всякой цѣли въ жизни, какъ живетъ много людей въ Божьемъ мѣрѣ, бесполезно тяготя собою землю. Отъ-печего-дѣлать я скитался за границей. Въ Венецію манили меня старыя связи и Св. Марко. Разъ, стоя на площади, я заглядѣлся на четырехъ знаменитыхъ коней, которые, обскакавъ чуть не пол-свѣта, стояли неподвижно на мѣстѣ. указанномъ имъ, кажется, самую судьбою; вдругъ, легкій ударъ по плечу вывелъ меня изъ моего созерцательнаго положенія: передо мною стоялъ человѣкъ высокій, худой, желтый, какъ пергаментъ старыхъ книгъ, почтенная звѣзда выказывалась изъ подъ шинели.

Вы кажется опять не узнали меня, молодой человѣкъ, вы вѣчно о чемъ-то думаете.

— Мнѣ васъ не узнать, Петръ Егоровичъ! по встрѣча такъ неожиданна: могъ-ли я подумать найти васъ здѣсь.

— И то правда, сказали старикъ задыхаясь отъ кашля и кутаясь въ шинель. Становится сыро, пойдѣмъ ко мнѣ: я живу здѣсь, у самой пиацето. Жена моя будетъ вамъ рада. — Проклятая земля или, лучше сказать, проклятая вода, — бормоталъ онъ, — негдѣ двухъ шаговъ слѣдять, и онъ платкомъ закрылъ ротъ, вѣроятно, чтобы не простудиться: мы шли молча.

Я зналъ Петра Егоровича Хоницкаго издавна. Его жена-самое доброе и кроткое существо въ мѣрѣ; она была 25 годами моложе своего мужа, и предалась ему на жертву, по волѣ тщеславной матери. — А онъ, Петръ Егоровичъ, это былъ вампиръ, который высасывалъ съ кровью и состояніемъ; непрерывными оскорбленіями и этими мелочными досадами, которыя составляютъ пытку семейной жизни, онъ вогналъ свою жену въ чахотку и, признаюсь, я очень удивился, узнавши, что она еще жива и въ Венеціи.

По мраморнымъ ступенямъ взойдя мы въ роскошный палацо. Было довольно темно; я едва примѣтилъ въ углу женщину, закутанную въ шаль.

— Жена, старый знакомецъ, — сказалъ Петръ Егоровичъ, обращаясь къ ней.

— Васъ ли я вижу, Александра Петровна? — Женщина встала, и съ величественный шагъ изобличилъ ясно мою ошибку.

— Ахъ, Боже мой, сказалъ старикъ, вѣдь я думалъ, что вы знаете о смерти покойницы Александры Петровны, — дай Богъ ей царство небесное, — я женатъ на другой, не знаю, знакомы-ль вы съ моею настоящею женой, но она вамъ съ родни, какъ же! по вашей тетускѣ, княгинѣ Ш.; рекомендую, ея внучка, Мери.

Въ это время доложили о приходѣ доктора, и мы съ Мери вышли въ другую комнату.

— И вы могли?.. воскликнулъ я неволью, когда мы остались одни. Слезы брызнули изъ глазъ ея; она прислонилась головою къ окну; грудь ея вздымалась высоко; частыя судорожныя потрясенія показывали, что она горько плачетъ. Я молчалъ. Приходъ доктора прервалъ эту тягостную сцену.

— Что? сказала она, обращаясь къ доктору, съ глазами красными, съ лицомъ, покрывшимся

багровыми пятнами. Что? повторила она, съ выраженіемъ, въ которомъ былъ страхъ, была и надежда, съ выраженіемъ, котораго я не могъ вполне понять.

— Болѣзнь упрямая. У людей этихъ лѣтъ она борется противъ всѣхъ медицинскихъ пособій также успѣшно, какъ и противъ усилій смерти.

Мери тяжело вздохнула.

— Но вы, продолжалъ докторъ, вы не бережете себя: опять слезы и душевные страданія, вы убиваете себя.

— Не я, прошептала она едва внятно.

Докторъ пощупалъ пульсъ Мери, сомнительно покачалъ головою и откланялся. Я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Докторъ, Хоницкая мнѣ родственница...

— Знаю; мнѣ говорилъ ея мужъ.

— Такъ вы понимаете, что не одно пустое любопытство заставляетъ меня спрашивать объ ней.

— Плоха. Она не надеждѣ своего мужа. Этотъ аль домашней жизни обращаетъ въ ничто всѣ медицинскія усилія.

— Но вы, почтеннѣйшій докторъ, вы другъ ея, ради любви къ истинѣ, скажите мнѣ, зачѣмъ она, гордая и непреклонная, не возстанетъ всею силой характера противъ своего тирана?

— Все дѣлала она, и это только увеличивало число домашнихъ сценъ, и безъ того слишкомъ большое. Подобно дождевой каплѣ, постоянно ниспадающей на одно и то же мѣсто и пробивающей тверзально камня, онъ своимъ упорствомъ, своими низкими интригами, наконецъ, всѣми способностями своей мелочной душонки и ума, направленными противъ нее, только противъ нее одной, разрушалъ всѣ ея усилія, всѣ ея надежды. Какъ тѣнь, неотвязно слѣдитъ онъ за нею, или сторожитъ, подобно церберу, всегда съ ключами на готовѣ и съ укоромъ на устахъ.

— За чѣмъ она не покинетъ мужа?

— А свѣтъ! что скажетъ свѣтъ? Покинуть дряхлаго, большаго старика, слывущаго образцемъ добродѣтели! Что скажетъ ея гордая бабка?

По видимому, докторъ хорошо зналъ Хоницкую и всѣ ея связи съ семействомъ и свѣтомъ. Я рѣшился слѣдять ему довольно нескромный вопросъ, рассчитывая на италянскую болтливость.

— Скажите, неужели она ни кого не любитъ?

Докторъ нѣсколько помолчалъ; потомъ произнесъ съ разстановкой: — въ ея лѣта... подь нашимъ палящимъ солнцемъ...

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы выразумѣть доктора; но мнѣ не вѣрилось, чтобы Мери могла любить.

Мы уже дѣлали шестой кругъ на площади Марка. Докторъ, увлеченный воспоминаніемъ былаго, съ жаромъ мнѣ что-то рассказывалъ. Я зѣвалъ.

— А, вздыхаете, молодой человѣкъ, воскликнулъ онъ. Вы любите, не правда ли?.. что? ужъ не Мери Хоницкую ли?

Мнѣ стало очень досадно.

— Докторъ, сказалъ я серьезно, у насъ запрещено законами влюбляться въ родственницъ.

— А, помню, помню, мнѣ точно говорилъ одинъ путешественникъ, что у васъ ссылаютъ въ Сибирь того, кто влюбится въ родственницу, или женится на пей.

— Самое меньшее — въ Сибирь, въ каторжную работу.

— *Corro di basso!* воскликнулъ мой докторъ. Мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Я рѣдко бывалъ у Хоницкихъ: мнѣ всегда было такъ тяжело у нихъ... Иногда встрѣчалъ я ихъ въ тѣсномъ кругу нашихъ общихъ знакомыхъ; Петръ Егоровичъ былъ ибже невнимателенъ къ своей женѣ; она была холодна и безотвѣтна къ его ласкамъ. Въ свѣтѣ скорбѣли о немъ, осыпали укорами ее. Она же была такъ хороша, съ такимъ величіемъ, съ такимъ презрѣніемъ глядѣла на всѣхъ мужчинъ и женщинъ, — съ высоты своего богатства, своей красоты и знатности.

— Зачѣмъ они живутъ въ Венеціи?.. спросилъ я, однажды, доктора... въ Венеціи, гдѣ влажный, сырой воздухъ такъ разрушительно дѣйствуетъ на обонхъ.

— Онъ потому-то и живетъ здѣсь, что видитъ гибельное вліяніе климата на ея здоровье.

— Вы слишкомъ строги къ мужу. Но она?

— Она тоже охотно остается здѣсь. «Есть, другъ Горацио, такія вещи въ мѣрѣ, о которыхъ философы и думать не смѣютъ», сказалъ онъ значительно, хотя не совсѣмъ правильно.

Долго не видѣвшись съ Хоницкими, я зашелъ къ нимъ; ее нельзя было узнать: такъ перемѣнилась она. Блѣдная и худая, она носила всѣ признаки изнурительной чахотки; была тиха и грустна болѣе обыкновеннаго: мнѣ было очень жаль ее. Онъ былъ таковъ, какимъ я его зналъ лѣтъ пятнадцать; высохшій, подобно старой муміи, захавшійся при магнѣшемъ усиліи, казалось, вотъ онъ распадется; а онъ все жилъ и въ это время жилъ удвоенною жизнію. — Онъ за-что-то съ удивительнымъ упорствомъ преслѣдовалъ одного молодого Италіянца, знатнаго родомъ и богатаго; но австрійское правительство пропускало сквозь уши требованія Хоницкаго, и смотрѣло сквозь пальцы на проступки Италіянца.

Помню какъ теперь. Этотъ день былъ праздникъ. Погода стояла прелестная и я убѣдилъ Хоницкую ѣхать въ грекороссійскую церковь, смотрѣть свадьбу молодой иллирійской четы, которую я зналъ и покровительствовалъ. Нечего и говорить, что мужъ ея былъ съ нами: онъ никогда не отпускаялъ жену безъ себя изъ дому. Въначіе происходило по нашимъ обрядамъ, на славянскомъ языкѣ. Мысленно переносился я на родину, которую такъ давно оставилъ, по которой тосковала душа, и не замѣчалъ стоявшей возлѣ меня Мери. Вдругъ, чьи-то слова, произнесенныя сади, поравили меня.

— Умоляю васъ, говорилъ кто-то, дозвольте мнѣ всѣ средства...

— Требуйте совѣтовъ отъ своего сердца и отъ своего мужества: я женщина, — произнесла Мери.

Хоницкий стал кашлять. Шаги быстро удалились; я не смѣлъ оглянуться, чтобы не возбудить чьего либо праздного любопытства, чтобы не открыть тайны нескромнымъ взглядомъ.

По окончаніи обряда, я спросилъ Хоницкую, каково она себя чувствуетъ?

— Миѣ грустно, отвѣчала она.

— Эта свадьба напомнила вамъ роднуну, не правда-ли?

— И ни одной радости въ жизни, произнесла она, какъ бы увлекаемая потокомъ своей мысли и не слыша моихъ словъ. Она крѣпко пожала миѣ руку и скрылась въ черной гондолѣ, какъ въ гробу, увлекаясь отъ свѣта, отъ счастья своимъ тираномъ-мужемъ.

Труно было вообразить, какъ этотъ мужъ былъ изобрѣтателемъ на муки. Онъ безжалостно обрывалъ отъ нея всякую надежду, всякое желаніе, едва зарождались онѣ. Мери любила музыку. Онъ выждалъ, пока фортепiano ея совершенно разстроилось и запретилъ поправлять его: она лишалась единственной отралы въ своемъ уединеніи. Въ свѣтѣ говорили, что Хоницкий, по слабости нервовъ, не можетъ переносить музыки и что она съ утра до вечера бьетъ по клавишамъ разстроеннаго фортепiano.

Еще послышались слухи въ городѣ, будто бы на Хоницкаго нападали балдиты, но что, во время подоспѣвшая полиція спасла его; говорили будто онъ сталъ подозрѣвать въ чемъ-то своего доктора и хотѣлъ перемѣнить его, — но все это были одни только слухи: самъ Петръ Егоровичъ не произносилъ объ этомъ ни слова. Я видѣлъ, однако, что онъ готовится оставить Венецію.

Слѣдя за Хоницкими съ нѣкотораго времени съ большимъ вниманіемъ, я не разъ замѣчалъ одного молодого Итальянца, высокаго роста, закутаннаго съ ногъ до головы, который, казалось миѣ, преслѣдовалъ ихъ издали; можетъ быть это было дѣло случая, но мое воображеніе, настроенное нѣсколькими словами, слышанными въ церкви, рисовало миѣ черныя картины.

Однажды, поздно вечеромъ, проходя мимо палата, занимаемаго Хоницкими, я увидѣлъ таинственнаго Итальянца; онъ не шелъ, а бѣжалъ, и въ два прыжка очутился на мраморной площадкѣ крыльца, лицомъ къ лицу съ докторомъ, выходящимъ отъ Хоницкихъ.

— Докторъ, милой докторъ, говорилъ онъ дрожащимъ отъ восторга голосомъ и судорожно сжимая его въ объятіяхъ, онъ погибъ!

— Кто?

— Ея мужъ, Хоницкий!

— Какъ? гдѣ?

«Въ волнахъ безмолвныхъ океана,» отвѣчалъ Итальянецъ словами извѣстнаго соотечественнаго ему поэта. Теперь она свободна! Не правда-ли? О, говорите, докторъ, говорите!

— Да, она свободна, печально отвѣчала докторъ. Она скончалась!

Какъ приросшіи къ землѣ, неподвижны и безмолвны стояли Итальянецъ.

«И ни одной радости въ жизни» подумалъ я. «Бѣдная Мери!»

Я оставилъ Венецію и отправился куда глаза глядятъ. Моя путеводная звѣзда сжалась надо

мною и привела меня сюда, въ Дрезденъ, къ вамъ! — Такъ кончилъ рассказъ свой нашъ дорогой К.

Ал — а Ков — ал.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

II.

Въ Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ мы нашли извѣщеніе изъ 5 явочныхъ челобитныхъ XVII вѣка, сдѣланное г. Милевскимъ. Въ этомъ извѣщеніи не мало историческаго интереса; оно любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ на домашнее богатство Псковичей и тогдашней ихъ одежды.

1) 24 декабря 1671. Челобитне Псковскаго Варлаамскаго съ площади священника Максима Федорова (*), поданное на имя Государя Алексея Михайловича Псковскому воеводѣ князю Давиду Степановичу Гагину, о покраденныхъ 23 декабря въ его домѣ вещахъ, которымъ и роспись приложена къ челобитной. По росписи значатся слѣдующія вещи покраденными.

1) цѣпочка серебрянная; на ней десять крестовъ п 20 провозокъ — цѣною на 10 рублей, 2) 10 перстней — на 3 р. съ полтиною, 3) подзатыльникъ жемчужный, въ 15 р., 4) 10 пугонницъ одоранныхъ, большихъ, золоченыхъ, на 7 руб., 5) 10 рублей денегъ, 6) троп голубцы, цѣною 15 р., 7) чарка серебрянная, золоченая, 40 алт., 8) три золотника жемчугу, цѣна 5 руб., 9) серги лавон, четки жемчужныя, камень ахонть, цѣною 12 руб., 10) серги жемчужныя съ камнемъ сероликовымъ, 5 р. п 11) шапка суконная червлеповая, камская, — 40 алтынъ.

2) 23 ноября 1671. Челобитне Никольскаго съ гребля священника Степана Сидорова. Пишетъ, что «къ 22-му числу ноября, въ ночь, пришли невѣдомые воры къ его дому и, съ персудака, разломали тыны, и вынесли изъ его дома: 1) муки ржаной и пшеничной осмаковъ 10-ть, 2) яндову мѣлкую, луженую, и 3) три шапки женскія, съ пухомъ бобровымъ, и шапку мужскую съ кунцисо, и янговое всякаго платнаго и мѣднаго и желѣзнаго живота, на 15 р. съ полтиною; воры же тѣ, обознанные сосѣдямъ и преслѣдуемые, разметали въ переулкѣ свой воровской запасъ: кистени на ремнѣ, буравецъ большой желѣзный и лѣстницу деревянную объ 11-ти ступеняхъ.»

3. 24 декабря 1671. Челобитне Псковскаго посадскаго человека Матвѣя Галкина. — Жалуется, что «1 декабря ограбилъ его невѣдомые воры, въ переулкѣ середняго города, въ ночь въ 5 часу, и свялъ съ него платья: 1) кафтанъ верхній спшій — цѣною 3 руб. 2) псодній кафтанъ теплый подъ кумачемъ — цѣною 2 руб. съ полтиною, 3) крестъ серебрянный золоченый съ сердоликами, въ 2 р. 50 к., 5) шляпу, въ 1 р., 9) рукавицы съ делянцами, въ 2 гривны.» (**)

4. 5 января 1671. Челобитне писца съвѣжей избѣ Бориса Филиппова объ украденной изъ съвѣжей избѣ, изъ разряднаго стола, шапкѣ его. — «Шапка краснаго сукна же кунцисо, подъ псодомъ тулейка краснаго же сукна, — цѣною 15 алтынъ, и въ той шапкѣ былъ платокъ.»

5. 24 декабря 1671. Челобитне подьячаго Степана Федорова объ украденныхъ у него рукавицахъ, а «рукавицы были овчинныя подъ сукномъ червельнымъ, съ бобровымъ пухомъ — цѣною 1 р. 50 к.»

(*) Въ подьячничкѣ сказано: Максимиче; такъ себя называетъ проситель; и имена просителей слѣдующихъ 4-хъ челобитныхъ въ подьячничкѣ означены такъ: Степаниче, Матвѣшко, Бориско, Станичиче.

(**) Въ Олонечкой губерніи вмѣсто делянцы говорятъ делянцы. Такъ въ отличіе отъ рукавицы, обыкновенно кожаныхъ, называется шерстяная вязанная обувь на рукахъ, отличающаяся отъ перчатокъ тѣмъ, что она безъ пальцевъ. Для красоты и большаго удобства сверхъ делянцы обыкновенно надеваются ру-

Изъ первыхъ двухъ челобитныхъ видно, что луковество Псковское (XVII вѣка) жило, суля по опыту покраденныхъ вещей и по рѣдкости и цѣнности тогдашней монеты, довольно зажиточно и даже богато; а изъ третьей челобитной — что Псковичи, послѣдкіе люди, обдѣланы, въ зимнее время, и тепло и очень богато, и любили, вѣроятно, поразсѣяться; на что указываетъ 4-ое декабря, въ которое ограбленъ Сквитилпий Галкинъ, предшествуемое днемъ Св. Апост. Андрея — днемъ ангела, быть можетъ, какого нибудь родственника Галкина, или его пріятеля, или днемъ крестинъ въ его родственномъ или пріятельскомъ домѣ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ГЕТЕ.

(Продолженіе.)

Наконецъ препятствія были устранены, не безъ труда, однакожъ.

Октября 16-го прошлаго года статуя прибыла во Франкфуртъ. Уже въ Мюнхенѣ, колоссальная повозка, на которой статую вывезли изъ мастерской литейщика, была сопровождаема радостными криками и украшена флагами и вѣнками. Къ сожалѣнію, при вѣздѣ въ Франкфуртъ, погода не благоприятствовала торжественному приему. Не смотря на то, при проливномъ дождѣ, повозка ѣхала по улицамъ, украшенная цвѣтами при многочисленномъ стеченіи народа. Впереди шли музыканты, а за ними воспитанники Штедскаго Института Художествъ со своимъ знаменемъ; потомъ члены комитета и, наконецъ, безпрестанно возрастающая толпа любопытныхъ.

Когда статуя прибыла на назначенное мѣсто, погода прояснилась... ливень лучъ солнца освѣтилъ колосья... и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы ожила всѣхъ присутствовавшихъ.

Литейщикъ Мюллеръ шелъ тотчасъ за повозкой и, по прибытіи въ мѣсто, пришелъ за дѣло. Всѣ предварительныя работы были кончены, фундаментъ положенъ... по уму! забыли исполнить обыкновенный, въ подобныхъ случаяхъ, обрядъ; въ основаніи не было положено медалей!.. — 18-го октября, при громѣ пушекъ, гремѣвшихъ въ воспоминаніе о литейской битвѣ, поднялась мѣдная статуя на гранитный пьедесталъ... Этотъ торжественный моментъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Тогда комитетъ опять занялся приготовленіями къ празднеству, на каждомъ шагу встрѣчалъ новые препятствія. Прямительственныя мѣста не только не помогли комитету, но послѣдній едва едва выхлопоталъ, чтобы позволено было срубить нѣкоторыя деревья, закрывавшія памятникъ. Впрочемъ, не одни правительственныя мѣста, но и почти весь городъ оставался равнодушнымъ къ торжеству. Богатѣйшіе купеческіе дома отказались отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Цехи взяли на себя построеніе фундамента и потому отстранялись. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, нужная сумма была собрана.

Чтобы воспрепятствовать давки при многочисленномъ стеченіи народа, около памятника была устроена ограда. Бѣлое покрывало таинственно окутывало мѣдную статую...

Около одинадцати часовъ собрались въ городскомъ манежѣ всѣ, приглашенные къ празднеству, которые оттуда прошли часть города къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ памятникъ. Шестые открывали музыканты и попарно шлоше воспитанники разныхъ учебныхъ и художественныхъ заведеній. Тысячи народа толпились по улицамъ. На деревьяхъ сидѣли мальчички. У оконъ, даже на крышахъ, стояли группы зрителей...

Наконецъ, всѣ остановились на отгороженномъ мѣстѣ, близъ памятника. Хоръ, состоявшій изъ сотни пѣвчихъ, запѣлъ, съ аккомпаниментомъ военной музыки, кантату, сочиненную на этотъ случай. Потомъ президентъ комитета, докторъ медалцины Шпанъ, взомель на ступени закрытаго еще памятника и произнесъ рѣчь, съ чувствомъ и жаромъ... Наступила глубокая тишина... Ора-

торъ изложилъ всю важность этой минуты, въ которыхъ фактахъ коротко рассказалъ всю исторію памятника; волненіе достигло высшей степени, когда наступила торжественная минута открытія памятника...

Всѣ сердца сильно бились, въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи...

Но вотъ покрывало опустилось... Минута глубокаго молчанія... и вдругъ радостный, восторженный кликъ народа, смѣшался съ громкою, радостною музыкою!..

Въ эту незабвенную минуту бургомистръ города получилъ листъ пергамента, на которомъ памятникъ поручался *покровительству* города. Комитеръ хотѣлъ было назвать его *достоинствомъ*, *собственностью* города, но сенатъ, отказавшійся отъ участія въ распоряженіяхъ комитета, не принялъ памятника въ собственность города!.. Какіе мелочныя, ничтожныя прихоти!..

Статуя Гете есть, безусловно, мастерское произведение ваяльщика. Согласіе всѣхъ частей, величіе обиха поражаютъ всякаго невольнаго восторгомъ. Высота статуи 14 футовъ, а высота пьедестала 12 футовъ.

Гете представленъ въ спокойномъ, не изысканномъ, но совершенно натуральномъ положеніи. Сходство лица поразительно, въ чемъ свидѣтельствовали всѣ старые, живые еще друзья покойнаго поэта, присутствовавшіе на торжествѣ. Барельефы, находящіеся по четыремъ сторонамъ пьедестала, вѣютъ между собою связь. Впереди представлена Наука, въ видѣ аллегорической фигуры; по правую сторону ея видно изображеніе драматической поэзіи, окруженной замѣчательнѣйшими лицами изъ драмъ Гете; на лѣво видна фигура эпической поэзіи, близъ которой находятъ ся Германъ и Доротея и другія лица изъ Виль-

Комната рабочая.

лилась надъ дверью бѣлая мраморная доска съ золотомъ надписью, указывавшею всѣмъ жилище, въ которомъ протекало дѣтство великаго франкфуртскаго поэта.

На другой день послѣ представленія Эгмонта, нѣкоторые члены праздника опять собрались въ одной изъ загородныхъ гостинницъ. На третій день все еще продолжалось празднество и небольшому числу собравшихся были розданы разныя вещи, сдѣланныя изъ дерева, посаженнаго лѣтомъ Гете въ день рожденія его и назосшемъ въ день смерти поэта.

Домъ, гдѣ жилъ Гете въ Веймартъ.

гельма Мейстера и баллады Гете; на задней сторонѣ памятника изображена аллегорическая фигура вѣкторіи, раздающая по обѣ стороны вѣнки.

Такъ какъ по причинѣ холодной погоды нельзя было долго оставаться на открытомъ воздухѣ, то къ пяти часамъ всѣ приглашенные собрались въ биржевую залу, освѣщенную множествомъ свѣчей. Тамъ были уже накрыты столы на 500 приборовъ. Къ концу обѣда, въ глубинѣ залы, открылся огромный транспарантъ, изображавшій рожденіе Гете съ разными аллегоріями.

Предъ началомъ обѣда и къ концу были произнесены рѣчи, а во все продолженіе обѣда играла музыка и пѣли хоры. Тосты сдѣлали ея гостиныя...

Между тѣмъ и улицы были оживлены. Около памятника раздавались серенады; все было освѣщено, вездѣ слышались радостные клики.

Великодушно были освѣщены домъ, въ которомъ родился Гете и на которомъ въ тотъ же день по-

Комната гдѣ умеръ Гете.

На четвертый день въ музей было открыто, въ честь Гете, первое эмиссе засѣданіе, сопревождаемое приличными торжественно.

Но прекраснѣйшимъ, прочтѣйшимъ воспоминаніемъ объ этомъ великомъ днѣ остался самый памятникъ...

XV. ЮЖЕСТВА.

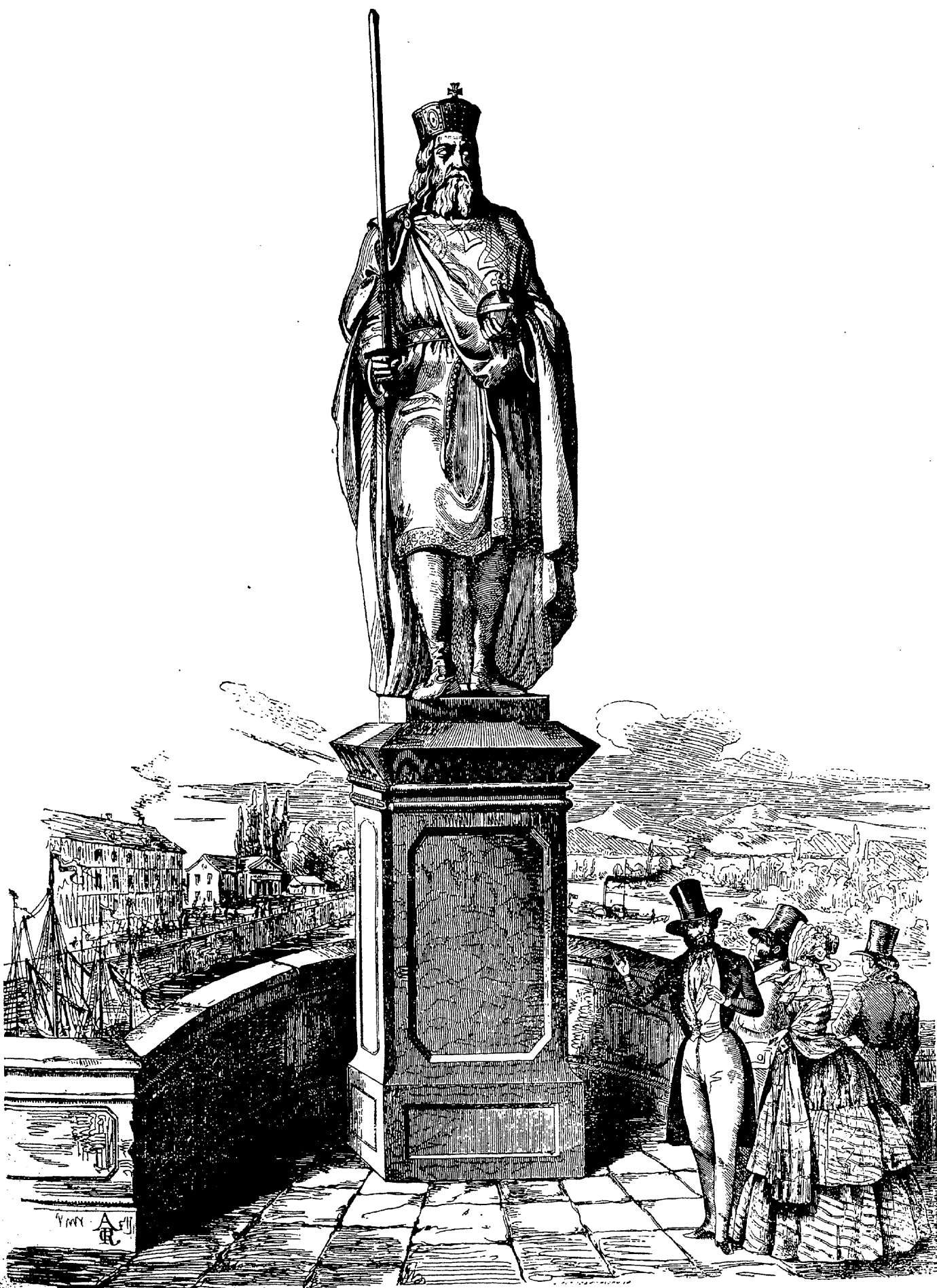
СТАТУЯ КАРЛА ВЕЛІКАГО.

Карлъ Великій, подобно Александру Македонскому, Августу, Наполеону, принадлежитъ всему міру, всему человечеству. Онъ одинъ изъ тѣхъ гениевъ, которые измѣняютъ всеобщую географію на зло всѣмъ профессорамъ политическихъ наукъ. Исторія Карла Великаго каждому известна, должна быть известна, но не каждый знаетъ, что на восту черезъ Майнъ, между Франкфуртомъ и Саксенъ-гаузенемъ, уже болѣе года возвышается колоссальнаго статуя, принадлежащая къ числу счастливыхъ произведеній новѣйшей скульптуры.

Никто не думалъ поставить этотъ монументъ на мосту. Карлъ Великій какъ будто самъ пришелъ и сталъ на точкѣ, соединяющей южную и среднюю Германію. Выборъ мѣста — случайный. Ни на одной площади въ старомъ имперскомъ городѣ не оказалось удобнаго мѣста для статуи; поставили отъ «некуда дѣтъ» на мостъ и вышло прекрасно и умѣсто. Статуя была заказана для Художественнаго Гондольера Института, молодому даровитому художнику Вендельштету; онъ сочинилъ ее, началъ моделировать и умеръ. Известный ваятель Цвергеръ ее окончилъ. Въ статуѣ много достоинства и выраженія, въ особенности голова отличается тщательностію и невѣжестію отлѣтки. Лицевая часть статуи, вообще, удалась прекрасно; другая не такъ удачна, но случай, обративъ ее тыломъ къ рѣкѣ, скрылъ неостатокъ. Замѣчательно, что Саксенгаузенъ, саксонская колонія — основана Карломъ Великимъ. — Въ этомъ событіи какъ будто случай справился съ исторіей и руководствовался разумнымъ расчетомъ.

Статуя Карла Великого на мосту во Франкфуртѣ.

КІЕСЬ.

(Продолженіе).

Когда готтентотская орда избреть себя мѣстопробываніе, обыкновенно у подножія дѣлскаго холма, по близости отъ ручья или источника, то начальникъ чертитъ на землѣ большой кругъ, на окружности котораго означаетъ мѣстахижины, дверки обращенныхъ къ центру. Такимъ образомъ хижины, соприкасаясь или будучи связаны между собою плотными заборомъ, защищаютъ въ серединѣ ихъ пахолодшія дворъ, въ который на ночь запираютъ скотъ. Самыя хижины нѣмнѣе продолговатую, во большую частью круглую форму и пахолодятъ на улья. Каждая нѣмнѣе отъ 24 до 28 футовъ въ діаметрѣ; но онѣ такъ низки, что въ нихъ нельзя стоять прямо, даже въ серединѣ, гдѣ обыкновенно разводятъ огонь. Дверь, вышнюю небоже какъ въ три фута, есть единственное отверстіе, въ которое входятъ свѣтъ и выходятъ дымъ.

Однако это нисколько не беспокоитъ Готтентота, поскольку входящаго въ хижину, и съ малодѣтства привыкшаго къ дыму. Закутавшись въ свою барабанную шкуру, онъ высовываетъ изъ нея носъ только для того, чтобы поправить огонь, закутывать трубку или перевернуть мясо, которое жарится на угольяхъ.

Готтентотъ легко добываетъ матеріалы, изъ которыхъ строятъ свою хижину и съ большимъ искусствомъ умѣетъ соединять ихъ; они состоятъ обыкновенно изъ переплетенныхъ сучьевъ и изъ рогажи, совершенно покрывающихъ хижину. Эти рогажи, весьма чисто выработанныя, дѣлаются изъ тростника или камыша, сложеннаго параллельно и перевязаннаго сухими жилами, въ видѣ ремней.

Когда Готтентотъ переселится, то срываетъ хижину, наваливаетъ сучья и рогажи на своихъ воловъ и, избравъ новое мѣстопробываніе, опять строятъ ее изъ прежняго матеріала, съ небольшою примѣсью новаго, и все это въ теченіи однихъ сутокъ.

Но, я замѣчу, что дѣлаю казненные отступленіе, потому что бѣдные бошесмены, которыхъ мы оставили на лошадѣ, будучи безпрестанно преслѣдуемы какъ хищные звѣри и принуждены бродить съ горы на горы, и жить въ пещерахъ, не могли имѣть ни хижины, ни крайя; съ большою трудностью они могли тащить за собою нѣсколькихъ тощихъ воловъ и коровъ; послѣдніе снабжали жень и дѣтей ихъ молокомъ.

Готтентоты никогда не пьютъ свѣжаго молока; лишь только они подоютъ коровъ, то смѣшиваютъ свѣжее молоко съ кислымъ и хранятъ его въ мѣшкѣ изъ телачьей шкуры, съ обращеннаго во внутрь шерстью, которая, по ихъ мнѣнію, чище другой стороны шкуры. Впрочемъ, этотъ обычай принять даже нѣкоторыми бозрами.

Когда всѣ бошесмены, собравшіяся на лошадѣ, покурили нѣсколько минутъ въ молчаніи, Кіесь всталъ и сказалъ:

— Зика т'ан (братъ мой), въ всѣмъ знаешь, что я люблю Тракозію и что эта молодая дѣвушка любить меня; следовательно, я долженъ жениться на ней. Вчера, отецъ и мать ея позволили мнѣ увести ее съ собою въ мою пещеру; она пошла со мною, мы вмѣстѣ провели ночь и она согласна сдѣлаться моею женою; я созвалъ васъ въ свидѣтели моего брака.

Тогда всталъ одинъ изъ старшихъ родственниковъ молодой дѣвушки, взявъ ее за руку и отвелъ въ сторону. Всѣ женщины послѣдовали за нею и усѣлись вокругъ нея на корточкахъ. Тотъ же старикъ взявъ за руку Кіеса и поставилъ его въ кружокъ, образовавшійся изъ мужчинъ. Потомъ онъ вымалъ молодымъ людямъ тѣло благовонымъ жиромъ, запачкавъ ихъ красными мѣломъ и по знаку его Тракозія перешла въ кружокъ, гдѣ стоялъ Кіесь. Тогда старикъ родственникъ произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Живите счастливо! Желаю вамъ нѣмнѣе сына до истеченія года; и пусть сынъ этотъ будетъ хорошимъ звѣроловомъ и неустрашимымъ воиномъ!...

И бракъ былъ заключенъ безъ дальнѣйшихъ

церемоній; но, согласно съ обычаями, Кіесь приказалъ привести быка, котораго убили, изжарили и съѣли; каждый изъ гостей нѣмнѣе право вымазать себя бычачьимъ жиромъ. Сытный обѣдъ, — рѣдкость у бѣдныхъ бошесменовъ, безпрестанно подвергающихся опасности умереть съ голоду въ пустыни, — и радость, что молодой начальникъ, котораго они любили, женился, такъ развеселили бошесменовъ, что они пропировали до глубокой ночи.

Такъ какъ я не думаю, чтобы кто либо изъ моихъ читателей присутствовалъ на готтентотскомъ пируэтѣ, то постараюсь вкратцѣ описать одно изъ нихъ.

Прежде, чѣмъ я стану говорить о готтентотскихъ пляскахъ, я долженъ вамъ сказать два слова о музыкѣ, сопровождающей эти пляски.

Оркестръ состоялъ изъ четырехъ музыкантовъ. Одинъ игралъ на т'юэррѣ, другой на т'юотѣ, третій на т'юой-т'юокѣ, а четвертый припѣвалъ. Т'юэрра состоятъ изъ лука, устроеннаго въ видѣ смычка, длиною въ одинъ футъ; на концѣ веревки, сгибающей лукъ, прикрѣплено перо въ подольную длину. Игравшій дуеъ въ это перышко по направлению веревки, что производитъ довольно рѣзкій и громкій звукъ.

Т'юотъ есть нѣчто въ родѣ скрипки, состоящей изъ одного куска дерева, на которомъ натянуты три или четыре струны. Музыкантъ наудачу пинытъ по этимъ струнамъ смычкомъ.

Т'юой-т'юкой есть ничто иное, какъ барабанъ изъ кожи, натянутый на выдолбленное дуло. Музыкантъ бьетъ на кожѣ палочками или пальцами.

Читатели поймутъ, что съ такими инструментами нельзя произвести никакихъ модуляцій — можно только надѣлать шуму; а потому Готтентоты употребляютъ ихъ только для аккомпаневранія пѣнію. Но, надо сказать правду, монотонное пѣніе ихъ немногимъ лучше инструментальной музыки.

Старуха пѣла ріано первые два такта, а молодые люди хоромъ отвѣчали послѣднимъ тактомъ.

Лишь только началась музыка, плясуны стали по мѣстамъ. Въ пляскѣ ихъ не выказывалось ни искусство, ни ловкость, потому что она состояла только изъ легкаго, медленнаго движенія ногъ, и во временахъ плпшущіе помахивали маленькими палочками, которыми были у нихъ въ рукахъ.

Другіе же, по той же музыкѣ, взялись за руки, стали въ кружокъ и медленно кружились, сначала около одного, потомъ около нѣсколькихъ человѣкъ, входившихъ въ середину круга; движенія послѣднихъ были живѣе и быстрѣе. Любопытнѣе всего было смотрѣть на маленькихъ дѣтей, вистѣвшихъ въ мѣшкахъ, на сынахъ матерей и покатившихся взадъ и впередъ, согласно съ движеніями плясавшихъ. Эта картина не только испугала дѣтей, но они были очень довольны ею, и когда матери мреставали плясать, то дѣти принимались плакать и кричать изо всѣхъ силъ.

Когда плясавшіе уставали, то садились около огня, у которыхъ варились мелко-нарѣзанные куски говядины въ мѣднѣныхъ котлахъ, или жарилась телятина на горячихъ угольяхъ.

Между тѣмъ другіе молодые люди стали на мѣста, чтобы припаять т'юроку. Музыканты подвляли страшную суматоху, стараясь подражать провнтельнымъ крикамъ обезьянъ, дерущихся на смерть. Плясуны же прыгали, кобанились, ковыркались, то всѣ вмѣстѣ, то попарно, то въ одиночку; иногда они подзали на четверенькахъ, кобанились и принимали самыя уродливныя положенія, при крикахъ толпы, окружавшей ихъ. Но самыя большія восторгъ возбуждали тѣ плясуны, уродливыя движенія и гримасы которыхъ неукоснѣе подражали движеніямъ обезьянъ.

Потомъ проплясали т'юо или пляску пчелъ, мѣняе живую и шумную, и во время которой плясуны таховко жужжать, стараясь подражать шуму, производимому полетомъ пчелъ.

Около огня нѣсколько Готтентотовъ занимались разными играми, напѣвая монотоннымъ голосомъ бесвязные звуки. Одинъ бошесмѣе сдѣлалъ отдѣлю и безпрестанно выдумывалъ разныя

движенія, которыя прочіе, сдѣлвшіе предъ нимъ, должны были повторять, но такимъ образомъ, чтобы не дотрогиваться другъ до друга; кто дотронется, тотъ проигралъ и въ штрафъ долженъ продержатъ известное время, между большимъ и указательнымъ пальцомъ, маленькую палочку, что весьма забавляетъ товарищей его, которые во все это время дразнятъ его.

По временамъ, молодая дѣвушка уходила въ пещеры и черпала изъ коженныхъ мѣшковъ влслагаго молока, которое подносила гостямъ въ маленькихъ корзинкахъ, столярно сплетенныхъ, что изъ нихъ не вытекала ни одна капля жидкости.

Уже приближалось утро, а бошесмены все еще предавались веселію, тѣмъ болѣе живому и радостному, что когда молодой начальникъ созвалъ ихъ, то они ни какъ не ожидали праздника, а скорѣе непріятнаго извѣстія.

Одинъ Кіесь, виновникъ веселія, не принималъ участія въ общей радости.

Съ печальнымъ озабоченнымъ вилкомъ прогуливался онъ пологитѣ, и взоры, болѣе пронизательныя, нежели взоры его соотечественниковъ, могли бы прочесть на лицѣ и въ морщинахъ лба его смертельное безпокойство, пожирившее сердце его. По временамъ онъ углублялся въ кустарники, окружавшія источникъ, и глаза его какъ бы старались увидѣть во мракѣ ночи предметъ, ему одному известный. Наконецъ, за минуту до солнечнаго восхода, онъ услышалъ шумъ вереска подъ шагами молодого ловкаго бошесмена, который въ нѣсколько часовъ, не останавливаясь, пробѣжалъ болѣе десяти лье; этого не сдѣлаетъ и лучшая верховая лошадь, между тѣмъ какъ молодому, лпкому Готтентоту это шутка.

— Какія новости, Клаасъ?... спросилъ начальникъ.

— Я исполнилъ твое приказаніе и луна не достигла еще половины своего пути, когда я уже бродилъ около жилища боэра Диркъ-Маркуса. Я скорѣе увидѣлъ, что къ нему вошелъ колдуу Палоо; я пробрался за нимъ и счастливо прошелъ до окна, подъ которымъ я могъ все слышать, не будучи замѣченъ.

— Что же ты слышалъ?

— Палоо продавалъ братьевъ своихъ бозрамъ!..

— Я былъ увѣренъ въ его пѣніи; даже?

— Они теперь знаютъ наше убѣжище и сегодня утромъ хотѣли напасть на насъ.

— Довольно; ступай за мною.

Кіесь послѣдовалъ къ лошадѣ и свиснулъ...

Въ одно мгновеніе прекратились игры плясакъ, всѣ въ безпорядкѣ вскочили и со страхомъ окружили начальника...

— Зика т'ан (братъ мой), — сказалъ Кіесь, собравшимся бошесменамъ, — вы всѣ свободныя Готтентоты, а не бѣглецы невольники, какъ вы называли насъ наши преслѣдователи. Что вы слышали вокругъ города Мыса Доброй Палезды?... Семь всѣдницъ и десять колесъ, ожаляющихъ насъ, если мы будемъ пойманы!... Зика т'ан, намъ угрожаетъ большая опасность, потому что бѣлымъ нѣвѣстно наше убѣжище и теперь уже они собираются напасть на насъ. Вамъ остаются двѣ крайности: сражаться и побѣдить — тогда вы сохраните и свободу, и хижины, и стада... или бѣжать! Тогда васъ будутъ гнать какъ дикихъ звѣрей, убивать, вѣшать, колесовать!... Выбирайте!

Невозможно описать ужаса, который эти грозныя слова произвели на всю толпу. Женщины плакали, а съ невыразимымъ страхомъ осматривались, въ которую сторону бѣжать; мужчины схватили луки и копыя и окружили молодого начальника.

— Что же вамъ дѣлать? спрашивали они его.

— Довноваться мнѣ и защищаться.

— Мы будемъ защищаться: приказывай.

Ничѣмъ нельзя такъ хорошо внушить людямъ повиновеніе, какъ страхомъ, но необходимо, чтобы повелѣвающей самъ сохранялъ спокойное мужество. Такъ было и въ эту минуту. Самыя невзвѣсныя изъ бошесменовъ, въ мирное время, теперъ первые были готовы повиноваться малѣйшимъ приказаніямъ Кіеса.

— Бьеме, — сказала молодой начальнице; — открывают наши убжища по дыму, подымающемуся над разводимых нами огнем; следовательно, мы можем воспользоваться этим обстоятельством, чтобы завлечь их в западню. Мы уйдем с этой долины, но прежде того подождем в огни множество сухих сучьев, над которыми подымится огромный столп дыму, к которому непременно направится бьеме. Чтобы пробраться в эту чашу, они должны будут пройти ушелье т'корка, где лошади послужат для скорей во вред, нежели в пользу: там-то их будем поджидать их. Особенно, не забудьте, что не должно подражать несчастной привычке наших братьев, которая так часто была для них пагуба: они сражались сомкнутыми рядами и чрез то иногда неприятельская пуля поражала сразу двух или троих. Бояров, которые собираются напасть на нас, всего пятнадцать человек, а нас более ста человек, следовательно семеро на одного. Раздвиньтесь на пятнадцать шагов в разные стороны, таким образом, однакож, чтобы в случае нужды вы могли соединиться. Пусть каждая шапка падает на одного бьяга, не заботясь о других, и не отставая от него; нападайте на него со всех сторон и гоните его, не давая ему времени зарядить ружья. Если вы исполните мои приказания и будете следовать моему примеру, то сегодня вечером у нас будет пятнадцать притиснутых мейе, и гизны будут терзать их окровавленные трупы...

Твердое убеждение и уверенность Кисса в победителю сообщили ему и сердцу других дикарей; общим, единодушным, громким восклицанием они поклялись повиноваться ему и следовать его примеру.

Наконец в огонь сухих сучьев и вереску, они последовали за начальником, идя гуськом и храня глубокое молчание. Кисс шел первый, за ним следовало пятьдесят воинов; потом женщины, дети и вола, нагруженные вещами; наконец, еще пятьдесят воинов, под предводительством Класа, составляли арьергард этой небольшой армии.

(Продолжение впереди).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Градъ—Ржаной Червь.—Судно Фридрихъ Францъ.—
Ошибка.—Сюжеты для фельетоновъ.

Наступил август. Жизнь нашего города ничуть не изменилась; пока мало нового, и то не замечательно; неужели писать о том, что на улицах нашей Столицы по вечерам зажигают уже фонари. Предоставляем этот предмет для управления молодых людей в фельетонном красноречии. Для нас август принес только обильные дожди, фонари напоминали о приближении осени, а желтые листья, эти сданны года, о том, что и 1845 состарился; пора думать об оставленном даче и как расположиться на зимних квартирах. И так все наше лето, карикатура южных зим, заключилась в немногих ясных и жарких днях; можно исчислять, по метеорологическим наблюдениям, что у нас лето было не больше двух недель. Но когда на сверб дуги непрерывные ветры, навнося частый и обильный дождь, на югъ Россіи стояла постоянная засуха, почти повсеместно; саранча истребляла жатву; градобиты во многих губерниях уничтожили не мало хлеба. Местами градъ ниспал до 3 золотниковъ вѣса, иногда величинамъ былъ съ голубиное яйцо. Въ Динландіи давно уже существуетъ общество страхованія отъ градобиты. Отъ чего бы и въ другихъ губерніяхъ не завести подобнаго учрежденія. Можетъ быть состояніе нашего хозяйства не вездѣ будетъ благоприятствовать составленію такихъ обществъ; но трудно вѣрять, чтобы они во всей Россіи нигдѣ уже не могли

образоваться. Успѣхъ всѣхъ другихъ страховыхъ обществъ, кажется, ручается, что и общества противу града могли бы осуществиться съ обоюдною выгодною для капиталистовъ и крестьянъ.

* Не только вода, засуха, градъ и саранча вооружаются противу земледѣльца; у него много враговъ разнаго рода; одинъ изъ опаснѣйшихъ—это безъ сомнѣнія ржаной червь; во многихъ мѣстахъ Россіи онъ иногда не уступалъ саранчѣ въ опустошительности, и земледѣлецъ лишался жатвы, не видя возможности помочь горю. Помѣщикъ Вилькомпскаго Уѣзда г. Вильчинскій, уже 17 лѣтъ свисаетъ свои жатвы отъ нашествія ржаного червя. Сосѣди видятъ плоды его заботливости, знаютъ средство, правительство о немъ напоминаетъ и, не смотря на то, многие (что бы не сказать никто) подражаютъ полезному примеру. А вѣсь въ этомъ году червь не будетъ... и на этомъ вѣсь устроены всѣ надежды, которые на лето червь безжалостно уничтожаетъ. Г. Вильчинскій благоговременно предъ оными поѣвками назначенный для того хлѣбъ смѣшиваетъ съ багунномъ (Lectum palustre), или же зерно размалывается на подстилку изъ этой травы и смѣшивается. Хлѣбъ, такимъ образомъ приготовляемый къ поѣву, никогда не дѣлался добычею ржаного червя. И удивительно, что ничтожное безпокойство, итсколю лишняя дѣя работъ, удерживаютъ хозяевъ отъ употребленія средства, оправданнаго опытомъ на ихъ глазахъ. За то послѣ этого неудивительно, что у насъ, кромѣ Динландіи, нѣтъ нигдѣ обществъ противу града.

* 25-го октября 1844 года, мекленбургское трехъ мачтовое судно, Фридрихъ Францъ, Джона Кордеса, отправилось въ Тагарогскъ грузомъ паровой машиной. 28-го шкиперъ бросилъ якорь на тагарогскомъ рейдѣ, но такъ какъ судно безъ груза не могло тутъ оставаться, то машина оставалась на кораблѣ, а шкиперъ нагружалъ его хлѣбомъ, и приплылъ уже до 600 чет. ржи. Мажу тѣмъ наступило бурное время; при замерзаніи азовскихъ береговъ, сильною погодою сорвало съ якорей шесть купеческихъ кораблей, въ томъ числѣ и этотъ. Оставленное шкиперомъ и матросами судно Фридрихъ Францъ увесело въ море и пропало безъ вѣсти. Напрасны были всѣ розысканія. Шкиперъ съ матросами ухажалъ за границу. Судно было совершенно новое и стоило по словамъ шкипера 30,000 р.с.— Англійскій подданный шкиперъ Вальсамо, управляющій азовскою каботажною лодкою купца Халжолуло, 26-го мѣсяца іюня съ тремя пассажирами пошелъ изъ Керченскаго Проліва къ Генической Пристані за солью. Противный вѣтеръ заставилъ его постоянно идти лавирами. На четвертый день труднаго плаванія, Вальсамо заѣхнулъ судно, которое, повидимому, стояло на якорѣ, потому что оно было носомъ обращено въгъру. Молодцы съ судна, шкиперъ замѣтилъ, что у бортовъ висѣли доски, какъ это дѣлается для предохраненія кузова отъ надрывовъ льда. Шкиперъ сталъ окликать судно, отвѣта не было. Онъ перѣхалъ на корабль и нашелъ тамъ все въ величайшей исправности; кромѣ незначительныхъ поврежденій, все было въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. Воды въ немъ, послѣ 8 мѣсячнаго плаванія, по волѣ вѣтровъ, было едва только въ ровенъ съ грузомъ ржи; бумаги, постели, всѣ пожитки были на своихъ мѣстахъ, какъ будто жилища только что ушли оттуда. Изъ трюма ощутилъ былъ сильный запахъ отъ ферментации хлѣба. Якорная цѣпь была вся выпущена, на ней то и держалось судно, цѣпь вытятили; но вмѣсто якоря нашли большой комъ, больше чѣмъ въ 50 пудъ, изъ свернувшейся той же цѣпи; эта тяжесть замѣнила якорь и спасла судно. Шкиперъ Вальсамо привелъ это судно въ Керченскій Портъ 7-го іюля въ совершенной цѣлости. Во время бури, утащившей корабль, на немъ были свинья, коза и куры; послѣдніе не долго прожили; ихъ вѣроятно съѣлъ хавронья; остались косточки; хавронья же принялась было за канаты, нагрызая ихъ порядочно, потомъ отправилась въ судовую кухню, гдѣ и окопала.

* Въ литературѣ все еще продолжается лѣто, хотя въ натурѣ оно уже кончилось. Книгъ...

сколько угодно старыхъ, новыхъ ни одной; а старыхъ такое множество, что не куда дѣваться съ ними. Теперь всѣ книги стары, безъ дальнѣйшихъ справокъ съ хронологіей. Вчера ли, прошлаго ли года вышла книга, все равно, онауже стара, потому что не покупается. Да и какъ покупать книги, когда засуха, градъ, саранча, червь и другіе ужасы владычествуютъ въ природѣ? Когда доходъ этого года уже съдѣнъ несытными врагами человѣческаго труда. Жирны, богаты и счастливы только эти черви... А книги лица другихъ насѣкомыхъ, которые уже истлѣли всю русскую литературу, истощили силы книжной торговой дѣятельности. — Музыка, театры?... Мы недавно были введены въ заблужденіе ложнымъ увѣдомленіемъ о прѣздѣ въ Столицу нашу г-жи Пасси, тогда какъ знаменитой артистки въ Петербургѣ еще не было. Считаемъ обязанностію увѣдомить нашихъ читателей о неумышленной ошибкѣ. — Ошибаться свойственно человеку; между ошибками и невѣжествомъ безпечная разница. Невѣжество достойно преслѣдованія, мы глядимъ и улыбаемся, исправляя, поумняють. — Бѣденъ нашъ еженедѣльникъ, но неужели для наполненія столбцевъ Иллюстраціи писать о фонаряхъ, которые стали зажигать съ 1-го августа? Такъ, пожалуй, можно бы легко наполнить два листа извѣщеніями, что тамъ то строятся домъ купца такого-то, а тамъ чинятъ мостовую. Впрочемъ, для упражненія молодыхъ людей въ фельетонномъ красноречіи это хороша тема...

* Конечно, такихъ сюжетовъ можно бы набрать немало. Стоитъ похвѣть на пороховой аворѣ, гдѣ заготавливаютъ фейерверки, и справиться, гдѣ будутъ въ августѣ потѣшные огни. Августъ не такъ славенъ фонарями, какъ фейерверками большими, средними, малыми; ранняя темнота вечера благоприятствуетъ забавамъ этого рода. Неславно Германія сжегъ для своихъ посѣтителей небольшую фейерверкъ въ деревнѣ «Ижора» близъ царголавской мывы, также сожжены фейерверкъ; фейерверки проживутъ только августъ, это принадлежность августа, которая, иногда, можетъ быть великолѣпно занимательна, а фонари 1-го августа интересны только для дѣтей, потому что возбуждаютъ ихъ окончаніе каникулъ. На тему «Фейерверки» гораздо легче писать; сколько тутъ можетъ быть огуардо, заловъ насѣтки, блестятокъ остроумія, и тому п. Право для газетныхъ хрій фейерверки едва ли не лучше уличныхъ фонарей. Дюносовъ на палеоннаціи написалъ цѣлый томъ стихотвореній. Жюль Жаненъ изъ какихъ пустяковъ умѣетъ состряпать забавный фельетонъ. У насъ же нынѣ, кто можетъ держать перо въ рукахъ, пишетъ фельетоны и лезетъ въ Жюль-Жанены. Мы уврены, что ниши самые повѣршіе, самые послѣдніе Жюль-Жанены не премануть воспользоваться нашимъ совѣтомъ и попытаютъ силы свои въ фейерверочномъ родѣ. — Неудача не должно болѣть; если остроуміе отсрѣбеть, — ничего, — въ извѣтномъ возрастѣ п самое сухое остроуміе волаю; оно испарится, окрѣветъ, изохрится отъ упражненія... Дерзайте!...

ПРАЗДНЕСТВА ВЪ МИЛАНѢ

ПО СЛУЧАЮ

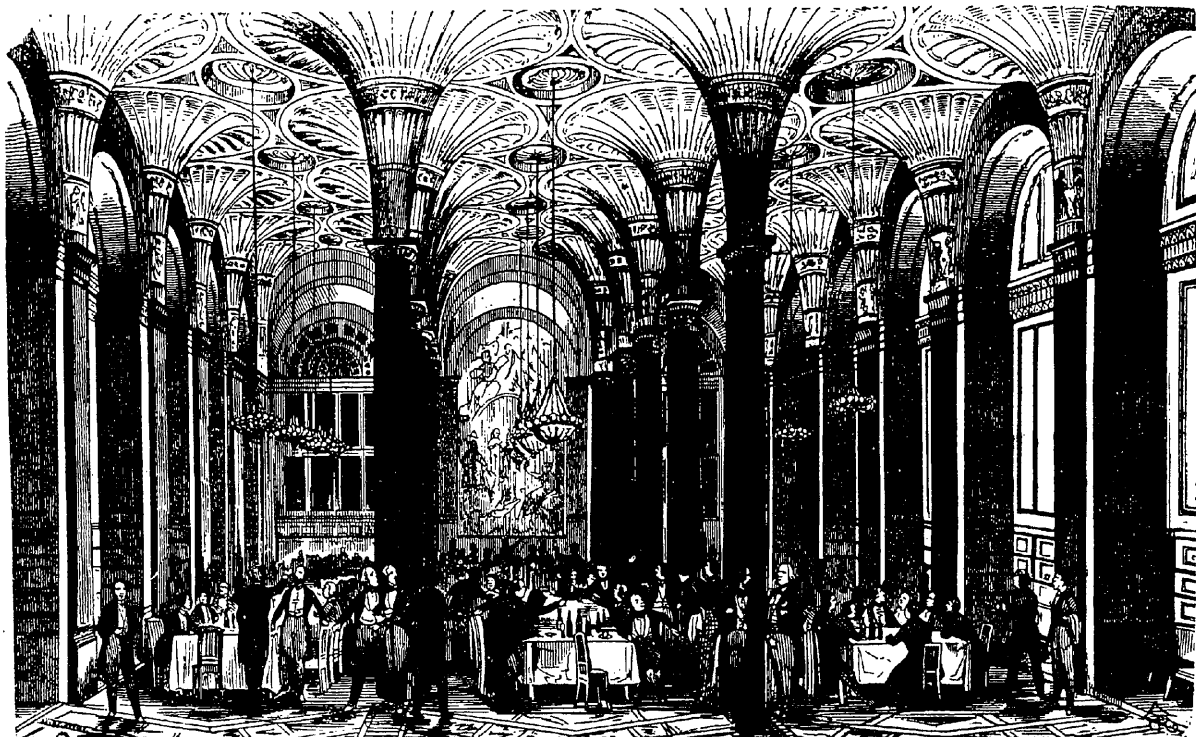
бывшаго тамъ VI съѣзда ученыхъ.

Когда придетъ то благодатное время, когда въ нашемъ любезномъ отечествѣ ученые люди не будутъ въ анковину, въ рѣдкость? Когда въ каждомъ, такъ называемомъ образованномъ, чловѣкѣ будутъ встрѣчать познанія положительныя въ какой-либо отрасли наукъ и удовлетворительныя энциклопедическія въ прочіихъ? Кажется, можно исчислять, когда наступитъ этотъ вожаслѣнный періодъ, благодаря отеческой заботливости попе-

чительнаго Правительства. Статистика учащихъ въ университетѣхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ самые утѣшительные результаты и подаетъ возможность съ вѣроятностію сдѣлать подобное исчисленіе. Пока юношество въ учебныхъ заведеніяхъ имеетъ вѣрную и прямою дорогу; но едва черезъ порогъ драмнаукъ — едва вкусить сладость гражданской самостоятельности и свободы, — оно можетъ поте-

рять стезю, по которой шло съ успѣхомъ; бро-сается къ ложно-понимасому европеизму, скоро охлаждается къ прекраснымъ и высокимъ подвигамъ; гонится за пустыми плодами современности; теряетъ или жертвуетъ благозачатки, положенныя въ нихъ въ заведеніяхъ; виною тому — печальное направленіе нашего общества и литературы. Пользическія распрей, среди спекулятивныхъ изворотовъ, мелочныхъ сти-

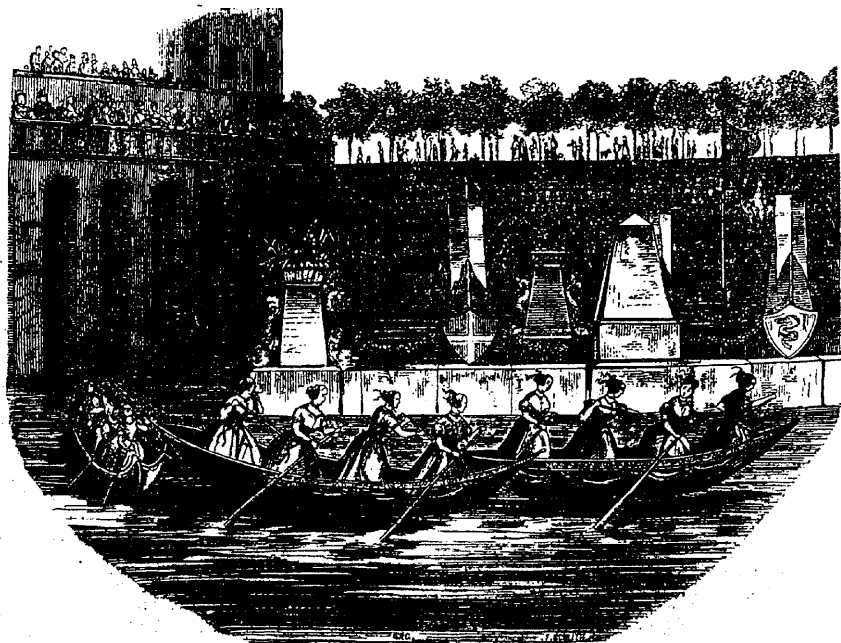
чекъ сажолубіи и невѣжества — юноша не узнаетъ той литературы, о которой ему говорили съ кафедры. — Онъ, или самъ попадаетъ въ омутъ, или съ презрѣніемъ на долго, па всегда отвращается отъ литературы. Начинаетъ искать общества, свободнаго отъ литературы; забываетъ науку, потому что объ ней въ обществахъ не упоминается, играетъ въ преферансъ, танцуетъ польку, говоритъ о Тіэрѣ в жур-

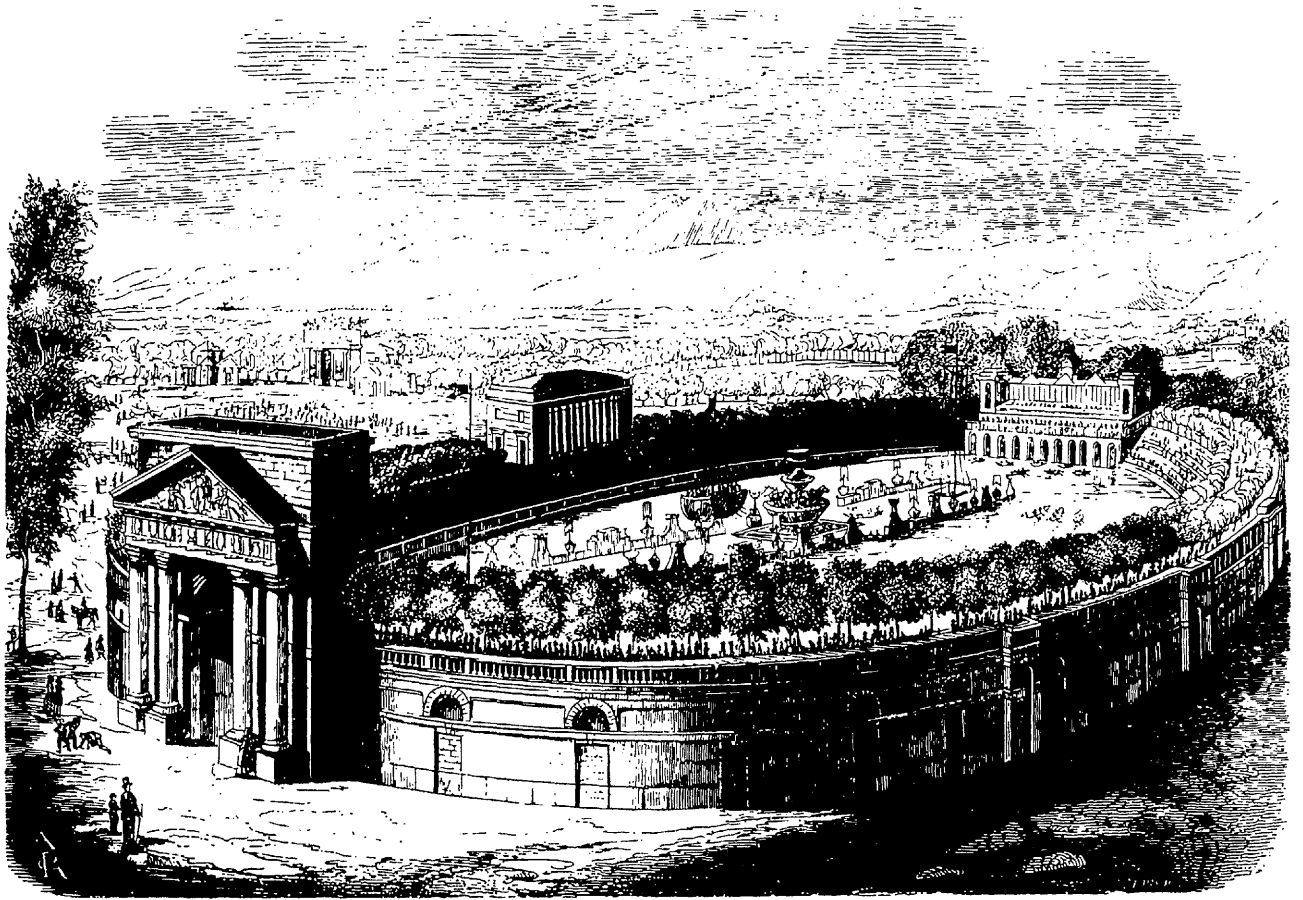
Ужинъ, по случаю открытія памятника Гете.

валахъ преній или Presse, отъ всего своего от-стаетъ; наука никогда уже не возвратитъ его въ свое стадо. Античная ваза для него также сѣшна, какъ и антикваріи. Присутствіе ученаго его стѣсняетъ. Его присутствіе стѣсняетъ ученаго — и послѣдній, чтобы удовлетворить своей высокой любви, долженъ укрываться съ своей богиней наукой въ темнотѣ и тишинѣ кабинета. У насъ ученый не принадлежитъ обществу. Напротивъ того, въ другихъ образованныхъ государствахъ ученый — есть украшеніе общества, часто душа, всегда пріятный гость. Цѣлые города ищутъ чести, чтобы сѣзды общественныхъ просвѣтителей были у нихъ; дѣлаютъ для ученыхъ празднества, пиры, даютъ балы, спектакли, фейерверки, часто великолѣпнѣе превосходнѣйшаго празднества римскихъ богачей. Для образца опишемъ прошлегодній, бывшій въ Миланѣ, по случаю VI сѣзда ученыхъ. Это небольшая поэма — и памятникъ уваженія къ наукамъ цѣлаго народа.

Прекрасная погода, которою наслаждались жители Ломбардіи, богатыя и великолѣпныя выставки художественныхъ произведеній, открывшійся въ началѣ сѣтября, празднества, спектакли и другія публичныя увеселенія, которыми Миланъ почтилъ присутствіе тамъ собравшихся ученыхъ, привлекли туда такое множество иностранцевъ и жителей другихъ городовъ, что не доставало почти мѣста, для помѣщенія ихъ. После коронаціи, въ 1858 году, Миланъ ни разу еще не былъ такъ оживленъ, какъ въ эти дни.

Плаваніе на выпередки въ Миланской Аренѣ.

Циркъ въ Миланской Аренѣ.

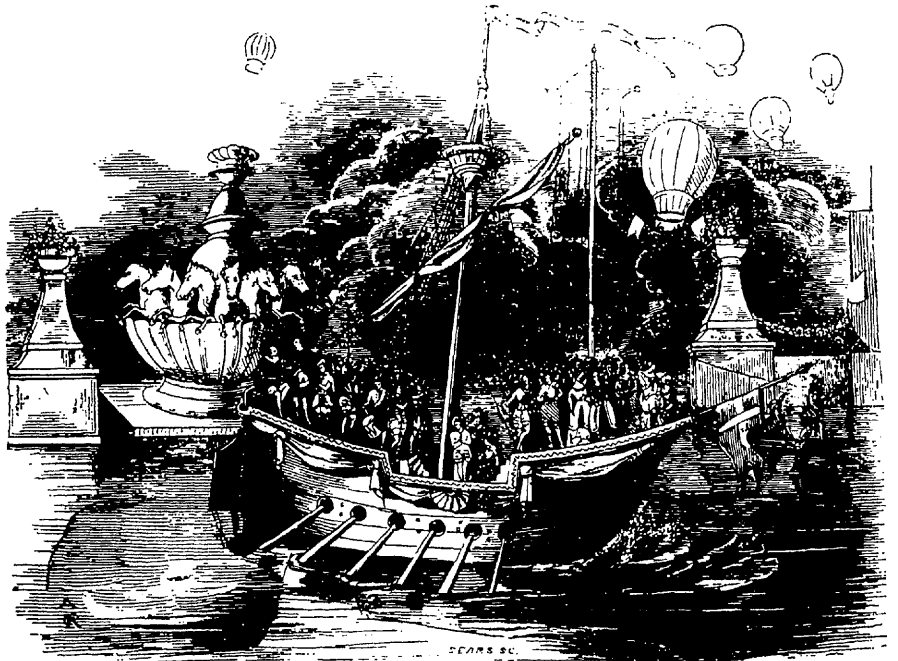
Утромъ всѣ ученые собрались въ соборную церковь. Присутствіе кардинала, архіепископа, первыхъ сановниковъ города, значительнаго числа депутацийъ отъ разныхъ университетовъ и академій, и большаго числа иностранцевъ, возвышало великолѣпнѣе торжественнаго богослуженія. Около полудня открылось первое собраніе въ большой залѣ палаца Брера, въ присутствіи кардинала, епископа и многихъ знатныхъ мужчинъ и дамъ.

Графъ Виталиано Баррессо, президентъ конгресса, открылъ засѣданіе рѣчью.

Вечеромъ того же дня, въ большомъ театрѣ della Scala, при яркомъ освѣщеніи, была играна опера маэстро Верди «Гермаи» и большой балетъ Вигана «Прометей». Эрцгерцогъ вице-король присутствовалъ при представленіи со своей семьей. Зала была полна и представленіе увѣчалось блестящими успѣхомъ.

Число действительныхъ членовъ конгресса простиралось до 1100 человекъ, между которыми былъ двѣ дамы, баронессы Эрнестина и Луиза Коцъ изъ Праги, присутствовавшія на физическихъ засѣданіяхъ. Избрали президентомъ и между прочими, по отдѣлу зоологіи, анатоміи и физиологіи, былъ избранъ князь Карлъ Люсианъ Бонапартъ.

Между множествомъ увеселеній и зрѣлищъ, устроенныхъ въ честь ученыхъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ зрѣлище, устроенное въ воскресенье, 15-го сентября, въ аренѣ. Этотъ обширный циркъ выстроенъ городомъ въ 1806 году, по проекту знаменитаго Каноника и имѣетъ снаружи 1400 миланскихъ локтей въ обѣихъ; внутри

Фейерверкъ въ Миланской Аренѣ.

умѣщаются 30,000 ч. людѣмъ зрителемъ. Обыкновенныя зрѣлища въ аренѣ были конскія выставленія, но въ 1807 году, 17 декабря, публика была пріятнымъ образомъ изумлена представленіемъ на водѣ, которую проносили во внутрь цирка. Для этихъ представленій съвязаны искуснѣйшихъ гребцовъ и пловцовъ съ береговъ близъ лежащихъ озеръ Комо и Лаго-Маджоре; эти люди перегоняютъ другъ друга на лодкѣхъ или въ плаванья; за тѣмъ слѣдуютъ гимнастическія упражненія на водѣ, потомъ охота за утками и гусями и въ заключеніе великолѣпный фейерверкъ.

Подобное зрѣлище было устроено прошлаго года въ Миланѣ, въ честь ученыхъ.

Двадцать здоровыхъ, сильныхъ рыбацкихъ, въ трехъ легонныхъ челнокахъ пустились въ переголку. Это составляло весьма пріятное зрѣлище; пламенные Италияцы, страстно любящіе всякаго рода зрѣлища, были въ восторгѣ; сверкающими взорами слѣдили они за челноками и малящими движеніями ихъ; радость ихъ была неограничена, если случайно отставшій челнокъ поправлялся и перегонялъ другіе.

Двѣ большія яхты, украшенныя флагачи и къ вечеру ярко освѣщенныя, покачивались передъ павильономъ, въ которомъ находились вице-королева, принцы, сыновья ея, придворные и члены собранія. Хоръ изъ 80 голосовъ, находившійся на одномъ изъ кораблей, пѣлъ кантаты въ сопровожденіи оркестра. Эхо, раздававшееся въ павильонѣ и тысячи огней, отражавшихся въ гладкой поверхности воды, составляли нечто волшебное, магическое. Обширная арена была великолѣпно украшена. По срединѣ ея возвышался пирамиды и трюфен.

Наконецъ, стало совершенно темно и зажгли фейерверкъ. Сначала высоко поднялась огромная ракета, съ трескомъ лопнула въ воздухъ и медленно стала опускаться, разсыпая въ воздухъ разноцвѣтные огни; за ракетой послѣдовала цѣлая флотилія воздушныхъ шаровъ, разсыпавшихъ огонь.... Между множествомъ фейерверочныхъ чудесъ, въ продолженіе цѣлаго часа занимавшихъ публику, появилась огромная огненная змѣя, преслѣдовавшая огненного же голубя, и колоссальный храмъ, изящно убранный, посреди котораго крупными огненными буквами было начертано: «Alle Science, alle lettere, alle arti». Этими кончилась фейерверкъ и надъ ареной поднялось солнце, которое далеко, далеко освѣтило все окрестности и было сигналомъ окончанія праздника.

Тогда началась страшная давка; народъ выходилъ изъ десяти воротъ. Если сообразить, что на площади, передъ ареной, собралось 30—40,000 человекъ, снаружи смѣрившихъ на фейерверкъ, и несчетное число экипажей и слугъ, то нельзя не удивляться порядку, въ которомъ расходился народъ.

16-го сентября, въ казино деи Нобили былъ большой вокальный и инструментальный концертъ, въ которомъ принимали участіе нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ виртуозовъ. Успѣхъ концерта былъ блестятельный; въ немъ присутствовали эрцгерцогиня Марія Елизавета, вице-королева и все высшее дворянство. Иностранцы замужались роскоши и великолѣпно убранства залъ della Società Nobile.

На другой день, 17-го сентября, Società del Giardino, дала блестятельный балъ. Обширная зала знаменитаго въ историческомъ отношеніи древняго палацо del Marino, была убрана и устроена для раутовъ, на которые собирались весьма много, не смотря на спектакли, концерты и другія публичныя и частныя собранія. Въ палаццѣ Маринно были устроены биліарды, игорные столы, кабинеты для чтенія и бужеты.

Для удобнѣшаго обозрѣнія всего, что могло быть занимательнымъ для пріѣзжихъ въ Миланъ и окрестностей его, весьма челоукамъ интересна была розанъ «Путеводитель по Милану», въ плакатахъ и многими гравюрами. Эта брошюра въ то же время должна была служить анакомъ воспоминанія о Миланѣ.

Въ то же время все публичныя и частныя музеи, библіотеки и галлерей были открыты для

публики, и все могли убѣдиться въ томъ, что въ нашу счастливую эпоху всеобщаго мира, Ломбардіи не только не отстали отъ другихъ просвѣщенныхъ націй, но даже опередили ихъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ изящнаго искусства.

По причинѣ огромнаго стеченія народа и тендой, прекрасной погоды, два маскерада въ большомъ театрѣ дельла Скала (18-го и 21-го сентября) и другіе балы, не могли произвеста такого эффекта, какъ то бываеетъ во время карнавала; не смотря на то, для пріѣзжихъ они были новымъ, чуднымъ зрѣлищемъ. На сценѣ, около полуночи, все актеры протанцовали польку и галонъ въ причудливыхъ костюмахъ. Площадь передъ опернымъ театромъ, примыкающія къ ней улицы и множество кофейныхъ домовъ, около того мѣста находившихся, были оживлены разнородными масками. Даже на другой день утромъ замаскированные, громко распѣвали, расхаживали по улицамъ.

Наконецъ, 28-го сентября, было послѣднее застланіе ученыхъ, и такъ какъ для слѣдующаго, сѣдлага застланія, было уже рѣшено съѣзжаться въ Лукку, то для осмала единогласно была избрана Генуя.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, было большое гулянье, на которое съѣхались болѣе тысячи экипажей, отпавившихся изяществомъ и роскошью.

Каждый день, въ залахъ, назначенныхъ для застланія по разнымъ отдѣламъ наукъ, стенографы записывали все, что было говорено и что дѣлалось, и въ тотъ же день публика была извѣщаема печатными листками о всемъ происходившемъ.

О ПОВѢРЬЯХЪ, СУЕВѢРІЯХЪ И ПРЕДРАЗСУДКАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

ВОДЯНОЙ.

Водяной, водовикъ или водляникъ, водяной дѣдушка, водяной чортъ, живетъ на большихъ рѣкахъ и озерахъ, болотахъ, въ тростникахъ и въ осокахъ, иногда плаваеетъ на чурбанѣ или на корягѣ; водится въ омутахъ и въ особенности подлѣ мельницъ. Это магой старикъ, весь въ тинѣ, похожій обычаями своими на дѣшаго, но онъ не обросъ шерстью, не такъ назойливъ и нѣрѣдко даже съ нимъ бранится. Онъ ныряеетъ и можетъ жить въ водѣ, по цѣлымъ днямъ, а на берегъ выходитъ только по ночамъ. Впрочемъ, водяной также не вездѣ у насъ извѣстенъ. Онъ живетъ съ русалками, даже почитается ихъ большакомъ, тогда какъ дѣшій всегда живетъ одиноко и кромѣ какого нибудь оборотня, никогда изъ собратовъ своихъ около себя не терпитъ. О водяномъ трудно собрать подробныя свѣденія; одинъ только мужикъ рассказывалъ мнѣ объ немъ, какъ очевидецъ,—другіе болѣею частью только знали, что есть гдѣ-то и водяные, но Богъ вѣсть гдѣ. Водяной довольно робкій старикъ, который смѣлъ только въ своемъ царствѣ, въ омутѣ, и тамъ, если осерчаетъ, хватаетъ кушальщиковъ за ноги и топить ихъ; особенно такихъ, которые ходятъ купаться безъ креста, или же не въ указанное время, позднѣю осенью. Онъ любитъ сома и едва ли не ѣдитъ на немъ; онъ снимаетъ себѣ иногда изъ зеленой куги боларскую шапку, обвиняеетъ также кугу и тину вокругъ пояса и пугаетъ скотину на водопой. Если ему издумается осѣдлатъ въ водѣ быка или корову, то она подлѣ нимъ подламывается и, увянувъ, издыхаетъ. Въ тихую, лунную ночь, онъ иногда, забавляясь, хлопаетъ ладонью звучно по водѣ и гулъ слышеть на плесу издавеча. Есть повѣрье, что если съесть у проруба на воловью кожу и шерсть

вокругъ огаркомъ, то водяные, выскочивъ въ полночь изъ проруба, подхватываютъ кожу и посылтъ сляцаго на ней куда онъ загааетъ. При возвращеніи на мѣсто, надо успѣть зачурать, чуръ мени! иначе водяные утопятъ челоука съ собою. Однажды ребятишки купались подлѣ мельницы; когда они уже стали одѣваться, то кто-то вынуриуль изъ подлѣ воды, закричалъ: *сладите дома, что Кузька померъ* — и нырнулъ. Ребятишки пришли домой и повторили отцу въ избѣ слова эти: тогда вдругъ кто-то съ шумомъ и крикомъ: ай, ай, ай, соскочилъ съ печи и выбѣжалъ вонъ: это былъ домовый, а вѣсть пришла ему о комъ-то отъ водянаго. Есть также много рассказовъ о томъ, что водяной портить мельницы и разрываеетъ плотины, а знахари выживають его, высыпая по утреннимъ и вечернимъ зарямъ въ воду по мѣшку золы.

МОРИЦЫ.

Морицы, огляны и Вытряны есть у другихъ славянскихъ племенъ; но русскіе, кажется, ничего объ этихъ лицахъ не знаютъ. Праздникъ Купала и другіе, въ честь огня или воды, суть явно остатки язычества и не представляютъ нынѣ, впрочемъ, олицетворенія своего предмета. *Ладъ, Ярило, Чуръ, Авсень, Тугусень* и проч. сохранились въ памяти народной почти въ оцнѣхъ только пѣсняхъ или поговоркахъ, какъ и дубина, горбыль, полканъ, пыжики и вочоты, кашей безсмертныи, змѣй Горыничъ, Тугаринъ-Змѣевичъ, Яга-баба, кон живутъ только еще въ сказкахъ, или изрѣдка упоминаются въ древнихъ пѣсняхъ. Народъ почти ничего болѣе объ нихъ не знаетъ. О бабѣ-ягѣ находимъ болѣе сказокъ, чѣмъ о прочихъ, помянутыхъ здѣсь лицахъ. Она ѣдитъ или летаетъ по воздуху въ ступѣ, съетомъ погоняеетъ или подираеетъ, помѣломъ настобъ замѣтаеетъ. Вообще это созданіе злое, пѣсколькo похоже на вѣдьму; яга-баба краеетъ дѣтей, даже ѣсть ихъ, живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и проч.

Кикимора также мало извѣстна въ народѣ и почти только по кличкѣ, развъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ ее иногда смѣшивають съ домовымъ: въ иныхъ мѣстахъ изъ нея даже сдѣлали пугало мужеска пола, тогдакакъ это дѣвкнневидимки, заговоренныя кудесниками и живущія въ домахъ, почти какъ домовые. Онѣ прядутъ, вслухъ проказятъ по ночамъ и вагоняють страхъ на людей. Есть повѣрье, что кикиморы младенцы, умершіе некрещеными. Плотники присвоили себѣ очень ловко власть пускать кикиморъ въ домъ такого хозяина, который не уплатилъ денегъ за срубку дома.

Ягоши—повѣрье, еще менѣе общее и притомъ весьма близкое къ кикиморамъ: уродецъ, безъ рукъ безъ ногъ, родился и умеръ некрещенымъ; онъ, подлѣ названіемъ ягоши, проживаеетъ то тутъ, то тамъ и проказить, какъ кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочетъ призвать его, невядимку, за домовика, не кладетъ ему за столомъ ложки и ломтя, не выкинетъ ему изъ окна шапки или рукавицъ и проч.

Жердай; отъ жерда—предлинный и претоненькій, шатаеетъ иногда ночью по улицамъ, заглядываеетъ въ окна, грѣеетъ руки въ трубѣ и пугаетъ людей. Это какой-то жалкій шатуль, который осуждаеетъ вѣкъ слоняться по свѣту безъ дѣла и дѣятельности. Объ немъ трудно до-

проситься смыслу; по едва ли повѣрье это не въ связи съ кашеємъ безсмертнымъ, котораго, можетъ быть, тутъ ил: тамъ пожаловали въ жерданъ. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ нечистыхъ, народъ прибѣгаетъ къ посту и молитвѣ, къ богоявленной водѣ, къ свѣчкѣ, взятой въ пачину со страстью, которую коптятъ крестъ на притолкѣ въ дверяхъ; полагаютъ также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на сѣверъ, иначе всякая чертовщина выживетъ изъ дому.

Водяной.

ОБОРОТЕНЬ.

Оборотень, — на Украинѣ *Вовкулака* — какой-то недобрый духъ, который мечется иногда человѣку подъ ноги, или поперекъ дороги, какъ предвѣстникъ бѣды. Отъ него крестится и отплеиваются. Онъ никогда не является иначе, какъ на лету, на бѣгу, и то мелькомъ, на одно мгновение, что едва только успеешь его замѣтить; иногда съ кошачьимъ или другимъ крикомъ и воемъ, иногда же онъ молча подкатывается клубкомъ, клубкомъ сѣна, комомъ сѣна, овчинной и проч. Оборотень перекидывается, измѣняя видъ свой, во что вздумаетъ, и для этого обыкновенно ударится напередъ объ змѣю; онъ перекидывается въ кошку, въ собаку, въ сову, пѣтуха, ежа, даже въ клубокъ нитокъ, въ кучу пакли и въ камень, въ коню сѣна и проч. Изрѣдка въ лѣсу встрѣчаешь его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ; но всегда только мелькомъ, потому онъ никогда не дастъ рассмотреть себя путемъ. Нерѣдко онъ мгновенно, въ глазахъ испуганнаго на смерть прохожаго, оборачивается нѣсколько разъ то въ то, то въ другое, исчезая подъ пнемъ или кустомъ, или на ровномъ мѣстѣ, на перекрѣсткѣ. Днемъ очень рѣдко удается его увидѣть, но уже въ сумерки онъ начинаетъ проказать и гуляеть всю ночь на пролетъ. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, онъ обыкновенно мечется, словно камень изъ за угла, со страннымъ крикомъ, мимо людей. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ-то есть коровья смерть, чума, и что онъ въ этомъ случаѣ самъ оборачивается въ корову, обыкновенно черную, которая гуляетъ со стадомъ, подъ видомъ прибуды или пришатившейся, и напускаетъ порчу на скотъ. Есть также доврѣе, будто оборотень

дига, умершее некрещенымъ, или какой-то вѣроотступникъ, коего душа нигдѣ на томъ свѣтѣ не принимается, а здѣсь гуляетъ и проказитъ по неволѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, оборотня называютъ кикиморой; въ дѣлѣ и доховому иногда приписываютъ также свойства оборотня. Изъ всего этого видно, что если мужикъ видѣлъ что нибудь въ сумерки или ночью и самъ не знаетъ что, — то это безспорно былъ оборотень.

РУСАЛКА.

Русалки — также *чертовка*, или *шутовка*, или *водла*, что означаетъ почти тоже, какъ чертовка, потому что тутъ у мужиковъ говорится именно взаимѣмъ недобраго слова чортъ. Русалка почти отовсюду вытѣснена людьми: а она любитъ пустыя и глухія воды. Нигдѣ почти не найдете вы теперь такого мѣста, гдѣ бы, съ вѣдома жителей, по-нынѣ воились русалки; или онѣ были тутъ когда-то и перевелись, или вагъ укажутъ, во всякомъ мѣстѣ, на другое — а тутъ де нѣтъ ихъ. На Украинѣ ихъ считаютъ дѣвочками, умершими безъ крещенія; въ другихъ мѣстахъ полагаютъ, что каждая утопленница можетъ обратиться въ русалку, если покойница была такова при жизни; или когда дѣвка утонула, купаясь безъ креста, причемъ полагаютъ, что ее утащилъ водяной; опять иные считаютъ русалокъ вовсе не людскаго покаянія, а пещеными духами или даже просто наводненіемъ дѣвольскимъ. На югѣ у насъ русалка вообще не зла, а болѣе шаловлива; напротивъ великорусская русалка или шутовка, особенно же сѣверная, гдѣ она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человѣческаго рода. При такомъ понятіи о нихъ, ихъ представляютъ иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши; онѣ ходятъ нагя, или въ бѣлыхъ сорочкахъ, но безъ пояска, съ распущенными волосами, зелеными, какъ иные утверждаютъ; живутъ дружно, обществами, витаютъ подъ водой, но выходятъ на берегъ; рѣзвятся, поютъ, шалать, хохочутъ, качаются на ближнихъ деревьяхъ, вяютъ плетеницы изъ цвѣтовъ и украшаются ими, и если

задувать къ себѣ живаго человѣка, котораго стараются заманить всѣми средствами, то шекочуть его, для потѣхи своей, до смерти. Иные утверждаютъ, что у русалокъ между перстовъ есть перепонка, какъ у гуся; другіе даже, что у нея, вмѣсто ногъ, раздвоенный рыбій хвостъ. Онѣ манятъ къ себѣ прохожаго, если онъ ночью полойдетъ къ нимъ — днемъ онѣ почти не выходятъ — иногда гоняются за нимъ, но далеко отъ берега рѣки или озера не отходятъ, потому что боятся обсохнуть. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить и сухое мѣсто: доколѣ она чешетъ мокрые волосы, доколѣ съ нея все будетъ струиться вода; если же на русалкѣ и волоса обсохнутъ, то она умираетъ. Слѣды этихъ шаловливыхъ подружекъ остаются изрѣдка на мокромъ песку; но это можно только видѣть, заставъ ихъ праспыхъ: въ противномъ случаѣ онѣ перерывають песокъ и заглаживаютъ слѣды свои. Гдѣ встрѣятъ въ водяной, тамъ считаютъ его атаманомъ русалокъ. Но онѣ бѣдныя, очень скучаютъ безъ мушкетъ и всѣ ихъ затѣи клонятся къ тому, чтобы задушить человѣка и зашекотать его на смерть. Сказываютъ, что онѣ иногда отъ скуки перенимають започсвавшее на водѣ стало гусей и завертываютъ имъ на спинѣ, какъ шаловливые школьники, одно крыло за другое, такъ-что птица не можетъ сама расправить крыльевъ; онѣ же, сидя въ омутахъ, путають у рыбаковъ сѣти, выворачивають мотню и скатывають ихъ съ рѣчной травой. Вообще, полная власть шаловливымъ русалкамъ дана во время русальной недѣли, которая слѣдуетъ за Троицынымъ Днемъ и до заговѣнья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальнымъ. Это время, по народному мнѣнію, самое опасное, такъ что боятся выходить къ водамъ и даже въ лѣса. Кажется, несправедливо — какъ иные полагаютъ — будто русалки хозяйничаютъ до Петрова Дня и будто онѣ, по народному мнѣнію, дѣвочки дѣтъ семи: этихъ повѣрье и не встрѣчалъ нигдѣ. На югѣ, русалка взрослая дѣвушка, красавица; на сѣверѣ, чертовка стара, или среднихъ лѣтъ и страшна собой. На Украинѣ, продолженіе клеветливой недѣли, есть разныя игры въ честь русалкамъ, кои въ это время бѣгаютъ далече въ лѣса и поля, топчутъ хлѣбъ, кричатъ, хлопають въ ладоши и проч. Г. Сахаровъ впечаталъ пѣсни русалокъ, бессмысленныя слова или звуки, отзывающіяся украинскимъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.

В. Луганскій.

ЗАКЛАДЪ.

романъ

въ многочисл. писемалѣ.

—

глава IV.

С Н Ы.

(Рисунки Е. И. Коерина).

(продолженіе).

— Умелъ Кудимъ?
— Умелъ.
— Видѣлъ, братъ, видѣлъ. Да ояъ то меля по подмѣтлѣ. А дѣвку-то куда онъ дѣвалъ.
— Спряталъ, лядл Савналъ, спряталъ подъ замокъ
— А ключъ-то укого?...
— У Кудима.

— Гм! Плохо приходится... Знаешь ли, дружище, что если эта дѣвчонка останется въ нашемъ городѣ, такъ тебѣ разореніе большое будетъ...

— Что ты, что ты, Савилъ.

— Да ужъ такъ! Ни кто изъ нашихъ не будетъ ходить къ тебѣ съ гостинцами. Пропадеть твой торгъ...

— Да отчего же, Савилъ?

— А ужъ я знаю отъ чего. Такъ прощай покуда, я затѣмъ и пришелъ. Прощай! Ты знаешь Ооньку косолапую, что при артели нашей?

— Знаю.

— Такъ если дай деть до тебя, только не ошибись, что дѣвчонку изъ города спровадишь, такъ скажи Оонькѣ: — косолапый, поклонись Савилу. А пока она въ городѣ — ты никого изъ нашихъ не увидишь.

— Что за диковина...

— Ну, прощай...

— Постой дядя! Знаешь что. Вѣдь и Кудинъ про тебя вѣрно что ни есть знаетъ...

— Кудинъ, да что онъ колдунъ, что ли?

— Да какъ же ему и не быть то колдуномъ. Живетъ на кладбищѣ, то и дѣло съ мертвецами. Тутъ онъ послѣ тебя такого наговорилъ, что у меня чай съдина со страху завелась.

— Что же онъ говорилъ?

— Э! Кабы то я колдовской лзыкъ разумѣлъ. Да не въ томъ сила. А вотъ что. Вѣдь дядя Кудинъ теперь на кладбищѣ...

— На кладбищѣ...

— Одинъ одинехонекъ...

— Ну!

— Такъ не ужто и ты одинъ?

— Такъ что?

— Тыфу ты какой непонятливый! А потому бы я тебѣ и дѣвчонку-то на руки отдалъ... Кроме меня, да Кудина, ни кто не знаетъ гдѣ она...

— Вотъ что! Ну, братъ, такъ подавай ее сюда!

— Не могу! Кудинъ не велѣлъ. Прежде Кудина...

— Не могу! Кудинъ не одинъ! Самъ ты говоришь, что онъ съ мертвецами живетъ.

— Что я ему скажу, какъ придетъ...

— Да что скажешь. Скинь на постольщевъ! Скажи, они видно уворовали...

— Бога ты не боишься, Савилъ! Да вѣдь счастье поидеть! Не тебя, меня стануть допрашивать...

— Ну, а ты не сказывай!

— Гм, да Есямъ Трофимичъ не свой братъ, у него всегда такіе вопросы, что отвѣтъ самъ по себѣ изорту выскочитъ... Батюшка Савилъ Петровичъ, помилосердуй, не могу...

— Ну, такъ прощай! Проснись не прогнѣваться!
— Савилъ Петровичъ, да можетъ быть ты се убьешь!

— За чѣмъ мнѣ се бить. Отнесу на оврагъ, а потомъ съ добрымъ молодцомъ отошло въ стани; будеть себѣ жить, да поживать; подрастетъ Киришку на ней женю... Ну, что же отлаешь?...

— Савилъ Петровичъ! Пожалѣй моей спины!

— Ну, пѣз за этакой дряни, а еще торгуется! А наши не бось придуть, такъ за парчу мѣдники суляшь. Прощай!

— Такъ и быть! Больнымъ прикинулся, бѣленькую ужъ ты заплатишь гдѣ сидеть!...

— Вотъ тебѣ бѣленькая! Пойдемъ!

— Ну, пропала моя головушка! Была не была!

— Ну, что же ты?

— Иду, иду, Савилъ Петровичъ! Пойдемъ кругомъ Савилъ Петровичъ? Тутъ черезъ харчевню нельзя. Старикъ тотъ спитъ. Засмыштитъ... а мы такъ пройдемъ черезъ ласейку. Господи, что то завтра сонною будеть?...

Сонъ! Кто разгадаеть, что такое сонъ? Въ природѣ много загадокъ, но сна и сонъ, едва ли не двѣ важнѣйшія. Безсловесный ребенокъ, онъ спитъ такимъ сномъ, въ которомъ нѣтъ сновъ; за то заботливая мать на яву — видитъ грезы, и наклонясь надъ спящимъ дитятей, въ мечтахъ создаетъ его будущность. И мать и ребенокъ блаженны. Когда разумъ начинаетъ дѣйствовать, невнятная душа уже во снѣ утѣшается свѣтлыми видѣніями, созерцаетъ игры ангеловъ, которые охраняютъ его дѣтскіе годы; на краю бездны, надъ провалами, надъ дико-ревущимъ водопадомъ, свѣсившись надъ сокрушительнымъ потокомъ, слышитъ себѣ чистый отрокъ; опасность далече; сны безконечны въ своемъ разнообразіи, сонъ ливнаго ученика, сонъ отъ недуга, сонъ со скуки, сонъ полумертвый отъ крѣпкихъ наитковъ, счесть нѣтъ всѣхъ снавъ... Но самый страшный — сонъ со страха.

Конечно, Левъ Кириллычъ, по званію своему, былъ герой, но по натурѣ былъ не самого храбраго десятка. Чуть вошелъ въ свой номеръ, повелительно воскликнулъ:

— Ермолка! Дверь на замокъ! Къ дверямъ приставай комода! Вотъ я его отдамъ! Самъ ложись тутъ, а не то опять тебя дрянной лакешика въ харчевню свантитъ! Какъ ты это смѣлъ отлучаться! Вотъ я тебя! Олухъ этакой, снимай сапоги, да поставь поближе. Не равно... И шафрокъ тоже поближе! Раздѣляюсь я съ нимъ по-своейски! Ну! Спать! Утро вечера мудренѣе! Слышь, ходитъ; толчется по своей конюшнѣ, лошади этака! Заперъ? Ну, такъ спи, да безъ моего спросу никого не пускай!...

Прилетъ Левушка, давай спать, да не тутъ-то было; номеръ Евгения прямо надъ головой; шаги его раздавались какъ будто удары въ бочку; чуть задремлетъ Левушка, вядрогнетъ и проснется.

— Экъ ему не спится. Предводительша какъ его разтревожила. Постой же, завтра въ походъ, забирю предводителюшу въ половъ, а ты гривъ съѣшь! Ну, заснѣшь!...

Какъ-бы не такъ! Извините, Левъ Кириллычъ! Якій мудрецъ сказала, что храбрость есть трусость... Не спится, а на яву всякая чертовщина грезится... Подъ бокомъ будто море, такъ страхъ и подмиргаетъ. Въ головѣ — пляска вѣдьмъ; сердце бьется у сокола въ когтяхъ. А Ермолка злодѣй какъ захватитъ басомъ — кажется въ лѣсу звѣри въѣбѣтъ; какъ бы то ни было, молодость и отращиваніе, заснулъ Левъ Кириллычъ, а тутъ черти на него гурьбой такъ и пустились, и въ очкахъ и во фракахъ, токъ въ токъ Евгений; и въ бакенбартахъ такими, какъ у предводителя, и просто въ шапкахъ, то есть въ бѣлыхъ костяхъ со всѣми александровскими знаменностями. Какъ зарѣвуть, какъ зашумятъ, Левъ Кириллычъ какъ вскокнуть. И мигнуть не успѣлъ, какъ ужъ надѣлъ сапоги и шафрокъ; на дворъ, крикъ, стужъ... Левъ Кириллычъ какъ не зналъ какъ это случилось, а выпрыгнувъ въ окно, хотѣлъ бѣжать, какъ вдругъ на встрѣ-

чу ему дѣвушка, день уже занимался, онъ могъ различить ея черты и узналъ красавицу, за которую на него такъ ужасно рассердился Евгений.

— Спаси, укрой меня! кричала она во все горло. Тутъ разбойники!

— О я спасу тебя, укрою, ступай за мной! Не бойся! и Левушка потащилъ ее въ темный переходъ, къ своему номеру, постучался въ свои двери!...

— Съ Богомъ! послышался голосъ соннаго Ермолая: — Кто тамъ?

— Отвори!

— Какъ бы не такъ! Не приказано!

— Отвори говорятъ тебѣ!...

— А тебѣ говорятъ убирайся я по добру по здорovu, а не то баринъ проснется!...

— Да это л, болванъ, я самъ!...

— Знаю что ты, да не ведѣю!...

— Что ты пьешь, Ермолка, что ли? Меня не узнаешь?

— Батюшки свѣты! Видишь притча кака! Голосъ токъ въ токъ какъ у барина, да пзвни, мы не та ловкис; насъ не проведешь!...

Ермолай кричалъ во все горло, чтобы баринъ проснулся, но не слыша ни гугу съ той стороны, гдѣ спалъ баринъ, струсилъ въ свою очередь, и тогда только ободрился, когда, осмотрѣвъ и ошупавъ кровать, убѣдился, что Лева Кириллычъ тамъ нѣтъ. Несколько рѣчей пѣз за дверей, самыхъ убѣдительныхъ, совершенно его успокоили; онъ отперъ двери, получилъ пощелину и поклонился!...

Дикій вопль огласилъ дворъ, куда сбѣгались люди со всѣхъ угловъ этой гостиницы.

— Что тамъ такое? спросилъ Левушка: — Поглядн Ермолай! Да принеси свѣчку!...

— И такъ видно уже, ваше благородіе! А что тамъ такое? Право не знаю!...

Въ это же время Польша и посторонніе несли Евгения въ тотъ же темный переходъ. Въ числѣ услужливыхъ былъ и Ноготокъ или Косой!

— Экая притча! кричалъ онъ во все горло: — Ну ужъ времечко! Сердѣ города разбойники ходятъ!

Видишь, как онъ его ножомъ хватилъ; чай прокололъ...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Евгений, слабѣющимъ голосомъ: — Нѣтъ, ничего! Пошлите за докторомъ...

— А! попался забѣлка! проворчалъ Левушка: — туда тебѣ и дорога, набѣжалъ разбойникъ на разбойника... Только тутъ опасно оставаться. Знаешь, милаша, я отвезу тебя къ моимъ добрымъ знакомымъ на хуторъ. Тамъ тебя ни кто не увидитъ. Ермола! закладывай лошадей...

— Да вонъ и нашъ кучеръ Трофимъ на дворѣ стоитъ. Эй, Трофимъ! Закладывай лошадей!

— А ты, Ермола, укладывайся!

— Какъ, ваше благородіе, совѣмъ!

— Совѣмъ! Что тутъ дѣлать! Вездѣ разбой! Проворѣ! Ну, милаша, ты наливъ мой хааетъ и шинель; возьми вотъ эту военную шапку! Ай да юнкеръ! Любо дорого смотрѣть! Не могу на тебя смотрѣть безъ того, какъ оно, то есть, я тебѣ скажу, удружилъ разбойникъ... Ну, поворачивайся Ермола, а не то я развернусь...

— Не извольте беспокоиться ваше благородіе...

Мы люди бывалые! Смѣкаемъ? Лишь бы Трофимъ...

— У Трофима — готово.

— И у меня тоже...

Косой хлопоталъ около раненнаго, вѣстѣ съ жилищами сосѣднихъ нумеровъ; на дворѣ — служители разсуждали о страшномъ событіи. Больше всего ихъ удивляло, куда дѣвался страшный гость; черезъ харчевню онъ не проходилъ; ворота были заперты, а онъ пропалъ, будто сквозь землю провалился. Никто не обращалъ вниманія на Трофима; всѣ его знали; и слышали приказаніе его барина. Также спокойно смотрѣли они на Ермола, когда тотъ укладывалъ вещи въ рессорную бричку; съ такимъ же равнодушіемъ выдѣл, какъ туда усаживъ господина и уѣхали со двора, не сказавъ никому ни слова. Бричка прокатилась по мостовой только волакъ трактира, потомъ съѣхала на мягкое мѣсто, потому что улицы въ этомъ городѣ мостились разна бѣса; правая сторона — мостовалъ, лѣвая — грязь; по грязи бричка понеслась шибче и шибче; Левушка, оберегая свою находку, обнявъ ее и прижавъ къ себѣ покрѣпче. Дѣвушка дрожала, но болѣе пикнуть, воображая, что разбойникъ приходилъ за нею отъ барина, и не понималъ движеній Левушки, пуще и пуще къ нему прижималась. За городомъ, едва виновали заставу, Левушка наклонилась, чмокъ и поцѣловала свою спутницу. Дѣвушка поняла свое положеніе, рванулась, но Левушка держалъ ее крѣпко...

— Пусти меня, злой человекъ! Я буду кричать!

— Кричи себѣ! Тутъ тебя ни кто не услышитъ! Трофимъ, живѣ!

— Куда ты везешь меня?

— На покой, милашка; не такія, какъ ты, барыни, радовались бы твоему счастью; ты дура, и не понимаешь какую я тебѣ дѣлаю честь...

— Какую честь?

— А вотъ увидишь! Трофимъ проворѣ!

— Ради Бога! Помогите!.. Помогите!..

Но Левушка зажалъ ей ротъ платкомъ; она искусно защищалась; крики отчаянія раздавались, Левушка не могъ съ нею сладить.

— Придержи лошадей, Трофимъ! Мы ей заведемъ глотку и спутаемъ руки.

Бричка остановилась у самого мостика, который велъ на кладбище. Двѣ огромныя липы осыпали листья. За одною изъ нихъ давно уже скрывался Кудимъ; онъ сталъ за деревомъ, какъ только достѣлъ до него порывъ вѣтра несчастной. Когда бричка остановилась, Кудимъ узналъ свою находку; заступъ сверкнулъ въ воздухѣ; Кудимъ уже висѣлъ на желѣзной ножкѣ...

— Не замай! закричалъ онъ, и Левушка, по врожденной храбрости, выпустивъ изъ рукъ свою добычу... Та умѣла воспользоваться его оплошностью; выпрыгнула изъ брички, перебрѣла черезъ мостикъ и также спряталась за липу. Узнавъ противника, Левушка ободрился.

— Ахъ ты дрянъ атака! Такъ ты тутъ разбойничаешь! Видишь какой! Трофимъ, Ермолай, ловите бѣгляку, а я со старикомъ справлюсь!

— Господи! Защити насъ, сказала Кудимъ всталъ на мосту въ позиціи Горація Коклеса. Послышался колокольчикъ, показался тяжелый экипажъ. Дюжий шестерикъ рысцей тащилъ дорожную карету, которая тогда была великою рѣдкостью... На козлахъ сидѣлъ съ кучеромъ лакей, сзади другой слуга дремалъ на челоуанѣ. Левушка и люди его были въ нерѣшимости, что имъ дѣлать. Карета подѣхала. Дѣвушка бросилась къ экипажу и закричала изо всей силы: Помогите, помогите! Кучеръ удержалъ лошадей; люди соскочили на дорогу; въ каретѣ опустилось окно и показалось сухое, желтое лице пожилаго мужчины.

— Ба! такъ вотъ гдѣ Татьяна Осиповна пробаваются изволите. Съ офицерами! по большой дорогѣ! подѣйте се сюда!

Не успѣлъ онъ выговорить приказанія, одинъ лакей отворилъ двери, другой подхватилъ Татьяну, почти бросилъ въ карету, дверцы захлопнулись, слуги вскочили на свои мѣста, кучеръ тронулъ вожжами и карета поѣхала себѣ въ городъ. Всѣ зрители, кромѣ Кудима, были въ недоумѣніи. Онъ одинъ догадался въ чьи лапы попалась его дорогая находка, и не теряя ни мгновенія, поспѣшилъ на выручку; со слезами на глазахъ глядѣлъ онъ какъ карета постепенно уходила изъ виду; наконецъ исчезла. Кудимъ не терялъ ни бодрости, ни надежды. Шелъ шибко, и уже при самомъ поворотѣ на Косатку встрѣтилъ погребальное шествіе, или какъ назвать, право не знаю. На простой телегѣ везли простой гробъ; извозчикъ сидѣлъ на телегѣ; за гробомъ трое вишенокъ, и вотъ всѣ провожатые Лукерьи Ивановны... Кудимъ остановился и почесался.

— Вотъ тебѣ и притча! А могила-то почтай не начата, сказалъ онъ, — ну да л только бѣда мою передамъ доброй барынѣ; ужъ и недалече; а тамъ махну, что силы хватитъ; пока отпоятъ, могила готова будетъ. Не глубокая, да на бѣдность станеть...

Повернувъ на Косатку, не усилъ Кудимъ пройти и двацати шаговъ, какъ встрѣтился вчерашняго старика въ военномъ сюртукѣ. Куда, Батюшка? спросилъ онъ, кланяясь офицеру.

— Да на Овражекъ. То и дѣло всю ночь твою Лукерья Ивановна сшила.

— Сны, батюшка, и туда и сюда толковать можно.

— Знаю, что и мнѣ не вѣщій; иду такъ, изъ любопытства, посмотреть на покойницу...

— Да не далече ли для вашей милости будетъ?...

— А что?

— Понесла Лукерью Ивановну на кладбище. Такъ изъ одного-то любопытства, чтобы ноги не заболѣли.

— А что имъ дѣлать; пусть ходятъ; марш!

И старикъ пошелъ. Кудимъ прсадужался.

— Что за дѣло, только мнѣ кажется будто я этого старика гдѣ-то видалъ и голосъ его слышалъ! Неужто и мой сонъ чтонибудь да значитъ... Поано, Кудимъ! Галди, не опоздай! Солнце поднялось... проворѣ!.. Вотъ тебѣ разъ; все заперто; всѣ спать; постучаться, что ли...

Кудимъ постучался въ калитку; никто не отыкался; Кудимъ еще разъ; ни откликъ; за третьимъ разомъ — послышалась легкіе шаги; калитку отворила — сама добрая барыня, Марья Осиповна; она была въ утреннемъ платьѣ; блѣдна, глаза красны, ночной чепчикъ придавалъ ей видъ еще болѣе печальный...

— Господи, Боже мой! воскликнулъ Кудимъ, отступивъ въ невольномъ изумленіи и указывая на уловившаго офицера, спросилъ: — Простите, матушка, боярыня, не осерчайте за спросъ.

— Что такое?

— Что ты, матушка, знаешь этого старикашку....

— Нѣтъ, Кудимушка!

— Дивно, право дивно...

— А что?

— Нѣтъ... ничего... такъ... бѣда у меня болѣе... Коли можешь, помоги!

— Пожалуй сюда, Кудимушка; тутъ на улицѣ несловко; а чтобы никого не будить, пойдемъ въ садъ!...

(Продолженіе впрѣд.)

ПЕРЕПИСКА.

О. П. Гдѣ вы? Что съ вами? Намъ скучно. Пропла недѣля. Нѣтъ письма. Мы вспомнили забавный, истинный анекдотъ. Давнешко правда, въ Петербургѣ жилъ былъ милаый, добрый, умный, образованный шаушъ. Шаусти его никому не дѣлали вреда, но не ровень часъ. Г. А. П. Т. имѣлъ привычку, выходилъ изъ дому, обыкновенно въ часъ 7 вечера постучался въ васидасть сосѣдняго булочника. На вызовъ въ форточку высывалась голова хозяйна, А. П. легонько хлопнетъ рукою по маковкѣ и уйдетъ; на другой день тоже; на третій тоже и т. д. Привычка обратилась въ страсть. Гдѣ бы А. П. ни былъ, въ 7 часу уходилъ на странное свиданіе, и напоминая булочнику о своемъ существованіи, отправлялся въ гости или театр. Но, увы! это была предсмертная шутка. А. П. умеръ. Булочникъ ждалъ день, два, сталъ тосковать — и, говоритъ, также скоро умеръ въ гипохондрии. — Мы такъ привыкли къ вашимъ письмамъ, что тосковали по нимъ. Гдѣ вы?... Что съ вами?

P. S. Мы получили Post Scriptum, безъ письма, на особенномъ лоскутѣ. Post Scriptum гласитъ «а еслъ нѣтъ, такъ и ненужно». Что же прикажете отвѣчать? Кажется, слѣдуетъ возвратитъ по принадлежности тѣ же слова.

И. Я. О. Хотя мы и не страстные охотники до словопроизводства, но статью вашу прочли съ удовольствіемъ. При этомъ случаѣ поставимъ себѣ въ обязанность изъяснить вамъ живѣешее замѣчаніе, что ваша прекрасная статья не можетъ быть напечатана въ нашемъ изданіи. Обратитесь къ редакціи Библіотеки для Чтенія или другихъ журналовъ. Мы увѣрены, что статья ваша будетъ украшеніемъ ученаго отдѣленія во всякомъ журналѣ. Позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Намъ кажется, что слово городъ родилось также просто какъ и слово Urbs. Древнѣе мѣсто, назначаемое для постройки города, обходились со сохою. Эти борозды всегда имѣли форму круговъ, urbes; въ употребленіи это слово измѣнилось въ urbes, города; а у насъ срубить городъ значило огородитъ заборомъ. Отъ глагола родилось имя существительное, — Статью можете получить во всякое время у Редактора. —

Л. въ К. Благодаримъ за участіе. Мы много смѣялись выраженію «кислый критикъ», и вспоминаемъ что кто то сравнилъ критиковъ съ простыми винами. Изъ нихъ, говорилъ онъ, никогда не выйдетъ добраго вина, но за то можете получить отличный укусъ.

П. Н. Б. въ Москву. — Первая неправильная: Наше; буква Ш — называется Ша. Вторая лучше, но мало рисунка. Азбука станеть на насъ жаловаться. Анаграммъ же пока не помѣщаемъ, развѣ современемъ. Во всякомъ случаѣ благодаримъ за вниманіе.

С. С. — Онъ уѣхалъ въ Лиццандію, но скоро возвратится, и тогда мы передадимъ ему ваше желаніе.

Н. П. Сюжетъ вашей повѣсти — старуха. Это ужасно старо. Вспомните, что Зевкоксъ написалъ старуху, и взглянувъ на свое дѣльное произведеніе, сталъ такъ хохотать, что умеръ со смѣху. Вотъ начало и поговорки. Чѣмъ лучше списано съ природы, тѣмъ опасѣе. Здоровье нашихъ читателей для насъ слишкомъ дорого. Извините.

Л. Я. — Какъ можно писать подобныя вещи? спрашиваете вы. Это очень просто. Когда взрослые уѣзжаютъ въ гости, что дѣлаютъ дома дѣти?

Представляют, передразниваютъ взрослыхъ. Если взрослые дѣлали глупости, такъ и дѣти будутъ дѣлать тоже, съ тою разницею, что ихъ глупости невинны и даже забавны.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

А. СРЕДСТВО ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

Пережемающаяся лихорадка лечится удачно известными медицинскими способами; но есть и простое средство, которое на опытѣ оказалось весьма дѣйствительнымъ. Возьмите четвертую долю золотника селитры и полъ-золотника нашпатыря, растворите въ 6 унціяхъ отварной воды, принимайте по рюмкѣ или чайной чашкѣ за часъ до наступленія пароксизма; случается, что во второмъ приѣмѣ не было нужды; лихорадка исчезла совершенно.

С. СРЕДСТВО ОТЪ ЭМЪИНАГО ЛДА.

Одного простояднина лѣтомъ ужалила эмья; онъ сталъ прикладывать къ язвѣ свѣжій пазелъ; перемѣнилъ его въ сутки нѣсколько разъ; язва не оказалъ никакого дѣйствія. (Читалъ).

S. СОЛЕНІЕ ОГУРЦОВЪ.

Главная задача при солениіи огурцовъ заключается въ томъ, чтобы они сохранили, сколь возможно, вкусъ свѣжій и не мякли, а оставались бы всегда крѣпкими и здоровыми. Этого можно достигнуть слѣдующимъ образомъ: огурцы снимать въ сухое, ясное время, самые здоровые, безъ плетей и не начинающіе еще желтѣть. Ихъ обмыть въ холодной водѣ, обтереть сухо и опинать осторожно остающійся на нихъ сухой цвѣтъ, отъ котораго дѣлается вкусъ неприятный. Очищенные, такимъ образомъ, огурцы уложить въ небольшие, плотные и хорошо выпаренные боченки слоями, то есть, на дно боченка положить слой свѣжннхъ здоровыхъ листьевъ дубовыхъ, черной смородины и укропа, да нѣсколько кусочковъ хрѣну. Потомъ накапать рядъ огурцовъ, плотно одѣвъ волаѣ другаго и посыпать ровню шепоткою квасцель; на нихъ опять слой листьевъ съ такою желосыпкою, и такъ продолжать, пока не наполнится боченокъ. Тогда налить на все это слѣдующій рассоль: на 20 штофовъ воды взять 2 фунта соли и кипятить, снимая пѣну, пока соль со вѣзмъ распустится, потомъ прибавить одну бутылку хорошаго ренскаго укуса, размѣшать и налить горячій рассоль на огурцы, такъ, чтобы они со вѣзмъ имъ покрылись, закупорить боченокъ и поставить на ледъ. Огурцы втягиваютъ въ себя рассоль, и потому, въ теченіи первой недѣли, надобно чрезъ день осматривать ихъ и добавлять рассоль, пока уже боченки со вѣзмъ наполнятся; тогда плотно закупорить и засмолить боченокъ, а для совершеннаго устраниенія отъ вліянія вѣшняго воздуха погрузить на веревкѣ въ колодезь или прудъ. Еще замѣтимъ, что для совершеннѣйшаго сохраненія огурцовъ, боченки должны быть не большіе, такъ, чтобы початый боченокъ скоро нарастался, потому что отъ прикосновенія вѣшняго воздуха огурцы нѣсколько вянуть и теряютъ свою свѣжесть.

Приготовленные такимъ образомъ огурцы сохраняются до новыхъ и бывають отличнѣйшаго вкуса.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавцевъ Свѣшниковъ и Баунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Ширлева), и на Никольской улицѣ подлѣ Казанскаго Собора подлѣ NN 4—5.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ,

ПОДЪ ФІРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМІРДИНЪ.

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Энгельгарата.

ПОСТУПАЕТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ТРЕТІЙ ТОМЪ

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Изданіе Александра Смирдина.

Спб. 1845 года. Въ бол. 8 д. л. съ 10-ю портретами и 10-ю картинами, гравированными на стали въ Лондонѣ, цѣна 7 р. 15 к. сер. вѣсов. за 5 ф.

Содержаніе:

1. Михайловскаго Данилевскаго, А. И. Воспоминанія о Графѣ М. А. Милорадовичѣ.
2. Скобелева, И. И. Письмо Чесменскаго Ипаллида на родину.
3. Бенедиктова, В. А. Пять стихотвореній: 1. Лебедь; 2. Коса; 3. Разоблаченіе; 4. Порывъ; 5. Исходъ.
4. Греча, Н. И. Гейдельбергъ. Ф. В. Булгарину отвѣтъ на его Tutti Frutti.
5. Мятлева, И. П. (автора Сенсаций Г-жи Курдюковой). Десять стихотвореній: 1.) Разговоръ челоука съ душой; 2.) Нейдорфская ночь, Петербургскимъ друзьямъ; 3.) Часы; 4.) Свадебный позвалъ колонистовъ; 5.) Споръ за являи; 6.) Сельское хозяйство. Быль на Руси; 7.) Настанику аббату; 8.) Проектъ Гроссгетера; 9.) Разговоръ барина съ Авонкой; 10.) Раутъ.
6. Жемляницкаго, Н. И. Мундиръ. Поморскій разсказъ. Глава 1. Архангельскъ и Неаполь; 2. Городъ Кола; 3. Самодѣи; 4. Овциаллины извѣстія; 5. Провинціалъ; 6. Вечеринъ; 7. Пріѣзжій; 8. Отставка; 9. Пощадка въ Петербургѣ; 10. Хваленая гостинница; 11. Обзоріи; 12. Преданіе.
7. Ободовскаго, И. Г. Князь Шуйскіе, Драма-тичская поэма.
8. Бельчича, Д. И. (автора «Семейства Холмскихъ» и другихъ сочиненій). Записки губернскаго чиновника и мысля о постепенномъ искорененіи диконства.
9. Маркова, М. А. Пяна, повѣсть.
10. Ушакова, В. А. Хамово отродье. Картина русскаго быта.
11. Барона Брамюеса. Микеріа. Нильская дилія. Переводъ древняго египетскаго папируса, найденнаго на групп одной мумія въ хивскихъ катакомбахъ. Повѣсть съ подлинными ея египетскими иллюстраціями.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Анжиковъ Дворца, въ домѣ Завѣтнова и въ Гостиномъ Дворѣ по суконной линіи подлѣ 15-мъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

ПАМЯТНИКИ
МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

съ присоюкупленіемъ Очерка Моументальной Исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы. Сочиненіе И. Смирнова, съ тремя планами

Москвы, двадцатью тремя картинками, по рисункамъ Академика Солнцева, отпечатанными красками и освидѣдательно гравированными и литографированными рисунками. Послѣщенное Его Императорскому Величеству ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. М. 1842 — 1845 года, текстъ (въ 4ой), вѣпечатанной на лучшей веленовой бумагѣ, красными буквами въ два столбца. Цѣна 44 руб. сер., съ перес. 46 руб. серебромъ.

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ Френсиса Треллона. Переводъ П. Фурманка, съ 15-ю литографированными картинками, сочиненными и литографированными художникомъ Е. Коврышнымъ. Пять томовъ. Спб., 1845 г. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 3 р. сер. съ пересылкою 3 р. 50 коп. сереб.

СЛОВАРЬ КОРНЕЙ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА,
по методѣ А. Ф. Лезвильскаго.

Изданный изобрѣтателемъ методомъ. Спб. 1843 года, въ 8-ю д. л. Цѣна 50 к. сер. вѣс. за 1 фун.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДО КАРАМЗИНА.

Сочиненіе А. Старчскаго. Спб. 1845 года въ 8-ю д. л. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 2 руб. сер. вѣс. за 2 фунта.

ВИДЫ ПАЛЕСТИНЫ

Рисованныя съ натуры Академиками Г. и Н. Черпцовыми, въ 1842 и 1843 годахъ, въ большой популярности, съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1845 года четыре тетради, содержащее въ себѣ болѣе 25-ти видовъ. Цѣна каждой тетради 2 руб. сер., вѣс. по 2 фунта.

МЕТЕОРЪ.

(СТИХОТВОРЕНІЕ) НА 1845 ГОДЪ.

Въ 8 д. л., на лучшей бумагѣ. Спб. 1845 года, изданіе М. Д. Ольхина. Цѣна 1 руб. серебромъ.

ОСТРОТЫ И АНЕКАДОТЫ.

Знаменитаго Юмориста М. Г. Сафира.

Переводъ съ немецкаго. Спб. 1845 года; цѣна 5 коп. сер. вѣс. за 1 фун.

ЦЕРКОВНЫЯ СЛОВА

О ВѢРЪ

и средства къ ея познанію, исполненію и охраненію, говоренныя Игнатіемъ, архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ. Спб. 1845 года въ 8 д. л. на лучшей бумагѣ (около 400 стр.) цѣна 1 руб. 43 коп. сереб. вѣс. за 2 фун.

РИМСКІЕ ПАПЫ,

ИХЪ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ Нѣмецкаго. Спб., въ 8-ю дол. л. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 2 руб. сер.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

НА

СЕЛЬСКУЮ ЖИЗНЬ.

Сочиненіе Неронова, члена Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ 8-ю дол. л. на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ пакета семянъ. Спб. 1845 г. Цѣна 75 коп. сер. съ пересылкою 1 руб. сереб.

М О Д Ы .

Есть ли теперь моды? Все лѣто ихъ не было. Зачѣмъ лѣтомъ моды? Чѣмъ легче въ одѣты, тѣмъ моднѣе. Но у насъ погода сбивала съ толку модистокъ, модистки сбивали съ толку модницъ. Впрочемъ, новаго и въ Парижѣ рѣшительно ничего не было. Домашній нарядъ былъ попрежнему капотъ пѣзъ прозрачной кисеи, подбитый таф-

тою, обшитый кружевами; мантили из китайского крепа (sère de Chine); балдакри, да мальтийскіе кресты — также не новость. Нѣтъ, видно лѣтомъ не мода на моды. Надо дожидаться осени. Уже не далеко.

Эквипаж, мебели... Вотъ на это мода сейчас не

важныя лѣтомъ, чѣмъ зимою. Мы замѣтили въ Петербургѣ много изящныхъ колесокъ особаго фасона. Удобно, въ пору, и красиво; двуколесныхъ кабриолетовъ развелось множество; на ост-

ровахъ нашихъ нѣжною рукою блистательная лама управляла не разъ послушною лошадей; благородное и умное животное какъ будто знало кого везетъ и выступало весело, съ граціей и достоинствомъ.

Нѣкоторыя дамы, нынѣшнимъ лѣтомъ, на прогулкахъ верхомъ, вмѣсто шляпъ, надѣвали фуражки. Многимъ было къ лицу; но не всякое лице хорошо подлѣ фуражкой.

Изъ лѣтней мебели мы замѣтили только новыя стулья изъ разноцвѣтной соломы, уложенной съ особеннымъ вкусомъ, и двѣ висячія цвѣточныя вазы въ родѣ Вазы Марха, рисунокъ съ коей прилагаемъ.

Красиво, но значенія вислячихъ цвѣтовъ не понимаемъ. Въ роскоши, какъ и въ архитектурѣ, должны быть два достоинства: вкусъ и логика. Если бы въ большой залѣ такихъ вазъ навѣшать много, цвѣтами искусно закрыть огни, и не допустить другаго освѣщенія, тогда бы, можетъ быть, цвѣточныя вислячія вазы сдѣлали эффектъ магическій.

И Г Р Ы.

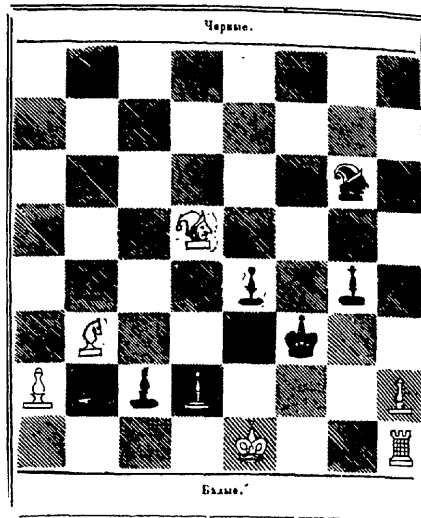
Ш А Х М А Т Ы.

РАЗРѢШЕНІЕ Задачи № 18.

Бѣлые.	Черные.
1) Л. что на 6 м. на 6 м. Ф.	К. бер. I.
2) П. Кор. 1 м.	К. бер II.
3) Л. на 4. м. Ф.	П. бер. I.
4) К. на 4. м. С. Кор. и матъ.	

ЗАДАЧА № 19.

Бѣлые въ два хода дають матъ.

РАЗГЛАДКА № 18.

Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.

ЗАГАДКА № 19.

Т О Т Ъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. 4 остающіяся недѣли назначены для праздниковъ и особыхъ случаевъ. 20 Номеръ Иллюстрацій, выйдетъ не 18-го, а 25-го Августа, о чемъ въ предупрежденіе недоразумѣній считаемъ нужнымъ увѣдомить нашихъ читателей.

Съ тѣмъ вмѣстѣ считаемъ долгомъ довести до свѣденія тѣхъ, кои въ томъ могутъ встрѣтить надобность, что Редація ежеежедѣльнаго изданія: Иллюстрація находится нынѣ у Семеновскаго Моста, близъ Семеновскихъ Казармъ, въ домѣ Г-жи Дюмонтовичевой.

Гравюра: «Ужинъ по случаю открытія памятника Гете» по ошибкѣ помѣщена въ другой статьѣ.

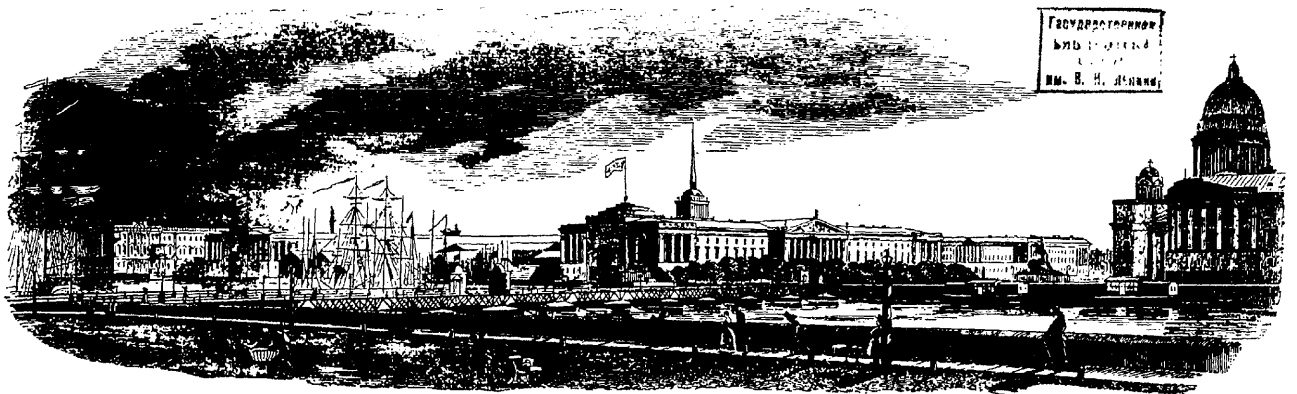
СОДЕРЖАНІЕ: 1) Встрѣчи. Разсказъ А. К.-ой. 2) Матеріалы для Русской Исторіи. 3) Открытіе Памятника Гете. 4) Художества; Статуя Карла Великаго. 5) Кіеся разсказъ Боатара (продолженіе). 6) Ежеежедѣльникъ. 7) Празднества въ Миланѣ. 8) О повѣрхлхъ, суевѣрхлхъ и предрассудкахъ Русскаго Народа. В. Луанскаго. 9) Закладъ, рождѣ (продолженіе) 10 Переноска. 11) Памятная книжка 12) Объявленія 13) Моды. 14) Игры.

ГРАВЮРЫ: 1—4. Къ статьѣ: Открытіе Памятника Гете. 5) Статуя Карла Великаго. 6—8 къ статьѣ: Празднества въ Миланѣ 9) Водяной. 10—16 къ статьѣ: Закладъ. 17) Вислячая Ваза. 18) Загадка. Всего 18 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою: На 3 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 20. — СУББОТА, 25 АВГУСТА 1845.

Безъ доставки На годъ 40 р. сер.
и пересылкою: На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ГРОБЪ И КАРЕТА.

Истинное происшествіе.

Въ концѣ XVIII столѣтія жилъ въ Москвѣ, известный своими причудами и колоссальнымъ богатствомъ, П. А. Д***. Между множествомъ анекдотовъ, характеризующихъ этого оригинала-богача, я разскажу одинъ, который слышалъ отъ моего отца, хорошаго знакомаго Д***, и бывшаго съ нимъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ.

У Д*** былъ собственный домъ въ Москвѣ, съ котораго по закону брались ежегодно поземельныя деньги, вносилъ конхъ возложенъ былъ на управляющаго домомъ. Но Д*** — у однажды пришло въ голову съпрать какую нибудь новую штуку, и онъ послалъ въ то присутственное мѣсто, куда возносились деньги просить, чтобы прислали лично къ нему какого либо писца для полученія денегъ прямо отъ него. Надо было водить, въ какомъ затрудненіи были члены?.. Кого послать? Они знали, что безъ проказъ не обойдется и боялись неприятностей.

Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили послать одного писца, отъявленнаго пьянцу.

— Писецъ Д*** надъ нимъ позабавится, — дунали члены, — это развеселитъ и насъ; а этотъ писецъ, по своему поведенію, давно уже стоитъ, чтобы его выгнать изъ службы.

Писцу приказано было отправиться съ книгою къ Д*** и строго подтверждено беречь деньги, которые получить.

Писецъ, простясь съ женою и выпивъ рюмочку для смѣлости, отправился въ великодушныя палаты Д***, готовый на все. Жена провожала его съ плачемъ и давала советы, какъ вести себя съ богачемъ, котораго всѣ боялись, какъ огня.

Какъ скоро доложили Д*** о прибытіи писца съ книгою, онъ немедленно велѣлъ позвать его. Зачѣмъ оригинальную фигуру пришедшаго, и его багровый носъ, вѣрный барометръ трезвости, Д*** тотчасъ догадался, что къ нему прислали послѣднюю спицу въ колесницѣ, какъ говаривали старики наши.

Писецъ низко поклонился.
— Здравствуй, любезный, сказалъ богачъ-оригиналъ, улыбаясь; садись, дружокъ!

Писецъ думалъ, что ослышался, и снова поклонился.

— Оставь, братецъ, поклонны; мнѣ изъ нихъ не шубу шить, садись-знай.

Писецъ зналъ, что подобная просьба равна приказанію, и съѣлъ на кончикъ стула.

— Тьфу къ чорту! ты меня взбѣснѣшь!.. вскричалъ Д*** и, схвативъ несчастнаго писца за плечи, насильно усадилъ его въ кресла.

Писецъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Зачѣмъ никто изъ гг. членовъ не пожаловалъ ко мнѣ?

— Не могу доложить, ваше превосходительство, — отвѣчалъ писецъ и вскочилъ со стула.

— Да усадишься-ли ты, чортова голова! Если ты еще разъ вскочнѣшь какъ молодой, такъ я вѣрно прибить тебя гвоздями къ стулу.

Писецъ усѣлся, рѣшась не вставать болѣе.

— Пьешь-ли ты водку? спросилъ Д*** улыбувшійся.

— Употребляемъ, ваше превосходительство.

— Ей! человекъ! большой графинъ водки и закуски.

Черезъ иѣсколько минутъ явился на столъ графинъ въ позаведра.

— Пей, да безъ поклоновъ и кривлянья. Я ихъ терпѣть не могу.

Д*** налилъ огромный стаканъ писцу.
— Пей залпомъ; покажи, что ты молодецъ!

Писецъ выпилъ до капли однимъ духомъ; ему было въ привычку.

— Ты холостой?

— Инакъ иѣтъ, ваше превосходительство — женатъ.

— И вѣрно очень бѣденъ; сердучишка-то на тебѣ, какъ видно праздничный, а дыры то будничныя... ну, выпей еще.

Писецъ опорожнилъ другой стаканъ и сталъ разговорчивѣе.

— Жалованье малое, ваше превосходительство, доходовъ иѣтъ, жена на шеѣ... Худо, очень худо, иной день и голодомъ сидишь... что дѣлать, ваше превосходительство?.. Только то не хорошо, что надо мной всѣ смѣются. Товарищи зовутъ пьяницей, нищичъ; жена всегда ругается... бѣда! хоть въ воду. — Писецъ заплакалъ, и отеръ слезы дыравымъ платкомъ.

— Утѣшься, дурачина; выпей еще, легче будетъ.

Писецъ выпилъ третью; у него въ глазахъ заряблило.

— Покорно благодарю... хорошее дѣло... и водка хорошая... а жалованье малое... конечно, ваше превосходительство... я вамъ доволенъ... да жена ругается...

Д*** съ удовольствіемъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ косилъ языкъ подъячаго, и опять налилъ ему еще стаканъ.

— Нутка, послѣднюю!

— Не... не... могу... виднѣть... Богъ... не... могу... я вамъ доволенъ... только не могу...

— Вздоръ! пей! что за отговорки!

Писецъ какъ не былъ пьянъ, но не забывалъ, что нельзя сердить Д***... а потому, собравшись кое-какъ съ силами, схватилъ стаканъ, опорожнилъ его, улыбуясь, отеръ ротъ рукавомъ, привсталъ, опять

улыбнулся, хотѣлъ поставить стаканъ на столъ, но въ то самое мгновеніе покачнулся назадъ... стаканъ упалъ на полъ и разбился въ дребезги.

Д*** только этого и ждалъ; онъ захохоталъ и позвавъ лакея, приказалъ принести деревянный крашеный гробъ, положить при немъ туда пьянаго подъячаго и отвезти на извозикѣ въ занимаемую имъ квартиру, о которой узнать у сторожа въ присутствіи; на квартирѣ поставить гробъ у дверей, такъ, чтобъ жена подъячаго, отворивъ дверь, могла его увидѣть.

Когда гробъ былъ привезенъ, Д*** самъ распорядился помѣщеніемъ въ него писца, положилъ ему въ поги какой-то большой свертокъ, а книгу и слѣдующія съ него деньги съ распиской помѣстилъ въ гробу же съ боку.

Приказаніе Д*** было въ точности исполнено.

Отворивъ случайно дверь, увидавъ гробъ и въ немъ своего сожителя, жена писца ахнула и съ отчаяніемъ готова была броситься на него, но въ то же мгновеніе услышала, что онъ ужасно храпѣлъ; притомъ же сильный запахъ водки объяснилъ ей все дѣло.

Толчками разбудила она жертву свою и осыпала ее самую крупною бранью. Не протрезвившіися еще писецъ приподнялся въ гробу и осматривался безсмысленно. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлалось? гдѣ онъ находился? какъ тутъ очутился?.. Между тѣмъ брань супруги, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, поражала слухъ его.

Взбѣшенная жена писца схватила наконецъ ведро воды и окатила мужа. Онъ вскочилъ, встрепенулся и отряхнулся какъ мокрый пудель.

— Пьяница ты эдакой!.. на силу опомнися! Гдѣ ты опять нарѣзался?.. вѣрно пропилъ всѣ деньги, которыя получилъ отъ Д***. Окашнѣй ты эдакой! Деньги казенныя! погубилъ ты мою головушку! Не видишь, что всѣ надъ тобой смѣются; вишь въ гробъ запрятали... Экой живой покойникъ!..

— Не грѣши, жена! виновать... много пыль, да не на свой счетъ. Д*** подчивалъ.

— Вишь, что выдумалъ! Станетъ онъ такую дрянь подчивать! Ну, гдѣ же деньги, гдѣ книга?

— Гдѣ?.. А чортъ ихъ знаетъ!..

— Чортъ знаетъ!.. Вишь какимъ простячкомъ прикинулся. Охъ! я бѣдная, погубила себя, вышла за этого урода!

— Жена! полно браниться... дай лучше гривенку, душу отвести; голова смерть трещитъ.

— Ахъ, ты сумасшедшій! да я сама два дня не ѣла... пьяница... негодный, пошелъ!.. выбрось хоть гробъ, чтобъ добрые люди не видали, да ступай къ секретарю, раздѣлывайся съ нимъ какъ знаешь.

Бѣдный писецъ, оглушенный крикомъ своей супруги, наклонился, чтобъ поднять гробъ, и тогда увидѣлъ книгу. Онъ чрезвычайно обрадовался, схватилъ ее, развернулъ и увидѣвъ всѣ деньги сполна и расписку въ статьѣ, показалъ своей жепѣ, которая, увѣрившись, что мужа ея дѣйствительно угощала Д***, замѣтно успокоилась.

— Ну, ну, хорошо,—сказала она, Богъ тебя проститъ; выпесемъ-ко вмѣстѣ гробъ.

Она хотѣла поднять его и не могла. Необыкновенная тяжесть гроба изумила мужа и жену.

— Что онъ, свинцовый, что-ли?

Осматривая гробъ, они наконецъ замѣтили тяжелый свертокъ,—и кто опишетъ ихъ удивленіе, когда, развернувъ его, нашли тысячу рублей серебромъ, при запискѣ: «Разживайся съ моей легкой руки, да пей меньше.»

Тысяча рублей серебромъ въ то время составляла огромный капиталъ, хоть бы и не для писца.

Супруги ахали, плакали и крестились...

— Дай, Богъ, ему здоровья, тысячу лѣтъ жить, всякаго счастья! Вотъ ужъ вельможка, вотъ настоящій баринъ!.. а про него еще говорятъ, что онъ такой-сякой; вздоръ! да ему, моему голубчику, видно радостно награждать бѣдныхъ людей! О! да я съ ума сойду отъ радости!.. Видно ты ему, муженекъ, понравился; дай мнѣ себя расцѣловать, мое ненаглядное сокровище...

И она бросилась цѣловать обезумѣваго писца.

— Жена! голова трещитъ... ворчалъ тотъ.

— Сейчасъ, мой дорогой; сама побѣгу, принесу настоечки; сама съ тобой на радости выпью...

Гробъ убрали, деньги спрятали. Жена, взявъ цѣлковый, купила настойки и закусокку, и весь вечеръ провала съ своимъ муженькомъ.

На другой день, когда писецъ явился въ присутствіе, члены и товарищи встрѣтили его съ насмѣшками. Имъ хотѣлось знать, какъ подшутить надъ нимъ Д***. Но писецъ съ деньгами былъ уже не прежній бѣднякъ. Богатство придао ему смѣлости и соображенія. Онъ представилъ книгу съ деньгами и рассказалъ, что сидѣлъ съ Д*** выпилъ, закусилъ, очень приятно разговаривалъ съ нимъ и получилъ въ награду тысячу рублей серебромъ.

Эти мягческія слова перевернули вверхъ дномъ все присутствіе. Всѣ наперерывъ старались поздравить новаго Креза, жали ему руку, просили къ себѣ и съ супругою. Секретарь предложилъ ему мѣсто столназначальника. Однимъ словомъ, нашъ бывшій писецъ съ тѣхъ поръ пошелъ въ гору.

На слѣдующій годъ, когда наступило время ѣхать къ Д***, за полученіемъ земельныхъ денегъ, секретарь взялъ эту обязанность на себя.

— Мы очень ошибались на счетъ Д***, подумалъ секретарь, — не всякому слуху вѣрь; мало ли, что болтаютъ. Д*** человекъ умный, богатый. Если онъ такъ награждалъ за пріѣздъ къ нему простаго писца, то сколько же дастъ онъ мнѣ, когда я, членъ суда, лично явлюсь засвидѣтельствовать мое почтеніе его превосходительству?

Размышляя такимъ образомъ, секретарь, въ назначенный день одѣлся въ мундиръ и выпросивъ, для большаго эффекта, у своего начальника коляску, отправился къ Д***...

Богачъ принялъ его съ необыкновенною учтивостію, разсыпался въ привѣтствіяхъ, благодарилъ за честь и просилъ садиться.

Заплативъ деньги и расписавшись въ книгѣ, Д*** спросилъ секретаря о томъ, сколько онъ получалъ жалованья, распрашивалъ о его житеѣ-бытѣ, и наконецъ желалъ знать, его ли коляска?

Секретарь считалъ необходимымъ придать себѣ болѣе важности и отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ сдѣлайте одолженіе, подарите мнѣ на память вашу коляску, а я отдарю васъ этой каретой, сказалъ Д***, и подвелъ секретаря къ окну, изъ котораго видна была стоявшая посреди двора великолѣпная карета, обитая бархатомъ и убранныя стразами. Колеса были ярко вызолочены.

Секретарь обезумѣлъ отъ радости. Карета стояла, на взглядъ, по-крайней-мѣрѣ до десяти тысячъ.

— Я за счастье почту сдѣлать угодное вашему превосходительству, сказалъ секретарь, и имѣть отъ васъ, что-либо на память.

— Только съ уговоромъ, возразилъ Д***, чтобъ вы сейчасъ же приказали запретъ вашихъ лошадей въ карету, и сѣхали со двора. Я буду смотрѣть изъ кабинета. Если же черезъ полчаса вы не уѣдете со двора, то карета опять останется у меня.

— О! непременно, ваше превосходительство! вскричалъ секретарь и, выбѣжавъ на крыльцо, приказалъ кучеру какъ можно поскорѣе перепречь лошадей въ карету и подѣхать къ крыльцу. Когда кучеръ отирегъ лошадей изъ колески, ее тотчасъ увезли, по приказанію Д***, на задній дворъ. Д***, раскланялся съ секретаремъ и ушелъ въ кабинетъ, между тѣмъ какъ закладывали карету.

Секретарь стоялъ на крыльцѣ въ полномъ восторгѣ.

Когда кучеръ заложилъ лошадей въ карету, то вскочилъ на козлы, и тронулъ вожжами... лошади дернули: карета ни съ мѣста.

Онъ взмахнулъ кнутомъ... лошади дернувшись сильнѣе... карета ни съ мѣста.

— Что это сдѣлалось съ твоими лошадками? закричалъ съ досадою секретарь; ударь ихъ хорошенько кнутомъ.

— Что за оказія? ворчалъ кучеръ, слѣзъ съ козелъ и пошелъ осматривать карету. Потомъ громко расхохотался.

— Чему ты тамъ смѣешься, дуралей?

— Да какъ не смѣяться, сударь!.. хорошъ подарокъ!.. ха, ха, ха!.. тутъ надо не пару, а сотню лошадей.

— Что ты врешь!

— Карета-то чугунная, баринъ! Эка штука, подумаешь! Чего народъ не выдумаетъ... Ахъ, ты Господи!.. говорилъ кучеръ, смотря на карету и покачивая головою.

Секретаря обдало холодомъ.

— Какъ чугунная?... То есть... ты... по... не можетъ быть!

— Конечно, чугунная, посмотрите сами!

Секретарь пошелъ осматривать. Кучеръ говорилъ правду: карета дѣйствительно была чугунная.

Тягостно было разочарованіе секретаря. Отступившись отъ тяжелаго подарка, онъ просилъ, чтобы ему возвратили коляску; ему отвѣчали, что по приказанію Д***, она уже изрублена на дрова. Секретарь желалъ переговорить съ богачемъ; ему отказали, и онъ горестно поплелся домой пѣшкомъ, провожаемый кучеромъ, который велъ за нимъ лошадей въ поводу.

Всѣ надъ нимъ смѣялись и онъ два года служилъ безъ жалованья, уплачивая за коляску своему начальнику.

П. З.

ВАЗЕЛЬ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

..... Нельзя ничего вообразить себѣ прелестнѣе мѣстоположенія Базеля и окрестностей его. Подъѣзжая къ этому городу, по дорогѣ изъ Великогерцогства Баденскаго, я приказалъ кучеру остановиться, вышелъ изъ коляски и долго, съ наслажденіемъ, съ восторгомъ, любовался очаровательными видами...

Тамъ, гдѣ на теченіи своемъ изъ верхнихъ Альповъ Рейнъ становится наиболѣе судоходнымъ, омывая нѣмецкій, французскій и швейцарскій берега, лежитъ Базель, — почти на возвышеннѣйшей точкѣ очаровательной равнины, далеко пролегающей между Юрой, Шварцвальдскими и Вогезскими горами. На югъ и востокъ отъ города лежатъ Швейцарія, на западъ границы Франціи и, наконецъ, на правомъ берегу Рейна Великогерцогство Баденъ.

Я не могу довольно налюбоваться всеми чудесами богатой, роскошной, но вѣстѣ строгой и величественной швейцарской природы. Правда, я былъ не одинъ... и послѣ перваго вѣснаго восторга ямогъ поддѣляться впечатлѣніями, произведенными на меня ливнымъ видомъ... и можетъ быть, Цшокке правъ, когда говоритъ:

«Миръ вездѣ одинаковъ: не дуренъ, и не очарователенъ; онъ есть безвѣстная картина, которую наша душа сама должна покрыть надлежащими красками. Мы сами даемъ жзнѣ и прелесть миру... и расположеніе нашего сердца есть вол-

«тебная сила, которая можетъ превратить пустынную, дикую степь въ земной рай.»

Можетъ быть, Цшокке и правъ, но такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о тогдашнемъ расположеніи моего сердца, то...

Базель лежитъ въ умѣренномъ климатѣ; холодъ въ 12—15 градусоу въ жаръ, въ 25 градусоу, считаются тамъ большою рѣдкостью. Роскошно произрастаютъ тамъ виноградъ, благородные плоды и разнаго рода хлѣбныя растенія. Многочисленные источники чистой, прозрачной воды и превосходные водопроводы, окружающіе городъ, пользовались извѣстностію еще во времена Римлянъ. По наблюденіямъ геологовъ, образованіе слоевъ базальской земли есть слѣдствіе «продолжительной борьбы элементовъ и значительныхъ земныхъ переворотовъ.» — Базель лежитъ подъ 47° 35' северной широты и 25° 19' южной длины, занимаетъ пространства около 8¼ квадратныи миль, на конхъ находится отъ 23,500 до 24,000 жителей.

Рейнъ раздѣляетъ городъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ лежалая на правую сторону рѣки называется *Меньшимъ*, а по лѣвую *Большимъ-Базелемъ*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я уже былъ въ Базелѣ... не смотря на то, теперь почти не узналъ его. Онъ уже не имѣетъ прежняго стараго, негостеприимнаго, мрачнаго вида имперскаго города; со дня на день онъ становится всеелѣе и свѣтлѣе. Не смотря на все желаніе не разсердить господъ художниковъ, называющихъ варварами господъ домохозяевъ, держащихъ чинить, покрашивать и перестраивать разваливающіеся дома свои, мы должны сказать, что эта самая дерзость придаетъ тенерешнему Базелю болѣе чистенскій, пріятный видъ. Остался одна средне-вѣковая форма зданій, узкія, ровныя, угловатыя улицы и переулки, по рѣдко гдѣ можно встрѣтитъ тотъ чудный, *экзотическій* колоритъ, который прованцы осмѣиваются называть... грязью!

Но къ большому прискорбію господъ художниковъ туристовъ, мы должны открыть, что злодѣи домохозяева не довольствуются перекрашиваніемъ своихъ домовъ; они срываютъ ихъ, и на томъ же мѣстѣ воздвигаютъ огромныя, великолѣпныя зданія, какъ бы по полшебному мановенію перенесенныя туда съ Невскаго проспекта или изъ Большой Морской!

Замѣчательна необщественность и недоступность жителей Базеля. Дозаказательствомъ расположенія къ семейной жизни ихъ можетъ служить весьма умѣренное число гостиницъ и трактировъ. Между первыми замѣчательна гостиница *Трехъ Королей*, громадное, великолѣпное, новейшее зданіе въ четыре этажа.

• Между старинными, вполне сохранившимися зданіями заслуживаетъ особенное вниманіе готическая соборная церковь (*der Münster*). Хотя эта церковь и не можетъ стать на ряду съ другими славными памятниками германской готической архитектуры въ отношеніи къ общему виду ея, но тѣмъ замѣчательнѣе она по множеству отдаленныхъ украшеній, шумливыхъ, какъ по изобрѣтенію, такъ и по исполненію своему. *Мюнстеръ* этотъ выстроенъ въ одиннадцатомъ столѣтіи. Въ 1256 году соборъ этотъ значительно претерпѣлъ отъ пожара, а въ 1556 году отъ сильнаго землетрясенія, во время котораго обвалился въ церковь хоры. — Оудный наблюдатель легко замѣтитъ, что соборъ этотъ достроивался и перестраивался въ различныя времена. Тамъ и сямъ къ готическимъ формамъ его примѣшивается византійскій стиль. Двѣ башни, высіяшіяся одна на 205, другая на 200 футовъ, выстроены въ готическомъ вкусѣ. Одна называется башней св. Георгія, по барельефу, на портикѣ, представляющему этого святаго; а другая башней св. Мартина, также по барельефу, находящемуся на портикѣ.

Во внутренности исторически замѣчательны хоры, какъ главное мѣсто засѣданій церковныхъ соборовъ въ 1431—1448 годахъ; каедрa, высѣченная изъ одного камня, купель и органъ. Еще замѣчательны гробницы: Эразма-Роттердамскаго, императрицы Анны, супруги Рудольфа Габсбург-

скаго, сыновей ея Гартманна и Карла, и другихъ.

Изъ сырыхъ, холодныхъ, мрачныхъ своловъ Мюнстера я вышелъ на площадку, высоко лежащую надъ протекающимъ у подножія ея Рейномъ. Оттуда рѣдкій видъ: взоръ окидываетъ очаровательнѣйшую дальность спиныхъ горъ, болѣе 52 селеній и 11 живописнѣйшихъ разваливъ!

Публичная бібліотека, лежащая не въ дальнемъ разстояніи отъ Мюнстера, служащая въ тоже время картинной галерей и кабинетомъ рѣдкостей, слишкомъ мала, такъ что хранящіяся въ ней сокровища совершенно пропадаютъ. Они до того завалены, что до нихъ рѣшительно нельзя добраться. Осматривая бібліотеку, я невольно пожалѣлъ, что она находится въ жатомъ, неудобномъ домикѣ, а не въ великолѣпной гостиницѣ Трехъ Королей. Впрочемъ, къ чести жителей Базеля должно сказать, что въ послѣднее время и въ теченіе 5 мѣсцовъ собранна сумма, достаточная для сооруженія новаго музея.

Между различными замѣчательными рѣдкостями и древностями университетской бібліотеки, мы упомянемъ о гравюрахъ на деревѣ, изображающихъ *ялку жертвы* Хольбейна, и исполненныхъ сыномъ его, Хансомъ Хольбейномъ, младшимъ, отецъ котораго, знаменитый живописецъ, переселился изъ Аугсбурга въ Базель. Хансъ родился въ этомъ городѣ въ 1498 году. Хотя Френки, которыми Хольбейнъ украшалъ многіе дома въ Базелѣ, давно исчезли, но объ немъ самыя сохранились многіе анекдоты.

Однажды Хольбейнъ расписывалъ фасадъ аптеки. Это было въ самыя жаркіе дни іюля мѣсяца. Хольбейнъ хотѣлъ работать прилежно, но не могъ. Иотъ катилъ съ него градомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аптеки была гостиница. Хольбейнъ отеръ потъ съ лица, положилъ паплетру, слѣзъ съ лѣсовъ и пошелъ въ гостиницу освѣжиться. И точно, тамъ было прохладно, вино вкусное, компанія веселая. Мейстеръ Хансъ засидѣлся въ гостиницѣ, и когда хотѣлъ воротиться на работу, то было уже темно.

На другой день, тоже жарко, а въ трактирѣ опять прохладно и вино по прежнему вкусное, и компанія по прежнему веселая.

На третій день дождь; Хансъ хотѣлъ обожать его и зашелъ въ трактиръ; но дождь скоро прошелъ, а мейстеръ Хансъ изъ гостиницы не выходилъ.

Хозяинъ дома, видя, что работа подвигается такъ медленно, или, лучше сказать, совсѣмъ не подвигается, разсердился, и, узнавъ о причинѣ этой остановки, пошелъ въ трактиръ. День былъ жаркій. Мейстеръ Хансъ освѣжался.

— Мейстеръ! — закричалъ хозяинъ; — скоро ли вы кончите работу?

— Скоро, — хладнокровно отвѣчалъ Хольбейнъ, и подвинувшись къ край скамьи, продолжалъ: — присядьте-ко съ нами, хозяинъ, да выпейте стаканчикъ чудеснаго рейнвейну.

— Тутъ не о рейнвейнѣ дѣло, а о томъ, скоро ли вы кончите работу! — Вотъ, я уже нѣсколько дней не застаю васъ на мѣстѣ, и живопись оставалась!

— Не останавливаясь, хозяинъ, отвѣчалъ Хольбейнъ, — я подмалеваю.

— Знаю я, какъ вы подмалеживаете!.. Послушайте, мейстеръ Хансъ, я плачу вамъ не для того, чтобы вы цѣлый день плясывали; слышите ли? Я плачу вамъ наличными деньгами за то, чтобы вы всякою хорошо живописью мой домъ разукрасили. Слышите ли?... Кончайте скорѣе работу, или я не заплачу вамъ и ирдажу стереть то, что вы до сихъ поръ намарали.

— Полно, хозяинъ, не сердитесь, я скоро кончу, — отвѣчалъ Хольбейнъ.

Грозныя слова хозяина нѣсколько обезпокоили мейстера Ханса. На другой день онъ радѣе обыкновеннаго взбрался на лѣса и сталъ работать прилежно, а между тѣмъ солнышко пекло его, нестерпимая жажда мучила его...

Нѣсколько дней сряду Хансъ работалъ прилежно. Хозяинъ каждый день по нѣскольку разъ подходилъ къ лѣсамъ; посмотритъ вверхъ — мейстеръ Хансъ на мѣстѣ и прилежно работаетъ.

Большой хлебный рынок и Рагуша в Базель.

Однажды, видно день был слишком жаркий, — сам хозяин дома, утѣрившись, что живописецъ сидѣлъ за работой, вошелъ въ гостиницу. Но едва онъ вступилъ въ вторую комнату, какъ остановился съ ужасомъ...

Тамъ, развалившись на скамьи, сидѣлъ перелъ бутылкой рейнскаго вина Хольбейнъ и беззаботно пилъ какую-то пѣсенку!.. Хозяинъ остолбенѣлъ и долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ онъ всплеснулъ руками, крикнулъ и опрометью бросился къ своему дому... Подбѣжалъ, смотреть вверхъ... Хольбейнъ на дѣсахъ... по-крайней-мѣрѣ ноги его висѣтъ внизъ.

Съ суевѣрнымъ страхомъ хозяинъ отскокилъ отъ дѣсовъ и опять побѣжалъ въ трактиръ.

Хольбейнъ и тамъ.

— Мей... мей... мейстеръ Хансъ!.. проговорилъ хозяинъ дрожавшимъ голосомъ: — Вы ли это?

— Какъ видите, — отвѣчалъ улыбающийся живописецъ.

— То есть... гдѣ вы?

— Здѣсь.

— А тамъ?

— Гдѣ?

— На дѣсахъ?

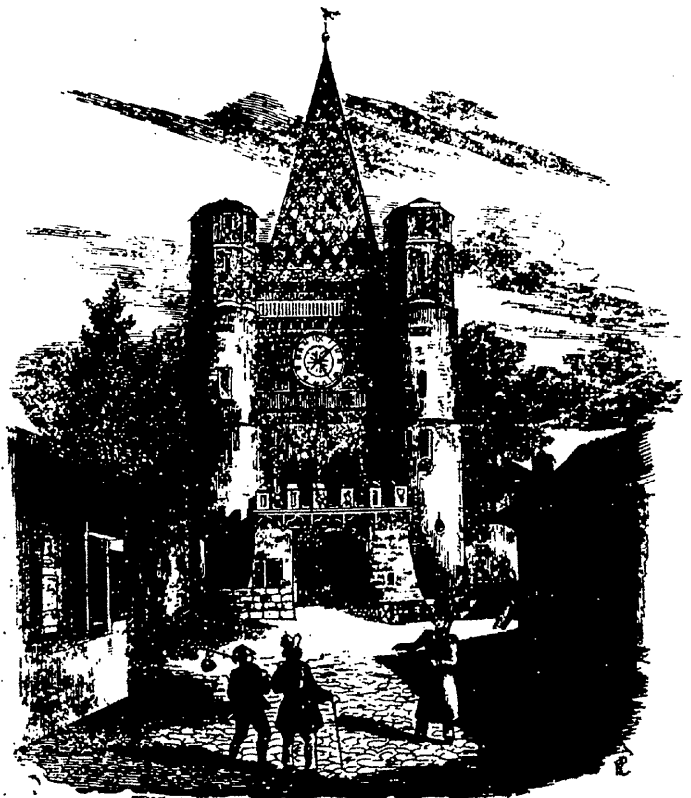
— Я жъ.

— Вы... вы... же!.. Господи, помилуй!.. Да что вы? Чортъ... или колдунъ? вскричалъ хозяинъ.

— Живописецъ, — отвѣчалъ Хансъ, съ владелеснѣе потягивая виццо.

Хозяинъ замолчалъ, покачалъ головой и проговорилъ:

— Попаду допрашивать того!.. опять побѣжалъ къ дѣсамъ.

Шпаленторъ въ Базель.

Соборная церковь въ Базелѣ.

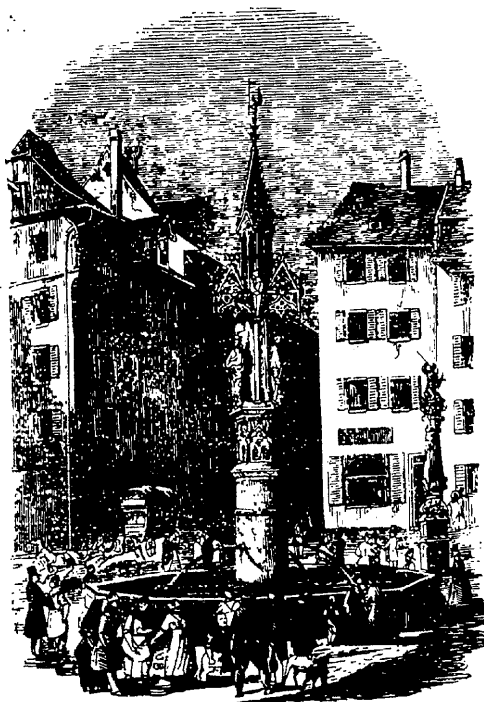
Смотреть снизу... такъ точно, это ноги Хольбейна! Скрѣпя сердце, хозяинъ взбирается на верхъ и о чудо!... тамъ инокго нѣтъ. Онъ опять сходитъ внизъ... глядеть вверхъ... ноги Хольбейна висятъ...

Между тѣмъ около дѣловъ собралась толпа. Хозяинъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и нѣкоторые изъ любопытныхъ стали уже отступать со страхомъ, когда хозяинъ, въ послѣдній разъ взобравшись на верхъ и осмотрѣвшись съ безпокойствомъ, замѣтилъ написанныя на стѣнѣ ноги Хольбейна!.. Прекрасно воспользовавшись перспективой, мастеръ Хансъ, желавшій остаться въ пріязни съ хозяиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣжиться въ трактирѣ, написалъ на стѣнѣ свои ноги и съ такимъ искусствомъ расположилъ тѣни, что обманулъ не одного хозяина, но и цѣлую толпу любопытныхъ.

Эти люди, за минуту пропозносившіе имя Хольбейна съ угрозами, бросились въ гостиницу и на рукахъ вынесли его оттуда, радостно привѣтствуя *своего* живописца...

Но увы! частыя и продолжительныя заведенія въ гостиницѣ повели къ тому, что Хансъ ужасно задолжалъ трактирщику, а платить было нечѣмъ. Но счастью, кто-то посоветовалъ трактирщику заказать Хольбейну картину и тѣмъ доставить ему возможность покончиться.

Мейстеръ Хансъ принялся за дѣло и на самой стѣнѣ общей залы написалъ фреску,

Рыбный рынокъ въ Базелѣ.

который долгое время приводилъ въ восторгъ всехъ жителей Базеля, такъ, что трактиръ этотъ вошелъ въ большую моду. Хольбейнъ не только поквитался съ трактирщикомъ, но даже доставилъ ему огромный доходъ; не смотря на то, неблагодарный, нѣсколько времени спустя, не соглашаясь раздѣляться съ вновь задолжавшимъ живописцемъ, такимъ же образомъ.

Но вотъ однажды является Хольбейнъ въ гостиницу съ кошелемъ, туго набитымъ золотомъ, расплачивается съ хозяиномъ и... уничтожаетъ славный фреску!.. Золото онъ получилъ на путевыя издержки въ Англію, куда приглашалъ его Генрихъ IV и куда онъ добрался, сколько можно было пѣшкомъ, а потомъ черезъ море, по милости капитана, которому понравилась беззаботная веселость живописца...

На рынкѣ въ Базелѣ съ одной стороны находится старинный колодезь, замѣчательный по прекрасной рѣзельной работѣ, а съ другой — ратуша, древнее готическое зданіе, для капеллы котораго Хольбейнъ написалъ превосходную картину, изображающую страданія Христа.

Къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ архитектуры этого города принадлежатъ ворота, называемыя *Шпаленторъ*, съ двумя круглыми, а сверху осмьшугольными башнями. Остроковенная кровля, находящаяся между башнями, покрыта разноцветной, гла-

зурованной черепицей. Звание это существует съ четырнадцатаго столѣтїя.

Между колодцами и фонтанами, которыми Базель, какъ городъ, изобилующій источниками, весьма богатъ, мы упомянемъ о колодцѣ на рыбномъ рынкѣ. Онъ состоитъ изъ круглаго внизу, шестугольнаго вверху столба, надъ которымъ устроена треугольная башенка съ узорчатымъ навесомъ или балдахномъ; по сторонамъ башенки стоятъ статуи св. Богородицы, св. Апостоловъ Иоанна и Петра. Рыбный рынокъ, на которомъ стоитъ этотъ колодезь, не великъ. Прогуливаясь по немъ, я замѣтилъ маленькую, полуразвалившуюся лавочку, окна которой были заколочены досками. Вотъ что одинъ изъ жителей Базеля рассказалъ мнѣ объ этой лавочкѣ...

Но прежде я долженъ просить извиненїя въ томъ, что беспрестанно отступаю отъ главнаго предмета, и по весьма понятной причинѣ: я путешествую слишкомъ скоро, чтобы могъ имѣть прїязнанїя уснаго изсѣдователя; я пишу только о ощущенїи и стараюсь передавать ихъ, какъ умѣю. Правда, я свободенъ, не имѣю никакихъ обязанностей, и могъ бы посвятить болѣе времени на поѣздки своимъ, на изученїе исторїи странъ, по которымъ я путешествую, на изученїе литературы, нравовъ... но въ такомъ случаѣ я бы измѣнилъ свою характеру и своимъ наклономъ. И такъ, не прогнѣвайтесь, тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

И такъ, перелъ выѣздомъ изъ Базеля, я расскажу вамъ исторїю развалившейся лавочки.

Это было давно. На рыбномъ рынкѣ между всеми лавками отличалась одна, чистенькая и опрятная. Она принадлежала рыбаку Конраду, которому всѣ въ Базелѣ и окрестностяхъ его завидовали.

Конрадъ былъ молодъ, хорошъ собою; рыбный промыселъ доставлялъ ему ежегодно до двухъ тысячъ талеровъ, — следовательно, онъ могъ жить спокойно, счастливо,

Окончивъ работы, Конрадъ каждый вечеръ заходилъ по Рейну въ своемъ челночкѣ, расписанномъ разными красками, и игралъ на флейтѣ.

Нельзя описать чуднаго дѣйствїя, производимаго звуками флейты на слушателей, гуляющихъ по берегу... эхо рѣки, холмовъ и горъ вторило мелодической игрѣ Конрада, и каждый вечеръ многочисленныя группы слушателей сходились на берегу, слѣдили за челнокомъ Конрада и съ восторгомъ внимали игрѣ его... Никогда знаменитѣйшіе виртуозы не пользовались такою совершенною, еднородною, неоспоримою славою, какъ Конрадъ, единственный игрокъ на флейтѣ въ цѣломъ Базелѣ.

Слыша со всѣхъ сторонъ похвалы своей игрѣ на флейтѣ, Конрадъ воображалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ первый виртуозъ на свѣтѣ,

— Зачѣмъ, — говорилъ онъ, — похороню я свой талантъ въ этомъ городѣ, гдѣ мною восхищаются, но гдѣ меня понять не могутъ!.. По гению своему я принадлежу цѣлому свѣту. Отправлюсь путешествовать. Прежде всего побываю въ Вѣнѣ; тамъ ждѣтъ меня слава!

Сказано, сдѣлано. Конрадъ продалъ свои сѣти за безцѣнокъ, потому что былъ увѣренъ, что вскорѣ у него не будетъ недостатка въ деньгахъ, и отправился съ флейтой своей въ Вѣну.

Всѣ Базель пришелъ въ отчаянїе. Каждый вечеръ толпы собирались еще на берегу Рейна, но увы!.. все было тихо, не слышно было любимыхъ звуковъ, и жители печально расходились по домамъ.

Между тѣмъ старый органистъ въ Мюнстерѣ скончался. Его замѣнилъ молодой челночкъ... Лишь только онъ въ первый разъ коснулся клавишей органа, какъ всѣ жатеды пришли въ восторгъ... и съ той поры Конрадъ былъ забытъ.

Онъ же прибылъ въ Вѣну, истративъ послѣднія деньги свои. Съ большимъ трудомъ удалось ему устроить концертъ.

Въ назначенный день публика собралась въ залу концерта, слушать прїѣзжаго флейтиста-самоучку. Оркестръ проигралъ увертюру... Конрадъ вышелъ... Онъ заигралъ.

Слушатели съ изумленїемъ посматриваютъ другъ на друга, перешептываются, смѣются...

Конрадъ ждѣтъ рукоплесканїй... Кончается актрїю... и вдругъ громкій хохотъ раздается по залу.

Въ то же время одинъ изъ послѣднихъ, самыхъ плохихъ музыкантовъ въ оркестрѣ, встаетъ и начинаетъ играть арїю Конрада, но съ гораздо большимъ совершенствомъ.

Бѣдный рыбакъ, котораго погубило тщеславїе, долженъ былъ со стыдомъ бѣжать изъ Вѣны. Онъ воротился въ Базель.

— Здѣсь, — думалъ онъ, — меня, по крайней мѣрѣ, слушаютъ съ удовольствїемъ; здѣсь я забуду свой позоръ!

Вечеромъ Конрадъ выѣхалъ на челнокѣ. Эхо вторило мелодическимъ звукамъ нѣжнаго инструмента... Конрадъ игралъ съ душой... онъ презвошеалъ себя... Но увы! На берегу никого не было, а рѣкѣ прохожїе равнодушно внимали чуднымъ звукамъ.

На другой день Конрадъ опять игралъ... по какъ и вчера, никто не приходилъ слушать его.

Наконецъ, къ совершенію несчастїя бѣднаго рыбака, въ Базелѣ узнали о несудачномъ концертѣ его въ Вѣнѣ, и насмѣшки сыпались на бѣднака везѣ, куда онъ посылался.

Въ одинъ вечеръ звуки флейты долѣ обыкновеннаго раздавались на Рейнѣ... потому все умогло и къ утру волны пригнали пустой челнокъ къ берегу...

Съ тѣхъ поръ никто не слышалъ болѣе игры Конрада, и съ тѣхъ поръ окна лавки его заколочены досками...

И. П.—ъ.

ВОЛШЕВНОЕ ЗЕРКАЛО.

Доктора Дн.

Превосходная коллекція художественныхъ произведенїи и рѣдкостей, собранная въ Стрелбри—Глазѣ, Горациемъ Вальполемъ, какъ извѣстно, продана съ публичнаго торга и распозалась по всему свѣту. Между многими любопытными предметами, за которые усердно спорили любители, тамъ было знаменитое волшебное зеркало Доктора Дн (Dee). Это кусокъ каменнаго угла, круглой формы, превосходно отполированнаго, съ ручкой. Оно продано за 12 ф. 12 шиллинговъ, что составило на нашъ счетъ съ небольшимъ 80 р. сер. Эта диковинка находилась прежде въ колекціи графа Петербурга и въ каталогѣ означена съ слѣдующей отыткой: «Черный камень, посредствомъ коего Докторъ Дн вызывалъ духовъ.» Изъ этой гелерепю перешло къ леди Елисаветѣ Жерменъ, потомъ къ Джону, послѣднему герцогу Аржильскому, а внукъ его, лордъ Камбелль, подарилъ зеркало Вальполю.

Авторъ Theatrum Chemicum, Ашмоль, говоритъ объ этомъ зеркалѣ слѣдующее: «Съ помощью этого магическаго камня можно видѣть всѣхъ, кого пожелаешь, въ какой бы части свѣта они ни были, хотя бы они были запряваны въ самые отдаленные покое, или даже въ пещеры, въ нѣдрахъ земли.» Это пишетъ ученый; чему же вѣрили тогда неучные, а сколько ихъ тогда было. Во времена оны были даже должности, для полученїя коихъ требовалось совершенное незнанїе грамматики. Паскъ пишетъ, что при палатѣ счетовъ было штатное мѣсто переплетчика. Избранный кандидатъ, до вступленїя въ должность, обязанъ былъ присягнуть въ присутствїи всѣхъ членовъ Палаты, что онъ не ужѣтъ ни читать, ни писать.

Докторъ Іоаннъ Дн, родился въ Лондонѣ въ 1527 году. Отецъ его былъ виноторговцемъ. Дн учился съ большимъ успѣхомъ, но духъ вѣка увлекъ его; онъ продался судебной астрологїи. Королева Елисавета приняла его подъ свое покровительство. Онъ съ достовѣрностію опредѣлялъ самый счаст-

ливый день для ея коронаціи. Дн написалъ много, весьма полезные трактаты о перемѣнахъ въ календарѣ, объ астрологїи, мореплаванїи, перспективѣ; составилъ описанїе всѣхъ земель, открытыхъ Англичанами и такъ д. Впоследствии онъ свѣзаясь съ обманщикомъ Эдуардомъ Келлейемъ, уѣхалъ съ нимъ въ Германїю и совершенно предался магіи; сталъ заговаривать духовъ, предсказывать будущее, видѣлъ свѣднїе. Когда пашелъ свое знаменитое зеркало, онъ торжественно благодарилъ за него Бога. Въ журналѣ магиковъ, изданномъ въ 1584 г. въ Прагѣ, написано: «Наконецъ небу угодно было нпослать мнѣ горной свѣтъ; это убѣждаетъ меня, что милосердное небо вѣдало мои мольбы, горячїи и постоянныя молитвы.» Вижу, что чистые духи эти два съ «половину года постоянно наставляли меня и дали мнѣ въ руки сокровище такое, о какомъ никто изъ смертныхъ и мечтать не дерзаетъ, потому что они прислали мнѣ камень, цѣнность коего превышаетъ цѣнность всѣхъ сокровищъ земли.»

Невозможно вѣрнть искренности Доктора Дн. Онъ обманывалъ своихъ собратїи, также обманщиковъ, но не столь высокаго класса. Этого рода обманъ, какъ и всѣ другїе, въ прокъ не идутъ. На старости Докторъ Дн впасть въ нищету. Елисавета призвала его въ Лондонъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1608 году. И магія была болѣзнію, а Дн насильственно. Сынъ его, Артуръ Дн, врачъ Карла I-го, продолжалъ примѣру отца и всю жизнь печалъ философскаго камлѣ.

ПУДЕЛЬ НИЩАГО.

Парижъ есть одна изъ столицъ, представляющихъ величайшее разнообразїе по своимъ зданїямъ. Изъ грязнаго, узенькаго переулка, застроеннаго мрачными, грязными домами, выходите на площадь, широкія улицы или гуальбиша, подобныя тому, которое начинается отъ Тюльерїйскаго сада и проходитъ до Елисейскихъ полей. На каждомъ шагу вы невольно останавливаетесь и осматриваетесь съ изумленїемъ, съ восторгомъ. За вами огромная, великолѣпная ограда дворцовъ, на право — дворцы, на лѣво — дворцы; и вездѣ разстѣпны роскошныя массы деревьевъ, смлгчающїя и разнообразяющїя сухость и строгость громадныхъ зданїи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Тюльерїйскимъ садомъ и Елисейскими полями была пустыня, — посѣяли нѣсколько миллионъ и эти изобильныя сѣяныя, голыня на вселкой почвѣ, прислали плоды. Пустыня превратилась въ великолѣпную площадь, освѣжаемую водой, освѣщенную газомъ.

Сквозь безчисленныя просѣки этой обширной панорамы взоръ встрѣчаетъ церкви Магдалины, Палату Депутатовъ, Палату Почетнаго Легиона, Домъ Инвалидовъ или другїя подобныя зданїя.

Вечеромъ, набережныя, бульвары, Тюльерїйскїи садъ, Елисейскїи поля составляютъ одно огромное гуальбище, центромъ котораго площадь Соляная. Эта площадь, общїй видъ которой мы представляемъ нашимъ читателямъ, есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ площадей столицъ всего міра.

Я часто съ восторгомъ останавливался посредъ этой площади и любовался чудными перспективами, простирающимися отъ нея въ все стороны.

Между тысячами гуляющихъ, пересѣкающихъ по разнымъ направленїямъ это пространство, часто волнующееся подобно морю, когда свѣтлое, теплое солнышко вызываетъ на чистый воздухъ варьяныхъ дамъ и бородастыхъ чашечку въ зубахъ, разъ замѣчалъ, у одного изъ газовыхъ фонарей, слѣпаго нищаго, у ногъ котораго лежала собака, державшая деревянную чашечку въ зубахъ. Нищїй былъ старъ; собака молодая; старикъ былъ слѣпъ; на собакѣ красиво вислась бѣлая, чистая шерсть. Старикъ, сообразуясь съ постановленїями полицїи, запрещающей нищенствовать, дер-

жалъ въ рукахъ корзиночку съ странными спичками, которыми старался обратить на себя вниманіе прохожихъ.

Я часто долго смотрѣлъ на нищаго, чтобы видѣть, купитъ ли тотъ одинъ прохаживающій коробочку со спичками, чтобы бросить монету въ чашечку, бывшую въ зубахъ у пуделя; но не замѣтилъ ни разу...

Собаку, какъ я послѣ узналъ, звали Мутонь. Когда хозяинъ ея переходилъ отъ фонарнаго столба къ рѣшеткѣ Тюльерійскаго сада, куда толпами входили дѣти съ мячиками и снабженный прожками и другими снастями, то бѣдный пудель поднималъ голову, пошевелявалъ позвоньями, какъ бы желая насладиться хоть запахомъ съѣстнаго.

Однажды, я по невольному любопытству остановился возлѣ нищаго. Поляя участіе, выразившееся на лицѣ, или по другой какой либо причинѣ, собака весело встала и, пошевелявая хвостомъ, подбѣжала ко мнѣ. Я бросилъ монету въ чашечку, погладалъ красиваго, хотя и сильно пухавшаго, пуделя, и, обратившись къ хозяину его, спросилъ:

— Что, старикъ, ты купилъ этого пуделя?

— Вѣтъ, добрый господинъ, — онъ самъ привязалъ его къ мнѣ. Дѣтъ пять или шесть тому назадъ, въ одинъ ходовой день, я смѣлъ заѣхать и, по обыкновенію, продавалъ спички. Къ вечеру стало еще холоднѣе, и я собрался идти домой, какъ вставал, я замѣтилъ, что нѣчто тяжелое лежало на полѣ моего плаща. То была собака. Полагая, что у нея былъ хозяинъ, я слегка оттолкнулъ ее лапкой и побрелъ домой. На другой день она опять улеглась возлѣ меня. Я побранилъ ее, но не прогналъ. Болѣе, чтобы хозяинъ ея не обвинялъ меня въ томъ, что я сманилъ ее, я не давалъ ей ѣсть. Строгость моя, однако жъ, не испугала собаку. На третій день она опять была возлѣ меня и не уходила, несмотря на сильный холодъ. Я не вытерпѣлъ: отдалъ ей половину моего хлѣба; но не желая скрыть отъ нея положеніе, ожидающаго ее со мною, я обвязалъ ей веревку около шеи и повелъ за собою: она шла охотно. Дойдя до своего уголка, я отпустилъ ее и занеръ за собою дверь. Она провела всю ночь у моей двери, и утромъ, когда я вышелъ, она весело и радостно лая, бросилась ко мнѣ на встрѣчу. Я досталъ изъ дому ошейникъ, надѣлъ его пуделя на шею, привязалъ къ ошейнику веревку... съ тѣхъ поръ мы не расставались и, вѣроятно, не разстанемся. Не правда ли, Мутонъ?

Собака подняла голову и весело зашевелила хвостомъ.

— Какая странная, необыкновенная дружба между этой собакой и этимъ нищимъ! — подумалъ я. Слѣпой гонитъ собаку — она возвращается къ нему; онъ не даетъ ей ни хлѣба, ни убѣжища — она не отстаетъ отъ него. Съ перваго взгляда кажется, будто это не логически. Но есть ли логическая дружба?... Посмотримъ.

Въ пятнадцать лѣтъ въ ямѣ друзей. Въ школѣ мы окружены друзьями. Наступаетъ минута разлуки со всеми этими друзьями. Мы вступаемъ въ свѣтъ. Много, много, если изъ трехъ или четырехъ сотъ друзей, которыхъ мы имѣли въ школѣ, у насъ остаются двое, трое. Отъ прочихъ отдѣляется насъ неравенство состояній, различіе характера и развитіе страстей. Друзья, образовавшіеся въ обществѣ, суть истинно *логическія* друзья. Тамъ не судьба даруетъ намъ друзей, но мы сами выбираемъ ихъ — и уви! эти друзья менѣе искренни, потому что большею частію основаны на расчетѣ. Впрочемъ, что же такое дружба, какъ не постоянный и вѣрный обитъ къ чести, которая мы имѣемъ, на тѣ, которыхъ мы дѣлимъ? Дружба, въ которой съ одной стороны было бы все, а съ другой ничего, невозможно. А потому, чѣмъ люди возвышаются, тѣмъ у нихъ менѣе друзей. У бѣдняковъ всѣ друзья.

Слѣдовательно, въ дружбѣ Мутона къ нищему не было логики, потому что онъ давалъ болѣе,

нежели получалъ. Бѣдный пудель! онъ былъ счастливъ по своему, а между тѣмъ ему чуть не внушили логику...

Вотъ что рассказала мнѣ ищій:

Мутонъ понравился одному иностранцу, у котораго въ петличкѣ были какіе-то иностранные ордена. Этотъ иностранецъ былъ отставной капитанъ, родомъ итальянецъ; онъ рассказывалъ, что долженъ былъ бѣжать изъ отчизны, за слишкомъ вольныя мнѣнія. Его звали Цуккаро. Бѣдность заставила его прибѣгнуть къ довольно странной промышленности, особенно для отставнаго капитана: онъ принялся показывать ученыхъ собакъ. Одна изъ двухъ собакъ, которыхъ онъ привезъ въ Парижъ, околѣла; надо было замѣнить ее.

Цуккаро обѣщалъ весь Парижъ и наконецъ, послѣ долгихъ, утомительныхъ поисковъ, встрѣтилъ Мутона. Какъ человекъ опытный въ своемъ дѣлѣ, онъ тотчасъ понялъ смѣтливость этого пуделя и сталъ торговать его.

Разумѣется, этотъ поступокъ не относится къ чести нищаго, и когда бѣднаго Мутона увозили, онъ безпрестанно оглядывался и жалобно визжалъ, надеясь, что старый хозяинъ опять возьметъ его къ себѣ. Ищій страдалъ, слыша жалобный визгъ Мутона, но... у него въ рукахъ было восемь пятифранковыхъ монетъ! А сколько спичекъ надо продать, чтобы получить сорокъ франковъ!...

Въ тотъ же вечеръ, слѣпой, не пята своего проводника, два раза упалъ прежде, нежели добрался домой. Онъ ушибъ голову и козлюбо.

— Никто не пожалѣлъ обо мнѣ! — жалобнымъ голосомъ произнесъ старикъ, погладивъ Мутона, — и вѣкорѣ я раскасалъ въ своей жестокости. Мною овладѣла невыразимая тоска... Я занемогъ; два мѣсяца не выходилъ изъ комнаты, и въ это время не только истратилъ свои сорокъ франковъ, но еще задолжалъ...

Между тѣмъ Мутонъ не осуществлялъ надеждъ отставнаго капитана: онъ съ упрямствомъ противился желанію новаго своего хозяина обучить его разнымъ штукамъ. Ни примѣры кроткаго товарища, ни пріятности сытнаго и вкуснаго корма, ни угрозы, ни удары не преодолѣли твердой его рѣшимости остаться собакой необразованной. Если ему подавали карты, то онъ зубами рвалъ ихъ на мелкіе клочки; домино онъ грызъ съ бѣшенствомъ; когда ему приказывали танцовать въ заднихъ лапахъ, то онъ преспокойно растлгивался на полу и засыпалъ.

Нѣтъ ничего печальнѣе нашей маіи требовать отъ одной вещи, имѣющей свои достоинства, качества другой вещи. А между тѣмъ мы встрѣчаемъ ее на каждомъ шагу. — Послушайте этого пѣвца, у него голосъ точно флейта! — Какъ, вы еще не слышали игры его на флейтѣ? О, послушайте, его вѣнче, это голосъ человѣческій!...

Смѣшно и жалко!...

Такъ точно мы слышимъ иногда жалобы на иллюстрацію: зачѣмъ она не похожа на ту, или другую газету?... Затѣмъ, господа, что иллюстрація останется вѣрною своему направленію, своимъ идеямъ, основаніе которыхъ постепенно упрочивается... Конечно, удачешія могутъ, должны быть, въ иллюстраціи — и будутъ. Ризъ не въ одинъ день выстроится. Добросовѣстные противники иллюстраціи будутъ удовлетворены, тѣмъ болѣе, что ихъ немного. Увлеченные, невольные противники вѣкорѣ поймутъ всю пустоту того, что увлекло ихъ, и также приставутъ къ иллюстраціи. Усмирненіе же недобросовѣстныхъ противниковъ не *дорого* стоитъ, по — она не опасна; напротивъ, она даже нужна иллюстраціи, потому что.

Невѣжда похваля малѣйшей не умаляетъ, И то не похвала, когда невѣжда хвалитъ.

Но мы замѣчаемъ, что изъ одной крайности попали въ другую: отъ собаки къ недобросовѣ-

стнымъ противникамъ иллюстраціи. Впрочемъ — les extrémités se touchent, а потому возвратился къ Мутону.

Пудель, наконецъ, до того надоѣлъ капитану Цуккаро, что тотъ съ досады прибилъ его и прогналъ. Читатели сами догадываются, куда отправился нашъ Мутонъ: прямо къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно стоялъ или сидѣлъ хозяинъ его. Но слѣпца тамъ не было. Собака побѣжала къ квартирѣ его...

Не стану описывать свиданія нищаго съ вѣрной собакой...

Выздоровѣвшій старикъ дрожавшею рукою схватилъ чашку съ бульономъ, стоявшую на столѣ, и не находя ничего другаго, чѣмъ бы выразить свою признательность, подалъ ее Мутону.

Прошло нѣсколько дней. Старикъ выздоровѣлъ и опять занялъ прежнее мѣсто свое, вмѣстѣ съ добрымъ и вѣрнымъ пуделемъ.

Я съ большимъ участіемъ слушалъ рассказы нищаго, погладилъ Мутона, положилъ ему на ушки монету въ деревянную чашечку и удалился.

На другой день я уѣхалъ въ одно изъ ямѣй, лежащихъ въ окрестностяхъ Парижа, и пробылъ тамъ три недѣли, до конца юлія. Возвратившись въ Парижъ, я невольно отправился на площадь Согласія, чтобы повидаться съ ищшимъ. На углу, возлѣ самаго моста, собралась толпа. Это обстоятельство подстрекнуло мое любопытство и я пробрался, не безъ труда, въ середину толпы.

Какое печальное зрѣлище поразило взоръ мой!.. Бѣдный слѣпцѣ, рыдая, держалъ на рукахъ своего Мутона. Полицейскіи служители отравили его. Боже мой!... отравили собаку слѣпаго нищаго!...

Пудель хрипѣлъ и только изрѣдка отвѣчалъ на ласки своего хозяина, слегка шевеля хвостомъ. Слѣпой, рыдая, обращался къ растроганной толпѣ и съ наивнымъ краснорѣчіемъ описывалъ прекрасныя качества и привязанность своего товарища. Онъ говорилъ о немъ, какъ о сынѣ, какъ о единственной своей надеждѣ; онъ утѣрлялъ, что Мутонъ якого въ жизнь свою не укуспалъ, онъ не испугалъ ни одного ребенка!... Не смотри на то, его отравили!...

— О! возвратите мое жизнь, и я готовъ отдать... Старикъ не договорилъ: онъ вспомнилъ, что онъ ищій.

Деревянная чашечка была раздавлена ногами любопытныхъ; спички, смятенное богатство старика, были разбросаны по мостовой... старикъ продолжалъ жалобно стонать...

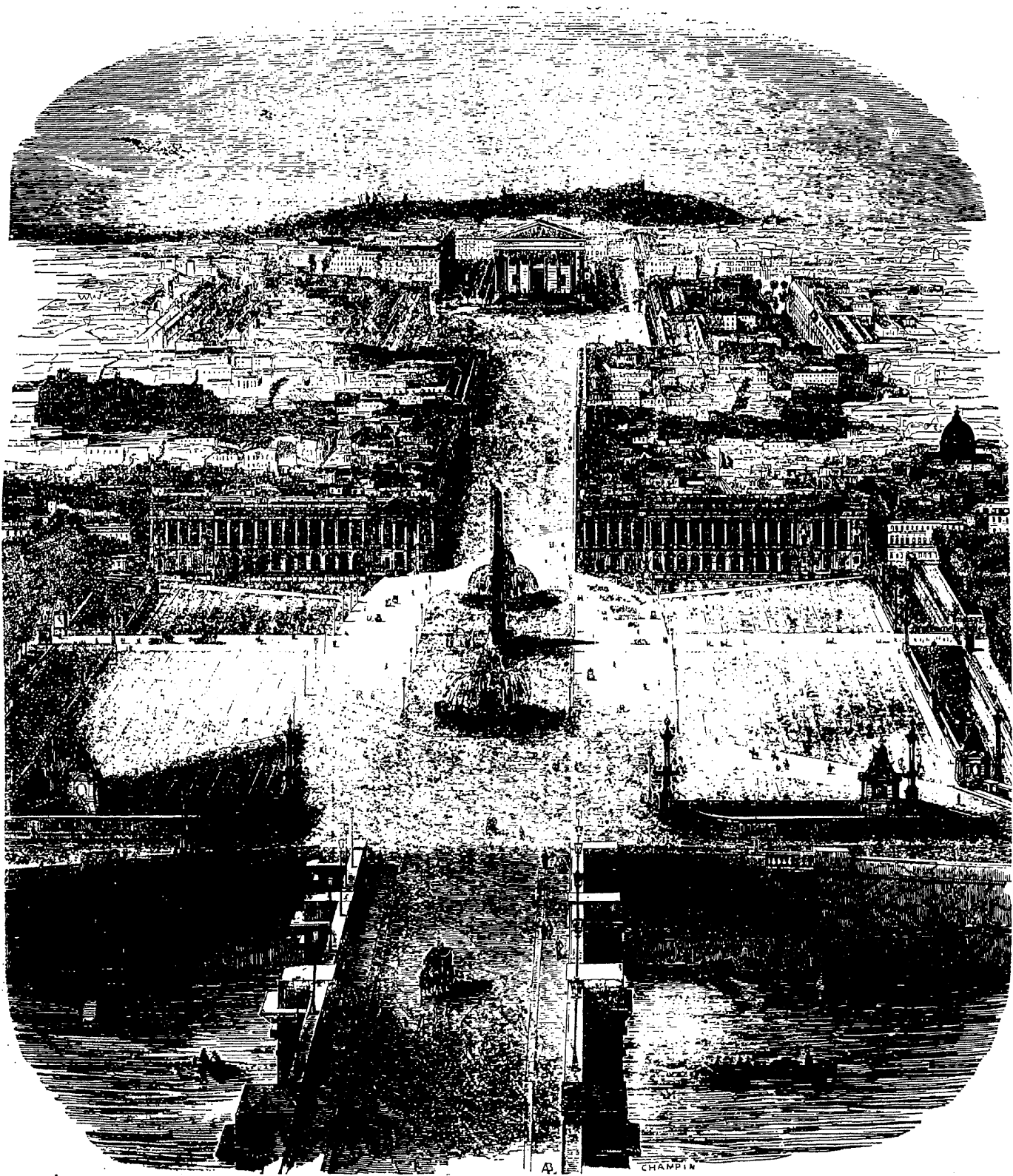
А день былъ прелестный, небо чисто голубое; фонтаны бросали вверхъ воду, осыпанную бриллиантовыми искрами; толпы разряженныхъ дамъ и мужчинъ прогуливались, весело разговаривая и смѣясь; великодушные экипажи, развѣзая по разнымъ направленіямъ, глухо стучали по мостовой...

И въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло этия счастливанцы до бѣднаго нищаго, плачущаго надъ отравленною собакой своей!...

Мутонъ совсѣмъ закрылъ глаза; онъ тяжело дышалъ, парѣнка судорожно вздрагивая и какъ бы насильно желалъ преодолѣть охватывшую нѣтъ смерть... А ищій все стоналъ, все рыдалъ... обвиняя своего друга. Вдругъ ищій почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ Мутону и громко, жалобно закричалъ; онъ подумалъ, что у него хотѣтъ отнять вѣрную собаку, и крѣпче обнялъ ее.

— Не мѣшай, старикъ, сказалъ кто-то въ толпѣ, — это лекаръ.

Лекаръ этотъ былъ одинъ изъ молодыхъ людей, присланныхъ Мехмедомъ-Али изъ Александріи въ Парижъ, для обученія медицинѣ. Врядъ ли бы какой пибудь извѣстный, опытный докторъ остановился возлѣ большой собаки нищаго. Молодые люди, не имѣющіе ни извѣстности, ни состоянія, сострадательны, потому что они сами еще страдаютъ.

Площадь въ Парижѣ.

Лекарь наскоро написалъ что-то на лоскутѣ бумаги, и одинъ изъ зрителей этой трогательной сцены, скоро побѣжалъ въ сосѣднюю аптеку.

Нѣсколько минутъ спустя онъ воротился со стеклянкой, наполненной жидкостью. Лекарь вложилъ счастливое противоядіе въ ротъ собаки... съ нею сдѣлались страшныя судороги, она приподнялась... опять упала... видно было, что она боролась съ усиливавшеюся тошнотою, и вскорѣ яды, не успѣвшій еще распространиться во внутренности собаки, вышелъ наружу. Потомъ ее напои-

ли водой, и она, мало по малу, стала приходить въ себя.

Мутонъ былъ спасенъ.

Когда нищій услышалъ легкій, радостный лай своей собаки, когда онъ почувствовалъ, что она прыгала уже около него, то дрожащими руками сталъ искать своего благодѣтеля...

— О Боже мой! Боже мой!... вскричалъ онъ, когда нищій подалъ ему руку: — Боже мой! Зачѣмъ я слѣпъ!...

Потомъ, не находя словъ, чтобы выразить свою признательность, онъ опустилъ дрожащую руку въ карманъ и вынулъ оттуда коробочку со свѣчками, которую вложилъ въ руку своего благодѣтеля...

П—ис.

БУФФЕ.

Это было во время французской революции. Не смотря на ужасы того времени, никто Доаенз, страстный приверженец Мельпомены, устроил театр. У Доаена был декоратор, добрый и честный отец семейства, который, не смотря на свою привязанность къ театру, не хотѣлъ, однако жъ, чтобы дѣти его сдѣлались актерами, почему и отдалъ сына своего въ обученіе къ ювелиру. Сынъ этотъ былъ мальчикъ худощавый, но живой и остроумный. Не смотря на запрещеніе отца ходить въ театръ, мальчикъ этотъ горѣлъ желаніемъ побывать на представленіяхъ Доаена; а такъ какъ упрямство, настойчивость, есть одно изъ первыхъ качествъ дѣтей, то онъ достигъ своей цѣли, и вскорѣ познакомился, сначала съ залой зрителей, потомъ и со сценой. О! тогда честолюбіе его было сильно возбуждено: сначала онъ самъ рукоплексалъ, а потомъ захотѣлъ, чтобы и ему рукоплексали.

Въ мастерской ювелира, у котораго учился, онъ думалъ, мечталъ во снѣ и на яву только о театрѣ.

Въ одно прекрасное утро онъ бросилъ все инструменты, ушелъ изъ мастерской и явился въ театръ. Тамъ онъ повѣрилъ Доаену свои мечты, свои желанія. Директоръ испыталъ молодого человека, изумился, замѣтивъ прекрасный дарованіе его, и съ тѣхъ поръ сдѣлался тайнымъ сообщникомъ его.

Нѣсколько времени спустя, совѣтъ неожиданно, сынъ декоратора явился на сценѣ... Никогда еще публика театра Доаена не видала болѣе даровитаго актера; во все время представленія раздавались одобрительныя восклицанія и громкія рукоплексанія... По окончаніи спектакля директоръ обилалъ новичка и предсказалъ ему славную будущность на поприщѣ драматическаго искусства.

Отецъ сначала противился, но рукоплексалъ, раздававшійся при каждомъ появленіи молодого человѣка на сценѣ, наконецъ смягчилъ его, — и нѣсколько времени спустя, на ашштъ впервые появилось имя новаго актера — Буффѣ.

Съ тѣхъ поръ извѣстность Буффѣ возрастала со дня на день. Это одинъ изъ рѣдкихъ актеровъ, которые доводятъ зрителей до слезъ — отъ смѣха или отъ состраданія. Онъ съ удивительнымъ, неподражаемымъ искусствомъ умѣетъ передать семейныя радости, горести стариковъ, которыхъ

Г. Буффѣ.

онъ играть съ откровенною прелестью и непритворнымъ чувствомъ; онъ производитъ ужасное впечатлѣніе на зрителей, когда доходитъ до развитія сильныхъ страстей, какъ напригѣръ, скуности; онъ милъ, ловокъ, забавенъ, остроуменъ въ роляхъ уличныхъ мальчишекъ... впрочемъ, все качества Буффѣ перечислить трудно. Не смотря на комизмъ игры его, въ ней преобладаетъ глубокое, неподдѣльное чувство.

Публика восхищается имъ, любитъ и бережетъ его. Критика слогомъ и давно уже провозгласила его первымъ высоко-комическимъ актеромъ, и слава Буффѣ не угаснетъ до тѣхъ поръ, пока... потомки наши не провозгласятъ новаго актера, который, по мнѣнію оныхъ, будетъ славнѣе.

КІЕСЬ.

(Продолженіе.)

часть третія.

Едва ослабительное солнце подылось надъ спящими горами земли Кафровъ, какъ веселая толпа бозровъ, на сильныхъ и ловкихъ коняхъ, выѣхала изъ жилищъ Маркъ-Диркуса. Эти всадники, самые богатые и варяные жители той страны, обратились, на какомъ нибудь европейскомъ столѣнномъ бульварѣ, такое же вниманіе на себя, какъ и въ Аѳрику, только по діаметрально противоположнымъ причинамъ. Роскошный костюмъ ихъ состоялъ изъ куртки, сшитой изъ грубаго, домашняго сукна; полосатасо-желта и грубой бумажной рубахи, съ голубыми полосками; изъ короткихъ панталонъ, сдѣланныхъ изъ недубленой телачьей кожи, и на коблѣхъ связанныхъ ремнемъ съ большими сѣроватыми или желтоватыми шерстяными чулками. Прибавьте къ этому бумажный плащъ яркаго цвѣта, въ видѣ веревки обвязанный около шеи; огромные башмаки, подбитые гвоздями и украшенные мѣдью и пряжками; старыя, поношенные войлочныя шляпы съ широкими полями — и вы будете имѣть вѣрное понятіе о

фешьонеблѣхъ окрестностей Мыса Доброй Надежды.

Нѣсколько дамъ, также сдѣвшихъ на легкихъ коняхъ, которыми онѣ управляли очень ловко, не отличались ни болѣе роскошными, ни болѣе красивыми нарядами. На молодыхъ и старыхъ были одинакія шляпы съ широкими полями, платя изъ грубой бумажной матеріи, шерстяныя чулки, башмаки изъ кожи антилопы, и ни одного клѣнода, ни одной драгоценности.

Не смотря на эту, нѣсколько грубую простоту, нѣкоторые изъ нихъ были очень малы и любезны.

Между всѣми дамами, одна, самая молоденькая и хорошенькая, а именно Жени Принстло, была понаряднѣе другихъ, то есть, вмѣсто тяжелыхъ, неуклюжихъ войлочныхъ шляпъ, у нея была соломенная, изъ поля которой висѣла на плечи прелестьные черные волосы ея. По самое удивительное то, что у каждой изъ этихъ дамъ у сѣла висѣлъ блестящій карабидъ, который онѣ, въ случаѣ надобности, противу львовъ или или бешесмевовъ, умѣли дѣйствовать очень искусно.

Въ дикихъ странахъ, населенныхъ хищными звѣрями и черными людьми, еще болѣе хищными, гдѣ весьма малочисленные поселенцы обитаютъ въ жилищахъ, отдаленныхъ одно отъ другаго на нѣ-

сколько лье, гдѣ хозяйва должны предохранять себя не только отъ нападеній львовъ и Кафровъ, но даже отъ нападеній собственныхъ своихъ невольничковъ, все члены семьи, не исключая и женщинъ, должны быть въ состояніи помогать другъ другу въ случаѣ опасности. Вотъ почему хорошенькія женщины и дѣвочки, о которыхъ мы упоминали, умѣли такъ ловко управлять лошадей и лошадей въ бешесмена пулей, на разстояніи ста пятидесяти шаговъ.

Я считаю излишнимъ сказать вамъ, что и мужчины были вооружены. Карабины, или лучше сказать, длинныя ружья, съ которыми бозры ходятъ на охоту за тиграми, слонами и невольничками, гораздо болѣе нашихъ обыкновенныхъ военныхъ ружей, и въ нихъ можно опустить пулю въ двѣ съ половиною унціи вѣсу, вылитую изъ двухъ унцій свинца и полу-унціи олова; отъ этой амальгамы онѣ дѣлаются тверже и не сплюскиваются о кости огромныхъ животныхъ. Отъ этого происходить, что ружья слишкомъ тяжелы и что на лошади ими прицѣливаться нельзя. Когда охотникъ, арсѣдующій носорога и Готтентага, догоняетъ его, то разомъ останавливаетъ своего коня, соскакиваетъ съ него, перекидываетъ поводья черезъ руку, ставится на одно колено, упираетъ ружье на подставку, прицѣливается къ нему, прицѣливается, стрѣляетъ

и поспешно вскакивает на лошадь, чтобы бжать, если враг не убить, или чтобы преслдовать его даље, если онъ только раненъ. Люди и лошади такъ привыкли къ подобной охотѣ, что все дѣлается съ неизвѣрною быстротою.

Наши всадники ѣхали весело, опустивъ поводья, точно будто бы отправлялись на прогулку. Готтентотскій колдунъ, Палоо, ѣхалъ впереди на быкъ, пріученно ходитъ поль верхомъ, и направляется къ ущелью т'Корка, близъ Сьюбергенскаго лѣса.

Диркъ-Маркусъ и Принстло о чемъ-то съ живостію разговаривали и, вѣролтно, разговоръ былъ занимательный, потому что, не смотря на дурную дорогу, молодые бооры окружили двухъ старыхъ охотниковъ.

— Божусь вамъ, — говорилъ Принстло, — что я считая нашу экспедицію гораздо менѣе опасною, нежели охоту за львами или слонами.

— Въ подтвержденіе вашихъ словъ, — вскричалъ Диркъ, — я долженъ рассказать вамъ одинъ случай, бывшій со мною, когда я былъ еще молодъ. Однажды я старался перейти съ вышнихъ холма, покрытаго кустарникомъ, на другую сторону, потому что я находился въ такомъ положеніи, что вѣтеръ былъ отъ меня къ слону, чутьемъ добравшемуся до меня. Вдругъ услышалъ страшный крикъ, раздавшійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за пѣсковою секундою я видѣлъ слона. Хотя я былъ въ то время одинъ изъ лучшихъ дѣланныхъ охотниковъ, но признаюсь, я такъ испугался въ ту минуту, что у меня волосы на головѣ стали дыбомъ; я не могъ ступить шагу, и мнѣ казалось, что меня обливали холодной водою. Вскорѣ я увидѣлъ огромное животное передъ собою такъ близко, что оно могло достать до меня хоботомъ. По счастью, я опомнился и успѣлъ бжать съ такою поспѣшностію, что ноги мои едва касались земли. Слоно не отставалъ отъ меня; наконецъ я достигъ лѣса и пробрался въ чашу, куда животное не могло послѣдовать за мною. Въ первую минуту страха я не догадался выстрѣлить въ него, а когда опасность миновалась, то я слишкомъ усталъ и былъ раздешенскъ, что забавился отъ бѣды, а потому не хотѣлъ снова вступить въ бой.

Вѣе засмѣялся при наивномъ разсказѣ Маркуса о страхѣ, который онъ ощутилъ въ то время.

— Я могу вамъ представить примѣръ такого же страха, — сказала Яковъ Кокъ, — и то, что со мною случилось, можетъ доказать нашимъ молодымъ людямъ, что не смотря на всѣ толки, левъ трусъ и никогда не нападетъ прямо на непріятеля, который въ состояніи защититься, развѣ уже обстоятельство его къ тому принудитъ. Прогулывая однажды по пшѣню своему съ заряженными ружьями, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго льва. Такъ какъ я поспѣшно стрѣляю, то и разсчиталъ, что леву не миновать моей пули и — выстрѣлилъ. По несчастію, я забылъ, что ружье мое было давно заряжено и что пороховъ могъ отсырѣть. Такъ и случилось. Испугавшись, я пустился бжать со всѣхъ ногъ, но вскорѣ запыхался и усталъ до того, что у меня подкосились ноги. Между тѣмъ левъ все слѣдовалъ за мною; выбившись изъ силъ, я всколыхнул на кучу камней, оборотился лицомъ ко леву и поднялъ надъ головою ружье, рѣшившись защищаться прибѣгающею до послѣдней крайности. Рѣшительный ли видъ мой испугалъ льва или что другое — не знаю; только онъ внезапно остановился и сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ камневи; я же между тѣмъ не смѣлъ тронуться. Нерезаряжая ружья не было никакой возможности, потому что во время своего бгства я потерялъ пороховницу. Наконецъ, послѣ полчаса жестокаго ожиданія, я увидѣлъ, что левъ сталъ медленно удаляться, безпрестанно оглядываясь; отойдя же на довольно значительное разстояніе, онъ пустился бжать съ изумительною быстротою, какъ бы опасаясь погоня.

— То ли дѣло охота за бешесменами, — ска-

залъ Принстло; — я не впервые пускаюсь на носъ и ни разу не получила даже царапки.

— Расскажите намъ что нибудь объ одной изъ этихъ охотъ! — вскричали молодые люди, которымъ не случилось еще преслдовать бешесменовъ.

— Съ удовольствіемъ, дѣти мои; тѣмъ болѣе, что это научитъ васъ какъ поступать черезъ чащу или два, потому что я уже вижу дымъ отъ огней, разведенныхъ бешесменами; онъ черными клубами возвышается надъ вершинами высокихъ деревьевъ Сьюбергенскаго лѣса. Слушайте же: шесть базровъ и я нуждались въ невольникахъ для обработыванія земли и смотрѣнія за стадами. Мы створились и узнали, что степя жалкихъ дикарей скрываются въ лѣсу на берегу Клейнъ-Фошъ-ривера, мы отправились туда, Но думу мы послали краа ихъ и окружил его, расположившись въ недалекомъ и равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Тогда подавъ сигналъ, выстрѣлилъ въ молодую беременную женщину, шедшую къ источнику за водою. Неожиданный выстрѣлъ до того смутилъ и перепугалъ шайку дикихъ, что только самые неустрашимые изъ нихъ дерзнули обратиться въ бгство. Конечно, мы не удержали ихъ; напротивъ, мы даже были очень рады, что избавились отъ смѣльчаковъ и овладѣли безъ малѣйшаго труда прочими, которые, дрожа отъ страха и испуга, сами отдавались въ наши руки. Мы, однако, выбрали только годныхъ къ работѣ. Что же касается до дѣтей, беременных женщинъ и стариковъ, то...

— Вы отпустили ихъ на волю, сказала Женни, которая вслѣдъ за филлпомъ приближилась къ отцу.

Разговаривая такимъ образомъ, бооры, вслѣдъ за своимъ вожатымъ Палоо, вступили въ узкую долину, всяка каменистую и мѣстами заросшую колючими растеніями, плги которыхъ, загнуты подобно крючкамъ, цѣплялись за платья всадниковъ и безпрестанно заставляли ихъ останавливаться. Растеніе это называется по голландски Walkt sen betje, то есть, *ногиди маленько*. Этотъ проходъ былъ съ обѣихъ сторонъ огражденъ прямоувѣсными скалами. Вскорѣ дорога стала столь затруднительною, столько прелестнѣе встрѣчалось на каждомъ шагу, что бооры стали подозрѣвать колдуня Палоо въ измѣнѣ и приступили къ нему съ угрозами. Они приказали испуганному колдуну сойти съ быка и взобраться на скалу, чтобы найдти другую, болѣе удобоисходимую дорогу, что онъ и исполнилъ. Едва онъ исчезъ асжду огромными кусками гранита, какъ жалобно, отчаянно вскрикнулъ и вслѣдъ за тѣмъ окровавленный трупъ его, цѣпляясь и болѣе и болѣе раздиравая о каменные выступы, упалъ въ проходъ, къ ногамъ бооровъ. Въ то же время раздался рѣзкій свистъ...

Испуганные бооры, въ страхѣ и беспорядкѣ сблизились и окружили бѣднѣшаго, дрожащащаго льва.

— Ахъ, чортъ возьми! — вскричалъ Диркъ-Маркусъ, этотъ свистъ не похожъ на шипѣніе змѣи. Это не то!... Ну, дѣтшки, сомкните ряды и готовьте ружья... Этотъ свистъ не предвѣщаетъ ничего добраго. Ага! вотъ и другой свистъ, менѣе рѣзкій, но за то болѣе понятный; съ этимъ свистомъ я давно знакомъ.

Послѣдній свистъ происходилъ отъ сотни стрѣлъ, пущенныхъ заразъ съ обѣихъ сторонъ прохода и пересѣкавшихся въ воздухѣ. Такъ какъ онъ былъ пущенъ съ большаго разстоянія, и такъ какъ на боорахъ была грубая, толстая одежда, то ни одинъ изъ нихъ не былъ раненъ. Онъ отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами йбудачу, потому что только изрѣдка, и то на одно мпговеніе, изъ за обломковъ скалы появлялись черныя курчавыя головы со сверкавшими глазами.

Бооры посоветовались между собою и, по совету Принстло, рѣшились вернуться назадъ и выйти на открытое поле, отъ котораго они были въ четырехъ или пяти стахъ шагахъ. По-

сва они стали отступать, какъ огромные обломки съ быстротою покатылись со скалы, увлекая съ собою другіе камни, и упали въ ущелье...

Принстло упалъ мертвый съ лошади... Камни раскроили ему черепъ.

Рудольфъ Чемпферъ былъ сброшенъ съ лошади и пораженъ въ шею отравленною стрѣлою, которая и осталась въ ранѣ.

У лошадей Женни, Флипа и Якова были переломлены ноги.

Тогда бооры пришла въ страшный беспорядокъ. Всѣ думали о собственномъ спасеніи; только Диркъ-Маркусъ и двое другихъ охотниковъ рѣшились защищать женщинъ, и пробраться въ открытое поле.

Тамъ они отправили женщинъ домой, а сами мужественно ожидали, чтобы дикари вышли изъ лѣсу. Они надѣялись, что Готтентоты нападутъ на нихъ союкнутой массой, такъ что имъ однимъ выстрѣломъ можно будетъ заразъ убивать по пяти или шести человекъ; но каково жѣ было изумленіе ихъ, когда они увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ разъяренными людьми, которые сѣло нападали на нихъ и преслдовали, не давая имъ времени зарядить, ни даже возможности употребить въ дѣло свои тяжелыя ружья!

Когда бооръ преслдовалъ и одного бешесмена, то за нимъ самими слѣдовали пять или шесть другихъ, и когда онъ обращался къ нимъ, то первый тоже останавливался и пускалъ въ него отравленную стрѣлу. Не смотря на всю быстроту бга лошади, бооръ не могъ ни нагнать непріятеля, ни бжать отъ другихъ, потому что бешесмены бгаютъ такъ скоро, что иногда нагоняютъ газелей и поражаютъ ихъ копытами.

Уже нѣсколько несчастныхъ всадниковъ пали съ лошадей, пораженные стрѣлами дикарей, но слѣва нѣд одного выстрѣла, когда пять или шесть бооровъ, оставшіеся въ живыхъ, рѣшились обратиться въ бгство.

Тогда готтентотскія женщины, бросавшія камни на бооровъ, между тѣмъ какъ мужчины пускали въ нихъ стрѣлы, вышли изъ лѣсу, съ радостными криками.

Тракозія бросилась на шею къ Кіесу, который не протестовалъ мужественно сражаться. Молодой начальникъ, приказавъ своимъ воинамъ преслдовать бооровъ до тѣхъ поръ, пока не убьютъ ихъ всѣхъ до одного, и поручивъ убитыхъ и раненыхъ попеченіямъ женщинъ, взялъ Тракозію за руку и спокойно пошелъ съ нею къ проходу, гдѣ началось дѣйствіе.

— Жена, — сказалъ онъ ей!.. Видѣла-ли ты со скалы блага боора и невѣсту его, лошадей которыхъ мы переломили ноги?

— Видѣла.

— Узнала ли ты ихъ?

— Нѣтъ, Кіесъ.

— Молодой бооръ, Филппъ, сынъ Диркъ-Маркуса, послѣднего хозяина твоего; невѣста его, Женни Принстло, отецъ которой замучилъ сестру мою до смерти въ тлгостной неволѣ. Пойдемъ... Эти молодые люди принадлежатъ мнѣ!

— Другъ мой, — сказала Тракозія съ состраданіемъ безпокойствомъ, — неужели ты хочешь умертвить людей безоружныхъ?

— О нѣтъ! они не умрутъ... по останутся нашими невольниками.

Добрая и кроткая Тракозія не отвѣчала, но она слишкомъ хорошо знала характеръ Кіеса и была увѣрена, что послѣ первой радости, перваго упоенія побѣды, она легко выпроситъ свободу молодымъ людямъ, къ которымъ она инстинктивно привязалась во время своей неволи. И такъ она послѣдовала за мужемъ въ ущелье, не сказавъ болѣе ни одного слова.

(Продолженіе въ среду).

ЕЖЕНЕДЬЛЪНИКЪ.

=

Фельетоны. — Открытіе г. Великопольскаго. — Способъ обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растений. — Железная дорога на кирпичныхъ устояхъ. — Новая библиотека въ Одессѣ. — Благородный пансіонъ въ Кишиневѣ. — Литература: А. П. Михайловскій-Давилевскій. — Е. П. Ковалевскій. — П. И. Гоголь. — Кунецъ Антипинъ. — Музыка, Германия. — Гусль. — Художества: Штербергеръ; Ивановъ, Бруни, Ставассеръ, Рамазановъ. — Выставка.

=

Каждый номеръ иллюстрацій подвергается съвереннымъ и примымъ нападкамъ одной газеты. Событій соотвѣстнаго такому поведенію чувства, гадимъ мы на это безсильное и успѣсное нападеніе; подчасъ смѣемся; не рѣдко хохочемъ, когда, напримѣръ, газета захватываетъ кончакъ, тѣ страницы, гдѣ печатаются объявленія, и съ торжествомъ откапываетъ ошибку, въ объявленной цѣнѣ какой-нибудь книжонки. Умора, да и полно. Этими дразгами наподнять фельетоны — право стыдно; не иллюстраціи подвергается за это насмѣшкамъ и негодованію подписчиковъ. Конечно, недостатокъ опытности, иногда извиняетъ подобную тактику; но за то въ будущемъ это не обѣщаетъ ничего утѣшительнаго, потому что угрожаетъ продолженіемъ дурнаго, направленія. У насъ просвѣщеніе примѣтно возрасло во всѣхъ классахъ. Есть много уже грамотныхъ; всѣ идутъ впередъ, отстаютъ отъ дурныхъ привычекъ; отчего бы не отстать и фельетоннымъ рыцарямъ отъ своихъ приемовъ? Старикъ, напримѣръ, отживая свой вѣкъ, тому трудно и поздно уже исправиться; но литература русская — молодая; ей бы, кажется, и легко и удобно было стряхнуть съ себя эту кору, которую промышленные писатели успѣли покрыть сею въ короткое время. Проклазъ эта язвечина, потому что она не нравится большинству нашей публики, признается болѣзненно и заразителною; преслѣдуется въ порядочныхъ обществахъ, изводитъ поклонниковъ только между большими — невѣжествами. Будемъ надеяться, что благосмысленное большинство, постоянно возрастая, заглушитъ этотъ наносный, не русскій надулъ. Сердце у Русскаго доброе, теплое, расположенное ко всякому хорошему начинанію; отъ громкой славы нашихъ Закавказскихъ подвиговъ оно бѣсится также сильно, какъ отъ ипрнаго подвига гражданина или хозяина, который приноситъ позаву государству, какъ муравей — одно зерно въ свой муравейникъ. За себя мы просимъ: это не гордость; но убѣжденіе, что мы трудимся по доброй совѣсти, по мѣрѣ силъ и возможности, стараемся улучшить въ нашемъ изданіи все, что замѣтитъ сами или укажутъ другіе; но нельзя простить, что тѣ, которые перенечтываютъ чужія опечатки, пишутъ о фонаряхъ 1-го августа и тому подобнымъ любопытнымъ современнымъ явленіямъ, или составляютъ впереди изъ недозрѣлыхъ плодовъ заграничныхъ, не скажутъ слова объ отечественныхъ изобрѣтеніяхъ, обидящихъ для Россіи не маловажную пользу.

Вотъ, напримѣръ, о предпріятіи учрежденнаго въ С. Петербургѣ Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. Это предпріятіе г. майора Великопольскаго съ г. Д. С. С. Бѣлавиннымъ, обращено на себя особенное вниманіе правительства и Вольнаго Экономическаго Общества. Прядильныя растения нѣкогда составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ богатства Россіи. Теперь эта отрасль въ упадкѣ. Способъ г. Великопольскаго обѣщаетъ возвратитъ ей прежнее благосостояніе и даже улучшить его въ мѣрѣ, которую теперь еще и определить трудно. При способѣ г. Великопольскаго можно ожидать слѣдующихъ примыхъ послѣдствій: 1) Изъ конопля, посевия, и вообще прядильнаго растенія, получаютъ вдвое больше холста, нежели лопытѣ получалось. 2) Холстъ будетъ

лучшей доброты, 3) Для разведенія растеній потребуются менѣе земли 4) Писчая бумага много выиграетъ въ прочности и дешевизнѣ отъ употребленія пеньковаго тряпья, котораго вездѣ будетъ вдоволь. 5) Хмѣлевые стебли и крапива перейдутъ въ классъ полезныхъ растеній 6) Холсты будутъ и лучше и дешевле. 7) Уменьшится вредное на здоровье вліяніе отъ мочки и разстилки прядильныхъ растеній. Способъ г. Великопольскаго до того простъ, что г. Максимовичъ, которому г. Великопольскій открылъ свою тайну, въ письмѣ своемъ къ адмиралу П. И. Рикорду, пишетъ, что работа для крестьянина самая обыкновенная, не требующая никакого особеннаго искусства; орудіе самое не хитрое, деревянное; будучи однажды сдѣлано, пойдетъ на долго. — Оградить выгоды учрежденія Товарищества привилегіей, по существу дѣла весьма трудно и едва ли возможно. Самая простота способа повела бы къ безчисленнымъ контрафакціямъ, которыхъ преслѣдовать не было бы никакой возможности. Оставалось придумать другія мѣры. Планъ, предложенный учрежденіемъ, хотя и основанъ на самыхъ добросовѣстныхъ началахъ, но мы опасаемся за его успѣхъ. Желающіе пріобрѣсти право пользоваться новымъ открытіемъ платятъ 20 к. с. съ ревизской души, съ разсрочкою на 10 лѣтъ. И въ этомъ платѣжѣ учрежденіе предоставляетъ льготы и облегченія. Положимъ, что многіе благонамѣренные помѣщики внесутъ охотно эту ничтожную плату; но сколько же будетъ въ такихъ, которые преспокойно будутъ пользоваться правомъ своего сосѣда? Остается пожелать, чтобы ихъ было какъ можно меньше. Подробище объ этомъ важномъ способѣ можно прочесть въ Трудяхъ Вольнаго Экономическаго Общества (N. 4—1845). Статья эта отпечатана и отдѣльно.

Этихъ не кончили статьи нашей о полезной дѣятельности г. Великопольскаго на этомъ поприщѣ. Онъ пріобрѣлъ отъ одного извѣстнаго механика машинный способъ для обдѣлки и бѣленія тѣхъ же растеній, также безъ употребленія химическихъ средствъ, и сверхъ того, занимается оковчаніемъ подробнаго сочиненія о прядильныхъ, воздѣлываемыхъ въ нашемъ отечествѣ, растенійхъ, которое въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Такимъ образомъ, мы теперь накупимъ важнаго изобрѣтенія въ государственномъ хозяйствѣ, съ убѣжденіемъ въ огромной его пользѣ, и съ опасеніемъ за одніе только выгоды Товарищества. Дай, Богъ, обмануться только въ насмѣляемъ.

Мы слышали еще о другомъ предложеніи, которое, кажется, также обѣщаетъ не маловажные выгоды для внутренней промышленности и торговли. Это железная дорога, укрѣпленная на кирпичныхъ устояхъ, по которой могутъ ad libitumъ возить лошади и пары. Мы еще не познакомились съ подробностями, которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. Для Россіи всякое облегченіе въ сообщеніяхъ, цѣлебное, благотворное средство къ умноженію ея благосостоянія. Какъ бы мы желали дожить до того, чтобы съѣзъ въ Петербургъ въ вагонѣ, покатысь по желѣзной дорогѣ, и оцутаться въ Одессѣ.

Одесса живетъ собственною жизнью, сильною, самостоятельною, какъ Петербургъ, какъ Москва; но можно ли предсказать всѣ выгоды, когда эти три города будутъ связаны желѣзными путями. Теперь Одесса прославляется свѣтлыми книгопродавцами гг. Золотова и Тотти за то, что они устроили порядочную русскую библиотеку. Тогда бы могли здѣтъ жители Одессы сами въ Петербургъ и Москву за книгами и людьми; тогда бы пшеница вѣдетъ съ книгой путешествовали по Россіи и оставались гдѣ окажется надобность въ той или другой. Впрочемъ, нельзя не поблагодарить гг. Золотова и Тотти за полезное учрежденіе. Всѣ книги, всѣ учебныя пособія, прекрасное помѣщеніе, отличный порядокъ, сходный цѣны и, въ придачу, билеты на художественную лоторею нашего Общества Художествъ Художниковъ.

У насъ, какъ вы имѣли случай писать, про-

шла уже мода на художественныя лотореи. Раздача билетовъ, къ стыду нашему, идетъ медленно, влою; провинціи не покупаютъ билетовъ, затруднялись тѣмъ, что не знаютъ, какъ получать свои выигрыши. Учредители въ Одессѣ библиотеки приняли доставку выигрышей на себя, и 25 июля билетовъ было разобрано больше половины... Всякое благое начинаніе стоитъ успѣха, — мы искренно того желаемъ гг. Золотову и Тотти, а Одессѣ, чтобы она оснѣно выиграла всѣ 54 выигрыша нашей лотореи.

Говоря о новыхъ учрежденіяхъ, нельзя не упомянуть объ открытіи въ Кишиневѣ новаго пансіона достопочтеннымъ тамошнимъ соборнымъ священникомъ Гурекимъ. Референтъ О. В., откуда заимствуемъ это извѣстіе, справедливо замѣчаетъ, что едва ли это не первый примѣръ въ Россіи, что духовное лицо открываетъ благородный пансіонъ. Это училище помѣщается въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ учредителя, по внутреннему устройству и во всемъ другимъ дѣльнымъ, обѣщаетъ для края пользу, для учредителя искреннѣйшую благодарность всѣхъ ревнующихъ о просвѣщеніи и благомъ воспитаніи въ нашемъ отечествѣ... Литературѣ сдѣлаемо бы съ своей стороны заботиться о возвышеніи благородныхъ наклонностей, о направленіи къ полезнымъ трудамъ, объ очищеніи вкуса, — а что же дѣлаетъ наша литература?..

Должно отдавать литературу, какъ вилъ, отъ печатныхъ книгъ, какъ отъ рода. Печатается много, больше чѣмъ нужно, отъ чего и страждетъ книжная торговля; но утѣшительныхъ явленій очень мало, и тѣ болѣею частью готовятся для журналовъ. Военный нашъ историкъ, подарившій намъ недавно мастерскимъ разсказомъ о Милорадовичѣ, теперь готовится къ печати законченное нѣмъ описаніе войны 1806—1807 годовъ. Е. П. Ковалевскій пишетъ оригинальный (въ истинномъ смыслѣ слова) романъ: Петербургъ днемъ и ночью. Первую часть любители прочтутъ въ сентябрьской книжкѣ Библиотеки для Чтенія и порадуются вмѣстѣ съ нами; Гоголь, говорятъ, окончитъ свою поему Мертвыя Души. Это первая осенняя вѣтвь; а всѣмъ извѣстно, что между литераторами и птицами та разница, что послѣднія улетаютъ, а первыя селятся на зиму. Въ настоящей литературѣ одно пріятное явленіе — это Молитва русскихъ людей, сочиненіе калужскаго купеческаго сына Ивана Антипина; мы передаемъ ее нашимъ читателямъ въ цѣлости; это — обаяніе молитва русскаго народа, общее — и достоиніе:

Нашей молитвѣ вниманіе!
Боже, Царя намъ храни!
Крѣпости, силы и отъзвѣдай,
Дни Его славою на долго вѣчай.
Боже, Царя намъ храни!

Нашей молитвѣ вниманіе!
Боже, Царицу храни;
Здравіе въ грудь Ея обильно пролей,
На счастье палъ, дай дни долгие Ей.
Боже, Царицу храни!

Нашей Молитвѣ вниманіе!
Боже Владыко, храни
Нашу надежду, Наслѣдника намъ,
На счастье и славу нашимъ сынамъ!
Боже, Его сохрани!

Нашей молитвѣ вниманіе!
Сунуть Его исповѣданію,
Боже, своею благодатью;
Въ Ней воскреситъ независимую мѣль
Боже, Марію храни!

Нашей молитвѣ вниманіе!
Боже, Дѣта Царскія храни.
Многия дѣла и счастья подай,
Семейство Царя умножай.
Боже, Царя намъ храни!

П. А. Антипинъ занимается поэзіей давно, какъ любитель, не мечтая объ извѣстности, славы, журнальныхъ похвалахъ; самоучкой слагаетъ свои стихи между дѣломъ, въ утѣху себя, удовлетворяя сердечному леченію; онъ удостоилъ насъ своею довѣренностью и открылъ сокровищ-

нису своего сердца. Мы нашли тамъ много прекрасныхъ стиховъ, много первороднаго чувства, не отравленнаго, не омраченнаго вліяніемъ свѣта.

Упомянуть ли о другихъ произведеніяхъ насущной литературы? Пѣть. Если нельзя о нихъ сказать добраго слова, то лучше молчать; пусть живутъ и наслаждаются жизнью, лишь бы въ нихъ не было ничего вреднаго. — Да и кто поручится, что слабій уже никогда не окрепнѣетъ. Уронить слабого, что за подвигъ?!

Лѣтняя музыка гораздо лучше лѣтней литературы. Наши предсказанія сбылись. Доброе расположеніе публики къ Германну не только не измѣнилось, но возрастаетъ болѣе и болѣе. Музыкальный островъ въ саду его сіятельства графа А. Г. Кушелева-Безбородко всегда полонъ посѣтителями, платящими; материкъ устланъ посѣтителями, не платящими; экипажи на берегу Невы тоже выгодное свидѣтельство. Мы не разъ наслаждались отчетливою, воздушною игрою этого оркестра. Скрипки не рвутъ; духовые сохраняютъ гармоническое равенство съ массой струнныхъ инструментовъ. Случается и трескъ, и прищипъ, но изрѣдка, уместно, для невиннаго разнообразія; но за то можно подуматъ, что это не оркестръ, а инструментъ, на которомъ играетъ одинъ и весьма умный виртуозъ, съ отбѣннымъ вкусомъ, съ художническою отчетливостію. — Въ Павловскѣ та же неутомкающая музыка. Оркестръ Юанна Гунгала даетъ безвѣрными концерты. Мы слышали, что на этой недѣлѣ хотѣли сыграть въ Павловскѣ Маршъ Каравана изъ симфоніи Давида: Пустыня.

Маршъ оркестровалъ нашимъ извѣстнымъ и даровитымъ композиторомъ Ф. М. Толстымъ. Не знаемъ, исполнилось ли желаніе любителей? Мы убѣждены, что услышимъ эту симфонію зимою. Неужели опять придется слушать Requiem Моцарта и пастушескую симфонію Бетховена. Это ужъ было бы примѣрное и приторное постоянство. Эти безсмертныя произведенія могутъ обратиться въ причину совершеннаго охлажденія публики къ полифонической музыкѣ, которую въ послѣдніе годы и безъ того помирала, унижала Италіанская Опера.... Августъ на исходѣ. Прости, небывалое лѣто! Пора въ городъ! За лѣтнія страданія насъ утѣшить, вознаградитъ осень. Едва пересвезутъ съ дачъ наши небеса, едва устроитесь на зиму, — рядъ вашихъ удовольствій откроется большою академическою выставкою, которая у насъ бываетъ только разъ въ три года.

До сихъ поръ трудно сказать, какова будетъ эта выставка. Въ Италіи немного нашихъ живописцевъ.... Извѣстія о даровитомъ Штербергѣ не утѣшительны; онъ плохо поправляется въ здоровьи. — Г. Ивановъ, котораго Марія Магдалина произвела въ Петербургѣ такой эффектъ, едва ли пришлетъ что либо на нынѣшнюю выставку. — С. М. Воробьевъ, прислалъ уже видъ Неаполя; но вообще до-сихъ-поръ мы между надеждой и опасеніемъ. Здѣшніе главнѣйшіе художники не имѣли времени приготовить что либо собственно для выставки, потому что лѣтственность ихъ преимущественно обращена была на заказы для Исаіевскаго Собора. Слѣственно, нынѣшнюю выставку болѣею частью и составлять будутъ картоны, эти живые отчеты, что дѣлали наши художники. Ф. А. Бруни, уже болѣе мѣсяца въ Петербургѣ; мы сами объ этомъ не знали и потому не увидѣли васъ, не довели, что слишкомъ двадцать картоновъ его въ дорогѣ. Эти картоны произвели въ Римѣ огромное впечатлѣніе стилемъ и сочиненіемъ. — Выставка вѣроятно будетъ украшена ими. — Замѣчательно въ нашихъ художествахъ одно лѣтисіе, въ которомъ, пока, не можетъ отдѣлать себя отчета. У насъ въ настоящее время весьма немного живописцевъ, а скульпторовъ, наоборотъ, и много и всѣ съ замѣчательными талантами. Замѣчательнѣе еще то, что всегда такъ бывало. И не смотря на то, много ли начтете русскихъ изваяній, которые бы непосредственно принадлежали искусству? По одной, по двѣ статуи назвете на каждомъ скульптора, исключая Мартоса — и довольно. Обыкновенно,

Фавнъ, статуя Г. Рамазанова.

эти произведенія были этюды; одинъ оканчивалъ курсъ скульпторнаго ученія здѣсь, другой свѣдѣ-

тельствоваъ о успѣхахъ художника за границей. Многие не представили еще втораго этюда; они у публики въ долгу и Богъ знаетъ когда расквитаются. Эту недолжку мы числимъ за многими; но пока помолчимъ, въ надеждѣ, что наступающая выставка ихъ оправдаетъ. Знаемъ уже, что г. Ставассеръ прислалъ прекрасную статую. Г. Ставассеръ возбудилъ справедливыя надежды здѣшними своими этюдами. Рыбакъ его принадлежитъ къ числу счастливыхъ произведеній скульптуры. Мы хотимъ напомнить объ немъ любителямъ художествъ и поищемъ очеркъ статуи. Другой даровитый молодой скульпторъ, Г. Рамазановъ, котораго статуя Фавнъ съ козлепохою, также возбудила одобрителное вниманіе, еще педавно въ Италіи; но за Рамазанова можно ручаться, что онъ не отстанетъ отъ другихъ и, надѣемся, что на выставку и онъ пришлетъ что нибудь. Другіе скульпторы, а ихъ, какъ мы сказали, не мало, также обѣщаютъ выставить труды свои. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что характеръ нынѣшней выставки будетъ картоно-скульпторный. Въ городѣ, гдѣ художества во всѣхъ классахъ, подобная выставка произвела бы общій восторгъ. Посмотримъ, понравится ли она Петербургу? Скоро все повѣримъ на дѣлѣ. До выставки остается двадцать дней.

Рыбакъ статуя Г. Ставассера.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ.

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАВАНІЯМЪ.

Пожаръ въ Тулонѣ. Пожаръ въ Смирнѣ. Пыль пожарныхъ трубы. — Исландія. — Странная радуга. — Освѣщеніе газомъ въ Вѣнѣ. — Железные дороги во Франціи. — Проектъ уничтоженія рельсовъ. — Подземная дорога въ Парижѣ. — Новое огнестрѣльное орудіе. — Машина для чесанія льва и конопли. — Карта Франціи Павловича. — Карта Германіи. — Антропологическій музей. — Переписка Лейбница съ Арно. — Памятникъ герцогу Орлеанскому. — Памятникъ де Кандолю. — Опера въ Парижѣ. — Бозіо. — Арто.

Мы не скоро забудемъ нынѣшній августъ мѣсяцъ; мы будемъ помнить непрерывные дож-

Цветочный столъ.

ди, которые многихъ согнали съ дачъ преждевременно; но для Тулона августъ будетъ на дол-

го памятенъ. 1-го августа, въ 11 часовъ утра, пламя вспыхнуло въ адмиралтейскихъ магазинахъ, обратилось въ сильный пожаръ мгновенно, и въ продолженіе двѣнадцати безъ малаго часовъ обратило въ пепелъ и развалины магазины и драгоцінные запасы дерева, приготовленнаго для верей. Потерю исчисляють на 50 мн. франковъ; много убито и ранено людей. Нельзя сомнѣваться, что пожаръ произошелъ отъ злаго умысла, потому что огонь вспыхнулъ въ десяти мѣстахъ вдругъ. Полагають, что это подвигъ каторжниковъ.

По пожару въ Смирнѣ, бывшій 3 іюля н. ст., еще ужаснѣе, еще разрушительнѣе. Въ семнадцать часовъ онъ истребилъ четыре тысячи домовъ, причинилъ убытку на 200 мн. руб. Армянскій кварталъ сгорѣлъ до тла; другіе сильно пострадали. Смирна перенесла недавно ужасный пожаръ 1841 года; сада стала оправляться, и теперь понесла бѣдствіе, которое на долго оставитъ живую память.

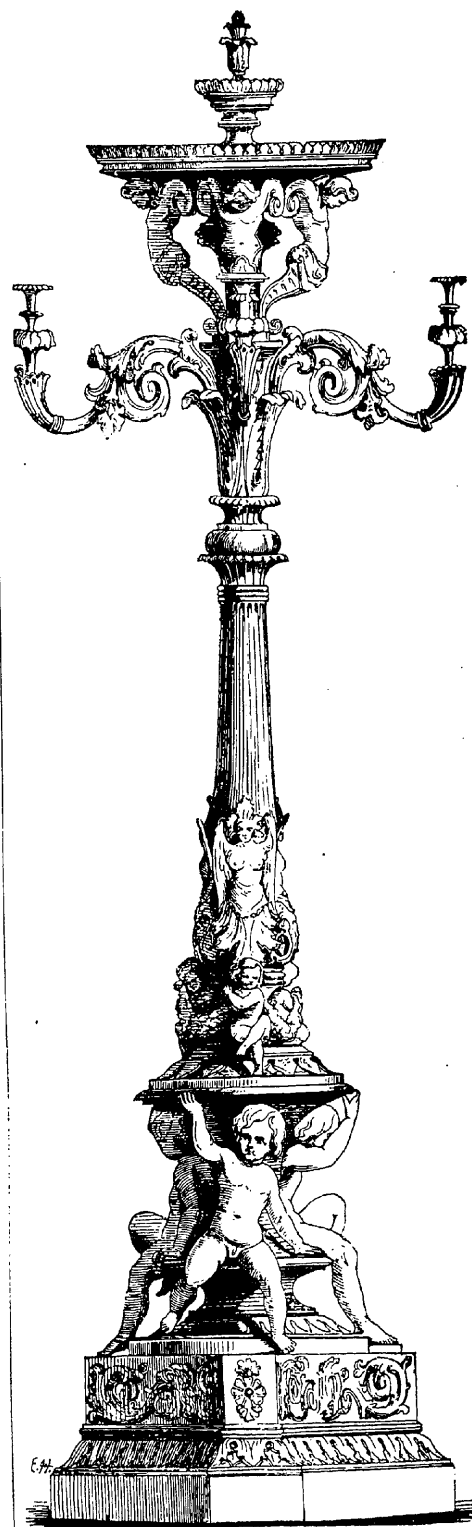
На этомъ пожарѣ дѣйствовали, между прочимъ, вновь изобрѣтенныя газовыя трубы, и весьма успѣшно. Конечно, одна или двѣ трубы, сдѣланныя для опыта, не могли потушить такого колоссальнаго огня; но не менѣе того, преимущество этихъ трубъ, изобрѣтенныхъ Лестю, переевъ обыкновеннымъ засвѣдѣтельствовано адмираломъ Тюрсеномъ, который въ пожарѣ Смирны убѣдился въ томъ лично.

Со всѣхъ сторонъ путешественники жалуются на истекшее лѣто. Волю же путешественникамъ не знать, что въ природѣ теперь все измѣнилось, и когда на материкѣ Европы искуда было дѣваться отъ холода и ненастья, въ Исландіи, постоянно, цѣлый годъ стояла тихая, ясная, теплая погода. Зимы почти не замѣтили. Можно ручаться, что на будущій годъ Исландію наводнятъ путешественники. Мы не шутимъ. Приятность исландскаго климата засвѣдѣствована письмами достовѣрныхъ лицъ; но въ нихъ есть и печальное извѣстіе о смерти ученаго епископа Штейнгримура Джосона.

Въ Италіи, между многими климатическими диковинками, одна заслуживаетъ вашего вниманія. Вотъ что пишетъ Зантедески къ Араго: «Сегодня, 21 іюля 1845 г., около 7 часовъ по полудни, я замѣтилъ въ Венеціи двѣ радуги, одну главную, другую побочную, концентрическія, по такой красоте, что столь великолѣпной радуги никто не запомнитъ въ этомъ городѣ. Въ главной — за полосой зеленой непосредственно слѣдовала пурпурная, а за этой полоса светло-зеленая. Во всѣхъ лѣтошнихъ наукъ не нахожу ничего подобнаго этой пурпурной полосѣ», и т. д. — Странно, но безъ

естественной причины не могло этого случиться, и явленіе требуетъ повѣрки.

Вѣна скоро будетъ вся въ радугахъ, но не отъ солнечныхъ лучей, а отъ газа. 1-го іюля освѣтилась часть Вѣны газомъ; къ 1-му октября предстоящаго года газомъ освѣщеніе распространится значительно, а къ 1-му октября 1846 года

Бронзовый канделябръ Гроууса.

газъ изгонять изъ форштадтовъ и переулковъ послѣдніе фонари и лампы. Газъ, пары и электромагнитная сила составятъ характеръ нашего вѣка.

Серебряная ваза Гумберта.

* * Железные дороги во Франции уже присуждены законом. Кроме Сѣверной, положено провести железные дороги из Парижа въ Лионъ, изъ Лиона въ Аннонъ и Гренобль, изъ Парижа въ Стразбургъ и изъ Тура въ Нантъ.

* * Этого мало: Франція такимъ образомъ соединитъ большую часть провинцій со столицей, какъ съ центромъ; но между собою эти провинціи все еще не будутъ соединены железными дорогами. На пути для многихъ будетъ стоять Парижъ. Правительство предположило провести вокругъ Парижа окольную дорогу, и тѣмъ связать провинціальные. Проектъ былъ подвергнутъ тщательному разсмотрѣнію, но пока разсматривался, инженеръ г. Керпаузъ представилъ другой проектъ, соединить провинціальные дороги железнымъ путемъ черезъ самый Парижъ; а чтобы не стѣснить столицы, то провести этотъ путь подъ Бульварамъ и широкими тротуарамъ. Въ предположеніяхъ Керпаузъ много основательнаго. Не извѣстно еще какъ принять этотъ проектъ правительствомъ. На окольный путь требовалось 9 мил. фр., а прямой только 5. Это одно уже должно обратить на новый проектъ все вниманіе правительства.

* * Когда во всѣхъ государствахъ съ такимъ усердіемъ занимаются железными дорогами, истрачиваются такія огромныя суммы на изготовленіе рельсовъ, весьма естественно, что многие разсуждаютъ о средствахъ устранить рельсы и тѣмъ облегчить учрежденіе паровознаго сообщенія на болѣе обширныхъ протяженіяхъ. Въ Парижскую Академію неизвѣстный изобрѣтатель представилъ проектъ, по которому рельсы можно отбросить безо всякой опасности для поѣздовъ. Содержаніе проекта неизвѣстно, но любопытно, хотя бы это было и мечта. — Иногда мечтательное изобрѣтеніе даетъ жизнь дѣйствительному. Да и не есть ли мечта все то, что было прежде и уже замѣнено новымъ изобрѣтеніемъ?

* * До сихъ поръ заряжали ружья, пистолеты и всѣ другія огнестрѣльные орудія извѣстнымъ образомъ, стрѣляли посредствомъ кремня, потому пистолеты: теперь гг. Костъ и Жарръ представили проектъ новаго устройства огнестрѣльных орудій. По этому способу орудіе не будетъ подвергаться опасности быть разорваннымъ.

* * Изъ другихъ изобрѣтеній мы обратимъ вниманіе ваше на машину для чесанія льна и конопля, потому что въ этомъ же номерѣ мы сообщали извѣстіе о благотворительномъ открытіи г. Великопольскаго, съ конемъ новая машина имѣетъ средство. Изобрѣлъ ее вѣкъ Мартенсъ, въ Гельфѣ. Посредствомъ этой машины можно чистить пеньку и ленъ, не ломая растений предварительно, какъ обыкновенно дѣлается. Машину привозятъ въ дѣйствіе двое дѣтей, и она въ день вычесываетъ 50—60 фунтовъ льна. Изобрѣтатель продаетъ машину по 250 франковъ за экземпляръ.

* * Араго въ предпоследнемъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ показывалъ мѣдную доску, на которой начерчена г. Павловичемъ карта Франціи, уменьшенная, посредствомъ пантографа, до такой степени, что простымъ глазомъ прихвѣтенъ только чертежъ; но съ помощію микроскопа можно читать надписи, исполненныя отъѣбно-чисто и красиво. Весь діаметръ доски — 3 сантиметра!

* * Другая карта, которую мы встрѣтили въ последнемъ странствованіи, для насъ гораздо любопытнѣе, для всѣхъ полезнѣе. Это иллюминированная карта Германіи. Цѣта обозначаютъ географическія отношенія разныхъ вѣтросповѣданій въ Германіи. По этой картѣ можно чему нибудь научиться. Во всякомъ случаѣ это пособие для памяти.

* * Гораздо важнѣйшую услугу обѣщаетъ принести ученому міру изобрѣтеніе Дагерра въ примѣненіи къ антропологии. Давно уже г. Тиссо въ снялъ дагеротипные портреты съ разныхъ людей эвонского племени. Необыкновенная вѣр-

ность этихъ портретовъ подала мысль учредить фотографическій или свѣтописный музей. Изображенія экземпляровъ человѣка всевозможныхъ племенъ и породъ, могутъ быть собраны въ короткое время. Съ одной стороны, Анатомія и Естественная Исторія человѣка дополнится вѣрными сравненіями и выводами; съ другой преподаваніе этихъ наукъ значительно облегчится, потому что человѣческаго музея имѣть нельзя, а фотографія легко можетъ пополнить этотъ недостатокъ.

* * Книгъ много и мало. Наше вниманіе обратила въ особенности одна, которая, впрочемъ, еще не вышла въ свѣтъ, но выйдеть скоро и возбудитъ общее живое участіе въ ученыхъ. Это «Переписка Лейбница съ Арно». — Антоній Арно былъ двадцатый сынъ также Антонія Арно, знаменитаго адвоката временъ Генриха IV. — Арно — сынъ сталъ извѣстенъ сильными сочиненіями противу иезуитовъ. Онъ написалъ гиперболическое множество сочиненій, которыхъ въбралось сто тридцать пять томовъ. Современники весьма уважали Арно и прозвали великимъ. Согласитесь, что переписка великаго Арно съ великимъ Лейбницемъ должна быть въ высшей степени интересна.

* * Изъ памятниковъ мы замѣтили два: одинъ недавно и такъ печально погибшему герцогу Орлеанскому. Памятникъ этотъ состоитъ изъ конной статуи герцога въ современномъ мундирѣ, и поставленъ на дворѣ Лувра. Другой — де-Кандоллю, въ Женевѣ, открытъ 11 августа н. ст.

* * Театръ.... Гдѣ же теперь театры? Лѣто по-крайней-мѣрѣ именемъ еще не кончилось. Въ провинціальныхъ городахъ за то теперь самая театральная пора. Всѣ замѣчательнѣйшіе таланты Европы на походы. Рашель, Лижье, Арналь, Ашартъ, Лупль Гранъ, Талиони, Вярдо Гарсія, Дженни Линдъ, Деврисъ, словомъ, всѣ не на своихъ постоянныхъ мѣстахъ, всѣ въ дорогѣ.... Но вотъ наступитъ сентябрь и всѣ усядутся на теплыхъ мѣстечкахъ. Левассеръ оставилъ поприще; онъ участвовалъ въ операхъ вмѣстѣ съ г-жами Фодоръ, Пастой, Момбелли, Даморо, съ гг. Галлиа, Пеллигрини, Донцелли и, всегда съ честію. Замѣтилъ Левассера въ оперѣ г. Лаже. Королевская Академія Музыки или Опера въ дѣйствительномъ смыслѣ обогатилась многими молодыми талантами, о которыхъ не смѣемъ говорить по чужимъ тетрадамъ. Сколько генивъ этой Академіи, прославившихъ журналами, теперь поютъ третью роль или и во всенъ поютъ. По части модъ художественныхъ, служащихъ убрaштвоу конна-тамъ, лучше всего представлять рисунки. Мы это и дѣлаемъ и представляли въ началѣ странствованія нашего, три гравюры съ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ родѣ произведеній.

Отъ живыхъ перейдемъ и къ покойникамъ. Изящная искусства потеряла двухъ художниковъ: скульпторъ Бозіо родился въ Монако въ 1767 году и скончался на семьдесятъ осьмомъ году отъ рожденія, скончался, заслуживъ отъ старости безъ всякихъ страданій. Бозіо, очень хорошій ваятель, произвелъ очень много достойныхъ статуй. Лучшими можно назвать его портретныя статуи и бюсты: Денона, императрицы Жозефины, Наполеона, г-жи Барантъ, г-жи Вижіе, дочери маршала Даву и др. Смерть застала его за работой: онъ составлялъ огромный барельефъ, представляющій свадьбу короля Людовика-Филиппа, въ Палермо. — Другая жертва смерти въ области искусства — это извѣстный скрипачъ Арго. Онъ умеръ, по свидѣтельству Лейпцигской Музыкальной Газеты, въ Парижѣ, 22 іюля н. ст., на 50 году отъ рожденія.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Усталый отъ заботъ, отъ взглядовъ осторожныхъ,
Отъ свѣтской ушной лжи, отъ приторныхъ услугъ,
Друзей докучливыхъ, или враговъ ничтожныхъ,
И позабывъ борбу въ груди стѣсненныхъ мукъ,
Отрадо я лечу въ мой уголокъ родимый;
Съ забвеніемъ гляжу на вольный бѣгъ коней,
Встрѣчаю весело, мелькающія мимо,
Березки голыя, овраги, мость, ручей,
И грустно-сѣрая избушка,
И мужика безъ шапки, и плетель,
И лѣса сиваго чуть-видныя верхушки;
И сумерекъ густѣющую тѣнь. —

Съ полей уснувшихъ свѣжестію ночью
Повѣяло; во иракѣ тошетъ взглядъ;
И тучки несутся внимательнѣе топаю
Вокругъ луны и звѣздочки глалдыя.
Чу, — звуки... что это? — Эхъ, пѣсенка родная!
Такъ за душу и тянетъ... Съ малыхъ дней
На думу каждую я слышалъ откликъ въ ней; —
И тосковала, ея тоскѣ внимаю...
На Волгѣ-ль подъ грозой ты, пѣсня, сложена?
Иль подъ разгулъ широкаго веселья?
Иль съ горы, — какъ въ избѣ расплачется жена,
А голова болитъ съ заботы, да съ похмѣля?

Ты русской, бойкою задумана душой; —
Страданія, тоска, обиды, плачь разлуки,
Разгульная долѣ вѣчный упокой,
Пасибшка падъ судьбой и жизнью... все ты въ звукъ
Серелика. — И молодецъ лихой,
Служаешь съ ночью, одинъ въ глухую пору
Ту пѣню затанулъ на зало сѣбѣ самой,
На зло грозишему людскому приговорю...
И въ этотъ чудный мигъ ему все рѣшено!
Подъ шумными говоримъ пріятнѣеи душой
Полегче на сердцѣ, — а послѣ все равно...

А. Пальевъ.

СТРАННИКЪ.

Oh quand viendra-t-il donc ce jour que je rêvais,
Tardif repareur de tant de jours mauvais;
Ce niveau, qui selon les ecritvains prophètes,
Leger et caressant passera sur nos têtes.
Jamais, dit la raison...

Н. Моржавъ.

Все тихо... Яворы надъ спящими водами
Какъ призраки стоятъ луной озарены;
Усѣявъ свода небесъ дрожащими звѣздами,
Въ глубокой сонъ поля и лѣтъ погружены.

Воздушныя струи полны ночной прохладой,
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ,
Ужъ берегъ видѣтъ сталь... И дышетъ грудь отрадой.
Скорѣй же мчи меня, о легкой мой челнокъ.

Я вижу огонекъ мелькнулъ между кустами,
И яркой полосой ложится на рѣкѣ...
Сквотальца-ль ждешь къ себѣ, съ томленьемъ со слезами
Ты ангелъ мой — въ своемъ уютномъ уголкѣ.

Съ молитвой ли стоишь предъ чистой мадонной
И слышишь шопотъ твой въ полнотной тишинѣ;
Иль можетъ рѣшь листки ты розы благовоной —
Какъ Гретхенъ Фауста, гадая обо мнѣ.

Услышавъ плескъ волны, съ улыбкой на земномъ
Ты другу выйдешь-ли навстрѣчу, въ темный грогъ?
Гдѣ къ моему плечу прикиннувъ головою —
Ты говорила мнѣ бывало: левъ прилетѣть...

И близокъ онъ... Когда на гора, ни страданья
Не будетъ на землѣ... Нѣтъ, онъ далекъ, дитя...
И если бѣ знала ты, какъ много упованій
Прекрасныхъ и святыхъ съ тѣхъ поръ утратилъ я!

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою разставались?
Какъ былъ я духомъ бодръ... какъ полонъ юныхъ
снахъ.

Но вотъ разлуки дни какъ грезы миповались,
Отчаяну и тебя я снова посетилъ.

=

И что жъ... Утомлена безплодною борьбою
Уже душа моя; потухъ огонь въ глазахъ;
И впаде грудь моя, истерзанна тоскою,
И не пылаетъ кровь румянецъ на щекахъ!

=

Я ближнихъ слышалъ вопли, я видѣлъ ихъ мученья,
Я прелюбви власть повсюду находилъ;
И странно стало мнѣ... и мрачный духъ сомнѣнья.
Ужасный духъ меня впервые посетилъ!...

=

Безснiе мое гнететъ меня всечасно,
Унь холодъ въ сердце мнѣ, я чувствую, проникъ, —
И я спѣшу къ тебѣ, спѣшу, мой другъ прекрасный,
Въ объятіяхъ твоихъ забыться хоть на мигъ...

=

Спустилась ночь тьма надъ спящими полями,
Повѣявъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ;
Усыпавъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами —
Быстрѣй же къ берегамъ неси меня, челнокъ!...

А. Плещеевъ.

=

РАЗЛУКА.

Ты ѣдешь, ангелъ мой, прости! бокалъ прощальный
Я выпилъ, — добрый путь тебѣ я пожелаю.
И вѣрь мнѣ, изъ друзей — я никого въ путь дальній
Съ такою грустію еще не провожалъ.

Когда, и гдѣ, и какъ увижусь я съ тобой?
И все-ль по прежнему?... нѣ чувства измѣнитъ
Разлука долгая, какъ въ осени, порою
Мой другъ, смѣняется природою грустный видъ.

Но нѣтъ, тебя забыть? — тебя вѣдь такъ люблю я!
И даръ мнѣ — локонъ твой роскошно-смоляной
Въ разлуку, съ грустію завѣтною цѣлуя,
Я буду говорить: «ея ужъ нѣтъ со мной!..»

Простъ-жь, дай руку мнѣ, и поцѣлуй прощальный
Союзъ нашъ укрѣпимъ... и налитой бокалъ.
Я пью, чтобы онъ тоску души моей нечальной,
Какъ вѣтромъ легкій дымъ разсѣять, разогнать.

Z.

=

БАВОЧКА.

(Изъ Ламартина).

Завидная, чудная бавочки доля:
Съ весною родиться, въ веснѣ умирать!
Безпечной — какъ юность, свободной — какъ воля,
На крыльяхъ зефира въ эфирѣ порхать!
Падушей звѣздой отъ взоровъ скрываться;
На лонѣ роскошныхъ, душистыхъ цвѣтѣвъ,
Стряхая пылъ съ крыльевъ, игриво качаться,
И вѣкаторъ дивныхъ, цвѣтистыхъ луговъ,
И свѣтомъ, лазурью всегда упитаться!
Предѣломъ, какъ юности бурной любовь,
Она не имѣетъ. Стремясь къ наслажденіямъ —
И нѣтъ по извѣдавъ, уносится вволю
Искать упоенія въ горныхъ селеніяхъ.

Z.

АНЕКДОТЫ.

I.

Въ тридцатомъ царствѣ, въ тридцатомъ го-
сударствѣ, стоялъ такой законъ, чтобы служи-
выхъ людей, которыхъ на войну ходитъ указано,
въ кабаки и во все хмѣльные дома, каково-бы они
рода и вѣвiя ни были, — не пускать. Указано, да
не исполнено. Для содержателей кабаковъ съ слу-

жлыхъ людей большой доходъ, такъ и соблазнъ
большой. Ходили себѣ, попивали, бѣды не было.
Да не равенъ часъ. Пришелъ война, выпилъ война-
ственно, пошелъ по кабаку воинской походкой,
поскользнулся, упалъ да и сломавъ ногу. Вылитъ
хозяинъ, что бѣда къ нему въ гости пожаловала;
вынесъ онъ бережно больного на улицу, всунулъ
ему въ руку серебрянникъ; молчи только, а
самъ въ хмѣльную палату, да и двери на запоръ.
Бѣда недалеко ушла, воротилась: позвали хозяи-
на къ отвѣту, допрашиваютъ:

— Зачѣмъ ты законъ переступилъ?

— Я не переступалъ закона.

— А зачѣмъ ты служилаго въ домъ свой впу-
стилъ?

— Я не впускалъ служилаго; онъ самъ при-
шелъ... Я его выгналъ насильно. Пусть самъ ска-
жетъ, по своей ли волѣ онъ отъ меня вышелъ?

— Да онъ у тебя то и ногу сломавъ,

— Нѣтъ, не у меня: онъ прежде ногу сломавъ,
а потомъ ко мнѣ пришелъ.

И что жъ? — Хозяинъ остался правъ.

II.

Попотчившій пивцомъ, сказалъ селянинъ, при-
шедшій къ скупому шабру, зная, что у него оста-
лось еще пиво послѣ храмоваго праздника.
Пить, отвѣчаетъ шабръ гостю, ради бы душою
угостить, да выпило. Посидѣвши довольно и погово-
ривши о томъ, о семъ, гость настойчиво повто-
рять: да дайже пивца! Отвѣтъ скупого былъ тотъ
же: нѣтъ. Ну, да принеси съюль пивца изъ бочки,
въ коей было пиво. Нельзя отвѣчалъ скупой: пиво
упустишь, — и принеси гостю пива.

III.

Одинъ баринъ досталъ себѣ слугу деревенщи-
ну и опредѣлилъ къ собственной своей персонѣ.
Замѣтивъ, что онъ всегда снимаетъ пальцами со
свѣчи, сдѣлалъ ему выговоръ и заключилъ во-
просомъ: а щипцы на что? Пока онъ пѣлъ право-
ученье, другая свѣча нагорѣла, слуга схватилъ
щипцы, осмотрѣлъ совѣтъ сторонъ, открылъ, и
сливъ со свѣчи опять такъ пальцемъ, а нагаръ по-
ложивъ въ щипцы, сжалъ ихъ изо всей мочи,
примолвивъ: «Ну, теперь будетъ, кажется, такъ!»
— Барину бы показать хѣло на дѣлѣ, а не на
словахъ. Да кто не любитъ пѣть правоученій?

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

=

приготовление сливочнаго масла въ прокъ.

Надобно промывать масло нѣсколько разъ въ
водѣ, до тѣхъ поръ, пока вода перестанетъ му-
титься отъ сырныхъ частей. Тогда на 22 фунта
масла положите ½ фунта соли и по ¼ фунта са-
хару и селитры; положите масло въ горшокъ,
покрытый глазурию, обвяжите бумагою, а лучше
пузыремъ, для предохраненія отъ вліянія воздуха.
Оно сбережется въ продолженіе двухъ лѣтъ безъ
малѣйшей порчи.

=

ромашка и мята.

Г. Лизакинъ пишетъ, что разведеніе ромашки и
перечной мяты полезно для крестьянъ, какъ по-
тому, что первая часто бываетъ нужна для посо-
бія въ разныхъ болѣзняхъ, встрѣчающихся у са-
мыхъ крестьянъ, такъ и потому, что эти травы
удобно можно продавать, за порядочную цѣну.
Разведеніе сихъ травъ, на двухъ или трехъ гряд-
дахъ, не составитъ для крестьянъ большого тру-
да; сборомъ же ихъ могутъ заниматься даже
дѣти.

Ромашка растетъ очень хорошо на всякой поч-
вѣ. Эту траву стоитъ только однажды посѣять
принесенными сѣянками, а потомъ надобно лишь

оставлять по нѣскольку лучшихъ цвѣтныхъ голо-
вокъ на сѣянкѣ, и она къ слѣдующему году сама
собою сѣвается. Грядку полъ нею слегка про-
ковать и заровнять граблями; ромашка взойдетъ
и вырастетъ. Перечная мята, на приготовленной
грядкѣ растетъ хорошо; въ продолженіе лѣта,
два два надобно прополоть въ ней сорняки травы,
а во время засухи тщательно поливать. Мята раз-
водится посѣвомъ сѣмянъ, а также черенками и
раздираніемъ корней; послѣдними двумя спосо-
бами разводять ее удобнѣе. Спирать обѣ эти
травы, то есть, съ ромашки цвѣты, а съ мяты
листья, можно отъ трехъ до четырехъ разъ, и все-
гда снимать въ хорошіе дни; листья съ мяты рвать
руками, а не срывать ножомъ, потому что жел-
тѣю ей вредно. Сорванные листья мяты, связать
въ небольшие пучки, развѣшивать для сушки въ
тѣнѣстомъ мѣстѣ. Ромашковый цвѣтъ, для сушки,
разсыпать на рогожѣ также въ тѣни.

У Г. Лизакина въ огородѣ, кромѣ другихъ ово-
щей и растеній, находится по нѣскольку грядокъ
ромашки и перечной мяты. Длиною каждая
грядка отъ 8 до 9 сажени, и шириною въ два
аршина. Въ сложности, каждая грядка достига-
етъ ему, по высушкѣ травъ, ромашки чистаго
цвѣта отъ осьми до девяти фунтовъ, а перечной
мяты отъ тридцати до сорока фунтовъ. Первую,
ромашковый цвѣтъ, берутъ у него въ лавки, по
70 коп., а перечную мяту по 40 коп. за фунтъ.
Итого, съ одной грядки ромашки онъ выручаетъ
6 руб. 30 копѣекъ, а съ одной грядки мяты 14 руб.,
всего съ двухъ 20 руб. 30 коп. ассигнаціями. Для
выручки такыхъ денегъ пѣтъ ржи, при хорошемъ
урожаѣ, иногда поселянинъ съ семействомъ дол-
женъ обработывать почти цѣлую казенную де-
сятину.

Г. Лизакинъ говоритъ, что было бы полезно
разводить и шалфей, который покупаютъ у нихъ
въ одной цѣвѣ съ мятою, да трудно у нихъ, въ
Вятской губерніи, сохранить его зимою отъ вы-
мерзанія. Мятю онъ заваливаетъ съ осени зем-
лею, а потомъ засыпаетъ снѣгомъ, и она сохра-
няется. По его словамъ, шалфей не всегда у цѣ-
лѣетъ при такомъ способѣ.

ПЕРЕПИСКА.

Z. — Отвѣтъ вы найдете въ этомъ номерѣ Иллю-
страціи. Не сердитесь, если мы на первый случай
избрали двѣ писъ. Иногда бываетъ все хорошо,
да не все удобно для того и для другаго: одному
сіе хорошо, а другому иное. — Ожпаемъ дальнѣй-
шаго исполненія вашего пріятнаго и лестнаго
объясненія.

О — у. Мы въ большомъ затрудненіи; въ эти
двѣ недѣли набралось много писемъ и на всѣ поч-
ты мы должны отвѣчать пзвѣщеніемъ признатель-
ности. Трудно, но дай, Богъ, побольше такыхъ
ведѣлъ!

Л — н — с — у Благодаримъ и постараемся.

И. К. М. въ Т. Съ душевнымъ удовольствіемъ
исполнимъ.

К... При вашей буквѣ есть іероглифъ, кото-
раго въ типографіи готоваго нѣтъ. Вы догада-
етесь. А въ отвѣтъ скажемъ, что за присылку
благодаримъ; а на вопросъ улыбаемся. Авось!

N. N. — въ К. — Не знаемъ.

I. K. — въ Л. — Не вѣдаемъ.

О. И. С. — Вамъ надо отвѣчать обстоятельно;
выйдетъ длинно, а у насъ, право, нѣтъ времени
написать коротко.

О. Д. Благодаримъ покорно. Въ вашей первой
буквѣ есть также іероглифъ. За присылку не
серпанимъ, по пословицѣ. Упражняйтесь!

О. П. Очень жалѣемъ, что вы были больны. Не
отъ утраты ли нравственныхъ силъ, истощен-
ныхъ на переписку съ Иллюстраціей. И въ пись-
мѣ вашемъ замѣтно изнеможеніе. Отдохните!

=

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

М. Д. ОЛЬХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Апичкова Дворца, въ домѣ Завитова, и въ Гостиномъ Дворѣ, по суконной лавкѣ, подъ № 13-мъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

ГАЛЕРЕЯ ЖЕНЩИНЪ

ЖОРЖЪ ЗАНДА.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ

съ 24 портретами, гравированными на стали въ Лоплопѣ, и краткимъ объясненіемъ содержанія каждаго романа, изъ котораго заимствованы портреты, и описанъ характеръ самой женщины, героини романа. Москва, 1843 г. въ 8 л. а. на лучшей велевой бумагѣ съ литишками. Ц. 10 руб. сер., съ пер. 11 сер.

СОБРАНИЕ АНЕКДОТОВЪ,

ПОВѢСТЕЙ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ,

ИЗЪВЛЧЕННЫХЪ ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАВІЙ.

Въ четырехъ выпускахъ. Москва 1843. Въ 8 л. а. Ц. 3 руб. сер., съ перес. 3 р. 30 коп. сер.

ИСТОРИЯ
ННЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО

ГРАФА

СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО,

Генералиссимуса Россійскихъ войскъ.

СОЧИНЕНІЕ Н. А. ПОЛЕВАГО.

РИСУНКИ ГГ. КОДЕБУ, ЖУКОВСКАГО И ШЕВЧЕНКИ.

Гравировка на деревѣ лучшихъ парижскихъ и петербургскихъ художниковъ. Спб. 1845., въ 6. 8 л. а., на лучшей велевой бумагѣ. Ц. 5 р. сер.

ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ у книгопродавцевъ Свѣшкова и Базупова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Страстномъ бульварѣ, (бывшей Шпрлева), и на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, подлѣ №№ 4—5.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

=

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 19.

Бѣлые.

Черные.

- 1) Король рокируетъ и даетъ ладью шахъ Кор. на 7 ш. свое.
- 2) Слонь на 4 м. Сл. Ф. и матъ.

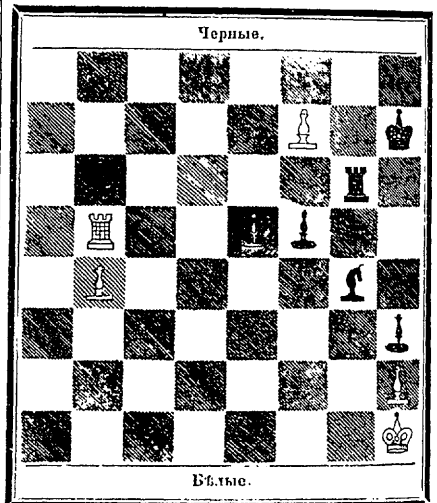
ОБМАНЪ ВЪ ШАХМАТНОЙ ИГРѢ.

Когда насъ спрашивали, есть ли какаго либо игра на свѣтѣ, въ которой обманъ невозможенъ, мы всегда отвѣчали утвердительно: есть шахматы; но послѣ случая съ Сиромъ Беллемъ отказывается отъ нашего мнѣнія. Сиръ Жоржъ Бель, больной подагрой, отаравился въ Германію къ минеральнымъ водамъ и былъ весьма счастливъ что хозяинъ дома, въ коемъ онъ остановился, портной, игралъ въ шахматы. Только постучить Сиръ Бель костью въ объполь, портной летитъ на верхъ къ своему богатому постояльцу и садится за шахматный столъ. Портной представлялся большія выгоды; во-первыхъ, Сиръ Бель ставилъ на партію лудоръ противу 6 грошей портнаго; во-вторыхъ, давалъ впередъ ферезь. Одна удачная игра вознаграждала за многіе проигрыши. Не смотря на все это, не лудоры къ портному, а крейцеры къ Сиру Белю переходили постоянно; добрый Англичанинъ жалился надъ портнымъ и проигралъ ему лудоръ; тотъ съ вынужденіемъ объявилъ Белю, что впередъ онъ играетъ лудоръ противу лудора. Бель улыбнулся и, желая испытать, какъ далеко успѣхъ ободрилъ портнаго предложилъ ему партію въ три лудора. Тотъ не отвѣкивался и выигралъ. Бель не могъ понять, какою силой играетъ портной. На шестыи сказалъ Бель, проигралъ и шесть; дошло до двадцати четырехъ. «Не могу, сказалъ портной, я выбился изъ силъ; завтра, если угодно вашей милости.» — Бель не могъ сомнѣваться въ совершенномъ изнеможеніи портнаго; по блѣдному лицу катился градомъ холодный потъ: но его угомила не игра, а счастье. — Какое счастье? А вотъ увидите. Какъ только около ста крейцеровъ перешло въ карманъ Беля, портной отпривилъ нарочно въ ближайшій городокъ за свощъ кумомъ механикомъ. Кумъ игралъ порядочно въ шахматы и справедливо заключилъ, что имѣя лишнюю ферезь, трудно проиграть партію. Но какъ принять участіе въ игрѣ? Механикъ ухитрился, и когда Бель отпривился въ ванну, кумъ подъ поломъ устроилъ рычагъ: клапанъ приходился подъ ногу портному; для себя механикъ предлажалъ въ стѣнѣ отверстіе ц, самъ невидимый, могъ наблюдать за игрою. Надо было условиться въ знакахъ. Буквы А, В, С и т. д., которыми означается шахматная доска, опредѣлились числами. 1, 2, 3 толчка, означали на линіи слона ферези; 5 толчковъ на линіи короля; пауза прелестествовала дальнѣйшимъ знакомъ; число толчковъ тогда уже означало шашку, которую играть слѣдовало; опять пауза, опять толчки, которые съ совершенною точностію означали мѣсто, куда слѣдуетъ поставить шашку. Естественно, что безпрерывное численіе истощило всѣ силы портнаго, но на другой день, въ день отъѣзда, война опять возгорѣлась. Партія шла на 48 лудоревъ. Бель употребилъ всѣ усилія, чтобы возвратитъ отданную впередъ ферезь; съ большими жертвами это удалось ему; послѣ тридцати ходовъ, партія была въ такомъ видѣ какъ изображено въ шашечницѣ.

Механикъ толкнулъ портнаго въ ногу шесть разъ, пауза, потомъ семь толчковъ, еще пауза и еще толчекъ. Значило: пѣшка слона короля должна слѣзать одинъ ходъ. Портной очень обрадовался, потому что этотъ ходъ возвратилъ ему королеву. Онъ взялъ пѣшку и поставилъ на послѣдній рядъ. Въ это мгновеніе механикъ подалъ сигналъ который означалъ: шахъ. Чтобы это могло значить? подумалъ портной; видно мнѣ надо поставить ферезь вѣсто пѣшки. Пожалуйте ферезь! Взялъ, поставилъ и едва не упалъ со стула. Страшное слово шахъ и матъ раздалось

надъ нимъ, какъ громъ небесный; безмысленно глядѣлъ онъ на шахматный столъ, съ котораго Бель сгребалъ лудоры. Пришелъ въ себя, портной бросился на кухню, гдѣ уже ожидалъ его механикъ. Извергъ! закричалъ портной, ты погубилъ меня! — Глупецъ! Ты лишилъ меня 24 лудоревъ! Заплати же мнѣ за безпокойство и работу — ты мнѣ домъ испортилъ. Тебя слѣдуетъ поколотить! — Поколотить! И началось сраженіе, на которое прибѣжали всѣ домашніе и постоялецъ. На вопросъ послѣдняго механикъ сказалъ съ жаромъ: «Ваша милость должнъ знать все. Вы играли съ первымъ глупцемъ въ кірт. Не оны, а я имѣлъ честь побѣдить васъ! И теперь согласитесь, вы проиграли бы и послѣднюю партію, если бы этотъ воля вмѣсто королевы потребовалъ коня! — Какъ! что! спросилъ Бель. Механикъ показалъ ему все устройство западни, объяснилъ весь проиесъ лутни. Бель выпросилъ у механика рисунокъ всей этой продѣлки и далъ ему три лудора. Въ печальномъ молчаніи проважалъ портной своего постояльца до кареты. Бель жалился и надъ нимъ; вынулъ комлексъ, отчиталъ много монетъ, запернулъ въ бумажку и отдалъ портному. Едва утѣхалъ Бель, портной побѣжалъ въ комнату, заперся, развернулъ подарокъ и нашель тамъ собственныя 96 крейцеровъ.

Черные. — Сиръ Бель.

Бѣлые. — Портной; ему и ходить.

РАЗГАДКА № 19.

1. Тотъ, — въ Словои стоять Твердо, — конь, — усь, л', оволь, о, рога, о.
2. Тотъ въ Словои стоять твердо, кому слово дорого.

ЗАГАДКА № 20.

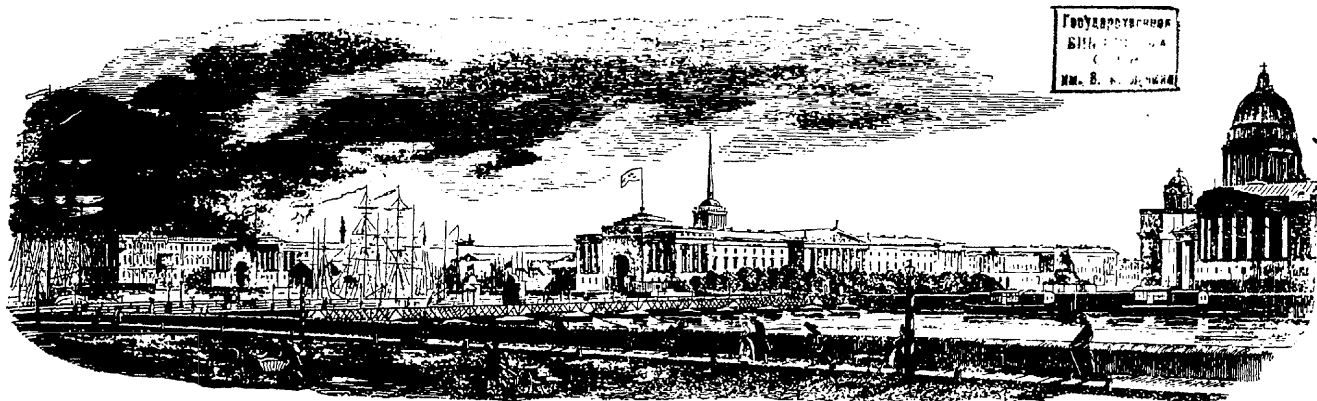
ГОР ОСТЬ

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Гробъ и Карета, истинное происшествіе, рассказъ П. 3—са. 2) Бозель (изъ путевыхъ записокъ П. Н.). 3) Волшебное Зеркало доктора Дя. 4) Пудель Нишаго, рассказъ П.—на. 5) Буеѣе. 6) Кіестъ, рассказъ Богатра продолженіе. 7) Божельдьянникъ. 8) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 9) Стихотворенія: Русская пѣсня, А. Пальма. Странникъ А. Плещеева. Разлука и Бабочка Z. 10) Анекдоты. 11) Памятная книжка. 12) Перевѣска. 13) Объявленія и 14) Шахматы.

ГРАВЮРЫ: Базель (4 гравюры). Площадь въ Парижѣ. Буеѣе. Фавны, статуя Г. Рамазанова, и Рыбакъ статуя Г. Ставассера. Цѣлительный столъ. Сребрянная Ваза и Канделяръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ЦІЯЩНАГО.

Съ доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 21. — Суббота, 1 СЕНТЯБРЯ 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

РАЗГОВОРЪ

ЧЕСМЕНСКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

(Окончаніе.)

(См. № 12 стр. 176.)

Возвратясь на бивуакъ, Эриксонъ приказалъ Карпенкѣ и, тоже, втайнѣ объявить удамцамъ: что формальнаго позволенія они получить не могутъ; но отлучка ихъ не приметя за побѣгъ, и если встрѣтятъ смерть, будутъ исключены убитыми въ дѣлѣ. — При чемъ замѣтилъ: что пзъ этого случая легко узнать духъ нашихъ Сибиряковъ, и что свидѣніе это не менѣе интересно и самаго Князя Багратиона.

Кто знакомъ съ чистою небесною радостію, каковую ощущаетъ ретивое сердце воина при торжествѣ чести, какъ предстоящая обязанность исполнилась и святой долгъ къ лицу Вѣры, Царя и Отечества съ блескомъ совершился, тому не мудрено понять минуты, въ которыя всѣ сокровища міра ниже помысловъ героя, и въ которыя, еслибъ кто изъ пресмыкающихся гадюкъ, то есть, изъ обозныхъ партизановъ, расчитывая заслуги героя, указалъ бы ему на тѣпные земные выгоды, онъ бы плюнулъ ему въ глаза. — Такія точно чувства горѣли въ груди нашихъ молодцовъ.

Царство небесное славнымъ товарищамъ: кромѣ одного Степанова, они всѣ пали, по Осурманскою кровью важно разговѣлись. Въ неадастную и пряткомъ темную ночь, въ пятницу на страстной недѣлѣ 1807 года, въ авангардѣ французской арміи съ полудня и до разсвѣта происходила непрерывная суматоха; въ перелѣсахъ откры-

лась ружейная стрѣльба, не дошло только до пушекъ; но весь неприятельскій авангардъ, ожидая атаки, сталъ въ строй, и самъ Наполеонъ, какъ слухъ носился, провелъ ночь не совсѣмъ покойно.

Пусть скажутъ: «синеца море зажига-ла, молвилъ Эриксонъ; но я съ моею сторуны радъ этому опыту: онъ утвердилъ меня въ надеждѣ, что не только Сибиряки, но и Чуваши наши не ударятъ себя «лицомъ въ грязь.»

На другой день послѣ этого страннаго случая, Степановъ, раненный штыкомъ въ бокъ, кой-какъ подползъ къ передовымъ постамъ и доставленъ казаками въ полкъ.

Нельзя ручаться за истину разсказа, да и повѣрить трудно, чтобъ неприятельскіе часовые на своихъ постахъ до смѣху были оплошны; то однако жъ вѣрно, что герои наши встрѣтили смерть, миновавъ передовую дѣль, и что Степановъ съ полученною имъ ранюю, пользуясь темнотою ночи, мало что снася, но успѣлъ сорвать съ убитаго Француза ранецъ, въ коемъ оказалось, кромѣ солдатскихъ вещей: три столовыя серебряныя ложки, дамскій кружевной чепчикъ, два платка, тафтяная юбка, шесть прусскихъ тамперовъ и три пшеничныхъ сухаря.

Но чтобъ не оставалось въ тебѣ и искры сомнѣнія, господинъ чтець, такъ вотъ и я въ свою очередь поразскажу тебѣ, какъ пашъ русскій мужичекъ умелъ и какъ за оказанное ему добро умѣетъ быть благодаренъ!

При полученіи чистой отставки, мнѣ больно загрустнулось: куда идти и гдѣ голову пражлонить?—Во всей Россіи не было у меня и шестнороднаго брата; друзей по славѣ, побѣдамъ и по пролитой на поляхъ чести крови, большую часть Богъ прибралъ, а остальные разбрелсь по норкамъ, — гдѣ ихъ искать, да и что въ нихъ

проку? Пушусь къ прежнему отцу и командирю, — шепнулъ я перекрестясь. Говорятъ, что онъ женился, зажилъ домкомъ; а память у него славная: ужъ онъ вѣрно не забылъ, какъ припицалъ къ груди моему крестъ, влѣпилъ три поцѣлуя съ примылкою: «два офицера и болѣе двадцати человекъ нижнихъ чиновъ свидѣлствуютъ, что при неприятельской вылазкѣ изъ Майнца, будучи въ стрѣлкахъ, ты двухъ Французовъ закололъ, а третьяго въ плѣнъ взялъ; такъ вотъ тебѣ и гостинецъ отъ батюшки бѣлаго Царя. — Отнынѣ смѣю говорить, что и на приплотъ во Франціи не осталось бы солдатика, если бы всѣ наши герои были равно храбры.» — Все это было, а что будетъ — вопросъ.

Тысяча верстъ не шутка, силы износишь, послѣднія деньжонки истратишь, а ужъ тамъ хоть съ камень въ воду. — Ну да, удача квась, неудача кислы ши! Маршъ на голое сердце!

Долго я шелъ и много горя вытерпѣлъ, но одна минута и все забыто. — «Спасибо, братъ односумъ, что ты обо мнѣ вспомнилъ,» — объявъ мепя, сказалъ полковникъ. «Могу тебя увѣрить, что радость моя при встрѣчѣ съ тобою на капелку не уступаетъ той, какую ты ощущалъ, увидя на богатырской груди своей припицанный мною крестъ.—Я хоть и мыломъ мыть, но никогда не забываю, что мыломъ шить.—Великъ чиномъ и бодръ духомъ; но зная, какъ недалеко я ушелъ отъ прежнихъ товарищей и какъ мало приобрѣлъ соотвѣтствующихъ настоящему званію способностей, — ничтоженъ даже «и по собственному убѣжденію. — Впро-чемъ, хоть богатства я не имѣю, но и бѣдности не знаю.—Будемъ, братъ, жить «и благодарить Бога за дарованный приютокъ и за кусокъ хлѣба. — Здѣсь найдешь ты и еще человекъ пять прежнихъ

*) Поименованіе въ Иллюстраціи окончанія сей статьи принадлежитъ по причинамъ, отъ Редакціи не зависѣющимъ.

«сослуживцевъ, и намъ не будетъ скучно.»

И подлинно, для скуки въ селѣ полковника не было квартиры, а къ сердцу добраться ей было невозможно: рыбная ловля, охота за звѣрями и дичью, устройство по хозяйству, присмотръ за трудами крестьянъ, даже и въ собственную ихъ пользу. — А тутъ скотоводство, пчеловодство и другія, хоть и мелочныя, но въ сельскомъ быту необходимыя, затѣмъ занимали полковника безъ утомленія, и мы, можно сказать, блаженствовали.

Какъ вдругъ Поляки закутермили. Полковнику лишь свиснули, и онъ орломъ порхнулъ подъ святая царскія знамена, да видно не въ часъ выѣхалъ: съ оинка изуродовали сердечнаго такъ, что ужъ онъ ни въ строй, ни къ смотру не годился. — А вслѣдъ затѣмъ неумолимыя сплетни разнесли повсемѣстную молву, что отецъ мой и командиръ не выдержалъ и, на дорожѣ, умеръ. — Въѣсть эта съ базара перешла въ село, и горестный поголовный вопль во всѣхъ семействахъ не умолкалъ круглую ночь. — На другой день, чуть блеснула свѣтъ Божію, всѣ крестьяне были уже у церкви, заказали шестинедѣльную за упокой обѣдню и просили тотчасъ отслужить панихиду.

Разказы о смерти полковника, вмѣщая въ себя самыя мелочныя подробности, не могли казаться сомнительными: означено мѣсто кончины, названъ чиновникъ, провожавшій брешье его остатки, а въ дополненіе извлечено нѣсколько словъ изъ духовнаго завѣщанія, касающихся до бывшихъ при немъ дворовыхъ людей; по этому, не только мы грѣшныя, но и причтъ церковный убѣжденъ былъ въ этомъ горестномъ событіи. — Еще минута, и бѣдный мой полковникъ былъ бы заживо отпѣтъ; но слава Богу! — не такъ сбилось: лишь только въ алтарѣ показались черныя ряссы, прямо къ церкви прискакалъ изъ губернскаго города полицейскій солдатъ съ приказомъ отъ полковника, который требовалъ экипажъ, кой-какія вещи, а вмѣстѣ и мнѣ велѣлъ явиться къ себѣ.

«Живъ, живъ, нашъ родимый! Молебенъ, батюшка, молебень!» — гаркнули въ пятьсотъ голосовъ мужики и бабы, и слезы полились снова, только ужъ не горькія. При радости столь чистой, общей, всѣ дѣла приняла другой порядокъ: черныя ряссы смѣнились цвѣтными; молебень отпѣтъ, и поселяне, помолясь изъ глубины души, обратились къ дѣламъ съ двойнымъ усердіемъ, зная, что если воскресній покойникъ по приѣздѣ замѣтитъ что нибудь не ладно, такъ будетъ пеловро.

Черезъ мѣсяцъ, какъ полковникъ сталъ уже на ноги, доктора посоветовали ему прогулки. «Извините, друзья, сказалъ мнѣ полковникъ, — лучшей, приятнѣйшей, а вмѣстѣ и полезнѣйшей прогулки нельзя

придумать, какъ отправиться въ деревню.» И на другой же день съ восходомъ солнца мы были уже на пути.

Время было прекрасное; поселяне, веселые и довольные избыткомъ урожая, жали, пѣли, а кой-гдѣ даже подпрыгивали и подплясывали. Но полковникъ мой безутѣшно навзрыдъ плакалъ! — Глядя на него, мнѣ тоже взгрустнулось, сердце какъ будто въ тиски попало. — Да о чемъ же вы теперь позволите плакать? спросилъ я полковника. «Бываютъ, братъ, и безъ войны бѣды. Дай, Богъ, чтобъ всеблагое провидѣніе всегда и вѣчно ограждало тебя отъ подобнаго положенія, въ какомъ я былъ передъ «снмъ не задолго,» молвилъ онъ, «но если, «сраженный злымъ рокомъ, бывъ уже на «краю могилы, вырвавшись изъ грозныхъ «челюстей смерти и услыша въ Божьемъ «храмѣ пѣснь Царю Небесный угѣшителю, «да не заплачешь... такъ будь увѣренъ, «что хоть ты солдатъ славный, храбрый, «а человѣкъ... какъ бы тебѣ сказать? — «почтовой лошади равный. — Но я, какъ «слабое созданье, въ порывахъ благодарности къ Создателю, сохранившему жизнь «мою противъ надежды и чаянія, вос«хлипаю и плачу, услыша даже и голосъ «пѣтуха.» — Вотъ что ужъ не встану пѣвнень, подумалъ я. «А вотъ и наши!» сказалъ кучеръ, повывше насъ смѣвнннн, приближался къ родному полю, на которомъ жали рожь крестьяне полковника. Я ожидалъ, что восторгамъ, крику и суматохѣ не будетъ конца; но вышло какъ то лучше: лишь только узнали они помѣщика, всѣ, съ лишкомъ триста человѣкъ, какъ будто по чингальману обратились къ церквя, стали молиться на колѣнахъ, и въ этомъ положеніи остались во все время нашего проѣзда. — Никто на насъ не взглянулъ и ништо словечка не промолвилъ. Тутъ ужъ и я понималъ чувства души каждаго изъ нихъ, и меня взяло за живое; по полковникъ не взвидѣлъ Божьяго свѣта и у бѣдняка чуть чуть слова не открылись раны.

Чесменскій Пневмидъ.

КІЕСЬ.

(Онокчаніе).

Молодой боэръ вполнѣ понималъ опасность своего положенія и вмѣстѣ съ своею невѣстой скрылся въ густой кустарникъ, надѣясь пробраться въ густой лѣсъ, въ которомъ они могли скрыться, или защититься, если бѣ дикіе догнали ихъ. Уже они приближались къ этому убѣжищу, какъ вдругъ увидѣли передъ собою широкую долину, которую надо было перейти и на которой Готтентоты, находившіеся на скалѣ, могли увидѣть ихъ. Она остановилась на минутку и сталъ внимательно прислушиваться. Только издали слышалась еще рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Успокоенные этимъ, они вступили на долину; но едва прошли нѣсколько шаговъ, какъ Флиппъ остановился, шепнулъ Женни, чтобы она скрылась въ высокой травѣ, въ которой она находилась, и не трогалась. Онъ самъ исполнилъ то же. Но уже было поздно: дикіе, сходящіе съ холма, прямо шли къ нимъ...

— Успокойся, говорилъ Кіесь Тракозін, — я

давно знаю Флиппа; онъ мужественъ, но не безразсуденъ, и когда увиантъ, что мы со всѣхъ сторонъ окружили его, то сдастся, хоть бы для того, чтобы спасти жизнь той, которую онъ любитъ. Клаасъ, — продолжалъ онъ, обратившись къ Готтентоту, слѣдовавшему за нимъ, — гдѣ наши?

— Всѣ по своимъ мѣстамъ.

— Пусть выхолодятъ; полай сигналъ.

Клаасъ свиснулъ, и въ то же время несчастный Флиппъ увидѣлъ болѣе двадцати головъ, возвышавшихся надъ кустарникомъ, окружавшимъ его.

— Намъ увидали, Женни, — сказалъ Флиппъ; — мы погбли, если эти дикари не сжалятся надъ твоєю молодостью и красотой, и если мнѣ не удастся смягчить ихъ общаніямъ.

Тогда онъ всталъ, сбѣлалъ знакъ рукою и закричалъ:

— Ха зунти, зунка коз ко-энт, мале тири т'нунку! (Стой, храбрый Готтентотъ, и выслушай меня!) (*)

Дикари не остановились, но пошли тише и руками дѣлали дружелолюбные знаки. Когда они приблизились на пятьдесятъ шаговъ, Кіесь заговорилъ:

— Флиппъ, ты самъ и твою невѣста теперь въ моей власти; ты знаешь, что въ подобномъ случаѣ боэръ не пощадилъ бы бѣднаго бошесмена. Слѣловательно, и ваша жизнь принадлежитъ мнѣ.

— Жизнь наша принадлежитъ Господу... Онъ одинъ властенъ надъ нами. Но Господь всѣмъ намъ беречь жизнь, которую Онъ намъ даровалъ, а потому я готовъ предложить тебѣ условія. У меня есть стадо изъ пятидесяти воловъ и ста коровъ: я отдаю тебѣ его, если ты пощадилъ эту дѣвушку, которая никому не слѣлала зла.

— Братья мои овладѣли уже твоимъ стадомъ, которое теперь принадлежитъ мнѣ, по праву сильнѣйшаго. Дай мнѣ что нибудь другое.

— Я тебѣ дамъ двадцать фунтовъ табаку, ружья, пороху и пули.

— Я курю только конопляные листья; у меня есть лукъ и колчажъ, набитый отравленными стрѣлами. Давай что нибудь другое.

— Я тебѣ отдамъ мой домъ и поля, окружающіе его.

— Въ лѣсахъ я найду довольно сучьевъ для построения хижинъ; что же касается до полей, то онѣ принадлежатъ намъ и, если нужно будетъ, то мы сами съумѣемъ огнать ихъ у васъ. Давай другое!

— Я дамъ тебѣ котлы и мѣдныя кольца.

— Все это волны мои пайдутъ въ домъ твоего отца. Мнѣ достанется лучшая лоля.

— Чего же ты хочешь?

— Чего я хочу?.. Твоей свободы, твоего отчаянія, твоихъ слезъ!.. Я хочу, чтобы ты и невѣста твоя были моими невольниками. Ты, Флиппъ, будешь строить мою хижину, ты будешь воздѣлывать мою коноплю и опушки лѣса, ты на плечахъ своихъ понесешь дичь, которую я буду убивать на охотѣ... и отъ этой дичи, тебѣ достанутся одніи кости, которыя ты будешь глотать какъ собака!.. Женни же твоя будетъ разводить огонь въ моей хижинѣ; она будетъ чистить кольца Тракозін; она будетъ доить коровъ и пр... Кіесь былъ прерванъ крикомъ негодованія Женни и выстрѣломъ...

Начальникъ дикарей замѣтилъ движеніе молодой дѣвушки, когда она прицѣливалась въ него, а потому бросился на землю, чтобы уклониться отъ убійственной пули; но несчастный забылъ, что за нимъ стояла Тракозін...

Онъ узналъ о томъ только тогда, когда она, испустивъ жалобный, болѣзненный стонъ, упала на траву съ окровавленою грудью...

Невозможно описать пароксизма отчаянія и горести Кіеса. Онъ вскочилъ съ быстротою молніи... стрѣла свиснула въ воздухъ и вознаеась въ правый глазъ молодой невѣсты Флиппа...

Бѣдная дѣвушка упала мертвая, не успѣвъ даже пожать руку своему жениху, не успѣвъ даже вскрикнуть.

(*) Слово къ слову: и дай мнѣ твою ую.

Клаасъ, замахнувшись копьемъ, бросился на боевра, но въ то же мгновение пуля поразила его въ грудь.

Кіесъ, чтобы не дать врагу своему времени зарядить ружье и, въ порывъ ярости, какъ левъ кинулся на Флипа, направивъ къ груди его острее своего копыля. Но ловкій боевр отклонилъ ударъ и противникъ вступилъ въ рукопашный бой. Борьба была не продолжительна, но ужасна. Флиппъ, по атлетическому росту и геркулесовскимъ силамъ своимъ, пичкалъ большое преимущество надъ своимъ соперникомъ; но послѣдній былъ гибче, проворнѣе и привыченъ къ борьбѣ; припомъ же Кіесъ могъ цѣпляться за платье боевра, между тѣмъ какъ руки Флиппа скользя по лагону, жирному тѣлу Готтентота. Кіесъ пользовался противъ опаснаго противника своего не только поганн, кобылами и кулаками, но и ногтями, и зубами, какъ лисій звѣрь; не смотря на то, все успія его были тщетны. Оба упали на землю, то олимпъ, то другой одерживалъ верхъ... оба хранили глубокое молчаніе...

Богеммены приближались съ страшнымъ воплемъ, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пустить стрѣлы въ боевра, изъ опасенія ранить своего начальника. Наконецъ Флипп одолѣлъ своего врага; успевъ одно копылю въ грудь его, онъ душилъ Кіеса, обхвативъ шею его обѣими руками. Уже Готтентотъ задыхался, глаза его надувались кровью, губы синѣли, когда Флипп опустилъ голову и глубоко вдохнулъ... Пащцы его разжались, копылю перестало давить грудь Кіеса; онъ покачнулся и упалъ возлѣ дикяря...

— Гнауткали! (Онъ умеръ!) — закричалъ Кіесъ и скоро вскопчалъ.

Во время борьбы Кіесъ упалъ стрѣлу на травѣ, ловко схватилъ ее и вознилъ въ грудь боевра.

Послѣ этой побѣды, богеммены воротились къ Тракозію и старались привести ее въ чистоту, но успъ! — все было тщетно. Молодая дѣвушка, расprostертая на травѣ, которую она опрсна своей кровью, не слышала ни ласкъ Кіеса, ни его криковъ испанства и мщенія. — Омочивъ слезами холодное, безжизненное лицо своей подруги, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, начальникъ обратился къ вопнамъ, раздѣлявшимъ горесте его. Онъ утеръ слезы, глаза его опять приняли суровое выраженіе, и онъ сказалъ:

— Друга, затѣмъ мы плачемъ, какъ слабые женщины? Слезамъ мы не умеемъ невниной крови Тракозію! Не плакать должно — а дѣйствовать! Пусть двое изъ васъ хранятъ тѣла убитыхъ братьевъ нашихъ и этой женщины, которую я столько любилъ, чтобы не дать гіоннамъ пожрать ихъ прежде, нежели мы воротимся изъ жилища Диръ-Маркуса. Сегодня вечеромъ пани унчотжигъ до основанія поселеніе нашихъ братьевъ!..

Промло около четверти часа съ тѣхъ поръ, какъ Кіесъ утратился, когда двое дикыхъ, старожилыхъ мертвыхъ тѣла, услышан въ нѣкоторомъ разстояніи глухой шумъ приближавшейся тяжелой повозки. Они встали со страхомъ и, такъ какъ шумъ приближался, то они рѣшились скрыться въ кустарники, откуда могли влѣтѣть все, что происходило.

два всадника, Европейцы, не походившіе однако жъ по костюму на боевра, медленно приближались по долинѣ; за ними следовали пять или шесть вооруженныхъ Готтентотовъ. Европейцы спокойно разговаривали между собою, не поауравляя нисколько, что они ѣхали по мѣсту, на которомъ за два часа проеходила кровопролитная битва. Они были молоды и одѣты съ красавою, опрятною простотою богатыхъ жителей столична мѣста.

— Докторъ Шпарманъ, — говорилъ г. Иммельманъ, — вы сами видите, что мы поступили очень хорошо, оставивъ нашихъ людей съ повозкой при вѣтхѣ въ долину, потому что мы съ нею никакъ бы не добрались по этой неровной дорогѣ.

— Конечно, — отвѣчалъ знаменитый докторъ, съдѣлавшій въ послѣдствіи президентомъ Стокгольмской Академіи; — конечно, и я тѣмъ болѣе благодаренъ за вами, что вотъ бездѣлушки, кото-

рыя совѣтуютъ намъ не пускаться въ это опасное ущелье.

Говоря послѣднія слова, докторъ сошелъ съ лошади и поднялъ пять или шесть отравленныхъ стрѣлъ. Г. Иммельманъ также сошелъ съ лошади, и оба, перекинувъ поводья черезъ руку, осторожно вступили въ узкій проходъ т Корка. Вскорѣ они съ ужасомъ остановились при влѣвъ множества обезображенныхъ труповъ, и они призвали своихъ Готтентотовъ, чтобы защититься въ случаѣ опасности. Они не замедлили разсмотреть, что находились на мѣстѣ, бывшемъ за нѣсколько часовъ полямъ сраженія, и человеколюбіе внушило доктору осмотрѣть тѣла, лежащія на травѣ, чтобы удостовѣриться, точно ли все было лишено жизни. Онъ уже оканчивалъ свой человеколюбивый осмотръ и Готтентоты рыли лопатой, чтобы положить тѣла умершихъ, когда онъ случайно замѣтилъ, на довольно отдаленной лошади, еще нѣсколько труповъ. Онъ пошелъ туда и увидалъ четыре трупа: Флиппа, Клааса, Женни и Тракозію.

Добрый докторъ, проливъ слезы сострадалаго злооудливой судьбѣ бѣдныхъ жертвъ, и поворачивая сквозь зубы на глуность и варварство рода человеческого, сталъ осматривать раны несчастныхъ. Тросъ былъ пораненъ смертельно и скончался тотчасъ послѣ удара. Но, когда онъ дошелъ до Тракозію, то ему показалось, что пульсъ молодой дѣвочки еще бился. Онъ осмотрѣлъ руку, которая у нея была навъ правую грудью и, съ помощію сонна, увидалъ, къ крайнему своему изумленію, что пуля не проникла во внутренность груди, а остановилась въ мускулѣ, на пять или шесть линій глубины. Хотя съ докторомъ не было никакихъ хирургическихъ инструментовъ, однако жъ, съ помощію своего перочиннаго ножичка, онъ искусно вынулъ пулю, которая, не давая болѣе артерію, позволяла крови вступить въ прежнее обращеніе.

Минуту спустя, Тракозію открыла глаза.

Г. Иммельманъ осматривалъ между тѣмъ все кусты, чтобы удостовѣриться, не было ли въ нихъ еще жертвы кровопролитной битвы, когда онъ замѣтилъ въ чащѣ тѣло богеммена; ощутивъ его тепло; однако жъ не замѣтно было движенія, на слышно дыханія. Но самое странное было то, что на немъ не впаило было ни одной раны. Г. Иммельману пришло на мысль, что этотъ бѣднякъ только въ обморокѣ, и что его можно было воротить къ жизни, нисувивъ ему кровь, а потому онъ слѣзъ на траву, вынулъ изъ сафьяннаго футляра ланцетъ, котораго гладкая поверхность басисуда на солнцѣ, какъ зеркало; онъ взялъ руку дикяря и поднесъ уже ланцетъ къ жилю, когда онъ вдругъ вздрогнулъ, вскопчалъ на ноги и пустился бѣжать съ такою быстротою, что лучший англійскій конь не могъ бы догнать его.

Этотъ быстрогоняй мертвецъ былъ не кто иной, какъ одинъ изъ Готтентотовъ, оставленныхъ для присмотра за трупами. Чтобы избѣгнуть несчастія, которое, по его мнѣнію, угрожало ему, онъ рѣшился ипритвориться мертвымъ. Товарищъ его употребилъ ту же хитрость, когда Готтентоты и г. Шварманъ наши его въ кустахъ; но онъ не такъ дешево отдался. Готтентоты увидали, что онъ еще живъ, и подували, что онъ вѣролатъ, умираетъ, а потому совершили его обыкновенной въ подрѣзкухъ случаяхъ операцию, то есть, они избили его — и вотъ каковы образцы.

Когда Готтентотъ находился при послѣднемъ издыханіи, или даже, когда онъ уже умеръ, товарищъ тормошатъ, качаютъ, толкаютъ, бьютъ его кулаками, кричатъ ему въ уши, брапятъ его за то, что онъ хочетъ умереть, и потомъ опять бьютъ, чтобы убѣдить его не разставаться съ этимъ міромъ.

Избитый, измученный бѣднякъ лучше согласился образумиться, чѣмъ ждать, чтобы его услужливые Готтентоты совсѣмъ убили. Между тѣмъ какъ послѣдніе успокаивали бѣдника, товарищъ его побѣждалъ вслѣдъ за Кіесомъ и извѣстля его о томъ, что происходило въ ущельи т Корка. Начальникъ тотчасъ же приказалъ вопнамъ своимъ оставаться и воротился къ ущелью

со своей маленькой арміею, до того упоенной своей побѣдой, что она снова готова была вступитъ въ бой съ новоприбывшими Европейцами, принимая ихъ за поселенцевъ.

Между тѣмъ докторъ Шпарманъ уложилъ Тракозію на носилки, сдѣланныя изъ древесныхъ вѣтвей, и велѣлъ перенести ее туда, гдѣ остановился его повозка. Тамъ онъ велѣлъ распахнуть палатку и занялся приведеніемъ Тракозію въ чувство.

Вскорѣ молодая женщина пришла въ себя и только опушила большую слабость. Она чрезвычайно обрадовалась, когда докторъ открылъ ей, что она не попала въ руки боевра, и что она вскорѣ увидитъ со своимъ мужемъ.

Г. Иммельманъ остался въ ущельи, чтобы предать землѣ убитыхъ, когда онъ вдругъ услышалъ за скалою жалобный крикъ ребенка. Готтентоты побѣжали туда и вскорѣ воротились съ трупомъ молодой Готтентотки, пораженной пулей и ребенкомъ нѣсколько летъ, котораго они нашли въ мѣшкѣ, впѣшшемъ на синіи несчастной матери. Бѣдный малютка не былъ раненъ; только страхъ заставлялъ его кричать. Г. Иммельманъ былъ глубоко тронутъ. Онъ взялъ ребенка, закуталъ его въ мѣшокъ и посадилъ передъ собою на скало. Готтентоты вырыли еще могилу для несчастной женщины и опустили ее туда. Когда все было кончено, одинъ изъ Готтентотовъ подошелъ къ Иммельману.

— Боась, — сказалъ онъ ему, — все готово; пожалуйста имѣ ребенка.

— Затѣмъ? — спросилъ г. Иммельманъ.

— Буато вы не знаете, Боась? Чтобы, по нашему обычаю, похоронить его вмѣстѣ съ матерью.

— Но это ужасный обычай!

— Вы думаете, Боась? — предсладнокрово отвѣчалъ Готтентотъ; въ такомъ случаѣ, позволите имѣ, если вамъ это лучше нравится, привалать его къ этому дереву и гіонны сблѣять его въ будущую ночь. (*)

Г. Иммельманъ, пораженный ужасомъ при подобномъ предложеніи, взялъ на руки бѣднаго ребенка, который улыбнулся и протягивалъ къ нему рученки; потомъ, припроривъ лошадь, посакалъ къ повозкѣ. Онъ никакъ не могъ объяснить Готтентотамъ, что они поступали ужасно, жестоко, убивая бѣдныхъ малютокъ по той прилипѣ, что у нихъ не было болѣе родителей, которые ухаивали бы за ними.

— Боась, — говорили Готтентоты, покачивая головами, — въ такомъ случаѣ мы тоже поступаемъ дурно, оставляя нашихъ стариковъ въ пустынѣ, гдѣ они умираютъ съ голоду, когда, по старости шип по болѣзні, они болѣе не въ состояніи добывать себѣ хлѣбъ? (**)

Вечеромъ того же дня, Кіесъ явился со всеми своими подчиненными къ палаткѣ Шварманна, не съ оружій въ рукахъ, (потому что Тракозію отравила уже къ нему богеммена съ извѣстіемъ обо всемъ), а чтобы броситься къ ногамъ человеколюбиваго стокольскаго ученаго и со слезами благодарить его за спасеніе Тракозію.

— О! скажите, скажите, Боась, чѣмъ могу я доказать вамъ свою благодарность?

— Поступайте всегда, какъ благороднымъ людямъ поступать слѣдуетъ. Заппшайте свободу, ларованную вамъ самой природой, но не будьте жестоки. Сохраните простоту нашихъ сердецъ, пользуйтесь изъ нашего просвѣщенія тѣмъ, что у насъ есть хорошаго, и отсегая все дурное. Будьте добры и сансхотельны къ нашимъ братьямъ, какова бы они дѣтв и племенн ни были и, въ особенности, не покидайте ни дѣтей, ни старцевъ!..

Кіесъ, со слезами на глазахъ, подошелъ къ г. Иммельману, взялъ изъ рукъ его ребенка, закутаннаго въ мѣшокъ, отдалъ его Тракозію и сказалъ:

— Боась, этотъ ребенокъ будетъ нашимъ сыномъ, и всѣ Европейцы, похожіе на тебя, будутъ моими братьями!..

П. Ф.—нв.

(*) См. Путешествіе въ Африку Шварманна, томъ 2, стр. 95.

(**) Id. — стр. 92.

ОБРУШИВАЮЩИЯСЯ СКАЛЫ ВЪ ФЕЛЬСБЕРГѢ.

Вмѣстѣ съ очаровательными, возвышенными, величественными зрѣлищами природы, которыми такъ богата Швейцарія, тамъ встрѣчаются и зрѣлища дикихъ, страшныхъ опустошеній и разореній, и сколько нервы очаровываютъ, столько же несвѣдѣній наполняютъ душу страхомъ и ужасомъ.

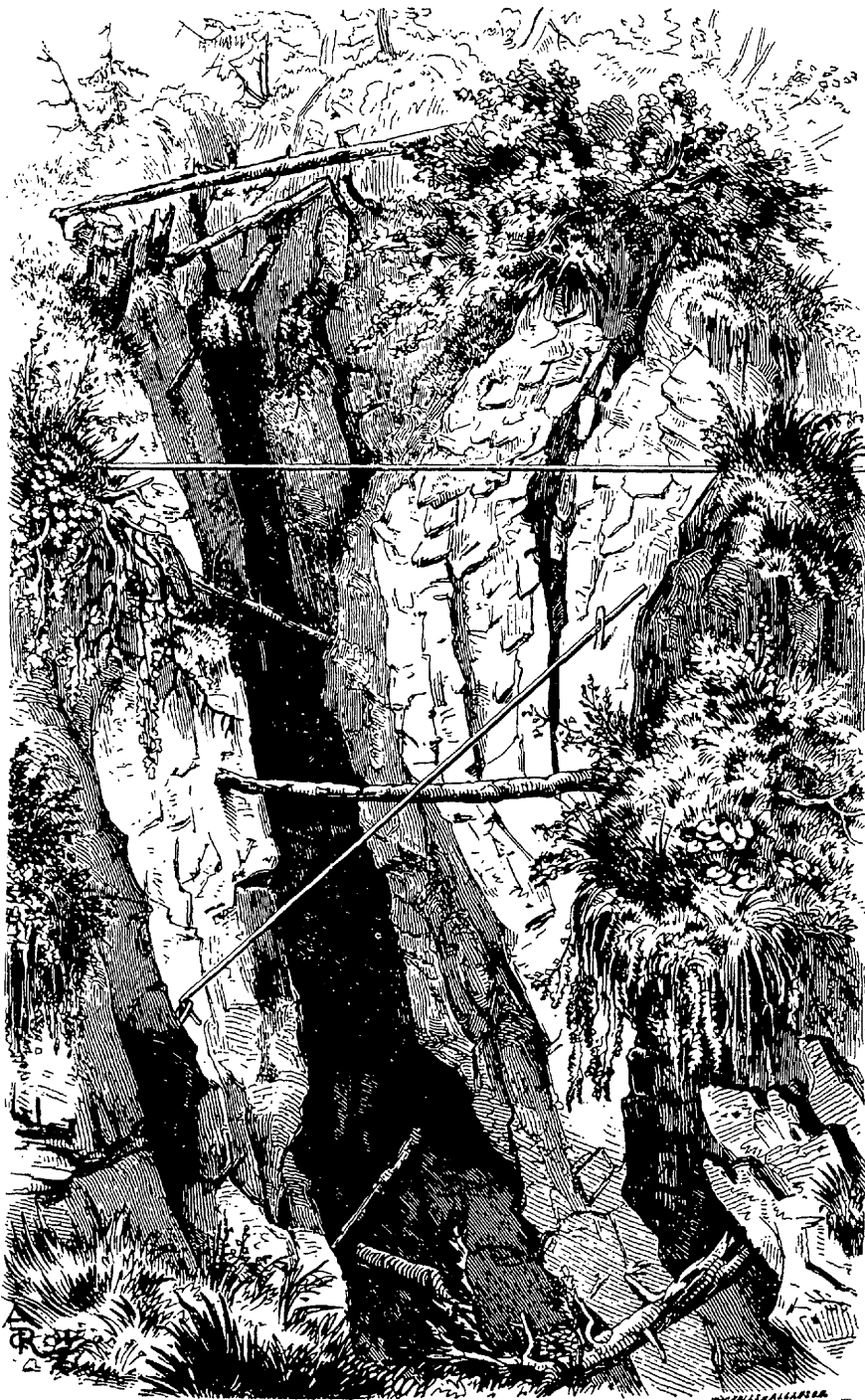
Къ ужасающимъ зрѣлищамъ опустошеній принадлежатъ вмѣстѣ съ лавинами и паденія скалъ. Предстѣпійнія мѣстоположенія, роскошные луга, поля и виноградники, населенные трудолюбивою рукою человека, внезапно превращаются въ дикія пустыни; мнрныя жилища пастуховъ, даже цѣлыя селенія исчезаютъ подъ обломками скалъ, которые засыпаютъ источники, преграждаютъ теченіе рѣкъ, разоряютъ цѣлыя лѣса и нѣрѣдко, упавши въ озера, наволняютъ окрестности.

Какія причины этихъ ужасныхъ перепоротовъ? Что потрясаетъ эти скалы, лежація, быть можетъ, неподвижно болѣе тысячъ лѣтъ? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить въ нѣсколькихъ словахъ.

Что касается до паденія горъ, то это происходитъ оттого, если въ пнжней части горы образуется пустота и верхняя часть ея не имѣетъ надлежащей опоры. Пустоты же эти происходятъ отъ воды, пропикающей сквозь ущелія и трещины, или просачивающейся сквозь рыхлую землю; вода, встрѣчая внезапное сопротивленіе постепенно стремится впередъ, просачивается въ слои земли, разрыхляетъ или даже химически разлагаетъ ихъ. Само собою разумѣется, что отъ этого массы горы, лишаясь прочнаго, твердаго основанія, начинаютъ колебаться, сначала обнадиваются по частямъ, а наконецъ и совершенно ругаются.

Но не только горы, состоящія изъ мѣнѣ твердыхъ слоевъ, но даже скалы подвергаются паденію. Если, напримеръ, слои каменныя лежатъ не горизонтально, а наклонно и представляютъ игожесть трещины, то можно ожидать паденія скалы, особенно, если она имѣетъ крутую вершину, покрытую вѣтвистыми снѣгами. Тогда постепенно на камняхъ образуются новыя трещины, прежнія болѣе и болѣе расширяются отъ морозовъ, наполняются водою и, наконецъ, части скалы, какъ опасные предвѣстники страшнаго паденія, начинаютъ обрывать.

Иногда скалы обрушиваются внезапно, а иногда паденію предшествуетъ глухой грохотъ,

обломки чаще и чаще летятъ внизъ, трещины распространяются во всѣ стороны и, наконецъ, съ громомъ и страшнымъ трескомъ обрушивается вся масса и въ одно мгновение она покрываетъ всю окрестность обломками.

Такъ называемыя Даблереты сохранили только три зубца, или вершины, изъ которыхъ возвышеннѣйшая стоитъ на 9600 футовъ надъ поверхностью моря; прочія же обрушились въ 1714 и 1749 годахъ. Обломки скалы покрыли плоскость въ $\frac{1}{4}$ мили пространства и умертвили 16 человекъ; 400 головъ рогатаго скота и причинили ужасныя опустошенія. Тезеніе многихъ рѣкъ было приостановлено и онѣ образовали озера.

Чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти, во вре-

мя этого паденія скалы, одинъ изъ жителей деревни Авенъ.

Во время начала паденія, этотъ человекъ находился въ своей хижинѣ; огромный обломокъ скалы упалъ такъ образомъ, что, прислонившись однимъ концомъ къ подножію скалы, а другимъ упершись въ землю, онъ образовалъ надъ хижиной защитительную крышу, которая, однакожь, вскорѣ была засыпана пескомъ, землею и мелкими камнями, такъимъ образомъ, что истухъ былъ живого погребенъ въ своей хижинѣ. Можно представить себѣ отчаяніе несчастнаго! Руками и ногами сталъ онъ рыть землю, питался сыромъ и водою, просачивавшейся изъ соседняго ручья. Три мѣсяца несчастный трудился неутомимо; наконецъ, къ Рождеству, онъ прорылъ себѣ проходъ и вышелъ на открытый воздухъ, на свѣтъ, къ которому глаза его не сразу могли привыкнуть...

Но, кто опишетъ счастье, восторгъ его? Съ поднятыми къ небу руками, на колѣняхъ, благодарилъ онъ Всевышняго за нечаянное спасеніе, и потомъ отправился далѣе отпекивать родныхъ, знакомыхъ.

Бѣдный, изуренный, явился онъ въ деревню. Всѣ съ ужасомъ бѣгутъ отъ него, думая видѣть страшное привидѣніе. Не только знакомые, но и родные запираются со страхомъ въ своихъ домахъ. Посылаютъ за пасторомъ, чтобы онъ съ крестомъ погналъ привидѣнца съ того свѣта.

Толькоумный пасторъ рѣшается вступить съ несчастнымъ въ переговоры и все дѣло объясняется.

Въ 1835 году, послѣ сильной грозы обрушилась въ тѣхъ же горахъ полуденная вершина —

Dent du Midi — и мы могли бы представить читателямъ множество прихворъ паденій скалъ и неразлучныхъ, болѣею частью, съ ними бѣдствій.

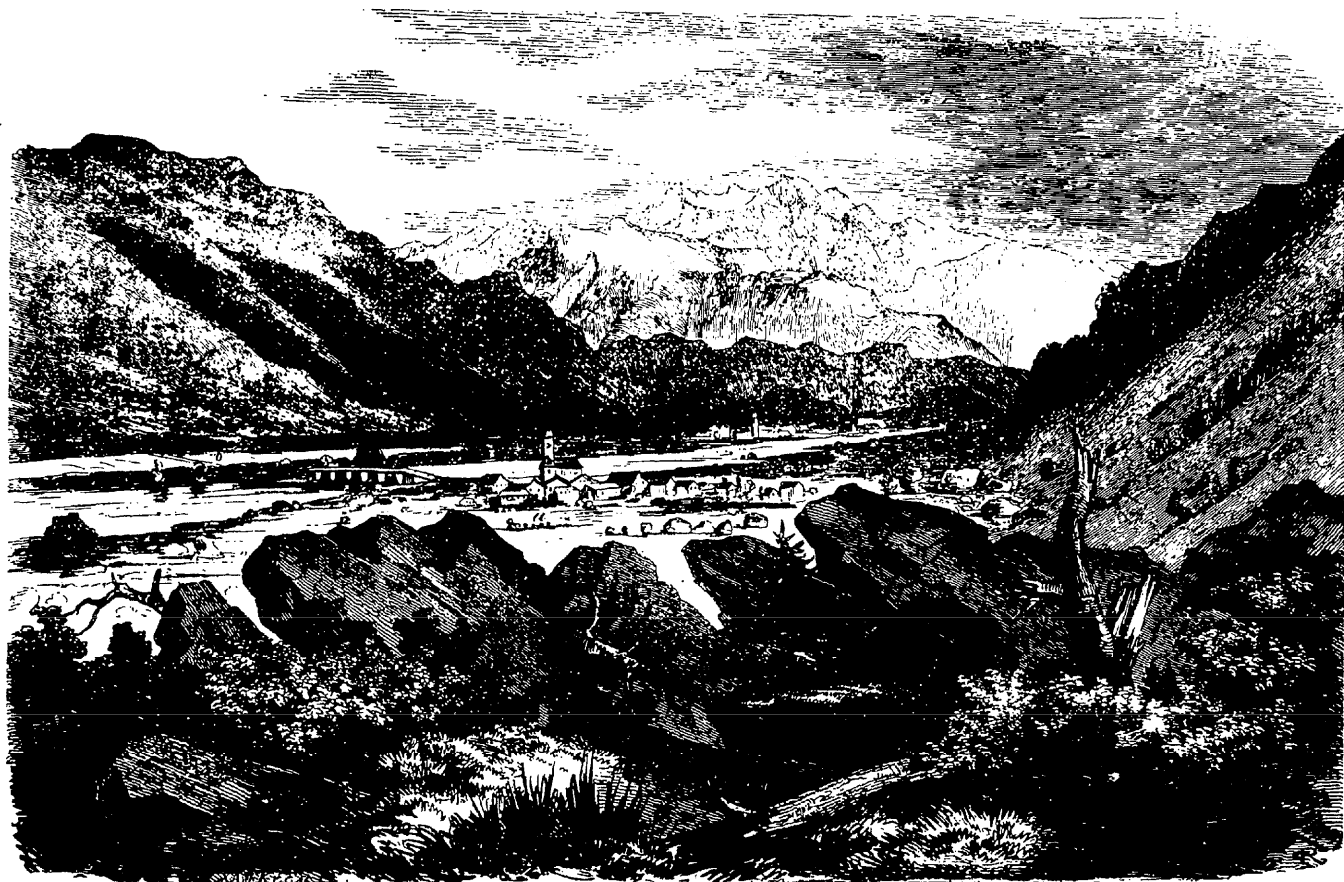
Въ недалекомъ разстояніи отъ Кура, главнаго города граубенденскаго кантона, вверхъ по Рейну, лежитъ деревня Фельсберга. Будучи живописно раскинута у подножія огромной горы, эта деревня услаждаетъ зрѣніе видомъ достатка и благосостоянія, которыми жители ея, по видимому, наслаждаются; за обширными, роскошно зелѣющими, фруктовыми лѣсами виднѣются вѣселенскіе, бленскіе домики съ коричневыми крышами, и надъ деревней висится сельская церковь, стоящая на возвышеніи. Картина очаровательная, полная жизни, счастья!.. Но увидѣвъ, пройдя деревню, и вы остановитесь, поражаемые

вольнымъ ужасомъ... взеру вашему представится одно изъ тѣхъ зрѣлищъ разрушенія, которое мы старались описать. Тамъ, гдѣ прежде трудолюбиве челоука употребило въ свою пользу плодородную равнину, теперь лежатъ громадные обломки скалы, подобно памятникамъ могущества, одно движеніе котораго способно разрушить всё созданія муравьиной дѣятельности челоука.... Это странная исторія, пѣвущающая насъ о грозныхъ проществіяхъ прошедшаго и содержащая страшное предсказаніе будущаго, ожидающаго несчастное селеніе. Они расскажутъ вамъ исторію дней, проведенныхъ въ близкомъ ожиданіи, исторію ночей, проведенныхъ безъ сна... Когда же наступитъ послѣдній день несчастнаго селенія?... этого никто опредѣлить не можетъ. Но взгляните на скалу, возвышающуюся надъ деревней на 580 футовъ, бросьте взглядъ въ ущелья, въ глубокія трещины, образовавшіяся на ней по всѣмъ направленіямъ, и вы невольно вскрикнете жителямъ: — Бѣгите, бѣгите сегодня, бѣгите сей же часъ!...

Жители Фельсберга сами знаютъ угрожающую имъ опасность, но до сихъ поръ къ спасенію ихъ предстояли два препятствія, изъ которыхъ одно, по счастью, уже побѣждено, а другое, дастъ Богъ, скоро будетъ побѣждено.

Первое препятствіе почти невѣроятно: оно состояло въ сопротивленіи жителей разстаться со своей родиной и — въ презрѣніи ихъ къ опасности. Они по преданію знаютъ о множествѣ паденій, совершавшихся безъ вреда селенію, и знаютъ также, что въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ скала стояла неподвижно. Въ 1834 году отбѣлился огромный камень отъ скалы и полетѣлъ внизъ, но не причинилъ ни малѣйшаго вреда. Подозрительнымъ показалось то, что этотъ обломокъ не покатылся по пути своихъ предшественниковъ, но избралъ новую дорогу, черезъ прекрасный лѣсъ, по направленію къ деревнѣ; подозрительнымъ показалось и то, что въ скалѣ образовалось множество новыхъ трещинъ, по которымъ въ то время уже заключили о неизбежномъ

паденіи всей массы; подозрительнымъ казалось еще то, что въ томъ году обвалы были многочисленны, отбѣлилось до 800,000 квадратныхъ футовъ скалы, и не смотря на это, все обошлось довольно благополучно, и крестьяне съѣлились надъ городскими жителями, совѣтовавшими имъ покинуть свои хижины. Но, наконецъ, когда, благодаря стараніямъ дѣятельнаго мѣстнаго пастора, были сдѣланы изслѣдованія, то оказалось, что трещины, образовавшіяся во время послѣдняго паденія, каждую недѣлю расширялись — одна изъ нихъ имѣетъ около 700 футовъ длины и 9 футовъ ширины; — потому послѣдовавшіе новые обвалы и, наконецъ, въ 1845 году обвалы эти были такъ сильны и страшны, что ясно оказалось, что все основаніе скалы было поколеблено... Тогда вѣра въ безопасность покинула жителей Фельсберга, и теперь они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того дня, когда имъ можно будетъ переселиться на другое мѣсто. Впослѣдствіи, люди смѣлые и опытные въ этомъ дѣлѣ взобрались на скалу и подтвердили, что всѣ массы

(Видъ Фельсберга).

скалы находятся уже въ постоянномъ движеніи, и рано, или поздно, должны обрушиться.

Фельсбергскіе жители, однакожъ, не переселились еще, потому что когда рѣшимость ихъ созрѣла, возникли многія другія препятствія... и эти препятствія заставляютъ несчастныхъ жителей оставаться на мѣстѣ, гдѣ ежеминутно угрожаетъ имъ смертельная опасность! Конечно, въ вѣкоторыхъ разстояніи отъ деревни выстроены, на всякій случай, шалаши, которые, однакожъ, не могутъ служить постояннымъ жилищами. По весьма затруднительно прискаты новое мѣсто для переселенія: лучшее мѣсто было бы конечно то, которое лежитъ въ большомъ разстояніи отъ Кура и ближе къ Эксу. Но, къ сожалѣнію, жители Экса объявили рѣшительно, что только въ такомъ случаѣ уступятъ это мѣсто жителямъ Фельсберга, если они оставятъ реформатское вѣроисповѣданіе и примутъ католическое, на что бѣдники отговаривались, что они скорѣе согласятся быть погребенными подъ скалами!...

Такимъ образомъ, бѣдные жители Фельсберга находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Прошлаго году, въ ночь на 24 іюля, воспослѣдовалъ новый обвалъ, и съ такою силою грохотомъ, что даже жители Кура были пробуждены. Изъ отбѣлившихся обломковъ выходитъ одинъ, имѣющій около 46,000 кубическихъ футовъ. Рано утромъ 31-го іюля девятнадцать челоуковъ Общества Естественнаго опыта состоянія ея. Грустно провозвали многіе жители деревни естественнаго опыта, съ болавію оживляя приговора ихъ, который не могъ быть утѣшительнымъ. Послѣ изслѣдованія, всѣ единогласно рѣшили, что опасность ежедневно увеличивается и что страшная катастрофа приближается быстрыми шагами. Разсѣяны умножились до не вѣроятности; вѣкоторые изъ нихъ такъ велики, что челоукъ легко можетъ провалиться въ нихъ. По стукъ брошенныхъ въ трещины камешковъ, можно было слышать, что онѣ были чрезвычайно глубоки. По

общему очерку трещинъ можно опредѣлить объемъ скалы, готовой обрушиться, вѣсъ которой, по приблизительному разсчету, простирается до 40 милліоновъ центнеровъ. Времени паденія никакъ невозможно опредѣлить. Скала можетъ обрушиться по частямъ или вся вдругъ. Въ послѣднемъ случаѣ, не только вся деревня, съ 400 жителей, будетъ совершенно погребена, но, быть можетъ, что и Рейнъ будетъ остановленъ въ своемъ теченіи. Странныя послѣдствія этого паденія неспасимы.

Въ Швейцаріи и въ Германіи составились уже многія подписки на добровольныя приношенія людей, которыхъ несчастное положеніе бѣдныхъ жителей Фельсберга можетъ тронуть. Быть можетъ, помощь придетъ во время, быть можетъ, необходимы для переселенія Фельсбергцевъ суммы будутъ собраны только тогда, когда не останется ни этой красивой деревни, ни жителей ея...

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

Посвящается лютнителям жителямъ черезъ соединенныхъ Парголово.

I.

— Подвысь!.. закричалъ рослый унтер-офицеръ вздремнувшему часовому у шлагбаума Выборгской заставы.

Часовой встрепенулся, опустил цѣпъ и подъ шлагбаумъ двинулась тяжелая телега, сажени на полторы въ вышину, нагруженная мебелью. Красивый диванъ, обитый краснымъ сукномъ, былъ поставленъ поперегъ телеги и вмѣстѣ съ огромнымъ комодомъ краснаго дерева, какъ бы занималъ почетное мѣсто. Между ними, надъ ними и по сторонамъ были уложены съ замысловатою, если хотите, ибемкою, расчелтливостью стулья, кресла, столы и столики разныхъ формъ, перевязанные веревками и паудачу покрытые рогожками. Здоровая ломовая лошадь, вытянувъ шею впередъ и твердо упираясь копытами въ каменную мостовую, съ усиліемъ подвигалась впередъ.

За первымъ возомъ слѣдовалъ другой, столько же нагруженный, по мѣстѣ богатою мебелью. На верхушкѣ его были кучи связанныхъ тюфяковъ, перья и подушекъ. По бокамъ стояли горшки съ цвѣтами и къ выступамъ были привѣшены клѣтки съ испуганными птичками.

Наконецъ слѣдовалъ третій возъ, нагруженный всѣми кухонными припасами: ушатами, ведрами, корзинами, табуретами и провранными стульями. На верхушкѣ этого воза, на толстой, свернутой перницѣ сидѣла повелительница этого міра, уперевъ ноги на большую клѣтку, въ которой, прижавшись другъ къ другу, сидѣли куры и пѣтухъ, держала на колѣняхъ жирнаго сѣраго кота и какой-то свертокъ.

По сторонамъ возовъ шли ломовые извозчики, горничная дѣвушка съ двумя карточками и лакей съ столовыми часами.

День былъ майскій, сѣренскій; только мѣстами сквозь сѣрый однообразный покровъ проглядывало голубое небо. Темно-фиолетовый цвѣтъ сухихъ деревьевъ только начиналъ отбѣиваться свѣжею, сплеватою, весеннею зеленью. Было еще довольно холодно и мѣстами по немощеной сторонѣ дороги видѣлись огромныя лужи, перерѣзанныя колесами чухонскихъ таратаекъ.

— Извозчикъ! — закричала кухарка съ высокаго своего сѣдалища, — глянь-ка, тамъ, кажись развязалось.. вишь ты, стулъ ползеть на сторону.

Извозчикъ оглянулся, взглянулъ на то мѣсто, куда указывала ему кухарка, стукнулъ кулакомъ по стулу, такъ что тотъ затрещалъ, и махнувъ рукой, отвѣчалъ:

— Ничего! довеземъ.

— А что, Антипычъ, далеко еще до Паргала-то? — спросила горничная лакея.

— Не знаю, Аннушка; я, признаться сказать, самъ въ первый разъ иду туда.. А вотъ, спросимъ извозчика. Эй, ломовой! — продолжала опъ, обратившись къ извозчику: далеко ли осталось до Паргала?

— Вереть семь будетъ.

— Вишь ты!.. А что, ты бываешь тамъ? — спросила горничная.

— Эка!.. бываешь-ли? Вѣдь оно не за моремъ, — отвѣчалъ извозчикъ, — а я, никакъ, уже вотъ девятый годъ ломовымъ... какъ не быть!

— А хорошо тамъ? — продолжала распра-

шивать любопытная, смазливая субретка, свѣженькое личико которой было граціозно обвѣяно цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ извозчикъ, запустивъ пять пальцевъ подъ шапку и почесываясь этимъ природнымъ гребнемъ.

— А что же тамъ хорошаго? — спросилъ лакей.

— Какъ что хорошаго? — То же, что и вездѣ.. господа живутъ великіе... отвѣчалъ извозчикъ.

— А дачи хорошия? — спросила Аннушка.

— Дача?... Не то что отличныя, а есть хорошия... съ галдареями... Такія, что и въ два отгаза есть.

— А есть ли тамъ гдѣ гулять? — спросилъ лакей.

— Какъ же, тамъ есть трактиръ съ балхономъ... хорошиі... господа прѣзжаютъ, — отвѣчалъ извозчикъ, по своему понявъ въпросъ Антипыча.

— Нѣтъ, а такъ... знаешь... можно ли гулять?... спросилъ опять лакей, не одаренный достаточнымъ краснорѣчіемъ для выраженія своей идеи.

— И такъ можно гулять... Кто тебѣ будетъ мѣшать... хорошее мѣсто Парголо... вопъ вишь ты перелѣ намъ еще сколько возовъ... поди-ка, всѣ туда ѣдутъ...

Извозчикъ указалъ впередъ на нѣсколько возовъ, остановившихся посреди дороги.

Нѣсколько минутъ спустя, три описанные нами воза доѣхали до тѣхъ, на которые указывалъ извозчикъ, и также должны были остановиться.

— Что вы стали посередѣ дороги?... закричалъ одинъ изъ послѣднихъ ломовыхъ извозчиковъ.

— Что стали?... Эка!.. отвѣчалъ передрапывая ломоваго здоровый мужикъ въ обрванномъ армякѣ; — эка раскричался!.. погляди впередъ, такъ и увидишь что стали!

Впередъ была суматоха.

Маленькая деревенская телега, на которой были нагружены два простенькія дивана, обтянутые ситцемъ, комодъ орѣховаго дерева, столъ и два или три стула, остановилась посреди дороги... лошадь не везла.

Прочіе возы, тяжело нагруженные, не могли иначе объѣхать эту телегу, какъ своротивъ на немощеную дорогу, чего нельзя было сдѣлать, потому что въ этомъ мѣстѣ мостовая значительно возвышалась надъ немощеной дорогой, по которой, кромѣ того, была грязь по колено.

Мужикъ немилосердно колотилъ лошадь то по спинѣ, то подъ брюхо, но доброму русскому обычаю, — но она, видно, была съ норовомъ, потому что упрямо переносила удары и не трогалась съ мѣста. Нашелся добрый человѣкъ изъ ломовыхъ извозниковъ, который, желая оказать услугу мужику, нашелъ гдѣ-то въ сторонѣ огромную дубину, привнесъ ее къ нему, и сказалъ:

— Ну-ка ее этимъ... авось пойдетъ.

Мужикъ взялъ дубину и уже замахнулся, какъ вдругъ молодой человѣкъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ, схватилъ его за руку.

— Что ты дѣлаешь? — съ негодованіемъ вскричалъ молодой человѣкъ. Вѣдь ты убьешь ее!

— Ну, убью, такъ убью, проклятую!.. отвѣчалъ мужикъ съ раскраснѣвшимся отъ злости лицомъ; а иначе съ ней не совладѣешь!

— Полю, полю, отпряги ее и отведи въ сторону; и телегу стащишь на сторону... тебѣ поможетъ.

— Разумѣется!.. закричала толпа извозчиковъ и слугъ. — Не стоять же намъ съ тобой здѣсь до ночи!

— Ну, ладно; что разрешились!.. отвѣчалъ мужикъ и сталъ отпрягать лошадь, потчывая ее по временамъ толчками и приговаривая: — я жъ тебѣ докажу дружбу, пррррокаята!.. Постой ты у меня!..

Лошадь была отпряжена и телега, съ помощію ломовыхъ извозниковъ, свезена на немощеную дорогу. Повортивъ на молодого человѣка, давшаго имъ всѣмъ только одинъ гривенникъ на водку, извозчики приударяли лошадей и возы тронулись.

Молодому человѣку, о которомъ мы упомянули, было около двадцати лѣтъ. На немъ было дешевое сѣренское пальто, фуражка сѣровато-желтоватаго цвѣта и темно-бурые палтоны. Вившіеся изъ подъ фуражки темпорусые волосы обрамивали свѣжее, полное, цвѣтущее здоровьемъ лицо, которое хотя и не имѣло особенно умнаго выраженія, во отличало рѣдкимъ добродушіемъ. Въ рукахъ у молодого человѣка была простая палка, королевскаго дерева съ чорнымъ, костянымъ набалдашикомъ. Около него вертѣлся красивый, но порядочно запачканный, чорный пидель.

Когда послѣдніе возы проѣзжали мимо него, то горничная, Аннушка, толкнула локтемъ Антипыча и шепнула ему:

— Гляди-ка, гляди-ка... ни-какъ Дмитрій Ивановичъ!..

— Опъ и есть, — отвѣчалъ Антипычъ усмѣхнувшись, — также, кажись, въ Парголу ѣдетъ.

Аннушка перешла на другую сторону воза, чтобы обойти лужу, а, можетъ быть, и для того, чтобы быть замѣченной хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, которому она и поклонилась съ веселенькой улыбочкой и со собственнымъ кокеткамъ низшаго разряда косвеннымъ взглядомъ.

Молодой человѣкъ, какъ бы недовольный встрѣчей, скопфузился, покраснѣлъ, опустилъ глаза и приподнялъ фуражку.

Аннушка еще раза два оглядывалась, слегка поворотивъ голову, и замѣтивъ, что молодой человѣкъ искоса смотрѣлъ вслѣдъ за нею или — за возами, осталась очень довольна и воротилась къ Антипычу.

Возы проѣхали.

— Что же мы будемъ теперь дѣлать? — спросилъ молодой человѣкъ мужика.

— Да что дѣлать, баринъ? Надо подождать... она устоитъ... а тамъ опять повезетъ. Такая, право, бѣда, что и сказать не могу! — отвѣчалъ мужикъ.

— Проводи ее немножко; авось, она обойдется, — сказалъ молодой человѣкъ.

Мужикъ сталъ исполнять приказаніе молодого человѣка, который, оглянувшись по сторонамъ и не видя ничего достойнаго замѣчанія, разстегнулъ пальто и вынулъ изъ боковаго кармана небольшой сафьянный бумажникъ; раскрывъ его, онъ тщательно вынулъ оттуда ярко-розовую записочку, сложенную трехугольникомъ...

Не помню, кто сказалъ, что по почерку человека можно опредѣлить характеръ его; это довольно справедливо; но не менѣе того справедливо и то, что можно узнать, если и не характеръ, то по крайней мѣрѣ степень образованности, вкусъ человека, по тому, какъ онъ складываетъ письма. Что касается до меня, то я не могу хладнокровно смотрѣть

на письмо, сложенное трех-угольникомъ или квадратомъ.

Трех-угольная записочка, вышутая Дмитриемъ Ивановичемъ изъ бумажника, лежала въ немъ между двумя ассигнаціями, по увѣи.. въ лебамъ ассигнацій — въ одинъ и три рубля серебромъ. Чтобы ближе познакомить читателей съ нашимъ молодымъ человѣкомъ, надо сказать, что въ настоящую минуту эти двѣ ассигнаціи и нѣсколько серебряныхъ монетъ составляли все богатство его... и.. что онъ не всегда былъ такъ богатъ.

Онъ развернулъ записку и сталъ читать...

II.

Дмитрій Ивановичъ Топиловъ былъ помѣщикъ, столбовой дворянинъ. Гдѣ-то, въ Псковской губерціи, у него было семь душъ, которыми управляла старуха мать его. Должно забыть еще, что четыре изъ этихъ душъ были въ Петербургѣ; изъ нихъ двѣ ходили по оброку; одна занималась какимъ-то ремесломъ и одна пропадала безъ вѣсти.

Дмитрій Ивановичъ не кончилъ курса въ одной изъ петербургскихъ гимназій, — потому что хотѣлъ поступить на службу, чтобы имѣть возможность собственными трудами содержать себя и даже помогать бѣдной матери. Но для того онъ не могъ удовольствоваться мѣстомъ съ слишкомъ умѣреннымъ жалованьемъ и обратился къ одному изъ друзей своего отца, занимавшего тепленькое мѣстечко. Другъ этотъ лаобѣщала золотыя горы молодому человѣку, но, не исполнивъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, уѣхалъ куда-то во внутренность Россіи, по особымъ порученіямъ. Дмитрій Ивановичъ, не наученный еще опытомъ въ томъ, что обѣщать и исполнять не одно и то же, рѣшился ждать возвращенія своего покровителя.

Совершенное бездѣйствіе не въ природѣ человѣка. Если человѣкъ не занимается дѣломъ, то это еще не значитъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Мы знаемъ людей, которыхъ всѣ называютъ лѣнтями и которые исполняютъ такіе подвиги, на которые не способенъ никакой дѣятельный человѣкъ. Назовите трудолюбиваго человѣка, который цѣлыя недѣли, мѣсяцы, могъ бы просиживать ночи напролетъ за работою? А сколько есть лѣнтяевъ, которые напролетъ сидятъ каждую ночь, ревностно занимаясь предпочтеніемъ, отдаваемымъ червямъ предъ пиками?.. Топиловъ, по счастью, не дошелъ еще до секрета заниматься дѣломъ, ничего не дѣлая, а потому бездѣйствіе, въ которомъ онъ находился по милости друга покойнаго отца своего, было ему въ тягость. Не имѣя средствъ дорого платить за квартиру, онъ переехалъ на Васильевскомъ острову, гдѣ-то на Среднемъ проспектѣ, маленькую каморку, рядомъ съ однимъ молодымъ художникомъ. Откровенный, веселый, безцеремонный характеръ послѣдняго согладался съ правомъ Топилова; молодые люди сблизились и Дмитрій Ивановичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ учиться живописи.

Между тѣмъ Топиловъ часто посѣщалъ семейство своего покровителя, Егора Астафьевича Рытковского, состоявшее изъ матери и двухъ дочерей. Аграфена Васильевна, жена Егора Астафьевича, была дочь купца. Поговаривали, что будто бы повodomъ къ бракосочетанію ихъ были деньги Аграфены Васильевны и капитанскій чинъ Рытковского, служившаго еще тогда въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ — о любви не было и помину; но не всякому слуху должно вѣрять. Младшая дочь Рытковская вышла замужъ и уѣхала съ му-

жемъ, горнымъ чиновникомъ, въ Сибирь. Старшая, Авдотья, или какъ она сама называла себя, Евдоксія, была еще въ дѣвчачьихъ, не смотря на то, что ей было уже двадцать два года. Замѣтимъ мимоходомъ, что она созрѣвала только въ восемнадцать.

Евдоксія Егоровна была высокая блондинка, съ томными глазами и, къ сожалѣнію ея, румяными щеками. Вообще вся наружность ея, широкія плечи, роскошныя формы, дышали чувственностью, свойственною блондинкамъ. Но попротивуположности, весьма часто встрѣчаемой въ природѣ, душа ея негодовала на слпшномъ матеріальную форму тѣла и жаждала идеала. Евдоксія безпрестанно вздыхала и даже писала стихи.

Подобныя женщины очень нравятся молодымъ, неопытнымъ юношамъ, которые не въ состояніи еще понять всей цѣны естественности. Дмитрій Ивановичъ, сблизившись съ домою Рытковскихъ въ такое время, когда бездѣйствіе болѣе всего располагало сердце его къ впечатлѣніямъ любви, влюбился въ блондинку.

Мы съ намѣреніемъ сказали влюбился, потому что любить и влюбляться совѣтъ не въ одно и то же. Любить одинъ разъ въ жизнь, — влюбляются каждый день.

Евдоксія увидѣла въ Топиловѣ осуществленіе своего идеала, то есть, сердце юное, чистое, не знакомое еще съ любовью, и изъ котораго она могла сдѣлать все, что ей будетъ угодно. Конечно, Митинька, какъ называлъ его Егоръ Астафьевичъ, былъ еще не похожъ на героя романа; но онъ былъ еще молодъ. Евдоксія рѣшилась создать изъ него свой идеалъ...

Она начала преобразование свое съ того, что заставила Митиньку читать Парижскія Тайны, которая въ то время приводили всѣхъ въ восторгъ. Дмитрій Ивановичъ, очень мало читавшій въ свою жизнь, былъ пораженъ, увлеченъ, очарованъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, колоссальнымъ произведеніемъ знаменитаго французскаго писателя. Евдоксія осталась довольною первымъ опытомъ своимъ и впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Топилова Парижскими Тайнами, и нѣсколько мѣсяцовъ спустя, заставила его прочитать Лондонскія Тайны.

Молодой человѣкъ проглотилъ и этотъ романъ...

Евдоксія разсудила, что теперь пора посвятить его въ таинства любви.

Однажды вечеромъ блондинка сидѣла за фортопьяно, а молодой человѣкъ стоялъ за стуломъ. Въ комнатѣ вилого болѣе не было. Евдоксія кончила играть французскій кадрили, блистательнѣйшую пьесу изъ всего репертуара ея, приводившую въ восторгъ мало музыкальное ухо Топилова; и откинувъ назадъ бѣлокурныя локоны, она оглянулась, томно посмотрѣла на Дмитрія Ивановича и, не смотря на то, что тотъ съ замѣшательствомъ улыбался, сказала ему:

— Вы сегодня что-то задумчивы?

Молодой человѣкъ еще болѣе смѣшался и отвѣчалъ, запинаясь:

— Нѣтъ-съ... вамъ такъ кажется...

— О! нѣтъ... не старайтесь скрывать подл притворной улыбкой вашей задумчивости... я вижу...

Дмитрій Ивановичъ совершенно растерялся.

— Скажите... скажите... — сантиментально продолжала Евдоксія, подвигъ къ нему глаза, — что съ вами?.. Я приму участіе въ ва-

шей горести... О! вы не знаете, какъ благодѣтельно участіе... принимаемое другими въ нашихъ страданіяхъ...

У Дмитрія Ивановича замерло сердце.

— Вы молчите?.. — продолжала полудекламацией блондинка: — вы не вѣрите моей дружбѣ... Полноте, дайте мнѣ вашу руку... — и съ послѣдними словами она подала ему руку.

Молодой человѣкъ, влюбленный въ блондинку и приведенный въ восторгъ послѣдними нѣжными словами ея, съ жаромъ схватилъ протянутую къ нему руку и сталъ цѣловать ее.

— Что вы дѣлаете?.. вскричала Евдоксія, отдернула руку и потупила глаза. — Что вы сдѣлали?.. повторила она едва слышнымъ голосомъ и не подымая глазъ,

— Ахъ, если бы вы знали!.. началъ Топиловъ, и — замолчалъ.

— Что такое? — спросила блондинка, съ притворною наивностью.

— Да... я задумчивъ!.. то есть... я былъ задумчивъ... а теперь я веселъ, потому что счастливъ!..

Именно теперь только лицо молодого человѣка стало задумчивымъ.

— Вы счастливы?.. Отчего?..

— Оттого, что вы принимаете во мнѣ такое участіе.

— Всякій человѣкъ обязанъ принимать участіе въ горестяхъ ближняго, — отвѣчала блондинка, опять потупивъ взоръ.

Дмитрій Ивановичъ принялъ слова эти за наличную монету и приунылъ.

— Извините, — сказала онъ, — я осмѣлился думать... но теперь вижу, что ошибся...

— Въ чемъ вы ошиблись?.. — спросила Евдоксія; но видя, что Топиловъ молчалъ, она продолжала:

— Вы, можетъ быть, думали... что я принимаю въ васъ... особенное участіе?.. Что же вы молчите?

— Ахъ, Евдоксія Егоровна, я молчу, потому, что не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ все то, что у меня на душѣ... а тутъ хранится много, много! — сказалъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Если не можете высказать... такъ напишите... — съ живостію возразила Евдоксія, которая давно уже ждала случая вступитъ съ своимъ идеаломъ въ переписку, въ которой она могла бы выказать все свое краснорѣчіе.

— Какъ!.. вы позволите, — началъ было Дмитрій Ивановичъ, но въ то же мгновеніе былъ прерванъ громкимъ восклицаніемъ Аграфены Васильевны.

— Что вы тутъ сидите въ потьмахъ? — вскричала мать блондинки.

— Правда, правда, здѣсь темно; хе, хе, хе! — прибавилъ невысокій человѣчекъ, съ рыжими бакенбардами и въ зеленомъ вѣсцундрѣ, сѣдовавшій за хозяйкой и съ которымъ читатели впоследствии познакомятся ближе.

III.

И такъ Дмитрій Ивановичъ Топиловъ вступилъ съ блондинкой въ переписку.

Розовая записочка, которую онъ вынулъ изъ бумажника, была отъ нея. Вотъ образецъ краснорѣчія Авдотьи Егоровны:

«Дмитрій,

«Вы писали въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ, что будете вѣчно любить меня. О, другъ мой, не обманывайте себя и простите мнѣ — мою недоверчивость. Да, Дмитрій, я не могу еще вѣрить Вашей любви, тѣмъ болѣе,

«что Вы и сами еще не вѣрите ей. Я дальновиднѣе Васъ, потому что почти ровесница Вамъ, а Вы знаете, вѣроятно, что у женщинъ ранѣе развиваются умственные способности, нежели у мужчинъ. Какими жертвоугодниками доказали Вы Вашу любовь? «Что Вы сдѣлали, чтобы убѣдить меня въ «ней?.. О, Дмитрій, любовь часто упрочивается однимъ страданіемъ!.. Только тотъ «любитъ глубоко, пламенно, восторженно, «необузданно, страстно, кто много страдалъ «за свою любовь!.. Да и что наша жизнь?.. «Читали ли Вы Вѣчнаго Жиды?.. Тамъ сказано—жить значитъ страдать! Какъ это справедливо!.. А такъ какъ любить значитъ жить, «то и любить значитъ страдать!.. Понятно ли «это Вамъ?.. Въ головѣ моей толпится столько различныхъ мыслей, которыя такъ быстро смѣняются одна другою, что перо не «успѣваетъ слѣдовать за ними, и на бумагу «ложатся одиѣ неполныя, недоговоренныя «фразы!..

«Но то, что Вы, Дмитрій, не вѣрите любви «моей — непростительно! Что драгоценнѣе «всего въ женщинѣ? Скромность, — не такъ «ли? Писа къ вамъ я жертвую этой скромностью! О, ужасъ!.. перо падаетъ изъ рукъ

«моихъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, Дмитрій, дѣвичье чувство беретъ верхъ надъ моею любовью; — я «не должна, я не могу, я не буду болѣе писать къ Вамъ!.. Просите!!!»

Молодой человѣкъ прочиталъ это письмо и задумался. Не смотря на то, что каждое письмо Евдокіи оканчивалось борьбой дѣвичьяго чувства съ любовью и твердою рѣшимостью прекратить переписку, всякій разъ этотъ конецъ производилъ на него впечатлѣніе.

Но теперь его еще болѣе заставило задуматься сомнѣніе Евдокіи въ любви его и по жертвоугодію, о которыхъ она писала.

— Ну, баринъ, теперь садитесь; авось побѣжитъ.

Слова эти, произнесенныя почти надъ самымъ ухомъ Дмитрія Ивановича, заставили его вздрогнуть. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что лошадь была опять запряжена. Тщательно спрятавъ опять записку въ бумажникъ, онъ пошелъ къ телегѣ.

Въ то самое время по мостовой скоро бѣжала отъ заставы карета, запряженная тройкой, и велѣлъ за нею колеска.

Эти два экипажа быстро приближались, когда Дмитрій Ивановичъ, посадивъ пуделя въ телегу, самъ готовился вѣзти туда же...

Онъ уже занесъ ногу и ухватился за край телеги, когда лошадь, испуганная взмахомъ кнута кучера подвѣзжавшей кареты, рванулась впередъ...

Дмитрій Ивановичъ, лишившись опоры упалъ прямо въ лужу.

— Ахъ!.. Стой!.. вскрикнулъ женскій голосъ, и изъ окна кареты выглянуло полное личико въ соломенной шляпкѣ, изъ подъ которой вылились блѣлые локоны.

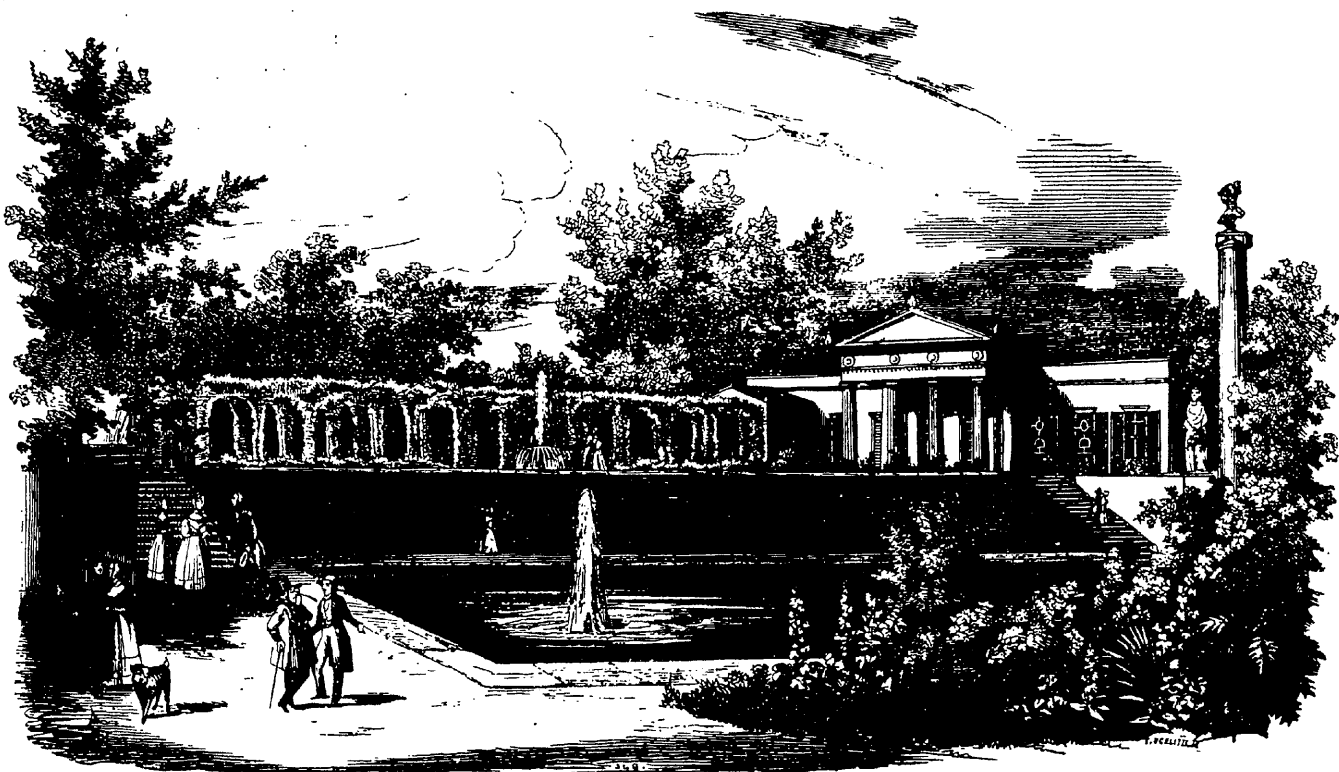
Между тѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ уже вскопчить... по уву! онъ былъ весь въ грязи.

— Пошелъ!.. вскрикнулъ опять тотъ же голосъ кучера, памбравшавшумся оставивъ лошадей, и соломенная шляпка скрылась.

Дмитрій Ивановичъ съ изумленіемъ смотрѣлъ вслѣдъ каретѣ, какъ вдругъ изъ промчавшейся мимо него колески послышался рѣзкій, прощесскій смѣхъ...

П. Ф.—илл.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Замокъ Шарлоттенгофъ.

ЗАМОКЪ ШАРЛОТТЕНГОФЪ.

Загородный дворецъ Сандъ-Суси, близъ Берлина, есть, безспорно, одна изъ живописнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ въ цѣлой Германіи. Въ окрестностяхъ его лежитъ замокъ Шарлоттенгофъ, видъ котораго мы представляемъ нашимъ читателямъ.

Шарлоттенгофъ прежде, подѣлитимъ же названіемъ, принадлежалъ одному частному лицу. Въ 1826 году, покойный король прусскій купилъ это имѣніе и подарилъ его сыну своему, наследному принцу, который, въ память двухъ дорогихъ сердцу его особамъ — матери и сестры, Императрицы Всероссійской, оставилъ новому имѣнію своему прежнее названіе.

Шарлоттенгофъ росъ мало-по-малу. Всѣ пла-

ны и чертежи по назначенію самаго короля, исполнены знаменитымъ архитекторомъ Шинкельмъ. Теперь этотъ увеселительный дворецъ имѣетъ вѣрный характеръ итальянской Виллы — жилища богатыхъ и знатныхъ Итальянцевъ; и точно, такъ какъ въ богатыхъ виллахъ итальянскихъ грандовъ дозѣ великолѣпнаго жилища хозяйна находилась и такъ называемая fabbrica, жилища арендаторовъ и работниковъ, выстроенныя и расположенныя со вкусомъ, для дополненія общаго вида, такъ и здѣсь все имѣніе раздѣляется на двѣ части: ихъ салонный домъ и на замокъ.

Послѣдній выстроенъ въ стилѣ итальянскихъ дачъ близъ Рима. Онъ имѣетъ только одинъ этажъ и красивый портикъ. Крытая аллея, ведущая къ нему, бассейны съ фонтанами, статуи,

колонна съ бюстомъ королевы Елизаветы, роскошная зелень, прекрасные виды — придаютъ этому маленькому замку плѣнительный видъ.

Внутренность убрана прекрасно; образцы произведенія искусства, многія рѣдкости, драгоценныя вазы, между которыми особенно замѣчательны двѣ вазы изъ яшмы, подаренныя Императоромъ Всероссійскимъ, кресла Императора Петра I-го, изъ стали и серебра, двѣ трости Фридриха Великаго, суть предметы, обращающіе на себя особенное вниманіе посѣтителей.

ЛИТЕЙНАЯ ВЪ МЮНХЕНѢ.

Это заведеніе справедливо можно считать первымъ въ Европѣ. Въ Мюнхенской литейной отлито, до сихъ поръ, уже весьма много колоссальныхъ статуй, работы лучшихъ германскихъ скульпторовъ. Литейное дѣло не такъ легко, какъ съ перваго раза кажется. Оно почти искусство. И должно признаться, что если литейною управлять обыкновенный ремеслен-

никъ, а не художникъ, то произведенія съ лучшихъ моделей иногда выходятъ такіе, что нельзя въ нихъ узнать и подлинника. Въ этомъ отношеніи мы очень счастливы. Якимовъ составилъ себѣ обширную и заслуженную славу — своими литейными работами; но въ настоящее время въ литейной Императорской Академіи Художествъ, подъ управленіемъ барона П. К. Кюта фонъ Юргенсбургъ, отливаются колоссальныя статуи съ такимъ совершенствомъ, что почти не

требуютъ чеканки. Поищемъ вѣдь Мюнхенской литейной; въ послѣдующихъ нумерахъ войдемъ и въ нѣкоторыя важнѣйшія подробности; представимъ мастерскую, гдѣ чеканятъ, и нѣкоторыя произведенія, вышедшія изъ этого заведенія, какъ напримѣръ, статую Базарія Швапталера. Размѣръ гравюры не позволяетъ помѣстить ихъ въ одномъ номерѣ, а существо предмета не вмѣститъ всѣхъ подробностей въ одной статьѣ.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧУДАКИ.

— Ну, Кудинюшка! Что тамъ у тебя, рассказывай!

— Грѣхъ, бѣлая барыня, большой грѣхъ. Унесла у меня Таню...

— Что ты говоришь Кудинюшка! дочку?..

— Все одно, что дочку. Богъ мнѣ ее подарилъ; люди отняли.

И Кудинь рассказалъ, что зналъ... Рассказъ увлекъ Марью Осиповну; нѣсколько разъ спрашивала она, какъ зовутъ несчастную. Имъ Татьяны, казалась, напоминало ей что то... Она призна-

думывалась и снова спрашивала о томъ, что уже нѣсколько разъ слышала. Наконецъ, съ чувствомъ, съ увлеченіемъ, Марья Осиповна топнула ногой и сказала рѣшительно: я спасу ее, я выручу... во чтобы то ни стало. Я сама испытала уничтоженіе бѣдности, была рабыней... О, много, много испытала я! Но никогда не знавала счастья.

— Ты, матушка!

— Я, добрый старикъ! Я! — Странно, глядя на тебя, мнѣ все кажется, что ты тотъ благодѣтельный пустынникъ, о которомъ я читала въ одной книгѣ... Мнѣ кажется, что ты принесъ мнѣ счастье, что твое появленіе раскрываетъ для меня другую будущность. Наука, наставъ, я все сделаю, чтобы вырвать твою Таню изъ рукъ коршуна...

— Матушка — голубушка! И ты несчастная! Не бывать тому; это Божіе испытаніе; это должъ небесный, забрызнуть, взмочить и пойдутъ рай-

скіе дни. Да ты, матушка, самому губернатору можешь сказать про такой разбой...

— Кирило! Прикажи закладывать лошадей, закричала Марья Осиповна, выбѣгавъ на дворъ, гдѣ люди уже суетились, приступая къ ежедневнымъ своимъ занятіямъ.

— Куда такъ рано? спросилъ Кирило, при- выкшии командовать въ домъ...

— Не твое дѣло! Сказано, такъ слушаться, а не умничать!..

Кирило и люди отпѣтали. Никогда еще отъ Марьи Осиповны не слышали подобныхъ словъ; никогда не подозревали, что она имѣла свою волю, и вдругъ... Соннито смотрѣла она на Кудиня и приписывала энергию барана его чарамъ. Кудинь стоялъ, сложя руки, и съ умилени- емъ глядѣлъ на Марью Осиповну. Душа его радовалась, сердце билось; въ придачу, что-то неизвѣстное, странное шевелилось въ груди его;

онъ то и дѣло думалъ, то про Таню, то про офицера, то про покойницу Лукерью... Между тѣмъ люди, опомнясь, повиновались. Самъ Кирилло, схвативъ метелку, которую собирался чистить барское платье, побѣжалъ къ каретѣ и обметалъ пыль съ сидѣнья...

— Но, Кудимущка, ты долженъ ѣхать со мной; мы должны разузнать, распросить въ гостиницѣ...

— А покойница Лукерья будетъ дожидаться, что-ли? Ей и такъ уже надоело на этомъ свѣтѣ. И батюшка разсердится...

— Такъ я сама все сдѣлаю. Заходи, какъ управишься, а мнѣ же такъ не ѣхать: надо надѣть шляпку, пальто... Ну, прощай, и будь спокоенъ!..

Мгновенно одѣлась Марья Осиповна; нѣсколько времени дождалась кареты; наконецъ запрягли, подъѣхали.

— Кирилло, поѣзжай со мной...

— А если баринъ проснется?

— Перевернется на другой бокъ и заснетъ крѣпче прежняго. Ысьмъ!..

Кирилло былъ совершенно смущенъ. Самъ не зная, какъ схвативъ шапку, усадилъ барыню, стала на запятки. Карета выѣхала на улицу, и остановилась.

— Куда ѣхать?

— Въ гостиницу! раздалось изъ кареты. Кучеръ туда зналъ дорогу очень хорошо; прѣѣхали; на встрѣчу выскочилъ косою Ноготокъ; гостя перепугала его и своимъ появленіемъ и вопросомъ...

— Сегодня у васъ тутъ украли молодую дѣвуху...

— Итъ, матушка—бояриня, не украли. Были воры, правда, да господинъ, что въ пятомъ номерѣ, выручилъ. Правда, воры ему руку повредили, да ничего; былъ уже лекарь, перевязалъ руку, ни-почемъ; бравою такой; холить...

— Да гдѣ же дѣвуха?

— Не могли знать! Говоритъ кучера, будто съ офицеромъ тотъ господинъ ее отправилъ...

— Что за чепуха! подумала Марья Осиповна. Все это было такъ не сходило съ разсказовъ Кудима. Желая открыть скорѣе истину, Марья Осиповна сказала:

— Веди меня къ этому господину; отъ тебя толку не добьешься.

Косою повиновался. Безъ всякихъ предосторожностей вошла гостя въ пятый номеръ. Евгений сдѣлалъ съ перевязанною грудью и съ подвязанною рукою на диванѣ, въ халатѣ; увидавъ гостю, онъ позабылъ про свое дезабилье, вскакивалъ и спросилъ торопливо...

— Вы за ней! Не правда ли! О если бы я знала, что мои раны такъ ничтожны, никогда бы этотъ негодяй не увезъ бы этой несчастной! Я уже послалъ за здѣшними властями; можетъ быть, они успеютъ спасти ее...

— Она уже здѣсь; но слава ли въ лучшихъ рукахъ!

— Что вы говорите?

— Я только хотѣла узнать подробности ея похищенія, чтобы дѣйствовать рѣшительнѣе... Но простите моей нескромности. Скажите, отъ чего вы узнали, что я именно пришла за ней?

— Теперь я самъ объ этомъ думаю и удивляюсь моему вопросу. Странно! Не понимаю отъ чего я угадалъ, что она должна быть ваша родственница...

— Родственница! Вы ошибаетесь! Нѣтъ, нѣтъ, вы правы; она несчастна, и потому мнѣ съ родни... Но перестанемъ объ этомъ. Теперь надо не болтать, а дѣйствовать. Она здѣсь! Ее перехватилъ на дорогѣ злодѣй, отъ котораго она бѣжала. Надо открыть этого злодѣя: гдѣ онъ остановился? кто онъ? надо предупредить его; иначе онъ можетъ убхать, скрыться, и всѣ наши успѣхи окажутся напрасными.

— Но вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Знаете ее?

— Нѣтъ! Какое намъ до нихъ дѣло! Несчастливая, вотъ и все тутъ. Къ тому же въ этомъ

несчастьи кроется страшная тайна. Ваши раны говорятъ въ вашу пользу. Помогите мнѣ...

— Всѣми силами, всѣми средствами!

— Такъ шлите его, се; а я поѣду къ губернатору!

— Вы?

— Что же тутъ удивительнаго?

— Простая! Я пораженъ вашими великодушіемъ!—Я не вѣрю, что я не сплю! Позвольте коснуться руки вашей...

— Извольте!

— Господи! Я радъ вѣрить, я готовъ думать... Но ваша одежда, экvipажъ... Право...

— Да перестаньте дурчить... Хотите быть моимъ союзникомъ, такъ одѣвайтесь...

— Простите... Извините... Мой костюмъ... Такая внезапность... Такое счастье...

— Ну, такъ прощайте!

Марья Осиповна ушла; но Евгений, кутался въ халатъ, кричалъ ей вслѣдъ:

— Клянусь вамъ честію! Я отыщу, я исполню вашу волю...

Она не слушала его; она уже катилась къ губернатору; хотя было очень рано, но у губернатора были уже должностные гости. Онъ былъ одѣтъ какъ слѣдуетъ; принималъ какъ слѣдуетъ. Въ числѣ раннихъ гостей былъ одинъ и не должностной. Съ нимъ губернаторъ былъ ласковъ; ему жаловался на хлопоты и труды свои, на плохую помощь чиновниковъ... Гость былъ высокаго роста, но сухъ, желтъ, какъ пергамень; изгибался передъ губернаторомъ, онъ безпрестанно поглядывалъ то въ одну, то въ другую сторону. Катанъ на немъ былъ изношенный; о другихъ частяхъ наряда и говорить нечего.

— Кака-то дама хочетъ васъ видѣть, возгласилъ лакей.

— Кто?

Лакей повторилъ...

— Прой въ кабинетъ! Ну, братъ, а ты прошай до обѣда...

Губернаторъ ушелъ въ кабинетъ; Тарсовъ вытянулся и черезъ мгновеніе опять сложился въ почтительную фигуру. Въ самыхъ дверяхъ съ нимъ столкнулась, чуть его не опрокинула, и пропорохнула въ кабинетъ Марья Осиповна; Тарсовъ остолбенѣлъ; лице ему показалось знакомымъ; онъ уже рѣшился было остаться, подслушать разговоръ, но Гримасниковъ изъ прихожей подавалъ ему такіе звуки, противу которыхъ онъ устоять не могъ.

— Въ прихожей никого не было кромѣ Кириллы, да и тотъ такъ ловко усялся въ уголъ за плащамъ, что его совѣтъ не было видно.

— Ну, что? спросилъ Гримасниковъ. — Много ли денегъ?

— Двѣ!

— Милостиво!

— Какъ милостиво?..

— Да вотъ видншь, батюшка Никоноръ Ивановичъ! Я то на двухъ не забастую...

— За что?

— Оно, правда, воровъ то въ губерніи нѣтъ. Былъ одинъ разбойникъ, да бѣжалъ изъ Мхневки...

— Батюшка, ты пьянка несытнѣя! Ужъ не меня ли ты страшать хочешь? Да я слышчикъ, что ли? Поймалъ разбойника, да колѣнъ онъ ушелъ, чѣмъ же я виноватъ?

— Да кто объ этомъ и говоритъ! Только я тебѣ доложу, скряга—кошей бесмертный, что за тебя Иколичникъ не вступится, а ужъ безъ его протекціи мы тебя облупимъ. Я люблю дѣлать все на чистоту...

— Обойдется, братъ, и безъ твоего Иколичника, колѣнъ на то пошло.

— Ну, нѣтъ, извини. Иколичникъ, что хочешь, то и сдѣлаетъ. Въздъ долгу то у насъ много тысячъ, много за то и протекція его значить... И то вѣдъ не по вашему. У Иколичника для памяти на каждую сумму и векселекъ есть... А ты лучше не кобенясь, пожди мошну. Такъ дѣло и заштукатурить. Я все люблю дѣлать на чистоту... Я ужъ дѣлаю такого го-

стя и самоваръ большой вселю поставитъ... Прощенія просимъ! До пріятнаго свиданія...

Гримасниковъ хотѣлъ-было откланяться, но сильный знакомый звонъ колокольчика его остановилъ. Не ошибся секретарь: его позвали къ губернатору...

— Извините, сударыня! говорилъ губернаторъ при входѣ въ кабинетъ секретаря. «Я васъ не имѣю чести знать и вашей просьбы не понимаю... Какіе тутъ воры, похищенія, разбой на большой дорогѣ?.. Мнѣ ничего не извѣстно... Все это выдумка... Вы сами не знаете за кого просите! Ну, говорите, кто эта ваша бродяга Таня! Ну, кто этотъ господинъ?.. Ну, отвѣчайте же!..»

— Милостивый государь!..

— «Во-первыхъ, я не милостивый государь, а ваше превосходительство; а во-вторыхъ, прилично ли молодой дамѣ вашихъ лѣтъ мимо мужа вступаться въ полицейскую исторію, не бывающую, не понятную, не естественную?.. Просто, это курьезъ на смѣхъ... Поѣзжайте, сударыня, домой и сидите смироно, а мужикамъ, пьянкамъ, маньякамъ не вѣрьте! Извините за откровенность...»

— Мнѣ васъ не извинить! Вы просите объ этомъ передъ Богомъ и Государемъ, а я свое сдѣлала: я вамъ объявила, что узнала, послѣдствія на вашей ответственности... Прощайте!

Марья Осиповна вышла. Въ прихожей ударила съ слезы и, обратясь къ Кириллѣ, сказала съ чувствомъ:

«Другъ мой Кирилло, что намъ дѣлать?»

— Матушка Марья Осиповна! Поѣзжайте къ Иколичнику; далъ нго губернаторъ все сдѣла-еть...

— Вези меня куда знаешь, лишь бы спасти несчастную, лишь бы поставить на своемъ!

У самого крыльца Иколичника карета остановилась, кто-то гнался за нею...

«Узналъ, открылъ!» кричалъ Евгений. Марья Осиповна выскочила изъ кареты.

— Узнали? открыли? Не мучьте! Говорите!

«Помѣщикъ здѣшней губерніи Никоноръ Ивановичъ Тарсовъ; онъ только одинъ и прѣѣхалъ сегодня въ городъ; онъ точно захватилъ дѣвуху прогвалу кладбища, дворовую свою дѣвку Татьяну запереть въ собственномъ своемъ здѣшнемъ домѣ подъ замкомъ... Тутъ есть ужасная тайна!»

— Мы раскроемъ ее! Дока г. Иколичникъ? спросила Марья Осиповна у лакея, который па стукъ кареты выбѣжалъ на крыльцо.

— Дома!

— Вставши?

— Давно...

— Веди меня къ нему...

— Надо доложить...

— Не нужно. Время не терпитъ...

И Марья Осиповна вошла въ кабинетъ Иколичника вмѣстѣ съ слугою. Иколичнику было лѣтъ за пятьдесятъ, но лицомъ онъ былъ свѣжъ, румянь. Бархатный домашній сюртукъ и золотая шапочка составляли утренній его костюмъ. Увидавъ незнакомую даму, онъ привсталъ съ мѣста, посмотрѣлъ значительно на слугу, указавъ на кресла, самъ сѣлъ и спросилъ:

— Что вамъ угодно?..

— Вашей протекціи...

— Къ кому?

— Къ здѣшнему губернатору.

— Это не трудно. Но по какому поводу?

— По самому странному, необыкновенному. Вотъ въ чемъ дѣло.

И Марья Осиповна разсказала всю исторію такъ обстоятельно, такъ краснорѣчиво, такъ увлекательно, что Иколичникъ вытаращилъ на нее глаза и слушалъ съ жадностію и удивленіемъ. Кончила Мери и задумалась... Старикъ протеръ глаза, снялъ шапочку и, собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Странная исторія! странная и заступница! Знаете ли, душа моя, что я не люблю женщинъ...

— За что?

— Спросите у нихъ!
— Во что же онъ вамъ съблалъ худого?
— Много!
Старикъ потеръ лобъ и, опустивъ глаза, продолжалъ.

— Много! Во-первыхъ, я остался холостякомъ, по ихъ милости. Во-вторыхъ, онъ осаждал, и до сихъ поръ осаждаютъ женитьбой не меня, но мое богатство; мучать, терзаютъ меня... Все это можно бы пизъ простить... но у меня два племянника, Егоръ и Степанъ. Степанъ женился безъ моей воли, Богъ знаетъ на комъ. Егоръ увѣряетъ меня, что не послѣдуетъ примѣру брата; но я уже никакъ не вѣрю...

Можно себѣ представить весь ужасъ положенія Марьи Осиповны. Она съ глазу на глазъ съ злѣйшимъ своимъ врагомъ, съ дядей миллионеромъ, который отрезалъ отъ племянника пизъ за нел... Это онъ произнесъ страшный приговоръ, который чуть было не убилъ ее въ саду...

Марья Осиповна поблѣднѣла; но мысль опасенія Тани спала и ее. Она пошла необходимо притвориться, лгать, перемѣнить фамилію и не колебалась ни мгновенія. Старикъ задумался и далъ ей время совершенно оправиться и обдумать свое положеніе.

— Много, много! повторилъ онъ, качая головой. Но, душа моя прибавилъ онъ съ улыбкой: Ты не должна этого пугаться! Ты не женщина, — ты не похожа на женщину. Я твой адвокат!
— Неужели!..

— Меня называютъ чудачкомъ... Но такого чудачка какъ ты, душа моя, я не встрѣчалъ въ моей жизни. Твой подвигъ — пища для каветы и предметъ, достойный удивленія. Впрочемъ, ты совершила свой подвигъ; остальное я беру на себя...

— Дядюшка!

— О какъ бы я желалъ чтобы это была правда... Но я точно чудакъ. Я обращаюсь съ вами такъ фамильярно, не имѣя чести знать...

— Пустяки, пустяки! Что за счеты! Для дворянина останемся такъ, знакомыми незнакомцами. И я услышала такъ фамилію въ первый разъ, и прямо къ вамъ... Послушайте! конечно, это вамъ не понравится, это будетъ уже своенравіе... но...

— О душа моя, говорите прямо. Я вамъ въсперялъ все обшачу...

— Дайте мнѣ слово, что вы никогда не будете стараться узнать кто я, не спросите у другихъ, если меня увидите...

— Странно! Но извольте! Однако жъ мы заболтались, а бѣдная Таня... Я сейчасъ ѣду къ моему благопріятелю. Какъ же и когда мы увидимся?

— Когда назначите, я прѣйду къ вамъ...

— А если будутъ чужіе...

— Все равно. Меня здѣсь никто не знаетъ.

— А губернаторъ?

— Я и сму не сказала моей фамиліи.

— Странно, странно! Но это мнѣ нравится. Все это це похоже на обыкновенную женщину... И такъ, душа моя, прѣйжай сегодня. Я беру къ себѣ на вечеръ всѣхъ здѣшнихъ дамъ. Пусть посмотрятъ на мой идеалъ женщины! И такъ, до свиданья.

— Не забудьте моей Тани!..

— Память объ васъ, и объ ней напомнитъ! Странная женщина!

(Продолженіе въ слѣд. номерѣ).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

СЛУХИ И НОВОСТИ.

Процессъ Брессана.

Прошла наши длинныя свѣтлыя ночи; прошло наше лѣто; вотъ уже и осень отозвалась дождемъ и холодомъ; пугливые дачники псмастриваютъ на пасмурное небо, и по-доброму по-здорову, перенасыщаются въ городъ. Наступаютъ длинныя и тем-

ные вечера, а вмѣстѣ съ ними хандра и скука. Пора подумать и о зимѣ. Какъ мы ее проведемъ? Будетъ ли весело? Когда начнется опера? Куда ѣхать и на что смотреть? Все это вопросы очень важные; да и мало ли хлопотъ человѣку, которому нечего дѣлать, — а такихъ людей не перечесть.

Но, слава Богу, на этотъ разъ у меня для всей звѣвающей братіи самыя утѣшительныя новости. Такъ, напримѣръ, благодаря непрерывнымъ стараніямъ Театральной Дирекціи, наша французская труппа на нынѣшнюю зиму еще обогатится нѣсколькими превосходными артистами. Иные уже прѣехали, другихъ поджидаютъ. Давно ли мы выдѣли г-на Варле? Давно ли отдавали справедливость прекрасному дарованію г-на Бертона? А вотъ уже готовятся новыя дебюты. На дѣлахъ мы поговоримъ о г-жѣ Мюра, ученицѣ знаменитаго Самсона; дадимъ отчетъ объ игрѣ г-жи Миесъ; посмотримъ на г-на Уллино, который въ амплу благороднаго отца, безъ всякаго сомнѣнія, съ успехомъ замѣнитъ г-на Бернера. Въ то же время мы ожидаемъ появленія г-жи Варле, которая прославилась въ роляхъ субретокъ и крестьянокъ; она ѣдетъ къ намъ изъ Брюсселя, гдѣ нарушила контрактъ съ Дирекціей и заплатила значительную неустойку, для того только, чтобы погостить между нами. А тамъ вернется Брессанъ, и съ нимъ прѣѣдетъ знаменитая Плессеп, жемчужина всего театральнаго міра, первая, лучшая актриса Парижа. Разумѣется, при такомъ обогащеніи трехъ представленій въ недѣлю мало для французскаго театра, и потому число ихъ, говорятъ, увеличится до пяти. Не правда ли, это утѣшительныя новости, которыя разберутъ у васъ по нѣскольку вечеровъ въ недѣлю?

Мы говорили о Брессанѣ и вспоминали при этомъ, какія забавныя толкованія породила его побѣдка во Францію. Мы сами были свидѣтелями самыхъ наивныхъ разсказовъ; такъ въ нашемъ присутствіи одинъ изъ мнѣшыхъ пріятелей Брессана докладывалъ, что онъ получилъ отъ него письмо изъ тюрьмы; другой поступилъ еще невѣжливѣе: онъ безъ дальнихъ церемоній увѣрялъ, что Брессанъ убитъ на дуэль, разсказывая притомъ самыя шеклія подробности этого кроваваго происшествія, передавая это, по видимому, самымъ покойникомъ. Въ то же время и французскія газеты сообщали разныя новости, по которымъ оказывалось, что Брессанъ останется въ Парижѣ. На дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе; но для объясненія всѣхъ этихъ извѣстій, мы передадимъ нашимъ читателямъ въ нѣсколькихъ словахъ артистическую біографію этого даровитаго актера.

Брессану еще не было шестнадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на сцену; это было въ 1834 году; онъ дебютировалъ на театрѣ Variétés. Говорятъ, что онъ въ то время былъ такъ молодъ и хорошъ, какъ женщина, а потому онъ съ самымъ блестящимъ успѣхомъ являлся въ роляхъ молоденькихъ лажей, которыя обыкновенно выполняются актрисами. Два года спустя, онъ поѣхалъ въ Лондонъ вмѣстѣ съ знаменитой Jenny Colop. Здѣсь началась его репутация въ роляхъ первыхъ любовниковъ и, можетъ быть, вліяніе прекрасной актрисы ускорило развитіе его блестящихъ способностей. По возвращеніи его изъ Лондона, Дирекція Театра Variétés, расчитывая на дарованіе молодого актера и вмѣстѣ съ тѣмъ на его опытность, предложила контрактъ на пять лѣтъ, и при томъ на самыхъ скудныхъ условіяхъ. Незасчетливая артистъ подписалъ этотъ контрактъ безъ всякаго противорѣчія; и съ этихъ поръ начинается настоящее поприще его блестящихъ успѣховъ. Въ это время онъ создалъ лучшія роли свои; литераторы съ удовольствіемъ доверяли его дарованію своимъ любимымъ произведеніямъ; здѣсь Александръ Дюма написалъ для него въ Кипѣ прекрасную роль Le prince de Galles; Дирекція процвѣтала и самый театръ, обладалъ такимъ актеромъ, принялъ другое, болѣе благородное, направленіе; пошаме, площадные водворя замѣнились пѣсами высшаго драматическаго разряда, и этимъ преобразованіемъ онъ безъ всякаго сомнѣнія обязанъ Брессану. Все, кажется, было хорошо; только никто не заботился объ участи бѣднаго актера;

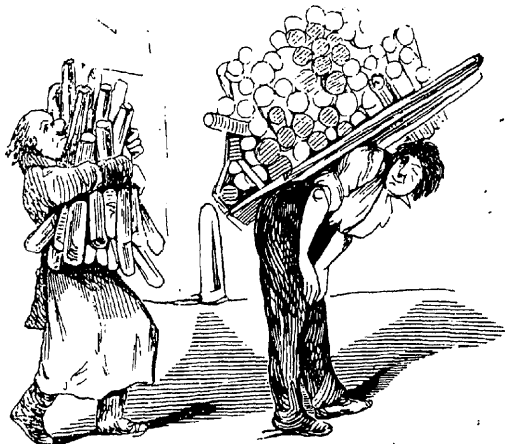
никто не хлопоталъ о приличномъ вознагражденіи его трудовъ. А между тѣмъ Дирекція французскаго театра, желая пріобрѣсть для себя содѣйствіе такого блестящаго дарованія, приглашала его къ себѣ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, принимая въ члены свои (sociétaire) со всѣми правами и преимуществами этого званія. Брессанъ съ непростительнымъ легкомысліемъ подписалъ и этотъ контрактъ. По надобно замѣтить, что онъ не столько увлекался матеріальными выгодами, сколько славою перваго французскаго театра и самолюбіемъ артиста, которому готовятся новыя блестящее поприще. Отсюда завязался процессъ. Два театра оспаривали другъ у друга даровитаго молодого актера; побѣда осталась за французскимъ театромъ, который, основываясь на несовершенствѣ Брессана, при содѣйствіи иротекціи министерства внутреннихъ дѣлъ, выигралъ этотъ процессъ. Назначилъ дебюты; Скрибъ написалъ для этого свою прекрасную комедію la Comedierie. Но увы! несчастнаго актера не допустили и до дебютовъ. Театръ Variétés, ссылаясь на права старшинства и пользуясь тѣмъ же не совершенствіемъ Брессана при заключеніи новаго контракта, возобновилъ процессъ и пришелъ наконецъ къ побѣдѣ. Разумѣется, этотъ поступокъ не понравился нашему артисту, и онъ, продолжая восхвалять почитателей этого театра, покаялся отомстить Дирекціи. Шестъ мѣсяцевъ спустя, давалъ піесу Mathias l'Invalide; публика собралась; вотъ уже и время начинать, а занятъ все не поднимается. Партеръ шумитъ; терпѣніе возрастаетъ съ каждой минутой; но какъ начинать піесу, когда не достаетъ перваго любовника? Его ищутъ; за нимъ посылаютъ гонца за гонцомъ; директоръ въ отчаяніи — Брессанъ между тѣмъ ѣзжалъ въ Россію. Порѣшенію суда, бѣглеца приговорили къ уплатѣ неустойки въ 60,000 франковъ. Съ этихъ поръ Брессанъ принадлежать къ составу нашего французскаго театра и, вотъ, уже нѣсколько лѣтъ восхваляетъ насъ своей прекрасной и благородной игрой. Но между тѣмъ нынѣшней весной ему вздумалось побывать на родинѣ; и потому онъ вступилъ въ переговоры съ Дирекціей театра Variétés, предлагая ей 10,000 франковъ за прекращеніе процесса, и не дожидаясь рѣшительнаго отвѣта, отправился въ Парижъ. По прѣѣздѣ его туда, Дирекція предложила ему прекратить всѣ свои требованія, если онъ согласится подписать новый контрактъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Брессанъ отказался. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другой театръ, Gymnase, сдѣлалъ ему подобныя же предложенія, прося его въ то же время играть въ продолженіе пребыванія его въ Парижѣ. Но до этого не допустила Дирекція театра Variétés. Самыя же главныя и самыя блестящія нападенія ожидали Брессана со стороны французскаго театра, который общими силами старался уговорить его вступить на мѣсто знаменитаго Фирмена. Ему дѣлали самыя блестящія предложенія, принимали въ члены театра, обѣщали всякое содѣйствіе для погашенія процесса; Дюма, который пересталъ — было писать для французскаго театра, предлагалъ ему прекрасную роль въ новой піесѣ, которую онъ только въ этомъ случаѣ и отдавалъ на сцену. Не смотря на всѣ эти соблазнительныя предложенія, Брессанъ не измѣнилъ Россіи, съ которой онъ связанъ контрактомъ до 1849 года. Тогда просилъ его дать нѣсколько представленій, по крайней мѣрѣ, теперь, во время пребыванія его въ Парижѣ и напередъ заключить контрактъ, начиная съ 1849 года. Но Брессанъ отклонилъ и отъ этого предложенія; онъ говорилъ, что пизъ уваженія къ нашей публикѣ, изъ благодарности къ нашей Театральной Дирекціи, онъ не считаетъ себя въ правѣ располагать собою, безъ ея одобреніяго позволенія.

Теперь дѣло его рѣшено и онъ приговоренъ къ уплатѣ 20000 франковъ, изъ числа которыхъ онъ обязанъ внести 6000 франковъ теперь; уплата остальныхъ 14000 франковъ расчтена на 7 лѣтъ.

ЧЕТЫРЕ ПЕРВЫХ ПРАВИЛА АРИМЕТИКИ.

НАРИНАТУРЫ ШАМА.

Изъ множества парикаатуръ Шама или Хама (мы за это не споримъ) болѣе другихъ намъ нравятся четыре первыхъ правила ариметики. Помѣщаемъ ихъ въ заключеніе карикаатуръ Шама и перейдемъ къ другимъ, между прочими, и къ русскимъ, которыя вмѣстѣ съ другими рисунками гравируются за границей. Такъ какъ въ прилагаемыхъ карикаатурахъ остроумное ихъ значеніе заключается на языкѣ, на которомъ онѣ заложены, то мы оставили и французскія подписи.

Сложеніе (Addition).

Вычитаніе (Soustraction):

Умноженіе (Multiplication).

Дѣленіе (Division).

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ.

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Новыя оперы и Мейерберъ. — Л. Мейеръ въ Лондонѣ. — Гасъ. — Памятникъ Лесюру. — Музыкальныя мелочи. — Орѣкъ. — Спиматія корней и вѣтвей. — Способъ Ирроа, дѣлать зерно зрѣлымъ въ холодное лѣто. — Устрицы. — Новыя зеркала Дрейтона. — Судъ чести. — Пожаръ въ Нью-Йоркѣ. — Градъ въ Мелцѣ. — Венгерскіе ученые. — Конкурсъ.

Миръ такъ дивно устроенъ, что въ немъ все старо, а каждый день пропасть новаго. Конечно, если внимательно разобранъ все эти новости, окажется, что многое въ нихъ съ прѣвѣстью, только подкрашено,

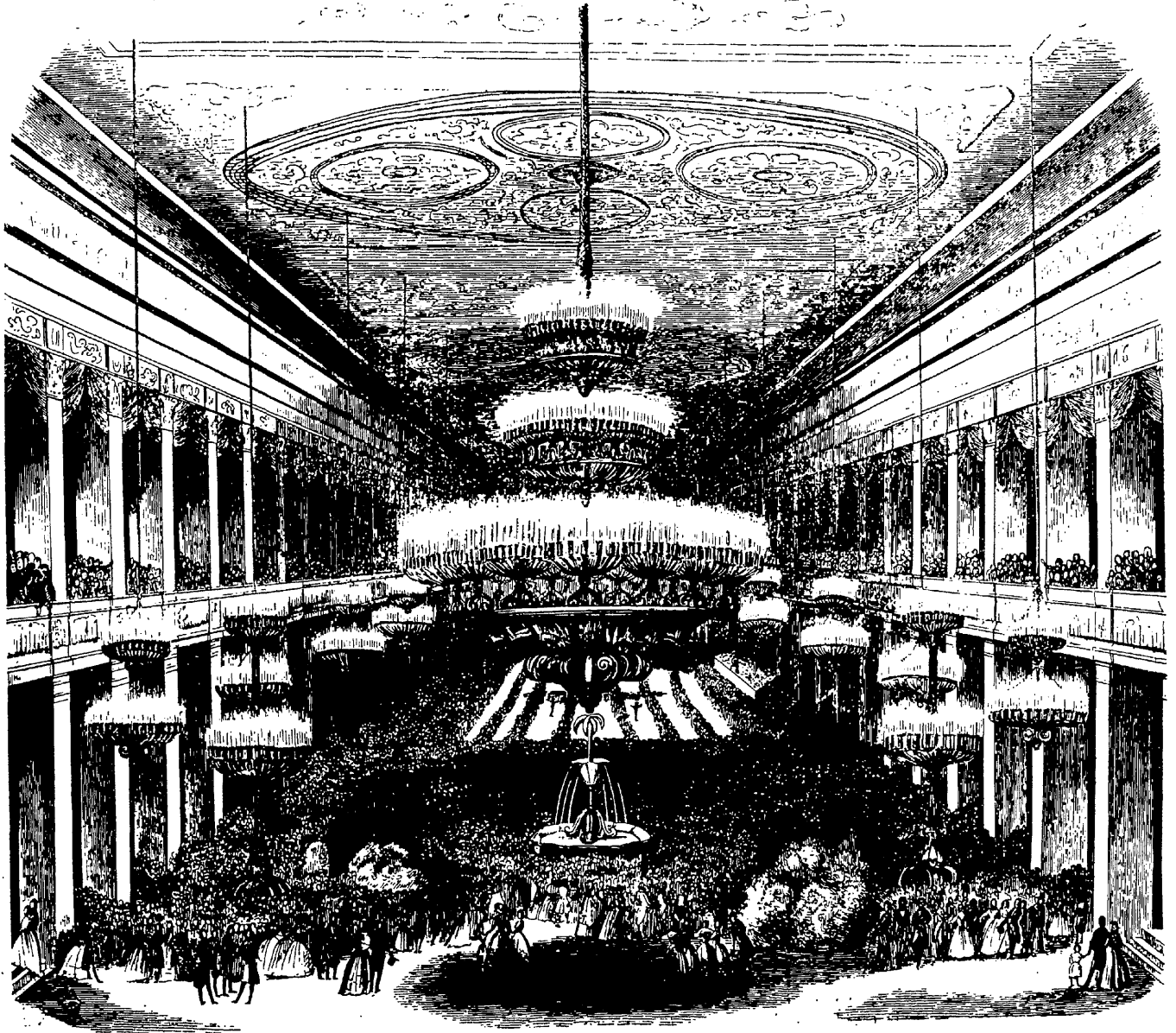
Парижская Королевская Академія музыки.

приглашено, причесано и пушено по свѣту въ новыхъ костюмѣ. Возьмемъ музыку. Сколько новыхъ оперъ по заглавіямъ, а по существу, ни одной. L'Anseau de Mariette, музика Е. Готье, парижскаго скрипача, — новая опера, съ прѣвѣстью. Le Ménestrier, комическая опера Скриба и Лабарра — парижскаго арфиста — старина на новый лаадъ; Une voix, г. Буланже... это оперный недоросль; судить объ ней строго нельзя; что Богъ дастъ впоследствии; — Линдпанкнеръ пишетъ оперу «Лихтенштейнъ» для новаго театра въ Штутгартѣ... Мейерберъ хранитъ въ своихъ портфельхъ дѣвъ огромныя партитуры: Лагеръ въ Сидеаи и Пророкъ... Сколько оперъ, а все таки ни одной новой! Французскіе журналисты утверждаютъ, что Мейерберъ боится Парижа!! Мы же

понимаем ни страха заслуженного композитора, ни гордости французских журналистов. По нашему дядю гораздо проще. Мейербергер, как умный и смышленый человек, уверен, (а не боится), что Париж не в состоянии ни отдать ему справедливой похвалы за то, что в его операх действительно хорошо, ни осудить доказательно и справедливо то, что могло бы заслужить осуждения. В первом отношении, что до похвалы, то Мейербергер очень хорошо знает, что Париж уже истощил для него все свои панегирики; что можно еще написать о Мейербергер

хорошего; в отчаянии истощенные панегиристы, одной новости ради, бросаются в другую сторону, и в этом отношении будут еще несправедливы, потому что хвалить легче. Следственно не страх, а расчет руководит Мейербергером. Да ему, как угодно, и больше чести и больше удовольствия пользоваться почетным первенством между германскими композиторами; играть роль главы германской музыки, артиста-исполнителя; чествовать германскую знаменитости и тем возвышать собственное значение. 26-го июля и. ст., например, в Берлине была дана в первый

раз новая опера Шпора «Крестоносец». — Сам композитор дирижировал. Успех колоссальный... Мейербергер тотчас распорядился и в зимнем саду короля устроил в честь Шпора великое пирушество. Нечего спорить, Мейербергер сумеет быть первым в Германии, а в Париже его поставят вровень с Галеви, Адамом, Буланже, о Берлиозе уж и говорить нечего. Да и на что Парижу Мейербергер? Там и без того так много гениев, что и не успеют сыграть на театре французской оперы, или Королевской Академии Музыки, которую ломают

ежегодно, составляют новые планы для нового театра ежегодно, а старенькая Академия живет собой, да живет домысл в таком виде, в каком ее усмотреть изволите на приложенной гравюре. Мы уже имели случай сообщить нашим читателям и прозеть новой Академии, и имена многих ее гениев...

Говоря о музыке, не стали сообщим известия о петербургских наших знакомцах: Леопольде Мейере в Лондоне, la France. Не знаем, что вы думаете о Леопольде Мейере, не знаем, что получаете о Лондоне? Другой наш знакомец, скрипач Гельс приехал в Лейпциг, где ожидают его концерты не без удовольствия...

Музыка ведь в чести, и справедливо; но музыканты и композиторы ведь в дол-

номъ почетъ, и ужъ тамъ же въ Парижѣ. Вспомните, какъ эти обожатели таланта Берлиоза, музыкальнаго и словеснаго вкуса, эти поклонники Адама и Галеви — преславоваши, мучили и замучили Лесснера, соименнаго знаменитому и также непризнанному, также загнанному французскому Рафаэлю. Вспомните, (но кто это вспомнить?) превосходную оперу Лесснера la Coquerie... Но это было такъ давно... Онъ родился близъ Абевиля въ 1763 году; былъ профессоромъ и инспекторомъ Консерватори. Умеръ въ 1837 году... Теперь только сограждане поманули добромъ земляка и открыли подишку на памятникъ; уви можетъ быть, больше для того, что-бы украсить свой городокъ, онъ отыскал и у себя знаменитость, предлага ралк...

Иранская опера въ Вѣнѣ, въ этомъ году

ожила свои представленія 1 июля и. ст. Концы съ концами сведены, но плохо; присутствие Дризеити и участие хорошихъ талантовъ не помогло; не будемъ входить въ причины подобныхъ неудачъ; намъ хорошо: у насъ лучшая опера въ мѣрѣ; намъ завидовать никому; мы даже не удивляемся превосходной Вѣнской залѣ (Одеонъ), съ которой прилагаемъ гравюру для любителей. — И этимъ закончимъ нашъ музыкальный отчетъ. Мелочи музыкальнаго мѣра, например о празднествахъ германскихъ пѣвцовъ, о томъ, кого анжировалъ къ своему вѣнскому театру расторопный директоръ о томъ, что Мендельсонъ Бартольдъ переехалъ на жительство въ Лейпцигъ, — все эти и подобныя мелочи для насъ незанимательны. Ихъ каждый день множество, и вы ихъ читаете урывками въ ежедневныхъ газетъ.

такъ... Оставимъ города и городекія увеселенія; пойдѣмъ въ лѣсъ...

. Заберемъ въ этотъ густой орѣшникъ, гдѣ тебѣ русскій народъ занимается приготовленіемъ себѣ на зиму любимаго лакомства. Не знаешь, есть ли у насъ на Русь такое мѣсто, буди подлѣ тѣни орѣшника слѣать вредно. Во Франціи, напротивъ, положительно думали, что листья этого растенія отбѣляютъ въ избытокъ угольную кислоту и тѣмъ вредятъ здоровью, почему, по окончаніи сбора орѣховъ, очищали землю отъ увавшихъ листьевъ, и что еще удивительнѣе, агрономы остерегались употреблять воду, если она протекла подлѣ тѣни орѣховыхъ деревъ. Г. Гомбръ-Фирма опытами опровергъ эту мысль и, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ злокачественныя свойства растенія останутся только въ преданіи.

. Г. Жеберъ имѣлъ случай убѣдиться положительно, что между корнями и вѣтвями дерева отгранна снѣпатилъ; каждой вѣткѣ соответствуетъ и корень, не только ростомъ, но и направленіемъ: куда вѣтвь направляется, туда навѣрно пасть и ся корень. Въ этомъ году Г. Жеберъ вынулъ изъ земли нѣсколько молодыхъ дубовъ, лѣтъ въ тридцать. Они стояли на поверхности земли, которая шла ровно и потику круто наклонялась къ ручью; вѣтви дубовъ шли точно также: сначала шли прямо, потомъ вдругъ наклонялись; въ корняхъ то же направленіе. Дружба корней и вѣтвей — можетъ сравниться только съ дружбой Ореста и Пилата. Засохнуть вѣтви, вы можете быть увѣрены, что и въ землѣ вскаду корнями есть жертвенцы. Найдите корень, повредите его и вѣтвь его засохнетъ, или захвораетъ, смотря по тому, что случится съ поврежденнымъ корнемъ.

. Г. Ирроа описываетъ способъ, посредствомъ котораго въ 1816 году онъ спасъ свою жатву отъ гибели, и думаетъ, что этотъ способъ можетъ быть удобно примѣненъ вообще къ хлѣбамъ на поляхъ, если холодное и дождливое лѣто не дозволяетъ зерну дозрѣть на пажити какъ слѣдуетъ. Этотъ способъ заключается въ томъ, чтобы колосья во время жатвы срѣзывать коротко со стеблей, класть ихъ въ мѣшки и ставить мнутъ на 20, не больше, въ печь въ коей температура должна имѣть отъ 40 до 50 градусова жару. Г. Ирроа предлагаетъ и снѣрядъ для быстрого срѣзанія колосовъ; орудіе весьма простое; работы отъ того прибавляется не много. Г. Ирроа утверждаетъ, что зерно, такимъ образомъ приготовленное, ничѣмъ не уступаетъ зерну зрѣлому, собранному въ обыкновенное лѣто.

. Не наше дѣло защищать или опровергать предложеніе г. Ирроа; хозяева могутъ сдѣлать опыты въ маломъ вилѣ и убѣдиться и убѣдить другихъ въ дѣйствительности предлагаемаго способа. Это извѣстіе притомъ можетъ быть только любопытно для провинціи; въ Петербургѣ всегда хлѣба много; зерно всегда зрѣлое и всегда дешево; вотъ устрицы, дѣло иное; курсъ на нихъ чрезвычайно не равенъ; дѣны на нихъ какъ ртуть въ непостоянную погоду, то падаютъ, то возвышаются съ необыкновенною быстротою. Любится устриц! Вы не знаете, не подозреваете, какое ужасное несчастіе вамъ угрожаетъ. Вы вѣрите натуралистамъ-лавоичникамъ, будто устрицы на свѣтѣ такое множество, что ихъ станеть до скончанія свѣта, хотя бы всѣ классы народа рѣшились ихъ ѣсть, какъ вы ихъ кушаете, почтенный любитель. Позвольте васъ разубѣрить. Устрицы или устрицы (послѣднее, по лашему, правльнѣе) живутъ въ каменистыхъ и песчаныхъ берегахъ моря. Ихъ раздѣляютъ на горныхъ, лесочныхъ и жидущихъ въ мѣстахъ глинистыхъ. Первые лучше, въ особенности, если имѣють жителство на мѣстахъ возвышенныхъ, куда море захватитъ въ своихъ приливахъ. Лучшія — въ Голландіи, зееландскія, въ Англіи, колдестерскія, въ Даніи — фленбургскія, въ Италіи триестскія и венеціанскія (арсенальныя) и др. Оны питаются плесенью, глянью, морскими растеніями и червяками; самая лучшія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приливъ два раза въ день приноситъ имъ свѣжую пищу. Весной въ раковинахъ появляются

лица и вслѣдъ за тѣмъ дѣтеныши, которые тотчасъ пристроиваются къ твердымъ тѣламъ и тамъ проживаютъ постоянно, развѣ враждебный случай спиметь ихъ съ мѣста. По третьему только году молодые устрицы производятъ слѣдующее поколѣніе; но тогда уже съ ужасною быстротою плодятся миллионами на нѣкоторыхъ мѣстахъ, и эти мѣста называются устричными банками или отбѣлами. Во время отливки промышленники собирають ихъ безъ всякой церемоніи руками. Впрочемъ ловятъ ихъ сѣтями, желѣзными орудіями и т. д. Эти то промышленники совершенно опустошили нѣкоторые банки, особенно во Франціи, такъ что друзья устрицъ на главу враговъ призываютъ силу законовъ; требуютъ, чтобы палаты занялись устрицами также прилично, какъ занимались дичью, и положили конецъ опустошеніямъ банокъ, угрожающимъ совершеннымъ истребленіемъ устрицъ на берегахъ Франціи. Потребленіе устрицъ возрастаетъ постепенно; желѣзныя дороги еще болѣе облегчатъ истребленіе этого несчастнаго и беззащитнаго народа; надо сдѣлать тоже, что заводится въ лѣсоводствѣ, устроить правильную очередную ловлю, и даже развести устрицы искусственнымъ образомъ на тѣхъ банкахъ, гдѣ ихъ промыселъ уже извелъ до глѣ. Для этого надо изучитъ нравы и обычаи устрицъ, мѣста, гдѣ онѣ любятъ жить, обстоятельствъ благопріятствующихъ и противныхъ ихъ размноженію. Шктокъ, г. Карбонель, истинный другъ и покровитель устрицъ, изучилъ ихъ совершенно и, желая какъ можно чаще съ ними заниматься, устропилъ у себя нѣсколько искусственныхъ банокъ. Ни у кого на свѣтѣ нѣтъ такого множества друзей, какъ у г. Карбонеля. Устрицы донесли своему протектору, что злонамѣренные враги ихъ утѣрили свѣтъ, что прѣсная вода не только вредна имъ, устрицамъ, но и тѣмъ, которые ихъ ѣдятъ, Г. Карбонель далъ своимъ друзьямъ прѣсной воды, и нашелъ, что распушенные слухи совершенна клевета и что друзья его стали отъ прѣсной воды гораздо здоровѣе и пріятнѣе. Но, что странно, г. Карбонель замѣчалъ, что въ бассейнахъ, гдѣ проживаютъ устрицы, не должно часто перемѣнять воды; устрицы народъ совершенно степенный и частыхъ перемѣнъ не любятъ. — И такъ, любитель устрицъ, вы видите зло неизбежное. Роль устрицъ умалется... Есть средства спасти и ихъ и васъ, но для того нужно сильныхъ правительственныхъ мѣръ; а пока — промышленники опустошатъ всѣ моря, обливаящія всю Европу и всѣхъ устрицъ.

. Впрочемъ, какъ ни разводи устрицъ, онѣ постоянно будутъ болѣе и болѣе возвышаться въ цѣнѣ отъ умноженія числа потребителей; это законъ для всѣхъ предметовъ роскоши. Зеркала, напримеръ, хотя и выдѣляются гораздо въ значительнѣйшемъ противу прѣжняго цѣнѣ, а понизились ли на нихъ цѣны? Едвали! Теперь эти цѣны, можетъ быть, еще болѣе подымутся, потому что англійскій химикъ Дрейтонъ открылъ способъ вмѣсто обыкновенной, амальгамы, покрывать зеркальное стекло слоемъ серебра. Чистотою отраженія — эти зеркала далеко превосходятъ всѣ прѣжныя... Кромѣ того новый способъ имѣеть и другія преимущества. При обыкновенномъ амальгированіи случаются на стеклѣ неровности и проталинки, замѣтныя, въ лучшихъ зеркалахъ. Вліяніе солнца, а еще болѣе сырость портятъ накладку. Наконецъ ртуть во время изготовленія зеркалъ оказываетъ губительное дѣйствіе на работниковъ. Серебряная накладка, покрытая особеннымъ лакомъ, не заключаетъ ни одного изъ этихъ неудобствъ, а зеркала будутъ лучше, и дороже, хотя защитники новаго способа и тутъ общають экономію. Последняго мы не понимаемъ.

. Дуэль между германскимъ студентомъ надобно самимъ героямъ чести. Они убѣдились въ глупости и несовершенности началъ поединка, приличнаго для времени варварскаго и темныхъ. Въ Бреславлѣ съ дозволенія сената, образовалось новое учрежденіе — Судъ Чести или не знаемъ, какъ вы лучше переведете Ehrengericht. Этотъ судъ будетъ разбирать тяжбы, которыя

до сего рѣшались послѣдкомъ. Забавное лекарство отъ забавнаго недуга; но можетъ быть, оно будетъ имѣть цѣлебное нравственное дѣйствіе, можетъ быть, — потому что послѣдствіе раздраженія страстей, съдѣлательно такого состоянія духа, которое всегда граничитъ съ безуміемъ, если само уже не безумно. Послѣдствіа учрежденія весьма любовитны... И сколько уже противу этого зла придумывало сильныхъ, странныхъ средствъ; уви; сколько на свѣтѣ гасильныхъ снарядовъ, а пожары не прекращаются...

. Давно ли мы увидѣли пашихъ читателей о пожарахъ въ Квебекѣ, Тропикосавскѣ и др. мѣстахъ. Теперь должны донести объ ужасномъ пожарѣ, поглотившемъ значительную часть Нью Йорка. 19 Июля, въ три часа утра, всталъ огонь и обнял самую великолѣпную часть города; триста зданій погребло. Потеря прострѣается до 50 мил. р. асс. Но болѣе всего пострадали страховыя общества, пѣз которыхъ многія теряють весь свой капиталъ а оно можетъ заплатить только 90 за сто!

. И несчастія и бѣдствія бывають погла оригинальны и забавны. Въ Мецѣ недавно выпалъ градъ, самой странной, далъ лучше сказать самыхъ странныхъ формъ, напоподобіе раковинъ съ хвостами и лапками и такой чистоты, что сквозъ гранду можно было читать писемца какъ сквозъ простое стекло.

. Въ городскомъ архивѣ, въ Аугсбургѣ открыли рѣдкость, которая стоитъ мѣснаго града. Это рукопись на пергаментѣ съ 20 печатками. Въ ней найдены: прислаги Геца фонъ Берлингенга, полное собраніе актовъ Швабскаго Союза и собственноручныя писанія Лотера, Меланхтона и другихъ замѣчательныхъ лицъ того вѣка.

. О Франціи, Англіи, Германіи, даже Италіи всегда можно прочесть что либо въ ежедневныхъ газетахъ. Но завѣденному порядку, вы вѣрѣе знаете, въ какой послѣдовательности предъ глазами ваши престанутъ такъ называемыя новости заграничныя. О Венгріи едва и вамъ, что случается прочесть, тогда какъ Венгрія въ настоящее время весьма занимательное государство. До политики намъ нѣтъ дѣла; но что до просвѣщенія, не можетъ не замѣтить, что въ этомъ углу Европы въ короткое время произошло сильная, коренная перемѣна: латинскій языкъ — палъ не только въ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ, но и въ училищахъ. Этотъ шагъ слишкомъ важенъ. Уже Венгрія въ короткое время обнаружилла высокая свои способности и по ученой части. Два молодые Венгерца обратили на себя вниманіе ученаго міра. Это Антонъ Регули и Іоаннъ Керней. Первый предался пѣзданію партій и нравовъ западныхъ и восточныхъ Флановъ, чтобы рѣшить сопденность своего народа съ Фиппинами. Для того онъ посѣтилъ Фипландію, Петербургъ, отправился въ Азію изучать Монголовъ, собралъ ихъ лекціонъ и пѣны, перешелъ къ Остякамъ, изучилъ ихъ языкъ, сказанія и пѣсны. Регули намѣрвается привести свои матеріалы въ порядокъ — въ Петербургѣ. Въ Пестѣ учреждено особое общество для вспомоществованія этому ученому. Керней избралъ поприщемъ своихъ этнографическихъ и филологическихъ трудовъ — Молдавію и Валахію, гдѣ проживаетъ около 100,000 Кузановъ чистаго племени.

. Въ заключеніе и для понятія нашего странствованія упомянемъ и мы о конкурсѣ, объявленномъ въ журналахъ иностранныхъ и нашихъ: предлагаютъ тысячу фунтовъ стерлинговъ за лучшую картину изображающую Крещеніе Иисуса Христа въ Йорданѣ... И кажется, объ этомъ конкурсѣ довольно! Въ немъ столько таинственноти и важности, что не безъ сомнѣнія мы читали объ объявленіи о немъ въ заграничныхъ журналахъ. Мы увѣрены, что русскіе художники не примутъ въ немъ участія. Для лучшихъ и цѣна не значительна и безъ того много дѣла; а слабѣйшіе устранились состязанія съ заграничными артистами, хотя бы и повѣрили полнотности объявленія.

ЕЖЕНЕДЪЛЪНИКЪ.

Загородная жизнь. — Г-жа Плессп, г. Арну и Французские журналы. — Ошибки. — Торговое Дено. — Штетинское Почтовое Пароходство. — Пароходъ Дибстръ. — Желѣзно-конная дорога. — Почтовое сообщеніе между Москвою и Харьковомъ. — Пожаръ въ Ярославль. — Саратовскія Губернскія Вѣдомости. — Саратовскія новости. — Ольга, опера г. Бернара.

...то ушло, не только дѣломъ, но и самымъ имениемъ. Сентябрь! — Нахмурился Петербургъ пушелемъ.

Сентябрь! — Нахмурился Петербургъ пушелемъ. Дождь и ведро будто карты въ фараонѣ перепадуютъ очередно; жители дачъ одни уже въ Петербургѣ, другіе безъ шутокъ укладываются и съезжаютъ въ городъ. Мало пѣсть загородныхъ мѣстъ долѣе всего любители природы проживаютъ въ Павловскѣ. И не удивительно: дома, строгіе для зимней жизни, могутъ защитить отъ ранней осенней стужи; музыка до 15 сентября; удобство сообщенія тоже, что и летомъ, такъ что же можетъ препятствовать любителямъ природы продлить хотя бы и мнимое удовольствіе. Все-таки удовольствіе — удовольствіе и любители природы — правы. Но не забудьте, любители природы, что кромѣ желтыхъ листьевъ и сѣраго неба, надо непременно любить и музыку, и театр, и художества. Не заживайтесь на дачахъ. Художественная выставка и опера Итальянская у порога. Вспомните, что надо готовить костюмы для каждаго понедѣльника, среды и пятницы, а если вы не довольствуетесь оперою, то для вторника и четверга, потому что французскій театръ вѣроятно въ этомъ году очивится, а ужъ это быть не можетъ, чтобы вы не любили французскаго театра. Подражайте въ этомъ отношеніи другимъ любителямъ природы. На дачѣ графа А. Г. Купселева-Безбородко жители окрестныхъ дачъ простылись съ загородной природою, богоугоднымъ праздникомъ съ лотерей, для учрежденія при цѣлебномъ источникѣ въ Полустровѣ не большой больницы для бѣдныхъ. Тутъ мы должны замѣтить, что эта лотерея была не на Купселевкѣ, какъ нѣкоторыя газеты объявлял, а на дачѣ Безбородкинской. Первая на Спасской Мызѣ, вторая у Полустрова. Еще замѣтимъ, что Германнъ игралъ прошлагодній вальсъ по желанію нѣкоторыхъ любителей, что репертуаръ Германна гораздо обширнѣе другихъ репертуаровъ, а ужъ о исполненіи и говорить нечего. Пишемъ не потому чтобы обнаруживать чужія ошибки, но для того, чтобы не вестн въ заблужденіе довѣрчивыхъ читателей и защитить Германна отъ несправедливаго и незаслуженнаго обвиненія. Возвратимся къ любителямъ природы. Великій куликъ свое болото хвалитъ. Мы никого не упрекаемъ, зачѣмъ онъ живеть въ Рыбачьей или на Крестовскомъ, а не въ Павловкѣ, Царскомъ, Петергофѣ. Каждому нравится то, что ему нравится, и въ этомъ онъ не обязанъ никому отчетомъ. Все загородныя дачныя мѣста равны, лишь бы жилось весело и покойно. Намъ больше другихъ мѣстъ нравилось Парголово, помѣстоположенію и воздуху; и тамъ въ этомъ году было болѣе жизни и движенія по милости Спасскихъ Дьялжасовъ, облегчавшихъ сообщеніе съ Петербургомъ; и тамъ любители природы распрошались своевременно съ своею любимцею баюлою, который за недостаткомъ другаго помѣщенія, лавъ былъ въ манежѣ... Крутомъ по всѣмъ дачнымъ мѣстамъ сгорѣли прощальные фейерверки, хорошъ возглашала любители природы лѣту колючку — и теперь уже болѣею частію сплываютъ въ Петербургъ и спрашиваютъ экспертовъ про

театръ, выставку и т. д. — Эксперты разсказываютъ, ошибаются, вводятъ другихъ въ ошибку, но ужъ вѣрно никто не разсказалъ ничего подобнаго тому, что напечатано въ одномъ французскомъ журналѣ.

* * Дѣло идетъ о г-жѣ Плессп. Журналъ увѣряетъ, что въ Петербургѣ г-жѣ Плессп назначено 45,000 франковъ ежегоднаго жалованія на 10 лѣтъ, кромѣ бенефисовъ, подъемныхъ денегъ и т. д., что г-жа Плессп ушла въ Лондонъ за тѣмъ, чтобы тамъ вытти замужъ за г. Арну, автора многихъ романовъ и театральныхъ пьесъ. Г. Арну пріѣхалъ въ Лондонъ, по, увви! тамъ состоялось новое постановленіе, по которому пришедьцевъ нельзя сочетать бракомъ иначе, какъ послѣ шести лѣтънаго ихъ пребыванія въ прѣлѣлахъ трехъ королевствъ. Нечего дѣлать. Г-жа Плессп и г. Арну сплать у моря и ждать погоды. Все это ничего, мы уже привыкли къ подобнымъ романамъ: во вотъ что забавно и мы не можемъ не подѣлаться съ нашими читателями этой смѣшной выходкой французскаго журнала; по словамъ г. Пятръ-Шевалье, сочинителя этой статьи. «Г. Арну впрередъ уже назначенъ режиссеромъ императорскаго театра, что ему доставляетъ мундиръ и чинъ маіора, потому что въ Россіи — всѣ военные, авторы и актеры. Рубини теперь ужъ полковникъ кавалеріи; Аманъ батальонный командиръ, Доде капитанъ, Брессанъ поручикъ и т. д.» Послѣ этого можно-ли удивляться всѣмъ несправдностямъ, которыя про насъ сочиняютъ французскіе писатели!

* * О г-жѣ Плессп тма извѣстїи и толковъ. Бѣтство ея изъ Парижа надѣлало много шума по всей Европѣ; въ Петербургѣ увтрянъ не только, что она пріѣхала, по что уже ее видѣли, слышали, восхищались ея любовью и красотою. Иллюстрація введена была въ заблужденіе и неосторожно повторила несправедливый городской слухъ, но сама же объявила о своей ошибкѣ, что будетъ и впрередъ дѣлать, если бы случилось впасть ей въ какую нибудь погрѣшность, или что либо не досмотрѣть. Дѣльныя замѣчанія она всегда приметъ съ благодарностію, какъ скоро будетъ въ нихъ вѣдѣть благо намѣреніе. Вотъ и доказательство на лицо. Въ Еженедѣльникѣ 20-го нумера мы сказали вмѣстѣ съ Референтомъ Олескаго Вѣстника, что учрежденіе благороднаго пансіона въ Кшиневѣ — *духовнымъ лицемъ — содѣлаи* не первый пріѣзъ въ Россіи. Въ 194 Но Ств. Пчелы, Г. Н. Т. — помѣстнлъ замѣтку, что другой благородный пансіонъ, содержимый священникомъ Полянскимъ, нѣсколько лѣтъ уже существуетъ въ Петербургѣ. О книгахъ, пзданныхъ О. Полянскимъ — мы знали, но о благородномъ пансіонѣ не вѣдали. Теперь и вѣдаемъ, что въ Россіи благородныхъ пансіоновъ, содержимыхъ духовными лицами — два, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Кшиневѣ. Да, Господи, опять ошибитесь и поправлять нашу ошибку не одинъ, не два, а двѣсти кратъ, и каждый разъ благодаритъ тѣхъ, которые намъ укажутъ нашу невольную ошибку также искренно, какъ теперь благодаримъ Г. Н. Т. — а. Такія замѣчанія должны бы мы всѣ редакторы дѣлать одинъ другому, *sine ira et studio*, просто, откровенно, безъ насмѣшекъ, безъ шутокъ, безъ колкостей, наконецъ; потому что все это надѣбаетъ публикѣ и унижаетъ литературу. Вѣроятно, читатели помнятъ, какими возгласами и восклицаніями сопровождалъ въ одной газетѣ нашу ошибку о г-жѣ Плессп, и вслѣдъ за тѣмъ въ той же газетѣ описали сцену на бывшую въ Павловскѣ, которой во все не было, потому что помѣшала погода.

* * Богъ съ нами! Мы иногда упоминаемъ о нашихъ противникахъ для того только, чтобы молчаніе не было принято за согласіе, а правду молвить, говорить о нихъ не имѣемъ ни какой охоты; обратимся лучше къ предметамъ болѣе занимательнымъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ имѣетъ образоваться Торговое Дено, или по просту, Комиссіонерство для пролажи всѣхъ и всякихъ товаровъ, съ платежемъ за комиссію по 2%. — Трудно теперь рѣшить какую пользу принесетъ это учрежденіе, какъ оно само двинется и т. д.,

Начинаніе доброе, слѣдственно, должно желать ему успѣха и содѣйствовать его ходу. Ожпадемъ подробнѣйшихъ слѣдствій. На данныхъ, напечатанныхъ въ газетахъ, не можемъ основать никакаго сужденія.

* * Обозрѣвалъ всѣ мѣры, которыя предпринимаются къ облегченію сообщенія столицъ и губернскихъ городовъ между собою, а равно и съ чужими странами, мы съ удовольствіемъ впадемъ по этой отрасли важныя и полезныя учрежденія. Штетинское почтовое пароходство на дняхъ открытося. Прусскій Пароходъ Орель уже долженъ быть въ Кронштатѣ, по рассчету времени. Въ ближайшихъ нумерахъ Иллюстраціи будетъ помѣшено внутреннее расположеніе парохода, для удобства намѣревающихся на немъ отправиться за границу.

* * Въ Одессѣ 3-го августа спушенъ на воду желѣзныи пароходъ Дибстръ, назначаемый для усиленія пароходства по соменной ему рѣкѣ. Да того въ Одессѣ впервые устроены станиель, на которомъ сложать и спускать на воду земснарядную машину для очистки входа въ Дибстръ и дибстровскіи Лимаиъ и дунайскихъ гирлъ.

* * Желѣзно-конная дорога между Волгою и Днономъ, также должна быть окончена въ этомъ году; для чего Высочайше дозволено выпустить прибавочныхъ акцій на 60 т. р. с.: теперь на 40 т., а въ случаѣ надобности и еще на 20 т. р. с.

* * Кто ѣздитъ по Россіи, особенно по внутреннимъ губерніямъ, тотъ вѣрно пойметъ всю важность контракта, заключающаго почтовымъ вѣдомствомъ съ отставнымъ штабъ-ротмистромъ Студзинскимъ на 10 лѣтъ, по которому отъ Москва черезъ Тулу, Орель и Курскъ до Харькова все должно измѣниться по этому важному почтовому тракту. Контрактъ этотъ по всѣмъ статьямъ почтоваго сообщенія обѣщаетъ важныя улучшенія и строгій порядокъ. Не говоримъ уже о томъ, что теперь можно будетъ ѣхать свѣло и расчитывать вѣрно, куда когда пріѣдетъ: потому что лошадей всѣхъ будетъ довольно и просяживать на станціяхъ по цѣлымъ суткамъ не будетъ надобности. Но что важно, такъ это принятая г. Студзинскимъ на себя обязанность завести по всѣмъ станціямъ этого тракта брички на желѣзныхъ осяхъ и порлочныя крытыя сани. Брички пойдуть съ 1-го мая, а въ теченіе трехъ лѣтъ, а можетъ быть и раньше, будутъ завезены ресурсорные экипажи, коляски и кареты! Галдя на пространство, легчее между Москвою и Харьковомъ, по истинѣ можно сказать, что это предпріятіе гигантскій шагъ, отъ котораго многое пойдетъ впередъ быстро. Назъ контракта сего можно заключить, что по всему тракту будутъ выстроены казенныя станціонныя дома или паныты удобныя для станціи помѣщенія, а г. Студзинскій намѣревается озаболитъ о прокораленіи пассажировъ, которые, надо правду говорить, не рѣдко за одну станцію до губернскаго города не могли доставать не только порядочной, но и никакой пищи! А вѣдъ у насъ есть города до города надо иногда прѣхать цѣло королевство. Желательно, чтобы успѣхъ этого предпріятія распространнлъ полезное учрежденіе и на другіе тракты.

* * Ярославъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ подвергся большой опасности. На большой мануфактурѣ Гг. Яковлевыхъ поднялся пожаръ 18 июля, въ 1 часъ по полудни, распространился весьма быстро; по дѣятельности тамошняго полиціеистра, подполковника Николаева, прекращенъ довольно удачно. Сгорѣло нѣсколько строеній, принадлежавшихъ мануфактурѣ, и обывательскихъ домовъ, по объявленію управляющаго, мануфактура повесла убытка на 600,000 р. асс. Потеря обывателей простирается не болѣе какъ на 7 т. р. асс. Самое пожертвованіе г. Николаева заслуживаетъ извѣстности и общаго признательнаго вниманія. Въ самомъ разгарѣ г. Николаевъ услышалъ крикъ; кричащимъ постороннимъ зрителямъ, что въ здании, обхваченномъ пламенемъ, гибнутъ люди; вслѣдъ за тѣмъ онъ увидѣлъ самъ въ огнѣ человека, бросившагося туда и вытащившаго мѣшанина Гусева; Гусевъ

обоженъ, ушибся, во живъ; а г. Николаевъ, спасъ Гусева, обожгъ оба уха.

* Мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ читаемъ Саратовскія Губернскія Вѣдомости. Въ каждомъ номерѣ находимъ что либо любопытное, мѣстное, а въ 30-мъ есть даже родъ феельтона съ мѣстнымъ интересомъ; это отвѣтъ на письмо полученное Редакторомъ отъ саратовскаго помѣщика. Отвѣтъ написанъ просто, но доказательно. г. Редакторъ весьма вѣжливо изложилъ деревенскому жителю его обязанности; доказавъ, что въ глуши даже скучать нельзя, не должно; что для дѣятельности сельскаго жителя поприще бесѣйное, полезное и почетное. — Соглашаясь съ своими корреспондентами, что иногда деревенскіе гости хуже татаръ, онъ предлагаетъ отъ нихъ средство, которое онъ самъ испыталъ съ успѣхомъ. — Это — читать гостямъ книги самыя отвлеченныя, трансцендентальныя, отъ которыхъ бросить ихъ въ потъ или найдется сонъ. — Можетъ быть и удало бы выжить такими мѣрами иныхъ гостей, но есть и такіе, которые чѣмъ меньше понимаютъ, тѣмъ больше восхищаются.

* Въ Саратовѣ и кромѣ губернскихъ вѣдомостей, есть любопытныя новости: во-первыхъ, приступаютъ къ устройству другаго водопровода на разстояніи 12 верстъ, отъ чего ожидаютъ важныхъ для города послѣдствій; во-вторыхъ, въ одномъ мѣсу червь съ весны изволилъ поѣсть листь; въ юліи деревья покрылись новою прекрасною зеленью.

* Последняя новость, которую для заключенія хотимъ подѣлиться съ читателями — есть новая опера, русская, оригинальная, въ 3 актахъ, музыка г. Бернара. Репетиціи приближаются къ концу и, какъ слышно, 10 сентября назначено первое представленіе оперы на Александринскомъ Театрѣ. Сюжетъ заимствованъ изъ анекдота, послужившаго ковною пьесъ Параша Сибирячка. Названіе оперы — Ольга, дочь изгнанника. Персонажъ — слѣдующій: Неизвестный — г. Петровъ. Жена его — г-жа Каратыгина и. Ольга дочь ихъ — г-жа Стананова, Александръ женихъ Ольги — г. Леоновъ. Прохожіи — г. Артемовскій, Маша, подруга Ольги — г-жа Лилѣева. И такъ нашъ театрално-музыкальный годъ откроется оригинальною оперою. Но будетъ ли она претечей другихъ оригинальныхъ оперъ?

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

МОЖЖЕВЕЛОВОУ ОТВАРЪ.

При нынѣшнихъ часто случающихся падежахъ рогатаго скота, коровы не столько отъ скуднаго и не хорошаго теперешняго корма, сколько отъ неясной причины, предполагаемой впрочемъ въ водянистомъ лѣтнемъ и осеннемъ кормѣ, а не отъ какой либо заразной болѣзни получаютъ слабость въ ногахъ, въ родѣ водяной болѣзни, отъ чего, не будучи совершенно худы тѣломъ, не могутъ вставать, теряютъ помывъ на пшшу, и черезъ нѣсколько времени издыхаютъ. Нѣкоторые хозяева помогаютъ въ такомъ случаѣ отваромъ изъ можжевеловика, (juniperus communis), почти во всей Псковской губерніи называемаго вересомъ. Для сего надобно, нарубивъ можжевеловыхъ кустовъ, искрошить ихъ величиною въ вершокъ, (не много болѣе или менѣе, разности не составляетъ), сварить въ горшкахъ или котлахъ, прсикушествою чугунныхъ или мѣдныхъ, хорошо вымученныхъ, и, простудивъ этотъ отваръ, пить имъ коровъ. Этотъ способъ, какъ я слышалъ отъ одного сельскаго священника, многія коровы были спасены, если не страдала другою болѣзнію. Приминивъ къ корму сѣд-

не мѣшаетъ дѣйствию отвара, но въ самый отваръ соли класть не должно. Отваръ этотъ долженъ быть ни густъ ни рѣдокъ. Впрочемъ излишняя густота, при доставкѣ можжевеловика, не почитается предною, но еще, особенно если вересовые кусты съ лгодами, доставляетъ и питательность; слижкомъ рѣдкій отваръ дѣйствуетъ медленно, и его можно употреблять только въ случаѣ недостатка можжевеловика, или при большомъ количествѣ скота. Не мѣшаетъ поить имъ скотину и въ такомъ случаѣ, когда она мало стоитъ на ногахъ. Какъ бы то ни было, отваръ можжевеловика, полезный для людей въ ломотѣ членовъ, особенно ногъ, какъ въ ваннахъ, такъ и въ декоктѣ, и весьма пріятный, изъ однихъ иголъ, въ такъ называемомъ вересовомъ пивѣ или мѣдѣ, ни въ какомъ почти случаѣ, не можетъ быть вреденъ для рогатаго скота. Я думаю, что и гг. ветеринарные врачи въ этомъ согласятся со мною.

КРАШЕНІЕ МОЛОКОМЪ.

Этотъ способъ крашенія очень хорошъ по своей прочности, въ сравненіи съ клевою краскою, по своему пріятному блеску и по своей дешевизнѣ. Въ глиняный горшокъ положить 12 лотовъ свѣжегашеной извести, влить туда 2 фунта снятаго молока, и смѣшать все наподобіе не густой каши; прибавить еще 8 лотовъ льнянаго, макаваго или орѣховаго масла, и размѣшать; прилить еще два фунта молока, положить 3 фунта бѣлой отмученой глины, или мѣла, и все смѣшать. Молоко не должно быть кислымъ, потому что тогда образуется известковая соль, которая всасываетъ въ себя сырость.

Этой бѣлой жидкости можно давать какой угодно цвѣтъ прибавленіемъ пріятной краски. Но въ случаѣ употребленія берлинской лазури не надобно прибавлять извести, потому что она портитъ эту краску, дѣлаетъ ее грязновато-желтою; также масла не надобно поддывать извести, потому что въ этомъ случаѣ, по своему свойству, оно образуетъ известковое мыло, а для лучшаго крашенія прибавить еще 8 лотовъ топченнаго мѣла. Эта молочная краска можетъ вѣсколько недѣль стоять до употребленія и не портится. Если этой краскѣ въ различныхъ случаяхъ хотятъ придать болѣе блеска, то для того надобно сбить бѣлокъ изъ дюжины яицъ съ тремя фунтами свѣжей, холодной воды; этою жидкостью покрыть кистью краску, и дать поскорѣ высохнуть, потому-то, чѣмъ скорѣе краска высыхаетъ, тѣмъ она становится прочнѣе.

Для внутренности книжныхъ шкаповъ (какъ, напримеръ, сдѣлано въ новой библиотекѣ въ Мюнхенѣ), можно употреблять краску разведенную на творогѣ. Для сего, взять 1 четверикъ гашеной извести и 9 штофовъ (1/10 ведра) свѣжаго творога, растерать все вѣстѣ до тѣхъ поръ, пока смѣсь не сдѣлается жидкою. Тогда, пропустить ее въ волосяное сито, и приливать къ ней, потому что она густѣетъ во время процеживанія, до тѣхъ поръ снятаго молока, пока наконецъ вся жидкость не пройдетъ сквозь сито, для чего и потребно около 14 кружекъ молока. Этого количества краски достанетъ на покрытие четырехкратно отъ 800 до 900 квадратныхъ футовъ. То, что не можетъ пройти сквозь сито, употребляется на послѣдующее приготовленіе краски.

Для того, чтобы красить этою краскою дерево, надобно его прежде покрыть клевою лодкою (для вышеозначенной поверхноствѣ нужно 4 1/2 ф. клея) но это преждевременное окрашеніе не совсемъ необходимо. Смотря по тому, какъ окрашиваемый предметъ долженъ быть, свѣтлѣ или темнѣе, окрашивается онъ отъ четырехъ до ше-

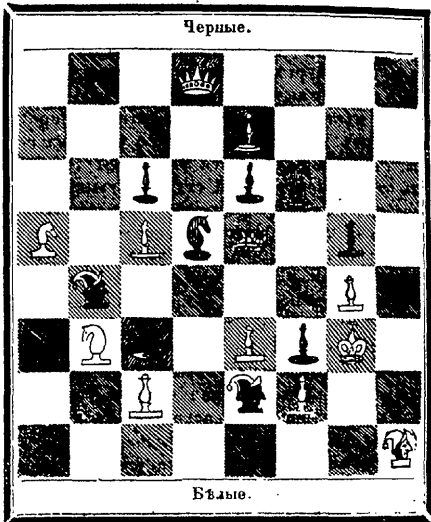
сти разъ, а для полученія блеска можно окрашеніе повторить еще два раза; впрочемъ достаточно; если грунтъ совершенно буетъ покрытъ. Когда краска совершенно высохнетъ, тогда поверхность вытираютъ до тѣхъ поръ перстляною тряпкою, пока она не будетъ блестѣть; этотъ блескъ хотя и не такъ красивъ и проченъ какъ отъ масляной краски, за то гораздо дешевле.

Отъ Редакціи. Покорѣннѣе просимъ исправить лѣтъ ошибки, вкраившіяся въ № 20-й. На стр. 318 въ 10 вѣстѣ Странствователя напечатано въ Геневѣ, слѣдуетъ читать: Гентѣ. На стр. 315 напечатано И. А. Антипинъ — слѣдуетъ поставить И. Ф. Антипинъ. — Отвѣты на полученные письма, за недостаткомъ мѣста будутъ помѣщены въ № 22-мъ.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

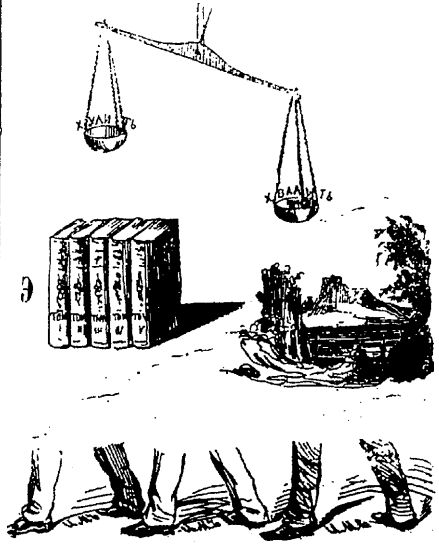
Бѣлые дають матъ въ 14 ходовъ.

РАЗГАДКА № 20.

Въ Гордости нѣтъ добра.

ЗАГАДКА № 21.

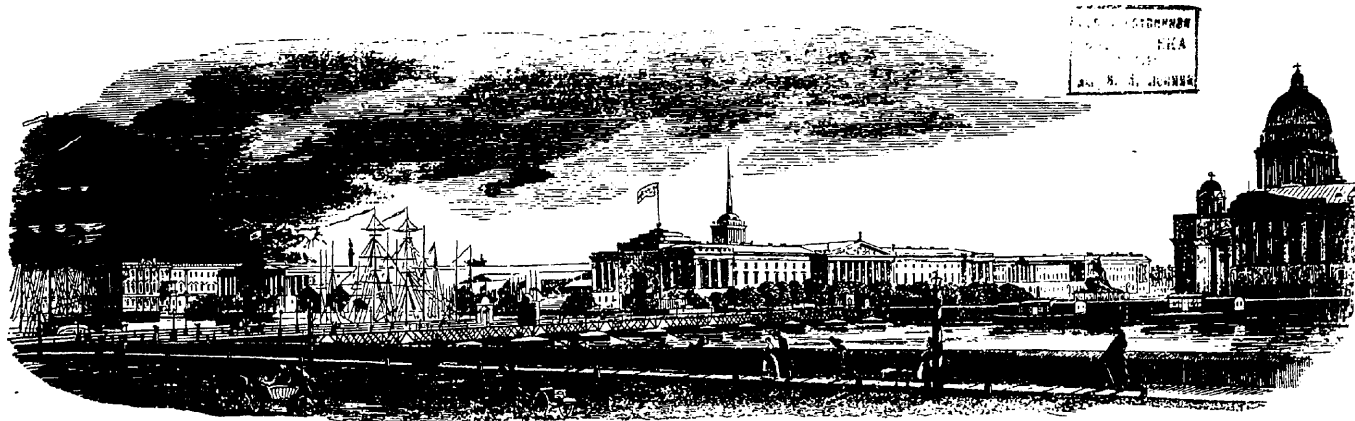

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Разсказъ Чесменскихъ Иудейцевъ соч. Чесменскаго Николая. 2) Кіевъ, разсказъ Бектара, окончаніе. 3) Обрушивающіяся скалы въ Фельсбергѣ. 4) Парголоескія Тайны, повѣсть И. Фурманова. 5) Шарлоттенгольцъ. 6) Английскія въ Мюнхенѣ. 7) Заключеніе, романъ, Глава V. 8) Архиметика Шама. 9) Странствованіе по чужимъ изданіямъ. 10) Ежегодникъ. 11) Памятная книжка. 12) Отъ Редакціи. 13) Игры. 14) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) Два вида Фельсберга. 2) Шарлоттенгольцъ. 3) Английскія въ Мюнхенѣ. 4) Архиметика (4 грав.) 5) Парижская Музыкальная Академія. 6) Зала Олеона въ Вѣнѣ. 7) Загадка, всего 11 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 22. — СУББОТА, 8 СЕНТЯБРЯ 1843. Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылкою: На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылкп: На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ЗАКЛАДЪ.

романъ.

глава шестая.

СВИДАНІЕ.

Все нами описанное въ предшествовавшей главѣ сбылось въ нѣсколько часовъ; но пока Марья Осиповна такъ странно познакомилась съ Евгеніемъ, губернаторомъ и чудакомъ-дядюшкой, и хлопотала по городу, — за городомъ романъ нашъ также быстро подвигался къ развязкѣ. Военный сюртукъ не послушался Кудима и пошелъ на кладбище, куда, какъ вамъ извѣстно, лодовой повезъ Лукерью Ивановну на послѣднее жилище. Пройдя заставу, военный сюртукъ впалъ въ глубокую задумчивость. Время было жаркое; потъ катился съ него градомъ; онъ спялъ фуражку, разстегнулся и шелъ себѣ, куда глаза глядятъ, опираясь на толстую дубину. Съдые волосы его были тщательно приглажены; сзади косичка обличала воина старыхъ временъ: вотъ, видите, какъ это было давно; едва ли кто изъ васъ, благосклонные читатели, запомнитъ то время, когда родился нашъ военный сюртукъ. Старичекъ былъ сухъ, костлявъ, обтянутъ кожей, будто оболки, такъ плотно; но въ поступкѣ, въ осанкѣ, въ лицѣ, въ глазахъ было что-то воинственное, что придавало ему и важность и пріятный видъ. Какъ бы привыкъ онъ къ пѣшеходству, но зпой и воспоминанія утомили его; онъ почувствовалъ усталость и съѣлъ на большомъ камнѣ близъ дороги, подлѣ сѣбно одинокаго дуба. Воспоминанія увлекли его; присидѣлъ бы онъ тутъ долго, если бы Кудимъ, исполнивъ наказъ своего сердца, не возвращался тѣмъ же путемъ на кладбище.

— Что, баринъ! — сказалъ онъ, равняясь съ придорожнымъ камнемъ. На мое вышло! Усадьба Кудимова не близко!

Старикъ бодро всталъ, оправился и, не отвѣчая на рѣчь Кудима, пошелъ съ нимъ рѣдомъ.

— Эвона! сказалъ Кудимъ, чай мы опоздали. Батюшка у насъ такой исправный; покойника не задержитъ. Ну, да какъ угадетъ, съ Кудима не взмочетъ. Онъ же меня творить добро учитъ.

Старикъ все молчалъ и шелъ дальше.

— Такъ и есть! опять сказалъ Кудимъ, почесываясь. Воиъ уже и гробъ поставилъ у могилы, а яма еще не готова.

И точно. Съ дороги очень легко можно было видѣть, что на кладбищѣ, на небольшомъ пригоркѣ стоялъ деревянный не окрашенный гробъ, возлѣ священникъ съ дьячканомъ и тремя или четырьмя нищими. Священникъ встрѣтилъ Кудима кроткимъ упрекомъ:

— Что ты это, Кудимъ! За тобою этого не водилось.

— Не пеняй, батюшка, послѣ все разскажу, а яма у меня сама выкопается.

И въ то же мгновение Кудимъ распоясался, снялъ кафтанъ, взялъ у нишаго изъ рукъ заступъ и принялся за свое дѣло. Не успѣлъ онъ отбросить двухъ или трехъ комковъ земли, какъ вдругъ гробъ, стоявшій на косогорѣ, зашатался. Въ предстоіиіе, безъ исключенія, вздрогнули, нищие хотѣли посмотрѣть, что объ этомъ думаетъ священникъ; но его уже не было. Во ожиданіи, пока Кудимъ выкопаетъ могилу, онъ ушелъ съ дьячканомъ въ церковь... Страхъ ихъ возросъ, когда изъ гроба послышался глухой стонъ; вслѣдъ затѣмъ раздался слабый стукъ въ крышу, и лишіе ударились бѣжать; Кудимъ оцѣпенѣлъ; одиъ только старикъ сохранилъ присутствие духа, бросился къ гробу, не безъ усилія оторвалъ плохо приколоченную крышу, и отступилъ въ ужасѣ... Блѣдно-желтое, изсохшее лицо лежало на грубой подушкѣ и глядѣло прямо на него неподвижными, впалыми глазами... Старикъ, уронивъ крышку, схватился обѣими руками за голову.

— Господи Боже мой! закричалъ онъ пещество. Это ты! Моя Лукерья!..

— Что вы это хотѣли сдѣлать со мной? спросила она слабымъ голосомъ. — Похорошить живую?.. Зачѣмъ опоздалъ?! — И слезы полились пзъ тусклыхъ очей.

— Благодари Бога, Лукерья! Это Его святая воля. Вотъ орудіе Его промысла! Вотъ твой спаситель невольный. — Кудимъ, ты спасъ мою жену.

Заступъ вывалился изъ рукъ Кудима; жепшина выскочила изъ гроба и, схвативъ старика за голову обѣими руками, впиалась

въ него глазами, которые стали страшны; губы ея дрожали, какъ будто спяся сказать что-то.. Наконецъ, разными голосами, въ которыхъ раздавался то пискъ, то хрипѣііе, произнесла старуха: Осипъ? Ты ли!..

— Я, мать моя, красавица горемычная! — Старикъ зарыдалъ, старуха завопила; въ этомъ воплѣ были буквы, но эти буквы не составляли слова; съ страшнымъ своимъ воплемъ она упала безъ чувствъ на земъ и по косогору скатилась въ яму къ Кудиму...

Нищие уже дали знать въ церковь о странномъ событіи; священникъ поспѣшилъ на мѣсто дѣйствія, удивился не мало, но не оставилъ несчастныхъ безъ помощи. По его совѣту, Лукерью подняли, стали приводить въ чувство, что шло весьма медленно. На кладбищѣ, кромѣ Кудимова шатра и сторожекъ, никакого жилья не было.

— Снесемъ Лукерью Ивановну ко мнѣ въ сторожку, сказалъ Кудимъ, а я сбѣгаю на овражекъ, что за мостомъ у лѣса; тамъ пустой домъ торчитъ, выморочная усадьба; вотъ уже больше году пѣтъ хозяйна. До города далече, а тутъ пока оправится; и отъ жару и отъ сырости все-таки есть защита... Ну, до свиданія!

Пока приводили въ чувство Лукерью Ивановну, Кудимъ сбѣгалъ и возгласилъ съ торжествомъ:

— Наша взяла! И кровать есть, и не одна, и кружка съ квасомъ стоитъ, будто сегодня поставлена... Несите, несите за мною!

Отъ кладбища до выморочной усадьбы было съ полверсты. Своротивъ съ большой дороги и мпновавъ лѣсокъ, который закрывалъ усадьбу со всѣхъ сторонъ, шествіе очутилось на небольшой площадкѣ, густо заросшей травой; дворъ и домъ въ два жилья, какъ общему удивленію, были въ порядкѣ, какъ будто тутъ и теперь живутъ люди. Но Кудимъ былъ правъ: въ домѣ не пашли живой души. Лукерью уложили на опрятную койку, возлѣ которой рядышкомъ стояло еще нѣсколько самодѣльныхъ коекъ, покрытыхъ соломою и цыповками. На столѣ, точно, стояла огронная кружка съ свѣжимъ квасомъ. Нищие уши; остались только

Осипъ, Лукерья и Кудимъ. Ей было уже полегче, она порывалась говорить, но Кудимъ, по званию сельского медика, запрещал ей держать слово.

— Отдохни маленько! Выпей кваску! поспѣвай! Видишь, вѣдь оно и съ болѣзней встанешь, такъ вселенская хилость въ костяхъ, а ужъ со смерти встань, тутъ слабость еще пуше... А вы, батюшка Осипъ, отчества не вѣдаю, ты вотъ насупротивъ койки присядь, да и рассказывай былъ, али сказку, только знаешь, позабористѣе, чтобы Лукерью Иванову распотѣшить... слѣхъ тотъ же лекарь... Ну-ка! сказывай, не кобещая; а не то, я отхватаю про чернаго богатыря, что жылъ-былъ три сотни лѣтъ съ медвѣжьими лапами, которыя ему за разбой и всякое воровство честный пустынникъ приставилъ... Али другую! Ты только заказывай!.. лишь бы матушку Лукерью Иванову мнѣ отстоять отъ педука.

— Добрый Кудимъ!

— Сказано, не болтать! Слово скажешь, уйду и не вернусь.

— Иѣтъ, добрый Кудимъ, не уходи! Конечно, мы пятнадцать лѣтъ не видѣлись, такъ есть о чемъ поразсказать другъ другу; я оставилъ при матери двоихъ дѣтей, такъ есть о чемъ пораспросить.

Лукерья закрыла глаза рукою. Осипъ поблѣднѣлъ и продолжалъ дрожащимъ голосомъ.

— Другъ мой, я не спрашиваю о нихъ! Да будетъ Его святая воля! Я пошелъ тебя, и гдѣ, и какъ... Могу ли не благодарить Господа за такія милости... Конечно... отцовскому сердцу простительно.

— Да ты, батюшка, перебилъ Кудимъ, прежде мужъ, а потомъ уже отецъ. Такъ начинай съ себя! Гдѣ ты пропадалъ цѣлый вѣкъ?

— Ахъ, Кудимъ дорогой, не зналъ ты насъ въ счастливые годы! Теперь мнѣ еще не сполна пятьдесятъ, а тогда было тридцать съ хвостикомъ, чинъ и мундиръ по-ручка.

Кудимъ всталъ. Осипъ, не замѣчая его почтительнаго движенія, продолжалъ...

— Своего родового мѣшкѣ за сто душъ. Воротился я изъ Турецины въ Москву съ Георгіемъ на груди; обѣхалъ родню и знакомыхъ; увидалъ Лукерью Иванову—отъ Турка ушелъ, а къ ней попалъ въ полоць.

Осипъ отеръ слезу и продолжалъ...

— И теперь старинной тряпуха досадная шутка; а бывало, и въ радости—шутка у меня что добрый деньщикъ служила! Помнишь, Лукерья!

Лукерья улыбулась и протянула мужу руку. Онъ схватилъ ее съ чувствомъ, поцѣловалъ, прижалъ къ сердцу, просилъ внутреннею радостью, помолодѣлъ и какъ будто десятокъ лѣтъ съ плечъ долой; всталъ Осипъ, присосякая, подбоченился и сказалъ весело:

— Эхъ, Лукерья! Не воротить стараго, за то будущее наше! Слаще медь послѣ перцу! А ужъ задали мнѣ перцу окаленные! Не истомлю я тебя, Лукюшка ты моя, старой бѣдой; разскажу будто реляцію... Такъ видишь, Кудимъ...

— Вижу, ваше высочорodie!

— Что ты это, Кудимъ! Что за счеты! Полно, садись, да слушай. Ты для меня старше пшого генерала, только ужъ не Ивана Васильевича! Иѣтъ, братъ, извици! Ужъ хоти я и по его милости съ прокля-

тыми клопами жить, а все-таки Гудовичъ мнѣ зла не желалъ! Женился я! Прощай годокъ, Богъ семьею ушедрылъ; другой годъ—другое дитя! Ну, думаю себѣ, этакъ, пожалуй, и до смерти въ поручикахъ засидишься. Слышу, моего генерала на Кавказъ послали. Я говорю женѣ: Ну, пора мнѣ за саблю приниматься. По-бью Кавказскіе народы, ворочусь къ тебѣ капитаномъ. Ступай съ Богомъ, говоритъ жена. Твоя правда... Я поцѣловалъ жену, дѣтей, на телегу, покотилъ на Кавказъ, прямо къ Ивану Васильичу, а тотъ меня прямо въ дѣло. Давай мы съ нимъ брать горскую крѣпость Анапу. Ухъ, жарко, какъ вспомню. Турокъ, Татаръ, Черкесовъ, — маку не падо—что песокъ морской. Смѣются, окалнные, нашей силѣ не вѣрятъ; мы ихъ въ лапы; послали имъ самыхъ крупныхъ орхвовъ; но небу будто зыби съ погренушками залетали; на ночь мы себѣ и состряпали иллюминацію: загорѣлась Анапа... Иванъ Васильичъ и послалъ меня, да еще съ другимъ, сказать пашѣ, что намъ его и турецкаго войска не падо; пусть только городъ отдастъ. Паша замоталъ головой; мы плюнули и воротились, а онъ въ насъ изъ пушекъ такъ и жаритъ. Э, коли такъ, говорю я товарищамъ, нусть извицитъ, возьмемъ Анапу. Возьмемъ, Осипъ Семеновъ! Что за невидаль такая, Анапа! Возьмемъ!—Сказали мы Ивану Васильичу, что паша безтолковъ и падо взять Анапу руками. — Я тоже думаю «отвѣчалъ Гудовичъ, и завтра, благословясь, возьмемъ крѣпостушку. — Хороша крѣпостушка! Рвы каменныя выложены; гарнизону, почитай, больше чѣмъ арміи, а съ бокъ, будто мухи, черкесскія пули жужжатъ. Знай отмахивайся. Ну, да слово сказано, дѣло сдѣлано. Пошли! пушки маршъ заиграли, да такой громкій, что не ноги по землѣ, а земля подъ ногами заходила. Намъ до нихъ что за дѣло! У насъ своя музыка; мы подъ нее пошли; сблизилъ Турокъ, спустился въ ровъ, приставили лѣстинцы, полѣзли; Турки на дыбы. Врешь—не устоишь! Осипъ Семеновъ сынъ Койневъ первый шагнулъ въ Анапу; тутъ ужъ пошла потѣха. Пушками въ самый носъ не выстрѣлишь. Пушка изъ близки, что Федора—велика да дура. Тутъ ужъ лобъ на лобъ, рука на руку; тутъ ужъ не пустая похлебка, а жирная каша пошла. Сначала Турки храбрились, да гдѣ шлѣтъ противу нашего глаза устоять? Мигнешь, гаркнешь—супостать такъ и валится. Спѣшили; аккорду просить; поздно. Кто въ полоць отдавался, кто въ моръ утонуть—Анапа паша! Мортиръ, пушекъ, знаменъ, бучуковъ, хоть граблями загребай! Глажу, Мустафа Паша, Баталъ Паша и Шихъ Мануръ на веревочкѣ сидятъ. Много легло п нашихъ, да ужъ такого дѣла не сварить безъ потери. Пошли награды; и меня не забыли: капитаномъ сдѣлали и къ Шамхалу Тарковскому послали. Въ огнѣ отъ меня и смерть и бѣда уходили, а тутъ злодѣй, изувѣръ этакой, посланника въ помощь захватили. Что на мнѣ было, все обоорали; связали какъ курицу и, чертъ ихъ вѣдаешь, куда отослали. Охъ, Лукерья! Не приведи, Богъ, что я въ этомъ плѣну вытерпѣлъ. Добро бы у меня былъ одинъ хозяинъ; а то, сегодня одянь, завтра другой; у этого барановъ пашу, у того шелкъ мотай, а у третьяго дворъ мети! Сталъ я ихъ языкъ разбирать, и свѣдалъ, что я въ Хивѣ, у самаго хивнаго народа. Тяжела была работа; ви-

дшь, поспѣвалъ я по первому году моея бѣды. Случись такъ, что купеческій караванъ пришелъ: тамъ и наши были; я съ ними, да ба; поймали да,—страхъ разсказывать,—пагншемъ въ яму посадили, а въ той ямѣ земляные клопы чуть живаго не съѣли... Выручилъ меня одинъ изъ старшихъ моихъ хозяевъ, выкупилъ изъ ямы, да не къ добру: на цѣль посадилъ у своего сарая вмѣсто собаки. Боже всемогущій! Четырнадцать слпшникомъ лѣтъ такого позора духу изъѣли... Но я не унывалъ. Молился Богу не за себя—я желалъ смерти: я молилъ Бога за тебя и дѣтей нашихъ... Ну, чтобы не мучить тебя, скажу вамъ, что хозяинъ мой хотя и былъ зѣбрь, да купецъ; и онъ ходилъ съ караванами своими далече. Пошли мы съ нимъ въ Дербентъ; шли долго и безпокойно; пришли; на мое счастье, ханъ хотѣлъ видѣть наши товары... съ товарами привели и меня. Ханъ узналъ, кто я, выкупилъ съ большою радостью, наградилъ казною, далъ лошадей и проводниковъ, и я, самъ не понимая, что со мною дѣлается, очутился въ Кизлярѣ. Тутъ только я узналъ, что ханъ пашѣ помощи противу сосѣдей ищетъ. Но я уже не вернулся въ армію. Я продалъ всѣхъ своихъ лошадей, оставилъ только одну; добылъ себѣ этотъ сюртукъ, казну уложилъ въ кожаный мѣшокъ и подъ рубашкой имъ опоясался... станеть на новоселье! Выздоровившая, жена! Для васъ я сберегъ деньги... Я думалъ паидти тебя и дѣтей въ Москвѣ... Тебя нашелъ на полу-пути... Но гдѣ же дѣти?

Последній слова Койневъ произнесъ безъ трепета. Больная слушала внимательно по рассказъ мужа; по при последнемъ вопросѣ вздрогнула и закрыла рукою глаза...

— Не мучь, жена! Прощедшаго не воротилъ? Что жъ, умерли?

— Иѣтъ!.. Про-па-ли безъ вѣсти...

— Какъ пропали!

— Моя очередь теперь рассказывать.

Но я не въ силахъ... Осипъ, Осипъ... И на меня пришелъ черный годъ. Ты уѣхалъ... Я перебралась съ дѣтьми въ деревню; деревня сгорѣла; мужики разбредились... я пошла по міру... съ дѣтьми... На ярмаркѣ, въ небольшомъ городишкѣ, я нашла добрыхъ людей... Одинъ взялъ къ себѣ одну дочь на воспитаніе, другой—другую—я кругомъ оспротѣла, но благословляя Божій промыслъ! Дѣти были такъ малы, что могли забыть насъ и наше несчастье... Одна я могла кое-какъ прокормиться работою—и кормилась, Осипъ, горькимъ хлѣбомъ...

— По кому же ты отдала дѣтей?

— Ницаи, я не смѣла спрашивать, какъ зовутъ моихъ благодѣтелей! Только отъ людей я узнала, что тотъ, который взялъ старшую дочь, былъ помѣщикъ здѣшней губерніи Кивоткинъ... Пять лѣтъ прошло, я собрала силы и деньги на дальній путь... Но на половинѣ дороги въ И. не хватило ни силъ, ни денегъ. Уложили меня въ богадельню. Собралась я письмо написать; отвѣта не получила. Потомъ я много писемъ нереслала я и къ губернатору и къ предводителю; ни на одно не получила отвѣта... Года два тому назадъ, съ помощью добрыхъ людей перебралась я въ здѣшнюю провинцію, нашла помѣстье Кивоткина... да въ помѣстьи не нашла никого... перемерла... Я распросида людей... сказали, что дочь наша жива, да послѣ смерти Кивоткина, съ наслѣдниками уѣхала въ Москву. Ста-

да я собираться въ Москву, да, вотъ, болѣзнь придержала...

Дукерья Ивановна прѣмѣтно ослабѣла, Осипъ и Кудимъ бросились къ койкѣ, но Койшева уже лишилась чувствъ и была совершенно какъ мертвая...

— Ну, ужъ во второй разъ не обманешь! сказалъ Кудимъ покойно. Знаешь, магушка, Дукерья Ивановна, что ты не умерла, а такъ, отъ бѣды, одурѣла. Такъ теперь, батюшка Осипъ Семеновичъ, я схожу по своему дѣлу, а послѣ вечерень опять зайду. Не нужно ли чего изъ города? Я съ собой захвачу...

— Мнѣ нужно дѣтей, Кудимъ! Дѣтей! Можетъ быть, они на краю гибели! Можетъ быть...

— Ничего не можетъ быть безъ воли Божіей! И дѣти найдутся, и Господь Богъ пошлетъ вамъ счастливую старость... Ну, прощай, пока...

И Кудимъ пошелъ въ городъ. Ооынка Косолапый, о которомъ упоминалъ Савилла въ тайномъ разговорѣ съ Ноготкомъ, сидѣлъ въ артели у окна и смотрѣлъ прѣвѣжно на улицу. Когда вошелъ Кудимъ, онъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что не замѣтилъ прѣхода могильщика. Кудимъ, въ свою очередь, осмотрѣвъ палату, не обратилъ вниманія на Ооынку, пошелъ на кухню, покушалъ въ одиночку, испилъ воды, вернулся въ палату, легъ на свою койку, укрылся съ головою, чтобы вздремнуть; да не тутъ то было. Косолапый сидѣлъ почти что у Кудимовой койки и безпрестанно дѣлалъ движенія, которыя обнаруживали сильное нетерпѣніе. Кудимъ приподнялъ кафтанъ, которымъ укрылся, и сталъ смотрѣть однимъ глазомъ въ эту щелку на несокройнаго Ооынку. Прошло нѣсколько минутъ, на лицѣ Ооыны блеснуло выраженіе удовольствія, и вслѣдъ затѣмъ въ палату вошелъ Ноготокъ. Перекрестился на образа, тщательно осмотрѣлъ палату и тихо подошелъ къ Косолапому...

— Зророво ли живешь?

— А не то, что живешь здорово?..

— Нѣтъ, не то...

— Такъ что же тамъ? Рассказывай подробности...

— Э! Нѣтъ, Ооыня, отойдемъ къ другому окну...

— Отойдемъ.

И Ноготокъ что-то съ жаромъ сталъ рассказывать. Ооынка покачалъ головою, выползъ изъ палаты, скоро опять возвратился; вслѣдъ за нимъ одинъ, за другимъ, стали приходиться разные мужики, которыхъ Кудимъ зналъ за добрыхъ и честныхъ работниковъ: тотъ былъ плотникъ, другой печникъ и каменщикъ, третій мостовую мостилъ, и всѣ, къ удивленію Кудина, окружали Ноготка и распрашивали тихо. Наконецъ, какъ будто условясь, всѣ схватились за mouths дырвѣны шляпы и ушли. Ноготокъ съ Ооыной убрались послѣдніе...

— Тутъ что-то не ладно! сказалъ Кудимъ подымаясь. Погоди, Ноготокъ, отъ меня ты не утаишь тайности.

Кудимъ одѣлся и опять отправился въ путь прямо къ гостиницѣ, куда Ноготокъ досрочно шелъ съ Ооыей. Въ харчевнѣ Кудимъ пашель обычное собраніе. Недоставало только Ермолая Никитича съ балабайкой. За то Подъ, или Павлуха, или Павелъ Кузьмичъ, камердверъ Евгенія, владрчествовалъ полноправно надъ всею компаніей и приказывалъ себя подчивать въ очередь раздому гостю. Ноготокъ былъ ужъ на привалонѣ, Ооынка съ совершен-

нымъ безстрастіемъ и молча помогать ему. Когда вошелъ Кудимъ, Косой смутился и уронилъ съ подноса рюмку. Ооынка нагнулся помочь ему и, услышавъ шепотомъ произнесенныя слова: « Берегись! Врагъ прѣшелъ. » Кудимъ подошелъ къ прилаву, взялъ деревянный табуретъ и усѣлся на мѣстѣ Савилла. Ноготокъ долго не могъ рѣшиться подойти къ нему; наконецъ, уступая закону прѣличія, съ робостію подошелъ къ своему мѣсту.

— Ну, Косой! А гдѣ Тая?..

— Какая Тая?..

— Э, да ты еще и чванишься! Погоди, братъ, съ пами такъ дешево не раздѣлаешься. Ты выдавай, плуть, Таю офицеру. Постой же, я съ тобой раздѣлаюсь!

— Не боимся мы такихъ съчей, какъ ты! съ гордостію сказалъ Ноготокъ, замѣчая, что Кудимъ не знаетъ всей исторіи. Памъ, простымъ людямъ, не приходится спорить съ благородными, да еще и военными.

— Правда твоя, Косой, да не приходится слезамъ, простымъ людямъ, по честнымъ артелямъ заводить воровскія тайности. Вотъ, постой, прижмутъ тебя, да Косолапаго, такъ все разскажете... Куда ты? Не изволь отходить отъ меня ни на шагъ, а не то, закричу: воры! Добрые люди помогутъ, скрутятся и тебя и Косолапу и отведутъ въ полицію. Я, братъ, не спалъ; все слышалъ въ артели...

— Кудимъ! Что ты, что ты?..

— Колуны: я сплю, а у меня уши по артели ходятъ; все слышала, прѣшелъ спать съ тебя повѣрку...

— Кудимъ, батюшка, всю правду скажу, только не выдай...

— Ну, такъ сказывай; а я посмотрю, какова твоя правда. Ну, выгружайся.

— Да знаешь, Кудимъ, если Ооыня подумитъ...

— Отошли Ооыю, али какъ самъ знаешь, только отъ меня не отходи, не то закричу...

— Эй ты, малый! закричалъ половиной на Ооынку. Ступай-ко нащѣди свѣжаго квасу... На, ключи...

— Ну...

— Да зачѣмъ же тебѣ знать, коли ты слышалъ?

— Э, кобениться, — такъ не пейяй.

— Все скажу, Кудимушка, только не выдавай... Знаешь выморочную усадьбу...

Кудимъ кивнулъ головою.

— На той усадьбѣ Савилловъ притонъ.

— Все это я знаю, сказалъ Кудимъ съ притворнымъ спокойствіемъ. — Да я оттуда Савилла выживу; я себѣ завелъ колдунью; владо ей живые по сосѣдству; такъ пусть себѣ Савилла другаго притона ищетъ...

— Да вотъ въ чемъ бѣда, я ужъ въ толкъ не возьму. Видишь, тамъ съ Павлухой двое лакеевъ бражничаютъ...

— Вижу.

— Прѣшли, Кудимушка, сюда, да про Савилла спрашиваютъ. Не бывалъ ли тутъ? Не знаешь, кто оны, отъ кого подосланы; платье лакейское, а на видъ то.. Смѣкаешь, Такъ я, кому надо, по артели объявляю, а на сторожку Ооыю сюда выманилъ... Опѣкъ нимъ въ дружбу вотрется. Пусть разгуляются.

— Ну, а палатные-то куда пошай?

— Палатные? На притонѣ Савилла искать; за вѣтное слово ему понесля; онъ смѣкнетъ...

— А какое за вѣтное слово...

— Вѣчный долгъ...

— Гля! Тутъ, Ноготокъ, есть тайности!

Ты, Косой, подавай что ни прикажу; заплачу, ты знаешь, а не то, другіе за меня заплачутъ. Колдуну деньгу не трудно промышлеть. А если ты Косолапѣ про меня слово пикнешь, вотъ, не я буду, если я на тебя немочи непаведу. Ну, смотри же, держи устою...

И съ этими словами Кудимъ всталъ и пошелъ прямо къ красному углу, гдѣ сидѣли два тапшвенные лакеи и Павлуха.

— Мѣсто старикъ! сказалъ Кудимъ, и лакеи потѣшались...

— Э ты опять здѣсь, старый хрычъ! — сказалъ Павлуха. Теперь у меня команда получше; мы тебя, чуму этакую, дубьемъ проведемъ...

— Тпше! Гляди, что-бы другой барскій чубукъ, что въ твоихъ рукахъ, я о твою сплпу не обломалъ. У меня за тобой — вѣчный долгъ. Тапшвенные лакеи вздрогнули и посмотрѣли почтительно на старика, который по ихъ ногамъ пробирался въ самый уголокъ, и повторялъ. Да, вѣчный долгъ, вѣчный долгъ!

— Вѣчный долгъ! повторили оба лакеи педовѣрчиво. Но Кудимъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: Вы угадали, ребята! Я съ платой за него! Чего хотите? Настоячки, али мадеры...

— Настоячки! сказалъ съ жаромъ Павлуха: дешево, да забористѣе.

— А ты чего? Пошелъ домой, не твоё дѣло.

— Ахъ, ты харя этакая...

— Что же это, ребята, такъ вы за посла не вступитесь?

— Убирайся, Павелъ Кузьмичъ... Этого старика не гнѣви... больно будетъ, сказалъ одинъ лакей съ ибжностью...

— Да вы то что... началъ, было Павлуха.

— Да убирайся же къ пещиному! сказалъ другой, толкнувъ Павлуху... Не хотимъ твоего компанства — вотъ и все тутъ...

— Провалитесь же вы съвозъ землю. Стану я съ такой дрянью водиться. Чучель этакія! Мы и сами себя поподчивать смѣлемъ. Эй! Подай столъ и пастойки! Поглядимъ, у кого карманы безъ дырокъ!.. Свѣчку! Мы себѣ трубку закуримъ! Табачокъ въ бархатномъ кисетѣ не переводится...

Павлуха продолжалъ важничать, а лакей, который, по видимому, былъ главный посолъ неизвѣстнаго человѣка, взявъ въ руки стаканчикъ съ настояйкой и кивая Кудиму, сказалъ тихо: А гдѣ же хозяинъ?

— Гдѣ ему быть слѣдуетъ. А развѣ что нужно?

— О томъ и рѣчь: гдѣ онъ сидитъ, въ острогѣ, или на волгѣ?

— На волгѣ...

— Близко...

— Возлѣ города...

— Только того и нужно. Пусть будетъ остороженъ. Слѣдъ нашия.

— Затремъ...

— Ну, такъ вышлемъ, Семень, да и пойдемъ. Баринъ дожидается.

— Эхъ вы безтолковые! Ну, добро, слухъ и слѣдъ нашия; а если хозяинъ пошадобится, гдѣ станете искать? Опять по харчевнямъ...

— Правда твоя...

— То-то и есть. На меня старика, никто ничего худого не подумаетъ, а на другихъ уже косо посматриваютъ...

— Э! Секретарь на нашей сторонѣ...

— Всѣхъ не купишь. И секретаря укунуть...

— Ну, такъ еще есть дорога.

— Этого не надеженъ... Да и дорога то окопная. Мы такъ не по нашему; мы ото всякихъ должностныхъ сторонимъ. У насъ своя почта. Коли что нужно будетъ, такъ кликните Кудима, а Кудимъ всегда въ артели безотлучно...

— Ну, спасибо, старикъ. Баринъ тебя награждаетъ. Заходи въ сумерки. Знаешь куда?..

— А куда?

— На Косатку, въ Тарасовскія хоромы...

— Знаю, знаю...

Кудимъ, не расплятаясь, вышелъ вмѣстѣ съ таинственными лакеями, проводилъ ихъ до дому и, вспомнивъ объ опасности, кака я угрожала повимъ его знакомцамъ, бросился со всѣхъ погъ на выморочную усадьбу...

Было еще рано; Койшевы сидѣли у окошка и тихо бесѣдовали. Кудимъ при- бѣжалъ во-время и кратчайшимъ путемъ; но едва успѣлъ увѣдомить объ угрожающей опасности, какъ на площадкѣ послышались грубые голоса; Кудимъ зналъ всѣ закоулки ветхаго дома, гораздо лучше нежели шайка Савилла, которая, по всѣмъ признакамъ, поселилась тутъ недавно. Не безъ труда перенесъ онъ Лукерью въ темную комнату, которая, вѣроятно, служила кладовой старымъ жильцамъ. Убѣжище было очень опасно, но Кудимъ зналъ превосходно географію и статистику этого дома, въ потьмахъ отыскалъ полку, снялъ и подперъ двери такъ плотно, что, въ случаѣ нападе- нія, могъ держать въ укрѣпленіяхъ до- вольно долго; остальное Богъ подастъ—ду- малъ онъ. Всѣ трое уюстились на полу и притаили дыханіе.

— Нѣтъ Савилла, сказалъ кто-то въ со- сѣдней комнатѣ...

— А, видно, былъ недавно. Койки по- няты, квасъ допить...

— Какъ себѣ хочетъ Савилла, а эта усадь- ба на диво хороша; съ дороги не видать,

а отсюда слышно—ѣдетъ ли барскій поѣздъ или тащется мужицкая телега. Золото, не притонъ! Ну, что теперь станемъ дѣлать?

— Пойдемъ искать Савилла!

— Гдѣ его найдешь днемъ! Вѣдь опъ ноч- ная птица. Подождемъ, пока смеркнется... А теперь въ картишки, али въ орлянку!

— Давай!

И засушенные карты захлопали; зажуж- жали питанки и смѣхъ, гамъ, дикое веселье. Двери, то и дѣло, хлопали; одни уходили, другіе приходили и, видно, приносили съ собою разное литейное снадобье, потому что звенѣло стекло, разбойники похваля- вали напитки... Прошло не мало времени... Стемнѣло... Явился Савилла... шумъ затихъ; стало смирно, какъ въ классѣ, когда придетъ учитель...

— Ну, brave ребята! говорилъ я вамъ! Приходится отключать!

— Какъ такъ!

— Это уже не ваше дѣло. Даю вамъ сро- ку три дня! Разсчитывайтесь съ наемщиками. Кто хочетъ, оставайся на работѣ, толь- ко оповѣсти, а мы дѣсами пойдемъ въ дальній походъ. Въ эту провинцію ѣдетъ сыщикъ, и идетъ большая команда. Когда ловцевъ переманишь въ иное мѣсто, вер- нись сюда,—вотъ и все тутъ...

— Да знаешь ли, Савилла, что тебѣ щетъ тутъ старый знакомецъ... Ноготокъ въ артель приходилъ, говорилъ, спрашиваютъ: вѣчный долгъ...

— Олухъ!

— А что такое?

— Ни мнѣ, ни ему нельзя жить въ этомъ

городѣ... Дѣвчонка насъ продастъ; она все слышала!..

— Что такое?

— Да ужъ это не ваше дѣло! А хотѣлось бы мнѣ съ нимъ повидаться... Гдѣ Косо- лапый?

— Не приходилъ! Его утащилъ Ного- токъ...

— Ну, такъ дѣло на порядкѣ! Ступайте всѣ въ артель, а ко мнѣ пришлите Фомку... Помните, ребята, три дня срока!

Въ комнатѣ стало тихо, но затворники долго не рѣшались выйти. Наконецъ выпусти- ли Кудима; опъ осмотрѣлъ непріятеля. Можно бы уйти совершенно безопасно, но Лукерья была такъ слаба, что о походѣ и думать было невозможно. Хоромы были въ два жилья. На верхній этажъ шла дѣстница со двора, на нижній вело крыльцо съ боль- шой площадки; все, что можно было сдѣ- лать, это перебраться паверхъ, укрѣпиться, вооружиться и запастись провіантомъ. Такъ и сдѣлали. Перенесли паверхъ Лукерью, уложили на солому; остатки разбоищьяго пира составили хорошій запасъ; забы- тый топоръ и ножъ Кудима образовали арсе- наль Осипа Семеновича. Двери подперя въ плотную и отправили Кудима въ городъ къ доброй боярынь съ просьбой прислать экипажъ за больною и съ порученіемъ папять порядочную квартиру. Но, увы, Кудимъ при- шелъ поздно. Добрая барыня уѣхала на ве- черъ, куда я мы попросимъ нашихъ чита- телей.

(Продолженіе будетъ).

Н. А. Саакванди.

Викторъ Гуго.

СТРАНСТВОВАТЕЛѢ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАВІЯМЪ.

Взглядъ на французскую поэзію. — Путешествіе Г. Дячачева. — Записки Герцога Лирійскаго. — Мле- коносный козелъ. — Г. Валлонъ и наскомыи. — Ен- тайскій лезъ. — Библиографическія записки Дюмо де Мсфр. — Музыкальныя извѣстія.

— Отъ чего это въ нашихъ странствованіяхъ мы такъ мало встрѣчаемъ поѣтовъ и поэзій? Неужели дотъ себа, лучъ солнца, земной нектаръ, земная амброзія, неужели все это сказка, мечта, дѣтскія побасенки? Если у насъ не пишутъ вовсе стиховъ или пишутъ плохіе, тому должна быть своя законная причина; но литература русская отъ своего отстала, а къ другимъ не пристала

И сдѣлалась Матрена
Ни пава, ни ворона.

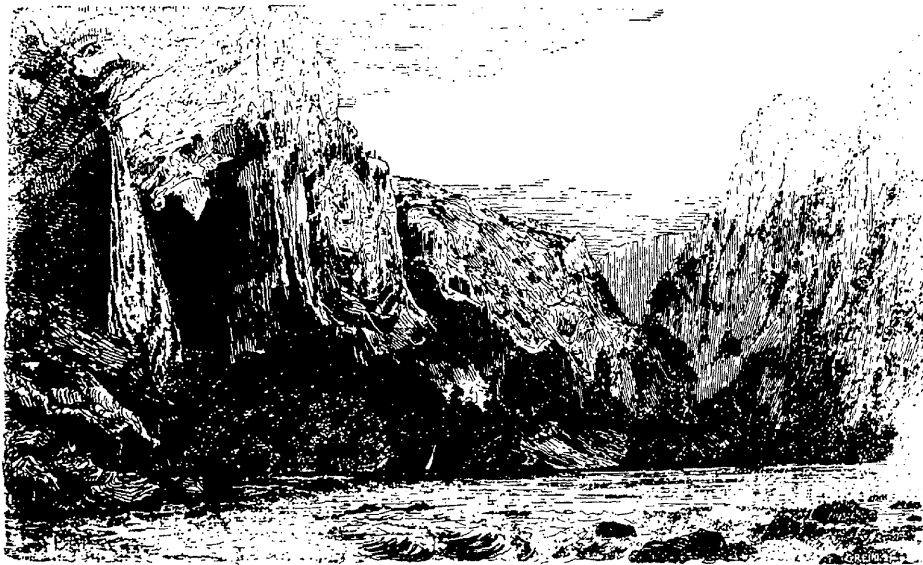
Люди, въ европейскихъ очахъ, но безъ евро- пейскаго взгляда, напали на всѣ русскія знаменитости, потергали ихъ въ прахъ для угожденія чи- тателямъ въ европейскихъ очахъ; но безъ евро- пейскаго взгляда, безъ европейской образова- ности. Эти читатели обрадовались, что имъ

русских писателей, читать не надо. Но читают ли они иностранных писателей? Изучают ли они красоты великих поэтов Германии, Англии и Франции? Этого повтять невозможно; но только то верно, что кто ознакомился с иностранными литературами, хотя несколько, не может не чувствовать справедливого уважения к отечественным, не может, по крайней мере, не знать их... Франция богата поэтами во всякое время. Во Франции любимым писателем пользуется уважением даже на закате своей деятельности. Виктор Гюго, не смотря на цѣлые годы вознившихъ вновь поэтовъ, все-таки остается ихъ главою, средоточіемъ. — Стихи его гремятъ съ прежней силой, если не возбуждаютъ безумнаго, безотчетнаго восторга, все-таки нравятся и читаются повсемѣстно. Многие прозаики французскіе, можно сказать, болышую часть принадлежать къ области поэзии. Многие ихъ первоклассные историк и публицисты — поэты въ прозѣ. Истина въ ихъ твореніяхъ поэтическая, фигурная, преувеличенная. Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на болышую часть историческихъ сочиненій во Франціи, и признаемъ, что Исторія... Но вѣтъ, мы боимся читателей въ европейскихъ очагахъ: того гляди, обидятся. Мы излагаемъ личныя наши ощущенія, и потому нашихъ мыслей никому не навязываемъ... Но читали вы, благосклонный читатель, книгу, напримеръ, нынѣшняго министра просвѣщенія во Франціи, Сальванди, подзаглавіемъ: *Don Alonso ou l'Espagne* (1824). Если читали, то вспомните и сравните эту историческую картину съ любой трагедіей Викто-

Водопад на Башкаузѣ.

Чулышманъ.

ра Гюго, и тогда вы вѣрно согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ. Возьмите даже Августина Тьерри и сравните съ драмой или романомъ Виктора Гюго — и опять согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ. — Мало этого. Въ успешныхъ сочиненіяхъ по точнымъ наукамъ вы найдете не рѣдко или, правды ради, почти всегда то же фигурное направленіе въ оборотахъ, которыми отъ Бюффона до нашихъ дней ознаменованы французскіе ученые продукты. Эти сочиненія по тѣмъ же частямъ у всѣхъ одинаковы. Эти размещенія навсело ладятъ между собой, какъ путешествія въ Алтайскія

горы нашего соотечественника г. Чихачева. Сколь ни любимыя предметы, описываемые г. Чихачевымъ, но прочтѣвъ двѣ части — трудъ, работа; такъ загромождена текстъ минералогіей и геогнозіей съ компаніей. Мы не входимъ въ ученое разсмотрѣніе книги, одобренной Парижской Академіей Наукъ, книги, за которую авторъ причисленъ къ почетному легіону. Мы рассматривали это сочиненіе въ отношеніи художественномъ и поражены колоритомъ языка до того, что, намъ кажется, будто это сочиненіе написано Французомъ. Чуденъ этотъ край, темъ

— Не должно удивляться, что мы говоримъ о сочиненіяхъ нашихъ соотечественниковъ въ странствователь, который теперь исключительно обозрѣваетъ только произведенія и событія въ чужихъ краяхъ. Есть такіа сочиненія, которыхъ мы, или не можемъ, или не желаемъ признавать русскими. Вотъ, напримеръ, недавно вышедшій переводъ записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго, внука англійскаго короля Іакова II, бывшаго при дворѣ нашемъ испанскій посланникомъ при Истрѣ II и Антѣ Іоанновнѣ. — Мемуары Герцога Лирійскаго, конечно, составляють

богатейший исторический материал для двух этих царствований, но, к сожалению, ученые переводчики исключали из них весьма многое, рязкое и несправедливое... Но, по нашему мнению, эта неполнота повредила важности исторического материала. Рязкое осталось бы себя оттиномъ, характеризующимъ личный взглядъ сочинителя; а несправедливое могло бы быть опровергнуто въ замѣчаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить ученаго переводчика, Дмитрія Ивановича Языкова, за то, что эти любопытныя записки теперь можетъ читать каждый. И въ этомъ общенъ интересъ главное достоинство перевода, потому что для ученаго историческаго труда все-таки надо будетъ обращаться къ подлиннику.

— За снмъ странствователь, отдавъ честь, кому слѣдуетъ, въ отечествѣ, переходить за границу, на ковръ самолета отправляется въ Парижъ и прямо въ звѣрицѣ Музея Естественной Исторіи. Тамъ есть ливо, чудо-юдо. Тератологи или уродословы въ затруднительномъ недоумѣніи. Передъ ними козелъ, который прямо въ глаза нашей послонидѣ говорить: ле правда. И съ козла можно пить молоко. Этотъ козелъ изъ рода безрогихъ. Что олъ козелъ, въ этомъ нѣтъ и малѣйшаго сомнѣнія; что олъ не обоеный — также нѣтъ сомнѣній; и при всемъ томъ, у него есть сосцы, изъ которыхъ каплетъ мако. Теперь на козловъ не обращаютъ никакого вниманія за обиліемъ предметовъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ. А въ древніи времена вол Греціи была вздоланова такимъ точно лленіемъ, и Аристотель внесъ удивительнаго козла въ свои удивительныя сочиненія.

Сосцы у парижскаго козла два. Правый развить больше; молоко олъ даетъ наименѣе пользы въ сутки; но это молоко солонѣ обыкновеннаго козьяго. Впрочемъ, не только между козлами, и у другихъ млекопитающихъ, у собаки, кошки, быка и овна, въ разные вѣка замѣсны подобныя случаи. Наконецъ, были мужичны съ млеконосными соснами. Объ этомъ также упоминаетъ Аристотель, подтверждаютъ свидѣтельства Шуррга, Галлера, Шахера, Жофруа Сентъ-Иллера и Гумбольдта. Послѣдній, въ странахъ тропическихъ видѣлъ мужичну, который пять вѣсцевъ питалъ своего сына собственнымъ молокомъ. Подобныя случаи, вѣроятно, послужили поводомъ нелѣпому показанію нѣкоторыхъ путешественниковъ, что въ Бразиліи и Средней Африкѣ, не женщички, а мужичны кормятъ грудью дѣтей.

— О настѣжкахъ писано такъ много, что теперь эта часть требуетъ особеннаго историка, и особенной исторіи, къ чему уже и приступлено, какъ мы имѣли случай увидѣлать нашихъ читателей. Теперь, г. Валлонъ, въ Дижонѣ, составлялъ трактатъ о нравахъ и обычаяхъ разныхъ настѣжкахъ, и обнаружилъ множество ошибокъ множества натуралистовъ. И такъ, историкъ опять въ затрудненіи; возможность исторіи отдалиться на неопредѣленное время. Между французскими агрономами до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что на пшевицѣ не бываетъ такъ называемыхъ рожковъ или чернушки. Г. Валло опровергъ и это ложное мнѣніе, а Жюссе утвердилъ показаніе Валло своимъ авторитетомъ. И такъ, да будетъ всемъ извѣстно и вѣдомо, что и въ пшевицѣ заволаютъ рожки.

— Между равными предметами англо-китайской торговли, важную роль играетъ трава, которая имѣетъ всѣ свойства льна, но въ высшей степени, потому что крѣпостью, тонкостью и длиною волоконъ превосходитъ лѣнъ. Изъ этой травы уже сдѣлали ткань; она подходитъ на французскій кембрикъ, но имѣетъ такой лѣскъ, будто шелковая. Въ Китаѣ этой травы тма тежъ, и торговля льномъ и кополами угрожаетъ опасная реформа.

— Книги? — Книгъ много, но особенно важныхъ не помню. Весьма замѣчательны Биографическія Записки Дулю деМоэра о жидехъ Медоузы и Наваретта, оказавшихъ мореплаванію нечислительныя заслуги.

— Бѣдная эта неслѣ! Право, мы не дѣлались;

странствовали, странствовали, но не нашли особенно занимательнаго. И по музыкальной части мало новостей, и тѣ низкаго разбора. Сверхнорманское Музыкальное Общество, въ Гамбургѣ, объявившее конкурсъ на сочиненіе лучшей музыки на слова Генбеля, присудило премію Шпоогольцу. Конкурсентовъ было 55. — Много и мало! У насъ это было бы число баснословное; въ Германіи — это еще не единица. Его величество король Прусскій купилъ все что осталось послѣ смерти Бетговена, у владѣльца этого наслѣдства, профессора Антона Шиндлера. — Для заключенія нашего бѣднаго странствованія, это едва ли не самая важная новость.

ЕЩЕ ОДИНЪ.

ЗАЩИТНИКЪ.

Заходящее солнце покрывало снѣжныя вершины горы Пилатусъ красноватыми отливками, которые, опускаясь ниже и ниже, припимали болѣе блѣдный отблвокъ, потомъ окаймляли зелень виноградниковъ на склонахъ горы, и, наконецъ, исчезали въ темной снѣжѣ густаго лѣса... Часть Люцерна, лежащая у подножія горы Пилатусъ, была погружена въ холодную, снѣжную тѣнь; на противоположной же части, колокольни церкви, башни и крыши высокихъ домовъ, были еще позлащены послѣдними лучами солнца.

Въ гладкой какъ зеркало поверхности Вальдштетскаго озера отражались остроконачные прибрежные дома, и только изрѣдка проблганшія голубыя струйки, или непрозрачная пелоса, на время лжившаяся за медленно скользившей лодочкой, прерывали чистоту и ясность отраженія.

Пользуясь чистымъ вечернимъ воздухомъ, жители Люцерна гуляли по широкимъ природнымъ загородинымъ аллеямъ. У небольшого домика, съ квадратными окнами, подъ зеленымъ навѣсомъ плюща, устроеннаго между четырьмя развѣсистыми лианами, сидѣли нѣсколько молодыхъ людей, шумно и весело разговаривавшихъ. Между ними былъ одинъ военный, что-то съ жаромъ доказывавшій своимъ товарищамъ.

Молодому офицеру казалось не болѣе двадцати трехъ лѣтъ; такъ точно, какъ въ свѣтломъ, прямомъ взорѣ его отражалась чистая душа, такъ и свѣжій здоровый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о несорочности тѣла; юношескому выраженію лица его даже маленькіе черные усы, тщательно приглаженные, не могли придать мужественности. Съ горячностью молодости ублждалъ олъ въ чемъ-то нѣсколькихъ довольно флегматическихъ Швейцарцевъ, небрежно развалившихся на стульяхъ или скамьяхъ, покуривавшихъ трубки, опораживавшихъ стаканы чистаго и прозрачнаго, какъ янтаръ, вина и открывшими звуками, или пожатіемъ плечъ, отвѣчавшихъ на вопросы молодого человека. Наконецъ, какъ бы выведенный изъ терпѣнія легкого своихъ собесѣдниковъ, военный съ неудовольствіемъ сѣлъ на скамью, пальцъ себѣ стаканъ вина, выпилъ немного, поставилъ опять стаканъ на столъ и, махнувъ рукою, рѣшился, какъ казалось, не тратить болѣе словъ.

Молчаніе продолжалось довольно долго. Наконецъ, одинъ изъ товарищъ, офицеръ молодой человекъ, одаренный преждевременною дародностью, въ коричневой блузѣ и соломенной шляпѣ, вынулъ трубку изъ рта, плюнулъ и, принявъ значительную миау, заговорилъ съ разетаговой:

— Конечно... Валлеръ... ты правъ...

— Разумѣется, правъ!.. вскричалъ съ живостью и вскочивъ со скамьи, военный.

— Ну, да... я то и говорю...

— То-то и есть, говорить вы умѣете, а... впрочемъ, нѣтъ, вы и говорить-то не умѣете!

— Дай же мнѣ досказать!.. Фу, какой порохъ!.. Я думаю... съ тобою по неволѣ гово-

рить разучишься... и такъ, я говорю, что... конечно... ты, Валлеръ, правъ... въ одномъ отношеніи...

— Во всѣхъ!
— Ну, нѣтъ... извини; не во всѣхъ; во-первыхъ, ты не правъ въ томъ отношеніи, что приписываешь этимъ людямъ такое могущество...

— Я говорю, что они были могущественны, и оныя могутъ сдѣлаться!.. вскричалъ молодой человекъ.

— Отчего...

— Развѣ...

— Никто не...

— Помилуй, люб...

Всѣмъ четвернымъ собесѣдникамъ пришла идея, которые не смотря на всю свою флегму, они хотѣли высказать; но заговоривъ всѣ вмѣстѣ, они всѣ четверо вмѣстѣ и замолчали изъ влжливости, чтобы не мѣшать другъ другу говорить.

Наступило молчаніе, во время котораго офицеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на своихъ пріятелей, которые бросали другъ на друга вопросительныя взгляды.

Дородный молодой человекъ въ соломенной шляпѣ, опять рѣшился взять на себя трубую обязанность перервать молчаніе.

— Помилуй, любезный Валлеръ, — сказалъ олъ. Кто же позволитъ имъ опять сдѣлаться могущественными?.. Это, другъ мой, несбыточное дѣло... О чемъ же и идти теперь прежнія споры?

— То-то и есть!.. Пренія, споры!.. Тутъ не спорить должно, а дѣйствовать!.. принять рѣшительныя мѣры... нанестъ сильный ударъ! Да, вотъ мое мнѣніе!..

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Валлеръ, сказалъ пискливымъ голосомъ худощавый студентъ въ очкахъ, блбжавшій изъ Прусскіи отъ долговъ, — что рѣшительныя мѣры не могутъ быть такъ дѣйствительныя, какъ легкіе, не постоянныя, удары. Вы, вѣроятно, изволите знать, что вылейте бочку воды на камень, олъ и не тронется, а выпускайте эту самую воду изъ бочки по каплѣ на камень, такъ она пробьетъ его!.. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Умно сказано. Проговорилъ высокій молодой человекъ съ роскошною блонурою гривой и длинными усами съ рыжеватыми отливомъ. — Умно сказано! Я самъ ненавижу этихъ изверговъ отъ души, то есть, такъ, что желалъ бы сжать ихъ въ желѣзные тискахъ, а между тѣмъ, предпочитаю умлренныя средства.

— Разумѣется, пропнческія возражилъ военный, это гораздо покойнѣе, особенно, если вы безъ толку приметесь за рѣшительныя мѣры, какъ наши земляки, которыхъ разогнали, какъ школьничковъ, при Рейглюхѣ!

— Но вы забываете, что при Гючвальдѣ происходило отчаянное сраженіе... побѣда не осталась не на чьей сторонѣ, — замѣтилъ молодой человекъ съ рыжеватыми усами.

— И вы гордитесь этимъ сраженіемъ, неправда-ли?.. Братъ возражаетъ на брата!.. съ горькой улыбкой возражилъ молодой человекъ.

— А, извольте видѣть, господинъ Валлеръ, сказалъ студентъ, — это со всѣмъ другимъ дѣломъ... тутъ замѣшалась политика...

— Тсъ, тсъ!.. зашкали всѣ собесѣдники. — Кнейперъ забываетъ наше условіе: о политикѣ ни слова!

— Позвольте вамъ замѣтить, господа, — сталъ оправдываться студентъ, что вы сами толкуете...

— Ни слова! ни слова! — закричали всѣ, исключая Валлера

Кнейперъ залпомъ выпилъ стаканъ вина, закурилъ трубку и съ негодованіемъ прерывающаго оратора, надулся.

Собесѣдники, какъ бы подовольные другъ другомъ, молчали нѣсколько минутъ.

Въ то самое время, на возвышеніи, на которомъ сидѣли пріятели, сталъ всходить мужчина лѣтъ тридцати, высокой, стройный и одѣтый съ изысканною шеголатостію. Черты лица его были совершенно правильны, но эта самая правильность придавала имъ какую-то жесткую, несприятную сухость, еще болѣе увеличенную однообразнымъ желтымъ цвѣтомъ лица, свойственнымъ людямъ желчнымъ. Мутно-голубые глаза придавали взгляду его вѣчно безстрастное; блонкурыя брови были почти незамѣтны; прямой, острый носъ и губы розово-синеваго цвѣта, и которымъ привычка придавала постоянно горько-прощицкую улыбку, составляли общее, съ перваго взгляда внушавшее къ этому человеку невольную недовѣрчивость.

Закрывъ руки, въ которыхъ онъ держалъ тросточку, на спинку, онъ медленно всходилъ на возвышеніе. Забѣтивъ, что подъ природной бесѣдой, находившейся передъ дверьми кофейной, сидѣло нѣсколько человекъ, онъ остановился, прищурилъ глаза, наклонивъ нѣсколько голову на правое плечо и, какъ бы узнавъ, въ молчавшихъ въ это время собесѣдникахъ, знакомыхъ, онъ поворотилъ назадъ и съ недовольнымъ видомъ хотѣлъ удалиться.

Вдругъ падъ самымъ ухомъ его прошеяла шопотъ:

— Фердинандъ!..
Онъ вздрогнулъ и сталъ осматриваться.
— Мирталъ! повторилъ тотъ же голосъ, — я здѣсь...

Только тогда онъ замѣтилъ за бесѣдой, между двумя развѣсившимися лицами, старика, сидѣвшаго за небольшимъ, круглымъ столикомъ съ газетой въ рукахъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ сахарной воды.

Старикъ этотъ былъ въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, въ блѣдомъ галстукѣ; изъ подъ откинутой полы сюртука видны были черныя же панталоны, шнурки оконечности которыхъ были спрятаны въ глишчатые сапоги, голенище которыхъ было въ мелкихъ поперечныхъ складкахъ. Полное, довольно свѣжее еще лицо старика, было отбѣнено широкими полями низенькой шляпы. Слегка вытупивъ шею впередъ и приставивъ руку къ одной сторонѣ рта, какъ бы для того, чтобы звуки голоса его вѣрнѣе долетѣли до того, котораго онъ звалъ, старикъ смотрѣлъ внизъ.

Фердинандъ Мирталъ поворотилъ направо и помаленькой тропинкѣ пошелъ прямо къ старику. Онъ почтительно поклонился ему и остановился у стола, сказавъ:

— Вы здѣсь, почтеннѣйшій отецъ...?

— Тсъ... говорите тише... я прѣѣхалъ сюда только сегодня утромъ, и завтра долженъ опять ѣхать... Я очень радъ, что встрѣтился съ вами... вы мнѣ нужны. Я остановился у Ажованна Олива. Приходите туда сегодня вечеромъ. Мнѣ надобно сообщить вамъ вѣчто важное. Но прежде скажите мнѣ, не знаете ли вы этихъ людей? И онъ указалъ на молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ бесѣдкѣ.

— Знаю, отвѣчалъ Мирталъ, нахмуривъ брови.

— Прекрасно; въ такомъ случаѣ... старикъ сбѣдалъ знакъ Мирталю, чтобы тотъ наклонился къ нему, и сталъ ему говорить что-то на ухо, съ злобной улыбкой показывая на молодыхъ людей.

— Но, почтеннѣйшій отецъ, — возразилъ Мирталъ, — онъ сумасбродъ... слова его мыльные пузыри...

— Дети бѣгаютъ за мыльными пузырями, — сухо возразилъ старикъ. Дѣлайте, что вамъ... о чемъ я васъ прошу, — прибавилъ онъ, измѣнивъ вдругъ повелительное выраженіе голоса. — Не забывайте, что вечеромъ я жду васъ у себя.

Мирталъ молча поклонился старику и какъ бы неохотно пошелъ къ молодымъ людямъ, принужденно улыбаясь.

— Здравствуйте, господа, сказалъ онъ,

обойдя бесѣдку и подходя къ молчавшимъ пріятелямъ; — что значитъ это молчаніе?

Молодой человекъ съ рыжими усами подалъ Мирталю руку; студентъ привсталъ и низко поклонился; другіе приподняли шляпы; только Валлеръ отвернулся съ неудовольствіемъ.

— О чемъ вы задумались? продолжалъ Мирталъ.

— Послѣ грозы наступавъ тишина, — замѣтилъ студентъ, пользовавшійся всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое краснорѣчіе.

— Э! — съ улыбкой вскричалъ Мирталъ, — развѣ была гроза?.. Господинъ Валлеръ, если я не ошибаюсь, и теперь еще находится подъ вліяніемъ ея... прибавилъ онъ насмѣшливо.

— Вы думаете?.. небрежно возразилъ Валлеръ.

— Судя по вашему мрачному молчанію.

— Господинъ Кнеиперъ забылъ прибавить, что тишина бываетъ также предвѣстницей грозы, — вспыхнуло вскричалъ Валлеръ, пристально смотря въ глаза Мирталю.

— Bravo, bravo!.. вскричалъ студентъ.

— Умно сказано, — проворчалъ молодой человекъ съ рыжими усами.

Мирталъ невольно опустилъ глаза передъ взглядомъ офицера и, обратившись къ студенту, спросилъ:

— Вѣдѣстие чего же была гроза?..

— Такъ, маленький споръ о довольно важномъ предметѣ. Будте нашимъ судьей.

— Господинъ Мирталъ плохой судья въ этомъ дѣлѣ, — прервалъ студента Валлеръ, — потому что онъ воспитывался въ Фрейбургѣ.

— А, понимаю! — возразилъ Мирталъ улыбувшись, — вы разбирали такъ называемое колоссальное, гигантское произведеніе гѣни нашего времени, знаменитую сказку Вѣчнаго Жидка... Что же? Предметъ очень любопытный и въ которомъ я, не смотря на рѣшительный приговоръ господина Валлера, могу быть судьей... быть можетъ, одностороннимъ... быть можетъ, пристрастнымъ... но, мнѣ кажется, чтобы произнести мадъ чѣмъ либуудъ вѣрный судъ, должно собрать все мнѣніе, все голоса, и изъ нихъ извлечь истину...

— Умно сказано, — проворчалъ усацъ.

— Нельзя сказать, чтобы мы разбирали Вѣчнаго Жидка, — возразилъ офицеръ, — потому что въ этой сказкѣ, какъ вы ее называете, люди, о которыхъ мы говорили, избраны, не какъ цѣль, а какъ средство. Мы шли прямо къ цѣли, мы говорили о вредномъ вліяніи иезуитовъ!

— Позвольте васъ спросить, сказалъ Мирталъ, — давно ли вы читали послѣднюю вышедшую главу Вѣчнаго Жидка?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Къ тому, что вы, если я не ошибаюсь, теперь находитесь, не подъ вреднымъ вліяніемъ, а подъ довольно забавнымъ вліяніемъ этой, повторю, сказки.

— Не находитесь ли вы подъ вліяніемъ... вашихъ паставниковъ? — вспыхнуло возразилъ Валлеръ.

Мирталъ нахмурился; онъ не ожидалъ такого прямого, рѣзкаго удара; опутивъ, по привычкѣ своей, глаза, онъ, однакожъ, тотчасъ же опять подылавъ ихъ и, прилавъ лицу своему серьезное выраженіе, продолжалъ:

— По послѣднему, довольно колкому, вашему отвѣту, я вижу, что замѣчаніе мое, сдѣланное безъ всякаго дурнаго намѣренія, обидѣло васъ... Простите, господинъ Валлеръ; оставимте колкости и будемъ продолжать разговоръ хладнокровно... если вы можете...

— Я не чувствую желанія, и не вижу нужды продолжать разговора, — возразилъ Валлеръ, и всталъ.

Мирталъ же взялъ стулъ и сѣлъ къ прочимъ молодымъ людямъ.

— Какъ вамъ угодно. — Мы же, господа, велѣмъ припечь еще бутылку вина и хладно-

кровно переговоримъ о предметѣ, волнующемъ теперь у насъ все умы...

Валлеръ хотѣлъ было удалиться, но при послѣднихъ словахъ Мирталя воротился, сѣлъ на прежнее свое мѣсто и, скрестивъ руки на груди, сказалъ:

— Господинъ Мирталъ, говорите; но не забывайте, что между вашими слушателями есть одинъ, котораго вы не скоро убѣдите... Я хотѣлъ удалиться; но такъ какъ я знаю, что вы обладаете ораторскимъ краснорѣчіемъ, то рѣшился остаться, чтобы не потерять случая еще разъ явиться вашимъ соперникомъ.

— Еще разъ?.. сказалъ Мирталъ, слегка нахмуривъ брови. Я знаю, на что вы намекаете, господинъ Валлеръ, а потому рѣшительно отвѣчаю, что ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ не признаю васъ соперникомъ.

— Это подастъ мнѣ надежду на второй случай, — отвѣчалъ офицеръ.

— Вы слишкомъ самолюбивы, — возразилъ съ нѣкоторой досадою Мирталъ.

— Счастливое соперничество съ вами дало мнѣ право быть самолюбивымъ, — отвѣчалъ Валлеръ.

— Счастливое ли оно... это еще не рѣшено.

— Э, господинъ Мирталъ, да вы, кажется, еще самолюбивѣе меня.

— Нѣтъ... господинъ Валлеръ, я справедливъ. Мнѣя ваша побѣда надъ сердцемъ кокетки...

— Господинъ Мирталъ, вы забываете, что вы спалили на этой кокеткѣ...

— Свадася... по, по счастью, отступился. Другому предоставляю я ту глупость, которая вамъ кажется счастлиемъ.

— Господинъ Мирталъ! вспыхнуло вскричалъ офицеръ.

— Вы сердитесь? — съ торжествующимъ хладнокровіемъ спросилъ Мирталъ.

— Порохъ... порохъ... проговорилъ господинъ въ соломенной шляпѣ.

— Я не знаю ничего презрѣннѣе клеветника! — продолжалъ вспыхнуло Валлеръ.

— Кого вы называете клеветникомъ?... спросилъ Мирталъ, судорожно и какъ бы невольно сжавъ край стола рукой.

— Того, кто низкими намеками старается очернить доброе имя молодой дѣвушки! вскричалъ Валлеръ въ себя.

— Я беру въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ началъ Мирталъ преодолѣть стараясь ярость, киющую въ груди его.

— Незачѣмъ, господинъ Мирталъ!.. Я очень радъ случаю высказать вамъ мое мнѣніе на счетъ васъ... Вы видите, я уже говорю прямо... до меня дошелъ уже слухъ о клеветахъ, распускаемыхъ вами... Я молчалъ, потому что молодая дѣвушка, о которой идетъ рѣчь, выше всякой клеветы... Но теперь, когда вы мнѣ въ глаза смѣете говорить подобныя вещи я долженъ сказать вамъ, что если вы прибавите еще одно слово...

— Что тогда?.. спросилъ Мирталъ, вставъ и устремивъ на молодого человека сверкашіе отъ бѣшенства глаза.

И Валлеръ всталъ. Взоры противниковъ встрѣтились съ выраженіемъ глубокой ненависти. Они простояли минуту въ молчаніи. Наконецъ, Валлеръ отвѣчалъ прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Благородный человекъ не сбѣдалъ бы подобнаго вопроса.

— А! Это уже слишкомъ! глухимъ голосомъ и съ бѣшенствомъ вскричалъ Мирталъ.

— Кажется, и вы сердитесь? спросилъ Валлеръ, какъ бы успокоенный и половину удовлетворенный видомъ бѣшенства своего противника.

— Господинъ Валлеръ!.. я требую.

Вдругъ сильный кашель, раздавшійся въ двухъ шагахъ, заставилъ Мирталя остановитъ-

ся; онъ несколько обратилъ взоръ въ ту сторону, откуда послышался кашель, и глаза его встрѣтились съ глазами старика, который сдѣлалъ быстро движеніе плечами и головою и тотчасъ же опять углубился въ чтеніе. Все это было дѣломъ одной секунды. Никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ, ни движенія ни взгляда Мирталя, который съ немощными усиліемъ преодолѣвъ свою ярость, продолжалъ внезапно измѣнившимся, мрачно спокойнымъ, голосомъ:

— Я требую, чтобы эти господа объявили откровенно, обидѣлъ ли я васъ... Если я въ самомъ дѣлѣ виноватъ, то... прошу извиненія. — Последнія два слова онъ произнесъ едва слышнымъ голосомъ и бросивъ быстрый взглядъ на старика.

Тотъ искаса взглянувъ на Мирталя одобрительно кивнулъ головою.

Никто изъ присутствовавшихъ не ожидалъ такого оборота дѣла. Валлеръ самъ до того былъ изумленъ отвѣтомъ Мирталя, что недоувѣрливо взглянулъ на него.

— Вина! самого стараго! — вскричалъ послѣдній; — и будемъ продолжать разговоръ, прерванный на время этимъ неприятнымъ споромъ... Господинъ Валлеръ, вы назвали иезуитовъ моими наставниками; это правда и я ни отъ кого не намѣренъ скрывать этого... точ-

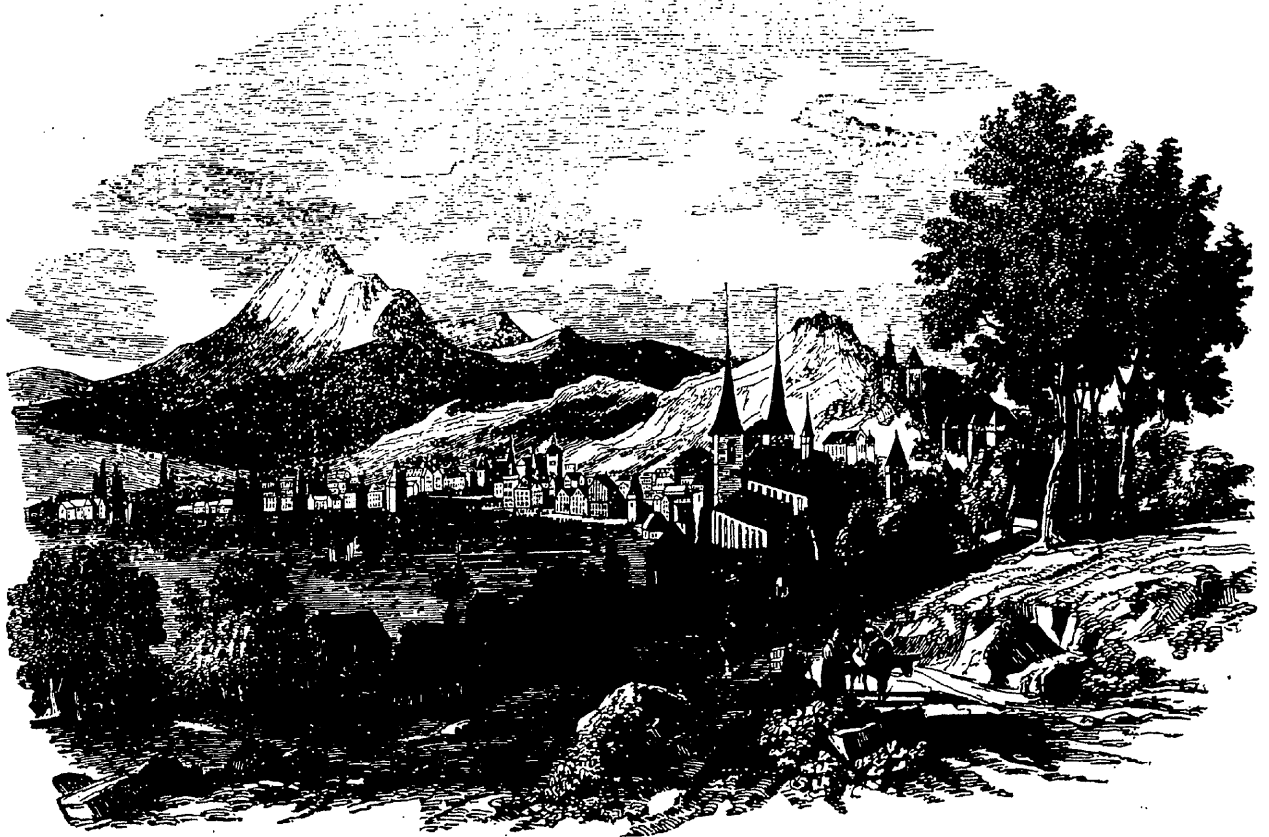
но, я воспитывался въ Фрейбургскомъ иезуитскомъ коллегіумѣ... и по этому самому могу имѣть свое сужденіе о людяхъ, съ которыми я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. А потому рассмотримъ дѣло хладнокровно, безпристрастно... скажите, въ чемъ вы обвиняете иезуитовъ и, кто знаетъ, быть можетъ вѣрными, положительными доказательствами вы убѣдите меня самого... если же нѣтъ, то я съ своей стороны приму заступу... людей, которыхъ не вы одни такъ жестоко преслѣдуете...

— Брависсимо! диспутъ, диспутъ!.. Закричалъ студентъ, успѣвшій уже выпить два стакана вина изъ вновь принесенной бутылки.

— Я не намѣренъ вступать въ этотъ диспутъ, какъ говоритъ Кнейперъ, потому что не чувствую въ себѣ ни довольно силы и краспорѣчія, чтобы убѣдить всѣхъ, на желанія убѣждать васъ, — небрежно возразилъ Валлеръ.

— А я скорѣе думаю, что вы не находите прямыхъ обвиненій, — сказалъ Мирталь, — впрочемъ не вы одни такъ разсуждаете объ иезуитахъ. Забавный сказочникъ вашъ Евгений Сю, прибѣгаетъ къ нравственно безобразнымъ выдумкамъ... а вы знаете, что толпа или, вѣжливей, публика во всемъ и всегда рабски повинуется чувствамъ... льстите ея чувствамъ, или лучше сказать, ея чувственности,

она провозгласитъ васъ гешіемъ, полубогомъ!.. Толпа легко поддается всякому вредному, дурному вліянію: ее стоитъ только увѣрить, что вы дѣствуете въ ея пользу. Самый бессмысленный вздоръ становится тогда для нея чудомъ, а самые грубые лгуны — величайшими гешіями... И вотъ является смѣльчакъ, оларенный воображеніемъ, которой выставляетъ бѣдной толпѣ иезуитовъ, какъ чудовищъ, способныхъ на всѣ преступленія и какъ опаснѣйшихъ враговъ человечества. Пользуясь эфемерной славою и по слабости, свойственной всѣмъ лгунамъ, онъ пустился въ преувеличенія и обвиняетъ иезуитовъ въ такихъ ужасныхъ злодѣяствахъ, что въ здоровомъ умѣ повольно должно было родиться сомнѣніе насчетъ дѣйствительности ихъ, а между тѣмъ... странная вещь!.. толпа въ какомъ-то безумномъ ослѣпленіи всему повѣрила, всему вѣрнула!.. Но скажите, въ чемъ же можно обвинить иезуитовъ?.. Нѣкоторые требуютъ изгнанія ихъ... но чтобы быть изгнаннымъ, надо быть преступникомъ! Говорятъ, что иезуиты, правяща, направленіе ихъ вредное... но это надо доказать, не такъ какъ одинъ противникъ доказываетъ другому, что онъ не правъ, но доказать послѣ суда строгаго и безпристрастнаго, какъ законъ, карающій плшшадшій, безъ страсти и безъ несправедливости!..

Видъ Люцерна.

Солнце почти совершенно скрылось. Смеркалось. Нѣсколькихъ любопытныхъ, привлеченныхъ громкимъ голосомъ и жаромъ, съ которыми говорилъ Мирталь, окружили бесѣду.

— Я могу назвать вамъ множество весьма уважаемыхъ гражданъ, но богатствъ и заслугамъ занимающихъ почетныя мѣста въ свѣтѣ, гордящихся правдами, внушающими имъ славными наставниками ихъ; иезуитами. Я самъ, — не ставлю себя въ число людей, о которыхъ я сейчасъ упоминаю, — я самъ воспитывался въ Фрейбургскомъ Коллегіумѣ, и открыто говорю, что нѣтъ ничего истиннѣе, чисте и возвышеннѣе наставленій этихъ великихъ людей. Вотъ чему они учили васъ,

вотъ общая идея ихъ наставленій: «Прежде всего должно быть человѣкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ создалъ насъ Творецъ, то есть: милосерднымъ, кроткимъ и справедливымъ. Должно любить прежде всего Бога, а потомъ ближнихъ.» Ихъ обвиняютъ въ участіи, будто бы принятомъ въ политикѣ — ложь! Во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ мы видимъ, что они величесь избѣгаютъ случая коснуться какихъ бы то ни было общественныхъ формъ и условій, принятыхъ людьми. Они это доказали миссіями въ Китаѣ, поселевіями въ Индіи, Парагвайской республикой и многими другими обществами во всѣхъ государствахъ самаго шара!.. Они говорятъ, что такъ какъ различны климаты, то различны и пра-

вы и обычаи, а следовательно, должны быть различны и законы. Лучшіе же законы тѣ, которые соотвѣтствуютъ правамъ и обычаямъ страны. Можно ли это назвать вмѣшательствомъ въ политику?.. Есть ли кто нибудь между вами, господа, сказалъ Мирталь, оклеивъ всѣхъ присутствовавшихъ гордымъ взглядомъ, — который можетъ паидти что либо предсудительное во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ иезуитовъ?

Всѣ молчали.

— Умно сказано, — проворчалъ проснувшійся усачъ.

— Брависсимо!.. вскричалъ вдругъ студентъ, и кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ вслѣдъ за нимъ:

— Конечно... если это такъ... то...
 — Такъ, совершенно такъ!.. съ жаромъ вскричалъ Мирталь.
 — Не такъ!.. вскричалъ вдругъ звучнымъ голосомъ офицеръ.— Господинъ Мирталь, вы сами вызывали меня на диспутъ... Я, признаюсь, отказался отъ него, потому что не будучи такъ хорошо знакомъ съ исторіей постановленіями иезуитовъ какъ вы, я опасался, что вы опровергнете слова мои фактами... между тѣмъ, все то, что вы сказали, не что иное, какъ общія мѣста, которыя можно приписать ко всему.
 — Ого, вступленіе хорошо, — проговорилъ студентъ, начавшій уже терять равновѣсіе.

— Я на каждое слово мое могу представить вамъ факты.

— Но вы ихъ не представили. Я же представлю факты безъ дальнихъ разсужденій... возразилъ Валмеръ, и всталъ.

— Ура! диспутъ состоялся, — закричалъ студентъ.

— Не шуми, Клейперъ! — сказалъ ему господинъ въ соломенной шляпѣ.

Солнце совершенно скрылось. Съ возвышенія, на которомъ происходила описанная нами сцена, видѣтъ былъ городъ, погруженный въ темно-синюю тѣнь, по которой мѣстами видѣлись, сквозь туманъ, подымавшійся

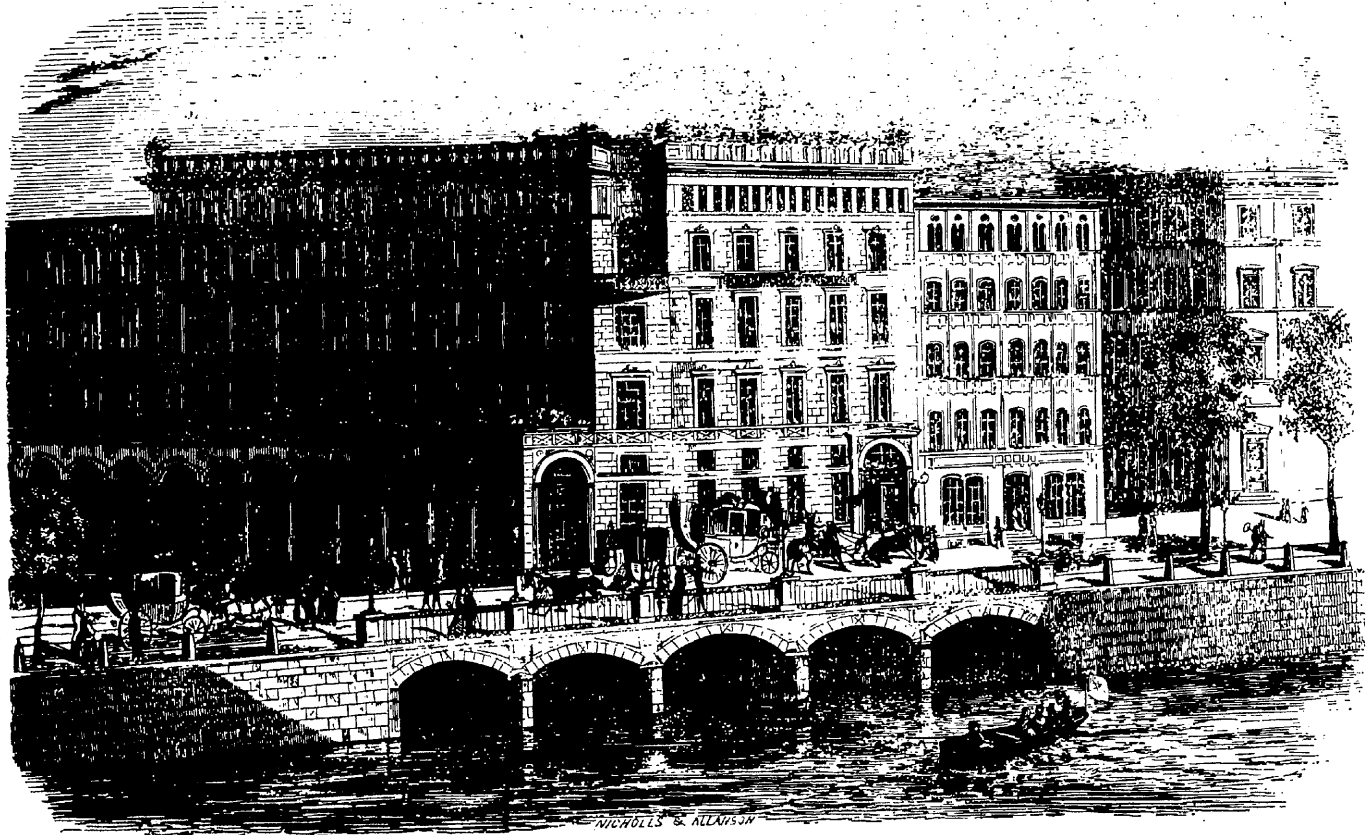
надъ озеромъ, огоньки, освѣщавшіе окладомъ.

На столѣ, передъ которымъ сидѣли собесѣдники, стояли уже двѣ свѣчи и, по странному случаю, одна находилась востѣ Валлера, другая же востѣ Миртали. Только эти два лица были освѣщены, прочія же находились въ полутѣни...

Наступило глубокое молчаніе... послышались легкіе шаги по песку и, секунду спустя, у самаго входа въ бесѣду явилась высокая фигура старика въ черномъ сюртукѣ и въ шляпѣ съ широкими полями.

П. Ф.—илл.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

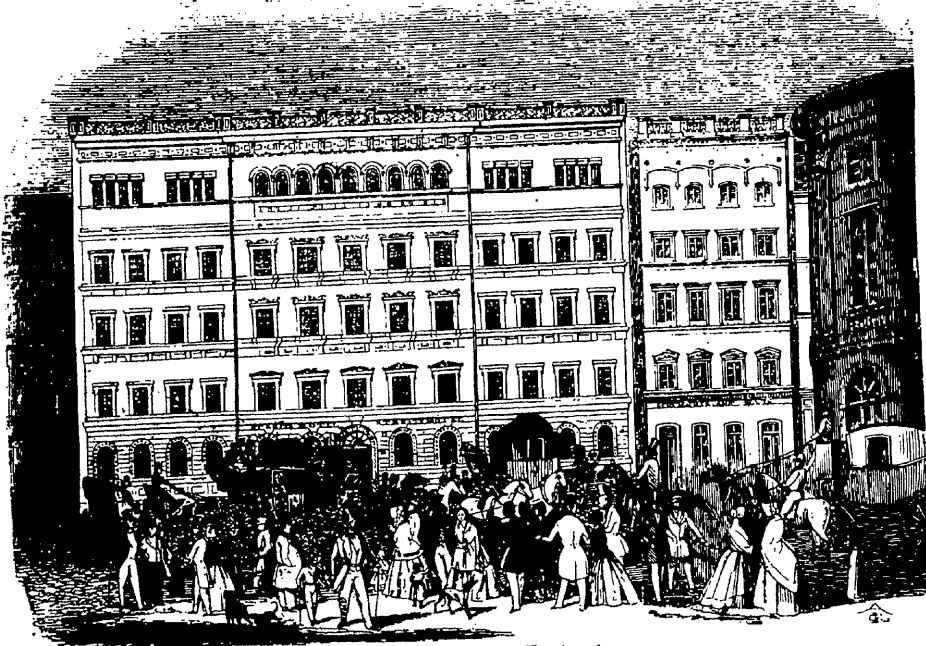

Петербургская гостиница въ Гамбургѣ.

ПИСЬМО

ИЗЪ ГАМБУРГА.

....Нельзя не замѣтить удивительной дѣятельности и поспѣшности, съ которою возобновляется Гамбургъ, главнѣйшая часть котораго, еще такъ недавно, а именно 7-го мая 1842 года, представляла ужасное зрѣлище отъ разрушенія. Весь Нейсвалль, напримѣръ, представлялъ громадную кучу развалинъ, засыпанныхъ горячей золой. Какая же теперь разница! Теперь только небольшая часть Нейсвалля, и то только съ одной стороны, не кончена; прѣвая же вся заново построена прекрасными зданиями. Также и Юнгфернштрассъ почти весь возобновленъ. На немъ особенно замѣтельны

Гостиница «Streit» въ Гамбургѣ.

двѣ гостиницы: Hôtel St. Petersbourg и Hôtel-Street.

Первая отличается, какъ прекрасною архитектурою, такъ и собственнымъ мѣстополюженіемъ, едва ли не лучшимъ въ городѣ Гамбургѣ. Особенно прелесть ея садъ, расположенный во второмъ этажѣ, надъ аркадой, подъ которой въ красивыхъ магазинъ остаются въ этой гостиницѣ могутъ приобрести все, что имъ нужно, отъ необходимыхъ житейскихъ потребностей, до принадлежностей утонченнѣйшей роскоши. Не смотря на то, что въ этой гостиницѣ до 400 квартиръ различныхъ величинъ, она всегда полна.

Вторая отличается, не столько вкусомъ своей архитектуры, сколько

ко громадною. Это самая большая гостиница во всем Гамбургѣ, который собрался съ новыми силами для прилгата достойным образом частыхъ и многочисленныхъ своихъ гостей.

СТРАШНАЯ ИГРА.

св. немецкою.

Маркизъ Анджело Фоскарини, послѣдній представитель одной изъ благороднѣйшихъ и древнѣйшихъ неаполитанскихъ фамилій, три года путешествовалъ по Европѣ, и наконецъ, чтобы поправить свое здоровье, поѣхалъ въ Діенпу. Это было въ 1851 году. У маркиза была дочь, сибора Олимпія, единственное дитя, оставшееся у него отъ трехъ несчастливыхъ браковъ. Олимпія была красавица и обладала рѣдкими душевными качествами. Не смотря на то, тайная печаль сгибала Фоскарини, гордившагося своими предками и приходящаго въ отчаяніе при одной мысли о томъ, что пилъ этихъ знаменитыхъ предковъ, въ теченіе четырехъ столѣтій передававшихъ его однимъ другому и высокими подвигами увеличивавшихъ блестящую славу, онъ самъ долженъ будетъ, продавъ свою смерть, вычеркнуть изъ золотой книги неаполитанскаго дворянства. Онъ охотно пожертвовалъ бы своими огромными богатствами, всюю жизнью, своею дочерью, если бы у него родился сынъ, который хоть бы еще на одно столѣтіе могъ поддержать славу рода Фоскарини.

На 60-мъ году онъ овдовѣлъ въ третій разъ; первая двѣ жены его были благородныя Римлянки, а третья знатная германская принцесса; всѣ три умерли, не удовлетворивъ честолюбивыхъ влдовъ маркиза. Ослабленный лѣтами и разными волненіями жизни, онъ чувствовалъ, что силы постепенно покидаютъ его; смерть, приближаясь быстрыми шагами, представлялась ему въ самыхъ ужасныхъ образахъ, и, чтобы заглушить эти тягостныя мысли, и чтобы удалять отъ себя мысль о близкой кончинѣ, чтобы развлечь себя, послѣдній Фоскарини предавался роскоши, гнрѣ и необузданнымъ пльпшествами. Онъ расточалъ милліоны, и когда, въ минуту какой нибудь безразсудной оргіи, онъ случайно вспоминалъ о дочери, то онъ восклицалъ, безъ малѣйшаго угрызненія совѣсти:

— Женщина! женщина! Для нея все еще остается довольно!.. Что это ничтожное созданіе, этотъ семнадцатилѣтній ребенокъ будетъ дѣлать съ моими палатами?.. Олимпія испугаась бы, еслибъ увидѣла золотыя горы, которыя я копилъ для сына... А теперь, на что мнѣ это золото?.. это золото, которое я копилъ, отказывая себя въ удовольствіяхъ?.. О! надо думать прошлесе; быть можетъ, завтра я долженъ буду сонати въ холодную могилу!..

Олимпія знала, отъ чего отецъ ея велъ такую жизнь. Маркизъ не скрывалъ своей убійственной холодности къ ней. Безъ всякаго состраданія и не замѣчалъ, что онъ раздираетъ ей сердце, маркизъ тосковалъ, горько жаловался на жестоку судьбу, проклиналъ дочь, проклиналъ мать ея и сдогого себя. Передъ несвальною дѣвущикою, дышавшею къ отцу горячею любовью, Фоскарини открывалъ отравительныя лзы своей гордости; когда она обливалась слезами, и, сложивъ на груди руки, умоляла отца не произносить столь ужасныхъ словъ, и простить ей, что она не родилась мужчиною, то онъ умолялъ, вперяя взоръ въ дочь, утирала глаза, омоченные слезами, и поспѣшно удалялся.

Обманутыя надежды охладили сердце маркиза. Если бы у него родился сынъ, то, быть можетъ, онъ раздѣлилъ бы любовь свою между мнѣ и дочерью; но теперь, онъ, какъ отецъ, былъ равнодушенъ къ Олимпіи; онъ любилъ ее только невольною привязанностью челоѣка къ существу прекрасному; онъ берегъ ее, какъ одно изъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ своего имущества; онъ не разставался съ нею и не соглашался на бл-

стательные союзы, которые ему были предлагаемы; богатѣйше дворяне Австріи и Италіи искали ея руки.

— Оставайся со мною, говорилъ онъ ей, ты мнѣ нужна... Ты еще успеешь выйти за мужъ, послѣ моей смерти.

Провода безсонную ночь въ лихорадочныхъ волненіяхъ картежной игры и за виномъ, воспаленнымъ въ душѣ его страстныя бури, Фоскарини, изпуренный и взволнованный, отправился купаться въ морѣ. Такъ какъ онъ былъ слишкомъ старъ для этихъ ночныхъ вакхалій, которыя разстроили бы здоровье п двадцатилѣтняго юноши, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ несчастливъ, чтобы отстать отъ нихъ, то каждое утро онъ почерпалъ изъ благодѣтельныхъ соленыхъ водъ новыя силы и новую жажду, которыя въ слѣдующую ночь снова расточалъ.

Однажды онъ купался въ морѣ, которое спльно волновалось, и въ этотъ разъ онъ чувствовалъ себя слабѣе, чѣмъ когда-либо. Совершенно ослабленный, онъ былъ увлеченъ волнами и выброшенъ безъ чувствъ на каменистый берегъ. Снова набжавшая волна готова была увлечь его въ открытое море, когда какой-то молодой челоѣкъ, также пришедшій купаться, удержалъ его и спасъ отъ неизбежной смерти.

Когда Фоскарини пришелъ въ себя и хотѣлъ благодарить своего спасителя, то съ невольнымъ изумленіемъ узналъ въ немъ офицера драбантовъ, котораго онъ встрѣчалъ на Пирмонтскихъ водахъ и въ Вѣнѣ, и который уже нѣсколько разъ тѣсно просилъ руки Олимпіи. Маркизъ не могъ продолжать невольнаго безпокойства и холодно благодарилъ своего спасителя; молодой Италецъ радушно пожалъ руку старика, просилъ позволенія иногда навѣщать домъ его. Маркизъ не могъ отказать ему.

По прошествіи мѣсяца, Стефанъ — такъ звали офицера — и маркизъ стали неразлучны. Памеиномъ любящимъ въ Олимпію, но болѣе осторожный нежели прежде, молодой военный рѣшился поступать иначе и остерегаться откровенныхъ признаній, которыя въ Пирмонтѣ и Вѣнѣ возбудили негодованіе отца. Стефанъ увѣрилъ Фоскарини, что онъ будто бы раскаивался въ своей прежней безразсудной любви и что уже совершенно забылъ о ней. Онъ приближался къ Олимпіи безъ страха и не бѣднѣя, говорилъ съ нею съ совершеннымъ спокойствіемъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на которыя дочь маркиза отвѣчала такимъ же образомъ. Старикъ душевно привязался къ молодому челоѣку, слѣдвашему ея другомъ, повѣреннымъ, товарищемъ оргіи. Онъ открылъ ему тайну своей бурной жизни, и Стефанъ вскорѣ понялъ, что старикъ въ шумѣ пиршествъ старался заглушить голосъ совѣсти и страшна душевныя муки.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, находясь въ неразрывной дружбѣ съ знатнымъ Италійцемъ и его дочерью, онъ вслѣсокъ старался примѣняться къ характеру Фоскарини. Олимпія помогала ему. Послѣдствія этого невиннаго заговора молодыхъ людей были неожиданны.

Стефанъ проводилъ каждую ночь въ домѣ маркиза за картами. Въ теченіе мѣсяца онъ проигралъ все, что имѣлъ. Олимпія умоляла его продолжать игру, чтобы угодить ея отцу, и сама давала ему золото; молодой челоѣкъ постоянно проигрывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала привязанность Фоскарини къ нему; потому что сердце маркиза неспособно уже было питать другой любви, кроме любви къ игрѣ; онъ не зналъ никакихъ другихъ наслажденій, кроиъ тѣхъ, которыя доставлялъ ему выигрышъ.

Но эта игра стоила уже Стефану до 10,000 лундоровъ. Однажды, вечеромъ, онъ явился къ Анджело съ 50-ю лундорами въ карманѣ, послѣднею сумою, которую онъ могъ принести въ жертву игрѣ. Деньги эти онъ получилъ отъ Олимпіи, которая отдала ему все, что получала ежемѣсячно отъ отца. Стефанъ, при свиданіи съ Олимпіею, сказалъ:

— Если я проиграю и эти деньги, то кончу все равно и потребую твоей руки. Если Фоска-

рши откажетъ, то... мнѣ остается только... застрѣлиться!..

Олимпія знала, что Стефанъ сдержитъ слово. Стефанъ и Фоскарини уѣхали одинъ противъ другаго. За ихъ столами были еще парижскій банкиръ, англійскій морской капитанъ и два Гаванца. Завязалась игра.

Стефанъ началъ десятью лундорами. Онъ поставилъ еще десять, потомъ снова десять, и еще разъ десять... и всѣ проигралъ. Онъ задражалъ, поставилъ послѣдніе десять лундоровъ, и выигралъ у парижскаго банкира 100 лундоровъ. Счастье переменилось.

Къ пяти часамъ утра онъ выигралъ 200,000 пиастровъ, парижскій банкиръ 80,000, морской капитанъ 20,000, оба Гаванца 150,000. Фоскарини проигрывалъ. Игроки выпили по стакану пуншу и условились вечеромъ опять собраться.

Наступилъ вечеръ. Вчерашняя игра была ничто въ сравненіи съ настоящею. Маркизъ Анджело Фоскарини потерялъ все свое имѣніе: волюнтерныя палатцы въ Неаполѣ и Флоренціи, красивыя виллы у подошвы Везувія и въ окрестностяхъ Рима, все золото, всѣ драгоценности, экипажи, лошадей, однимъ словомъ — все!..

Начинало свѣтать. Сквозъ двойные завѣсы проникло въ комнату блѣдный утренній свѣтъ, придававшій пламени догоравшихъ свѣчей багровый, тусклый отливъ. Изъ шести отчаянныхъ игроковъ четверо поболѣли статуями; огромный выигрышъ Фоскарини, навазненные кучи золота, разбросанныя передъ ними контракты, поразили ихъ невольнымъ ужасомъ. Казалося, что въ залѣ были только два живыя существа: Стефанъ и Фоскарини.

Послѣдній съ отчаяннымъ движеніемъ сталъ чего-то искать въ карманахъ, но онъ былъ пустъ!.. Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе и мрачнѣе физиономіи Фоскарини. Онъ устремилъ сверкающіе безумнымъ пламенемъ глаза на Стефана, и глухимъ, дрожащимъ голосомъ, сказалъ:

— Государь мой! Вес, что я имѣлъ, теперь принадлежитъ вамъ. Эти господа выиграли малость; но вы, — вы можете сію-же минуту, не вставая со стула, сказать мнѣ: — старикъ, улапись изъ моего дома!..

— Сиборъ маркизъ.

— Дайте мнѣ договоритъ!.. Мы платимъ съ вами въ Пирмонтѣ и въ Вѣнѣ... Вы искали руки моей дочери... Помните?.. И я два раза отказалъ вамъ...

— Маркизъ...

— Вы любилъ въ то время мою дочь... согласно съ моими идеями, я долженъ былъ отказать вамъ... По вы ее любилъ, не такъ ли?

— Да...

— Любите ли вы ее теперь?.. Говорите... Любите ли вы ее?

— Я люблю ее по прежнему.

— Хорошо. Я поставлю ее на карту...

При этихъ ужасныхъ словахъ всѣ игроки въ безмолвномъ страхѣ вскочили съ мѣсть... взглядами они умоляли Стефана отказаться.

Но вмѣсто неудовольствія лучъ небесной радости озарилъ лицо Стефана. Онъ хотѣлъ броситься къ маркизу на шею; но тотъ оттолкнулъ его. Видя, что игра сдѣлала благороднаго маркиза смертельнымъ врагомъ его, Стефанъ гордо всталъ и отвѣчалъ маркизу торжественнымъ голосомъ:

— Маркизъ, если бы вы согласились назвать меня своимъ зятемъ, я, въ присутствіи этихъ господъ, на колѣняхъ, умолялъ и заклиналъ бы васъ принять обратно то, что слѣпой случай заставлялъ васъ проиграть. Теперь я вижу, что вы никогда не согласитесь!..

— Никогда!.. съ мрачною яростію отвѣчалъ маркизъ.

— Хорошо, холодно отвѣчалъ Стефанъ, я принимаю вашу ставку... Чѣмъ угодно вамъ, чтобы я отвѣчалъ?..

Приутовствованіе вскрикнули отъ ужаса. Фоскарини посмотрѣлъ на каждого изъ нихъ съ глубокимъ презрѣніемъ; потомъ бросилъ

взглядъ на три лежаншія перель нимъ карты и сказалъ Стефану:

Чѣмъ вамъ угодно.

— Я ставлю противъ вашей дочери, отвѣчалъ Стефанъ, все, чѣмъ я владею, мое отцовское наследство, мое имя, мое счастье!..

— Согласенъ, возразилъ Маркизь, и открылъ свои карты. У него были три туза.

— Стефанъ открылъ свои, не смотря на нихъ: у него были три десятки. Четвертая образовала каре.

Бреланъ-каре! (*) сказалъ съ ужасомъ морской капитанъ.

— Бреланъ-каре! повторили оба Гаванца и парижскій банкиръ.

И такъ какъ послѣ этого все ожидали отчаяннаго поступка со стороны Фоскарини, то они торопливо собрали свои выигрышъ и встали за шляпы, чтобы поскорѣе удалиться и не быть свидѣтелями могущей случиться катастрофы. Но въ ту минуту, когда они хотѣли раскланяться съ маркизомъ, игроки, холодные ко всемъ нѣжнымъ чувствамъ, были, однакожъ, живо тронуты, и остановились. Отецъ, липшійшій дочери, обливается слезами; миллионеръ, сдѣлавшій вдругъ нищимъ, казалось, умолялъ молодого человека сжалиться надъ нимъ.

Стефанъ, приблизившись къ нему, сказалъ:

— Маркизь, все это былъ ужасный сонъ, вы ничего не потеряли, а я ничего не выигралъ.

— Я ничего не потерялъ! возразилъ старикъ съ горечью. Спросите у этихъ господъ, которые, вавявъ свои карманы моннъ золотомъ, такъ спѣшатъ уйдти отсюда, — потерялъ ли я!.. не думаете ли вы, что я стану просить у васъ милостыни?.. Ошибаетесь! Если мое лицо, мои слезы это вамъ сказали, то жетъ мое лицо и лгутъ мои слезы!

Сказавъ это, онъ всталъ и поспѣшно ушелъ... никто не отважился остановить его. Вскорѣ затѣмъ Стефанъ остался одинъ въ комнатѣ. Было одиннадцать часовъ утра. Собравъ кантракты, разбросанные на столѣ, Стефанъ бросилъ ихъ въ огонь; написалъ Олимпію о томъ, что случилось, потомъ вышелъ изъ дому, узнавъ отъ камердинера, что маркизь ушелъ въ купальню.

Въ пятидесяти шагахъ отъ дому, онъ увидѣлъ толпу народа. Несли человека, котораго рыбаки вытаскали изъ воды. То былъ Фоскарини.

Недѣлю спустя, Стефанъ, въ полночь, возвращался домой съ бала. Онъ узналъ отъ привратника, что двѣ особы давно уже его ждали; онъ поспѣшно вошелъ къ себѣ и засталъ въ своемъ кабинетѣ маркиза и его дочь.

— Мое посѣщеніе въ такую пору, безъ соизвѣстія, удивляетъ васъ, сказалъ медленно Фоскарини. Я пришелъ исполнить давнее честное слово. Вы выиграли у меня мою дочь... вотъ она! Вы видите, я самъ привожу ее къ вамъ. Не думайте, однакожъ, чтобы я принуждалъ ее слѣдовать за мною... Она очень охотно пошла сюда... не такъ ли, Олимпія?

При этомъ вопросѣ лицо его судорожно искривилось звѣрской улыбкой; потомъ онъ продолжалъ:

— У меня нѣтъ болѣе дочери... но и у васъ нѣтъ еще жены, синьоръ Стефанъ. Я не назову васъ своимъ зятемъ ни въ какомъ случаѣ, потому что вы не изъ древнихъ, родовыхъ дворянъ, сдѣлательно, только послѣ моей смерти Олимпія можетъ быть вашей женою... Вы видите сами, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится дѣло: Олимпія ваша... но не советъ еще... Сдѣлательно, намъ нужно сыграть еще разъ, чтобы привести въ должный порядокъ это дѣло... При этихъ словахъ, пронзѣнныхъ глухимъ голосомъ и съ мрачнымъ видомъ, Стефанъ и Олимпія невольно отступили...

Маркизь же поспѣшно заперъ дверь и спряталъ ключъ въ карманъ.

— И такъ, мщеніе!.. вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ, вынимая изъ кармана два неболь-

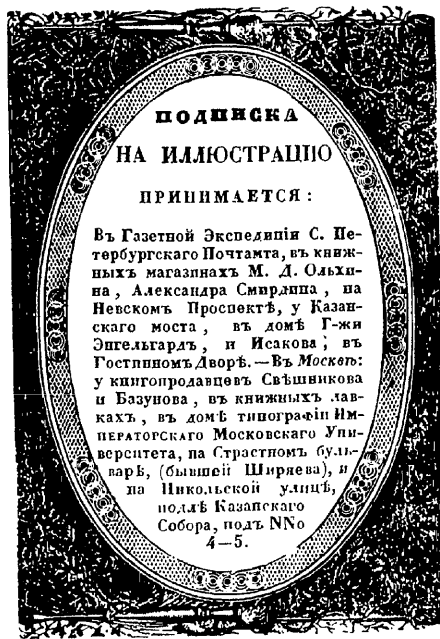
шихъ пистолета. — Смотрите, оба эти пистолета одинаковы; но только одинъ пѣз нихъ заряженъ... Каждый изъ насъ научау выберетъ одинъ пистолетъ и... мы будемъ стрѣляться. Если судьба вручитъ мнѣ заряженный пистолетъ и я убью васъ, то возьму дочь свою назадъ; если жъ судьба будетъ еще разъ благосклонна къ вамъ, и я паду отъ вашей руки, Олимпія можетъ располагать своею рукою и своими имениями, какъ ей угодно. Конечъ всего этого будетъ тогъ, что вы, или проиграете или будете убитыио вашего тестя.

Стефанъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ звать, хотѣлъ выгтн.

— Если вы сбѣгаете одинъ шагъ, если вы произнесете одно слово—вскричалъ старикъ съ свирѣпымъ бѣшенствомъ, — то я выстрѣлю въ Олимпію изъ обоихъ пистолетовъ; слышите ли?

Фоскарини показалъ Стефану, чтобы они сѣли возле него, не обращая вниманія на Олимпію, которая безъ чувствъ опустилась въ кресло...

Сѣли сами оружіе. Оба игрока взяли по пистолету и стрѣлялись черезъ платокъ. Раздался выстрѣлъ... и Стефанъ — выигралъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Европеизмъ. — Академическая выставка. — Статуя Державина. — Портретъ Н. К. Нарышкиной. — Почтовое пароходство между С. Петербургомъ и Штетлиномъ.

Можетъ быть, метеорологическія наблюденія мало интересуютъ многихъ; можетъ быть, вліяніе погоды на все наше беззѣрное отечество незамыслительно для тѣхъ, которые съ чашкой кофе въ рукахъ и съ сигаркой въ рту ищутъ въ газетахъ и журналахъ мгновеннаго развлеченія. Для нихъ лишь бы въ Петербургѣ не было дождя, бури, града, а тамъ, пусть онъ, т. е. градъ, летитъ ростомъ хоть въ пушечное ядро, лишь бы насъ не убило; вотъ, напримѣръ, извѣстіе о концертѣхъ въ Навловскѣ, о балахъ въ воксалѣ, о... да больше предметовъ и не находимъ; а такія извѣстія интересуютъ, хотя бы эти извѣстія были совершенно несправедливы; все равно; они доступны, легки, удобоваримы; призадумываться не надъ чѣмъ, да и къ чему эти думы?..

Мнѣ мигъ покоя моего

Дороже чѣмъ въ исторіи вѣки.

Жить для себя лишь одного,

Лишь радости умѣть пить рѣки...

О, я вижу, вы отвращаетесь отъ этихъ варварскихъ стиховъ; возможно ли вамъ, просвѣщеннѣйшимъ современникамъ, читать стихи Державина, когда вы уже разубили стипъ Пушкина; да и можно ли читать по-русски? Русскіе журналы, которые живутъ на вашъ счетъ, печатно не совѣтуютъ вамъ читать русскихъ произведеній, и не входятъ въ дальнѣйшій разборъ этого загадочнаго совѣта, нѣкоторыхъ журналовъ. Видъ справедливости ограждаетъ ихъ отъ справедливыхъ и — увы! бесполезныхъ упрековъ. Такъ не полнѣется наша литература, если мы будемъ увѣрять всѣхъ и каждого въ ея ничтожности. И англійская и французская и всякая литература въ свое время были лучше нашей; но патріотическими, совѣстными усиліями писателей и публики онѣ возвысились, развились, процвѣли и нѣкоторые донынѣ процвѣтаютъ. — Къ чему стараться процвѣсти охлажденію, когда и безъ того уже холодно ко всему отечественному? когда нѣтъ пріятія, которое бы на первыхъ порахъ не возбуждало насмѣшекъ, и все это пѣз чего? Что-эгоистамъ, которые любятъ читать печатныя бы понравится одобренія правль; чтобы соприсчислить ихъ къ кругу своихъ читателей и умножить на нѣсколько рублей свою кассу. Не литература, которая не такъ скудна, какою стараются ее выставить, нѣтъ, но зта именно эгоисты, которые такъ угождаютъ, должны быть предметомъ сильныхъ и убѣдительныхъ филиппикъ. Не для того, чтобы исправить эгоистовъ, — на нихъ махните рукою, — но для того, чтобы въ поколѣнія, которое собираетъ смѣнить ихъ, зажечь искру любви къ отечественному, народному, своему; чтобы онъ, по крайней — жрѣ, вмѣсто русскихъ полезныхъ гражданъ, не сдѣлался обезьянкой иностранныхъ соблазновъ, безъ различія и разбора усвоиваемыхъ неопытностію и недостаткомъ истиннаго просвѣщенія. Говорятъ про иллюстрацію, что она любитъ намыль, а опредѣлительно не изъясняется. Что за дѣло до лицъ; тотъ ли, другой ли у насъ въ виду? что поможетъ это читателю? Лишь бы мысли наши имѣли справедливо основаніе и благую цѣль; — Европеизмъ — не имѣетъ никакого значенія. Неужли Петръ Великій заботился только о томъ, чтобы сдѣлать Русскихъ Европѣйцами. Совѣтъ цѣль! Заботился о томъ, чтобы сдѣлать Россію націей просвѣщенною. Въ этихъ возрѣвіяхъ — огромная разница, и сплмал борды и старое платье съ русскаго человека, Великій не только не старался измѣнить русскаго сердца, но, напротивъ, всегѣрно усиливался сохранять всѣ элементы русской народности, въ тоже время озаряя русское сердце свѣтомъ истиннаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что ложное направленіе къ ложному европеизму имѣетъ поспѣлователей и защитниковъ; но объ нихъ жалеть нечего. Теперь обратимся къ нашей ежедневной дѣятельности.

— Въ Императорской Академіи Художествъ собирается огромная выставка художественныхъ произведеній. Мы, кажется, не ошиблись, предвѣщая, что характеръ выставки будетъ скульптурно-картонный. К. П. Брюловъ окончилъ нѣкоторые новые картоны, которыхъ въ прошломъ году публика не видела. О. А. Бруни со дня на день ожидаетъ прібытія своихъ картоновъ пѣз Рима. П. В. Васильевъ приготовилъ много. Другіе художники не отстадутъ; но надо замѣтить, что художники такая уже нація, что не поставятъ своихъ произведеній до послѣдней минуты, и потому теперь о выставкѣ можно мечтать только, основываясь на томъ, что вынимъ готованаго въ мастерскихъ художниковъ, или о чемъ извѣстно пѣз частныхъ писемъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что на выставкѣ будетъ много картинъ Айвазовскаго; знаемъ что Е. Е. Мейеръ выставилъ

(*) Трешакъ, азартная игра.

посланные плоды истекшаго лѣта, написанные имъ въ часы, когда онъ былъ свободенъ отъ болѣзни, все время безпокоившей лорвитата художника, и когда погода позволяла работать съ натуры... Знаемъ, напримѣръ... Но что въ этихъ преждевременныхъ извѣстіяхъ, тѣмъ болѣе, что и самая выставка, какъ мы слышали, отлагается по нѣкоторымъ поводамъ. Эта отсрочка непременно послужитъ ей въ пользу. Многие художники успѣютъ окончить свои работы, тѣмъ болѣе, что есть художники, которые всегда опаздываютъ на выставку, особенно изъ чужихъ краевъ...

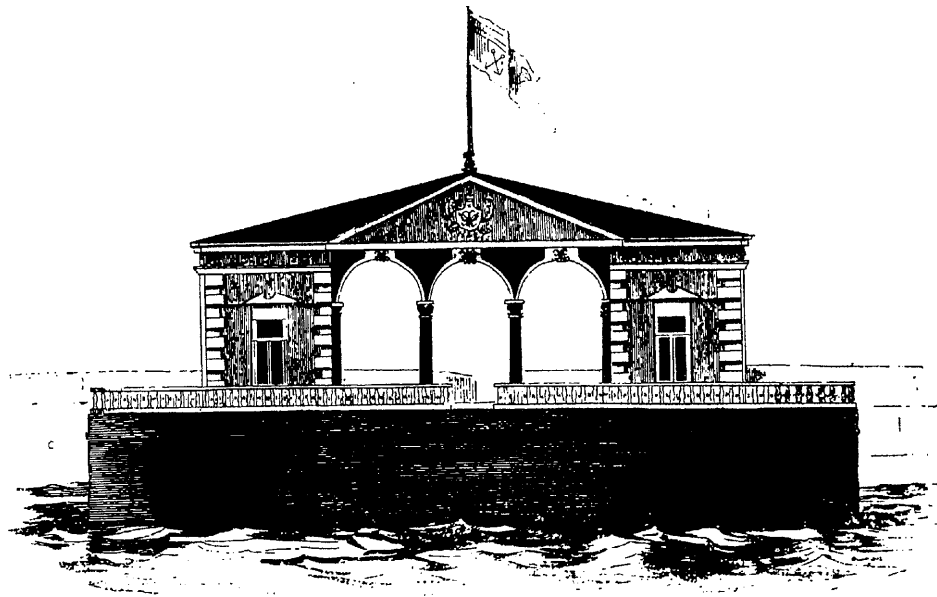
— Посѣщала мастерскія нашихъ художниковъ, мы заходили и въ чеканную палату барона П. К. Кюста. Тамъ видѣли мы совершенно отлитую колоссальную статую Державина. И по мысли и по исполненію—это прекрасное произведеніе. Державинъ одною рукою держитъ лиру, которую опустилъ, потому только, что вдохновеніе вли-

мо нисходить на пѣвца. Вы можете читать безъ ошибочно эту мысль въ движеніи поэта. Прокъ статуй созданъ покойнымъ С. И. Гальбергомъ, моделировалъ Г. Рамазановъ, а отлита статуя на Академической литейной, въ одинъ разъ и съ такимъ успѣхомъ, что нельзя довольно надвинуться искусству всѣхъ художниковъ, принявшихъ участіе въ исполненіи этой работы. Художники болѣе справедливы къ великому пѣвцу, нежели тѣ, которымъ бы слѣдовало, и лучше понимаютъ и теплѣе чувствуютъ, и торжественнѣе чествуютъ русскаго Пиндара... Но — Державинъ не былъ Европеецъ, не носилъ львиной гривы, кошачьихъ ногтей; писалъ иногда и дурные стихи, но въ сильныхъ и изящныхъ — не имѣетъ соперника. Хорошо бы былъ Державинъ, если бы подражалъ Жанбатиству Руссо, или другимъ подобнымъ тогдашнимъ европейскимъ знаменитостямъ!

— Театральная пора еще не наступила, по крайней мѣрѣ на этой недѣлѣ. Можно полагать нача-

ло музыкальнаго и театральнаго года въ понедѣльникъ, т. е., послѣ завтра. Объявляютъ новую русскую оперу, о которой мы уже говорили.

— Теперь всѣхъ занимаетъ новый подвѣтъ нашего почтоваго вѣдомства—это почтовое парохолство между С. Петербургомъ и Штеттиномъ. Не знаю, помните ли вы на Англійской набережной небольшой двухэтажный домъ въ семь или восемь окошекъ? Нѣтъ, думаемъ, что вы не помните этого дома; онъ былъ и малъ, и невзраченъ! Теперь тамъ все преобразилось; по красивому крыльцу вы входите въ стѣну, разделяющую контору Почтоваго Парохолства отъ пассажирскихъ комнатъ; конопъ убраны, не только со вкусомъ, но съ роскошью; всѣ удобства придуманы остроумно, исполнены тщательно; каждая бѣздѣлица, которая вамъ можетъ прийтись въ голову—естъ; всѣ надобности, всѣ случаи предупреждены. Еслибы парохолъ привезъ больныхъ пассажировъ, которые бы не могли тотчасъ отправиться въ гости-

Пристань на Невѣ, у дома Почтоваго Парохолства.

нцы или къ знакомымъ, для нихъ есть запасныя кровати, съ мягкой постелью, съ чистымъ бѣльемъ; на кухнѣ имъ сварятъ что надо; пошлютъ куда потребуется; словомъ, всѣ удобства, какія только вообразить можно. На старомъ тѣсномъ дворѣ все перемѣнилось; съ одной стороны, въ обширномъ флигелѣ помѣщается палата, гдѣ, безъ малѣйшаго затрудненія и стѣсненія пассажировъ, рассмотрятъ ихъ пожитки, не замараютъ, не растеряютъ; балюстрада, за которыми сидятъ чиновники — подвижной. Зала для посѣтителей можетъ сокращаться и распространяться, но усмотрѣваю, согласно надобностямъ. — Противу балюстрады вдоль стѣны — огромная стойка, на которую могутъ укладываться чемоданы. Въ глубинѣ залы всѣхъ. Противу этой залы палатка для приема и отпуска громоздкихъ вещей. Все это такъ уютно, красиво, и рассчитано, что тѣсный старый дворъ кажется весьма обширнымъ помѣщеніемъ. Въ томъ же флигелѣ, гдѣ описанная зала, помѣщаются кухня и сарай съ разными принадлежностями, какъ напр., съ ящиками для перевозки лошадей и т. п. Возвращаясь въ домъ, взгляните и на квартиру управляющаго, убранныю съ отличнымъ вкусомъ. Подобную квартиру должно считать совершенною необходимостью, потому что она можетъ служить убѣжищемъ для почетныхъ пассажировъ до отправленія въ Кронштадтъ. Зала съ красивымъ фонарикомъ, изъ котораго великолѣпный видъ на Неву, украшена портретами Императоровъ Александра ІІ и Николая І. Боковыя комнаты могутъ служить въ какой бы то ни было случаѣ, приемными покоями. Весь домъ, какъ игрушка. Но вотъ, наступила пора отправляться въ Кронштадтъ; вы не безъ сожалѣ-

нія расстанетесь съ этимъ изящнымъ домомъ, переходите на пристань, раскинутую у набережной Невы, на огромномъ плашкоутѣ, въ видѣ краснаго шатра; направо еще комната, убранныя съ отличнымъ вкусомъ, нагѣво прописная контора для отъѣзжающихъ въ Кронштадтъ. Если у васъ осталось нѣсколько времени, сойдите въ трюмъ, гдѣ помѣщается прислуга и помы; не мѣшаетъ посмотреть и поवालннй этажъ самого дома, гдѣ также помѣщаются служители. Вы убѣдитесь собственными глазами, какъ искусно всездѣ соблюдена экономія мѣста, какой всездѣ порядокъ и удобство. Мы еще забыли сказать о весьма важномъ обстоятельстве для облегченія пассажировъ. Вы прѣехали изъ Штеттина, ваши вещи осмотрѣли, васъ отпустили—и куда же вы дѣнетесь съ вашими чемоданами и картонами? По неволѣ вы прибѣгаете къ вашимъ непомѣстительнымъ и грязнымъ дрожкамъ, нагружаете ихъ кое-какъ и, съ опасностью растерять или запачкать вещи, шествуете за дрожками до гостиницы, какая поближе. Извозчики себя на умѣ: они понимаютъ ваше положеніе и служатъ вамъ воспользоваться; не изъ дому Почтоваго Парохолства вы достаете гостиницы, въ какой бы части города она ни была, покойно, безопасно и дешево. Изготовлены рунныя тележки, на которыя уложить ваши вещи, закроютъ, завяжутъ и за небольшую плату по установленной таксѣ, отвезутъ по данному вамъ адресу на мѣсто въ совершенной сохранности. Съ пристани вы садитесь на парохолъ, который безмалѣе перевозитъ васъ въ Кронштадтъ, гдѣ вы перейдете на почтовый парохолъ Владимиръ или Орелъ, что рѣшительно одно и то же: это два брата близнецы. О услови-

яхъ и цѣнахъ вы уже знаете изъ газетъ; можете о томъ прочесть и въ прилагаемомъ объявленіи. Мы же хотимъ ближе познакомить васъ съ внутреннимъ расположеніемъ парохоловъ. Планъ І-й представляетъ раздѣленіе въ тыльной части парохоловъ. Планъ второй, раздѣленіе части передней; между ними мы исключили еще значительную часть, или середину парохоловъ, потому что это пространство занимаютъ котлы и машины, до которыхъ пассажирамъ рѣшительно дѣлать дѣла.

ПЛАНЪ ПЕРВЫЙ.

Пространства, означенныя римскими числами, заключаютъ:

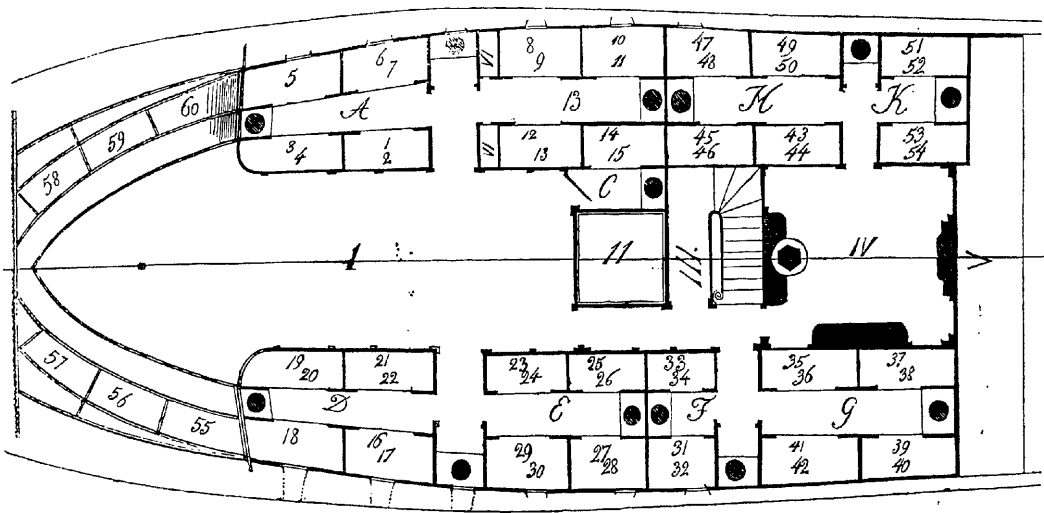
- I) Общій залъ для пассажировъ І-го класса.
- II) Загороженное мѣсто наглухо, около люка, для опусканія товаровъ въ первый трюмъ.
- III) Буфетъ.
- IV) Залъ для дамъ-пассажирокъ перваго класса.
- V) Помѣщеніе инженерсровъ и ходъ къ машинамъ.
- VI) Шкафы для бѣлья.

Подъ буквами каюты:

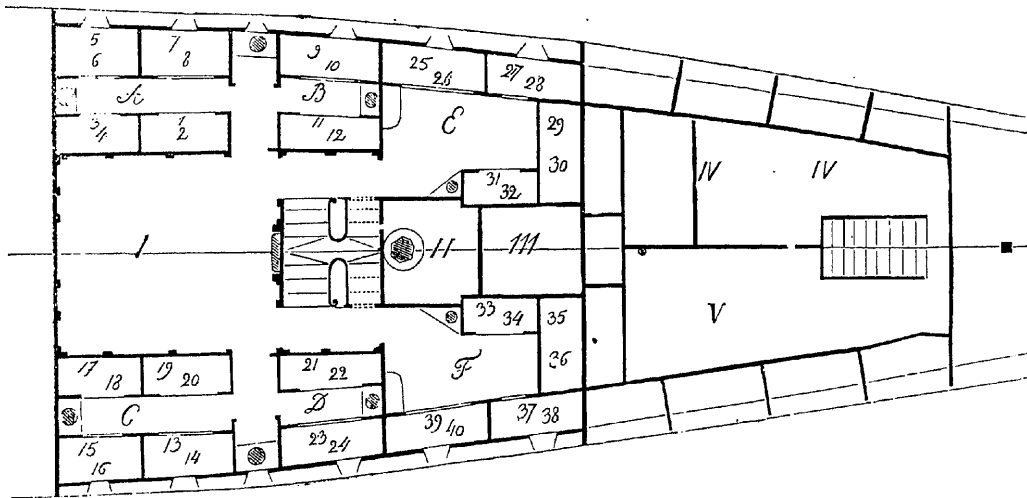
- A.—съ 7 постелями съ 1—7.
- B.—съ 6 постелями съ 8—13.
- C.—въ 2 постелями 14—15. семейная.
- H.—съ 8 постелями съ 43—50.
- K.—съ 4 постелями съ 51—54.

Два послѣднія каюты H и K. вазнаются только для дамъ.

- D.—съ 7 постелями съ 16—22.
- E.—съ 8 постелями съ 23—30.

Внутреннее расположение Почтовыхъ

Пароходовъ : Владиміръ и Орель.

Е.—съ 4 постельми съ 31—34. семейная.
 Г.—съ 8 постельми съ 35—40.
 Съ No. 53 по No. 60 мѣста открыты для
 сна въ общей залѣ.

ПЛАНЪ ВТОРОЙ.

Поль римскими числами:

- I) Общій залъ для пассажировъ второго класса.
  - II) Буфетъ.
  - III) Люкъ, для опусканія товаровъ въ передній трюмъ.
  - IV) Мѣста для сна пассажировъ 3-го класса, не нумерованныя.
  - V) Помѣщеніе матросовъ.
- Каюты подлѣ литеры:
- А.—съ 8 постельми (1—8).
  - В.—съ 4 постельми (9—12). семейная.
  - Е и Г.—съ 8 постел. (25—40). могутъ служить каютками.
  - С.—съ 8 постельми (13—20).
  - Д.—съ 4 постельми (21—24). семейная.
- Для пассажировъ 3-го класса, или дечныхъ, отведено 21 не нумерованныхъ мѣстъ.

Почтовое вѣдомство въ самое короткое время устроило столько благотворныхъ заведеній, допустило столько полезныхъ измѣненій въ старомъ порядкѣ, что это новое учрежденіе уже не удивляетъ насъ болѣе, потому что мы увѣрены, что оно не послѣднее, что улучшеніямъ по этой части къ общей пользѣ и удовольствію конца не будетъ. Осмѣлимся присовокупить, что почитательная заботливость почтового вѣдомства видна во всемъ, преимущественно въ выборѣ людей способныхъ и усердныхъ, не останавливающихся ни на какомъ препятствіи къ достиженію благихъ цѣлей начальства. И конечно, всѣ предначертанія о почтовомъ пароходствѣ относительно хозяйственнаго устройства всей части, здѣсь, въ Петербургѣ, приведены къ столь успешному исполненію, при содѣйствіи начальства, неусыпнымъ усердіемъ и раченіемъ управляющаго Отдѣленіемъ Почтоваго Пароходства А. Н. Павловымъ. — Съ признательностію упоминаемъ объ этомъ.

Завтра отходить изъ Кронштадта въ первый разъ пароходъ Орель; сегодня пассажиры отправляются въ Кронштадтъ. Намъ остается напутствовать открытіе новаго учрежденія искреннѣйшимъ желаніемъ полного во всехъ отношеніяхъ прусвѣщенія, въ чемъ, при заботливой прозор-

ливости почтоваго начальства, нечего и сомнѣваться.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОЧТОВОМЪ ПАРОХОДСТВѢ.

Постоянное и регулярное сообщеніе между Кронштадтомъ и Штетинюмъ въ 1845 году, будетъ производиться посредствомъ двухъ большихъ желѣзныхъ пароходовъ: Императорско-Россійскаго и Королевско-Прусскаго почтовыхъ вѣдомствъ. «Владиміръ» подлѣ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крашенинникова, и Прусскій, Орель, подлѣ командою капитана Баранова, — имѣютъ каждый машинъ низкаго давленія (direct action) въ 310 силъ и помѣщенія слишкомъ для 100 пассажировъ.

Пароходы эти будутъ отправляться: изъ Кронштадта по воскресеньямъ въ 4 часа по полуночи; изъ Штетина же по субботамъ въ полдень.

При благополучномъ плаваніи они будутъ приходить въ Кронштадтъ по вторникамъ вечеромъ, а въ Штетинъ — по средамъ въ полдень.

Пассажиры, желающіе ѣхать на сихъ пароходахъ, будутъ отправляемы изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ по субботамъ въ 3 часа по полудни на пароходѣ, напимаемомъ отъ Отдѣленія Поч-

того Пароходства, съ пристанп, находящейся на Англійской набережнѣ, противъ дома сего Отдѣленіи.

Пароходы будутъ отправляться слѣдующимъ образомъ :

ИЗЪ ШТЕТТИНА :

по новому стилю.

15 Сентября	Прусскій, Орель.
27 —	Прусскій, Орель.
4 Октября	Владиміръ.
11 —	Прусскій, Орель.
18 —	Владиміръ.
25 —	Прусскій, Орель.
1 Нолбря	Владиміръ.
8 —	Прусскій, Орель, только до Ревеля.

ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА.

КРОНШТАДТЪ.

по новому стилю. по старому стилю.

21 Сент. Прусск., Орель.	9 Сентября
28 — Владиміръ.	16 — (*)
5 Окт. Прусск., Орель.	23 —
12 — Владиміръ.	30 —
19 — Прусск., Орель.	7 Октября.
26 — Владиміръ.	14 —
2 Нолб. Прусск., Орель.	21 —

Отходящій 1-го нолбря, изъ Штетина пароходъ, назначается прямо въ Кронштадтъ, но въ случаѣ дурной погоды не пойдетъ далѣе Ревеля.

Пароходъ, отправляемый изъ Штетина 8-го нолбря, идетъ только до Ревеля — и оттуда возвращается тотчасъ въ Штетинъ съ пассажирами и товарамъ.

ЦѢНА ЗА ПРОѢЗДЪ :

Первое мѣсто.	58 р. с. съ персон.
Второе мѣсто.	57 р. 50 к. —
Третье мѣсто.	22 р. 50 к. —
Семейная каюта на 4 персоны	250 р. сер.
— — — — —	3 — 192 р. »
— — — — —	2 — 128 р. »

За дѣтей моложе 12 лѣтъ платится половина.

Если мужъ и жена, или члены семейства, ѣдутъ по одному паспорту, то съ каждой персоны сбавляется : на 1-мъ и 2-мъ мѣстахъ , по 5 рублей сер., а на 3-мъ по 2 руб. серебромъ.

Если пассажиръ, взявшій семейную каюту на 4, на 3 или на 2 персоны, не займетъ всѣхъ мѣстъ, то на каждое не занятое мѣсто сбавляется по 10 рублей серебромъ.

Въ цѣнѣ за мѣста заключается и плата за кушанье безъ вина, а равно и за проѣздъ изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ и обратно.

Плата за экипажи, о 4 колесахъ	47 руб. сер.
— — — — —	2 — 23 руб. 50 к. с.
— за лошадей безъ корма	4 —
— за собаку — — — —	5 —

Пассажирамъ дозволяется имѣть багажа безъ платы :

Для 1-го мѣста и семейн. каютъ	16 куб. фут.
— 2-го — — — — —	12 —
— 3-го — — — — —	6 —

Дѣти моложе 12 лѣтъ, могутъ имѣть бесплатно только половину этого количества.

За каждый кубич. футъ свыше означенной мѣры платится по 37½ коп. сер.

ФРАХТЪ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ ШТЕТТИНЪ.

За золото (¼ процента) и 5% каплака съ фрахта за серебро (¼ процента) товмъ денегъ. За отправленіе наличныхъ денегъ не будетъ взыматься менѣе 2-хъ руб. серебромъ.

ЗА ТОВАРЫ :

До 5-хъ кубич. футовъ 2 руб. сер. ; свыше 5 до 6 куб. фут. 3 руб. сер. — За мѣру свыше 6 к. фут. платится за первые 6 куб. фут. 3 р. с., а за остальные футы по 25 коп. сер. за каждый. За сырые продукты по 15 руб. сер. съ мѣста. За мѣдъ въ слиткахъ по 8 руб. сер. съ мѣста въ 120 пудъ.

Сверхъ того 5% каплака съ фраховыхъ денегъ.

Желающіе отправить на почтовыхъ пароходахъ товары, посланки и прочіе предметы за границу, благоволятъ адресоваться къ агенту Почтоваго Пароходства, Ивану Дрессену и Ко., контора котораго аходится на Висселескомъ Острову, въ 1-й линіи, въ домѣ Геізе.

Контора Отдѣленія Почтоваго Пароходства находится на Англійской набережной, въ домѣ подъ № 31 открыта ежедневно отъ 9 до 2-хъ часовъ пополудни и отъ 7 до 9 вечера.

Отъ С. Петербургскаго Почтамта слѣдано распоряженіе, чтобы на пароходѣ, на которомъ будутъ отправляться пассажиры изъ С. Петербурга въ Кронштадтъ, посылались чемоданы и сумки съ корреспонденцію въ Штетинъ и другіе иностранные города. По сему пріемъ пароходной корреспонденціи въ здѣшнемъ Почтамтѣ назначается по субботамъ до часа по полудни, а въ Кронштадтской почтовой конторѣ до 3-хъ часовъ по полудни.

Встанетъ рано солнышко,
Веселитъ тебя ;
Въ гнѣздышкѣ подруженька
Милая сидитъ.

Скоро будутъ дѣтунки,
Станешь ихъ кормить,
Наслаждайся жизнью,
Да Творца хвалить.

Будешь чаще прежнего
Въ гнѣздышко лѣтать,
Громче, веселѣе ты,
Будешь шепетать. —

Не кружись же, ласточка,
Надъ моимъ окномъ,
Ты не пой, косоточка,
Счастья своего.

Также весело бы
Утро и меня,
Если бъ вылетѣлъ съ милою
Я встрѣчалъ его.

Наслаждался бъ жизнью,
Такъ какъ ты весной
Но... теперь страдаю я,
Не со мною она...

Злой судьбою намъ случаемъ,
Мы разлучены...
О, не пой же, ласточка,
Не хвали весны !

И. Антимицъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ХУДОЖНИКУ.

О Ч*** —

Ея армянскія черты
Проникнуты волшебной силой;
Ихъ передать не можешь ты,
Ни кистью, ни рѣзцомъ, ни лирой.

Изъ всѣхъ красавицъ ни одна
Ничѣмъ не можетъ съ ней сравниться ! —

И Богъ тебя да сохранитъ,
Стоять напротивъ пль съ ней рядомъ,
Она тебя исполнитъ
Тропическія цвѣтенья взглядомъ.

II.

ТОСКА.

Душа моя въ какомъ-то усыпленнѣ,
И нѣтъ во мнѣ теперь, ни мысли, ни стиха!
Все бытіе мое погрязло въ утомленнѣ,
Но жизнь моя, какъ мертвыхъ сонъ, тиха.

Я ближнихъ въ мѣрѣ не люблю,
Любимый другъ мой далеко !
Я одинокъ теперь, и тѣлю,
Какъ искра въ пеплѣ глубоко. —

О, скоро въ вѣтеръ благодатный
Съ душевной искры слетитъ прахъ ?
Нѣтъ ! Этотъ вѣтеръ невозвратный
Гуляетъ въ чуждыхъ небесахъ. —

Онь искрѣ жизнью не повѣетъ,
Та искра безъ него дотлѣетъ.

III.

ВЕСНА.

пѣсня.

Не кружись, ласточка,
Надъ моимъ окномъ ;
Ты не пой, косоточка,
Счастья своего.

АНЕКДОТЫ.

I.

....Тысячи не жалъ на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить
Коль свѣчки берегутъ огарокъ.

Крыловъ писалъ съ природы, но не по возможности, а какъ, какъ пишетъ свои картины Брюлловъ : каждую ногу съ живою ногой, каждую руку съ живою рукой. Огарокъ Крылова не выдумка. Я зналъ одну пошлую и довольно богатую даму, которая была величайшая модница, ядлась на промалю, бросала на вѣтеръ тѣщицы, а представляла изъ себя большую хозяйку, потому что требовала отъ своего дворецкаго, чтобы онъ представлялъ ей семейственно подробный до мелочи отчетъ о расходахъ за прошлое время. Этихъ отчетовъ она никогда не читала; но за то они лежали всегда группой на ея письменномъ столѣ, чтобы посѣтителю могли ихъ видѣть. Дворецкій былъ не промахъ, воровалъ сколько душъ было угодно, а на отчетахъ перемѣнялъ только числа, избавляя себя отъ напраснаго труда писать извѣстныя не читаемые отчеты. У этой то барыни *хозяйки* было постояннымъ приключеніемъ, чтобы всѣ огарки отъ свѣчъ собирать въ особый ящикъ, который и стоялъ въ буфетѣ близъ столовой, почти на виду. Если зажигали лампы, то непременно этии экономическій огаркамъ, и если бы она увидѣла что-мазну зажигають цѣльной свѣчю, то не было бы конца шуму и крику. Сохраненіемъ этихъ огарковъ барыня полагала вознаграждать свои часто сумасбродные расхѣды.

Переѣхавъ на зиму въ Москву, наша экономная барыня наняла цѣлый домъ, хотя и деревяшнй, но отлично меблированный, и заключила обыкновенный контрактъ, какъ водится.

Однажды, часу въ 9 вечера, наша барыня пріѣзжаетъ изъ гостей въ большихъ попыхахъ. «Эй малой! скорѣе зажгите лампы; во мнѣ сейчасъ будетъ куча гостей!»

Малой съ заспанннми глазами бросился въ буфетъ; тамъ стоялъ экономическій ящикъ съ салными огарками, полный почти до верху. Онъ схватилъ одинъ огарокъ, зажегъ лампы, потомъ чуть чуть задумалъ его, бросилъ назадъ въ ящикъ, заперъ буфетъ и побѣжалъ ставить самоваръ.

Гости стали съезжаться. Хозяйка хлопотала объ угощеніи. Люди были заняты, каждый своимъ дѣломъ, а между тѣмъ, въ буфетѣ полузадутой

(*) Пароходъ Владиміръ долженъ прибыть въ Кронштадтъ 4-го сентября, если бъ отправленію его изъ Англии не встрѣтятся какихъ-либо препятствій.

огарок вспыхнул, втроятно, когда летѣла въ лщкѣ; отъ него загорѣлись другіе, поднялось пламя, сало расплылось по бучету и пошла иллюминация. Хотя двери и были запорты, но спальный смрад проникъ въ комнаты; это замѣтили, зашумѣлись, послали за мальчиш, у котораго былъ ключъ отъ бучета; отперли двери, огонь и сало клубами полились въ залу, и пламя мгновенно охватило весь домъ. Гости разбѣжались; ихъ смѣшила полиція. Шафы и комоды, гдѣ хранились вещи и гардеробъ *экономки*, вылетѣли въ окошки и разсыпались. Пожару не дали распространиться; но домъ съ хозяйскою великолѣпною мебелью, съ гардеробомъ и многочислыми вещами жилища, сгорѣлъ; на бѣду, онъ не былъ застрахованъ и по контракту пришлось заплатить сто тысячъ рублей. Экономка разорилась барыню.

II.

Это было давно, однако на нашей памяти. Жила была одна барышня, у которой всего на все было приданаго пять тысячъ рублей; но она любила роскошь, и поставила себѣ необходимыми условіемъ выйти за богатаго человека. — Умна была! Живя въ домѣ своего дяди, человекѣ съ состояніемъ, наша барышня, изъ послѣднихъ доходовъ съ своего капитала, нарядилась по послѣднему журналу, съ тою цѣлю, что если найдется для нея богатый женихъ, то, смотря на сія роскошные туалеты, подумаетъ, что она также богата, и лѣто скорѣе уладится. Кто не знаетъ что богатые женихи по большей части ищутъ и невѣсты богатыхъ! Въ томъ же городѣ жилъ лихой кавалерійскій штабсъ-ротмистръ, который былъ по уши въ долгахъ и думалъ день и ночь только о томъ, какъ бы поправить свое состояніе женитбой. Для этой цѣли онъ самъ прикидывался богачомъ, лѣтъ все болѣе и болѣе въ долги; но одѣвался какъ куколка и имѣлъ отличный экипажъ и лихихъ лошадей. Вотъ, наши два любителя богатой партіи свѣдали другъ про друга. Онъ полагалъ, видя ее всегда роскошно одѣтою, что она очень богата; а она, видя его богато-одѣтымъ, въ роскошномъ экипажѣ, думала, что онъ вѣрочастъ миллионеръ. Стали сблизяться, прикинулись влюбленными, объяснились, согласились наконецъ, вступили въ законный бракъ. Надо прибавить, что, боясь подозрѣнія, боясь провалить интересанта, а черезъ то потерять случай, онъ и она не ссрашивали другъ друга до свадьбы о положеніи дѣла каждаго; напротивъ того, безпрестанно твердили о счастіи жить для одной любви въ бедности, но въ соломенномъ крышѣ. Онъ, по заведенному порядку, даритъ невѣстѣ бѣлую шаль передъ свадьбой. Взлѣлъ у знакомаго купца въ долгъ прекрасную турецкую шаль, обшая заплатить снодала послѣ свадьбы деньгами будущей супруги. Этотъ подарокъ еще болѣе удивилъ невѣсту въ богатствѣ жениха, и она, въ восхищеніи, взяла, за поручительствомъ дяди, на прокатъ, чудные брилліанты, заплативъ за прокатъ послѣдніе остатки своего капитала. Обсыпанная брилліантами, стояла она передъ валою; женихъ улыбался отъ удовольствія и внутренне радсчитывалъ, сколько дадутъ подѣлать этихъ драгоценностей.

На слѣдующее утро послѣ свадьбы, *молодал* пилъ чай въ красиво-убранномъ въ долгъ будуарѣ, а *молодой* пошелъ осматривать экипажъ и лошадей, готовая ѣхать съ визитами. Вдругъ входитъ человекѣ съ докладомъ, что пришелъ такой-то купецъ; — она велѣла его позвать.

Купецъ учтиво поклонился и еще учтивѣе объяснилъ, что пришелъ получить должокъ за шаль, взятую передъ свадьбой. *Молодал* обомлѣла, когда услышала роковое слово *пять тысячъ*. Распращая купца, она поняла дурное положеніе дѣла своего супруга. — Волшебный замокъ фантазіи разсѣпался. — Скрѣпя сердце, она отдала купцу шаль впередъ и заплатила за прокатъ.

Супругъ вошелъ торжественно, разсказывая, какъ онъ надѣется блеснуть своимъ экипажемъ. Его встрѣтили залпомъ упрековъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ старался ловко извиниться; но узнавъ,

что брилліанты также взяты на прокатъ и что у его супруги ровно ничего нѣтъ — вышелъ изъ себя. Послѣдовала бурная сцена и, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ визитами, наши супруги *разсказались*. Она снова поселилась въ домѣ своего дяди; а какъ онъ раздѣлялся съ своими креатггарами, исторія о томъ не упоминается.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Стромазову. Какъ называются тѣ люди, которые занимаются предметами *безполезными*? Постарайтесь справиться. Въ этой справкѣ изволите усмотрѣть удовлетворительный отвѣтъ на ваши письма.

О. К. Чудесныя загадки!... Мы непременно употребимъ ихъ въ дѣло.

А. З. Вы догадались! Это умысленная ошибка; это въ родѣ свистка на перепелку; насъ это забавляетъ, и мы себѣ гѣшимся самымъ невиннымъ образомъ безъ всякаго для насъ читателя ущерба. Удивительно только, какъ до сихъ поръ ни одна перепелка не прилетѣла на этотъ свистокъ. Въ этомъ номерѣ есть такой же случай! Устойте сообщать, если догадаетесь.

О. Н. С. Гельвельмъ любилъ споры; онъ парочку отпускалъ парадоксы, чтобы придать преніямъ живости и занимательности, и называлъ свою уловку охотой за шлеями. Ваши парадоксы очень милы — и вы со временемъ непременно будете Гельвельмъ, съ чѣмъ васъ и поздравляемъ.

А. С. А.— вы, мы получили ваши романы и должны васъ уведомить, что М. П. Гляпка теперь въ Пенани. Это, во-первыхъ; во-вторыхъ не знаемъ, угодно ли будетъ Михайлѣ Плавовичу написать музыку; въ-третьихъ, намъ нравятся оба п. «Тебя мнѣ жаль» и «Ветръча». Если позволите, мы помѣстимъ ихъ въ Иллюстраціи; но въ такомъ случаѣ, просимъ у васъ переимѣнить послѣдній стихъ стихотворенія Ветръча. Трудно кончить піесу словомъ «Потомъ». — О присылкѣ, вами упомянуемой, просимъ, и заранѣе благодаримъ за пополненіе.

Автору *Московской красавицы*... Мы, пожалуй, не прочь... Но... знаете ли?.. Какъ бы вамъ доложить... то сѣть... будетъ ли пріятно московскимъ красавицамъ... Противники не страшны, но противницы?... Нѣтъ, будьте сострадательны къ намъ и болѣе справедливы къ Московскимъ красавицамъ.

Сочинителю *стишковъ: Изъясненіе Будочникии Портнаго*... Будочники и портные едва ли читаютъ Иллюстраціи; зачѣмъ же выводить ихъ сены, и сие въ стихахъ? Пусть себѣ изъясняются въ любви, пускай страдаютъ... Зачѣмъ влюблялись?!

О. П. — Можеть ли это быть? Вы написали къ намъ послѣднее письмо! Вы рѣшаетесь оставить такую занимательную для насъ переписку?! Вы говорите, что и безъ вашихъ писемъ будутъ насъ колотъ, жалеть, грызть, кусать и проч.; что атаманъ этой статьи уже пріѣхалъ, или пріѣдетъ мы не разобрали... Вотъ видите, какъ вредно злѣлся... Васъ измучило желаніе мучить другихъ; вы изнемогли, видя, что ядъ вашихъ стрѣлъ не ядъ, а что нибудь иное, а на вашу палубу смотрятъ, какъ на потѣшный огонь дѣтля, который вмѣсто привковъ купилъ себѣ шутиху; теперь же и время ейсерверовъ. Покажите пишите!

Н. Л. — Не знаю, какъ понимать ваши слова о... По случаю вашего письма, мы вспомнили Санхо. «Я только дуракъ, въ единственномъ числѣ, говоритъ онъ, потому что я не могу быть двумя дураками. Но если бы я могъ быть дуракомъ за каждую мою глупость отдѣльно, то нѣзъ меня вышло бы безчисленное множество дураковъ.» Подумайте, сколько же ихъ выйдетъ изъ ???

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
подъ фирмою
АЛЕКСАНДРЪ СМЕРДИНЪ.
На Невскомъ Проспектѣ у Казанскаго моста, въ домѣ
Энгельгарта.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.
Литературный сборникъ, составленный Гр. В. А. Соллогубомъ, изданный А. Смердинымъ, книга первая. Сиб. 1845 г. въ 8 л. Ц. 1 руб. 50 к. с. вѣс. за 2 ф.

**СВОДЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ
И ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ОБОЕГО ПОЛА,**
въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи.

Составленъ и изданъ Иваномъ Пушкаревымъ, для руководства родителей, при опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Сиб. 1845 г. въ 12 л. Ц. 2 руб. сер. вѣс. за 2 ф.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.
Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни (картинки рисованы г. Агинымъ) антографированы во французской литографіи Поли Петти. Сиб., 1845 г. въ 12 л. Ц. 1 руб. сер. вѣс. за 1 ф.

УЧЕБНАЯ КНИГА
французскаго языка, содержащая въ себѣ первообразныя слова и главныя идиотизмы съ присоюкупленіемъ алфавитнаго списка окончаній, по которому можно легко запомнить родъ всѣхъ именъ существительныхъ, составленная Николаемъ Гердомъ, Сиб., 1845 г. Ц. 1 руб. сер. вѣс. за 1 ф.

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ
АНГЛІЙСКІЙ ВУКВАРЬ,**
содержащій въ себѣ наставленіе о произношеніи Англійскихъ буквъ, всѣ первообразныя односложныя слова, съ происходящими отъ нихъ производными, и уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ, составленный Яковомъ Гердомъ. Сиб., 1844 г. Ц. 1 р. с. вѣс. за 1 ф.

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ.
Отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтій, издаваемые Сергеемъ Глинкою. Часть I-я. Сиб. 1845 г. Ц. 2 руб. сер. вѣс. за 3 ф.

ОСТРОТЫ и АНЕКДОТЫ,
Знаменитаго юмориста М. Г. Сафира.
Переводъ съ ивменскаго. Сиб., 1845 г. Ц. 50 к. с. вѣс. за 1 ф.

**РУКОВОДСТВО
КЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.**
Соч. Др. Фридриха Лоренца, часть I-я, изданіе второе Сиб., 1845 г. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. за 5 ф.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.
Н. УСТРЯЛОВА.
Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ пять томовъ втораго изданія. Съ допущеніемъ 35 плановъ замѣчательныхъ сраженій отъ битвы нахъ первую до покоренія Парижа и съ указаніемъ источниковъ. Сиб., 1845 г. въ 8 л. 5 р. с. вѣс. за 5 фунт.

**СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ
ДЛЯ ДѢТЕЙ**
ВЪ БРАПЛАЯ
ИЗЪ ВѢТХАГО И НОВАГО ЗАВѢТА
Анною Зонгаръ.
2 части. Изданіе четвертое. Сиб., 1845 г. Ц. 2 р. вѣс. за 3 ф.
Г. Иногородные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный магазинъ на имя Ивана Фелоровъ Гелена

**ЗОЛОТЫХЪ ДВѢХЪ МАСТЕРЪ
ГОСДАУЕРЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.**

Это замѣчательное произведение мастерства золотыхъ дѣлъ принадлежитъ замѣчательному человеку. Двадцать пять слишкомъ лѣтъ проработавъ Госдауеръ въ величайшей бѣдности, получалъ за работы столько, что едва могло доставать на его пропитаніе. Это безименное произведеніе, съ котораго представляемъ рисунокъ, сдѣлано изъ серебра и должно служить украшеніемъ для большаго стола. Оно принадлежитъ его королевскому

высочеству прицу прусскому и обратило на себя общее вниманіе вмѣстѣ съ другими произведеніями мастера. Госдауеръ въ несчастіи не унывалъ. Трудолюбіемъ и настойчивостію онъ обезоружилъ злою долю свою, и теперь пользуется не малымъ достаткомъ. Но что важно въ его жизни, такъ это память прошлыхъ несчастій и сочувствіе къ чужой бѣдѣ. Недавно онъ праздновалъ двадцати-пятилѣтній юбилей со времени вступленія на это, поврпше и по этому случаю раздалъ своимъ работникамъ тысячу восемь сотъ талеровъ! Почетительный и полезный примѣръ для многихъ.

Серебряное украшеніе для стола.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

На Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, съ
дому Паскаля, № 11, продается слѣдующія нѣсны:
серебрѣнь.

CHOPIN.	Grande sonate pour le piano op. 58	2 р. 58 к.
HERZ.	Les ramier. Deux valsees de Lanner variees.	75 —
— —	Lutine. Valse brillante	60 —
CH. MAYER.	La Gentille. Valse favorite.	50 —
LEOPOLD DE MAYER.	Machmudier, air guerrier des Turques, ou marche Marocaine op. 22	1 р. 15 —
— —	Bajazeth; air national des Turques. op. 23	1 — 15 —
DOHLER.	Deux Polkas favorites. Elisa et Charlotta, exécutées par l'orchestre de M. Gaugl à Pawlowsk.	1 —
CANTHAL.	Polka militaire.	40 —
GUNG'L.	Mädchen-Träume. Valse	75 —
— —	Tou-Mahrchen. Valse.	75 —

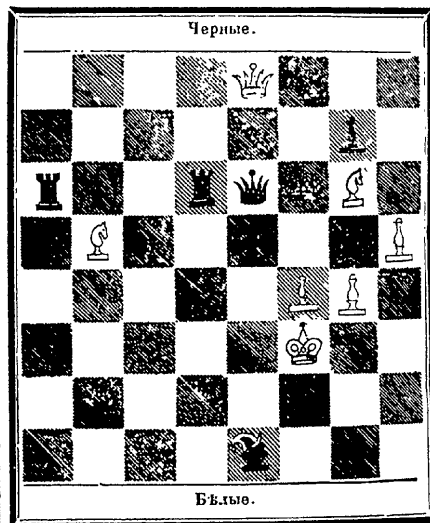
И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

Мы забыли сказать, что бѣлые должны лѣтъ матъ непосредно пѣшкой слона короля, столпомъ на второй черной клеткѣ, почему и разрѣшеніе этой задачи отлагается до слѣдующаго нумера.

ЗАДАЧА № 22.

Бѣлые ходятъ и дѣють матъ въ четыре хода.
(Г. Блументалъ).

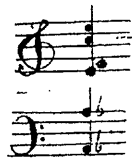
РАЗГЯДКА № 21.

- Хулить легче, чѣмъ хвалить, э, томы, владѣ, пизъ на каждомъ шагѣ.
- Хулить легче, чѣмъ хвалить; это мы видимъ на каждомъ шагѣ.

ЗАГАДКА № 22.

НА

ЛИТЕ

РАТУРА

ША

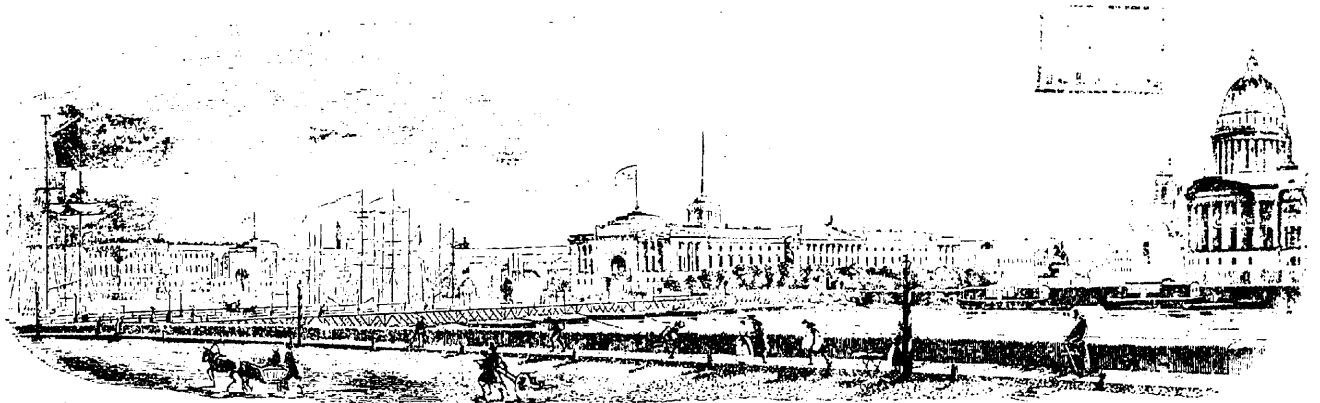
СОДЕРЖАНІЕ: 1) Завладѣ романъ глава VI. 2) Странствователь по чужимъ издаваніямъ. 3) Еще одинъ. 4) Письмо изъ Гамбурга. 5) Страшная игра, съ Нѣмецкаго. 6) Ежедневникъ. 7) Объявленіе о почтовомъ пароходствѣ. 8) Стихотворенія И. Алтманна. 9) Анекдоты. 10) Перевиска. 11) Золотыхъ дѣлъ мастеръ Госдауеръ. 12) Объявленіе. 13) Шахматы. 14) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) А. Сальванди. 2) Викторъ, Гюго. 3) Водоналъ въ Алтѣй. 4) Чулышманъ въ Алтѣй. 5) Видъ Лаперва. 6) Петербургская гостиница въ Гамбургѣ. 7) Streit гостиница тамъ же. 8) Пристань на Невѣ. 9 и 10) Внутреннее расположеніе пароходовъ, Владиміръ и Орелъ. 11) Серебрянное украшеніе для стола. Всего 11 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЩАГО.

съ доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 25. — СУББОТА, 13 СЕНТЯБРЯ 1843. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

ПАРГОВОСКІЯ ТАЙНЫ.

(Продолженіе).

IV.

Цѣлый день шелъ дождь. Небо было задернуто сѣрыми тучами. Не смотря на то, что было не болѣе девяти часовъ вечера, на дворѣ было, однако же, очень темно. Почти все дачи въ Парголовскіи были уже заняты петербургскими переселенцами, а между тѣмъ на большой дорогѣ не видно было ни одной души, то есть, души въ пальто или клубчатой, шотландской мастиль. Тамъ и сямъ деревенскіе мальчишки бродили по лужамъ, брызгая другъ въ дружку грязью; чухонскія таратайки шажкомъ тлнулись по дорогѣ; изрѣдка съ грохотомъ проѣзжали по мостовой городской экипажи.

Озеро, не уснокопившееся еще послѣ вѣтра, душаго цѣлый день, нагоняло темносѣрыя волны на песчаный берегъ, окаймленный бѣлою пѣной; на горѣ шумѣлъ лѣсъ надъ кладбищемъ; вѣтеръ по временамъ покачивалъ высокія деревья, съ которыхъ сыпалась дождевая пыль.

Вообще вся природа наводила глубокое, необъяснимое уныніе, во время котораго человѣкомъ овладѣваетъ тоска о чемъ-то не опредѣленномъ, неясномъ... въ подобныя минуты мы сами не умѣемъ отдавать себѣ отчета въ свои чувства.

По дорогѣ, проложенной на срединахъ скала горы, на которой стоитъ простенькая, но чистенькая бѣлая сельская церковь съ зеленою крышею, шелъ Дмитрій Ивановичъ. Та самая тоска, о которой мы сейчасъ говорили, заставила его выдти изъ своей комнаты; она же направила шаги его къ кладбищу.

Послѣ неяритаго приключенія, случившагося съ нашимъ молодымъ человѣкомъ, во время переѣзда его на дачу, прошло три недѣли — и увя! эти три недѣли были въ большовѣліи характера Тошлова. Онъ по прежнему, чаще прежняго, сталъ заходить къ Рытковскимъ, потому что теперь онъ былъ почти собѣдъ, но Евдокія была съ нимъ очень холодна. Блондинка никакъ не могла привыкнуть къ той идѣе, что она видѣла свой идеаль... въ лужѣ. Тшестно припоминала она всевозможные романы и тайны (со включеніемъ Удольскихъ), но нигдѣ герой не бывалъ въ лужѣ. Подобныя приключенія дѣлались только съ несчастными любовниками, или комическими лицами романовъ, а потому она прекратила переписку съ Тошловымъ.

Впрочемъ Дмитрій Ивановичъ, не поджигавшій болѣе пѣкными взглядами, вздохами и возгласами блондинки, самъ уже становился довольно равнодушнымъ къ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ хладнокровнѣе помышлять о своемъ положеніи. Нельзя же жить цѣлый вѣкъ безъ дѣла? Конечно, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что выжидалъ удобнаго случая; но скоро ли представится этотъ удобный случай?..

Подобныя мысли толпились въ умѣ Тошлова, когда онъ медленно пробирался по дорогѣ. Было сыро, холодно, темно. Подъ нимъ шумѣло озеро, надъ нимъ шумѣлъ темный лѣсъ, въ чашѣ котораго мѣстами видѣлись бѣлыя кресты...

Черный пудель, опустивъ голову и поджавъ хвостъ, слѣдовалъ за своимъ господиномъ, не отставая отъ него, но чрезвычайно недовольный тѣмъ, что ему вдумалось идти прогуливаться въ такое неблагоприятное время. Вдругъ пудель приподнял уши, выбѣжалъ впередъ, какъ бы прераждадая своему господину дорогу, и заворчалъ.

Дмитрій Ивановичъ тоже остановился... Что-то бѣлое проскользнуло между деревьями, въ пѣсколыкихъ шагахъ передъ нимъ. Шорохъ слышался около секунды, потомъ все утихло.

Пудель сердито залаялъ и бросился впередъ.

— Сюда, Картушь! — закричалъ молодой человѣкъ; во въ то же мгновеніе послышался легкій крикъ.

Картушь залаялъ пуше прежняго и въ тоже мгновеніе нашъ молодой человѣкъ увидѣлъ что-то высокое, сѣрое, медленно приближавшееся къ нему. Вскорѣ въ полумракѣ Тошловъ различилъ молодого человѣка, съ погдо головы одѣтаго въ сѣрое платье; даже шляпа на немъ была сѣрая, войлочная и какой-то эксцентрической, средне-вѣковой формы.

Сѣрый человѣкъ, не смотря на услышанный лай пуделя, подошелъ къ Дмитрію Ивановичу, опустивъ одну руку въ кармакъ сѣраго пальто, а въ другой держа палку, которою онъ оборонялся отъ Картуша.

— Кому вы здѣсь ищете?.. спросилъ сѣрый, произнося слова по-русски довольно чуждо, но съ неправильностію, свойственной Нѣмцамъ, родившимся въ Россіи, по проживающимъ между Нѣмцами.

— Я никого не ищу, — отвѣчалъ Тошловъ, изумленный страннымъ вопросомъ.

Сѣрый недовѣрчиво посмотрѣлъ на молодого

человѣка, какъ бы хотѣвъ еще что-то сказать, но промолчалъ, отвернулся и поспытывая, пошелъ дальше.

Дмитрій Ивановичъ покачалъ плечами, хотѣвъ было вернуться, но не желая, чтобы сѣрый незнакомецъ могъ подумать, что онъ съ намбреніемъ шелъ за нимъ, продолжалъ идти впередъ.

Картушь опять заворчалъ, но не на долго; какъ бы узнавъ знакомаго, онъ зашевелилъ хвостомъ и отекочилъ въ сторону отъ дороги. Опять послышался шорохъ въ кустахъ.

— Странно!.. подумалъ Тошловъ; — здѣсь сегодня происходить что-то необыкновенное. Ней, Картушь!..

Едва онъ успѣлъ проговорить послѣднія два слова, какъ передъ нимъ посреди дороги, явилось бѣлое привидѣніе... Дмитрій Ивановичъ съ невольнымъ испугомъ отступилъ назадъ; но, преодолевъ страхъ, онъ крикнулъ довольно нетвердымъ голосомъ:

— Кто идетъ?

— Ахъ!.. отвѣчало привидѣніе, голосъ котораго показался Тошлову знакомымъ.

— Евдокія Егоровна! Вы здѣсь!.. въ эту пору?.. вскричалъ молодой человѣкъ, скоро подоидя къ привидѣнію.

— Какъ я счастлива, что встрѣтила васъ!.. проговорила блондинка дрожащимъ голосомъ и схвативъ руку Тошлова.

— Но что заставило васъ?..

— Ахъ, не спрашивайте!.. Я рассказываюсь въ своемъ безразсудствѣ!

— Боже мой! Не случилось ли съ вами чего?.. съ безпокойствомъ спросилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Нѣтъ!.. по счастью, я никого не встрѣтила!..

При послѣднемъ словѣ блондинки, Тошловъ вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ сѣрымъ человѣкомъ въ эксцентрической шляпѣ, и призадумался.

— Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! — томно продолжала Евдокія; — мнѣ было такъ грустно.. такъ тяжело, я хотѣла разогнать грусть!..

Тошловъ поморщился и хотѣлъ-было запыть: я въ пустыню улалихось!.. но удержался. Блондинка же продолжала:

— Но какимъ образомъ!.. вы здѣсь?

— Мнѣ тоже было грустно, отвѣчалъ Тошловъ; въ уединенной бесѣдѣ съ природой некалъ я утѣшеній!..

Послѣднія слова повѣсили Тошлова на пѣсколыкихъ вершкочъ во мгибли Евдокіи; онъ опять принималъ формы идеала.

— О! какая симпатія... произнесла она тихимъ, пѣжнымъ голосомъ.

Дмитрій вздохнулъ.

— Позвольте, я провожу васъ домой,— сказала онъ довольно холодно.

— Пойдемте, отвѣчала Евдокія съ вѣкторой досадою.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Вы, вѣроятно, бѣситее простудитесь,— насмѣшливо заговорила блондинка.

— Нѣтъ-съ, я боюсь не за себя, а за васъ.

— Не беспокойтесь, — пѣжно возразила Евдокія, на мѣть теплымъ шерстяной платкомъ.

— Вы можете ноги промочить... трава сыра.

— О, нѣтъ!.. Я въ ботинкахъ... Дмитрій!.. произнесла Евдокія слегка пожавъ руку молодому человеку.

— А если маменька васъ спроситъ?..

Евдокія сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, ускоривъ шагъ, произнесла отрывисто:

— Пойдемте.

Они шли въ молчаніи.

— Дмитрій, — начала опять блондинка, — вы на меня сердитесь?..

— Помолчите... я не имѣю никакого права...

— О нѣтъ, Дмитрій, это невыносимо!.. Я буду съ вами откровенна... Вы сердитесь на меня за то, что я, по чувству долга, прекратила съ вами переписку... О! если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Если бы вы знали, сколько безсонныхъ ночей провела я... тогда бы скандалъ бы надо мною... вы поняли бы, что происходитъ въ моей душѣ... и вы не поступали бы со мною такъ жестоко!

— Я... жестоко! — вскричалъ Дмитрій, на бѣдное сердце котораго слова кокетки опять стали производить какое-то странное дѣйствіе, онъ невольно сжалъ руку Евдокіи, но не могъ проговорить болѣе ни слова.

Блондинка отвѣчала на пожатіе руки молодого человека и, склонивъ нѣсколько къ нему голову, произнесла едва слышимымъ голосомъ:

— Вы правы, Дмитрій, пойдите домой... скорѣе... скорѣе. Я не въ силахъ болѣе преодолевать своего бѣднаго сердца... между тѣмъ какъ вы не должны знать... о нѣтъ, нѣтъ!..

— О, Евдокія! неужели я могу надѣяться... неужели вы!.. вскричалъ Топиловъ, невольно увлеченный.

— Перестаньте, Дмитрій... не спрашивайте...

— Но я люблю, я обожаю васъ!..

— Дмитрій, замолчите!

— Нѣтъ, нѣтъ... позвольте мнѣ говорить; позвольте мнѣ высказаться... о Евдокія!

Она высвободила руку свою изъ рукъ Топилова и отступила въ сторону.

— Дмитрій!.. Вы забываете, гдѣ мы находимся.— Смотрите, какъ грозно шумитъ надъ нами озеро?.. Слышите ли вы глухой шопотъ лѣса, смотрите!..

Евдокія была въ патетическомъ порывѣ; она не кончила бы напыщенныхъ фразъ своихъ, если бы Топиловъ, невольно посмотрѣвшій по направленною руки ея, не увидалъ явившагося за ними человека. Онъ схватилъ руку молодой дѣвушки, сжалъ ее и указалъ на незнакомца. Евдокія вскрикнула.

— Хе, хе, хе!.. прогуляйтесь извольте... а сыренько... какъ разъ можно насморкъ схватить!.. проговорилъ незнакомецъ, потирая руки...

Топиловъ узналъ въ немъ человека съ рыжими бакенбардами. Видъ себя отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ броситься на него; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, изъ-за угла высочился еще какой-то мужчина, широкоплечій и толстый.

Евдокія вскрикнула и исчезла.

У.

Трое мужчинъ остались одни и въ молчаніи смотрѣли другъ на друга.

Наконецъ Топиловъ прервалъ молчаніе.

— Что вамъ надо отъ меня, господа? — спросилъ онъ сердито, но не безъ внутренняго безпокойства.

— Я хочу знать какой дамъ здѣсь прогулялъ? — мрачнымъ голосомъ и размахивая палкой вскричалъ толстякъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ человекъ съ рыжими бакенбартами, осторожно вставъ въ почтительное разстояніе отъ палки вопрошавшаго.

— А вы знаю? — спросилъ толстякъ, обращаясь къ Топилову.

— Какое вамъ дѣло? — отвѣчала молодой человекъ, ободрившись, потому что онъ слышалъ, какъ пудель его сердито ворчалъ.

— Не ваше дѣло, какой мнѣ дѣло! — заревѣлъ толстякъ такъ, что пудель винулся на него. Онъ размахнулся палкой и продолжалъ: — Возьмитъ прочь вашу собаку или я буду ему голова сломать!.. Зачѣмъ вы прогулялъ этотъ дама?

— Убирайтесь вы къ чорту, и оставьте меня въ покое! — вскричалъ Дмитрій Ивановичъ, выведенный изъ терпѣнія и готовясь удалиться.

— Ага!.. я не хочу оставить васъ въ покои! сердито закричалъ толстякъ. Потомъ прибавилъ хладнокровно: Sprechen Sie deutsch?

— Что вы сумасшедшій, что-ли? — съ изумленіемъ спросилъ Топиловъ.

— Sprechen Sie deutsch?.. Ja, oder nein?

— Нѣтъ.

— Ну, все равно, — я могу говорить и по-русски.

— Сдѣлайте одолженіе, говорите скорѣе, потому что вы мнѣ надоѣли, — вспыльчиво отвѣчалъ молодой человекъ.

— Я хочу застрѣлиться съ вами! — глухимъ голосомъ произнесъ пѣмецъ.

— Послушайте!.. Я, въ самомъ дѣлѣ, начинаю думать, что вы не въ своемъ умѣ. Архимъ Семеновичъ, пожалуйста, помогите намъ объясниться, — прибавилъ Топиловъ, обратившись къ человеку съ рыжими бакенбардами.

— Мое дѣло сторона, — отвѣчалъ тотъ, отступивъ еще на шагъ и продолжая потирать руки съ злобною радостію.

— Не пада объясненіе!.. Ви прогулялся съ дама?..

— Я... но...

— Ви?.. Тогда будемъ застрѣлиться.

— А, чортъ возьми!.. все это надоѣло мнѣ! — вскричалъ Топиловъ.— Ну, съ какой стати буду я стрѣляться съ вами? Какое вамъ дѣло до этой дѣвочки?

— Это не дѣвица!.. У него три дѣти!.. Фи, какъ кверно!..

— Не дѣвица?.. Могу васъ увѣрить!..

— Ви ничего не можете увѣрить!.. Я это знаю лучше васъ... Она мой жена!..

— Ваша жена!.. вскричалъ съ изумленіемъ Топиловъ.

Человекъ съ рыжими бакенбардами съ удовольствіемъ потиралъ руки.

— Помолчите, — продолжалъ Дмитрій Ивановичъ, вы ошибаетесь... эта дѣвица... не ваша жена... клянусь вамъ честію... Да вотъ, спросите хоть этого господина, прибавилъ онъ, указавъ на Архима Семеновича.

— Я ничего не знаю... мое дѣло сторона! — отвѣчалъ тотъ.

Нѣмецъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на одного, то на другого.

— А почему вы знаете, что это не мой жена? — спросилъ онъ наконецъ.

— Потому что... потому что... она дѣвица! — отвѣчалъ Топиловъ, не находя лучшей отвѣта.

— Гмъ!.. проворчалъ Нѣмецъ, и подумавъ съ минуту, продолжалъ: — а гдѣ же мой жена?

— Я почему знаю!

— Правда?.. недовѣрчиво спросилъ Нѣмецъ; — правда?.. Ну, скажите: ей Богу?

Топиловъ невольно усмѣхнулся.

— Клянусь вамъ честію, что дама или дѣвица, съ которою я гулялъ, не ваша жена.

— Гмъ!.. ну, тогда познните, что я васъ безпокоилъ, — сказалъ толстякъ и протянувъ руку къ Топилову, продолжалъ: — Ивинитъ, пожалуйста!.. Ви живете въ Парголова?.. А, это очень карашо!.. Пожалуйста, придетъ ко мнѣ въ гости... мой дача въ номеръ..."

И толстякъ, пожавъ руку молодому человеку, медленно и важно отправился далѣе отъ пскивать свою жену.

Тогда Топиловъ подошелъ къ человеку съ рыжими бакенбардами, который боязливо пятлился назадъ.

— Почтеннѣйшій Архимъ Семеновичъ, — сказалъ онъ, — вы видѣли съ кѣмъ я гулялъ?

— Хе, хе, хе! видѣлъ, видѣлъ.

— Зачѣмъ же вы сейчасъ не хотѣли помочь мнѣ успокоить этого господина.

— Мое дѣло сторона... я не люблю мѣшаться въ чужія дѣла!

— Вотъ то-то и бѣда, что вы черезъ-чуръ мѣшаетесь въ чужія дѣла. Но послушайте, Архимъ Семеновичъ, даю вамъ честное слово, что я случайно встрѣтился здѣсь съ Евдокіей Егоровной... слышите ли, честное слово?

— Слышу, слышу, — насмѣшливо отвѣчалъ Архимъ Семеновичъ.

— Если же вы вздумаете оклеветать ее... если вы, по вашему обыкновенію, разпустите какую-нибудь слезню—то беритесь!..

— Ого!.. вы, кажется, грозите мнѣ?

— Да, и имѣю на то полное право. Я самъ съ вами раздѣльваться не стану; но вѣдь вы знаете моего пріятеля, Павла?

— Знаю, очень хорошо знаю. Что жъ дальшее?

— Больше ничего. Я только хотѣлъ предостеречь васъ. Прощайте.

— Мое почтеніе, спокойной ночи! — закричалъ человекъ съ рыжими бакенбартами велѣдъ Дмитрію Ивановичу и, когда тотъ удалился, онъ проворчалъ:

— Павелъ?.. Знаю я Павла... негодя!.. Ну, да ничего! Я теперь промолчу... выживу Павла... а потомъ... потомъ увидимъ!..

VI.

Дмитрій Ивановичъ медленно спускался съ горы. Онъ не успѣлъ еще хорошенько опомниться послѣ этой странной сцены, какъ вдругъ глухой говоръ заставилъ его остановиться.

Было совершенно темно; только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Топилова, изъ окошечка, находившагося въ-уровень съ землею, лежала на трибренжій несекъ полоса свѣта.

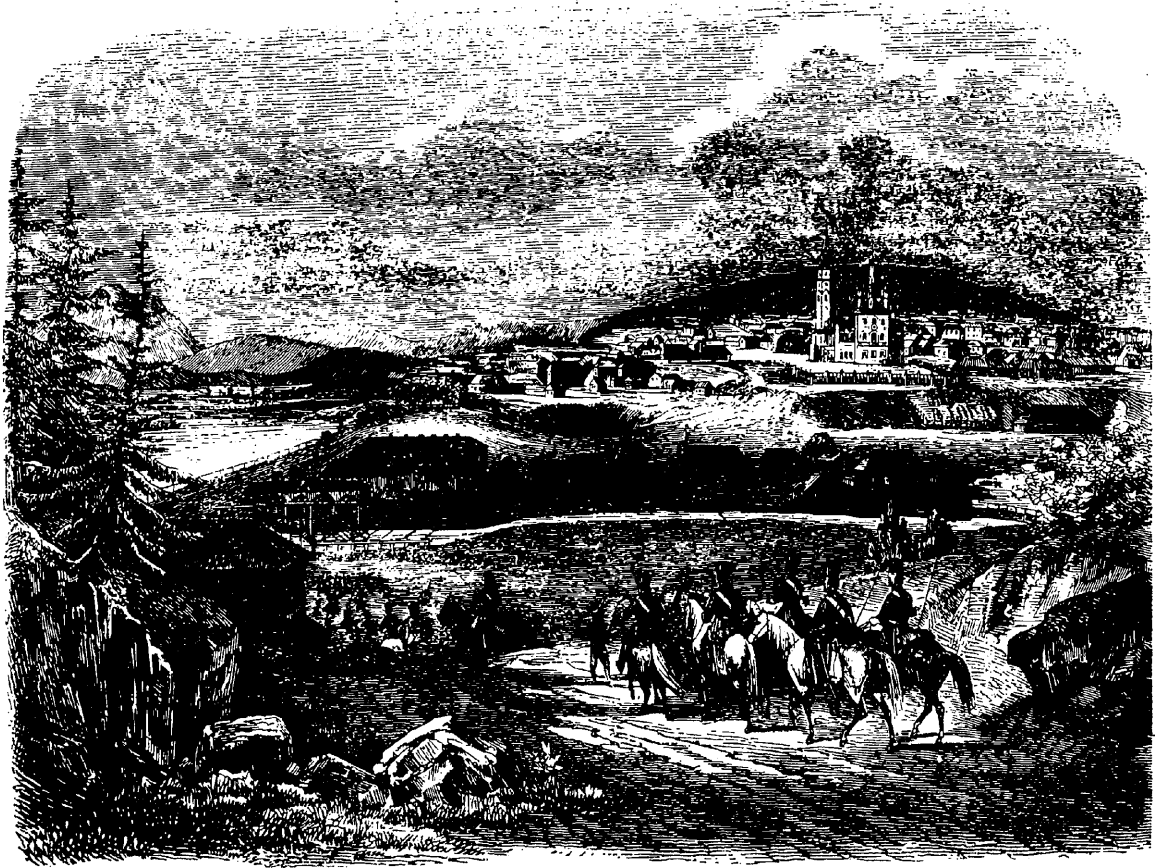
Молодой человекъ разсмотрѣлъ, что онъ стоялъ возлѣ старой, покочувшейся на бокъ, бани; онъ и не воображалъ, чтобы она была обитаема, а потому свѣтъ изъ окна и слышавшіяся внутри говоръ, заставили его подойти ближе. Осторожно наклонившись къ окну, Топиловъ увидѣлъ, что свѣтъ происходилъ не отъ свѣчи, а отъ пламени, ярко пылавшаго въ печи.

Какое-то необыкновенное, страшное зрѣніе представилось глазамъ молодого человека.

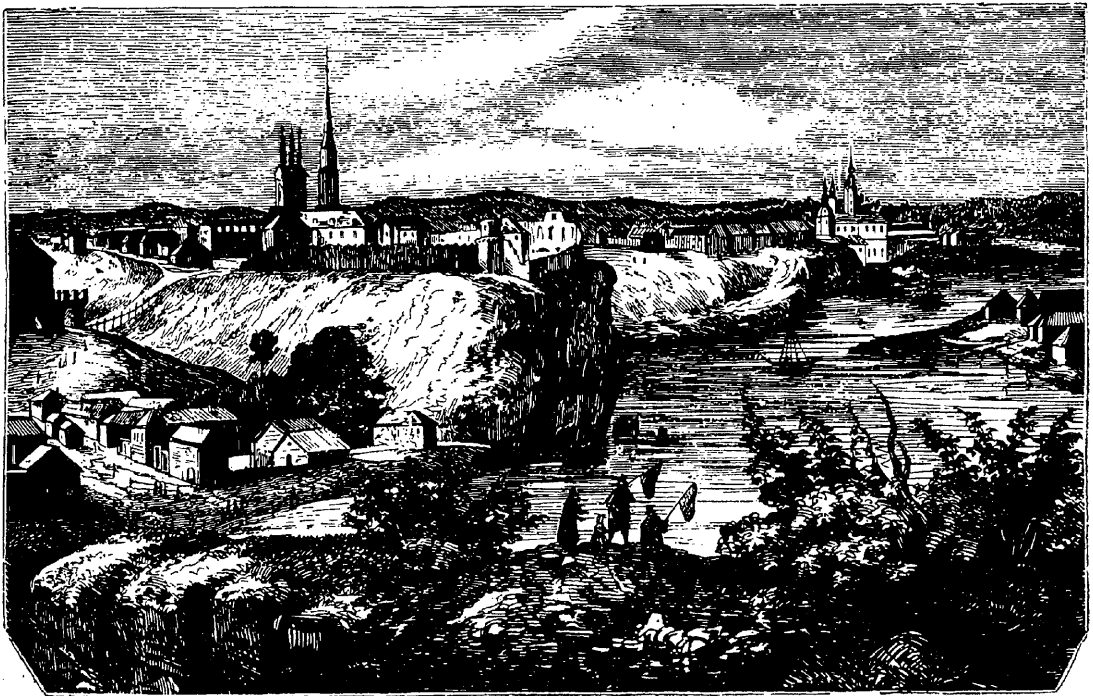
На поочувствованныхъ полкахъ старой бани лежали въ безпорядкѣ дѣти въ лохмотьяхъ. Они крѣпко спали. Возлѣ окна стоялъ столъ, на которомъ въ безпорядкѣ были разставлены три или четыре стакана разныхъ формъ, красненькій подносъ, штофъ съ водкой, нѣсколько кусковъ говядины разной величины и нѣсколько ломтей чернаго и бѣлаго хлѣба. На скамьяхъ лежали туго набитые мѣшки. Передъ печкой на короткокахъ сидѣла оборванная дѣвушка; оперевъ локоть въ колѣно, и опустивъ щеку на ладонь, она задумчиво смотрѣла на огонь, изрѣдка переворачивая дрова полубоготрѣвнымъ полѣномъ, лежавшимъ возлѣ нея.

Топиловъ могъ видѣть профиль этой дѣвушки и пзумился правильности его. На щекахъ

Казачья Станица на Дону.

Городъ Азовъ.

Между побочными рѣками, впадающими въ Ивань-озеро, источникъ Дона, есть рѣка Осетръ. Это названіе ѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ о собственномъ краснорыбномъ его богатствѣ, которое теперь совершенно уже изсякло. — Военныя бури долгое время препятствовали всякому устройству народнаго хозяйства, а, между прочимъ, и правильнаго рыболовства, которое, правду сказать, и нынѣ находится еще въ состояніи, не заслуживающемъ одобренія, хотя и развѣто въ огромномъ размѣрѣ. Мы увидимъ это вполнѣствіи. Теперь взглянемъ на Донъ, на этого

кормильца всего восточнаго казачества; потому что всѣ другіе казаки, кромѣ собственно Малороссійскихъ, Волжскіе, Семейные, Терскіе, Гребенскіе, Моздокіе, Уральскіе, Оренбургскіе и др. всѣ, посредственно или непосредственно, произошли отъ Донскихъ. Древній Танаисъ воспомалъ это воинственное племя и обилалъ имъ всѣ восточныя границы Имперіи. Донъ нашъ протекаетъ на пространствахъ 1,000 верстъ, изъ коихъ 700—судоходны; но въ самыхъ устьяхъ есть песчаныя отмели. Казачье рыболовство имѣетъ наибольшее развитіе въ низовьяхъ рѣки, преимущественно

отъ Черкаска до Азова, и по берегамъ моря, гдѣ производится огромная ловля огромныхъ сельдей, не рѣдко въ 1¼ фунта вѣсомъ. Въ одномъ 1832 году, напримѣръ, изловлено рыбы всѣми промысловиками, вообще 1,033,035 пудъ! Но времена переменяются: многія русскія рѣки стали и малородны и малорыбны. Въ первомъ случаѣ—такъ угодно было хозяйственнымъ соображеніямъ природы; во-второмъ, виновенъ именно недостатокъ хозяйственной экономіи, избытокъ въ выгодахъ сбыта. Страшно подумать, какая масса рыбы отплавляется ежегодно изъ Мариуполя и Бердянска.

въ Новороссійскій край и даже въ Малороссію. Въ одномъ 1859 году, въ этихъ городахъ продано 7 милліоновъ сѣделей. Иппоэвья Дона теперь совершенно измѣнились; при самомъ его истоки стоила огромная и сильная турецкая твердыня Азова, — древній Танансъ, которая была взята Мигрилатомъ, вполнѣ въ переходила изъ рукъ въ руки, была подъ русскою властію при Владизирѣ I. Исторія этого города представляетъ странную картину; изъ-за Азова война въ этомъ глухомъ углу не умолкала цѣлые вѣки. Половцы, Генуэзцы, Татерманъ, опять Генуэзцы, наконецъ Турки громили городъ; Донскіе казаки два раза брали Азовъ и во второй разъ владѣли имъ съ 1615— по 1645-й годъ Турки принуждены были употребить огромный флотъ и армію, чтобы выжить горсть удаленцевъ изъ этой крѣпости; но не долго сами владѣли со. Петръ Великій взял Азовъ, но принужденъ былъ сдать обратно. Наконецъ, Бл-

градскій миръ (1750) утвердилъ Азовъ за Россіей; но по этому трактату укрѣпленія были срыты. Еще разъ, при Екатеринѣ городъ этотъ оживился, былъ возведенъ въ губернскаго и пользовался этою честью до 1778. Теперь Азовъ и бѣденъ и незначителенъ, имѣетъ не болѣе 1000 жителей и смиренно глядитъ на волны нашей казачьей рѣки, и море, по которымъ разные народы стремились разорить его и лишитъ вѣковыми бѣдствіями приобретенныхъ преимуществъ. Паль Азовъ, но весь этотъ край оживился. Пясково городовъ зашлили одинъ: Таганрогъ, Ростовъ, Мариуполь, Бердянскъ, Керчь окружили Азовское море, наполнили его ежегодно кораблями различныхъ странъ; по самому Дону ходитъ пароходъ «Донецъ». Нагорная сторона рѣки представляетъ живописные виды; богатыя казачьи станицы свидѣствуютъ о достаткѣ тамошняго войска. Мы представляемъ видъ одной такой станицы, которую

иностраницы зовутъ городомъ; но такихъ станицъ на Дону много. Въ некоторыхъ по двѣ каменные церкви; по рѣкѣ и берегамъ вы видите замѣтные признаки рыбопромышленной дѣятельности прибрежныхъ жителей. Прежде донскія рыбныя мѣста славились во всей Россіи, въ особенности Казачій станъ и Государева толя, а равно и некоторыя другія морскія косы, куда рыба ходитъ и ловится стадами. П здѣсь главныя лововы лѣтней и осенней; послѣдній бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки отъ льда.

Рыбные промыслы на Дону далеко уступаютъ волжскимъ, уральскимъ и другимъ. Мы поставили ихъ въ началѣ потому только, что они въ хронологическомъ порядкѣ занимаютъ, по нѣмнѣю нашему, первое мѣсто. На Дону уже сидѣли казаки по самымъ южнымъ берегамъ его, когда рыбныя мѣста наши были еще во власти Татаръ.

Видъ изъ СХВЕЙДЕРЪ.

Артиллерія по системѣ ген. Поллера.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Вуручъ близъ Руана. — Пожаръ въ Бордо. — Наполеонъ. — Близнецы. — Ацира для уравненія зубовъ. — О позрстаніи костей. — Хирургія Дифтеріи. — Словарь г. Ръзаго. — Артиллерія Поллера. — Музыкальскія и Театральскія извѣстія. — Исторія оперы. Подобнаго года, столь обильнаго различными бѣдствіями, кажется, еще и не бывало. Навозисія, пожары, саранча, голодъ, засуха, рѣшитель-

но все бичи эти терзали міръ; но между всѣми этими бѣдствіями не было такого, какое постигло окрестности Руана 19-го истекшаго августа и. ст. Водяные столбы, буруны въ степляхъ не могутъ сравниться съ этими руанскимъ метеороломъ, какъ существомъ, такъ и ужасными послѣдствіями. Утро было тихо и ясно; но скоро началъ дуть южный вѣтеръ, постепенно усиливаясь, по направленію отъ Руана къ Гульпо, отстоящему отъ перваго верстъ на 8. — Около 1 ч. 15 м. черныя тучи, гонимыя съ юговостока сильнымъ вѣ-

ромъ, столкнулись съ тѣми, которыя шли съ юга, отъ чего образовался сильный вихрь; нѣтъ разрушена одна фабричная сушильня, опрокинута 180 деревь. Явленіе сие не имѣло вида воздушнаго столба или тромбы; во время разрушенія сушильни брызнулъ дождь съ градомъ и молніей; края тучъ были бѣловатаго цвѣта. Метеоръ направилъ свой путь къ западу, вырвалъ деревья и опрокидывая хлѣбныя; но вдругъ перебилъ дорогу, спустился въ Монвилъскую долину; здѣсь стоялъ на пути. Вуручъ сломалъ все деревья у

самых корней, и в то же мгновение тучи с юго-востока как будто бросились ему на встречу. Тогда образовался безмёрный конус, обращенный вершиною к землѣ; онъ вертелся съ непонятною быстротою и шелъ впередъ съ неменьшею скоростью, съ страшнымъ шумомъ, по временамъ бросая молнии. Вершина конуса была красно-желтого цвѣта, вся остальная масса черная. Этотъ колоссальный конусъ прежде всего падалъ на четырехъ-этажную прядильную фабрику, въ одну секунду поднялъ ее, и обрушилъ со всѣми работниками, не оставивъ на мѣстѣ ни одного камня, между тѣмъ какъ въ жилищѣ домъ, который стоялъ на пути, повреждена только часть крыши. В то же мгновение ураганъ повернулъ направо и разрушилъ другую такую же огромную фабрику; всѣ этажи были раздавлены, сматы подъ одинъ уровень и, такъ сказать астерты въ порошокъ, а въ жилищѣ домъ и тутъ пострадала только крыша. Повернувшись зиг-загомъ на лѣво, бурный свилъ крышу съ небольшою прядильни, подбросилъ цѣлый этажъ и впадалъ на самую огромную и лучшую фабрику долины. Огромное это зданіе, построеное все изъ кирпича и такъ прочно, что даже осужденная изъюшнкою толстоу ствѣнъ, въ одно мгновение она было разрушено до основанія; двести работниковъ задавлены; всѣ машины и орудія разломаны и разбросаны; деревья кругомъ зданія вырваны съ корнемъ и въ то же время уцѣлѣло нѣсколько живыхъ домовъ, которые стояли вблизи фабрики. Метеоръ пошелъ дальше, еще вырвалъ съ корнемъ кучу деревъ, и пропалъ. — Все это произошло въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Многие могли покойно наблюдать это явленіе со стороны и утверждать, что въ мгновение разрушенія, фабрики были покрыты пламенемъ и дымомъ, такъ что со всѣхъ сторонъ слышались пожарныя трубы, чтобы гасить пожаръ, но огня не было. Изъ всего этого видно, что въ этомъ метеорѣ главную роль играло электричество; потому что онъ падалъ на тѣ зданія, въ которыхъ было много разнаго металла, и обходилъ дома, въ которыхъ металловъ было мало; множество предметовъ было сожжено на уголь; многие куски желѣза оматичены. Работники, чудомъ уцѣлѣвшіе въ общей гибели, потому только что ихъ какъ-то выбросило изъ зданія, всѣ говорятъ, что въ глазахъ у нихъ блистала свѣтъ, что они чувствовали сильное потрясеніе во всемъ организмѣ и сѣрный запахъ. Какъ только бросились разбирать развалины, чтобы извлечь оттуда работниковъ, кирпичи были еще такъ горячи, что нельзя было держатъ въ рукахъ. Некоторые работники livestockно убиты электричествомъ; многие трупы почернѣли какъ уголь, а всѣ подверглись путрѣфикаціи весьма скоро послѣ этого ужаснаго событія. — При этомъ случаетъ, мы не могли не замѣтить, куда иногда заводитъ желаніе придавать газетамъ видъ совершенной, самой свѣжей, современности. Въ Парижской иллюстраціи помѣщены не только описанія, но картины и путь этого метеора. И картины и маршрутъ совершенно противурѣчатъ описанію нашему, заимствованному изъ письма г. Прейслера, профессора физики въ Руанѣ, и свидѣтельству очевидцевъ; за то современно. Ураганъ свирѣствовалъ 19, а гравиры въ иллюстраціи появились 30 августа, не смотря на то, что донесенія Пелля, Прейслера и Леккока были уже обнародованы 25 августа.

— Послѣ этого ужаснаго событія не слѣдовало бы упоминать о пожарѣ, бывшемъ въ Бордо 22 августа н. с.; и по ту сторону святаго человека, а потеря простирается до 3 м. фр. Бордосцы наложили на себя трауръ по убитыхъ и нѣсколько дней не ходили въ театрѣ.

— Во великомъ періодѣ исторіи есть загадочныя люди; это кака-то странная необходимость для человечества; самозванцы въ разныхъ націяхъ появлялись не рѣдко, оставивъ потомкамъ спорить про и contra, тогда когда уже спорить было не о чемъ. 10 августа умеръ въ Голландіи одинъ изъ такихъ загадочныхъ людей. Онъ называлъ себя Людовикомъ XVII, Дофиниомъ Франціи, Герцогомъ Нормандскимъ, сыномъ Людовика XVI и

Маріи Антуанетты, который по свидѣтельству песторинъ, умеръ въ Томкѣ. Наюндорфъ утверждалъ, что умеръ не онъ, а другой выдѣлецъ, подставной, а онъ Наюндорфъ, пая Дофинъ, спасенъ и укрытъ въ Германіи. Не зналъ французскаго языка, въ ужасной бѣдности воротился онъ во Францію, гдѣ нашелъ многихъ приверженцевъ; умноженіе ихъ числа было поводомъ, что правительство выслало его за границу. Въ Англіи онъ прожил довольно долго, переѣхалъ въ Голландію, гдѣ и умеръ. Про него много анекдотовъ; для насъ они не любопытны, потому что похожи на всѣ анекдоты въ подобныхъ случаяхъ и сомнительны по подлинности.

— Странное явленіе замѣтили мы въ Терапологиі. Во Франціи родились двѣ дѣвочки близнецы, срослись животами. Явленіе не бывало и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное; онѣ очень хорошо сложены и, кромѣ общаго живота, не замѣчено никакихъ особенныхъ уродливостей; феноменъ въ своемъ родѣ единственный. Рита-Христина и Сіамскіе близнецы, совсѣмъ дѣло иное. Фелокена и Елена, такъ нарѣчены дѣвочки, вѣрно должны глядѣть другъ на друга; ходитъ всегда одна назавѣ, другая впередъ, кушать вдвоемъ, а варить пищу съобща. Дѣти прожили уже пятнадцать дней совершенно благополучно, но у нихъ разные вкусы: Фелокена питается грюль; Елена не хочетъ никакой пищи; съ кормятъ насильно немногими каплями молока, и не смотря на то, Елена живѣе и здоровѣе. Если онѣ проживутъ и разовьются, если характеры ихъ образуются и, между тѣмъ, будутъ противоположны, если захотятъ жить каждая по своей волѣ, какая разладина можетъ выйти въ нравственной ихъ жизни! Эти дѣвочки гораздо интереснѣе Сіамскихъ близнецовъ и весьма любопытны выдѣтъ, какъ заботливая природа облегчить имъ всѣ неудобства, которые необходимо представляются по ихъ взаимному положенію. Въ подобныхъ случаяхъ природа будто шутитъ надъ могуществомъ науки, которая должна на этотъ разъ отказаться отъ возможности исправить уродливости; это не космогазіе, это не зубы, которые теперь совершенно уступили ортопедическимъ усиліямъ.

— Весьма часто случается, что зубы растутъ неправильно, выдвигались такъ далеко, что заходятъ за нижнюю губу, препятствуютъ произношенію и безобразятъ челоуѣка. Г. Лабаррь, сынъ, изобрѣлъ аппаратъ, состоящій изъ золотой или платиновой коробочки, въ которой тщательно выдѣланы мѣста для всѣхъ зубовъ верхней челюсти. Двѣ эластическія стальныя или золотыя пластинки приладывались къ этому аппарату, нажимаютъ уродливые зубы и тѣмъ даютъ имъ направленіе какое должно. Пять удачныхъ опытовъ совершенно доказали дѣйствительность этого пособия. Уродливости уничтожилась ровню въ мѣстѣ, хотя пациентамъ, малому было 18, старшему 30 лѣтъ.

— Этотъ ортопедическій опытъ заставляетъ вѣрить, что зубная кость не подвергается законамъ, коимъ подчинены другія кости. Замѣлтый Флюранъ представлялъ теперь доказательство, которая совершенно опровергаютъ мнѣніе Дюгамеля о возрастаніи костей. Флюранъ доказалъ, что кость растетъ въ длину продольными пластинками, расположенными одна вблизи другой, а въ толщину пластинками наружными; мозговой же каналъ кости растетъ или увеличивается, поглощая, всасывая внутреннія или старыя пластинки кости. У Дюгамеля кольцо, надѣтое на кость, очутилось въ мозговомъ каналѣ. Флюранъ прикладываетъ платиновую пластинку къ кости; по старой системѣ, она бы должна всегда оставаться наверху кости; но вышло наоборотъ: на осьми экземплярахъ Флюранъ представлялъ осязаемыя доказательства, что пластинка не ломала кости, а постоянно ею обростала и, наконецъ, въ 8 экземплярахъ, въ тридцать шесть дней очутилась въ мозговомъ каналѣ. Изъ этого видно, что кость возобновляется; старая поглощается, новая нарастаетъ снаружи; такимъ образомъ кость питается собственными своими существомъ. Бюффонъ правъ, заключаетъ Флю-

ранъ, что въ формѣ болѣе неопредѣленности, чѣмъ въ матеріи. Кювье справедливо называлъ жизнь вихремъ. Лейбницъ могъ сказать, что въ нашемъ организмѣ дѣйствуетъ непрерывный приливъ. Все въ нашихъ органахъ возобновляется, мѣняется; наша жизнь непрерывное измѣненіе матеріи... Можетъ быть, въ насъ нѣтъ ни одного атома изъ тѣхъ, которые составляли наше тѣло годъ тому назадъ. Полное сочиненіе Флюрана *Théorie expérimentale de la formation des os*, уже печатается.

— Кстати, говоря о костяхъ и анатоміи, сообщимъ той части нашихъ читателей, которые слѣдуютъ за ходомъ этихъ наукъ, что вышла въ свѣтъ Оперативная Хирургія Дюфеябаха; какъ авторъ говоритъ, что эта книга плодъ трудовъ всей его жизни.

— Точныя науки вслѣдъ теперь представляютъ плоды особенной дѣятельности ученыхъ. Мы будемъ имѣть случаи говорить о ихъ движеніи и о насъ. По здѣсь упомянемъ о Французско-Русскомъ Словарѣ техническихъ названій, составленномъ полк. Рѣзвымъ. Это весьма важное и отиѣнно хорошо обработанное пособие, но, къ сожалѣнію, оно относится только до артиллеріи и наукъ, искусствъ и ремеселъ, съ нею сопряженныхъ. Весьма было бы желательно, чтобы этотъ Словарь былъ не окончательнымъ, а вѣчнымъ, трудомъ, основаніемъ полнѣйшаго словаря техническихъ названій по всѣмъ точнымъ наукамъ, равно по искусствамъ и ремесламъ. Въ этомъ ощущается надобность, не только для занимающихся науками и искусствами, но и для тѣхъ, которые ими не занимались вовсе, ищущихъ, переводящихъ ученые статьи. Такое пособие въ значительной мѣрѣ уничтожило бы вредъ, который наноситъ эти мнимо-ученыя произведенія нашего времени. — Впрочемъ нельзя не поблагодарить за прекрасный трудъ, за полезную услугу, оказанную артиллеріи съ сосѣдками.

— На эту отрасль военныхъ наукъ обращено во всей Европѣ особенное вниманіе. И тутъ являющееся системъ спорныхъ; даже въ бездѣлкахъ не соглашаются эксперты; напримѣръ, упряжка лошадей подъ орудія у насъ иначе, во Франціи иначе, въ Германіи также иначе. Не такъ давно система полевой артиллеріи баварскаго генерала Цоллера надѣлала много шума; оправдалась ли она на опытѣ, не вѣдаемъ, но знаемъ только что цѣль системы заключалась въ томъ, чтобы сообщать орудіямъ какъ можно болѣе легкости при подвижности, особенно при переездахъ черезъ рвы, бугры и т. д. Для этой цѣли генералъ Цоллеръ изобрѣлъ другіе лафеты, которыхъ переезды поворачиваться могутъ, такъ сказать, болѣею независимостию отъ орудія. Такова была, по крайней-мѣрѣ, цѣль системы, по увѣренію газетъ. Мы прилагаемъ гравюру, изображающую переездъ орудія черезъ ровъ и отправляемся въ дальнѣйшіи путь.

— Куда же? Какъ и всегда. Утомясь отъ посвященія академіи, музеевъ, библиотекъ и книжныхъ лавокъ, простительно пойти въ театръ и отдохнуть тѣломъ и душою, слушая восхитительное пѣніе Жессни-Лилль, этого метеора, который увлекаетъ за собою не только слушателей, но даже воспоминанія счастливейшихъ пѣвшихъ случаевъ наслаждаться ея пѣніемъ. Жессни-Лилль теперь муза Германіи; въ разныхъ газетахъ появляются французскіе и нѣмецкіе стихи въ честь пѣвицы; изъ нихъ мы перепишемъ для насъ четверостишіе изъ Кельской Газеты:

Doux ruisseau coulez sans violence,
Roussignol artêtez votre voix,
Taisez vous Zéphir, faites silence
C'est Iris qui chante Colonia.

Чтобы возбудить такіе дурные стихи, повѣрять надо пѣть удивительно хорошо; иначе вѣдь не пишутъ стихи, но гладкіе, толковыя, безъ идиологій, безъ экстаза. Приведенные стихи свидѣтельствуютъ, что сочинитель былъ въ совершенномъ обаяніи, когда импровизировалъ свое четверостишіе... Да! мы хотѣли зайти въ театръ... Но что же дѣлать? Неужели слушать старо? Во Франкфуртѣ на Майнѣ 27 августа дали въ первый

разъ драму г-жи Бирхгейферъ, подъ заглавіемъ: Маркиза де Виллетъ; — но эта піеса особеннаго успѣха не имѣла. Въ Вѣнѣ ставятъ оперу Бальфа «Источникъ любви»; но эта опера пока тайна... Въ Боннѣ все кончилось; за то въ журналахъ все еще пишутъ да пишутъ о рейнскихъ и бетговенскихъ празднествахъ и все одно и то же. — Изъ французскихъ композиторовъ за послѣднихъ праздничныхъ былъ только одинъ — Берлиозъ. Почему не были другіе? спрашиваютъ журналы и газеты. Почему не былъ Оберъ? Боленъ, Габелекъ? — Запмялись своимъ дѣломъ. — Галеви? (?) Сочинялъ. — Лабаррь, Адамъ, Давидъ, Пикнесъ, Жираръ?.. любопытно чтобы они дѣлали предъ лицомъ Бетговена. Давидъ — еще дѣло диво, — онъ только что началъ свое поприще и началъ съ достоинствъ; но прочіе композиторы французскіе очень хорошо сдѣлали, что не побѣжали въ Бонну. Берлиозъ самъ Бетговенъ, покрайней-мѣрѣ, онъ такъ пишетъ въ журналахъ, какъ никогда не писалъ Бетговенъ; онъ долженъ былъ лѣниться въ Боннѣ и утѣшить міръ тѣмъ, что въ лицѣ его есть кому занять мѣсто Бетговена, у котораго онъ и такъ уже много занялъ. — Любопытно, кто займетъ мѣсто Вебера и Моцарта, двѣ вакансіи, которыя замѣнить еще не успѣли французскіе журналисты?

— Въ Берлинѣ теперь выходитъ, тетрадями, весьма замѣчательное изданіе: Исторія оперы въ королевскаго Опернаго Театра въ Берлинѣ. Издатель — извѣстный актеръ Шнейдеръ и архитекторъ Данггантъ. Первый тетрадь уже вышла. Текстъ объемлетъ исторію театра до 1740 года и заключаетъ иножество любопытныхъ подробностей. Кромѣ прекрасныхъ вивнетъ, украшающихъ текстъ, въ особыхъ приложеніяхъ раздаются подписанныя иллюминированныя гравюры, изображающія костюмы Италіанской Оперы съ 1700—1775 годъ, двѣ декорации изъ того же періода и разрывъ Опернаго Театра, построеннаго Фридрихомъ Великимъ.

съ востока и юга снѣжными горами, содѣлывали климатъ холоднымъ и сырымъ.

Степень холода той страны была опредѣлена съ незапамятныхъ временъ. Дюдоръ, согласующийся въ этомъ случаѣ со всеми своими предшественниками и посѣдователями, говоритъ, что въ рѣки въ Галліи скорѣ замерзали и что дель на нихъ былъ такъ крѣпокъ, что по немъ проходили цѣлыя арміи со всеми повозками. Рентиръ, встречаемые только въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, воцарились въ то время въ лѣсахъ Германіи, на правомъ берегу Рейна; виноградъ не могъ произрастать тамъ, хотя Галлы, большіе любители вина, уже умѣли разводить его. Кажется, уже эти одніи факты достаточно вѣрны и положительны.

Этотъ суровый климатъ смягчился со временемъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ лѣсовъ, осушеніемъ болотъ и развитіемъ земледѣлія, такъ что отъ шестаго до двѣнадцатаго столѣтія климатъ былъ въ Галліи теплѣе и ровнѣе нежели теперь. Эта теплота и ровность климата поспособствовала распространенію виноградниковъ, не только до Бретани, Нормандіи и Пикардіи, но даже до Фландріи и Брабанта. И виноградники эти не были бѣдны и жалки; напротивъ, они покрывали весь сѣверъ Галліи; въ нихъ въ началѣ августа созрѣвалъ виноградъ; собиравъ его ежегодно въ середнѣ сентлбря. Эти факты явствуютъ изъ хартій и документовъ феодалскихъ и монастырскихъ уѣздовъ, изъ сохранившихся отчетовъ, составлявшихся ежегодно дорляствомъ и духовенствомъ.

Одно слово о качествахъ тогдашнихъ винъ. Они не были ни кслы, ни слабы, и не подвержены скорому окисанію. Въ средніе вѣка понимали едва ли не лучше нашего доброту и пріятный букетъ въ винахъ. Въ 12-мъ столѣтіи, Гильомъ де Мальмесбери сѣдующимъ образомъ отзывался о винахъ Глостерской долины въ Англіи:

«Во всей Англіи нѣтъ провинціи, въ которой виноградъ былъ бы плобильнѣе, и вино вкуснѣе. Оно не оскорбляетъ вкуса неприятною кислотой и можетъ соперничествовать съ лучшими винами Иль-де-Франса.»

Земледѣльскія работы, произведенныя въ средніе вѣка монашескими братіями, создали всѣ эти чудеса. Кассельское духовенство положило начало этому дѣлу; посѣдователи св. Беню окончили его. Они осушили болота, срубали дѣся, дали ложе рѣкамъ, перемѣняли направленія ихъ и оградилъ земли отъ разлитія рѣкъ.

Климатъ Франціи сталъ значительно теплѣе отъ юга къ сѣверу; но потомъ онъ опять сталъ холоднѣе отъ сѣвера къ югу. Значительное измѣненіе его начинается отъ исхода 11 го столѣтія и безпрестанно увеличивалось въ слѣдующія столѣтія, такъ что, въ 13-мъ столѣтіи, въ Пикардіи, Бретани и Нормандіи остались только жалкіе слѣды прежнихъ виноградниковъ. Послѣ того нѣсколько разъ старались вновь развести виноградники на сѣверо-западѣ, но всѣ усилія остались тщетными. Виноградики принимались, — но доставляли весьма дурное вино.

Измѣненіе климата постепенно продолжалось въ 16-мъ столѣтіи до самаго юга Франціи. Это обратное движеніе, отъ сѣвера къ югу, продолжается еще и понынѣ; такимъ образомъ, что сѣверо-западная провинція лишается постепенно фруктовыхъ деревьевъ такъ точно, какъ онѣ лишались уже виноградниковъ; южная же провинція теряетъ одинокія деревья, потерявъ уже апельсиныя, фиговья (столь же прекрасныя, какъ африканскія) и сахарный тростникъ.

Впрочемъ измѣненіе почвы и специальныхъ произрастеній не есть главный, или единственный, аргументъ въ пользу измѣненія климата; есть доказательство болѣе прямое и положительное, а именно, собраніе историческихъ свѣдѣній о погодахъ, само собою разумется, необыкновенныхъ. Эти извѣстія вполне подтверждаютъ факты, извлеченные изъ агрономическихъ измѣненій. Упомянемъ только о суровыхъ зимахъ. Отъ четвертаго столѣтія мы насчитали

ихъ 147, и, сравнивая число суровыхъ зимъ отъ шестаго до двѣнадцатаго, и отъ двѣнадцатаго до осьмнадцатаго столѣтія, мы нашли, что въ первый періодъ, во время нагрѣванія климата, было только 26 суровыхъ зимъ, а во второй, во время охлажденія климата, болѣе 78. Замѣтимъ еще, что наше извѣніе вполне согласуется со извѣстіями всѣхъ ученыхъ безъ исключенія, каковы, наприкладъ: Тобальдо, Вонсвиндентъ, Розье, Коттъ и др.

ПОЧТА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

Кто былъ изобрѣтателемъ почты, это весьма трудно рѣшить; иѣкоторые приписываютъ это изобрѣтеніе нѣмецкимъ рыцарямъ въ 1276 году, другіе Людовіку XI, королю французскому, въ 1464 году; третій итальянскому дорлянтину, Франческо де Тассепъ, любимцу императора Максимилиана I, въ 1516, — но самое различіе между нами служатъ яснымъ доказательствомъ несправедливости этихъ извѣній. Конечно, можно предположить, что въ эти времена и этия люди были введены улучшенія въ почтахъ; изобрѣтеніе же ихъ должно отнести къ болѣе отдаленнымъ временамъ; и кромѣ того, можно утвердительно сказать, что онѣ изобрѣтены не однимъ человекомъ, а суть неизбежныя послѣдствія потребности, которую въ одно время почувствовали цѣлыя націи. Исторически дознано, что за 1000 лѣтъ до Р. Х. въ большихъ государствахъ Азіи, и преимущественно въ Китаѣ, были даже устроены станціи, для перемѣны лошадей, на разстояніи 2½ мѣстскихъ миль. При Персидскомъ царѣ Кирѣ, за 560 лѣтъ до Р. Х., были устроены такія же почты со станціями.

Въ настоящее время почтовое устройство доведено до совершенства. Не смотря на то, что предметъ этотъ такъ обыкновененъ, вседневенъ, а, можетъ, быть, и вслѣдствіе этой причини, не многіе знакомы съ устройствомъ громадной, такъ сказать, машины, уничтожающей разстоянія.

Перехъ нами лежатъ наружный видъ Лейпцигскаго почтаха и внутренней видъ залы для пріема писемъ, пакетовъ и прочаго. Такъ какъ почтовое устройство почти одинаково во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ, то мы представимъ читателямъ краткій очеркъ хода дѣла, столь обыкновеннаго и столь мало известнаго.

Въ Лейпцигскомъ почтахѣ находятъ, во-первыхъ, два отдѣленія: одно для пріема писемъ, другое — пакетовъ. — Въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ на письма накладываютъ штемпель, потомъ ихъ сортируютъ по мѣсту отправленія и передаютъ чиновникамъ, которымъ поручены разныя тракты. Чиновники записываютъ адреса, цѣнность и мѣсто назначенія этихъ писемъ и пакетовъ въ особую табличку, которую вручаютъ отправляющимся почтальонамъ, внося предварительно копію съ этихъ табличъ въ шуровую книгу.

Кромѣ того, снаружи, у одного окна почтаха, устроенъ лишь для пріема не франшприванскихъ писемъ и доступный публикѣ денелъ и ночью; оттуда въ извѣстные сроки вынимаютъ письма и кладутъ на столъ, находящійся въ главной экспедиціи и называемый сортирнымъ столомъ. Тамъ съ ними поступаютъ тѣмъ же способомъ, какъ выше упомянуто.

Податели писемъ съ деньгами, документами или цѣнными предметами получаютъ квитанціи. По прошествіи назначеннаго для пріема писемъ часа, экспедиторъ кладетъ ихъ въ почтовые картонны. За тѣмъ онъ переслѣдъ ихъ наковшкку, который даетъ квитанцію о полученіи и, завернувъ ихъ въ пакеты изъ толстой картонной бумаги, зашиваетъ въ парусиныя или кожаные мѣшки, запечатывая, завѣшиваясь въ переслѣдъ почтальону, съ котораго также беретъ квитанцію.

Послѣ этого всѣ почты готовы къ отправленію. Каждый изъ почтальоновъ получаетъ съ собою часы въ деревянномъ футлярѣ и поставленные по большимъ стѣннымъ часамъ, въ экспедиціи пахлящійся.

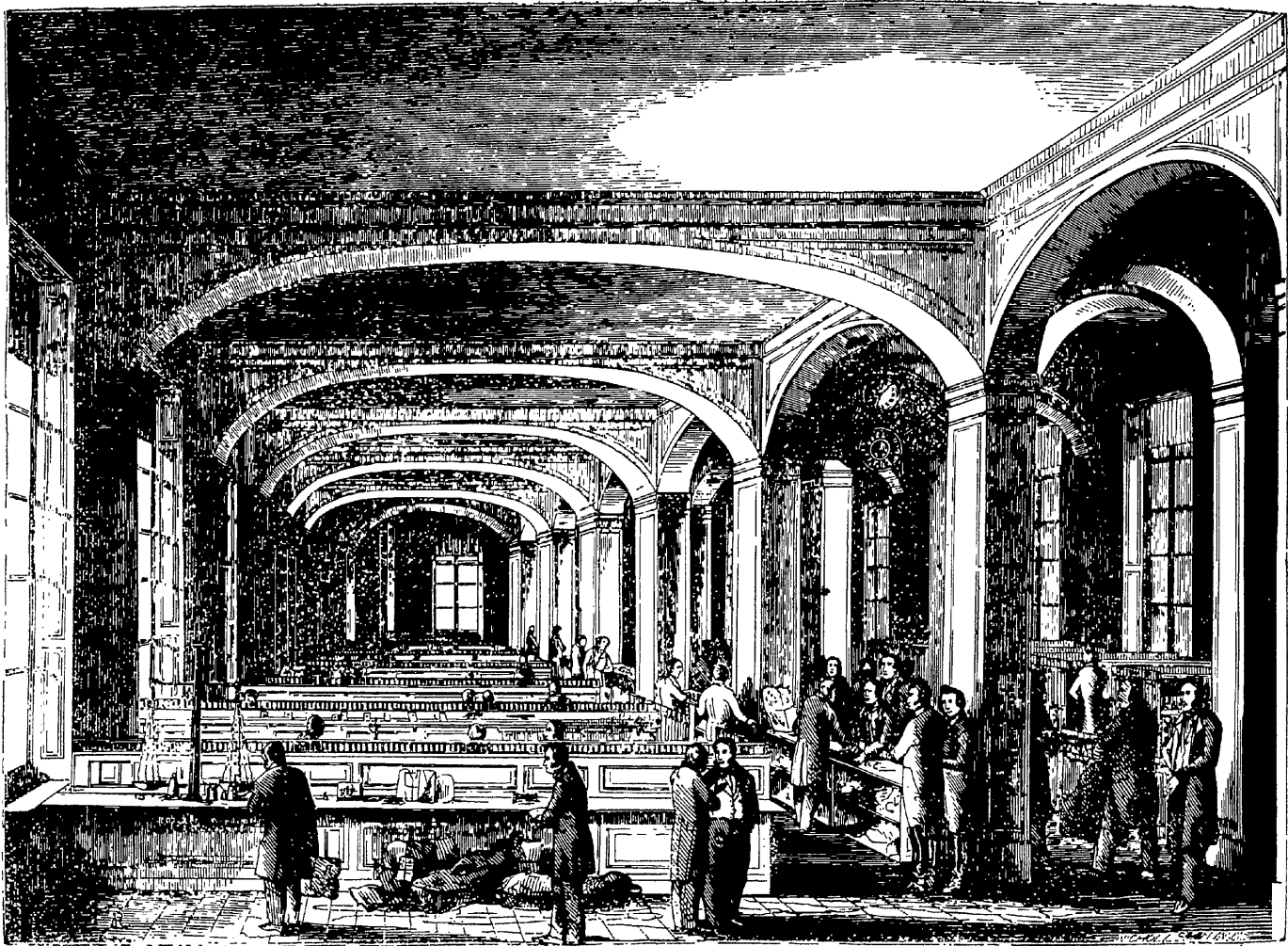
Изъ Лейпцига почты расходятся по двадцати различнымъ трактамъ; ежегодно бываетъ 186

**ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ
ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтаха, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, Александра Смирдина, на Певскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у книгопродавцевъ Свѣшниковъ и Базунова, въ книжныхъ лавкахъ, въ домѣ типографіи Императорскаго Московскаго Университета, на Стрѣнномъ бульварѣ, (бывшей Ширяева), и на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, подлѣ NN0 4—5.

О ПЕРЕМѢНАХЪ КЛИМАТА ВО ФРАНЦІИ.

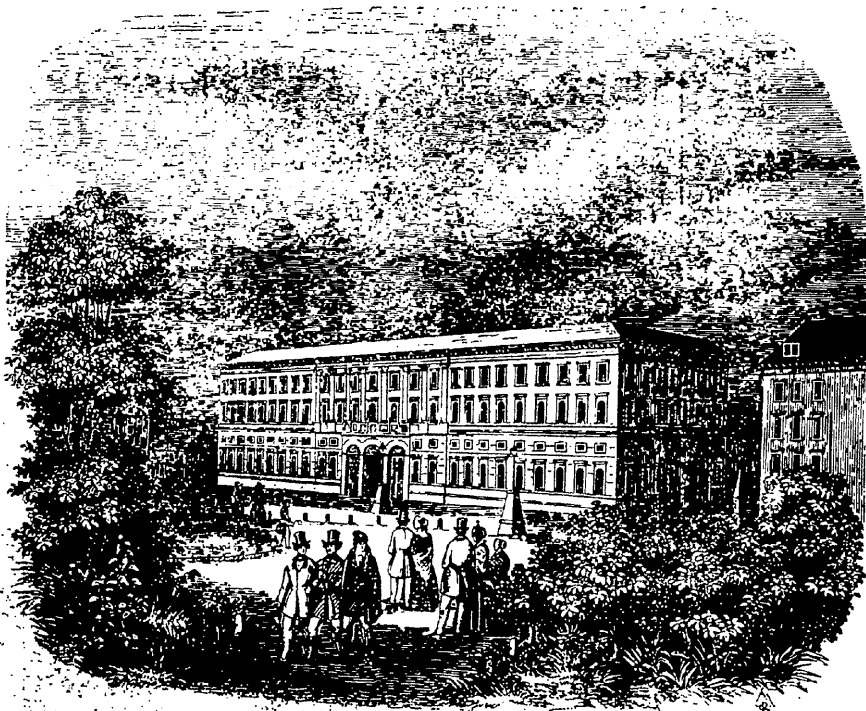
Во времена Кесаря, за 50 лѣтъ до нашей эры, Галлія была покрыта лѣсами. Пространство ихъ простиралось до 46 милліоновъ гектаровъ; въ настоящее же время оно едва доходитъ до 9 милліоновъ. Остальная часть земель, исключая небольшого числа обработанныхъ полей, состояла изъ болотъ. Вообще вся страна состояла изъ дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, рѣкъ безъ ложа, озеръ и прудовъ. Эти лѣса и воды, огражденные

Зала для приёма писем и пакетов въ Лейпцигскомъ почтамтѣ.

отходящихъ и столько же приходящихъ почтъ; следовательно, всего 572 почты.

Лишь только приблудутъ въ главную экспедицію почты, то на письмахъ выставляютъ красными чернилами порто, потомъ ихъ считаютъ и денежныя, записываютъ въ особую книгу; послѣ того чиновникъ звонитъ въ находящійся въ сѣняхъ колоколь, в по этому сигналу является одинъ изъ пяти въ городской почтовой экспедиціи находящихъ почтальоновъ, съ книгой и корзиной для пріема почты, которую онъ принимаетъ по квитанціи и переноситъ въ городскую почтовую экспедицію. Тамъ опять немедленно записывается время прихода, пор-

Видъ почтамта въ Лейпцигѣ.

то, повѣряютъ списки и кладутъ штемпель. Потомъ ихъ сортируютъ для отправки по разнымъ частямъ города и передаютъ почтальонамъ, которые послѣдно отправляются разносить по городу надежду, утѣшеніе, радость, любовь, печаль, горестъ, отчаяніе, страхъ...

До сихъ поръ почтовое управленіе Саксоніи едва ли не лучшее въ цѣлой Германіи.

МЮНХЕНСКАЯ
КОРОЛЕВСКАЯ ЛИТЕЙНАЯ.

II.

Описание этого важнаго заведения заимствуем из путевых записок одного нашего ученаго путешественника, потому что картина работъ на этой Литейной изложена въ нихъ съ удивительною подробностію. Чеканная палата, съ косою прилагася гравюру, составляетъ третью и послѣднее отдѣленіе Литейной.

Королевская Литейная въ Мюнхенѣ существуетъ съ 1827 года; она находится въ управленіи г-на Штигельмейера, который, съ званіемъ инспектора и значительнымъ жалованьемъ, исполняетъ всѣ заказы правительства на своей отвѣтственности, безъ всякихъ процентовъ за потребленный капиталъ и платы за трудъ и рискъ, но равнымъ образомъ пользуется казеннымъ заведеніемъ для постороннихъ заказовъ, безъ всякой за то платы съ своей стороны и, употребляя рабочихъ и материалы на счетъ заказавшихъ, пользуется съ нихъ извѣстнымъ процентомъ. Мюнхенская Литейная заключалась первоначально въ одномъ небольшомъ зданіи; но, по мѣрѣ распространенія круга своихъ дѣйствій, она увеличилась и теперь состоитъ изъ четырехъ зданій, которыхъ устройство не вездѣ соответствуетъ настоящему требованію предмета. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, ста-

ли производить здѣсь позолоту и довели это искусство до степени совершенства: огромныя статуи въ 10-ть футовъ вышиною, отлитыя для королевской тронной, возбуждаютъ общее одобреніе, какъ тщательностію отдѣлки, такъ особенно позолотою.

Мюнхенская Литейная перерабатываетъ ежегодно для своихъ издѣлій до 750 пудъ металла; на этотъ предметъ назначается ежедневно отъ 50 до 60 мастеровыхъ.

Формовка. Это производство работъ, пригнѣнное къ потребности, упрощено здѣсь до значительной степени, и опато, по моему мнѣнію, особенно удивляетъ издѣлія. Здѣсь не стремятся за совершенной чистотой формовки: оказывающіеся по отливкѣ недостатки исправляются послѣдовательными работами; въ этомъ случаѣ экономически расчитано со всею точностію, что трудъ очистительной работы,

Чеканная палата въ Мюнхенской Литейной.

ловодящей отлитую вещь до возможнаго совершенства, несравненно менѣе и, следовательно, дешевле. Впрочемъ, принятый здѣсь способъ формовки огромныхъ вещей, при всей скорости своей, очень удобенъ и заслуживаетъ особенное вниманіе. Формовка вещи, насколько важнаго значенія по величинѣ, производится частями: такимъ образомъ статуя Максимилиана I, отлита изъ 5-хъ частей, имѣетъ 120 формуемыхъ кусковъ. Вещество, употребляемое для формовки, состоитъ, изъ 1-й части обыкновеннаго рѣчнаго песку; 2-хъ глинистаго песку, употребляемаго для дѣланія кирпича, 1-й угольнаго мусора и 4-хъ частей употребленной уже формовой земли; вначалѣ, когда ее нѣтъ, то употребляютъ старый толченый кирпичъ. Этотъ составъ находится въ состояніи густоты и вязкости въ видѣ гѣста; мастеровой беретъ значительный комъ его, бросаетъ довольно сильно на часть модели, или формуемую, обрѣзываетъ края и даетъ,

такимъ образомъ, ему видъ угольника; на разстояніи, примѣрно, равномъ этому первому куску, кладетъ онъ другой (рядомъ съ нимъ нельзя класть для того, чтобы не склеились куски) и такимъ образомъ продолжаетъ работу въ течение часу, въ который онъ обыкновенно выдѣлываетъ до двадцати подобныхъ кусковъ, величиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{4}$ четвертей дланни, отъ 1 до 2 ширины и около 2-хъ вершковъ толщины, смотритъ по величинѣ и избиваетъ приготавливаемой формы; когда онъ окончиваетъ двадцатый кусокъ или угольникъ, первый просыхаетъ, и мастеровой, снявъ его, занимаетъ оставшуюся возлѣ него пустоту слѣдующимъ угольникомъ. Изготовленные и просушенные такимъ образомъ угольнички вставляются для общей связи въ приготовленную прежде оболочку, внутренняя часть которой, называемая Mutterformе, состоитъ изъ того же вещества; она обливается снаружи растворомъ гипса, который, просохнувъ, состав-

ляетъ другую плотно связывающую оболочку, или кору, толщиною въ четверть аршина.

Угольнички прикрѣпляются къ внутренней части этой коры посредствомъ жидкаго раствора того же вещества, изъ котораго состоитъ, и потомъ сдѣланы между собою и корою длинными проволоками, а днѣ части коры или оболочки, сверхъ того, соединяются тонкими желѣзными скобками.

Такимъ образомъ изготавливается одна изъ формуемыхъ частей, которая обыкновенно бываетъ длиною до 3-хъ аршинъ, шириною $\frac{1}{4}$, иногда болѣе или менѣе, смотря по изготавливаемой вещи. Изготовленная форма просушивается въ течение двухъ дней, прокаливается, что производится слѣдующимъ образомъ: во внутренней части опки разводятся сильныя пламена, который и остается въ ней въ теченіи двухъ часовъ; послѣ чего, вещество, составившее форму,

дѣлается чрезвычайно плотнымъ. Не мѣше просто изготовленіе внутренняго сердечника (поули): форма покрывается спутри слоюмъ глинистой земли въ толщину металла, потребную для издѣлія, и на эту ложнину выливается густой растворъ, который, просохнувъ, образуетъ такимъ образомъ ядро или сердечникъ.

Растворъ этотъ состоитъ обыкновенно изъ $\frac{3}{4}$ гипса, $\frac{1}{4}$ толченаго кирпича и $\frac{1}{2}$ остатка употребленной уже пабопки. Впрочемъ это много зависитъ отъ достоинства гипса, и чѣмъ онъ песчаватѣе, тѣмъ должа его употреблять болѣе. Растворъ выливается мало по малу, но мѣръ изготовленія его, которое нельзя производить вдругъ, потому что онъ скорѣе осажается и остываетъ; по отлитіи сердечника, разбираютъ форму, очищаютъ ее отъ глинистой застывки, на которую выливался сердечникъ, и исправляютъ поврежденія, происшедшія въ самой формѣ.

Оконченная такимъ образомъ форма опускается въ находящийся близъ печи кирпичный колодезь, или литейный чанъ, котораго дно опускается или подымается, сообразно величинѣ изготовляемой вещи; она укрѣпляется кирпичными же продольными колоннами, въ три или четыре ряда къ дну и столько же въ ширину, и потомъ все пустое пространство наполняется плотно набитою землею. Если къ этому присоветовать, что части формы прежде того скрѣпляются въ нѣсколько рядовъ въ квадратъ желѣзными связями, то не удивительно, что здѣсь еще ни разу не монула опора во время отливки, что случилось во Франціи при работахъ извѣстной Польской колодезни. Съ колоссальной статуей Максимилиана обшлось также не безъ приключенія при первой ея отливкѣ: подъ формы не выдержала стремительной тяжести металла и осѣла; металлъ вырвался изъ своего заключенія и сорвалъ форму; это однако случилось безъ особенныхъ несчастій, кромѣ, разумется, потери всего употребленнаго труда и лишняго угара.

Нынѣ форма прикрѣпляется къ полу желѣзными полами, которая дѣлаютъ уголь, проходя отъ основанія ея къ деревяннымъ балкамъ, укрѣпленнымъ въ полъ; эта предосторожность необходима для возпущающаго металла. Верхняя сторона, находящаяся спаруки, имѣетъ до одного аршина, низкая до $\frac{1}{4}$; подъ литейного чана устилается кирпичемъ; сердечникъ формы укрѣпленъ къ нему желѣзными же полами, идущими отъ полу во всю высоту сердечника.

По отлитіи статуи, о чемъ будемъ говорить особо въ свое время, приступаютъ къ паружной отдѣлкѣ. Обточка или чеканка составляетъ продолжительнѣйшій предметъ заливки злившей литейной, потому что не только всякой снай части формы, но снай самыхъ угольниковъ оставляеть по себѣ складки; первыя являются очень значительны. Вся отбѣлка и очистка производится отъ руки, посредствомъ зубила, терпуговъ, подсажковъ и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ дѣлѣ, инструментовъ.

Въ случаѣ значительныхъ погрѣшностей въ отливкѣ вещи, она иногда подвергается вагрю и потому исправляется; но это случается рѣдко. Съ особенною тщательностію очищаются издѣлія, предназначавшыя для позолоты, потому что малѣйшія неровности поглощаютъ золото, и утрата отъ этого повреждена значительна, чѣмъ отъ потерн времени, употребленнаго на очистку. Впрочемъ, вообще, отлитыя вещи довольно чисты, такъ, что назначеныя для бронировки, почти не очищаются въ другихъ частяхъ, кромѣ главныхъ рубцовъ.

ЕЩЕ ОДИНЪ.

(Продолженіе).

ПРОТИВНИКЪ.

— Господа! — началъ Валлеръ звучнымъ, громкимъ голосомъ, — я повторяю, что все, сказанное господиномъ Мирталемъ слишкомъ слабо и недостаточно для убѣжденія кого бы то ни было; между тѣмъ многими изъ насъ извѣстно, какимъ убѣдительно краснорѣчіемъ обладаетъ господинъ Мирталь... Слабость доводовъ, высказанныхъ имъ, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что онъ самъ не убѣжденъ въ справедливости защитаемаго имъ дѣла. Это подаетъ имъ на-

дежду, что мои доводы будутъ сильнѣе и вѣрнѣе.

— Увидимъ, увидимъ! — проищаль студентъ, протягивая руку къ бутылкѣ.

Человѣкъ въ соломенной шляпѣ крикнувъ и сталъ закуривать трубку; усачъ облокотился на столъ, чтобы лучше спать; Мирталь нахмурился; на лицѣ же старика въ черномъ сюртукѣ появилась презрительная улыбка.

— Замѣьте, — продолжалъ ошчеръ, — что ни одно сочиненіе іезуитовъ не было напечатано безъ общаго согласія и строгой цензуры начальниковъ общества... слѣдовательно, все общество отвѣчаетъ за каждое сочиненіе. Выдумки сказочника, какъ вы называете Евгенія Сю, далеко не такъ нравственно-безобразны какъ дѣйствительность. Вы говорите, что надобно доказать вредныя идеи и правила іезуитовъ послѣ суда строгаго и безпристрастнаго?.. Господинъ Мирталь, не слишкомъ ли опрометчиво выступили, требуя этого суда? Повѣрите, я самъ долго колебался, и не сочиненіе Евгенія Сю показало мнѣ всѣ ужасы общества іезуитовъ, а сочиненіе самихъ іезуитовъ!.. Разсмотрите всю исторію этого общества и вы увидите, что въ немъ съ самаго основанія его былъ только одинъ гениальный человѣкъ, Игнатій Лойола, основатель общества, но и тотъ во зло употребилъ гения, дарованный ему Господомъ. Лойола, простой испанскій дворянинъ, холодный фанатикъ, одаренный изумительною силою воли, основалъ секту для поддержанія католицизма, сильно поколебавшаго ученіемъ Лутера...

— Wer nicht liebt Weib, Wein... запѣлъ-было студентъ хриплымъ голосомъ.

— Молчи, Кнеиперъ, ты пьянъ!.. сказалъ ему господинъ въ соломенной шляпѣ.

— Я предвижу, что намъ придется выслушать лишнюю хвалебную рѣчь въ честь вашего Лутера, — иронически замѣтилъ Мирталь.

— Ошибаетесь, — возразилъ Валлеръ, — я только хочу замѣтить, что въ то самое время, когда такъ быстро распространилось ученіе Лутера, въ одномъ углу Испаніи образовывалась новая секта. Въ Испаніи былъ ужестрибувалъ, убивавшій плоть подъ предлогомъ спасенія души; Лойола сталъ убивать душу, презирая плоть... Странный случай! Въ двухъ концахъ вселенной, въ Испаніи и Индіи существовали два общества, убивавшія тѣло: Инквизиторы и Тоги или Душители... Іезуиты стали между этими двумя обществами...

— Гмъ! — проговорилъ Мирталь, — Фарингеа и Роденъ?.. Не такъ ли, господинъ Валлеръ?

— Тсъ!.. не шумѣть, — пробормоталъ студентъ.

Военный не обратилъ вниманія на пастѣшку своего противника и продолжалъ:

— Исусъ-Христосъ даровалъ жизнь и свѣтъ. Лойола, назвавъ общество свое Исусовымъ, проповѣдывалъ смерть: смерть души и ума, смерть любви и милосердія, смерть всего великаго, всего благороднаго, всего великодушнаго! Онъ задушилъ въ ученикахъ своихъ поэзію и энтузіазмъ, гения и человѣческую страсть. У іезуитовъ всегда былъ только одинъ человѣкъ, а именно генералъ ихъ! Всѣ прочіе члены — слѣпые орудія воли его. Лойола на смертномъ одрѣ, предписалъ слѣдователямъ слѣпое повиновеніе, obedientia saeca. Всѣ законы его имѣютъ одно основаніе: взаимный присмотръ и презрѣніе человѣческой натуры. Изъ училищъ іезуитскихъ изгнана друж-

ба; воспитанникамъ нанстрожайше запрещено гулять вдвоемъ: они должны прогуливаться одни или втроемъ; слѣдовательно, этотъ третій, шпіонъ, слѣдовательно — изъ трехъ іезуитовъ одинъ непременно долженъ быть измѣнникъ!

Съ лица старика сошла улыбка; онъ нахмурилъ брови и изъ подлбья бросалъ злобные взгляды на молодаго человѣка.

Усачъ, приготовившійся спать, не сомкнулъ глазъ, но, напротивъ, выпучилъ ихъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдя за словами Валлера; у господина въ соломенной шляпѣ давно погасла трубка, но онъ такъ заслушался, что машинально продолжалъ сосать точеный костляной мушкетеръ.

— Вы, если я не ошибаюсь, — сказалъ Мирталь съ прощескою улыбкою, худо скрывавшею внутреннее безпокойство и досаду его, — говорили о фактахъ?

— Вы требуете фактовъ? — вскричалъ съ возраставшимъ жаромъ Валлеръ. Берегитесь, господинъ Мирталь, факты эти болѣе нежели нравственно-безобразны!.. Читали ли вы сочиненіе испанскаго іезуита, Дискастіла: О справедливости и правѣ? Вотъ такъ образчикъ справедливости его: «Имѣетъ ли сынъ право убить отца, изгнаннаго изъ отчизны? Имѣетъ, если этотъ отецъ вреденъ обществу...» Ужасъ!.. А знаменитый Эскобаръ вашъ? Волосы становятся дыбомъ при чтеніи его сочиненія!.. У него вы найдете, что за одинъ злю можно убить человѣка; что провинившійся, во избѣжаніе наказанія, можетъ смѣло клясться въ чемъ угодно, съ тѣмъ только, чтобы онъ самъ внутренно давалъ словамъ своимъ другое значеніе; что можно красть не только въ крайности, но даже въ весьма трудныхъ, хотя и не крайнихъ, обстоятельствахъ; что судья можетъ брать взятки не какъ слѣдующее ему, а какъ награжденіе или поощреніе къ скорѣйшему оковчанію дѣла; что и ростовщикъ, который беретъ огромные проценты, поступаетъ только въ такомъ случаѣ дурно, если говоритъ, что требуетъ того, что слѣдуетъ ему по законамъ: онъ поступаетъ справедливо, если требуетъ проценты, какъ знакъ признательности отъ занимающаго. А сочиненія Сапхеза, Молина, Бопп, Лессюса?.. Вы требуете фактовъ, господинъ Мирталь?.. О! у меня въ нихъ недостатка нѣтъ!.. Въ произраженіи нѣсколькихъ столѣтій іезуиты ознаменовали себя чудовищными подвигами, содѣланными самое имя ихъ презрѣннымъ! Кровавая исторія ихъ наполнена убійствами и преступленіями. Будучи справедливо пресѣдуемы и голпы изъ государства въ государство, они избрали теперь нашу родимую Гельвецію поприщемъ своихъ интригъ и козней; они одни причиною нашей пагубной народной войны... Папа совѣтовалъ имъ оставить Швейцарію, по это не согласно съ видами почтеннѣйшихъ отцовъ. Они сами сказали, что хотѣть попытаться... Пусть же пролитая кровь падетъ на нихъ!.. Они заслужили проклятія народовъ — пусть же они падутъ подъ проклятіемъ Всевышняго!..

Послѣднія слова Валлеръ произнесъ съ необыкновенною энергіей...

Густая толпа слушателей, образовавшаяся около бесѣдки, хранила глубокое молчаніе.

Мирталь былъ блѣденъ; губы его дрожали. Быстрымъ взоромъ окинулъ онъ толпу; на всѣхъ лицахъ онъ читалъ непріязненное расположеніе.

Студентъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать,

макнулъ рукой и, опустившись обратно на скамью, проговорил съ трудомъ:

— Брависсимо!.. Выпьемъ за... здоровье...

Валлера!.. Ура!..

— Умно сказано! выпьемъ... заревѣлъ усаца, на котораго слова военного произвели такое сильное впечатлѣніе, что онъ не съ разу пришелъ въ себя.

Господинъ въ соломенной шляпѣ ничего не сказалъ, но съ выразительнымъ жестомъ подпаялъ стаканъ.

Валлеръ, какъ бы довольный одержанною побѣдой, молча опустилса на стулъ.

— Господинъ Мирталь, — сказалъ студентъ, — протягивая черезъ столъ бутылку къ противнику Валлера, — пожалуйста вашъ стаканъ. Выпейте и вы съ нами!

— Умница, Кнейперъ! — проговорилъ усаца, ударивъ студента по плечу.

— Господинъ Мирталь, — продолжалъ Кнейперъ, ободренный похвалой усаца и видя, что Мирталь не смотритъ на него, — если вы благородный человѣкъ, то вы должны пить съ нами... за здоровье... Цицерона!

— Развѣ осталось еще что-нибудь въ бутылкѣ послѣ васъ?.. сказалъ Мирталь, презрительно взглянувъ на студента.

— Тю, тю, тю! — проговорилъ, или лучше сказать, пропѣлъ на три тона Кнейперъ: — я понимаю... очень понимаю! Вы, то есть, хотите сказать, что я пьянъ... Вздоръ!.. И у насъ, вѣмпецъ, былъ иезуитъ-писатель Бузенбаумъ, который сказалъ: «человѣкъ только тогда пьянъ, когда онъ не можетъ отличить возъ сѣна отъ человѣка.» Вотъ вамъ еще фактъ!

И студентъ оглянулся съ самодовольной улыбкой на толпу засмѣявшихся слушателей, съ любопытствомъ ожидавшихъ развязки этой сцены.

— Пейте же! — продолжалъ студентъ, разгоряченный виномъ.

— Пейте... пейте! — повторили нѣсколько человѣкъ изъ окружавшихъ.

Лицо Мирталя покрылось матовымъ желтымъ цвѣтомъ; онъ всталъ, бросилъ стаканъ на землю и сталъ удаляться медленными шагами, но — толпа не разступалась.

— Пейте! — заревѣлъ студентъ хриплымъ голосомъ, взбѣшенный презрительнымъ взглядомъ, брошеннымъ на него Мирталемъ и однимъ скачкомъ преградилъ ему дорогу.

Мирталь судорожно стиснулъ зубы и съ невыразимой злобой во всѣхъ чертахъ окинулъ глазами свидѣтелей этой сцены... на всѣхъ лицахъ прочелъ онъ неспризнаніе... Мирталь не былъ трусомъ, но въ эту минуту ярость, кипѣвшая въ груди его, придавала ему еще болѣе силъ. Онъ отступилъ одинъ шагъ, приклонился къ дереву, скрестилъ руки на груди и дерзко смотрѣлъ на своихъ противниковъ.

Студентъ стоялъ передъ нимъ съ полнымъ стаканомъ вина и, протянувъ впередъ руку, закричалъ:

— Будете ли вы пить?

— Не буду, — отвѣчалъ отрывисто Мирталь.

— Пейте!.. закричала толпа и, посреди шума, послѣдовавшаго за этими приказаніями, послышался дребезжащій голосъ, произнесшій протяжно:

— Пейте!..

Мирталь вздрогнулъ... посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда послышался дребезжащій голосъ... Взоръ его встрѣтился съ сверкавшими въ темнотѣ глазами... Сильная борьба выразилась на лицѣ его; изъ груди вырвался глухой стонъ, подобно жалобному воплю глуп-

цы, невольно подчиняющейся магнетическому взору Картера или Фанш-Анбурга...

Мирталь протянулъ къ стакану руку... она такъ дрожала, что прежде, нежели онъ поднесъ стаканъ ко рту, вино нѣсколько разъ плеснуло черезъ край.

Онъ опорожнилъ стаканъ и подпаялъ голову.

На лицѣ Мирталя было утрапительное, грозное спокойствіе. Студентъ невольно обомлѣлъ, встрѣтивъ взоръ его, который на секунду остановившись на Кнейперѣ, обратился къ Валлеру. Во взорѣ этомъ выразалась вся адская ненависть и жажда мщенія ранешаго чудовища, не имѣющаго возможности тотчасъ же растерзать своего противника.

Мирталь вѣжливо поклонился и пошелъ къ выходу, котораго никто уже не преграждалъ ему. Толпа въ молчаніи и какъ бы невольно разступилась.

Валлеръ въ задумчивости слѣдилъ за нимъ.

— Господа, — сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, — это намъ даромъ не пройдетъ...

—

Нѣсколько минутъ спустя около кофейной было ни души. Въ разомыслѣ съ неприятнымъ ощущеніемъ и безпокойствомъ, бывшимъ слѣдствіемъ этой сцены.

Два человѣка скорыми шагами шли по улицѣмъ уличамъ.

— Господинъ Мирталь, — говорилъ одинъ другому, — вы еще черезъ-чуръ молоды... вы позволяете страстямъ овладѣвать вами...

— Но, почтеннѣйшій отецъ, — возразилъ другой, — это свыше силъ человѣческихъ... Впрочемъ, я доказалъ...

— Вы ничего не доказали...

— Почтеннѣйшій отецъ!.. съ неудовольствіемъ произнесъ Мирталь.

Старикъ презрительно пожалъ плечами.

— Видите ли, вы опять горячитесь!

Мирталь промолчалъ, потомъ произнесъ глухимъ голосомъ:

— О, говорите, что хотите, дѣлайте, что хотите; по я не откажусь отъ мщенія!

— Кто же вамъ велитъ отказываться отъ него?.. Только надо мстить спокойно, хладнокровно, а не бѣснуйся... и не торопись; сперва исполните дѣло, которое я вамъ поручу, а потомъ... Но вотъ и домъ Джованни Олива... Пойдемте къ нему; тамъ мы переговоримъ обо всемъ спокойно.

— Почтеннѣйшій отецъ, я сказалъ, что въ груди моей кипитъ мщеніе...

— Прекрасно; мы подождемъ, чтобы оно простыло... Пойдемте, пойдемте, мы спокойно переговоримъ въ комнатѣ.

Оба вошли на старое крылечко. Старикъ стукнулъ кольцомъ и минуту спустя дверь отворилась.

П. Ф.—пис.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Литературная газета. — Псовая охота Н. М. Реута. — Народія на романъ Вѣчнаго Жидъ. — Измѣненіе 37 губерній — Ископаемые горячіе матеріалы въ Россіи. — Путешествія Беринга и Штеллера. — Имп. Академія Наукъ. — Товарищество для обдѣлки придиальныхъ растений. — Открытіе памятника Карамзину въ Спббскѣ. — Почтовое пароходство. — Ольга, опера Бергара. — Некрологъ.

Слухожъ земля полна. Поговариваютъ, что Редакція Литературной Газеты намѣрена въ будущемъ году произвести въ изданіи этомъ колоссальныя перемѣны. На общирномъ литературномъ поприщѣ и въ такомъ огромномъ царствѣ, право,

мѣста довольно не для одного журнала, не для одной газеты. Этого не хотѣтъ попятъ тѣ, которые чувствуютъ униженіе, до котораго они сами низвели свои изданія, видя въ свою улобу, но, лишенные всякаго содѣйствія лучшихъ отечественныхъ писателей, великаго сочувствія людей благомыслящихъ, стараются закрыть свои недостатки непрерывными напаками на другія изданія... Они болны желаніемъ вредить, и не лечатся. Пусть остаются при своемъ болѣзненнымъ желаніи; мы же съ удовольствіемъ передаемъ пріятный городской слухъ и также желаемъ, по полному успѣху доброку памфлету.

Другой слухъ — порадуетъ всѣхъ охотниковъ до псовой охоты, а ихъ у насъ не мало. Н. М. Реутъ, бывшій редакторъ Журнала Коннозаводства и Охоты, вѣкторое время былъ оторванъ отъ служебныхъ занятій недугомъ, и досуги свои посвящалъ на приведеніе въ порядокъ многочисленныхъ матеріаловъ, относившихся до псовой охоты, которую онъ описалъ, какъ опытный охотникъ, какъ знатокъ дѣла; книга его тѣмъ занимательнѣе, что авторъ имѣлъ случаи познакомиться со псовой охотой на разныхъ концахъ Россіи. Мы видѣли книгу и можемъ сообщить, кому слѣдуетъ о томъ вѣдать, что она выйдетъ въ свѣтъ нѣвышнему зимю.

Третій слухъ... Пить, это уже не слухъ, а событіе, потому что первый выпускъ на днѣхъ выйдетъ. Это народія на знаменитый современный романъ Евгенія Сю, который нынѣ благополучно оконченъ. Въ Парижѣ народія эта разошлась въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Рисунокъ Шама придалъ этой шуткѣ весьма много интереса. Трудно рѣшить, кто остроумнѣе иллюстрировалъ Вѣчнаго Жидъ? Гаваринъ или Шамъ? По нашему, послѣдній. Надо сказать, что русскіе рисунки, хотя и перерисованы съ Шама, но вырваны гораздо тщательнѣе, прѣисе. Этому могутъ повѣрить только тѣ, которые съ знаніемъ дѣла соединяютъ и безпристрастіе. Помѣщаемъ нѣкоторые, чтобы познакомить съ началомъ этой милой и забавной игрушки. — Относительно текста, долгъ справедливости заставить насъ сказать, что подобной шутки, разсказанной съ непринужденной веселостію, остроумно, безъ притязанія на остроуміе, давно уже мы не читали по-русски.

— Отъ шутки перейдемъ я къ трудамъ важнымъ, положительно полезнымъ. Подъ надзоромъ и ближайшимъ руководствомъ г. Струве произведена повѣрка, или, лучше сказать, точнѣе измѣреніе вновь 57 Губерній Западной Россіи, по даннымъ, собраннымъ Генеральнымъ Штабомъ съ 1832 по 1844 годъ. Этотъ колоссальный трудъ исполненъ состоявшимъ временно ири Главной Обсерваторіи помощникомъ, г. Швейцеромъ. Точность работъ требовала приложения разныхъ способъ изчисленія и повѣрокъ, которыя описаны въ особенной, весьма любопытной, статьѣ г. Швейцера. Отъ этого труда наша статистика весьма измѣнится. Въ особенномъ приложеніи, на послѣдней страницѣ, мы представимъ разности, оказавшіяся въ итогахъ между прежними и настоящими исчисленіями.

— Г. Воскресенскій представилъ весьма любопытныя розысканія о химическомъ составѣ находящихся въ Россіи горючихъ матеріаловъ минеральнаго царства. Мы пропускаемъ исчисленіе содержанія составныхъ частей въ каждомъ горючемъ веществѣ, чтобы не наскучить читателейъ. Упомянемъ только, что и эти розысканія полезны для нашей статистики. Антрацитъ, или угольная обманка, самая чистая порода каменнаго угля, находится въ Землѣ Войска Донскаго, близъ Грушевской станицы, и у Лисичьей Балки, близъ Луганскаго завода. Каменный уголь — въ Солкаменскомъ, Бахмутскомъ, Харьковскомъ уѣздахъ, въ Калужской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ, и возлѣ Чернолѣсной крѣпости на Кавказѣ. Лигнитъ или бурый уголь, около Тувалса и Иркутска; смолотный сланецъ, въ Курляндіи, а торфъ есть у насъ въ Петербургѣ, между Безбородкинской дачей и Пороховымъ заводомъ. Значъ-

тимъ, что нашъ антрацитъ по содержанию углерода гораздо богаче многихъ иностранныхъ.

— Г. Академикъ Беръ сдѣлалъ чрезвычайно важное и любопытное открытіе; нашелъ немецкую рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Sammlung von Reisen, die auf Russisch-Kaiserlichen Befehl zur Untersuchung der von Kamtschatka nordöstlich gele-

отъ Большой Рѣки до сѣверной оконечности полуострова.

— Въ засѣданіи физико-математическаго класса Академіи Наукъ по баллотировкѣ избраны: въ ординарные академики по части Ботаники г. Мейеръ, единогласно; въ адъюнкты по Зоологій г. Миддендорфъ большинствомъ тринадцати голо-

теніе въ Россіи должно радовать каждого благомыслящаго русскаго хозяина и льстить народной гордости. Всѣ, у кого есть клочекъ земли, у кого можетъ расти горсть пріятельныхъ растений, должны подписаться на способъ для собственной пользы; всѣ, у кого даже пѣть ни земли, ни растений, должны, для пользы общен-

Порокъ въ домашнемъ быту.

Порокъ укротитель звѣрей.

Порокъ и палецъ его звѣрица, Голаазъ.

nen Länder angestellt worden, herausgegeben von Joh. Benedict Scherer, т. е. Собраніе путешествій, предпринятыхъ по Императорскому повелѣнію для открытія земель, на сѣверо-востокъ отъ Камчатки лежащихъ, издано І. Б. Шереромъ. Но это собраніе въ этомъ видѣ никогда издано не было; оно состоитъ изъ трехъ путевыхъ доне-

совъ противу двухъ. Вотъ этихъ двухъ мы ужъ никакъ не ожидаемъ...

— Мы уже нѣмало случая говорить объ открытіи способа обдѣлки пріятельныхъ растений, важнаго по простотѣ своей и дешевизнѣ, и о предпріятіи г. Великопольскаго распространить его въ Россіи.

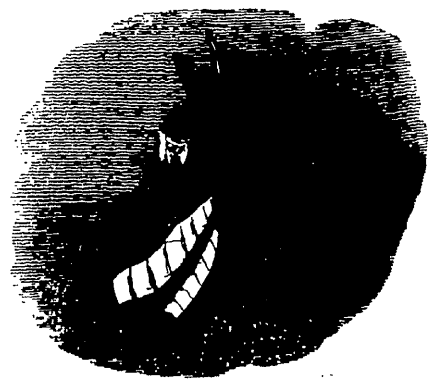
быть содѣланными предпріятіи, жившаго плію улучшить въ значительной мѣрѣ народный земледѣльческій пашъ бытъ. Способъ составлять еще тайну Товарищества, по въ то же время онъ уже изслѣдовать и отзывы о немъ М. А. Байкова и г. Максимовича не оставляютъ никакого сомнѣнія въ его достоинствѣ. Къ сожалѣ-

Дагоберъ въ прачкѣхъ.

Дагоберъ въ швахъ.

Таковъ былъ конь Дагобера.

сеній, а именно: 1. Первое путешествіе Беринга, составленное, видимо, имъ самимъ... 2. Подробное описаніе втораго путешествія Беринга и пребыванія его на островѣ, которому дано имя Беринга и у котораго разбился его корабль. Это описаніе составлено знаменитымъ Штелеромъ. Наконецъ, 3. Довесаніе того же Штелера, которое никогда издано не было, о путешествіи, совершенномъ имъ въ Камчаткѣ

Теперь уже обнародованы правила, по которымъ Товарищество поступать будетъ, и условія подписки. Изложеніе ихъ въ подробности заняло бы оба листа иллюстраціи, а въ сокращеніи могло бы повредить этому, въ высшей степени полезному, истинно государственной важности, дѣлу. Только одно невѣжество не пойметъ обширности выгоды, которыми г. Ведикоральскій, можно сказать, даритъ любезное отечество. Такое изобрѣ-

нію, въ семьѣ не безъ урода. Можетъ быть, найдутся люди, которые и въ этомъ дѣлѣ отыщутъ пятнышко; но къ этимъ врагамъ всякой пользы мы отнесемъ истинно патриотическія слова г. Максимовича: «Да падутъ стыдъ и укоръ на того, кто, какъ какихъ либо личныхъ видовъ, будетъ вредить успѣху дѣла, столь важнаго для народнаго благосостоянія». Мы умѣемъ быть Французами, Англичанами. Дѣйствія Товарищества на-

частье, подписка скоро будет открыта. Посмотрим, сумеем ли мы быть Русскими?

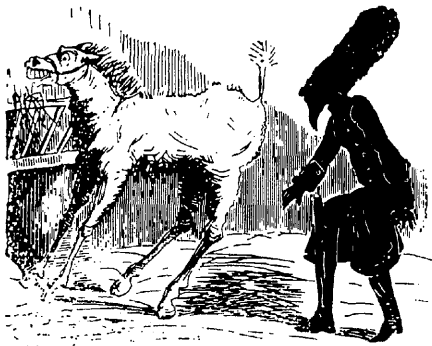
Императорское Вольное Экономическое Общество приняло это дело под особое свое покровительство. Это уже одно свидетельствует о его важности и пользе. Не перепечатываем полученного нами по этому поводу циркулярного его отношения, уже напечатанного во многих журналах, но с почтительностью благодаря за оказанное нам внимание, советуем каждому прочи-

Как дремле Продотъ, средь шумныхъ игръ Оллада
Разскажемъ сладостнымъ шаромъ увлекать,
И юный Фуккинатъ, вверивши на старца взгляды,
Выдалъ и треногалъ;

Такъ русскій юлоша, теперь идущій мимо,
Взглянувъ на зотъ ликъ, сіяющій въ мѣди,
Любовь къ отечеству, сей огнь неугасимый,
Восчувствуетъ въ груди.

Въ немъ вдругъ пробудится невѣдомая сила
Высокихъ подвиговъ, чѣмъ въ тайнѣ мысль кипитъ,

— Итальянская Опера по-маленьку собирается и скоро, скоро афиши позвѣстятъ о ея открытіи. Между тѣмъ на Александринской сценѣ появилась опера, русская по содержанию и отчасти по музыкѣ, это «Ольга, дочь ивгнанника», опера въ 5 дѣйствіяхъ, музыка г. Бернара. Мы уже говорили о сюжетѣ и дѣйствующихъ лицахъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о музыкѣ. Мы нашли, что музыка написана со вкусомъ, легко, приятно; нѣкоторые нумера съ хорошими рисунками,

Конь Дагобера въ видѣ ожа.

Дагоберъ заслушался дѣвчечьихъ расказней, а — Порокъ сталъ кормить своихъ зѣбрей конемъ Дагобера.

тать это отношеніе, въ которомъ ясно и коротко изложены предметъ, планъ и важность предпріятія.

— Наши ожиданія на счетъ открытія Почтового Пароходства не сбылись. Штеттинскій пароходъ не пришелъ въ определенное объявленіями время. Въ Коммерческой Газетѣ напечатано извѣстіе, что пароходъ Прусскій Орелъ въ этомъ году ходить не будетъ, а пароходъ Владимиръ еще не пришелъ въ Кронштадтъ. — Весьма жаль, что прекрасное это предпріятіе въ этомъ году едва ли осуществится. Многие ласкали себя на-

И, какъ пленець орла, свои расширилъ крыла,
Онъ къ солнцу возлетѣлъ!

А ты, на чьихъ бреггахъ замолкнулъ звукъ булата,
Два царства падія оживила волной,
Ты мирно любуясь обиліе и злато,
Ликуй: онъ пѣснью твоей!

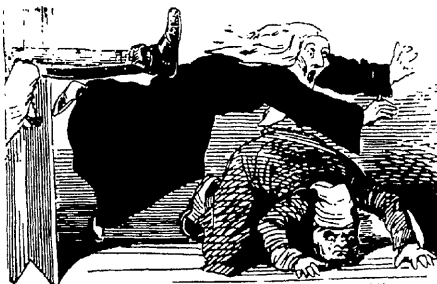
Да, Волга, онъ твой сынъ! Когда плененный
Насъ спроситъ: это кто? Мы гордо скажемъ: тотъ,
Кому привѣтливо внималъ Благолюбецъ
Средь царственныхъ заботъ!

въ особенности хороши: фпаль второго акта, и хоры, во второмъ актѣ — женскій, а въ третьемъ хоръ народа. — Мы слышали оперу одинъ разъ, а потому подробнѣшаго отчета пока отъ насъ не требуйте.

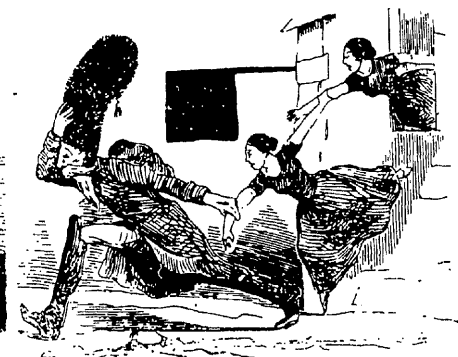
— Изъ Одессы пишутъ, что туда, предѣломъ въ Петербургъ, прибыла молодая талантливая артистка, Эмilia Калльи, воспитанница Парижской Музыкальной Консерваторіи и prima donna итальянскихъ театровъ (?). Такъ сказано. Тамъ же, г. Ленскій, 5-го сентября, приглашалъ Одесскую публику къ себѣ на бенефисъ, составленный изъ

Дагоберъ осерчалъ,

отомститьъ

и уходитъ изъ первой части романа.

каждому схватъ за границу на одномъ изъ этихъ пароходовъ, чтобы воспользоваться всеми выгодами, которыя заботливость почтового вѣдомства приготовила для пассажировъ.

— Памятникъ Карамзину, — въ Сибирскѣ, открытъ 13-го истекшаго августа, съ торжественнымъ, приличнымъ случаю. Пресвященнѣйшій Θεодотій, Епископъ Сибирскій и Сырарскій произнесъ краткое слово. Затѣмъ въ домѣ Гимназіи М. П. Погодина произнесъ панегирикъ, а Д. П. Озабоищннъ стихи, которые передаемъ читателямъ.

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно пашъ! изображение Кліи
Отнынѣ передастъ въ позднѣйши времена
И даръ Царя и даръ пріятельной Россіи
Къ трудамъ Карамзина.

Кто время Грознаго, безстрастный и свободный,
Дѣнья твоими потопству передастъ;
Впервые намъ раскрылъ языкъ простонародный;
Русь міру указалъ!

Кто, щедро взысканный, мечталъ и дню въ закатъ
О славѣ родины, когда языкъ нѣмѣлъ!
Пашъ къмъ Монархъ скорбѣлъ, и въ слезной утратѣ
Съ Россіей сиротѣлъ!

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно пашъ! Изображеніе Кліи
Отнынѣ передастъ въ позднѣйши времена
И даръ Царя, и даръ пріятельной Россіи
Къ перу Карамзина.

Очеркъ этого памятника помѣстимъ уже въ иллюстраціи.

слѣдующихъ пѣснь: Морской Разбойникъ, др. въ 2 акт. Женская Натура, вол. въ 1 акт. и Гамлетъ Сидоровичъ и Оселія Кузминшица, вол. въ 1 актѣ

— На прошедшей недѣлѣ некрологъ также записалъ въ свою траурную книгу: 9-го сентября въ Павловскѣ скончался графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, а 8-го, здѣсь, въ С. Петербургѣ, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, извѣстный драматическими своими произведеніями.

ЗАКЛАДЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ ни былъ богатъ Иколичникъ, какъ ни желалъ блеснуть своимъ вкусомъ, великолѣпнѣе и угощеніемъ; но тогда еще и въ столицахъ не было многихъ предметовъ современной памъ роскоши, а въ провинціи гдѣ ихъ найтн; да и вечеръ Иколичника былъ импровизованъ, сшитъ на живую нитку. Въ комнатахъ горѣли восковыя свѣчи, но за то музыка доморощенная, состоявшая изъ четырехъ скрипокъ, двухъ альтовъ, одного контрабаса и некоторыхъ духовыхъ инструментовъ была вымыта, причесана, одѣта въ ливрейное платье, и при всемъ томъ играла польской: «Александръ, Елисавета, восхваляетъ вы пась» не совѣтъ складно. Иколичникъ не былъ любителемъ музыки и держалъ канцельмейстера изъ отставныхъ солдатъ; такъ что тутъ удивительнаго, если оркестръ шелъ плохо. Притомъ же гости, которые уже съѣхались въ неаляомъ числѣ, подъ этотъ польскій не танцовали, а ходили по-парно, по три и т. д. но залъ и любезничали. Ливрейные лакеи усердно разносили дамамъ шоколадъ, — таково было обычай, — мужчинамъ вино съ сладкимъ пирогомъ, — таково было заведеніе. Въ комнатахъ Иколичника были многія дѣйствующія лица нашего романа: Авдотья Семеновна, Клеопатра Кирилловна, Евгенийъ; губернаторъ съ женою прѣѣхалъ, раскланялся и отвѣлъ хозяйна въ сторонуку.

— Ну, батюшка, сказалъ ошъ, — исполнить твое желаніе. Да мнѣ что-то не ловко. Вѣдь онъ поидеть жаловаться.

— Чувствительно благодарю. А про него не беспокойтесь. Я, такъ боюсь, чтобы онъ не ушелъ отъ жалобы. Слѣдуетъ запретить ему выѣздъ до раскрытія истины. Пусть объявитъ: кто она и какіе у него поводы къ такому съ нею поведенію? Я сообщилъ мои мысли Гримасникову и увѣрять, что онъ не дастъ промаха.

— Гримасниковъ человекъ благонадежный! Ну, а гдѣ же ваша штомница?...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Марьи Осиповны.

Она вошла тихо, безъ шума, но не смотря на то, все обратили на нее вниманіе, потому что Иколичникъ съ примѣтною радостію поспѣшилъ ей на встрѣчу....

— Ну, душа моя! Насилу-то дождался! И танцевъ безъ васъ начинать не хотѣли....

— Напрасно. Я до пляски небольшая охотница. Дядюшка, что же Таля?

— Гмъ! съ улыбкой проворчалъ старикъ — Богъ милостивъ! Некому мнѣ васъ на руки сдать, а самому-то надо отлучиться по хозяйству....

— А! Вотъ у меня есть и знакомый.... Я вамъ мѣшать не хочу. Слушайте съ Богомъ, только не сидите долго....

И Марья Осиповна прямо, неприпужденно подошла къ Евгению, который стоялъ у окна одинъ и съ грустію смотрѣлъ на развошерщенное общество.

Есть люди, которые вездѣ поспѣваютъ. Таковъ былъ знаменитый секретарь Гримасниковъ. Въ дѣлахъ службы онъ успѣвалъ, богатѣе успѣвалъ, у прекраснаго пола успѣвалъ и на вечерахъ былъ душою общества. Мужчины составили два отдѣльные круга: центромъ одного была Авдотья Семеновна, центромъ другого предводительша. Нейтрализовать сохранилъ Гримасниковъ и находился отъ обоихъ круговъ въ такомъ разстояніи, что могъ

принимать участіе въ разговорахъ и того и другаго....

— Наконецъ! «сказала Авдотья Семеновна: насмѣшливо» почтенный хозяйнъ сдася! Долго защищался, да пашла коса на камень. Должна быть штука! Кто она?

— Я въ первый разъ вижу.

— И я....

— Спросите у Гримасникова....

— Погодите, онъ что-то рассказываетъ предводителѣшъ....

— Ужъ вѣрно про моего Левушку. Отличился, нечего сказать. Увезъ изъ трактира какую-то дѣвчонку.... Слышали?

— Какъ же-съ! теперь идетъ слѣдствіе! Говорятъ и Петербургскій тутъ замѣшанъ! Они дрались на дуэли. Левушка занесъ ему двѣ рапы и уѣхалъ съ добычей....

— Туда ему и дорога. Только позовите Гримасникова.... онъ вѣрно знаетъ всю эту исторію.

Но Гримасникова нельзя было оттащить отъ предводительши; онъ терзалъ несчастную разсказомъ о постыдномъ бѣгствѣ Левушки.

— Да-съ, продолжалъ онъ — дѣло скверное-съ, дѣло подлое-съ. Господишъ, что изъ Питера, везъ себя по столицному. Онъ грудуо защитилъ бѣдную-съ дѣвушку-съ. Спасъ ее съ отъ сильнаго похитителя-съ, котораго-съ мы пресѣдуемъ. А этотъ-съ воспользовался ращамъ господина этого-съ и воровски, насильственно, увезъ невинную-съ и только случай спасъ его-съ.... О, да и достается ему.... это ужъ въ моей власти-съ....

— Такихъ людей шадить грѣхъ.... чутъ слышно проговорила предводительша. Она ревновала къ Авдотѣ Семеновнѣ, но за послѣдній поступокъ она уже ненавидѣла Левушку. Это предпочтеніе простой дѣвушки ей, Клеопатрѣ... О, она была готова на все для Левушки; теперь была готова на все, чтобы только отмстить тому же Левушкѣ.

Гримасниковъ зналъ предводительшу и принималъ выгоды, которыя могъ извлечь изъ подлбнаго положенія дѣла. Люди съ пушкомъ на рыльцѣ, боятея самой тѣни опасности. Зная, что Евгенийъ страстно влюбленъ въ Клеопатру и подозрѣвая въ немъ тайнаго соглядатая провинціальнаго дѣла, Гримасниковъ тотчасъ разсчелъ, что можетъ оказать ему такую услугу, которую Евгенийъ оцѣнитъ съумѣть....

— Грѣхъ, матушка, грѣхъ, — сказала Гримасниковъ. Не должно шадить такихъ негодяевъ. Да что станешъ дѣлать, когда такіе благородные люди какъ Евгенийъ Сергѣичъ на свѣтъ волятея? Онъ проситъ не губить ребенка... О, какой-съ это характеръ. Ужасъ, просто-съ! Это-съ, что называется, сама великость души. Я очень-съ жалѣю, что не могъ-съ съ нимъ долѣе бесѣдовать. Онъ меня-съ пришилъ своимъ умомъ-съ. И падо отдать справедливость Авдотѣ Семеновнѣ-съ. Тотчасъ свѣкнула-съ....

Клеопатра Кирилловна вспыхнула, отвернулась и спросила разсѣянно:

— Что тамъ у васъ случилось сегодня на Косаткѣ,

— Тамъ, Ничего-съ. Домашняя исторія! Найдена-съ дѣвушка безъ виду, Злѣшній хозяйнъ взялъ ее подъ свою опеку-съ....

— Да у нея былъ опекунъ,

— Да, можетъ быть-съ.... Но еще неизвѣстно. Слѣдствіе еще не назначено... И самый видъ у Евгения этого, просто, знаете, картина...

Клеопатра задумчиво взглянула на Евгения и поблѣдѣла, не усидѣла на стулѣ, встала, хотѣла было поидти, но опять сѣла и вопросительно смотрѣла на Гримасникова. Причиною этого движенія была Марья Осиповна. Она простодушо смѣялась, Евгенийъ также смѣялся. Онъ былъ веселъ, тогда какъ этого никогда съ нимъ не случалось во все время его пребыванія въ городѣ. Кто могъ разогнать задумчивость, которую создала и которою такъ гордилась Клеопатра Кирилловна?

— Кто эта дама?

— Вотъ ужъ, право, не могу сказать....

— Гримасниковъ, я хочу знать, кто эта дама....

— А вотъ позвольте, узнаю....

И Гримасниковъ отошелъ; но его подхватилъ кружокъ Авдотьи Семеновны и осыпалъ такими же вопросами.

— Дайте время! все узнаю.... Вотъ, спрошу у хозяйна. Батюшка!

— Что тебѣ надо? сказалъ вошедшій Иколичникъ.

— Позвольте освѣдомиться на счетъ одной незнакомаго дамы.

— Не твое дѣло! Она не просительница! Вотъ сирочиваютъ про васъ, душа моя, — сказалъ Иколичникъ, подходя къ Мери и накумрился. Онъ засталъ ее въ жаркомъ разговорѣ съ Евгениемъ о предметѣ шекотливомъ — о чувствахъ... чувствахъ дружбы и любви... Авдотья Семеновна угадала. Старикъ былъ совершенно очарованъ своею гостей; на старости лѣтъ страсти гораздо пылче, слышѣе, если сердце въ молодыхъ лѣтахъ не успѣло перегорѣть на уголь.

— Дружба, любовь! прибавилъ онъ шепотомъ. Не вѣрете — имъ ихъ лѣтъ.

— Неправда! Вы сами оказали мнѣ дружбу... Вотъ любовь — та вострѣчается рѣже. Шкрайней-мѣрѣ, мнѣ не удалось ее видѣть.

И Евгенийъ и хозяйнъ посмотрѣли на нее съ умилешіемъ и состраданіемъ.

— Будто ужъ вы не любили никого? спросилъ старикъ.

— Кого же? мужа, что ли?

— Вы замужемъ! вскрикнули оба и значительно посмотрѣли другъ на друга, какъ будто это участіе возбуждало въ обоихъ ревность.

— Отца, матери, не помню... Сестры, брата у меня нѣтъ... А бѣдный мой ребенокъ... Это совѣтъ другое чувство.

Послѣдовало молчаніе. Оба, казалось, были сильно огорчены. Первый опомнился Иколичникъ. Онъ принужденно улыбнулся и сказалъ.

— Душа моя! Вы еще будете любить! Ваше время не ушло.

— Дай, Господи! Авось, какъ Николинъа подростеть... Да что мы тутъ развѣжничались. Давайте танцовать. Я не люблю танцевъ, да не должно отъ другихъ отставать. Вы, дядюшка, со мною.

— Что вы, душа моя! Въ мои лѣта!

— Что за лѣта! Вы можее молодыхъ.

— Благодарю; но я хозяйнъ....

— Ну, такъ вы?..

— За счастье почту... отвѣчалъ Евгенийъ.

— Большое счастье! Пойдемте! — И не Евгений, а Мери взяла его за руку и повела в залу, где, по мановению хозяйина, загремѣла музыка. Хозяин не отставал от своей госты. Пока ладилась парь, къ хозяйину подошел камердинеръ и шепнул на ухо: готова!

— На-силу! Проси сюда! Нѣтъ, погоди, я самъ ее приведу. Хозяинъ ушелъ. Евгений подхватилъ Мери и вихрь вальса умчалъ ихъ; за ними потянулись парь; пролетая мимо боковыхъ дверей, Мери вдругъ вскрикнула, бросила кавалера, остановилась и съ невыразимымъ безпокойствомъ глядѣла на новую гостю. Ее за руку велъ хозяинъ и прямо къ Марьѣ Осиповнѣ... Пляска остановилась; гости полукругомъ окружили неподвижную Мери.

— Вотъ ваша Таня! сказалъ онъ, подводя къ Марьѣ Осиповнѣ прелестную дѣвушку въ красивомъ бальномъ костюмѣ. — Опа ваша. Вы спасли ее, вы дали ей свободу, жизнь. Вамъ слѣдуетъ довершить ваши благодаренія, вѣнчать прекрасный подвигъ. Вотъ, Таня, твоя спасительница...

— Но и Таня и Мери стояли другъ противъ дружки, какъ будто пораженные чѣмъ то свыше. Невольная нѣмота оковала ихъ уста. Сходство ихъ было поразительно. Мери казалась, что она глядитъ въ зеркало, но не теперь а вѣсколко лѣтъ тому назадъ. Душа ее летѣла къ Танѣ и увлекала за собою слабое тѣло; она не перешла, а какъ то передвинулась, схватила ее въ объятія; Таня заливалась слезами, а Мери... это были судороги радости. Она бросала руками, то указывала на небо, то на Таню, то схвативъ, ся голову, отдавала ее отъ себя и всматривалась, то опять сжимала въ объятіяхъ. Эта сцена сдѣлала впечатлѣніе даже на Клеопатру Кирилову.

— Какой ужасный театръ, — сказала она. Я не могу видѣть такого романа...

При общемъ напряженномъ вниманіи тишина въ залѣ была мертвая. Слова эти были живо слышны и дошли до слуха Мери. Она обхватила Таню, обернулась къ публикѣ, вырвалась, просіяла, сказала съ торжественнымъ спокойствіемъ: Мой романъ кончился? Ниѣсть кого любить! Прощайте!

Она увлекла Таню. Сначала онѣ шли медленно, потомъ какъ будто условясь, побѣжали... Хозяинъ и Евгений бросились за ними; но, къ общему удивленію, ихъ не было въ прихожей; онѣ не проходили на улицу; скакали ихъ по всѣмъ комнатамъ — нѣтъ; въ иллюминированномъ саду также ихъ не было... Продали... Начались также споры, догадки; начались и кончились. Принялись за танцы, за любезности. Мери и Таню всѣ забыли... Нѣтъ, не всѣ. Хозяинъ былъ весь вечеръ сильно задумчивъ. Евгений непримѣтно исчезъ... Клеопатра Кириловна приуждена была любезничать съ Гримасниковымъ... Где же Мери и Таня?

АНЕКДОТЫ.

I.

Во Франціи, въ одномъ учебномъ заведеніи, ученикъ не зналъ урока изъ Географіи; учитель записалъ его въ роковую книгу и просилъ взыскать. Когда дѣло дошло до расправы, мальчикъ оправдывался, какъ могъ п умѣлъ, и въ заключеніе сказалъ: «Помилуйте! Какъ можно было знать урокъ, когда учитель задалъ намъ повторить всѣ пять частей свѣта.

«Э, полно, братецъ!» сказалъ префектъ: «И мы учились; знаемъ; задавали намъ и по осьми и по девяти частей свѣта, а мы всегда были исправны...»

II.

Тамъ же во Франціи, на постояломъ дворѣ, или въ гостиницѣ, въ одномъ мѣстечкѣ остановился проезжающій, спросилъ себѣ особую комнату, особую прислугу. Хозяинъ трактира, видя въ гостѣ человека порядочнаго и по наружности даже богатаго, далъ ему для прислуги своего сына, расторопнаго и умнаго малаго. Проезжіи провѣль въ гостиницѣ двое сутокъ и въ это время вѣсколко разъ ходилъ со двора. Вещи, даже шкатулку съ деньгами не заперту, онъ оставилъ на рукахъ прислужника, и этотъ съелъ догломъ смѣтливаго и расторопнаго слуги, осмѣлительствовать кассу своего барина. Въ шкатулкѣ онъ нашелъ большой пукъ ассигнацій и тотчасъ донесъ отцу о своемъ открытіи. Отецъ къ удивленію и паставленію сына не взялъ себѣ ни одной бумажки, но пересмотрѣлъ каждую и записалъ номера.

На другое утро шело расплатился съ отцомъ п сыномъ, проезжіи отправился въ дальнѣйшій путь, а хозяинъ къ началу мѣстечка, и объявилъ послѣднему съ отчальемъ, что проезжіи укралъ такую-то сумму денегъ, что, на счастье, всѣ ассигнаціи у него были записаны по номерамъ — и просилъ законнаго судѣвствія.

Начальникъ, взявъ хозяина и кого слѣдуетъ, отправился за проезжимъ, догнавъ, остановилъ и припалъ допрашивать.

— Вы взяли деньги?

— Не только взялъ, а укралъ, отвѣчалъ тотъ спокойно.

Консили была поражена этимъ отвѣтомъ.

— Ну... хорошо... сказалъ начальникъ... а гдѣ же эти деньги?

— А вотъ здѣсь въ шкатулкѣ. Не угодио ли?

Персвѣрили номера; ошибки не было.

— Позвольте же васъ теперь спросить, съ какой цѣлю вы взяли деньги?

— Съ самою доброю... Чтобы въ ближайшемъ городѣ представить ихъ начальству...

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, что онѣ фальшивыя...

— Фальшивыя! И начальникъ обѣими руками ухватился за хозяина гостиницы.

III.

Тамъ же, во французскомъ государствѣ, одна богатая мюзанца, до и во все время замужества не бывала, не только въ Парижѣ, но и ни въ какомъ большомъ городѣ. — Овдовѣвъ, воспользовавшись волею и отправилась въ ближайшій городъ и, само-собою разумеется, въ первый же вечеръ пошла въ театръ. Давали оперу; поднимается завѣсъ; поютъ хоръ; мюзанца вѣзбѣсилась. Что съ вами? спросалъ соседъ.

— Да какъ же это можно? въ глаза съѣются... Развѣ вы не видите... Они всѣ поютъ вмѣстѣ, чтобы только поскорѣ кончатъ... Обманщики! Ужъ будто мы этого не понимаемъ!..

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

=

Для меня самые интересныя русскіе журналы, это Земледѣльческая Газета и Журналъ Министертства Государственныхъ Имуществъ. — Изъ нихъ много переходитъ въ памятную книжку; много доставляетъ мнѣ темы для интересныхъ статей; вотъ, изъ послѣдней книжки этого журнала я записалъ кое-что, и полагаю, что оно пригодилось бы для всѣхъ хозяевъ.

«Цѣны на яровые хлѣба, пишетъ г. Карновичъ изъ Ярославля, замѣтно поднимаются, а рожь остается въ прежней цѣнѣ. Смѣшно подумать, что рожь теперь въ равной цѣнѣ съ овсомъ не па вѣсъ, а на мѣру. Вотъ одно изъ доказательствъ младенчества нашего земледѣлія (да кто же въ этомъ и сомнѣвается?) Какъ будто одинъ хлѣбъ не можетъ быть замѣненъ другимъ? (И въ этомъ нѣтъ сомнѣнія). У насъ крупно смолотого хлѣба для лошадей не употребляютъ; мало употребляютъ даже и соломенную рѣзку, и думаютъ, что для возовой лошади овесъ не можетъ быть ничѣмъ замѣненъ...» Признаюсь, я почти то же думаю, только на другой ладъ. Правда, кормилъ лошадей и пшеницей, во времена оны, и ячменемъ, но всѣ возвратились къ овсу. Положительно опровергать мнѣніе г. Карновича не думаю, но полагаю, что замѣна овса всякою другою пищею должна быть тщательно пробрена въ ветеринарномъ отношеніи. Какъ знать, какое послѣдствіе дастъ та или другая пища? И въ человѣческомъ организмѣ, если пренебрежись, можно будетъ замѣтить разницу въ послѣдствіяхъ отъ исключительнаго употребленія пшеничнаго или ржаного хлѣба. Выводаты, а думаю, что аксіома тогда только аксіома, когда имѣетъ не вѣсъ, а сущности аксіомы, то есть, со стороны сторонъ утверждена строгой повѣркой. О зернѣ еще не спорю, но соломенная рѣзка ужъ ни какъ не замѣнитъ овса. Это кормъ прилагочный, а главнымъ можетъ быть только въ случаѣ большой бѣды.

— Г. Демоль, новороссійскій хозяинъ, пишетъ, что косить сѣно надо раньше его цѣтвенія, потому что оно питательнѣе: трава не истощена цвѣтотъ и образованіемъ сѣмени; стебель не огрубѣлъ. Само собою разумѣется, что такое раннее сѣно будетъ нѣблизко и сочнѣе; и не только хлѣбопашцы въ Западной Европѣ, и у насъ это дѣлаютъ свѣдущіе хозяева.

— Г. Рейдмейстеръ, управляющій казеннымъ, близъ Одессы, Александровскимъ имѣніемъ, описавъ признаки разныхъ періодовъ чумы, причиняющей опустошительный падежъ скота, говоритъ, что самое вѣрное противу чумы средство — есть убавить зачумленную или даже подозрительную скотину; а если на эту жертву властель не рѣшится, такъ предлагаетъ, при строжайшемъ карантинѣ и другихъ предосторожностяхъ, давать между прочимъ, большой скотинѣ слѣдующій растворъ: отъ 1½ до 2 золотъ. желѣзныхъ опилокъ растворить въ 4 ф. димящейся соляной кислоты, закупорить и поставить въ прохладное мѣсто. Старой скотинѣ доза — бутылка, головадой ½, телаткамъ ¼ бутылка. Описаніе признаковъ чумы, карантиннаго содержанія скота и леченія описано весьма подробно. — Мы записали только существо средства, находя отиѣтку эту для себя достаточною.

ПЕРЕПИСКА.

О. П. и С.—ову, одинъ и тотъ же отвѣтъ, потому что въ толкствѣ вашихъ двухъ персонъ не остается сомнѣнія. Будьте здоровы, не переимы; пописывайте, упражняйтесь! Видно прелематы БЕЗПОЛЕЗНЫЕ васъ оченъ сильно занимаютъ, если вы сами называете ихъ БЕЗПОЛЕЗНЫМИ, такое нѣжное принимаете въ нихъ участіе. Обижаться право, не за что. Вамъ теперь объяснили и такъ хорошо, что и мы нячего не поили. Обыкновенная судьба комментаріевъ!

Князю А. К... Всегда къ услугамъ вашимъ и каждаго, кто желаетъ представить публикѣ плоды трудовъ своихъ... Но помѣщеніе нынѣ присланныхъ писъ требуетъ личнаго объясненія.

Г. К. И. Шагаеву, въ Москву. Ваше письмо на вело на часъ раздумья. Что касается до обѣщанныхъ въ разныхъ номерахъ гравюръ, то всѣ онѣ предстанутъ на судъ вашъ въ самомъ скоромъ времени; но чтобы помѣщать исключительно русскія гравюры, то это невозможно при настоящемъ числѣ подписчиковъ. Развѣ сбудется ваше доброе желаніе, тогда дѣло иное. Редакція о барышахъ не думаетъ. Она, не смотря на всѣ потери, которыя въ этомъ году понесла, и случайно и по свойству каждаго новаго предпріятія, не останется ни передъ какими пожертвованіями, лишь бы исполнить долгъ свой по совѣсти. Иллюстрацію нельзя сравнивать съ другими періодическими изданіями, относительно расходовъ. Повѣрите ли, что нѣкоторые изъ первыхъ номеровъ обшлись намъ въ 2000 — 2500 руб. ассигн. каждый, следовательно, не менѣе 100,000 руб. асс. въ годъ въ такомъ и еще бѣдномъ видѣ, потребовало бы изданіе. Опытъ научилъ многому, открылъ нѣкоторыя возможности экономіи. Редакція ими воспользуется. Нынѣ же, при недостаткѣ гравюръ, являясь, то можемъ, и употребляемъ всѣ усилія чтобы изданіе сколь можно болѣе соответствовало своему назначенію, а равно вашему и всѣхъ благомыслящихъ желанію. Просимъ не оставлять насъ добрыми совѣтами, указаніями, которыя всегда примемъ съ признательностью, и вѣрить, что сколько мы презираемъ отзывы, внушаемые завистливымъ расчетомъ и другими недостойными поводами, столько дорожимъ инстинктомъ и совѣтами людей благомыслящихъ.

Въ Мамадышъ: Присланная вами загадка помѣщается въ настоящемъ 23 номерѣ. Просимъ и для другихъ номеровъ. А за эту примите благодарность.

А. Л. Memento mori!

Г. Моисею Лихтенштейну въ Берличевѣ. Мы получили вашъ переводъ трактата Д. Вольфа о существѣ, характерѣ и необходимости Релігій, прочли его съ удовольствіемъ и жалѣемъ, что не можемъ оказать вамъ содѣйствія. Въ Иллюстраціи о трудѣ вашемъ говорить не можемъ, какъ по содержанію книги, такъ и потому, что она переволна. Изъ переводовъ упоминаемъ весьма рѣдко и то по особеннымъ причинамъ.

Х. З. У. На всякое чиханье не на здравствуйтесь.

М. Н. Р.—ву въ К. Много чести. Но, увы, мы не раздѣляемъ вашего мнѣнія, что справедливость и миръ должны возстановиться въ нашей литературѣ. Должны, во могутъ ли? Не поминяя, кто-то, увидѣлъ надъ каменномъ статуэткѣ справедливости и мира; онѣ обнимались... Посмотрите, скажите нѣкто, какъ онѣ нѣжно прощаются передъ вѣчной разлукой.

З. Безъ козырей, а если съ низерами, такъ маленькій мизеръ.

Н. С. Если послушаетесь нашего совѣта, то не раскаетесь. Обратитесь къ г. Лихтенштейну, въ Караванной улицѣ, въ домъ г. Либрихтъ. Хотя онъ заваленъ заказами, но обязанность его поможетъ вашему горю.

На письмо, подписанное ***О*** — ?!

Таблица, показывающая пространство земля, занимаемой 37 губерніями западной Россіи по новымъ и прежнимъ исчисленіямъ.

Названіе губерній.	Квадр. географ. миль.	
	по новымъ исчислен.	по прежнимъ исчислен.
1. Олонекская.	2,752 (*)	2,530
2. С. Петербургская.	941	880
3. Новгородская.	2,213	2,280
4. Эстляндская.	570	524
5. Ярославская.	660	600
6. Лифляндская.	884	825
7. Тверская.	1,223	1,135
8. Псковская.	816	599
9. Курляндская.	496	497
10. Владимірская.	862	830
11. Витебская.	810	750
12. Московская.	589	575
13. Ковенская.	758	755
14. Смоленская.	1,019	1,065
15. Виленская.	768	750
16. Рязанская.	766	1,104
17. Калужская.	573	545
18. Тульская.	555	553
19. Пензенская.	690	700
20. Могилевская.	885	720
21. Тамбовская.	1,202	1,200
22. Минская.	1,622	1,800
23. Орловская.	859	826
24. Гродненская.	692	760
25. Черниговская.	1,000	1,100
26. Курская.	818	700
27. Воронежская.	1,209	1,354
28. Волынская.	1,296	1,500
29. Кіевская.	914	936
30. Харьковская.	985	802
31. Полтавская.	897	1,015
32. Земля Донск. Казак.	2,943	2,850
33. Подольская.	774	739
34. Екатеринославская.	1,206	1,256
35. Херсонская.	1,332	1,664
36. Бессарасская Обл.	858	891
37. Таврическая.	1,208	1,343
Всего въ 37 губерніи.	38,425	38,653

(*) Въ повѣдшемъ исчисленіи доли, менѣе 50 отброшены, болѣе 50 приняты, для круглаго счета, за квадратную милю. Въ общемъ итогѣ разница между исчисленіями заключается въ 208-ми квадрат. миляхъ менѣе противу прежняго.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 21.

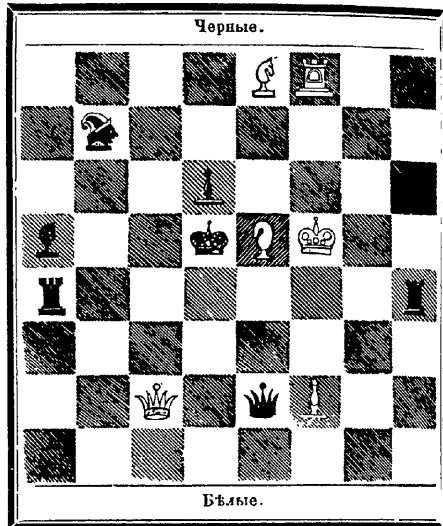
Бѣлые.	Черные.
1. Ф. на 6 м. свое.	Кор. на 5 м. св.
2. Сл. бер. п.	Сл. бер. Сл.
3. К. что на 5 к.л. св. на 2 м. Ф.	Ф. бер. К.
4. Ф. на 5 м. Кор.	Кор. бер. Ф.
5. К. на 4 м. Сл.	Кор. на 5 м. св.
6. К. на 6 м. Ф.	Кор. на 4 м. св.
7. К. на 7 м. Сл. Кор.	Кор. на 5 м. св.
8. Конь бер. п.	Кор. на 4 м. св.
9. Конь бер. Сл.	Кор. на 5 м. св.
10. К. на 5 м. К.	Кор. на 4 м. св.
11. К. на 7 м. Сл. Кор.	Кор. на 5 м. св.
12. К. на 6 м. Ф.	Кор. на 4 м. св.
13. К. на 4 м. Сл. Ф.	Кор. на 5 м. св.
14. Пѣшка С. Кор. одно мѣсто; шахъ и матъ.	

№ 22.

- 1. Пѣшка К. Кор. 1 м. Кор. на 4 м. Сл. св.
- 2. К. Кор. на 7 м. Кор. Ф. бер. К.
- 3. Ф. на 6 м. К. Кор. Л. бер. Ф.
- 4. К. на 5 м. Ф. и матъ.

ЗАДАЧА № 23.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ четыре хода.

РАЗГАДКА № 22.

- 1) Фальшивый аккордъ въ нашей литературѣ.
- 2) Совершенная разладка въ нашей литературѣ

ЗАГАДКА № 22.

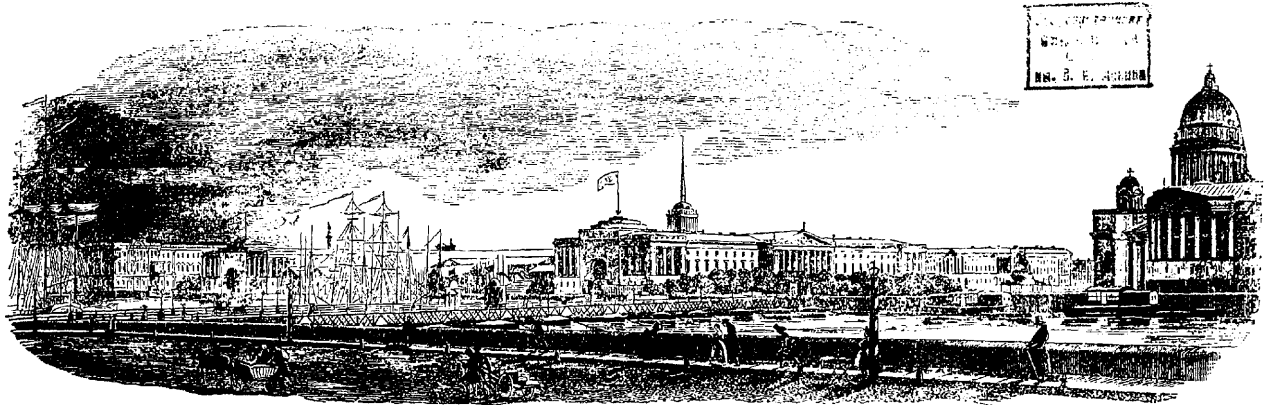

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Пароловскія тайны, разсказъ П. Р. Ф.—на. 2) Рыбные промыслы въ Россіи. 3) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 4) О переменахъ климата въ Европѣ. 5) Почта въ Лейпцигѣ. 6) Мюнхенская королевская лѣтняя. 7) Еще одинъ, продолженіе, П. Ф.—на. 8) Еженедѣльникъ. 9) Загадка романъ Галла (Н.). 10) Анекдоты. 11) Памятная книжка. 12) Переписка. 13) Таблица пространствъ занимаемыхъ 37 Губерніями. 14) Игры, Шахматы, Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) Казацкая станица на Дону. 2) Городъ Азовъ. 3) Артиллерія Цоллера. 4) Зага въ почтамтѣ. 5) Видъ почтамта въ Лейпцигѣ. 6) Чекапная палата въ Мюнхенской лѣтней. 7) Народія на романъ Вѣчной Жидъ (12 гравюръ). Всего 13 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 24. — Суббота, 22 Сентября 1845. Безъ доставкы На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

ПРОСТОЙ СЛУЧАЙ.

БЫЛЪ.

Въ проздѣхъ мой черезъ В..... губернію, случай доставилъ мнѣ знакомство съ отставнымъ уланскимъ полковникомъ Ж—, богатымъ помѣщикомъ, имѣвшимъ премилую жену и шестерыхъ милыхъ малютокъ. Окруженный любимою семьею, уважаемый всѣми, вполне довольный своимъ состояніемъ, полковникъ наслаждался жизнью какъ истинный философъ. Я былъ принятъ радушно въ этомъ превосходномъ семействѣ и провелъ болѣе мѣсяца въ полномъ удовольствіи. Полковникъ любилъ слушать мои рассказы о босвой кавказской жизни, о дикой природѣ Кавказскихъ странъ, о подвигахъ храбрости и самоотверженія, которыми такъ богаты страницы восковой исторіи Кавказскаго Корпуса и, въ свою очередь, рассказывалъ мнѣ свои уланскія похождения, исполненные романтическихъ сценъ.

Въ одинъ вечеръ мы сидѣли вдвоемъ съ полковникомъ въ саду, отколѣ видны были богатыя селенія ему принадлежащія. Роскошная панорама развертывалась въ полномъ блескѣ передъ нашими глазами. Я откровенно сказалъ полковнику, что завидую его положенію. Онъ улыбнулся.

«Было время, любезный товарищъ, сказалъ добросердечный улазъ, что я былъ въ самомъ крайнемъ положеніи. Счастье мое, которымъ теперь наслаждаюсь, просто, дѣло случая, одна изъ тѣхъ прихотей капризной фортуны, которая неуловима и неуловима для ищущаго ея благосклонности, а приходитъ во снѣ. Вижу по глазамъ, что вамъ хочется узнать подробности этого происшествія, такъ выгодно измѣнившаго мое положеніе! Изволь, расскажу съ удовольствіемъ.

«Въ началѣ 1818 года я былъ не болѣе, не менѣе, какъ молодой уланскій корнетъ, только что произведенный. Красивая наружность, чуть-чуть пробивающіеся усы, конь и уланская форма очень ограниченнаго достоинства, составляли все мое достоинство. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, отъ одной трети до дру-

гой перебивался я займами, а при полученіи третваго жалованья, уплачивалъ и оставался безъ гроша. Надежды на поправленіе финансовъ не предвидѣлось. У меня не было ни бабушекъ, ни тетюшекъ, ни дядюшекъ, отъ которыхъ могъ бы я надѣяться получить наследство. Отца и матери моей не было въ живыхъ, и полученное мною отъ нихъ наследство состояло только въ родительскомъ благословеніи, лавѣн перушиномъ; оставалась надежда только на себя. Но что могъ сдѣлать небожливый, бѣдный уланскій корнетъ въ мирное время? На бѣду мою, я иногда на зимнихъ квартирахъ почитывалъ кое-какіе романчики и сталъ сантиментальничать. Но ваши убѣдныя барышни, зная, что я бѣдѣю, смѣялись надъ моими любезностями. Богатство или большіе зполеты, вотъ что пужно пѣвѣстамъ, а у меня не было ни того, ни другаго, следовательно, значеніе мое равнялось нулю! Мнѣ было грустно, невыразимо грустно.

«Вдругъ разнесся слухъ, что Государь Императоръ съ Августѣйшей Фамиліей пріѣхалъ на жительство въ Москву, и что предполагается, для открытія монумента Мишину и Пожарскому на Красной Площади, большой парадъ. Полкъ нашъ также былъ въ числѣ войскъ, для того назначенныхъ. Дѣйствительно, мы выступили въ Москвѣ.»

«Пусть что хотять думаютъ и говорятъ наши велемудрые философы, а я вѣрю предчувствіямъ. Въ ту минуту, когда я только съѣздилъ на коня, чтобъ слѣдовать съ полкомъ въ Москву, мнѣ сдѣлалось такъ весело, такъ неизяснимо пріятно, что я и пересказать не могу. Конечно, тогда я полагалъ причиною тому надежду избавиться хотя на время, отъ монотонной убѣдной жизни: но это было предчувствіе ожидавшаго меня счастья въ столицѣ.»

«Полкъ нашъ былъ расположенъ по квартирамъ въ самой Москвѣ, какъ по уваженію къ холодному времени года, равно и по кратковременному пребыванію. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ отставнаго военнаго генерала, богатаго и всѣми уважаемаго.»

«Генералъ былъ старый гусаръ душою и

тѣломъ. Услышавъ, что у него остановится на квартирѣ молодой корнетъ уланскій, тотчасъ пріехалъ за мной. Я, разумеется явился въ полной формѣ.

«Что, любезный, дорогой товарищъ! вѣри-чалъ генералъ, обнимая меня, вѣдь мы здѣсь не во фронтѣ! пожалуйте маршъ въ твою комнату, надѣнь сюртукъ, сложи оружіе и приходи ко мнѣ за-просто обѣдать. Я былъ самъ такойже молодой корнетъ. Славное было время! Прошу почитать мой домъ своимъ, приходите ко мнѣ обѣдать, ужинать, завтракать, пить чай и кофе, посидѣть поговорить, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Якавалеристъ, ты кавалеристъ: мы братья и товарищи.

«Я былъ очарованъ этимъ безцѣвнымъ обхожденіемъ. Мнѣ отвели особыя комнаты во флигелѣ; но я бывалъ тамъ только какъ на почтѣхъ, проводя все время у генерала, который весьма полюбилъ меня, часто шутилъ надъ тѣмъ что я мало пью и отказывалось отъ пушшу, пародируя стихи незабвеннаго партизана поэта:»

Гдѣ уланы прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ уланы коренные?

Теперь вниманіе (слушайте! слушайте!) Мой романъ начинается. У генерала была дочь, только что выпущенная изъ Института, одно изъ тѣхъ привлекательныхъ существъ, которые хороши какъ они есть, которыя не выдержатъ строгой эстетической критики, но въ которыхъ всякое измѣненіе было бы не у мѣста, какъ сказалъ извѣстный поэтъ:

Ты бы лучше быть могла — по лучше такъ какъ есть.

«Три недѣли сразу почти ежечасно быть въ обществѣ такой очаровательницы и не влюбиться въ нее по уши — было бы неестественно и для разсудительнаго человека, а для двадцатилѣтняго уланскаго корнета вещь совершенно невозможная. Она обращалась со мною безъ всякаго принужденія, какъ съ братомъ; мы часто оставались одни въ будуарѣ, гдѣ все дышало какою-то вѣгою, очарованіемъ. Я таялъ отъ восторга и былъ въ полномъ смыслѣ — на седьмомъ небѣ.»

«Но зато ночью, оставшись одинъ, я страдалъ ужасно. Негодный разсудокъ съ отвратительною точностію высказывалъ всѣ подробности моего тягостнаго положенія. Какое будетъ мнѣ послѣ столь восхитительной жизни перепестись снова въ курную избу, въ сѣдѣть коровъ и куръ и въ добавокъ, съ незлечимю сердечною равнью. Страшно! за челобѣка страшно!»

«Я не находилъ никакого средства къ избавленію себя отъ ужасной будущности, мнѣ угрожавшей; но съ трепетомъ ожидая ее, пользовался дѣйствительностію и пилъ полною чашею фальш очаровательной жизни.

«Но какъ все въ свѣтѣ имѣетъ свое начало и конецъ, такъ и нашъ парадъ совершился 20 февраля 1818 года. Въ присутствіи Императорской Фамиліи и безчисленнаго множества жителей, упали завѣсы, скрывавшія монументы, и колоссальныя изображенія великихъ мужей, спасшихъ Россію отъ ига племенинаго, за два вѣка до нашего времени, явились признательною потомству. Громъ пушекъ и ружей слился съ единопущимъ ура! предстоявшаго парада. Русскіе съ восторгомъ видѣли Благословеннаго, освободителя отечества и цѣлой Европы, отдающаго долгъ благодарности доблестнымъ мужамъ времени мнувшихъ.

«Увлеченный вліяніемъ великихъ воспоминаній, я съ восторгомъ дѣлился съ другими удовольствіемъ быть въ числѣ зрителей достопамятнаго событія. Но, возвратясь домой, пораженъ былъ прямо въ сердце: я получилъ извѣстіе, что полкъ нашъ черезъ недѣлю выстукаетъ на прежнія свои квартиры.

«Хотя я долженъ былъ ожидать этой повести, и она не заключала въ себѣ ничего необыкновеннаго, но я былъ такъ пораженъ ею, что почти цѣлый часъ оставался въ какомъ-то оцепененіи. Ни одной утѣшительной мысли не приходило мнѣ въ голову. А когда послѣдній отъ генерала явился съ приглашеніемъ къ обѣду, и едва былъ въ силахъ за нимъ послѣдовать.

«Какъ странно чловѣкъ! Я очень хорошо зналъ, что дочь генерала, богатая невѣста, почти красавица, вовсе не пара бѣдному уланскому корнету, очень хорошо видѣлъ, что сомной обращались по-дружески безъ принужденія, потому что считали не опаснымъ; по мнѣ казалось, что прелестные глаза генеральской дочки обращались иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ; мнѣ казалось, что она раздѣляетъ мои чувства и ожидаетъ признанія въ любви съ моей стороны. Но могъ ли я это сдѣлать? Меня пугала даже мысль о подобномъ поступкѣ.

«Генералъ встрѣтилъ меня, какъ обыкновенно, ласково; но прелестная институтка казалась мнѣ немного встревоженною. Я такъ уже изучилъ ея физиономію, что и малѣйшее измѣненіе было для меня замѣтно.

«Я слышалъ, любезный товарищъ,—сказалъ генералъ, что ты насъ скоро оставишь? Душевно жаль!»

— Я такъ много признателенъ вашему превосходительству за лестное вниманіе ко мнѣ. Сердечно сожалею, что долгъ службы отзываетъ меня: черезъ недѣлю полкъ нашъ выстукаетъ на прежнія квартиры, но я иногда

не забуду ласкъ вашего превосходительства, которыхъ не заслужилъ...

«Послѣ обѣда я спросилъ дозволенія идти въ свою комнату, подѣ предлогомъ отдыха послѣ усталости отъ парада; но въ сущности для того, чтобъ скрыть свою печаль и смущеніе.

«Генералъ и дочь его грустно посмотрѣли на меня и молчали. Я ушелъ.

«Не раздѣваясь, бросился я на кушетку и далъ полную волю моей горести. Но въ ту минуту, когда, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, я ропталъ на Провидѣніе, Оно, благое, преклось обо мнѣ. Въ комнатахъ генерала происходила сцена, которую я тогда не могъ знать и предвидѣть; но узналъ послѣ. Надобно рассказать ее, чтобъ потомъ судить о моемъ изумленіи.

«Какъ скоро я ушелъ, Елена заплакала и, бросясь въ объятія своего отца, призналась, что страстно меня любить и будетъ вѣкъ несчастной, лишившись меня. Генералъ вѣрно поцѣловалъ ее, обтеръ слезы и сказалъ шутя:

«Дурочка! я это давно замѣтилъ! Ну, Богъ съ вами! Очень радъ! Онъ добрый мальиш. Не богатъ—что жъ за бѣда? У меня ты одна, а я богатъ довольно. Не чивовенъ! Послужить, будетъ имѣть чины. По рукамъ! Стало быть, онъ тебѣ ужъ признался? Экой плутъ! А мнѣ ни слова».

— Нѣтъ, батюшка, онъ ни слова мнѣ не говорилъ о любви.

«Какъ? Стало быть, ты не знаешь, любятъ ли онъ тебя, или нѣтъ?»

— Я догадываюсь, что онъ меня любитъ, и вѣрно отъ робости не смѣетъ признаться.

«Ха! ха! Забавно! Это не по нашему! Мы, бывало, штурмомъ брали красавицъ! Впрочемъ, что жъ намъ дѣлать? Неужели мнѣ самому предлагать ему тебя въ невѣсты, когда онъ не говоритъ ни слова? Вѣдь это очень нескладно!»

— Батюшка!—сказала Елена умоляющимъ голосомъ.

«Ну, что съ тобой дѣлать? Видно, придется старому гусару быть свахой! Ступай въ будуаръ, сосѣдственной съ гостиницей, и слушай что я буду говорить съ твоимъ трусомъ уланомъ; да не выходи, пока не позову».

«Елена крѣпко, крѣпко поцѣловала превосходнаго родителя, и какъ серна бросилась въ будуаръ и захлопнула дверь, прильнувъ къ ней ушкомъ. Генералъ вошелъ въ гостиницу, сѣлъ на диванъ и послалъ за мной, сказавъ, что имѣетъ особую надобность. — Я явился.

«Садись, товарищъ подлѣ меня, сказалъ генералъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить объ одномъ дѣлѣ, которое крѣпко принимаю къ сердцу. Скажи откровенно, какъ тебѣ нравится дочь моя?»

«Я трогалъ и смѣшался. Мнѣ показалось, что генералъ хочетъ обременить меня упрямкамъ за то, что будучи такъ ласково принимать въ его семействѣ, осмѣлился имѣть видъ на его дочь. Полный такихъ мыслей, я пробормоталъ какія-то фразы и, думаю, довольно безтолковыя. Генералъ улыбулся и, взявъ меня за руку, сказалъ весело:

«Оставимъ околичности. Въ наше время кавалеристы не знали фразеологіи, а говорили

и дѣйствовали на прямые гроши. Къ чему всѣ эти увертки? Если хочешь, я скажу тебѣ на пряжки: ты влюбленъ въ мою дочь и боишься признаться, полагая, что мы обидимся твоимъ предложеніемъ, потому что ты бѣденъ, а я богатъ, что ты корнетъ, а я генералъ. Ну, такъ ли?»

«Я бросился въ объятія почтеннаго гусара, говорилъ многое отъ сердца; но что такое и самъ не помню. За сосѣднею дверью въ будуарѣ слышны были всхлипыванія.

«Вотъ это дѣло! сказалъ генералъ, отворилъ дверь будуара и прибавилъ: «Дѣти мои! Сюда, къ сердцу вашего стараго отца!»

«Я и Елена были уже въ его объятіяхъ. Онъ и мы плакали, и смѣлись: намъ было чрезвычайно весело и грустно, въ одно и то же время.

Черезъ полчаса послѣ этой сцены, генералъ уѣхалъ къ моему дивизионному генералу, старому своему сослуживцу, просить для меня отпуска на 28 дней. Мы съ Еленой остались одни.

«Описывать эти восхитительныя минуты, значило бы повторять тысячу разъ описанное въ романахъ.

«Само собою разумѣется, что я получилъ отпускъ. Полкъ нашъ ушелъ, а я остался блаженствовать съ милою невѣстою. Черезъ десять дней была наша великолепная свадьба, а черезъ мѣсяцъ я уже выѣзжалъ изъ Москвы къ своему полку. Но какалъ разнища?

«Въѣзжалъ въ Москву, я былъ бѣдный уланскій офицеръ, безъ всякой будущности, обладатель кося въ пятьсотъ рублей ассигнаціями и полной офицерской формы, стоящей и того дешевле; а выѣзжалъ въ прелестной собственной коляскѣ, запряженной четверкою отличныхъ собственныхъ лошадей, сидѣлъ рядомъ съ восхитительнымъ существомъ, которое могъ называть моею Еленой, цѣловать и любоваться ею. Впереди и сзади коляски привинчены были сундуки съ богатѣйшимъ гардеробомъ. На нихъ сидѣли два лакея щегольски одѣтые. За нами тянулись двѣ прекрасныя брички, нагруженныя всякаго рода домашнимъ скарбомъ, богатою рукою приготовленнымъ, и полдюжиною лакеевъ и горничныхъ. Лошади, запряженныя въ бричкахъ, также намъ принадлежали. Въ кармазѣ у меня былъ ломбардный билетъ во 100 т. руб. и дарственная записка на двѣ тысячи душъ. — Великолѣпно!

«Прибывъ въ полкъ, я нашелъ приказъ о назначеніи меня адъютантомъ къ нашему дивизионному генералу, и отправился съ женою въ губернской городъ, гдѣ былъ встрѣченъ ея отцомъ, переселившимся туда на-жительство, чтобы не разставаться съ своими дѣтьми.

«Романъ мой конченъ—а счастливъ ли я? Вы сами видѣли.

Въ эту минуту вошла супруга полковника; онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ: «Вотъ мой благодѣтельный геній». Елена зажала ему ротъ своею прелестною ручкою и сказала, обратясь ко мнѣ: «Вы извините его: онъ иногда на-яву бредитъ!» и съ жаромъ поцѣловала своего мужа.»

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(Продолженіе).

VI.

Дмитрій Ивановичъ простоялъ еще нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, не смѣя пошевеливаться...

Было очень темно.

Поднявшійся вѣтеръ гналъ по небу свинцовыя тучи; въ отдаленіи слышались глухіе раскаты грома; гдѣ-то на задворкѣ выла собака.

Крупныя, хотя еще рѣдкія, капли дождя, застучавшіяся въ фуражку Топилова, заставили его ономиниться. На цыпочкахъ, едва переводя дыханіе, отошелъ онъ отъ бани и потомъ пустился домой, почти бѣгомъ.

Вѣрный пудель его, Картушъ, какъ животное благоразумное, рассчиталъ, что ночи создали не для того, чтобы бродить по сырости, а потому давно уже отправился домой.

Наконецъ нашъ молодой человѣкъ, во временахъ оглядывавшіяся со страхомъ, приближалъ домой, усталый и мокрый.

Въ окнахъ маленькой избытки, которую онъ назвалъ вѣстѣ съ городскимъ сосѣдомъ своимъ, живописцемъ Павломъ Зоринымъ, былъ свѣтъ.

— Ну, слава Богу, — подумалъ Топиловъ, — Зоринъ еще не спитъ! — И съ этими словами онъ постучался.

Минуту спустя онъ вошелъ въ комнату.

Два окна этой избы выходили на задворокъ. У одного изъ оконъ былъ мольбертъ, на которомъ стоялъ подмалеванный холстъ; у боковыхъ стѣнъ стояли два турецкіе дивана; между окнами столъ; посреди комнаты въ живописномъ безпорядкѣ находились три или четыре стула; около стѣнъ были портфели или пакки, холсты, рамки и прочія принадлежности живописца.

Картушъ преспокойно храпѣлъ на диванѣ своего хозяина, при входѣ котораго онъ проснулся, повертѣлъ хвостомъ, вздохнулъ и, повернувшись на другой бокъ, опять закрылъ глаза.

— Гдѣ ты это бродилъ цѣлый вечеръ, Митя? — спросилъ живописецъ, запирая дверь на крючокъ.

— Охъ, ужъ не спрашивай!.. Бѣда да и только!..

— Да какъ ты промокъ!.. Не случилось ли чего съ тобою?

— Такіе ужасы, что у тебя отъ одного разсказа волосы станутъ дыбомъ на головѣ!.. Ну, братъ, я завтра же перебѣжаю въ городъ!.. отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, опустившись на диванъ, который затрещалъ.

Картушъ проснулся, недовольный соскочилъ съ этого дивана и улегся на другомъ.

На просьбу Зорина, Топиловъ рѣшился наконецъ разсказать ему все случившееся съ нимъ. Живописецъ слушалъ, покачивая головою и пожимая плечами; но когда дѣло дошло до старой бани, то онъ сталъ слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ и вдругъ вскричалъ какъ бы невольно:

— Славная, братецъ, картина!.. Презректную картину можно написать!

— Какая тутъ картина! — съ неудовольствіемъ возразилъ Топиловъ. — Выслушай наконецъ, и ты ужаснешься!..

Топиловъ разсказалъ разговоръ жителей старой бани.

— Э!.. да это скверная штука, — кричалъ Зоринъ, когда пріятель его замолчалъ. — Надо сейчасъ дать звать Становому приставу... Пойдемъ!

— Теперь? Ни за что. Завтра, изволь, пойду.

— Гмъ!.. а какъ они уйдутъ?

— Не уйдутъ!.. Вѣдь эти злодѣи не знаютъ, что я подслушалъ ужасную тайну ихъ!

Зоринъ задумался... и вдругъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься? — спросилъ пріятель его.

— Знаешь ли, Митя, мнѣ кажется, что все это вздоръ?

Дмитрій Ивановичъ сострадательно пожалъ плечами, всталъ и, не говоря ни слова, сталъ вынимать ихъ ящичка въ диванѣ подушку, простыню и халатъ.

— Не можетъ же быть, чтобы здѣсь... въ такомъ людномъ мѣстѣ, завелись разбойники.

— А отчего не можетъ быть?

— Оттого, что разбойникамъ не мѣшаютъ только въ драмахъ, да въ романахъ... а здѣсь...

— Полно, пожалуйста, Павелъ!.. Ты вѣчно споряшь... Говорятъ тебѣ, что я собственными глазами видѣлъ, собственными ушами слышалъ... вскричалъ съ досадою Топиловъ.

— Ну, ладно, ладно!.. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ важнѣе всего то, что надо проучить Прищова.

— Чортъ съ нимъ!

— Это ужъ само по себѣ, а то... мнѣ до того не нравится экспрессія его, что ужасно хотѣлось бы стереть ее съ холста земли!.. Рыжіе бакенбарты его безпрестанно напоминаютъ мнѣ тердесенъ, который я терпѣть не могу!..

— Я не знаю, отчего это происходитъ, — сказалъ Топиловъ, раздвѣаясь, — но мнѣ все кажется, что этотъ человѣкъ причипитъ маѣ большое зло...

— Да чего онъ хочетъ?.. Зачѣмъ онъ пристаеетъ къ тебѣ?.. спросилъ Зоринъ, также ложась спать и согнавъ съ дивана пуделя, который глубоко вздохнувъ, соскочилъ и рванулся на полу.

— Боже мой!.. я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что онъ сватается на Авдотѣ Егоровнѣ.

— Хороша парочка! — проворчалъ сквозь зубы живописецъ.

Топиловъ притворился будто бы не слышалъ послѣднихъ словъ своего товарища и, чтобы перебить разговоръ, спросилъ, ложась на диванъ и прикрываясь халатомъ:

— Ты погасишь свѣчу, Павелъ?

— Погаси... А въ самомъ дѣлѣ, престранная исторія въ этой банѣ...

— Полно, не говори, — возразилъ Топиловъ, — еще приснится, пожалуйста.

— Прощай, спокойной ночи!

Зоринъ легъ на диванъ, закурилъ трубку и загасилъ свѣчу.

Въ комнатѣ было темно. Въ трубѣ слышались страшные завыванія вѣтра, отъ котораго тряслись оконницы, въ стекла которыхъ стучалъ дождь.

— Ты заперъ дверь? — спросилъ Топиловъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Зорина.

— Заперъ, — отвѣчалъ тотъ зѣвнувъ.

— На крючокъ?

— На крючокъ.

Опять наступило молчаніе.

Топиловъ безпрестанно вертѣлся съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть. Кровь его была слишкомъ взволнована.

Вдругъ вѣтеръ шагнулъ ставень на окно; онъ стукнулъ такъ сильно, что стекла задрезжалъ.

— Что это!.. вскричалъ съ испугомъ Дмитрій Ивановичъ.

— Что такое? — спросилъ заспавшимъ голосомъ Зоринъ.

— Какой шумъ...

— Это вѣтеръ.

Опять молчаніе.

Топиловъ спряталъ голову подъ халатъ, служившій ему одеяломъ, чтобы не слышать ни завыванія вѣтра, ни шума дождя; но тшетьно... какіе-то неясныя, неопредѣленные звуки поражали слухъ его... и звуки эти служили капвой, по которой воображеніе его рисо-

вало ему самыя страшныя картины; онъ не вытерпѣлъ, высунулъ голову изъ одеяла и сталъ прислушиваться.

— Павелъ, — произнесъ онъ тихимъ голосомъ, — ты спишь?

Не было отвѣта.

— Кто-то ходитъ за дверьми, — продолжалъ Топиловъ тѣмъ же тихимъ голосомъ, но по прежнему не получая отвѣта.

Тогда Дмитрій Ивановичъ сталъ трусить не на шутку. Онъ не смѣлъ пошевеливаться, между тѣмъ ему казалось, что онъ явственно слышитъ, какъ кто-то движется за дверью...

Онъ закрылъ глаза, но воображеніе его работало неустойчиво, слухъ передавалъ ему малѣйшій шумъ въ видѣ стопа, плата, рыданій...

Топиловъ сталъ придумывать разныя средства, чтобы отвлечь умъ свой отъ страшныхъ видѣній, стараясь обратить его на чтонибудь другое. Онъ сталъ считать сначала единицы, потомъ десятки, потомъ сотни... но только одинъ губы его машинально произносили попомотомъ числа... воображеніе дѣлало свое.

Онъ насчиталъ уже до шести сотъ тридцати семи и эта прикладная ариметика стала уже благодѣтельно дѣйствовать на него... какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что нѣчто холодное, ледянистое коснулось груди его... Дмитрій Ивановичъ задрожалъ... хотѣлъ кричать, но страхъ оковалъ языкъ его; онъ хотѣлъ вскопнуть... ужасъ оковалъ всѣ члены его...

Наконецъ, послѣ невообразимаго усилія, онъ вскрикнулъ и вскопнулъ на диванѣ.

Въ комнатѣ было свѣтло... Зоринъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, со свѣчей въ рукахъ и глядѣлъ на потолокъ.

VII.

— Павелъ! что случилось?.. вскричалъ съ-просонокъ Топиловъ.

Зоринъ продолжалъ смотрѣть на потолокъ, ворча что-то сквозь зубы и покачивая головою.

Тогда и Дмитрій Ивановичъ невольно поднялъ голову... въ досчатомъ потолкѣ была широкая щель, черезъ которую шедрыми каплями проходила дождевая вода... Плеча Топилова и грудь уже поридочно промокли.

— Окна! — ироговорилъ Зоринъ.

— Досада! — проворчалъ Топиловъ.

— Эдакъ не надо и дачи навимать, можно жить на чистомъ воздухѣ... большой разницы не будетъ.

— Какъ же негодяи хозяйничаютъ предудѣдомлять насъ?

— О чемъ?

— О томъ, что у него дача не домъ, а рѣшето, — вскричалъ съ досадою Дмитрій Ивановичъ.

— Станетъ опять предудѣдомлять тебя! — отвѣчалъ, засмѣявшись, живописецъ.

— Чортъ его возьми!.. Я завтра выгду!

— Очень нужно.

— Да что же намъ дѣлать?

— Покоритесь судьбѣ и законопатите щель.

— Это легко сказать; а какъ ее законопатить?

— Надо подумать.

Зоринъ вскопнулъ съ дивана и сталъ наскоро одѣваться, между тѣмъ какъ Дмитрій Ивановичъ придумывалъ, гдѣ бы ему устроиться, чтобы послать хоть остальную часть ночи.

Молодой живописецъ вышелъ и воротился итѣсколько минутъ спустя съ порядочнымъ пучкомъ пакли, которую онъ выщипалъ снержуки, между бревнами.

— Ура!.. вскричалъ онъ, входя въ комнату, — вотъ и пакля!.. Митя, давай конопатить.

— А спать?.. спросилъ съ изумленіемъ Топиловъ.

— Гдѣ тебѣ спать!.. Вишь, ужъ начинаеетъ разсвѣтать; завтра выспимся.

Нѣсколько минутъ спустя щели были законопатены; потомъ Зоринъ, стоя на столѣ,

наклеивала свѣрхъ пакли, чтобы она лучше держалась, полосы бумаги, которыя Топиловъ вырѣзывала и намазывала клѣйстеромъ.

VIII.

Послѣ ненастной ночи, наступило свѣтлое, ясное утро.

Была какой-то праздникъ. Тихій колокольный звонъ, разносившійся по деревнѣ, сзывалъ пранославныхъ къ обѣдѣ.

Вся деревня была особенно оживлена. Группы крестьянъ, въ красивыхъ рубахахъ и праздничныхъ кафтаняхъ, крестьянки въ живописныхъ сарафанахъ и новинкахъ, унизанныхъ жемчугомъ, мѣшались съ группами дачницъ и дачниковъ, въ бѣлыхъ, розовыхъ платьицахъ и сѣрыхъ пальто, чинно подымавшихся на гору къ церкви.

У одной изъ дачъ... описывать ли вамъ паружность Парголовской дачи?.. Исключая немногихъ, онѣ почти все похожи одна на другую...

..... песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рыбины,
Калитка, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью изъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.

И такъ, у одной изъ дачъ передъ палисадникомъ на скамьѣ сидѣла Евдоксія Егоровна возлѣ матери, по другую сторону которой стоялъ, съ сигарой въ зубахъ, человѣчекъ съ рыжими бакенбартами.

Зоринъ глядѣлъ на потолокъ.

Онѣ, какъ казалось, собирались куда-то ѣхать; и точно, нѣсколько минутъ спустя, къ палисаднику подѣхали двѣ телеги; въ то же время въ вѣкторомъ разстояніи показался Дмитрій Ивановичъ.

Онъ подошелъ къ Рытковскимъ, раскланялся и извѣстился, что заставилъ ждать себя.

Человѣкъ съ рыжими бакенбартами ласково улыбнулся, смотря изподлобья, то на Евдоксію, то на Топилова.

— Какъ же мы усадемся?.. спросилъ онъ съ ядовитой улыбкой, взглянувъ на Дмитрія Ивановича.

— А, разумеется, какъ... мы съ вами, Захаръ Трионовичъ, а молодежь съ молодежью — возразила мать Евдоксіи.

— Хе, хе, хе! очень пріятно-съ, очень пріятно-съ, — говорилъ Прышовъ, подсаживая на телегу Рытковскую, съ миной, совершенно противурѣчивою словамъ его.

Топиловъ былъ въ восторгѣ; во-первыхъ потому, что могъ поговорить безъ помѣхи съ Евдоксіею о своей любви, а во-вторыхъ потому, что это, по видимому, раздосадовало Прышова, котораго онъ искренно и душевно — ненавидѣлъ.

Но увы!.. непрочны и непостоянны земныя радости. Прышовъ, подсаживая Рытковскую, шепнулъ ей одно слово на ухо... только одно

слово, и лицо почтенной барыни измѣнилось: оно приняло серьезно-вѣжливое выраженіе и, обратившись къ Топилову, мать Евдоксіи сказала:

— Дмитрій Ивановичъ, садитесь со мною... мнѣ надо переговорить съ вами...

Лицо молодого человѣка вытянулось; по чечего было дѣлать.

Прышовъ торжествовалъ. Усѣлись, побѣхали.

Когда телеги стали подѣзжать къ саду, изъ-за угла одной изъ дачъ, выѣхалъ молодой человѣкъ, въ соломенной шляпѣ, на пѣгомъ, толстопомомъ чухонскомъ кофѣ. Осмотрѣвшись по сторонамъ и замѣтивъ, что телеги были уже въ довольно далекомъ разстояніи, молодой человѣкъ, приударивъ коня зеленымъ хлыстикомъ, пустился за ними легкой рысцою.

IX.

Читатели видѣли, что Дмитрій Ивановичъ спокойно побѣхалъ съ Рытковскими, не думая болѣе о вчерашнихъ ужасахъ. Причину этого мы сейчасъ постараемся объяснить.

Утромъ Топиловъ получилъ отъ Евдоксіи Егоровны маленькую записочку, въ которой она просила его ѣхать съ ними въ одну изъ окрестныхъ деревень, славившуюся прекраснымъ мѣстополюженіемъ.

Топиловъ, рѣшившійся посвятить этотъ день открытію странной тайны людей, жившихъ въ старой банѣ, былъ поставленъ этимъ письмомъ въ нѣсколько затруднительное положеніе, изъ котораго вывелъ его Зоринъ,

Парголовская дача.

обѣщавшій взять это дѣло на себя; и пока Дмитрій Ивановичъ одѣвался, чтобы идти къ Рытковской, молодой живописецъ пошелъ къ банѣ.

Спустившись съ высокаго берегу, молодой человѣкъ увидѣлъ у самого озера группу женщинъ, о чемъ-то съ живостію разговаривавшихъ.

Передъ ними стояла молодая дѣвушка, съ холоднымъ, безмысленнымъ выраженіемъ лица.

Зоринъ, какъ живописецъ, былъ пораженъ художественно-правильными чертами молодой дѣвушки и догадался, что это, вѣроятно, была та самая, о которой говорилъ ему Топиловъ. Подоидя ближе къ группѣ, Зоринъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Постой ты, негодная!.. кричала одна изъ женщинъ, — я тебя научу таскаться по задворкамъ; — покажись ты еще разъ, такъ я тебя помоломъ!

— Давно бы ихъ надо выгнать! — прибавила другая женщина.

— Какъ это имъ позволяютъ!

— Въ городѣ ихъ давно бы на съѣзжую забрали!..

— Да такъ и слѣдуетъ, а то вѣдь эти бродяги куда какъ нечисты на руку...

— Ну, призывайся!.. закричала опять первая изъ женщинъ, по видимому, кухарка.

Молодая дѣвушка отрицательно покачала головой.

— А вотъ будешь знать, какъ дѣло дойдетъ до розогъ!..

— Конечно, конечно! — закричали другія женщины хоромъ, — сведемъ ее къ старостѣ.

На глазахъ молодой дѣвушки выступили слезы, и только эта страшная угроза измѣнила холодное выраженіе ея лица. Медленно покачала она головой.

— Полно притворяться, голубушка; какъ наказывать стануть, такъ заговоришь!

Молодая дѣвушка утерла рукавомъ слезы, вздохнула и пожала плечами.

— Да что тутъ разговаривать, Григорьевна, тащи ее къ старостѣ, тамъ съ нею раздѣлаются!..

Съ этими словами одна изъ женщинъ схватила молодую дѣвушку за руку и потащила за собою. Последняя зарыдала, но не сопротивлялась.

Въ то же время за пизенькимъ окномъ старой бани, возлѣ которой проходила эта сцена, показалось широкое, полное лицо дурачка... по лишь только глаза его встрѣтились съ глазами Зорина, то онъ немедленно скрылся.

— За что вы ее обижаете? — спросилъ молодой живописецъ, подойдя къ женщинамъ, и указывая на дѣвушку.

Зоринъ наклеивала полосы бумаги, которыя Топиловъ намазывалъ клѣйстеромъ.

— Воруетъ, батюшка, воруетъ!.. отвѣчала кухарка.

— Что она украла?

— Курочку, батюшка, украла у меня... молодку... бѣленькую... такую славную, что просто, жалость беретъ, какъ вспомню!

— Почему же ты знаешь, что она украла?.. продолжалъ Зоринъ.

— Некому больше... вѣдь это народъ забубенный.

— Коли ты навѣрное не знаешь, такъ не имѣешь никакого права обижать ее.

— Эка-ся!.. закричала одна изъ бабъ, — вишь какой заступникъ нашлся!

— Ни што! дѣвчинка-то не дура собой... замѣтила другая.

Ничая съ изумленіемъ глядѣла своими большими глазами на живописца.

Въ умѣ Зорина въ то же мгновеніе мельнула странная, внезапная идея, заставившая его невольно улыбнуться...

— Послушай, матушка, — спросилъ онъ, обратившись къ кухаркѣ, — цѣтъ ли у тебя еще сѣрой курочки?

— Срой? Нѣту-ти, батюшка; иѣтушокъ сѣренкѣй есть...

— Ну, такъ я знаю, куда дѣвалась твоя курочка, — отвѣчалъ Зоринъ, съ лица котораго уже не сходила веселая улыбка.

Кухарка отпустила пшцию, которая продолжала съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ признательностію, смотрѣть на живописца.

— Неужто знаете, батюшка? вскричала радостно кухарка. Скажите, родимый, я вамъ въ ножки поклонюсь!.. Вѣдь я ужаси какъ любила свою курочку.

— Знать-то я знаю, гдѣ твоя курочка, только тебѣ, матушка, радости не будетъ, — отвѣчалъ живописецъ: — она вчера вечеромъ гуляла по большой дорогѣ; вдругъ наѣхала экипажа, она не успѣла посторониться и была раздавлена подъ колесами...

— Ахти, свѣты! — завопили бабы.

— Я это самъ видѣлъ.

— Эка, подумашь, жалость! — сказала одна изъ женщинъ.

Нищая не сводила глазъ съ Зорина; къ изумленію, выразавшемуся на обыкновенно безсмысленномъ лицѣ ея, присовокупилось какое-то невыразимое любопытство.

— Вотъ, видишь ли, матушка, продолжалъ Зоринъ, — я зналъ, что ты напрасно обижалась эту дѣвушку; она ни въ чемъ не виновата...

— Вылѣзай, вылѣзай!

Яшка вылѣзъ изъ подъ печки и на колѣняхъ остановился передъ живописцемъ.

— Яшка, — сказалъ Зоринъ, — ты мнѣ нуженъ.

— Изволь распоряжаться, кормилецъ, я твой слуга.

— Зачѣмъ же ты, негодяй, куръ воруетъ?

— Нужда, отецъ родной, нужда!

— Ну, слушай, я уже выручилъ тебя, только смотри впередъ не шалить, а то я сейчасъ тебя выдамъ. Знаешь ли ты дачу Ведриша?

— Это что за трактиромъ?

— Да.

— Передняя или задняя?

— Задняя.

— Знаю, батюшка, знаю.

— Такъ приходи туда завтра утромъ.

— Помилуй, кормилецъ, ужъ не стапеш ли ты меня наказывать?

— Не бойся!.. Я хочу съ тебя портретъ снискать.

Минимй дурачокъ вековѣрчиво посмотрѣлъ на Зорина, потомъ отвѣчалъ:

— Приду, родной, непременно приду.

Молодая дѣвушка во все это время стояла за Зоринимъ и не спускала съ него глазъ, въ которыхъ выражалась искренняя признательность.

прижавъ ее къ своимъ губамъ, проговорила едва слышнымъ голосомъ:

— Спасибо, баринъ!..

— Какъ? Слѣдовательно ты не иѣмая? — спросилъ съ изумленіемъ Зоринъ.

Нищая вздрогнула, поблѣднѣла, оглянувшись, увидѣла Яшку съ злобой усмѣшкой смотрѣвшаго на нее и, опустивъ руку молодаго живописца, поначала только головою.

Зоринъ бросилъ еще взгляды, исполненный состраданія, на бѣдняжку и ушелъ.

— Что, Душка, у ты никакъ язычокъ развязался? — съ ядовитой усмѣшкой спросилъ Яшка.

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

— Да ну, говори же!.. а не то, вѣдь я тебя во какъ!.. продолжалъ дурачокъ, погрозиивъ ей кулакомъ.

— Что тебѣ надо? — произнесла едва слышнымъ голосомъ молодая дѣвушка.

— Пойдешь ты завтра къ этому барину?..

Впши, исебось, теперь ухмыляется!.. Я тѣ, знашь, какова барниша дамъ!.. Кники ты только у меня!.. Пойдти-то мы поидемъ!.. авось уадасть что нибудь стибрить!.. Ну, да ладно, бери нѣшокъ, да за дѣло!..

Черезъ полчаса на деревнѣ бѣгалъ мальчишка юродивый, болтавшій всякій безсмысленный вздоръ на ломаномъ, полуучюномъ языкѣ.

Черезъ полчаса по задворкамъ ходила иѣмая дѣвушка, возбуждавшая сожалѣніе своею молодостію и истинно прекрасными чертами, не искаженными еще нищетою.

Юродивый — былъ Яшка; иѣмая — Душка.

Подемъ Федюха!

Зоринъ странствуетъ по болотамъ.

Лошадь стунитъ два шага впередъ, одинъ назадъ.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, женщины разошлись.

Зоринъ остался.

— Послушай, — сказалъ онъ дѣвушкѣ, — сведи меня къ Яшкѣ; я хочу съ нимъ переговорить.

Нищая не трогалась и продолжала смотрѣть на молодаго живописца. Когда тотъ повторилъ свой вопросъ, она отрицательно поначала головою. Тогда Зоринъ, бросивъ на нее взглядъ сожалѣнія, самъ пошелъ къ банѣ.

Войдя туда, онъ осмотрѣлся; никого не было.

— Яшка, произнесъ онъ громкимъ голосомъ, — выходи! для я тебя выдамъ!

Молчаніе.

— Ну, ладно, — продолжалъ Зоринъ; — вѣдь я знаю, что ты зарѣзалъ бѣлую курицу и спелъ ее толсто!..

Подъ печкой послышался шумъ и, секунду спустя, оттуда показалась голова Яшки, дурачка.

— Батюшка, господинъ честной, произнесъ онъ жалобнымъ голосомъ, — помилуйте!

Зоринъ оглянувшись, увидѣлъ ее и прибавилъ, обратившись опять къ Яшкѣ:

— И ее приведи съ собой.

Минимй дурачокъ сдѣлавъ едва замѣтную гримасу и съ легкимъ выраженіемъ проинъ спросилъ:

— А зачѣмъ-ста я тебѣ ее приведу?

— Не спрашивай, а исполняй, что приказываютъ!

— Не слѣдъ ей, баринъ, къ тебѣ ходить, возразилъ Яшка съ нѣкоторою дерзостію, по своему объясняя себѣ требованіе молодаго живописца; но послѣдній такъ сердито взглянул на дурачка, что тотъ невольно опустилъ голову и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Приведу, кормилецъ, приведу.

Зоринъ готовился уже переступить черезъ порогъ, но вдругъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за руку...

Онъ оглянувшись, за нимъ стояла нищая.

— Что тебѣ надо? — спросилъ Зоринъ.

Молодая дѣвушка боязливо посмотрѣла назадъ; Яшки не было: онъ остался въ банѣ; потомъ схватила руку живописца, и

X.

Успокоившись на счетъ одной, самой страшной тайны, Зоринъ пошелъ домой, но уже не засталъ Тошлова.

День былъ прекрасный, а потому молодому живописцу не хотѣлось приниматься за работу. По странной прихоти, онъ вздумалъ бхать за Рытковскими, надѣясь, что ему уадасть, можетъ быть, сыграть какую нибудь шутку съ Прышовымъ.

Чтобы объяснить верасположеніе его къ этому человеку, мы должны сказать, что, вошедъ въ, ему не нравилась стереотипная ядовитая улыбка рыжего бакенбарты его, а вотгорыхъ, онъ былъ введень Тошловымъ къ Рытковскимъ, которые сначала приняли его очень ласково, но потомъ, по наущенію Прышова, хозяйка дома стала обходиться съ нимъ чрезвычайно холодно, послѣ чего Зоринъ и пересталъ ходить къ нимъ; наконецъ, въ-третьихъ, хотя молодой живописецъ вѣсколько не одобрялъ любви Дмитрія Ивановича къ Евдоксѣй Егоровнѣ, однакожъ онъ хотѣлъ также, чтобы Прышовъ не осмѣливался преслѣдо-

вать молодого человѣка, къ которому онъ былъ душевно привязанъ.

Къ довершенію всего, мы должны прибавить, что у Зорина была своя идея, которую онъ не повѣрялъ своему другу, и по весьма понятной причинѣ: онъ весьма заботился о томъ, чтобы женить Прышова на Евдоксѣ Егоровнѣ, не подозревая того, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовала совершенно согласно съ видами человѣчка съ рыжими бакенбартами, который самъ только того и домогался, но которому Евдоксія Егоровна уже два раза отказывала. Прышовъ былъ человѣкъ терпѣливый; онъ не терялъ надежды смягчить сердце жестокой, поставивъ себѣ непремѣнной обязанностью преслѣдовать всѣхъ поклонниковъ ея.

И такъ мы уже сказали, что Зоринъ надѣялся сыграть какую нибудь шутку съ Прышовымъ; но увя! — Кто другому яму роетъ, тотъ часто самъ въ нее попадаетъ... Истина старая, но не менѣе того вѣрная.

Не желая быть замѣченнымъ въ хавшихъ въ телегахъ, живописецъ завернулъ въ сторону и ѣхалъ рысцою или, лучше сказать, довольно тяжелою рысью на своемъ пѣгомъ конѣ, лѣсомъ.

Онъ задумался; не ретивый конь воспользовался этимъ случаемъ и пошелъ шажкомъ, заворотилъ по какой-то узкой дорожкѣ и шелъ себѣ куда глаза глядятъ; а между тѣмъ съверное небо подернулось тучками и вскорѣ крупныя капли дождя, пробивавшіяся сквозь лиственную сѣть, подъ которой ѣхалъ Зоринъ, вывели его изъ глубокой задумчивости, въ которую онъ былъ погруженъ...

О чемъ же думалъ молодой живописецъ?

Странная вещь!.. Многія изъ нашихъ читателей презрительно улыбаются, пожутъ плечами и какъ нибудь по-французски отзвуются о Зоринѣ; но мы должны сказать правду.

Зоринъ задумался о пищей.

Да, объ пищей, о босопогой Дункѣ, которую кухарки бранными словами гнали отъ кухни, которую — что ужаснѣе всего! — цѣловалъ грязный Яшка!.. Но не забудьте, читатели, что Зоринъ былъ живописецъ: чудныя, рафаэлевскія формы молодой дѣвушки заставляли его забывать о прочемъ; въ грубомъ, дикомъ кампѣ онъ видѣлъ алмазъ...

Последній поступокъ, последнее движеніе Дунки произвели на Зорина странное, невыразимо-грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сладостное впечатлѣніе... онъ далъ бы многое, чтобы позвать руку этой молодой дѣвушкѣ, чтобы смотрѣть на нее долго, долго...

Наконецъ ему самому стало и досадно, и смѣшно. Онъ старался разогнать мысли, преслѣдовавшія его, разсѣяться; но тщетно: Богъ знаетъ, куда бы завелъ его пѣгій конь, если бъ не пошелъ дождь.

Зоринъ очнулся.

Онъ заѣхалъ въ чащу лѣса; надъ нимъ видѣлись клочки сѣраго неба, а вокругъ лѣсъ... со всѣхъ сторонъ лѣсъ. Дорожки не было видно. Лошадь пробиралась себѣ по-маленьку, да щипала траву.

Надобно было отыскать дорогу, что было весьма трудно. По прошествіи часа, во время котораго дождь мочилъ Зорина сверху, а вѣтви деревьевъ, между которыми онъ ѣхалъ, безпрестанно хлестали его по лицу, угрожая на каждомъ шагу сорвать съ него шляпу, онъ выѣхалъ на нѣчто, приблизительно походившее на дорогу; но тутъ случилась новая бѣда: обширная лужа преградила ему дорогу.

Какъ ни поучкалъ Зоринъ своего пѣгаго — онъ въ сѣ мѣста. Выведенный изъ терпѣнія, Зоринъ соскочилъ съ лошади и, схвативъ ее подъ уздцы, насильно потащилъ за собою. Но и это не много помогало: лошадь ступить два

шага впередъ, потомъ одинъ назадъ, и опять остановится.

Вдругъ пѣгій на дыбы, (признакъ сильнаго волненія въ чухонской лошади) рванулся, чуть не сбилъ съ ногъ Зорина и пустился во весь галопъ по лѣсу.

У молодого живописца опустились руки и, когда онъ пришелъ въ себя, то уже не видно было коня; только по временамъ слышалось вдали ржаніе его, походившее на крикъ свободы.

Послѣ невозможныхъ усилій и затрудненій, Зоринъ, страствуя по сушѣ и болотамъ, пробрался на поляну — куда? — онъ самъ не зналъ.

Только вдали въ сѣромъ туманѣ видѣлась деревня, а ближе, нѣсколько разбросанныхъ овиновъ и ригъ.

XI.

Для читателей, не любящихъ, чтобы добродѣтель была угнетаема, мы должны сказать, что не одинъ Зоринъ подвергся столь печальной участи: она постигла и Прышова.

Въ телегѣ, въ которой онъ коварнымъ образомъ отнялъ мѣсто у Дмитрія Ивановича, отвалилось колесо. Захаръ Трифоновичъ свалился, но не ушибся. Евдоксія Егоровна сидѣла на своемъ мѣстѣ, но все-таки дальше ѣхать не было никакой возможности.

По счастью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги случился сарай, устроенный для складки сеновъ.

Евдоксія Егоровна укрылась туда съ Прышовымъ, между тѣмъ какъ мать ея, благодарно занасаясь зонтикомъ, поѣхала съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ деревню, чтобы нанять другую телегу, или, по-крайней-мѣрѣ, призвать людей, для починки поврежденной.

Въ сараѣ былъ сквозной вѣтеръ, а потому Прышовъ, собравъ остатки находившейся въ немъ соломы, свалилъ ихъ въ кучу, въ одинъ уголъ, куда и пригласилъ Евдоксію Егоровну; самъ же онъ занялъ мѣсто возлѣ нея.

— Боже мой! Какой неприятный случай!.. произнесла плаксивымъ голосомъ блондинка.

— Что вы молчите? — продолжала она, обращаясь къ человѣчку съ рыжими бакенбартами.

— Я молчу потому, что не смѣю жаловаться на случай; онъ доставляетъ мнѣ счастье...

— Довольно, довольно! Вы мнѣ всю дорогу твердили объ этомъ счастьи.

— Ахъ, Евдоксія Егоровна, что у кого на сердцѣ, то и на языкѣ.

— У васъ должно быть чрезвычайно много злости на сердцѣ, потому что языкъ вашъ золь.

— Отчего же?.. Оттого что я люблю правду говорить?.. спросилъ съ коварнымъ простодушіемъ Прышовъ.

— Хороша правда!.. нетерпѣливо возразила Евдоксія Егоровна. — Ахъ, Боже мой! здѣсь кажется, течетъ насквозь!.. Какія ужасы!

Евдоксія Егоровна встала; Прышовъ перетянулъ солому на другое мѣсто, и бо опять заняли прежнее положеніе.

— Правда рѣдко хороша бываетъ, — продолжалъ Прышовъ.

— Особенно, когда вы ее говорите, — возразила блондинка.

— Однако не забудьте, что я не всю правду говорю, которую знаю... напимѣръ, я знаю одну дѣвицу... я не назову ея... я знаю дѣвицу, которая познакомилась съ молодымъ человѣкомъ... въ этомъ еще ничего худого нѣтъ, но то бѣда, что онъ, приторный франтъ, назначилъ ей свиданіе... что бы вы сдѣлали на мѣстѣ этой дѣвицы, Евдоксія Егоровна?

— Глупый вопросъ! — возразила блондинка, пожавъ плечами, потомъ прибавила: — какъ здѣсь холодно!..

— Позвольте, я накрою васъ своимъ пальто, — съ живостію сказалъ Прышовъ.

— Не трудитесь... не пужно мнѣ вашего пальто, — презрительно отвѣчала Евдоксія Егоровна.

— Какъ вамъ угодно; но вотъ въ чемъ дѣло: молодая дѣвушка, о которой я вамъ сейчасъ говорилъ, пошла на свиданіе... вѣдь не хорошо, не правда ли?

— Перестаньте, пожалуйста; будто я не понимаю вашихъ намековъ? Но я уже сказала вамъ, и еще разъ скажу, что встрѣтилась съ Топиловымъ совершенно случайно...

— Да я объ немъ и не говорю, — съ злобой усмѣшкой возразила Прышовъ; — объ немъ еще рѣчь впереди...

— О комъ же вы говорите?

— Я никого не называю по имени.

Евдоксія Егоровна вдругъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посмотрѣла на Прышова.

— И такъ она пошла на свиданіе. Но теперь-то и начинается самое забавное въ этомъ происшествіи. Молодой человѣкъ, назначившій свиданіе, находится въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ женою одного купца, иностранца.

Блондинка съ какимъ-то страхомъ стала смотрѣть на человѣка съ рыжими бакенбартами, лицо котораго, въ самомъ дѣлѣ, имѣло въ эту минуту выраженіе сатанинской злобы.

— Что вы на меня смотрите? — спросилъ онъ улыбающимся.

— Мнѣ холодно, проговорила Евдоксія Егоровна.

— Жаль, я не могу помочь вамъ...

— Наклейте мнѣ на плеча ваше пальто.

— Съ моими удовольствіемъ-съ.

Захаръ Трифоновичъ, исполняя желаніе блондинки, слегка коснулся плечъ ея, и потому, когда она сама стала плотнѣе закрывать спереди пальто, онъ пожалъ ей руку.

Евдоксія Егоровна ничего не говорила. Прышовъ смотрѣлъ на нее сзади глазами, въ которыхъ выражалась грубая чувственность.

— Теплѣ ли вамъ теперь? — спросилъ онъ, садясь опять на солому, но уже ближе къ блондинкѣ.

Она не отвѣчала, но съ боязнію отодвинулась.

— На чемъ бишь, я остановился?.. Да, на томъ, что молодой человѣкъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ одною дамою. Дама эта чрезвычайно ревнива; она догадалась сама, а, быть можетъ, и узнала отъ кого нибудь — Прышовъ коварно улыбнулся — о свиданіи... и сама явилась туда... Представьте же себѣ положеніе этихъ трехъ лицъ!.. Дама увидала дѣвицу, но не желая компрометировать себя, не показала ей; она только подкараулила своего вѣроломнаго обожателя и ни на шагъ не отходила отъ него... Не правда ли, забавное происшествіе?

Евдоксія Егоровна опустила глаза и только кинула головой.

— Другъ, — продолжалъ Захаръ Трифоновичъ, — дѣвица встрѣчаетъ тамъ же, въ лѣсу, другаго своего обожателя, котораго она разжаловала... Эта встрѣча была, въ самомъ дѣлѣ случайная... видите ли, Евдоксія Егоровна, я говорю только правду, чистую правду...

— Вы демонъ! — вскричала блондинка, отодвинувшись отъ Прышова.

Онъ приблизился къ ней и продолжалъ:

— Можетъ быть... но вы должны признаться, что я демонъ скромный... Впрочемъ, такъ какъ я привыкъ говорить одну правду, то долженъ признаться, что скромность моя не безкорыстна... Извольте видѣть, я самъ люблю эту дѣвицу...

— Ахъ, Боже мой! Какъ маленька долга не дѣдетъ,

— Скоро будеть... Я люблю эту дѣвицу, и надѣюсь, что и она со временем пойметъ мою любовь и согласится осчастливить меня...

— Никогда! съ живостію вскричала Евдоксія Егоровна.

— А вы почему знаете? — хладнокровно спросилъ Захаръ Трифоновичъ.

Блондинка не отвѣчала.

— И такъ, я надѣюсь жениться на ней.. съ какой же стати стану я рассказывать маленькій... шалости ея...

— Вы мнѣ противны!.. вскричала Евдоксія Егоровна, не будучи болѣе въ состояніи скрыть своего гнѣва.

— Положимъ такъ, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Прышовъ, между тѣмъ какъ въ груди его кипѣла злоба; — положимъ такъ... но я совѣтую вамъ, если ужъ вы не хотите любить меня, такъ скрывайте, по крайней-мѣрѣ, ваше отвращеніе... и не забывайте, что ваше доброе имя въ моихъ рукахъ...

— Какъ! вы осмѣлились бы...?

Прышовъ утвердительно кивнулъ головой.

— О! такой низоости я отъ васъ не ожидала.

— Евдоксія Егоровна! человекъ, который любить васъ съ такимъ постоянствомъ какъ я, заслуживаетъ, чтобы вы лучше обходились съ нимъ. Да, я люблю васъ... я безъ ума отъ васъ... чтобы обладать вами, я способенъ на все... на все! Слышите-ли вы?

Произнося эти слова, Захаръ Трифоновичъ былъ страшенъ; глаза его сверкали; яркая краска выступила на щекахъ; ротъ былъ полуоткрытъ; онъ весь дрожалъ; пальцы, подобно когтямъ, были протянуты къ блондинкѣ...

Она взглянула на него и задрожала... но не могла произнести ни одного слова.

Въ сарай была глубокая тишина... только въ стѣны стучалъ дождь нвѣ тихотомомъ растояніи слышалась русская пѣсня, пацѣваемая веселыми голосами.

— Захаръ Трифоновичъ! — вскричала Евдоксія Егоровна, дрожащимъ голосомъ, — если вы скажете еще хоть одно слово, такъ я выбѣгу отсюда, не смотря на дождь.

— Спросите сперва, пушу ли я васъ?.. Вы забыли, что мы здѣсь одни, совершенно одни.. я никогда не любилъ васъ такъ страстно... такъ пламенно... какъ въ эту минуту...

Съ этими словами Прышовъ все болѣе и болѣе приближался къ Евдоксіи Егоровнѣ.

Она вскочила.

— Оставьте меня!..

— Я обожаю васъ...

— Чего вы хотите отъ меня?

— Любви... любви!..

— Но я васъ ненавижу!..

— Не повторяйте этого! — съ бѣшенствомъ вскричалъ Прышовъ.

— Оставьте меня!..

— Люблю... обожаю... люблю... говорилъ задыхающимся голосомъ Прышовъ.

— Оставьте!.. Помогите!.. помогите!.. и Евдоксія Егоровна, вырываясь изъ объятій Прышова, громко вскрикнула.

Вдругъ у самого входа въ сарай послышалось пѣніе... въ то же время два мужичка, по видимому, бывшіе въ гостяхъ въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ ихъ порядкомъ угостили, появились у входа.

Они остановились, разинули рты я, выпуча глаза, глядѣли на блондинку и человека съ рыжими бакенбартами, краснаго какъ ракъ, и со страхомъ отскочившаго отъ Евдоксіи Егоровны. — Помогите, хотѣла-было вскрикнуть

послѣдняя, но Прышовъ успѣлъ схватить ее за руку и произнесъ скоро:

— Ваше доброе имя въ моихъ рукахъ...

Евдоксія Егоровна замолчала и въ изнеможеніи опустила на солому.

Одинъ мужикъ посмотрѣлъ на другаго.

— Что это-такое?.. спросилъ онъ.

— Бара, — отвѣчалъ другой.

— Такъ-съ... а зачѣмъ онъ здѣсь?.. и потерявъ равновѣсіе въ то самое время, когда онъ хотѣлъ указать на блондинку и Прышова, мужикъ показалъ въ другой уголъ.

— А... тебѣ... что за дѣло?.. отвѣчалъ другой, столь же не твердый на ногахъ.

— Такъ-съ... хлѣбъ да соль, баринъ!

— Не что... не что... они ѣдятъ?

— Пожалуй... ка намъ... таво... на чай?

— Поешь, поеешь, пьяница! — съ досадою закричалъ Захаръ Трифоновичъ.

— Пьяница?.. Нѣтъ, врешь!.. я не пьянъ... сегодня праздникъ...

— Подемъ, Одиуха!..

— Не пойду!.. вѣтъ... я не пьяница... а колы ты... хорошіи баринъ... такъ дашь на чай...

— Да ну же, подемъ!

И второй мужикъ, мѣлѣе пьяный, увлекъ своего товарища, продолжавшаго просить на чай...

Евдоксія Егоровна сидѣла на соломѣ, со слезами на глазахъ.

Захаръ Трифоновичъ, закрывъ лицо обѣими руками, погрузился въ размышленіе...

И. Ф. — нз.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Е Ж Е Н Е Д Ѣ Л Ъ Н И К Ѣ .

Графъ Васильевъ, Графъ Гурьевъ и Графъ Канкринъ. — И. И. Хилъинскій. — Новое изданіе сочиненіе Державина. — Халъ Джангеръ. — Несчастные случаи. — Книжки И. П. Шулъгина и П. И. Дегая.

=

Похороны, погребеніе — являютъ совершенно различное значеніе, смотря по тому, кого хоронятъ. Если везутъ гробъ мужа, украшеннаго государственною заслугою, застигнутаго смертію уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ душѣ провожающихъ воздвигаются благоговѣйныя воспоминанія, память исчисляетъ подвиги и заслуги покойнаго. Похороны всегда обрядъ грустный, но въ этихъ случаяхъ онъ принимаетъ видъ торжественный, величественный. Таковы были похороны графа Егора Франковича Канкрина, бывшаго министра финансовъ. Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ удостоилъ своимъ присутствіемъ обрядъ отпѣванія, и изволилъ проводить тѣло графа Канкрина. Отпѣваніе происходило въ реформатской церкви, въ Большой Конопендой, погребеніе на Смоленскомъ кладбищѣ. Министество финансовъ возникло у насъ вместе съ другими министерствами, въ началѣ царствованія Александра I. Первымъ министромъ финансовъ былъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, сынъ сенатскаго секретаря, родившійся въ 1742-мъ году. Случай могъ только указать на незамѣтнаго бѣднаго чиновника, которому суждено было устроить многа и весьма сложная части государственнаго управленія. Служа тамъ же, гдѣ служилъ и покойный отецъ, Васильевъ исправностью, смѣлостью и огромными способностями обратилъ на себя вниманіе генераль-прокурора Глѣбова, а при генераль-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, назначенъ правителемъ его

канцелярій. — Васильевъ до того умѣлъ приобрести уваженіе князя Вяземскаго, что князь женилъ его на родной племянницѣ, княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Урусовой.

Тогда ему было 28 лѣтъ. Возвышеніе Васильева пошло быстро; заслуги его оправдывали. Онъ составилъ государственную окладную книгу, и сводъ законовъ по финансовой части. До 1791 года Васильевъ управлялъ, можно сказать, всю финансовую частію; но со вступленіемъ графа Самойлова въ должностъ генераль-прокурора, Васильевъ былъ назначенъ директоромъ медицинско коллегіи. Заслуги его и по этой части многообразны и многочисленны. Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, Васильевъ назначенъ былъ государственнымъ казначеемъ и членомъ государственнаго совета; вслѣдъ за тѣмъ пожалованъ титуломъ барона, по въ 1800 году уволенъ отъ службы. Императоръ Александръ I, въ самый первый день востесвія на престолѣ, поручая барону Васильеву всѣ прежнія должности, а въ день коронаціи возвелъ его въ графское достоинство. Графъ Васильевъ, первый министръ финансовъ, скончался 15 августа 1807 года. Незабвенныя слова Благословеннаго, которыми Государю было угодно почтить графа Васильева всапародно, въ указѣ, данномъ Сенату 18 августа 1807 года, и позывшійся исторія не могла бы полнѣе и ярче выразить характеристику замѣнштгаго министра. «Въ 15 день сего мѣсяца, къ крайнему прискорбію нашему, смертъ прекратила, послышную болѣе 50-ти лѣтъ службѣ отечества, жизнь нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и министра финансовъ графа Васильева. Неустойная дѣятельность, ревностнѣйшее усердіе къ пользамъ отечества, особенныя способности и знаніе въ дѣлахъ государственныхъ, достойно возвели его съ начальныя степеней службы до управленія одною изъ важнѣйшихъ частей государственнаго хозяйства, и въ самомъ образованіи и устройствѣ коей имѣлъ онъ ближайшее участіе въ царствованіе блаженной памяти Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II. Со вступленія на престолъ въ Бозѣ почивающаго родителя Нашего и въ царствованіе Наше, управляя всѣмъ отраслями государственныхъ доходовъ и расходовъ, неуспыннымъ трудомъ своимъ, содержалъ онъ многочисленную часть сію, не только въ строжайшемъ порядкѣ и чѣлости, но со времени образованія министерствъ, вновь устроилъ вѣрныи управленію его департаментъ, пресоветуюи къ оному новыя источники доходовъ, и въ самыя трудныя времена, при чрезвычайныхъ государственныхъ нуждахъ, благодаруміемъ и опытностію своею, избирала наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣлывалъ тѣмъ къ облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ. Сверхъ таковыхъ достоинствъ и заслугъ государственнаго человека, представлялъ онъ собою въ домашней жизни привѣръ добродѣтельнаго гражданина. И по всѣмъ симъ отношеніямъ, приобрѣвшимъ ему всеобщее уваженіе и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ быть въ памяти признательнаго отечества.»

Память великихъ людей земли Русской не умретъ; но мы, при случаѣ, не считаемъ излишнимъ освѣтать объ нихъ воспоминанія, словомъ и лицезобразіемъ ихъ.

При всѣхъ усиліяхъ нашихъ, въ такое короткое время мы не могли собрать достаточныхъ свѣдѣній о преемникахъ графа Васильева, и должны ограничиться на сей разъ только помѣщеніемъ портрета графа Гурьева.

Послѣ графа Гурьева, министромъ финансовъ въ Россіи былъ графъ Канкринъ. Служеніе графа Егора Франковича и заслуги его, намъ современныя, каждому извѣстны; почему и не входимъ въ ихъ исчисленіе. Но полагаемъ, что жизнь графа Канкрина до пріѣзда его въ Россію не каждый знаетъ, и потому заицствуемъ объ этомъ періодѣ свѣ-

Графъ Васильевъ.

Графъ Гурьевъ.

дѣнія изъ иностранныхъ источниковъ. Графъ Канкринъ родился въ Ганау въ 1773 (?) году. Отецъ его былъ въ гессенской службѣ директоромъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и почитался весьма хорошимъ писателемъ, по части технологий; впоследствии онъ перешелъ на службу въ Россію, при Императрицѣ Екатерины; ему поручены были соляные промыслы въ Старой Руссѣ. Е. Ф. Канкринъ, между тѣмъ, окончивъ курсъ наукъ въ Ганауской гимназіи въ 1790 году, поступилъ въ университетъ въ Гиссенъ, по юридической части, а потомъ (1794) перешелъ въ Марбургскій. По окончании курса, Е. Ф. Канкринъ отправился въ 1796 году въ Россію къ отцу, и тутъ вступилъ на службу, которая возвысила его на первую степень государственнаго значенія. — Графъ Егоръ Францовичъ извѣстенъ также какъ писатель, даже по части изящной литературы. Ему приписываютъ сочиненіе романа «Дагобертъ», изданнаго въ Альтопфѣ въ 1797. Въ 1822 — 1825 г. изданъ въ Петербургѣ трактатъ, сочиненіи графа Канкринна, о военной экономіи во время мира и войны и о взаимныхъ ея отношеніяхъ съ военными операціями (3 части). Нѣсколько позже — трактатъ объ Архитектурѣ — и нѣкоторыя другія. Не сомнѣваемся, что жизнь сего государственнаго и ученаго мужа найдетъ знающаго историка.

На предпроедшей недѣлѣ, какъ мы имѣли случай упомянуть, въ русской литературѣ понесла чувствительную утрату. Скончался Николай Ивановичъ Хмѣльницкій. Теперь, въ зрѣтѣ вѣкъ протодушныхъ и умысленныхъ сомнѣній, не только не заботятся о томъ; какъ бы умножить литературную славу Россіи, но хлопочутъ о томъ, какъ бы разрушить вѣру въ достоинства тѣхъ

Графъ Е. Ф. Канкринъ.

людей, которые съ успѣхомъ и честью служили отечественнымъ музамъ. Такое направленіе окажетъ великую вредное вліяніе на молодое поколѣніе, которое только по одной неопытности, только по желанію, весьма естественному, быть умнѣе не по лѣтамъ, радо каждой единичной противу заслуженныхъ въ литературѣ лицъ — не только читаетъ, но заучиваетъ и повторяетъ всѣ эти неглупости, чтобы другіе сказали: Ай, да поколѣніе! Знать, оно ужасно умно, когда такъ

рѣзко и дерзко смѣется надъ тѣмъ, къ чему обязано благоговѣніемъ. Заслуги Державина, Дмитріева и Карамзина уже не признаются, не оцениваются, какъ слѣдуетъ. Ихъ слава остается священной, ихъ достоинства понятны и дороги только для производителей, знакомыхъ съ художественнымъ трудомъ. Все прочее хулу глаголетъ. Послѣ этого какъ говорить о заслугахъ Н. И. Хмѣльницкаго? — Но мы не можемъ, не должны сообразоваться съ случайнымъ недугомъ нашей литературы и съ благодарнымъ воспоминаніемъ обязаны отдать справедливость таланту Хмѣльницкаго. Онъ родился въ С. Петербургѣ 1791-го года, первоначально учился у родственника своего и литератора Зина, потомъ въ горномъ корпусѣ. Служилъ въ военной и гражданской службѣ; достигъ до чина действительнаго статскаго совѣтника; былъ начальникомъ дубернѣмъ, но во все время службы не оставлялъ и музъ. Хмѣльницкій написалъ оригинальнаго мало: двѣ комедіи: Воздушные Замки и Нервнательный, и водевилъ Карантиль; болѣею частью онъ перѣдѣлывалъ иностранныя піесы и перѣдѣлывалъ мастерски: Говоруны, Бабушкины попуган, Суженаго коземъ не объѣдешь и Шалости влюбленныхъ — это такія перѣдѣлки, которые стоятъ оригинальныхъ піесъ. Первый опытъ литературный Хмѣльницкаго былъ переводъ трагедіи Зельмира. Кроме этого, Хмѣльницкій перѣдѣлывалъ оперу: Весь день въ приключеніяхъ, и Фаварову пародію на Иезигенію въ Тавриѣ, подъ названіемъ: Греческія бредни. — Въ послѣднее время онъ жилъ въ кругу друзей и занимался все еще литературой... За исключеніемъ статьи, напечатанной въ III томѣ Ста Русскихъ Литераторовъ, осталось еще не

Н. И. Хмельницкій.

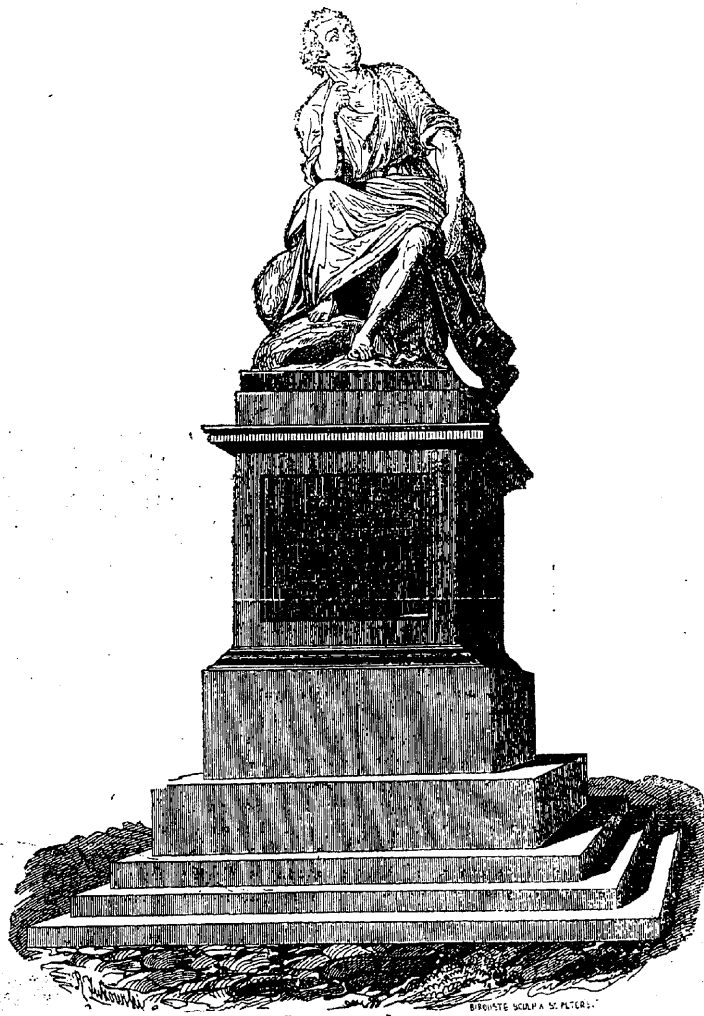
мало сочиненій, которыя, вѣроятно, будутъ изда- ны вмѣстѣ съ прежними, изъ коихъ многія покажутся теперь новостью, потому что напеча- таны никогда не были. Н. И. Хмельницкій обла- далъ легкимъ, пріятнымъ языкомъ. Его нельзя назвать комикомъ, потому что онъ не поражалъ общественные недостатки ѣдкимъ сарказмомъ или живымъ сценическимъ изображеніемъ; нельзя его отнести и къ разряду водевиллистовъ, или сочи- нителей комедій, основанныхъ только на стран- номъ сценичѣмъ обстоятельстве. Нѣтъ; Хмель- ническій въ своихъ комедіяхъ — пріятный, остроум- ный, увлекательный собесѣдникъ. Вы заслушаетесь, улыбка не сойдетъ съ вашего лица, пока актеры разсказываютъ его піесу. Въ естественности разговорнаго языка Хмельницкій не усту- пилъ никому изъ нашихъ комиковъ. Всѣ піесы его были играны на театрѣ; нѣкоторыя съ боль- шимъ успѣхомъ. — Никто не просилъ гонителей русской литературы, чтобы они ставили Хмель- ническаго на одну ступень съ Мольеромъ, но спра- ведливость отдать бы слѣдовало. Искренно же- лаемъ видѣть и читать полное собраніе сочи- неній Н. И. Хмельницкаго. Филиппики нашихъ кри- тиковъ отжигнуть свое время; тѣ, которые нынѣ увлекаются ими, подростутъ, оступятся, опомя- тся. Хмельницкій займетъ свое законное мѣ- сто въ литературѣ. И вотъ, примѣръ Державина — лучшее тому доказательство...

— Которое это изданіе сочиненій Державина вышло теперь вновь, съ тѣхъ поръ, какъ стали пытаться разорвать вѣнецъ его, который тверже металловъ? И каждое раскучается, и всѣ слѣдую- щія будутъ имѣть успѣхъ, пока на этомъ свѣтѣ будутъ говорить по-русски. Это компактное из- даніе роскошно; украшено отлично-гравирован- нымъ портретомъ поэта и деревянными гравюра- ми. Прилагаетъ видъ памятника, украшающей заглавный листъ. Прибавимъ еще, что это рос- кошное изданіе весьма дешево — всѣ сочиненія Державина стоятъ три рубля серебромъ.

Во глубинѣ Россіи, въ степяхъ, между Ураломъ и Волгою, смерть, какъ извѣстно, умножила неуроко- ланъ еще одной жертвой. Во внутренней Букеев- ской ордѣ, по назначенію хана готовились къ праз- днествамъ по поводу прибытія туда пазъ Петербурга ханскаго сына и наследника, Сагъ Гирей, воспи-

тывающагося въ Пажескомъ Корпусѣ и уволеннаго въ отпускъ по случаю болѣзни матери ханши Фатимы. Къ 15 августа вѣроятно бы вѣсть аулакъ собра- ться на Торгуи къ дѣтней ставкѣ хана, гдѣ на- значена была скачка на лошадяхъ и верблюдахъ; началъ съѣзжаться туда гости со всѣхъ сторонъ, какъ вдругъ ханъ Джангеръ, сѣдаемый грустію о болѣзни любимой жены и простудившись, за- кворалъ, слегъ, и послѣ семидневной горячки умеръ, отъ апоплексическаго удара, 11 августа въ 6¼ час. по полудни, въ 42 году отъ рожденія. По обычаю, безъ пышности похоронили хана въ 10 верстахъ отъ дѣтней ставки, надъ могалою построили хранищу, куда Киргизы скоплятъ тво- рить молитвы по усопшемъ. Киргизы любили его и съ непритворною горестію проводили въ могилу; управляя ханствомъ 22 года, ханъ Джан- геръ старался о смягченіи правотъ киргиз- скихъ, самъ давно уже бросилъ кибитку, жилъ по-европейски и пріучалъ къ осязлой жизни Кир- гизовъ. Онъ былъ возведенъ въ чинъ генералъ- майора русской службы и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст., Императорскою короною и ал- мазами украшеннымъ. Замыслилъ эти подробности изъ Саратовскихъ Вѣдомостей, сожалѣемъ, что не можемъ въ этомъ же номерѣ представить пор- трета покойнаго хана.

— Въ обширной Россіи, кромѣ военныхъ дѣй- ствій за Кавказомъ, не принадлежащихъ къ об- ласти иллюстраціи, нѣтъ никакихъ особенно за- мѣчательныхъ извѣстій; города строятся, хоро- шѣютъ; напримеръ Казань, Кіевъ и другіе; вездѣ обычныя забавы, урочныя гулянья; особен- ныхъ происшествій мы не замѣтили, кромѣ трехъ несчастныхъ случаевъ, которые и сообщимъ чи- тателямъ. На озерѣ Кабанѣ, трое мусульманъ рыли песокъ въ глубокой ямѣ; пещера обруши-

Памятникъ Державину.

ласть; двое выпуты мертвыми; один, может быть, останется в живых. В Торонто мы увидели крестьянина Михайлова застыл в овсе на медведя. Поздно вечером услышав шорох и полагая, что пасть ожидаемый зверь, выстрелил и убил на повале крестьянина Яковлева, а другого, Васильева, тяжело ранил. Оба случайно шли из леса, откуда Михайлов ждал медведя. Третий случай: мы недавно сообщали о странных близнецах, родившихся во Францию. У нас, в Олонекской губернии, крестьянка Мокшина разрылась мертвым уродом с двумя головами, тремя руками, двумя ногами, а что всего удивительнее, с наростом в вид хвоста.

— О разных искусствах, художествах, литературе у нас теперь начинают говорить больше; но больше ли для того предметов? И те, какие есть, — в перспективу. Пусть себя, что хотят говорят наши противники, — пусть сочиняют себя письма о грамматических ошибках, которые должны считать ошибками только по мнению этих господ грамматиков, не знающих впрочем грамматики; мы не станем опровергать их живых нападок, ни указывать на безчисленные их собственные ошибки, не только противу грамматики, но и логики. Мы вредить никому не желаем, не так созваны; и всё это не существует для Иллюстраций. — Она с любовью ищет только полезного, доброго, изящного... Вот это ей нравится. Вот, по этому ей понравился и вальс г. Ломанина, и книга И. П. Шульгина: «Изображение характера и содержания новой истории».

— Книги ученые — книги полезные. Это очевидно, распространяющееся уже во многих изданиях по всей России, не может, не могло не принести положительной пользы. Оно не похоже на некоторые пресловутые философские истории, в которых факты надо ловить как шепки в оксамит разсуждений и предположений. Это труд, напротив, основан на положительных фактах; тут каждая строчка — итог последствий от известного события. Многие главы этой картины мы перечитали вновь с прежним удовольствием. С таким же удовольствием мы смотрим на такие сочинения, которые, с устремлением всяких философий, прямо приспособлены к действительной потребности времени; например: первое и важнейшее для каждого человека есть его семейный быт, а у нас много ли сочинений, которые бы удовлетворяли первоначальным потребностям по части образования детей, по части лечения обыкновенных болезней, по части, наконец, юридической? Пока найдешь учителя, врача, страдальца, что станешь думать, в случай нужды, тот, кто обстоятельства удален от столиц и больших городов? Вот почему мы всегда с признательностью встречаем сочинения, подобные книге тайного советника П. И. Дегтя, под заглавием: Указатель законов для сельских хозяев. Кто из посвятивших себя государственной службе помещиков не сознается, что изучив многое для светской жизни и возвратившись к пенатам своего поместья, не был в затруднении, когда управляющий его имением искал у него совета по судебным случаям, относящимся к сельским правам и обязанностям? Много есть помещиков, которые очень хорошо знают, что делается у Афинян и Римлян, которые изучили гражданское устройство Англии и Пруссии и не умеют управлять своим имением, собственно только потому, что не знают законов, ограждающих их права, укадающих обязанности. Вот почему книга, о которой говорим, клад для помещиков. Больше 700 экз. уже разошлось. Нам утвердили, что по губерньским городам многие, в нетерпении имеют эту книгу, платили за экземпляры вдвое, втрое. — По законению не редко могут, должны изменяться. Книга может в известный срок сделаться не современною; в предупреждение этого, автор предполагает издавать дополнения, и, сколько нам известно, присоединил к ним разные полезные хозяйственные сведения.

— Как не желать, чтобы этот полезный пример имел подражателей и по другим частям сельской жизни.

— Театральные новости отныне будут помещаться в особом отделении, которое мы назвали Театральным Вестником. Здесь же мы должны отдать краткий отчет за прошедшую неделю — и признаться, эта обязанность приводить нас в смущение. Обязанность шекотливая. Редактор сам когда-то писал для театра, и потому отзывы наши о трудах других драматических писателей, если не понравятся противникам Иллюстраций, могут обратиться на него лично стрелы досужих острожков и грамматиков. Мы решились разобрать театральные пьесы поручить особому сотруднику, и не стеснять его мнения нашим, наблюдая только за тем, чтобы тон его статей вноси согласовался с принятыми в этом отношении правилами Иллюстраций.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМ ИЗДАНИЯМЪ.

Европейские выходы. — Наводнения в Венгрии. — Пожар в Лионь. — Способ тушить пожары Леметра. — Средство уничтожать шум при движении поездов по железной дороге. — Влияние железных дорог на театр. — Еще о гелиостат Зильбермана. — Таблицы Урана. — Мейербер в Париж. — Страдала. — Брейтинг.

В Европу такая тьспота, что людям дѣлать некуда. — Пасья людское размножается. Войны совсемъ нѣтъ, а болѣзнь, въ родѣ холеры, и рѣдки и малострѣбительны; такъ дошло до того, что въ провинціяхъ средиземныхъ человечество какъ въ бочкахъ. Естественно, что отъ избыточнаго многолюдства и бѣдности растутъ и разгоняютъ пищихъ по всему земному шару искать земли, возможности къ пропитанію. А гдѣ же земля этой земли? Само собою разумеется, въ Америкѣ, въ Австраліи; тамъ еще есть пустыри, обитаемые некоторыя средства къ безбѣдному существованію. Больше всего выходящъ изъ Германіи. Возьмемъ опять Бременъ. По свидѣтельству журналовъ, отсюда съ 1833 по 1835 годъ уѣхало искателей приключеній, земли и средствъ къ жизни, 9,000 человекъ. Съ 1839 по 1842 — уже 13,000, а въ одномъ 1844 году на парусахъ надежды въ эти заморскія страны отплыло 19,000 человекъ. — Куда же стремятся эти выходящіе? Въ Ньюйоркъ, Филадельфію, Балтимор, Новый Орлеанъ. Въ нынѣшнемъ году отъѣзжающихъ выходящъ было ужасно много. Въ одномъ апрѣлѣ 6,000 человекъ ждали уже случая отпрывиться въ Южную Австралію, потому что выходящіи 1839 года пишутъ чудеса о своемъ новомъ отечествѣ, особенно о Сидней. — Больше всего выходящъ изъ Вестфалии, именно изъ Оснабрюка и Миндена; потомъ изъ Гессена, далѣе изъ Баваріи, наконецъ, изъ Тюрингена. Изъ одного Бремена уѣхало болѣе 100,000 человекъ. Какъ же долженъ быть итогъ на всегда оставившихъ Европу, если вспомнить, что переселенцы отправляются также изъ Гамбурга, Лондона, Голландіи и Бельгіи! Свѣтъ сплнить жизнью. Въ короткое время дикія племена останутся только воспоминаніемъ. Въ мирное время Европа можетъ заселить весь земной шаръ съ небольшими въ два столѣтія. — Что же будетъ послѣ?

— Впрочемъ, въ настоящемъ году и не удивительно, что такое множество людей оставило Европу. Она на себя не похожа. Огонь и вода разорили и достаточныхъ; такъ ужъ что оставалось дѣлать бѣднымъ? Давно ли еще вся Венгрія была покрыта водою; жаты уничтожены, деревни снесены; несчастіе огромное, народное; не мало людей погибло... Небольшие ручьи, которыхъ презирали дѣти, уничтожали достатокъ многихъ тысячъ; голодъ почти повсемѣстный. Въ одномъ городѣ сорвало мостъ и тридцать человекъ

упало въ воду; вдругъ на поверхности воды заплывало множество шляпъ; берега огласились криками отчаянья, которые вскорѣ обратились въ громкій хохотъ. Шляпы эти не покрывали еще человѣческой головы; вѣтеръ унес ихъ изъ мастерской шляпочной фабрики и бросилъ, для смѣху, въ воду... Водовиль послѣ трагедіи.

— Въ Лионѣ также былъ пожаръ и также на водѣ. Загорѣлись барки съ събитыми припасами. Пожаръ былъ довольно значителенъ, потому что на пути пламя захватило деревянную мостъ. Впроцѣмъ тѣмъ и кончилось. Городъ уцѣлѣлъ.

— Пожары на водѣ и близости отъ воды, казалось бы, должны заключать менѣе опасности, а между тѣмъ въ Тулонѣ вода ничего не помогла. По этому случаю, г. Леметръ, директоръ телеграфовъ въ Тулонѣ, предлагаетъ способъ гасить подобныя пожары, не заливая огня водою, а бросать горящія бревна и доски въ воду. Но для этого самая складка стресоваго лѣса должна быть устроена наклонно къ водѣ, такъ что, если бы веревочные узлы ихъ не связывали, то лѣсъ самъ повалился бы въ воду. Тогда, въ случаѣ огни, весьма легко, уничтоживъ узлы, обрушить весь лѣсъ въ воду.

— Несчастіе есть опытъ; и правду сказать, только одинъ опытъ развиваетъ человѣческую изобрѣтательность. У одного путешественника заболѣли уши отъ ужаснаго шума, происходившаго отъ трения колесъ о рельсы на желѣзныхъ дорогахъ. Съ большими усилиями, онъ придумалъ средство уничтожить этотъ шумъ; средство простое и не дорогое, а именно: обтянуть обѣ стороны колеса листовымъ желѣзомъ, а пустоты наполнить древесными опилками; трение умягчилось и колеса будутъ двигаться безъ малѣйшаго шума. Standard утверждаетъ въ дѣйствительности этого средства, а мы, безъ всякой критики, передаемъ это изобрѣтеніе на благоусмотрѣніе читателей...

— Донишнѣ желѣзныя дороги находили противниковъ только въ самомъ простомъ классѣ людей; теперь начинаютъ возставать противу нихъ люди образованные, учрѣдья, напримеръ, не безъ вѣроятности, что учрѣденіе желѣзныхъ дорогъ, въ высшей степени полезное для государства общпрныхъ, какъ на пр. Россіи, вредно для небольшихъ владѣній, изъ коихъ сложена, напр., Германія. Это въ отношеніи государственной экономіи. Теперь возстаютъ противу желѣзныхъ дорогъ и въ отношеніи къ театру, потому что: 1) театры потеряютъ постоянныхъ слушателей; заслуженные актеры приверженцевъ; 2) Между артистами разовьется страсть къ непрерывному путешествію, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ гости можно гораздо болѣе заработать, чѣмъ по служенію постоянному; и въ 3) отъ этого непрерывнаго переселенія артистовъ, ни на одномъ театрѣ не будетъ хорошаго ансамбля. И тутъ вредъ для театра будетъ только имѣть мѣсто въ Германіи и Италіи, потому что тамъ на каждомъ шагу городъ, въ каждомъ городѣ театръ, а у насъ въ Петербургѣ въ Москву, изъ Москвы въ Одессу и по желѣзной дорогѣ не близко путь. У насъ желѣзныя дороги будутъ служить государственнымъ пользама, а не прихотямъ легкомысленной страсти шатаются по бѣлу свѣту.

— Въ первомъ номерѣ Иллюстрацій мы сообщали извѣстныя свѣдѣнія о гелиостатѣ Зильбермана. Теперь онъ сдѣлалъ въ своемъ инструментѣ весьма важныя улучшенія, вслѣдствіе которыхъ нѣтъ надобности въ предварительномъ опредѣленіи времени: оно само собой опредѣляется; и гелиостатъ можно приводить въ дѣйствіе ровно въ двѣ минуты. Улучшенія безъ чертежей будутъ мало понятны, и если мы ихъ доставимъ, непременно передадимъ нашимъ читателямъ. Теперь же отъ солнца перейдемъ къ его планетамъ.

— Ужъ кажется, что можетъ быть точнее и безъ ошибочнѣе математика. Но увы! въ высшей части математическихъ наукъ, именно, въ астрономіи, самыя огромныя математическія ошибки. Г. Буваръ перевѣрилъ таблицы Урана и нашелъ, что онъ не къ чему не годны. Уранъ открытъ Гершелемъ въ 1781 году. Г. Буваръ передѣлалъ

свои исчисления несколько раз, и наконец оставался на четырнадцатом. Он сам говорит, что и в этих таблицах есть разницы в 7%, но эти разности между теорией и наблюдениями должно приписать — чему вы думаете? — другой планетной планете, которая сбивает Урана с пути... Блудная астрономия! Но впрочем не приписывайте нашей шутки за обвинение! Уран так далеко, что наблюдать его очень трудно; и что удивительного, если в измерениях безопечных пространств оказались ошибки, когда мы, тут же долу, в 37-ми губерниях, при тщательнейшем измерении, потеряли 208 квадратных миль, пространство, на котором можно поместить любое великое герцогство.

— Мейербер в Париж! Его видели на тульских бульварах, у Ротшильда, у пруссака посланника, словом, везде, кроме Оперы. Французы удивляются... А нам кажется, что от музыки можно отдохнуть только в Париж... Мейербер, после огромных музыкальных торжеств, после трудов и хлопот, приехал отдохнуть в Париж, потому что там нет ничего такого, что бы могло соблазнить музыкальное любопытство. Пожалуй, он поставит там и одну из двух своих опер, но, разумеется, если ему заплатить дорого...

— В Германии, по прежнему, Страделла, опера Флотова, возбуждает общее любопытство. Сюжет самый музыкальный. Сколько прекрасных иннов создала древность о силе влияния музыки. Рассказывают, что положено было убить Пергелея тотчас после первого исполнения его *Stabat Mater*. Но убийца услышал чудные звуки и кивая выпал из рук его. Съ пьвцом Страделлой, жившим в 17, вѣкъ случилось то же. Разбойники были подкуплены, чтобы убить его на Кампанелле, дачѣ, вѣздѣ Рима, гдѣ жил пѣвец. Но услышав какъ онъ поетъ Гимнъ Маріана, разбойники отказались отъ несправедливаго порученія. Изъ этого сюжета Дейшгардштейнъ сдѣлалъ хоросенскую повѣсть, докторъ Ремеръ — драму, Видермайеръ в Париж — оперу, а Флотова по этому же самому либретто написалъ музыку вновь. Флотова, сынъ помѣщика в Тейтендорфѣ, близ Ростокъ, род. в 1812 г. Замѣтны музыкальныя способности сына, Флотова повезъ его в Парижъ, гдѣ онъ учился композиціи у знаменитаго Рейхи, возвращаясь оттуда на родину на короткое время и опять учился у Рейхи до 1832 года. Тогда онъ написалъ первую оперу «Петръ и Екатерина» представленную съ успѣхомъ на придворномъ театрѣ въ замкѣ Людвиглюст. Вслѣдъ затѣмъ онъ положилъ на музыку стихотвореніе Кернера «Bergkärper»; потомъ, уже в Парижѣ, написалъ оперы «Роброй и Алису». Последняя игралась во весь сезонъ на театрѣ St-Honore и утвердила славу композитора. За тѣмъ онъ написалъ оперу: *La Duchesse de Guise* и 2 и 3 акты оперы: *Le naufrage de la Méduse*, которая на театрѣ de la Renaissance выдержала 54 представленія. После того онъ написалъ еще оперы *le Forestier*, *l'esclavage de Samois*, музыку къ балету *Леди Генриета* и, наконецъ, — Страделлу. Не правда ли, что послѣ такихъ успѣховъ и такого множества сочиненій, успѣхъ Страделлы заставляетъ желать, какъ бы ее и намъ послушать.

— Г. Брейтингъ, который пѣлъ и у насъ, къ сожалѣнію, не долго, — теперь въ Дармштадтѣ приводитъ слушателей въ восхищеніе.

ОБЪ УСТРАНЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ НЕУДОБСТВЪ ТОРЦЕВЪ МОСТОВЫХЪ.

Во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ исправное содержаніе мостовыхъ составляетъ предметъ постоянныхъ попеченій начальства. Чѣмъ больше и многочисленнѣе городъ, чѣмъ значителнѣе въ немъ разстоянія, тѣмъ обширнѣе торговая и промышленная дѣятельность, тѣмъ нужнѣе становится хорошаго мостоваго, такъ, что если въ маленькихъ городахъ она составляетъ собственно предметъ роскоши и щегольства, то въ столицахъ, какъ

Парижъ, Петербургъ, Лондонъ, потребность эта дѣлается уже столь же чувствительною и необходимою, какъ освѣщеніе и чистеніе улицъ, снабженіе домовъ водою и т. п.

Самый прочный и дешевый матеріалъ для мостовыхъ есть, конечно, камень, преимущественно, гдѣ его имѣть можно, булыжники и гранитъ: послѣдній наиболѣе для тротуаровъ. Но каменная мостовая неудобна тѣмъ, что на ней, при частой ѣздѣ, образуется пыль, вредная для глазъ и груди, что она очень тряска и тѣмъ неприятна для ѣзущихъ, и что она чрезвычайно портитъ экипажи. Эти неудобства, кромѣ перваго, пыль, не столь чувствительны по шоссе, но шоссе за то требуетъ слишкомъ частыхъ и сдѣла ли не безрестанныхъ починковъ; сверхъ того, на немъ послѣ дождей дѣлается грязь весьма порядочная.

Несравненно пріятнѣе для ѣздоковъ и безвреднѣе для экипажей, во всѣхъ отношеніяхъ — мостовыя деревянные, и именно тотъ родъ, который, подъ названіемъ *торцовый*, встрѣчаемъ во многихъ улицахъ Ст.-Петербурга. Но будучи устроена въ томъ видѣ, въ какомъ это дѣлается здѣсь, торцовая мостовая имѣетъ свои невыгоды и значительныя неудобства, не говоря уже о томъ, что она раздѣляетъ недостатки всѣхъ деревянныхъ мостовыхъ — большую дороговизну, дѣлающую употребленіе ея почти невозможнымъ въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, напримѣръ, въ Одессѣ и другихъ городахъ Поворосійскаго края.

Неудобства петербургской торцовой мостовой состоятъ, между прочимъ, въ непрочности ея и въ сложности послѣ дождя или оттепели. Непрочность эта, кажется намъ, зависитъ не столько отъ частой ѣзды, сколько отъ самаго способа устройства мостовой. Торцы, въ видѣ шести-стороннихъ призмъ, не только сколачиваются между собою такъ, что между ними не остается промежутка, но соединяются еще сверхъ того посредствомъ деревянныхъ шпильовъ. Пока мостовая нова и въ продолженіе сухой погоды, ѣзда по ней чрезвычайно пріятна, и въ особенности человекъ не совѣмъ здоровый съ истиннымъ наслаженіемъ чувствуетъ, какая разница между шибкою, ровною ѣздою по ней, и между толчками и прыжками по тряской, ухабистой каменной мостовой. Но отъ продолжительныхъ дождей, и еще болѣе весною, послѣ талія снѣговъ, торцовая мостовая совершенно портится, вслѣдствіе свойства древесныхъ волоконъ всасывать въ себя въ значительномъ количествѣ влаги. Торцы напитаются водою и разбухаютъ, то есть, увеличиваютъ объемъ свой въ ширину п, сдѣлаваются, стараются подаваться въ сторону; но такъ какъ, по причинѣ плотнаго примыканія торцевъ одного къ другому, это невозможно, то они мѣстами поднимаются вверхъ и образуютъ округленныя возвышенности и бугры надъ поверхностью мостовой. Какъ скоро одинъ торецъ такимъ образомъ поднялся надъ соединеніемъ, то вслѣдъ за нимъ примыкающій къ нему ближайшій призма, касаясь шести сторонъ его, подается, выступаютъ болѣе или менѣе изъ мѣста своихъ, и увлекаютъ своихъ сосѣдей, такъ что въ короткое время цѣлая мостовая разстроивается и требуетъ основательной починки.

Сложность торцовыхъ мостовыхъ послѣ дождя простракаетъ отчасти отъ той же причины: плотнаго примыканія призмъ другъ къ другу. Они составлены какъ бы царкетъ, дѣлающіеся весьма гладкими отъ тренія колесныхъ шинъ и подковъ, и на которыхъ дождь заступаетъ мѣсто вожденія, употребляемаго на паркетныхъ полахъ домовъ нашихъ.

Мы имѣли случай видѣть торцовую мостовую, построенную французскимъ гражданскимъ инженеромъ Барберо, которая или вовсе не представляетъ упомянутыхъ неудобствъ, или, по крайней мѣрѣ, представляетъ ихъ въ гораздо меньшей степени. Мы, сверхъ того, съ любопытствомъ сдѣлали за существованіемъ ея, и могли убѣдиться, что она, въ продолженіе трехъ лѣтъ и болѣе, сохраняла свойственный ей преимущества и

почти не требовала починки. По этому, не лишнимъ считаемъ сообщить здѣсь, не входя въ техническихъ подробности, нѣкоторыя сдѣланныя объ этой системѣ замѣчанія.

Она отличается преимущественно тѣмъ, что: 1) торцы предварительно дѣлаются неспособными къ всасыванію влаги, и 2) что ихъ не плотно примыкаютъ другъ къ другу, а оставляютъ между нихъ нѣкоторое, впрочемъ незначительное, пространство. Извѣлпрованъ улицу, утробававъ ее тщательно и сдѣлавъ поверхность ея нѣсколько выпуклою съ одного бока къ другому, для стока воды, ставятъ потомъ на нее прямо, безъ подстилки досокъ, которые гниютъ или коробятся, смотря по времени года, торцы, хорошо осмоленные и высушенные. Для этого, по обѣ стороны улицы ставятъ котлы съ растопленнымъ паромъ, въ который каждый торецъ погружаютъ по отдельнѣ, послѣ чего его на нѣкоторое время оставляютъ на воздухѣ, гдѣ онъ весьма скоро просыхаетъ. Этнмъ достигается первая цѣль этой методы: уменьшеніе расположенія дерева всасывать влаги и разбухать.

Сверхъ того, самые торцы, хотя тоже дѣлаются въ видѣ шести-стороннихъ призмъ, какъ и въ Петербургѣ, но отличаются тѣмъ, что верхняя поверхность каждаго торца нѣсколько меньше нижней его поверхности, такъ что призмъ немного его вверхъ. Это производится, или тотчасъ при рѣзаніи торцевъ посредствомъ особаго, весьма простаго, снаряда, или черезъ обтесываніе топоромъ боковъ обыкновенныхъ торцевъ. Тогда ихъ ставятъ рядомъ, одинъ послѣ другаго, вовсе не соединяя шпильми, такъ что торцы касаются другъ друга только краями шестугольника, образующаго нижнюю ихъ поверхность; кверху же, между ними находится разстояние, примѣрно, въ палецъ ширину, которое уменьшается постепенно по мѣрѣ приближенія своего къ основанію торцевъ. Этн промежутки наполняются ровными, крупными пескомъ, или гравеломъ (*gravier*), которымъ посыпаютъ поверхность вновь выкопанной улицы, и который послѣ этого сперва слегка укатывается, а потомъ сметается. Тогда мостовая готова п открываться для ѣзды.

Полезъ такого устройства косо-обтесанныхъ торцевъ состоитъ въ томъ, что если-бы они, даже не смотря на смоленіе ихъ, послѣ продолжительныхъ дождей и т. п., стали разбухать, то они могутъ свободно подаваться въ сторону, потому что оставлены между ними промежутки. Въместо того, чтобы подыматься надъ поверхность мостовой, они только выжимаютъ гравель, наполняющій эти промежутки, а сами остаются на мѣстахъ своихъ. Гравель же, по прекращеніи дождей, уже отъ одной ѣзды вытравляется опять въ образовающіеся вновь промежутки между просохшими и обсыхшими торцами, или снова укатывается чугуннымъ цилиндромъ. Присутствіе песку между торцевъ, или на поверхности ихъ, при мокрой погодѣ, дѣлаетъ такую мостовую не столь сколькою послѣ дождя, и не столь опасною для лошадей, какъ въ Петербургѣ. Если бы, наконецъ, одинъ или другой пзъ торцевъ, лаче чалнія, отъ нештатнаго смоленія или другой причины, поднялся вверхъ, то соединеніе не примыкало къ нему плотно, за этнмъ движеніемъ не слѣдуютъ, такъ что починка весьма легка, и въ четверть или полчаса можетъ быть совершенно кончена.

Надѣсья, что эти немногія данныя будутъ достаточны, чтобы обратить вниманіе особъ, занимающихся устройствомъ торцовыхъ мостовыхъ, на описанную нами методу, впрочемъ не поую, и побудить ихъ къ произведенію сравнительныхъ опытовъ, которые, сколько мы знаемъ, и здѣсь должны дать результатъ, столь же удовлетворительный, какъ тотъ, который мы имѣли случай видѣть въ другихъ мѣстахъ.

ТАБАКЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(См. № 6, стр. 90.)

Исторію и возростаніе табака мы рассказали, и отправились обозрѣть фабрику В. Г. Жукова. Табакъ, выдѣлываемый на сей фабрицѣ, курятъ во всей Россіи и во многихъ мѣстахъ за границей. Обстоятельства до сей поры не позволяли представить подробнаго отчета объ этомъ заведеніи, и дополнить статью о табакѣ свѣдѣніями о его окончательной обработкѣ. Мы осмотрѣли фабрику дважды и, признаемся, каждый разъ выходили оттуда съ сердцемъ утѣшеннымъ, съ признательностію къ хозяину, который умѣлъ соединить собственныя выгоды съ благодѣяніями... Вы согласитесь съ нами, прочитавъ до конца эту статью.

Вы помните, или, если захотите, такъ вспомните, что мы проводили табакъ до береговъ моря, когда онъ въ бочкахъ отправляется на всѣ четыре стороны свѣта. На фабрику В. Г. Жукова поступаетъ американскій табакъ только двухъ сортовъ, Мариландъ и Огіо. Табакъ въ бочкахъ плотно уложенъ пучками или пачками; почти не требуетъ сортировки, потому что выписывается самый лучшій. Табачныя корешки привозятся особо, и мы начнемъ съ нихъ, потому что эти корешки, какъ соль въ кушаньи, придаютъ табаку крѣпость, значеніе. Но они слишкомъ тверды; свернутые въ плотную трубочку, въ сухомъ видѣ они могутъ противиться крошительнымъ орудіямъ, иступить ихъ въ короткое время: почему, для сокращенія и облегченія производства, корешки прежде размачиваются и пластятся, или разворачиваются. Для этого процесса особенное отдѣленіе. 8 пластинчатыхъ ма-

шинъ разворачиваютъ моченые корешки, и тѣмъ дѣлаютъ ихъ совершенно способными къ крошкѣ, какъ и листовой табакъ. 8 машинъ тутъ же и рѣжутъ корешокъ. Затѣмъ, въ измельченномъ видѣ, его переносятъ въ сушильни, гдѣ на шести печкахъ его сушатъ. Въ этихъ сушильныхъ запахахъ тягостный отъ испареній просыхающаго корешка. Работники непрерывно перевертываютъ корешокъ, раскинутый на печкахъ; просыхающій проставаютъ, отъ чего такъ же обходится не безъ ѣдкой, удушливой пыли, отъ которой работники защищаются особеннаго рода покрывалами, которые дѣлаютъ ихъ весьма похожими на Абдлера и другихъ Алжирцевъ. Высушенный и просыанный корешокъ переходитъ въ другую, съяльную, палату, куда и мы съ вами, благосклонный читатель, придемъ въ свое время. Теперь же займемся листами, которые, и по закону природы, должны встрѣтиться съ своими корешками. Съ

Табачная фабрика В. Г. Жукова.

листами поступаютъ весьма просто: грузятъ изъ бочекъ въ корзины и несутъ подъ ножи десяти машинъ. Ножами двигаютъ четыре руки человѣческой, крошка сыплется въ ящики, 4 механизма только подталкиваетъ подъ острія цѣльныхъ листьевъ... Крошку несутъ въ стальную, гдѣ дѣлать проходы, или квадратныя рѣшетъ, переставляютъ ее; остатки должны еще разъ возвратиться подъ ножи. Переставленный же табакъ свѣшивается съ корешками; отъ взаимной пропорціи того и другаго зависитъ крѣпость табака. Сорта табака на фабрицѣ В. Г. Жукова есть разные; но преимущественно, и даже почти исключительно, выдѣлывается двухъ-рублевый, согласно общности запроса на него. Приготовленный та-

кимъ образомъ табакъ идетъ къ стульямъ. Стулъ — это мѣсто для двухъ набойщиковъ; имъ приготовлена бумага; тутъ же свѣчка и сургучъ; въ колотѣ отверстіе, куда входитъ набойная воронка, или форма фунта, полуфунта и четвертки. Набойщики исполняютъ свою работу съ необычайною быстротою. Всего сорокъ стульевъ, или 80 набойщиковъ, и они успеваютъ набить въ картузы, завернуть и припечатать 250 пудовъ табака въ день, съдѣлственно, каждый набьетъ болѣе 3 пудовъ въ сутки.

Бумага для картузовъ съ виньетками и надписями готовится тутъ же, на фабрицѣ, въ особой типографіи, состоящей изъ четырехъ

станковъ и помѣщенной въ свѣтлой и чистой залѣ второго этажа.

Табакъ въ картузахъ переходитъ въ бандерольную, гдѣ тридцать четыре работника съ маленькими включительно, рѣжутъ бандероли, оклеиваютъ и запечатываютъ уже печатью. И знаете ли сколько выходитъ изъ рукъ ихъ табаку ежедневно? 200 ящиковъ, 1000 фунтовъ, 4 тысячи четвертокъ!! Это послѣдній подвигъ. Затѣмъ табакъ укладывается въ ящики и отправляется, по назначенію.

Изъ числа ежедневно приготавливаемого на этой фабрицѣ ящиковъ табаку, вы можете видѣть обширность ея дѣятельности. Высокіе сорта, какъ мы сказали, выдѣлываются въ маломъ числѣ, и

то по заказамъ только, примѣрно сказать, одинъ день въ недѣлю; да и то едва ли. Преимущественно изготовляется двухъ-рублевый; требованіе на него въ Россіи столь обширно, что фабрика полгода ровню заготавливаетъ табакъ только для одной Макарьевской ярмарки.

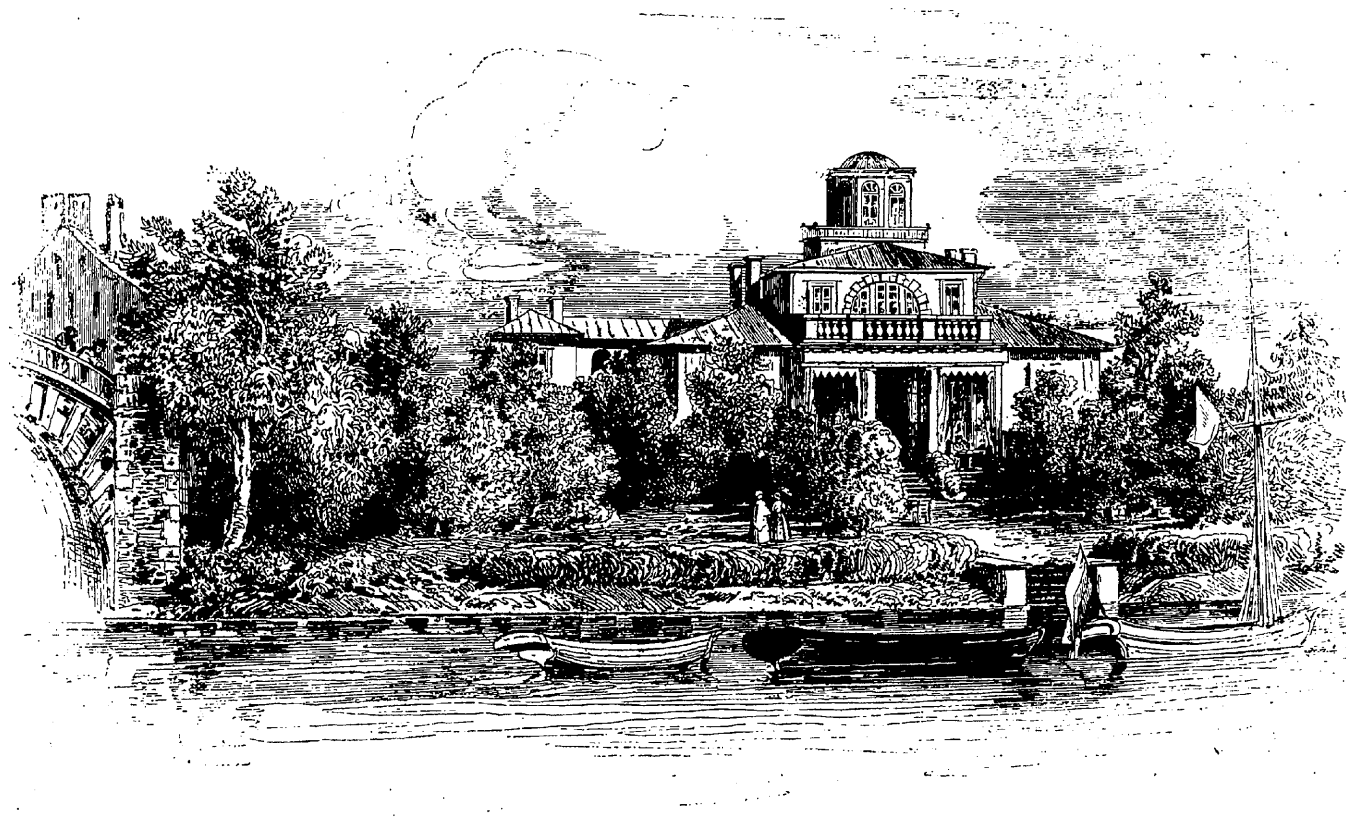
Если бы В. Г. Жуковъ рѣшился распространить производство табаку, и тогда бы еще не могъ бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ; но при настоящихъ размѣрахъ заведенія, для всѣхъ другихъ фабрикъ остается еще достаточное число потребителей.

Можно сказать, для полноты только всего табачнаго производства, при фабрикѣ есть еще два отдѣленія, сигарнаго и нюхательнаго табака.

Производство первого нельзя назвать маловажнымъ, потому что тутъ выдѣлывается болѣе полтора миліона сигаръ и папировъ; рабочихъ здѣсь обоего пола до 20, а плату получаютъ сообразно сорту сигаръ — отъ 5 до 12 рублей за тыслу. Второе же отдѣленіе доставляетъ около 500 пудъ нюхательнаго табака.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что у богатаго купца есть обширная фабрика, доставляющая большой доходъ. Такъ должно быть, тому миліоны прибитровъ; но фабрика В. Г. Жукова, заведеніе, особенно замѣчательное въ отношеніи, такъ сказать, нравственномъ. На фабрикѣ до 500 человекъ рабочихъ и о нихъ-то отечески печется заботливый хозяинъ. Работники

постоянные помѣщаются въ опрятныхъ казармахъ, въ самомъ зданіи фабрики. Мальчики, числомъ 19, имѣютъ особенную спальню; прочіе работники, по окончаніи работъ и уборки матеріаловъ, размѣщаются по прилавкамъ въ разныхъ комнатахъ. Русскій человекъ спитъ мало, встаетъ рано, часу въ пять, а иногда и раньше. У каждаго есть свои потребности и дѣла, для которыхъ онъ можетъ употребить время до начатія и послѣ окончанія работъ. Но въ 6-ть часовъ фабрика оглашается молитвой Господней: «Отче Нашъ»; — работники поютъ ее хоромъ и приступаютъ къ дневнымъ занятіямъ, которыя и продолжаются до 9-ти часовъ утра. Въ 9-ть часовъ отдыхъ и завтракъ; въ 10-ть опять возоб-

Дача В. Г. Жукова.

новляется работа; въ два часа обѣдъ; въ три опять за работу; въ 8-мъ часовъ, а по субботамъ, въ 7-мъ часовъ, всѣ работы прекращаются; пѣвчіе поютъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, или: Боже, Царя Храма, или же «Отче нашъ» копцертомъ, и тогда приступаютъ къ вечерней трапезѣ. Взрослые работники завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ, въ двѣ сѣтны, въ особой столовой, вмѣщающей 120 человекъ; завтракъ, обѣдъ и ужинъ не различаются между собой ничѣмъ. Тѣ же штѣ съ говядиной и каша, но свѣжія, и ужины не различаются между собой ничѣмъ. Вкусно приготовленные, съ обильнымъ прикладомъ мяса, хлеба, сколько кому угодно. Въ воскресенье пироги. Мальки имѣютъ свою особенную столовую. Они также ѣдятъ три раза въ сутки; у пахъ супъ или штѣ съ говядиной, каша и жаркое; а по воскресеньямъ и пироги. При каждой столовой особая кухня. Вездѣ чистота и опрятность. Въ камерахъ мальчиковъ мы замѣтили ноты на пультрѣ, ноты на оклѣ. Простые работники имѣютъ и возможность и время заниматься музыкой, не заботясь о пищѣ и другихъ житей-

скихъ потребностяхъ. Веселыя пѣсни раздаются и въ рабочихъ палатахъ. Эти триста человекъ живутъ въ полномъ смыслѣ прииваючи; они счастливы; развѣ болѣзнь возмутитъ ихъ довольство; но и тутъ заботливый хозяинъ съ своею благодѣтельною помощію; въ самомъ зданіи фабрики устроена больница на 8 кроватей, слабженная всѣмъ медицинскимъ пособіямъ. При больницѣ постоянный докторъ, фельдшеръ и одинъ прислужникъ, который обходится съ больными. Въ больницѣ все чисто, опрятно, свѣтло, хорошій воздухъ. — Словомъ, все придумано, предусмотрено, и послѣ этого вы безъ сомнѣнія согласитесь, что фабрика Вислая Григорьевича достойна особеннаго вниманія; что самъ хозяинъ — заслуживаетъ общую признательность; что этотъ порядокъ, эти удобства, доставляемые имъ съ немалыми расходами рабочему классу людей, должны бы послужить образцомъ для многихъ.

Велика земля Русская! Не сомнѣваемся, что много на пей людей, ослѣпленныхъ такимъ же добрымъ чувствомъ, такимъ же патриоти-

ческимъ стремленіемъ на пользу общую, въ своемъ кругу; но, по счастью, фабрика В. Г. Жукова въ Петербургѣ, на глазахъ; вы можете не только собрать о ней достовѣрныя свѣдѣнія, но лично убѣдиться въ истинѣ слуховъ и разсказовъ. Васъ вездѣ проведутъ, вѣдь все покажутъ, разскажутъ — тутъ нѣтъ тайны, тутъ тайна одна — сердце хозяина. Амбарный Иванъ Сергѣевъ Смирновъ, показывалъ намъ два раза фабрику и въ оба раза мы замѣтили, что это онъ дѣлаетъ съ удовольствіемъ, съ гордостью.

Пѣвчіе Жукова, столь же извѣстные вездѣ, какъ и жуковскій табакъ — тѣ же работники, на той же фабрикѣ. — Они очень хорошо исполняютъ многія русскія пѣсни и нѣкоторыя пѣсы; они не только доставляютъ удовольствіе хозяину и его гостямъ, но не рѣдко приглашаются въ загородныя увеселительныя мѣста, куда привлекаютъ многочисленную публику. — Чаще всего можно, въ лѣтнее время, слышать ихъ на дачѣ самого хозяина, находящейся тотчасъ за скатертигофскимъ паркомъ. Прекрасную эту да-

чу вы можете видѣть въ прилагаемой гравюрѣ; она построена и устроена со вкусомъ. Исповнѣ долгъ нашъ, мы не хотимъ болѣе распространяться о другихъ учрежденіяхъ В. Г. Жукова, какъ напримѣръ, крестьянскомъ банкѣ, устроенномъ въ Г. Порховѣ, шестѣ рожденія Василія Григорьевича, и о другихъ. Мы боимся оскорбить его скромность. Въ заключеніе только скажемъ, что эти подвиги не пропадутъ, потому что добрыя дѣла не умираютъ.

ЗАКЛАДЪ.

романъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Сидоръ Никитичъ... Вы вѣрно забыли уже Сидора Никитича, оставшаго чиновника, въ домъ котораго жилъ Этьеннъ и Мерц... Сидоръ Никитичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и распивалъ чай съ пріятелемъ, помѣщикомъ Тарсовымъ, съ которымъ вы уже имѣли случай познакомиться. Окна были плотно закрыты ставнями и внутренними суконными шторами.

— Путь-съ, путь-съ,—говорилъ Сидоръ Никитичъ,—такъ что же Гримасниковъ толкуеть?.. Какъ-съ?..

— А говорить, что подай пять тысячъ, такъ и самъ чѣлъ уйдешь, и дѣвчонку-то выручишь... — Пять тысячъ! Экое неслитное животное! Ну, да вы знаете его; онъ было и съ меня хотѣлъ брать половину; да ба—л увернулся, заплатилъ, правда, разомъ купшъ, да и сижу теперь на покой... Ну, а ваше дѣло не хоросее...

— Чортъ попуталъ, Никитичъ! Право, тутъ нечистый подвернулся...

— Да ужь кому же другому быть... — Еще и то хорошо, что она то сама не знаетъ кто она?

— А кто она?

— А тебѣ какое дѣло?

— Ну, такъ зачѣмъ же цволили трудиться ко мнѣ закладъ?

— Да, душа ты мол... У тебя домъ то... то есть... садъ съ садомъ ридишккомъ; можно бы по-мощъ моею бѣдѣ. Садъ то я откупился, да мнѣ то дѣвчонку нужно...

— А зачѣмъ тебѣ дѣвчонка?

— А тебѣ какое дѣло?

— Такъ я изволь играть въ тежную. Нѣтъ, батюшка, я мѣсто потерялъ, да въ темную ужь ничего не надувалъ. Пѣтъ-съ, просимъ извиненія...

Сильный лай невои прекратилъ на время эту бесѣду. Сидоръ Никитичъ выбѣжалъ на дворъ и воротился назадъ съ илчотскимъ выраженіемъ.

— Что тамъ случилось?

— Ничего-съ, такъ себѣ... Велика ваша дѣвчонка ростомъ?

— Будетъ вотъ такъ...

— Ну, а лицомъ чернавка?

— Да, брунетка...

— Ну, такъ это она...

— Гдѣ? гдѣ?..

— Тутъ, у меня, въ моемъ домѣ...

— Сидоръ Никитичъ... Двѣ тысячъ...

— И десяти не возмю, пока не скажешь, въ какое дѣло я долженъ впутаться.

— Въ какое? Да тебѣ на что? У ледяи роду, ни писемъ. А имѣйце есть по сосѣдству...

— Что жъ ты, жениться хочешь, отъ живой жены, что-ли? Даромъ, что ты жену согналъ, а все-таки жениться нехотѣ.

— Да я не самъ хочу жениться...

— А кто же?

— Кучеръ мой...

— Ахъ, ты хитрая голова! Закаблать хочешь, закрѣпостить, а имѣйце то за тобой останется, а намъ ничего не достанется. Нѣтъ, братъ, двумя тысячами не отдаблешься...

— Такъ не получишь ни гроша! Я дѣло и безъ тебя сострѣлаю...

Тарсовъ всталъ, взявъ шляпу и хотѣлъ уже

идти, какъ вдругъ подл самими окномъ что-то свиснуло, и тихо, да такъ выразительно, что и хозяинъ и гость вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга. Къ особенному огорченію хозяина, гость опять поставилъ шляпу на мѣсто.

— Ну, братъ, такъ и ты... сказалъ гость.

— Что ли? Видно и вы не безъ знакомства...

— Вѣдь это Савилла...

— А тебѣ какое дѣло?

— Э, братецъ! Ты лишь бы только лишній грошъ съ пріятеля доправить! Ты хуже Савилла! Коли такъ, такъ я тебѣ ни на грошъ не боюсь; теперь ты мой сообщникъ! Слышишь!

Сидоръ Никитичъ глядѣлъ на гостя съ ужасомъ.

— Ну, нечего тутъ время терять! Хорошо, что еще паспорта не задержали. У меня все готово къ отъѣзду... Савилла можетъ распутать меня съ вашей прокламціи губерніей еще сегодня ночью... И гость свиснулъ, Сидоръ Никитичъ зажаль ротъ Тарсову, но поздно. Савилла вошелъ и открылось засѣданіе...

Между тѣмъ Мерц и Таня черезъ салъ, который, какъ вамъ извѣстно, граничилъ съ садомъ Иколоткина, приближали въ домъ Сидора Никитича и тѣмъ возбуждали лай собакъ Степанъ Лукничъ проснулся отъ суматохи, которая подымалась въ домъ по случаю появленія двухъ барынь. Таня была точь въ точь Мерц, но только помоложе и посвѣжѣе...

— Что за главный сонъ, сказалъ Степанъ Лукничъ, глядя на жену и гостю.

— Это не сонъ, мой другъ! Это моя сестра?

— Какъ? Откуда?..

— Богъ послалъ! Сидисъ, Таня; станемъ разсказывать другъ другу что ибудь. Вѣдь ты меня любишь, Таня; вѣдь ты мнѣ сестра... О и несласише тебѣ, Таня! Ты, по-кранней-мѣрѣ, ничего не помнишь; ты выросла въ совершенномъ невѣдѣніи... а я... О, я знаю много, я помню не мало... Я помню мать, но отца не помню. О, какъ она плакала, несчастная!.. И я росла, и я училась, меня ласкали, но образъ матери не оставилъ меня ни на одно мгновенье...

Степанъ Лукничъ, пораженный и неожиданностью случая, и красотой сестрицы, совершенно проснулся; сталъ ужасивать и за женой и за сестрицей; развернулся; приказалъ подать ужинать... выпилъ лишнюю рюмочку вина. Въ разговорахъ за вкуснымъ ужиномъ прошло добрыхъ три часа. Бесѣда нѣкогда бы не кончилась, если бы на Косаткѣ, шагахъ въ трестахъ отъ дома Сидора Никитича, не вспыхнулъ пожаръ. Поднялась тревога, всѣ бѣжали на пожаръ; одинъ ради помощи, другіе ради любопытства; люди Сиспана Лукча, подл предложомъ, чтобы узнать о пожарѣ, ушли всѣ, даже Кирило. Степанъ Лукничъ съ нѣжностью объявъ сестеръ, подошелъ къ окну, и хотѣлъ подл насладиться красной картиной, какъ вдругъ двери скрипнули, Мерц закричала, Степанъ Лукничъ обернулся и увидѣлъ Савилла съ страшными товарищами. Безошибочно, они бросились на Таню; Степанъ Лукничъ хотѣлъ отстоять несчастную; ножъ баснулъ и Степанъ Лукничъ упалъ безъ чувствъ наземь... Мерц охватила обморокъ, а Таня и не вскрикнула! Съ завязаннымъ ротомъ унесла съ разбойники. Все это произошло въ одно мгновенье. Пока собралась люди, Мерц очуствовалась; къ мужу, но мужа уже не было. Мерц одолѣла... Мвотокъ былъ пожъ Савилла. Мерц упала на колѣни передъ труномъ мужа и призывала на помощь страшнымъ воплемъ; женская прислуга, вмѣсто помощи, бѣгала по саду и по двору и вопила по своему... Пожаръ потушалъ, по за то на дворѣ Сидора Никитича подымалась буря. Состан со всѣхъ сторонъ сбѣгались на вопли женщины и ребенка. Иколоткинъ приказалъ къ забору поставить лѣстницы и со всѣмъ людьми явился на помощь... Видя, что народъ толпами ломится въ домъ, и онъ пошелъ вмѣстѣ съ народомъ, напрасло спрашивая, что случилось. Наконецъ, въ столовой онъ увидѣлъ Мерц и отступилъ...

— Боже мой! Это вы!..

— Дядюшка! Дядюшка! Ради самого неба, спасите вашего племянника, моего мужа...

— Великій Боже! это... Степанъ!.. Несчастный Степанъ, вотъ какъ намъ пришлось съ тобой увидаться... А вы, сударыня... Такъ это вы?.. А? И вы могли... Да вы у меня отняли писемца два раза... Вы... о нѣтъ... я виноватъ, я оиди виноватъ... Но скажи, душа моя, вдова моя безутѣшная... Какъ все это случилось?

— Губернаторъ!..

— Полципейстеръ!..

— Предводителю!.. раздавалось со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, всѣ власти сбѣгались, но никто не могъ понять откуда этотъ громъ... Все разрѣшилось: вбѣжалъ Осипъ Семеновичъ.

— Я нашелъ воровъ, кричалъ онъ: только дайте мнѣ команду. Я изловлю ихъ!..

Всталъ за Осипомъ Семеновичемъ вбѣжалъ и Кудимъ.

— Батюшка свѣты! что надѣлалъ этотъ воръ окаянный, этотъ Тарсовъ проклятый!..

— Тарсовъ! вскрикнули всѣ.

— Это его шаши! Я видѣлъ какъ онъ покатилъ съ своего двора. На притонѣ всѣхъ бы изловить можно, кабы повернулись проворнѣе.

— Да кого же послать? спросилъ заботливо губернаторъ.

— Да вотъ его высокородіе, Осипа Семеновича... да меня... да вотъ, мало ли людей православныхъ! На вора все равно, что на пожаръ, великій пойдетъ охотю.

Советъ Кудима былъ принятъ; снарядили двѣ экспедиціи: одна, подл начальствомъ Осипа Семеновича, пошла прямо на притонъ, а другая, подл предводительствомъ Кудима, отправилась усиленнымъ маршемъ въ обходъ, чтобы преслѣдовать неспроста вслкую возможность бѣгства. Власть, за исключеніемъ тѣхъ, до которыхъ поимка воровъ могла относиться, осталась утѣшатъ Мерц и тутъ ждать развязки... Между тѣмъ народъ приходилъ ко двору болѣе и болѣе; даже дамы сбѣгались въ незнакомый домъ, о мужчинахъ и говорить нечего. Евгений отправился въ экспедиціи Кудима.

Полководцы не заставили долго ждать себл. Походивъ увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Косатка освѣтила въ калемп и фанарями. Съ торжествомъ самъ Кудимъ велъ Савилла. Тарсова и Сидора Никитича связали вмѣстѣ и вели особо; другихъ также попарно. Осипъ Семеновичъ несъ на рукахъ Таню; а въ дорожной каретѣ Тарсова ѣхалъ Лукерья Ивановна. — Само собою разумеется, что вся процессія остановилась передъ домомъ, гдѣ жила Мерц; само собой разумеется, что Таню и Тарсова съ товарищемъ ввели въ столовую, гдѣ около печальной Мерц сидѣло все губернское общество. Покойникъ былъ вынесенъ въ боковую комнату; на пятно отъ крови накинуть коверъ... — Мерц, увидавъ Таню, какъ будто забыла про свою печаль и со слезами припла ея въ свои объятія. Иколоткинъ также съ чувствомъ объялъ Таню, какъ родную. Между тѣмъ начальство обратилось съ вопросомъ къ Тарсову.

— Милостивый государь сказалъ строгій, губернаторъ: какія причины могли увлечь васъ къ такому ужасному сообществу?

Тарсовъ молчалъ; но Сидоръ Никитичъ повалился въ ноги губернатору и, натурально, увлекъ за собою и Тарсова.

— Батюшка, ваше превосходительство, пойдѣ лосердуй; я все раскажу; я нарочно прикинулся компаньонномъ въ этомъ воровскомъ дѣлѣ, чтобы развѣдать все и довести начальству... Только помилуй!..

— Несгодий! Разсказывай! Откровенно признаіе облегчитъ твою участь.

— Позвольте, ваше превосходительство, я лучше самъ... мнѣ милость! закричалъ Тарсовъ.

— Нѣтъ, мнѣ, я первый... перебилъ Сидоръ Никитичъ.

— Да онъ всего и не знаетъ...

— Чего не знаю?

— Молчать! Тарсовъ, разсказывай!..

— Корысть, батюшка, ваше превосходитель-

ство, да и то сказать надо, что губернские расходы так велики и обременительны. Губернаторъ отвернулся. Тарсовъ продолжалъ :

— Ну, что же дѣлать; открылось, так открылось. У Татьяны Осповны...

— Осповны? спросилъ съ удивленіемъ Икологичкинъ.

— Точно такъ съ... У нея, то есть — у ея покойныхъ родителей, была деревня богатая, съ моею по собственности... Родители померли, деревня сгорѣла; пустую землю батюшка, пустую землю хотѣлъ я присовокупить къ моимъ помѣстьямъ... вотъ и все тутъ; а за кучера моего хотѣлъ ее выдать, потому что онъ ей нравился, а потомъ она давнѣе отиѣклась... Вотъ и бумагу она подписала.

— Силою меня принудили подписать бумагу. Я и теперь не знаю, что тамъ написано...

— Хорошо, хорошо! сказала Икологичкинъ. Не въ томъ дѣло. А какъ же фамилія Тави?

— Койшева...

— Дочь моя! закричала Осповъ Семеновичъ. Можеть ли это быть! Тебя ли нахожу?... Господи, подарѣни меня! А гдѣ же Маша? Гдѣ мой первенецъ... О, гдѣ жена моя?

— А что, сказалъ Кудимъ: говорилъ я, что и дѣти найдутся... А Лукерья Ивановна въ повозкѣ... Оставилъ ее тамъ...

— Лукерья! въ свою очередь закричала Мери: Неужели и я найду мать, отца, сестру... Гдѣ она!

И схвативъ со стола свѣчку, Марья Осповна бросилась на улицу; толпа, шума, раздавалась. Добѣжавъ до кареты, Мери поспѣшно отворила дверцы, уронила свѣчу и вскрикнувъ «матушка!» безъ чувствъ упала на руки Евгения и Икологичкина.

Остальное вамъ нечего разсказывать; день печали обратился въ день радостный. Губернаторъ и всѣ чоповные гости обого пола разъѣхались. Осталось счастливое семейство Койшевыхъ; Икологичкинъ остался по какой-то странной забывчивости, и Евгений, да въ углу торчалъ Кудимъ коглышникъ.

— Друзья мои! сказалъ Икологичкинъ: теперь у меня большая семья, и я радъ, что умѣлъ быть бережливымъ. Но подумайте и о покойникѣ... По крови, все-таки онъ мнѣ ближе всѣхъ...

— Покойникѣ, тихо сказалъ Кудимъ: ближе всего ко мнѣ. Батюшка! позвольте живыми запомнаться, а ужъ за мертвецомъ я присмотрю; ни въ чемъ не будетъ пуждаться. И вотъ что, добрый баринъ! Убери ты всю семью къ себѣ въ барскіе твои хоромы, а меня оставь здѣсь хозяйничать.

— Добрый Кудимъ, сказала Мери съ чувствомъ: — мое счастье — созданіе твое, Кудимъ...

— Эхъ, была барыня, а про Бога то и забыла.

— Нѣтъ, Кудимъ! Но я не смѣю еще сплзъ молиться! Счастіе мое слишкомъ велико...

— Большому кораблю большое и плаваніе. Ты, мать моя, стоишь твоего счастья. — Дай, Богъ, тебѣ только мужа по твоему сердцу; вотъ тогда ударишь Кудиму. Право! Ну, а теперь послушайтесь меня, уѣжайте со двора; а то вы мнѣ мѣшаете...

Икологичкинъ одобрилъ совѣтъ коглышника; всѣ перешла въ палаты богача, и Кудимъ принялся за свое дѣло, и, по тогдашнему обычаю, на другой же день Кудимъ у воротъ своего кладбища встрѣтилъ великолѣпныя похороны Степана Лукача.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОМИКЪ ВЪ САРДАМЪ.

Между покойныхъ воль капаловъ Зюдерзелъ,
Въ таинственной тиши, обители вѣной,
Священнымъ трепетомъ, восторгомъ пламенѣдъ,
Стою безмолвно я предъ хижинкой простой.

Порогъ переступить завѣтный не дерзая
Жилпша Обидого, какъ царскихъ теремовъ;
Великаго сдѣлаи пороги сей сохралаеть, —
Я радъ предъ нимъ стоять, я пастъ предъ нимъ готовъ.

Умолялъ давно за стѣпной
Въ державной рукѣ молотокъ;
Оконченъ великій урокъ!
Но въ хижинѣ жертвы святой
Предъ тѣнью — вѣкамъ дорогой —
Безсмертья стоить часовой.

Все тихо здѣсь, — но тамъ далеко,
Гдѣ вслѣдъ за пурпурной зарей
Встаеъ великій сывъ Востока
Надъ благодатною страной;
Гдѣ все кипитъ живымъ потокомъ
По лентѣ свѣтлыхъ, нескитыхъ воль,
По берегамъ Данны широкой;
Тамъ, гдѣ растетъ необъданный флотъ
На верьхахъ Буга и Ингула;
Гдѣ Днѣпръ шумитъ тревожнымъ гуломъ,
И Волга — матушка течеть,
Пол-царства дѣжно обнимаетъ —
Тамъ эхо громко отвѣчаетъ
На смолкнувшій въ Сардамъ стукъ,
И дѣло гениальныхъ рукъ —
Глаголетъ Востока довершаетъ.
Предъ храмомъ чуднаго Царя
Нѣмымъ пропикнуть умиленьемъ,
Какъ у подножьи алтара
Передъ святыхъ благословеньемъ,
Молясь, я голову склоняю,
Передъ порогомъ кельи тѣсной,
И, какъ дитя, съ любовью дѣтской
Слезю слѣдъ Петра омывъ.

И. С. щ. в.

—

И.

ЕЕ МНѢ ЖАЛЬ.

(Графу А. Толстому.)

Дай руку мнѣ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль,
И полонъ тайныхъ звуковъ, внимаю
Твоимъ словамъ — ее мнѣ жаль!

Какъ иногда въ рѣкѣ широкой
Грозой оторванный листокъ
Несется блѣдный, одинокій,
Куда влечетъ его потокъ;

Такъ и она, келья тѣснаго рока
Всегда послушная, поидеть
Безъ слезъ, безъ жалобъ и упрека,
Куда ее онъ поведетъ.

Въ ея груди таится нынѣ
Любви такъ много... Боже мой!
Не дай растратить ей въ пустынь
Огня, зажженного тобой.

И зготъ взоръ спокойный, ласковый,
Да будетъ вѣчно мнѣ согрѣтъ,
И пусть на золь души прекрасной
Душа другая дастъ отвѣтъ.

Да, вѣрѣ мнѣ, другъ, я понимаю
Твою зловѣщую печаль,
И, полонъ грусти, повторяю
Съ тобою самъ — ее мнѣ жаль.

А. Плещеевъ.

АНЕКДОТЫ.

I.

Много на свѣтѣ женщинъ такихъ уютныхъ, что изъ десяти можно сплзать тонскій букетъ и поставить въ стаканъ воли; но за то есть и такія, что для пихъ и двери надо дѣлать пошире, и при толку вырубать, и подъ поломъ складывать каменные устои. Случилъ одной такой дородливой барынѣ умереть. Гробовые мастера одарены особенною чувствительностью: за версту слышатъ покойника; настѣли, набѣжали; тотъ, которому поручено было сдѣлать гробъ, вынулъ аршинъ, чтобы снлзъ мѣрку, подошелъ къ покойницѣ, взглянулъ, отступилъ шага на два, почесался и сказалъ вполголоса: Эвона! Нѣтъ! этой барыни за одинъ разъ не схоронишь.

И.

Бѣда, если барышни черезъ-чуръ начпаются романовъ. Одна изъ этихъ несчастныхъ начпа-лась, замечталась, и упала въ воду... Ее вытащили въ обморокѣ, принесли домой; она очнулась и сказала съ твердостью: Я хочу выйти замужъ за моего избавителя! — Невозможно, сказали отецъ. — Такъ онъ женатъ уже?... Нѣтъ! — Такъ кто же онъ? — Гекторъ, мол Ньюфундландская собака... — Барышня опять упала въ обморокъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

С. Петербургъ. 21-го Сентября 1845.

Въ самомъ непродолжительномъ времени, въ нашей столицѣ открылся съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый италійскій сезонъ. Составъ труппы прекрасенъ: кромѣ любимицы нашей публики, г-жы Влардо Гарси и Кастелланъ, усилившииъ мы новую примадону, дѣвицу Мольтни, обладающую, какъ говорятъ, прекраснымъ голосомъ и методою. Кромѣ несравненнаго Тамбурини, ангажированы басы: гг. Фератери и Корради. Слышавшіе контр-альто г-жи Виста, отзываются съ большою похвалою, — а тенора Саллаи почитаютъ однимъ изъ лучшихъ нашего времени. Также будутъ теноры: гг. Борюппи и Бенселети. — Прекрасный нашъ прошлогодній буюфо Ревере также возвратился. Въ продолженіе нынѣшняго лѣтнаго сезона онъ пѣлъ въ Вене, гдѣ публика всегда отъ него была въ восхищеніи. — Много новыхъ оперъ, еще незнакомыхъ итербургской публикѣ, будутъ даны въ Петербургѣ въ наступающій сезонъ; между прочими Lombardi, опера, возбуждавшая во всей Италіи общее вниманіе и, можно сказать, утвердившая славу Верди, который съ этихъ поръ сдѣлался моднымъ композиторомъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

—

БЕРЕЗА.

Береза (Betula L.), принадлежащая, по системѣ Декандоля, къ 163-му семейству, есть олно изъ употребительнѣйшихъ деревъ нашего края. Скороый ростъ, удобность въ разведеніи этого дерева, многостороннее употребленіе его въ домашнемъ быту, въ фабричной производительности и медицинѣ, заставляють предпочитать березу другимъ древеснымъ лиственнымъ породамъ. — Береза доставляетъ лучшее дерево, употребляемое на постройку и разныя издѣлія: на мебель самой чистотой отдѣлки; на издѣлку трубокъ, табакерокъ, чашекъ, тарелокъ, ружейныхъ ложекъ, остава для сѣделъ, клешией для хонатовъ и проч. Изъ вѣтокъ березы дѣлаются метлы. Листья ея употребляются для крашенія шерстяныхъ тканей, съ пріятемъ красцовъ, въ желто-зеленоватый цвѣтъ, а съ прибавкой мѣла, въ палеовой. Изъ настоянныхъ на спирту почекъ получается цѣлебный бальзамъ отъ ранъ. Изъ березовой коры добываютъ леготъ и сажу для ваксы, а помощью сухой перегонки, масло, употребляемое при обдѣлываніи ютки. Въ медицинѣ она употребляется отъ разныхъ болѣзней внутри и снаружн. Осо-

бежно полезны бывают припарки, делаемы из листьев, от ревматизма и других болезней. Из коры ея Камчадалы готовят отвары и перевязи. Воды чистюхи и посуду, а поселле табачные листья (табачки) и проч. Вареною корою краснокорые татары кроют свои кибитки, а Шведы употребляют из нее клеи, употребляемые для склепанія лозаной фаянсовой посуды. Березовая зола доставляет превосходный паташъ; а мелко песочечный уголь, отличный чистительный порошок для зубов. Уголь березовый служит для очищенія воды, вина и других жидкостей.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, поселле по-лѣсья и другихъ мѣсть, гдѣ произрастаетъ въ значительномъ количествѣ береза, пускаютъ изъ оной сокъ. Его пьютъ въ свѣжѣмъ состояніи; также готовятъ квасъ для питья и варена, и даже уксусъ. Такимъ образомъ въ неурожайные годы сокъ березовый для поселля можетъ некоторымъ образомъ замѣнять пищу и питье. Некоторые полагаютъ, что извлеченіе соку изъ березы причиняетъ ей вредъ; но это мнѣніе съ перваго разу опровергается тѣмъ, что дерево весною само собой старается освободить себя отъ излишнихъ соковъ.

Въ казенной деревнѣ Хипповкѣ, Звенигородскаго уѣзда, въ огородѣ крестьянина находится нѣсколько березъ, въ числѣ коихъ изъ двухъ онъ добываетъ каждаго года отъ 50-ти до 70-ти ведеръ сока. Это продолжается уже болѣе десяти лѣтъ. Слѣдовательно, одна береза въ теченіе сего времени дала, по крайней мѣрѣ, до 500 ведеръ соку, т. е. до 9,000 фунтовъ, или до 225 пудовъ, тогда, когда вся масса дерева вѣситъ не болѣе 600 фунтовъ, или 15 пудовъ. Но этому береза даетъ каждагодно соку въ полтора раза болѣе вѣсу всей массы своей, и при всемъ томъ дерево не портится, не усыхаетъ, приноситъ зрѣлыя сѣмена, и вообще не подвергается никакимъ наружнымъ измѣненіямъ. Нужно еще замѣтить, что эти деревья растутъ на песчаной почвѣ, вообще мало-плодотворной для растений, и потому должны питаться болѣе мистыями, нежели кореньями; а при всемъ томъ они доставляютъ такое огромное количество сока.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Козлову, Воронежск. губ., въ Бобровѣ. Письмо ваше получено 16-го сентября. Иллюстраціи выходятъ 22-го сентября; срокъ, вамъ назначенный, не кончился. Но мы терпѣли надежду разгадать вашу загадку и съ удовольствіемъ принимаемъ вашъ заказъ. За вашу непонятливость вы будете получать назначенную вами премію, но только въ одномъ случаѣ: если загадка ваша совершенно правильна, по начертанію или даже по произношенію, и если въ ней есть цѣльная фраза, а не урывки разныхъ фразъ, потому что мы по частямъ разгадали, но, складывая въ цѣлое, не находимъ связи. Ожидаемъ разгадки.

Г. К—чу, въ Д. Съ удовольствіемъ прочитали мы ваше краснорѣчивое письмо; съ гордостью прочли пріятельскія; съ огорченіемъ положили въ архивъ...

Дан—ну въ П—овѣ. Пусть умнчаютъ, пока ума не израсходовали; а потомъ взаимны возмутъ у французовъ. Непогда справляться, а кажется, и теперь живутъ на счетъ забытыхъ газетъ.

Х—у, въ Г.—Точка поссорилась съ запятой; восклицательный знакъ закололся; вопросительный повѣсился; и тому подобны фантазіи при-

ходить ему въ голову, или лучше, выходить изъ его головы. Если прорвется мѣшокъ съ мякиной, то поверьте, что оттуда посыплется непременно мякина, а не пшеница или другое зерно.

Аси... Письмо ваше коротко и ясно. Образецъ лаконизма. Мы можемъ съ нимъ сравнить только одно выраженіе стараго проповѣдника, который изрекъ: «Премудро поставлена смерть на концѣ жизни; для того чтобы мы успѣли къ ней приготовиться.»

Н... Что читается повсемѣстно и постоянно? То, о чемъ повсемѣстно и постоянно говорятъ люди читающіе.

**ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ
ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ Редакціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ Г-жи Демитовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Ангельгарльтъ, и Неколя, въ Гостиномъ дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина на Тверской, въ домѣ Мятлева.

ЕЖЕДЕЛЪЯНАГО ИЗДАВІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обвертокъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Типографія находится по Итальянской улицѣ, противу Михайловскаго мостика, въ домѣ Подпоручика Алексѣева.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 25.

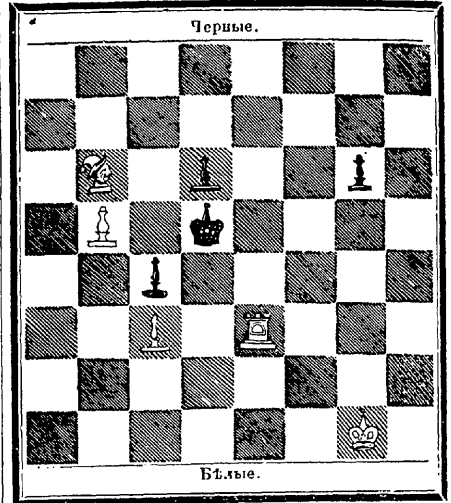
Бѣлые.

Черные.

- 1) Копь что на 8 кл. на 7 к. Сл. Ф. Кор. на 5 м. Ф.
- 2) Тотъ же Копь на 6 кл. Кор. Кор. на 4 м. Ф.
- 3) Ф. на 5 кл. Сл. св. П. беретъ Ф.
- 4) Л. на 8 м. Ф. и матъ.

ЗАДАЧА № 24.

Бѣлыс ходятъ и даютъ матъ въ пять ходовъ.

РАЗГАДКА № 23.

Есть печь а тепла пѣтъ.

ЗАГАДКА № 24.

БЫВАЮТЪ НОИ О

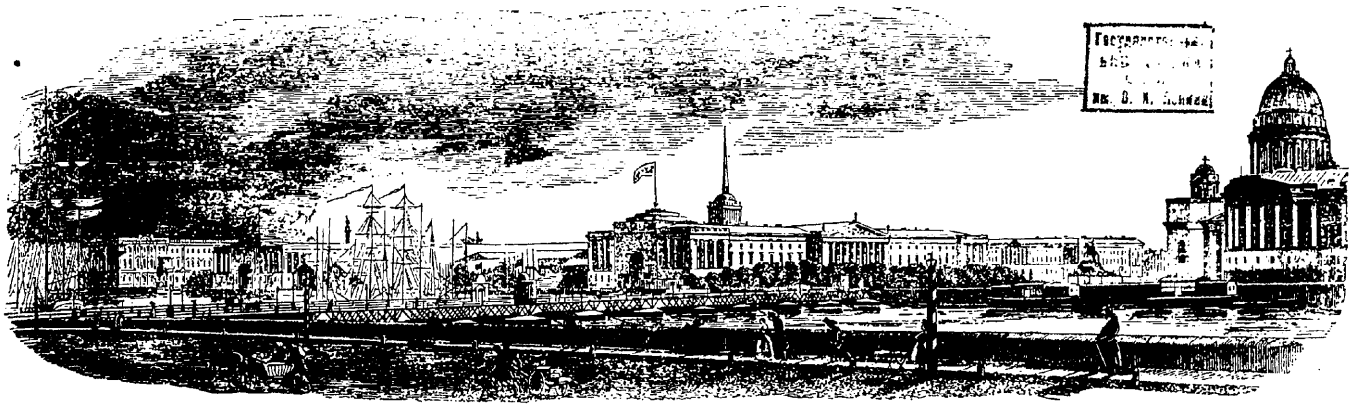

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Простой случай, разсказъ П. З—ва. 2) Парголовскія Тайны, повѣсть П. Ф—ина. (продолженіе) 3) Ежеделѣянкъ 4) Странствователь. 5) О пѣ-которыхъ неудобствахъ торцовыхъ мостовыхъ. 6) Табакъ, ст. вторая. 7) Заказъ, романъ. Глаза VIII. 8) Стихотвореніе: а). Домикъ въ Сардамѣ И. С. ш. с. и. б) Ее мнѣ жалъ, А. Плещеева. 9) Анекдоты. 10) Памятная книжка: Береза. 11) Переписка. 12) Объявленія. 13) Шахматы. 14) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1—6. Гравюры къ статьѣ: Парголовскія Тайны. 7) Портреты: Графа Васильева, 8) Графа Гурьева, 9) Графа Капкринъ, 10) Н. И. Хмѣльницкаго. 11) Памятникъ Державину. 12) Фабрика В. Г. Жукова. 13) Дача, его же 14) Загадка. Всего 14 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер. Т. I. № 25. — СУББОТА, 29 СЕНТЯБРЯ 1845. Безъ доставкн На годъ 10 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О НОВОЙ ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

въ 1846 году.

Съ выходомъ 24 пумера окончилось полугодное изданіе Иллюстраціи. Публика можетъ судить, исполнила ли Редакція свои обѣщанія?

У насъ все любятъ сравнивать съ иностраннѣмъ, не припима въ вниманіе, что тамъ число подписчиковъ считаютъ десятками тысячъ, а у насъ если перейдетъ за тысячу подписчиковъ — это ужъ значительный успѣхъ, а между тѣмъ какая разниа: съ одной стороны, въ средствахъ, а съ другой, въ издержкахъ!

Не смотря на эти матеріальныя препятствія, не смотря на всѣ усилія противниковъ нашихъ, неуспѣшно старающихся повредить каждому доброму начинанію, въ которомъ устранины ихъ выгоды и личное участіе, не смотря, наконецъ, на то, что при подобномъ изданіи каждый шагъ есть опытъ, не рѣдко сопровождаемый значительными и чувствительными потерями — Иллюстрація не только выходила со всею исправностью, совершенно согласно объявленнымъ обѣщаніямъ, но постоянно улучшалась во многихъ отношеніяхъ: бумага лучше прежняго, гравюръ несравненно болѣе обѣщаннаго, печатаніе гравюръ теперь отчетливѣе... Редакція не остановится и въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ.

Не самолюбіе, а желаніе отдать публикѣ отвѣтъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, побуждаетъ

насъ обратить ея благосклонное вниманіе на то, что сдѣлано. Такая статистика лучше всего опредѣляетъ относительное достоинство изданія. Уклоняемся отъ разсужденій, укажемъ только факты.

Въ 24 пумерахъ Иллюстраціи сорокъ пять повѣстей и разсказовъ, десять стихотвореній, тридцать статей по части наукъ, семнадцать художественныхъ, четырнадцать музыкальныхъ и театральныхъ, двадцать двѣ хозяйственныхъ, до 300 извѣстій отечественныхъ и чужестранныхъ, и 371 гравюра, изъ числа коихъ 157 оригинальныхъ русскихъ, гравированныхъ здѣсь, въ Петербургѣ. Само собою разумѣется, что въ это число не входятъ загадки и другія мелочи, какъ то, игры, моды и т. п. Также въ итогъ статей мы не вносимъ и тридцати анекдотовъ и другихъ мелкихъ статей.

Въ изданіи Иллюстраціи принимали участіе: А. П. Башуцкій, Е. П. Гребенка, Э. И. Губеръ, А. И. Михайловскій-Данилевскій, Е. П. Ковалевскій, Л. А. Кавелингъ, Казакъ Луганскій, Н. А. Полевой, А. И. Пальмъ, А. Л. Плещевъ, А. И. Петровъ, И. Н. Скобелевъ, графъ В. А. Солмогубъ, А. И. Струговщиковъ и многіе другіе, коихъ имена скрыты подъ начальными буквами; не упоминаемъ о статьяхъ П. Р. Фурманна и Кукольника.

И на будущее время Редакція не пзмѣнитъ припатымъ основаніямъ, употребляя всѣ силы и средства къ возможному улучшенію изданія.

Многіе изъ гг. подписчиковъ письменно и словесно жаловались намъ на неудобство срока подписки съ 1-го апрѣля. Заботясь во всѣхъ отношеніяхъ, облегчить желающимъ имѣть Иллюстрацію мы рѣшились допустить въ условіяхъ подписки нѣкоторые измѣненія.

Подписка на 1846 годъ принимается по

съ 1-го апрѣля, а съ 1-го января 1846-го года; подписная цѣна за 48 нумеровъ въ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 800—10 рублей серебромъ, а съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ шные города 11 р. 50 к. серебромъ.

Гг. подписавшіеся уже на цѣлый годъ, до-получаютъ слѣдующіе ихъ двѣнадцать нумеровъ за первые три мѣсяца 1846 года; если же пожелаютъ получать Иллюстрацію и послѣ 1 апрѣля 1846, то возобновляютъ свои билеты только на девять остальныхъ мѣсяцевъ 1846 года и платятъ, по разсчету, 7 рублей 50 копѣекъ серебромъ, а съ доставкою на домъ и пересылкою въ шные города по 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на 1846 годъ, если пожелаютъ имѣть 36 нумеровъ Иллюстраціи за 1845 годъ, платятъ, по тому же разсчету, 7 р. 50 к. сер., а съ пересылкою въ шные города и съ доставкою по домъ 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на Иллюстрацію каждыя три мѣсяца, могутъ возобновлять свои билеты на полученіе Иллюстраціи, какъ на послѣдніе три мѣсяца 1845 г.; такъ и на первые три мѣсяца 1846 года, на прежнемъ основаніи; съ 1-го же апрѣля 1846 года, возобновленіе билетовъ на три мѣсяца прекращается; подписка же вновь на три мѣсяца, безъ уплаты за всѣ вышедшіе нумера, вовсе не припимается, такъ какъ эта мѣра сопряжена съ запутанностію и разрозненіемъ экземпляровъ.

Нѣкоторые гг. подписчики, потерявъ нумера, просили насъ, нельзя ли пополнить ихъ экземпляры тѣми нумерами отдѣльно. Редакція назначила для того нѣкоторое число экземпляровъ; почему гг. подписчики могутъ пріобрѣсти каждый номеръ отдѣльно по 25 к. серебромъ, пока назначенное для того число экземпляровъ не истощится.

Бенино полемны бывают припарки, дѣлаемы изъ листьевъ, отъ ревматизма и другихъ болѣзней. Изъ коры ея Камчадалы готовятъ веревки, Вогуды чашники и посуду, а поселяне табачные листки (тавлитки) и проч. Вареною корою красноярскіе татары кроютъ свои кибитки, а Шведы готовятъ изъ нее клей, употребляемый для склеиванія лоданой «шаловой» посуды. Березовая зола доставляетъ превосходный пашажъ; а мелко истолченный уголь, отланный чистительный порошокъ для зубовъ. Уголь березовый служитъ для очищенія воды, вина и другихъ жидкостей.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, поселяне по-дѣсья и другихъ мѣствъ, гдѣ пропрастаетъ въ значительномъ количествѣ береза, пускаютъ изъ оной сокъ. Его пьютъ въ свѣжестъ состояніи; также готовятъ квасъ для питья и варевъ, и даже укусы. Такимъ образомъ въ перешайные годы сокъ березовый для поселянъ можетъ нѣкоторымъ образомъ замѣнить ищю и питье. Нѣкоторые полагаютъ, что излеченіе соку изъ березы причиняетъ ей вредъ; но это мнѣніе съ перваго разу опровергается тѣмъ, что дерево весною само собой старается освободить себя отъ излишнихъ соковъ.

Въ казенной деревнѣ Хипповкѣ, Звляггородскаго уѣзда, въ огородѣ крестьянина находится нѣсколько березъ, въ числѣ коихъ изъ двухъ онъ добываетъ каждаго года отъ 50-ти до 70-ти ведеръ сока. Это продолжается уже болѣе десяти лѣтъ. Слѣдовательно, одна береза въ теченіе сего времени дала, по-крайней мѣрѣ, до 300 ведеръ соку, т. е. до 9,000 фунтовъ, или до 225 пудъ, тогда, когда вся масса дерева вѣситъ не болѣе 600 фунтовъ, или 15 пудъ. По этому береза даетъ каждаго году въ полтора раза болѣе вѣсу всей массы своей, и при всемъ томъ дерево не портится, не усыхаетъ, приноситъ зрѣлыя сѣмена, и вообще не подвергается никакимъ наружнымъ измѣненіямъ. Нужно еще замѣтить, что эти деревья растутъ на песчаной почвѣ, вообще мало-нуждательной для растений, и потому должны питаться болѣе листьями, нежели корнями; а при всемъ томъ они доставляютъ такое огромное количество сока.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Козлову, Воронежск. губ., въ Бобровѣ. Письмо ваше получено 16-го сентября. Иллюстрація выходитъ 22-го сентября; ерокъ, вамъ назначенный, не копился. Но мы теряемъ надежду разгадать вашу загадку и съ удовольствіемъ принимаемъ вашу закладъ. За нашу неопытность вы будете получать назначенную вамъ премію, по только въ одномъ случаѣ: если загадка ваша совершенно правильна, по начертанію или даже по произношенію, и если въ ней есть цѣлая фраза, а не урывки разныхъ фразъ, потому что мы не частая разгадали, по складывавъ цѣлое, не находимъ связи. Ожидаемъ разгадки.

Г. К—чу, въ Д. Съ умиленіемъ прочитали мы ваше краснорѣчивое письмо; съ гордостью прочли пріятелямъ; съ огорченіемъ положили въ архивъ...

Дан—ву въ П—овъ. Пусть умнѣчаютъ, пока ума не израсходовали; а потомъ взаимно возмунтъ у Французовъ. Некогда справлялся, а кажется, и теперь живутъ на счетъ забытыхъ газетъ.

Х—у, въ Г.—Точка поссорилась съ запятой; восклицательный знакъ закололся; вопросительный повѣсилъ; и тому подобныя фантазіи при-

ходить ему въ голову, или лучше, выходятъ изъ его головы. Если прорвется мѣшокъ съ мякиной, то повѣрьте, что оттуда посыплется непремѣнно мякина, а не пшеница или другое зерно.

Аси... Письмо ваше коротко и ясно. Образецъ лакопизма. Мы можемъ съ нимъ сравнить только одно выраженіе стараго проповѣдника, который изрекъ: «Премудро поставлена смерть на концѣ жизни; для того чтобы мы успѣли къ ней приготовиться.»

Н... Что читается повсемѣстно и постоянно? То, о чемъ повсемѣстно и постоянно говорятъ люди читающіе.

**ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ
ПРИНИМАЕТСЯ :**

Въ Редакціи, по Гороховой, за Самюновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ Г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. Смирлина, на Пелескомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгардтъ, и Некогда, въ Гогеншномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина на Тверской, въ домѣ Миллеровой.

ВЪ ТИПОГРАФІИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода **ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ** адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обертковъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

=

Типографія находится по Итальянской улицѣ, противу Михайловскаго манежа, отъ дома Подпоручика Алексѣева.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 23.

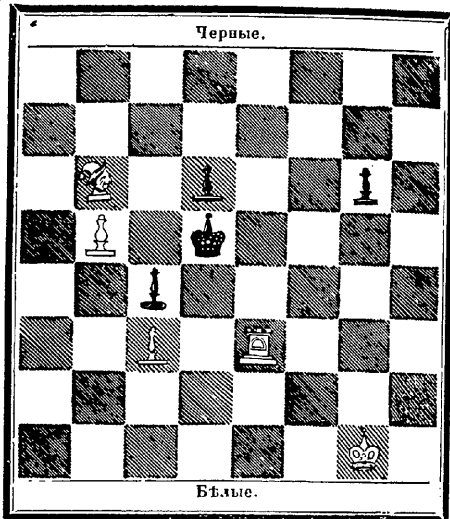
Бѣлые.

Черные.

- 1) Конь что на 8 к.л. на 7 к. Сл. Ф. Кор. на 5 м. Ф.
- 2) Тотъ же Конь на 6 к.л. Кор. Кор. на 4 м. Ф.
- 3) Ф. на 5 к.л. Сл. св. П. беретъ Ф.
- 4) Л. на 8 м. Ф. и матъ.

ЗАДАЧА № 24.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ пять ходовъ.

РАЗГАДКА № 23.

Есть печь а тепла нѣтъ.

ЗАГАДКА № 24.

БЫВАЮТЪ НОЙ О

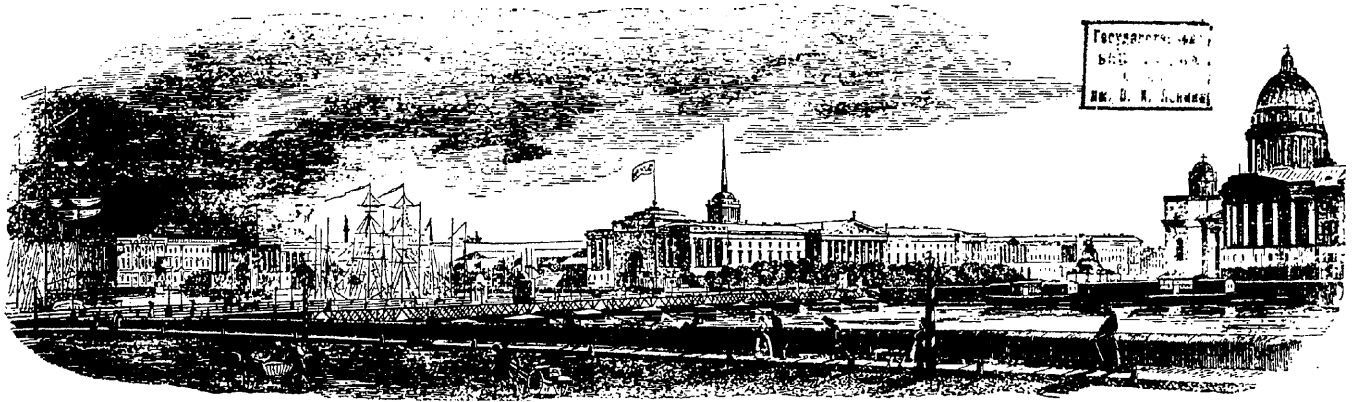

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Простой случай, разсказъ П. З—ва. 2) Паргаловскія Тайны, повѣсть П. Ф—нна. (продолженіе) 3) Еженедѣльникъ 4) Странствованье. 5) О плѣнѣ Ес мѣль. А. Плещеева. 6) Табакъ, ст. вторая. 7) Закладъ, романъ. Глава VIII. 8) Стихотворенія: а) Домикъ въ Сардамѣ И. С. ц. в. и б) Памятная книжка: Береза. 11) Переписка. 12) Объявленія. 13) Шахматы. 14) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1—6. Гравюры къ статьѣ: Паргаловскія Тайны. 7) Портреты: Графа Васильева, 8) Графа Гурьева, 9) Графа Канкринъ, 10) Н. И. Хмѣльщикова. 11) Памятникъ Державину. 12) Фабрика В. Г. Жукова. 13) Дача, его же 14) Загадка. Всего 14 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 43 к. сер. Т. I. № 95. — СУББОТА, 29 СЕНТЯБРЯ 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 3 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылки : На 3 мѣсяца 3 р. сер.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О НОВОЙ ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

въ 1846 году.

Съ выходомъ 24 нумера окончилось полугодичное издание Иллюстраціи. Публика можетъ судить, исполнила ли Редакція свои обѣщанія?

У насъ все любятъ сравнивать съ иностранцами, не принимая во вниманіе, что тамъ число подписчиковъ считаютъ десятками тысячъ, а у насъ если перейдетъ за тысячу подписчиковъ — это ужъ значительный успѣхъ, а между тѣмъ какая разница: съ одной стороны, въ средствахъ, а съ другой, въ издержкахъ!

Не смотря на эти матеріальныя препятствія, не смотря на все усилія противниковъ нашихъ, неуспѣшно старающихся повредить каждому добродушному начинанію, въ которомъ устранимы ихъ выгоды и личное участіе, не смотря, наконецъ, на то, что при подобномъ изданіи каждый шагъ есть опытъ, не рѣдко сопровождаемый значительными и чувствительными потерями — Иллюстрація не только выходила со всею исправностью, совершенно согласно объявленнымъ обѣщаніямъ, но постоянно улучшалась во многихъ отношеніяхъ: бумага лучше прежняго, гравюръ несравненно болѣе обѣщаннаго, печатаніе гравюръ теперь отчетливѣе... Редакція не остановится и въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ.

Не самолюбіе, а желаніе отдать публикѣ то, что въ нашихъ дѣйствіяхъ, побуждаетъ

насъ обратить съ благосклонное вниманіе на то, что сдѣлано. Такая статистика лучше всего опредѣляетъ относительное достоинство изданія. Уклопаясь отъ разсужденій, укажемъ только факты.

Въ 24 нумерахъ Иллюстраціи сорокъ пять повѣстей и разсказовъ, десять стихотвореній, тридцать статей по части наукъ, семнадцать художественныхъ, четырнадцать музыкальных и театральныхъ, двадцать двѣ хозяйственныхъ, до 300 повѣстій отечественныхъ и чужестранныхъ, и 371 гравюра, изъ числа коихъ 157 оригинальныхъ русскихъ, гравированныхъ здѣсь, въ Петербургѣ. Само собою разумѣется, что въ это число не входятъ загадки и другія мелочи, какъ то, игры, моды и т. п. Также въ итогъ статей мы не вносимъ и тридцати анекдотовъ и другихъ мелкихъ статей.

Въ изданіи Иллюстраціи принимали участіе: А. П. Башуцкій, Е. П. Гребенка, Э. И. Губеръ, А. П. Михайловскій-Дашлевецкій, Е. П. Ковалевскій, Л. А. Кавелинъ, Казакъ Луганскій, Н. А. Полевой, А. И. Пальмъ, А. Л. Плещеевъ, А. И. Петровъ, Н. Н. Скобелевъ, графъ В. А. Солмогубъ, А. И. Струговичковъ и многіе другіе, коихъ имена скрыты подъ начальными буквами; не упоминаемъ о статьяхъ П. Р. Фурманна и Кукольника.

И на будущее время Редакція не измѣнитъ принятымъ основаніямъ, употребляя все силы и средства къ возможному улучшенію изданія.

Многіе изъ гг. подписчиковъ письменно и словесно жаловались намъ на неудобство срока подписки съ 1-го апрѣля. Заботясь во всехъ отношеніяхъ, облегчить желающихъ имѣть Иллюстрацію мы рѣшились допустить въ условіяхъ подписки нѣкоторые измѣненія.

Подписка на 1846 годъ принимается по

съ 1-го апрѣля, а съ 1-го января 1846-го года; подписная цѣна за 48 нумеровъ въ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 800 — 10 рублей серебромъ, а съ доставкою на домъ и съ пересылкою въ иные города 11 р. 50 к. серебромъ.

Гг. подписавшіеся уже на цѣлый годъ, получаютъ слѣдующіе ихъ двѣнадцать нумеровъ за первые три мѣсяца 1846 года; если же пожелаютъ получать Иллюстрацію и послѣ 1 апрѣля 1846, то возобновляютъ свои билеты только на девять остальныхъ мѣсяцевъ 1846 года и платятъ, по разсчету, 7 рублей 50 копѣекъ серебромъ, а съ доставкою на домъ и пересылкою въ иные города по 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на 1846 годъ, если пожелаютъ имѣть 36 нумеровъ Иллюстраціи за 1845 годъ, платятъ, по тому же разсчету, 7 р. 50 к. сер., а съ пересылкою въ иные города и съ доставкою на домъ 9 р. сер.

Гг. подписавшіеся на Иллюстрацію каждыя три мѣсяца, могутъ возобновлять свои билеты на полученіе Иллюстраціи, какъ на послѣдніе три мѣсяца 1845 г.; такъ и на первые три мѣсяца 1846 года, на прежнемъ основаніи; съ 1-го же апрѣля 1846 года, возобновленіе билетовъ на три мѣсяца прекращается; подписка же вновь на три мѣсяца, безъ уплаты за все вышедшіе нумера, вовсе не принимается, такъ какъ эта мѣра сопряжена съ запутанностію и разрозненіемъ экземпляровъ.

Нѣкоторые гг. подписчики, потерявъ нумера, просили насъ, нельзя ли пополнить ихъ экземпляры тѣми нумерами отдѣльно. Редакція назначила для того нѣкоторое число экземпляровъ; почему гг. подписчики могутъ приобрести каждый нумеръ отдѣльно по 25 к. серебромъ, пока назначенное для того число экземпляровъ не истощится.

Подписка на Иллюстрацію 1846 года уже приписана в Редакцію, находящуюся по Гороховой, за Семеновским мостом; близ Семеновских казарм, в домъ г-жи Домоготовичевой;—в Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта;—въ книжныхъ магазинахъ: М. Д. Ольхина, противу Анничинскаго Дворца въ домъ Завѣтнаго;—А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домъ г-жи Энгельгардтъ, и Псакова, въ Гостиномъ дворѣ.—Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домъ Мятлевой.

МАМЕНЬКА.

I.

У маменьки не было ни одного сына, ни одной дочери. У маменьки не было и мужа, потому что маменька была и въ молодости дурна собой, а если бы и была пригожа, то едва ли бы вышла замужъ, потому что она любила только деньги. Отецъ маменьки былъ ростовщикъ, бралъ только два или уже рѣдко три процента въ мѣсяцъ, давалъ деньги взаймы охотно, но подолгалъ, прешыпавшій заемъ вчетверо, и то благороднаго качества, какъ то: золото, серебро, а по нуждѣ только, подолгалъ шубу или турецкую шаль. Не смотря на всю свою осторожность, отецъ маменьки и самъ попалъ въ бѣду: далъ двадцать пять рублей мѣсячно подолгалъ золотыхъ часовъ, не справился съ мастеромъ. Часы оказались семилетними; ростовщикъ огорчился, захворалъ и умеръ. Осталась маменька круглой сиротой, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ сундуками и шкафами, но денегъ не нашла нигдѣ; напрасно подолгалъ, испил, тютюнкъ, все было тщетно; обысканы—нигде ни копѣйки; маменька нашла десятка три закладныхъ ломбардныхъ билетиковъ, и только. Но маменька была не промахъ; она знала всѣхъ должниковъ, всѣ ихъ долги, и около года употребила на приведеніе въ порядокъ дѣлъ покойника. Скопивъ капиталъ тысячъ въ десять и опасаясь, чтобы заемщики обманомъ не лишили ее всего состоянія, она давала взаймы только знакомымъ и подолгалъ такія огромныя суммы, что и знакомые отстали отъ маменьки, прешыпавшій въ этотъ дѣлъ отца. Казеннымъ процентамъ съ десяти тысячъ — трудно жить въ Петербургѣ; маменька прибѣгала къ разнымъ хитростямъ: торговала — но неудачно, только что не въ убытокъ; держала холостыхъ людей на хатбахъ, но и тутъ доходъ былъ самый незначительный; особенно разорилъ ее одинъ пріятель купецъ, который былъ за четвертыхъ, а платилъ всегда за полмѣсяца, когда пробѣсть мѣсяцъ, такъ, что если откажетъ ему, то придется потерять плату за двѣ мѣсяца. Въ горѣ маменька по вечерамъ ходила къ сосѣдкамъ; пѣвъ нѣкъ одна была богатая купчиха, а другая бѣдная шивовщица; и этой и у другой были взрослые дочери; на бѣду, у каждой было по одной большой дочери; маменька часто слышала, что докторъ совѣтовалъ и той и другой употребить морскія ванны и бѣжалъ неперемѣнно исцѣленіе. Въ Ревель, въ Гамбургъ, въ Гельсингфорсъ, только неперемѣнно этимъ лѣтомъ. У купчихи бывали гости... Случилось, что одна пѣвъ нѣкъ была въ Гельсингфорсѣ, да какъ стала разспрашивать, какъ тамъ все дешево, какъ тамъ кружева по грошу, полотно голландское по гривнѣ, атласъ по пятиалтыниному за аршинъ, такъ маменькѣ дурно сдѣлалось. Какой легкій способъ къ обогащенію! Но какъ провезти черезъ границу?..

«Все, матушка, можно, только осторожно. Платить сколько хочешь, только шитье, и знаете, чтобы впизу то чуть чуть подшошено было, а шитье только имѣла замѣтна была, не отымутъ;

рубашекъ, платковъ, сколько душъ угодно, лишь бы твою мѣтка была; кружевъ, сколько разсудимъ, только обшей вып юпки, или послерину изъ нѣкъ сѣвай; большіе платковъ можешь имѣть два, три на персову; точно также и чашки и посуду: у нѣкъ есть правило, кажется по шести паръ на особу... Да чего! бронзовыя часы, юстры провезти можно, коли побѣдѣ семей. Провезешь, по закону, а ужъ навѣрно, за что тамъ заплатишь тысячу рублѣй, такъ тутъ, у насъ, и на десять не купишь.»

Маменька упала въ обморокъ, перепугала и хозяйку и гостей, а какъ отошла, тотчасъ отправилась домой и давай плакать. О чемъ? А о томъ, какъ она была такой дурой, что, вотъ уже три года на своей волѣ, а не съѣздила въ Гельсингфорсъ; могла бы побывать тамъ три раза, за десять тысячъ купить на сто, за сто тысячъ — на миллионъ, за миллионъ — маменька зарыдала; но тутъ же успокоилась. Да кто же мнѣ мѣшаетъ, подумала она, побѣхать этимъ лѣтомъ!.. Только одна... Много ли я вывезу оттуда? — И тѣхъ вещей, что семейнымъ вывозить позволено, мнѣ нельзя, а въ нѣкъ то и барыш... Гм!...

Маменька улыбнулась; всю ночь продумала; поутру вылезла къ кучицѣ.

— Охъ!

— Что, матушка?

— Охъ, недугъ посѣтилъ. Посылала за лекаремъ; въ Ельсингфорсъ посылаешь. Нечего дѣлать.

— Чтожь, ты дѣлать?

— Бѣду, матушка... Да одна. Такая скука! И на морской то машинѣ... Охъ, боюсь...

— Ахъ ты, мать моя, возьми и мою Леночку...

— Пожалуй, я готова тебѣ служить, только на морской машинѣ...

— Экая ты право. Да послѣ моего покоящаго у меня тарантасъ остался; втроемъ помѣститься; а ужъ за пробѣдъ я заплачу: дочь моя тебѣ въ тягость не будетъ...

Вы догадаетесь, что маменька не прочь... Уларилъ по рукамъ и маменька отъ кучицы прямо къ шивовщицѣ...

— Охъ...

— Что съ вами?

— Плохо! Недугъ одолѣлъ. Лекаръ въ Ельсингфорсъ посылаешь...

Шивовщица горько улыбнулась и посмотрѣла на дочь, которая въ глубокой задумчивости сидѣла у окна и, казалось, не слышала ихъ разговора...

— Вотъ бы и вамъ, продолжала маменька, Лизаньку туда же послать...

— Гдѣ намъ?

— Да я, пожалуй, съ собою возьму. У меня тарантасъ просторный; возвѣтисямъ втроемъ, потому что со мною одна знакомая ѣдетъ...

— Да что это будетъ стоить!

— Бездѣлану, вы только за одну лошадь заплатите, да на харчи и аптску; вѣдь и тутъ тотъ же расходъ...

— Я поговорю съ мужемъ... Вотъ и онъ уже собирается въ департаментъ. Сенья!.. Дѣло обѣдалось. Съ восторгомъ маменька возвратилась домой, сѣла къ столу, схватила календарь и давай высчитывать... Во всѣхъ разсчетахъ являлись самыя пріятныя вумера; маменька досидѣлась до того, что нахлѣбники къ обѣду собираться стали. Первый явился отставной коллежскій ассессоръ Зауершмакъ. Онъ жилъ пенсіонеромъ и пытался у маменьки. Едва вошелъ онъ въ дверь, какъ геніальная мысль промелькнула въ головѣ маменьки.

— Христіанъ Христіановичъ?

— Кто-съ?

— Прошайте.

— Какъ-съ...

— А такъ. Бѣду въ Ельсингфорсъ.

— Не знаю-съ.

— За море!

— А! Гдѣ же я буду обѣдать?..

— Хотите, у меня; я сама для васъ буду стрѣпать.

— Такъ и я долженъ съ вами ѣхать?

— А кто же вамъ мѣшаетъ?

— Никто!

— Ну, то-то и есть! А хотите, я васъ два мѣсяца буду кормить даромъ.

— О, этого быть не можетъ...

— То есть, не даромъ, а вотъ за что: вы возьмете дорожную на ваше имя съ будущими.

— Могу взять.

— А я поѣду подолгалъ вашей жени. Вѣдь васъ тамъ никто не знаетъ.

— Никто...

— Ну, по рукамъ, Христіанъ Христіановичъ!

— Но я тогда буду въ убыткахъ... Подорожилъ, прогину...

— Все мое...

— О, этого не можетъ быть...

— Мос...

— Ну, такъ я бѣду.

И точно! Ночью, въ исходѣ іюня, черезъ Выборскую заставу пробѣжалъ отставной коллежскій ассессоръ Зауершмакъ съ женою и двумя дочерьми. Маменька, — теперь вы понимаете отъ чего она маменька, — сидѣла съ лѣтками въ тарантасѣ, а паненька, желая наслаждаться живописною природою Финляндіи, пребывала на козлахъ и куряла трехкопѣечную сигарку.

II.

Маменька не обращала никакого вниманія на прелесть Финляндіи. Увидавъ семью озеръ, она восклицала только: Батюшки, воды сколько! Глядя на водонадъ, затыкала уши и приговаривала: Есть изъ чего на большой дорогѣ такой шумъ завонять. А пробѣжала лѣсами, покрывавшими громады первобытныхъ гранитовъ, которыхъ обнаженныя главы отъ старости разсыпались крупнымъ пескомъ, маменька жмурилась и шептала: Тчу ты ахъ какой; тутъ то воровъ и разбойниковъ! Христіанъ Христіановичъ! гляди въ оба... Выборгъ, Фредериксгамъ, Ловиза, Борго не оставили ея вниманія. Чтобы успѣть спать побольше платявъ и не издерживаться на почтаги, ѣхалъ днемъ и ночью. Июльское небо тому благопріятствовало. Наконецъ пріѣхали къ ночи въ столпный городъ великокняжества — Гельсингфорсъ; ямщикъ, и нѣмой Финчъ, привезъ тарантасъ прямо къ гостиницѣ Bellevue. Тамъ всѣ окна были освѣщены, музыка гремѣла, пассажирки вошли въ общую залу, а Зауершмакъ сталъ напирать въ квартиру.

«Экой содомъ!» шептала маменька — поглядѣвъ, Леночка. Дамы-то въ шляпахъ сидятъ съ мужичками открыто, будто въ Екатерингофѣ или Павловскомъ!.. Музыка по почтамъ...

Ловкій лакей съ салфетной подскоплялъ и спрашивалъ что то по — нѣмецки. Маменька только головою помотала.

— Нипшего не прикажете!..

— Пошолъ ты, отвлячись! Липш бы деньги вымащитъ...

— Да мнѣ есть хочется, сказала Леночка...

— Обождемъ, матушка; пускай Христіанъ Христіановичъ квартиру сниметъ...

— Пѣтъ ни одного номера, сказалъ Христіанъ Христіановичъ, входя въ залу: всѣ заняты. Нойдемъ въ Сосьстигусъ...

— Куда?

— Въ Сосьтететскій домъ.

— Что это такое, батюшка? Можетъ быть, еще хуже этого...

— Итъ! такой же трактиръ...

Пріѣхали. Нашли номеръ. Но какъ тамъ помѣститься? Хотя Христіанъ Христіановичъ и отецъ и мужъ, но дѣтшки никакъ не позволяютъ, и Христіанъ Христіановичъ Зауершмакъ изгнана. — По счастью, Христіанъ Христіановичъ былъ Немецъ и нашелъ себѣ мѣсто. Ни свѣтъ, ни заря, маменька встала и собралась идти на рынокъ, но къ ужасу своему узнала, что тутъ нельзя имѣть своего стола... Маменька всбѣслась и отправилась отыскивать вольную квартиру. Вышелъ на площадь, она невольно остановилась, и на ея чр-

ствую ятуру не могло не поддѣивать величье ея, великолѣпно раскинутого передь окнами Society Нш. Земля какъ будто простирала къ морю руки, чтобы сжать его въ своихъ объятияхъ, а море ласкалось на самой гряде берега; море какъ будто было въ гостяхъ у земли; дикое и бурное на своемъ просторѣ, оно зашло въ городъ и какъ будто подчинилось гражданскимъ законамъ. Море на площади, корабли въ городѣ, прекрасная эспланада, раздѣленная тѣплымъ бульваромъ, катилась съ горъ къ любезнымъ волнамъ; направо впаивалась гранитныя скалы, эти Лакедемоніе природы, на которыхъ не смѣло расти дерево, прозябать быліе; направо, архипелагъ острововъ плавалъ, будто стало утокъ, а словно яхта у нихъ, гордо обливалась противу самой пристани, группа скалъ неприступнаго Свасборга. — Весь Гельсингфорсъ въ этомъ мѣстѣ — это мѣсто можетъ поспорить съ лучшимъ въ этомъ мѣстѣ Европы. Маленька взглянула, сказала «важно!» и обратила свое вниманіе на муравейникъ, который тутъ же на площади кпѣлъ своею торговою жизнью. Тутъ поваръ сражался съ кухаркою за пятакъ огурцовъ; тамъ денишникъ вырвалъ пзъ рукъ гучера мѣшокъ раковъ. Масло и холста сколько угодно, но впрочемъ почти ничего достать нельзя на этомъ рынкѣ... А на морѣ, то есть, на той же площади, только на полѣ — рыбы, сколько угодно: сушеной, соленой, вяленой, и даже свѣжей; въ бочкахъ, боченкахъ, кадкахъ, кадучкахъ, качается рыба на легкихъ матчевыхъ челнокахъ, на которыхъ финская баба вдалече привозитъ шерами по морю свою добычу на столичный рынокъ; въ параллель съ рыбою, какъ будто балюстрадъ набережной, устлавши лотки торговые, лотки покрыты, заѣханы подотномъ, шведской холстишкой, платками, чулками и пр. Маленька спросила цѣлы и тутъ же заплакала отъ удовольствія. Эти товары дѣйствительно были дешево. Съ помощію солдата, который тутъ же продавалъ башмаки, маленька купила себѣ на платье холстишки и пошла отъискивать квартиру... По эспланадѣ и въ ближайшихъ улицахъ она видѣла много квартиръ. Нѣсколько комнатъ, съ дровами, водою, половымъ и спальнымъ бльемъ, съ кухней, со всею посудой для кухни и стола — на цѣлое мѣсто сто рублей... Маленька чуть не умерла отъ радости. Но уже такова человѣческая натура. Дешево, — пѣтъ, нельзя ли подешевле, и точно, пашла, съ помощію того же солдата, далече за театромъ, въ новыхъ улицахъ, обшпріую квартиру за 35 р. асс. въ мѣсто... Маленька проворно вынула цѣлковый, всунула въ руку хозяйкѣ и сказала: На, матушка, квартира за мной; мы се ѣчасъ переедемъ. — Бра, бра отвѣчала та спокойно, и точно, не больше какъ черезъ полчаса Христіанъ Христіановичъ Зауершмакъ, совпий, Лсочка, тожъ, Лпанька, тожъ, и таранастъ, вскомый одипнъ копемъ, вѣхлалъ и вошли на новое жилище, подъ руководствомъ солдата... А маленька была на рынкѣ, ругалась, что ее не понимаютъ, ругалась, что не могла найти говядины и засели, и, покупивъ рыбы, воротилась въ сѣрцахъ домою. Страшна была не продолжительна. Позавтракали и маленька собралась въ путь...

— Куда вы это?..

— Въ ряды... За чѣмъ же я сюда прѣехала?

Пошла маленька, обшла весь городъ, ряховъ не пашла, кого ни спроситъ: — Батюшка, гдѣ тутъ ряды, гостинный дворъ? Помогаетъ головою и пойдутъ дальше...

— Что за ливо такое? Да куда вы прѣехали? Это Ельсингфорсъ, что-ли? спросила она у молодого флотскаго офицера, который въ глубокой задумчивости прохаживался по бульвару; тотъ утвердительно кивнулъ головою въ волея дальше. Стоя на краю бульвара, маленька видѣла, что безпрестанно п дамы и мужьяны приходить этому мѣсту, берутъ извошки, громко говорить: Багусъ! и уѣзжаютъ. Извошки возвращаются ча-поройнѣ. «Вотъ оно гдѣ!» подумала маленька; кивнула извошка, усѣлась, сказала: багусъ и поехала... Но прекрасной улицѣйшій извошникъ маленьку на гору; тутъ открылся прекра-

сный видъ; новораскинутый садъ около минеральныхъ водъ дышалъ веселіемъ свѣжестію. Въ зазеленіи минеральныхъ водъ гремѣла музыка; много экипажей стояло на площадкѣ; вдали красное здание, къ которому п подвезъ извошникъ барыню... Тутъ, что-ли? спросила она. Тутъ! А сколько тебѣ сядуетъ... Гривна серебра. — Экая честность, полумала маленька, и безъ торгу лишнего не беретъ. — Заплатила, вошла въ домъ; направо пустая комната, направо тоже, прямо корридоръ; тутъ же окончилось; тамъ старая барыня свалтъ, блысты раздѣстъ...

— Видишь какое заведеніе! — Эй, матушка, гдѣ тутъ ряды? А?..

Та отрицательно покачала головою.

— Гостинный дворъ, магазиновъ?

Тотъ же отвѣтъ.

— Ну, гдѣ у васъ товары продаютъ?.. Да ты пѣйла, что-ли? Ахъ ты, Госпоин, вотъ сторона! и распросить не у кого.

На счастье, по корридору шли двѣ барыни, и разговаривали по-русски. Маленька, естественно, не отстала отъ нихъ, пока онѣ не объяснили ей, что этотъ домъ купальни, гдѣ берутъ теплыя ванны, и постепенно охлаждающія, привыкающія, пш пріучаютъ себя, къ температурѣ моря...

— А что берутъ за ванну?

— 25 п 30 коп. серебромъ!

— Видишь хитрые какіе! Морочатъ и Божья дѣло торгуютъ. Итъ, матушка, я за воду денегъ платить не буду; я лучше подожду теплыхъ дней, да безъ денегъ прямо въ воду...

— Нельзя! И за холодныя ванны надо платить...

— Да что они пошлупи, что-ли, на море наложки! Итъ, ужъ этому не бывать... Ну, да это еще впередъ. А гдѣ же ряды?

— Рядовъ здѣсь пѣтъ; а есть отдѣльныя лавки, въ которыхъ можно кушитъ все, что угодно... И какъ дешево... ужастъ!..

— Гдѣ же эти лавки?..

— Главныя у бульвара, Этолена, Ушакова; такъ же Аселинъ п Ленцъ противу собора; Деккеръ не многою подальше, а у Лагши чудесные товары; только она живетъ въ тамъ, за мостомъ...

— Спасибо, матушка, спасибо, что научили...

И маленька отпиралась. Путь не близокъ; пока добралась пѣшкомъ до бульвара, наступила и торговая пора; для Гельсингфорса, это время то же, что для человека вообще — пора объѣданая: всѣ улицы наполняются палатками, а пуще палатками. Любители преферанса не играютъ; любители чтеій не читаютъ; сплетницы не сплетничаютъ; курьшички не курятъ — всѣ — покупаютъ. Этотъ глаголь, какъ сама видятъ, не означаетъ событій совершившагося; покупаятъ, то есть, разсматриваютъ товары, прицѣпляютъ, совѣтуются съ карманомъ — и часто случается, что этотъ глаголь изъ настоящаго времени въ прошедшее не переходитъ. Толкотня, давка; на улицахъ будто муравейникъ; тутъ юноша, получившій въ юнѣзваніе самостоятельную человѣка, мотаетъ деньги и поспашаетъ свое мотовство цвѣтами остроумія; тутъ дѣвчушка ходить въ однихъ пятачкахъ, какъ будто жарко, а собственно для того, чтобы блеснуть талией, которую три дѣвки два часа утаптывали въ корсетъ; тутъ степенные составляютъ партіи на вечеръ; а между тѣмъ всѣ покупаютъ. Въ лавкѣ Этолена, такая старая фирма торговаго дома Бокстрема п Ком., только и слышишь: мой шильдъ Сандель (компаньонъ, управляющій продажей), Mon bon Sandel, mon cher Sandel, M-r Sandel!.. И съ обязательнаго Санделя катится градомъ потъ. Кто сиршашаетъ муслень-де-ленъ, кто кружева, кто аснты, кто тросточки, кто люстру, кто пробочникъ, кто цыгарочницу, кто сережки... Столпотвореніе! Что же вы думаете? Все это закуплено? Ни чуть не бывало. Тогда переливается, покупники переходятъ въ лавку Ушакова, другіе плутъ видъ на сѣнь, потомъ къ Аселину, къ Ленцу, къ Деккеру, наконецъ къ г-жѣ Лянгъ за мостъ, гдѣ въ тепломъ дерзавномъ тоникѣ сажитъ горами разныя товаръ... Цѣлыя мѣ-сяцъ проходятъ въ опытахъ, часто неудачныхъ.

Накупили много ненужнаго, выйдетъ пропастъ денегъ; за остальныя, правда, приобретутся уже предметы по выбору и точно дешево, но когда сведутся итоги — Гельсингфорсъ обойдется дорого... Маленька не припадежала къ этому классу покупательницъ; она въ первый же день перерыла шесть магазиновъ, воротилась поздно вечеромъ, не принеся съ собой ни иглоки.

— Гдѣ вы это пропадали? спросила большая Лсочка, которой отъ рыбы стало очень нехорошо...

— Славны бубны за горами, а тутъ не много дешево нашего. Сахару, кофе не повезешь; шелки — драгъ; сукно и того хуже; полотна туда сюда; фуляры тоже; вотъ эти муслендены, да белендрисы бронзовые, на этихъ можно заработать; на часахъ карманныхъ, да на столовыхъ также можно схватить лишнюю денгу, да все это десять, ну пусть пятнадцать процентовъ... И то итъ! Экая проклятая раскваша; а еще говоритъ, что сама здѣсь была. Видно по гостинному сама не ходила, видно все изъ невскихъ магазиновъ закупала, такъ ей и показалось больно дешево, а тутъ... Ну, да вотъ сервисъ бы на четыре персоны, можно сложить по расчету; лишней тарелки не отымутъ... Ну, надо дѣлать, что можно...

И на другой же день, съ утра самого забралась маленька къ милому Санделю; разомъ двѣнадцать мусленденовъ закупила, пѣсколько штукъ полотна и пропастъ кружевъ. Естественно, такая закупка возбудила почтеніе въ продавцахъ и зависть въ поствителехъ; лорнеты, черезъ которые прсматривались къ узору ситца или матеріи, обратились на маленьку. Она никакого не обращала вниманія на соперницъ, приказала все это уложить и прислать къ себѣ на квартиру, гдѣ в девѣтъ заплачены будутъ по счету. Эту саровку переняла маленька у дамъ еще вчера, и пашла, что эта мѣра высокая благородумія и осторожности. Не успѣла она воротиться домою, какъ на красной лошади, стол на одноконѣ, точно римскій возница, подкатился лановой извошникъ и привезъ огромную клядь. Новыринъ по резстру товары и заплативъ деньги, маленька стала считать, сколько на какомъ кускѣ заработала. Штъ самой было бы трудно; простыни еще туда сюда, но пятакъ... и собралась портнихи; сшили мѣрки съ маминки и дочерей, и унесли товары. Дочери, разсматривая товары, чуть было не выздоровѣли; но вспомявъ, что это все не для нихъ, что у нихъ пѣтъ лишней копѣйки на покупки, несчастныя еще хуже расхворались. Маленька утѣшала ихъ — моремъ. Одишь только Зауершмакъ оставался спокоенъ; онъ отправился осматрѣть городъ; видѣлъ университетъ и обсерваторію, побывалъ и на панерти великолѣпнаго зданія новаго собора, и пожалѣлъ, что это красивое строеніе никакъ не можетъ окончиться; оттуда и онъ зашелъ въ магазины и тамъ повстрѣчался съ задумчивымъ флотскимъ офицеромъ, котораго вчера маленька видѣла на бульварѣ...

— Это вы Христіанъ Христіановичъ! вскрикнулъ флотскій офицеръ.

— Это я.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Ничего не дѣлаю.

— Зачѣмъ же вы сюда прѣехали?

— Такъ себѣ.

— Какъ я радъ васъ видѣть. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю, когда вы были моимъ гусернеромъ. Какое чудесное было время.

— Очень хорошее было время.

— А теперь!.. Боже мой!

— И теперь прекрасная погода...

— Охъ, не то, Христіанъ Христіановичъ! Я радъ, что я васъ встрѣтилъ... Пойдемте со мной объѣхать...

— У меня есть объѣдъ дома.

— На мой счетъ, Христіанъ Христіановичъ.

— Извольте.

— Эй, извошникъ! Теперь два часа скоро. Весь Гельсингфорсъ съѣдетъ объѣдъ за табльдоты. Я

люблю, стою на водахъ. Тамъ, по моему, лучше...
Не правда ли?

— Правда...

— Ахъ, Христіанъ Христіановичъ, вы шкочно-да не были влюблены.

— Былъ.

— И что жъ?

— Тамъ и кончилось. Мнѣ дали абишаль...

— И мнѣ, и мнѣ?.. И за что? За то, что я не далъ денегъ взаимн, тогда какъ у меня у самого гроша не было. Потому и съ деньгами приходилъ раза два—не принялъ, даже въ приходную не впустили... Я надѣлся гдѣ нибудь встрѣтить этого уаряца; но служба меня унесла изъ Петербурга. На днѣхъ я получу отпускъ и полечу назадъ на первомъ пароходѣ...

Отобѣдали за табльдотомъ. Христіанъ Христіановичъ остался очень доволенъ и хотѣлъ уже идти осматривать городъ, но кто-то подошелъ къ нимъ и сказалъ ошперу:

— Пиковкинъ, хочешь въ преферанчикъ?..

— Некогда. А вы, Христіанъ Христіановичъ? Вы, кажется, любите поиграть въ карты...

— Я въ большую не играю.

— По три копейки...

— Хорошо... А вы завтра гдѣ обѣдаете? спросилъ Христіанъ Христіановичъ у своего ученика. Тотъ улыбнулся и сказалъ.

— Съ вами, съ вами, любезнѣйшіи, въ Кайсаля Исаи! Я за вами приѣду.

— Итъ, я приду за вами. Гдѣ вы живете?

— Въ Бельви!

— До свиданія!..

Прошло не мало времени. Маленька покупала. Христіанъ Христіановичъ обѣдалъ на счетъ ученика и каждый день игралъ въ преферансъ отменно удачно. Больннхъ хворали и ожидали у моря погоды. Болѣзнь ихъ были совершенно различны: одна, Леночка, страдала тѣломъ; другая, Лизавька, душою. Недугъ первой уславивался, недугъ Лизавьки все былъ въ одномъ положеніи. — Одна охала, другая вздыхала. Между тѣмъ маленька приступала къ покупке сервиза. — Когда съ ней запросилъ за сервизъ на 48 персонъ четыреста рублей ассоциация; она очень хорошо понимала, что это дешево, но сочла небожничать торговаться. — Помилуйте! Довольно будетъ и двухъ тысячъ. — За эту цѣну, и въ Або не купятъ это Або? — Не ладече. Пароходъ пожелать хотить... — Отъ чего же тамъ?.. Отъ того, замѣтилъ посторонній покупатель, что тамъ нѣтъ Русскихъ. Мы, здѣшніе, не хотимъ ничего купить не можемъ. Русскіе гости ужасно презыщаютъ цѣны... Маленькѣ съялось душно, а покупатель продолжалъ: «Летомъ мы ничего не покупаемъ, а если что необходимо, посылаемъ въ Або; не за горами. Пароходъ теперь

облегчалъ сообщеніе, да къ тому же между двумя городами нѣтъ ни какой таможни, вези что хочешь!..

Машенька воротилась домой въ бѣшенствѣ. Издержавъ болѣе половины своего капитала, она узнала, что въ нѣсколькихъ шагахъ тѣ же товары значительно дешевле. «Проклятая! Небось все лгала! Она тутъ и не бывала, а рассказываетъ и вѣсть что! Вѣрь этимъ сплетницамъ! Хорошо еще, что запасекъ остался, а то бы разорла меня океанная! Что сегодня, батюшка! сегод-

что дочерп остаются за болѣзнію въ Гельсингфорсѣ, а сама съ мужемъ прямо на пароходѣ, и уехали...

Продовольствіе бѣдныхъ дѣвицъ было обеспечено; билеты на ванны взяты; сторговать извозчикъ, который долженъ былъ возить ихъ въ Ульриксборгъ, къ морскимъ ваннамъ, съдѣлалъ, временно отсутствіе маменьки не могло нарушить порядка и жизни и деченій нашихъ дѣвицъ... При томъ же маменька разсчитала, что ей выгоды держать кухарку, чѣмъ стряпать

самой. Наняла такую за три рубля мѣся въ мѣсяцъ и предалась своимъ торговымъ оборотамъ. По четыре платья на персону было уже готово; положено было каждый разъ ѣздить въ ванну одѣвать по одному; возвратилась домой снашивать и укладывать въ чемоданъ, яко запашенное. Наступилъ и день, въ который положено было двумъ дѣвушкамъ погрузиться въ море. Извозчикъ явился. Дѣвицы надѣли новыя платья, сѣли на лппейку (другихъ дрожжекъ въ Гельсингфорсѣ, къ счастью, нѣтъ) поѣхали; прѣехали; пошли въ ванну дальнюю, куда надо проходить мимо мужскихъ; вдругъ Лизавька вскрикнула и остановилась... Къ нимъ въ глубокій залучивостп подходилъ Пиковкинъ...

— Иполантъ Александровичъ! невольно вскрикнула Лиза...

— Боже мой! Лизавета Семеновна! Вы ли это! Здѣсь!..

— Здѣсь, опустивъ глаза, отвѣчала Лиза...

— По какимъ образомъ?

— Больна...

— Чѣмъ? Радп Бога...

Лиза посмотрѣла на большую подругу и Пиковкинъ поилъ указани...

— Простите за участіе! Вы съ пасенькой, съ маменькой?

— Итъсь, съ чужими людьми. Извините! намъ пора... и, схвативъ за руки Леночку, потащила ее къ ваннамъ...

Ванны въ Гельсингфорсѣ устроены очень порядочно; особенно дамскія. Дѣвицы раздѣлись, надѣли фланелевыя рубашки и клеенчатые тешки; долго не рѣшались сойти въ воду, но прислужница коскакъ ихъ ободрила; дрожь и плача отъ стужи, погрузилась онѣ въ воду; Лизавька стала прыгать, барахтаться, а Леночка не удержалась за веревку и безъ чувствъ упала въ воду. На крикъ испуганной Лизы прибѣжала

прислужница, бросилась въ воду, вытащила Леночку, привела въ чувство; но Леночка открыла глаза на короткое время... Сильная горячка была слѣдствіемъ самолецнія. Морскія ванны безъ руководства врача, часто гибельны; то же случилось и теперь. Лизавька въ отчаяніи, едва сумѣла одѣться, выбѣжала, кричала о помощи, и легко можно догадаться, что Пиковкинъ былъ недалеко; онъ усадилъ дѣвицъ на дрожки и отпра-

Видъ Гельсингфорса.

Соборная церковь въ Гельсингфорсѣ.

Видъ съ Гельсингфорса на море.

на пароходѣ отходить? Христіанъ Христіановичъ! Гдѣ онъ пропадетъ! Но цѣлымъ днѣмъ его не вижу. Пусть себѣ не обѣдаютъ, я не сержусь, но въ другое время зачѣмъ не сидѣть на своемъ мѣстѣ...
На бѣду свою, Христіанъ Христіановичъ, была жона какою-то бумажку и воротилась. Маленька не выпустила несчастнаго; отправивъ съ нимъ въ полицію, взяла паспортъ, объявила,

прислужница, бросилась въ воду, вытащила Леночку, привела въ чувство; но Леночка открыла глаза на короткое время... Сильная горячка была слѣдствіемъ самолецнія. Морскія ванны безъ руководства врача, часто гибельны; то же случилось и теперь. Лизавька въ отчаяніи, едва сумѣла одѣться, выбѣжала, кричала о помощи, и легко можно догадаться, что Пиковкинъ былъ недалеко; онъ усадилъ дѣвицъ на дрожки и отпра-

внѣ ихъ, самъ поѣхалъ за ними. Лиза частенько оглядывалась и грозилла пальцемъ. Ничто не помогло. Пиковкинъ помогъ сдѣлать съ дрожжъ большую, сѣздалъ за докторомъ и, давъ ему на руки Леночку, самъ принялся лечить Лизаньку, которая ловко успѣла выпрыгнуть въ другую комнату... Терпѣть не могу любовныхъ объясненій ни у себя, ни у другихъ. Коротко скажу, что Пиковкинъ узналъ, что недугъ Лизы — была любовь къ нему; что причиною этого недуга было страшное слово отца, что ни за-что не выласть дочеря за Пиковкина, о чемъ да никто въ домъ не посмѣетъ, не только говорить, но и думать; что фальшивой матушкѣ даны строжайшія на этотъ счетъ наставленія, а главное — что въ послѣднемъ письмѣ маменька, настояшая, — пишетъ, чтобы скорѣе выдворились, потому что нашли другаго жениха и ударили по рукамъ. Какой-то купецъ... Въ это время вышелъ докторъ и объявилъ, что больная едва ли перенесетъ горячку, что она никакой надежды не имѣетъ... Пиковкинъ бросился за другими докторами; тѣ застали Леночку въ отчаянномъ, безнадежномъ положеніи. Леночка промучилась еще два дня... и скончалась въ ту самую минуту, когда маменька, возвратясь изъ Або, входила въ комнату и кричала на двухъ работниковъ: «Сюда! Сюда! только осторожнѣе, товаръ ломкій... Боже мой! Что съ Леночкой?»

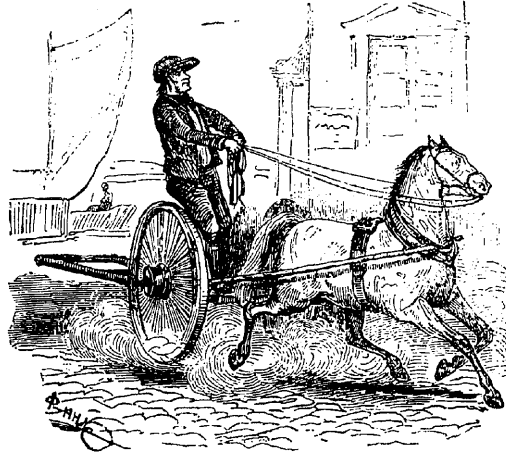
— Умираетъ!..

— «Погоди, погоди! Успѣшь въ Петербургъ... Вотъ тебѣ раз! Умерла! Такъ ты же се тутъ приберегла? А? Какъ вы смѣли умерить Леночку! Какъ теперь провезу я платья и другія вещи, которые прихотятся на ся долю! А похороны? А? Старая купчиха не заплатитъ, а глаза мнѣ выцарапасть, какъ узнаешь! Вотъ на шагъ отойдти нельзя... Сейчасъ и умерла... дряннъ этакая! Не могла лишней недѣль проохать! И билети даромъ пропал!» Но невозможно пересказать всего, что наговорила маменька въ досаду. Досталось всѣмъ, даже Христіану Христіановичу, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Або, не могъ развѣ выдать вида одной маменькѣ, что онъ только въ карты играетъ, ни за чѣмъ не смотритъ и т. д. Но говорить можно было все что угодно, надо было похоронить. Христіанъ Христіановичъ по необходимости занялся нечаяннымъ обрядомъ. На другое утро опять пріѣхалъ извозникъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, чтобы везти въ ванну одну Лизаньку, но маменька отправляла извозника. «Зачѣмъ? Та, что платила за экстренные расходы — умерла, а эта — голышъ; пускай пѣшкомъ ходитъ съ кухаркой...»

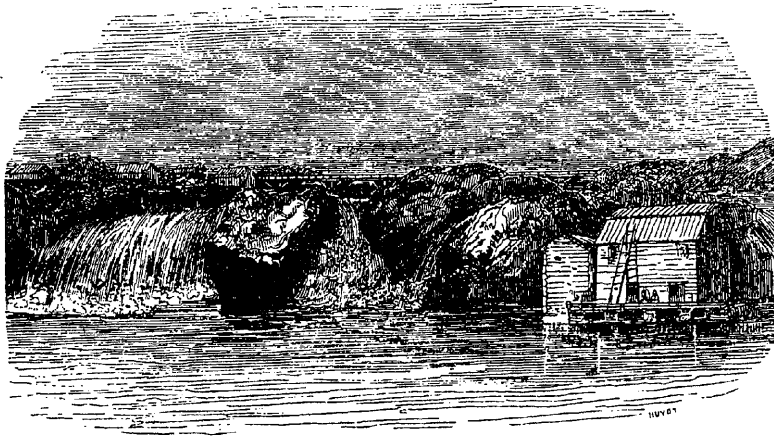
— Пойду и пѣшкомъ! сказала Лиза съ улыбкой. Пошла и воротилась такая веселая, здоровая, красавица на чудо. Какъ только похоронили Леночку, не безъ затрудненій, маменька обратила особенное вниманіе на Лизу. Ей показалось страннымъ это быстрое выздоровленіе, эта страсть поласкаться въ морѣ, потому что Лиза ходила по три раза въ день и притомъ, въ сопровожденіи Христіана Христіановича, который однако же, по

Видъ Або.

Ломовой.

Водопадъ на станціи Гекфорсъ.

прежнему сохранялъ равенство духа. Платья между тѣмъ были сшиты вѣтъ, рубахи и простыни также денегъ оставалось не много; Лизанька выздоровѣла. Зачѣмъ же сидѣть въ Гельсингфорсѣ? Стали собираться въ дорогу, и Лиза призадумалась, приуныла. Э! тутъ что-то неладно, подумала маменька, и отправилась раньше обыкновеннаго въ лавки. Въ урочный часъ Христіанъ Христіановичъ повелъ Лизу къ ваннамъ, за бульваромъ влѣвъ изво-

зника; Лиза выкупалась, и куда-то уѣхала съ Христіаномъ Христіановичемъ. — Маменька, которая издали слѣдила за Лизой, посѣщала за нею; но пока достала извозника, пока издала узла, куда поѣхалъ Лиза, пока пріѣхала туда же, прошло не мало времени. Входитъ она въ ворота: красивое замѣнѣ направо, кругомъ роскошныя деревья; на чисто подметенныхъ дорожкахъ примѣтны свѣжіе слѣды; маменька обошла весь Ботаническій садъ — нѣтъ никого; въ калитку; тутъ прекрасная рошница; живописный залъ въ Телсе лежитъ какъ въ глубокой тарелкѣ, тихо, покойно; по залу ходитъ катера съ музикою; на углу рошницы, надъ самымъ заломъ, опрятный сельскій домъ; входитъ маменька туда; столъ накрытъ на много персонъ; серебро въ приборахъ, а въ домѣ ли живой души; обошла маменька весь домъ, вездѣ столы, вездѣ приборы, вездѣ серебро, хоть все вынеси, никто и не увидитъ... Это былъ трактиръ, такъ называемый Кайсанъ Іемъ, Катвѣкинъ имѣлъ. Вышла маменька изъ сада, слышитъ, смѣются... голосъ Лизы; она наберегъ — голоса сверху; она наверхъ, на галлерею... Что же видѣть? Христіанъ Христіановичъ, Лиза и какой-то флотскій офицеръ завтракаютъ, пьютъ шампанское и смѣются. Маменька скорѣе назадъ... Выползла, да бѣгомъ изъ сада, домой, собралась въ дорогу въ полчаса; тарантасъ смазали соседніе люди, уложили сумки, привинтили и привезли ящики; Маменька одного работника послала за паспортомъ въ полицію, друго-го за лошадьми на станцію. Когда Христіанъ Христіановичъ съ Лизой вернулся домой, все было готово къ отъѣзду. «Наслу-то вы пріѣхали,» съ сатанинскою улыбкою сказала маменька «Есть причины, по которымъ мы должны тотчасъ въ дорогу. Все готово, ѣдемъ!» — Христіанъ Христіановичъ удивился, Лиза пришла въ отчаяніе; но ни что не помогло. Маменька почти насильно втащила дочку въ тарантасъ. Христіанъ Христіановичъ привыкъ уже къ званію и обязанностямъ мужа; повиновался, лошади тронулись — прощай, Гельсингфорсъ, прощай, Иполитъ Александровичъ. Всю дорогу маменька молчала о томъ, что видѣла въ Кайсанъ Іемъ. Христіанъ Христіановичъ получилъ свою по дорожню и деньги на прогоны; стаціи быстро смѣнялись; Борго, Ловиза промелькнули. Погода благопріятствовала скорому путешествію, по не дождала до станціи Гекфорсъ, маменька заметила, что ночью будетъ сильная буря, и заболѣла о сокровищахъ своего ковчега, рѣшилась остановиться на этой станціи, переждать грозу и от-

правиться въ дальнѣйшій путь. Гроузъ уже гремѣлъ, крупный капль дождя докладывалъ, что скоро грянетъ ливень; по вотъ Гекфорсъ, вотъ великолѣпный водопадъ, образумный Кюменйо; путешественники выползли; тарантасъ поставили подъ навѣсъ; приказали уху сварить, а сами успѣли смотрѣть на картину водопада, которому приближеніе бури придавало грозный, величественный видъ. Вдругъ молнія зажгла

весь, горлопыхать; страшный, оглушительный удар раздался. Маленька бегом в комнаты гекфорской станции; приказала запереть ставни, зажечь свечки; давай молиться; в проемутках только говорила: «Лизанька, глывь пожалуйста, не ходитъ ли тамъ кто возлѣ сарая?.. Лизанька вышла п воротилась. Никого нѣтъ... «Погляди, мой другъ, кажется, кто-то тамъ стучитъ» Лизанька вышла п воротилась. Гроза кипѣла; маленька, дрожа, спросила черезъ двери: «Лиза! Нѣтъ отвѣта! «Християнъ Християновичъ!» — Что тамъ такое! Я курю трубку... «Погляди, гдѣ Лиза...»

— Ухала! сказала ящичикъ плохо по-русски, вхола въ сѣни.

— Какъ ухала! Куда ухала!

— Въ Питеръ! съ офицеромъ!

— Съ офицеромъ! съ какимъ офицеромъ!

Ящичикъ не безъ труда объяснилъ, что на перекладной прилетѣлъ какой-то офицеръ, хотѣлъ войти въ двери, но на встрѣчу барышня, перешепнулася, тотъ сказалъ что-то прежнему ящичку, оба сѣли на повозку п укатили...

Началась сцена.

— Ты чего смотришь, старый дуракъ?

— А ты чего, старая дура? возгласилъ Х. Х.

— Я тебѣ, харя этакая, ругаться не позволяю...

И рука мамсыки исполнила супружескую обязанность такъ хлестко, что Х. Х. схватился за чубукъ, но маленька вскочила въ комнату п укрѣпилась...

Х. Х. кричалъ: Отворяйся, а не то!..

Но маленька пребывала въ совершенномъ безмолвіи.

— Постой же, если такъ! подумалъ Х. Х. Деньги у меня, полорожия у меня... и въ тихомолку приказалъ заложить тележку, сѣлъ п уѣзжал... Можете себѣ представить весь ужасъ мамсыки, когда она лишлася вдругъ мужа п дочери... Слишкомъ день провозилась она съ проклятами, что ей дѣлать; наконецъ рѣшилася, сочинила исторію о потерѣ подорожьи, въ которой до границы п нужды не пѣла; придумала разныя вспомогательныя повѣсти п отпиралась въ путь. Но оуы! На слово не повѣрили. Отобрали я шитое п не шитое, запечатали п уѣздили, что она получить все свои вещи въ цѣлости, коль скоро представить достовѣрные доказательства въ справедливости своихъ показаній. Слезы, просьбы, деньги не помогли. Тарантасъ увезъ мамсыку въ Петербургъ, но въ Петербургъ болѣе объ ней не слыхали. Обо всемъ узнали п чиновникъ отецъ п купчиха мать, отъ Х. Х. Зауשרшака, который довѣсь обо всемъ, что случилось, п уѣзжал испросить прощеніе Лизѣ. А купчиха? Она никогда болѣе не видала не только спосѣи Леночки, но п тарантаса. Тарантасъ пропалъ вмѣстѣ съ мамсыкой!

Иванъ Метелинъ.

ПАРГЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(Продолженіе).

УП.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Боже мой!... какъ мамышка долго не ѣдетъ!... вскричала наконецъ съ боязливымъ безпокойствомъ Евдоксія Егоровна.

Прыщовъ молча всталъ п подошелъ къ выходу; тамъ онъ осмотрѣлся п послѣ минутнаго молчанія произнесъ тихимъ голосомъ:

— Не видать еще!

— Не случилось ли чего съ мамышкой? — съ большимъ еще безпокойствомъ вскричала Евдоксія Егоровна.

— Вы напрасно безпокоитесь... впрочемъ теперъ дождь не такъ силенъ и... если вамъ угодно... такъ мы пѣшкомъ дойдемъ до деревни, — отвѣчалъ почтительно Захаръ Трифоновичъ.

Блондинка, изумленная до крайности пе-

ремьбой, происшедшей съ Прыщовымъ, посмотрѣла на него, потомъ сама подошла къ выходу.

— Невозможно! — проговорила она съ отчаяніемъ, — мы промокнемъ насквозь. Ужъ лучше обождать, — прибавила она и, успокоенная почтительнымъ видомъ Прыщова, воротилась опять къ кучѣ соломы, на которую опустилася съ глубокимъ вздохомъ.

— Какъ вамъ угодно, — сказалъ Захаръ Трифоновичъ, оставшись у выхода.

Евдоксія Егоровна задумалась п скобасмотря на человѣчка съ рыжими бакенбартами.

Прыщовъ, какъ читатели наши уже знаютъ, былъ невысокъ ростомъ; худощавъ, но довольно хорошо сложенъ; блѣдное лицо его было довольно выразительно; оно было бѣ даже приятно, если бѣ его не искажали рыжіе бакенбарты п почти всегда неразлучные съ ними веснушки; маленькіе, нѣсколько прищуренные, глаза его были исполнены живости п хитрости; вообще острый, прямой носъ п узенькія губы, съ постоянной иронической улыбкой, придавали ему нѣсколько лукавый видъ. Захаръ Трифоновичъ одѣвался очень порядочно; вѣщундиръ всегда сидѣлъ на немъ ловко, сапоги были шиты по модѣ, галстухъ чистенько повязанъ.

Страшное существо человѣкъ! Еще за нѣсколько минутъ тому назадъ, Евдоксія Егоровна отъ души ненавидѣла п презирала Прыщова; теперь же, она, вѣроятно, отъ нечего дѣлать, стала разбирать наружность его. Результатъ этого наблюденія былъ тотъ, что онашла, что Захаръ Трифоновичъ совсѣмъ не такъ дурень, какъ ей прежде казалось. Кроме того, Евдоксія Егоровна прежде считала его существомъ холоднымъ, бездушнымъ, не имѣющимъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ даже идеалу высшего разряда, а теперь... теперь блондинка увѣрилася въ томъ, что Захаръ Трифоновичъ былъ совсѣмъ не холодець.

— Странно! — думала Евдоксія Егоровна, — какое иногда пламенное сердце скрывается подъ холодною наружностью!... Я теперь убѣждена, что онъ любитъ меня страстно, что... Захаръ Трифоновичъ... ахъ, Боже мой! какое тривіальное имя!.. Жалко. Впрочемъ, какая пужда въ имени!..

Блондинка думала еще нѣсколько минутъ; но въ это время безпокойство постепенно сходило съ лица ея п уступало мѣсто приятной, ласковой улыбкѣ.

— Захаръ Трифоновичъ! — произнесла она громко; — вы можете простудиться... вы стоите на сквозномъ вѣтрѣ...

— Ничего-съ, — печально отвѣчалъ Прыщовъ, не трогаясь съ мѣста.

Блондинка промолчала съ минуту, потомъ продолжала:

— Захаръ Трифоновичъ, уйдите оттуда... прошу васъ.

Прыщовъ молча повиновался п ушелъ въ противоположный конецъ сарая. Евдоксія Егоровна улыбнулась.

— Куда же вы ушли? — спросила она: — вы, кажется, боитесь меня?

Прыщовъ не отвѣчалъ.

— Подите сюда, — продолжала блондинка, — сядьте здѣсь на солому... тутъ мѣста довольно.

Захаръ Трифоновичъ молча перешелъ черезъ весь сарай п занялъ мѣсто возлѣ Евдоксіи Егоровны, по въ почтительномъ разстояніи.

— Евдоксія Егоровна, — произнесъ онъ тихимъ голосомъ, опустивъ глаза, — вы сердитесь на меня?

— А какъ вы думаете, имѣю ли я на то право?..

— Въ одномъ отношеніи, да... въ другомъ, нѣтъ...

— Объяснитесь.

— Вы имѣете право сердиться на меня

за мой поступокъ, по не за любовь мою.

— За вашу любовь? — повторила съ удовольвчивой улыбкой блондинка.

— Вы сомнѣваетесь въ ней?

Вмѣсто отвѣта, Евдоксія Егоровна пожалала плечами.

Захаръ Трифоновичъ вздохнулъ пзъ глубины души п продолжалъ съ грустью:

— Богъ съ вами, Евдоксія Егоровна!.. Вы отвергаете мою любовь, вы даже не вѣрите ей; Богъ съ вами!.. Коли мнѣ не суждено быть счастливымъ, то я покорюсь своей злощастной судьбѣ... а между тѣмъ, если бы вы знали, какъ я люблю васъ; если бы вы знали, какъ часто провожу я безсонныя ночи, терзаемый нашимъ равнодушіемъ, вашею холодностью... О! Евдоксія Егоровна, въ любви моей нѣтъ ни капли эгоизма... я желаю, что-бъ вы были счастливы п думаю, что я одинъ въ состояніи осчастливить васъ, потому что я... лучше пожелаю кто-либо попалъ въ сокровища дивной души вашей!.. я сердце мое наливается кровью, когда я подумаю, что вы можете сдѣлаться жертвой какаго нибудь мальчишка, который не только не оцѣнитъ папей души, но даже не пойметъ ея... какаго нибудь бездушнаго существа, на мигуту ожившаго вашими вылаомъ, вашими рѣчами!..

Захаръ Трифоновичъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что Евдоксія Егоровна показала, что онъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ правду.

Сокровища дивной души Евдоксіи Егоровны о которыхъ упоминалъ Прыщовъ, состояли въ десяти тысячахъ рублей серебромъ приданого. Но блондинка чрезвычайно занятой собою, не могла п въ умъ придти, что слова Захара Трифоновича были не искренны, что онъ игралъ комедію, — и игралъ очень искусно, поддѣлываясь подъ идеи мечтательницы объ идеаль. Прыщовъ поклялся самому себѣ, что онъ будетъ ея идеаломъ п — посмотримъ, сдержитъ ли онъ клятву.

— Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — я только напрасно теряю слова... вы не понимаете или, лучше сказать, не хотите понять моей любви... я еще надѣялся... по сегодня, за часть, я лишился всякой... надежды... быть можетъ, я не переживу своего несчастія!..

— Что вы говорите!.. певольно вскричала Евдоксія Егоровна, растроганная плачевнымъ тономъ Прыщова.

— Правду... я жить только надеждой... а теперь... что мнѣ въ жизни?.. Я готовъ умереть!..

— Живите... произнесла едва слышнымъ голосомъ блондинка.

— Что я слышу?.. Возможно ли!..

— Я не хочу быть вповившей вашей смерти, — постигла прибавить Евдоксія, чтобы не слишкомъ скоро подать надежду Прыщову.

— Но что мнѣ въ жизни безъ васъ?.. съ приторною нѣжностью сказалъ онъ.

— Захаръ Трифоновичъ, вамъ не трудно будетъ забыть меня!..

— Никогда!

— Вы полюбите другую..

— Никогда!

— Вы сами ошибаетесь на счетъ вашихъ чувствъ ко мнѣ!..

— Ошибаюсь!.. да, правда... Когда я говорю, что люблю васъ, то точно ошибаюсь: потому что я обожаю васъ!.. Вы для меня все! Безъ васъ я — ничто!..

— Но вы ни чѣмъ не доказали вашей любви!..

— О, Евдоксія Егоровна! Скажите одно слово, одно только слово... и вы увидите, какъ сильно, какъ пламенно я васъ люблю!.. Тогда потребуйте отъ меня какихъ угодно доказательствъ, и вы постигнете всю силу моей любви! О, ради Бога, скажите одно слово... могу ли я надѣяться?.. Скажите!

— Тихе!.. кто-то приближается...
Захаръ Трифоновичъ сталъ на колѣни и продолжалъ умоляющимъ голосомъ:
— Скажите одно слово!..
— Ради Бога, встаньте!.. Намъ могутъ заставить... вскричала Евдоксія Егоровна съ безпокойствомъ.
— Одно слово!.. могу ли я надѣяться?
Евдоксія Егоровна, слыша приближавшійся шагъ, поспѣшно вскочила и не желая еще дать рѣшительнаго отвѣта Захару Трифоновичу, въ пользу котораго она была, однакожь, уже расплоджена, враскоряку пошла къ выходу.
— Хорошо же! — вскричалъ Прышовъ; — завтра вы расклетаете въ своей жестокости! Блондинка хотѣла отвѣчать, но съ испугомъ отскочила назадъ...
У выхода оказалась какая-то страшная фигура, въ соломенной шляпѣ, съ полями, прибитыми внизъ дождемъ, и въ пальтъ, забрызганномъ грязью и промоченномъ па-сквозь...
Минуту спустя, и прежде нежели Евдоксія Егоровна успѣла придти въ себя, у выхода же оказалась мать ея съ Дмитріемъ Ивановичемъ, подъ прикрытіемъ огромнаго старомоднаго зонтика.

XIII.

Дмитрій Ивановичъ Топиловъ сердито расхаживалъ взадъ и впередъ по маленькой комнаткѣ своей. Онъ во времена оставался, сжималъ кулакъ, ворчалъ что-то сквозь зубы и съ досадою топалъ ногой.
Зоринъ, насвистывая какую-то пѣсню и по временамъ искося и съ улыбочкой поглядывал на Топилова, перебиралъ холсты, стояшіе около стѣнъ; наконецъ онъ выбралъ одинъ холстъ, провѣлъ по нему ладонью, посмотрѣлъ на него сбоку, сзади, стеръ пылъ и поднявъ его вверхъ, произнесъ съ удовольствіемъ:
— Вотъ, братъ, Митя, холстъ! Чудо изъ чудесъ!.. Этакое холста тебѣ и во снѣ не увидать!
— Очень нужно! — возразилъ Топиловъ, нетерпѣливо пожавъ плечами.
— Разумѣется, нужно. Посмотри-на, какъ онъ загнутованъ!.. Что, небось, худо?
— Отстань ты отъ меня съ своею дрянью!
— Что-о? Ахъ, ты чиновникъ!.. Дрянъ, говорить... а смотри, какую я картиночку напишу! Глаза все выглядншь!..
И Зоринъ поставилъ холстъ на мольбертъ, сѣлъ предъ нимъ и, прищуривъ одинъ глазъ и наклонивъ нѣсколько голову на-бокъ, сталъ чертить большимъ пальцемъ по холсту картину, которая была еще въ воображеніи его, приговоривъ открытымъ:
— Ей я дамъ поворотъ въ три четверти... его въ профиль... эту руку въ ракурсъ... тутъ дерну сильную тѣнь... ухъ! широкой массой хвачу... тамъ яркій свѣтъ... а тутъ блачки... блачки... лихо!.. колоритцу побольше... чудо!.. Митя, а Митя, лихая будетъ картина!.. Да о чемъ же ты задумался?.. Что ты ходишь повѣся носъ?
— Ахъ, отстань, пожалуйста! — съ сердцемъ вскричалъ Дмитрій Ивановичъ.
— Что-ты это въ самомъ дѣлѣ расходишь? Я работать не могу... видишь полъ-то точно лодка качается...
Топиловъ не отвѣчалъ и продолжалъ прогуливаться въ угла въ уголъ, закинувъ руки на спину.
Зоринъ посмотрѣлъ на него, потомъ взялъ мѣлъ, сталъ что-то чертить на холстѣ и зацѣлъ во все горло:
Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ!
Ты не пой...
— Полно ревѣть, Павелъ!..
— Ты не по-пой, со-ло-вей,
Подъ мо-и-нимъ о-кномъ...
Улетай!..

— Я уйду, если ты не замолчишь, вскричалъ въ себя Топиловъ.
— Я не замолчу, если ты не перестанешь ходить, — хладнокровно возразилъ Зоринъ.
Дмитрій Ивановичъ бросился на диванъ.
Зоринъ замолчалъ, но не на долго.
— Дмитрій — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, я раскаиваюсь въ томъ, что сообщилъ тебѣ разговоръ, который мнѣ удалось подслушать.
— А кто тебѣ велѣлъ подслушивать? Ты думаешь, что это благородно? — заносчиво вскричалъ Топиловъ.
— Вотъ тебѣ раз!.. Я же и виноватъ теперь!.. Ну, спасибо; этого я не ожидалъ отъ тебя, — отвѣчалъ Зоринъ, нѣсколько обидясь.
— Ивини, прости, — съ живостію возразилъ Топиловъ; но, ей Богу, я самъ не знаю, что говорю... я взбѣшилъ, раздосадовавъ...
— Зачѣмъ бѣсяться?.. Успокойся и утѣшься; вѣдь теперь ясно, что она кокетка...
— Отчего ясно?
— Оттого... что я слышалъ...
— Мало ли что ты слышалъ!.. Вѣдь она не дала ему никакого отвѣта?
— Не дала, потому что мы помѣшали.
— Э, вздоръ какой!.. Она ни въ чемъ не виновата!..
— Какъ знаешь...
— За то я теперь болѣе прежняго неавиняю гнуснаго Прышова; я тебѣ говорю, что этотъ человекъ сдѣлаетъ мнѣ зло... я это предчувствовалъ... и за то на него обрушится весь гнѣвъ мой!..
— Полно вздоръ молоть!.. Ну, что ты ему сдѣлаешь?
— Что я ему сдѣлаю?.. что я ему сдѣлаю?.. я его вызову на дуэль!..
— А онъ позоветъ тебя въ полицію.
— Такъ я задую его, убью, утоплю... кричалъ, размахивая руками, Топиловъ.
— Вотъ это дѣло!.. — возразилъ засмѣявшійся Зоринъ; — катати, озеро близко.
— Ты смѣешься... а я тебѣ даю честное слово, что утоплю его!
Зоринъ хотѣлъ возражать, но въ это самое время послышался легкій шорохъ за дверьми.
— Кто тамъ? спросилъ живописецъ.
— Я, — отвѣчалъ чей-то голосъ.
— Да кто ты?.. Ступай сюда.
Дверь открылась и на порогѣ явилась обрванная фигура мнимаго дурачка; онъ хотѣлъ уже переступить за порогъ, но увидавъ Дмитрія Ивановича, остановился съ болзнію.
— А, это ты, Яшка! Ну, ступай же сюда.
Топиловъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на дурачка, то на своего пріятеля. Картушъ сердито заворчалъ.
— Картушъ, молчать! Не бойся, Яшка, войди. Митя, рекомендую тебѣ одну половину моей будущей картины.
Топиловъ пожалъ плечами.
— А Дуля гдѣ? — продолжалъ живописецъ, обращаясь къ Яшкѣ.
— Ушла въ Замашиловку мпlostышно просить; тамъ сегодня у одного господина именины... отвѣчалъ Яшка, повертывая въ рукахъ шапку изподлбья поглядывая на Дмитрія Ивановича.
— Зачѣмъ же ты не привелъ ее съ собою? Вѣдь я тебѣ говорилъ.
— Да не зачѣмъ ей-ста ходить сюда, — отвѣчалъ дурачокъ, опустивъ глаза.
— Э, да ты, братъ, рассуждаешь! — вскричалъ Зоринъ. — Ну, ладно, я съ тобой раздѣлаюсь.
— Придетъ завтра, баринъ, коли прикажешь, — жалобнымъ голосомъ сказалъ мпмый дурачокъ, бросивъ изподлбья злобный взглядъ на молодого живописца.
— Смотри же? — И Зоринъ погрозилъ ипшему мушталею, — ступай же ты сюда, я съ тебя начну... Я съ тебя, дуракъ, хочу портретъ написать.
— Патреть?.. Яшка съ глупой усмѣш-

кой оскалилъ зубы. — Не надо мнѣ патрета?.. Куда мнѣ съ нимъ?
— Послушай, Павелъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь писать съ него? — спросилъ Топиловъ.
— Разумѣется. Груша будетъ чудесная; его и молодую дѣвушку, которую ты видѣлъ.
Дмитрій Ивановичъ засмѣялся.
— Ну, признаюсь, — сказалъ онъ, — странный у тебя вкусъ!.. Неужели ты не можешь выбрать сюжета поблагорустойнѣе?
— Послушай, Митя, вѣдь ты рассуждаешь какъ саможникъ. Прости за откровенность и не мѣшай мнѣ работать...
— Чудакъ!.. проворчалъ сквозь зубы Дмитрій Ивановичъ; взявъ шляпу и пошелъ гулять.
Зоринъ принялся за свою картину.
Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры, Дмитрій Ивановичъ встрѣтилъ группу гуляющихъ.
Молодой человекъ, съ головы до ногъ одѣтый въ сѣромъ, шелъ подъ ручку съ дамой довольно молодою и не дуриною собою. По другую сторону дамы шелъ мужчина, уже довольно пожилыхъ лѣтъ и одаренный благодатною дорожною.
Топиловъ хотѣлъ уже пройти мимо, какъ вдругъ толстый господинъ, пристоливо вематривавшійся въ него, подошелъ къ нему, взявъ его за руку и дружески привѣтствовалъ:
— Страстити, каспадишъ!
Топиловъ посмотрѣлъ на него и не узналъ; однакожь, изъ вѣжливости и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, поклонился. Между тѣмъ сѣрый молодой человекъ прошелъ съ дамой нѣсколько шаговъ впередъ.
— Я сдѣлалъ большой глупости, продолжалъ толстякъ; я очинъ обижалъ мой жена; карашо, что онъ не знаетъ... Она была у одна знакомый мадамъ.
Тутъ только Дмитрій Ивановичъ вспомнилъ о происшествіи въ лѣсу и о господнѣ, испавшемъ свою жену.
— А вы никому не сказали? — продолжалъ толстякъ.
— Помилуйте... подобныхъ вещей разсказывать нельзя.
— Да, да, не можно... посмотреть, вотъ мой жена; онъ теперь прогулялъ съ однимъ изъ ея феттеръ...
— Съ кѣмъ?
— Съ феттеръ? Какъ это по-русски... дво-родный братъ!.. Прекрасннй человекъ!
— А!
— Да... и я совѣмъ ионапрасно обидѣтъ его... О! я ужасно... какъ это по-русски?.. Я ужасно... толстякъ улыбуясь, — я по-русски не совѣмъ чисто знаю; я вамъ скажу по французски; — и наклонившись къ уху молодого человека, онъ шепнулъ ему; — *Ché suis chaloix!*.. Хе, хе, хе! — продолжалъ онъ вслухъ, — А вашъ амуръ какъ?
— Также какъ и вашъ, — отвѣчалъ Топиловъ; — обстоить благополучно.
— Хо, хо, хо! — захохоталъ толстякъ; — въ большой плуть!.. Однако прошайтъ... придетъ, пожалуста, ко мнѣ, я живеть въ нумеръ... Ну, прошайтъ!
— Мое почтете.
И толстякъ почти бѣгомъ сталъ догонять жену.
Дмитрій Ивановичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пожалъ плечами, вздохнулъ и пошелъ дальше.
Онъ пошелъ къ Рытковскимъ; тамъ его принялъ довольно сухо и холодно. Пробывъ тамъ не долго, онъ ушелъ, бросивъ на Прышова грозный взглядъ.
Переступивъ черезъ порогъ, Топиловъ опять услышалъ за собою тотъ проническій смѣхъ, который уже столько разъ бѣсилъ его... Но въ этотъ разъ съ нимъ сливался смѣхъ блондинки.
(Продолженіе съ слѣдующемъ нумеръ)

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по чужимъ изданиямъ.

=

Забавны наши противники; впрочемъ, за исключениемъ немногихъ, они противники отъ скуки или отъ привычки искать вездѣ только дурное. У насъ любятъ находить недостатки; за недостаткомъ недостатковъ, пожалуй, готовы и сочинить такіе, какіе, по ихъ разумію, удобнѣе для домашняго обихода. — Не даромъ за границей, особенно въ Италиі, узнаютъ Русскихъ по этой страсти къ недостаткамъ. Другіе ищутъ красоту, предметовъ къ наслажденію; только мы предметомъ къ насмѣшкамъ. Посмотрите, какъ эта нога длинна, какъ эта рука unnaturalна, и тому подобныя замѣчания слышите вы. Ничего не бывало; и нога не длинна, и рука весьма натуральна... но какъ же не найти недостатковъ; это было бы на насъ не похоже. Въ этой страсти — горько-одно. Только знаніе дѣла можетъ вѣдѣть достоинство труда, понимать препятствія, взвѣшивать силы, которыя необходимы, чтобы уничтожить эти препятствія; только знаніе дѣла указываетъ, какія средства необходимы для такого или иного исполненія; но безъ знанія дѣла вы никогда не будете справедливы. Лучшій примѣръ Иллюстраціи, именно Русская. Публика довольствовалась Живописнымъ Обзоріемъ, на которое было за 4 тысячи подписчиковъ; въ этомъ Обзоріи, съ самыми незначительными исключеніями, помѣщались иностранныя гравюры, и то не въ большомъ числѣ. Иллюстраціи, въ шесть мѣсяцевъ въ двадцати четырехъ номерахъ вышло 371 гравюра, изъ коихъ 157 принадлежатъ русскому рѣзцу. Не должно забывать, что круглымъ числомъ можно считать, что эти гравюры обошлись Редакціи по 15 р. серебромъ; следовательно на одно гравированіе въ Россіи, дома, она употребила до 2,500 р. сер. Изъ иностранныхъ помѣщены были гравюры лучшихъ, которыя украшаютъ иностранныя Иллюстраціи; 200 гравюръ круглымъ числомъ обошлись Редакціи въ 4,500 р. серебромъ; присовокупите къ тому расходы на гравированіе въ Парижѣ и Лейпцигѣ русскихъ рисунковъ, изъ коихъ шесть вы уже видите въ этомъ номерѣ; эти расходы простираются за 2,000 р. серебромъ. Теперь исчислите издержки, употребленные на иностранныя гравюры въ запасъ... такимъ образомъ, одніе гравюры для Иллюстраціи обходятся болѣе чѣмъ въ 8 т. рублей серебромъ. Теперь исчислите, во что обходится печатаніе иллюстрированныхъ листовъ, а эти расходы съ мелочными простирались до 150 рублей асс. за номеръ; что за полгода превышаетъ уже сумму въ 10 т. р. сер. Теперь бумага, которая внутреннимъ достоинствомъ мало уступаетъ иностраннымъ и преимущественно отличается отъ тѣхъ только тѣмъ, что не глажена; затѣмъ корректура, сотрудники, рисовальщики; потрудитесь исчислить, и тогда согласитесь, что суммою съ полуторы тысячи подписчиковъ далеко нельзя покрыть всѣхъ расходовъ; что, вмѣсто неосновательныхъ упрековъ, вмѣсто жалобъ на мнимую близость отечественныхъ гравюръ, слѣдовало бы съ участіемъ содѣйствовать распространенію средствъ Редакціи, которая постоянно употребляетъ всѣ усилія къ улучшенію изданія и представляетъ тому очевидныя доказательства. Иностранныя Иллюстраціи считаютъ подписчиковъ десятками тысячъ, и привеземъ томъ замѣчаютъ клише одніе отъ другихъ. Во французской мы укажемъ на нѣсколько гравюръ англійскія; въ нѣмецкой англійскія и французскія. Только незнающіе дѣла могутъ называть это перепечаткой съ избитыхъ клише, потому что клише можетъ повторяться сколько разъ угодно. Англія, Франція, Германія и мы печатаемъ съ разныхъ экземпляровъ, снятыхъ съ одного и того же дерева. За границей, замѣчавшіе эти не только не подвергаются обвиненіямъ, напротивъ, принимаются съ похвалою... У насъ... Но у насъ дѣло другое. По-

волы, отъ чего у насъ такъ, а не иначе, зложены выше. Будемъ надѣяться, что благомыслящее, по-крайней-мѣрѣ, большинство соизволитъ выкинуть въ существо дѣла и отдать справедливость стараніямъ Редакціи Русской Иллюстраціи. Мы нашли себя принужденными къ этому объясненію, потому что признаемъ необходимымъ не исключать иностранныхъ гравюръ изъ Русской Иллюстраціи. Что можетъ быть интереснаго въ ино-

нос... Повторяемъ, что сказано въ программѣ, что отечественное всегда для насъ будетъ главнымъ, что мы не остановимся ни передъ какими пожертвованіями, чтобы помѣщать какъ можно болѣе русскаго, но никогда не исключимъ вовсе иностраннаго. — Неужели, хотя бы и въ этомъ номерѣ, не интереснѣе для любителей науки портретъ знаменитаго ученаго Ю. Либиха, видъ, гдѣ помѣщается его химическая

Ю. Либихъ.

Паружскій видъ химической лабораторіи Либиха.

странныхъ гравюрахъ, говорятъ некоторые. Но развѣ портретъ замѣчательнаго человека, видъ красивой природы, картина прославленнаго заведенія уже не интересны, коль-скоро они не русскіе?.. Откуда у насъ возникъ этотъ картильный Патріотизмъ, когда въ другихъ отношеніяхъ мы спячъ и видимъ только иностран-

лабораторія, и ея внутренность? Не думаемъ, и помѣшались.

Химія, по существу своему, наука въ вѣчномъ ходу; въ ея лабораторіяхъ разлагается природа, разнообразная до бесконечности. Сегодня вы знаете химию; не занимайтесь ею недѣлю, вы уже не знаете химіи; она ушла далече, она бо-

гатель, как самый счастливый банкирь; ежедневными приращениями. Либих для химии то же, что Кювье для зоологии, Линней для ботаники, Тесер для агрономии и т. д. Это один из гениев, преобразующих науку с ее основания. Он родился в 1803 году, в Даринштадт; учился в Бонне и Эрлангене, и оттуда отправился в Париж, где обратил на себя особенное внимание Гумбольдта, которого сам Либих называет своим покровителем и другом. В 1824 году он получил кафедру философии, а в 1826 звание ординарного профессора химии в Гиссене. До Либиха в этом университете мало заботились о химии. Строение было в упадке; аппараты ничтожны; Либих сделал с химическими институтами то же, что и с химией. Теперь это заведение привлекает со всех сторон ищущих познаний по этой части, и любознательных; множество слушателей толпится

в аудитории, много учеников трудятся в лабораториях. Профессоръ съ ученостью соединяетъ пріятное обращеніе и свѣтскую любезность. Ученія заслуги Либиха огромны. Его агрономическая химія, его разысканія о кислородѣ и азотѣ, произвели переворотъ въ наукѣ. Теорія сложныхъ коренныхъ началъ, органическихъ окисей, хлоробильныхъ соединенийъ, важна водородо-хлорова, составовъ органическихъ кислотъ... все эти теоріи въ наше время и въ настоящемъ видѣ созданы и развиты на основаніяхъ, открытыхъ Либихомъ. Онъ никогда не довольствовался открытіемъ новаго начала; итъ, это открытіе вело его къ различнымъ опытамъ, объяснявшимъ внутреннюю связь различныхъ началъ между собою. Прибавьте къ тому, что сочиненія Либиха отличаются отъ всехъ химическихъ книгъ превосходно яснымъ популярнымъ изложеніемъ. Сочиненія его пе-

реведены на французскій, англійскій, иъчешскій, итальянскій языки, и на каждаго было нѣсколько изданій. — Но такое свойство развитія науки подъ руководствомъ гения. Прежде въ Гиссенѣ довольствовались небольшою лабораторіею. Теперь цѣлое зданіе уже тѣсно и неудобно... Умноженіе числа учениковъ дѣластъ эти неудобства частъ-отъ-часу ощутительнѣе... И это въ одномъ только Гиссенѣ. Въ другихъ университетахъ Германіи въ химическихъ лабораторіяхъ — просторно. Слава Либиха побѣдила даже британскую ученую гордость. Въ прошломъ году агрономическаго общества въ Англійи дали праздники въ честь германскаго химика. Небывалая почесть. Въ этомъ году уже открылись почести для той же пѣли, и въ октябрѣ мы должны чинителямъ о подробностяхъ этихъ почальныхъ торжествъ...

— Между новыи изобрѣденіи замѣтили мнѣ

одно, весьма интересное для консерваторовъ мучежь Естественной Исторіи. Г. Гауаль устроилъ особенный ящикъ, чтобы высушивать въ прокъ четвероногихъ, птицъ и др. предметы Естественной Исторіи. Составъ его ловко простъ; закупоренномъ въ ящикъ, животное высушивается посредствомъ особой печи, которая доводитъ температуру внутри ящика до 60 и 70°. Такой жаръ упячтываетъ насекомыхъ и яйца ихъ въ препарироваемъ животномъ; для приготовления животнаго въ-прокъ употребляется тербенциновая эссенція въ такльхъ малыхъ дозахъ, что присутствіе ея въ предметѣ, вышумомъ изъ ящика, нельзя замѣтить.

— Другое изобрѣтеніе очень забавно, и если окажется дѣйствительнымъ и сколько пшбульдовымъ въ примѣненіи, то заслужитъ признательность вообще всего человечества, и въ особенности, инвалидовъ, которые на войнѣ лишены одной или даже обѣихъ рукъ... Фанъ Петерсонъ въ Парижѣ создалъ искусственную руку; рука эта, по волю человека, лишенаго натуральной, спбает-

ся какъ та, которую когда-то онъ владѣлъ; пальцы дѣйствуютъ какъ натуральные. Рука эта прикрѣпляется на мѣсто потерянной и соединяется съ туловищемъ полъ дошкой и на груди. Въ обыкновенномъ положеніи, пальцы скорчены; по поволѣ человека, они раздвигаются и дѣйствуютъ; рука гнется въ обыкновенныхъ своихъ составяхъ. Приставили такую руку одному инвалиду, и онъ очень обрадовался, что можетъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки съ руками, опять ими дѣйствовать; онъ взялъ со стола стаканъ, поднялъ, поднесъ ко рту, выпилъ вино и поставилъ стаканъ опять на мѣсто; по что еще удивительнѣе, этими руками онъ поднялъ со стола иголку и листъ бумаги. Инвалидъ былъ счастливъ и вдругъ сталъ несчастливъ прежняго. Опытъ кончился. Механикъ отнялъ у инвалида руки и унесъ съ собой, можетъ быть, послѣднюю радость старца. Все это рассказываетъ одна нѣмецкая газета; ждемъ объ этомъ изобрѣтеніи официальнаго отзыва Парижской Академіи Наукъ.

— Говоря объ изобрѣтеніяхъ, упомянемъ и о

такомъ, которое требуетъ непремѣннаго присутствія обѣихъ рукъ, но натуральныхъ. — Впрочемъ это изобрѣтеніе есть только распространеніе стараго. Вамъ, мы думаемъ, случилось видѣть фортепiano, въ которыхъ, посредствомъ особаго ключа, клавиатура передвигается на нѣсколько тоновъ ниже. Фортепiano фабрикантъ Мерсе, въ Парижѣ, изобрѣлъ средство распространить это удобство и вверхъ и внизъ, такъ что вы можете всю клавиатуру передвинуть на пять полутоновъ вверхъ и на пять полутоновъ внизъ. Это весьма важное облегченіе для пѣвучаго класса диетантовъ. Имъ не надо теперь переводить музыкальныя пѣсни изъ одного тона въ другой; достаточно передвинуть клавиатуру на столько полутоновъ, сколько требуетъ указатель тона, и дѣло въ шляпѣ.

— Есть особеннаго рода изобрѣтенія, которые можно назвать изобрѣтеніями моральной механики. Это тѣ мѣры, которыя придумываетъ человечество для своего нравственнаго улучшенія. По слабости, свойственной нашему племени, усо-

вершение человека отдаленно, как единицы, весьма затруднительно; при всей твердости характера, при самом лучшем направлении нашей воли, человек, действуя один, встречается в самых благих обстоятельствах таких препятствий, которых одному ему не побороть; тогда как при малейшем содействии и помощи лишь, эти препятствия сами собою уничтожаются. Мирь это знает и вдалеке во все времена, и во все времена мы встречаем различнаго рода общества и товарищества с нравственною целью. От этих обществ многие предметы гражданского благоустройства ощутили самое благотворное влияние. Укажем только на больницы и тюрьмы, на общества умрениости в Великобритани, и так далее. Въ Венгрии, гдѣ въ послѣднее время мы видим столько прекрасныхъ начинаній, образовались общества умрениости, и успѣхъ ихъ превзошелъ все ожиданіе. Также возникло, или лучше сказать, получило новое образование особеннаго рода братство, которое, подъ скромнымъ названіемъ, союза любви существовало давно, но не могло получить доннынъ полнаго развитія. Теперь оно и распространилось и устроилось. Цель общества — взаимная помощь сочленовъ въ житейскихъ нуждахъ, въ особенностн въ случаѣ болѣзни, а послѣ смерти въ приличномъ погребеніи. При поступленіи, членъ вноситъ нѣсколько грошей, а ежемѣсячно платитъ грошъ... И не смотря на то, казначейство общества теперь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, потому что каждый ставитъ себя въ долгъ чести быть членомъ прекраснаго братства.

— Все это плодъ распространяющагося просвѣщенія, искореняющаго грубыя и корыстныя дѣйствія эгоизма. Соблюденіе—свойство невѣжества, а стремленіе къ общей пользѣ, доброты сердца, людскости и все добродѣтели вообще—дѣла религіи и науки. Не безъ любопытства читали мы статистику университетовъ въ Германіи за прошедшее лѣто. Здѣсь только укажемъ на число студентовъ въ университетѣхъ:

Берлинскомъ	1492.
Боннскомъ	675.
Фрейбургскомъ	215.
Гиссенскомъ	512.
Геттингенскомъ	635.
Грейфсвальдскомъ	217.
Гейдельбергскомъ	842.
Лейпцигскомъ	424.
Килемскомъ	200.
Кенигсбергскомъ	547.
Лейпцигскомъ	864.
Мюнхенскомъ	1329.
Тюбингенскомъ	367.
Вирцибургскомъ	458.

Если прибавить къ этому число студентовъ въ университетѣ Бреславскомъ, то мы увидимъ, что около 10,000 человекъ въ Германіи достигаютъ высшаго ученаго образованія. Красорѣчивая статистика! Послѣ этого нечего удивляться столь равному развитію просвѣщенія по всей Германіи и успѣхамъ Нибшевъ во всемъ отрасляхъ наукъ и искусствъ.

— Въ Италиі — дѣла просвѣщенія идутъ плохо, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть знаменитые ученые съ европейскою славою. Искусства въ такомъ же упадкѣ; Италианцамъ осталось на долю одно только пѣаніе. *Academia di San Luca*, этотъ старинный ареопагъ искусствъ, объявила на 1846 годъ свои задачи. Для живописцевъ. Задача первостепенная: Сципіонъ африканскій встречается своего сына, возвращающаго изъ лѣтна вѣнокодушемъ пара Антіоха. Картина масляными красками (эри. Камучини). Второстепенная: Амфиломъ и Аналь во время изверженія Этны бросаютъ на жертву спомени свои богатства и на плахѣхъ уносятъ своихъ родителей. Рисунокъ, — (Эри: Послѣдній день Помпеи). — Для ваятелей: первоепенная задача. Діомедъ поираетъ погами (одно дѣйствіе) и бросаетъ въ Скамандръ трупъ Пентезисы (другое дѣйствіе). Круглая группа изъ гипса пид *terracotta*. Второстепенная: Барельефъ изображающій жену Париса, когда она, увидавъ трупъ мужа, несомый

родственниками, лишается чувствъ. Для архитекторовъ также двѣ задачи: Дворецъ владѣтельной особы и еще что-то. Срокъ конкурса — 20 іюля 1846 года. — Премія: за программы первоепенныя 40, за второстепенныя 20 селкиновъ (!) или голландскихъ червонцевъ, а увѣнчанныя произведенія поступаютъ въ собственность Академіи. Конечно, честь велика, но плата не вознаграждаетъ и матеріальныхъ расходовъ художника...

— По отдѣленію паровыхъ путей сообщенія мы нашли двѣ занимательныя новости. Одна — это руководители, изданныя въ Берлинѣ: одна для путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ, другая для отправляющихся на пароходахъ. Надлежитъ, что эти указатели, снабженные всеми свѣдѣніями, необходимыми для путешественника, въ скоромъ времени появятся и въ Петербургѣ. Гдѣ же больше охотниковъ до прогулокъ въ чужіе края? — Другая новость — это императорскій австрійскій вагонъ, приготовленный для открытія пражской желѣзной дороги. Вагонъ сдѣланъ на фабрикѣ Данила Гайднерфера, въ Вѣнѣ. Въ серединѣ—зала, убранная золотомъ матеріею и зеленымъ бархатомъ; зеркала въ золотыхъ рамахъ и красныя мостры украшаютъ этотъ покой. Потолокъ затінуть бѣлою шелковою матеріею съ золотымъ шитьемъ. Занавѣсы изъ тяжелой зеленой шелковой матеріи съ золотой бахромой. Въ окнахъ зеркальныя стекла. Къ этой залѣ примыкаютъ аванъ-залъ, два также богато-убранныхъ кабинета и покой для императорской прислуги. На полахъ и лѣстницахъ дорогіе ковры. Весь вагонъ длиною въ 36 футовъ, 8 футовъ шириною и около 7-фут. въвышину. При этомъ случаѣ замѣтимъ, что и для московской желѣзной дороги на фабрикѣ Юхима строится такое же зданіе. Мы видѣли только оставъ и не помнимъ размѣровъ. Въ свое время это зданіе явится въ Иллюстраціи.

— Въ Донкирихѣ открытъ памятникъ Ювану Барту, который въ 1676 овладѣлъ голландскимъ фрегатомъ. Подвигъ Барта истинно героическій. Памятникъ, судя по рисунку, нѣсколько театраленъ и аллегорія слишкомъ сложна. Бартъ переступаетъ черезъ пушку; въ одной рукѣ у него сломаанный мечъ, въ другой пистолетъ. Статуя работы Давида.

— Опера *i Lombardi* играется теперь съ большимъ успѣхомъ во всей Европѣ. Мы будемъ говорить о произведеніяхъ Верди въ другомъ отдѣленіи этого же номера. Здѣсь только скажемъ, что въ Берлинѣ и Потсдамѣ преимущественно играютъ Ламбардцевъ; въ Парижѣ, въ репертуарѣ оперы первое мѣсто занимаютъ сочиненія Верди. Персональ берлинской италіанской оперы слѣдующій: Фавни, Сальвини и Рита Бассо Боріо; теноры: Доменико Конти, Баццети; бужъ-Налозонъ Россел.

— Тамъ же, въ Берлинѣ, полція подлила на улицѣ бродягу, дошедшую до крайней степени пьянства; и эта несчастная, когда-то была любовна, знаменитая, какъ пишутъ, пѣвица, припамята многихъ значительныхъ театровъ въ Италиі и Германіи. Она поражала красотой своей посѣтителей разныхъ воль, куда она прѣзжала, будучи уже замужемъ за офицеромъ хорошей фамиліи; но тамъ любима блестѣла нарядами и роскошью въ жизни. Она разорила мужа и предалась страсти, которая теперь довела ее до богатства.

— Прежде играли театральными знаменитостями, играли за-правду. Во время Имперіи во Франціи продавались карты, на которыхъ червоный король былъ Тальма, пиковый — пѣвецъ Лайа; — бубновый — скрипачъ Лафонъ, — танцоръ Вестрель — трюфоль; дѣв. Марсъ была червоной дамой, дѣвица Жоржъ Веймаръ — пиковой, дѣвица Дюшенуа — бубновой и трюфольной г-жа Гавононь... — Теперь никто бы не согласился понасть во все руки особенно подъ пиковымъ значкомъ... Тогда это очень забавляло самихъ артистовъ, а объ трюфольхъ и говорить нечего. Можно вообразить какія шутки подавало это поведѣ... По времени шутокъ явновалась. Мы и веселились съ какой-то пріоніей надъ собственными забавами, съ какою-то комическою важностью, для которой время создать своего Сервантеса.

ЗАКЛАДЪ.

романъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

ВЫМОРОЧНАЯ УСАДЬБА.

Со времени отъѣзда Евгениа изъ столицы въ нашъ провинціальный городъ, прошло ровно три недѣли... Въ день случается много, а въ три недѣли!.. еще больше, особенно если въ городѣ стоитъ ярмарка, а за городомъ разгуливаютъ почные гости. Наступилъ двадцать второй день отъпуска Евгениа; го былъ понедѣльникъ. На выморочной усадьбѣ, гдѣ скрывалась Коисевы, возникла новая жизнь, дѣятельная, рабочая. Иноклички купилъ эту усадьбу отъ города и поля работниковъ припаялъ за дѣло. Вся семья переселилась на красивый хуторъ того же Инокличкина; отъ выморочной усадьбы до хутора этого не было и версты. Иноклички ежедневно рано утромъ и послѣ обѣда ходилъ, вмѣсто прогулки, на усадьбу и осматривалъ работы. — Въ этотъ понедѣльникъ, какъ мы уже сказали, Иноклички пришелъ на усадьбу очень рано. Осматривая работы, онъ замѣтилъ другаго зрителя и улыбнулся.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ хозяинъ. — Догадываюсь, для кого вы строите эту прекрасную дачу, отвѣчалъ Евгениа.

— Никогда не догадастесь...

— Какъ никогда! Марья Осиповна...

— Гмъ! Да, вы у меня не были на хуторѣ!

Право, не былъ! Пойдемте!

— Я почту за честь...

— Вотъ ужъ и честь!.. Я перевезъ туда мою семью, чтобы спасти ихъ отъ участія этихъ городскихъ сплетницъ, чтобы укрыть отъ осадъ любезниковъ... Богатая вдова красавица на ярмаркѣ — и притомъ же съ характеромъ Машинъ. Скажите пожалуйста! У васъ тутъ есть въ губерніи родственники?

— Никого.

— Дѣла?

— Никакихъ...

— Пытисъ?

— *Omnia mea secum porto...*

— Что же васъ завело къ намъ? служба?..

— Не служба, а глупость, которой никогда не прощу себѣ.

— Должна быть большая глупость...

— Ужасная...

— Тайна?

— Не знаю какъ вамъ сказать! Я хотѣлъ выиграть закладъ, который мнѣ доставлялъ 10 тысячъ одновременно и тысячу рублей ежегодно.

— Сколько! Сколько!

Евгениа повторилъ.

— Чѣмъ же рисковали вы?..

— О, я не могу объ этомъ хладнокровно поуметь... Не подходитъ ни къ одной женщинѣ цѣльнй годъ!

— Глупо! Впрочемъ кто не дѣластъ глупостей. Во всей этой исторіи глупѣе всехъ — я...

— Какимъ образомъ? — А вотъ увидите! Но, вы непременно должны выиграть закладъ.

— Это невозможно.

— Кто вамъ сказалъ?..

— Я!

— Вы ошлблсь. Пойдемте выигрывать закладъ...

— Но вы не знаете, въ чемъ закладъ...

— Знаю, и мы непременно выиграемъ...

— Сколько я васъ ни уважаю, но я долженъ вамъ объявить, что этого не будетъ.

— Вздоръ. Будетъ...

— Не можетъ быть...

— Должно быть...

— Я скорѣе застрѣлюсь...

— Обвѣчайтесь...

— Не шутите! Ради Бога, не шутите! Вы не знаете, что со мною случилось...

— Знаю! Вы влюблены, въ полцодъ смелѣе

слова, въ мою племиницу, въ Машу... Вотъ и все тутъ... Прекрасный выборъ. Глушость можетъ обратиться въ истинное счастье для обоихъ. Я наблюдалъ за вами издали; я подучилъ объ васъ изъ столицы самые отличные отзывы... Ну, вотъ мы и пришли; все бѣгутъ къ намъ на встрѣчу... Маша, ты чего перенугалась?

— Я, дядюшка, ни малѣйше... Я такъ... Я не ожидала въ нашемъ уединеннѣй встрѣтитъ поосторожнаго...

— Онь не поосторожнѣй. Маша, у меня есть къ тебѣ дѣло. Друзья мои, займите гостя... Мы сей-часъ воротимся... Только прогуляемся по саду... Вотъ, Маша, въ чемъ дѣло... только зуръ веспи себя по прежнему... Любимъ-ли ты Евгения?..

Маша молчала.

— Ну, душа моя, признавайся! Ты ужъ не бебепокъ! Говори...

— Люблю...

— Ну, и конечно. Сговоръ конченъ, присту-нимъ къ свадьбѣ...

— Что вы, что вы, дядюшка?

— Сдѣлай милость, не мѣшайся не въ свои дѣла. Я съ-разу замѣтила, что вы другъ другу нравитесь. Я ревновала тебя, дурочка! Я самъ полюбилъ тебя, и очень радъ, что ты племиница и счастья меня отъ дурачества... Да о чемъ тутъ толковать... Евгений! Поздравляю!..

— Съ чѣмъ?

— Вотъ тебѣ невѣста!

Иколоткинъ любилъ распоряжаться деспотиче-ски. Во всѣхъ дѣлахъ онъ извѣстенъ былъ твердой и неприсклонной волей; все семья и самъ Евгений испугались, Иколоткинъ смѣлся.

— Ну, Осипъ Семеновичъ, ну-те, Лукерья Ивановна! Благословляйте дѣтей! Вѣрите мнѣ, тутъ нѣтъ ошибки. На этотъ разъ Маша будетъ счастлива...

— Общее смущеніе продолжалось и еще бо-лее возрасло, когда Иколоткинъ, кланянувъ камер-лапера, сказалъ:

— Савельичъ, съѣзди въ Ближнее и накажи попу, чтобы у него въ воскресенье все было гото-во къ свадьбѣ...

— Дядюшка! Помилосердитесь! Что скажутъ люди!

— Что имъ угодно!.. Ты вышла замужъ по припужденію твоихъ опекуновъ. Ты не любила Степку, и онъ того стоилъ. Ты можешь жалеть о немъ, какъ о человѣкѣ; но зачѣмъ наряжаться въ притворную супружескую горестъ? Это на тебя не похоже... Что же ты хочешь? пропла-кать подальшею ссазми годъ, вычеркнуть пѣ-вый годъ изъ твоей жизни. Это не можетъ быть угодно Богу. Ну, да конечно. Прошу повнво-ваться.

Никаки убѣжденія не могли поколебать сло-ва Иколоткина... Родители принуждены были благословить дѣтей, дѣти поцѣловаться... Ико-лоткинъ злобно смѣялся и потрпалъ руки... Изъ города прискакалъ ливрейный лакей и привезъ письмо. Иколоткинъ расхохотался. Милости про-спия, въ самую пору... Слѣдъ за лакеемъ, на дрян-ныхъ дрожкахъ, въ одну лошадь, явился Гримас-никовъ, и съ таинственнымъ видомъ требовалъ Таню на два слова...

— У нея отъ мнѣ нѣтъ тайны, сказалъ Иколот-кинъ. Объявляй, Гримасниковъ, что тамъ у те-бя?..

— А вотъ что, ваше превосходительство! Тар-совъ игратъ роль пѣлаго и ни въ чемъ не при-знается.. По слѣдствію оказывается, что Татьяна Осипова кое что знаетъ о связяхъ его съ Савил-ломъ...

— Знаю. И вотъ что: послѣднее время, когда л не хотѣла идти за кучера, мнѣ держали въ кладовой съ желѣзными окнами. Разъ вечеромъ въ домъ поднялся ужасный шумъ и крикъ, — су-матоха затрясла и въ мою кладовую, темную и холодную, бросилъ связаннаго поручамъ и погамъ человека. Не прошло и десяти минутъ, Тарсовъ вошелъ къ намъ со свѣчкой; я укуталась и при-творилась спящою. Тарсовъ подошелъ ко мнѣ, отдернулъ одѣяло и сказалъ: спи! обратился къ

племиницу; то былъ Савиллъ; я осторожно и не разъ поглядывала на этого страшнаго человѣка.

— Что дашь, Савиллъ? сказалъ Тарсовъ едва слышно: у тебя выпущу...

— Молодцы мои сами меня отымутъ, зарежьтъ Савилла...

— Тихе, дѣвку разбудить... А на молодцовъ не надѣйся! Я, братъ, ждалъ тебѣ съ сильной дружбой; похватили твоихъ молодцовъ больше десятка... и другихъ переловимъ, если сунутся; а не лучше ли намъ такой аккордъ сдѣлать: что-бы вамъ на мои помѣстья войною не ходить; пзъ воровской казны заплатить три тысячи на су-дебныя издержки, потому что отъ розыску не отдалось даромъ, и паче чинилъ, если что прилу-чится мнѣ, помочь по-приятельски. — Идетъ?

— Вѣчно и я и все наши тебѣ служить будемъ; и если другіе заберутся, и тѣхъ оповѣстятъ, чтобы Тарсовскаго не трогали. Казну принесемъ, а если понадобится Савиллъ, такъ пошамъ толь-ко въ село или городъ, гдѣ кабакъ есть, и пусть посолой твой только вымолвить «Вѣчный долтъ»; черезъ три дня явится куда укажешь...

— Вѣрю тебѣ, Савиллъ! Пойдемъ теперь ко мнѣ; все въ домѣ спать...

— А эта дѣвка?..

— Что она разумѣетъ? Да и спать будто уби-тая...

Самъ Тарсовъ развлязалъ Савилла, услыя; а боль-ше я ничего не знаю...

— Все сія, сказалъ Гримасниковъ, записывая, «согласна суть съ другими показаніями. Изволь-те подписать...»

Таня подписала. Иколоткинъ, Койнесъ и Евге-ній также подписались. Гримасниковъ сталъ от-кланиваться.

— Эй, послушай, Гримасниковъ, у меня есть къ тебѣ просьба...

— Извольте приказывать, ваше превосходит-ельство. Вы знаете, что я...

— Знаю... У меня теперь людей много дѣла; такъ потруаюсь объѣхать всю губернскую чл-новность и проситъ меня въ Ближнее село на объѣздъ, балъ у ужинъ, въ воскресенье. Жду къ себѣ дорогаго гостя.

— Кого это?

— Не твоѣ дѣло!.. Ты только исполни...

— Непременно все будемъ...

Промелькнули эти райскіе дни, и не оглянувшись, Иколоткинъ въ эти дни мало выдалъ; онъ, то п дѣло, уѣзжалъ то въ Ближнее, то на выморочную усадьбу. Одно только замѣтлп жалелъ хутора, что всю дорогу отъ этой усадьбы до Ближняго тщательно вычлпнилъ и убрали площадку на про-странствѣ пяти верстъ. Наступило и воскресе-нье. Иколоткинъ казался встревоженнымъ; успо-коился только тогда, когда верховой привезъ ему ожидаемое извѣстіе...

— Ну, теперь поѣдемъ! Но, друзья мои, въ дол-жны исполнять мою просьбу. Объявляю, въ чемъ состояла просьба, Иколоткинъ съ Машей съѣзъ въ коляску и уѣхалъ. За ними, въ особенномъ эки-пажѣ, Койнесы съ Тасей. За ними Евгений въ красномъ кабріолетѣ... Въ Ближнее наши уже много губернскихъ гостей... Приѣхалъ и дорогаго гость Егоръ Лукичъ, племянникъ Иколоткина... Старикъ объялъ его съ изъясностью; представилъ всѣхъ гостей... Когда дѣло дошло до Евгения, Егоръ обрадовался и расхохотался.

— Ну, любезный, ты не женился...

— Нѣтъ, Жоржъ!

— Я такъ и зналъ...

— Но ты вѣрно не захочешь, чтобы я испол-нялъ страшное условіе...

— Э, извини, любезный! Я признаюсь, за этимъ и приѣхалъ. Сегодня конецъ твоему отпуску; сегодня ты еще свободенъ; но завтра — пзвини. Впередъ, мой другъ, объ казалъ не боится. Же-нитба не шутка! Ты сказалъ: въ провинціи про-пасть прекрасныхъ и богатыхъ невѣстъ. Стоитъ только петербургскому жителю показаться, не вѣсты росмъ поднимутся. Поѣду на 28 дней въ отпускъ и женюсь! Ну, что, братъ? Теперь пеній на себя...

— Послушай, братъ, по-крайней-мѣрѣ, не раз-сказывай.

— Этого въ условіи не было...

— Я прошу тебя...

— Нѣтъ! Надо васъ учить молодыхъ людей быть осторожнѣе въ словахъ.

— Твоя правда! сказала Иколоткинъ, ударивъ его сзади по плечу. Слово-соколъ вылетитъ, не воротится... У меня сегодня для твоего приѣзда въ село сельская свадьба. Я прошень посаженнымъ; ты не откажешься быть дружкой?

— Да это превесело...

Гости съѣзжались. Приѣхала и Клеопатра Ки-риловна и Авдотья Семеновна и пошли провинци-альныя спены. Прежде всего нанали на Жор-жа; но тотъ сторонилъ отъ дамъ, какъ только могъ... Некали Евгения; но онъ исчезъ...

— Послушай, Егоръ! сказала Иколоткинъ. Ты огорчалъ Евгения! Посмотри, онъ еще сегодня съ досады женится...

— Не бойтесь, дядюшка!

— Ну, а если! Ты дурно рассчиталъ: надобно было бы явиться тебѣ не сегодня, а завтра. Пра-во, я боюсь...

— Будьте совершенно покойны, дядюшка! Я вамъ ручаюсь, что не женится...

— Ну, а если?

— Тогда я самъ женюсь...

— На комъ?

— На комъ прикажете.

— Слово-соколъ, вылетитъ, не воротится.

Начался пиръ. Къ общему удивленію, Марья Осипова была одѣта по балному. Таня тоже; ни вида прошедшей печали... Многие женихи готовились послѣ обѣда начать искательство прекрасной руки... Встали, отдохнули и, когда смерклося, по повѣсткѣ хозяйки все отиравились въ перковь. Тамъ не было ни жениха ни невѣ-сты, потому что Евгений никто не считалъ жени-хомъ... Раздалось пѣніе; все обратилъ глаза къ дверямъ, ожидалъ жениха, и увидѣлъ Марью Осипову съ родственны въ подвѣшенномъ платьѣ... Гости возмолвались; но удивленіе ихъ обнаружилось громкимъ крикомъ, когда Иколоткинъ подвелъ къ невѣстѣ Евгения и при-гласилъ племянника къ исполненію должно-сти... Жоржъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ искаса поглядывалъ на андо; но тотъ усерд-но молчалъ. Возможно описать шума, когда обрядъ кончился и пошли поздравленія... Такая на всѣхъ лицахъ радость! Восхвалилъ Иколотки-на за сюрпризъ... Одна только Авдотья Семенов-на нѣсколько надулась... Ей нравился Евгений... Изъ церкви все пошли садомъ къ большимъ поро-тамъ; тамъ ожидали гостей экипажи; длюмпни-ца вышла и огненной нолозой терлась въ дали. Выморочная усадьба горѣла яркимъ свѣ-томъ. П узать нельзя было стараго дома. Опи-саніе было бы пзашине; скажемъ только, что эта усадьба ни въ чемъ не уступала усадьбѣ въ Бли-жнемъ. На крыльцѣ, обитомъ огнями, встрѣтилъ молодыхъ Кудимъ молчаливъ, въ богатомъ каф-танѣ, отороченномъ галунами.

— А что, матушка, бѣлая барыня, сказала онъ, —виллиш! Кудимъ не солгалъ. Послалъ тебѣ Богъ муженька на тебѣ. Ужъ этотъ, глядя на те-бя, не задремлетъ... Но я здѣсь не даромъ, добрые люди! Я здѣсь для того, чтобы, вернувшись въ храмъ ядлинъ, вы вспоинали и о смерти. Не я, такъ другою Кудимъ будетъ жлать васъ на мосья мѣ-ста...

Разыгрался сельскій праздинокъ, сгорѣли потѣнные огни; разѣхались гости, взялъ шал-пу и Иколоткинъ.

— Ну, Егоръ, сказалъ онъ: пора и намъ. — Да я было и позабылъ. Что же ты рассчита-лся съ Евгениемъ?..

— Дядюшка... закричали молодые: неужели мы будемъ считаться!

— Непременно! И одинъ глупъ въ этой исторіи! Я назначилъ племянникамъ снпнкомъ большое ео-держаніе, и тѣмъ подаль пмъ поводъ къ непро-стительнымъ пакостямъ... Независимое состоя-ніе одного, чуть было не погубило лучшей жец-

щивы на этомъ свѣтѣ ; другой, пѣз шутки, чуть было не погубилъ друга, достойнаго настоящей своей участи. Егоръ — заплаги !

— Дядюшка ! У меня пѣтъ при себѣ такой суммы...

— Ты билел объ закладъ ! Ты долженъ былъ быть готовъ къ расплатѣ... Я плачу и вычу... Ну, теперь Егоръ съ нимъ квитъ, а со мной изволь разсчитаться... Ты обѣщадъ жениться на комъ прикажу. Я приказываю: изволь жениться на Авдотѣ Семеновнѣ... Она женщина добрая, умная; она одна не радовалась сегодня счастью Евгения, потому что не притворщица... Старайся заслужить ея уваженіе — и мое... Прощайте, мнѣе ! Храни васъ Богъ...

Непреклонная воля дядюшки очень понравилась племяннику, когда онъ ближе познакомился съ Авдотѣй Семеновной. Вовушка узнала объ этой волѣ воротясь пѣз подъ вѣнца и душевно благодарила свосправнаго старика...

Таня... Но вы устали ! Я думаю, вамъ такъ надобѣз этотъ Закладъ въ немногихъ письмахъ, что вы нпкогда не будете биться объ закладъ. И не бейтесь. Вы нпкогда не узнаете, что случилось съ Таней, если я не сяду къ пьемменному столу и не разскажу вамъ ея занимательной исторіи. — Но теперь нп за что ! Я вижу, какъ вы перенугалисъ, и скорѣе сведу мой романъ на упокой.

Кудимъ, приготовивъ про запасъ могилу, вышелъ на дорогу и призадумался. Въ окнахъ любимой усадьбы горѣли огни, хотя на дворѣ довольно было свѣтло.

— Сходить, что-ли, къ дѣткамъ моимъ?.. Стариковъ моихъ нѣтъ; поѣхали свою Мхисеку провѣдаты; сегодня ждалъ, да не прѣзжали. Сходить ? Нѣтъ, что-то спать хочется. Спасибо моей бѣлой баринѣ. Теперь ходитъ въ артель не нахо. Свой домъ, свой хлѣбъ... За то и для бѣдныхъ легче. Могилы даромъ готовлю. Кто-то въ новой ляжетъ ?

Стукъ цѣпсй разбудилъ Кудима. Онъ взглянулъ. Шартія гарнизонныхъ солдатъ вела преступниковъ... Кудимъ сталъ всматриваться... Знакомые : Савилъ, Поготокъ, Косолапый Ооня; другихъ онъ не могъ разобрать, только показалось ему, будто въ толпѣ промелькнули лица Тарсова, Иточкина и Грнжасникова...

— Долго правили, сказали онъ : почтѣиз два года шелъ розыскъ, да доправилъ... П добро и зло выйдутъ на свою дорогу. Что это какъ меня сопъ клонитъ ! Уморила могила... И Кудимъ пошелъ въ свою красивую избу, легъ, заснулъ и не проснулся ; онъ не зналъ, что онъ выконалъ вчера могилу для себя ; онъ не чувствовалъ, что простой гробъ его несли на кладбище Иноккинъ, Евгений, Жоржъ и почетнѣише горожане; что честнаго могильника провожали весь городъ, и потомъ пище и богатые совершили погребальную трупизу въ садахъ выморочной усадьбы, а гостей угощали Лукерья Ивановна, Мери, Тани и Дуни, т. е., Авдотья Семеновна. — На этотъ разъ вся семья была въ траурѣ и отъ души пренпнала черныхъ платіи до нерваго праздника... — Прощай, Кудимъ ! Спасибо тебѣ за все и за романъ мой. А что мой романъ не романъ, а исторія, въ томъ свидѣтельствуетъ моя фамилія, которая съ роднп-фамиліи большей части дѣйствующихъ лицъ.

Ио. Койшевъ.

Помѣщикъ..... губерніи,
..... уѣзда.
Село Михневка.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Джозепе Верди. — І. Гуинль и музыка на открытомъ воздухѣ. — Ладны, изготовляемыя на фабрикѣ г. Рюккера, въ Ригѣ. — Петербургъ днемъ и ночью. — Романъ Е. П. Ковалевскаго. — Стихотворенія А. П. Струовишкова. — Гроза въ г. Волгскѣ.

Можетъ ли быть для С. Петербурга новость интереснѣе, пріятнѣе, увлекательнѣе — извѣстія объ открытіи италийской оперы? Театральный вѣстникъ перелаетъ вамъ подробныя

театральныя вѣстелі; мы же сообщимъ вамъ нѣкоторыя подробности о современной значимости музыкально-опернаго міра; о любимѣишемъ нынѣ композиторѣ Джозепе Верди, котораго оперы въ одно время ставятся почти навсѣхъ теат-

ный вѣпецъ съ надписью «Giuseppe Verdi opere d'Italia». Великъ почетъ. Мы скоро будемъ имѣть случай судить, до какой степени заслуживаетъ Верди столь блистательную награду. Основывалъ на сужденіяхъ записныхъ музыкальныхъ крити-

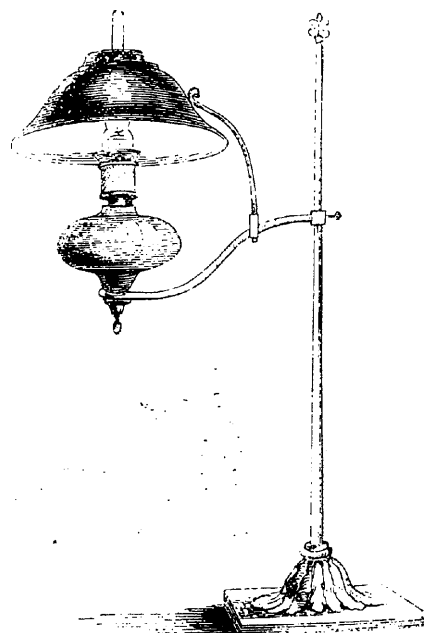
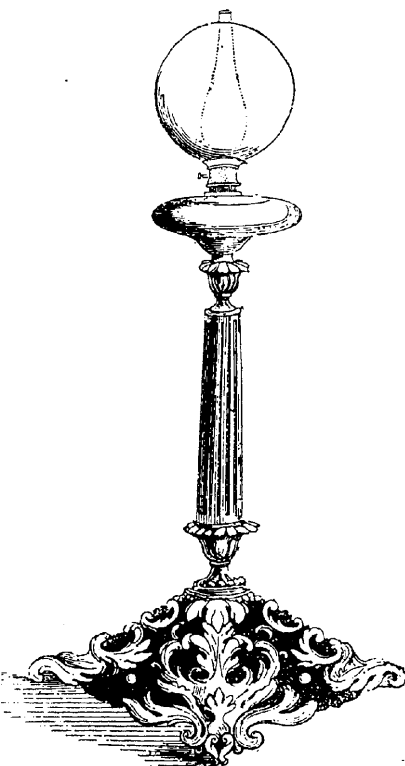
Композиторъ Верди.

Капельмейстеръ І. Гуинль.

рахъ Европы. Первая его опера не имѣла особеннаго успѣха; но за то вторая «Наваго», произвела восторгъ и поставила композитора на почетную ступень. Эта опера написана для Милана въ 1841 году. Затѣмъ Верди написалъ Герянки для Ве-

ковъ, можно думать, что музыка Верди должна быть однообразна, если слушать всѣ его оперы, потому что, по свидѣтельству этихъ критиковъ, — Верди любитъ заимствованія — но у самаго себя. Въ этомъ еще большаго бѣды нѣтъ. И съ величайшими композиторами случалось то же, лишь бы существование этихъ заимствованій принад-

лецип и Due Foscari для Рима. После того опера, написанная для Милана: Lombardi alla prima stocciata, въ 1845 году, утвердила его славу, а Giovanna D'arco, сочиненная въ 1845 году, также для Милана, произвела живѣишій восторгъ; пѣвица Фрециолли и теноръ Поджи не мало содѣйствовали успѣху; театръ постоянно ожаждался шумными рукоплесканіями; композитору поднесли драгоцѣн-

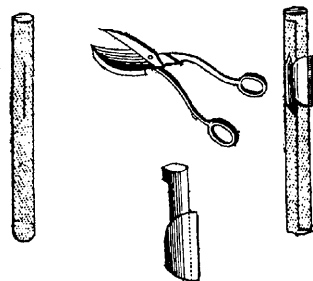
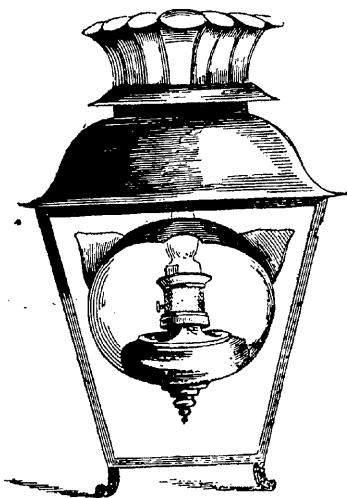
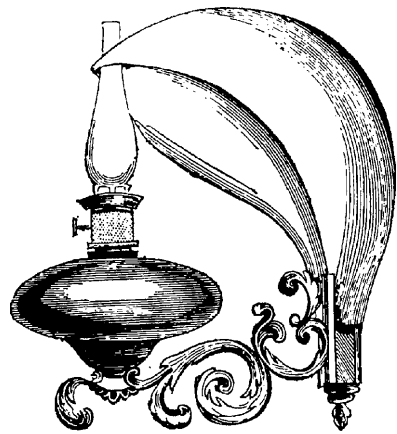
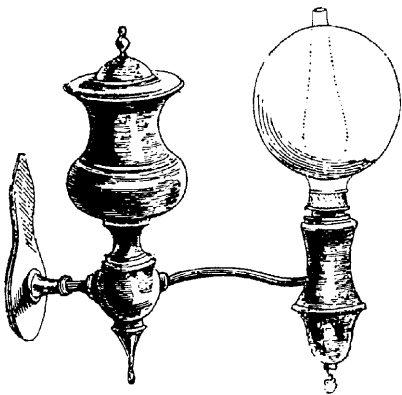
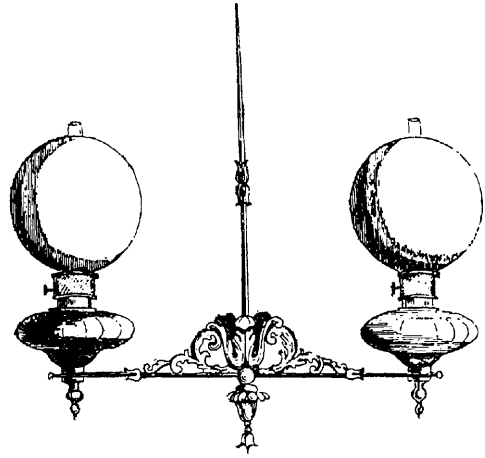
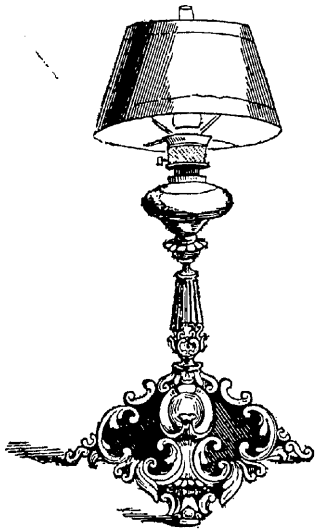
лежало самому композитору, его душѣ, его чувствамъ... «I Lombardi» уже разучиваются. Очень было бы желательно услышать въ этотъ же сезонъ и Іоанну д'Арки, успѣхъ кой въ Италіи превзошелъ успѣхъ I Lombardi. Съ нашимъ богатымъ персоналомъ кажется вѣтъ оперы неисполненной.

— Музыка лѣтняя у насъ въ этомъ году рѣшительно смѣняется оперою, какъ смѣняется ча-

совые. Оркестръ Гунгля смолкнетъ въ Павловскѣ 30 сентября; а сегодня начнутся итальянскіе спектакли. Намъ письменно упрекали, зачѣмъ мы, помѣстивъ портретъ Германна, не помѣстили портретъ Гунгля; зачѣмъ, отдавъ от-

оркестръ, понравится ли вамъ наше сужденіе? Или уже ежедневникъ непремѣнно долженъ хвалить все, что хвалятъ другіе? А если у насъ и на эту садовую музыку есть свои собственные воззрѣнія? Эта садовая музыка родилась

струменты слышать раздѣльно. И здѣсь вы можете инструментовку и самому исполненію сообщить изящество, или богатство, или чудовищность, смотря по тому, съ какимъ вкусомъ и съ какимъ знаніемъ приметесь за дѣло. У Штрауса

четь объ оркестрѣ Германна, ничего не сказали объ оркестрѣ Гунгля. Исполняемъ желаніе нашихъ корреспондентовъ, прилагаемъ портретъ г. Гунгля. Что же касается до его оркестра, то для насъ это предметъ слишкомъ щекотливый. Если намъ что либо не понравится въ этомъ

съ Штраусомъ и теперь распространилась повсемѣстно. Это не есть чисто-балльная музыка, нѣтъ, это садовая, воздушная музыка; инструментовка у нея другая; скрипичные пассажи иногда отбѣляются, иногда сплона дублируются духовыми; иначе, нерѣдко вы будете струнные ин-

и Лангера превосходно угаданы, такъ-сказать, пропорціи инструментовки. Имѣя, или разумѣя, къ нимъ ключъ, любую вещь можете инструментовать согласно съ правилами воздушной акустики; не одинъ вальсъ принадлежитъ къ области садовой музыки; овъ тутъ первенствуетъ не по приложе-

нию своему къ тапцамъ, а по темпу, въ которомъ наиболее легкости, воздушности; пьсы въ три четверти и въ шесть осмыхъ всего лучше для исполненія на открытомъ воздухѣ; самыя выгодныя для этого рода движенія — *Andante* и *Allegro*. тогда какъ *adagio* и *presto*, одно утомляетъ, другое слышится въ желтый гулъ. Инструментовка, если успева не ловко мѣдными инструментами, а еще хуже того, свистками, побрѣжками и тому подобными антимузыкальными фокусамъ, дѣлается рѣзкою, неравномерною, назойливою для образованнаго слуха... Это крикъ, а не музыка... Въ исполненіи у скрипки для игры на воздухѣ— особые приемы, составляющіе тайну тонкаго музыкальнаго чувства; олушвлеліе скрипача не заключается въ томъ, чтобы онъ безпрестанно открывалъ смычокъ, пзвкая изъ инструмента псалмезные звуки; нѣтъ, но чтобы въ главныхъ воздушныхъ движеніяхъ смычковъ дышала нѣга, игривость, шутка — и чтобы все было такъ легко, воздушно, какъ будто оркестръ на облакахъ... Зачѣмъ вѣтры бури, громы? Эту музыку и безъ того разыгрываютъ лѣтнія грозы. Саловая музыка должна соответствовать чистому небесному своду, душистымъ цвѣтамъ, ароматному воздуху, роскошной зелени и вашей душѣ...

— Наконецъ и Павловскъ шумѣть, а тамъ лѣто стоитъ, какъ извѣстно, гораздо долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ загородныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Петербурга.— Всѣ принимаются за землія заватія; готовятъ оперы, къ французскимъ спектаклямъ, баламъ, маскарадамъ и проч. и проч. Предвечерья, *avant-soirées*, проваются за позднимъ столомъ или въ домашней бесѣдѣ, при бласкѣ огня въ каминѣ и яркой лампы на каминѣ. Люди съ особеннымъ расположеніемъ къ холістывъ покупаютъ и мѣняютъ лампы, которыя каждый годъ сами мѣняются, въ дѣствіе различныхъ удрученій.— Мы сочили обяванію еженедѣльщика сообщить читателямъ о лампахъ, изготавленныхъ на фабрикѣ г. Рюккера въ Ригѣ. Онѣ двоякаго рода: въ однихъ горючее вещество—спиртъ, въ другихъ, такъ называемое камѣнное масло, *Camphino-el*. Эти лампы изобрѣтены весьма недавно въ Лондонѣ и въ короткое время распространились по всей Европѣ; горятъ ослѣпительно бѣлымъ яркимъ свѣтомъ; горючее вещество не падаеть никакаго запаха; отъ него не можетъ быть никакой опасности; чистить ихъ очень легко; стекла не ломаются; одиъ штофъ масла горитъ ровно 24 часа; изъ этого можно видѣть, что эти лампы и дешевле и лучше всѣхъ, донынѣ пзвѣстныхъ, и не только можно ихъ употреблять съ выгодою для комнатъ, конторъ, фабрикъ и т. п., но даже и для освѣщенія улицъ. Весьма удачный опытъ освѣщенія этихъ масломъ сдѣланъ недавно на Литейной, близъ Невскаго проспекта. Конечно, обходится съ ними надо убожичи; у нихъ особенныя свѣтланы, для свѣтланы особыя ножницы; но познакомится со всѣми этими приемами весьма легко, и мы увѣрены, что эти и терпентинныя лампы, въ короткое время распространятся во всю Россию. Розничная продажа этихъ лампъ у г. Геріо, въ магазинѣ, состоящемъ въ Михайловской улицѣ, въ домѣ Дворянскаго Собранія; въ случаѣ же значительныхъ заказовъ можно обращаться въ контору г. Руге и Кош., на Васильевскомъ Островѣ, по 2-й линии, на углу Большаго проспекта, въ домѣ Иванова, № 16.—Что касается до формы, то приложные рисунки лучше всего познакомятъ съ наружнымъ видомъ лампъ г. Рюккера. Мы слышали, что на дняхъ получена въ Петербургѣ значительная партія лампъ этого устройства.

Въ литературѣ мало новаго. Въ сентябрьской книжкѣ Библиотекки для Чтенія появилась I часть новаго романа Е. П. Ковалевскаго, подъ заглавіемъ: Петербургъ днемъ и ночью. Судить о романѣ — по началу, невозможно. Преждевременная похвала обличила бы насъ въ «пристрастіе» — а хулить, искать ошибокъ въ началѣ труда, было бы въ высочайшей степени недобросовѣстно и неприлично. Впрочемъ, мы съ удовольствіемъ слышали отзывы многихъ членовъ читающей публи-

ки, которые въ этомъ романѣ вовсе не видятъ Ларинскихъ Тайнъ, а занимательностью и разсказомъ весьма довольны.

— На дняхъ вышли пзъ печати Стихотворенія Александра Струговщикова, замѣствованныя изъ Гете и Шллера, книга первая. Всѣ эти сочиненія—переводы болѣею частью уже извѣстныхъ пзъ повременныхъ изданій, гдѣ въ разное время помѣшались; но при всемъ томъ мы перепечтали ихъ вновь съ особеннымъ удовольствіемъ, при всей нашей антипатіи къ переводамъ, потому что въ нихъ мы видѣли самого А. П. Струговщикова, поэтически передающаго мысли Гете и Шллера, не въ буквальномъ смыслѣ, а такъ сказать, въ словесномъ переложеніи. Ожидали выхода обѣданныхъ въ предисловіи второй и третьей книжекъ, и тогда уже отдавали отчетъ болѣе подробный о трудахъ автора-переводчика.

—Изъ губернскихъ извѣстій, дошедшихъ до насъ на этой недѣлѣ, мы не можемъ не передать нашимъ читателямъ одного истинно страннаго случая. 1-го Августа, въ полночь, надъ городомъ Волгскомъ взошла съ югозапада грозная туча; сперва часа два шел тихій дождь; морѣйка гремѣлъ громъ и блистали молніи; потомъ пошелъ дождь сильный съ мелкими градомъ, при бурномъ вѣтрѣ. Молнія сіяла безпрерывно, сопровождаемая сильными ударами грома. Одиъ изъ ударовъ разразился надъ каменнымъ двухэтажнымъ домомъ поручика Владиміра Безобразова. Молнія пѣла направленіе въ уголъ верхняго этажа, пролетѣла по всѣмъ комнатамъ, разбила створчатыя двери, повредила и распалила замки; далѣе спустилась подъ плштусомъ, сквозь полъ, въ нижній этажъ, гдѣ находилось семейство Г. Безобразова в прѣхавшіе гости съ прислугою, всего до 20 человекъ, пролетѣла по всѣмъ комнатамъ; никому изъ людей не причинила вреда, а повредила печи, двери, разбила маленькій кивотъ, ставный въ большомъ кивотѣ, но не тронула образа Святителя Митрофана; за кивотомъ сдѣлана щель въ капитальной стѣнѣ и вылетѣла наружу, оставя въ комнатахъ обонихъ этажей густой сѣрый запахъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

..... ОЙ.

Прости меня, когда въ мечтахъ, порою,
Я о любви съ тобою говорю.
Довѣрливо и счастье жизни строю
И высоко, блаженствуя, парю.
Ты не поймешь, какъ я живу мечтами,
Какъ стаскхивъ я въ страданіяхъ моихъ,
Какъ пылъ души, окропленный слезами,
Въ моей груди взмученной заихъ;
Какъ я живу, безъ дѣла, безъ раздѣла,
Какъ призраки блаженствомъ жиянъ чу,
Какъ не молю другаго я удаля...
Прости меня, прости мою мечту!
Но если ты величимъ предвѣчнымъ,
Когда нбудетъ узнаешь жизнь сполна,
И дамъ твоимъ, и тихимъ, и безпечнымъ,
Пойдетъ на встрѣчу бурная волна;
И если ты, не позавѣй отрады,
Захочешь вѣкъ свой въ счастья дожить —
Скажи же мнѣ: — какой себѣ награды
Ты стала бы у Господа просить? ...
Не избѣгай и будь вѣрна мечтанью,
Которое и я блаженствомъ чу,
И ты тогда, покорная страданью,
Поймешь меня, простишь мою мечту.

И. С. оев.

ЕЛЕГИЯ.

Поле чистое-колыбель мой,
Слезы горькія-мнѣ въ удаля лапы,
Обвѣчался я съ грустью тяжелою,
И въ приданое ваялъ себѣ нужду.
Люди добрыя, посоветуйте,
Какъ на свѣтѣ жить сиротанушкѣ,
Люди добрые мнѣ дадутъ отвѣтъ:

«Ты или, ступай, добрый молодецъ,
«Въ полѣ ратное съ саблей острою,
«Ты возьми съ собой калену стрѣлу,
«Воротися къ намъ съ славою громкою.
«Разведетъ тогда мы тебя съ леною,
«И развѣемъ въ прахъ все приданое;
«Мы сосватаемъ съ свѣтлой радостію,
«Мы въ приданое принесемъ тебѣ
«Камни цѣнные, чисто золото.

Я вручилъ себя волѣ Божіей,
Оградилъ себя крестнымъ знаменемъ,
И пустился я къ полю ратному,
Чтобъ разить враговъ за отечество.
Взялъ въ подруги я саблю острою,
Вѣрный другъ мой былъ калена стрѣла.
Но не ждите вы, люди добрые,
Съ славою громкою съ поля ратнаго,
Сиротанушки горемычнаго.
Разведутъ съ женою опостылою,
Пуля вражій, — рана смертная,
И развѣютъ въ прахъ все приданое
Вѣтры буйныя на чужой землѣ.
Мнѣ не подобны камни цѣнные,
Мнѣ останется ния война.
Мнѣ не надобно ния золото,
Мнѣ дадутъ тогда гореть сырой землѣ,
И не грамота, не высокій санъ,
Остивъ мшия деревнянній крестъ.
А за подникъ богатыескіе
Мнѣ поставитъ медъ камень съ надписью.
Былъ безъ роду онъ и безъ племени,
Не знавалъ отца онъ ни матери,
На войну пошелъ за отечество,
И сраженъ былъ тамъ пулей вражескою.

Викторъ Б.....мнѣ

АНЕКДОТЫ.

I.

Во время сѣверо-американской войны, одиъ Американецъ замѣтилъ, что шесть человекъ Англичанъ отстали отъ корпуса, бросаясь на нихъ, двухъ ранилъ, остальныхъ обезоружилъ и привелъ всѣхъ къ Вашингтону. Генералъ, удивленный подвигомъ, спросилъ какъ могъ онъ одиъ взять въ плѣнъ шестерыхъ? Американецъ и самъ не понималъ, какъ совершилъ онъ этотъ подвигъ; но считая обязанностью предать удовольствительное объясненіе, отвѣчалъ: какъ только я ихъ увидѣлъ, я тотчасъ стааъ ихъ преслѣдовать, окружилъ и принудилъ къ сдачѣ.

II.

Въ одномъ французскомъ городѣ, приказный стааъ приволакаваться за дочерью купца, и весьма успешно! Дѣвушка, кромѣ богатства, снабжена была красотой, почему и имѣла немало обожателей. Одиъ изъ нихъ, военный, взялъ устройши общаго соперника. Осторожнѣе, — говорилъ ему другіе, — эта чернышья и черная душа найдеть средство запутать васъ въ какую нбудь судебную исторію... Э, я съ нимъ по военному, останеть; вотъ посмотрите... Герой подошелъ къ приказному...

— Милостивый государь! сказааъ онъ.
— Что вамъ угодно?
— Ретируетесь...
— Откуда и куда?
— Отъ молодой дѣвушки къ старымъ бабамъ.
Эта невѣста не по васъ.
— Это вамъ такъ кажется; а ей и мнѣ, намъ кажется, что мы какъ разъ пара.
— Я изъ вашей головы сдѣлаю пару полковника! Слышите?
— Слышу, и общаю отстрѣлить вашу голову съ усамъ и бакенбардами.
— Вамъ извѣстныя правила чести?
— Я очень хорошо знаю законы...
— Не о законахъ дѣло, а о правилахъ! Понимаете ли? Вы должны со мной драться...
— Съ удовольствіемъ! Хотя сейчасъ...
— И сейчасъ такъ! Пожаайте!
— Милости просимъ.
Помли. На дорогѣ, приказный сказааъ.
— Я не хочу вамъ уступить невѣсты ни за что...
— А я и того мѣвѣ...

— Слѣдственно, мы должны сражаться на смерть?
 — Совѣтъ на смерть...
 — Слѣдственно на пистолетахъ.
 Герой задумался. Приказный продолжалъ:
 — Пистолеты у меня есть. Я зайду за ппп...
 — Зайдемъ вмѣстѣ... Вы хотите уйти отъ меня...
 — Смотрите! Чтобы вы не ушли отъ меня.
 Это разсердило героя. Приказный умѣлъ больше и больше раздражать его, такъ, что когда они были уже на луку, герой былъ внѣ себя, выстрѣлилъ и убилъ праказнаго на повалъ. Умрелъ, приказный выстрѣлилъ уже въ бѣгушаго. Герой испугался своей побѣды, добывъ на стапци лошадей и скрылся...
 Не прошло и двухъ недѣль, герой въ другомъ городѣ встрѣтилъ знакомаго...
 — Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ послѣдній.
 — Скрываюсь!
 — Отъ кого?
 — Отъ преслѣдовавшей полиціи.
 — Что же вы сдѣлали?
 — Я убилъ на дуэли приказнаго въ нашемъ городѣ.
 — Кого же это? Кажется, у насъ нѣкого не хоронили во все это время.
 — А приказный?.. Герой назвалъ соперника.
 — Онъ женился на дочерѣ купца, за которой, кажется, и вы ухаживали.
 — Онъ? Онъ женился? Послѣ смерти?..
 — Нѣтъ! Не думаю! Онъ совсѣмъ здоровъ! Никогда не умрѣлъ!..
 — Бездѣльникъ!
 — За что?
 — Онъ притворился... Онъ... Но я ему не прощу этого...
 — Я догадываюсь въ чемъ дѣло. Но советую оставить вашу мѣсть. Во-первыхъ, поздно. Во-вторыхъ... васъ же подымутъ на смѣхъ. Но могу вамъ сказать, вы напишите лучше къ начальству, сочините исторію, и оставитесь здѣсь или гдѣ угодно... А съ приказнымъ, что за дуэль! Онъ опять заставитъ васъ спасаться бѣгствомъ отъ призвана преступленія...
 Герой принялъ советъ.

III.

Во Франціи, въ старинныя времена, одинъ важный сановникъ обогатился слишкомъ быстро; это возбудило подозрѣнія; его оставили. «Глупо! сказалъ онъ: со всемъ не во время! оставили въ ту минуту, когда я устроилъ окончательно собственный дѣла и хотѣлъ завязаться государственными... Не рассчитали!»

IV.

Въ одномъ обществѣ разговаривали о метапсахорѣ. Одинъ богатъ, недальнаго ума, рѣшился и съ своей стороны пошутить и сказалъ: О! очень хорошо помню, что я былъ прежде золотой телецъ... «Это видно и теперь» замѣтили ему, «никакой переѣмъ, только позолота сдѣла...»

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Итальянскій Театръ. Наконецъ всѣ артисты итальянской труппы съѣхались. Г-жа Кастелланъ, г-жа Визъ, г. Сальва, г. Ровере прибыли наканунѣ и Г-жа Вярдо Гарсія прѣѣхала 26-го сего сентября. Спектакли откроются сегодня оперой: Анда ли Шауньи.

Русскій Театръ. На будущей недѣль дана будетъ новая комедія сочиненія Р. М. Зотова, въ стихахъ и пяти актахъ подъ заглавіемъ «Еще школа мужей!»
 Французскій Театръ. Ничего новаго ожидаютъ прибытія г-жи Писси (Г-жи Ариу).
 Нѣмецкій Театръ. На будущей недѣль назначенъ бенефисъ любимаго нѣмецкаго актера г. Мора.
 Г. Александръ Гверра изъ Рима съ своею итальянскою труппою перѣѣзжаетъ на всю зиму въ нашу столицу. Послѣднія представленія г. Гверры были въ Стокгольмѣ. Труппа состоитъ изъ 26 артистовъ и 16 артистокъ, въ этомъ числѣ г. Вердье, знаменитый тѣлодь, г. и г-жа Дююсъ изъ Лондона. Труппа имѣетъ сорокъ шесть лошадей и располагаетъ устроить на площади Большаго Театра для своихъ представлений особый циркъ.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

—
—
— стѣно.

Въ собраніи корваллскаго клуба, президентъ сообщилъ слѣдующій опытъ, примененный въ первый разъ къ дѣлу Фурнеемъ (Gunney), и отъ того получившій названіе Фурнеизма. Если поле, засѣянное травой, слегка покрыто соломой, межками древесными вѣтвями, зелеными или сухими, то трава растетъ тогда съ необыкновенною силою. Президентъ подтвердилъ справедливость этого указанія. Въ началѣ мая, онъ приказалъ слегка покрыть травное поле величійною въ 3 акра (2667 квадрат. сажень) длиною соломой, которой пошло 80 фунтовъ на акръ (6 пудовъ на десятину). Черезъ пять недѣль, получено съ этого поля 3,000 фунтовъ свѣжаго корма болѣе, чѣмъ съ другаго поля, такой же величійны, но не покрытаго соломой. По сплитіи соломы, на траву пушено было 115 барановъ, а черезъ недѣлю еще 26 воловъ. По стравленіи травы скотомъ, ту же соломю снова набросали на поле, и, чрезъ 2 недѣли, опять показалась спяльная трава. Тотчасъ послѣ сѣянія соломы, бараны, какъ казалось, предпочитали ту траву, которая не подвергалась этому дѣйствію: но они охотно ѣли ее, когда она лежала сутки на воздухѣ и на солнцѣ. Президентъ присовокупилъ, что онъ такимъ образомъ велѣлъ покрывать пространство въ 24 акра (9 десятинъ), которое дастъ ему обильный снопокъ, между тѣмъ какъ у сосѣдей его недостатокъ въ травѣ.

ПЕРЕПИСКА.

О. И. С. Въ огородѣ бузина,
 А въ Кіевѣ дялько.
 Тѣмъ я тебя полюбилъ,
 Что на руцѣ перестыль...
 За такую логику, ни вы ни мы не должны сердиться.
 А. М. Ф. Есть на свѣтѣ презабавныя стихи, которыхъ, однако же, нельзя печатать, по тѣмъ же поводамъ, по которымъ не допущено ни въ одну хрестоматію посланіе солдата къ подругѣ въ 1812 году изъ арміи и которое гласитъ тако:
 Любезная Наталія,
 Была у васъ баталія.
 Фельдмаршалъ Кутузовъ
 Разбилъ совсѣмъ Французовъ.
 Маршала Даву
 Заставилъ плакать какъ вдову.
 Разбилъ Маршала Ней,
 Затѣмъ что онъ его умѣе.
 Не прѣвѣдъ ли, эти стихи пѣютъ большое сходство съ тѣми, о которыхъ мы съ вами теперь думаемъ...
 О. П. С. — в. Сколько у васъ подписей? Мы ужъ видѣли въ печати и другія. И къ чему скрываться? Грѣхъ хранить въ тайнѣ такой талантъ! — Какіхъ не вымышленія дружанъ,
 Чтобъ мужу бумъ умудряться,
 Не можно вѣтъ носить личинъ... .

У. Ваши загадки, какъ видите, помѣщены объ. Просимъ продолженія.
 Н. Н. Возмогу ли ты левіаона
 На удѣ вытѣщати на брегъ?
 В. Б. — ну Ваше «Вдохновеніе» — обѣщаетъ вдохновеніе. Радуюсь, что въ 14 лѣтъ вы уже пишете правильные стихи, хорошіе русскіе языкомъ. Трудъ очищаетъ работу и обогащаетъ магазинъ матеріаловъ для произведеній искусства. Въ этомъ только отношеніи искусство имѣетъ пріятное общее съ ремесломъ.
 Г. С. — в. и О. П. Поздравляемъ съ прѣѣздомъ... Вотъ видите, вы уже теряли бодрость, чувствовали усталость, и вдругъ оживились. Безъ головы — всегда плохо.
 Г. Р. м. и. п. к. в. у. : полученную отъ васъ повѣсть: Похожденія Хавроньина, требуетъ иллюстраціи, почему и помѣщеніе ея можетъ весьма замедлиться.
 Р. К. — ой. Красота — рекомендательное письмо, которымъ природа снабжаетъ любимца. — Умъ — наличныя деньги на расходы въ этой жизни. Рекомендательныя письма встрѣчаютъ иногда неудачи; деньги — никогда.
 Въ Редакцію: за 24-й номеръ, въ знакъ личной моей признательности, препровождаю моего Барона. А. Пальмъ.
 А. И. Пальму. За Барона приносимъ, пока, личную нашу признательность, которую положительнѣе засвидѣтельствуемъ въ 26 номерѣ.
 О. Н. М. Одинъ спекуляторъ, узнавъ о неудачѣ, разрушившей всѣ его надежды, сказалъ: Это ужасное для меня несчастіе! Я могъ сдѣлаться миллионеромъ и честнымъ человекомъ... Всѣ спекуляторы думаютъ также; по увы! у нихъ есть и капиталы, и деревни, а честности никакъ нажить не могутъ.
 Г. Г. — в. у. За что вы насъ огорчили? Ваша прекрасная статья не можетъ помѣститься въ Иллюстраціи; а право, можно бы сократить!

Г. Г. Н. О. — А. С. — *** Л. в. к. у. — Б. — ну и А. — в. у. — Всѣ несчастныя ваши ошибки, опечатки, промахи, и того хуже, ажи — важи бы слѣдовало, мил. государи, послать прямо къ тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ. Что съ ними дѣлать Иллюстраціи?! Извините... намъ до чужахъ грѣховъ нѣтъ дѣла...
 Г. И. — Нѣтъ!
 Г. И. — ну. Да!

ОДЕОНЪ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

	СЕРЕБ. Р. К.
Deux nouvelles Compositions sur l'opéra «Rouslan et Ludmila» N 1 Marche des Tscherkesses par Fr. Liszt.	
» 2 Caprice	цѣна 2 86
Thalberg Fantésie sur l'opéra «Der Freyschütz» op 57 N 2.	1 15
Willmers. R. Nocturne metodique op 12	— 57
» » Sehnsucht an Meer; Musikasches Tongemälde op. 8	— 86
Willmers. R. Körners Schlacht-Gebeet übertragen und varürt	— 57
» » grandes Variations sur la Marche des «Puritains» op. 10	1 70
» » grande Fantaisie sur la Melancolie de Fr. Prume op 9	2 15
НОВЫЕ ТАНЦЫ:	
Abramowicz. Polonaise sur l'opéra Lucia di Lamermoor.	— 60
» Кавалерійская рысь (Trot de cavallerie)	— 50

Kázynski. Petersburger Polka) nouvelle
 » Amata »)
 » Marien ») édition — 40
 Liadoff. 2 Contredanses francaises N 1
 Adrienne)
 N 2 Djolma) Chaque à — 60
 Liadoff. 2 «Rigolette» Galop — 50
 Strauss. Tänze Odeon op. 172 — 75

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

М. Д. ОЛЬХИНА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ
 Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Забѣтнава, и въ
 Гостиномъ Дворѣ, по суконной линіи, подл. № 13-мъ,
 въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Митлевова.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

Новое (компактное) изданіе

Съ портретомъ автора и двумя картинами, гравирован-
 ными на стали въ Лондонѣ, одинъ томъ, въ большую
 8-ю л. л., на лучшей веленевой бумагѣ. Спб., 1845 г.
 Цѣна 5 р. сер., вѣс. за 4 ф.

ВЪЧНЫЙ ЖИДЬ.

ПАРОДІЯ.

Въ десяти частяхъ. Съ 250 рисунками. Часть первая.
 Спб., 1845 г. На лучшей веленевой бумагѣ, изданіе М.
 Д. Ольхина. Цѣна 30 к. сер., вѣс. за 1 ф.

ЗАПИСКИ ДЮКА

Лирійскаго и Бервикскаго, во время пребыванія его
 при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ въ званіи по-
 сла Короля Испанскаго 1727—1730 г. переводъ съ
 франц. Д. Н. Языкова. Спб. 1845 г., цѣна 1 р. 30 к.
 вѣс. за 1 ф.

ТАБЛИЦЫ

ЛОГАРИТМОВЪ

Вронскаго. Спб., 1845 г. въ 8-ю л. л. Цѣна 1 р. 50 к.
 сер., вѣс. за 1 ф.

СОБРАНІЕ АНЕКДОТОВЪ,

ПОВѢСТЕЙ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ,
 извлеченныхъ изъ периодическихъ изданій.

Въ четырехъ выпускахъ. Москва, 1845. Въ 8 л. л. Ц.
 3 руб. сер., съ перес. 3 р. 30 коп. сер.

=

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ПОДЪ ФІРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМІРДИНЪ.

На Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ
 Энгельгардта.

ТРЕТІЙ ТОМЪ

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

изданный А. Ф. Смирдинымъ.

Съ десятью гравированными на стали въ Лондонѣ
 портретами и картинками. Спб., 1845 г. въ 8-ю л. л.
 Ц. 7 р. 15 к. с., вѣс. за 5 ф. — Тоже томы 1 и 2-й цѣна
 каждому отдѣльно 7 р. 15 к. с., вѣс. за 5 ф.

**РУКОВОДСТВО
 КО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.**

Соч. Др. Фридриха Лоренца, часть 1-я, изданіе вто-
 рое. Спб., 1845 г. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. за 3 ф.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

ВЫБРАННАЯ

ИЗЪ ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВѢТА

Анною Зонтагъ.

2 части. Изданіе четвертое. Спб., 1845 г. Ц. 2 р., вѣс.
 за 3 ф.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ.

Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающи-
 ми сцены изъ его жизни (картинки рисованы г. Ати-
 нымъ), литографированы во французской литографіи
 Поля Петт. Спб., 1845 г. въ 12 д. Ц. 1 руб. сер., вѣс.
 за 1 ф.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго
 рода

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, об-
 вертокъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

=

Типографія находится по Итальянской улицѣ, про-
 тиву Михайловскаго манежа, въ домѣ подручника
 Алексеева.

ИГРЫ.

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 24.

Бѣлые.

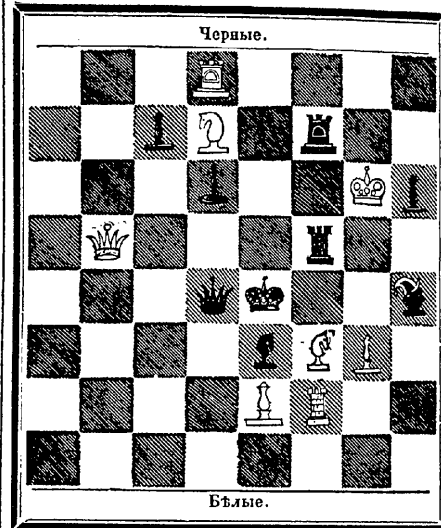
Черные.

- 1) Король на 2 м. К. св. Приужденные ходы.
- 2) Л. на 2 м. Кор.
- 3) Сл. на 1 м. К. Кор.
- 4) Л. на 3 м. Кор.
- 5) Л. на 5 м. Кор. и матъ.

=

ЗАДАЧА № 25.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ четыре хода.

Бѣлые.

=

РАЗГАДКА № 24.

- 1) Лиди, бѣсъ, покой, лъз на земаѣ, о, жись, нить, лень, ной за бивають, о, жись, ни въ вѣчности.
- 2) Люди, беспокояся о жизни тѣлѣнной, забываютъ о жизни въ вѣчности.

=

ЗАГАДКА № 25.

НЕБ- Т 100 ЛЬ

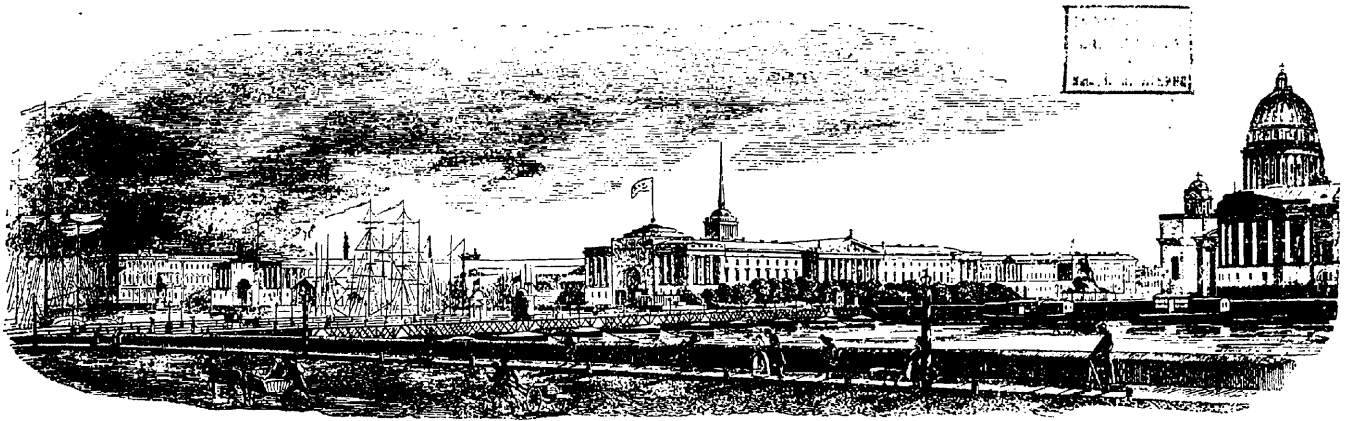
МѢ ВАТЪ БЪЛИЖНЪЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Отъ редакціи, о новой подпискѣ на Иллюстрацію. 2) Маменька, рассказъ И. Метелина. 3) Паргаловскія Тайны, (продолженіе) П. Ф.-ина. 4) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 5) Закладъ, романъ, (окончаніе) Ив. Коинеса. 6) Еженедѣльничекъ. 7) Стихотворенія: ...ой, С-ва. Элегія, Виктора Б...ина. 8) Анекдоты. 9) Театральныя вѣстники. 10) Памятная книжка: Сѣно. 11) Переписка. 12) Объявленія. 13) Игры.

ГРАВЮРЫ: 1) Видъ Гельсингфорса. 2) Гельсингфорская церковь. 3) Видъ Гельсингфорса. 4) Видъ Або. 5) Ломовой. 6) Видъ Гекфорскаго волопада. 7) Портретъ Либиха. 8) Видъ Химическаго Института въ Гессенѣ. 9) Внутренность того же Института. 10) Портретъ композитора Верди. 11) Портретъ капельмейстера І. Гудгя. 12) Лампы (8 грав.). 13) Загадка. Всего 20 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 26. — Суббота, 6 Октября 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

БАРОНЪ.

Въ началѣ сентября, когда еще Петербургъ видалъ пѣрѣдка, сквозь слезы улыбающіеся, свѣтлые дни; когда въ свѣромъ воздухѣ носился какал-то влага и тяжело ложится на грудь — тогда въ Петербургѣ все чихаютъ отъ страшнаго насморка, и все кашляютъ отъ простуды. — Впрочемъ, къ этому пародному бѣдствію чрезвычайно привыкли обыватели Петербурга; оно даже служитъ пѣкоторымъ развлеченіемъ и игривымъ предметомъ для разговоровъ о здоровьѣ и погодѣ.

Въ эту сѣренную пору, одинъ день, не упомяну числа, — совершенно ничѣмъ не отличался отъ своихъ нахмурившихся братьевъ: густыя тучи бродили по суконному небу; рѣдкія капли воды падали не извѣстно откуда и иногда очень узачно шутли надъ гуляющимъ пароломъ, попадаю, наприимѣръ, какому нибудь почтенному человѣку на самый кончикъ носа.

Понутру, часу въ 8-мъ или 9-мъ, молодой человѣкъ, плотно завернувшись въ сѣрую шинель съ мокрыми бровками воротничкомъ, шелъ по Третьей улицѣ. — Надобно вамъ сказать, что это было въ той части города, гдѣ улицы называются по нумерамъ, какъ будто это сборище хилыхъ ломоковъ не стоило даже и труда додумать о приличномъ названіи улицъ, а просто сказано шиню, которая пѣзъ васъ первая? — Я. — Ну, ты и зовешь первую улицей, — ты вторюю, а ты третью и т. д. — Слышите-ли?! — Слушаемъ-съ. — То-то, смотрите-же!.. Вотъ историческое происхожденіе названія этихъ улицъ.

И такъ, по Третьей улицѣ шелъ молодой человѣкъ очень грустно. Тротуары деревянные и прескверные чрезвычайно-хитро покоробились; между тротуарами лежало грязное пространство, называемое улицей; и правда, пѣзъ этой грязи кое-гдѣ торчали булыжники, какъ бы попоминья, что и тутъ можетъ существовать мостовая. По сторонамъ Третьей улицы уныло стояли ветхія домишки, уставшіе жить на бѣломъ свѣтѣ и, вѣроятно, по этой причинѣ прилегшіе, какъ говорится, на боковую; передъ этими домами находились прекрасныя палисадинки, огражденныя голубыми деревянными рѣшетками. Въ палисадинкахъ пожелѣлыя березы грустно вызывались надъ какими-то неизвестными, но очень толстыми кустами. Желтый листъ, качаясь, обрывается съ вѣтки и летитъ по улицѣ. Эти грустные виды, можетъ быть, были причиною тоски знакомаго вамъ молодого человѣка, а можетъ быть, и то, что онъ идетъ на службу, а вчера былъ на балѣ; танцевалъ, болочился немалюко, хорошо поужиналъ, не успѣлъ выспаться какъ

спѣдуетъ и уже спѣшить на службу. — Дѣйствительно, положеніе самое невыгодное! — А главное вотъ что: вчера, онъ былъ самымъ порядочнымъ человѣкомъ; перчатки бѣлые сѣтга, сапоги лакированные, лицо улыбающееся; — охвативъ стаянъ — такой стройный, такой гибкій... возьмешь ручку такую крошечную, тепленькую... Песенка въ вальсѣ... а теперь что?.. А, плохо жить на свѣтѣ!

Странно, въ самомъ дѣлѣ, покажется, какъ это, человѣкъ, нѣсколько часовъ тому назадъ ловко скользящій по паркету, теперь натется шибкомъ въ какомъ-то захоластѣть!..

Что онъ, бѣденъ? — Не совѣтъ. Онъ молодой, а старики, его родственники, хоромъ твердятъ: служи, три лягу, терпи, все испытай; мы въ свои годы также тинули и еще поинше; — теперь вамъ баловство противу прежіяго! А онъ молодой, ему хочется и того, и другаго... мало-ли чего иногда захочется молодому человѣку! — Опъ — Баронъ, немного балованный въ дѣтствѣ, и теперь счастливо начавшій службу, хотя все это счастье было не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Связи и знакомства съ цѣлѣть самія блестящія, самія избранныя; — о долгахъ своихъ онъ не думаетъ, потому что ему все вѣрять, видя въ немъ богатаго наследника лядошкпныхъ сундуковъ. Какъ видите, положеніе его вовсе не такъ дурно, какъ кажется. А ему грустно, тяжело... Таскается всякій день на службу, волочинъ молодую жизньъ безъ цѣльно, безъ тревожно!.. Такъ за этимъ только дѣло стаю? — Помилуйте, цѣль? — Цѣль, — службъ, вотъ тебѣ цѣль. — Да эта цѣль ладека; — мелочнымъ честолюбіемъ, слава Богу, еще не заразилась душа молодого человѣка; истиннаго благороднаго честолюбія онъ еще хорошевыко-то и не понималъ. — Что жъ ему дѣлать? — Гдѣ взять эту цѣль, хватающую за самое сердце? — Ну, онъ влюбился, началъ влочиться... А, вотъ, вотъ именно то, чего ему хотѣлось! — Тутъ онъ все можетъ найтти: и цѣль, и тревоги, и радости, и мученія... Нѣтъ, это не то... и ничего не нашелъ онъ въ этой любви, кромѣ скуднѣе, лучащество... Да, это ему послужило къ тому только, что онъ привыкъ, пріучился гораздо хладнокровнѣе смотрѣть на балныхъ красавицъ. Это равнодушіе къ предмету, кажется, далекому отъ существенной жизни, пмѣло, однако же, вліяніе на всѣ стороны дѣятельности молодого Барона; онъ сталъ лѣннѣе, безснечнѣе, а въ гостинныхъ многіе стали подсмѣиваться надъ нимъ, какъ надъ разочарованнымъ юношей. Это ему было досадно до крайности и, отчасти, озлобило противъ общества. Рѣже и рѣже Баронъ сталъ появляться въ свѣтѣ. Конечно, свѣтъ и

не замѣтилъ, что Барона не видно въ толпѣ паркетныхъ рыдарей. Это еще болѣе избѣгло неопытнаго молодого человѣка. Онъ совершенно переселился въ другой міръ. Къ занятіямъ дѣльнымъ онъ не чувствовалъ большой охоты; а потому онъ сталъ проводить долгіе вечера въ приятельскомъ кружкѣ своихъ товарищей. Разумѣется, людячъ, сходящ.мелъ вѣсѣтъ каждый день, наконецъ не о чемъ будетъ говорить, и необходимо прискать занятіе. Это занятіе было карты. Баронъ увлекался, пристрастился къ игрѣ, и — проигрывалъ, не большія суммы, но все-таки, взявъ въ соображеніе годовую доходъ Барона, порядочныя деньги.

Товарищи очень пріятно трунили надъ несчастіемъ милого Барончика, — такъ они называли его, — и все-таки клали въ свои бузнашки его деньги.

Насмѣшки сдѣлали Барона упрямымъ; онъ хотѣлъ покорить себѣ счастье, и усиливалъ игру, и проигрывалъ больше.

Вчера онъ, по необходимому приличію, былъ на балѣ у теткы своей. Ему такъ было очень неловко; но онъ танцевалъ, сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ предмету заботы любви своей... чуть-чуть было опять не влюбился; но за ужинкомъ успѣлъ забыть уже эту глупость, и пригласилъ кое-кого пѣзъ молодежи къ себѣ на вечеръ сегодня.

Теперь вы знаете Барона; знаете, почему такъ дурно было ему въ то утро, какъ мы съ нимъ встрѣтились.

Баронъ шелъ закутавшись, какъ можно плотнѣе въ шинель и спрятавъ все лицо въ бровный воротничокъ, такъ что видны были только одніе нахмуренныя брови. Поравнившись съ однимъ ломкомъ, освѣщеннымъ вѣтвями березы, Баронъ выпрямился, открылъ все милостивое молодое лицо свое и пристально глядѣлъ на низенькія окна.

Въ одномъ окнѣ слегка заколебалась бѣлая стора и мелькнула хорошенькая головка. Несмотря на то, что эта чернокудрявая головка была въ совершенномъ беспорядкѣ, не причесана и даже не покрыта сѣпмомъ или платочкомъ, — Баронъ глядѣлъ на нее весьма пристально. Дѣвушка глядѣла то на Барона, то на стору, то на небо; вышло было, что она не знала, куда глядѣть; наконецъ, улыбувшись, очень мало, она поправила на груди бѣленькую косынку, снннкомъ свободно распахнувшуюся, и улыбувшись еще милѣе, она быстро скрылась за стору.

Баронъ прикусилъ свой сѣдъ пробившія усь и пошелъ дальше, опять закутавшись въ шинель.

Суда по пѣкоторымъ довольно-ленивымъ признакамъ, можно съ достовѣрностью заключить, что

Барон уже не в первый раз ходит мимо этого домика и видит эту хорошенькую головку; но что намь до этого? — Посмотреть, что будет дальше. — Начало есть.

II.

Баронъ жилъ въ одномъ огромномъ домѣ, въ 5-мъ этажѣ, то есть, не то, чтобы очень высоко, да и не совсѣмъ низко. — Въ живущемъ въ этомъ домѣ смотрѣли на Барона съ нѣкоторымъ уваженіемъ; онъ вовсе не зналъ его, не зналъ, богатъ ли онъ, бѣденъ ли; но думалъ, что Баронъ и богатъ, и знатенъ, и очень добръ; а думалъ такъ онъ вотъ почему: Леонтій, человѣкъ Барона, не разъ былъ допрашиваемъ на крыльцѣ и въ лавочкѣ о свойствахъ и поведеніи его барина. Леонтій былъ человѣкъ, чрезвычайно тонко пошмавший всю галантерейность обращенія и, разумеется, одаренъ барина своего всѣмъ щедротами фортуны и всѣмъ качествами добродѣтели; онъ смѣялся, что по барину и лакею почетъ. — Да-съ, душенька, — говорилъ Леонтій одной горничной, чрезвычайно глупой и чрезвычайно любопытной, — да-съ, этого барина не было еще, да ужъ и не будетъ! Праздникъ-ли, али масляница, — на, говорить, Леонтій, возьми 10-ть рублей, ступай куда хочешь; и въ театръ ступай; непремѣнно ступай: я люблю, чтобы мой человѣкъ былъ въ театрѣ. Скажешь, да и положишь въ руку 10-ть рублей. — На самой дворнической ногѣ! — Вотъ что-съ! — А какъ другіе-то господа придутъ, — Господи ты Боже мой! — Всѣ его такъ и уважаютъ! — Баронъ, Баронъ, Барончикъ... а онъ возьметъ, да нарочно пизъ и пропратъ 1000, али больше. — А этого у насъ ужъ никогда не бывало, чтобы безъ ужина гостей отпустить! Подай, братецъ, говоритъ, и вина всякихъ подай.

— А что же это къ вамъ, Леонтій Ефимовичъ, всякое утро приходятъ лавочки всакие, купцы? — А это — это вотъ что-съ: они придутъ, а баринъ-то имъ и заказываетъ: ты, говоритъ, то снѣдь, а ты, говоритъ, это — ну, прихвѣромъ, хотъ мушдръ, али что. — А онъ всѣ кланяется и говоритъ: не можемъ такъ спать, ваше высокородіе. Какъ не можете! — Я васъ, мошенники! — Я плачу вамъ чистыя денги, а вы что! — У! бородачи! — Посерчайте; — ну, знаете, больно добръ, сейчасъ-же и засмѣется, и молвитъ: хорошо, хорошо!

— Да зачѣмъ-же онъ имъ всякій день-то заказываетъ работу?

— Ну, такъ...

— Аль работы много?

— Ужъ извѣстно, что много!.. Еще-бы у такого барина да мало работъ!..

Леонтій сейчасъ-же вывертывался изъ неловкаго положенія, въ которое было поставила его глупая дѣвка, да сама-же и выпутала; а въ душѣ Леонтій проклиналъ всѣхъ мошенниковъ, шляющихся всякій Божій день за долгами.

Кромѣ этихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, жилецъ огромнаго дома удивлялся лично, собственными очами и ушами, въ богатствѣ, и знатности, и доброй душѣ Барона; не разъ Баронъ кидалъ серебряную монету шарманщику, не разъ онъ приѣзжалъ въ каретѣ или колескѣ; всѣ разношники знали его баронскую милость по имени и отчеству и приносили его милости самыя лучшія и дорогіе фрукты; не разъ въ квартирѣ Барона гремѣла музыка до позданей ночи, и весь домъ, выслушавшій въ окна, смотрѣлъ на расходящуюся толпу гостей; жаль, что никто не могъ видѣть въ ночной темнотѣ, что это за гости!.. Слава Барона еще-бы стала громче...

Видоватъ ли, что владѣю въ такіа мелочныя подробности; онъ, по-видимому, только такъ ничтожны, а въ сущности весьма важны по вліянію, которое производимъ на молодого человѣка.

Баронъ зналъ, что онъ предметъ любопытства и толковъ; и это подстрекало его тщеславію, разумеется, вустое, даже глупое. Всякій разумный человѣкъ назвалъ-бы нашего Барона втрѣннымъ, пустымъ, вѣбамощнымъ, глупымъ, словомъ, дурнымъ молодымъ человѣкомъ, варшуръ это слово на разныхъ манерахъ: шамганъ, повѣса, моты-

га, и т. д. до безконечности. А я такъ совсѣмъ противнаго мнѣнія о Баронѣ. Обвинить гораздо легче, чѣмъ изслѣдовать. А въ нашъ пытливый вѣкъ, мы непремѣнно все хотимъ анализировать, дойти до начала вещи, и потомъ уже произносимъ приговоръ. Благородное направленіе! Поймите всю важность его, господа, и вы полюбите людей, какъ докторъ любитъ своего пациента, какъ отецъ своего заблудшаго сына... и вы сами станете добрыѣ, лучше, чище, возвышеннѣе. Анализируйте всѣ поступки людей, и добрыѣ и злыѣ, преслѣдуйте страсти отъ самаго зарожденія ихъ и постепенно до полного развитія, и вы тогда поймете грозно-разрѣшающія бури этихъ страстей, какъ грозы и бури въ мірѣ физическомъ, и поймете, что бояться этихъ грозъ нечего, ибо вы знаете гдѣ поставить отводъ...

Напримѣръ, я вамъ скажу, что Баронъ былъ предостойный молодой человѣкъ. Что вы на меня смотрите съ изумленіемъ? Да, да, рѣдкій молодой человѣкъ! Дома онъ росъ въ прекрасномъ семействѣ; правила, внушенные ему въ дѣтствѣ, еще и до сихъ поръ живутъ въ душѣ Барона; потомъ онъ воспитывался, какъ и всѣ мы воспитывались; онъ былъ весьма замѣтнымъ мальчикомъ, и его отличали. Еще ребенокъ, онъ стоялъ уже выше толпы; природа наградила его свѣтлыми умственными способностями, и онъ учился легко, хорошо. Небалованный счастьемъ, удачами, онъ сталъ невоисторъ гордъ; высокая, истинно-благородная гордость, какъ элементъ входила въ составъ характера Барона; эту гордость онъ наследовалъ съ кровью отъ отца; но эта гордость — добродѣтель переродилась въ мелочную надменность; отсюда произошли самоуверенность и тщеславіе... Что же всему виной? Элементы, составляющие характеръ Барона, самыя благіе, самыя чистыя. Что же ихъ испортило? Видите-ли что: ничего не совершивъ, Баронъ сталъ требователемъ; онъ позволялъ себѣ все, другимъ — ничего. Наставники его, ослѣпленные сначала блестящими способностями ребенка, стали видѣть въ немъ все — прекраснымъ; дерзости его были очень малы, капризы — такъ дѣтскіе-невыпны. Между наставниками Барона было человѣка два смотрѣвшихъ на него прямыми глазами; но эти люди, дѣйствуя отдѣльно вопреки общему мнѣнію, только озлобили противъ себя пылкаго мальчика: вотъ что испортило характеръ Барона. Была и другая причина: Баронъ былъ слабъ характеромъ; онъ былъ мягокъ, выдохъ, способенъ легко увлечься. Вотъ, нашъ Баронъ вступилъ въ свѣтъ, и, какъ водится, сталъ львелькомъ рестораторовъ и Невскаго проспекта. Въ душѣ егѣ кипѣло много, но кипѣло такъ тепло, такъ непонятно, что Баронъ старался заглушить это кипѣніе... Ни къ какому положительному труду не тянулъ Барона, больше потому, что онъ не привыкъ трудиться и въ грудь его не брошено ни одного зерна, которое-бы со-временемъ могло оплодотворить эту грудь. Жажда есть, — нѣтъ зародыша, нѣтъ направленія, нѣтъ цѣли... скучное существованіе! И вотъ характеристика большей части нашихъ молодыхъ людей, отлично-ловкихъ танцоровъ, львельковъ Невскаго проспекта, мнѣтюрныхъ Доля-Жуановъ, Онѣггинныхъ, Печоринныхъ...

Три комнаты, составляющія квартиру Барона, были полны народа и табачнаго дыма; два стола были заняты играющими въ карты; остальные гости ходили, сидѣли и допивали медленно ставкавы чая.

Баронъ, сыгравъ двѣ пулски въ преферансъ, оставилъ гостей играть, а самъ взялъ подъ руку одного пожнаго человѣка, тоже сослуживца своего, который, однако жъ, былъ всѣхъ старше въ этомъ собраніи, хотя обращался со всѣми какъ съ товарищами, совершенно-равными себѣ. — Всѣ его звали Васей, хотя говорилъ ему вы. — Вася всегда носилъ весьма поношенное платье, онъ и всѣхъ просилъ денегъ на извозника; впрочемъ, былъ весьма неслухой человѣкъ, съ образованіемъ, когда-то блестящимъ, но теперь весьма поношеннымъ, какъ и платье. Вообще-же Вася могъ быть душою холостаго общества, любилъ кутнуть

при случаѣ и зналъ гибель пренотѣвшихъ анекдотовъ.

— Бесотесъ, Вася, — я васъ хочу кое-о-чѣмъ распросить, — сказалъ Баронъ.

— Что тебѣ нужно? — Поидемъ!.. отвѣчалъ Вася, съ видомъ человѣка готового на всякую услугу.

Онъ пошелъ въ дальнюю комнату, и Баронъ, взявъ подъ руку Васю, сталъ холпѣть съ нимъ пзъ угла въ уголъ, видимо избѣгая третьяго лица.

— Послушайте, Василька — вы знакомы съ Метлахинными?

— Знакомъ? А ты какъ ихъ знаешь?

— Я ихъ совсѣмъ не знаю... А вотъ, видите ли что... я хожу всякое утро мимо ихъ... Узнаю по надписи на воротахъ... вѣдь это ихъ домъ?..

— О, братъ, я знаю, знаю, къ чему ты подбрасаешься!.. Угадаешь?

— Нѣтъ, о, parole d'honneur нѣтъ, я такъ, только спросилъ...

— Ну, говори прямо; хочешь познакомиться съ ними, что-ли?

— Да...

— Изволь; за этимъ дѣло не станеть.

А вѣдь Паташа, право, милалъ...

— Я ее раза два влѣлъ въ окна, только...

— И, знаешь, такой еще ребенокъ, мшлельный, простенькій!.. При этомъ Вася сдѣлалъ самую нѣжную, какую только могъ, услугу.

— Да, я вамъ долженъ сказать откровенно...

Тутъ пріятель стали говорить чрезвычайно тихо, такъ, что нельзя было разслушать ни одного звука. Окончивъ этотъ тайный разговоръ, Баронъ сказалъ довольно громко:

— Повѣрите-ли Василька, какъ все это надѣло!.. Безъ всякаго чувства... такъ легко... отвратительно!.. И онъ опять началъ шептаться.

— Знаю; вѣрю. Но вѣдь-ли!.. Знаешь-ли, тутъ вѣдь вотъ какая штука; поиди сюда, я тебѣ расскажу.

И Вася началъ шептаться.

— О, конечно, конечно! — возразилъ Баронъ.

Вы меня, кажется, знаете, Вася! Дайте мнѣ лишь волю, волю!.. Я поступлю самостоятельно! Было бы чѣмъ жить, а жениться можно на комъ бы то ни было. Тутъ главное — любовь. Не такъ ли?.. Я ищу любви, которой нигдѣ не могъ найти...

— Такъ, конечно, такъ.

Тутъ многіе подошли къ нимъ и перервали разговоръ.

— Что вы тутъ секретничаете, дѣтки? — сказалъ одинъ юноша, бывшій всѣхъ юнѣе.

— Ахъ, ты, побери тебя чортъ... Ужъ на-смѣшила этотъ басъ!..

Басъ, былъ одинъ чрезвычайно щелушный молодой человѣкъ, говорившій всегда густымъ басомъ, вслѣдствіе чего всѣ и звали этого господина басомъ.

Басъ улыбнулся; но видно было, что онъ обиженъ, разсерженъ.

— Прощайте, господа, мнѣ пора. — Прощай, Баронъ.

— Куда ты, басъ? — Полно, оставь ужъ-нать; по-крайней-мѣрѣ прочистишь твое горлышко.

— Нѣтъ, какъ хотите; я не намѣренъ...

— Басъ, басъ, что ты? закричалъ почти всѣ. Басъ, повпнуясь общему требованію, остался.

— Ну, кто что слышалъ? спросилъ Баронъ у игравшихъ въ карты.

Подъ обшій шумъ, чей-то глухой голосъ сказалъ остроу:

— Сегодня, кажется, всѣ на баскѣ играли!.. Сказавшій это былъ довольно замѣчательный человѣкъ; его звали — Владимиръ Ивановичъ; онъ всегда говорилъ чрезвычайно остро и чрезвычайно тихо.

— Что вы сказали, Владимиръ Ивановичъ?

— Я-съ? Я сказалъ, что сегодня всѣ играли на баскѣ, — скромно произвѣсъ Владимиръ Ивановичъ.

Всѣ захохотали. Проигравшійся басъ вышель изъ себя и чуть не задумалъ бѣднаго Владиміра Ивановича, который, оправившись, тотчасъ же

сказал острогу. — Что вы сказали, Владимир Иванович?

Владимир Иванович повторил.

Все смьются; но тут выступил на сцену соперник Владимира Ивановича, острак-Немец; ну, этот был совсем в другом роде. — Вы, впрямую, знаете, что у Ньма свои особенныя остроги, чрезвычайно странныя для Русскаго человека; например, скажите Ньму: как у меня сегодня нос чешется! — Ньмец пократится со смьху, принимая слова ваши за чистую острогу. Случалось мнѣ видѣть иногда компанію Ньмцевъ. Это, просто, диво! — Смьхъ немолкаемый... Олимп скажетъ острогу, другой еще лучше, а третій еще тоньше. Хохохъ такой, что не приведи, Богъ! — «Я сегодня был на охотѣ... Пшеъ, пацъ, курапатки летятъ, а я опять — пафъ, пшеъ-ха, ха, ха... И все хохохутъ!»

— Ньтъ, а Прикмапъ идетъ сегодня по улцѣ, дождь ужасный; а онъ зонтикъ распустил, пасть такая смьшная фигура!.. Ха, ха, ха... и все хохохутъ!

Ужъ таковы, знать, народъ!

Гости поужинали, и, допивъ бутылку хереса, стали пошеюгу расходиться. Наконецъ Вася ушелъ послѣдній, выкуривъ на дорогу трубочку.

Всѣ ушли. Баронъ остался одинъ. Ньтъ, остался еще одинъ гость, скучный гость; онъ во весь вечеръ почти не говорилъ и теперь сидѣлъ, развалился въ покойномъ креслѣ, какъ будто онъ дремалъ, закрывъ глаза рукою.

— Что ты задумчивъ, другъ Сережа?

— Скучно, Баронъ.

Молчаніе.

— Какіе все веселые, славные ребята!

Гость не отвѣчалъ ни слова.

— Баронъ?

— Что скажешь?

— Скучно...

— Перестань, пожалуйста! Чего тебѣ скучать?

— Скучно; и глядя на тебя, тоже скучно...

— А что я?..

— Брось ты эту дрянь.

— Что же мнѣ дѣлать? Шляться по гостиннымъ, что-ли?

— Все же лучше. Понимаешь-ли ты, что это за люди окружаютъ тебя?..

— Отъ-того-то и не боюсь зарзветься, что сплснкомъ хорошо понимаю ихъ.

— Займись чѣмъ нибудь, — читай.

— Я читаю, когда есть свободное время.

— Свободное время... Сколько убиваешь ты свободнаго времени! — Время летитъ скоро. Который тебѣ годъ?

— Двадцать третій.

— Уже ли и до 35-го, и до 45-го ты все будешь такимъ же какъ теперь?

— Ньтъ, другъ мой, измѣнюсь, и скоро измѣнюсь. Увидишь!

— Радъ всякой перемѣнѣ. Прощай.

— Прощай.

Гость ушелъ, а Баронъ долго оставался въ раздумьѣ.

А. Пальмъ.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССИИ.

Различныя обстоятельства, пзъ которыхъ главнѣйшее было то, что мы до сихъ поръ не получили гравюръ, исполненіе которыхъ было поручено лучшимъ художникамъ по этой части въ Парижѣ, заставляя продолженіе этого отдѣла, начатаго въ 3-мъ номерѣ нашей Иллюстраціи. Мы уже говорили, что за особенное удовольствіе и за долгъ оставался себѣ знакомить нашихъ читателей съ живописнѣйшими и любознѣйшими странами бездѣрной державы, не стѣсняя себя никакимъ особеннымъ порядкомъ, а такъ, случайно, какъ Богъ пошлетъ. Теперь случай доставляетъ вамъ возможность продолжать пріятнѣйшій путь нашъ съ той самой точки, на которой

мы остановились. Пзъ Нарвы мы отправимся съ-хнмъ путемъ въ Ревель и Гапсаль, города, замѣчательные, какъ по историческому своему значенію, такъ и по мѣстоположенію.

—

ВЕЗЕНБЕРГЪ. РЕВЕЛЬ. ГАПСАЛЬ.

...Отъ Нарвы шоссе простирается не болѣе какъ верстъ на пять и, если я не ошибаюсь, то только до границы Петербургской губерніи и Эстляндіи. Какъ-то странно смотрѣть на извѣстную, не широкую песчаную дорогу, послѣ прямого, гладкаго, ровнаго шоссе, къ которому немольно привыкаешь глаза. Сначала песчаная дорога, мѣстами даже не ограниченная канавами, кажется вѣсьма ликою; вы думаете, что ящикъ сбился съ дороги и завернулъ на проселочную дорогу; въ чемъ васъ еще болѣе убѣждаютъ толчки, напоминаящіе вамъ прогулку на дрожкахъ по которой нибудь пзъ безымяныхъ улицъ Петербурга; — по малу по малу вы привыкаете къ этой перемѣнѣ и даже находите въ ней особую прелесть; — (толчки въ сторону) — при каждомъ поворотѣ дороги вамъ представляется новый видъ, пріятно разнообразный; ваши путевыя впечатлѣнія. Но вотъ вы выѣзжаете на просторную равнину... по правую руку море, темно-спиняя полосу котораго рзко отдѣляется отъ бѣловатаго горизонта; передъ вами вѣскольکو прелестныхъ массъ густой зелени, между которыми виднѣются красныя помѣшчьи дома, и выступающіе мысы въ море. Дорога проходитъ въ одномъ мѣстѣ близъ самаго скала, крутаго и столь высокаго берега, что довольно высокій лѣсъ, растущій внизу на плоской части берега, болотистой и покрытой водой во время приливовъ, кажется мелкимъ кустарникомъ.

Первая станція за Нарвой, *Вайвара*, лежитъ въ прекрасномъ мѣстѣ. Но за то далѣе начинаются болотистыя равнины, мѣстами покрытыя кустарникомъ, и простирающіяся до *будущаго* мѣстечка *Тее*. Я говорю будущаго потому, что до сихъ поръ оно мѣстечко только по названію. Отъ Тее дорога идетъ въ двѣ стороны: на Ригу и на Ревель. Мы поѣдемъ по послѣдней.

Отъ Тее начинаются безконечныя стащи. Унылое, дикое, пустынное мѣстоположеніе и шедшіи на мою бѣду проливной дождь навели на меня невыразимую тоску. Илотнѣ закутаннш въ шинель и укрывшись въ уголъ брички, я хотѣлъ спать, но — *сонъ бѣжалъ очей моихъ!* — Воспоминанія о Петербургѣ, о друзьяхъ, тамъ оставленныхъ, о... о многомъ толпились въ головѣ моей. Чтобы хоть вѣскольکو отвлечь свое вниманіе отъ неприятнаго зрѣлища, бывшаго у меня передъ глазами, я посмотрѣлъ на часы и сталъ припоминать, что теперь дѣлаютъ нѣкоторые изъ добрыхъ друзей... одинъ въ театрѣ, другіе *доббидываютъ*, третьи отлыхаютъ, четвертые за преферансомъ, пятые...

Вдругъ лошади остановились, отряхнулись... колокольчикъ задрезжалъ; лшчикъ сталъ сльзать съ козелъ. Въ то же время послышался чш-то голоса.

— У васъ есть подорожна? — спросилъ меня какой-то молодой человекъ, въ коротенькомъ сюртукѣ, съ огромнымъ прорѣхавъ подъ мышками.

Я выглянулъ пзъ брички и увидѣлъ, что мы пріѣхали. Отдавъ подорожную, я спросилъ, какъ называется эта станція.

— Гогенкрейтъ, отвѣчалъ молодой человекъ, по-видимому, помощникъ комиссара.

— Далекое сше до Везенберга? спросилъ я.

— Не далеко; а вы хотите туда?

— Непремѣнно.

— Надо будетъ заплатить на 3 верста побольше прогоны, отвѣчалъ помощникъ.

Погода немного разгулялась, по-крайней-мѣрѣ дождь пересталъ, и горизонтъ, окрапившиійся бѣдно-желтоватымъ свѣтомъ, очищался отъ сѣрыхъ тучъ.

Мы поѣхали далѣе. Было довольно прохладно, а потому я опять закутался въ шинель, забылся

въ уголъ и задумался; но въ этотъ разъ уже не объ Петербургѣ, а объ Везенбергѣ. Составляя себѣ маршрутъ, передъ выѣздомъ пзъ столицы, я рѣшился побывать въ этомъ городкѣ, лежащемъ въ трехъ или четырехъ верстахъ восторонѣ отъ большой дороги.

Везенбергъ, старинный русскій *Ракоборъ*, впрямую отъ эстонскаго названія его Раккеерре, построены въ началѣ 15-го столѣтія. Онъ скоро образовался и процвѣлъ подъ защитою сильнаго укрѣпленія, часть разваливъ котораго существуетъ и цопны; торговалъ и ремесленная промышленность возвелъ Везенбергъ на степеннѣе перестепенныхъ городовъ, п уже въ 14-мъ столѣтіи Датскій король Эрикъ VI даровалъ Везенбергскимъ гражданамъ Любеко Право. Новгородскіе нервы прорѣзали о существованіи новаго городка, п уже въ 1267 году приступили къ нему; по должны были удалиться съ урономъ. Въ 1358 году, въ войнѣ Русскихъ съ Литовскими рыцарями, Везенбергъ добровольно сдался одному пзъ доблестнѣйшихъ воеводъ Іоанна Грознаго, Кнзю Петру Ивановичу Шуйскому. Но шесть лѣтъ спустя, великій князь Іоаннъ Васильевичъ заключилъ съ королемъ Шведскимъ Эрикомъ XIV мирный трактатъ, по которому Везенбергъ со многими другими городами былъ утверждень за Россіей. Мнѣ случайно досталась копія съ этого весьма любознѣтнаго трактата, начсчтаннаго въ послѣдніе годы царствованія императора Петра I-го; вотъ небольшой отрывокъ пзъ него:

...Мнѣ Іріку королю послати на рубежъ трехъ человекъ честныхъ и добрыхъ мужей, также, и Царскаго Величества Болрина и Воеводу и Виоляскіе земли наметника Миклаіа Яковлевича Морозова, быти на рубежи трехъ человекомъ, а съ пшъ съ обѣ стороны по пятнадцать человекъ, а опрчъ того на той землѣ, ни съ одну сторону, ни которыми обмѣчаютъ болши того людемъ не быти. А тѣмъ добрымъ людемъ съхатисъ на рубежехъ съ обѣ стороны на Ливнъ день Святаго Пророка, лѣта 7075, и съхався на тотъ срокъ Крестъ цѣловати, и рубежи сыскати въ правду и раздѣхати; и рубежи учинити землѣ, и водѣ, по старымъ рубежамъ, какъ было преже того. А гдѣ пригожъ рубежи положити по рѣкамъ или по озерамъ, въ которую сторону ни доведетца, и тѣмъ головамъ рубежи по тѣмъ рѣкамъ или по озерамъ положити въ которую сторону ни доведетца, что бѣ въ перелѣ о тѣхъ рубежехъ спору не было, да и обѣимъ людемъ давати имъ управа на обѣ стороны во всякъ безовѣскіе хитрства по правому слову, по крестному цѣлованью. А мнѣ Іріку Королю Свѣтскому и Готцкому и Вендскіекому и пнымъ, и воимъ людемъ нестунатиса и не воевати Царскаго Величества вогчны въ Гестоннѣ, въ Віресонъ землѣ, города Ракобора, по нѣмецки Велзенбориха, къ Ракобору жъ и пр. и пр.

По вполнѣніи этотъ городъ опять впалъ во власть Шведовъ.

Везенбергъ, подвергаясь одной судьбѣ съ Эстоніею, претерпѣлъ неоднократныя раззоренія отъ русскыхъ войскъ, въ первые годы войны Петра Великаго съ Карломъ XII, и наконецъ, въ 1721 году, по Нейштагскому миру, остался за Россіею.

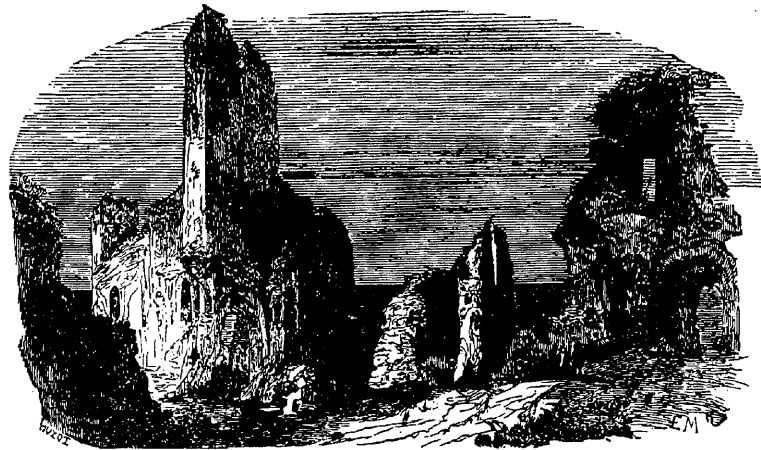
Пока я освѣжалъ въ памяти своей всѣ эти обстоятельства, смеркълся. Горизонтъ опять подернулся тучами; дождя не было, но вѣтеръ странно занывалъ; сплснновыя тучи, облегающія небо, бросали на землю холодную, темносѣрую тѣнь...

Лошади вхали все медленнѣе и медленнѣе по изловатымъ лужамъ, образовавшимся послѣ проливнаго дождя и наконецъ совсемъ остановились. Ящикъ оборотился ко мнѣ и сказалъ лошачьимъ нѣмецкимъ языкомъ, что мы пріѣхали.

Я выглянулъ изъ брички. По обѣимъ сторонамъ дороги тлнулись унылыя поляны; впередъ за кустарникомъ, я увидѣлъ въ полуракѣ черныя массы стѣнъ, несено отдѣлявшія отъ мрачныхъ тучъ. Но до этихъ стѣнъ оставалось еще болѣе полверсты.

— Подлеуі, вскричалъ я, а гдѣ же Везенбергъ?

Ямщик указавъ кнутомъ на массы стѣвъ.
 — А городъ?
 — За развалинами, въ долину.
 — Такъ подвези же меня туда... вѣдь еще съ добрую полверсту осталось.
 Ямщик отрицательно покачалъ головой.
 — Что это значитъ? вскричалъ я съ изумленіемъ.
 — Туда не поѣду, отвѣчалъ ямщикъ, еще разъ указавъ кнутомъ на развалины.
 — Отчего не поѣдешь?

Замокъ Везенбергъ.

— Страшно.

Я не могъ понять, что это значило, и въ молчаніи съ изумленіемъ смотрѣлъ на Чухонца, который преспокойно слѣзъ съ козлы и сталъ что то поправлять въ упряжи; потомъ вытащилъ изъ кармана коротенькую трубку, набилъ ее, высклѣкнувъ огня и принялся курить. Что мнѣ было дѣлать? Браниться съ нимъ? Безполезно. Принудить его ѣхать? Онъ былъ парень рослый и дюжій. Падо было прибѣгнуть къ дипломатіи.

— Послушай, любезный, сказалъ я, въ Везенбергѣ, вѣрно, есть настоящій дворъ; довези меня туда и я тебѣ дамъ на волюку...

— Не поѣду, — стоически возразилъ ямщикъ.

— Да отчего же, чортъ тебя возьми! — вскричалъ я вспыльчиво.

Ямщикъ вздрогнулъ, осмотрѣлся со страхомъ и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Не призывайте чорта, худо будетъ!.. Поѣдете лучше назадъ: здѣсь, право, страшно.

— Да чего же ты боишься?

— Когда вѣтеръ такъ ужасно востъ, то всегда старый рыцарь гуляетъ по развалинамъ.

— Какой старый рыцарь?.. спросилъ я засмѣявшись.

Ямщикъ еще разъ боязливо оглянулся, потомъ полѣзъ на козлы и отвѣчалъ мнѣ тихимъ голосомъ:

— Теперь худо объ этомъ говорить; не спрашивайте, а лучше поѣдете назадъ.

И онъ сталъ заворачивать.

— Стой! закричалъ я сердито. Я хочу ѣхать въ Везенбергъ; я заплачу денги, слѣдовательно, ты долженъ довезти меня.

Чухонецъ, не обращая вниманія на мои слова, прехладнокровно продолжалъ заворачивать назадъ. Я не на шутку разсердился, вскочилъ, вырвалъ возжи изъ рукъ ямщика, удержалъ лошадей и выскочилъ изъ брички. Ни глѣвъ мой, ни угрозы, ничто не помогало. Ямщикъ молчалъ, пожималъ плечами и не трогался съ мѣста. При другихъ обстоятельствахъ, я самъ охотно отказался бы отъ посѣщенія Везенберга въ такую погоду и такое позлѣе время, тѣмъ болѣе, что на возвратномъ пути я могъ удовлетворить свое любопытство, но теперь сопротивленіе ямщика и его упрямство заставляли и меня быть настойчивымъ план, если хотите, упрямымъ.

Но такъ какъ ничто не помогало, то я, скрѣпя

сердце, рѣшился дойти пѣшкомъ до развалины. Угадавъ мое намѣреніе, ямщикъ хотѣлъ, было удержать меня; но въяла мою рѣшимость, онъ уныло покачалъ головой и спросилъ:

— Прикажете мнѣ ѣхать домой?

— Пѣтъ, возразилъ я, изумленный этимъ вопросомъ; я черезъ часъ вернусь.

— Не вернетесь, сказалъ Чухонецъ, вздохнувъ.

Эти два слова навели на меня необъяснимый страхъ. Попъ мой какъ бы нехотя повдвигался впередъ... Я готовъ былъ вернуться, но — было

Я вступилъ на узенькую дорожку, ведущую прямо къ развалинамъ, рисовавшимся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; по обѣимъ сторонамъ былъ высокій кустарникъ; ели подобно привидѣніямъ протягивали ко мнѣ длинныя вѣтви свои... уродливые пипы, съ дупловатыми корнями, казались мнѣ чудовищными карликами...

Признаюсь, я ужасно трусилъ... не смотря на то, какала-то непреодолимая сила вала меня къ развалинамъ, громадная стѣна которыхъ имѣла устрашительный видъ.

Вдругъ раздался рѣзкій, продолжительный свистъ и одно изъ окопъ башни, съ обвѣншейшей вершиной, осветилось... блѣде привидѣніе явилось у окна, а внизу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, послышались шаги... я оглянулся съ ужасомъ...

Какой-то великанъ, черная фигура котораго весело отдѣлялась отъ черныхъ стѣвъ, приблизился ко мнѣ... у меня замеръ духъ...

Врѣте-ли вы въ привидѣнія, читатель? — Пѣтъ. — Я тоже не вѣрю.

Между тѣмъ черный великанъ все ближе и ближе подходилъ ко мнѣ... Я уже видѣлъ, какъ онъ протягивалъ ко мнѣ длинную руку... я хотѣлъ бѣжать, ноги мои были какъ бы прикованы къ землѣ... я хотѣлъ кричать, открывалъ ротъ, успливался, а голосу не было... Тогда невыразимый ужасъ свинцовою тяжестью легъ на мою грудь... рука великана была на волосъ отъ моей головы...

Я вздрогнулъ...

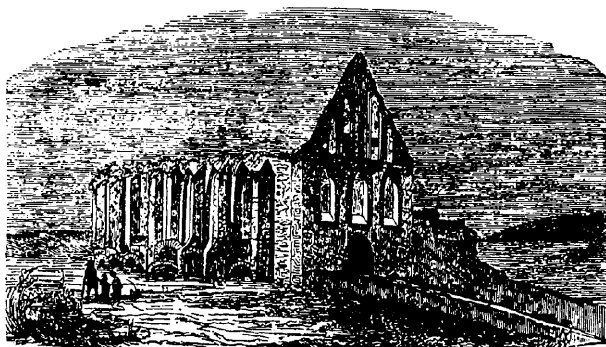
— Прѣехали! произнесъ почти надъ самымъ ухомъ мой чей-то голосъ.

Я очулся и съ изумленіемъ сталъ осматриваться...

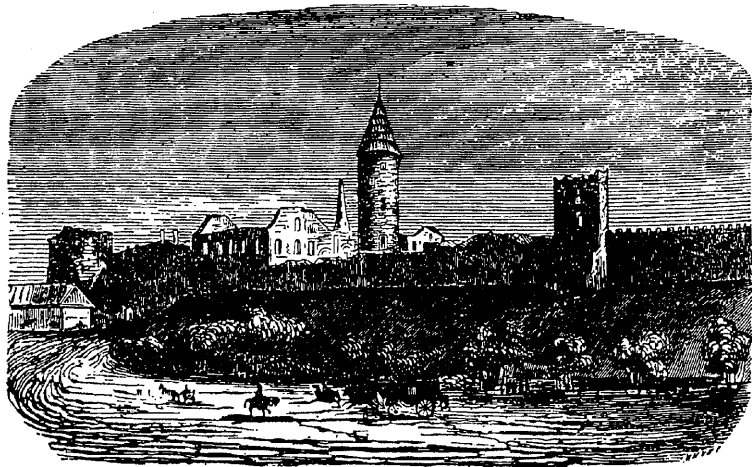
Небо было пѣжно-сине-фіолетоваго цвѣта; воздухъ былъ теплый, пріятный; послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали довольно живописно

стыдно. Преодолѣвъ невольную боязнь, я удвоилъ шаги...

Было темно. Я шелъ скоро и почти бѣжалъ.

Развалины монастыря св. Бригитты.

Гаспаль.

Голова моя кружилась, въ ушахъ шумѣло... предчувствіе чего-то ужаснаго давило мнѣ грудь... Десять разъ готовъ я былъ вернуться и десять разъ ложный стѣлъ удерживалъ меня...

ные, но уже почти совершенно разрушенныя, остатки замка Везенбергъ, дежамаго на возвышеніи; внизу, въ долину протскала довольно широкая, извилистая рѣчка, по берегамъ которой

были сады, примыкавшие къ красненькимъ, тихимъ ильменкамъ домикамъ, большою частью деревянные; посреди городка высилась простенькая, готическая церковь безъ всякихъ украшений. Тамъ и сямъ, въ садахъ и на улицахъ, виднѣлись группы играющихъ дѣтей или гуляющихъ...

На правой рукѣ, въ пяти шагахъ отъ меня была корчма на фундаментѣ изъ булыжника, чисто выкрашенная бѣлой краской и съ навѣсомъ на деревянныхъ столбикахъ, подъ которымъ стояло нѣсколько Фухонскихъ таратаскъ. Возлѣ же садовой брячки стоялъ, повертывая въ рукахъ шанкой, ящикъ-Зетосель, съ полнымъ, здоровымъ лицомъ и длинными, льну подобными, волосами.

Эта картина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что находилась въ такой рѣзкой противоположности съ тою, которая представлялась мнѣ за секунду предъ тѣмъ.

— Пріѣхали! повторилъ ящикъ съ доброудушной улыбкой; а вы пенюшко заснули?..

Такъ я спалъ!.. Погоревши башни и черныя стѣны, и бѣлое привѣніе, и чернаго великана, все это видѣлъ я во снѣ!.. Между тѣмъ какъ на яву, развалины Везенберга не имѣютъ въ себѣ ничего утраченного, онѣ подобно всѣмъ почти развалинамъ остъ-зейскихъ провинцій не что иное, какъ остатокъ, или, если можно такъ выразиться, развалины развалины.

На другое утро въ ясную, свѣтлую погоду я поѣхалъ къ Ревелю. Не доѣхавъ четырехъ верстъ до города, я увидѣлъ съ возвышенной дороги, пролегающей по песчанымъ возвышеніямъ, море, на самомъ берегу котораго возвышалась стѣна развалины.

— Что это за развалины? спросилъ я ящика.

— Бригиттенъ - кластеръ, отвѣчалъ тотъ.

Развалины монастыря святой Бригитты перелетѣвъ фасады обращены къ морю, а правымъ бокомъ къ рѣкѣ Бригиттовкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ довольно широка и быстра. Рѣка Бригиттовка омываетъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько холмовъ и послѣ нѣсколькихъ легкихъ оборотовъ, то скрывался за густыми массами пшѣ и каштановыхъ деревьевъ, обрамляющихъ берега ея, то появлялась чистая и свѣтлая, она изливалась въ Финскій заливъ. Лѣвый берегъ рѣки покрытъ роскошною зеленью огромнаго сада, принадлежавшаго къ Кошу, мызѣ г. Коха.

Но сколько природа богата на этой сторонѣ рѣки, столь же бѣдна на другой, для переезда на который устроенъ паромъ. Пространная песчаная поляна, на которой близъ рѣки на полуостровѣ высилась развалины монастыря, построенаго, какъ

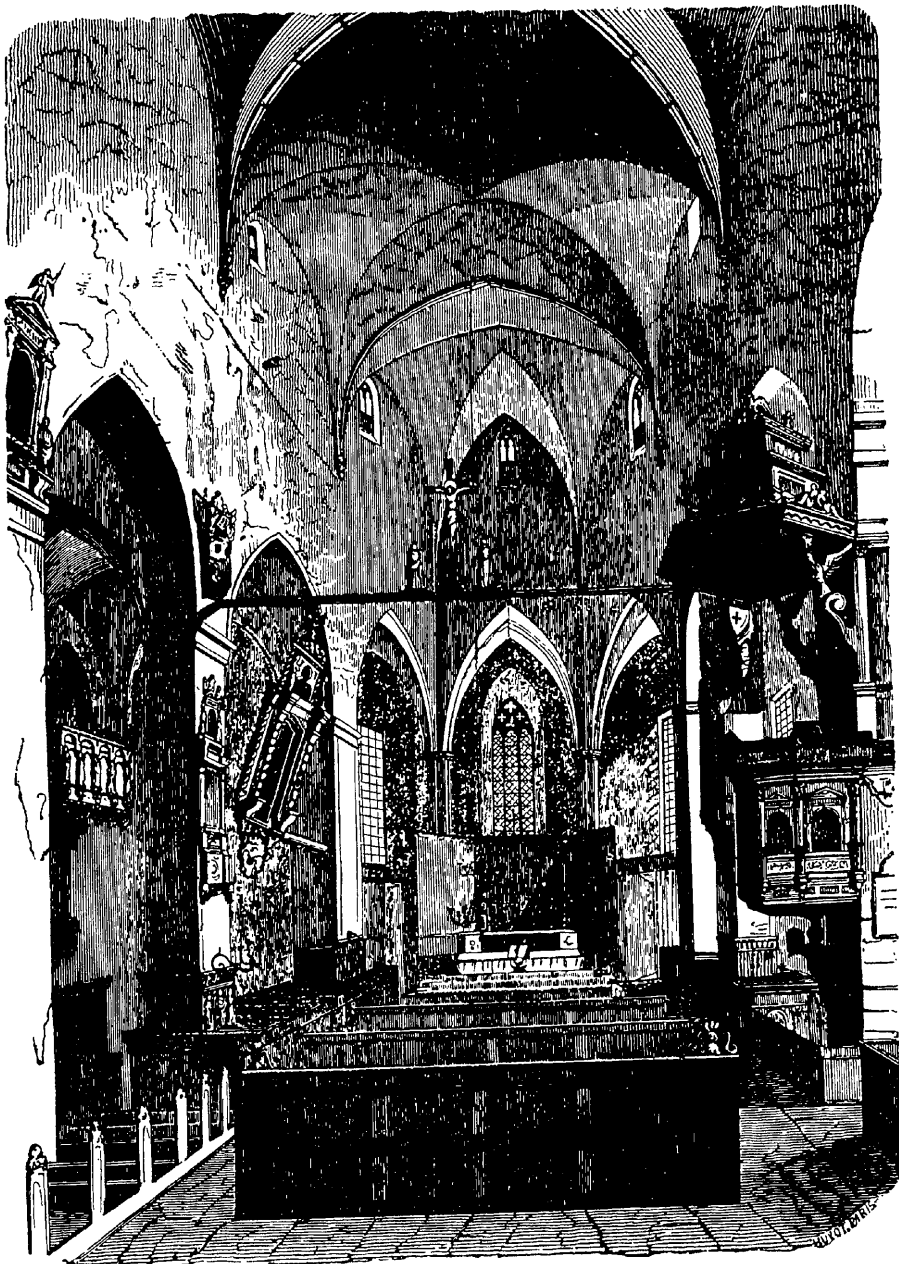
гласитъ преданіе, въ самомъ началѣ XV столѣтія и разрушеннаго въ концѣ XVI войсками Юана Васильевича IV, мѣстами покрыта бѣдною, рыжеватою зеленью; около развалинъ разбросаны нѣсколько жалкихъ лачужекъ, лежащихъ на кладбищѣ, какъ должно предполагать, по огромнымъ каменнымъ плитамъ съ грубо-высѣченными очертками рыцарей, служавшимъ въ нѣкоторыхъ лачужкахъ помолъ, на которомъ, за пѣсч-

преданіе, былъ подземный ходъ въ Ревель, и въ которомъ теперь устроены — стойла для скота. Еще замѣчательны потасянные ходы и лѣстницы, находившіяся во внутренности толстыхъ массивныхъ стѣнъ; эти ходы и лѣстницы такъ узки, что только одинъ человекъ можетъ пройти въ нихъ и то, если онъ немного плечистъ, то долженъ идти почти бочкомъ.

Осмотрѣвъ развалины этого монастыря, я поѣхалъ далѣе.

Полчася спустя, ящикъ остановился у небольшого, деревяннаго домика въ Нарвскомъ форштадтѣ, или предмѣстїи. Тамъ жилъ мой знакомый, у которыхъ я долженъ былъ остановиться. Изъ оконъ отвѣденной мнѣ комнаты видѣлъ былъ старшій, рыцарскій Ревель, съ высокими башнями, каменною стѣною и валами, окружающими его.

Ревель имѣетъ характеръ совершенно древняго германскаго городка, то есть, онъ живописенъ, замѣчательна древность, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудобенъ, какъ современный городъ. Улицы вообще узки и даже главныя изъ нихъ — Brei и Langstrasse можно сравнить съ хорошиимъ петербургскимъ переулкомъ. Дома, съ высокими остроконечными черепичными крышами, съ массивными стѣнами изъ тамосиннаго плитняка, сыры и мрачны. На фасадахъ, выходящихъ на улицу, мало оконъ, и то болѣею частью онѣ такъ узки, что въ нихъ скучно проходить свѣтъ; почти у каждаго дома во фронтонѣ, подъ крышей, гдѣ были прежде кладовыми гавесатпчешкихъ купцовъ, видны и понынѣ выступающія балки съ блоками, по которымъ съ улицы поднимались вверхъ товары. Почтеннѣйшіе купцы ревельскіе не охотно отирали двори своихъ домовъ; каждый жилъ для себя въ почтительномъ страхѣ предъ господами рыцарями. На улицу въ этихъ домахъ выходили только обширные мрачныя лѣстны, въ ко-

Съ картины П. Фурманна.

Внутренность церкви св. Николая въ Ревелѣ.

нѣмъ печей, разводилъ огонь. Чужое обстоятельство, могущее подать поводъ къ множеству философическихъ размышленій, отъ которыхъ мы великодушно избавляемъ читателя.

Одинъ стѣны монастыря уцѣлѣли, но пестро замѣчательнѣе фронтонъ на главномъ фасадѣ; этотъ огромный трехугольникъ, на которомъ лежала крыша, держится на стѣнѣ собственно своею тяжестью и изумительно рѣзчительно никакой опоры. Нѣсколько ярусомъ сводовъ, слѣды которыхъ видны еще, не чуть не служили фундаментомъ зданію, какъ полагаютъ нѣкоторые, а напротивъ, раздѣляли его на этажи, въ которыхъ находились кельи монаховъ. Основанія же зданія существуютъ и теперь темными, мрачными, сырыми подвалами, изъ которыхъ, какъ гласитъ

торый входъ составленъ изъ каменныхъ стрѣлчатыхъ сводовъ, и кладовы; на дворѣ же — всѣ жилия комнаты. Въ случаѣ нападенія на городъ или какихъ либо смутъ, жители Ревеля плотно заперлись въ своихъ домахъ, и изъ узенькихъ оконъ, выходящихъ на улицу, но своему припимали незваныхъ гостей, или грабителей-рыцарей. Тротуары въ Ревелѣ есть только на двухъ или трехъ главныхъ улицахъ; но и тѣ, также какъ и мостовая, поставлены дурно. Посреди улицъ и площадей вы встрѣчаете какія-то безобразныя, пѣквяныя калки — это колоды; но въ нихъ вода такъ дурна, что ее нельзя употреблять ни въ купанье, ни въ питье. За водой ходятъ къ источнику, находящемуся внѣ города, близъ вала; такъ какъ вода въ этомъ источникѣ продавадается очень медленно, то цѣлый день, съ утра до

поздней ночи, а иногда и цѣлую ночь на пролетъ, можно видѣть людей, которые тянутъ длинной веревкой къ источнику, точно какъ называемый чаще у парижскихъ театровъ. У источника стоятъ часовая.

Я на-скоро и только снаружи осматрѣлъ достопамятности города, потому что на другой же день долженъ былъ ѣхать на некоторое время въ Гансаль. Возвратившись отсюда, я намѣревался осматрѣть Ревель подробно и внимательно. Не смотря на то я былъ невольно восхищенъ величавой и высочайшею лютеранскою церковью Озай, которая съ башнею имѣетъ 450 футовъ вышины и считается третьимъ изъ самыхъ высокихъ зданій въ свѣтѣ. Я всходилъ до самаго верха ея по лѣстницѣ, заключающей въ себѣ только до начала башни 269 ступеней; съ террасы видъ прелестный; Ревель кажется, какъ на ладоши. Посреди террасы стоитъ огромная Озайская башня съ четырьмя по сторонамъ меньшими башнями. Ночью поднимался я выше по 12 деревяннымъ лѣстницамъ (каждая въ 16 ступеней) и остановился подъ самой верхушкой; я отворилъ люкъ и увидѣлъ подъ собою весь городъ съ окрестностями: нельзя было различить валовъ и другихъ возвышеній; все казалось наравнѣ. После того я осматрѣлъ еще Николаевскую церковь, называемую Рускимъ, пропавшими въ Ревель, *Лиловою*. Объ ней я намѣренъ поговорить подробнѣе въ свое время.

На другой день я уѣхалъ въ Гансаль.

—

Дорога изъ Ревеля въ Гансаль прекрасная. Она стоитъ при заливѣ Балтійскаго моря, на большой косѣ и съ трехъ сторонъ окружена водою. Климатъ въ этомъ городкѣ весьма здоровый и цѣлебное свойство тамошней воды привлекаетъ туда ежегодно большое число посетителей.

Въ срединѣ самаго города, подобно сполуду, стоитъ древній замокъ Гансаль; — каменные стѣны его отчасти сохранились, но уже не видно ни башенъ, ни бойницъ. Въ развалинахъ его остались: церковь съ обрушенными въ некоторыхъ мѣстахъ сводами и башня съ боевыми часами, довольно хорошо сохранившаяся, старинный жителями. Съ сѣверной стороны къ крѣпостной стѣнѣ, въ которой 5 оконъ, прилегалъ обширный залъ; теперь онъ безъ потолка и пола. На восточной стѣнѣ, въ полуразрушенной башнѣ, бывшей о нѣсколькихъ ярусахъ, видны въ самомъ низу ворота, ведущія въ ровъ; внутри крѣпости, въ развалинахъ есть множество дѣренъ, ведущихъ въ подземелья на водахъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ. Въ подземельяхъ я замѣтилъ множество углубленій или большихъ нишъ, въ которые, какъ говорятъ, владѣтели замка сажали яблони... ужасно пахнуть! Представьте себѣ пространство въ 1½ квадрат. арш., сырое, душное, безъ малѣйшаго отверстія, исключая низенькой дубовой аперты, отворявшейся разъ въ сутки, на двѣ, три минуты т.р.

Замокъ Гансаль построенъ въ 1228 году; вмѣстѣ съ городомъ онъ много разъ переходилъ изъ одного владѣнія подъ другое и претерпѣвалъ частыя разрушенія, доведшія наконецъ замокъ до разрушенія. По прошествіи трехвѣковаго существованія, онъ впалъ во власть Шведовъ. Автопассецъ Балтазаръ Руссовъ, Ревельскій уроженецъ, въ изданной имъ автопасси, въ Ростокѣ, 1578 года, пишетъ:

«1565 года, Юля 28 дня, осадили Шведы Гансаль, принадлежавшія герцогу Магнусу, брату Датскаго короля, и послѣ 10-ти дневнаго облежанія, Гансальцы, не видя никакой помощи, сдались всѣ, какъ-то: капитулы, магистратъ, дворянство и граждане, съ удержаніемъ многихъ правъ и преимуществъ, 7-го августа; когда же Шведы, какъ городъ, такъ и замокъ, завоевали и взяли, то разрушили церковь въ замкѣ, забрали всѣ облаченія, церковныя украшенія, дароносицы и кубки, также колокола съ башней, и отправивъ въ Ревель, выжили изъ нихъ большія рубли. Духовные были, по ихъ желанію, отпущены, а дома ихъ отобраны и въ нихъ помѣщены были военные люди. Въ то же время войско,

состоявшее изъ Германцевъ и Шведовъ, разрушило окрестности Гансали. Весь Викскій уездъ столь жестоко былъ опустошаемъ, что многіе бѣдные крестьяне, у которыхъ были отобраны быки и лошади, должны были сами тянуть плуги, которыми управляли женщины.»

Въ 1573 году, шведскій полководецъ Клаусъ Ахосонъ заложилъ, съ прочими замками и Гансаль, такъ называемымъ дворянскимъ людямъ (Hofleite), въ обезпеченіе ихъ жалованья, котораго они требовали отъ шведской казны за свою военную службу, съ такимъ условіемъ, что если плата не послѣдуетъ въ наступающій Ивановъ день, то предоставляется имъ право заложить этотъ предать какому либо христіанскому государю, исключая Русскаго Царя и герцога Магнуса. Нѣкоторые изъ этихъ дворянскихъ людей довольно вѣроломно разудали отвернуть или отклонить предложенную имъ отъ шведскаго правительства плату, а сами между тѣмъ вошли въ сношеніе съ датскими правителями Эзеля и передали Давидъ отданный имъ въ залогъ земли, а въ томъ числѣ и Гансаль. Но послѣдній находился во власти Датчанъ только одинъ годъ.

Въ началѣ 1576 года, передъ стѣнами Гансала явился отрядъ изъ 6000 человекъ Рускихъ и Татаръ. Не смотря на то, что замокъ былъ укрѣпленъ и имѣлъ довольно продовольствія, онъ сдался послѣ трехдневной осады безъ выстрѣла. Въ то же время сдалась Рускимъ вся Викская область.

Когда Рускіе совершенно овладѣли замкомъ, во дворцѣ назначено было вечернее собраніе. Молодой камергеръ-юнкеръ герцога голстинскаго, Гейнрихъ Бойсманъ, не заботясь о постыдномъ явлѣніи, безпечно шутилъ съ дамами, при побѣдителяхъ. Одинъ изъ русскихъ дворянъ, возмущенный этой безпечностью, невольно вскричалъ, обращаясь къ молодому человеку:

— Все вы (дѣвочки) должны быть весьма рѣдкіи народъ!.. Если бѣ намъ, Рускимъ, случилось такъ легкомысленно сдать столь сильную крѣпость, какъ Гансаль, мы бы не смѣли поднять глазъ ни передъ однимъ честнымъ человекомъ, и не знаемъ, какую-бы казнь намъ великій князь назначилъ вамъ; Пѣтцы же въ Гансаль не только смѣютъ смотреть въ глаза всякому, но даже могутъ еще шутить съ молодыми дѣвушками, какъ будто они сдѣлали свое дѣло по надлежачему!..

Въ 1581 году Шведы осадили Гансаль; сдавъ въ стѣнѣ проломъ, они потребовали сдачи. Рускіе не соглашались; но когда всѣ жители города бѣжали къ Шведамъ, тогда осирѣпѣвшіе Татары, умертвивъ женъ и дѣтей въ цѣломъ городѣ, согласились вступить въ переговоры. Шведы опять вступили во владѣніе Гансальскія; но въ 1628 году шведскій король Густавъ Адольфъ продалъ городъ, вмѣстѣ съ аспинымъ владѣніемъ его, эстляндскому губернатору, графу де-ла-Гарди, посещеніямъ и отеческою заботливостью котораго Гансаль былъ приведенъ въ цвѣтущее, по тогдашнимъ понятіямъ, состояніе.

Но славный роль угасъ, и въ 1691 году замокъ и городъ опять поступили во владѣніе могущественныхъ сосѣдей, Шведовъ. Наконецъ и послѣдніе встрѣтили сильнаго соперника: Петръ Великій вступилъ въ шведскія провинціи и побѣдоносному его оружію, въ теченіе одного года, покорились Эстляндія и Финляндія. Съ того времени эта страна благоденствуетъ подъ властію Россіи, и Гансаль находится теперь въ цвѣтущемъ состояніи.

22-го Юля, 1710 года, — день незабвенный для Гансали, — Петръ Первый печально прибылъ въ гавань на своихъ галерахъ, пробывъ нѣсколько часовъ въ городѣ, осматрѣлъ старый замокъ и церковь, отправился въ Ляндысъ и оттуда, чрезъ Ладисъ, въ Ревель. Проѣзжая чрезъ владѣніе дворянина Рамма, монархъ послалъ сказать ему, что желаетъ у него обѣдать.

— Я не хочу этого! — отвѣчалъ Раммъ, опираясь на прежнія права, которыми безусловно пользовались владѣтели замковъ.

Государь вспыхнулъ отъ гнѣва, прибылъ въ

замокъ съ своей дубинкою почестивъ упрямому защитника старины, остался у него обѣдать. Во время стола, Петръ Великій, узнавъ коротко хозяина, гнѣвъ свой обратилъ въ милость. Добродѣтели свѣдѣнія Рамма понравились Государю, и простивъ ему дерзость, онъ помирился съ нимъ. Монархъ умомъ и любезностію такъ очаровалъ хозяина, что тотъ жизнь готовъ былъ жертвовать за него. При прощаньи, царь спросилъ Рамма, какой онъ хочетъ милости отъ него?

— Государь! — отвѣчалъ хозяинъ, увѣщенный чувствомъ совершенной преданности, — подарите мнѣ трость, которую ты мнѣ приказывалъ; даръ этотъ будетъ памятникомъ моего заблужденія и вмѣстѣ царской горячности и великодушія самодержца Россійскаго.

Императоръ разсмѣялся и отдалъ ему трость; она, въ стеклянномъ футлярѣ, за печатью, поминѣ съ благоговѣніемъ хранится у потомковъ Рамма).

Пробывъ въ Гансаль пять дней, я возвратился въ Ревель.

—

*)... Николаевская церковь, одно изъ древнѣйшихъ зданій Ревеля. Она построена въ концѣ XIII столѣтія и, подобно всѣмъ церквямъ того времени, состоитъ изъ огромнаго параллелограмма, въ стѣны котораго упираются каменные опоры. На одномъ концѣ этого параллелограмма высится огромная башня, которая отъ времени покосилась на одинъ бокъ. Къ главному корпусу въ разныя времена пристроено нѣсколько капеллъ, окна которыхъ состоятъ изъ множества мелкихъ стеколъ; на нихъ изъ этихъ стеколъ написаны образы святыхъ или гербы знатнѣйшихъ дворянъ Эстляндіи. До XVI столѣтія церковь эта принадлежала католикамъ, а съ тѣхъ поръ стала достояніемъ лютеранскаго духовенства.

Не смотря на то, что у нея были двѣ опасныя соперницы, Олайская и Выхгородская церкви (Domkyrche), Николаевская всегда считалась богатѣйшею, у католиковъ; но съ изгнаніемъ послѣднихъ, она до того обдѣлала, что теперь находится въ довольно жалкомъ положеніи. Куда же дѣвались сокровища, которыми обладала эта церковь?.. Это тайна, до сихъ поръ еще не разгаданная и подающая поводъ ко многимъ толкамъ. Говорятъ, что у католиковъ церковныя сокровища были спрятаны — но гдѣ? Множество мѣръ было предпринималось, чтобы открыть это мѣсто; особенныя знаки, ничѣмъ не объяснимые, подавали поводъ къ поискамъ, но все тщетно; кладъ по сію пору, остается кладомъ. Такъ, напримѣръ, замѣтилъ, что на деревянныхъ скамьяхъ, современныхъ построенію церкви и украшенныхъ выпуклою рѣзьбою, изображеніемъ головы ангела въ свѣтѣхъ, у послѣднихъ были отрѣзаны носы. Говорятъ, что это сдѣлано изгнанными католиками, чтобы скрыть мѣста свопъ сокровищъ, которыя по этимъ носамъ можно было найти. Желая получить подробнѣйшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія на этотъ счетъ, я обратился съ вопросомъ къ покойному кюстеру церкви, ремесломъ сапожнику, и болѣе 40 лѣтъ находившемуся при церкви.

— Экой вздоръ! — отвѣчалъ старикъ, — носы отрѣзали не католики, а, просто, мальчишки!..

— Какіе мальчишки?

— Обыкновенно какіе мальчишки... шуалы! Вы сами изволите видѣть, что церковь наша усажено сыра, такъ что дѣтвомъ ее надо часто вывѣтривать; откроютъ аперты, а мальчишки и пабѣгутъ... вотъ и вся штука!

Я сомнительно посмотрѣлъ на кюстера. Мнѣ казалось, что онъ говоритъ неправду. Уже не принималъ ли онъ меня за католика, пмѣющаго виды на сокровища?..

— Ахъ, Боже мой! — продолжалъ старикъ, пе-

* *) Записываю изъ сочиненія Г. Н. С.: «Гансаль древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи, и проч.

** *) Такъ какъ со временемъ, по изгнаниіи католиковъ, мы намѣрены представить читателямъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ Ревелѣ, то на этотъ разъ записываемъ изъ путевыхъ записокъ П. Р. Ф. только описаніе церкви св. Николая.

частью погатавъ головою, — напрасно хлопотуть о сокровищѣ; сго давно ужъ нѣтъ...

— Но куда же оно дѣвалось?
— Куда?.. А вотъ я вамъ сейчасъ скажу: лѣтъ двадцать пять или шесть тому назадъ, прѣзжалъ сюда отъ папы монахъ съ предложеніями пріобрѣсти эту церковь для католиковъ, здѣсь провѣсти эту церковь для толки и переговоры: живающихся. Долго шла толка и переговоры: терпѣние не соглашались. Но замѣтите, что монахъ, прѣзжавшій изъ Рима, привезъ съ собою подробный, отчетливый планъ церкви, какого и у насъ нѣтъ. Монахъ предлагалъ огромныя суммы, въ полтора раза болѣе, нежели стоить всѣ церкви; мы не соглашались! — вскричалъ старшій мастеръ съ гордостью; — такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Монахъ каждый день приходилъ въ церковь, да такъ все и высматривалъ; но я не спускалъ съ него глазъ. Въ одно прекрасное утро, я, по своему обыкновенію, прихожу въ церковь... Боже мой!.. Въ одной стѣнѣ было пробито довольно большое и глубокое отверстіе... известка и обломки плиты вадались по полу... у меня такъ ноги и подкосились!.. Я скорѣе послалъ сына къ церковному старостѣ. Собрались. Стали искать монаха... а его нѣтъ!.. Искать прости!.. Не было монаха — вотъ точно онъ сквозъ землю провалился, — и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуху, ни духу!..

— Что же вы сдѣлали?
— Да что тутъ было дѣлать? Осмотрѣли отверстие; за нимъ былъ небольшой подвалъ, не дѣланный ни оконъ, ни дверей; потомъ заложилъ стѣну и заштукатурилъ ее. Не смотря на то, что прошло съ тѣхъ поръ болѣе двадцати пяти лѣтъ, а все новая штукатурка не сломалась со старою. Посмотрите сами.

И въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ на стѣнѣ одно нѣсто, довольно большое, бѣлымъ пятномъ отдѣлявшееся отъ остальной, стѣной, мѣстами позелѣлой части, стѣны...

Полъ въ Николаевской церквѣ весь состоитъ изъ надгробныхъ плитъ; на лѣвоуголь впады эпохи 1500 года съ выстѣнными въ очеркахъ фигурами рыцарей; стѣны украшены деревянными картинами, изъ которыхъ особенно замѣчательны двѣ: одна, на которой изображена поѣздка Іакова; онъ, въ бархатномъ кафтанѣ и въ напудренномъ парикѣ, ѣдетъ въ золоченой каретѣ; на колахъ спитъ ливрейный кучеръ. Другая же картина есть оригинальная частичка изъ четырехъ фигуръ извѣстной картины Гольбейна: *Пляска смерти*.

Внутренность церкви на сводахъ, упрующихся на массивные столбы, раздѣляющіе церковь на три части: лѣвъ меньшій, боковой, и одну широкую, среднюю. По стѣнамъ и между арками висятъ хоругви, трофеи и гербы древнѣйшихъ эстляндскихъ фамилій, каковы: Буксгевденъ, Розенъ, Эссенъ и другіе. Направо отъ алтаря рѣзной работы, съ вызолоченными статуэтками святыхъ и сохранившася еще отъ католиковъ, висятъ разные священныя картины съ надписями XIV и XV вѣковъ.

Въ одной изъ прилежащихъ капеллъ лежитъ искошенный трупъ Герцога де-Кроа, сохранившійся болѣе 130 лѣтъ. На лѣвосторонней катафалка, на которомъ лежитъ искошное тѣло, надпись на латинскомъ языкѣ; вотъ значеніе ея:

«Карлъ Евгеній герцогъ де-Кроа, происходилъ отъ королевской крови, родился, въ 1650 году, въ Бельгій; былъ славенъ, сколько своими великими дѣяніями, столько и разнообразіемъ ихъ. Взятъ въ плѣнъ во время Нарвской битвы и умеръ въ Ревелѣ 1702 года. Трупъ его сохранился 118 лѣтъ и вынутъ изъ могилы въ 1819 году.»

Герцогъ де-Кроа служилъ сперва въ Австріи и потомъ, по представленію императора Леопольда, принять Петромъ I въ русскую службу. Команду русскими войсками, осаждавшими Нарву, онъ по необходимости отдалъ въ плѣнъ и былъ отосланъ въ Ревель. Тамъ знатный герцогъ продолжалъ жить съ великодушнѣмъ и роскошью, прилично сану, но не согласнѣмъ средствамъ его, и умеръ въ долггахъ. По тогдашнему закону, по которому кредиторы могли требовать,

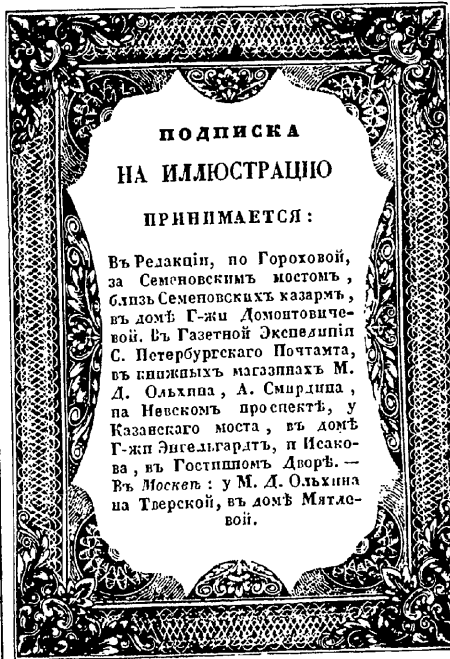
чтобы тѣло должника не было предано змѣѣ, и герцога не похоронили; онъ былъ только опущенъ въ склепъ, гдѣ пролежалъ въ гробѣ до 1819 года, потому что наследники не хотѣли платить его долговъ. Маркизъ Паулуччи, бывшій въ 1819 году генералъ-губернаторомъ Остѣ-Зейскихъ провинцій, приказалъ вынуть трупъ герцога изъ дубового, совершенно уцѣлѣвшаго, гроба и поставить подъ стѣнную нѣть. Впрочемъ въ сохраненіи этого трупна мало замѣчательнаго: во первыхъ, грунтъ земли подъ церковью известковый, а кромѣ того, гробъ былъ опущенъ въ склепъ во время необыкновеннаго спяснаго январскаго мороза.

Въ передней комнатѣ, находящейся передъ капеллой, прѣдлежена къ потоку искошенная акула, пойманная въ Балтійскомъ морѣ. Конечно, это большая рѣдкость; но я думаю, что должна быть какая нибудь другая причина, почему эта акула повѣшена въ церкви, и именно — Николаевской?

Никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на всѣ мои распросы.

Осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ церковь св. Николая и рѣшившись избрать внутренность ея предметомъ для картины, которую я собирался писать, я пошелъ осматривать Омай...

П. Ф.

ПОХОДЪ НА АСТРАХАНЬ ТУРОКЪ,

въ 1569 году.

По завоеваніи Астрахани мѣсто правителя занималъ въ ней князь Оболенскій - Серебряный. Мудрымъ распоряженіями своими онъ обезопасилъ городъ отъ набѣговъ, а ласковостію и снисходительностію пріобрѣлъ къ себѣ общую любовь подвластныхъ Россіи окрестныхъ народовъ. Возмущеніе Татаръ княземъ Янгуртесемъ побуждало его перенести Астрахань съ праваго берега Волги на лѣвый, на 12-ть верстъ ниже, по теченію Волги, на бугоръ, названный по-татарски Шабазъ (высокій), для построения на немъ укрѣпленій. Выборъ этого бугра былъ весьма выгоденъ по своему положенію: къ востоку онъ былъ окруженъ непроходимыми боло-

татами, тиною, солончаками и частью льдомъ; къ сѣверу Волгою, тремя рѣчками и большими плывнями; къ югу глубочайшимъ солянымъ озеромъ и къ западу Волгою, такъ что за 10 верстъ нельзя было къ нему приблизиться иначе какъ на лодкахъ, которыхъ у Татаръ не было. Вокругъ города онъ установилъ разѣзды, въ продолженіе коихъ были пойманы 5-ть человекъ Татаръ съ увѣщеніями отъ крымскаго хана къ астраханскимъ Татарамъ о содѣйствіи ему во время похода подъ Астрахань, которая, по богатству окрестной природы и по торговому значенію, обращала вниманіе сосѣднихъ странъ и возбуждала въ нихъ желаніе отнять ее. Турки, перешедшіе на Балканскій полуостровъ, устремляли свои вилы на Астрахань и Казань, какъ пункты, съ которыхъ можно двинуться далее въ Европу: населеніе магометанское въ этомъ краѣ ободарило ихъ въ возможности исполненія предпріятія.

Въ Маѣ 1569 года въ Кафу прібыло 2000 Янычаръ и 15000 слоговъ. Касымъ, по приказанію султана, принялъ начальство надъ войскомъ. Ханъ крымскій соединился съ нимъ въ нынѣшней Качалинской станицѣ. Тамъ остановились они въ ожиданіи казны, тяжелыхъ орудій и инструментовъ, необходимыхъ при рытіи канала; онъ хотѣлъ соединить Донъ съ Волгою и чрезъ то Азовское море съ Каспійскимъ. Все это было везено на судахъ отъ Азова вверхъ по Дону, и 13-го августа Турки были на мѣстѣ, назначенномъ для канала. Работа ихъ не удалась, по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ, и потому Касымъ приказалъ всѣ орудія везти сухимъ путемъ; быть готовъ былъ выступить, но астраханскіе послы, прібывшіе къ нимъ, убѣдили пашу идти, оставя все тяжелое для перевозки, увѣряя его также, что жители Астрахани сдадутъ ему городъ и выладутъ находящихъся въ крѣпости Русскихъ. Между тѣмъ Іоаннъ IV былъ повѣщенъ посланнымъ въ Крымъ Аюнасимомъ о замыслахъ Султана, и войско шло отъ Москвы на защищеніе Астрахани. Турки остановились на мѣстѣ Хозарской стоянцы Болангиара, гдѣ паша рѣшился зимовать. Въ самой Астрахани Русскіе усмирли Татаръ, сдѣлавъ отчаянную вылазку и этимъ навели ужасъ на Турковъ, дѣлавшихъ набѣги на Астрахань. Флотъ на Каспійскомъ морѣ, посланный Селимомъ на подкрѣпленіе сухопутнаго войска, былъ задержанъ вѣтромъ и не могъ ничего предпринять. Въ это время прібылъ съ войскомъ князь Серебряный въ Астрахань и оживилъ мужество осажденныхъ. Не впадъ пользы отъ продолженія военныхъ дѣйствій и не находя нигдѣ продовольствія, Турки сожгли свои укрѣпленія и рѣшились на отступленіе, не смотря на противный тому повелѣнію Селима II-го. Ханъ повелъ ихъ безплатнымъ степлямъ жокарскимъ, лишенными источниковъ, гдѣ большая часть ихъ погибла и только 3000 возвратилось изъ плѣнъ въ отечество. Такъ кончился этотъ замѣчательный походъ. Сама страна наказала неприятелей за дерзкій замыселъ, поглотивъ ихъ въ своихъ безконечныхъ степляхъ.

Е ЖЕНЕДЪ ЛЬНИКЪ.

Частные Банки. — Порховской Общественный Банкъ. — Корабль Василій Жуковъ. — Д. Н. Татищевъ. — Литературныя извѣстія. — Итальянскій опера.

Спѣшимъ поправить весьма важную, по нашему разумію, ошибку. Въ статьѣ о фабрикѣ В. Г. Жукова, мы упомянули о крестьянскомъ банкѣ, устроенномъ имъ въ Порховѣ, на мѣстѣ рожденія. Благонамѣренные люди, письменно объясняя намъ ошибку, и собравъ справки, мы можемъ исправить ее и пополнить статью пашу. Пор-

ховскій банкъ не есть крестьянскій, а общественный. Учрежденіе частныхъ банковъ въ Россіи, несомнѣнно, принесетъ самыя полезныя плоды, и благотвѣтельно подѣйствуетъ на промышленность и торговлю. Начала подобнаго вліянія мы уже замѣчаемъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ учредились таковыя банки. Ихъ пока не много; считали мы, справлялись, но до десяти еще не достигались. Но и семь, восемь банковъ въ короткое время — важный шагъ! Жуковскій общественный банкъ въ Порховѣ учрежденъ съ двойною цѣлю: доставить тамошнимъ гражданамъ вселожествованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а въ проценты тамъ же содержать общественную богадельню. Надо знать, какъ принимается у насъ всякая новость, не только въ отдаленныхъ провинціяхъ, но такъ сказать, и подъ самой столицей: старики сомнительно качаютъ головою и приговариваютъ: Гляди, что выдумываютъ! Слава Богу, и безъ этой новинки вѣкъ свой доживаемъ, не нуждаемся... Такъ! Вы, что побогаче, нужны не терпѣли; но далеко ли ушла ваша торговля? какія фабрики у васъ процвѣтаютъ? какою промышленностью можете похвастать? А отъ чего? Отъ того, что вы затруднены въ денежныхъ оборотахъ, подверженныхъ всегда опасности. При открытіи въ Рыбинскѣ конторы башка, въ первый годъ никто не рѣшался дѣлать вклады, а между тѣмъ между собою на значительныя суммы выдавали векселя на лоскуткахъ цыгарной бумаги. Гдѣ же тутъ безопасность торговыхъ оборотовъ? Но у насъ одно похваляло: наши старики встрѣчаютъ нововведеніе неохотно, но за то не упрямы; увидятъ, что въ немъ есть хорошія стороны, и тогда учрежденіе идетъ богатырскимъ шагомъ впередъ. В. Г. Жуковъ пожертвовалъ 10 т. руб. серебромъ въ основной капиталъ; но проценты на 10 лѣтъ предоставилъ банку, принявъ содержаніе богадельни въ эти десять лѣтъ на свой счетъ. Въ первый же годъ оборотъ соответствовалъ почти двойному капиталу, такъ, что менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ капиталъ можетъ удвоиться. Конечно, для Порховскаго банка весьма важно и то, что самъ учредитель вмѣстѣ и банкиръ своего учрежденія. Контора В. Г. Жукова въ Петербургѣ уплачиваетъ по билетамъ Порховскаго Общественнаго Банка, безъ малѣйшаго стѣсненія и потери для предъявителей. Порховской банкъ такимъ образомъ имѣетъ различное значеніе: обыкновеннаго коммерческаго банка, переводнаго, заемнаго подъ залогъ недвижимостей и сохранной казны по займамъ подъ ручныя залоги. Съ 1843-го года, со дня учрежденія, банкъ этотъ оправдалъ надежды учредителя, приобрѣлъ общее довѣріе и оказалъ благотвѣтельное вліяніе на мѣстную торговлю и промышленность. Счастливы Порховъ, что въ немъ родился В. Г. Жуковъ! Въ этомъ ему должны позавидовать многіе города. Дошло до нашего свѣдѣнія, что для успленія мѣстной промышленности въ томъ же городѣ, В. Г. Жуковъ строитъ тамъ прядильную фабрику. Вотъ заведеніе кустаря. Порховской уѣздъ производитъ хлѣбъ, да ленъ. Вотъ всѣ его матеріальныя средства. Хлѣба въ большомъ избыткѣ нѣтъ, а сбытъ льна такъ затруднителенъ, что, до учрежденія общественнаго банка, берковецъ продавался по 10 р. сер. Теперь цѣны возвысились уже почти вдвое, а съ учрежденіемъ прядильнаго эта часть получить еще выгоднѣйшее развитіе...

— Собирая справки для исправленія нашей ошибки, мы съ удовольствіемъ узнали, что и за границей имя В. Г. Жукова въ достойномъ почетѣ. Недавно въ Петербургъ прибылъ новый купеческій корабль, принадлежащій одному торговому дому въ Бременѣ. Корабль названъ «Василій Жуковъ»... Каюта украшена портретомъ, корма бюстомъ В. Г. Жукова. Можетъ быть, были примѣры, но намъ еще не случалось встрѣтить, чтобы иностранный корабль былъ названъ именемъ Русскаго купца!

— Слѣдуя за всѣми благотворительными учрежденіями въ Россіи, нельзя не сознаться, что, послѣ правительствъ, на этомъ поприщѣ много подвиговъ принадлежитъ Русскому купечеству.

Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ происходило открытіе еще одного благотворительнаго заведенія. Мы не могли собрать всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и потому отлагаемъ до слѣдующаго номера, такъ какъ и помѣщеніе портрета Д. П.

жестваинаго критика, агронома и пр. и пр., образованнаго совершенно по европейски (*), однимъ словомъ, Ф. В. Булгарина, олаженноваго только всякой всячиной. Къ изданію приготовляются: Исторія Екатерины II., Тайны Инквизи-

Г-жа Вярдо-Гарсін.

Татищева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена государственнаго совѣта, скончавшагося въ исходѣ сентября въ Вѣнѣ.

цип, Библиотека еженедѣльныхъ романовъ, то есть, каждую недѣлю хотѣть перевести, пропущенныя и извести по одному иностранному роману.

Г. Тамбурини.

— Литература наша совершенно въ прежнемъ состояніи. Важнаго, замѣчательнаго пока ничего нѣтъ; даже возвращеніе знаменитаго нашего поэта, романиста, правописателя, журналиста, фельетониста, историка, музыкальнаго и худо-

Ужасное погрѣбленіе романовъ! Еще одна изъ замѣчательныхъ новостей — это «Похожденія Хав-

(*). См. Цериньску.

ропшня», правоописательный романъ. Первую часть мы прочитали въ рукописи, и должны сознаться, что характеръ *Хароньина* — выдающійся превосходно. Это живопись Ванъ-Дика; это живопись съ натуры. Жалуемся на недостатокъ литературныхъ произведеній, но мы должны сказать, что недостатокъ этотъ замѣтенъ только въ печати. Слѣдуетъ говорить «мало печатають», а не «мало пишутъ...» Редакція Иллюстраціи еженедѣльно получаетъ по десяти и болѣе значительныхъ сочиненій, пзъ коихъ многія достойны печати; по объему нашего изданія многія не могутъ войти въ Иллюстрацію. Мы увѣрены что въ редакціяхъ Библиотеки для Чтенія и Отечественныхъ Записокъ не жаль, если не гораздо болѣе такихъ же приписокъ. Надо замѣтить, что посредственность съѣзжаетъ... и посылаетъ свои произведенія въ редакціи журналовъ, тогда какъ даровитые боится пытливей критики, которая опечатку обращаетъ въ преступленіе и волнуясь страннымъ какинъ-то еще неблагоприятнымъ чувствомъ дозволяетъ себѣ несправедливыя обвиненія, не терпящая въ образованномъ обществѣ. Есть люди которые отпизъ радуются и забавляются не только такой критикой, но и полемикой подобнаго же рода. А между-тѣмъ достоинство и величіе литературы постепенно унижаются, безъ надежды чтобы когда-нибудь можно было остановить ихъ... Послѣ этого не за что пенять литераторамъ по призванію, что они мало пишутъ.

— Впрочемъ правду сказать въ Петербургѣ и писать некогда. Въ Петербургѣ — итальянская опера... Четыре представленія уже бывшія не могли еще познакомить насъ со всѣмъ персоналомъ итальянской оперы; тѣмъ болѣе, что обшгранныя оперы принадлежатъ Дошницети. Съ другой стороны и таланты пѣвцовъ и пѣвицъ не могутъ быть опредѣляемы по одной или даже по двумъ операмъ. Одно можемъ сказать, что пѣние Сальви обшграетъ высокое наслажденіе въ будущемъ; въ Лукреціи былъ такія мѣста, что публика забывала о незабвенномъ Рубини, а память о такомъ великомъ предметѣнкѣ, согласитесь, невольно умоляетъ достоинства его преемника. Это предупрежденіе искореняетъ только одно время и мы увѣрены, что въ нѣсколько дебютовъ г. Сальви славется любимцемъ даже всѣхъ рубинистовъ. Г-жа Візти заступила мѣсто г-жи Альбини. Мы еще не можемъ, не съѣчь пропанести положительнаго мнѣнія, поождемъ, да послушаемъ. Въместо опрощаваго сужденія со-общаемъ пока портреты артистовъ нашей итальянской оперы.

ПАРГЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(Продолженіе).

XIV.

Три педѣли спусти дѣла припали совершенно другой оборотъ. Чтобы не входить въ дальнѣйшія подробности, мы представляемъ читателямъ нѣсколько шсемъ, которыя лучше всякихъ разсужденій объясняютъ дѣло:

Письмо Захара Трифоновича Прищова къ Евдоксіи Егоровнѣ Рытковской.

«Очаровательная Евдоксія!

«Вы ангель, Вы божество!.. Я на колѣняхъ обожаю Васъ! О, теперь я счастливѣйшій пзъ смертныхъ... Молю бога любви, чтобы онъ «на крыльяхъ своихъ припесъ къ намъ поско- «рѣ Вашего препочтеннаго батюшку и, смѣю «льстить себя надеждою, будущаго тестя и «кого... Назажу себѣ отличнѣйшій портретъ и

«въ немъ буду хранить записку, которую Вы «сменя вчера осласливали!.. О Евдоксія!..»
И прочее въ томъ же тоѣ.

Г-жа Кастелланъ.

Письмо Евдоксіи Егоровны Рытковской къ Захару Трифоновичу Прищову.

«Знаете ли Вы, мой добрый, благородный «Захаръ, что человекъ ничтожная игрушка

Г. Сальви.

«случай?.. Давно ли была я къ Вамъ равноду- «шна... мало того, я не любила Васъ... Васъ, «великодушнѣйшаго пзъ людей, «одареннаго «высокою, пламенною душою?.. Еслибы про-

«стой случай не открылъ мнѣ сокровищъ ва- «шей души, я бы и понинѣ не пошмела вы- «сокихъ наслажденій любви глубокой, пла- «менной!.. Да, Захаръ, я Ваша по сердцу... «и подобно Вамъ, съ терпѣніемъ жду прѣ- «зда батюшки...»

И прочее въ томъ же тоѣ.

Письмо Дмитрія Ивановича Тоншова къ Евдоксіи Егоровнѣ Рытковской:

«Евдоксія Егоровна,

«Я пишу къ Вамъ въ послѣдній разъ. Я по- «зволяю себѣ падяться, что Вы ко мнѣ не- «равнодушны, но теперь вижу, что я нахо- «дился въ грустномъ заблужденіи. Богъ съ «Вамъ, Евдоксія Егоровна! Будьте счастливы.

«Я буду ждать отвѣта до будущей пятни- «цы. Не смѣю просить васъ, чтобы вы на- «писали мнѣ отвѣтъ. Я самъ приду къ вамъ въ «княгиницу, а до тѣхъ поръ вы мени не увидите.»

Больше ничего не было.

Утромъ въ четвергъ, Тоншловъ получилъ письмо отъ Прищова.

Письмо Захара Трифоновича Прищова къ Дмитрію Ивановичу Тоншову.

«Милостивнѣйшій государь,

«Дмитрій Ивановичъ!

«Евдоксія Егоровна поручила мнѣ сказать «Вамъ, что завтра ихъ не будетъ дома, а «слѣдовательно, чтобы Вы не трудились при- «ходить къ нимъ.

«Съ моимъ почтеніемъ

«честь имѣю пребыть и пр.»

Дмитрій Ивановичъ избѣтился и написалъ отвѣтъ къ Прищову.

Письмо Дмитрія Ивановича Тоншова къ Захару Трифоновичу Прищову.

«Почтеннѣйшій Захаръ Трифоновичъ!

«Я не понимаю, кто Вамъ далъ право пи- «сать ко мнѣ отъ имени... кого бы то ни бы- «ло. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доло- «жить Вамъ, что Вы мнѣ давно подошли. Если «Вы еще разъ попадетесь мнѣ на глаза въ «педобриій часъ, такъ... впрочемъ я угро- «жать не люблю, — я люблю дѣйствовать.»

Мальчишка, котораго Тоншловъ послалъ съ этимъ письмомъ, воротился черезъ нѣ- сколько минутъ съ слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Сказали—моль что хорошо, и приказали кланяться.

Зоринъ торжествовалъ; онъ говорилъ, что предказанія его сбылись; но Дмитрій Ивановичъ настойчиво утверждалъ, что все это продѣлки Прищова, что тутъ кроется какая нибудь интрига, и что завтра все объяснится.

Молодой живописецъ спорилъ, но не горячо... ему было не до того...

XV.

Зоринъ оканчивалъ свою картину. Онъ писалъ ее съ особеннымъ стараніемъ, съ любовью. Всѣ части ея были тщательно отдѣла- ны; фигура Яшки была прекрасно освѣщена и мастерски написана... Только на одномъ мѣстѣ сивозилъ еще грунтъ холста... Зоринъ не рѣшился еще приступитъ къ головѣ моло- дой дѣвушки, вся фигура которой была уже почти кончена.

Молодой живописецъ сидѣлъ передъ сво-

имъ мольбертомъ, а въ пѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла молодая пишала.

Зоринъ пересталъ писать. Опустивъ палитру, онъ устремилъ задумчивый взоръ на молодую дѣвушку, и долго, долго глядѣлъ на нее. Смущенная этимъ вполнѣ яснымъ для нея взглядомъ, она опустила глаза, новъ то жемгновеніе невѣдомое дотолѣ чувство... чувство, неразбирающееся ни состояніи, ни знаніи... заставило сердце ея забиться страннымъ образомъ... Какъ бы испугавшись этого поваго ощущенія, она вздрогнула...

— Ты устала?... заботливо спросилъ ее Зоринъ.

— Маленько, — отвѣчала она тихимъ голосомъ и, чувствуя, какъ колѣни ея подгибались и какъ краска сходила съ лица ея...

— Тебѣ дурно?... вскричалъ Зоринъ съ безпокойствомъ, забывъ что онъ говорилъ съ пишей. Послѣднее вскочивъ, онъ подалъ ей стулъ.

— Сердце болитъ... поетъ... проговорила молодая дѣвушка, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ; потомъ прибавила: — Простите, баринъ... мнѣ что-то неможется...

— Вышеі стакавъ воды!.. сказала Зоринъ, приготовившій уже воду, пока дѣвушка говорила. — Ну, что, легче ли теперь? — спросилъ онъ, когда она выпила.

— Легче... спасибо... добрый баринъ... прикажешь опять стать?

— Нѣтъ, нѣтъ... отдохни еще...

Паступила мнута молчанія.

Пишала сидѣла, опустивъ голову; чувство, впервые пробудившееся въ груди ея, навело на нее невыразимую грусть. Она сама не понимала, что съ нею происходило, а между тѣмъ ей было стыдно; ей казалось, что Зоринъ читалъ на лицѣ ея то, что втайнѣ совершалось въ глубинѣ сердца ея... и двѣ слезинки покатылись по загорѣлымъ щекамъ пишей. Молодой живописецъ замѣтилъ эти слезы; но ему самому было такъ тяжело, такъ грустно, что онъ понималъ эти слезы... После минутнаго молчанія, онъ, какъ бы вслѣдствіе тайнаго размышленія, спросилъ пишущую:

— Есть ли у тебя отецъ?

— Померъ.

— А мать?

Пишала отрицательно покачала головой и слезы быстрѣе потекли по ея щекамъ.

— Нѣтъ у меня теперь родныхъ, а если и есть, такъ Богъ вѣсть, гдѣ они!.. Тоже, можетъ быть, по бѣлу свѣту горе мыкаютъ!.. Только ужъ хуже моей доли быть неможетъ...

— Какимъ же образомъ попала ты къ этой старухѣ?... Какъ добрые люди не призрали тебя?

— Видно не заслужила, баринъ; Господь за грѣхи покаралъ.

— А давно ты... просишь милостыню? — послѣднія два слова Зоринъ произнесъ какъ бы неохотно.

— Давно.

— Помнишь ли ты прежде свое житъ-быть?

— Помню.

— Расскажи же мнѣ...

— Не спрашивай, баринъ!.. прервала пишала живописца, осмотрѣвшись съ боязнью.

— Арефьевна и Яшка мнѣ строго-на-строго запретили, не только рассказывать, но и говорить.

— Но здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго.

Молодая дѣвушка грустно улыбнулась сквозь слезы и молча показала пальцемъ на дверь.

Зоринъ послѣднее всталъ и отворивъ дверь, вышелъ въ сѣни. Тамъ никого не было; но пока онъ тамъ осматривался, у отвореннаго окна показалась голова Яшки.

— Я тѣ дамъ! — сказалъ онъ, погрозиавъ Дупкѣ кулакомъ, и исчезъ.

— Тамъ никого нѣтъ, — сказалъ живописецъ.

Пишала молча опустила голову.

— А что мнѣ за дѣло? сказала она послѣ краткаго молчанія: — пусть они прибиютъ меня, а я таки расскажу, что помню... авось, полегче будетъ на душѣ... Слушай, баринъ. Родилась я въ здѣшней губерніи, въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Отецъ мой былъ богатъ. Земли у насъ было вдоволь, скота много. Кажись, деревня наша лежала на большой дорогѣ. Вотъ какъ теперь помню, что часто проѣзжали большія кареты. И была еще махавка, какъ разъ ночью у насъ случился пожаръ. Все выгорѣло. Остались мы безъ куска хлѣба. Отецъ умеръ съ горя — мать за нимъ. Осталась я, съ двумя братишками.

Взали насъ къ себѣ добрые люди... братишку одного взяли на барскій дворъ, другаго не знаю куда... а меня взяла изъ милости однопалая вдова. Какъ бывало вѣдетъ какая нибудь карета... она высыластъ меня на дорогу, да и велитъ бѣжать за проѣзжими, да капючить... не принесу ничего — прибѣтъ; мало пришею — отниметъ. Разъ остановилась у вдовы кака-то пишала; онѣ цѣлый день о чемъ-то спорили; въ вечеру поладили... а ночью пишала отчитала вдовѣ сколько-то денегъ и простилась. Я лежала въ углу... мнѣ не спалось. Пишала подошла ко мнѣ, взяла на руки, закутала въ полушубокъ и унесла съ собою... я не смѣла голосу подать... боялась, прибиютъ... И съ тѣхъ поръ, баринъ, я переходу уже къ третьей хозяйкѣ... теперешняя, Арефьевна, вѣсть не даетъ, по за то не часто бѣтъ; только Яшка иной разъ обижаетъ...

Зоринъ былъ блѣденъ. Онъ чувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣгала по вѣтмъ членамъ его... Онъ слушалъ молодую дѣвушку въ какомъ-то оцѣпенѣніи; наконецъ съ невыразимымъ усиліемъ преодолевъ себя, онъ произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Какъ... какъ звали твоего отца?

— Не знаю, — апатически отвѣчала пишала.

— Боже мой!.. вскричалъ Зоринъ, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками; — какъ звали вашего помѣщика?

— Не знаю.

Молодой живописецъ закрылъ лицо руками... онъ старался заглушить рыданія...

Пишала съ необъяснимымъ изумленіемъ смотрѣла на него.

— Какъ прозывалась ваша деревня?... спросилъ едва слышнымъ голосомъ Зоринъ.

— Не знаю.

— О Боже, Боже!.. вскричалъ Зоринъ, упавъ на колѣни; — сжался, сжался!.. — Потомъ онъ вскочилъ и, подобно утопающему,

хватающемуся за соломенку, вскричалъ:

— Не было ли у тебя брата Павла?

Молодая дѣвушка съ изумленіемъ взглянула на живописца.

— Павлушку взяли на барскій дворъ, отвѣчала она.

Зоринъ задрожалъ, ступилъ шагъ и, бросившись на шею пишей, вскричалъ, рыдая:

— Дуляша!.. Самъ Господь соединилъ насъ!

Въ это мгновеніе дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату ворвался Яшка. Онъ бросился къ Дупкѣ, вырвалъ ее изъ объятій живописца и толкнувъ кулакомъ въ спину, закричалъ со злобой:

— Ахъ ты мерзавка!.. Я тебя проучу... Въшь на какия мерзости пустилась!.. Ахъ, ты пахальница!

Зоринъ остолбенѣлъ; но черезъ секунду опомнился и, кипувшись на мнпаго дурачка, схватилъ его за горло и вскричалъ:

— Вонъ, пегодій, или я задую тебя!

Но Яшка былъ силенъ. Однимъ ударомъ высвободился онъ изъ рукъ Зорина и, оттолкнувъ его, вскричалъ съ дерзостью:

— Что ты расходишь!.. Да я на весь міръ закричу, что ты за пишали дѣлками таскаешься!.. А еще баринъ!.. тычу! — И Яшка плюнулъ передъ собою, почти на ноги Зорину.

Пишала удалилась въ уголъ и съ безмолвнымъ страхомъ смотрѣла на происшедшее, не понимая поступка Зорина...

— Вонъ!.. закричалъ живописецъ съ бѣшенствомъ, — илп я разможжу тебѣ голову!

— Ну-ка ся, подь сюда... я тѣ самъ такого тумака дамъ, что своихъ не узнаешь, да за нашими перестанешь ухаживать...

Молодой живописецъ хотѣлъ броситься на Яшку, но дверь опять отворилась и въ комнату вбѣжалъ Антипычъ, слуга Рытковскихъ, на мнпугу появившійся въ самомъ началѣ нашего разсказа.

— Павелъ Сергѣевичъ!.. закричалъ онъ, запыхавшись: — бѣда!..

Но Зоринъ не слышалъ послѣдняго слова его; онъ кинулся къ лакею и прерывающимся голосомъ сказалъ ему:

— Помогите мнѣ, Антипычъ, выбросить этого пегодяя за дверь!

— Послѣ, Павелъ Сергѣевичъ, послѣ! бѣда случилась...

— Послѣ расскажешь; теперь помогите мнѣ!..

— Что тебѣ здѣсь падо? — грозно спросилъ Антипычъ, обратившись къ мнпмому дурачку.

— А вопъ энтотъ за пишей нашей ухаживаетъ!..

— Эка важная штука! Ну, ухаживаетъ, вамъ же честь. Пошелъ вонъ!

— Эта дѣвушка останется здѣсь, — съ силой вскричалъ Зоринъ; — она...

— Она моя невѣста... прервалъ его Яшка.

Зоринъ хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на языкѣ его. Ему стыдно стало открыть тайну свою, передъ лакемъ... ему стыдно стало объявить, что невѣста пишала была... его сестра!..

— Вонъ! — закричалъ громовымъ голосомъ дюжій Антипычъ, — вонъ, попрошайка!

Яшка попятился къ дверямъ.

— Ладно, — сказалъ онъ, погрозиавъ кулакомъ, — не разживешься, — и замѣтивъ, что Антипычъ подступалъ къ нему съ поднятымъ

кулакомъ, мшиный дурачокъ ускользнулъ въ дверь.

— Павелъ Сергѣевичъ! — вскричалъ тогда лакей, обратившись къ Зорину, — бѣда случилась!

— Что же такое?.. спросилъ Зоринъ, въ изнеможениі опустившись на стулъ.

— Дмитрія Ивановича заарестуютъ...

— За что?.. вскричалъ живописецъ вскопшъ.

— Утопилъ Захара Трифоновича!

П. Ф.—никъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

П О ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Атмосферическія желѣзныя дороги. — Каргофельная чума. — Гибель шкуны Дарисъ. — Могила Глюка. — Богатъ метельщикъ.

Впланіе инженероу въ вообще всѣхъ, занимающихся устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, въ практическомъ или теоретическомъ отношеніи, обращено въ послѣдніе два года на новую систему быстрого движенія, въ которомъ двигатель, не пары, а просто, атмосферическое давленіе. Сама публика, озабоченная важностію правды и несчастіи, неразлучныя доселѣ съ паровыми желѣзными дорогами, требуетъ, чтобы лапка замѣнила теперешняго двигателя другимъ, менѣе опаснымъ и столь же спынымъ. Новая сила, которую ипкому еще не пришло на умъ приложить прямо къ локомоти, входилъ, однако же, во всѣ исчисленія различныхъ двигателей, употребленныхъ до лашего времени; но на нее смотрятъ, какъ на силу, которую должно побѣдить и уничтожить, и машинамъ обыкновенно придаютъ извѣстныя силы, предназначенныя для противудѣйствія атмосферическому давленію. Теперь же, вмѣсто того, чтобы уничтожать ее, она употреблена въ дѣло. Двигателю та стихія, въ которой мы живемъ и которая распространена повсюду, не оставила ни малѣйшей пустоты: однимъ словомъ, воздухъ. Уже въ 1824 году, англійскій изобрѣтатель, по имени Валлансъ, заиѣтивъ недостатки паровой машины, не дошедшей въ то время еще до теперешняго совершенства, предложилъ употребить въ дѣло атмосферическое давленіе для приведенія въ движеніе вагоновъ. Онъ предполагалъ устроить для этого огромныя чугунныя цилиндры, въ которые могли бы вѣститься и вагоны и желѣзная дорога. Слѣдующее предложеніе это было отвергнуто; несмотря на то, мысль о возможности употребить въ дѣло необъятную силу атмосферическаго давленія, запала въ лѣтотворные умы. Были произведены многіе опыты и наконецъ гг. Клегъ и братья Самуда приади дѣтъ практическій характеръ, въ которомъ она является теперь передъ нами. Устройство ихъ дорогъ основано на слѣдующихъ началахъ: производится пустота въ трубѣ огромнаго размѣра, простирающейся во всю длину дороги. Поршень, давший атмосферическимъ воздухомъ, уходитъ въ ту сторону, гдѣ образовывается пустота. Поршень этотъ прикрѣпленъ стержнемъ къ вагону, который онъ и увлекаетъ за собою. Стержень проходитъ въ трубу посредствомъ продольнаго прорѣза, закрытаго клапаномъ, мгновенно открывающимся и закрывающимся въ минуту прохода. Не смотря на удачный опытъ, произведенный по этой системѣ, этотъ способъ заключаетъ въ себѣ важныя недостатки, причина которыхъ находится въ устройствѣ клапана. Г. Аллетъ затѣнилъ эту систему, называемую ирландскою совершенно новую и болѣе замысловатую. Съ каждой стороны про-

дольнаго прорѣза онъ устроилъ двѣ выпуклости, въ которыя пропущены двѣ трубы изъ каучука, покрытыя кожаными чехломъ, намазанными жиромъ; эти двѣ трубы наполняются воздухомъ давленіемъ, сильнѣйшимъ атмосферическаго давленія. Очевидно, что когда произведутъ пустоту въ трубѣ, вѣншии воздухъ не плѣтъ возможности проникнуть въ него, потому что долженъ бы преодолѣть препятствіе, состоящее въ воздухѣ, подверженномъ давленію, превосходящему его давленіе. Когда поршень дѣйствуетъ во внутренности трубы, стержень его открываетъ себѣ проходъ между этими двумя трубами, какъ бы между губами огромнаго рта и, по самому давленію воздуха, которымъ эти двѣ трубы наполнены, отвѣргаетъ между ними неслегка закрывается. Для болѣе ясности мы представимъ читателямъ чертежи ирландской системы и въ которыхъ, приравненныхъ къ ней вполнѣбствіи, улучшеній.

Ирландская система: Фиг. 1. Поперечный разрѣзъ двигательной трубы въ томъ мѣстѣ, гдѣ продольный клапанъ закрытъ и непосредственно за проходомъ стержня движенія (propulsion), R. Колесо, плущее передъ трубой N, и закрывающіе клапанъ по проходѣ стержня. N труба, наполняемая углемъ, раскаленнымъ до бѣла и служащая для растопленія жира и воска, лежащихъ въ рельсѣ. J Подпята крыша. MM Сближительный чухолъ двухъ смежныхъ трубъ. oo Ушки, съ помощью которыхъ труба прикрѣпляется къ перекладинамъ дороги.

Фиг. 2. Поперечный разрѣзъ трубы во время прохода вертикальнаго стержня. CV Связка стержня къ передовому вагону. PP Желѣзные пласти, связывающіе поршень, стержень, и отвѣтъ.

Система Аллета: Фиг. 3. Поперечный разрѣзъ трубы и затвора, до или послѣ прохода вагоновъ.

Фиг. 4. Поперечный разрѣзъ трубы и затвора во время прохода стержня поршня. Форма поршня.

Фиг. 5. Продольный разрѣзъ трубы и видъ поршня.

Фиг. 6. Общее расположеніе системы Аллета. А. Камера паровыхъ машинъ и пневматическихъ спиралей.

ВВ. Задніи управленія.

СС. Выдыхательныя трубы, доходящія до двигательныхъ трубъ D'' дороги.

С'С'. Выдыхательныя трубы, доходящія до станціонной трубы D.

С''С''. Выдыхательныя трубы, доходящія до трубы уклоненія D'.

D. Станціонная труба.

D'. Уклонительная труба.

D''. Двигательная дорожная труба.

ее. Впускные и выпускные клапаны двигательныхъ трубъ.

III. Вертикальные затворы выхателей.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіи этой дороги. Если поѣздъ не долженъ останавливаться, то дежурнымъ смотрителямъ нечего дѣлать; если же онъ долженъ остановиться на станціи, то смотритель запираетъ выхателіи вешнякъ со стороны выхода станціонной трубы D, и кондукторъ, съ помощью сопротивленія воздуха сжатого передъ поршнемъ, легко останавливаетъ поѣздъ, который находится въ слѣдующемъ положеніи: оба клапана закрыты, вешнякъ также; слѣдовательно, всякое сообщеніе между прорѣзомъ двигательной трубы и пневматическимъ спираломъ прекращено. Для отъѣзда достаточно поднять выхателіи вешнякъ съ той стороны, въ которую поѣздъ долженъ идти, и открыть клапанъ съ противоположной стороны; воздухъ разжигается и лишь только снимутъ крючки, вагоны быстро отправляются въ путь. У кондуктора въ рукѣ ключъ управительнаго крана, а передъ нимъ градусникъ; онъ впередъ опредѣляетъ необходимую быстроту хода, согласно съ грузомъ и наклонностію дороги. Выступивъ изъ станціонной трубы, поршень входитъ въ первый прорѣзъ дорожной трубы. При каждомъ

переходѣ изъ одной трубы въ другую, поршень сначала открываетъ впускной клапанъ и потомъ опускаетъ выхателіи вешнякъ. По выходѣ же изъ трубы, напротивъ: сначала вешнякъ, потомъ клапанъ. Все это безъ малѣйшей остановки, безъ малѣйшаго замедленія хода. Смотрители, поставленные у каждаго прорѣза трубы, обязаны закрывать клапанъ и опускать вешнякъ, когда машина пройдетъ.

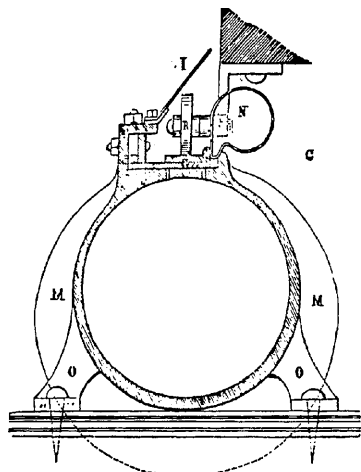
Эта система во всѣхъ отношеніяхъ лучше той, которой слѣдовали гг. Клегъ и Самуда при построеніи дороги въ Ирландіи, отъ Кингстона до Долька.

Перейдемъ теперь къ другой системѣ, имѣвшей успѣхъ въ Парижѣ. Г. Андро старался только улучшить и приспособить обыкновенную машину или паровозъ. Опыты были произведены въ прошломъ году при многочисленномъ стеченіи любителей техническихъ. Не входя въ извѣстныя подробности, мы удовольствуемся описаніемъ снаряда и результата опытовъ.

Вмѣсто паровъ, эластическая сила которыхъ приводить въ дѣйствіе поршни двигательныхъ цилиндровъ, г. Андро употребляетъ сжатый воздухъ. Его машина состоитъ изъ большаго цилиндрическаго реципиента. Воздухъ въ нее производится насосами, приводимыми въ движеніе какою либо силой, гидравлическимъ колесомъ, эоліиной машиной или др.; слѣдовательно, каменныи уголь уже не нуженъ. Чтобы пустить въ ходъ машину, сжатый воздухъ ставятъ въ сношеніе съ двумя насосами, приделанными къ задней части машины, которая устроена для двухъ цѣлей: для атмосферической дороги и какъ паровозъ. На опытѣ оказалось, что эта машина (фиг. 7) легко проходитъ отъ 7 до 8 мѣ (28—52 версты) въ часъ.

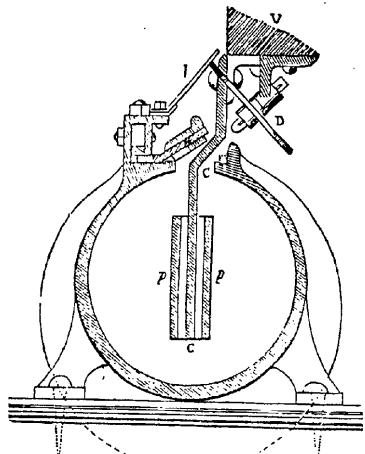
Наконецъ и послѣ этого улучшенія, нѣкто, г. Шамроа, придумалъ новую систему, которую мы наизремы объяснить нашимъ читателямъ. Между двумя дорогами, во всю длину ихъ на 50—60 сантиметровъ подъ поверхностью земли углублена труба (фиг. 8, 9, a); эта труба имѣетъ отъ 50—60 сантиметровъ въ діаметрѣ, смотря по силѣ, которую требуется прилатъ двигателю. Отъ ста до ста метровъ поставлены на 0,55 сантиметровъ отъ поверхности земли, посреди каждой линіи рельсовъ постоянные поршни или, такъ называемые, выхателіи трубы (фиг. 8, 9, 10, 11, b). Эти трубы имѣютъ 1 метръ длины, а въ діаметрѣ около 0,55 сантиметровъ; на обѣихъ оконечностяхъ ихъ устроена выпуклость, окруженная кожаными чехломъ, намазаннымъ жиромъ, позволяющимъ имъ входить въ другую трубу, о которой мы сейчасъ будемъ говорить; онъ сообщается съ нижней трубой плоскими трубами (фиг. 8, 9, 10, 11, c). Посреди выхателіи трубы находится весьма просто и замысловато устроенный кранъ, съ помощью котораго можно прекратить всякое сообщеніе съ вѣншиимъ воздухомъ. Двѣ оконечности выхателіи трубъ оканчиваются двумя конусами, ось которыхъ наклонена къ землѣ. Обѣ снабжены дырочками подобно сити, для свободнаго прохода воздуха. Вагонъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: подъ осью вагона привѣшена длинная трубка, называемая бугенспрѣмъ (фиг. 8, d) двѣ оконечности этой трубки закрываются двумя клапанами (фиг. 8, e), который кондукторъ свободно можетъ открывать. Во всю длину бугенспрѣмъ находится отверстие закрываемое клапаномъ, состоящимъ изъ двухъ кожанныхъ ремней, прижатыхъ одно къ другому продольнымъ рессоромъ; этотъ клапанъ, постоянно намазанный жиромъ, открываетъ, даетъ проходъ плоской вертикальной трубкѣ которая служитъ, какъ мы уже сказали, сообщеніемъ выхателіи трубы съ главной трубой. Теперь опишемъ способы приведенія въ дѣйствіе машины. Пустота производится въ главной трубкѣ обыкновенными средствами; во внутренній кранъ закрытъ и нѣтъ никакого сообщенія съ вѣншиимъ воздухомъ; подвозятъ вагоны, открываютъ передній клапанъ бугенспрѣмъ; задній же плотно затворяютъ; выхателіи трубы вѣстается въ бугенспрѣмъ. Удаляясь на два

метра отъ станціи съ помощію стержня, находящагося въ распорженіи кондуктора поезда, рукою открываютъ первый край первой дыхательной трубки, но такимъ образомъ, чтобы

Прусская система. Фиг. 1.

устроить сообщеніе пустоты главнаго жолоба съ закрытою частію бугорной трубы. Атмосферическій воздухъ, производя давленіе на задній клапанъ, гонитъ поездъ впередъ. Нѣтъ сомнѣній,

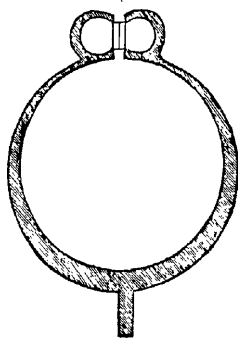

Прусская система. Фиг. 2.

что вскорѣ новые мыслители доведутъ подобныя дороги до возможной степени совершенства.

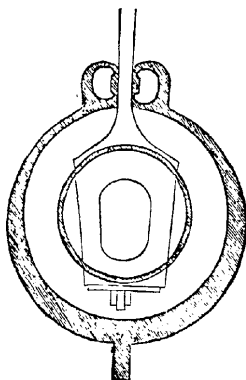
— Заграницей распространился недавно слухъ, свергнувшій въ отчаяніе и страхъ рабочій классъ народа и заставившій всевозможныхъ ученыхъ

поля, имѣвшихъ при солнечномъ закатѣ прекраснѣйшій видъ, къ утру бывали истреблены этою заразою. Въ разныхъ государствахъ производятъ

Система Алмета. Фиг. 3.

теперь розысканія касательно болѣзни картофеля, называемой *сухою гнилью*. Между прочимъ, мекленбургское патриотическое общество давно

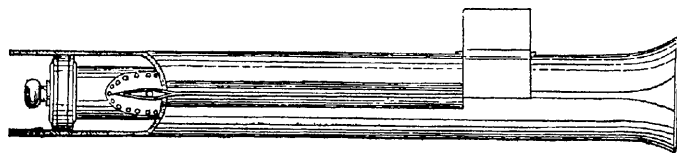
Система Алмета. Фиг. 4.

уже заботится объ открытіи причинъ порчи картофеля. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій оказалось, что порча точно происходитъ отъ сухой гнили; но общество, желая точнѣе убѣдиться

михъ, но находить также вѣроятнымъ, что ее могутъ произвести и другія причины, какъ-то низменность и влажность мѣста, на которомъ растетъ картофель, дурное сбереженіе его во время зпы, и др. Нѣкоторые уверяютъ, что, разводя картофельъ пѣзъ стѣмлять, быть можетъ, вовсе можно будетъ устранить сухую гниль.

— Несчастье, приключившееся въ Брестѣ, 1/2 числа прошлаго мѣсяца, ввергло въ печаль жителей всего города. Послѣ продолжительнаго и труднаго плаванія по Антильскому морю, казенная французская шкуна *Дорисъ* направлялась къ брестскому порту, подъ начальствомъ молодаго лейтенанта Жюля Лемоана. Послѣ труднаго плаванія, видъ береговъ родимой Франціи воротилъ радость и счастье въ сердца моряковъ, истощенныхъ опасностями, которымъ они подвергались близъ Азорскихъ острововъ, гдѣ корабль претерпѣлъ ужасныя бури. Вся опасности были забыты; еще нѣсколько минутъ, и *Дорисъ* приставала къ берегу!.. Готовились уже бросить якорь, какъ вдругъ поднялся сильный юго-западный шквалъ; будучи схваченъ съ боку вихремъ, шкуна должна была уступить спѣтъ его и легла на бакбордъ, или лѣвую сторону; вода съ силою ворвалась во внутренность судна и... нѣсколько минутъ спустя, видны были только верхушки мачтъ *Дориса*!..

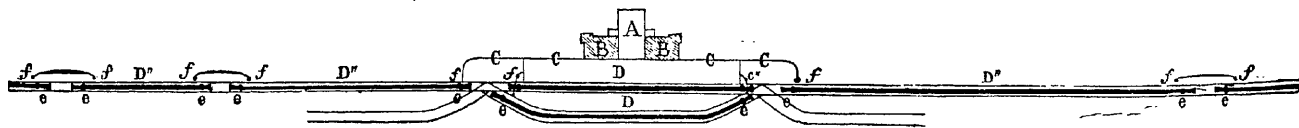
Дежурный офицеръ въ портѣ, слѣдившій за всеми движеніями шкуны, замѣтилъ, что на ней внезапно угасли все огни и, предугадывая несчастье, приказалъ выстрѣлить пѣзъ пушки, спустить на море лодки, и самъ въ главной, направился къ тому мѣсту, гдѣ онъ за нѣсколько минутъ видѣлъ шкуну и откуда слышались уже отчаянные крики. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, произошла сцена, ужасъ которой словами выразить невозможно... Множество несчастныхъ, судорожно уцѣпившихся за мачты, за куски дерева, или пламя по разнымъ направленіямъ, съ мужествомъ отчаянія боролись съ волнами, ежеминутно грозившими поглотить ихъ. Изъ 67 человекъ, находившихся на шкунѣ, были спасены только 32 человека отъ вѣрной смерти; четыре человека сами доплыли до берега; остальные же все погибли. Въ числѣ жертвъ этого ужаснаго бѣдствія находится молодой начальникъ экипажа шкуны и хирургъ, г. Папенъ; они погибли, спасая другихъ:

Система Алмета. Фиг. 5.

въ этотъ, препроводило къ ростокскому профессору Естественной Исторіи, г. Реперу, на разсмотрѣніе свои замѣчанія и нѣсколько больныхъ

г. Лемоанъ спасъ уже трехъ матросовъ, а г. Папенъ четырехъ. Отецъ лейтенанта, старій морской капитанъ, ожглая своего сына, прогу-

Система Алмета. Фиг. 6.

пустить въ безконечныя разсужденія и изслѣдованія. *Картофель умереть!.. Картофель умереть!*.. восклицали съ горестію и нѣмецкій мызникъ, и французскій фермеръ. Впрочемъ, по счастью, слухъ этотъ оказался несправедливымъ: картофельъ не умеръ, но болѣзнь, опасно болѣзнь; есть, однако жъ, надежда, что онъ поправится и что мы еще долго, долго будемъ есть его!.. Однако жъ, странно то, что болѣзнь драгоценнаго клуберула, представляеть въ ходѣ и развитіи своемъ, странную аналогію съ страшными эпидеміями, въ известныя времена истребляющими часть рода человеческого. Начавъ съ одного конца Европы, болѣзнь эта, по-видимому, хочетъ распространиться по поверхности всего земнаго шара; развитіе ея бываеть иногда такъ быстро, что

картофельщицъ, съ просьбою сообщить свое мнѣніе. Присланныя картофелныя, въ которыхъ, по мнѣнію общества, должны были находиться мухи и небольшіе жуки, или, по-крайней-мѣрѣ, гусеницы настьковыхъ, замѣченныя въ другихъ, больныхъ картофелинѣхъ и, вѣроятно, составляющія причину болѣ. Были рассмотрѣны г. Реперомъ. Ни мухъ, ни жуковъ, ни гусеницъ не оказалось; но въ нѣкоторыхъ были замѣченны маленькіе червячки коричневаго цвѣта и извивающія дырочки, похожія на червоточины. Г. Реперъ счелъ все эти признаки недостаточными для того, чтобы опредѣлить съ точностію, не только причину сухой гнили, но даже вообще болѣзненнаго состоянія картофеля. Онъ не отрицаетъ, что болѣзнь *можетъ* происходить отъ настько-

ливался по набережной, и видѣлъ кораблекрушеніе!..

На *Дорисѣ* находился юнга, который въ минуту опасности успѣшно снялъ съ себя лишнее платье, и бросился въ воду съ тремя товарищами. Будучи сильнѣе и здоровѣе послѣднихъ, юнга далеко опередилъ ихъ, когда увидѣлъ лодку, свѣшавшую на помощь къ погибавшимъ. Лодка направлялась-было къ плывшему, но онъ съ живостію вскричалъ:

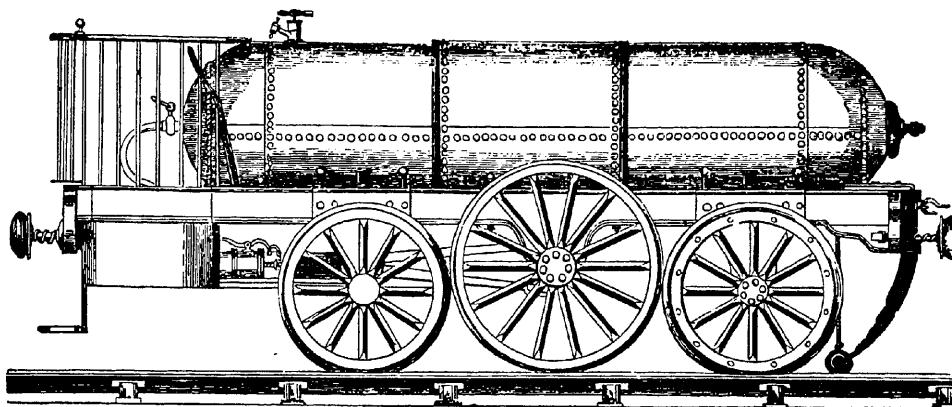
« — Спасайте моихъ товарищей, я самъ доплыву! »

Не смотря на то, что ему оставалось еще далеко до земли, лодка успѣшила къ плывшимъ за нимъ молоденькихъ юнгамъ, но увиль!.. было уже

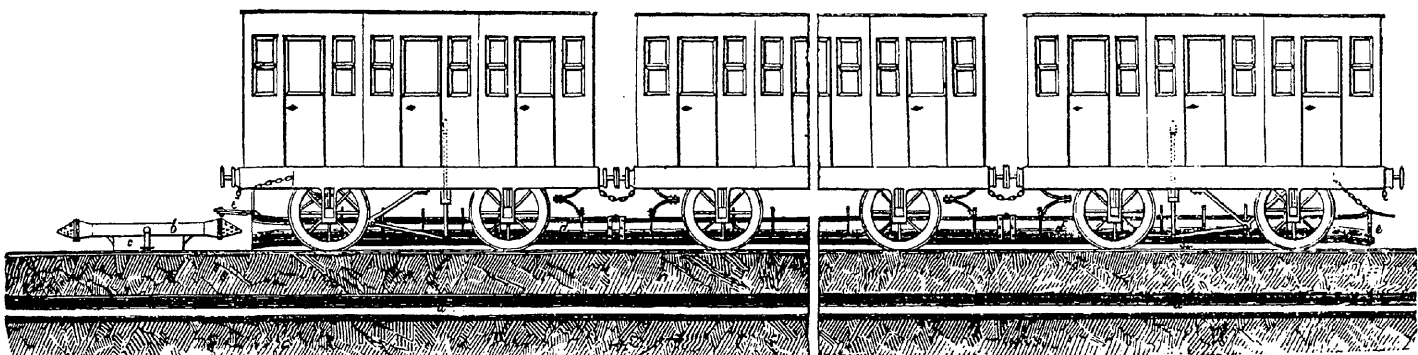
поздно: силы измѣнились пѣть, и всё трое по-
шуде...

— Могила двухъ величайшихъ германскихъ
композиторовъ прошлаго столѣтія, Глюка и Мо-
царта, подверглись одинакой участи въ томъ,
что совершенно потеряны слѣды ихъ. Могила
Моцарта и теперь еще ищутъ; Глюка же могила
нашли случайно. Во время перестройки одной
изъ каменныхъ оградъ въ деревнѣ Мюллейн-
дорфѣ, близъ Вѣны, нашамъ у самага фундамента
этой стѣны, подъ землею, небольшую плиту изъ
страго мрамора, на которой, на нѣмецкомъ нарѣ-
чій и римскими буквами, высѣчена слѣдующая
напись:

«Здѣсь покоится честный Нѣмецъ, ревностный
христіанинъ и вѣрный супругъ, Христофоръ, ка-
валеръ «онъ-Глюкъ», великій мастеръ въ боже-
ственномъ искусствѣ музыки. Скончался 15-го
ноября 1787 года.»

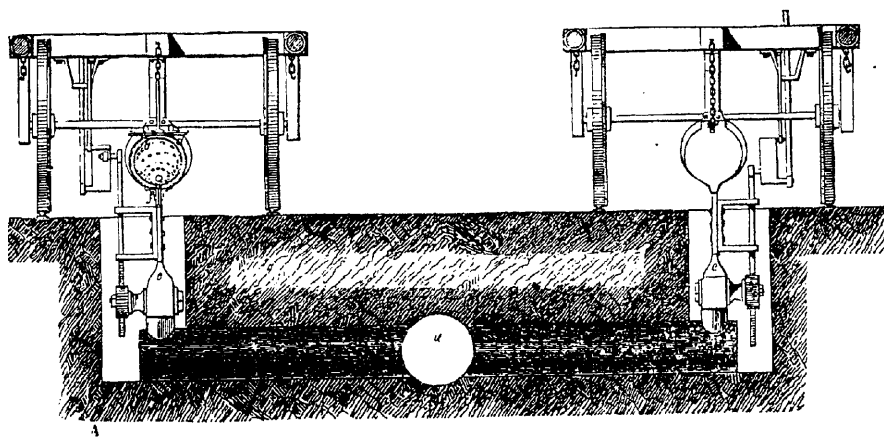

Система Андро. Паровозъ примѣненный къ атмосферической дорогѣ, фиг. 7.

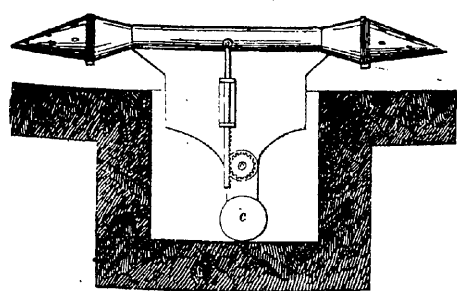

Система Шамроа, фиг. 8.

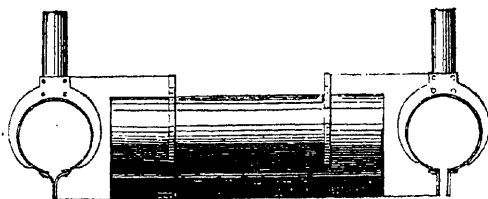
— Чудная вещь деньги! Въ Гедлау-Стригъ-
Бертонъ-Кресцентъ, рассказываетъ англійская
газета Спендеръ, жилъ скромный метельщикъ,
по имени Эдуардъ Рилей. Однажды онъ полу-
чаетъ неожиданное извѣстіе, что лѣкто майоръ
Рилей, недавно умершій въ Малрастѣ, назначилъ
его своимъ наследникомъ, оставивъ ему сумму въ
500,000 ливровъ стерлинговъ!.. Почтенный ме-
тельщикъ чуть не сошелъ съ ума; но опомнив-
шись, онъ нанялъ кабриолетъ, поѣхалъ за порт-
нымъ, предварительно давъ знать всѣмъ метель-
щикамъ, чтобы они собрались на дворѣ дома,
въ которомъ онъ жилъ. Взявъ съ собой портна-
го, новый богачъ поѣхалъ за сапожникомъ, по-
томъ за мясникомъ, и съ этими людьми явился
передъ своими товарищами. Портной долженъ
былъ сшить всѣмъ новое платье, сапожникъ са-
поги, а мясникъ долженъ былъ представить на
брата по отличнѣйшей бараньей ляжкѣ. Рилей
нанялъ цѣлый домъ въ Эрфейль-Скверѣ. лишь
только онъ вступилъ въ новое свое жилище, то
задастъ великолѣпнѣйшій пиръ всѣмъ лондон-
скимъ метельщикамъ.

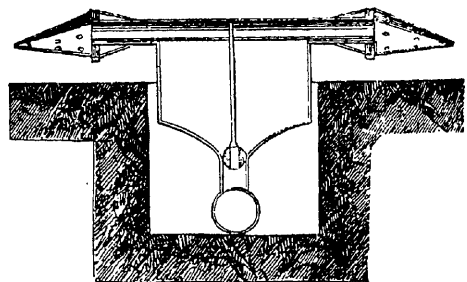
Система Шамроа, фиг. 9.

Система Шамроа, фиг. 12.

Система Шамроа, фиг. 11.

Система Шамроа, фиг. 10.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЬСНЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Изъ Гете).

голосъ.

Слова почъ застала насъ
У воротъ святыхи;
День прошель, и не погастъ
Намъ безъ благостыни.

ХОРЪ

Допь протекшій оживлять,
Братья, наши чувства;
Таинны новыи открылъ
Бѣчнаго искусства.

голосъ.

И святыхи мы вновь,
Братья, предстоимъ;
Слова братство и любовь
Насъ къ союзу звали.

ХОРЪ.

Насъ гармонія вела
По искусства безамамъ;
И свобода насъ влекла
Къ высшимъ сферамъ звѣздымъ.

голосъ.

Путеводною зарей
Мудрость намъ сіяла;
Добродѣтели прямию
Путь намъ указала.

ХОРЪ.

По терновому пути
Шли мы не робяя;
Мудрость шла напередъ,
Радость шла за лею.

голосъ.

Благо міра цѣль была:
Человѣковъ счастье;
И награда за дѣла —
Братское участие.

ХОРЪ.

Братья, день нашъ пролеталъ
Въ тихомъ пасадженѣ;
Для вѣковъ оны не пропасть,
Намъ въ услокоенье.

голосъ.

Чудный день! какъ быстро оны,
На крылахъ зефира,
Въ пѣдра почи унесень,
Пролетѣвъ для міра.

ХОРЪ.

Братья, время; почъ сошла
На святое зданье;
Трижды дню тому хвала,
Трижды дяковаше!

А. Г.

==

***

Когда трагическій актеръ,
Увлечшись гениемъ новта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ яшиурной мантѣ Гамлета.

==

Толпа, любя обманъ пустой,
Горяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложъ почтять слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

==

Но если, выйдя за порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій,
И прахъ цѣлуетъ нашихъ ногъ,
Цпопроситъ крова или пищи...

==

Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нуждѣ не понимаая,
Мы на вѣстастаго глядимъ,
Какъ на лежеца и негодяя.

==

И рѣчь правдивая его
Не подслащенная искусствомъ,
Не вырветъ слезъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.

==

О, родъ людской! какъ жалокъ ты —
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ:
Ты глухъ на голосъ ништы
И слезы лезешь передъ филгаромъ.

С. Дуровъ.

АНЕКДОТЪ.

Въ той же Франціи, въ которой такъ много случается всякой влччины, провлчался Жидокъ весьма умный, смѣтливый, расторопный, какъ все лудино племя, и объявилъ на саженой афишкѣ, что оны обладаетъ разнороднымъ секретамп отъ мозолей, зубной боли, и проч. По главный секретъ у него былъ тотъ, что оны могъ отращивать волосы, хотя бы лѣта согнаал его съ старой головы лавнымъ-лавно. Какъ ни было великолюбно объявление, однако же послѣдному секрету въ цѣломъ городѣ повѣрилъ только одинъ старикъ, большой любезникъ и шеголь. Когда уже все спали въ обширномъ городѣ, въ дверь шарлатана постучался лакей и провель Жидка разнымъ переулками черезъ задній дворъ въ палаты старика.

— Что ты, любезный, сказалъ старикъ улыбаясь и прищурясь: что ты это добрыхъ людей морочишь. Какъ тебѣ не стыдно. Ну, можетъ ли это быть, чтобы отъ твоихъ средствъ волосы росли.

— Если не вѣрите, отвѣчалъ Жидъ, такъ зачѣмъ же присылалъ? А я могу указать на тысячу гривъ у самыхъ мохнатыхъ львовъ; тамъ много мохтъ...

— Неужели?

— А коса лѣвницы Барбунье, которую восхищается весь театръ въ Парижѣ, развѣ натуральная?

— Не можетъ быть!

— Если захочу, на ладони выростутъ волосы.

— Послушай, любезный, ну, а на моей головѣ, какъ ты думаешь? А?.. И старикъ снлъ кошапкъ...

— И смотрѣть нечего! выростутъ въ одну недѣлю...

— А что возьмешь?..

— 700 франковъ.

— Что ты съ ума сошелъ!..

Жидъ не отвѣчалъ ни слова...

— Ну, возьми триста!

Жидъ взялъ свѣчку, подошелъ къ старику, осматривая остатки волосъ, легонько вздернулъ ихъ и, ставъ на столъ свѣчку, сказалъ:

— Нельзя дешевле. Кожа старая...

Напрасно торговался старикъ. Жидъ слѣдалъ только одну уступку. Согласился взять 500 франковъ впередъ, а 200, когда волосы выростутъ.

— Ну! принимайся за дѣло! Что палло дѣлать.

— Сохранять строжайшую діету во все время леченія. Кромѣ чашки бульона и жареной рыбки, — ровно ничего не ѣсть. Пить воду, и сколько угодно. Курить табакъ не только нельзя вамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которые будутъ приходить въ вашу комнату. Комнату же сдѣлать совершенно темною, чтобы не подвергать мази вліянію свѣта; почему и свѣчекъ, лампады, не надо; о днпихъ словомъ, просидѣть все время во мракѣ... Не пугайтесь! Всего только одна недѣля... Когда прикажете приступитъ къ дѣлу?..

— Сегодня.

— Нельзя! Надо при дневномъ свѣтѣ подобрать мазь подъ цвѣтъ волосъ вашихъ. Завтра, если угодно?..

— Ну, такъ завтра, только чуть свѣтъ... И на другой день весь городъ еще спалъ, а Жидъ спряталъ въ карманъ 500 франковъ и занялся головой старика, который, обязанный и зашитый въ клеенку, отправился добровольно въ темницу на цѣлую недѣлю. Голову его порядочно щипало. Старикъ радовался. Растутъ, растутъ, повторилъ оны, потирая руки, такъ и слышу, растутъ... Наступилъ пятый день; съ разрѣшенія Жиды, открыли ставни, но шторъ не подымали; въ шестой день Жидъ позволилъ поднять одну штору, разрѣшивъ въ седьмой день, ровно въ полдень, снять и клеенку... Наступилъ вожделѣнный часъ. Часы зашпилили. Старикъ бросился къ зеркалу, сорвалъ клеенку и остолбенѣлъ. Мазь все-салаась, голова была по прежнему гладка, будто отполирована; ни одного волоска новаго... Старикъ въ бѣшенствѣ бросился къ меру и принесъ жалобу. Послали за Жидомъ. Тотъ явился.

— Какъ ты смѣлъ, сказалъ меръ, обмануть этого господина?

— Я его, и никого не обманывалъ.

— Ты обѣщалъ, что волосы выростутъ.

— И выросли.

— Какъ выросли...

Жидъ преспокойно подошелъ къ старику, взявъ двумя пальцами за остатки прежнихъ волосъ, и обратясь къ меру, сказалъ.

— Г. меръ! Это новыи!..

Меръ не могъ удержаться отъ смѣха, а старикъ схватилъ шляпу и убѣжалъ.

— Г. меръ! сказалъ Жидъ съ презрительной улыбкой: «Я не зналъ, что это господинъ такой паутъ, и жалѣю, что не вымазалъ ему головы таиннымъ составомъ, отъ котораго бы и послѣдніе вылазили... Неблагодарный! Жаловаться! И все это изъ корыстолюбія, чтобы не заплатить 200 франковъ. Что дѣлать! Пусть пропалаютъ! Это мнѣ урокъ за довѣріе къ людямъ. Теперь я буду всегда брать все деньги впередъ.»

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Французскій театръ. Наконецъ г-жа Плесси въ Петербургѣ. Она прибыла 2-го октября вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, писателемъ Арну. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ея дебютовъ.

На послѣднемъ пароходѣ изъ Гавра ирѣхалъ и любимый нашей публики, г. Верне.

Италинскій театръ. Продолжаются репетиціи оперы: i Lombardi.

Александрискій театръ. На будущей недѣлѣ дана будетъ пѣса: Заколдованный Принцъ, переводъ съ нѣмецкаго, а 19 октября, въ бенефисъ г. Самойлова, пойдетъ драма: Мать и Падчерица и два водрвилля. И въ Парижѣ и въ Берлинѣ въ недавнемъ времени дана была трагедія Софокла Антигона. Постановка этой пѣсы на театрѣ надѣлала много шума. Антигона теперь переведена и на русскій языкъ и можно положительно сказать, переведена прекрасно, вѣрно, метрами поллиника. Антигона будетъ представлена и на Александринскомъ театрѣ. Это едва ли не самая важная новость отечественнаго театра.

ВѢДЬМА.

ВѢДЬМА — известна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украинѣ, а Лысой гора, подъ Кіевомъ, служитъ сборищемъ всѣхъ вѣдьмъ, кои тутъ по ночамъ отправляютъ свой шабашъ. ВѢДЬМА тѣмъ разнится отъ всѣхъ предыдущихъ баснословныхъ лицъ, что она живетъ между людьми и ничѣмъ не отличаясь днемъ отъ обыкновенныхъ бабъ или старухъ дѣвочекъ, кромѣ небольшого хвостика, ночью расчесываетъ волосы, надбавляетъ бѣлую рубашку, и въ этомъ парадѣ, верхомъ на померѣ, вѣпикѣ или ухватѣ, отправляется черезъ трубу на вольный свѣтъ, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужихъ коровъ, портить молодцовъ дѣвочекъ и проч. ВѢДЬМА всегда злодѣйка и добра никогда и никому не дѣлаетъ. Она въ связи съ нечистой силой, для чего варитъ травы и снадобья въ горшкѣ, держитъ черную кошку и черного пѣтуха; желая оборотиться во что либо, она кувиркается черезъ 12 пожей. ВѢДЬМА не только выдаиваетъ коровъ, но даже, воткнувъ пожу въ соху, пѣдуть изъ нея молоко, а хозяйская корова его теряетъ. Если сорока стрекочетъ, то беременной женщиной выходить къ ней не должно: это вѣдьма, которая испортитъ, или даже выкрадетъ изъ утробы ребенка. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣдьма перекладывается также въ сороку, и можетъ быть, отъ этого сорока противна домовому, для чего и подвѣшивается въ конюшнѣ. ВѢДЬМѢ, для проказъ ея, необходимы: пожу, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекресткѣ, иногда также и трава тирличъ. ВѢДЬМА варитъ зелье ночью въ горшкѣ и, ухвативъ помелю, уносится съ дымомъ въ трубу. ВѢДЬМА иногда крадетъ мѣсяцъ съ неба, если его неожиданно заволакиваетъ тучами или случится затмѣніе; она крадетъ дожди, унося ихъ въ мѣшкѣ или въ завязанномъ горшкѣ; крадетъ росу, посылаетъ градъ и бурю и проч. Есть на Украинѣ преданіе, взятое, какъ говорятъ, изъ актовъ: злая и пьяная баба, поссорившись съ соседкой, пришла въ судъ и объявила, что та украли росу. По справкѣ оказалось, что накануне росы точно не было, и что обвиняемая должна быть вѣдьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла въ судъ каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышавъ это, пожали плечами и ударили объ полы руками, сказавъ: отъ тебя разъ!

ВѢДЬМѢ удается иногда осѣдлать человека, и онъ, увлекаемый чарами ея, везетъ ее на себѣ черезъ трубу и возитъ по свѣту до упаду. Есть и обратные примѣры, то есть, что осторожный и знающій человекъ вывѣждалъ на вѣдьмѣ, какъ мы видимъ изъ рассказовъ Гоголя. Все это приближаетъ вѣдьму къ разряду знахурокъ, ворожей и колдуновъ, давая ей иное значеніе, чѣмъ повѣрьями дано прочимъ баснословнымъ лицамъ. ВѢДЬМА есть олицетворенное понятіе о злой и мстительной старухѣ, в злая бабы пользуются суевѣріемъ людей. Много было примѣровъ, что вѣдьмо мнимой вѣдьмой ловила злую соседку на томъ, какъ она перевязываетъ вымя у коровы волоскомъ, или выходитъ ночью въ одной рубахѣ, безъ опояски, босикомъ, распустивъ космы, пугать, съ камишъ либо намѣреніемъ, суевѣрныхъ. Много страшнаго рассказываютъ о послѣднемъ

смертномъ часѣ вѣдьмъ, и въ этомъ отношеніи, онѣ также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не можетъ разстаться съ тѣломъ, и знающіе люди признаютъ тутъ различныя мѣры — вынимаютъ доску изъ потолка, раскрываютъ уголь крыши, и проч. Есть также повѣрье, что вѣдьмы встаютъ и бродятъ послѣ смерти, какъ и колдуны; что вѣдьму можно приковать къ мѣсту, притянувъ тѣнь ея гвоздемъ; что ее должно бить на-отмашъ, т. е. отъ себя, оборотивъ ладонь, и наконецъ, повѣрье смѣшиваетъ вѣдьмъ иногда съ упырями, известными исключительно на Украинѣ и у южныхъ Славянъ, и говорятъ, что вѣдьмы также по смерти со-

суть кровь изъ людей или живыхъ и этихъ ихъ морятъ. Для этого съ ними поступаютъ также, какъ съ колдунами: перевертываютъ въ могилѣ ничкомъ и пробиваютъ насквозь оспновымъ коломъ между лопатокъ. ВѢДЬМУ отчасти смѣшиваютъ также съ вовулаками или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкатывается подъ ноги клубкомъ, или перекладывается въ собаку, волка, свинью, сороку, даже въ копылу стѣна. ВѢДЬМЫ же и сами портятъ людей и дѣлаютъ изъ нихъ оборотней. Есть рассказы о томъ, что, снимая шкуру съ убитой волчицы или съ медвѣдицы, къ обшешу изумленію людей, находилъ не волчью тушу, а бабу въ сарафанѣ, или въ юпкѣ и запаскѣ. Если найти черную кошку, безъ единого бѣлаго волоска, сварить ее и выбрать всѣ кости, то можно найти костяневидимку, которая служитъ вѣдьмѣ: слѣдъ противъ зеркала и кладъ сподрядъ всѣ косточки попеременно въ ротъ; какъ попадешь на невидимку, такъ и самъ исчезнешь въ зеркалѣ. Иные велитъ вѣдьмо этого просто, варить кости черной кошки по ночамъ, покуда всѣ истаятъ, а одна только невидимка останется.

Извѣстны неистовства, которыя въ прежнія времена происходили по случаю обвиненія какой либо бабы въ томъ, что она вѣдьма; это въ особенности случалось въ

южной Руси. Пѣтъ той пелѣпцы, какую бы не придумывали люди, отъ злобы, глупости, съ отчаянія или съ хитрымъ умысломъ, для искорененія вѣдьмъ и для исправленія пасторенныхъ или бѣдъ. Въ старину народъ вѣривъ, что вѣдьмы, или другаго рода колдуньи могутъ держать обиліе, т. е. заключать всеобщіе и хранить огромные запасы денегъ, жита и даже звѣрковъ, доставлявшихъ прочимъ лицамъ богатый пушной товаръ; на Украинѣ подобное суевѣріе встрѣчается иногда понынѣ, въ особенности же относительно дождей и урожая.

Трава черныбыльникъ, по народному повѣрью, противна вѣдьмамъ и охраняетъ отъ нихъ дворъ и домъ.

Общее и единое повѣрье утверждаетъ, что въ Москвѣ пѣтъ сорокъ. По этому поводу ходитъ много разныхъ преданій: говорятъ, что сорока выдала боярина Кучку, убитаго въ мѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающимъ; другіе рассказываютъ, что митрополитъ св. Алексій запретилъ сорокамъ летать на Москву, потому именно, что подъ видомъ сорокъ залетали туда вѣдьмы; и наконецъ, есть преданіе, будто онѣ прокляты за то, что у одного благочестиваго мужа унесли съ окна послѣдній кусокъ сыра, которымъ онъ питался.

Танцеванныя пѣсни вѣдьмъ, состоящія изъ вымышленныхъ, безмысленныхъ словъ, находятся въ известномъ изданіи г. Сахарова. На Украинѣ же переходитъ по преданію счетъ, будто бы употребляемый вѣдьмами: одіонъ, другіанъ, тройчанъ, черичанъ, подонъ, лодонъ, сукманъ, дукманъ, левурда, дыкса; одино, поппино, двинкикры, хайпанъ, дайнамъ, сповелось, сподалось, рыбинчъ, дыбичъ, клець.

В. Ананскій

ФИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. К. ДЕРШАУ

на 1846 годъ.

Составленный изъ трудовъ Русскихъ, Скандинавскихъ, Датскихъ и Финскихъ писателей и ученыхъ:

Альквиста, А. Н. Анненскаго, А. П. Башуцкаго, барона Берцеліуса, С. И. Барановскаго, В. Г. Бялинскаго, Е. Н. Гребенки, Д. Григоровича, Гейера, П. И. Дегаля, В. И. Дегаля, П. О. Дингельштедта, А. Эленшлегера, П. В. Ефимовскаго, М. Н. Загоскина, Н. В. Кукольника, Е. И. Ковалевскаго, Э. Карленъ, Н. Коронковскаго, Лерота, Г. А. Мезаппа, Н. А. Некрасова, князя В. О. Одоевскаго, С. И. Побѣдоносцева, С. В. Соловьева, А. В. Старчевскаго, Тегнера, М. И. Талызина, Д. Успенскаго, Фрюкселя, А. Шерена и друг.

Цѣна за годовое изданіе Финскаго Вѣстника, въ С. Петербургѣ и Москвѣ 10 руб. сереб.; за доставку на домъ или за пересылку во всѣ прочіе города Россійской Имперіи, прилагается 1 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ конторѣ Финскаго Вѣстника, находящейся на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Пизена; въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ Свѣтшикова и Базунова, на Страстномъ бульварѣ. Всѣ требованія и сношенія по журналъ производятся на имя издателя, Оеодора Карловича Дершау, адреса ихъ въ С. Петербургѣ въ контору Финскаго Вѣстника.

НОВАЯ МУЗЫКА.

Изъ не многихъ музыкальныхъ новостей замѣчательнѣйшая: романсъ «Я не могу не назвать» слова графа Т***, музыка В. М. Кажинскаго. Любители утомились пѣть нашу, хотя и прекрасную старину. Пора освѣжитьъ, и на этотъ разъ любители душевно порадуется умноженно изъ домашняго репертуара пріятнымъ подаркомъ. Романсъ написанъ для тевора или сопрано.

Вальсъ Ломакина теперь навѣстѣ фортопьянахъ. Любители не только играютъ, но и переписываютъ это народное произведеніе. Еще миленька и прехорошенькая игрушечка «Rigolette Galop,» соч. Лялова. Воздушно, легко, хорошо обработанъ. Четыре польки В. М. Кажинскаго: 1) Petersburger — 2) Amat, — 3) Leonoren и 4) Marien Polka, вышши вторымъ изданіемъ. Лѣтвомъ оркестръ Германна превосходно исполнялъ эти польки. Петербургскую польку заставляли повторять не въ сколько разъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА.

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ противъ арсенала Анцикова Дворца, въ домѣ Завѣтнова; въ Москвѣ: на Тверской, въ домѣ Мятлевои.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА СТРУГОВЩИКОВА,

Займствованныя изъ Гете и Шиллера. Книга первая. Спб. 1845, въ 8-ю л. л. на лучшей веле-невои бумагѣ. Цѣна 1 руб. 25 коп. серебромъ, всѣ. за 1 фунтъ.

РУКОВОДСТВО

КЪ УСТРОЕНІЮ И СОДЕРЖАНІЮ

ТЕПЛИЦЪ, ОРАНЖЕРЕЙ, ПАРНИКОВЪ И СЯДОВЪ.

Соч. Неймана, со многими планами, фасадами и чертежами. Спб. 1845. Цѣна 2 руб. сер., всѣ. за 2 фун.

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРАЛЬ.

Куплеты П. А.

Съ 8-ю литографированными картинками. Москва, 1845. Цѣна 60 коп. серб., всѣ. за 1 ф.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

Десять томовъ Спб., 1844—1845 г. въ 8-ю л. л. на лучшей бумагѣ, изданіе М. Д. Ольхина. Цѣна 6 руб. сер., съ картинками 3 руб. сер., всѣ. за 3 ф.

ХОЗЯИНЪ СЕБѢ НА УМѢ,

ОПЫТНЫЙ ЭКОНОМЪ И СКОПИДОМЪ,

или

260 секретовъ изъ домашней экономіи,

съ указаніемъ, самому приготовить все необходимое въ домашнемъ быту. Съ четвертаго Немецкаго изданія. Спб. 1845. Цѣна 40 коп. серб., всѣ. за 1 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ПОДЪ ФИРМОЮ

АЛЕКСАНДРЪ СМИРАИНЪ.

На Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгарта,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ :

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА СТРУГОВЩИКОВА,

Займствованныя изъ Гете и Шиллера. Книга первая. Спб., 1845 г. (8) 1 р. 25 к. сер. всѣ. за 2 ф.

ПРАКТИКА ДЛЯ ПИРОТЕХНИКОВЪ

или Руководство къ правильному произведенію работъ, необходимыхъ при фейверкахъ, составилъ по двадцатилѣтнимъ опытамъ Эдуарда Ната. Съ 180 фигурами на 15-ти большихъ листахъ. Спб., 1845 г. (8) 5 руб. серебромъ, всѣ. за 3 фунта.

ИНКВИЗИЦІЯ.

СОЧ. ГАЛЛУА.

Перевелъ съ Французскаго В. Модестовъ. Спб., 1845 г. (16) 1 руб. 50 к. сер.

РУКОВОДСТВО

къ устройствію и содержанію теплицъ, оранжерей, парниковъ и садовъ. Сочиненіе Шеймманна, со многими планами, фасадами и чертежами. Спб., 1845 г. 2 руб. сер., всѣ. за 1 фун.

РИСУНКИ

НОВѢЙШИХЪ ЭКИПАЖЕЙ,

Лондонскаго, Парижскаго, Вѣнскаго и С. Петербургскаго устройства. Коллекція 18-ти новѣйшихъ и употребительнѣйшихъ въ настоящее время въ С. Петербургѣ лѣтнихъ и зимнихъ экипажей, рисованныхъ по приложенію при семъ мастабу. Рисунки эти удобны и къ употребленію въ рисовальныя школы ремесля. Спб., 1844 г. (4) 3 руб. сер., всѣ. за 2 фун.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода.

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обвертокъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Типографія находится по Итальянской улицѣ, противу Михайловскаго манажа, въ домѣ подпоручика Алексеева.

И Г Р Ы .

ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 25.

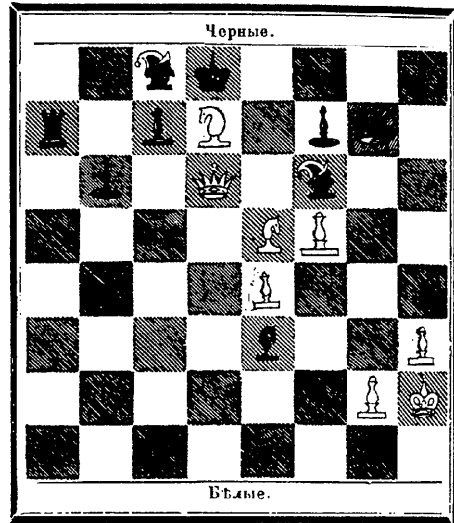
Бѣлые.

Черные.

- 1) Конь Короля на 2 м. Ф. Ф. бер. К.
- 2) Л. на 4 м. Сл. Кор. Л. бер. Л.
- 3) Ф. на 5 м. Кор. П. бер. Ф.
- 4) К. на 7 м. Сл. Ф. и матъ.

ЗАДАЧА № 26.

Бѣлые ходятъ и даютъ матъ въ три хода

РАЗГАДКА № 25.

Неб. утъ. те. сто. ль. козлы, чт'. обозъ. мѣ вать. ошибки въ ближнемъ.

Небудте столько злы чтобъ осмѣивать ошибки въ ближнемъ.

ЗАГАДКА № 26.

В 7 М Воду въ пламя изрыгаетъ
Стольбъ огненный во тмѣ стоитъ
и проч.

З Злой судьбою караемой **Я**
Я потерялъ покой мой.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Просимъ покорнѣе исправить ошибки замѣченныя нами въ 25 номерѣ.

Стр. 592. столб. 1-й, строка 29 снизу напечатано 150 р. асс. слѣдуетъ 150 р. сер.

Стр. 598. столб. 1-й стр. 44 сверху Camphino-el — слѣдуетъ — Camphine—oel.

Переноска, по особеннымъ новодамъ отъ Редакціи независѣвшимъ отложена до слѣдующаго номера.

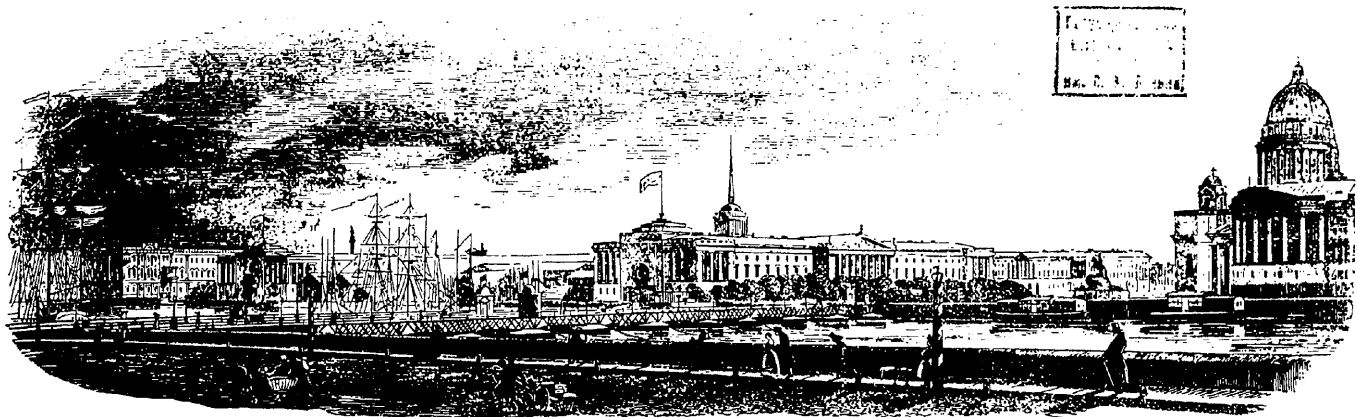
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Баронъ, повѣсть А. Пальма. 2) Путешествіе по всей Россіи: Везенбергъ, Гапсаль, Ревель. 3) Еженедѣльникъ. 4) Паргаловскія Тайны, (продолженіе) П. Ф.—ика. 5) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 6) Стихотворенія: Пѣсня Художниковъ изъ Гете. А. Г. *** С. Дурова. 7) Анекдоты. 8) Театральныи вѣстникъ. 9) Вѣдма, К. Луганскаго. 10) Финскій вѣстникъ. 11) Новая музыка. 12) Объявленія. 13) Шахматы. 14) Загадка. 15) Отъ Редакціи.

ГРАВЮРЫ : 1) Замокъ Везенбергъ. 2) Монастырь Бригитты. 3) Гапсаль. 4) Николаевская Церковь въ Ревель. 5) Г-жа Віардо-Гарсія. 6) Г. Тамбурина. 7) Г-жа Кастеллавъ. 8) Г. Сальви. 9) Атмосферическія желѣзныя дороги (10 гравюръ). 10) Вѣдма. Всего 19 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 27. — Суббота, 15 Октября 1843. Безъ доставки На годъ 10 р. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

БАРОНЪ.

(Окончаніе).

III.

Титулярный совѣтникъ Яковъ Ильичъ Метлихинъ жилъ-себѣ въ Третьей улицѣ совершеннымъ патриархомъ. Онъ удивительно какъ привыкъ къ жизни; покойная и неподвижная должность, стеганный спичевый халатъ, вѣчныя размовки съ женою, собственный домишко въ захолустьѣ, все это чрезвычайно способствовало къ жизни плѣтъ не возмущаемой; да если еще прибавить, что Яковъ Ильичъ всякой день угощалъ себя перцемъ обѣдомъ рюмочкой травника, то будетъ очень понятна эта привычка къ жизни. Онъ былъ человекъ съ достаточнымъ запасомъ практическаго ума;—но длинные годы, жена, дѣти, хлопоты, все это сгладило, стерло умъ его, — какъ стирался ярко-намадеванскій портретъ турецкаго султана на табакеркѣ, ежедневно употребляемой, и остается на ней какое-то странное пятно. Теперь уже Яковъ Ильичъ и самъ чувствовалъ, что сталъ нигуда негоденъ. Хозяйствомъ управляла жена, сапоги и платье Якову Ильичу заказывала жена, одѣвала его и отправляла во время въ должность — жена;—все жена; даже она-бы и въ должность за него ходила, если бы это было возможно...

И дѣйствительно, Матрена Аоонасьевна была бой-баба; она, рѣшительно, за-поисъ заткнетъ десятерыхъ Якововъ Ильичей. Главный разгулъ ея дѣятельности былъ на рынкѣ. Уже какъ она торговалась, какъ она умѣла выбрать торговку за плутни и барышничество, или мясника за неопрятность. Создатель, какъ она расходится! У, хуже всякаго дьявола! Ее ужъ все знали и боялись въ чемъ-либо понеречить Метлихиной. Въ домашней жизни она тоже никому не давала спуска; этой бабѣ никто не брать; всякаго отхлещетъ такъ, что и... Но случись посторонній человекъ, — о, онъ не будетъ смѣять достойно оценить добродѣтель и умъ Матрены Аоонасьевны и будетъ только молча дивиться ей!

Да если еще посторонній человекъ, такъ, къ слову, скажетъ:

— Ужъ какъ я дивуюсь вамъ, Матрена Аоонасьевна, — шутка ли, вѣдь совершенно весь домъ вамъ только и держится!..

О, что станется съ Матреной Аоонасьевной послѣ этихъ словъ: и жалобы, и хвастовство своимъ умомъ и дѣятельностію, и ропотъ на судьбу, на людей, и слезы, и все, такъ рѣкой и польется! Удивительно тонкая женщина!

А посмотрѣли-бы вы какъ она вѣжна съ дочерью своей, сдѣлательной Паташенькой! Это, просто, голубка, горлица, а не мать! И въ пансіонъ-то за Паташеньку переплатилъ проанств денегъ; и Па-

ташенька-то умна и образована, и по-французски говоритъ, и на фортепьянахъ играть, и книжки любить читать до смерти!.. за то вся жизнь нѣжной матери посвящена счастью Паташеньки; устроитъ ея судьбу — вотъ цѣль и утѣха Матрены Аоонасьевны. Но вѣдь и на небѣ не всегда-жъ бываетъ ясно, и Матрена Аоонасьевна не всегда же голубится съ дочкою: выдаются минуты, что хоть заткни уши и бѣги вонъ изъ дома.

— Что ты тамъ глазѣшь на улицу-то! Пошла прочь отъ окна; дѣла-бы дѣло, безстыдница! А то, вишь, перемигивается съ офицерами! Матерп-то никто не поможеть! Пошла, я тебѣ говорю!

Паташа, воспитанная въ такомъ же духѣ, конечно, отвѣчала матери тоже како-нибудь колкостью. И тутъ ужъ завязывалась баталія. За маленькой тоже водились разные грѣшки, и дочка не могла умолчать объ нихъ, обороняясь мужественно отъ нападковъ, часто несправедливыхъ.

При постороннихъ людяхъ мать и дочь лицемерили за-одно. Нужно-же поймать жениха! Паташа уже очень чувствовала, что ей пора замужъ, а догадливая маменька навѣрно знала это и толковала объ этомъ безпрестанно дочери.

Въ одно обыкновенное утро мать и дочь встали раньше обыкновеннаго; поторопились папиться чаю, и Матрена Аоонасьевна двумя часами ранѣе отправила мужа въ должность, приказавъ ему не замарать чернилами новаго жилета.

Въ одно обыкновенное утро мать и дочь встали раньше обыкновеннаго; поторопились папиться чаю, и Матрена Аоонасьевна двумя часами ранѣе отправила мужа въ должность, приказавъ ему не замарать чернилами новаго жилета.

Выводивъ со двора мужа, матушка и дочка принялись за туалетъ съ необыкновенною тщательностію. Онѣ одѣвались въ двухъ смежныхъ комнатахъ и переканкались слѣдующими фразами:

— Наташа, въ которомъ часу они будутъ?
— Въ 12-ть, маменька. — Вы, маменька, какой платокъ надѣнете?
— Бѣлый кѣтчатый.
— Хорошо-съ; а я на шею ничего не надѣну.
— Какъ это можно! что ты! надѣнь хоть перерипку.

— Охъ! простопала Наташа.
— Что тамъ такое?
— Ничего-съ... допнулъ...
— Какая ты, право! — Ну, я готова; скоро-ли ты?

— Сію минуту. — Ахъ, маменька, у васъ очень красны...
— Что ты бредишь? Ужъ будто я не знаю! Ужъ будто у меня никакого нѣтъ вкуса!..

Въ это время, въ передней послышалось хлоппанье каалошъ пришедшихъ гостей, и горничная, одѣвавшая Паташу, должна была бѣжать, снятъ шинель.

— Ахъ, какъ ты срамилъ меня! — Господи! вотъ дитятко навязалось! Нойду, я одна причину ихъ, а ты позволю у меня проворнѣй одѣваться; слышишь? а не то...

Ахъ, заравстуйте, куманекъ! — мое почтение, все-ли вы здоровы? уже говорила плавно Матрена Аоонасьевна, выйдя въ гостиную.

— Здравствуйте, кумушка! Вотъ, позволюте вамъ рекомендовать друга моего, Барона ***; давно желалъ съ вами познакомиться.

— Ахъ, помилуйте, намъ очень лестно! Я уже давно объ васъ такъ наслышалась...

Фу, ты проанств, что за тонкая женщина!

Пало вамъ пояснить, что Вася называлъ Матрену Аоонасьевну кумушкой, а она его куманькомъ, совершенно произвольно. Родства этого между ними никогда не существовало; а это была маленькая любезность съ обѣихъ сторонъ. Вася любилъ во всемъ что нибудь особенное; и въ кварталѣ все знали его поношенную фигуру и все считали его своимъ, и принимали всегда съ большимъ радушіемъ и уваженіемъ.

— А я вчера васъ видѣла у обѣдинъ, сказала Матрена Аоонасьевна, обращаясь къ Барону.

— Да-съ; вы, кажется, очень богомольны, приговаривалъ онъ, рѣшительно не зная, что сказать.

— Да-съ; я почти каждый праздникъ бываю въ церкви; а въ нашей церкви такъ прекрасно служатъ.

— Дѣйствительно, очень хорошо.

— Да, вѣдь у насъ теперь новыи священникъ? Я тоже постоянно бываю п у всеночной и у обѣдинъ, сказалъ Вася торжественно.

Въ это мгновѣніе въ дверяхъ зашумѣло и мелькнуло голубое платьице, и опять скрылось.

— Наташа, выйдн сюда! сказала повелительно Матрена Аоонасьевна.

И Наташа появилась, приложила руки къ поясу, присѣла и крестя какъ маконъ цвѣтъ.

— Рекомендую-съ, дочь моя.

Баронъ раскланялся и немного смутился. Роскошно-развитыя плечи Паташи были совершенно открыты; это не ускользнуло отъ матери, и она, незамѣтно для гостей, сверкнула зорнами. Завязался общій разговоръ.

Всевозможные предметы были тронуты въ этомъ разговорѣ; въ заключеніе, Паташа должна была сыграть что-нибудь на фортепьяно. Долго она колебалась, — наконецъ съѣла и заиграла что-то изъ Бронзоваго Коля. Играла она, можетъ быть, и очень хорошо, но звукъ инструмента былъ чрезвычайно странный, похожіи нѣсколько на усиленное жуужаніе всевозможныхъ настиковыхъ; такъ, вѣроятно, по этой причинѣ игра Паташи не произвела ожидаемаго впечатлѣнія на Барона. Впрочемъ, когда Паташа кончила піесу, то Баронъ

сказал: очень хорошо! прекрасно! А Вася приливает, что негодится ставить фортепьяно близ окон, — сырнют, разстроиваются и теряют звук.

Гостям подали кофе, непреминное угощение въхтербургских чиновниц. Вася, однакож, отказался от кофе, а шепнул что-то хозяйкѣ и вышел въ другую комнату.

Баронъ и Наташа вступили въ робкій разговоръ. Это даже странно! Они говорили оба чрезвычайно застѣнчиво, а глядя другъ на друга, какъ-будто давно уже знакомые люди. Потому, вѣрно, что говорятъ они между собою въ первый разъ, а видѣлись — много, много разъ видѣлись! Послѣ первой выпитой чашки кофе, Матрена Аоонасеевна предложила Барону и другой; по онъ отъ другой отказался. Въ это время вышелъ изъ другой комнаты Вася съ чрезвычайно серьезнымъ лицомъ. Гости взялись за шляпы и, откланявшись, пошлп надѣвать калоши и шинели.

Выходя съ довольно нечистаго двора, Баронъ взглянулъ въ окно и увидѣлъ Наташу... Онъ посмотрѣлъ на нее какъ-то особенно и, сгибаясь, продѣлалъ сквозе калитку на Третью улицу.

Дорогой пріятель толковали, разумеется, о красотѣ Наташѣ.

— Она, кажется, премпленкое, предоброе созданіе! сказалъ Баронъ.

— Славная штучка! замѣтилъ Вася.

— Только мнѣ кажется, что мать ея должна быть...

— О, да; она женщина протал, знаешь добрал.

— И глупая...

— Да, пожалуй!

— Жаль Наташу, что она въ такомъ низкомъ словѣ... впрочемъ, что жъ тутъ! Зналъ я и знатныхъ барышень... да что въ ихъ знатности!

IV.

Часто бывалъ Баронъ въ низенькомъ деревянномъ домикѣ, — и бывалъ всегда съ Васей. Матрена Аоонасеевна ирпимала и угошала ихъ какъ только могла. Часто, иля отъ службы, Вася только мигнетъ Барону, и, не говоря ни слова, пріятель отправляется въ Третью улицу. А тамъ ихъ ждетъ Матрена Аоонасеевна съ горячимъ густымъ кофе, — а Наташа съ своими черными глазенками и тихимъ дѣвически-стильнымъ разговоромъ.

Причину этого радушія былъ, разумеется, отдаленные виды матушки на женишка, какой вѣрно и во свѣ сѣ не снился. А виды эти зародились въ головѣ Матрены Аоонасеевны отъ тонкихъ, иссоветъ лсныхъ, намековъ Вася. — Вася, нужно правду сказать, былъ чрезвычайно ловкій человекъ въ обществѣ; онъ умѣлъ примѣнить-ся ко всакому, — не пзъ какихъ-нибудь выгодъ дѣлалъ онъ это, итъ, просто, пзъ желанія быть всездъ пріятнымъ.

Да, что-же мы не сказали ничего о Наташѣ? Да что-жъ вамъ сказать объ ней? — Дѣвушка, такъ-себѣ, какъ и многія дѣвушки. — Воспятивалась она въ пансіонѣ у *Мадмы*; шала тамъ, какъ шалеть всѣ дѣвочки, которыя всякій день выходятъ пзъ родительскаго дома, съ ридикульчикомъ или сумочкой, напичканной книжками; и плутъ въ сопровожденіи кухарки, къ мадамъ, наставляющей юншество обоого, или псключительно только женскаго пола — всему полезному и необходимому.

Кончивъ ученіе въ пансіонѣ, Наташа порадовалась почтенныхъ родителей своимъ щебетаньемъ на французскомъ діалектѣ, котораго почтенные родители не пошмали вовсе, — порадовала она сие оныхъ же родителей расцвѣтающею красотой своею, блаженствомъ, уготованнымъ для будущаго обладателя Наташъ, — человека, должно полагать, солиднаго, во фракѣ съ гербовыми пуговицами. — Счастливцевъ, право, этотъ человекъ! — Если только можно не быть счастливецомъ, облада красотоюНаташей со всѣмъ ея прелестями и даже съ деревяннмъ домишкомъ на Третей улицѣ!.. Истинно завидная доля!

П вдругъ, теперь, случайно, неожиданно, фигура этого солиднаго человека, во фракѣ съ гербовыми пуговицами, пчезла въ воображеніи ридителси Наташи; — фигура эта замѣнилась стройнымъ, милонданнымъ юношей, богатымъ, имѣющимъ благородную службу и, вдобавокъ, — Барономъ!.. Это рѣшительно озадачило Матрену Аоонасеевну, а Якова Ильича заставило удвоить порцію травника и беспрестанно улыбаться.

Яковъ Ильичъ былъ почти не замѣненъ Барономъ, не смотря на пріятно-льстивую рекомендацію Вася. Разъ какъ-то Баронъ спдѣлъ до поздняго вечера и былъ удержанъ, чтобы закусить, чѣмъ Богъ послалъ; — тутъ-то, послѣ этой закуски, Яковъ Ильичъ что-то очень расхрабрился и, не говоря ни слова, съ улыбкою похлопалъ Барона по плечу. Баронъ оглянулся на Якова Ильича и замѣтилъ, пзъ всей его фигуры, только одну глазъ кривой, но сверкавшій необыкновенно страшно.

Правду сказать, Барону не было никакой надобности ни до Якова Ильича, ни до Матрены Аоонасеевны, ни до ихъ домишка, — сму во всемъ видѣлась одна Наташа... Она была магнитомъ, затащившимъ Барона въ низенькія, неспрятныя комнатки, въ общество людей, которыхъ бы онъ вовсе не хотѣлъ знать.

Отношенія Барона къ Наташѣ становились все ближе и ближе — и это сближеніе шло удивительно быстро. Вася велъ себя очень странно; онъ, то льстивыми поощреніями поджигалъ Барона, то говорилъ ему холодно, рѣзкія истинны — что также поджигало упорный характеръ Барона.

Въ февралѣ, Баронъ получилъ письмо отъ дядя, который требовалъ его къ себѣ, потому что, послѣ долгой, отчаянной болѣзни находився теперь при смерти. Дядя, совершенно-одинокій человекъ, — человекъ богатый... Непремѣнно надо ѣхать.

— Знаете, Вася, мнѣ надо ѣхать.

— Куда? — На долго?

— Къ дядѣ; онъ умираетъ. — Я думаю, что побуду тамъ мѣсяца два.

— А, къ тому, къ богатому... Знаю; ну, что жъ, съ Богомъ!

— Да, на этихъ яляхъ уже я долженъ выѣхать отсюда. Надо взять отпускъ.

— Да; и надо проститься съ Наташей...

— Будемъ у нихъ завтра вечеромъ?

— Ладно; ты заѣжай за мной.

— Хорошо.

— Ну, привози, братъ, побольше денегъ!

— Я его единственный наслѣдникъ.

Вася лукаво улыбнулся.

— Забудешь ты свою Наташу...

— Посмотримъ. — Знаешь-ли, Вася, я даже привыкъ къ ней; если день не увижу ее, мнѣ уже скучно!..

— Что же твои прежніе планы? Или ты уже иначе думаешь?

— Попируемъ у меня на сватьбѣ, Вася! Устрою все чудесно; — шампанскаго пѣлое озеро!

— Жаль только, что ты уже не будешь намъ товарищемъ!..

— Какъ такъ?!

— Жепатый человекъ!

— Конечно... но вы будете всегда моимъ другомъ, Вася... Вамъ я буду обязанъ моимъ счастьемъ.

Думалъ-ли Баронъ, какія глупости говорилъ онъ въ эту минуту!

Вечеромъ, едва стало смеркаться, пзвоицкъ, на своей кобылкѣ, въ дырявыхъ санкахъ, ташпалъ двухъ господъ по Третьей улицѣ. — У низенькаго домика остановились санки; пзвоицкъ подучилъ двугривенный, а господа пошли въ калитку.

— А, кумушка! — мое почтение!

— Дорогой куманекъ! — что это вы сегодня утрои не зашли къ намъ?

— Извините, кумушка, — право, никакъ не могъ. А вотъ, Баронъ оставляетъ пася.

— Какъ-съ, почему это?

— Долженъ ѣхать къ больному старику-дядѣ.

Вася что-то шепнулъ на ухо Матренѣ Аоонасеевнѣ и значительно кашлянулъ.

— На долго вы позволите ѣхать?

— Мѣсяца на два.

— Скажите! — произнесла тонкая дама.

Наташа вошла въ комнату. — Мать объяснила сѣ, съ приличнымъ сожалѣніемъ, что Баронъ ѣдетъ.

— Впрочемъ, — прибавила она, — дай, Богъ, въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать, — Баронъ воротится къ намъ веселій, счастливый, и вѣрно будетъ жаловать къ намъ по старому!

— О, помолуйте! — конечно! сказалъ Баронъ.

Вася отозвалъ Матрену Аоонасеевну въ другую комнату; Баронъ съ Наташей остался въ пріятномъ тѣтѣ-и-тѣ.

Вася заговорилъ кумушку и задержалъ ее добрыхъ два часа въ той комнатѣ.

Баронъ и Наташа сперва долго молчали.

— Вы ужасаете? — робко сказала дѣвушка.

— Да; — долженъ ѣхать!.. Скучно разставаться съ людьми, которыхъ любишь!..

Наташа пошла къ фортепьяно и начала небрежно перебирать пальчатками по клавишамъ.

— Вернитесь скорѣе... промолвила она съ легкимъ вздохомъ. — Пшите къ намъ...

— О, неспрѣмъно! А какъ пріятно мнѣ будетъ возвращаться! — и опять къ вамъ! — въ эти комнаты! — Баронъ похлопалъ на потолкѣ и на стѣны и едва не разсмѣялся: ибо прямо противъ него висѣлъ портретъ какого-то генерала, взирающаго такъ угрюмо и такъ важно, что Баронъ едва могъ удержаться отъ смѣха.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— О, неспрѣмъно! А какъ пріятно мнѣ будетъ возвращаться! — и опять къ вамъ! — въ эти комнаты! — Баронъ похлопалъ на потолкѣ и на стѣны и едва не разсмѣялся: ибо прямо противъ него висѣлъ портретъ какого-то генерала, взирающаго такъ угрюмо и такъ важно, что Баронъ едва могъ удержаться отъ смѣха.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

— Прошайте, прошайте, Наталья Яковлевна! впрочемъ къ вамъ... и, вѣроятно, въ разлукѣ сильнѣе почувствую мою любовь... къ... къ вамену семейству.

Богъ знаетъ, что дѣлалъ Баронъ въ деревнѣ дяди; неизвестно, что дѣлалось съ Наташей... только навѣрно можно сказать о занятіяхъ Якова Ильича, Матрены Аоонасеевны и Васи: ихъ дѣятельность всегда постоянно одинакова.

Наташа все ждала писемъ отъ Барона. Промѣля желѣть, нѣтъ писемъ; прошло два мѣсяца, все нѣтъ писемъ... Наташа, потихоньку отъ матери, написала письмо къ Барону, письмо, исполненное страстныхъ выраженій и глупыхъ грамматическихъ ошибокъ. — Что жъ дѣлать? видно любовь и красота не уживаются въ ладахъ съ грамматикой! — Услужливый Вася взялся переслать это письмо къ Барону. — Нѣтъ отвѣта!

Но вотъ, явился самъ Баронъ съ флеромъ на лѣвомъ обшлагаѣ. Первое, что онъ сдѣлалъ — послалъ за Васей.

Объятія, упреки, вопросы, отвѣты, восклицанія — смѣшались градомъ. Баронъ послалъ за бутылкой коньяку. Приѣтели усѣлись на диванѣ, передъ ними столы, на столѣхъ черная смоленая бутылка и свѣтлыя, искришіяся виною, стаканы.

— Ну, что Наташа?
— Бѣдная!.. сказалъ съ чувствомъ Вася.
— Что съ ней?!..
— Ничего; все тоскуетъ... А ты хорошъ! Хотя бы строчку написалъ!.. Получилъ ты мое письмо и ее вмѣстѣ?

— Получилъ; — да знаешь, хлопоты такія, — когда тутъ станешь писать!
— Завтра къ нимъ. — Они на будущей недѣлѣ переезжаютъ на дачу, на Петровскій.

На другой день Баронъ былъ уже у Метлихнскихъ. Его встрѣтилъ — глупая радость, приторные упреки, горячій кофе — все въ двойномъ количествѣ противъ обыкновеннаго.

Но все это вознаграждалось томно-черными, заплаканными глазами Наташи. Переговорить съ ней, утѣшить ее, утѣшить... Баронъ не могъ, потому что ян минуты не оставался съ нею одинъ.

Любилъ-ли ее Баронъ? — Кто разгадаетъ темное сердце человѣка! — И любилъ, и нѣтъ; при ней онъ любилъ молча заслѣпывать и глядѣть на эти быстрые глаза, на эти матовыя плечи... Безъ нея, онъ едва-ли пытался отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ!..

Начало этого знакомства, первый побужденія Барона были таковы, что онъ самъ ихъ стыдился... онъ не чувствовалъ, — но не былъ замѣненъ ничѣмъ новымъ, болѣе духовнымъ, болѣе чистымъ... Онъ бы безъ горькаго сожалѣнія прекратилъ эту связь, но его тлило истинно куда-то дальше, къ чему-то, чего онъ и самъ не зналъ...

Теперь Баронъ богатъ; а это важная статья; это толчокъ такой, который, вѣрно, опрокинетъ не только направленіе молодого человѣка, но даже его характеръ, его дѣянъ, его завітыя въ рованія... Къ лучшему, или къ худшему, — кто знаетъ! — Баронъ сѣлъ въ коляску съ Васей и поѣхалъ на Петровскій островъ.

Дача, наименѣе Метлихнскими, была, просто, избушка, окруженная жалкими цвѣтникомъ и облепленная длинными, длинными, косматыми вѣтвями сосенъ и елей.

— Славное мѣстопоположеніе! — замѣтилъ Вася, когда они подѣхали къ самой дачѣ.

По мнѣнію Барона, на этой дачѣ было одно только удобство: въ ветхомъ домишкѣ очень легко простудиться въ одинъ ненастный день нашего петербургскаго лѣта; а удовольствіе, правда, большое, можно было найти въ прогулкѣ по взморью; видъ чудесный, удивленіе, гаушь... очень хорошо! — Этихъ мнѣній, однако же, не выговорилъ нашъ Баронъ.

Часу въ 9-мъ вечера Баронъ предложилъ пойти гулять на взорье; но Вася, рассказывавшій какую-то любопытную исторію изъ временъ млдущихъ, удержалъ Матрону Аоонасьевну дома.

— Да впрочетъ, мы вамъ не мѣшаемъ, ступайте себѣ, вотъ, съ Наташенькой. — А ты, Наташа, накинъ мантлыю; вѣтеръ отъ воды сырой, холодный; не простудись. Яковъ Ильичъ, и ты ступай съ нами; ты, чай, соскучился сидѣть дома; вода, это, тебѣ здорово.

Такъ распорядилась Матрона Аоонасьевна; и, кому сѣдовало, тѣ отпарались гулять.

Чрезвычайно оригиналенъ видъ съ береговъ Петровскаго острова на открытій Финскій заливъ, на далеко-блгушіе подъ вѣтри парусами корабли и движущіеся пароходы, на тони, желѣкающія черными точками по синей глади воды. Ближе, видна перковь Смоленскаго владыища, потонувшая въ густой зелени.

Баронъ невольно погрузился въ созерцаніе природы; — и эта природа, сѣверная, не лмшшая нѣгой, не вѣющая теплотой, эта природа загворила душѣ его, и встрепенулась молодая душа...

Баронъ шель молча; Наташа тоже молчала, а отецъ ея шель, какъ обыкновенно онъ ходитъ въ должностъ; иначе онъ, кажется, и не умѣлъ ходить.

Грустно Баронъ глядѣлъ на дѣвушку... ему становилось еще грустнѣе, когда онъ видѣлъ бредущаго близъ нея отца ея... Такое хорошенькое созданіе, думалъ онъ, можетъ ли назваться дочерью этого назощеннаго, безсмысленнаго двуногаго?.. этой злой, глупой бабы?.. Эта дѣвушка, жертва — она будетъ вторымъ экземпляромъ своей маленькія... а теперь она еще чистая голубка... простая, дѣвственна душа!.. Спасти ее — благородно... да, она хорошенькая! — А жену я хотѣлъ бы нѣтъ хорошенькую, умненькую... Жениться?.. А вѣтъ это все будетъ родня!.. отецъ и мать... Ахъ, зачѣмъ ты не спотка, Наташа!.. Вдругъ въ близкихъ кустахъ послышался чей-то рѣзкій смѣхъ... Баронъ смутился... Не отвѣтъ-ли это на его думы?..

Эти мысли всегда приходили тревожить душу Барона, когда онъ гулялъ съ Наташей на взморьѣ.

А они часто гуляли, иногда въ сопровожденіи отца и матери, а иногда совершенно одинъ, или съ отцомъ, — но это было почти все равно, ибо Яковъ Ильичъ часто забывался, любуясь на природу своимъ кривымъ глазомъ, и уходилъ, невѣстно куда, оставляя молодыхъ людей наединѣ.

Баронъ сначала жадно упивался этими долгими минутами уединенія... Наташа высказывала ему свою душу, свою любовь, свое горькое положеніе въ семействѣ...

Баронъ ей высказывалъ свои думы и заключалъ ихъ словами. Ахъ, зачѣмъ ты не спотка, Наташа! Наташа горько рыдала... и упала въ изнеможеніи на грудь любимую, молодую, благодушную... а въ слухѣ Барона отдавался слышанный когда-то вдалекѣ чей-то рѣзкій свистъ... и страшно становилось Барону, и онъ искалъ самозабвенія въ ласкахъ Наташи...

Подобныя прогулки были очень часты, почти ежедневны, въ теченіе всего мая и первой половины іюня.

Баронъ думалъ въ какомъ-то забвеніи всего, что ни есть на свѣтѣ, въ чаду, обаянія... ни разумъ, ни воля — ничто не смѣло подать голоса, несмѣло пошевелиться.

Однѣй разъ, вечеръ былъ истинно-чудесный, свѣтлый, тихій, хотя немного холодный. — Матрона Аоонасьевна, Яковъ Ильичъ, Наташа, Баронъ, Вася, — все пошло гулять, только не на взорье, а по большой аллеѣ. — Матрона Аоонасьевна, боясь простудиться, надѣла какой-то черный салопъ, а Наташа мантлыю; Яковъ Ильичъ въ сюртукѣ ширококъ и длинномъ; въ воротникѣ этого сюртука пряталась вся голова почтеннаго человѣка и болталась какъ въ коробкѣ. Все это несколько не мѣшало удовольствію гуляющихъ; они шли тѣсною группой. Вася рассказывалъ о историческихъ достопримѣчательностяхъ Петровскаго острова. Вдали по дорогѣ подыался пылъ, загремѣлъ по шоссе колеса, ближе, ближе, и показалась линейка, запряженная четвернею прекрасныхъ лошадей. Въ линейкѣ, будто разноцвѣтная гирлянда, сидѣло нѣсколько дамъ, съ ними какой-то старичекъ генералъ и два франта въ легкыхъ пальто. Линейка порывилась съ нашими знакомыми, Баронъ взглянулъ... онъ бы желалъ провалиться сквозь землю: это были его знакомые, и тутъ же одна... словомъ, его прежняя, поинутая любовь... Баронъ былъ узнавъ и не могъ не поклониться; лицо его было красно,

на лбу выступали капли... онъ видѣлъ, что глядѣли пристально на него и на его спутниковъ, видѣлъ, что ему поклонились съ улыбкою; но, Богъ знаетъ, что это была за улыбка!.. Не насмѣшались? Баронъ оглянулся на своихъ весьма некрасиво одѣтыхъ спутниковъ; — во взглядъ его выразилось что-то злое... Между тѣмъ они мучили его вопросами, кто проѣхалъ? — Онъ отвѣтилъ не опредѣлительно; такъ, ни то, ни се.

VI.

Прошло лѣто, прошла осень и, безъ всякаго сомнѣнія, наступила зима. Баронъ на все лѣто былъ оторванъ отъ Петербурга службой; естественно, не мудрено, что онъ не былъ у Метлихнскихъ, — онъ ни у кого не былъ. Такъ; но зачѣмъ же онъ уѣхалъ, не простясь съ ними, съ Наташей... и, кажется, — да, именно такъ! — послѣ того вечера, какъ, гуляя съ ними, онъ встрѣтилъ своихъ знакомыхъ въ линейкѣ, — онъ уже ни разу глазъ не показывалъ на Петровскій островъ? Странно! — Вася тоже пропалъ.

А они все ждали его; а Наташа всякій день по нѣскольکو разъ выходила на аллею и глядѣла вдаль, не ѣдетъ-ли кто... Но никто не ѣдетъ; никто и не прѣдетъ! Пока Метлихнские были на дачѣ, то думали и удивлялись только одному, — почему печезъ Баронъ? А когда они переехала въ городъ, опять въ свой хлѣбный домишкъ на Третьей улицѣ, тутъ посѣловало другое, какое-то важное, неспрѣтное разстройство въ семействѣ. Матрона Аоонасьевна стала совершеннымъ тигромъ, или дьяволомъ, что почти все ровню. Наташа бранилась съ маленькой съ утра до вечера, и упрекала въ чемъ-то ее, и часто, среди рыданій, вскрикивала: «Господи, чѣмъ я согрѣшила? За что ты наказываешь меня? Виновата-ли я, что у меня такіе... она не могла договорить. А мать обвиняла Наташу, и говорила: можно-ли быть такой дурной!.. А Яковъ Ильичъ, пользуясь этимъ беспорядкомъ, позволялъ и себѣ тоже нѣкоторый безпорядокъ: онъ не ходилъ въ должностъ, ибо посылать его было некому, — и значительно умножилъ порцію травника, чтобы крѣпче уеичъ и не слышать крика и гамъ... словомъ, весь дрянной домишкъ повернулся вверхъ дномъ!

Быль уже поздній вечеръ; Баронъ не приказалъ запертъ свѣчей и сидѣлъ одинъ въ темной комнатѣ. Кто-то позвонилъ; лакей доложилъ о приходѣ Васи.

— Подать огня! закричалъ Баронъ.
— Вотъ, какъ ты нище, Баронъ! Безъ доклада не принимаютъ! Чортъ возьми! Эй, подай трубку!

— Не хотите-ли сигару? У меня нище нѣтъ трубокъ.

— И трубокъ нѣтъ! Вотъ-те-на! Ну, что по-дѣлывашь, Баронъ?

— Ничего. Откуда вы? спросилъ Баронъ, впроротно, примѣтивъ, что Вася былъ не совсѣмъ въ порядкѣ.

— А какъ ты думаешь? — спросилъ Вася, подбоченясь сталъ прямо противъ Барона и смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Какъ я думаю? — Я не знаю, да и знать не могу, гдѣ вы были!

— А я былъ въ Третьей улицѣ; — вотъ что!

— Ага!

— Свнйя ты, Баронъ, — право, свнйя!

— Что съ вами, Василька? — Ради Бога, потише! — что вы!..

— Ахъ, если бы ты зналъ, что тамъ дѣлается! — Какой раздоръ оставилъ ты послѣ себя въ этомъ несчастномъ семействѣ!..

Баронъ молчалъ.

— Мать и дочь въ ссаязахъ... даже жалко сморѣть!

— Ну, что жъ дальше? — грызлъ потги, проворчалъ Баронъ, выведенный изъ терпѣнія.
— А старикъ непременно умретъ... онъ опять вспомнилъ старое... сошется бдьяга съ горля! — Все спитъ, а отъ сна да къ рюмочкѣ!.. Жалко даже сморѣть!

— Это видно, что васъ тамъ очень разжало-били! — насмѣшливо сказалъ Баронъ.

— Что жъ, ты меня обидѣть хочешь? Пѣтъ, стара штука, братъ! — Коли ты такъ, — такъ я...

— Да, я такъ! — Что же вы?

— Прощай, — мы больше никогда не увидимся!

— Прощайте.

Баронъ опять погасилъ свѣчи и остался одинъ въ темной комнатѣ.

==

Прошло много времени; много унесло это время... скучно это повторять! Что же время сдѣлало съ нашими знаками? — Какъ же разрѣшилась эта собиравшаяся буря? — Не кроваво ли разыгрались страсти? Пѣтъ. А было вотъ какъ: —

время все успокоило, — все примирило. — Наташа вышла замужъ за солиднаго чловѣка во фракѣ съ гербовыми пуговицами, — и счастлива, или пѣтъ, — Богъ ее знаетъ! — Вася пировалъ у нея на свадьбѣ; и теперь уже ее зовутъ кукушкой. Говорятъ, что она стала страхъ похожа на свою маменьку. — Яковъ Ильичъ долженъ былъ оставить свою похвальную привычку къ жизни: онъ померъ; а Матрена Аонасьевна живетъ съ зятемъ и дочерью съ своимъ домашнѣмъ въ Третьей улицѣ, и вѣроятно, присматривая за хозяйствомъ, не мало способствуетъ къ умноженію блаженства милого зятюшки. А Баронъ? — Барону всѣхъ глупѣе стоила развязка этой драмы... Другія лица побѣдись, пошумѣли, — да тѣмъ и покончили; а Баронъ — молчалъ, никого не принималъ,

никуда не выѣзжалъ. Долгое время сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ, или съ скучными гостями, если вы его помните. Незвѣстно о чемъ они толковали... Впрочемъ, теперь вѣдь это уже давно — давно — прошлешес! Баронъ, избѣгалъ разныхъ неприятныхъ преслѣдованій, и пѣча расхвѣявъ, поѣхалъ на Кавказъ. — Счастье пошло къ нему по службѣ; онъ быстро пошелъ впередъ. Потомъ женился на дочери одного почтеннаго генерала; иной хвалитъ Барона, иной бранитъ, утверждаетъ, что Баронъ несносный брюзга; а съ говорятъ что онъ терпѣть не можетъ плебейства.

А. Пальмъ.

Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ъ Н И К Ъ .

Словарь Достопамятныхъ людей земли Русской. — Д. П. Татищевъ. — Музыкальное путешествие Казанскаго. — Лекции Гг. Вавилова и Пшона. — Книга Грума. — Вагонъ-Ресторация. — Географія и Латынь.

==

Десять лѣтъ тому назадъ, получивъ, изданный въ Москвѣ покойнымъ Ширяевымъ и составленнымъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Словарь достопамятныхъ людей земли Русской, мы удивились, что такихъ людей на землѣ Русской было не болѣе шести-сотъ, и успокоились тогда только, когда замѣтили, что въ Словарѣ пропущены: Суворовъ, фонъ-Визинъ и т. д.; мы догадались, что эти пять томовъ Словаря составляютъ только начальный опытъ огромнаго и полезнаго труда; что историческая важность и тщательная, обстоятельная обработка біографій не позволяютъ блеснуть живую полнотою; что авторъ предоставилъ времени исподоволю дополнить эту сокровищницу Русской Исторіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ не желалъ лишать занимающихся Исторіей тѣхъ матеріаловъ, которые были уже собраны и обработаны. Этотъ Словарь для всѣхъ любителей отечественной Исторіи дѣйствительно служилъ рукою, настольною книгою и не рѣдко доставлялъ такія справки, какихъ невозможно было отыскать нигдѣ. Догадка наша оправдалась черезъ десять лѣтъ. Словарь достопамятныхъ людей земли Русской изготовленъ во второму изданію, но съ такими дополненіями, исправленіями и поэмненіемъ новыхъ біографій, что его можно назвать рѣшительно трудомъ новымъ, огромнымъ и въ высшей степени полезнымъ. До ста пятидесяти біографій написаны вновь или же переведены сюда въ исправленномъ и дополненномъ видѣ изъ другихъ сочиненій Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Нечислать всѣ счтемъ изъ нихъ; но укажемъ на важнѣйшія, какъ напримеръ, на любопытнѣйшія біографіи: Графа Н. А. Безбородко, К. Я. Булгакова, А. Н. Глѣбова, Князя А. П. Голицына, Н. П. Голыкова, Н. П. Дмитриева, Митрополита Евгенія, Н. П. Ела-

гина, Графа Н. М. Каменскаго, В. В. Капниста, А. В. Кикина, Е. И. Кострова, И. А. Крылова, Князей Куракинскихъ, Графа Ланжерона, Кн. П. В. Лопухина, Н. П. Михельсона, Парышкннскихъ, Н. П. Нелюбова, Графа Н. Н. Новосильцова, М. С. Перекрусиной, А. С. Пушкина, Кн. Н. Г. Репнина, А. М. Римскаго Корсакова, Графа О. В. Растопчина, Д. П. Сенявина, Барона О. А. Соловьева, Татищевыхъ, Д. П. Ф. Визина, Н. П. Хемницера, Кн. М. М.

— Собранныхъ нами свѣдѣній не можемъ назвать удовлетворительными, по крайней-мѣрѣ, можемъ ругаться за ихъ историческую точность. Д. П. Татищевъ родился въ 1769-мъ году. Имѣя 13 лѣтъ отъ роду, онъ вступилъ на службу въ Преображенскій полкъ сержантомъ, гдѣ и прослужилъ около пяти лѣтъ; но въ 1787 году переведенъ въ Конный полкъ. Тутъ успѣхи по службѣ пошли быстрѣе; первые чины Д. П. Татищевъ прошелъ скоро, утверждая ихъ за собою дѣйствительными подвигами, участвуя въ сраженіяхъ въ качествѣ волонтера соединенной арміи. Въ 1794 году, будучи уже камеръ-юнкеромъ, Д. П. Татищевъ участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Литовской арміи, а на приступѣ Пражскомъ, командуя охотниками впереди 3-й колонны, заслужилъ особенное вниманіе начальства и пожалованъ, 1-го января 1795 года, кавалеромъ ордена св. Георгія 4 степени. Слѣдственно, Дмитрій Павловичъ былъ георгиевскимъ кавалеромъ ровно 50 лѣтъ. Поприще военной службы Татищева этимъ и заключилось; онъ перешелъ на другое поле, на которомъ уже служилъ почти до самой смерти. Возвышался быстро по дипломатической части, Д. П. Татищевъ, дѣйствительный камергеръ (1796), тайный совѣтникъ и членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1799), Командоръ Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, въ 1802 году отправленъ былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполь. По возвращеніи пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени (1803) и св. Владимира 2-й степени (1803,) и въ 1805 г., снова въ той же должности отправленъ въ Неаполь. Но военныя бури уже прошли и туда; могущество Наполеона достигало зенита; Неаполь занятъ Французами и Татищевъ возвратился въ Россію, въ 1808 году, гдѣ въ званіи Сенатора и оставался до 1815 года. Общій миръ осклѣилъ Европу. Волновались только тѣ государства, въ которыхъ были возстанувшія незаконно ниспровергнутые престолы. На одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ тогдашней дипломатикѣ, въ Испанію, чрезвы-

Д. П. Татищевъ.

Щербатова, Осифа Прокоповича и др. — Мы перечислили малую часть новыхъ біографій и это перечисленіе уже обнаруживаетъ, какой подарокъ приготовилъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій любознательной части нашей публики. Въ списокъ Татищевыхъ мы нашихъ Алексѣя Даниловича, генералъ-полковника, Аонасія Даниловича, генералъ-майора, Василія Никитича, Историка, Игнатія Петровича, казначея и окольничаго Михаилу Игнатьевича; по Дмитрія Павловича Татищева, недавно скончавшагося въ Вѣнѣ, мы и не могли найтти, по весьма явственной причинѣ.

чайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ назначенъ Д. П. Татищевъ, св. Ордена Золотого Руна, св. Января, св. Александра Невского и чинъ действительнаго тайнаго совѣтника (1819), свидѣтельствуютъ, сколь много, какъ Императорскій Россійскій дворъ, такъ и Дворы Испанскій и Неаполитанскій, цѣнили заслуги Д. П. Татищева. Въ 1821 г., онъ отправился въ томъ же званіи ко двору Нидерландскому; но въ слѣдующемъ году, на Татищева возложено было особое Высочайшее порученіе въ Вѣну, и вслѣдъ за тѣмъ, въ 1823 году, пожалована ему, въ Подольской губерніи значительная аренда. — Въ Вѣнѣ Д. П. Татищевъ оставался по особымъ порученіямъ до 1826 года, и въ это время получилъ орденъ св. Стефана большаго креста и алмазные знаки св. Александра Невского. Въ 1826 году, 22 августа, опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Вѣну; въ этой должности Д. П. Татищевъ оставался до 1841 года; въ это время пожалованъ кавалеромъ орденовъ св. Владиміра I степени, Бѣлаго Орла, св. Андрея Первозваннаго, и алмазными на сей орденъ знаками, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и оберъ-камергеромъ Двора Его Императорскаго Величества. — Заиѣтимъ еще, что онъ имѣлъ и Сардинскій орденъ Анонсиады. Д. П. Татищевъ любилъ художества. — Въ Петербургскомъ домѣ своемъ онъ собралъ драгоценныя икаморы, картины, камни и другіе художественныя предметы. Исторія отдастъ подробный отчетъ о заслугахъ нашего дипломата, столько лѣтъ управлявшаго посольскими дѣлами въ Вѣнѣ. Мы представили только краткій очеркъ этого бластательнаго пути, по которому, не останавливаясь, Д. П. Татищевъ шелъ ровно шестьдесятъ лѣтъ. Последние годы онъ проживалъ въ Вѣнѣ и скончался, тамъ же, 16—28 прошедшаго сентября, на 76-мъ году отъ рожденія.

— Блаженни милостивн, яко ти помилуванн будуть! — повторилъ мы выѣзѣ съ авторомъ брошюры: «Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петербургѣ, съ Николаевской и Александринской школами», прочитавъ его разсказъ, одушевленный, согрѣтый чувствомъ истиннаго патриотизма. Намъ грустно, тяжело писать о подвѣднхъ подвигахъ человѣколюбія и благотворительности, потому что мы не можемъ, не должны давать сердцу воли и обязаны разсказывать спокойно то, что умиляетъ душу живѣйшею признательностію и открываетъ ее молитвою. Давоздастъ Всевидящій сторицею

гражданамъ благотворителямъ! Самый объемъ нашего изданія требуетъ краткости и мы въ немногихъ словахъ передадимъ вамъ исторію прекраснаго подвига здѣшняго купеческаго сословія. Общее бѣдствіе всегда располагаетъ къ благотворительности. Въ 1830 году, холера шла быстро по Россіи и приближалась къ сѣверной столицѣ. С. Петербургское купечество посѣпило принять мѣры къ подаіію помощи больнымъ, и между прочимъ, въ засѣданіи 18 ноября 1830 г., бывший тогда градской глава предложилъ

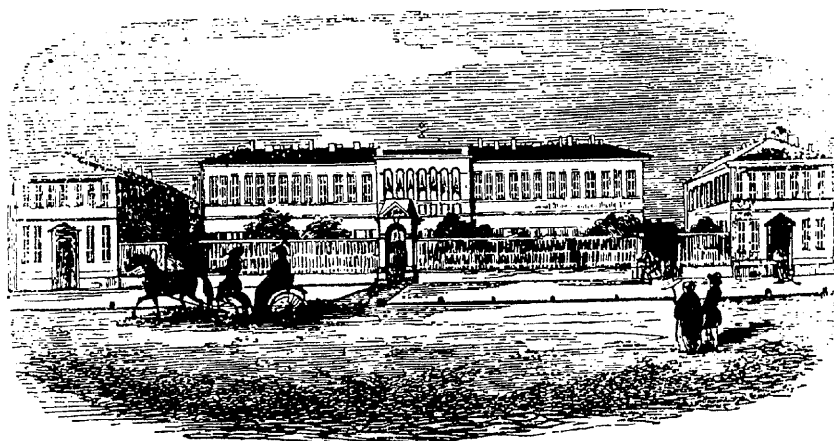
доженію градскаго главы, постановлено учредить школу на 50 круглыхъ сиротъ мужескаго пола. Принесенъ новый пожертвованія; построена лѣвый обширный флигель. Въ 1843 году, Государю Цесаревичу родился сынъ, Великій Князь Николай Александровичъ; по этому случаю новая школа увеличена и удостоена наименованія Николаевской. Въ 1842 году, въ день празднованія серебряной свадьбы Государя Императора и Государыни Императрицы, С. Петербургское купечество принесло новыя

Рабочая въ Александринской школѣ.

построить каменный домъ для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ на 200 человекъ, а капиталъ образовать изъ единовременнаго пожертвованія по одному проценту съ объявленныхъ по каждой гильдіи

объ этихъ учрежденіяхъ, отпечатано роскошно, на лучшей бумагѣ, красивымъ шрифтомъ, съ четырьмя литографированными картинками. — Шрифтъ, бумага, картинки—все это, еще одно пожертвованіе М. Д. Ольхина. Но послѣднее ли это пожертвованіе? Хотя, можно сказать, нѣтъ довершена цѣлая цѣль благотворительныхъ учреждений, хотя, можно сказать, что эти учрежденія получили теперь полноту и гармоническое, окончательное устройство; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что благотворительность С. Петербургскаго купечества не остановится на исполненныхъ уже подвигахъ, и введенія эти разовьются въ огромныхъ размѣрахъ. — Блаженни милостивн, яко ти помилуванн будуть.

Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петербургѣ, близъ бывшей Волковской заставы.

капиталомъ. 21 июня 1831 г. приступлено уже къ возведенію зданія, по проекту А. О. Щедрина, во 2 кварталѣ Каретной части, близъ бывшей Волковской заставы. Купецъ Посипевъ и наши православные ямщики безмалата уступили для постройки мѣсто. Съ 1-го октября 1833 года, заведеніе было открыто, и въ декабрѣ въшло уже 98 жильцовъ. Въ 1835 году, комплектъ былъ уже полонъ: купеческое сословіе распростиранно число призываемыхъ до 430 человекъ, ограждая ихъ содержаніе новыми пожертвованіями. Въ 1835 году, по предно-

—Notatki z podrozy muzycznej po Niemczech, odbytej w roku 1844 przez Wiktora Kazynskiego... Замятки В. Кажинскаго, составленныя во время музыкальнаго путешествія по Германіи въ 1844 году. Такъ слѣдуетъ перевести заглавіе этой книги. Вотъ, если бы мы ловили чужіе промахи, мы бы должны были указать, что авторъ великой вслѣдны въ Сѣверной Пчелѣ притворяется, будто не знаетъ по-польски и переводитъ заглавіе этой книги: Замятки изъ (?) музыкальнаго путешествія. Да эти замятки и состав-

вляють именно музыкальную часть путешествія Кажинскаго. Конечно, тутъ есть нѣсколько словъ, и о библиотекахъ, и объ архитектурѣ, и о разныхъ предметахъ; но главное—музыка. — Мы уже имѣли случаи говорить о возвращеніяхъ на музыку г. Кажинскаго, именно по поводу помѣщенія этихъ писемъ въ польскихъ и русскихъ газетахъ; скажемъ теперь, что въ отрывочномъ помѣщеніи эти письма не имѣли той занимательности, съ какою мы прочли ихъ въ неразрывной последовательности. Любопытно взглянуть за кулисы германскаго музыкальнаго міра, и любопытно именно потому, что труднѣйшая часть музыки, гармонія, можно сказать, своимъ пынѣшимъ блистательнымъ состояніемъ обязана Германіи: гордясь своими заслугами, Германцы перешли въ крайность, и часть обратили въ цѣлое, не замѣчая, или не желая замѣтить того, что великіе композиторы ихъ земли стяжали славу только тѣмъ, что умѣли превосходить мелодіи, исполненныя новостію, свѣжестію и силы, облечь въ превосходныя гармоніи, и тѣмъ представили образцы возможнаго музыкальнаго совершенства. Конечно, есть и у германскихъ Титановъ враги; есть люди, которымъ не нравится Бетговенъ; но въ этомъ ужъ, конечно, виновать не Бетговенъ, а музыкальное невѣжество его антагонистовъ, которые сочиняютъ къ себѣ письма отъ великихъ дѣйствователей на музыкальномъ поприщѣ и тѣмъ хотятъ прикрыть свое незнаніе въ глазахъ такихъ же невѣждъ. Несмотря на ихъ дѣтскіе сужденія, Бетговенъ все-таки останется величайшимъ композиторомъ всего міра. Замѣтки Кажинскаго могли бы принести нѣкоторую пользу нашимъ критикамъ, именно въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, не такъ дерзко, не такъ самонадѣливо писали бы о музыкѣ; Г. Кажинскій приступилъ къ большому и весьма важному труду, къ составленію Исторіи Оперы. Не сомнѣваемся въ силахъ г. Кажинскаго, но не видимъ въ Петербургѣ и во всей Россіи источниковъ, изъ коихъ можно бы почерпнуть все нужное для такого труда матеріалы. Не достаточно для того сочиненій, которыя уже изданы: надо рыться въ тетралныхъ архивахъ всей Европы. Впрочемъ, все зависитъ отъ возвращенія и, можетъ быть, г. Кажинскій намѣревается въ основаніе своей Исторіи принять только главныя драматико-музыкальныя явленія.

— Въ Петербургѣ зимняя пора — время и удовольствій и ученія. То и дѣло, читаешь программы публичныхъ лекцій. Недавно прочли мы программу Практическаго Курса Коммерческихъ Знаній г. Вавилова. Коммерція давно уже преобразовалась въ науку; по доводитъ ли она cadaго, кто разумеетъ эту науку, до главной цѣли коммерціи—до денегъ? Въ одномъ нѣтъ сомнѣнія, что подобныя лекціи могутъ принести пользу распространеніемъ между купечествомъ свѣдѣній обо всѣхъ правилахъ, значеніи и особенностяхъ купеческихъ оборотовъ въ Европѣ. — Другая программа, которую мы прочли на прошлой недѣлѣ — это программа чтеній о Гигіенѣ общественной, или о сохраненіи народнаго здоровья. Здѣсь уже прямая, положительная польза всего народа. Предметы чтеній, тѣ же предметы нашей жизни, съ которыми и которыми мы живемъ ежеминутно,

часто отъ одного незнанія, обращая благотельные дары природы въ отраву, часто страдаемъ отъ ядовъ, которые мы могли бы употребить въ пользу при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Мы выслушали первую лекцію г. Шюца съ удовольствіемъ и признательностью. Конечно, это вступленіе, такъ сказать, Исторія Гигіены; но оно обѣщаетъ самыя занимательныя, самыя полезныя чтенія, для которыхъ можно пожертвовать первымъ актомъ италіанской оперы. Жертва необходимая, потому что лекціи читаются по понедѣльникамъ, отъ 7 до 8 съ половиною часовъ, въ домѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Нельзя не замѣтить, однако же, что пекущихся о здоровьѣ своемъ въ Петербургѣ немало. Зала была полна въ первое чтеніе; кажется, гастрономія интереснѣе астрономіи. Гигіена — должна быть основаніемъ гастрономіи; ппаче, послѣднюю надо закупорить въ банку, поставить въ аптеку и написать: Скорый ядъ.

— Вотъ еще сочпненіе однородное съ чтеніями г. Шюца. Это книга док. Грума, подъ заглавіемъ: Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей, со дня ихъ рожденія до совершеннолѣтія. Г. Шюцъ заботится о читающей и слушающей публикѣ; г. Грумъ, о ея потомствѣ. Первые два тома этого полезнаго сочиненія вышли уже давно, и всѣ чадолюбивые родители съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія. Третій томъ поступилъ въ продажу, и заключаетъ статьи, относящіяся къ физическому, умственному и нравственному образованію дѣтей. — Такимъ образомъ, можно сказать, родители получили всѣ средства къ правильному воспитанію дѣтей. Не воспользуются, сами будутъ виноваты.

— Теперь обратимъ вниманіе на предметы мелкіе: на странный вагонъ, поставленный въ скверѣ, противу Александринскаго театра, и Сѣверную Пчелу.... Этотъ вагонъ — есть не что иное, какъ подвижная пирожная, или какъ угодно назовите; это съѣстное заведеніе. Вагонъ вмѣщаетъ въ себѣ кухню и гостинную палатку. Теперь она раскинута, колеса вагона сняты; производится угощеніе. Ново, невинно; на недѣлю это займетъ публику. Сѣверная Пчела преслѣдуетъ Иллюстрацію съ такимъ упорнымъ ожесточеніемъ. Конечно, теперь время подписки. И Редакція, благодаря Сѣверную Пчелу за усердное содѣйствіе къ распространенію Иллюстраціи, и не можетъ не пожалѣть, что Сѣверная Пчела въ нападкахъ на наше изданіе не совѣтуется съ людьми, если уже не учеными, то, по крайней-мѣрѣ образованными, которые бы помогли ея незнанію и выручали въ трудныхъ случаяхъ. Напримѣръ, виновать ли авторъ романа: Три Періода, что Сѣверная Пчела не знаетъ о существованіи города Индека, рѣки Рерь и деревни Геллигаузенъ. Въ этомъ мы и не сомнѣваемся; но все-таки можно посоветоваться съ сочиненіями Бюргера, съ его биографіями, а по-крайней-мѣрѣ, съ подробными словарями географическими, хотя бы Русскими. Надежда, что повѣрять на слово, невывчка къ труду и желаніе содѣйствовать подпискѣ на Иллюстрацію, увлекаетъ Пчелу за предѣлы истины. Это совершается

ежедневно. Право, эта вредная страсть можетъ обратиться въ привычку. Что же касается до Латыни, то замѣчанія, сдѣланныя корректору, очень забавны; по все не такъ забавны, какъ *Præfectus castrensis*. Въ книгѣ, которая имѣла намѣреніе быть учебною и которая названа громкимъ именемъ Россія, напечатано *Præfectus castrensis*, а переведено: Начальникъ Евнуховъ, — о Римъ! Начальникъ лагеря — Начальникъ Евнуховъ! о, Латынь! о, просвѣщеніе! о, европейское образованіе!..

СТРАШЕНЪ СОНЪ, ДА МИЛОСТИВЪ БОГЪ.

Въ 1812 году, во время пашествія Французовъ на православную Русь, имѣнице г-жи Шнейортъ, находящеяся въ одной изъ западныхъ губерній, было совершенно разорено неприятелемъ. Долго скрывалась помѣщица, съ двумя взрослыми дочерьми и вѣрною служогою, въ лѣсу; но когда неприятель отпразднелъ въ Москву, а толпа нѣсколько утихла, онѣ возвратились въ полуразрушенный домъ свой, плакали и молились, молились и плакали; но видно, такъ угодно было Богу!

Усердная Февроля уваживала за нми, какъ за дѣтми и какъ вѣрныи часовой просиживала ночи у изголовья то одной, то другой, то третьей. Только въ полночь младшая барышня, Амалия, зарыдала. Встревоженная старуха присѣла къ ней на кровать и шопотомъ спрашивала о причинахъ ея плача.

— О чемъ ты печалишься, дитяго мое жалобное, говорила она, отирая градомъ катящаяся изъ очей Амалии слезы; чай, приснилось тебѣ что нибудь страшное?

— Такъ, няня, такъ: я видѣла страшный сонъ. Не говорю только маленькѣ, съестрѣ не говорю; онѣ теперь спятъ спокойно... Не говори завтра, никогда не говори—слышишь, няня?

— Слышу, мое красное солнышко. Да расскажи-ко мнѣ свое словидніе. Я старыи челоубѣкъ, по своему глупому разуму порастающую тебѣ; можетъ быть, этотъ сонъ и не къ худу. Знаешь ли, что говорятъ старые люди: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

— Няня, моя няня! Я знаю, что милостивъ Богъ; но я такъ перепугалась, что не могу обратиться съ духомъ... Одну минуту... Все расскажу...

Бѣднѣйка зарыдала пуще прежняго, и долго старуха не могла ее успокоить.

Наконецъ Амалия нѣсколько успокоилась, обняла Февролю и стала рассказывать сонъ.

— Слушай, няня: мнѣ спилось, будто бы большая стѣна нашего дома выпала на дворъ, а на дворѣ былъ дремучій лѣсъ, въ лѣсу шумъ, крикъ, Французы рѣжутъ нашихъ. И, Боже мой! я тамъ видѣла брата. Онъ вмѣстѣ съ камиль-то офицеромъ былъ привязанъ къ дереву; грудь его вся израна; по ней текла кровь... Сердце мое разрывалось... я бросилась къ брату, за мною сестра и маленька, пасъ окружили страшныи лицами неприятелей и адскимъ хохотомъ заглушили наши вопли... Больше я ничего не помню.

— Да Христосъ съ тобой, барышня! Что жъ тутъ недобраго въ этомъ словидніи? Вишь ли, какъ я разъярю тебѣ, какъ по писаному, и выйдетъ, что страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Старуха понюхала табакъ и разъяснила, какъ по писаному :

— Барышня ты моя, дитятко жалобно... Стѣнушка-то большая, ишь ли ты что, выпала-то на дворъ, бають стырые люди, большо хорошо! Это значить, что твоя сестрица, Марья Ивановна, выйдеть скоро замужъ; а шумъ-то на дворѣ, да гомонъ всякой, предвѣщаютъ веселую свадьбу. Кровь на груди Оедора Ивановича озвачаетъ его родственную любовь; а что грудь то сердечнаго израцена, то падо надѣяться, что она изукрашена крестами, да отличіями. Вотъ и все тебѣ тутъ. Увидишь, что Оедоръ Ивановичъ скоро придеть и привезетъ съ собою достойнаго жениха Марья Ивановнѣ, того самого офицера, котораго ты видѣла во снѣ, что онъ припаялъ къ дереву съ Оедоромъ Ивановичемъ. Видно-то они дружили большіе.

Амалия отъ души поблагодарила старуху за утѣшеніе, поправила подушку и уснула.

Понутру, г-жа Шпеиоръ встала равне обыкновеннаго и разбудила дочерей. Фефронья приотворила самоваръ, прислонилась къ лежанкѣ и заснула. Бѣлая кошка лизала лапу, — г-жа Шпеиоръ взяла ее за эту лапку и сказала: Лапка теплая, какъ будто-бы кто родной придеть. — Богъ знаетъ, живъ ли Оедовья.

Едва она выговорила эти слова, какъ вѣхала на дворъ дорожная коляска, и майоръ Шпеиоръ обнималъ мать и сестеръ и представилъ своего товарища, штабсъ-капитана Штурмова.

Старуха Февровья, протерши глаза, бросилась къ погамъ господина и со всею наивностию рассказала сонъ Амалии съ своимъ истолкованіемъ... Марья Ивановна покраснѣла и Штурмовъ сказалъ какую-то наскоро приличную фразу...

Сонъ Амалии Ивановны сбылся во всей точности по истолкованію Февровьи, и семейство Шпеиоръ, за все претерпѣнныя, во время нашествія Французовъ, бѣдствія, Богъ наградылъ сугубо.

Петръ Кушнѣвъ.

Вятка.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ КАЗАНИ.

Разсказываютъ, что во время пребыванія своего въ Казани, Петръ Великій чрезвычайно былъ озабоченъ недостаткомъ денегъ, которыхъ тогда были нужны ему по случаю предпринятаго похода въ Персію. Запершись въ своемъ дворцѣ и обдумывая планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, и также изыскивая средства къ отвращенію всѣхъ прелестей, а въ особенности, недостатка денегъ, Императоръ не приказалъ никого допускать къ себѣ. Вскорѣ является во дворецъ человекъ, одѣтый весьма бѣдно, въ нагольній тулупъ, и требуетъ свиданія съ Императоромъ. Это былъ Михляевъ. Не смотря на отказъ, что Государя видѣть невозможно, Михляевъ просилъ настоятельно, чтобъ объ немъ доложили Императору, говоря, что этого требуютъ даже полза самого Государя. Послѣ такихъ доводовъ дѣлать было нечего, и Государю доложили. Монархъ, раздраженный такою настойчивостью, съ гнѣвомъ подошелъ къ Михляеву и даже хотѣлъ ударить его... «Государь! сказалъ тогда Михляевъ: — выслушай причину моего къ тебѣ прихода: я дѣйствій фабрикантъ Михляевъ, имѣю небольшою шерстяной заводъ; услышавъ, что ты пужаешься въ дѣвгахъ, я рѣшился просить тебя припять мое припошеніе...» Императоръ, узнавъ, что заводъ Михляева находится недалеко отъ дворца, взявъ желаніе видѣть его, и тотчасъ туда отправился. На крыльцѣ сво-

его дома Михляевъ съ женою встрѣтилъ Государя и поднесъ ему на двухъ большихъ блюдахъ золотыя и серебряныя деньги и полную чашу жемчуга. «Вотъ, Государь, — говорилъ ему Михляевъ, — моя носильная жертва: она пригодится тебѣ въ настоящій нуждѣ; а когда обстоятельства переменятся и ты разбогатеешь, то со мною расплатишься. Милостиво припять Петръ этотъ подарокъ, благодарилъ Михляева за его усердіе, осмотрѣлъ всю его фабрику и остался весьма доволенъ ея устройствомъ.

Возвратясь изъ похода, Петръ, дѣйствительно, расплатился съ Михляевымъ. Онъ перенесъ въ его владѣніе казенную фабрику, которая устроена была въ Казани еще въ 1714 году, подъ именемъ шерстянаго завода, и находилась подъ управленіемъ подполковника Грузинцова. При этомъ случаѣ Петръ написалъ къ Михляеву собственноручный рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Господишь Михляевъ!

«Мы, вѣдая доброе ваше состояніе, отдаемъ вамъ Казанскій шерстяной заводъ съ готовымъ домомъ и со всеми ставами и прочими инструментами; только вы приложите свое стараніе оный размножить для своего интереса, а какое въ томъ заводѣ надобно вамъ вспоможеніе, о томъ пишите прямо къ намъ въ кабинетъ, также въ мануфактуръ-коллегію, а мы не только что тебѣ будемъ помогать, но и въ милости своей не оставимъ. Петръ», «Въ Москвѣ, 15-го іюня 1724».

Рескриптъ этотъ написанъ на небольшомъ лоскутѣ бумаги; хранится онъ у нынѣшняго владѣтеля суконной фабрики, г. Осокина.

КАРЛЪ МАРИА ВЕБЕРЪ.

Кто не знаетъ Фрейшница? слѣдственно, кто не знаетъ Вебера? Последнее сомнительно. Намъ случилось въ послѣдніе годы слышать вопросъ: кто написалъ Фрейшница? А между тѣмъ, Веберъ — одинъ изъ немногихъ представителей всемірной музыки. Онъ принадлежитъ къ малому числу первоклассныхъ композиторовъ, которые превосходныя мелодіи умѣли облекать въ изящныя гармоніи, у которыхъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ, имѣетъ драматическое значеніе, идетъ изъ сердца и прямо къ сердцу. Въ Веберѣ гениальной искренности и простоты почти столько же, какъ и у Моцарта. И онъ, подобно Моцарту, стяжалъ рано громкую славу, но... постоянно оставался въ затруднительномъ положеніи по части денежной. Фрейшницъ быстро обогатилъ всю Европу, но много ли выгоду доставилъ Веберу? Преціоза, Эврианта и другія сочиненія также не принесли ему значительной помощи... Парижъ и Лондонъ приглашали Вебера къ себѣ; для Лондона онъ почти окончилъ Оберона; и въ началѣ 1826 года, двадцать безъ маалаго лѣтъ тому назадъ, Веберъ, съ другомъ своимъ, флейтистомъ Фюрстенгау, отправился въ Англію. Третій актъ и увертюру окончилъ Веберъ уже въ Лондонѣ; Оберонъ данъ съ блистательнымъ успѣхомъ; Веберъ надѣялся, что концертомъ онъ вознаградитъ свои лишнія; зала была почти пуста и Веберъ, большой, усталый, выходя изъ залы, сказалъ своему другу: «Что скажешь объ этой пустотѣ!» Вотъ какъ принялъ Веберъ въ Лондонѣ. — Душою Веберъ перазставался съ обожаемою женою и семействомъ во все время пребыванія его въ Лондонѣ. Незабвенныя письма его оттуда дышатъ поэтическою прелестью, теплымъ чувствомъ, нѣжностью умилительною. Онъ спѣшилъ вырваться изъ Лондона и уже назначилъ день отъѣзда. Но болѣзнь его усилилась и смерть прекратила эту драгоценную жизнь, въ такое время, когда отъ Вебера можно было ожи-

дать по-крайней-мѣрѣ еще столько же образцовыхъ произведеній, сколько онъ уже оставилъ послѣ себя признательному потомству. Едва онъ закрылъ глаза на вѣчный сонъ, Мошелестъ, Жоржъ Смартъ и тенористъ Брагамъ составили комитетъ, чтобы воздвигнуть ему памятникъ. Сначала тѣло Вебера хотѣли поставить въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, возлѣ Шекспира и Генделя; но Веберъ былъ каюликъ. Въ то же время пришло на мысль комитету, что, можетъ случиться, Германія потребуетъ драгоценныя останки, и владѣстvie того, гробъ Вебера поставили въ склепѣ Мурфильдской капеллы, въ Лондонѣ. — Похороны, какъ и слѣдовало ожидать, были великолѣпныя. — Къ покойнику живые бывають всегда справедливы. Въ этомъ правилѣ есть исключенія. Встрѣчаются такіе люди, которыхъ ни одна живая душа терпѣть не можетъ, которыхъ живые презирають и избѣгаютъ. Эти господа по неволѣ лѣзуть въ дружбу къ покойникамъ. Умреть имъ извѣстный писатель, добродѣтельный мужъ; они тотчасъ объявляютъ, что лишлись друга, пріятеля, а ужъ по-крайней-мѣрѣ добраго знакомаго. Въ семьѣ не безъ урода. На такихъ людей не должно обращать вниманія. Пусть себѣ живутъ въ дружбѣ съ покойниками; въбродно, на погребеніи Вебера былъ и тотъ журналистъ, который писалъ разныя музыкальныя нецѣлосты по случаю перваго представленія Оберона, въ родѣ тѣхъ нецѣлостей, которыя были писаны и у насъ, послѣ перваго представленія оперы Русланъ и Людмила, и вбродно, и этотъ журналистъ проливалъ слезы о преждевременной кончинѣ своего друга Вебера, и проповѣдалъ до темныхъ подваловъ Мурфильдской капеллы. Склепъ этотъ состоитъ изъ трехъ сводовъ или пролетовъ; изъ нихъ одинъ только бѣдно освѣщенъ двумя окошками. Вдоль стѣнъ стоятъ гробы одинъ на другомъ; когда склепъ наполнится, тогда вынимають нижній рядъ гробовъ и выносятъ на кладбище. Гробъ Вебера поставили подъ первымъ сводомъ, во второмъ ряду снизу. На плоской крышкѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

Nic jacet

CAROLUS MARIA FREIHERR

VON WEBER

Praefectus musicorum sacelli Regii

apud Regem Saxonum

Natus urbe cutin apud Saxones

Die XVI Decembris MDCCCLXXXVI

Mortuus Londini

Die V Junii MDCCCXXVI.

Anno quadragesimo

Aetatis suae.

Но вслѣдъ за тѣмъ эту надпись закрылъ новый гробъ, и если сторуку освѣщала факеломъ это подземное припатище мертвецовъ, тогда только по гербу можно было узнать, гдѣ гробъ Вебера. Въ 1840 году, почтатель таланта Вебера, нѣкто Гратманъ, къ наружной стѣнѣ гроба придѣлалъ серебряный листъ съ надписью: CARL MARIA WEBER OBIT, 1826.

Въ 1841 году, въ журналѣ Европа докторъ Гамбинеръ помѣстилъ статью о посѣщеніи имъ Мурфильдскаго склепа и воззваніи къ Германіи, чтобы останки великаго композитора перенесены были въ отечество. Это воззваніе перешло во всѣ газеты, и въ Дрезденѣ немедленно образовался изъ этой пѣли комитетъ. Для похоронъ издержекъ, данъ былъ концертъ и собрано 391 талеръ. Конечно, этого было слишкомъ мало; первый жаръ прошелъ, дѣло уснуло, и уже въ 1844 году въ апрѣлѣ возобновилось случайно. Концерты въ Германіи и Лондонѣ умножили капиталъ, и тѣло Вебера, за которымъ былъ отпавленъ сыгъ его, Максъ, на пароходѣ Джонъ Буалъ, было привезено въ Гамбургъ. Съ большимъ торжествомъ, гробъ перегрузи-

ли на судно штурмана Вебера и отравили въ Дрезденъ, гдѣ на Римско-Католическомъ кладбищѣ приготовленъ былъ склепъ для принятія этого гроба. И что жъ? Въ этомъ склепѣ легъ прежде другой, дорогой сердцу покойнаго—какъ будто на встрѣчу въ самой могилѣ, легъ сынъ Вебера, Александръ, юноша, подававшій о себѣ прекрасныя надежды. Позднѣе время затрудняло плаваніе судна; а наконецъ принуждены были гробъ сплать, перевезти его по желѣзной дорогѣ. — Вторыя похороны Вебера были великолѣпнѣе, трогательнѣе первыхъ. Рѣчи и стихи, хоры и кантаты проводили Вебера до мѣста послѣдняго упокоенія.

Веберъ, кроткій, нѣжный, задумчивый — любилъ страстно не одну музыку. Въ дружбѣ съ Кернеромъ, въ тѣсномъ знакомствѣ съ Гофманномъ, Веберъ и самъ не разъ хотѣлъ испытать свои силы надъ большимъ литературнымъ произведеніемъ. Разумѣется, и тутъ музыка должна была играть не маловажную роль. Мы полагаемъ, что вы не безъ удовольствія прочтете вторично обработанный планъ романа, который Веберъ началъ уже писать, и первую главу этого романа, также обработаннаго имъ во второй разъ.

ПЛАНЪ РОМАНА.

Жизнь артиста.

I.

Буду. Рѣшительное намѣреніе путешествовать. Прибытіе въ домъ господина Н.

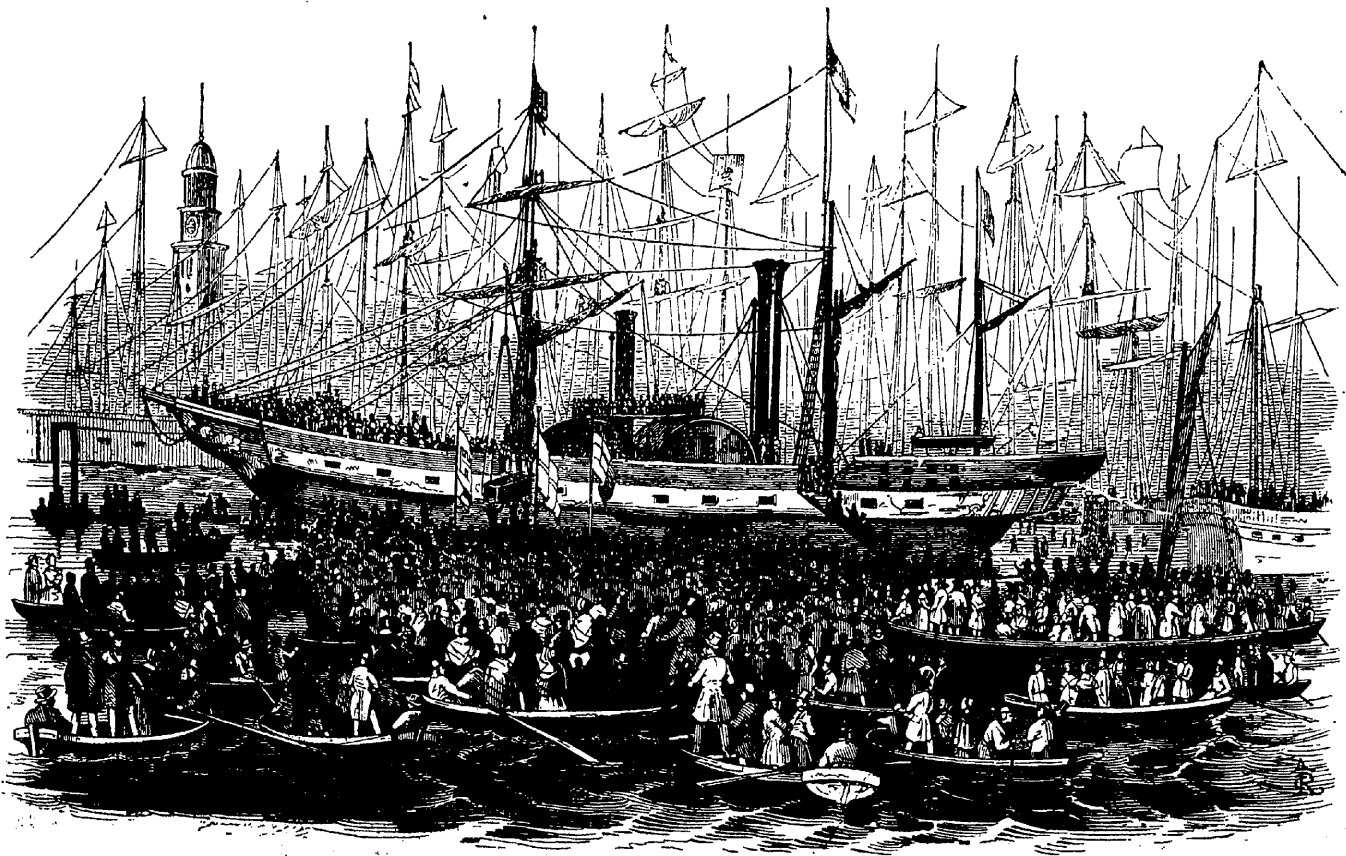
II.

Городской музыкантъ. Музыкантъ Феликсъ споритъ съ другими артистами о методахъ обученія музыкѣ. Вечеромъ, онъ возвращается домой, въ совершенномъ изнеможеніи; и пишетъ письмо своему другу, который уже нѣсколько лѣтъ проживаетъ въ Парижѣ. Въ письмѣ говорится о непріятностяхъ, соединенныхъ съ концертами, и прочее.

III.

Концертъ. Феликсъ случайно замѣчаетъ одну прекрасную дѣвушку, которая собирается ѣхать на концертъ. Настаетъ вечеръ; на концертъ почти ни души. Въ это время пріѣхалъ въ городъ какой-то фокусникъ съ танцующими собаками, и нѣсколько лишнихъ крейцеровъ переманили къ нему большую часть музыкантовъ. Впрочемъ, мысль объ Эмплин одушевляетъ Феликса, и онъ играетъ неподражаемо.

Слѣдующихъ трехъ главъ недостаетъ въ рукописи. Но, вѣроятно, въ одной изъ нихъ должны быть помѣщены слѣдующія слова, написанныя на полѣ:

Прибытіе парохода Джонъ Буаъ, съ гробомъ Вебера въ Гамбургъ.

Знакомство съ Дилемъ. Дверь захлопнулась. Кто-то слыша слово летитъ вниз по лестницѣ и опрокидываясь прямо на Феликса. Незнакомецъ тотчасъ вскакиваетъ, душитъ Феликса въ своихъ объятіяхъ и благодаритъ счастливый случай, который свелъ его съ артистомъ.

— Милостивый государь, съ ума что ли вы сошли, или меня принимаете за глупца? Кто вы? — Ахъ, я просто ничто; но осмѣлюсь спросить: кто вы? — Я тоже въ своемъ родѣ ничто. Впрочемъ люди одного со мною калибра называютъ меня артистомъ. Если угодно, я расскажу вамъ свою исторію, и такъ далѣе.

VII.

Маскарадъ. Балъ. Феликса считаютъ за какого-то принца, влюбленнаго въ Эмилию. Онъ пользуется этою ошибкою и спасаетъ Эмилию, поставивъ на ея мѣсто другую дѣвушку.

VIII.

Безсонная ночь.

IX.

Феликсъ проводитъ нѣсколько дней въ самомъ несприятномъ расположеніи духа. Онъ не можетъ ничего сочинять. Наконецъ онъ становится весьма спокойнѣе; его взглядъ печально упадаетъ на маскарадное платье, и онъ тотчасъ надѣваетъ его на себя, машинально опускаетъ руку въ карманъ и находитъ стихи отъ дьявола къ Эмили. Онъ принимаетъ сочинять музыку, какъ является къ нему поэтъ. Разговоръ о цѣлн пѣсн.

X.

Проходитъ еще нѣсколько времени, а Феликсъ все не впадаетъ Эмилию, потому что она захворала отъ испуга. Дилъ рассказываетъ ему, что онъ былъ у подложной Эмили, и узналъ, что герцогъ, открывъ свою ошибку, пришелъ въ общество, разругалъ своихъ помощниковъ и прочее.

XI.

Феликсъ является въ одно общество, и завладѣваетъ знакомства. Здѣсь онъ встрѣчаетъ какого-то страстнаго декламатора, и приглашаетъ его, и декламируетъ самъ. Декламаторъ, какой-то пройдоха, бросаетъ на Феликса косые взгляды; но одинъ почтенный старикъ, бывший въ томъ же обществѣ, проситъ его дать музыкальные уроки своей дочери.

XII.

Дилъ набрасываетъ планъ смиреннаго и рабочаго дома для музыкантовъ.

XIII.

Музыкантъ является въ домъ старика. Въ комнату идетъ пианино. Онъ садится за клавикорды и начинаетъ фантазировать. Въ это время, входитъ дочь старика, и, не замѣчая музыканта,

предлагаетъ Феликсу пѣсы своего любимаго композитора, котораго она цѣнитъ и уважаетъ выше всего на свѣтѣ. Эти пѣсы написаны самими Феликсомъ, но изданы имъ подъ чужими именами. Онъ разыгрываетъ ихъ съ одушевленіемъ, неопредѣляемо. Эмили приходитъ въ восторгъ. Феликсъ едва можетъ удержаться отъ признанія, что онъ игралъ пѣсы собственнаго своего сочиненія. — После этого, Феликсъ встрѣчаетъ принца на парадѣ и находитъ его красивѣе и мужественнѣе. Ему кажется, что принцъ съ своей стороны замѣтилъ его и пристально всматривается въ его лицо.

XVI.

Феликсъ каждый день посѣщаетъ домъ старика. Онъ фантазируетъ и все чаще разыгрываетъ свои любимые мотивы. По этому, Эмили догадывается, что Феликсъ — композиторъ. Есрадуется это открытіе и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляется скромности Феликса. Замѣчанія о приѣмахъ композиторовъ.

XV.

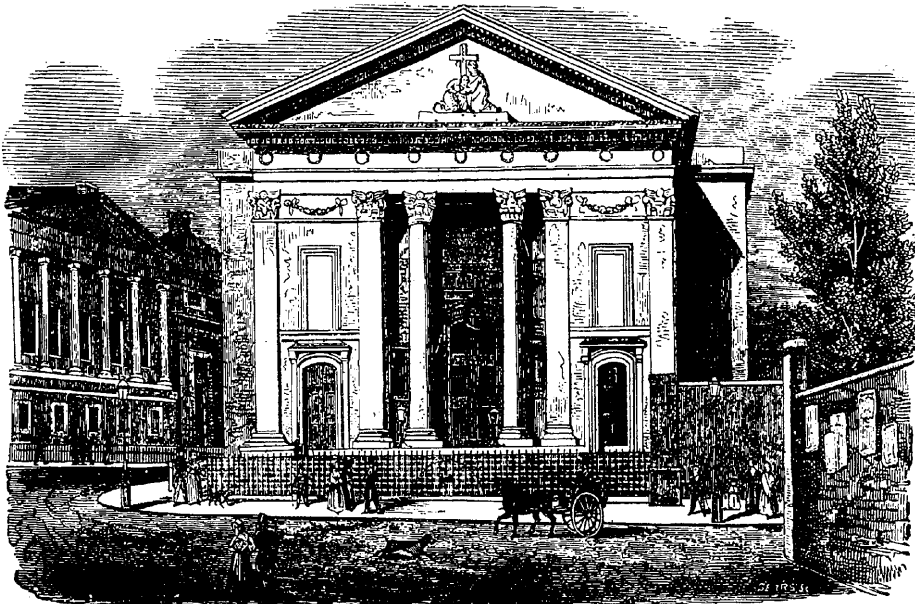
Въ одинъ день, Феликсъ, возвратившись домой, находитъ у себя записку отъ принца, который приглашаетъ его къ себѣ. Онъ отправляется во дворецъ: новое общество очаровало его. Принцъ принимаетъ его со всею радушіемъ. Въ Феликсѣ рождаются подозрѣнія. Принцъ высказываетъ свое мнѣніе объ артистахъ.

XVI.

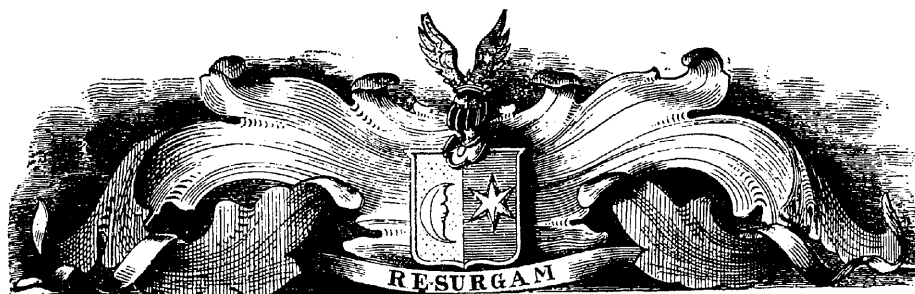
Феликсъ проводитъ время то съ принцемъ, то съ Эмилию. Съ послѣднею онъ день-отодня становится открывнѣе; но все еще не осмѣливается заговорить съ нею о сценѣ, случившейся во время маскарада. Но онъ постоянно носитъ на груди ленточку, принадлежавшую Эмили. Эмили, случайно замѣчаетъ эту ленточку, — узнаетъ въ Феликсѣ своего спасителя, и покорается чувству любви. Объясненіе. Скучныя сцены любви.

XVII.

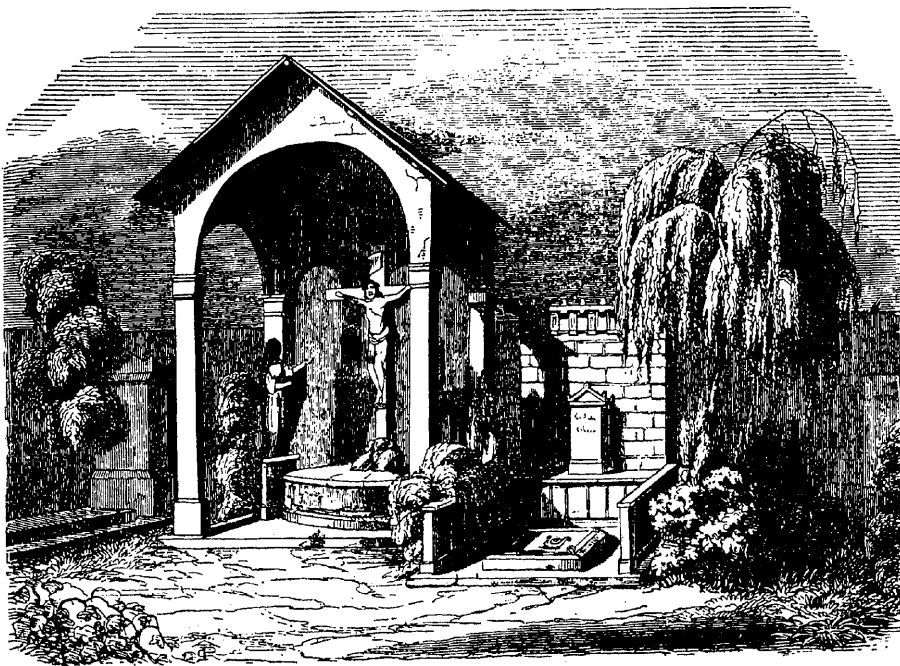
Отецъ и мать Эмили съ удовольствіемъ замѣчаютъ взаимную любовь молодыхъ людей. Они желаютъ только одного, чтобы артистъ оставилъ свою кочевую жизнь и вступилъ въ гражданскую службу. Феликсъ задумывается; онъ не можетъ рѣшиться на выборъ, тѣмъ болѣе, что, съ другой стороны, нападетъ на него Дилъ и представлять ему всѣ несприятности гражданской службы. Въ такомъ критическомъ положеніи, онъ получаетъ отъ принца предложеніе: жить при дворѣ въ качествѣ придворнаго артиста.

Мурфильдская Капелла.

Гербъ Веберовъ.

Памятникъ на могилѣ Вебера, на кладбищѣ въ Дрезденѣ.

оставляется за его стуломъ. При окончаніи фантазіи, она вскрикиваетъ. Музыкантъ съ изумленіемъ озирается кругомъ и останавливаетъ свой взоръ на Эмили. Замѣщаясь съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ входитъ, отецъ и мать. Даютъ великолепный музыкальный вечеръ. Эмили

сидитъ на выборъ, тѣмъ болѣе, что, съ другой стороны, нападетъ на него Дилъ и представлять ему всѣ несприятности гражданской службы. Въ такомъ критическомъ положеніи, онъ получаетъ отъ принца предложеніе: жить при дворѣ въ качествѣ придворнаго артиста.

XVIII.

Феликс пересказывает все это Эмилию, и когда она сообщает ему принять предложение прина, он рассказывает историю, случившуюся в маскараде. Но это обстоятельство не приводит на ум ни отца ни мать Эмилию. Женское тщеславие является тогда во всемъ свѣтъ, и Феликс, повинуясь внутреннему женству, соглашается на предложение прина.

XIX.

Новые знакомства Феликса. Связи съ прежними друзьями разорваны, и артисты, съ своей стороны, смяются надъ Феликсомъ.

XX.

До сихъ поръ Феликс любилъ Эмилию, и его любовь воспламеняла слыть и слыть, когда онъ находился въ ней отголосокъ своихъ мыслей о музыкальномъ искусствѣ. Но теперь онъ замѣчаетъ, что ихъ взгляды на жизнь совершенно различны. Эмилиа увлекается ложными идеями свѣта. Феликс простъ и невнимателенъ, какъ ребенокъ. Между ними рождается антипатія.

XXI.

Отношенія Феликса при дворѣ. Привилегіи держитъ себя далеко. Датиру, какъ Итальянецъ, обходится съ Феликсомъ холодно и сухо. Математикъ презираетъ музыку. Атлестъ, подъ маскою суровой важности, скрываетъ дьявольское пронырство. Но онъ, словно гремучій змѣя, обворожилъ Феликса, и Феликсъ всегда защищаетъ его противъ справедливыхъ нападковъ Диала.

XXII.

Наконецъ, придворная жизнь накущила Феликсу. Онъ чувствуетъ себя не на своемъ мѣстѣ. Онъ то безумно предается веселости, то погружается въ самую глубокую и мрачную меланхолию. Съ такимъ настроеніемъ духа, онъ сталъ совершенно неспособенъ къ занятіямъ. Его очарованіе разрушается.

XXIII.

Между тѣмъ, принцъ усиленно сблизился съ Эмилией; добрая матушка благоринтвуетъ этой связи, а старикъ — отецъ не замѣчаетъ ничего. Наконецъ, Феликсъ рѣшается удалиться отъ двора, бросить все и снова посвятить себя музыкальному искусству.

Заключеніе. Последняя воля артиста.

глава первая.

И молотокъ спрыгнулъ съ рюкзачки, и нѣсколько струнъ съ жалобнымъ стономъ окончили свое существованіе! Съ такою силою я ударилъ по клавишамъ! Во мнѣ зашумѣлъ гнѣвъ. Нотная бумага полетѣла на полъ; стулъ перевернулся вверхъ ногами. Я пустился ходить большими шагами по моему маленькому комнаткѣ.

Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ меня мучило, терзало, томилъ какое-то неприятное чувство; а въ послѣдніе недѣли оно развилось до того, что мое терпѣніе дошло до конца. То было какое-то неопредѣленное стремленіе въ туманную даль, гдѣ, самъ не зная почему, всегда надѣялся найти отраду, то былъ болѣзненный порывъ внутреннихъ силъ, подавляемый сознаніемъ высокаго идеала, словно тяжкими оковами, на избавленіе отъ которыхъ исчезаетъ иногда всякая надежда; то была непреодолимая потребность гигантской дѣятельности, которая тотчасъ разрывается въ совершенномъ безмысліи, такъ, что все созданіе погибаетъ въ шумѣ внутреннихъ мѣръ. Этотъ хаосъ взволнованныхъ, томительныхъ чувствъ, такъ часто наполняющихъ душу художниковъ, овладевъ теперь всѣмъ ноемъ существованіемъ. Желанія, мечты и намеренія, поглощенные искусствомъ и житейскими заботами, теперь заропялись, какъ будто въ припадкѣ сумасшествія.

Время жизни тяготѣло меня, и я искалъ спасенія въ искусствѣ; но какъ искусство живетъ только въ жизни, и жизнь существуетъ только въ искусствѣ, то они взаимно помогали другъ другу терять меня.

Самое мѣсто у клавиководовъ, избранное мною, какъ послѣднее вспомогательное средство, было злобѣдливъ предзнаменованіемъ.

Музыкальный поэтъ, который такимъ образомъ принимается за работу, рождается банальною идеей

назначенъ только для обыкновеннаго и даже пошлаго. Эти руки, эти проклятые клавиши, которыми отъ непрерывнаго упражненія пріобрѣтаютъ наконецъ некоторого рода самостоятельность, становятся безозаботными тиранами и десногами творческой силы духа.

Они не изобрѣтаютъ ничего новаго; даже все новое несено на нихъ. Они, подобно простымъ ремесленникамъ, изъ старинныхъ, давно знакомыхъ, музыкальныхъ членовъ, танцовъ, воровски, склеиваютъ цѣлыя пѣсы, которые идутъ за-ново. И такъ какъ эти пѣсы звучатъ и чисто и полно, то они нравятся неопытному уху и принимаются за образцовыя произведенія.

Но не такъ, далеко не такъ, создается тотъ, у кого внутреннее ухо есть строгіи судья избрѣтаемыхъ и обсуживаемыхъ сочиненій. Это духовное ухо, съ чудною силою, объемлетъ и постигаетъ музыкальные образы; это какаятъ-то божественная тайна, непонятная для не посвященныхъ.

Это ухо постигаетъ нѣчто цѣлое; оно требуетъ, чтобы музыкальный образъ имѣлъ свою физиономію, такъ, чтобы узнать его опять и отыскать даже въ толѣ.

Да, оно требуетъ этого, и не терпитъ созданій, сплѣтыхъ изъ лохмотьевъ. Но когда нашъ духъ уловилъ какой-нибудь образъ, образовалъ и вынесилъ его въ своемъ духовномъ материнскомъ чревѣ, — потому что для прекраснаго произведенія необходимо время, чтобы оно могло созрѣть и предохранить себя отъ не здоровой пищи и другихъ предметовъ, губительныхъ для жизни его безцѣльнаго дитяти; и если все это вдругъ перепутается и разрушится: тогда, отъ истеричнаго и любва, бѣдливъ сочинитель прихлѣпъ въ бѣшенство; онъ становится какимъ-то помѣшаннымъ.

Это самое случилось теперь со мною. Да, ты долженъ вѣхать, сказалъ я себѣ, вѣхать далеко! Кругъ дѣятельности для артиста — это весь міръ!

Что тебѣ пользы въ похвалахъ, которыми какъ будто изъ милости награждаютъ тебя какой-нибудь высокородивый рюмолетъ за твою мелодію, написанную для бездушнаго набора его словъ; что тебѣ въ этихъ дружескихъ пожатіяхъ руки иной собѣди, за какіе-нибудь вальсы, — или въ одобрительныхъ крикахъ толпы за какой-нибудь удачный маршъ? Потѣжай! и если ты порадуешь своихъ геніемъ ушлыхъ людей и усвоишь себѣ ихъ свѣдѣнія, — тогда возвратись въ мирную отчизну и живи тѣмъ, что усилъ пріобрѣсти.

Я на-скоро уложилъ въ чемоданъ свои музыкальные сочиненія и кой-какіе ножнички, обвилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые называли меня Другомъ, съѣзъ въ скромную почтовую повозку, которую настоятельно рекомендовалъ мнѣ мой кошелекъ, и отправился въ ближайшій городокъ. Было уже поздно. Мои спутники сидѣли возлѣ меня словно безмолвные призраки. Я скоро погружался въ сладкій сонъ, и только на разсвѣтѣ былъ пробужденъ рукою почтальона, которая, какъ соборная кружка, переходила отъ одного пассажира къ другому.

Съ торжественно-спокойнымъ величіемъ развертывалась краса наступающаго дня. Свѣшенное crescendo природы въ свѣтозарномъ зорпѣ возвысило мой духъ до благоузнаго созерцанія. Съ радостною надеждою моя мысль вознеслась къ Тому, Кто съ отеческою любовію надлѣлалъ меня художественнымъ талантомъ. Этотъ талантъ долженъ запечатлѣть мою жизнь и призвать меня къ Тому, Кто одинъ творитъ и въспосылаетъ намъ всѣ силы и способности. Да, Онъ вѣрилъ мнѣ залогъ Своей благодати; но Онъ могъ отказать мнѣ въ развитіи моего таланта, когда я, съ чувствомъ гордаго самодовольства, дерзалъ полагаться на самого себя, когда я самонадѣленно мечталъ испытать всѣ средства, всѣ пути, и побѣдить всѣ трудности, чтобы со-временемъ, на радость моимъ собратьямъ, раскрыть могущество и стремленіе моей души.

Природа всегда производитъ на меня чудное вліяніе!

Когда всѣ твои силы стремятся къ одной какой-нибудь дѣли, — назови это стремленіе талантомъ, призваніемъ, геніемъ, какъ угодно, — тогда чувствуешь; что твоя созерцательная сила окружена какимъ-то магическимъ кругомъ. Горизонтъ существуетъ не для одного физическаго зрѣнія, но и для духовнаго.

Съ перемѣною точки зрѣнія, ты произвольно можешь перемѣнять тотъ и другой горизонтъ.

Ступай впередъ, и твой горизонтъ будетъ расширяться; но ты никогда не въ состояніи переступить за эту черту.

Этого мало! для тебя всѣ предметы существуютъ полъ однимъ свойственнымъ тебѣ колоритомъ, который, противъ твоей воли, образуетъ главный тонъ всей твоей жизни и всѣхъ твоихъ чувствъ. Такъ мнѣ все представляется подл музыкальными формами.

Обзорніе какой-нибудь страны для меня то же, что представленіе музыкальной пѣсы. Я вижу только цѣлое, а частности ускользаютъ отъ моего вниманія. Это имѣетъ свою пріятную и неприятную сторону. Пріятную: потому-что я никогда не умѣю хорошенько опредѣлить гдѣ находится извѣстная гора, докъ, дерево или какой-нибудь другой предметъ, и по этому каждый разъ мнѣ какъ-будто представляется новал картинна. Но это неприятно, когда я путешествую. Въ моей душѣ настоящій хаосъ; все перебито, перепутано; понятія и представленія смѣшиваются, сливаются другъ съ другомъ. Если бы я стоялъ на одномъ мѣстѣ и спокойно въсплѣ свой взоръ въ даль, то развѣрнувшись передо мною картина вызвала бы изъ духовнаго міра моей фантазіи какой-нибудь сходный музыкальный образъ, и я, быть-можетъ, съ радостію уловилъ бы его, запомнилъ и развѣлъ. Но, милосердое небо! какъ перевернулся, перепутаются всѣ погребальные марши, рондо фуриозо, когда природа раскрываетъ все свое величіе передъ моими глазами! Ея живительное дыханіе пропикаетъ въ мою душу. Я не могу оторвать взора отъ чудной игры природы, и однако я не вижу ничего, кромѣ радужнаго перелива цвѣтовъ; мои музыкальные идеи оставляютъ меня; я чувствую только торжественное теченіе жизни: думаю о прошедшемъ и мечтаю о будущемъ. Въ моей душѣ возникаютъ и тотчасъ исчезаютъ какіе-то образы, о которыхъ я никогда уже не вспомяну.

ПАРГОЛОВСКІЯ ТАЙНЫ.

(Опоичаніе.)

XVI.

Дмитрій Ивановичъ Топшловъ объявилъ въ своемъ письмѣ къ Евдокію Егоровичу Рытковской, что онъ явится къ ней за отвѣтомъ въ пятницу. *)

Наступила роковая пятница, въ которую должна была рѣшиться участь влюбленнаго молодого человѣка.

День былъ жаркій; ни малѣйшіи вѣтерокъ не возмущалъ неподвижности воздуха; палящіе солнечные лучи прямоотвѣсно падали на разгорѣченный песокъ; вѣтви на деревьяхъ уныло опустялись внизъ, какъ бы удрученныя тяжестью душнаго, тяжелаго воздуха.

Дмитрій Ивановичъ медленно приближался къ дому, въ которомъ жили Рытковскія. Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого дома, какъ вдругъ остановился... къ нему навстрѣчу шелъ Прышовъ. Желая избѣгнуть съ нимъ встрѣчи, Дмитрій Ивановичъ поспѣшно перешелъ на другую сторону дороги. Захаръ Трифоновичъ послѣдовалъ за нимъ туда же. Топшловъ въ эту минуту былъ менѣе, нежели когда либо располоненъ къ человѣку съ рыжими бакенбартами, а потому онъ былъ вѣзбѣшонъ поступкомъ его, и удвоивъ шагъ, пошелъ прямо навстрѣчу къ Захару Трифоновичу.

Соперники встрѣтились.

Дмитрій Ивановичъ вялчески старался придать добродушному, открытому лицу своему грозное выраженіе; на лукавой, злобной физиономіи Прышова сіяла самая доброжелательная улыбочка.

*) По причинѣ неизбежнаго раздробленія, на которое столько жалуются доброжелатели иллюстрацій, мы находимся вынужденными напомнить объ этомъ обстоятельстве.

— Здравствуйте, Дмитрій Ивановичъ. Куда это вы так изволите спѣшить? — сказала послѣдній.

— Что вамъ отъ меня надо? вспыхливо вскричалъ Топиловъ.

— Вы, кажется, сегодня не въ духъ?

— Убирайтесь къ чорту! — съ послѣдними словами Дмитрій Ивановичъ отвернулся и хотѣлъ идти дальше.

— Дмитрій Ивановичъ, напрасно изволите сердиться... Позвольте мнѣ переговорить съ вами, и вы увидите сами, какъ я вамъ предаю.

Топиловъ презрительно пожалъ плечами.

— Господи, продолжалъ Прышовъ, я прошу у васъ не болѣе четверти часа времени, чтобы убѣдить васъ въ своей дружбѣ; если послѣ этого времени вы не будете убѣждены, то я даю вамъ честное слово, что сегодня же отступлюсь навсегда отъ Евдоксіи Егоровны... довольно ли вамъ этого?

Топиловъ, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на челоуѣка съ рыжими бакенбартами и, побужденный невольнымъ любопытствомъ, согласился на просьбу его.

Вскорѣ соперники, разговаривая съ необыкновеннымъ жаромъ, исчезли въ чащѣ лѣса, на берегу озера.

Часть спустя, Дмитрій Ивановичъ подходилъ одинъ къ дому Рытковскихъ. На лицѣ его выражалось необыкновенное безпокойство; съ озабоченнымъ и разстроеннымъ видомъ вошелъ онъ въ домъ.

Евдоксія Егоровна сидѣла одна въ передней комнатѣ, въ какомъ-то таштешномъ полусвѣтѣ; чтобы укрыться отъ нестерпимаго жара, она приказала закрыть вполнину ставни.

Полулежа на мягкомъ диванѣ, обтянутомъ кашею, блондинка читала Вѣчнаго Жидка.

Нѣсколько шумное появленіе молодого челоуѣка вывело ее изъ сладостнаго вниманія, съ которымъ она слѣдила за страстными порывами Джальмы...

— Ахъ, Боже мой! какъ вы меня испугали! — пропела она съ неудовольствіемъ, на которое молодой челоуѣкъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ подошелъ къ дивану, и скрепя руки на груди, остановился передъ блондинкой. Евдоксія Егоровна хотѣла было разсердиться, но потомъ она разсудила, что въ этомъ положеніи Топилова было нѣчто романтически-ташштешное...

— Что съ вами, Дмитрій Ивановичъ?

— Евдоксія Егоровна! Это нехорошо, очень нехорошо-съ!

— Я васъ не понимаю.

— А я васъ полюбъ.

Блондинка выпрямилась и хотѣла поразить молодого челоуѣка величественнымъ взглядомъ; но, уви! либо во взглядѣ не было величія, либо Топиловъ не умѣлъ понять его; а потому онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Вы смѣялись надо мною, Евдоксія Егоровна; вы играли со мною, какъ съ дешевой игрушкой, которую не жаль сломать; вы пользовались моею молодостью, неопытностью...

— Что это значить! — съ гордымъ негодованіемъ вскричала Евдоксія Егоровна.

— Разумѣется: вы думали, что вы старшее меня, такъ вамъ позволительно дурачить меня...

— Вы мнѣ говорите дерзости!

— Я? — вскричалъ Топиловъ съ самымъ изумленіемъ; я? дерзости? Впрочемъ, дорѣзываете меня, Евдоксія Егоровна, ужъ коли вы мнѣ предпочли Захара Трифоновича, такъ уже я и жаловаться не смѣю... Захаръ Трифоновичъ! Выбрали же вы себѣ красавца! — Милостивый государь, я попрошу васъ повторить эти слова при Захарѣ Трифоновичѣ!

— Нечего повторять! Я съ нимъ уже кончалъ.

— Что вы говорите?

— А то, что мы другъ-другу ужъ мѣшать не будемъ. Мы съ нимъ расчитались...

Блондинка хотѣла что-то спросить; и по вступу съ ней послышался шумъ; и секунду спустя, въ комнату вбѣжала мать Евдоксіи. Въ обѣихъ рукахъ держала она за плечи довольно пономешный вицмундиръ.

— Дуляша, Дуляша! вскричала Рытковская съ отчаяніемъ; бѣда случилась!

Всгдъ за нею вошли въ комнату Антипычъ и какой-то мужикъ.

— Что такое, мамашенка?.. Что такое? спросила Евдоксія, поспѣшно вкочивъ съ дивана.

— Да ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!.. Напалишемъ мы теперь. Ахъ, ты Господи! Вѣдь надо же было такой бѣдѣ случиться!

— Да что же случилось?.. Говорите, не мучьте меня!

— Захаръ Трифоновичъ утонулъ!..

— Утонулъ!.. повторила Евдоксія Егоровна съ драматическимъ движеніемъ ужаса.

Наступила минута глубокаго молчанія. Всѣ были поражены ужасною повостью. Евдоксія Егоровна стояла неподвижная какъ статуя; но потомъ, мало-по-малу она стала подниматься и вперла въ Топилова взоръ, исполненный страшнаго подозрѣнія.

— Не можетъ быть!.. произнесла она, наконецъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Какъ не можетъ быть!.. Платье его нашли на берегу, а его пѣтъ-какъ пѣтъ!.. Ну, какъ можно идти купаться одному и такъ далеко еще!.. Охъ, ты Господи! Какая бѣда!.. Вотъ вицмундиръ его!

— А вотъ и панталонъ-съ, — прибавилъ Антипычъ.

— Надо бѣжать... принять мѣры... вскричалъ Дмитрій Ивановичъ, бросившись къ двери; но Евдоксія Егоровна предупредила его. Она встала у двери и вскричала грознымъ голосомъ.

— Вы не выйдете отсюда!

— Что это значить? — спросилъ съ испугомъ Топиловъ.

— Ахъ, да вы здѣсь, баринъ, — сказалъ мужикъ, не узнавши сначала Дмитрія Ивановича въ полумракѣ. А мы васъ искали... Вѣдь вы вмѣстѣ купались съ Захаромъ Трифоновичемъ.

— Слышите ли! — вскричала Евдоксія Егоровна.

— Это неправда!.. отвѣчалъ Топиловъ; — я видѣлъ сегодня Прышова; но разстался съ нимъ, не доходя до перемычки, къ которой онъ шелъ купаться...

— Ложь, коварная ложь!.. вскричала блондинка въ себя и бросившись къ окну. Она съ судорожною живостью стала разбирать нѣсколько записокъ; выбравъ одну изъ нихъ, она однимъ толчкомъ отворила окно и потомъ, воротившись къ матери, подала ей записку, вскричавъ: — Читайте, мамашенка, читайте!

— «Почтеннѣйшій»... пачала читать Рытковская.

— Дальше, дальше! — истерично сказала Евдоксія Егоровна.

— «Я не понимаю»...

— Дальше!.. Вотъ тутъ... И Евдоксія указала на третью строчку.

Рытковская читала вслухъ:

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доложить вамъ, что вы мнѣ давно надоѣли. Если вы еще разъ понадеетесь мнѣ на глаза въ «доброй» частъ, такъ... впрочемъ я угрожать не люблю, — я люблю дѣйствовать».

— Ахти, свѣты! — вскричала старуха, выронивъ изъ рукъ письмо.

— Позвольте... началъ было Топиловъ.

— Ни слова! прервала его Евдоксія Егоровна въ себя. О! теперь мнѣ понятенъ смыслъ послѣднихъ вашихъ словъ... теперь я понимаю, какъ вы кончили, какъ вы раздѣлялись съ Захаромъ Трифоновичемъ, и отчего вы больше не будете мѣшать другъ-другу!.. О,

позвергъ!.. Теперь мнѣ все понятно!.. Мамашенка, надо связать этому челоуѣку руки... онъ злодѣй, онъ преступникъ, онъ утопилъ Захара Трифоновича.

Антипычъ и мужикъ ахнули; первый поспѣшно удался.

Дмитрій Ивановичъ стоялъ какъ громомъ пораженный. Необыкновенный ужасъ выразился на лицѣ его; онъ дрожалъ всѣми членами, какъ злодѣй, уличенный въ страшномъ преступленіи...

Евдоксія Егоровна, рыдая, опустилась на диванъ. Мать тщетно утѣшала ее.

— О, я несчастная! — говорила блондинка, прерывающимся отъ слезъ голосомъ; — о, я несчастная!.. Мамашенка, вы не знаете... я любила этого челоуѣка!..

— Котораго? — съ изумленіемъ спросила мамашенка.

— Захара Трифоновича!.. Вы не знаете, какія у него были возвышенныя чувства!.. Вы не знаете благородства души его!.. О, какъ я его любила!..

Жалобы Евдоксіи Егоровны были прерваны приходомъ Зорина, за которымъ явился и Антипычъ.

Пошли объясненія. Молодой живописецъ съ жаромъ защищалъ своего друга; но, наконецъ, пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ о томъ, что Топиловъ нѣсколько разъ говорилъ, что онъ утопилъ Прышова, замолчалъ и съ невольнымъ ужасомъ взглянулъ на своего пріятеля.

Прислонившись къ столу и опустивъ голову на грудь, стоялъ несчастный Дмитрій Ивановичъ...

— Дмитрій! возможно-ли!.. вскричалъ Зоринъ.

Топиловъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ не повиновался ему... махнувъ рукой, онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ и съ отчаяніемъ закрылъ лицо руками...

— Боже мой! — вскричалъ молодой живописецъ; — говори, несчастный, какъ это было!.. Можетъ быть, еще можно будетъ спасти его!

Топиловъ опять махнулъ рукой.

— Говори! Гдѣ нашли платье? — вскричалъ Зоринъ, обратившись къ мужику.

— Яшка дурачокъ говорить, что у перемычки нашель.

— Яшка!

— Да, вотъ что по деревнѣ бѣгаетъ... пишіи.

— Слѣдовательно, не ты нашель?

— Нѣтъ, баринъ, не я; я шелъ съ поля и вижу, что кто-то между деревьями пробирается съ узелкомъ; гляжу — Яшка. Куда ты, душень? говорю. — А вотъ, говорю, платье на берегу нашель; несу въ деревню... надо дать знать: видно баринъ потонулъ. Я, знаете, сударь, какъ погляжу, и вижу, что платье-то знакомое... Ахти, бѣда! говорю, да это нашъ баринъ. Ну, такъ возьми, говоритъ Яшка, а я пойду, говоритъ, панниходу служить... П убѣжалъ. А я и пришелъ сюда...

Зоринъ слушалъ мужика со вниманіемъ.

— Достояте! вскричалъ онъ, — есть надежда! Я сейчасъ вернусь!..

Молодой живописецъ побѣжалъ къ двери, но въ то же мгновеніе за нею послышался голосъ. Дверь отворилась и въ комнату вбѣжала горничная.

— Нашли! нашли!.. вскричала она.

На порогѣ явился страшная фигура.

Захаръ Трифоновичъ былъ закутанъ въ длинный сѣрый армякъ, изъ подъ котораго видны были концы огромныхъ мужицкихъ сапоговъ. Мокрые волосы его плотно прилегали къ головѣ...

— Захаръ Трифоновичъ! вскричали всѣ, исключая Дмитрія Ивановича, который съ невыразимой радостью привскочилъ къ столу.

Евдоксія Егоровна бросилась къ нему на встрѣчу, но на половинѣ дороги остано-

лась... Развязка была через-чур водевильна. Ненависть блондинки къ Топилову исчезла... изъ преступника оиъ сдѣлался въ глазахъ ся жертвой... Она остановилась возлѣ него и, протянувъ къ нему руку, произнесла чрезвычайно пѣжнымъ голосомъ :

— Дмитрій Ивановичъ!.. простите!

— Помните, — отвѣчалъ молодой человекъ съ радостью, смѣшанною съ замѣшательствомъ—ошибка-съ, случается... мое почтение! — И взявъ за руку Зорина, оиъ шепнулъ ему : — Пойдемъ, Павелъ!

Молодой живописецъ самъ спѣшилъ домой, а потому расклапаясь и вышелъ съ Топиловымъ.

— Глупецъ! — произнесла вслѣдъ за послѣднимъ Евдоксія Егоровна и, опустившись небрежно на диванъ, сказала Прыщову, съ печальной миной стоявшему на порогѣ : — Это очень мило, Захаръ Трифоновичъ!.. Вы пасъ такъ напугали, что... мамашка, вѣроятно, будетъ нездорова.

— Помните, — возразилъ Прыщовъ плачевнымъ голосомъ, — нешто я виноватъ, что у меня платье украли?..

XVII.

Молодые друзья, по слову не говоря, спѣшили домой.

Они взошли на крылечко... Зоринъ остановился съ ужасомъ... Дверь была отворена... страшное предчувствіе сдавило грудь его. Наконецъ, преодолевъ это чувство, оиъ избѣжалъ въ комнату.

Нишей тамъ не было, и вмѣстѣ съ нею исчезла и картина съ мольберта...

Съ воплемъ отчаянія и не говоря ни слова Топилову, молодой живописецъ выбѣжалъ изъ дому... прямо къ старой, полуразвалившейся банѣ.

Прохожіе со страхомъ отступали и долго смотрѣли вслѣдъ молодому человеку, который, какъ безумный, бѣжалъ, не обращая ни на кого вниманія.

Но вотъ уже оиъ у банн... толкнувъ ногою дверь, оиъ вошелъ.

Баня была пуста... только въ печи догаралъ огонекъ подъ осколкомъ горшка, да сверчокъ панѣвалъ свою однообразную, тоску наводящую пѣснюкку.....

XVIII.

Зоринъ не пошелъ сестры. Нише пропали. Никто не зналъ, куда они дѣвались.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Фурштатской улицѣ была свадьба. Захаръ Трифоновичъ Прыщовъ сочетался законнымъ бракомъ съ Евдоксією Егоровною Рытковской. Свадьба была очень богатая : одной дрей-мадеры было выпито на шестьдесятъ съ чѣмъ-то рублей.

Евдоксія Егоровна въ отчаяніи; во время свадебнаго бала она танцовала съ однимъ молодымъ человекомъ, въ которомъ она, наконецъ, нашла всѣ элементы идеала. Впро-

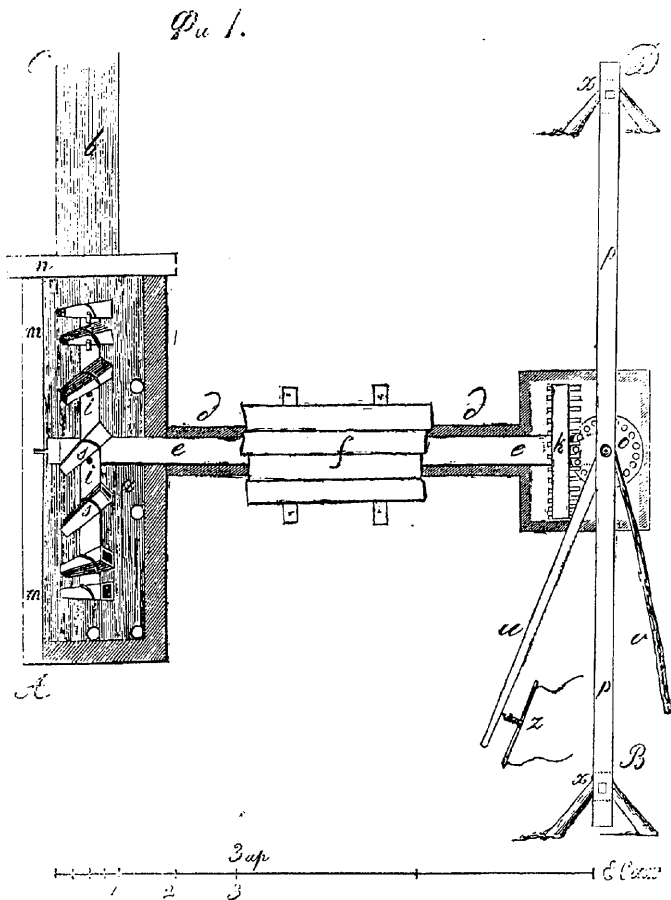
чемъ, этотъ молодой человекъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Захаромъ Трифоновичемъ.

Топиловъ на службѣ. Столоначальникъ его говоритъ, что оиъ будетъ примѣрный чиновникъ.

На-дняхъ, въ Полцейскихъ Вѣдомостяхъ, вѣкто вызывалъ поучника на общихъ издержкахъ въ Тобольскѣ.

Это Зоринъ — оиъ ѣдетъ рисовальнымъ учителемъ въ какое-то уездное училище.

И. Ф.—илл.

Чигирь фиг. 1.

ТАТАРСКІЙ ЧИГИРЬ

ПОЛИВНАЯ МАШИНА

(Статья г. Шеніана изъ Ж. М. Г. П.)

На мѣстѣ, избранномъ для построения чигиря, вырывается пріемникъ или колодезь (а), шириною $2\frac{1}{2}$ арш., а длиною смотря по величинѣ водянаго колеса отъ 2 до 3 сажени, глубиною ниже горизонта стоянія воды, или нивы или рѣки, откуда проводится вода, по меньшей мѣрѣ на $\frac{3}{4}$ аршина. Колодезь соединяется съ ближайшею рѣкою или лямнемъ посредствомъ канавки (б), шириною въ 1 аршинъ, глубина же ея дѣлается наравнѣ съ лномъ колодца.

Въ разстояніи двухъ сажени отъ края колодца вырывается лямикъ (с), длиною, $2\frac{1}{2}$ шириною 2 аршина; одна половина его углубляется на столько, чтобы помѣщаемое въ пей кулачное колесо могло свободно обращаться, а другая же,

гдѣ помѣщается шестерня, углубляется не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина. Между этимъ лямикомъ и водопріемникомъ прорывается канавка (д), глубину и ширину въ $\frac{3}{4}$ аршина, въ коей обрабатывается валъ (е), на концѣ коего находится водяное колесо (і); чрезъ канавку дѣлается небольшая мостикъ (і), состоящій изъ двухъ или трехъ перекаладинъ, поверхъ концы настилаются доски, а за несимѣніемъ оныхъ, хворостъ, (въ послѣднемъ случаѣ перекаладины должны быть положены чаще), засыпаемый сверху землею, лабы лошади, приводящая въ движеніе машину, могла свободно ходить кругомъ. Для предохраненія колодца отъ осыпки земли, подлѣ него въ пѣкторомъ разстояніи отъ боковъ вколачиваются пестлые колья, и между ними кладутъ пучки камыша до такой высоты, до которой, смотря по грунту земли, признается нужнымъ. При постоянно устроенныхъ чигиряхъ, такия же образомъ обдѣлываются и бока канавокъ, а особливо если оиѣ прорываются глубоко; при мелкой же прорывкѣ ихъ, на ипаменныхъ мѣстахъ, и при временныхъ чигиряхъ канавки оставляются безъ обдѣлки. Стѣнки колодца и канавки можно обдѣлывать и другимъ образомъ, смотря по мѣстнымъ способамъ, какъ то: досками, деревянными срубамъ и плетеными изгородками.

Устройство машины очень просто : она состоитъ изъ вала (с), длиною 5 саж., толщиной отъ 5 до $5\frac{1}{2}$ вершковъ въ обдѣлкѣ. На одномъ концѣ вала дѣлается водяное колесо слѣдующимъ образомъ: продвѣиваются крестообразно двѣ сквозныя дыры, въ которыя вставляются бруски (g), длиною 4 аршина, около коихъ обивается изъ тонкой доски ободъ, прикрѣпленный къ концамъ брусковъ желѣзными, а иногда и деревянными гвоздями. Ободъ прикрѣпляется еще восемью распорками (h), или поставками изъ не тодстыхъ жердей, влобленныхъ однимъ концомъ въ валъ, а другой проходитъ сквозъ ободъ. Къ ободу привязываются веревками 12 ведеръ, или челековъ, служащихъ для поднятія воды. На другомъ концѣ вала дѣлается кулачное колесо (k), въ диаметрѣ 2 аршина, о 22 кулакахъ, изъ тодстыхъ досокъ, сколоченныхъ въ два ряда деревянными гвоздями. Валъ обрабатывается на желѣзныхъ осяхъ въ двухъ горизонтально лежащихъ брускахъ, изъ коихъ одинъ (l), въ лямикѣ, а другой (m) въ водопріемникѣ. Чтобы брусья не могли двигаться, то концы ихъ зарываються въ землю, выключая одного конца

бруса (m), который кладется на брусъ (n), лежащій поперегъ колодца, концы коего также утверждены врытjemъ въ землю.

Валъ приводится въ движеніе шестерней, ось коей обращается въ брусъ (l), и въ сквозномъ кругломъ гнѣздѣ верхней перекаладины (р), которая утверждена шпалами на двухъ столбахъ (x). Дабы во время дѣйствія машины столбы не разшатывались, они подпираются съ двухъ сторонъ откосами. Сквозъ ось продвѣвается рычагъ (u), и къ нему на концѣ прикрѣпляется валецъ съ постромками или оглоблями (v). Сверхъ того сквозъ ось шестерни продвѣвается тонкій шестъ (v), одинакой съ рычагомъ длины; къ этому шесту привязываютъ поводъ лошади, дабы она при круговомъ обращеніи не могла свернуть въ сторону. Величина диаметра шестерни относится къ кулачному колесу какъ 1 : 2, высота же оной бываетъ всегда 12 вершковъ; цѣвокъ въ ней дѣлается 16. Оба деревянные круга

(г) шестерни обтравиваются желѣзными, а иногда и обыкновенными деревянными обручами.

Ведръ, или челіки (s), бываютъ четырехъугольными, высотой 1 аршинъ, внизу 5, а сверху 5½ вершковъ; они дѣлаются изъ досокъ толщиной въ ½ дюйма, связываются въ двухъ мѣстахъ бичевкою; ихъ привязываютъ къ водяному колесу въсколько косвенно, дабы удобно могла выливаться вода въ желобъ (t). Желобъ этотъ всегда ставится параллельно съ водянымъ колесомъ, неподвижно; а дабы вода, при опрокинутіи челіка, не разбрызгивалась, то на дно желоба кладется камышъ; вмѣсто камыша для этого можно употреблять тонкій хворостъ.

Величина водянаго колеса бываетъ, смотря по глубинѣ колодца, отъ 4 до 7 аршинъ; прочія же части машины дѣлаются всегда одинаковаго размера; число челіковъ никогда не бываетъ больше 12-ти.

Количество воды, поднимаемой чигиремъ въ одинъ оборотъ водянаго колеса, простирается до 6 куб. футъ, или около 15½ ведеръ; полагая, что въ часъ будетъ сдѣлано 200 оборотовъ, въ течение 14 рабочихъ часовъ въ день чигирь подыметъ 45,200 ведеръ воды (1,080 бочекъ). Для соображенія при постройкѣ чигиря прилагается здѣсь свѣта матеріаловъ, потребныхъ на его устройство съ водянымъ колесомъ въ діаметрѣ 4 арш., а также и плата за работу по тѣмъ цѣнамъ, во что обходится постройка астраханскимъ татарамъ. (*)

Въ прилагаемой здѣсь свѣтѣ неслучено количество матеріаловъ на устройство чигиря съ водянымъ колесомъ, имѣющимъ въ діаметрѣ 4 аршина; при устройствѣ же чигиря съ колесомъ большаго размера, должно только взять бруски, служящіе основаніемъ колесу, восемь подставныхъ, и доску для обода другихъ размѣровъ по величинѣ колеса; прочіе же матеріалы и плата за работу останутся тѣ же. Изъ этого видно, что при устройствѣ чигирей разныхъ размѣровъ, па-

мѣненіе въ матеріала незначительно, а работа та же, следовательно цѣнность зависитъ не отъ величины чигиря, а отъ качества употребленныхъ на оныя матеріаловъ и отъ средствъ пріобрѣтенія послѣднихъ.

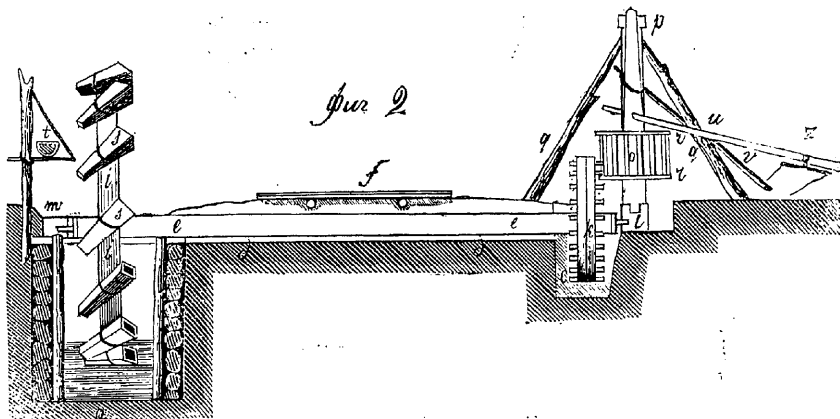
Чигирь этого устройства очень удобно можно на зиму разобрать и хранить подъ крышею, ибо какъ разборка, такъ равно и установка оного не требуютъ много времени и почти никакихъ издержекъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

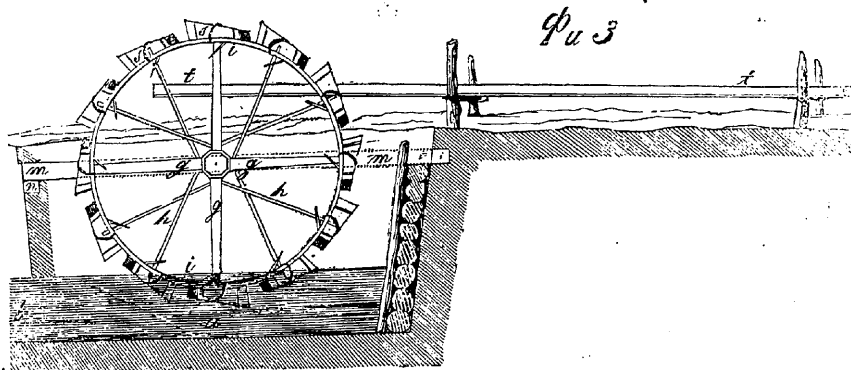
НО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Свѣтліеся червяки. — Еше о болѣзни картофеля — Фабрикація шампанскаго. — Колонна Велико-Арміи въ Булонь. — Фервейскій замокъ. — Похороны лейтенанта Лемоана. — Переселеніе жителей Фельсберга.

Кто неслышалъ разсказовъ, такъ называемомъ, *свѣтлякъ* или свѣтляшечка? Подобно вѣсѣмъ необыкновеннымъ существамъ, и свѣтлякъ играетъ ненеловажную роль въ натуральной исторіи среднихъ вѣковъ. Имѣлъ съ блуждающими огнями болотъ и кладбищъ, свѣтляковъ принимали за души привидѣній; и когда запоздалый лунникъ замѣчалъ въ кустарникѣ блѣдно сіяніе свѣтляка, то онъ съвѣрно преклонялъ колѣни и творилъ молитву по усонившихъ... Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ червячокъ лишился своего символическаго значенія, онъ сдѣлался предметомъ изученія физиковъ и натуралистовъ въ послѣднее время, извѣстный ученый, г. Маттеуччи, издалъ нѣсколько весьма любопытныхъ наблюденій надъ этимъ насекомымъ. Въ обширной массѣ животныхъ, анализированныхъ натуралистами, свѣтлякъ есть тѣмъ члѣномъ рода подобныхъ насекомыхъ. Всѣ они имѣютъ чрезвычайную мягкіи и составленную изъ колецъ, животь; въ этихъ то кольцахъ и находится органъ свѣта. Подоживъ червяка на спинку, прежде всего можно замѣтить, что онъ испускаетъ свѣтъ не непрерывно, а съ перемѣжками; иногда онъ совершенно угасаетъ, потомъ опять свѣтится. Судя по этому обстоятельству, нѣкоторые натуралисты предположили, что свойство обнаруживать свѣта подчинено волѣ животнаго; но это мнѣніе несправедливо. Фосфоризація свѣтоносныхъ сочлененій продолжастся даже и послѣ отдаленія ихъ отъ насѣ-

Чигирь фиг. 2.

Чигирь фиг. 3.

Свѣта (*).

Количество. За одну. За. Р. К. Р. К.

Наименованіе матеріаловъ.

Бревно, длиною 2 сажени, толщиной 3 вершковъ	1	—	—	7	—
Желѣза на два кольца съ пят. выкомъ	15 ф.	10 пуд.	3	75	—
На водяное колесо.					
Брусковъ, длин. 4-хъ аршинъ, 2½ вершковъ	2	—	50	1	—
Жердей, длин. 3-хъ сажень, ½ вершка	2	—	25	—	50
Доска, дл. 4-хъ сажень, тол. ½ дюйма	1	—	—	—	40
На кулачнов колесо.					
Досокъ, длиною 4-хъ сажень, толщ. 3½ дюйма	2	2	80	5	60

Жердей березовыхъ, (или другого крѣпкаго дерева), длиною 3-хъ сажень, толщ. 1½ вершка	1	—	—	1	—
На шестерню.					
Досокъ, длиною 3-хъ сажень, толщиной 2½ дюйма	1	—	—	2	—
Жердей березовыхъ (или другого крѣпкаго дерева), длин. 2 саж. толщиной 1½ вершка	1	—	80	1	60
Обручей желѣзныхъ два, вѣс. 12 ф. 10 п.	3	—	—	—	—
На стержень бревно, длин. 3½ аршинъ, толщиной 4-хъ вершк.	1	—	—	—	90
На прочія части машины.					
Бревень, толщ. 7 верш., дл. 3½ арш.	1	—	—	1	50
Бревень, толщ. 4 верш., дл. 3-хъ арш.	2	1	25	2	50
Пластина, дл. 4 саж., шир. 5 вершк.	1	—	—	1	50
Жердей, березовыхъ, длиною 2 аршин., тол. до 2-хъ вершковъ	1	—	—	—	80

Гвоздей, длин. 5 и 6 дюймов. на 12 челюковъ	50	—	—	—	70
Досокъ, толщ. ½ дюйма, дл. 4 сажени	4½	—	40	1	75
Веревковъ пеньковыхъ въ окружности ¼ дюйма	50 ар.	—	—	—	—
Веревковъ пеньковыхъ или мочальныхъ, въ окружности 1 д.	18 ф.	—	—	—	50
Желобъ деревянный, выдолбленный изъ пластинны или дшина, длиною, припрѣрно, до 4-хъ сажень	1	—	—	—	2
На подставки къ желобу, на расборки къ стойкамъ и обдѣлку ямы, колебель, толщ. отъ 1½ до 2 вершковъ, длиною отъ 5 до 4 аршинъ	20	—	—	—	—
Камыша пучковъ на обдѣлку ямынка, длиною 1 сажени, тол. въ крмѣ до 6 вершковъ	40	—	—	—	—
Итого					
За работу припрѣрно	—	—	—	—	39
Всего	—	—	—	—	20
Итого					
108					

комаго. Раздавнив свѣтляка, можно замѣтить развитіе длинныхъ полосъ свѣта въ желтоватой матеріи, которую содержитъ послѣдній колпа, и этотъ свѣтъ продолжается довольно долго. Следовательно цѣлостъ и жизнь животнаго не необходима, даже не нужны для произведенія фосфоризаціи. Г. Маттеуччи, основываясь на этомъ, производилъ различные опыты; сообщаемъ результаты ихъ нашимъ читателямъ.

Въ чистотѣ кислородныхъ газъ, свѣтъ, испускаемый фосфорическимъ веществомъ, отдѣленнымъ отъ наѣкомаго, гораздо слабѣе, чѣмъ въ воздухѣ, и свѣтится долѣе. Анализируя кислородный газъ, въ который фосфорическое вещество было опущено на некоторое время, г. Маттеуччи замѣтилъ замѣненіе въ самомъ газѣ, а именно: поглощеніе кислорода и образованіе углеродной кислоты. Въ атмосферическомъ воздухѣ фосфорическое вещество произвело тѣ же замѣненія, а именно, поглощеніе кислорода и образованіе углеродной кислоты. Кромѣ того, г. Маттеуччи сдѣлалъ еще опыты съ водородомъ, въ которомъ онъ продолжалъ цѣлыя сутки нѣсколько свѣтящихся червячковъ; фосфоризація дѣлалась нѣсколько мгновений и послѣ анализа оказалось, что ни качество, ни объемъ газа не замѣнились замѣтнымъ образомъ.

Эти опыты ясно выказываютъ роль феномена, производящаго фосфоризацію свѣтящагося червяка: она происходитъ отъ соединенія между кислородомъ воздуха и известною частію углерода, содержащагося въ желтоватой матеріи, находящейся въ послѣднихъ сочлененіяхъ наѣкомаго. Этотъ объясняется почему онъ поглощаютъ кислородный газъ и образуютъ углеродную кислоту. Тутъ происходитъ медленное гореніе, подобное старанію гнилаго дерева и т. п. Г. Маттеуччи положительно удостовѣрился въ томъ, что это гореніе не сопровождается развитіемъ теплоты, но происходитъ въ такихъ мелкихъ частяхъ, что жаръ не можетъ быть ошутителенъ, хотя бы онъ и существовалъ. Впрочемъ есть многія другія химическія замѣненія, въ которыхъ свѣтъ не сопровождается замѣтнымъ жаромъ. Следовательно, должно согласиться съ г. Маттеуччи, что фосфоризація свѣтляка производится чрезъ соединеніе кислорода съ углеродомъ, содержащимся въ желтоватой веществѣ, которое находится въ послѣднихъ кольцахъ.

Но какъ происходитъ это гореніе въ живомъ наѣкомомъ? Какъ образуется между воздухомъ и веществомъ, который онъ содѣлываетъ фосфорическимъ, соприкосновеніе, необходимое для произведенія соединенія? Разсматривая въ микроскопъ существо свѣтящагося органа, по снятіи оболочки, окружающей его, легко можно замѣтить желтоватую зернистую матерію, посредъ которой являются группы красныхъ шариковъ, множество отраслей и пустыхъ трубочекъ, похожихъ на мускульныя фибры. Ночью можно замѣтить, что свѣтъ исходитъ изъ зернистой, желтоватой матеріи. Въ живомъ наѣкомомъ эта матерія содержится между брюшной и спинной перепонкой, которая обѣ прозрачны и покрыты волосками: на внутренней сторонѣ послѣдней, кромѣ того, замѣтно множество трубочекъ, въ воздушныхъ сосудахъ, проходящихъ въ фосфорическое вещество. Съ помощію этихъ сосудовъ, кислородъ воздуха находится въ соприкосновеніи съ углероднымъ веществомъ; гореніе котораго производитъ свѣтъ. Маленькій красный пузырекъ, впервые замѣченный г. Маттеуччи, заслуживаетъ, въ этомъ отношеніи, особеннаго вниманія естественныхъ испытателей. Зернистая желтоватая матерія, беспрестанно возобновляется и сохраняетъ свои свойства, чрезъ питаніе, однако дѣйствующее на всѣ части живыхъ тѣлъ.

Вниманіе многихъ ученыхъ теперь обращено на изслѣдованіе болѣзни картофеля, которая съ неповѣрною быстротою распространяется все далѣе и далѣе. Нѣкто г. Бонжанъ, аптекарь въ Шамбери и, вѣроятно, любитель картофеля,

производилъ надъ нимъ всевозможные опыты. По его мнѣнію, особенныя атмосферическія явленія, ознаменовавшія прошедшее лѣто, суть единственныя причины этой болѣзни, и частыя перемены дождя, тепла и холода достаточно объясняютъ разстройство ткани растенія, частію напятаго водянистою жидкостью. Г. Бонжанъ полагаетъ, что должно скоплъ возможно скорѣе вынуть картофель изъ земли и отобрать дурныя картофелины отъ хорошихъ; снѣвъ же поврежденныя частицы, картофель не должно мыть: иначе гніеніе увеличится; также не должно складывать ихъ въ кучи до очищенія; и въ послѣднемъ случаѣ ихъ должно класть не толстыми слоями, чтобы лучше дать имъ высохнуть. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, г. Бонжанъ является только какъ мыслитель, какъ наблюдатель; но слушайте далѣе, и вы изумитесь любви г. Бонжана къ человечеству или — къ картофелю!.. Собравъ поврежденныя и брошенныя картофелины, онъ въ продолженіе трехъ дней почти исключительно питался ими, не обрѣзалъ поврежденныхъ частицъ; онъ съѣлъ такимъ образомъ до 10-ти фунтовъ, въ сунѣ, поджареннаго и просто въ водѣ свареннаго, картофеля, не ощутивъ никакихъ неприяныхъ послѣдствій, исключая нѣсколько труднаго пищеваренія. Но онъ не удовольствовался этимъ: въ одно прекрасное утро онъ выпилъ на томакѣ стаканъ воды, въ которой выварилъ 2 фунта гнившихъ туберкуловъ; вода эта была густа, грязна и вонюча. Какое геройское самопожертваніе! И что же? Кромѣ неприянаго, ѣдлага вкуса во рту и жара въ груди, продолжавшагося два часа, онъ не ощутилъ ничего особеннаго. Кажется, и этого довольно! Своимъ примѣромъ и, быть можетъ, краснорѣчіемъ г. Бонжанъ убѣдилъ своихъ двухъ прикащиковъ и лакея питаться въ продолженіе двухъ дней однимъ поврежденнымъ картофелемъ. Никакихъ дурныхъ послѣдствій не было.

— По огромному количеству шампанскаго, выписываемаго въ цѣлой Европѣ, должно бы полагать, что винные торговцы въ Шампаніи чрезвычайно богаты виноградниками, между тѣмъ, какъ иные изъ нихъ имѣютъ весьма мало виноградниковъ, другіе же совсѣтъ ихъ не имѣютъ. Большая часть изъ нихъ обязаны покупать до двухъ третей вина, которое они распродаютъ. Вино, купленное тотчасъ же по собраніи винограда или нѣсколько мѣсяцевъ спустя, есть не что иное, какъ грубый матеріалъ, который фабрикантъ долженъ превратить въ пѣнишее, шипучее вино. Первая ферментация производится въ бочкахъ и требуетъ тщательнаго присмотра; дрожжи, осаждающіяся на дно бочки, заставляютъ попеременно переливать жидкость изъ одной бочки въ другую. Вино можетъ быть разлито въ бутылки не ранѣе какъ 8 или 10 мѣсяцевъ спустя послѣ уборки винограда. Этой операціи предшествуютъ самыя тщательныя, мелочныя попеченія: мѣшаютъ вина, чтобы придать имъ разнчпыя качества, тонкость, букетъ; употребляютъ недавно открытое средство, чтобы воспрепятствовать вину густѣть и течь на подобіе масла; дистиллируютъ частичку каждаго сорта, чтобы узнать пропорціи элементовъ, составляющихъ вино, а именно: сахара, алкоголя и кислоты; вѣрное знаніе пропорцій этихъ трехъ началъ служитъ руководителемъ въ необходимыхъ итрахъ для увеличенія или ослабленія закваса, производящаго лѣту; отъ вѣрнаго опредѣленія силы закваса мѣнѣе бутылочкѣ лопаются. Въ 1842 году лопалось отъ 60 до 80 бутылочкѣ изъ 100. Будучи разлиты по бутылкамъ вино должно быть поставлено въ пріятной температурѣ, для броженія, для образованія осадка и для развитія пѣнистаго начала. Смотря по обстоятельствамъ, должно ставить вино въ погреба или подвалы. Нужна большая опытность, чтобы узнать качества осадка и по немъ опредѣлить достоинства или недостатки вина. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, вино далеко еще не готово: надо подождать годъ или два, чтобы подвергнуть его окончательной выдѣлкѣ, послѣ которой оно поступаетъ въ про-

дажу. По прошествіи этого срока, приступаютъ къ самой трудной выдѣлкѣ. Значительный осадокъ, образовавшійся, какъ на днѣ, такъ и по сторонамъ бутылки долженъ быть извлеченъ такимъ образомъ, чтобы газъ не испарился и чтобы сила шипучести не ослабла. Чтобы достигнуть этой цѣли, бутылки ставятъ вертикально, горлышкомъ внизъ на столахъ съ дырочкамъ: каждый день, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, работникъ слегка взбалтываетъ жидкость, не выпивая, однако жъ, бутылки изъ отвѣртій, въ которомъ она стоитъ; такимъ образомъ осадокъ мало-по-малу опускается на внутреннюю сторону пробки; потомъ самыя опытные и искусные работники тщательно извлекаютъ этотъ осадокъ безъ ущерба вину и такимъ образомъ, чтобы солблать его сколько возможно свѣтлымъ и прозрачнымъ. Послѣ этого прочищенія вина приступаютъ къ подслащенію его: послѣднее состоитъ въ разчисленіи снадобій, необходимыхъ для того, чтобы придать ему сладость и легкость, въ которой оно можетъ имѣть вужу. Наконецъ послѣдніе работники герметически закупориваютъ бутылки проволокой, могущей противостать силѣ газа. — Все это только общій взглядъ на всѣ трудности этой важной фабрикаціи, въ которой въ пятьдесятъ лѣтъ произведены значительныя улучшенія. Выпивая бутылку шампанскаго въ нѣсколько мгновений, мы, вѣроятно, не думаемъ о трудахъ и заботахъ, которыхъ требуетъ это мимолетное удовольствіе.

— Въ Булоньи окончена, наконецъ, послѣ 41-го года работъ, колонна Великой-Арміи. Первымъ камнемъ ея былъ заложенъ маршаломъ Сультомъ, 9-го ноября 1804 года. Политическіе перевороты были главной причиною этой маленной работы. Статуя Наполеона, стоящая на вершинѣ колонны, исполнена г. Бозо; это та самая, которая, во время перенесенія праха Наполеона, стояла на эсplanадѣ ДомаИмпериаловъ. Изъ двухъ барельефовъ, одинъ, изображающій выходъ арміи изъ Булоньи, работы г. Бра; другой, изображающій первую раздачу креста почетнаго легіона, работы г. Лемэра.

— Фернейскій замокъ, прославленный какъ мѣстопробываніе Вольтера, будетъ проданъ съ публичнаго торга въ будущемъ мѣсяцѣ. Новый хозяинъ его, согласясь съ лучшимъ выгодамъ долѣе, нежели съ историческимъ воспоминаніемъ о знаменитомъ философѣ, вѣроятно, приступитъ къ перестройкѣ полуразвалившагося зданія.

— Обезображенный трупъ несчастнаго молодого человека, лейтенанта Лемоана, командовавшаго шкуной «Doris» — былъ выброшенъ на берегъ; его узнали только по платью и золотымъ часамъ, которые онъ всегда носилъ съ собою. Ему были отданы должныя военныя почести. Похороны его произвели сильное впечатлѣніе на жителей Бреста. Передъ похороннымъ поѣздомъ шли моряки, спасшіеся съ потонувшей шкуны.

— Мы сообщали уже читателямъ нашимъ подробный разсказъ о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится житель Фельсберга. До сейдѣ, эти несчастные жили въ тлостной безвѣстности о своей будущей судьбѣ. Наконецъ, для поселенія ихъ выбрали новое мѣсто и со всѣхъ сторонъ стекаются вспомошествованія, для облегченія Фельсбергамъ издержекъ, сопряженныхъ съ новымъ переселеніемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ШЕКСПИРЪ.

Не гляди на солнце
Лѣтомъ, въ яркій полдень,
Если Богомъ не данъ
Оку взоръ орлиный,
Если ты заразишь
Знаешь, что отъ блеска
Плазменнаго солнца
Потеряешь зрѣнье.

Не читай Шекспира,
Если ты боишься
Глубоко проникнуть
Въ тайны роковыхъ
Бытій земнаго —
Если ты хочешь
Разгадать движенья
Сердца человѣка...

С. Дуровъ.

КРУЧИНЫ.

Есть непопятныя кручины:
Онѣ рождаются безъ причинъ,
И словно ржана на мѣли
Ложатся ѣдко на груди...

Непало имъ несчастій близкихъ:
Онѣ какъ сосны горъ азіатскихъ,
На голомъ камнѣ могутъ цвѣсть:
Всегда, во всемъ пѣть шипа есть...

Изъ сердца вырвать ихъ нѣтъ средства,
Онѣ пускаютъ корень съ дѣтства;
Но если бѣ даже вырвать ихъ —
Намъ горько стало-бы безъ нихъ...

С. Дуровъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Русскій театръ. Отложенная за болѣзнію г-жи Самойловой, новая комедія Р. М. Зотова: Новая Школа Мужей, дана будетъ на слѣдующей недѣлѣ.

Италинская опера. Продолжаются репетиціи оперы: Lombardi. За этой оперой, дана будетъ опера: Beatrice di Tenda.

Французскій театръ. На слѣдующей недѣлѣ, во вторникъ, назначенъ первый дебютъ г-жи Плессис, Арну, въ комедіи Le ver d'eau. Женскія роли въ этой комедіи занимаютъ: Королева г-жа Плессис — Арну, Герцогиня — г-жа Алланъ, Абибель — г-жа Александръ Мейеръ.

Нѣмецкій театръ. Въ концѣ этой недѣли пріѣхалъ Нѣмецкій актеръ Левенбергъ, и въ роляхъ первыхъ любовниковъ будетъ дебютировать въ непродолжительномъ времени.

ПЕРЕПИСКА.

О. Н. С. — Н. И. С. — скому. — А. Н. Б. —

Благодаримъ за участіе. Вы справедливо судите, что къ такимъ выходкамъ побуждаетъ газетку время года. Нападенія газеточки этой, нѣчто въ родѣ наводненій; совершаются периодически, во время возобновленія подписки; забываютъ осеннія бури, газетка становится нездорова; мучится, мечется, и вулканъ изрыгаетъ всякую велячину. Но это — фальшфейеръ! Не бойтесь! Это для потѣхи читателей, для приманки подписчиковъ; газетка увѣриваетъ, что шуточки ея чрезвычайно соблазнительны. Утопая въ самодовольствіи, газетка сочиняетъ сама стихи, дрянные, пошлые, да все-таки стихи. Лучшее невадно. Газетка вдохновляется, напримеръ, березою и поетъ пѣсни русскія съ грѣхомъ пополамъ, но все-таки поетъ; лучше невадно... Пуше всего газетка падувается въ субботу; цѣлую недѣлю она бѣгала, перерыла весь соръ, отыскала въ немъ нѣсколько опечатокъ и въ субботу стряпаетъ изъ нихъ всякую велячину въ полномъ смыслѣ слова. Шукнивъ дворъ хохочетъ. Газетка довольна, счастлива, поетъ подъ пѣсню о березѣ своимъ натуральнымъ голосомъ и засыпаетъ ледяными снежками на всю недѣлю... Въ сильномъ только восторгѣ она еражается иногда съ издателями или молодыми людьми, дерзко подлизывающимися на поприщѣ, но это случается рѣдко; чаще засыпаетъ... Можетъ ли такое созданіе обратиться на свою всякую велячину вниманіе серьезное. Не всякій, если бы и захотѣлъ, можетъ нанести личную обиду... Вы ошибаетесь! Выходка всякой велячины на счетъ образованія Редактора Иллюстраціи — не много. Его образованіе, какъ оно ни есть, извѣстно многимъ, въ томъ числѣ и вамъ, милостивые государи. И въ чемъ, позволите спросить, заключается европейское образованіе? Полагаемъ, что для того надо кончить курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній; но выходи въ свѣтъ, слѣдовать за ходомъ просвѣщенія, читать лучшія сочиненія. Не мѣшаетъ совершить путешествіе, но уже тогда, когда основательныя знанія въ наукахъ и художествахъ пріобрѣтены систематически. Творецъ всякой велячины и другой разной разности, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, а путешествовалъ? Какъ-же! Онъ путешествовалъ по Европѣ, состоя на службѣ во французскихъ войскахъ, и просвѣщался. Но тогда, вы скажете, и ученая дѣла всей Европы были въ хаосѣ. Все равно. Онъ все-таки просвѣщался отличнѣйшимъ образомъ, но тогдашнему фасону, такъ, что онъ первый открылъ, что изобрѣлъ двигательную силу паровъ въ Уатъ, не его предшественники, а послѣдователь Уата — Фультопъ. Право, открылъ — и не удивительно. Онъ самъ все это могъ видѣть собственными глазами. Если бы мы, напримеръ, сказали, что Фультопъ изобрѣлъ пары, если бы Praefectus castrensis перевелъ начальникомъ сплуховъ и въ такой удивительный чинъ произвелъ бы начальника Римскаго лагеря, что бы вы сказали о нашемъ ученостѣ образованіи. Если бы мы печатно сказали, что въ такой-то партитурѣ скрипки идутъ гораздо выше духовыхъ, тенора назвали бы басомъ, баса баритомомъ, Фиделіо — скучною оперою, Бетговена — недостойнымъ памятникомъ; если бы указали съ важностію, не краснѣя, на блестящій переходъ отъ forte къ allegro, чтобы вы подумали о нашемъ музыкальномъ образованіи? Если бы мы напали на Гоголя, Загоскина, Карамзина, Полеваго, Пушкина, Сенковского, и на всѣхъ, на всѣхъ, на комъ лежитъ печать дарованія? А всякая велячина бросалась на всѣхъ живыхъ писателей, оставяла въ покоѣ и торжественно увѣривала въ приязнь тѣхъ же писателей; но когда случалось кому изъ нихъ умереть, не раньше. Всякая велячина страшна, ужасна въ гнѣвѣ своемъ, и не удивительно: она страждетъ безоспешей, она сама изрекла: Мы не дремлемъ! Да и дѣла много!.. Теперь начинается подписка на всѣ журналы и газеты; тутъ не до сна. Теперь вмѣстѣ съ одной всякой велячиной появилась и другая всякая велячина, въ видѣ объявленія, въ которомъ сказано, что творцы (къ одному отсутствующему не относятся слова наши) этой газетки, не жалѣя никакихъ жертвоприношеній, приглашаютъ лучшихъ русскіхъ литераторовъ сообщать въ газетку свои легкія произведенія, на выгодныхъ для писателей условіяхъ... То же было объявлено и въ прошедшемъ году; но видно денежные выгоды не на всякаго дѣйствуютъ такъ поспешно. Кто у насъ лучшіе писатели? Башуцкій, Беведиктовъ, Кн. Виземскій, Гоголь, Гребенка, Михайловскій-Данилевскій, Загоскинъ, Лажечниковъ, Лутковскій, Муравьевъ, Норковъ, Ободовскій, Кн. Одоевскій, Сенковский, Скобелевъ, Графъ Сологубъ и не многіе другіе. Не одного изъ нихъ мы въ газеткѣ въ этомъ году не видали. Газетка ихъ только приглашала, по это европейское образованіе всему злу причина... Ни одинъ не явился. Теперь въ этой всякой велячинѣ, что въ видѣ объявленія, фраза и кончилась только приглашеніемъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; а въ прошломъ году было гораздо авантюризмъ сдѣлано. Напечаталъ творецъ всякой велячины, что даже нѣкоторые писатели уже и приехали въ Редакцію свои сочиненія, въ томъ числѣ и Кукольникъ препроводилъ со-всѣмъ оконченную Исторію Невского проспекта... тогда какъ эта Исторія и до сихъ поръ не начата! Впрочемъ европейское образованіе всему злу причина. О европейское образованіе Редактора! Кто тебя постигнетъ?.. Всякая велячина рассердилась на насъ за березу... Да мы тутъ чѣмъ виноваты? Право, не мы. — Въ піитическомъ жару всякая велячина, увидавъ березу, заплѣла, заговорила стихами! Изъ чего такая радость! Въ восторгѣ ей показалось, будто береза иллюстрирована! Отъ чего это ей такъ показалось? Но ужъ какъ себѣ хочетъ всякая велячина, а помѣщеніе березы уже тѣмъ полезно, что вдохновила творца всякой велячины и извлекла изъ души его сладкогласное пѣніе. Да здравствуетъ береза!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ еженедѣльникѣ мы уже упомянули о новаго рода пирожной, поставленной въ Александринскомъ скверѣ, на Невскомъ Проспектѣ. Это — «заведеніе» названо: Голландскій Вафельной Печарней. Не шутите этимъ кочующимъ трактиромъ; любопытство увлечаетъ туда и львовъ и даже львицъ, и степенныхъ людей; словомъ, это весьма заплата Петербургъ. Гравюра, представляющая эту кочующую печарню, не поспѣла; вы получите ее въ слѣдующемъ номерѣ.

— Побывайте у г. Лемольта, полюбуйтесь его богатой коллекціей разныхъ скульпторныхъ произведеній. Собраніе весьма богато. Въ особенности понравятся вамъ, гнушки изъ композицій на подобіе слововой кости и новые дегерротипы.

— Кстати о скульптурѣ. Мы вѣдѣли карикатуры съ нѣкоторыхъ пѣвчихъ въ Петербургѣ артистовъ и писателей, сдѣланныя натурально, съ дозволенія каждаго, однимъ любителемъ. Нѣкоторые необыкновенно удачны. Въ коллекціи уже семь номеровъ. Многие въ будущемъ.

— На углу Невского Проспекта и Адмиралтейской площади, въ магазинѣ Даціаро, мы вѣдѣли новыя рамки, весьма дешовыя, и весьма красивыя. Поля фиолетоваго, голубога цвета украшены позолотой, такъ что эти рамки можно повѣсить куда угодно; только не объявляйте вашимъ знакомымъ цѣны, потому что дешовое не всегда нравится.

— Мы должны объявить, въслѣдствіе полученныхъ нами писемъ, что въ ламповомъ магазинѣ геріо, въ домѣ Дворянскаго Собранія, и въ конторѣ г. Ругге и Коми, получены въ значительномъ числѣ лампы, о коихъ мы уведомляли въ номерѣ 25-мъ Иллюстраціи. Тамъ же можно теперь получить и спиртъ и очищенный скипидаръ.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

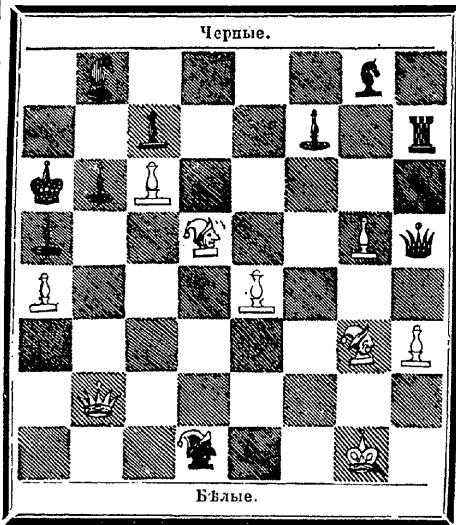
РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 26.

Бѣлые. Черные.

- 1) Конь Короля на 6 м. Сл. Ф. Кор. на 1 св. м.
- 2) Ф. на 8 м. Сл. Кор. Ф. б. Ф. или Кор. б. К.
- 3) Въ 1-мъ случаѣ К. бер. Сл. и матъ. Во второмъ случаѣ К. на 8 м. свое и матъ.

ЗАДАЧА № 27.

Бѣлые даютъ матъ въ пять ходовъ.

РАЗГАДКА № 26.

- 1) В-семь-м-орехъ-ода-м-земля-нестихи-л.
- 2) Всемъ мореходамъ земля не стихія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обертковъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Типографія находится по Итальянской улицѣ, противу Михайловскаго манежа, въ домѣ подпоручика Алексѣева.

**ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРАЦІО
ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ Релакціи, по Гороховой, за Семъповскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ Г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ княжескихъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Г-жи Энгельгартъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятловой.

ЗАГАДКА № 27.

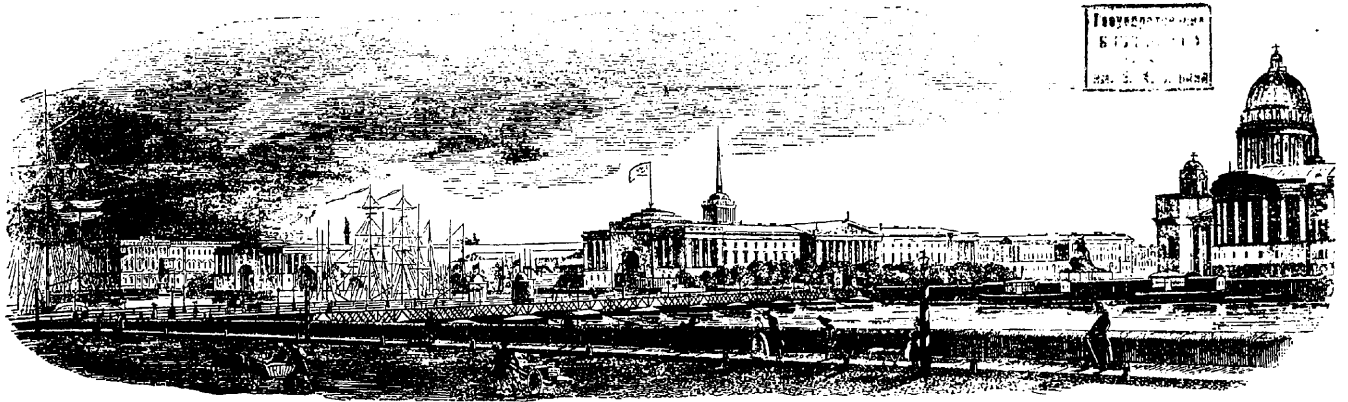

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Баронъ, повѣсть А. Пальма. (Окончаніе). 2) Еженедѣльникъ. 3) Страшець сонъ, да милостивъ Богъ, рассказъ Кушина. 4) Прѣбываніе Петра Великаго въ Казани. 5) Карлъ Марія Веберъ. 6) Паргаловскія Тайны, П. Ф.—ика. (Окончаніе). 7) Татарскій Чигирь, поливная машина. 8) Странствователи по чужимъ извѣстіямъ. 9) Стихотворенія: 1, Шекспиръ и П, Кручяны С. Дурова. 10) Театральныя вѣстники. 11) Переписка. 12) Разныя извѣстія. 13) Объявленія. 14) Игры. 15) Шахматы. 16) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) Портретъ Д. П. Татищева. 2) Рабочая въ Александринской школѣ. 3) Домъ призрѣнія престарѣлыхъ гражданъ. 4) Портретъ Вебера. 5) Перевозка его тѣла въ Гамбургъ. 6) Мурфальдская капелла. 7) Гербъ Вебера. 8) Памятникъ на могилѣ Вебера въ Дрезденѣ. 9) Чигарь (три чертежа). 10) Загадка. Всего 12 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 28. — СУББОТА, 20 ОКТЯБРЯ 1845. Безъ доставкн На годъ 10 р. сер.
п пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. п пересылки : На 5 мѣсяца 3 р. сер.

ЛЮЦІЯ-БЛОНДИНА.

Рассказъ Маріи Жюли.

I.

Это было давно, очень давно.

На берегу Шельды, въ двухъ или трехъ лье отъ Антверпена, стоялъ уединенный однопэтажный домикъ, въ которомъ жили двое мужчинъ и одна молодая дѣвушка. Послѣднюю звали Люціей; но рыбаки и моряки, останавливавшіеся иногда у ея отца, называли ее Блондиной.

Отцу Люціи было около шестидесяти-пяти лѣтъ; онъ былъ высокъ ростомъ; сѣрые глаза его имѣли жесткое, холодное выраженіе, смягчавшееся только тогда, когда онъ смотрѣлъ на свою дочь. Волосы его посѣдѣли, но посмотрѣвъ на нихъ внимательно, можно было замѣтить легкіи отбѣжки, свидѣтельствовавшій о томъ, что прежде волосы старика были рыжаго цвѣта. Загорѣлое лицо его казалось высѣченными изъ камня, такъ жестки и суровы были черты его. Жестокая немощъ увеличивала пасмурный видъ Іоахима: онъ былъ глухъ.

Никто не зналъ, откуда пришелъ этотъ человекъ; въ одинъ день онъ поселился въ этомъ домѣ, который, какъ говорили, принадлежалъ ему; между тѣмъ онъ не былъ богатъ, потому что, несмотря на свой лѣтній возрастъ, онъ продавалъ водку и пиво пробѣжавшимъ морякамъ и рыбакамъ.

Кромѣ отца и дочери въ домѣ былъ еще слуга, безобразный и уродливый, котораго звали Доминикомъ. Онъ прибѣлъ сюда вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ и былъ преданъ ему какъ собака. Доминикъ былъ также не разговорчивъ, какъ и Іоахимъ; несмотря на то, въ минуту хорошаго расположения духа, онъ охотно напѣвалъ какую нибудь пѣсенку моряка; это обстоятельство заставляло предполагать, что онъ, и хозяинъ его были нѣкогда моряками, и кто знаетъ? быть можетъ, пиратами.

Какъ бы то ни было, по нѣкото не имѣлъ причины жаловаться на нихъ: пиво, которое они продавали, было превосходно; водка была не дорога, хотя ее получали прямо изъ Голландіи... Но что со-

вершенно сбивало съ толку клеветниковъ, такъ это то, что по воскресеньямъ, Доминикъ провожалъ Люцію въ Антверпенъ, гдѣ она усердно молилась въ церкви Божіей Матери.

Жизнь, которую вела Люція, была чрезвычайно печальна и однообразна для семнадцатилѣтней дѣвушки; несмотря на то, она никогда не жаловалась; но большіе голубые глаза ея были задумчивы, томпы; она просиживала цѣлые часы, смотря на маленькія волны Шельды...

Мечтала ли Люція, или занималась она какимъ-нибудь женскимъ рукодѣльемъ, старый Іоахимъ не отходилъ отъ нея и не спускалъ съ нея глазъ; онъ былъ печаленъ, когда она задумывалась, счастливъ—когда она улыбалась. По однимъ взглядамъ его можно было угадать, что она единственное утѣшеніе его на свѣтѣ, что онъ жилъ только ею и для нея.

Но вдругъ большая перемена произошла въ привычкахъ Люціи: она стала дѣлать часы на берегу рѣки; во взорѣ ея сіяла тихая, пѣжкая радость и сердце ея, доселѣ равнодушное, спокойное, начало биться сильнѣе, когда лодка рыбака Жозефа, причаливала къ берегу, противъ дома Іоахима.

Жозефъ былъ стройный молодой человекъ, со смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, выразительными глазами; онъ былъ сирота и славъ за искуснѣйшаго рыбака въ окрестностяхъ Антверпена.

Жозефъ полюбилъ Люцію-Блондину, а Люція полюбила рыбака Жозефа!

Люція не знала кокетства, а потому она легко предавалась влеченію первой любви. Съ той минуты, какъ она полюбила Жозефа, онъ замѣнилъ ей все въ мірѣ.

Однажды вечеромъ, Люція по обыкповенію подошла къ отцу, чтобы поцѣловать его и пожелать ему доброй ночи; Іоахимъ отклонился отъ ласки дочери и сказалъ ей грубымъ голосомъ:

— Ты любишь Жозефа?

Эта неожиданная строгость испугала Люцію; однакожъ она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Да, батюшка, люблю.

На лицѣ старика выразился сильный гнѣвъ; онъ удержалъ грозное движеніе и глухимъ голосомъ приказалъ дочери удалиться.

Комната молодой дѣвушки была въ нижнемъ этажѣ, возлѣ общей залы. Іоахимъ спалъ вверху, на чердакѣ, а Доминикъ поселился въ камурѣ, находившейся подъ лѣстничной.

Смушенная гнѣвомъ отца, Люція воротилась въ свою комнату и задумалась: что она сдѣлала? Что было преступнаго въ любви ея къ Жозефу? Ничего... но вмѣстѣ съ тѣмъ молодая дѣвушка инстинктивно понимала, что Іоахимъ требовалъ всей любви дочери и готовъ былъ сдѣлаться смертельнымъ врагомъ того, кто отниметъ у него частицу этой любви.

Было уже близко къ полуночи. Люція стояла у открытаго окна. Іоахимъ, вѣроятно, давно уже спалъ. Ночной вѣтеръ, дувшій съ силою, доносилъ до слуха молодой дѣвушки сабдующія слова, напѣваемые любимымъ голосомъ:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ,
«Блещетъ ли звѣздочка моя!»

Люція поспѣшно выскочила изъ окна. Не обращая вниманія на вѣтеръ, обхватывавшій платье ея, она добѣжала до берега, вскочила въ лодку отца, отвязала ее и схватившись за весла поплыла въ ту сторону, откуда слышалось пѣніе. Нѣсколько минутъ спустя, она сдѣла возлѣ Жозефа...

Молодой человекъ снялъ куртку и накрылъ ею дрожавшія плечи Люціи-Блондины. Потомъ онъ взялъ ее за руку и сказалъ нѣжнымъ голосомъ:

— Ты пришла въ такую дурную погоду, Люція; слѣдовательно ты любишь меня?

Люція не отвѣчала; она только пожала руку Жозефа и тихо склонила голову на грудь его.

— Люція, продолжалъ онъ; ты принадлежишь мнѣ предъ Господомъ... но это недостаточно въ глазахъ людей; завтра я переговорю съ твоимъ отцомъ.

— О, нѣтъ, Жозефъ, нѣтъ! Не говори ему ничего; онъ никогда не согласится!.. сказала Люція, съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Отчего, Люція? Отчего, ребенокъ?

— Останемся такъ, какъ мы теперь! наввно возразила Люція; я всегда буду любить тебя, Жозефъ, но и не разстанусь съ мной отцючъ.

— Слѣдовательно, сказалъ Жозефъ съ неудовольствиемъ, ты предпочитаешь мнѣ своего отца?

Люція кинулась на шею Жозефа и шепнула ему на ухо страстнымъ голосомъ:

— Ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ...

Страшный крикъ прервалъ Люцію! кровь Жозефа брызнула ей въ лицо, на руки!..

Однимъ ударомъ весла Юахимъ разможжилъ рыбаку голову...

Люція встала, грозная и неподвижная какъ статуя, посмотрѣла сперва на отца, потомъ на Жозефа, лежавшаго у ногъ ея... громко, дико захохотала и заплѣла:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ,
«Блеснетъ ли звѣздочка моя!»

II.

— Ты, развѣ, ничего не слышалъ въ прошлую ночь? спрашивалъ одинъ изъ рыбаковъ Доминика, спокойно куришаго изъ коротенькой трубки на порогѣ уединеннаго дома.

— Я слышалъ ураганъ, отвѣчалъ Доминикъ.

— Слѣдовательно ты не знаешь, что на пескѣ нашихъ тѣло бѣднаго Жозефа, выброшеннаго волнами на берегъ?

— Жозефа рыбака? съ изумленіемъ спросилъ Доминикъ.

— Да; онъ утонулъ въ прошлую ночь неизвестно какимъ образомъ и, вѣроятно, ударился головой объ скалы, потому что онъ страшно обезображенъ! Самое удивительное то, что впервые онъ мастеръ плавать, а во вторыхъ, находился возлѣ вашего дома, могъ звать на помощь.

— Шумъ грозы, вѣроятно, заглушилъ его голосъ, отвѣчалъ Доминикъ съ видомъ состраданія.

— Можетъ быть! Дай-ка мнѣ рюмку водки. Смерти бѣднаго Жозефа произвела на меня какое-то нехорошее впечатлѣніе!

Говоря такимъ образомъ, рыбакъ хотѣлъ войти въ домъ Юахима; но Доминикъ остановилъ его, сказавъ:

— Хозяинъ мой болѣе не торгуетъ водкой.

— А! съ изумленіемъ произнесъ рыбакъ; что за причина?

— Не знаю, лапочески отвѣчалъ Доминикъ.

— Опять новая прихоть стараго медвѣдя! провоциалъ рыбакъ удаляясь.

Доминикъ вошелъ въ домъ и тщательно заперъ за собою дверь; потомъ, снявъ деревянные башмаки свои, тихонько пошелъ къ комнатамъ Люціи; молодая дѣвушка лежала на кровати; лицо ея было спокойно, дыханіе ровное. Возлѣ кровати стоялъ Юахимъ; платье его было въ беспорядкѣ, на лицѣ выразилось глубокое отчаяніе; зубы его стучали точно въ сильной лихорадкѣ; въ одну ночь онъ сдѣлался дряхлымъ старикомъ!..

Люція сдѣлала движеніе; Доминикъ значительно взглянулъ на своего хозяина; Юахимъ опустилъ голову и медленно вышелъ изъ комнаты.

Люція проснулась, откинула длинные блондинные волосы и бросила на Доминика разсвѣтливый взглядъ.

Доминикъ подошелъ къ ней и смягчивъ своей грубой голосъ, сказалъ:

— Не хотите ли вы встать, Люція?

Люція посмотрѣла на него, провела рукою по лбу и заплѣла тихимъ голосомъ:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ...»

Доминикъ съ живостью прервалъ ее:

— Люція, дитя мое, сказалъ онъ, узнайте же меня... Я вашъ старшій Доминикъ; знаете, тотъ самый Доминикъ, который укачивалъ васъ на своихъ рукахъ и игралъ съ вами на большомъ кораблѣ, на которомъ умерла ваша мать. Посмотрите на меня... Я вашъ вѣрный Доминикъ...

— Да... да... сказала Люція улыбаясь; пойдемъ на большой корабль... пойдемъ, Доминикъ, пойдемъ!

Она поспѣшно соскочила съ постели и вѣдругъ, неподвижная, остановилась посреди комнаты.

Двѣ крупныя слезы текли по морщинистымъ щекамъ Доминика.

— Увы! Господь лишилъ ее разсудка! проговорилъ онъ.

Люція оборотила къ нему голову и съ безпокойствомъ подошла къ нему, спросила:

— Ты грустѣешь? Отчего? Развѣ я обидѣла тебя?

Доминикъ утеръ рукою слезы, приподнял Люцію какъ ребенка и посадилъ ее на кровать.

— Ножки ваши озлбли, дитя мое! сказалъ онъ; позвольте, я надѣну вамъ чулки.

Люція машинально протянула къ нему ножку.

— Вотъ такъ! сказалъ Доминикъ; дай-те жѣ мнѣ теперь вашу ручку; погода такая прекрасная... мы пойдемъ погуляемъ.

Люція молча повиновалась...

При взглядѣ на воду, быстрая дрожь пробежала по вѣтвямъ членамъ ея. Доминикъ наблюдалъ за нею съ близкою... Воспоминаніе поразило ее въ сердце... по то была одна вспышка. Лицо ея приняло прежнее беззаботное выраженіе...

Когда Доминикъ привелъ ея опять домой, Юахимъ, смотрѣвшій на нихъ изъ окна, не успѣлъ удалиться и встрѣтился съ дочерью. Она посмотрѣла на него боязливо и прижавшись къ Доминику, простионала:

— Боюсь, боюсь!

Истинникъ пережилъ разсудокъ.

— Уйдите, уйдите! говорилъ Доминикъ. Вы ея убьете!

Старый Юахимъ удалился рыдая.

Нельзя было смотрѣть безъ состраданія на стараго, безобразнаго слугу, подерживавшаго престелную молодую дѣвушку... Онъ плакалъ, она улыбалась...

Понутру Доминикъ приходилъ въ комнату Блондины; онъ помогалъ ей одѣваться; расчесывалъ роскошныя русыя волосы ея; вечеромъ онъ же укладывалъ ее спать какъ ребенка... потомъ, когда она засыпала, онъ шепотомъ призывалъ своего хозяина, и старый Юахимъ проводилъ впогда цѣлыя ночи у постели дочери, не спуская съ нея глазъ...

Такимъ образомъ прошла зима; только желѣзная натура, подобная натурѣ Юахима могла устоять противу глубокаго отчаянія и угрызений совѣсти, цѣлые восемь мѣсяцевъ терзавшихъ его.

Наступила весна. Доминикъ припасилъ Люціи цвѣты; Люція говорила съ цвѣтами о матери и рассказывала имъ, что Доминикъ сведетъ ее на большой корабль,

И когда солнце сіяло на небѣ, Люція выбѣжала на лужайку и вѣбѣтъ съ Доминикомъ собирала полевые цвѣтки, чтобы спасти, какъ она говорила, вѣнокъ Богородицѣ, образъ который висѣлъ надъ ея кроваткою.

Въ жизни ея была эпоха, о которой она уже болѣе не вспоминала; Господь, вѣроятно, сжался надъ нею; отнявъ у нея счастье женщины, онъ возвратилъ ей радости ребенка.

Когда Люція прогуливалась по берегу Шельды и когда проходили корабли, матросы съ восторгомъ любовались прекрасной головкой, сіявшей невинностью и говорили, что путешествие ихъ будетъ счастливымъ, потому что встрѣтятся улыбку счастья.

Однажды, когда Доминикъ прогуливался съ нею, они встрѣтились большое общество мужчинъ и женщинъ, прибывшихъ изъ города, полюбоваться тамошнимъ мѣстоположеніемъ. Одинъ изъ мужчинъ, пораженный красотою и страшнымъ выраженіемъ лица Люціи, подошелъ къ ней и внимательно посмотрѣлъ на нее.

То былъ докторъ.

— Эта молодая дѣвушка лишилась разсудка? спросилъ онъ шопотомъ Доминика. Доминикъ вмѣсто отвѣта печально опустилъ голову.

— По какому случаю? спросилъ докторъ.

— Отъ испуга, нетерпѣливо возразилъ Доминикъ.

Докторъ подумалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Сильное ошущеніе можетъ спасти ее. Доминикъ съ живостію поднялъ голову, но въ тоже время одна изъ дамъ вскричала:

— Скорѣе, докторъ, мы ждемъ васъ. Докторъ удалился.

Въ продолженіи трехъ дней Доминикъ былъ задумчивъ; онъ обдумывалъ не будетъ ли Люція несчастна, если придетъ въ разсудокъ?.. По уву! добрый Доминикъ былъ уже старъ и когда онъ узреть, что тогда станетъ съ бѣдной Люціей?

Наконецъ онъ рѣшился.

Въ одинъ вечеръ, когда Люція уснула, онъ приказалъ Юахиму не выходить изъ своей комнаты, а самъ растворилъ окно въ комнатѣ молодой дѣвушки и отошелъ отъ дому на нѣсколько шаговъ.

Воздухъ былъ тяжелый, вдали слышались раскаты грома. Ночь была мрачная. Доминикъ громко заплѣла:

«Мѣсяцъ спитъ на черномъ небѣ,
«Блеснетъ ли звѣздочка моя.»

Едва онъ произнесъ послѣднія слова, какъ Люція, подобно тѣни выскочила изъ окна съ распущенными волосами, добѣжала до лодки отца, отвязала ее и поплыла по теченію.

Ночь была такая темная, что Доминикъ не замѣтилъ бѣгства безумной; онъ воротился въ комнату, чтобы увидать дѣйствіе, произведенное его пѣніемъ... сердце его сильно билось...

На кровати никого не было!

Юахимъ выбѣжалъ изъ дому, громко восклицая:

— Люція! Люція!..

Но ураганъ заглушалъ голосъ его... Юахимъ отвязалъ лодку рыбака, ту самую, въ которой онъ перѣбѣжалъ за дочерью въ ночь страшнаго убійства... Течение понесло

его... Ударилъ громъ и при свѣтѣ молнии, старикъ увидѣлъ пустую лодку, которую разбились волны гнали къ берегу!

На другой день на песокъ было найдено тѣло молодой дѣвушки, выброшенное волнами.

То былъ трупъ Люцин-Блондины. Доминикъ и Юахимъ пропали безъ вѣсти. Можетъ быть они погибли въ удивительномъ дождѣ, сожженномъ въ ту же ночь огнемъ небеснымъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

=

Ученныя извѣстия. Членъ и корреспондентъ Парижской Академіи наукъ, г. Буссенго (Boussingault), сообщилъ академіи свои замѣчанія касательно употребленія аммоніако-магнезіальной фосфорнокислой соли для удобренія земли. Многочисленные опыты и наблюденія надъ раздѣленіемъ полей на наши, показали ему замѣчательное отношеніе въ совокупленіи нѣсколькихъ элементовъ, входящихъ въ составъ растеній. Такимъ образомъ магнезію, которую считаютъ столь вредною растительности, постоянно находится въ извѣстномъ отношеніи съ пропорціею фосфорной кислоты; а потому должно предположить, что ипсерайлыя частицы ипсерины, манса, бобовыхъ растеній, часто содержатъ фосфорнокислую магнезію. Съ другой стороны, разсмотрѣвъ внимательно общее состава растительнаго ипсеринаго вещества, можно замѣтить очевидную еродность между азотомъ и фосфорной кислотой, что, какъ бы служило доказательствомъ того, что въ растительной организаци, фосфорноватое къслма соли принадлежатъ, преимущественно къ азотнымъ ипсеринымъ началамъ, и что онѣ слѣдуютъ за ними даже въ организмѣ животныхъ. Эти-то обстоятельства и побудили г. Буссенго произвести опыты надъ аммоніако-магнезіальной фосфорнокислой солью, которая, точно, содержитъ элементы, болѣе другихъ содѣйствующіе развитію растеній: фосфорную кислоту, которая въ видѣ фосфорнокислой соли входитъ въ составъ всѣхъ сѣмянъ; магнезію, почти всегда встрѣчаемую въ землѣ; аммакъ, съ азотомъ ипсерины содѣйствующій производству азотныхъ веществъ. Аммоніако-магнезіальная фосфорнокислая соль, содержитъ одно изъ свойствъ гипса, успокоивающихъ на счетъ употребленія ея, именно: весьма слабую растворимость. Если соль мало растворима полезна по качеству своему, то она не можетъ слѣдаться вредною по пропорціи, потому что вода, которая должна быть поглощена корнями, вбираетъ въ себя весьма малое количество этой соли. Послѣ этого вступленія мы замѣчаемъ изъ рапорта г. Буссенго описаніе произведенныхъ имъ опытовъ.

«Въ нынѣшнемъ году, — пишетъ г. Буссенго, — а именно 1-го мая, я наполнилъ пакхатною землею нѣсколько глиняныхъ горшковъ, которые я раздѣлилъ на двѣ серіи: въ первой я прибавилъ къ землѣ каждого горшка по 16 граммъ аммоніако-магнезіальной фосфорнокислой соли и зародившееся уже зерно раянаго маиса (maïs quadrivalens). Всѣ горшки были выставлены на открытый воздухъ и, смотря по надобности, ихъ поливали одинакимъ количествомъ воды.

«Въ теченіи двухъ недѣль, послѣдовавшихъ за всходомъ, всѣ растенія были совершенно сходны; только 25 дней спустя послѣ посадки, стала появляться разница, постоянно усиливавшаяся; 25-го юня растенія первой серіи, съ приращеніемъ соли, были вдвое выше и вторе толще маиса, послѣднанаго въ нормальной землѣ; 25-го августа отношенія эти измѣнились: маисъ первой серіи былъ въ полтора раза выше и въ два раза толще маиса второй серіи.

«Всѣ растенія цвѣли и колосились въ одно время. Тѣ, которыя развились подъ вліяніемъ соли, имѣли два звѣзды и одинъ не звѣзды колосъ; другія же имѣли одинъ звѣзды и одинъ не звѣзды колосъ: я долженъ прибавить, что весь ранній маисъ, разведенный въ нынѣшнемъ

году на поляхъ, находился въ послѣднемъ состояніи. Зерно первыхъ растеній вѣсило 2%, а другихъ 1.

«Я привыкъ обращать весьма мало вниманія на агрономическіе опыты въ малыхъ размѣрахъ; однакожъ, когда дѣло идетъ о новыхъ способѣхъ удобренія, то я обыкновенно дѣлаю опыты въ малыхъ размѣрахъ, а потомъ уже приступаю къ большимъ; я не сообщалъ бы полученныхъ мною результатовъ, еслибы они не были такъ важны. Я дѣлалъ много опытовъ съ различными удобрительными средствами, по ни одно не было такъ изумительно успѣшно.»

— Г. же Буссенго недавно пѣвщаль Парижскую академію наукъ о своихъ опытахъ для освѣщенія рудничныхъ галлерей помощью электричества. Нынѣ, онъ представилъ академіи письмо Г. Деларива, въ которомъ этотъ физикъ увѣдомляетъ его, что онъ сдѣлалъ такое освѣщеніе въ рудникахъ, и что предпріятіе его оказалось вполнѣ успѣшнымъ.

— Между тѣмъ какъ во всѣхъ журналахъ толкуютъ о болѣзнь картофеля, приписывая средства къ предотвращенію ея; между тѣмъ какъ въ Прандіи уже заражена четвертая часть всего картофельнаго урожая, одинъ изъ главнѣйшихъ заводчиковъ въ Вирѣ, послѣ шестилѣтнихъ изслѣдованій и опытовъ, успѣлъ недавно открыть способъ дѣлать очень крѣпкую бумагу, писчую и картонную, изъ картофельной маиса, остающейся на заводахъ послѣ отмычки отъ картофеля крахмала или такъ называемой муки, смѣшывая эту маису съ равною частію шерстяной бумаги. Это открытіе, если вполнѣ оправдается, важно тѣмъ, что даетъ новую и обширную потребность произведеніямъ картофеля и тѣмъ распространяетъ предѣлы его употребленія.

— Г. Кузьво-Гравье (Coulvier Gravier) представилъ въ Академію наукъ свои наблюденія надъ падающими звѣздами; изъ этихъ наблюденій въ непродолжительномъ времени будетъ составлена полная исторія этихъ таинственныхъ «епоменовъ». Къ своимъ запискамъ г. Кузьво-Гравье приложилъ карту, изображающую положеніе и теченіе 482 метеоровъ, замѣченныхъ въ Парижѣ, въ ночь на 10-е августа нынѣшняго года. Эта карта весьма замѣчательна во многихъ отношеніяхъ.

— Въ Бурбонской колоніи появилась страпная, необходимая болѣзнь на сахарномъ тростникѣ. До сихъ поръ не извѣстны ни причины этой болѣзни, ни средства остановить слишкомъ быстрое распространеніе ея. Капитанъ Латанъ, недавно возвратившійся изъ Нидерландовъ, слѣдуетъ:

«Г. Лекко де-Квезанъ, богатѣйшій владѣтель Колоніи (у него 5 поселеній и около 2000 гектаровъ) рассказывалъ мнѣ, что лишь только были замѣчены первые признаки болѣзни, то онъ пригласилъ г. Ришара, директора Ботаническаго сада въ Сент-Дени, прося его осмотрѣть плантаціи. Первою мыслию г. Ришара было, что эта болѣзнь происходитъ отъ истощенія почвы. Ему указали большой тростникъ на вновь обработанной землѣ: тогда онъ предположилъ, что причиной болѣзни должна быть старость расады; наконецъ, увидѣвъ совершенно юныя растенія съ признаками болѣзни, онъ рѣшилъ, что причину ея должно приписывать какому либо атмосферическому вліянію.

«Но самое грустное то, что всѣ полагаютъ, что урожай 1846 года будетъ самый бѣдный».

Не дай-то Богъ!

Иностранная Литература. Въ послѣднее время вышло много сочиненій о Турецкомъ имперіи, но ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ въ такой степени вниманія ученыхъ и любителей, любящихъ положительное, соціальное образованіе, какъ сочиненіе г. Шовена Бельяра, бывшаго члена Алжирской законодательной Комиссіи. Книга его вышла подъ названіемъ: «О турецкомъ имперіи, народахъ, ее населяющихъ и о ея династіи». Г. Шовенъ изучалъ свой предметъ на мѣстѣ; онъ путешествовалъ не какъ туристъ; прожизнь нѣсколько лѣтъ между турками, онъ изучалъ нравы, обычаи, духъ ихъ, стараясь постигнуть настоящее значеніе ихъ законовъ и постановленій, типичальное отвергая всѣ предразсудки и предубѣжденія, съ которыми другіе путешественники смотрѣли на эту страну. До сихъ поръ вышла только одна часть, заключающая оскрацію, религію, догматы Магомета и его книги; слѣдующія части выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени и мы надѣмся

познакомить нашихъ читателей съ подробностями этого сочиненія, которое по важности, терпѣнью, вѣрнымъ взглядамъ и заботливому наученію предмета можетъ стать на ряду съ первоклассными сочиненіями подобнаго рода.

Иностранные театры. Въ парижской Большой-Оперѣ ставятъ на сцену новую оперу подъ названіемъ: «Царь Давидъ.» Музыку сочинилъ г. Мерзе.

— Въ Парижскомъ Французскомъ театрѣ (Théâtre-Français) съ большимъ успѣхомъ была играна въ послѣднее время комедія «Корнель и Ротру», сочиненія гг. Було и Кормона.

— Пѣвецъ Марианъ проповѣдывалъ фуге въ Парижѣ. Нѣкоторые Парижскіе журналы и журнальцы, которые поставили себѣ за правило превозносить все, что въ Парижѣ, превозглашали г. Марианъ первымъ пѣвцомъ въ мірѣ. Не смотря на то, онъ не удержался на тамошней сценѣ и уѣхалъ, какъ говорить, въ Мадридъ. Гривъ, Марио и Лаблашъ воротились въ Парижъ и съ энтузіазмомъ были приняты публикою въ «Шуртанакъ.»

— Извѣстный пѣвецъ Дюпрѣ, получающій ежегодно до 100,000 франковъ дохода, умѣетъ прекрасно пользоваться своими деньгами. Во первыхъ онъ великодушнаго помогаетъ своимъ родственникамъ и стариннымъ друзьямъ, а во вторыхъ не забываетъ и себя. Онъ купилъ у маркиза де-ла-Сей Мармаза великолѣпный, вполнѣ артистическій Hôtel Turgot и каждую субботу къ нему собираются его товарищи и друзья благороднаго искусства пѣнія, и исполняютъ прекраснѣйшія, старинныя музыкальныя пѣсни. Въ свои имѣнія онъ далъ обѣдъ, на который были приглашены девятно человѣкъ гостей, сидѣвшихъ за десятью столами. Одинъ Парижскій журналъ говоритъ, что нѣтъ примѣра, чтобы кто либо пѣзъ министровъ давалъ такіе обѣды.

— При открытіи въ Вѣнѣ театра an der Wein пѣзъ личной ненависти къ новому директору, кто-то подпалитъ во многихъ мѣстахъ канаты, на которомъ висѣтъ большая люстра; по счастью угрожающая страшная опасность была открыта заблаговременно.

— Въ Берлинѣ, какъ извѣстно, на каждаго солдана наложили десять талеровъ пошлыны. Одинъ собиратель податей недово явился къ одной изъ пѣвицъ придворной оперы и потребовалъ съ нея десять талеровъ пошлыны. Этого комплиментъ чрезвычайно полюбилъ самолюбивую солдана-пѣвицу и она охотно заплатила требуемую сумму.

— Въ Берлинской газетѣ находится стихъ Еленшлегера «Къ Женни Аниль», въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ долго-долго и тишею отыскивалъ улѣтвющую Мельбому, даже въ столицѣ Франціи (въ особѣ Рашели) и что, наконецъ, онъ нашелъ ее въ дочерн пѣвнн, въ сѣверной Фрейѣ, въ Женни Аниль.

Разныя извѣстия. Не давно еще во всѣхъ газетахъ писали о воздухоплавательной машинѣ, на которой будто бы была уже совершена весьма удачная путешствія. Одинъ писали изъ шутки, другіе вѣрили искренно. Г-жа Тюйе и гг. Рапьеръ и Мартево составили даже общество для воздухо-плавательныхъ опытовъ. Въ нынѣшнемъ октябрѣ рушилось и это общество судебнымъ порядкомъ.

— Англійская газета «the Sun» сообщаетъ подробности ужаснаго пожара, потребоваго феиерверочный магазинъ въ Вестминстерѣ-Родѣ. Этого магазинъ принадлежалъ мистрису Хенглерю, заслужившей большую извѣстность въ пиротехническомъ искусствѣ. Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ она весьма успѣшно занималась своимъ дѣломъ. Смерть ея была ужасна... Мистрисъ Хенглеръ было девятно лѣтъ, вѣдетъ съ тѣмъ она была чрезвычайно дородна, и потому никакъ не могла выскочить изъ окна квартиры, которую она занимала въ первомъ этажѣ, и задохлась въ сѣрномъ дымѣ. Обезображенный трупъ ея былъ найденъ въ развалинахъ сгорѣвшаго дома.

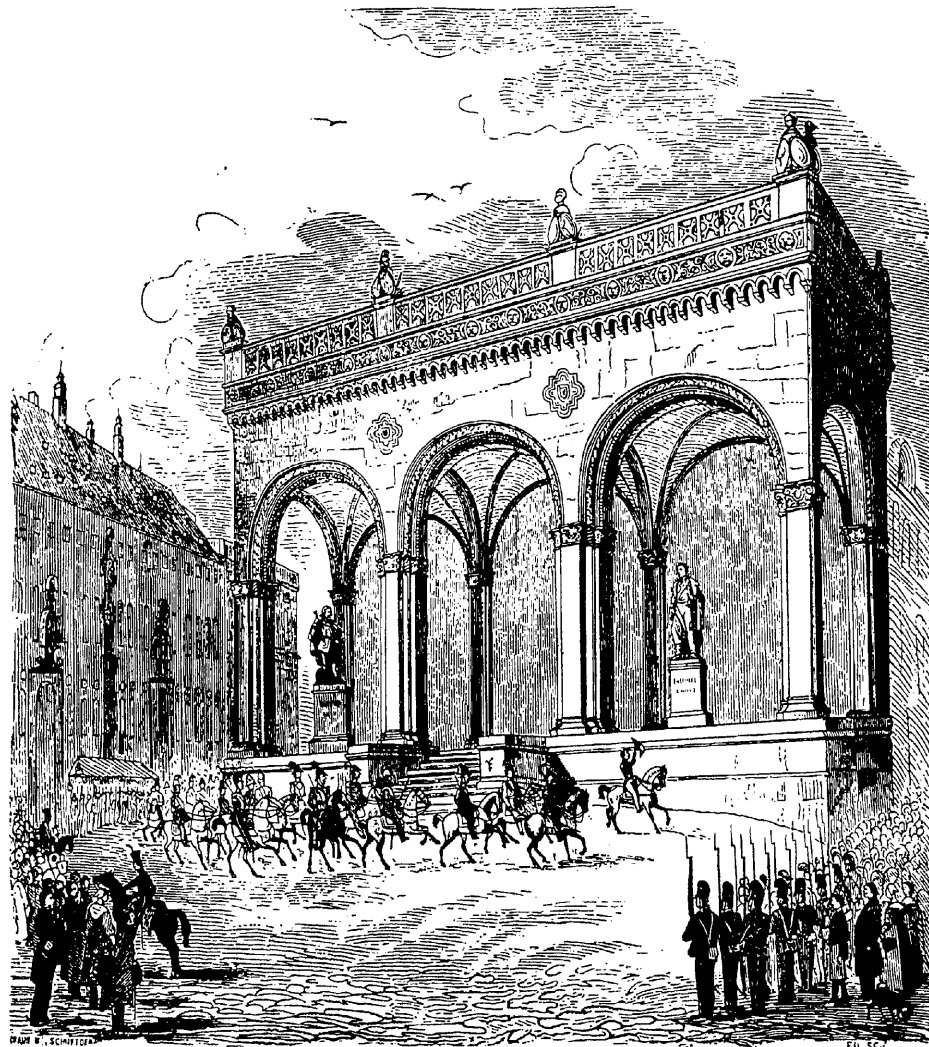
— Недавно присланъ былъ изъ Глазгова въ Лондонъ небольшой кусокъ писемъ, вѣсомъ въ фунтъ, не болѣе; вотъ его исторія: Хлопчатая бумага, въ необработанномъ видѣ прислана изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонъ; изъ Лондона она отправлена въ Манчестеръ, въ ярдмиллю; изъ Манчестера въ Пейсей, гдѣ

она была выткана; въ Эйрширѣ она была вышита по тамбуру; въ Дунбартонѣ обшили края ея; потомъ она воротилась въ Пейсли и отправлена въ Ренфрю, для выбѣсенія на воздухъ; потомъ она опять воротилась въ Пейсли и отсюда въ Лондонъ. Трудно опредѣлить въ точности сколько лѣтъ страствовала эта хлопчатая бумага до поступленія въ продажу, но вѣрно не менѣе двухъ лѣтъ. Она пробѣжала около 4,000 верстъ моремъ и 1,220 вѣрстъ сухимъ путемъ; 150 мастеровъ трудились надъ этимъ маленькимъ количествомъ хлопчатой бумаги, цѣна которой повысилась въ 2,000 разъ противъ первой стоимости ея.

историческимъ зданіемъ, сохраняющимъ свой характеръ. Одно изъ лучшихъ украшеній Мюнхена есть длинная, широкая, свѣтлая улица Ludwigs platz, по сторонамъ которой высятся огромныя, великолѣпныя зданія: Университетъ, Институтъ для дѣвцъ, Семипарія, Институтъ для слѣпыхъ, Соляной городокъ, церковь Людовика, библиотечка, военное министерство, дворецъ герцога Макса, Базаръ — выросшія въ новѣйшее время. Въ концѣ этого ряда домовъ стоялъ древній, такъ называемый Ваген-Юргелъ, крайній домъ стараго Мюнхена, не отличавшійся ни красотой, ни оригинальностью, но только вредившій общему виду. Король приказалъ сорвать этотъ домъ, чтобы

въ крайнихъ же междустолпяхъ, на право и на лѣво стоять двѣ статуи, по которымъ самая галерея получила наименованіе Фельдмаршальской; на лѣво стоитъ статуя въ полномъ вооруженіи 17-го столѣтія съ надписью: «Johann Tzirclas Graf v. Tilly bayerischer Heerführer»; Іоаннъ Черкасъ стоитъ статуя въ мундирѣ новѣйшихъ временъ съ надписью: «Fürst Carl Wrede Feldmarschall»; князь Карлъ Вреде фельдмаршалъ.

Статуи эти, имѣющія 10½ футовъ вышины, вылиты изъ бронзы по моделямъ Шванталера въ Мюнхенской литейной. Пьедесталы изъ леггендорфскаго гранита.

Фельдмаршальская галерея въ Мюнхенѣ.

— Статуя Герцога Орлеанскаго, привезена въ Алжиръ 19 сентября п. ст. и выгружена 30-го того же мѣсяца. Она будетъ поставлена на королевской площади.

— Знаменитый историкъ и историкъ Тьеръ находится теперь съ женою въ Лондонѣ.

— Въ Индіи, а именно въ Миру, Англичане дѣлаютъ опыты какъ бы приспособить слоновъ къ артиллеріи. Успѣхи опытовъ еще неизвѣстны.

— Мюнхень съ году на годъ украшается прекрасными зданіями, между которыми заслуживаетъ особенное вниманіе одно изъ послѣднихъ, а именно фельдмаршальская галерея (Die Feldherrnhalle). Въ царствованіе короля Людвига, Мюнхень вступилъ въ число замѣчательнѣйшихъ городовъ по своимъ громаднымъ сооруженіямъ, возвышающимся со всѣхъ сторонъ, какъ бы по волшебному мановенію, не во вредъ, однакожъ, древнимъ

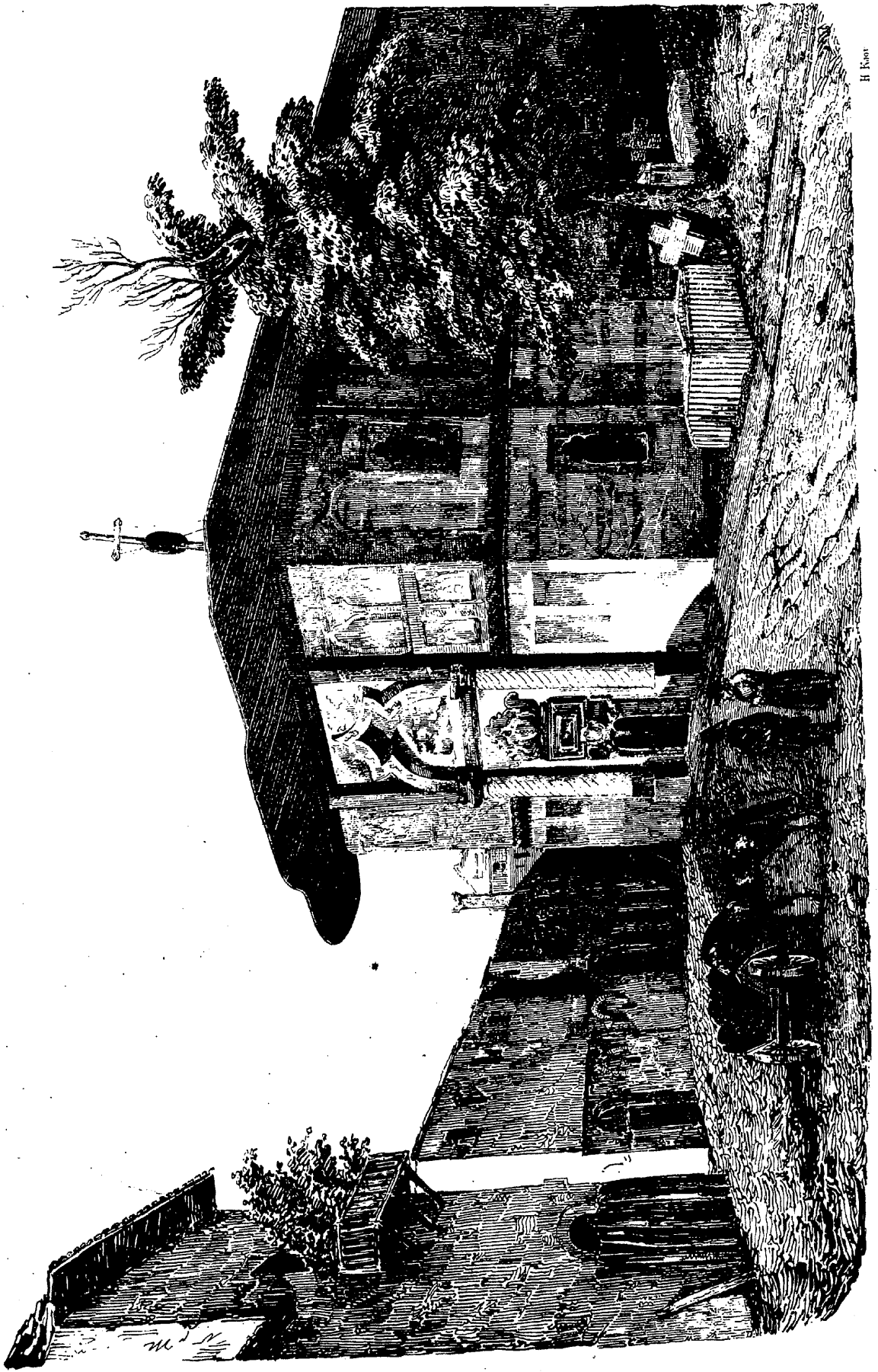
ограничить прекрасную улицу, названную его именемъ, достойнымъ памятникомъ, въ которомъ соединялись бы, сколько возможно, элементы древняго и новаго архитектурнаго стила. Въ 1841 году былъ утвержденъ проектъ фельдмаршальской галереи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она теперь выстроена и въ какомъ видѣ представляемъ изображеніе ея нашимъ читателямъ.

Зданіе это на лицевомъ фасадѣ имѣетъ три арки, а по бокамъ по одной. Сзади оно примыкаетъ къ древнему дворцу. Карнизъ украшенъ богатыми и изящными орнаментами. На фасадѣ, на стѣнѣ, надъ двумя средними колоннами видны Баварскій и Саксонскій гербы, въ воспоминаніе счастливаго союза короля Людвига Баварскаго съ королевою Терезой, урожденной принцессой Саксенъ-Альтенбургской.

Во внутренность галереи ведетъ лѣстница, устроенная противъ средняго междустолпія, между двумя выступающими на площадь цоколями.

Оба полководца напоминаютъ о двухъ кровавыхъ періодахъ Саксонской исторіи; одинъ, великій, памятный еще многимъ очевидцамъ; другой, отдаленный — слутныхъ, грозныхъ временъ внутреннихъ раздоровъ и ужаснаго братоубійства.

И Кооп

Греческая церковь въ Гунарестѣ

КОСТАККИ.

Рассказ.

I.

Грязенъ Букарестъ, правда, но съ давнихъ временъ въ этомъ городкѣ кипѣла промышленность, которая тутъ сосредоточивалась со всѣхъ ердеземныхъ провинцій Турецкой имперіи. Въ Букарестѣ, или Букарестѣ, хотя и неправильно, господствовалъ Бракованъ, молодой дѣтани, старецъ хитростью и коварствомъ. Не любилъ онъ сосѣдей, мирныхъ и ученыхъ князей Кантемировъ, господарей Молдавіи. Много золота перешло изъ Валахской казны въ сундуки членовъ Дивана Константинопольскаго. Кантемиры были лишены господарства, жили тихо въ Стамбулѣ, прилежно занимаясь побезными для нихъ науками... Въ Диванѣ показался новый членъ, добрый и умный паша; обстоятельства переменились. Кантемиры возвратились въ Яссы; Бракованъ впалъ въ подозрѣніе у Порты; по не успѣвалъ; принялся за боярскую казну, за новые долги съ земледѣльцевъ, и счастливо поддерживалъ свою партію въ Диванѣ. Курьеръ изъ Стамбула встревожилъ Бракована. Друзья совѣтовали ему примириться съ Кантемирами, потому что сила ихъ у Порты опасно возрастаетъ, задумался Бракованъ. Но господарю доложили, что въ Букарестѣ прибылъ князь Дмитрій Кантемиръ, сынъ господаря, князя Константина.. Обрадовался Бракованъ; было уже поздно, дворецъ освѣтился огнями; стали готовиться къ пиру; но Кантемиръ не шировать прѣехалъ къ врагу своего дома.

— Князь господарь! сказалъ онъ Браковану: мы сосѣди, а живемъ какъ звѣри лютые. Туркамъ въ радости вражда наша. Отецъ мой подастъ тебѣ руку на честный миръ...

— «И вѣчную дружбу, прервалъ Бракованъ. Пусть не гѣшитъ собачье являею враждою христіанъ. Я пошлю къ отцу твоему брата любаго, а ты погости у меня...

— Не прочь я отъ гостини, князь! Но я оставилъ въ Яссахъ молодую жену...

— Не будь бабой, князь! У насъ есть такіа красавицы, что и у султана, въ гаремѣ, не найдешь такихъ... Юрдакки! Вели намъ подать закусить въ большой залъ, да пусть музыка погудитъ, плясуньи попляшутъ...

Съ отвращеніемъ слушалъ князь Кантемиръ рѣчи Бракована. Не нравился ему этотъ застольный соблазнъ... Но отказаться отъ участія въ обычныхъ забавахъ Бракована, значило бы, молча охулить ихъ. Цѣль посольства могла бы быть не достигнута. Кантемиръ молчалъ...

— Юрдакки! Да позови и Русскаго! Пусть попьетъ и поѣстъ, да расскажетъ про своихъ. Отъ него мнѣ весело! Пошли за нимъ, Юрдакки, а мы пойдемъ, Дорогому гостю покажу мой бѣдный домъ.

Обширенъ былъ дворецъ Бракована; но компаты были убраны весьма просто, Нигдѣ золота, нигдѣ дорогихъ тканей; но за то много удобствъ, простора и чистоты. Проходя чрезъ спальню господаря, Кантемиръ услышалъ за боковыми дверьми шумную бесѣду. Нельзя было ошибиться: голоса были женскіе. Бракованъ вѣское взглянулъ на князя, какъ будто стараясь угадать, возбуждаютъ ли въ немъ тайныя жиацы сосѣднихъ компаній любовничество и волненіе любострастное; но Кантемиръ шелъ въ глубокой задумчивости и не обращалъ на восѣдокъ никакого вниманія.

— О чемъ дума? спросилъ Бракованъ, коварно улыбаясь.

— Думаю, князь, гдѣ я какъ жила правители Трапшовой Дакіи; какіе были у нихъ дворцы, какіе гаремы?... Думаю, что старый городъ вашъ Тырговишты, былъ богаче и краше пашихъ столицъ, откуда Порты выславываетъ всѣ драгоцѣности. Говорятъ, бога-

та Валахія, а во дворцѣ твоемъ ни золота, ни камней драгоценныхъ не вижу, ни прислуги...

— Ну, что до прислуги, князь, такъ не печалься. Хочешь, я подарю тебѣ двухъ прислужницъ и двухъ мальчиковъ по твоему выбору. Затрудишься, князь, глядя на ихъ красоту небывалую.

Кантемиръ вѣспыхнулъ; но скоро опомнился и отвѣчалъ:

— Къ чему мнѣ прислуга? Я самъ себѣ служу, а у жены моеи — три прислужницы. Довольно съ нея...

Вошли въ залу, или столовую. Тамъ ихъ ожидало четверо бояръ и, такъ называемый, Русскій; это былъ Иванъ Сергѣевичъ К***, чиповникъ посольскихъ дѣлъ, который прѣбывалъ въ Букарестѣ для наблюденія за Бракованомъ и сосѣдами. Иванъ Сергѣевичъ вѣжливо поклонился хозяйши и гостю и сказалъ:

— Что у тебя, князь, за бенкетъ такой! Ужъ ле поймай ли молодку? Ты цыпляетъ любишь!. Наше дѣло сторула! Мы въ этомъ толку не смыслимъ. А вотъ другой артикулъ: жареная великая птица... Вотъ это наше дѣло. Плутъ фазанъ такъ и глядитъ на меня.

— Мы отъ вашей милости не отстаемъ! Просимъ садиться...

Всѣ усадились и занялись пищей. Кантемиръ мало обращалъ вниманія на бесѣду сотрапезниковъ, на дюжину мальчиковъ рѣдкой красоты, которые въ шелковыхъ легкихъ платьяхъ летали вокругъ стола и прислуживали. Зашумѣла странная музыка; на особомъ возвышеніи показались плясуньи, одна другой краше, и въ соблазнительной восточной медленной пляскѣ какъ будто переливались ихъ прелести. Бракованъ пожиралъ ихъ глазами; Кантемиръ вѣкоторое время глядѣлъ на нихъ равнодушно и нечувствительно погруженъ въ глубокую думу. Бояре подражали господарю. Только одинъ Иванъ Сергѣевичъ пожиралъ своего фазана и запивалъ виномъ.

— Которая тебѣ нравится? спросилъ Бракованъ, наклонившись къ гостю...

— Всѣ, равнодушно отвѣчалъ тотъ. Да я, признаться, и не разсмотрѣлъ твоихъ красавицъ. У меня — моя жена на умѣ...

Бракованъ презрительно улыбнулся и обратился къ Ивану Сергѣевичу...

— А тебѣ которая нравится?

— Бутылка? — Вотъ эта, князь! Не бойся, и се дою до тла, за твое здоровье...

Бесѣда какъ-то не клеилась. Соблазнъ не соблазнилъ князя. Онъ скромно распрощался съ хозяйномъ и ушелъ вмѣстѣ съ Русскимъ. Бояре поговорили, пошатались съ господаремъ и также ушли. Въ залѣ осталась только Бракованъ и Юрдакки, да два арнаута у дверей...

— Ну, что? спросилъ Бракованъ. Лицо его выражало нетерпѣніе.

— Предлагалъ я Гречакѣ сто пиастровъ, чтобы уступила мальчикъ для услужья твоихъ... Отказала, да еще ругательски выпроводила изъ дому...

— Ругаться! поносить моего вѣрлага слугу! Вѣдьяма старая! И ты не схватилъ ее, не поставилъ ее на судъ нашъ!..

— Я былъ одинъ!

— Будь не одинъ! Возьми арнаутовъ и отними шека, Я хочу его теперь же видѣть! Ступай!

Юрдакки съ арнаутами показался у церкви св. Аноасія въ то самое время, когда князь Кантемиръ и Русскій остановились тутъ же на грязной площадкѣ; факелы дюжихъ арнаутовъ, прожегавшихъ гостей, освѣщали почти всю площадь. Князь и Русскій остановились тутъ, потому что къ этому пунктѣ надо было имъ разойтись. Князь влялъ квартиру на этой же площадкѣ. Русскій жиялъ дальше.

— Не могу повѣрить, говорилъ Иванъ Сер-

гѣевичъ, чтобы вы такъ хорошо разумѣли нашъ церковный языкъ...

— Охъ, Иванъ Сергѣевичъ! Мы дѣти одной церкви! Нашъ народъ, смѣсь Славянъ и Рянлянъ. Римлянъ пѣтъ; Славяне возрасли въ великую державу... Не Туркамъ мы родня, но Турки нами помыкаютъ, потому что родные за насъ не вступятся.

— Дай срокъ, князь! Управимся со Шведомъ, тогда уже займемся дѣлами нашей родни. Да и семья-то, князь, велика... Много вѣковъ нужно, чтобы благоустроить всѣхъ... И то сказать, правители-то княжества Турокъ бранятъ, а душою и денгию имъ же служатъ.

— Дешьгой такъ, по душой... Князь отрицательно покачалъ головою и собирался высказать свою тайную мысль; но взглянулъ на арнаутовъ, поглядѣлъ бороду и сказалъ:

— Между клевретами сосѣда — есть разные народы. А и живу вотъ здѣсь. Коли время позволитъ, завершу... Прощайте, покуда...

Князь вошелъ въ небольшой, но опрятный домъ, а Русскій съ арнаутами повернулъ въ грязный переулокъ. Вдругъ раздался отчаянный крикъ на самой площади. Князь воротился и не успѣвъ сойдти съ крыльца, какъ кто-то съ плачемъ бросился къ нему въ ноги.

— «Спаси, защити!» кричалъ мальчикъ лѣтъ десяти или одиннадцати. «Укрой меня, во имя Христа Спасителя! Я не хочу къ Браковану! Мать моя отвергла золото; пришли меня взять силой...»

— Успокойся! Что ты рассказываешь?

— Нѣтъ, бояринъ, дай мнѣ слово, что не выдашь арнаутамъ...

— Не выдамъ, дитя! Не выдамъ! Я не боюсь Бракована!

— «Укрой же меня! спаси отъ рабства. Видишь, они идутъ, они увидѣли меня!»

— Не велика бѣда! Вѣрь моему слову, не выдамъ. Пойдемъ ко мнѣ.

Не успѣвъ князь запереть дверей своего дома, какъ арнауты стали къ нему стучаться.

— Что вамъ надо? спросилъ Кантемиръ, отвори дверь.

— Мальчика подай! Куда ты его дѣваешь!

— А вамъ какое до него дѣло?... Что онъ, преступникъ, что ли?..

— Не твое дѣло. Подавай, а не то...

— Что, не то! Сунься который, домой не воротился! Вошь, немъ поганые! воры почопе! Я красть вольныхъ ребятъ не позволю. Мальчикъ, не подданный Бракована! Судн его закономъ, а я завтра въ Диванъ на его защиту стану.

— Да ты самъ-то кто? Мы тебя...

— Тише! Я князь Дмитрій Кантемиръ, сынъ господаря Молдавскаго.

Арнауты преклонились и, какъ-будто условившись, бросились бѣгомъ ко двору Бракована.

Князь еще долго стоялъ на крыльцѣ и говорилъ самъ съ собою громко.

— Не впиоваты эти звѣри. Они исполняли волю гнуснаго злодѣя. Но прости меня, государь-отецъ! не могу я говорить о дружбѣ съ этимъ извергомъ. Пусть шлетъ къ нему другаго посла, а я завтра же уѣду въ Яссы. Какъ бы только мнѣ отыскать печальную мать этого ребенка...

— «Не трудись, князь,» сказалъ хриплый голосъ женщины. Отъ темной стѣны отдѣлилась высокая толстая старуха и подошла къ крыльцу: «Не трудись, князь, ищакъ матери. На что мнѣ сынъ? Не сегодня, такъ завтра у меня его отнимутъ, а бѣжать некуда, да и не на что...»

— Войди, старушка, въ домъ мой! сказалъ князь ласково; мы потолкуемъ о судьбѣ твоего сына...

Старуха вошла и со слезами стала обнимать преступнаго мальчика. Ребенокъ прыгалъ, пѣлъ, плакалъ отъ радости. Князь съ

грустно смотрѣлъ на семейную картину собственнаго сочиненія. — Старуха замѣтила эту грусть и сказала:

— «Неужели и доброе дѣло тебя не тѣшитъ? Вѣрь мнѣ, я стара, я много видѣла, вѣрь мнѣ, что сколько добра ты сдѣлалъ людямъ, столько добра и тебѣ сдѣлаютъ люди. Помни мое слово. За твои подвиги и тебѣ заплатятъ такимъ же подвигомъ. А пока возьми себѣ моего сына. Про вашъ домъ идетъ добрая слава. Я не продала его Бранковану за сто пиастровъ — а тебѣ я дарю моего Костакки... Вотъ тебѣ, другъ мой, и господинъ и отецъ! Старайся заплатить за благодѣяніе доброй службой! Прощай!»

— Нѣтъ, старуха, не такъ! Завтра я уѣду отсюда! Не могу трактовать о дружбѣ съ Бранкованомъ. Пусть отецъ придетъ другою, хитрѣйшаго. Я не могу... сѣ-Богу, не могу... У меня сердце лопнетъ... Завтра уѣду; садись и ты въ обозъ мой: переѣзжай въ Яссы...

— Но у меня здѣсь домъ, пожитки, товары...

— Завтра все разграбятъ... Но ты ничего не потеряешь. Домъ, пожитки, товары... Ты знаешь имъ цѣну?

— Знаю!

— Такъ на ту же цѣну ты получишь въ Яссахъ и домъ и товары! Вѣрь моему слову!

— Вѣрю, князь, какъ вѣрю тому, что и за это Богъ тебѣ тѣмъ же заплатитъ...

— Зови людей моихъ! Что спать? Станемъ собираться въ дорогу!

II.

Прошло не мало лѣтъ. Первый день 1711 года праздновали не такъ торжественно, какъ въ прежніе годы. Господарь, князь Дмитрій Константиновичъ, тотъ самый, съ которымъ мы познакомились въ Букурестѣ, былъ и не совсѣмъ здоровъ и скучаетъ; ин дѣтскія шалости двухмѣсячнаго сына князя Аптіоха, впоследствии знаменитаго Русскаго сатирика, и заски молодой супруги, Кассандры Сергѣевны, его не занимали, не утѣшали. Костакки, неотлучный слуга князя, глядя на своего обожаемаго господина также скучалъ. Народъ какъ-будто раздѣляя съ своимъ любимымъ властителемъ тайную его кручину. Новый годъ отпраздновали, отслужили обѣдню и молебствие у Трехъ Святителей; во весь день шелъ трезвонъ у св. Спиридонія... Вечеру горѣли огни; у князя были гости, по веселью не было. Такъ одно облачко затянетъ солнышко и полъ-міра отуманится. Причину клячей кручины, казалось, разгадать было не трудно. Въ Стамбулѣ война съ Россіей уже была рѣшена. Княжество Молдавское стало между двухъ огней: Турки не пожалѣютъ христіанской страны; Русскіе не простятъ едипотрцамъ за содѣйствіе Мусульманамъ. Срокъ открытія военныхъ дѣйствій приближался и князь скучалъ болѣе и болѣе. До малялой оставалось не болѣе трехъ недѣль. Вечеромъ Костакки раздѣвалъ князя. Господарь былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Костакки не выдержалъ...

— Не могу! сказалъ Костакки, и зарыдалъ.

— Что съ тобой!

— Не могу! Ты боленъ! Зачѣмъ ты не удержишь при себѣ врача Поликолу? Зачѣмъ отпустилъ ты его въ Россію?

Князь улыбулся.

— Если онъ можетъ меня вылечить, такъ только въ Россію. Но теперь трудно получить отъ него рецептъ. Но вѣсьмъ дорогамъ шныряютъ Турецкіе лазутчики, перехватываютъ письма... Некого послать къ нему, а онъ не далеко.

— Я съѣзжу.

— Эхъ, Костакки! Будто я не знаю и про этого кручину.

Костакки потупилъ взоръ...

— Гордый бояринъ не хочетъ выдать за тебя своей дочери! Ты кучинна, а онъ-то самъ что? Родня Бранковану! И даво бы вступился за тебя, да знаю, что мои претенціи повредятъ дѣлу и, если ты хочешь добиться счастья, заслужи Елену — измѣни мнѣ...

— Князь! съ гордостью сказала Костакки: я тебя люблю больше Елены... И дай шельмо. Увидишь, я проберусь съ караваномъ угольщиковъ на Русь, или въ Польшу...

— Въ Польшу! Царь въ Слуцкѣ! Вотъ мое шельмо! Никто, даже моя жена, не знаетъ его содержанія! Благослови тебя Господь! Не только мое, и тѣмъ счастье моеи Молдавіи, зависить отъ успѣха этого шельма...

Костакки не отгнѣдалъ ни слова; по на другой день никто не видѣлъ его въ Яссахъ. Напрасно Елена просидѣла у окна до поздняго вечера. Костакки былъ далеко. Молдавскій караванъ съ угольми двигался медленно къ границамъ Польскимъ. Турецкіе развѣзды не разъ оставаливали угольщиковъ, не разъ разбрасывали ихъ бѣдный товаръ; но караванъ все медленно подвигался къ Галиціи и остановился въ Чирковицахъ. Прошло не мало времени. Но вѣсьмъ Яссами притворно искал Костакки; домъ бояра, отца Елены, былъ обыскалъ... Князь, никогда не хитрившій, позвалъ его къ себѣ и увѣщевалъ признаться куда дѣвалъ онъ Костакки. Къ этому присовокупили, что какъ господарь и владыка Молдавіи, никогда не согласится на бракъ Елены съ Костакки. Глушій бояринъ попался въ западню; воротаясь домой, онъ объявилъ, что какъ только отыщется Костакки, тотчасъ Елена будетъ выдана за него замужъ и оба уѣдутъ въ Валахію. Прошло не мало дней. Елена сидѣла у окна и видѣла караванъ угольщиковъ. Пустыя коши или телеги съ гигантскими корзинами тапнулись по грязной улицѣ; возлѣ одной изъ нихъ шелъ нечаянный Костакки: но любящее сердце угадало друга, забилось сильно; Елена вскрикнула, сообщила открытіе своему отцу. Бояръ послалъ людей за угольщикомъ; его привели; объявили ему, въ какой онъ опасности; объявили, какое счастье его ожидаетъ; — угольщикъ все поиялъ и душа его тайно благодарилъ князя за искусную дипломатику.

— Не показывай ему па глаза! говорилъ бояръ; уходи изъ Яссъ! Пройдетъ ночь и мы тебя жепимъ, на зло этому уроду... Впрочемъ не долго ему тутъ распорядиться. Какъ только придутъ Русскіе, наша возьметъ; все улажено; Бранкованъ не промахъ! Куда же ты спрячешься?..

— Не такъ, бояръ! не такъ! А вотъ какъ! Я пойду къ нему съ повинной головой! Солгу что либулъ! Онъ добрый такой.

— Глушій.

— Да, глушій! всему повѣрнтъ! А черезъ это онъ опять меня возьметъ въ милость и мы будемъ знать все, что у него, не только въ домѣ, но и въ душѣ дѣлается. Только вы помагайте мнѣ...

— Чѣмъ говори!

— Помогайтесь, чтобы да женитку созволитъ, а я буду отпѣкиваться, а онъ пуше меня любить будетъ, потому что васъ не любить...

— Умница! Знатно!

— Ну, такъ дайте же мнѣ пріодѣться! Я ходилъ съ караваномъ по Русскимъ дѣламъ, Не надо, чтобы онъ меня угольщикомъ видѣлъ.

— Умъ! Большой умъ!

И Костакки умыли, разрядили не хуже бояра; отецъ полюбился, Елена не могла вести взоръ отъ красиваго жениха; Костакки распростился съ отправивша къ князю. Обаятелине выдумкѣ. Князь былъ совершенно счастливъ и доволенъ, потому что Костакки привезъ утвержденный Петромъ трактатъ присоединенія Молдавіи къ Россіи, на особыхъ правахъ. Все шло какъ нельзя лучше. Наступила весна.

Впервые Русская армія въ стройномъ порядкѣ переходила черезъ Днѣстръ, въ то самое время, когда на Дунаѣ Молдаване, по приказанію Порты, неохотно докачивали мостъ. Въ Яссахъ все было въ волненіи. Господари съ семействомъ и регулярныхъ Молдавскихъ войскъ тамъ не было; никто не зналъ, куда они дѣвались. Бояръ, отецъ Елены, и клевреты Бранкована воспользовались отсутствіемъ Каштемира. «Ушелъ къ Туркамъ!» кричали они по улицамъ и не сомнѣвались, что кричатъ правду, потому что Костакки ложно доносилъ своему будущему тестю. Не стало ночи: въ поздній часъ, будто днемъ толпы ходили по городу, несли измѣшниковъ, какъ называли приверженцевъ Каштемира; Костакки ходилъ съ бунтовщиками и, казалось, вылазалъ ненавистью къ Каштемиру... Въ одну изъ этихъ смутныхъ ночей зашелъ онъ къ бояру; но его не было; онъ сидѣлъ на тайномъ совѣтѣ Бранкованцевъ. Елена была одна...

— Костакки, сказала она, что слышно? Скоро ли Русскіе придутъ въ Яссы?

— Такъ что жъ если и придутъ? Пойдутъ дальше, въ жерло, уготованное Бранкованомъ и подлымъ измѣшниками.

— Что ты говоришь! Я не понимаю!

— И слава Богу, что не понимаешь! Бранкованъ обманываетъ Царя, какъ родитель твой обманываетъ меня и тебя. Придутъ Русскіе, но съ ними придетъ и великій Каштемиръ. Онъ съ ними, онъ у нихъ со всею семьей, со вѣсьмъ войскомъ...

— Что говоришь!

— Радостную правду! Онъ оставилъ меня здѣсь, онъ позволилъ мнѣ остаться для тебя, Елена! Но я не смогу! Честь велитъ бросить скопище предателей Христа, союзниковъ Турокъ, и бѣжать къ Русскимъ. Тамъ мой благодѣтель, тамъ и мать моя!

— Костакки! И меня ты оставишь!

— О, если бы не ты, никогда бы ни па день, ни на часъ я не оставилъ бы князя. Знаю, что ты не суждена мнѣ. Знаю больше, Елена, что ты жертва глупаго честолюбія твоего отца. Онъ обманывалъ тебя Бранковану, если сдѣлаетъ его господаремъ Молдавскимъ.

— По Бранкованъ женатъ...

— Будто женатому уже нельзя держать любви не съ женою. Живитъба не темница. У Бранкована есть темницы, но только для жертвъ его честолюбія.

— Боже мой! Я не понимаю тебя, Костакки! Что же намъ дѣлать?

— Видишь, Елена! Такъ я слышалъ, что ты не любишь меня...

— Больше чѣмъ отца роднаго, больше чѣмъ себя...

— Не правда! Кто любитъ, тотъ съ возлюбленнымъ пойдетъ на край свѣта, ни у кого не спросится...

— И я пойду! Возьми меня съ собою куда хочешь!

— Слова!

— Клятва!

— Такъ одѣнься, Елена! Коня готовы!

— А повѣришь!

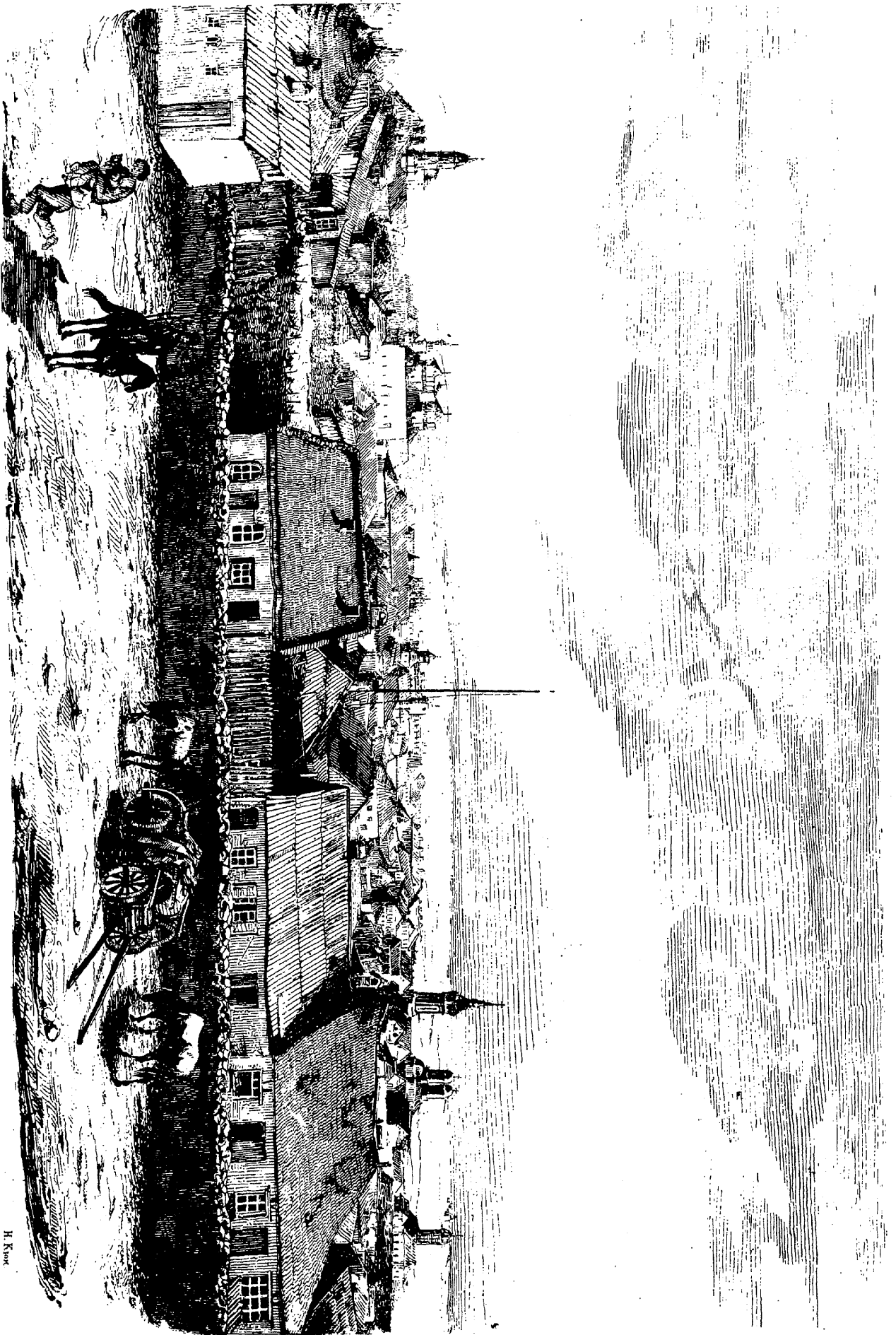
— Повѣрю, когда мы будемъ далече за Яссами...

— Вотъ я и готова, ъдемъ!

— Елена! Вѣрь, наше счастье — близко! ъдемъ, ангелъ мой! Ты не раскаешься!

И тихо вышли они изъ дому бояра. По улицамъ бѣгали толпы народа; факелы освѣщали грязный городъ; по Костакки зналъ свою географію и провелъ Елену на бѣдное предмѣстье, гдѣ ожидали его вѣрные друзья и добрые коня. Слѣшно поскакали они по дорожкѣ къ Фальшамъ. Утро освѣтило ихъ бѣгство и печальную окрестность. На необозримомъ пространствѣ всѣ поля были одного цвѣта. Странный шельма разливался во всѣ стороны. Подъ ногами что то шумѣло. Саранча покрывала поля и дорогу. Страшенъ былъ видъ окрестности; по любовь не обра-

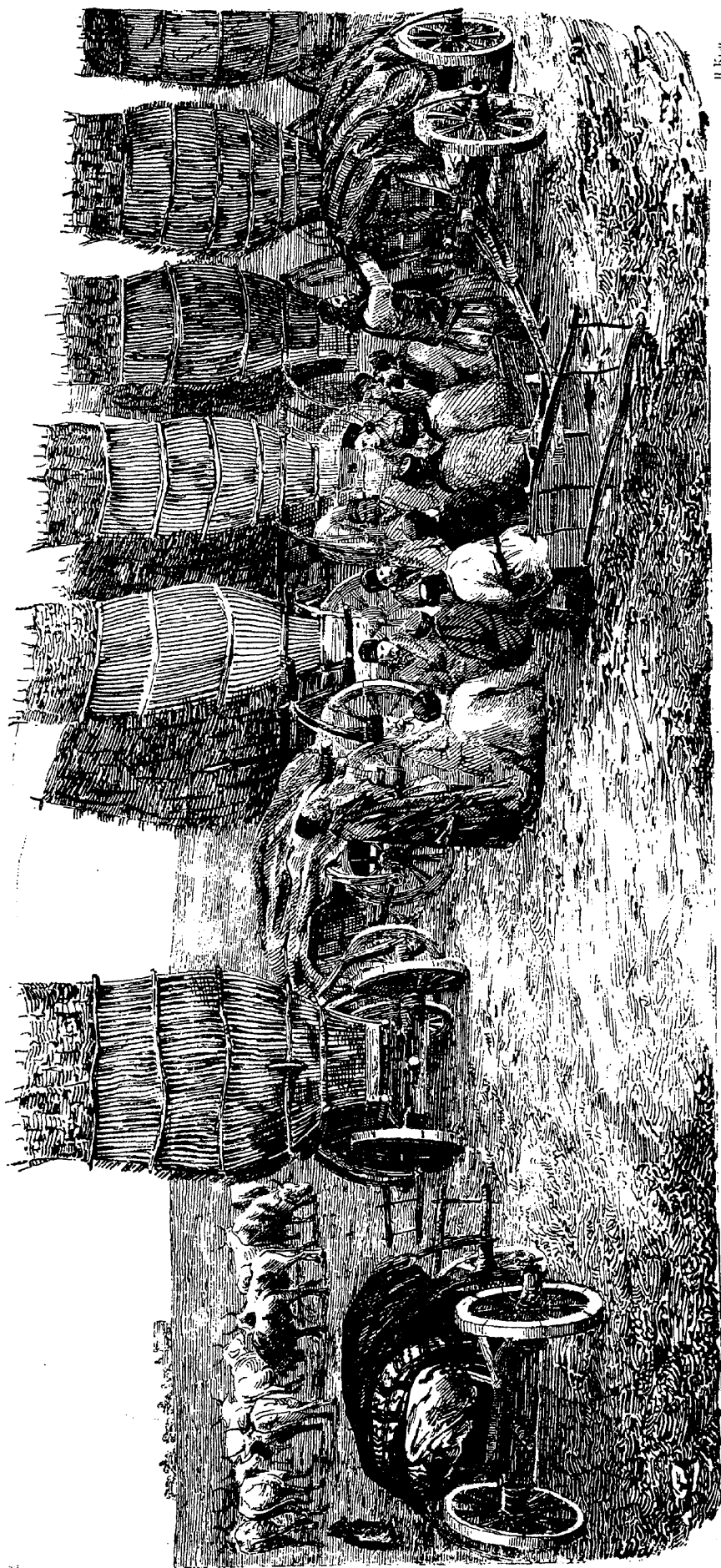

Видъ Города: Мостъ съ Балкона Петербургской Гостиницы.

И. Козь

П. Кост

Приваль Молдавського Каравана.

шала на саранчу особенную вниманія. Привычные кони мѣтили это ярлытое войско погами. Къ вечеру заидѣли на берегахъ Прута шатры и укрѣпленія. Передъ закатомъ солдаты на пущинахъ достигли Русскаго лагеря. Ихъ пропустили безъ затрудненія. Они спѣшились въ Молдавскомъ станѣ и прямо пошли къ господарю. Въ станѣ его еще никто не спалъ. У господаря была высокая гостя, предметъ общаго любопытства. Екатерина Алексѣевна, недавно объявленная Царницею, сидѣла на складномъ стулѣ и держала на колѣнахъ князя Антиоха. Княгиня Кассандра Сергѣевна что то рассказывала Государынь съ жаромъ. Костакки, по старой привычкѣ, вошли съ пѣвстой безъ доклада; но взглянувъ на гостю, певольно преклонились, какъ будто угадывая кто она...

— Боже мой! воскликнула княгиня. Костакки! Елена! Что случилось въ Яссахъ...

— Ничего не случилось. Приерженцы Бранкована дѣлають свое дѣло, а у насъ вѣтъ приерженцевъ. Последніе прѣбхали на службу... Гдѣ господарь?..

— Онъ у фельдмаршала. Сейчасъ воротится.

И точно! Вошелъ Кантемиръ и преклонился.

— Чѣмъ кончили? спросила Государыня.

— Ничѣмъ! Бранкованъ еще силенъ въ мысляхъ твоего Великаго супруга.

— Князь! Я постараюсь разрушить эту превенцію. До завтра!

Государыня ушла въ сопровожденіи одной дамы и почетнаго караула.

Кантемиръ ушелъ на ея мѣстѣ и, опустивъ голову на руки, погруженъ въ думу...

— Что съ тобой, Дмитрій? спросила княгиня. Взгляни на своего Костакки, на Елену... авось, придетъ кручина...

— Дѣти мои! Зачѣмъ вы оставили Яссы? Можеть быть, вы ихъ покинули на всегда...

— При тебѣ, отецъ нашъ, хотимъ жить, при тебѣ и умереть!

— Последнее легко случиться можеть, если будутъ слушать этихъ ученыхъ стратеговъ, а не Русскаго ума и сердца! Саранча покрываетъ Молдавію. Бранкованъ не пришлетъ провіанта. Не прилетѣтъ! Турки успеють собраться... Все погибнетъ! А продовольствіе передъ носомъ! Двинутся только спѣшно и бойко. На Сырети собраны огромные запасы. На годъ стаетъ! Армія славная! 85 тысячъ стоитъ милліона Турковъ. Русскіе понимаютъ меня, понимаютъ Турковъ; но эти пришельцы, эти говоруньи... Если промедлятъ недѣлю... все погибло! О Бранкованъ, Бранкованъ! Меня не слушаютъ! На меня глядятъ косо! Меня подозреваютъ! Зачѣмъ же я здѣсь? Зачѣмъ я привезъ сюда жену и сына? Зачѣмъ со мною вся казна Молдавская? А гдѣ же Бранкованъ?!

— Успокойся, мой другъ, сказала княгиня. — Государыня!..

— О, ты думаешь, что у нея много друзей. Еще не привыкли вѣрить, что эта чудная женщина — Царина!.. Но... Богъ милостивъ... Я еще не теряю надежды. Пора успокоиться! Утро вечера мудренѣе.

III.

Рано поутру явился Костакки къ своей должности; но, къ удивленію, нашелъ князя совсѣмъ одѣтаго. Онъ сидѣлъ у стола неподвижно, какъ будто вожсковой.

— Что, князь... Видно писать лзвоялъ? спросилъ Костакки робко.

— Говорить! Писать! Все это не поможетъ. Ученые заговорятъ и запишутъ! Все это можеть перебитъ... Но не вѣрять Кантемиру... это обидно...

Трубы и барабаны загремѣли такъ близко, что князь едва успѣлъ встать и поправить свой парадъ, подывъ заповѣску палатки и

не успѣвъ закрыть ее; Петръ съ фельдмаршаломъ былъ уже на порогѣ.

— «Зѣло радуясь», сказалъ Государь, «что все то ложь и неправда. Пусть этотъ портретъ вашего друга изженеть воспоминаніе о моей недовѣрчивости.»

И съ этими словами Государь надѣлъ на Кантемира свой портретъ, богато осыпанный бриллиантами. Кантемиръ былъ пріятно смущенъ и не находилъ словъ, какъ благодарить высокаго гостя.

— «Что Турки?» спросилъ Государь.

— Ждутъ насъ на Дунаѣ, Ваше Величество! А не дождутся, придутъ сюда за нами.

— Я того же мнѣнія, замѣтилъ фельдмаршалъ...

— «Подождемъ только провіанта...»

— Провіантъ на Сырети, Ваше Величество, стоитъ готовый, а отъ Бранкована не ждите ни зерна. Не думайте, Государь, что личное неудовольствіе мною руководитъ. Нѣтъ, я не Турчинъ душою, какъ доносилъ вамъ Бранкованъ, я здѣсь со всѣмъ, что только можеть быть драгоцѣнно для человѣка. Войска мои со мною, а гдѣ же Бранкованъ?..

— «На дняхъ будетъ!» отвѣчалъ Государь сухо: «Послѣ Полтавскаго дѣла поидемъ въ путь... А до того дня и Бранкованъ явится...»

Бранкованъ не явился. Отошло празднество Полтавскаго дѣла; и не успѣвъ отдохнуть отъ пира, какъ 29 іюля наступило другое торжество. На пригоркѣ подъ огромнымъ навѣсомъ накрыты были столы на 110 кувертовъ. Посередѣхъ сѣлъ Царь, по правую его руку господарь, по лѣвую графъ Головинъ; баронъ Шафровъ и Савва Рагузинскій сидѣли по угламъ; другую сторону стола занимала Императрица, Кассандра Сергѣевна, генеральши Галлартъ и Гюитеръ и еще нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ и наша Елена. Благородный сокъ Токая лился обильною струей; одинъ только господарь былъ прищипно скученъ...

— Полно токовать! сказалъ Головинъ.

— «И точно!» замѣтилъ Государь «Въ мои именины не должно быть скуки. Дѣла пойдутъ хорошо. Господа, военный совѣтъ соберется завтра, а послѣ-завтра съ Богомъ за дѣло. Богъ милостивъ. Провіанту достанемъ.. Что это тамъ вылитъ по дороге?»

— Курьеръ отъ Ренина! сказалъ на ухо Государю дельвинъ.

— «Зови! Что это, право, войско или стадо, не разберу...»

— Провіантъ, отвѣчалъ офицеръ, присланный отъ Ренина. Посылаютъ Вашему Величеству князь 8000 овецъ, 4000 быковъ, да 3000 фуръ съ мукою и крупкою...

— Спасибо! Подайте сюда карандашъ и бумагу. Мы тутъ же, за столомъ, сдѣлаемъ диспозицію...»

Государь тутъ же расписалъ, кому сколько отпустить изъ прибывшаго провіанта, и пиръ пошелъ впередъ и продолжался до поздней ночи.

Провіантъ подоспѣлъ во время, по не спасъ арміи. Время было упущено. Турки успѣли собраться въ огромномъ числѣ. Болѣе ста тысячъ кавалеріи и 50 тысячъ пѣхоты непримѣтно приближались къ Прутскому лагерю, образуя линію полумѣсяцемъ. По ту сторону Прута, прямо противъ стана, съ необыкновенною быстротою поставлены Турецкія батареи. Не стану описывать всего хода военныхъ дѣйствій на Прутѣ. Скажу только, что измѣна Бранкована, недостатокъ провіанта, саранча, немощные жары, — все вооружилось противу Петра Великаго. Къ тому же и великій визирь, Мугамедъ Паша, былъ человекъ обширнаго ума и отличныхъ воинскихъ способностей, а огромная армія его простиралась за двѣсти тысячъ человекъ; тутъ были и Поляки, и Шведы, и Булжакіе Татары, и Крымы, и Мазепинцы. Переправа черезъ

Прутъ сдѣлалась невозможною; отступленіе опаснымъ. Но нельзя было и оставаться на мѣстѣ. Турки не любили сражаться ночью. Военный совѣтъ рѣшилъ сплѣсть поочью и двинутся къ горамъ. Въ Турецкой арміи подыалась тревога; запылали огни; въ нашемъ загли обозныя фуры и Другую безужную рухлядъ и подъ такою иллюминаціею началось отступленіе. Но не легко было собраться и выступить значительному войску, которое, такъ сказать, обжилось на берегахъ Прута. Едва къ утру движенія наши получили нѣкоторую правильность. Но солнце 10-го іюля освѣтило одинъ изъ тѣхъ днѣй, котораго печальныя послѣдствія не приносятъ ущерба воинской славы, но остаются въ исторіи какъ тяжкія воспоминанія. Центръ нашей арміи находился въ Фальцахъ; аріергардъ и авангардъ составили фланги; отступать даге не было никакой возможности. Многочисленная армія смолкла, какъ будто море перель бурю; страшная тишина осыпала мрачные ряды солдатъ; печатъ героической рѣшимости отразился на всѣхъ лицахъ; о смерти никто не думалъ ни, лучше сказать, каждый къ ней приготавлился, въ одно мгновеніе освоился со всѣми ужасами и съ угрюмыми равнодушіемъ ждалъ страшной гостни. Рогатки со всѣхъ сторонъ окружали ряды нашей арміи. Солнце перешло черту полудня, жаръ былъ невыносимъ, жажда томилъ тѣло; по духъ былъ бодръ и Турки испытали силу Русскаго оружія. Первый натискъ ихъ уничтоженъ въ одно мгновеніе. Артиллерія наша губительно осыпала ихъ картежными огнемъ. Нападенія возобновились; сраженіе сдѣлалось общимъ... Молдаване съ господаремъ своимъ были въ центрѣ... Дивились они храбрости Русскихъ, но болѣе Великому Царю. Безпрерывно выдѣли они Государя, летавшаго на бурномъ кошѣ отъ опасности къ опасности.

— «Господарь!» сказалъ Костакки. «Это ангелъ смерти, а не Царь! Человѣкъ давно бы палъ подъ огнемъ тмъ темъ Турецкаго воинства.»

— Нѣтъ, это Онь, великій и безсмертный творецъ Россіи; по увѣ! теперь и эти чудеса не спасутъ Русской арміи. Ты видишь ли, множество Турецкаго воинства истоптало саранчу; оно безчисленно; за горами не мало свѣжаго войска. Мы не устоимъ...

Въ это самое время, туча Турецкихъ всадниковъ неслась прямо на центръ и прямо на тотъ пунктъ, гдѣ стояли Молдаване. Фельдмаршалъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ припугноту дерзкихъ гостей. Орудія гаркнули, земля задрожала, туча разбѣлалась; по нѣкоторые всадники были у самыхъ рогатокъ; Костакки упалъ одного изъ нихъ и бросилъ къ рогаткамъ. Не успѣли Молдаване оглянуться, какъ два всадника схватили неосторожнаго Костакки и потащили по полю.

— Стой! Не воруй! загремѣлъ мужественный голосъ, и легкій конь фельдмаршала въ одинъ прыжокъ перескочилъ черезъ рогатку; раздался выстрѣлъ; одинъ всадникъ свалился съ коня; другой оставивъ добычу скрылся въ облакахъ пыли... Шереметевъ не хотѣлъ и знать кого спасъ онъ; довольный своимъ подвигомъ, онъ медленно возвращался къ рогаткамъ, по тутъ же услышалъ грозный голосъ Петра.

— «Я здѣсь, Борись — и вашимъ поведѣніемъ зѣло недоволенъ. Солдатская храбрость украшаетъ солдата; а фельдмаршалу она въ кришналь обратиться можеть. Если еще разъ замѣчу, то извини, Борись, а я тебя весьма штрафовать буду... Ребата! Смеркается! Турки идутъ; отдохнемъ на ихъ трупахъ! Рогатки долей!..»

И точно, это было послѣднее нападеніе Турокъ въ этотъ несчастный и достославный день. Костакки не обращалъ, казалось, ника-

кого вниманія на всё окружавшія его опасности; онъ подвѣялъ трупъ убитаго фельдмаршала въ вѣдника и повесилъ его къ Фальшамъ... На вопросъ Молдаванъ, кого несешь? Костакки отвѣчалъ сухо: тѣстя-измѣнника! Заявлялся кровопротливый бой; орудія не долго гремѣли; зазвенѣли Русскіе штыки; почвъ уже ложилась по горамъ, но послѣдніе лучи потухающаго солнца усеяли еще видѣть отступленіе бесчисленныхъ Турокъ отъ горети Русскихъ. Этотъ мпovenный успѣхъ не ослѣпилъ, не обманулъ никого. Государь возвратился въ Фальцы; приказавъ созвать военный совѣтъ, самъ заперся въ бѣдой комнатѣ и сѣлъ писать незабвенное письмо въ Петербургъ.

«Извѣщаю вамъ, что я со всёми своимъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четыре краты сильнѣйшею Турецкою армію такъ окруженъ, что всё пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особеннаго Божія помощи ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія или что я впаду въ Турецкіи плѣны. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ Царемъ и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покажьтесь я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; по если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

— Кто тамъ есть? спросилъ Государь, печатая письмо; постуцался дежурный офицеръ; Царь отперъ двери, отдалъ письмо офицеру и сказалъ ему съ совершеннымъ спокойствіемъ: Изволь ѣхать въ Санктпетербургъ! отдай письмо государямъ Сенату. Авось увидится. Прощай! Государь поцѣловалъ офицера и прибавилъ: Ну, теперь ступай съ Богомъ! самъ отперъ ему двери, выпустилъ его и опять заперся... Но не долго онъ оставался одинъ. Кто-то постуцался.

— Кто тамъ? спросилъ Государь...

— Мы все! — отвѣчалъ женскій голосъ.

Государь улыбнулся и впустилъ Государыню; за нею вошелъ фельдмаршалъ, государыня, все министры и старшіе генералы...

— Катинька! сказалъ Царь: намъ надо держать конспіцію...

— Знаю, Государь; по и мой бабій умъ можетъ къ чемунибудь пригодиться. Турки для однихъ интересовъ Шведскаго величества своими выгодами не пожертвуютъ; если бы имъ предложить добрыя выгоды, послать приличные подарки... можетъ быть, мы потеряли бы токмо то, что возвратити можно впоследствии; по сохранени бы войско, орудія, а въ нихъ намъ на сѣверѣ большая нужда будетъ...

Царь и все присутствовавшіе были поражены справедливостью совѣта.

— Но гдѣ взять приличные подарки?

— По милости твоей, у меня есть много шубъ дорогихъ, клейнодовъ алмазныхъ и другихъ многоцѣнныхъ. Я и такъ не пошу ихъ...

Государь обнялъ Екатерину Алексѣевну и, послѣ краткаго совѣщанія, вице-канцлеръ Шафировъ съ генералъ-майоромъ Шереметьевымъ, сыномъ фельдмаршала, забрали сундуки Царицы и отправились къ великому визирю. Между тѣмъ военный совѣтъ открылся и все рѣшилось, въ случаѣ неудачи въ переговорахъ, продолжить себѣ путь оружіемъ или умереть. Рѣшеніе совѣта быстро разошлось по всему войску и, вмѣсто плача и унынія, раздались молодецкія пѣсни, водворилось веселіе. Князь Кантемиръ возвратился въ избушку, которую занимала Кассандра Сергѣевна и Елена. Костакки стояли у дверей и что то разсказывали...

— Слава Богу! вскричала княгиня, увидавъ мужа: ты здѣсь, ты живъ, ты не выдашь Туркамъ...

— Это что за вопросы?

— Весь лагерь говоритъ, что если тебя выдадутъ великому визирю, онъ выпуститъ Русскихъ, потому что не любитъ Шведовъ...

— Ну, ужъ этого будетъ; развѣ я самъ вздуваю пойти въ плѣны; а Петръ меня не выдастъ... за это ручаюсь... Перестанемъ говорить о пустякахъ. Скажи мнѣ лучше, Костакки, кого принесешь ты?..

— Князь... Сюда идутъ! Спрячься!!!

Дѣйствительно вошелъ царскій денщикъ и спросилъ: Все ли свои? Можно ли то говорить, что не великому слушать подобаетъ...

— Все свои, даже больше чѣмъ свои. Объяви, что принесешь?..

— А вотъ что; голецъ прискакалъ отъ Шафирова. Турки на миръ идутъ; только въ кондичіяхъ тебя ставить...

— Я готовъ.

— Да Государь не готовъ. Больно на Турковъ разсердился и сказалъ: «Я лучше оставлю Туркамъ всю землю до Курска; уступивъ оную, надежда мнѣ остается наги ее возвратити, а нарушеніе даннаго слова не возвратно. Я не могу оного преступити и предать князя оставшаго свое владѣніе пзъ любви ко мнѣ. Мы ничего не влѣземъ собственнаго, кромѣ чести. Отступити отъ нес, есть перестать быть Государемъ...»

Княгиня залилась слезами и бросилась обвинять денщика. Князь тоже былъ тронутъ до глубины души, отеръ слезу и спросилъ:

«Какой же отъ меня требуетъ жертвы Государь? Повторю, я на все готовъ...»

— Сидѣть въ государственной каретѣ, пока дѣло не сварится; а людямъ твоимъ говорить все въ каждому, что ты черезъ Прутъ ночью влзавъ ушелъ...

— Но...

— Полно, князь! Государь указалъ! Не стану я передохлаждать!

— Твоя правда! Пойдемъ. Костакки, поручаю тебѣ жену и сына!

Было еще темно, когда князь Кантемиръ уместился въ царской каретѣ; не смотря на критическія обстоятельства, предупредительный князь взялъ съ собою въ странную темницу нѣсколько томовъ любимѣйшихъ писателей своихъ, неразлучныхъ его спутниковъ. Съ 11-го по 14-е іюля просидѣлъ князь въ царской каретѣ. Каждую ночь являлся тотъ же денщикъ, приносилъ кушанье и папки, молча ставилъ въ карету, запералъ его на ключъ и поспѣшно уходилъ. Утромъ 14-го іюля, князь замѣтилъ шумное движеніе вокругъ своей кареты; его подняли вмѣстѣ съ каретою, сначала съ одной стороны, потомъ съ другой, съ третьей и четвертой; топотъ копытъ и разговоры коноховъ объяснили ему, что карету сжаряютъ въ путь; и точно, раздавался барабанный бой; князь рѣшился отодвинуть занавѣску. Вся армія съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, выступала изъ роковаго лагеря; ближе къ каретѣ ѣхали разныя экипажи; снаги на прѣвосходныхъ лошадяхъ гарцевали между полѣздомъ. Кантемиръ задержалъ занавѣску. До самаго вечера карета ѣхала шагкомъ. Но ввечеру долго простояла на одномъ мѣстѣ. Изъ разговоровъ коноховъ и проходящихъ, князь узналъ, что съезжать на Прутъ мостъ; ночью карета опять тронулась въ путь, а утромъ денщикъ отперъ карету и сказалъ: Милости просимъ! Пожалуйте къ Государю. Князь вышелъ изъ своего заточенія, оглянулся; армія располагалась на обѣдъ; на высокомъ пригоркѣ была раскинута палатка; по многочисленности высшихъ военныхъ и

гражданскихъ чиновниковъ, окружавшихъ палатку, легко можно было догадаться, что то ставка царская. Князь поспѣшилъ туда, но на полпути его встрѣтили княгиня, сынъ, Костакки, Елена, мать Костакки и цѣлая толпа Молдаванъ... Поцѣловавъ княгиню и сына, князь направилъ путь свой къ палаткѣ; но оттуда со всею генералитетомъ вышелъ къ нему на встрѣчу Петръ Великій:

«Князь! Богъ помогъ намъ избавиться отъ великой бѣды! Я былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ братъ мой Карлъ при Полтавѣ. Я сдѣлалъ такую же ошибку какъ и онъ: вошелъ въ непріятельскую землю, не взявъ нужныхъ мѣръ для содержанія моей арміи. Да погибнетъ измѣнникъ Бравкованъ! А тебя, князь, благодарю за любовь твою ко мнѣ... Поѣзжай князь, покойно въ Россію, а мы о тебѣ подумаемъ».

Князь въ трогательныхъ словахъ изложилъ свою благодарность, и откланялся.

Все Молдаване слѣдовали за княземъ. Подъ самымъ Кіевомъ догналъ его курьеръ царскій, старшій знакомецъ Кантемира, Пшавъ Сергѣевичъ. Знакомцы весьма обрадовались; особенно послѣдній. Оба вышли изъ экипажей; княгиня и вся свита воспользовались этимъ случаемъ, также вышли, чтобы, какъ говорится, размять кости, утомленные побѣдой, и окружили князя...

— Куда, Пшавъ Сергѣевичъ?

— Въ Петербъ, съ указами! Тутъ и про васъ есть...

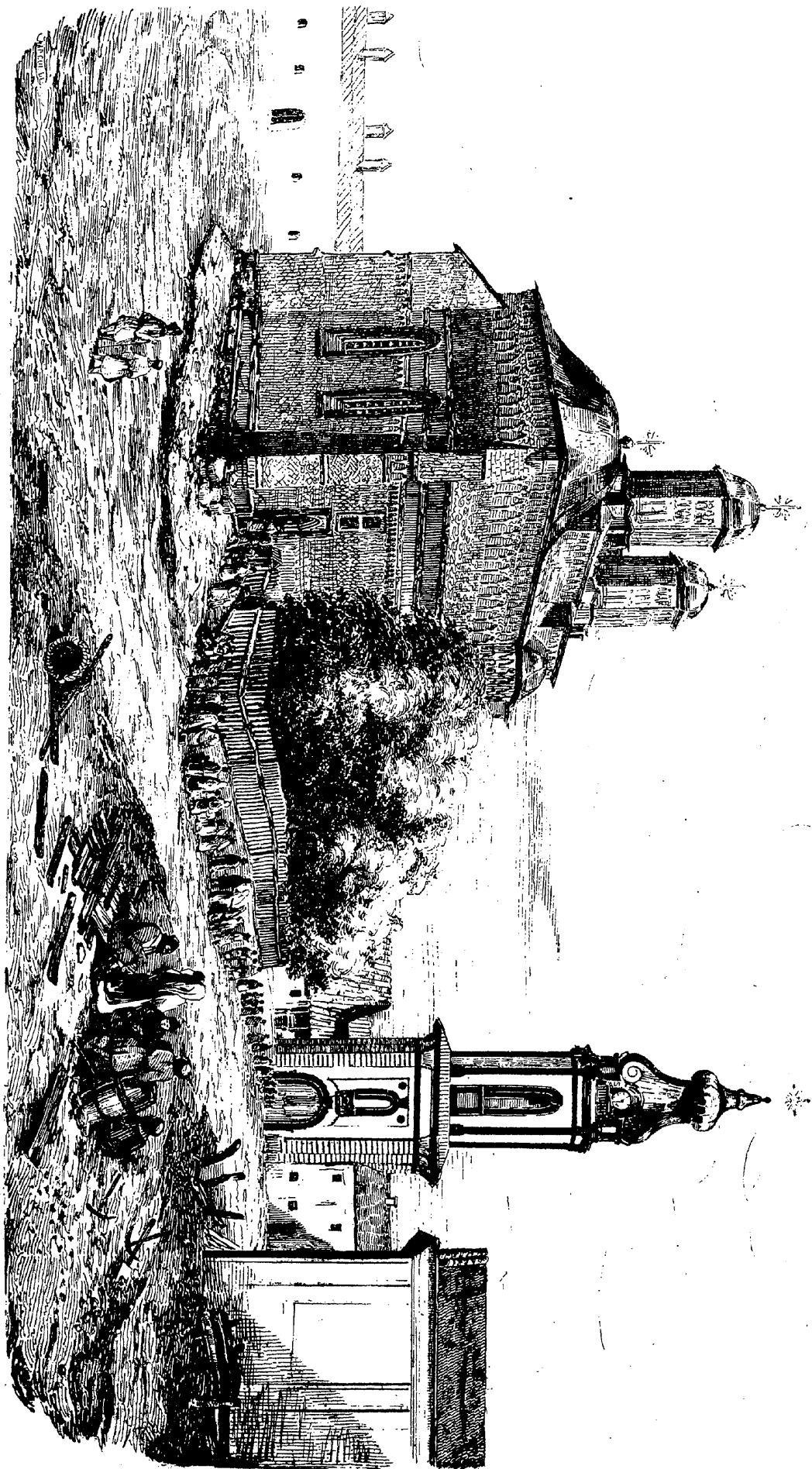
Князь молчалъ.

— Указано вамъ, продолжалъ Пшавъ Сергѣевичъ: быть свѣтлѣйшимъ княземъ Россійскимъ... Сенату принскать и купить для васъ два каменныхъ дома, одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербѣ, и при томъ такихъ, чтобы достойны были господаря Молдавскаго; въ Сѣвскомъ уѣздѣ тысячу дворовъ, въ Московскомъ село Черную Грязь, съ деревнями, и село Булатниково; да пенсію по шести тысячъ рублей въ годъ; да право всехъ вашихъ Молдаванъ судити самому по вашимъ законамъ. За тѣмъ кланяюсь и поздравляю вашу свѣтлость! До свиданья; моя дорога по часамъ исчислена...

Пшавъ Сергѣевичъ ускакалъ. Князь, княгиня и все Молдаване, снявъ шапки, стояли какъ вкопанные, пораженные щедротою Царя Петра. Одла только мать Костакки, подошла къ Кантемиру, взяла его за руку, указала на Костакки, на себя, потомъ на небо — и залилась радостными слезами.

Н. К.

Церковь трехъ святителейъ въ Лусахъ.

В. Кокосъ

Е ЖЕНЕ ДЪ ЛЬНИКЪ.

Нѣсколько словъ кетати. — Выставка. — Мейеръ, Дороговъ, Чернецовъ. — Театры. — Г-жа Плесси. — Театръ въ Казани. — Синтик XVI и XVII вѣковъ. — Нароходъ. — Новая книги. — Лекци г. Шоа. — Гимнастика. — Universal-Clavier. — Гоголь.

Черная туча, собиравшаяся надъ иллюстраціею, разсыпалась. Небо проясняется. Совершенно благоудельный переворотъ. Большинство образованной публики начинаетъ признавать, не съѣхъ сказать, достоинства иллюстраціи, по крайней мѣрѣ достоинство и неуспынное стараніе ея, совершенствоваться и угождать всѣмъ требованіямъ. Остаются одни забавные враги иллюстраціи. Эти враги не страшны намъ. Просвѣщенные читатели съ чувствомъ отвращенія смотрятъ на тщетныя усилія ихъ, проявляющіяся въ нападахъ на мелочныя, ничтожныя ошибки. Обвиненія ихъ ничтожны въ сравненіи съ собственными промахами. Что бы, напримеръ, эти господа сказали про иллюстрацію, еслибъ она, подобно фельетону Северной Пчелы, 15-го октября, 1843 года, № 231-й, повѣстуетъ о предаваемой желѣзной дорогѣ сдѣлала то важное математическое открытіе, что миліонъ пять сотъ тысячъ рублей составляютъ шесть процентовъ отъ капитала въ пятьдесятъ миліоновъ рублей? Это не шутка — вдвое меньше того, какъ до сихъ поръ считалось!.. И послѣ подобныхъ промаховъ, они же обвиняютъ иллюстрацію въ какой-нибудь ничтожной опечаткѣ, которую великій самъ легко можетъ поправить! Не смѣшно — а грустно. Иллюстрація же, вѣрная своему направленію, благородной цѣли, которую она избрала, будетъ идти себѣ впередъ прямой дорогой, совершенствуясь опытною и совѣтаніемъ людей добросовѣстныхъ.

— Намъ предстоитъ рядъ высокихъ насладеній. Со дня на день мы ожидаемъ открытія Академической выставки, на которой, какъ говорятъ, мы увидимъ превосходныя произведенія быстро развивающагося русскаго искусства, принимающаго уже свой самостоятельный характеръ, образующаго школу, зачатую уже немногими, но знаменитыми именами. Школа эта получила уже основаніе, твердый камень въ геніи К. П. Брюллова. Говоря о художествахъ, иллюстрація должна сообщать своимъ читателямъ радостную вѣсточку. Талантливые наши художники и сотрудники иллюстраціи, гг. Мейеръ и Дороговъ, возвратились на дняхъ изъ художческаго путешествія и вскорѣ на страницахъ иллюстраціи появятся плоды ихъ трудовъ. Редакція иллюстраціи обогатилась еще нѣсколькими прекрасными, исторически важными рисунками Гг. Чернецовыхъ, знаменитыхъ всѣмъ любителямъ искусства. Сдѣланы лучшіе художниковъ и литераторовъ вникаетъ намъ утѣшительныя надежды, которыхъ не въ состояніи разрушить никакія нападки злонамеренной посредственности. — Итальянская опера по прежнему привлекаетъ множество слушателей и наконецъ, французская труппа наша, и безъ того уже столь богатая, полна и разнообразная украсилась еще однимъ талантомъ высшаго разряда. За невольную

ошибку нашу касательно пріѣзда г-жи Плесси, ошибку, подавшую случай одному милому острячку пошутить на нашъ счетъ, мы обязаны помянуться съ нею, познакомивъ ее покороче съ нашими читателями :

— Г-жа Плесси родилась около конца 1819 года. Есть люди, предназначеніе которыхъ знаменуется чѣмъ-нибудь особеннымъ, чудеснымъ, при самомъ роженіи ихъ; рожденіе же г-жи Плесси было самое прозаическое : отецъ ея былъ честный человекъ, богатый и уважаемый; мать — добрая жена. Г-жа Плесси родилась въ Мецѣ; первый крикъ ея обрадовалъ добрыхъ родителей, изъ объятій которыхъ она перешла къ груди кормилицы; потому ее крестили и нарекли весьма прозаическимъ именемъ

ми лѣтъ она знала всего Минзатрона наизусть. Конечно, этихъ дѣтскихъ забавъ нельзя принять за вѣрные признаки дарованія, но по развитіи его, объ нихъ упомянуть можно.

Наконецъ молодая дѣвушка прибыла съ родителями въ Парижъ.

Парижъ — обѣтованная земля артистовъ, и елва г-жа Плесси ступила въ городъ, иногда пагубный, но чаще благодѣтельный для юныхъ дарованій, какъ вліяніе его проявилось и на ней. Два извѣстные профессора драматическаго искусства, Мишо и Сансонъ, образованные столько замѣчательныхъ талантовъ, стали давать уроки молодой Плесси, которая съ перваго взгляду понравилась имъ. Природная грація ея, острозуміе, взглядъ, улыбка, все возбуждало ихъ, что этой ученицѣ нѣтъ внослѣдствіи можно будетъ гордиться. Самыя строгія лица невольно улыбаются при видѣ милого ребенка и даже Консерваторія измѣнила основному своему правилу, не принимать дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ, принявъ десятилетнюю ребенка.

Нѣтъ лѣтъ протекло въ прилежныхъ изученіяхъ, терпѣливыхъ наблюденіяхъ и пламенномъ желаніи совершенствоваться. Каждый день ученица ступала шагъ впередъ въ мірѣ комедій — надежды, мечты, будущности ея!..

Наконецъ г-жа Плесси дебютировала на Французскомъ театрѣ (Théâtre-Français) 10 марта 1834 года. Ей было пятнадцать лѣтъ. Когда, разставшись съ монотонностью школы, молодая дѣвушка впервые явилась при блескѣ яркаго театральнаго освѣщенія, одобрительный ропотъ пробѣжалъ по залѣ. Не сдѣлавъ ни одного жеста, не сказавъ еще ни одного слова, она уже достигла цѣли своей: судьи были побѣждены одною очаровательною, пѣвительною наружностью!..

Публика Французскаго театра не привыкла къ молодымъ, прелестнымъ пятнадцатилѣтнимъ лицамъ, веселымъ и свѣжимъ; на сценѣ этого театра чаще появлялись увядшіе цвѣты поблеклаго трапа, неясны свѣженія, полураспустившіяся розы. Слѣдовательно неудивительно, что пѣвительный цвѣтокъ, внезапно развившійся между полувѣковыми знаменитостями Французскаго театра, обворожилъ и публику, и критику... и все пало къ ногамъ молодой артистки!..

Ее долго баловали, какъ миленькаго ребенка, и если иногда и раздавался строгій, ворчливый голосъ критики, то никто не обращалъ на то вниманія, или же говорили :

— Она еще такъ молода! Дайте ей подрасти!

И г-жа Плесси выросла на глазахъ публики. Зрители, день за днемъ, слѣдили за ея развитіемъ... Нынче это уже не робкая, стыдливая дебютантка — это актриса! Красота и молодость ея въ полной силѣ, въ полномъ блескѣ, и она запомнала почетное мѣсто на первомъ театрѣ Франціи.

Приходитъ время, когда публика требуетъ отъ хорошенкыхъ актрисъ, чтобы онѣ были и хорошія актрисы; время это пришло и для г-жи Плесси, послѣ первыхъ дѣтскихъ успѣховъ ея; неслучайно было милыхъ улыбокъ и надеждъ, полновѣсныхъ пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ — публика

Г-жа Плесси-Арну. (Въ комедіи Скриба : Le verre d'eau.)

Жанни — словомъ, все произошло очень покойно, просто и обыкновенно. Первые годы дѣтства Жанни были грустны, тяжки; отецъ ея, послѣ незааслуженной потери своего имущества, сдѣлался комедлянтомъ и бродилъ изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, съ Мальеромъ и Реньеромъ въ сумкѣ, и милойкой въ колыбели. Такимъ образомъ г-жа Плесси впервые познакомилась со свѣтомъ — за кулисами!.. Известно, что будущность наша зависитъ большею частью отъ обстоятельствъ, сопровождающихъ наше дѣтство: сынъ солдата, родившійся при звукахъ барабана, при шумѣ оружія, съ дѣтства влѣхнувшій въ себя дымъ пороха, легко дѣлается солдатомъ. Такъ точно развилась между комедіантами и наклонность молодой Жанни; будучи трехъ лѣтъ отъ роду, она лежала стихи, которые острая память ея схватывала на лету, когда она бѣгала за кулисами между Орестами и Агамемнонами. Шести лѣтъ она съ наивною прелестью твердила басни Лафонтена; вось-

ми лѣтъ она знала всего Минзатрона наизусть. Конечно, этихъ дѣтскихъ забавъ нельзя принять за вѣрные признаки дарованія, но по развитіи его, объ нихъ упомянуть можно.

Наконецъ молодая дѣвушка прибыла съ родителями въ Парижъ.

Парижъ — обѣтованная земля артистовъ, и елва г-жа Плесси ступила въ городъ, иногда пагубный, но чаще благодѣтельный для юныхъ дарованій, какъ вліяніе его проявилось и на ней. Два извѣстные профессора драматическаго искусства, Мишо и Сансонъ, образованные столько замѣчательныхъ талантовъ, стали давать уроки молодой Плесси, которая съ перваго взгляду понравилась имъ. Природная грація ея, острозуміе, взглядъ, улыбка, все возбуждало ихъ, что этой ученицѣ нѣтъ внослѣдствіи можно будетъ гордиться. Самыя строгія лица невольно улыбаются при видѣ милого ребенка и даже Консерваторія измѣнила основному своему правилу, не принимать дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ, принявъ десятилетнюю ребенка.

Нѣтъ лѣтъ протекло въ прилежныхъ изученіяхъ, терпѣливыхъ наблюденіяхъ и пламенномъ желаніи совершенствоваться. Каждый день ученица ступала шагъ впередъ въ мірѣ комедій — надежды, мечты, будущности ея!..

Наконецъ г-жа Плесси дебютировала на Французскомъ театрѣ (Théâtre-Français) 10 марта 1834 года. Ей было пятнадцать лѣтъ. Когда, разставшись съ монотонностью школы, молодая дѣвушка впервые явилась при блескѣ яркаго театральнаго освѣщенія, одобрительный ропотъ пробѣжалъ по залѣ. Не сдѣлавъ ни одного жеста, не сказавъ еще ни одного слова, она уже достигла цѣли своей: судьи были побѣждены одною очаровательною, пѣвительною наружностью!..

Публика Французскаго театра не привыкла къ молодымъ, прелестнымъ пятнадцатилѣтнимъ лицамъ, веселымъ и свѣжимъ; на сценѣ этого театра чаще появлялись увядшіе цвѣты поблеклаго трапа, неясны свѣженія, полураспустившіяся розы. Слѣдовательно неудивительно, что пѣвительный цвѣтокъ, внезапно развившійся между полувѣковыми знаменитостями Французскаго театра, обворожилъ и публику, и критику... и все пало къ ногамъ молодой артистки!..

Ее долго баловали, какъ миленькаго ребенка, и если иногда и раздавался строгій, ворчливый голосъ критики, то никто не обращалъ на то вниманія, или же говорили :

— Она еще такъ молода! Дайте ей подрасти!

И г-жа Плесси выросла на глазахъ публики. Зрители, день за днемъ, слѣдили за ея развитіемъ... Нынче это уже не робкая, стыдливая дебютантка — это актриса! Красота и молодость ея въ полной силѣ, въ полномъ блескѣ, и она запомнала почетное мѣсто на первомъ театрѣ Франціи.

Приходитъ время, когда публика требуетъ отъ хорошенкыхъ актрисъ, чтобы онѣ были и хорошія актрисы; время это пришло и для г-жи Плесси, послѣ первыхъ дѣтскихъ успѣховъ ея; неслучайно было милыхъ улыбокъ и надеждъ, полновѣсныхъ пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ — публика

ка требовала осуществившихся належал таланта. Зрители сдѣлались строже; критика, — та критика, которая старается обратить на себя вниманіе, поставитъ себя педесталъ изъ чужихъ недостатковъ, — обрадовавшись этому случаю, вооружилась фюзозомъ и собирала грозныя тучи надъ головой артистки. Г-жа Плесси пошла опасность и приготовилась къ битвѣ. Она мужественно преодолевъ нѣкоторые незначительные недостатки избалованнаго ребенка и изъ маленькой дѣвочки, забавлявшей публику своей милостью, стала артисткой... и Французскіе журналы провозгласили ее достойной наследницей незабвенной Марсь.

Г-жа Плесси создана для высокой комедіи — но не для драмы. Быстрые, хорошенькіе, живые глаза ея не созданы для слезъ; выраженіе грусти не идетъ къ веселому, открытому лицу ея. Остроуміе, блестящая грація, обворожительныя взгляды, живыя выходки, благородныя шутки, все прелесть очаровательныхъ Селиментъ, остроты Сусаннъ, кокетки Селинтъ, вотъ достоинствъ г-жи Плесси.

Не говоримъ объ г-рѣ г-жи Плесси-Арпу : Мы видѣли ее, восхищаясь ею и удивляясь, какъ щедро Господь награждаетъ иногда созданныхъ своихъ...

— Атлонсъ изящныхъ искусствъ являетъ намъ, что они всадъ, у всѣхъ народовъ проявлялись первоначально въ духѣ и дѣянъ безусловно нравственныхъ. Такъ было и съ одною изъ отраслей ихъ — искусствомъ сценическихъ. Древній міръ лэическій, грубый въ своихъ вѣрованіяхъ, но дѣятельною мыслію умѣвшій постигать высокое, поставилъ искусство это, съ его атрибутами, необходимыми условіемъ своихъ торжественныхъ обрядовъ. — Но पुшенимъ духа религиознаго возникли въ средніе вѣки театры и въ западной Европѣ, гдѣ театральное искусство началось представленимъ въ лицахъ различныхъ событийъ изъ св. Писанія. Сюда принадлежатъ такъ называемыя мистеріи. На Руси первоначально представляли бы ли также содержанія духовнаго и привносили въ искусство воспитанникамъ духовныхъ училищъ. Исторія Литературы показываетъ намъ, что первыми драматическими произведеніями въ Россіи почитаются священныя трагедіи св. Димитрія Ростовскаго, которая и представлялись Студентами Кіево-Печерской Лавры и учениками Заколосненской Духовной Академіи.

Вѣкъ просвѣщенія и образованности призналъ театръ уцѣлѣвшимъ нравственности. Съ благороднымъ чувствомъ народной гордости похвалялись мыслемъ, что эта важная цѣль — научить, доставляя пріятное развлеченіе, постигнута и выполняется у насъ съ успѣхомъ. Большая часть огромныхъ театровъ западной Европы составляли чуждо предметъ спекуляціи, достойные частныхъ антрепренеровъ. Наши великолѣпныя столичные театры содержатся, поддерживаются и украшаются издѣніемъ Правительства. Перомъ драматическаго писателя весьма часто полнитъ за границей духъ личности и интриги, направляемый иногда противъ всего того, что мы должны уважать привычки. У насъ, подл непростительствомъ Правительства ограждены отъ оскорбленія частная личность и чувство нравственное.

По многочисленности народонаселенія, по значительности г. Казани и изъ желанія доставить жителямъ возможность пользоваться полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, г. Казанскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Сергій Павловичъ Шидловъ, ходатайствовалъ о возведеніи тамъ каменнаго, для пощенія театра, зданія, которое бы, удовлетворяло всѣмъ требованіямъ и удобствамъ. — Г. министру Внутреннихъ Дѣлъ угодно было, утвердивъ такое предположеніе, указать источники для приспосабливанія оного въ исполненіи; а до разсмотрѣнія, гдѣ слѣдовало, проекта завѣя, оный удостоился Высочайшаго одобренія.

Наконцѣ 14-го сентября въ первомъ часу по полудни происходило закладка; съ примѣною торжественности, пераго камня зданія, г. военнымъ губернаторомъ въ присутствіи значительнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Независимо отъ пріятной надежды пользоваться наслажденіемъ сценическаго искусства, добителямъ изданнаго предстоить удовольствіе добавиться со временемъ въ Казани прекрасною поощреніемъ, гдѣ будутъ красоваться изящной ар-

хитектуры зданія Театра, Дворянскаго собранія, быстро возводимаго и уже предположеннаго Экзерциръ-Гауза.

— Въ архивѣ Псковской казенной палаты найдено большое количество весьма замѣчательныхъ свитковъ XVI и XVII вѣка, изъ которыхъ многія весьма любопытны въ историческомъ отношеніи, касающемся набговъ Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и осады Пскова въ 1615 году.

— 3-го сего сентября, отправился изъ Перми въ Казань, пароходъ Софія, котораго назначеніе есть перевозить пассажировъ отъ Перми до Нижняго Новгорода и обратно, а равно съ мѣст и на мѣста, на этомъ пространствѣ лежащія. — Пароходъ представляетъ все удобства и совершаетъ путь отъ Перми до Нижняго въ 8 сутокъ, а обратно отъ 9-ти до 10-ти дней. — Онъ построенъ на чугуномъ заводѣ гг. Демидовыхъ, подлъ наблюдениемъ инженера и механика Барта. Длинною онъ 15 сажень; на немъ находится: одна большая каюта приблизительно на 30 особъ, двѣ небольшія дѣтскія каюты и одна общая. — Пароходъ прибылъ въ Казань 14-го сентября.

— Новыми книгами мы все еще не очень богаты. На первый случай упомянемъ о первой части сочиненія Н. А. Погодина: *Столѣтіе Россіи, съ 1743 до 1843 года или Историческая картина достопамятныхъ событийъ въ Россіи за сто лѣтъ*. Мы намѣреваемся подробно поговорить съ читателями объ этомъ замѣчательномъ сочиненіи. Пока мы здѣсь жалуемся на недостатокъ хорошихъ книгъ, Олесея не шутя сбрасаетъ съаать русскую литературу весьма пріятный подарокъ. На дняхъ тамъ вышла 1-я часть Виргилиевой Энеиды, въ русскою стихотворною переводѣ. Переводъ принадлежитъ г-ну Шершевскому. Это первый трудъ молодого человека, который не побоялся употребить нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни на трудный и рѣдко благодарный, литературный подвигъ. Переводъ совершенно оконченъ. Судя по нѣсколькимъ отрывкамъ, начатканнымъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», и по первой вышедшей части, мы должны заключить, что переводъ г-на Шершевскаго достоинъ вниманія. При близости къ подлиннику, онъ отличается прекраснымъ языкомъ, чистотой и свободнымъ; гекзаметръ г-на Шершевскаго плавный и во многихъ мѣстахъ блестящею мастерскою отдалкой. Въ доказательство, беремъ на удачу нѣсколько строкъ.

«Кто бы ты ни былъ, сказала, но боги къ тебѣ благосклонны,
 Кажется мнѣ. И если ты къ нашему берегу прибылъ,
 Не предавайся печали, но прими иди ты къ дарницѣ.
 Если не шестю оны научили меня предсказанью,
 И предвѣщало тебѣ погибшихъ судовъ возращеніе:
 Съ севернымъ вѣтромъ попутнымъ къ пристани всѣ
 Видишь ли ты, какъ двѣнадцать лѣтитъ лебедей по
 зѣмру?
 Какъ громомъ осязъ орелъ, отъ заблачныхъ странъ
 упавая,
 По лебу стиблѣному стаю разсѣялъ? Смотря, какъ я
 дамъ
 Тянуща долу и, тихо спускаясь на землю, ликують?
 Видишь ли ты, какъ они отъ радости треплютъ кры-
 ламъ?
 Какъ ополсали небо козьмемъ и поютъ отъ восторга?
 Такъ вотъ и я влѣтъ твою плыветь въ океанѣ, и рав-
 ныхъ собратовъ
 Парусомъ полнымъ къ пристани мчѣтѣ, иль акорь
 бросаетъ.
 Сиблю иди, и куда поведетъ тебѣ случай, вѣса вѣзуй. —
 Тутъ обернулась она, лебедящую шенкомъ блестяща,
 Замахъ амвроній всюду разлился пѣсньмихъ дышаньемъ
 Съ кудрей ея, и до самой паты скатилась одежда:
 Въ дивномъ божественномъ видѣ явилась взорамъ бо-
 гиня.

— Вторая лекція Гигіены, доктора Шюца привлекла еще болѣе востанителей. Преподователь сдѣлалъ общій разборъ вліанія воздуха на человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ; этотъ предметъ будетъ разсматриваться еще въ двухъ лекціяхъ и потому строгимъ сукамъ мы не со-
 вѣтуемъ свѣшать мнѣніемъ. Надо выслушать всѣ лекціи объежающія каждая отдѣльную стѣлю науки, и тогда уже судите. Во время чтенія о вліаніи свѣта мы не могли неубѣдиться, съ трудомъ поглядывая на двѣ лампы чрезвычайно сильнаго свѣта, стоящія передъ преподавателемъ. Слущая, невольно хочешь и глядѣть на того,

кто читаетъ; но это обходится дорого; глазами больно. Бошесь внимать урокамъ науки о сохраненіи здоровья, чтобы не повредить здоровья глазъ.

— Гимнастика составляетъ часть Гигіены. Древніе понимали важность гимнастическихъ упражненій и для того были устроены обширныя публичныя заведенія. Въ повѣншія времена на гимнастику долго смотрѣли какъ на принадлежность военной службы; пока успѣхи медицины не объяснили ея необходимости для каждаго. Теперь гимнастика введена почти во все учебныя заведенія. Появились частныя гимнастическія залы, въ которыхъ преподаются не только уроки этой науки, но и пользуются медицинскою гимнастикомъ болѣе, по предписаніямъ врачей. Г. ле-Ронъ уже открылъ свое гимнастическое заведеніе близъ Симіонскаго моста въ навилловѣ инженернаго замка. Болѣе могутъ лечится, здоровые могутъ предохранить себя отъ болѣзней, происходившихъ отъ недостатка движенія.

— Мы вѣдемъ случаи въ аняхъ влѣтъ новозобрѣтенныи инструментъ, которому трудно дать приличное названіе; трудно понять механизмъ и сложить его въ головѣ своей... Огромность, сложность, хитрость механизма заставили насъ призадуматься. Чистота и пріятность звуковъ, изъ коихъ большая часть лучше звуковъ, извлекаемыхъ изъ тѣхъ же инструментовъ, которымъ казалось только подражать хотѣли, все это влѣтъ ставитъ изобрѣтеніе на весьма важную степень въ теоріи музыкальныхъ инструментовъ, которыя нѣкоторымъ образомъ имъ дополняется. Шутя мы назвали инструментъ Universal-Clavier, но кажется, что это названіе могло бы остаться и не въ шутку. Иллюстрація исполнитъ свою обязанность и представитъ подробное описаніе инструмента съ рисунками.

— Всякой влѣтитъ — нанесено чувствительное огорченіе. Чего она ни исала на сочиненія Гоголя, не смотря на то — въ послѣднихъ номерахъ Парижской Иллюстраціи напечатаны весьма удовлетворительный переводъ прекраснаго разсказа Гоголя: Старосибітскіе повѣщанья. Другія сочиненія того же автора, также переводятся на Французскій языкъ. Надо полагать, что всякая влѣчпа осыпавшая своими смертоносными стрѣлами Русскую и Нѣмецкую Иллюстраціи, теперь поразитъ на смерть и Парижскую.

АНЕКДОТЪ.

Одинъ журналистъ въ Парижѣ рѣшился сдѣлать историкомъ. Нѣтъ ничего легче. Взлѣлъ и написалъ исторію. По этого для него показалось мало. Онъ хотѣлъ показать всѣмъ своимъ, врагамъ, что онъ человекъ энциклопедическій и влѣсто исторіи, онъ сочинилъ огромную книгу или лучше, началъ сочинять огромную книгу всѣхъскаго содержанія. Желая увѣрить не враговъ своихъ, что онъ растетъ въ библиотекѣхъ и архивахъ, энциклопедистъ отправился къ вѣстимъ начальникамъ Библиотекъ и у одного добродушнаго и слабого старика выманывалъ себя на домъ для необходимыхъ выписокъ драгоцѣнную лѣтопись времени Карла Великаго на самое короткое время, на четыре дня. Прошло четыре дня, прошло сорокъ дней, и лѣтописи, и энциклопедиста, и записки... Старикъ испугался. Отправляется самъ къ энциклопедисту... Засталъ его дома... Гдѣ рукопись!.. окаянное выписки; на дняхъ иривезу... Но гдѣ она!.. Тутъ; я отдалъ только скопировать одно мѣсто... Прошло два мѣсяца еще... Нѣтъ рукописи... Старикъ повстрѣчался съ энциклопедистомъ на Толверскіемъ Бульварѣ... Чтѣтъ рукопись?.. Я вамъ отослалъ ее уже двѣ недѣли тому назадъ... Какъ отослалъ! — Право отослалъ, ей Богу отослалъ; но свидѣтелей... У меня есть ваша рукопись... Прощайте! Нокорню васъ благодарю за одолженіе... Старикъ остолбенѣлъ! Нѣсколько мгновеній, не зная, что сказать — между тѣмъ, тотъ ушелъ и Библиотекарь въ горѣ повсвизъ голлову, пошелъ домой.

— Ахъ Боже мой! какъ я радъ, что васъ вижу... сказалъ кто-то. Старикъ поднялъ голову, то былъ графъ Т. собравшій разныхъ памятниковъ древности... «Вы порадуется, любезный другъ и

позавидуете мпѣ...» продолжалъ графъ: — Пойдите ко мнѣ! Я вамъ покажу такую вещь, что вы захвѣте... Я приобрѣлъ ее...

— А я потерялъ... Но все равно, пойдемте. Я теперь не способенъ къ работѣ...

Пришли. Графъ ввелъ старика въ библиотеку, и указалъ на небольшой столъ, на которомъ покоилась знакомая рукопись. Старикъ издали узналъ ее, бросился къ столу, схватилъ дорожную находку въ объятія и закричалъ:

— Никому не дамъ! Никому не покажу...

— Что вы, что вы... Да эта рукопись моя!

— Моя...

— Я заплатилъ за нее пять тысячъ франковъ Г... Графъ назвалъ энциклопедиста...

— А онъ взялъ ее у меня даромъ на четыре дня...

— Вы путите! Онъ нашелъ ее, роясь въ архивахъ монастыря...

— Въ моей библиотекѣ... Я надѣюсь доказательства исчезли; на страницѣ 95 моею рукою сдѣлана поправка: вмѣсто Софис—Софисъ. На страницѣ 106 между строчками 5 и 6 написана моя фамилия. Смотрите!..

Графъ въ свою очередь смутился и повѣсилъ голову; а старикъ поднялъ голову и торжественно оставилъ домъ графа...

Много сдѣлалось надъ этимъ происшествіемъ въ Парижѣ. Одинъ острякъ къ разнымъ намешкамъ присовокупилъ замѣчаніе: итъ ничего удивительнаго. Вѣдь это также доходъ съ литературы.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА.

Симпатическое средство узнавать, ушелъ ли посаженные въ печь хлѣбы, состоитъ въ слѣдующемъ: надобно имѣти стеклянную или камешную кружку, самую простую, наполнить ее водою, только не горячею, а обыкновенною, какъ нить можно, и поставить ее въ той-же печурѣ на печь или на око. Когда посадятъ послѣдній хлѣбъ, изъ оставшагося въ квашнѣ тѣста скатать руками шарикъ величиною въ грецкій орѣхъ и тотчасъ опустить этотъ шарикъ въ кружку съ водою. Шарикъ этотъ немедленно опустится до дна. По мѣрѣ того, какъ хлѣбъ будетъ подниматься въ печурѣ, шарикъ въ кружкѣ будетъ подниматься, и когда весь почти поднимется на верхъ воды, это будетъ вѣрный знакъ, что хлѣбы изъ печи пора вынимать.

ХЛѢБЪ СЪ РЪНОЮ.

Многочисленные опыты показали, что рѣну можно съ большою выгодною употреблять въ подспорье зерновой муки на печеніе хлѣба. Употребляютъ ее слѣдующимъ образомъ. Рѣну сперва обмываютъ водою начисто, и потомъ сырую, вмѣстѣ съ кожей, растираютъ на теркѣ въ мелкую кашку. Этой кашки на половину, или третью долю, прибавляютъ къ ржаной или пшеничной муцѣ; замѣшиваютъ какъ обыкновенное тѣсто, даютъ выкиснуть и пекутъ, какъ и прочій хлѣбъ. Изъ 3-хъ фун. рѣны и 3-хъ фун. ржаной муки выпекается по этому способу 9 фун. хорошаго хлѣба, который долго не черствѣетъ. Вместо рѣны можно брать свежую. Хлѣбъ выходитъ питательный и вкусный.

ПЕРЕПИСКА.

Н. Н. — Вы правы, что Суббота, то какой нибудь новый талантъ; благодаримъ за замѣчаніе, которымъ мы, какъ вы видите, воспользовались. Лукьянову. Излишество матеріаловъ не позволило намъ до сихъ поръ помѣстить вашей статьи...

Мы увѣрены, что она доставитъ нашимъ читателямъ такое же удовольствіе, какое мы ощущали, читая ее.

Г-ну А. въ М. — Вы правы; есть люди, которые только тогда и дѣлаютъ добро, когда хотятъ сдѣлать зло.

***. — Онъ живетъ для жи и ложью живетъ.

И. Г. К. — У — Тога есть мантия, но не всякая мантия — Тога. Въ береткахъ ходятъ, и точно по Воскресеньямъ, только не профессоры; а профессоры ходили въ легкихъ шапочкахъ, покрывавшихъ только темя. И та и другая принадлежность докторскаго костюма употреблялись сначала даже въ классахъ; потомъ только въ торжественныхъ случаяхъ, наконецъ во многихъ мѣстахъ во все оставлены. Мундиръ юргинскихъ профессоровъ во времена Бюргера не было, а если и были, то ужъ развѣ уланскіе, военные. Нѣмецкіе студенты били за частую не только стекла, но и людей, въ особенности жидовъ, цыганъ и разную сволочь, чему вы сами знаете не мало свѣдѣній и весьхъ извѣстныхъ примѣровъ своеюіа нѣмецкихъ студентовъ. Въ Азовѣ веревки не наши, парохода не выдали а все-таки рѣшили, что это Верхотурье. И такъ вы видите, что все неправда.

Н. И. К. — Ну. Весьма просто и ясно. Мы пошутли, и обидели, зная, что будетъ напечатано. Выноваты, что обидели, это правда; но насъ не соблазнили самыя выгодныя условія, потому, что... выгодныя условія соблазняютъ только корыстолюбцевъ, ищущихъ въ литературѣ только однихъ денежныхъ выгодъ.

Г. К. Н. С. — чу. Доставленная вами статья и рисунки непременно будутъ помѣщены въ Иллюстраціи, если не воспрѣпятствуетъ что либо отъ Редаціи не зависящее. Къ стыду нашему признается, что и не слышали объ этихъ истинно патриотическихъ праздникахъ. Съ позволенія вашего мы вычеркнемъ вамъ въ некоторыхъ критиковъ. Они не стоятъ разговора въ статьѣ, гдѣ дѣло идетъ о Русскомъ истинномъ патриотствѣ. Помѣщеніе статьи можетъ замедлиться, только за трусостью гравировки мелочныхъ подробностей Иллюстраціи. — Призрите нашу признательность. Дай Богъ, чтобы Редація имѣла больше случаевъ и читать такіа статьи и помѣщать ихъ въ Иллюстраціи. Сдѣлать! Такого сдѣлать, о все прочее само придетъ при несумненныхъ стараніяхъ Редаціи.

И. А. М. — Помѣщаемъ обѣщанную Васильеву подшивку пекарни. Довольны ли вы?

М. М. Статя Гейне, о которой вы пишете, можетъ быть помѣщена въ Иллюстраціи, если объемомъ и содержаниемъ соответствуетъ принятымъ редакціей правиламъ...

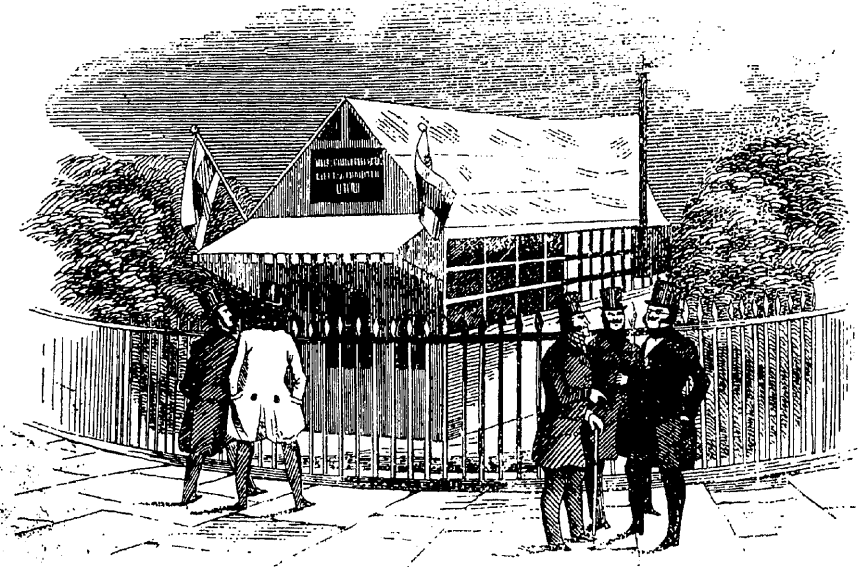
Ос—к—у. Пародіи давно вывелись изъ моды. Мы жалѣемъ объ этомъ и потому отказываемся отъ помѣщенія присланной вами антологіи въ цѣлости въ трехъ или четырехъ номерахъ. Если позволите взять нѣсколько отдѣльныхъ пѣсень, мы будемъ весьма довольны.

Въ Редацію. — «Пріятели и знакомые мои, прочитавъ въ нѣсколькихъ номерахъ Иллюстраціи отвѣты на мои письма, утверждаютъ будто я продолжаю корреспонденцію съ редакціей Иллюстраціи и что загадочные отвѣты печатаемые на имя Г. С.—ва, суть отвѣты на мои письма. Прошу покорно редакцію поминутной Газеты прекратить отвѣты свои на небывалыя мои письма, если только въ самомъ дѣлѣ подъ буквами С.— въ редакціи подразумѣвается преданнаго ей душою Свроглазова.»

Г. Свроглазову. Слушаемъ-съ!

Г. С.—ву. Предыдущее обнаруживаетъ, что вы не г. Свроглазовъ. Пересчитайте буквы, для вышеозначенной цѣли; отъ того содержаніе вашихъ писемъ не пострадаетъ. Но не оставяйте насъ вашей корреспонденціей. Бываютъ иногда такіа скучныя минуты, что ваши письма и всякая вялыня — составляютъ чтеніе забавное. Право бываютъ такіа минуты. — Конечно, это не хорошо; человекъ въ злости не долженъ бы служить предметомъ забавы; по что же дѣлать, когда бываютъ такіа минуты.

Г. Степану Ивановичу Васильеву. На 1 пунктъ. Невозможно, потому что у насъ всего два листа набору. Мы уже такъ набираемъ большую часть статей боргесомъ. До сихъ поръ помѣщалось много повѣстей. Теперь другія требованія; черезъ мѣсяцъ опять явятся новыя; какъ тутъ завести такой однообразный порядокъ, тѣмъ болѣе, что и гравюры прилагаются къ статьямъ разлагаго содержанія, а яства для нихъ по возможности, должны быть одни и тѣже. На 2 п. Подумаемъ какъ бы помочь этой бѣдѣ. Дастъ Богъ будутъ разносить и въ напкахъ. 3 п. Въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано шенное исключеніе, но для того, въ свое время благоволите прислать вамъ билетъ прямо въ редакцію. Слѣдующій за тѣмъ не номерованный пунктъ — слишкомъ лестенъ для Редаціи; въ отвѣтъ можемъ только сказать, что исполняя долгъ свой по совѣсти безъ сомнѣнія не ослабимъ въ усиліяхъ нашихъ на пользу на-

Подовжия пекарни въ Александринской Скверѣ.

данія. Порученіе ваше П. Р. Фурманну и М. О. К. исполнено. Что же касается до того — кто такой М. О. К. — незнаемъ, а сочинитель заклада подписался и прислалъ начало большаго романа, который названъ Походженіи Хавроньина или по шерсти клячка. Мы не почтили его по многимъ причинамъ; во первыхъ потому, что не смотря на перемену фамиліи, угадали автора и ждали пока догадка наша подтвердится; во вторыхъ многие жаловались на разрывчатое помѣщеніе Завлада, а мы тутъ виноваты. Почта привозила Завладъ въ такіе сроки, что повесть два раза должна была прерваться; въ третьихъ Походженіи Хавроньина хотишь иллюстрировать, а для этого требуется время.

Х. Х. Ичисленіе затруднительно. Но думаю, что разъ десять. Кто можетъ знать все то, что такъ тщательно сохраняется въ тайнѣ.

Б.....лу. Русское вамъ спасибо.

О. П. Мы васъ разумили въ эту субботу съ г. С.—вымъ, потому что отъ него одно письмо, а отъ васъ три... Не скучайте эту недѣлку въ грустной разлуцѣ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Русскій театр. Новая трагедія: Смерть Ляпунова, въ пяти актахъ, въ прозѣ, дана будетъ на Александринскомъ театрѣ, немедленно по возвращеніи изъ чужихъ краевъ В. А. Каратыгина, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ къ 15-му числу ноября.

Отложенный бенечисъ г. Самойлова назначенъ на слѣдующей недѣлѣ.

Италіанскій театр. Здоровье г. Сальви поправляется. Есть надежда, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени появится на сценѣ. Г-жа Мольтши первый разъ будетъ дебютировать въ оперѣ: I Lombardi a г. Корради — въ оперѣ: Beatrice di Tenda.

Нѣмецкій театр. Первый дебютъ г. Левенберга, ангажированнаго для ролей первыхъ любовниковъ, назначенъ на слѣдующей недѣлѣ въ среду.

Французскій театр. Г-жа Арну-Плесси, во вторникъ 23 сентября, будетъ играть, въ ком. La chaîne, въ бенечисъ актера Варле.

МОДЫ.

У насъ уже глубокая осень; но въ Парижѣ донашиваютъ лѣтнія и сочиняютъ зимнія моды; модный барезъ — бѣлый, по которому наутъ полосы зубчатый, зубцами вверхъ; корсажъ съ передо открытій, барезевые рукава доходятъ не много ниже локтя, а дайте — рукава изъ вышитой кисеи съ кружевными оборками; изъ такой же кисеи плотная манишка около шеи обшита кружевами. Шарфы, вселеные кашемировые; зонбреданъ еще не оставлены, хотя намурнадъ погода дѣлаетъ ихъ совершенно безужными. Шляпки изъ толстой италіанской соломы; общія широкія соломенныя же аграмантоны; съ боковъ туфлы медныхъ цвѣтковъ.

Домашній костюмъ хозяйки, во время обѣда замѣченъ слѣдующій: нижнее платье розовое шелковое, покрыто другимъ раздвижнымъ изъ голубой тафты; полы плуть фестонами и обшиты голубой бахромкой. Атласныя сандалии à la reine, новое изобрѣтеніе башмачнаго искусства, говорятъ, составляетъ весьма красивую обувь.

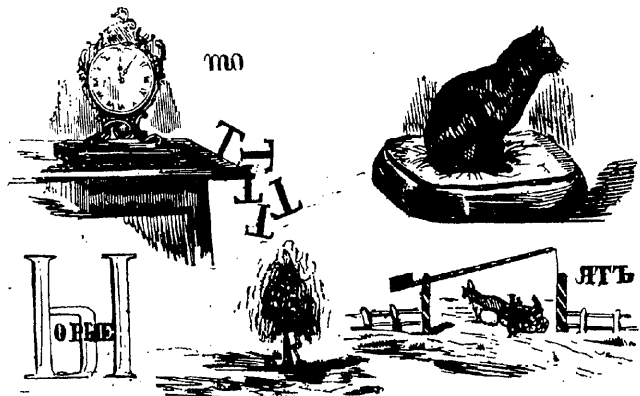
Зимнія моды заготовляемыя въ мастерскихъ знаменитой Александрины обращаютъ на себя общее вниманіе своею оригинальностью и достоинствомъ. Въ особенности хвалятъ утренніе капоты à la bignoise, по сше не дошла до насъ ни рисунки ни описаніе...

Въ Петербургѣ своихъ модъ нѣтъ. А право жаль. Нѣтъ сомнѣній, что вкусъ многихъ нашихъ дамъ могъ бы создать свои собственные законы для модъ женскихъ.

РАЗГАДКА № 27.

- 1) Крѣпость, те, дѣсь на л, за виспѣ, отъ, покотъ, лдъ, ущи, И на оборотъ.
- 2) Крѣпость тѣлесная зависитъ отъ покоя души и на оборотъ.

ЗАГАДКА № 28.

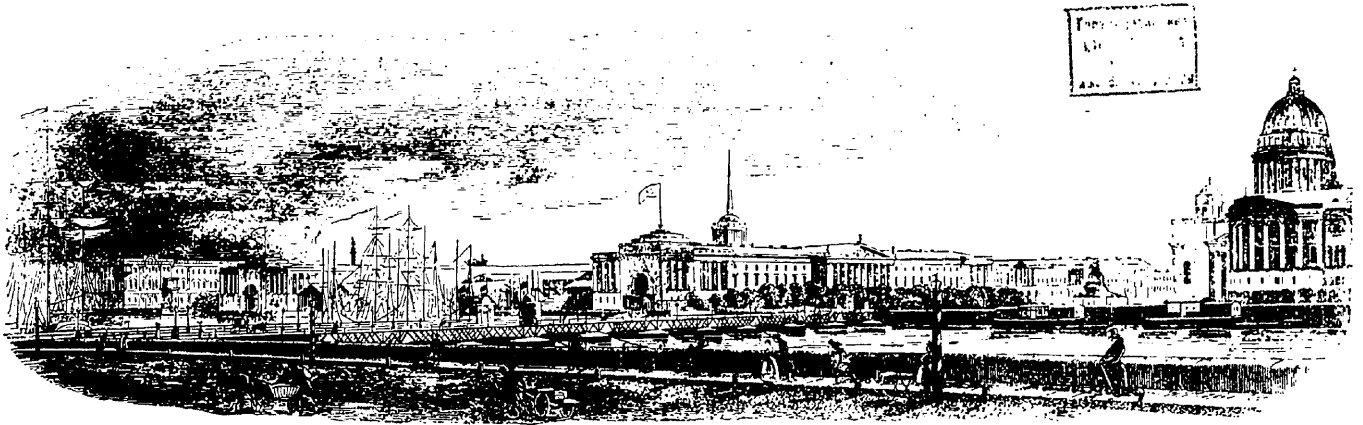

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Лупія-Бюхалникъ, указка. 2) Странствователь по чужимъ чинамъ. 3) Разсказъ, П. К. 4) Еженедѣльничекъ. 5) Анкадотъ. 6) Памятная книжка. 7) Порециска. 8) Театральныи вѣстникъ. 9) Моды.

ГРАВЮРЫ: 1) Фельмаршальская галерея въ Мюнхенѣ. 2) Четыре вида, къ повѣсти Крестакъ. 3) Вафельная. 4) Вафельная. 5) Моды. 6) Загадка.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 29. — СУББОТА, 27 Октября 1845. Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер. и пересылка : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ДВА МОРЯКА.

Рассказъ Мери.

Послѣ мирнаго трактата, заключеннаго въ 1814 году, всѣ плѣнные Французы, находившіеся на Кингстонскомъ 포인트, въ Ирландіи, были освобождены. На другой же день почти всѣ переправились черезъ каналъ св. Георгія, чтобы воротиться во Францію. Между немногими, не торшавшими удалиться изъ Ирландіи, были два мичмана, Селестень и Кеавье, спроты, которые болѣе принадлежали морю нежели землѣ, и въ воспоминаніяхъ которыхъ не сохранились ни материнскія заботы, ни родственныя связи, ни видъ сельской колокольни....

Находи, что гостепріимный и красивый Дублинъ ничѣмъ не хуже какаго-либо другаго города, они рѣшились на первый случай поселиться въ немъ. Кромѣ того, была еще другая, болѣе важная причина; побуждавшая ихъ остаться въ Дублинѣ. Селестень и Кеавье иногда занимались рѣзбой украшеній и фигуръ изъ дерева; во время своего продолжительнаго плѣна, они, для препровожденія времени, принялись вырѣзывать изъ дерева частями виды, представлявшіеся имъ съ плывущей темплицы ихъ; а должно признаться, что виды, въ самомъ дѣлѣ, прекрасны, между Кингстономъ и Дублиномъ, до Хоузъ-Хилла.

Наши моряки воображали, что они составляютъ себѣ fortuna, показывая своей маленькой музей въ Ирландіи, и въ особенности, возбуждая щедрость какаго нибудь богатаго лорда, который рѣшится купить прекрасную работу ихъ за огромную сумму. У Селестена и Кеавье не было въ тармашѣ ни одного шеллинга; но они продали бѣ своего музея за двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, а крайней-мѣрѣ тысячъ за восемьдесятъ.

Они наняли квартиру въ нижнемъ этажѣ на площадь Христовой - Церкви и прибили слѣдующую вывѣску надъ своими дверями:

Great Attention!
Зайдите посмотрѣть
Всѣ чудеса рейды и города
ДУБЛИНА!

Этого цѣна 3 шилл., этого перла морей!
1 шиллингъ за входъ.

Великобританіи обожаетъ выставку всякаго рода; она нравится людямъ, которые радостно промѣняютъ шеллингъ на какое бы то ни было развлеченіе, хотя бы оно продол-

жалось не болѣе двухъ минутъ: сборъ былъ чудесный. Въ одну неделю въ казну Селестена и Кеавье было болѣе ста фунтовъ стерлинговъ. Они воображали себѣ уже миллионерами, потому что рѣшились объѣхать всѣ города соединенныхъ королевствъ и потомъ воротиться во Францію въ великолѣпномъ экипажѣ, съ двумя лакеями на заняткахъ.

Случай или зависть разстроила въ одно мгновеніе всѣ чудныя планы ихъ.

Пожаръ истребилъ музей Селестена и Кеавье; они сами едва спаслись. Они лишились всего, даже ста фунтовъ стерлинговъ, которые были въ банковыхъ билетахъ. Въ кошелькахъ ихъ едва остались два или три соверени и нѣсколько кропъ.

— Дьявольская судьба! — кричалъ Селестень съ бѣшенствомъ; — Кеавье, видно, братъ, ужъ наша участь такова! Въ Абукирѣ насъ взяли въ плѣнъ и отослали на галеры въ Шипмутъ. Прекрасно! Мы ушли. Въ Трафагарѣ опять нанали на насъ, утопили, потомъ вытащили, опять взяли въ плѣнъ и отравили въ Кингстонъ! Еще лучше! Десять лѣтъ мы проработали на поитонахъ и въ свободные часы (ихъ было немного), съ помощью рукъ, зубовъ и прагадкаго дерева создали мастерское произведеніе. Труды наши были вознаграждены и счастье было уже въ нашихъ рукахъ, какъ вдругъ адъ пріемила насъ образчикъ своего пламени и... все погорѣло! Проклятіе!

Говоря эти слова, Селестень переходилъ черезъ Сель-Стефенскій мостъ; вину шумѣла рѣка Ливей... Морякъ бросилъ мрачный взглядъ сперва на желтую воду, потомъ на Кеавье.

— Понимаю! отвѣчалъ Кеавье; ламъ суждено погибнуть въ рѣбелой водѣ. Обнимемъ и да будетъ тако!

Они обнялись, крѣпко скрестили руки на груди, какъ бы для того, чтобы лишить себя возможности плавать, вскочили на паранетъ и бросились въ рѣку.

Шумъ паденія ихъ разбудилъ терьерскихъ собакъ, приставленныхъ къ берегу, для спасенія утопающихъ. Лордъ О-Каллингемъ, знаменитый ирландскій филантропъ, былъ учредителемъ этой охранной цѣпи собакъ-спасителей, которая въ тотъ самый день только что вступала въ новую должность. Ловкія животныя шмырнули почти въ одно время съ мичманами, и ухватились за полы сюртуковъ ихъ; но такъ какъ намѣреніе моряковъ было слишкомъ твердо, то они съ всѣрлятою энергіею ста-

ли бороться съ своими спасителями. Борьба продолжалась не долго, и бѣдныя собаки, выбиравшіе изъ силъ и проглотивъ порядочное количество грязной воды, готовы были уже пойти ко дну, когда Селестень и Кеавье, сжалившись надъ великодушными животными, поддержали ихъ и доплывъ съ ними до берегу, спасли собакъ отъ неизбежной смерти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они неволью спаслись и сами.

Свидѣтели этой сцены въ восторгѣ смотрѣли на собакъ и съ состраданіемъ на моряковъ. Шерифъ Эдмондъ Зеккеръ, семидесятилѣтній старикъ, произнесъ рѣчь молодымъ иностранцамъ, чудеснымъ образомъ спасеннымъ отъ смерти.

Селестень и Кеавье умерли и такъ сказать, воскресли къ новой жизни. Эти два лазаря Французскаго флота приобрѣли въ Дублинѣ, особенно же простымъ народомъ, справедливую извѣстность, по причинѣ неудавшагося самоубійства, случившаго доказательствомъ рѣзкаго мужества и энергической организации. Эта извѣстность была, однако жъ, довольно безполезна для нихъ: она не воротила имъ ни сгорѣлаго музея, ни прежнихъ мечтаній. Шерифъ сказалъ имъ:

— Трудитесь, дѣти мои; трудами приобрѣтите насушенный хлѣбъ и вы будете еще счастливы.

Шерифъ говорилъ правду; но непродолжительное благосостояніе молодыхъ моряковъ отлучило ихъ отъ труда. Они страдали и трудились съ десятилѣтняго возраста; они лишились на поитонѣ привычки къ дѣятельности; мастерское произведеніе, которымъ они столько гордились, но мелочности своей, отпало послѣднюю энергію у ихъ мускуловъ. Наконецъ, перейдя отъ предположеній къ утѣренности, они убѣдили другъ-друга, что пожаръ, разорившій ихъ, не былъ слѣдствіемъ простаго случая, но преступленіе, обдуманное завистью и несправедливо къ Французамъ, такъ что каждый проходившій казался имъ прагомъ-зажигателемъ.

Эти несчастные, случайно спасенные отъ добровольной смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившие чрезвычайное презрѣніе къ ядлу, придумали дескій планъ для наказанія Дублина, жителей котораго они приписывали всѣмъ несчастіямъ.

— Послушай, Кеавье, сказалъ Селестень; когда я былъ еще ребенкомъ, мнѣ рассказывали исторію г. Ру, Марсельскаго негодяи-та. Его обидѣли Англичане, также какъ и

кась. Ру был так богат, что давал деньги взаимно самому Людовику XVI; он не знает счета своим сокровищам; чтобы определить число их, он более четверти часа должен был бы ставить нули за единицей. У него было флотъ изъ двадцати военныхъ кораблей. Видя, что Людовикъ XVI остался спокойнъ и не оскорбился тѣмъ, что обидѣли такую важную особу, Ру самъ рѣшился объявить войну Великобританіи. Письмо, въ которомъ онъ объявлялъ о началѣ враждебныхъ дѣйствій, начиналось слѣдующими словами: Я, Ру I-й, Георгу III. И что ты думаешь? Ру надѣлалъ много неприятностейъ Англичанамъ, такъ что Пенсаевскій король и Людовикъ XVI должны были вступить въ это дѣло и только тогда Ру согласился на миръ.

— Мнѣ самому рассказывали эту исторію, сказала Кеавье; но къ чему она ведетъ?

— Ты не понимаешь, другъ?

— Не понимаю, товарищъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: мы послѣднимъ примѣру нашего соотечественника, и... объявимъ войну Дублину...

— Объявимъ, пожалуй.

— Мы имѣемъ ту выгоду передъ нашимъ предшественникомъ, что сидимъ въ самомъ сердцѣ нашего врага.

— Въ животъ его.

И если неприятель откажется платить контрибуцію, взорвемъ его!

— Взорвемъ.

— Такъ ли, дружище?

— Совершенно такъ.

— И завтра же начинаемъ дѣйствовать.

— Дѣло; теперь объясни мнѣ все подробно.

— Наволь; употребишь послѣдніе наши деньги на то, чтобы по мелочамъ купить цѣлую бочку пороха; квартиры переменить не надо; лучше этой нельзя и желать; мы въ самомъ центрѣ лучшей части города, между почтамтомъ и прекрасной мануфактурой Ричарда Шваба; въ будущую ночь мы приедемъ на вѣхъ углахъ Дублина воззвание къ жителямъ, слѣдующаго содержания:

«Два Французскіе мичмана объявляютъ войну городу Дублину:

«Они живутъ въ Саквилъ-Стритѣ, подъ № 27, между почтамтомъ и мануфактурой Ричарда Шваба.

«Въ квартирѣ ихъ находится бочка съ двумястами фунтовъ пороха, который будетъ «подожженъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

«1 Если полиція приметъ малѣйшую мѣру, чтобы войти къ нимъ.

«2 Если схватятъ одного изъ моряковъ, «потому что пока одинъ будетъ спокойно прогуливаться по Дублину, другой будетъ «стоять съ фитилемъ надъ бочкой.

«3 Если не доставятъ морякамъ всего, что имъ нужно какъ для жизни, такъ и для развлечения ихъ.

«4 Если съѣди станутъ удаляться и тѣмъ «подадутъ поводъ думать, что моряковъ хотятъ заморить голодомъ.

«5 Моряки честию вклинуютъ вести себя «чисто и благопристойно днемъ и ночью, если «жители Дублина будутъ вступать съ ними «схорошо.

«6 Одинъ изъ моряковъ будетъ ежедневно «прогуливаться по Дублину отъ двѣнадцати «до пяти часовъ; покоришься просить гражданъ бережь его, потому что если съ нимъ «что либо случится, и если онъ въ половинѣ шестаго не будетъ дома, то товарищъ его «сожжетъ фитиль въ порохъ.

«Подписали: Селестенъ и Кеавье.

Принявъ всѣ мѣры, Кеавье вышелъ вечеромъ съ сотней этихъ объявленій и развѣсилъ ихъ по всѣмъ угламъ. Утромъ же шерифъ получилъ отъ друзей письмо, въ которомъ они просили его немедленно явиться къ нимъ, потому что дѣло шло о спасеніи Дублина. Было еще очень рано, а потому шерифъ не зналъ еще ничего о прокламаціи; но зналъ, что эти отчаянные моряки готовы на все, онъ забылъ свой санъ и поспѣшилъ къ нимъ. Его приняли очень вѣжливо. Селестенъ подалъ ему стулъ и сказалъ:

— Почтеннѣйшій господа шерифъ, потрудитесь прочесть эту прокламацію, кони съ которой прибыли ко вѣхъ угламъ въ Дублинѣ.

Шерифъ посмотрѣлъ на Селестена, взялъ прокламацію, надѣлъ очки и при каждомъ пунктѣ съ изумленіемъ и страхомъ припрыгивалъ на стулѣ.

— Почтенный господинъ шерифъ, теперь вамъ извѣстно въ чемъ дѣло; извольте жъ посмотреть нашу артиллерію... вы видите, это маленькій карманный вулканъ... не бойтесь... а въ особенности не кричите: потому что при малѣйшемъ крикѣ, почтенный господинъ шерифъ, мы съ вами взлетимъ на воздухъ. Видите ли, Кеавье ужъ приближаетъ фитиль къ бочкѣ... Какъ разъ искра попадетъ...

Старый шерифъ въ безвольномъ ужасѣ смотрѣлъ на черное отверстіе бочки.

Селестенъ взялъ горсточку пороха и показывая его шерифу, сказалъ:

— Посмотрите-ка, отличнѣйшій порохъ, первый сортъ... Возьмите, пожалуй, эту горсточку съ собою; пусть ваши ханжи разберутъ; они скажутъ вамъ, что это не горчичное сѣмя. Теперь вы можете удалиться, почтенный господинъ шерифъ, если вамъ угодно.

Старикъ всталъ и принужденно улыбаясь, удалился.

Нѣсколько часовъ спустя, прокламація произвела ожидаемое дѣйствіе. Толпы народа съ безпокойствомъ разговаривали. Констентинъ всталъ и впередъ прогуливался по Саквилъ-Стриту, съ ужасомъ поглядывая на домъ подъ № 27. Старый шерифъ, держась какъ можно далѣе отъ дому, умолялъ жителей быть осторожными.

Въ полдень Селестенъ смѣло вышелъ на улицу и, выйдя на середину ея, обернулся и ласково раскланялся съ Кеавье, поспѣвшемуся у окна, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ.

Потомъ Селестенъ пошелъ прямо къ шерифу и сказалъ ему:

— Надѣюсь, почтенный господинъ шерифъ, что все будетъ исполнено какъ слѣдуетъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ шерифъ, почтамтскій дѣла пріостановились; въ Саквилъ-Стритѣ кушчи не хотятъ открывать своихъ магазиновъ; всѣ въ страшномъ безпокойствѣ.

— О, Боже мой! да о чемъ тутъ безпокоиться? Наши намѣренія чисты. Тогда надобно было безпокоиться, когда рука преступника подожгла нашъ музей. Пусть Дублинъ исполняетъ долгъ свой—мы никого не обидимъ. Я иду заказывать себѣ завтракъ въ лучшей гостиницѣ всего города. Не забудьте, господинъ шерифъ, что при малѣйшей боли въ желудкѣ мы опустимъ фитиль въ порохъ и тогда, помниайте какъ звали Саквилъскую улицу... вы видите, что мы приняли мѣры даже противъ отравленія.

— Не бойтесь...

— Боятся! Экой вздоръ!.. Что вы намѣняете надъ мной, что-ли? Не намъ бояться, а Дублину.

— Почтенный господинъ Селестенъ, началъ шерифъ ласковымъ, убѣдительнымъ

голосомъ, откажитесь отъ ужаснаго намѣренія, и...

— Шерифъ, больше ни слова, или я махну рукой и мы всѣ полетимъ за облака.—Потомъ, обратившись къ окружающимъ, Селестенъ сказалъ имъ:—Господа, приказываю вамъ разступиться; мнѣ нуженъ просторъ... Я хочу быть одинъ.

Въ одно мгновеніе Шерифъ и всѣ любопытные исчезли.

Селестенъ гордо поднялъ голову, увидѣвъ, какое могущество имѣли его слова; величественно направилъ оныя на къ Гримшевской гостиницѣ, лучшей въ цѣломъ Дублинѣ, и приказалъ приготовить себѣ завтракъ.

Всѣ слуги стали поспѣшно исполнять его приказанія; передъ Селестеномъ поставили тридцать разныхъ блюдъ, и множество бутылокъ разнаго вина. Утоливъ голодъ и жажду, Селестенъ уложилъ въ корзину кушанья, къ которымъ онъ не прикасался, нѣсколько бутылокъ вина и, позвавъ хозяина, сказалъ ему:

— Это я снесу брату моему, Кеавье; а все то, что осталось отъ моего завтрака, прошу васъ раздать ширинѣ, глядѣвшимъ въ окна, во все время, когда я вѣхъ.

Хозяинъ низко поклонился бочкѣ съ порохомъ, которую въ эту минуту олицетворялъ французскій мичманъ.

Селестенъ пошелъ домой; у двери въ волкашескую комнату онъ сдѣлалъ условленный знакъ, Кеавье поднесъ фитиль къ пороху... но Селестенъ вошелъ очень спокойно, накрывъ затворилъ за собою дверь и уложилъ провизию на столѣ.

— Дѣла наши идутъ какъ нельзя лучше, сказалъ онъ, садясь; Дублинъ сдается. А какъ я позавтракалъ у Гримша! чудо!.. Какой столъ, какія вина!.. Я приказалъ приготовить обѣдъ къ семи часамъ...

— Ну, а шерифъ что? спросилъ Кеавье съ полнымъ ртомъ.

— Струсилъ; онъ знаетъ насъ; всѣ Дублинъ насъ знаетъ, Кеавье; мы шутимъ не любимо. Жители стараются придумать какуюнибудь штуку, чтобы перехитрить насъ, да не тутъ-то было! Возвращаясь домой, я встрѣтилъ одного господина, который сказалъ мнѣ очень вѣжливо:—«Ради Бога, мичманъ, не забудьте вернуться домой въ пять часовъ.»—А вамъ какое дѣло? спросилъ я.—«Я Ричардъ Швабъ, вашъ соседъ.»—А, понимаю! будьте спокойны, я не забуду... лишь бы Дублинъ не забился... Г. Ричардъ Швабъ поклонился, что Дублинъ не забудется.

— Еще бы! вскричалъ Кеавье; если Дублинъ надобетъ намъ, такъ мы отправимъ его за облака.

— Разумѣется. Я въ восторгѣ отъ будущности, представляющей намъ.. Во-первыхъ, я завтра же посватаюся на дочери Шваба.

— Какъ можно, Селестенъ!

— И за одно жено и тебя... на дочери Гримша; она маленько рыжевата, да это не бѣда!.. лично у нея хорошее, да кроме того, двѣнадцать тысячъ фунтовъ приданого!..

— Да на кой чортъ намъ приданое? Вѣдь мы заключили себя здѣсь на всю жизнь.

— Экой вздоръ! Будущее еще впереди... сперва женимся, а тамъ увидимъ.

— Но если намъ откажутъ?

— А порохъ на что?.. Разомъ, взлетимъ на воздухъ!.. и кончено дѣло. Завтра же я велю убрать первому Дублинскому обойщику двѣ брачныя компаны. Потомъ зададимъ великолѣпный пиръ!

— Гдѣ?

— Разумѣется, у Гримша; у него славно убраны комнаты. Ты женишься первый, а потомъ я; одинъ изъ насъ вѣрнѣе всего дожидеть оставшейся у волкашъ. Мы пригласимъ на наши свадьбы всю Дублинскую знать; будемъ плясать до другаго дня, потратимъ на каждый балъ по соту тысячъ франковъ...

— А кто заплатитъ?
 — Кто! разумеется, Швабъ и Гримешъ!
 — Справедливо; по чѣмъ же это кончится?
 — Не знаю; можетъ быть, коща и не будетъ, да и не нужно. Кромѣ того, я имѣю еще памфлеты, чтобы меня произвели въ Дублинскіе меры, а тебя Ирландскимъ префектомъ. Но прежде нежели мы предадимся честолюбивымъ видамъ, займемся болѣе положительными вещами; жепишемъ: когда будутъ у насъ дети, тогда подумаемъ и о прочемъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ необыкновеннымъ шумомъ. Селестень вышелъ на улицу и встрѣтилъ собѣда Ричарда.

— Что это за шумъ? спросилъ Селестень.

— Это проходитъ военная музыка, вѣжливо отвѣчалъ Ричардъ.

— А куда она идетъ, эта шумная музыка?

— Въ Тоунъ-Халль.

— А зачѣмъ она идетъ въ Тоунъ-Халль, эта дикая музыка?

— Аккомпанировать хоръ пѣвчихъ, которые будутъ пѣть God save the King.

— Мистеръ Ричардъ, ступайте скажите вашей музыкѣ, что я желаю развлечься, и чтобы она явилась сюда, подъ наши окна.

— Капитанъ, возразилъ Ричардъ, я постараюсь устроить это дѣло...

— Какъ! вы колеблетесь?

— Нѣтъ, пѣтъ! Я сейчасъ уведомяю шерифа. Мы приведемъ къ вамъ музыку.

Селестень воротился къ Ксавье и разказалъ ему о заказанномъ концертѣ, потомъ отворилъ окно и сталъ звать во все стороны въ ожиданіи музыки.

За часъ до солнечнаго заката, въ концѣ улицы явился мистеръ Ричардъ, сопровождаемый толпой музыкантовъ, которые выстроились вѣкорѣ въ три ряда передъ окнами моряковъ. Въбѣзо увертюры сыгравъ симфонію; каждый музыкантъ, по обыкновенію, игралъ свою любимую арію съ благородною независимостью, характеризующею англійскихъ артистовъ.

По окончаніи концерта, Селестень поблагодарилъ музыкантовъ и великодушнo приказалъ Гримешу угостить эту армію.

Гримешъ поклонился, сдѣлавъ плачевную гримасу.

Въ девять часовъ вечера было очень темно и Селестень не могъ воспротивиться желанію выйти прогуляться निकогито, чтобы подслушать, что объ немъ говорилъ народъ. И въ самомъ дѣлѣ, только и разговоровъ было что о двухъ французскихъ мичманахъ, осадившихъ Дублинъ.

— Это ужасно! говорили одни; за что двое или трое, будутъ платить за весь городъ? Знаете ли, что концертъ стоялъ Гримешу до двухъ сотъ фунтовъ стерлинговъ?

— Если это продолжится еще нѣсколько дней, то Гримешъ и Швабъ совершенно раззорятся.

— Это неизбежно!

— Да что же дѣлать?

— Выслать войско противъ нихъ.

— Самое несправедливое то, что въ пользу ихъ образовывается въ Дублинѣ партія.

— Будто-бы!

— Да, все бѣдныя въ пользу ихъ; и музыканты, угостенные до дьяна Гримешемъ, кричатъ сегодня: Houra for Celestin!

Селестень подслушивалъ эти разговоры, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то прикоснулся къ его плечу. Онъ оглянулся и увидалъ Ричарда.

— Капитанъ, ради Бога, вернитесь домой, говоритъ фабрикантъ; вашъ другъ неравно чувствуетъ фитиль въ порохъ...

— Не беспокойтесь, онъ будетъ ждать меня до полуночи... Кстати, мистеръ Ричардъ, неужели переговоры съ вами... хочу просить у васъ дружескаго совѣта.

— Очень радъ, очень радъ, капитанъ, раскажите мнѣ.

— Пойдемте домой; дорогой я вамъ все разскажу; знаете ли, мистеръ Ричардъ, я хочу жениться.

— Что же... капитанъ... Это хорошее дѣло...

— Надоело мнѣ вести холостую жизнь...

— И прекрасно! Можетъ быть, у васъ въ сердцѣ есть какая нибудь старая зазнобушка?

— Было ихъ много! да что, это все дрянно!

Пышце мы вѣтнимъ въ богатыхъ наследницъ. Въ Дублинѣ есть славныя дѣвушки; нашъ выборъ сдѣланъ.

— А! проговорилъ Ричардъ едва слышнымъ голосомъ; вы ужь... то есть... сдѣлали... выборъ?

— Два выбора. Какъ вы думаете, согласятся ли отцы?

— Отчего же пѣтъ? возразилъ Ричардъ дрожащимъ голосомъ. — Вѣдь вы отличные и предостойные молодые люди.

— Разумеется.

Мистеръ Ричардъ задумался и послѣ довольно продолжительнаго молчанія, сказалъ Селестену:

— Послушайте, капитанъ, вы просили у меня совѣта... позвольте ли говорить съ вами откровенно?

— Говорите, собѣдъ.

— Жизнь, которую вы теперь ведете, скоро падаетъ вамъ, повѣрьте мнѣ; вы требуете вознагражденія; позвольте, мы согласны. Общество застрахованія, Гримешъ, почтамы и я, готовы обогатить васъ; мы вручимъ вамъ двѣсти тысячъ франковъ, и дадимъ проводниковъ и средства воротиться во Францію.

Селестень пристально взглянулъ на Ричарда.

— Собѣдъ, сказалъ онъ ему послѣ краткаго молчанія, когда эти деньги будутъ у насъ въ карманѣ, и когда мы, какъ олухи, загасимъ фитиль, тогда вы насъ повѣсите.

— О! вскричалъ Ричардъ, не бойтесь; мы все въ присутствіи шерифа, поклоняемся надъ Евангелиемъ, что не причинимъ вамъ ни малѣйшаго зла...

— Надо подумать, собѣдъ... Дѣло довольно шекотливое... Послушайте, у меня своя идея... дайте 200 тысячъ франковъ моему другу, Ксавье; онъ уѣдетъ, а я зѣбѣ буду ждать, пока не получу отъ него письма, что онъ благополучно прибылъ во Францію... Такимъ образомъ хоть одинъ изъ насъ будетъ счастливъ и только одинъ будетъ повѣшенъ.

— Ни одинъ не будетъ...

— Согласны ли вы на мое предложеніе, собѣдъ?

— Вполнѣ.

— Ну, такъ и я принимаю ваше предложеніе. Займитесь сейчасъ же этимъ дѣломъ.

— Къ утру все будетъ готово; жду васъ у Гримеша.

— Прошайте, собѣдъ.

— Спокойной ночи, капитанъ; будьте, пожалуйста, поосторожнѣе съ огнемъ.

Селестень вскорѣ обнялъ друга, разказавъ ему все дѣло и они, обнявшись, принялись плясать вокругъ бочки съ порохомъ.

На зѣрѣ Ричардъ, Гримешъ, шерифъ, множество чиновныхъ особъ, Библия и 200 тысячъ франковъ былъ у дома, въ которомъ жили моряки. Ксавье сомелъ выплзъ, принявъ кълятву, деньги, и уѣхалъ въ Кингстонъ, въ дорожной колескѣ г. Ричарда.

Селестень, съ зажженнымъ фитилемъ, не ожидая отъ себя удара.

Прябывъ въ Кале, Ксавье написалъ къ своему другу письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что нестерпиво ждетъ его. Селестень смѣло вышелъ на улицу, съ письмомъ Ксавье въ рукахъ и съ погашеннымъ фитилемъ. Народъ слѣдовалъ за нимъ, громогласно восклицая: Houra for Celestin!

Теперь Селестень и Ксавье живутъ въ самой плодородной части департамента Устья-Роны; они члены общества земледѣлія и пер-

вые агрономы на югѣ. Селестень изобрѣлъ съальную машину, за которую на послѣдней выставкѣ получилъ медаль.

П. Ф.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССИИ.

НОВГОРОДЪ. СТАРАЯ РУССА.

*)... Мы остановились у Петербургской заставы. Отсюда прямая улица ведетъ чрезъ продолговатую площадь — къ Кремлю. Завѣсъ, у подошвы красныхъ вѣковыхъ стѣнъ его, зеленеетъ молодой садъ, гдѣ извилистыя дорожки смѣло спускаются въ глубину рва, облегчающаго крѣпость съ трехъ сторонъ; съ четвертой (восточной) омывается она Волховомъ. Въ древности Кремль назывался Дѣгнинемъ: ибо, при нападѣнхъ неспирителескихъ, пряталъ сюда Новгородцы дѣтей своихъ. Онъ построень при Ярославѣ I мѣ и, судя по изображенію Новгорода въ 12-мъ столѣтіи, паходилъсемя въ одной изъ церквей его (Знаменской), подъ образомъ Знаменія Богородицы древняго Греческаго письма, былъ совершенно другаго вида и развѣра, нежели теперь. Крѣпкія стѣны его только снаружи были обложены кирпичемъ, но внутри безъ всякаго разбора напоялиась шибелью, илитою и булыжникомъ, залитыми известкою, по этому несудивительно, что онъ нѣсколько разъ починивался и совершенно перестраивался; въ 1490-мъ году, по повелѣнію Іоанна Грознаго, вновь выстроены итальянскимъ архитекторомъ Аристотелемъ (Болонскимъ): наконечъ были исправлены при Императорахъ Истрѣ Великомъ и Александрѣ I-мъ.

Напѣшнн Кремль имѣетъ видъ неуравновѣннаго многоугольника и состоитъ изъ зубчатыхъ стѣнъ вышиною въ 4-ре, шириною въ 1½ сажени и 9-ти башенъ, изъ коихъ одна наугольная, юговосточная, съ часовнею и колодезѣмъ. Она извѣстна подъ именемъ Павловской башни; близъ нея устроена галлерей, гдѣ хранится лодка, на которой Императрица Екатерина Великая, при достопамятнмъ путешествіи своемъ по Волгѣ, въ 1785-мъ году, дозволила прибыть изъ С. Петербурга въ Новгородъ. Другая башня, Покровская, югозападная, съ церковью. По преданію, на верху этой башни было илкогогда гнѣздо какой-то огромнѣйшей птицы, похощавшей на улицахъ дѣтей, коими она кормила своихъ итенцовъ; одинъ изъ смѣльчаковъ взлезъ на ту башню и шестомъ убилъ птицу и разорилъ гнѣздо, а шестъ оставилъ на башнѣ на память. Входящъ въ Кремль служатъ двѣ широкія арки, построены въ профессоромъ архитекторомъ Медлинковымъ: одна, въ западной стѣнѣ, со стороны сада; другая въ восточной, со стороны Волхова.

*) Изъ Путевыхъ Записокъ.

Внутри крѣпости главный предметъ, обращающій на себя внимание — Софійскій соборъ, освещенный въ 1051-мъ году. Онъ возвышается въ северной ея половинѣ и украшенъ 6-ю главами, изъ коихъ 5 почиены надъ самымъ храмомъ; средняя изъ нихъ ярко вызолочена; прочіе же обиты блѣдною жемчужною. Толстая стѣна его сдѣлана изъ кирпича и плинты, а для прочности подперта съ южной и северной сторонъ 5-ю контрфорсами. Внутри, стѣны собора расписаны старинною живописью. Главнымъ куполомъ замѣчательнѣе по находящемуся въ немъ изображенію Господа Бодержителя съ сжатою десницею. Преданіе говоритъ, что живописецъ три раза принимался изображать Спасителя съ десницею благословляющею, но гласъ повелѣлъ вмѣсто ея написать сжатою, вѣдая, что въ неѣ заключены судьбы Новгорода.

Къ западу отъ Софійскаго собора расположено архіерейскіе дома. Подъ этимъ названіемъ разумѣются древнія и новыя строенія съ принадлежащими къ нимъ садами, занимающія западный уголъ Крѣмли. Древній запѣна Пресвященныя заключаются внутри двора и называются по именамъ ихъ строителей. Иоанновскія палаты, поставлены архіерейскою Иоанномъ, въ 1534-мъ году; здѣсь въ одно изъ покоевъ существуетъ еще въ стѣнѣ заговоръ, въ коемъ сдѣла есть мѣсто стоять одному человеку на коленяхъ, и кута Св. Иоанна удивился для молитвы; а въ другомъ, въ стѣнѣ владимірѣ вѣнчикъ мѣдный руколонникъ, прославившій чудотворныя преданіемъ о путешествіи Иоанна во Иерусалимъ, изображенныя тутъ же на стѣнѣ, вмѣстѣ съ другими слѣдующимъ чудотворъ: когда Новгородцы, повѣря клеветѣ на некоего добродѣтельнаго мужа сего, пустили его на плоту внизъ по Волхову, то плотъ, къ общему изумленію, пошелъ противъ теченія, и Святитель, вѣдая расказанію народа, удалаго его о возвращеніи въ городъ, присталъ къ берегу у Юрьевскаго монастыря. Рядомъ съ этимъ покоемъ устроена, въ 1822-мъ году, изъ залы церковь во имя Св. Иоанна, архіепископа Новгородскаго.

Южная половина Крѣмли занята огромнымъ зданіемъ Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, предъ которыми на обширномъ площади воздвигнуты нынѣ памятники Новгородскому ополченію, и находящемуся въ достопамятнѣйшій для Россіи 1812-й годъ. Онъ сдѣланъ по рисунку Брюлова и представляетъ пирамидальную четырехгранную изъ чугуна колонну, вышиною въ 5-ть саж.; на ней со всѣхъ сторонъ изображено знамя ополченія въ лавровомъ вѣнкѣ, а на вершинѣ ея дуглавыи орелъ, увѣнчанный Императорскою короною, опирается на лавровый вѣнокъ. Недалеко украшенъ надписями и барельефами, составленными изъ воинскихъ доспѣховъ, шлемовъ и мечей.

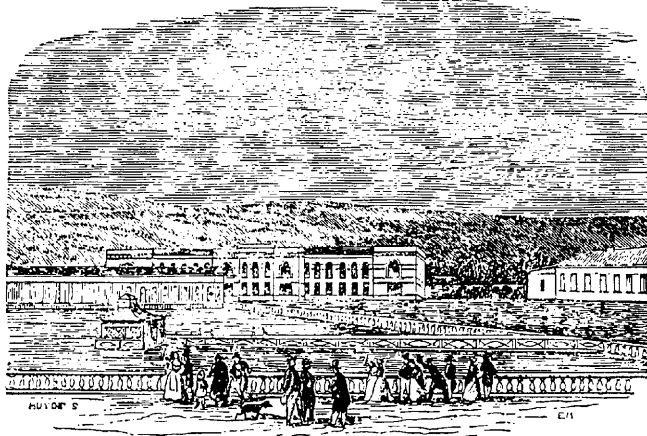
Лишь только выйдете изъ Крѣмли, у ногъ вашихъ разстелается величественный Волховъ, покрытый барками и лодками. Не разъ онъ устремлялъ Новгородъ наводненіями. Одно изъ сихъ бѣдствій, бывшее въ 1421-мъ году, въ особенности замѣчательно: отъ напора воды большая часть города была затоплена и продолженіи истребленія дѣтей; по уличамъ владѣн въ лодкахъ, жители укрывались на крышахъ домовъ, дождь лилъ безпрестанно; наконецъ 6-го мая, когда

затопленіе все еще увеличивалось, настала ужасная гроза, множество церквей и домовъ обрушилось, народъ уже отчаявался и архіерейскою Симеономъ, стоя на колѣняхъ въ Софійскомъ храмѣ, просилъ пошадѣ Новгороду. — Волховъ издревле раздѣляетъ городъ на двѣ стороны: Софійскую, лежащую на лѣвомъ берегу рѣки, и Торговую — на правомъ.

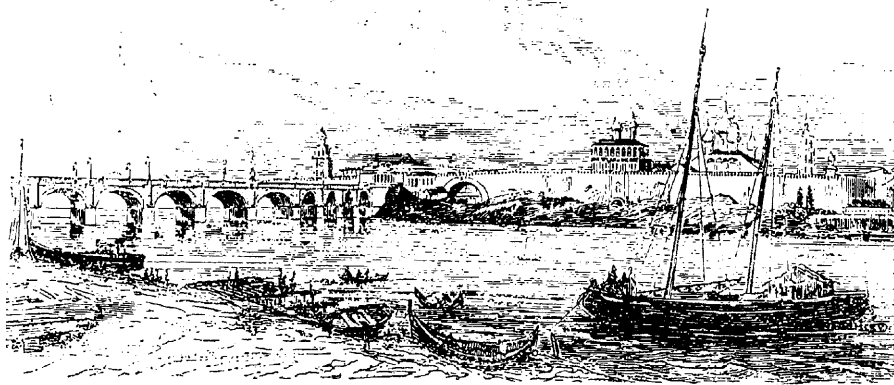
Еще въ самой глубокой древности существовалъ на Волховѣ мостъ. О времени первоначальнаго его построенія не вѣдомо. Но возобновленіи же, именно около 1155-го года, онъ былъ устроенъ на деревянныхъ рѣзкахъ, нагруженныхъ камнями, и, составили противъ теченія дугу, простиравшуюся чрезъ поперечную отмель рѣки, вѣвъ къ южной части Славянскаго конца

когда при страшныхъ раскатахъ грома и блестящѣ молній, народъ продолжалъ еще возобновлять, Архіерейскою Симеономъ, для примиренія разъяренныхъ гражданъ, стремившихся отъ Вѣны и отъ Св. Софій друга противъ друга, явился среди моста и, животворнымъ крестомъ благословляя обѣ враждебныя стороны, привелъ ихъ благодушно въ такое умиленіе, что враги растащили дружными. Слѣды моста видны нынѣ на днѣ рѣки близъ праваго берега, гдѣ осенью ставятся обыкновенно вежа для безопаснаго хода барокъ. Первыю отъ пожаровъ, наводненій и лавина носимаго съ озера бурюю, онъ подвергался разрушенію, такъ напримѣръ, въ 1267-й году, когда отъ бывшаго въ городѣ пожара сгорѣло такое множество на Волховѣ лодокъ, что по выраженію летописца, огонь холмил по водѣ. Наконецъ, за вѣхностію, этотъ мостъ былъ замѣненъ другимъ, построеннымъ въ 1545-мъ году, ниже прежняго мѣста, который по вѣрѣ народной, охранялъ мостъ отъ бурь непокойнаго Волхова. Преданіе говоритъ, что во времена язычества, возвышался надъ Волховомъ идолъ Перуна и когда Новгородцы, по принятіи Христіанской вѣры, низвергнули его въ Волховъ, то онъ поплылъ вверхъ по рѣкѣ и, бросивъ на Великій мостъ палицу, сказалъ Новгородцамъ: «храните ее люди, въ память о мнѣ.» Съ тѣхъ поръ Новгородцы съ этого дня въ этотъ день дрались на мосту палицами въ честь Перуна. Предъ часовнею архіерейскою Пиментъ съ чудотворными иконами встрѣчалъ Грознаго, во дни гнѣва его противъ Новгорода, и когда для встрѣчи Царя, однажды внезапно ударили въ Крѣмлевскій колоколъ — испуганный конь упалъ подъ Иоанномъ. Царь велѣлъ отрубить колоколу уши. Съ этого же моста, въ тѣ дни гнѣва, въ продолженіи эти петь, бросали народъ пѣлыми семенами въ Волховъ и войны, развѣзанъ по рѣкѣ на лодкахъ, колоды и били величавшихъ.

Нынѣшній Волховскій мостъ находится прямо противъ входа въ Крѣмль и составляетъ съ Знаменскою улицей Торговую сторону прямую линію. Теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что вода зимою не замерзаетъ. Сооруженіе на быстромъ и глубокомъ мѣстѣ рѣки, каменныхъ устоевъ трехъ бывшаго новаго способа построенія; именно посредствомъ названныхъ ямничковъ, которые опускаются тяжестью каменной въ шнуръ клочки на свая, горизонтально сплеленыя. Торговая сторона также замѣчательна историческими воспоминаніями. На площади передъ дворцомъ, или «на Ярославѣ Дворѣ», было Новгородское Вече, куда, во дни своихъ посадниковъ, Тисяцкихъ и Софійскихъ, собирався «Господинъ Государь Новгородскій», по гласу вечаго колокола: здѣсь избирали онъ Посадниковъ для управленія городомъ, Тисяцкихъ и Софійскихъ, для предводительствованія войскамъ, даже Архіерейскими; объявлялъ войну, заключалъ мирныя и торговые договоры, низвергалъ нечестивыхъ сажениковъ и избиралълюбыхъ; производилъ судъ и расправу и не разъ давалъ повелѣнія санову Искоскоу вѣчу, назначалъ Искосу своихъ Посадниковъ, посылалъ туда, для расправы надъ вѣрными, своихъ повѣренныхъ и требовалъ къ отбытію и суду Искоскоу вѣрныя, давалъ слово, по ста-

Лечебное заведеніе въ Старой Руссѣ.

Мостъ чрезъ Волховъ въ Новгородѣ.

Торговой стороны на Софійскую къ Троицкой церкви ильиной Троицкой ляской слободы, чрезъ Волховъ, поемный дугъ и протокъ Мясническаго озера, въ лѣвѣйшій конецъ, сквозъ подъясныя дубовыя ворота Павловской башни; чрезъ которую тогда былъ единственныиъ входъ въ крѣпость. Этотъ мостъ назывался Великимъ. Здѣсь происходили иногда умилительныя аршіща, такъ напримѣръ, при ввеленіи Христіанства въ Новгородѣ, въ струяхъ Волховскихъ выше моста были крещены мужичи, а ниже его — женщины; но чаще этотъ мостъ представлялъ кровавыя картины: здѣсь страшными битвами разшлася ненависть одной стороны къ другой, Софійской и Торговой, сорившихся нерыско за маловажныя причины, и жертвы народной вражды низвергались съ моста въ Волховъ. Въ одну изъ такихъ смутъ 1418-го года),

также замѣчательна историческими воспоминаніями. На площади передъ дворцомъ, или «на Ярославѣ Дворѣ», было Новгородское Вече, куда, во дни своихъ посадниковъ, Тисяцкихъ и Софійскихъ, собирався «Господинъ Государь Новгородскій», по гласу вечаго колокола: здѣсь избирали онъ Посадниковъ для управленія городомъ, Тисяцкихъ и Софійскихъ, для предводительствованія войскамъ, даже Архіерейскими; объявлялъ войну, заключалъ мирныя и торговые договоры, низвергалъ нечестивыхъ сажениковъ и избиралълюбыхъ; производилъ судъ и расправу и не разъ давалъ повелѣнія санову Искоскоу вѣчу, назначалъ Искосу своихъ Посадниковъ, посылалъ туда, для расправы надъ вѣрными, своихъ повѣренныхъ и требовалъ къ отбытію и суду Искоскоу вѣрныя, давалъ слово, по ста-

рипной поговоркѣ: «Новгородъ вольный былъ самосудъ, или судился своимъ судомъ.» На вече отирались и всѣ торжества; здѣсь объявлялось объ общей радости и опасности; здѣсь же, наконецъ, по выражению летописца: «Новгородцы такъ каки, да Новгородъ протакали!» О причинѣ создания возмѣнилось народу чрезъ глшатаевъ. Въ вѣтвяхъ собранияхъ посадникъ и прочіе сановники не участвовали; они были только простыми исполнителями народныхъ приговоровъ, которые записывались вечевымъ дьякомъ и хранились въ ларѣ, находившемся въ заѣздываніи ларника. По дѣламъ важнымъ, совѣщанія происходили предварительно по городскимъ концамъ, а потомъ уже на вече въ собраніи всего народа. Въ началѣ своего учрежденія, вече отличалось разсудительностію и безпристрастіемъ, но послѣдствіемъ мѣстою несогласій, раздоровъ, корысти и властолюбія.

Недалеко отъ Ярославова Дворища былъ и домъ знаменитой Марыи Посадницы — вдовы Исаака Борскаго, замышлявшей освободить Новгородцевъ отъ власти Юанна III-го и выйти замужъ за одного изъ Литовскихъ вельможей, дабы владѣтьствовать именемъ короля Казимира надъ Новгородомъ. О времени рожденія ея неизвѣстно. Она происходила изъ рода Ловнскихъ и имѣла на берегахъ Сѣверной Двины огромный помѣстья. Некоторые утверждаютъ, что она была за двумя мужьями: сперва будто-бы за каплѣ-то Филиппомъ, а потомъ уже за Исаакомъ Борскимъ. Догадка о первомъ бракѣ выведена единственно изъ грамоты Корельскаго Николаевского монастыря, въ коей сказано, что она дана ему на села п земли Марою, основавшею его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребены сыновья ея, Антонъ и Феликсъ Филипповы, утопившіе въ морѣ. Но это сомнительно: ибо изъ грамоты не видно, что она дана именно Борскою, а не другою какою Марою.

Вотъ текстъ этой грамоты: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, се азъ, раба Божія Мароа, списа сіе рукописаніе при своемъ животѣ, поставила семи церковь храмъ Св. Николая въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ, Антона да Феликса, а дала семи въ домъ Св. Николая куплю мужа своего Филиппа на *Лава* островъ село, да въ *Конечныхъ* два села и по *Малокурь* пожня и рыбный ловища, а по церковной сторонѣ до *Кудмы* и вверхъ по *Кудму* и до озера, а въ *Ненокъ* мѣсто *Засыки Полянка*; а приказываю домъ Св. Николая Господину своему деверю Осодору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтію Аввакумовичу, и зятю своему Афромею Васильевичу, а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовный игуменъ Василій Св. Спаса; а кто сіе писаніе преступитъ, или порушитъ, а наши памяти заягутъ, сужудъ съ нимъ презъ Богомъ въ день Страшнаго Суда.»

Дивныя ея палаты, по одному преданію, находились на улицѣ Рогатицъ, но по другому — на лѣвомъ берегу Волхова, на Свейской сторонѣ, въ Перевскомъ концѣ, близъ Софійскаго собора и архіерейскаго дома, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Кремля. Которое же изъ этихъ двухъ урочищъ принять за настоящее жилище Борской? — Не шла ли она въ обонхъ мѣстахъ дома, и когда одинъ изъ нихъ (чюдный дворъ) на Софійской сторонѣ, по словамъ летописца, сгорѣлъ, не перешла ли она въ другое мѣсто (на Торговой сторонѣ), не успѣвъ дотомъ возобновить прежняго своего жилища, которое, только за четвертаго года до заточенія ея, сгорѣло. Остатокъ послѣдняго дома я самъ видѣлъ (въ проездѣ мой черезъ Новгородъ) точно на томъ самомъ урочищѣ, на которое указываетъ первое преданіе: я нашелъ его въ сѣверовосточномъ

углу двора, застроеннаго съ южной и западной сторонъ каменнымъ домомъ купца Митрофанова, на углу Рогатицкой и Московской улицъ, подъ № 14-мъ. Видныи мною остатки составляли двухъ-этажное каменное строеніе, которое, вѣроятно прежняго острокопечной, чешучатой, съ узорочными свѣтлыми теремами, кровля, покрыто было низкою тесовою крышею, имѣвшею одно слуховое окно. На вѣтвяхъ стѣнъ еще виднѣлись скульптурныя украшенія 15-го вѣка. Съ передней (южной) стороны дома, во второмъ этажѣ было три окна и къ правому углу, вѣсто стариннаго боярскаго крыльца, приделана деревянная

улицу, отстоятъ отъ угла Московской на 61 шагъ и имѣя обращена въ кухню.

Владѣлецъ дома, вѣсто того, чтобы сберечь такую историческую древность, въ началѣ июля 1857-го года уничтожилъ ее, собственно отъ того, что подъ видомъ любознательности, заходили къ нему не рѣдко воры и уносили съ широкими на дворе веревки сушившейся бѣлье. Такъ отъ причинъ маловажныхъ исчезаютъ историческіе памятники! Не благодарна ли была бы постройка для суши бѣлья чуланъ?

Когда я смотрѣлъ на развалины и изуродованный остатокъ дома, невольно приходило мнѣ на память предсказаніе Св. Зосимы, Игумена Соловецкаго: «Скоро домъ сей опустѣетъ и дворъ его заростетъ травою!»

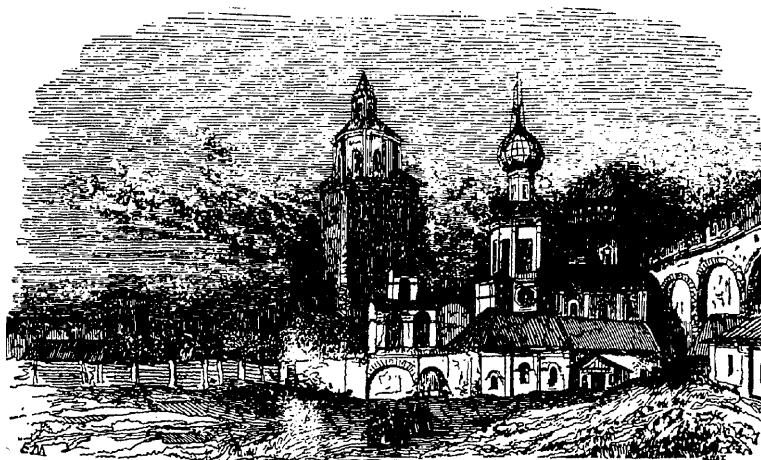
Недалеко отъ устья Варяжи, на правомъ ея берегу, находится Клонскій Троицкій монастырь, гдѣ въ одномъ изъ приделовъ соборной церкви, построеной царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, почиваютъ мощи предподобнаго Михаила Клонскаго, который, будучи ближайшимъ родственникомъ великаго князя Василія Дмитріевича, скривилъ безъ вѣсти и, подъ видомъ уродства, утаивъ знаменное свое происхожденіе, пришель въ 1400-мъ году, изъ Москвы въ Клонскій монастырь въ рубишѣ, но въ послѣдствіи времени былъ узнавъ братомъ великаго князя, постывленнымъ обителемъ. Испованный дара пророчества, онъ, сказавъ псаломъ Новгородца и воззваніе Юпы въ архіепископы, пришелъ въ часъ рожденія Юанна III-го къ Новгородскому архіепископу Евфимію и сказалъ: «Днесь великій князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наследника; зрю младшца, ознаменованнаго величіемъ: се игуменъ Троицкія обители, Зиновій, креститъ его, именуя Иоанномъ! Слава Москвѣ: Иоаннъ побѣдитъ князей и народы. Но горе пашей отчизнѣ — Новгородъ падетъ къ ногамъ Иоанновымъ и не возстанетъ». Видъ ограды монастырскаго, въ 10-ти сажняхъ отъ Варяжи, есть колодезь, который, по преданію, произведенъ молитвами Св. Угодника, во время 5-лѣтняго безплодія. Ближе къ городу (въ 8-ми верстахъ отъ него) возвышается на холмѣ деревня Ракомо, гдѣ былъ загородный дворецъ Ярослава I-го. Тутъ въ 1015-мъ году совершилось убійство именитыхъ Новгородцевъ. Къ СВ. отъ нея лежитъ, при Ильменѣ, близъ истока Волхова, урочище Перынь, названное по имени главнаго Новгородскаго божества, Перуна, который, послѣдствіемъ, въ 980-мъ году, посадникомъ Добрынею (племянникомъ великаго князя Владиміра) и, чрезъ 8-мь лѣтъ послѣ того, имъ же низверженъ отсюда въ Волховъ, при воцареніи христіанства. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде идолъ, былъ основанъ около 995-го года, Перыньскій мужской монастырь, отъ коего остался теперь одна только церковь, обращенная въ 1764-го года въ приходскую.

Далѣе, при вершинѣ Волхова, на живописномъ возвышенномъ мѣстѣ — на полуостровѣ, омываемомъ Волховомъ, озеромъ Мячкнскимъ и ручьемъ Килжевымъ, въ 5-хъ верстахъ отъ города, расположенъ Юрьевъ монастырь, основанный въ 1050-мъ году и извѣстный своимъ богатствомъ и великолѣніемъ своихъ зданій.

Онъ имѣетъ въ окружности 552 сажени. Въ соборной церкви, гдѣ мѣстные образа изукрашены серебряными вызолоченными ризамъ, осмысленными крупными брилліантами и другими драгоценными камнями, почиваютъ мощи Св. Архіепископа Осоктста, переселенныя сюда изъ упраздненнаго Благовѣщенскаго монастыря, основаніе коего приписывается Архіепископу Юанну и брату его Григорію, которымъ, по словамъ преданія, богато убранный ковчегъ, безъ всадника,

Соборъ Св. Софій въ Новгородѣ.

Благовѣщенскій монастырь въ Новгородѣ.

лѣтница на подпоркахъ, покрытая отъ верха до половины высоты, втроятно, для того, чтобы не заслонить единственнаго въ нижнемъ этажѣ окна. Съ боковой (западной) стороны, верхній этажъ имѣлъ также одно окно, которое, по вѣдому, не подвергалось никакой перелѣлкѣ, ибо оно вносъ уже переднихъ оконъ; такимъ образомъ, отъ прежнихъ 24-хъ оконъ осталось только 5-ть. Съ этой стороны къ нижнему этажу пристроенъ деревянный сарай, прилегающій къ небольшой каменной развалинѣ, со сводомъ, поросшимъ травою и березникомъ. Эта развалина есть остатокъ отъ обширныхъ погребовъ, некогда полныхъ питиями пружорочными, романскою и медными сахарными. Она выходитъ въ Рогатицкую

привезъ два мешка съ золотомъ и серебромъ на сооруженіе тамъ церкви.

Старая Русса, бесспорно, одна изъ древнѣйшихъ Виралекскихъ заселеній на берегахъ Пльмени. Даже въ древнихъ Новгородскихъ летописяхъ Русса перазлучна съ названіемъ Старой. Новгородцы издревле производили здѣсь выварку соли. Производства ея было потомъ оставлено; но Петръ Великій возобновилъ соляныя варницы и самъ нѣсколько разъ посещалъ этотъ городъ.

Старая Русса, бывшая прежде уѣзднымъ городомъ Новгородской губерніи, теперь принадлежитъ Воспомно Поселенію; отстоитъ отъ Повгорода на 125 верстѣ.

Съ сѣверо-восточной стороны къ озеру Пльменю, около 25 верстъ отъ города, видна возвышенная, надъ поверхностью озера, равнина, на которой расположена Старая Русса.

Городъ раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ каждая имѣетъ два квартала.

Всѣ улицы, особенно главныя, проведены прямолинейно; содержатся очень чисто; большая часть, особенно въ центрѣ города, выстлана камнемъ, а по Александровской, Петербургской и Ильинской, къ источникамъ, проведено шоссе.

Городъ этотъ прославился своими солино-минеральными источниками, дѣланные дѣйствіе которыхъ доказано уже на опытѣ.

Нравственное и физическое состояніе больныхъ, пользовавшихся Старо-русскими минеральными водами, должно быть подобно правламъ, принятымъ на всѣхъ минеральныхъ источникахъ; спокойствіе духа, тихое, безмятежное движеніе страстей, умѣренные развлеченія, легкія занятія, столько же способствуютъ успѣшному выздоровленію, сколько нища и нѣтъ, подобная сущности болѣзни, качественая и способу употребленія водъ.

Взвѣсая изъ сочиненія г. А. Воскресенскаго, опытная наставленія, которымъ должны слѣдовать больные, называемыя должны пользоваться Старо-русскими минеральными водами:

Большой пѣнаше долженъ рѣшиться на отправление къ минеральнымъ водамъ, какъ хорошо обуздавши всѣ подробности будущаго своего предпріятія и посовѣтовавшись съ опытнымъ и добросовѣстнымъ врачомъ, который совершенно знаетъ состояніе его болѣзни и къ которому онъ имѣетъ полную довѣренность. Это обстоятельство очень важно. Большой, рѣшившійся отъправиться къ минеральнымъ источникамъ, долженъ испросить отъ врача, пользовавшаго его, наставленія, необходимыя на время дороги и исторію своей болѣзни, для передачи тому яслику, котораго онъ избереетъ для себя, но прибавитъ въ Руссу; въ этой исторіи, со всею подробностію и ясностію должны быть изложены: начало, ходъ болѣзни, всѣ измѣненія органическія, а равно и леченіе, кои бы могли служить руководствомъ при леченіи минеральными водами. Послѣ всего этого больной долженъ озаботиться объ удобствахъ предстоящаго пути, не брать съ собою излишнихъ вещей и людей, которые въ дорогѣ, какъ и по прибытіи, составятъ для него большое затрудненіе. Заботливый мужъ можетъ отъправитъ въ Руссу свою больную жену одну, съ надежною прислугою, или сопровождать ее только для доставленія удобнаго, на пути, ночлега, а по прибытіи — для присканія выгоднаго помѣщенія. Соблюденіе всѣхъ предосторожностей на время пути необходимо болѣе всего для больныхъ дѣтей, коихъ пѣжные родители намѣрены отъправитъ въ Руссу для пользования. Вообще климатическія условія этой страны, продолжительность дороги и, по прибытіи на мѣсто, удобства помѣщенія должны составлять исключительно заботливости отцовъ и матерей.

Наша Старая Русса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть скучною самому прихотливому посетителю, ежели онъ будетъ искать здѣсь пособія Гигіен, а не степеннаго развѣсая, или шумныхъ кочерій. Роскошъ стола не входитъ въ условія успѣшнаго леченія. Ежели потребуетъ необходимость какихъ-либо особыхъ принадлежностей кухни, или желудка, то близость столицы и легкость сообщенія во всемъ удовлетворяютъ могутъ. Любитель хронологическихъ изысканій найдетъ здѣсь пищу въ предметахъ, коихъ древность, можетъ быть, равняется Новгородскому пчеловому колоколу; любитель хозяйства увидитъ здѣсь на каждомъ шагу пріятныя общирныя хозяйственныя заведенія, достойные подражанія; прогулка пышкомъ и верховая ѣзда также удобны въ Старой Руссѣ, какъ удобно, прямо и всегда чисто

шоссе, вновь проведенное къ солянымъ источникамъ.

Легкое движеніе на волюномъ, чистомъ воздухѣ, какъ при купаньи въ ваннахъ, такъ и при внутреннемъ употребленіи минеральной воды, необходимо. Оно способствуетъ варенію воды при этомъ послѣднемъ леченіи, а при первомъ — надежному всасыванію минеральныхъ частицъ, и въислѣдствіи измѣненію ихъ во внутреннихъ органахъ тѣла. Принимающие одиѣ ванны могутъ прибыть къ источникамъ и въ княжкахъ; но послѣ ваннъ непременно должны посвятить время отъ одного до двухъ часовъ, легкому движенію. Внутреннее употребленіе воды должно быть исполнено при перемежномъ движеніи и отдыхѣ; въ обоихъ случаяхъ должно поставить себя за правило, чтобы не дѣлать движенія чрезмѣрныхъ, или насильственныхъ. У людей, наклонныхъ къ приливамъ крови, подобное движеніе произведетъ вредное разгорѣніе, а у слабыхъ устойчивость, или немощеніе, которые также имѣютъ свои невыгоды.

Сигналомъ пробужденія на водахъ, послѣ ночнаго усноенія, долженъ быть, по крайней мѣрѣ, 6-й часъ утра; слѣдовательно большой посетитель водъ, назначивши для себя обѣденный столъ въ 5 часа по полудни, проведетъ около 9 часовъ времени въ леченіи, тѣлесномъ движеніи и другихъ занятіяхъ, которые должны болѣе или менѣе утомить его тѣлесныя силы и склонить къ послѣобѣденному отдыху. Отсюда происходить вопросъ: полезенъ ли и позволителенъ ли сонъ послѣ обѣда? Гиппократъ, Галенъ и 70-лѣтній старикъ Феликсъ Платеръ, который въ продолженіи большей части своей жизни сналъ послѣ обѣда и былъ здоровъ, держатъ, вмѣстѣ со многими другими, сторону послѣобѣденнаго Мороса; но Селеритатская школа возстаегъ противъ этого кузира жестокими угрозами. *Eccis, rigiditas, capitis dolor atque batarrhus. — Haec tibi proveniunt ex somno meridiano!* Великій Воерганъ былъ того же мнѣнія. Не входя въ дальнѣйшій подробный разборъ этого предмета, за рѣшеніемъ вопроса, мы обратимся къ самымъ больнымъ. Каждому изъ нихъ извѣстно, что свѣжесть лица, хорошій аппетитъ и бодрость силъ суть принадлежності движенія и дневнаго бодрствованія. Извѣстно — какал дурнога, горечь во рту, блѣдность лица, тяжесть головы и вообще нерасположенності духа сопровождаютъ пробужденіе отъ полуденнаго отдыха. Послѣобѣденный сонъ не оживляетъ силъ тѣлесныхъ; кромѣ того, мы знаемъ, что во время сна всѣ органическія отправления идутъ медленно, а слѣдовательно и операція пищеваренія не можетъ совершаться съ надлежащею скоростію. И такъ, мы совѣтуемъ сколько можно удерживаться отъ сна, послѣ обѣда, особенно въ знойные или ненастные дни, которые и безъ сна заводятъ, даже на здороваго челоука, особеннаго рода недѣятельность, вялость и лѣнность, противоположныя цѣль, достигнутой водо-минеральнымъ леченіемъ.

Въ трехъ статьяхъ «Путешествія по всей Россіи» мы удалялись отъ столицы на весьма значительное разстояніе и сколько чудесъ, сколько предметовъ, близкихъ русскому сердцу видѣли мы!... Въника, до безконечности разнообразна и слава Русская земля!...

БИВАКЪ И БАЛЪ.

(Рассказъ Ничитора Кулеова).

I.

НОЧЬ НА ПЪМАНЪ.

День былъ душливо-жаркій. Послѣ длиннаго, утомительнаго перехода, отрядъ остановился на берегу Нѣмана, возлѣ стариннаго замка, печально смотрѣвшагося въ рѣку. Въ одно мгновеніе уединенный берегъ закипѣлъ жизнью. Команды побрели за дровами и за соломою, уланы разбивали коновязи, маркитанты развязывали возы, артельные котлы безпрестанно окунывались въ Нѣманъ, съ сѣдкихъ елей обрубли вѣтви, вбвали колья; стукъ, говоръ,

ржаніе копей, мычанье воловъ — прекрасная картина этой живой, непринужденной дѣятельности, гдѣ нѣтъ ни одного челоука празднаго, гдѣ вса позиция обращается въ самый кипучій муравейникъ.

Въ нѣсколько мгновеній выросли соломенные шатры, передъ ними запылали огни, и позиция приняла видъ какой-то стройности, какой-то мгновенной ослѣдності, съ своею архитектурою, съ полнейшимъ порядкомъ, съ улицами и площадями, которыми раздѣлялись части войскъ. Въ это время вся жизнь образуется вокругъ свѣчныхъ огней — это самый веселый, самый необходимый клубъ воиновъ. Живописными группами располагаются они вокругъ кипящихъ котловъ и, въ ожиданіи ужина, мѣняются дневными впечатлѣніями, тасуютъ карты, заводятъ и унылую пѣсню и веселый разговоръ, и въ то же время перевзываютъ раны, исправляютъ оружіе, чинятъ одежду, сушатъ походное имущество, брѣютъ бороды, начальники частей раздають приказанія, петербургскій голодъ хватается за гречневую кашу, а мечтательная юность задумывается надъ прошедшимъ: тайные взгляды, нѣмые рѣчи, напутная слеза... какое безконечное блаженство затаено въ этихъ думкахъ!

Отчего сердце воина бьется такъ весело, такъ отрадпо, при воспоминаніи о бывающемъ огнѣ? — Оттого, что въ этотъ огонь бросается и неуклюжая береза, и дамскій прихотливый туалетъ, и драгоценная фамиліальная скрипка, и знаменитый барельефъ, хотя ничто лучше не пугаетъ этого огня, какъ дубовый щепъ, въ которомъ выводятъ угли.

Я любилъ твое роскошное, разрушительное пламя, мой бивачный товарищъ! Скоро попляя я твой горячій лепетъ, твои фантастическіе цвѣты и формы, твою бурную, широкую жизнь. Роднымъ привѣтомъ встрѣтила тебя дикая душа моя. Какъ часто развѣтъ заставлялъ насъ въ нѣмой, неразлучной бесѣдѣ. Тогда сердце, полное живыхъ упоманій, безпечно играло опасностію; дни отлѣчались событіями, грядущее мелькало вдали ароматнымъ, поощимъ полуиетъ юга, по которому жизнь разбрасывалась роскошными цвѣтами каменнаго доскопа.

Эта чудная, восхитительная жизнь угасла на всегда съ послѣднимъ огнемъ бивака. Другая жизнь потекла въ ничтожествѣ наможаеннаго свѣта, въ безноды — среди пестрой толпы; въ бездѣйствіи, среди обшей, истерической дѣятельности; въ ничтожествѣ — среди блестящихъ похвалъ и привѣтствій. Эта образованная, роскошная, европейская жизнь течетъ при свѣтѣ однообразнаго, жаякаго, пзмученнаго старика...

Упала ночь — отрядъ сталъ; разметавшись подъ соломенными шатрами, осиротѣлые огни едва дымялись; вдали перекинулась сторожевая цѣпь; за цѣпью по великъ дорогамъ тянулись кавалерійскіе развѣзды. Луна вышла изъ-за-тучъ и бросила на воиновъ серебряное покрывало.

Я не могъ заснуть и неподвижно смотрѣлъ на древній замокъ, пѣвкогда спокойное жилище богатаго вельможи, гдѣ въ освѣщенныхъ залахъ безневно мелькала молодость и красота подъ звуки бѣшеной мазурки и распалаемая весельемъ баба, доврѣчку передавала сердечныя признанія въ безконечныхъ амежахъ сада. Воображеніе

вызывало прошедшее и нашептывало мнѣ одну изъ чудныхъ сказокъ, въ родѣ Шехеразеды.

Къ сѣверному фасу замка примыкала высокая башня. Въ одномъ изъ оконъ ея мелькнуло что-то похожее на женщину. Я устремилъ туда все вниманіе. Мнѣ было извѣстно, что въ замкѣ никого не было, кромѣ двухъ или трехъ старыхъ служителей, оставленныхъ въ немъ на произволъ судьбы. Черезъ нѣсколько времени повторилось видѣніе; я схватилъ фуражку; воображеніе обшало мнѣ таинственное свиданіе.

Съ трудомъ отыскалъ я дверь, которая вела къ башнѣ; но тутъ встрѣтило меня новое препятствіе: начальныя ступени лѣстницы сняты были выше человѣческаго роста; надобно было устроить подмости. Черезъ полчаса работа моя была окончена и, притаивъ дыханіе, пошелъ я по узкой, винтообразной лѣстницѣ, ощупывая каждую ступеньку. Сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, я началъ прислушиваться. Въ башнѣ царствовала мертвая тишина; лѣстница висала также узко, также безконечно и ничего похожего на двери не попадалось мнѣ подъ руки. Поднявшись на послѣднюю ступеньку, я сильно ударился объ стѣну и узналъ только, что тутъ конецъ лѣстницы. Нѣсколько разъ повторилъ я мое неудачное путешествіе; утомившись нетерпѣливымъ и переходами, я сѣлъ отдыхать. Вниманіе мое было напряжено чрезвычайно сильно: мнѣ казалось, что я слышу, какъ рыбы шепчутся надъ днѣмъ Нѣмана. Черезъ нѣсколько минутъ за стѣною я услышалъ болязненные шаги; со всею осторожностью началъ я ощупывать стѣну: ни малѣйшей впадины, ни малѣйшаго признака двери; надо было ходить опустивъ слухомъ. Немного спустившись, я могъ разслушать тяжелые вздохи и нѣсколько несвязныхъ словъ. Сильный ударъ сабли, по произволу направленный по стѣнѣ, заставлялъ завести со мною переговоры. Женскій голосъ просилъ о защитѣ и снисхожденіи. Я успокоилъ обшалами; дверь тихо отворилась.

У самаго порога комнаты меня встрѣтила на колыняхъ старушка. Добрыя черты лица ея выражали страхъ и сильную душевную скорбь; она обняла мои ноги и умоляла о состраданіи. Въ противоположномъ углу комнаты неподвижно стояла молодая дѣвушка, благоговѣнно преклонившись предъ св. Распятіемъ. Луна освѣтила мнѣ чудное лицо ея и длинную косу, распустившуюся по бѣлому пеньюару.

Черезъ нѣсколько минутъ все измѣнилось: страхъ превратился въ начало пріязни. Покойно усадивъ мы въ старинныя кресла; дѣвушка доверчиво подала мнѣ ароматную руку; старушка начала подробный рассказъ, въ который я вслушивался безъ всякаго вниманія, узнавъ скоро все то, что относилось до моей юной и прекрасной хозяйки. Это была племянница владѣтеля замка, дѣвушка знатной фамилии,

которую тяжкая болѣзнь постигла въ то время, когда военные дѣйствія перешли въ Литву, и потому родственники принуждены были оставить ее на попеченіи старой няни. Ангелъ было 16 лѣтъ, и въ 16 лѣтъ у нея не было уже ни отца, ни матери.

Трудно передать впечатлѣніе юной, прекрасной дѣвушки на офицера, который привыкъ къ bivаку, по мѣсяцу не входилъ въ избу, по суткамъ не оставлялъ сѣдла и, по свойству человѣческой природы, пересталъ вѣрить, что въ жизни есть другой міръ, кромѣ загорѣлаго улана, жеса сабли, да ушей своего измученнаго коня. Я не могъ скрыть моей живой радости, не спускалъ глазъ съ прекрасной Анжелы и, любуясь ея очаровательнымъ лицомъ, слушалъ ее, какъ пѣніе райской птички. Преждевременное горе ея трогало меня до глубины души. Мое участіе расположило

ее къ доверчивости; я сдѣлался веселъ, любезенъ, болталъ; передавалъ ей много занимательныхъ новостей; мы, то смѣялись, то горевали, стѣна пересказала свои впечатлѣнія. Мало-по-малу кругъ нашихъ идей началъ уменьшаться и ограничивался, наконецъ, стѣнами нашей комнаты; рѣчи ставились медленнѣе и несвязнѣе и когда показалась заря, мы сѣли молча, опустившись въ глубокия кресла и заучиво смотрѣли другъ на друга.

Заря вывела меня изъ моего волшебнаго міра. Надо было оставить очаровательную башню, гдѣ судьба неожиданно приготовила мнѣ минутный клочекъ счастья. Увѣривъ моихъ новыхъ друзей въ совершенной ихъ безопасности, я разстался съ ними тяжело и грустно. Прекрасная Анжела позволила мнѣ поцѣловать свое млечное чело.

Черезъ нѣсколько часовъ отрялъ снялся съ позиціи. Уланы оставались въ аррьергардѣ. Никто не замѣтилъ ни безмолвныхъ рѣчей моихъ съ башнею, ни паутинныхъ благословеній, которыми провожали меня и старая няня и прекрасная Анжела.

БАЛЬ ВЪ ДВОРЯНИНОМЪ СОБРАНІИ.

Это было 22 января; вся площадь у Михайловскаго узла уставлены были каретами. На подъѣздахъ и по лѣстницамъ дружили разноцвѣтныя ливреи, держа въ рукахъ роскошныя шубы. Оркестръ игралъ мазурку; по всему залу мелькали блестящія пары, раздѣлившись на нѣсколько круговъ; на поисовыхъ скамейкахъ отдыхали зрители, утомленные жаромъ, общими движеніемъ, нестрою цвѣтовъ и нарядовъ; на хорахъ начали показываться черныя домино...

Въ это время вокругъ одной пары образовалась толпа. Любопытные лореты жадно пожирали высокую, стройную даму въ бѣломъ воздушномъ платьѣ; головной уборъ ея состоялъ изъ алмазовъ и бирюзы. Роскошныя свѣтлорусые локоны придавали ей необыкновенную изысканность, а черныя глаза, полные веселія и жизни, напоминали плугу Востока. Бѣлизна матовой шеи ея была ослѣпительна. Движенія ея были медленны и граціозны; въ мазуркѣ она приводила въ восторгъ... Она была предметомъ общаго выбора въ танцѣ и общаго удивленія восторженной толпы, ее окружавшей.

Оркестръ замолчалъ. Въ залѣ началось движеніе. Прекрасная дама скрылась въ пестрой толпѣ.

Молода разсказала мнѣ, что она польская графиня, недавняя гостья въ столицѣ.

Баль кончился. Черныя домино съѣли разноцвѣтные блестящіе парды. Со всѣхъ сторонъ записали маски и увлекали по заламъ любопытныхъ кавалеровъ.

Желаю отъязаться отъ скучныхъ и безцвѣтныхъ интригъ, я сѣлъ въ удивленный столъ скамьи и развѣшно смотрѣлъ на общее движеніе. Дама въ бѣломъ платьѣ не выходила у меня изъ памяти. Кромѣ очаровательной парижности, мнѣ особенно нравилась эта внутренняя домашняя радость, которая постоянно оживляла прекрасное лицо ея. Я былъ увѣренъ, что это одна изъ самыхъ счастливыхъ женщинъ, а счастье рѣдко живетъ съ людьми, въ особенности въ раззолоченныхъ палатахъ; потому то видѣть его такъ утѣшительно.

Въ это время мимо меня проходила черное домино; два генерала почтительно провожали его. Посмотрѣвъ на меня пристально, дама поспѣшно оставила своихъ спутниковъ, подошла ко мнѣ и подала руку. Бирюзовыя браслеты съ алмазами мелькнули изъ-подъ домино. Какая странность! Такой же браслетъ былъ на рукѣ прекрасной незнакомки и тѣ же черныя очи горѣли изъ-подъ маски.

О чѣмъ ты задумался?

Если этотъ браслетъ не обманываетъ меня, то я думалъ о тебѣ, прекрасная маска. Развѣ ты знаешь меня?

Я думалъ о прекрасной незнакомкѣ, которая въ мазуркѣ очаровала все собраніе.

И эта незнакомка не напомнила тебѣ ничего прошедшаго?

Ровно ничего; до сегодняшнего вечера я не имѣлъ понятія о красотѣ женщины.

Эта незнакомка обязана тебѣ всѣмъ своимъ счастьемъ, продолжала маска, крѣпко сжимая мою руку. Помнишь ли ты страшную ночь, башню на Нѣманѣ...

Ашела! неужели это ты? вскричалъ я, обнимая ее въ порывѣ радости.

Да, да, твоя бѣдная плѣнница; убитая болѣзнію и горемъ — и теперь одна изъ самыхъ счастливыхъ женщинъ, окруженная всевозможною роскошью, самую пѣжную заботливостью и безпредѣльною любовью очаровательнаго мужа...

Одинъ изъ генераловъ что-то шепталъ моей вхожденной дамѣ; двѣ маски подошли ко мнѣ съ пошлыми вопросами.

И разстался съ графинею, общая бытъ у нея на другой день.

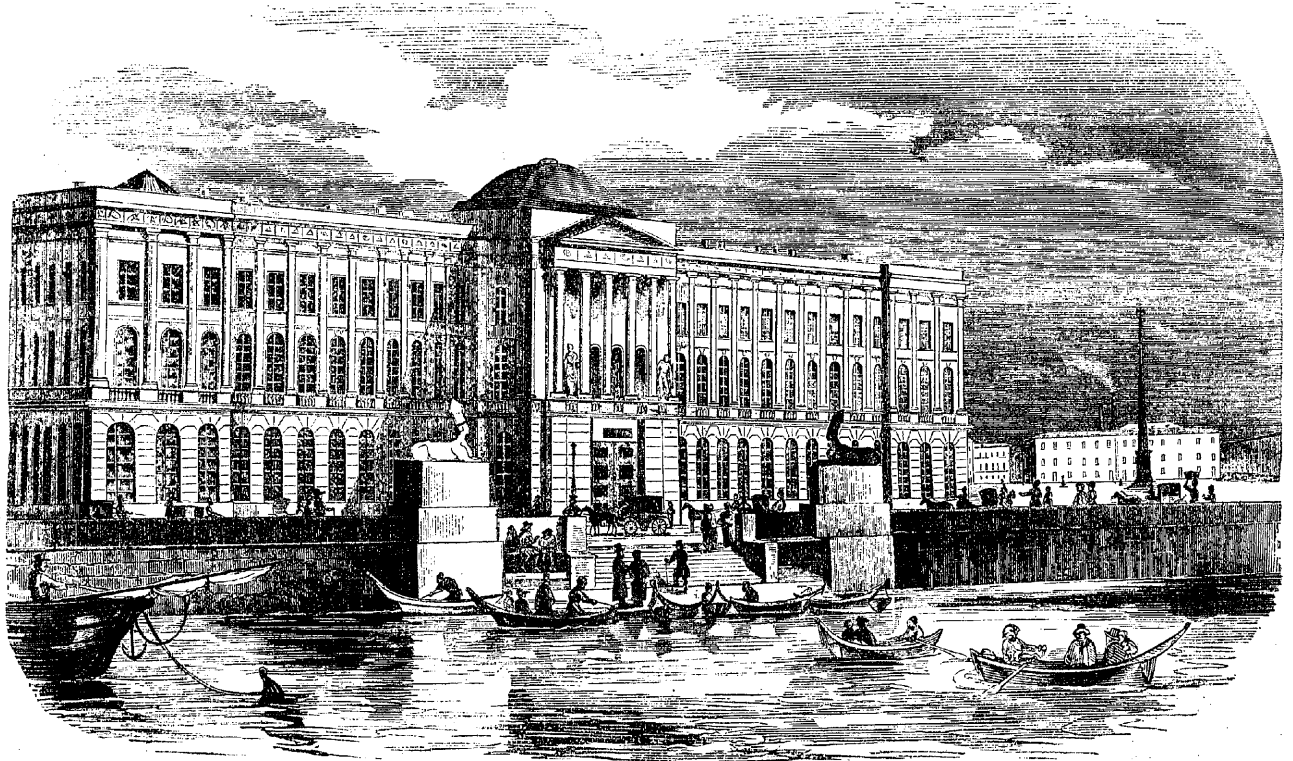
въ одиночествѣ и нетерпѣливо ожидающихъ минуты, когда имъ можно будетъ предстать предъ судъ публики, то мы скажемъ нѣсколько словъ объ самой Академіи Художествъ и пусть эти слова послужатъ введеніемъ къ статьѣ о выставкѣ, если послѣдняя состоится въ нынѣшнемъ году.

Первая мысль о возворненіи и распространеніи въ Россіи Художествъ въ истинномъ ихъ значеніи, принадлежитъ Петру Великому. До того времени Россія имѣла художниковъ или иностранцевъ, въ коихъ немногіе были съ отличными дарованіями, или хотя и Русскихъ, но не производившихъ ничего особенно важнаго и достойнаго вниманія. Петръ посылалъ молодыхъ людей учиться Художествамъ въ чужіе края, и имѣлъ удовольствіе видѣть плоды этой мѣры. Со смертію его остановились или замедлились успѣхи многихъ полезныхъ начинаній. Правда, при учрежденіи Академіи Наукъ обращено было вниманіе и на распространеніе Художествъ, ибо въ указѣ объ учрежденіи Академіи

Университета, *способные къ Художествамъ*, могли поступать въ нее для развитія своихъ дарованій и дальнѣйшаго художественнаго образованія. Въ 1757 году онъ получилъ у Правительствующаго Сената разрѣшеніе привести въ дѣйство сіе намѣреніе. Въ 1758 и 1759 годахъ, приглашенные изъ чужихъ краевъ профессора живописи: Дорренъ (черезъ годъ потомъ умершій) и Лагрене, скульптуры Жиле, гравированія Шандль, архитектуры Валленъ де ла Моттъ и проч., приняты въ Академію по контрактамъ для обученія воспитанниковъ.

Архитекторъ А. О. Какориковъ опредѣленъ въ Академію вмѣстѣ съ другими члновниками и художниками Русскими; изъ Московскаго Университета взяты около 50 человекъ учениковъ и въ теченіе 1758, 1759 и 1760 приняты были другіе молодые люди, такъ, что въ декабрѣ 1761 года было всѣхъ питомцевъ уже 68 человекъ.

Ученіе началось въ Академіи Художествъ въ началѣ 1758 году. Академія устроивалась; пособія умножались; съ успѣхами учащихся учре-

Императорская Академія Художествъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Академіи Художествъ. — Выставка. — Лоттерей Художественныхъ Произведеній. — Война за ваф.п. — Несчастный случай. — Отъ Редакціи.

==

Мы со всѣхъ сторонъ слышимъ вопросы о томъ скоро ли начнется выставка. На это отвѣчать довольно трудно. Во-первыхъ ожидаютъ возвращенія В. П. Высочества Герцога Дейхтсбергскаго, Президента Академіи, а во-вторыхъ послѣся слухи, что по причинѣ короткихъ и насмурныхъ дней, не выгодныхъ для освѣщенія картинъ, выставка будетъ отложена до будущей весны. Если эти слухи оправдаются, то у насъ выставка будетъ въ одно время съ заграничными, то есть, въ концѣ апрѣля или началѣ мая. Какъ бы то нибыло, но такъ какъ теперь уже въ прекрасныхъ залахъ Академіи собрано множество вещей, болѣе или менѣе изящныхъ, скопачующихъ

Наукъ 20 января 1724 года воеводоуважемъ, имен-но сказано, чтобы въ ней учили языкамъ, Наукамъ и *знаніямъ Художествамъ*; впрочемъ до царствованія Елисаветы Петровны, хотя были уже у насъ нѣкоторые достойные Русскіе и иностранные художники, но мало было сдѣлано замѣчательнаго въ пользу Художествъ. При ней предпринято построеніе многихъ великолѣпныхъ зданій, вновь вызваны извѣстные художники, архитекторы, живописцы, ваятели, и нашлись люди, думавшіе о необходимости учрежденія Академіи Художествъ.

Русскому предоставлено было положить основаніе этой Академіи въ Россіи, и этотъ Русскій былъ весьма просвѣщенный и пламенно любившій свое отечество.

Генералъ-Поручикъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, урядивъ по волѣ Монархини Московскій Университетъ, съ Высочайшаго соизволенія присутствовалъ къ основанію Академіи Художествъ съ тѣмъ, чтобы ученики и студенты Московскаго

ждали классы рисованія съ антиковъ и съ натуре, и ученики раздѣлялись по Художествамъ. Новое заведеніе росло.

Академія, съ самаго основанія своего (1758), помѣщалась въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ по набережной Васильевскаго Острова между 3 и 4 линією, т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится. Дома сіи скудены въ казну и сдѣлана была къ нимъ временная деревянная пристройка. Въ 1764 году 11 ноября Императрица Екатерина посѣтила Академію, и положивъ первый камень въ основаніе обширнаго и великолѣпнаго зданія академическаго, которое должно было быть воздвигнутое по проекту Какорикова, въ присутствіи Академіи подписала привилегію, уставъ и штатъ ея. Вѣдкомъ опредѣленъ Президентомъ.

Отсюда надидается прочное бытіе Академіи и обширнѣйшій кругъ ея дѣятельности, въ 70 лѣтъ съ небольшимъ, возведшей Художества въ Россіи

на ту же степень, на коей находятся они в просвещеннейших странах Европы.

Художникамъ, выходящимъ изъ Академіи, дарована *совершенно и вечная свобода* съ ихъ потомствомъ. «Никакому правительству, сказано въ привилегіи, ни въ военную, ни въ штатскую службу ихъ не принуждать и безъ добровольнаго съ ними договора, ни къ какой работѣ не приневолить, но во всемъ непремѣнно поступать съ ними какъ съ вольными и свободными людьми, а въ случаяхъ оказывать имъ всевозможное защищеніе во всей нашей имперіи;» воспрещено: записывать ихъ въ крѣпостные люди, «хотя бы то случилось даже по уговору или доброй воли;» повелѣно допускать художниковъ и мастеровъ Академіи во всей Имперіи «свободно и безпрепятственно ко всемъ казеннымъ и публичнымъ работамъ, равно и въ службы, гдѣ кто пожелаетъ и надобно будетъ; и дабы они никакихъ обидъ или притѣсненій, а особливо препятствій въ производимыхъ ими работахъ, не терпѣли, то, по приносимымъ отъ ихъ писемными жалобамъ о происшедшихъ спорахъ по договорамъ, или въ неплатежъ за ихъ работы,» предоставлено Академіи право разбирать и рѣшать сіи жалобы, и требовать удовлетворенія; «о всякихъ же другихъ обидахъ и притѣсненіяхъ сообщать въ тѣ мѣста, до которыхъ оно слѣдуетъ, почему имъ въ силѣ законовъ чинить наискорѣйшее удовольствіе; когда же изъ принадлежащихъ къ Академіи кто окажетъ себя въ какомъ либо преступленіи, то, по маловажнымъ дѣламъ, судить въ себѣ же Академіи, а въ важнѣйшихъ отсылать куда надлежитъ по закону; впрочемъ никакое мѣсто не можетъ взять его безъ вѣдома и сношенія съ Академіею» и проч.

Мурая законодательница все даровала: покровительство Академіи, свободу и защиту художникамъ, неприкосновенность правъ ихъ и, наконецъ, право избирать въ покровители художествъ особъ, любившихъ, понимающихъ искусства и могущихъ споспѣшествовать усовершенію ихъ.

Классъ рисованія и живописи получилъ надлежащее направленіе только съ возвращеніемъ, въ 1770 году, изъ чужихъ краевъ Лосенка, ученика Академіи, отличнаго рисовальщика, и необыкновенно преданнаго своему искусству художника. Русская школа, можно сказать, имъ именно основана и приобрѣла характеръ, ее отличающій: твердость и правильность рисунка. Къ сожалѣнію, этотъ художникъ, жилъ весьма недолго.

25 июля 1765 года, Наслѣдникъ Престола Великій Князь Павелъ Петровичъ, согласно полученному отъ Его Высочества письму, призванъ почетнымъ любителемъ Академіи, и съ тѣхъ поръ постоянно присутствовалъ почти во всехъ академическихъ собраніяхъ и подписывалъ журналы оныхъ до 1779 года.

При Бецкомъ, Правительство приняло мѣры къ составленію Академическаго Музеума. Картины оригинальныя, и въ числѣ ихъ нѣсколько-отличныхъ, богатое собраніе формъ и отливковъ съ образцовыхъ Греческихъ ваятельскихъ твореній, собраніе эстамповъ оригинальныхъ рисунковъ, библіотека книгъ относящихся къ художествамъ, словомъ, ни что не забыто. Музеумъ былъ обогатился и частными приношеніями. Князь Шувалова вѣ все отношеніи памятно, какъ благодѣтель. Онъ жертвовалъ Академіи собственное собраніе оригинальныхъ картинъ, между коими были нѣкоторыя весьма замѣчатель-

ныя. Нѣкоторыя статуи были выписаны еще при немъ.

По весьма преклоннымъ лѣтамъ своимъ, Бецкой, послѣ собранія, бывшаго 2 апрѣля 1789 года, болѣе уже не присутствовалъ, но продолжалъ почти до самой кончины своей заботиться о благѣ Академіи, столь много ему обязанной.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1794 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи президентамъ таиннаго совѣтника Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, повелѣно было президентомъ Академіи тайному совѣтнику графу Шувалову-Гутѣ. Въ кратковременное царствованіе Государя Павла Петровича художества получили сугубую жизнь. Соруководилъ Михайловскій замокъ и украсилъ, равно какъ и другіе дворцы, картинами, особенно Петергофскій садъ и другіе, многими ваятельными работами Русскихъ художниковъ, или отлитыми по формамъ съ антиковъ. Академія удостоилась

была бы счастлива, если бы онъ жилъ долѣе; но онъ управлялъ ею съ небольшимъ двѣдцать лѣтъ, и скончался 27 сентября 1811 года.

Послѣ смерти графа Строганова, министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, объявивъ Высочайшую волю, дабы вѣрелъ до повелѣнія управлять Академіею вице-президентъ Чекаленскій, подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія.

Достойный уваженія вице-президентъ, не имѣя средствъ, не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы желалъ. Отечественная война препятствовала правительству обратить вниманіе на положеніе Академіи, и такія образомъ она пришла въ разстройство, побудившее, наконецъ, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. П. Голицына, съ Высочайшаго соизволенія составить, въ 1816 г., при Академіи особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника А. П. Оленина, для разсмотрѣнія причинъ такого состоянія ея.

Попеченія сего начальника о вѣренномъ управленіи его заведенія должны быть оценены.

Нынѣ царствующій Государь Императоръ, любя все полезное, высокое и изящное, обратилъ на Академію и художества особенно благотворный взоръ свой. Нечислимъ милости, допылъ называлъ Его Величествомъ на Академію. Первая состояла въ Высочайшемъ соизволеніи на принятіе въ почетные члены Академіи Его Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника (1827). Въ 4 день февраля 1829 года, Государь Императоръ соизволилъ осчастливить Академію посѣщеніемъ, и этотъ незабвенный день въ лѣтописяхъ сего заведенія рѣшилъ будущую судьбу его. 9-го февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Присутствующаго Сената, коимъ Всемилостивѣе повелѣно состоять Академіи Художествъ подъ особыми покровительствомъ Его Императорскаго Величества, и быть подъ главнымъ начальствомъ министра Императорскаго Двора. Велѣно за тѣмъ назначены значительныя перестройки въ главномъ академическомъ зданіи, по проекту архитектора К. Топа, украсившія залы, по главной лицевой сторонѣ въ бель-этажъ расположились; пожалованы копии съ превосходнѣйшихъ картинъ Рафаэля Сантио и другихъ мастеровъ великихъ, дѣланныхъ Русскими художниками, находившимися въ чужихъ краяхъ, К. Брюлловымъ, Басиннымъ, Бруннъ и проч., и въ томъ числѣ Афинская Школа, превосходно

А. О. Петровъ.

Монаршаго вниманія, и къ числу особенныхъ попеченій Его Величества о семъ разсадникѣ художествъ должно приписать: увеличеніе классовъ медальернаго и гравированія на мѣди, и потомъ по назначеніи, 26 февраля 1799, въ новое званіе вице-президента Академіи, извѣстнаго архитектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Баженова, данное ему повелѣніе представить Его Величеству мнѣніе о тѣхъ новыхъ улучшеніяхъ въ Академіи, которыя время и опытъ указывали нужными для пользы художествъ.

23 января 1800 года, повелѣно было президентомъ Академіи дѣйствительному тайному совѣтнику и обер-камергеру графу Александру Сергѣевичу Строганову.

22 сентября 1802, Императоръ Александръ соизволилъ даровать Академіи Художествъ дополнительныя статьи къ Уставу и новый штатъ.

Президентъ графъ Строгановъ оставилъ память между художниками, какъ добрый великодушный и любитель художествъ, умѣвшій цѣнить и обод-рять дарованія, и давать имъ ходъ. Академія

и вѣрно спасенная Брюлловымъ съ лучшимъ изъ твореній Рафаэля; въ разное время доставлены въ Академію многія оригинальныя картины, большія и драгоцѣнныя собранія эстамповъ, мастерскихъ рисунковъ, и Греческихъ и Этрусскихъ вазъ, заключающія всѣхъ рѣдкѣй и въ художественномъ отношеніи важныя и полезнѣйшія.

Академія Художествъ, со времени ея основанія, образовала 1451 челоѣка художниковъ и не художниковъ. Всѣ они болѣе или менѣе были полезны; но въ числѣ ихъ явилось нѣсколько людей съ дарованіями отличными, могущихъ стать на ряду съ лучшими художниками Европы, и если такихъ художниковъ мы найдемъ и нынѣ не одинъ десятокъ (въ какой землѣ они встрѣчаются сотнями?), то великій рѣшилъ самъ степень услуги, принесенной Россіи Императорскою Академіею Художествъ.

А. П. Оленинъ, челоѣкъ учепый, усердно и съ любовью дѣйствовалъ на пользу вѣрнѣйшій ему

Академіи. При немъ образовались многие замѣчательные таланты.

Послѣ смерти А. Н. Оленина, въ званіи президента вступилъ Е. Н. Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій.

Приглашаетъ для нашихъ иногороднихъ читателей вѣдъ Императорской Академіи Художествъ, одного изъ лучшихъ эдавій С. Петербурга въ архитектурномъ отношеніи.

Слухохъ земля полнится, и какъ не плотно заперты двери на выставку, какъ не строго запрещенъ входъ въ заветныя залы храма искусствъ, мы однако жъ узнали, что кромѣ картоновъ, которыми всѣ съ нетерпѣніемъ желаютъ полюбоваться, на выставкѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ: статуя Ангела — Ставаесера; Буря — Голландскаго живописца Мейера, которую многие ставятъ гораздо выше многихъ современныхъ колоритно-эффективныхъ, радужныхъ произведеній картины Гайзонаксаго, братьевъ Чернецовыхъ; предѣльные ландшафты — Мейера, Дюронова и пейзажъ, присланный изъ Италіи — Сократа Воробьева; картины — Тыранова; Варса — Коцебу; и наконецъ программы — Башкова, Тихообразова, Чмучова, Григоровича и Васильева.

Вѣдетъ съ тѣмъ считаетъ долгомъ извѣстить читателей нашихъ, чтобы они посетили и заняты билетамъ на шестую лоттерей. Ответственныхъ произведеній отъ Высочайшаго Императорскаго Общества Поощренія Художниковъ, разыгрывъ которой назначенъ будущаго 2-го декабря, въ Музеемъ графа Руляцова.

Предметы, входящіе въ составъ лоттерей суть следующие :

а) Оригиналы картинъ

1. Морской вѣдъ Гайзонаксаго; 2. Итальянская дѣвушка, Тыранова; 3. Жрица Цереры, Деладески; 4. Вѣдъ въ Субіако, Н. Чернецова; 5. Вѣдъ Дудергофа, Солтисса 2-го; 6. Кузнечикъ, Алексеева; 7. Нищія съ Мальчикомъ, Горещкаго; 8. Морской вѣдъ, Курюжакша; 9. Греки защищающіе тѣло Патрокла, Калкова; 10. Перспективный вѣдъ Актинцы въ Зимнемъ Дворцѣ; 11. Перевозъ чрезъ Неву, Антонова; 12. Другой вѣдъ въ Субіако, Г. Чернецова; 13. Голова старика, Горещкаго; 14. Пейзажъ, Иванова; 15. Пейзажъ съ яес; 16. Голова старика, Милкова; 17. Ветляка, Самарова; 18. Св. Иеронимъ, Бурдина; 19. Иоаннъ Креститель, съ яес; 20. Голова старика, Лашина; 21. Битая дѣвица, Солтисова; 22. Внутренность комнаты, Чеботрица; 23. Голова мальчика, Ласкова; 24. Мальчикъ съ подсолнечникомъ, Бурдина.

б) Копія съ оригинальныхъ картинъ :

25. Пейзажъ съ картины Шедрапа, Иванова; 26. Пейзажъ съ картины Остаде, Антонова; 27. Положеніе въ гробѣ, съ картины Караваджіо, Федорова; 28. Иоаннъ Богословъ съ картины Доминикина, Бодилова; 29. Турчанка, съ картины К. Брюлова, Лашина; 30. Почъ, съ картины І. Верста, Вологодскаго; 31. Кузнецъ Иголкинъ съ картины Шебуева, Алафинова; 32. Невѣста съ картины Моллера, акварельная копія, Ершова; и 33. Меркурій, играющій на флейтѣ, барельефъ изъ воку, Пономарева.

Означенныя картины можно видѣть на выставкѣ Общества Поощренія Художниковъ, по Невскому проспекту, у Полцейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви, и тамъ же получить билеты по 1/2 руб. сер., у коммиссіонера Общества, почетнаго гражданина Андрея Премо.

Мы слышали, что билетовъ осталось не много, почему советуемъ желающимъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ поспѣшить.

Отъ художествъ перейдемъ къ болѣе вещественному искусству — къ печенію вафель. Кто изъ нашихъ столичныхъ читателей не впадалъ замѣчательной кухни — кареты, въ которую

сѣмшная вода влечетъ толпы любопытныхъ. Подумаешь, ухитряется же люди! Не знаешь, чему болѣе удивляться, изобрѣтательности ли чешовѣческаго ума и умѣнию его пользоваться слабостями ближнихъ, или странности тѣхъ, которые, дѣля съ себя отличныхъ поваровъ, страдающихъ вафли лучше всякихъ поварихъ въ мірѣ, стремятся-таки за рѣшетку Александринскаго свера. Но этого мало: Голландская вафля затронула гордость русскаго; она прилипла къ сердцу его, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя. Наконецъ, въ одно прекрасное утро русская гордость не вытерпѣла и создала вафлю, уничтожившую, низвергнувшую въ прахъ Голландскую вафлю!... Восторжествовала русская гордость и мы не безъ улыбки прочтали следующее объявленіе въ прибавленіи къ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ, объявленіе, въ которомъ торжествующая гордость съ трудомъ подчиняется условіямъ скромности :

ВАФЛИ.

Пріѣзжала пекарка вафель, печеніе которыхъ требуетъ особеннаго искусства, привлекла публику; нельзя не отдать справедливости искусству: (?) чтобы убѣдиться въ совершенствѣ печенія, Трактиръ Херсонскій, состоящій у Каменнаго моста въ домѣ Арсеньева, рекомендуетъ вафли приготовляемыя въ ономъ со всею тщательностію для самаго прихотливаго вкуса и надѣется оправдать предъ публикою превосходное искусство своего печенія, съ которымъ ничто сравниться не можетъ; (!?) входъ съ казавы.

Спѣшите, любители всякаго печенья... арена открыта... боины выступили... борьба завязалась... вафли затемяютъ воздухъ...

— У одного отпущеника, проживающаго въ Саратовскомъ уѣздѣ, случилось следующее несчастное происшествіе:

20 числа Іюня, довольно рано по утру, 15-летняя дочь его Марія, вышла на дворъ, и сѣла на ступени крыльца. Близъ крыльца сидѣла домашняя кошка, часто ею ласкаемая. Дѣвушка стала звать ее къ себѣ; но кошка, какъ бы не слышала зова ея, сидѣла спокойно. Она сошла съ крыльца, взяла кошку на руки, принесла въ избу, пала на плешь молока, оставила его нережь кошку, а сама пріѣхала къ ней и гладила ее по спинѣ. Къ молоку подошелъ котенокъ; дѣвушка хотѣла отогнать его рукою; но кошка оцепенилась, замурчала, прыгнула на нее, и такъ сильно вцѣпилась зубами въ ея ладонь, что дѣвушка цо всей ночи начала кричать. Въ эту пору пріѣзжалъ со двора отецъ ея, отпаялъ руку отъ зубовъ, и кошку въ ту жъ минуту убилъ ухватомъ. Оказалось, что кошка прежде, не дѣлая за дѣв, была укушена бѣшеною собакою, пробѣжавшею черезъ селеніе и скрывшеюся не извѣстно куда. Пригласили врача: разранили раны, и потомъ чрезъ нѣсколько времени застали пыхъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ дѣвучкою ничего не было. 7-го сентября она была на рѣкѣ и мыла бѣлье. Пришедши съ рѣки, она стала жаловаться на боль въ головѣ и сердцѣ. Родители въ другой разъ пріѣзгли къ врачу. Ей пушена была кровь изъ руки и унотреблены другія медичинскія пособія противу водобоязни, но не было отъ нихъ легче. Позвали священника, пріобщить ее; больной не говорила о родѣ болѣзни, но она говорила, что скоро умретъ и просила, чтобы родители благословили ее и приготовили къ смерти. Послѣ этого стала тосковать, кричать и рыдать; бѣшенство обнаружилось во всей силѣ. Въ предосторожность, сочли необходимымъ привязать ее кушаками къ кровати. Въ такомъ положеніи она пробыла сутки, и 9 ч. сентября, въ сильныхъ конвульсіяхъ, умерла.

При быстромъ развитіи водобоязни, лицо и несчастной было блѣдно, она и покрывалась холодными потомъ; глаза были мутные, дыханіе трудное, сопровождаемое вздрагиваніемъ; пѣз рта текла слюна бѣлая и клейкая.

— Въ заключеніе мы должны сообщить нашимъ читателямъ, что съ будущаго, 31-го номера, Редакція Иллюстрацій издастъ особое Приложеніе,

въ которомъ новый французскій романъ, вышедшій въ газетѣ «La Presse» и написанный четырьмя авторами, а именно гг. Мерс, Теобильдомъ Гомь, Виконтюмъ де Лозъ и Жюльемъ Сандо. Исриводъ этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ романа ввѣлъ на себя сотрудниковъ нашъ, П. Р. Фурманнъ. Поводомъ къ этому распоряженію есть желаніе сообщать нашимъ читателямъ интереснѣшій новости иностранной литературы, которыя по объему своему не могутъ войти въ столбцы Иллюстрацій. Надѣемся, что, по-крайней-мѣрѣ, хоть въ этомъ отношеніи ничто не будетъ бранить Иллюстрацій. А впрочемъ кто знаетъ!..

ДРАМАТУРГІЯ.

—

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

— Многие племменно и словесно спрашиваютъ, почему Иллюстрація до сихъ поръ не помѣщаетъ подробныхъ разборовъ о нашихъ театрахъ. На это одинъ отвѣтъ въ этомъ номерѣ заключается отчетъ о первомъ дебютѣ г-жи Ариу-Шаесси; другой отвѣтъ — Италійская опера, за исключеніемъ Рубини и Альбони, до сихъ поръ та же, что и въ прошломъ году. Неужели повторять пошллы фразы восхищенія, улавненія и набивать столбцы всякой вслащай? Мы еще не слышали оперы нашей виолонч. Г. Сальви дебютировалъ всего въ двухъ операхъ; г-жа Мольтини еще не появилась на сценѣ; гг. Ферратери и Корради также. Слѣдственно, въ чемъ же будетъ заключаться наша критика. Въ разборѣ пѣвилъ одной г-жи Виетти; потому что она пѣла въ трехъ операхъ, пѣзъ коихъ въ Семпрандѣ занимала уже такую роль, по которой можно уже судить о ея талантѣ. — На Нѣмецкомъ театрѣ — до сего времени еще не было особенно важныхъ новостей. О г-жѣ Повакъ в г. Левенбергъ не премнемъ отдать подробный отчетъ. Русскій театръ — раздѣляется на три части: Драма, Комедія и Опера. Въ первой вѣтъ Каратыгина и вѣтъ драмы. Въ Комедіи много прекрасныхъ талантовъ, но пора завязательныхъ бенефисовъ еще не наступила. Сентлербскій октябрьскій пѣсы обыкновенно не такъ замѣчательны, какъ пѣсы, играемыя съ ноября до карнавала. Отчего бы это? Причины ясны и не требуютъ столкованія. Впрочемъ, вышшіе сентябрь и октябрь богаче прежнихъ. Драма: Гасинъ, Заколдованный принцъ, Новая школа мужей, Мачеха и Палчерна; четыре большія новыя пѣсы, и деслятокъ волевилей все-таки если и не обогатили, то умножили нашъ репертуаръ. Изъ этого вы можете заключить, что каждое отдѣленіе нашего театра заслуживаетъ особенной статьи, которыя и послужатъ такъ-скажемъ, введеніемъ, въ еженедѣльную нашу драматургію, которая до окончанія театральнаго сезона будетъ пяти неразрывно. Остается упомянуть о Русской оперѣ. Кромѣ того, что мы слышали легкую оперу г. Бернарда съ удовольствіемъ; и старыя любимыя публики даются нѣрѣдка, а публика все-таки еще довольна. Признаемся, и мы финалемижъ къ этой публикѣ; съ нетерпѣніемъ всегда ожидаемъ субботней ашши. Что будетъ въ воскресенье на Большомъ театрѣ: не Жизнь ли за Царя, не Русланъ ли и Людмила, и ле Фрейшицъ или Робертъ? Право, эти оперы дѣлавали намъ такъ много удовольствія, что мы готовы ходять изъ одной благодарности слушаъ нашихъ заслуженныхъ артистовъ.

На прошедшей недѣлѣ было на Большомъ театрѣ представленіе въ пользу нашего любимаго пѣвца. О. А. Петрова. Пріятнѣе видѣть, что вниманіе, которое артистъ заслужилъ трудомъ и стараніемъ, не уменьшилось. Напротивъ; публика нѣсколько разъ обнаруживала громкими рукоплесканіями и вызовами, что умѣетъ дѣлать истинную заслугу, готова поддерживать отечествен-

ные таланты и не руководствуется судомъ тѣхъ исключительныхъ критиковъ, которые уверяли себя, будто кромѣ Италіянскаго пѣвца и Французской декламации ничего не могутъ слушать. Для этихъ не многихъ, но истинныхъ любителей музыки, для тѣхъ, на комъ основаны прочныя, необлечившія надежды существованія Русской Оперы, и Русскаго театра вообще, мы сочли нашею обязанностію помѣстить, при этомъ случаѣ портретъ бенефицианта и уверить ихъ, что въ отношеніи къ каждому Русскому таланту иллюстрація будетъ съ удовольствіемъ исполнять тотъ же долгъ, тѣмъ болѣе, что онъ пріятель и путѣшественъ. *Summ quique.*

Теперь обратимся къ Французскому театру.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

ПЕРВЫЙ ЛЕБЮТЬ Г-ЖИ АРНУ-ПЛЕССИ.

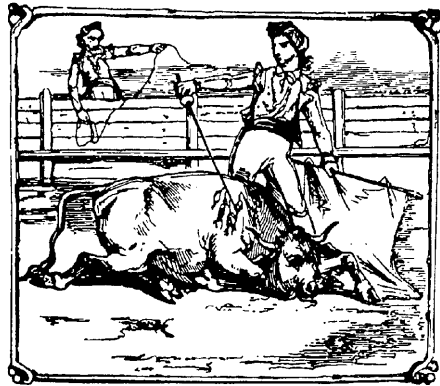
Грѣхъ сказать, что мы не умѣемъ привѣтствовать знаменитаго артиста, при первомъ его появленіи на нашу сцену; нѣтъ, мы не хуже другихъ хлопасемъ въ ладоши, и даже иногда не разбираемъ, кому. Бывало, мы встрѣчали громкими, неутомимыми рукоплесканіями и такихъ артистовъ, которые не въдали, откуда и за что имъ такая почестъ, — и тогда казалось, что мы это дѣлали потому только, что намъ весело бить въ ладоши, что намъ нравится самый процессъ рукоплесканій. Отчего же, при первомъ появленіи г-жи Арну-Плесси, руки наши поднимались такъ лживо, отчего мы ей не захотѣли показать нашего сочувствія аплодисментами?

Или мы наконецъ одумались? Или не рѣшились повѣрить на-слово славѣ женщины, которая замѣнила мѣсто безсмертной Марсъ? Или насъ было мало, которые знали, кто она, которые слышали объ имени первой актрисы Франціи? Но въ театрѣ не было мѣста пустаго, но въ ложахъ и креслахъ собралась наша лучшая публика, именно та публика, которой имя г-жи Плесси давно знакомо. Или эта женщина, молодая и прекрасная, полная жизни и таланта, не стоила нашего теплаго привѣта, она, которая для насъ оставила билетательнѣйшую сцену Европы, для насъ пожертвовала славой своего имени и публициемъ цѣлой Франціи? Или она не заслуживала этой встрѣчи, бѣдная, прекрасная женщина, которую въ эту минуту за насъ бранятъ и упрямую во всѣхъ газетахъ и журналахъ жесточескаго Парижа?

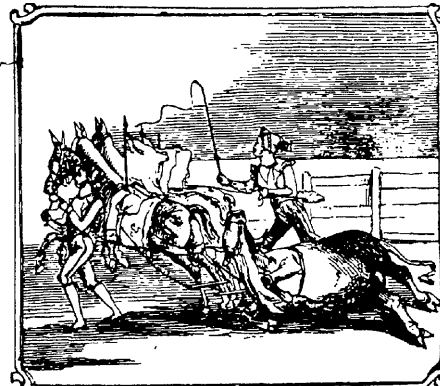
Тѣмъ болѣе чести для нея, что она съ первыхъ словъ, съ первой сцены умѣла побѣдить наше равнодушіе своей высокой и благородной игрой. И что же мы видѣли? чему же мы удивлялись въ этой игрѣ, чему аплодировали съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ, когда, наконецъ упала съ насъ эта странная ледяная кора? что поразило насъ? Не безумные крики, не отчаяныя тѣлодвиженія, не филигранные скачки одного конца сцены на другой, которые когда-то, въ игрѣ г-жи Альберъ принимались некоторыми наивными поклонниками ея таланта за высочайшее выраженіе драматическихъ страстей; не ликія гримасы, не коверканье лица, не закатыванье глазъ, что иные пѣз насъ величаютъ почетнымъ именемъ *лирики*.

Читатели наши знаютъ эту умную комедію Скриба *Le veuve d'eau*; стало быть: намъ не для чего разсказывать ея содержаніе. Главная для ея не въ уагтро-романтическихъ ситуаціяхъ, не въ отчаянныхъ движеніяхъ страстей, а въ тонкости приворной интриги, въ аристократическомъ тонѣ разговора, въ вырженіи каждого слова и каждого намека. Здѣсь каждая роль — задача артиста, потому что онъ не можетъ прибѣгать къ тѣмъ громкимъ и дешовымъ эффектамъ, которые дѣйствуютъ на массу; онъ долженъ разсчитывать на каждое слово, на каждый откликъ своей роли, и не выходить изъ нея, не забывая ни на минуту, ни своего имени, ни своего характера. А здѣсь имена все такіа громкія, что не всякому съ руки быть ихъ представителемъ, и въ этомъ отношеніи игра г-жи Арну-Плесси поразилась насъ своимъ высокимъ искусствомъ. Тутъ мы

видѣли и королеву и женшлу, которая скучаетъ подъ бременемъ своихъ тяжелыхъ обязанностей; женшлу, не рѣшительную и слабую, но добрую и чувствительную. Эти благородныя движенія, эти аристократическіе приемы съблали ее достойной представительницей той роли, которую она занимала; и это умѣнье давать каждому слову настоящій вѣсъ и значеніе, выразить взглядомъ,

Быкъ — трусъ.

Побѣда.

Бой съ флагомъ.

удареніемъ, паузой и самымъ маленькімъ откликомъ каждого положенія, изобличали великаго артиста, который не на обумъ раздирываетъ свои роли, но изучаетъ ихъ съ любовью и искусствомъ и передаетъ ихъ такъ, а не иначе, по глубокому артистическому соображенію. Для того чтобы оценить вполне эту благородную игру, нужно бы выписать каждую отдѣльную фразу и умѣть высказать ослзательнымъ образомъ, какое выраженіе, какую интонацію она ей давала; но мы отказываемся отъ подобнаго предпріянія ея игры, потому что у насъ не стаетъ на это ни словъ ни умѣнья. Эта высокая и благородная игра ожив-

ляла всю нашу публику; вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца; намъ, кажется, хотѣлось заглядѣть равнодушіе нашего пріема.

Г-нъ Алланъ занималъ въ этой игрѣ роль Бонифрока; но не смотря на наше уваженіе къ этому даровитому артисту, мы должны сказать, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ; мы не видѣли въ немъ ни хитраго придворнаго, ни благороднаго аристократа; впрочемъ, роль эта принадлежила Брессану, который именно пользуется тѣми качествами, которыя составляютъ необходимыя условія этого характера. Но какъ г-нъ Алланъ взялъ на себя только временное исполненіе этой роли, за отсутствіемъ Брессана, то мы должны благодарить его и за это снисхожденіе. Объ игрѣ г-жи Алланъ мы должны сказать то же самое, что говорили объ игрѣ ея мужа. Публика встрѣтила ее громкими и вполне заслуженными рукоплесканіями; но г-жа Алланъ, въ благодарность имъ за этотъ пріемъ, или въ ожиданіи попой, молодой и билетательной актрисы, кажется, ужъ слишкомъ много старалась, а потому и перекричала. Г-жа Александръ-Мейеръ была, по обыкновенію, мила и граціозна, роль свою она сыграла просто и безъ всякой претензіи.

Вслѣдъ за комедіей Скриба давали пьесу, тоже давно уже известную публикѣ, подъ именемъ *Faute de mieux*. Тутъ мы увидѣли г-жу Арну-Плесси и молоденькой и наивной дѣвушкы, своенравной и избалованной, въ которой всѣ маленькія волненія души мѣшались съ необыкновенною быстротою. И опять мы удивлялись и восхищались ея свободной, непринужденной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благородной и высокой игрой, ея граціозными движеніями, ея умѣньемъ говорить и произносить самыя простыя слова, самую обыкновенную фразу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отдали и полную справедливость тому удивительному искусству, тому гибкому таланту, съ какимъ она умѣла въ одинъ и тотъ же вечеръ отдѣлать и обрисовать двѣ такіа противоположныя роли. И если бы насъ спросили, какую изъ этихъ ролей она лучше сыграла, мы бы то же сказали въ простотѣ сердечной: объ лучше.

По окончаніи спектакля, знаменитую артистку вызывали нѣсколько разъ съядъ съ необыкновеннымъ и вполне заслуженнымъ восторгомъ; вѣты и букеты посыпались пѣз ложъ и креселъ и мы до слухъ поръ не понимаемъ, откуда взялось ихъ такое множество, потому что, судя по первому пріему, кажется никакихъ предварительныхъ приготовленій быть немогло. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ представленій и непремѣнно похвалимся съ вашими читателями тѣми высокими впечатлѣніями, которыя пропадутъ на насъ эта прекрасная и благородная артистка.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНІЯМЪ.

Полезныя открытія. Г. Делакроа представлялъ въ Парижскую Академію Наукъ доносеніе объ пѣмѣненіи, приуамапомъ пѣз въ способѣ, обыкновенно употребляемомъ для воспроизведенія растеній черенками. Опустивъ, какъ то обыкновенно дѣлается, обрѣзанную вѣтку въ маленькій сосудъ, наполненный водою, онъ съ помощію пилки плотно зажмаетъ кору въ части, находящейся въ сосудѣ; потомъ онъ зарываетъ вѣтку въ землю такимъ образомъ, чтобы сжатая часть находилась на нѣсколько линій надъ поверхностью земли. Въ этой точкѣ, вслѣдствіе скопленія спускающагося сока образуется нѣкотораго рода опухоль, изъ которой вскорѣ выходятъ отростки, опускающіеся въ землю. Но, смотря потому произведена ли перезавка на отросткѣ настоящаго года или на части коры, принадлежащей къ отростку прошлаго года, и результаты

бывают различны: в первом случае черенок сначала сильный, перестает вкормь расти и совершенно засыхает; в последнем растительность начинает весьма слабо, мало, но по прошествии нескольких дней живаеет и развивается с большою силою.

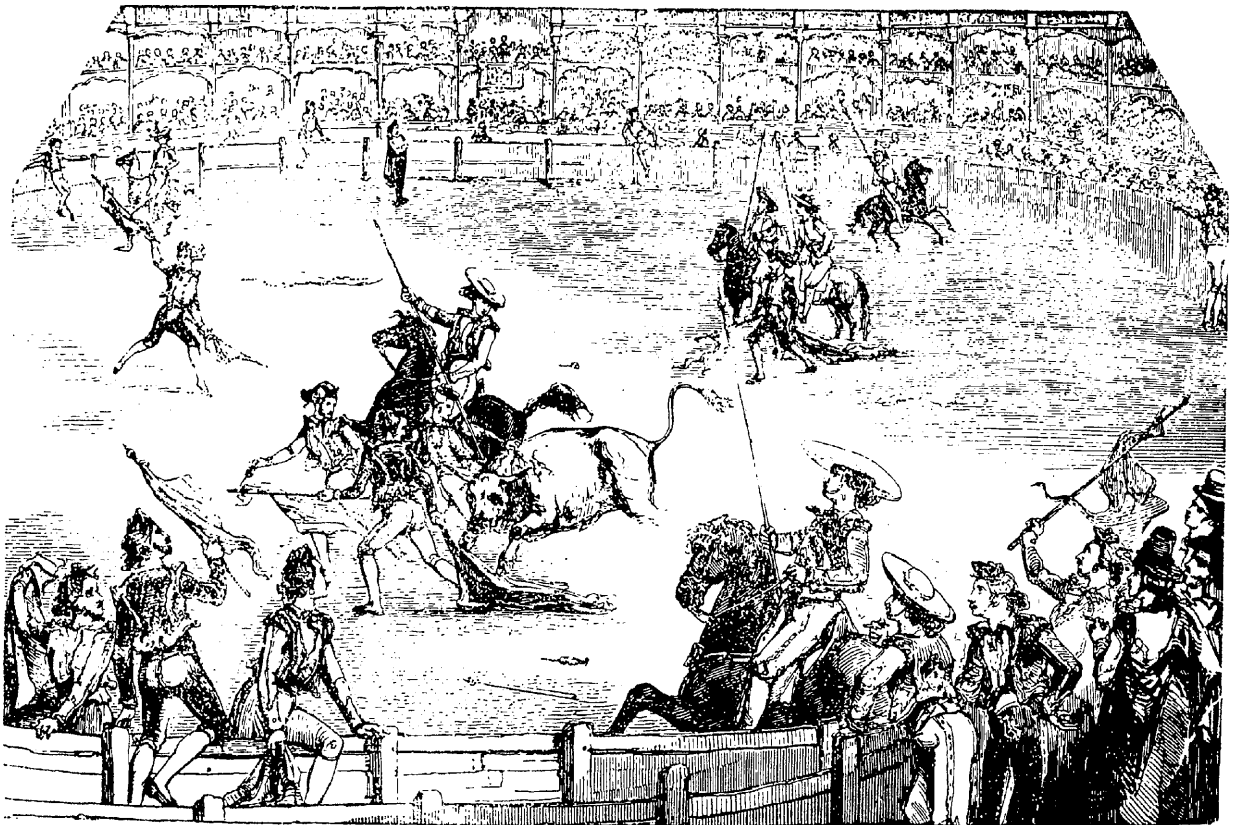
— Несколько месяцев тому назад мы извѣщали объ изобрѣтеніи перемѣнаго руля госпо-

времени и убежденный въ пользу своего изобрѣтенія, воротился въ Парижъ съ намѣреніемъ снова обратиться къ министру и твердо рѣшившись ѣхать въ Лондонъ, предложить свое открытіе тамошнему адмиралтейству, если министр не захочет или не будетъ уметь заставить уважить приказаній, имъ же данныхъ.

гонщика муловъ бросаютъ въ воду и спасаютъ. Во второмъ — отравляютъ и разотравляютъ. Въ третьемъ — вѣшаютъ; веревка рвется. Въ четвертомъ — бросаютъ въ огонь, но проливной дождь спасаетъ ее. Страшно! Но за что же ее такъ ужасно мучаютъ, эту бѣдную сестру? За то — между нами будь сказано — что, извольте видеть, того требуетъ политика! Вотъ что-сѣ!..

Ученіе за колд.

Бой съ быками.

диномъ Фукомъ. Мы сообщали и рѣшеніе комитета работъ при морскомъ министерствѣ, а именно то, что морской министръ приказалъ испытать этотъ руль на корветѣ или шлюпѣ, какъ нѣкоторые говорятъ, хотя и то и другое слово не русское и равно употребляются. Мѣстомъ производства опытовъ была назначена Тулонская гавань. Прибывъ туда, г. Фукъ каждаго день встрѣчалъ новыя препятствія; наконецъ, послѣ долгой борьбы, не желая долѣе терять напрасно

Иностранные театры. Въ Парижѣ, на театрѣ, «La Gaiteé» производится новая мелодрама театральнаго постановка г. Бушарди. Мелодрама эта называется «Сестра погонщика лошаковъ». Что сказать объ ней? Въ какую дверь вступить въ этотъ лабиринтъ и потомъ, съ помощію какой нити выйти изъ него? Эта сестра погонщика также сестра госпожъ Гаспардо и Лазари. Очень хорошо — что же дальше? Извольте прислушаться: въ первомъ дѣйствіи ее (сестру по-

Удивительныя вещи бываютъ на свѣтѣ — вводить, въ мелодрамахъ.

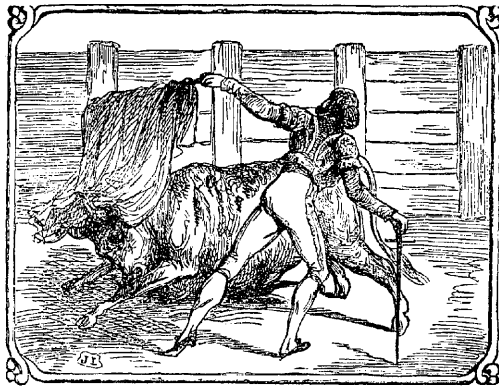
Кромѣ сего, иностранные театры обстоятъ благополучно.

Разныя извѣстія. Въ Каирѣ теперь устрояются великолѣпныя празднества по случаю бракосочетанія дочери пше-короля съ Кіамиль-Пашой. Ибрагимъ Паша, тоже ожидающій туда со дня на дня, въ дѣтствѣ отличавшейся по пре-

красному местоположению, дѣлаютъ величайшія приготовления. Цитадель лежитъ на вершинѣ холма и господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ; съ одной стороны видны въ отдаленіи пирамиды и Пилы, а съ другой прекрасные сады. Г-жа Барро-Бенелеттъ и многія другія европейскія дамы приглашены на бракосочетаніе. Празднества въ гаремѣ будутъ продолжаться, по-крайней-мѣрѣ, недѣлю и во все это время европейскія дамы будутъ заключены въ немя, не имѣя никакихъ сно-

зизъ нихъ хлынуло пламя. Пренія изверженія обыкновенно проходили изъ самой вершины въ Гекль по настоящему нѣтъ совѣтъ кратера; по въ этотъ разъ пламенный рѣкъ полился изъ боковъ горы. Частныя иныма изъ Рейнья ика, отъ 15-го октября сообщаютъ, что до сихъ поръ изверженіе не произвело особеннаго опустошенія въ окрестностяхъ, такъ какъ разсѣлины, изъ которыхъ стремятся огненные массы, находятся, по счастью, на сѣверъ и сѣверо-западъ горы, по-

рять, тѣсно пекать смерти. Наконецъ онъ встрѣтилъ ее на аренѣ въ любимомъ игривѣ Испанцевъ. Говорятъ, что несчастная любовь заставила Хуана цѣкать смерти и— онъ умеръ при неслетовыхъ рукоплесканіяхъ тысячи зрителей. Впрочемъ это уже не первый случай подобнаго рода. Вельможи испанскіе, подобно древнимъ Римлянамъ, часто выходятъ на арену, совершаютъ ловкость въ джюксти и сѣбности съ торреадорами и оспаривать у нихъ рукоплесканія публики.

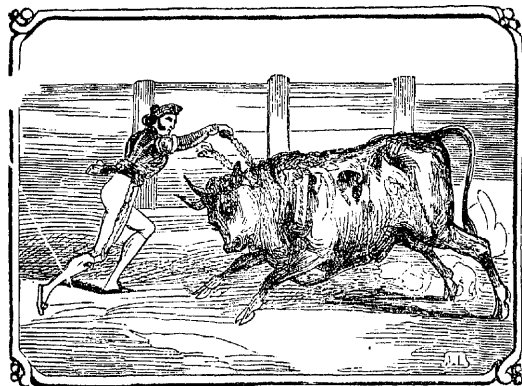

Бой съ флагомъ

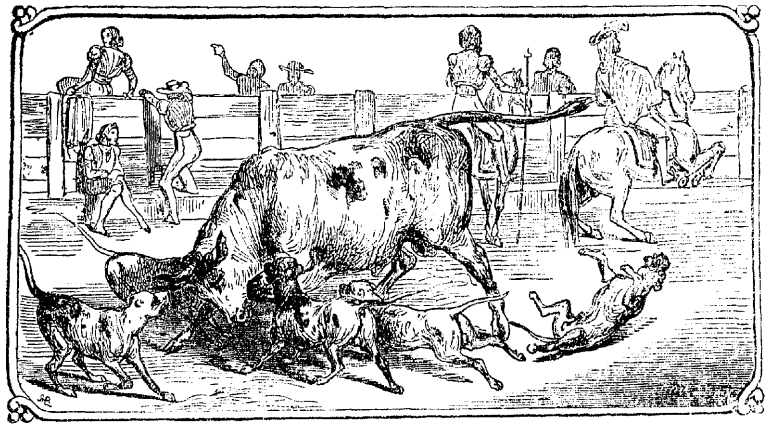
шеній даже со своими мужьями. — Съ нѣкоторыхъ поръ разливы Пила были весьма благотельны; была надежда, что онъ будетъ таковъ же и въ нынѣшнемъ году, но вмѣсто того, чтобы достигнуть обыкновенной высоты въ 21—22 фута, вода достигла только вышины въ 20 футовъ, а потому она покрываетъ Нижній Египетъ, но весьма недостаточнымъ образомъ орошаетъ Верхній, отчего жатвы могутъ значительно по-

сѣбству съ которой пахотятся однѣ безплодныя пустыни. Кроме того вѣтеръ, безирестанно дувшій съ юга и юго-востока, нагналъ къ сѣверу золу и пепелу, которую во множествѣ извергала гора. Въ парахъ и дымѣ не видно было вершинъ горы. Нѣкоторыя стада, пасшіяся на равнинѣ сгорѣли. Вода въ соседнихъ рѣкахъ до того нагрѣлась, что форели выскакивали на берегъ или всплывали мертвыя. Хотя лава и зола летѣли къ

Членъ одной изъ знатнѣйшихъ Португальскихъ фамилій недавно погибъ подъ рогами быка; этотъ знаменитый торреадоръ только что перескочилъ черезъ быка, какъ послѣдній скоро оборотился, боднулъ его сзади и убилъ на мѣстѣ. Во время нашего путешествія на Испанію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, однѣ изъ начальниковъ Французской арміи захотѣлъ также сравняться съ быками; его сила, ловкость и храбрость до-

Безоружный Торреадоръ.

Бой съ собаками.

страдать. Правительство обратило вниманіе на это обстоятельство и послало приказанія ко всѣмъ губернаторамъ, собрать справки о количествѣ имѣющагося прованта; если оно окажется незначительнымъ, то правительство воспретитъ вывозъ его.

— Копенгагенскія газеты извѣщаютъ слѣдующее объ изверженіи Геклы :

« Въ ночь на 2-ое сентября послышался страшный подземный грохотъ, поразившій всѣхъ жителей ужасомъ. Этотъ грохотъ продолжался безпрерывно до полудня 2-го сентября; тогда въ горѣ съ ужаснымъ трескомъ образовались щели и

сѣверу, однакожъ даже 11-го сентября сѣверные жители, а 15-го и сѣверо-восточные ничего не знали объ изверженіи. ни замѣтили только весьма легкое землетрясеніе. Въ восточной же сторонѣ явственно слышали грохотъ и ревъ, сопровождавшій изверженіе, но его приняли за отдаленный громъ.»

— Въ Мадридѣ не давно былъ бой быковъ, на которомъ погибъ молодой неустрашимый Хуанъ де Вальдивіеро, принадлежавшій къ знатной фамиліи и любителемъ выступившій на арену. Хуанъ де Вальдивіеро служилъ въ послѣдніе два года въ Алжирской арміи, гдѣ онъ, какъ гово-

ставили ему честь быть причисленнымъ къ любимѣйшимъ торреадорамъ испанской публики: честь не маловажную и высоко-цѣнную въ Испаніи. Неполитъ, какъ испанцы, народъ благородный и вовсе не жестокой отъ природы, могутъ быть такъ страстно привязаны къ злымъ играшкамъ, сопровождаемымъ пролитіемъ крови людей и животныхъ. Бой съ быками, столько же любовителенъ въ своихъ подробностяхъ и столько же замѣчательенъ, какъ черта народнаго характера, какъ побойща гладиаторовъ и дикихъ звѣрей, борющихся въ циркахъ древнихъ римскихъ городовъ. Хотя побойща быковъ, также какъ игры

Римлянь, причислены къ увеселеніямъ простаго народа, однакожь всѣ Испанцы бгугутъ смотрѣть на нихъ; каждое сословіе имѣетъ своихъ представителей на скамьяхъ амфитеатра, наполненнаго даже знатнѣйшими женщинами. Эти боюшца подчинены нѣвѣстнымъ законамъ, нѣвѣстными правилами; *торреадоры* или противники быковъ бывають конные или пѣшіе, вооруженные или невооруженные. Въ первомъ случаѣ нѣскольکو всадниковъ, вооруженныхъ конями, на подобіе уланскихъ пикетъ, выстраиваются въ одну линію, одинъ за другимъ, на пятьдесятъ шаговъ разстоянія, устремивъ взоры на дверь, находящуюся на противоположномъ концѣ мѣста битвы. Эта дверь ведетъ къ нѣкотораго рода стойламъ, въ которыхъ содержатся быки. Когда всадники зашлутъ свои мѣста, то сторожа быковъ колютъ ихъ желѣзными иглами, чтобы привести ихъ въ бѣшенство и вскорѣ ревь, причиняющій больно и вмѣстѣ яростью, даетъ знать зрителямъ, что минута, столь нетерпѣливо ожидаемая, приближается.

Дверь отворяется и на арену выходятъ быкъ. Онъ съ яростію вырывается изъ стойла. При видѣ всадника, неподвижно его ожидающаго, онъ останавливается, какъ бы довольный тѣмъ, что находитъ, на коихъ отомстить претерпѣнныя страданія; быкъ роетъ землю передними копытами, изрѣдка, отрывисто, дико вскрикиваетъ, потомъ вдругъ, съ ужасающею быстротою, бросается на своего противника. Тотъ неустрашимо ожидаетъ его.

Въ то самое мгновеніе когда быкъ, приближаясь къ своему сопернику, наклоняетъ голову, чтобы боднуть его, всадникъ отскакиваетъ съ лошадыю въ сторону, пускаетъ ее въ галопъ и разламываетъ шкуру, вонзая ее въ шею быка. Еще болѣе разиренный полученной раной, быкъ вскорѣ встрѣчается лицомъ къ лицу со вторымъ всадникомъ и бросается на него. Этотъ поступаетъ также, какъ и первый; несчастное животное получаетъ новый ударъ и съ болѣею еще яростію бросается на третьяго своего противника. Этотъ не ровный бой продолжается до тѣхъ поръ, пока быкъ, изнуренный злобой, больно и потерю крови, падаетъ на мѣстѣ.

Иногда, однако же, встрѣчи его со всадниками имѣють другую развязку. Если всадникъ не много оплошаетъ въ критическую минуту, то лошадь его, пораженная рогами быка, падаетъ; тогда, чтобы избѣгнуть стыда и безчестія, торреадоръ, выбитый изъ седла, долженъ пѣшій и со шпагою въ рукѣ сражаться съ быкомъ, и отомстить за смерть своего коня. Во все время этого боя зрители, отъ вниманія которыхъ не ускользаетъ ни одно движеніе сражающихся, судятъ съ величайшимъ безпристрастіемъ, аплодируя то быку, то торреадору и крича: bravo, быкъ! или: bravo, всадникъ! съ одинакимъ восторгомъ.

Когда же торреадоры сражаются пѣшіе, то бой кажется болѣе равнымъ, потому что одинъ человекъ выходитъ на арену, чтобы померяться ловкостью и силой съ быкомъ. Торреадоръ тогда бываетъ вооруженъ шпагою и держитъ въ лѣвой рукѣ шестъ, къ которому привязанъ маленькій красный флагъ; онъ также становится напротивъ дверей. Лишь только разиренный быкъ завидитъ красный флагъ, развѣвающійся предъ его глазами, какъ увлеченный природной антипатіей своей ко всѣмъ яркимъ цвѣтамъ, бросается не на человека, но на флагъ, который торреадоръ держитъ нѣсколько въ сторону. Еслибы торреадоръ захотѣлъ, то могъ бы въ ту же минуту окончить бой, вонзивъ шпагу свою въ горло животнаго, но чтобы показать, что онъ не страшится его, онъ удерживается, показывая, однако же, всякій разъ, что онъ могъ бы убить быка. Смертельный же ударъ онъ наноситъ утопившись самъ и утопивъ быка. Иногда торреадоръ, недовольствуясь опасностію, которой подвергается во время нападенія быка на флагъ, упрягаетъ одну ногу между рогами въ голову быка, когда тотъ ее наклоняетъ и перескакиваетъ черезъ не-

го, къ величайшему удовольствію зрителей. Часто быкъ, какъ бы самъ забавляясь этою игрой, продолжаетъ бросаться на флагъ, но случается и то, что быки, болѣе смирные или смешанные, понимаютъ, что ихъ дразнить и перестаютъ напрасно нападать на развѣвающійся флагъ. Ни крики, ни горькія насмѣшки зрителей, ни оскорби-

шии зрителей, вопзаетъ шпагу по бѣсу въ горло быка, но тѣлу котораго пробѣгаетъ легкая дрожь... онъ остается еще минуту на ногахъ и, наконецъ, упадетъ мертвый на землю.

Когда торреадоры должны сражаться невооруженные, то ихъ биваетъ не менѣе двѣнадцать и всѣ они бросаются на быка, атакуя его сше-

Ибрагимъ-Паша.

тельными названіями, сыпящаяся на быка со всѣхъ ступеней амфитеатра, ни удары торреадора не могутъ расшевелить мирнаго расположенія духа бѣднаго животнаго, спокойно прохаживающагося по аренѣ; но этихъ самымъ онъ рѣшаетъ свою

реду, сзади и съ боковъ. Онъ однакоже довольно долго долженъ бѣгать отъ быка, пока не найдетъ удобной минуты напасть на него: тогда онъ бросается на него со всѣхъ сторонъ, схватываютъ его за ноги, за хвостъ, за рога, и наконецъ сее-

Мехмедъ-Али.

участъ. Когда публика замѣчаетъ, что всѣ старанія ея возбудить храбрость быка напрасны, то, раздосадованная, она произноситъ приговоръ его и со всѣхъ сторонъ раздаются крики на смерть! на смерть! Приговоръ тотчасъ же приводится въ исполненіе: торреадоръ, почтительно поклонив-

шными силами опрокидываютъ. Но рѣдко проходитъ безъ того, чтобы нѣкоторые изъ нападающихъ не получили ранъ, и даже часто быкъ отомщаетъ побѣду непріятелей смертію одного изъ нихъ.

За трагедіей слѣдуетъ подвѣсъ: бой въ кото-

ромъ одинъ торреадоръ долженъ сражаться съ быкомъ пять, вмѣсто великаго оружія, одну бочку, которая служитъ ему убѣжищемъ. Онъ прыгаетъ въ нее при приближеніи быка, который ударяетъ въ нее рогами, подымаетъ ее на рога, бросаетъ вверхъ или катитъ передъ собою. Ударъ шпагой въ сердце животнаго оканчиваетъ эту игру, когда она надобна зрителямъ.

Иногда къ рогамъ быка, къ самому острому концу ихъ прицѣпляютъ деревянные шары, а въ рукахъ у торреадоровъ пики и шпаги съ тупыми концами. Они совершенно довольны только тогда, когда должна пролиться кровь, когда штукъ двадцать быковъ должны быть убиты и когда есть надежда, что нѣсколько торреадоровъ останутся на мѣстѣ. Въ эти торжественные случаи ни одно мѣсто въ амфитеатрѣ не остается незанятымъ и бой быковъ служитъ предметомъ разговоровъ для всего города.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

МОГИЛА.

Надъ одинокою могилой
Вѣра зеленая стоитъ;
Подъ той вѣрбою старецъ хилый
Съ малюткой-внучкою сидитъ.

Поетъ рѣзвушка надъ могилой —
Въ лицѣ горитъ огонь живой;
Вздыхаетъ молча старецъ хилый,
Началъ грустно головой.

— О чѣмъ ты, дѣлушка, вздыхаешь?
Спросила внучка у него:
Въ могилѣ этой — вѣдь ты знаешь —
Намъ нѣтъ роднаго никого.

«Въ могилѣ этой нѣтъ роднаго;
Сама могила мнѣ родня,
И каждый часъ она готова
Принять въ объятія меня.»

И онъ прибавилъ внучкѣ:
«Родня могила и тебѣ, —
И эту русую головку
Когда-нибудь возьметъ себѣ.»

К. Карамышев.

=

ПРИЗРАКИ.

Есть люди въ памяти моей,
Которыхъ видѣлъ я когда-то,
Судьба меня и тѣхъ людей
Ничѣмъ не связывала свято.
Любви не могъ я ждать отъ нихъ,
Боятся ихъ едва ли можно.
Трѣпа въ себѣ стоитъ помнить ихъ,
А позабыть ихъ не возможно.

С. Дуровъ.

ПЕРЕПИСКА.

Въ Редацію поступила статья подъ заглавіемъ: Путешествіе по чужимъ изданіямъ; по содержанию принадлежитъ къ перепискѣ и ниже слѣдуетъ:

Путешествіе по чужимъ изданіямъ.

На дняхъ, все съ тою же газетою, случилось истинное несчастіе: у нея пивоваръ упалъ въ котелъ и не потонулъ, а «задохся», отъ разныхъ причинъ, и между прочимъ также отъ «давленія воздуха.» Это уже точно несчастіе, и иначе выразился нельзя; единственный случай въ своемъ родѣ: всѣхъ насъ душитъ и давитъ атмосфера наша, всюю тяжестью своею, и мы не задыхаемся; а тутъ — какъ нарочно, она бѣднаго пивовара задавила. Случай во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный — «задохся» отъ «давленія!» — Во первыхъ, давленіе можетъ только задавить; а во вторыхъ, давленіе воздуха въ котлѣ тоже, что и надъ котломъ и подлѣ котла и подлѣ котломъ... Это истинное несчастіе!

Но бѣда, точно, не по лѣсу ходитъ, а по лядямъ; а пойдеть бѣда — растворитъ ворота! По этому та же самая газета открыла, на бѣду свою, такую серебряную руду, которая даетъ «съ фунта 36-ть лотовъ серебра...» Да, эта руда богатѣйшая въ мірѣ, безъ всякаго сомнѣнія, потому что вы вѣроятно еще видомъ не видали, слыхомъ не слышали о фунтѣ, въ которомъ, за исключеніемъ не мѣше въсомыхъ землянистыхъ и другихъ частей, одного серебра «36-ть лотъ!» Укладистъ былъ, покойникъ, этотъ фунтъ — нечего сказать!

Въ No 228-мъ Поллицейскихъ Вѣдомостей, одинъ Саратовецъ потрудился сдѣлать полезное и добросовѣстное изысканіе, о степени справедливости замѣчанія, что погоду можно предсказывать, судя по направленію вѣтра 30-го Марта и 12-го Сентября и. ст. Въ концѣ статьи сказано: «И такъ, изъ пятилѣтнихъ наблюденій въ нашемъ климатѣ, одно только въ 1842 году не оправдываетъ правила метеорологовъ англійскихъ.» Одинъ профессоръ физики сталъ показывать и объяснять извѣстное орудіе, водяной таранъ. Объяснивъ все и пустивъ его въ ходъ, профессоръ къ удивленію своему видитъ, что вода не бѣжитъ: Отчего бы это? Слушателей много, совѣстно стать предъ ними въ пень — и профессоръ мой пустился въ предлинныя объясненія, о вліяніи погоды на дѣйствія тарана и отправился было взглянуть на барометръ, который-де вѣрно опустился. Но прислужникъ остановилъ его преспокойно замѣчаніемъ, что онъ «еще и не паливалъ воды въ таранъ,» а по этому она и не можетъ подняться. Тоже случилось съ Саратовскимъ наблюдателемъ: 30-го Марта и 12-го Сентября и. ст., онъ перекладываетъ на наше счисленіе не такъ какъ люди дѣлаютъ, вычтя по 12-ти дней, — а онъ «прибавляетъ» еще по 12-ти дней, удалившись такимъ образомъ отъ того дня, на которомъ должно было основано наблюденіе, почти на цѣлый мѣсяцъ — на 24 дня!..

Впрочемъ, это ничего; благо расчетъ вышелъ вѣренъ и наблюденія подтверждаются на дѣлѣ. Одинъ только 42-й годъ не много заурядился. Можетъ быть это былъ годъ необыкновенный.

Г. Русопяту. Если бы нашего «Батрака» маленько почистить отъ нѣкоторыхъ не ловкихъ для иллюстраціи словъ, то мы бы помѣстили его съ удовольствіемъ. Содержаніе забавно.

Г. Д. Г. Р. Право хорошо. Да небрежность портитъ и хорошее.

Г. Д. А. Также хорошо. Но побольше отдѣлки.

Г. А. В.—скому на письмо отъ 7-го Октября. Многія изъ вашихъ обязательныхъ сожалѣній справедливы. За сообщеніе — благодаримъ. Очень было бы намъ пріятно, если бы ваше желаніе исполнилось, а это не такъ трудно какъ вамъ кажется. Сообщайте не обработанные материалы; очерки всего достопримѣчательнаго, по вашему мнѣнію; остальное лежитъ на обязанности нашей.

Г. Н. П. К. Пековой губерніи въ г. Холмъ. Будеть помѣшено.

Г. Л. Д. л. Г... Вашъ «Отвѣтъ» будетъ помѣщенъ, коль скоро откроется для него мѣсто; потому что въ иллюстраціи въ этомъ отдѣленіи — давка. Не знаешь какъ удовлетворить всѣмъ, и потому заводимъ очередь.

Г. Карамышеву въ Одессу. Будутъ помѣщены.

И. О. Антипицу. — Муза ваша очень хороша и поставлена по выше объявленному правилу на очередь. Не сердитесь что мы не позволяемъ себѣ исключеній.

Г. Мих. Михайлову: поступили на очередь.

Г. Н. П.—ову. Странно если думаете, что иллюстрація увлекается духомъ личности, и потому только, что творецъ всякой величины съ приличіемъ ему горячностью нападаетъ на нашихъ наборщиковъ, мы уже готовы помѣтитъ все, чѣмъ только раздраженное самолюбіе авторовъ желаетъ поразить творца всякой величины. Такимъ образомъ пожалуй еще творецъ всякой величины разсердится и перестанетъ писать объ иллюстраціи; остановится поднеска; съ тѣхъ поръ, какъ носелъ канцукъ всякая величина вооружилась противу иллюстраціи, прибавилось его пятьдесятъ подписчиковъ. Это фактъ, а не шутка! Такъ неужели вы хотите рассорить насъ со всякой величиной? — Что мы вамъ сдѣлали такого? Чѣмъ обидѣли? Извините!

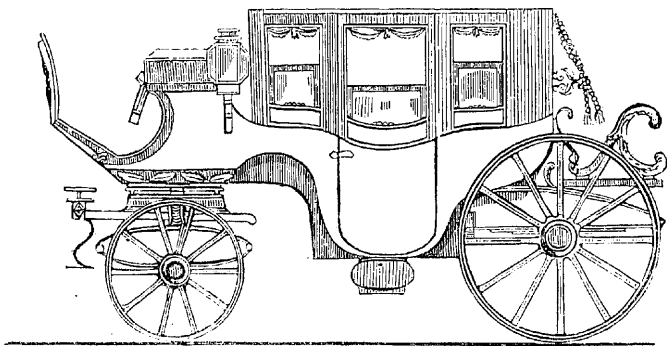

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

На французскомъ театрѣ идутъ дебюты г-жи Арну-Плесси. На вѣнскомъ дебюты г-жи Повакъ и г-па Левенберга. На русскомъ на будущей педѣль въ бенефисъ г-на Григорьева б. пойдутъ водевилы: 1) Букетъ или Петербургское свѣтѣобсѣіе, сочиненіе одного изъ любимѣйшихъ нынѣ писателей въ юмористическомъ родѣ. Это первый его драматическій

опытъ. 2) Смѣхъ и горе съ домашнимъ Театромъ и 3) Мужъ! достань мнѣ собачку! —
 Г. Сальви уже оправился послѣ болѣзни и вчера пѣлъ въ оперѣ Elisir d'amore, партію Неморино. На слѣдующей недѣлѣ пойдетъ опера Верди I Lombardi (г-жа Молтиси, гг.

Тамбурини и Сальви). Опера, какъ мы слышали обставлена великолепно; много новыхъ декораций; изъ нихъ съ особенною похвалою отзываются о двухъ, представляющихъ виды Иерусалима.

ВѢНСКАЯ КАРЕТА.

Скоро въ экипажахъ и домахъ совершенно остаются эстетикъ; а будутъ думать объ одномъ только удобствѣ. Чѣмъ отличается въ парижскомъ видѣ предлагаемая вѣнская карета отъ нашихъ древнихъ колясокъ?.. право извѣстна не больше, но за то необыкновенное удобство весьма много способствуетъ распространенію этихъ экипажей.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАГО ИЗДАНІЯ:

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

принимаются заказы по печатанію всякаго рода

ИЛЛЮСТРОВАННЫХЪ

адресовъ, фактуръ, ярлыковъ, объявленій, обертковъ и т. п., по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Типографія находится по Итальянской улицѣ, противу Михайловскаго мостика, съ дома подручника Атекелъ са.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

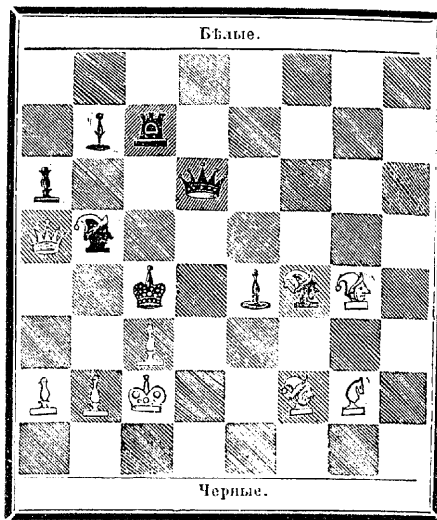
РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 27.

Бѣлые. Черные.

1. Ф. бер. Пѣнку	П. бер. Фер. (лучш. ходъ).
2. П. С. Ф. 1 мѣсто.	Ф. б. П. Л. что на 3 м. Л. Кор.
3. С. л. Ф. на 7 м. Копа	Кор. бер. Слопа.
4. П. С. Ф. на 8 м. К. (Ф.)	Кор. на прежнее мѣсто.
5. Ф. на 8 м. св. Л. и матъ.	

ЗАДАЧА № 29.

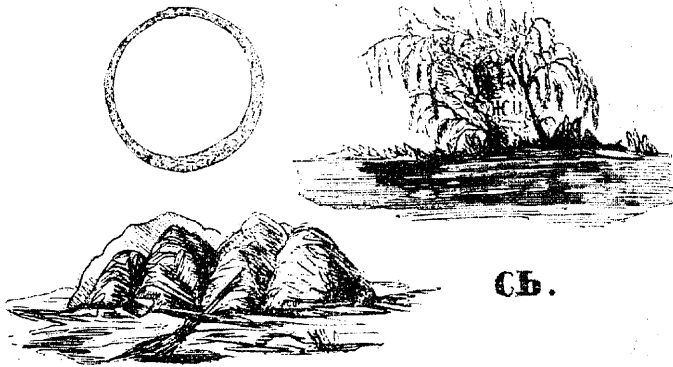
Бѣлые даютъ матъ въ три хода.

РАЗГАДКА № 28.

- 1) Часть. — То. — Те сами надать. — Котъ. — оры въ ВІ. — согъ. — осмотръ — агъ.
- 2) Часто тѣ сами надать, которые высоко сморятъ.

ЗАГАДКА № 29.

СЪ.

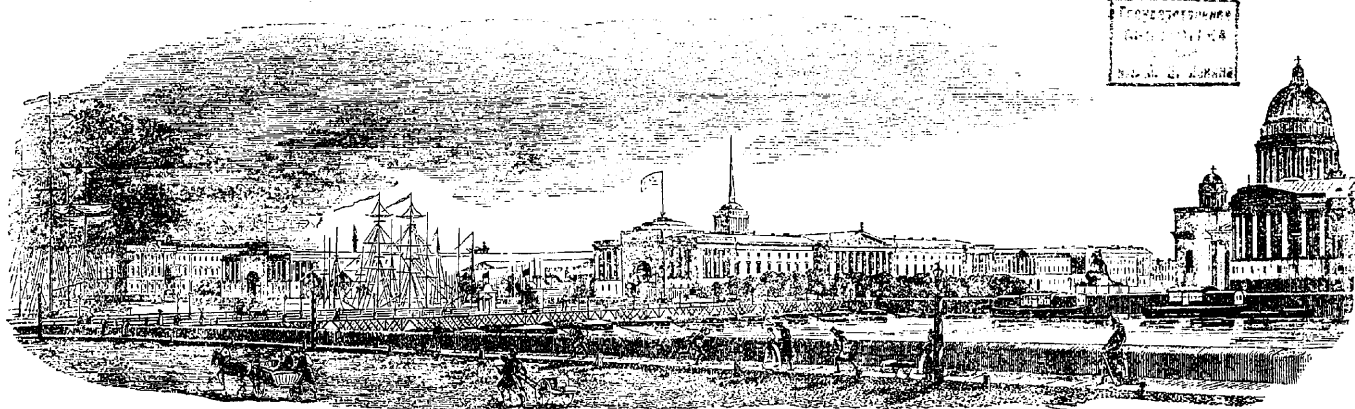
СОДЕРЖАНІЕ : 1) Два моряка, рассказъ Мери. П. Ф. 2) Путешествіе по всей Россіи. 3) Вивакъ и балъ, рассказъ Ничитора Кудена. 4) Ежедневникъ. — 5) Драмагурія : Санктпетербургскіе театры. 6) Странствователь по чужимъ палаціамъ. 7) Стихотворенія : 1. Могилы, К. Картамышева. 2. Пирамиды, С. Дарова. 8) Переписка. 9) Театральный вѣстникъ. 10) Вѣнская карета. 11) Игры и Шахматы. 12) Загадка.

ГРАВЮРЫ : 1) Лечебное заведеніе въ Старой Руссѣ. 2) Мостъ черезъ Волховъ въ Новгородѣ. 5) Соборъ св. Софій въ Новгородѣ. 4) Благовѣщенскій монастырь въ Новгородѣ. 5) Вивакъ и балъ, 4 гравюра. 6) Императорская Академія Художествъ. 7) Портретъ О. А. Петрова. 8) Бой быковъ (3 гравюры). 9) Ибрагимъ Паша. 10) Мехмедъ-Али. 11) Вѣнская карета. 12) Загадка. Всего 20 гравюръ.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЩНАГО.

Съ доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 50. — Суббота, 5 Ноября 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

КЛАВИ-ОРКЕСТРЪ,

новый музыкальный инструментъ,

изобрѣтенный въ Петербургѣ.

Въ прошлом номерѣ иллюстраціи мы только мимоходом упомянули объ этомъ чудномъ и могущественномъ инструментѣ, которому навѣрное нѣтъ подобнаго въ мірѣ. Не зная какъ назвать, мы окрестили его Universal Klavier; но теперь, вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, предпочитаемъ дать ему имя клави-оркестръ. Въ самомъ дѣлѣ, это полный оркестръ, который приводится въ дѣйствіе посредствомъ клавиатуры. Два даровитые артиста, учений канцелямейстеръ В. М. Кажинскій, и превосходный фортепьянистъ, Ф. П. Шаллеръ, разыграли при насъ почти всего Моцартова «Допъ-Жуана», и мы не можемъ высказать эффекта, произведеннаго въ насъ этимъ волшебнымъ инструментомъ, который, естественнымъ прибавитъ, созданъ русскимъ умомъ и исполненъ здѣсь подъ руководствомъ изобрѣтателя. Мы слушали съ удивленіемъ и восторгомъ эти чистые, вѣрные, полные, безконечно разнообразныя звуки, то сильные какъ громъ, то пѣкыые и сладкіе какъ весенній воздухъ; звуки, которыхъ timbre безпрерывно измѣняется по волѣ музыканта, раздаваясь попеременно или вмѣстѣ всѣми известными инструментами оркестра, и не рѣдко представляя изумленному слуху тоны какихъ-то новыхъ, девственныхъ инструментовъ, удивительной пріятности и силы. Замысловатость весьма сложнаго, но вмѣстѣ прочнаго, механизма, посредствомъ котораго всѣ эти перемѣны совершаются подъ пальцами играющаго, не менѣе удивляла насъ, слушателей. Прибавимъ, что инструментъ еще не выдѣлѣнъ окончательно: онъ построенъ необыкновенно скоро, если принять въ соображеніе, сколько цужно было сдѣлать опытовъ, сколько разъ передѣлать сдѣланное, сколько преодолѣть акустическихъ и механическихъ трудностей, чтобы для каждой изъ безчисленныхъ подробностей добиться до желаемаго совершенства въ дѣлѣ, не забудьте, небываломъ, не имѣющемъ образа, не известномъ употребляемымъ работникамъ. Все время постройки, съ опытами, продолжалось не болѣе двадцати шести мѣсяцевъ; но изобрѣтатель, такъ нетерпѣливо желавъ поскорѣ насладиться своимъ созданіемъ, что нѣкоторые весьма интересные регистры, уже совсѣмъ готовые, не поставлены на свои мѣста, для

того только, чтобы на прочихъ можно было играть въ день переѣзда семейства его съ дачи въ городъ. Инструментъ будетъ совершенно оконченъ только будущимъ лѣтомъ, когда владѣльцы его снова удалятся на дачу, направившись въ теченіе зимы на томъ, что уже приведено въ порядокъ и что само по себѣ производитъ эффектъ богатаго оркестра, оправдывая названіе, выставленное нами въ началѣ этой статьи.

Мы сказали, въ прошлом номерѣ, что многие «инструменты» клави-оркестра превосходятъ тѣхъ, которыхъ они стараются «подражать». Это требуетъ поясненія. Подражанія настоящаго тутъ нѣтъ: почти всѣ инструменты — натуральные, то есть, такіе, на которыхъ играютъ въ оркестрѣ. Кларнеты клави-оркестра — подлинныя, неподдѣльные кларнеты, устроенные по формѣ и образу обыкновенныхъ кларнетовъ. Флейты — подлинныя флейты. Гобой, валторны, трубы, тромбоны, фисгалеты, фаготы, и проч., тоже подлинныя, по устройству своему, а не подражанія. Струнные инструменты (контрабасы, виолончели, альты, скрипки и арфы) играютъ на чистыхъ струнахъ. Но звуки, которые издаются этими различными инструментами, за прижатіемъ клавиша или педали, часто, превосходятъ звуковъ настоящихъ оркестральныхъ инструментовъ: они, или полнѣе, или мягче или разнообразнѣе. Важнѣе всего то, что каждый регистръ, или рядъ инструментовъ, который въ оркестрахъ всегда имѣетъ только одинъ timbre, здѣсь измѣняетъ свой timbre при помощи педалей по три и по четыре раза, сглаговаясь, то рѣзче, то вѣжнѣе, то полнѣе и сильнѣе, то поощимъ и вибрирующимъ. Возьмемъ, наприимѣръ, регистръ флейтъ: онъ четыре раза перемѣляетъ свой тембръ: сперва «обыкновенная флейта», отлочно-хорошая; потомъ та же флейта съ «поощимымъ» страннымъ тембромъ, удивительно сладкимъ, съ переливами и дрожаніями, кодачныхъ въ подлинной флейтѣ нѣтъ; наконецъ, флейта съ «тенорнымъ фистульнымъ тембромъ», очень звучнымъ, очень поощимымъ и вибрирующимъ. Оба «поощимыя» тембра флейты позволяютъ дѣлать legalissimo и даютъ хроматическіе гаммы съ такою быстротою, котораго не достигнетъ doigté отличнаго флейтиста. Изъ этого вы видятъ, что уже на одномъ этомъ регистрѣ, употребляя попеременно четыре разные тембра, можно очень пріятно инструментировать разнырявасую піэсу и произвести удивительный эффектъ.

Каждый изъ читателей, хоть нѣсколько знакомый со свойствами обыкновенныхъ инструментовъ, конечно замѣтилъ уже въ этомъ описаніи многое несбыточное для обыкновенной флейты и превосходящее всѣ ея средства; но мы сохранили на самый конецъ самое важное обстоятельство: флейты клави-оркестра дѣлаютъ crescendo, производятъ «переливы голоса» (portamento), какъ скрипка, и даютъ баспословное «pianissimo». Объ этомъ на обыкновенной флейтѣ и понятія получить невозможно. Вы знаете, что коренное свойство всякой клавиатуры — staccato, болѣе или менѣе рѣзкое. Получить настоящее legato на клавиатурѣ почитается величайшею трудностью въ инструментальномъ дѣлѣ: не только фортепьяно, но даже и органы, не имѣютъ настоящаго legato. Какимъ образомъ изобрѣтатель клави-оркестра умудрился, чтобы его клавиатуры давали не только legato, но legatissimo, и даже переливы звуковъ однимъ въ другіе, съ вибраціями? Это такая задача, передъ которою столбуютъ умы инструментальныхъ мастеровъ. Секретъ долженъ, конечно, быть таинственъ, какъ «желало вамъ здравствовать», потому что, не одніи флейты, но вообще регистры клави-оркестра, дѣлаютъ то же самое съ удивительною легкостью, коль скоро играющий знаетъ, какое должно употребить touché для каждаго случая: по въ простотѣ и силѣ! Тутъ даже нѣтъ никакого секрета. Если бы мы не боялись утомить читателей множествомъ техническихъ подробностей непонятной для нихъ механики, мы бы взяли сами объяснить имъ его. Но за трудностью объясненія тѣмъ, которые не видѣли клави-оркестра, дѣло покажетъ, должно остаться секретомъ. Въ инструментѣ этомъ есть, между прочимъ, еще другой секретъ, отъ котораго у музыкантовъ умъ за разумъ заходитъ, и который заставляеть васъ смѣяться надъ своей недогадливостью, когда посмотрите какъ дѣло дѣлается. Вообразите: одинъ и тотъ же клавишъ, безъ перемѣны педалей, даетъ вамъ за однимъ пожатіемъ (touché) продолжительный звукъ струннаго инструмента, а за другимъ, нѣсколько различнымъ, pizzicato на той же струнѣ! Вы можете въ одно и то же время играть на виолончели и на арфѣ, ничего не передвигая, и эффектъ этой арфы, которой нѣжные звуки имѣютъ силу контрабаснаго pizzicato, превосходить всякое описаніе. Понятно ли, наприимѣръ, чтобы одинъ и тотъ же человекъ могъ, въ одно и то же время играть на флейтѣ и аккомпанировать себя на арфѣ.. или играть на

кларнетъ и аккомпанировать на арфе? Сказать это — парадоксъ, а между тѣмъ мы слышали собственными ушами это чудо. Господина Кажинскій и господина Шиллеръ играли нередко нами такимъ образомъ, съ несказанною прелестью, одинъ арио Grase, другой прекрасный открывокъ изъ своей фантази на арио Пюбви, Начинши, и оба вѣбѣтъ, въ четыре руки, серенаду Доув-Жуана (арію съ маждолошомъ), причемъ, въ пѣни на какомъ-то регистрѣ, всѣхъ поразилъ чудесный баритонный тембръ съ переходами изъ груднаго голоса въ головной; и обратно. Известно, что сказалъ Керубини: «Одна флейта — скука, а двѣ флейты вѣбѣтъ — ужасъ». Но это не прилагается къ флейтамъ клави-оркестра: не только двѣ флейты, но даже восемь и десять флейтъ превосходно идутъ здѣсь вѣбѣтъ, и эффектъ флейтныхъ аккордовъ истинно очарователенъ, что, конечно, должно принести великому преимуществу этихъ флейтъ, состоящему въ возможности измѣнять ихъ тембръ по произволу и превращать тоны дуодокъ съ дырками, то есть, опредѣленные и неизмѣняемые, въ звуки поющие и скользящіе четвертями и осмушками тона вверхъ и внизъ, смотря по требованію экспрессіи.

Мы распространились о флейтахъ съ замѣреніемъ: тѣ же преимущества и удобства повторяются во всѣхъ прочихъ регистрахъ, и, списавъ довольно подробно регистръ флейтъ, намъ уже нѣтъ нужды повторяться. Послѣ флейтъ идутъ, естественно, кларнеты. Это также одинъ изъ самыхъ именитѣйшихъ регистровъ. Кларнеты клави-оркестра отъменно чисты и хороши; они дѣлаютъ crescendo и ritissimo какъ кларнеты Базиса; но первая перемена тембра этого регистра въ мягкіи, поющей тембръ совершенно поражаетъ васъ: кажется, слышишь свѣжій дѣвичій голосъ! Вторая перемена тембра кларнетовъ, которая въ особенности восхитила Сервѣ, представляетъ звукъ очень сильнаго кларнета. По нашему, однако жъ, самая удивительная изъ всѣхъ третья перемена: чистый контръ-альтовый тембръ! Кларнеты, какъ и флейты, идутъ отъ отъ фа на четвертой басовой линіи къ до sol надъ пятою sopranoю, но могутъ идти выше: изобрѣтатель и владѣлецъ клави-оркестра приказалъ заклеить бумагою отверстія семи или осьми высшихъ кларнетныхъ трубокъ, находя, что кларнетовъ уже слишкомъ много при охотѣ и сложности каждаго играющаго брать на каждомъ регистрѣ полные аккорды. Стоитъ только проткнуть пальцемъ бумагу, и заключенный кларнетъ играетъ снова. То же самое можно сдѣлать съ каждымъ регистромъ, чтобы уменьшить или распространить его, если угодно, для каждаго пѣсень; сенадо даже и заклеивать: довольно закрыть лишнія октавы бумажными кошаками. За инструментъ этотъ садятся, обыкновенно люди, иривыкшіе къ фортепианной игрѣ, и первое ихъ движеніе — хватить обѣими руками двѣ пригоршни нотъ, очень близкихъ другъ къ другу: это побудило владѣльца пожегловать, съ прискорбіемъ сердца, прекраснѣйшую октавовую фэготовъ, потому что она приходилась на самой серединѣ клавиатуры. Она теперь цѣлкомъ закрыта. Регистръ этотъ такъ силенъ и полнозвученъ, что отъ одной ноты contra-ге дѣизъ дрожатъ стекла въ окошкахъ залы: можно себя представить, что выходитъ, когда ктонибудь изъ играющихъ, не зная инструмента, — а до сихъ поръ никто еще не знаетъ его какъ слѣдуетъ, — и, слѣдовательно, сбивалось въ педаляхъ, вдругъ по ошибкѣ, въ неуловимомъ мѣстѣ, открываетъ фэготовый регистръ и заревѣтъ въ восемь или десять тактихъ фэготныхъ трубъ! Шовный регистръ мѣдныхъ инструментовъ — верхъ чистоты и силы, отъ самой низкой до самой высокой ноты; но для комнатной игры, при страсти играющихъ къ аккордамъ, онъ ужасно шумитъ и по необходимости заглушалъ всѣ про-

чіе регистры: нужно было слегка прикрыть всѣ мѣдные инструменты, чтобы смягчить ихъ оглушительную звучность въ рукахъ, обильныхъ нотами. Вообще не должно на этомъ инструментѣ брать много нотъ: фортепианная игра не идетъ сюда; надо брать нотъ не больше того, какъ беретъ оркестръ, вводя въ аккордъ различные инструменты.

Пропустимъ многие регистры, которыхъ полное печеление будетъ представлено ниже, и перейдемъ къ самому интересному изъ всѣхъ, къ тому, надъ которымъ трудилось уже столько механиковъ, акустиковъ и инструментальныхъ мастеровъ, никогда не достигнувъ полного успѣха. Вы догадываетесь, что мы говоримъ о регистрѣ «звуковъ тренія», registre à friction, Streich-Register, словомъ, о регистрѣ струно-смычковыхъ, или квартетныхъ инструментовъ. Какъ изобрѣтатель клави-оркестра рѣшилъ эту капитальную задачу? Какъ вынуждалъ онъ изъ трудностей, о которыхъ разболѣлъ искусство и терпѣніе другихъ? Очень просто. Онъ двинулъ впередъ всѣ тайны новѣйшей акустики, искалъ средствъ въ науку, и нашелъ. Намъ известно, что сначала и онъ имѣлъ намѣреніе употребить барашь струны и смычки, и получилъ превосходные звуки посредствомъ особеннаго устройства резонансоваго ящика и очень затѣпливаго механизма. Но векоръ замѣтилъ онъ, что, слѣдуя по старой колѣѣ, нельзя сдѣлать ничего порядочнаго въ отношеніи къ прочности и удобству. Барашь струны безпрерывно разстроиваются, и содержаніе въ исправности семидесяти трехъ смычковыхъ въ семидесяти трехъ струнъ или нотъ представляеть столько хлопотъ, что все удовольствіе пропадаетъ. Барашь струны, кроме того, далеко неудовлетворительны въ музыкальномъ отношеніи: витыя имѣютъ тембръ сухой, полу-металлической; не витыя даютъ несносный носовой звукъ, гнусатъ, такъ, что всѣ квартетныя струны до скрипичной квинты (струны ш) должны бы въ нашемъ изобрѣтательномъ вѣкѣ быть изгнаны изъ квартета. Изобрѣтатель подумалъ: зачѣмъ понапрасну возится съ негодными барашьими струнами, когда въ акустикѣ давно уже извѣстенъ звукъ тренія, гораздо выше достоинствомъ всѣхъ контрабасныхъ, виолончельныхъ скрипичныхъ звуковъ? Когда деревянная струна, приводимая въ вибрацію посредствомъ малельскаго деревяннаго же смычка, натертаго каліфоріей, даетъ звукъ удивительной красоты, чѣжности, сладости, силы, звукъ, принимающей всѣ тонкіе оттѣнки скрипичнаго и чистый, не гнусящій? Еще со времени покойнаго Хладни извѣстенъ въ акустикѣ фактъ, развитій въ послѣдствіи любопытными опытами профессора Витетона, что деревянная палочка, приведенная особннымъ образомъ въ вибрацію посредствомъ тренія о другую палочку, натертую каліфоріей, можетъ издать точно такой же звукъ какъ струна подъ смычкомъ, и еще сильнѣе, чище, пріятнѣе. Эта «деревянная струна» представляетъ передъ барашьей еще и то важное преимущество, что она постоянно не вытягивается, не разстроивается. Известно, что Хладни сдѣлалъ-было инструментъ съ клавиатурою; секрета своего онъ не открывалъ даже Парижской Академіи: звукъ его инструмента былъ удивительно-пріятный и сладкій, и надобно думать, что тутъ играли такія деревянные струны или, какъ профессоръ Витетонъ называлъ ихъ, «вибрирующія палочки». По смерти Хладни и, особенно, послѣ опытовъ Витетона, мысль, приспособить вибрирующія палочки къ клавиатурѣ и сдѣлать изъ нихъ музыкальный инструментъ занимала многихъ въ Германіи и въ Англіи. Самымъ счастливымъ изъ этихъ искателей новаго звука былъ, какъ слышно, пѣто Бушманнъ; по инструментамъ его, исполненные разныхъ недостатковъ, не обратили на себя вниманія музыкальнаго свѣта. Бушманнъ, гово-

рять, сдѣлалъ нѣсколько десятковъ такихъ инструментовъ, которые, если мы не ошибемся, называлъ онъ «тернодонъ» и прену-мественно продавалъ въ Англію. Они разбѣлись безъ вѣсти: можно себя представить слабость и несовершенство этихъ инструментовъ, вспоминая, что нестерпимые мелодикомы и фисъ-гармонки были предпочтены имъ играющимъ царемъ. Сколько известно, въ Петербургѣ не поналъ ни одинъ изъ инструментовъ этого рода, по-крайней-мѣрѣ, не слышно нигдѣ объ немъ. Изобрѣтатель клави-оркестра, для своихъ соображеній, не могъ поэтому воспользоваться даже результатами опытности, приобретенной Бушманномъ въ употребленіи вибрирующаго палочекъ. Ему пришлось начинать съ начала: взять чистый акустическій фактъ, раскрытый Хладни и Витетонъ, и прилагать его самому къ делу, сообразно съ потребностями огромнаго инструмента, въ составъ котораго деревянныя струны должны войти съ большою пользою. Качество звука одно и то же, какъ здѣсь, такъ и въ струнахъ подъ смычкомъ: оно въ обоихъ случаяхъ — результатъ тренія. Но само собою разумѣется, что замѣна барашьихъ струнъ, помпшутно разстроивающихся, деревянными, съ весьма чувствительными и вѣбѣтъ весьма постояннымъ звукомъ, удобство чрезвычайно важное для такого существоващаго регистра въ оркестрѣ, каковъ квартетный. Послѣ множества опытовъ, изобрѣтатель наконецъ достигъ члн съ превосходнымъ успѣхомъ. Оказалось, что различное «пасаженіе» или постановка деревянныхъ струнъ можетъ дать два различныя тембра, оба невыразимой красоты: одинъ совершенно струнный, со струннымъ шнѣніемъ, но гораздо звучнѣе, пѣвучнѣе и чище всѣхъ извѣстныхъ струнныхъ инструментовъ; а другой, тихій, необыкновенно сладкій и пѣж-ный, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно. Послѣ этого, дѣло рѣшено; но задача, относящаяся до примѣненія деревянныхъ струнъ къ такому могущественному инструменту, каковъ клави-оркестръ, еще представляла много затрудненій. Правда, что хорошо пасаженная на хорошій резонансъ деревянная струна, при отлично вибрирующей трущей поверхности, издаетъ звукъ силою въ двѣ виолончели или четыре скрипки; но что значатъ четыре скрипки при такихъ могучихъ регистрахъ духовныхъ инструментовъ, каковы описанные нами! Первая труба, или валторна заглушить ихъ. Въ обыкновенномъ оркестрѣ играть скрипокъ до двадцати, не считая альтъ, виолончелей и контрабасовъ, и то едва ихъ слышно, когда заглулятъ два или три мѣдные инструмента. Въ клави-оркестрѣ сдѣлало по этому усилить регистръ инструментовъ съ треніемъ до того, чтобы въ нужномъ случаѣ одна деревянная струна издавала звукъ, равный звуку по-крайней-мѣрѣ, двадцати-осьми барашьихъ струнъ. Изобрѣтатель поступилъ слѣдующимъ образомъ: въ основаніе взять тихій регистръ деревянныхъ струнъ, съ малымъ резонансомъ, поставленный подъ клавиатурою и со всѣхъ сторонъ закрытый, для уменьшенія звучности. Къ нему прибавилъ, вверхъ, подъ клавиатурою, другой регистръ деревянныхъ струнъ съ сильнымъ резонансомъ: каждая нота здѣсь равна звукамъ десяти барашьихъ струнъ. Для усиленія этой звучности, за большимъ резонансовымъ ящикомъ стоитъ могучій регистръ «крытыхъ» органныхъ трубъ, подведенныхъ подъ тембръ деревянныхъ струнъ. Резонансовый ящикъ уже сотрясается самъ собою при звукѣ этихъ трубъ; но въ дополненіе, на ящикѣ натянуты еще барашь струны для арфы: унисонная струна приходитъ въ вибрацію сама собою, какъ скоро заиграетъ деревянная струна и крытая труба, и въ слышнѣе въ ящикѣ эхо действующихъ струнныхъ инструментовъ. Возможность мгновенно получать

сильное pizzicato на струнах арфы, довершает очарование: когда все три регистра в дѣйстви подъ надлежащимъ touché, вы совершенно увѣрены, что играютъ струнные смычковые инструменты. Одною только недостаткомъ можно замѣтить въ этомъ тройственномъ регистрѣ: звуки его чище, полнѣе, музыкальнѣе звуковъ всѣхъ обыкновенныхъ смычковыхъ инструментовъ: они вовсе не гнутся. Но есть уши, такія рутинныя, такія неподвижныя, что недовольны звуками тренія, пока не услышатъ въ нихъ посоваго отголоска, заражающаго виолончели, альты и, отчасти скрипки. Для удовлетворенія такихъ ушей, изобрѣтатель прибавилъ еще одинъ регистръ: есть средство придать «открытой» органной трубѣ совершенно посовой, гусящейся, даже со скрипомъ каліфоніи; отдѣльно, онъ заставляетъ слушателя при нѣкоторыхъ нотахъ смѣяться надъ его, такъ сказать «скрипичностью», но, прибавленный къ чудному звуку двойныхъ деревянныхъ трубъ, поддерживаемыхъ регистромъ «крытыхъ» деревянныхъ трубъ, онъ смѣшивается съ ними и придаетъ имъ легкій отливъ гушения и шипѣнія барабанныхъ струнъ подъ каліфоніей, такъ что не предупрежденный человѣкъ могъ бы побыть объ закладъ, что тутъ играютъ настоящие контрабасы, виолончели, альты и скрипки. Такимъ образомъ квартетный регистръ состоитъ собственно изъ четырехъ регистровъ: изъ полного регистра въ шесть октавъ тихихъ деревянныхъ струнъ, — изъ такого регистра звучныхъ деревянныхъ струнъ, — изъ полного же регистра крытыхъ органическихъ трубъ, — и изъ четырехъ октавъ открытыхъ гусящихъ трубъ. Можно еще приписать сюда и пятый полный регистръ, именно, регистръ барабанныхъ струнъ арфы, которая служитъ вмѣстѣ и для струннаго pizzicato, и звучность всѣхъ ихъ оцѣнить въ тридцать или тридцать два смычковые инструмента. Пыль два изъ этихъ регистровъ вынуть: регистръ со звучными деревянными струнами передѣлывается въ болѣе уютномъ видѣ, а гусящей регистръ лежитъ возлѣ инструмента, какъ, покажется, не нужній. Но все квартетныя піезы можно разыгрывать на соединенныхъ и удобно разъединяющихся двухъ регистрахъ: регистръ тихихъ деревянныхъ струнъ и крытыхъ органическихъ трубъ, одинаковаго тембра съ ними. Въ настоящемъ видѣ своемъ, квартетный двойной регистръ не слезетъ въ сравненіи съ духовыми инструментами, но удивительно пріятенъ и звукомъ гораздо чище настоящихъ смычковыхъ инструментовъ: все, что выдѣляется кунштукъ-мейстерами смычкомъ на струнахъ, можно безъ труда произвестъ на этомъ регистрѣ: звуки отъбываютъ такъ быстро, что можно играть цѣлыя варіаціи tremolo; pizzicato и legato всегда готово, и нѣтъ ничего легче какъ заставить каждую деревянную струну вибрировать подъ пальцемъ, потому что при сильнѣйшемъ нажатіи клавиша, каждый звукъ понижается четвертью тона.

Изъ этого видно, что постановка квартетнаго регистра по своей сложности стоила многихъ трудовъ, опытовъ и соображеній: четыре, или правильнѣе пять разныхъ регистровъ входятъ въ составъ одного; по это же самое составляетъ и богатство и разнообразіе клави-оркестра: все пять вмѣстѣ даютъ одинъ звукъ въ разныхъ степеняхъ чистоты; но вы можете играть въ то же время на каждомъ регистрѣ порознь. Угодно ли имѣть органы? Откройте одинъ регистръ крытыхъ трубъ и вы имѣете чудесный органъ. Регистръ тихихъ деревянныхъ струнъ отдѣльно поетъ какъ сиренца и въ то же время присоединяясь къ другимъ регистрамъ, сообщаетъ имъ удивительную мягкость и пѣвучесть. Регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ самъ по себѣ чудесный квартетъ. Даже гусящая открытая трубы не бесполезны: прибавивъ къ нимъ

кларнеты съ половиною вътроемъ, вы получаете англійскій рожокъ. Сочетанія этихъ многочисленныхъ регистровъ такъ разнообразны и производятъ такія неожиданные эффекты, что нужно долгое время, чтобы вполне исчерпать и изучить ихъ.

Желая соединить въ своемъ созданіи все акустическія чудеса, изобрѣтатель рѣшился еще поставить въ клави-оркестръ три съ половиною октавы «человѣческихъ горлъ.» Это не шутка и не парадоксъ. Послѣ остроумныхъ изслѣдованій Миллера, Мажанди, Витстона, Ричи, Капляръ-Латура, и другихъ, часть акустики, относящаяся къ производству человѣческаго голоса и къ его органамъ, такъ хорошо обработана, что представляется возможность устроить человѣческое горло изъ дерева, которое будетъ пѣть совершенно вокальнымъ тембромъ. Изобрѣтатель самъ весьма много занимался этою частью акустики и былъ вполне доволенъ результатомъ своихъ опытовъ. Регистръ этотъ еще не испытанъ: для него оставлено мѣсто.

Перечтемъ теперь все регистры клави-оркестра.

1) Квартетный регистръ, или регистръ звуковъ тренія: онъ состоитъ изъ соединенія четырехъ разныхъ регистровъ, которые играютъ и каждый отдѣльно, и обнимаетъ шесть октавъ, отъ самаго низкаго контрабаснаго mi до самаго высокаго mi скрипичнаго.

2) Регистръ тихихъ деревянныхъ струнъ. Онъ же служитъ регистромъ vox angelica для органной игры.

3) Регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ. Оба эти регистра идутъ отъ самаго низкаго виолончельнаго ut до самаго высокаго mi (еще не поставленъ).

4) Регистръ крытыхъ органическихъ трубъ, того же объема какъ и квартетный.

5) Регистръ открытыхъ гусящихъ трубъ, отъ низкаго виолончельнаго fa на четыре октавы вверхъ (еще не поставленъ).

6) Регистръ барабанныхъ струнъ, служащій вмѣстѣ арфою и орудіемъ pizzicato; тоже полный въ шесть октавъ.

7) Регистръ кларнетовъ, отъ fa на четвертой басовой линіи до sol надъ пятою sopranoю.

8) Регистръ флейтъ, того же объема.

9) Регистръ флейточекъ (piccolo), отъ средняго si до безконечно высокаго mi: ни какал плика не поетъ такъ высоко; послѣдняя нота почти цѣлою октавою выше самой высокой фортепьянной ноты. Этотъ регистръ играетъ всегда октавою выше.

10) Регистръ гобоевъ, того же объема.

11) Регистръ медныхъ инструментовъ, заключающій въ себѣ офындеи, тромбоны, трубы и валторны, въ пять октавъ, считая отъ contra si-bemol.

12) Регистръ фалготовъ, въ три октавы, считая отъ contra si-bemol. Верхняя октава теперь закрыта, потому что регистръ звучныхъ деревянныхъ струнъ вынуть и нужно было уменьшить число инструментовъ съ язычками, а anche, которые такимъ образомъ брали бы перевѣсъ надъ безязычными звуками, производимыми тремъ и простымъ духомъ.

13) Регистръ человѣческихъ горлъ (vox humana), въ три съ половиною октавы, считая отъ si-bemol на второй басовой линіи (еще не поставленъ).

14) Барабаны, янычарскія тарелки, триагла и прочія мелочи (еще не поставлены).

Такимъ образомъ клави-оркестръ заключается въ себѣ все роды звуковъ, какіе только можетъ произвестъ настоящій оркестръ, а именно, звуки тренія, звуки духовныхъ и звуки отъ удара, во всѣхъ употребительныхъ формахъ. Чтобы имѣть настоящее понятіе

могущество этого инструмента, въ которомъ одна труба и трубочка болѣе пяти сотъ и почти столько же струнъ деревянныхъ и барабанныхъ, нужно слышать хорошую игру въ четыре руки. Для удобства инструментированія сдѣланы двѣ клавиатуры, но такъ близко одна къ другой, что одною рукою можно взять въ аккордъ двѣ ноты на одной клавиатурѣ и двѣ ноты на другой. На нижней клавиатурѣ помѣщены все струнные регистры, въ томъ числѣ и арфа съ человѣческимъ голосомъ; на верхней все духовые. Когда хотите ввести въ игру новый инструментъ solo или вмѣстѣ съ другими, стоитъ только нажать соответствующую ему педаль. Зажатіемъ другой педали, оба клавиатуры соединяются или разъединяются мгновенно, такъ что, не переменяя ни клавиша ни пальца, звукъ инструментовъ верхней клавиатуры присоединяется къ звуку нижней, и обратно. Когда вводите новый инструментъ для игры solo, клавиатуры разъединяются и одна рука переходитъ на ту клавиатуру, къ которой онъ принадлежитъ: если же новый инструментъ требуется только для подкрѣпленія другихъ, тогда клавиатуры соединяются, оба руки остаются на мѣстѣ и клавиши прибавленной клавиатуры прижимаются сами собою, посредствомъ особеннаго механизма. Это уже одно изъ весьма любопытныхъ механическихъ соображеній. Но это еще не все. Обѣ клавиатуры раздѣлены на двѣ половины, которая движется одна независимо отъ другой: въ первой половинѣ заключаются все ноты ключа fa, или басовыя, во второй — все ноты ключа sol, или soprанныя: такимъ образомъ въ одно мгновеніе басы одного регистра могутъ быть присоединены къ soprano другого. Можно себѣ представить, сколько сочетаній различныхъ инструментовъ выходитъ изъ этого! Четырежды тринадцать = 52. Въ каждомъ можно переменить тембръ посредствомъ новыхъ сочетаній, но-крайней-мѣрѣ, три раза: трижды 52 = 156. Сто пятьдесятъ шесть различныхъ рядовъ звука! Можно ли желать болѣе въ комнатномъ инструментѣ? Вы играете въ четыре руки и прижимаете 16 клавишей въ четырехъ аккордахъ: когда все регистры, такъ-какъ ихъ всего 13, не считая барабановъ и тому подобнаго, инструментъ издаетъ (13 X 16 = 208) страшный звукъ «двухъ сотъ восьми отдѣльныхъ оркестрныхъ инструментовъ». Присутствіе двухъ клавиатуръ одна возлѣ другой и раздѣленіе ихъ на ключи, даетъ еще неощущенное удобство брать въ аккордъ одною рукою четыре различные инструмента, и какъ инструментъ заключаетъ въ себѣ все роды звуковъ, отъ самыхъ хриплыхъ и жидкихъ, то подумайте, какое тутъ разнообразіе аккордовъ, и какія должны быть crescendo и diminuendo.

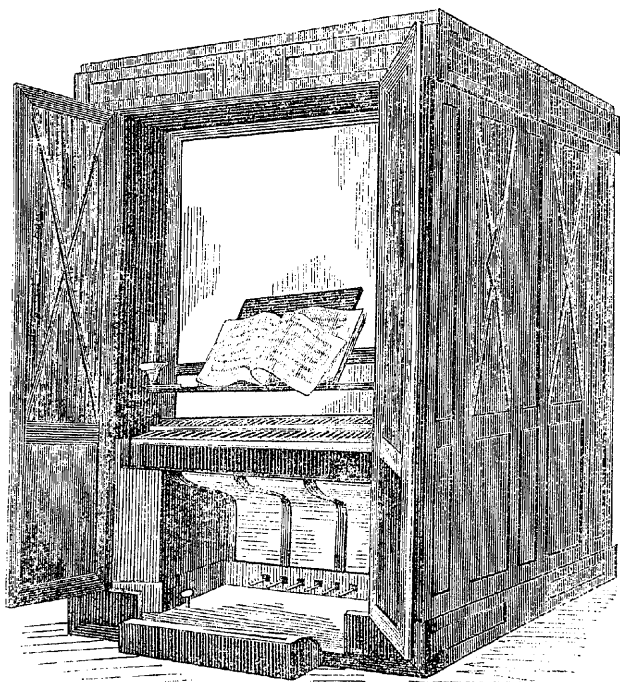
Ноги играющаго стоятъ между двумя рядами педалей, которыхъ всего 20; десять впереди, и прижимаются носкомъ ноги; и десять позади, и прижимаются пятою. Перенія педали принадлежатъ къ регистрамъ съ тремлемъ и съ ударомъ, и къ движущимся клавиатурамъ; заднія — къ духовымъ регистрамъ. Изъ числа послѣднихъ теперь только семь въ полномъ дѣйстви: три остальныхъ ожидаютъ возвращенія своихъ регистровъ. Изъ переднихъ, въ дѣйстви только пять: прочія предназначены для человѣческаго голоса, барабановъ, янычарскихъ тарелокъ, и такъ далѣе, которыя, за краткостью времени, не могли быть поставлены къ сроку. Педаль распределены такъ удобно, что послѣ нѣсколькихъ минутъ упражненія, нога находитъ сама нужную педаль: на доскѣ, гдѣ вы ставите ноги, есть три значка, осязательные для каждой обуви, которыя руководствуютъ погу.

Изобрѣтатель клави-оркестра — простой любитель музыки, вовсе не мастеровой и не инструментальный фабрикантъ: по званію

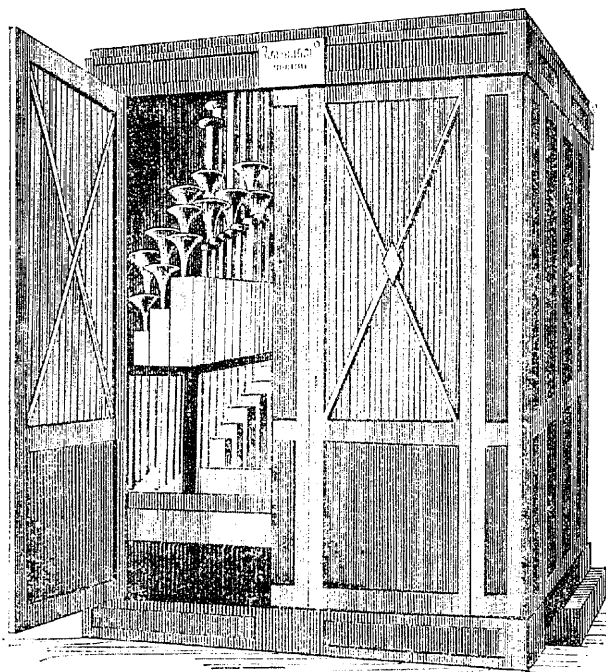
своему онъ — ученый, по занятіямъ литераторъ, по образу жизни — практической филозофъ. Вышшіе оркестрные и домашніе инструменты не удовлетворяли его, и онъ хотѣлъ доказать, что при современномъ состояніи акустики почти всѣ эти инструменты можно сдѣлать лучше; и сверхъ того ввести въ музыку множество совершенно новыхъ звуковъ, тембровъ и средствъ. Составилъ планъ, изобразилъ всѣ подробности, предначерталъ механику, указалъ, руководствовалъ, онъ могъ: по пужны были искусные исполнители; попятливые, ловкіе и трудолюбивые инструментальные мастера, которые бы удачно и вѣрно осуществили всѣ его предположенія. Къ мастерамъ нечего было бы и обращаться: они дѣлаютъ только то, чему однажды научились. Нужно было найти смѣлѣешихъ людей, которые рѣшились бы выѣхать съ составителемъ плана учиться невѣдомому, добиваться до новаго и небывалаго. Счастливымъ случаемъ помогъ ему откликнуться двухъ умныхъ

домъ шагу приходится удивляться ихъ повятливости, аккуратности и точности въ отдѣлкѣ безчисленныхъ подробностей. Но если изобрѣтатель былъ счастливъ найти такихъ людей, надо сказать, что и они были счастливы трудиться надъ такимъ дѣломъ, гдѣ на каждомъ шагу понятія и опытность ихъ разсвертывались въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: такая школа не всякому мастерскому случается. Цѣль нея вышли они, можно сказать, самыми учеными и свѣдущими инструментальными мастерами, какихъ мы имѣемъ въ Петербургѣ. Что они умѣли воспользоваться рѣдкимъ случаемъ для развитія своихъ понятій и пріобрѣтенія драгоценныхъ теоретическихъ свѣдѣній, доказательствомъ служатъ ихъ собственные успѣхи. Во время этой работы, г. Гиберъ сдѣлался примѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ фабрикантовъ мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ, получить въ свое вѣдѣніе и распоряженіе извѣстныхъ мастеровъ Регезера (въ домѣ Алексѣева, про-

ныиъ впродъ быть не можетъ. Бывъ самъ настройщикомъ, онъ знаетъ по опыту, какъ настройщикъ, своимъ искусствомъ, быстро разрушаютъ фортепьяны и рѣшился основать предприятие всеобщей настройки: кто хочетъ выѣхать ему настройку своего или своихъ инструментовъ постоянно, съ условіемъ настроить разъ въ двѣ недѣли и съ платою по рублю серебромъ за каждый разъ, тому обяжется онъ фортепьяны, или рояли его, какъ бы они плохи, стары и разбиты ни были, привести въ самое лучшее состояніе безденежно: онъ отвѣчаетъ, что клавиатура всегда будетъ ровна и легка, молотки исправны, строй вѣренъ и прочее. Хорошіе инструменты онъ беретъ такимъ же образомъ сохранять всегда въ первоначальномъ ихъ видѣ посредствомъ одной настройки. Для двухъ случаевъ только онъ сдѣлаетъ исключеніе: 1) если худой звукъ инструмента происходитъ отъ худыхъ струнъ, то владѣлецъ долженъ дать 15 рублей серебромъ на покупку и

Клавир-оркестръ. Передняя сторона.

Клавир-оркестръ. Боковая сторона.

и дѣятельныхъ молодыхъ челоувѣкъ, изъ которыхъ одинъ по знанію былъ подмастерье фортепьянаго дѣла, отрекомендованный г. Лихтенгаемъ, а другой подмастерье органаго ремесла, работавшій прежде при постройкѣ великолѣпныхъ органовъ Лютеранской Петропавловской церкви. Оба они избрали себя поирше настройщиками: одинъ (Х. И. Генчъ) настраивалъ фортепьяны, а другой церковные органы, и дѣлалъ новый органъ для Кронштатской католической церкви. Съ нами двумя, придавъ имъ нужное число работниковъ, изобрѣтатель принялся за дѣло: начали съ акустическихъ опытовъ надъ улучшеніемъ звука каждаго рода инструментовъ, съ тѣмъ чтобы избрать и приспособить къ клавир-оркестру самые удовлетворительные результаты. Г. Генчу поручены были регистры съ трещенъ и ударомъ, г. Гиберу духовые. Какъ эти два молодые челоувѣка исполнили свое дѣло, торжественно свидѣтельствуемъ великолѣпный клавир-оркестръ, на которомъ золотыми буквами красуется нынѣ двойная надпись, съ одной стороны, Gentsch et Niever, St.-Petersburg, а съ другой, Niever et Gentsch, St.-Petersburg. Исполненіе этого инструмента приносить величайшую честь и тому и другому: здѣсь на каж-

тивъ Михайловскаго мавжеа) и произвелъ разныя важныя усовершенствованія въ инструментахъ военной музыки. Последние его хроматическіе рожки (cornet à pistons et à si-lindres) отличаются удивительно чистымъ и яснымъ звукомъ, какого донынѣ у насъ еще не слышали, до того, что не только не уступаютъ знаменитымъ этого рода инструментамъ Сакса въ Парижѣ, но едва-ли не превосходятъ ихъ и музыкальнымъ достоинствомъ и легкостью амбушюра. Мы посвятимъ особую статью изобрѣтеніямъ этого отличнаго мастера. Г. Генчъ (во второй Недѣльской, домъ Карла Леона, № 12) дѣлаетъ теперь на свой счетъ небольшіе инструменты въ родѣ клавир-оркестра, которые будутъ стоить еще дороже обыкновеннаго флигеля: прелесть этихъ инструментовъ увлечетъ каждаго. Кому угодно, тотъ можетъ заказать гг. Гиберу и Генчу вмѣстѣ точно такой же клавир-оркестръ, какъ тотъ, который мы описали: изобрѣтатель самъ говоритъ, что второй клавир-оркестръ, который они сдѣлаютъ, будетъ еще лучше этого, потому что теперь они уже знаютъ въ чемъ вся важность и чего должно избѣгать. Г. Генчъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе, а именно, что дурныхъ, старыхъ, разбитыхъ фортепьяновъ от-

навязку новыхъ английскихъ струнъ; если главный порокъ инструмента происходитъ отъ старой, испльщенной или волгнувшейся резанной доски, то исправленіе будетъ отдѣльно стоить 30 руб. сер. Неключая двухъ этихъ случаевъ, всякіе фортепьяны могутъ быть отлично хороши безъ малѣйшей издержки для владѣльца, за простую цѣну постоянной и періодической настройки. При этихъ условіяхъ, и посредствомъ пріобрѣтенной имъ опытности, г. Генчъ дѣлаетъ настоящимъ благодѣтелемъ семействъ и ихъ гостей: кроме самыхъ новыхъ, имѣтъ почти ни одного инструмента въ Петербургѣ, который не былъ бы какъ нибудь непоправенъ въ звукѣ и часто такъ неровенъ въ клавирѣ, что играть не возможно.

Но возвратимся къ клавир-оркестру. Мы должны сказать нѣсколько словъ объ его наружности.

Клавир-оркестръ занимаетъ въ комнатѣ мѣсто мѣста нежеланъ обыкновенный флигель: онъ имѣетъ два съ половиною аршина въ квадратѣ, слѣдовательно почти аршиномъ короче флигелей. Въ высоту онъ равенъ обыкновеннымъ дѣрямъ, имѣтъ три съ половиною аршина вышины. Наружность его гладка, безъ всякихъ украшеній: педаль чистое палеандр-

ровое дерево, почти без примеси металлов. Какъ мебель, клавн-оркестръ отлично хороши и превосходно убираются компаты. Со всѣхъ четырехъ сторонъ—прозрачныя створчатыя двери позволяютъ видѣть внутренность, на-полненную множественностью деревянныхъ и мѣдныхъ инструментовъ. Одни только струнные инструменты закрыты кругомъ отъ пыли и спереди заслонены рамкою, обтянутою гайфой въжно - голубаго цвѣту и возвышающею надъ клавиатурой. Къ той же рамкѣ приделаны потный мольбертъ съ двумя бронзовыми подставочниками.

Возлѣ клавн-оркестра стоитъ превосходное пианино Лихтенгала, звонкое, поющее, единственный инструментъ, который можно слушать съ удовольствіемъ послѣ клавн-оркестра и даже съ клавн-оркестромъ. Одинъ изъ отличнѣйшихъ инструментовъ Эра, какіе есть въ Петербургѣ, стоящій въ смежной комнатѣ, кажется, послѣ чудесныхъ звуковъ клавн-оркестра, сухимъ, жесткимъ, песнопѣмъ. Похвалы лучше этой не могъ бы и самъ г. Лихтенгалъ придумать инструментамъ своей работы. Такими образомъ, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ соединены рѣшительно всѣ роды инструментовъ, и четыре человѣка, два у клавн-оркестра и два у пианино, могутъ разыгрывать самыя чудесно оркестрированные и инструментированныя квартеты, концерты, симфоніи, оперы и такъ далѣе.

Вы спросите: кто же изобрѣтатель клавн-оркестра? Мы уже сказали — простой любитель музыки, по званію ученый, а по занятіямъ литераторъ. Онъ же и владѣлецъ клавн-оркестра. Его зовутъ—Осипомъ Ивановичемъ Сепковскимъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВСЕЙ РОССИИ.

историческія записки.

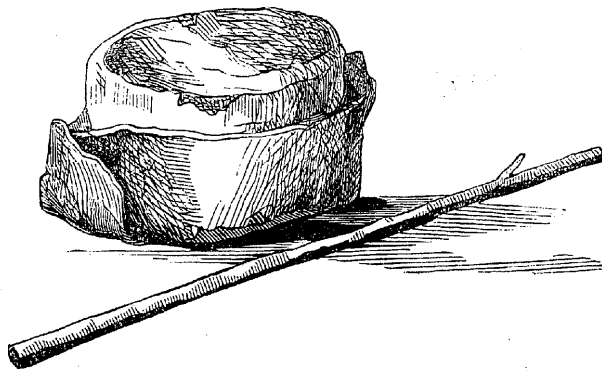
Исторія Россіи также обширна какъ и сама матушка Россія. На пространствѣ, которому

нѣтъ еще вѣрной мѣры и не скоро будетъ, разбросано по малой мѣрѣ тысячъ десять городовъ, урочищъ и такыхъ мѣстъ, съ которыми соединяется множество историческихъ воспоминаній; но эти воспоминанія какъ-то не составляютъ одного цѣлаго; каждое существуетъ какъ будто само по себѣ. Напримеръ, какой нибудь городъ сохраняетъ воспоминаніе объ отдѣльной битвѣ, о событіи, которое въ общей Исторіи, конечно имѣеть мѣсто, но въ подробностяхъ сплехъ принадлежитъ только этому городу, или урочищу; эти подробности только и понятны намъ мѣстѣ. Предпріятое нами путешествіе, по всей Россіи обширно по плану, но главный интересъ заключается въ рисункахъ. Надежды иллюстраціи съ каждымъ днемъ возрастаютъ въ томъ отношеніи, что она въ состояніи будетъ вѣщать болѣе и болѣе оригинальныхъ рисунковъ; оригинальные рисунки троякаго рода: одни имѣють рѣшительно одинъ только интересъ современности; другіе, современности и важности исторической; третьи, только исторической.

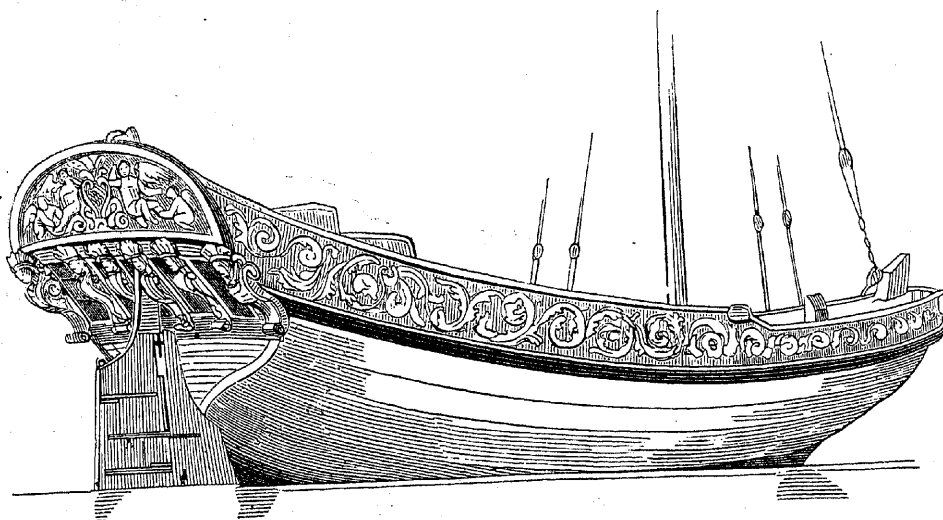
Галерея этихъ рисунковъ въ началѣ не могла быть особенно богата. Нѣсколько видовъ Нарвы, Финляндіи, Остзейскихъ провинцій, Новгорода Великаго, послужили началомъ этому отдѣленію; но теперь историческіе рисунки болѣе и болѣе прибываютъ; способы гравированія облегчаются; не сомнѣваемся, что изъ отдаленныхъ уголковъ нашихъ провинцій будутъ присылать рисунки съ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности и съ любознательнѣйшихъ предметовъ современныхъ. У многихъ любителей есть драгоценнѣйшіе альбомы, въ которыхъ собрано множество отечественнаго, любопытнаго. Но едва ли какой либо Русскій альбомъ можетъ сравниться съ альбомомъ гг. академиковъ Чернышковыхъ, которые, совершивъ любопытное путешествіе по Волгѣ, перевесли въ альбомъ свой всѣ лучшіе виды, всѣ историческіе замѣчательные предметы. По расположенію своему къ намъ, они сообщили въ Редакцію уже нѣсколько историческихъ рисунковъ,ыми самими нарисованныхъ на деревѣ. Изъ нихъ помѣщаемъ на сей разъ — три, и поговоримъ объ ихъ историческомъ значеніи. Все, что доселѣ писано о Персидскомъ походѣ Петра Великаго, мало насъ удовлетворяетъ. Само собою разумется, что убійство Русскихъ въ Шамахіи произведенное мятежными ордами, требовало удовлетворенія; но не могло послужить дѣйст-

Петръ Великій, на одной изъ Жигулевскихъ горъ, высматрываетъ надирю.

Картузъ и трость Петра Великаго.

Яхта Петра Великаго.

вительной причиною къ началу войны, которую уже давным-давно рѣшила воля безсмертнаго строителя Россіи. Описанія Каспійскаго моря и береговъ, инструкція, данная Волыскому, и всѣ другія распоряженія къ этому краю относившіяся, съ самаго почти начала новаго XVIII-го вѣка, доказываютъ положительно, что Персидскій походъ былъ весь соображенъ давно, обдуманъ и что убійство Шамахійское было только наружнымъ поводомъ, предлогомъ справедливости (Justus titulus) къ исполненію важнаго предпріятія, которое не получило своего полнаго развитія за кончину Императора. Не мѣсто здѣсь входить въ ближайшее разсмотрѣніе намѣреній Великаго на счетъ Персіи и всего востока. Мы, согласно плану, составленному нами для историческихъ замѣтокъ, напомнимъ только о фактахъ, относящихся къ предлагаемымъ рисункамъ. Императоръ отправился въ походъ Персидскій водою, на Москворецкомъ стругѣ, какъ сказано въ нашихъ исторіяхъ. Этотъ стругъ едва ли не былъ тотъ же самый Плесэпръ, яхта, которая донынѣ хранится при Астраханскомъ портѣ; яхта «Плесэпръ» для Каспійскихъ водъ, можетъ быть, была бы тѣмъ же, чѣмъ Ботпикъ Петра Великаго для Балтійскаго флота, если бы жизнь Императора продолжалась еще на нѣсколько лѣтъ. Не забудемъ, что и адмиралтейство и гавань въ Астрахани заложены во время того же похода, въ 1722 г. На корытѣ и по бортамъ яхты въ безъ сомнѣній захитителемъ рѣзаны украшенія. Они слишкомъ драгоценны, если народное преданіе справедливо. На мѣстѣ утратить, что фигуры на корытѣ собственныхъ трудовъ Петра Великаго. Если это справедливо, но не случается ли болѣе, чтобы вліяніемъ погоды не пропали эти драгоценныя украшенія? Переѣздъ Императора отъ Москвы до Астрахани богатъ различными распоряженіями, нежели многія другія путешествія Петра I. Въ Коломенѣ Петръ судилъ Скоропадскаго съ Меншиковымъ, въ Елатмѣ вынулъ просьбѣ престолоудина, и такъ дажде, до самой Астрахани, во всѣхъ городкахъ и городкахъ оставилъ по себѣ память. На возвратномъ пути изъ Персидскаго похода не было уже возможности ѣхать водою, за позднимъ временемъ. «Объявляю вамъ» писалъ Петръ къ Апраксину: «что мы замерзли, не дошедъ до Царицына 115 верстъ». — Возвращаясь сухимъ путемъ, Государь съ Императрицею прѣѣхалъ въ Царицынскую крѣпость. Переходя съ Государыней черезъ рѣчку, Петръ Великій остановился на помостѣ и сказалъ: «это рѣчка Царица, и потому я жалую Вашему Величеству Царицынскую крѣпость». Государь пробылъ тутъ десять дней. Царицынъ по этому ли случаю, или потому, что сюда переселился и хорошо обжились Азовцы, пользовался особеннымъ благоволеніемъ Петра Великаго. Должно однако же полагать, что кромѣ вложенныхъ поводовъ, Царицынцы отличались какимъ либо особеннымъ подвигомъ, потому что милость Императора къ нимъ до того была велика, что онъ подарилъ имъ свой картузъ и трость, сказавъ: «Какъ и никто не смѣетъ этотъ картузъ съ головы его величества снять, такъ никто не смѣетъ ихъ изъ Царицыны выводить «а отдавая трость». — Вотъ вамъ трость: какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею отъ враговъ». — Длина трости 2 аршина 4 вершка; вѣсомъ 4 фунта. Вы безъ сомнѣнія знаете, что по Волгѣ простирается довольно значительный хребетъ известковыхъ горъ, который отъ деревни Жигъ зовется Жигулевскими, отъ горы Марквасъ, Марквасскими. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно высоки и служатъ приютомъ огромнымъ чайкамъ хищныхъ птицъ; на одной изъ этихъ горъ сохранились слѣды надписи; разобрать содержаніе трудно, но годъ ястрева и соглашается съ преданіемъ, которое приписываетъ высеченную на скалѣ надпись рукъ Петра Великаго. Священна и эта надпись; но ея здѣсь не нужно. Но всей Россіи, въ каждомъ мѣстѣ, все еще гово-

рять о Петрѣ Великомъ и едва ли когда умрутъ объ немъ преданія. Нельзя при этомъ случаѣ не засвидѣтельствовать гг. Чернецовымъ искреннѣйшей признательности, какъ за сообщеніе этихъ рисунковъ, такъ и за то въ особенности, что они въ альбомахъ своихъ собрали все, что только малѣйше замѣчательнаго встрѣчало на пути. Еще не скоро соберутся всѣ достопримѣчательности Россіи; многія затеряются; мы уже не разъ просили, и повторяемъ нашу просьбу, о доставленіи къ намъ рисунковъ со всего, что сколько плбудъ замѣчательно въ какомъ бы то ни было отношеніи. При всѣхъ успѣхахъ Редакціи не можемъ пока исполнить этого сама. Много у насъ рисунковъ, литографій, гравюръ; но нѣтъ возможности ручаться за ихъ точность. Не одинъ, а

паго о войнѣ на Кавказѣ, и въ особенности о хитростяхъ горцевъ, употребляемыхъ при нападеніяхъ на наши военные посты. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ:

— 29-го мая 1837 года, прибылъ я къ враждующимъ берегамъ Кубаня. Здѣсь, близъ Ольгинскаго укрѣпленія, былъ расположенъ отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова. Къ отряду этому я былъ прикомандированъ. На другой день явился я къ генералу, а отъ него отправился къ офицерамъ, въ которыхъ нашелъ добрыхъ товарищей и храбрыхъ солдатъ. Тотъ, кто служилъ подъ знаменами Марса, знаетъ, долго-ли военному сблизиться съ военнымъ. Весьма-просто, при первой встрѣчѣ, безъ всякаго этикета, привѣтливос ты соединишь офицера съ офицеромъ неразрывною цѣною дружбы. Таковое точно привѣтствіе и радушіе встрѣтилъ я и отъ офицера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

Черезъ два дня по прибытіи моемъ на Кавказъ, былъ я назначенъ къ отряду, отправляющемуся въ крѣпость Абинъ и Николаевскъ.

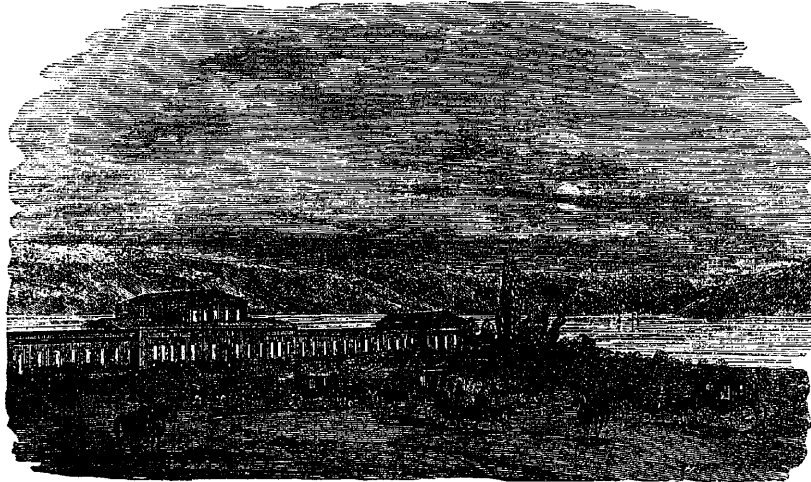
5-го іюня отрядъ нашъ тронулся изъ Ольгинскаго укрѣпленія. Сначала мы шли по гладкой и богатой равнинѣ, по чѣмъ далѣе подвигались, дорога становилась хуже и хуже, — и наконецъ сдѣлалась почти непроходимую. Пошелъ дождь

ливня, трудно было идти намъ; но для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. При мысли, что онъ сражается за Вѣру, Царя и Отечество, онъ забываетъ труды и опасности. Нашъ храбрый солдатъ никогда не унываетъ духомъ, мужественно презираетъ опасности, съ веселымъ духомъ встрѣчаетъ непріятеля въ полѣ, и когда нужно, безстрашно умираетъ за Отечество. — Такъ и нашъ отрядъ шелъ безостановочно, и побѣдивъ всѣ трудности пути, достигъ рѣки Кунппса, и расположился лагерьмъ на ночлегъ.

4-го іюня, съ первыми лучами восходящаго солнца, отрядъ нашъ тронулся далѣе. Здѣсь дорога шла гладкая — мы шли спокойно; вдали тянулись Кавказскія горы, а за перелѣсками и оврагами шныряли горы, и посылали иногда нажъ выстрѣлы, на которые мы не отвѣчали. У крѣпости Абина собралось человекъ до ста горцевъ, и между ними и нашими боковыми цѣпями завязалась перестрѣлка. Перестрѣлка эта кончилась пустяками: одинъ оборванный горецъ сорвался съ крутаго оврага, и нашъ Донской казакъ пригналъ его на арканъ.

Крѣпость или, лучше сказать, крѣпостца, Абинъ, построена на равнинѣ, при рѣкѣ сего же имени. Она довольно хорошо укрѣплена отъ нападенія горцевъ. Здѣсь очертаются полки Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и смѣняются два раза въ годъ. Въ четырехъ перстахъ отъ крѣпости мы расположились лагерьмъ. Въ этотъ день я отрядъ былъ въ секретѣ: это отдѣльный постъ, который въ войнахъ противу горскихъ народовъ употребляется съ пользою для обезпеченія отряда отъ почнаго нападенія. Совершенная извѣстность горцамъ мѣстоположенія не позволяетъ ставить посты въ далекомъ разстояніи отъ отряда; въ противномъ случаѣ, часовые были бы вѣрною жертвою горцевъ, которые, подкравшись къ нимъ, могли-бы ихъ перехватать по одиночкѣ.

Уже было за полночь. Часовые были разставлены по мѣстамъ, и я, возвратившись къ своему посту, прилежъ на траву, въ надеждѣ отдохнуть и подкрѣпить утомленные свои силы. Въ это время солнце показалося изъ-за горъ, и посылая привѣтливыя лучи свои на землю, казалось, хо-

Домъ Князя Потемкина въ Екатеринославѣ.

три примѣра имѣеть Иллюстрація, какъ трудно доверять отъязъ издѣліямъ промышленности. Правда, каждую ошибку Иллюстрація исправитъ и замѣнитъ не точную гравюру, другою, болѣе исправною; но это двойная работа, двойная издержки. Гораздо было бы лучше, если бы мы могли получать подлинныя рисунки съ натуры. — Вотъ, напримѣръ, мы съ особенною признательностью почитаемъ, какъ историческую достопримѣчательность, видъ дома князя Потемкина въ Екатеринославѣ, обращенный, если не ошибаемясь, въ домъ для дворянскихъ собраній. Екатеринославъ существуетъ всего 60 лѣтъ. Онъ возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во время путешествія Императрицы Екатерины II архіепископъ Екатеринославскій и Херсонеса Таврическаго совершалъ литургію въ полковой церкви. Весьма вѣроятно, что это одно изъ первыхъ зданій въ Новомъ Городѣ; этотъ домъ, можетъ быть, самая старая древность въ Екатеринославѣ.

ДВИЖУЩИЙСЯ КУСТЪ.

(РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА).

(Киев. Г. В.)

.....Горечь хитерь, какъ кошка; за то и Русскій солдатъ не-промахъ: какъ разъ усидитъ хитреша въ западню.

Изырченіе князя Цицианова.

Недавно я познакомился съ однимъ почтеннымъ и заслуженнымъ штабъ-офицеромъ, прибывшимъ съ Кавказа. Восемь лѣтъ онъ прожилъ въ землѣ кирыхъ и враждебныхъ горцевъ, и перешелъ Кавказъ вдоль и поперекъ. Онъ участвовалъ во многихъ битвахъ съ горцами, начиная съ 1837 года до настоящихъ блестящихъ побѣдъ князя М. С. Воронцова. Его раны и знаки отличія, заслуженныя трудами и храбростію, доказываютъ, что онъ не даромъ прожилъ восемь лѣтъ на Кавказѣ. Много онъ разсказывалъ мнѣ заниматель-

тѣло сорвать улыбку съ нахмуреннаго чела дикаго Кавказа. Картина была безподобна! Долго я любовался этою угрюмою, но великолѣпною природою. Мечты свѣтлыя, чистыя окували мою душу, и я, исполненный удивленія и благоговѣнія къ Творцу вселенной, перенесся мысленно на мою родину, въ Филляцію, гдѣ я провелъ въ тишинѣ и спокойствіи первый лѣта моей юности. Вдругъ громкое: «Ваше благородіе!» вывели меня изъ поэтической забвенія; быстро вскопчась я на ноги, покинулъ небеса, мечты, и снова возвратился на нашу бѣдную землю.

— Что такое!.. что... горцы... гдѣ? — спросилъ я у утерь-офцера, стоявшаго передо мною.

— Нѣтъ, ваше благородіе, не горцы, будьте спокойны.

— Что-жъ такое, Вышняковъ? — Я думалъ, что на насъ напали горцы.

— А вотъ видите, ваше благородіе, стоящій на посту казакъ замѣтилъ движущійся куестъ, то не прикажете-ли выстрѣлить по немъ.

— Движущійся куестъ? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, движущійся куестъ. Это для васъ, кажись, страннымъ; но вы еще недавно на Кавказѣ, а потому не знаете хитростей горца. Вотъ видите, они срубаютъ куесты, и, прикрывая ими себя, подвигаются къ нашимъ часовымъ, и подойдя на вѣрный выстрѣлъ, стрѣляютъ. Но не прикажете-ли выстрѣлить по этому куесту?

Я пошелъ удостовѣриться въ справедливости словъ утерь-офцера; когда я пришелъ на мѣсто, гдѣ стояли посты, мнѣ часовой осторожно указалъ, чтобы Черкесь не замѣтилъ, на куестъ, и что-же? онъ точно медленно двигался. Но надобно было имѣть слишкомъ зоркій и быстрый взглядъ, дабы замѣтить движенье куеста, а вмѣстѣ съ нимъ Черкеса. Онъ двигался по прямому направленію, такъ осторожно и вѣрно, что если бы мнѣ не указали, я никогда бы не замѣтилъ его движенья впередъ, къ нашимъ постамъ. — Я приказалъ выстрѣлить часовому... выстрѣлъ раздался, куестъ и за нимъ скрывшійся Черкесь, не ожидавшій выстрѣла, повалился.

А. Гренъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Бетховенѣ, которыя мы заимствуемъ изъ письма нашего соотечественника, князя Г., къ редактору французской газеты la Presse.

«Бетховенъ всю свою жизнь прожилъ въ бѣдности. При вступленіи на музыкальное поприще, онъ дебютировалъ такими пѣснями, которыя слѣдали бы честь самому Моцарту. Этого было довольно, чтобы вооружить противъ себя всѣхъ пигмеевъ, которыхъ этотъ колоссъ грозилъ раздавить, при самомъ своемъ появленіи. Работая только изъ любви къ искусству и довольствуясь незначительнымъ вознагражденіемъ за свои труды, Бетховенъ не замѣчалъ, какъ самыя близкіе его родственники извлекали свои выгоды изъ его таланта. Одинъ изъ его братьевъ, вѣнскій аптекаръ, дорого продавалъ его произведенія, и между тѣмъ молодому маэстро удалялъ только ничтожную часть изъ денегъ, получаемыхъ отъ музыкальныхъ издателей. Много прошло времени прежде, чѣмъ Бетховенъ, увлеченный порывами вдохновенія, замѣтилъ эти расчеты. Отсюда родилась та недоброжелательность къ людямъ, которая никогда не оставляла великаго артиста, и впоследствии времени, соединившись съ глухотою, заставила его музыкальный гений характеромъ, совершенно противоположнымъ его первымъ созданіямъ.

«Творенія Бетховена можно раздѣлять на двѣ различныя категоріи: первая, чистыя, мелодич-

лическія, доступныя каждому музыкальному уху, несіятыя отпечатокъ строгаго классицизма, оплодотвореннаго творческимъ гениемъ; послѣднія выказываютъ совершенно новое направленіе; они отличаются какинъ-то туманными, меланхолическими настроеніемъ: это слияніе мужественной энергіи и глубокаго мистицизма, чтобы вѣрно оцѣнить ихъ, необходимо напряженное вниманіе и въ особенности точное, строгое сужденіе.

«Я всегда любилъ чудесныя гармоніи, разсыпавшія въ первыхъ квартетахъ и квинтетахъ Бетховена, и сожалѣлъ объ одномъ, что репертуаръ знаменитаго композитора, въ этомъ родѣ музыки, былъ слишкомъ ограниченъ. Разъ, въ 1825 году, мнѣ пришла мысль обратиться прямо къ Бетховену и просить, чтобы онъ написалъ для меня три новыхъ квартета. Мѣсяць спустя, я получилъ отвѣтъ. Бетховенъ писалъ, что онъ готовъ исполнить мое желаніе; только не можетъ назначить срокъ, когда окончитъ обѣщанную работу, потому что онъ не принадлежитъ къ числу поденщиковъ, а шметъ только въ минуты вдохновенія. Онъ назначилъ по пятидесяти червонцевъ за кварталъ. Послѣ этого письма, между нами установилась постоянная переписка.»

«Наконецъ, весной 1825 года, я получалъ первый изъ трехъ обѣщанныхъ квартетовъ. Но еще до этого времени, какъ-будто для вознагражденія моего терпѣливаго ожиданія, Бетховенъ прислалъ мнѣ свою обѣяну. Онъ писалъ, что это было его любимое сочиненіе, надъ которымъ онъ трудился со всѣмъ усердіемъ и долгое время. Житель Петербуга познакомился съ этимъ колоссальнымъ произведеніемъ въ мартѣ 1824 года. Въ это время Бетховенъ впадалъ въ тяжкую болѣзнь, которая угрожала ему смертию. Почувствовавъ облегченіе, онъ тотчасъ принялся за другой кварталъ, въ которомъ дышитъ глубокое, теплое чувство. Быть можетъ, это самый лучший кварталъ изъ всѣхъ написанныхъ Бетховеномъ; но какого совершенства требуетъ отъ смычка, какой точности въ исполненіи цѣлой пѣсни! При посредственномъ исполненіи, эта музыка превращается въ настоящій хаосъ. Вскорѣ послѣ этого квартета, я получилъ и послѣдній, который былъ предсмертною пѣснью лебедя. Это самый длинный изъ всѣхъ трехъ: онъ состоитъ изъ шести частей и отличается рѣзкою оригинальностью.

«Кромѣ этихъ квартетовъ, Бетховенъ прислалъ мнѣ еще одно изъ прекрасѣйшихъ своихъ твореній, тогда еще не изданныхъ въ свѣтъ; это увертюра, въ стилѣ Генделя, съ блестящею, великолѣпною инструментовкою; въ ней особенно послѣднее аллегро, исполняемое цѣлымъ оркестромъ, производитъ удивительный эффектъ. Эта увертюра, изданная впоследствии Шоттомъ, въ Майницѣ, безспорно составляетъ одинъ изъ безсмертныхъ памятниковъ гения Бетховена. Я желалъ подѣлиться со всѣмъ музыкальнымъ міромъ своимъ новымъ драгоценнымъ приобретеніемъ и поспѣшилъ увѣдомить Бетховена, что позволяю издать его прекрасныя творенія, въ его пользу. Въ самомъ дѣлѣ, его квартеты скоро были изданы въ Майницѣ, Шоттомъ, который приобрѣлъ ихъ въ свою собственность. Между тѣмъ, эти, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемые, квартеты были поводомъ къ ужаснымъ спорамъ между петербургскими виртуозами и дилетантами. Всѣ ожидали такой же музыки, какую привыкли слышать въ первыхъ произведеніяхъ великаго артиста; но въшло совсѣмъ иначе. Надо долго изучать эти пѣсни, чтобы исполнить ихъ въ совершенствѣ. Мысль автора скрывается въ противорѣчивыхъ по видному, фразахъ; но надо понять ее, и тогда развернутся вполнѣ рѣзкія сокровища, незамѣтныя для непосвященныхъ. Великій разъ, какъ были у меня музыкальныя собранія, разсыпавшіяся одинъ сочиненія Бетховена. Не смотря на вѣнскіи и упреки за эту монотонію, мнѣ удалось наконецъ срочить нашихъ лучшихъ артистовъ и дилетантовъ съ послѣдними произведеніями гения, опередившаго свой вѣкъ нѣсколькими десятками лѣтъ. Мое желаніе наконецъ исполнилось: не прошло десяти лѣтъ, какъ музыка Бетховена, считавшаяся, прежде неправою, даже нехорошою, проникла во всѣ салоны и концертныя залы нашей столицы, и дамы прходитъ въ восторгъ отъ тѣхъ музыкальныхъ красотъ, которыя прежде были порицаемы лучшими артистами.

«Получивъ первый кварталъ, я поспѣшилъ переслать его въ оригиналѣ, въ Парижъ къ господину Баллю (Ballot). Я былъ увѣренъ, что этотъ

знаменитый артистъ съумѣетъ оцѣнить новыя произведенія знаменитаго композитора. Господинъ Баллю, возвративъ мнѣ рукопись, выразился такъ: «Бетховенъ вводитъ васъ въ новый міръ; вы проходите по дикимъ странамъ, по окраинамъ степей, когда настъ захватываетъ ночь; но пробуждаетесь, и вы перенеслись уже въ очаровательныя мѣста; кругомъ васъ земной одесъ; солнце рассыпаетъ яркіе лучи и освѣщаетъ передъ вами великолѣпныя картины природы.» Ни что не можетъ дать болѣе точнаго понятія о послѣднихъ произведеніяхъ Бетховена, какъ эти метафоры. Въ нихъ дѣйствительно, разливаются мѣстами какой-то мракъ; но онъ только усиливаетъ красоту небесныхъ гармоній, которыя исторгаются мгновенно какъ-будто изъ вѣдъ хаоса. Не отражается ли въ этомъ характерѣ музыки внутреннее настроеніе духа великаго артиста. Вообразите себя, какъ долженъ былъ страдать этотъ человекъ, не признанный своими современниками, чуждый всему свѣту и, наконецъ, лишенный главнаго органа, который могъ доставлять ему отраду! Создавать образцы искусства и не имѣть способности слышать ихъ — это пытка Тантала!»

— Старая монастырская церковь въ Берлинѣ. Въ нынѣшнемъ году возобновлена въ Берлинѣ церковь, принадлежавшая некогда къ древнему «Св.роу Монастырю». Церковь эта построена въ 1290 году Яковомъ фонъ Инбеле и по близости ея находилось древнѣйшее мѣстопребываніе курфюрстовъ Бранденбургскихъ. Въ этой церкви покоится прахъ герцога Саксонскаго Эрнста, скончавшагося въ 1500 году. Внутренность ея возобновлена и украшена согласно древнему стилю ея; 15-го апрѣля былъ день освещенія и открытія ея, на которомъ присутствовала королевская фамилія.

— Къ замѣчательнымъ памятникамъ зодчества принадлежитъ также древняя церковь въ Дронтегемѣ. Она построена также въ концѣ XIII столѣтія и прекрасно сохранилась до нашихъ временъ.

— Въ бытность Австрійскаго Императора въ Греціи, тамошнее начальство учредило въ честь сего празднество, напоминавшее торжества среднихъ вѣковъ. Заимствуемъ изъ тамошней газеты описаніе празднества:

«Нѣтъ императорскія величества отправились въ сопровожденіи всего двора къ загородному дворцу, портика и фасады котораго были иллюминированы великолѣпнымъ образомъ. На обширномъ дворѣ, при яркомъ свѣтѣ факеловъ, стояли рыцари въ полномъ вооруженіи. Зрѣлище было великолѣпное. Раздалась грозная военная музыка. Воины, дотолѣ стояшіе неподвижно, подобно статуямъ, вдругъ тропнулись и турниръ начался. Вскорѣ тучи, покрывшія небо, разсыпались, и луна освѣтила дивную картину. Послѣ многихъ, весьма оригинальныхъ эволюцій, герольдъ при звукѣ трубъ и литавръ возвѣстилъ объ окончаніи боя, и празднество заключилось великолѣпнымъ ужиномъ.

— Давно уже говорятъ о проектахъ прорыть Панамскій перешеекъ, чтобы посредствомъ капала соединить Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Но, кажется, только въ настоящее время, въ Англіи, составляется одна компанія, которая беретъ исполнить это громадное предпріятіе, съ тѣмъ, чтобы всѣ выгоды были предоставлены печатально Великобританіи. Въ началѣ сентября, въ Лондонѣ прибылъ какой-то англійскій инженерный офицеръ, и свой планъ о проведеніи канала черезъ перешеекъ предложилъ знаменитѣйшимъ англійскимъ банкирамъ, которые составили комитетъ для подробнаго разсмотрѣнія этого дѣла и рѣшительнаго заключенія. Компанія, принимающая на себя издержки по этому предпріятію, предлагаетъ завести пароходы, изъ которыхъ одинъ будетъ ходить между портами Англіи и Чаргеса, тогда какъ другіе должны плавать по Тихому океану отъ Панамскаго перешейка до Чили и другихъ прибрежныхъ странъ Южной Америки.

— Кажется, что болѣзнь, замѣченная въ сархоніи тростникѣ, въ Бурбонѣ, не представляется большой опасностію. Эта болѣзнь обнаружилась только на вѣкоторыхъ болотистыхъ плантацияхъ, мало обогрѣваемыхъ солнцемъ. Губернаторъ ограничился тѣмъ, что приказалъ вырывать и сжечь болотныя растенія.

— Вольное Эрекое общество, въ общемъ собраніи, въ апрѣлѣ будущаго года, назначитъ золотую медаль, въ триста франковъ, тому, кто напишетъ лучшее стихотвореніе на тему: *Николай Пуссен и его пампаники*. Это стихотвореніе будетъ прочитано при торжественномъ открытіи статуи Пуссена, въ Андеси, осенью 1846 года.

Сочинители должны прислать свои рукописи на имя секретаря общества, не позже 31 декабря 1845 года. Сочинители не должны подписывать своихъ именъ, но написать въ началѣ стихотворенія какое-нибудь прѣдсловіе, либо девизъ; тотъ же самый девизъ долженъ быть написанъ въ запечатанной запискѣ, съ именемъ и адресомъ автора. Эта записка будетъ распечатана только въ томъ случаѣ, когда авторъ будетъ признанъ достойнымъ награды. Все остальное будетъ сожжено.

— Въ *Gazette des Tribunaux* напечатано: «Одна бѣдная дѣвушка изъ окрестностей Мо, Виргинія Воле, со стыда и раскаяніи отъ перваго проступка, оставила свою родину и унесла съ собою ребенка — плодъ преступной любви. Три года тому назадъ, она пришла въ Парижъ, съ твердымъ намереніемъ собственными трудами зарабатывать насущный хлѣбъ и возвратитъ себя, примѣрнымъ поведеніемъ, прежне уваженіе своего семейства. Будучи связана понеченіями о ребенкѣ, она не могла никуда поступить на службу, и рѣшилась заняться шитьемъ. Она скоро выучилась шить кашемиры, и, при помощи труда и лишеній, успѣла накопить небольшую сумму денегъ.

Четыре мѣсяца тому, является къ ней молодой человѣкъ, съ свѣтлыми манерами и красною ленточкою въ петлицѣ. Онъ назвался офицеромъ Африканской арміи, уволеннымъ за ранами, впродъ до выздоровленія.

— Вашъ братъ, произведенный теперь въ капитаны, сказалъ мнѣ Виргинія, спасъ мнѣ жизнь въ томъ дѣлѣ, гдѣ я былъ такъ тяжело раненъ, и въ награду за эту услугу требовалъ только, чтобы я постарался отыскать вамъ убійцѣ и сказалъ вамъ, что несчастье, постигшее васъ, нисколько не уменьшило его любви къ вамъ. Я бы перерылъ весь Парижъ, чтобы только исполнить долгъ этотъ. Къ счастью у меня есть друзья, занимающіе значительныя мѣста, которые облегчили мнѣ этотъ трудъ. Теперь я считаю себя тысячу разъ счастливымъ, что нашелъ васъ, и прошу позволить мнѣ иногда навѣщать васъ, чтобы вмѣстѣ говорить о вашемъ братцѣ.

Виргинія была въ восторгѣ, потому что очень любила своего брата, и этотъ ноступокъ казался ей началомъ семейнаго примиренія. Погубившаго милого офицера ставились все чаще и чаще: короче сказать, любовь вѣтнчалась въ дѣло, и офицеръ предложилъ молодой дѣвушкѣ свою руку, обѣщая усыновить ея ребенка. Это была любимая мечта бѣдной Виргинія. Короткость между молодыми людьми съ каждымъ днемъ увеличивалась. Уже офицеръ нѣсколько разъ занималъ деньги у своей невесты, въ ожиданіи, какъ говорилъ онъ, пока ему вышлютъ значительную часть назначеннаго жалованья, которое не могутъ долге задерживать. Несчастная дѣвушка была очень далека отъ наибѣйшаго подозрѣнія на счетъ честности этого великодушнаго человѣка, который вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться отцомъ ея дитяти; она взяла, изъ угожденія къ нему, свои деньги, находившіяся въ сберегательной кассѣ, и продала акцію на желѣзную Гуанскую дорогу.

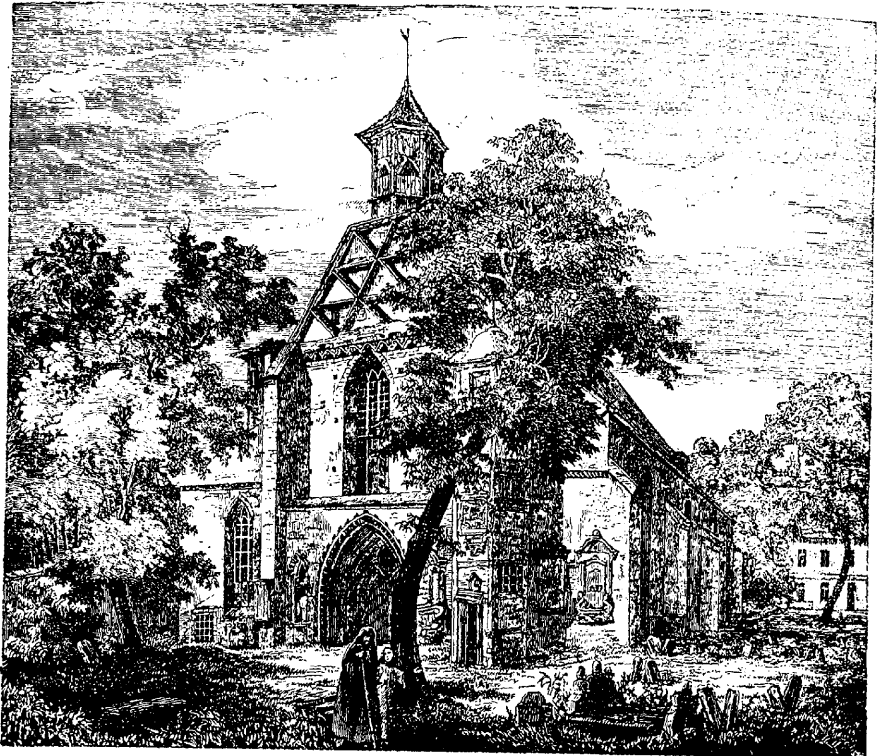
Когда, впродѣ, плоды всѣхъ этихъ пожертвованій истощались, ложный офицеръ явился къ Виргинія, съ злою, по-видимому, опасасивной.

— Большое несчастье поразило насъ, сказалъ онъ; Африканская армія потеряла жестоко и неожиданное пораженіе; всѣ отставные офицеры призываются на службу и мнѣ только позволили остаться на двое сутокъ въ Парижѣ.

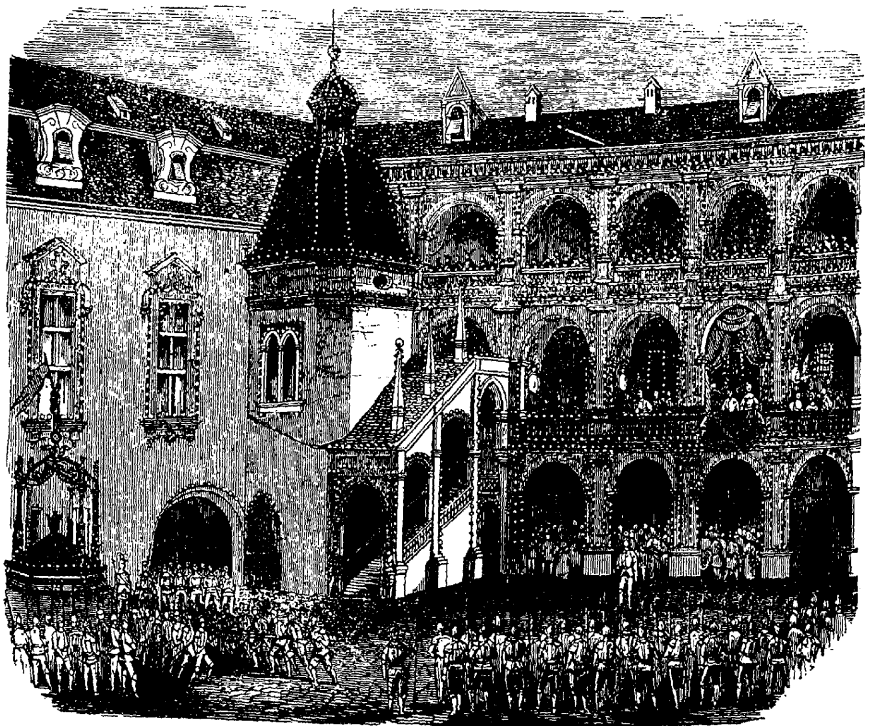
Послѣ первыхъ минутъ горести, любовники начали совѣтываться о томъ, какъ бы отклонить угрожающій имъ ударъ.

— Можно было бы найти средство, сказалъ офицеръ; ежели бы у меня было довольно денегъ, я бы взялъ тебя съ собою, и прѣхнулъ въ Алжиръ, выпросилъ бы у полковника, который любитъ меня какъ сына, позволеніе жениться на тебѣ. Къ несчастью, у меня нѣтъ теперь ни одного франка въ карманѣ.

— О, за этиа дѣло не ставитъ, воскликнула Виргинія; продавъ всю свою мебель и золотыя вещи, я могу набрать 1200 или 1500 франковъ.

Древняя монастырская церковь въ Берлинѣ.

Турниръ въ Грецѣ.

— Такъ продай же, моя милая, ежели только это пожертвованіе не будетъ тебѣ слишкомъ въ тягость; продай, намъ нужно выгородиться.

Все было продано. Виргинія заняла въ гостиницѣ комнату на остальные два дня, которые ей должно было провести въ Парижѣ, и поспѣшила взять себѣ паспортъ. Наконецъ все было готово; жеманъ и невеста, собираясь ѣхать, от-

правились обѣдать въ одно заведеніе, не далеко отъ Новаго моста. Когда была подана десертъ, офицеръ сказалъ, что ему нужно сходить за нѣкоторые мелочными покупками. Виргинія обѣдала ему кошелекъ, въ которомъ было все ея богатство, и онъ вышелъ, обѣщая черезъ нѣсколько минутъ возвратиться; но онъ исчезъ.

Вѣрнее воображать себѣ отчаянныя несча-

Томбола въ Венеціи.

твой дѣвухи, когда послѣдняя надежда ея ушла. Особы, принимающія въ ней участіе, употребили все средства къ отысканію того, кто избралъ ее своею жертвой; но все успѣлъ были напрасны, и должно полагать, что этотъ чело-вѣкъ тотчасъ же оставилъ Парижъ.

— Тому нѣсколько дней, два студента, изъ Вервѣ, отпавшись, по желѣзной дорогѣ, въ Брюссель. Въ Льежѣ, присоединился къ нимъ какой-то господинъ съ довольно-выразительною энциономією. Между сосѣдями тотчасъ завязался разговоръ. Одинъ изъ студентовъ сказалъ, что онъ ѣдетъ въ Брюссель, съ намѣреніемъ держать экзаменъ, и что имѣетъ рекомендательное письмо къ одному изъ членовъ конференціи. Незнакомецъ полюбозыствовалъ видѣть это письмо. Взглянувъ на адресъ, онъ припалъ важный видъ и сказалъ: что онъ самъ и есть тотъ членъ конференціи М., къ которому адресовано письмо. Потомъ, онъ распечаталъ интересное посланіе, прочиталъ и снова продолжалъ бесѣду съ молодыми людьми. Онъ обнадеживалъ ихъ въ своемъ покровительствѣ, давалъ совѣты и говорилъ все такимъ академическимъ тономъ, что нельзя было усомниться въ его учености санѣ. Ему вало было остановиться, по какимъ-то дѣламъ, въ Малинѣ. Здѣсь, онъ простился съ молодыми студентами, но потомъ, какъ будто одумавшись, предложилъ имъ вмѣстѣ провести время, до прибытія паро-воза, и пригласилъ ихъ въ одинъ кофейный домъ, чтобы распить бутылку вина за успѣхъ будущаго экзамена. Предложеніе было принято. При-ходить въ кофейный домъ, вѣютъ, говорить; между тѣмъ настаѣтъ время отъѣзда; надо бы-ло разстаться.

Профессоръ призываетъ слугу, требуетъ счетъ. Но въ эту минуту, онъ узнаетъ печальную исти-ну, что у него похитили кошелекъ. Это несчастіе поразило его тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ закупить книги для одного изъ своихъ то-варищей по службѣ. Онъ не можетъ скрыть своего безпокойства; естественно, что молодые се-бебѣдники спѣшатъ предложить свои услуги, и еще натуральнѣе, что онъ принимаетъ ихъ съ

Древняя церковь въ Дронтеимѣ.

чувствомъ признательности. Ему пужно не болѣе двухъ сотъ пятидесяти франковъ и то только до завтрашняго свиданія на экзаменѣ.

На другой день студенты ожидаютъ увидѣть своего кредитора. Но кредиторъ не является.

Между тѣмъ они узнаютъ, что профессоръ М. и не думалъ нигуда отлучаться изъ Брюсселя. Те-перь они поняли, что попали въ просакъ.

Впрочемъ законодатель доказалъ, что онъ былъ не совсѣмъ лишень деликатности, потому что,

кроме новой Польки А. С. Даргомыжского, не нашли ничего интереснаго. За то эта Полька истинно прекрасна; легка, грациозна, исполнена пѣтв; рисунки всѣхъ частей малы, въ особенности четвертой, а для колориту переходная фраза къ началу, въ славянскомъ родѣ. Мы слышали, что А. С. Даргомыжскій занимается теперь Каплатой обширнаго размѣра на нѣсколько голо-совъ съ оркестромъ. Давай Богъ! Но Александръ Сергѣевичъ, мы ждемъ отъ васъ оперы, оперы, оперы! Одна только опера развиваетъ народную музыку; ее слушаютъ всѣ; мотивы ваши разно-сятъ нѣсколько тысячъ людей разнаго состо-янія и образованія; невидимо устанавливается народный, свой вкусъ, который вліяніемъ Ита-лианской оперы можетъ только очиститься, а не создаться. Итальянская опера роскошь, Русская — народная нужда. Чтобы ни говорили и ни писали люди имѣющіе притязаніе на европейскую образованность, и не понимающіе хорошенько

у Жукова 21-го числа этого мѣсяца; этотъ праздни-къ былъ въ Петербургѣ, былъ шумъ и ве-селье, и на немъ, увы! не было ни польки, ни пре-феранса, не было пышно-разряженныхъ дамъ, ни затанутыхъ кавалеровъ; объ этомъ праздникѣ не говорятъ здѣсь въ обществѣ, но будутъ знать далеко на Руси, не разъ, не два поразкажетъ о немъ, какъ о сказочномъ пирѣ, какой нибудь бѣднякъ плотникъ или каменщикъ, далеко отсо-ла на своей родинѣ при свѣтѣ лучши, подъ шумъ веретена и клики удивленія своихъ род-ныхъ.

9-го августа этого года, на углу Садовой и Гороховой начали ломать старый каменный домъ, а около половины октября, на этомъ мѣстѣ уже красовался подъ крышей новый каменный домъ, въ четыре этажа съ подвалами, изящной, благо-родной архитектуры, словно волшебствомъ соза-данный капиталомъ и стараніями Жукова и та-лантомъ молодого нашего архитектора, Н. П. Гре-

беннини, говорилъ съ ними по ихнему, шутя, шутя давалъ совѣты, ставилъ себя въ примѣръ, какъ Богъ награждаетъ трудъ, и напѣвивъ бо-каль шампанскаго, пилъ за ихъ здоровье.

Восторга гостей добрыхъ мужичковъ описать невозможно.

Послѣ обѣда, на широкомъ дворѣ новаго дома, выставленномъ досками, собрались известные Жу-ковскіе пѣсенники. Рабочіе красиво группиро-вались кругомъ въ видѣ амфитеатра; окна всѣхъ четырехъ этажей были биткомъ набиты зрите-лями.

Сначала пѣсенники запѣли заунывную Русскую пѣсню... но постепенно звуки лились все живѣе и живѣе, тактъ ускорился и, наконецъ, перешелъ въ *ялсовую*; загрѣмѣли бубны, залился рожокъ и, быстро раздвигая толпу, выскочилъ на пло-щадку ловкій бѣлокурый паренъ, поклонился вправо, влево, подбоченился, вскинулъ руки кверху и закружился въ пляскѣ. Крики одобренія

Пирושка рабочихъ на дворѣ новаго дома В. Г. Жукова.

предмета своихъ притязаній, а мы всегда того мнѣнія, что образованность есть усовершеніе вро-жденныхъ качествъ и способностей, а не при-вивка чужихъ; сдѣлательно въ образованности каждой націи существо должна быть ея народ-ность. Желаніе казаться французомъ не есть же-ланіе образованія. Напротивъ, намъ всегда при-ятно видѣть, когда Русскіе стараются всѣмъ и каждому показать, что они Русскіе и національ-ныхъ своихъ добродѣтелей не только не стыдятся, но берегутъ и несутъ ихъ, какъ святое на-слѣдіе предковъ.

— Странно, а случаются такъ. Въ самое то время когда мы скачивали предшествующую фразу, принесли письмо и рисунокъ. Мы поспѣ-шили рисунокъ награвировать и помѣстить его тутъ же, а письмо прочтите!

Милостивой Государь!

Не разъ въ газетѣ нашей вы печатали статьи о нашемъ добромъ и благотворительномъ мнѣ-нерѣ, коммерціи совѣтникѣ В. Г. Жуковѣ, и пото-му, надѣюсь, не откажете помѣстить нѣсколько строкъ о праздникѣ, который видѣтъ а случайно

ки. Глядя на этотъ громадный домъ, имѣющій длины въ фасадѣ около шестидесяти сажени, остроенный красиво, роскошно и прочно всего въ пятьдесятъ рабочихъ дней, по неволѣ скажете: трудъ и деньги чего не сдѣлаютъ!..

При быстрой постройкѣ невольно раждается мысль о ея непрочности; Жуковъ, какъ добрый христіанинъ, самъ объ этомъ думалъ, и ежедневно съ утра до ночи самъ присутствовалъ при по-стройкѣ дома, часто тамъ и обѣдалъ, часто, гово-рять, самъ своими руками исправлялъ кладку каменей, училъ рабочихъ, ободрялъ ихъ и объ-щавъ, коли окончатъ домъ благополучно, сдѣлать для нихъ праздникъ.

Утромъ въ воскресенье, 21 числа, были розданы отъ Жукова всѣмъ рабочимъ подарки, каждому по красной рубахѣ и синимъ шароварамъ — а всѣмъ рабочимъ, говорить, было около 800 человекъ! — и они были собраны въ новомъ домѣ; въ 12 часу прѣѣхалъ туда самъ хозяинъ въ сопровожденіи священника; принесли икону Николая Чудотворца, и праздникъ начался по Русскому, православному, обычаю — молитвой. Послѣ молебна, работники, всѣ одѣтые въ новыя красныя рубахи, выпили по чаркѣ и стали обѣдать. Хозяинъ ходилъ между

привѣтствовалъ плясуна — и точно, движенія пля-суна, вольныя, разнашестыя, безснечныя, какъ жизнь Русскаго человека, были полны огня и вдохновенія.

Долго смотрѣла пазъ толпы на плясуна, рычалъ борода, шевеля то однамъ, то другимъ плечомъ, наконецъ не выдержала: шлепу о землю, при-спула, притѣнула и пошла плясать!.. Пря-мѣрь заразительнѣе, сдѣлательно, можете пред-ставить сколько тутъ являлось охотниковъ, и какъ это все отъ души плясало!.. И не удивитель-но: эти люди-труженики, окончивъ свои работы, идутъ на отдыхъ домой, къ своимъ; у нихъ въ кармапѣ есть деньги, обеспечивающія ихъ семе-ства; у нихъ есть отъ добраго хозяина цѣнныя подарки, которыми можно прихвастнуть въ де-ревнѣ; притомъ они ситно пообѣдали, выпили по чаркѣ, а можетъ быть, и по двѣ, и пируютъ у человека, говорящаго съ ними ихъ рѣчью, лю-бощаго ихъ здоровье и обѣщающаго имъ свою по-мощь и покровительство: а они знаютъ, что обѣщанія Жукова говорятся не на вѣтеръ. Какъ тутъ не быть веселымъ?

Долго тѣшились рабочіе па-распашку, всякій придумывалъ танецъ своей стороны, своей де-

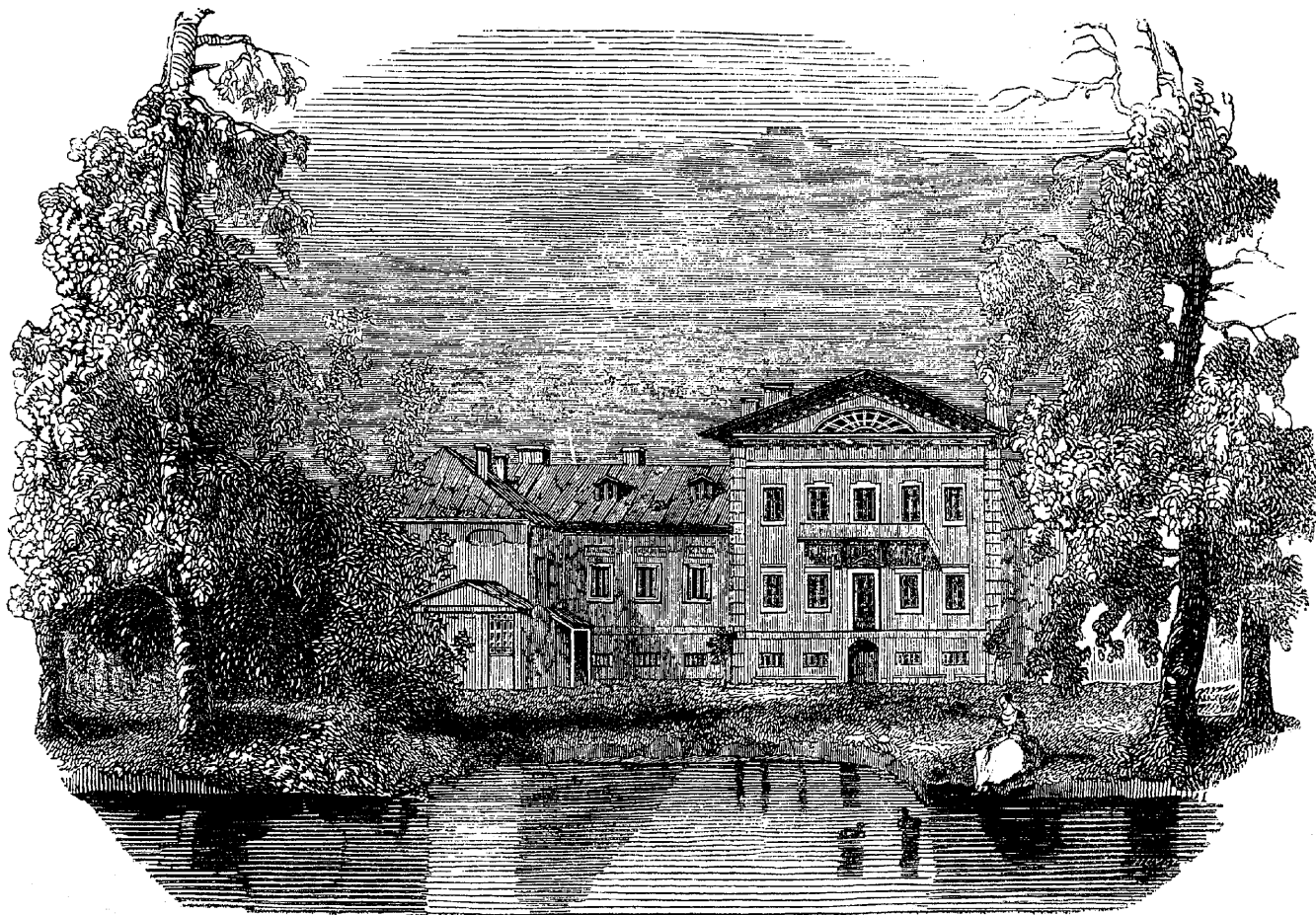
ревни, и пласали его до упаду. Наконец, Жуковъ приказал на прощанье записать: *Боже, Царя зрими!* и пѣсколько сотъ голосовъ чинно, благоговѣнно записалъ этотъ прекрасный, торжественный гимнъ. Всадъ за этимъ загремѣло ура, шапки полетѣли кверху и Жуковъ ушелъ домой, напутствуемый какими радости, благодарности, молитвы и благословеніи!..

25 октября
1845.

Мы совершенно раздѣляемъ и мысли и чувствованія нашего почтеннаго корреспондента. Дѣйствительно, постройка такого огромнаго дома въ такое короткое время ничто баснословное. Правду сказалъ кто-то, что въ Петербургѣ дома растутъ какъ грибы, за то и прочность ихъ гри-

раго абонимента возбудило живѣвшее любовничество и истеричіе. Обыкновенно любители, и притомъ страстные, Италіискаго дѣнія, съѣзжаются въ театръ тогда уже, когда прошла первая половина перваго акта; это случается именно изъ сильной любви къ Италіискаго музыкѣ. На этотъ разъ не прошло еще и семи часовъ, театръ уже былъ полонъ; букетовъ не мало въ бѣленькихъ ручкахъ, но больше бѣленькихъ книжекъ, этой необходимой предосторожности для слушанья новыхъ оперъ. Къ несчастію, и эта предосторожность не всегда бываетъ дѣйствительна... Замѣтивъ, что пріѣхали рано, мы рѣшились воспользоваться временемъ и прочитали либретто. Изъ онаго уразумѣли, что въ Миланѣ жили два брата, Арвино и Пагано. Первый женился на Виккиндѣ и возбудилъ ревность бра-

котораго по ошибкѣ не убили, и убѣгасть съ нимъ. Не погодя настигла бѣдѣцовъ; они усѣли убиты въ пещеру, но Оронтъ смертельно раненъ; приѣхать пустынный, направляетъ Оронта, который за тѣмъ безошибочно умираетъ. Въ четвертомъ актѣ Жисельда сплелъ на скалѣ и видитъ во снѣ Оронта и ангеловъ. Между тѣмъ начинается пріступъ къ Иерусалиму; пустынный смертельно раненъ; его приводятъ въ пещеру; тутъ узнаютъ, что онъ Пагано. Онъ умираетъ покойно, потому что видитъ знамена крестоносцевъ на стѣнахъ Иерусалимскихъ. Не правда ли, либретто общало много эффектовъ, ожиданіе возрасло; оркестръ заигралъ печально и съ первыхъ тактовъ мы узнали Люкрецію Борджіа. Поднялся завѣсъ, не оставалось болѣе сомнѣнія; болѣзнь г. Тамбуриши заставила перемѣнить спектакль. Въ Лу-

Дача Г. Понамарева.

нал. Но этого нельзя сказать о домѣ В. Г. Жукова. Тутъ каждый камень ложился на свое мѣсто подъ личнымъ ежедневнымъ надзоромъ и хозяйина и архитектора. Самые красивые дома принадлежатъ нашимъ боярамъ; самые огромные и прочные, нашему купечеству. Нельзя того же сказать и о дачахъ: самыя огромныя принадлежатъ боярамъ; дачи нашего купечества гораздо меньше и не такъ нарядны. Мы должны, однако же, сдѣлать нѣкоторыя исключенія, а именно дачи В. Г. Жукова, которую читатели иллюстраціи уже видѣли, и дачи коммерція совѣтника Понамарева, съ которой прилагаемъ гравюру.

На этой недѣлѣ воздѣшено было первое представленіе давно ожидаемой оперы Верди: *I Lombardi alla prima crociata*, сирѣчь, *Ломбарды въ первомъ Крестовомъ походѣ*. Новый композиторъ, новая приданная Мольтнини, новыя декорации, — все это въ слушателяхъ Италіискаго оперы вто-

та, который паранилъ Арвино, но не ловко; тотъ остался живъ, а Пагано изгнанъ. Ложный миръ возстановилъ ложную тишину. Пагано для того только и примирился, чтобы убить брата; но опять ошибся и убилъ отца. Во второмъ актѣ является Аччиано, владыка Антиохіи; у него слыш Оронтъ, сынъ отъ христіанки, а въ плѣну неизвестно какимъ образомъ Жисельда, дочь Арвино. Слыши, что крестоносцы уже близко. Пустынный ихъ ожидаетъ, и въ это врмя встрѣчаетъ ренегата, нѣкогда сообщника злога Пагано. Ренегатъ кастелъ, а пустынный велитъ ему отвѣрить христіанамъ врата Антиохіи. Являются крестоносцы подѣ начальствомъ Арвино, берутъ Антиохію, освобождаютъ Жисельду; но она не рада своей свободѣ, потому что ложный слухъ, будто бы крестоносцы убили Оронта, доводитъ ее до изступленія. Въ третьемъ актѣ, Жисельда прогуливается по стану, встрѣчается съ Оронтѣмъ,

креціи, публика услышала въ третій разъ г. Сальви и въ первый разъ г. Корали.

— Въ литературѣ все обстоитъ по прежнему. Всякая величина осмыкаетъ своимъ огнемъ всѣ другіе журналы и газеты, но преимущественно иллюстрацію. Новыхъ сочиненій мало; и даже въ виду не либѣтся. Поговариваютъ о какихъ-то Запискахъ, въ которыхъ ярко писана дружба автора со всѣми покойными знаменитостями нашей литературы. Но кто вѣритъ Запискамъ, которые сочиняются за-живо, съ дѣланіемъ — издать или, лучше сказать, продать свои воспомнанія. Поговариваютъ еще о десяткѣ подобныхъ спекуляцій; но всѣ эти изданія не принадлежатъ къ литературѣ. Это все — ничто въ родѣ маленькаго базара у воротъ литературы, а литература, будто оставленное зданіе, нѣтъмъ необитаемое, на гдухо заколоченное, дичаетъ все болѣе и болѣе.

— Въ Одесскомъ Вѣстникѣ напечатано слѣдующее любовитное извѣстіе.

Благодѣтельной заботливостью с. с-ва, князя М. С. Воронцова о Новороссійскомъ краѣ, возникъ въ недавнее время, на сѣверо-восточномъ берегу Азовскаго моря, прекрасный портовый городъ Бердянскъ. Флаги купеческихъ кораблей оживили дубовую бухту и привлекли торговыхъ людей къ берегу, на которомъ еще недавно стояли одиѣ бѣдныя хижины Ногайцевъ и рыбаковъ. Теперь замѣнили ихъ красивыя капитальныя зданія, и, судя по началу, можно надѣяться, что скоро Бердянскъ будетъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Новороссійскаго края.

Попеченій князя М. С. Воронцова не ограничился доставленіемъ Бердянску выгоды со стороны моря. Его сѣятельство желалъ привлечь къ этому городу людей, промышленяющихся сухопутною торговлею и перевозкою разныхъ продуктовъ и матеріаловъ въ губерніяхъ юго-восточной Россіи. Въ этомъ предположеніи, онъ обратилъ вниманіе на главнѣйшее произведеніе Крыма, соль.

Хотя вблизи Бердянска, въ 3-хъ и 4-хъ верстахъ, находится нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ, но въ нихъ рожденіе соли бываетъ весьма рѣдко и притомъ въ количествѣ очень ограниченномъ. Источники эти, съ 1805 года, Высочайше представлены въ пользу Ногайцевъ, безъ права вывоза за черту земли, сияя народомъ обитаемой. Такъ какъ по этому солю, добываемая иногда изъ Бердянскихъ источниковъ, не могла осуществитъ мысли о привлеченіи къ этому городу сухопутныхъ транспортовъ, то его сѣятельство, по сношеніи съ г. министромъ Финансовъ, исходатайствовало, въ 1842 году, въ первый разъ для города Бердянска 200 тысячъ пудъ соли отъ Крымскихъ соляныхъ запасовъ.

Количество это составило первый Бердянскій соляной магазинъ, изъ котораго производилась продажа, сперва нѣсколько медленно, но въ скоромъ времени, двухъ-сотъ тысячный запасъ соли оказался весьма ничтожнымъ, когда въ сухопутныхъ торговыхъ сношеніяхъ отозвалась польза прекрасной мысли генералъ-губернатора. Первая соль была перевезена въ Бердянскъ отъ Феодосійскаго за г. Керчью. До Керченскаго порта надобно было везти ее на фурахъ, и тамъ уже нагружать на суда, для отправки въ Бердянскъ. Дальняя перевозка, съ перегрузкою съ фуры на суда, представляла и затрудненія и траты денегъ довольно значительныя; ближайшихъ же пунктовъ, откуда была бы возможность отправлять соль, не имѣлось, потому что лежащее въ 15-ти верстахъ отъ г. Керчи соляное Чокракское озеро, бывшее вѣкогда богатыхъ источниковъ, съ нѣкотораго времени, чрезвычайно оскудѣло. Не смотря, однако же, на отдаленную перевозку, сбытъ соли въ Бердянскѣ оказался полезнымъ, и въ прошедшемъ 1844 году надобность соли въ тамошнемъ магазинѣ утrophлась. Къ несчастію, Крымское соляное правленіе, заботясь о доставленіи соли въ Бердянскъ, уже не имѣло возможности ассигновать къ отпуску 200 тысячъ пудъ вновь требуемой соли, даже и изъ запасовъ Феодосійскаго Экзенскаго озера, по причинѣ совершеннаго ихъ истощенія. Оставалось одно средство: отправить соль изъ Эваторіи отъ озера Сакскаго. При исполненіи этой перевозки погибли два судна, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ каботажныхъ судовъ, истребленныхъ бурями несчастлаго мореплаванія 1844 года. Въ такомъ положеніи находилась статья о снабженіи солю Бердянскаго магазина отъ Крымскихъ запасовъ.

Между тѣмъ, извѣстно, что Азовское море къ западу слѣвается съ Сивашемъ или Гнилымъ моремъ, соединяясь съ нѣмъ проливомъ Генгическимъ на сѣверной оконечности узкой Арабатской Стрѣлки. Въ 15-ти верстахъ отъ пролива, на Стрѣлкѣ лежитъ богатое Генгическое озеро, при коемъ запасы соли могутъ въ счастливое добываніе простираться до 2-хъ милліоновъ пудъ и болѣе. Мѣстечко Генгическъ, гдѣ помѣщенъ смотритель озера, лежитъ на крутыхъ берегахъ мо-

рей Азовскаго и Сиваша, при самомъ проливѣ, черезъ который ходятъ паромъ саженьяхъ на 50-ти

Близость разстояній этого пункта отъ Бердянска, лежащаго на берегахъ того же моря, и изобиліе соли въ запасахъ Генгическихъ, при первомъ взглядѣ приводили къ мысли о пользѣ, какую могла бы доставитъ связь этихъ пунктовъ, съ помощью каботажнаго судоходства; тогда исчезли бы затрудненія снабжать солю Бердянскъ, благодѣтельная цѣль его сѣятельства князя Михаила Семеновича была бы достигнута и самое мѣстечко Генгическъ, приходящее годъ отъ году болѣе къ бѣдности, могло бы воскреснуть, войдя въ сношенія съ богатымъ новымъ портомъ Азовскаго моря.

Управляющій Крымскимъ солянымъ правленіемъ, статскій совѣтникъ Озерецковскій, еще въ 1842 году, доложилъ объ этомъ князю М. С. Воронцову, и его сѣятельство одобрилъ это предположеніе, предоставивъ ему озаботиться изысканіемъ средствъ къ приведенію въ дѣйствіе плана столь полезнаго. Не смотря на всю важность и предвидимую пользу подобнаго дѣйствія, исполненіе сего проекта казалося сначала невозможнымъ, потому что часть Азовскаго моря на обширное пространство до Арабатской Стрѣлки и Генгическа, признана была не судоходною и объявлявшюся съ давняго времени. Генгическъ стоялъ какъ бы на сухомъ материкѣ, при узкомъ проливѣ и мелководныхъ берегахъ Азовскаго моря, собиравъ свѣдѣнія и продолжалъ узнавать о потребностяхъ, до каботажнаго судоходства относящихся, г-нъ Озерецковскій узналъ, что въ Генгическѣ есть еще жители, которые помнятъ, что лѣтъ 50 тому назадъ, къ ихъ проливу приходили за солю суда, но что впоследствии напослѣ морскіе пески засыпали обширными мысами эту часть моря, и съ тѣхъ поръ прекратилось тамъ плаваніе, а съ тѣмъ и благоденствіе Генгическа.

Воспользовавшись этимъ свѣдѣніемъ, г. Озерецковскій прдлумаль обратиться къ градекому главѣ города Бердянска, 1-й гильдіи купцу. Н. С. Кобозеву, и убедилъ его испытать на опытѣ — нтъ ли какой шибудь возможности возобновитъ каботажное судоходство между двумя означенными пунктами Азовскаго моря? Г. Кобозевъ, человекъ извѣстный своимъ способностями и живымъ стремленіемъ къ пользамъ правительства и торговли, рѣшился принять на себя попытку, и, заключивъ контрактъ о поставкѣ соли въ Бердянскъ съ Крымскимъ правленіемъ, выстроилъ нарочно для этого опыта два каботажныхъ судна. Результатъ его усердія доказалъ удивительную несообразность всѣхъ прежнихъ мнѣній на счетъ невозможности каботажнаго плаванія между Генгическомъ и Бердянскомъ. 11-го январскаго мая, суда съ солю поплыли въ Бердянскъ отъ Генгическаго пролива.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что прѣмъ г-на Кобозева, измѣнивъ всѣ прежнія понятія о затрудненіи нагрузки соли въ Генгическѣ, заставилъ точней другихъ солепромышленниковъ обратиться къ тому же пункту, и менѣе нежеланъ въ мѣсяцъ, весь запасъ соли Генгичскаго озера, простирившійся до 800 тысячъ пудъ, поднять болѣею частью на суда и отправился въ Бердянскъ и Ростовъ, за исключеніемъ 150 тысячъ пудъ, оставленныхъ въ запасъ для казенныхъ надобностей при Генгической дистанціи. Наконецъ послѣдствіе этихъ дѣйствій открыло г-ну Кобозеву обстоятельство, заслуживающее удивленія: оказалось, что песчаная насыпь, сдѣланная морскими приливомъ, образовалась въ одномъ мѣстѣ у берега роль косы, за которою фарватеръ столько удобенъ, что теперь суда, поднимающія до 3-хъ тысячъ пудъ соли, подходятъ къ самому берегу.

Столь неожиданный успѣхъ въ дѣлѣ, такъ важномъ для благоденствія двухъ городовъ — Бердянска и Генгическа, признававшемся невозможнымъ, — успѣхъ, которымъ эти города обязаны благородному усердію и находчивости гг. Озерецковскаго и Кобозева, заслуживаетъ быть общезвѣстнымъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОРОГА.

Черными вѣтвями
Машетъ мнѣ сосна,
Тусклыми лучами
Свѣтитъ мнѣ луна,

И какъ вихрь несетсѣ
Тройка черезъ лѣсъ...
Сердце тихо бьется...
Мрачею сводъ небесъ, —

Вторить откликъ дальнимъ
Искри ямника, —
Було вздрогъ почальвыи,
Мнѣ звучать она.

Колоколь улыбки!
Сонъ манять ты мнѣ,
И край сердцу милымъ
Внжу я во снѣ.

Внжу домъ знакомыи,
Внжу, кругъ родной,
Внжу будто дома
Отдашь мнѣ покой;

И въ саду забывомъ,
Я опять брожу,
Вновь въ рѣчахъ привѣтныхъ
Радость нахожу...

Но не долго тѣшилъ
Меня чудный сонъ;
Скоро все умчалось, —
И я пробужденъ...

Темная дорога
По дѣву бѣжитъ,
Подъ лугой улыло
Колоколь заснитъ, —

Мрачно ели киваетъ
Мнѣ издалека...
Сердце замираетъ,
Душу рветъ тоска.

М. Михайловъ

ДВѢ ПѢСНИ.

I.

Снова я, раздумья полный,
Въ книгу прошлаго глажу,
По страницѣ отраднѣхъ сердцу
Въ ней не много нахожу.

Здѣсь напрасныя стремленья,
Тамъ наирасна любовь;
И сильнѣе годъ отъ году
Холодѣтъ въ сердцѣ кровь!

А порой, и мнѣ казалось,
Счастье было найдено.
То же горе! Только счастьемъ
Притворялося оно!

Съ каждымъ днемъ дорога жизни
Все становится скучнѣй;
Но послушный вольтъ рока,
Видю я бреду по ней!

Безъ надежды, безъ желанья,
Какъ волна катится въ даль;
Впередъ не внжу дѣли
И былаго мнѣ не жалѣи.

II.

Доброй ночи! Ты сказала,
Подавая руку мнѣ.
И желала много счастья
Много радостей во снѣ.

Пусть до самаго разсвѣта
Спятъ милыя черты,
Улыбая лукаво
Говорила другу ты.

И сбылось твоё желание!
И тебя увидать я...
Все твои мнѣ снились взоры,
Взоры полные огня!

Снилось — въ комнаткѣ уютной
Мы сидимъ съ тобой вдвоемъ;
На полу чертить узоры
Мѣсяцъ пальевымъ лучемъ.

Ты меня ласкаешь ручкой
Привлекла на грудь свою,
Нѣжно въ очи цѣловала
И шептала мнѣ: люблю!...

И еще такъ много снилось!
Что за дивный сладкій сонъ...
Пожелай, чтобы со мною
На яву случился онъ!...

А. Плещеев.

РУЧНЫЕ МЕДВѢДИ.

(Выдержки изъ путевыхъ записокъ Г. и Н. Чернецов.)

Гг. академики Чернецовы посѣтили живописнѣйшія мѣста, какъ Россіи, такъ Италіи и Востока. Путевыя ихъ записки истинный кладъ любопытнѣйшихъ замѣ-

Отдыхъ хозяина и его медвѣдя.

токъ о разныхъ историческихъ и другихъ предметахъ. Мы надѣемся, что не разъ будемъ дѣлаться съ нашими читателями этими замѣтками, иллюстрированными самими художниками. Прекрасные рисунки ихъ, изображающіе нѣкоторые важнѣйшіе остатки старинныя и преданія помѣщены выше или еще гравированы, между тѣмъ мы спѣшимъ въ смѣси нашей подѣлать забавную исторію о медвѣдяхъ... Предоставляемъ рассказывать самимъ путешественникамъ.

«Отплывъ отъ Василь-Сурска, мы бросили якорь противу Хмѣлевской слободы. Рабочій рассказалъ намъ о любознательномъ промыслѣ крестьянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи. Они ловятъ сами и покупаютъ медвѣжатъ; платятъ отъ 10 до 20 р. ас. за медвѣженку, откармливаютъ, и когда медвѣжата нѣсколько подрастутъ, продаютъ имъ въ губу желѣзное кольцо, называемое болыникою. Это вступленіе въ ученье; съ помощью болыникой медвѣжонокъ дѣлается послушнымъ, покорнымъ и учится разнымъ медвѣжьимъ нау-

камъ. Понятливые быстро успѣваютъ, такъ что въ полгода дѣлаются совершенно образованными медвѣдами. Лѣшницы и съ тупыми способностями продолжаютъ курить годъ и даже два; бываютъ примѣры, что наука совсемъ не идетъ въ прокъ; ученикъ отбивается отъ рукъ; тогда изъ ученика дѣлаютъ шубу, и кончено. Для медвѣдя, съ успѣхомъ окончившаго курсъ науки, напимаютъ мальчика, который играетъ роль козы, а въ медвѣжьей плискѣ — коза необходимая принадлежность. Съ такимъ спутникомъ медвѣдь отправляется путешествовать во все коши Россіи, иногда за тысячу верстъ и болѣе. Зимой строятъ для ученаго медвѣжьяго сословія апбары и кормятъ ихъ почти одною мякиною; къ веснѣ они по-неволѣ отоцаютъ. Послушные и смѣтливые живутъ у хозяевъ дѣть по десяти и болѣе, разстаются уже въ старости и на память оставляютъ свои шкуры; съ жохальми свькаются и даже приобретаютъ къ нимъ искреннюю признательность. Намъ самимъ случилось видѣть роздыхъ путешественниковъ; все трое, жохальи, медвѣдь и коза отдыхали; мы не могли не подивиться доверенности жохалаго. Съ нимъ рядомъ спалъ медвѣдь, обнявъ

друга лапою. Въ селѣ Ключихахъ, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, до 80-ти медвѣдей, составляющихъ главный ихъ промыслъ. Не очень давно, весною, одинъ жохальи съ мышкой долженъ былъ переправиться черезъ рѣчку. Лодка была такъ мала, что обоимъ путникамъ нельзя было помѣститься. Жохальи поступилъ не по-дружески: самъ сѣлъ въ лодку, а медвѣдя привязалъ къ кушаку и поѣхалъ. Мыша, которому не преподавали морской науки, вздумалъ пересѣсть въ лодку, ухватился за бортъ, и опрокинулъ лодку. Связанный съ медвѣдемъ жохальи захлебнулся, но медвѣдь вытащилъ его на берегъ; видя, что онъ не встаетъ, медвѣдь поднялъ жохалаго и давай ставить его на ноги. Жохальи не стоялъ... Медвѣдь, вѣроятно, поглялъ, что случилось; легъ возлѣ друга и сталъ реветъ изо всей мочи. Мальчикъ, перевозившій жохалаго, счастливо выплылъ на берегъ, дакъ знаетъ о случившемся въ деревню, — сбѣжалъ; медвѣдь лежалъ на томъ же мѣстѣ и реветъ неутѣшно!

ПЕРЕПИСКА.

Въ Редакцію. М. Г. Н. В. Ядовольно знакомъ съ сочиненіями Доктора Распайля и увѣренъ, что все чтавшее его, вмѣстѣ со мною, не одобряетъ заносчивости Свѣ. Пч., а потому прошу васъ покорно помѣстить прилагаемую статейку въ вашей Иллюстраціи. Съ п... и пр. Н. Р.

КАМФОРНЫЯ СИГАРКИ.

Въ N 155 Юля 12, сего года «безпристрастной» газеты Свѣрхой Пчелы была напечатана статья «Сигары, приготовленныя съ камфорой», и притомъ слѣдующее замѣченіе въ вышеслѣ: «На дняхъ прочли мы: Manuel annuaire de la santé, ou Médecine et pharmacie «domestique, par Raspail. Paris. 1845. Книга эта въ краткомъ видѣ простыми, разумными, ясными языкомъ, образно повѣстному «состоянію науки, излагаетъ страданія человеческія и представляетъ способы исцѣленія простыми, дешевыми средствами. Въ домашнемъ быту «руководство это весьма полезно и необходимо.» Изъ этой книги мы «извлекаемъ предлагаемую статью, желая «ближе познакомить читателей съ пользою «камфорныхъ сигаръ», о которыхъ было говорено въ Свѣрхой Пчелѣ въ прошедшемъ году (1844. N N 89 и 99) въ статьѣ Доктора «Распайля: о «пищѣ» человека.»

И что же! — Та же Свѣрхая Пчела, въ N 243, октября 27 нынѣшняго года, говоритъ: «Сочиненіе Распайля есть «бредъ разгоряченной головы,» и цѣль этого бреда — «приобрѣтеніе «извѣстности ведущей къ бо- «гатству»... Эти сигары безъ огня и «табаку» «были бы «смѣшны»... отъ которыхъ Свѣрхой Пчелѣ «должно» предостеречь неопытныхъ и легковѣрныхъ людей...»

Еще выше Свѣрхая Пчела или сочинитель «всякой величины» величаетъ Распайля «улычкимъ бутловщикомъ... трактирнымъ заговорщикомъ... сумашедшимъ...» который «носмѣвается да собираетъ денежки»... наконецъ «дерзкимъ шарлатаномъ...» и «безмысленнымъ изчадіемъ невѣжества...» и проч. и проч.

За что же бѣдный Распайль навлекъ на себя, послѣ похвалъ и рекомендацій его книги, такіе жестокие ругательства отъ сочинителя всякой величины! Отчего такая несообразность? — А вотъ отчего.

Сочинитель всякой величины увидѣлъ «и конечно, вы вы, и я, а онъ одинъ увидѣлъ,» что какіе то господа прогуливаясь по Невскому проспекту, развѣзжая въ экипажахъ, даже дамы — держатъ въ зубахъ сигарки. Поэтому онъ самъ съ собою разговариваетъ, спрашиваетъ и отвѣчаетъ: какія это сигарки? — Сигарки Распайля!.. Самъ себѣ предлагаетъ прочесть книгу, изъ которой Свѣрхая Пчела слѣдала плохой переводъ о «камфорныхъ сигаркахъ» въ N 155; по сочинителю всякой величины, хотя нечитаете жохальиномъ этой газетѣ, однако, видно, не читаетъ ее. — И вотъ приходитъ къ нему докторъ «не фабрикантъ ли табачныхъ сигаръ?»; этотъ докторъ убѣдилъ сочинителя разругать Распайля за камфорныя сигарки, которыхъ, чего добраго, подорвутъ фабрики табачныхъ сигаръ.

Мы хотѣли отъ души, читая этотъ папегирникъ Распайлю и думали: вотъ гдѣ «Европейское образованіе, знаніе свѣтскихъ приличій, вѣжливость — если не изъ уваженія къ лицу, то изъ уваженія къ публикѣ и къ самому себѣ;» вотъ гдѣ «умѣренность въ выраженіяхъ и отступленіе отъ великаго самонахвальства», въ недостаткѣ чего сочинитель всякой величины упрекаетъ другихъ литераторовъ. Пусть будетъ такъ; но сожалѣемъ

только, что Свѣршай Пчела такъ шутить доверіемъ публики и позволяеть печатать подобныя нелѣпности въ собственной типографіи.

Во-первыхъ, публика не позволитъ обольстить себя ни какою ложью; она не слушаетъ ни рекомендацій Свѣршай Пчелы, ни ея ругательства, потому что руководствуется собственнымъ здравымъ смысломъ. Во-вторыхъ, докторъ Распайль столько извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями о естественныхъ наукахъ, химіи, медицинѣ, агрономіи, и проч., и такъ хорошо умѣеть отражать нападки своихъ ученыхъ антагонистовъ, что для него ругательства русскаго фельетониста въ Свѣршай Пчелѣ покажутся въ Парижѣ «если только олтъ удостоитъ взглянуть на нее» пискомъ комара.

Сожалѣемъ еще разъ, что Свѣршай Пчела прославляя свое безпристрастіе увлекается привычкою порицать, не только все то, что не ея собственнаго произведенія, или ея соотрудниковъ; но даже не рѣдко сама себя противурѣчить, и сама себя осуждаетъ.

Гораздо легче быть сочинителемъ всякой всячины, и не написавши ничего дѣльскаго о какой либо наукѣ порицать произведенія людей, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ и заслужившихъ уваженіе публики, нежели самому дѣлать опыты и наблюденія для изслѣдованія какой либо истины, полезной человечеству. Распайль уже много открылъ такихъ истинъ не будучи членомъ Французской Академіи, и прославилъ науку; а сочинитель всякой всячины что сдѣлалъ и кого прославилъ?.. П. Р.

О. К. О. Можетъ быть. Біографіи поэтовъ весьма трудно составлять, потому что послужные ихъ списки мало доставляютъ матеріаловъ. Когда всѣ отдѣленія въ Иллюстраціи устаноятся, тогда и желаніе наше будетъ исполнено. Конечно, и эти Россіе много достойны вниманія, достойны памяти. Нѣкоторыхъ портреты награвированы, а біографическихъ свѣдѣній собрать не можемъ.

Гг. А — у и Ак. — у. По письмамъ, относящимся до Иллюстраціи, мы отвѣчать иначе не можемъ, какъ чрезъ посредство самой Иллюстраціи. Указаніе адреса заставляетъ думать, что вы не желаете получить отвѣтъ такимъ путемъ, а другимъ намъ нельзя. Ждемъ вашихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Г. С — ву. Съ трубами и барабанами! Въ трудахъ тяжелыхъ иногда пріятна и янычарская музыка, а ваши письма намъ иногда очень пріятны. Вы не участвуете по всякой всячинѣ. Вы сами по себѣ. Да кто же па этотъ счетъ и сомнѣвался. Право, мы не подали къ тому повода.

О. П. — Зри предъидущій отвѣтъ. С... ф... ву. Можно положительно отвѣчать, что рисунки удовлетворительны, но по краткости описаній, по предметамъ совершенно отдѣльнымъ, рисунки войдутъ въ отдѣленіе Историческихъ Замѣтокъ.

А. М. М. — О. С. И. — Г. Г. Р. — Ос — у: не могутъ быть напечатаны. Почему, не спрашивайте. —

Г. Х — ву. — Колокотропи.

Г. Б. — чу. — Советуемъ обратиться къ другимъ редакціямъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Италіанскій Театръ: Въ слѣдующую пятницу 9-го полбрія, назначенъ въ бенефисъ г. Ровере, Севильскій Цырюльникъ; партію Альмавивы будетъ пѣть г. Сальви.

Французскій Театръ: Въ слѣдующую субботу, 10 полбрія, назначенъ бенефисъ режиссера г. Пейсара. Даны будутъ: Тартюфъ, комедія, въ коей приметъ участіе г-жа Арну-Плесси; Пикъ-никъ на Крестовскомъ, сочиненіе здѣсь проживающаго писателя, Г. Оже и Ланкене, водевилъ, который въ Парижѣ имѣлъ успѣхъ.

Нѣмецкій Театръ. Въ понедѣльникъ, 5 полбрія, въ бенефисъ г-жи Графъ, дана будетъ новая драма въ 5 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ Scheiben-Tenue.

СОДЕРЖАНІЕ У ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ПМЪЮЩЕЙ БЫТЬ 3 ПОЛБРІЯ.

О заразныхъ началахъ, развивающихся въ воздухѣ.

Инфекціи. Объясненіе источника развитія.

Контаги. Способы провланія.

Эндеми. Объясненіе. Причины, источники. Географическое указаніе мѣстъ.

Эндеми. Объясненіе, способы провланія.

**ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРАЦІЮ
ПРИНИМАЕТСЯ:**

Въ Редакціи, по Гороховой, за Сем поевскихъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ Г-жи Домонтоицовой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. Смородина, на Невскомъ проспектѣ, у Казаискаго моста, въ домѣ Г-жи Энгелгартъ, и Исакова, въ Гостиномъ дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Митлевой.

РАЗГАДКА № 28.

- 1) Въѣкъ — жи въ нѣѣ — куча — съ.
- 2) Въѣкъ живя, въѣкъ уцелѣ.

ЗАГАДКА № 29.

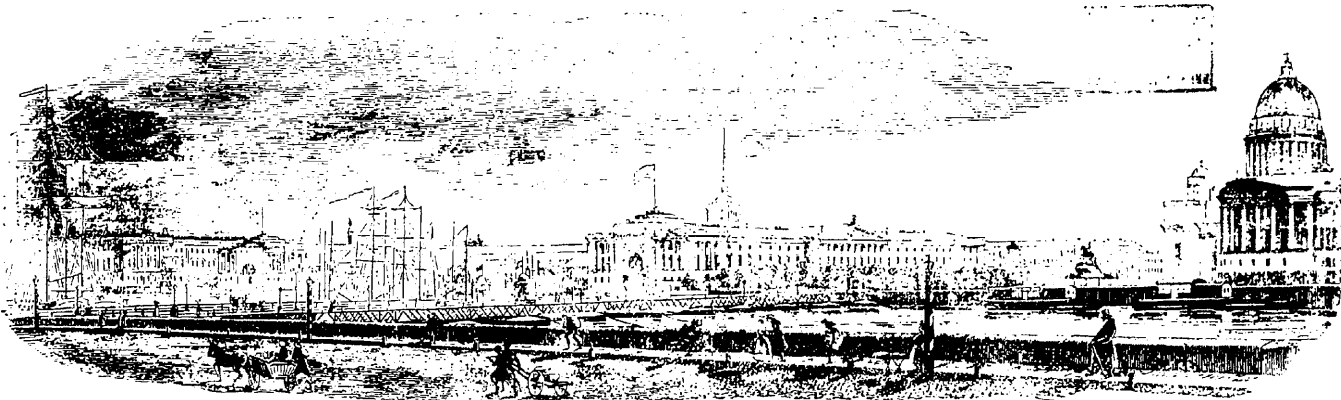
О О ШЕМЪ

(Сообщена изъ безконнаго узда).

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Клавир-оркестръ, изобрѣтенный въ Петербургѣ. 2) Путешествіе по всей Россіи. 3) Движущіиися кусть, расказъ русскаго офицера. 4) Странствователь по чужимъ изданіямъ. 5) Французскій Театръ. 6) Путевыя замѣчанія. 7) Еженедѣльничекъ. 8) Стихотворенія : I, Дорога, М. Михайлова, II, Дѣвѣ пѣсни, А. Плещеева. 9) Ручные медвѣди. 10) Череписка. 11) Театральныи вѣстникъ. 12) Загадка. ГЛАВОРЫ : 1) Клавир-оркестръ, (2 грав.). 2) Путешествіе по всей Россіи (4 грав.) 3) Древняя монастырская церковь въ Берлинѣ. 4) Турниръ въ Грецѣ. 5) Томбола въ Велесіи. 6) Древняя церковь въ Дронтегкѣ. 7) Цирючка на дворѣ новаго дома В. Г. Жукова. 8) Ручные медвѣди. 9) Загадка, всего 12 гравюръ.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И Я ,

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПИЯЩАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
п пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 51. — СУББОТА, 10 НОЯБРЯ 1845.

Безъ доставки На годъ 10 р. сер.
п пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ДВѢ ИНТРИГИ.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Г. Оврѣ, генералъ и любезникъ въ отставку, осаждал сердца въ то самое время, когда Французы осаждали Бастилю. Онъ былъ мужественъ, какъ Амадеи и Донъ-Кихотъ; онъ былъ атлетическій рубака, мощный и здоровый, не смотря на свои лѣта. Генералъ во время оно бывалъ побѣдителемъ на войнѣ и въ любви; но когда состарился, то по поговоркѣ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, — женился.

Мосей Оврѣ сыгралъ очень не хорошую шутку съ молодой и хорошенькой дѣвушкой, — женившись на ней.

Въ одно прекрасное утро, мосей Оврѣ былъ очень не въ духѣ; онъ хмурилъ брови, топталъ ногой по паркету и стучалъ кулакомъ по этажеркамъ, на которыхъ стояли очень хорошенькія фарфоровыя бездѣлушки изъ Севракской фабрики.

Въ комнатѣ съ нимъ никого не было, кромѣ стараго слуги, отставнаго солдата, съ сѣдыми усами.

— Миѣ жаль, говорилъ послѣдній, огорчать ваше превосходительство; по дѣло было такъ, какъ я имѣлъ честь докладывать.

— Слѣдовательно, ты разбойникъ, смѣешь обвивать мою жену!..

— Осмѣлюсь повторить, ваше превосходительство, что недѣля тому, я былъ въ гостяхъ у товарища и возвращался отъ него, когда увидѣлъ, что барыня вошла въ одинъ домъ, сказавъ привратнику: Къ мосей Оскару Морену. — Оба меня не замѣтила; я подошелъ къ привратнику, да и спросилъ: — Скажи миѣ, любезнѣйшій, что за человекъ мосей Оскаръ? — Мосей Оскаръ? говорить; а кто его знаетъ? онъ недавно переѣхалъ къ намъ. Какой-то молокососъ; ему лѣтъ двадцать пять, не больше.

Генералъ стоялъ въ это время у этажерки; онъ схватилъ съ нея статуетку Тальони, бросилъ ее изо всей силы на полъ, и она разлетѣлась на мелкие кусочки. Старый слуга продолжалъ:

— Такъ какъ я знаю, что вы, ваше превосходительство, очень дорожите супружеской дисциплиной, и такъ какъ постопающесть бароль супружества, то я хотѣлъ узнать, не позабыла ли барыня пароля. Я сталъ, съ по-

воленія сказать, наблюдать за нею и замѣтилъ, что каждый день, аккуратно, ея превосходительство изволитъ выходить со двора и въ гости къ мосей Оскару Морену; не хорошее дѣло! Но это еще не все...

Новый шумъ прервалъ слова усача; за Тальони полетѣла на полъ статуетка Бальзака.

— Ничего, ничего; сказалъ генералъ; продолжай, я слушаю.

— Извольте видѣть, хладнокровно продолжалъ инвалидъ; долгомъ считаю открыть вашему превосходительству, что тутъ двойная интрига. Пока барыня забываетъ пароля, мамзель Марта, ваша племянница, сирота, которую вы принесли къ себѣ въ домъ, изволитъ заниматься танцевальною, а можетъ быть, и любовною перенеской.

Генералъ хотѣлъ было разбить Диопре; но старикъ остановилъ его, сказавъ:

— Не троньте этого господина, ваше превосходительство, и такъ ужъ довольно жертвъ... мамзель Марта ищетъ къ Лионелю Морвиллю, этому рыбчанику... виноватъ, ваше превосходительство, этому красавцу, который приходитъ сюда. Я отдаю письма на почту и всегда вижу на нихъ одинъ и тотъ же адресъ. Кромѣ того, и мамзель Марта получаетъ надушенныя записочки, впрямую, отъ мосей Лионеля. Вы изволили узнать, на сколько дней, ваше превосходительство, слѣдовательно, я счелъ долгомъ рапортовать вамъ о позиціи непріятеля.

— Моя племянница! вскричалъ генералъ, невинная молодая дѣвушка, воспитанная въ монастырѣ, гдѣ вѣбѣтъ съ азбукой ей внушали правила нравственности! Это не можетъ быть!

— Клянусь Наполеономъ, ваше превосходительство, что я никогда не лгалъ!

— Это правда, мой добрый Робертъ. Теперь я самъ стану подматривать за ними и — горе имъ!..

Генералу доложили, что его ждутъ къ завтраку. Онъ скрывъ свою горестъ и вѣлъ съ отчаяніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ некоего по-сматривалъ на жену и племянницу. Обѣ были такъ хороши собою, что легко могли возбудить опасенія мужи и дяди.

— Что съ вами сегодня? спросила мадамъ Оврѣ мужа; вы смотрите на меня такъ сердито...

— Вы сегодня что-то черезъ-чуръ веселы, сударыня.

— А что я вамъ сдѣлала? спросила Марта; вы и на меня смотрите грозно...

— Ты слишкомъ печальна и задумчива. Онѣ громко засмѣялись. Генералъ тоннулъ ногой.

— Я говорю дѣло! вскричалъ онъ: молодая дѣвушка даромъ не задумывается.

— Полноте, другъ мой, не сердитесь, сказала мадамъ Оврѣ, ласкался къ нему; будьте любезны, Гекторъ!

Гекторъ!.. она назвала его Гекторомъ!.. у генерала волосы стали дыбомъ на головѣ.

— Вы хотите, чтобы я былъ любезенъ. Ты-скачи бомбъ! вскричалъ онъ; я не терплю женщинъ, которыя ласкаются къ мужьямъ. У меня была бѣлая кошечка, которая всегда ласкалась ко миѣ, когда хотѣла оцарапать.

Наступило молчаніе.

По протѣвннхъ ибкомннхъ минутъ, мадамъ Оврѣ спросила избрежно:

— Что вы намѣрены дѣлать сегодня утромъ?

— Она хотѣтъ удалитъ меня, подумалъ онъ. — Я намѣренъ сидѣть дома... или итѣтъ, итѣтъ! у меня есть дѣло, но которому я долженъ отлучиться на цѣлый день.

— Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой? сказала она съ очаровательной улыбкой; это очень хорошо; вы привыкли къ дѣятельной жизни, вамъ нужно движеніе... но что съ вами? вы уронили вашу тарелку!..

— Проклятый поваръ!.. Онъ ко всему подливаетъ уксусъ! сказалъ генералъ; потомъ подумалъ: — какъ бы миѣ узнать лонкимъ образомъ, пойдеть ли она сегодня со двора? — А вы пойдете со двора? — спросилъ онъ вслухъ, и прикусилъ губу съ досады, что не сумѣлъ спросить хитрѣе.

— Итѣтъ, другъ мой, отвѣчала мадамъ Оврѣ; миѣ что-то нездоровится.

— Коварная! подумалъ генералъ.

— Странно, сказала Марта, и миѣ тоже нездоровится, а потому я попрошу у васъ позволенія уйти въ свою комнату отдохнуть.

— За письменнымъ столомъ, подумалъ генералъ. Ахъ, чертъ возьми! Лучше имѣть

дѣло съ сотней розаковъ, нежели съ двумя парижанками.

— Терпѣть не могу женщинъ, которымъ безпрестанно нездоровится, сказалъ онъ вслухъ. Однако, во время моего отсутствія вы были здоровѣе; и думаю, гостей пропастъ было у васъ по вечерамъ?

— Почти никого, отвѣчала жена его; у насъ бывали мадамъ де Лестанжъ, мосьё Люпель...

Генераль посмотрѣлъ на Марту; она покраснѣла...

— Люпель, проворчалъ генераль, этотъ молодецъсѣ!!..

— За что вы его обижаете, дядюшка? сказала Марта.

— А ты заступаешься?.. Разумѣется, онъ молодецъсѣ! я это ему въ глаза скажу. Посмотрѣлъ бы я, что сдѣлали бы эти франтики, во время оно, на нашемъ мѣстѣ?

— Послушайте, другъ мой, сказала мадамъ Оврѣ ласкательнымъ голосомъ, — нельзя же быть всегдѣ такими героями, какими вы были въ ваше время...

— Въ наше, ваше и во всякое время, чортъ возьми! вскричалъ генераль съ бѣшенствомъ, оттолкнувъ стулъ, и вышелъ изъ столовой.

Часъ спустя, Робертъ пришелъ доложить ему, что барыня приказала горничной подать ей самое парадное угрѣнное платье и собиралась выйти.

— Хорошо, сказалъ генераль, оставь меня.

Когда мосьё Оврѣ остался одинъ, то съ отчаяніемъ всплеснулъ руками. Не было никакого сомнѣнія: его обманывали. Сказавшись сначала больною, мадамъ Оврѣ выходила со двора; ясно, что она собиралась навѣстить своего Оскара.

— А я такъ шѣжно любилъ ее... какъ подругу, какъ дочь, сказалъ генераль, когда горѣсть заступила мѣсто негодованія.

И слеза выкатилась изъ глазъ стараго воина... Эта единственная слезинка значила гораздо болѣе тысячи слезъ, сженинутою проливаемыхъ женщиной, съ слиткомъ слабыми нервами. Генераль плакалъ только два раза въ свою жизнь: при паденіи Наполеона и своей жены.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ вскочивъ, я пойду за лею, войду вмѣстѣ съ нею къ подлому обольстителю, и мы раздѣлаемъ съ нимъ!

Онъ взялъ два пистолета и зарядилъ ихъ. Потомъ приходилъ зачѣвѣску и ожидалъ, чтобы жена его вышла. Онъ скорѣ увидѣлъ ее: она поспѣшно перешла черезъ дворъ, ворота открылись и она исчезла.

Генераль спряталъ пистолеты въ глубокие карманы своего пальто, и послѣдовалъ за женою.

— Коварная! подумалъ онъ, издали любилъ женою; какъ она принарядилась!.. Вѣроломная! передъ мужемъ является въ папильоткахъ, а для любовника нарядилась какъ куколка!

— Какая хорошеенькая! сказалъ прохожій, смотря послѣдъ за мадамъ Оврѣ.

— Еще бы! подумалъ генераль! О! какъ я несчастливъ! Всѣ находятъ, что жена моя хороша, а между тѣмъ, она передъ моими глазами пресбѣгаетъ къ непріятелю.

Мадамъ Оврѣ приносила платье, чтобы обойти лужу, и открыла прелестную ножку, обутую въ черную бархатную ботинку.

— Надо признаться, сказалъ мужъ, что у моей жены очаровательная ножка.

Нижній протянулъ къ ней руку; она подала ему монету.

— У нея доброе сердце, подумалъ генераль... слишкомъ доброе! прибавилъ онъ, пасушивъ брови.

Мосьё Оврѣ обладалъ довольно величественною дорожною, а потому начиналъ уставать. Бѣдный генераль не зналъ, чему подвергнется, слѣдуя за быстрою Парижанкой, которая порхала какъ бабочка, останавливаясь на каждомъ цвѣтѣ, развивавшемся на кашмирѣ, выставленномъ въ окнѣ магазина. Несчастный генераль утиралъ потъ съ лица. Какая пытка для ногъ и терпѣнія его!

Вдругъ мадамъ Оврѣ остановилась, какъ бы вспоминая о чемъ-то, и вернулась. Она шла прямо къ мужу... онъ прішелъ въ отчаяніе! Столько претерпѣнныхъ трудностей, и все напрасно!.. Но по счастью для него, она была такъ озабочена, что прошла возлѣ мужа, не замѣтивъ его, и вступила въ модный магазинъ.

— Опять ждуть! произнесъ генераль съ досадою.

Онъ опасаясь потерять изъ виду жену, онъ рѣшился не отдалиться отъ магазина. Онъ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, но временамъ произносилъ проклятія и тоная погой, для развлеченія. Онъ прождалъ четверть часа, молчалъ; жена его не являлась; это начинало ему ужасно надоедать. Прошелъ цѣлѣйшій часъ, и терпѣніе его лопнуло!

Онъ не замѣтилъ уличнаго мальчишку, усѣвагося на столбикъ и слѣдившаго за этой сценою, то смѣясь, то приставляя пальцы къ носу и натягивая носъ генералу.

— Позвольте узнать, ваше превосходительство, спросилъ вдругъ мальчишка, давно ли вы изволите тутъ бѣсноваться, оживая красавицу?

— Убирайся къ чорту! съ угрозою сказалъ ему мосьё Оврѣ.

— Будьте великодушны, ваше сіятельство, и я скажу вамъ, куда дѣвалась ваша барышка!

— Ты это знаешь и молчишь! вскричалъ генераль. Говори скорѣе: это су или сто пакокъ, выбирай.

— Сто су, ваша свѣтлость, вскричалъ мальчишка, схвативъ монету. И такъ узнайте... что я ничего не знаю... кромѣ того, что этотъ магазинъ имѣетъ другой выходъ на другую улицу... и что...

— Именно! вскричалъ генераль, ударивъ себя въ лобъ, на ту самую улицу, въ которой живетъ Оскаръ!.. два выхода!.. да это безправственно!

И онъ отправился бѣгомъ въ улицу, въ которой жилъ мосьё Оскаръ Моренъ.

— Бѣги, бѣги, старый крокодилъ! закричалъ ему вслѣдъ мальчишка, сдѣлавъ свой любимый жестъ.

Нѣсколько минутъ спустя, генераль вошелъ въ домъ, описанный ему Робертомъ.

— Мосьё Оскаръ Моренъ? спросилъ онъ привратницу.

— Выше, во второмъ этажѣ, отвѣчала старая мегера.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, одинъ ли живетъ мосьё Оскаръ? Женатъ ли онъ?

— Какой! онъ я думаю, никогда и не женится!

— Не приходила ли къ нему молодая дама въ розовой шляпкѣ? спросилъ мосьё Оврѣ голосомъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

— Въ розовой шляпкѣ? Такая хорошеенькая, что каждый день приходитъ къ мосьё Оскару? какъ же, приходила!.. И даже ушла.

— Милліонъ чертей! заревѣлъ генераль.

— Что прикажете? спросила привратница.

— Отложить до завтра мнѣніе, подумалъ генераль, и потерять опять слѣдъ жены! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я сегодня же хочу размазать голову этому мосьё Оскару.

Онъ скоро вбѣжалъ во второй этажъ и позвонилъ. Слуга отворилъ дверь и просилъ его пожаловать въ залу.

Нѣсколько минутъ спустя генераль стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ соперникомъ.

Не говоря ни слова, онъ уст ремилъ на него провинцательный взглядъ, что бы узнать, для какого Аполлона (по олимпійскому стилю) или для какого льва (по европейскому стилю) имѣла ему жена.

Мосьё Оскаръ, какъ двѣ капли воды, походилъ на восковыя головки, наномаженьшия и завитыя, которыя парикмахеры выставляютъ на своихъ окнахъ. Хотя онъ былъ дома, но на рукахъ его были надѣты перчатки желтоватнаго цвѣта, на ногахъ лакированныя сапожки; фракъ его сидѣлъ на немъ такъ плотно, что, казалось, каждую минуту готовъ былъ лопнуть. Онъ гордо выстукалъ впередъ.

Генераль разсудилъ, что не слѣдовало сразу открывать своего имени и сперва выпытать отъ своего соперника всю правду.

— Вы мосьё Оскаръ Моренъ? спросилъ онъ, поглаживая усы.

— Точно такъ, отвѣчалъ молодой человекъ, граціозно поклонившись.

— Мадамъ Оврѣ была у васъ?

— Она сейчасъ только что вышла... Вы, вѣроятно, пришли за нею? Мадамъ Оврѣ прелестная молодая женщина, и какъ легка... вы не повѣрите! вѣтеръ, сушій зефиръ, государь мой!

— Я радъ, что вы на это пожаловались не можете? сказалъ генераль задыхающимся отъ гнѣва голосомъ.

— О, нисколько! Я въ восторгѣ отъ нея... и смѣло могу похвастать ею...

— Вы хотите хвастать! вскричалъ мужъ, пораженный этой дерзостью. Знаете ли, продолжалъ онъ съ подавляемымъ гнѣвомъ, что говорятъ, будто въ продолженіе цѣлой недѣли она каждый день ходитъ къ вамъ.

— Это совершенно справедливо. Но я никогда не былъ ею такъ доволенъ, какъ сегодня. Она была жива, игрива... Впрочемъ, вѣдь если сказать правду, такъ труденъ только первый шагъ.

— Первый шагъ!..

— Да, разумѣется, возразилъ Оскаръ, а послѣ все идетъ какъ на колесахъ... да, я отъ васъ, очень доволенъ и могу гордиться ею!..

— Я не понимаю, какъ вы можете такъ легко говорить о столь важномъ предметѣ?..

сказал генералъ, все еще скрывая кипѣвшее въ немъ бѣшенство.

— Я чрезвычайно радъ, что встрѣчаю человѣка, умѣющаго достойно оцѣнить этотъ предметъ, сказалъ молодой человѣкъ, поклонившись.

— А долго ли это будетъ еще продолжаться?

— О, педѣлку не болѣе... и сношенія наши кончатся.

— Какая дерзость и какое презрѣніе къ ней! подумалъ бѣдный мужъ съ отчаяніемъ. Надо проучить его.

Онъ скрестилъ руки на груди, подошелъ къ москѣ Оскару, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Знаете ли вы, кто я?

— Вѣроятно, батюшка мадамъ Оврѣ.

— Ошибаетесь, сударь мой!

— Я такъ думалъ, судя по лѣтамъ...

— Что лѣта? вздоръ!.. Я мужъ ея.

Генералъ воображалъ, что поразитъ этими словами москѣ Оскара. Каково жъ было его изумленіе, когда тотъ отвѣчалъ очень спокойнымъ голосомъ, хотя съ нѣкоторымъ изумленіемъ:

— Неужели?.. А! я никакъ не думалъ... Очень радъ познакомиться съ вами...

Генералъ остолебенѣлъ. Полагая, что Оскаръ не понялъ его, онъ повторилъ:

— Говорятъ вамъ, государь мой, что я ея мужъ!.. Понимаете?..

Оскаръ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Понимаю! сказалъ онъ; вамъ угодно получить урокъ?

— Не получить, а дать! вскричалъ генералъ съ бѣшенствомъ.

— Выводать; сказалъ Оскаръ насмѣшливо, я не зналъ, что вы мой собратъ.

— Милостивый государь, я командовалъ...

— Летучимъ эскадромъ, какъ нѣкогда нашъ знаменитый Вестрисъ...

— Я не знаю этого генерала... не слыхивалъ даже о Вестрисѣ... оставьте, пожалуйста, Римлянъ.

— Теперь я васъ не понимаю, сказалъ Оскаръ; что вамъ угодно?

— Чтобы вы назначили мнѣ день.

— Слѣдовательно, я не ошибаю: дѣло идетъ объ урокѣ.

— Именно, сказалъ генералъ, грозно взглянувъ на молодого человѣка; вашъ часъ?

— Хоть сей-часъ, если вамъ угодно.

— Ваше оружіе?

— Мое оружіе? сказалъ Оскаръ, улыбаясь, воображая, что генералъ хотѣлъ шутить. Сейчасъ я достану свое оружіе.

Генералъ отвернулся, готовясь выдти съ своимъ соперникомъ. Онъ вынулъ изъ кармана пистолеты.

Вдругъ за нимъ послышалось жалобное звучаніе настраиваемой скрипки.

Онъ скоро оглянулся... оба вскрикнули, взглянувъ другъ на друга.

— Вы хотите посягнуть на мою жизнь! вскричалъ Оскаръ, бросившись къ двери.

— Что это значить? вскричалъ генералъ; что за глупая шутка! Ты не понимаешь еще, что я хочу драться съ тобою!

— Драться!.. Да что я вамъ сдѣлалъ, жалобнымъ голосомъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— Что ты мнѣ сдѣлалъ!.. Ты обольстилъ мою жену!..

— Я! вскричалъ Оскаръ, уронивъ скрипку на полъ... Я! повторилъ онъ съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ.

Дѣло объяснилось.

Москѣ Оскаръ былъ танцовальный учитель. Генералъ былъ ревнивъ какъ Отелло; мадамъ Оврѣ знала это, а потому рѣшилась тайкомъ выучиться мазуркѣ, которая возела въ настоящее время на развалинахъ польки. Мы должны еще прибавить, что москѣ Оскаръ жилъ съ матерью и что ради приличія мадамъ Оврѣ уговорила нѣкоторыхъ изъ своихъ по-другъ брать уроки вмѣстѣ съ нею.

Москѣ Оскаръ воображалъ, что генералъ, не смотря на свои сдѣланы, рѣшился выучиться мазуркѣ изъ ревности, чтобы отнять у жены всякій предлогъ танцовать мазурку съ другимъ кавалеромъ.

Генералъ съ радостнымъ восторгомъ отправился домой.

Въ передней онъ встрѣтилъ стараго Роберта.

— Ну, что, ваше превосходительство? спросилъ Робертъ съ мрачнымъ видомъ; узнали наконецъ?..

— Что ты дуракъ!

— Ваше превосходительство!.. Хотя вы поступаете со мною несправедливо, но я считаю долгомъ открыть вамъ...

— Оставь меня... Ты принялъ муху за слона. Тебя нельзя посылать на рекогносцировку... ты примешь стадо барановъ за армію...

— Говорите, что угодно, ваше превосходительство; но я считаю долгомъ открыть вамъ, что слуга москѣ Лиюель принесъ письмо, которому мамзель Марта обрадовалась, какъ...

— А! она любитъ романы въ письмахъ! вскричалъ генералъ нахмурившись; пора копнуть, а не то я заставлю москѣ Лиюеля плясать... не мазурку!

Москѣ Оврѣ поставилъ себѣ за правило начинать всякое объясненіе съ женщиной слѣдующими словами: — «Я все знаю!» воображал, что этимъ способомъ всегда можно что нибудь узнать. И такъ, войдя въ комнату Марты, онъ вскричалъ:

— Я все знаю!

— О! простите, дядюшка! вскричала молодая дѣвушка.

— Ты сейчасъ получила письмо отъ москѣ Лиюеля?

— Получила; только, ради Бога, не сердитесь, дядюшка!

— Развѣ ты не видишь, что я спокоемъ? возразилъ онъ громовымъ голосомъ; слѣдовательно, вы вдвоемъ обманывали меня!

— Ради Бога, простите!

— Теперь я не ошибаю! подумалъ генералъ; тутъ въ самомъ дѣлѣ вроеся нехорошее дѣло... Что жъ ты, по страсти... началъ онъ вслухъ.

— Да, дядюшка, по страсти! Когда я получаю письмо отъ москѣ Лиюеля голова моя горитъ, сердце мое бьется; о, если бъ вы знали, что я ощущаю!.. Это постоянная, пламенная идея; это золотые сны, блестяще какъ Арминдіи дворецъ... дивныя мечты!..

— Ого! какое высшее краснорѣчіе, подумалъ генералъ. Впрочемъ, надо быть синеходительнымъ. Любовь такая натуральная вещь въ сердцѣ молодой дѣвушки.

— Мнѣ кажется, модмазель, сказалъ онъ строго, что за неимѣніемъ матери, вы могли бы вѣрнѣе нашему дядюшкѣ; я пришелъ бы мѣры противъ этой безразсудной страсти.

— Напрасно, дядюшка; мнѣ двадцать одинъ годъ; я совершеннолѣтняя.

— Ого! ты нускаешься въ эманципацію... по несчастной! Если ты разсорилась со своимъ дядей, то что изъ тебя станется? Кто захочетъ знать тебя? Въ какое общество примутъ тебя?

— Я уже принята въ обществѣ Розамели.

— Что? Не понимаю... по я знаю наизусть, что ты погубишь себя. Помилуй! чѣмъ у тебя голова набита?.. Вздоромъ, химерами, парам!

— Именно такъ.

— Такъ! Что жъ ты шутишь со мной! вскричалъ генералъ съ бѣшенствомъ. Повторишь тебѣ, что ты погубишь себя... москѣ Лиюель собьетъ тебя съ прямой дороги!..

— Напротивъ, дядюшка, отвѣчала Марта, онъ паставляетъ меня на прямую дорогу. И точно, какая дорога можетъ быть прямѣе желѣзной?

— Это что значить? вскричалъ генералъ, остолебенѣвъ; я толкую ей о любви, а она отвѣчаетъ мнѣ о желѣзныхъ дорогахъ? О времечка! о спекуляціи!..

— Какъ, дядюшка, вы могли подумать... О какой любви говорите вы? Москѣ Лиюель родственникъ банкиру и давно уже хлопочетъ о томъ, чтобы доставить мнѣ соцію акціи на желѣзную дорогу. Сегодня, наконецъ, онъ шлетъ мнѣ, что желаніе мое исполнилось. Вы напрасно сердитесь, дядюшка.

Генералъ захохоталъ. Въ это самое время въ комнату вошла его жена.

— Поди сюда, Габріель, сказала она ей; я подозрѣвалъ васъ обѣихъ...

— Подозрѣвали!

— Выводать и... и слава Богу! По признаю съ тебѣ, Марта, что изъ двухъ вашихъ страстей, я предпочитаю страсть моей жены. Женщинъ свойственно танцовать... у женщинъ же, которая пускается въ биржевой азіотажъ должно быть холодное сердце...

— Но, дядюшка...

— Я говорю правду; танцуй, моя милая Габріель, танцуй и польку, и мазурку; только не пускайся въ спекуляціи желѣзныхъ дорогъ, какъ наша бѣдная Марта; паровыя машины идутъ скоро, слышомъ скоро; еще нѣсколько лѣтъ и онъ унесутъ на желѣзныя дороги всю грацію и поэзію женщинъ.

П. Ф.

ФЕРНЕЙСКИЙ ЗАМОКЪ.

Въ Иллюстраціи уже упомянуто, что Ферней продается. Уже и нынѣшній владѣлецъ оставилъ въ немъ только одну комнату воспоминаній. Уже умеръ словоохотливый привратникъ, бывшій при Вольтерѣ конюхомъ. Можетъ быть, скоро послѣдніе слѣды тѣхъ воспоминаній изгладятся. Расскажемъ, какъ мы пашли Ферней нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Лозана, Женевы, Море въ недалекомъ разстояніи, но Вольтеръ избралъ Ферней. Ему нужна была не очаровательность природы, не то, что воспламеняетъ воображеніе, что питаетъ чувствительность, а уединеніе. Тамъ опъ вдаль отъ шума могъ удовлетворять любознательность, острить умомъ. Опъ не замечивалъ вдохновеній у изыской природы. Ни одна изъ поэмъ его не обрисовываетъ картинъ

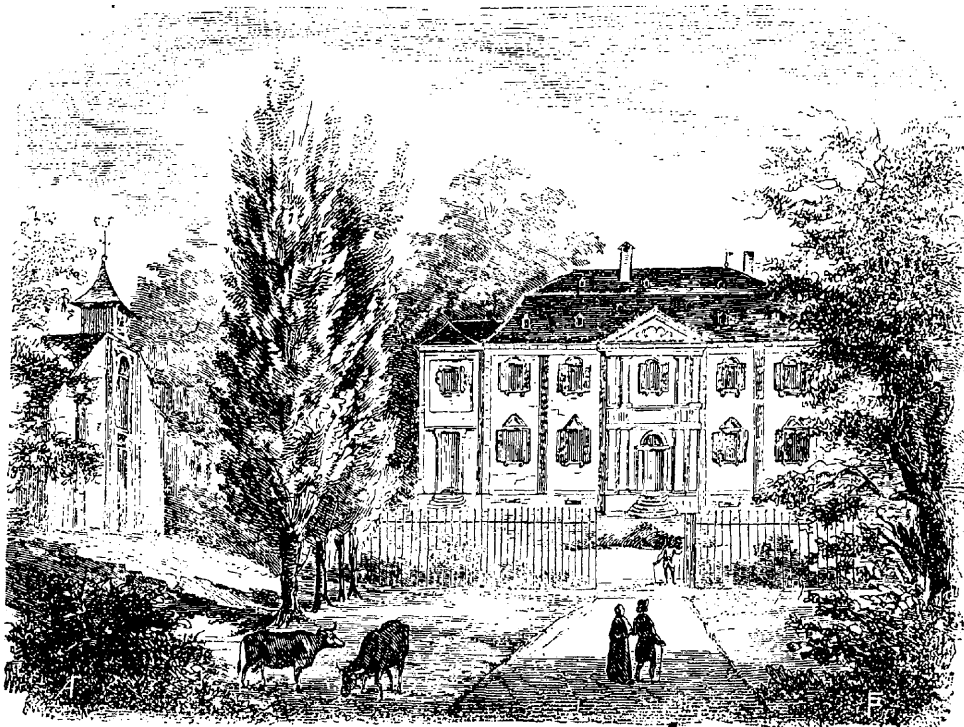
ретовъ: прекрасной прачки хозяйка дома, Франклина и трубочиста, котораго Вольтеръ очень любилъ. Посреди сей стѣны родъ надгробнаго памятника съ надписью: *Mes mânes sont consolés puisque mon coeur est au milieu de vous, и на самомъ памятникѣ: son esprit est partout et son coeur est ici.*

Слово *ici* уже сръзано сантиментальными путешественниками. Сердце его перешло къ маркизѣ Лавалетъ, воспитанницѣ его, получившей отъ него эпитетъ *belle et bonne*, а отъ нея въ Парижскій Пантеонъ. На третьей стѣнѣ, противоположной кровати, гравированные портреты: Томаса, Лейбница, Даламберта, Гельвеція, Мерава, герцога Шуазеля, Коласовъ, Лидерота, Ньютона, Климента XIV, Расина, Вашингтона, Корнеля, Демиля, Лафонтана и Мильтона. На четвертой стѣнѣ возлѣ кровати портретъ г-жи Домателе.

Лѣвая дверь вела въ кабинетъ. Тутъ сочи-

ромъ накапывъ послѣдняго его отвѣзда. Многія письма надѣдали ему до того, что опъ пересталъ на нихъ отвѣчать и по печати узнавая лица, приказывалъ возвращать не распечатывая. Подъ нѣкоторыми изъ сихъ печатей есть даже надписи, напримѣръ, подъ печатью Руссо сказано: *brouillon.*

Въ многихъ журналахъ описано было забавное первое свиданіе Вольтера съ Гиббономъ. Любопытенъ рассказъ о селѣ происшествіи очевидца старика, пасѣ провожавшаго: Гиббонъ жилъ тогда въ Лозанѣ и заботясь о знакомствѣ съ великимъ поэтомъ. Бѣднѣ слова, написавшій имъ другъ противъ друга, копчилисъ тѣмъ, что послѣдній, никогда не выдавъ перваго, написалъ карикатуру на его наружность. Гиббонъ является въ Ферней съ непремѣннымъ желаніемъ видѣть автора бра-

Фернейскій Замокъ.

елъ и Ферней также сушь, также целодимъ, какъ и самъ Вольтеръ.

Дорога, обсаженная липами, ведетъ къ двухъ-этажному дому. Изъ него видны: Женевское озеро, Альпы, Монтбланъ. Вмѣстѣ показываютъ любимую крытую аллею, мѣсто его мечтаний, вѣзь, имъ самимъ посаженный, и потомъ спальню, просто убранныю комнату: постель ясеневая, завѣсы, до половины ошпанованные путешественниками, желтые, шелковые съ узорами. Возлѣ столнѣкъ простаго дерева, кресло и шесть стульевъ зеленого истертаго бархата. Между завѣсами портретъ Лекена; на лѣвой сторонѣ, Фридерика великаго, вѣзь, имъ самимъ посаженный, и короля-актеровъ; на правой сторонѣ изображеніе самаго Вольтера, въ то время, когда ему было 45 лѣтъ. На лѣвой сторонѣ, возлѣ кровати, портретъ Императрицы Екатерины II-й, вышитый шелкомъ и ею подаренный. Возлѣ двери страшное соединеніе трехъ порт-

ретовъ: прекрасной прачки хозяйка дома, Франклина и трубочиста, котораго Вольтеръ очень любилъ. Посреди сей стѣны родъ надгробнаго памятника съ надписью: *Mes mânes sont consolés puisque mon coeur est au milieu de vous, и на самомъ памятникѣ: son esprit est partout et son coeur est ici.*

Слово *ici* уже сръзано сантиментальными путешественниками. Сердце его перешло къ маркизѣ Лавалетъ, воспитанницѣ его, получившей отъ него эпитетъ *belle et bonne*, а отъ нея въ Парижскій Пантеонъ. На третьей стѣнѣ, противоположной кровати, гравированные портреты: Томаса, Лейбница, Даламберта, Гельвеція, Мерава, герцога Шуазеля, Коласовъ, Лидерота, Ньютона, Климента XIV, Расина, Вашингтона, Корнеля, Демиля, Лафонтана и Мильтона. На четвертой стѣнѣ возлѣ кровати портретъ г-жи Домателе. Лѣвая дверь вела въ кабинетъ. Тутъ сочи-

домашнимъ принять его какъ можно въжливѣе, но самъ не показывается. Гиббонъ поселяется въ залѣ съ намѣреніемъ не убраться, пока не достигнетъ своей цѣли. Проходитъ день, два и выведенный изъ терпѣнія хозяинъ дома пипеть ему: «Милостивый государь, между вами и Донъ-Кихотомъ та разница, что опъ принималъ трактиры за замки, а вы замки за трактиры». На сіе данъ былъ какой-то отвѣтъ, лестный самолюбію Вольтера; но докучный гость выѣхалъ. Не оставая, однако, намѣренія своего, опъ выѣхалъ въ привѣчки Вольтера, пріѣхалъ въ конюшню подъ видомъ желанія купить лошадь и уговорилъ конюха пустить ее по аллеѣ. Вскоръ является Вольтеръ, чтобы вызвать лошадь, повиновавшуюся его голосу, и тутъ-то постигнулъ его Гиббонъ и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы и со всѣхъ сторонъ сказавъ: *Ma foi, il n'est pas plus beau que moi.*

Съ этими словами удалился; но тѣмъ еще не все окончилось. Вольтеръ посылаетъ въ погоню мальчика требовать платы 12 франковъ: *rouge avoir vu la bête*. Гиббонъ даетъ 24 франка, говоря, что платитъ за два раза, и еще побываетъ; но утѣившій зовъ на объѣздъ, сдѣланный Вольтеромъ, примирялъ ихъ.

Вотъ все, что путешественникъ узнаетъ на мѣстѣ. Много забытаго о Вольтерѣ. Къ счастью, въ некоторыхъ изъ его сочиненій со временемъ будутъ рѣдко читаны. Но жители Ференемъ еще помнятъ его благотворительность и слова, которыя онъ имъ говаривалъ. «*J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage*».

Павелъ Дебий.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

Отъ Чернаго Яра до Астрахани.

(Окончаніе.)

Въ Черноярскомъ уѣздѣ существуютъ замѣчательные остатки древности на Ахтубѣ, близъ нынѣшняго Селитреннаго селенія, посредствѣмъ простирающагося на 10 верстѣ цѣли холмовъ, гдѣ добывалась во множествѣ селитра, образующаяся изъ соли, заключающагося въ землѣ; здѣсь находится развалины какого-то древняго Монгольскаго города. Нашлась вездѣ тамъ остатки двухъ величественныхъ зданій, изъ которыхъ одно, по его мнѣнію, должно почитать за памятникъ, построенный для погребенія хановъ; стѣны его были покрыты илѣ муравлеными украшениями, а въ некоторыхъ мѣстахъ готической штукатуркой. Нынѣ, по словачъ очевидцевъ, это стало безпорядочной грудой камней, и кое гдѣ видныя мелкіе обломки украшеній и колоннъ. Любитель старины конечно покажетъ объ исчезнувшихъ памятникѣ мірскаго величія; но утѣшимся тѣмъ, что пѣз разваливъ его воздвигнуты лучшія зданія Астрахани, такъ какъ нечего жалѣть о навшихъ паретвахъ, пошедшихъ въ составъ нашего отечества. Близъ Селитреннаго городка находится разрытый курганъ, къ которому Кундровскіе Татары ходятъ на поклоненіе. По ихъ преданію, здѣсь лежить святой Жигитъ — Хаджи, который и понынѣ, будто бы, творитъ чудеса. Это служитъ причиною, что и Селитренный городокъ называется Жигитъ.

Изъ Чериларскаго уѣзда я въѣхалъ въ Енотаевскій. Онъ заключаетъ къ себѣ 4,551,562 десятинъ, изъ коихъ подъ поселеніемъ, лѣсомъ и пастбищами находится 125,489 дес.; остальная часть представляетъ совершенно неудобную землю. Енотаевскъ, очень бѣдный по строенію городъ, заключаетъ въ себѣ до 1200 жителей. Здѣсь считается довольно купечества, но многіе изъ этого сословія живутъ въ другихъ городахъ. Онъ построенъ въ 1741-мъ году, на Волжскомъ протокѣ Енотаевскѣ, на правомъ берегу Волги, въ 6 верстахъ отъ главнаго русскаго рѣки. Онъ не имѣлъ сначала собственнаго герба, но потомъ для него составленъ и утвержденъ гербъ, изображающій остатки землянаго пика, когда окружавшаго городъ. Въ пяти

нѣтъ своего магистрата; граждане относятся по своимъ дѣламъ въ Черный Яръ. Въ торговомъ отношеніи городъ этотъ имѣетъ то значеніе, что здѣсь часто перекладываются товары, возимые сухимъ путемъ въ Астрахань, на суда, по трудности везти ихъ несчаюной дорогою, потому что за Енотаевскомъ встрѣчаются цѣлыя горы песку и дорога идетъ по краю берега Волги, гдѣ песокъ отъ влажности покрываетъ. Замысловатую станцію до того занесло пескомъ, что жители принуждены были выслѣзаться оттуда. Въ уѣздѣ промышленность обшая всѣмъ жителямъ Астраханской губерніи — рыболовство; земледѣіе едва удовлетворетъ нужды самихъ земледѣльцевъ; хлѣбъ получается болѣею частью изъ Саратовской губерніи. Къ северу отъ Енотаевска растетъ лѣсъ годный для топлива; къ югу онъ мельчаетъ. Жителей въ цѣломъ уѣздѣ считается до 12000. Въ стѣнахъ кочуятъ Калмыки, а далѣе и Киргизы; постоянныхъ селеній съ хуторами 3.

Наконецъ, цѣль моего путешествія почти достигнута; я въѣхалъ въ Астраханскій уѣздъ. Здѣсь лента золотыхъ полей, огибающая правую сторону степи, пресѣкается. Большая часть пространства сего уѣзда находится подъ поселеніемъ, садами, кустарникомъ, мелкими лѣсомъ, стѣнками, пастбищами и соляными озерами,

илицъ; и для здѣшняго края это событие имѣло очень выгодныя послѣдствія. Татары не имѣли болѣе права считать Астрахань своимъ городомъ; историческое значеніе ея для нихъ утрачено, и они явились какъ будто отрѣшенными отъ своего края, своихъ воспоминаній и преданій. Но впрочемъ они были здѣсь только укрепившимся пришельцами; кто же были древнѣйшіе обитатели этого края? Могли ли знать объ нихъ Греческіе писатели основательно, не посѣщая этихъ странъ; тогда какъ у нихъ только и встрѣчаются объ этомъ свѣдѣнія. Видовыи названія одного народа они дѣлали часто родовыми, смѣшивали ихъ между собою, измѣняя ихъ сообразно формамъ языка своего. По мнѣнію некоторыхъ изъ отечественныхъ писателей, эта земля принадлежала Славянамъ. Разобрать это — трудъ гигантскій, невозможный почти, при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ, которыя оставили намъ древніе историки. Но какую пользу принесетъ намъ это изысканіе? лучше и полезнѣе разсматривать народъ съ той поры, на которой застала его Исторія, и слѣдить за развитіемъ его жизни; подобно разсѣканію принесетъ болѣе выгоды, и въ такомъ случаѣ нечего уже страшиться чтенія сухихъ, безжизненныхъ хартий мнущаго. Изъ этихъ отдаленныхъ, отрывочныхъ, но — видимою безсвязныхъ фактовъ

извлекается былая жизнь народа. Съ такой стороны должно смотрѣть и на исторію Астрахани, нынѣшен важное отношеніе въ Исторіи Россіи и явугеи посылить темныя мѣста ея. Отнюдь не должно разсматривать ее отдаленно; тогда можно потерять изъ виду цѣлое. Астрахань, по историческимъ событіямъ и по географическому положенію, находилась и находится въ непосредственной связи съ внутреннею Россією. Волга, обвивая стѣны, несетъ на блестящихъ струяхъ своихъ къ ней жизнь и богатство въ нѣдръ Россіи, и какъ Ниль различіемъ своимъ орождаетъ плодотворными поля Египта, ожидаетъ различіемъ своимъ торговлю и открываетъ путь всему Востоку къ сердцу нашего отечества. Можетъ быть со временемъ и значеніе Волги прострется далѣе. Гдѣ ни протекаетъ она — на среднѣхъ ли Русѣ, постаніяхъ ли заселеніемъ инородцами, вездѣ одни Русскіе живутъ по берегамъ ея и стерегутъ мать Русскихъ рѣкъ. Со временемъ, быть можетъ, отъ береговъ ея поселеніе подвинется и далѣе въ глубь степей, и оживитъ ихъ.

Кознага Вольтера.

болотами, протоками Волги, буграми, косами, обросшими камышомъ; а нѣкоторая часть подъ мѣстами совершенно безплодными и неудобными въ хозяйственномъ отношеніи. Промышленность здѣсь состоитъ въ рыболовствѣ, скотоводствѣ, и малю частью въ садоводствѣ. Жителей въ уѣздѣ считается до 20000; постоянныхъ селеній 85.

Быстро мчался я, стремился скорѣе увидѣть Астрахань, городъ славный по торговлѣ и въ Исторіи. И вотъ верстѣ за 16 она явилась передо мною озаренная заходящимъ солнцемъ; дома и церкви ея сіяли облитые розовымъ свѣтомъ заката, и надъ всѣмъ этимъ возвысились 3 главы великолѣпнаго собора. Въ 12-ти верстахъ отъ Астрахани въ нагорной сторонѣ Волги находится гряда развалинъ. Это было мѣсто древней Астрахани, перенесенной въ послѣдствіи на 12 верстѣ ниже княземъ Оболенскимъ Серебрянымъ, по случаю возмущенія Татаръ. Перенесеніи городомъ въ Исторіи ознаменовывается всегда важными переворотами, внутренними или иш-

Нашъ нечего болѣе бояться многолюдства; въ стѣнахъ Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерній, на Дону и въ пустыняхъ Сибири можно поместиться цѣлой Европѣ. Обширность пространства, конечно, должна подвигать понятіе о важности народа, заселяющаго оное. Человѣчество есть душа міра, а каждый отдаленный народъ есть мысль той души. Какую же мысль должна выразить Россія? Непризнана ли она обнять собою цѣлый міръ и передать планетѣ, поющей се, свое звучное, славное имя. Это во власти Царя Царей! Во всякомъ случаѣ, Астрахань есть какъ бы рука Россіи, простертая на Востокъ, или лучшая, одна изъ звѣздъ Русскаго неба, должнѣющая озарить его своимъ свѣтомъ. Вотъ она передо мною въ полномъ блескѣ красоты и величія. Къ ней несуетъ теперь мои думы и мечтанія, и, помѣръ приближенія къ ней, нетерпѣніе достигнуть ее, во мнѣ возрастаетъ; и вотъ Волга, доселѣ стремившаяся рядомъ со мною, вдругъ перемѣнила мѣя путь; перешла плесъ черезъ песъ, и была въ Астрахани.

РОССИЙСКОЕ МОРСКОЕ И РЪЧНОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО.

Все въ нашемъ положительномъ вѣкѣ, даже литература и художества, обнаруживаетъ какое то коммерческое направление. Можетъ быть, и мы въ этомъ отношеніи не отстаемъ отъ другихъ націй. Главнѣйшіе предметы нашихъ ежедневныхъ разговоровъ: золотые промыслы, желѣзныя дороги, пароходство, добычка каменнаго угля, страховыя общества, фабрики, литературныя спекуляціи, сельское хозяйство, и наконецъ уже въ родѣ десерта, театр и городскія сцены. Если такое направленіе можетъ быть и гибельно для изящныхъ искусствъ, то за то въ высочайшей степени полезно для наукъ положительныхъ для выгодъ государственныхъ, для благосостоянія народнаго. Обращая особенное и постоянное вниманіе на современныи ходъ вѣхъ предприятий въ отечествѣ, въ настоящее время безирекословно мы должны отдать преимущество возникающему на глазахъ нашихъ Россійскому морскому и рѣчному страховому обществу. — Есть частныя учрежденія, которыхъ успѣхъ въ будущемъ несомнителенъ; но за то польза весьма ограничена; есть другія, гдѣ польза огромна, очевидна, но по состоянію понятій о предметѣ учрежденія, по степени образованности тѣхъ, отъ участія коихъ зависитъ весь ходъ дѣла, учрежденіе не можетъ обѣщать вѣрнаго успѣха. Наконецъ, есть такія, въ которыхъ съ перваго взгляда вы можете предугадать и огромную народную пользу и огромный успѣхъ. Къ этимъ послѣднимъ частнымъ учрежденіямъ несомнительно принадлежатъ Россійское морское и рѣчное страховое общество. Страховыя отъ огня общества сравнительно съ этимъ представляютъ болѣе опасности; на сушѣ огонь петрелибаетъ цѣлые города. Давно ли Гамбургъ сгорѣлъ какъ стогъ сѣна; на водѣ этого случится не можетъ; петрелибли, правда, цѣлые неприятельскіе флоты, но когда превращающаяся морская сила, такъ сказать, присоединилась къ сушѣ, и корабли стояли такъ тѣсно какъ дома на улицахъ. Противъ войны нельзя застраховать ни имущества, ни жизни, ни на морѣ, ни на сушѣ. Застраховать можно и жизнь и имущество противу несчастнаго случая и въ этомъ отношеніи слава не слѣдуетъ отдавать ривингтънаго преимуществу Россійскому морскому и рѣчному страховому обществу. — Надежда — разудланный, сказалъ кто-то; осторожность, не дочь, а мать мудрости взрѣкъ другой философъ. — Смѣшно изрзачетяхъ коммерческихъ гдѣ требуется положительная выкладка и чисель обстоятельность, положить въ основаніе ребяческое авось. Эта надежда — вредитъ торговлѣ, губитъ ее, и потому торговля не можетъ развѣстаться какъ бы слѣдуетъ. Сегодня у васъ благополучно пришла барка товаровъ, на будущій годъ двѣ, тамъ и десятъ пошла, да не дошла; дорогой грузъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, кануль въ воду; вы стали бѣднѣе того, который не посылалъ въ торговый путь ни одной барки, ни одного зерна... А если бы у васъ было такое общество, вы бы заплатили сумму ничтожную въ сравненіи съ барышами, и тогда если бы сто вашихъ барокъ потонуло, сторѣло, разбилось, вы бы ни на копейку не съдѣлались бѣднѣе прежняго. Въ этомъ истинно утѣшительное явленіе есть стороны, возбуждающія несвольное удивленіе. Какъ столь простая мысль, которую, кажется, пойметъ дикій, тлѣлась такъ долго подъ спудомъ; но еще удивительнѣе то, какъ мы, страстные обожатели и подражатели всего прозеннаго, до этихъ поръ не перенили такого общества у иноземцевъ, которые давно удержали у себя страховыя, съ этой цѣлю компаніи, достигшія самого цвѣтущаго, блистательнаго развитія. Не зналъ? этого сказать не можемъ, потому что мы сами сколько лѣтъ страховали наши товары за границей, платили податъ во много милліоновъ чужимъ людямъ, обогатили и тѣшили чужихъ людей. Нечего говорить, что въ одномъ сохраненіи столь значительныхъ капиталовъ внутри государства — уже огромная польза; но сверхъ того, тутъ есть не

меньшая польза и въ томъ, что подобное общество утверждая совершенную безопасность торговли, сообщаетъ ей всю возможность идти впередъ твердыми шагами распространяя на всѣ роды мануфактурной фабричной и промышленной дѣятельности, самое благодѣтельное вліяніе. Трудно въ журнальной статьѣ перечислить всѣ выгоды отъ существованія подобнаго общества, не ожидаемая, но несомнѣныя, неизрѣкныя, очевидныя, осязаемыя. Много мы упустили времени; много выбросили даромъ денегъ; что прошло, того не воротить; объ утратахъ изъ большихъ избытковъ горевать нечего; но нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которые не воспользовались и заграничными застрахованіемъ; утратили не избытки, а все свое состояніе, которое поглотили волны Двины, Волги, Днѣпра и другихъ суходолныхъ рѣкъ; разорились, потому что до Англіи далеко, у себя подъ рукою не было средствъ къ обезпеченію собственности, а тутъ еще, ко всему этому присоединилось и пагубное авось, которое еще не скоро выйдетъ изъ домашняго словаря нашего. Еще была одна самая преудивительная сторона; слава Богу, она исчезла; но все таки для исторіи нашей коммерціи мы хотимъ сохранить ее. Можетъ быть, вы не поѣтрите; оно конечно, невѣроятно; но мы сами выдѣли эту сторону; ошумала смѣхъ и горе. Это истинно патристическое, въ высшей степени полезное, вѣрное въ огромныхъ успѣхахъ своихъ предпріятіе — имѣло противниковъ! Не спорить, что каждое обширное и новое начинаніе должно имѣть противниковъ. Зачѣмъ? спросите; на это отвѣчать не умѣемъ; если угодно, то этотъ духъ противоположноты отнесемъ къ природѣ человѣка, ктому, въ некоторомъ возрастѣ, подъ извѣстными условіями образованности и просвѣщенія, свойственно сомнѣваться въ самыхъ очевидныхъ и простыхъ началахъ; но не менѣе того эти сомнѣнія, сколь они ни малы, гдѣ нибудь, а находить отголосокъ и останавливать самыя благонамѣренныя дѣйствія. Но счастье, твердость, благоразумныя мѣры, знаніе дѣла и, наконецъ, даже пожертвованія учредителей довели предпріятіе до такой степени, что оно теперь можетъ безопасно открыть свои дѣйствія. Впрочемъ, можно ли было и въ этомъ сомнѣваться, зналъ, что въ числѣ основателей общества находится его высшее достоинство адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ и Николай Андреевичъ Харичковъ. Эти имена извѣстны, первая на блистательномъ пятидесятилѣтнемъ поприщѣ службы и въ ученомъ мѣрѣ, другаго достоинствѣ далеко превышающимъ капиталъ общества, необходимый для дѣйствія, и обширными торговыми оборотами; эти имена не требуютъ комментариевъ, каждому Русскому знакомы и ручаются за несомнѣнный, блистательный успѣхъ предпріятія. Наступила пора положить плоды продолжительныхъ трудовъ, предпринятыхъ на пользу общую...

Появленіе Россійскаго морскаго и рѣчнаго страхового общества, полагаю собранный капиталъ достаточнымъ для открытія дѣйствій своихъ, на основаніи § 18, Высочайше утверждѣннаго Устава, приглашаетъ господъ акціонеровъ въ общее собраніе 18-го декабря текушаго года, въ 12 часовъ утра, въ контору правленія, состоящую въ Ст.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противу Малой Морской, въ домѣ Талл, подъ №7. Между тѣмъ, желающіе участвовать въ этомъ предпріятіи могутъ обращаться съ требованіями и вносить лично, или черезъ комиссіонера, или же высылать съ почтою 25 руб. сер. на акцію. Въ зачетъ выдается, или препровождаются немедленно черезъ почту установленныя расписки. По открытіи дѣйствій общества объявлено будетъ въ столбчатыхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ о взносѣ еще по 25 руб. сереб. за акцію, срокомъ въ шесть мѣсяцевъ, считая со дня публикаціи. При этомъ взносѣ, вѣсто расписки, на каждую акцію выдается особый, оригинальный актъ. Взносомъ пятидесяти руб. сер. ограничивается плата за каждую акцію. Остальные за тѣмъ 50 руб. сер., или только часть ихъ, могли бы быть потребны въ случаяхъ чрезвычайныхъ. — Огром-

ное пространство, занимаемое Россійскою Имперіею, многообразное состояніе мѣстностей, болѣе или менѣе сопряженныя съ всякаго рода опасностями водонаванія, времена года, когда рѣки, озера и моря бываютъ не совѣсьмъ опущены отъ льда, или когда обыкновенно и преимущественно свирѣютъ буря, качества товаровъ и вообще собственности, равно какъ и давленіе во водахъ значительныхъ партій другъ, или отдѣльными караванами по-крайней-мѣрѣ первоначально лишаютъ возможности опредѣлить количество премій; но въ этомъ коммерческомъ обществѣ, подобномъ многимъ другимъ, процветающимъ въ благоустроенныхъ государствахъ, цѣлостно ея будетъ утверждаться взаимнымъ и добровольными условіями полиціа между страхователями и правленіемъ общества, или агентами его, снабженными на то цѣлесообразными условіями, согласно съ §§ 42-го и 45-го Устава. Для личныхъ страхователей въ С. Петербургѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроится своевременно контора довѣренныхъ агентовъ, будутъ находиться и въ несколько минутъ составляться изготвленныя печатныя объявленія. Самыя несбыта отсутствующихъ страхователей, содержащая въ себѣ необходимыя подробности о предлагаемой на страхъ собственности, примутся за объявленія. Коммисаменты морскихъ судовъ или кораблей, какъ грузовые документы, равнообразно могутъ замѣнять объявленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что желающіе обезпечить собственность свою отъ потери или ущерба не встрѣтятъ задержки, ни затрудненій въ формѣ застрахованія со стороны общества и не обременятся непомерною преміею.

Объ агентахъ общества, ихъ мѣстопробываніи и другія новыя учрежденіяхъ своевременно объявятся въ вѣдомостяхъ.

Теперь еще осталось довольно времени для людей, желающихъ умножить свои капиталы честнымъ и безозлобнымъ средствами. Не сомнѣваемся, что ко времени открытія общества акціи будутъ разобраны до послѣдней. Мы увѣрены, что въ числѣ акціонеровъ окажутся и противники. Очевидная выгода убѣдетъ страсть къ голословнымъ умствованіямъ. Такова природа чловѣка.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Литература: Напрасныя обыкы и учености. Иванская. — Финскій Вѣстникъ. Художество: Колосы на извѣст. бульварѣ. Памятникъ Петру Великому у Красныхъ воротъ. Г. Тизъ. — Гальванотипія. Театры и Музыка: Секстантъ и секстантъ-концертъ г. Гильо. *Провансін:* Казань, Симферополь, Одесса, Саратовъ. *Разныя извѣстія.* Праздникъ въ Морскотъ корнуса.

ЛИТЕРАТУРА. Вся насущная Литература наша сосредоточена въ журналахъ; не желая подражать въ этомъ отношеніи нашимъ журналамъ, мы хотѣли допустить въ иллюстрацію только разборы книгъ замѣчательныхъ и достойныхъ не могли устроить особаго отдѣленія библіографіи. Чужота пустога и величкая чужота. Наконецъ, къ особенному удовольствію, мы можемъ сообщитъ весьма пріятную новость. Сѣверная Пчела приноситъ искреннѣйшее покаяніе и общается исправляется. Пора! Она, въ 252-мъ номерѣ, предиславляетъ себя въ критикѣ слѣдующія условія: похвала достойному похвалы, указаніе на посредственное и слабое, СТРОГАЯ СПРАВЪДЛИВОСТЬ, УКЛОНЕНІЕ ОТЪ ПУСТОЙ ПОЛЕМИКИ, безполезной для искусства, скучной для читателей, журнальной перестрѣлки, совершенное отсутствіе всякой личности и недоброжелательствъ кому бы то ни было... Вотъ какъ громко, нарядно, жардно возмущается Сѣверная Пчела своєю литературною прилегу. Мы обрадовались, но въ то же время вспомнили, что эти объявленія повторились уже многократное число разъ и нарушалась въ тѣхъ же номерахъ, самымъ страннымъ образомъ. Давно ли камофорный сигарки расхвѣлены въ одномъ номерѣ, а въ другомъ разруганы въ такихъ выраженіяхъ, что читать стыдно. Мало желанія быть безпристрастнымъ; для этого требуется еще кое-что, а между прочимъ, и ученость. Но гдѣ взять ее теперь? Не кушиться займешь. Конечно, есть классъ людей, кото-

рый вбрызг, что в фунт 36-ть лотовъ, что пивоваръ задохся отъ давленія атмосферы, что Фувзтонъ изобрѣлъ пари, что Profectus castrensis — начальникъ евнуховъ, и тому подобной беспечливой, необлѣпной учености, которая по всѣмъ правамъ можетъ называться «всякой всячиной.» Давно ли еще, 25-го октября, Сѣверная Пчела возвестила удивительную историческую новость, что Марія, жена Вильгельма III, была сестрою Якова II. Советуемъ исправить ошибку во всѣхъ ручныхъ исторіяхъ. Донинѣ Марія была дочерью Якова II; по учености Сѣверной Пчелы чего не открыть? Просвѣщайтесь, читатели Сѣверной Пчелы! Вотъ вамъ еще одно важное историческое открытіе; просвѣщайтесь и утѣшайтесь! До сихъ поръ мы знали и вѣдали, что Георгъ, курфюрстъ Ганноверскій и король Англійскій, съ помощью Вальпола царствовалъ благополучно, а былъ несчастливъ только въ своемъ семействѣ; умеръ, поспѣвъ свое курфюршество, въ Ослабрюкѣ, въ 1727 году. Сѣверная Пчела, 1-го ноября, гласитъ: «Онъ, какъ известно, былъ низвергнутъ съ престола и познанъ; его должна судить исторія.» Какая? Не та ли, что низвергла его съ престола и познала вопреки всѣмъ другимъ исторіямъ. Но Англія далече; надо извинить Сѣверной Пчелы ей не промахъ, а ужъ какъ хотите сами называйте эти ошчбчки, которые вѣсятъ каждая фунтъ въ 36-ть лотовъ; случаются такіа ученія грезы отъ давленія атмосферы, отъ чего задохся и пивоваръ. Вотъ ужъ творецъ «всякой всячины» и сочинитель Россіи въ Русской Исторіи и Географіи не съблѣстаетъ промахомъ. — А Ичнинская слобода... Какая Ичнинская слобода? Мы о такой слободѣ не слышали! Правда, въ 125-мъ номерѣ напечатано: «Зыряне Ичнинской слободы...» Просвѣщайтесь и утѣшайтесь необязательно ученостью Сѣверной Пчелы. Ненадо и театра, когда читаше подобныя превращенія Ижемской слободы въ Ичнинскую... Мы никогда бы не кончили, если бы вздумали удивляться всѣмъ открытіямъ учености Сѣверной Пчелы; но насъ отъ этого удивленія воздерживаетъ именно пріятельское расположеніе творца «всякой всячины», который ежедневно вводитъ на Иллюстрацію напраслины, хвастается за опечатки ливныя, а самъ на каждомъ шагу дѣлаетъ, не промахъ, а ошчбчки, которые обнаруживаютъ, не случайную небрежность, а глубокую ученость, которая недовольна настоящимъ состояніемъ наукъ, идетъ впередъ своимъ шагомъ, хвалитъ себя и вбрызг, что есть такіе, которые ей вбрызг. Можетъ быть, есть такіе; но мы, по многолѣтнему опыту, подтверждаемому и цѣмъ ежедневными, грубыми призрами незнанія, только удивляемся и кланяемся. Вбрызг не можемъ и убѣдиться, что выхода отъ справедливости, отсутствія личности и проч., въ 252-мъ номерѣ Сѣверной Пчелы, есть ошибка, недосмотръ, опечатка, промахъ въ 36-ть лотовъ, пронесенная отъ давленія атмосферы и отъ запаха ламеоры; мы убѣрены, что этой выходкѣ повбрызг развѣ Зыряне Ичнинской слободы, гдѣ ловятся *вкусные нельмы*. Вотъ это должна быть опечатка, потому что каждый Русскій знаетъ рыбу нельму точно также, какъ и осетрину, но не скажетъ: а въ вкусные осетрины и нельмы. Впрочемъ, такое давленіе атмосферы случается ежедневно, когда объявляется подписка на другіе журналы. Есть такіа вещи, которыхъ забыть нельзя. Напримеръ: китайскую комедію, помѣщенную въ Библиотекѣ для Чтенія, брошюры Косичкина, эпитаграммы Пушкина, басни Кн. Вяземскаго и Измайлова, много, много есть такихъ вещей! Такъ точно нельзя забыть и этой новой Русской журналистики. Конецъ года, и Русскую журналистику сочиняютъ трое Я, Я и Я. Они плачутъ о литературѣ, вспоминаютъ золотое время литературы Русской! Убѣряютъ, что всѣ Русскіе литераторы враги! Достоинство литературы и литератора не позволяетъ молчать. Долгъ каждого благонамѣреннаго журнала указать на эту явную напраслину; оправдать сословіе отъ ипрска, котораго оно не заслуживаетъ. Если мы бы, напримеръ, пытали вражду ко всѣмъ литераторамъ, сколько ихъ ни есть въ Россіи, уничтожили ихъ труды, старались вредить ихъ изданіямъ, неужели мы бы получили чрезъ то право напечатать, что они всѣ между собою враги. Гдѣ видѣли они эту вражду? Можетъ быть, въ журнальныхъ муравейничкахъ, гдѣ сочиняютъ низверженія съ престоловъ влзстителей, дѣлаютъ фунты въ 36 лотовъ, противу указагоо вѣса, сочиняютъ чужія ошибки и плодятъ свои, можетъ быть тамъ случается вражда съ своими послѣдствіями; но совѣіе литераторовъ совершенно сво-

бодно отъ этой клеветы. Оно живетъ мирно, покойно, но они этого видѣть не могутъ. И теперь настоящие литераторы посѣщаютъ другъ друга, собираются на литературные вечера, а чтобы не подражать имъ, не говорить голословно: укажемъ на вечера графа В. А. Соллогуба, князя В. О. Одоевскаго, А. П. Михайловскаго, Данилевскаго и другихъ литераторовъ, къ которымъ сходятся литераторы, бесѣдуютъ, сообщаютъ свои мысли одинъ другому, читаютъ свои сочиненія... Но — они объ этомъ не знаютъ. Эти вечера не въ Ичнинской слободѣ. Что дѣлать? Литераторы этому не впововаты, и не заботятся, что говорятъ другъ нхъ — они всѣ трое. Русская журналистика раздѣлила писателей на *отдѣльмае мызъ* и *отдѣльмае телы* (!); это они, отдѣльмае телы, такъ думаютъ, дѣла своєю ученостію своей муравейничка, а отдѣльмае телы смѣются, понимая всю важность этой отдѣлки, которой, можетъ быть, удивляется Шукшинъ дворъ да Ичнинская слобода. Они говорятъ что-то и приличіяхъ; но послѣ категорій, подъ которыми поделены Русскіе писатели, прилично ли будетъ упоминать о приличіяхъ въ ихъ статьѣ... Нѣтъ, господа отдѣльмае телы, это у васъ остатокъ какого-то вопиющаго духа и недостатка именно тѣхъ достоинствъ, которая въ миллионный разъ, и то всуе, вы обѣщаете публикѣ. Ваши *блззныма муренныя* разборы, ваша *удивительная* ученость, ваше *должное* безпристрастіе, и пр. — не повредятъ подпискѣ ни одного журнала, ни одной газеты... Вы скажете: мы все это написали въ сердцахъ на Русскіихъ литераторовъ. Выкупайте стаканъ холодной воды и раздумайте хорошенько. Вы увидите, что не Русскіе литераторы виноваты, зачѣмъ въ такъ очерчали. Для благопущаго прикрытія предвѣренной отдѣлки журналовъ и литераторовъ исторія начинается съ Библиотекъ для Чтенія. Можно предсказать, что эта исторія разскажетъ о томъ или другомъ журналѣ. Объ Иллюстраціи и говорить нечего. Сколько разъ уже Сѣв. Пчела зареклась не упоминать о ней — и говоритъ ежедневно. Видно, Иллюстрація особенно интересуетъ Сѣв. Пчелу... Любопытно одно: будетъ ли Русская журналистика отдѣльвать Финскіи Вѣстникъ? Что-то онъ давно о немъ не упоминали. А право, слѣдовало бы хорошенько отдѣльвать этотъ дерзкій Финскій Вѣстникъ, какъ онъ осмѣлился выходить съ отличною исправностію, соединить въ себѣ имена любившихъ писателей, заключать статьи истинно интересныя. О дерзкій Финскій Вѣстникъ, о Русскіе писатели *враги неприимимыя*, зачѣмъ вы соединились тутъ въ неслыханно число, съ удовольствіемъ стараясь каждый поспѣшно поддерживать пріятіе благонамѣренное, начатое съ доброуцѣлію. Русскіи литераторы, видно, нарочно помириндись для этого случая — и Финскій Вѣстникъ вышелъ въ шесть разъ благополучно, и каждый разъ лучше и лучше; этого только не замѣнить строгая справедливость и совершенное отсутствіе всякой личности и недоброжелательства кому бы то ни было — *изъ всѣхъ трохъ*. Но мы убѣрены, что Вѣстнику Финскому. Ичнинская отдѣлка не обратится во вредъ. Они отдѣльмае телы Отечественныя Записки, кажется года четыре, и Отечественныя Записки достигли до 3500 подписчиковъ; Библиотеку для Чтенія отдѣльмае телы съ перемѣжками, и то пошло въ прокъ; желаемъ и предвѣщаемъ Финскому Вѣстнику тоже, а онъ того стоитъ. Въ шести книгахъ Финскаго Вѣстника вы найдете прекрасныя статьи М. Н. Загоскина, В. П. Луганскаго, А. П. Башуцкаго, Е. П. Гребенки и многихъ другихъ писателей. По части ученой мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли статьи А. И. Анеискаго и А. В. Старчевскаго. Финскій Вѣстникъ несправедливо считаютъ журналомъ спеціальнымъ. Конечно онъ замѣнитъ насъ съ дѣятельностью Сѣверныхъ литераторовъ, но большая часть и едва ли не двѣ трети листовъ посвящается нашей. На будущій годъ редакция сдѣлала много улучшеній относительно объема и распорядка нѣкоторыхъ отдѣленій. Опытъ укажетъ остальное, но пока, мы благодаримъ редакцію за старательность и за прѣзрѣніе къ журнальной отдѣлкѣ. Финскій Вѣстникъ отдѣльмае телы молчаніемъ. Но это не спасетъ его отъ нашествія *изъ всѣхъ трохъ*... Подписка насѣдующій годъ уже объявлена, а это какъ извѣстно формальное объявленіе войны, которая начнется съ *безардонными ожесточеніемъ*: это выраженіе замѣстовано *изъ всѣхъ трохъ*; тамъ оно употреблено въ отношеніи къ врагамъ неприимимымъ, Русскіимъ литераторамъ; но къ чему такіа выраженія? Зыряне Ичнинской слободы

этого не поймутъ. Советуемъ въ подобныхъ случаяхъ помѣщать и переводы въ скобкахъ для вѣдншаго назиданія Зыряне.

Художества. Па прошедшей недѣлѣ, на Ичнинскій площади, между зданіями Спирова и Конюгвардейскаго манежа, при началѣ новаго бульвара, открыты двѣ прекрасныя колонны, съ двумя геніями. Статуя геніевъ, несущихъ вѣнки, отлитыя Берлпффъ. — Эти колонны составляютъ пріятное украшеніе и дополняютъ какъ-то пустоту, которая была очень замѣтна на этомъ мѣстѣ площади.

— На лѣвомъ берегу Невы, вереть за девять до Шпассельбурга, есть небольшой лужокъ какъ-будто осаженный вѣковыми соснами. Здѣсь была раскинута налѣтка Петра Великаго во время осады Нотебурга. Таково мѣстное преданіе, которымъ воспользовались простые каменотесы братья Николай и Михайло Спирidonовы, Путиловскіе крестьяне, по завету отца Спиридона Кириллова и съ разрѣшенія правительства соорудившіе изъ плитъ шпранду съ черныя гранитныя наверху шаромъ. Когда получимъ рисунокъ, поговоримъ о памятникѣ и соорудителѣ по подробнѣ. Теперь только сообщаемъ это истинно пріятное извѣстіе. Памятникъ Петру Великому — Русскіихъ каменотесовъ!!! Не засыпаетъ память о великомъ даже въ простомъ народѣ, потому что истинное величіе въ дѣлахъ безмерности.

— Выставка наша возрастаетъ. Мы видѣли картину нашего молодого художника В. Тима, извѣстную тройку, которая была на Парижской выставкѣ и въ гравюрѣ помѣщена въ Парижской Иллюстраціи. Гравюра нисколько не похожа на картину; но такъ это не составляетъ преступленія; мы помѣстимъ съ этой картины свою гравюру и поговоримъ о талантѣ художника въ свое время.

— Еще одно художественное извѣстіе, которое обратило наше вниманіе нечаянно; извѣстіе это не ново, но мы теперь только случайно увидели родъ объявленія, въ коемъ гг. Лампе и Ратке уведомляютъ, что они дѣлаютъ посредствомъ гальванизма стереотипы, «гравюры на деревѣ, Иллюстраціи, вышитыя» и проч. Не входимъ въ сравненіе гальванотиповъ съ обыкновенными клише; въ преимуществѣ первыхъ нечего и сомнѣваться; прочность гальваноластическихъ произведеній теперь уже доказана. Равноумно не оспариваемъ заслугъ г. Лампе на этомъ пути; но съ тѣмъ вмѣстѣ мы обязаны замѣтить, что Иллюстрація съ самыхъ первыхъ номеровъ печатаетъ многія изъ своихъ гравюръ съ гальваническихъ досокъ, изготовленныхъ съ такимъ совершенствомъ, что между гравюрой на деревѣ и мѣдинымъ отливкомъ нельзя найти и микроскопическихъ различій. Тонкость линий замѣтна; довольно указать на гравюры, изображающія дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, и зимній въ томъ же дворцѣ садъ. Изобрѣтеніе гальваническихъ осадковъ съ гравюръ теперь уже не новость; ихъ производятъ въ совершенствѣ уже давно многія мастерскія любителей. Иллюстрація, какъ сказано, постоянно пользуется этимъ способомъ. Заглавный видъ Петербурга выдержалъ около ста тысячъ оттисковъ и пострадалъ незначительно, тогда какъ клише надо бы перемѣнить не одинъ разъ. Хотя это изобрѣтеніе и не новость, не принадлежить гг. Лампе и Ратке, но при всемъ томъ ихъ осадки заслуживаютъ большой похвалы и въ совершенствѣ не уступаютъ осадкамъ другихъ мастерскихъ. Вообще сущія гальваноластическія теперь развиваются въ огромныхъ размѣрахъ. Мало уже осталось противниковъ этому способу, и тѣ болѣе противники изъ упрямства. Спорить противу очевидности, поддерживать сомнѣнія прочностъ произведеній гальваноластическія, подвѣрляя свои сужденія недостаткомъ лѣтъ для вѣрнн. Жаль, что эти противники не промываютъ еще ста лѣтъ. Тогда бы имъ было очень совѣстно, что они замедляли успѣхи столь важной отрасли. Прочность по-крайней-мѣрѣ осадковъ съ гравюръ не оставляетъ и малѣйшаго сомнѣнія. Въ этомъ убѣждаетъ каждого опытъ надъ заглавнымъ видомъ Петербурга въ нашей Иллюстраціи.

— Театры и музыка. Паступилъ ноябрь и спектакли Александринскаго театра становятся интереснѣе. Во ожиданіи собственно театральнй статьи, изготовленной нашимъ сотрудникомъ и озаглавленной къ настоящему номеру, мы не можемъ не упомянуть, что на этомъ театрѣ, на прошедшей недѣлѣ, проявилась весьма пріятная новость, это «Букеты или Петербургское Цвѣтобѣсіе», шутка

въ одномъ дѣйствіи, соч. графа В. А. Сологуба (см. Библиографію). На Большомъ театрѣ трижды дана была давно-ожидаемая опера I. Lombardi, въ которой мы услышали Мольетти. Теперь мы можемъ отдать отчетъ о нашей Италіанской Оперѣ, и не замедлимъ.

— Завтра въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, въ два часа ровно будетъ, еще что-то въ родѣ театра и музыки: музыкальное и драматическое утро, г. Гилью. Если не ошибаюсь, г. Гилью извѣстенъ въ здѣшнемъ музыкальномъ мірѣ, какъ отличный виртуозъ на флейтѣ и какъ музыкантъ, знакомый съ таинствами музыкальной теоріи. Мы не знали, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и жрецъ Мельпомены. Утро его составлено весьма интересно. Часть первая, Пигмалионъ, соч. Руссо, музыка г. Альбрехта. Пигмалионъ изобразить самъ г. Гилью. Для новости, увертюру будутъ играть послѣ піесы. Затѣмъ г-жа Пажъ споетъ Италіанскую арію. Вторая часть: Говорунъ, Le parleur éternel, комедія Мориса. Какъ хотите, а подобные драматическіе концерты гораздо занимательнѣе настоящихъ музыкальных концертовъ, о которыхъ какъ только подумаешь и дрожь и злость беретъ, а мадригалы нѣтъ пиши! Желаемъ, чтобы всѣ музыканты подражали г. Гилью и разнообразили свои праздники, которые для многихъ, просто, черные дни.

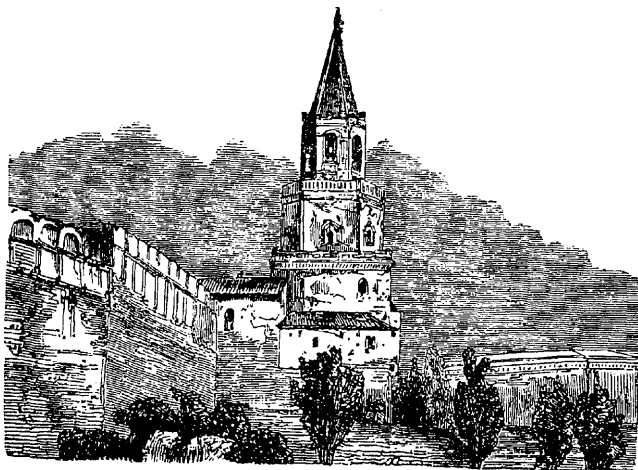
Пр о в и дѣ н и я : Мы уже нѣсколько разъ обращали вниманіе читателей нашихъ на Губернскія Вѣдомости, которыя постоянно пересматриваемъ и часто находимъ статьи любопытныя, достойныя общей извѣстности. Которыя изъ нихъ болѣе занимательны? Отвѣчать трудно. Для насъ занимательны всѣ, потому что мы хотѣли бы знать, что дѣлается въ каждомъ уголѣ Россіи, но вы, въ нашихъ походахъ только объявленія о выходѣ официальныхъ книгъ, да журналовъ, перенятки изъ Петербургскихъ повременныхъ изданій. Дѣло иное, если столичные журналы перепечатываютъ статьи изъ Губернскихъ Вѣдомостей. Тутъ прямая польза. Хорошая статья дѣлается общезвѣстною, расходится во всѣ концы Россіи; а въ обратномъ случаѣ, тѣ изъ провинціальныхъ жителей, которые занимаются чтеніемъ, навѣрное уже прочли статью въ столичномъ изданіи. Казалось бы, лучше другія должны быть тѣ вѣдомости, которыя издаются въ городахъ, гдѣ есть университеты и вообще высшія учебныя заведенія; но это только такъ кажется. Во многихъ изъ этихъ вѣдомостей не найдете никакихъ любопытныхъ мѣстныхъ свѣдѣній. А какіе матеріалы для исторіи и топографіи могли бы сообщить многія изъ этихъ газетъ! — Но видно, время еще не пришло.

— Казань продолжаетъ отстраиваться. Вотъ городъ, котораго перестройка заставляетъ опасаться, чтобы не изгладилась эти оригинальные черты древняго, татарскаго значенія Казани, эти свидѣтели возвышенія и распространенія Россіи. Мы при этомъ случаѣ поминаемъ двѣ гравюры съ рисунковъ Е. Е. Мейера, и надѣемся, что это послужитъ только началомъ иллюстраціи Казани. — Пусть себѣ «великая величина» возглаголаетъ, что ей угодно, а мы будемъ идти своей дорогой, и увѣрены, что ни одинъ благомыслящій и знающій человекъ не позволитъ себѣ называть учениками — извѣстныхъ художниковъ. Кстати замѣтимъ, что корреспондентъ Свѣ. Печ. въ вооружившейся противъ гравюръ иллюстраціи, не только передѣлываетъ наши гравюры, но и самая цена. Объявляемъ всемя и каждому кому то вѣдать слѣдуетъ, что въ числѣ нашихъ сотрудниковъ по художественной части никакого г. Кюна не имѣется, а потому переводъ фамиліи Кюна на Русскій языкъ въ значеніи «смѣльчакъ» возвращаемъ корреспонденту, для собственнаго употребленія. Смѣлость города беретъ! Что говорить о нашихъ столичныхъ судіяхъ литературы и художествъ? гораздо любопытнѣе и пріятнѣе толковать о крымскихъ сушеныхъ грушахъ и черноплодѣ. На первый разъ въ видѣ опыта, изготовили сто пудъ, которые и проданы въ Симферополѣ до четырехъ рублей серебромъ за пудъ. Новая отрасль промышленности, и довольно важная, принявъ въ соображеніе, какъ человечество любитъ лакомиться.

— Вообще югъ нашей Имперіи въ высшей степени любопытенъ для наблюдателя. Тамъ военныя дѣйствія умоляютъ славу Россіи, тамъ торговля постоянно принимаетъ боже и боже угтѣшительное направленіе. Съ 1-го января до половины истекшаго октября, къ Одесскому порту пришло 1,090, а отошло до 980 судовъ. Одной ишеницы отпущено до 1,400,000 четвертей, бо-

лѣ нежеле во весь прошедшій годъ. Даже литература на югѣ плодотворѣ нашей сѣверной. Мы уже указали на нѣкоторыя замѣчательныя книги, вышедшія въ Одессѣ. Теперь возстаютъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новой повѣсти г. Уманскаго, подъ заглавіемъ: Семейство Сибиряковыхъ.

путь въ лодку четырехъ человекъ. Тутъ выхлѣдитъ на сцену 16 лѣтній Персіанецъ, изъ Баки, круглый спрота. Онъ могъ спастись, могъ вприпрыжку въ лодку; но у него гибнетъ шестилѣтняя сестра; не могъ онъ ее спасти и поплылъ къ берегу, на пути его перехватила другая лодка. Прочіе всѣ погибли. Можетъ быть, Назаровъ

Входъ въ крѣпость въ Казани.

Башня Сумбеки въ Казани.

— Въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ, какъ всегда много мѣстнаго интереса. Одно происшествіе на Волгѣ, стоитъ того, чтобы его пересказать нашимъ читателямъ. Мѣшанинъ Поновъ, на досчанкѣ, нагруженномъ желѣзомъ и другимъ товаромъ, плылъ по Волгѣ. Съ нимъ были: жена, дочь, и еще 19 человекъ разнаго рода. Среди дна спявній штурми ломаетъ мачту, вретъ парусъ; досчанникъ заливаетъ водою; въ это время мѣшанинъ Назаровъ плылъ съ 4 работниками, увидѣвъ погибающій досчанникъ, выбросилъ грузъ и поспѣшилъ на помощь; по волни не допускаютъ къ досчаннику. Не смотря на то, ему удалось вта-

путь бы спасти и больше народа, но во время похвальныхъ дѣйствій отъ неудачнаго поворота правила, получилъ ударъ въ високъ и самъ свалился въ воду. Но счастью работники успѣли его вытащить.

Разныя извѣстія. Ежедневникъ, говоря обо всемъ примѣчательномъ, не можетъ пропустить безъ вниманія, оргинальный семейной вечеръ, въ которомъ участвовало болѣе тысячи человекъ.

Это было во вторникъ, 6-го ноября, въ Морскомъ корпусѣ, по случаю Церковнаго праздника. Танцевали въ огромномъ залѣ, хорошо знакомомъ публикѣ по астрономическимъ лекціямъ.

Для посетителей открыта была также цѣлая анфилада комнатъ музея, отдѣланнаго превосходно и съ большимъ вкусомъ, особенно замѣчательнаго по богатымъ собраніямъ моделей кораблей и всего относящагося до моря. На этомъ вечерѣ все какъ нельзя лучше способствовало общему веселью: великолепное освѣщеніе, оркестръ Германна, самое угощеніе составляли прекрасный ансамбль. По одной причинѣ несправедливо назвать этотъ прекрасный вечеръ баломъ; на немъ не было гостей. Тутъ была одна семья, составленная изъ шести сотъ воспитанниковъ и по-крайней-мѣрѣ такого же числа ихъ родныхъ. Непринужденная веселость дѣтей, соединенная съ строгими порядкомъ и видимое удовольствіе приглашенныхъ или родственниковъ, дѣлали этотъ семейный праздникъ молодыхъ моряковъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собраній.

Подобныя удовольствія воспитанниковъ имѣютъ для нихъ и полезную сторону: они даютъ начало свѣтскаго образованія, приучаютъ къ обществу, а это въ дѣлѣ воспитанія также не бездѣльна.

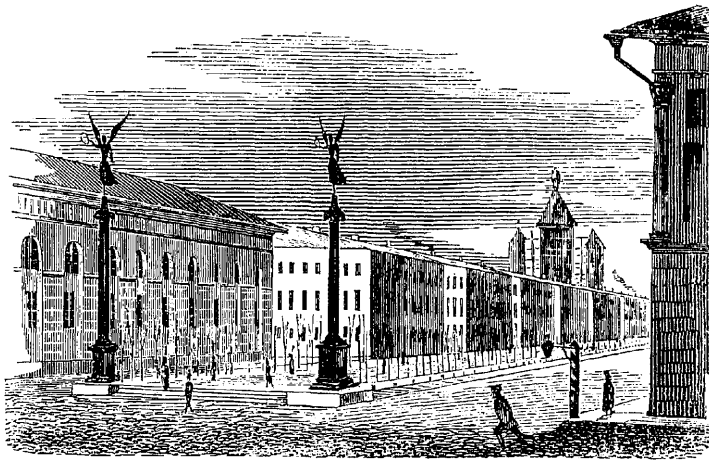
СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Прозвѣстіе въ Каирѣ.—Часы Турецкаго Султана.— Жераръ волшебный стрѣлокъ.— Навуходоноссоръ и оперы.— La Souboussie.— Оагъ, опера Вернера.— Некрологъ.— Желѣзная бумага.— Всѣ звѣри въ человѣческой крови.— Рабочее заведеніе въ Парижѣ.— Вѣстанъ.

==

Странствователь, не обращающій никакого вниманія на политику, находится иногда въ самомъ затруднительномъ положеніи; онъ даже въ Тур-

Колонны у новаго бульвара въ С. Петербургѣ.

дражать ли друзей? не сачинять ли къ себѣ письма отъ разныхъ знаменитостей, не напасть

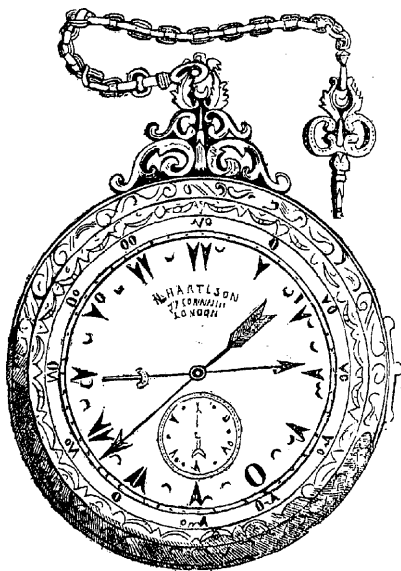

выше; онъ охотится только на львовъ. И всегда одинъ. Онъ утверждаетъ, что одному со львомъ управиться легче. Товарищъ ему только вѣщается. Этотъ волшебный стрѣлокъ, по уверенію журналовъ, не мнитъ. Въ иллюстраціи помѣстили даже портретъ этого Немрода. Надо думать, что по-хожъ.

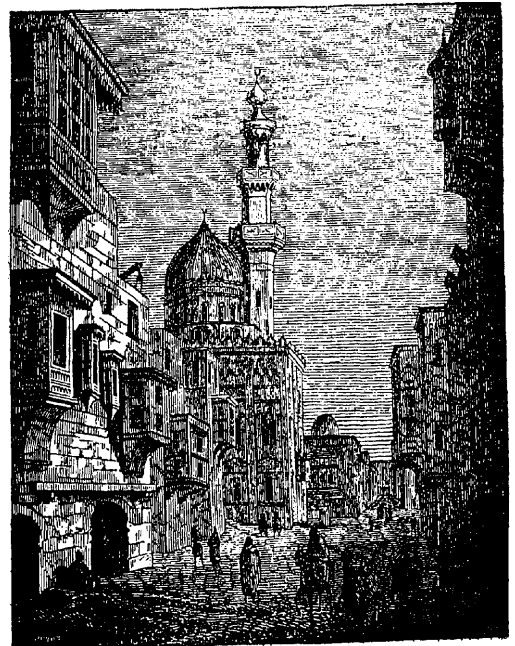
— Теперь всѣ націи перемѣшались. Въ Алжирѣ появился Фрейшюцъ, въ Парижѣ пришелъ Навуходоноссоръ, опера въ четырехъ актахъ, слова Оемистокла Сомеры, музыка Верди, того самого композитора, который соорудилъ музыку и для оперы «Ломбардинъ въ первомъ Крестовомъ Походѣ. Кому вѣрить? не знаемъ; одинъ отдавать преимущество Навуходоноссору, другіе Ломбардину, третіе Юаннѣ д'Аркъ. Сюжетъ второй вы знаете, послѣдней догадываетесь; но ужъ сюжета первой никакъ не отгадаете. Иерусалимъ осажденъ; но тамъ въ пѣтлю Асеприанка, которая, во время соображеній Параллельнаго Фенеса, дочь Навуходоноссора, Неману поручена Фенеса и онъ, натурально, влюбился другъ въ друга; напрасно, потому что госпожа Асеприанъ, чѣто въ родѣ Амазонки, беретъ городъ и сама желаетъ влюбиться въ Немана. Являетесь и Навуходоноссоръ, съ войскомъ. Его не пускаютъ въ храмъ, но завоеватель съѣдетъ надъ запретомъ; тогда Захарія беретъ Фенесу и хочетъ ее заболоть. Но Неманъ не можетъ этого позволить и обезоруживаетъ Захарію. Второй актъ въ Вавилонѣ. Навуходонос-

ли на кого либо изъ сондатаелей, и наполнить столбцы всякою всячиною... Правда мало на этогъ разъ намель странствователь; что намель, о томъ доносить; чѣмъ богаты, тѣмъ и ради.

— Въ Египтѣ есть городъ Каиръ — зри географію; въ Каирѣ есть улица, — зри гравиру по рисунку гг. Чернецовыхъ; въ этой улицѣ есть домъ, въ которомъ жилъ богатый купецъ съ пятью женами и многими потомствомъ; между женами первая была стара, послѣдняя молода, какъ весенній цвѣтокъ; между потомствомъ послѣдній говорить не умѣетъ еще, а первый, взрослымъ сынъ уже былъ съ товарищи далече, видѣлъ свѣтъ и воротился домой въ самое то время, когда патанъ жена была приобретена отцомъ и предпочтена всѣмъ прежнимъ. Сынъ узналъ пятую жену; онъ видѣлъ ее на какомъ-то базарѣ, полюбилъ, но поздно: она была откуплена для неизвѣстной особы. Сынъ не долго дуналъ, пошелъ къ отцу и признался. Отецъ сына чубукомъ. Сынъ притворился послушнымъ и въ тотъ же вечеръ пробрался въ тайники, увелъ пятую жену своего отца и убѣжалъ съ нею внизъ по Нилу. Но отецъ догналъ ихъ, взялъ въ пѣтлю и былъ столько великодушенъ, что приказалъ утопить и жену и сына. Египетская юриспруденція стала въ туникъ. Купцу такія штуки запрещены законами. Но Египетская мудрость всѣмъ извѣстна и, вѣроятно, въ скоромъ времени мы узнаемъ чѣмъ рѣшился судъ.

ция и Египтѣ должны ходить въ театры, слушать музыку, смотреть на художественныя и общественыя работы, на успѣхи просвѣщенія, отыскивать новыя изобрѣтенія. А если этого ничего нѣтъ, что дѣлать странствователю? Ужъ не по-

Каиръ.

сорь все еще гостить в Иуде, а царством править Фенеса. Абигаил дѣлаетъ противъ нее заговоръ и снимаетъ съ себя вѣнецъ; но въ это мгновеніе Навуходоносоръ на коврь самолета, — тогда еще были такія экипажи, — является совѣтникомъ, надѣваетъ вѣнецъ на свою голову и объявляетъ, что онъ самъ предметъ общаго обожанія, Захарія ни какъ съ этимъ не соглашается. Навуходоносоръ велитъ его убить, Фенеса встаетъ, но Навуходоносоръ велитъ ее къ своей статуѣ и велитъ ей поклониться. Тутъ громъ и Навуходоносоръ сходитъ съ ума, а Абигаилъ принимаетъ управленіе. Само собою разудается, что Фенеса приняла пухъ въру, умоляетъ Абигаилу помиловать ее; тотъ смѣется. Навуходоносоръ разсердился; пошелъ, взявъ свой разумъ и свои вѣнецъ обратно и даруетъ Иудеямъ свободу, вопреки Библии. Абигаилъ отирается, и піеса кончается. Гдѣ же Исмаилъ? Увидѣвъ, что дѣй женщины влюблены въ него, онъ еще въ первомъ актѣ ушелъ изъ Азіи и донынѣ туда не возвращается. При всей комической цельности сюжета, опера правится. Какъ себѣ хотѣть противники Верди, должно же быть что-нибудь такое въ музыкѣ Верди, что нравится и увлекаетъ. И Ломбарды не могутъ похвалиться сюжетомъ, а съ какою успѣхомъ обошли Европу. Въяд надо правду говорить: не одна новость распространила славу Верди, но одна недостатковъ новыхъ оперъ оставилъ Верди на просторѣ. Оперы Флотова уважаются и въ Парижѣ; Леонъ Шилле, директоръ королевской академіи, проситъ дозволенія поставить на сцену оперу Флотова: «Der Förster»; эта опера и еще другая того же автора: «Матросы», ставятся въ Вѣнѣ; въ Берлинѣ съ блестящимъ успѣхомъ дана опера Франца Лахнера: «Катерина Корпаро.» Все-таки произведенія Верди больше правятся. Должна быть причина, что бы ни говорили безчисленные его противники.

— Кстати объ операхъ: въ Парижѣ недавно дана была опера «Угольщикъ» (La Charbonnière). Либретто Скрѣба и Мельвилла, но это не помогло. Даже французскіе критики сознались, что это вальс-опера, или правильнѣе, вальсъ въ трехъ актахъ.

— Еще кстати объ операхъ: въ нѣмъ епихихъ и французскихъ газетахъ начато, что «Ольга», опера г. Бернара, дана на Французскомъ Театрѣ потому, что композиторъ — французъ, а либретто сочинила Француженка. А кажется, мало ли у германскихъ издателей корреспонденствъ, которые безвѣздно сидятъ въ Петербургѣ и сообщаютъ въ Германію то, чѣмъ о Россіи извѣстятъ.

— Въ музыкальномъ мірѣ есть событіе важное, потому только, что оно принадлежитъ къ біографіи Россіи. Изабелла Кольбранъ или Кольбранъ, родомъ Испанка, была, какъ извѣстно, лѣтъ тридцать тому назадъ, одною изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ въ Европѣ. Россіинъ собственно для нея написанъ «Огелло», «Donna del Lago» и «Семирамиду.» Сама по себѣ она была богата; Россіинъ женился на Изабеллѣ, но не долго они прожили въ мирѣ. Разошлись. Огромное состояніе ея разсыпалось. Она двѣнадцать лѣтъ прожила въ Болоннѣ, въ уединеніи и недостаткѣ. Другія уговорили супруговъ примириться, но не долго наслаждалась старушка и этимъ счастьемъ, и 7-го октября, на 60-мъ году отъ роду, Изабелла скончалась въ домѣ неутѣнаго мужа, который послѣдніе дни горькой для жены жизни, услаждалъ необыкновенною внимательностью и самопожертвованіемъ, проводя ночи безъ сна у ора открыта.

— А открытій, изобретеній, спросите, нѣтъ никакихъ. Есть, какъ не быть, тысяча, множество, на каждый день приходится по десятку изобретеній, но всѣ изобретенія для фабрикантовъ, промышленниковъ и т. п. Одно изобрѣтеніе — это желѣзная бумага, которая сколько нибудь можетъ птересовать всѣхъ и каждого. Она явилась на Вѣнской выставкѣ, 500 листовъ этой бумаги въ сѣсть едва 20 фунтовъ; — всѣ эти триста листовъ сложены въ конвертъ изъ жести, на которомъ прилагалъ надпись. И такъ желѣзная бумага есть, но что въ нашемъ вѣкѣ писать на ней Позднее, безумное изобрѣтеніе.

— Другое открытіе, ученое, хуже нежели ученое, сдѣлано въ Америкѣ, источникъ всѣхъ удивительныхъ выдумокъ. Нью-Йоркскій профессоръ Пронсонъ старинную поговорку: что человекъ — есть малenkій міръ принялъ въ буквальный смыслъ,

и преслѣдуя свою идею, въ кислородно-водородный микроскопъ сталъ разсматривать человѣческую кровь... Увеличивъ каплю крови въ два миллиона разъ, что увидѣлъ пр. Пронсонъ! Всѣ возможные роды звѣрей, которые не только есть, но когда либо были на этой землѣ. Когда человекъ здоровъ всѣ звѣри покойны, играютъ себѣ и только. Въ болѣзнь — всѣ живыи его бѣсятся: — вотъ гдѣ и отчего горячка, которую слѣдовало бы назвать Американскою. — Это что-то въ родѣ описанія луны, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣлало такъ много шума и обмануло даже людей ученыхъ. Всѣ эти маномты, слоны, львы, тигры и прочіе звѣри обитающіе въ крови нашей вѣролтно хотѣть иногда кушать; любопытно было бы посмотреть на нихъ въ кислородно-водородный микроскопъ, когда человекъ боленъ. Должно быть ужасно печальное зрѣлище. Боюсь видѣть ярость кровяныхъ звѣрей, въ Парижѣ придумано прекрасное учрежденіе.

— Это — рабочія заведенія. Многіе, особенно женскаго пола, и готовы доставать хлѣбъ честными трудами, да гдѣ взять работу. Избѣгаешь дни, износилъ башмаковъ на столько, что расходъ больше отъ работы не покроетъ и въ половину. Рабочее заведеніе, пока одно, заботится о снабженіи бѣдныхъ — работой. Но чтобы не повредить рукодѣльямъ, оно платитъ своимъ работницамъ бездѣльней дешевле противъ обыкновенныхъ цѣнъ, а продаетъ на равнѣ со всѣми мастереками. Такимъ образомъ благотвліе не обременяетъ ни благодѣтелей, ни благодѣтельствуемыхъ. И мысль и развитіе рабочихъ заведеній заслуживаютъ похвалы и подражанія.

— Помните ли Вьстана, нашего любимѣйшаго скрипка? Въ Гаагѣ весь оркестръ поднесъ ему лавровый вѣнокъ съ надписью:

L'orchestre rend toujours hommage au vrai talent,
Mais jamais au genie on n'unit tant de grace;
Quand son temps esra vieux on dira de Vieux temps:
Il n'est rien encore qui l'efface.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) *Петербургскія вершинки, описанныя Я. Бутковскимъ.* — Книга 1-ая. С.-П.-бургъ, 1843.

Всѣ четвертые, пятые и шестые этажи столѣчнаго города С.-Петербурга, попали подъ неумолимый ножъ г. Буткова. Онъ взялъ, отрѣзалъ ихъ отъ низовъ, перенесъ донной, разрезалъ по составкамъ и выдалъ въ свѣтъ частичку своихъ анатомическихъ препаратовъ. Сколькій путь! Мы тяжелы на сатуре, которую слава ли жалуетъ наша публика. Вотъ, каррикатуры, приспосаблиенныя ко времени, наша страсть. Что можетъ быть неправдоподобнѣе покойныхъ Выжигиныхъ, а Иванъ читался; Не въ Ивановъ прошель даже не замѣченнымъ, а дальнѣйшія каррикатуры того же автора не возбудили даже улыбки. Конечно, талантъ не старѣется; соплатніи Н. В. Гоголя также представляютъ, не сатуре, а каррикатуры современнаго міра. Того нѣтъ въ природѣ, что онъ описываетъ. Тины его — созданія веселой фантазіи, но дѣло мастера боятся. Каррикатуры Гоголя читаются съ удовольствіемъ, читаются и будутъ читаться. Одному шутнику говорилъ: «Нераставь, любезный, острити; право не остро!» — Да я это впрочемъ такъ тупо притворился. Лучше вовсе не писать каррикатуры, нежели писать ихъ плохо и лубочно. Въ Петербургскихъ вершинкахъ нѣтъ притворства; всѣ статьи носятъ на себѣ печать неподдѣльнаго дарованія и проницательной наблюдательности; написаны чистымъ русскимъ слогомъ; одиандъ словомъ, г. Бутковъ — прекрасная надежда съ надежною порукою. Но не можемъ же замѣтить, что тояъ, способъ изложенія нѣсколько монотоненъ; сначала вы читаете съ удовольствіемъ, слогъ и складъ рѣчи — пріятная нечеловѣчность; но къ концу книги уже угадываешь, какъ и что скажетъ авторъ. Отчего бы это? Полагаемъ, что это происходитъ отъ слишкомъ постоянного желанія представлять тайную мысль и всѣ соприсносновенные съ нею предметы въ каррикатурѣ. Необходимое послѣдствіе — манерность. Всѣ лица получаютъ одинакіи колоритъ и одинакіе размѣры. Чубукевичъ, въ нервомъ рассказѣ, тотъ же

Паванъ Анисимовичъ въ Лепточкѣ, тотъ же Пачкуновъ въ разсказѣ о Почтешномъ Человѣкѣ, тотъ же Самсонъ Самсоновичъ въ Биткѣ и Авдѣи, въ лучшей, по нашему мнѣнію, статьѣ: Сто рублей. Впрочемъ наше мнѣніе есть итогъ впечатлѣній перваго, бѣстараго чтенія. Мы съ пестеринѣмъ ожидаемъ второй, десятой части. Первую, считаемъ удачнымъ опытомъ и совѣтуемъ каждому прочесть это оригинальное произведеніе русскаго ума. Въ подробностяхъ множество наблюдательности и мѣткихъ замѣчаній.

2) *Букеты, или Петербургское цветоболье, шутки въ одномъ дѣйствіи.* Сочиненіе гр. В. А. Соллогуба. С.-П.-бургъ, 1843.

Опять таки шутка, а хорошенко разобрать, опять каррикатура.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Страсть бросать цвѣты Рубини, какъ всякая страсть развилась до поступленія; періодъ ея веселаго развитія принадлежитъ къ прошедшему сезону. Дѣйствіе въ цвѣточной лавкѣ. Чиновникъ Тряпка желая услужить начальнику, приходитъ въ лавку купить букетовъ, чтобы бросить его той, которую предпочтаетъ начальникъ. Но русская смѣтка сейчасъ наложилла подать на барскую страсть, и букетъ, нѣчто въ родѣ шпана съ маргериткой по серединѣ, продаетъ по три цѣлковыхъ. Тряпка не сошея въ цѣтѣ и ушелъ изъ лавки. Затѣмъ паутъ отдѣльные, побочные характеры; всѣ они хлопоту изъ-за букетовъ; всѣ они служатъ въ одномъ вѣдомствѣ. Между двумя чиновниками несогласіе въ мнѣніяхъ на счетъ пѣвчихъ зажгло рѣшительную войну, которая доходитъ до драки, когда лавочникъ бросилъ имъ кость, т. е., корзину съ цвѣтами; но въ это мгновеніе прѣзжаетъ начальникъ; чиновники оба зашатали за цвѣты, а начальникъ беретъ ихъ даромъ. Между тѣмъ приходитъ въ лавку, русская актриса, которая, за лѣтъвѣсімъ приерженцевъ, покупаетъ сама себѣ букеты, и потонъ, съ помощью домашнихъ средствъ, получаетъ ихъ на счетѣ публично, будто бы за правду она вранится кое кому до восторга. Являются нѣкто влюбленный въ Марью Андреевну, невѣсту Тряпки, чтобы узнать, доставлены ли ей цвѣты; въ это время Лидина, матушка невѣсты, съ дочкой прѣзжаютъ также закупить произрастеній для бала. Вы догадаетесь, что влюбленный любилъ, но Тряпка на перепутьѣ. По счастью съ Тряпкой случилась несчастье. Онъ бросилъ букетъ не той и заслужилъ гнѣвъ начальника. Онъ прибѣжалъ за букетомъ, чтобы исправить роковую ошибку; букетовъ нѣтъ по за то туть русская актриса. Она знакома Тряпкѣ, она съ нимъ развѣжилась, взяла слово литься въ театрѣ, броситъ букетъ пр. пр. Лидина все слышала и туть же ему отказала а созволила выдать дочку за влюбленнаго. Вотъ канва новой шутки, перваго опыта графа Соллогуба на драматическихъ поприщѣ. Многю юмору, особеннѣе въ складѣ рѣчи, много мѣткихъ замѣчаній, ловкій языкъ, неподдѣльная веселость, вотъ главные качества шутки; но еогластесь, эта миала каррикатура все таки каррикатура. Страстишка бросать цвѣты въ прошломъ году дошла до смѣшнаго, правда, но не въ томъ классѣ, который авторъ избралъ для своей піесы. — Исполненіе піесы на сценѣ весьма не оправдилось публикѣ; но шутка эта произвела бы много, если бы дапа была въ прошломъ годѣ. Теперь она вранится болѣе какъ литературное произведеніе, утѣшаетъ какъ пріятная надежда для нашего театра. И признаться, очень бы желали мы, чтобы наши писатели юмористы удѣляли большую часть своего времени. сценѣ Театральной критика. Журналиаго мнѣнія у насъ нѣтъ зато въ театрѣ вниманіе и участіе публики есть лучшая и справедливѣйшая критика. Не завидно ли многимъ сценическимъ коникамъ видѣть, что въ представленіяхъ «Горе отъ ума», въ амфитеатрѣ господствуетъ глубокая тишина, видимо напряженное вниманіе слушателей, тогда какъ въ представленіяхъ другихъ, даже знаменитыхъ, комедій, хотеть огластаетъ театрѣ и называется эфектомъ. Тамъ комедія, здѣсь удачная каррикатура. По нашимъ рассчетамъ, думаемъ, что талантъ графа Соллогуба могъ бы дойти до этой почетной тишины амфитеатра, до этого заботливаго вниманія слушателей. Мы видѣли піесу и смѣлились, читали и сѣялись; и въ театрѣ и за чтеніемъ мы убѣдились, что Букеты проба лера и чернилъ для будущей большой театральнаго піесы, и проба весьма удачная!..

Вотъ еще одна каррикатура:

Путешествие по солнцу. Демокрита Терпиновича. Санкт-Петербург, 1845.

Какая скучная жизнь на солнце! Теперь даже совѣстно смотреть на величественное свѣтло днѣ, на которомъ живутъ такіе люди, какъ изображаетъ ихъ Демокритъ Терпиновичъ. Эти люди, къ досадѣ земныхъ читателей, высутили изъ своихъ рукъ Демокрита Терпиновича; они же разгадали, что онъ земной писатель, и что онъ выдастъ ихъ, выдастъ на позоръ всему земному человечеству. И Демокритъ Терпиновичъ рѣшительно одурачилъ солнечныхъ жителей! Онъ написалъ же одну книжечку и еще не кончилъ своего «путешествія...» въ концѣ книжки, онъ объясняетъ... продолженіе...

Изъ настоящихъ разсказовъ Демокрита Терпиновича, мы узнаемъ, какъкъ образомъ онъ «ввалился» въ солнечную атмосферу, подобно яичу, наконецъ росло, хотя и «не было съ обонхъ концевъ залыченъ всокомъ.» Увидѣвшись съ солнечными жителями, онъ обнаружилъ свое земное любопытство; но одинъ изъ солнечныхъ обитателей отвѣчалъ ему: — «Больно ты зауничиалъ, братецъ; если станешь вѣшпаться въ наши дѣла, то я вложу тебя къ себѣ въ носъ, чихну и ты опять полетишь на свою землю.» Впрочемъ, это не испугало Демокрита Терпиновича; онъ «нижехонько» поклонился какому-то ученому, который нагородилъ такую чепуху, что не стоило бы и поминать. Потомъ, онъ увидѣлъ, какъ пѣкоторые изъ солнечныхъ жителей, въ наказаніе, ходятъ на четверенькахъ тогда, какъ другимъ набиваютъ носъ стручковатыми перцами пополамъ съ толченою горчицей... Онъ хотѣлъ-было вступить за какихъ-то обиженныхъ; но побоялся, чтобы его не раздали какъ «клопа.» Онъ узналъ, что солнечные жинки сначала удостоиваются, не пѣютъ ли ихъ невѣсты тѣлесныхъ недостатковъ, и потомъ, надѣвъ веревку на шею, отводятъ ихъ домой, «какъ у насъ водятъ коровъ.» Онъ видѣлъ солнечные журналы, которые печатаются плоскими, растянутыми литерами, «очень похожими на раздавленныхъ лягушекъ.» Послѣть солнечныхъ учебныхъ заведеній, онъ замѣтилъ, какъ ученикамъ «набиваютъ науки брюхо», иногда до такой степени, что ученика стошнитъ; въ такомъ случаѣ, «чтобы удержать науку на своемъ мѣстѣ, натравятъ ему животъ и полнѣнцу ежевичнымъ сокомъ...» Изъ всѣхъ замѣтокъ Демокрита Терпиновича видно, что жители солнца пѣютъ только одно умное обыкновеніе, когда у нихъ падетъ дѣло о тѣхъ членахъ общества, которые напалатъ черезъ-чуръ.» Когда ихъ шалости превосходятъ мѣру, говорятъ путешественникъ, тогда сбькутъ ихъ просто розгами и намазываютъ имъ языкъ горчицею съ стручковымъ перцемъ.» Мы думаемъ, гадали нѣтъ ли чего въ этой солнечной литературѣ и нашего земнаго, нѣтъ ничего. Ни капли. По крайней мѣрѣ мы не догадались. Отдайте земное землѣ, солнечное солнцу. Пусть оно распорядится какъ знаетъ. Кстати замѣтимъ, что одинъ шутникъ прочитавъ эту книжечку, сказалъ: это солнечное затмѣніе. О немъ слѣдуетъ говорить въ календарѣ, а не въ библиографіи.

ЭТО ТАКЖЕ ЛЮДИ.

Милостивый государь!

«Вы никогда не читали бы письма этого, если бы горькая необходимость не заставила меня искать вашего участія. Вы помните, въ какомъ положеніи остался я послѣ потери своего имѣнія; съ тѣхъ поръ прошло не много времени, но много испытанъ я.

Читать исторію моихъ несчастій не весело; но простите меня, если во зло употреблю ваше терпѣніе; я долженъ вамъ разсказать, что со мной случилось, для того, чтобъ имѣть поводъ надѣяться на вашу помощь. Оставшись нищимъ, съ матерью и двумя малютками сестрами, я схватился за все, бѣдилъ въ ..... бѣдилъ въ ..... издержалъ на это послѣдній остатокъ денегъ и наконецъ, получилъ мѣсто въ 1,000 р. асс. жалованья. Судите сами, каково было наше положеніе: имѣть всего на все 1,000 р. въ годъ, тогда какъ прежде мы могли проживать до 30,000!

Всякаго рода лишнія, сырая квартира и дурная пища, постепенно уничтожали здоровье моей матушки; у ней открылась водяная въ груди; сестры, бѣдныя сестры, какая участь ждетъ ихъ, онѣ остаются безъ матери, безъ крова, безъ друзей, безъ воспитанія. Тому у нужда сноснѣе, кто не привыкъ къ удобствамъ; но моя добрая мать жила всегда въ роскоши. О, сколько она теперь терпитъ!

Я бросаюсь вездѣ, дѣлалъ все, что могъ, и мы до-сихъ-поръ кой-какъ жили; но передъ глазами умирающая мать, безсонныя ночи, усиленные постоянныя занятія, тоска и заботы, все это гибельно подавляло мой умъ и силу воли; мнѣ пачалъ представляться какіе-то страшные фантомы, я началъ слышать страшные звуки... немного спустя, меня почти мертвого вытащили изъ веревочной петли... еще не сошедъ зажали слѣды бритвы, которою я перерѣзалъ себѣ горло; мнѣ спасли жизнь, но развѣ этимъ сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе? Я опять живу только для того, чтобъ понимать весь ужасъ нашего положенія; смерть матушки близка, близокъ и мой пагубный конецъ: я это чувствую; а мои сестры, невѣстныя малютки, быть можетъ, будутъ подрастать нищими, бродягами, будутъ по улицамъ просить мірскаго подаянія; быть можетъ, ихъ ожидаетъ домъ разврата, страшно! страшно! Боже мой! у меня нѣтъ воли управлять собою; я не знаю, что со мною дѣлается. Спасите меня! умоляю васъ, спасите бѣдную мать мою—она умираетъ. Спасите сестеръ моихъ! Мнѣ отказали отъ должности за то, что я сталъ страшнымъ человѣкомъ; деньги всѣ вышли, намъ нечего ѣсть; нѣтъ ничего, ничего, ничего; ни крошки хлѣба! Краска стыда выступила на щекахъ моихъ, стыдъ жжетъ лицо мое, но я протягиваю руку, прошу у васъ; мать моя умираетъ; у всѣхъ у насъ третій день... ни крошки хлѣба! О, какъ тяжело просить!»

Письмо это писалъ молодой человѣкъ (назовемъ его хоть Ровальскій, хорошо образованный, съ прекраснымъ сердцемъ и очень умный. Онъ, назидъ тому нѣсколько лѣтъ, бывалъ въ лучшихъ гостиницахъ обихихъ столовъ, имѣлъ хорошее состояніе, былъ самолюбивъ и зналъ свои достоинства. Онъ не рѣдко говаривалъ, что умъ есть вѣчное нѣтъ и ничтъмъ неотъемлемое приданое человѣка, всегданнее его богатство; мы скоро увидимъ, справедливы ли подобныя предположенія; увидимъ можно ли кому нибудь исполнить вадѣяться на неизмѣнность ума своего и гордиться имъ, а между тѣмъ будемъ продолжать разсказъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельство отняли у Ровальскаго его хорошее имѣніе, онъ не показывалъ ни въ Петербургскомъ, ни въ Московскомъ обществѣ, и какъ всегда водится, всѣ объ немъ забыли.

Разныя разности заставили меня захватить въ... и тамъ, узналъ, что бѣдность и отчаяніе довели Ровальскаго до помѣшательства; что этотъ несчастный молодой человѣкъ въ домѣ помѣшанныхъ, въ совершенномъ безумствѣ, въ такомъ состояніи, которое ставитъ человѣка на ряду съ безсловесными животными. Въ самомъ дѣлѣ, сердце изывало при взглядѣ на Ровальскаго. Боже мой! какъ страшно можетъ за живо разрушиться человѣкъ! Кто бы узналъ въ этой автоматической движущейся массѣ, въ этомъ слоупломъ, нечистоплотномъ, жалкомъ созданіи, Ровальскаго, прекраснаго, статнаго, ловкаго молодого человѣка, полнаго ума и жизни? Его свѣтлый умъ равноременно угасъ; его сила воли исчезла и замѣнилась скотскимъ, безсознательнымъ послушаніемъ велкому, кто только захочетъ управлять имъ; его глаза, на которые заглядывались свѣтскія львицы, утратили свое обворожительное выраженіе, въ нихъ свѣтится глухость и безцѣльность; прекрас-

ное лице Ровальскаго нельзя узнать: выраженіе изгладилось, осталась какая-то ничего не значущая глупая улыбка, болѣе похожая на гримасу; стройный станъ опустился, согнулся; руки какъ плети повисли по бокамъ туловища; атмосфера, его окружающая, напята отвратительнымъ знакомъ... страшно, болно видѣть этого несчастнаго! страшно выговорить слово: безмысленный, когда принимаешь его унизительное значеніе! Безмысленный, это не такой помѣшанный, котораго всѣ движенія быстры, живы, перемѣчны, слова безъ связи льются какъ искры, жизнь кипитъ какъ лава; безмысленный, не такой помѣшанный, которой затанъ себѣ одну ную нибудь мысль, ее бережетъ, лелѣетъ, не разстается съ нею ни во снѣ ни во яву, всегда одиетъ, всегда мрачитъ; но не затрогивайте его завѣтной идеи, иначе онъ вспыхнетъ, жизнь загоритъ въ каждомъ движеніи, изъ подъ пела возникнетъ волкапъ; наконецъ, безмысленный, не такой помѣшанный, которой все шутитъ, балагуритъ, шутовски одѣвается, прыгаетъ на одной ногѣ, крипляется, смѣется самъ и смѣшитъ другихъ; пѣтъ, безмысленный, это самый жалкій изъ людей, самой жалкій изъ помѣшанныхъ.

Такъ какъ теперь во Франціи, Англіи, Германиіи, однимъ словомъ, во всей просвѣщенной Европѣ, начали заниматься и занимаются улучшеніемъ участи помѣшанныхъ, такъ какъ у насъ правительство уже обратило на это особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что еще въ 1840 году въ Россіи было болѣе 16,000 помѣшанныхъ, официально извѣстныхъ правительству, наконецъ, такъ какъ это имѣетъ большую занимательность въ физиологическомъ и психологическомъ отношеніи, то взглянемъ слегка на безмысленныхъ, на этихъ существъ, самыхъ ничтожныхъ изъ существъ человѣческихъ.

Есть два рода безумствъ: неврожденное и врожденное; сперва познакомимся съ первымъ.

Иногда человѣкъ съ замѣчательными способностями, съ обширнымъ и глубокимъ умомъ, съ твердою волею, вдругъ становится безнощнымъ, раздражительнымъ, не спитъ ночи, измѣняется въ характерѣ, является суетная дѣятельность безъ велкой, цѣли и вдругъ всѣ его способности слабнютъ и угасаютъ, и человѣкъ впадаетъ въ безумствіе; но рѣдко эта болѣзнь обнаруживается быстро; но болѣе же части она развивается постепенно: или въ старости, отъ одряхлѣнія, когда мозгъ терлетъ свою силу и энергію, въ этомъ случаѣ болѣзнь называється старческое глупство; или же безумствіе развивается какъ слѣдствіе помѣшательства; умъ, сила воли, память и воображеніе мало по малу слабнютъ, и иногда тянутся цѣлые годы, пока несчастный помѣшанный впадаетъ въ безумствіе.

У пораженныхъ безумствіемъ проявленіе душевныхъ способностей чрезвычайно слабое; нѣкоторые изъ этихъ людей могутъ понимать только самые обыкновенные, самые употребительные вещи и предметы; способны только къ механическимъ занятіямъ, гдѣ они работаютъ, не какъ мыслящіе люди, а какъ машины; другіе не могутъ дѣлать даже и этого.

Дѣйствія безмысленныхъ безъ цѣли, слова безъ связи; эти болыи с немогутъ ни понимать, ни сранивать, ни обуживать; не знаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ; впечатлѣнія ихъ слабы, темны, несовершенны, а потому и страстей у нихъ нѣтъ; они не имѣютъ ни желаній, ни отвращенія, ни любви, ни ненависти, ни воспоминаній, ни надеждъ; родныхъ и друзей видятъ безъ удовольствія, разстаются съ ними безъ сожалѣнія, иногда даже не узнаютъ ихъ; радости ихъ не радуютъ, печали не печалятъ, они смѣются ког-

да надобно плакать, плачутъ когда всё веселится.

У этихъ несчастныхъ даже нѣтъ гармоніи между словами и жестами; иной запоетъ веселую пѣсню со слезами на глазахъ, съ видомъ чело­вѣка сильно опечаленнаго; другіе гово­рять цѣлыя фразы безъ всякаго выраженія, не дають значенія и въсю словамъ и въ то же время дѣлаютъ жесты совершенно противо­рѣчащіе тому, что говорятъ они.

Безмысленные сохраняютъ способность говорить, но по недостатку памяти говорятъ не полныя фразы или не оканчиваютъ того,

что хотѣли сказать, или выпускаютъ нѣ­скольکو словъ въ срединѣ рѣчи, или же смѣ­шиваютъ слова въ безсвязицу.

Письмо безмысленныхъ тоже замѣчатель­но: во фразахъ выпущены слова, въ словахъ буквы, написано душно, почти невозможно разобрать, строка идетъ на строку, слово на слово, смысла нѣтъ; одно и то же слово одна и та же буква повторяется нѣсколько разъ безъ всякой цѣли и не имѣя ни къ чему никакого отношенія.

Память этихъ больныхъ не повторяетъ имъ полученныхъ впечатлѣній, воли у нихъ нѣтъ, они не дѣйствуютъ, не рѣшаются; по повину­ются безосознательно, дѣйствуютъ такъ какъ имъ велятъ; ихъ повиновеніе страдательное, рѣшимость безъ цѣли: пустая; эти больные чрезвычайно уступчивы; они игрушки тѣхъ, которые хотять играть ими.

Если безмысленныхъ раздражать, то они сердятся; во ихъ вспыльчивость мнѣтная: ихъ органы слишкомъ слабы, чтобъ дѣйстви­вать хоть въ чемъ нибудь долго и постано­вляя.

Если нужно что нибудь сдѣлать, то эти жалкія существа не разсуждаютъ, какъ сдѣ­лать, такъ или иначе: для нихъ всегда и все, все-равно; они чужды всему ихъ окружаю­щему, чужды самимъ себѣ, не беспокоятся о своихъ потеряхъ и лишешяхъ, происшествія жизни для нихъ не существуютъ; если ихъ собственное положеніе несносно, тягостно, то и тогда они не могутъ ничего сдѣлать, что бы его улучшить.

Безмысленные хотя имѣютъ и сохраняютъ полное физическое развитіе; по дѣйствіе голо­вного мозга и нервовъ у нихъ въ ослабле­ніи, въ оупѣни, безъ силы, безъ энергіи.

Лицо этихъ людей по большей части блѣд­ное одутлое, обвислое; глаза мутные, влаж­ные, слезящиеся; взглядъ блуждающій, зрачки разширены, физіономія глупая, улыбаю­щаяся или кислая безъ великаго выраженія; слюнявость, неоплатность, тѣло тощее, сла­бое, кожа въ морщинахъ, пѣкаторы же боль­ные бывають довольно тучны, съ краснымъ лицомъ и короткою, толстою шею.

Форма головы часто не совѣтъ правиль-

ная. Соплявость, лѣпость, прожорливость, походка медленная, движенія вялыя; естествен­ныя жужды часто совершаются не произ­вольно и поэтому безмысленные распростра­няютъ около себя зловоіе.

Между этими несчастными есть такіе, ко­торые всегда повторяютъ одно и то же утом­ительно-однообразное движеніе: иной прово­дитъ мѣсяцы, даже годы сидя на одномъ мѣ­стѣ, то поднимая, то опуская свои плеча; дру­гой свернувшись лежитъ какъ животное; тре­тій стоитъ на колѣнахъ и кланяется; иные безпрестанно твердятъ какія нибудь слова

или шевелятъ губами, бормочутъ, урчатъ; другіе качаются взадъ и впередъ сидя на сво­ихъ деревянныхъ диванахъ; тотъ, день и ночь хлопаетъ въ ладоши и дѣлаетъ гримасы, а тотъ, то плачетъ то смѣется, то поетъ, то начнеть завывать.

Не рѣдко безмысленные бывають соедине­ны съ параличемъ, который сперва обнару­живается въ языкѣ; большой начинаеть съ тру­домъ выговаривать пѣкаторыя слова, какъ будто заикается; послѣ поражаются парали­чемъ мускулы задерживающіе ехстемента, по­томъ пищевое горло и черезъ это затрудняет­ся глотаніе; наконецъ, параличъ распростра­няется дальше, походка становится затру­дительною, слабою, перовою; руки начинають дѣйствовать вяло, и иногда это полупаралич­ное состояніе развивается по всему тѣлу и по­этой причинѣ, несчастные безмысленные са-

даясь у огня, иногда сильно обжигаютъ свои члены, тупо чувствуя въ нихъ боль, и будучи не въ состояніи отодвинуть отъ огня обгора­ющую руку или ногу; отъ этого же паралич­наго состоянія они иногда падаютъ съ пос­теди при вставаніи, задушаются кусками пи­щи, которыхъ не могутъ проглотить. Къ до­вершенію всѣхъ бѣдствій, многіе безмыс­ленные страдаютъ паучей болѣзнию.

Головной мозгъ безмысленныхъ довольно часто бываетъ измененъ; иногда весь; а чаще мѣстами размягченъ или отвердѣлъ, мозговые завитки малы, чахлы; внутри мозга слѣды бывшихъ крово-изліяній, изліянія пасоки въ желудочки и въ вещество мозга, сращенія мозговыхъ оболочекъ, утолщеніе и тонокость костей черепа, неправильность формы череп­ной полости, и множество другихъ измѣне­ній; но какаѣя причина собственно произво­дитъ безмысленіе, это до сихъ поръ извѣстно одному Богу!

Не правда ли, тяжело смотрѣть на безмыс­ленныхъ; тяжело знать, что это были тоже люди; какъ и всѣ, владѣли умомъ, строили планы на будущность, мечтали о славѣ, о почестяхъ, о богатствахъ, мечтали оставить послѣ себя безсмертное имя генія; въ нихъ также кипѣли страсти, желанія, надежды; они также любили и невидѣли, также гордились своими дѣйствительными и мнимыми достоинствами—и куда все это дѣвалось? Пре­вратилось въ автомата, въ живую грязную массу, въ отвратительную, массу.

Великій урокъ гордынь человѣческой!

Теперь взглянемъ на «безмысленіе врожденное», взглянемъ на «Идіотовъ».

Прежде смѣшивали безмысленіе неврожден­ное и идіотство; но между ними, не смотря на видное сходство, огромная разница.

Безмысленіе неврожденное есть болѣзнь; — безмысленіе врожденное, или идіотство, ес­тественное совершенство въ развитіи организма.

Первое, хотя весьма рѣдко, но иногда изле­чивается; послѣднее никогда.

Несчастные, сдѣлавшіеся безмысленными физически, развиты правильно и совершенно; они пользовались душевными способностями и такъ сказали пережили свои способности; въ нихъ остались слѣды чело­вѣка совершеннаго: это богачи, ставшіе бѣдняками; а идіоты развиты физически несовершенно и уродливо; у нихъ никогда не было достаточ­наго проявленія душевныхъ способностей; они всегда были жалкіи и ничтожны.

Пришедшие въ безмыслие могутъ жить довольно долго; ихъ болѣзнь можетъ измѣняться, ожесточаться и облегчаться; у нихъ развиты проводники ума и другихъ способностей, но эти проводники болѣзненно измѣняются, ослабли; идиоты рѣдко переживаютъ за 30 лѣтъ; они всегда въ одномъ состоянн и никакая сила не сдѣлаетъ ихъ умными, потому что проводники мысли, или неразвиты, или искажены.

одна короче другой; походка перовная, утиная, трудная; кожа на тѣлѣ толстая, грубая, малочувствительная; ослзаніе туное; обонянн и вкуса почти нѣтъ.

Идиоты вообще обжорливы; они жуютъ все, что попадетъ въ ротъ: солому, бѣлье, бумагу, траву, мочалки, и другіе нечистые предметы; пьютъ болотную воду, помои; валяются въ нечистотахъ не чувствуя отвѣса.

Они неловки, неспособны; часто, если хотятъ что либуъ взять, то протягиваютъ руку не прямо, но долгорука блуждаютъ прежде, нежели конвульсивно схватитъ предметъ, и часто схваченное не могутъ удержатъ.

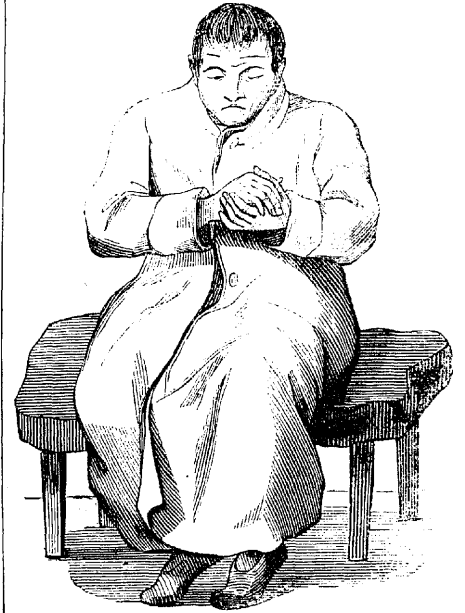
У многихъ идиотовъ одинъ крикъ для выраженія прнѣтнаго и непрнѣтнаго; рѣдкіе между ними перенимаютъ нѣкоторые слова для выраженія первыхъ нуждъ своихъ.

Большая часть этихъ несчастныхъ существъ похожи на заведенныя машины: нной вѣчно ходитъ вокругъ одного и того же мѣста; другая лжетъ стѣну; третій пересынаетъ съ руки на руку схваченный имъ песокъ; четвертый грызетъ свой стулъ; пятая цѣлую жизнь свою, то присѣдаетъ то выпрямляется. Многие изъ нихъ не умѣютъ ни одѣться, ни раздѣться; не знаютъ какъ пройти въ столовую, не умѣютъ черпать ложкой, жуютъ только тогда когда пищу положить имъ въ ротъ; едятъ гдѣ ихъ посадятъ, лежатъ, гдѣ положатъ, удовлетворяютъ естественнымъ нуждамъ, гдѣ поало,—чувства стыда у нихъ нѣтъ.

У нѣкоторыхъ идиотовъ нѣтъ ощущеній: ни удовольствія, ни боли; они не обнаруживаютъ даже голода; даже кусаютъ себя, на-

тѣла и поэтому иногда сами себя уродуютъ.

Если идиоты дѣлаются больными ли они или нѣтъ; лежатъ свернувшись, не показывая никакого страданія, не даютъ ни одного знака, по которому бы можно было судить, что они больны и что у нихъ болитъ, и часто умираютъ въ такомъ состоянн, что нельзя податъ помощи.

Безмыслие неврожденное поражаетъ человека послѣ его физическаго и моральнаго развитія. Идиотство начинается съ рожденіемъ на свѣтъ или въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, до развитія способностей.

Въ черепахъ людей, сдѣлавшихся безмысленными, встрѣчаются измѣненія болѣзненные; въ черепахъ идиотовъ недостатки и пороки организаціи.

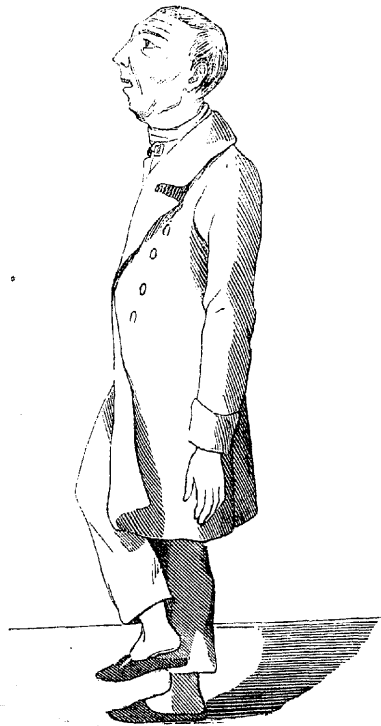
Въ безмыслии неврожденномъ виденъ человекъ, потерявшій свое бывшее величіе; въ идиотствѣ, видѣнъ человѣческій образъ на существѣ, которое всегда было, есть и будетъ ниже безсловесныхъ животныхъ.

У идиотовъ нѣтъ ни понятій, ни воображенія, ни сужденій; даже самый шестникъ у нихъ ослабленъ, не развитъ. У идиотовъ даже нѣтъ самопознаанія, нѣтъ своего я.

Большая часть этихъ несчастныхъ не умѣютъ говорить, не умѣютъ составить ни одного слова; да и начто имъ слова? Словами передаютъ мысли, а у нихъ нѣтъ мысли; имъ говорить не о чемъ; они чужды всему; они вѣдопки, выброшенныя природою изъ цѣпи существъ мыслящихъ.

Голова идиотовъ неправильна: или очень велика или очень мала; лицо тоже неправильно: то вытянуто панскосъ, то сплющено; лобъ малъ; часто одна сторона лба выдѣлась больше другой, или онъ весь сдвинутъ назадъ; темя или приплюснато или клиномъ; затылокъ не круглый; глаза не равномѣрные: одинъ больше другаго, косые; губы толстыя, большія; ротъ широкій, слюнявый; десны рыхлыя, зубы матовые, нечистые; чувства тупыя; не рѣдко слѣпота или глухота; голосъ хриплый; вмѣсто словъ, произносятся только острые, непрнѣтные звуки и рычанія.

Формы тѣла идиотовъ тоже неправильны: руки иногда разной длины, изворочены, кривы, чахлы; пальцы сведены; ноги,

рапаютъ, не показывая боли. Одна идиотка потемъ проткнула себя щеку; долго забавлялась, всунувши палецъ въ эту рану, и кончила тѣмъ, что разодрала свою щеку до угла рта. Эти несчастные не понимаютъ въ ихъ ли тѣлѣ боль, которую они чувствуютъ, не знаютъ, имъ ли принадлежить часть

Между идиотами есть не мало золотушныхъ, подверженныхъ англійской болѣзни, надучей и парализу.

Должно ли называть идиотовъ людьми? Это какіе-то уроды, послѣднн человѣческой образъ, народія на человѣчество.

Но вотъ что странно: большая часть идиотовъ и идиотокъ имѣютъ склонность къ музыкѣ, и услышавши нѣсколько разъ какую нибудь пѣсню, повторяютъ въ тактъ звуки, не смотря на то, что не умѣютъ говорить.

Въ черепахъ идиотовъ которые относительно къ росту тѣла или велики, или очень малы (чаще), по большей части встрѣчаются сильныя пороки; мозгъ малъ, затвердѣлъ, или иногда представляеть видъ вашины; извилки мозга плоски, малы, малочисленны, отдалены другъ отъ друга; боковые желудочки мозга какъ-бы стянуты; даже случалось, что вмѣсто верхнихъ долей мозга находили безформенную полужидкую, полустуденистую массу, къ классу идиотовъ можно прибавить еще двѣ странности въ физическомъ и моральномъ устройствѣ человека; это: «Кретныи и Альбиносы;» у тѣхъ и другихъ душевныя способности по большей части бываютъ слабы, тупы, ничтожны.

ГРАВИЮРЫ :

№1. Этотъ человекъ пользовался умомъ, но несчастная страсть къ вину довела его до помѣшательства, которое въ теченіе 7 лѣтъ перешло въ совершенное безмыслие. Лицо этого большаго блѣднаго, одутаго, глаза безъ выраженія; онъ по большей части лежитъ на правомъ боку, на полу; изрѣдка встаетъ, кружится нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и топаетъ ногами, повторяя: «дули, дули,

пика, ух! ух!» и; потом снова ложится; ѣсть очень много и почти всегда; три пальца правой руки держит во рту.

№2. Девушка, обманутая своим любовником; она еще мо лода, впаала въ совершенное безсмысліе ничего не говорить, глухо улыбається, когда ее спрашиваютъ, или проходятъ мимо ея; обжорлива, ѣсть всякія нечистоты и гадости, не узнаетъ своей комнаты, ложится на чужія постели.

№3. Чухонецъ идіотъ; голова его, какъ видно изъ рисунка, неправильна темя подиалось конусомъ; глаза косы, малы; на лицѣ всегда глупая гримаса; онъ не умѣетъ говорить; иногда хлопаетъ въ ладоши, а по большей части, положивши обѣ ноги на деревянный диванъ, качается съ переклада надъ, произноситъ во временахъ острия, неприятныя вскрикиванія. Прежде онъ всѣмъ грызъ ручки у своего дивана, но теперь отвыкъ.

№4. Идіотка. Голова ея очень велика, но неправильна; лобъ большой, широкій, выпуклый и, выпуклость лѣвая больше правой. Уголъ лица болѣе 90 градусомъ, глаза косые, физиономія конульсивная, лѣвая сторона тѣла въ полупараличномъ состояніи. Эта болная умѣетъ произносить «па-па-мама» и запомнила голось одной пѣсни.

№6. Идіотъ. Лобъ его сдвинутъ назадъ, темя приплюснуто и вообще черепъ уродливъ руки разной длины; тотъ несчастный ничего не умѣетъ говорить и глухъ; табакъ ѣсть съ жадностью; онъ всегда переступаетъ съ ноги на ногу, фыркаетъ, плю, поднимая голову вверхъ поетъ: у — у! и, въ этомъ проходитъ вся его жизнь.

№5. Идіотъ. Голова его какъ-бы сдвинута назадъ; прочіе члены довольно пропорціональны; лицо не выражаетъ ничего; этотъ идіотъ иногда забавляется, скрежеща зубами говорить не умѣетъ и только произноситъ «ба — ба — ба», повторяя это при всякомъ случаѣ. Онъ однакожъ умѣетъ воровать. За воровство одинъ помѣшанный хотѣлъ его поколотить, идіотъ въ борьбѣ упалъ и сломалъ себѣ руку; во время операций перевязокъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго чувства боли.

И. Миллюсовскій.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

(Изъ записокъ З. Ф. Кербера).

чума 1710 года.

Въ 1710 году въ царствованіе Императора Петра I. Когда Русскія войска подъ начальствомъ генерала Бауера, осаждали Ревель, въ Эстляндіи, въ Великомъ округѣ, открылась чума. Быстро и сильно распространилась она по всей губерніи, и 2-го Августа того же года перешла въ Ревель. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ она занесена была въ этотъ городъ, но первые признаки чумы оказались въ домѣ ландрата Киппера, на четырнадцати-лѣтней дѣвцѣ Елизаѣ Бухау, родной племянницѣ Киппера. Приглашенный для леченія этой дѣвочки докторъ Миллюсъ, осматривалъ ее, открылъ у ней чумную желѣзу за ухомъ. Слѣдствіе суждено по этому случаю распорядился, онъ въ тоже время, 2-го Августа 1710 года, донесъ о зараженной главному бургомистру города. Въ Магистратъ былъ собранъ по этому случаю совѣтъ и рѣшено было послать въ домъ ландрата Киппера, для освидѣтельствованія больной, двухъ медиковъ, штатфизика Гапеля и доктора Пордстрема. Они осматривъ больную,

объявили, что дѣвочка Бухау имѣетъ простой кровяной нарывъ, и что опасаться на счетъ ея болѣзни нечего. Однако же, не смотря на это, дѣвочка Бухау умерла, а въ садѣ за нею, чрезъ шесть дней, и всѣ живущіе въ домѣ ландрата Киппера, одинъ за другимъ вымерли, исключая одной пятидесяти-лѣтней старухи, которая осталась въ живыхъ.

Необыкновенная смерть эта заставила во второй разъ доктора Миллюса войти съ представленіемъ въ Магистратъ о принятіи предосторожностей отъ появившейся въ Ревелѣ чумы; но Магистратъ снова, по совѣту штатфизика Гапеля, не принялъ никакихъ спасительныхъ мѣръ, и болѣзнь эта быстро распространилась по Ревелю. Наконецъ, 24-го Августа, Магистратъ по просьбѣ городского духовенства, позволилъ назначеннымъ отъ консисторіи проповѣдникамъ хоронить умершихъ отъ чумы на особомъ кладбищѣ и накрывать ихъ при погребеніи чернымъ покровомъ, а выѣсть съ тѣмъ принялъ строгія мѣры къ отвращенію этого несчастья; но было уже поздно.

Сначала, какъ видно изъ хранившихся въ Ревельскомъ Магистратѣ списковъ, записывали число умирающихъ, но съ 12-го Сентября 1710 года до 5-го Января 1711 года этихъ списковъ не имѣется, ибо число несчастныхъ жертвъ отъ чумы было такъ огромно, что не было никакой возможности записывать ихъ; имѣются только донесенія тамошняго духовенства, что по случаю множества умершихъ, она не можетъ соблюдать обряды похоронныя, и что не достаетъ ни гробовъ, ни носильщиковъ мертвыхъ тѣлъ.

Время это было ужасное. Магистратъ распустилъ роту солдатъ, содержимыхъ на иждивеніи его, ибо изъ числа 50 человекъ, составившихъ эту роту, остались только въ живыхъ 15 человекъ. И, къ довершенію несчастья, въ это-же время генералъ Бауеръ съ русскими войсками осаждалъ Ревель.

Ревельское рыцарство, стесненное осадой, чумою и голодомъ, принуждено было войти въ представленіе чрезъ шведскаго вице-губернатора, Графа Горна, къ королю Карлу XII. Оно просило короля шведскаго принять рѣшительныя мѣры къ снятію осады, ибо состояніе города дошло до ужаснаго положенія. «Чума свирѣпствуетъ» писало рыцарство: «цѣлымъ семейства вымираютъ, общественныя связи разрываются до того, что родители боятся и убѣгаютъ дѣтей своихъ; бѣдныя остаются непохороненными, и не только въ домахъ, но и на улицахъ лежатъ мертвыя тѣла, которыхъ нѣтъ возможности, по множеству ихъ, хоронить.»

Карлъ XII, занятый войною и стѣсненный обстоятельствами, не отвѣчалъ на представленіе Ревельскаго рыцарства, и наконецъ, уже 30-го Сентября, городъ началъ просить у русскаго генерала Бауера капитуляціи, а накануне сдачи города русскимъ войскамъ, остатокъ шведскаго гарнизона съѣлъ на судъ и отправился въ Швецію.

Когда генералъ Бауеръ вступилъ въ Ревель, и принялъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ чумы, болѣзнь эта мало-по-малу стала уменьшаться, такъ, что 20-го Января 1711 года зараза совершенно прекратилась и сообщеніе города съ другими мѣстами было возобновлено.

Изъ исчисленій, доставленныхъ Магистратомъ генералу Бауеру, видно, что въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, съ 2-го Августа 1710 года до 20-го Января 1711 года умерло: 11,990 чел.

Заразу сію должно причислить, говорить докторъ Керберъ, къ настоящимъ восточнымъ чумамъ. Возникшая, въ 1703-мъ году, въ Венгріи, она въ 1705-мъ году явилась въ Польшѣ; въ 1706, черезъ Торнъ, перешла въ Данцигъ и другія мѣста Пруссіи. Отсюда занесена она была, въ 1709 году, въ Дидландію. По наблюденіямъ доктора Кербера, она обнаруживалась чрезвычайнымъ, жгучимъ жаромъ, соединеннымъ съ сильною годовною болью и большою слабостью желудка, доводившею больного до безчувствія. Все это сопровождалось обыкновенно помѣшательствомъ ума. Лицо больного обезображивалось; всѣ они имѣли желѣзы въ мягкихъ мѣстахъ и

на шеѣ; немногіе имѣли карбункулы. Переломъ былъ на четвертый или на пятый день. Изъ имѣвшихъ желѣзы въ мягкихъ частяхъ тѣла оставались въ живыхъ немногіе, еще меньшее число изъ тѣхъ, у которыхъ были желѣзы на шеѣ, а съ карбункулами умирали всѣ.

Изъ всей Эстляндіи Ревель пострадалъ больше всѣхъ. Острова Даго, Руюз, Наргенъ и Вульвъ и имѣніе графа Палена остались незараженными. Островъ Вормсъ лишился немногихъ жителей.

Замѣчательно, что послѣ чумы въ 1711-мъ году, въ теченіе пяти дней, сочеталось въ Ревелѣ, въ приходѣ церкви св. Николая, бракомъ 84 пары, тогда какъ въ этой церкви въ 1700 году было обвѣнчано только 18 паръ, въ 1706 — 11 п. и въ 1710 — 15 паръ.

АНЕКДОТЪ.

Вотъ одно изъ рѣдкихъ психологическихъ явленій, извѣстныхъ мнѣ изъ разсказовъ чловека, бывшаго очевидцемъ происшествія и смотрѣвшаго на него вовсе не глазами ученаго наблюдателя.

Въ незабвенный 1812 годъ 4-го Августа предъ сраженіемъ подъ Смоленскомъ, 6-го Корпуса Генералу Доктурову, который назначенъ былъ сдѣлать на другой день корпусъ Раевского, приказано было всѣмъ больнымъ и раненымъ, находившимся при ротахъ, отправиться въ обозъ, трудно было сдѣлать это, не употребивъ мѣръ строгости. Всѣ солдаты хотѣли драться и грубую своею отстоятъ «Ключъ въ Россію» (такъ обыкновенно называли тогда Смоленскъ). Съ слезами не притворной горести должны были повиноваться солдаты, назначаемые. Начальствомъ за слабостію здоровья въ обозъ. Изъ числа такихъ откомандированы были Либавскаго пѣхотнаго полка, (что нынѣ Принца Карла Прусскаго) Уитеръ-офицеръ Язевъ и старшій Ефрейтеръ Макаренко. Они были совершенно здоровы, но должны были слѣдовать туда по волѣ Начальника, любившаго и старавшагося сберечь ихъ, какъ храбрыхъ и отличившихся солдатъ, годныхъ всего болѣе для обученія рекрутовъ; они тужили, плакали, умаивали оставше ихъ и шептали въ дѣло: но обязанности свои Командиромъ, что дѣло только начинается, и что при болѣе важномъ случаѣ ихъ не забудутъ, отправившись въ обозъ, продолжалъ горевать и събова. 5-го Августа, когда вся рота находилась въ стѣнкахъ съ 4-хъ часовъ утра до 9-ти вечера, потерявъ убитыми только 2-хъ человекъ и имѣя раненыхъ 33, донесли ротному Командиру, что Язевъ и Макаренко, отправленные въ обозъ, умерли оба въ одно и тоже время тихо и спокойно, безъ всякой посторонней причины. Изъ разсказовъ больныхъ, находившихся съ ними въ обозѣ, видно было только, что они тосковали и крѣпко порывались въ битву.

Викторъ А.—ій.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Русскій театръ. Въ четвергъ, 15 ноября, въ бенедисъ г. Каратыгина м., даны будутъ саблюдюція піесы: 1) Виць-Мундиръ, водев. въ 1 акт. 2) Нечего дѣлать, ком. съ куплетами, переводъ съ Французскаго, П. Каратыгина. 3) Желскій Эгоизмъ или не шути огнемъ, обожжешся, вол. въ 1 акт. и 4) Поль и Полина или братья за сестру, сестра за брата.

Италянскій театръ. Въ субботу 17-го ноября, въ бенедисъ г. Боріоне, пойдетъ въ первый разъ опера Beatrice di Tenda, опера Беллини.

ПЕРЕПИСКА.

Г. П. Р.—ну. Съ присробиємъ пѣвѣшаемъ, что находимъ Ивана Андреевича ужаснымъ волокитой, а вдовушку Людмилу прегордой женщиной. Печотимъ мы съ ними знакомить другихъ. Впрочемъ если бы побольше отдѣлки, не той отдѣлки отъ которой Боже васъ упаси, и которую заплываютъ они судьи строгіе, справедливые, безпристрастные, ученые, и доброжелательные, вѣтъ, а отдѣлки художественной, тогда можетъ быть мы бы помприлисъ и съ героемъ и героиней.

Г. С. Р.—ву. Приказаніе ваше въ точности исполнено.

Г. Н. З.—рову и И. М.—скому. Съ удовольствіемъ прочитали мы ваши стихотворенія. Не мы, а наши читатели выскателны, и мы и они правы. Мы однакоже надѣмся, что современнѣе а можетъ быть и скоро, Иллюстрація подѣлится съ читателями спонимъ піесами вашихъ музъ. Все растетъ и эрѣстетъ на свѣтѣ...

Н. Н. На письмо отъ 8-го ноября. Мы сами замѣтили въ Странствователѣ превращеніе г. Соловцова во французскую даму, но все таки благодаримъ за указаніе.

Г. С.—ву. Мы слышали, что въ одной редакціи требуется отдѣлывать; собственныхъ сидѣтъ нехватаетъ. Вотъ вамъ вакансія; а мы не пуждаемъся. Мы никого не хотимъ отдѣлывать. Длинная процессія.

О. П. Idem.

А. А. О.—му. Мы чѣмъ виноваты, что вы и дождь пошли по Исакиевской площади; что дождь подмочилъ ваши подошвы, вы купили отъ насморка калоши, въ одномъ изъ трехъ магазиновъ и не замѣтили хорошенько въ которомъ именно, Правостранная претензія, чтобы Иллюстрація объявила во всеуслышанье о приключившемся вамъ несчастіи. Зачѣмъ вы носили калоши въ дождливое время; калоши расклеились; виноваты не магазины, а дождь, слякоть и вы, потому что не умѣли сберечь калоши. Впрочемъ вы ихъ носили, какъ пишете три дни; въ день по рублю серебромъ износить—это много; видно вы много гуляете. Потеря на калошахъ, за то выиграшь въ эдорушѣ. Покупайте лучше не промокать сапоги! И легче и обойдется дешевле... Но если и съ сапогами случится несчастіе, то пожалуйте замѣтьте какой, сапожникъ ихъ дѣлалъ...

S. S. I Lombardi alla prima crociata.

О. Наймите квартиру не подъ, а надъ вашимъ сосѣдомъ и танцуйте мазурку.

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

КАРТИНЪ И ЭСТАМПОВЪ,

ДАЦИАРО.

на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади.

На текущей недѣлѣ поступилъ въ продажу: Коллекція портретовъ Великихъ Князей, Царей и Императоровъ Всероссійскихъ отъ Юрика до настоящаго времени. 67 портретовъ. 10 руб. сер. тщательно раскрашенныхъ. 20 — —

Поѣздъ Государыни Императрицы Всероссійской (соч. и лит. Сверчковъ). 50 коп. сер.

Очерки, (Сюжисъ) Сверчкова, представляющіе разныя упрямія лошадей въ саняхъ и дрожкахъ 2 листа N 17 и 18. по 75 коп. сер.

* Русскія сцены, соч. и лит. Плаховымъ: Отдыхъ на поковъ, Ильина, Сенякъ, 5 листа каждый по 75 коп. сер. Русскій Альбомъ, лит. въ Парижѣ. 12 листовъ каждый по 75 коп. сер.

СОДЕРЖАНІЕ VI ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 12 ПОЛЮБЯ.

Аналитическій разборъ предметовъ, входящихъ при разсмотрѣніи о воздухѣ.

Изминяющіе дѣятеліи атмосферы:

Гроза: мѣры предосторожности; пособія пораженнымъ громомъ. Свѣтъ: средства къ отвращенію вреднаго дѣйствія естественнаго и искусственнаго свѣта. Периодичность: совѣты, какъ себя держать во время сутокъ, въ которые совершаются важнѣйшія отправленія жизни.

Предохранительныя средства къ очищенію воздуха, портиающагося въ открытыя мѣстахъ, спертномъ пространствѣ и отъ вліянія ердыныхъ газосвъ.

А. Мѣры опытыя, основанныя на здравомъ разсудкѣ.

Собразное построеніе жилищъ, провѣтриваніе, безусловная чистота внутри и внѣ жилищъ, споевременное и правильное очищеніе различныхъ мѣстъ, осторожность при газосвъщеніи, предохраненіе отъ вредныхъ испареній въ различныхъ заведеніяхъ.

В. Мѣры, дарованныя наукою.

Механическая. Дыхательныя трубки; уголь, гинлушии, сажь.

Химическая. Хлоръ, кислоты, щелочи.

Мѣшаныя. Огонь.

Профилактика или предохраненіе отъ заразительныхъ болѣзней вообще.

Общія предосторожности. Истребленіе источниковъ зараженія. Лазарети, карантинны, очищенія. Предохраненіе специфическое, или собственно-дѣйствующее.

LIBRAIRIE

de

F. D. BELLIZARD ET CIE.

Perspective de Nevsky, maison de l'Église Hollandaise.

EN VENTE :

ALMANACH DE GOTHA POUR 1846.

Un joli vol. in-18, orné de six portraits, élégamment cartonné. 1 rbl. d'arg.

Franc de port par la poste. 1 rbl. 50 c. d'arg. THE KEEPSAKE for 1846, edited by the Countess of Blessington. Un magnifique volume in-8, orné de treize gravures sur acier, cartonné, doré sur tranche. 7 rbl. 15 c.

HEATH'S BOOK OF BEAUTY for 1846. Un magnifique vol. in-8, enrichi de treize gravures sur acier, cartonné, doré sur tranche. 7 rbls. 15 c.

FISHER'S DRAWING ROOM SCRAP-BOOK for 1846. by the hon. Mrs Norton. Un beau vol. in-4, orné de 36 gravures, cartonné, doré sur tranche. 8 rbls.

THE JUVENILE SCRAP-BOOK for 1846, by the author of «The Women of England.» Un joli vol. in-8, orné de seize gravures, cartonné, doré sur tranche. 3 rbls. 50 c.

THE ROSE GARDEN OF PERSIA, by Louisa Stuart Costello. Londres 1845. Un beau vol. in-8, orné d'encadrements et de vignettes en couleur à la manière orientale 6 rbls.

LE JUIF ERRANT,

par EUGÈNE SUE.

ÉDITION ILLUSTRÉE DE PARIS (dessins de Gavarni, gravures de MM. Best, Leloire, Hotelin et Regnier). L'ouvrage complet formera 4 volumes gr. in-8, et sera publié en 80 livraisons. 12 rbls. Franc de port par la poste. 15 rbls.

Les tomes 1, 2 et 3 ont paru.

ÉDITION ILLUSTRÉE DE BRUXELLES (dessins de Hendricks, Huard, Kreins, Lauters, Lehon, etc). L'ouvrage complet formera trois volumes de 400 à 450 pages gr. in-8, et coute 8 rbls. Franc de port par la poste. 10 rbls.

ÉDITION COMPACTE DE BRUXELLES (à deux colonnes gr. in-8, avec vingt gravures sur bois tirées séparément) publiée en 100 livraisons. 4 rbls. Franc de port par la poste. 5 rbls.

ÉDITION DE BRUXELLES en dix volumes in-18. 6 rbls. Franc de port par la poste. 8 rbls.

ÉDITION «OMNIBUS» en 18 volumes in-18. 2 rbls 30 c.

Franc de port par la poste. 3 rbls. 50 c. (Les deux derniers volumes de l'édition Omnibus seront reçus incessamment).

Le prix des NOUVEAUTÉS publiées à BRUXELLES in-18, reste invariablement fixé à 60 cop. argent le volume.

Les volumes de l'OMNIBUS LITTÉRAIRE à 40 cop. ass. le volume.

Les ouvrages qui font partie de la BIBLIOTHÈQUE LITTÉRAIRE publiée à Bruxelles, se vendent également à 40 cop. ass. au lieu de 30 cop. argent (1 r. 5 cop. ass.) annoncé dans les Catalogues les plus récents.

И Г Р Ы.

ШАХМАТЫ.

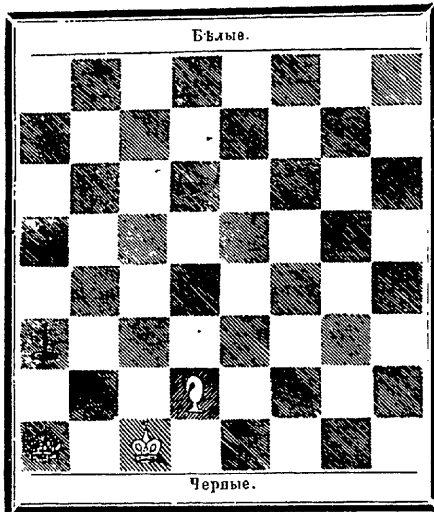
РАЗРЕШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 29.

Бѣлые. Черные.
1) Сл. что на бѣломъ Ф. бер. Сл.
на 6 м. Кор.

2) Кощ беретъ слона
Какой угодно ходъ. Лучшій: Сл. что на бѣломъ на 4 м. Л. Ф., тогда по-крайней-мѣрѣ не будетъ мата пѣшкой.

3) Ф. беретъ Слона и Матъ.

БѢЛЫЕ ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 6-ТЬ ХОЛОВАЪ.

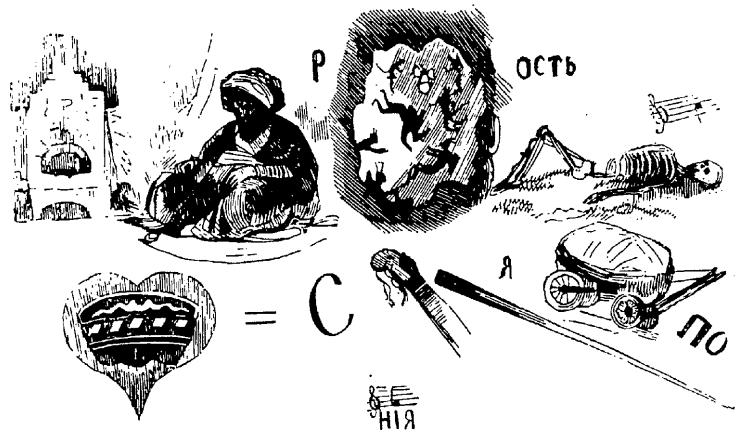

РАЗГАДКА № 30.

1) На трозвѣй — лошади — въ Ц, — домъ — округъ — Ъ, на шемъ.

2) Нѣтъ рѣзвой лошади въ нѣдомъ округѣ шемъ.

ЗАГАДКА № 31.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Два пѣтриги, современность, П. Ф. — 2) Феррейскій замокъ, П. Дега. — 3) Путевыя замѣчанія. — 4) Россійское морское и рѣчное страховое общество. — 5) Ежедѣльникъ. — 6) Странствователь. — 7) Библиографія. — 8) Это также люди, Малновскаго. — 9) Историческіе матеріалы. — 10) Анекдотъ. — 11) Театральный вѣстникъ. — 12) Череписка. — 13) Объявленіе Даниаро. — 14) Объявленіе: лекціи о Гигіенѣ. — 15) Объявленіе Белизара. — 16) Игры. — 17) Шахматы. — 18) Загадка. — 19) Подписка.

ГРАВЮРЫ: 1) Феррейскій замокъ. — 2) Комната Вольтера. — 3) Два вида Казани. — 4) Колонны у новаго бульвара въ С.-Петербургѣ. — 5) Часы. — 6) Капръ. — 7) Ціотовъ (6-ть гравюръ). — 8) Шахматы. — 9) Загадка. Всего 15-ть гравюръ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ПРИНИМАЕТСЯ

Въ С. Петербургѣ: Въ Редаціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгартъ, и Псакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевой и у книгопродавца Свѣтчикова. — Одессѣ: Въ Библиотекѣ для Чтенія и продажи книгъ Золотова и Тотти.

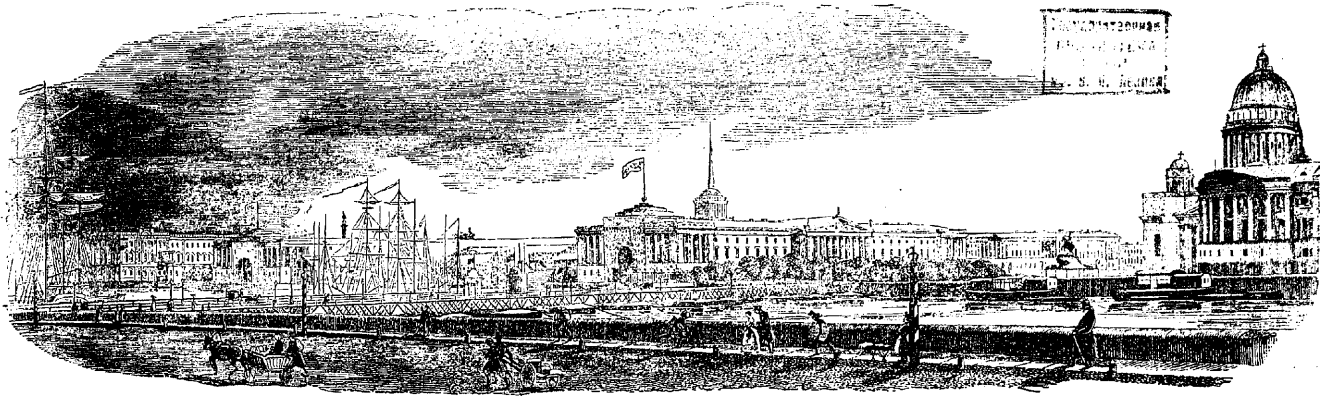
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	Безъ пересылки и доставки:	Съ пересылкою и доставкой:
на 1846-й годъ: 48 номеровъ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 700.	10 р. сер.	11 р. 50 к. сер.
Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучать слѣдующіе имъ за первые три мѣсяца 1846 года номера и при возобновленіи своихъ билетовъ, вносятъ только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по	7 р. 50 к. сер.	9 р. — —
Желающіе получить 1 томъ Иллюстраціи за 9 мѣсяцевъ 1845 года, заключающій 36 номеровъ 72 печ. листа съ 500 гравюръ, платятъ	7 — 50 — —	9 — — —
Утратившіе отдѣльные номера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, вънося особо за каждый номеръ.	— — — —	— 25 — —

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 44 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 52. — СУББОТА, 17 НОЯБРЯ 1845.

Безъ доставки На годъ 10 руб. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ДРАМАТУРГІЯ.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА.

Вкусъ человѣка похожъ на своего хозяина. Онъ отъ природы дикъ, ненормаленъ, буйный; сживается съ обществомъ, испытываетъ различное вліяніе вѣщихъ предметовъ; измѣняется, согласуясь съ ними, и оттого ни человекъ, ни его вкусъ никогда не бываютъ одни и тѣ же; сегодня правится одно, завтра другое. Все это давно извѣстно: но отъ чего же есть вещи, которыя правятся всегда, почитаются образцовыми, служатъ академіей для художниковъ того же искусства? отъ чего же Венера Медичейская и Дошъ Жуанъ Моцарта признаются такъ давно образцами и никто этого не оспаривалъ? Потому, смѣемъ думать, что есть вѣчная красота, понятная отъ дикаря до германскаго философа, отъ варвара до утонченнѣйшаго знатока. Въ музыкѣ это явственнѣе, нежели въ другихъ искусствахъ; въ музыкѣ нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ. Въ живописи и литературѣ вкусъ своевольничаетъ; сегодня презираетъ Пуссейомъ и Шекспиромъ, завтра ставитъ ихъ на высшую художественную ступеню, послѣ завтра они лежатъ съ этой лѣстницы, чтобы опять взбѣжать туда же; въ музыкѣ этого не случается; тамъ другое явленіе; тамъ національность иногда препятствуетъ общей извѣстности, но временно; достоинство достигаетъ быстро заслуженнаго торжества. Нѣтъ ничего смѣшнѣе этихъ исключительныхъ любителей того или другаго рода музыки; если иной жалуетъ италянскую, то ужъ достается отъ него вѣмской и французской; еще забавнѣе Германцы, когда говорятъ или пишутъ о музыкѣ Италіанской. Подумаетъ съ Гюманомъ, что италіанское пѣніе крикъ кошекъ на крышѣ. Но всѣ эти исключительные любители несправедливы, и вотъ почему: есть разныя чувства, или, лучше сказать, чувства разныхъ родовъ. Къ первому, безъ сомнѣнія принадлежатъ чувства любви и мести (ненависти). Эти чувства въ высочайшей степени музыкальны, потому, что относительная теплота ихъ превращаетъ теплоту всѣхъ другихъ чувствъ. Конечно, эти чувства общія, но можно указать по народамъ, что одни любить пламенно, другіе — благородно, расчетливо, третьи — шутя, наконецъ, послѣдніе, любить по обычаю предковъ, тогда

majorum. То же раздѣленіе и въ ненависти. Осмѣливаемся думать, что эти различія послужили основаніемъ и различію четырехъ музыкальных школъ, господствующихъ на всѣхъ европейскіхъ театрахъ. Чувства пламенные — родили и развили оперу италянскую; благородныя и расчетливыя — оперу нѣмецкую; подъ корою шутки, развилась французская; тамъ, гдѣ обычаи еще спорить съ общимъ просвѣщеніемъ, гдѣ тоска любви сливается съ памятью старинной пѣсни, какъ въ Песаніи, Богеміи, Швеціи и Россіи, тамъ еще существуетъ національная опера, крайней-мѣрѣ національная музыка. Начала, нами указанныя, служатъ источникомъ и всѣхъ достоинствъ и всѣхъ недостатковъ каждаго рода. Осмѣлимся ближе взглянуть на предложеніе наше.

— Пламенные чувства изливаются богатѣе, блестящимъ потокомъ въ тѣ минуты, когда горячка сердца достигаетъ своего кризиса; тогда и слова обильны, и мысли вѣрны, могущественны, и выраженія просты, но величественны, жарки; но взгляните издали на человека, который, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, нападаетъ на врага, или въ страданіяхъ любви угадываетъ мстителя, когда онъ можетъ признаться; въ посторонній, не причастный ни къ гнѣву ни къ любви его, не сочтете ли его издали сумасшедшимъ; вы не найдете ни правильности, ни даже приличія въ его гнѣбодвиженіяхъ; но подойдите поближе, послушайте, о чемъ говоритъ онъ, и вы забудете все, кромѣ темы его пламенной рѣчи. Отсюда, намъ кажется, въ италянскій музыкѣ вы встрѣчаете широкое, одушевленное пѣніе именно въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ возвышаются страсти, и чѣмъ сильнѣе ихъ борьба, чѣмъ болѣе напрягаются супротивныя ихъ силы, тѣмъ ближе къ сердцу, понятнѣе для души и прекраснѣе для искусства становится ихъ мелодія. За то уже въ промежуткахъ, въ этихъ переходныхъ сценахъ, необходимыхъ только для паружной связи драмы, не ищите прекраснаго и доволстуйте, если оно сколько-нибудь способно. Ждите этихъ перипетій, этихъ переломовъ страстей; тамъ навѣрно, почти всегда изъ васъ италянская музыка добудетъ слезы. По тѣмъ же самымъ причинамъ не требуетъ отчетливой отдѣлки партій оркестра; тамъ набросано нѣсколько мотивовъ, хорошенеккихъ музыкальных фразъ, склеенныхъ какъ стеклянныя кусочки съ обрѣзками металловъ и черешками безъ вся-

кой музыкальной логики. Вы не можете понять, отъ чего эта фраза слѣдуетъ за другою, отъ чего она подкрашена фаготомъ, тромбонномъ или арфой, а не другимъ инструментомъ. Причинности никакой, и этотъ безпорядокъ и безсмыслица въ оркестрахъ чаще всего замѣчаются въ мѣстахъ, въ которыхъ разгаряющаяся страсть изливается въ самыхъ излишнихъ и вѣрныхъ мелодіяхъ; даже, напротивъ того, въ мѣстахъ переходныхъ, но мелодіямъ, не заслуживающимъ особеннаго вниманія, гораздо болѣе гармонической отдѣлки, которою впрочемъ вообще Италіяны, съ самыми малочисленными исключеніями, похвалять не могутъ. И все это не заслуживаетъ обвиненія, не подлежитъ укору; все основано на природѣ и свойствѣ страсти пламенной, безпокойной, которая глубоко-мысленнымъ расчетамъ разума подчиняться не можетъ.

— Можно любить и ненавидѣть столь же глубоко, столь же сильно, но въ другихъ формахъ, подъ неотступнымъ руководствомъ разсудка, обращая самое подробное вниманіе на всѣ окружающіе предметы. Тутъ все благородно, расчетливо и обдуманно. Выраженіе любви нескропно, но оно согласено со всѣми условіями общественной жизни, со всѣми привычками; оно не оскорбитъ, не испугаетъ ни предмета любви, ни посторонняго слушателя; оно тропетъ и ту и другаго, но потому, что и она и онъ привыкли къ условіямъ выраженія любви и ненависти, и совершенно знаютъ, что дѣлается въ любящей или ненавидящей душѣ. Тутъ нѣтъ безумнаго увлеченія, тутъ нѣтъ отчаяннаго крика страсти, потому что и въ природѣ, окружающей и вѣща и слушателя, ихъ нѣтъ; недостатковъ паружнаго жара замѣчается, такъ сказать, глубокостию и постоянствомъ страсти. Велика, прекрасна эта страсть; но пораженный ею, еще не терпѣтъ разсудка; во всѣхъ движеніяхъ его порядокъ и приличіе, въ словахъ логика, въ эпигравахъ точность. Мелодія красивы, часто очаровательны, но въ тоже время въ оркестрѣ разумная соотвѣтственность; ходъ мелодій и гармоній развитъ правильно и согласенъ съ психологіей; мотивы, темы и фразы расположены въ систематическомъ порядкѣ; инструменты оркестра каждый на мѣстѣ и каждый имѣетъ моральное значеніе; не брошенъ въ жару какъ пшбудъ, эффекта, или правильнѣе пенуга ради. Сцены промежуточныя, номера переходныя обдуманы, отдѣланы и болѣею частью списаны съ вагу-

шо. Во-истину нельзя вѣрить, чтобы человекъ, хотя бы ему было сто лѣтъ, хотя бы онъ никогда не ѣлъ и не спалъ, могъ соединить въ себѣ столько познаний. Его присутствіе вселяетъ въ окружающихъ паническій страхъ, потому что онъ знаетъ больше педели сколько человекъ можетъ знать; опасаются, ужъ не антихристъ ли онъ.» Изъ Парика онъ поѣхалъ въ Италію, посѣтилъ Римъ, Венецію, Падую и Мантую. Здѣсь герцогъ Гонзаго пригласилъ Крихтона быть учителемъ его сына. Не забудьте, что тогда Джему Крихтону было 32 года; пора самыхъ блестящихъ годовъ не только въ области учебныхъ трудовъ, но и въ свѣтѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что женщины были неравнородны къ этому такъ сказать, усѣбному таланту человека; во время карнавала нѣсколько вооруженныхъ человекъ падаютъ на Крихтона; онъ защищается съ обычнымъ искусствомъ, выбивается изъ рукъ убійцы шпаги; срываетъ съ послѣдняго маску: то Виченно Гонзаго, сынъ герцога, ученикъ его; Крихтонъ почтительно возвращается ему шагу, но ревность увлекла юношу къ такому поступку; великодушіе Крихтона довело эту ревность до бѣшенства, и Гонзаго возманилъ шагу въ учителя, когда тотъ ужъ никакъ не ожидалъ такой благодарности. Крихтонъ умеръ отъ раны въ 1583 году. Какъ угодно, Крихтонъ, какъ явленіе, еще удивительнѣе кардинала Мецофанти. Самъ и образъ жизни послѣдняго весьма много благоприятствовали занятіямъ. У того жизнь похищала много времени, отвлекала отъ трудовъ и развлекала въ трудахъ; не смотря на то, онъ успѣлъ сочинить нѣсколько книгъ. Спекуляція умножила его сочиненія послѣ смерти; при всемъ томъ теперь съ точностью извѣстны подлинныя и далеко превышаютъ современную ученость.

Кардиналъ Мецофанти теперь назначенъ ректоромъ учебной части въ Римѣ. Это званіе можно сравнить съ званіемъ министра просвѣщенія въ другихъ европейскихъ государствахъ. Какое вліяніе будетъ имѣть ректорство знаменитаго кардинала на просвѣщеніе въ панскихъ владѣніяхъ, предугадать трудно; но во всякомъ случаѣ, это назначеніе свидѣтельствуетъ, въ какомъ уваженіи ученые люди у нынѣшняго римскаго первосвященника.

Кстати замѣтить, что Мецофанти нѣбольшаго числа, не только наши, но и французскіе журналы, называютъ охтянками. Это, по нашему мнѣнію весьма неправильно. Полагаясь на книги одного и того же текста на разныхъ языкахъ. За что же человекъ обращаютъ въ книгу!..

ОХТЯНКА.

I.

Въ одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете странные дома, созидаемые незатѣливой фантазіей какого нибудь задочаго съ топоромъ за поясомъ, и состоящая изъ подвала и чердака, въ одной изъ тѣхъ улицъ, былъ домикъ, выкрашенный съ крыши до фундамента зеленой краской. Домикъ этотъ красовался между полуразвалившимися избушками, окружавшими его, и хозяевамъ его всё сосѣди кланялись съ особеннымъ почтеніемъ. Хозяева были — Кузьма Ивановичъ и Агафья Спиридоновна Вечникины.

Кузьма Ивановичъ былъ человекъ почтенный. Съ чистою, спокойною совѣстью посматривалъ онъ иногда на знакъ безпорочной службы, красовавшейся въ петличкѣ его вице-мундира возлѣ крестика, ясно говорившаго,

что служба его не довольствовалася своею безпорочностью, и кромѣ того еще была полезна; неопровержимымъ доказательствомъ тому служилъ зеленый домикъ съ мезониномъ. Кузьма Ивановичъ былъ прекрасный мужъ. Онъ нѣжно любилъ свою Агафью Спиридонову, которая впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживала любовь его.

Въ жизни почтенныхъ супруговъ были, какъ читатели сами видятъ, всѣ элементы безмятежнаго счастья; по увѣ! со множествомъ поэтовъ и мы должны повторить, что счастья нѣтъ на землѣ!.. Нѣтъ, потому что люди сами изгнали его. Эту мысль мы тоже заимствуемъ у поэтовъ.

Облако, тучу, тѣнь или пятно — называйте какъ хотите — въ жизни Вечниковыхъ составлялъ человекъ, который, по законамъ природы, долженъ бы, напротивъ, служить дополненіемъ ихъ счастья. Этотъ человекъ былъ единственное дѣтище, однородный сынъ ихъ — Степа.

Степану Кузьмичу или, какъ его всѣ называли, Степѣ было ровно двадцать лѣтъ. Не смотря на то, онъ нигдѣ еще не служилъ, къ крайнему огорченію отца, который не хотѣлъ однако жъ принуждать сына, потому что онъ былъ слабой комплекціи. И точно, Степа былъ чрезвычайно высокъ ростомъ, по худощавъ какъ птичка; всегда задумчивое лицо его было покрыто легкимъ румянцемъ; голубые глаза съ безсмысленнымъ выраженіемъ блуждали по сторонамъ; длинные волосы неровными клочками закрывали и безъ того уже не высокой лобъ его. Впрочемъ все лицо Степы дышало кротостью и добротою.

Отдохнувъ послѣ обѣда и не зная чѣмъ заняться до чая, Кузьма Ивановичъ часто призывалъ съ себѣ Степу и читалъ ему наставленія.

Степа слушалъ почитательно. Агафья Спиридоновна сидѣла у окна съ вязаньемъ въ рукѣ, клубкомъ подъ мышкой и по временамъ вздыхала.

— Другъ мой, въдѣ тебѣ двадцатый годъ, говорилъ Кузьма Ивановичъ съ приличнымъ достоинствомъ; пора избрать родъ жизни. Не вѣкъ же тебѣ таскаться по блумъ-свѣту. Хорошо теперь «у насъ есть», а какъ насъ не будетъ, тогда что?

— Домъ останется, отвѣчала философически Степа.

— Что домъ, братецъ!.. Можетъ сгорѣть.

— Застрахованъ.

— А страховое общество лопнетъ?

— Не лопнетъ.

— Ну, а какъ лопнетъ?

— А пускай себѣ!..

— Что же ты тогда станешь дѣлать, какъ дома не будетъ?

— Земля останется.

— Да что толку въ пустопорожней землѣ?

Не огородъ же разводить?

— Отчего же нѣтъ? Будто огородникъ не такой же человекъ?

— Полно тебѣ, Степа, вздоръ молотъ! — восклицалъ съ досадою Кузьма Ивановичъ; вотъ ужъ не люблю, какъ ты завариваешься стачень!.. Ну, какъ это тебѣ не стыдно говорить? Скажи самъ, прилично ли сыну надворнаго совѣтника заниматься огородничествомъ? Слышишь, Агафья Спиридоновна, что сыночекъ-то нашъ городить?

— Онъ шутитъ, отвѣчала мать, нѣжно взглянувъ на сына.

Степа отрицательно и задумчиво качалъ головой, какъ-будто бы въ умѣ его таилась какая-то сокровенная мысль. Отецъ не замѣчалъ этого движенія и продолжалъ:

— У меня есть въ виду хорошее мѣстечко, Степа; хочешь, просьбу подадимъ? Тебя опредѣлятъ; за это я ручаюсь.

— Трудно служить.

— Разумѣется, сначала будетъ трудно, а тамъ попривыкнешь.

— Вы меня не поняли, папечка; трудно — не по вашимъ, а по моимъ идеямъ.

— По какимъ, по твоимъ идеямъ?

— Я хочу приносить пользу.

— Ну, и будешь приносить пользу... на то вѣдь и служба.

— Нѣтъ, папечка, это не то; такую пользу можетъ приносить всякій, а я бы хотѣлъ дѣйствовать въ широкомъ, обширномъ кругу, припявъ въ основаніе добродѣтели... А что я могу сдѣлать, если вы меня и опредѣлите какимъ-нибудь писаремъ?

— Ого! да ты мѣтнись, кажись, прямо въ министры!.. Ну, положимъ, тебѣ не правитъ ся штатская служба; ступай въ военную.

— Ой, нѣтъ, Кузьма Ивановичъ, въ военную страшно! восклицала, заматывая руками, Агафья Спиридоновна.

— Отчего? съ мужественнымъ видомъ спрашивалъ мужъ ея.

— Убыть, пожалуй!

— Нѣтъ, мамашка, замѣчалъ тогда Степанъ Кузьмичъ; это бы не страшно, что убыть, а то ужасно, что самъ убивать долженъ!.. Притомъ же мнѣ дѣлается душно, когда я увижу каплю крови.

— Такъ куда же больше? спрашивалъ Кузьма Ивановичъ.

Громкій визгъ, послышавшійся на улицѣ, прерывалъ его слова. Степа немедленно вскакивалъ, выбѣгалъ изъ комнаты и возвращался съ собакой, грязной, безобразной, которую онъ спазалъ изъ рукъ немилосердыхъ уличныхъ мальчишекъ...

Таковъ былъ Степанъ Кузьмичъ. Природа одарила его добрымъ, кроткимъ сердцемъ, способнымъ сочувствовать страданіямъ ближнихъ, но недостатокъ образованія и праздность превратили эти качества въ безмысленную, безосознательную и смѣшную манію. Степанъ Кузьмичъ бредилъ добродѣтелью и, подобно новому Донъ-Кихоту, въ меньшихъ размѣрахъ и на мѣстѣ обширномъ поприщѣ дѣйствія, онъ преслѣдовалъ идею, которая, подобно всякой другой идее, въ утвержденной на прочномъ основаніи, становилась смѣшною карьературой.

II.

Наступилъ великій переворотъ въ жизни Степы. Онъ влюбился.

Къ Вечниковымъ дѣтъ десять послала молодая старая Охтянка. Она къ ней такъ привѣжлива, что весной и осенью, когда по Невѣ шельдъ ледъ и не было перевоза, и Кузьма Ивановичъ, и Агафья Спиридоновна не могли идти ни кофе, ни чай. Въ эти дни надо было брать сливки изъ лавки, и хотя лавочникъ, питая глубокое уваженіе къ хозяевамъ зеленого дома съ мезониномъ, посылая имъ сливки, только разбавленные молокомъ, безъ примѣси воды и крахмала, не смотря на то, они далеко не могли сравниться съ отличными сливками, которыми снабжала почтенныхъ супруговъ старая Охтянка.

Но въ одинъ прекрасный зимній день, когда Нева была покрыта толстымъ льдомъ и свѣжъ хрустѣлъ подъ ногами пѣшеходовъ, кухарка съ какимъ-то отчаяніемъ доложила своимъ господамъ, что Охтянка не пришла, а, слѣдовательно, не было сливокъ.

Прошелъ еще день — Охтянки все нѣтъ. Наконецъ, на третій день въ зеленую калитку зеленыхъ воротъ зеленого дома съ зеленымъ мезониномъ вошла молодая дѣвушка съ коромысломъ черезъ плеча и кувшинами, лоснившимися какъ серебро. То была младшая дочь старой Охтянки. Она пришла извѣстить знакомаго господу о смерти матери и о томъ, что если угодно будетъ, она замѣнитъ ея.

Здоровая, свѣжяя, краснощекая дѣвушка

произвела какое-то страшное впечатление на сердце Степана Кузьмича. Он сам не мог объяснить себя, что с ним происходило.

Молодая Охтяпка должна была придти

Она вздрогнула, чуть не уронила кувшина, потом громко засмеялась, выставив на показ два ряда зубов, бѣлыхъ какъ бусы изъ слоеной кости...

— Охъ, баринъ! Какъ вы меня напугали! сказала она, бросивъ на молодого человѣка взглядъ, отъ котораго онъ чуть не растаялъ.

— Извини... я не хотѣлъ... я только... я хотѣлъ сказать тебѣ одно слово... заговорилъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

Оекула улыбнулась, опустила глаза, но не спросила Степана Кузьмича, какое онъ хотѣлъ сказать ей слово. Видно была не любопытна.

— Тебѣ должно быть очень трудно тащить за собою эти салазки? началъ Степанъ Кузьмичъ.

— Что дѣлать, баринъ? Не сложа же руки сидѣть!

— А между тѣмъ ты достойна лучшей участи... Оеклуша! если бѣ ты знала...

— Э, геве, геве!.. раздался въ нѣсколькихъ шагахъ рѣзкій голосъ мясника, прервавшій разговоръ Степана Кузьмича въ самомъ интересномъ мѣстѣ.

Молодой человѣкъ отскочилъ съ досадой. Оеклуша скрыла улыбку. Но разговора нельзя было продолжать; мясникъ, покачиваясь, прищаркивая и склонивъ нѣсколько голову на одно плечо, отъ привычки поспѣвая другому лотокъ, скоро приближался.

два раза въ недѣлю; но къ крайнему изумленію Агафьи Спиридоновны, сынокъ ея особенно полюбилъ сливки и молоко, такъ что прежняго количества стало недостаточно и молочницу уговорили придти по три раза въ недѣлю.

Этого Степану Кузьмичу и хотѣлось. Онъ всегда выходилъ на встрѣчу Оеклѣ, робко, стыдливо кланялся ей, но не осмѣливался вступить съ нею въ разговоръ. Оекула улыбалась, нескоро поглядывая на молодого человѣка, и этотъ взглядъ еще болѣе разжигалъ рождающуюся въ сердцѣ его любовь. Пройдя мимо, Степа нѣсколько разъ оглядывался и, какъ бы по симпатическому влеченію, въ тоже время оглядывалась и молодая молочница.

Такимъ образомъ прошло около мѣсяца.

Однажды молодой человѣкъ, воротившись домой по слѣдамъ Охтяпки услышалъ въ кухнѣ голосъ ея; Степанъ Кузьмичъ оставившись у двери... не для того, чтобы слышать разговоръ молочницы съ кухаркой... шѣтъ! что ему до этого разговора! Онъ хотѣлъ только прислушаться къ голосу, гармонія котораго производила сладостное ощущеніе въ сердцѣ его.

— Наливай-ка полѣбе, говорила кухарка, чтобъ маленько и на мою долю досталось, а то «полничка» молодой баринъ все одинъ выпиваетъ.

— Нешто онъ такой лакомка? спросила молочница.

— Нето, что лакомка, а говорятъ, что ему дохтуръ приказалъ пить; онъ не больно здоровъ, сердешный!

— А съ виду-то онъ словно яблочко наливное. А что, продолжала Охтяпка, подлика, и гулять-то спозаравку ему дохтуръ приказалъ?

— Кажись такъ; только онъ гуляетъ не каждый день.

— Впрочемъ, сказала молочница, дай Богъ ему здоровье; онъ, кажись, баринъ добрый.

Степа носѣвшно отскочилъ отъ двери, потому что послышался чьи-то шаги. Спрятавшись за шкафъ, онъ видѣлъ, какъ молочница подошла къ своимъ салазкамъ и стала доливать только что опорожненный кувшинъ.

Нетвердыми шагами подошелъ онъ къ молодой дѣвушкѣ. Она замѣтила его только тогда, когда онъ былъ уже возлѣ нея.

— Прощай, Оеклуша, до свиданья! проговорилъ молодой человѣкъ, удаляясь съ грустнымъ видомъ.

Степанъ ушелъ въ свою комнату. Ему было очень грустно. Куда дѣвалась прежняя безмятежность его думъ? Его уже не занимали голуби, которыхъ онъ кормилъ и лелѣ-

ялъ, какъ символъ добродѣтели; двѣ дворянки, которыхъ онъ сналъ изъ рукъ буйныхъ мальчишекъ, ходили повѣся хвостъ и не смѣли приласкаться къ нему; даже индѣе тѣтено копючили передъ окномъ... Степанъ не слышалъ жалобныхъ напѣвовъ ихъ. Во снѣ и на яву онъ видѣлъ только образъ своей милой Оеклы, въ ситцевомъ зеленомъ платьицѣ, съ передникомъ съ огромными узорами въ видѣ нестрыхъ букетовъ, съ шелковымъ платочкомъ, яркіе цвѣта котораго казались полными въ сравненіи со свѣтлымъ колоритомъ лица, которое платочекъ обрамлялъ. И что влекло Степана къ Охтяпкѣ?.. Если вы, читатель, не понимаете этого, то я долженъ сказать вамъ, что въ библиотекѣ Кузьмы Ивановича, состоявшей (говоря слогомъ книгопродавцевъ) изъ тридцати разрозненныхъ «званій» и состоявшей до рожденія Степана Кузьмича, онъ нашелъ третью часть какого то сочиненія, безъ заглавнаго листа. Въ этомъ сочиненіи какой-то вѣнецкій умозритель преподобно толковалъ о симпатіи, антипатіи и созвѣздіяхъ. Степанъ долго изучалъ эту книгу и почти выучилъ ее наизусть.

Едва онъ увидалъ Оеклу, едва новое ощущеніе овладѣло его сердцемъ, какъ онъ догадался, что вѣроятно родился съ нею подлѣ однимъ созвѣздіемъ и что, вѣлѣдствіе этого, онъ чувствовалъ къ ней симпатическое влеченіе.

У Степана Кузьмича, какъ вы видите, совершенно свои идеи.

Когда онъ опустился на клеевчатый диванъ и, закрывъ лицо руками, погрузился въ мечтанія о своей симпатіи, дверь тихо отворилась.

Степа скоро поднялъ голову... на порогѣ стояла его симпатія съ кружкой сливокъ въ рукахъ. Онъ улыбалась и внигъ съ лица молодого человѣка исчезло уныніе. Онъ вскопчилъ, но не смѣлъ ступить впередъ. Оекула переступила за порогъ и какъ бы печально захоунула за собою дверь.

— Степанъ Кузьмичъ, сказала она, и принесла вамъ кружечку самыхъ густыхъ сливочекъ; извольте выкушать на здоровье; вѣдь вы, я слышала, любите сливки.

Степа не сразу могъ отвѣчать, грудь его поднялась высоко и, наконецъ, облегчилась глубокимъ вздохомъ.

— Оекла, я люблю не сливки! вскричалъ онъ.
— А что же? молоко?
— Нѣтъ, и не молоко!.. А тебя!..
— Полноте, балагурить! возразила Оеклуша, засмѣявшись и притворившись, будто бы не ожидала подобнаго отвѣта.

Оеклуша съ изумленіемъ посмотрѣла на Степу; ей показалось, что глаза его имѣли странное выраженіе.
— Повѣрь, Оеклуша, продолжалъ молодой человѣкъ, повѣрь моей любви!..
— Перестаньте, Степанъ Кузьмичъ! возразила молодая дѣвушка, опустивъ глаза и жемаясь.

Вдругъ дверь открылась и въ комнату вошелъ Степа.

На лицѣ молодого человѣка была написана рѣшимость. Онъ пришелъ объясниться съ отцомъ.

Степа съ быстротою молніи обхватилъ талию молочницы и запечатлѣлъ страстный поцѣлуй на пухленькой, твердой щечкѣ ея.

— Что вы дѣлаете? вскричала Оеклуша съ притворнымъ негодованіемъ, но не сопротивляясь.

Степанъ Кузьмичъ отекочилъ отъ пел, какъ будто бы обжегся и, помолчавъ секунду, произнесъ тихимъ голосомъ:

— Прости мнѣ, милая дѣва, мою смѣлость... Но пусть этотъ чистый, непорочный поцѣлуй послужитъ залогомъ будущаго нашего блаженства. Вернись ли ты теперь моей любви?

— Не вѣрю; ты, баришь, смѣешься надо мной, отвѣчала Охтянка.

— Такъ я же докажу тебѣ свою любовь...

— Ну, докажи.

— Скажи мнѣ только одно слово... любешь ли ты меня? Оеклуша стыдливо опустила глаза и проговорила вышлоголосо:

— Да что это ты меня допрашиваешь?

— Не стыдись, Оеклуша, говори откровенно.

— Панепька, сказалъ онъ оставившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана, я пришелъ поговорить съ вами о весьма важномъ для меня дѣлѣ.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ отецъ, потягиваясь; вотъ, выпьюсь, такъ и потонемъ.

— Нѣтъ, панепька, послѣ выснитесь, рѣшительно возразилъ молодой человѣкъ; сперва выслушайте меня. Дѣло идетъ о счастіи моей жизни.

— Что такое? говори, говори! вскричалъ отецъ, поспѣшнѣе вскочивъ и пошюхавъ табуку, чтобы разогнать овладѣвавшій имъ сонъ.

— Батюшка, — началъ Степанъ Кузьмичъ, по важности предмета считающій необходимымъ замѣнить простое названіе «панепьки» болѣе приличнымъ «батюшкой»; батюшка, мнѣ теперь двадцать лѣтъ.

Отецъ утвердительно кивнулъ головою и прибавилъ:

— Какъ тебѣ это не знать; я оттого и твержу каждый день, что тебѣ пора на службу.

— Я думаю, что мнѣ пора пристроиться, возразилъ Степа, не обращая вниманія на слова отца.

— Я тоже думаю.
— Я хочу жениться.
— Чье ты?.. Полно врать! Кто за тебя пойдетъ?

— Сердце мое избрало уже себѣ подругу.
— Этого мало; избрала ли подруга твое сердце?

— Она меня любитъ.
— А родители ея?
— Я увѣренъ, что отецъ ея согласится.

— О, Оекла! если бы ты знала!..
— Что такое?
— Какъ я тебя люблю!.. и съ этими словами добродѣтельный молодой человѣкъ схватилъ руку молочницы.

— Полноте, баришь, мнѣ не приходится это слушать!

Степана Кузьмича бросило въ жаръ; лицо его горѣло; онъ весь дрожалъ; Оекла, не отнимая руки, стояла передъ нимъ и только изрѣдка бросала на него взгляды изъ подлобья.

— Скажи, Оеклуша, спросилъ молодой человѣкъ, вернись ли ты моей любви?

— Знаемъ мы!.. нынче господа все толкуютъ о любви... мнѣ не въ первый разъ приходится это слышать, неосторожно отвѣчала Охтянка.

— Какъ!... вскричалъ Степанъ и сердце его сжалось; такъ тебя уже любили?.. И ты сама, можетъ быть?..

Оекла съ рѣдкимъ тактомъ поняла скрытый смыслъ этихъ словъ и съ достоинствомъ поднявъ голову, отвѣчала:

— Нельзя же всемъ зажать ротъ... по я никого не слушала, потому что очень хорошо знаю, что барицу не слѣдъ любить крестьянскую дѣвушку!

— О, какъ я счастливъ! вскричалъ Степа съ сияющимъ лицомъ; слѣдовательно, ты добродѣтельна?

Охтянка подняла глаза, съ нѣжной улыбкой посмотрѣла на Степу и отвѣчала:

— Да какъ тебя не любить? ты такой хорошій...

Молодой человѣкъ еще разъ обнялъ Охтянку, но въ этотъ разъ съ большимъ жаромъ, съ большею страстью... въ этотъ разъ и она отвѣчала на поцѣлуй его...

У Степана Кузьмича закружилась голова... въ глазахъ потемнѣло... въ ушахъ раздавался звонъ тысячи колокольчиковъ...

— Прости, прости, моя дѣва, говорилъ Степа раскраснѣвшей Охтянкѣ; прости, я докажу тебѣ свою любовь... Я надѣюсь, что ты останешься довольна мною... прости!

— Прощай, отвѣчала тихимъ голосомъ дѣвушка и осторожно выскользнула въ дверь, оставивъ въ рукѣ молодого человѣка широкое серебряное кольцо.

III.

Прошло нѣсколько дней. Однажды послѣ обѣда, Кузьма Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ и зѣвалъ, готовясь заснуть..

— Гля!.. Кузьма Ивановичъ задумался, попертъль табакеркой, пожалъ плечами, и продолжалъ: — А кто же эта красавица?

— Она добродѣтельная дѣвушка.

— Прекрасно; но есть ли у нея приданое?

— Мало.

— Это плохо.

— Отчего? Почему приданое? Развѣ мы не довольно богаты?

— Опять опять пожалъ плечами.

— Ну, а какъ ее зовутъ?

— Оксдой.

— А фамилия?

Степа остановился въ недоумѣнн. Онъ никогда не сиранился о фамилии молодой Охтянки.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Не знаете? Хорошъ гуель! сказалъ отецъ, громко захохотавъ; такъ и я не знаю; полно шутить, прибавилъ онъ, ложаея опять на диванъ; я вижу, что дѣло не такъ важно, а потому успѣемъ еще поговорить, когда я высилюсь.

— Батюшка, продолжалъ Степа умоляющимъ голосомъ; к чему вамъ знать ея фамилию? неслѣдуетъ... вы очень хорошо знаете эту дѣвушку... мою Оксду.

— Никакой я Оксды не знаю, возразилъ отецъ; да и знать не хочу... кромѣ нашей молочницы, прибавилъ онъ смѣясь.

— Она и есть та, которую избрало мое сердце...

Лицо Кузьмы Ивановича вытянулось; онъ опять привсталъ и не зная, сѣраться или смѣяться; но взглянувъ на лицо сына и замѣтивъ, что тотъ и не думалъ шутить, онъ поспѣшно вскопчалъ съ дивана:

— Что ты съ ума сошелъ, что ли?.. вскричалъ онъ; мало того, что ты съ утра до вечера тупеядтешуешь, такъ вотъ еще что задумалъ? Ты меня, кажется, хочешь въ гробъ положить. Прочь съ глазъ моихъ!.. Пошелъ вонъ!.. Куда идешь, подожди!.. Слушай, но неволь въздѣть велика дурь въ голову, коли ты сидишь безъ всякаго дѣла, а потому ты у меня смотри!.. Даютъ тебѣ двѣ недѣли сроку — это мое несдѣланное рѣшеніе — или на службу, или вонъ изъ моего дому; я тебя знать не хочу...

— Батюшка, сжалось! проговорилъ умоляющимъ голосомъ Степа.

— Идешь на службу?

— Позвольте жениться... я далъ слово... болѣе того... я... о! вы не знаете...

— И знать не хочу! Пошелъ вонъ!.. Ровно черезъ двѣ недѣли ты дашь мнѣ отвѣтъ, а до тѣхъ поръ я съ тобой и говорить не буду!

Степа опустилъ голову... двѣ слезки выкатились изъ глазъ его... угнѣтенная добродѣтель вышла изъ комнаты.

VI.

Ни угрозы отца, ни слезы матери не поколебали рѣшимости Степы. Онъ впалъ въ глубокое уныніе, не выходя изъ своей комнаты, ничего почти не ѣлъ и цѣлыя ночи просиживалъ въ темнотѣ, проливая слезы.

Кузьма Ивановичъ запретилъ Оксдѣ носить къ нимъ молоко и послалъ за отцомъ ея. Михайло былъ столяръ по ремеслу, пьяница по наклонности. Кузьма Ивановичъ разсказалъ ему все дѣло и требовалъ, чтобы онъ рѣшилъ, что дѣлать.

Михайло почесалъ затылокъ и отвѣчалъ:

— Что дѣлать? А то, что это все господскія шалости; и если я увижу, что вашъ Степанъ Кузьмичъ будетъ ухаживать за моей Оксдой, такъ я ей косу вырву, а ему ребра переломлю.

Агафья Спиридоновна испугалась рѣшительныхъ мѣръ Охтянина и старалась задобрить его.

Дѣла были въ такомъ положенн, когда наступилъ день, въ который должна была рѣшиться участь Степы. Онъ проплакалъ всю ночь и, какъ бы страшась первой встрѣчи съ отцомъ, рано утромъ, когда все еще спали, вышелъ изъ дому.

Это было въ концѣ апрѣля. Первые лучи солнца освѣщали блѣдно-розовымъ цвѣтомъ крыши домовъ... свѣтъ таялъ на крышахъ и каналахъ на деревянный тротуаръ. Заспаные мальчуганъ отворяли мелочныя лавочки, съ изумленіемъ засматриваясь на ранняго прохожаго.

Не смотря на то, что Степа былъ въ одномъ длинномъ скюртукѣ, безъ шпичели, онъ не чувствовалъ холода. Онъ шелъ медленно... куда? Къ Охтенскому перевозу... Онъ зналъ, что въ этотъ день Оксда бывала въ городѣ и хотѣлъ увидѣться съ нею... поговорить съ нею, сказать ей еще разъ люблю, а потомъ?... далѣе не простирался мысли Степы. Настоящее безнадежное положеніе было такъ тягостно, что ему невозможно было думать о будущемъ...

Не доходя перевоза, онъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстоянн толпу Охтянокъ... и, о радости! Оксда была между ними. Степа хотѣлъ бѣжать къ ней, но остановился во время и рѣшился лучше обождать, чтобы она отдѣлилась отъ толпы.

Онъ ждалъ не долго; Оксда ушла, но, къ крайнему его сожалѣнню, не одна; онъ былъ принужденъ слѣдовать за нею въ нѣкоторомъ разстоянн.

Но вотъ на перекресткѣ молочница, шедшая съ Оксдой, повернула въ другую улицу... Кто выразитъ радость Степана Кузьмича! Почти бѣгомъ сталъ онъ догонять молодую Охтянку... но вдругъ съ ужасомъ остановился...

На томъ самомъ углу, за который повернула молочница, была извожничья биржа, возлѣ которой прохаживался красивый парень, похлывавый рукавицами. Лишь только Оксда осталась одна, какъ онъ ловко подскокнулъ къ ней и обхватилъ одной рукой ея талию... Оксда не противилась; напротивъ, она весело смѣялась...

Волосы стали дыбомъ на головѣ Степы; онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ... хотѣлъ бѣжать, кричать, но ни голоса, ни поги не повиновалась ему.

Между тѣмъ Оксда сѣла въ сани извожника, который занялъ мѣсто возлѣ нея. Они поѣхали шагкомъ, нѣжно разговаривая. Только тогда опомнился Степанъ Кузьмичъ. Глухой стонъ вырвался изъ груди его... Такъ вотъ дѣвушка, для которой онъ хотѣлъ все жертвовать! Вотъ та, которую онъ любилъ нервою, пламенной любовью!.. И рушилась, страшно рушилась вѣра молодого человека въ добродѣтель...

— Что же я ей сдѣлалъ? — думалъ молодой человекъ въ простотѣ своей души; за что же она меня такъ жестоко обманула?.. О, какъ ужасенъ свѣтъ!.. не даромъ я инстинктивно избѣгалъ всякаго столкновенія съ нимъ... а папелъка еще хочетъ, чтобы я поступилъ на службу, жилъ съ людьми... никогда! Лучше умереть.

Сани повернули въ другую улицу. Степа, удвоивъ шаги, хотѣлъ догнать ихъ, чтобы еще разъ взглянуть на вѣроломную. Поворотивъ за уголъ, онъ увидѣлъ близъ самаго тротуара тѣ же сани, выкрашенные охрой съ темными жилочками; ту же пѣвую лошаду съ свѣтлой, чистенькой сбруей... ни въ саняхъ, ни возлѣ ихъ никого не было. Но въ двухъ шагахъ было крылечко, и надъ нимъ красовалась вывеска съ золотеными узорами и съ надписью: «Ресторация.»

Степа подошелъ къ одному окну и не смотря на всю горестъ, сжимавшую уже сердце его, готовъ былъ вскрикнуть съ отчаяніемъ, когда увидѣлъ въ комнатѣ, на диванѣ, оби-

томъ темно-зеленымъ барканомъ, и Оксду и извожника... Они пили чай... Оксда подняла глаза, но узнавъ Степу, тотчасъ же опустила ихъ, и продолжала улыбаясь прикусывая сахаръ и слушая шуточки извожника, который, для большаго удобства, снялъ кафтанъ и съ наслажденіемъ затягивался изъ длиннаго чубука съ мундштукомъ изъ черной кости...

Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный чувствительности Степы...

Онъ опрометью пустился бѣжать отъ ресторации... бѣжалъ... бѣжалъ...

Съ тѣхъ поръ Степа домой не возвращался.

V.

Утро было туманное, холодное.

По Невѣ плыли еще мѣстами бѣлыя льдинки, освѣщенные тусклымъ розовымъ свѣтомъ, разливаемымъ солнечными лучами, пробивавшимися сквозь тумачъ.

Близъ Смольнаго монастыря, у Охтенскаго перевоза, толпились народъ...

Къ перевозу подъѣзжала простая лодочка, въ которой сидѣли четыре женщины; дно лодки было покрыто корзинками, кувшинами и кружками, нацолпешеными слявками и молокомъ.

Лодка причалила къ берегу. Три женщины вышли, а четвертая медленно поѣхала назадъ.

Охтянки съ любопытствомъ подошли къ толпѣ народа.

На рогажѣ асжалъ трупъ, прибывшій волнами къ берегу... то была какая-то распухшая, безобразная масса. Не было возможности узнать по лицу кто былъ несчастный утопленникъ; но платье его, нашитанное водою, еще уцѣлело... то былъ длинный, сѣрый скюртукъ, исподнее платье того же цвѣта и сшій атласный жилетъ... въ однеъ распухшій палецъ правой руки вѣзалось серебряное кольцо...

— Ахти, свѣты! вскричала одна изъ молочницъ, молодая красивая дѣвушка, и побѣдѣла.

— Что съ тобой, Оксда? спросила ее другая.

— Ничего... ничего... отвѣчала первая; ничего... я испужалась... такая страсти! Пойдемте, дѣвушки, жалость беретъ!

Онѣ удалились.

Никѣмъ не узнанный, не олакашенный, бѣдный утопленникъ былъ зарытъ въ землю.

Когда Агафья Спиридоновна плачетъ, вспоминая о сынѣ, пронвшемъ безъ вѣсти, Кузьма Ивановичъ утѣшаетъ ее, говоря:

— Полю горевать, Агафья Спиридоновна, я лоловой ручаюсь, что Степа уѣхалъ на Кавказъ. Мои убѣжденія тронули его. Смотришь, мѣсяца черезъ три получимъ отъ него письмо. Еще отличится, пожалуй. Вѣдь онъ малый не глупый.

П. Фурманъ.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

Если мы затѣмъ, независимо отъ сказаннаго, разберемъ нѣкоторые повѣрья о порчѣ и сглазѣ, то найдемъ, что они принадлежатъ вовсе къ иному разряду, и именно, къ повѣрьямъ, гдѣ, какъ объяснено было выше, полезный обычай усвоилъ себѣ силу закона, посредствомъ небольшого подлога. Напримѣръ: новорожденное дитя безъ всякаго сомнѣнія должно держать первое время въ теплѣ, кутать и сколько можно оберегать отъ простуды; существо это еще не окрѣпло; оно должно еще научиться дышать воздухомъ и вообще витать въ немъ. Но такой совѣтъ не всякимъ будетъ принятъ; ичего, авось и небось — у насъ великое дѣло. Что же придумали искупи старики или старухи? Они рѣшили, что ребенка до шести недѣль нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де, его точно сглазятъ. Это значитъ, другими словами: дайте новорожденному покой, не развѣртывайте, не раскрывайте, не тормошите и не такую его по комнатамъ, а покрывайте слегка совѣтъ, и съ головою. Вотъ другой подобный случай: не хвалите ребенка — сглазятъ. Неумѣстная похвала, изъ одной только вѣжливости къ родителямъ, бесспорно, балуетъ ребенка; чтобы хозяину разъ навсегда избавиться отъ нея, а съ другой стороны уволить отъ этого и гостя, не совѣтъ глупо придумали настрашать обѣ стороны сглазомъ.

Средства, употребляемыя знахарями отъ сглазу или порчи, относятся большею частію къ разряду тѣхъ повѣрьевъ, гдѣ человѣкъ придумываетъ что нибудь, лишь бы въ бѣдѣ не оставался праздымъ и успокоить совѣсть свою подаишемъ мнимою помощью. Прикусить себѣ языкъ, показать кукишъ, сплевывать запросто или въ важныхъ случаяхъ, съ особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать — шептывать, прямо или съ воды, которою велеть умыться или даютъ ее пить, надѣвать бѣлье па-изнанку, утаивать па-стоящее имя ребенка, называя его другимъ, подкуривать волосомъ, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговоромъ и пр., — во всемъ этомъ мы не можемъ найти никакого смысла, если не допустить тутъ, и то въ весьма рѣдкихъ и сомнительныхъ случаяхъ, дѣйствіе той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что безмысленное, въ глазахъ просвѣщенныхъ сословій, шептываніе на воду, которой долженъ испить недужный, въ сущности близко подходитъ къ магнетизированію воды, посредствомъ придыханія, чему большая часть ученыхъ и образованныхъ врачей вѣрятъ, приписывая такой водѣ различныя чудесныя, а иногда и волшебныя, свойства!

Относительно порчи вообще, уроки, изъ вода, изуроченья, притки — должно сказать, что простолюдинъ всякое необыкновенное для него явленіе надъ человекомъ, какъ напр., падучую болѣзнь, язву св. Вита, параличи разныхъ родовъ, конопляничье, дрожаніе членовъ, мазузмѣ, тѣмоту и пр., называетъ порчей или изуроченьемъ. Не зная причины такихъ принадлежковъ, не постигая ихъ и, отыскивая, по природному побужденію, ключъ къ загадкѣ, народъ все это приписываетъ вліянію злыхъ

духовъ или злыхъ людей. Но повѣрье, что въ человѣка заползаютъ иногда гадины, змѣи, лягушки, жабы — повѣрье это, какъ въ послѣднее время должно исполнѣть положительными и нисколько несомнительными опытами, не есть суевѣріе, а основано на довольно рѣдкихъ, истинныхъ случаяхъ. Я имѣлъ случай наблюдать сходное съ этимъ явленіемъ: солдатъ проглотилъ двѣ или три пиявки, папавшия ночью изъ какой-то лужи, и эти животныя спокойно жили, вѣроятно, въ желудкѣ человѣка, нѣсколько недѣль, покада ихъ не извели ложкою соли, и ихъ выкинуло рвотой. Нѣсколько лѣтъ тому, не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ, въ Ораіенбаумскомъ госпиталѣ пользовали человѣка, наблюдаая за нимъ строжайшимъ образомъ, и болѣзнь кончилась тѣмъ, что его, въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, вырвало змѣей, которая, вѣроятно, до сего дня сохраняется въ спиртѣ; весьма недавно въ Киевской губерніи одинъ Жидъ, папавшия болотной воды, сталъ чувствовать различныя припадкы, riprodолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; страшную боль въ животѣ, движеніе, царапанье въ желудкѣ и пр., а между тѣмъ животъ вздувало. Наконецъ, отъ постоянного употребленія простокваши и скипидара, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вышло рвотой 35 лягушекъ, разной величины и всѣхъ возрастовъ; свидѣтелей было при этомъ много, неоднократно, и между прочимъ самъ врачъ. Лягушки принадлежали къ одному обыкновенному виду, но отличались блѣдностью и нѣжностью кожи.

Заговоръ отъ крови, отъ поруба, или вѣриѣ, отъ кровотеченія, по моему мнѣнію, объясняется всего проще тѣмъ, что почти всякое кровотеченіе изъ кровяной (не боевой) жилы, изъ всѣхъ подкожныхъ и вообще мелкихъ сосудовъ, останавливается черезъ нѣсколько времени самою природою, и что это именно дѣлается тогда, когда на рапу ляжетъ кровяная печенка, а подъ нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянетъ всю поверхность раны. Опасно только кровотеченіе изъ разрыванныхъ крупныхъ боевыхъ сосудовъ, кои вообще лежатъ довольно глубоко и потому рѣдко подвергаются такому насилію. Изъ нихъ алая кровь брызжетъ переменяющеюся струей, согласно съ ударами сердца. Кто не знаетъ этого во всей подробности, у кого итъ въ этомъ дѣлѣ достаточной опытности и вѣрнаго взгляда — тотъ въ испугѣ готовъ вѣрять, что каждая рапа угрожаетъ смертельнымъ кровотеченіемъ, а потому опъ и готовъ приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многіе, свѣдущіе и опытные люди, хотя, можетъ быть, и не гласно, утверждаютъ, будто они сами были свидѣтелями успѣшнаго заговора крови; но мы все-таки еще въ правѣ, исполнѣть до вѣрня ихъ добросовѣстности, не до вѣрять однако же ихъ опытности и вѣрности взгляда. Впрочемъ, если допустить, что гласно, придыханіе, извѣстное движеніе рукъ или пальцевъ и сильная воля человѣка могутъ возмутить равновѣсіе или вообще направленіе жизненныхъ силъ другаго, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой примѣненіе магнетизма и къ этому частному случаю, т. е., къ кровотеченію? Я не утверждаю, чтобы это было такъ; я даже думаю, что нужно еще много добросовѣстныхъ и весьма затрудни-

ныхъ розысканій на дѣлѣ, для рѣшенія этого вопроса; но я предостерегаю только отъ ляжепросвѣщеннаго отрицанія всезнайка, которе всегда и во всякомъ случаѣ вредно. Не вѣрю, покада меня не убѣдятъ; но самую возможность отрицать не смѣю. Я съ крайнею недо вѣрчивостію буду слѣдить за дѣйствіями знахаря, заговаривающаго крови; но не менѣе того, буду наблюдать и розыскивать, полагаю, что предметъ этого достощи вниманія и розысканія.

Есть также повѣрье, что при сильномъ теченіи изъ носу, должно взять замкнутой вислицы замочъ и дать крови капать сквозъ дужку: кровь должна остановиться. Это, вѣроятно, придумано, чтобы успокоить человѣка, дать ему болѣе терпѣнья, давъ забаву въ руку, и усадить спокойно на одно мѣсто. Другіе совѣтуютъ, вмѣсто того, взять въ каждую руку по ключу и по куску мѣду и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочекъ бумажки, или дробнику подъ языкъ и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть въ это время безъ дѣла и безъ со вѣта, а подать хотя мнимою помощь; равно и для того, чтобы уговорить человѣка и успокоить его. При кровотеченіи изъ носу, дѣлаютъ также слѣдующее: рукою противной стороны, изъ которой поздри идетъ кровь, достаютъ, подъ локоть другой руки, подытай къ верху, мочку уха; вскорѣ, какъ увѣряютъ, кровь останавливается. Само собою разумется, что все средства эти тогда только могли бы быть признаны дѣльными, если бы они, при опасныхъ или продолжительныхъ кровотеченіяхъ, оказались дѣйствительными; въ чель конечно нельзя не усомниться.

На заводахъ уральскихъ есть особый способъ заговаривать кровь, если во время работъ кто нибудь по неосторожности бываетъ сильно раненъ. Способъ этотъ относится до извѣстныхъ во всей Европѣ симпатическихъ средствъ, о конхъ, частію будетъ говоритья ниже, а частію уже говорилось выше. Если кто порубится или порѣжется сильно при работѣ, то на заводахъ есть для этого такъ называемая «тряпка»: это простая, бѣлая ветошка, напоенная растворомъ нашатыря; ее немедленно приносятъ, напоятъ кровью изъ раны и просушиваютъ исподволь у горна или печи, на огнѣ. Какъ тряпка высохнетъ, такъ, говорятъ, и кровь должна остановиться. При этомъ наблюдаютъ только, чтобы сушить тряпку не *круто*, чтобы съ нея паръ не вылилъ: иначе-де, рана будетъ болѣть, разсорится.

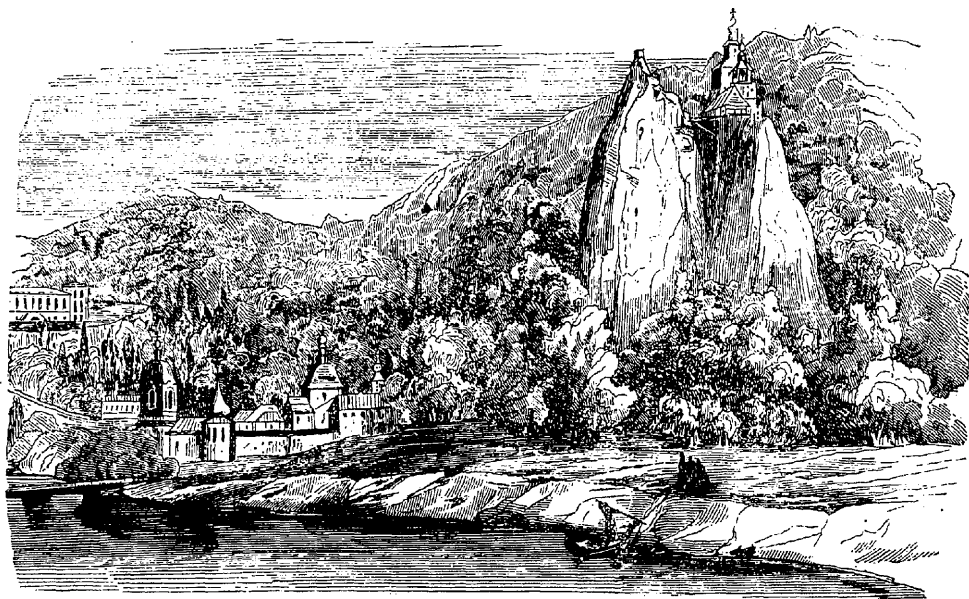
По случаю этого страннообразнаго средства, нельзя не вспомнить повѣрья нашихъ предковъ, которое творило разныя чудеса при чары надъ человекомъ, посредствомъ крови его, волосъ, или другихъ частей. На этомъ основано и у насъ повѣрье, особенно въ простонароднѣ, чтобы волосъ своихъ никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, какъ говорятъ въ народѣ, могутъ-де попасться во всякій руки. Иные даже собираютъ во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, съ тѣмъ, чтобы ихъ взять съ собою въ гробъ, считая необходимымъ имѣть все принадлежащее къ тѣлу при себѣ; иначе потребуется въ томъ отчетѣ. Суевѣрные расколушцы дѣлаютъ это и съ другою, еще болѣе бессмысленною цѣлю, о коей будетъ говоритья въ своемъ мѣстѣ. Врачи прежнихъ временъ предостерегали,

же ставить кровь, послѣ кровопусканія, на печку, или на лежанку, утверждая, что тогда жаръ или воспаленіе въ больномъ усилятся. Я впрочемъ и нынѣ знаю образованнаго и опытнаго врача, который былъ того же мнѣнія и увѣрялъ, что дѣлалъ неоднократно опыты, которые его въ истинѣ этого дѣла вполне убѣдили. По нынѣ известнымъ и общепринятымъ законамъ природы, все это ни съ чѣмъ не вяжется и не можетъ быть допущено. Въ наше время чудесничество этого рода также известно кой-гдѣ въ народѣ, и именно въ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Черской, Вятской; оно едва ли не перешло къ намъ отъ Чуди, отъ финскихъ племенъ, кои сами въ теченіи

истинно живописнаго эффекта; на вѣво горы и дѣса; на одной изъ горъ домъ А. М. Потемкина. Внизу, по дорогѣ, ведущей отъ усадьбы къ монастырю, страннопріимный домъ, построенный г. Потемкинымъ. — Со Святой горы можно обозрѣвать окрестность на сорокъ сличкомъ верстъ. Это — стражъ гора. Честные вѣоки сторожили и высматривали отсюда непріятелей, а непріятели ходили тутъ долго, съ тою разицею, что измѣнялись только народы: въ XII вѣкѣ, вѣоки вѣдѣли праблаженіе Половцевъ, и побѣду надъ ними киязей Русскихъ; въ XVII тутъ буйствовали Крымскіе Татары. И такъ древность обители этой, въ особенности ея пещеръ, доходить, по малой мѣрѣ, до семи столѣтій. По возстановленіи, обитель открыта 15 августа 1844 года.

На берегу Ворсклы возвышается конусомъ гора Ахтырь, отъ которой и близъ лежащій городъ получалъ названіе Ахтырки. Монастырь,

нами. Больше всѣхъ досталось Дмитрію Самозванцу и Мазепѣ. Новѣе что удивительно, эти два лица, дѣйствительно весьма интересные въ нашей исторіи, волочаки вдохновеніе чужеземныхъ поэтовъ, и должно признаться, шноземныхъ твореній на объ темы — гораздо выше Русскихъ. Мазепа Байрона выше всѣхъ Мазепъ; Дмитрій Самозванецъ, несоконченная трагедія Шиллера, образцовое произведеніе; то, что написано — превосходно. За Мазепу, а слѣдственно, и за Кочубей принялись и наши писатели. Полтава Пушкина не уронила славы знаменитаго поэта, но за то и не умножила ее. Мазепа г. Булгарина — ниже критики; другія произведенія на ту же тему также не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Дмитрій Самозванецъ г. Хомлкова, подобно Полтавѣ Пушкина, не уронила репутаціи поэта. Трагедія обильна первоклассными красотами, но въ общемъ не выдержана. Дмитрій Самозванецъ г. Булгарина

ніе вѣковъ обрусѣли. Тамъ безпрестанно слышишь о чудесахъ, о порчѣ, по злобѣ или мести, посредствомъ кюка отстриженныхъ волосъ или чаръ надъ подпятымъ съ земли слѣдомъ человека, или надъ частицею крови его.

БИБЛІОГРАФІЯ.

4) Краткое обозрѣніе Успенскаго Селтогорскаго и Свято-Троицкаго общезнаменитыхъ монастырей; Издано Д-чъ С. Петербурга. 1845.

Эта брошюра, издана при двухъ литографированныхъ видахъ помянутыхъ монастырей, принадлежитъ къ нашей бібліографіи, какъ историческое напоминовеніе о мѣстахъ, пріятельныхъ въ лѣтописяхъ нашихъ. Имя постоянно цѣлью собирать въ иллюстраціи всѣ замѣчательнѣйшіе виды нашего отечества, мы сочли обязанностью перенести на листы наши главное въ этихъ литографіяхъ, и присовокупить къ тому, что литографіи исполнены весьма хорошо и вѣроятно, займутъ почетное мѣсто въ собраніяхъ любителей всего отечественнаго. Положеніе Святогорскаго монастыря истинно живописное; главное зданіе въ долинѣ; ниже течетъ Донецъ, черезъ него перекинутъ мостъ; направо холмъ съ храмомъ —

здѣсь находилъ, также поминать первая времена христіанства въ Россіи. Поляки сожгли его, но ягумень Іоанникій возстановилъ его, а по случаю построенія духовникомъ Императора Петра I, Тимомеємъ Надоржинскимъ, въ иночествѣ Товіемъ, Троицкой церкви, и монастырь названъ Троицкимъ.

Брошюра эта, хотя и заключаетъ только историческія напоминовенія, заслуживаетъ признательности. Мы холодно ко всему отечественному; насъ больше интересуетъ постройка храма Магдалины въ Парижѣ, нежели отечественное зодчество. Похвальны трудъ скромнаго помещика, означившаго свою фамилію двумя буквами, прошелъ не замѣченнымъ... За то ни одинъ «романецъ» какъ говорятъ Малороссійскіе, не останется безъ добраго или худаго слова...

5) *Кочубей, генеральный судья, историческая повесть, Николай Семеновскаго. С. Петербурга, 1843.*

Безъ предисловія! Въ наше время сочиненіе безъ предисловія такая рѣдкость, что мы искали его вездѣ, въ середкахъ, въ концѣ книги; смотрѣли, не склеились ли первая страничка; итѣт. Повесть такъ и начинается съ повѣсти, или съ исторіи, какъ угодно, потому что повѣсть Семеновскаго есть не что иное, какъ исторія въ лицахъ.

Есть сюжеты несчастные! Есть имена безсмертныя, потому что ихъ терзаютъ тысячею смертей, поминантъ ужасными литературными трез-

появившіся въ то время, когда М. Н. Загоскинъ утѣшилъ Русскую литературу первымъ русскимъ романомъ: «Юрій Милославскій», не только не выдержалъ соперничества съ Милославскимъ, но даже не имѣлъ успѣха новости. Читатели съ удивленіемъ спрашивали: что это такое? Многіе остроумно называли этотъ романъ каталогомъ, описью искусства Царя Бориса; о другихъ попыткахъ и не упоминаемъ. Прошла пора этихъ исторій! Какимъ образомъ пришло на мысль г. Семеновскому воскресить сюжетъ, который, подобно многимъ книгамъ, отжилъ свое время и отложился въ сторону. Авторъ понабѣлся на свои силы, не выникъ въ дѣйствительныя причины неудачъ предшественниковъ и написалъ романъ на избитую тему. Исторія начинается съ самого начала, то есть, съ того времени, какъ на гетманствѣ еще сидѣлъ Самуиловичъ, т. е. съ Крымскаго Голлицинскаго похода. Повѣсть г. Семеновскаго каждаго уже знаетъ, кто читалъ Исторіи Малой Россіи, Бантипыш-Каменскаго, Маркевича и другія познѣйшія историческія сочиненія, къ этому предмету относящіяся. Это повѣсть интригъ Кочубей и Мазепы, ихъ неравной борьбы, ихъ неравнаго жребія; повѣсть началась съ самого начала, какъ мы указали, и окончилась, какъ вы догадаетесь, могилами всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. По этому, скажете вы, тутъ и читать нечего. Этого не скажемъ. Въ тоюгой повѣсти есть много местныхъ описаній, написанныхъ съ одушевленіемъ, съ ясною кистью, хорошимъ языкомъ; множество интерес-

ныхъ подробностей обращаютъ повѣсть въ вѣрную историческую картину. Чтеніе этого романа полезно, потому что, повторяя исторію, въ то же время вы познакомитесь съ нравами, обычаями, костюмами и разными особенностями старой Украины. Лица здѣсь не похожи на героевъ прѣжняго романа: Мазепа, гдѣ самъ Мазепа похожъ на Польскаго шляхтича, а не на Малороссійянина, какимъ былъ дѣйствительно Мазепа, потому что продолжительная служба въ войскѣ заставила его вжиться въ бытъ ибѣтний; передѣлать себя въ уровень съ тѣми, которыхъ задумалъ онъ обманывать; украинскій типическій характеръ, изъ расчета заимствованный, отъ лѣтъ и привычки сросшійся съ нимъ, не утраченъ авторомъ. Вѣдніе воспитанія обнаружено естественно и искусно; словомъ, это исторія, въ лицахъ, какъ сказали мы, и притомъ исторія которая читается легко и пріятно. — Не припомнимъ теперь, являлся ли авторъ уже на поприщѣ литературы; если нѣтъ, то повѣсть его для перваго дебюта слишкомъ

много, могутъ, по какой вѣдѣ непримѣтно распространяется въ цѣломъ поколѣніи, когда первый впечатлѣніи не вѣрны, и не красивы. Педагогика когда-то доказывала, и не безъ основанія, что первый впечатлѣніи ребенка образуютъ его воображеніе. Положимъ, что впечатлѣніи вѣдннихъ предметовъ зависятъ отъ распорядительности родителей. Не совѣтовали давать ребенку въ руки безобразныхъ игрушекъ; не совѣтовали позволить глядѣть на уличныя игры и шалости, хотя бы въ нихъ ничего предосудительнаго и не было; а прійдетъ время ученія, не совѣтовали давать въ руки азбуки, дурно напечатанной, съ не красивыми рисунками. Тщательный выборъ въ дѣтскихъ учебныхъ пособіяхъ на полную облегчаетъ ученіе и благотвѣтельно дѣйствуетъ на воображеніе. Понятія — что кирпичи въ домѣ; на дурные кирпичи, чѣмъ больше будете класть самыхъ лучшихъ, тѣмъ хуже: вжизніе не удержатъ. Сельскія и Реальныя школы на дѣтствіи общественаго просвѣщенія тѣ же дѣ-

7) *Отрывки изъ стихахъ и прозѣ.* Спб. 1845 г.

«Изданы въ пользу одного бѣднаго благороднаго семейства.» Передъ этимъ предисловіемъ всякая критика преклоняется. Но для того, чтобы дать понятіе о содержаніи брошюры и слогѣ автора приведемъ помѣщенное въ ней стихотвореніе князю Воронцову на взятіе Дарго.

Гроза Кавказа — вождь Россійскій,
Гдѣ смѣло твой раскинуть станъ?
У ногъ твоихъ хребетъ Андійскій,
Дрожитъ мѣтежный Дагестанъ.
Шагнувъ — раздвинулся ущелья!
Ударилъ громъ твой на горахъ,
И въ прахъ Шамшала ополченія.
Ура! отгнало въ скалахъ.
Громадой тучъ себя скрывая
Орелъ Кавказа трепеталъ,
Когда ты знами Николая
На темъ Дарго водружалъ.

Ахтырскій монастырь.

хороша. Она — совѣтливый этюдъ, а не подражаніе романамъ Мазепѣ, Дмитрію Самозванцу и подобнымъ произведеніямъ которыхъ справедливо называли романами-самозванцами.

б) *Краткая учебная Метеорологія для Сельскихъ и Реальныхъ школъ.* Составилъ Н. Д. Спб. 1845 г.

Будящіе огни «сказано въ оной Метеорологіи» издали кажутся горящими свѣчами въ самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ дѣйствія болотнаго воздуха, состоящаго изъ многихъ горючихъ веществъ.

Солнечныя ушн лвляются около солнца только въ жестокой холодъ.

Сіе и тому подобное писано или составлено для Сельскихъ и Реальныхъ школъ. Мы, кажется ошибаемся на счетъ Сельскихъ и Реальныхъ школъ, точно также, какъ прежде ошибались на счетъ дѣтей. — Бывало, да и теперь еще случается, соберутъ какую нибудь нелѣпицу, снабдятъ лубочными картинками, пожалуй размаляютъ красками и задаютъ — для дѣтей. Молоды еще больно для порядочныхъ книгъ, могутъ читать и это. Ко-

тп. Объемъ, въ какомъ тамъ преподаются науки, не измѣняютъ, не уменьшаютъ значенія самыхъ наукъ. Если предполагается, что тамъ должны быть преподаны только начала наукъ, то само собою разумѣется, что изложеніе этихъ началъ должно быть просто, удобопонятно и главное — точно и опредѣлительно: не то у бѣднаго ученика выростутъ солнечныя уши; тѣмъ и копчится Сельское и Реальное его воспитаніе.

Есть книги, по наружности — ничтожныя; по примѣненію своему — онѣ важнѣе всѣхъ романовъ, драмъ, поэмъ, газетъ и журналовъ. Не бѣда если люди взрослые прочтутъ Мазепу или Дмитрія Самозванца, потеряютъ время, которое бы провели за картами; но весьма вредно, когда дѣтя будетъ заучивать не точныя, не опредѣлительныя объясненія, овладѣяемыя именованіемъ какой нибудь науки. Ему современнѣе придется сказать съ Декартомъ: Надо отказаться отъ всѣхъ моихъ знаній, забыть ихъ и начивать снова; но, къ сожалѣнію, чтобы исполнить этотъ совѣтъ, надо забыть Декартомъ.

Иллюстрація не любитъ выставлятъ цѣны книгамъ имѣть, гдѣ онѣ продаются. Это не дѣло газеты. Но тутъ дѣло иное. Можетъ быть, въ комъ либо велихнетъ чувство благотворительности; эти движенія мгновенны; тутъ помощь наша не излишня и потому уведомляемъ, что Отрывки можно получать въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина и М. Д. Ольхина, а цѣна — цѣну и безъ насъ угадаютъ благотворители.

Примѣчаніе. О переводахъ Библиографія наша будетъ упоминать весьма въ рѣдкихъ случаяхъ. На сей разъ такового не представляется.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

ОСТРОВЪ ЧЕРЕПАХА.

Ип на одной изъ географическихъ картъ старора и поваго свѣта не найдете вы того острова, о которомъ я хочу повести съ вами рѣчь. Этотъ островъ не былъ открытъ ни случаемъ, ни нарочно сфорирированной на этотъ предметъ какой-нибудь экспедиціи: онъ, за два столѣтія тому назадъ, не существовалъ, и не былъ повѣстенъ даже и тогда, когда на Таганрогскомъ мысѣ возвышался маякъ, поставленный Генуэзцами, для безопаснаго плаванія къ Тапапу; а между тѣмъ этотъ самый островъ, не попавшій ни на одну карту, былъ резиденціей русскаго монарха и свидѣтелемъ многихъ переворотовъ азовскихъ.

Въ 1693 году, Петръ I-й, по возвращеніи изъ первого своего путешествія по Англіи, Голландіи и нѣмецкой землѣ, предположилъ устроить на Азовскомъ морѣ флотъ, съ тою цѣлью, чтобы, очистивъ прибрежье азовское отъ Турокъ, продолжить свободный путь въ Эвксинскій Понть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учредить портъ для заграничной торговли.

Таганій-рогъ, у котораго Азовское море восточнымъ концомъ своимъ образуетъ небольшой заливъ, въ видѣ треугольника или рога, обратилъ на себя вниманіе монарха по самому своему положенію, удобному, какъ къ отраженію непріятельскихъ нападѣній, такъ и къ устроенію гавани.

Прежде чѣмъ стала производиться обстановка сцены, на которой должна была разыгрываться великая драма, еще, быть можетъ, слегка только набросана, въ виду этого театра, по волю великаго монарха былъ поставленъ островъ, несредствомъ насыпн хряпа, песку и камня, плиты котораго были спаяны свинцомъ; на поверхности острова была земляная насыпь. Деревянный домикъ, сколоченный изъ брусевъ донскихъ барокъ, шесть-семь вербъ *) и мачта явились на этомъ неподвижномъ понтонѣ, у береговъ котораго, спустя нѣкоторое время, стали появляться легкія русскія суденца и неуклюжія турецкія суда.

И отсюда-то вслѣдствіи творецъ драмы самъ слѣдилъ за правдымъ воплощеніемъ своей идеи, и здѣсь-то обдумывалъ онъ и дорисовывалъ чудную картину грядущаго торжества...

Петръ I-й находился на этомъ островѣ, какъ во все продолженіе крѣпостныхъ работъ и постройки гавани, такъ и впоследствии, когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ возникающихъ уже крѣпостныхъ валовъ сължаны были, въ предохрищеніе отъ набѣга татарскихъ ордъ, три полевыхъ укрѣпленія и проведена на 8 верстѣ линія **) между моремъ и лиманомъ, образовавшимся отъ впаденія р. Муса.

Въ 1711 году, по слѣдъ прутскаго мирнаго трактата, заключеннаго Петромъ I съ Оттоманскою Портою, Азовъ былъ возвращенъ туркамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участь Таганрога была рѣшена: жители изъ него были выведены и островъ покинутъ.

Послѣ такого событія, въ продолженіе 57 лѣтъ волны азовскія грызали камениые берега его, пока, наконецъ, въ 1768 году, въ царствованіе Императрицы Еватерини II, не вспыхнула война съ Турками. Крѣпость была снова возобновлена, часть военной гавани исправлена, и самый островъ, принявъ военный влдъ, былъ укрѣпленъ пушками и служилъ нѣкоторымъ образомъ военной брандахтой.

Но вскорѣ опять, по заключеніи съ Портою ми-

ра, все было оставлено, и островъ, такъ сказать, послѣ вторичнаго своего возрожденія, до нашего времени остается безъ всякаго подержанія. Верхняя часть его почти въ уровень съ горизонтомъ воды — смыта, и, вѣроятно, усвоенное ему названіе «Черепаша», онъ получилъ въ позднѣйшее время отъ разпительнаго своего сходства съ черепахой, выдвинувшей изъ воды гигантскую спицу свою.

Недавно на островѣ Черепашѣ поставлена мачта, наименованная тотъ лѣтъ мачты, на которыхъ гордо развѣвались флаги Петра Великаго.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

Ученныя извѣстія: Значеніе Египетскихъ пирамидъ. — Натуральная ткань. — Нижне-Тагильская Метеорологія. — Зага Шиллера. — Криспа, Индійская картина. — Парижская болн. опера. — Разныя извѣстія.

=

Ученныя извѣстія. Г. Перснны давно представлялъ въ Парижскую Академію Наукъ весьма замѣчательное сочиненіе, о назначеніи и постоянной пользѣ египетскихъ и нубійскихъ пирамидъ. Донынѣ пхъ считали памятниками тщеславія фараоновъ; теперь это преположеніе стражи Египта, защищающіе всю долину Нила отъ лабѣговъ безводной рѣки, то есть отъ нашествія нестачной стени. Въ этомъ огромномъ сочиненіи г. Перснны собралъ и вооружилъ исторію и все науки, чтобы доказать гипотезу, съ которою нельзя не согласиться. Дѣйствительно, мѣсто нахожденія пирамидъ совершенно согласуется съ мыслью, которую г. Перснны вскрылъ размышленіемъ и ученымъ трудомъ. Удивительно одно, что ни одному путешественнику эта мысль не пришла въ голову, тогда какъ г. Перснны дошелъ до своего открытія сила полъ стражей за участіе въ страбурбургскихъ замѣшательствахъ. Газеты и журналы, въ томъ числѣ и Парижская Иллюстрація, съ рисунками, возвестила о новой мысли. Академія еще не произнесла своего мнѣнія.

— Мартиней дель Рио прислалъ изъ Мексикки въ Парижъ образецъ натуральной ткани необыкновенно тонкой и съ тѣмъ вмѣстѣ довольно крѣпкой; она образуется надъ кучами маиса, если онъ лежитъ весьма долго, ясколько лѣтъ; полагаютъ что эту ткань выработываютъ насекомыя, какъ паутину; но какія это насекомыя и прочее — покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Если этой тканью вздумаютъ замѣнять искусственную, то сколько придется сгноить этой пшенички, чтобы получить нѣсколько аршинъ?..

— Г. Демпловъ сообщилъ Парижской Академіи таблицу метеорологическихъ наблюденій въ Нижне-Тагильскѣ за 1844 годъ и первые три мѣсяца 1845. Мы не припомнимъ, былъ ли этотъ наблюденій сообщенъ Санктпетербургской Академіи Наукъ.

— Мудрствованія о болѣзнь картофеля еще не прекратились.

— Художества. Въ замкѣ великаго герцога въ Веймарѣ, какъ извѣстно, отлѣвывается живописью зила Шиллера. Мысль прекрасная; исполненіе очень хорошо; мы выдсаи гравюры съ картинъ, украшающихъ эту залу; когда получите ихъ, пояснимъ въ Иллюстраціи н сообщимъ нѣкоторыя подробности. Шиллеръ, какъ Моцартъ и Веберъ, принадлежатъ всемъ націямъ. Все народы привыкли его считать своимъ поэтомъ. Делѣе другихъ съ нимъ знакома Франція. Переводчики передѣлывали и сокращали Шиллера по своимъ понятіямъ.

— Лордъ Альбингстонъ подарилъ другу своему графу Альфреду Орсай индійскую картину, которую, названіи Криспа. Графъ подарилъ ее правительству. Евгеній Сю передалъ ее, отъ имени принцессы, г. Сальванпъ, и картину поставили въ Византійскую залу. Отъ чего же, спросите, въ Византійскую? Догадываемся, что византійскія художества считаются въ Парижѣ индійскими во второмъ колѣнѣ. На эту тему представлены и ученые доказательства въ томъ же родѣ; мы не опровергаемъ ихъ, потому только, что въ такомъ

случаѣ потребовались бы и рисунки какъ этой картины, такъ и нѣкоторыхъ другихъ; еще и потому, что этотъ совершенно частный споръ не обеззанимателенъ. Если повторите на слово, то эта картина столько же похожа на византійскія, какъ послѣдняя на китайскія. — Эта картина итѣстѣ рѣшительное сходство съ Китайскими живописнымъ произведеніямъ, между коими есть много весьма замѣчательной работы.

Театры. Парижъ наслаждается драмой Дюма и Маре, Мухватеры. Пока эта драма передѣлается, а этого сй не мновать, для нашей сцены, — любители могутъ наслаждаться романомъ въ двухъ переводахъ, изъ коего родилась и возрасла драма. Въ Оперѣ двѣ новости: г. Матье, теноръ, который спѣлъ партію Отелло въ первый дебютъ и весьма не дурно, а это ужъ очень хорошо, и дѣвица Гальберъ, въ Консерваторіи дѣвица Шжонъ; дѣвица Шжонъ въ Консерваторіи получила за шпие первую награду; дѣвица Гальберъ на сценѣ оказалась слабою и не поворотливою пѣвицею... Что будетъ съ нею даьше, невѣдомо. Третья новость — также надежда. Въ тотъ же театръ ставятъ оперу Царь Давидъ, музыка Мерме, и ожидаютъ большаго успѣха. Да сбудутся ожиданія, и намъ будетъ веселѣе.

Разныя извѣстія. Во французскихъ газетахъ напечатано, будто герцогъ Веллингтонъ отдалъ приказъ, чтобы во всей арміи были уничтожены общества трезвости. Видно часіицы лѣвые войны. Впрочемъ, если подобный приказъ дѣйствительно существуетъ, то весьма любопытно знать поводы, по которымъ эта мѣра принята.

— Въ заключеніе, расскажемъ вамъ довольно забавную исторіетку, принадлежащую къ египетской, современной хроникѣ Парижа:

Мужъ по дѣламъ проживалъ въ свѣрскихъ департаментахъ, а жена отъ скуки, познакомилась съ начальникомъ гарнизона, расположеннаго по близости. Въ качествѣ героя или даже самаго Юпитера, гость взялъ събѣ Меркурія или по просту, дюжого мушкетера, и когда черезъ тайную калитку отравлялся къ женѣ Амфитріона, Меркурій заперъ калитку на замокъ и съ мушкетеромъ стоялъ на часахъ. Меркурію дана была точная инструкция. Между тѣмъ, каждому извѣстно, что за поколѣніе друзья; онъ, подъ маской притворнаго участія, ради-рабочеюки обгорчить друга; Амфитріонъ упадетъ отъ друзей непріятель своего положеія; беретъ почтовыхъ лошадей; летитъ; дождъ кругомъ запертъ; итѣтъ возможности войти; развѣ черезъ огородъ, но тамъ стѣна; какъ на нее взлѣзть? Амфитріонъ вскопчал на лошадь, перекинулъ одну ногу за стѣну...

«Стои!» раздался звучный голосъ Меркурія, и дуло поднялось и прицѣлилось прямо въ грудь незваннаго гостя.

— Ого! сказалъ Амфитріонъ: тутъ все на военной ногѣ! Хорошо, что я не вошелъ въ домъ; лѣчего дѣлать — ретпруюсь!

«Стои! Нельзя! Шагъ впередъ, шагъ назадъ — и я стрѣлю.»

— Да я же не могу сплѣтъ верховъ на этой стѣнѣ...

«Можешь! Сиди! Командантъ сейчасъ выйдетъ...»

Командантъ вышелъ утромъ. Послѣдовало шшвое объясненіе; уши куда-то; Амфитріона принесли съ плечей въ плечѣ; жена пришла въ отчаяніи и расточала самую нѣжную заботливость. Но, увы! ничто не можетъ утѣшить Амфитріона... Дальнѣйшихъ извѣстій не получили.

*) Последнее изъ этихъ деревьевъ, какъ видно изъ переписки по этому предмету, хранившейся въ архивѣ градоначальства, загорѣо льдами въ 1817 году; между тѣмъ, какъ одна верба, можетъ быть, сверстница вербамъ острова, еще и нынѣ существуетъ на оконечности гавани Петра I-го, совершенно затопленной водою, около 30-ти лѣтъ.

**) Слѣды этихъ укрѣпленій и самыя лѣпн сохранены и нынѣ.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ.

Экономическое Общество. — Лекции П. Я. Шюца. — Гимнастика. — В. А. Каратыгинъ. — Бенефисъ П. Каратыгина. — Мебель Ганбса. — Памятникъ Петру Великому.

Полезныя предприятия, изобретения и открытия. Безъ сомнѣнія, любопытны читаться, валидны на заглавіи, подумаетъ, неужели опять беседа о всякой дрячливости? Многие благонамеренные люди письменно просили насъ оставить эту бесѣду, а въ доказательство, привели одно выразительное слово: стоитъ ли? — Конечно, не стоитъ для тѣхъ, которые проинкали достоинства всякой вещицы, не читаютъ ее вовсе, или читаютъ, дукаво улыбаются; но вѣдь въ стихіяхъ въ природѣ плутъ сложи. Чѣмъ слои выше, тѣмъ чище, благороднѣе; есть слои, въ которыхъ не перевелась еще безусловная вѣра во все печатное. Этому слою читателей указали мы, чему оубъ иногда вѣрять и, право, съ неудовольствіемъ; ожесточеніе Сѣверной Пислы противу иллюстрацій не каждый можетъ понять; требуется толкованіе и исполненіе долга; иногда, какъ обязаный врачъ, зайдемъ туда, куда бы безъ обязанности и не заглядывали. Извините великодушно; знаемъ, чего вы требуете отъ иллюстрацій, и слышимъ подбѣгать съ вами наблюденіями нашими за петекшую недѣлю.

У насъ новости не многообразны; мы ихъ подвѣяемъ полъ сѣвующій категории: полезныя открытія и труды въ отечествѣ нашемъ, литература, художества, музыка, театры, мануфактуры, фабрики и промышленность, городскія новости, провинціальныя извѣстія. Начнемъ съ послѣдняго. Постоянно сѣдуя за дѣятельностью нашихъ ученыхъ обществъ, неслыно не забывать съ истиннымъ удовольствіемъ, какое развитіе дѣятельность эта принимаетъ въ здѣшнемъ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Это общество кинитъ трудомъ, увлекать другихъ къ труду, средствами верными, дѣйствительными. Это исленіе имену утѣнительно въ настоящее время, когда эгоизмъ очерствѣлъ даже добрыхъ отъ рожденія людей; когда собственныя выгоды исключаютъ всякую безвозмездную помощь, когда добро дѣлается, или съ тщеславною дѣлюю, или за проценты другого рода. Когда за похвалу платятъ, за усилія безкорыстныя бранятъ, намъ благодаримъ съмысленно. Вѣкъ такой! Странное оправданіе, будто вѣкъ можетъ имѣть вліяніе на сердце; будто измѣна одного друга, можетъ платить всѣхъ друзей; несчастная необходимость оного, будто можетъ, какъ эпидемія, заразить всѣхъ; и люди, прикрываясь какою-то вѣткою, какъ то образованною расчелывистостью, запарываются въ твердой корѣ эгоизма, какъ улитка, раскрываются, чтобы пропустить музу на каждое доброе начинаніе и оилтъ запереться въ свою нечронизируемую раковину. Эти зоофиты располагаются не хуже устрицъ; но за то при такомъ владѣно-печальномъ направленіи чловѣчества, благодѣтельные подвиги, высокія усилія, труды безкорыстные и дѣйствительные носибіе полезному — все это становится забытѣе, колоссальнѣе и утѣнительнѣе. Съ жалостью прощали мы извѣщеніе изъ журналовъ совѣта Вольнаго Экономическаго Общества со 2 мая по 19 сентября 1845. Тутъ тма интереснаго, пропасть утѣнительнаго. Вы не потребуете отъ насъ оффиціальнаго изложенія; вы дозволите сдѣлать только указанія на замѣчательнѣйшее.

Давно уже у насъ говорили о проектѣ: какимъ образомъ посредствомъ денежныхъ полъ заволовъ хдѣба ссуздъ, содѣйствовать къ удержанію среднихъ на него цѣвъ. Проектъ этотъ имѣлъ весьма много хода, какъ говорится. Токамажъ не было конца. Теперь видяжъ, что приступлено къ осуществленію столь важнаго предположенія. Люди благонамеренные, любящіе отечество, какъ родители, конечно употребятъ съ своей стороны всякое содѣйствіе, чтобы дать жизнь и раз-

витіе этому предпріятію; но за то сколько у насъ зоофитовъ, заежающихся въ своихъ раковинахъ, изъ которыхъ едва ли добурутъ ихъ утѣренныя выгоды. Эгоизмъ, изъ устрицъ, какъ онъ изъясняется, не станетъ и ружъ марты. Для нарушенія его старшіи, ему нужны сотни тысячъ.

Докторъ Бестпольскій, въ Варшавѣ, изобрѣлъ новый способъ выдѣлывать изъ свеколовцы сахаръ, посредствомъ одной вымочки, не употребляя многостопныхъ машинъ для рѣзки и прессованія. Это изобрѣтеніе чрезвычайно важно. Этотъ родъ промышленности у насъ поднимается и сиравдливо заслуживаетъ всякаго содѣйствія и облегченія. Можетъ быть, распространеніе свеколовчнаго сахаропроизводства со временемъ уволитъ нашу торговлю отъ необходимости вывезывать сахарный матеріалъ изъ-за моря и освободитъ значительныя капиталы въ пользу отечественной промышленности. — Сколько у насъ производительныхъ силъ въ недрахъ земли, того не исчислить, неизобрѣтъ никакое воображеніе; между тѣмъ эти силы не дѣйствуютъ, потому что не достаетъ капиталовъ, которые бы могли привести ихъ въ движеніе; напримеръ, г. Гуляевъ обратилъ вниманіе Вольнаго Экономическаго Общества на три продукта: слабительную сибирскую соль, Алтайскій ревенъ и кошениль; а сколько драгоценныхъ произведеній природы покоятся въ недрахъ Россіи, въ то самое время, когда огромныя капиталы употреблются на вышукъ тѣхъ же продуктовъ изъ-за границы. Укажемъ на одинъ только каменный уголь.

Мѣтнія о прививной оспѣ измѣняются. Вчера, такъ сказать, хотѣли ставить памятникъ изобрѣтателю; сегодня стараются доказать явныи вредъ оспы. Конечно, оспа, болѣзнь ея же не минуемъ, должна имѣть свое время въ организмѣ чловѣка отъ дѣта; можетъ быть преждевременное введеніе оспеннаго яда въ кровь младенца, имѣетъ вредное вліяніе на его дальнѣйшее возрастаніе и развитіе; все это, можетъ быть, въ настоящее время послужило темой къ доказанію вреда отъ прививной оспы; того же мѣтнія придерживается и членъ Вольнаго Экономическаго Общества баронъ Бодѣ; но противъ такого мѣтнія сильно возстали. Игро п соитя еще не напечатаны. За то въ послѣдней книжкѣ трудовъ Общества помѣщена статья о четырехъ предложеніяхъ г. Стенжичкаго «о постройкѣ пудлобосгарамскихъ домовъ, нововъ покрятій строеній» и главное «о устройствѣ печей и очаговъ съ теплопроводниками и угаровотодами.» О первыхъ давно уже толковала агрономическая архитектура; но мѣтнія до сихъ поръ раздѣлены; опыты не рѣшили спора. Что же касается до печей, то этотъ вопросъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Иллюстрація уже помѣстила статью «о пневматическихъ печахъ» съ рисунками; теперь подготовляются рункикъ обшрпимъ статьяжъ, относящаяся до отопленія и вообще до состоянія комнатнаго воздуха.

Вольное Экономическое Общество, согласно предложенію его сѣтельства кв. В. В. Доагорукова, нынѣшняго вице-президента, приступило къ предпріятію, въ высшей степени полезному, имено, къ изданію народныхъ руководствъ, но разнымъ отраслямъ промышленности. На первый разъ предположено издать руководства по части хаміи и механики. Предпріятія на этомъ поприщѣ частныхъ лицъ явственно доказываютъ, что Россіи нуждается въ подобныаъ элементарныхъ книгахъ; но къ несчастію, за это дѣло берутся недоучившіеся ученые, по заказамъ купчикопродавцевъ и вольнопрактикующихъ спекуляторовъ. Цѣль не достигается; напротивъ того, распространяются книжовки, которыя бы слѣдовало подарить Скалозубу и Фанусову на всеожженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что такіа руководствва требуютъ руководства и надзора ученаго общества; и этого мадо: для такихъ трудовъ нужно время, а чѣмъ оно вознаграждено будетъ? Премія въ 2—5 тысячъ рублей, предлагаемая его сѣтельствомъ, за составленіе лучшаго руководства, устраиваетъ и это послѣднее затрудненіе.

Мы указали на главнѣйшее; никогда бы мы не кончили, если бы вдумали познать насъ въ подробности съ содержаніемъ 5-й книжки Трудовъ Общества, которая лучше всего изображаетъ всю дѣятельность этого учрежденія и его направленіе. Не можемъ, однако же, умолчать объ одномъ предметѣ, который, по нашему мѣтнію, весьма важенъ; это публичныя лекціи, читаемыя членами Общества. Въ нынѣшнемъ году четыре

курса: г. Вавилова «о торговлѣ и товаровѣдѣніи»; г. Кана «о натуральной исторіи чловѣка» на французскомъ языкѣ; г. Максимова «о популярной механикѣ»; и г. Шюца «о гигиенѣ общественной.» Забавенъ родъ лекцій! Когда сѣдали, что П. Я. Шюца будетъ читать лекціи «о способахъ сохраненія здоровья», въ съучастіежъ заговорили о пріятной новости; изъ этихъ всѣхъ, весьма многіе поспѣшили въ залу Общества; выслушали вступительную лекцію и обрадовались, думая, что на каждой лекціи услышатъ разомъ все, что до чловѣческаго здоровья принадлежитъ. Но когда по необходимости, преподаватель, раздѣль прелесть своей на мелкія части, вступилъ въ изложеніе отдѣльно каждой, когда по необходимости долженъ былъ для полноты и связи говорить о многомъ, то каждому извѣстно изъ ежедневной жизни, слушатели ошечались, такъ что мы стали сомнѣваться въ ихъ прежней радости. Мы подумали, что весьма доброе начинаніе у насъ имѣетъ усердныя противники, которые не только не думаютъ о пользѣ общен; а ради истонать первые ея зародыши. Впрочемъ, періодъ этой борьбы, кажется, миновался. П. Я. Шюца на послѣдней лекціи свелъ итоги предъидущихъ чтеній; тогда только обнаружилась система, которой онъ сдѣлалъ дугъ. Въ отдѣльныхъ лекціяхъ, онъ говорилъ о воздушныхъ вліяніяхъ въ разныхъ отношеніяхъ; въ послѣдней изложилъ средства и способы противу вредныхъ вліяній. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе важной части гигиены о воздухѣ окончилось; слушатели опять утѣшились. Каковы бы ни были толки и сужденія о лекціяхъ П. Я. Шюца, мы безъ боязни скажемъ наме мѣтніе, что считаемъ чтенія эти весьма полезными; изложеніе достаточно подробнымъ и пріятнымъ; и убѣждены, что чтенія г. Шюца востоятъ будутъ болѣе и болѣе возрастать въ значительности и округляться въ изложеніи. — Чѣтъ худъ безъ добра! И эти извѣстныя толки, можетъ быть, прошли не безъ пользы для преподавателя: онъ указалъ ему современныя требованія публики.

— Люди болѣе эгоисты, сказали мы: но это названіе едва ли правильно. Они любят не себя, а свои выгоды; до себя какое имъ дѣло. Вотъ, напримеръ они хлопочутъ о барышахъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, а о здоровьи своемъ и не думаютъ. Захвораю, вылечить; за деньги, чего доброго, еще воскресать, пожелай... Но увя, за деньги всего достать можно, кромѣ здоровья, и раковина зоофита-себялюбца раскрывается для поглощенія дѣлоя антики и погребя минеральныхъ вола; для путешествія къ изабельнымъ источникамъ, а оттуда на кладбище; не потому, чтобы медицинская помощь была не дѣйствительна, а потому, что эти средства не всегда могутъ возстановить силы утраченныя, исправить существенныя поврежденія организма. Въ Европѣ давно догадались, что лечить должно не одного больного, но и здороваго, чтобы не былъ боленъ; медицина, въ числѣ самыхъ надежныхъ предохранительныхъ средствъ, ежедневно напоминаетъ о движеніи. Въ особенности это средство важно для жителей Петербурга, предавшихъ по необходимости спячій жизни; да когда и гдѣ гулять въ Петербургѣ? Погода двѣ трети года рѣшительно тому противится. И что жъ! У насъ полъ рукою есть спасительное средство — гимнастика; отличный, одинъ изъ первыхъ учителей въ Европѣ, г. де Ронъ; весьма удобное заведеніе въ правомъ флигелѣ шпенсериаго заведенія, что близъ Сивіоновскаго моста, входъ изъ свевра. И что же, едва ли десять чловѣкъ възрѣлыхъ и до двадцати дѣтей пользуются благодѣнными гимнастическими, востаня отъ заведенія ежедневно отъ подовпы втораго до трехъ часовъ. На гимнастику еще весьма многіе глядятъ какъ на гасерство, и это препятствовало ея развитію даже въ чужихъ краяхъ; теперь просвѣщеніе побдило этотъ предразсудокъ, и гимнастика обратилась въ науку. Другіе признаютъ ея пользу, но считаютъ достояніемъ поставитъ въ комнатѣ ваку и ломаться по желанію. Въ этомъ видѣ, безъ помощи знющаго и хорошо образованнаго руководителя, гимнастика можетъ обратиться во вредъ. Предметъ этотъ столь важенъ, что мы досытажъ ишловоко времени его изученію п сообщимъ подробный отчетъ нашихъ наблюденій на благоусмотрѣніе читателей.

Литература наша въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы ее оставили па прошедшей недѣлѣ. Ничего новаго, и въ виду не имѣется. Удивительно, чѣмъ издѣрывается жизнь наша книжная торговля. Неужели одними журналами и газетамъ?

Ни одного сколько-нибудь значительного представления... Неужели падение первых частей двух романчиков может утешить публику; и ты не успел показаться на сцене, уже вступил в соперничество. Два мушкетера теперь точно два деа; публика может прочесть сначала одну переводку, потом точчась другой, и вот что всего забавнее: в обоих она найдет что-нибудь новое. Такова судьба всех переводов. Литература совершенно перевелась, и мы переходим к театру.

Тут важная новость; Русский театр оживился; Русская драма проснулась. Василий Андреевич Каратыгинъ, возвратился 14 ноября въ Среду изъ за границы. На другой день мы любовались бенефициемъ П. А. Каратыгина. Этотъ вечеръ заслуживаетъ подробной статьи; а между четвергомъ и субботой для того маю времени. Но исходить отлагаемъ удовольствіе это до слѣдующаго номера.

О художествахъ до выставки говорить нечего. Въ залахъ Академіи сосредоточились всѣ произведенія нашихъ артистовъ; двери Академіи, вѣроятно, въ скоромъ времени откроемся...

Пока откроется выставка художественныхъ произведеній, чтобы пріятно дразнить глаза, любоваться какимъ-нибудь изяществомъ, лучше всего, по нашему мнѣнію, гдѣ-то на костюмы дать, на блестящіе экипажи, на красивую мебель; для послѣдней у насъ есть постоянная выставка, магазинъ Гамбеа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, молодой и достаточный женихъ хлопоталъ о красивой и выгодной квартирѣ; нашелъ квартиру и сталъ хлопотать о мебели; мебелировать домъ въ Петербургѣ не трудно; угодно, можно въ одинъ день убрать мебелью цѣлую улицу; но какую мебелью?.. это весьма затруднительный вопросъ. Естественно, что молодой и достаточный человекъ, если женился, гдѣ же ему закупить мебель, если не у Гамбеа. Онъ такъ и сдѣлалъ, но ужъ за то, что мы должны были отъ него переслушать. Дорого! кричалъ онъ, ужасно дорого! непомерныя цѣны! и тому подобныя восклицанія. Съ тѣхъ поръ молодые супруги переменяли не одну квартиру, не разъ закупали мебель и мужъ безпрестанно восклицалъ: Представь, какъ дешево; просто, даромъ. Недавно мы поспѣли эту чету на новоселье. Мебель намъ чрезвычайно понравилась. Что любуетесь? сказалъ онъ; вѣдь это опять Гамбеа! — Видно вы разбогатѣли? — Совѣтъ нѣтъ, я вѣселею, что дешевая мебель вдвое дороже Гамбеовской. — Какъ такъ? — Весьма просто. Выборъ материала и прочность работы сообщаютъ ей многолѣтнюю цѣнность. Вкусъ, отдѣлка — это въ придачу; я ужъ этого и не считаю. — Все это подстрекнуло наше любопытство; мы поспѣли магазинъ Гамбеа и, признаваясь, не могли довольно налюбоваться красотою отдѣлки каждой бездѣлицы. Въ этомъ мы и не сомнѣвались; но вотъ, что намъ случилось; спрашивая о цѣнахъ, мы увидѣли, что слухъ о дороговизнѣ Гамбеовской мебели, только слухъ, не имѣющій никакого основанія. Конечно, вѣру за красотою орнаментовъ дерева, обитое машинными бархатами, спрашиваютъ 270 руб. ассигнаціями. У другихъ можно бы купить, кажется, за 200 рублей; такъ, да только это кресло изъ цѣльнаго дерева, изъ котораго вы можете нарвать листовъ для оклачки на двадцать креселъ; кресло сдѣлано такъ крѣпко, какъ будто изъ жести; оно изотрется, но не испортится; вы подержите, искрошите шесть креселъ, а это все будетъ цѣло; и потомъ продадите еще какъ цѣнный матеріалъ. Такія же весьма удивренныя цѣны мы встрѣтили и въ другихъ статьяхъ. Напримеръ, двѣ односпальныя кровати цѣльнаго краснаго дерева, пятьдесятъ рублей серебромъ;

слѣдственно, слава это не дешевле всѣхъ другихъ магазиновъ; дюжина столовыхъ стульевъ, также плотныхъ, цѣльнаго дерева, отличной отдѣлки, двести десять рублей ассигнаціями. Мы съ любопытствомъ входили въ разные подробности, именно потому что Иллюстрація въ этомъ отношеніи никому подражать не будетъ; недостоинство не похвалять, дорогого не удешевить; она ручается за правду своихъ словъ, и потому о предметахъ мануфактуръ, фабрикъ и промышленностей, говорить тогда только, когда изучать самыя предметы. Мебель, согласно этимъ двумъ требованіямъ, двоякаго рода: мебель для домашняго быта должна быть крѣпка и удобна; пріятно выдѣть, если къ этому приспособлены и хорошия формы. Этотъ родъ мебели въ магазинѣ Гамбеа,

какъ образецъ мебелировки. Иллюстрація, сколько понимаетъ свою обязанность, должна знакомить и съ успѣхами вкуса по всѣмъ частямъ нашего домашняго быта и не оставить помышлять лучшей въ этомъ родѣ новости, какому бы магазину и мастеру онъ ни принадлежалъ. Въ это посещение, мы замѣтили чрезвычайно красивыя зеркала; они перелестены тонкими деревянными аграмантомъ, который отражалъ не скрываетъ разбровъ зеркала, но даетъ возможность посрединѣ зеркала укрѣпить кронштейны для употребленія ad libitum. Наверху лампы, отражающаго въ зеркалѣ; все это вмѣстѣ производитъ сильный эффектъ. — Въ мебели много не хотѣть цѣнныя вкуса числительно; это ошибка; сочинить новое и въ мебели конечно не такъ трудно какъ, сочинить историческую картину, но все же такъ изобрѣтательное воображеніе должно употреблять не мало времени на созиданіе и обработку новой формы, особенно, если эта форма такъ рѣзко и такъ выгодно отбиваетъ мебель одного мастера отъ мебели другихъ. Нѣтъ, по нашему мнѣнію такого ремесла или производства, въ которомъ производитель не могъ бы возвыситься на степень художника. Посуда, стекло, все, все можетъ достигнуть значенія художественныхъ произведеній. Вспомните Этрускіе горшки, которыхъ мы и горшками называемъ не съужемъ, а почтительно величаемъ вазами; вспомните металлическіе сосуды древнихъ, которые славятся не рѣзьбой работой, а формой, контуромъ; вещь того же металла, но не той формы, стоила вполнѣ мѣшше, употреблялась всѣми, а сосудъ съ изящною формой хранился у хозяина со вкусомъ въ лучшемъ покоѣ, на яразорномъ пьедесталѣ въ особенной шпѣ. То же можно сказать и о мебели: есть на сценѣ мебель ординарная, какой вездѣ тѣмъ; есть мебель художественная; отъ этого не только значеніе, но и цѣнность ея повышается.

Исполняемъ обѣщаніе, данное въ послѣднемъ номерѣ, и помѣщаемъ гравюру съ памятника Петру Великому у Красныхъ сосель.

Памятникъ Петру Великому у Красныхъ сосель.

МЫЗА ЛИГОВО.

Въ послѣдней книжкѣ трудовъ Волыаго Экономическаго Общества, помѣщено любопытное описаніе Мызы Лигово, составленное некоторыми членами этого общества. Посѣтниками мызу имѣли дѣтчи. Мы увѣрены, что статья и мыза обратитъ на себя вниманіе хозяевъ, считающъ обязанностью передать ее съ некоторыми сокращеніями нашимъ читателямъ.

Подгородное, а именно подстоличное, въ окрестностяхъ Петербурга хозяйство, имѣетъ совсѣмъ не тѣ основанія, какъ хозяйство губернской центральнаго, и особенно хозяйствъ степное. Петербургскій климатъ суровъ и неустойчивъ; почва, болѣею частью холодная, для которой необходимо сильное удобреніе; растительность бѣдная; уборка, требующая дѣятельности и сварки значительной. По за то сбытъ вѣрный и хорошо вознаграждающій трудъ и издержки. Кто пожелаетъ здѣсь въ землю капиталъ съ знаніемъ дѣла, тотъ навѣрное получитъ значительные прощты. Но для этого необходимы: трудъ, искусство и знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ. Убѣдительнѣе этому доказательствомъ можетъ служить мыза «Лигово», лежащая на 15-й верстѣ по Петергофской дорогѣ, на поворотѣ въ Красное Село. Мыза эта пріобрѣтена вышнѣшнимъ ея владѣльцемъ, графомъ Г. Г. Кудевинымъ въ 1842 г., который увеличилъ ее пріобрѣтеніемъ смежныхъ дачъ купца Бландона и тайн. сов. М. П. Позена въ 1844 году. Черезъ это, имѣніе округлилось и получило значительныя выгоды. Теперь все имѣніе состоитъ изъ 2700 десятинъ земли, полъ пашней, лу-

са, по нашимъ понятіямъ и сравнительно, совершенно не дорогъ; если вы заплатите на мелкой вещи пять, на вещи покрупнѣе десятъ лишнихъ рублей, то можно расчесть и не считать, что вы платите едва ли одинъ процентъ лишній и получаете 10 прои. лишніхъ въ качествѣ материала, въ крѣпости работы, въ безопасности вашей персоны, и, наконецъ, въ красивой формѣ. Другой родъ мебели, удовлетворяя требованіямъ нашего общественаго быта, не подлежитъ никакимъ положительнымъ таксовымъ цѣнамъ. Вамъ угодно имѣть зеркала, облитые ярко-золоченою бронзою; вамъ угодно расставить въ вашей гостиной кресла, украшенные рѣзьбою сверху, снизу съ боковъ и т. п. Тутъ дѣла такая же фантазія какъ и ваша роскошная мебель. Можетъ быть и дорого по дешево брать за нее въ магазинѣ Гамбеа: но вкусъ съ какою все это отдѣлано безъ сомнѣнія одобритъ всякій, кто сколько нибудь обладаетъ художественнымъ чувствомъ. Эти фантастическія произведенія, можетъ быть, пугаютъ покупателей; но мебель домашняя на которую больше запроса, съ которой больше прихода, заставляетъ думать, что и въ этомъ отношеніи слухъ о дороговизнѣ Гамбеовской мебели — несправедливъ. — Домъ Гамбеовъ существуетъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ въ Россіи и славится въ 2-мъ поколѣнн. Здѣшніе жители могутъ видѣть великолѣпный магазинъ ежедневно собственными глазами; для жителей провинціи прилагаемъ двѣ гравюры: одна представляетъ видъ части магазина; другая внутренность одной комнаты гг.

гани, льсомъ, болотомъ, стросіями, садами и проч. Оно поручено управленію З. З. Маклотланна, члена Вольнаго Экономическаго Общества, завѣдывающаго уже 25 лѣтъ всѣми помѣстьями графа Г. Г. Кухелева.

Прежде всего вниманіе посѣтителей было поражено хорошо обработанными полями, на которыхъ водосточныя каналы и борозды проведены и обхланы съ особеннымъ искусствомъ и аккуратностью. Посѣтители останавливались долго и любовались на яровую рожь, на овесъ, на сѣянную траву. Все это было въ полномъ цвѣтѣ и силѣ, не смотря на позднюю весну и на продолжительные холода въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ. На всѣхъ поляхъ разстелены окрашенные столбики, съ деревянными дощечками, на которыхъ означены названія хлѣбовъ и травъ и количества высѣва. Даже на готовыхъ стогахъ съ сѣномъ поставлены палочки съ деревянными ярлыками. Довольно замѣчительно, что здѣсь производится весьма умѣренный посѣвъ травъ. Обыкновенно у насъ высѣвается на десятину до пуда и болѣе сѣмьез. Здѣсь же пьеть 8 ф. клевера и отъ 18 до 20-ти ф. тимфеовой травы. Г. Маклотланнъ находить, что болѣе сѣять на его землѣ вредно: отличной густоты многія зерна глоснутъ.

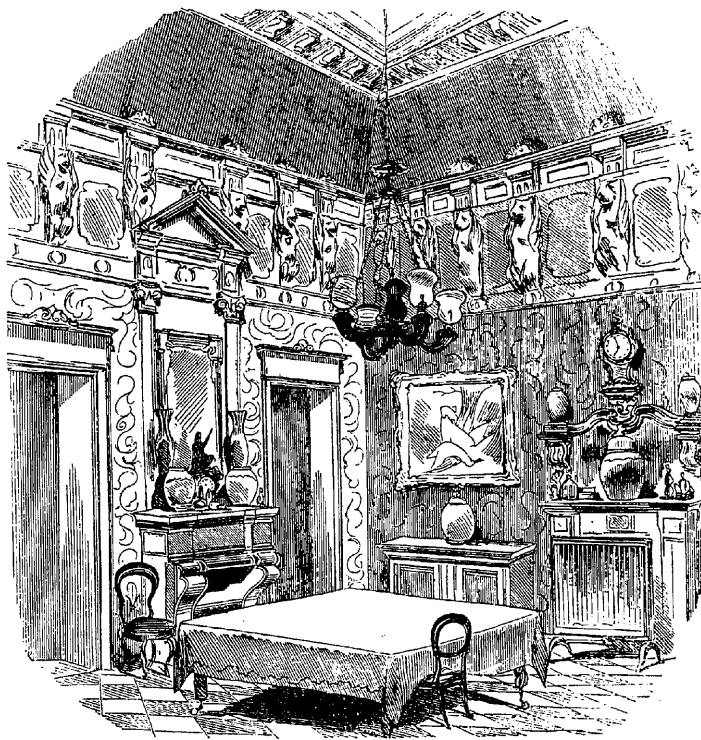
Грунтъ здѣсь глинистый и суглинистый, мѣстами покрытый булыжными камнями и отчасти стоячею водою, которая до прорытія водоспусковъ тамъ оставалась и образовала тонкій болотистый слой.

Здѣсь наибольшее вниманіе обращено на овесъ, сѣно и картофель. Послѣдній занимаетъ 8 десятинъ, и за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ огромнаго дома, продается въ значительномъ количествѣ. Замѣчательнѣе употребляемый здѣсь спо-

но свѣжъ и даже вкуснѣе новаго молодого картофеля,

Овесъ въ Лиговѣ посѣтители видѣли еще въ зеленѣ, но онъ обѣщала хорошій урожай. Вообще колосъ былъ очень яркій и на видъ здоровый; колосъ сильный, богатый. Овесъ здѣсь, болѣею частью, англійскій и, такъ называемый, «карто-

Сѣяная трава здѣсь также важное дѣло. Большая часть десятинъ дасть не менѣе какъ отъ 200 до 500 пудовъ сѣна, а нѣкоторыя, можетъ быть, и до 500, хотя лѣто не совсѣмъ благоприятное и хотя на тимофѣѣ, во время самаго его цвѣтенія, показалась мошка. Клеверъ здѣшній достоинъ вниманія: это шотландскій. Онъ весьма крупнъ и высокъ. Лиговскій экономія продаетъ клеверныя сѣмена по 6 р. сер. за пудъ. До нынѣ не находили выгоды добывать въ Петербургскихъ окрестностяхъ сѣмена клевера: ибо онъ худо вызрѣвалъ, по г. Маклотланнъ, помѣшю хорошей обработки, получая хорошей сѣмена. Дешо сѣменъ Вольнаго Экономическаго Общества могло бы принятъ на себя сбытъ этихъ прекрасныхъ, акклиматизированныхъ сѣменъ. Въ Лиговѣ есть мѣсто, называемое Коаровскій лузъ, занимающее пространство въ нѣсколько десятковъ десятинъ. Это мѣсто еще недавно было залито болотною водою; теперь оно сухо, часто вспахивается и перенахивается, и засяно овсомъ и травою, которые здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-либо на мызѣ. Правда, что бѣложелтоватая глина здѣсь нѣсколько доброкачественнѣе, нежели на другихъ поляхъ, и была покрыта тонкимъ слоемъ растительной болотной земли; правда и то, что здѣсь лѣтомъ пасутся стада бойнаго скота, слѣдующія въ столицу. Они оставляютъ парадное удобреніе. Здѣшнее землеупотребленіе производится рационально: навозъ свѣжій не кладется на поля; ему даютъ перепрѣвать въ огромной ямѣ, поливая золотомъ; въ яму сваливается всякій соръ, и такимъ образомъ составляется комность, и этимъ-то составомъ, столь дѣйствительнымъ, земля удобряется, и совершенствуется хорошою обработкою.

Комната въ квартирѣ у г. Гамбсѣвъ.

Мебельный магазинъ Гамбса.

собъ сохраненія картофеля. Дѣло въ томъ, чтобы складывать картофель въ подвалы сырой, и даже съ землей, а отнюдь не сухой, и убирать его въ дождливое время или когда уже пала роса. Это совершенно противно всѣмъ доселѣ существовавшимъ о сѣмъ предметѣ правиламъ. Посѣтители Удовольствія въ томъ, что прошлогдній картофельъ, такимъ образомъ сохраненный, совершен-

нѣе, (potatoe oat), отличающійся силою роста и крупностію мучнистаго зерна. Здѣшній овесъ имѣетъ отъ 7-ми до 8-ми пудовъ вѣса въ четверти. Поля овсомъ здѣсь всего 120 десятинъ. Уборка производится серпомъ. Такой густой овесъ, кажется, лучше бы косить. Но обычай противъ этого. Не нужно бы смотрѣть на обычай, но у всякаго свой взглядъ, свой толкъ.

Здѣсь въ употребленіи для поднятія земли большой передковый плугъ, запрягаемый четверкою рослыхъ коней. Люди, ими управляющіе, мастера своего дѣла. Ихъ этому выучилъ самъ г. Маклотланнъ. Достоинъ вниманія умѣнне обращаться здѣсь съ рабочимъ скотомъ. Здѣсь пашутъ на лошадяхъ, которыя въ другое время года употребляются въ господскіе

экипажи. Разумеется, они несколько спадают съ тела, но за два мѣсяца до обращенія ихъ въ ѣзду, имъ дадутъ отдыхъ, имъ пустить кровь, и лошади опять съхлѣются столь же свѣжи, какъ были прежде. Нинѣшняя работа отлучаетъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и дурныхъ привычекъ. Надо бы сказать, что здѣсь вообще содержание лошадей доведено до совершенства. Знатки ѣздятъ смотреть и въ Лиговѣ, и въ городѣ конюшни Графа Г. Г. Куселева. Коноводство главный предметъ г. Маклотина.

Кромѣ большого, плуга здѣсь въ употребленіи Славей плугъ, нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ котораго выписаны изъ Англіи, чрезъ г. Роберта Уорри, смотрителя казенной Охтенской фермы, который, по указанію квакеровъ, давно ввелъ эти плуги въ употребленіе. Они вѣрнее и дешевле здѣшнихъ плуговъ. Ярославская косула, картофельный двурядный плужокъ, эстрипаторъ, гнибедробъ, катокъ, бороны съ желѣзными зубьями и проч., здѣсь также въ употребленіи. Оттого земля хорошо обработана, а отъ хорошей обработки и даетъ такіе замѣчательные урожаи.

Крестьяне начинаютъ обращать вниманіе на все эти орудія, которыми они работаютъ на баршинѣ, потому что здѣсь шентель поспѣвнѣе, что гораздо лучше и удобнѣе. Крестьяне лиговскіе, которыхъ болѣе 500 душъ, просятъ, какъ милости, дать имъ то плуговъ новы подлате, то на вѣлѣкѣ пропустить носивая сѣмена, то каткомъ пригладить всходы. У нѣкоторыхъ замѣтны хозяйственные улучшения. Нинѣшняя уже картофель, и вообще все вынуждъ картофель въ изрядномъ количествѣ. Многіе изъ зерновыхъ хлѣбовъ и травяныхъ носивей, засорены не очень вредно, но все такъ сорною травою, *жестяколка*, или ликою горчицею, сѣмена которыхъ наносятся съ нѣкоторыхъ; хуже другихъ обработанныхъ крестьянскихъ полей. Для избѣжанія этого надобно было бы пропускать весь посѣвъ, какъ господскій, такъ и крестьянскій чрезъ вѣлку. Говорятъ о вѣлѣкѣ, нельзя не сказать, что здѣсь золотоба машина, и что вѣлка употребляется та самая, которая, подъ названіемъ *американской*, распространена изъ Уэльскаго Земледѣльческаго Училища. Вѣлка эта работаетъ съ необычайною скоростью и чистотою. Такъ называемый *американскій плужокъ* также здѣсь въ употребленіи. То и другое работало бывшій воспитаникъ Уэльскаго Земледѣльческаго Училища Иванъ Коцневъ, хозяинъ Красносельской образцовой усадьбы.

Лиговскій шенсельный дворъ въ порядкѣ: онъ занимаетъ большое пространство, приходя къ дому, занимаемому сельскою конторою и прикащикомъ. Тутъ все орудія земледѣльческія, экипажи лѣтніе и зимніе, сарай и проч. расположены какъ нельзя тщательнѣе, съ какою-то агрономическою щегольствомъ.

Но еще нѣсколько словъ о поляхъ и лугахъ. По 11 Поля было убрано и остожено съ Лиговѣ, по увѣренію г. Маклотина до 10,000 пудовъ лугового и сѣннаго сѣна. Это только часть того, что собирается здѣсь сѣномъ; сѣнное продается по 40 к. сер., съ своей полвозкой, въ столицѣ. Великолепная конюшня Графа Д. Н. Шереметева другаго сѣна не употребляетъ, какъ лиговское, и чрезъ употребленіе этого сѣна дѣлаетъ себя въ годъ значительную экономію на овсѣ. Здѣсь трава, овесъ, картофель, — главные предметы хозяйства, но есть въ севооборотѣ 11 десятинъ подъ озимому рожью ваюю, которая, вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, здѣсь не перерождается и даетъ очень хорошую солому, состоящую изъ изрядный предметъ сбыта; 8 десятинъ подъ рожью яровую. Эти посѣвы даютъ возможность, при своей волевой мельницѣ, имѣть свою муку для домашняго обихода и отчасти для крестьянъ, въ случаѣ не урожая. Сверхъ всего этого, 11 десятинъ подъ пшеницею арнауткою, американскою яровую рожью, голымъ ячменемъ, гималайскимъ ячменемъ, русскимъ ячменемъ, льномъ и проч. Все это, болѣею частью, идетъ на сѣмена для продажи, или сѣется въ видѣ опыта. Скотовод-

ство здѣсь не большое. Штукъ 14 довольно прунныхъ, болѣею частью холмогорскихъ коровъ, составляютъ стадо, которое всю зиму содержится на стойлѣ и выкуетъ лѣтомъ въ коровникъ. На землѣ, приобретенной отъ г. Позена, есть скотный дворъ, построенный по бельгійскому способу, но онъ, завѣхостію, обращенъ нынѣ въ сарай для соломы, а скотъ помѣщается временно въ одномъ изъ свободныхъ отдѣловъ конской конюшни, впродъ до отстройки фермы, которая будетъ роскошна и чрезвычайно удобна. Теперь она вечернъ отдѣлана. Коровня, молочная, подвала; водопроводы, дворокъ, — все придумано и устроено, какъ нельзя лучше. Молочный скотъ удовлетворителенъ. Уходъ за молокомъ самый тщательный. Ежедневно потребляется много молока и молочныхъ произведеній въ домъ, да еще продается въ городъ, по 6 к. сер. кружку или штофъ. Постройка здѣсь производится изъ своего кирпича. Здѣшній кирпичный заводъ извѣстенъ въ окрестностяхъ. Онъ приготовляетъ до 600,000 очень хорошаго кирпича. Говорятъ о строеніяхъ, нельзя не упомянуть о весьма замѣчательныхъ здѣшнихъ крышахъ, которые покрываютъ большую часть зданій. Это бумажныя крыши, которые дешевле желѣзныхъ, легче всякихъ другихъ и весьма прочны. Бумажныя крыши требуютъ болѣею аккуратности.

Еще остается сказать о здѣшнихъ мѣстахъ, устроенныхъ чрезъ все каналы, большія и малыя. Мосты эти чрезвычайно прочны; можно сказать, что они вѣковечны: они сложены изъ того камня, которымъ покрыты были поля, связаны мохомъ, котораго подъ руками много, и такимъ образомъ соединяютъ въ высшей степени простоту и прочность. Замѣчательнѣе также новый деревянный мостъ, замѣстоваанный г. Маклотинскимъ изъ *Meslaine's Magazine*. Онъ изобрѣтенъ въ Америкѣ и называется поному *американскомъ*. Устройство его чрезвычайно просто, легко и прочно. Онъ не имѣетъ арки, а пряма, можетъ идти на огромное пространство и весь состоитъ изъ взаимно поддерживающихъ себя брусьевыхъ связей. Инженеры и механики восхищаются этимъ мостомъ.

Вотъ краткій очеркъ замѣчательныхъ предметовъ въ хозяйствѣ, которое можетъ служить, въ иномъ случаѣ, даже образцемъ подражанія, національно устроеннаго имѣнія.

Этотъ очеркомъ лиговскаго хозяйства не ограничаться свѣдѣнія о немъ, и конечно всегда найдутъ мѣсто въ Трудяхъ Волнаго Экономическаго Общества, должностующихъ служить отголоскомъ всего хорошаго, всего полезнаго.

И что тебѣ на зовъ сердечный,
Тебѣ въ замѣтъ могу я дать?
Душой унылый и бездѣльный,
Мнѣ страсти трудно отвѣчать;
Я не пойму твой страстный лепетъ,
Не оцѣлю твой разговоръ,
И не вдохнетъ, бывалый трепетъ,
Въ меня чарующій твой взоръ!
Я умеръ дѣла... страсть увяла,
Въ душѣ хладѣющей моеи;
Увы! напрасно ты искала
Отзвучья плачевнаго въ ней!
Я не хочу въ мой бытъ холодный,
Восторгъ твой дѣтвенный зарыть;
И первый лучъ любви свободной,
Обмачою мрачнымъ подарить;
Я не хочу душъ небесной,
Къ душѣ изношенной привить...
Безжалостно твой перлъ чудесный,
Холоднымъ камнемъ раздавить;
Я не хочу цвѣточекъ мыслей,
Тебя отъ стебля оторвать,
Что бъ бросить на своей могилѣ,
И тѣлѣю грустному отдать...

Лети на встрѣчу шуму свѣта,
Ты дѣва юная, — и въ немъ,
Забудь отшельника-поэта,
Въ полетѣ ангельскомъ твоёмъ;
Забудь, что ты его любила,
Въ моментъ восторженной мечты,
И что душа въ немъ говорила,
Такъ холодно, — тогда какъ ты
Въ восторгѣ перваго призыванья,
Хотѣла жизнь ему отдать;
И встрѣтила лишь состраданье;
Онъ чудный даръ не могъ принять!..
Забудь его! когда же снова,
Любовь вскипитъ въ груди твоей,
Тогда ты вспомни, какъ сурово,
Онъ говорилъ тебѣ объ ней!

Л. д. л. Г....

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

В. А. Каратыгинъ возвратился въ среду изъ-за границы и на слѣдующей недѣлѣ опять выйдетъ на сценѣ Александринскаго театра. — Множество пѣсень, безъ него не пгравныхъ, оживятъ репертуаръ.

— Италійская труппа приступила къ репетиціямъ оперы Донизетти: *Maria di Rohan*, писанной для Вѣны, имѣвшей тамъ большой успѣхъ и впоследствии игравной и въ Парижѣ. Въ ней участвуютъ: г-жа Влардо и Вьетти гг. Тамбурини и Сальви.

— На Нѣмецкомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Альбрехтъ, вод.: *Die Regimentstochter*, подражаніе оперы Донизетти.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Шарadowу въ Москву. И да и ятъ. Часть пойдетъ, часть пропадетъ, если позволите.

О—л—н—у. Право намъ надобно слѣтны и анекдоты. Въ сообщеніи подобнахъ Исторій мы видимъ ваше доброе къ намъ расположеніе, но за чѣмъ же сердитесь за насъ, когда мы сами не сдарились?

СТИХОТВОРЕНІЕ.

—

ОТВѢТЪ.

Не улыбайся мнѣ такъ мило,
Не трать со мной такъ много словъ;
Напрасно дѣва полюбила,
Повѣрь, я испыталъ любовь!
Повѣрь мнѣ, милое созданье,
Я муки страсти испыталъ;
И повѣсть горькую страдаля,
Я сердцемъ жаднымъ прочиталъ;
Я испыталъ до иступенья,
Всѣ муки бышенной любви;
А ты мой другъ, ты безъ сомнѣнья
Не знала ихъ, не правда ли?
Когда бъ ты знала какъ ужасенъ,
Порывъ взволнованныхъ страстей;
Какъ онъ губительно-опасенъ
Душѣ младенческой твоей —
Тогда бъ ты дѣва полюбила,
Ты бы страшилась нѣжныхъ словъ;
Ты бы даръ небесный затаила,
Что бъ не носить земныхъ оковъ!

14X15=18. Постараемся на досугъ,
Г. Б. М. Федорову. Спѣшимъ принести искрен-
нѣйшую признательность и за печатную статью
и за очеркъ. — На счетъ будущаго года — съ удо-
вольствіемъ, а на счетъ остающаго, — съ благодар-
ностью. — Наконецъ послѣдній отвѣтъ, если не
успѣемъ сами, не взыщите; если сбѣдаете намъ
честь — утромъ.

Г. А — у. Исполняя и ваше и наше желаніе,
спѣшъ уведомляемъ, что мы знали, что архитек-
торомъ дома В. Г. Жукова былъ г. Гребенка.
Мы поздно увидѣли ошибку и потому запоздали
ее исправить. Благодаримъ за благонамеренное
замѣчаніе. Просимъ не оставлять вашихъ внима-
ніемъ и на предки.

К. — А — у. Прочтите Ксенофонта. Хорошій пи-
сатель и это дѣло разумѣлъ. Моро не оставилъ
своихъ записокъ.

Г. С — у. Кто кого любить, тотъ о томъ и го-
ворить. Благодаримъ за усердіе.
О. П. Id.

Г. двумъ Иванамъ, братьямъ Сыръ-барамъ.
Приложеніе 1-е, если позволите пойдете съ не-
большими переѣздами, 2-е — цѣлкомъ. Насчетъ
всего остальнаго скажемъ русское спасибо. Все-
гда рады; зачѣмъ откладывать?

**СОДЕРЖАНІЕ УН ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕ-
СТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 19 НОЯБРЯ.**

О водѣ.

Общій взглядъ. Различныя воды, ихъ свойство
и составныя части: дождевая, морская, ключе-
вая, рѣчная, колодезная, прудовая, болотистая,
озерная.

Признаки хорошей воды. Причины измѣняю-
щія воду; примѣсы.

Гигиеническія мѣры къ охраненію воды отъ
разныхъ вредныхъ примѣсей и къ возвращенію
испорченной водѣ ея естественныхъ хорошихъ
качествъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

На объявленіи «О изданіи на 1846 годъ
Литературной Газеты», напечатанъ ката-
логъ русскихъ газетъ и журналовъ, на
кои принимается подписка у М. Д. Оль-
хина, съ примѣчаніями. Въ послѣдніи вкра-
лись, безъ вѣдома М. Д. Ольхина, двѣ ошиб-
ки и, по желанію его спѣшимъ ихъ испра-
вить. М. Д. Ольхинъ отвѣтствуетъ за не-
правный выходъ и доставку только тѣхъ
газетъ и журналовъ, коихъ онъ издатель
или участникъ, а не просто комиссіо-
неръ, что и весьма справедливо. Равно-
вѣрно отвѣтствуетъ за исправную до-
ставку всѣхъ журналовъ и газетъ тѣмъ,
которые у него подписались, не принимая
только отвѣтственности на себя за исправ-
ный выходъ оныхъ; что также весьма
справедливо. Подписчики, въ случаѣ неис-
правности выхода журнала, издаваемаго
не М. Д. Ольхинымъ, приходятъ въ ма-
газинъ его и требуютъ обратно денегъ.
Да М. Д. Ольхинъ чѣмъ виноватъ, что гг.
издатели не исправны? Онъ принялъ под-
писку, получилъ деньги, передалъ ихъ из-
дателю, и дѣло съ концемъ. Вся обязан-
ность его ограничивается правильною до-
ставкою, если изданіе выходитъ исправно.
Другая ошибка заключается въ томъ, что
объявлено, будто-бы «Памятная книжка» и
«Календари» уже продаются въ его магази-
нахъ. Слѣдовало сказать: принимается на
нихъ подписка. Это объявленіе представ-
ляетъ вмѣстѣ итогъ нашей журнальной
дѣятельности, почему мы не излишнимъ
считаемъ допустить его въ нашей газетѣ
въ алфавитномъ порядкѣ:

	безъ пере- перес.	съ пере- сѣлкою.
Р. к.	Р. к.	Р. к.
Библиотека для Чтенія (12-ть книгъ), съ 6-ю картинками парижскихъ модъ	15	16 50
Вѣдомости С.-Петербургской Городской полиціи	3 50	4 50
Восноно-Энциклопедическій лексиконъ (4-е книжки въ годъ)	3	5 15
Восноный Журналъ	2 86	4 56
Горный Журналъ (12-ть книгъ)	7 57	9
Журналъ Мануфактуръ и Торговли (12-ть книгъ)	7	7
Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (12-ть книгъ)	7 15	7 15
Journal politique et littéraire de St.-Petersbourg : съ прибавленіями	11 50	13
безъ прибавленій	10 50	12
Журналъ Министерства Государственныхъ Имущ. (12-ть книгъ)	7 15	8 50
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (12-ть книгъ)	10	11 50
Журналъ Коннозаводства и Охоты (12-ть книгъ)	9	10
Журналъ врачейскихъ наукъ (4-е книжки)	4 50	4 50
Журналъ Военно-Медицинскій	5	5
Журналъ Ветеринарной Медицины	11 50	13
Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній	4 50	5
Звѣздочка, дѣтскій журналъ, изд. А. Ишамовой: Отдѣленіе старшаго возраста . 3 р. — к. } а за съ пересыл. 4 р. 50 к. } оба вы- Отдѣленіе младшаго } стѣ пла- возраста . 3 р. — к. } тится . . . . . 6 — 7 50 съ пересыл. 4 р. 50 к. }		
Земледѣльческая Газета (2 раза въ недѣлю)	2	2
Императоръ Александръ I-й и его сподвижники, (52 тетралл текста и столько же портретовъ. Съ пересылкою спѣхъ портретовъ въ жестяномъ футлярѣ)	15	21 50
Иллюстрація, изд. Н. В. Кукомъ-никомъ, (48 номеровъ, 96 печатныхъ листовъ, съ 700 гравюръ)	10	11 50
Коммерческая Газета на русскомъ или нѣмецкомъ языкѣхъ	7	7
Литературная газета	11 50	13
Лѣсной журналъ	4 50	4 50
Мануфактурныя и Горнозаводскія извѣстія (еженедѣльно)	5	5
Малкъ, журналъ современнаго просвѣщенія (12-ть книгъ)	12	13 50
Messenger de St.-Petersbourg	5	5
Музыкальная Пчела	13 50	13 50
Нувелетъ, музыкальный журналъ (12-ть тетрадей)	10	11 50
Отечественныя Записки (12 кв.) изд. А. А. Краевскимъ	15	16 50
Посредникъ, газета промышлен. и реальныхъ наукъ	5	5
Репертуаръ и Пантеонъ (12 кв. съ париж. карт., портретами и нотами)	10	11 50
Репертуаръ, или собраніе копцетровъ для фортепіано	10 50	11 50
Русскій Иваландъ, или Военныя вѣдомости	13	15
Репертуаръ или собраніе концертовъ двумя фортепіано	10 50	11 50
Русскій пѣвецъ изд. Алекс. Варламовымъ 100 № въ годъ	15	16 50
Сѣверная пчела издаваемая Н. И. Гречемъ и Ф. В. Бугариннымъ	12	15
Современникъ литературный жур- наль 12 книжекъ	7 15	8 60
С. Петербургскія вѣдомости изда- даваемые Академіею наукъ	11	—
Сѣятскія вѣдомости	6	8
объявленія	6	8
объявленія о запрещ.	7 2	9 20
Tygodnik	14 50	14 50
Финскій вѣстникъ 6 книжекъ	10	11 50
Христіанское чтеніе издаваемое при Спб. Духовнои академіи 12 книгъ	6	6 13

Экономъ хозяйствен. обществен-
ная библиотека 52 тетрал. съ
рисунками . . . . . 6 — 7 —

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. ОЛЬХИНА.

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, про-
тивъ арсенала Анничкова Дворца, въ домѣ Завѣт-
нова, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мят-
левой.

ИНКВИЗИЦІЯ.

Сочиненіе Гадуа, перевелъ съ Французскаго, В.
Модестовъ. Спб. 1845 г., въ 16-ю л. л. Цѣна 1 р.
50 к. серебромъ.

КОЧУБЕИ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Николая Семеновскаго.

Спб. 1845 г. въ 8-ю л. л. на лучшей бумагѣ.
Цѣна 2 руб. сереб. вѣс. за 2 фунта.

ЗАПИСКИ

ПОЛКОВНИКА ДЮВАРА,

ПОБОЧНАГО СЫНА

НАПОЛЕОНА.

Историческій романъ, въ трехъ отдѣленіяхъ,
переводъ съ Французскаго. Спб. 1845 г. Цѣна
1 руб. 25 коп. сер., вѣс. за 2 фун.

СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ СВѢТСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ И ЧУЖЕСТРАНЦЕВЪ,

ПИСАВШИХЪ ВЪ РОССІИ.

Сочиненіе Митрополита Евгенія, два тома. М.
1845 г., въ 8-ю л. л. Цѣна 3 руб. сер., вѣс. за
3 фунта.

ИГРЫ.

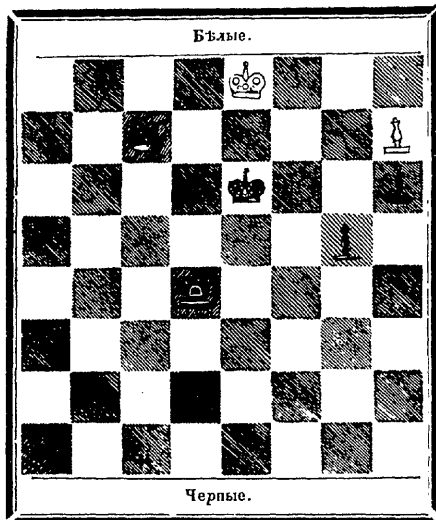
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАТЬ № 30.

Бѣлые. Черные.

- 1) Король на 2 м. Сл. Принужденны ходы.
- 2) Коръ на 3 м. Сл. Кор.
- 3) Коръ на 4 м. Ф.
- 4) Коръ на 2 м. Кор.
- 5) Коръ на 1 м. Сл. Ф. П. одло мѣсто.
- 6) Коръ на 3 м. свое и мать.

Бѣлые даютъ матъ въ 6-тъ ходовъ.

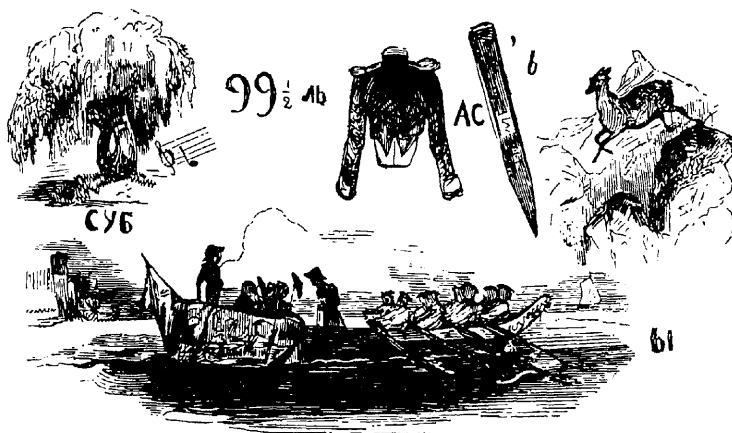

РАЗГАДКА № 31.

Печь, Алн, р, ад, ость, оставъ, ля, ютъ въ
сердцѣ, равно, с, лад, кіи, я, воз, по, ми на нѣ.

Печаль и радость оставляютъ въ сердцѣ равно
сладкія воспоминанія.

ЗАГАДКА № 32.

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Драмагургіл, 2) Кардиналь Менофант, 3) Охтянка, П. Фурманка, 4) Порчи и заговоры, 5) Библиографія, 6) Историческіе матеріалы, 7) Страствователь по чужимъ изданіямъ, 8) Еженедѣльникъ, 9) Мыза Лигово, 10) Стихотвореніе. Огидтъ, Л. О. л. Г.... 11) Театральный вѣстникъ, 12) Переписка, 13) Содержаніе лекціи о Гигіенѣ, 14) Отъ редакціи, 15) Объявленіе, 16) Игры Шахматы, 17) Загадка, 18) Подписка.

ГРАВЮРЫ: 1) Къ статьѣ Охтянка, 9 гравюръ, 2) Сяногорскій монастырь, 3) Ахтырскій монастырь, 4) Памятникъ Петру Великому, у Красныхъ сосенъ, 5) Комната въ квартирѣ у г. Гамбсовъ, 6) Магазины Гамбса, 7) Загадка. Всего 14 гравюръ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ПРИНИМАЕТСЯ

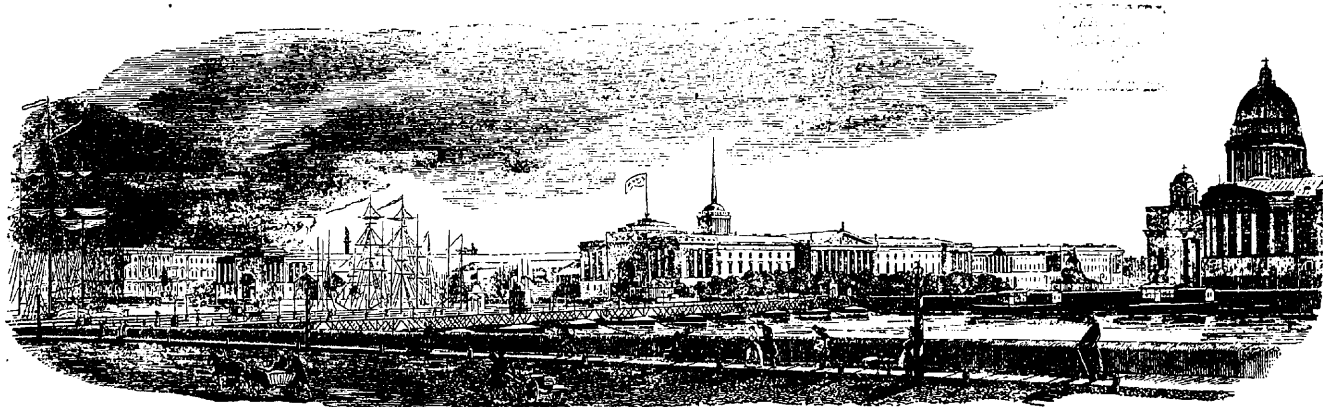
Въ С. Петербургѣ : Въ Редакціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина на Невскомъ Проспектѣ противу Анничковскаго Дворца въ домѣ Завѣтнаго и у А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ : у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевой и у книгопродавцевъ Свѣчкинкова и Базупова въ книжныхъ магазинахъ на Страстномъ Бульварѣ въ домѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета и на Никольской улицѣ подъ № № 4 и 5-мъ.
Въ Одессѣ : Въ Библиотекѣ для Чтенія и продажи книгъ Золотова и Тотти.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	Безъ пересылки п доставки :	Съ пересылкою п доставкою :
на 1846-й годъ : 48 пумеровъ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 700.	10 р. сер.	11 р. 50 к. сер.
Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучать слѣдующіе имъ за первые три мѣсяца 1846 года пумера и при возобновленіи своихъ билетовъ, вносить только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по — — — — —	7 р. 50 к. сер.	9 р. — — —
Желающіе получить 1 томъ Иллюстраціи за 9 мѣсяцевъ 1845 года, заключающій 36 пумеровъ 72 печ. листа съ 500 гравюръ, платятъ — — — — —	7 — 50 — —	9 — — — —
Утратившіе отдѣльные пумера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, внося особо за каждый пумерь. — — — — —	— — — — —	— 25 — —

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ПЯЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер.
и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

Т. I. № 55. — СУББОТА, 24 НОЯБРЯ 1845.

Безъ доставкн На годъ 10 руб. сер.
и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

МЕДАЛЬОНЪ.

—
СЛУЧАЙ.

Это было въ июлѣ 1829 года.

Русскій отрядъ, составлявшій часть первой колоны войскъ, подъ личнымъ начальствомъ знаменитаго покорителя Ахалциха, весь день поднимался на крутизны Соганлугекаго хребта, отдѣляющаго Арзрумскій пашалыкъ отъ Карскаго. Этотъ фланговый маневръ былъ суворовскимъ дѣломъ графа Эриванскаго. Турки, напуганные блистательною кампаніею 1828 года, когда Карсъ, Ахалцихъ, Ахалкалаки и проч. преклонились передъ горстью Русскихъ, готовились къ отчаянной оборонѣ. Сераскиръ Арзрумскій долженъ былъ встрѣтить насъ съ 50 тысячами, а по межшигертской дорогѣ, единственному удобному пути сообщенія отъ Карса въ Арзрумъ, устроены были громадныя завалы, которые Турки работали цѣлую весну. За этими завалами находился ихъ сильно укрѣпленный лагерь съ 20 тысячами подъ начальствомъ храбраго Гагки-пашы. — Но увы! надежда на эти приготовления исчезла. Графъ Эриванскій фланговымъ движеніемъ по трудной дорогѣ зивинской обошелъ неприятельскую позицію и сталъ твердою ногою на вершинѣ Соганлуга.

Картина была восхитительная : между вѣковыхъ деревьевъ кой гдѣ мелькали огольки, отражая огромныя тѣни пушекъ, лошадей и людей въ разныхъ положеніяхъ. Небо было чисто и миллионы звездъ роскошно блистали на темно-лазуревомъ сводѣ. Ущелія были одѣты какимъ то страннымъ полусвѣтомъ.

Ночь была прекрасная, но холодная. Не смотря на июль мѣсяць, холодъ былъ такъ чувствителенъ, что кто занесся буркой, не разъ поблагодарилъ себя за благоразумную предосторожность. Солдаты пожимались говорили : Ну, сторона! и лѣтомъ морозъ!

У одного оголька, на разосланномъ коврѣ полулежали два офицера, завернувшись въ бурки. Передъ ними стоялъ благодѣтельный чайничекъ, этотъ другъ военнаго въ походѣ, два стакана и связка крепдепей. Это былъ весь запасъ, ими съ собою взятый, потому что тяжести остались позади, а войска шли налегкѣ.

Оба молча пили чай.

Одинъ былъ уже пожилкой, давно находящійся на Кавказѣ, знакомый съ войною, зна-

комый съ горемъ; а другой, юноша въ полномъ цвѣтѣ жизни, но безъ надежды на будущее, и уже знакомый съ разочарованіемъ. Называли перваго Чалкинымъ, а втораго Могоновымъ.

«Могоновъ, Могоновъ! сказалъ Чалкинъ, у тебя, братецъ, чай совсѣмъ простылъ. Ты опять замечтался. Полно, полно, кавказскому воицу не годится фантазировать».

Могоновъ взглянулъ на него и продолжалъ мечтать.

«Да перестань! ты скуку нагоняешь! есейчасъ видно, что ты у насъ новичекъ. Погоди немного : когда загремитъ пушки, дымъ разстелется по горамъ, Русскіе, скрестя штыки съ крикомъ ура! бросятся на Турокъ, тогда просветаетъ въ душѣ твоей сознание долга и чести и всѣ фантазіи разлетятся какъ дымъ».

— Правда, правда! Я жду этого роковаго часа, жду съ радостью; можетъ быть, найдется пуля, которая положитъ конецъ моимъ страданіямъ.

«Вотъ что! Понимаю : ты влюбленъ?»

— Безъ отрады и надежды.

«Общая пѣсня всѣхъ влюбленныхъ. А богиня твоя хороша?»

— Идеаль красоты! Это одно изъ тѣхъ существъ, которыя благое провидѣніе даруетъ рѣдко нашему печальному міру...

«И прочая и прочая. А какъ ея имя?»

— Не знаю.

«Не дурно; по-крайней-мѣрѣ, кто она : дѣвица, дама, вдова?»

— И этого не знаю.

«Часъ отъ часу не легче!—Говорилъ ли ты съ нею?»

— Да, около часу.

«А потомъ?»

— Потомъ... не видалъ ее болѣе... Могоновъ вздохнулъ.

«Ну, поздравляю! Я думалъ, что въ наше время исторія Ламангскаго рыцаря и Дулсненнъ Тобозской не можетъ возобновиться, а теперь вижу, что ошибся».

— Смѣйся, смѣйся, а мнѣ право не до смѣху... Я жестоко страдаю.

«Будь другъ, расскажи это необыкновенное событіе, этотъ рыцарскій романъ нашихъ временъ».

— Хотя за твои насмѣшки и не слѣдуетъ рассказывать; но такъ и быть, изволь. Это меня облегчитъ вѣсколько. А если ты будешь надо мною смѣяться, то я пожелаю тебѣ такъ

же влюбиться, какъ я. Хуже этого ничего быть не можетъ.

«Нѣтъ, братъ, въ мои лѣта это трудненько.—Рассказывай; я слушаю.—Только выпей напередъ чай. Промочивъ горло, говорится легче».

Могоновъ взялъ стаканъ, чай простылъ, и онъ выпилъ разомъ.

— Слушай, господиновъ насмѣшникъ! Въ прошломъ году, когда вы здѣсь безъ пощады колоутили Турокъ и брали крѣпость за крѣпостью, какъ картонныя домины, я былъ въ отпуску въ Москвѣ по домашнимъ обстоятельствамъ, для приведенія въ порядокъ дѣлъ по наслѣдству послѣдъ дяди. У меня въ бѣлокаменной стольнои родни и знакомыхъ, что я едва успѣвалъ быть на именинахъ и на вечерникахъ — веселился на пропалую. Прошла осень, наступила зима, а съ нею балы и маскарады. Злой геній шеннулъ мнѣ отравиться въ маскарадъ, который ежегодно бываетъ въ Новый годъ въ театральныхъ залахъ. Отправилось, вхожу, народу тма; есть и порядочныя костюмы, только немного. Не будучи расположенъ сумасбродничать, я прохаживался весьма степенно по залѣ. Вдругъ вижу двухъ женщинъ, одѣтыхъ въ темныя домино съ желтой подкладкой. На лицахъ шелковыя полумаски. «Шибъ очень дурно, сестрица», сказала одна, голосомъ, отъ котораго сердце мое запрыгало какъ итчикъ въ клѣткѣ, — «поѣдемъ домой». Съ этими словами оборотительная незнакомка зашаталась и, едва дойдя до стѣны, опустилась въ изнеможении на стулъ. Сопровождавшая ее маска въ неугѣ обратилась ко мнѣ; на бѣду, кромѣ меня никого тутъ не случилось. «Ради Бога, простите, что я осмѣлюсь васъ беспокоить; сестрѣ дурно, я не могу ее оставить; достаньте намъ стаканъ воды, извините...» Но я уже не слыхалъ словъ ея, а бѣжалъ въ буфетъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ графинъ воды и графинъ лимонаду. Интересная незнакомка уже открыла глаза и была безъ маски. Боже мой! что я увидалъ? Едва оба графина не вылетѣли у меня изъ рукъ. Описывать прелестныя черты незнакомки я не въ силахъ. Это было одно изъ совершеннѣйшихъ существъ, которое когда либо представлялось воображенію поэта.—Сестрица взяла у меня изъ рукъ графинъ, разсыпалась въ извиненіяхъ и благодарности, дала пить красавицѣ, намочила виски, и она обратила на меня свои голубыя глаза съ такимъ выраженіемъ, что я совер-

иненно растерялся. Несколько времени разговор наш был безвзаимъ; потомъ, мало-помалу, онъ принялъ тонъ обыкновеннаго разговора гостей. Но я не могъ свести глазъ съ ангельскаго личика моей знакомки; она это замѣтила и что то пошептала своей сестрицѣ, взглянувъ на меня съ какимъ-то особымъ выраженіемъ. Сестрица красавицы опять обратилась ко мнѣ: «Вы были такъ добры, что помогли намъ въ затруднительномъ положеніи; будьте такъ добры, чтобъ подать вашу руку моей сестрѣ и походить съ ней немного по залѣ; я тотчасъ возвращусь. Она еще такъ слаба, что не можетъ одна идти. Извините, что не имѣла чести лично быть съ вами знакомыми, мы беззачинно встали на вашъ путь!» — Помилуйте! я могу себѣ отъменно счастливымъ, подхватилъ я съ восторгомъ, и подавъ руку очаровательной знакомкѣ. Еще не оправаясь отъ обморока, она, по слабости, должна была опираться на мою руку, и я чувствовалъ себя исподволь счастливымъ, ощущая прикосновеніе милой ручки. Сердце мое сильно билось, кровь кипѣла въ жилахъ; но это была самая восхитительная минута въ моей жизни. Мы прогуливались тихо, разговаривали, но о чемъ? не могу тебѣ сказать. Я былъ подъ вліяніемъ неистощимаго очарованія.

Прошло около получаса, сестрица возвратилась и моя знакомка поспѣшно надѣла маску; оба поблагодарили меня за вниманіе и исчезли въ толпѣ.

Я остался на одномъ мѣстѣ, какъ пораженный громомъ. Меня толкали, глядѣли на меня съ удивленіемъ; я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ: былъ похожъ на статую. Думаю, что долго я былъ въ этомъ положеніи, потому что когда опомнился, зала была почти пуста. Я выбрался кое-какъ, машинально отыскавъ свой экипажъ, отправился домой и бросился одѣтый на постель. Сонъ былъ отъ глазъ моихъ. Я былъ влюбленъ, влюбленъ до безумія! Но въ кого? Я ударилъ себя въ лобъ при этой мысли. Какъ не узнать кто она, не спросить о томъ прогуливаясь съ нею около часа? Глупо, очень глупо! Гдѣ я найду ее въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва? Любовь дѣлаетъ человека безумцемъ. Это не новое!

Едва только показался день, я схватилъ кисти, краски и нарисовалъ миниатюрный портретъ моей очаровательницы; сходство было поразительно. Черты ея отражались въ моемъ воображеніи, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ. Я отнесъ портретъ къ золотыхъ дѣлать мастеру, велѣлъ дѣлать роскошный медальонъ и надѣлъ на шею, какъ тайнеманъ благодѣтельнаго генія. Онъ не оставляетъ меня никогда.

Могоньковъ разстегнулъ сюртукъ и показалъ медальонъ Чалкину. Тотъ взглянулъ на черты красавицы при свѣтѣ догораннаго костра, и сознался, что она была прелестна. — Мѣсяца два сряду, продолжалъ Могоньковъ, я отыскивалъ въ Москвѣ мой беззачинный идеалъ, не пропуская ни одного публичнаго собранія, ни одного театральнаго представленія, ни одного бала. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Она исчезла, какъ метеоръ, оставя въ сердцѣ моемъ неизлечимую рану. Я возненавидѣлъ свѣтъ и людей, выпросился на Кавказъ, и теперь мое единственное желаніе, пасть со славою въ первомъ сраженіи, прижавъ къ груди въ послѣднюю минуту жизни портретъ моего незабвеннаго генія и пожелать ей всѣхъ благъ въ жизни.

Могоньковъ тяжело вздохнулъ.

Чалкинъ не смѣялся болѣе. Онъ крѣпко сжалъ руку товарища и сказалъ: «Я душевно о тебѣ сожалею.»

Свѣтало; раздалась компанія слова. Войска тронулись.

Ярко блистало солнце 19-го іюня надъ высотами Сопанлуга, когда русскія колонны, въ стройномъ порядкѣ шли атаковать твердую позицію сараксаръ у селенія Канлы. Огромныя массы турецкой кавалеріи покрывали скаты горъ и, какъ вихрь, устремлялись на Русскихъ; но встрѣченныя губительнымъ огнемъ нашей артиллеріи, устлали поле своими трунами. Жарко кипѣла бой, но графъ Эриванскій искуснымъ маневромъ разрывая на-двое неприятельскія силы; съ этой минуты участь сраженія была рѣшена. Турки дрогнули и побѣжали, бросая свои орудія по дорогѣ. Русскіе преслѣдовали ихъ около тридцати верстъ, и въ ночь на 20-е чело возвратились на прежнюю позицію. Это чело по-суворовски! Утромъ, 20-го чела, грозныя колонны двинулись противъ укрѣпленнаго турецкаго лагеря. Одно появленіе Русскихъ уже рѣшило дѣло безъ боя. Неприятель бросилъ лагерь и разбѣжался. Гагчи-паша со всею свитою взялъ въ плѣнъ.

Войска сосредоточились у Зивискаго замка. На полуторѣ стояли отбитыя у Турокъ знамена, близъ нихъ роскошная палатка Гагчи-пашы, въ которой задумчиво сидѣлъ этотъ военачальникъ; еще утромъ повелѣлъ многихъ тысячъ — теперь одинокій илѣнникъ. Еще ниже, окруженные цѣпью часовыхъ, отдыхали турецкіе плѣнники, взятые въ дѣлѣ съ сараксаромъ. Все громко говорило о славѣ русскаго оружія.

Чалкинъ и Могоньковъ встрѣтились у стѣнъ Зивискаго замка.

— Мнѣ пріятно видѣть тебя по-веселѣе, сказалъ Чалкинъ; побѣда радуешь русское сердце.

— Да, я счастливъ тѣмъ, что исполнилъ долгъ свой, счастливъ тѣмъ, что могу тебѣ доказать, что «она», какъ благодѣтельный геній хранитъ меня въ минуты опасностей.» Онъ показалъ Чалкину на своемъ сюртукѣ прожженное отверстіе и, вынулъ медальонъ, показавъ верхнюю его доску сильно давленую: «Видишь, кто защитилъ меня: когда вражеская пуля ударила мнѣ въ грудь, — не будь этого медальона, — я бы уже не существовалъ.» И онъ съ жаромъ поцѣловалъ изображение своей очаровательной знакомки.

Происшествія быстро слѣдовали одинъ за другимъ: іюня 25 покорена крѣпость Гассанъ-Кале; 27 столица Анатоли, богатый и многолюдный Арзурумъ, открыли ворота; велѣлъ за тѣмъ разбитіе Лазовъ и взятіе Байбурта заключило рядъ блистательныхъ побѣдъ въ Азіатской Турціи. Адрианопольскій миръ положилъ конецъ войнѣ, прославившей русское оружіе.

Войска Кавказскаго корпуса, за исключеніемъ отряда генерала Панкратева, оставшагося въ Арзурумѣ, получили повелѣніе возвратиться въ свои предѣлы. Чалкинъ, подурясь съ Могоньковымъ и принимая въ немъ искреннее участіе, уговорилъ его взять отпущекъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Москву, обѣщая общими силами отыскивать романтическую знакомку. Этого было достаточно, чтобъ убѣдить Могонькова, и они зимою 1830 двинулись въ Москву.

Въ половинѣ января, въ одномъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Москвы былъ балъ въ полномъ разгарѣ, когда Чалкинъ и Могоньковъ, также приглашенные, вошли въ залу. Танцовали кадрили, и они подошли къ очарованному кругу отдыхающихъ красавицъ, ожидавшихъ своей очереди скользить по паркету. Вдругъ Могоньковъ задрожалъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, схвативъ за руку Чалкина, молча указавъ на прелестно-одѣтую даму, стоявшую почти противъ нихъ въ парѣ съ кавалергардскимъ офицеромъ. Тотъ взгля-

нулъ и узналъ оригиналъ портрета — очаровательную незнамку, тихо пожалъ ему руку и шепнулъ: «Будь покоенъ; я познакомлюсь съ нею, я все узнаю.» — Могоньковъ въ восторгѣ готовъ былъ броситься въ его объятія, залушить свою благодарностью. Едва, едва чувствомъ приличія удержало въ границахъ благоумія его пламенную приязнательность. Котильонъ кончился и Чалкинъ проворно подскочилъ къ очаровательной незнамкѣ. «Позвольте просить васъ на слѣдующій кадрили.» — Съ удовольствіемъ.

Чалкинъ подошелъ къ Могонькову и сообщилъ ему успѣхъ своихъ переговоровъ.

Счастливыи Могоньковъ былъ видъ себя отъ восторга. Пока танцовали, онъ стоялъ у окна и съ восхищеніемъ смотрѣлъ какъ идеалъ его скользилъ по паркету. Онъ ни съ кѣмъ не промѣнялся бы своимъ настоящимъ положеніемъ; зангрялъ кадрили и онъ весь обратился въ зрѣніе. Чалкинъ повелъ свою даму, и они начали танцовать. Во время «антракта», чалкинъ посадилъ свою даму на стулъ, сталъ подлѣ нее; у нихъ завязался довольно бѣглый разговоръ, Могоньковъ съ робостью подошелъ, какъ приговоренный къ казни. Увидя его, Чалкинъ сказалъ своей дамѣ: «Вотъ мой кавказскій товарищъ, который имѣетъ честь быть вамъ знакомымъ. Узнаете ли вы его?»

Дاما взглянула очень равнодушно на Могонькова и тихо сказала: «Не имѣю этого удовольствія.»

Бѣднаго Могонькова обдало холодомъ.

Въ это время подошелъ къ нимъ какой-то толстый господинъ съ рыжими бакенбардами. Дамы Чалкина улыбнулись.

«Это мой мужъ», сказала она Чалкину, рекомендуя.» Оба поклонились другъ другу довольно сухо.

Могоньковъ былъ какъ на огнѣ. Господинъ съ рыжими бакенбардами ушелъ. — à propos, сказала дама, обратась къ Могонькову; гдѣ же я имѣла удовольствіе познакомиться съ вами?

— Прошлаго года, въ театральномъ маскарадѣ, — едва произнесъ тотъ, когда вамъ слѣзало дурно...

Дамы подумала съ минуту и сказала. «А! помню; вы были такъ добры, что принесли мнѣ воды; благодарю. Извините, что не вспомнила въ первомъ разѣ. Эти случаи такъ обыкновенны...»

Могоньковъ былъ совершенно удивленъ.

Въ эту минуту, молодцоватый кавалергардъ подошелъ къ дамѣ Чалкина и довольно фамильярно сказалъ: «На слѣдующую кадрили.» Дамы очаровательно улыбнулись и сказала: — «О! непременно, съ особеннымъ удовольствіемъ.»

Могоньковъ зашатался и отошелъ къ окну. Ему сдѣлалось дурно. Едва онъ могъ дожидаться окончанія кадрили.

Когда Чалкинъ посадилъ свою даму и откланялся, онъ подошелъ къ нему, крѣпко сжалъ руку и сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Ради Бога, поѣдемъ домой.»

Въ паретѣ, они оба молчали, одинъ потому что боялся растравить сердечную рану своего товарища, другой отъ избытка чувствъ.

Вдругъ Могоньковъ отворилъ окно кареты, сорвалъ съ себя медальонъ и выбросилъ его на улицу.

«Что ты дѣлаешь?» спросилъ Чалкинъ.

Могоньковъ судорожно сжалъ его руку и сказалъ: «Я не люблю ее болѣе, я никого не буду любить.»

На другой день обнаружилась сильная горячка у Могонькова; на пятый день его не стало.

ВОЕННАЯ ИГРА.

Военная игра есть изобрѣтеніе весьма древнее. Въ описаніи осады Трои упоминается, что греческіе воины, во время отдыха, занимались игрою, называвшеюся латейкс, которая представляла, въ маломъ видѣ, атаку крѣпости или укрѣпленнаго лагеря. У Римлян существовала подобнаго же рода игра, которая называлась *Lusus latruncalorum*. Нѣкоторымъ изъ древнихъ восточныхъ народовъ извѣстны были также игры въ родѣ новѣйшей «военной»; между ними, замѣчательнѣйшая, безъ сомнѣнія, есть шахматная, которую и донынѣ многие считаютъ средствомъ къ упражненію въ военныхъ соображеніяхъ. Во времена рыцарства, слѣды военной игры мало-по-малу затерялись, потому что тогда успѣхъ войны болѣе зависѣлъ отъ умѣнья владѣть оружіемъ и личной храбрости воиновъ, нежели отъ искусныхъ соображеній полководца; впрочемъ и въ ту эпоху мы находимъ въ «турнирахъ» подражаніе настоящей войнѣ. Но послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія, когда военное искусство получило совершенно новое направленіе, и когда умѣнье вести войну сдѣлалось наукою сложною, требующею глубокихъ соображеній, военная игра начала болѣе и болѣе совершенствоваться, и приняла наконецъ тотъ обширный объемъ и правильныи видъ, въ которомъ она нынѣ существуетъ.

Военная игра, въ началѣ текущаго столѣтія, получила свое возрожденіе въ Австріи и Пруссіи, отколы и мы ее первоначально занимались; но вскорѣ мы превзошли нашихъ наставниковъ, и въ настоящее время, военная игра достигла въ Россіи блестящей степени развитія.

Главная цѣль военной игры состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ условныхъ знаковъ, представить, въ уменьшенномъ видѣ, подробности военныхъ дѣйствій, и дать возможность играющимъ упражняться въ стратегическихъ и тактическихъ соображеніяхъ. Планъ военныхъ дѣйствій основывается на весьма многихъ и разнородныхъ элементахъ, или началахъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ болѣе или менѣе важное вліяніе на успѣхъ войны: но ни одно изъ нихъ не должно ускользнуть отъ вниманія полководца. По этому военная игра, какъ представляющая картину настоящихъ военныхъ дѣйствій, должна быть также ведена сообразно со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя могутъ имѣть вліяніе на ходъ войны. Это показываетъ, сколь обширными сдѣлались бы предѣлы военной игры, если бы играющіе имѣли возможность выполнить всѣ ея требованія, съ строгою точностью. Многие старались довести военную игру; имѣли до этой степени совершенства: но избравъ внимательно всѣ трудности, неразрѣшимыя съ подобнаго рода игрою, легко убѣдиться, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются почти непреодолимыми. Достаточно обратить вниманіе на одну только мѣстность той страны, въ которой ведется война, какъ на предметъ, имѣющій особенно важное вліяніе на ходъ дѣйствій. Для совершеннаго удовлетворенія, въ этомъ отношеніи, требованій военной игры, надлежало бы имѣть самый подробный топографическій планъ театра дѣйствій, что если несовершенно невозможно, то по-крайней-мѣрѣ сопряжено съ большими трудностями и значительными издержками. Употребленіе же плана, не представляющаго всѣхъ подробностей, не приносило желаемой пользы, потому что вліяніе самыхъ даже незначительныхъ измѣненій мѣстности, въ особенности при дѣйствіяхъ малыхъ отрядовъ, оказывается, во многихъ случаяхъ, весьма важнымъ. Другое, не менѣе затрудненіе встрѣчается въ томъ, что играющіе должны имѣть удовлетворительныя статистическія свѣдѣнія о театрѣ войны,

для соображенія всѣхъ дѣйствій войскъ, соответственно средствамъ края. Эти два обстоятельства, то есть, недостатокъ подробныхъ плановъ и невозможность имѣть точныя статистическія свѣдѣнія, сдѣлались причиною, что въ новѣйшее время, при военной игрѣ, довольствуются такими топографическими планами, на которыхъ обозначены важнѣйшія измѣненія мѣстности, имѣющія особенное вліяніе на тактическія дѣйствія войскъ; что же касается до статистическаго состоянія страны, то играющіе руководствуются, обыкновенно, общими свѣдѣніями по тому въ необходимыхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ свѣдѣніямъ болѣе подробнымъ.

Здѣсь предлагается краткое описаніе принадлежностей военной игры и примѣрнаго ея хода, въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ существуетъ у насъ.

Принадлежности военной игры суть слѣдующія: 1) Топографическій планъ театра дѣйствій. 2) Условные знаки или шашки, изображающія войска. 3) Маасштабъ для опредѣленія дальности выстрѣловъ. 4) Кости для рѣшенія сомнительныхъ случаевъ, не подлежащихъ точному расчету и 6) таблица для отмѣтки убитыи, убитыми и ранеными.

1) Планъ и 2) войска. Главную принадлежность военной игры составляютъ обыкновенныи ситуационныи планъ, на которомъ первоначально мѣстности представлены такъ, чтобы, по первому взгляду, можно было опредѣлить покатоги и оцѣнить ихъ вліяніе на дѣйствіе и движеніе войскъ. Для изображенія же самыхъ частей войскъ, употребляются особеннаго рода условные знаки или шашки, (обыкновенно оловячныя или свинцовыя), прямоугольнаго вида, различнаго величинны, и раскрашенныя различнымъ образомъ, для означенія всѣхъ родовъ войскъ. Достаточно одинъ разъ взглянуть на эти шашки, чтобы получить ясное понятіе о ихъ значеніи и употребленіи. Само собою разумѣется, что маасштабъ для плана и для войскъ долженъ быть одинаковомъ: онъ обыкновенно бываетъ $\frac{1}{4000}$, то есть, сто саженъ въ англійскомъ дюймѣ. При этомъ маасштабѣ, шашки, изображающія самыя даже малыя части войскъ, могутъ имѣть удовлетворительный размѣръ.

3) Маасштабъ для опредѣленія движеній войскъ. Время, потребное для совершенія какого нибудь походнаго или боеваго движенія, раздѣляется, въ военной игрѣ, на части, называемыя ходами. — Каждый ходъ (zug) изображаетъ двѣ минуты времени, и на этомъ раздѣленіи основываются всѣ расчеты при движеніяхъ и дѣйствіяхъ войскъ. — Расстояніе, пройденное войсками въ теченіи одного хода, соответствуетъ тому протяженію, которое дѣйствительно можетъ быть пройдено въ двѣ минуты. Такъ какъ всѣ точность игры зависитъ отъ правильнаго расчета времени, потребнаго для движеній и дѣйствій войскъ, то для сего употребляется особый маасштабъ, на которомъ означено, какое протяженіе можетъ проходить каждый родъ войскъ, въ данное время и съ опредѣленною скоростью, соответственно мѣстности, свойствамъ самыхъ войскъ и цѣли движенія. По этому маасштабу, принято рассчитывать ходы (въ 2 минуты каждый), слѣдующимъ образомъ:

Скорость движенія походной колонны, состоящей изъ одного или нѣсколькихъ родовъ войскъ, 200 шаговъ.

Скорость движенія пѣхоты и пѣшей артиллеріи въ бою, 250 шаговъ.

Скорость движенія пѣшей артиллеріи на отвозахъ, а пѣхоты бѣглымъ шагомъ, 400 шаговъ.

Скорость движенія кавалеріи и конной артиллеріи рысью, и пѣшей артиллеріи на малыхъ расстояніяхъ съ посаженіемъ прислуги на орудія, 600 шаговъ.

Скорость движенія кавалеріи и конной ар-

тиллеріи въ галопъ, атака тяжелой кавалеріи и скорость ѣзды адъютантовъ и ординарцевъ, посылаемыхъ съ приказаніями, 800 шаговъ.

Атака легкой кавалеріи, движеніе конной артиллеріи въ каррьеръ, 900 шаговъ.

При построеніяхъ соблюдается тотъ же самый расчетъ, принимаи въ соображеніе разстояніе, которое должны проходить нестрѣляющія части.

Исчисленныя выше разстоянія опредѣлены при томъ предположеніи, что мѣстность, на которой войска двигаются и дѣйствуютъ, не представляетъ особенныхъ препятствій. Но если бы мѣстность была горнистая, лѣсистая, болотистая и т. п., тогда скорость движеній должна быть уменьшена соответственно встрѣчаемымъ препятствіямъ. Степень этого уменьшенія опредѣляется особыми таблицами, при составленіи которыхъ принимаются въ соображеніе всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на скорость походныхъ и боевыхъ движеній войскъ.

4) Маасштабъ для опредѣленія дальности выстрѣловъ, раздѣленъ на части величпою во 100 шаговъ, и показываетъ, съ какого разстоянія должно открывать стрѣльбу ядрами, гранатами, ближнею и дальнею картечью, какъ изъ легкыхъ, такъ и изъ батарейныхъ орудій. При употребленіи этого маасштаба принимается также въ соображеніе, производится ли стрѣльба прицѣльная, рикошетная, настѣльная или павѣсная. Для ружейной и штуцерной стрѣльбы употребляется тотъ же самый маасштабъ, принимаи 400 шаговъ за самое дальнее разстояніе для ружейнаго и 600 для штуцернаго выстрѣла.

5) Кости. На войнѣ случается не рѣдко, что успѣхъ или неудача происходятъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть подчинены никакому расчету. Такъ напримеръ, хорошей нравственный духъ войскъ не рѣдко даетъ перевѣсъ надъ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ. Это вліяніе нравственной силы дѣлается особенно ощутительнымъ подъ огнемъ артиллеріи и при атакахъ холоднымъ оружіемъ. Для опредѣленія результата такихъ дѣйствій, невозможно прибѣгать къ точнымъ расчетамъ; а потому, въ военной игрѣ, въ подобныхъ случаяхъ, употребляются кости, имѣющія видъ обыкновенныхъ игральныхъ костей. Онѣ приспособлены ко всѣмъ обстоятельствамъ, болѣе или менѣе благоприятствующимъ успѣху дѣйствій, такъ, что каждый изъ играющихъ, для рѣшенія сомнительнаго случая, беретъ номеръ кости, соответствующей положенію, въ которомъ онъ находится. Для лучшаго объясненія приложимъ здѣсь чертежъ, который изображаетъ всѣ пять костей и можетъ дать понятіе о ихъ наружномъ видѣ и употребленіи. (См. чертежъ.) Римскія цифры означаютъ номеръ кости. Бѣлые и черные кружки служатъ для опредѣленія содержанія между выгодами и невыгодами положенія, въ которомъ находится обѣ стороны, атакующая и обороняющаяся. Для рѣшенія сомнительнаго случая, посредникъ*) избираетъ костъ, приличную положенію обѣихъ сторонъ, и назначаетъ каждой изъ нихъ соответствующія имѣть кружковъ. И такъ, напримеръ, если обѣ стороны дѣйствуютъ при равныхъ выгодахъ, тогда употребляется костъ № 1 (3 черныя и 2 бѣлые кружка); если выгоды одной стороны относятся къ выгодамъ другой, какъ 3 : 2, тогда должно взять костъ № 2 (3 черныя и 2 бѣлые кружка). Содержаніе черныхъ кружковъ къ бѣлымъ, во всѣхъ пяти костяхъ, есть слѣдующее :

*) Обязанности его описаны ниже.

- Кость № 1 . . . . . 1:1
- № 2 . . . . . 3:2
- № 3 . . . . . 2:1
- № 4 . . . . . 3:1
- № 5 . . . . . 4:1.

Когда выгоды и невыгоды обѣихъ сторонъ находятся еще въ большей несоразмѣрности, тогда атака въ игрѣ не допускается и слабѣйшая сторона должна отступить.

Для означенія содержаній 3:2, 3:1, 4:1, необходимо было оставить пѣхотыя стороны костей порожними; если случится, что кость падетъ порожнюю стороною вверхъ, то должно бросать ее вторично.

Находящаяся внутри кружковъ буквы О, Р, С, (отступление, разбитіе, совершенное пораженіе), опредѣляютъ, въ какомъ видѣ должна производиться отступление побѣжденная часть. Въ «первомъ» случаѣ, она отступаетъ въ порядкѣ, и можетъ, послѣ нѣсколькихъ ходовъ, снова вступить въ бой; во «второмъ», потеря считается уже столь значительною, что отступившая часть, съ большимъ токомъ трудомъ, можетъ снова вступить въ дѣло; наконецъ, въ «последнемъ» случаѣ, разбитая часть считается обращенною въ бѣгство и неспособною къ возобновленію боя.

Потеря отъ атакъ холоднымъ оружіемъ, въ пѣхотѣ и кавалеріи, опредѣляется числами, находящимися подъ кружкомъ: «первое», означаетъ потерю, претерѣнную полубаталіономъ пѣхоты (силою въ 450 человекъ), а «второе», эскадрономъ кавалеріи (въ 120 лошадей). Потеря, претерѣваемая атакующимъ отъ огня обороняющагося, считается всегда выловину противъ потери побѣжденнаго.

Числа, находящаяся по обѣимъ сторонамъ кружковъ, означаютъ потерю, понесенную отъ огнестрѣльнаго дѣйствія ручнымъ оружіемъ и артиллеріею. Для оцѣнки первой, назначаются кости № 1 и 2: цифры, находящаяся на лѣвой сторонѣ, означаютъ убыль, произведенную огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ сомкнутой, а на правой сторонѣ, разсыпной пѣхоты, на разстояніи 100, 200, 300 и 400 шаговъ. Для опредѣленія потери отъ огня орудій, назначаются кости № № 3 и 5. Первая изъ нихъ употребляется, когда батарея дѣйствуетъ при выгодныхъ, а вторая, при невыгодныхъ обстоятельствахъ. Цифры на лѣвой сторонѣ кружка означаютъ уронъ, произведенный батареею изъ 8-ми батареискихъ, а на правой, батареею изъ 8-ми легкихъ орудій, при дѣйствіи близнею картечью, дальнею картечью, наведенными и рикошетными выстрѣлами.

Должно вообще замѣтить, что цифры, выражающія потерю, означаютъ, не число людей, а число «очковъ»; каждое же очко имѣетъ различное значеніе, смотря по роду войскъ и ихъ строю. И такъ:

въ сомкнутой пѣхотѣ, одно очко значить 5 человекъ,

въ разсыпной пѣхотѣ, 2 очка значить 3 человекъ,
въ сомкнутой кавалеріи, 2 очка значить 3 всадника,
въ артиллеріи, 12¼ очковъ, знач. 1 орудіе.
Слѣдовательно, если потеря одной стороны составитъ 180 очковъ пѣхоты, тогда играющей спимаетъ одинъ баталіонъ, который считается уже уничтоженнымъ, и т. д. При менѣе значительной потерѣ, шашка, означающая баталіонъ, замѣняется меншею, соответствующею числу людей уцѣлѣвшихъ въ баталіонѣ. То же самое соблюдается и въ другихъ родахъ войскъ.

б) Таблицы для отысканія убыли. Потеря,

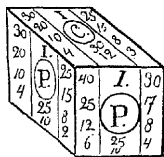
потребно не менѣе трехъ лицъ. Одно изъ нихъ, избранное въ посредники, составляетъ общее предположеніе, опредѣляетъ число войскъ для каждой стороны, назначаетъ главныхъ начальниковъ въ оба противные корпуса, даетъ назначеніе остальнымъ лицамъ, участвующимъ въ игрѣ, и наконецъ сообщаетъ каждой сторонѣ такія свѣдѣнія о силѣ и первоначальномъ расположеніи непріятельскихъ войскъ, которыя дѣйствительно могутъ быть получены, въ военное время, посредствомъ рекогносцировокъ, лазутчиковъ, и т. п.

На основаніи этихъ первоначальныхъ свѣдѣній, каждая изъ играющихъ сторонъ составляетъ диспозицію и сообщаетъ ее посреднику, который, согласно съ тѣмъ, дозволяетъ выставить на планѣ тѣ части обонхъ корпусовъ, которыя дѣйствительн могутъ находиться въ виду другъ у друга. Потомъ каждый изъ играющихъ, по собственному усмотрѣнію и съ согласіемъ посредника, дѣлаетъ одинъ или пѣсколько ходовъ. По мѣрѣ сближенія войскъ выставляются на планѣ тѣ части, которыя могутъ быть видимы противникомъ. Въ продолженіе игры принимается въ соображеніе и время, необходимое для передачи приказаній въ тѣ части войскъ, которыя находятся въ значительномъ разстояніи отъ главныхъ силъ.

Всѣ движенія и дѣйствія войскъ производятся не иначе, какъ съ согласія посредника, который имѣетъ всегда рѣшительный голосъ: играющие должны безпрерывно ему повиноваться, хотя бы они даже и не согласились съ нимъ въ мнѣніи. Обязанности же посредника суть слѣдующія: а) наблюдать, чтобы всѣ движенія войскъ производимы были правильно и сообразно съ маасштабомъ. б) Своевременно увѣдомлять одну изъ играющихъ сторонъ о скрытыхъ движеніяхъ другой, и выставлять на планѣ тѣ части, которыя должны находиться въ виду другъ у друга. в) Вести точный разсчетъ убыли обѣихъ сторонъ, отыскивать ее на таблицѣ, и исключать уничтоженныя части войскъ изъ игры. д) Рѣшать безпристрастно всѣ сомнительныя и затруднительныя случаи, встрѣчающіеся въ игрѣ, и опредѣлять, какія кости,

въ какихъ обстоятельствахъ, должны быть бросаемы каждою изъ играющихъ сторонъ. Что касается до правилъ военной игры, то мы не находимъ возможности объяснить ихъ здѣсь удовлетворительнымъ образомъ: въ первыхъ, потому, что даже краткое ихъ изложеніе заставило бы насъ выйти изъ предѣловъ журнальной статьи; а во вторыхъ, потому, что для ихъ уразумѣнія необходимы спеціальныя свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ, въ особенности въ тактикѣ. — Эти соображенія заставили насъ ограничиться поверхностнымъ описаніемъ военной игры, удобопонятнымъ для читателей Иллюстрацій, не занимающихся военными науками.

А. Кузминскій.

КОСТЬ № I.

30	I.	25	30	I.	25	15	10	I.	10	40	I.	30	60	I.	50	10	I.	7
20	15	15	20	10	15	10	10	6	25	7	50	30	40	30	16	6	3	4
10	8	8	10	4	8	4	2	2	19	8	25	20	20	16	3	3	2	2
4	2	2	4	3	3	3	3	3	6	4	4	4	4	4	4	4	4	4

КОСТЬ № II.

20	II.	15	20	II.	15	10	10	II.	10	40	II.	30	60	II.	50	10	II.	25
10	5	5	10	5	5	5	5	5	25	20	25	20	20	20	10	10	5	8
5	3	3	5	3	3	3	3	3	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15
3	1	1	3	1	1	1	1	1	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8

КОСТЬ № III.

40	III.	30	40	III.	30	20	10	III.	15	30	III.	20	20	III.	15	60	III.	50
25	20	25	20	10	20	10	10	6	12	20	20	15	15	20	12	40	20	30
10	8	8	10	7	8	7	5	5	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
7	6	6	7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6

КОСТЬ № IV.

IV.	IV.	IV.	IV.	IV.	IV.
20	10	10	20	10	10
10	5	5	10	5	5
5	3	3	5	3	3

КОСТЬ № V.

25	V.	20	25	V.	20	30	25	20	V.	15	15	15	15	V.	8	2	V.	8
16	12	16	12	8	12	8	8	4	15	15	15	15	8	8	8	8	8	8
6	3	3	6	3	3	3	3	3	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
3	3	3	3	3	3	3	3	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

Кости употребляемые при военной игрѣ.

понесенная въ продолженіе одного или нѣсколькихъ ходовъ, отъ огнестрѣльнаго дѣйствія или отъ атакъ холоднымъ оружіемъ, и выраженная числомъ очковъ, на костяхъ, бросаемыхъ играющими, отыскивается каждыиъ разъ на особой для того таблицѣ. Эта таблица раздѣлена на два главныхъ отдѣленія, для показанія убыли обонхъ противныхъ корпусовъ; каждое отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ графъ, соответствующихъ различнымъ родамъ войскъ. Когда число отычченыхъ на таблицѣ очковъ составитъ полубаталіонъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи или взводъ (2 орудія) артиллеріи, тогда шашка, выражающая уничтоженныя части, снимаются съ плана и исключаются изъ игры. Примерный ходъ игры. Для военной игры

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВСЕЙ РОССИИ.

ИМАТРА.

«...Мы возвращались в августъ изъ Гельсингфорса; погода стояла прекрасная, какъ будто нарочно благоприятствуя, не путешествію, а прогулкѣ нашей по живописной Финляндіи. Правду сказать, Финляндія стоитъ внимательной и продолжительной прогулки, съ одного конца до другаго. До Лапландіи мы небольшие охотники, но за то окрестности Тавастууга, Вильманstrandа, прибрежные города старой и новой Финляндіи, озеро Саймы съ своимъ архипелагомъ и водопадамъ у Иматры, образуемымъ однимъ истокомъ этого озера, займутъ, поправится и запечатлѣются на всегда въ памяти, хотя бы вы объѣхали уже все страны свѣта. Въ этихъ видахъ есть особая физиономія, неполненная ликомъ, съ высокой поэзіи. И такъ мы гуляли по Финляндіи и къ вечеру добрались до Фридрихсгама. Времени оставалось еще довольно, чтобы успѣть въ Петербургъ къ сроку; мы рѣшились повернуть на Вильманstrandъ, чтобы посмотреть на Иматру... Темнѣло. На козлы коляски взмостился Пойга, мальчикъ, не смотря на все наши protestы. Дорога ужасно гориста, темно, по смотритель не смотрѣлъ на все наши представленія, и мы не безъ страха тронулись въ путь. Мы не отъѣхали и трехъ верстъ, какъ уже совершенно стемнѣло. Пойга, болтал на непозвѣстномъ языкѣ, управлялъ четверкой съ удивительнымъ искусствомъ; право, казалось, что у него кошачьи глаза; дороги не видно, да и днемъ тутъ трудно бы видѣть дорогу, потому что во многихъ мѣстахъ дороги вовсе не было; по темнотѣ гранитной скалы экипажъ катился, пугая насъ страннымъ звукомъ колесъ; по совершенно голому камню Пойга умѣлъ угадывать свой путь, спускался съ ужасныхъ высотъ съ искусствомъ и плутовствомъ. Онъ зналъ, что на станціи запугали насъ горами; онъ, какъ умѣлъ, такъ рассказалъ, что всего двѣ горы трудны; мы давно уже проѣхали эти опасныя мѣста, а Пойга все еще увѣрялъ, что горы вперед. Вотъ мы уже на станціи. — А горы?.. Проѣкала! отвѣчалъ плутоватій Пойга, не замѣняясь въ лицѣ. Мы очень обрадовались умному обману, но не рѣшились ѣхать дальше. На другой день, довольно уже поздно, мы съ высокими горъ увидѣли Сайму; это чудное озеро какъ будто вырыто по хитрому плану архитектора въ огромной садъ; кажется, передъ вами прудъ, побольше, но по этому пруду ходятъ большія мачтовые суда. Мы вспоминали о проектѣ прорытія канала отсюда къ Выборгской бухтѣ, и намъ представлялась картина всехъ благодѣтельныхъ послѣдствій, отъ исполненія этого важнаго предпріятія. Намъ было весело, не смотря на погоду, которая стала хмуриться и за Вильманstrandомъ, не дождя, а какой-то сырости тихо лилась съ неба, закутаннаго въ сплошную сѣрую тучу. Далече слышалъ мы шумъ воды и воображали, что это стеченіе воды съ высокой горы; мы надѣялись найти паденіе воды, отвѣсно стекающей съ огромной высоты; пріѣхали, воть; въ большой бесѣдкѣ, не такъ давно построенной, на самомъ высокомъ пунктѣ скалъ, приставленныхъ къ рѣкѣ, — гости, и само-собою разумеется, петербургскіе. Экипажи у крыльца. Входимъ — знакомые; они также смѣнили другихъ гостей и, полюбовавшись на водопадъ, уступили намъ мѣсто; содержателя не было. Настолъ и подъ столомъ въ прихожей поставлено бутылочъ; выбирайте любое вино, пейте, никто объ этомъ не заботится; на ярыкахъ, для вашего свѣдѣнія и памяти, написана цѣна, чтобы, если забудаете разсчитываться, такъ не позабыли заплатить и за вино. Васъ не спросятъ; позволите помнить саму. Павлиньонъ состоитъ изъ довольно большой залы, образцовой окнами на водопадъ, да изъ двухъ

спальныхъ комнатъ, раздѣленныхъ узкими сѣнями; комнаты убраны даже роскошно. Сверхъ того, для посѣтителей есть еще хорошія помѣщенія, тутъ же въ домахъ обывательскихъ. Пока ставили самоваръ, стряпани ужинъ, мы побѣжали смотреть на водопадъ, но по почтѣ мы увидѣли только широкую и длинную блѣдую ленту, которая выдвигалась на глазахъ нашихъ съ оглушительнымъ шумомъ, къ которому легко привыкнуть; по-крайней-мѣрѣ мы скоро съ нимъ освоились, и подъ этотъ поэтический шумъ спали преспокойно; но за то утромъ этотъ шумъ волшебной силой увлекалъ наше любопытство. Мы послѣдно одѣлись и отошли къ водопаду. Употребляемъ это слово за неизвѣстіемъ другаго; но отвѣснаго паденія воды здѣсь нѣтъ. Справедливо называютъ это паденіе: Wasserström, водоостремленіемъ; стокъ Саймы за нѣсколько верстъ до Иматры стремится по наклонной поверхности; здѣсь эта наклонность теряетъ свою постепенность; вода, добѣжавъ до этого мѣста, чтобы соскочить въ долину, въ нѣдрахъ скалъ на отлого-

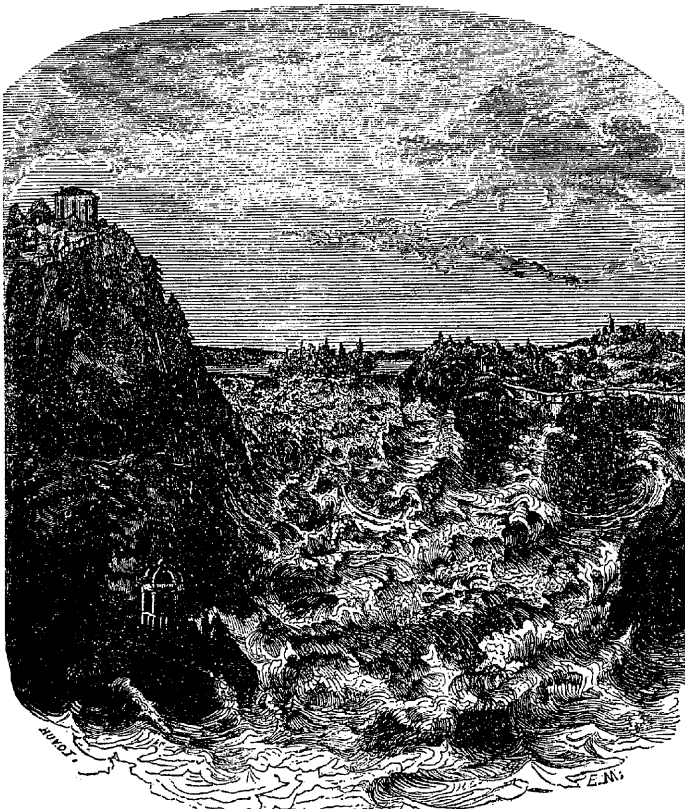
вольствіемъ, съ жадностью; можно засмотрѣться, забываясь и простоять надъ стремниной безъ мысли — долго, долго. Погода и тутъ намъ благоприятствовала; угождала намъ, она была утромъ насурнара, къ обѣду вышло изъ тучъ солнце, облило своими золотомъ сѣдую массу воды, украсило ее безчисленными разноцвѣтными огнями. Казалось, что вода играетъ драгоцѣнными камнями; эффектъ величественный, ослѣпительный. Едва къ вечеру мы рѣшились разстаться съ этой дивною Иматрой; прощаясь, мы опять вспомнили о проектѣ соединенія Саймы съ моремъ; а что, подумали мы, если необходимая убыль воды осушитъ истокъ Саймы, который столько вѣковъ рылъ себѣ эти великолѣпныя ворота? Намъ стало грустно... Выборгъ и садъ барона Николая едва на другой день развѣяли грусть нашу...

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ПЕДАНИЯМЪ.

Ученые извѣстія. — Феноменъ. — Электрической смерти. — Дѣтъ лошади. — Замокъ Ферней. — Братья и сестра. — Забавная ошибка. — Новая изобрѣтенія. — Новый журналъ. — Кермидина. — Чувствительная лошадь. — Осветительный вѣнецъ. — Авторъ Трехъ Мускетеровъ.

Ученые извѣстія. Гальванизмъ въ послѣдніе годы зашелъ въ области разныхъ наукъ. Медицина давно пользуется его помощію, а теперь и хирургія находитъ въ немъ могущественнаго и благодѣтельнаго сотрудника. Многіе жаловались намъ на краткость ученыхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ Иллюстраціи; повторяемъ, что мы странствуя, только указываемъ на важныя открытія, а объяснять ихъ въ подробности дѣло спеціальныхъ и энциклопедическихъ журналовъ. Многіе изобрѣтенія дѣйствительно заслуживаютъ обширныхъ техническихъ статей, что по возможности и дѣлается; но какимъ образомъ можемъ мы войти въ подробности, напримеръ, этого хирургическаго открытія. Довольно если скажемъ, главный хирургъ главной лійонской, больницы, г. Петркенъ достигъ до того, что безъ операціи лечитъ аневризмы посредствомъ гальвано-булктуръ или валькываши

Иматра.

сти въ полверсты, выкопала, вырыла, вырвала себѣ веровное ложе; волны точно бѣшенныя бросаются съ горы, встрѣчаются съ тайными камнями, которые ихъ подбрасываютъ на значительную высоту и расклевываютъ въ мелкія брызги; на этомъ довольно значительномъ пространствѣ — ужасная суматоха. Волны мечутся и взадъ, и впередъ, и на берегъ, то проваливаются въ неизвѣстную бездну; но тамъ уже есть жилища, и новыхъ посѣтителей прогоняютъ съ яростію подбрасывая вверхъ фонтаномъ; ниня переплываютъ черезъ тайную скалу, стеклянныя козлакомъ; сами волны округлили бѣдный камень. Сила стремленія невтроятва; Финнъ, который провозжалъ насъ къ нафѣсу, поставленному у подошвы этого водоската, подлилъ огромное бревно; двѣ руки не охватывали бревна; Финнъ не безъ труда бросилъ его въ воду; мгновеніемъ, бревно сломало на двое, еще мгновение, и вода, раскидываясь стеклянными колапакомъ, какъ мы выразились, пронесла только щепки. И что можетъ бременное дерево, когда вода обтачиваетъ огромные булыжники въ мелкіе разныхъ и довольно красивыхъ формъ камешки, которыми запасается почти каждый посѣтитель, чтобы потомъ бросить за окошко. Это водостремленіе веселитъ сначала ужасъ, но потомъ такъ чаруетъ глаза, такъ уваскаетъ умъ и воображеніе, что глядя на эту вѣчную, неутомляющую бурю съ удо-

двухъ стальныхъ булавокъ, соединяя ихъ головки съ полюсами гальваническаго столба. Эти леченія производилъ онъ въ присутствіи многихъ врачей и зрителей. Изъ трехъ ирландскихъ имъ приѣздовъ, одинъ послѣдній, былъ совершенно удаченъ и не оставилъ сомнѣній въ дѣйствительности средства. Аневризма разошлась отъ одного сеанса! Другіе два были мѣше удачны, но при всемъ томъ проблема разрѣшена; опытъ озаботился о благодѣтельномъ приѣженіи способа и тѣмъ избавить отъ кровавыхъ операцій, которыя при всемъ искусствѣ врача, при удачѣ даже самого производства, не всегда вѣнчаются благополучнымъ исходомъ.

— Картофель, послѣ приѣзда своего изъ Америки, жилъ долго въ Европѣ весело и здорово; но отъ старости захворалъ и привезъ въ ужасъ народы своимъ опаснымъ недугомъ. Тутъ гальванизмъ не могъ оказать никакой помощи; отправившись на родину большого картофеля и нашав тамъ аркагу, растеніе, давно извѣстное, имѣющее также весьма питательный корень. Оно плодится еще въ большомъ числѣ, нежели картофель, и можетъ быть легко аклиматизировано въ Европѣ. Теперь обдумываютъ средства о переселеніи аркага. Вѣроятно, картофельъ выдоро-

мтвом и верной наблюдательности; но этого мало и в прошедших годах он писал водевил; онъ приложилъ руку и къ другимъ піесамъ; комедія «Нечего дѣлать» появилась — пельзказать въ переводѣ; — она приняла оригинальный видъ; она усилена блестящими остроуміи и прекрасными куплетами; во всемъ спектаклѣ замѣтили мы стараніе бенефицианта угодить публикѣ; на этой афишѣ мы не нашли ни одного гверскаго выраженія, ни одной погрешки бенефицианнаго парламента — и театръ былъ наполовину нусть. Вотъ вамъ, Пётръ Андреевичъ, награда за вашу добросовѣстность, за ваше стараніе угодить публикѣ. Прискорбно, да мы уже такъ привыкли къ пзмѣчивости вкуса нашей публики, что не удивились неожиданному явленію; а такъ какъ мы дали себѣ слово никогда ничѣмъ не огорчаться, то и приказали себѣ подумать: кака скверная погода! Она, выпит, виновата.

ни весьма многихъ сочиненій не напечатанныхъ и принадлежащихъ лучшимъ писателямъ. Биографія автора не заключается въ одномъ его послужномъ спискѣ или въ поименованіи его сочиненій, которыя онъ самъ обрѣкъ тисненію, въ закупленныхъ его сочиненіяхъ, въ домашнихъ экскриптахъ, иногда найдете обя-

потомъ самое лучезарное имя теряетъ свой свѣтъ... Прискорбно! Вотъ, напрячьте, помните, какъ нравились, и по достоинству, комедіи Н. И. Хвѣльницкаго. Современникъ сего не провозгласилъ его Моальеромъ, то ужъ навѣрно не отказался бы назвать его Реньрохъ, если бы на подобный произволъ была тогда нынѣшняя мода

а теперь и кончина его пришла едва замѣченной, а о жизни никто и не вспоминалъ. Это у насъ такой уже благодарный нравъ; какъ будто онъ не для насъ, не для нашего отечества трудился и трудился съ честью, съ усердіемъ, до самой могилы изумляя дѣятельностью своею окружающихъ. Мосье П. И. Хвѣльницкаго осталось много сочиненій, нигдѣ не напечатанныхъ. Между прочимъ «Царское слово или Свѣтовство Рузлицева» ком. въ 3 дѣйствіяхъ; «Знающій Богданъ Хвѣльницкій» историческое представленіе въ пяти картинахъ «Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабанецъ», ком. въ 2 дѣйствіяхъ, «Оберъ-кухмистеръ Фельтенъ», изъ временъ Петра I, въ 3 дѣйствіяхъ; наконецъ Тартюфъ Моальера въ переводѣ Хвѣльницкаго, стоить многихъ оригинальныхъ произведеній. Тартюфъ игранъ на сценѣ, но также нигдѣ не напечатанъ. Не упоминаемъ о другихъ статьяхъ оставшихся послѣ П. И. Хвѣльницкаго по разнымъ отраслямъ; довольно и тѣхъ, которыя мы печатаемъ. И все это не извѣстно публикѣ! Намъ кажется, что изданіе этихъ сочиненій не должно устранивать тѣхъ, кто имѣетъ на то право — и обязанность. Книги не падаютъ, да какіе же книгамъ идти, когда пѣть книги, а только списулапій; но мы не можемъ приказатъ себѣ думать, что въ 60 милліонахъ, а можетъ быть, и болѣе, составляющихъ народонаселеніе Имперіи не отыщется тысячи человекъ, согрѣтыхъ прямою, неподдѣльною любовью къ русской литературѣ и театру. Правда, на прошлой недѣлѣ былъ бенефисъ П. А. Каратыгина; игралъ, между прочимъ, Вицъ-Мундиръ, оригинальную комедію водевилъ... По на прошлой недѣлѣ, да и теперь еще ужасная погода, а она то всему злу и причина. А мы... о, мы все, сколько насъ ни есть, мы готовы поддержать все хорошее на Русь; мы все бывали въ Европѣ, видели, что у многихъ есть литература и театръ. Нусть себѣ и у насъ будутъ...

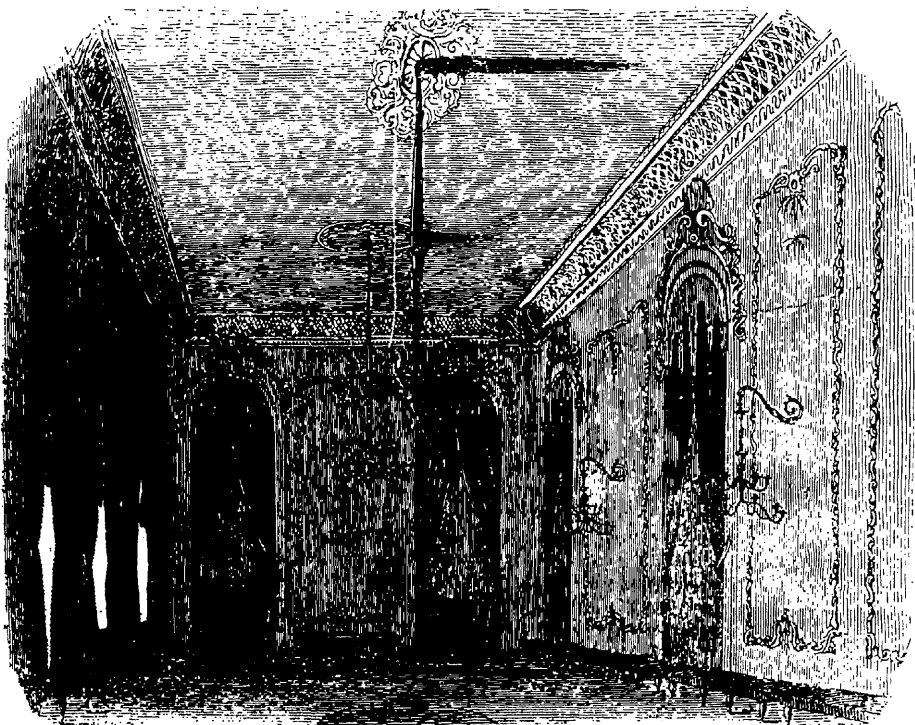
Д. И. Язиковъ.

Да, ужасная погода! Она уморила въ городскія новости. А если и оставила одну новость, такъ и та печальная, похоронная. Русская исторія, русское просвѣщеніе лишились вернаго, неутомимаго дѣлателя. Дмитрій Ивановичъ Язиковъ скончался на прошлой недѣлѣ, здѣсь, въ С. Петербургѣ, гексаго 15 го ноября. Д. И. Язиковъ родился въ Москвѣ 1775 года, 14 октября, воспитывался дома и въ частномъ невеликѣй служилъ въ гвардіи и перешелъ въ гражданскую службу въ 1802 году; на этомъ поприщѣ все время службы провелъ по министерству просвѣщенія, былъ директоромъ департамента, потомъ чрезвычайнымъ секретаремъ Императорской Русской Академіи, наконецъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи, по отдѣленію русскаго языка и словесности. Д. И. много трудился для Русской Исторіи; онъ издалъ Шленсера Нестора на русскомъ языкѣ, Лерберга, Путешествія Илано, Карпини и Асединна, Записки В. А. Напокина и Дюка Липрискаго. Онъ пригатовилъ къ печати начало весьма важнаго Церковнаго Словаря, но кончина не допустила исполнить прекраснаго задуманія. Мы обязаны Дмитрію Ивановичу многими полезными историческими трудами. Читатели извинятъ насъ, если мы въ одно время съ извѣщеніемъ о кончинѣ замячательнѣйшихъ лицъ не помѣщаемъ ихъ біографіи. Жизнеописаніе кого бы то ни было у насъ едва ли не самый трудный отдѣлъ. Собрать матеріалы сколько нибудь полные для біографіи, стоить процесса въ самомъ старомъ генеральномъ судѣ. Впрочемъ мы не теряемъ надежды. — Последній историческій трудъ Д. И. Язикова былъ переводъ Записокъ Дюка де Липри. Впрочемъ не мало осталось не конченныхъ работъ въ портфеляхъ. Можетъ быть, имъ никогда не суждено показаться на свѣтѣ Божій. Изъ остатковъ носкъ всѣхъ нашихъ писателей могла бы образоваться обширная и весьма занимательная посмертная литература; мы знаемъ о существованіи

сненіе и характера и образа жизни, и откровенно поговорилъ, по кончѣ талант авторъ припалъ то или другое направление. Но у насъ литература какъ мебель. — Зачѣмъ у насъ стоить билиардъ? спросили мы у одного знакомаго, вѣдь вы никогда не играете... «Немалъ, батюшка! Держу для вида! У многихъ, я видѣлъ есть билиарды... Нусть себѣ будетъ и у меня...» Посмертныя сочиненія года два интересуютъ издателей повременниковъ; а

отыщется тысячи человекъ, согрѣтыхъ прямою, неподдѣльною любовью къ русской литературѣ и театру. Правда, на прошлой недѣлѣ былъ бенефисъ П. А. Каратыгина; игралъ, между прочимъ, Вицъ-Мундиръ, оригинальную комедію водевилъ... По на прошлой недѣлѣ, да и теперь еще ужасная погода, а она то всему злу и причина. А мы... о, мы все, сколько насъ ни есть, мы готовы поддержать все хорошее на Русь; мы все бывали въ Европѣ, видели, что у многихъ есть литература и театръ. Нусть себѣ и у насъ будутъ...

Будутъ ли, полно? — Сомнительно. У насъ будутъ торговля общества, компаніи; но литература, художества... Художества будутъ. Это можно сказать положительно, за это ручается актъ Академіи Художествъ, бывшій въ прошлѣе воскреселье. Число розданныхъ медалей, между коими три золотыя перваго достоинства, не слова, не надежды, а факты. Для художествъ сія есть самая свѣтлая, ясная, теплая погода. Выставка, какъ вы уже знаете изъ Академическихкихъ газетъ, по особу уважительнымъ причинамъ, согласно распоряженію высшаго начальства Академіи, отлагается вперед до приказанія; о

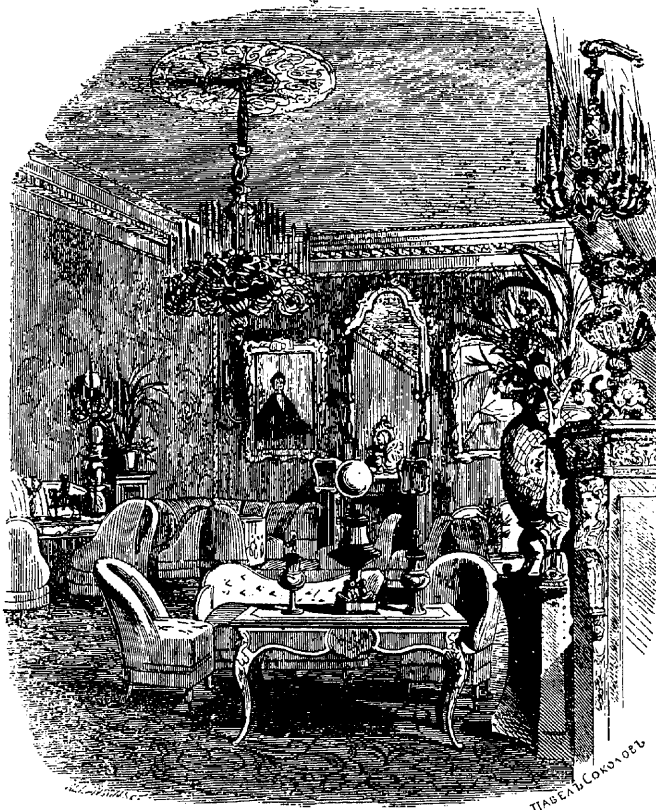

Малая танцевальная зала въ домѣ Е. С. графа Воронцова-Дашкова.

чем в свое время и будет объяснено.

Мы уже несколько раз говорили о том, что в Плиюстрации будем помещать гравюры с домовъ нашихъ бояръ. Не такъ это легко было сдѣлать, какъ намъ казалось; едва на прошедшей недѣлѣ получили мы гравюры съ великолѣпныхъ покоекъ его сятельства графа Воронцова-Дашкова, исполненныя за границей по рисункамъ гг. Мейера и Соколова. Но пестивъ, немало такихъ отелей можно видѣть и за границей. Здѣсь роскошь подчлсна высокому вкусу; обон, украшенія, люстры, заповѣсы, мебель, все какъ будто выдилось вдругъ изъ вдохновеннаго воображенія художника. Мы весьма затруднились въ выборѣ покоекъ для Плиюстрации; сдѣлало бы илюстрировать весь домъ, всѣ комнаты, купно съ лѣстницей; тутъ все излшно. Полюбуйтесь на видл двухъ гостинныхъ и малой танцевальной залы, и не забывайте, что гравюра безъ красокъ представляеть только обшсе. Кстати скажемъ, что въ Редакціи поступили рисунки съ домовъ его сятельства князя Воронцова въ Одессѣ и на Южномъ берегу, исполненные г. Дороговымъ, недавно возвратившимся съ сѣвернаго юга. На югѣ, тамъ гдѣ недавно гремѣли громы русскаго оружія, теперь совершаются мирныя празднества.

Гостинная въ домѣ Е. С. Гр. Воронцова-Дашкова.

ВЕЗУМЪ И ЛЮБОВЬ.

Изъ записокъ доктора.

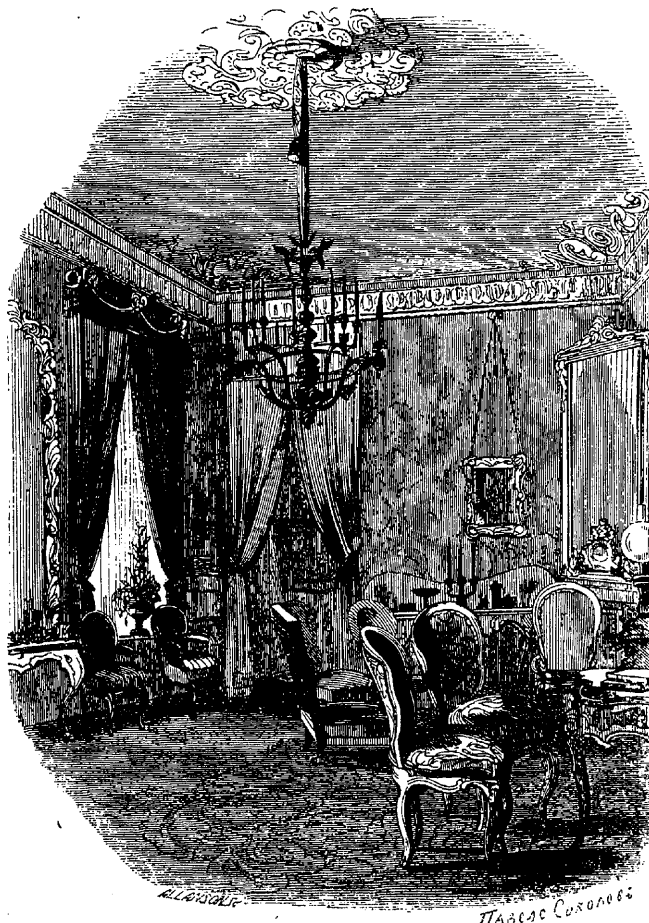
Посвящено : Е. П. ЕК. М.

Часовъ въ 7 послѣ обѣда, въ бильярдной комнатѣ у генерала Вазова собралось нѣсколько человѣкъ гостей; двое изъ нихъ играли, а остальные, устывшсе на высокихъ диванахъ, смотрѣли на игру и разговаривали. Дамъ здѣсь не было; онѣ всѣ сидѣли въ будуарѣ генеральши, которая чувствовала себя не совсемъ здоровою и оживала доктора. Прозвѣвъ колокольчикъ и лакей доложилъ, что прѣхалъ докторъ, который черезъ минуту былъ уже въ комнатѣ.

Онѣ сдѣлалъ генеральшѣ нѣсколько вопросовъ, посмотрѣлъ ея пульсъ, языкъ, заставилъ нѣсколько разъ вздохнуть какъ можно глубже, сказалъ, что къ завтрашнему утру пройдетъ все ея нездоровье и не далъ никакого лекарства.

Разумѣется, докторской властвѣ этимъ не кончилось. Генеральша и дамы, теперь, въ свою очередь, начали спрашивать доктора: «Итъ ли въ городѣ какого-нибудь повѣтрія? Не очень ли много больныхъ? Не очень ли много умираютъ? Видѣлъ ли онѣ сегодня надамъ Т.? Поправляется ли графиня В.? Долго ли можетъ прожить баронъ К.?»

Послѣ разныхъ отвѣтовъ на разные вопросы, докторъ хотѣлъ уже уйти, но въ это время, въ дверяхъ будуара, показался хозяинъ дома, генералъ Вазовъ; онѣ подошелъ къ доктору, дружески взялъ его подл руку и повелъ въ другія комнаты.

Гостинная въ домѣ Е. С. Гр. Воронцова-Дашкова.

— Что, жена моя не опасна?
— Нисколько.
— Эта болѣзнь не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій?
— Никакихъ. По моему, ваша супруга даже не больна.
— Но зачѣмъ же она жалуется на нездоровье?
— Не знаю.

Надобно сказать, что докторъ былъ не шарлатанъ; онѣ не любилъ кричать о пустякахъ, какъ о важной, смертельной болѣзни; не давалъ ордавовъ или подлѣчныхъ и посланческихъ волонъ, не вымывалъ косметическихъ составовъ, не имѣлъ своихъ особенныхъ аптекарей; дѣлалъ свое дѣло добросовѣстно; если въместо болѣзни находилъ канризь, или видѣлъ, что болѣзнь служить только въместо ширмы для скртія какой-нибудь нѣчи, то убѣждалъ, не оставялъ никакого рецепта; однимъ словомъ, для XIX-го вѣка, этотъ докторъ былъ самымъ правдой человекомъ.

Поэтому-то онѣ и говорилъ генералу объ его женѣ, такъ какъ думалъ, да не только такъ какъ думалъ, онѣ говорилъ даже отрывисто, и на это была своя причина; сегодня докторъ былъ разстроены, опечаленъ; даже по голосу можно было замѣтить его внутреннее волненіе; оно не ускользнуло отъ генерала, и когда они оба вошли въ бильярдную и когда, послѣ обыкновенныхъ фразъ и привѣтствій, докторъ, противъ обыкновенія, оставался молчаливымъ и грустнымъ, Вазовъ спросилъ его :

— Да скажите, ради Бога, докторъ, что сегодня съ вами? Вы не въ своей тарелкѣ?
— Да, генералъ, и очень не въ своей тарелкѣ!
— Но что же такое? скажите, если это не секретъ.

Докторъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подавить глубокой вздохъ; губы его сжались, брови сдвинулись, съ полминуты онѣ не отвѣчалъ, наконецъ сила воли взяла верхъ надъ сердцемъ.

— Секрета тутъ нѣтъ никакого. Я сегодня хоропплъ бывшаго моего товарища.

— То есть, тоже недша?
— Да!
— Но, что же дѣлать? Вѣдь и они умираютъ также, какъ всѣ люди!

— Правда; но этотъ несчастный умеръ совсемъ не такъ, какъ всѣ; и причина его смерти, и самая смерть, были слишкомъ необыкновенны, сплшкомъ трогали душу.

— Да полноте, докторъ, какъ вамъ не стыдно; у васъ на глазахъ чуть-чуть не слезы. Расскажете-ка лучше намъ, что такое случилось?

Партія была кончена. Докторъ прислонился спиной къ бильярду; другіе подошли къ нему слушать.
— Долговъ, про котораго я теперь рассказываю, учился въместѣ со мною въ медицинскій академіи. Это былъ мальчикъ съ огненными способностями, дѣльный, умный и не дуренъ собой; воображеніе его вѣчно кипѣло, вѣчно онѣ создавалъ утопіи и во всемъ искалъ несбыточныхъ совершенствъ; правда, онѣ часто и обижался, да это не шло ему въ прокъ. Онѣ, ни по своему характеру, ни по своимъ наклонностямъ, никогда не желалъ быть медикомъ; но домашнія обстоятельства заставили его выбрать эту дорогу. Изъ родныхъ у него оставалась только мать.

— Студенческие годы идут быстро; Долонов не впадал как кончил курс, с честью, славою и золотой медалью.

— Виновать, я забыл рассказать одно обстоятельство, очень важное в жизни Долонова.

— Однажды осенью, он отправился на лекцию и шел себе шапка на бокрену, мурмыкая *gaudeamus igitur iuvenes dum sumus*; шел, шел и чуть не наткнулся на крестьянскую женщину, которую вела малютка-дѣвочка.

— Долонов взглянул на женщину и остановился. Губы у нея заеклись, сохлились; мутные глаза едва движутся, лицо посинело, ноги заплетаются одна за другую; несчастная, казалось, съединенно готова была упасть и испустить послѣдній вздох.

— Послушай, голубушка, куда ты идешь?

— Вь бо... о... льян... пу.

— Да вьд ты не вь силахъ идти.

— Женщина хотѣла отвѣчать, но не могла; малютка-дѣвочка плакала.

Долоновъ надѣл свою шинель въ рукава, взялъ женщину под руку и повелъ ее къ больницѣ.

— Кормилецъ ты мой, благослови тебя Господь! шептала больная.

— Вотъ пришли они. Долоновъ бросился къ дежурному врачу и просилъ принять больную. Ее приняли.

— Куда же дѣвать мнѣ мою дочку? съ больною и опасеніемъ спрашивала больная.

— Отшли ее на квартиру.

— Батюшки вы мои, у меня нѣтъ квартиры; я ужь давно хвораю; денегъ, что заработала, всѣ вышлал, и меня прогналъ съ квартиры.

— Ну, такъ отшли ее къ роднымъ.

— Свѣтики вы мои, у меня нѣтъ родни!

— А мужъ?

— Онъ умеръ, ужь четвертый годъ.

— Хорошо, сказала Долоновъ, пока ты будешь здѣсь въ больницѣ, твою малютку я отведу къ своимъ матушкѣ; она будетъ у насъ.

— Больная понѣвлявала у него руку.

— А какъ зовутъ твою малютку?

— Ольгой, батюшка!

— Сколько ей лѣтъ?

— Сельмон годокъ.

— Долоновъ взялъ за руку малютку, простился съ больною, просилъ дежурнаго врача, чтобы онъ обратилъ на эту несчастную свое вниманіе, и вышелъ изъ больницъ; скоро шелъ онъ, лицо его было ясно, души легко и весело, онъ чуть не плакалъ отъ радости, что Богъ привелъ ему сдѣлать истинно доброе дѣло. А знаете ли вы, господа, что въ жизни человѣческой вѣтъ чувства, вѣтъ ощущенія выше и пріятнѣе того чувства, которое теперь было въ душѣ молодого человѣка. Ни восторги взаимной любви, ни удовлетвореніе самолюбія и честолюбія, ни сокровища для скуки, ничто не дасть намъ этого высокаго, невыразимо-пріятнаго, небеснаго утѣшенія, ничто такъ не радуетъ душу, какъ чувство сдѣланнаго нами для другихъ добра. Уже одно это чувство есть истинная, неоцѣнимая награда за наше добро...

Мать Долонова, добрая старушка, была рада видѣть въ сынѣ своемъ растущую склонность къ добру и охотно взяла малютку Ольгу. Черезъ нѣсколько дней, мать Ольги въ больницѣ умерла, и сиротка осталась у Долоновыхъ.

II.

— Простившись съ Академіей, Андрей Николаевичъ Долоновъ вступилъ въ свѣтъ; счастье ему улыбалось, практикн становилось больше и больше — и въ теченіи шести лѣтъ, у него появились порядочныя деньги. Кромѣ счастья въ практикѣ, молодой докторъ былъ счастливъ и въ женщинахъ; но ни скоро пресыщался, не потому что онъ былъ похожъ на нашихъ скороспѣлокъ XIX-го вѣка, которые всѣмъ пресыщаются, не наслаждаются; все знаютъ, не доучившись; въ тринадцать лѣтъ становятся математиками, въ шестнадцать толкуютъ объ аѳѣлахъ и спекуляціяхъ, ничему не удивляются, любятъ себя да деньги и торопятся жить... Дай Богъ, чтобы это рановременное напряженіе развитія нашей молодежи, дай Богъ, чтобы эта скороспѣлость не отозвалась дурными послѣдствіями въ будущемъ поколѣніи, потому что отъ истощенныхъ и невзыбчивыхъ сѣмянъ, вымываютъ плохіе плоды... Такъ я сказалъ, что Долоновъ пресыщался скоро, не потому что онъ былъ скороспѣлка, нѣтъ, а потому что во всемъ любилъ дѣлать хорошаго очень много, а находилъ мало.

— Еще съ самыхъ первыхъ дней, какъ Ольга осталась сироткою, у нашего молодого фантазера мелькнула мысль самому воспитать ее; воспитать своимъ мыслями и чувствами, воспитать такъ, чтобы она могла съ нимъ во всемъ гармонировать. Долоновъ такъ и дѣлалъ. Еще въ первые годы своего студенчества, онъ началъ удѣлять сироткѣ часть своего времени, самъ понемногу училъ ее; дѣвочка была понятлива, добра и до безконечности предана своему благодѣтелю, а между тѣмъ подрастала. Когда Андрей Николаевичъ сдѣлался медикомъ, сѣбѣ было уже одиннадцать лѣтъ. Хорошая практика дала Долонову возможность нанимать для Ольги учителя музыки; старушка, мать нашего доктора, тоже любила сиротку Ольгу какъ свою дочь. Но странное дѣло: не смотря на то, что Ольга была очень хорошенькая, кроткая, пресминая, уже почти пятнадцать лѣтъ и начинала роскошно развиваться, Долоновъ къ ней ничего не чувствовалъ, кромѣ дружбы или любви брата, и самъ этому удивлялся.

— Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разныя обстоятельства заставили Авдрея Николаевича, съ своею матерью и Ольгой, поѣхать на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ деревню.

— Въостъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они тамъ прожили почти полтора года, и въ это время я о Долоновѣ ничего не слыхалъ.

— Но скажите, докторъ, Ольга не любила Долонова? спросилъ кто-то изъ гостей.

— А вотъ сейчасъ узнаете. Черезъ полтора года мы опять увидѣлись; я, какъ старшій товарищъ, захвѣлъ къ Андрию Николаевичу, уѣхавъ у него въ кабинетъ, толковалъ о разныхъ разностяхъ, потомъ вдругъ привсталъ и минуты двѣ оставался въ этомъ положеніи, позваніи удивленія и... и, право, самъ не знаю еще какаго-то чувства, похожего на благоговѣніе. Вы спросите отчего? Отъ того, что въ это время вошла Ольга... Привлекательность и красота ея были ослѣпительны; отъ нея вѣло свѣжестью и непорочностью; черты лица, сохранила рѣдкую нѣжность, были одушевлены мыслью; въ глазахъ вѣстъ съ умомъ сверхъясла сила страсти. Глубоко строинаго стана, правильность и красота всѣхъ формъ тѣла, легкость движеній, все въ ней заманчиво. Сидѣлъ по свѣту, много видѣлъ я красиваго, много слышалъ пріятныхъ женскихъ голосовъ; но ни одинъ изъ нихъ не звучалъ такъ сладко, ни одинъ не казалъ въ душу такъ глубоко, какъ голосъ Ольги. Скоро она ушла изъ кабинета и мы опять остались вдводемъ съ Долоновымъ.

— Неужели ты устоялъ противъ этого искушенія? Признайся, вѣрно за ней ухаживалъ? спросилъ я.

— Полно тебѣ болтать о пустякахъ, отвѣчалъ очень равнодушно Андрей, и болѣе на этотъ предметъ нашъ разговоръ не возвращался; только изъ словъ Долонова я видѣлъ, что онъ нѣсколько не увѣрился въ несбыточности совершенствъ, которыхъ онъ искалъ въ людяхъ, и особенно въ женщизнѣ; напротивъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь онъ вѣрилъ въ эти совершенства.

— Прошло довольно времени, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Долонова; но Ольга не встрѣчалъ нигдѣ; она шкула не ѣздила, брала уроки пѣнія и музыки, и всегда оставалась дома.

— Однажды вечеромъ, я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ про чудеса воднаго леченія, какъ вдругъ, не вошелъ, а вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату бѣдняги, разстроенной Долоновъ.

— Послушай, другъ мой Поль, не откажись почаще навѣщать меня; мол Ольга очень нездорова.

— По отчего же ты такой бѣдной, разстроенной?

— Какъ отчего? я говорю тебѣ: Ольга больна.

— Что у нея?

— Кажется, тифъ.

— Тифъ?

— Да, и быть можетъ, она не перенесетъ его.

Послѣднія слова Андрей едва могъ выговорить; все тѣло его аромало; онъ опустелъ на стулъ.

— Да скажи, ради Бога, что съ тобой?

— Что со мной? Ничего; но Ольга можетъ умереть... И Андрей болѣе не могъ владѣть собою; двѣ слезы упали съ рѣсницъ его.

— Да развѣ ты ее любишь?

— Послѣ того, что я расскажу тебѣ, суди самъ, Поль, могъ ли бы кто нибудь не любить и не уважать Ольгу? Ты знаешь, что когда она осталась сиротой, я ее выкупили у ея помѣщика, оставилъ у себя, воспитывалъ, видѣлъ, что она будетъ умнѣющая, добрая, видѣлъ ея привязанность къ

моямъ матушкѣ и ко мнѣ, зналъ, что она меня любить, какъ благодѣтеля, какъ друга; она занимала меня, и только... Притомъ же она была еще дѣла.

— Не задано передъ отъѣздомъ нашимъ въ деревню, по вѣлкости своего характера, завлекся въ игру и проигрывалъ много; это печалило мать мою, а Ольгу я часто видѣлъ съ заплаканными глазами; я сердился и продолжалъ играть.

— Разъ пріѣзжаю домой изъ клуба и готовъ былъ уже раздѣться, какъ вошла Ольга. Я былъ удивленъ и довольно суровымъ взглядомъ спросилъ, что ей угодно?

— Андрей Николаевичъ, я хочу просить васъ: будьте такъ добры, исполните мою просьбу.

— Какую?

— Не играйте больше.

— Такъ исполните же и вы мою просьбу: не мѣшайте не въ свое дѣло.

— Андрей Николаевичъ, другъ мой, благодѣтель мой, бросьте игру, ради Бога, умолю васъ, не переставайте играть! И съ этими словами она заплакала, бросилась передо мною на колѣна, схватила и готова была целовать мои руки. — Если у васъ есть хоть капля любви къ вашей матушкѣ, бросьте игру; разданыте лучше бѣднымъ, хоть нитку долгу того, что вы проигрываете, это дѣло будетъ болѣе достойно васъ; а теперь игромъ кому и какую пользу вы принесете?

— Слова Ольги научили и пристыдили меня; я хотѣлъ поднять ее, но она, занимаясь слезами, говорила, что не встанетъ до тѣхъ поръ, пока я не дамъ честнаго слова, что не буду играть.

— Я дальшево, и этимъ быть можетъ спасъ себя отъ пшесты.

— На Ольгу я уже сталъ смотрѣть другими глазами; но поступокъ ея принисывалъ дружбу и преданности; правда, я видѣлъ, что она во всемъ была ко мнѣ чрезвычайно внимательна, старалась угадывать и предупреждать каждое мое желаніе, каждый взглядъ; но это, я думалъ, дѣлалось изъ благодарности.

— По пріѣздѣ въ деревню, Ольга часто бывала очень грустна; мнѣ казалось, что она думаетъ о своей будущности; мнѣ было жаль ее. Изъ обыкновеннаго, пошелъ я посмотрѣть, что дѣлаетъ Ольга въ своей комнатѣ, въ минуты грусти; — и оченъ удивился, когда увидѣлъ, что она перебирала ключки и обрывки бумагъ, рассматривала, цѣвляла ихъ и потомъ опять укладывала въ ящикъ; уложивши, она печально опустяла голову, но нечаянно ея покатились слезы... потомъ она пошла и начала молиться. Я ушелъ, ничего не понимая, и долго старался узнать, что въ лицѣ ея; наконецъ дождался случая, взглянуть... и вообразилъ мое изумленіе: это были клочки бумаги, на которыхъ, иногда, въ разеивности, я рисовалъ перомъ прихотли свои фантазіи. Съ этихъ поръ, я началъ думать, что Ольга, быть можетъ, меня любить, но не показывалъ виду, что узналъ ея тайну.

— Тамъ же, въ деревнѣ, я любилъ иногда кататься на лодкѣ. Однажды, подъ вечеръ, я вѣлъ съ собой человѣка; сынъ въ лодку и поѣхали. Ты знаешь, Волга не узка; мы были уже у другаго берега, какъ началъ задудать вѣтеръ, облака, становившись гуще и темнѣе, вдаль слышался громъ, смеркалось болѣе и болѣе; мы назавъ къ своему берегу, а волны все растутъ; мы подѣвжались къ среднѣмъ рѣкѣ, а лодку начинаетъ западскивать волною; времени прошло много, стало совсѣмъ темно, а мы отъ своего берега еще далеко; надъ нами повисли тучи, молніи бородались небо, раскаты грома повторялись нончутно; въ тучъ упалъ сильный ливень, и я, признаюсь, при каждой молніи съ безпокойствомъ смотрѣлъ, далеко ли берегъ, и всакии разъ мнѣ казалось, что на берегу стоитъ что-то похожее на человѣка, но стоить, не смотря на громъ, ва молнію, на ливень — неподвижно, какъ камень; вотъ, мы еще ближе къ берегу, молнія опять освѣтляла небо и землю... да, это былъ человѣкъ, и, кажется, женщина; еще блеснула молнія, мнѣ кажется, это стоить Ольга... Тутъ, не смотря на бурю, сердце мое сильно забилось; я началъ понимать высокую душу этой дѣвушки. Вотъ, мы уже выходимъ на берегъ, женская фигура быстро побѣжала къ нашему дому. Это она, это непремѣнно Ольга.

— Я пошелъ прямо въ комнату Ольги, дверь закрыта; стучусь, отвѣчаютъ: неалая. Я настаиваю, чтобы отворили; дверь отперлась; я не ошьясь: это была Ольга; на ней платокъ совершенно промокъ.

— Оливья, друг мой! какъ вамъ не стыдно такъ мало дорожить своимъ здоровьемъ.

— Андрей Николаевичъ, ради Бога, не вѣдите въ такую погоду; съ вами можетъ случиться несчастие, отвѣчала она, смутившись. И въ ея взглядѣ видѣлась покорная мольба и любовь.

— Я едва могъ выдержать; пожалъ ей руку и скорый ушелъ.

— Съ этого вечера я уже любилъ Ольгу; но еще не доверялъ, ни ей, ни самому себѣ, хотѣлъ по-смотреть, что будетъ.

— Мѣсяца три спустя за мной прислали изъ соседней деревни. Тамъ явилась бѣшеная собака и многихъ перекусала. Возвратившись домой, послѣ обѣда я пошелъ съ Ольгою гулять; въ поле, разсказывалъ про несчастныхъ, къ которымъ мѣня сегодня звали на помощь, и показывая ей траву *Genista tinctoria*, которая полезна въ этой ужасной болѣзни. Вдругъ Ольга вскрикнула; я не успѣлъ поднять голову, какъ большая, желтая собака бросилась мнѣ на грудь, укусала въ лѣвое плечо и побѣжала дальше. Я потерялся. Но надо было видѣть Ольгу: глаза ея метали огонь, въ ней кипѣла напряженная, несественная жизнь. Она бросилась съ быстрою молніею къ моему плечу, выиграла спортукъ, бѣгавъ и выискала въ мою рану, высасывая вѣстѣ съ кровью ядъ. Наконецъ, когда она высосала довольно крови, я остановилъ ее.

— Ольга, другъ мой, ангелъ мой, ты спасла меня; но знаешь ли, что ты рискуешь своею жизнью?

— Андрей Николаевичъ, я была бы счастлива, если бы могла умереть за васъ: моя жизнь принадлежитъ вамъ; не вы ли приютили меня, дали мнѣ возможность жить, воспитали меня, научили думать, старались развивать мои способности, всегда были моимъ благодѣтелемъ и другомъ? Вы дали мнѣ жизнь души: чѣмъ же я могу заплатить за это? Жизни моей для этого мало; да и кому нужна, кому полезна жизнь ничтожной сироты? А вы, вы еще много будете дѣлать добра. Живите, будьте счастливы, Андрей Николаевичъ! да благословитъ васъ Богъ... а я... Но слызи помѣшанный говорить ей; она схватила мои руки и сжимала въ своихъ рукахъ; она вся была полна любви безпредѣльной... Испытаніе было выше силъ моихъ; я забывалъ, и боль и рану, и быть можетъ, близкую смерть; я блаженствовалъ; Ольга была въ вонюхъ объятій; ея чистое дыханіе вѣяло на мою шею.

— Ольга моя, радость моя! съ этой минуты мы принадлежимъ другъ другу на всегда!

— Какъ? Вы меня любите! Андрей Николаевичъ, вы любите нищую, безродную сироту. — Нѣтъ, оставьте меня; на васъ будутъ указывать пальцами; скажутъ, что вы женились, Богъ знаетъ накомъ...

— Душа моя! брось эти мысли... я твой! твой на всегда.

— Мой?... мой!.. да, я вѣрю, я тебѣ вѣрю; ты меня ни въ чемъ не обманывала; ты мой, мой, Андрей! о, если бы ты зналъ, какъ давно и какъ сильно я любила и люблю тебя!..

— Я сплелъ кольцо съ руки Ольги и надѣлъ ей свое. Мы обручились, быть можетъ, за два дня до смерти.

— Прошло шесть недѣль и, слава Богу, и Ольга и я остались здоровыми и... счастливыми... да, Поль, я счастливъ, счастливъ, сколько желалъ; въ Ольгѣ намѣся я совершенство, котораго искалъ; о, какъ она меня любитъ! Я увѣренъ въ ней болѣе, нежели въ самомъ себѣ; нѣтъ жертвы, которой бы она для меня не сдѣлала. Да, я счастливъ и, Боже мой, если я утрачу это счастье, что со мною будетъ?.. Долоновъ опустилъ голову и закрылъ руками лицо.

— Я сколько могъ успокоилъ его, и мы вѣстѣ отправились къ нему.

У Ольги въ самомъ дѣлѣ были тѣхъ; она была плаха. Не смотря на болѣзнь, эта дѣвушка была прекрасна; и какъ сильно она любила Долонова! казалось, она жила и дышала только имъ и для него.

Андрей Николаевичъ просиживалъ ночи у постели Ольги, прислушивался къ каждому ея движению, предупреждалъ каждое ея желаніе; подавая скорбь, старался казаться веселымъ, занималъ, развлекалъ ее, а между тѣмъ, угадывая худой конецъ, плакалъ въ душѣ кровавыми слезами.

День ото дня здоровье Ольги становилось хуже, и съ тѣмъ вѣстѣ Долоновъ примѣтно измѣнялся; щеки его впали, глаза помутнились, блѣдность, какъ у жертвенца. Скоро онъ сталъ отча-

ваться въ жизни своей Ольги; какъ страшныхъ мукъ стоила ему одна мысль эта, теперь-то онъ вполнѣ узналъ всю силу любви своей; теперь у него не было другой мысли, кромѣ мысли, объ Ольгѣ; онъ не спалъ ночи, почти не ѣлъ; передъ нимъ раскрылась страшная бездна.

Созвали консулята.

Доктора сѣхались, посмотрѣли больную; она была уже въ безпамятствѣ, и только въ бреду говорила изрѣдка: Андрей, ты мой! мой... я тебя люблю... о, какъ люблю!. Осмотрѣвши больную, всѣ пошли въ другую комнату.

— Господа, сказалъ Долоновъ, помоете мнѣ, больная безъ всякой надежды; прошу васъ, скажите откровенно, что вы думаете? но говорите правду: вѣдь вы знаете, что меня трудно утѣшить пустыми словами.

— Кажется, безнадежна, сказали врачъ.

— Такъ она должна скоро умереть?

— Да.

— Должна умереть непремѣнно?... непремѣнно! повторилъ Долоновъ, и съ этимъ словомъ тихо поднялся; во всемъ его тѣлѣ начались едва замѣтныя подергиванія, глаза горѣли огнемъ и дико сверкали, волосы приподнялись, лицо стало холодное, по всему тѣлу выступилъ холодный клейкій потъ, грудь то поднималась, то опускалась; онъ былъ страшенъ; въ немъ совершалось внутреннее перерожденіе; наконецъ онъ глухо, протяжно застоналъ...

— Андрей Николаевичъ, что съ вами? спросилъ одинъ изъ медиковъ.

Долоновъ вздрогнулъ. Ничего, отвѣчалъ онъ разсѣянно улыбаясь и садясь на свое мѣсто.

Врачъ переглянулся. Больная плаха, да и онъ не лучше, говорилъ онъ шопотомъ.

— Что вы, господа толкуете? вы утѣрите, что Ольга умерла. Не правда, она умереть не можетъ, она не умретъ! И съ этими словами Долоновъ ушелъ въ комнату Ольги.

— На другой день я пріѣхалъ навѣстить больную и даже не думалъ найти ее въ живыхъ; но мнѣ сказали, что ей лучше, что Андрей Николаевичъ заперся съ больною въ ея комнатѣ, не выходилъ оттуда цѣлый день и ночь, и не выпускаетъ туда никого, даже не выпускаетъ и мать свою.

Я постучался, Долоновъ тихо подошелъ къ двери и не отворяя ее, шопотомъ сказала: «Нельзя». Лѣкарства подавали черезъ дверь, которую Долоновъ для этого немного отворялъ; отъ обѣда онъ отказался.

На слѣдующій день, я опять заѣхалъ. Долоновъ въ этотъ разъ, то же черезъ дверь, сказалъ мнѣ: «Не беспокойте больше пріѣзжать.»

— Я не зналъ; что и думать. Говорили, что больно лучше. Такъ прошло еще восемь дней.

— На девятый за мной прислала мать Долонова. Бѣдная старушка, въ слезахъ разсказала мнѣ, что слыя ея заперся въ комнатѣ Ольги, ничего не ѣстъ, день и ночь говоритъ съ своею Ольгой, но что она ни слова не отвѣчаетъ ему; что Долоновъ нигде туда не впускаетъ, даже и ее, свою мать; и что она не можетъ попятъ, что съ нимъ сдѣлалось и умоляла меня узнать.

Я съ самаго своего пріѣзда былъ удивленъ запахомъ крокоата, по всемъ комнатамъ; на вопросъ отчего этотъ запахъ? мнѣ сказали: отъ лекарства; я потребовалъ копію съ рецепта; въ самомъ дѣлѣ, растворъ крокоата; тутъ же узналъ я, что Долоновъ, назавдъ тому пять дней, потребовалъ сифонъ и полоскательную чашку. Странная мысль мелькнула въ головѣ моей.

Я подошелъ къ дверямъ, постучался. Долоновъ опять черезъ дверь отвѣчалъ: «Оставьте меня въ покоѣ!»

Я хотѣлъ взглянуть въ замочную скважину, но она изнутри была зашита. Дѣлать было нечего я велѣлъ осторожно, безъ шума прорѣзать въ дверяхъ небольшое отверстіе, и когда все было готово, взглянулъ въ комнату.

Долоновъ сидѣлъ на постели, держалъ Ольгу за руку и что-то тихо говорилъ ей... А она? она сидѣла какъ-то странно, холодно, молча, блѣдная; глаза ея стояли неподвижно, ротъ полуоткрытъ, одна рука лежала на плечѣ Долонова, другую онъ держалъ въ рукѣ своей... мнѣ показалось... я протеръ глаза, сталъ всматриваться... и... ужаснулся... вѣсто Ольги видѣлъ Долонова сидѣть трупомъ... тутъ же объяснилось; несчастный Андрей Николаевичъ сошелъ съ ума; на консулятаціи съ нимъ сдѣлался, этотъ гибельный переворотъ, это перерожденіе, которымъ разрушилась связь его душевныхъ способностей, которымъ искозились его внутреннее и

Вскорѣ Долоновъ потребовалъ лекарство; ему подали; я сталъ опять смотрѣть. Помѣшанный взялъ сифонъ, втанулъ въ него растворъ крокоата и сталъ балъзамировать трупъ; судя по рецептамъ, онъ дѣлалъ эту операцию уже шестой разъ; уже шесть дней Ольга не было въ живыхъ.

Послѣ балъзамированія, онъ опять посадилъ трупъ, положилъ мертвую руку себѣ на плечо, говорилъ ей о любви своей... по всему этому должно было положить конецъ.

Позвали слесаря, дверь отворили.

Долоновъ вскочилъ, бросился къ двери и закричалъ: «Прочь отсюда!»

Тяжко и больно мнѣ было смотрѣть на своего товарища; онъ исхудалъ, обросъ бородами; въ глаза глаза дико блуждали, волосы всклокочены.

— Андрей, что ты дѣлаешь? развѣ не видишь, что въ рукахъ у тебя мертвое тѣло?

— Вздоръ! Ольга умереть не можетъ!

— Но ты самъ же ее балъзамировалъ.

— Не правда, я лечу ее!

— Андриуша, дружокъ, опомнись, говорила мать.

— Опомнитесь вы всѣ! отвѣчалъ помѣшанный.

— Не упрямься же, Андрей! Ольгу надо похоронить; если не согласишься, мы употребимъ силу.

— Какъ, какъ? что ты говоришь, предатель! Съ этимъ словомъ онъ прыгнулъ къ полу, схватилъ его и, размахивая, говорилъ: «Посмотрите, кто отниметъ у меня мою Ольгу?»

Надо было взять другія мѣры. Двери силой съ петель и Долоновъ показывалъ видѣть, что на него не обращаютъ никакого вниманія, а между тѣмъ принесла укротительную «уфайку», которую обыкновенно употребляютъ для помѣшанныхъ, и дожидаясь ночи, почъ прошла, а Долоновъ не смыкалъ глазъ, онъ все стерегъ свое драгоценное сокровище; все разговаривалъ съ своею несчадливою Ольгою.

Прошелъ и еще день.

На слѣдующую ночь Долоновъ задремалъ.

Въ эту минуту люди осторожно подкрались, набросили на него укротительную «уфайку» и стали влзать; другіе выносили тѣло Ольги.

Быстро вспринулъ Долоновъ, мощно сопротивлялся онъ, рвался, метался; по шестеро сильныхъ людей и ремнями спутанные пог удержали его; нестерпиво закричалъ онъ: «Предатели, изверги, что я вамъ сдѣлалъ за что вы хотите разлучить меня съ моею Ольгой?... Ольга, душа моя! не печалься! мы скоро будемъ вѣстѣ, скоро, скоро!.. не перестану любить тебя никогда, никогда!.. Добрые люди, братья мои пусть меня къ Ольгѣ! отдайте мнѣ мою Ольгу; если бы вы знали, какъ чиста и непорочна душа ея; если бы вы знали, какъ кротка и добра моя Ольга! она спасла мнѣ жизнь. На обижайте ее; отдайте ее мнѣ! За что вы отнимаете у меня мое счастье? какое зло я вамъ сдѣлалъ. Отдайте мнѣ ея умоляю васъ, ради Бога, ради дѣтей вашихъ, ради вашей будущей жизни, отдайте мнѣ мою Ольгу!.. То снова несчастный приподнялся въ раздраженіе и осыпалъ насъ проклятіями; наконецъ, онъ вдругъ стихъ ему стало слышатся, что Ольга съ нимъ разговариваетъ; онъ приложилъ къ стѣнѣ свое ухо, началъ вслушиваться и отвѣчалъ на мимолетные слова Ольги. Такъ прошелъ остатокъ этого дня.

Положеніе Долонова заставляло опасаться за его жизнь; десятый день онъ ничего не ѣлъ и упорно отказывался отъ пищи для того, чтобъ скорѣе увидѣться съ Ольгой.

Всѣ убѣжденія были напрасны; я посовѣтовался съ другими врачами и принялся поддерживать жизнь несчастнаго противъ его воли. Ротъ Долонова былъ стиснутъ; всякую пищу, если бы она и попала въ ротъ, помѣшанный выдувалъ и выплевывалъ; мы обращались къ посыланному средству: голову и руки больного держали сильные служители ему; вставили черезъ ноздри и задній носовыя отверстія эластическую пищепроводную трубку и черезъ нее подливали питательная жидкость въ лицевое горло и желудокъ больного; онъ долженъ былъ глотать ее по нелѣзъ. Кромѣ того, ему назначали питательная ванны и бужусъ ванъ, я ужаснулся, когда его стали опускать въ ванну: онъ исхудалъ безъ жѣвой, остался только костя да кожа, это былъ живой скелетъ; глаза глубоко впали и горѣли какъ два раскаленные угля; вѣсто шеи двѣ стѣны тѣла

дни; шел вытанулась, ребры торчатъ почти на-ружн, большая часть волосъ на головѣ вынала; на лицѣ писаное невыносимое страданіе души; онъ весь былъ уже слабъ, а все еще разговаривалъ съ своей вѣчной подругой души, съ своей Ольгой; все ему слышался ея голосъ.

Глядя на него, у меня сжалось сердце. Ванна кончилась, его опять одѣли. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, я подошелъ.

— Простите меня къ Ольгѣ, не кормите мѣя, отдайте ее мнѣ; товарищъ, другъ, братъ! отдай мнѣ мою Ольгу; вѣдь она не полюбитъ тебя; молю тебя, не дучь, ради Господа Бога, отдай мнѣ ее! я вѣдь живу только ею и для нея, она душа моей жизни... товарищъ сжался же надо мной, вспоминая прежнюю дружбу, прости меня къ Ольгѣ!.. и несчастный бросился передо мною на колѣни и глухо рыдалъ... въ взошедшихъ глазахъ его слезы уже не было.

Признаюсь вамъ, я самъ почти плакалъ и старался утѣшить и разувѣрить сраданца. Онъ больше не отвѣчалъ на слова мои, и, казалось, о чемъ-то задумался. Я вышелъ.

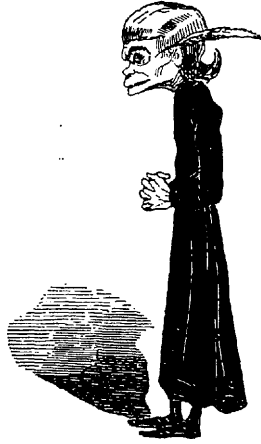
Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ, что въ коннатѣ пошманиаго полъ заскрыпѣлъ отъ прыжковъ... потомъ какъ-будто большой костяной шаръ сильно ударился объ стѣну... потомъ что-то тяжелое рухнуло на полъ... Я туда бросился, но уже все было кончено. Долоновъ бездыханный лежалъ на полу: онъ разбѣжался и объ стѣну раскололъ свою голову.

П. Малиновскій.

писти, почесывая затылокъ и лукаво мягая глазами, поговариваютъ:

— Дешво купилъ! Копѣйку за рубль.

Къ величайшему вѣду, въ послѣднее время число этикъ чуждыхъ издателей, живущихъ въ литературѣ какъ червь въ плодѣ, чрезвычайно

Мусье Родивъ встаетъ, зажимитъ перо за ухо и сложитъ руки.

размножилось. Они изобрѣли новый родъ торговли, Типографшкѣ не получаютъ денегъ; бумагу берутъ въ кредитъ, автора обманываютъ — ясно, что послѣ этого издатель чистый барышг. Повторяемъ,

У него (д'Эррнъ) борода была чистенько выбрита; всѣ движенія его были очень гранциозны.

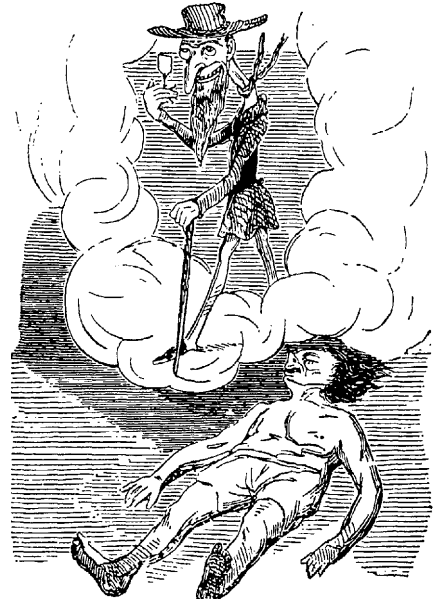
что подобная книжная торговля не можетъ и не будетъ никогда пользоваться ни довѣрjemъ, ни

Онъ не изветъ... а блантъ... Это блантъ... Жидъ...

уваженjemъ публики. За одного терпятъ невинные, а потому мы первые вызываемъ всѣхъ литераторовъ, въ которыхъ есть чувство уваже-

нiя къ своему званію, и которые дорожатъ инфи- ниемъ публики, воистинно соседними силами противъ этой лавы русской литературы! Доколы не будутъ употреблены рѣшительныя мѣры, лавы эта будетъ постепенно увеличиваться и сдѣлается неизлечимою. Мы сами видѣли все это близко, а потому смѣло можемъ сказать, что теперешняя книжная торговля ничто иное какъ своего рода аждаха, но самаго низкаго разряда, грязный, отвратительный!..

И съ тѣхъ поръ лишь только Фарина приляжетъ отдохнуть, Вѣчный Жидъ прѣдъ нимъ тутъ, какъ тутъ!..

Послѣ всего этого обвиняютъ публику въ равнодушіи? Берегитесь, господа, чтобы это равнодушіе не превратилось въ отравленіе. Едва ли гдѣ-нибудь образованный классъ народа такъ довѣрчивъ, такъ горячо готовъ содѣйствовать всему доброму, какъ въ Россіи. Мы видѣли тому тысячи примѣровъ и пазъ нихъ девятьсотъ разъ довѣрчивость и усердіе публики были употребле-

Любовъ очень вѣжливо принялъ Родина.

ны во зло, скажемъ прямо — публика была обманута несостойными образамъ.

Говорятъ еще, что у насъ не любятъ читать? Это также несправедливо. Конечно, не вслкіи можетъ дать 8, 6 даже 4 руб. сереб. за романъ, который прочтуть, да п... оставить. Приятно имѣть хорошую бібліотеку, но при настоящихъ цѣнахъ на книги, это невозможно. Доказательствомъ того, что у насъ много и очень много чи-

БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ наше время не въ одной Россіи мало выходятъ книги, а въ цѣлой Европѣ. Журналы все поглощаютъ. Романы, исторія — все превратилось въ фельетонъ. Не только хорошия, но даже дурныя книги не расходятся. Впрочемъ, причина упадка книжной торговли очевидна. Множество спекуляторовъ, безъ великихъ познаній, безъ вкуса, даже безъ чести и честности, думали найти дешовѣйшую руду въ довѣрчивости, или, лучше сказать, въ легковѣрjи публики. Нѣсколько ничтожныхъ предпріятій, неполноценныхъ недобросовѣстныхъ, какъ-нибудь, на скорую руку или даже вовсе не исполненныхъ, завлекли публику въ издержки, которая ничтѣмъ не вознаграждалась. Основаніе, на которомъ утвердился спекуляторъ, было самое ложное, самое предное. Это мы сейчасъ объяснимъ. Публика жалуется на дороговизну книгъ; издатели жалуются на то, что книги ихъ не раскупаютъ и, рассчитывая на известное число покупателей, они печатаютъ, положимъ, 1200 экземпляровъ книги; каждый экземпляръ приходится, полагимъ, по 2 рублю; чтобы трудъ издателя былъ вознагражденъ, щедро вознаграждены, онъ имѣетъ право желать получить 100 процентовъ. Следовательно долженъ пролтанать каждый экземпляръ по 4 р. Кажется хорошо? Ничего не бывало. Издатель весьма наивно объявляетъ, что книга его разоидется не болѣе 300 экзем.; следовательно, на этикъ-то 300 онъ и долженъ напередъ заплатить 100 процентовъ — п книга, за которую вслкіи охотно даад бы 4 рубля, стоитъ уже до 16 рублей! Но зачѣмъ же, спросите вы, онъ печатаетъ 1200, коли не надѣется продать болѣе 300? Затѣмъ, что остальные онъ ужъ навѣрное продаетъ и, какъ онъ говоритъ, съ чистоты барышгемъ. Это вамъ кажется нѣсколько темнымъ, читатель? А между-тѣмъ дѣло очень просто.

Случалось ли вамъ когда-нибудь замѣчать по Большой-Садовой, вначу, точно въ подвалахъ, сжатые, узенькіе лавочки, отъ которыхъ распространяется какой-то затхлый, сырой запахъ? Эти лавочки, вмѣстѣ съ такъ называемыми ларями на Толкучьемъ рынкѣ — задній дворъ книжной торговли, куда выкидываютъ всякій хламъ, всякую дрянь! Иногда, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ хламомъ зацастаетъ туда и хорошее... а все-таки виновата въ томъ не публика, а все тѣ же издатели. Хозяева этикъ лавочекъ и ларей образуютъ особый классъ книгопродавцевъ, какое-то товарищество, набравшее себѣ девизомъ: дешовизма и мѣлка. Книжнѣ же издатель отправляютъ плизшекъ напечатанныхъ или экземпляровъ, и почтенные бук-

тают служить сотни букнистовъ, которые расходятся по всей Россіи съ дещевыми книгами. Каковы эти книги, о томъ не спрашиваютъ. И нѣтъ изъ нихъ до того плохи, что совѣстные издатели не пускаютъ ихъ даже въ продажу въ столицахъ, а пускаютъ по губерніямъ. Еще язва, которая есть неизбежное слѣдствіе дороговизны порядочныхъ книгъ. Пусть онѣ будутъ дешевле и никто не станетъ смотреть на вздорные романы, ихъ не будутъ покупать, а слѣдовательно не будутъ и сочинять.

Кстати, не угодно ли вамъ знать, какъ сочиняются подобнаго рода романы? Извольте прислушаться.

Въ одну изъ книжныхъ лавчонокъ, о которыхъ мы упоминали, является человекъ среднихъ лѣтъ, въ изодранномъ сюртукѣ, растрепанный, запач-

Съ Дагобера текла вода ручьями.

канный, съ краснымъ носомъ, оловянными глазами и съ связкой книгъ подъ мышкой. Хозяинъ лавчонки сразу узнаетъ своего человека — son hom-me, какъ говорятъ Французы, и сколько хозяинъ этотъ низкопоклонничаетъ, расшаркивается и любезничаетъ съ покупателемъ, столько же онъ гордъ, важнъ и дерзокъ съ продавцомъ по нуждѣ.

Человѣкъ въ изодранномъ сюртукѣ таинственно отводитъ хозяина въ сторону.

— Не хотите ли въ купить у меня книжечекъ? спрашиваетъ онъ съ робостью.

— А позвольте взглянуть-съ.

Жемчужина съ изящною, неумѣстою выпуклостію.

Бѣднякъ развязываетъ книги. Это какая-то свѣзь ненюжныхъ, оборванныхъ книгъ, русскихъ, французскихъ, вѣтскихъ, англійскихъ, латинскихъ.

— Хламъ-съ! Никуда не годится! Не нужны книги-съ! говоритъ книгопродавецъ, съ живостью разсматривая одну книжку за другою. Не нѣтъ ли надобности-съ, у насъ своихъ много-съ.

— Я вамъ очень дешево уступлю, говоритъ бѣднякъ, который, можетъ быть, два дня уже не бралъ въ ротъ — капли настойки.

— Дорожъ не нужно-съ, небрежно отвѣчаетъ хозяинъ, завязывая книги.

— За цѣлковый все отдамъ. Деньги очень нужны.

Книгопродавецъ смягчается, съ боку понасматриваетъ на книги и говоритъ:

— Другивеллнй дамъ-съ! И то только, чтобы вамъ не ташить-съ.

— Помилуйте! да вотъ тутъ одна французская книга стоитъ больше цѣлковаго!

— Можетъ быть-съ!.. А что, вы изволите знать по-французски?

— Знаю, и по-нѣмецки, и по-аппики, и по-латыни. Я былъ учителемъ, да вотъ теперь ужъ два года безъ мѣста.

— Эка подумашь!.. А вы и писать на этихъ языкахъ знаете-съ?

— Какъ же.

И книгопродавецъ поласковѣе смотритъ на бѣдняка, наклоняется къ нему и говоритъ:

— А что бы, таво-съ... не хотите ли вы составить мнѣ самоучителя-съ?

— Какого?

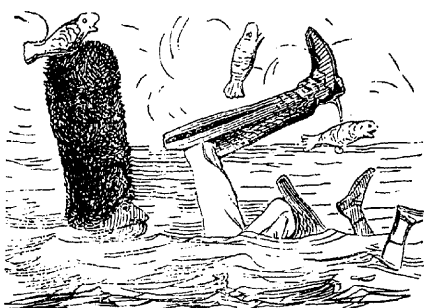
— Разныхъ, знаете-съ... французскаго, англійскаго и другихъ-съ. Я бы вамъ за это запла-тывъ-съ.

Слово за словомъ, и бѣднякъ дѣлается закадыч-нымъ пріятелемъ книгопродавца. Они говорятъ о чемъ-то съ удивительнымъ жаромъ; бѣднякъ воспаляется, а хозяинъ безпрестанно потираетъ руки, приговаривая:

— Ей Богу-съ, чудесно-съ! Отличную сферу слѣбаемъ-съ! Какъ я радъ, что познакомился съ вами-съ. Ей Богу-съ!

— А меня, отвѣчаетъ бѣднякъ, вотъ такъ и тлѣло къ вамъ. Мнѣ ужасно нравятся ваше лицо, и хоть на васъ много класещуть, но я вижу, что вы благороднѣйшій человекъ!

И новые друзья крѣпко жмутъ одинъ другому руки.

Дагоберъ взялся въ водѣ съ двумя дочерями его превосходительства и неопредѣленнымъ числомъ окуней.

— Вы пресумный, смѣтливый книгопродавецъ! продолжаетъ бѣднякъ.

— Помилуйте-съ... знаете-съ... мы мужички-съ, отвѣчаетъ хозяинъ, почесывая затылокъ и стараясь говорить по-мужички.

Довольно замѣчательно то обстоятельство, что мелочные книгопродавцы, какъ и вообще все почти апраксивскіе купцы, стараются «представлять» очень неудачно Григорьева меньшаго, который ихъ, какъ они говорятъ, передразниваетъ.

Наконецъ новые друзья отправляются въ Ни-зокъ. Такъ называютъ книгопродавцы этого раз-ряда ресторацию въ Толмасовомъ переулкѣ, находящуюся въ одно-этажномъ домикѣ.

Въ нѣлу разговора и будущихъ прозектовъ, хо-зяинъ вдругъ спрашиваетъ у бѣняка, у котора-го востъ раскраснѣлся нуще прежняго:

— А что? можете ли вы написать романъ?

Бѣднякъ дѣлаетъ значительное движеніе го-ловой, и отвѣчаетъ продолжительнымъ вздо-хомъ.

— Э — эхъ, эхъ, эхъ!

— А что-съ? Неужто можете?

— Есть у меня, батюшка, романъ готовый!..

— Неужто? Написанный-съ?

— Нѣтъ еще! Да что, долго ли написать! Вотъ онъ гдѣ сидитъ! И красноносый бѣднякъ ударяетъ себя ладонью по лбу. Хотите, расскажу вамъ сюжетъ?

— Сдѣлайте одолженіе-съ!.. Эй, мальчикъ!..

— Э, что, настойка!.. Дайте-ко мнѣ опериться, восклицаетъ бѣднякъ, вдохновенный выпитымъ количествомъ рюмочекъ, и у меня полется шам-панское! Дѣвы будутъ прислуживать мнѣ!.. Я

взойду въ славный храмъ и съѣвши на возвыше-ній, увижу у подножій своего господина, конъ те-перъ и не взираютъ на меня бѣднаго... и не сказывая ни слова, а только махивши рукой, и произведу во всехъ нововоленіи къ своей особѣ.

Книгопродавецъ, пораженный этикъ образчи-комъ краснорѣчія, велитъ подать настоекки.

И — мѣсяца два или три спустя выходитъ въ свѣтъ романъ... обертонная, грубая, сѣрая бума-га, грязная печать, орографическія ошибки и опечатки котораго находятъ въ совершенной гар-моніи съ сюжетомъ.

Вотъ что дѣлается въ нашей книжной торго-вль, вотъ язва, объ уничтоженіи которой дол-женъ заботиться всякій благородный, всякій бла-гомыслишій человекъ.

Агрícola Бодунъ рассказываетъ о своей бѣдѣ мамзель Картофель.

8) Софія, послѣдняя изъ княжнъ Славичихъ. Исто-рическая повесть изъ временъ царствованія короля Сизизмунда III. — Сочиненіе Юзефины О***, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго А. П. ... во. Москва. Въ типографіи Степанова. 1845.

Родиль не спускалъ съ двуцвѣтныхъ спрокотъ сво-его лстребаннаго взгляда.

Дѣвушка эта, княжна Софія, невѣста князя Яну-са Радзивилла, котораго она и въ глаза не видала. Но все равно; она «была еще въ колибели, когда распорядились ея жребіемъ и рукою.» Меж-ду-тѣмъ въ Радзивилла влюблена крестьянская дѣвушка, Катерина. Софія случайно встрѣчается съ молодыми человекомъ и, ни съ того, ни съ се-го, влюбляется въ него. Этого мало: полюбивши молодого человека, она ушла вообразивши, что онъ Радзивиллъ. И такъ Софія любитъ Радзивилла,

но не Раздвинила. А Раздвинила любить Катерину и Софью. В последнюю же, кромя шуток, влюблен Балтазаръ, съдобродный старикъ, для большаго эффекта романа, а въ сущности молодой Сигизмундъ Баторій.

Изъ такого сплетения обстоятельствъ, г-жа Иозефина О... сочинила довольно длинный, довольно скучный и весьма резонерный романъ. Не понимая, что за охота переводить подобныя сочиненія? Писать можно — это простительно, по посылонцѣ: «у другаго мы видимъ въ глазу шепку, а у себя бревна не видимъ» — но ужъ переводить, т. е., не видѣть бревна въ чужомъ глазу — непростительно!

Переводъ мѣстами хорошъ, мѣстами весьма плохъ, особенно тамъ, гдѣ «входитъ» въ хижину, «взымаются» груды, гдѣ бѣлая ручка «не есть принадлежность» крестьянки, гдѣ письмо «вложено посредствомъ Катерины» и пр. и пр.

10) Вицмундиръ, воевалъ въ одномъ дѣствіи, сочинилъ П. Каратыгина, С. П. Б. Въ типографіи Паша Глазунова в Копн. 1845.

Много ли у насъ въ настоящее время драматическихъ писателей? Одинъ, два, три, да и обогатился. Мы недавно говорили, что графъ Сологубъ съ успѣхомъ выступилъ на этомъ, новоязѣ для него, попритѣ. Пьеса графа Сологуба привлекла въ Александрійскій театръ много публики она понравилась; смѣлиась, аплодировали и слава Богу! Первый шагъ сдѣланъ, милости просимъ дальше; тогда и сужденіе критики можетъ быть срызыбѣ.

Такому сужденію не подлежатъ пьесы П. А. Каратыгина. Онъ давно уже и съ большимъ, почти постояннымъ успѣхомъ трудится для театра. Новая пьеса его, маленькая комедія, исполненная живости, дѣйствія и остроумія. Она не держится, подобно многимъ другимъ новѣйшимъ пьесамъ, куплетами или фарсами. Отбросьте куплеты въ волевицъ «Вицмундиръ», и онъ нѣсколько оттого не потеряетъ. Характеръ Раздвинила фарсовъ; безъ несообразности. Это не карикатура — это типъ.

Комедія эта имѣла на сценѣ нѣсколько заслуженный успѣхъ, а въ печати великій прочтетъ ее съ удовольствіемъ.

Жаль только, что она напечатана со многими опечатками; вѣдь это не журнальное дѣло, можно бы просмотрѣть потщательнѣе.

10) Вѣчный жидъ. Порода. Часть II-я.

Мы уже говорили о первой части. Вторая также забавна. Намъ просить извѣстить, что вторая часть не выходила такъ долго по причинамъ, не зависящихъ ни отъ сочинителя, ни отъ издателя. Третья же часть выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Во второй картинкѣ еще лучше, нежели въ первой, нѣкоторыя изъ нихъ даже очень хороши.

На двухъ предъидущихъ страницахъ читатели видѣли уже нѣкоторыя изъ нихъ.

ФЕРМА

въ Тверской губерніи, г. Кавалье.

(Изъ Г. В. Э. О.)

На обратномъ пути изъ Москвы, я познакомился съ помѣщикомъ Андреемъ Андреевичемъ Кавалье (Cavalier). Онъ получилъ въ наследство отъ дяди своего нѣсколько помѣстьевъ въ разныхъ губерніяхъ, но оставилъ себѣ только въ Тверской губерніи село «Ивановское»; прочія же продалъ и вырученныя деньги положилъ въ ломбардъ для приращенія процентами. Крестьянъ Тверской губерніи, съ потребною для нихъ частью земли, онъ заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ, на 37 лѣтъ, обязавъ крестьянъ выплачивать сей долгъ, съ обѣщаніемъ сдѣлать ихъ свободными хлѣбопашцами, и кромя уплаты сего долга, онъ отъ нихъ ничего не требуетъ.

На выдѣленной себѣ землѣ, до 1500 десятинъ, онъ устроилъ ферму. Всѣ работы на ней производилъ онъ наемными людьми, въ числѣ которыхъ находится и нѣсколько человекъ изъ числа отпущенныхъ имъ на волю. И самъ г. Кавалье и его крестьяне остаются весьма довольными такимъ распоряженіемъ. Крестьяне его очень любятъ, почитаютъ, и онъ, какъ говорятъ, часто служитъ имъ судьей въ домашнихъ ихъ спорахъ. Весьма любопытно видѣть это хозяйство, тѣмъ болѣе, что это новое устройство въ Россіи. Г. Кавалье говорилъ мнѣ, что ему весьма пріятно будетъ пригласить великаго желаншаго поѣтить его, и посмотреть на его хозяйство. Селеніе «Ивановское» находится въ 40 верстахъ отъ Торжка, гдѣ въ янички знаютъ туа дорогу, а отъ Твери оно только въ 24 верстахъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

=

I.

Друзья! Не зарюмъ грустить я;
Мнѣ жизнь лукаво измѣнила;
Хоть на смѣхъ, въ тридцать лѣтъ меня
Живая страсть не поѣтила...

Кусьственно я жить счѣпшилъ,
Искалъ любви, ея страданій;
Меня металъ полуживымъ
Неутолимымъ желаніемъ;

И изнемогъ, я жить усталъ
За широкъ чуждаго веселья,
И опрокинулъ мой бокалъ
И жду шага новоселья...

О—нъ.

=

II.

ОБЛАКО.

Куда ты несешься одно, сиротой,
Дитя океана, земли и громовъ?
Зачѣмъ не сольешься ты жизнью одною
Съ летящей по небу толпой облаковъ?

Или, прихотливо, въ разломѣ безбрежномъ
Ты ищешь границу незримой дали?
Иль вѣтра порывы, бушуя мятежно,
Отъ тучи роликой тебѣ унесла?

Оторвано бурей отъ родины милой,
Отъ свѣтлаго роя друзей — облаковъ,
Несусь по лазури, — я, въ странствіи слепомъ
Громова траги, не брошу громовъ!

Какъ слиться могу я съ толпой, мнѣ чужою?
Замѣны былого въ ней страннику нѣтъ!
По небу кочуя одно, сиротой,
Не знаю, гдѣ мой остановится слѣдъ!

Возновлено жаромъ, найду ли въ лазури
Отраду, тоскуя по милыхъ друзьяхъ?
Иль новымъ ударомъ рушительной бури
Развѣюсь, исцелю одно въ небесахъ!

И. Намбинъ.

ПЕРЕПИСКА.

Милостивой государынѣ Вѣрѣ... Б. Письмо ваше такъ мило, что мы его перечитали нѣсколько разъ и себѣ и нашимъ знакомымъ, и, вѣроятно, будете перечитывать его не разъ, не два добрымъ людямъ. Кто васъ научилъ такому увлекательному и простодушному разсказу. Мы бы еще перечитали ваше письмо, если бы не побоялись оскорбить вашу скромность. Обязанность вести переписку Иллюстраціи безъ нарушенія экономіи мѣста заставляетъ насъ отвѣчать вамъ, милостивая государыня, какъ можно короче, а право, жаль; хотѣлось бы бесѣдовать съ вами заочно, въ объемъ пѣлаго номера Иллюстраціи. Знаете ли о чемъ у насъ идетъ споръ? Женщина вышла мужичпа? Я положительнѣе утверждаю, что вы женщина, живая, престодушная, откровенная... а если вы мужчины, то вамъ должно быть непремѣнно сто лѣтъ, потому что для того, чтобы поддѣлаться такъ искусно, надо имѣть столѣтнюю опытность, и въ придачу талантъ Мафферсона. И такъ, вы женщина. Теперь мы должны вамъ отвѣчать... но на что? Гдѣ ваши вопросы? Я не нахожу вопросовъ въ письмѣ вашемъ; я люблюсь разсказомъ и только самъ себѣ дѣлаю вопросы: кто эта удивительная незнакомка? неужели это мистификація? и т. п. А нѣтъ, нѣтъ, вспомнилъ, вы спрашиваете: похожъ ли? отвѣчаю положительно: былъ похожъ, но очень давно. Вы спрашиваете о романахъ и повѣстяхъ. Даръ Божій не долженъ быть ни ремесломъ ни занятіемъ отъ скуки, отъ нечего дѣлать. Въ немъ есть сладость; но увы, сладость страданій невнипаго. Даръ Божій не падаетъ отъ целроты Всевышняго вступъ; всегда имѣеть цѣль, которая технически называется — призваніемъ. Черныло на дамскихъ пальцахъ, съ улыбочкой не смѣетъ, и рубецъ сабли на нѣжномъ дамскомъ лицѣ — не украсятъ женщины. Она половина человѣка. Пусть она предоставитъ повинину, себѣ нѣхъ оцѣнку. Впрочемъ трудно совѣтовать; жаль, если желаніе почетной извѣстности займетъ много мѣста въ вашемъ сердцѣ. И жалко отговѣтовать. Мы не будемъ получать такихъ писемъ. Въ нихъ намъ не правится одно: зачѣмъ они тайна отъ тѣхъ, отъ которыхъ не должно быть тайны.

Г. Оресту..... Шуману. Весьма благодарны за всякое замѣчаніе, особенно въ статьяхъ техническихъ, гдѣ ошибка можетъ вводить въ убыточную ошибку другихъ. Къ счастью, названіе обоа кослкомъ, а шпны ободою, допущенныя въ статьѣ о колесахъ, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій. Насчетъ послѣдняго замѣчанія мы не можемъ съ вами согласиться. Письмо ваше мы передавали на заключеніе самыхъ извѣстнѣйшихъ дѣланныхъ каретниковъ и получали такой отзывъ: «Замѣчаніе или охлажденіе нагрѣтой шпны весьма древнее, и давно вышло изъ употребленія; наступилъ второй періодъ погруженія всего колеса, обтянутого нагрѣтой шпной, вдругъ для того, чтобы шина легла и сократилась вездѣ ровно, какъ и упомянуто въ статьѣ нашей. Но и этотъ періодъ прошелъ; наступилъ третій: шину нагрѣваютъ вѣтъ — вдругъ только ободъ вмячиваютъ легонько и тогда уже обтягиваютъ колесо одновременно; ободъ не обжигается, сиротъ отъ нагрѣтаго желѣза, исцеляетъ мгновенно, и дѣло съ концемъ. Эпоха третьяго періода весьма недавняя, о чемъ по принадлежности и доносимъ.

Г. С. — М.—лу. Мы вамъ сообщимъ стихотвореніе гораздо лучше,

Клія точны быгія
Въ память предастъ, поя.
Мельпомена восклицаетъ
И въ трагедіи рыдаетъ.
Талія, да будетъ правъ;
Осмѣиваетъ въ аюдахъ правъ.
Нажить, равно жатву серпа
Во спрѣль гласитъ Элтерпа.
Эрата, смѣчкомъ, ногами,
Пляшетъ также и стѣхами;
Урапія звѣздъ предѣлъ
Знаетъ свойство и раздѣлъ.
Калиона всѣхъ трубою

Чтить героевъ везлатою;
Упражняясь накопецъ
Въ преклоненіи сердечъ,
Полигимній парядю
Изъбщаетъ все изрядю.
Движаетъ превиспренній умъ
Деяти музъ купю шумъ;
Посрединѣ Ѳ обѣ самъ внемлетъ
И собою все объемлетъ.

Одна Терпсихора убѣжала изъ нашей памяти по объятіи Ѳеба.

Г. Б.—к.—р.— ...Извините! Мы не виноваты! Съ вашими стихами случился старый анекдотъ. Форточка была растворена, вѣтеръ дулъ сильно, мы развудили ваши стихи; они были такъ легки, воздушны... извините, улетѣли, право, улетѣли...

Въ Одессу, г. Золотову. Съ огорченіемъ узнали мы, изъ письма вашего, что нѣкоторые нумера получаютъ протертыми. Просимъ васъ и каждаго о томъ убѣднить насъ; пока можемъ, будемъ перебивать ихъ изъ отдѣльнаго на то запаса. За все прочее приносимъ нашу признательность.

Г. Н.—ву. Ночь, не повѣсть Гоголя, а просто ночь.

Г. Добросовѣтному. Мы разгадали программу вашей загадки, и удивились вашей изобрѣтательности. Можно ли такому загадочному таланту пребывать подъ снуломъ? О, неблагодарный вѣкъ!

Въ Новочеркасскъ, г. Александру... Попову. Съ истинною признательностью мы получили вашу занимательную статью и прекрасный рисунокъ. Онъ переводится на дерево въ ту же величину и будетъ помѣщенъ вѣтъ съ статьею, коль скоро успеетъ его окончить граверъ. Не оставляйте и напредки такими присылками. Онъ украситъ Иллюстрацію, соответствуя вполнѣ той мысли, которую мы положили въ основаніе нашего предпріятія.

Г. Д. д. л. Г. Стихи прекрасны, но есть вещи, которыя лишаютъ это стихотвореніе очереди; а именно 22 снизу до 50-таго включительно.

Г. Of. З. Не паша вина. Выхлопочемъ позволеніе, такъ и общаино исполнимъ; а если вамъ угодно повѣрять слова наши, можно легко справиться.

Въ Астрахань, г. Е. И. К. въ К. С. С., съ передачею г. Н. Н. Съ истиннымъ удовольствіемъ прочтали мы вашу интродукцію въ исторію. Но помѣщеніе такой исторіи, не будетъ ли слишкомъ продолжительно для Иллюстраціи. Съ большою частью мыслей вашихъ мы согласны; но вотъ одинъ вопросъ: Къ вамъ очень умный человѣкъ, но былъ ли онъ при потопѣ? Кажется, не былъ. Есть вещи очень умныя, но ихъ нельзя допускать. Нельзя ли удостоить Редакцію сообщеніемъ отдѣльнаго сочиненія въ такомъ родѣ; только безъ потопя; страшно... потопить! Ужасно боимся и наводненія, а ужъ не только что потопя.

Гг. С.—ву и О. П. Мы васъ сохраняемъ pour la bonne bouche, Magen zu schlieszen, на закуску. Ваши письма вкусны, хотя и не со вкусомъ. Мы съ вами старые знакомые, по этому и обращаемся безъ церемоніи.

Примѣчаніе и совѣтъ редакціямъ. Очередь великое дѣло; оплатъ противу стиховнаго наводненія. Въ прошломъ номерѣ объявлена очередь; въ теченіе недѣли получено только одно стихотвореніе—и то хорошее!!

VI. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛОТТЕРЕЯ.

Розыгрышъ 6-й лоттерей художественныхъ произведеній, съ Высочайшаго соизволенія отъ Общества Поощренія Художниковъ учрежденной, имѣетъ быть въ воскресенье 2-го будущаго декабря, въ часъ по полудни, въ одномъ изъ залъ Румяниновскаго Музеума (на Англійской набережной), въ присутствіи гг. Членовъ Комитета Общества.

Участвующіе въ этой лоттерей, имѣютъ право быть при розыгрышѣ, по предъявленіи у входа билетовъ на означенную лоттерейю.

О послѣдствіяхъ розыгрыша будетъ безъ замедленія публиковано; послѣ чего предъявитель билета можетъ получить отъ комиссіонера Общества Поощренія Художниковъ почетнаго гражданства Прено, на выставкѣ Общества (на Невскомъ проспектѣ, у Никольскаго моста, въ домѣ Голландской церкви) павшій на тотъ билетъ выигрышъ.

На той же выставкѣ, до самаго розыгрыша, можно видѣть художественныя произведенія входившія въ составъ лоттерей.

СОДЕРЖАНІЕ VIII ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 26 НОЯБРЯ.

Вальнеографія минеральныхъ водъ русскихъ.

Общій взглядъ на минеральныя воды. Описаніе водъ, по мѣстности и преобладающимъ составнымъ частямъ. Дѣйствіе водъ; дѣлительная сила каждой воды въ различныхъ страданіяхъ.

Минеральныя грязи; ихъ мѣстность, воды польза.

Диетическое содержаніе на водахъ.

Купанье въ морѣ; польза.

Гидропатія или леченіе водою; способъ употребленія, достоинство.

Искусственныя минеральныя воды; сравненіе съ естественными; заключеніе.

Гимнастика. Уроки лечебной и педагогической гимнастики, продолжаютъ ежедневно отъ половины втораго до трехъ часовъ по полудни. Число посѣтителей приятно умножается. Гимнастическое завсѣдніе г. де Рона помѣщается въ правомъ павильонѣ Нижневернаго замка, что близъ Караганной, входъ изъ сквера.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

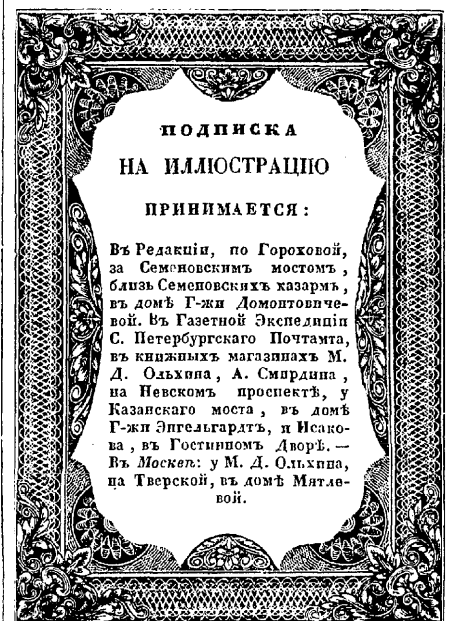
Русскій театр. В. А. Каратыгинъ, по вторникъ на слѣдующей недѣлѣ, въ первый разъ по возвращеніи изъ-за границы, играть будетъ въ ком. Кавъ.

— Въ четвергъ, 29-го ноября, въ бенефисъ г-жи Вальберховой, представлена будетъ вновь обставленная лучшими артистами трагедія Шекспира: «Гамлетъ», въ которой, роль Гамлета, будетъ играть В. А. Каратыгинъ.

Итальянскій театр. Къ субботѣ, 1-му декабря, для бенефиса г-жи Виетти ставится «Maga di Rohan», опера въ 5-хъ дѣйствіяхъ, музыка Донизетти, въ ней участвовать будутъ г-жа Виардо, г-да Тамбурины, Сальви и бенефициантка. Опера эта, писанная для Вьенны, года три тому назадъ, была представлена съ большимъ успѣхомъ и послѣ того игралась и въ Парижѣ, гдѣ въ ней чрезвычайно нравился нашъ Сальви.

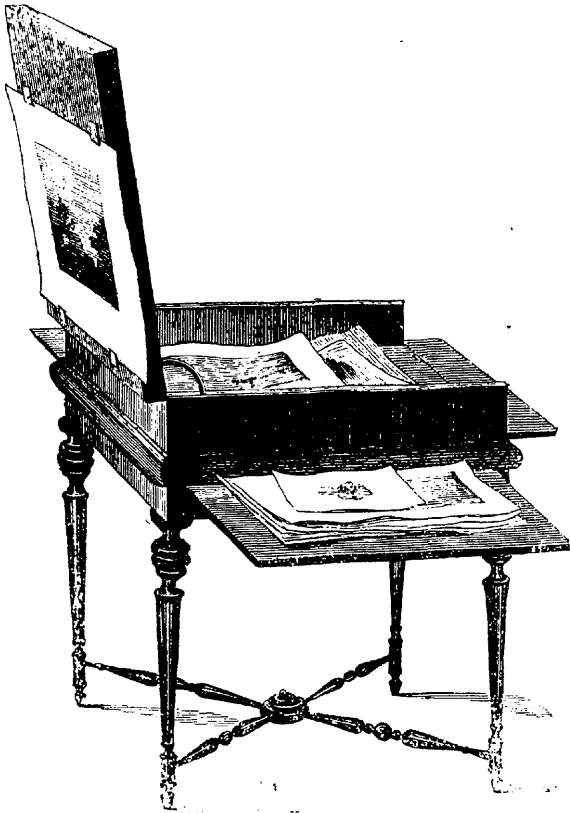
Немецкій театр. Въ понедѣльникъ, 26-го ноября, въ бенефисъ заслуженной пѣвицы актрисы г-жи Ферзинги, дана будетъ въ первый разъ драма: «Die Marquise von Vilette», съ большимъ успѣхомъ игравшая на первыхъ театрахъ въ Германіи и составляющая основу репертуара въ Берлинѣ даже теперь.

Циркъ. Представленія въ циркѣ Гверры открываются сегодня, въ субботу. 1-е представленіе начнется въ 4½ часа по полудни. Загтра, въ воскресенье, 4-е представленіе въ 2 часа, а второе въ 6-ть часовъ по полудни.

МЕБЕЛЬ.

Мы хотѣли вамъ сообщить, парижскія моды; но что вы будете съ ними дѣлать милостивые государи и государыни? Куда вы поѣдете въ нашу погоду верхомъ, а послѣднія полученные моды именно относятся къ верховой ѣздѣ. Теперь и въ каретѣ страшно ѣхать. Въ кляткѣ подъ стекломъ душно, а отворить опасно, да и значитъ? Для воздуха? Теперь нѣтъ воздуха, теперь только дождь. Нечего дѣлать, по неволѣ усидеть у окна днемъ, у каміна вечеромъ, и станете читать французскіе романы;—и это надобно. Надо занятіе полегче. Пересматривайте вашъ альбомъ, или альбомы, потому что нынѣ однимъ альбомомъ икото не довольствуется. Но всѣ наши и ваши альбомы въ книгахъ и сумкахъ ужасно не ловки. Гамбсъ первый провикъ это неудобство и подарилъ и альбомъ давно заслуженную самостоятельность. Теперь альбомъ не нуждается въ опорѣ. У него собственныя свои ноги. Онъ можетъ ѣздить по комнатѣ не хуже какого нибудь филигеля. У него свой собственный откидной столъ; на крышкѣ также мѣсто для гравюръ; теперь альбомъ не есть прилагательное, а существительное и весьма удобное созданіе. Вы согласитесь съ нами взглянуть на гравюры съ альбома, видѣннаго нами въ одномъ домѣ и купцашиаго у Гамбса.

Задача № 31 неправильно задана. Слѣдовало сказать: бѣлые ходятъ, а черные даютъ мать непремѣнно пѣшкой задви, не обращая пѣшки въ фигуру. По сему разрѣшеніе отлагается до слѣдующаго номера.

РАЗГАДКА № 32.

На, суб, шва, ютъ, не сто ль, колетъ, ас, кол, ъ, коза, боть, ъ.

Нашъ убиваютъ не столько лѣта, сколько заботы.

ЗАГАДКА № 33.

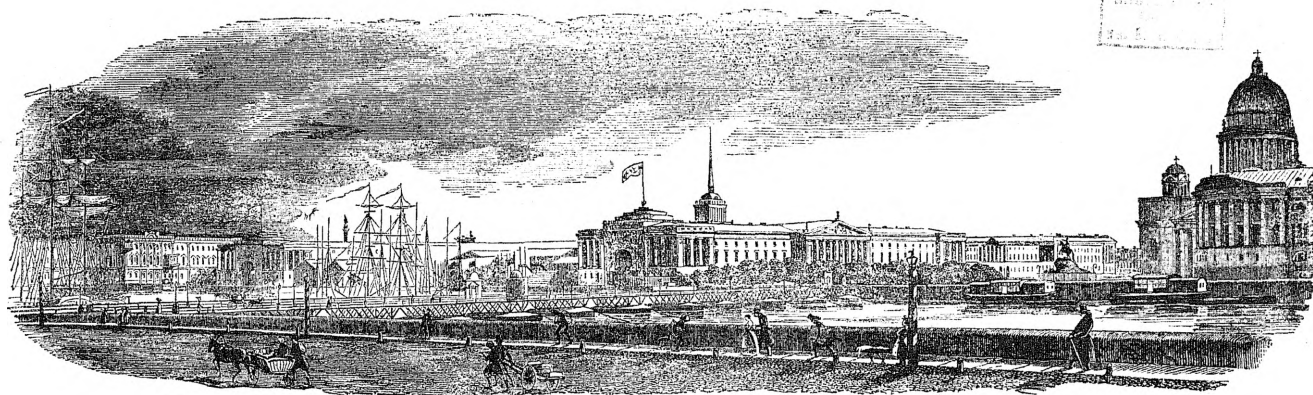
СОДЕРЖАНІЕ: 1) Медальонъ. Случай, П. З. 2) Военная игра. А. Кузминскаго. 3) Путешествіе, Иматра. 4) Страстнователь по чужимъ изданіямъ. 5) Ежепедѣльникъ. 6) Безуміе и любовь. П. Малиновскаго. 7) Библиографія. 8) Ферма. 9) Стихотвореніе. 10) Переписка. 11) Художественная лоттерей. 12) О Гигіенѣ. 13) Гимнастика. 14) Театральный Вѣстникъ. 15) Мебель.

ГРАВЮРЫ: 1) Военныя игры. 2) Иматра. 3) Три гравюры. Гостиныя въ домѣ Е. С. гр. Воронцова-Дашкова. 4) Десять гравюръ Вѣчнаго Жидка. 5) Мебель. 6) Загадка. Всего 25 гравюры.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 54. — СУББОТА, 4 ДЕКАБРЯ 1845. Безъ доставки На годъ 10 руб. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер. и пересылки : На 5 мѣсяца 5 р. сер.

ПОСЛѢДНІЙ ПАРИКМАХЕРЪ.

—

Кто болѣе парикмахеровъ пострадалъ отъ французской революціи? Какой классъ смертныхъ былъ сперва возведенъ такъ высоко, а потомъ такъ глубоко униженъ? Кто имѣетъ болѣе права требовать страшнаго отчета отъ непасытныхъ возмутителей, поставившихъ вверхъ дномъ всю Францію? Гдѣ, наконецъ, можно найти болѣе разительный и страшнѣйшій примѣръ ничтожности системъ, которыя въ продолженіе полувѣка смѣняются одна другою? У парикмахера отняли разомъ и права его, и привилегіи, и почести, и богатство; мало этого: люди потеряли даже воспоминанія о старинномъ его блескѣ, позабыли его имя... потому что слово «парикмахеръ» теперь уже не имѣетъ никакого значенія; а скажите, пожалуйста, что значатъ «куафѣръ?» Позвольте перевести это слово по-русски—«головобиратель.» Развѣ не одинакія права имѣютъ на это названіе и шляпочникъ, и колпачникъ, и модистка, и тысячи другихъ, которые болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, содѣйствуютъ къ охраненію или украшенію головы человѣческой?

О любезное сословіе парикмахеровъ! У кого дикое собраніе 1789 года похитило болѣе правъ? У кого съевра 1793 года срубила болѣе головъ? Надъ кѣмъ сильнѣе тяготѣло варварское иго революціонной тирании? Уже ли твоей минувшей славы суждено было пасть подъ однимъ ударомъ съ монархіей? Подобно Иудеямъ, ты теперь разсыпая по всей земной поверхности! Въ одномъ Петербургѣ, въ странѣ снѣга и льда, ты размножилась до немощности!

О униженное поколѣніе! О жалкіе выродки безсмертнаго Севильскаго цирюльника! Если бы знали, что вы теперь и чѣмъ были, то робкія пожнцы выпали бы у васъ изъ рукъ, и вы возстали бы съ шипцами въ десницѣхъ противъ остановленій безумной эпохи, которая еще правитъ вами.

Все это я говорю про-себя, проходя по Севрской улицѣ, мимо лавки, которая даже не была выкрашена синей краской... Они забыли даже цвѣтъ своего герба; а можетъ ли быть что лучше «лазореваго поля» съ разными эмблемами? Они забыли значеніе гасконскаго афоризма, характеризовавшаго ихъ сословіе: «*Toutes les voutiques des varviers sont varvouillées de bleu.*»

Однажды, не знаю съ какой стати, вздумалось мнѣ убрать себѣ голову, причесаться (не могу равнодушно произнести этого слова). Я былъ увѣренъ, что если пойду на Биржевую площадь, то дорѣгой у меня пройдетъ охота причесываться; притомъ же я вспомнилъ, что на Биржевой площади также дурно убираютъ голову, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. И такъ я рѣшился войти въ лавку, не выкрашенную даже синей краской, о которой я уже упоминалъ.

Увы! полъ въ ней дурно вымощенъ плитками, первобытныи цвѣтъ которыхъ исчезъ подъ брызгами мыла и подъ грязью, папосною тяжелыми, подбитыми гвоздями, башмаками посѣтителей.

Семья хозяина сидѣла за обѣдомъ въ соседней комнатѣ; по этому меня встрѣтилъ только какой-то неуклюжій мальчикъ, съ пошлой физиономіей, огромными красными ручищами. Онъ посадилъ меня передъ развалинами зеркала, побѣждалъ за перегородку, потомъ возвратился и сталъ передо мною, глухо сложивъ руки. Мнѣ показалось, что онъ положилъ свои шипцы въ огонь; я вскричалъ петербургскою:

— Стало быть, шипцы твои не готовы?

— Они только что простыли, сударь; цѣлый день лежали въ огнѣ; по въ такую пору рѣдко случается, чтобы кто заходилъ... Они скоро нагрѣются; въ одну минуту.

Мы пѣсколько времени оставались въ прежнемъ положеніи; подмастерье стоялъ передо мною, сложивъ руки на животѣ, а я сидѣлъ какъ чурбанъ передъ старымъ зеркаломъ, и думалъ о сепсахъ Мольера у пезенаскаго цирюльника; думалъ про тѣ старинныя лавки, куда собирались всѣ остряки; я перебиралъ въ умѣ цѣлый репертуаръ парикмахерскихъ гасконпадовъ и подумалъ: какая удобная минута для мыльнаго краспорѣчія! Какой везепный восторгъ развязалъ бы языкъ этому цирюльнику, еслибъ длинныя зубы его гребня возпхлись въ ступѣ, ублаженный завѣтной пудрой! И какой удобный случай для меня повѣрить на опытъ блестящую болтовню, о которой мы знаемъ только по преданію!

Подмастерье съ глубокою улыбкой, которую, вѣроятно, находилъ приличною для сей occasiо, поднялъ глаза на старый барометръ, загрохизавшій мухами.

— Стрѣлка поднимается... значитъ, будетъ хорошая погода... я думалъ... что... поцѣтъ... надоѣла дурная погода.

Что отвѣчать на это?

Подмастерье и самъ это чувствовалъ; поэтому онъ опустилъ мнѣ на голову свои тяжелыя руки и приступилъ къ дѣлу, но не многу разчесывая и разбирая мнѣ волосы съ каждой стороны.

— Не угодно ли вамъ, сударь, постричься? Кетати бы ужъ...

— Нѣтъ, я хочу только причесаться.

— А, право, было бы кетати... и не долго... покуда шипцы нагрѣются...

Я очень хорошо зналъ, что ему хотѣлось только выиграть время.

— Прикажете, сударь?

— Нѣтъ! не хочу, говорить тебѣ!

Толстыя руки подмастерья опустились съ видомъ испуга и сожалѣнія. Онъ ушелъ посмотрѣть, не готовы ли шипцы. Я печально озирался кругомъ въ этой уединенной лавчонкѣ и сильно, горько раскаивался въ томъ, что вошелъ въ нее. Могильный холодъ и удручившая влажность падали мнѣ на грудь; но я былъ плотно окутанъ тремя салфетками, и не было никакой возможности думать о бѣдствѣ. Я увидѣлъ, что былъ не одинъ: за прилапкомъ на скамейкѣ, обитой желтымъ полинялымъ плюсомъ, сидѣлъ какой-то старичекъ, съ огромными очками на носу, державшій въ рукахъ толстую книгу; глаза его были почти зажмурены и мнѣ невозможно было опредѣлить съ достовѣрностью, читалъ ли онъ эту книгу, или спалъ надъ нею. Онъ казался очень пожилымъ лѣтъ; уныніе, оцѣпенѣніе и глубокая печаль этого лица остановили на минуту мое вниманіе.

Мальчикъ возвратился съ раскаленными шипцами, одинъ видъ которыхъ заставилъ меня содрогнуться отъ ужаса.

— Потше, пожалуйста! Осторожнѣе!

— О! не бойтесь, сказалъ онъ съ прежней улыбкой; онъ въ минуту простывають! И въ доказательство своей ловкости, онъ повернулъ шипцы раза два или три въ рукахъ.

Я былъ всегда того мнѣнія, что не должно мѣшать мастерскому челоуѣку замѣчаніями на счетъ его дѣла, которое онъ, безъ всякаго сомнѣнія, знаетъ лучше перваго встрѣчнаго. Я боюсь показаться вмѣстѣ невѣждою и докучливымъ; по сколько неприятностей, сколько досады причинила мнѣ эта деликатная скромность!

Подмастерье расчесалъ одинъ изъ самыхъ густыхъ клочковъ моихъ волосъ, стиснулъ его въ шипцахъ и сталъ наворачивать на нихъ,

Раздался какой-то странный трескъ, и по лавкѣ пронесся неприятный запахъ жженыхъ перьевъ, какъ бы пародирова благоуханіе, издаваемое, какъ говорятъ, волосами Юпитера, когда оны поднимаютъ свое жарканое чело.

Я попялъ, что дуралей съжегъ мнѣ волоса по самый корень, и быстро схватился за голову рукою, но еще быстрѣй отдернулъ ее: я обжегся о распаленное желѣзо.

— Ничего, сказалъ мнѣ парикмахеръ... ничего, это отъ сырости... иногда думаешь, что волосы сожжены... ничего не бывало... это отъ сырости.

Мнѣ оставалось только увѣрить себя, что сырость же обожгла мнѣ пальцы. Я покориася, вслѣдствіе того расположенія, о которомъ я уже говорилъ, и котораго я себѣ не ставлю въ достоинство: оно происходитъ, просто, отъ ненужной робости, застѣливости, которая впрочемъ несколько не мѣшаетъ мнѣ бѣситься въ глубинѣ души, тѣмъ болѣе, что я стараюсь скрывать это бѣснество. Слѣдовательно, я въ такихъ случаяхъ, бѣжусь на самого себя, и на другихъ.

Я долженъ объяснить причины того непреодолимаго отвращенія, которое я питаю къ завивкѣ и причесыванію: во-первыхъ, это потеря времени; во-вторыхъ, не видать, что этотъ человекъ дѣлаетъ на головѣ, которую отдаешь ему въ полное распоряженіе; и наконецъ это положеніе, прикосновеніе двухъ чуждыхъ рукъ и ихъ медленная работа. О, это для меня невыносимо, нестерпимо, убійственно! По этому объясненію можно судить, старался ли я вырваться поскорѣе изъ рукъ своего мучителя; прибавьте къ этому, что мальчикъ, вѣроятно, только что всталъ изъ-за стола и что руки его, почти касавшіяся моего лица, были какъ бы прошипкнуты запахомъ вареной говядины и кауусты. И теперь еще, когда я пишу эти строки, мнѣ становится душно, какъ всякому! Впрочемъ, я не могу пристально смотрѣть на предметъ, который съ перваго взгляда возбуждалъ во мнѣ какое либо неприятное ощущеніе; такъ и тогда я не могъ смотрѣть на руки подмастерья, а потому не могу сказать, какого она были цвѣта, красного или черного.

— Ваши волосы, сударь, маленько сухи, сказалъ онъ мнѣ... вы, вѣрно, не помадились... если прикажете, сударь...

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня есть хорошая помада, къ которой я привыкъ.

— Этого мало, сударь, что вы привыкли; этого очень мало... потому что помада всегда должна быть хороша... наиримѣръ, такая какъ у насъ... настоящая мозговая, чистѣйшая, безъ малѣйшей примѣси сала...

— Я самъ употребляю чистую мозговую.

— А... вѣрно вы, сами, сударь, ее дѣлаете? Это все равно... Попробуйте нашу, она все-таки будетъ лучше.

Я удержалъ его во время, потому что онъ преспокойно сталъ строгить мнѣ какую-то допотопную прическу.

— А! понимаю! понимаю! вскричалъ онъ. Вамъ сударь, угодно, чтобы я завилъ васъ большими буклями... Это тоже очень красиво.

— Какими большими буклями?

Онъ сталъ очень подробно объяснять мнѣ, что замышлялъ сдѣлать съ моей головой.

— Нѣтъ, любезный, возражалъ я, ты только пригляди и расчеши мнѣ волосы, а ужъ я самъ уберу ихъ.

— А! понимаю! На натуральнѣй манеръ?.. Не такъ ли? Знаешь и это... А что, сударь, можете ли вы руки мыломъ?.. У насъ есть отличнѣйшее.

— Мнѣ ли я руки мыломъ?.. Хорошъ вопросъ!.. Впрочемъ, что жъ тутъ удивительнаго? Быть можетъ все жалованье этого бѣдняка заключалось въ скромныхъ процентахъ отъ продажи воюющихъ мылъ и помадъ, которыя плескались за стеклами шкафовъ? Ко-

печко, мнѣ бы слѣдовало купить у него мыла, или помады; но отъ рукъ его несло капустой!.. притомъ же, онъ отжегъ мнѣ цѣлый комокъ волосъ...

Чтобы перебить разговоръ, я указалъ на старика, сидѣвшаго неподвижно за прилавкомъ, и тихо спросилъ у работника:

— Это твой хозяинъ?

— Да.. и хозяинъ и не хозяинъ; это старый хозяинъ; оно, если хотите, все равно: потому что новый хозяинъ женился на его дочери и принялъ его къ себѣ на житье; но онъ съ тѣхъ поръ уже ничего не работаетъ; сидитъ себѣ цѣлый день. Онъ человекъ стараго покроя... Слѣдовательно, вы изволите видѣть, что онъ только тестъ хозяина... того, что теперь хозяиномъ...

Мнѣ показалось, что я коснулся наконецъ пружины, развязывавшей языкъ прежнимъ парикмахерамъ; и хотя дѣйствіе ея показалось мнѣ довольно ничтожнымъ, но я былъ уже доволенъ тѣмъ, что оно дѣйствуетъ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда подмастерье опять заговорилъ:

— Чистите ли вы, сударь, ваши щетки... то есть, головныя щетки?

— Случается.

— Если угодно... такъ я буду вамъ ихъ чистить... какъ слѣдуетъ... наилучшимъ манеромъ, и ве дорого возьму...

Я невольно вскрикнулъ. Онъ наложилъ мнѣ вдругъ на голову какую-то жидкость, отъ которой волосы мои склеились.

— Отъ этого волосы будутъ лучше держаться и станутъ глаже, сказалъ онъ мнѣ нѣсколько струсивъ.

— Я думаю, что ты ошибся, мой милый; этотъ составъ, вѣроятно, приготовленъ для сапоговъ.

Взглянувъ въ зеркало я, увидѣлъ, что голова моя, въ самомъ дѣлѣ, была гладка и блестяща, какъ лакированный сапогъ. Подмастерье старался возстановить милый безпорядокъ, который, по его мнѣнію, мнѣ привнесъ. Онъ придавалъ моимъ волосамъ странныя формы и непременно хотѣлъ подстричь ихъ. Я не соглашался; но вдругъ почувствовалъ холодное прикосновеніе стали и страшную боль, которая холодною дрожью пробѣжала по всему моему тѣлу. Что ты дѣлаешь? вскричалъ я, и въ то же мгновеніе почувствъ все дѣло и холодный потъ выступилъ у меня на лбу; я попялъ, что несчастный срезалъ небольшую бородавку, которая была у меня на затылкѣ. Онъ не отвѣчалъ ни слова и старался унять своими грязными, толстыми пальцами кровь, которая холодною струею текла по воротнику моей рубахи. Ничего... это такъ... я только оцарапалъ... кровь уже перестала...

Я коснулся до рапы пальцами и увидѣлъ, что она была вся въ крови. Этого было довольно. Я уже долго терѣлъ невыносимую пытку, но теперь терѣніе мое лопнуло, а потому, когда несчастный парикмахеръ подошелъ ко мнѣ съ роковымъ орудіемъ въ рукахъ, то я отклонилъ его отъ себя.

— Довольно, сказалъ я; остальное я самъ кончу.

Я холодно всталъ, завязалъ галстухъ и, взявъ гребень изъ рукъ подмастерья, сталъ передъ зеркаломъ, вставшимъ у прилавка, желая уйти отъ своего мучителя какъ можно дальше. Не берусь описать своего ужаса, когда глазамъ моимъ представало въ зеркалѣ вѣрное изображеніе моей особы. Самыя карикатурныя сравненія, какія только можетъ отыскать перо мое, не въ силахъ представить вамъ моего образа. Я былъ похожъ на хохлаатаго попуга, котораго перья, вслѣдствіе какого нибудь сильнѣйшаго внутренняго волненія, поднялись дыбомъ. Въ такое-то состояніе повергъ меня этотъ жестокосердѣй мальчишка!

Старикъ, дремавшій за прилавкомъ, открылъ глаза и устремилъ на меня тусклый, удивленный взоръ, въ которомъ попеременно изображалось, то глубочайшее презрѣніе, то насмѣшливое состраданіе... такъ, что я совершенно смѣшался и смотрѣлъ на него улыбаясь, какъ будто бы призывая его въ свидѣтели моего бѣдствія.

— Вы причесаны какъ дикарь какой нибудь, сказалъ мнѣ старикъ съ грубымъ равнодушіемъ.

— Ахъ! воскликнулъ я, стараюсь принять слова его за шутку, не такъ бы поступилъ со мною въ ваше время, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Старикъ выпрямился.

— Разумѣется, не такъ! Вы бы вышли отсюда съ щеголескою прической; и если вы помните... но гдѣ вамъ! присовокупилъ онъ, приставивъ къ себѣ поглядѣть на меня: вы слишкомъ молоды, чтобы помнить то время.

Онъ опустился на скамью съ грустными уныніемъ.

— Я не жила, правда, въ тѣ времена; но знаю изъ книгъ, изъ картинъ, рассказовъ, что значила тогда прическа порядочнаго человека, и что значилъ тогда парикмахеръ.

Весь жаръ молодости снова запылалъ въ глазахъ старца; онъ сдвинулъ съ головы бѣлокурой парикъ, который скорѣе служилъ ему колакомъ.

— Парикмахеръ, сударь! Это было самое почетное званіе во Франціи!.. Мы носили шапки, государь мой! Мы имѣли свои привилегіи, какъ дворянство, милостивый государь! Самые знатные господа проходили черезъ наши руки и обращались съ нами какъ съ равными себѣ. Ни одна умная голова не миновала нашихъ рукъ! А тогда ихъ было не то что теперь! Однажды, въ день операго представленія, принцъ Ламбескъ прислалъ за мною; я приказалъ сказать ему, что мнѣ невозможно быть у него; онъ общалъ мнѣ шесть лудировъ—шесть лудировъ значило тогда сорокъ-четыре ливра; но я отказался, потому что далъ слово маркизу де Булье!.. Парикмахеръ, сударь! Въ тѣ времена это было важное лицо, безъ котораго ничего не дѣлалось. Я жилъ тогда въ улицѣ Сентъ-Антонъ, гдѣ жили всѣ родовые дворяне; вслѣдъ депъ передъ моею дверью стояло нѣсколько каретъ; съ шестью лакеями каждая! Мы иначе не выходили изъ дому: за нами всегда приехали. По этому то нужно было и вести себя приличнымъ образомъ; мы носили шелковые чулки, башмаки съ золотыми пряжками, жабо и манжеты. Въ то время простой подмастерье показался бы вамъ герцогомъ или перомъ, а теперь!..

Извозчикъ, запачканный по колѣни грязью, грубо толкнулъ дверь, вошелъ въ цирюльню, и снявъ съ себя галстухъ, безъ церемоніи усѣлся на стулъ. Подмастерье принялъ его брѣть.

— А теперь, продолжалъ старикъ, указывая на необходимаго извозчика, вотъ что мы значимъ! За три су брѣмъ всякаго бродягу. Деревенскіе цирюльнички!

Видящій глубоко вздохнулъ и, поднявъ руку, продолжалъ съ жаромъ:

— На что похожи ваши вышнія прически? Есть, говорятъ, нѣсколько жалкихъ мальчишекъ, которые роскошно надѣются возстановить прежнюю славу нашего званія! Жалко подумать! Своихъ учениковъ они зовутъ «клерками», посѣтителей—«головами», и когда идетъ рѣчь о волосахъ, то говорятъ «волосы»,—что это за выраженія? Развѣ это не доказываетъ, что языкъ французскій погибъ вмѣстѣ съ нашимъ изящнымъ искусствомъ? Я былъ свидѣтелемъ кончины этого высокаго искусства! Оно умерло вмѣстѣ со всѣмъ, что только было лучшаго и прекраснѣйшаго во Франціи. Я причесывалъ маршала де Брогли, когда онъ собирался ѣхать въ

Версаль къ Людовику XVI, на другой день по взятии Бастильи. Возвратившись, онъ мнѣ разсказывалъ свое пошествіе. Король сидѣлъ облокотясь на столъ, покрытый зеленымъ ковромъ. — Ваше величество, сказалъ ему маршалъ, представьте мнѣ свободу, и я берусь возобновить спокойствіе въ Парижѣ до захода солнечнаго. — Но будетъ ли пролита хоть капля крови? — Нѣсколько капель, ваше величество, возразилъ маршалъ; но эти капли избавятъ Францію отъ цѣлыхъ потоковъ крови. — И король твердымъ голосомъ произнесъ: — Нѣтъ! Маршалъ вынулъ шпагу, подавъ ее королю и возвратился въ Парижъ. Но послѣдняя минута еще не наступала... Придворная прическа позже умерла на моихъ рукахъ...

Свирѣпый огонь заблесталъ въ глазахъ старика, устремленныхъ на меня; онъ понизилъ голосъ и сказалъ мнѣ съ силою, удаляя себя кулакомъ въ грудь:

— Я, я причесывалъ во Франціи послѣднюю голову...

Это слово, не знаю почему, тогда заставило меня вздрогнуть... мнѣ стало страшно, но я молчалъ, надѣясь, что старикъ будетъ продолжать; и точно, помолчавъ съ минуту, онъ опять заговорилъ:

— Однажды я сидѣлъ въ мастерской (кажется, я уже говорилъ вамъ, что моя лавка была на Сентъ-Антоанской улицѣ) и поправлялъ парикъ одного стараго сосѣда, какъ помнится, прокурора, который уже умеръ; я работалъ и пѣлъ пѣсенку; въ молодости у меня былъ довольно пріятный голосъ. Я пѣлъ, хотя и не слѣдовало бы пѣть; потому что дѣла шли плохо, очень плохо!.. Торговля остановилась; Парижъ былъ въ волненіи и всякій день, бывало, разносились слухи о новыхъ злодѣяніяхъ. Особенно въ тотъ день (это было 2-го сентября 1792 года), съ самаго утра былъ слышенъ на улицахъ какой-то злобвѣщій гулъ; вооруженныя шайки проходили взадъ и впередъ мимо нашихъ дверей и тихо разговаривали между собою о чемъ-то страшномъ. Вдругъ послышался страшный вой; толпы освирѣпѣвшаго, разъярившагося народа стремились съ верхняго конца улицы; я видѣлъ, что сосѣди, жившіе черезъ улицу, спѣшили запереть лавки. Страшный ревъ быстро приближался. Не успѣлъ я притворить за собою дверь, какъ стекла посыпались мнѣ въ лицо и въ грудь; я упалъ и не успѣлъ еще опомниться, какъ лавка была уже наполнена ревушю и вооруженною толпою. Одинъ изъ этихъ людей — чудовище въ лохмотьяхъ, облитое кровью, — схватилъ меня за горло и заперъ уже ножъ надъ моею головою. Я съ ужасомъ слышалъ, какъ онъ закричалъ: Ты причешишь ее!.. и голосъ его былъ заглушенъ дикимъ воемъ толпы. Открываю глаза, и вижу передъ собою на концѣ пика, которую мнѣ поднесли подъ носъ... голову! отрубленную голову, влажную, съ сомкнутыми глазами и длинными блокурыми волосами, запятванными кровью... А что за волосы!.. Это была голова принцессы де Ламбаль!.. Я сейчасъ узналъ ее... Откуда взялась у меня страшная смѣлость и какъ я не сошелъ съ ума? Самъ не знаю!..

Изверги терли мнѣ водкой носъ и виски, и размахивали острыми ножами. Я исполнилъ ихъ требованіе... и кончивъ работу, почтительно поклонился благородной головѣ, какъ будто бы я убиралъ саму принцесу въ ея версальскомъ будуарѣ. Наконецъ изверги съ криками и дикимъ, адекимъ смѣхомъ выбѣжали на улицу. Это, какъ я вамъ говорилъ, была послѣдняя прическа... При томъ же съ тѣхъ поръ я не работаю, потому что меня ударили параличъ и я не владю этой стороной тѣла.

Старикъ замолчалъ, а я ушелъ, не думая больше о своей ужасной прическѣ. Я узналъ причину, почему она не могла быть лучше.

Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда мнѣ случается проходить мимо этой скромной лавочки, навико украшенной насмѣшливой вывѣской «Salon de coiffure,» сердце мое ежится вздохомъ и жалостью къ затмившемуся блеску этого погибшаго изящнаго искусства.

в. ш.

МАЛОДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУСЪ.

Горный хребетъ, — спутникъ Волги, сдѣлавъ съ нею крутой, послѣдній взворотъ близъ г. Царыцина, откуда она прямо устремляется къ морю, — какъ будто оскорбясь на непостоянство ея за безпрестанныя уклоненія, наконецъ самъ отклоняется отъ Волги къ югу, и снова потомъ подходит высокимъ мысомъ къ колоніи Сарептѣ, у подножій котораго цвѣтетъ этотъ уголокъ мирной и трудолюбивой Германіи, бросаетъ послѣдній прощальный взглядъ на свою столь долго неразлучную спутницу, и потомъ, пройдя Астраханскую Камыцкую степь, идетъ, на Кавказскихъ исползновъ «Ташъ—бета, Эльбруса» и «Казбека!»

Хребетъ этотъ имѣетъ здѣсь то видоизмѣненіе, что онъ уже не составляетъ непрерывной цѣпи горъ, какъ при Волгѣ, но съ с. на ю. идетъ отдѣльными хребтами, одинъ отъ другаго верстахъ въ 10, 20 и 30, симметрически, какъ будто бы разставленными въ размѣренномъ разстояніи.

Такъ видѣются они верстъ за 70 со степи, со стороны Каспійскаго моря. Съ каждой точки этого разстоянія простымъ глазомъ видно до 7 и 8 хребтовъ; вооруженнымъ же зрительною трубою до 12. Со стороны противоположной, т. е., отъ Дона они не видны, потому что правая площадь земля этихъ горъ есть возвышенная, въ сравненіи съ лѣвой, и эти горы какъ будто бы представляють ступень пониженія земли отъ Дона къ Касп. морю. При видѣ этого положенія не чужда мысль, какъ говорить преданіе здѣшнихъ мѣстъ, что эти горы нѣкогда отражали бурныя волны Каспійскаго моря.

Всѣхъ валоуъ — горъ отъ перваго мыса «Моуъ», что при колоніи Сарептѣ, до хребта по музультманскій «Ташъ бурукъ» (каменный хребетъ) при р. Манычѣ, считаютъ до 30. Каждый изъ нихъ имѣетъ собственное названіе между Камыкамъ, потому что давно онъ кочуютъ по этимъ мѣстамъ и названы ими отъ вида, напримѣръ: «буру—халасынъ» (неправильно смотрящій) и проч., или отъ рѣчекъ, изъ нихъ вытекающихъ, напримѣръ «Альматипъ Хамуръ», т. е., хребетъ Альматинскій, или отъ озеръ при подножій ихъ, наприм. «гурбупъ—пуръ» (хреб. у трехъ озеръ) — и проч. Горы эти не имѣютъ въ себѣ никакой особености, кромѣ прекрасныхъ водъ, часто бьющихъ фонтаномъ изъ земли и камней булыжника. Говорятъ, что мѣстами находятъ признаки торфа (камен. угль.) по обѣмъ этомъ положительнымъ свѣдѣніямъ Камыки, владѣльцы этихъ мѣстъ, не имѣютъ.

Послѣдній мысъ по эту сторону Маныча, какъ сказано, «ташъ — буруцъ» особенно замѣчательнъ на равнинѣ необозримыхъ степей высотой, огромными камнями и пещерами. Въ горѣ этой кавказскіе сосѣдніе нагометане (Трухмяне и Кара-Наран)

вырѣзываютъ изъ дикаго камня статуи въ подростѣ, которыя обыкновенно они ставятъ надъ могилами умершихъ и которыя часто встрѣчаются на курганахъ въ здѣшнихъ степяхъ. Древнѣйшіе памятники восходятъ до 140 лѣтъ.

При подножій горъ этихъ была дорога съ Волги на Кавказъ, называемая томскимъ шляхомъ, которую еще нынѣ означаютъ на картахъ; но какъ лѣтомъ воды, необходимыя для напоенія обознаго скота, иссыхаютъ, и обозчики претерѣвали крайность, то дорога эта оставлена, а вмѣсто ея открыта другая, по горамъ. Это удобнѣй и кратчайшій путь на Кавказъ: здѣсь правительствомъ предполагается сдѣлать поселенія, что принесло бы рѣдкія выгоды, какъ для поселенцевъ, такъ и для удобнаго и безопаснаго сообщенія; ибо всѣ принесенныя Волгою и слѣдующія на Кавказъ произведенія разгружаются въ посадѣ Дубонкѣ или Царыцинѣ и черезъ колонію Сарепту препровождаются этимъ путемъ на Кавказъ. Во все лѣто здѣсь проходитъ безпрерывная цѣпь обозовъ съ желѣзомъ, спиртомъ, лѣсомъ и многими другими произведеніями.

Этотъ хребетъ раздѣляетъ землю Малодербетовскаго улуса отъ с. на ю. на двѣ половины, изъ коихъ правая, отъ полудня обращенная, прорѣзана рѣчками, изъ хребта вытекающими: «Червленпою», двумя Аксайми — «Есауловскій» и Курмаларскій, — Харасаломъ, Якшбеемъ, Зегестомъ, Джурукъ — Саломъ — изъ коихъ пять послѣднихъ, склоняясь къ западу, впадаютъ одна въ другую и тотчасъ, за границею земли Войска Донскаго, составляютъ общее соединеніе, называемое «Саломъ», впадающимъ въ Донъ. Другая покатошь, или склонъ горъ, обращена на полдень; прорѣзана рѣчками, кромѣ многихъ небольшихъ: «Аршаномъ» и Амта зельмямъ, Яльматю» и другими, кои впадаютъ въ Сарпу; однако жъ не только онѣ, но и самая Сарпа маловодна; порою, на обсохшемъ руслѣ ея сѣютъ хлѣбъ, и только въ заливахъ, или озерахъ, соединяется вода; но въ иной годъ, она полна воды и рыбы. Замѣчательно, что Сарпа, такъ какъ и Манычъ, имѣетъ противныя теченія. Отъ сильнаго разлива она течетъ вправо и лѣво, въ двѣ противоположныя стороны.

По склонамъ горъ и по рѣчкамъ кочуютъ Малодербетскіе Камыки. Нѣкоторые сѣютъ хлѣбъ, картофель и роды овощныхъ произведеній, разводятъ табачныя плантаціи, ибо имѣютъ случаи научиться и приобрести сѣмена отъ сосѣднихъ сарептскихъ колонистовъ. Бюише съ верху родники проходя по склону долины, на которой сѣютъ табакъ, представляютъ пресвощодную поляну безъ всякихъ трудовъ и издержекъ на искусственное добываніе. Эти большія удобства, изъ которыхъ всякій хозяинъ — эконоуъ извѣлъ бы извлечь рѣдкія выгоды, кажется, даны дикимъ сымахъ степей съ намѣреніемъ, дабы они, оставя бродячую жизнь свою, такъ сказать на авось, до первой гибельной зимы, заплыли бы болѣе прочными и основательными осѣдлостію и хлѣбопашествомъ. Они зимуютъ по рѣчкамъ при своихъ заведеніяхъ, а большая часть подъ горами, въ камышахъ р. Сарпы, гдѣ запасаютъ на зиму сѣно и камышъ. Веселно порою они выкочевываютъ въ горы

тогда подходить къ подножіямъ ихъ Калмыки улусовъ Эркетескаго, Икшокуроевскаго и Харахусовскаго, — и здѣсь временно пользуются превосходными, въ сравненіи съ своими бѣдными центральными степями, травами и водами.

Чюва земли столь разнообразна, что общіе мы не можемъ опредѣлить ея нельзя; по горамъ на песчано-глинистомъ слоѣ растетъ дикая полынь, шетка и ковыль-никъ, и земля для хлѣбопашества вовсе неудобна; но низменности травянисты и мѣстами черпоземны. Жители ближайшихъ селеній съюстъ хлѣбъ по рѣчкамъ и балкамъ; приграничные Малодербетевскому улусу Донскіе жители имѣютъ превосходно богатые хутора, гдѣ безпрестанно растетъ посѣваемый лѣсъ и родится хлѣба, не уступающіе своимъ урожаи и по Донскимъ землямъ. Къ югу, при Маньчѣ, пустыя безводныя степи больше солончаки.

Вообще говоря, погорное пространство, — доставшееся на долю Калмыкамъ Малодербетевскаго улуса, въ сравненіи съ безжизненными вѣчно-мертвыми степями центральными, — земля благословенная. Пріятно видѣть, что Калмыки подлѣ особымъ попеченіемъ благонамереннаго владѣльца, князя Тундурова, начинаютъ понимать и пользоваться дарами земель своихъ. Въ 3-мъ году, по распоряженію владѣльца, въ видѣ опыта, было рассажено до 1000 разнаго рода деревъ, вывезенныхъ изъ верхнихъ колоній. Некусный садовникъ-колонистъ, выбравъ превосходное мѣсто для сада, разрылъ и очистилъ источникъ. — Растенія удачно прижились и обнѣщаютъ плоды пѣсьи среди пустыни, что будетъ рѣдкимъ и благотворнымъ въ оспротѣлой землѣ явленіемъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

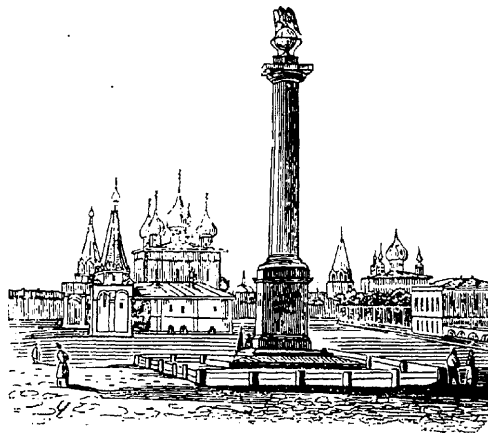
Города и желѣзныя дороги. — Календаріи и альманахи. — Исторія смутнаго времени въ Россіи. — Военныя игры. — В. А. Каратыгинъ. — Гюггеръ. — Театръ въ Одессѣ и Харьковѣ. — Италіанская графиня.

Мы получаемъ съ пѣкотораго времени пучки писемъ; изъ нихъ большая часть стихотворенія, потому что разсужденія о желѣзныхъ дорогахъ, золотыхъ промыслахъ, рыбныхъ

ловляхъ, каменномъ углѣ, страховыхъ и другихъ обществахъ на акціяхъ, о фабрикахъ и мануфактурахъ, наконецъ, уже виды городовъ, но рѣдко съ описаніемъ; часто при письмѣ въ десять строчекъ сказано: а вотъ и нашъ городъ. Многие ужасно

влетѣрчиво разсуждаютъ, то о такомъ, то объ иномъ направленіи художественной части въ Иллюстраціи. Мы не можемъ согласиться съ ними и помѣщаемъ часто видъ безъ подробнаго описанія. Что можно сказать о Витебскѣ, наиримѣръ, а между тѣмъ видъ этого города не безъ интереса. Или отдаленный Иркутскъ, или уже на концѣ свѣта заброшенная Камчатка. Видъ ихъ любопытны, но до Топографіи еще очень далеки, и когда Иллюстраціи въ путешествіи своемъ по всей Россіи въ со-

своей почвѣ; желѣзная дорога изъ хлѣбородныхъ губерній въ сердцѣ Бѣлой Россіи сначала могла бы облегчить и сдѣлать безопаснымъ продовольствіе этого края, а потому продолжаться до границы и примкнуть къ какой либо военной системѣ желѣзнаго пути. Менѣе кажется нужнымъ желѣзныи путь отъ Москвы до Ярославля. Волга достаточно облегчаетъ сообщеніе. Недаромъ говорить пословица: Ярославль городокъ, Москвы уголокъ. Ярославль будто предметъ старейшей столицы. Видъ Ярославля истинно живописенъ; мы помѣщаемъ гравюру, исполненную по рисунку Чериселова и представляющую видъ памятника Демидова. — Русскіе города по разстояніямъ и плохимъ дорогамъ можно назвать дѣтьми огромной семьи, но живущими врознь; поневолю ихъ соединять, скрѣплять рельсы не только материально, но и нравственно. Не должно, по нашему мнѣнію, охуждать какихъ бы то ни было начинаній и попытокъ въ этомъ родѣ. Ни одно не пронадеетъ безъ пользы; напротивъ, каждое принесетъ менѣе или болѣе обширныя выгоды, хотя бы со временными ущербами частнымъ лицъ. Желѣзныя дороги и вообще предпріятія, имѣющія цѣлью возвышеніе или облегченіе фабричности, торговли и промысловъ, не пустыя

Памятникъ Демидова въ Ярославлѣ.

стояній будетъ дать подробную описательную статью каждаго города; тогда можетъ быть и самые города измѣнятъ свою фізіономію. Напрасно, намъ кажется, вооружаются противу мысли заковать всю Россію въ желѣзныя дороги. Одна бѣда, какииъ образомъ можно осуществить эту

идею, а плоды расчета, съ которыми иногда въ согласіи и любовь къ отечеству. Если бы кому вздумалось составить проектъ желѣзнаго пути въ Камчатку, и тогда бы мы не старались выставить на смѣхъ предпріятія. Въ Камчаткѣ иногда приходится вѣтъ бѣлый хлѣбъ вѣсто ржаного; и права пословица: лужда велитъ калачи вѣсть.

Видъ Иркутска.

идею. Не видимъ зла въ соединеніи Витебска съ Орломъ или Москвы съ Ярославлемъ, или Астрахани съ Дономъ, отъ облегченія путей сообщенія зависятъ внутреннее благосостояніе государства; Витебскъ—представитель Бѣлой Россіи, бѣдой по-

пытъ свѣдѣнія, каменный уголь занимаетъ на незначительной глубинѣ площадь до 1,000 кв. верст, если не болѣе. Исследованія г. Воскресенскаго, о которомъ мы уже упоминали, положительно опредѣлили высокое его достоинство.

Россія — terra incognita, земля не извѣстная. Ваша палата не вмѣститъ всѣхъ ея средствъ и богатствъ, ваше воображеніе, ея обширности. Кто бы подумалъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, что огромное пространство земель русскихъ, прилегающихъ къ Черному и Азовскому морямъ, въ нѣдрахъ своихъ хранятъ неистощимые запасы каменнаго угля, — и притомъ высшаго качества. Между родани этого ископаемаго горючаго матеріала, огромное пространство, сказали мы, потому что по пѣкоторымъ положитель-

А Кавказъ ?

Кавказъ съ давняго уже времени сдѣлался поприщемъ русскаго оружія, и, по природѣ своей и по будущей судьбѣ, возбуждаетъ живой интересъ и Россіи и Европы. Кавказъ особенно близокъ намъ по судьбѣ многихъ славныхъ сыновъ Россіи, и, послѣ нынѣшней блестящей экспедиціи, привлекаетъ особенное наше вниманіе. По этому всякое извѣстіе, всякая замѣтка объ этомъ краѣ читаются намъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Мы имѣемъ о Кавказѣ сочиненіе Зубова: Картина Кавказскаго края и сопредѣльныхъ оному земель (4 части, С. И. Б. 1834), и другое — Обзоръ Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, изданное по Высочайшему повелѣнію (4 части, С. И. Б. 1836). Сверхъ того, есть нѣсколько мелкихъ сочиненій, касающихся этого края, какъ напр.: Краткое обзорное Кавказской губерніи и уѣзднаго города Кизляра, сочиненіе Павлова. Кроме того, по русскимъ журналамъ разбросаны кое-какія замѣтки разныхъ частныхъ лицъ, прѣзидомъ взглянувшихъ на Кавказъ. Съ будущаго года, въ самомъ краю, о которомъ говоримъ мы, получаетъ начало изданіе, которое особенно должно привлечь общее вниманіе современности и свѣжестью фактовъ о Кавказѣ.

Съ 1846-го года, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, при канцеляріи г-на Кавказскаго намѣстника, будетъ издаваться Кавказскій календарь. Редакція этого изданія, имѣя подъ рукою самый обильный источникъ официальныхъ свѣдѣній, конечно, не упуститъ воспользоваться всеми данными, которыя она почтетъ достойными вниманія любознательныхъ людей, и навѣрно представитъ своимъ читателямъ весьма интересную книгу. Вотъ программа Кавказскаго календаря на 1846-й годъ :

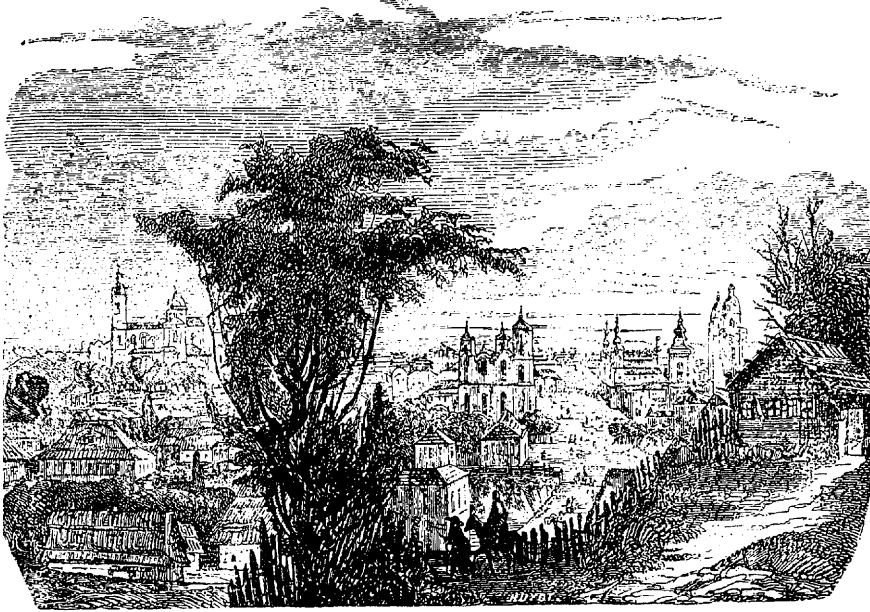
Отдѣленіе первое. 1) Мѣсяцесловы: Православно-Каоолитическій, Армяно - Григоріанскій и Армяно-Католическій. 2) Церковное свѣщеніе. 3) Роспись праздничнымъ и торжественнымъ днямъ. 4) Кавалерскіе праздники. 5) Викториальные дни. 6) Магометанскій календарь. 7) Начало времени года. 8) Небесныя явленія.

Отдѣленіе второе. 1) Краткій историческій очеркъ Закавказскаго края. 2) Таблица географическаго положенія нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ Закавказскаго края и

Кавказской области. 3) Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій въ Кавказскомъ краѣ и главнѣйшихъ постановленій правительства, относящихся къ этому краю. 4) Таблица разстояній главныхъ городовъ Закавказскаго края и Кавказской области отъ обѣихъ столицъ, Олессы и губернскихъ и областныхъ горо-

казскому краю. Появленіемъ ея мы будемъ обязаны той же рукѣ, которая такъ недавно вела русскихъ воиновъ въ кровавыя схватки съ горцами, и которая, извергивая планы обширныхъ дѣйствій, въ странѣ, гремѣвшей оружіемъ, покровительствуетъ мирнымъ трудамъ науки.

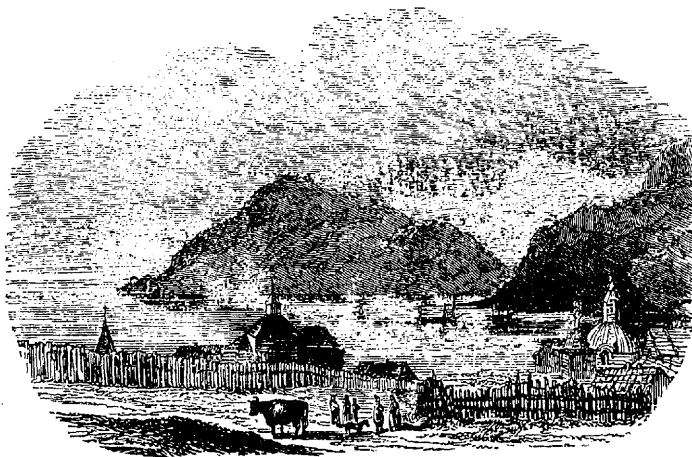
Вообще провинціальныя календари наши, тамъ гдѣ они есть, пріятное явленіе. Они наполняются тщательными извѣстіями высшаго интереса. Жаль, что этихъ календарей немного: ихъ появленіе обращается въ періодическую обязанность; годичный срокъ изданія даетъ возможность быть строгимъ въ выборѣ статей, отчетливымъ въ ихъ обработкѣ. Календари обращаются въ учебныя полезныя книги; они замѣняютъ древніе наши альманахи, которые одно время весьма занимали публику; альманаховъ нѣтъ, а календари имѣютъ немногихъ читателей, потому что статьи, въ нихъ помещаемыя, любопытны для ученаго только

Видъ Витебска.

доль. 5) Кавказскій дорожникъ, съ почтовой картою. 6) Пріемъ и приходъ почтъ. 7) Почтовые таксы. 8) Пароходныя сообщенія. 9) Таблица курса ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи. 10) Монеты, вѣсы и мѣры, употребляемые въ Закавказскомъ краѣ, въ сравненіи ихъ съ русскими.

сословія; читающая публика въ убыткѣ. На будущій годъ и мы надѣемся видѣть литературные альманахи. Новое же скоро выйдетъ; Вчера и сегодня, говорятъ также печатается; мы слышали о какомъ-то альманахѣ «Сказозубъ...» И все то благо, все добро; но вся эта изящная литература едва ли доставитъ столько пользы, какъ народные календари, издаваемые въ Англіи и Германіи. Volks Kalender Губица на 1846 годъ не уступаетъ прежнимъ годамъ ни въ какомъ отношеніи. Замѣчательныхъ статей тѣхъ, картинокъ множество, все это стоитъ — грошъ, такъ нечего и удивляться пренебреженію прогрессивной у насъ литературы и книжное дѣло — только спекуляціи... Тутъ ужъ нельзя сказать: и все благо, все добро.

Видъ на Камчаткѣ.

Отдѣленіе третье. Статьи о Кавказскомъ краѣ.

Отдѣленіе четвертое. а) Кавказскій адресъ-календарь, гражданскій и военный. 2) Тифлисскіе адресы.

Если не ошибаемся, это будетъ первая русская книга, напечатанная въ Тифлисѣ, или, если не первая русская, то, навѣрно, первая напечатанная тамъ и, по содержанию, исключительно относящаяся къ Кав-

шедемъ номеръ иллюстраціи въ общихъ чертахъ, знакомишь съ существомъ этой игры; для адептовъ военного искусства требуется болѣе подробныя свѣдѣнія. Хотя не наше поприще, не наше ремесло — война, но, утѣжденные въ пользѣ этой героической забавы, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода въ свѣтъ этого военного труда Г. Кузнецкаго.

Во вторичкѣ, съ трепетомъ сердечнымъ,

съ душевнымъ безпокойствомъ, мы едва, едва дождались 7 часовъ вечера. Когда вошли мы въ Александринскій театр, невольно подумали: охъ какъ тѣсно, для Петербурга: или, лучше сказать, для Каратыгина надо выстроить Колоссея. Василій Андреевичъ былъ въ Римѣ, былъ въ Колоссеѣ—какое чувство должно было волновать его душу; на этой сценѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ мухи ходили актеры, возглашая въ трубы дробелья пентахетры; тогда рабы и вольноотпущенники имѣли обязанность тѣшить гордую публику, которая дерзко хванилась своею образованностью, называя всѣ народы міра варварами; наше столѣтіе, встрѣчая Василія Андреевича съ любовью, восторгомъ и уваженіемъ, не имѣетъ ли права назвать гордыхъ Римлянъ варварами, не можетъ ли смѣло сказать, что нашъ Александринскій театръ — сто разъ огромнѣе, важнѣе Колоссея. То былъ вертепъ смѣшаннаго—это храмъ искусства. И правду сказать, артистъ стоялъ и встрѣчи, и приѣма, и прощанья; Эленслегеръ видѣлъ Джеин-Линдъ; жаль, что ему не удалось видѣть Каратыгина. Это представленіе можетъ служить утѣшительнымъ доказательствомъ, какъ уважаетъ публика своего гениальнаго артиста; вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца. — Да, во вторникъ въ Александринскомъ театрѣ было жарко, но не душно; напротивъ, если зрители видятъ передъ собою артиста, которымъ могутъ справедливо гордиться, тогда представленіе обращается въ праздникъ; всѣ дышатъ легко, грудь подымается, но отъ теплоты нравственной; правда, есть и такіе, которымъ было жарко; ихъ не согрѣвало торжество отечественной знаменитости... Лукавые сосѣди имъ совѣтовали похъать прохладиться въ ново-открытый циркъ Гверры.

Что совѣтовалъ этому цирку открыться въ обѣденное время? Въ Петербургѣ обѣдаютъ въ два, въ три, въ четыре часа (большую частію) въ пять, въ шесть, и даже въ девять часовъ. Поздно обѣдающіе едва ли поѣдутъ въ циркъ деревянный, въ нашу неудобную погоду. Рано обѣдающіе едва ли пожертвуютъ обѣдомъ для подобнаго представленія; мы до сихъ поръ еще не были въ циркѣ, и признаемся — обѣда ради.

Что дѣлается въ провинціи? — Въ Одесскомъ вѣстникѣ, напечатано слѣдующее:

Съ истиннымъ удовольствіемъ спѣшу извѣстить васъ о событіи, которое третьяго дня обрадовало всѣхъ жителей нашего города. Я разумно прибытіе въ Тифлисъ великаго кавказскаго, котораго мы не видѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ простился съ нами, отправляясь въ походъ, навсегда знаменитый въ лѣтописяхъ тысячелѣтняго Кавказа, знаменитый, — какъ по трудноотверженію, такъ и потому, что русскіе штыки въ первый разъ сверкали въ иккеринскихъ лѣсахъ, считавшихся доселѣ непроходимыми. Мы увидали его, наконецъ, послѣ этого похода, въ который онъ такъ славно доказалъ, что для Рускаго нѣтъ ничего невозможнаго и что слово нашего Царя — законъ и на вершинахъ горъ, которыя въ облакахъ скрываются отъ взоровъ. Встрѣча князя, возвратившагося къ намъ, была прощипута патри-

тизмомъ и успокоительною любовью со стороны туземцевъ. Она была шумна и восторженна, какъ встрѣча дѣтвмъ любимаго отца. Вотъ вамъ всѣ подробности этого дня, въ который нашъ городъ увидалъ опять князя М. С. Воронцова въ своихъ стѣнахъ.

Прибывшій фельдъегерь извѣстилъ намъ, что князь-наместникъ будетъ въ Тифлисъ 15-го числа сего мѣсяца. Узнавши это, народъ, не смотря на небольшой дождь и грязь, съ ранняго утра пошелъ на встрѣчу его сіятельству и, въ главѣ его, губернскаго предводитель дворянства съ почетнѣйшими изъ гражданъ. Они встрѣтили наместника за Мхцегомъ, верстахъ въ 20-ти за Тифлисомъ. На всемъ этомъ пути князь встрѣчалъ безпрестанно народныя толпы, стремившіяся ему на встрѣчу съ шумными и искренними привѣтами. Пѣсни, крики и звуки зурпы не умолкали ни на минуту.

Наконецъ въ 5-ть часовъ по полудни взвившіяся ракеты и пушечные выстрѣлы съ Метехской крѣпости извѣстили всему Тифлису о прибытіи давно желаннаго вѣстия. Князь въѣхалъ въ городъ верхомъ, окруженный густыми толпами. Недалеко отъ своего дома онъ былъ встрѣченъ всѣмъ генералитомъ. Тутъ сошелъ онъ съ коня и приблизился къ выстроившемуся почетному караулу. Отдана была честь, загремѣло громкое русское ура — и князь, окруженный всими встрѣтившими его генералами, пѣшкомъ сталъ пробираться къ своему дому среди многочисленной, густой толпы собравшагося и тутъ народа. Передъ нимъ шла грузинская милиція, которая несла свои знамена и зеленія вѣтви деревьевъ, обвитыя и тѣ и другія цвѣтами, которые теперь, по времени года, здѣсь очень рѣдки. Вплотъ до своего дома наместникъ шелъ, приветствуемый громкимъ ура, этимъ всеобщимъ выраженіемъ радости и восторга видѣвшихъ его вновь, послѣ всѣхъ совершенныхъ имъ великихъ и доблестныхъ подвиговъ. Русская военная музыка сливалась съ туземною и съ зыкомъ древняго царскаго рога, котораго столько лѣтъ уже не слышали въ Тифлисѣ, и все это покрывалось криками воодушевленнаго народа. Наконецъ князь вззошелъ на ступени крыльца своего дома, благодарилъ поклономъ весь народъ, столь радостно встрѣчавшій его, и, въ сопровожденіи всѣхъ генераловъ, пошелъ въ свои покои.

Вечеромъ весь городъ, крѣпость и окрестныя горы были иллюминированы. Съ крыши одного дома, откуда я имѣлъ случай видѣть всю иллюминацію, картина была великолѣпна. Этотъ неправильный, прихотливо расположенный городъ по скату горъ и который теперь блескъ огнями, эти красноразные огни на окрестныхъ горахъ, среди мрака черной, южной почвы, — все это имѣло что-то волшебное, сильно говорящее воображенію. Присоедините къ этому, что въ душѣ каждого изъ насъ было какое-то сладкое, успокоительное чувство непонимающаго забѣтнаго желанія, то чувство, которое ощущаемъ мы по возвращеніи отца своего, котораго мы нѣжно любимъ. Да, на всѣхъ лицахъ видна была радость, весь городъ оживился, и все стало какъ-то гораздо веселѣе, чѣмъ прежде, когда его не было между нами. Однимъ словомъ, скажу вамъ, что въ этой встрѣчѣ наместника ясно выразилась эта непритворная, непод-

дѣльная любовь, которую невольно впускаетъ онъ всѣмъ, и на ней лежалъ отпечатокъ некрѣпней преданности ему народа. Отрадно было смотрѣть на это всякому Русскому, истинному патриоту, и наша національная гордость имѣла свое торжество въ этотъ день.

Что еще дѣлается въ провинціи?

Два года тому назадъ, на сценѣ Одесскаго городского театра была дана балетъ воспитанниками и воспитанниками школы, учрежденной княземъ П. И. Гагаринымъ. Публика благосклонно приняла юныхъ артистовъ и артистокъ, и это было первымъ и единственнымъ вознагражденіемъ учредителю школы, о благонамѣренности учрежденія которой и о пользѣ, какую она можетъ доставить впоследствии, мы поговоримъ въ свое время. Въ прошломъ году была отстроена театръ кн. Гагарина; тѣ же молодые артисты явились на сценѣ новаго театра, и судя по одобренію публики, еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый годъ. Теперь кн. Гагаринъ рѣшился ускорить ходъ своей школы; для этого онъ пригласилъ изъ Москвы и Петербурга нѣсколько сюжетовъ на первыя роли.

Мы ничего теперь не скажемъ о достоинствахъ вновь прибывшихъ артистовъ; спектакли скоро начнутся и общій голосъ публики рѣшитъ вѣрнѣе насъ; но самое предпріятіе основать постоянный русскій театръ въ Одессѣ, кажется, нельзя оставить безъ вниманія, безъ благодарности.

А въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ, въ статьѣ, написанной съ знаніемъ дѣла и отчетливостью, какихъ мы въ нашихъ театральныхъ критикахъ не замѣтили, возмущаются о появленіи на тамошнемъ театрѣ даровитой четы г. Горева и г-жи Оедоровой; мы бы сообщили нѣкоторые подробности; но долгъ скромности лишаетъ насъ этого удовольствія, потому что г. Горевъ и г-жа Оедорова отличались такимъ необыкновеннымъ образомъ въ драмѣ Скопинъ-Шуйскій. Похвалы воздаваемыя, г. Гореву, заставляютъ полагать, что Харьковъ приобрѣлъ въ немъ первостепеннаго артиста.

Что дѣлается дальше? Гдѣ дальше? Что дѣлается за предѣлами Россіи, пусть о томъ рассказываетъ странствователь; но онъ въ чужихъ изданіяхъ не пойдетъ слуховъ и слетней, а если найдетъ, такъ печатныя, а ежеподѣльникъ не только ихъ читаетъ, но и не слышитъ. Тамъ, за грацией, роскошная италіанская графиня, увлекавшая тогда-то красотой своей кисти первоклассныхъ живописцевъ, лишилась недавно мужа. Извѣстно, это такая бездѣлица, что о ней и говорить не стоитъ. Мужей на свѣтѣ ужасно много. Утѣшиться не трудно. Италіанская графиня однако же не знала на что рѣшиться; она подражала Жоржу-Зандъ, но путь подражанія ей надоѣлъ; она рѣшилась быть оригинальною и вышла замужъ за актера. И такъ она не графиня, но съ деньгами въ тѣхъ земляхъ можно приобрести титулъ и безъ заслугъ. Мы бы совѣтовали бывшей графинѣ, купить мужу титулъ маркиза; это будетъ новѣе и болѣе похоже на комедію.

ЦАРСКАЯ СВѢЧА,

Бастыльники, Кулина.

Трава эта, по мѣстамъ известна въ Саратовской губерніи, въ простомъ народѣ подъ различными названіями: шныс называютъ ее царскою свѣчью, другіе бастыльникомъ, а шныс кулиною. Она растетъ на всякой почвѣ, по всей губерніи, но преимущественно въ нагорныхъ округахъ, на залежахъ и даже среди хлѣбныхъ яровыхъ. Цвѣтъ на ней желтый; стѣмена похожи на макъ и ихъ на каждомъ стволѣ рождаетъ очень много; листья на немъ продолговатые, по краямъ съ зубчиками, кожа на стволѣ нѣсколько красноватая; въ вышину до 2 1/2 аршинъ; толщина у корня около вершка, верху постепенно тоньше. Растеніе однолѣтнее, и созрѣваетъ въ концѣ августа или въ сентябрѣ.

Траву эту должно собирать около 1-го июля, т. е., скорѣе послѣ Петра дня, срѣзывать ножомъ, или топоромъ, или косою подъ корень, связывать въ малые снопы и класть въ воду, связывая вплотъ, подобно конопатъ, недѣли на двѣ или на три, смотря по теплотѣ времени и воды; ибо въ теплой водѣ она скорѣе можетъ умокнуть, а въ холодной долѣе не вымокаетъ. Послѣ того надобно разстлать на солнцѣ и просушить. По просушкѣ, она сдѣлается бѣлаго цвѣта и годною для лучины. Оболочка или шелуха на стволѣ сама собою падаетъ. Лучина эта горитъ свѣтлѣ древесной, продолжительнѣе и менѣе пускаетъ дыма. Позже же связанная, менѣе удобна для этого употребленія.

Траву эту можно разводить посредствомъ посѣва стѣменъ, весной или осенью. Чтобы она не вышла слишкомъ часта, стѣмена должно мѣшать съ пескомъ; 6 фунтовъ ихъ довольно на десятицу. При урожаѣ, сѣвать частѣе срѣзывать на лучину или топливо; одну часть оставлять до совершеннаго созрѣнія, для сѣменъ. Одна десятица этой травы можетъ дать лучины на 40 крестьянскихъ домовъ, на круглый годъ. Въ мѣстахъ лѣсныхъ она послужитъ средствомъ къ сбереженію лѣса, а въ безлѣсныхъ устранить издержки, дѣлаемая на покупку лучины и топлива.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

=

Затмѣніе. — Затруднительное положеніе. — Услужливый молодой человѣкъ. — Электрическіе часы. — Изверженіе Геклы. — Англійская шуточка. — Лавина. — Голубъ-вѣстникъ. — Корабль безъ экипажа. — Бракъ въ Гретна-Гринѣ. —

Затмѣніе. Въ ночь на 14-е ноября было въ Парижѣ видное луное затмѣніе: оно началось въ 20 минутъ 12-го часа вечера, а кончилось въ 53 минутъ 3-го часа по полуночи.

Затруднительное положеніе. «Gazette des Tribunaux» рассказываетъ слѣдующее происшествіе:

«Нѣкто, г. N*** спокойно возвращавшійся вечеромъ домой былъ внезапно остановленъ женщиной, волосы которой были распущены, платье въ беспорядкѣ:

— Ради самого неба, вскричала она дрожащимъ голосомъ, спасите меня, спасите!

— Отъ кого, сударыня? спросилъ N***, чѣмъ могу я помочь вамъ?..

— Дайте мнѣ вашу руку, и я спасена!

— Съ удовольствіемъ; однако жъ я желалъ бы знать...

— Ни слова! пойдите, пойдите!

Съ этими словами она вала подъ руку г. N*** и скоро потащила его за собою. Удалившись на довольно-далекое разстояніе, въ уединенное мѣсто, N*** остановился.

— Позвольте мнѣ хоть теперь узнать, что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Что мнѣ угодно! вскричала женщина; развѣ вы не узнаете меня, презрѣнный! Вашъ послѣдній часъ пробилъ!

Не понимая, что это значило, N*** полагалъ, что незнакома ошибалась, и хотѣлъ объяснить ей, что она принимала его за другаго. Но она ничего не хотѣла слышать и продолжала грознымъ голосомъ:

— Изыди! Поручи думу свою Господу и готовься умереть!

Положеніе г. N*** было чрезвычайно затруднительно, потому что незнакома выцѣплась въ его платье и огненные глаза ея сверкали во мракѣ. Онъ готовился уже звать на помощь, когда вдругъ пѣз-за угла показался лавъ человѣкъ. Онъ скоро подбѣжалъ, схватилъ женщину и сталъ вызывать ей руки.

Въ то же время подбѣжала карета, въ которую онъ ее усадил. Потомъ онъ объяснилъ г. N*** и нѣсколькимъ собравшимся любопытнымъ, что эта женщина убѣжала изъ дома сумасшедшихъ, гдѣ она находилась въ отдѣленіи неизлечимыхъ.

Услужливый молодой человѣкъ. Въ прошлое лѣто одинъ богатый парижскій купецъ, мучимый ревматизмомъ, упорно противившимся всякъмъ усиліямъ врачей, отправился на Нерисскія воды. Тамъ онъ съ самаго начала ощутилъ значительное облегченіе, но по мѣрѣ того какъ ревматическая боль проходила, его начало мучить другое зло, а именно — скука. Чтобы преодолѣть этого новаго врага, выдворававшій прибѣгнулъ къ героическому средству, всегда почти опасному на водахъ — къ игрѣ!

Онъ сталъ играть и скорѣе проигралъ значительную сумму. Но счастью, онъ познакомился въ это время съ молодымъ человекомъ, который сначала давалъ ему совѣты въ игрѣ, а потомъ открылъ, что онъ попался въ руки шулерамъ.

— Вы думаете? спросилъ изумленный negociantъ.

— Я въ токъ утѣренъ и, если хотите, сейчасъ же обнаружу лутни мнимаго барона, который вчера еще выигралъ у васъ двадцать наполеондоромъ. Впрочемъ лучше не дѣлать шума, и если вамъ угодно повѣрить мнѣ это дѣло, то я заставлю этихъ господъ возвратитъ вамъ большую часть денегъ, которые они у васъ выиграли.

Неgociantъ согласился съ признательностью, и на другой же день ловкій другъ его принесъ ему 7000 франковъ, которые онъ вытребовалъ у шулеровъ.

Эта услуга сблизила купца и услужливаго молодого человѣка, и по окончаніи сезона они остались, обѣщавъ испрежня сойдтися опять въ Парижѣ.

Купецъ возвратился въ Парижъ и, можетъ быть, забылъ уже о своемъ другѣ, когда тотъ явился къ нему. Парижанинъ принялъ его радушно и настоялъ на томъ, чтобы онъ остановился у него въ домѣ. Молодой человѣкъ долго отказывался, но наконецъ согласился.

Онъ прѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ, а потому уходилъ съ утра и возвращался только къ обѣду или вечеромъ. Такимъ образомъ прошло два дня. На третій онъ не пришелъ ночевать.

— Онъ вѣрно кутитъ, подумалъ negociantъ, и не дожидаясь его, пошелъ спать.

Но каково же было его удивленіе, когда, войдя къ себѣ въ спальню, онъ увидѣлъ, что замокъ у его бюро былъ сломанъ... Съ ужасомъ открылъ онъ, что значительная сумма, которую онъ недавно положилъ туда, пропала.

Съ тѣхъ поръ услужливый молодой человѣкъ не показывался и не смотрелъ на всѣ старанія полиціи, его до сихъ поръ не отыскали.

Электрическіе часы. Въ одно изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ, г. Араго представилъ, отъ имени изобрѣтателя г. Ваза (Vais) рапортъ касательно башенныхъ электрическихъ часовъ.

Въ 1837 году, Бону пришла мысль, что всѣ башенные часы цѣлаго города могутъ быть заводимы съ помощью электрическаго тока, такимъ образомъ, что всѣ, въ одно время, будутъ вѣрно показывать время. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1841 году, онъ открылъ, что сарывъ въ землю цинковый и мѣдный пластинки, можно получить достаточно сильныя электрическіе токи. Високаствіи онъ замѣнилъ мѣдныя пластинки древеснымъ углемъ, а цинковыя газо- или водопроводными трубами и достигнулъ такимъ образомъ неизмѣннаго и постояннаго источника электричества.

Теперь онъ объявляетъ, что 5-го августа 1844

года онъ устроилъ первые электрическіе часы въ Лондонѣ, которые съ того времени почти не измѣнились.

Изверженіе Геклы. По послѣднимъ повѣстіямъ, полученнымъ изъ Исландіи, отъ 12-го октября, изверженіе Геклы, о которомъ мы уже упоминали, продолжалось съ прежнею силою; лава не перестала течь изъ юго-восточнаго кратера; она пробѣжала уже по протяженію 5 миль и накопилась въ долину, у подножія горы, на 50 или 40 локтей вышины.

Въ темныя ночи этотъ потокъ лавы представлялъ впечатлительное, магическое зрѣлище. Представьте себѣ пламенно-огненную рѣку, стремящуюся съ высокой горы и по мѣрѣ удаленія отъ кратера, принимающую болѣе красноватый или фиолетовый цвѣтъ. Три громадные огненные стоаба выслаивались надъ тремя образовавшимися кратерами. До сихъ поръ лава не разрушила еще ни одной фермы, но цѣпель, падавшій на долины, началъ уже производить пагубное дѣйствіе на скотъ, преимущественно на коровъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ скотъ падаетъ десятками. Хотя до сихъ поръ вредъ, нанесенный этимъ изверженіемъ, еще не такъ великъ, но если оно будетъ еще долго длиться, то лава дойдетъ до обрабатываемыхъ полей, отъ которыхъ она уже не далека.

Англійская шуточка. Англійская газета «Jersey-Times» недавно рассказывала своимъ читателямъ забавный, по ея мнѣнію, анекдотъ, подъ названіемъ «Любовный мистификаціи». Последствія этого были ужасны. Расскажемъ все дѣло.

Молодая дѣвушка, миссъ Эмили Бондъ поселилась недавно съ своими родителями въ Джерсей, гдѣ имѣла случай встрѣтиться съ оставшимъ англійскимъ офицеромъ, г. Тидомъ. Последній оставался въ Джерсей не долго; онъ уѣхалъ въ Парижъ; но едва прибывъ туда получалъ отъ миссъ Бондъ письмо, въ которомъ молодая дѣвушка открывала ему свое сердце и сознавалась въ любви къ нему. Нѣкоторые изъ знакомыхъ миссъ Бондъ увѣрили ее, ради шуточки — весьма англійскій, — что Тидъ былъ безъ ума отъ нея, и даже вручилъ ей письмо, какъ будто бы написанное Тидомъ.

Послѣдній, получивъ странное письмо миссъ Бондъ, вообразилъ, что это мистификація, и не считая нужнымъ отвѣчать. Несмотря на то, бѣдная дѣвушка постоянно получала письма, будто бы писанныя оставшимъ офицеромъ. Она отвѣчала на эти письма, но мистификаторы задерживали ея отвѣты. Однакожъ другое письмо, отданное на почту самой миссъ Эмилией, опять дошло до Тида, который въ этотъ разъ считъ нужнымъ написать отвѣтъ и извѣститъ миссъ Бондъ, что она стала жертвою мистификаціи. По это письмо было перехвачено.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда мистеръ Тидъ воротился въ Джерсей и пошелъ къ миссъ Бондъ просить ее, чтобы она объяснила ему, что все это значило. Она покраснѣла и отвѣчала, что изъ осторожности сохлала полученныя отъ него письма. Открывъ ей все дѣло, Тидъ удалился, обѣщавъ ей открыть и наказатъ виновниковъ этой гнусной шутки.

Но страшная катастрофа приближалась. Нѣсколько дней спустя, всѣ подробности этой мистификаціи были рассказаны въ газетѣ «Jersey-Times».

На другой день служавка, являвшая чтобы убрать комнату миссъ Эмили, нашла что дверь, противъ обыкновенія, была заперта. Она долго стучалась, но ей не отворяли. Тогда она удивилась обо всемъ хозяиномъ, который немедленно приказалъ разломать дверь. Несчастная дочь его, обвивъ шею палью, повѣсилась на перекаданнѣ, къ которой были прикрѣплены завязки кровати.

Дѣло это поступило теперь въ судъ. Отыскиваютъ виновниковъ этого изумительнаго преступленія, которыхъ ожидаетъ однако жъ строгое наказаніе. Редакторъ газеты «Jersey-Times» получалъ уже строгій выговоръ.

Лавина. Съ верхнимъ Сенъ-Бернарда сорвалась огромная лавина, убившая много и двухъ служекъ, установившихся по дорогѣ зинилъ вѣхи. Тотчасъ же приступили къ открытію тѣхъ несчастныхъ, и три дня спустя, ихъ нашли.

Голубъ-вѣстникъ. На дилѣ въ не дальнемъ разстояніи отъ Діеппа, на мачтѣ рыболовнаго судна опустился голубъ. Слѣдъ вѣтра несло бѣлаго, путешественника въ море; но онъ поднялся опять и сѣлъ на палубу судна, гдѣ матросы его поймали. Къ пожатъ его были привязаны три писаные экземпляра дѣвъ на акціи и процессы повныхъ желѣзныхъ дорогъ, отъ 12-го ноября. Подъ

одним из крыльев посланый был выставлен № 25. Этого голубя, вероятно, из Парижа английским корреспондентом в какой либо лондонской коммерческой дом, остался на судьи «Мистерва».

Корабль без экипажа. 30-го октября английская шкуна *Бриз* готовилась к отплытию от Александрии с экипажем, состоявшим из пяти человек; не считая капитана. Последний был так пьян, что едва держался на ногах. Прибыв на шкуру, он отправил к берегу своего лейтенанта с матросом, чтобы они привезли ему некоторые вещи, оставшиеся им в прежней его квартире. Многочисленные кредиторы капитана, которые не могли получить от него уплаты, воспользовались этим случаем, чтобы овладеть шлюпом, на которой прибыл лейтенант с матросом.

Поскучив ждать своих посланных, капитан приказал трем оставшимся матросам и нанятому лодчанину поднять паруса и, при благоприятном ветре, судно вышло из гавани с этим малочисленным экипажем.

Выплыв счастливым из фарватера, капитан отбеседовал лодчана, рассердившись на него. Матросы, опасаясь гнева начальника, воспользовались этим случаем, тайно от капитана съели на мялку и покинули корабль.

Капитан остался решительно один.

Матросы отправились в английское консульство и объявили причины, заставившие их оставить шкуну. Консуль потребовал немедленно отправить их обратно, но шкуна на всех парусах удалилась и только на горизонте виднелось белое пятнышко...

Сильный ветер, поднявшийся с 30 на 31 октября, заставил опасаться, что капитан сделал жертвой своей отчаянной неосторожности.

Шкуна *Бриз*, с капитаном Эрнбадом, отправилась в Англию с грузом в 60 бочек льна. Она была паяна александрийским коммерческим дочерью Брига и компании.

До сих пор нет еще никаких достоверных известий об участи несчастного капитана.

Греческий судовщик рассказывает, однако же, что он видел английскую шкуну близ Кандии, которая выкинула сигналы, но так как она была в совершенной плоскости и не было причин для крушений, то он прибыл мимо, а шкуна продолжала свой путь.

Брак в Гретна-Грин. Судя по тому, что говорили в последнее время английские журналы, браки в Гретна-Грин должны бы отнестись к миру романов. Но вдруг действительность их подтверждается самым разительным образом.

Молодой, престелая и знатная леди, Адель Вильерс, младшая дочь графа Джерсей, оберштальмейстера двора английской королевы, явилась не далее как в прошлом месяце в жилище замешитого кузнеца. Она отправилась из Брейтона в Лондон, отсюда в Ньюкастль, Карлейль и наконец в Гретна-Грин.

Капитану Фредерик Вильерс, пустившийся в погоню за сестрой, узнав, прибыв в Гретна-Грин, что за два дня был заключен брак между капитаном Чарльсом-Нерк и Иббетсоном и леди Аделью-Корандрой-Марией Вильерс. Брак этот, благодаря скорости сообщений по желвакам дорогам, мог быть заключен двенадцать-три часа спустя после бегства молодых людей из Брейтона. После церемонии, они отправились в Эдзбург.

Иббетсон с 1843 года служил капитаном в 11-м гусарском полку, принадлежал к ирландскому Альберту.

Капитану Фредерик Вильерс поспышал со своим родителями собранным им свидетелем.

Говорить, что леди Адель и капитан виделись в первый раз в Алямак, в прошлый летний сезон.

Это приключение произвело сильное впечатление во всем вешнобелом обществе. Граф Джерсей получил от шва письмо, в котором он хвалит поведение капитана Иббетсона. Леди Вильерс семнадцать лет, капитану двадцать семь; он находился в отпуску, которому срок был 14-го ноября, когда он должен был возвратиться в свой полк, стоявший в Ирландии. Капитан жил один с матерью, близ дома, занимаемого графом Джерсей. Семейство графа было в отъезде, и леди Адель оставалась одна с отцом. В день бегства ее, отец тешно ждал ее к обеду, и посетил довольно долгих пописков, узнав, куда она бегала.

В двадцать три часа молодые люди проехали 400 миль.

Замечательно, что бабушка леди Адель, с матерней стороны, также бегала с покойным графом Уестморлендом, в 1782 году. Мистер Чайльд, богатый банкир, отец бабушки Адель,

Осада Беврина в 1207 году.

пустился за ними в погоню и уже догонял их, потому что в то время не было желваковых дорог; но лорд Уестморленд, видя, что ему приходится плохо, вынул из своей кофасы п застрельную коронную лошадь из прираженных в экипаж Мистера Чайльда; оттого произошла суматоха, которую граф воспользовался, и когда банкир прискакал в Гретна-Грин, то брак был уже заключен.

От 18-го ноября из Лондона пишут: «Нюхание леди Адель Вильерс не имело тех последствий, которых опасались. Родители ее не требовали уничтожения брака. Женщины, правда, требовали, чтобы были приняты решительные меры, но граф Джерсей не хотел увеличивать этой, и без того уже скандальной, истории.

Он пошел к отцу Иббетсона, прокурору и нотариусу, и объявил, что готов помириться с дочерью и признать капитана зятем, лишь бы смешная Гретна-Гринская история была подтверждена браком англиканской церкви.

Это желание было исполнено; капитан Иббетсон и молодая жена его были обвенчаны вчера в церкви св. Панкратия, в Миллсеском графстве. Капитан должен был представиться 14 числа в свой полк, но вероятно получит отсрочку.

Хотя граф Джерсей сам желал и устроил этот брак, но один из членов фамилии его не присутствовал на бракосочетании исполненным просто и в тишине. Леди Адель была сопрово-

ждала своей тещей, мистрисс Иббетсон, и двумя родственниками своего мужа. Отец Иббетсона также присутствовал на церемонии.

На леди Адель было богато белое атласное платье, а от косы ее ниспадал драгоценный кружевной вуаль.

Немедленно после брачной церемонии, молодые отправились за город.

БЕВЕРИНЪ.

ЛАТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Лета, тысяча двести седьмого, на берегу Буртинского озера торчали скромные башни Бевринского замка, срубленные из благородных сосен святого бора. Гмари, дочь безстрашного Ломонта, охраняла высокую башню. Блокудрал Гмара славился ладече, от предков Литви, до ртки русской и волеи Скандинавского моря своею красотою. — Но подвиги Ломонта обрели Гмари на страшную участь.

Ломонт с своей горстью храбрых, на раззолоченном корабле скандинавского князя ходил походом в неизвестную землю; запылав им во слезах еса и деревни; но в кровавом замке властителя назидки встретились отпор; сильная погода пресекла их возвратный путь. Их взяли в плен, но умный барон даровал свободу своим пленникам. Поступок барона их поразила, тронуть и был позволено, что дикари узнали, что барон послал совету капелана своего Ромуальда; они хотели видеть монаха и крещение было свидетелем свидания... Новообращенные просили Ромуальда к себе — Ромуальд третью год уже сидел в Беврин, проповедуя слова Божия.

Ломонт не слушал уже советов Ромуальда. Усерд его, подстрекаемое союзными Немцами, не знало предель; окрестные еса приняла вру Ломонта; но Эты противились. Тогда Ломонт возстал противу них войною; губил многих; но заплатить жизнью за свои подвиги. Эты по удовольствовались его смертью. Гмара обречена была на жертву такой же участи. Беврин осадил толпы Эстов под предводительством храброго Паласа; от дикаго взора могли защитить бевринские стены, но от Паласа не устоял бы п камень. Эты уже были на стенах замка; Гмара свила енасти слуг отца своего; выпла на крыльце, и готова была предаться в руки убийцы; но в то же мгновение, когда руки свирепых врагов Ломонта уже простиралась к вождя дикой добычи, выпел Ромуальд с слугами замка и с любимой арфой. Он ударил в струны п толпы вдрогнули. Звучный, приятный голос раздался и поразил внимание Паласа в его сообщников. Оружие опустилось. Дикари молча слушали торжественное пение Ромуальда; он смолк; Палас вложил мечь в ножны и сказал: — Люди, этого не злодей. Злая душа из тла не выходит, а душа его в сладких звуках ходила над нами. Свой старик, мы тебя послушаем и уйдём. Заплати нам за Ломонта исецен...

Ромуальд пропел торжественный гимн и Палас, подарив ему мешок золота, поспышно оставил Беврин, к которому до поздних времен суевтерные Эты сохранили какое-то чувство благодарности как к очарованному месту...

Много таких легенд, еще живых между народами того края, по эту ми сообщая читателям потому, что отыскали старую гранюру неизвестного времени, которую и похищаем в пересел на дерево.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ.

Императорская Академія Художествъ, на основаніи устава своего, имѣла 18 ноября сего 1845 года публичное собраніе.

Для сего Его Императорское Высочество Президентъ Герцогъ Лейхтенбергскій, почетные и дѣйствительные члены и прочіе приглашенные посѣтителі, въ часть по полудни, собрались въ академической конференцъ залѣ при игрании на трубахъ кантаты: Боже, Царя храни!

По занятіи мѣстъ всѣми гг. членами и посѣтителами, Его Императорское Высочество объявилъ о предметахъ собранія и предложилъ конференцъ-секретарю читать журналъ предварительнаго засѣданія академическаго совѣта, бывшаго предъ публичнымъ собраніемъ; за тѣмъ конференцъ-секретарь читалъ списокъ лицъ, удостоенныхъ академическихъ званій и другихъ наградъ въ теченіе 1844 — 1845 академическаго года, и вновь избранные члены приглашены къ занятію мѣстъ своихъ.

Его Императорское Высочество Президентъ при звукѣ трубъ роздалъ золотыя медали художникамъ и ученикамъ Академіи, по достоинству академическаго совѣта, за исполненія по программѣ работы; именно:

1-го достоинства, художникамъ 14-го класса: Николаю Тихобразову, Якову Капкову и Егору Мейеру.

2-го достоинства, ученикамъ: Константину Григоровичу, Александру Блюву и Павлу Риццони.

Золотую, установленную для награды за экспрессию, ученику Оадею Горенкову.

Также розданы Его Высочествомъ и серебряныя медали удостоеннымъ оныхъ художникамъ и ученикамъ, а именно:

1-го и 2-го достоинствъ, ученикамъ: Александру Станкевичу, Евграфу Сорокину, Александру Дорогову, Давиду Гримму и Августу Петдольду, и посѣднимъ двумъ объявлена при томъ похвала.

1-го достоинства: художнику Оедору Максимову, ученикамъ: Ивану Иванову, Ниль Шетиццу, Ернесту Фольрату, Ивану Горностаеву и Егору Винтергалтеру, которому притомъ объявлена похвала.

2-го достоинства, ученикамъ: Ивану Макарову, Василию Гочету, Оедору Стречкову, Густаву Будковскому, Александру Коридкову, Николаю Кунякису, Андрею Горюновичу, Прокофью Пушкареву и Тимофею Ампріеву.

Также объявлена похвала ученикамъ Стуккею, Шумахеру, Ульянову, Скарпу,

Павловскому, Верту, Пуншело, Дютлию и Долганову.

Кромѣ того удостоены награды серебряными медалями 2-го достоинства, ученики Московскаго художественнаго общества: Тимофей Мягковъ и Николай Жаровъ, ученикъ Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго училища Петръ Ставорскій и ученикъ Арамасской художественной школы академика Ступина, Николай Рачковъ.

По окончаніи раздачи медалей, Конференцъ-секретарь прочиталъ отчетъ о состояніи Академіи за 1844 — 1845 годъ и

миліи и всѣхъ почетныхъ любителей и почетныхъ членовъ Академіи.

и 4-й господинъ почетный членъ Академіи дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Д. Н. Блудовъ провозгласилъ тость всѣхъ членовъ художниковъ Академіи съ желаніемъ успѣха Художествамъ въ Россіи и славы Академіи.

==

Въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Художествъ 18 ноября 1845 года, утверждены въ академическихъ званіяхъ:

Почетными любителями:

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна, по предварительному изъясненію Ея Высочествомъ согласно принять это званіе. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Василій Алексеевичъ Перовскій, тайный совѣтникъ Оедоръ Ивановичъ Праншинковъ.

Почетными орденами общниками:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Корнелій Христіановичъ Рейсигъ, генерал-майоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Иностранцы:

Шванталеръ профессоръ скульптуры въ Мюнхенѣ, Гессъ, профессоръ батанической живописи въ Мюнхенѣ, Теллерани, скульпторъ въ Римѣ, Біенземе, скульпторъ въ Римѣ, Деларюшъ, французскій живописецъ; Фелсингъ, дарштатскій профессоръ гравированія, Андерсонъ, профессоръ гравированія миланской академіи; Каламъ живописецъ пейзажей и граверъ, въ Швейцаріи; Лемузонъ, французскій скульпторъ; Майеръ, амстердамскій уроженецъ, живописецъ пейзажей и морскихъ видовъ, въ Парижѣ; Белле, французскій граверъ и рисовальщикъ; Гай, варшавскій архитекторъ; Ферстеръ, профессоръ вѣнской академіи художествъ; Берри, англійскій архитекторъ.

Профессорами:

Архитекторъ, Рудольфъ Желзевничъ.

Академиками:

по архитектурѣ:

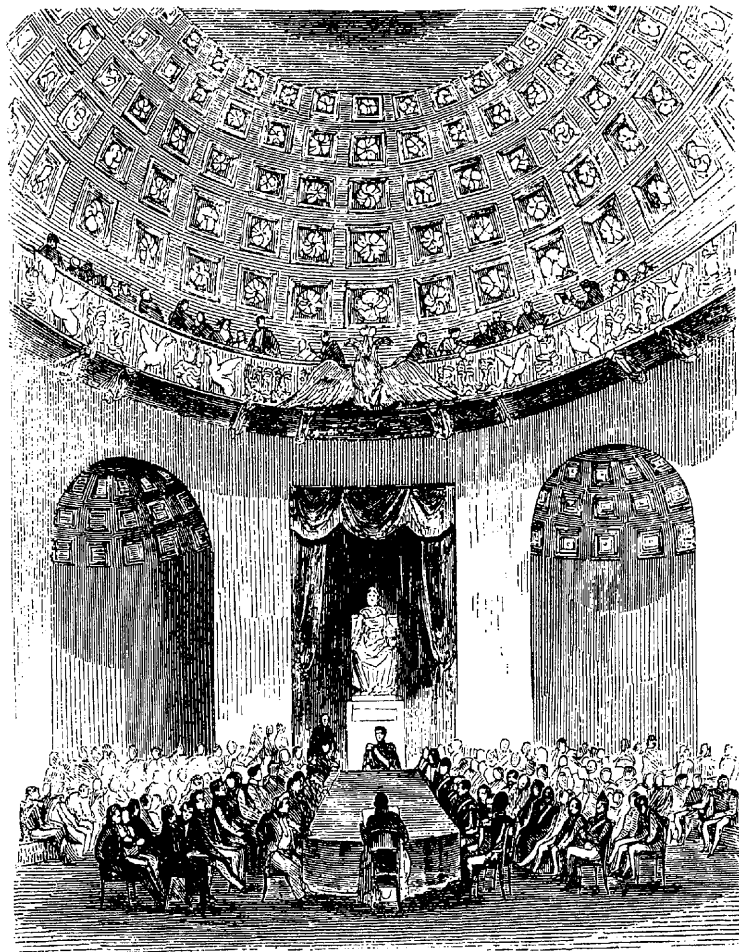
Владиславъ Львовъ, Михаилъ Львовъ, Андрей Гельшеръ, Генрихъ Штегеманъ, Генрихъ де Шудавъ, Вильгельмъ Роде, Александръ Гемельманъ.

По живописи портретной:

Ксаверій Каисевскій, Алексѣй Васильевичъ.

По живописи исторической и акварельной.

Михаилъ Скотти.

Публичное засѣданіе Имп. Академіи Художествъ.

подписать журналъ публичнаго собранія Академіи Его Императорскимъ Высочествомъ Президентомъ и всѣми присутствовавшими членами при игрании кантаты: Коль славыи нашъ Господь въ Сіонѣ.

За тѣмъ Его Императорское Высочество пригласилъ гг. почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и прочихъ посѣтителей къ завтраку, въ продолженіе котораго Его Императорское Высочество предложилъ тосты:

1. За здравіе Государя Императора.
2. За здравіе Государыни Императрицы и всей Императорской Фамиліи.
- 3-й тость провозгласилъ былъ конференцъ-секретаремъ за здравіе почетныхъ любителей членовъ Императорской Фа-

По живописи перспективной.

Андрей Раковичъ.

По живописи батальной.

Готфридъ Вилевальде.

По скульптурѣ.

Александръ Тербеневъ, Петръ Ставаасеръ.

Художниками.

14-го класса :

Егоръ Мейеръ, по живописи пейзажной.

Изъ классныиъ :

По живописи исторической и портретной.

Оедоръ Славявскій, Константинъ Оглоблинъ, Степанъ Ершовъ, Авдѣй Ермиловъ, Тарасъ Шевченко, Петръ Шмелевъ, Николай Ломтевъ.

По архитектурѣ.

Василій Штромъ, Францъ Моранди, Эдуардъ Шнитцъ, Викторъ Рейеръ, Цесаръ Кавосъ.

По скульптурѣ.

Оедоръ Максимовъ, Давидъ Ивсенъ.

По живописи акварельной.

Оедоръ Юркинскій, Карлъ Фидлеръ.

По живописи домашнихъ сценъ.

Германъ Шмехтаунъ.

По живописи пейзажной.

Алексѣй Волосковъ, Вольдемаръ Крюгеръ, Антонъ Ивановъ.

По живописи перспективной.

Александръ Бѣллевъ.

По живописи морскихъ видовъ.

Владиміръ Шульманъ.

По рисованію на люди.

Андрей Мончевъ.

По медальерному искусству.

Павель Брусницинъ.

Кромѣ того, удостоены званія некласснаго художника по живописи портретной, ученики Арзамаской художественной школы академикъ Ступина Николай Рачковъ и Иванъ Свѣшниковъ; но объ утвержденіи ихъ въ сѣмъ званіи положено представить общему собранію Академіи, когда представитъ увольненіи отъ мѣщанскаго общества, къ которому они принадлежатъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

—

8) Исторія консульства и имперіи, соч. Тьеръ, бывшаго президента совета-министровъ, члена палаты-депутатовъ и французской академіи. Перев. съ французск. П. Д.-в. — Части I, II и III. — Санктпетербургъ, въ новооткрытомъ книжномъ магазинѣ Раткова и колл. 1845.

Исторія Консульства тва и Имперіи неразлучна съ исторіей величайшаго изъ полководцевъ нашего времени, Наполеона. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ разбору, сочиненія пробуждающаго столько великихъ и горестныхъ воспоминаній, должно представить первый очеркъ характера чуднаго человека, играющаго въ немъ первую роль.

Жизнь Наполеона — лирическая драма, какъ бы сотканная изъ сотни другихъ различныхъ драмъ; въ ней столько же контрастовъ, сколько и великихъ бѣдствій. Этотъ человекъ, столь разнообразный по множеству своихъ качествъ и по стран-

ной судьбѣ, былъ всегда содѣиымъ по неукротимой силѣ своей честолюбивой мысли. Взгляните на молодого Корсиканца, брошеннаго недавнимъ завоевателемъ въ нѣдра Франціи, на безвѣстнаго питомца Бріенской военной школы, съ задучивымъ челомъ; на молодого артиллерійскаго офицера, искренню свою преданностью къ республикѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигнутаго высшаго чина; на юнаго побѣдителя Англичанъ, изгнанныхъ имъ изъ укрѣпленій Тулона, разрушеннаго имъ; на искуснаго защитника ослабѣвшей уже національной копеннѣи; взгляните на него, онъ со временемъ возледеетъ на тронъ Людовика XIV, онъ распространитъ границы Франціи далеко, нежели простиралась имперія Карла Великаго. Подобный Аппибау въ Италиі, Александру въ Египтѣ, онъ касается одной рукою Восточной имперіи, а другою Западной. Благопріятное бѣгство предаетъ ему во власть, вмѣсто Азии Францію, и нѣкая нація, измученная безконечными беспорядками, принимаетъ его съ открытыми объятіями, какъ своего освободителя. Разрушитель республики, онъ становится укрѣпителемъ анархіи. Подъ диктаторской ногой его въ видѣте верховнаго судью всехъ раздоровъ, которые въ цѣляхъ лежатъ у ногъ его. Ненависть, несправедливость и месть безмолвуютъ передъ нимъ. Верховная власть народа спадаетъ въ его власти — обыкновенная развязка демократическаго безумства: народъ любитъ того, кто его освобождаетъ отъ власти тирановъ, которымъ служилъ вмѣстѣ орудіемъ и жертвой. Представительная система становится въ рукахъ его только дерзкимъ призракомъ: впрочемъ, онъ восстанавливаетъ несмысленную дотолѣ гармонию въ законахъ гражданскихъ, судопроизводитѣль и администраціи. Это драгоцѣннѣйшія блага, которыя онъ завѣщалъ Французамъ и, изъ уваженія къ его законамъ, они прощаютъ ему его завоснанія.

Свѣтлостъ и ясность ума его болѣе всего паразительны въ пылу сраженій, среди барабаннаго боя, свиста пуля и грома тысячъ орудій; побѣда служитъ ему только приступомъ къ трудамъ важнѣйшимъ и инымъ вдохновеніямъ; онъ врагъ и собственнаго отдыха и отдыха храбрѣйшихъ своихъ полководцевъ; онъ желаетъ, чтобы всѣ короліи были членами его фамиліи, потому что надѣется встрѣтить въ нихъ покорныхъ вассаловъ, хотя иногда и ошибается въ этомъ.

Онъ высокомерно обращается съ мужчанами и даже съ женщинами. Его фамильярность поразительна, его любезность оскорбительна, и, при по-крайней-мѣрѣ могла бы быть оскорбительною для тѣхъ, къ которымъ относится. Онъ любитъ примѣнять къ своей политикѣ стратегию, употребляетъ имъ въ военномъ дѣлѣ. Если бы оскорбили въ немъ самаго грознаго изъ воиновъ, то должны еще страшиться его, какъ самаго опаснаго дипломата. Кого онъ не можетъ тотчасъ низвергнуть, того сперва приласкиваетъ, а потомъ покоряетъ.

Его нельзя назвать ни жестокимъ, ни летительнымъ, но слава скрываетъ отъ взора его проливаемую кровь. Можно думать, что онъ убежденъ въ томъ, что падающіе подъ его знаменами воины уносятся въ туманный рай Оссіана, мнѣнію котораго онъ столько любилъ, будучи юношей. Привычка расчета пренебрегаетъ изліанію его великодушія, которое избавило бы его отъ многихъ проступковъ и даже отъ великаго преступленія. Хотя онъ и не ораторъ, но иногда обладеетъ дивнымъ краснорѣчіемъ; хотя онъ и не поэтъ, но иногда въ немъ мелькаютъ возвышенныя проблески поэзіи.

Г. Тьеръ описывалъ времена Консульства и Имперіи, часто увлекается величіемъ героя того періода. Не смотря на то, три вышедшія части его Исторіи прекрасны. Ждемъ окончанія перевода, заслуживающаго всехъ похвалъ, какъ по вѣрности, такъ и по чистотѣ изложенія, чтобы подробнѣе поговорить объ этомъ замѣчательномъ въ наше время сочиненіи.

—

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

(Продолженіе.)

Близкое къ тому повѣрье, или вѣрнѣе суевѣрье, заключается въ заломѣ или закрутѣ хлѣба на корню. Эту штуку злаго знахаря, дѣлаемую изъ мести, не должно смѣшивать съ заломомъ травы, для заговора червей, о чемъ уже говорено было на своемъ мѣстѣ. Злой знахарь беретъ въ руку горсть стеблей хлѣбныхъ и произноситъ заклятіе на хозяйна этой нивы, ломаетъ хлѣбъ въ правую сторону, а закручиваетъ его въ лѣвую. Обыкновенно въ самомъ узлѣ залома находятъ немного золы, которая беретъ изъ печи того же хозяйна; иногда кладутъ подъ закрутъ, кромѣ золы, также соль, землю съ кладбища, личную скорлупу, распаренныя хлѣбныя зерна, уголь. Закрутъ можетъ быть разведенъ, по суевѣрью народа, только хорошимъ знахаремъ; въ противномъ случаѣ хозяйна нивы постигнетъ всякое бѣдствіе: домошины вымрутъ, домъ сгоритъ, скотъ падеть и проч. Въ особенности опасно, по мнѣнію народа, сорвать или скосить закруто; если его недосмотрятъ во время и это сдѣлается, то бѣда не отвяжется. Мнѣ самому случалось успокаивать мужика, на нивѣ коего сдѣланъ былъ закрутъ; я взялъ на себя развести его, увѣривъ испуганнаго мужика, что знаю это дѣло хорошо, а когда я вырвалъ весь кустикъ и зарылъ въ землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если не кому развести закрута, то осторожные хозяева обжищаютъ его.

Заговоры отъ ружья, отъ орудія вообще, не могутъ заключать въ себѣ никакого смысла. У стрѣлковъ, ловцовъ и охотниковъ есть однакоже, какъ у всѣхъ промышленниковъ, особаго рода приемы и повѣрья, кои довольно трудно изслѣдовать, потому что сущность ихъ обыкновенно скрывается подъ какимъ-нибудь гадерствомъ. Травой Адамова голова окуриваютъ, въ Великій четвертокъ, силки и сѣти, коими ловятъ птицъ и самое ружье окуриваютъ травой клюквы (или колюки), увѣряя, что оно тогда не бѣится заговора или порчи. Капканы вытираютъ дегтемъ или косякимъ павозомъ, съ разными наговорами — и если въ этомъ пошептываніи нельзя признать толка, то навозъ и деготь безспорно служатъ къ тому, чтобы звѣрь не причулъ человѣческаго духа. Не только простолюдинамъ, но люди образованные рассказываютъ иногда, какъ очевидцы, престранныя вещи, близкіе къ предмету настоящаго нашего разсужденія; напримеръ: у одного грека землепроходца, путешествовавшаго, по словамъ его ко Св. мѣстамъ, была кака-то ладонка, спасающая отъ всякой пули. Надѣвъ на себя, онъ выстрѣлялъ присутствовавшихъ офицеровъ стрѣлять на немъ; а когда никто на это не согласился, то онъ надѣлъ ладонку на лошадь, просилъ стрѣлять по ней и отвѣчалъ хозяйну цѣну лошади. И на это не согласился, а избралъ жертвою пѣтуха. За тѣмъ, пѣтуха привязали и сдѣлали по немъ, почти въ упоръ ружья, около дѣсятка или болѣе выстрѣловъ дробью и пулей: пѣтухъ вскрикивалъ, подлеталъ, метался, но на немъ не было крови; онъ издохъ уже въ слѣдующую ночь, а оцплавъ его, пашни, что онъ весь покрытъ снѣгабровыми рубцами.

Охотники и промышленники в Сибири, въ особенности на выездах, боятся педоброй встрѣчи. Если кто, не пожелав охотнику добра, проговоритъ встрѣтивъ его: ѣдетъ попь, не стрѣлецъ — несеть крестъ, не ружье; — то уже никакой удачи на промыслъ не будетъ. По этому тамъ всегда выезжаютъ тайкомъ, до свѣту, и прячутъ ружье. Самъ скажи о томъ, что ружье бываетъ съ чортикомъ; это значить, какъ станешь цѣлиться, такъ нечистый стоитъ прямо передъ тобой и держитъ утку за крылья, растопыривъ ихъ врозь: выстрѣлишь, убьешь — онъ броситъ и поидетъ себѣ своимъ путемъ. Вообще разговоръ отъ ружья бываетъ различный; одинъ спасаетъ человѣка отъ всякаго оружія, другой портитъ пзвѣстное оружіе, лишаетъ только то или другое оружіе средства вредить, дѣлаетъ его негоднымъ. Въ числѣ множества рассказовъ объ этомъ предметѣ, находимъ между прочимъ также объясненіе, для чего разговоры эти такъ многословны; пѣкто заговорилъ отъ ружья, отъ пули свинцовой, мѣдной, желѣзной, чулуной, стальной, крылатой, пергагой — а отъ серебряной и золотой позабылъ, это узнали, да и убили его серебряной пулюкой. Извѣстно кажется упоминать здѣсь, что разговоръ ружья или пистолета филгаровъ состоитъ въ томъ, что они искусно подмѣниваютъ оружіе, или вынимаютъ изъ него зарядъ. Есть также повѣрье, что отъ пули, облѣпленной воскомъ, никто заговорится не можетъ.

Заговоръ змій — вѣроятно объясняется тѣмъ, что сказано объ этомъ выше, если только справедливо, что сила ясеневаго дерева, листа, коры и золь дѣйствуютъ описаннымъ образомъ на змью. Если это такъ, то едва ли это средство не можетъ служить намекомъ на разрѣшеніе загадки, отъносительно пѣкоторыхъ другихъ; онъ точно послужилъ ему и прыгалъ со всѣхъ сторонъ въ миску. Но этотъ ларчикъ открываеся очень просто и всякій можетъ сдѣлать тоже: чувствую издали теплоту, блохи полагаютъ, что это должно быть животное, сплзшать со всѣхъ ногъ на него взобраться и попадають въ просакъ. Это для нихъ хорошая ловушка.

Заговоръ п шапентваніе употребительны при *выѣздахъ, переломлахъ* и многихъ болѣзняхъ. Тутъ также доселѣ еще вовсе ничего не изслѣдовано, въ какихъ случаяхъ это только обманъ съ одной стороны, а легковѣрное воображеніе съ другой, и въ какихъ случаяхъ кроется что нибудь болѣе: т. е. дѣйствительное вліяніе физическихъ или животныхъ силъ. Это такое дѣло, которое уже явно смѣшивается съ народнымъ врачеваніемъ и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма не рѣдко мы находимъ, подъ видомъ и названіемъ заговора отъ болѣзни, врачевныя средства, коимъ народъ охотнѣе вѣрнть подъ таинственной личиной заговора: напримеръ, отъ криковъ младенцовъ, должно вытряхнуть изъ маковки всѣ зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердакъ, подъ настѣтъ гдѣ спятъ куры, шашптать заговоръ, перевернуть ребенка черезъ голову, воротить-ся и дать выпить воду. Явно, что здѣсь ребенку дается легонькой сонный папютокъ; а чтобы онъ не перестоялся и не сдѣлался слишкомъ крѣпкимъ, то придумали опре-

дѣлать время прогулкой на чердакъ, подъ настѣтъ и обратно. Собственно отъ вывиховъ и переломовъ конечно подобныя штуки представляютъ самую надежную помощь — и если съ разговоромъ не соединяется работа костоправа, что не рѣдко бываетъ, — то шашптванія эти приносятъ конечно много вреда, оставляя людей безъ помощи или устраниая всякое разумное пособіе.

В. Лушкскій.

ДРАМАТУРГІЯ.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА.

Докреція Борджіа, Липа ди Шамунья, Любовный Нанитокъ, Донъ Пасквале, Семирамѣда, Ломбарды, Севильскій Цирюльнякъ, Беатриса ди Тенда.

Г-жи Виардо-Гарсія, Кастелманъ, Мольтини; гг. Тамбурины, Сальви, Ровере, Корради, Баріоне, Бенедетти.

Въ теченіе первыхъ девяти вѣхъ италіанскаго сезона мы услышали двѣ новыя оперы; одну Беллини и одну Верди, остальные принадлежали Доппетти и Россини. — Такимъ образомъ мы отчасти вспомнили, отчасти познакомились со всѣми представителями Италіанской оперы нашего времени; но какіе у этого нашего времени огромные размѣры? — Россини — преобразователь музыки италіанской, Беллини, чувство въ звукахъ, Доппетти водевиль — возведенный въ достоинство оперы, и Верди... Четыре акта этого нашего времени сильно между собою разнятся. Россини — гигантъ мелодій, изъ которыхъ рѣдкая останется въ душѣ вашей на вѣчное жителство; но за то каждая займетъ васъ пріятно, до тѣхъ поръ, пока не надоесть отъ новотреній. Россини гений блистательный, увлекающій, обильный музыкальными силами, расточитель блестящихъ мыслей и шутокъ; но до глубины души онъ не то что не могъ, а не любилъ нисходить. Ему было некогда; онъ былъ счастливъ, богатъ, и лживъ. Онъ псалъ и любовь и ревность; фраза, которою онъ начиналъ мелодію любви, ревности или злобы, удостоиваетъ васъ, что Россини очень хорошо понималъ и чувствовалъ музыкальную физиономію этихъ страстей, но за то въ дальнѣйшихъ фразахъ той же мелодіи вы видите, что онъ не даетъ себѣ труда углубиться въ переходы, изгибы и постепенное движеніе страсти, довольствуясь яркимъ и вѣрнымъ ея очеркомъ. Оттого его лучшія трагическія оперы уютны, какъ исторія въ однихъ очеркахъ, хотя бы они набросаны были рукою Рафаэля. Именно Пискаръ Рафаэля, при всей роскоши изобретенія, при всей сладости рисунка — ни лать ни взять опера Россини. Многосторонность гения Россини заставляетъ забывать его драматическое равнодушіе къ страданіямъ человѣчества; не углубляясь въ ходъ и постепенность страсти, онъ ослѣпляетъ васъ безчисленными блестящими остроуміями въ партитурѣ, вѣденіи голосовъ, въ украшеніяхъ, наконецъ, который рѣшительно можно сравнить только съ арабесками Альгамры. Повторяемъ, что тутъ былъ недостатокъ не силы, а воли; это доказываетъ романсъ Дездемоны, Репутативы Танкрета, Трио въ Вильгельмъ Телъ и сие икоторыя, Россини изумительно, и въ то же время онъ цѣлкомъ переносилъ ихъ изъ одной оперы въ другую, хотя по значенію ихъ, онъ могъ бы изобрѣсти десять такихъ мелодій для того же случая. И тутъ онъ злился — изобрѣтаетъ, злился думать; такъ ужъ, что ему за охота страдать. Для этого надо быть Беллини; онъ страдалъ за каждое дѣйствующее лицо, съ каждымъ онъ хотѣлъ переживствовать его страсть; но сердце чувствительное и чужій страданія понимаетъ по своему; Беллини не подражалъ Моцарту, который забывалъ свою личность, воплощался въ тѣло своего дѣйствующаго лица, и тогда это дѣйствующее лицо выражало свои чувства музыкой правильно, потому что оно, сохраняя свою собственную личность, обладало и музыкальнымъ талантомъ Мо-

царта; Беллини, напротивъ того, навращала свои способности въ свои вѣрованія; онъ терялъ свою личность и превращался въ Беллини; не онъ, а Беллини воспринималъ ихъ ощущенія, но воспринималъ съ жаромъ, олушевленіемъ, талантомъ. Память оперы Доппетти Жуанъ представляетъ вамъ всѣ лица отдѣльно; Моцарта цѣтъ и въ поминѣ. Память Нормы и Соппабулы, слышався въ представленіе одного лица, — Беллини. Доппетти, дѣло шное. Оперы его мы назвали, не безъ основанія, вольными. Нумеровъ превосходныхъ всегдаго значенія и развитія два, три въ двадцати, тридцати операхъ; но аристокъ, дуэтовъ лѣвкихъ и забавныхъ много; все прочее балластъ, припадающей прошедшему, обновленный кое гдѣ инструментами, вновь приложенными. Верди... опять точки. Одна опера не должна бы служить основаніемъ для полнаго сужденія. Почему будемъ говорить о Ломбардахъ, какъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ. Сюжеть склзнетъ неестественно и не оправданъ ни въ одной сценѣ. Отдѣльныхъ арій, дуэтовъ и т. д. нѣтъ; а тѣ, что есть, не имють ни полныхъ темъ, ни даже фразеологическаго развитія. Это отрывки какихъ-то мыслей, часто чужихъ, раздробленные до нельзя входами хорова, которые всѣ очень хороши, потому что въ хорахъ не бываетъ полныхъ темъ, а достаточно одной фразы, искусно расущенной въ массѣ голосовъ и инструментовъ. Ломбарды не заслуживаютъ ни европейской славы, ни обычной противниковъ. Это себѣ хорова опера не безъ музыкальной занимательности. Во всѣхъ италіанскихъ репертуарѣ, какъ видите, есть и хорошее и дурное; но исполненіе выкупаетъ этотъ недостатокъ. О нѣкоторыхъ пзъ артистовъ оперы мы говорили.

Тамбурины все тотъ же. Въ немъ ни актеры, ни пѣвецъ не постарѣли ни на одну лѣду. Въ голосѣ г-жи Виардо-Гарсія мы съ ужасомъ въ нѣкоторыхъ звукахъ замѣтили измѣненіе. Правда, не въ каждомъ представленіи, но случилось, что въ нихъ потахъ проявилось аресбжаніе, пропеходящее, по нашему мнѣнію, отъ трезвирныхъ усилій груди. Пѣніе — гимнастика голоса; можно услышать грудь постоянно, но постепенно; чрезвычайныя усилія могутъ ирнести нагубная послѣдствія. Можно надѣяться, что въ эту зиму полнота голоса г-жи Виардо возстанетъ, потому что она поетъ рѣдко; изъ всѣхъ оперъ, она ѣла только въ трехъ. Г-жа Кастелманъ сдѣлала пріятные успѣхи. Хотя и теперь нельзя не находить, что въ исполненіи оперъ она нѣсколько холодна; но тамъ, гдѣ нужна только граціозность, чистота отдѣлки пассажа, тѣмъ г-жа Кастелманъ очаровательна. Донынѣ мы полагаемъ, что лучшая ея роль — Липа.

Ровере въ эту зиму нравится больше. Онъ понравился бы еще болѣе, если бы амтеатръ былъ наполненъ природными Италіанцами. Игра италіанскаго буючо есть нѣчто національное, требующее въ слушателяхъ привычки. Глядя на Ровере, мы невольно увлекались воспоминаніемъ о старой Русской оперѣ, когда на бѣдной тогда сценѣ играли у насъ: Череншолоу, Деревенскихъ пѣвцы и другія оперы, когда роль буючо исполняли покойный Дюръ. Слабость груди перевела его въ водевиль и низвала въ моголу; но Дюръ буючо былъ выше Дюра, водевильнаго компа; онъ не перекрикивался съ оркестромъ, не проговаривалъ, съ быстротою и однообразіемъ вентилятора, на одной нотѣ сорока стиховъ; разбросанныхъ композиторомъ на двухъ сотняхъ нотъ; цѣтъ, онъ вѣлъ всѣ эти ноты съ неподражаемою вѣрностью интонаціи, а вѣлъ такъ, что казалось, будто онъ говоритъ... Простите невольнымъ воспоминаніемъ; содружество кончатъ увидѣло насъ. Обратился къ нашей оперѣ. Она въ нынѣшнемъ году пріобрѣла пѣвцы Ветти и Мольтини, барсовъ Корради и Ферратери, теноровъ Сальви, Боріоне и Бенедетти.

Контр-альтъ есть самый рѣдкій голосъ. Динапозъ этотъ есть пріятная, случайная исправность природы. Забчательно, что контр-альты являются въ музыкальномъ мѣрѣ периодически. Не очень давно, знаменитыхъ контр-альтовъ было не мало. Боргоніо, Кольбартъ Россини, Пина Корнета, Буржуа Скирала, Генель, наконецъ Низарони, всѣ славились почти въ одно время. Оттого въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, вы встрѣчаете много оперъ, вышедшихъ изъ партіями для контр-альтовъ; теперь ихъ очень мало, потому что очень мало пѣвцы съ контр-альтовымъ голосомъ. Мы не будемъ упоминать о прекрасномъ контр-альтѣ А. Я. Петровой: она не принадлежитъ къ Италіанской оперѣ, хотя

Семпрания Паста была очень довольна своим Арааче-Петровой. Заслуженная слава А. Я. Петровой утвердилась оперою «Жизнь за Царя»; она принадлежит к Русской опере. В прошлом году контральто-пять Итальянской оперы была г-жа Альбини. Голосъ у нея былъ страшенъ. Густота и сила безъ искусства, природный бо-

сь голоса въ постоянно-труднѣйшемъ исполненіи мудреныхъ сольеджіо. На нашихъ глазахъ знаменитый Эльнеръ распространилъ диапазонъ и сообщилъ значительную силу голосу взрослою любительницею пѣнія. Для оперной пѣвицы сила необходима, какъ для того, чтобы выдержать продолжительныя партіи, такъ и для того, чтобы не лишать полноты звуковъ въ солистномъ пѣніи.

Г. Сальви поступилъ на мѣсто такого артиста, который въ славѣ не знаетъ себѣ равнаго. Мнѣніе общее, этотъ итогъ разныхъ сужденій, которыя въ теченіи трехъ лѣтъ споспѣли плотно въ одну мысль, въ одно чувство, нельзя разрознить, разбить въ короткое время, хотя бы самъ Орфей вздумалъ возвратиться изъ ада. Слушатель не можетъ забыть свою память или замѣнить ее новою. Критика не должна помнить даже Рубини. Прель нею г. Сальви самъ по себѣ, съ своимъ прекраснымъ европейскимъ талантомъ и европейскою репутациею. Голосъ сильный, грудной; искусство въ обширномъ объемѣ; есть мгновенія увлекательныя; посредственнаго исполненія вы не встрѣчаете. Нередъ критикой г. Сальви правъ; но передъ балоними амфитеатра онъ еще имѣетъ противниковъ, разумеется, въ ущербъ противниковъ, несправедливо лишаящихъ себя удовольствія наслаждаться пѣніемъ Сальви. Распространеніе истиннаго вкуса тогда дѣйствительно, тогда захѣтно, когда слушатели умѣютъ понимать и цѣнить достоинство каждого не по сравнению. Дважды-два не потому четыре, что дважды три — шесть, а потому что дважды-два безъ всякаго сравненія четыре. Захѣтныя еще, что признаки возрастающей образованности и распространенія вкуса, заключаются въ степеняхъ снисходительности. Это термометръ образованности. Одинъ путешественникъ нашелъ одну разницу между Парижемъ и Петербургомъ. Тамъ, сказалъ онъ, и въ посредствомъ хотѣть насильно отыскать хорошее; здѣсь, съ такимъ же усиліемъ и въ превосходномъ стараются найти дурное. Охъ! Чуть-ли путешественникъ не правъ.

Г-жа Молтини пѣла въ двухъ только операхъ. Боится быть опрометчивыми. Г. Коррадони низкій, звучный, сильный басъ. Приобрѣтеніе весьма важное; г. Фератери мы еще не слышали, а г. Боріоне обладаетъ прекраснымъ голосомъ и хорошею метоюю, такъ, что не послѣ Рубини и Сальви, онъ произвелъ бы и на Большомъ театрѣ большой эффектъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Изъ послѣднихъ бенефисовъ — мы помнимъ только два: бенефисы гг. Григорьева и Каратыгина. Намъ всегда странно читать подробные отчеты объ игрѣ артистовъ и о содержаніи пѣсокъ, которыя не заслуживаютъ особеннаго, а часто и никакого вниманія. Говорятъ, будто это нравится публикѣ, полезно для артистовъ. О первомъ мы не собрали справокъ; со вторымъ не можемъ согласиться. Что за польза артисту знать, что г. рецензентъ нашелъ, будто онъ кричалъ, а кричать не надобно и т. п. общія фразы, которыми угощаютъ въ театральныя статьи нашихъ. Это, говорятъ, условія журнализма, чтобы наговорить пѣкую статью разной разности и не сказать ничего. Публикѣ это, можетъ быть, и нравится, но ужъ для артистовъ совершенно безполезно, и вотъ почему: если бы артистъ и вздумалъ воспользоваться мнѣніемъ рецензента, то пѣса уже упала, поздно, односторонняго совѣта онъ и принять не успѣетъ. Наша волшебная труба, право, уже не на такой степени, чтобы подавать сѣ реблическіе совѣты. Оттого-то театральная критика потеряла у насъ важность, какъ и антературная. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ видѣли исполненіе и того и другаго бенефиса. Таланты артистовъ, конечно, не равны, но достоинства каждаго почти весьма замѣчательны, значительно развились и усовершеншились. Бенефисы, какъ корабли съ новымъ товаромъ, естественно, болѣе и чаще всего подвергаются критикѣ; но она не должна забывать, что эти корабли часто приходятъ съ балластомъ, правда, на всѣхъ нарубахъ, украшенные разноцвѣтными флагами; на нихъ есть пушки; возмущаютъ о своемъ прибытіи такъ, что въ глазахъ рлбятъ, въ ухахъ звенитъ; поздно догадаться, что стрѣляли холостыми зарядами. А между тѣмъ пѣзья обвинить и артистовъ, что прибѣгаютъ къ такимъ

средствамъ. Вотъ П. А. Каратыгинъ безъ выстрѣла бросилъ свой якорь; объявилъ, что у него четыре пѣсы комическаго содержанія; добросовѣстная скромность обратилась ему же во вредъ. Видно дрянной корабль — и полъ-театра было пусто. А посмотримъ, что прѣбѣло на этомъ простенькомъ корабль? Во-первыхъ, комедія «Жен-

Г. Ф. Волковъ.

гатства безъ отлѣки. Они хороши для мюзеевъ и коллекцій, но не для общества. Голосъ г-жи Вютти весьма мягокъ и пріятенъ, искусства много, нѣкоторыя пѣсы она исполняетъ отменно-хорошо, напримѣръ, заправную пѣсню въ Люкрет-

А. С. Яковлевъ.

скій эгопэмъ; по содержанію занимательная, по исполненію прекрасная. Комедія «Нечего дѣлать», весьма умная пѣса, которая не правилась нѣко-

Н. А. Дмитревскій.

ни. Не долгъ безпристрастія обзываетъ сказать, что г-жа Вютти можно пожелать болѣе силы и вѣрности въ интонаціи. Намъ кажется, что слухъ приобрѣсти еще благоразумнымъ упражнені-

Я. Г. Брянскій.

торимъ рецензентамъ, Богъ знаетъ, почему. «Поль и Полина», не хуже многихъ «Видъ-мундиръ», комедія-водевиль, которая навсегда останется на нашемъ театрѣ. Были такіе физіологи, которые

находили что сюжет утрированъ. Мы совершенно противнаго мнѣнiя. Разсѣянность бываетъ разнаго рода: простая забывчивость, столкновеніе и постоянная борьба мыслей въ дѣятельной головѣ, беспорядокъ въ мышленіи отъ привычки, наконецъ мономанія: господство одной мысли, исключаящей всѣ другія. Разсѣянность есть

всѣ сцены, отдѣлите то, что принадлежитъ къ канвѣ, и согласитесь, что кухарка говоритъ другу разсѣяннаго рядъ эпитетовъ на чиновниковъ. Разсказъ разсѣяннаго о свиданіи съ директоромъ — стоитъ... страшно вымолвить; нѣтъ, скажемъ безъ срапненій: въ этомъ разсказѣ каждое слово — правда и каждое забавно; такого же достоинства

тѣмъ во всѣхъ прежнихъ — и критика ставить этотъ водевиль ниже «Знакомыхъ незнакомецъ». Скажите, можетъ ли такая критика быть полезна для артиста? Въ исполненіи — ни задорники. Въ лица заставляютъ забыть, что вы въ театрѣ... Право, это не безусловная, а заслуженная похвала. У насъ нѣсколько тысячъ свидѣтелей. — Русская

В. А. Каратыгинъ.

послѣдствіе того или другаго состояніи памяти; всѣ эти роды могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, и г. Каратыгинъ соединилъ ихъ въ своемъ типѣ разсѣяннаго. Забавно покажется мнѣніе наше, а мы однако же скажемъ, что Винтъ-мундиръ принадлежитъ къ высокой комедіи. Канва — не фарсъ — возможное сдѣланіе случаевъ, а между тѣмъ въ каждой отдѣльной сценѣ превосходной живописи подробности. Посмотрите по порядку

разговоръ съ эскуторомъ, бесѣда кухарки со вдовушкой; не упоминаемъ о мелочныхъ мѣткихъ эпитетахъ похвалы лучшей аттической солю. — У П. А. Каратыгина былъ одинъ недостатокъ; это то, что въ разговорѣ онъ заигрывалъ словами и цѣплялъ каламбуры, которые если прораскиваются случайно, не изъ существа дѣла или положенія, становятся приторными; въ Винтъ-мундирѣ такихъ каламбуровъ несравненно менѣе;

комедія-водевиль нѣсколько разъ возвышалась, временно разстроивалась, но на самое короткое время. По нашему, одинъ недостатокъ въ этомъ отношеніи — вниманіи публики. Нельзя сказать того о Русской драмѣ. Тутъ одинъ колоссальный артистъ. Прочихъ совсѣмъ нѣтъ. Они, ироче, изъ комедіи, въ которой занимаютъ почетныя мѣста, приходятъ занять чуждыя иль раздѣлы, исполнить ихъ сносно (и это уже хорошо) и убѣ-

жать въ свою любезную комедію. Болея наскучить, отлагаемъ бесѣду о драмѣ до слѣдующихъ номеровъ; бесѣда эта будетъ теперь кетати по случаю возстанія отъ сна нашей драмы съ возвращеніемъ изъ-за границы В. А. Каратыгина. Во всемъ драматическимъ талантомъ у насъ было не много; прилагаемъ гравюры съ портретовъ В. А. Каратыгина и другихъ артистовъ, пользовавшихся уваженіемъ въ прежнее время.

Ш А Ф Р А Н Ъ .

Въ окрестностяхъ городовъ Баку и Дербента производится значительное количество шафрана, который сбывается преимущественно за Кавказомъ и въ Персію. Правительство заботясь о возвышеніи достоинства и цѣнности отечественнаго шафрана, послало, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Ст.-Петербургъ образецъ шафрана, выдѣланнаго Бакинскимъ жителемъ, праноршикомъ Багдиръ-Бекъ-Салимановымъ, для сравненія онаго съ таковымъ, доставляемымъ въ Россію изъ-за границы.

Этотъ шафранъ былъ переданъ въ Ст.-Петербургѣ 4-й гильдіи купцамъ Миллеру и Гауфу, производившимъ торгъ шафраномъ въ большомъ видѣ, и они нашли, что шафранъ сей собранъ съ раченіемъ и знаніемъ дѣла, и качествомъ своимъ не уступаетъ, если не лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, хорошимъ сортамъ иностраннымъ, каковы французскій, испанскій, итальянскій, изъ которыхъ съ послѣднимъ, доставляемымъ изъ провинціи Аквіла, онъ имѣетъ большое сходство; но при этомъ они отозвались:

1) Что при сборѣ шафрана нужно обращать особенное вниманіе на то, чтобы оный произведенъ былъ въ пору полного цвѣта шафранныхъ деревь, отчего шафранъ получаетъ болѣе яркости и свѣжести; но при семъ должно по возможности избѣгать палишней примѣси желтыхъ листковъ, коихъ въ доставленной пробѣ весьма много, хотя также не слѣдуетъ и совершенно выбрасывать ихъ, ибо безъ сихъ листковъ шафранъ лишастся хорошаго вида; и въ иностранномъ шафранѣ самаго высокаго достоинства находятся желтые листки, но только въ умѣренной пропорціи.

2) Что при упаковкѣ и отправкѣ шафрана, особливо въ жаркое время года, нужно принимать всевозможныя мѣры для предохраненія онаго отъ засухи въ пути, сопряженной съ потерюю надежнаго вида и запаха шафрана; для доставленія сей цѣли; высылаемой изъ заграницы шафранъ привозится сюда обыкновенно въ жестякахъ, а иногда даже (смотря по мѣстнымъ удобствамъ) въ сырыхъ необдѣланныхъ бараньихъ или телячьихъ кожахъ, обращенныхъ при упаковкѣ вверхъ.

3) Что шафранъ равнаго достоинства съ доставленнымъ образомъ, они готовы приобрести до 10 и даже до 15 пудовъ; цѣны же на оный съ точною опредѣлительностью, въ настоящее время, назначить не могутъ, какъ потому, что это будетъ зависѣть отъ доброты привезеннаго товара. отъ состоянія цѣны въ то время на шафранъ за границею, и отъ количества ввоза онаго въ Россію, такъ и по той причинѣ, что вообще цѣны на шафранъ весьма непостоянны, и въ послѣднія десять лѣтъ упадали и вазывались до невѣроятія, а именно: отъ 250 до 500 руб. сер. за пудъ; впрочемъ, еслибы шафранъ, равнаго съ пробою достоинства, былъ уже въ настоящее время доставленъ Санктпетербургъ, то они, Миллеръ и Гауфъ, были бы готовы принять оный, съ платою по 400 руб. сер. за пудъ.

Объ этомъ начальство объявляетъ всемъ промышленникамъ, выдѣлывающимъ шафранъ, съ тѣмъ что оно не оставитъ поощрять награжденіемъ медалля тѣхъ, кто первый отправитъ въ Россію не мене 10-ти пудовъ шафрану, сходнаго съ пре-

провожденнымъ образцемъ, и что Министерство Государственныхъ Имуществъ изъявляетъ готовность принять на себя присканіе въ Санктпетербургѣ покушниковъ на шафранъ, если бы торговцы не нашли въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Москвѣ, или другихъ городахъ выгоднѣйшаго сбыта.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ПАРОХОДЪ, ВОЛГА.

Не давно спущенъ въ Рыбинскѣ отличный желѣзный пароходъ «Волга». Это есть первый пароходъ внутри Россіи. Онъ построенъ Голландскимъ инженеромъ Рейдгономъ. Пароходъ идетъ противъ теченія безъ помощи забрасываемыхъ якорей; проходить мели, которыя, при сильномъ пониженіи воды имѣютъ лишь 24 верш. глубины въ фарватерѣ. При слѣзанной пробѣ, онъ въ 20 минутъ пробѣжалъ 8 верстъ противъ воды, и погрузился только на 17 вершковъ, имѣя на себѣ груза болѣе 10,000 пудъ. Слѣдовательно онъ займѣтъ можетъ конныя машины, вредныя для людей и лошадей.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

I.

Э Л Е Г І Я .

Я помню блаженные дни,
Часы безпредѣльнаго счастья,
Минуты высокой любви,
И дружбы святаго участія.
И все безвозвратно прошло,
И все, какъ мечта миновалось!
А сердце лишь горе нашло,
Съ любовью на вѣкъ распрощалось!..
Я долго и больно страдалъ,
Томимъ безотчетной тоскою;
Веселыхъ друзей убѣгалъ,
Жилъ только моею мечтою.
Теперь я сталъ радостенъ вновь,
Здоровьемъ вновь блещу ланиты...
И думаю все, что любовь
И горе, давно мной забыты.
Но если бы могъ кто нибудь,
Во время пирова, хоть случайно,
Мнѣ въ сердце тайкомъ заглянуть,
Узнать заповѣдную тайну...
Тотъ вѣрно бы понялъ тогда,
Что можно желѣзною волей,
Скрыть сердца глубокое горе,
Подъ маской веселья, всегда.
Что можно путить, веселиться,
Играть съ легковѣрной толпой...
За тѣмъ чтобы ни съ кѣмъ не дѣлался,
Хоть грустной, но милой мечтой!

Б. Г. из.

II.

Д О Л Я .

На долинь пустой
На Украинѣ родной
Молодая черешня стояла.
Ту черешню весной
Соловей молодой
Полюбилъ; но черешня завяла.
Съ грустью спрашивалъ я:
То не доля-ль моя?
Но въ отвѣтъ мнѣ равнина молчала.

Разъ въ широкихъ стенахъ,
Къ небесамъ пыль и прахъ
Бурной вѣтеръ несъ быстро по волѣ.
И за быстрой рѣкой
Бури слышался вой,
Далеко, далеко на раздолѣ.
Снова спрашивалъ я:
Это-ль доля моя?
Но отвѣта мнѣ не было въ полѣ.

Видѣлъ я, и не разъ,
Взоры пламенныхъ глазъ
Юной дѣвы, подъ длинной рѣсницей.
И не разъ замѣчалъ,
Какъ межъ тучъ пробѣгалъ
Яркой свѣтъ многолетней зарницы;
Но на зовъ мой друзья?
То не доля-ль моя?
Все темнѣло кругомъ какъ въ темницѣ.

Разъ махая крыломъ,
Быстро въ небѣ родномъ
Черный воронъ леталъ одинокій.
А бурливой рѣкой
Шла волна за волной,
Разбивалась о берегъ высокий.
И сказалъ смѣло я:
Вотъ гдѣ доля моя!
И темна и мрачна какъ могилы.
И въ кипучей волнѣ,
Тоже слышалось мнѣ,
Тоже — эхо вдали повторяю.

А. Урбановскій.

III.

КЪ ВИДѢНІЮ.

Не оставилъ меня прелестное видѣнье
И день и ночь всегда со мною буди;
Ты нектаръ лъешь святаго наслажденія;
Въ мою встревоженную грудь!..
Ты жизнь потухшую, опять въ ней возождаешь
Огнемъ живительнымъ... и вновь
Ты сердце сильно битъ заставляешь,
Опять горитъ во мнѣ любовь!
Видѣнье дивное, ты ангеломъ спасенія,
Слетѣвъ съ высоты обители святой;
Ты даровало мнѣ мнугу примиренія
Съ давно отверженной мечтой...
Опять во мнѣ надежды пробудились;
Твой взоръ чарующій мой трауръ разметалъ...
Волненія опять въ груди зашевелились;
Я жизнью новою, и страстью задыхалъ!
Скажи: кто ты? — изъ безднъ-ль океана,
Ты нифеа чула, — пленительный обманъ!
Иль ты падала звѣзда Ольдеборапа.
На мигъ блеснулъ мнѣ въ сумрачный туманъ
Иль бредъ луны? — дитя воображенія,
Больной мечты... взволнованной мечты?
Или жилица ты, небеснаго селенія...
Подруга звѣздъ?... посланница, кто ты?!
О! не обманывай, — перелестный небожитель!
Дай жить еще, и чаръ не отнимай!
Остался здѣсь, мой ангелъ, мой хранитель...
Видѣнье дивное: — опять не улети!

А. де ла Гарде.

АНЕКДОТЫ.

Барыня жила не далеко от губернского города и получала губернская газеты, неизвестно по какому поводу. Мало того что получала; это у нас случается и печально; не думаешь, не гадаешь, а сопричтут к числу подписчиков; но барыня не получала их только для вида, а читала весьма регулярно по повеленью первое отделение официальной части, во вторник тоже; в среду начало второго отделения, в четверг окончание; в пятницу начало неофициальной части, в субботу окончание; в воскресенье барыня отдыхала. Случилось в одну из суббот прочла она в ведомостях следующее: Возвращенная комета, по расчету времени, должна быть первый раз видима в нашем городе в воскресенье, такого то числа, ровно в 10 часов вечера. Важность явления заставляет нас предупредить о том наших читателей...

Барыня не дочитала ведомостей, вскочила и закрычала:

— Палашка, Марфушка! комета завтра будет в городе... Комета, слышите! позовите кучера! а ты Палашка... надо о туалете подумать. Что оно такое, комета! где она ливится! у губернатора или у предводителя! Какое платье надеть! Сь длинными, или сь короткими рукавами... Прохор! ты выгони карету, почисти, подмажь, чтобы завтра мне послѣ обѣда часов в шесть выѣхать. Слышите! Бѣда тебя, если опоздаю.

— Как опоздаст матушка сударыня; далеко ли, и часу нѣтъ ѣзды...

— Ну тогоже, гляди!

Весь вечер субботы, в утро воскресенія прошель съ сборахъ. Вь семь часов барыня вѣхала в городъ, остановилась у знакомых и послѣ обычныхъ привѣтствій спросила:

- А гдѣ ливится комета?..
- Какъ гдѣ ливится?
- У Губернатора или у предводителя...
- Вы шутите! комета будетъ на небѣ...
- А понимаю; а откуда же спустятъ?
- Этого не знаемъ.
- А смотрѣть откуда?
- Да изъ нашихъ оконъ чай видно будетъ...

Барыня обдѣлась. Потѣхала къ предводителю. Тамъ уже собралось не малое общество, уже играли въ преферасъ; осторожная барыня молчала и выжидала пока другіе не начнутъ говорить про комету, но никто казался о ней и не думалъ ровно вь десять, когда часы пробилъ, одинъ изъ гостей сказалъ:

— Вотъ теперь и комета должна быть видна. — Все подошли къ окнамъ. Барыня послѣдовала общему призыву и взглянула.

— Вотъ чего не выдали! подумала она, а еще губернской городъ; Звѣзда съ хвостикомъ вотъ тебѣ и комета...

Барыня рассердилась и вѣхала. На хуторѣ на дворѣ стояла вся дворня и глядѣла на небо...

- Гдѣ пожаръ! закричала барыня.
- Не пожаръ, а вонъ звѣзда не бывала.
- Это изъ ведомостей... Да какъ же она изъ города сюда зашла! вотъ чему учать! людей пугать! И за чѣмъ я вь городъ ѣздила, когда и здѣсь видно...

Послѣнее замѣчаніе было совершенно справедливо. Барыня разогнала всю дворню, разорвала неофициальную часть ведомостей и съ тѣхъ поръ занималась только чтеніемъ официальныхъ извѣстій.

Сія повѣсть, къ сожалѣнію, не выдумка.

II.

Другой примѣръ — того же. На одномъ экзаментѣ по части физики профессоръ спросилъ у испытуемаго: какое различіе между барометромъ и термометромъ. За отвѣтомъ дѣло не стало. Барометръ, отвѣчалъ тотъ самодовольно и бойко, висеть вь комнатѣ, термометръ за окномъ.

И сіе вѣжливо.

ПЕРЕПИСКА.

Гр. Д. Н. Т.—му. Печатная переписка, неизмѣняя отношеній, заставляетъ измѣнить пріемы письма. Душевно благодаримъ за присылку. Она оправдываетъ названіе Русскихъ буквъ: рцы слово твердо. Мы полюбовались надписями или провинсли старыхъ временъ, но для помѣщенія ихъ вь иллюстраціи должны ждать участія камня, потому что на деревѣ нѣтъ никакой возможности ихъ вырѣзать. У насъ теперь рѣшительно нѣтъ никакихъ другихъ новостей, кромѣ тѣхъ которыя напечатаны вь ежедневникѣ. Ждемъ слѣдующей почты, повторля русскую азбуку: Рцы Слово Твердо.

Вь Редакцію Архангельскихъ Губернскихъ Ведомостей. Съ уваженіемъ; объ исполненіи желанія вашего слѣдено распоряженіе.

Вь Редакцію Московскихъ Губернскихъ Ведомостей. Съ удовольствіемъ. Обь исполненіи вашего желанія слѣдено распоряженіе.

Г. П. М. Четыре первые съ благодарностію принимаются. Пятый, яко Турецкій, — оставлется.

Г: М. М. Какъ же мы можемъ напечатать Волгу, переведенную съ Нѣмецкаго? — Впрочемъ подумаемъ.

Aut Luther, aut Huss. Чтобы прочесть тетрадь съ некоторымъ вѣсомъ, надо не мало свободнаго времени. И такъ не сердитесь, если болѣе обстоятельный отвѣтъ отлагаемъ до слѣдующихъ номеровъ.

Г. Д. Г.—у. Поступила на очередь.

Г. Жаку Квентъ. Ваша правда. Ютъ вѣсто утъ негодится; не досмотрѣли. Но вь вашей есть ошибка въ предостѣженіи словъ: а вѣсто о.

Милостивой государыни Вѣрѣ В. За недостаткомъ мѣста, отвѣтъ отлагаемъ. Извѣщаемъ для того только, чтобы уведомить васъ о полученіи вашего второго письма.

С. Великій моголъ, о которомъ вы пишете, имѣлъ только одно ухо. Столь важный историческій фактъ и препровожаемъ по принадлежности.

Л. Л. Всякій куликъ свое болото хвалить.

Г. С. Н. Л. М. Гмъ! Смѣаемъ! Ужъ не выли сочинили исторію Финикійскую? Что вамъ мѣшаетъ теперь принять за Греческую.

Г. Мал.—... Возьмите укусу, маслѣ, перцу, сахару, все это смѣшайте, тогда можетъ быть и будетъ сносно.

Г. Янки. Стихотвореніе получено. Картинамъ къ стихотвореніямъ допустить нельзя. Тогда потребуютъ пожалуй иллюстрированной переписки.

Г. С.—искому. Секретъ. Нельзя. Вспомните пословицу и убойтесь преждевременной сдѣлки.

Г. С.—опу и П. Дуэтъ хорошъ вь оперѣ, и то рѣдко, а вь литературѣ примѣрами доказана его негодность. — Этотъ разъ мы васъ повиснѣли и поставили по хронологіи полученія писемъ.

Г. О—льту. Иллюстрація — иллюстрація. Это такъ ясно какъ лѣтѣ быть не можетъ. Лишь бы рисунокъ былъ вѣренъ, а предметъ любопытенъ.

Г. N. N. N. Обыкновенно поди сывались двумя N; вы хотите быть неизвѣстиемъ всѣхъ вашихъ предшественниковъ! Извольте.

Г. 17X12=0 — Истина, спорить нечего, это каждый, видитъ.

Г. П. и. п. Великовѣко, а занимательно.

Г. П.—ку. Къ тебѣ Богиня о!

Иду деревню во...

Г. А.—ну вь И. Едвали живопись можетъ пруслѣвать тамъ гдѣ нѣтъ ничего живописнаго. Петербургъ не указъ. Столица всегда можетъ нитать воображеніе и кормить художника.

Г. Ос—ну. Кокетка вь храмъ Andante вѣдетъ, На балъ Prestissimo катитъ,

Но поздно ежели пріѣдетъ Furioso съ истинныи летитъ

Не попадетесь подъ руку...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Русскій театръ: Четыре русскихъ литератора составили бенефисъ любимаго нашей публики, г-на Мартынова, назначенной вь Пятницу 7 декабря, на Александринскомъ театрѣ. Казанскій кулеци, Михалева, др. Квартиры на Бугоркахъ вод. Черный день на Черной рѣчкѣ, вод. Дьвушка Морякъ вод.; послѣдніе двѣ пьесы, писаны молодыми людьми выступающими вь первый разъ на поприще драматургіи.

СОДЕРЖАНІЕ IX ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 3 ДЕКАБРЯ.

О нищѣ.

Общія понятія. Млекопитающія; породы животныхъ, употребляемыхъ вь пищу; срокъ, вь который различныя мяса сохраняютъ свою съвѣстность; способы приготовленія, сохраненія и заготовленія мяса вь прокъ.

Птицы; породы употребляемыхъ вь пищу, сроки, вь которые мясовицы, сохраняютъ свою съвѣстность.

Рыбы; породы рыбъ употребляемыхъ вь пищу; вредныя рыбы; способы приготовленія; совѣты обь употребленія рыбной пищи вообще.

Галы, скорупники и слизняки; породы ихъ и употребленіе вь пищу.

Сваримость пищи животной и растительной; сколько потребно времени, для варенія каждой пищи вь желудкѣ?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Общанный переводъ одного изъ лучшихъ современныхъ романовъ, по обстоятельствамъ, начнется съ слѣдующаго 35-го номера. Гг. подписавшіеся на иллюстрацію съ 1-го генваря 1846 года, получать всѣ листы сего романа, которые выйдутъ до новаго года, съ первыми номеромъ.

И Г Р Ы.

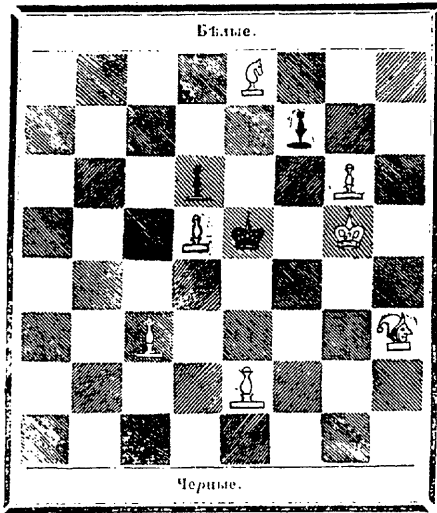
ШАХМАТЫ.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ № 30.

Бѣлые.	Черные.
1. Фер. на 7 м. Кор.	1. Фер. на 7 м. Кор.
2. Фер. на 7 м. слое.	2. Фер. на 7 м. слое.
3. Кор. на 6 м. Сл. св.	3. Кор. на 6 м. Сл. св.
4. Ладья на 4 м. сл. на право.	4. Ладья на 4 м. сл. на право.
5. Ладья на 5 м. св.	5. Ладья на 5 м. св.
6. Ф. на 7 м. Сл. Кор.	6. Ф. на 7 м. Сл. Кор.
7. Ф. на 6 м. К. Кор.	7. Ф. на 6 м. К. Кор.
8. П. бер. Фер.	8. П. одно мѣсто.
9. П. бер. Ладью.	9. Кор. на 6 м. К. св.
10. П. 1 м.	10. Кор. на 6 м. Л.
11. П. 1 м.	11. П. К. Кор. 1 м.
12. П. 1 м.	12. Тамъ Пѣшка 1 м. шахъ и матъ.

Вь означеніи задачи вь N 32 вкралась ошибка. Вь этой задачѣ вся сила и заключается вь томъ, чтобы дать матъ не иначе, какъ вѣшкой. За эту ошибку помѣщаемъ задачу историческую. Одинъ маркизъ поссорился съ аббатомъ и хотѣлъ его непременно убить. Онъ искалъ его вездѣ и наконецъ — вь кофейномъ домѣ за шахматами. Когда онъ увидѣлъ какъ его врагъ преречно ведетъ свою игру, помарился и по окончаніи партіи протлнувъ къ нему руку, сказалъ: Вы побѣдили и его и меня; будемъ друзьями. Аббатъ игралъ бѣлыми и вь четыре хода далъ матъ.

ЗАДАЧА № 34.

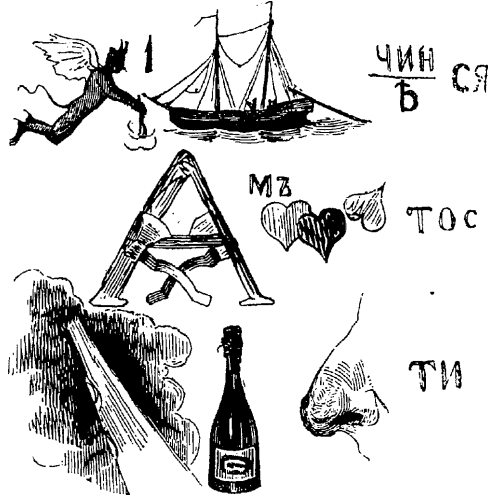

РАЗГАДКА № 33.

На ше по, — слѣдъ, — не, — съжъ вѣтъ, — кое, — до-
же, — могла.

Паше послѣднее жесткое ложе могила.

ЗАГАДКА № 34.

СОДЕРЖАНИЕ : 1) Последний парикмахеръ. 2) Малодербелевскій удѣлъ. 3) Еженедельникъ. 4) Царская свѣча, Бастыльникъ, Кулина. 5) Странствователь по чужимъ пазнищамъ. 6) Беверинъ. Латвийская легенда. 7) Актъ Академіи. 8) Библиографія. 9) Порчи и заговоры. 10) Драматургія. 11) Шафранъ. 12) Желѣзный пароходъ, Волга. 13) Стихотворенія: 1) Элегія, В. Г.—изъ. 2) Доля, А. Урбиневскіи. 5) Къ видѣнію, А. де ла Гарде. 14) Анекдоты. 15) Перевиска. 16) Театральный Вѣстникъ. 17) О Гигіенѣ. 18) Игра Шахматы и Загадка.

ГРАВЮРЫ : 1) Памятникъ Даміана въ Ярославлѣ. 2) Видъ Иркутска. 3) Видъ Витебска. 4) Видъ на Камчаткѣ. 5) Осада Беверина въ 1207 году. 6) Публичное засѣданіе Имп. Академіи Художествъ. 7) З Поргетовъ артистовъ. 8) Загадка. Всего 12 гравюръ.

**ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
ИЛЛЮСТРАЦІЯ,
ПРИНИМАЕТСЯ**

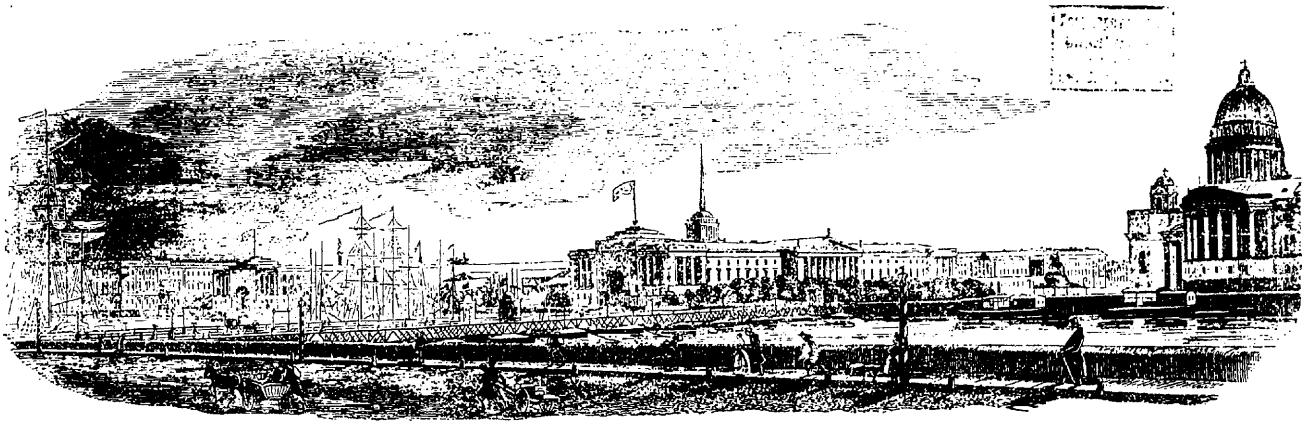
Въ С. Петербургѣ : Въ Редакціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ базаръ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина на Невскомъ Проспектѣ противу Анничковскаго Дворца въ домѣ Завѣтнаго и у А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, и Псакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ : у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевои и у книгопродавцевъ Свѣчкинова и Базунова въ книжныхъ магазинахъ на Страстномъ Бульварѣ въ домѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета и на Никольской улицѣ подъ № № 4 и 5-мъ.
Въ Одессѣ : Въ Библиотекѣ для Чтенія и продажи книгъ Золотова и Тотти.

ОДПИСНАЯ ЦѢНА

	Безъ пересылки и доставки :	Съ пересылкою и доставкой :
на 1846-й годъ : 48 номеровъ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 700.	10 р. сер.	11 р. 50 к. сер.
Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучать слѣдующіе изъ за первые три мѣсяца 1846 года номера и при возобновленіи своихъ билетовъ, вносятъ только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по — — — — —	7 р. 50 к. сер.	9 р. — —
Желаніе получить 1 томъ Иллюстраціи за 9 мѣсяцевъ 1845 года, заключающей 36 номеровъ 72 печ. листа съ 500 гравюръ, платятъ — — — — —	7 — 50 — —	9 — — —
Утратившіе отдѣльные номера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, внося особо за каждый номеръ. — — — — —		— 25 — —

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

С доставкой На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 55. — Суббота, 8 Декабря 1845. Безъ доставки На годъ 10 руб. сер. и пересылкою: На 5 мѣсяца 5 р. 25 к. сер.

ДВА ДИТРИХА.

ЛЕГЕНДА.

Въ прекрасной Лаской долинь, въ одной изъ горъ, составляющихъ цѣпь, служившую, быть можетъ, когда пубудъ высокимъ берегомъ рѣки, теперь почти высохшей, есть пещера, знаменитая во всей Лифляндіи, подъ именемъ пещеры Добраго человѣка (Gutmanus-Höhle). На темно-красныхъ сводахъ ея, подернутыхъ мхомъ, испещренныхъ надписями нѣсколькихъ вѣковъ, между именованіи Паткулей и Тизенгаузельовъ, видны надписи XV и даже XIV столѣтія. Двойное преданіе объ этой пещерѣ сохранилось частью, въ лѣтописяхъ Ливонскихъ, частью въ изустныхъ преданіяхъ Латышей.

Въ концѣ XII столѣтія, во времена Мейсгарда на берегахъ Гауи (Аа), въ Торрейдской землѣ, появился пришелецъ; его звали Дитрихомъ; народъ прозвалъ его добрымъ человекомъ. Кротостію, увѣщаніями, лечебною помощію, онъ спускалъ любовь дикихъ, необузданныхъ Ливовъ. Но, исцѣляя больныхъ, помогая бѣднымъ, привлекая къ себѣ сердца народа, онъ возбуждалъ зависть жрецовъ. Они стали говорить Ливамъ, что Дитрихъ исцѣляетъ ихъ силою почнаго, мрачнаго духа; увѣряя, что они погибнутъ, если будутъ слушаться его совѣтовъ. Но слова не дѣйствовали на народъ, и пещера, гдѣ жилъ Дитрихъ, каждый день наполнялась новыми приверженцами, которые слушали его ученіе. Въ одно лѣто, у всѣхъ Торрейдскихъ жителей былъ неурожай; только поля Дитриха золотились полными, прекрасными колосьями. Жрецы воспользовались этимъ случаемъ, увѣрили народъ, что Дитрихъ своимъ чародѣйствомъ отпаялъ всю силу отъ ихъ полей и перевелъ къ себѣ. Народъ повѣрилъ имъ; но все-таки не рѣшился,

безъ воли боговъ, предать смерти того, кто еще недавно являлся отцомъ и другомъ между ними. Въ заповѣдномъ лѣсу, передъ святымъ дубомъ собрались жрецы, старшины и народъ. По древнему обычаю Ливовъ, судимаго должно было посадить на лошадей и, держа ее за узду передъ двумя скрещенными копьями, увидеть, какою погою она коснется ихъ: правая нога означала виновность судимаго, лѣвая осуждала его. — Уже косыи сѣкиры и копы блестя межъ топоромъ и булавою, когда Дитрихъ, окруженный жрецами, явился на мѣсто казни. Тихо шель онъ, опираясь на посохъ; блѣдное лицо его было спокойно; онъ взглянул на собравшуюся толпу, хотѣлъ что то сказать народу; но жрецы схватили его, посадили на лошадей, и дали знакъ двумъ отрокамъ, державшимъ коня; въ одно мгновеніе они скрестили ихъ передъ ногами лошади — и жадное вниманіе всѣхъ устремилось въ ту сторону. Удерживаемый за поводъ, петербильный копы рылъ землю лѣвымъ копытомъ — еще мгновеніе, и онъ ударилъ имъ о коня... радостная улыбка неказна лица жрецовъ, сѣкиры заиграли въ толщѣ дикарей. Руки Дитриха были сложены на груди; въ глазахъ, поднятыхъ къ небу, блистали слезы: Дитрихъ молился не о своемъ спасеніи, но о заблудшихъ овцахъ; онъ молилъ Бога не допустить ихъ до преступленія; и вдругъ копы отступилъ, еще сильнѣе рванулся впередъ и три раза ударилъ правымъ копытомъ скрещенныя коня... Въ безумной радости народъ бросился къ Дитриху, сплелъ съ лошадьми, и въ торжествѣ отнесъ въ пещеру.

Жрецы замолчали на время; но злоба ихъ на Дитриха не погасала. Не дѣйствуя болѣе на народъ, который, видя какъ Дитрихъ помогаетъ имъ во всемъ, улучшаетъ ихъ бытъ, дѣлится послѣднимъ съ бѣднымъ, не слушали больше ихъ наговоромъ, жрецы стали возмущать старшинъ противъ святаго старца. Одинъ изъ нихъ, именемъ Каупо, лежалъ на смертномъ одрѣ; ни заклинанія жрецовъ, ни

цѣлебныя травы, собранныя подъ святыми дубами, ни жертвы богамъ — ничто не помогало; Каупо умиралъ. Видя невозможность спасти князя, жрецы хотѣли воспользоваться этимъ, чтобъ погубить Дитриха; будто изъ усердія, они напомнили Каупо про отшельника, такъ часто спасавшаго отъ смерти Торрейдскихъ жителей. Послали за Дитрихомъ, и объявили ему, что если онъ не спасетъ князя, то заплатить за это головой. Укрѣпленіе этого князя находилось тамъ, гдѣ теперь стоитъ церковь Кремонская, не далеко отъ замка Кремона, котораго развалины видны еще. Князь лежалъ на звѣриныхъ шкурахъ, окруженный жрецами, ближними и народомъ; воздухъ наполнялся воплями, между тѣмъ какъ жрецы приносили безпрерывно жертвы богамъ, переедая самымъ одромъ больного. Уже предсмертныя судороги начинали сводить его; увиди Дитриха, онъ приподнялся, взглянул на него дико и прошепталъ: «Знаешь ли что ожидаетъ тебя, если ты не вылечишь меня? Я умираю!» — «Князь, одинъ Богъ можетъ спасти тебя! — Что знаю, то употребляю для твоего исцѣленія...

Не удался проски жрецовъ. Князь, послѣ довольно продолжительнаго леченія, выздоровѣлъ.

Уже три вѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ Дитрихъ оставилъ свою пещеру. Торрейдская земля, гдѣ епископъ Альбертъ построилъ замокъ Фредландъ, впоследствии переименованной въ Трейдель, во время безпрерывныхъ смутъ и раздоровъ между духовенствомъ и орденомъ, переходила попеременно то къ епископу, то къ меченосцамъ. Въ 1501 году Польша, которой она тогда принадлежала, отдала замокъ Элерту фонъ Крузе за услуги, ей оказанныя.

Тяжело было Торрейдскимъ жителямъ полъ игомъ алчнаго, безчеловѣчнаго Крузе; потомъ и кровью обливались поля его; воли и стоны несчастныхъ вассаловъ раздавались на стогнахъ вмѣсто веселыхъ пѣсней. Но несчастіе

всѣхъ была прекрасная дочь Крузе, молодая Гедвига. Въ высокое окно ея комнаты часто долетали стоны несчастныхъ, о помилованіи которыхъ она не смѣла просить отца своего. Рѣдко видала она его, и тогда сердце ея замирало отъ страха, глядя на его мрачное, безжизненное лицо, на вѣчно сдвинутыя брови, широкій похъ и бичъ, всегда находившіеся при немъ. Никогда не видала Гедвига ласки отъ своего отца; казалось, ея прелестіе было ему въ тягость. Часто на широкомъ дворѣ замка, гдѣ обыкновенно онъ показывалъ своимъ вассаловъ, среди крика этихъ несчастныхъ, ему слышались отчаянныя рыданія Гедвиги; тогда глаза его горѣли адскою злобою и рука его опускалась на похъ.

Любимымъ, почти единственнымъ, собесѣдникомъ и товарищемъ Крузе былъ другъ его, рыцарь Видальдъ фонъ Бреймъ, владѣтель замка Зегевольда. Жестокій, безчеловѣчный, какъ Элертъ, казалось, одинакая чернота души была главною связью ихъ дружбы.

Гедвига ненавидѣла Видальда столько же, сколько болала отца; но каждый разъ, когда серебряный рогъ его звучалъ у подъемнаго моста Трейденскаго замка, Гедвига носѣшно отворяла готическое окно своей комнаты и нетерпѣливымъ взоромъ ожидала появленія Брейма: вѣтольнѣ рыцарей, сопровождавшихъ его, сердце ея всегда узнавало бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ и стальной шлемъ Стефана Облица. Подвластный Видальду, Стефанъ ненавидѣлъ и презиралъ его; но безумно любилъ Гедвигу. Только для того, чтобы видѣть ее иногда, чтобы жить въ Зегевольдѣ, находившемся въ верстѣ отъ Трейдена, оставался онъ подъ неправоугодною фовъ Брейма.

Какъ сблизилась молодые люди, какъ сдѣлалось короткимъ знакомство, начатое одними далекими взглядами — не знаю; но тамъ, гдѣ двое любятъ другъ друга, всегда найдутся посредники; да и влюбленные сами бывають очень ловки и хитры. Скоро Гедвига нашла способъ, въ отсутствіи отца, вечеромъ, въ сопровожденіи старой служанки, выходить не замѣтною или, по крайней мѣрѣ, не узнаваемою изъ замка. Пугливая и легкая какъ лань, сбѣгала она съ крутой дорожки, вьющейся по горѣ въ Ааскую долину, и, скрытая тѣнью густыхъ дубовъ, свѣшила въ пещеру, всегдашнее мѣсто свиданія съ Облицомъ. Сердце ея замирало отъ страха и радости, когда на волнахъ рѣки вдругъ видѣлся челнокъ и въ немъ, при свѣтѣ мѣсяца, бѣлѣла мапія рыцаря...

Хороша Ааская долина, когда золотой мѣсяцъ высоко поднимается на небо и спокойныя струи рѣки заскрякаютъ блестками, то тихо катясь по отлогимъ несчастливымъ берегамъ, то звучно плескаясь о крутыя, покрытыя краснымъ кустарникомъ, темно-красныя скалы! Прелестны, очаровательны берега свѣтлой Гауи; извиваясь змѣей, она будто выбираетъ мѣста самыя красивыя, чтобы отразить ихъ въ голубыхъ струяхъ своихъ; быстрая, она затѣйливыми изгибами течетъ по долинамъ, гдѣ множество ручьевъ, журча, бѣгутъ къ ней и звучными, но едва замѣтными водопадами, спадаютъ въ нее.

Гедвига и Стефанъ, сидя у входа пещеры, любили смотрѣть на долину, на Гауию и мечтать подъ звуки пещернаго ручья. Вытекала съ правой стороны пещеры изъ горы, онъ едва замѣтной струйкой проходитъ въ глубину ея, гдѣ образуетъ довольно пространнѣй бассейнъ, изъ котораго чистыя какъ хрусталь воды дробятся о камни съ звучнымъ плескомъ обтекають лѣвую сторону пещеры и, оттуда бросаясь въ долину, бѣгутъ въ Гауию. Сладки были ихъ мечтанья; по, будто предвѣстникъ горя, на противоположномъ берегу рѣки видѣлись мрачныя башни Зегевольда и темно-красныя кресты чернѣлись на бѣловатыхъ стѣнахъ его. Однажды, Стефанъ не пришелъ на свиданье: внезапно посланный Бреймомъ въ Варшаву, онъ на долго оставилъ Зегевольдъ.

Прошло полгода; готическія залы Зегевольда огласились шумомъ пріезда; при звукѣ трубъ и литавръ, сопровождаемый пышнымъ поѣздомъ, Видальдъ привезъ въ Зегевольдъ Гедвигу фонъ Крузе; и слезы ии мольбы не могли отвратить ея жребія. Гедвига сдѣлалась супругою Видальда.

Уже двѣ недѣли пировали гости въ Зегевольдѣ; шумецъ, роскошь были свадебныя ширъ фонъ Брейма. Въ весельяхъ; одна молодая казалась приговоренною къ смерти; высоко поднималась грудь ея; темпорусая головка складывалась подъ тяжестью удара и голубые глаза съ безпокойствомъ искали кого-то въ толпѣ рыцарей. Въ концѣ третьей недѣли, возвратился изъ Варшавы Облицъ. Уже долетѣли къ нему слухи о женитбѣ Видальда; но онъ не вѣрилъ, или лучше, не хотѣлъ вѣрить имъ. Постыдно вошелъ онъ въ залу, въ ту самую минуту, когда Бреймъ держалъ въ одной рукѣ золотой кубокъ, другою вѣжно обнявъ Гедвигу и цѣловалъ ее, при шумныхъ кликахъ гостей. Стефанъ видѣлъ это, и черезъ минуту уже бѣлый конь его мчался далеко отъ замка. Никто не замѣтилъ быстраго ухода рыцаря; только Гедвига видѣла, какъ поблѣднѣло лицо его подъ стальнымъ шлемомъ; только она замѣтила грустный, полныи укоризны, взглядъ его... Была уже ночь, когда, удаляясь изъ шумнаго собранія рыцарей, молодая супруга Видальда заперлась въ своей комнатѣ. Рыцарь былъ въ полномъ разгулѣ шра; вино лилось рѣкою въ золотые кубки; готическіе своды залы оглашались пѣнями и заздравиными тостами.

Одна, облокотясь о рѣшетчатое окно своей комнаты, Гедвига смотрѣла, какъ за высокой стѣной Зегевольда катилась быстрая Аа и за ней, въ глубинѣ долины, веясно чернѣлась знакомая пещера, прежній свидѣтель ея счастья...

Гедвига хотѣла забыться, закрыть глаза на настоящее и перейти жить хотя нѣсколько мгновений въ прошедшемъ; но тогда долетали къ ней шумные клики полупьяныхъ рыцарей; очарованіе исчезало, и передъ нею являлось только блѣдное лицо Облица... послѣдній взглядъ его... Ночь была бурная; вѣтеръ вылъ подъ сводами замка; густыя, разорванныя облака, неслись по небу, то застилая совершенно, то мгновенно открывая полный мѣсяцъ, и тогда, при свѣтѣ его, видно было, какъ плескалась бѣлыми валами Аа и бѣлилась вода

въ глубокихъ черныхъ рвахъ около замка. Вдругъ Гедвигѣ показалось, что противъ ея окна по стѣнѣ ползеть кто-то... суевѣрный страхъ оковалъ ее... она хотѣла взглянуть; но черныя тучи опять набѣжали на мѣсяцъ и закрыли все. Черезъ нѣсколько мгновений желѣзные крючки веревочной лѣстницы ударились въ рѣшетку окна, еще мигъ, и въ немъ показался Облицъ, блѣдный, съ растрепанными волосами, безъ шлема и мапіи. — «Гедвига! прощайте отъ, Гедвига, не бойся, не тревожь такъ! Развѣ не узнаешь ты Стефана? Сегодня ревность увлекла меня: я хотѣлъ упрекать тебя; но теперь разсудокъ взялъ верхъ! Ты не можешь любить Брейма... ты несчастна, Гедвига! Слушай, я могъ бы убить Видальда; но я знаю, ты никогда потомъ не согласилась бы быть женою того, кто убилъ чедовѣка, имя котораго ты носишь. Но бѣги со мной, бѣги, Гедвига! Мы пойдемъ себѣ пріютиъ, мы будемъ счастливы вездѣ... О, моя Гедвига, согласишься, бѣги, бѣги со мной! И руки Облица страстно сжимали холодныя руки Гедвиги; неподвижная, блѣдная, она стояла передъ нимъ; темно-русые волосы густыми прядями падали до полу вокругъ нея; долго смутными глазами смотрѣла она на Облица. Стефанъ, сказала она наконецъ, прощай! Спасайся, пока рыцари еще пируютъ и бурная ночь скрываетъ тебя... Гедвига не пойдеть съ тобою... я противилась, Стефанъ, противилась даже передъ алтаремъ; но когда меня принудили произнести клятву вѣрности супругу, когда я дала эту клятву — я должна быть вѣрна ей... я ненавижу Видальда болѣе чѣмъ когда пубуду, но никогда не измѣню ему... Прощай, Стефанъ! Гедвига тебя любила! О, въ память этой любви, уйди, далеко! пусть никогда твое имя не коснется слуха Гедвиги и не смутитъ ее... у нее отняли все счастье въ жизни — осталось ей послѣднее — чистая совѣсть... — Стефанъ исполнилъ желаніе милой; никто изъ рыцарей съ тѣхъ поръ не слышалъ имени Облица.

Прошло два года. Вдругъ ужасное бѣдствие, чума, постигла Торреиду. — Въ домахъ, на сельскихъ работахъ несчастные жители падали, умирая въ тяжкихъ мученіяхъ, безъ помощи, оставленные всѣми; страхъ заразы былъ сильнѣе узъ родства и дружбы; мать покидала умирающаго сына... слыть бѣжалъ отъ отца, который угасающимъ голодомъ просилъ у него воды... Въ это самое время бѣдствій, въ Ааской пещерѣ появился отшельникъ; пренебрегая опасностью, онъ ходилъ помогать больнымъ, молился надъ умирающими, хоронилъ тѣла. Народъ со страхомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на безстрашнаго отшельника; преданіе о Дитрихѣ передавалось отъ отцовъ къ сыновьямъ и скоро Латыши, указывая на новаго отшельника, стали говорить, что это Дитрихъ воскресъ, чтобы спасти ихъ, какъ спасалъ ихъ отецъ. Суевѣріе утвердило этотъ слухъ; такое пренебреженіе смерти казалось невозможнымъ для чедовѣка обыкновеннаго. И скоро толпы народа стали собираться къ пещерѣ воскресшаго Дитриха, прося заступленія отъ напастей. Дитрихъ молился съ ними, утѣшалъ ихъ и уговаривалъ. Вскорѣ чума стала утихать; по благодарный народъ умолялъ Дитриха, чтобы онъ не оста-

вляя ихъ. Напрасно увѣрялъ ихъ пустыяникъ, что онъ не Дитрихъ, а только соименикъ его, бѣдный отшельникъ, посвятившій жизнь свою несчастнымъ. Народъ всегда любитъ все необыкновенное, а суевѣріе еще болѣе утверждало ихъ въ томъ, чему они хотѣли вѣрить. Между тѣмъ молва о пустыяникѣ разошлась по всей торрейдской землѣ. Слухи о немъ дошли до Зегевольда. Тамъ страдала Гедвига, измученная ревностью мужа, который, подслушавъ ея сонный бредъ, узнавъ тайну любви ея къ Облицу, и еще болѣе советую, упрекавшю ее въ томъ, что она не могла забыть Стефана, проводила дни и ночи въ слезахъ; напрасно молилась несчастная: милый образъ того, котораго она любила, вѣчно становился между ею и Видбальдомъ. Въ чемъ искать помощи, гдѣ найти совѣтъ? И вдругъ слухъ о пустыяникѣ дошелъ до нея. Мысль просить помощи у него, блеснула въ головѣ Гедвиги. Развѣ ея недугъ не былъ ужасенъ, и еще ужаснѣе тѣмъ, что онъ былъ душевный? Кто знаетъ, можетъ быть, какая нибудь чара лежитъ на ней, и онъ отгонитъ ее какимънибудь врачеваніемъ?—Гедвига рѣшилась; выбрала время, когда Бреймъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Маріенбургъ, и, полная надежды и страха, пошла къ пустыянику. Она нашла его у входа пещеры; какъ всегда лицо его было закрыто низкою спущеннымъ капишономъ; высокій ростъ казался согнутымъ подъ тяжестью лѣтъ; голосъ его дрожалъ, когда онъ хотѣлъ встрѣтить привѣтствіемъ Гедвигу; но когда она со всей простотой пещерной, страдающей души разсказала ему всю повѣсть любви своей къ Стефану и просила избавить ее отъ преслущей мысли объ немъ, пустыяникъ вскопчалъ; капишонъ уналъ на плеча, и трепещущая Гедвига узрала Облица... Первымъ движеніемъ ея было бѣжать; Стефанъ удержалъ ее. «Не бойся, Гедвига, если до сихъ поръ я сдержалъ слово, то не измѣню ему и теперь! Но одно, что ты общала мнѣ давно уже, исполни теперь! Дай мнѣ локоны твоихъ чудныхъ волосъ! Ты должна была дать мнѣ его въ то свиданіе, на которое я, посланный Видбальду въ Варшаву, не пришелъ; но слово осталось за тобою! Ты можешь, ты должна исполнить обѣщаніе, которое дала прежде, чѣмъ сдѣлалась женою Брейма! Ты не можешь отказать въ этомъ человеку, который для твоего спокойствія, чтобы исполнить твою волю, отказался отъ тебя, отъ почестей, отъ богатства и даже отъ мести! Оцѣни эти жертвы, Гедвига! Что значить для тебя одинъ локонъ? а мнѣ онъ будетъ замѣной всего...

Волосы Гедвиги въ безпорядкѣ выпадали изъ подъ высокой шапки, обшитой широкимъ соболемъ; чувствовала всю опасность своего положенія, желая спастись отъ самой себя и исполнить желаніе Стефана, Гедвига выхватила ножъ, вѣсившій за полсомъ Облица, быстро отрѣзала первую прядь волосъ, которая попалась ей въ руки и полумертвая выбѣжала изъ пещеры.

Черезъ нѣсколько дней Бреймъ возвратился. Каковъ былъ ужасъ Гедвиги, когда, не смотря на все ея старанія скрыть неосторожно отрѣзанный локонъ, Бреймъ замѣтилъ и строго спросилъ, какъ это случилось, не-

ясные отвѣты Гедвиги, ея смущеніе, еще болѣе возбудили подозрѣніе Видбальда, а все, что пересказали ему лазутчики, вѣсть, что Гедвига тайкомъ была въ пещерѣ, возвратилась блѣдая, дрожащая отъ студа и безъ локна, возбудилъ неистовую ревность въ Бреймѣ. Онъ не могъ вѣрить невинности своей жены въ то время общаго разврата. Гедвига отъ горя и безпокойства сдѣлалась больна и въ жару горячки, несчастная высказала мужу и тайну воскресшаго Дитриха и свою тайну! Все сомнѣніе исчезло! «Ага, скрежеталъ Видбальдъ, вотъ для чего ты прикинулся воскресшимъ!»—Изъ этой минуты одна мѣсть заняла все мысли его. Онъ могъ убить Облица; но что значила смерть человѣку, который искалъ ее въ ужасахъ чумы? Нѣтъ, Брейму нужна была мѣсть ужаснѣе, и онъ обдумалъ совмѣстѣ съ Крузе. Все старанія о возвращеніи къ жизни Гедвиги были употреблены; на горе воскресла бѣдная! Безчеловѣчный отецъ и мужъ поволокли ее за волосы въ долину, къ пещерѣ пустыяника, заранѣе связаннаго слугами Видбальда, недалеко отъ входа которой стоялъ высокій дубъ. Густою, темною косою привязали они ее къ дереву и, поперемѣнно, не довѣряя никому другому, стояли на стражѣ. Страшны были проклятія, которыми осыпали они невинную жертву.

«Оторвись! твердили они, оторвись отъ дерева, и тогда даемъ клятву, что никто изъ насъ не удержитъ тебя итти къ твоему пустыянику! И въ минуты отчаянія несчастная думала имѣть силы оторваться и уйти! Она рвалась безумно, но ни одинъ волосъ не отсталъ отъ головы ея; казалось, какимъ-то колдовствомъ они приросли къ головѣ. Въ безсильномъ отчаяніи, простершись лицомъ къ землѣ на сыромъ полу пещеры, несчастный Облицъ слышалъ стоны Гедвиги, пасившкн и проклятія ея злодѣевъ. Два дня безумно рвалась она; на третій, изпуренная голодомъ и отчаяніемъ, голова ея упала на грудь. Прошло еще два дня, и страшная судорога, на которую отвѣтили адскимъ смѣхомъ Видбальдъ и Крузе, показала имъ, что страданія несчастной жертвы прекратились. Оставя тѣло въ добычу воронамъ, двое друзей отправились пировать свою мѣсть и утопить въ винѣ послѣдній ропотъ зачерствѣлой совѣсти. Настала ночь; освобожденный народомъ Облицъ, вырывъ могилу у Трейдевской часовни и отвязавъ Гедвигу отъ дерева, отнесъ ее на гору, поцѣловалъ холодное чело несчастной и съ молитвой опустилъ въ землю.

Но тогда, разрѣшенный отъ обѣта смертью Гедвиги, онъ далъ полю ненависти и жаднѣйшій мщенія, которую до того старался заглушать въ доброй душѣ.

Между тѣмъ ненависть къ Крузе усиливалась день ото дня. Ходкевичъ съ досадою видѣлъ одинъ изъ лучшихъ и доходныхъ замковъ во власти человѣка подлаго, бездушнаго, готоваго предаться врагамъ Польши точно также, какъ измѣннически продаваея ей. Секретарь Ходкевича, предприимчивый Гансъ фонъ Бюрингъ, также косо смотрѣлъ на Эл-лента и, въ 1576, въ началѣ ноября съ сотнею отчаянныхъ молодцовъ, между которыми былъ Стефанъ Облицъ, пришелъ изъ Риги въ окрест-

ности Трейдена. Крузе долженъ былъ отличиться на нѣсколько дней; Бюрингъ, дождавшись его отъѣзда, велѣлъ наложить нѣсколько возовъ съ дровами, приставилъ къ нимъ воиновъ, передѣланныхъ въ крестьянъ, и приказалъ ѣхать въ Трейдентъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, пуждался въ дровахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали привоза. Лишь только стража, стоявшая у главныхъ воротъ, завидѣла возы, опустила подъемный мостъ; возы вѣхали, отперли ворота; когда первый возъ проходилъ черезъ ворота, что-то, изломалось; мнимый крестьянинъ сталъ еуетиться, и между тѣмъ, какъ вниманіе всехъ было обращено туда, скрытый въ кустахъ отрядъ Бюринга бросился на подъемный мостъ, въ открытыя ворота и прежде чѣмъ обезнамитѣвшая стража успѣла схватиться за оружіе, все въ замкѣ были перерѣзаны или связаны, а побѣдители распивали, въ честь своей побѣды, лучшее вино изъ погребовъ Крузе изъ его же золотыхъ кубковъ. Эта побѣда была тѣмъ замѣчательнѣе, что Трейдентъ считался неприступнымъ; а тутъ случай и выдумка доставили побѣду ничтожному числу людей. Все веселились, одинъ Облицъ еще мучился жаждой неудовлетворенной мести: отметивъ Крузе, онъ еще ужаснѣе хотѣлъ отметить Видбальду. «Товарищи, сказалъ онъ, кто изъ васъ хочетъ пировать сегодня вечеромъ въ Зегевольдѣ? Погребъ фонъ Брейма еще полнѣе погребовъ Крузе! Я знаю тайный ходъ изъ этого замка въ Зегевольдъ; по покажу вамъ его тогда только, если дадите обѣщаніе уступить мнѣ, вмѣсто добычи, плѣннаго Видбальда?» Съ шумною радостью приняли все предложеніе Облица; гремя мечами пошли они велѣть за нимъ по узкой лѣстницѣ. Дойдя до низу, Стефанъ остановился передъ стѣною, которая казалась глухою и преграждала путь; онъ сильно ударилъ въ нее и передъ нетерпѣливою толпою открылось темное отверстіе, изъ котораго пахнуло на нихъ сыростью. Ошунью слѣдовали они за Облицомъ; скоро глухой шумъ надъ головами показалъ имъ, что они идутъ подъ рѣкою; мало-по-малу дорога стала подниматься вверхъ, ступени крутой лѣстницы слышались подъ ногами и, по приказанію Облица идти въ совершенной тишинѣ, они догадались, что цѣль близка. Стефанъ пожалъ пружину, звонкую ему, и потолокъ надъ головами вонювъ открылся безъ шума; они вошли въ высокую готическую комнату, украшенную бархатомъ, позолотой и дорогой рѣзбой; тамъ, на роскошною ложѣ, покоился Видбальдъ; Облицъ подошелъ къ спящему; Видбальдъ фонъ Бреймъ, проснись! Твой должникъ пришелъ отдать тебѣ долгъ! сказалъ онъ громовымъ голосомъ... Нужно говорить все, что употребилъ подлый, безумный злодѣй, чтобы умолить своего врага? «Что мнѣ твоя жизнь! благородный мечъ мой оксвернулся бы твоею кровью! Я хочу только сдѣлать поминки Гедвигѣ. Vedi меня въ ея комнату.» Видбальдъ молча повиновался; тамъ Облицъ велѣлъ сдѣлать въ стѣлѣ цѣнь поставилъ въ ней бархатный стулъ, позолоченный столъ и на немъ кусокъ хлѣба и кружку воды. Одѣвъ Видбальда въ полный рыцарскій парадъ, онъ посадилъ его на бархатный стулъ и велѣлъ задышать стѣну.

Испытаніе Дитриха жрецами.

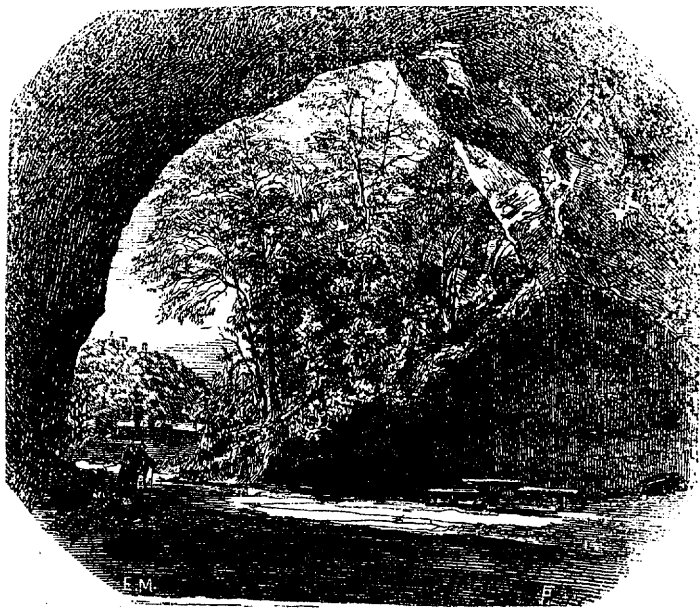
Напрасно умолялъ Видбальдъ, напрасно рывался онъ выйти изъ тѣсной ниши: «Помни Гедвигу, сказала Облицъ прежде чѣмъ заложилъ послѣдніе камни; умирай, злодѣй

которомъ была оловяная кружка; преданіе говоритъ еще, что не уснувшая тѣль Гедвиги каждую полночь выходитъ изъ могилы, спускается съ Трейденской горы въ долину

и идетъ въ пещеру, гдѣ напрасно ищетъ пожа, чтобы отрѣзать свою длинную косу. Она не успокоится, пока не отпадетъ эта коса, вина ея несчастій, на которой лежитъ проклятіе отца и мужа — и столбѣе проходить, а коса растетъ въ землѣ, а не отпадетъ.

Нѣкоторые факты этой легенды, относящіеся къ исторіи, совершенно справедливы, и если преданіе перемѣшало кое-гдѣ годы, то надо вспомнить, что это рассказы людей, не заглядывающихъ въ карты и лѣтописи! Какъ бы то ни было, я старалась передать этотъ рассказъ во всей его простотѣ, не исправляя маленькихъ погрѣшностей, которыя могутъ найтись противъ исторіи.

Таково преданіе. Остатки двухъ грозныхъ замковъ стоятъ еще на противоположныхъ берегахъ Ла; подземные ходы заложены, но узкіе переходы въ стѣнахъ существуютъ; еще можно пройти ими къ готическому окну и смотрѣть изъ него на всю окрестность. Развалины Зегевольда живописнѣе Трейденскихъ, которыя обросли кругомъ густымъ лѣсомъ; но мѣстоположеніе обонхъ замковъ одинаково прекрасно: трудно повѣрить что это были притоны злодѣевъ. Только большой красивый крестъ на восточной стѣнѣ Зегевольда

Пещера добраго человека.

меденной смертью, какъ заставилъ умирать ее! умирай безъ покаянія, какъ оставилъ ее безъ погребенія.»

Облицъ былъ благороденъ и этотъ поступокъ можетъ показаться невѣроятнымъ; но если вспомнимъ нравы и понятія того времени, если вспомнимъ, что мечь почиталась долгомъ, а подобныя наказанія были часты и не почитались злодѣйствомъ, то не удивимся, что Облицъ, увлеченный духомъ времени, ненавистью, несчастными воспоминаніями, видѣлъ въ своемъ поступкѣ только справедливую кару виновнаго. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, разбирая стѣну замка, которая разрушалась, точно нашли рыцаря во всемъ вооруженіи на стулѣ передъ столомъ, на

Замокъ Зегевольда.

сохранился, как кровавое, пензгладкое пятно. Пещера Доброго человека машит прохладой в жаркій день, свѣтлая «Аа» течетъ также быстро, какъ прежде; на берегахъ ея раскинулись поля и пастбища, веселая пѣсня Латыша песется по долинамъ, надъ которой широкими кругами вьется ястребъ и дикая утка съ крикомъ порхаетъ въ прибрежныхъ кустахъ.

В. А. . . .

раторскимъ Величествомъ и Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 2), — весьма много измѣнился, поднялись многіе капитальныя строения. До того же времени, возникшее изъ предположеній, бывшаго наказнаго атамана, генерала отъ кавалеріи Д. Е. Кутейникова, опасеніе жителей, что городъ переведутъ въ Аксайскую станцію, отпугнуло охоту предпринимать значительныя постройки, и огромная площадь, занимаемая городомъ, въ 3½ кв. верстъ, представляла, въ самыхъ выгодныхъ и даже главныхъ мѣстахъ, многіе пустыри. Во время пребыванія въ Новочеркаскѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: городу оставаться на своихъ мѣстахъ, и царское слово дало ему жизнь: дома,

присутственныхъ мѣстъ и соборный храмъ, коему основаніе положено при самомъ началѣ города 18 мая 1805 года, въ день Вознесенія Господня.

Первая мысль о переселеніи города принадлежить покойному графу М. И. Платову: онъ любилъ ее, какъ любимую плесю, и хотѣлъ, чтобы соборный храмъ въ новомъ городѣ Донскаго Войска, былъ достойнымъ памятникомъ его времени и цѣлаго края; Казанскій соборъ въ С. Петербургѣ былъ ему идеаломъ. Графъ обратился съ предположеніемъ своимъ къ одному изъ знаменитѣйшихъ тогдашняго времени зодчихъ, къ придворному архитектору дѣйствительному статскому совѣтнику А. И. Руско, который, по просьбѣ Матвѣя Ивановича, проэктировалъ планъ нашего собо-

Соборный храмъ въ г. Новочеркаскѣ.

СОБОРНЫЙ ХРАМЪ

въ г. новочеркаскѣ.

Новочеркаскѣ 1), послѣ посвященія, конемъ удостоенъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, Его Импе-

1) По чрезвычайному стѣпенію строеній въ Старомъ Черкаскѣ, и по случаю ежегоднаго затопленія полою водою, отъ разлитія р. Дона, главный городъ Войска-Донскаго, по представленію бывшаго атамана графа М. И. Платова, переведенъ на нынѣшнее мѣсто, которое называлось «Бирючий Куть» въ 1805 году. Основаніе новаго города, въ маѣ мѣсяцѣ, было торжественно, и праздновали это событіе, какъ народный праздникъ. Онъ начался освященіемъ мѣста нарочно для сего случая прибывшимъ изъ Воронежа Арсениемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ, конемъ тогда же заложены: соборъ, домъ войсковой канцеляріи, гимназія и др. зданія. — Праздникъ окончился общими увеселеніями, между коими была здѣсь замѣчательная скачка, въ которую пушено 90 лошадей на дистанцію болѣе 25 верстъ. —

большую часть каменные, растутъ ежегодно въ числѣ значительномъ 3).

Между новыми зданіями особенное заслуживаетъ вниманіе огромный въ три этажа корпусъ

2) Это достопамятное, радостное для Донцевъ событіе историческимъ событіемъ: врученіемъ въ войсковомъ кругу, на соборной площади, Государемъ Императоромъ Наслѣдникъ Цесаревичу перначу, главнаго знака атаманскаго достоинства. При семъ случаѣ Его Величество изволилъ произнести слѣдующія незабытныя слова: «Донцы! Назначивъ любезнѣйшаго сына Моего атаманомъ, Я даю вамъ драгоцѣннѣйшій залогъ Моего благоволенія... Да послужитъ это доказательствомъ, какъ вы близки Моему сердцу. Когда жъ оны Меня замѣнятъ, служите ему такъ же вѣрно, какъ вы служили предкамъ Моимъ мѣ, а оны васъ не оставятъ.»

3) Вѣрнѣею вѣрою увеличенія построекъ служило умноженіе кирпичныхъ заводовъ, конехъ въ 1837 году было 6, а нынѣ 24. —

ра, и производителемъ работъ назначенъ его молодой братъ, Геронимъ Платовичъ Руско. Началась постройка, и, поль его вѣдѣніемъ и надзоромъ, продолжалась до 1817 года; строеніе собора доведено было до перекриши или черемычекъ главныхъ оконъ. Мѣсто его въ 1819 году заслужилъ г. Амвросіевъ (бывшій прежде Воронежскимъ губернскимъ архитекторомъ), при комъ, до 1822 года, по наружности, дойдено до колонныхъ капителей, а по внутренности до главныхъ пяти арокъ и сводовъ; но тогда открылась трещина въ южной стѣнѣ и работы были остановлены. —

По этому обстоятельству возникла переписка, и по протеченіи значительнаго времени, распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, присланъ былъ въ 1850 году архитекторъ Колодинъ для освидѣтельствованія поврежденія. По его мнѣнію, нужно было ломать все строеніе до фундамента, что могло стоить Войску до 900,000 руб., не включая сюда весь каменный матеріалъ, изготовленный и доставленный на мѣсто рабочими

полкомъ. Несогласіе съ мнѣніемъ Колонна войскаго архитектора г. Омнина, который доказывалъ противное, продолжало сие перепишное до прибытія въ Новочеркасскъ Государя Императора, какъ сказано выше, въ 1837 году. Его Величество соизволило лично обзрѣть строящийся соборъ и разрѣшить достройку здания, не снимая оного до фундамента. — Для подробнѣшаго осмотра поврежденія, по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ инженеръ-полковникъ Делювъ, который инопдтвердилъ мнѣніе г. Омнина. — Затѣмъ составлены были детальныя чертежи на достройку, и Высочайше одобрены нѣкоторые измѣненія въ наружномъ видѣ храма и его украшенія, болѣе соответственныя вкусу настоящаго времени. —

17 февраля прошлаго 1844 года, Высочайше утверждено: « Положеніе о комисіи для достройки соборнаго храма въ Новочеркасскѣ 4). Она начала дѣйствіе свое тогда же, 27 апреля, молбствіемъ на западномъ порталѣ храма, которое совершенно было высокоосвященнымъ Игуаіемъ, архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ, пропущеннымъ при этомъ случаѣ слово, проникнутое свойственнымъ ему красноречіемъ и теплотою чувствъ 5). Бывши очевидцемъ этого событія, не могу не сказать здѣсь объ общемъ радостномъ чувствѣ Донцевъ, по случаю возобновленія соборнаго храма; видно: утро было прекрасное, свѣтлое, огромная площадь наполнена была народомъ; и не смотря на нѣсколько тысячъ лицъ обоего пола, торжественная тишина господствовала на всемъ пространствѣ; все молчало и только въ весеннемъ, благодатномъ воздухѣ раздавались: пѣніе хора, молитвы духовенства и, наконецъ, краснорѣчивое слово любезнаго Долца въ архіастира. . .

Занятія комисіи идутъ весьма дѣлительно и работы киваютъ, безъ всякаго преувеличенія этого выраженія. Число рабочихъ, болѣе тысячи человекъ, заняты ежедневно, кромѣ средствъ войсковыхъ или рабочаго полка, который занимается пригоровленіемъ и доставкою камня. По сѣмному печисленію для докончанія соборнаго храма опредѣлено: каменщиковъ, кузнецовъ, чернорабочихъ, плотниковъ, кровельщиковъ, столяровъ и проч. 468,240 человекъ.

Наружность здания, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ рисунка, будетъ прекрасная и величественная; всѣ части гармонизируютъ между собою (6), и съ украшеніями дадутъ храму стиль Римской архитектуры. Длина здания отъ лѣвой вѣнши стѣны 25 саж., и 2 аршин., а съ порталомъ 52 саж., и 8 вершковъ; ширина 18 саж., и съ порталомъ 31 саж.; вышина отъ горизонта земли дояблока креста — 27 саж., 2 арш., а съ яблокомъ и крестомъ — 50 саж., 1 арш. На каждомъ порталѣ по 6 колоннъ, вышиною въ 6½ саж. и въ діаметрѣ 2 арш.; около алтарнаго вѣстуга 6-ть трехчетвертныхъ колоннъ, а въ діаметрѣ наружныхъ съ угловымъ 18. Всѣ колонны и пиластры коринтскаго ордена, у коихъ капители будутъ чугунныя, золоченыя по голыфарбѣ (вышина капителей 2 арш., 7 вершковъ) — Вокругъ главнаго трибуна, кою діаметръ снаружи 9½ саж., 12 трехчетвертныхъ колоннъ, вышиною по 11 арш., а вокругъ малыхъ куполовъ, ко-

ихъ діаметръ по 5 саж., по 8 колоннъ, вышиною въ 8 арш. И здѣсь всѣ колонны коринтскаго ордена и буталовъ. Окна храма имѣютъ въ вышину 10, а въ ширину 4 арш., двери 8½ и 4, окна въ трибунѣ — 3½ и 3¼, въ малыхъ куполахъ 6 и 2¼ арш.

Для цоколя употребленъ дикій камень, такъ называемый поцѣлуескій (7); для колоннъ, главныхъ наружныхъ карнизовъ, наличниковъ оконныхъ, дверныхъ и сандриковъ, такъ же на ступеньки у порталовъ и половъ вообще дикій камень, пменуемый кацѣтвенскимъ (8); всѣ же прочія части сооружаются изъ камня грушевскаго (9), кромѣ сводовъ внутреннихъ, кои изъ кирпича съ прокладкою плитъ этого же камня, изъ коихъ устроены всѣ арки и парусные своды. Полъ всѣмъ зданіемъ находится подвала (гдѣ будутъ устроены пневматическія печи для нагрѣванія храма зимою); они имѣютъ въ свѣту вышины 5 и опущены въ землю на 5 арш., Глубина фундамента отъ горизонта земли на 8 арш. изъ коихъ на 5 забучено всплошъ полъ известку камнемъ (для прочности зданія), исключая девяти колодезь, оставленныхъ для стока воды во время постройки.

На всемъ соборѣ устроены будутъ стропила желѣзныя и зданіе покроется красною мѣдью. Всѣ купола вызолотятъ по голыфарбе, а кресты съ шарами и крыши на фонаряхъ черезъ огонь, стѣнки фонарей, тоже черезъ огонь, будутъ посеребренны. На позолоту назначено, по счѣтѣ, до 24 тысячи руб. серебромъ.

Внутреннія коринтскаго ордена колонны и пиластры, такъ же части стѣнъ будутъ одѣты фальшивымъ мраморомъ; лѣвныя украшенія зазолотятся, и значительная часть ихъ со сводами, вмѣсто албастровыхъ, будутъ изъ бумажной массы (papier mâché). Оконные переплеты устроятся изъ дубоваго, а дѣрныя полотна съ тамбурами изъ ясеневаго дерева; всѣ они украсятся бронзою, а наружныя дверныя полотна закроются ею всплошъ, съ барельефами священныхъ изображеній.

Ограды вокругъ храма не предположено, а вмѣсто оной поставятся на шедесталахъ отбитыя Доцнами у Французовъ и пожалованныя Войску пушки, числомъ десять.

Всѣ работы будутъ исполнены въ чернѣ въ 1847, а внутренняя выдѣлка въ 1849 году. На окончаніе зданія счѣткою опредѣлено 604,060 р. 28 к. сереб. Преніе расходы можно полагать не менѣе 2-хъ милліоновъ руб. ассигнов.

Иконостаъ проекированыя пзынныя, въ новомъ вкусѣ, и внутреннія живописи будутъ соответствовать красотѣ и величію наружности зданія. Нѣкоторые образы, вѣроятно, напишутся нашими знаменитыми художниками. Утварь церковная и теперь уже богатѣйшая и многочисленная (10). Кромѣ всего этого, здѣсь, въ самомъ храмѣ, помѣстятся военныя регалии, по-

добно какъ трофеи побѣдоносной арміи Русской — въ Петропавловскомъ, Преображенскомъ и Казанскомъ соборахъ, въ С. Петербургѣ, и въ Алексѣевскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

И такъ соборный храмъ, воздвигаемый въ Новочеркасскѣ, будетъ не токмо особеннымъ по красотѣ и созданію своему, но и достопримѣчательнымъ, историческимъ, по тѣмъ сокровищамъ, какія помѣстятся въ немъ. Это будетъ Новый Иерусалимъ Донцевъ, куда долженъ каждый изъ насъ прійти, какъ къ памятнику всего для насъ драгоцѣннаго, соединяющему въ себѣ: религиозныя чувства края, благодатныя царствованія двухъ великихъ монарховъ, и славу, добытую кровью и преданностью къ престолу и отечеству.

Александръ Поповъ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАНИЯМЪ.

О болѣзни скота. — О ползѣ воробьевъ. — Грета-Гринь. — Кладъ. — Охота за носорогомъ.

—

О болѣзни скота. Французскіе журналы распространяли нововду ужаса предсказаніями о страшной повальной болѣзни скота; но скотоводы успокоились, узнавъ, что эта, въ самомъ дѣлѣ, страшная болѣзнь, развивающаяся на быкахъ, въ болотистыхъ степяхъ южной Россіи и занесенная оттуда въ Германію, была съ успехомъ и быстро прекращена въ нѣкоторыхъ частяхъ Богеміи и Моравіи. Во всякомъ случаѣ, убитіемъ зараженнаго скота или отдаленіемъ его отъ здороваго, и карантинными мѣрами, можно остановить распространѣніе зла.

Сверхъ того, министерство внутреннихъ дѣлъ представило во Французское центральное общество сельскаго хозяйства премію въ 1500 франковъ, назначаемую тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе о заразительной болѣзни крупнаго скота.

—

О ползѣ воробьевъ. Каждое существо приноситъ какую либо пользу. Воробей, болѣе всѣхъ другихъ птицъ подверженъ гошею, какъ племей птичьаго рода; распчато, что воробей съѣдаетъ въ годъ полчетверика ржи; что во Франціи 10 милліоновъ воробьевъ, съѣдающихъ, следовательно, 5 милліоновъ четвериковъ ржи въ годъ, или 625,000 гектолитровъ, что — по 15 франковъ за гектолитръ, — составляетъ сумму въ 9 милліоновъ, 375 франковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ рассчитано, что воробей истребляетъ до 3,360 зернообразныхъ насекомыхъ въ недѣлю. Следовательно, нельзя рѣшить болѣе ли вреденъ или полезенъ воробей.

Извѣстный фактъ долженъ, однако жъ, рѣшить вопросъ въ пользу воробьевъ. Въ Цальцѣ, гдѣ земледѣльцы весьма жаловались на опустошенія, причиняемыя воробьями, за каждую голову убитаго воробья была положена награда. Но что же воспослѣдовало? Наскомья до того размножились и причинили столько же вреда, что скоро за первыя рѣшеніемъ посажденоо другое, по которому назначали премію за ввозъ тѣхъ самыхъ птицъ, которыхъ незадолго передъ тѣмъ преслѣдовали какъ враговъ и которые, въ сущности, не что иное, какъ нѣсколько дорого стоющіе помощники и дѣлательные, почти незамѣнимые слуги.

—

Грета-Гринь. Въ послѣднемъ номерѣ Иллюстраціи мыговорили о бракѣ ледя Адела Вильерсъ съ капитаномъ Иббсономъ въ Грета-Гринь. Ивѣстныя поъ нашихъ читателей, незнакомыя съ привилегіей кузнецовъ, требовали отъ насъ поспешной. Съ удовольствіемъ снѣшимъ удовлетворить этому требованію:

4) Комиссія состоитъ подъ предѣлательствомъ пачалышника штаба, съ подчиненіемъ наказному атаману. Члены оной: войсковой депутатъ, войсковой прокуроръ, архитекторъ, предѣлатель войсковаго коммерческаго суда, два почетные члена доискаго торговаго общества и членъ съ стороны духовной, по назначенію мѣстнаго епархіальнаго архіерея.

5) Оно помѣщено въ Рѣчахъ христоролюбивому Воиству Донскому. «Санктпетербургъ», 1845 года, стран. 57 и слѣд.

6) Наибольшая часть измѣненій противу прежняго плана и модели — проектированыя предѣлатель комисіи генералъ-лейтенантомъ М. Г. Хомутовымъ. Нельзя не сказать здѣсь, что они изображены съ большимъ вкусомъ и много возвысили красоту зданія, какъ въ общности, такъ и въ частяхъ его.

1) Крупно-зернистый песчаникъ, добываемый въ юрту Кацѣтвенской Станицы въ горѣ Поцѣлуевой, въ 12 верстахъ потеченію Дона ниже Станицы.

8) Это превосходный мелко-зернистый песчаникъ, въ родѣ гранита; цвѣтомъ болѣе светло-серой; по еств и съ красноватыми прожилками, на подобіе мрамора; въ отдѣлкѣ весьма красивъ. Добывается въ 3-хъ верстахъ отъ Кацѣтвенской станицы, не въ далека отъ леваго берега Дона, въ горѣ Соколовой.

9) Изъ роду извѣстныхъ камней; имѣетъ замѣчательную плотность и крѣпость; цвѣтъ его свѣтложелтоватый. Также въ отдѣлкѣ красивъ и весьма чистъ. По этому самому предположено не штукатурить наружныя стѣны: это даетъ храму особенный видъ и болѣе величія. Грушевскій камень добывается въ 7-ми верстахъ отъ Новочеркасска въ горѣ, при подножій коей поселена Грушевскія Станица; отъ ней получалъ онъ свое названіе.

10) Неговорю о многихъ драгоцѣнныхъ сосудахъ, крестахъ, Евангеліяхъ, нельзя не упомянуть о замѣчательной дарохранительницѣ изъ лятаго серебра въ-сомъ болѣе пуда съ золотыми украшениями и камнями въ ирландскихъ мѣстахъ, сълѣзанной въ 1823 г. въ Петербургѣ по заказу бывшаго атамана генералъ-лейтенанта А. В. Илгачевскаго.

Гретна-Гринь, где обыкновенно пропекаются развлекатели похищений, находится в Дунфрийском графстве, близ устья реки Эскъ, в девяти милях на северо-востоке от Кармля. Там влюбленные могут быть обвинены без всяких предварительных церемоний, рыбаком или кузнецом. Цѣна за эту услугу бывает от двух гиней до рюмки водки. В цѣнѣ обыкновенно условливаются съ кармьскими почталюнами или ямщиками, состоящими на жалованьи у бракосотетелей, а в экстренных случаях, и самые ямщики могут заключить брак.

Тщетно шотландское духовенство употребляет все усилія, чтобы воспрепятствовать этим бракам. Гретна-гринские священники мало заботятся об этих усиліяхъ.

Первый, взявший на себя эту обязанность, был некто Скоттъ, жившій въ Рингѣ, в нѣскольких миляхъ от селенія, — въ 1750 году. Преминика его был Джоржъ Гордонъ, старый солдатъ, и знаменитый Джозефъ Пэлли, назвавшій себя кузнецомъ, намекая этимъ на работу Вулкана. Онъ часто получалъ за бракосочетаніе до 200 гиней. Лордъ Уестморлендъ, лордъ Дурхерстъ и многие другіе щедро вознаграждали его. Къ сожалѣнію, эти священники, которые могли бы очень разбогатѣть, придерживаются бугиолочки.

Послѣ смерти Пэлли, въ Гретна-Гринѣ явилось нѣсколько претендентовъ на его мѣсто и теперь даже, тамъ двое или болѣе такихъ бракосотетелей.

Кладъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, бывшій столяръ вступилъ привратникомъ въ одинъ изъ древнѣйшихъ парижскихъ домовъ, принадлежавшихъ къ Свѣт-Северенскому монастырю.

Этотъ человѣкъ былъ почти нищій; у него давно уже не было никакой работы. Домовый хозяинъ, взявшій его съ собою въ услуженіе, сжался надъ его бѣдственнымъ положеніемъ.

— Такъ какъ ты столяръ, сказалъ онъ ему, то я дамъ тебѣ исправить старую деревянную обивку стѣнъ въ двухъ комнатахъ нижняго этажа; у тебя есть инструменты; я самъ куплю дерево, и ты будешь работать, а жена твоя будетъ исправлять твою должность. По шѣрѣ того, какъ ты будешь исполнять работы, я буду платить тебѣ.

Дворникъ принялся за работу; въ первые дни онъ срывалъ полуогнившую обивку и работалъ съ рѣдкимъ прилежаніемъ. Но другіе онъ сталъ лѣпить и хотя хозяинъ не далъ ему еще ни оного су, онъ сталъ тратить много денегъ. Во-первыхъ, онъ купилъ новое платье себѣ и всей своей семьѣ; старые серебряные часы свои заменялъ золотыми, и поднималъ встрѣчныхъ и поперечныхъ въ трактирахъ, которые онъ сталъ пощщать.

Сосѣди терялись въ догадкахъ, не понимая причинъ столь внезапной перемены, происшедшей въ жизни бѣдняка.

— Не получилъ ли ты наслѣдства? спросилъ его одинъ изъ друзей, славно угощенный имъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ привратникъ, не получалъ и не получу никогда наслѣдства, хотя у меня богатые родственники; но нынче у родственниковъ нѣтъ никакого состраданія... и даже стѣны добры ихъ!

— Что ты говоришь!

— Ладно, нечего толковать! Будемъ пить — оставимъ политику!

Онъ продолжалъ пить и вскорѣ до того воспалился, что его не трудно было заставить проболтаться. Онъ сталъ хватать, что нашель 27,000 франковъ золотомъ, за одной изъ стѣнъ, который ему поручили исправить.

Слухъ объ этой находкѣ быстро распространился и дошелъ до хозяина дома, который сталъ требовать у привратника возвращенія сокровища. Привратникъ сталъ отпираться; но такъ какъ онъ не могъ объяснить, откуда досталъ деньги, которая тратилъ въ послѣднее время, то онъ выдумалъ другую отговорку.

— Правда, сказалъ онъ, я нашель кладъ, но не у васъ. Мнѣ дали чинить старую мебель, и въ секретномъ ящикѣ я нашель нѣсколько свертковъ лундоровъ; я нашель ихъ, следовательно, они принадлежать мнѣ.

— Несчастный! вскричалъ хозяинъ, ты не только не оправдываешься, но еще увеличиваешь свою вину, обвиняя себя въ преступленіи! Если бы ты нашель кладъ у меня, то, по закону, тебѣ принадлежитъ половина; но ты не имѣешь рѣшительно никакого права на деньги, найденныя въ мебели, которую ты долженъ былъ возвратить въ томъ же видѣ, въ какомъ получилъ. Западлъ ямъ, ты слѣлалъ преступленіе, равное покражѣ!

Привратникъ испугался; онъ предложилъ хозяину подѣлиться, утѣряя сперва, что нашель только 4,000 франковъ, потомъ 10,000 и наконецъ 12,000. Остановившись на послѣдней суммѣ, онъ отдалъ половину ея хозяину.

Но въ послѣдствіи послѣдній узналъ почти навѣрное, что найденная сумма была гораздо значительнѣе и готовился уже затѣять процессъ, когда явился новый хозяинъ деньгамъ.

То былъ старикъ, находившійся въ Бисетрской богадѣльнѣ. Этотъ человѣкъ ясно доказалъ, что старшій братъ его, священникъ одной изъ парижскихъ церквей, жилъ во время революціи въ квартирѣ, въ которой было найдено сокровище; что этотъ священникъ, обративъ въ началѣ 1795 года все свое имущество въ наличныя деньги, готовился уже удалиться за границу, когда былъ арестованъ, какъ человѣкъ подозрительный, и казненъ республиканцами 2 сентября того же года.

Процессъ завязался. Объ окончаніи его сообщимъ въ свое время.

Охота за носорогомъ. Странная охота за носорогомъ происходила недавно въ провинціи Уэльсъ, на западномъ берегу Малаккаго полуострова. Животное было замѣчено въ пѣнин Джави, на равнинѣ, заросшей кустарникомъ. Двѣсти человѣкъ Малайцевъ и Китайцевъ, вооруженныхъ заступами, дубинами и камешками, немедленно окружили равнину. Владѣтель пѣнин, вооруженный ружьемъ, выступилъ въпередъ и сталъ стрѣлять въ носорога всякій разъ, когда тотъ показывался изъ кустарника.

Наконецъ животное съ отчаянною рѣшимостью бросилось впередъ, чтобы вырваться изъ страшнаго круга; но лишь только оно вышло изъ кустарника, какъ одинъ изъ Китайцевъ ударилъ его заступомъ по затылку. Носорогъ обратился въ бѣгство, но нѣсколько выстрѣловъ повалили его наконецъ за-мертво.

Охотники немедленно наскочили на него и, давъ опомниться, отрубали ему голову, которую поднесли въ подарокъ хозяину пѣнинъ.

По окончаніи этой церемоніи, Китайцы бросились на тѣло животного, стали пить струящуюся кровь его и вымазали себѣ ею все тѣло. Когда кровь перестала течь, животное разрѣзали на куски, отдавали мясо отъ костей и стали жевать сырое, съ большимъ аппетитомъ.

Китайцы воображаютъ, что кровь и мясо тигровъ и носороговъ обладаютъ скрытой силой, сообщающей нѣкоторые качества тѣмъ, которые питаются ими.

ИЗОБРЕТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Воздухоочистительный приборъ. — Дыхательныя трубки.

Въ мѣстахъ многолюднаго помѣщенія, провѣтриваніе необходимо и производится помощію отверстія дверей, оконъ, форточекъ, отдушинокъ, особыхъ трубъ, хорошо-устроенныхъ печей, и т. п.; въ рудникахъ и копяхъ, помощію пробоевъ, буровыхъ скважинъ, отверстій въ шахтахъ и особыхъ воздухоочистительныхъ приборовъ. Чѣмъ больше можетъ портиться внутренней воздухъ, тѣмъ тщательнѣе должно быть провѣтриваніе.

Въ рудникахъ и копяхъ, для удаленія дуроты, употребляется особый приборъ, изобрѣтенный генераломъ Саблуковимъ и весьма похожій на приборъ Джона Диззельера. Приборъ этотъ состоитъ изъ круглаго жестянаго ящика, въ которомъ обращаются взадъ и впередъ четыре крыла. Ящикъ этотъ имѣетъ два отверстия, соединяющіяся посредствомъ трубъ — одно съ испорченнымъ воздухомъ, другое съ наружною атмосферю. При дѣйствіи прибора, испорченный воздухъ привлекается сперва въ ящикъ, потомъ выгоняется наружу.

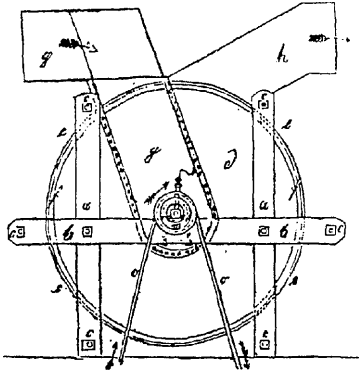
Вотъ описаніе прибора :

Фигура 1-я представляетъ приборъ съ боку; фиг. 2-я вертикальный разрѣзъ поперекъ оси; фиг. 3-я видъ съ короткой стороны, фиг. 4-я разрѣзъ по длинѣ оси. Части этого прибора: а, деревянные стойки или ножки; б, поперечники; с, желѣзные вилы для скрѣпленія ножекъ и поперечниковъ прибора; d, бока или стѣны оболочки изъ толстаго листового желѣза; e, окружная часть оболочки изъ тонкаго листового желѣза; f, деревянный ободокъ, къ коему привинчены оболочки и бока; g, воздухопроводная или тягущая труба, раздѣленная на две и приволашая воздухъ съ обихъ сторонъ стѣнокъ прибора къ центру; h, воздушно-выводная труба, соединенная съ оболочкою прибора: чрезъ нее вытѣсняется воздухъ; i, ось съ четырьмя радиусами или ручками k, и прикрепленнымъ къ нимъ крыльями l. На концѣ этой оси мѣдный шпатель m, который приводитъ въ быстрое вращательное движеніе помощію веревки n, соединенной съ маховымъ колесомъ; o, подшипники или лодыжка, въ концѣ вертится ось прибора; p, отверстие, соединяющіе трубу g съ центромъ прибора. Если хотять изъ рудника вытѣнуть испорченный воздухъ, то приборъ устанавливается на поверхности земли, или въ рудникѣ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ воздухъ свежъ. Трубу g соединяютъ съ трубою, окончивающеюся въ пространствѣ, наполненномъ испорченнымъ воздухомъ, который и долженъ течь по трубѣ въ приборъ. Ось a вытѣснѣтъ тѣмъ и крыльями l, приводитъ въ быстрое движеніе. Тогда, дѣйствіемъ центробѣжной силы, воздухъ въ приборѣ находящійся вытѣсняется воль по трубѣ h, въ центрѣ же прибора воздухъ разрѣжается, почему точнѣе и замѣчается испорченнымъ воздухомъ, притекающимъ по трубѣ g, который опять, въ свою очередь, выгоняется крыльями изъ прибора. Такимъ образомъ, при обращеніи крыльевъ, базиривно воздухъ испорченный протекаетъ въ приборъ и вытѣсняется изъ него.

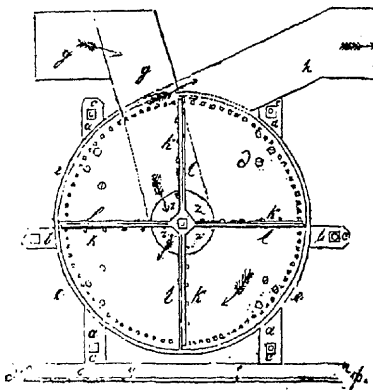
Дыхательныя трубки, употребляемыя обыкновенно въ рудникахъ и копяхъ, состоятъ изъ длинной кожаной книжки, которой одинъ конецъ прикрѣпленъ посредствомъ маски, къ носу или рту, а другой выводится, или въ подвижной приемникъ, наполняемый воздухомъ, или наружу. Трубки эти полезны не только при подземныхъ работахъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно провѣнчать въ мѣста, наполненные удушливыми газами, для подаенія скорой помощи людямъ, находившимся уже въ обморочѣ.

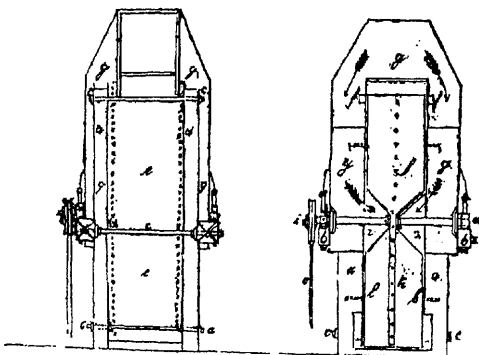
Кронъ дыхательныхъ трубокъ, съ подобною цѣлю, употребляется болѣе простое, но также полезное средство именно : подвязываютъ ко рту

и носу холщевыя мѣшочки (подушки), наполненныя смѣсью изъ равныхъ частей сухой чашенной извести и стронціевой соды; смѣсь эта всасы-

ваетъ удушьявые часы съ такою жадностію, что дыша сквозь нее, можно безъ всякаго опасенія и довольно долго пребыть въ самой убійственной атмосферѣ;

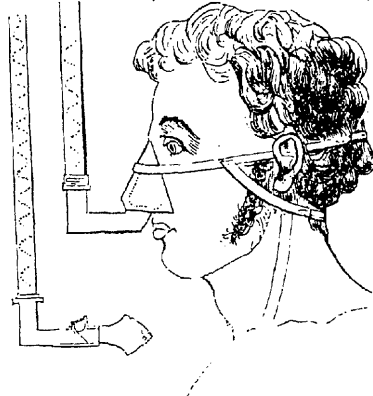

Какъ въ подобныхъ пространствахъ, гаснуть свѣчи, лампы, факелы, то, для освѣщенія предместовъ полезно дѣлать особыя свѣтильни, называемыя Бертолетовою солью т. е. хлороватокислымъ камнемъ.

Свѣтильни эти горятъ не только во всякомъ удушьявомъ воздухѣ, но даже, нѣкоторое время, въ самой водѣ, и зажигаются однимъ сильнымъ выдергиваніемъ изъ ящикова, въ которые вправляются. Толщиною въ куриное перо, и аршина въ четыре длиною, свѣтильни эти горятъ до трехъ минутъ и болѣе.

Вотъ описаніе дыхательныхъ трубокъ :

Фигура 1. Маска (искусственный носъ), поддерживаемая тесьмою, и прилѣпанная къ дыхательной трубкѣ.

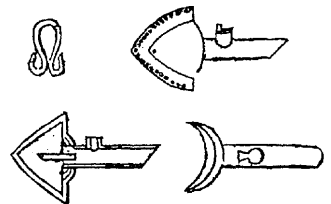
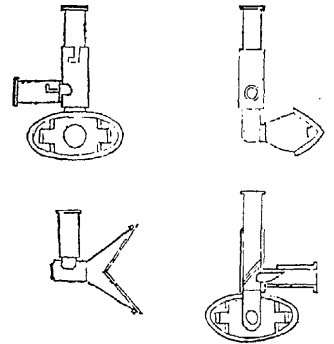
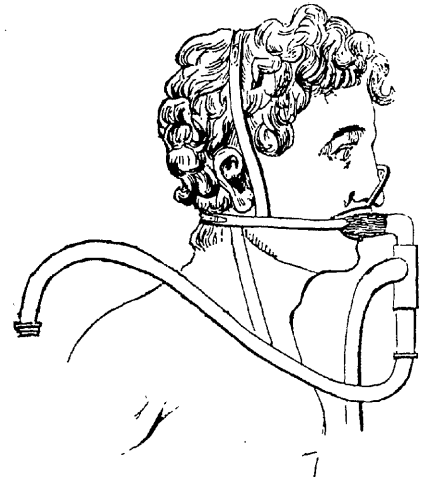
Фиг. 2 и 3. Мундштукъ или наустникъ, соединенный съ небольшою клапанною трубкою, и изображенный въ планѣ съ боку.

Фиг. 4. Разрѣзъ того же мундштука; по нему коему прилѣпана трубочка въ видѣ птичьяго клэва, вставляемаго въ ротъ и сжимаемая плотно губами.

Фиг. 5. Мундштукъ, съ клапанами и съ двумя гибкими трубками для вдыханія и выдыханія воздуха.

Фиг. 6. а) Планъ этого мундштука съ верха; б) наружный видъ мундштука и разрѣзъ клапанной трубки; в) внутренний видъ мундштука и д) боковой видъ мундштука.

Фиг. 7. Пружинка, сжимающая носъ и препятствующая дыханію чрезъ ноздри.

Фиг. 8. Мундштукъ снабженный двумя клапанами на шарнирахъ, и длинною гибкою трубкою, бывающею всегда отверстою на свободномъ воздухѣ.

П. Шюль.

БИБЛИОГРАФІЯ.

12) Voyage Scientifique (и проч.) Ученое путешествие на Восточный Аляку и из страны, прилежащей къ Китайской границѣ, совершено повелѣніемъ Его Величества Императора Всероссийскаго, Петромъ Чихачевымъ. Парижъ. 1845.

13) The Geology of Russia in Europe (и проч.) Геологія Европейской Россіи и Уральскихъ горъ, составл. Родрикомъ Мурчисономъ, Эд. де Вернейлемъ и графомъ А. Кайзерлингомъ. Два тома. Лондонъ и Парижъ 1845.

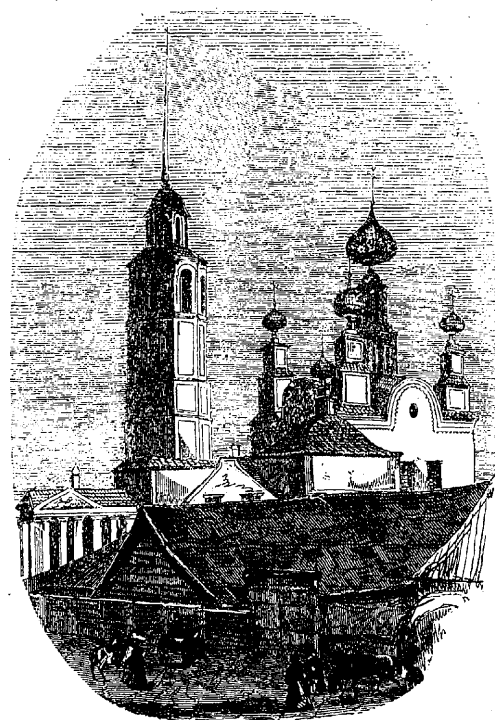
Мы уже упоминали, и не разъ, о прекрасномъ трудѣ П. А. Чихачева, возбуждавшемъ живѣйшее вниманіе въ ученномъ мѣрѣ. Объ этомъ сочиненіи, мы встрѣтили менѣе болѣе отчетливыя критическія статьи въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ: Comptes Rendus hebdomadaires des seances de l'Academie des Sciences, Journal des Debats, Augsburger Zeitung, Preussische Staatszeitung, la France, и Revue de deux Mondes. Въ послѣдней была помѣщена про-

только оны прошесть карантивъ французской академіи; съ тѣхъ поръ мы успѣли болѣе познакомиться съ превосходнымъ произведеніемъ нашего соотечественника, по признаемъ я, обширность и важность книги обрабааетъ это знаменство въ трудъ продолжительный, хотя и пріятный.

Иллюстрація не можетъ войти въ подробный ученый разборъ труда снціального, тѣмъ болѣе, что достоинства книги г. Чихачева въ этомъ отношеніи опредѣлены экспертами къ чести и славѣ автора и его Отечества; но каждый спроситъ, что же въ этой книгѣ такого, что она надѣлала столько шума въ Европѣ. Безъ всякаго сомнѣнія — новостъ предмета и увлекательное хотя и отчетливое изложенеіе.

П. А. Чихачевъ снѣмалъ застать Алтайскую природу при самомъ ея пробужденіи, и потому быстро проѣхалъ Европейскую Россію; но и этотъ быстрый переѣзд не пропалъ даромъ. Отъ наблюдательности путешественника и тутъ сохранилось нѣсколько замѣтлвыхъ замѣтокъ о Волгѣ, Казани, Вяткѣ, Перми, гдѣ уже почва пзвѣщаетъ свою одиобразную фзисіономію; городокъ Кунгуръ уже раскинутъ на живописномъ мѣстоположеніи; мнвованъ Екатеринбургъ, и другія мѣста западной Сибири г. Чихачевъ пріѣхалъ въ Бійскъ. Съ этого мунвта, такъ сказать, начинается ученое путешествие г. Чихачева; тутъ уже на каждой точкѣ оны дѣлаетъ геологическія, метеорологическія, пазеовтологическія указанія, не забывая и правотъ туземцевъ. Живописно разсказаны чудеса тамошней природы, теченіе Катунь, Куроты и другихъ источниковъ. Съ перереходомъ черезъ Катунь, мѣръ изувѣстаетъ, пзвѣстна живущія ицѣють рѣшительно Китайскія черты лица; кажется, что волшебствомъ попалъ путешественникъ въ Небесную Имперію. При всемъ томъ, это не Манджурца, не Китайцы, нѣтъ, тѣже Калмыки, но ихъ изытнна сама природа, которая здѣсь представляетъ также много живописныхъ видовъ и много опасностей; въ гравюрѣ будутъ понятнѣ трудности переѣзда въ одномъ мѣстѣ надъ потокомъ пзи, пожалуй, рѣкой: Чуи.

Эта рѣка обставлена великолѣпно-красными горами, по коницъ путешествие имѣетъ сходство съ восхожденіемъ на Везувій. Но не думайте, что въ этихъ заповѣднхъ мѣстахъ нѣтъ по все жителей. За р. Чуйею есть жилища, которыя называются Русскими избами; оны построены Бійскими купцами, которые тутъ производятъ мѣшовой торгъ съ Китайцами, находлмннлся недалеко отсюда на передовыхъ постахъ. Путешественникъ свѣдъ знакомство съ тамошними Зайсамн, угощаль ихъ красными суковомъ и водкой, но къ сожалѣнію въ ученотъ отношеніи Зайсамн не могли оказать г. Чихачеву никакой помощи; даже сообщить какія либо полезительныя извѣстія о источникахъ Чуи и Чулышана. Путешественникъ дообрался компанеу и споей путешевдной звѣздѣ, запасся всею нужнымъ для продолжительнаго путешествія и отправился въ невзвѣстную землю. Но Чулышману, Чульгѣ и Узуудуку, оны встрѣтилъ горы странныхъ формаций, которыя всѣ описаны съ подробностію, но страннѣе всего показались намъ песочные бугры на Узуудукѣ имѣющіе довольно правильныя влдѣ

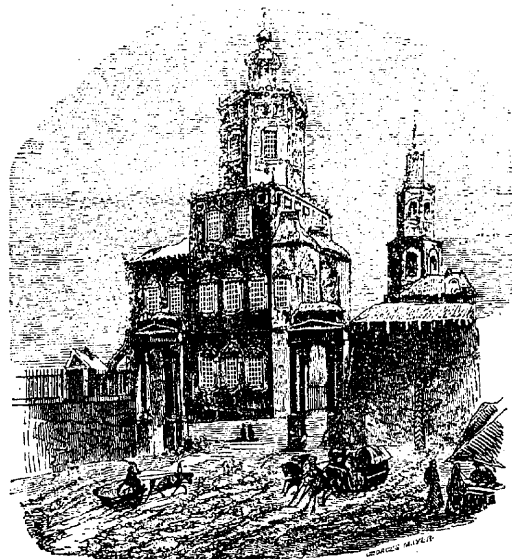
Соборный храмъ въ Кунгурѣ.

странная и весьма любопытная статья г. Катрѣжака. Не знаемъ, что писано объ этомъ путешествіи въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и у насъ; но вѣроятно ни одинъ, сколько пибудъ порядочный журналъ не оставилъ этого труда безъ вниманія. Мы уведомимъ о немъ, тотчасъ, какъ

копусовъ, покрытыхъ камешками шапкама. Любопытно было бы знать какими силами природы образовалось это странное явленіе, какъ удержались эти плиты на тобкихъ вершинахъ бугровъ; неужели должно полагать, что ихъ головы покрыла камилямъ человѣческая рука отъ ску-

ки, отъ нечего дѣлать?

Палась и Гмеліну въ посѣданіи Абаканскія воды, но держали путь по Енисею, и такимъ образомъ входилъ въ устьѣ Абакана; П. А. Чихачевъ рѣшился отыскать абаканскія чорности и безъ проводниковъ продолжалъ свой опасный путь. Съ помо-

Соборный храмъ въ Казани.

щю старика охотника, путешественникъ сошли въ долину Алаха, совершенно неизвѣстную для географовъ и геологовъ. Г. Чихачевъ, пробывъ въ долинѣ пять дней, имѣлъ время начертать орографическую сл карту и войти въ ученое разсмотрѣніе почвы. Въ долинѣ этой обитаетъ племя, которое въ Енисею, по близости отъ границъ нашихъ, извѣстно между Русскими подъ именемъ Союновъ или Саянцевъ. Конечно отъ этого имени и горы, неопредѣлительно означенныя на нашихъ картахъ, названы Саянскими горами. Тѣмъ Союновъ долины Алаха съ небольшою разностью тотъ же, что и тѣмъ вообще Алтайскихъ Калмыковъ. Союномъ Алаш-

Видъ на большію Улегомъ Б.

скіе раздѣляются на два рода; одни состоятъ подлѣ обнмашъ управленіемъ Небесной Шанерин, другіе принадлежатъ Байзану Ургійману, великому вазалу Китаю. Покореніе у Союновъ то же, что и у Калмыковъ, только съ большою примѣсью шаманства. Они знаютъ что въ свѣтѣ только и есть два народа: Китайцы и Русскіе, которыхъ оны называютъ Урусамн. Жители долины преимущественно занимаютъ разведеніемъ овецъ; лошади здѣсь весьма рѣдки, а телятъ, на чемъ бы выдумали? На быкахъ, которыхъ сѣлаютъ и влзудываютъ; но вмѣсто мундштука, употребляютъ кольцо, которое вдвѣсаетъ въ позднр животнаго. Быки алашскіе не велики, бѣгаютъ проворно, и довольно хорошо исполняютъ свою службу, но мало имѣтъ къ этой влдѣ большую снаровку.

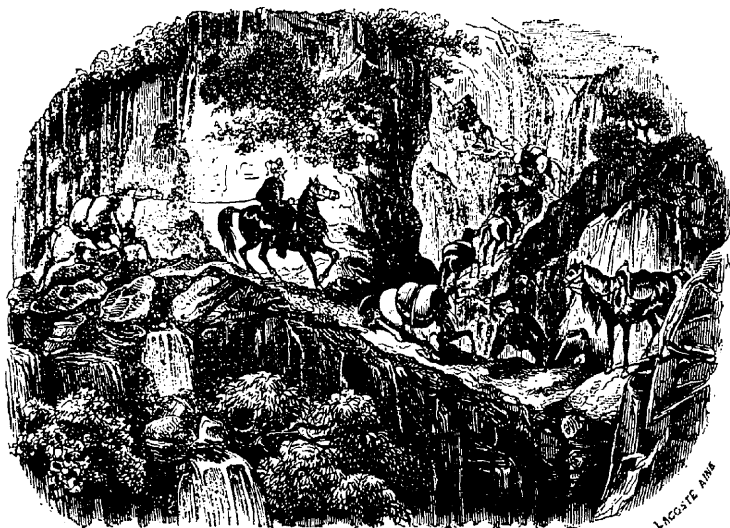
Два раза надо было перейти Саянскія горы и Китайскую границу, чтобы найти Абаканскія Ка-

запій форпостъ. Появленіе каравана въ 84 лошади и Русскихъ естественно произвело волненіе между Казакими, по гораздо болѣе удивленія и такъ сказать испуга оказалось между Алтайскими Калмыками, сопровождавшими г. Чихачева. Что это такое? Что за страсени? Ихъ удиврили, что наши избы неподвижныя юрты; это удовлетворило ихъ любопытство въ половецкую. Полагая, что всё одна — входы въ эти юрты, они полезли въ избы и обирались на юль. Не ловко, думали они, и повые предметы увлекли ихъ внимание. Они сдвинулись на столы и стулья, безъ различія. Больше всего занимали ихъ печи; они лезли въ печи, чтобы рассмотреть внутреннее устройство; воюку они очень хорошо понимали и поглощали, но свѣжій хлѣбъ возбуждал ихъ удивленіе; они ни какъ не хотѣли вѣрить, что сухари сдѣланы изъ хлѣба и мила его, что было слы.

Замѣчательно что, и путешественники отъ уптребленія мягкаго хлѣба чувствовали себя не со вѣтъ хорошо. Ихъ утѣшала возможность отдохнуть нѣсколько времени подъ человѣческимъ кровомъ; напротивъ того Калмыки не раздѣляли ихъ мнѣнія; тѣсно, душно; сначала

только что ирервался продолжительный, блестящій сонъ, въ которомъ имъ лежали тамъ, гдѣ рѣвому смертному удаюся быть, и то случайно. Судьбы Россіи ирривязаютъ гигантскіе образы; природа между Китаемъ и Россіей положила естественную границу; состороны Абакана и геоло-

гическому читателю превосходное твореніе; Россія для насъ сдѣлалась теперь болѣе, обширнѣе, потому что неизвѣстныя страны, гдѣ никто не бывалъ, которыя существовали въ наукѣ какъ мечты ученой догадливости, обратились въ существенность. Въ этомъ лѣсу горъ проложена дорога, которая дѣлаетъ доступными такъ сказать тайныя владѣнія Россіи, возбуждающей болѣе и болѣе внимательность цѣлой Европы. Мы сравниваемъ подобныя путешествія съ военными экспедиціями, въ которыхъ горсть опытныхъ воиновъ вѣчается рядомъ побѣдъ валъ непріятель, который считался непобѣдимымъ. Алтайская побѣда нашего соотечественника блестя-

Перевѣзъ на р. Чуѣ.

Видъ горъ наъ р. Чуѣ.

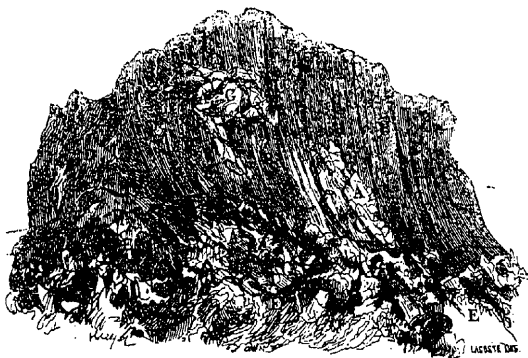
было они хотѣли по среднѣ избы разложить огонь и употребить для того Казацкую мебель и деревянную рухлядь; но тѣснота спасла убранство избы; Калмыки започевали въ долину, около большаго огня, но въ открытымъ пембѣ.

По объявленіи окрестностей абакапскаго форпоста, караванъ раздѣлился; часть отправлена подою, а г. Чихачевъ съ спутниками сухимъ путемъ достигъ деревни Моюка, окруженной горами странно-правильной формации.

Отсюда путешествіе г. Чихачева продолжается по странамъ нашей Европейской Сибири, въ которыхъ многа бывали и которыя менѣе или болѣе извѣстны, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ; при всемъ томъ нельзя не согласиться, что и эта часть не только въ геологическомъ и палеонтологическомъ, но и въ топографическомъ отношеніяхъ обилуетъ весьма важными и любопытными подробностями, какъ на счетъ мѣстности, такъ и на счетъ народовъ, тамъ обитающихъ и важнѣйшихъ промысловъ Сибирскаго края. Прочтавъ первую часть путешествія г. Чихачева, кажется, что

граница провела бѣлую полосу, которую разграничила двѣ пионеріи; но невозможно, чтобы въ столѣтніи лѣтъ дѣвственное величіе Алтая не пало персть молотомъ или користнымъ заступомъ промышленника; торговые и промысловые пути не легли на тѣсни этихъ горъ или не пролозили

тѣсна. Мы еще такого мнѣнія, что въ наше время, у насъ, она несомненно хорошо оцѣнена и почита. Поны — Русскіе; мы неизвѣстно почему и чѣмъ такъ избалованы, что каждый изъ насъ, если говорить о путешествіи, смотритъ въ Паласы, въ Гумбольдта, и какъ ему не говорить такъ, когда онъ на пароходахъ и паровозахъ объѣзжаетъ всю Европу въ четыре лѣтніе мѣсяца. Въ насъ мы видимъ тому ежедневные примѣры и нечувствуемъ ни состраданія ни сожалѣнія къ этимъ резонерамъ, безпозланнымъ, испрошеннымъ патриотамъ Англій и Франціи. Съ упрекомъ смотрѣли мы на французскую одежду твореній г. Чихачева, но когда поразсудили, то согласились, что она весьма искусно оградила себя сурьомъ Европейскаго ученаго міра отъ хулы и умствованій нашихъ толковниковъ, которые глядятъ чужими глазами, думаютъ по чужимъ тетрадамъ. Слухъ о путешествіи г. Чихачева ходитъ по-крайней-мѣрѣ тамъ и сямъ, а если бы это путешествіе было издано по Русски, то впрямую батареи нашихъ журналовъ произвели бы по немъ дружныя записки и оно бы укрылось отъ тяжкой сдѣтельности въ библиотекѣ для

Гора Камалъ на Чуицѣ.

Китайскія Зайсаны.

чтенія А. Ф. Смирдина, гдѣ только теперь и можно сдѣлать важнѣйшія Русскія книги. Въ нашей литературѣ въ лицахъ разыгрывается комедія Школа Злословія. Да и къ чему вамъ хорошія изданія; кто ихъ купитъ, кто ихъ нѣмъ прохотитъ читающую публику; у насъ расхвалитъ какую нибудь карманную библіотеку романовъ, читающая публика накупила себѣ на первыхъ порахъ этихъ книжонокъ по четвертаку; за вторыми томками не приходитъ; публика невшиваетъ, а между тѣмъ это, дѣйствую въ подрывъ всякаго довѣрія, дѣлаютъ изданіе важной книги совершенно невозможнымъ. Не очень еще давно у насъ издавались превосходныя путешествія на Русскомъ языкѣ и раскупились; а теперь надо изобрѣтать романтическую форму, чтобы заставить читать этого рода книги. Первая книга Странствователя по сушѣ и морямъ, благодаря только формѣ, имѣла успѣхъ; послѣдующія книги лучше первой нововнутреннему достоинству, написаны тѣмъ же увлекательнымъ перомъ, но онѣ въ формѣ своей ближе подходятъ къ обыкновеннымъ путешествіямъ и въ успѣхѣ далеко отстаютъ отъ первой. О Русь! О Русь! Романшики, повѣсточки — и то раздробленные въ фельетонныя цѣпмы; вотъ мы что любимъ, потому что это любятъ и во Франціи. Но во Франціи каждую ложку романтической микстуры можно закусить томомъ исторической или ученой книги по какой хотите на-

Видъ песчаныхъ бугровъ на Удуудукѣ.

того, чтобы дать болѣе объема своимъ наблюдениямъ и связались въ известное время, чтобы сообщить другъ другу свои наблюдения и воспользоваться взаимными совѣтами. Оба тома занимаютъ исключительно Геологическія и Палеонтологическія Россіи и Уральскихъ горъ, равно до тѣхъ предѣловъ, откуда начинается подробное изложеніе наблюдений г. Чихачева; такимъ образомъ если выйдетъ еще въ этомъ году путешествіе г. Миттендорфа, то мы въ одномъ году получимъ весьма полное Геологическое и Палеонтологическое описаніе всей Россіи. Первый томъ сего изданія написанъ по Англійски, второй по Французски; къ первому тому приложены сравнительные чертежи расположенія слоевъ въ разныхъ почвахъ и карта Урала съ означеніемъ гдѣ проходить золотая руда. Сверхъ того первый томъ украшенъ не малымъ числомъ великолѣпныхъ литографій, изображающихъ важнѣйшія виды на Уралѣ. Ко второму тому приложенъ цѣлый атласъ литографій представляющихъ всѣ замѣчательнѣйшія моллюски и растенія открытыя путешественниками. Это важное твореніе во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ по-

принадлежащій прошедшему довольно отдаленному времени есть заслуживаетъ живой всемірной исторіи; кто не знаетъ, кто спорить что открыть его — заслуга, перевести второй, издать третій

дробнаго разбора — и переведа... Итъ, последнее излишне, потому что... но мы уже изложили объ этомъ предметѣ нашо мнѣніе.

14) Болгарскія грамоты, собранныя, переселенныя на Русскій языкъ и объясненныя Василіемъ Ангеловичемъ, Одесса 1845.

Славянофиль — это особенное племя Всероссийской Имперіи, которое великое дерево, существующее въ природѣ признаетъ березой; каждое питие — называетъ красномъ, каждую похлебку — щами; изъ всякаго зерна дѣлаютъ грѣшную крутую кашу. Племя это обитаетъ въ области, предѣлы коей опредѣлить трудно; эта область существуетъ на воздухѣ, потому что Славянофиль есть нѣчто воображаемое, чудовищное, сѣверное сіице, которое видно даже въ Турской землѣ. Кто не знаетъ, кто спорить, что Болгаре того же славянскаго происхожденія, что и мы Русскіе; кто не знаетъ, кто спорить, что Англы Германскаго племени... Такъ что же? Ничего. Болгаре Славяне, Англы — Германцы. Вотъ и все тутъ. Но изъ этого оно племя Славянофиль составило цѣлую Библіотеку разсужденій и разсужденій — для удовольствія обитателей воздушной области. Кто не знаетъ, кто спорить, что каждый докторокъ

Сойены.

Солены, блудяще на охоту.

укъ. Чтобы прочесть, что либо дѣльное о Россіи, надо и за этиаъ, какъ за сукомъ и цигарками, обращаться къ иностранцамъ. Въ истекающемъ 1845 году вышла въ свѣтъ отпечатанная въ Лондонѣ и Парижѣ великолѣпная книга, коей заглавіе у насъ выписано подл № 15. Библіографіи. Это плодъ путешествія и участости трехъ лицъ, принадлежащихъ тремъ націямъ. Г. Мурчисонъ, предѣлатель Геологическаго общества, г. Вернейсъ, вице-президентъ Французскаго геологическаго общества, и Двора Его Величества Императора Всероссийскаго камеръ-юнкеръ графъ Райцернакъ, въ 1840 и 1841 годахъ совершили путешествіе по Россіи; разбѣжались для

Абаканскій Форнотъ.

заслуга, но — всѣ эти заслуги тѣмъ и ограничиваются; мы благодарны за изданіе Болгарскихъ грамотъ и прочли ихъ не безъ успѣа, какъ обыкновенно читаются отрывки изъ какихъ то поэмъ, но намъ показались страннѣйшимъ предисловіе, въ которомъ сказано, что Болгарскія грамоты составляютъ одно изъ гдѣвшихъ желаній Славянофиль, а еще болѣе страннѣйшимъ показалось изреченіе: первый, понявшій требованія Европейскаго Гуманизма былъ и проч... Горел горе, если гуманизмъ зашелъ уже въ Одессу. Конечно онъ еще не гуманизмъ, а только гуманизмъ, онъ еще не вросъ въ эту дебелую и непоилитную форму, которая хороша для знатока Германской Философіи, но

полезна ему только въ ученыхъ упражненіяхъ какъ алгебраическая формула, а употребленіе этихъ формъ современной схоластики обнаруживаетъ Педантизмъ. Выраженія и мы на ученый манеръ и въ нашешъ выраженіи будетъ заключаться въ живописной формѣ. Эго готъ афоризмъ гласитъ: Исторія — Космополитъ.

Самыя грамоты весьма интересны. Первая заключается въ тонисъ афонскаго зографскаго монастыря отъ начала до 1571 года; затѣмъ идутъ три грамоты и одинъ трактатъ, занимательные по частности, собственно до Болгарской Исторіи относящиеся. Исторія Космополитъ. Для нея драгоценны извѣстія, къ какому бы народу они ни относились. Исторія — Космополитъ.

Гора на р. Арбатѣ близъ Абакана.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

На этотъ разъ позвольте начать не съ Петербурга. У насъ случилось только одно важное происшествіе; и совершилось такъ благополучно, сча-

пробжить дуга радости, которая въ этихъ двухъ словахъ сократилась въ благовѣстную радугу. Это важное событіе есть не что иное, какъ то, что мы называемъ: Нена стала. Хотя и не грамматически, но весьма выразительно. По важность событія заключается не въ томъ, что делъ слиса въ плотную и недвижимую кору; это съ нимъ случается каждый годъ. А въ томъ, что послѣ ровной, гнилой погоды, похожей на Ломбардскую зиму, пришелъ морозъ, въ одинъ день затвердѣла Нева, въ одну ночь закрипнѣла ледъ, и на другой день уже потащились мостки. Въ последнѣйшій къ вечеру возстановилось сообщеніе, такъ что Васильевскій островъ, съ Петербургомъ не былъ въ разлукѣ и двухъ сутокъ. — Кроме этого важнаго событія надется

на этой недѣлѣ ничего больше не случилось; но можетъ быть еще случится, пока мы дождемъ нашъ Ежедневникъ до окончанія. А пока мы взглянемъ на Москву. Наша корреспонденція съ Москвою до нынѣ какъ то не была удачна; почему, право незнаемъ. У бѣлокаменной свои привычки, отъ которыхъ она отстаетъ неохотно, забывая о томъ, что Иллюстрація во все не желаетъ быть Петербургскимъ изданіемъ, а Рус-

(5) Стихотворенія Адама Кадоръ Струговицкова, записанные въ Гете и Шиллера. Книга 1-я С. Петербургъ 1843.

Это добрые и зрѣлые плоды чистой любви къ искусству, безъ мады и слабовольной славы; почтенный переводчикъ, читалъ Шиллера и Гете, несколько заставалъ въ душѣ своей ихъ высокія помыслы, носилъ ихъ въ себѣ, какъ родныя мысли и чувства и въ сладостный мигновеніи поэтическаго уединенія, когда читанное или слышанное развертывается непрерывнымъ писаніемъ памяти предъ нашимъ воображеніемъ, стихъ несколько обвивался вокругъ любимѣйшихъ образовъ и думъ и облекалъ ихъ въ художественную вторичную форму. Въ древнія времена когда званіе и немецкаго языка не было такъ распространено какъ нынѣ, подобныя переводы были бы подавы безъ указанія источниковъ, переводчика воззвали бы въ званіи дѣйствительнаго самобытнаго писателя, доставили бы ему славу и уваженіе. Неужели въ наше время переводчикъ уже не заслуживаетъ всѣхъ тѣхъ же почестей за то только, что онъ не скрылъ источниковъ своего вдохновенія? Нѣтъ. Мы отдаемъ полную справедливость переводамъ поэтическимъ подобнаго рода; уважаемъ ихъ гораздо болѣе, нежели собственно такъ называемые переводы стиховые, въ которыхъ русское слово стоитъ противъ немецкаго, а по русскій смысла нѣтъ. Любители поэзіи Шиллера и Гете конечно прочтутъ этотъ много томный съ удовольствіемъ и вѣстѣ съ нами порадуются, что г. Струговицковъ приготовилъ къ печати томъ такихъ же прекрасныхъ статей въ прозѣ. Мы знаемъ статьи и неспясаемъ нескромностью похвалиться этимъ извѣстіемъ съ читателями. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: 1) Призваніе ирискарасной души небольшой романъ. 2) Боги, Герои и Вицанды. 3) Описаніе петергофскихъ картинъ и 4) Случай изъ жизни Гете. Во времена оны эти статьи составили бы славу велию, самобытную любого Прошанпа.

Деревня Мопковъ.

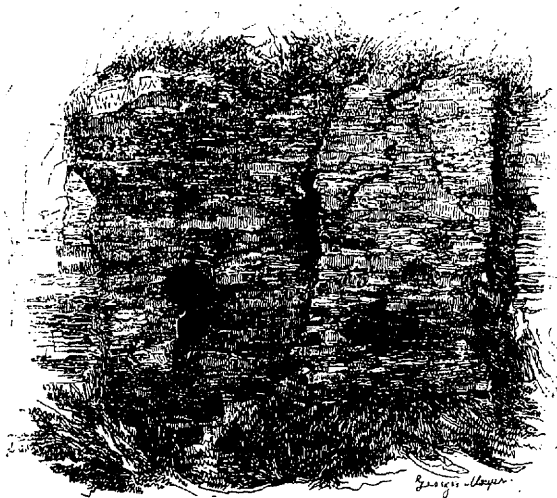

Потокъ Биркумль.

славно, весело, пріятно, хотя всѣ предшествовавшія обстоятельства не предвѣщали добраго. Но такъ устроено все въ природѣ; ждешь ясныхъ дней, а вась дѣломъ будто на Аитѣ занесетъ снѣгомъ; соберутся черныя тучи; далече сверкаетъ молнія, громъ катается въ гармоническихъ переливахъ, ждешь грозы и льива, а между тѣмъ

скамъ, даже Россійскимъ въ томъ значеніи, какъ толковали иъбогда различіе между Русью и Россіей. Москва во многихъ отношеніяхъ заслуживала и заслуживаетъ подражанія. П вотъ между прочимъ одинъ изъ многочисленныхъ тому примѣровъ; перешъ нами небольшая брошюра подъ заглавіемъ о воскресномъ обученіи на фабрикахъ въ Москвѣ.

Авторъ говоритъ: Правительство учредило Воскресныя Школы для малолѣтнихъ фабричныхъ и ремесленниковъ при Московскихъ рисовальныхъ школахъ предложило фабрикантамъ приступить къ заведенію такихъ же школъ при фабрикахъ своихъ, опредѣлено продолженіе времени рабочихъ часовъ, запрещено малолѣтнихъ употреблять въ изнурительныя работы и въ ночныя смѣны, назначило содержание при фабрикахъ отдѣльныхъ помѣщеній для мужскаго и женскаго пола и малолѣтнихъ рабочихъ и наблюдать за чистотою воздуха въ мастерскихъ, за трезвостію рабочихъ, за употребленіемъ въ артеляхъ свѣжей и добротной пищи, а также нить отдаленные покон для помѣщенія заболѣвающихъ п лекаря для наблюденія за состояніемъ здоровья фабричныхъ рабочихъ.

Форманія горы на Еписѣвѣ.

Такия благодѣтельныя пощечія Правительства не могли остаться безъ сочувствія фа-

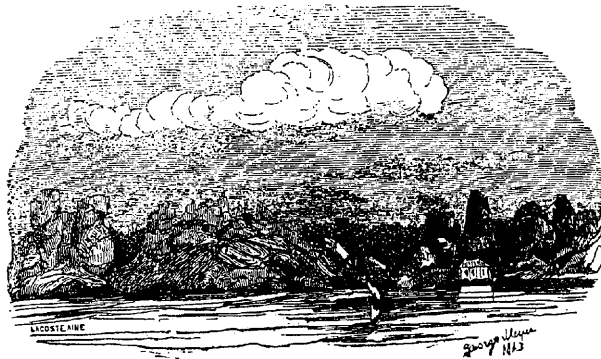

брикантов — патриотов! И тогда какъ въ западной Европѣ все еше идутъ толки объ улучшеніи участи рабочаго класса, и ни при одной еше фабрикѣ, сколько намъ извѣстно, ни въ Англии, ни во Франціи, нѣтъ еше школы содержимой, на счетъ хозяина, у насъ эта часть общественнаго необходимаго благоустройства находится уже, относительно къ современному ея положенію, въ полномъ развитіи, и, не считая другихъ мѣстъ, въ одной Москвѣ находится болѣе двадцати частныхъ фабричныхъ школъ, содержимыхъ на счетъ хозяевъ фабрикъ, съ весьма значительными у нѣкоторыхъ съ ихъ стороны ежегодными денежными пожертвованіями.

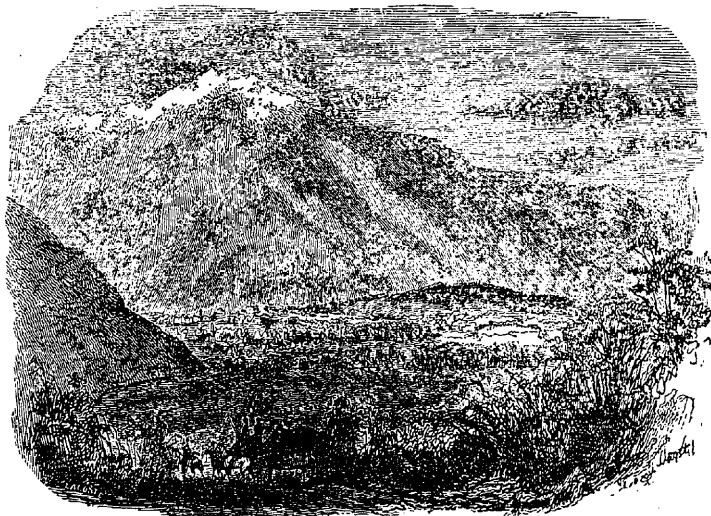
Первые учредители частныхъ школъ при фабрикахъ были столь известные поборники всего полезнаго, братья Тимофей и Константинъ Прохоровы, 1-й гильдіи московскіе купцы, мануфактуръ совѣтники и почетные граждане, которыхъ плавовыя набивныя издѣлія приобрѣли значительный сбытъ, не только въ Россіи, но и въ Китаѣ, Шаржаѣ, Лондонѣ и Италиі. Но съ половины 1843 года, при опредѣленіи единства нравственной цѣли и средствъ достиженія, началось собственно то развитіе школъ, до котораго онѣ теперь достигли и которое все болѣе и болѣе распространяется. Тогда, движимые отеческими попеченіями и заботливостью объ участи вѣранныхъ имъ судьбою малолѣтнихъ, и соревнуя въ благодѣяніяхъ, московскіе фабриканты, мануфактуръ совѣтники Гучьковы и 1-й гильдіи московскіе купцы, дядя съ племянниками, Михаилъ, Осдоръ и Григорій Котовы, Новиковъ, столь извѣстный введеніемъ машиннаго тканья и прочностью при дешевизнѣ своихъ шерстяныхъ издѣлій, Можинскій, Шаповъ, Курдюковъ, Титовъ, Герасимовъ, Устиновъ, Алексѣевъ, Молчановъ и Каменскій, приступили къ учрежденію школъ и за ними послѣдовали, показавъ благородный и великодушный примеръ споспѣшествованія общественной пользѣ, извѣстные московскіе фабриканты изъ иностранцевъ: Рошфоръ, Флякъ, Э. Кеельманъ, Музель, Остервальдъ, Бернгардъ и Штейнбахъ.

Въ учрежденныхъ частныхъ фабричныхъ школахъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кромѣ высокотожественныхъ, послѣ божественной литургіи, обученіе продолжается до трехъ часовъ; преподаются: Законъ Божій, четыре правила арифметики, чтеніе, письмо и церковное пѣніе. — Сверхъ того, независимо отъ праздничнаго обученія у Тимофея и Константина Прохоровыхъ, ученіе бываетъ ежедневно означеннымъ предметамъ и рисованью техническому; у Гучьковыхъ, кромѣ воскресныхъ дней, для мѣщанскихъ сиротъ, находящихся подъ ихъ собственнымъ попечительствомъ, ученіе бываетъ по понедѣльникамъ, средамъ и субботахъ; у Герасимова техническому рисованью обучаются ежедневно. — Способъ преподаванія означенныхъ предметовъ вводится по методу московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ, которал, требуя постоянного вниманія учащихся и непрерывно повѣряя его, имѣетъ самое благоприятное дѣйствіе на умственное развитіе, а потому и обученіе идетъ быстро и основательно.

Для малолѣтнихъ рабочихъ нѣются при фабрикахъ особыя снарядныя помѣщенія и классныя комнаты; при нѣкоторыхъ же фабрикахъ мало-

Кольванское озеро.

Заводъ Рыдерскій.

Киргизскій купецъ въ юртѣ близъ Семипалатинска.

лѣтныя помѣщаются въ отдѣльныхъ, удобныхъ, нарочно для нихъ устроенныхъ зданіяхъ. Въ Преображенскомъ, у гг. Котовыхъ, Михайлы, Осдорвича, Григорія и Осдора Николаевичей, малолѣтныя помѣщаются въ выстроенный собственно для нихъ, изъ прочнаго сухаго лѣсу, на каменномъ фундаментѣ, домъ, въ два этажа, длиною 8, глубиною 6 и вышиною 4 сажени. Нижній этажъ занимаютъ классы, столовая и кухня, въ верхнемъ этажѣ устроены спальни на 70 мальчиковъ; отопленіе дома и очищеніе воздуха производится посредствомъ воздухонагрѣвательной печи, проектированной гражданинскимъ инженеромъ Ренчеромъ; чистота наблюдается примѣрнал; устройство вообще до того прекрасно, что должно служить образцомъ для подобнаго рода заселеній. Число учащихся состоитъ изъ 70 мальчиковъ, которые ежедневно получаютъ въ обѣдъ и ужинъ

весьма здоровую и вкусную пищу, собственно для нихъ приготовляемую; одежда ихъ весьма опрятная, по одному образцу; надзоръ за ними порученъ особому прикащику и тремъ его помощникамъ изъ оставшихъ нижнихъ чиновъ военнаго званія.

Согласитесь, что примѣръ этотъ заслуживаетъ похвалы! Не помнимъ кто-то Москву называлъ русскимъ Лиономъ. Это названіе намъ кажется довольно вѣрнымъ. Москва, по своему положенію и значенію въ семь русскихъ городовъ, должна была ранѣе или позже обратиться въ мануфактурный городъ, съ самою блистательною будущію. Эти школы весьма много будутъ способствовать развитію такого направленія. Число ихъ теперь уже весьма значительно; въ двадцати трехъ школахъ теперь

1340 учащихся и ученицъ и сорокъ одинъ учитель. Это огромные зародыши огромныхъ послѣдствій.

Изъ другихъ городовъ Россійской Имперіи — одна Одесса быстрымъ шагомъ идетъ къ важному значенію; она растетъ не по дилѣ, а по часамъ; не только море, но и самая отдаленность ея отъ бывшихъ столицъ способствуетъ ея возвышенію. Ей не съ кѣтъ спорить о первенствѣ восточнаго южнаго края; интересы всѣхъ южныхъ городовъ какъ лучи бѣгутъ къ Одессѣ. Естественно, что и всѣ удобства городской жизни, согласно возрастающему народонаселенію, должны улучшаться, упрощаться. Теперь, напримѣръ, завелся омнибусъ въ Николаевъ и Кишиневъ, съ платою за мѣсто по 4 и 6 рублей серебромъ. Такимъ образомъ облегчилось уже сообщеніе между тремя весьма важными въ томъ краѣ городами.

— Мы не ошиблись. Немаловажное извѣстіе перебѣжало намъ дорого, и мы принуждены были воротиться въ Петербургъ. Какое же это извѣстіе? Театральное-литературное. Есть предпріятія, которыя при всей очевидной пользѣ не радуютъ. Соперничество у насъ въ литературныхъ предпріятіяхъ слава ли полезное. Два перевода Дюмонъ-Дюрвилля поведили одинъ другому. Репертуаръ и Пантеонъ ищали одинъ другаго подписчиковъ. Наконецъ соединились, слились въ одно единое, и чужой смертельный ударъ угрожаетъ этому двойному театральному сборищу, который, правду сказать, съ нѣкотораго времени липшел своего ещя важнаго направленія, до того, что въ немъ помѣщаются юридическіе случаи изъ Gazette de Tribunaux. Какъ бы то ни было, драматическимъ писателямъ сдѣловано

до употребить всѣ усилія поддержать это знаніе и трудами своими содѣйствовать къ очищенію Репертуара отъ посторонняго, наноснаго балласта; и что же? возникаетъ Театральный расколъ!

Авторы пьесъ, играемыхъ на Александринскомъ театрѣ, съ будущаго 1846-го, будутъ издавать сами всѣ тѣ пьесы, которыя вѣздъ успѣвъ на театрѣ. Онѣ будутъ печататься отдѣльными кни-

жками, всё подь одинъ форматъ, и прозаваться по самой умѣренной цѣнѣ. Къ концу года составилъ томъ избранныхъ лучшихъ пьесъ. Нельзя не похвалить этого предпріятія. Конечно, тѣ пьесы, которыя имѣли на театрѣ успѣхъ, должны быть лучше тѣхъ, которыя не имѣли успѣха, или опрокинулись съ перваго представленія. Для любителей домашняго театра облегчится выборъ пьесъ; но если всё пьесы, имѣвшія успѣхъ на сценѣ, будутъ изданы

наши понесли потерю, сдана ли не равную потерю Лебедева. Предшествовавшія обстоятельства, къ сожалѣнію заставляютъ вѣрить извѣстію. Г. Ш... страдалъ уже давно, и такимъ недугомъ, который мало оставляетъ надежды на излеченіе. О. А. Бруни, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, говорилъ, что врачи считаютъ г. Ш... а безнадежнымъ. Все вѣстѣ подтверждаетъ извѣстіе, а все не хочется вѣрить.

— Переживъ часовъ представленій въ циркѣ

Гверры дала и намъ возможность заглянуть на этотъ Олимпъ особаго рода. Тутъ также есть свои музѣ, правда, безъ Аполлона, но за то со множествомъ негасовъ. Музѣ, о которыхъ мы говоримъ, привлекали, не только искусствомъ но и красотою своею, многочисленныхъ посѣтителей во всѣхъ городахъ Европы. Глядя на нихъ вы невольно вспомните прекрасный романъ Гете: Вильгельмъ Мейстеръ; правда, здѣсь нѣтъ Миньоны, но многія сцены этого романа вамъ непримѣнно при-

Людовика Спадацинская.

Елена Кремповъ.

Леопольдина Лезенская.

Луиза Летаръ.

отдѣльно, то что же будетъ помѣщаться въ Репертуарѣ? Это лишитъ его всѣхъ средствъ, всей современной занимательности; отпугнетъ, такъ сказать, и душу и тѣло; останется только одежда, заглавіе и оглавленіе. Къ сожалѣнію, это предпріятіе не слухъ, не мечта; оно уже осуществляется. «Заколдованный Принцъ», комедія, которая имѣла большой успѣхъ на сценѣ, уже отпечатана; Дядюшка Болгушка — пьеса, имѣвшая также успѣхъ, готовится къ изданію. И о наружномъ видѣ заботится издатель. Къ нѣкоторымъ пьесамъ будутъ прилагаться портреты авторовъ и артистовъ, в ноты для куплетовъ; словомъ, это будетъ изданіе въ родѣ Парижскаго Репертуара, издаваемое иногими, но по взаимному условію, подь одинъ форматъ, съ одинаковыми украшениями. Мы возвестили объ этомъ, какъ о новости, но не можемъ скрыть нашего неудовольствія, предвидя послѣдствія для обеихъ изданій.

— Мы получили частное извѣстіе о смерти нашего даровитаго художника въ Италіи, г. Ш. Боижа, или, лучше сказать, не хочется выписывать полнаго имени. Можетъ быть, это письмо коварная или легкомысленная шутка отъ скуки. Но если это извѣстіе справедливо, то художества

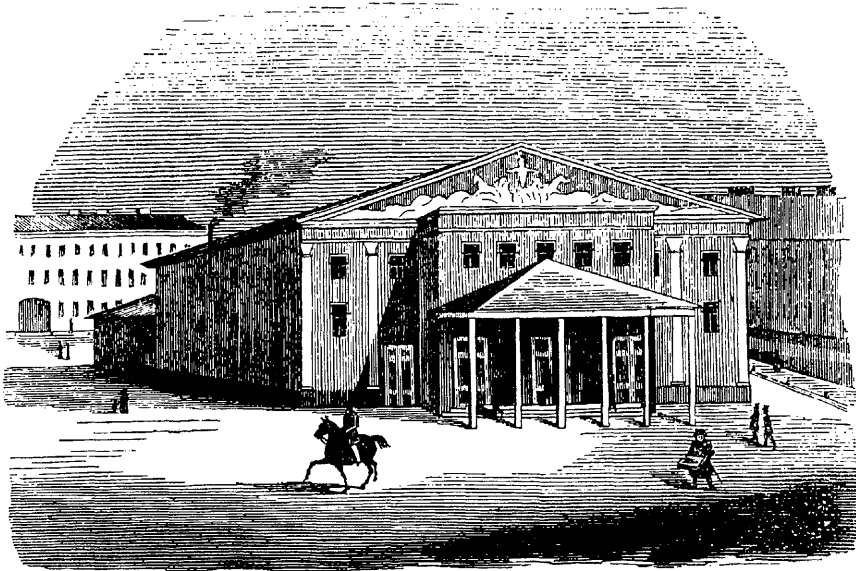

Маріета Орсани.

дутъ въ голову, когда вы спокойно сидите въ циркѣ и вниманія вашего не развлекаютъ пустословіе словоохотныхъ знакомцевъ... Циркъ — новостъ, получили мы; на всякую новостъ у насъ мода; парижскихъ модъ мы еще не получали, а тѣ что пришли, какъ говорить, не по сезону. Вездѣ портреты олимпійскихъ дѣвъ труппы Гверры возбуждали интересъ; почему же и намъ для удовольствія и нѣкотораго утѣшенія нашихъ читателей, не помѣстить ихъ портретовъ, вѣстѣ съ портретомъ цирка? Сказано, сдѣлано. И вы вѣрно не разсердитесь за нашу угодливість.

— Мы обещали дать нашимъ читателямъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ романовъ; выборъ нашъ палъ на сочиненіе многихъ писателей, но у семи нянчекъ дитя безъ глаза; пословица насъ испугала, а каррикатура, на этотъ романъ изданная въ Парижѣ, совершенно уничтожила нашу рѣшимость. Мы хотѣли напечатать одинъ изъ новѣйшихъ романовъ Дюма, но вспомнили, что на этихъ новѣйшихъ романахъ Дюма, — авторъ выставленъ только какъ вытѣска, и здѣсь, въ Петербургѣ невозможно знать, что принадлежитъ самому Дюма, а что фабрикъ. Вслѣдствіе многихъ толковъ и соображеній, мы рѣшились помѣ-

Олимпийскій циркъ Гьерры на площади Большаго театра.

стиль сочиненіе одного изъ самыхъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи, Альфонса Карра, который и думаетъ и пишетъ самъ собственно своею головою и пероною. Длинная форма иллюстраціи убѣдитъ каждого, что мы помѣщаемъ этотъ романъ не для того, чтобы наполнить вундеръ, а для вѣщаго удовольствія вѣщихъ читателей. Романъ въ подлинникѣ называется Fort en thême; въ переводномъ заглавіи означено содержаніе главной мысли. Не подумайте, что этотъ романъ данъ безплатно на закуску года, такъ, по тайнымъ причинамъ, которыя иногда благоприятствуютъ помѣщенію цѣлымъ романовъ. Итъ. Въ слѣдующемъ году, если паян ни что не воспріятствуетъ, мы повторимъ то же и не одинъ разъ. Что будетъ помѣщено иностранное; это зависитъ отъ того, что выйдетъ иностранное, а русскій оригинальный романъ изъ временъ Петра Великаго, подъ заглавіемъ: *Баронъ Фанфаронъ и Маркизъ Петиметръ* соч. Кукольника, будетъ помѣщенъ непременно.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Ш—о. Получивъ начало Чердыни мы бы желали итѣть и окончаніе. Неоткажите. При обширности переписки нѣтъ возможности увѣдомлять благорасположенныхъ къ намъ лица иначе, какъ чрезъ посредство иллюстраціи.

Г. П. А. Н—у въ Москву. Мы печатаемъ хорошее и безъ подписи автора; но въ театральныхъ статьяхъ это необходимое условіе, чтобы статья была подписана авторомъ четко, вразумительно, и не ложно. Тогда иллюстрація приметъ услуги ваши съ признательностью. Въ статьѣ Вашей все хорошо, кромѣ подписи.

Г. С—ну. Исподисно съ признательностію.

Г. З—рову. На очередь.

Г. Картамышеву. № 95-го мы еще не получали. Если возможно и удобно, исполнимъ; что же касается до Васъ, М. Г. лично, то позвольте увѣрить, что мы весьма признательны за Ваше вниманіе и постараемся всегда представлять очевидныя тому доказательства.

Г. П. т...м...у. Ух!

Г. Кл—ву. — Съ чѣмъ васъ и поздравляемъ.

Г. Д—он... Имена склоняются, а глаголы спрягаются. Сіе бо камень есть на немъ же воздвигнута грамматика, наука, нинѣ устарѣвшая. Теперь грамматиковъ тѣмъ, а грамматиковъ нѣтъ.

Г. А.—К—у. Нельзя отшутиться отъ такой обиды, отъ которой больно; нельзя отшутиться отъ такого обвиненія, которое кричитъ хуже уличнаго пролца.

Г.... (фамиліи не разобрали). Ошибка, замѣченная Вами, усмотрѣна и Редакціей. Въмѣсто: Академики Ксаверій Каневскій, Алексій Васильевичъ, слѣдовало сказать: Академики Ксаверій Каневскій, Алексій Васильевъ. Исправьте слѣдуйте одолженіе еще и другую важную ошибку. Напечатано Беверинъ Латвиская легенда; совѣтъ не Латвиская, а Латышская. Удивляемся, какъ этого не замѣтили благопріятеля, которые для того только и пересматриваютъ иллюстрацію, чтобы находить типографическія ошибки. Забавно, если они подумали, что Беверинъ въ самомъ дѣлѣ Латвиская Легенда, а это легко случиться можетъ. Въдъ это по латынѣ. — Усность ихъ дальше А О и О. А не распространяется.

Г. С—усу, Крылатыхъ нимфъ подводныхъ скачекъ...

Г. О. П. Л. Незнаемъ и знать не желаемъ.

Г. Б.—ну. Получено и первое и послѣднее. Но вотъ въ двѣ недѣли не можемъ прядумать отвѣта. Позвольте отложить до новаго года. Авокъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, намъ удастся пообрѣсти достойный отвѣтъ.

Г. Пр.—. А паян какое дѣло?

Г. С—ву и Г. О. П. На этотъ разъ мы не хотимъ лишить васъ абонированныхъ мѣстъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ субботу на слѣдующей недѣлѣ, въ бенефисъ г-жи Мольтини, предполагается первое представленіе итальянской оперы: «Templario», музыка для которой написана вѣскимъ капельмейстеромъ Nicolai, весьма замѣчательнымъ композиторомъ. Опера эта, игранная въ Вѣнѣ, произвела величайшее впечатлѣніе превосходствомъ мелодіи и оркестровки; роль тенора писана для г. Сальви, бывшаго въ то время пѣвцомъ вѣнской итальянской оперы.—Мы слышали, что спѣвъ этой партіи превосходитъ. — Роль призадопы занимаетъ г-жа Влардо, а самаго Templario, молодой артистъ bariton, о которомъ отзываются весьма выгодно.

Въ воскресенье, 16 декабря, въ бенефисъ актера французской труппы Руже, пойдутъ въ первый разъ пьесы «L'escadron volant de la Reine vaud., Les independans, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ которой г-жа Пассени-Арпу, будетъ играть роль Эмліи, игранную ею на французскомъ театрѣ, и Raphael et Croquinet vaud., написанный у насъ въ Петербургѣ.

Въ среду, въ бенефисъ актера вѣсничей труппы Лсвенберга, будетъ пати въ первый разъ das Urbild von Moliere dr. in 5 act., соч. Гуцкова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комптеъ Общества поощренія художниковъ объявляетъ, что съ Высочайшаго соизволенія учрежденная 6 лотерей художественныхъ произведеній, въ воскресенье, 2 декабря сего года, разыграна, въ присутствіи гг. членовъ комитета и посѣтителей, въ домѣ Музеума графа Румянцева.

СТИХОТВОРЕНІЕ:

—

I.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Холодный, чистый и безгласный,
Перомъ нетронутый листокъ!
Я оврачилъ твой ликъ атласный.
Извѣстною тѣнью строкъ.
Ты ужъ не нѣма: рукою вѣрною
Тебѣ я даровалъ языкъ,
И мысли темный лучъ проникъ
Въ тебѣ съ узоромъ рѣчи мѣрной.

Чредою мѣрной, съ ходомъ зѣтъ,
Такъ сердца новья страницы,
Чертятъ строками мукъ и бѣдъ
Персты таинственной десницы.
Пусть менѣе такыхъ стлховъ
Судьба паян въ сердцѣ начертаетъ,
Пускай побольше сохраняетъ
Оно нетронутыхъ листовъ

К. Картомышевъ.

Билетовъ было роздано 2400, на сумму 3600 рублей серебромъ.

Вышли противъ номеровъ билетовъ,

№	127,	выигрышь	№	9.
»	231,	»	»	24.
»	397,	»	»	8.
»	406,	»	»	16.
»	571,	»	»	11.
»	644,	»	»	15.
»	755,	»	»	29.
»	888,	»	»	19.
»	939,	»	»	28.
»	973,	»	»	27.
»	1024,	»	»	4.
»	1111,	»	»	25.
»	1468,	»	»	17.
»	1635,	»	»	10.
»	1899,	»	»	13.
»	2256,	»	»	6.
»	2335,	»	»	34.
»	134,	»	»	3.
»	387,	»	»	12.
»	402,	»	»	18.
»	560,	»	»	14.
»	628,	»	»	1.
»	691,	»	»	5.
»	785,	»	»	23.
»	920,	»	»	7.

»	951,	»	»	22.
»	982,	»	»	32.
»	1058,	»	»	26.
»	1284,	»	»	2.
»	1526,	»	»	30.
»	1828,	»	»	20.
»	2172,	»	»	31.
»	2303,	»	»	33.
«	2359,	»	»	21.

Выигранные предметы можно получить на выставкѣ художественныхъ произведеній, у комиссiонера общества почетнаго гражданина Премо, у Полицейскаго моста, въ домѣ Голландской церкви, гдѣ, для нужныхъ справокъ, находятся двѣ таблицы, подписанныя г. вице-предсѣдателемъ и гг. членами комитета Общества; въ одной поименованы всѣ предметы, разыгранные въ лотерею, и порядокъ номеровъ оныхъ, а въ другой номера билетовъ и соответствующіе номера выигранныхъ; первые написаны черными послѣдніе красными чернилами.

Выигранные предметы будутъ выданы немедленно, но не иначе, какъ по предъявленіи билетовъ, которые и остаются у г. Премо.

=

СОДЕРЖАНІЕ X ЛЕКЦІИ О ГИГИЕНѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ, ИМѢЮЩЕЙ БЫТЬ 10 ДЕКАБРЯ.

Естественныя произведенія животныя, употребляемыя въ пищу.
Молоко; его виды и различныя приготовленія.

Масло; его приготовленіе.
Сыръ; его приготовленіе и виды.
Яйца; ихъ происхожденіе.

Икра; породы рыбъ, изъ которыхъ икра получается; приготовленіе.

Медь; его происхожденіе и виды; воскъ; его образованіе.

Полезь и вредъ этихъ естественныхъ произведеній животныя.

РАЗГАДКА № 34.

Бѣсъ, разъ, судно, польчишь ль, сл, топоры въ А., изъ сердца, тос, лучь, ай, носъ, ти.

Безразсудно подчиняться то порывамъ сердца, то случайности.

ЗАГАДКА № 35.

В КОСТЮМѢ.

СОДЕРЖАНІЕ : 1) Аня Дитриха. Легенда. В. А. л. 2) Соборный храмъ въ Полочеркаскѣ. А. Полова. 3) Странствователь по чужимъ нападѣямъ. 4) Изобрѣтенія и открытія. Воздухоочистительный приборъ. — Дыхательныя трубки. П. Шоца. 5) Библиографія. 6) Ежедневникъ. 7) Стихотвореніе, К. Картамышевска. 8) Переписка. 9) Театральный Вѣстникъ. 10) Объявленіе о Художеств. лотереи. 11) О Гигиенѣ. 12) Загадка.
ГРАВЮРЫ : 1) Испытаніе Дитриха жрецами. 2) Пещера добраго человека. 3) Замокъ Зегсвольда. 4) Соборный храмъ въ г. Полочеркаскѣ. 5) Воздухоочистительныя трубки (7 грав.). 6) Библиографія (20 грав.) 8) Олимпійскій циркъ Гереры, на площади Большаго театра (6 грав.). — Всего 37 гравюръ.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ПРИНИМАЕТСЯ

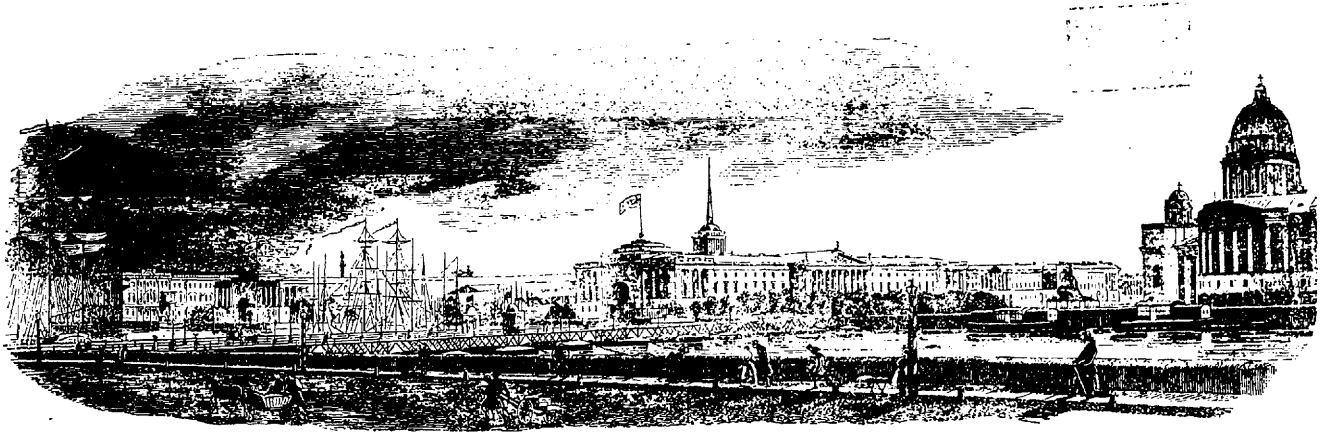
Въ С. Петербургѣ : Въ Редакціи, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ г-жи Домоптовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина на Невскомъ Проспектѣ противу Аничковскаго Дворца въ домѣ Завѣтнаго и у А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ у Казаискаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, и Исакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ : у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевова и у книгопродавцевъ Свѣтчинова и Базулова въ книжныхъ магазинахъ на Страсномъ Бульварѣ въ домѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета и на Никольской улицѣ подл № 4 и 5-мъ.
Въ Одессѣ : Въ Библиотекѣ для Чтенія и продажи книгъ Золотова и Тотти.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1846-й годъ : 48 номеровъ 96 печатныхъ листовъ съ гравюрами, числомъ до 700. Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучать слѣдующіе имъ за первые три мѣсяца 1846 года номера и при возобновленіи своихъ билетовъ, вносятъ только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по	10 р. сер.	11 р. 50 к. сер.
	7 р. 50 к. сер.	9 р. — —
Желающіе получить 1 томъ Иллюстраціи за 9 мѣсяцевъ 1845 года, заключающій 36 номеровъ 72 печ. листа съ 500 гравюръ, платятъ	7 — 50 — —	9 — — —
Утратившіе отдѣльные номера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, внося особю за каждый номеръ.	— — — —	— 25 — —

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Съ доставкою На годъ 11 р. 45 к. сер. Т. I. № 36. — Суббота, 13 Декабря 1843. Безъ доставки На годъ 10 руб. сер. и пересылкою : На 5 мѣсяца 3 р. 25 к. сер.

РАЗВОНИКЪ-СВАТЪ.

БЫЛЪ.

Вѣка перемѣняются. Прежде, во времена оны, такое происшествіе, какое мы рассказывать собираемся, правилось, восхищало. Безпорядокъ, стихія извѣстнаго возраста челоуѣческаго рода. Разбойники были и слѣдствіемъ и принадлежностью современной образованности. На нихъ смотрѣли, какъ на грѣшниковъ невольныхъ. Былъ эта была воспитана современными стихослагателями. Теперь разбойникъ все-таки разбойникъ. Никакіе подвиги великодушія не извинятъ одного чернаго дѣла. Вотъ термометрическое указаніе, до какой степени возрасла наша образованность. Былъ замѣчательна сама по себѣ, и мы ее расскажем.

Графъ Брильянтно былъ одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ въ Папской области. Обладая обширными владѣніями и огромными капиталами, происходи отъ значительныхъ родителей, избалованный счастьемъ и льстивою покорностію вассаловъ, Брильянтно былъ гордъ и тщеславенъ въ высшей степени. Лишась супруги, которую уважалъ какъ единственную отрасль замѣшанной флорентинской фамилии, графъ сосредоточилъ всю свою пѣжнность на единственной своей дочери Аврорѣ, которая льстила во всѣхъ отношеніяхъ его самолюбію. — Прекрасная душою и тѣломъ, она соединяла кротость съ пылкимъ воображеніемъ, скромность съ обширными свѣдѣніями. Увидя ее разъ, нельзя было не пожелать узнать покороче, а узнавъ, нельзя было не полюбить. Аврора была однимъ изъ лучшихъ цвѣтковъ роскошной Италіи, цвѣткомъ баснословнымъ — розою безъ шиповъ.

Брильянтно гордился своею дочерью. На ней онъ основывалъ самыя высоконѣрныя надежды. Обыкновенною мечтою его было видѣть свою Аврору на одномъ изъ треновъ Италіи. Союзъ съ владѣтельнымъ домомъ слава удовлетворялъ гордымъ мечтамъ графа.

Можно посудить о его гнѣвѣ, когда онъ узналъ, что графиня Аврора, чуждая тщеславію, отдала свое сердце молодому живописцу Фернандо.

Молодые люди, воспитанные вмѣстѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ поняли и оцѣнили другъ друга. Любовь ихъ, возрастая съ лѣтами, обратилась въ пылкую, неукротимую страсть, знакомую только жителямъ юга. Графъ ничего не подозрѣвалъ; въ ослѣпленіи своей гордости онъ не могъ и думать, что дочь его можетъ унизиться до любви къ *незнатному*, и что тотъ, кто всемірному обязанъ, воплѣтъ отъ него зависеть, осмѣлится имѣть виды на его дочь.

Аврора и Фернандо думали иначе: имъ казалось, что графъ тайнѣ одобряетъ любовь ихъ и ждетъ только удобнаго времени. — Любовь такъ довѣрчива, такъ мечтательна!

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней, которыми такъ богата роскошная природа Италіи, Аврора и Фернандо сидѣли въ удивленной бесѣдѣ въ амфиатриона сада графской виллы. Аврора была одѣта просто, но очаровательно; вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ лежалъ на темнорусыхъ шелковистыхъ кудряхъ; Фернандо былъ въ себя отъ восторга; онъ рисовалъ портретъ своей очаровательницы ко дню ея рожденія: талантъ его выказывался во всемъ блескѣ; любовь управляла кистию вдохновеннаго художника.

Увлеченный очарованіемъ, Фернандо любозался попеременно, то оригиналомъ, то

коніей. Часто, скрестя руки, останавливался въ безмолвномъ созерцаніи передъ восхитительною Авророю, изучая ея небесную улыбку и это гармоническое сочетаніе красоты, которое такъ роскошно рисовалось на прекрасномъ лицѣ ея, и спѣшилъ передать полотну эти обворожительныя черты. О какъ онъ былъ счастливъ! счастливъ вдвойнѣ: какъ юноша любящій и любимый пламенно, и какъ истинный художникъ, обожающій свое искусство.

Въ одну изъ этихъ минутъ, когда восхитительная улыбка Авроры награждала успѣхи очарованнаго художника, Фернандо видѣлъ себя уронилъ кисть и пантлру, ужалъ къ ногамъ Авроры, схватилъ ея руку и осыпалъ жаркими поцѣлуями.

«Какъ ты прекрасна, моя Аврора! Боже мой! чѣмъ я заслужилъ такое счастье, что этотъ ангелъ любить меня?»

Аврора пѣжно склонила къ нему свою головку, а другой рукою играла кудрями своего милаго Фернандо.

Картина была восхитительная!

Любовники въ упоеніи блаженства забыли цѣлый міръ, и не слышали какъ дверь бесѣдки хлопнула и графъ вошелъ.

Пораженный прямо въ сердце романтической картиной, представившейся глазамъ его, графъ остолбенѣлъ отъ бѣшенства и неожиданности. Долго не могъ онъ выговорить слова; только глаза его, сверкая какъ раскаленные угли, и судорожное движеніе мускуловъ на лицѣ показывали, до какой степени былъ раздраженъ гордымъ вельможа.

Страшно было разочарованіе пѣжныхъ любовниковъ, когда громовой голосъ графа раздался надъ ними:

«Дочь преступная! трепещи моего гнѣва! Ты не выйдешь изъ этой бесѣдки, изъ

этого места твоего преступления, пока я не найду тебя достойного жениха. Только перед престолом Божиим, в день, браку ты получишь свободу, а до тех пор ты мертва для света...

Аврора упала без чувств. Фернандо хотѣлъ броситься ей на помощь; но графъ съ бѣшенствомъ схватилъ его за руку и почти выбросилъ изъ бесѣдки, заперъ дверь и положилъ ключъ въ карманъ.

Фернандо былъ уничтоженъ: онъ былъ подобенъ оглушенному громомъ. Казалось, въ немъ умеръ даже инстинктъ самохраненія.

«Благодари Бога, презрѣнный», сказалъ графъ: «что я еще помню заслуги твоего отца и только изгоняю тебя. Эй, люди, выбросьте этого негодяя за ворота, и если онъ когда либо осмѣлится подойти близко къ моей виллѣ, уничтожьте его! Ответственность я принимаю на себя.»

Когда опомнился Фернандо, было уже около полуночи. Ярко сверкали звѣзды на темноголубомъ сводѣ. Воздухъ былъ теплый, листья деревьевъ чуть чуть колебались отъ легкаго дуновенія вѣтра. Ночь была волшебная, истинно итальянская.

Фернандо взглянулъ вокругъ себя и замѣтилъ, что находится на полянѣ среди дремучаго лѣса.

Смутно припоминая прошедшее, въ порывѣ отчаянія онъ возвелъ глаза къ небу и молилъ спасенія или смерти.

Жизнь была ему въ тягость.

Вдругъ, раздавшійся вблизи пронзительный свистъ, на который также отвѣчали свистомъ, обратилъ вниманіе Фернандо.

Въ одно мгновеніе онъ былъ окруженъ четырьмя человѣками звѣрскаго вида, обвѣшанными оружіемъ.

«Кто ты таковъ?» сказалъ Фернандо одинъ изъ нихъ, зачѣмъ ты зашелъ сюда? Что тебѣ здѣсь надобно?»

Фернандо понялъ, что имѣетъ дѣло съ съ разбойниками изъ шайки Мацарино, котораго имя наводило ужасъ на всю окрестность. Но онъ не испугался. Онъ слышалъ, что Мацарино любитъ покровительствовать утѣсенныхъ и смирать гордыхъ, и въ встрѣчѣ своей съ разбойниками видѣлъ ясно намекъ, указывающій ему путь ко спасенію, а потому хладнокровно отвѣчалъ:

«Я ищу васъ!»

— Какъ! воскликнули разбойники въ изумленіи; зачѣмъ?»

«Отведите меня къ Мацарино; мнѣ нужно сообщить ему важное дѣло.»

— Но почему ты знаешь, что атаманъ нашъ Мацарино и кто ты самъ таковъ?»

«Этого я не могу вамъ сказать; но разскажу все самому Мацарино.»

Разбойники нѣсколько пречени совѣтовались между собою; потомъ завязали Фернандо глаза и повели его съ собою въ глубь лѣса.

Когда разбойники остановились и сняли повязку съ Фернандо, онъ увидѣлъ себя въ пространной, ярко освѣщенной землянкѣ. Стѣны увѣшаны были разнымъ оружіемъ; но богатство мебели и даже многіе предметы роскоши, показывали, не только довольство, но даже избытокъ и нѣгу.

Проводники Фернандо ушли куда-то, и черезъ четверть часа вошелъ человекъ величественной паружности: это былъ Мацарино.

Онъ взглянулъ испытующимъ взоромъ на Фернандо и долго въ молчаніи его разсматривалъ. Неустрашимость и кротость, написанныя на челѣ Фернандо, казалось, нравились Мацарино. Онъ улыбнулся и сказалъ:

«Ты хотѣлъ меня видѣть, молодой человекъ! Говори, что тебѣ надобно? Я Мацарино!»

Фернандо поклонился.

— О тебѣ носится слухъ, что ты защищаешь невинность и смираешь гордыхъ.

«Случается.»

— Выслушай мою исторію и помоги мнѣ.

«Сядишь и разсказывай!»

Когда Фернандо кончилъ свой разсказъ, Мацарино сказалъ:

«Конечно, графъ поступилъ дурно; но, что же я могу для тебя сдѣлать?»

— Могушество твое можетъ возратить мнѣ потерянное благо, а признательность моя...

«Да знаешь ли ты, молодой человекъ, какія хлопоты я получаю черезъ это посолье. Графъ слепъ, въ связи со всеми кардиналами, и я...»

— О! когда такъ, прервалъ его съ жаромъ Фернандо, я ошибся; ты не Мацарино. Онъ бы этого не сказалъ.

«Ты такъ думаешь?»

— Это всѣмъ извѣстно. Мужество и могушество Мацарино такъ велики, что для него нѣтъ препятствій, когда нужно помочь невинно-притѣсеннымъ.

«Чортъ возьми! ты задѣлъ за живое мое самолюбіе!—Ты славный малый! Будь по твоему. Вотъ тебѣ рука Мацарино: невѣста будетъ твоя...»

Фернандо съ жаромъ схватилъ поданную ему руку и съ восторгомъ пожалъ ее. Онъ слышалъ, что слово Мацарино надежно.—

«Теперь ты мой гость; поди успокойся, а завтра подумаемъ вмѣстѣ о средствахъ помочь тебѣ. Прощай!»

По приказанію Мацарино, Фернандо отвели въ другую землянку, не менѣе роскошно убранную. Онъ бросился на постель

и скоро заснулъ, лелѣемый утѣшительными мечтами и сладкой надеждой будущаго счастья.

На другое утро Мацарино, оставя Фернандо въ своей землянкѣ, отправился для собранія нужныхъ свѣдѣній и уже вечеромъ возвратился веселѣй и довольнѣй.

«Радуйся, Фернандо! дѣла идутъ какъ нельзя лучше. Невѣста твоя заперта въ бесѣдкѣ; это пустыни! Садъ обнесень высокою стѣною; объ этомъ не стоитъ и думать. Но тебѣ надо подождать три дня. Это необходимо. Черезъ три дня у Брильянтино будетъ великолѣпный балъ, на который съѣдутся всѣ окрестные вельможи. Въ этотъ вечеръ участь твоя рѣшится: ты будешь мужемъ Авроры; а до того времени поскучай у меня, а твоя невѣста пусть поскучаетъ и попостится въ бесѣдкѣ: это мое послѣднее слово. Если же не хочешь ждать, то можешь идти куда тебѣ угодно; я противиться не стану.»

Что было дѣлать Фернандо?—Оставалось повиноваться.

Въ роскошныхъ залахъ великолѣпной виллы графа Брильянтино гремѣла музыка. Цвѣтъ итальянской знати въ блестящихъ костюмахъ окружалъ гостепріимнаго хозяина. Всѣ веселились и никто не рѣшался спросить, отчего цѣтъ между ними графини Авроры: а она страдала въ заключеніи—жертвою гордости и тщеславія.

Тихо приближалась коляска, запряженная отличными лошадьми, къ садовой оградѣ виллы. Въ ней сидѣли два человѣка, закутанные въ плащи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны въ одномъ уединенномъ мѣстѣ коляска остановилась. Одинъ изъ сидящихъ выскочилъ поспѣшно и сказалъ: «Подожди меня здѣсь, Фернандо.»

То былъ Мацарино.

Посредствомъ веревочной лѣстницы перелазилъ онъ черезъ стѣну и, по извѣстному ему примѣтанію, добрался до бесѣдки. Инструментами отворилъ дверь накрѣпко запертую и вошелъ въ павильонъ.

Убитая грустью и безпачеюностью своего положенія, несчастная Аврора сидѣла задумавшись на диванѣ. Горѣвшая тускло лампа слабо освѣщала павильонъ и придавала блѣдному лицу Авроры какой то мглистый видъ.

Стукъ отбитыхъ дверей обратилъ ее вниманіе. Она закричала отъ ужаса, увидя передъ собой незнакомца, закутаннаго въ широкій плащъ темнаго цвѣта.

«Не бойтесь, несравненная Аврора! сказалъ Мацарино; я посланникъ любви и счастья. Прочитайте эти строки отъ вашего Фернандо и вы все узнаете.»

При имени Фернандо краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Авроры. Она торопливо схватила записку, быстро пробѣжала ее глазами, еще быстрѣе вскочила и сказала:—Я готова! пойдите!

«Прекрасно! Люблю такую рѣшительность. Вы стоите другъ друга.»

Сказавъ это, Мацарино задуть лампу, притворилъ дверь бесѣдки и, дошедши съ Авророй до садовой стѣны, перебрался черезъ оную по веревочной лѣстницѣ, держа въ объятіяхъ прелестную графиню.

Замѣтя ихъ, Фернандо выскочилъ изъ коляски и побѣжалъ на встрѣчу.

Любовники упали другъ другу въ объятія.

«Теперь невремя медлить и восхищаться, сказалъ Мацарино; садитесь въ коляску, побѣжайте къ отцу Іануарію, отдайте ему эту записку отъ меня. Онъ васъ обвѣнчаетъ; и тамъ подождите меня. Я черезъ нѣсколько часовъ буду.»

Мацарино посадилъ ихъ въ коляску. Лошади помчались.

«Теперь приступимъ къ финалу», сказалъ онъ съ улыбкою. Свиснулъ и, сказавъ нѣсколько словъ на ухо подошедшему къ нему человѣку, пошелъ къ виллѣ, откуда неслись громкіе звуки музыки.—

Всѣ гости графа Бриллиантно собрались въ одну залу, для того чтобъ послушать восхитительное пѣніе синьоры Дульчіо. Акомпанируя себѣ на фортепіано, синьора пѣла одну изъ канцонетъ любимаго маэстро. Графъ, облокотясь на инструментъ, восхищался и пѣніемъ и пѣвицею. Восторженные рукоплесканія гостей не умолкали, когда Мацарино въ великолѣпномъ платьѣ италяйскаго вельможи испрѣмѣно пробрался въ залу и подошелъ къ графу.

Въ эту минуту синьора Дульчіо осталась и небрежно раскинувшись на креслахъ, съ улыбкою принимала похвалы восторженныхъ дилетантовъ.

«Привѣтствую васъ, благородный синьоръ», сказалъ Мацарино графу.

Тотъ обернулся и изумился, увидя незнакомаго лицо.

— Благодарю, синьоръ! Извините, что не узнаю васъ. Ваше имя?

«Я скажу о немъ послѣ. Теперь позвольте мнѣ поговорить съ вами объ одномъ близкомъ для васъ и для меня дѣлѣ...»

— Что за дѣло, синьоръ, что вы выбрали такое время?

«Я кончу въ двухъ словахъ.»

— Говорите; я слушаю.

Появленіе незнакомаго, и эти слова заинтересовали все общество. Музыка прекратилась; составили кругъ около графа и Мацарино.

«И такъ, синьоръ приступимъ къ дѣлу» сказалъ Мацарино. «У васъ есть дочь?»

— А вамъ до этого какое дѣло?

«Очень большое: она дѣвушка на возрастѣ; я выбралъ ей жениха.»

Графъ вспыхнулъ; но подумавъ немного улыбулся и сказалъ:—А! этотъ синьоръ, тутъ провелъ онъ пальцомъ по лбу,—немножко не въ своей тарелкѣ; онъ насъ позабавитъ.—Многіе засмѣялись.

—И такъ, синьоръ сказалъ графъ, вы были такъ добры, что сосватали мою дочь.

«Да, передалъ ее уже жениху, и они теперь обвѣнчаны, а самъ пришелъ за приданымъ. 50 тысячъ червонныхъ, графъ, и я уйду. Вы богаты, а женихъ бѣденъ, а у васъ дочь одна.»

—Почему не такъ, сказалъ, засмѣявшись графъ, только не теперь, а когда нибудь въ другой разъ.

«Сію минуту!» произнесъ Мацарино громовымъ голосомъ, такъ, что всѣ вздрогнули. «Вы считаете меня бузумцемъ. Ошибаетесь: съ вами говоритъ Мацарино...»

При этомъ страшномъ имени всѣ бросились въ разныя стороны. Пользуясь паническимъ страхомъ гостей, Мацарино занялъ твердую позицію, прислонясь спиною къ окну и ожидалъ, что будетъ.

Не долго длилось пуганіе гостей. Они собрались спова въ кучку и начали разсуждать между собою, что имъ стыдно бояться одного человѣка и что теперь всего удобнѣе схватить его.

Принявъ это намѣреніе, толпа двинулась къ нему съ непріязненнымъ намѣреніемъ.

«Я ожидалъ, господа, что съ вами добромъ не кончится», сказалъ Мацарино; «но за то, съ перваго, кто подойдетъ близко, слѣтитъ черепъ долой...»

Онъ уставилъ два пистолета противъ нападающихъ и пронзительно свистнулъ.

Въ каждомъ окнѣ явилось по два дула огромныхъ карабиновъ и сильный отрядъ разбойниковъ вошелъ въ залу и занялъ посты у дверей. Всѣ гости съ ужасомъ стѣснились въ одну сторону; многія дамы упали въ обморокъ.

«Я хотѣлъ кончить съ вами мирно, сказалъ Мацарино, а вы не хотѣли. Теперь вотъ мои условія: синьоръ графъ, вы дадите сію минуту 50 тысячъ червонныхъ въ приданое вашей дочери, и столько же мнѣ, за труды сватовства, билетами на извѣстныхъ банкировъ; мой пріятель Брамберино проводитъ васъ въ кабинетъ и вы принесете сюда эту сумму. Не перемигивайтесь, не ожидайте помощи: ваши люди всѣ перевязаны и убиты...»

Брамберино и графъ ушли въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ возвратились; графъ, блѣдный отъ злости вручилъ билеты Мацарино, который хладнокровно пересчиталъ ихъ и сказалъ: «Вѣрно! Теперь синьоры и синьорины, моя послѣдняя просьба: у васъ есть много лишнихъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей, которыя васъ беспокоятъ. Я ихъ очень люблю. Подарите на память.»

При этихъ словахъ онъ разослалъ платокъ на полу и всѣ поспѣшили исполнить желаніе Мацарино.

Свернувъ платокъ съ драгоценностями, Мацарино улыбаясь сказалъ: «Спокойной ночи, синьоры; очень благодаренъ.»

Когда графъ и гости оправились отъ испуга, разбойники были уже далече.—

Въ скромномъ домикѣ отца Іанурія, молодые супруги наслаждались восторгами счастливой любви, когда явился Мацарино. Они бросились къ нему на шею съ изъявленіемъ живѣйшей признательности.

«Очень радъ!» сказалъ Мацарино что хоть па что нибудь пригодился. Вотъ ваше приданое. Побѣжайте во Францію, живите счастливо и вспомните когда нибудь и обо мнѣ.»

—Но чѣмъ же отблагодарить васъ за благодѣяніе? вскричалъ Фернандо.

«Непадо! Я себя никогда не забываю,» отвѣчалъ Мацарино. Онъ показалъ билеты и платокъ съ драгоценностями.

Мацарино самому понравилась эта исторія; онъ захотѣлъ повторить ее, но по третьему разу самъ попался въ западню и справедливая казнь безъ шутокъ прекратила шутки Мацарино.

ПАМЯТНИКИ

МИННУ И ПОЖАРСКОМУ.

Въ Россіи сколько городовъ? На этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно, даже если бы и навести всѣ возможные географическія справки, потому что городовъ прибываетъ каждый годъ, нѣкоторые упразднены или переведены на другія мѣста; но не менѣе того, они должны остаться для Исторіи. Многія села храпятъ важныя историческія событія, такъ что служатъ до сихъ поръ живыми памятниками прошедшему; почему ихъ должно считать наравнѣ съ колоннами, мавзолеями и пирамидами, указателями и свидѣтелями событій. Въ нашей Исторіи есть нѣкоторыя эпохи, которыя были поводомъ къ сооруженію монументовъ; но преимущественно въ этомъ отношеніи важны два незабвенные года съ промежуткомъ двухъ вѣковъ.— Это 1612 и 1812. Страшное сближеніе чиселъ! Далѣе 1612 монументальныя наши указанія, кажется, не простираются, за исключеніемъ св. Александра Невскаго, св. Равноапостольнаго князя Владиміра и завоевателя Сибири. Если бы наши города достигли важной степени торговаго и промышленнаго довольства и развитія, то несомнѣнно изъ нихъ могла бы возникнуть обширная галлерея памятниковъ, напоминающихъ Исторію до Рومانовскихъ и Романовскихъ временъ; донынѣ эра памят-

Село Пурехъ, мѣсто рожденія князя Д. М. Пожарскаго.

никовъ принадлежатъ только новой Исторіи нашей. 1612 годъ помянуть, сколько намъ извѣстно, тремя памятниками и возстановленіемъ и храненіемъ нѣкоторыхъ зданій, связанныхъ съ событіями того времени. Пятьевскія царскія палаты съ принадлежащими къ нимъ остатками древности вы увидите позже. Героями этой эпохи были безъ сомнѣнія Гермогенъ, Палицынъ, архимандритъ Дионисій, князь Пожарскій, Мининъ и Сузалинъ. Па-

который будетъ поставленъ въ Костромѣ. Достопамятный 1612-й годъ сохранится для позднѣго потомства въ этихъ каменныхъ и металлическихъ свидѣтельствахъ; но какъ мы свазали, есть еще и другіе новоды къ воспоминаніямъ историческимъ. Благодаря гг. Чернецовымъ, мы можемъ представить нашимъ читателямъ нѣкоторые изъ нихъ. На первый разъ повѣщаемъ село Пурехъ и гробницу Минина. Село Пурехъ не описано въ нашихъ

па Божіей Матери, обложенная жемчужною ризою и дорогими камнями: икона эта, по разсказамъ жителей, находилась съ княземъ во все время похода; въ церковь пурехскую она перенесена по завѣщанію; 2) другая икона, также украшенная жемчужною ризою; полагаютъ, что эта икона принадлежала матери князя; 3) золотой напрестольный крестъ; и 4) рѣзное деревянное Распятіе, присланное князю изъ Соловецкаго мона-

Гробница гражданина Козьмы Минина.

мать осады Троицко-Сергіевской Лавры означена памятникомъ, съ котораго мы не имѣемъ еще рисунка; память освобожденія Москвы, памятникомъ Минину и Пожарскому на Красной площади; память возстанія ценовыхъ земель — обелискомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; память подвига Сузалина — изготовляемый вышѣ монументомъ царю Михаилу Оеодоровичу и вѣрному Сузалину и особымъ памятникомъ этому достойному поселенцу,

географическихъ словаряхъ, а оно весьма примѣчательно, потому что здѣсь родился князь Пожарскій. Преданіе утверждаетъ, что церковь въ Пурехѣ выстроена тѣмъ же княземъ. Донынѣ было извѣстно, что князь проживалъ въ селѣ Юрипѣ, въ 30 верстахъ отъ Балахины, и что Жаркая Волость принадлежала ему же. Видъ Пуреха, какъ сами изволите видѣть, весьма живописенъ. Въ церкви находят-ся дорогіе вклады князя Пожарскаго: 1) ико-

стиря. Въ одномъ изъ предѣловъ находится рѣзное Распятіе собственннхъ трудовъ князя Пожарскаго. Прежде въ Пурехѣ хранилось и знамя, подъ которымъ вся Русь шла къ Москвѣ, чтобъ освободить ее изъ рукъ непріятельскихъ. Но это знамя, подлинное, перенесено въ Москву; на его мѣстѣ оставлена вѣрная копія.

Мининъ былъ не только соотечественникомъ, но, такъ сказать, согражданиномъ князя

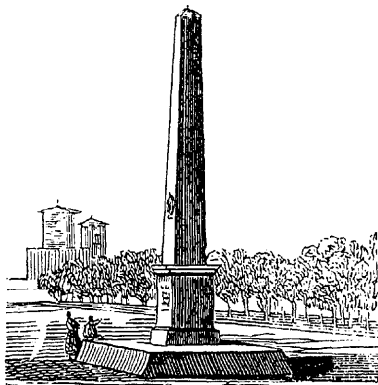
Пожарскаго, потому что онъ родился въ Балахнѣ, и извѣдывалъ, какъ староста, Нижегородскимъ посадомъ. Онъ погребенъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ соборѣ Преображенія Господня. Здѣсь началась слава обоихъ, достигла высочайшей точки въ Москвѣ, и памятники означили эти два пункта. Памятникъ Минину и Пожарскому воздвигнутъ въ Нижнемъ Новгородѣ весьма просто, какъ просто было начало ихъ подвига. Обелискъ изъ цѣльнаго гранитнаго куска въ 5 сажень вышиною, вотъ и все тутъ; напротивъ того, монументъ Московскій, воздвигнутый на Красной площади, не только важенъ по своей огромности, но и по художественному созданію и исполненію, и принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго И. П. Мартоса. О трудахъ незабвеннаго скульптора мы не разъ еще будемъ говорить въ Иллюстраціи.

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ.

(Продолженіе.)

Заговоры отъ зубной боли принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ и находящихся много заступниковъ, кои, по словамъ ихъ, столько разъ на себѣ испытали силу ихъ, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажемъ тоже, что о такъ называемыхъ симпатическихъ средствахъ вообще: если тутъ кроется, что нибудь, то ученые наши объясняютъ это со временемъ, причисливъ сіи явленія къ животному магнетизму. Я бывалъ свидѣтелемъ тому, какъ заговоренная бумажка, или нашенгиваніе, или ложеніе руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не дѣйствовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорятъ, что если кто разуается, всегда начиная съ лѣвой ноги, то у него никогда не будутъ болѣть зубы; цѣлый рядъ подобныхъ повѣрьевъ поименъ нами, ниже въ разрядъ шуточныхъ. Къ числу средствъ, кои даютъ отъ зубной боли съ наговорами, но помогаютъ иногда по естественнымъ причинамъ, принадлежатъ слѣдующее: положить на большой зубъ два обрубка круглаго корешка или прутика обыкновеннаго корня дякой земляники, и держать ихъ стиснувъ легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усиліе это и однообразное напряженіе нерѣдко доставляютъ скорое облегченіе. Иные вѣрятъ, что долж-

но задушить крота двумя пальцами, или же вымазать пальцы кровью чернаго крота, чтобы пріобрѣсти силу исцѣлять зубную боль однимъ прикосновеніемъ руки. Но опытамъ моимъ, это не подтвердилось.

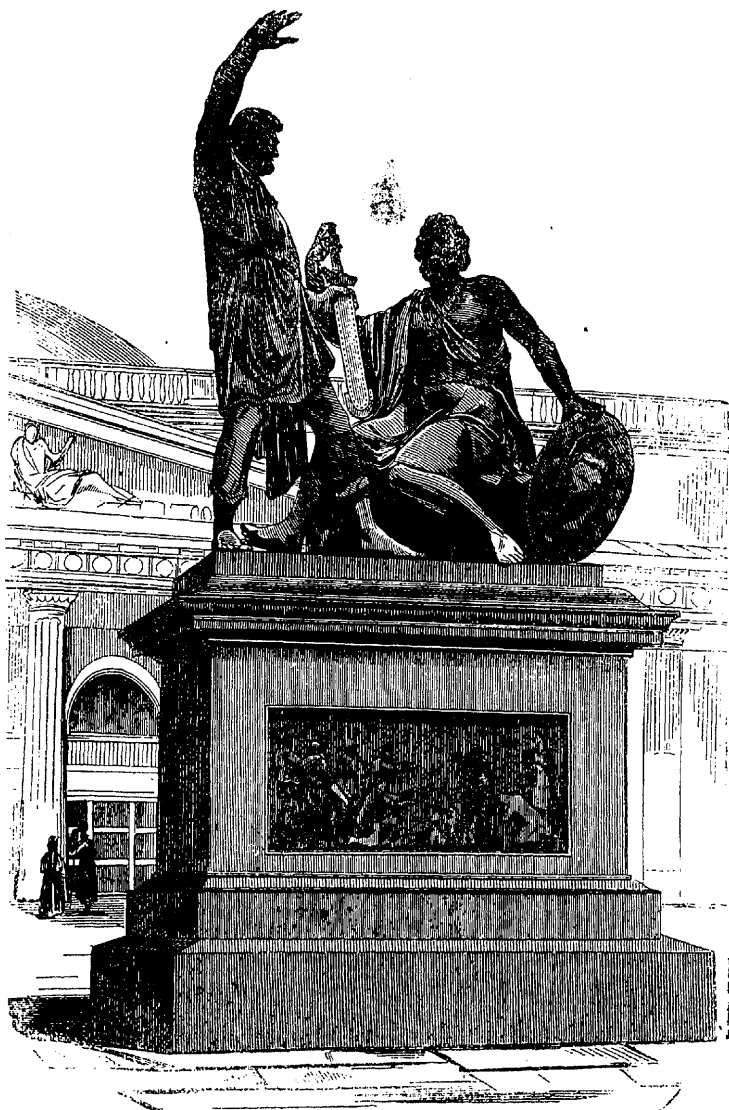

Обелискъ Минину въ Нижнемъ Новгородѣ.

Заговоры разнаго рода на пчелъ, относятся до, такъ называемаго, пчелинаго знахарства, изложеннаго довольно подробно у Сахарова. Но объ этомъ одномъ предметѣ

можно бы написать цѣлую книгу, въ коей дѣльныя замѣчанія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, по укутаннны въ таинственные и суевѣрные обряды, путались бы попеременно съ затѣйливymi или вовсе глупыми вымыслами празднаго воображенія. Есть, между прочимъ, повѣрье даже о томъ, что можно *дѣлать* пчелъ, наклавъ всякую всячину къ закупоренную бочку и поставивъ ее, съ извѣстными обрядами, на зиму въ омшеникъ.

Весьма близки, по значенію своему, къ заговорамъ, а часто вовсе съ ними сливаются, и притомъ не болѣе ихъ изслѣдованы такъ называемыя, *симпатическія средства*. Сюда же принадлежатъ подвѣски, привѣски, подвязки, талисманы, амулеты, ладонки и проч. Суевѣріе объ особенномъ значеніи и силѣ каждаго изъ самоцвѣтныхъ камней, перешло къ намъ съ Востока, изъ области поэзіи. Конечно, не можетъ настать въ томъ никакого сомнѣнія, что большая часть повѣрій этого разряда также пусты и вздорны, какъ мнимое волшебное дѣйствіе самоцвѣтныхъ камней; но съ другой стороны, недѣля произнести приговоръ этотъ надъ всѣми сюда относящимися повѣрьями, хотя мы и не всегда находимъ удовлетворительное объясненіе загадки. Некоторые изъ сихъ средствъ только по странности своей и причудливому способу употребленія принадлежатъ, съ виду, къ симпатическимъ средствамъ, между тѣмъ какъ самое ихъ дѣйствіе основывается на давно извѣстныхъ законахъ природы. Такъ, наприкладъ, повязки на рукахъ и ногахъ, отъ лихорадки, не только признаны дѣйствительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь ихъ основана, по видимому, на законахъ обращенія крови: повязки на рукахъ и ногахъ останавливаютъ возвратъ крови къ сердцу, черезъ поверхностные кровенныя жилы (вены), и кровь не можетъ скопляться, во время озноба, во внутренностяхъ, отчего и происходитъ переломъ болѣзни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарусъ, коего девять питокъ на шеѣ служатъ также предохраненіемъ для дѣтей отъ скарлатины и краснухи. Есть ли тутъ еще и своеобразное дѣйствіе собственно краснаго гаруса, который преимущественно для сего употребляется, въ этомъ, конечно, должно усомниться. Я зналъ человека, который раздавалъ привѣски отъ лихорадки, нашенгивая ихъ напередъ, и хотя онъ мнѣ самому и въ некоторымъ другимъ не помогалъ, но зато, подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ, много разъ *печально* преграждалъ

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

болѣзнь, по-крайней-мѣрѣ, упорная лихорадка, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, съ того же дня, какъ таинственная ладонка была привѣшена, не возвращалась. Это былъ корень неизвѣстнаго растенія, указанный знахарю, по словамъ его, однимъ сыномъ, которому опъ на пути слѣдованія оказалъ какую-то услугу. Замѣчательно было для меня вотъ что: испробовавъ нѣсколько разъ силу этого корешка надъ больными и призадумавшись надъ нимъ по неволѣ, я могъ искать разрѣшенія загадки въ одномъ только воображеніи больныхъ. И такъ, я взялъ другой, первый появившійся мнѣ, корешокъ, и сталъ его привѣшивать, выдавая за полученный отъ знахаря, къ лихорадочнымъ. Я повторилъ это, какъ нахожу въ запискахъ своихъ, на пяти различныхъ больныхъ, но безъ всякаго успѣха; всѣ они неохотно и безъ довѣренности дозволяли повторить опытъ, привѣскою настоящаго корня; послѣ чего у двухъ изъ нихъ лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня самого была лихорадка, то мнѣ не помогла ни личная пенка, ни привѣски, хотя я бралъ ихъ непосредственно отъ знахарей, исполняя строго всѣ ихъ предписанія. Привѣска отъ лихорадки, пепелыри, лягушки и проч., вѣроятно, дѣйствуютъ наиболѣе посредствомъ настроеннаго воображенія; надобно одолѣть обычное отвращеніе отъ этихъ тварей, и нравственное волненіе также производитъ физическій переломъ. Привѣска написанная на клочкѣ бумажки таинственныхъ словъ, или абракадабры, или пріемъ бумажки этой внутрь, въ видѣ пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинетъ больного, по всей вѣроятности, также обнаруживаютъ силу свою посредствомъ воображенія, этого довольно могучаго рычага. Не иначе дѣйствуютъ, кажется: оканчиваніе холодной водой черезъ оглоблю, или въ лѣсу, черезъ березку; привѣска итчилаго гнѣзда; бечевки, на которой удавлена собака; послѣдовательный пріемъ, прямо съ рѣки и на-тошакъ, нѣсколькихъ ложекъ воды, начная въ первый день съ одной; также пріемъ замлатой въ хлѣбномъ мякишѣ виш; впрочемъ настѣкомое это, какъ увѣряютъ, дѣйствуетъ врачебно и употребляется также для понужденія послѣда, послѣ родовъ. Варятъ также въ мочѣ больного три куриныя яйца, выносятъ ихъ, съ горшочкомъ, въ муравейникъ, разбиваютъ и зарываютъ все вѣстѣ. Когда муравьи уничтожатъ яйца, то лихорадка должна пропасть. Или большой дождень проноситъ нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ въ рукавицѣ, на голой ладони, во время приступа; потомъ сбиваютъ ихъ, а когда взойдутъ, больному дождень ихъ раздавить и растоптать. Завязываютъ въ лѣсу надъ головою больного два сучка березы, приговаривая: покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгинешь. Пишутъ на бумажку абракадабра, извѣстныхъ треугольникомъ, или имя больного, молитву, или другія таинственныя слова, и привѣшиваютъ къ больному; или остригаютъ волосы и ногти больного, проворачиваютъ въ оснѣв дѣру, затыкаютъ ее этими и заколачиваютъ камешкомъ; печально, съ молитвой, оканчиваютъ во время озноба водой, сажаютъ лягушку за пазаху и проч. Отъ судорогъ носятъ въ карманѣ мѣдный грошъ, кусочекъ сѣры и ржаного хлѣба; или зашиваютъ въ подвязку сѣрный цвѣтъ.

В. Луцкий

КАНАЛЪ СУРОВЦОВА.

Одесскій купецъ М. Суровцовъ, по торговымъ своимъ дѣламъ, перѣѣзжалъ, нѣсколько разъ, при селеніи Маякахъ, черезъ рѣку Днѣстръ. Во время этихъ перѣѣздовъ, у него родилась мысль, что если бы при впаденіи Днѣстра въ лиманъ, не было отменъ, то по рѣкѣ этой было бы возможно каботажное судоходство: тогда сообщеніе съ Одессою и съ прочими черноморскими портами развилось бы значительную торговлю и принесло существенную выгоду, какъ купцамъ, такъ и помещикамъ, на всемъ протяженіи Днѣстра, протекающаго отъ самыхъ границъ Галиціи до Чернаго моря, по Подольской и Херсонской губерніямъ и по Бессарабской области. Въ такихъ предположеніяхъ, Суровцовъ, во время своихъ перѣѣздовъ, часто ходилъ по берегу Днѣстра въ Аккерманскомъ уѣздѣ, и въ одинъ счастливый обзоръ нашелъ слѣды малаго *лрыка* или канала, Богъ вѣсть когда и кѣмъ прорытаго. *Лрыкъ* этотъ шель отъ Днѣстра до рѣчки Таранчука, которая вытекаетъ изъ Днѣстровскаго лимана и имѣетъ при устьѣ отъ 7-ми до 8-ми футовъ глубины. Обрадовавшись такой находкѣ, Суровцовъ изслѣдовалъ мѣстность, и принявъ намѣреніе, на мѣстѣ этого лрыка, устроить каналъ и, такимъ образомъ, открыть судоходное сообщеніе приднѣстровскихъ мѣстъ со всеми черноморскими портами. Составивъ проектъ, Суровцовъ при прошеніи представилъ его Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, князю М. В. Воронцову, въ мартѣ 1838-го г. Въелѣдствіе Высочайшаго утвержденія, послѣдовавшаго въ 3-ій день ноября 1838 г., Суровцовъ получилъ позволеніе устроить, на свое иждивеніе, каналъ между Днѣстромъ и Таранчукомъ, и, въ вознагражденіе за издержки, ему дана была десятилетняя привилегія (начная съ 1-го мая 1839-го г.) пользоваться добровольнымъ сборомъ съ прохаживающихъ по его каналу судовъ.

Каналъ былъ оконченъ и торжественно открытъ въ 1840-мъ году. Длина его между двухъ рѣкъ 160 сажени; ширина при Днѣстрѣ 10, а при Таранчукѣ 7 сажени; глубина отъ 5-ти до 6½-футовъ.

Съ открытіемъ канала на 1842-й годъ, прошло изъ Таранчука по каналу въ Днѣстръ и обратно, съ грузомъ, влечимъ въ Маякахъ, въ Одессу 20 мореходныхъ судовъ. Въ 1842-мъ — 10; въ 1843-мъ — 5; въ 1844-мъ — всего 34 коммерческихъ судна, поднимающихъ грузу отъ 25-и до 90-а тастовъ.

Съ открытіемъ канала Суровцова, водной путь по Днѣстру сдѣлался возможнымъ на всемъ протяженіи этой рѣки, въ Русскихъ предѣлахъ до самыхъ береговъ Чернаго моря. Между тѣмъ, пѣзъ привеленныхъ нами цифръ видно, что по этому каналу до 1843 г. прошло судовъ въ Черное море не такъ много, какъ бы можно было ожидать того. Единственною причиною этого былъ недостатокъ судовъ и, главное, самое ихъ устройство. Большая часть этихъ судовъ состоитъ изъ австрійскихъ плоскодонныхъ галеръ, которыя не держатъ пускаться въ море, и потому выгружаются, обыкновенно, въ Парканахъ у Бендеръ (130 верстъ отъ Одессы; или въ Маякахъ (45 верстъ отъ Одессы); впрочемъ того, и до этого пункта они часто плывутъ медленно, останавливаясь у береговъ и часто даже выгружаясь, гдѣ ни понало, въ случаѣ бури и опасности; притомъ же возвращеніе этихъ судовъ вверхъ по теченію совершенно невозможно. Къ этому должно прибавить недостатокъ хорошихъ шкиперовъ, и невозможную дорознику сухонутной доставки изъ Парканахъ въ Маякъ въ Одессу. — Устранить подобныя затрудненія могутъ хорошія каботажныя суда, которыя бы приемыны были къ мѣстнымъ потребностямъ и могли бы свободно и смѣло ходить по Днѣстру и не опасаться плаванія у береговъ Чернаго моря. Суровцовъ понималъ это, и въ 1845-мъ г. составилъ проектъ мореходной лодки, удобной для днѣстровскаго судоходства и могущей поднимать отъ 3,000 до 4,000 пудовъ соли; во стѣненное положеніе, въ которомъ она находится, не позволяло ему доселѣ привести этого проекта въ исполненіе. Въ 1844-мъ году, *Приднѣстровскій* помѣщикъ построилъ въ Одессѣ лодку, которая приняла 200 четъ хлѣба и которая, съ полнымъ грузомъ, прошла изъ Одессы въ Днѣстровскій лиманъ, отсюда, черезъ каналъ Суровцова, въ Днѣстръ и по Днѣстру до Могалева, и возвратилась въ Одессу, съ грузомъ же и тѣмъ же путемъ. Въ настоящемъ году, въ Подольской губерніи, въ итѣстѣ Камышъ, построено мягкая Четвертинская мореходная судна, поднимающая по

700 чет. пшеницы. Одно изъ нихъ, съ грузомъ 325 чет. пшеницы, пройдя черезъ каналъ Суровцова изъ Днѣстра въ лиманъ, пришло въ Одессу 10-го октября; за другимъ отправленъ шкиперъ. Въ Одессѣ нынче строится большія лодки (каботажныя суда, приспособенныя къ днѣстровскому судоходству. Г. Збышевскій построилъ три такихъ лодки (каждая поднимаетъ 600 чет.); опыты княгини Четвертинской показываютъ, что и на самомъ Днѣстрѣ можетъ проплаваться лодка подобнаго лодокъ. Нынче въ Одессѣ окончателно оснащенъ желѣзныя пароходъ «Днѣстръ», который недавно отправился, для опыта, въ р. Днѣстръ, взявъ на буксиръ четыре лодки, три г-на Збышевскаго и одну княг. Четвертинской; этотъ пароходъ много облегчитъ плаваніе лодокъ по Днѣстру.

Число судовъ — какъ мы уже замѣтили, прошедшихъ черезъ каналъ Суровцова, весьма незначительно; но можно ли вникать за это каналъ? Сдѣлаемъ маленькое примѣненіе, чтобы показать истинную причину этого. Предположимъ, что между двухъ весьма важныхъ торговыхъ пунктовъ, на расстояніи, напр., ста верстъ, мы проложили желѣзную дорогу — отделили ее какъ нельзя лучше: дорога готова, — остается только ждать, остается пустить въ дѣло вагоны. Но у насъ нѣтъ вагоновъ, и мы на желѣзную дорогу, вмѣсто вагоновъ, пустили простые телеги, которыя были у насъ въ запасѣ. Само собою разумеется, что желѣзная дорога нѣсколько не могла этимъ телегамъ, которыя не способны ходить по рельсамъ, и время доставки отъ того нѣсколько не ускорилось. Наконецъ, на нашей дорогѣ появились съ десяткомъ вагоновъ; по количеству продуктовъ, ждущихъ транспортировки между двумя пунктами, требуютъ ихъ сотни. Что жъ выходитъ? Количество продуктовъ на обоихъ пунктахъ безпрестанно увеличивается, потому что хозяева ихъ надѣются воспользоваться вагонами; но масса товаровъ такъ велика, что только некоторые могутъ пользоваться вагонами, а прочіе должны обращаться къ прежнимъ телегамъ, которыя возить по прежнему, а братья дороже отъ увеличившихся требованій. Возъ и объясненіе того, на что мы указали выше. Прошедшіе черезъ каналъ Суровцова 34 судна удостоиваются, что суда могутъ свободно тамъ плавать. Въ прошломъ году пришло съ верховьевъ Днѣстра въ Маякъ до 500 галеръ (каждая съ грузомъ отъ 350 до 400 ч. пшеницы; но опъ не прошли черезъ каналъ и не пошли въ море. Вывозитъ, ужъ конечно, не каналъ, а суда, которыя не смѣютъ пускаться дальше; пусть бы они были устроены такъ, какъ ты 34 судна, и они бы смѣло пошли дальше и прибыли въ Одессу.

И такъ большое число хорошо устроенныхъ, разнообразныхъ съ требованіемъ мѣстности, лодокъ сдѣла совершенно иной видъ днѣстровскаго судоходства. Пусть богатые помещики поедутъ причѣру княгини Четвертинской; пусть пріимчивые капитаны не побоятся употребить капиталы на устройство возможно большаго числа лодокъ, приспособленныхъ къ мѣстному плаванію, — и труды ихъ не замедлятъ вознаграждаться. Но, употребляя значительныя деньги на судоустройство, пусть не забываютъ хозяева ихъ, что въ дѣлѣ всякаго плаванія, главная порука успѣха — кормчіи. У многихъ изъ нашихъ Русскихъ, занимающихся вообще промышленностью, къ счастью не у всѣхъ, существуетъ странная смѣсь европеизма съ азиатскою патріархальностью. Иной употребитъ огромный капиталъ на устройство какого-нибудь заведенія, а старается выиграть нѣсколько сотенъ на ямкѣ прикащика, и, выигравъ жалкую суму, терять порою весь капиталъ отъ недалковидности, недобросовѣстности, или невѣжества и безнечности этого прикащика. То же бываетъ и съ судномъ, вѣрными выонитой или дѣтвой рукѣ. Пусть шкиперъ вашъ беретъ большую, значительную суму, но за то ваше судно и товаръ, вѣрными ему, обезнечены... Разумѣется, и съ опытнымъ шкиперомъ случаются несчастія, въ которыхъ безслѣзнымъ и его опытность, и его умъ и званіе дѣла; но такіа неслазныя несчастія не уничтожаютъ важности хорошаго шкипера въ ямкѣ опасности, которую можно отвратить. У насъ велика пожадовалась на недостатокъ такихъ людей: Херсонское управленіе торговаго мореплаванія ежегодно выпускаетъ своихъ воспитанниковъ и можетъ удовлетворять этой потребности; но жалитѣ жалованья — и люди найдутся.

Песчаныя косы лимана не могутъ служить препятствіемъ для днѣстровскаго судоходства. Подробная карта днѣстровскаго лимана и канала

Суровцова, заданная Черноморским депю, съ показаніемъ лкорныхъ мѣстъ и направленія фарватера, можетъ служить прекраснымъ руководствомъ хорошему мореходу. Кроме того, въ будущемъ году, по распоряженію начальства, на этихъ отмеляхъ будутъ поставлены вѣхи, которые уже означены на картѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года каналъ Суровцова былъ вновь освидѣтельствованъ, по указу Бессарабскаго областного правленія, и самая меньшая глубина его была тогда 6 футовъ и 5 дюймовъ. Хозяева лодокъ могли бы также исходить, чтобы, въ случаѣ бурной погоды и противнаго вѣтра на морѣ, суда ихъ были буксированы пзъ моря въ лиматъ большаго Крымскими пароходами, которые, приходя въ Одессу, дней нѣсколько стоятъ на мѣстѣ, и могли бы въ этомъ случаѣ принести большую пользу.

Въ заключеніе повторимъ, что тѣмъ болѣе будетъ въ дѣйствіи судоходствѣ являться судовъ, требуемыхъ мѣстностью и ввѣренныхъ хорошии шкиперами, тѣмъ легче будетъ являться вся важность канала Суровцова. Отъ предпріимчивыхъ капиталистовъ зависитъ воспользоваться всѣми выгодами, которыя представляетъ этотъ каналъ для воднаго транспорта произведеній пзъ прибрежнскихъ мѣстъ въ Одессу, и тѣмъ способствовать развитію торговли и увеличенію собственныхъ капиталовъ.

(O. V.)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ.

Изданіе Иллюстраціи на 1846 г. — Пожаръ и маскарады. — Марія ди Роганъ. — Казанская выставка. — И. П. Шиповъ. — Художникъ Штернбергъ.

=

Годъ опыта и различныхъ испытаній для Иллюстраціи кончился. Не девять мѣсяцевъ, а ровно годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ главный редакторъ удостоился получить дозволеніе на изданіе Иллюстраціи. Съ тѣхъ поръ Редакція постоянно находилась въ борьбѣ съ противниками, затрудненіями; встрѣчала неудачи; подвергалась ошибкамъ, но возможности исправляла ихъ, и наконецъ достигла благополучнаго окончанія перлага, вступительнаго года изданія Иллюстраціи. Въ этотъ разъ вы не услышите отъ насъ укора, который иногда отзывался на страницахъ Иллюстраціи. Кто не ропталъ на несправедливость людей?

Возрастающее вниманіе публики къ нашему изданію, содѣйствіе всѣхъ извѣстнѣйшихъ дѣйствующихъ литераторовъ къ пользамъ Иллюстраціи, обязательное усердіе художниковъ, вотъ что мы поминимъ, чего никогда не забудемъ; мы перенесли тяжкія испытанія, но не было ни одной минуты безъ сознанія и нравственнаго утѣшенія, что мы идемъ къ нашей цѣли путемъ безукоризненнымъ, по доброй совѣсти, употребляя къ тому всѣ средства наши безъ остатка. Намъ поддерживало убѣжденіе, что свойства нашихъ дѣйствій раньше или позже освободятъ отъ предубѣжденій, которыми хотѣли повредить намъ кое-какіе люди... Но довольно объ этомъ! Первый томъ теперь у каждого въ рукахъ; каждый можетъ пересмотрѣть его въ совокупности; видѣть наши старанія шагъ за шагомъ, съчесть гравюры, оцѣнить ихъ достоинство, взглянуть на содержаніе, словенно, безпристрастно, у кого есть безпристрастіе, справедливо, кто умѣетъ быть справедливымъ, произнести свой приговоръ.

На будущій 1846-й годъ мы даемъ одно только обѣщаніе. Употреблять тѣ же старанія, какія употребляли и въ истекшемъ году, чтобы постоянно улучшать наше любимое изданіе. Мы осязались быть искренними, и повѣрите, слово «любимое» самый вѣрный эпитетъ относительно насъ и нашей Иллюстраціи. Намъ грустно, что въ точности согласуясь съ программой и руководствуясь расчетомъ времени, мы должны ждать три недѣли до выхода слѣдующаго номера, который начнется годичное изданіе и второй томъ Иллюстраціи.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ не такъ поняли условія подписки на 1846 годъ. Подписавшись

на весь годъ, они присылаютъ по 11 р. 50 к. и на слѣдующій. Эта цѣна дѣйствительно назначена для тѣхъ, которые подписываются на Иллюстрацію 1846 года, *иногда на весь годъ*, и въ числѣ подписчиковъ на первый годъ не состояли. Тѣ же, которые подписались на получение Иллюстраціи съ 1-го апрѣля 1845 по 1-е апрѣля 1846-го года, возобновляютъ билеты на получение Иллюстраціи въ продолженіе послѣднихъ 9 мѣсяцевъ 1846 года, и платятъ съ пересланою по 9 ти р. Такимъ образомъ всѣ гг. подписавшіеся будутъ удовлетворены одновременно и въ 1847-мъ году подписка откроется для всѣхъ съ 1-го января.

Ежедневныя газеты сообщали уже всѣ подробности пожара, бывшаго въ зданіи дѣйствующаго Дворянскаго Собранія. По счастью и по усердію нашей пожарной команды, великолѣпная и удобная зала не пострадала, и безъ сомнѣнія, карнавальныя увеселенія — балы и маскарады, которыми мы и безъ того весьма бѣды, начнутся въ свое время безотлагательно. Въ день пожара на лицахъ многихъ нашихъ дамъ мы замѣтили выраженіе ужаса, и легко прочли ихъ тайныя мысли и раздѣлили съ ними справедливыя опасенія. О Ужасъ! Страшно и подумать, что стало бы съ любительницами танцевъ и невинныхъ маскарадныхъ шутокъ, если бы огонь завладелъ ихъ ареной. Но страшная буря миновалась. Молодые люди бѣжали къ молодымъ дамамъ съ поздравленіями, что страшное бѣдствіе прошло мимо самой залы, величіе ея не тронуто, не нарушено; говорятъ, даже не замечено. Многимъ казалось, что ихъ только утѣшаютъ, приятно обманываютъ, а въ сущности — залы нѣтъ. Зала есть! Балы и маскарады будутъ! А если бы и не было? Будто ужъ у насъ и залы нѣтъ, куда бы временно могло быть переведено поприще Терпсихоры и десятой музы, принадлежащей совершенно новому вѣку. У древнихъ Мельомена носила маску; у насъ она въ страшной наготѣ, а маску передала новой музѣ, музѣ сладостнаго шепота, лукавой загадочности, невпыхъ таинственныхъ шутокъ, этого сна на яву, который мы называемъ маскарадомъ...

Маскарады въ Дворянскомъ Собраніи заключаютъ въ себя что-то величественное, заимствованное отъ величественности самой залы. Маскарады въ большомъ театрѣ шибютъ совершенно новую физиономію. Бывшій 6-го декабря былъ, какъ персень, слабъ и малъ; ложи почти пусты; и неудачливо: въ этотъ день мещанинчиковъ много на святой Руси, сѣдственно и въ столицѣ. У насъ есть обычай праздновать именины и отсутствующихъ. Въ этотъ день въ Петербургѣ на каждой улицѣ праздники. Къ тому же первый маскарадь... Еще успѣемъ... Спѣшите, однако же вкусить это наслажденіе, потому что изъ Библиографіи нашей можете узнать, что въ этомъ году карнавалъ нашъ будетъ весьма кратокъ. Спѣшите насладиться и маскарадами, и балами, и оперой. Последняя опера — была Марія ди Роганъ.

Музыка этой оперы — музыка Донниетти. Каждый сколько нибудь ознакомившійся съ италійской оперой, знаетъ, что музыка Донниетти есть такая миловоинныхъ бездѣлушекъ и совершенныхъ пустяковъ, каково бы ни было содержаніе пѣсы. Вотъ почему комическія его оперы лучше трагическихъ. Сія — есть трагическая. Она составлена тако: во времена Ришелье, нѣкто Рикардо графъ Шале влюбленъ въ вѣную Марію ди Роганъ, а Марія тайно замужемъ за герцогомъ Шевреэ; а герцогъ убилъ на последнѣй племянника кардинала, за то, что и онъ охмѣлился влюбиться въ Марію. Марія умоляетъ Рикардо спасти герцога; Рикардо велкодоушенъ и выманываетъ у короля прощеніе. Извѣстный Говди, который мѣшался во всѣхъ исторіи, вмешался и въ эту оперу и повздоривъ съ графомъ Шале, вызываетъ его на дуэль. Между тѣмъ развѣщаютъ о паденіи Ришелье; и герцогъ открываетъ передъ дѣлымъ дворянъ тайну, что Марія его жена. Рикардо въ отчаяніи и вѣроятно ему досадно, что онъ спасъ мужа Марію отъ эшафота; въ оперѣ онъ что-то намѣчаетъ, но понять трудно, да и времени нѣтъ, потому что сочинитель либретто на мѣсто Ришелье дѣлаетъ первымъ министромъ графа Рикардо и уводитъ его къ королю самымъ торжественнымъ образомъ, съ большимъ спектаклемъ, какъ прежде говаривали.

Во второмъ актѣ Марія, узнавъ, что Ришелье вошелъ опять въ милость, прибѣгаетъ, натурально, въ маску, и умоляетъ Шале спастись отъ мести кардинала. Шале это предвидѣлъ, уже собрался бѣжать, но прежде хотѣлъ убить Говди,

а къ Марію оставилъ въ конторкѣ письмо съ ея медальономъ. Во время этой бесѣды шествуетъ герцогъ. Марія должна спрятаться. Куда? въ домашній арсеналь. Герцогъ, секундантъ графа, зоветъ Шале на мѣсто боя, но тотъ медлитъ; герцогъ находитъ маску, догадывается, что у Шале гости, и отирается на мѣсто боя одинъ. Марія не пускаетъ Шале; онъ вырывается, но поздно; герцогъ дрался за него и за него же раненъ. Узнавъ, что городскіе стрѣлки пошли въ домъ графа, онъ даетъ ему уставленіе, какъ отъ нихъ уйти. Графъ ушелъ; но Фіскинъ, сыщикъ, осмотрѣвъ бумаги Шале, нашелъ письмо съ медальономъ. Герцогъ въ бѣшенствѣ, и въ свою очередь жалуетъ что графъ ушелъ, но графъ не ушелъ; онъ хотѣлъ проститься съ Маріей, и наткнулся на соперника. Для окончанія драмы онъ пошелъ въ другую комнату, а на сцену явились городскіе стрѣлки. Выстрѣлъ. Гдѣ графъ? спрашиваютъ стрѣлки. — Герцогъ выходитъ и отвѣчаетъ: что графъ, спасаясь отъ позорной казни, застрѣлился. Фіскинъ идетъ повѣрить правду словъ герцога, а герцогъ говоритъ жень: а ты живи, на тѣбѣ позоръ... Конецъ, хотя тутъ нѣтъ драматическаго конца. Но какъ знать, можетъ быть, Донниетти для финала напишетъ еще оперу; за этихъ дѣлъ не станеть. — Вотъ и опера, которая теперь ищется достоянныи. Прежде композиторы хлопотали, чтобы достать либретто логическое, ясное, оправданное во всѣхъ драматическихъ положеніяхъ и согласное съ условіями музыки сценической. Лучшіе писатели составляли либретто для оперъ: Бомарше, Жуи, въ наше время Скрибъ и Романи, едва ли не лучшіе писатели для оперъ. Много оперъ упало, не музыкѣ ради, а потому что зритель затруднился и не могъ понять, что передъ нимъ происходитъ. Недавно у насъ опера достойная не имѣла успѣха, какого заслуживаетъ, по милости либретто. Теперь, за недостаткомъ произшествій въ столицѣ, отправляемся въ провинцію.

Въ провинціи мы замѣтили весьма любопытное явленіе. Это губернская выставка сельскихъ произведеній. Промышленность наша еще на весьма низкой степени развитія. Что грѣхъ таить? Она требуетъ, кромѣ всякаго другаго вспоможенія, и публичнаго одобренія. Отдѣльно мы могли бы представить множество подлговъ на этомъ поприщѣ, но въ насъ всѣ эти подлги кусты, розъ, разбросанные по огромной пустынѣ, отчетливо они и дѣлаются незамѣтными. Централизация общей дѣятельности народа въ одномъ пунктѣ не можетъ быть такъ полезна, какъ централизация той же дѣятельности отдѣльно въ каждой провинціи. Важность послѣдствій какого-либо открытія или улучшенія, придуманнаго, напримѣръ въ Астрахани и приспособленнаго къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, повѣи и климату, не можетъ быть оцѣнена публичнымъ судомъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ; се понимаютъ тѣ, которые знакомы съ мѣстными требованіями края. На казанской выставкѣ, напримѣръ бывшей въ этомъ году было 498 номеровъ; золотая медаль выдана за выдѣлку кожевеннаго товара, серебряныя за картофельную патоку и за салныя свѣчи. Мы постоянно будемъ слѣдить за губерскими выставками, и увѣрены, что для многихъ эта статья будетъ всегда запмятливою.

Въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ Неофициальной части, обыкновенно помѣщаются частныя извѣщенія. Въ N 47, однако же мы нашли любопытную некрологію Ивана Павловича Шипова. Достойный воинъ, съ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя военному поприщу, И. П. Шиповъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, бывшихъ съ 1809-го года; възвнсанъ милостіями нашихъ Государей, и двадцать восемь разъ имѣлъ счастье получить Высочайшія благоволенія. Послѣдніе годы жизни проводилъ И. П. Шиповъ въ кругу семейства, снѣдаемъ грудное волноно болязнью, отъ которой и умеръ 21-го октября текущего года. Жители Ярославля отдали послѣдній долгъ генералу Шипову съ такимъ непритворнымъ сожалѣніемъ, которое останется на всегда свидѣтельствомъ высокаго достоинства покойнаго. Тѣло погребено въ Толгскомъ монастырѣ...

Мы намекнули уже объ утратѣ, понесенной Русскими художествами. Писма изъ Италіи подтвердили вѣсть о смерти Штернберга. Въ молодости, самой итѣжной, онъ подавалъ уже блистательныя, необыкновенныя надежды. У него былъ свой родъ, онъ смотрѣлъ на все своими глазами, глаза эти видѣли натуру въ юмористическомъ свѣ-

тъ, безъ каррикатуры. Прекрасно умѣлъ онъ уловлять характеристическія черты народнои фнзіономіи. Нѣкоторое время онъ проживалъ въ Малороссіи; къ этому періоду принадлежатъ едва ли не лучшая картинка: осященіе пасхи въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Не въ упрекъ покойному, мы должны сказать, что онъ мало воспользовался Малороссійскими типами; не въ упрекъ, потому что доброты онъ былъ необыкновенной и писалъ, пзъ угожденія тщеславію, виды полубарскіхъ садовъ и полубарскіхъ затѣй, тогда какъ на каждомъ шагу въ Малороссіи онъ могъ встрѣчать картины совершенно въ его родѣ. Вторая поэма Штернберга была въ Хишинскую экспедицію. Объ этомъ періодѣ мы неимѣемъ никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, онъ отправился въ Италію. У насъ художники думаютъ, что безъ Италіи нтъ искусства, не разбирая того, къ какому роду наклоняется ихъ талантъ. Впрочемъ, этотъ предрасудокъ пока общій, а между тѣмъ, если бы Штернбергу спросилъ насъ, куда ему ѣхать, мы бы сказали: поѣзжайте въ Голландію и Бельгію. Протѣжая Германію, закурьтесь, чтобы не засмотрѣться на закировку Нѣмецкихъ картинъ, чтобы не заразиться трансцендентальною философіей Германской композиціи. Поѣзжайте въ Голландію и вступите въ клубъ первоклассныхъ художниковъ въ вашемъ родѣ. Тамъ и для васъ оставлено мѣстечко. Но — Италія... Не сбывсь ожиданія безошибочныя, климатъ европейскаго рая не для каждого благодатенъ; Штернбергу страдалъ долго, страдалъ недугомъ и невозможностію написать что-либо такое, чтобы могло вполне отвѣтить на

Художникъ Штернбергъ.

ожиданія соотечественниковъ. Штернбергъ написалъ много и мало. Много, потому что немного Русскихъ альбомовъ безъ его рисунковъ акварелью; мало — потому что не осталось и десятка картинъ галлерейныхъ. Грустно подумать: много художниковъ утратили мы въ одно десятилетіе. Кипренскій, Лебедевъ, Гальбергъ, Орловскій, Брюловъ меньшей, Петровскій, Штернбергъ — и всѣ эти потери понесены въ десять не снова лѣтъ! И въ государствѣ, обильномъ художниками, такіа потери были бы слишкомъ чувствительны, а у насъ — едва ли замѣтны... Подробностей о кончинѣ Штернберга мы еще не получили; взгляните на портретъ его, на очеркъ альбомнаго рисунка, и пожалѣйте Русское художество. Владѣльцы картинъ Штернберга сдѣлаютъ намъ чувствительное одолженіе, если позволятъ снять вѣрные рисунки съ Штернберговскихъ картинъ для иллюстраціи.

Малороссійская сцена, съ рисунка Штернберга.

БИБЛІОГРАФІЯ.

15) *Новоселье. Часть 1 и 2. Второе издание.*

Простой случай — переименование книжного магазина А. Ф. Смирдина на Невский проспект, 19 февраля 1852, послужило четырнадцать лет тому назад, поводом к изданию сборника литературных трудов всех тогда наличных Русских писателей. Статей собралось столько, что Александр Филиппович мог издать два толстые тома. Взглянем на соучастников Новоселья.

Порфирій Байскій (Ор. М. Сомовъ) ум.
В. Н. Берхъ — ум.
О. В. Бугарницъ.
Н. И. Гречъ.
Казакъ Луганскій.
К. П. Масальскій.
А. П. Михайло скій-Даншевскій.
Князь Вл. О. Одосевскій.
В. И. Панаевъ.
О. И. Сенковскій.
А. С. Шишковъ — ум.
Б. М. Оедоровъ.
Е. А. Баратынскій — ум.
Князь И. А. Вяземскій.
Н. И. Глибочъ — ум.
В. А. Жуковскій.
Зайцевскій.
Н. И. Козловъ — ум.
Н. А. Крыловъ — ум.
М. А. Лобановъ.
А. С. Норовъ.
М. И. Погодинъ.
А. С. Пушкинъ — ум.
Баронъ Е. О. Розень.
Графъ Дм. Н. Хвостовъ — ум.
Хомяковъ.
Н. В. Гоголь.
В. А. Ушаковъ.
Князь А. А. Шаховской.
П. М. Ястребовъ.
Воскресенскій.
Князь Голицынъ.

Вотъ почти весь итогъ тогдашнихъ писателей Русскихъ. Не усматриваемъ только Гг. Загоскина, Лажечникова, Полеваго, Вельтмана, Хвильницкаго и немногихъ, выступившихъ на поприще литературы уже послѣ 1832 года. Смерть увнесла изъ среды нашей, правда, не малое число писателей; но эти чувствительны, незаметны, но, числительно, сословіе литераторовъ не могло уменьшиться, и не уменьшилось. Прошло тринадцать лѣтъ, періодъ самой блестящей деятельности А. Ф. Смирдина и самыхъ тяжелыхъ испытаний, разрушившихъ его достоинствѣ, заставившихъ его укрыться съ Невского проспекта и въ тишинѣ, подобно муравью, трудиться неуспшно, чтобы исполнить долгъ честнаго человека, очистить себя отъ накопившихся долговъ, образовавшихся, не отъ расточительности, а отъ желанія обогатиться, возвысить книжное дѣло, составившее у насъ мелкій промыселъ, облегчать литераторовъ въ ихъ занятіяхъ. Многие весьма несправедливо разуждали: что же тутъ удивительнаго? Смирдинъ платилъ краснѣ, потому что видѣлъ свои выгоды. Дѣло опровергаетъ эту мысль. Если бы одніи выгоды руководствовали дѣятельностью А. Ф. Смирдина, то и онъ построилъ бы себѣ дома во множество этажей, издавалъ бы только *шлббетилья* книжки. Мы помнимъ и не рѣдко сравнивали сцену 1835 и 1845 годовъ: въ 1835 году, на Невскомъ проспектѣ у дома, въ комъ помѣщалась, такъ называлась Библиотека для Чтенія А. Ф. Смирдина, цѣлый день тѣснились экипажи; въ магазинѣ толпились литераторы и посѣтители, неотходно, съ предложеніями, рукописями, проектами и т. п. Въ 1845 году, въ обратномъ, но скромномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина, на Итальянской улицѣ въ домѣ Екатерининской Русско-Каподаческой церкви, мы иногда не находили ни живой души, кромѣ ирпачниковъ и хозяина, не терпящаго никогда бодрости духа, мечтавшаго о какомъ

либо покомъ, и непременно полезномъ, предпріятіи; а гдѣ же толпа, гдѣ эти рукописи, проекты... И сердце сжималось, и страшно становилось за тѣхъ, которые, не дѣлая корыстныхъ расчетовъ на будущее, попились высшему влеченію къ добру и пользѣ, стремясь въ пожертвованіями и лишеніями къ исполненію благихъ предпріятій, утѣшались ихъ несомнѣнною общественною пользою и гадали послѣдствія ихъ, грозящихъ начинаемо. Онъ думаетъ: дѣло мое право, полезно; придетъ бѣда, меня выручатъ тѣ, для поль-

зы которыхъ я трудился... Это не легкомысліе; итъ, это чистота дѣятельности и намѣреній, не отравленная недоумрѣемъ къ свойству и качествамъ другихъ. Въ Парижѣ и Германіи были примѣры, что богатѣйшіе книгопродавцы приходили въ затруднительное положеніе. На помощь имъ събились — литераторы; каждый приносилъ въ даръ, т. е. давалъ даромъ, хорошую статью и затрудненіе книгопродавца исчезало. Конечно, если бы книгопродавцу пришлось всѣмъ заплатить за оригиналы, и прилично заплатить книгу, то барыши, какъ-бы они значительны ни были, никогда бы не выручилъ его изъ затрудненія. Возвратимся къ А. Ф. Смирдину и его Новоселью. Личными усиліями, существовою помощію правительства, содѣйствіемъ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ лицъ изъ его сословія, А. Ф. Смирдинъ погасилъ въ болыней мѣрѣ долги свои и, забывавъ прошедшее, опять хотѣлъ заняться книжнымъ дѣломъ, которое онъ возвысилъ въ Россіи; опять переселился на Невскій проспектъ, и мысль о третьемъ томѣ Новоселья родилась сама собою. Гг. литераторы, годъ тому назадъ, изъявили свое согласіе составить изъ трудовъ своихъ этотъ третій томъ...

Но пока вышли вторымъ изданіемъ только два первые. Изданіе это похоже на грустный памятникъ добраго дѣла, въ годну смутную свидѣтельствующій о добродѣтеляхъ предковъ. Пересматривая и перечитывая эти два тома, невольно говоримъ: Да, у нашихъ предковъ была литература! Многие изъ предковъ занимались литературой съ любовью. Правда, тогда было меньше шмелей, больше пчелъ; Новоселье Смирдина, было, по истинѣ, литературнымъ праздникомъ; это второе изданіе, эти поминки по предкамъ — укоръ нашему времени. И правду сказать, въ то время, въ этомъ Новосельи для А. Ф. Смирдина вовсе не было пужды; вся книжная торговля была въ рукахъ его; онъ былъ богатъ, помощи не требовалъ, а литература все-таки слѣдила свое дѣло; эти два тома свидѣлствуютъ, какъ тогда понимали пользу общія, обоюдныя выгоды. Слава нашихъ предкамъ!

Второе изданіе Новоселья, какъ изданіе, далеко превосходитъ первое во всѣхъ отношеніяхъ. Великолѣпный шрифтъ, прекрасная бумага и множество картинокъ, гравированныхъ на деревѣ, сообщали книгамъ истинно изящный видъ. О достоинствѣ послѣднихъ лучше всего судить глазами; почему мы и помѣстимъ нѣкоторые изъ нихъ. Деревянная гравюра въ теченіе короткаго времени схлала у насъ значительные успѣхи. Прежде, ничтожныя очерки, въ родѣ мушкетъ, украшающіе мелочныя изданія, надо было посылать въ Парижъ; теперь въ Иллюстраціи случаются нумера, въ конѣ гравюры всѣ исполнены въ Петербургѣ; теперь Новоселье, въ которомъ такъ много картинокъ, украшено гравюрами, также исполненными въ Петербургѣ. Послѣднія изготовлены г. Дерикеромъ, по собственнымъ его рисункамъ, со свойственною ему тщательностью и отчетливостью. Г. Дерикеръ хотъ и гравировалъ для Иллюстраціи, но весьма немного, случайно, на первыхъ порахъ изданія; почему похвала наша не покажется лицеприятіемъ. Почему же, спроситъ, онъ не гравировалъ для Иллюстраціи теперь? Это другой вопросъ. Г. Дерикеръ не находитъ для себя выгоднымъ гравировать по тѣмъ цѣнамъ, какія установились для Иллюстраціи, какъ здѣсь, такъ и за границей, почему и Редакціи не можетъ и не должна платить дороже того, во что ей обходятся гравюры и здѣсь и за границей. Вотъ единственная причина, по коей Иллюстраціи лишена востаннаго сотрудничества г. Дерикера; таланту же его отдастъ всегда полную справедливость.

Крестьянинъ и собака

Русскій Икаръ.

Сцена изъ похождения Ревинской думы.

16. *Руководство къ политической арифметикѣ, составл. г. Бруномъ. Одесса 1845.*

Теперь всѣ науки перепланились, перестроились; въ каждой возникла философія, или основная идея науки, развиваемая особо, а priori, или по крайней-мѣрѣ съ желаніемъ развить ее изъ умозрѣній.

Политическія науки давно уже получили свою философію, часто утопическую. Со времени Фи-

вѣтно за чѣмъ, и главную по объему статью оригинальную издають въ то же время, также отдѣльно, и также неизвестно за чѣмъ. Оригинально! Что же послѣ этого останется въ журналѣ? Конечно, все это дѣлается безъ вѣдома Редакціи, изъ безкорыстныхъ видовъ общей пользы, въ нравственное наставленіе, какъ слѣдуетъ спекуляторомъ подвизаться на литературномъ поприщѣ. — Относительно содержанія, мы находимъ въ совершенномъ недоумѣніи, кому вѣрить:

И сюда же принадлежитъ слѣдующій анекдотъ: одинъ грамотный сельскій учитель рассказывалъ неграмотному сосѣду политическія извѣстія; между прочимъ рассказалъ, что *будущаго* 10 февраля Турки побѣди на голову... Какъ будущаго?.. спросилъ сосѣдъ... Эхъ, любезный, ты только слушаешь, а не спрашивай! Ты ничего не знаешь. Теперь пароходы, желѣзныя дороги, почта летаетъ шибче вѣтра. — По этой почтѣ прилетѣли и во-

Кабардинецъ, гриснетъ голову сестры своей, ея оболетителю.

Кіевскія вѣдьмы.

ландіеря вышла, по-крайней-мѣрѣ, тысяча политическxъ философій, подъ разными только заглавіями. Въ политикѣ, которую можно назвать жизнью народа, важную роль играетъ численіе; тамъ гдѣ, въ соображеніи входятъ числа, необходимы и особенныя законы, облегчающіе численіе иногда громадныхъ суммъ. Изъ этой необходимости возникла политическая арифметика, которая теперь въ торговыхъ городахъ преподается съ каедрой. По нашему мнѣнію, она еще не достигла полнаго развитія и не имѣетъ плотнаго, на философскихъ началахъ построеннаго, состава. Статьи, шить образующія политическую науку, сложены въ знаніе безъ немыслима, какъ нибудь, безъ внутренней необходимой связи. Политическая арифметика, безъ всякаго сомнѣнія, по-крайней-мѣрѣ, до сихъ поръ есть выкладка некоторыхъ задачъ изъ теорій вѣроятностей. Правила сложныхъ процентовъ, вопросы о смертности и умноженіи народонаселенія, страхованія жизни, погашенія долговъ, лотерея, и выборы посредствомъ голосовъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ основаніи своемъ должны имѣть теорію вѣроятностей. Книга г. Бруна, конечно, есть только руководство при преподаваніи; она имѣетъ относительное и положительное достоинство, особенно для тѣхъ, которые не имѣютъ возможности и времени прочесть все, что писано объ этомъ предметѣ Тетенсомъ, Лакроа, Бернулли, Яномъ, Пинеромъ, Литровымъ и другими. Кстади сказать, что въ Одессѣ издаются только хорошія книги, и притомъ издаются прекрасно. Что горько, то горько.

17. *Воспоминанія Вадда Булгарина, часть 1. С. Петербургъ. 1846.*

Такъ какъ эта книга вышла изъ будущей 1846 году, то до Нового года не слѣдовало бы ее развѣрывать; но вы не знаете, что сочиненія г. Булгарина такъ быстро расходятся, что заранѣе приготовленное второе изданіе для 1846 года, должно было поступить въ продажу до срока. Иначе нельзя объяснить этого феномена. А чтобы читатели могли хорошо выразумѣть Воспоминанія г. Булгарина, то они изданы двойнѣ: въ Библіотекѣ для Ученія и особо, а для большаго удобства вышли въ свѣтъ въ одинъ день. Феномены! Небывалые феномены! Должно быть очень пріятно журналу, когда иностранный романъ, въ томъ помѣщаемый, печатають отдѣльно, не из-

тому ли, что мы уже читали и слышали, или помымъ Воспоминаніямъ будущаго 1846-го года? Большую часть анекдотовъ, изъ коихъ Воспоминанія составлены, давно всѣ знаютъ; въ Литвѣ Радзивиловскіе анекдоты случались почти съ каждымъ отцемъ каждаго сына. Мы даже удивились, отчего въ Воспоминаніяхъ такъ мало анекдотовъ;

выли Воспоминанія г. Булгарина. И такъ до Нового года. Всему свое время.

1.8) *Мѣсяцесловъ на 1846 годъ. С. Петербургъ.*

Вотъ книга, которая въ полномъ смыслѣ имѣла право выйти на будущій годъ. Календарь вмѣстѣ съ Воспоминаніями слышаннаго и проч. обогнали время. Мѣсяцесловъ дѣйствительно долженъ быть послѣднею книгою истекающаго и перваю наступающаго года. Мы заключаемъ Библіографію 1845 года Календаремъ.

Эти изданія за границею получили превосходное популярное направленіе. Календарь каждому нуженъ и этой потребностью весьма хорошо воспользовались люди смѣтливые и благонамѣренныя, прилагая къ необходимымъ свѣдѣніямъ статьи полезныя для всѣхъ классовъ народа. Въ нашемъ Календарѣ, кромѣ ежегоднаго помѣщаемыхъ таблицъ и официальныхъ указаній — одна статья и та — объ астрономіи!.. Кто спорить, что предметъ и статья весьма любопытны; но для кого? Такую статью мы бы съ удовольствіемъ прочли въ ученыхъ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, но въ Календарѣ, право, и читать неловко. Не смотря на то, мы принуждены себя прочесть, и совѣтуемъ каждому сдѣлать себѣ такое же принужденіе. Кажется, и астрономія, а замѣчательнѣе старыхъ Радзивиловскихъ анекдотовъ и понятна для каждаго. Сочинитель статьи, профессоръ Савичъ, обозрѣвъ успѣхи практической астрономіи вообще, обратился къ состоянію ея въ Россіи, указавъ на мѣстопожденія разныхъ вышнихъ обсерваторій и остановился на Центральной Пулковской. Описавъ ея внутреннее расположеніе и находящіеся тамъ инструменты, г. Савичъ въ краткомъ обзорѣ указавъ на главнѣйшіе факты пятнадцатилѣтней дѣятельности астрономовъ Пулковской обсерваторіи.

Большой выходъ у Сатаны.

можно бы набрать побольше. Къ этому времени принадлежитъ и слѣдующій: одинъ Литовскій вельможа, имѣвшій въ гербѣ своемъ сто клятокъ, любилъ увлекаться воспоминаніями и рассказывать однажды, что на охотѣ поймалъ зайца за хвостъ. Оканчивая рассказъ, онъ имѣлъ привычку обращаться къ своему маршалу и спрашивать: не правда ли? Маршалокъ отвѣчалъ: *совершенная правда!* И вотъ почему съ тѣхъ поръ есть зайцы безъ хвостовъ. —

Календарь, любимецъ Фамусова, книга важная. Въ ней много хорошаго, какъ говорилъ одинъ профессоръ про свою географію. Въ ней чего хочешь, того и просишь. Это маршрутъ земли и неба. Что случится на землѣ? Много хорошаго. Во-первыхъ, весна начнется 9 марта поутру въ 4 ч. 59 м. Непременно начнется. Правда и послѣ 9 марта будутъ морозы, вѣдуть будутъ на саялахъ, но весна все-таки начнется; цвѣты будутъ себѣ

известии под сивгомъ. Лето начнется непременно 9 июля, осень 11 сентября, а зима 10 декабря. Вотъ что на землѣ... На небесахъ ничего не случится, ровно ничего, по крайнѣйшіймъ, мы Русскіе, ничего не увидимъ. Мужеземцы будутъ наслаждаться двумя колеобразными затмѣніями солнца; но насъ къ этому спектаклю не допустятъ. Луна на 1846 годъ рѣшительно откажется отъ всякихъ затмѣній и прекрасно сдѣлала...

Сцена изъ повѣсти Премьеръ-Маіоръ.

Но обо всемъ этомъ мало заботится роль людской. Онъ думаетъ только о томъ, когда ему придется отдохнуть отъ заботъ, отъ хлопотъ, отъ труда ежедневнаго; и отдохнуть не день, не два, а недѣлку; на эту страничку Календаря вѣроятно заглянуть каждый и прочесть, что масляница окончится 17 февраля, а святая седмица начнется 7 апрѣля.

Все есть въ Календарѣ. Недостаетъ одного известія: когда выйдетъ 1-й номеръ иллюстраціи на 1846-й годъ. Спѣшимъ пополнить этотъ недостатокъ и уведомить, что 1-й номеръ на 1846-й годъ и 37-й въ общей нумераціи выйдетъ въ свое узаконенное время, то есть, въ первую субботу послѣ Нового года; что придется въ 5-й день января. Будетъ ли Библиографія 1-го номера 1846 года богаче! Врядъ-ли! Никакихъ особенно благоприятныхъ слуховъ. Впрочемъ движеніе литературы не подчиняется астрономическимъ исчисленіямъ. Желая ошибиться:

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО ЧУЖИМЪ ИЗДАЦІЯМЪ.

Фанни Эльслеръ и Тальони. — Платоническая любовь. — Какъ пришла у насъ г-жа Плессис. — Мамлюкъ Наполеона. — Неожиданное наследство. — Г-жа Андреснова въ Парижѣ. — Часы императрицы Жозефины. — Новый танецъ. — Трагиринки и плутъ. — Скальной лворецъ.

Фанни Эльслеръ и Тальони. Фанни Эльслеръ прибыла въ Римъ и давала нѣсколько представлений на театрѣ Аржантина. Г-жа Тальони ангажирована, въ томъ же городѣ, на двадцать представлений, за 24,000 франковъ.

Платоническая любовь. Въ Парижѣ, въ улицѣ Коло строили домъ, который окончили въ прошлой мѣсяцъ.

Съ самаго начала постройки, старикъ, жившій въ той же улицѣ, приходилъ каждый день наблюдать за работами и съ чрезвычайною заботливостью слѣдилъ за успѣхами ихъ. То онъ критиковалъ, то подавалъ совѣты, то заставлялъ пере-

мѣнять нѣкоторыя части, такъ что работники принимали его за хозяина и во всемъ повиновались ему.

Когда постройка была окончена, то домъ нанялъ кухмистеръ, содержавшій табль д'отъ, и чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать новоселье, онъ пригласилъ къ себѣ многихъ гостей.

Старикъ, по обыкновенію, пришелъ полюбоваться своимъ любезнымъ доомъ, но необыкновенная веселость и клики гостей, раздававшіеся по все-

му дому произвели на него горестное впечатлѣніе. Сначала онъ только вздыхалъ и жаловался, но мало-по-малу, пришелъ въ неистовство.

— Что несчастный! восклицалъ онъ, обращаясь къ дому; тебѣ принадлежалъ точно подлъ вѣнецъ; онъ вырвалъ тебя изъ моихъ объятій!.. Онъ опозорилъ тебя!..

Сцена изъ повѣсти Призракъ.

Слова эти онъ сопровождалъ отчаянными жестами.

Слѣдя за работами, несчастный старикъ, вѣроятно, воображалъ, что домъ принадлежалъ ему, и сошелъ съ ума. Онъ бывшій провинціальный актеръ, не безъ таланта; оставивъ прежнее занятіе свое, онъ помышлялъ отъ бездѣйствія, а можетъ быть, и отъ другихъ обстоятельствъ.

Его посадили въ домъ уна ипшенныхъ. Какъкъ приняла у насъ г-жу Плессис. Знаменитый фельетонистъ газеты «Le Siecle», г. Пьеръ Дюранъ, шутитъ очень остро, очень мило, но иногда не въ поладъ. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ фельетоновъ, онъ рассказываетъ слѣдующее о дебютахъ мамъ Плессис на сценѣ нашего Михайловскаго театра.

«Г-жа Плессис не имѣла блестятельнаго успѣха, перездъ публичкой, которая талантамъ высокой комедіи иредпочитаетъ актрисъ хорошихъ, уязвощихъ переодѣваться въ мужское платье

превращающихся и лстянныхъ чувственности, довольно неприличными танцами. Такимъ образомъ г-жа Эстеръ де Бонгаръ, покинувшая театръ Varietés, во мѣсяцъ Русскихъ, всегда будетъ стоять выше, г-жи Плессис.»

Вотъ наши судьи!

Мамлюкъ Наполеона. Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца скончался въ городѣ Франціи, Дурланъ, человекъ, имя котораго сохранилось въ Исторіи Французской Имперіи, а именно Рустанъ, мамлюкъ Наполеона. Онъ получалъ въ послѣднее время отъ 5 до 6,000 франковъ ежегоднаго дохода отъ капитала, который составлялъ себѣ продажей подарковъ, полуденныхъ пль отъ Наполеона и другихъ членовъ императорской фамиліи. Извѣстно, что онъ не хотѣлъ слѣдовать за своимъ государемъ на Эльбу; послѣ того онъ жилъ скромно и уединенно въ городѣ, въ которомъ и умеръ.

Неожиданное наследство. Богатая Ирландка, миссъ Мери Флагерти, скопчившая недавно, на 34 году отъ рожденія, назвала лорда Брума полнымъ наследникомъ своего имѣнія, изъ уваженія, какъ сказано въ духовной, къ его политическимъ правламъ, уму и благороднымъ поступкамъ. Наслѣдство простирается какъ говорятъ, до 20,000 фунтовъ стерлинговъ (около полумилліона рублей ассигнаціи).

Г-жа Андреснова въ Парижѣ. Если г. Дюранъ не отдастъ намъ справедливости въ томъ, что мы умѣли оценить г-жу Плессис, то мы со своей стороны должны поблагодарить парижанъ за пріемъ, сдѣланный нашей танцовщицѣ, г-жѣ Андресновой. Вотъ то пишетъ о ней Теофиль Готье, въ журналѣ «La Presse»:

«Г-жа Андреснова молодая Русская танцовщица, и фамилія ея не даромъ кончается на «фъ (ислѣзя безъ шутки! такой народецъ!). Она прибыла сюда изъ Петербурга на время, а совсѣмъ не съ цѣлю ангажироваться при нашемъ бадетъ. Она нарочно проѣхала 800 льб, потому что всякій артистъ, не признанный Парижемъ, не утѣренъ въ своемъ дарованіи. Онъ безконечно, боится, итъ ли въ немъ еще чего набудъ провинціального.»

«Провинціаломъ можно быть въ Лондонѣ, Мадридѣ. Вънѣ, Римѣ, словомъ, во вѣсхъ большихъ столицахъ.»

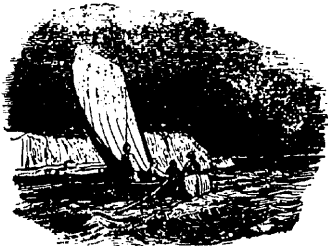
«Какъ ученица г-жи Тальони, г-жа Андреснова достойна своей блестящей учительницы. Она блондинка; у нея голубые глаза, какъ у дщери свѣрва, и попка, очень мило обрисованная. Въ ней есть грація, гибкость и не смотря на неубѣдимый страхъ, отъ котораго она дрожала какъ березовый листъ, она была легка, грациозна и мила.»

«Гостеприимные рукописания послужили ей одобрением и поощрением».

«Мы слышали, что г-жа Андреева полвится еще в характерном на.»

Часы Императрицы Жозефины. Во Франции, в Бургте, недавно происходила аукционная продажа разных вещей, между которыми находились часы, принадлежавшие императрице Жозефине, подаренные ею одной из ее придворных дам.

Часы эти, как уверяют, слезаны по случаю развода Жозефины с Наполеоном, и аллегория, изображенная на них, соответствует этому обстоятельству.

Перед циферблатом представлена статуэтка Времени, (вышиною около 55 сантиметров), вооруженная косой, лезвие которой переломлено и лежит на земле; возле этого обломка лежит также переломленная корона. Напротив Времени крылатый гений указывает на большого орла, утраченного лаврами и находящегося над циферблатом.

Орел теперь уже не существует; на место его поставили Гимна Гомера, несообразный с пропорциями часов и несколько не соответствующий аллегории.

Часы эти проданы одному купцу за 715 франков.

Новый танец. Кажется, Париж рыхлился каждую зиму сочинять новый танец. Два года тому, господствовала полька, прошлого году мазурка; в нынешнем году начинают тапцовать редову.

Что за редова?

Мы сами еще не знаем.

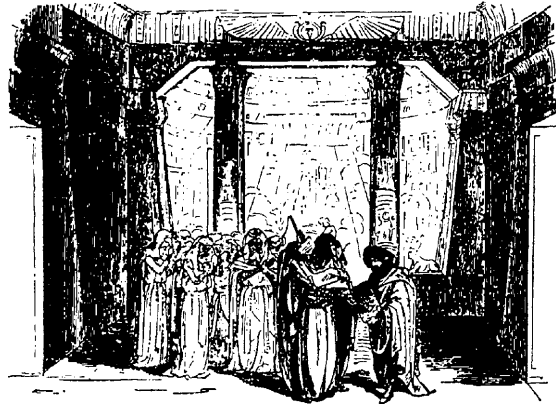
Эти безпрестанные нововведения ставят в большое затруднение записных танцоров. Сколько трудов, сколько глубоких изучений предстоит им!... Бедные труженики! Впрочем есть танцоры, которые выше всех этих нововведений. Они все танцуют и все на один манер, или на одну манеру, как говорят некоторые. Это самая лучшая метода. Покачивайтесь с боку на бок, выступайте смелее вперед, побольше дерзости, все пойдетя лад. Важное дело быть смелым танцором. С этим качеством вы можете быть дерзки, глупы, ничтожны, все что вам угодно — вас будут терпеть, потому что вы хороший танцор. Учтите же, господа, редову, нашествие которой на парижские салоны становится весьма опутительным.

Трактирщик и плауль. — Часто случается, говорит Парижская Gazette des Tribunaux, что удивляются изобретательности и находчивости воров; но вместе с тем должны сознаться, что плауль еще чаще похищают сами жертвы. Вот тому примёр.

Это было в конце прошлого месяца; красивый мужчина остановился в кафе-ресторане г. Жозефа в Амьен. Он приказывает подать себе отличный завтрак; потом, вместо того, чтобы потребовать счет, спрашивает у хозяина, не может ли тот указать ему близости меблированной квартиры, в которой он мог бы прожить несколько дней, чтобы осмотреть город, окрестности и поближе ознакомиться с тамошними па-

статами, пользующимися столь заслуженною славою.

Трактирщик, возмывший высокое мнение о своем посетителе по одной уже небрежности, с которою он приказывал подавать самую дорогую блюда, не справляясь о цене, отвечал что он сам может услужить ему, потому что у него есть премиальная козетка, очень хорошо меблированная.

Сцена из пьесы Омар.

Пять минут спустя путешественник вступил во владение своей новой квартирой, сказав хозяйку, чтобы тот не удивился, что у него нет с собой никаких вещей, потому что чемоданы его должны прибыть через два дня с Амьенского дешижанса.

С этой минуты красавец путешественник, назвавший себя офицером, съезжал постоянным жильцом трактирщика; он обедал у него, уго-

поступая секретарем к принцу де Липпу, Бельгийскому посланнику в Париж. Хотите ли, чтобы был вам в подробности открыт свое легкомысленное поведение?... Узнайте же, что у меня нет ни одного су, я все проматываю здесь — и мне не с чем воротиться в Париж!

Трактирщик пожал плечами и отвечал:

— Я в этом не вижу ничего утешительного для себя!

— Конечно; но я не хочу оставить здесь долга; вы слишком благородно поступили со мною... Знаете ли что, мой добрый мосье Жозеф? Принесите мне последнюю жертву! Докажите мне еще раз вашу дружбу; поделитесь вместе в Париж; по прибытии мы вместе отправимся в посольство и из денег, в которых мне, вероятно не откажут в счет будущего моего жалования, я с признательностию заплачу вам свой долг.

Честный трактирщик колебался. Ему не хотелось оставить без надзора свое заведение; но с другой стороны ему нельзя же было отпустить и должника! Наконец он согласился брать с ним и в тот же день они оправались, взяв с собою несколько отличнейших наставов на счет будущего секретаря который хотел подарить их в Париж знакомым.

Во всю дорогу молодой человек был чрезвычайно мил и любезен; так и шел до сына на каждой станции, заставляя своего товарища платить за себя.

Наконец они прибыли в Париж, но было еще слишком рано, чтобы идти в посольство, а потому они зашли в ресторан, где молодой человек поглотил трактирщика устрицами, за которые последний заплатил.

После завтрака они пошли в посольство. Поворотив в улицу Кастильон, будущий секретарь подвел трактирщика к дому министерства финансов и сказал:

— Подождите меня здесь одну минуту; мне надобно сперва зайти одному, а потом, если хотите, я представлю и вас. Подождите меня здесь у крыльца; я сейчас вернусь с деньгами, и мы расплатимся.

С этими словами он исчез и — был таков!

Он успел пройти двором и выйти в другой подъезд на улицу Риволи.

Прождав два часа, бедный трактирщик стал

Сцена из поэмы Анджело.

пал посетителем, занимал у хозяйки деньги, чтобы идти в театр, так, что по прошествии нескольких дней, задолжал до двадцати наполеондорков.

А между тем чемоданы его все еще не было и хозяин начинал беспокоиться. Заметив это

справляться и ему объяснили, что, вѣроятно, онъ попался въ руки сѣблага плута.

Передъ отъѣздомъ изъ столицы онъ подалъ жалобу; но Шаржъ великъ, объясненія трактирщика неопредѣленны; притомъ же онъ самъ долженъ утѣхъ, а потому мало надежды поимать плута, который, по вѣроятію, уже опытный малый.

Складной дворецъ. Въ Парижѣ былъ выстроенъ деревянный дворецъ, потомъ разобранъ, нумерованъ и нагруженъ для отсылки въ Таити. Дворецъ этотъ назначенъ для губернатора французскихъ поселеній въ Океаніи. Но во время переезда, отъ сырости и перемены температуры складной дворецъ значительно попортился, такъ что на мѣстѣ нужно было почти все переделать, и онъ обошелся почти вдвое дороже противъ первой сметы, а именно въ 200,000 франковъ.

ОПЕРА ВЪ ЛУБНАХЪ.

Человѣкъ любить общество; почему? чего самъ не объяснить, а любить безсознательно; оно ему необходимо, какъ хлѣбъ пашущій, какъ воздухъ... Вотъ причина, отчего ярмарки въ провинціи составляютъ величайшій современный интересъ для окрестныхъ жителей. Мало того, что на ярмаркахъ можно кое что необходимое продать дешево и много кое чего пенушкаго закупить дорого... на ярмаркѣ бываетъ публика; здѣсь барыня можетъ показать свою новую шляпку и заставить плакать отъ зависти свою сосѣдку, задушевного друга; сюда стремятся ремонтѣры, народъ молодой и, по вѣроятности, богатый; сюда вывозятъ убогій барышни свои наряды, свои мечты, маленькія причуды, капризы и фантазіи, возвращены въ тишинѣ деревенскаго сада, въ уединенной комнатѣ, которая такъ часто въ часы безсонныхъ ночей оглашается глубокими вздохами «о петь,» объ идеаль, пи мало

домашнюю скуку, картузы и слугъ въ короткихъ брюкахъ, свидѣтельствующихъ объ экономіи барина.

Словомъ, все стремится на ярмарку, болѣе или менѣе счастливое будущимъ. Тамъ общество, тамъ можно обнять пріятеля, котораго давно не видѣть, можно отпернуться очень эффектно отъ «врага», можно сторо-

мѣншой крайности: за гадкую лачугу платили дороже, нежели въ Петербургѣ платятъ за прекрасный номеръ въ лучшей гостиницѣ; по улицѣ въ облакѣ пыли мелькали разнovidные картузы и гремѣли восклицанія:

— А!
— У!

- Вы ли?...
- Мое почтеніе!
- Ей Богу, я!!
- Покорно благодарю.
- Когда?
- Вотъ, какъ видите!
- Давно ли?
- Сейчасъ только!
- Съ утра, батюшка!
- Съ фамиліей?...
- Съ фамиліей!...
- Ого!...
- Эге!...

Сцена изъ сказки о Царѣ Берендѣѣ.

Старая дѣва и пожилыя вдовы шпырляли по городу съ ридикюлями въ рукахъ и съ вѣстями на языкѣ;— отъ нихъ скоро весь городъ узналъ, что собраніе вралъ ли согоритъ, потому что танцовать дѣвушкамъ не съ кѣмъ, каналеровъ нѣтъ, нѣтъ полка на постоѣ и театра тоже не будетъ, утѣхалъ прямо съ Шинской ярмарки изъ Рима въ Елисаветградъ, играть во время смотра... городокъ пріучился. И вдругъ, представьте себѣ всеобщее изумленіе, когда «въ одно прекрасное утро» явилась по городу слѣдующая афиша:

Съ дозволенія начальства, сего 1845 года, августа 6, то есть, въ Понедѣльникъ.

Труппа артистовъ оперы подъ дирекціею Вильгельма Фонтъ Шмидкофъ будетъ имѣть честь представить комическую оперу въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія Бомарше, переводъ Г. Богуславскаго, музыка соч. Россини, подъ названіемъ:

СЕВИЛЬСКІЙ ЦЫРЮЛЬНИКЪ.

Дѣйствующія лица: Графъ Альмавива, г. Шмидкофъ. Докторъ Бартоло, г. Малевскій. Розина, его воспитанница, д-ца Шмидкофъ. Базилій, учитель музыки, г. Ярошевичъ. Берта, горничная Розины, г-жа Шмидкофъ. Фигаро,

пой узнать что пшбуль, или распустить необходимую ложъ; тамъ бываютъ собранія, танцы, балаганы, театр; туда прѣзжаютъ ловкіи Французъ съ «настоящимъ» кинко, съ триюфельными колбасами изъ Стразбурга, съ парижскими сардинками... съ гаванскими сигарами... И все съѣзжать на ярмарку; и молодая дѣвушка, жаждущая веселья, танцовъ, любви, жизни, и старикъ, смотрящій въ гробъ,

Сцена изъ поэмы Домикъ въ Коломнѣ.

пе похожемъ на обязанаго застѣдателя или растрепаннаго усача становаго, единственныхъ сосѣдей!... сюда магушка вмѣстѣ съ дочерьми вывозятъ свои надежды и чепчики, старшки-помѣшники свои уродливые фракы,

и ему подобно, и онъ горюптся. Поѣзжайте, дядюшка!... совѣстно умереть, не покушавъ колбасы съ триюфлями. Въ августъ этого года я былъ свидѣтелемъ подобной суматохи. 6-го августа, въ городѣ Лубнахъ была ярмарка; все окрестности взволновались, городокъ оживился, квартиры вздорожали до

Домикъ въ Коломнѣ.

Севильскій Цырюльникъ, г. Новогонскій. Алякадъ, г. Семашко. Нотариусъ, г. Гансъ. Фюрцло, лакей Графа, г. Розвадовскій. Амброзій, Лука—слуги Бартола, гг. Демозырскій, Полюто. Офицеръ, г. Шухтъ. Солдаты. Музыканты.

И такъ въ Лубнахъ будетъ театръ, да еще

опера, зрѣлише современное, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ въ Петербургѣ; наконецъ Лубенцы услышатъ лучшее произведеніе Россіи—Севильскаго цирюльничка!... Вся публика устремилась къ полуразрушенному балагану, именуемому театромъ... я, грѣшный человѣкъ, люблю Севильскаго цирюльничка, можетъ быть, потому что люблю хорошую музыку, а можетъ быть, и оттого, что слышалъ и видѣлъ въ пьесѣ Рубини, Гарсию и неподражаемаго Тамбурини; а подобныя люди не вспоминаются безъ чувства глубокаго удовольствія... и я пошелъ за билетомъ; но въ касетѣ билетовъ не оказалось. «Спросите у хозяина, ва дому» сказали мнѣ. Я пошелъ къ хозяину, съ трудомъ досталъ билетъ — (видю вездѣ, на Русѣ не легко попасть въ оперу), — и случайно видѣлъ примадонну театра, мадамъ Шмидкофъ. Она очень простодушно глядела въ передней какое то платье, положивъ на спинки двухъ стульевъ длинную доску, обшитую холстомъ!...

Насталъ вечеръ. Театръ наполнился елико возможно зрителями, освѣтился «стеариновой свѣчами». И музыка, принадлежавшая Шмидкофъ, заиграла увертюру безъ грому, стуку, треску и прочихъ ужасовъ, но ровню, чистю и приятно; затѣмъ поднялся занавѣсъ и началось представленіе. А опера? спросите вы. — На это я вамъ скажу вотъ что: по моему мнѣнію, множество ошибочныхъ сужденій происходятъ отъ неумѣнья людей судить о вещахъ; многие изъ насъ очень часто судятъ, наперекоръ законамъ логики, судятъ, о предметѣ не такъ, какъ онъ есть; часто пишутъ въ санюжнѣкѣ достоинства танцмейстера, охуждаютъ чужа за то, что онъ поетъ хуже соловья, а не вздумаютъ спросить себя: «да соловей ли онъ по натурѣ?... Я люблю соловья, когда онъ поетъ, окруженный пышными благоухающими декораціями весенней теплой ночи; но, воля ваша, невыразимо приятно мнѣ слушать въ оперѣ той роуѣ осенью свистѣть и чирикать веселой синички, прыгающей съ обнаженной вѣтви на вѣтку... — она такъ убедительно говоритъ о жизни среди всеобщаго зануствія, омертвѣнія!... Сравнить трушу Шмидкофа съ Италианскою оперою Петербургскаго Императорскаго Театра было бы нецѣлю, какъ нецѣлю сравнивать Лубны съ Петербургомъ... Но говоря относительно, она исполнила оперу очень порядочно; даже мадамъ Шмидкофъ, имѣющая по обширній, по пріятній и обработанній, голосъ, въ некоторыхъ мѣстахъ была даже очень хороша... одинъ Новогонскій казался мнѣ немного мужиковатымъ; въ его маперахъ было что то дубовое. Впрочемъ, можетъ быть, это оттого что противъ воли представлялся мнѣ въ это время неподражаемый Фигаро-Тамбурини!...

Лубенская публика, благодаря Бога, показала, что она сочувствуетъ прекрасному — вызовамъ коща не было, и вызывали съ южнымъ энтузіазмомъ. На мадамъ Шмидкофъ посыпались цвѣты; видно, подобныя награды не часто достаются молодой артисткѣ; потому что она отъ этого немного смѣшалась... Правда, въ толпѣ были два, три голоса, которые, начитавшись газетъ, ворчали! гадко, мерзко! то ли дѣло Рубини, Албони; и проч... — Онъ отроду не слышалъ Рубини и «воображаютъ», что онъ поетъ не человѣческимъ голосомъ! — сказали мнѣ одинъ образованный Лубенскій помѣщикъ... Молодые воображеніе часто вводитъ человека въ ошибки; не сердитесь на нихъ... они добрые люди!

— Совершенно согласенъ; оставимъ ихъ. Но «общій» восторгъ показываетъ, до

какой степени чувство музыки сходно Мало-россіанамъ, и какую оперу имѣла бы Россія, если бы гдѣ нибудь на югѣ (только не между Татарами) завести музыкальную консерваторію.

Е. Гребенка.

САДОВОДСТВО.

Письмо къ Редакціи Иллюстраціи.

Въ вашей Иллюстраціи вы странствуете по лучшимъ изданіямъ, и извлекаете изъ нихъ все замѣчательное и любопытное; но еще не обратили вниманія на журналъ, издаваемый въ Москвѣ Россійскимъ обществомъ любителей садоводства, состоящимъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Этотъ журналъ, существующій съ 1858 года, кромѣ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся къ садоводству и улучшенію садоводства въ Россіи, заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о новыхъ открытіяхъ, цвѣточныхъ выставкахъ и другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ; наприм., въ № 4 нынѣшняго года вы бы нашли описаніе о *санитѣ*, цвѣтущей и приносящей плоды съ сѣмянми У насъ въ Россіи, Молтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, въ селѣ Каченовкѣ, тогда какъ это явленіе почитается рѣдкостью даже въ европейскихъ садахъ; но откуда вы сами вздумаете во время вашего странствія заглядывать въ этотъ журналъ? просимъ помѣтить прилагаемую выписку, о *Садоводствѣ въ Нерчинскѣ*. Причемъ не безполезнымъ почитаемъ уведомить васъ, что этотъ журналъ пользуется извѣстностью не только въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ, Дрезденѣ, Миланѣ и проч., но даже въ некоторыхъ городахъ Сѣверной Америки, что должно быть весьма лестно для Русскихъ.

* Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 6 книгъ, съ 12-ю иллюстрированными рисунками, съ пересылкою во все города Россіи, стоитъ 5 руб. сереб. Редакція въ Москвѣ, въ Старой Кошковой, въ приходѣ Юліана Преподобнаго, въ домѣ Класера.

САДОВОДСТВО ВЪ НЕРЧІНСКѢ.

Кто бы могъ подумать, что въ Сибирѣ, въ Нерчинскѣ, есть любитель ботаники и садоводства изъ природныхъ Русскихъ! и есть сады съ рѣдкими растеніями! Однако мы прозли въ № 5 сего года, журнала Садоводства, письма изъ Нерчинска, отъ почтеннаго гражданина Юренскаго, что онъ уже семь лѣтъ, путешествуя въ Дауріи, обогащаетъ свой садъ и гербарій новыми растеніями. Такъ, въ 1848 году, онъ нашелъ красное дерево въ окрестностяхъ Нерчинска на Баронскомъ островѣ; изъ этого дерева Тунгузы и Буряты дѣлаютъ разныя вещи, для украшенія юрты и ящики для своихъ бурхановъ. Дерево кору имѣетъ черную, а древесину всю алую, листья блестящей зелены, цвѣты мелкіе и гладкіе черныя. Въ Тибетской медицинѣ листья и кора употребляются въ лекарство; въ Китайскихъ медикаментахъ они всегда находятся и вѣсятъ съ прочими у нихъ вымѣшиваются.

Кромѣ того, г. Юренскій нашелъ въ Нерчинскомъ округѣ еще растеніе *эсенія*, которое дорого цѣнится китайцами, и по ихъ мнѣнію, служитъ для всѣхъ болѣзней, даже молодить людей, возвращая имъ утраченныя физическія силы.

Еще говоритъ онъ о пушковыхъ *лиліяхъ*, по 10 и 15 на одномъ стеблѣ, прескрасное растеніе, котораго луковичи, охваченныя морозомъ бывають очень пріятнаго вкуса и сахаристы. Буряты варятъ ихъ въ водѣ, Тунгусы дѣлають изъ нихъ пироги, и каалутъ во шш, а Русскія дамы въ Нерчинскѣ, кушаютъ ихъ вѣтго десерта. Но когда свалился степь съ деревъ, то въ Даурскихъ степяхъ и въ окрестностяхъ Нерчинска часто встрѣчаются люди съ заостренными пальцами и длинными мѣшками; они разоряють урганы полевыхъ мышей, и иногда загребають въ одномъ мѣстѣ до 20 фунт. и болѣе этихъ луковичъ, которыми Буряты запасаются на зиму.

Еще г. Юренскій говоритъ о сибирскомъ *реентѣ*, котораго корень употребляется въ медицинѣ и вымѣшивается съ прочими медикаментами изъ Китая; о *эсентахъ* лакъ, во множествѣ растущемъ около Нерчинска, который макъ въ цвѣтѣ употребляется, какъ превосходнѣйшее средство отъ

желтой лихорадки или отъ желтизны въ глазахъ и въ тѣлѣ.

Наконецъ изъ приложеннаго при письмѣ прейскуранта о Даурскихъ цвѣточныхъ, древесныхъ сѣмянкахъ и луковичкахъ, продающихся у г. Юренскаго, видно, что въ Нерчинскомъ саду его имѣется до 50 разныхъ сортовъ рѣдкихъ цвѣтовъ и деревьевъ.

Мы увѣрены, что это пріятное извѣстіе возбудитъ любопытство, не только Русскихъ, но и иностранныхъ читателей вашей Иллюстраціи и проч.

Отъ Редакціи. Благодаримъ и за доставленіе любопытнаго свѣдѣнія и за исключенное окончаніе письма. Вѣримъ доброжелательству каждаго истинно Русскаго человѣка.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГЛАНКА.

Кто не знаетъ достопочтеннаго ветерана нашей литературы, Сергѣя Николаевича Гланки? Недавно еще бодрый, живой, онъ въ преклонныхъ лѣтахъ застигнутъ такимъ несчастіемъ, котораго ничто вознаграждать не можетъ; въ особености для литератора, для кого чтеніе составляетъ нравственную необходимую пищу. Сергѣй Николаевичъ лишился зрѣнія. При весьма недостаточномъ состояніи, литературный трудъ до послѣднихъ временъ служилъ ему надежной опорой, потому что это средство было въ рукахъ его, но судьба отняла возможность трудиться для пользы отечества, для поддержанія своего существованія. С. Н. Гланка, самъ лицо историческое, неразрывно связанное съ блистательными событіями незабвеннаго 1812 года; онъ гремѣлъ словомъ убійтельнымъ противъ враговъ Россіи и Русскій Вѣстникъ обратился въ любимое народное чтеніе; Русская исторія С. Н. Гланки должила еще не утрачена достоинствъ; послѣднимъ изданіемъ мастигаго Патриота было Русское Чтеніе. Это сборникъ весьма интересныхъ историческихъ статей, основанныхъ на документахъ и фактахъ. По нашему мнѣнію, теперь на каждомъ Русскомъ лежитъ двойная обязанность приобрести эту книгу. Неужели заслуги, подобныя заслугамъ С. Н. Гланки могутъ быть забыты русской публикой? Не вѣрны и предлагаемъ посредничество наше для всѣхъ желающихъ приобрести Русское чтеніе. Цѣна книги въ двухъ частяхъ — 5 р. сер. За пересылку гг. иногороднымъ прилагается за 1 фунтъ. Имена обратившихся съ требованіями въ редакцію будутъ напечатаны. Ожидаемъ приказаній.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

I.

БЛКА.

Прощай, сосѣдка! — Ты куда,
Въ дорогу что ли? Да,
А ты какъ думаешь: все съ вами,
Да съ волками,
Сидѣть, небось?
Нѣтъ, вы сидите,
Коль хотите,
А я въ столицу!.. Ты, авось,
Хоть не увидишь,
Такъ услышишь,
Какая участь насъ ждала! —
Сказала гордо елка елкѣ,
Пла чухонской одноколѣ
Въ столицу прибыла.
Тамъ, точно,
Какъ нарочно,
Попала елка въ честь.
Вотъ елку холятъ, украшаютъ,
Свѣчами освѣчаютъ,
И на нее, Богъ вѣсть,
Чего не прищипляютъ!
Не пишки ужъ на ней,

Как прежде, смояныи ; —
Орхн золотые,
(Хоть иногда пустые),
Блестят среди огней,
И яблоки, раветы,
Съ картинками конфеты ;
Ну, словом, ей почетъ такой,
Что ей не вѣритса самой,
И такъ запылась напысьдокъ,
Что на съодокъ
И не взглянула бы теперь.

Раскрылась дверь,
И съ нетерпѣньемъ,
Стоявшая у ней,
Толпа дѣтей
Вбѣжала съ восхищеньемъ,
И съ удивленьемъ,
И съ почтеньемъ,
На елку смотреть всѣ.
Ну, какъ же елкѣ не запысься ?
По ахъ ! ся красъ
Не скоро ль мноватьсь !
Какъ знатъ!..

Вотъ раздавать,
Подарки стали,
И, наконецъ, все съ елки сплп,
Чѣмъ чванилась она ;
И какъ была ужъ больше не нужна,
То приказали
Ее на черныи бросить дворъ...

Тамъ елка вспомнила свой боръ.

Сопьинъ.

ПЕРЕПИСКА.

Г. Семёновскому. Получилъ съ признательно стю.

Въ К. подъ буквами ZZ. Не хуже васъ и насъ, авторъ знаетъ достоинство своихъ воспоминаній и тѣ истощилъ, кои питаю ея память. Если же вы непременно хотите, извольте. Мы не любимъ этихъ мелочныхъ разборовъ мелочнаго. Не обинуясь, не обращая никакого вниманія на личностъ и поведеніе людей, говоримъ, что думаемъ. И если достанетъ терпѣнія, скажемъ и наше мнѣніе; но согласитесь, читать старое, давно известное, слышанное еще въ дѣтствѣ, скучно; въ качествѣ издателя еженедѣльника, мы сдѣлаемъ себѣ принужденіе. —

О—о—о. Per visum multum
Cognoscere stultum.

Это такая Латинская посылочка, а впрочемъ не всякое лько въ строчку.

Вафельный домыкъ все стоитъ на мѣстѣ; а вашего тюленя все пѣтъ, какъ пѣтъ. Мы и не видали вашего тюленя, а уже разсмотрѣли внутренностъ.

Г. К. И. Г. О. Мы не читали знаменитаго романа: Listopad, но слышали про него весьма много хорошаго. Не угодно ли вамъ прислать экземпляръ въ подлинникѣ, тогда мы дадимъ отвѣтъ на счетъ перевода.

Г. А — му. Плюше. И пашъ, и вашъ.
Г. С. п. д. — му. Птчка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу почъ на вѣтъкѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ,
Птчка гласу Бога вымлетъ,
Встрепенется и поестъ...

Г. П. — му. Куда намъ думать о такомъ предпріятіи! Collection des documents inédits, relatifs à l'histoire de France et les éléments de Paléographie — издаются государственными средствами. Несомнѣнно, что Россія могла бы представить вслѣдствіи въшую и важнѣйшую коллекцію документовъ и документовъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы съ сомнѣваемся. И вы не сомнѣвайтесь!

Г. Д. — ку. Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ!

Г. О. Н. П. Нѣтъ никакой возможности. Въ вашей статьѣ по-крайней-мѣрѣ сто печатныхъ листовъ, а въ головномъ изданіи Иллюстраціи всего 96. —

Г. С. — ву п О. П. Желаетъ вамъ счастливо встрѣтить новый годъ. Намъ грустно думать, что порядокъ выхода NN Иллюстраціи, лишитъ насъ удовольствія читать ваши Еженедѣльники. И такъ до 5-го Января.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ИЗДАНІИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ,

НА 1846 ГОДЪ.

Съ 56-мъ номеромъ оканчивается первый вступительный годъ изданія Иллюстраціи. Въ 56 номерахъ помѣщено до 500 статей, разнообразнаго содержанія: романы, повѣсти, путешествія, статьи ученія, технологическія, хозяйственныя, художественныя, музыкальныя, театральныя и другія, съ приложеніемъ гравюръ на деревѣ, числомъ до 600, почти вдвое противу числа общагого перваго объявленія. Сверхъ того безплатно розданы прибавочные листы, изъ коихъ одинъ заключаетъ отчетъ Императорской Академіи Художествъ, другіе начало одного изъ лучшихъ Европейскихъ романовъ, извѣстнаго остроумнаго писателя Альфонса Карра. Впродъ нѣкоторыхъ, какъ иностранна, такъ и оригинальныхъ сочиненій, будутъ выдаваться гг. подписчикамъ, прибавочными листами въ неопредѣленные сроки. Въ будущемъ 1846-мъ году, такимъ образомъ, между прочимъ, безплатно будетъ выданъ оригинальный романъ Н. Кукольника изъ временъ Петра Великаго, подъ заглавіемъ: Баронъ Фавваронъ и Маркизъ Истиметръ.

Гг. Подписавшіеся на получение Иллюстраціи съ 1-го Января 1846 года получаютъ и прибавочные листы, въ коихъ заключается начало романа: Училище и Свѣтъ, А. Карра.

Подписка принимается.

Въ С. Петербургѣ: Въ Редакціи, по Гороховой, за Семёновскимъ мостомъ, близъ Семёновскихъ казармъ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой. Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ Проспектѣ, противу Анчиковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и у А. Смирдина, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Ингалгардъ, у Сакова, въ Гостиномъ Дворѣ. — Въ Москвѣ: у М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлевой, и у книгопродвца Свѣтчинова и Базунова въ книжныхъ магазинахъ на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета, и на Никольской улицѣ, подъ NN 4 и 5-мъ.

Въ Одессѣ, въ Библиотекѣ для чтенія и продажи книгъ, Золотова у Тоттля.

Подписная цѣна.

Безъ перес. Съ перес.
и доставкой. и достае.

на 1846-й годъ: 48 номеровъ, 96 печатныхъ листовъ, съ гравюрами, числомъ до 700. — — 10 р. сер. 11 р. 50 к. р.

Подписавшіеся на 1845 годъ съ апрѣля дополучать слѣдующіе нмъ за первые три мѣсяца 1846 года, номера и при возобновленіи своихъ блзетовъ

вносить только за остальные 9 мѣсяцевъ 1846 года по — — — 7 р. 50 к. сер. 9 р. — —

Желаютіе получить первый вступительный годъ Иллюстраціи, или 1 томъ, въ 36 номеровъ въ 74 печатныхъ листа съ гравюрами числомъ до 600 платять — — — 7 р. 50 к. 9 р. — —

За тотъ же 1-й томъ въ простомъ переплетѣ — 8 р. сер. 9 р. 50
За тотъ же 1-й томъ, въ Англійскомъ коленкоромъ переплетѣ — 8 р. 50 10 р.
Утраченные отдѣльные номера, для пополненія изданія, могутъ получить ихъ въ Редакціи, вполса особо за каждый номеръ. — 25

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

По случаю назначенія бенефиса г-жи Мольтши, вмѣсто субботы 15 декабря, въ понедѣльникъ 17 Декабря сего мѣсяца, 1-й абонементъ пойдетъ уже въ пятницу на слѣдующей пѣдѣлѣ,—послѣ представленія J Tempario, отъ котораго мы ожидаемъ много хорошаго, какъ отъ оперы принесшей славу композитору ея, пойдутъ релетціи превосходной оперы Доппдетти La Favorita.

Бенефисъ Замта вмѣсто понедѣльника назначенъ въ среду, оны состоитъ изъ водевилля: Der Seifensiedler и ком. Die Studenten.

Г-жа Смирнова, оправившись отъ болѣзни, въ скоромъ времени опять явится на сцену въ балетѣ Лая.

Здоровье пѣвицы г-жи Каstellитъ, уже нѣсколько времени одержимой болѣзнію, значительно поправляется.

КВАДРАТНЫЙ ФЛИГЕЛЬ.

— Вы вѣрно слышали въ представленіяхъ Сивильскаго Цирюльника, какъ поетъ романсъ и пѣсенки г-жа Влардо Гарсія...

— Слышали.

— Вы вѣрно замѣтили, какъ она искусно аккомпанируетъ себѣ, какъ блистательно дѣлаетъ иредлюди, и притомъ безъ всякихъ претензій.

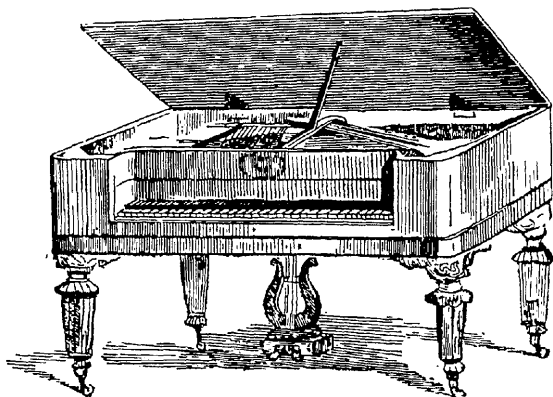
— Замѣтили.

— Но вѣрно не обратили вниманія, въ какого инструмента она извлекаетъ могущественныя, полные звуки, не по росто для обыкновеннаго фортепіано, потому что это п не фортепіано и не флигель, или лучше сказать, флигель, только не крылообразный, по образу и подобію всѣхъ флигелей въ свѣтѣ. Это флигель и силой и обширностью регистра, всѣмъ, всѣмъ флигель, только флигель квадратный (Royal cante). На этомъ флигелѣ тѣ же 7³/₄ октавы, сила та же; вы не вѣрите? это легко объяснить. Ищете обыкновеннаго фортепіано такъ тѣснѣй, что струны, начная съ дискантной октавы дѣлаются короче, короче, такъ, что послѣднія не имѣютъ длины дамской шпальки. Какой же тутъ можетъ быть звукъ? А о силѣ и говорить нечего. Г. Лихтенгаль, которому это дѣло облаго многими знаменитѣйшими усовершенствованіями, какъ ценный артистъ въ душѣ, любя свое занятіе, какъ искусство, а не прѣдѣльное ремесло, долго съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на недостаточныхъ покупателей обыкновенныхъ фортепіано, и рѣшился сдѣ-

дать опытъ собственно для нихъ. Лишь нѣсколь-
ко расширеніе; струны басовыхъ октавъ легли по
прежнему, но такъ какъ имъ дискантовія усту-
пили свое мѣсто, то и эти струны могли лечь
удобнѣе; а дискантовыя, которыхъ перестали
отвѣчать грубые сосѣди, легли поперегъ на сво-

Императорское Вольное Экономическое Обще-
ство пзвѣщаетъ, что по его порученію, Членъ она-
го Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Иванъ
Савиць Вавиловъ по мнѣнію распустицы, вновь
открылъ публичное чтеніе полного практическа-
го курса коммерческихъ знаній и товаровѣдѣнія,

по четвергамъ, отъ 7 часовъ вечера, начиная съ
13 декабря, въ домѣ Общества, на Обуховскомъ
проспектѣ.

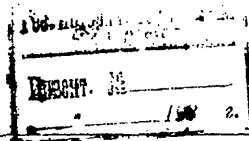
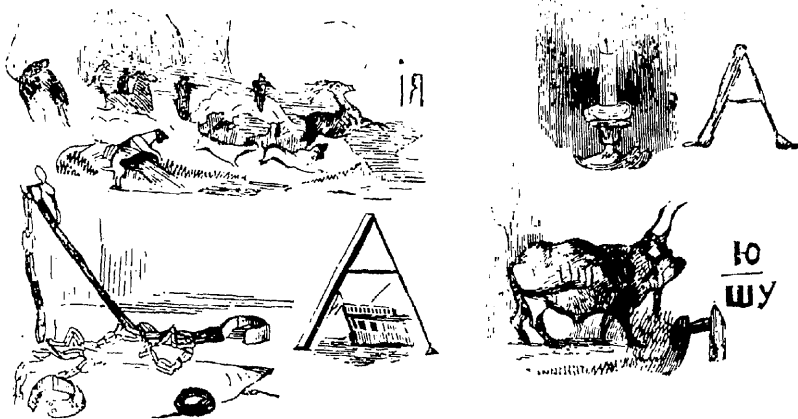
Квадратный флигель г-на Лихтенгала.

емъ особенномъ мѣстѣ. После такого раздѣла оба
регистра получили самостоятельность, а инстру-
ментъ приобрѣлъ силу, ничѣмъ не уступающую
сплѣ флигеля, держать строй ничѣмъ не хуже
крылообразнаго соименника, занимаетъ мень-
ше мѣста и дешевле въ половину. Квадратный
флигель, задуманный первоначально для людей
недостаточныхъ, теперь удовлетворяетъ всѣмъ
требованіямъ и можетъ служить предметомъ роско-
ши, точно также, какъ и крылообразный. Мы
не любимъ писать похвалъ гиперболическихъ. Все
сказанное — истина, безъ малѣйшей прикрасы.
Каждый можетъ убѣдиться собственными рука-
ми и ухомъ: стоить только во время прогулки по
Невскому проспекту, завернуть въ Караванную и
посѣтить мастерскія г. Лихтенгала.

ФИНСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Первая книжка журнала: Финскій Вѣстникъ на
1846-й годъ, выйдетъ 1-го наступающаго Января.
Въ ней будутъ, между прочимъ, помѣщены
слѣдующія замѣчательныя статьи: Азѣнчій, по-
вѣсть Е. П. Гребенки; Встрѣча на Невскомъ про-
спектѣ, разсказъ Вилагова; историческая статья
П. Г. Буткова, правоопредѣленія статьи В. И.
Луганскаго и А. П. Бамуцкаго, нравы и обычаи
Пауковъ Н. А. Ушакова, Военная статья А. П.
Апенскаго и проч. Сверхъ того, гг. подписавшимъ
ся будетъ безплатно выданъ первый выпускъ од-
ного изъ лучшихъ Европейскихъ Романовъ: Швед-
скіе Контрабандисты.

ЗАГАДКА № 36.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Разбойникъ—Святъ. П. 3. 2) Памятники Пожарскому и Мишину. 3) Порча и заговоры, В. Луианскаго. 4) Каналь Суроцова. 5) Еженедѣльникъ
6) Библіографія. 7) Опера въ Лубнахъ. 8) Садоводство. 9) Сергій Николаевичъ Глянка. 10) Стихотворенія 1) Елка. Сельши. 11) Переписка. 12) Объявленіе
объ изданіи Иллюстраціи. 13) Театральныи вѣстникъ. 14) Квадратный флигель. 15) Лекція Вавилова. 16) Страхое общество. 17) Отъ Редакціи.
18) Загадка.

ГРАВЮРЫ: 1) Памятники Пожарскому и Мишину (4 грав.) 2) Портретъ Штернберга. 3) Рисункъ Штернберга. 4) Библіографія (15 грав.) 5) Квадратный флигель.
6) Загадка. Всего 25 гравюръ.

Иллюстрація выходитъ 48 разъ въ годъ. Въ теченіи девяти мѣсяцевъ слѣдовало выдать, и выдано 36 номеровъ. Изданіе Ил-
люстраціи на 46-й годъ начнется, само собою разумѣется, съ новаго года. Первый номеръ (въ общей нумераціи 37-й) выйдетъ
въ первую субботу послѣ новаго года т. е. 5-го января.